К 2000-ЛЕТИЮ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Православная Энциклопедия

VIII

2000-летию
Рождества Господа нашего Иисуса Христа
посвящается

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II
ИЗДАЕТСЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

при участии

Вселенского Константинопольского Патриархата,
Александрийского Патриархата, Антиохийского Патриархата,
Иерусалимского Патриархата, Грузинской Православной Церкви,
Сербской Православной Церкви, Румынской Православной Церкви,
Болгарской Православной Церкви, Кипрской Православной Церкви,
Элладской Православной Церкви, Албанской Православной Церкви,
Польской Православной Церкви, Православной Церкви Чешских земель
и Словакии, Православной Церкви в Америке,
Православной автономной Церкви в Финляндии,
Православной автономной Церкви в Японии

ПОПЕЧЕНИЕМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ 2001–2005 гг.»

Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений
по направлению 520200 «Теология», направлению 520800 «История», специальности 020700 «История»,
направлению 521800 «Искусствоведение», специальности 020900 «Искусствоведение»

МОСКВА
2004

Рождество Христово. Миниатюра из Четвероевангелия. XIII в.
(Vatop. 974. Fol. 10v)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Под редакцией
Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

Том VIII
ВЕРОУЧЕНИЕ – ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Наблюдательный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета
Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Члены Наблюдательного совета

Владимир,
Митрополит Киевский и всея Украины

Б. В. Грызлов,
Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ

А. Д. Жуков,
Заместитель Председателя Правительства РФ

Климент,
митрополит Калужский и Боровский, Управляющий делами МП РПЦ

С. В. Лавров,
Министр иностранных дел РФ

Ю. М. Лужков,
Мэр Москвы, Председатель Попечительского совета

Д. А. Медведев,
Руководитель Администрации Президента РФ

Ю. С. Осипов,
Президент Российской Академии наук

А. С. Соколов,
Министр культуры и массовых коммуникаций РФ

Филарет,
Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси

А. А. Фурсенко,
Министр образования и науки РФ

Ювеналий,
Митрополит Крутицкий и Коломенский

С. Л. Кравец,
Ответственный секретарь

Попечительский совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета
Юрий Михайлович Лужков, Мэр Москвы

Члены Попечительского совета

А. И. Акимов,
Председатель Правления АБ «Газпромбанк»

В. А. Асирян,
Генеральный директор ГУП «Теплоремонтналадка»

Д. Ф. Аяцков,
Губернатор Саратовской области

А. Ф. Бородин,
Президент АК «Банк Москвы»

Б. В. Громов,
Губернатор Московской области

Б. А. Говорин,
Губернатор Иркутской области

Ю. А. Евдокимов,
Губернатор Мурманской области

В. И. Ишаев,
Губернатор Хабаровского края

А. И. Казьмин,
Президент Сбербанка РФ

В. Е. Позгалёв,
Губернатор Вологодской области

С. С. Собянин,
Губернатор Тюменской области

В. И. Тарасов,
Вице-президент НПФ «Газфонд»

А. К. Титов,
Председатель Совета директоров КБ «Солидарность»

К. А. Титов,
Губернатор Самарской области

М. Е. Швыдкой,
Руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии

Ю. Е. Шеляпин,
Президент ЗАО «Эко-Тепло»

Н. В. Меркулов,
Ответственный секретарь

Общественный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета
Борис Вячеславович Грызлов, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ

В. А. Алексеев,
Президент Международного Фонда единства православных народов

В. А. Васильев,
Председатель Комитета ГД РФ по безопасности

В. А. Грачев,
Председатель Комитета ГД РФ по экологии

О. Б. Добродеев,
Генеральный директор ВГТРК

В. Н. Игнатенко,
Генеральный директор ИТАР-ТАСС

Е. Г. Катаева,
советник Руководителя Администрации Президента РФ

В. И. Кожин,
Управляющий делами Президента РФ

А. В. Логинов,
Полномочный представитель Правительства РФ в ГД РФ

Д. Ф. Мамлеев
Первый заместитель Председателя правления РФМ

Л. Н. Надиров,
Первый заместитель Министра культуры и массовых коммуникаций РФ

В. М. Платонов,
Председатель Московской городской Думы

Г. С. Полтавченко,
Полномочный представитель Президента РФ в Центральном федеральном округе

С. А. Попов,
Председатель Комитета ГД РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций

А. С. Потапов,
главный редактор газеты «Труд»

Е. М. Примаков,
Президент Торгово-промышленной палаты РФ

Л. К. Слиска,
Первый заместитель Председателя ГД РФ

Ю. М. Соломин,
Художественный руководитель академического Малого театра

Ассоциация благотворителей
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Д. А. Барченков,
Председатель совета директоров ОАО «Щелковский районный рынок»
В. И. Бочков,
Директор ЗАО «СИТИ-ЦЕМЕНТ»
Б. М. Волков,
Генеральный директор ООО «Обшаровская птицефабрика»
А. К. Галенко,
Генеральный директор ООО «Стрибог»
В. В. Жидков,
Генеральный директор ОАО «Газсбытсервис»
Ю. М. Колесников,
Председатель Правления ОАО КБ «СИНЕРГИЯ»
Г. А. Кулаков,
Генеральный директор ОАО «Авиаагрегат»
Н. В. Кулик,
Генеральный директор ООО «Раздолье»

А. Е. Либерман,
Президент группы компаний «Объединенные заводы Саратова», Председатель совета директоров по стратегическому развитию ОАО «Саратовстройстекло»
С. М. Линович,
Генеральный директор ОАО «Московские учебники и Картолитография»
И. И. Мавров,
Председатель правления ОАО «Маркетингбанк»
В. П. Мешков,
Генеральный управляющий ОАО «Саратовнефтепродукт»
А. Н. Палазник,
ЗАО «Сартанкер»
Р. Э. Пипия,
Президент ЗАО концерн «АГРОРОС»
А. Н. Пономарев,
Заместитель главного инженера ООО «Мосэнерго»

Д. Е. Пузанов,
Генеральный директор ООО «Архдизайнстрой»
В. Г. Самоделов,
Глава Балашихинского р-на Московской обл.
И. А. Семин,
Генеральный директор ООО «Рес-Сервис»
В. Н. Токарев,
заместитель Генерального директора по производству ЗАО Фирма «ЭПО»
В. И. Тюхтин,
Президент группы компаний «Вита»
А. И. Хромотов,
Генеральный директор ООО «ДИТАРС»
И. С. Юров,
Председатель совета директоров инвестиционного банка «ТРАСТ» и «МЕНАТЕП СПб»
В. Г. Янин,
Глава администрации г. Сызрани
О. Ю. Ярцева,
Генеральный директор ООО «К. Л. Т. и К°»

При подготовке тома научно-информационную поддержку ЦНЦ «Православная энциклопедия» оказали:
Московская Духовная Академия, Санкт-Петербургская Духовная Академия, Институт отечественной истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт мировой литературы РАН, Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербургское отделение Института отечественной истории РАН, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Православный Свято-Тихоновский богословский институт, Православный университет им. апостола Иоанна Богослова, Издательство Московской Патриархии, Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, Церковно-археологический кабинет МДА, Свято-Троицкая Джорданвилльская духовная семинария Русской Православной Церкви за границей, Министерство культуры РФ, Министерство по делам печати телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, Российский государственный архив древних актов, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Синодальная библиотека Московского Патриархата, Библиотека МДА, Государственный исторический музей, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный Русский музей, Центральный музей древнерусского искусства им. прп. Андрея Рублёва, Музей священника Павла Флоренского, Редакция «Московского журнала», Комитет по связям с религиозными организациями Правительства Москвы, Московский государственный университет печати, ОАО «Московские учебники и Картолитография».
При подготовке тома использованы фотографии Е. А. Агеевой, С. Н. Власова, М. А. Гливаковской, В. В. Занозина, В. С. Зенкина, М. В. Золотарёва, диак. Игоря Палкина, А. В. Маштафарова, А. Я. Саввинкиной.

Церковно-научный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель Совета
Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Александр, *архиеп. Костромской и Галичский, председатель Всецерковного православного молодежного движения, глава Костромского представительства «Православной энциклопедии»;*
Алексий, *архиеп. Орехово-Зуевский, председатель Синодальной комиссии по делам монастырей, Богослужебной комиссии и Комиссии по экономическим и гуманитарным вопросам;*
Амвросий, *еп. Синайтульский, Румынская Православная Церковь;*
Анастасий, *архиеп. Казанский и Татарстанский, глава Казанского представительства «Православной энциклопедии»;*
Арсений, *архиеп. Истринский, Председатель Научно-редакционного совета «Православной энциклопедии»;*
Афанасий, *еп. Киринский, Александрийская и Кипрская Православные Церкви;*
Л. А. Вербицкая, *ректор Санкт-Петербургского государственного университета;*
Владимир Воробьёв, *прот., ректор Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета, глава Свято-Тихоновского представительства «Православной энциклопедии»;*
В. К. Волков, *директор Института славяноведения РАН;*
Е. Ю. Гагарина, *директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»;*
Георгий, *еп. Нижегородский и Арзамасский, глава Нижегородского представительства «Православной энциклопедии»;*
Герман, *митр. Волгоградский и Камышинский, глава Волгоградского представительства «Православной энциклопедии»;*
В. А. Гусев, *директор Государственного Русского музея;*
Даниил, *митр. Фаворский, Иерусалимский Патриархат;*
Евгений, *архиеп. Верейский, ректор Московской Духовной Академии, Председатель Учебного комитета Московского Патриархата;*
В. К. Егоров, *Президент-ректор Академии государственной службы при Президенте РФ;*
В. Н. Зайцев, *директор Российской национальной библиотеки;*
Иоанн, *архиеп. Белгородский и Старооскольский, Председатель Миссионерского отдела Московского Патриархата;*
С. П. Карпов, *декан исторического факультета Московского государственного университета;*
Кирилл, *митр. Смоленский и Калининградский, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата;*
В. П. Козлов, *директор Федерального архивного агентства;*
Константин, *архиеп. Тихвинский, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, глава Санкт-Петербургского представительства «Православной энциклопедии»;*
С. Л. Кравец, *руководитель ЦНЦ «Православная энциклопедия», ответственный секретарь;*
С. Кондоянис, *проф. богословского факультета Афинского университета, Элладская Православная Церковь;*
С. А. Кучинский, *директор Музея истории религии;*
А. П. Либеровский, *директор Исторического архивного бюро, Православная Церковь в Америке;*
Макарий, *митр. Зимбабвийский, Александрийский Патриархат;*
Мелитон, *митр. Филадельфийский, архиграмматевс Священного Синода Константинопольского Патриархата;*
Р. В. Метревели, *ректор Тбилисского государственного университета, академик, глава представительства «Православной энциклопедии» в Грузии;*
С. В. Мироненко, *директор Государственного архива РФ;*
Михаил Наджим, *прот., Антиохийский Патриархат;*
А. В. Назаренко, *председатель Научного совета РАН «Роль религий в истории»;*
Николай Забуга, *прот., ректор Киевской Духовной Академии Глава Украинского представительства «Православной энциклопедии»;*
Пантелеимон, *еп. Йоенсу, Православная автономная Церковь в Финляндии;*
М. Б. Пиотровский, *директор Государственного музея «Эрмитаж»;*
Г. В. Попов, *директор Центрального музея древнерусского искусства им. прп. Андрея Рублёва;*
Стефан Пружинский, *прот., Православная Церковь Чешских земель и Словакии;*
В. А. Родионов, *директор Государственной Третьяковской галереи;*
В. А. Садовничий, *ректор Московского государственного университета;*
А. Н. Сахаров, *директор Института российской истории РАН;*
Владимир Силовьев, *прот., Председатель Издательского совета Московской Патриархии;*
А. Р. Соколов, *директор Российского государственного исторического архива;*
Тихон, *архиеп. Новосибирский и Бердский, глава Новосибирского представительства «Православной энциклопедии»;*
Тихон, *архим., Ректор Сретенской духовной семинарии;*
В. В. Фёдоров, *Генеральный директор Российской государственной библиотеки;*
А. О. Чубарьян, *директор Института всеобщей истории РАН;*
А. И. Шкурко, *директор Государственного исторического музея*

Представительства и координаторы Церковно-научного центра
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Белорусское (Г. Н. Шейкин), Болгарское (прот. Александр Корягин), Волгоградское (А. В. Дубаков, канд. ист. наук), Грузинское (Э. Жордания, канд. ист. наук), Казанское (Е. В. Липаков, канд. ист. наук), Костромское (Н. А. Зонтиков, канд. ист. наук), Нижегородское (А. И. Стариченков), Новосибирское (прот. Борис Пивоваров, магистр богословия), ПСТБИ (свящ. Константин Польсков), РГБ (Л. И. Илларионова), Римское (иером. Филипп (Васильцев)), Санкт-Петербургское (архим. Никон (Лысенко), канд. богословия, А. И. Алексеев, канд. ист. наук), Украинское (И. В. Жиленко, канд. богословия)

Научно-редакционный совет по изданию
ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Председатель совета — ***Арсений, архиепископ Истринский***
Заместитель Председателя совета — ***С. Л. Кравец***

игум. ***Андроник (Трубачёв)****, канд. богословия (редакция Русской Православной Церкви);*
прот. ***Валентин Асмус*** *(редакция Восточных христианских Церквей);*
Л. А. Беляев*, д-р ист. наук (редакция Церковного искусства и археологии);*
А. С. Буевский*, канд. богословия (редакция Русской Православной Церкви);*
прот. ***Владимир Воробьёв*** *(редакция Русской Православной Церкви);*
свящ. ***Олег Давыденков****, канд. богословия (редакция Восточных христианских Церквей);*
игум. ***Дамаскин (Орловский)*** *(редакция Русской Православной Церкви);*
О. В. Дмитриева*, канд. ист. наук (редакция Протестантизма);*
М. С. Иванов*, проф. МДА (редакция Богословия);*
А. Т. Казарян *(редакция Богословия);*
Н. В. Квливидзе*, канд. искусствоведения (редакция Церковного искусства и археологии);*
прот. ***Максим Козлов****, канд. богословия (редакция Русской Православной Церкви);*
Ю. А. Лабынцев*, д-р филол. наук (редакция Поместных Православных Церквей);*
И. Е. Лозовая*, канд. искусствоведения (редакция Церковной музыки);*
архим. ***Макарий (Веретенников)****, магистр богословия (редакция Русской Православной Церкви);*
А. В. Назаренко*, д-р ист. наук (редакция Русской Православной Церкви);*
архим. ***Платон (Игумнов)****, магистр богословия (редакция Богословия);*
прот. ***Сергий Правдолюбов****, магистр богословия (редакция Богослужения и литургики);*
Н. В. Синицына*, д-р ист. наук (редакция Русской Православной Церкви);*
К. Е. Скурат*, проф., д-р церковной истории (редакция Поместных Православных Церквей);*
А. А. Турилов*, канд. ист. наук (редакция Русской Православной Церкви);*
Б. Н. Флоря*, проф., чл.-кор. РАН (редакция Русской Православной Церкви);*
прот. ***Владислав Цыпин****, проф., д-р церковной истории (редакция Русской Православной Церкви и редакция Церковного права);*
И. С. Чичуров*, проф., д-р ист. наук (редакция Восточных христианских Церквей);*
свящ. ***Владимир Шмалий****, канд. богословия (редакция Богословия);*
Я. Н. Щапов*, проф., чл.-кор. РАН (редакция Русской Православной Церкви)*

Церковно-научный центр
«ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Руководитель — ***С. Л. Кравец***

Научные редакции:

Богословия и церковного права — *Л. В. Литвинова, А. И. Макаров, М. В. Никифоров, А. В. Пономарев*

Священного Писания — *К. В. Неклюдов, А. Е. Петров, И. С. Никитина*

Богослужения и литургики — *М. С. Желтов, А. А. Лукашевич, А. А. Ткаченко*

Церковной музыки — *С. И. Никитин, И. В. Старикова*

Церковного искусства и археологии — *Э. В. Шевченко, Е. Э. Костина, М. А. Маханько*

Русской Православной Церкви — *Е. В. Кравец, Ж. Р. Багдасарова, О. Т. Ермишин, Ю. В. Колова, Д. Б. Кочетов, А. В. Кузьмин, Е. В. Романенко, С. В. Тихонова, В. В. Тюшагин*

Восточных христианских Церквей — *П. В. Кузенков, Г. Г. Макаревич, О. Н. Афиногенова, А. А. Войтенко, О. В. Лосева, Н. Е. Новиков, И. Н. Попов*

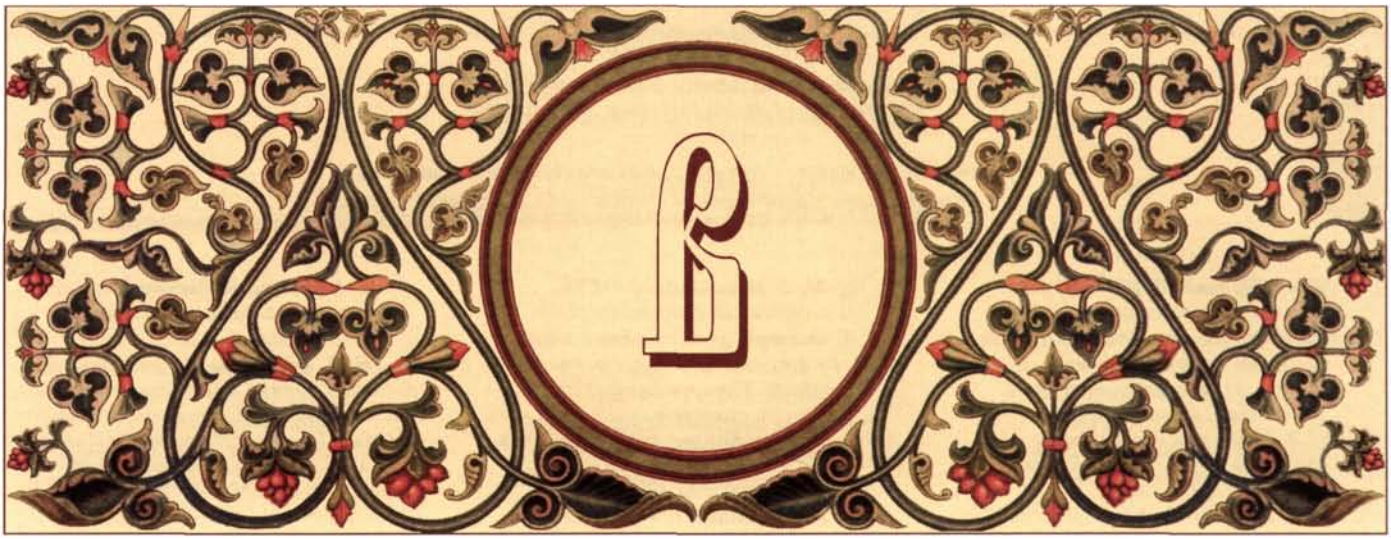
Поместных Православных Церквей — *К. Гадилия, В. С. Мухин, М. М. Розинская*

Католицизма — *Н. И. Алтухова, О. И. Фельдштейн*

Протестантизма, религиеведения и страноведения — *И. Р. Леоненкова, А. А. Сорокина, Э. Небольсин*

Выпускающая редакция: *Л. В. Барбашова (ответственный секретарь), А. Н. Агеенкова, Е. Д. Лемехова, И. В. Кузнецова (верстка), Ю. М. Кирюхин, Т. М. Чернышёва (компьютерная версия карт), Т. А. Колесникова (набор), Л. М. Бахарева (корректура), монахиня Елена (Хиловская), О. С. Гринченко, Е. В. Гущина, И. П. Кашникова, Е. Г. Кудрявцева, А. Л. Мелешко, О. В. Мелихова, М. М. Мискарян, Д. Н. Никитин, И. П. Оловянникова, О. В. Руколь (справочно-библиографическая группа и транскрипция), В. Н. Шишкова, Ю. В. Ермилова, Ф. И. Кирилина, Н. Н. Ларина, Б. А. Ларин (библиотечно-архивная группа), М. И. Ачкасова, К. Б. Горельчинкова, Л. В. Дронь, В. С. Зенкин, диакон Игорь Палкин, А. М. Кузьмин, Л. Б. Максимова, Х. В. Поплавская, И. И. Самсонова, Е. Н. Тарасова (группа подбора иллюстраций и фотолаборатория), свящ. Павел Конотопов, А. В. Кузнецов (компьютерное обеспечение), Н. В. Колюбина (полиграфия)*

Административная группа: В. А. Бабаев, Е. Б. Братухина, С. В. Завадская, И. А. Игнатова, Е. Б. Колюбин, М. А. Нестерова, М. В. Новожилова, Т. П. Соколова, А. Б. Тимошенко

ВЕРОУЧЕ́НИЕ, совокупность догматических положений веры. В ранней Церкви не существовало точного аналога термину «вероучение»: *истины* христ. веры именовались «апостольским преданием» (*Iren.* Adv. haer. III 3. 2) или «преданием истины» (Ibid. III 4. 1). Данные наименования предполагали не просто сумму знаний, передаваемых от апостолов, но полноту благодатной жизни во Христе, харизматическое «помазание истины» (Ibid. IV 26. 2; ср.: 1 Ин 2. 27), полученное Церковью в день Пятидесятницы (ср.: Деян 2. 1–4) и обретаемое христианами в опыте веры. Для сщмч. *Игнатия Богоносца* (II в.) понятия «учение Господа и апостолов» (τὰ δόγματα τοῦ κυρίου καὶ τῶν ἀποστόλων — Ep. ad Magn. 13), «вера Божия» (πίστιν θεοῦ — Eph. 16) и «ведение Божие» (θεοῦ γνῶσιν — Ibid. 17) синонимичны, а их началом и средоточием является Христос и «тайна Его смерти» (Ep. ad Magn. 9).

Однако в условиях миссии и борьбы с ересями В. Церкви выражалось в словесных формулировках — т. н. символах веры. «Предание истины» получало т. о. внешние очертания и становилось «правилом веры» (лат. regula fidei) или «законом веры» (lex credendi). Отделяя истину от ереси и будучи обязательным условием церковного общения, символы служили своего рода средством самоидентификации для членов кафолической Церкви и являлись исповеданием веры для вступающих в нее через Крещение. На основе нек-рых, по всей видимости, палестинских Крещальных символов IV в. (*Петр (Л'Юилье), архим.* Замечания о Символе веры // ЖМП. 1969. № 1. С. 75) на *Вселенских I и II Соборах* был сформирован Никео-Константинопольский Символ веры, имеющий в правосл. Церкви непререкаемый вероучительный авторитет. Вместе с уточняющими его определениями последующих Вселенских Соборов Символ веры представляет собой общеобязательное «правило веры». Однако это не означает, что сформулированными догматическими положениями исчерпывается «все вероучение, к-рое жизненно содержится Церковью» (*Булгаков.* С. 223). Различаются В., к-рое Церковь изначально содержит во всей полноте, и В., сформулированное ею в силу исторической необходимости. Последнее есть лишь «конспект» целостной и неделимой христ. истины, хранимой в церковном опыте.

Как само формирование Символа, так и его истолкование в догматических определениях последующих Вселенских Соборов было обусловлено не внутренней потребностью Церкви, но явилось реакцией на ереси. Отцы Вселенского VI Собора, имея в виду Никео-Константинопольский Символ, отмечали, что для «совершенного познания и утверждения православной веры достаточно... символа божественной благодати», и только «соблазн заблуждения» побуждает Церковь к созданию новых определений изначальной и неизменной веры (ДВС. Т. 4. С. 220; *Hilar. Pict.* De Trinit. II 2). Словесно очерчивая границы кафолического опыта веры, за к-рыми начинается область ереси, формулы В. становились вместе с тем своего рода «вехами», дающими человеческому разуму надлежащую перспективу (*Карташев.* Соборы. С. 7).

Борясь с тем или иным еретическим заблуждением, Церковь не вырабатывала каких-то новых положений В., но только свидетельствовала о том, «что было от начала» (1 Ин 1. 1). Христос даровал Церкви всю полноту истины (ср.: Ин 15. 15). Содержание христ. веры было дано апостолам без остатка (ср.: Ин 14. 26; Иуд 3) как «совершенное знание» (*Iren.* Adv. haer. III 1. 1). Апостолы же, в свою очередь, «как богач в сокровищницу, вполне положили в Церковь все, что относится к истине, и вверили ее епископам» (Ibid. III 4. 1). Поэтому история церковной богословской мысли не может рассматриваться как постепенная разработка доктринальной системы; речь может идти лишь о развитии истолкования вероучительных истин, неизменных в своем существе, т. е. о терминологическом росте, но не о расширении или углублении самого содержания веры в смысле католической *догматического развития теории* (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 1996. С. 17–18; *Флоровский.* 2002. С. 28–29).

Правосл. богословие никогда не придерживалось ставшей традиц. для католицизма тенденции догматически определять и четко формулировать каждое положение В. «Православной Кафолической Церкви... не свойственно издавать догматические постановления без необходимости, когда нет опасности заблуждения, ибо догмат в сознании Церкви есть более предохранение от заблуждения, указание, чего не надо мыслить о Боге, нежели положительное раскрытие учения о Нем» (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 2003. С. 89). Строго сохраняя фундаментальные основания своей веры — соборно определенные догматы,— правосл. богословие не пытается жестко фиксировать в к.-л. общеобязательных и неизменных форму-

лах частные ее положения. Это не свидетельствует о равнодушии к содержанию своей веры или о «неспособности создавать точные богословские определения» (*Мейендорф*. С. 12), здесь лишь осознание того факта, что предметом христ. В. является не определенная сумма знаний, требующих ясного выражения, но сама Божественная жизнь. Святоотеческое предание четко различает опыт созерцания и дискурсивное знание, строящееся на системе определенных понятий (см.: *Василий (Кривошеин), архиеп.* 1995. С. 158). Отсюда признание невозможности адекватно выразить В. Церкви во всей его целостности и полноте (*Sym. N. Theol.* Catech. 10), ибо оно представляет собой реальность, заведомо превышающую меру человеческого рассудка (*Мейендорф*. С. 13; *Лосский*. С. 692; *Булгаков*. С. 195; *Флоровский*. 1992. С. 142).

Отрицая путь тотальной догматизации, правосл. святоотеческая мысль не призывала и к тотальному апофатизму. Не все в опыте Церкви может быть высказано, но и не все абсолютно неизреченно (*Ioan. Damasc.* De fide orth. I 2). Необходимость проповеди «всем народам» (ср.: Мф 19–20), ибо «вера от слышания» (Рим 10. 17), побуждала Церковь подбирать наиболее точные слова для претворения «догмы» в «керигму», проповедь (*Лосский*. С. 675–677). «Для того, чтобы привести людей к Богу, о Нем нужно говорить, причем не только отрицаниями, но и утверждениями, несмотря на то, что никакое утверждение о Боге не может быть исчерпывающим» (*Иларион (Алфеев), иером.* Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998. С. 227–230).

Приходящие в Церковь постигают В. не благодаря интеллектуальным усилиям, а на пути духовно-аскетического подвига: «Истина познается душою по силе жития» (*Isaac Syr.* Sermones. 30). Православие настаивает на «несомненности тесной и неразрывной связи и взаимообусловленности догматического и аскетического учения Православной Церкви... Связь эта вообще настолько тесна и неразрывна, что всякая попытка искусственно изолировать аскетические и догматические элементы святоотеческого учения не может быть осуществлена без насилия над их содержанием» (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 1996. С. 202). Рожденное в кафолическом опыте христ. В. может быть адекватно постигнуто только в рамках этого же самого опыта: на его вершинах человек «неизреченно научается» истинам веры непосредственно от Самой Св. Троицы, а затем, научившись сам, «и всем другим то описывает, излагая богоприличные догматы, как все предшествовавшие святые отцы учат» (*Sym. N. Theol.* Hymn. 17).

В. передается в русле Свящ. Предания как сочетание 2 нераздельных аспектов — «вертикального» и «горизонтального» — т. е., с одной стороны, непосредственного воздействия Св. Духа и, с др.,— преемственности «закона веры» и «закона молитвы» от апостолов и отцов. Отсюда, конечно, не следует, что Свящ. Писание отступает на 2-й план. Однако его, согласно правосл. учению, нельзя рассматривать как автономный источник веры. Противопоставление Писания и Предания, возникшее в зап. христианстве в эпоху Реформации, противоречит правосл. пониманию их соотношения (*Булгаков*. С. 48–50). Оторванное от Предания, Писание неизбежно становится заложником «конфликта интерпретаций», к-рый со всей остротой дал о себе знать в процессе Реформации, когда чрезмерное акцентирование внимания отдельных толкователей на том или ином аспекте Писания создавало благоприятную почву для непрестанного дробления и образования новых протестант. групп. С правосл. т. зр. Свящ. Писание и Свящ. Предание являются 2 сторонами «одного и того же первичного явления, т. е. Божественного Откровения» (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 2003. С. 78). Правосл. Церковь исповедует, что соборно засвидетельствованные истины В. вдохновлялись Св. Духом, Который действовал и в священных писателях, а значит, не могут противоречить Свящ. Писанию,— они полностью ему соответствуют, истолковывая его важнейшие положения. «Ключом» к Писанию является, т. о., причастие Св. Духу, осуществляемое только в рамках Предания. Толкование Свящ. Писания вне благодати Св. Духа рассматривается в правосл. традиции как недопустимое самоволие (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 1995. С. 148–153).

Большую сложность представляет собой определение формальных критериев истинности В. Если истина может быть только пережита, но не доказана, то определить, какое богословское суждение соответствует христ. В., а какое его искажает, при формальном подходе весьма затруднительно. Даже общеобязательный авторитет догматических решений Вселенских Соборов не может в данном случае служить аргументом, ибо зиждется не на формальных доказательствах, а на вере и свидетельстве самой Церкви. Как хранительница «предания истины» Церковь сама свидетельствует об истинности (вселенскости) или ложности того или иного Собора епископов, объявляя его либо «органом Святого Духа», т. е. Вселенским Собором, либо «еретическим сборищем» (*Болотов*. Лекции. Т. 3. С. 320–323). Формально авторитет Вселенского Собора основан для правосл. христиан на авторитете самой же Церкви. Доверившись Церкви, ее член обязан подчинить свой разум голосу Соборов, засвидетельствованных ею как Вселенские, даже если он не имеет на то собственного опытного свидетельства.

В равной мере формально не безупречен и др. критерий истинности В., известный как «согласие отцов» (consensus patrum). Применяется он в отношении тех аспектов В., к-рые не получили своих догматических определений на Вселенских Соборах. Классическим определением принципа «согласия отцов» принято считать выражение прп. *Викентия Леринского* — «чему верили повсюду, всегда и все» (*Vincent. Lirin.* Common. 2). Но понятая формально эта максима оказывается «в полном несоответствии всей церковной действительности» (*Булгаков*. С. 81). «Согласие отцов» не предполагает, что более поздние отцы лишь формально повторяли ранних, ограничиваясь их простым цитированием. Напр., прп. *Симеон Новый Богослов* (XI в.) и *Николай Кавасила* (XIV в.) почти никогда не приводят святоотеческих авторитетов и основываются непосредственно на Свящ. Писании. Но несмотря на то что их толкование Писания основано на собственном духовном и сакраментальном опыте и имеет «очень личные» черты, оно тем не менее находится в полном согласии с Преданием Церкви, ибо вдохновлено тем же Св. Духом (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 1996. С. 25). Еще более

ярким представляется пример учения свт. *Григория Паламы,* признаваемого «новаторством» оценивающими его по формальным (научным) критериям зап. исследователями и, напротив, считающегося традиц. с т. зр. правосл. церковного Предания (Там же. С. 200–208). Православие, т. о., не рассматривает критерий «согласия отцов» как выражение консерватизма. Св. отцы не просто хранители древних традиций, но причастники Св. Духа (*Лосский.* 689–690). Поэтому значение имеет не буквальное повторение сказанного отцами, а именно богодухновенность того или иного изречения (*Sym. N. Theol.* Cap. theol. 1). Прп. *Варсонофий Великий* различает в святоотеческом наследии, с одной стороны, то, что отцы могли по ошибке заимствовать у других, не исследовав их слов и не вопросив Бога о том, «Духом ли Святым внушено было то», и, с др. стороны, собственно богодухновенное учение, о к-ром сами св. отцы засвидетельствовали как о Божественном внушении (*Barsan.* Quaest. 610–611).

Источники В. В правосл. Церкви есть тексты, за к-рыми она признает несомненный вероучительный авторитет и непреходящее значение. Прежде всего это Свящ. Писание. Несомненным вероучительным авторитетом являются Никео-Константинопольский Символ веры и догматические определения 7 Вселенских Соборов. Наряду с ними, по авторитетному мнению архиеп. *Василия (Кривошеина),* по степени вероучительной значимости можно поставить догматические определения К-польского Собора 879–880 гг., постановления К-польских Соборов 1341–1351 гг. о Божией сущности и Ее действиях, а также определение К-польского Собора 1156–1157 гг. о Евхаристии как о жертве (а не только воспоминании), приносимой Христом по человечеству Св. Троице (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 2003. С. 78–81).

Правосл. В. выражается не только в соборных догматических определениях, символах и исповеданиях веры, но и в литургическом предании, по крайней мере в той его части, к-рая запечатлена авторитетом св. отцов и проверена временем. Так, «можно без преувеличения сказать, что анафора литургий св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста по своей богословско-догматической авторитетности нисколько не уступает догматическим постановлениям Вселенских Соборов» (Там же. С. 84).

Авторитетным свидетельством христ. веры правосл. Церковь признает также святоотеческое наследие в целом. Но, учитывая многочисленность, разнообразие и неравнозначность написанного отцами, Церковь никогда не пыталась кодифицировать к.-л. определенный корпус святоотеческих творений, к-рый бы исчерпывающе отвечал принципу consensus patrum. Тем не менее в Православии общепризнанным является убеждение, что только на основании святоотеческой мысли может быть правильно понято христ. В. во всей его целостности и полноте. «Вселенские Соборы начинали свои догматические постановления словами «Последуя святым отцам», выражая тем свое убеждение, что верность им по духу есть основной признак православного богословия» (Там же. С. 85).

В отличие от зап. христ. конфессий правосл. Церковь не придает большой вероучительной ценности следующим догматическим памятникам древности: *Апостольскому Символу веры* — как зап. по происхождению, неизвестному Вселенским Соборам и недостаточному по содержанию (Там же. С. 27, 30–31, 81), а также *Афанасиевому Символу веры* — как неизвестному древней Церкви, отражающему августиновскую триадологию и содержащему «в своем латинском оригинале (хотя, может быть, и не изначала) учение об исхождении Святого Духа a Patre et Filio» (Там же. С. 27–31, 81). Символ свт. *Григория Чудотворца,* еп. Неокесарийского (III в.), будучи важным историческим памятником, также не может претендовать на общецерковный авторитет — как личное исповедание верного ученика Оригена, хотя и не содержащее ничего еретического (Там же. С. 25–26).

Вопрос об источниках В. связан с проблемой т. н. символических книг правосл. Церкви, к к-рым в рус. дореволюционном академическом богословии принято было относить «Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной» (1662) и «Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о православной вере» (1723). Однако, по справедливому замечанию проф. Н. Н. *Глубоковского,* «по существу, в Православии нет «символических книг» в техническом смысле слова. Все разговоры о них крайне условны и соответствуют лишь западным вероисповедным схемам, в противоречии с историей и природой Православия» (*Глубоковский Н. Н.* Православие по его существу // Православие: Pro et contra. СПб., 2001. С. 182–198). Само возникновение названных выше исповеданий относится к периоду упадка правосл. богословия, когда оно «было вынуждено вооружиться западным схоластическим богословским оружием и... это, в свою очередь, повело к новому и опасному влиянию на православное богословие не только не свойственных ему богословских терминов, но и богословских и духовных идей» (*Василий (Кривошеин), архиеп.* 2003. С. 46). Поэтому наряду с др. исповеданиями веры и догматическими постановлениями XVI и последующих столетий эти тексты не могут рассматриваться как авторитетные и тем более общеобязательные источники правосл. В., «как не имеющие общецерковного характера по своему происхождению, как обычно невысокие по уровню богословской мысли, а часто и отрывающиеся от святоотеческого и литургического предания и как носящие следы формального, а иногда и существенного влияния римо-католического богословия» (Там же. С. 82–83).

Понятие В. в католицизме и протестантизме. Уже в ср. века в Римско-католической Церкви развивалась концепция «сокровищницы веры» (depositum fidei). Согласно ей, Церковь рассматривается как хранительница определенной суммы христ. истин, к-рые ей доверено развивать и формулировать. В связи с этим важное место занимает понятие «учительство Церкви», под к-рым подразумевается безошибочный церковный голос, звучащий в соборных и папских определениях и в отдельных богословских разработках, официально принятых католич. Церковью. Документы «учительства Церкви» имеют вероучительное (доктринальное) значение. При этом утверждается, что они представляют собой положения, к-рые содержатся в Свящ. Писании и церковном Предании и формулируются католич. Церковью как истины Божественного Откровения. На сегодняшний день к источ-

никам католич. В. относится широкий круг доктринальных текстов от Апостольского Символа веры и догматических определений 7 Вселенских Соборов до решений Соборов католич. Церкви, к-рые она считает «вселенскими», ряда декретов папской канцелярии и папских булл.

В протестантизме, несмотря на провозглашенный принцип «только Писание», уже на раннем этапе Реформации стали составляться подробные «исповедания» веры, а также выполняющие их роль катехизисы — развернутые вероучительные определения, составленные в форме вопросов и ответов. К офиц. вероучительным положениям протестанты стали применять древний термин «символ», отсюда — «символические книги». Несмотря на офиц. признание лишь условного и вспомогательного авторитета «исповеданий» веры, последние сыграли едва ли не определяющую роль в формировании протестант. В. и становлении и самоидентификации различных протестант. деноминаций. «Символические книги в протестантизме представляют род учредительных хартий, на основании которых возникают новые церковные общества» (*Булгаков*. С. 92). Главные символические книги ранней Реформации — Большой и Малый катехизисы М. *Лютера* (1529) и *Аугсбургское исповедание* (1531) — положены в основу лютеран. теологии. В 1580 г. с целью консолидации реформаторы «второго поколения» закрепили офиц. статус за Книгой согласия, в к-рой были собраны важнейшие источники лютеран. В.: Апостольский, Никео-Константинопольский (с присоединением Filioque) и Афанасиев символы, Большой и Малый катехизисы, Аугсбургское исповедание, *Шмалькальденские артикулы* (1537) и Формула согласия (1577). Аналогичное значение для реформат. церквей представляет собой Гейдельбергский катехизис (1563), первоначально написанный для примирения швейцар. сторонников Реформации, а впосл. ставший объединяющим документом и для всех реформат. общин Германии и Голландии. В англикан. Церкви статус офиц. вероучительного документа получили «Тридцать девять статей» (1571); протестанты Великобритании, тяготеющие к кальвинизму (конгрегационалисты и пресвитериане), выражением своего В. признают *Вестминстерское исповедание* и Вестминстерские катехизисы (1647). Хотя новые исповедания веры появлялись в протестант. мире и позднее, «доминирующее значение имели и продолжают иметь до сих пор некоторые из более ранних документов» (Исповедания веры // Теологический энцикл. словарь / Под ред. У. Элвелла. М., 2003. С. 527–532). В совр. протестантизме существует тенденция «внимать свидетельству отцов и почитать его», признавая за ним необязательный или относительный авторитет (*Барт К.* Очерк догматики. СПб., 2000. С. 18).

Лит.: *Καρμίρης Ι. Ν.* Τὰ δογματικὰ καὶ συμβολικὰ μνημεῖα τῆς ὀρθοδόξου καθολικῆς Ἐκκλησίας. Ἀθῆναι, 1952. Τ. 1–2; *Яннарас Х.* Вера Церкви: Пер. с греч. М., 1992; *Булгаков С., прот.* Православие: Очерки учения Правосл. Церкви. М., 1991; *Флоровский.* Восточные отцы IV в. М., 1992²; *он же.* Избранные богословские статьи. М., 2000; *он же.* Восточные Отцы Церкви. М., 2003; *Василий (Кривошеин), архиеп.* Преподобный Симеон Новый Богослов. М., 1995. С. 148–161; *он же.* Богословские труды 1952–1983 гг.: Ст., докл., переводы. Н. Новг., 1996; *он же.* Символические тексты в Православной Церкви. Б. м., 2003; *Фельми К. Х.* Введение в совр. правосл. богословие. М., 1999; *Мейендорф И., протопр.* Византийское богословие: Ист. тенденции и доктринальные темы. Минск, 2001; *Лосский В. Н.* Боговидение. М., 2003.

А. А. Зайцев

ВЕРРИО́ТУ [греч. Βερροιώτου; Веррийца (от назв. Веррия)], одна из древнейших афонских обителей. Впервые упоминается в акте прота Иоанна (996), подписанном игум. В. Симеоном (Actes de Lavra. Pt. 1. N 12). В Типиконе *Константина IX Мономаха* (1045) имя верриотского игум. Никифора указано 18-м по счету в перечне 32 имен настоятелей афонских обителей (Actes du Prôtaton. N 8). Исследователи предполагают, что с сер. XI в. на Афоне существовало 2 мон-ря с этим названием, один был посвящен св. Стефану (*Παπαχρυσάνθου.* Σ. 237). Считается, что они находились недалеко от рус. обители Ксилургу и в XIV в. были поглощены соседним *Ватопедом* (*Σμυρνάκης.* Σ. 56, 674–675, 678; *Χρήστου.* Σ. 58). Последние упоминания о В. относятся к 1312–1316 гг. (Actes de Vatopédi. T. 1. N 45–46). В этом мон-ре подвизались слав. монахи: в акте прота Исаака (1316) стоит подпись славянина иером. Симеона из В., к-рый был духовником в «обители Росов», т. е. в Ксилургу (Actes de Vatopédi. T. 1. N 46).

Ист.: Actes de Lavra. Pt. 1: Des origines à 1204 / Ed. P. Lemerle e. a. P., 1970. (ArAth; 5); Actes du Prôtaton / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1975. (ArAth; 7); Actes de Vatopédi / Ed. J. Bompaire e. a. P., 2001. T. 1. (ArAth; 21).
Лит.: *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. СПб., 1892. Ч. 3/2. С. 186; *Σμυρνάκης Γ.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἀθῆναι, 1903. Καρυαί, 1988²; *Χρήστου Π.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἀθωνικὴ πολιτεία – ἱστορία, τέχνη, ζωή. Αθήνα, 1987; *Παπαχρυσάνθου Δ.* Ὁ ἀθωνικὸς μοναχισμός: Ἀρχὲς καὶ οργάνωση. Ἀθήνα, 1992; *Παυλικιάνωφ Κ.* Σλάβοι μοναχοὶ στὸ Ἅγιον Ὄρος ἀπὸ τὸν ι΄ ὡς τὸν ιζ΄ αἰῶνα. Θεσσαλονίκη, 2002. Σ. 12–13.

О. В. Л.

ВЕ́РРИЯ [Верия; греч. Βέρροια, Βέροια], город в обл. Македония (Греция) и митрополия Элладской Православной Церкви. Находится в 75 км к юго-западу от Фессалоники, у подножия горного массива Вермион.

История. Древнейшей археологической находкой на территории В. является захоронение раннего железного века (X–VIII вв. до Р. Х.). О существовании поселения на этом месте свидетельствует некрополь классического периода (кон. V – нач. IV в. до Р. Х.). В письменных источниках В. впервые упоминается под 431 г. до Р. Х. в связи с неудачной осадой В. афинянами во время их похода на Халкидику в ходе Пелопоннесской войны (*Фукидид.* История. I 61, 4). С III в. до Р. Х. начинается экономический расцвет В. С постепенным упадком соседней Пеллы (ставшей столицей при македонском царе Филиппе II) и вхождением Македонии в состав Римской империи (148 г. до Р. Х.) В. превращается в один из важнейших центров этого региона. Она являлась главным городом Македонского союза (κοινόν τῶν Μακεδόνων). В эпоху поздней античности В. входила в состав пров. Македония Первая.

Сохранились остатки агоры, городских стен, сооруженных в нач. III в., и центральной городской улицы рим. периода (параллельная совр. ул. Венизелу). О существовании гимнасия, амфитеатра и многочисленных храмов известно только из сочинений античных авторов.

В 51 или 54 г. из Фессалоники в В. прибыли апостолы *Павел* и *Сила* и проповедовали в синагоге. «Здешние [иудеи] были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так. И многие

из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало» (Деян 17. 10–12). Когда фессалоникийские иудеи стали возмущать против апостолов народ, ап. Павел удалился в Афины, а в городе остались апостолы Сила и Тимофей (Деян 17. 13). На месте проповеди ап. Павла (сохр. ступени вимы — ораторской трибуны) в наст. время воздвигнут монумент. Согласно Апостольским спискам, первым епископом В. был ап. *Карп* (*Dolbeau*. P. 67). По преданию, он скончался в этом городе и здесь хранились его мощи. В «Апостольских постановлениях» (Const. Ap. VII, 46) первым епископом назван ап. *Онисим* (*Funk*. Т. 1. P. 454). Один из спутников ап. Павла — Сосипатр Пирров — был родом из В. (Деян 20. 4).

Вима ап. Павла

Во время гонений 276–282 гг. в В. пострадала прмц. Иерусалима.

К 343 г. относится первое достоверное упоминание епископской кафедры в В. (еп. Веррийский Геронтий участвовал в Сардикийском Соборе — *Mansi*. Т. 3. Col. 39, 42). Веррийская епископия находилась в подчинении архиепископа Фессалоники (*Darrouzès*. Notitiae. P. 278, 299, 316, 358, 371). На протяжении всего визант. периода В. в политическом, экономическом и культурном отношении была тесно связана с Фессаликой.

В В. сохранились остатки церковных построек: баптистерия IV в. и 3-нефной базилики V в. (видимо, служившей кафедральным храмом) с мозаичными полами (ок. ц. св. Патапия), базилики VI в. с мозаичным изображением павлина (ул. Каратасу). Мн. визант. храмы были воз-

Мозаичный пол базилики около ц. св. Патапия. IV–V вв.

двигнуты на развалинах раннехрист. базилик: Старая Митрополия, ц. Сретения Господня (Панагуда), ц. св. Анны и, возможно, древнейшая часть ц. св. Стефана.

В VII в. равнина вокруг города была заселена слав. племенем драгувитов. В кон. VIII в. имп. *Ирина* отстроила В. и назвала ее своим именем — Иринуполь, хотя нек-рые исследователи относят это известие к В. Фракийской (совр. Стара-Загора) (*Χιονίδης*. Т. 2. Σ. 14–18). В 904 г. город был разграблен арабами. В X в. В. входила в Фессалоникийскую фему. Эскуриальский Тактикон (X в.) упоминает стратига В. рядом со стратигом Стримона (*Oikonomidès*. P. 265).

В 985 г. В. была взята болгарами (*Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 90–91, 222), царь Самуил поставил правителем города Добромира. В результате болг. завоеваний В. вошла в состав Болгарского Патриархата. В конхе алтаря базилики св. Ахиллия, возведенной царем Самуилом в своей столице Преспе, помещены изображения 18 «тронов» (кафедр) Болгарского Патриархата, в т. ч. и Веррийской епархии. В 1001 г. имп. *Василий II Болгаробойца* вернул В. под власть Византии, но и после завоевания им всего Первого Болгарского царства Веррийская епархия осталась в диоцезе *Охридской архиепископии* (1018). В Третьем сигиллии (1020) имп. Василия II епископу В. предписывалось иметь в своем подчинении 30 клириков и 30 париков (зависимых крестьян) (*Gelzer*. S. 46).

В X–XI вв. в окрестностях В. вел отшельническую жизнь прп. *Антоний Новый Веррийский*, к-рый считается небесным покровителем города. Впосл. на месте пещеры, где он подвизался, возник скит Иоанна Предтечи, называемый также Веррийским, т. к. его история неразрывно связана с историей города.

В кон. XI — нач. XII в. была образована особая Веррийская фема. С 1107 г. дукой В. был Константин Комнин, племянник имп. Алексея I (Ep. 123 — *Gautier*. P. 563). В письме к нему *Феофилакт*, архиеп. Охридский, называет Веррийскую кафедру «одной из прекрасных болгарских Церквей», но говорит о ее экономическом упадке (Ep. 16). Во 2-й пол. XII в. В. вновь была присоединена к Фессалоникийской митрополии К-польского Патриархата.

Исследователи затрудняются определить, взятие какого из одноименных городов — В. Македонской или В. Фракийской — было осуществлено в 1186/87 г. братьями Петром и Иоанном Асенями (*Χιονίδης*. Т. 2. Σ. 27).

После захвата К-поля крестоносцами и распада Византийской империи в 1204 г. В. была включена Бонифацием Монферратским в состав лат. Фессалоникийского королевства, в В. служил католич. епископ. В 1205 г. город был захвачен болг. царем Калояном. В 1224 г. эпирский деспот Феодор Ангел Комнин Дука присоединил В. к своим владениям и она снова временно оказалась в составе Охридской архиепископии. К этому периоду относится роспись кафедрального храма Старой Митрополии. В 1246 г. В. завоевал никейский имп. *Иоанн III Дука Ватац*, в 1257 г.— эпирский деспот Михаил II Дука Комнин, в 1259 г.— буд. визант. имп. Михаил VIII Палеолог, и, т. о., она вошла в состав восстановленной Византийской империи (1261).

При Михаиле VIII Палеологе В. была возведена в ранг архиепископии (после 1261), а с 1300 г.— митрополии. В кон. XIII в. Веррийскую кафедру занимал деятельный иерарх Антоний Малакис. На Влахернском Соборе 1285 г. он выступил с осуждением бывш. К-польского Патриарха *Иоанна XI Векка* и сторонников унии. Антоний Малакис известен также как заказчик иллюминованных рукописей (напр., Евангелие Athen. Ben. Vitr. № 32 и Gött. Theol. 28).

В 1309 г. город разорили каталанцы (отряды наемников, вышедшие

из подчинения имп. Андроника II Палеолога). В 1310–1324 гг. уроженец В. Нифонт занимал патриаршую кафедру в К-поле. Город служил местом ссылки высокопоставленных персон. В 10–20-х гг. XIV в. в В. работал Георгий *Каллиергис*, к-рого называли «лучшим художником всей Фессалии». В 1325–1331 гг. в ските Иоанна Предтечи

Икона Божией Матери Одигитрии. Худож. Г. Каллиергис. 1315 г. (Византийский музей. Веррия)

подвизался свт. *Григорий Палама*, нек-рое время здесь жили прп. *Афанасий Метеорский* (между 1335 и 1340 гг.) и прп. *Феодосий Тырновский* (в 40-х гг. XIV в.).

Во время междоусобной войны императоров Андроника II и Андроника III Палеологов (1321–1328) окрестности В. были театром военных действий. В 40-х гг. этот город являлся опорным пунктом Иоанна VI Кантакузина в его борьбе с Алексеем Апокавком и сербами. В 1343/44 г. В. была завоевана серб. кор. *Стефаном Душаном*, к-рый провел работы по реконструкции городских укреплений. В 1350 г. она была возвращена под власть визант. имп. Иоанна VI Кантакузина, но через неск. лет вновь отвоевана сербами. С 1358 г. В., Воденом (Эдессой) и Касторией управлял серб. господарь Радослав Хлапен, тесть македонского кор. Марко.

Ок. 1375 г. греки возвратили город, но с кон. XIV в. над ним нависла тур. угроза. Он неоднократно подвергался нападениям турок: ок. 1387 г. В. стала платить дань Мураду I, в 1391 г. она была захвачена Баязидом I. Веррийский митр. Арсений был повешен турками на дереве перед кафедральным собором, а собор превращен в мечеть. В 1433 г. В. была окончательно включена в Османскую империю, центр духовной жизни переместился из города в скит Иоанна Предтечи, где нек-рое время подвизались прп. Никанор Завордский († 1519), прп. Дионисий Олимпийский († 1540) и др., останавливался равноап. Косма Этолийский (1775).

В период тур. владычества город назывался Караферия и оставался крупным торговым и промышленным центром Македонии, а Веррийская кафедра считалась престижной и перспективной для иерархов: ряд Веррийских митрополитов впосл. стали К-польскими и Александрийскими Патриархами (Кирилл II Контарис, Иоанникий Киприот, Хрисанф I). В перечнях митрополий К-польского Патриархата В., занимавшая первоначально 30-е место, в кон. XV в. поднимается на 17-е, в 1715 г.— на 16-е место.

Базилика во имя прп. Антония Нового Веррийского. 1860 г.

Тесными были связи В. с Афоном, на средства веррийских архиереев в афонских обителях воздвигнут и расписан ряд построек (напр., роспись кафоликона Великой Лавры была выполнена мастером *Феофаном Критским* по заказу митр. Неофита). Бывш. Веррийский митр. Аверкий, приехавший в Москву в 1628 г., был принят с почетом и пользовался большим доверием царя Михаила Федоровича и Патриарха Филарета.

В 1650 г. в В. иером. Каллиник Маниос открыл одну из первых греч. школ в Македонии, где впосл. преподавали ученые монахи Иоанникий (1721–1723), Кирилл (1771), Триандафиллос (1790), Ангел (1817) и др.

Период XVIII — нач. XIX в. был временем экономического подъема В., количество жителей увеличилось в XVIII в. вдвое по сравнению с XVI в. и составило 8 тыс. чел. В XVIII–XIX вв. в городе продолжалось активное храмостроительство (напр., Новая Митрополия (1728), величественная базилика во имя прп. Антония Нового Веррийского (1860)). После освободительного восстания 1821 г. и образования независимого Греческого гос-ва В. осталась в числе европ. тур. владений и вошла в состав Греции только в окт. 1912 г.

В 1931 г. В. была подчинена большая часть епархии Камбании, до этого относившаяся к Фессалоникийской митрополии (дата присоединения епископии Наусы точно неизвестна).

В нач. XXI в. В. являлась кафедрой митрополии В., Наусы и Камбании. В епархии насчитывается 108 приходских, 8 монастырских, 22 кладбищенских храма, 10 домашних церквей, 75 параклисов, 75 часовен, в к-рых служат 147 иереев и 7 диаконов (Δίπτυχα. 2003. Σ. 457–465). Действовали 3 муж. и 3 жен. мон-ря, из них наиболее известны скит Иоанна Предтечи и мон-рь *Сумела*, в к-ром находится чудотворная икона Божией Матери, написанная евангелистом Лукой.

Покровителями города считаются прп. Антоний Новый Веррийский, прмц. Иерусалима; также чтутся сщмч. Арсений, митр. Веррийский, прп. Никодим Верриец, прмч. Тимофей Верриец, нмч. Каллиник Веррийский.

Епископы, архиепископы и митрополиты В.: ап. Карп (I в.); ап. Онисим († ок. 109); Геронтий (упом. в 343); Лука (упом. в 449); Севастиан (упом. в 451); Тимофей (упом. в 536); Иосиф (упом. в 870); Василий (XI в.); Никита (упом. в 1078); Христофор (XII в.); Лев (упом. в 1280); Антоний Малакис (упом. в 1285); Максим (упом. в 1326); Дионисий (упом. в 1330 и 1351/1352); сщмч. Арсений († 1391); Даниил (с 1393, не ранее 1394); Евстафий (упом. в 1403 и 1409); Мефодий (упом. в 1506); Неофит (с 1538); Игнатий (с 1550); Матфей (с 1554); Неофит (с 1555); Феофан (упом. в 1567); Митрофан, эпитроп К-польского Патриарха

Иеремии II (1572–1578); Кирилл Контарис (с 1579); Артемий (упом. в 1591); Паисий (1606–1607); Иоасаф (с 1610); Аверкий (1613 — до 1621); Тимофей (упом. в 1621); Кирилл Контарис, повторно (1630–1633, позже Патриарх К-польский); Кирилл (с 1634); Иоаким (с 1638); *Иоанникий Киприот* (1640–1645, позже Патриарх Александрийский); Иосиф (с 1645); Иоаким (1649–1689); Леонтий (с 1705); Макарий (1715–1721); Агапий (с 1725); Иоаким Хиосский (с 1727); Макарий (1730–1735); Иоаким (упом. в 1745); Самуил (с 1746); Дорофей (с 1763); Даниил (1766–1799); Хрисанф (1799–1811, позже К-польский Патриарх); Захария (1811–1823); Мефодий (1823–1831); Дионисий (1831–1848); Феоклит (1848–1863); Софроний (1863–1869); Венедикт (1869–1877); Прокопий (1877–1892); Косма (1892–1895); Констанций (Исаакидис) (1895–1906); Апостолос (Христодулос) (1906–1909); Лука (Петридис) (1909–1911); Каллиник (Деликанис) (1911–1922); Констанций (Русис) (1922–1924); Апостолос (1924); Хризостом (1924); Софроний (Стамулис) (1924–1927); Поликарп (Сакелларопулос) (1927–1943); Александр (1943–1958); Павел (Янникопулос) (1968–1994); Пантелеимон (Калпакидис) (с 1994).

Памятники архитектуры и живописи. В. называлась городом 72 церквей, в наст. время сохранилось 48 визант. и поствизант. храмов, из к-рых 39 украшены фресками. В церковной архитектуре В. преобладают 2 типа зданий: однонефные и 3-нефные базилики. Однонефные храмы появляются с XIV в., древнейший — ц. Христа (Воскресения Христова) 1314 г.

Старая Митрополия (греч. Παλιά Μητρόπολη) (1070–1080), бывш. кафедральный собор В., согласно местному преданию (зафиксированному в нач. XX в. О. А. Штруком), посвящен 12 апостолам, а по мнению Г. Хионидиса — апостолам Петру и Павлу. Сохранилась надпись, в к-рой ктитором храма назван Веррийский еп. Никита, упоминаемый в афонских актах под 1078 г. После тур. завоевания храм был превращен в мечеть, названную Хюнкярджами (мечеть Победы), позднее был пристроен минарет. Здание, являющееся одним из крупнейших кафедральных соборов той эпохи, представляет собой 3-нефную базилику со слабо выраженным трансептом, деревянным перекрытием. Юж. неф не сохранился, в процессе археологических исследований были открыты фундаменты юж. рукава и части нартекса, обрушившиеся в неизвестное время. Нартекс по ширине был равен храму и сообщался с ним 3 проемами. Уникальность

Свт. Афанасий Великий и прп. Антоний Веррийский. Икона. XIV в. (Византийский музей. Фессалоника)

здания Старой Митрополии состоит в том, что оно, построенное на месте раннехрист. базилики, повторяет ее планировку, о чем свидетельствует нек-рое сходство в планах и элементах конструкции с ц. вмч. Димитрия в Фессалонике.

В Старой Митрополии сохранилось неск. слоев росписей. Древнейший фрагмент — образ Христа Халкитиса кон. XII в. на зап. грани сев. предалтарного столпа, выполненный в традициях позднекомниновской живописи. Значительная часть росписей относится к XIII в. (в апсиде и на стенах центр. и боковых нефов) и выполнена в 2 этапа. К 1-му (1215/16–1224/25) принадлежат фрески апсиды и большей части нефа, еще сохраняющие связь с комниновским искусством, но уже имеющие новые черты. В конхе апсиды находилось утраченное ныне изображение Богоматери с 2 поклоняющимися ангелами. Далее располагаются погрудные образы апостолов в медальонах, ниже — святителей в рост: Елевферия, Григория Великого, Кирилла Александрийского, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Иоанна Милостивого, Николая Мирликийского и Дионисия Ареопагита. По сторонам конхи помещена композиция «Благовещение»; на стенах центрального нефа — сцены Двунадесятых Праздников и Страстного цикла: «Рождество», «Сретение», «Богоявление», «Преображение», «Воскрешение Лазаря», «Тайная вечеря», «Умовение ног», «Распятие». Композиция «Успение Богоматери» на зап. стене была испорчена при сооружении окна после тур. завоевания. В средней зоне находятся 8 изображений святителей в рост и 8 пророков. Ниже представлена композиция обличения царя Давида прор. Нафаном и фигуры святых. На одном из столпов — фигуры апостолов Петра и Павла вместе с местночтимой прмц. Иерусалимой. Изображение сщмч. Елевферия с молящимся Иоанном Амарианосом (происходящим из к-польской семьи, одна из ветвей к-рой, видимо, проживала в В.) носит не только ктиторский характер. Исследователи отмечают, что образ сщмч. Елевферия, дважды повторенный в апсиде и в нефе, символизировал освобождение от лат. оккупации (ἐλευθερία — свобода). Политическая и церковная свобода В. была связана с правлением эпирского деспота Феодора Ангела, и к этому периоду относят росписи Старой Митрополии.

2-я фаза росписей (70–80-е гг. XIII в.) характеризуется иконографическими новациями и живописными приемами, предвосхищавшими палеологовский ренессанс. В это время были выполнены композиции центр. нефа, связанные с темой Двунадесятых Праздников и Страстей Господних, напр., под композицией «Рождество» находятся остатки сцены «Бегство в Египет», под «Сошествием во ад» — «Явление Христа женам-мироносицам». В палеологовский период (ок. 1320) созданы композиция «Крещение» в сев. части храма, сцены жития св. Иоанна Предтечи и нек-рые фигуры святых.

Церковь Иоанна Богослова (Μέγας Θεολόγος), 3-нефная базилика нач. XIII в., перестроенная, вероятно, в XVII в. От нее сохранились алтарь и часть центр. нефа с фресками 2-й четв. XIII в. и нач. XIV в. Первоначальная роспись осталась только в алтаре: в конхе апсиды — Богоматерь Оранта с 2 ангелами, ниже — «Евхаристия». На вост. стене фигуры 2 святителей фланкируют «Евхаристию», выше — «Благовещение», на фронтоне — «Вознесение Господне». По мнению В. Джурича, один из

мастеров находился под влиянием живописи ц. вмч. Георгия в Курбинове (1191). На юж. стене помещены композиции «Рождество», «Сретение», под ними — «Снятие с Креста»; на сев.— «Сошествие во ад» и изображения ап. Иоанна Богослова с Богоматерью. В юж. нефе на сев. стене под декоративной аркой — Деисус (с неизвестным святителем); в сев. нефе — арх. Михаил, Богоматерь с Младенцем и др. Среди святителей, пророков и святых выделяется один из ранних сохранившихся образов прп. Афанасия Афонского.

Церковь Христа (Χριστός, Ἀναστάσεως τοῦ Χριστοῦ, Μονή τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Καλοθέτου) (1314–1315), кафоликон мон-ря в честь Воскресения Христова. Хрисовулом

Церковь Воскресения Христова. 1314–1315 гг.

визант. имп. Андроника II Палеолога (1314) мон-рь определялся во владение мон. Игнатию Калофету (проживавшему на Св. Горе) и разрешалось взять в общину его отца, иером. Андрея Калофета и др. иноков. Игнатий Калофет был связан с патриаршими и правительственными кругами: на освящение кафоликона нового мон-ря был приглашен К-польский Патриарх Нифонт, уроженец В.

Ктиторская надпись (1315) содержит важные сведения об истории храма, напр. о ведении строительства на средства Ксеноса Псалидаса и его супруги Евфросинии. Др. надпись указывает на ставропигиальный статус мон-ря. В 1330 г. К-польский Патриарх Исаия подтвердил права Калофета и разрешил ему передачу полномочий, кому он пожелает. Ранее 1400 г. (точная дата неизв.) храм Христа был передан в ведение Великой Лавры, в 1727 г. он уже принадлежал митрополии В.

Ц. Христа — однонефный храм с деревянным перекрытием, с 3 дверями по сторонам, с полукруглой конхой алтаря. В XVIII в. он был окружен закрытой галереей, перестроенной в открытую при реставрации 1950 г.

Роспись храма 1314–1315 гг. является единственным подписным произведением худож. Георгия Каллиергиса, на к-ром базируется изучение его творчества. В. Джурич назвал фрески храма Христа одним из лучших произведений палеологовского ренессанса. Он приписывает Каллиергису фрески Хиландара. С. Пеликанидис полагал, что ц. свт. Николая Орфаноса в Фессалонике также расписана Каллиергисом, однако А. Цитуриду опровергла это мнение.

В конхе помещены Богоматерь Платитера («Ширшая небес») и 2 ангела, ниже — фигуры епископов в рост. По сторонам конхи — «Благовещение», над конхой — плат с Нерукотворным образом, представленный как бы укрепленным на крюках в виде змей. На фронтоне вост. стены — ангелы, держащие медальон с Христом, по сторонам — изображения пророков. В верхней части храма представлен цикл из 12

Сошествие во ад. Роспись ц. Воскресения Христова. 1314–1315 гг. Худож. Г. Каллиергис

праздников и Страстей Христовых, в среднем поясе — медальоны с полуфигурами евангелистов, пророков и святых. Ниже помещены ростовые изображения святых, в нишах около дверных проемов расположены 2 большие композиции — «Распятие» и «Сошествие во ад». Большой интерес представляет изображение на юж. стене Игнатия Калофета в молении прп. Арсению Великому.

Снаружи, на зап. и сев. стенах храма, в псевдо-аркосолиях, помещены изображения местных вельмож. Композиция в аркосолии на зап. стене — Богоматерь подводит ко Христу Марию Синадину — написана в 1326 г. Ктиторские портреты на юж. стене датируются 1355 г., живопись сев. стены относится к 1727 г.

Церковь св. Власия (XIV в.), однонефный храм с деревянным перекрытием; крытая галерея была пристроена с юж. стороны, возможно, неск. десятилетий спустя. В XVI в. облик храма изменился: для увеличения площади были разобраны стены (частично с сев. и полностью с зап. сторон), на их месте образовались 2 большие арки. Предполагают, что в росписи храма (ок. 1320) принимал участие Каллиергис или его ученики. Фрески XIV в. находятся в древнейшей части храма и галереи. В конхе — Богоматерь в рост с Младенцем на руках и 2 поклоняющихся ангела, ниже — служащие святители Василий Великий и Иоанн Златоуст с 2 ангелами. В зените арки — «Благовещение», на фронтоне вост. стены — «Вознесение». На юж. стене — композиции «Введение» и «Рождество Христово», образы свт. Спиридона, сщмч. Ипатия, апостолов Иоанна Богослова и Марка, ниже — священномученики Карп, Поликарп и Власий; на сев. стене — «Сошествие во ад». В перестроенной части фрески датируются XVI и XVIII вв.

Церковь вмч. Георгия архонта Грамматика (Ἅγιος Γεώργιος τοῦ ἄρχοντος Γραμματικοῦ) (нач. XIV в.), 3-нефная базилика с нартексом, искаженная поздними пристройками. На юж. стене алтаря — фрагменты фресок 1380 г., др. росписи выполнены в 1518/19, 1603, 1629 и 1718 гг.

Церковь Кирика и Иулитты (сер. XIV в.), единственная в В. крестово-купольная постройка (купол не сохр.). Ктиторская надпись, выложенная плинфой между ромбов керамического украшения апсиды, упоминает некого Макария, к-рого можно отождествить с Макарием, еп. Камбании (1351), а позднее Смирны. В патриаршей грамоте

1395 г. храм был назван собором ставропигиального мон-ря.

После землетрясения 1589 г. осталась небольшая часть древнейшей кладки сводов и стен, лучше сохранились вост., сев. и сев.-зап. части храма. Особенностью храмового пространства является закрытый диаконник, куда можно попасть только из алтаря. Граненые апсиды имеют богатое керамическое украшение.

Фрагменты первоначальной росписи сер. XIV в. находятся в жертвеннике — это изображения прп. Парфения Лампсакийского, свт. Андрея Критского, прп. Патапия и ангела. В храме сохранились также фрески XV в., основная часть живописи в центр. нефе относится ко времени перестройки церкви в 1589 г.

Церковь свт. Николая архонта Калократа (Ἅγιος Νικόλαος τοῦ ἄρχοντος Καλοκρατά), 3-нефная базилика, построенная Комнином Калократом в XVI в., включает алтарную часть более древней церкви XIV в., где сохранились фрески сер. XIV и XVIII в. Основная часть храма расписана в 1566 г.

Церковь Сретения Господня (XV в.), 2-нефная базилика с нартексом. В конхе апсиды сохранились фрагменты фресок посл. четв. XIV в. В 1706 г. были расписаны наос (основной храм) и сев. неф. Ниже уровня совр. здания найдены части 2 древнейших построек, одна из к-рых — раннехрист. 3-нефная базилика с нартексом.

В Византийском музее В., открывшемся в 2001 г., хранятся фрагменты мозаичных полов и визант. фресок, монеты, керамика, уникальная коллекция визант. икон XI–XVI вв., прежде находившихся в храмах В. Древнейшая икона — образ Божией Матери с Младенцем на троне с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом из храма свт. Николая «тис Гурнас», по мнению Ф. Папазотоса, датируется XI в. К комниновскому периоду относится икона вмч. Георгия (1-й пол. XII в.) из иконостаса ц. св. Стефана. Ок. 1300 г. живописцем фессалоникийской школы был выполнен образ свт. Николая. Икона Божией Матери Одигитрии из ц. Воскресения Христа приписывается Каллиергису (1315). Иконы Божией Матери Гликофилусы (Пелагонитиссы) и «Предста Царица» датируются XIV в., образы Христа Пантократора и Божией Матери Елеусы — ок. 1400 г.

Основой мн. церквей В. являются сооружения XIV–XV вв. (с фрагментами фресок визант. периода), значительно перестроенные в последующие столетия: церкви Христа Антифонита, св. Георгия, Панагии Дексии, св. Прокопия, Благовещения Пресв. Богородицы (Панагии Евангелистрии), св. Георгия Малого, Панагии Перивлепты, Панагии Горгоепикоос, Панагии Палеофоритиссы, или Пантанассы, святых Феодоров, Панагии Хавиары, св. Параскевы (в приходе Макариотиссы), св. Саввы и св. Андрея (в приходе Кириотиссы) и др.

В В. сосредоточено значительное число поствизант. памятников: церкви св. Патапия, св. Анны (в приходе прор. Илии), Христа Пантократора, св. Димитрия, св. Стефана, св. Андрея (в приходе св. Георгия), Панагии Фанеромени, Преображения

Вмч. Георгий. Икона. 2-я пол. XII в. (Византийский музей. Веррия)

Господня, Новая Митрополия во имя апостолов Петра и Павла, базилика прп. Антония Нового, 2 церкви во имя святых Космы и Дамиана (Большие и Малые Бессребреники), 4 церкви во имя свт. Николая (Агиос-Николаос тис Гурнас, Агиос-Николаос ту монаху Анфиму, Агиос-Николаос Псарас и одноименный храм в приходе Макариотиссы) и др.

Ист.: *Gelzer H.* Ungedruckte und wenig bekannte Bistümerverzeichnisse der orientalischen Kirche // BZ. 1893. Bd. 2; *Funk F. X.* Didascalia et Constitutiones Apostolorum. Paderbornae, 1905. T. 1; *Darrouzès.* Notitiae. P. 278, 299, 316, 342, 352, 358, 371, 386, 395, 406, 412, 419; *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972; Theophylacte: Discours, traités, poésies et lettres / Ed. P. Gautier. Thessal., 1980–1986. T. 1; *Dolbeau F.* Une liste latine de disciples et d'apôtres traduite sur la recension grecque du Pseudo-Dorothée // AnBoll. 1990. T. 108. Fasc. 1–2.

Лит.: *Γριτσόπουλος Τ. Α.* Βεροίας καὶ Ναούσης, Μητρόπολις // ΘΗΕ. Τ. 3. Σ. 823–826; *Janin R.* Berrhée (1) // DHGE. T. 8. Col. 885–887; *Χιονίδης Γ. Χ.* Ἱστορία τῆς Βεροίας. Θεσσαλονίκη, 1970. Τ. 1–2; *idem.* Ἡ ἀρχαία καὶ ἡ Βυζαντινὴ Βέροια. Βέροια, 1993; *Mauropoulou-Tsioumi Ch.* Verroia // Alte Kirchen und Klöster Griechenlands. Köln, 1972. S. 126–130; *idem.* Τα βήματα του Αποστόλου Παύλου από τους Φιλίππους ως τη Βέροια: προφορική παράδοση καὶ αρχαιολογικές γνώσεις. Βέροια, 1995; *Πελεκανίδης Σ.* Καλλιέργης, ὅλης Θετταλίας ἄριστος ζωγράφος. Ἀθῆναι, 1973; *Τσιγαρίδας Ε. Ν.* Οἱ τοιχογραφίες τῆς πρόθεσης στὴν Παλαιὰ Μητρόπολη Βεροίας // Πρῶτο Συμπόσιο Βυζαντινῆς καὶ Μεταβυζαντινῆς Ἀρχαιολογίας καὶ Τέχνης. Ἀθῆναι, 1981. Σ. 85–86; *idem.* Les peintures murales de l'Ancienne Métropole de Veroia // Milesheva dans l'histoire du peuple Serbe: Colloques scientifiques de l'Acad. Serbe des Sciences et des Arts. Belgrade, 1987. Vol. 38. P. 266–277 (Cl. d. sciences hist.; 6); *idem.* Οἱ τοιχογραφίες τοῦ ναοῦ τῆς Παναγίας Γοργοεπηκόου Βεροίας // Μακεδονικά. 1992. Τ. 28. Σ. 92–100; *idem.* Οἱ τοιχογραφίες τῆς Ἁγίας Φωτεινῆς Βεροίας // Τοιχογραφίες τῆς περιόδου τῶν Παλαιολόγων σὲ ναούς τῆς Μακεδονίας. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 155–170; *Γούναρης Γ.* Χριστὸς Βεροίας. Θεσσαλονίκη, 1991; *Παπαζῶτος Θ.* Ἡ Βέροια καὶ οἱ ναοί της (11ος–18ος αἰ.). Αθήνα, 1994; *idem.* Βυζαντινὲς εἰκόνες τῆς Βεροίας. Αθήνα, 1995; *Ἀχειμάστου-Ποταμιάνου Μ.* Ἑλληνικὴ Τέχνη: Βυζαντινὲς τοιχογραφίες. Αθήνα, 1995. Σ. 242; *Brocas-Deflassieux L.* Beroia, cité de Macédoine: étude de topographie antique. Beroia, 1999; *Πέτκος Α.* Τα μνημεία της Βέροιας (4ος–19ος αιώνας). Αθήνα, 2001.

О. В. Лосева, Е. М. Саенкова

ВЕРСТО́ВСКИЙ Алексей Николаевич (18.02.1799, имение Селивёрстово, близ с. Мезинец Козловского у. Тамбовской губ.— 5.11.1862, Москва), рус. композитор, музыкально-театральный деятель. Первым учителем музыки В. был регент из с. Мезинец, бывш. придворный певчий Левит Шафранов. В 1816–1817 гг. В. учился в С.-Петербурге, затем переехал в Москву и служил в различных гражданских учреждениях. С 1825 г. инспектор музыки, с 1830 г. инспектор репертуара московских имп. театров, в 1848–1860 гг. управляющий конторой дирекции московских имп. театров. В.— автор опер («Аскольдова могила», «Громобой»), водевилей, вокально-симфонических и фортепианных произведений, баллад и романсов. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

В 30-х гг. В. создал 3 духовных концерта и «Обедню» (песнопения Литургии свт. Иоанна Златоуста).

По данным Н. Ф. *Финдейзена,* эти произведения исполнялись в ц. Вознесения у Никитских ворот и в университетской ц. мц. Татианы (*Финдейзен.* С. 115–116). Положительную

А. Н. Верстовский. Литография С. Фишера с портрета худож. К. Брюллова. XIX в.

оценку «Обедни» дал А. А. *Алябьев* в своем письме 1834 г. (*Штейнпресс Б. С.* Страницы из жизни А. А. Алябьева. М., 1956. С. 267). В. принадлежит также «Преждеосвященная обедня» (песнопения Литургии Преждеосвященных Даров), созданная, возможно, в поздний период творчества композитора.

К произведениям духовного содержания можно отнести гимн «Велик Господь» (на слова Н. М. Языкова) для хора и оркестра, сочиненный В. в пользу сирот, оставшихся после смерти родителей в эпидемию холеры (был исполнен в 1831 в зале московского Благородного собрания).

Духовно-муз. сочинения отличает концертный стиль, по интонационному складу они близки оперному и романсовому творчеству В. Все концерты написаны в 3-частной форме; для структуры частей характерна повторность тематических построений. В отличие от своих современников В. реже использует сопоставление сольного (или ансамблевого) и хорового звучания, а также приемы имитационной полифонии. В рамках раннеромантической гармонии В. широко применяет эллиптические последования септаккордов и их обращений, хроматические ходы голосов. Большая строгость фактурного и гармонического изложения отличает нек-рые песнопения «Преждеосвященной обедни».

Произведения В. на богослужебные тексты остались неизданными, хотя композитор отсылал «Обедню» в С.-Петербург директору *Придворной певческой капеллы* Ф. П. *Львову,* о чем сообщал в письме В. Ф. *Одоевскому* в 1836 г. (Автобиография композитора Верстовского / Сообщ. Б. Модзалевский // Бирюч Петроградских гос. акад. театров: Сб. ст. [Пг.], 1920. Вып. 2. С. 236). В этом письме В. упоминает и свой концерт «Скажи ми, Господи» для 4 голосов (в наст. время не найден). «Обедня» и духовные концерты В. вошли в его рукописное собрание сочинений, «Преждеосвященная обедня» хранится в архиве прот. Димитрия *Разумовского.*

Соч.: «Обедня» (Литургия св. Иоанна Златоуста), концерты: «Вознесу Тя, Господи», «Услыши, Боже, глас мой», «Господи, Боже мой, на Тя уповах». Для муж. хора (2 тенора и 2 баса): Ркп. // Собр. соч. / МГК. Т. 9. С. 167–187, 189–225; Преждеосвященная Обедня // РГБ ОР. Ф. 380. К. 21, № 4.

Лит.: *Финдейзен Н. Ф.* А. Н. Верстовский: Очерк его муз. деятельности. СПб., 1890. С. 56–57; *Липаев И.* На могиле Верстовского (из записной книжки) // РМГ. 1899. № 7. Стб. 208–210; *Доброхотов Б. В.* Верстовский А. Н.: Жизнь. Театральная деятельность. Оперное творчество. М., 1949; *Соболева А. А.* А. Н. Верстовский: Биобиблиогр. указ. Тамбов, 1999; *Плотникова Н. Ю.* Могучая сила чувств // Культурно-просветительная работа («Встреча»). М., 2003. № 12. С. 29–30.

Н. Ю. Плотникова

VÉRSUS [лат.– борозда; ряд, линия; стихотворная строка, стих; от глагола vertere – поворачивать; франц. и нем. vers; итал. verso], зап. муз. термин.

I. В средневек. литургической монодии (в т. ч. в *григорианском пении*):

1. Стих псалма или библейской песни (canticum), исполняемый одним из 2 хоров (или полухорием) по определенным псалмовым тонам (см. *Псалмодия*).

2. Стих, исполняемый с респонсорием оффиция (см. *Респонсорий*), респонсорными песнопениями мессы (см. статьи *Градуал, Аллилуарий*) и с др. жанрами мессы, ведущими свое происхождение от антифонной псалмодии (см. статьи *Офферторий, Communio*). Словесный текст V. заимствовался не только из Псалтири, но и из др. книг Свящ. Писания, а также из церковных документов или даже специально сочинялся. В рукописных источниках и хоральных изданиях данный стих кратко обозначается знаком ℣. Количество таких стихов в разное время и в разных жанрах было различным при общей тенденции к их сокращению. Также и мелодика в зависимости от жанра, соотнесенного со стихом песнопения, разнится по степени оригинальности (строится ли она по типовой мелодии-модели, или же самостоятельна) и по мелодическому складу (силлабо-невматическому, невматическому или мелизматическому). V. респонсориев изначально поручались певцу-солисту, в дальнейшем в нек-рых жанрах (напр., в градуалах) произошла замена сольного пения хоровым. Аналогичные изменения способа исполнения произошли с V. антифонных песнопений мессы: так, хоровые V. оффертория сначала перешли к солисту (оффертории превратился в респонсорную псалмодию; пример – оффертории в *реквиеме:* «℣. Hostias et preces tibi, Domine, laudis offerimus: tu suscipe pro animabus illis, quarum hodie memoriam facimus: fac eas, Domine, de morte transire ad vitam»), а затем исчезли из практики. С течением времени утратило свой V. и причастное песнопение – communio (единственное исключение составляет communio заупокойной мессы: «℣. Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis», исполняемый, однако, не хором, а сольно).

3. 1-я (сольная) из 2 коротких фраз диалога священника с диаконом (министрантом) или священника и прихожан в богослужении мессы и часов (др. название – versiculus, уменьшительное от V.). 2-я, ответная, фраза в литургических книгах может обозначаться знаком «℟» (т. е. responsum – ответ), напр., в диалоге, предшествующем евхаристической молитве в мессе: «℣. Per omnia saecula saeculorum. ℟. Amen. ℣. Dominus vobiscum. ℟. Et cum spiritu tuo. ℣. Sursum corda. ℟. Habemus ad Dominum. ℣. Gratias agamus Domino Deo nostro. ℟. Dignum et iustum est», в завершении мессы: «℣. Ite, missa est. ℟. Deo gratias» или в начале утрени: «℣. Domine, labia mea aperies. ℟. Et os meum annuntiabit laudem tuam» и т. д. Эти фразы исполняются по простейшим мелодическим формулам, часто не более чем на 1–3 звуках.

II. В XV–XVIII вв.– небольшая органная пьеса полифонического склада (более употребительно франц. название «verset»), заменяющая в практике альтернативного исполнения, основанной на чередовании хорового пения и инструментальной игры, каждый 2-й стих псалма или

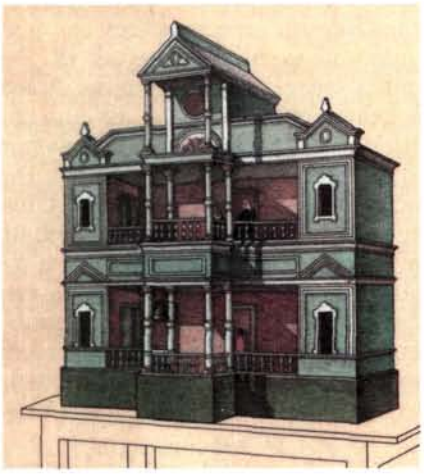
библейской песни, одну из 2 строф гимна или секвенции, каждую четную или каждую нечетную строку песнопений ординария мессы. В последнем случае стихи обозначены не как V., а названы в соответствии с первыми словами заменяемого текста. До XVII в. органный V. представлял собой полифоническую обработку средневек. хорала, а именно — пропускаемой в пении муз. фразы, затем стали возникать пьесы самостоятельного характера. Подобного рода сочинения создали, в частности, Г. Бухнер («Fundamentum», ок. 1530), А. Валенте («Versi spirituali», 1576 или 1580), А. де Кабесон («Obras de musica», 1578), К. Эрбах («Modi sancti tripertiti», 1604–1606), И. Э. Киндерман, Георг Муффат и Готлиб Муффат и др. Практика альтернативного исполнения в богослужении, описываемая в литургических книгах и регулируемая особыми церковными постановлениями («Caeremoniale Episcoporum» 1600 г. папы Климента VIII, *motu proprio* 1903 г. папы Пия X и т. п.), существует до сих пор.

В творчестве трубадуров — род лирической песни в куплетной форме (франц. эквивалент — vers).

Лит.: *Berendes M. B.* The Versus and its Use in the Medieval Roman Liturgy: Diss. Pittsburgh, 1973.

Ю. В. Москва

ВЕРТЕ́П, народное театральное представление, прославляющее Рождество Христово и приуроченное к

Малороссийский трехъярусный вертеп. Кон. XVIII в.

этому празднику. Старослав. название **вр҃ьтъпъ, вр҃ътъпъ** означает «укрытие», «пристанище», «пещера», в к-рой родился Христос. Др. значение «В».— «крутить», «переворачивать» (ср.: древнеинд. vartate, лат. vertere, укр. вертопити, вертепити, рус. вертеть); в одном из видов В.-короба основание (пол), имеющее форму круга, вращается на вертикальной оси (*Карский*. С. 117).

Было популярным на Украине в XVII–XIX вв., в наст. время в отдельных местностях остается частью новогодних святочных обрядов. Известны 3 вида укр. В.: кукольный, получивший повсеместное распространение, театр живых актеров и комбинированный, к-рые бытовали в Зап. Украине, в Закарпатье. В. кукольного театра назывался также переносной ящик-короб («скрыня», «скрынька») для разыгрывания пьесы.

Согласно неск. описаниям кон. XVIII–XX в., кукольный В. включает 2 ч.— историческую и народно-бытовую, представляемые на 2 разных ярусах В.-«скрыни»; в обеих литературно-драматические эпизоды перемежаются с музыкальными. В 1-м действии звучит неск. (до 10) широко известных духовных *кантов,* нек-рые из них входят в *«Богогласник»*. Их тексты комментируют события, предваряют и сопровождают появление действующих лиц, резюмируют происшедшее, напевы создают эмоциональную атмосферу представления. Последовательность сцен В. такова: действие предваряет вступление хора «Пѣнію время и молитвы часъ»; Пономарь обращается к зрителям и благовестит в колокол (исполняется кант «Ангелы, снижайтеся»), Пастухи поклоняются рожденному Спасу («Слава буди во вышних Богу»); Ирод и его воины беседуют в тронном зале («Днесь Ирод грядет»); Цари шествуют на поклонение Христу («Шедше трие цари»); Ирод отдает приказ об убиении младенцев («Перестань рыдати, печальная мати»); Римский Воин пронзает копьем ребенка Рахили («Ирод несытый», «Маленькие чады», «Не плачь, Рахиле»); Смерть убивает Ирода косой, и Черт увлекает его в преисподнюю («Не видав же он, що изтребыться»). 2-ю, народно-бытовую часть, составляет ряд разрозненных сценок-диалогов неск. действующих лиц (Дед и Баба, Цыган и Цыганка, Поляк и Полька, Мадьяр и Мадьярка, Казак-запорожец и Шинкарка и др.), обыгрывающих забавные ситуации и поздравляющих зрителей с праздником. 2-я ч. содержит также назидательные и патриотические эпизоды: Солдат пересказывает еще раз рождественский сюжет; Запорожец (главный герой этой части) подчеркивает свою приверженность правосл. вере, изгоняя Священника-униата. Действие сопровождается народными песнями и танцами (*Маркевич*. С. 31–64).

Средневек. источники В.— духовно-театральные западноевроп. рождественские *мистерии,* драма о царе Ироде, бытовавшая в Европе с XIII в. в устной традиции, а с XVI в.— в литературно-схоластической и распространившаяся на Украине в XVI в. (*Всеволодский-Гернгросс*. С. 85, 86) (см. также ст. *Действа литургические*). Др. прототип В.— символическое изображение панорамы рождественской ночи с помощью кукол, известное в Италии еще в IX в.; «обычай женского ордена францисканок или клариссок устраивать в храмах т. н. рождественские ясли с XIV в. был известен в Польше, их стали устанавливать также в домах; макет вертепной пещеры был неподвижен, играть с куклами не было принято, однако, ото дня ко дню прибавляли новые фигурки (волы, пастухи, волхвы, др.)» (*Франко*. С. 190). В Чехии и Словакии рождественские ясли назывались bethlem (от Bethlehem — *Вифлеем*), в Испании и Португалии — belen, во Франции (диалектные названия) — belén, bételen (Календарные обычаи и обряды. С. 46, 56, 228, 231). В закарпатском В., «бетлегеме», обязательным было присутствие переносного короба (яслей) с куклами, символизирующего событие Рождества, возле к-рого актерами разыгрывалось действие. В XX в. установился обычай вместо яслей носить рождественскую звезду. Е. Марковский (исследователь славутинского В.) предполагал, что в раннем 2-частном В. живые актеры исполняли историческую часть, а куклы — интермедийную.

Кукольный В. получил на Украине значительное распространение с кон. XVI в.; существует свидетельство польск. исследователя Э. Изопольского, якобы видевшего в с. Ставище (ныне Киевская обл.) В.-ящик с надписью: «Року Христусового 1591 збудованой» (*Франко*. С. 197–199). В XVII в. изображение В. вошло в укр. иконографию (напр., гравюра в сб. рождественских стихов

иером. *Памвы (Берынды)* («На Рождество ... вирши для утехи православным христианом...». Львов, 1616). Существование обычая носить В. подтверждается текстами из приходно-расходных книг львовского ставропиг. братства за 1666 г. (*Щурат В. Т.* Вертеп села Кобиловок у Теребовельщині // Неділя. 1930. Ч. 1. 6 січня. С. 6–7).

Сохранившиеся В.-«скрыни» имеют, как правило, 2-ярусное строение; в основании «этажей» сделаны прорези, через к-рые вертепник (юноша или мужчина) водит фигурки кукол (глиняные, вырезанные из дерева или картона или тряпичные). Е. Р. Романов и П. Р. Шейн отметили 3-ярусное строение нек-рых белорус. «скрынь», являющееся, по мнению Е. Марковского, более древним. На самом высоком уровне, обозначавшем пространство Едема, размещались иконы (на этом этаже могла разыгрываться сцена изгнания Адама и Евы), на среднем и нижнем уровнях разворачивалось основное действие. Многоярусная сцена В. качественно отличается от европ. «яселек», наследуя строение мистериального средневек. театра, вытесненное позже ренессансной одноярусной сценой-коробкой (*Всеволодский-Гернгросс.* С. 87). Нередко отмечают также сходство между строением В. и архитектурой церкви.

На формирование текстов укр. В. значительное влияние оказало развитие школьной драмы XVII в.; к созданию текстов В. были причастны преподаватели и учащиеся учебных заведений, КДА, в т. ч. духовные лица. Н. Маркевич относит происхождение В. «ко времени гетмана Конашевича-Сагайдачного, к 1600–1620 гг., когда он начал возобновлять киево-братскую школу» (*Маркевич.* С. 28). Тексты В., записанные исследователями в XIX в., имеют общие черты с лит. произведениями XVII в., в частности с «Комедией на Рождество Христово» митр. Ростовского свт. *Димитрия (Туптало)* и «Комическим действием» М. Довгалевского, со стилем ученой поэзии, с текстами школьных драм. Участниками В., ходившими по городам и местечкам, были «ученики церковно-приходских дьяковских школ, письменные прихожане из бывших же учеников» (*Петров Н. И.* Старинный южнорус. театр и в частности вертеп // Киев. старина. 1882. № 12. С. 472–473). В Запорожской Сечи это были учащиеся школ, существовавших при всех 16 церквах на территории коша Сечи, они давали представления во дворах прихожан, на хуторах, зимовьях запорожцев (*Федас.* С. 110). Известно об участии в В. воспитанников КДА (*Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киевософийского собора. К., 1825. Приб.). Т. о., распространением В. обязан именно школьной среде, из к-рой он перешел в сферу народного творчества (*Галаган.* С. 6).

В XVIII–XIX вв. В. из Украины пришел в Белоруссию, затем в Россию, где его представления были отмечены в Поволжье (Н. Виноградов), на Смоленщине (А. Тарновский), в Тобольске, в Енисейске и в др. городах. Известен В. также в Молдавии (Г. Спатару), Сербии (П. Житецкий). Аналогами В. являются польск. театр с подвижными фигурками «шопка» (szopka, от нем. schoppen — хлев, сарай), появившийся в нач. XIX в. (Календарные обычаи и обряды. С. 129), и белорус. «батлейка» («бетлейка»).

В наст. время в России и на Украине традиция В. возрождается: создаются вертепные театры, на Святках проходят их фестивали — в Москве (с 1992), Коломне (с 2001), Владимире (с 2002). В Луцке с 1998 г. Волынским областным театром кукол проводится крупнейший международный фестиваль, одновременно проходят научные симпозиумы, посвященные изучению рождественских мистерий.

Лит.: *Галаган Г. П.* Малорос. «вертеп» или вертепная рождественская драма: Объясн. текст с нотами и рисунком ящика для представлений. К., 1882; *Estraicher S.* Szopka Krakowska / Spisał, objaśnił i opracował Dr. J. Krupski. Kraków, 1904; *Виноградов Н. Н.* Опыт библиогр. указ. лит-ры по вертепной драме // ИОРЯС. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 4. С. 406–411; *Кисіль О. Г.* Укр. вертеп: текст, малюнки, ноти / З вступ. ст. Ол. Кисіля. [К., 1918]; *Карский Е. Ф.* Рождественская вертепная драма // Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорус. племени. 3. Худож. лит-ра на нар. языке. Пг., 1922. С. 116–129; *Марковський Є. М.* Укр. вертеп: Розвідки й тексти. К., 1929. Вип. 1; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Рус. устная нар. драма. М., 1959; *Смелянская С. А.* Укр. вертеп (к пробл. изучения истоков нар. театра на Украине): Канд. дис. М., 1980; *Франко І. Я.* До історії укр. вертепу XVIII в. // Зібр. творив: В 50 т. К., 1982. Т. 36. С. 170–375; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — нач. XX в.: Зимние праздники. М., 1983; *Федас Й. Ю.* Укр. нар. вертеп (у дослідженнях XIX–XX ст.). К., 1987; *Маркевич Н. А.* Обычаи, поверья. К., 1991[2].

Е. Ю. Шевчук

«ВЕРТОГРА́Д ЗАКЛЮЧЕ́ННЫЙ», миниатюрная икона Божией Матери (33×29 см), 60–70-е гг. XVII в. (ГТГ). Надпись на нижнем поле сообщает, что икона была создана жалованным иконописцем Оружейной палаты Никитой Ивановым *Павловцем;* заказчик неизвестен; в ГТГ поступила из собрания московского мецената, худож. и коллекционера кн. С. А. Щербатова. На иконе изображен сад 4-угольной формы с травами и цветами. Золотая изгородь с серебряными точеными балясинами украшена золотыми вазами с тюльпанами и гвоздиками, такие же вазы с цветами — в саду, около водоема. В водоем выступает полукруглая площадка (напоминающая амвон), на к-рой стоит Пресв. Богородица в царском одеянии, 2 ангела венчают Ее короной. На руках Она держит Предвечного Младенца, тоже в царском одеянии и в короне.

Икона Божией Матери «Вертоград заключенный». Ок. 1670 г. Мастер Никита Павловец (ГТГ)

Название иконы восходит к тексту, описывающему рай, из Книги Песнь Песней Соломона: **«Вертогра́дъ заключе́нъ** (запертый сад), **сестра́ мо́я нев҃ѣ́ста, вертогра́дъ заключе́нъ, исто́чникъ запечатлѣ́нъ. Лѣ́тwрасли** (рассадники) **твои́ са́дъ ши́пкwвъ съ плодо́мъ я҃бло́чнымъ** (сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами), **ки́при съ на́рда́ми, на́рдъ ѝ шафра́нъ, тро́сть ѝ кі҃ннами́нъ** (аир и корица) **со всѣ́ми древа́ми лїва́нскими, смі́рна, а҃ло́й со всѣ́ми пе́рвыми ми́рами, исто́чникъ вертогра́да, ѝ кла́да́зь воды́ жи́вы ѝ истека́ющїѧ** [потоки] **ѿ Лїва́на»** (Песн 4. 12–15). По толкованиям отцов Церкви, Книга Песнь Песней представляет брак и единение между Христом и Церковью

(см.: *Фаст.* С. 54–63). На непорочное зачатие и девственное рождение указано через образ Девы-Матери «как Вертограда заключенного, Источника запечатленна», только Садовник-Христос входит в Него и исходит, не отворяя дверей девства Ее. Она – заключенный Колодезь и Источник запечатленный, ибо от Нее, не нарушая печати девства, источается миру Живая вода, рождается Христос, наполняющий всех жаждущих истины, любви и Духа (Там же. С. 538). Так воспевается это во св. Церкви: «Вертоград затворен Тя Дево Богородице, и запечатан источник Духом Божественным, премудрый в песнех поет: тем же яко сад жизни, воплощается Христос» (1-й тропарь 9-й песни канона Октоиха 8-го гласа в субботу на повечерии).

В средневек. символике «В. з.» имеет 2 связанных друг с другом значения: Пресв. Богородица (девство, непорочность) и рай (безгреховное состояние человечества). В образах райского сада, встречающихся в гимнографии, часто говорится о саде «огражденном», поскольку ограда ассоциировалась со спасением, изолированностью от греха. Изображение Богоматери, символизирующей рай, известно в композиции «Страшный Суд» в визант. искусстве с XI в. как в миниатюрах рукописей, так и в храмовых росписях. На иконе «Страшный Суд» из мон-ря вмц. Екатерины на Синае (XI–XII вв.) рай изображен в виде белого прямоугольника с растительным орнаментом, в верхней части композиции представлена Богоматерь на троне, по сторонам к-рого 2 архангела. Позже изображение Богоматери стали помещать в белом круге с растительным орнаментом. Со 2-й пол. XV в. известна композиция *«О Тебе радуется»*, иллюстрирующая задостойник литургии свт. Василия Великого. Богородица, «раю словесный», изображена сидящей на престоле с Младенцем в окружении ангельских сил на фоне белого круга с Церковью и растительным орнаментом.

В живописи 2-й пол. XVII в., так же как и в лит-ре, преобладал жанр панегирика, в к-ром особое значение придавалось красочным эпитетам. Образ сада (вертограда) постоянен в хвалебных жанрах и в гимнографии в применении к Богоматери и святым. С темой брака Христа, царя Вселенной, и Церкви, олицетворением к-рой является Богородица, связаны Ее царские одежды и мотив венчания короной. В иконе нашла отражение и тема искупительной Жертвы Христа. Крупный растительный орнамент, украшающий царские одежды Пресв. Богородицы, образует подобие лозы, к-рая, оплетая фигуру, делает ее частью этого сада. Сравнение Богоматери с лозой, взрастившей виноградную гроздь,– один из самых распространенных образов церковной поэзии, равно как и сравнение Ее с райским садом: «Богородице, Ты еси лоза истинная, возрастившая нам плод живота...» (Богородичен 3-го часа); «Таин еси Богородице рай, невозделанно возрастивший Христа, Им же крестное живоносное на земли насадися древо: тем ныне возносиму, поклоняшеся Ему, Тя величаем» (ирмос 9-й песни канона на Воздвижение Креста св. Космы Маюмского). По структуре сад соотносим с Древом Жизни – Животворящим Крестом, а Богородица выступает здесь в образе не только Церкви-Рая, но и новой Евы, к-рая принесла миру плод искупления за грехи прародителей. Несмотря на условность композиции, мастер привнес в нее множество реалистических деталей, иллюстрирующих сложный поэтический текст. Впечатления от существовавших в то время многочисленных дворцовых и боярских садов переданы на иконе в изображении регулярного сада.

Лит.: *Забелин И.* Московские сады в XVII в. // Опыты изучения рус. древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 266–321; *Кондаков Н. П.* Русская икона. Прага, 1933. Т. 4. Ч. 2. С. 297; *Федоров-Давыдов А.* Русский пейзаж XVIII – нач. XIX в. М., 1953. С. 16. Табл. 1; Древнерус. живопись в собр. ГТГ. М., 1958. Табл. 65; *Антонова, Мнева.* Каталог. Т. 2. С. 391; *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. Л., 1982; *Кудрявцев М. П.* Москва – третий Рим. М., 1994. С. 266–321; «С нами Бог»: Тайна Боговоплощения в иконе XIII–XVII вв.: Кн.-календарь 2000 г. Bergamo, 1999. С. 18. Табл. 17; *Лидов А. М.* Византийские иконы Синая. М.; Афины, 1999. С. 62–63; *Овчинников А. Н.* Символика христианского искусства. М., 1999. С. 106–120; *Фаст Г., прот.* Толкование на Книгу Песнь песней Соломона. Красноярск, 2000; Иконы Строгановских вотчин, XVI–XVII вв. М., 2003. С. 96–97, 322–331.

Е. Н. Тарасова

ВЕРТОГРА́ДОВ Владимир Семенович (28.05.1888, с. Тихвинское Усманского у. Тамбовской губ.– 10.07.1964, Москва), проф. МДА, церковный историк. Из семьи священника. Окончил Липецкое ДУ (1906), затем Тамбовскую ДС (1912). В числе лучших выпускников семинарии был отправлен для продолжения образования в КазДА, к-рую окончил в 1916 г., защитив канд. дис. «Православная Церковь в Галиции в древнейший русский период (981–1340)», был оставлен при академии магистрантом. С осени 1916 г. преподавал педагогическую психологию в Тамбовском епархиальном жен. уч-ще, логику в Тамбовской ДС и лат. язык в жен. гимназии. В 1918–1920 гг. заведовал школой ФЗУ в с. Яблоновец Липецкого у., в 1920–1921 гг. заведовал школой в Липецке. В 1921–1928 гг. преподаватель и заведующий школой ФЗУ в пос. Грязи. В 1929 г. переведен в Москву на должность начальника и лектора вагона-аудитории. В 1931–1935 гг. преподавал в школах ФЗУ в Москве. В 1935 г. был приглашен преподавать рус. язык и лит-ру в Московский технологический ин-т легкой промышленности, в 1939–1941 гг. являлся директором фак-та рабочей молодежи при ин-те. В нояб. 1941 г. эвакуирован сначала в г. Чкалов (совр. Оренбург), затем в Ташкент, где до 1943 г. работал диспетчером в Центральном лекционном бюро Наркомпроса Узбекистана, читал лекции по рус. языку и лит-ре в школах и клубах. В апр. 1943 г. вернулся в Москву, преподавал в промышленно-экономическом техникуме Наркомата легкой промышленности.

С 1944 г. В. преподавал ВЗ в Московском правосл. богословском ин-те (с 1946 МДА), в 1944–1948 гг.– сравнительное богословие на пастырских курсах (с 1946 Московская ДС). В нач. 1947 г. утвержден в звании доцента МДА. 13 июня 1947 г. защитил магист. дис. «Православная Церковь в Галиции в древнейший русский период», затем был утвержден в звании профессора. С 29 февр. 1949 г. исполнял обязанности инспектора МДАиС, 14 мая утвержден в должности. По отзыву митр. *Ермогена (Кожина)*, в должности инспектора В. проявил прекрасные адм. способности и тактичность в отношениях с преподавателями и студентами.

10 июля 1948 г. на Совещании глав и представителей Поместных Православных Церквей В. прочитал доклад «К решению вопроса об анг-

ликанской иерархии», в к-ром сделал вывод о том, что учреждение иерархии англикан. Церкви не может быть признано законным с т. зр. церковных канонов. В соответствии с докладом В. Совещание признало каноничность англикан. священства зависящей от вероисповедного единства англикан. Церкви с православной.

С сент. 1950 г. В. исполнял обязанности ректора МДАиС, 1 сент. следующего года в связи с ухудшением здоровья подал прошение и был освобожден от должности ректора, оставшись преподавателем ВЗ, в 1952 г. вышел на пенсию.

Арх.: МДА. Личное дело.

Соч.: Об англиканской иерархии: Доклад // Совещание, 1948. Деяния. Т. 1. С. 341–382; Святые Кирилл и Мефодий — просветители славян: Отрывок из магист. дис. // ЖМП. 1989. № 7. С. 24–25; Православная Церковь в Галиции в древнейший рус. период // БТ. 1990. Сб. 30. С. 241–278.

Лит.: *Седов В.* Хочешь светить — гори!: (К 25-летию со дня кончины проф. МДА В. С. Вертоградова) // ЖМП. 1989. № 7. С. 21; *Цыпин.* История РЦ. С. 354, 625, 627, 652.

Диак. Сергий Матюшин

ВЕРХ, одна из партий рус. безлинейного многоголосия (*строчного* или *демественного*), характеризующаяся наиболее высоким по сравнению с др. голосами уровнем звучания.

Первое историческое свидетельство о пении с В. содержится в «Чине церковном архиепископа Великаго Новгорода и Пскова» (1529–1533): в Вербную неделю «на литургии диаки поют с верхом», «на часах поют тропари по крылосам с верхом», а в службе Успения Пресв. Богородицы «поют стихиры на восемь с верхом, Слава с верхом же» и «на стиховне Слава с верхом» (*Голубцов.* С. 257, 259, 261).

В рукописях кон. XV — 60-х гг. XVI в. термин «В.» изредка встречается перед текстами, предназначенными к распеванию, но еще не нотированными, напр. перед «Честнейшую Херувим» в рукописи кон. XV — нач. XVI в. (ИРЛИ. Причуд. № 97. Л. 229).

Нотированные тексты появляются в 40-х гг. XVI в.; в них небольшие фрагменты, сопровождаемые пометой «В.», выписаны дополнительно внутри песнопения или после него. Напр., в псалме «На реце вавилонстеи» после проведения 3-й аллилуии проставляется помета «В.» или «верх рек вавилонских» и следует построение, в к-ром распеваются начальные слоги 2-го слова псалма «Ва-ви-ло...», переходящее в длинную аненайку (*Фролов.* С. 105). Возможно, это первые опыты фиксации многоголосия. Иногда фрагменты с пометой «В.» выписаны отдельно от песнопений, из к-рых они извлечены. Напр., в певч. сборнике 40-х гг. XVI в. дано указание: «демествоное пение верх конец», после чего следуют нотированные фрагменты: «Положило еси», «Входа Твоего в церкове», «Церкове», «Тричисленыя отроцы», затем помета «В.» перед словом «Премудраго» (РГБ. Ф. 113. № 240. Л. 394, 395). Т. о., В. еще не был самостоятельной партией, а представлял эпизодически вступающий верхний подголосок, к-рый использовался в конце песнопения.

Следующий этап бытования термина «В.» связан с введением в певч. практику *казанской нотации,* к-рой записаны ранние образцы многоголосия в 70-х гг. XVI в. (РНБ. Солов. № 763/690. Л. 276 об.— 278). Напр., 3-голосное многолетие царю и вел. кн. Иоанну Васильевичу и 4-голосная «Вечная память» прп. игум. *Сергию Радонежскому* повторяются соответственно 3 и 4 раза и сопровождаются пометами: «поут, верхъ, демес[тво]» и «демес[тво], пут, верх, низ», т. е. записаны поголосно.

Со времени появления рукописей, фиксирующих основной голос многоголосия — *путь,* термины, свидетельствующие о многоголосном пении, встречаются довольно часто. Среди них имеется и термин «В.», проставленный в песнопении обычно один, реже 2, 3 раза. Это свидетельствует о включении в ткань песнопения фрагментарного подголоска, средства записи к-рого еще не найдены.

Новый этап бытования В. связан с появлением в 20-х гг. XVII в. во всех певч. книгах, за исключением *Ирмология,* 2-голосных партитурных песнопений *троестрочия;* в основе их лежит *путевой распев* и сопровождающий его голос В. или *низа.*

В описи нотных книг царя Феодора Алексеевича 1682 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ед. 601) имеются указания: «верхом да путем», предпосланные певч. книгам: *Стихирарю* (Л. 3, 4 об., 10 об.), *Триоди Постной* и *Цветной* (Л. 5), *Обиходу* (Л. 16), а также циклам песнопений: «Господи, воззвах» на 8 гласов и степеннам (Л. 6), стихирам евангельским и выборным стихам (Л. 10), светильнам октайным и минейным (Л. 10). Указания на фиксацию только партии В. встречаются реже; им изложены Обиход, стихиры евангельские и выборные стихи (Л. 6), 2 списка Стихираря (Л. 10 об., 13) и 3 листка «Достойно есть» (Л. 19 об.). Приведенное соотношение объясняется, по-видимому, тем, что запись отдельного голоса была неудобна для изучения и воспроизведения многоголосия, т. к. в ней сопутствующая партия (В. или низ) лишена связи с путной строкой, структура к-рой обусловливала линию их распева.

Появление в сер. XVII в. 3-голосных строчных партитур, их культивирование на протяжении посл. четв. столетия, а также возникновение в 70-х гг. XVII в. 3- и 4-голосной партитурной записи *демества* не вносят в бытование В. ничего нового.

На рубеже XVII–XVIII вв. рус. традиция многоголосного пения резко обрывается, на смену ей с запада приходит *партесный* певч. стиль. В немногочисленных нотных переводах строчного и демественного многоголосия В. записан квадратной киевской нотой и изложен отдельно в книге альта (ГИМ. Епарх. № 2, № 37б) или в составе партитуры (РГБ. Ф. 210. № 24; ГИМ. Син. певч. № 375).

Лит.: *Голубцов А. П.* Чиновник новгородского Софийского собора. М., 1899; *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М., 1971. С. 623; *Протопопов В. В.* Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // ПКНО, 1976. М., 1977. С. 119–133; *Фролов С. В.* Из истории демественного роспева // Проблемы истории и теории древнерус. музыки. Л., 1979. С. 99–108; *Пожидаева Г. А.* Виды демественного многоголосия // Рус. хоровая музыка XVI–XVIII вв. М., 1986. С. 58–81; *Парфентьев Н. П.* Профессиональные музыканты России XVI–XVII вв. Челябинск, 1991. С. 46; *Архимандритова Е. А.* 136 псалом «На реце вавилонстей...» — памятник раннего русского многоголосия XVI в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ. М., 2001. С. 444–452.

М. В. Богомолова

ВЕРХНЕТЕ́ЧЕНСКИЙ В ЧЕСТЬ ВВЕДЕ́НИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ (Курганской и Шадринской епархии), в с. В. Теча Катайского р-на Курганской обл. Основан в 1680 г. по благословению Сибирского митр. *Павла* настоятелем *Далматова муж. мон-ря* старцем *Далматом Пермским* на берегу р. Исети, в 100 м к юго-востоку от Далматова мон-ря. В 1681 г. в В. м. были устроены кельи, погреб, мучной

амбар, ограда с воротами, в кон. 1702 г. на пожертвования Холмогорского архиеп. *Афанасия (Любимова)* и др. построена и далматовским архим. Исааком освящена деревянная Введенская ц. с трапезной и 16 колоколами над крыльцом (ранее насельницы молились в Успенской ц. Далматовой обители). До 1764 г. В. м. был приписан к Далматову мон-рю, подчинялся его уставу и находился на его содержании.

Первой настоятельницей В. м. стала Е. И. Друганова, в 1679 г. принявшая постриг в Далматовом мон-ре с именем Ирина. Среди насельниц В. м. в кон. XVII – нач. XVIII в. известны инокини Вера (Вахова), Варвара (Хомякова), Анна, Анастасия, а также жившая в обители как простая монахиня игум. Параскева, мать архиеп. Афанасия (Любимова), ее игуменский посох до нач. XX в. хранился в Далматовом мон-ре. В кон. XVII в. в В. м. подвизались 27 сестер, в 1732 г.– 80, в 1738 г.– 38, в 1750 г.– 46 монахинь. В 1735 г. настоятельница В. м. была возведена в сан игумении. В мон-рь присылали на исправление провинившихся монахинь из др. обителей и «колодниц».

После пожара в В. м. в 1742 г. монахини переселились в кельи близ Далматова мон-ря, в следующем году вместе с игум. Тарсиллой перешли в помещения Далматовского подворья в Верхтеченском поселье на р. Тече, в поселье существовала Иоанно-Предтеченская ц. К кон. 40-х гг. XVIII в. монастырские постройки обветшали, и архим. Далматова мон-ря Иакинф обратился к Тобольскому митрополиту с ходатайством о возвращении жен. обители на прежнее место или переводе на новое, более удобное, однако эти намерения не осуществились. В 1764 г. В. м. был передан в ведение духовного правления и оставлен на собственном содержании, затем упразднен. В 1769 г. часть монахинь поселили в *иркутском в честь иконы Божией Матери «Знамение» мон-ре*. Жившие в Верхтеченском поселье инокини в 1778 г. были приписаны к обителям Вятской, Костромской и Енисейской епархий, однако многие остались жить при Предтеченской ц.

В сер. XIX в. началось возрождение мон-ря по инициативе дочери зажиточного крестьянина Ирбитского у. К. П. Зыряновой, обратившейся с ходатайством об открытии обители к С.-Петербургскому митр. *Исидору (Никольскому)*, свт. *Филарету (Дроздову)*, Пермскому архиеп. *Аркадию (Фёдорову)*, обер-прокурору Синода гр. А. П. *Толстому*. В 1848 г. на деньги Зыряновой в устрояемом мон-ре был построен Троицкий храм, в 1850 г.– сев. келейный корпус. В 1861 г. к Троицкому храму был пристроен сев. придел в честь Владимирской иконы Божией Матери, в 1883 г.– юж. придел во имя вмц. Екатерины. В 1854 г. крестьяне выделили для общины 2340 кв. саж. земли.

В 1861 г. была зарегистрирована Свято-Троицкая жен. община, в к-рой состояли ок. 20 сестер. В 1863 г. для общины построили новый сестринский корпус, в 1866 г. была заложена и в 1867 г. освящена домовая надвратная ц. во имя прп. Сергия Радонежского. В 1862 г. при общине открылась школа для сирот (впосл. церковноприходская). В 1868 г. община была преобразована в третьеклассный общежительный мон-рь, настоятельницей назначена Зырянова, в 1867 г. принявшая постриг с именем Евсевия (в 1869 возведена в сан игумении, скончалась в 1889, приняв схиму с именем Евстолия).

Во 2-й пол. XIX в. земельные владения В. м. увеличились, гл. источниками материальных средств обители стали хлебопашество и скотоводство. В мон-ре процветало чеботарное дело, свечное производство было самым крупным в Шадринском у. В 1893 г. состоялась закладка храма во имя свт. Николая Чудотворца (освящен в 1899). На монастырской заимке в 1904–1906 гг. была построена и в 1907 г. освящена Свято-Духовская ц. В нач. 90-х гг. XIX в. в обители жили 36 монахинь и 204 послушницы, в 1917 г.– 55 монахинь и 363 послушницы.

В 1924 г. В. м. закрыли, его постройки передали совхозу. Решением Свящ. Синода РПЦ 22 февр. 1995 г. В. м. был возобновлен, к нояб. 2003 г. в обители живут настоятельница мон. Серафима (Альховская), 5 монахинь, 1 послушница. Восстанавливается Никольская ц., построены 2 келейных корпуса, богослужения совершаются в домовых церквах Введенской и во имя прп. Серафима Саровского. В мон-ре хранятся частицы мощей прп. Далмата, прп. *Серафима*, Оптинских старцев, вел. кн. *Елисаветы Феодоровны*, свт. *Иннокентия (Кульчицкого)*.

Ист.: *Манькова И. Л.* Вкладные книги Далматовского Успенского мон-ря, посл. четв. XVII – нач. XVIII в. Свердловск, 1992.

Лит.: *Плотников Г. С.* Краткий ист. очерк Св.-Троицкаго жен. мон-ря в с. Верх-Теченском Шадринскаго у. Екатеринбург, 1894; *он же.* Описание муж. Далматовскаго Успенскаго мон-ря и бывш. приписным к нему жен. Введенскаго мон-ря. Екатеринбург, 1906[4]. С. 86–97; *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 318.

И. Л. Манькова

ВЕРХНЕУ́ДИНСКАЯ ЕПА́РХИЯ

РПЦ (Верхнеудинское вик-ство Читинско-Забайкальской епархии?), существовала в период ок. 1933 – 11 окт. 1934 г., названа по г. Верхнеудинску (совр. Улан-Удэ, столица Республики *Бурятии*), территория совпадала с территорией Бурят-Монгольской АССР. Учреждение правосл. В. е. было связано с широким распространением *обновленчества* в Забайкалье в 20-х гг. XX в. и возвращении приходов в Православие в нач. 30-х гг.

В нач. 20-х гг. среди клириков Читинско-Забайкальской епархии лишь немногие не уклонились в к.-л. раскол. Верхнеудинск был одним из центров обновленчества, в городе православной оставалась лишь Троицкая ц. В 20–30-х гг. титул «Верхнеудинские и Бурят-Монгольские» носили обновленческие «архиереи»: Гавриил Асташевский (1923, 1924–1927), Александр Авдентов (11 июля – 31 авг. 1923), Михаил Николаев (14 мая 1927 – 1932), Алексей Копытов (2 нояб. 1932 – 10 февр. 1933, переведен в Верхнеудинск после управления обновленческой Восточносибирской митрополией), Константин Знаменский (11 февр. 1933 – 4 окт. 1933, в 1932 неоднократно назначался викарием Верхнеудинской обновленческой кафедры в сане «архиепископа Троицкосавского»). Обновленческие «архиереи» также действовали в Чите и Нерчинске, в 1925 г. в с. Кабанск находился раскольнический «викарный епископ» Георгий, в марте 1927 г. упоминается обновленческий «епископ» в Троицкосавске (совр. Кяхта).

Во 2-й пол. 20-х гг. большинство общин вместе с клириками вернулись в Православие, положение обновленцев ухудшилось, их адм. структуры ликвидировались. Летом 1929 г. правосл. Читинский еп. *Ев-*

севий (Рождественский) предполагал сделать Верхнеудинск местом пребывания Селенгинского викария, в июне он благословил подготовить проекты деления Верхнеудинского благочиния на 2 или 3 округа. Ссылаясь на пример Симферопольской епархии, количество приходов в к-рой было небольшим, еп. Евсевий предлагал организовать на территории Бурят-Монгольской АССР отдельную епархию. В апр. 1930 г. еп. Евсевий был назначен на Шадринское вик-ство с поручением временного управления Свердловской епархией. 5 окт. 1933 г. Верхнеудинскую кафедру и Читинско-Забайкальскую епархию возглавил еп. Иоанникий (Попов). 11 окт. 1934 г. еп. Иоанникий ушел на покой. Дальнейшие назначения на Верхнеудинскую кафедру неизвестны.

В марте 1994 г. на территории бывш. В. е. было образовано Бурятское благочиние Иркутской и Читинской епархии, к-рое в апр. того же года вошло в восстановленную *Читинскую и Забайкальскую епархию.*

Арх.: ГА Читин. обл. Ф. Р-422. Оп. 2.

Ист.: Краткие сведения о епископах правосл. церкви, состоящих в ведении Свящ. синода // Вестн. Свящ. синода Правосл. российской церкви. 1926. № 12–13 (8–9). С. 7–13.

Лит.: Акты свт. Тихона. С. 917; *Мануил.* Русские архиереи-обновленцы. С. 616, 650, 715, 799, 828.

Д. В. Саввин

ВЕРХО́ВСКИЙ Павел Владимирович (31.12.1879, С.-Петербург—10.04.1943, Инта, Коми АССР), прот., историк Церкви, специалист по церковному праву. Из дворян. После гимназии поступил на юридический фак-т С.-Петербургского ун-та, к-рый окончил в 1902 г., после чего был оставлен на кафедре церковного права для подготовки диссертации (научный руководитель — историк церковного права М. И. *Горчаков*). В 1902–1906 гг. также учился в СПбДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия. В 1906 г. поступил на службу в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода. 15 нояб. 1908 г. представил на юридический фак-т С.-Петербургского ун-та магист. дис. «Населенные недвижимые имения Святейшего Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого, 15 июля 1726 — 12 янв. 1763 гг.» (СПб., 1909), защита состоялась 18 мая следующего года.

28 февр. 1909 г. В. был избран доцентом на кафедре истории рус. права Варшавского ун-та, с 17 июля экстраординарный профессор, с 26 нояб. 1913 г. ординарный профессор. С 10 дек. 1909 г. являлся бессменным секретарем юридического фак-та. В течение ряда лет исполнял общественные должности члена библиотечной комиссии и члена профессорского дисциплинарного суда. В 1910–1911, 1914 гг. выезжал в научные командировки, в т. ч. за границу, для написания докт. диссертации. Защита дис. «Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент»: К вопросу об отношении Церкви и гос-ва в России» (Р. н/Д., 1916. 2 т.) состоялась в 1917 г. на юридическом фак-те Московского ун-та, 20 мая совет ун-та утвердил В. доктором церковного права.

Эта работа до наст. времени остается наиболее серьезным исследованием церковных реформ имп. Петра I. Ученый пришел к выводу, что составитель «Духовного регламента» архиеп. *Феофан (Прокопович)* «находился всецело под влиянием идей протестантизма и школы естественного права», а также политических воззрений, господствовавших в Европе в XVII — нач. XVIII в. Следствием реформ, по мнению В., стала утрата Церковью в России юридической самостоятельности, прикрепление духовенства к гос. службе, приспособление гос-вом церковного учения к собственным задачам.

Летом 1915 г. Варшавский ун-т был эвакуирован в Ростов-на-Дону, 5 мая 1917 г. переименован в Донской ун-т. 15 окт. 1917 г. В. был утвержден ординарным профессором Донского ун-та по кафедре церковного права. В Ростове-на-Дону В. активно участвовал в церковной жизни. 21–23 марта 1917 г. представлял мирян Ростовского округа на Екатеринославском епархиальном съезде, к-рый приветствовал Февральскую революцию и призвал верующих поддержать *Временное правительство*. В. являлся участником *Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг.*, считал восстановление Патриаршества величайшим событием в жизни рус. народа. В. был награжден орденами св. Станислава 3-й (1911) и 2-й (1914) степени, св. Анны 2-й степени (1917).

В 1919 г. на соборе в Ставрополе при поддержке А. И. Деникина возникло *Временное высшее церковное управление* (ВВЦУ), в состав к-рого вошел В. Один из главных деятелей ВВЦУ, протопресв. военного духовенства Георгий *Шавельский*, характеризовал В. как генератора идей и неутомимого труженика на пользу Православия — значительная часть указов ВВЦУ по принципиальным вопросам, по свидетельству Шавельского, была составлена В. Ученый часто публиковался в местной периодике, редактировал ростовский ж. «Церковь и жизнь». В 1918/19 г. преподавал Закон Божий в Ростовском коммерческом уч-ще, входил в приходское правление храма св. Александра Невского.

Весной 1920 г. в Донском крае окончательно установилась советская власть. В мае того же года Ростовский и Таганрогский еп. *Арсений (Смоленец)* рукоположил В. во священника, 21 сент. назначил настоятелем соборной ц. в честь Рождества Пресв. Богородицы в Ростове-на-Дону. Из ун-та В. был уволен.

12 июля 1921 г. В. арестовали по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной организации кн. Ухтомского». 23 окт. на В. было заведено особое дело, 24 окт. он был освобожден под подписку о невыезде. В 1922 г. В. вновь арестовали, вскоре освободили, затем этапировали в Москву, через нек-рое время освободили. В окт. того же года В. стал сотрудником Центрального ин-та труда ВЦСПС, где составлял методические брошюры по делопроизводству. В 1936 г. его арестовали по старому делу, приговорили к длительному заключению с последующей ссылкой. В. скончался в ссылке.

Арх.: ГА Ростовской обл. Ф. 527 [Архив семьи П. В. Верховского].

Соч.: Значение богосл. трудов А. С. Хомякова для церк. жизни и права // Правосл. рус. слово. СПб., 1905. № 7; Вопрос о церк. имениях в 20-х гг. XVIII ст. СПб., 1907; Вопрос о церк. имениях в царствование Анны Иоанновны // ХЧ. 1908. Т. 8/9, 11; История и юрид. условия присоединения Финляндии к рус. гос. территории. Варшава, 1910; История Древней Церкви: Программа курса. Варшава, 1911; История рус. гос. права: Программа курса. Варшава, 1911. Ч. 1; Правовое положение христ. церквей на Западе и в России: Программа курса. Варшава, 1911; Очерки по истории Рус. Церкви в XVIII и XIX ст. Варшава, 1912. Вып. 1; О необходимости изменить осн. законы в пользу законодательной независимости Правосл. Рус. Церкви // Церк. правда. 1913. № 2; «Затейка» верховников в чине молебна // Там же. № 16/17;

Политика и право в делах церковных // Там же. № 18; Крат. очерк судоустройства и судопроизводства католич. духовных судов. Варшава, 1913; Сущность и характер церк. власти. Серг. П., 1916; Изменяемость канонов и ее пределы. Пг., 1917; Патриарх Тихон. [Б. м.], 1919; Новые формы брака по сов. законодательству. Л., 1925; Делопроизводство госучреждений. М.; Л., 1929; Письменная деловая речь. М., 1930, 1931[2].

Лит.: *Сидоров В.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани на Дону. Р. н/Д., 1995. Т. 3; *Мерковский В. Г.* Костромские дворяне Верховские. М., 2000.

С. В. Римский

ВЕРХОВСКО́Й Сергей Сергеевич (5.07.1907 – 4.08.1986, Крествуд, шт. Нью-Йорк, США), богослов. Из семьи потомственных дворян Костромской губ., отец – инженер путей сообщения. В 1920 г. семья В. эвакуировалась в К-поль с армией ген. П. Н. Врангеля, в 1921 г. переехала в Чехословакию. Среднее образование В. получил в Праге, затем учился в Братиславском ун-те и Сорбонне в Париже. В 1931 г. женился на О. С. Четвериковой, дочери прот. Сергия *Четверикова*. В 1932–1936 гг. учился в *Православном богословском ин-те прп. Сергия* в Париже, там же защитил диссертацию, к-рая была опубликована после войны (Учение об идеях Ф. А. Штауденмайера // ПМ. 1949. Вып. 7. С. 37–53). В 1937–1941 гг. В. являлся секретарем *Русского студенческого христианского движения* (РСХД), в 1944–1952 гг. преподавал в Православном богословском ин-те нравственное богословие, историю философии. В 1945–1952 гг. был председателем братства Христа Спасителя в Париже.

В 1952 г. В. переехал в США по приглашению Свято-Владимирской семинарии (шт. Нью-Йорк), занимал должность профессора догматического, нравственного и сравнительного богословия; в 1955 г. назначен проректором семинарии. В качестве консультанта принимал участие во 2-й ассамблее ВСЦ в Эванстоне (шт. Иллинойс, 1954). В 1956/57 г. был приглашен для чтения лекций в *Боссе экуменический ин-т*. Состоял членом Комиссии по вопросам экклезиологии при Национальном Совете Церквей (США). В 1960 г. получил степень д-ра богословия от Православного богословского ин-та прп. Сергия. В 1968 г. Американской Православной Церковью был делегирован на 4-ю ассамблею ВСЦ в Уппсале (Швеция). В 1981 г. вышел на пенсию.

В.– автор исследования «Бог и человек» (Н.-Й.,1956) и сб. «The Light of the World» (Свет мира) (N. Y., Crestwood, 1982). В кн. «Бог и человек» рассматриваются свойства Бога, учение о Св. Троице и связь человека с Богом согласно Свящ. Писанию и святоотеческому наследию. Сб. «Свет мира» посвящен личности и деяниям Христа, роли Церкви в жизни человека. В. причислял себя к богословам «неопатристического» направления, таким как В. Н. *Лосский*, прот. Георгий *Флоровский* и протопр. Иоанн *Мейендорф*. Он считал, что святоотеческое наследие необходимо изучать в свете Свящ. Писания, являвшегося основой для творений отцов Церкви. В изложении В. правосл. догматическое богословие представляет собой синтез библейского учения в толковании отцов Церкви, Вселенских Соборов, церковных канонов и литургических текстов.

В. изучал сочинения свт. *Иоанна Златоуста*, монография о к-ром осталась незавершенной. Он считал, что мн. темы в патристическом учении недостаточно разработаны. В частности, указывал на отсутствие ясно сформулированного учения об истинной человеческой природе Христа, отчетливого истолкования спасительной миссии Христа и Его искупительной Жертвы на Кресте. В. полагал, что евангельское учение о человеческой природе Христа и его разработка Вселенскими Соборами нуждается в глубоком анализе и более полном толковании правосл. богословов. В. стремился установить соотношение между всеми аспектами спасительной миссии Христа. Он подчеркивал действие Св. Духа в спасительном деле Бога через Христа, рассматривая Церковь как союз человека с Богом через Иисуса Христа в Св. Духе. В. критиковал «евхаристическую экклезиологию» за то, что в ней, как он понимал, акцентируется литургическая и богослужебная жизнь без достаточного внимания к догматическому содержанию и нравственному поведению. В. выступал за объединение всех аспектов христ. вероучения и жизни.

Взгляды В. встречали возражения среди тех, кто считали его богословский метод «схоластическим» или «фундаменталистским». В. отвергал софиологию прот. Сергия *Булгакова* и свящ. Павла *Флоренского*. Признавая мн. достижения в исторических, лингвистических, лит. и археологических исследованиях для изучения Свящ. Писания, он выступал с резкой критикой совр. ему библеистики, особенно интерпретаций Библии, осуществленных без учета контекста литургической и аскетической жизни правосл. Церкви.

В. редактировал сб. «Православие в жизни» (1953), опубликовал ряд статей на англ. языке в ж. «St. Vladimir's Theological Quarterly», в т. ч. «Исхождение святого Духа согласно православному учению о Троице», «Высший авторитет в Церкви», «Единство Православной Церкви в Америке», «Творение человека и создание семьи в свете Книги Бытия», «Кафоличность и строение Церкви». Большая часть этих работ вошла в сб. «Свет мира».

Соч.: Об имени Божием // ПМ. 1948. Вып. 6. С. 37–55; Курс догматики. [П.,] 1949; La Procession du Saint-Esprit d'après la Triadologie orthodoxe // Russie et Chrétienté. 1950. N 3/4; Православие и современность // Православие в жизни. Н.-Й., 1953; То же. Клин, 2002[11]; То же // Православие: Pro et contra. СПб., 2001. С. 405–415; Христианство // Православие в жизни. Н.–Й., 1953. С. 275–330; Христос // Там же. С. 331–370; Несколько богословских споров, связанных с Халкедонским догматом // ПМ. 1953. Вып. 9. С. 31–42; The Procession of the Holy Spirit according to the Orthodox Doctrine of the Trinity // SVTQ. 1953. Vol. 2. N 1; The Highest Authority in the Church // SVTQ. 1960. Vol. 4. N 2–3; О Гоголе // Новый журнал. 1961. Кн. 66; О. Василий Зеньковский: Некролог // Там же. 1962. Кн. 70; The Unity of the Orthodox Church in America // SVTQ. 1961. Vol. 5. N 1–2; Creation of Man and the Establishment of the Family in the Light of the Book of Genesis // Ibid. 1964. Vol. 8. N 1; Christian Concept of Man/Woman Relationship. [N. Y.], 1966; Catholicity of the Church: Catholicity and the Structures of the Church. N. Y., Crestwood, 1972; Catholicity and the Structures of the Church // SVTQ. 1973. Vol. 17. N 1–2; Ecclesiology and Eschatology. N. Y., Crestwood, 1983; Holy Trinity. [S. l.], 1990.

Лит.: *Meyendorff J.* Serge S. Verkhovskoy: [Некролог] // SVTQ. 1986. Vol. 30. N 4. P. 283–287; *Kesich V.* S. S. Verkhovskoy: A Reminiscence // Ibid. P. 288–290.

Протопр. Фома Хопко

ВЕРХОТУ́РСКИЙ ВО И́МЯ СВЯТИ́ТЕЛЯ НИКОЛА́Я ЧУДОТВО́РЦА МУЖСКО́Й МОНАСТЫ́РЬ (Екатеринбургской и Верхотурской епархии), в г. Верхотурье Свердловской обл. Основан в посл. годы XVI или в самом нач. XVII в. иером. Ионой Пошехонцем, возможно постриженником *Адрианова Пошехонского мон-ря*, ставшим первым настоятелем обители († до 1615).

Наиболее раннее упоминание В. м. содержится в грамотах царя *Бориса Феодоровича Годунова* верхотурскому воеводе Н. О. Плещееву и М. С. Хлопову 19 июня 1604 и 18 марта 1605 г. В 1605 г. в В. м. был построен деревянный храм во имя свт. Николая Чудотворца с приделом во имя св. мучеников Бориса и Глеба, в грамоте царя *Михаила Феодоровича* верхотурскому воеводе С. М. Гагарину от 25 окт. 1627 г. упомянут также придел вмч. Димитрия Солунского. По челобитной иером. Ионы 18 марта 1605 г. царь Борис Годунов назначил ему и дьячку гос. жалованье (6 и 3 р. в год), предписал верхотурскому воеводе обеспечить мон-рь пашней, сенокосами и угодьями, поставлять воск, ладан, церковное вино, даровал 2 колокола, воздвизальный крест, царские врата, алтарные иконы, образ святых Бориса и Глеба для придела, комплект богослужебных книг, оловянную и медную церковную утварь и священнические облачения. В 1608 г. царской грамотой мон-рю был отпущен казенный лес для построек. К 1620 г. В. м. получал у местных властей хлебную ругу в размере 10 четвертей (983 кг) хлеба и круп в год; настоятелю выплачивалось 6 р. в год. В 1621 г. мон-рь владел 6 деревнями, полученными в качестве вкладов, в 1624 г.— 2 деревнями и пашней с 1 двором рядом с обителью, отведенными от казны, к кон. 70-х гг. XVII в.— 8 деревнями и заимкой на р. Пышме. В 1763 г. за мон-рем числилось 560 крестьян. В 1621 г. в обители жили 8 насельников, в 1651/52 г.— 12, в 1672 г.— 19 монахов.

Верхотурский во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

В нач. XVIII в. в В. м. был построен Покровский храм, в к-рый 12 сент. 1704 г. из с. Меркушина были перенесены и положены в кипарисовой раке мощи прав. *Симеона Верхотурского*. В 1712 г. указом тобольского губернатора М. П. Гагарина на месте обветшавшей (или сгоревшей) Никольской ц. был заложен одноименный каменный собор с приделом во имя святых Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. В храм, построенный московскими каменщиками И. Б. Сорокой и Н. Я. Грамотиным, в 1738 г. перенесли мощи прав. Симеона. В том же году Покровскую ц. разобрали и перевезли в *верхотурский в честь Покрова Пресв. Богородицы жен. мон-рь*.

Церковь во имя свт. Николая Чудотворца. Фотография. Нач. XX в.

В В. м. предполагалось устроить миссионерский центр. В 1716 г. Тобольский и Сибирский митр. *Филофей (Лещинский)* и губернатор Гагарин повелели архим. Сильвестру организовать в В. м. школу для детей иноверцев, но сведений о существовании такой школы нет. Тобольские митрополиты, Филофей в 1718 г. и *Антоний (Стаховской)* в 1726 г., благословляли архим. Сильвестра на проповедь Православия вогулам и черемисам, жившим по берегам рек Бисерть и Утка, а также в окрестностях Верхотурья, Туринска, Тюмени и Пелыма. Согласно рапортам архим. Сильвестра, к нач. 20-х гг. XVIII в. он обратил в христианство ок. 2600 чел., в 1726 г.— 1741 чел. в Пелымском у., 514 чел. в Верхотурском у., в Пелымском у. было заложено 10 часовен. Во время экспедиции в Верхотурском у. миссионер подвергся нападению язычников-вогулов, к-рые в ходе начавшегося следствия обвинили миссионера в насильственном Крещении и притеснениях. Распоряжением правительства миссионерская деятельность мон-ря была прекращена, в февр. 1730 г. архим. Сильвестр переведен в *Далматов мон-рь*.

В 1764 г. В. м. был отнесен к 3-му классу (см. ст. *Секуляризация церковных имуществ*). К 1768 г. в нем имелись каменная Николаевская ц. с колокольней, 2 настоятельские кельи «в одном перерубе», 2 братских корпуса (каждый на 2 кельи), каменная ограда, построенная в 50-х гг. XVIII в. К 1774 г. вместо деревянных келий были поставлены каменные, к 1784 г. устроен еще один деревянный братский корпус, хозяйственные службы. В 1764 г. в В. м. жили 8 насельников, в 1784 г.— 3 монаха и 6 послушников. К кон. XVIII в. внутреннее устроение в обители пришло в упадок, проживавшее в мон-ре белое духовенство вело «блазненную жизнь». В 1804–1818 гг. верхотурских архимандритов Парфения, Иринея, Иеронима назначали ректорами Пермской ДС, в мон-ре они бывали редко.

С 30-х гг. XIX в. начинается духовный и экономический расцвет В. м., связанный с увеличением числа паломников, приходивших к мощам прав. Симеона, а также с деятельностью архим. Афанасия (отказавшегося в 1827 от ректорства в семинарии из-за невозможности совмещать обе должности). В 1830 г. настоятель установил общую трапезу для насельников (ранее монахи

Рака с мощами прав. Симеона Верхотурского в Никольской церкви. Фотография. Нач. XX в.

готовили себе в кельях). С 1836 г. в мон-ре ежедневно служились 2 литургии. К сер. XIX в. обитель ежегодно посещали 70–80 тыс. чел., приезжавших для поклонения прав. Симеону со всех концов России. К 1825 г. было зафиксировано 44 исцеления от мощей святого, в 1825–1904 гг.— 170 чудотворений. Ежегодно 12 сент. устраивался крестный ход. В мон-ре началось широкомасштабное каменное строительство: в 1821–1834 гг. была возведена Преображенская ц. с приделами в честь Благовещения Пресв. Богородицы и арх. Михаила, в 30-х гг. отремонтирован Николаевский храм, в 1856 г. построена надвратная ц. во имя св. Симеона Богоприимца и пророчицы Анны; в 1863 г. по прошению братии придел святых Симеона и Анны в Никольской ц. был переосвящен во имя прав. Симеона Верхотурского. В 1870 г. на братском кладбище поставили деревянную ц. во имя мч. Неофита, в память Пермского архиеп. Неофита (Соснина), похороненного в мон-ре. В 1865 г. построена гостиница, в 1889 г.— новый келейный корпус, в 1892–1894 гг.— каменная двухэтажная гостиница, в 1910–1914 гг.— деревянный барак для 500 чел.

Интерьер церкви в честь Преображения Господня. Фотография. Нач. XX в.

Мон-рю принадлежала заимка Б. Актай (в 8 км от обители), где в 1888 г. был построен деревянный дом для паломников, в 1902–1904 гг.— неск. зданий, в апр. 1894 г.— ц. в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». В 22 верстах от мон-ря, на реке М. Актай, мон-рь владел др. заимкой, где были устроены кельи с домовой ц. в честь Казанской иконы Божией Матери.

К 50-м гг. XIX в. число братии превысило штаты, и настоятель «ради совершения церковных служб», заказываемых многочисленными паломниками, ходатайствовал о возведении мон-ря во 2-й класс, по к-рому в мон-ре могли жить 18 насельников. 17 июня 1853 г. ходатайство было удовлетворено, но на дополнительные 5 мест обитель жалованья не получила. В 1869 г. Пермский и Верхотурский еп. Антоний (Смолин) предложил ввести в В. м. общежитие, но братия, получавшая казенное содержание в зависимости от сана и исполняемого штатного послушания, на это не согласилась.

1 янв. 1894 г. указом Святейшего Синода в В. м. был введен общежительный устав. Для реформирования монастырской жизни были присланы иноки из *Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря*, один из них — иером. Иов (Брюхов) — после возведения в сан архимандрита стал настоятелем В. м. Его трудами в обители был введен общежительный устав *Коневецкого мон-ря*, поставлен новый иконостас в Симеоновском приделе Никольского храма, заведено обширное хозяйство. 22 мая 1899 г. архим. Иов ушел на покой, новым настоятелем был избран прп. *Арефа Верхотурский* († 15 мая 1903), прибывший с архим. Иовом с Валаама. В период настоятельства прп. Арефы были построены 2 двухэтажных братских корпуса, заведены живописная, переплетная, ризошвейная, сапожная, столярная мастерские, малярная, хозяйственные службы, начато строительство здания для церковно-приходской школы, систематизирован и описан монастырский архив.

Прп. Арефа Верхотурский. Фотография. Нач. XX в.

Собор в честь Воздвижения Креста Господня. Фотография. Нач. XX в.

В 1913 г. мон-рь был возведен в 1-й класс, к этому времени в обители жили 190 насельников.

Среди братии почитался приехавший с Валаама схим. прп. *Илия (Чеботарёв)*. В 1894–1895 гг. он подвизался в лесу на р. М. Актай, впосл. на месте его подвигов жили старец-«простец» Е. Плёнкин и иером. Дамиан (Лисицин). В 1911 г., после смерти иером. Дамиана, Малоактайский скит был приписан к В. м., в 1912 г. в скиту жили 1 иеромонах и 5 послушников.

Последним настоятелем В. м. перед закрытием обители стал в 1905 г. архим. Ксенофонт (Медведев). При нем был построен крупнейший в епархии храм (66 м в длину, 53 м в ширину и высоту, вмещал 4 тыс. чел.), главный престол к-рого был освящен 11 сент. 1913 г. Екатеринбургским еп. *Митрофаном (Афонским)* в честь Воздвижения Креста

Церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» на заимке Б. Актай. Фотография. Кон. XIX в.

Господня. 27 мая 1914 г. еп. Серафим (Голубятников) освятил придел во имя прав. Симеона, 10 сент. 1916 г. был освящен придел в честь Успения Пресв. Богородицы. В 1913 г. в храме поместили серебряную раку с мощами прав. Симеона, над ней в 1914 г. была установлена вызолоченная сень — дар царской семьи. Др. достопримечательностью храма стали фаянсовые иконостасы. В. м. пользовался покровительством царствующего дома: в 1907 г. имп. св. *Александра Феодоровна* передала в дар архим. Ксенофонту и иеродиак. прмч. *Вениамину (Зыкову)* сшитые ею священническое и диаконское облачения, в 1911 (1912?) г. имп. св. *Николай II Александрович* также передал в дар архим. Ксенофонту облачение, в 1914 г. обитель посетила вел. кнг. *Елисавета Феодоровна*, подарившая настоятелю епитрахиль.

В. м. занимался благотворительной и образовательной деятельностью. С 60-х гг. XVIII в. при нем существовала школа «для сирот духовного звания», в 60-х гг. XIX в. в ней училось 4–10 детей, в 1881 г. школу закрыли. В 1888 г. при мон-ре была учреждена одноклассная школа грамоты, в 1906 г. преобразованная в двухклассную церковноприходскую. К кон. 1911 г. в ней училось 117 детей, из них 61 воспитанник жил при мон-ре в устроенном в 1906 г. общежитии. С 1905 г. в школе помимо общих предметов обучали столярному, переплетному, сапожному делу. С 1885 г. при В. м. существовала больница на 10–15 мест. Во время первой мировой войны в мон-ре был устроен госпиталь на 15 кроватей, в 1916 г. в здании монастырской гостиницы разместился лазарет еще на 30 мест, открылся приют для увечных воинов на 25 мест. Мон-рь перечислял средства на содержание 5–10 коек в полевом лазарете, собирал пожертвования в пользу Красного Креста и на нужды армии. В помещениях мон-ря содержались ок. 500 пленных австрийцев и немцев, селились семьи беженцев, для детей солдат и беженцев был открыт приют.

После 1917 г. в В. м. разместили красноармейцев, 41 насельник был мобилизован на подсобные работы в Красную Армию. 7 авг. 1918 г. красноармейцы вскрыли раку с мощами прав. Симеона. В окт. 1918 г. при отступлении Красной Армии из Верхотурья в скиту на М. Актае были захвачены и через 4 дня расстреляны преподобномученики *Каллист (Опарин)* и *Иакинф (Питателев)*. В том же месяце Верхотурье заняла армия А. В. Колчака, в В. м. был расквартирован штаб полка под командованием Н. Г. Казагранди.

Братия и гости мон-ря. Фотография. Нач. XX в.

К нач. 1919 г. в В. м. жили 145 насельников. В июне 1919 г. вместе с отступавшей Белой армией эвакуировалась и братия, предварительно спрятав мощи прав. Симеона в обители, серебряную раку иноки увезли в Красносельский Введенский жен. мон-рь в Ирбитском у. Нек-рые монахи ушли с Белой армией, большинство же во главе с архим. Ксенофонтом вскоре вернулись в В. м.,

Архим. Ксенофонт (Медведев). Фотография. 10-е гг. XX в.

раку также привезли в мон-рь. В 1920 г. братия зарегистрировала мон-рь как приходскую общину. 25 сент. 1920 г. состоялось еще одно вскрытие мощей св. Симеона, вызвавшее протест верующих; св. мощи были опечатаны, паломничество к ним запрещено. Архим. Ксенофонт и иеродиак. Вениамин (Зыков) за противодействие комиссии, совершавшей вскрытие, были обвинены в «контрреволюционной деятельности» и приговорены к 2 годам принудительных работ, в нояб. 1921 г. досрочно освобождены, 15 сент. следующего года архим. Ксенофонт вернулся в Верхотурье. В июне 1919 — февр. 1920 г. в В. м. жили 93 чел., иноки содержали приют на 50 мальчиков, в апр. 1921 г. в обители оставались 43 монаха.

В 1921 г. часть территории В. м. была передана под пехотные курсы, 7 нояб. в Николаевской ц. открылся гарнизонный клуб. В апр.—июле 1922 г. в ходе кампании по *изъятию церковных ценностей* из мон-ря были вывезены мн. предметы, в т. ч. и серебряная рака. Несмотря на запрет губернских властей, в 1920–1924 гг. паломничество к мощам прав. Симеона продолжалось, и в 1924 г. вновь было проведено вскрытие мощей святого. По договоренности с церковным советом мощи оставили в храме под стеклом — во избежание «заразы».

В 1923 г. братия В. м. отказалась подчиняться обновленческому (см. *Обновленчество*) Екатеринбургскому

епархиальному управлению. На собрании 24 апр. 1924 г. насельники решили в адм. отношении подчиняться церковному управлению Нижнетагильского округа, а в иерархическом — Кунгурскому еп. сщмч. *Аркадию (Ершову)*. В кон. 1924–1925 гг. были арестованы 6 монахов В. м., среди них — архим. Ксенофонт, и 6 членов приходского совета, к-рых обвинили в «антисоветской агитации», выразившейся в противодействии обновленчеству. 20–22 окт. 1925 г. Свердловский областной суд приговорил архим. Ксенофонта к 2 годам лишения свободы и 3 годам лишения права проживания в Уральской обл., др. иноков — к меньшим срокам, члены приходского совета были освобождены. После суда договор об аренде монастырских храмов с приходской общиной, в к-рой монахи числились «служителями культа», был расторгнут. Часть насельников поселилась при приходских храмах, нек-рые — в Верхотурье. Ок. 10 чел. обосновались в скиту на М. Актае, к-рый мон. Маврикий (Огородников) оформил в аренду на свое имя. С сент. 1927 г. скитом управлял иером. Келсий (Мотов). В февр. 1928 г. скит был разорен, иером. Келсий арестован, обвинен в «антисоветской деятельности» и осужден на 3 года ссылки в Сибирь. Спустя нек-рое время 5 монахов, не подвергшихся аресту, вернулись в скит. К 1928 г. на территории В. м. разместилась колония для малолетних преступников. В мае 1929 г. мощи прав. Симеона были направлены в музей Н. Тагила для антирелиг. пропаганды, к 1936 г. они оказались в запасниках краеведческого музея Свердловска. В дек. 1929 г. архим. Ксенофонт вернулся из ссылки, в 1930 г. получил от сщмч. Шадринского еп. *Евсевия (Рождественского)* назначение на приход в с. Бродовское, после неск. арестов скончался 14 янв. 1933 г. в Беломоро-Балтийском лагере.

15 февр. 1990 г. Преображенский, Крестовоздвиженский, Симеоно-Аннинский храмы, жилые и хозяйственные постройки мон-ря были возвращены Свердловской епархии РПЦ. 5 марта епархиальное управление направило в В. м. иером. Тихона (Затёкина) и послушника А. Горина для возобновления иноческой жизни, 1 окт. иером. Тихон был назначен наместником мон-ря с возведением в сан игумена. С 2000 г.

Рака с мощами прав. Симеона Верхотурского в Преображенской церкви. Фотография. 2003 г.

наместником В. м. является игум. Филипп (Ельшин). В 1991 г. в обители жили 6 насельников, в дек. 2003 г.— 24 монаха и 20 трудников.

18 окт. 1990 г. Свердловский архиеп. *Мелхиседек (Лебедев)* освятил надвратную ц. во имя святых Симеона и Анны, 22 марта 1992 г.— восстановленный Преображенский храм, 19 авг. 1999 г.— Крестовоздвиженский собор. Были отремонтированы настоятельский, братский и гостиничный корпуса, устроены столярная и швейная мастерские, создан церковный музей. В Преображенском храме с 25 сент. 1992 г. почивают мощи св. Симеона Верхотурского, с 1994 г. также мощи прп. Арефы Верхотурского и схим. Илии (Чеботарёва). В Крестовоздвиженском соборе установлены 3 фаянсовых иконостаса. При обители действуют ДУ и правосл. гимназия (открыты в 2001), в к-рых в 2003 г. обучалось 27 чел. Священнослужители мон-ря окормляют исправительно-трудовую колонию № 53 Верхотурья.

Верхотурский в честь Покрова Пресв. Богородицы мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

В. м. имеет скит на территории бывш. Большеактайской заимки, подворья в с. Красногорском Верхотурского р-на и в дер. Харёнки Пригородного р-на Свердловской обл., участок земли 26 га в с. Пия Верхотурского р-на. Обитель издает ежемесячную газ. «Монастырский вестник», ж. «Верхотурская старина».

Ист.: Верхотурские грамоты кон. XVI — нач. XVII в.: [Сб. док-тов]. М., 1982.

Лит.: *Баранов В. С.* Летопись Верхотурского Николаевского муж. общежительного мон-ря (Екатеринбургской епархии) в связи с ист. сказанием о житии, чудотворениях и св. мощах св. прав. Симеона, Верхотурского Чудотворца. Н. Новг., 1910; *Манькова И. Л.* Настоятели Верхотурского Николаевского мон-ря XVII — 1-й четв. XVIII в. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. Екатеринбург, 1998. С. 289–293; *Нечаева М. Ю.* Верхотурские мон-ри в XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы, 1999. М., 1999. С. 332–349; *она же*. За стенами древней обители: Четыре века истории Верхотурского Николаевского мон-ря: Очерки истории и культуры г. Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998; *Тихон (Затёкин), игум.* Верхотурский Николаевский мон-рь и его настоятели. Б. м., 2000; *Эндеберя В.* Последний настоятель: Из истории Верхотурского Св.-Николаевского мон-ря // http://art.uralinfo.ru/LITERAT/Ural/Ural_11_99/Ural_11_99_09.htm.

М. Ю. Нечаева

ВЕРХОТУ́РСКИЙ В ЧЕСТЬ ПОКРОВА́ ПРЕСВЯТО́Й БОГОРО́ДИЦЫ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ (Екатеринбургской и Верхотурской епархии), в г. Верхотурье Свердловской обл. В 1621 г., во время посещения Верхотурья Тобольским архиеп. *Киприаном (Старорусенниковым)*, монахини, жившие в городе «постригшися от мужей своих», просили архиерея создать для них обитель. Грамотой царя *Михаила Феодоровича* от 28 июля 1621 г. верхотурским воеводам повелевалось основать жен. мон-рь. В том же году в Верхотурье, «за острогом», на средства городской казны была построена деревянная ц. в честь Покрова Пресв. Богородицы и келья, к 1624 г. были поставлены 3 келейных дома, для обители назначен церковный причт. К 1624 г. В. м. имел 17 га пашенной земли, сенокос, к 1645 г. у мон-ря земельных владений не было. В 1621 г. в В. м. жили 10 насельниц во главе с игум. Анисией, в 1645 г.— 20, в 1667 г.— 11, в 1695 г.— 14 монахинь. На содержание сестер и причта отпускалась

руга хлебом или деньгами, размеры к-рой менялись.

В 1645 г. на месте обветшавшей Покровской ц. был построен деревянный храм, имевший такое же посвящение, с приделом в честь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. В нач. 1651 г. церковь сгорела. По *челобитной* игум. Марии в 1651 г. царь *Алексей Михайлович* повелел построить новый храм на средства городской казны, распорядился отпускать мон-рю ежегодно по ведру церковного вина и по 2 фунта ладана, пожертвовал богослужебную утварь и книги. В 1652 г. в В. м. был прислан новый антиминс вместо сгоревшего. К 1684 г. церковь обветшала и по челобитной игум. Марфы в соответствии с царским указом 1686 г. началось строительство нового храма, в 1690 г. к нему была пристроена деревянная колокольня. В 1692 г. храм сгорел, затем был отстроен. Ок. 1739 г. из *верхотурского свт. Николая Чудотворца муж. мон-ря* в В. м. была перенесена деревянная Покровская ц. По благословению Тобольского митр. Антония (Нарожницкого) архим. Никольского мон-ря Вассиан 19 сент. 1744 г. заложил в В. м. каменный храм, освященный 31 марта 1753 г. в честь Покрова Пресв. Богородицы. Деревянная церковь к этому времени, вероятно, была разобрана. 23 мая 1754 г. на средства купца и заводовладельца М. Походяшина в В. м. заложили каменную 2-этажную церковь с колокольней, нижний престол храма был освящен в 1768 г. во имя вмц. Варвары, верхний престол в 1776 г. освящен в честь Рождества св. Иоанна Предтечи. Указом 26 февр. 1764 г. В. м. подлежал упразднению, фактически прекратил существование ок. 1782 г., храмы стали приходскими.

Насельницы мон-ря. Фотография. Нач. XX в.

К сер. XIX в. близ Покровской ц. собралась иноческая община под рук. М. Т. Зелениной (впосл. мон. Мария), матери настоятеля верхотурского Николаевского мон-ря архим. Григория. В 1853 г. недалеко от Покровского храма Зеленина купила для сестер усадьбу с постройками, в к-рой по благословению Пермского еп. Неофита (Соснина) была устроена богадельня. В 1889 г. указом Екатеринбургского еп. *Поликарпа (Розанова)* смотрительницей «богодельного женского общежития» была назначена послушница А. Панова, учрежден совет богадельни, 15 нояб. утвержден ее устав. Архим. Григорий (Зеленин) сделал крупные пожертвования в обитель. Указом Синода 8 дек. 1895 г. богадельня была обращена в общину «с наименованием оной Покровскою и с таким числом сестер, какое община может по своим средствам содержать», Панова приняла монашеский постриг с именем Агния и была назначена начальницей общины. 27 марта 1896 г. община была открыта, в это время в ней состояли 25 чел., к 1902 г.— 130 чел.

Иконостас Покровской церкви. Фотография. Нач. XX в.

В 1896 г. община имела 6 деревянных келейных и хозяйственных корпусов, в 1902–1903 гг. был построен 2-этажный каменный корпус, в 1902 г. общине был выделен из гос. владений участок земли в 100 дес. у р. Чёрной. 12 сент. 1898 г. в обители заложили каменную церковь, освященную 11 сент. 1902 г. в честь Покрова Пресв. Богородицы (Новопокровская). В 1905 г. на средства обители на железнодорожной ст. Верхотурье была построена деревянная часовня во имя свт. Алексия Московского в ознаменование рождения цесаревича св. *Алексия Николаевича*.

5 февр. 1907 г. указом Святейшего Синода община была обращена в общежительный мон-рь, открытие к-рого состоялось 26 апр. К кон. 1907 г. в В. м. жила 151 монахиня, к кон. 1913 г.— 194 сестры. Насельницы занимались вышивкой, иконописанием, шитьем церковных облачений, детской одежды, ковроткачеством, чеботарством, изготовлением мебели, переплетом книг, лужением, серебрением и позолотой. Однако доходы были незначительны, и насельницы в полевой сезон нанимались к крестьянам на работы. В 1909 г. при В. м. открылся приют для девочек, в к-ром в 1913 г. жили ок. 20 чел., в 1911–1912 гг. начала работу одноклассная церковноприходская школа. В 1914 г. В. м. посетила вел. кнг. прмц. *Елисавета Феодоровна*.

В июле 1919 г. при отступлении армии А. В. *Колчака* из Верхотурья В. м. был разграблен. В 1922 г. мон-рь был обращен в сельскохозяйственную артель «Надежда», в к-рой сохранялся монашеский уклад. В апр. 1924 г. артель закрыли. Помещения мон-ря были переданы приюту для сирот, в 30-х гг. в них размещалась колония для малолетних преступников. В нач. 1932 г. мн. сестры были арестованы и обвинены в «антисоветской деятельности», заключавшейся в участии в «поповско-монашеской контрреволюционной организации», якобы ставившей целью «срыв коллективизации и др. мероприятий Советской власти с целью восстановления капиталистического строя». Руководителями организации были объявлены Сарапульский еп. *Алексий (Кузнецов)* и архим. верхотурского Николаевского мон-ря Ксенофонт (Медведев). После окончания срока заключения нек-рые сестры вернулись в Верхотурье, последняя из дореволюционных насельниц — мон. Магдалина скончалась в 1983 г. в возрасте 100 лет.

25 дек. 1991 г. В. м. был возобновлен, его настоятельницей стала мон. Василисса (Занкова), с 1994 г. мон-рь возглавляет игум. София (Любых), в кон. 2003 г. в обители

Собор в честь Покрова Пресв. Богородицы. Фотография. Кон. XX в.

жили ок. 20 насельниц. Богослужения совершаются в восстановленном и освященном 15 окт. 1996 г. Ново-Покровском храме, в к-ром с правой стороны почивают мощи местночтимого блж. *Космы Немтинова* († 8 дек. 1680). Мон-рю переданы помещения трапезной и мастерских, келейный корпус. Сохранившиеся Покровский храм и Иоанно-Предтеченская ц. не восстановлены.

Ист.: [Грамота царя Михаила Феодоровича от 28 июля 1621 г. верхотурским воеводам] // Верхотурская старина. 1998. № 12. С. 3.
Лит.: *Баранов В. С.* Покровский жен. мон-рь в городе Верхотурье // Екатеринбургские ЕВ. 1907. № 15–16. С. 303–306; № 19. С. 382–384; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: К 400-летию Верхотурья. Екатеринбург, 1997; *Тихон (Затёкин), игум.* Св.-Покровский Верхотурский жен. мон-рь: Ист. очерк. Екатеринбург, 1998.

М. Ю. Нечаева

ВЕ́РШНИК, исполнитель партии *верха* в *строчном* или *демественном* многоголосии. В певч. рукописях термин встречается единственный раз в *Демественнике* нач. XVII в., состав к-рого образуют 4-голосные демественные песнопения в поголосной форме изложения, и где указаны как партии многоголосия, так и их исполнители: «*демественник*», «В.» (ГЦММК. Ф. 283. № 15. Л. 62, 140 об.).

Неоднократно термин встречается в расходных книгах, содержащих сведения о государевых и патриарших певчих дьяках от нач. XVII в. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2; Ф. 235, 236). Исходя из данных послужных списков, можно заключить, что с этого времени в репертуаре хоров дьяков господствующим было пение многоголосное, поскольку в каждой из 6 станиц хора присутствовали *нижник, путник,* В., демественник.

Овладение сложной многоголосной стилистикой происходило в течение служебного роста певчих дьяков и могло продолжаться от 8 до 20 лет, при этом каждый специализировался на пении одной строки многоголосия. Так, государев певчий дьяк Иван Никифоров с 1617 г. обучался в младших станицах, через 8 лет назначен В. 2-й станицы, а с 1644 г.— 1-й (*Парфентьев.* С. 302–303). Кроме него в расходных книгах как В. упоминаются Константинов Федор, Кипелов Богдан Дмитриев, Семёнов Иван и др. (Там же. С. 247–250, 361–362). Ограниченный объем обиходного звукоряда позволял певцу исполнять любую партию многоголосия. Так, вологодский певчий дьяк Лука Иванов умел петь «обедню в три строки: низ, верх, путь» (*Белоненко.* С. 322). Но перемена специализации певчих дьяков происходила крайне редко и сопровождалась переводом дьяка в более высокие по назначению станицы. Так, государев певчий дьяк Иван Гаврилов в 1631–1632 гг. значился нижником 6-й станицы; в 1648 г. переведен в состав 2-й станицы, где до 1653 г. занимал должность В. (Там же. С. 173).

Лит.: *Протопопов В. В.* Нотная б-ка царя Федора Алексеевича // ПКНО, 1976. М., 1977. С. 119–133; *Белоненко А. С.* Показания архиерейских певчих XVII в. // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 320–328; *Парфентьев Н. П.* Профессиональные музыканты России XVI–XVII вв. Челябинск, 1991.

М. В. Богомолова

ВЕРЮ́ЖСКИЙ Василий Максимович (18.07.1874, с. Чекуево Онежского у. Архангельской губ.— 28.02.1955, Ленинград), прот., проф. ЛДА. Из семьи священника. По окончании Архангельских ДУ и ДС в 1894 г. поступил в СПбДА, к-рую окончил в 1898 г. со степенью канд. богословия за соч. «Афанасий, архиеп. Холмогорский». В 1898–1901 гг. преподавал философию и обличительное богословие в Самоковском богосло́вском уч-ще (Болгария). 31 дек. 1901 г. назначен помощником инспектора СПбДС, с 13 нояб. 1903 г. являлся преподавателем обличительного богословия, истории и обличения раскола. 28 мая 1908 г. удостоен степени магистра богословия за соч. «Афанасий, архиеп. Холмогорский: его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в кон. XVII в.: Церковно-ист. очерк» (СПб., 1908). 13 окт. 1909 г. был определен в клир *Воскресения Христова собора в С.-Петербурге,* 1 нояб. 1909 г. рукоположен во иерея. 15 февр. 1913 г. назначен доцентом СПбДА, с 29 сент. 1914 г. являлся экстраординарным профессором сверх штата, с 10 февр. 1915 по 1918 г.— штатным экстраординарным профессором по кафедре истории слав. Церквей. В этот период В. публиковал статьи по совр. положению Поместных Церквей в *«Христианском чтении»* и в Богословской энциклопедии. 29 апр. 1916 г. возведен в сан протоиерея. Был награжден орденами св. Станислава 2-й (1908) и св. Анны 3-й степени.

С 7 февр. 1922 г. занимал должность профессора кафедры истории слав. и румын. правосл. Церквей *петроградского Богословского ин-та.* Работал старшим архивистом в Главархиве. В 1923 г. отказался перейти в *обновленчество,* и в июне того же года указом временно управляющего Петроградской обновленческой епархией Лужского еп. *Артемия (Ильинского)* В. был уволен с должности священника Воскресенского собора за «нежелание быть в единении с Петроградским ЕУ». Вскоре после этого В. подвергся аресту по обвинению в «распространении контрреволюционных листовок», приговорен к году лишения свободы, но вскоре освобожден. 9 авг. 1923 г. с возвращением храма Воскресения Христова в ведение правосл. Церкви и присвоением ему статуса кафедрального собора Петрограда В. был назначен его настоятелем.

После издания Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергием* (*Страгородским,* впосл. Патриарх) и Временным Патриаршим Синодом *«Декларации» 1927 г.* и отказа митр. *Иосифа (Петровых)* от перевода с Ленинградской кафедры в Одессу В. стал играть одну из ведущих ролей в формировавшемся *иосифлянстве.* В нач. дек. 1927 г. от имени группы сторонников митр. Иосифа (Петровых) В. подготовил обращение к митр. Сергию с предложениями «отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви

государством», не перемещать и не назначать епископов без их согласия и одобрения паствы, объявить Синод совещательным органом при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя, «удалить из состава Синода прекаемых лиц», «возвратить на Ленинградскую кафедру митр. Иосифа», отменить возношение за богослужением имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, а также молений за гражданскую власть и разрешить поминовение ссыльных епископов (см.: *Иоанн (Снычёв), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20–30 гг. XX столетия. Сортавала, 1993. С. 159–160). 14 дек. митр. Сергий составил ответ на обращение В., в к-ром разъяснил свою позицию по данным вопросам и объявил, что «отказаться от курса церковной политики... было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно». 26 дек. 1927 г. в числе др. иосифлян В. присутствовал на собрании, состоявшемся на квартире Гдовского еп. *Димитрия (Любимова)*, во время к-рого был провозглашен «Акт о разрыве с митр. Сергием». 30 дек. В. вместе с др. клириками, присоединившимися к «Акту», был запрещен в священнослужении временно управляющим Ленинградской епархией Петергофским еп. *Николаем (Ярушевичем)*. Однако наложенному прещению В. не подчинился, и возглавляемый им храм Воскресения Христова стал центром иосифлянства в Ленинграде. В. не разделял мнения крайних иосифлян о неблагодатности таинств Московской Патриархии.

3 дек. 1929 г. В. был арестован по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной группе защиты истинного православия», до авг. 1930 г. содержался в одиночной камере. 3 авг. 1930 г. приговорен к 10 годам лагерей. По постановлению коллегии ОГПУ от 7 апр. 1932 г. пребывание в Свирьском ИТЛ было заменено ссылкой, и 7 сент. того же года В. был выслан в Архангельск. С авг. 1936 г. находился в ссылке в г. Каргополе, 3 дек. 1939 г. освобожден, прибыл в Ленинград, но к служению не приступал. Постановлением ОСО при МГБ СССР от 15 марта 1947 г. был реабилитирован.

В 1946 г. принес покаяние в расколе и был принят в общение с РПЦ. 5 июня 1947 г. впервые в советский период был удостоен степени доктора церковной истории за соч. «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы: Опыт церковно-ист. исследования». С 21 февр. 1951 г. преподавал в ЛДА, где являлся профессором и заведующим кафедрой византологии и истории слав. Церквей.

Отпевание В., состоявшееся 3 марта 1955 г. в академическом храме, совершил митр. Ленинградский и Новгородский *Григорий (Чуков)* в сослужении клириков Ленинградских духовных школ. В. погребен на Большеохтинском кладбище С.-Петербурга.

Соч.: К вопросу о состоянии церк. жизни на севере в кон. XVII в. и деятельности Холмогорского архиеп. Афанасия // Архангельские ЕВ. 1899. № 23; Архиерейский дом при первом Холмогорском архиеп. Афанасии. Архангельск, 1900; Выговская пустынь в первые годы существования: Грамота Холмогорского архиеп. Афанасия на имя царя от 1702 г. // ХЧ. 1904. № 5. С. 748–750; Северно-рус. приход в кон. XVII в. // ХЧ. 1905. № 1. С. 67–86; № 2. С. 363–385; № 5. С. 70–713; № 6. С. 778–798; Северно-рус. приходское духовенство в кон. XVII в. // ХЧ. 1906. № 7. С. 79–98; № 8. С. 285–302; № 8. С. 285–302; № 9. С. 425–441; Афанасий, архиеп. Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Рус. Церкви в кон. XVII в. СПб., 1908; Правосл. славянские и румынские Церкви в минувшем 1914 г. // ЦВед. 1915. № 2. С. 56–614; № 4. С. 115–123; Памяти блаженнейшего Иосифа I, болг. экзарха // Там же. 1915. № 27. С. 823–828; Об академических заветах: Слово за литургией в день акад. акта // ХЧ. 1915. Апр. С. 439–444; Ист. роль болг. духовенства в нар. и полит. жизни Болгарии // ХЧ. 1916. Янв. С. 5–44; Происхождение греко-болг. церк. вопроса и болг. схизмы // ЖМП. 1948. № 7. С. 23–32; № 11. С. 47–59; № 12. С. 31–44; О Церкви Христовой // Там же. 1949. № 11. С. 31–36.

Арх.: Архив С.-Петербургской епархии. Личн. дело; Арх. УФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–78806.

Лит.: Проф.-прот. В. М. Верюжский: Некролог // ЖМП. 1955. № 4. С. 9; *Польский.* Ч. 2. С. 138–144; *Иоанн (Снычев).* Церк. расколы; *Шкаровский М. В.* Иосифлянское движение и оппозиция в СССР // Минувшее. СПб., 1994. Вып. 15. С. 446–453; *он же.* Иосифлянство: течение в РПЦ. СПб., 1999; За Христа пострадавшие. С. 245–246; *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского богосл. ин-та // Минувшее. 1998. Вып. 24. С. 487, 521.

М. В. Шкаровский

ВЕСЕЛО́ВСКИЙ Александр Николаевич (4.02.1838, Москва—10.10.1906, С.-Петербург), филолог, историк и теоретик лит-ры. Из дворян, отец — генерал, военный педагог. Окончив 2-ю московскую гимназию, В. в 1854 г. поступил на словесный фак-т Московского ун-та, где его научным руководителем был Ф. И. *Буслаев*, среди др. учителей — О. М. *Бодянский* и П. Н. Кудрявцев. После окончания курса в 1858 г. В. был награжден золотой медалью за дипломное соч. «О волке и собаке в греческой и римской символической мифологии» (на лат. языке) и оставлен при ун-те. Одновременно преподавал в московском 3-м кадетском корпусе теорию словесности. В 1860 г. поступил гувернером в семью рус. посла в Испании кн. М. А. Голицына и прожил ок. года в Мадриде, посетил Италию, Францию и Англию, откуда посылал корреспонденции в «Санкт-Петербургские ведомости» и др. издания. В 1862 г. по рекомендации Московского ун-та был командирован за границу, слушал лекции в Берлинском ун-те, изучал слав. языки и лит-ру в Праге. В 1864–1867 гг. жил в Италии, работал в архивах и б-ках и собирался писать историю итал.

А. Н. Веселовский. Фотография. Нач. XX в.

Возрождения. Участвовал в собраниях кружка рус. интеллигенции в доме художника Н. Н. Ге, встречался с А. И. Герценом. В 1868 г. опубликовал найденный им в Риккардианской б-ке во Флоренции роман Дж. да Прато «Вилла Альберти» (XV в.), сопроводив его обширным исследованием. Осенью 1868 г., получив предложение преподавать на кафедре всеобщей лит-ры Московского ун-та, вернулся в Россию. В 1870 г. защитил магист. дис. «Вилла Альберти: Новые мат-лы для характеристики лит. и обществ. перелома в итал. жизни XIV–XV столетия», в том же году стал доцентом на кафедре истории рус. лит-ры С.-Петербургского ун-та. В 1872 г. защитил докт. дис. «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и зап. легенды о Морольфе и Мерлине» (СПб., 1872), получил звание

профессора. С 1876 г. являлся членом-корреспондентом имп. АН по отд-нию языка и словесности, с 1880 г. академик, с 1901 г. возглавлял отд-ние рус. языка и словесности имп. АН. В 1885 г. по инициативе В. в С.-Петербургском ун-те впервые в России было создано романо-германское отд-ние историко-филологического фак-та, начало работу Неофилологическое об-во.

В. является наиболее значительным представителем рус. академического литературоведения. Основными сферами его исследований были слав., рус., визант. и западноевроп. средневек. лит-ра, фольклор разных народов, античная классическая лит-ра, история культуры и лит-ры эпохи Возрождения, лит-ра эпохи сентиментализма и романтизма в Зап. Европе и России. Рассматривая лит-ру как часть мирового культурно-исторического процесса, В. считал ее отражением жизни народа и стремился найти законы, общие для всех лит-р мира. Творчески освоив теорию заимствований Т. Бенфея и антропологическую теорию Э. Б. Тайлора, основываясь на достижениях культурно-исторической школы, В. создал и возглавил сравнительно-историческое направление в литературоведении, теоретическое обоснование к-рого ученый изложил во вступительной лекции к курсу истории всеобщей лит-ры «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870). Проследить развитие сюжетов и образов в лит-ре разных народов, изучить изменение жанров на протяжении веков должна была, по мнению В., особая наука — историческая поэтика. Знавший более 30 языков, В. исследовал большое количество лит. источников, смело сопоставляя их, проводя параллельное изучение фольклора и лит-р разных народов и эпох, создал теорию «встречных течений», т. е. взаимодействия различных культур. Среди наиболее значительных трудов В. по теории лит-ры — «Из истории романа и повести» (СПб., 1886–1888), «Три главы из исторической поэтики» (СПб., 1899), «Поэтика сюжетов» (СПб., 1897–1906).

Слав. тема преобладала в трудах В. Применяя сравнительный метод в изучении древнерус. памятников письменности, ученый открыл их связь не только с визант. и западноевроп. средневек. лит-рой, но и с античностью и эпохой Данте. Важным достижением В. была реконструкция южнорус. былин, в результате к-рой он доказал их бытование в Киевской Руси (Южнорусские былины. СПб., 1881–1884). Книга В. «Русские и вильтины в саге о Гидрек Бернском (Веронском)» (СПб., 1906) является важной для древнейшей истории рус. эпоса о св. кн. *Владимире Святославиче* и его богатырях, а также для характеристики отношений правосл. мира к католическому в XIII в. В. планировал составить сборник, в к-ром намеревался соединить материалы, касающиеся истории рус. эпоса, его древних источников и сюжетов. Это намерение в полном объеме не было осуществлено, но ряду сюжетов (напр., фин. вариантам былины об Илье Муромце, упоминанию кн. *Бравлина* в житии свт. *Стефана* Сурожского и др.) ученый посвятил отдельные статьи и заметки. В докт. дис. «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе» исследователь восстановил пути распространения древних сюжетов и показал, как они трансформировались на рус. почве в разные эпохи. В монографии «В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения»» (СПб., 1904) ученый воссоздал душевный мир рус. поэта и показал своеобразие его творчества в сравнении с нем. романтизмом. Особой сферой интересов В. была эпоха Возрождения (монографии о Дж. Боккаччо, Ф. Петрарке, исследования о *Данте* и Ф. Рабле).

Важнейший вклад В. внес в изучение западноевроп., визант., рус. и слав. духовной лит-ры — житий, сказаний, апокрифов и др. В исследованиях «Опыт по истории развития христианской легенды» (ЖМНП. 1875. Ч. 178, 179; 1876. Ч. 183–185; 1877. Ч. 191), «Разыскания в области русского духовного стиха» (СПб., 1879–1891. 6 вып.) на материале памятников письменности и фольклора он сделал ряд открытий в изучении средневек. *двоеверия* (смешения языческих и христ. элементов). По мнению В., в результате сложного взаимодействия христ. учения и языческих верований в культуре европ. народов началась вторая, после античной, великая эпоха мифотворчества в истории человечества.

В. внес в понимание мифологии представление не об одном только праарийском ее источнике, но и о др.— связанном с внедрением в миросозерцание европ. народов христ. миропонимания. Он считал, что народу была понятнее обрядовая сторона христианства и простые нравственные поучения, нежели догматика. В. показал, что христ. миросозерцание распространялось прежде всего благодаря живой проповеди и популярной церковной лит-ре, к-рая находилась под сильным влиянием устного народного творчества. В докт. диссертации В. показал, что одним из активных очагов распространения дуалистических представлений было южнослав. *богомильство*.

В работе «Святой Георгий в легенде, песне и обряде» В. рассмотрел различные редакции греч., болг., груз., франц. и рум. легенды о битве вмч. *Георгия Победоносца* со змием, связав популярное у европ. и слав. народов житие святого с эпосом и рус. былинами. В ст. «Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Граале» В. исследовал легенды о почитаемых (сионских) камнях (в рус. народной поэзии алтарный камень стал камнем Алатырем). Опираясь на древнерус. и южнослав. апокрифическую лит-ру, ученый предложил свою интерпретацию легенды о крестном древе («Сон о дереве в повести града Иерусалима и стихе о Голубиной книге», «Новые данные к истории Соломоновых сказаний», «Западные легенды о древе Креста и слово Григория о трех крестных древах»). В работе «Румынские, славянские и греческие коляды» В. изучил христ. мотивы колядок, ряд исследований («Берта, Анастасия и пятница» и др.) посвятил теме почитания воскресного дня. В ст. «Данте и символическая поэзия католичества» (1866) В. показал, что христ. символы вырабатывались реальной жизнью, а потом сами активно на нее воздействовали.

Важное место в научном наследии В. также занимают его рецензии на труды по теории и истории лит-ры, в к-рых ученый, не ограничиваясь оценкой работы, развивал собственные взгляды на рассмотренные проблемы.

Арх.: ИРЛИ (ПД). Ф. 45, в составе Разряда I. Оп. 4. № 121–136; С.-Петербургское отд-ние РАН. Ф. 160. Оп. 6. № 9–10 [Собр. соч. Т. 17. Ркп.].

Соч.: Собр. соч. СПб., 1908–1915; Пг., 1915–1921; Л., 1930; М.; Л., 1938. Т. 1–16; Избр.

статьи. Л., 1939; Историческая поэтика. Л., 1940. М., 1989[2]; Избр. труды и письма. СПб., 1999.

Лит.: *Ягич И. В.* История слав. филологии. СПб., 1910. С. 842–851; *Симони П. К.* Библиогр. список учено-лит. трудов А. Н. Веселовского с указанием их содерж. и рецензий на них // Памяти акад. А. Н. Веселовского. Пг., 1921. С. 1–68; *Энгельгардт Б. М.* А. Н. Веселовский. Пг., 1924; *Азадовский М. К.* А. Н. Веселовский как исследователь фольклора // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1938. № 4; *Жирмунский В. М.* Историческая поэтика А. Н. Веселовского // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940; *Шишмарев В. Ф.* А. Веселовский и рус. литература. Л., 1946; *Виноградов Г. С.* Архив А. Н. Веселовского // Бюллетени рукописного отдела (Пушкинский дом). М.; Л., 1947. Вып. 1. С. 58–65; *Гусев В. Е.* Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX — нач. XX в. // Рус. фольклор. М.; Л., 1962. Т. 7; *Горский И. К.* А. Веселовский и современность. М., 1975; Наследие А. Веселовского: Исслед. и мат-лы. СПб., 1992; *Сухих С. И.* Историческая поэтика А. Н. Веселовского: Из лекций по истории рус. литературоведения. Н. Новг., 2001.

М. П. Мироненко

ВЕСЕЛО́ВСКИЙ Степан Борисович (4.09.1876, Москва — 23.01.1952, там же), историк, академик АН СССР. Из дворянского рода, мн. представители к-рого внесли большой вклад в науку: дядя историка — экономист К. С. Веселовский (1819–1901) — в течение мн. лет был секретарем имп. АН, двоюродный брат — археолог-востоковед Н. И. Веселовский (1848–1918) — являлся членом-корреспондентом имп. АН, троюродный брат отца — А. Н. *Веселовский* — видный литературовед. В. учился в 5-й классической гимназии в Москве, затем в Тамбовской губ. гимназии. Продолжил образование на юридическом фак-те Московского ун-та (1896–1902), где под рук. проф. И. Х. Озерова занимался историей философии права. На формирование В. как историка оказали влияние труды В. О. *Ключевского*, Н. П. Павлова-Сильванского и М. А. Дьяконова.

С 1903 г. исследователь изучал документы по социально-экономической истории России XIV–XVII вв., с привлечением помощников сделал копии большого количества источников. В 1908–1912 гг. преподавал в московской гимназии Л. И. Поливанова, с 1912 г. являлся сотрудником Московского археологического ин-та. Состоял во мн. научных об-вах: *Обществе истории и древностей российских* (с 1907), Русском военно-историческом (с 1909), Историко-родословном (с 1914), Московской археографической комиссии (с 1914), в губернских архивных комиссиях: Нижегородской (с 1910), Ярославской (с 1911), Тульской (с 1913), Московской (с 1914), Псковской (с 1916). В 1915–1916 гг. В. опубликовал кн. «Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посошного обложения Моск. гос-ва» (М., 1915–1916. 2 т.), приложением к к-рой стали «Акты писцового дела» (М., 1913–1917. 2 т.). За исследование и публикацию Московский ун-т присвоил В. степень д-ра истории рус. права, имп. АН присудила полную премию гр. А. С. *Уварова* (авг. 1917). В 1917 г. за разбор сочинения В. К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15-го мая 1591 г.» В. получил от АН золотую рецензентскую медаль.

В 1917–1923 гг. В. являлся профессором Московского ун-та, в 1918–1920 гг. также главным инспектором и членом коллегии Центр. гос. архива. В 1923–1929 гг. и с 1936 г. до конца жизни ученый работал в Ин-те истории АН СССР, в 1930–1936 гг.— в Историко-археографическом ин-те АН. С 1938 г. являлся также профессором Московского историко-архивного ин-та при Главном управлении НКВД СССР, в 1943–1949 гг. работал в ин-те консультантом. 31 янв. 1929 г. В. стал членом-корреспондентом АН, 15 окт. 1934 г. ему была присуждена степень д-ра исторических наук, 30 нояб. 1946 г. избран академиком.

Начиная с сер. 20-х гг. одним из важнейших направлений научной деятельности В. стало изучение эволюции вотчины и поместья в Московском гос-ве (этой теме посвящена монография В. «К вопросу о происхождении вотчинного режима (М., 1926)), а также землевладения Русской Церкви, преимущественно в XIV — нач. XVII в. Поводом для занятий данными темами послужило обследование, проведенное В. в составе группы историков (совместно с А. И. Яковлевым и Л. В. *Черепниным*) архива *Троице-Сергиевой лавры*. Первым итогом работы стала публикация Центрархивом «Памятников социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв.» (М., 1929), в к-рую были включены жалованные и указные грамоты Троице-Сергиеву мон-рю в XV в. и его свозные и дозорные книги 10-х гг. XVII в. Незадолго до своей смерти В. начал систематическое комментированное издание всех актов из архива Троице-Сергиева мон-ря начиная с 90-х гг. XIV в. (Акты соц.-эконом. истории Сев.-Вост. Руси кон. XIV — нач. XVI в. Т. 1: Акты из архива Троице-Сергиева мон-ря кон. XIV — нач. XVI в. М., 1952). В наст. время издание документов доведено до 1526 г. (Акты Рус. гос-ва, 1505–1526 гг. М., 1975; Вкладная книга Троице-Сергиева мон-ря 1673 г. М., 1987; последнее издание выполнено по копии, снятой ученым).

С. Б. Веселовский. Фотография. 1946 г.

История церковного землевладения стала главной темой трудов В. в 40-х гг.— ст. «Монастырское землевладение в Московской Руси во 2-й пол. XVI в.» (ИЗ. 1941. Т. 10. С. 95–116) и монографии «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.; Л., 1947. Т. 1. 2 вып.). 2-й вып. 1-го т. монографии посвящен характеристике землевладения митрополичьей кафедры в XIV–XVI вв. В нем исследованы податный и судебный иммунитет митрополичьих владений (главы 1–4), впервые в отечественной историографии описаны формирование и развитие двора митрополитов, генеалогии семей его *бояр*, слуг и дворян, их обязанности, обеспечение их кормлениями, вотчинами и поместьями (главы 5–6). Главы 7–8 посвящены землевладению домовых мон-рей и социально-экономическим отношениям в митрополичьих владениях. Огульная критика, к-рой было встречено издание 1-го т. монографии (рецензенты обвинили В. в «буржуазности»), помешала выходу следующего тома, в к-ром ученый предполагал детально рассмотреть историю монастырского землевладения. На документах из *Ипатиевского во имя Св. Троицы мон-ря* основана ст. «Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова»

(ИЗ. 1946. Т. 18. С. 56–91), в к-рой (как и в ряде др. работ) В. подтвердил достоверность родословного предания Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зёрновых о родовом характере Ипатиева мон-ря для потомков великокняжеского боярина Дмитрия Зерна (в т. ч. для царя *Бориса Феодоровича Годунова*). В. проследил ктиторскую деятельность Зёриовых по отношению к мон-рю, установил, что во 2-й пол. XVI в. возникли связи мон-ря с московским боярским родом Захарьиных–Юрьевых, из к-рого происходил царь *Михаил Феодорович*.

На основе широкого круга актовых источников, в т. ч. и ранее не введенных в научный оборот, В. в ряде работ доказал бесперспективность для России мн. реформ царя *Иоанна IV Васильевича Грозного* (*Зимин А. А.* Акад. С. Б. Веселовский и образ Ивана Грозного в худож. лит-ре // История и историки, 1971 г. М., 1973. С. 351–376). В ст. «Синодик опальных царя Ивана как ист. источник» (Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 245–366) В. показал аристократический характер опричного войска, его тесные родственные связи с представителями земщины. Ряд работ В. по данной теме вышел в свет уже после его смерти в кн. «Исследования по истории опричнины» (М., 1963).

Посмертно была опубликована монография В. «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» (М., 1969), где даны развернутые характеристики отдельных родов московского боярства XIV–XVI вв., мн. представители к-рых являлись архиереями Русской Церкви, вкладчиками, настоятелями и насельниками мон-рей. Важное значение для изучения истории и генеалогии рус. боярских родов в XIV–XVII вв. имеют справочные материалы В., изданные посмертно в 2 книгах: «Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии» (М., 1974) и «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» (М., 1975). Для описания истории церковного землевладения не утратили своего значения созданные В. совместно с В. Н. Перцовым «Исторические карты Подмосковья» (М., 1993).

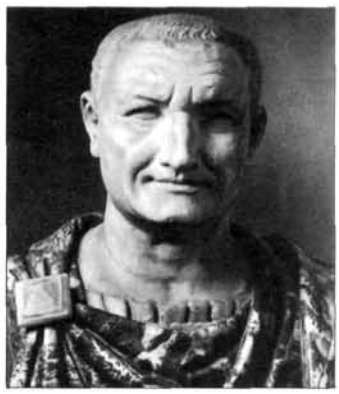
Арх.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 148–149; Ф. 620. Оп. 1–2.

Соч.: Приказной строй управления Моск. гос-ва. К., 1912; Приходо-расходные книги моск. приказов. М., 1912–1918. 2 кн. [Подгот. к печати]; Док-ты о постройке Пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григорье Яковлеве // ЛЗАК за 1913 г. 1914. Вып. 26. С. 1–28; Духовное завещание Ивана Грозного как ист. источник // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1947. Т. 4. № 6. С. 505–520; Мат-лы по истории общего описания всех земель Рус. гос-ва в кон. XVII в. // Ист. архив. 1951. Т. 7. С. 300–396; Пояснительные примечания к актам (о лицах и географ. пунктах) // АСЭИ. Т. 1. С. 590–637; Местное управление // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955 (в соавт. с С. К. Богоявленским); Род и предки А. С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1. С. 170–203; № 2. С. 205–241; Переход митрополичьей кафедры из Киева в Москву // Религия и церковь в истории России: (Сов. историки о правосл. церкви в России). М., 1975. С. 80–97; Акты писцового дела (1644–1661). М., 1977 [Сост.; подгот. к печати]; Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978; Приходо-расходные книги моск. приказов, 1619–1621 гг. М., 1983 [Сост.; подгот. к печати]; Акты писцового дела 60–80-х гг. XVII в. М., 1989 [Сост.; подгот. к печати]; Переписка С. Б. Веселовского с отеч. историками. М., 1998; Дневники 1915–1923, 1944 гг. / Подгот. А. Л. Юрганов // ВИ. 2000. № 2. С. 89–117; № 3. С. 84–110; № 6. С. 93–111; № 8. С. 86–109; № 9. С. 114–133; № 10. С. 113–140; № 11/12. С. 59–77; 2001. № 2. С. 69–83; Белозерский край в первые годы после Смуты // Архив рус. истории. М., 2002. Вып. 7. С. 276–296; Переписка С. Б. Веселовского и Б. Д. Грекова (май 1929 – дек. 1930) / Подгот. Д. Б. Споров // АЕ за 2001 г. М., 2002. С. 420–444.

Лит.: *Лёвшин Б. В.* Обзор документальных мат-лов фонда акад. С. Б. Веселовского // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 257–266; *Назаров В. Д.* Проблемы феодального землевладения в трудах акад. С. Б. Веселовского // Сов. историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 212–230; *Черепнин Л. В.* Степан Борисович Веселовский: (Творческий путь) // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы ист.-генеалогических исследований. М., 1977. С. 9–41; *Бычкова М. Е.* Степан Борисович Веселовский — генеалог // Там же. С. 42–56; *Кобрин В. Б., Аверьянов К. А.* С. Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989 (Лит.: с. 54–61; Библиогр. работ В.: с. 64–67); *Юрганов А. Л.* «Все это ушло далеко в вечность» — дневник и жизнь С. Б. Веселовского // Знание—сила. 2001. № 11. С. 115–127; *Бычкова М. Е., Смирнов М. И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004 (по указ.).

К. А. Аверьянов, А. В. Кузьмин

ВЕСПАСИА́Н Тит Флавий [лат. Titus Flavius Vespasianus; Imp.Caesar Vespasianus Augustus] (17.11.9, Реате, совр. Риети, Италия — 24.6.79, Аквы Кутилиевы, близ Реате), рим. имп. с 69 г. Основатель династии Флавиев (69–96). По происхождению принадлежал к италийской муниципальной знати. Род. в семье всадника, занимавшегося откупами гос. пошлин и ростовщичеством. При имп. Калигуле (37–41) добился поста претора (40 г.), при Клавдии (41–54) сделал блестящую карьеру благодаря покровительству имп. фаворита-вольноотпущенника Нарцисса. Был назначен командиром легиона, возглавляя к-рый сумел

Бюст имп. Веспасиана. 69–79 гг. (Капитолийские музеи. Рим)

отличиться при завоевании Британии (43–44), продемонстрировав личное мужество и талант полководца. За свои заслуги получил высшую полководческую награду — триумфальные знаки отличия и почетные жреческие должности понтифика и авгура. В 51 г. стал консулом и вошел в число приближенных императора. В 63 г. был образцовым проконсулом пров. Африка. При Нероне (54–68) утратил былое влияние и разорился, а под конец его правления попал в немилость и вынужден был удалиться в изгнание.

Новый взлет карьеры В. был связан с антирим. восстанием в Иудее, получившим название *Иудейской войны* (66–73). Благодаря военным заслугам и незнатному происхождению, позволявшему не опасаться его чрезмерных амбиций, В. был назначен Нероном наместником Иудеи. Пленный иудейский полководец Иосиф бен Матафия (буд. историк *Иосиф Флавий*) поведал ему, что именно В. является тем выходцем из Иудеи, к-рому в силу древних пророчеств суждено стать спасителем и главою всего мира (Иуд. война III 8, 9). К сер. 68 г. В. восстановил покорность Риму почти по всей Иудее, кроме Иерусалима и неск. крепостей, но после свержения и самоубийства Нерона прекратил боевые действия и занял выжидательную позицию. 1 июля 69 г. в Александрии В. был провозглашен императором. Его поддержали войска, находившиеся в вост. и дунайских провинциях. К кон. 69 г. армия соперника В. имп. Вителлия, опирав-

шегося на герм. легионы, была разгромлена, а сам он убит.

В кон. 69 г. В. был признан сенатом, а летом 70 г. он прибыл в столицу, передав своему сыну *Титу* командование рим. армией в Иудее. В. прекратил гражданские войны и восстановил мир — Pax Romana, в честь чего воздвиг на новом Форуме храм Мира. Его сын положил конец сопротивлению евреев, захватив Иерусалим в 70 г. (хотя крепость *Масада* держалась до 74), а его военачальник Цереал в том же году подавил восстание германско-кельт. племен во главе с Цивилисом. По единодушному мнению современников и потомков, В. был одним из лучших рим. императоров. Он спас гос-во от финансовой катастрофы, введя новые налоги и соблюдая режим строгой экономии, восстановил военную дисциплину и вел успешные войны в Британии, Германии и на Дунае. В. расширил социальную базу империи, распространяя в наиболее романизированных зап. провинциях права лат. и рим. гражданства и включив мн. представителей муниципальной знати Италии и зап. провинций в сенат и всадническое сословие. Тем самым была заложена основа для формирования новой имперской элиты. Во внутренней политике В. действовал, взяв за образец правление имп. *Августа:* оказывал почтение сенату и щедро тратил деньги на «общественное благо», помогая обедневшим сенаторам и жертвам стихийных бедствий, учредив гос. жалованье преподавателям риторики, прокладывая дороги и водопроводы, восстанавливая храмы и строя общественные здания (в т. ч. Колизей).

Ист.: *Гай Светоний Транквилл.* Божественный Веспасиан // *Он же.* Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1988; *Тацит.* История. I–V; Анналы. III, 55; *Ios. Flav.* De bell; *Dio Cassius.* Hist. Rom. 63–66.

Лит.: *Штаерман Е. М.* Кризис 68–69 гг. и деятельность Веспасиана // ВДИ. 1951. № 3 (37); *Homo L.* Vespasien, l'empereur du bon sens (69–79 ap. J. C.). P., 1949; *Schalit A.* Die Erhebung Vespasians nach Flavius Josepus, Talmud und Midrasch: Zur Geschichte einer messianischen Prophetie // ANRW. Tl. 2: Prinzipat. 1975. Bd. 2; *Грант М.* Римские императоры: Пер. с англ. М., 1998; *Levick B.* Vespasian. L., 1999.

А. Л. Смышляев

VÉSPERAE — см. *Вечерня.*

VESPERÁLE [лат. Liber vesperalis, от лат. vesperae — вечерня], лат. богослужебная книга, содержащая тексты *оффиция* (молитвы, чтения и песнопения), необходимые для совершения vesperae *(вечерни),* а также (не всегда) completorium *(повечерия).* Распеваемые тексты, как правило, нотируются. Довольно часто в V. помещаются изменяемые части не для всего годового круга, а только для воскресений и важнейших праздников. Иногда V. может содержать только песнопения и в таком случае является сокращенным вариантом *Антифонария.*

По данным Дж. Бароффьо, древнейшие известные итал. рукописные V. относятся к XV–XVI вв. (напр., Reggio Emilia. Bibl. Municipale. 17. A. 151, 1464 г.), в их числе есть и амвросианские (Milano. Archivio S. Satiro. [Sine siglo], XV в.). Встречаются и более ранние рукописи смешанных типов, в к-рых

AD VESPERAS
PER SINGULOS HEBDOMADAE DIES
Die Dominico.

Vesperale (амвросианского обряда). Roma, 1939. P. 1

суточный круг богослужения представлен только песнопениями вечерни (напр., Paris. Bibl. Nat. lat. 906, XI в.— V.-Градуал с Тропарием, Секвенциарием и Респонсориалом). Подобные рукописи создавались и позднее (напр., амвросианский Ингрессарий-V. Saronno. Archivio del Santuario. [Sine siglo], 1545 г.).

Название «V.» не всегда точно соответствует содержанию книги. Так, в числе богослужебных книг, выпущенных в Регенсбурге во 2-й пол. XIX в., один из томов Антифонария (Antiphonarium et Psalterium juxta ordinem Breviarii Romani cum cantu. Ratisbona, 1879–) имеет в заголовке слово «V.» (T. 2: cont. Horus Diurnus Breviarii Romani (Vesperale)), но содержит антифоны, псалмы, гимны и стихи для всех служб оффиция, кроме matutinae (сокращенный вариант этой книги — Epitome ex Vesperali Romano — был выпущен для тех приходов, где службы оффиция совершаются только в воскресные дни и важнейшие праздники). Нек-рые издания, являющиеся по составу V. (иногда с добавлением 3-го часа, песнопений и благословений для процессий из Процессионала и Ритуала), имеют более общее название — «Антифонарий» (Liber antiphonarius pro Vesperis et Completorio: Officii Romani, cum supplemento pro aliquibus locis. Solesmes, 1891).

С сер. XVIII в. появляются издания V. в переводах на новые европ. языки (напр., Vesperal viennois ... pour servir seul dans les Eglises de son Diocèse. Vienne, 1753) или с параллельными текстами (Vesperal monástico de Montserrat: Texto latino-catellano / Introd. y notas por F. S. O. S. B. 1947).

Лит.: *Henry H. T.* Antiphonary // The Catholic Encyclopedia. N. Y., 1907. Vol. 1; *Leroquais V.* Les psautiers manuscrits latins des bibliothèques publiques de France. Mâcon, 1940–1941. 3 vol.; *Salmon P.* Les manuscrits liturgiques latins de la Bibliothèque Vaticane. Città del Vaticano, 1972. N 148, 328; *Baroffio G.* I manoscritti liturgici // Guida a una descrizione uniforme dei manoscritti e al loro censimento / Ed. V. Jemolo, M. Morelli. R., 1990. P. 163–164; *idem.* Iter Liturgicum Ambrosianum: Inventario sommario di libri liturgici ambrosiani // Aevum. 2000. Vol. 74. P. 583–603; *idem.* Iter Liturgicum Italicum: Manoscritti liturgici italiani datati (1501–1600) // Riv. Intern. di Musica Sacra. 2001. Vol. 22. P. 315–353.

С. И. Никитин

ВЕ́ССЕНБЕРГ [нем. Wessenberg] Игнац Генрих Карл фон (4.11.1774, Дрезден — 9.08.1860, Констанц), нем. католич. теолог, церковный политик. Учился в Аугсбурге, Диллингене, Вюрцбурге и Вене; служил каноником в Аугсбурге и Констанце. В 1802 г. был назначен генеральным викарием архиеп. Констанцского. Выступал за реформирование религ. преподавания для улучшения подготовки священнослужителей, за введение нем. языка в богослужение и системы всеобщего образования. Был полномочным представителем главы Рейнского союза нем. гос-в на Венском конгрессе (1814–1815). Взгляды В. вызвали отрицательную реакцию Рима, и после того как в 1827 г. папа *Пий VII* расформировал Констанцское архиеп-ство, В. вынужден был оставить церковную службу. В 1829–1833 гг. он был лидером либеральной фракции в Баденской палате депутатов, в 1848–1849 гг.— во Франкфуртском парламенте (бундестаге). Выступал за

свободу слова, печати, образования, за открытость судебных процессов, за отмену судебной десятины. Яркий политик и публицист, В. был известен прежде всего как пропагандист идеи нем. национальной католич. Церкви, свободной от подчинения Риму. Не отрицая папского первосвященства, он, однако, считал, что католич. еп-ства всех герм. гос-в должны возглавляться общегерм. примасом. По мнению В., распоряжения папы или папских учреждений должны были исполняться только с разрешения главы общегерм. гос-ва и с согласия архиепископа и епископов. Основал приют для девушек, занимался историей и лит-рой.

Соч.: Die Elementarbildung des Volkes im 18. Jh. Zürich, 1814; Die deutsche Katholische Kirche an Deutschlands Souvaraine. Fr./M., 1815, 1817; Die christlichen Bilder: Ein Beförderungsmittel des christl. Sinnes. Constanz, 1827. 2 Bde; Die grossen Kirchenversammlungen des 15.–16. Jh. Constanz, 1840. 4 Bde; Gott und Welt, oder das Verhältniss aller Dinge zu einander und zu Gott. Hdlb., 1857. 2 Bde; Unveröffentliche Manuskripte und Briefe. Freiburg, 1968–1987. 4 Bde.; Der Briefwechsel zwischen I. H. von Wessenberg und H. Zschokke / Bearb. v. R. Herzog u. O. Pfyl. Basel, 1990; Briefwechsel mit dem Luzerner Stadtpfarrer und Bischöflichen Komissar Thaddäus Müller in den Jahren 1801 bis 1821 / Bearb. v. M. Weitlauff. Basel, 1994. 2 Bde.

Лит.: *Gröber C.* I. H. K. von Wessenberg // Freiburger Diözesanarchiv. 1927. Bd. 47. S. 362–507; 1928. Bd. 48. S. 294–435; *Bagsten H.* Die vatikanischen Aktenstücke zur «Causa» Wessenbergs in Rom im Jahr 1817 // Ibid. 1933. Bd. 53. S. 219–261; *Keller E.* I. H. v. Wessenberg: Liturgiereform // Ibid. 1965. Bd. 85; *Engelmann U.* I. H. v. Wessenberg und Kirche // Hist. Jb. 1971. Bd. 91; Kirche und Auflärung: I. H. von Wessenberg (1774–1860) / Beitr. v. K. Schatz et al. Münch., 1989.

О. И. Величко

ВЕ́СТА [лат. Vesta], в древнерим. религии богиня священного очага городской общины, курии, дома. Соответствует греч. богине *Гестии*. Культ В. был тесно связан с рим. святынями: палладием (статуей *Афины*), по преданию привезенным Энеем из Трои и хранившимся в храме В. как залог вечного могущества Римского гос-ва, а также с регией — жилищем царя. Культ В. ведет свое начало от царя Нумы Помпилия (715–673 гг. до Р. Х.). Храм В. (Aedes Vestae) был круглой формы и располагался на рим. Форуме, в нем находился очаг, в к-ром жрицы В.— весталки постоянно поддерживали огонь. В первый день нового года священный огонь гасили, а затем зажигали вновь трением священного дерева о дерево, а от него зажигались огни очагов курий. Угасание огня В. считалось дурным предзнаменованием, и допустившие это весталки подвергались бичеванию. Жрицы В., пользовавшиеся в Риме большим влиянием и почетом (напр., если приговоренный к смертной казни встречал на своем пути весталку, то его освобождали), выбирались из девочек 6–10 лет из знатных семей, к-рые должны были в течение службы богине (30 лет) хранить девственность. За нарушение этого обета весталок замуровывали живыми. В. причисляли к *пенатам* (божествам-хранителям) Рима. Магистраты, вступая в должность, приносили жертвы пенатам и В. в храме В., где и хранились пенаты, приближаться к к-рым могли только весталки и жрецы. Ни в одном храме В. не было ее изображения. Этой богине был посвящен специальный праздник, т. н. Весталия, проходивший ежегодно 7–15 июня. В первый день праздника для женщин открывалась внутренняя часть храма (penus Vestae), где они приносили жертвы богине. Изображалась В. с лицом, закрытым покрывалом, с чашей, факелом, скипетром и палладием. В частных домах ей посвящался вход в дом (вестибул).

ВЕ́СТВЕРК [нем. Westwerk — зап. строение], термин, обозначающий особый тип архитектурного решения зап. части храма раннего романского периода в Европе; употребляется в основном в немецко- и англоязычной лит-ре. Идея трактовки В. как устойчивой формы организации пространства предложена нем. учеными XIX в.; источники эпохи Каролингов называют зап. часть совр. им храмов castellum или turris. Неоднократно высказывались предположения, что нек-рые формы каролингского В., напр. башни, фланкирующие зап. фасад, ведут происхождение от ранневизант. архитектуры Сирии.

Создание В. наряду с контрапсидой стало способом оформления 2-го центра богослужения в зап. части храма, где одновременно был устроен парадный вход. Зап. алтарное пространство в отличие от вост. оказалось архитектурно развернуто в вертикальной, а не в горизонтальной плоскости. В. был многоуровневой структурой, делился на наземную сводчатую «крипту» (своего рода притвор или вестибюль), из к-рой открывался доступ в пространство храма и лестничные башни, обычно стоявшие симметрично по углам. В главном уровне В. находилось большое помещение зального типа, открытое в основной объем и окруженное галереями. Над ним возводили центральную, 3-ю, башню. Все элементы В., особенно башнеобразные объемы, составили устойчивый тип оформления главного (зап.) фасада католич. храмов романской и готической эпох.

Первые известные храмы с В. восходят к IX в. Древнейший из них, св. Рихария в пикардийском мон-ре Сен-Рикье (Центула) на севере Франции, был освящен в 799 г., разрушен в кон. XI в. Представление о его внешнем облике дают письменные источники и гравюры (на основе несохранившейся миниатюры XV в.). По косвенным данным или изображениям известны др. ранние В. (соборы в Реймсе (850–860) и Хильдесхайме (ок. 870, Н. Саксония), и др.). Единственный храм эпохи Каролингов, в к-ром уцелела значительная часть подлинного В. (873–875), находится в Корвее на р. Везер, в окрестностях г. Хёкстера (земля Сев. Рейн-Вестфалия, Германия). Здесь В. в ширину был равен церкви, имел 2 квадратные в плане лестничные башни по углам. В верхнем этаже помещался большой, почти квадратный зал, окруженный с 3 сторон галереей. Над центральными помещениями возвышалась главная башня, соединявшаяся с боковыми. В наземном уровне центральная часть опиралась на криптообразное помещение под крестовым сводом на 4 колоннах, вост. сторона открывалась в главную церковь, подобно ложе.

Назначение каролингского В. вызвало споры. Ученые Германии (Х. Тюммлер) считали, что столь выразительное архитектурное решение не было случайным и служило выражением политических амбиций императоров как защитников Церкви, что В. исполняли роль королевских капелл или приемных залов. Веский аргумент в пользу такого подхода — устройство дворцовой капеллы *Ахена* (786–800), где до XIV в. существовал В., представлявший собой прямоугольное сооружение с лестничными башнями, ведущими на 2-й уровень, в открытой галерее к-рого был помещен трон

императора, 3-й уровень включал камеру для реликвий и, возможно, был увенчан встроенной световой башней. В нем не было престола и не осуществлялось богослужение, но подобные ему здания, хотя и меньшие по размеру, строились в XI в.

Связь с имперской властью характерна не для всех В. Большинство ученых признает, что эти сложные структуры возникли из литургических потребностей Церкви. Так, в верхней капелле внутри В. ц. св. Рихария помещался престол в честь Спасителя, на к-ром служили во время праздников, связанных с именем Христа. По мнению К. Хайца, архитектура верхней капеллы иконографически связана с ротондой Гроба Господня в Иерусалиме. Судя по документам, доступ в капеллу был открыт мирянам, но во время богослужения они были отделены от монахов. Важность литургической функции В. подчеркивала высокая центральная башня (что отражено в житиях святых, описывающих Центулу XI в.). На Пасху вся община собиралась в капелле для участия в литургии и драматическом действе, причем в галереях размещались хоры певчих (в Корвее обнаружены ранние граффити с записями музыки). В наземном этаже хранились 25 реликвий, связанных с жизнью Христа (т. н. капса майор).

В своем первоначальном виде, с верхней капеллой, обычно освященной во имя Спасителя, В. существовал недолго: уже в 976 г. такая же капелла была полностью разобрана при перестройке собора в Реймсе. С кон. X в. зап. часть храма уже не воспринималась как место для размещения престола во имя Спасителя. Верхние зап. капеллы и галереи все чаще посвящались арх. Михаилу или местным святым (в Уинчестере (971–980) капелла св. Суитина). Изменилось и решение интерьера В.: в X в. в церквах Спасителя в Вердене и св. Пантелеимона в Кёльне криптообразное помещение нижнего уровня отсутствует, а центральная часть решена как единое пространство, иногда связанное с главным объемом (Кёльн). Однако снаружи эти изменения не выражены. Объем В. с башнями, колокольнями и деревянными шатрами придавал храмам раннего средневековья вертикальность в отличие от раннехрист. построек, где господствовала горизонтальная композиция.

В. продолжали строить даже после того, как он утратил литургическую функциональность. Такие формы, как увенчанный башней объем над входом, капелла или галерея над проемом главных дверей и 2-башенный фасад (т. н. гармоничный фасад), стали фундаментальным элементом романского и готического храма в X–XII вв. в Зап. Европе. Связь эпохи Каролингов с романским искусством обеспечили памятники Нормандии, напр. храмы аббатств Жюмьеж (1040–1067) и Сент-Этьен в Кане (построен Вильгельмом Завоевателем); отсюда В. попал в англо-норманнскую архитектуру.

В. можно рассматривать как вариант развития раннехрист. нартекса в ср. века. Альтернативное ему, хотя и схожее во многом развитие представляют церкви Др. Руси: зап. фасад часто фланкируют башни с лестницами (в нек-рых случаях 2, как в соборах Спасском в Чернигове (1-я пол. XI в.) и Св. Софии в Киеве (1037–1045)), наземный этаж перекрывается сводом и сообщается с наосом, а верхний (хоры) образует зальный объем с прилегающими палатками, открывающийся в пространство церкви. Как и в Зап. Европе, залы на хорах рус. князья использовали для приемов.

Лит.: *Grodecki L.* L'architecture ottonienne: au seuil de l'art roman. P., 1958; *Heitz C.* Recherches sur les rapports entre architecture et liturgie à l'époque carolingienne. P., 1963; *idem.* L'architecture religieuse carolingienne: les formes et leurs fonctions. P., 1980; *Oswald F.* Vorromanische Kirchenbauten: Kat. d. Denkmäler bis zum Ausgang d. Ottonen. Münch., 1966–1971. 2 Bde; Carolingian Art / Ed. J. Hubert e. a. L., 1970; *Genicot L.-F.* Les Églises mosanes du XIe siècle. Louvain, 1972; Romanische Baukunst an Rhein und Maas: Kat. d. Vorromanischen u. Romanischen Denkmäler / Ed. H. E. Kubach, A. Verbeek. B., 1976–1989. 4 Bde; *Conant K. J.* Carolingian and Romanesque Architecture, 800 to 1200. New Haven, 1978; *Fernie E.* The Architecture of the Anglo-Saxons. L., 1983; *idem.* The Architecture of Norman England. Oxf., 2000; *Binding G.* Deutsche Königspfalzen: von Karl dem Grossen bis Friedrich II. (765–1240). Darmstadt, 1996; *Claussen H.* Kloster Corvey. Münch., 1996[3].

Л. А. Беляев

ВЕСТГО́ТЫ [визиготы, тервинги; нем. Visigothi, Thervingi], герм. племена, зап. ветвь *готов*.

ВЕСТМИ́НСТЕРСКАЯ АССАМБЛЕ́Я [англ. Westminster Assembly], синод протест. богословов, созванный англ. Долгим парламентом для реформирования Церкви Англии в 1643–1649 гг. Результатом ее работы стало создание т. н. Вестминстерских стандартов: *Вестминстерского исповедания* (Westminster Confession), Полного вестминстерского катехизиса (Larger Westminster Catechism), Краткого вестминстерского катехизиса (Shorter Westminster Catechism), Руководства по богослужению (Directory of Public Worship of God) и церковному устройству (Form of Church Government). В В. а. приняли участие 20 делегатов от палаты общин и 10 — от палаты лордов, представители от англ. духовенства (от каждого графства) и от пресвитерианской церкви Шотландии, к-рые присоединились к ассамблее с правом совещательного голоса после подписания в сент. 1643 г. «Торжественной лиги и завета». Заседания В. а. начались 1 июля 1643 г. в *Вестминстерском аббатстве* и регулярно продолжались до 22 февр. 1649 г. (всего 1163 заседания), затем проходили время от времени до роспуска Долгого парламента в 1653 г. Официально В. а. так и не была закрыта.

Перед ассамблеей стояла задача создания на Британских о-вах единой реформатской (пресвитерианской) церкви, но окончательное решение парламент оставил за собой, сведя ассамблею до уровня консультативного органа. В *«Тридцати девяти статьях»* (ст. 21) запрещался созыв такого рода синодов без «разрешения и изволения государей», т. е. парламент, открыв В. а., воспользовался привилегией, принадлежавшей только королю. Кор. Карл I специальным постановлением запретил ассамблею, что сделало практически невозможным участие в В. а. англикан. епископов.

Первые 3 месяца в соответствии с указом парламента от 5 июля 1643 г. В. а. занималась пересмотром «Тридцати девяти статей» (15 из них). После подписания «Торжественной лиги и завета», т. е. заключения гражданско-религ. союза между Англией и Шотландией, парламент потребовал от В. а. приступить к работе над новыми документами — руководством по богослужению, к-рое заменило бы англикан. «Книгу общих молитв», и исповеданием веры для церквей Англии, Шотландии и Ирландии (окт. 1643). Большинство делегатов В. а. были кальвинистами, поэтому догматические вопросы не вызывали продолжительных споров. Самые длительные

и жаркие дискуссии в 1643–1644 гг. были посвящены вопросам церковного устройства, напр., дискуссия «о божественном праве пресвитерий» продолжалась 30 дней (получила название «долгая дискуссия»).

Вестминстерские богословы подготовили и утвердили «Руководство по богослужению» и «Руководство по церковному устройству пресвитерианской церкви». 10 дек. 1646 г. В. а. представила 600 копий нового исповедания веры обеим палатам парламента, эти экземпляры считаются 1-м изданием Вестминстерского исповедания, но в нем отсутствовали ссылки на Свящ. Писание — т. н. библейские доказательства, к-рые подтверждали бы каждое положение исповедания. На их подготовку ушло ок. 4 месяцев, и к 29 апр. Вестминстерское исповедание вновь было представлено обеим палатам парламента. Оно было принято на Генеральной ассамблее Церкви Шотландии 27 авг. 1647 г. Большой (196 вопросов и ответов) и Краткий (107 вопросов и ответов) катехизисы были утверждены на Генеральной ассамблее Церкви Шотландии в июле 1648 г. На протяжении всех последующих лет постоянно работал только комитет В. а., дававший разрешения на ординацию священнослужителей.

И. Р. Л.

ВЕСТМИ́НСТЕРСКОЕ АББА́ТСТВО [англ. Westminster Abbey], собор св. ап. Петра в юго-зап. районе совр. Лондона; место коронации англ. монархов, начиная с кор. Вильгельма Завоевателя (XI в.; исключение составляют только Эдуард V и Эдуард VIII). Аббат (в наст. время декан) играет важную роль в церемонии коронации. В соборе В. а. похоронены мн. монархи, от Генриха III до Георга II (в т. ч. Эдуард III, Генрих VII, Мария I, Елизавета I, Мария Стюарт). С нач. XIV в. до 1395 г. В. а. было также и местом заседаний палаты общин англ. парламента.

Согласно легенде (возникшей, вероятно, в XIII в.), В. а. было основано в 616 г. и чудесным образом освящено св. ап. Петром; упоминается в хартии кор. Оффы (785), но достоверность этого документа оспаривается. В хронике Уильяма Малмсберийского отмечено, что мон-рь был восстановлен св. Дунстаном, Архиепископом Кентерберийским.

Вестминстерское аббатство. Вид с запада

В сер. XI в. англ. кор. Эдуард Исповедник, освобожденный папой от обета совершать паломничество в Рим, основал бенедиктинское аббатство на месте старого англосаксон. мон-ря. В 1065 г. был освящен трансепт, строительство нефа завершилось к 1085 г., а весь первоначальный монастырский комплекс был построен к 1100 г. После канонизации кор. Эдуарда Исповедника (1161) его мощи были помещены в раку в хоре собора.

В. а., хранящее мощи основателя, вскоре стало одним из богатейших мон-рей Англии. До правления кор. *Якова I Стюарта* (1603–1625) В. а. обладало правом предоставления убежища. В ср. века находилось под особым покровительством Римско-

Места для хора

го престола. Аббат Лоренс (1158–1173) получил право носить митру. В 1222 г. В. а. было полностью изъято из юрисдикции епископа Лондонского и Архиепископа Кентерберийского. С этого времени начинается период активного строительства. В 1220–1245 гг. возводится часовня Девы Марии. Сразу по ее завершении кор. Генрих III начал строительство нового собора в готическом стиле, существующего и в наст. время. К 1269 г. была завершена вост. часть храма и рака с мощами Эдуарда Исповедника была перенесена за алтарь. Строительство нефа не раз прерывалось и было завершено только в 1505 г. Кор. Генрих VII, стремившийся к канонизации своего предшественника Генриха VI, начал строительство часовни (закончена в 1519), где должны были покоиться его мощи. Совр. облик аббатства завершают зап. башни, спроектированные К. Реном и Н. Хоксмуром (завершены в 1735).

В 1540 г. аббатство было распущено и преобразовано в коллегиальную церковь под управлением декана и 11 пребендариев. Последний аббат мон-ря Уильям Бостон стал первым деканом Вестминстерской церкви. Она находилась в прямом подчинении монарха как Главы англикан. Церкви и была изъята из

Коронационное кресло

юрисдикции епископа Лондонского. В 1540 г. мн. монастырские здания были переданы основанной *Генрихом VIII* школе. В 1540–1550 гг. Вестминстер являлся центром диоцеза, включавшего большую часть графства Мидлсекс. При *Марии Тюдор* был вновь воссоздан бенедиктинский мон-рь (1556–1559), позднее кор. *Елизавета I* распустила его и вновь организовала коллегиальную церковь. В 1662–1802 гг. деканы Вестминстера одновременно являлись и епископами Рочестерскими. В XIX в. коллегиальная церковь была реформирована, пребен-

дариев сменили каноники, а их число уменьшилось до 6 (1840). В наст. время в Вестминстере 4 каноника.

Лит.: *Stanley A. P.* Historical Memorials of Westminster Abbey. L., 1882[5]; *Lethaby W. R.* Westminster Abbey & the King's Craftsmen. L., 1906; *Westlake H. F.* Westminster Abbey. L., 1923; A House of Kings: A History of Westminster Abbey / Ed. E. Carpenter. L., 1966; *Wilson C. e. al.* Westminster Abbey. L., 1986; Westminster Abbey: Official Guide. L., 1987.

А. Ю. Серёгина

ВЕСТМИ́НСТЕРСКОЕ ИСПОВЕ́ДАНИЕ [англ. Westminster Confession], вероучительный документ пресвитерианской церкви, подготовленный на *Вестминстерской ассамблее* и получивший широкое распространение среди пресвитерианских, методистских, конгрегационалистских и баптистских церквей как в *Великобритании*, так и в др. странах.

История создания. Согласно указу англ. парламента от 5 июля 1643 г., Вестминстерская ассамблея начала работу по пересмотру *«Тридцати девяти статей»*, имея целью «защитить эти статьи от всяческой клеветы и ложных истолкований». Пересмотру подверглись 15 статей, к к-рым были добавлены цитаты из Свящ. Писания — т. н. библейские доказательства. Указом парламента от 12 окт. 1643 г. эта работа была приостановлена, и ассамблея приступила к составлению «Руководства по богослужению», а затем и к подготовке текста исповедания веры «в соответствии с «Торжественной лигой и заветом» единого для 3 королевств — Англии, Шотландии и Ирландии. 20 авг. 1644 г. был образован специальный комитет, занимавшийся материалами для написания исповедания, под председательством У. Ходжа. В комитет вошли присутствовавшие на ассамблее представители от англ. делегации Т. Гатакр, Дж. Хойл и др., от шотл.— А. Хендерсон, Р. Бейли, С. Ратерфорд, Дж. Гиллеспи и др. 7 июля 1645 г. на заседании парламента была прочитана небольшая часть исповедания, содержащая учение о Свящ. Писании, а затем начались дискуссии. 16 июля 3 главных комитета ассамблеи получили текст исповедания, на последующих заседаниях происходило его подробное обсуждение. 25 сент. 1646 г. документ получил рабочее название «Скромная рекомендация» и первые 15 глав были отосланы в палату общин, 1 окт. они поступили в палату лордов. После 3-го чтения (6 нояб.) палата лордов единогласно одобрила этот документ. Палата общин решила отложить вынесения своего вердикта до представления полного текста. На заседании ассамблеи 4 дек. 1646 г. было завершено рассмотрение текста исповедания и его представили обеим палатам парламента.

Впервые В. и. было напечатано в дек. 1646 г. и предназначалось исключительно для парламента и ассамблеи. Однако палата общин 22 апр. 1647 г. потребовала от ассамблеи представить библейские доказательства — цитаты из Свящ. Писания, подтверждающие положения исповедания, что и было сделано 29 апр. К 22 марта 1648 г. палата общин завершила изучать В. и., внесла неск. изменений, касающихся управления Церковью, и дала новое название документу — «Статьи христианской религии, одобренные и принятые обеими палатами парламента в соответствии с Советом, заседавшим по распоряжению парламента вместе с ассамблеей богословов в Вестминстере». 3 июня 1648 г. палата лордов дала согласие на все изменения, внесенные палатой общин, за исключением гл. 24 («О браке и разводе»). 20 июня палата общин разрешила публиковать текст исповедания веры вместе с библейскими доказательствами. В 1659 г., после смерти О. Кромвеля, парламент принял исповедание веры, кроме глав 30 («О мерах церковного воздействия») и 31 («О синодах и соборах»).

Генеральная ассамблея Церкви Шотландии, собравшаяся 27 авг. 1647 г. в Эдинбурге, после тщательного изучения приняла полностью тот вариант, к-рый был написан вестминстерскими богословами, заявив, что «оно в наибольшей степени согласуется со Словом Божиим и ни в чем не противоречит одобренному учению, богослужению, дисциплине и руководству нашей Церкви». Шотландский парламент также поддержал это решение 7 февр. 1649 г.

Вероучение. В. и. продолжает традицию *Ламбетских* (1580) и Ирландских статей (1615), состоит из 33 глав, во многом повторяя структуру последних, и рассматривает основные положения христ. веры от творения до Страшного Суда. В первых главах говорится о богодухновенности, авторитетности и достаточности Свящ. Писания как непогрешимого правила веры. Главы 3 («О Божиих вечных установлениях»), 5 («О провидении») и 9 («О свободной воле») тесно связаны между собой. В них говорится о том, что Бог из всего падшего человечества избрал определенное число людей ко спасению и «прошел мимо» остальных, предав их справедливому наказанию за их грехи, — т. о. описывается теория «ограниченного искупления». «Никто из иных не искуплен Христом, не имеет действенного призвания, не оправдан, не усыновлен, не освящен и не спасен — никто, кроме избранных» (3. 6). В гл. 7 утверждается, что в завете благодати Господь «дарует грешникам жизнь и спасение через Иисуса Христа, требуя от них веры в Него, чтобы они могли быть спасены, и обетование всем тем, которые предопределены к жизни, дать Его Святого Духа, чтобы соделать их желающими и способными к верованию» (7. 3). Кроме того, признается наличие свободы воли у человека (9. 1), но не разрешается антиномия между божественным суверенитетом и человеческой свободой. С др. стороны, утверждается, что божественные «абсолютные и вечные установления» никоим образом не являются причиной греховных поступков человека. Люди сами ответственны за свои грехи (3. 2–3).

В главах 6–9 представлены общие положения для всех кальвинистских церквей, дополненные учением о заветах, ставшим особенно популярным в Англии в XVII в. В гл. 7 подчеркиваются различия, существующие между двумя заветами, заключенными между Богом и человеком: заветом дел — с Адамом и его потомками и заветом благодати — Христа с верующими. Завет благодати существует в 2 диспенсациях (свершениях): во времена закона и во времена Евангелия. Во времена закона этот завет осуществлялся посредством обетований, жертв, обрезания, приношений пасхального агнца, и др. прообразов и установлений, к-рые предвещали грядущего Христа. Во время Евангелия он воплощается через проповедь Слова Божия и совершение Таинств. Т. о., двух заветов благодати, отличающихся друг от друга по сути, не существует, завет — один, но его свершения различны.

Главы 10–18 содержат учение об оправдании, усыновлении, освящении, спасительной вере, добрых делах и уверенности в спасении. В гл. 17 («О неотступности (сохранности) святых») под «неотступностью святых» понимается то, что избранные Богом «не могут ни всецело, ни окончательно отпасть от состояния благодати, но, напротив, устоят в нем до конца и обретут вечное спасение» (17. 1), при этом «неотступность» зависит не от воли человека, а от «свободной и неизменной любви Бога Отца, действенности заслуги и ходатайства Иисуса Христа...» (17. 2). «Святые» могут впадать в «прискорбные тяжкие грехи», навлекая на себя только «временную кару» (17. 3). В гл. 18 («Об уверенности в благодати и спасении») говорится о том, что «святые» обладают не просто надеждой, а уверенностью в своем спасении уже в земной жизни. В гл. 20 («О христианской свободе и свободе совести») понятие христ. свободы, к-рую для верующих приобрел Иисус Христос, заключается в освобождении от проклятия ветхозаветного закона, «от уз сатаны, от господства греха, от злой скорби, от жала смерти... и вечных страданий» (20. 1). «Господом совести» является только Бог. Тем не менее В. и. чужда идея свободы совести для всех, поэтому «ошибочные мнения или действия, а также какое-либо обнародование или поддержка их являются по своей природе разрушительными для вечного мира и порядка, которые Христос установил в Церкви. Такие люди могут быть законно призваны к ответу и подлежат судам Церкви и гражданской власти» (20. 4). Гл. 21 («О Богослужении и субботнем дне») формулирует т. н. пуританское учение о христ. субботе, к-рая установлена божественным законом при творении, законом, данным Моисею, прообразующим искупление Израиля, а также является празднованием нового творения и окончательного искупления по Воскресении Христовом. Поэтому суббота переносится с последнего дня недели на первый и названа «днем Господним». По В. и., этот день должен быть посвящен публичным и приватным богослужениям и делам милосердия. Это учение не разделялось др. реформатами и не входило в континентальные исповедания веры, но пользовалось популярностью в Англии, Шотландии и США. В гл. 25 раскрывается учение о Церкви и впервые среди кальвинистских исповеданий подробно описаны различия между видимой и невидимой Церквами. Невидимая Вселенская Церковь — полнота избранных, «всех тех, кто есть и будет собран воедино под Христом, своим Главой» (25. 1), видимая Церковь, тоже вселенская (или всеобщая), состоит «из всех живущих на земле верующих, которые исповедуют истинную веру, а также их детей» (25. 2). В. и. учит, что Вселенская Церковь в разные исторические периоды может быть более или менее видимой (25. 4) и даже «самые чистые церкви под небом подвержены отклонениям и ошибкам» (25. 5). Христос провозглашается единственным Главой Церкви. Папа Римский, претендующий на роль верховного главы Церкви на земле, объявляется «антихристом, человеком греха и сыном погибели, который возвеличил себя в Церкви против Христа и всего, имеющего отношение к Богу» (25. 6). В гл. 26 («Об общении святых») указывается на необходимость поддержания «святого общения и братства» среди всех христиан, в какой бы части видимой Церкви они ни находились. Учение о таинствах вообще и о Крещении и Вечере Господней в частности (главы 27–29) ничем не отличается от учения др. кальвинистских исповеданий, как континентальных, так и британских.

Главы 23 («О гражданской власти»), 30 («О церковных мерах воздействия») и 31 («О синодах и соборах») посвящены вопросам церковной дисциплины и церковно-гос. отношениям. Гражданская власть, по В. и., установлена Богом, поэтому христианин может исполнять должность правителя или магистрата. Долг народа — «молиться за правительство, почитать его представителей, платить налоги и подати, повиноваться его законным постановлениям и подчиняться ему по совести» (23. 4). С др. стороны, «гражданская власть не может принимать на себя служение Слова и совершение Таинств», однако имеет право «созывать синоды и присутствовать на них» (20. 3). Среди мер церковного воздействия упоминаются увещевание, недопущение к Причащению, отлучение от Церкви (30. 4). Синоды и соборы собираются для «лучшего управления Церковью». Хотя гражданские власти и могут выступать их инициаторами, но, в случае если «власти становятся открытыми врагами Церкви», служители Церкви могут проводить их и без представителей власти, тем более что синоды и соборы не могут принимать решения по вопросам, не касающимся церковной жизни. Решения соборов, начиная с апостольских времен, «не являются сами по себе правилами веры или практической деятельности» (31. 4). В наст. время продолжает придерживаться В. и. Церковь Шотландии.

И. Р. Л.

«ВЕ́СТНИК БЕЛОРУ́ССКОГО ЭКЗАРХА́ТА» издается с 1990 г., сначала как ежеквартальный журнал, с 1998 г.— как альманах без определенной периодичности. Выпуски тематические, статьи печатаются по желанию авторов на белорус. и рус. языках.

На страницах «В. Б. Э.» публикуются преимущественно исторические и богословские материалы: № 8 был посвящен 1000-летию Православной Церкви в Белоруссии, № 9 имеет подзаголовок «Покров Пресвятой Богородицы над Белой Русью», № 10 — «200 лет Минской епархии», № 17 (№ 1 альманаха) — «Благоверный князь Острожский». Особое значение имеют номера (тома) «В. Б. Э.», посвященные визитам Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II* в Республику Беларусь (№ 7, 14, 18, 19).

В «Вестнике» печатаются жизнеописания белорус. святых, очерки о белорус. церковных деятелях, правосл. ученых, святынях и храмах, напр., № 15 («Крест — хранитель всея Вселенныя») посвящен истории создания и воссоздания креста прп. *Евфросинии* Полоцкой. Важной темой издания является освещение взаимодействия Церкви и белорус. общества в деле возрождения правосл. духовности и национальной культуры (№ 4 — «Интеллигенция и Православие», № 5 — «Пути и судьбы народа Божия»), много внимания уделяется деятельности Библейской комиссии *Белорусского Экзархата*. По мере открытия новых епископских кафедр в Белоруссии и учреждения епархиальных печатных изданий «В. Б. Э.» стал больше ориентироваться на освещение вопросов, имеющих об-

щецерковное и общественное значение; напр., материалы Минских епархиальных научных чтений «Церковь и медицина» составили содержание № 16.

А. А. Петрашкевич

«ВЕ́СТНИК ВИ́ЛЕНСКОГО ПРАВОСЛА́ВНОГО СВЯ́ТО-ДУ́ХОВСКОГО БРА́ТСТВА» — см. *«Литовские епархиальные ведомости»*.

«ВЕ́СТНИК ВОЕ́ННОГО И МОРСКО́ГО ДУХОВЕ́НСТВА» (до 1910 «Вестник военного духовенства»). Издавался по Ведомству главного священника гвардии, гренадер, армии и флотов (с 1911 Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства) в С.-Петербурге с янв. 1890 по июль 1917 г. (последний № 11/12) 2 раза в месяц.

«Вестник военного и морского духовенства». 1914 г. (РГБ)

Редакторами журнала являлись протоиереи Иоанн Таранец (1890–1910), Иоанн Морев (1911), Евгений Запольский (1912–1914), Александр Смирнов (1914–1915), Феодор Ласкеев (1915–1917).

Первоначально «Вестник» состоял из 2 частей: офиц. и неофиц. В последней публиковались проповеди военных священнослужителей, историко-статистические сведения о церквах военного ведомства, вопросы и случаи из пастырской практики военного духовенства, воспоминания отличившихся в войнах военных священнослужителей, внебогослужебные беседы и др. В 1904–1905 гг. печатались материалы, посвященные русско-япон. войне: обязанностям военных священников, публиковались рассказы священнослужителей — участников военных действий. В 1905–1907 гг. журнал публиковал материалы, помогающие духовенству противостоять революционной пропаганде в армии и на флоте: «О военном бунте в киевском гарнизоне» (1906. № 7), «Внебогослужебные беседы по поводу появления в полку прокламаций» (1906. № 17), «Как обезопасить нижних чинов от политического брожения» (1906. № 24) и др. В последующие годы журнал уделял специальное место противодействию революционной агитации и влиянию сект в армии и на флоте, вовлечению военных, особенно офицеров, в церковную жизнь.

После назначения в 1911 г. на должность протопресвитера военного и морского духовенства Георгия *Шавельского* журнал претерпел реорганизацию. В нем появились новые отделы: «Справка проповедника», «Хроника», «Корреспонденции», библиографический, объем издания вырос до 60–65 страниц (раньше — не более 35). Интересна шедшая на страницах «Вестника» полемика по вопросу о задачах пастырского служения в войсках, в к-рой приняли участие военные священники К. Гапановский, П. Семов, В. Целицо, Ф. Галицев и армейские офицеры (в № 1, 9, 13, 18, 20 за 1912 г., и № 6, 7–8, 10, 13–14, 15–16, 19 за 1913 г.). В ходе полемики обсуждались такие явления, как распущенность в армии, маловерие, особенно в офицерской среде, неуважение к священному сану, а также недостатки военного духовенства. В июльских выпусках 1914 г. журнал поместил материалы Всероссийского съезда военного и морского духовенства в С.-Петербурге (1–10 июля), посвященного служению духовных пастырей во время войны. После начала первой мировой войны в «Вестнике» открылись рубрики «На ратных полях» и «Письма с войны», в к-рых содержится богатый материал о деятельности рус. военного духовенства. После Февральской революции 1917 г. в ответ на дискредитацию печатью Русской Церкви, в частности военного духовенства, журнал публиковал статьи, разоблачающие лживость антицерковной пропаганды (статья прот. Е. Кондратьева «Старый строй и Православная Церковь» в № 5/6 за 1917 г. и др.).

В 1914–1917 гг. в качестве приложения к журналу еженедельно выходил «Воскресный листок» (последний № 24).

Лит.: *Ливенцев Н. П., свящ.* Сист. указ. ст., помещенных в «Вестнике военного духовенства» за 1890–1899 гг. СПб., 1900; *Рункевич С. Г.* // ПБЭ. Т. 3. Стб. 1162–1166; *Андреев.* Христианская периодика. Т. 1. С. 38–39.

Архим. Никон (Лысенко)

«ВЕ́СТНИК ГРУЗИ́НСКОГО ЭКЗАРХА́ТА» — см. *«Духовный вестник Грузинского экзархата»*.

«ВЕ́СТНИК ЗА́ПАДНОЙ РОССИ́И» (до 1864 «Вестник Юго-Западной и Западной России»), ежемесячный лит. и исторический журнал, издавался археологом и историком К. А. Говорским с июля 1862 г. в Киеве (при *киевском Братском мон-ре*), в 1864–1871 гг.— в Вильне. Основная цель издания — защита Православия, борьба с польск. влиянием и католичеством на западнорус. землях, противодействие распространению атеизма, проявлениям укр. национализма и сепаратизма. «Вестник» имел 4 раздела. В 1-м разд. преимущественно публиковались документы по истории правосл. Церкви, унии, борьбы Православия с католичеством на территории Белоруссии и Украины. 2-й разд. составляли статьи, по большей части посвященные истории западнорус. земель (среди авторов — Говорский, П. Бобровский, И. Г. Кулжинский и др.). Материалы 3-го разд. посвящены вопросам совр. церковной, гос. и политической жизни. В 4-м публиковались худ. произведения и хроника.

В 1864 г. Говорский, столкнувшись с финансовыми трудностями по изданию журнала, перенес редакцию в Вильну, где нашел поддержку у генерал-губернатора гр. М. Н. Муравьёва, к-рый считал, что после Польского восстания 1863–1864 гг. в зап. губерниях Российской империи остро ощущалась необходимость в периодическом издании такого направления. В Вильне «В. З. Р.» публиковал материалы по истории, этнографии, общественно-церковной жизни преимущественно белорус. земель. На страницах журнала обсуждались вопросы народного образования в Зап. крае, российского землевладения в Белоруссии как средства борьбы с польск. влиянием. В 1865 г. в С.-Петербурге для журнала помощником начальника Синодального архива Н. И. Григоровичем были сняты копии с древних документов из архива западнорус.

униатских митрополитов (ок. 289 листов), частично опубликованные в издании. Среди сотрудников журнала в этот период были П. В. Кукольник, И. Эремич, Бобровский, М. А. Максимович, А. Корева и др. Радикальность нек-рых статей «В. З. Р.» вызывала негативное отношение к журналу, особенно со стороны прессы либерального направления (газет «Весть», «С.-Петербургские ведомости», «Новое время»). К кон. 60-х гг. читательский интерес к журналу упал, его издание прекратилось после смерти Говорского († 17 июня 1871).

«В. З. Р.» является ценным сборником материалов по церковной и гражданской истории Литовского великого княжества, Речи Посполитой, Украины и Белоруссии, мн. опубликованные в нем документы впосл. были утрачены.

Лит.: 50-летие Высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода, 1865–1915: Ист. записка. Пг., 1915; *Цьвікевіч А.* Западно-русизм: Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993.

Г. Э. Щеглов

«ВЕ́СТНИК КУ́РСКОГО ЕПАРХИА́ЛЬНОГО СОВЕ́ТА» — см. *«Курские епархиальные ведомости»*.

«ВЕ́СТНИК ЛЕНИНГРА́ДСКОЙ ДУХО́ВНОЙ АКАДЕ́МИИ» — см. *«Христианское чтение»*.

«ВЕ́СТНИК О́МСКОЙ ЕПА́РХИИ» — см. *«Омские епархиальные ведомости»*.

«ВЕ́СТНИК ПРАВОСЛА́ВИЯ В ЛИТВЕ́» — см. *«Литовские епархиальные ведомости»*.

«ВЕ́СТНИК РУ́ССКОГО ЗАПАДНОЕВРОПЕ́ЙСКОГО ПАТРИА́РШЕГО ЭКЗАРХА́ТА» (параллельное заглавие: «Messager de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale»), издавался в Париже в 1947–1989 гг. План издания журнала, к-рый включал 3 части — офиц., неофиц. («статьи, утверждающие единство Церкви и воспитывающие церковное сознание; церковная жизнь в России и за рубежом; жизнь других православных и поместных Церквей; инославие») и библиографическую, был представлен 18 нояб. 1946 г. редакционной комиссией во главе с прот. Андреем *Сергеенко* и утвержден экзархом митр. *Серафимом (Лукьяновым)*. Предполагалось издавать журнал на 32 страницах ежемесячно, одновременно — журнал на франц. языке по вопросам Православия. По этой программе в янв. 1947–1949 г. вышло 17 (?) номеров.

В 1950–1982 гг. с тем же заглавием, но с новой сплошной нумерацией (№ 1–112, nouvelle serie, пагинация с 1953 годовая) выходил ежеквартальный журнал увеличенного объема, включавший тексты на рус. и франц. языках. Издание прерывалось в 1956, 1958, 1962, 1977 и 1980 гг., в др. годы мн. номера вышли объединенными по 2 или по 4, с 1983 г. журнал выходил нерегулярно (раз в 1–2 года), последний № 117 вышел в 1989 г. С № 4 (1950) в качестве издающего и редактирующего органа указывался «Совет при Экзархате». Все публикации осуществлялись на франц. или рус. языках, мн. тексты в офиц. и нек-рые в неофиц. части печатались на 2 языках одновременно или сначала на языке оригинала, в одном из последующих номеров — в переводе.

В офиц. части печатались документы общецерковного или местного значения. Неофиц. часть первоначально составляли богословские и церковно-публицистические статьи зарубежных авторов, проповеди, письма и др. назидательные тексты из дореволюционного наследия: свт. *Филарета (Дроздова)*, свт. *Игнатия (Брянчанинова)*, аскетические творения др. рус. авторов (отрывки из книг архим. Спиридона (Кислякова), архим. *Софрония (Сахарова)* и др.), печатавшиеся в переводе на франц. язык. Активное участие в журнале неск. выдающихся богословов и церковных деятелей рус. зарубежья, посмертные публикации их текстов и посвященные им статьи, обзоры и некрологи сделали «Вестник» незаменимым источником для изучения богословского наследия и истории церковной жизни рус. эмиграции. В 1951–1987 гг. в нем печатались патрологические, аскетические, догматические и литургические статьи, рецензии и переводы (из *Симеона Нового Богослова*, свт. *Григория Паламы*, прп. *Макария Великого*) иером. (архиеп.) *Василия (Кривошеина)*; с № 1 до своей кончины (в 1958) с журналом сотрудничал В. Н. *Лосский*, мн. его статьи по догматике, иконографии, различным проблемам церковной жизни были изданы в «Вестнике» посмертно, № 30/31 (целиком на франц. языке) посвящен его памяти.

В разные годы значительное место в журнале занимали статьи архим. Софрония (Сахарова) («Единство Церкви по образу единства Св. Троицы», «Об основах православного подвижничества» и др.), прот. Евграфа Ковалевского (экклезиологические проблемы), С. В. Троицкого (церковное право), Л. А. *Успенского* и мон. Григория (Круга) (церковное искусство), прот. Владимира Родзянко (архиеп. *Василия*) (о католичестве), архиеп. Петра (Л'Юлье) (по истории Церкви и церковному праву). В «Вестнике» также печатались иером. (впосл. митрополит) *Антоний (Блум)*, митр. *Николай (Ерёмин)*, архим. (впосл. епископ) Каллист (Уэр), архиеп. *Алексий (ван дер Менсбрюгге)*, прот. Георгий *Флоровский*, прот. (впосл. протопресвитер) Иоанн *Мейендорф*, прот. (впосл. протопресвитер) Александр *Шмеман*, прот. Фома Хопко, прот. Николай Озолин, Д. Д. Оболенский, О. Клеман, С. Н. *Большаков*, Н. М. *Зёрнов* и др. В № 11 (1952) была опубликована неизданная статья Н. А. *Бердяева* «Истина Православия».

Со статьи проф. МДА А. И. Георгиевского «Смысл обряда» (1955) начинается приобретшая в следующем десятилетии большой размах публикация в «Вестнике» богословских работ совр. авторов, живших в СССР. Самые значительные публикации: «О поминовении усопших по уставу Православной Церкви» еп. священноисп. *Афанасия (Сахарова)* (№ 66, 69–71, 73–77, 88–92), «Обновленческий раскол в Русской Церкви» архиеп. *Сергия (Ларина)* (№ 45–48, в сокращении, авторство оспорено А. И. Кузнецовым), «Из истории Русской Церкви» проф. И. Н. *Шабатина* (№ 49–55), «Литературная деятельность схиархимандрита Паисия Величковского» архиеп. (впосл. митрополит) *Леонида (Полякова)* (№ 81–84). Из отечественных авторов в рус. части печатались также архиеп. *Михаил (Чуб)*, архиеп. *Михаил (Мудьюгин)*, архиеп. *Анатолий (Кузнецов)*, прот. Ливерий *Воронов*, свящ. Петр Веретенников (впосл. архимандрит *Макарий*), архим. *Георгий (Тертышников)*, проф. Л. Н. *Парийский*, проф. Д. П. *Огицкий*, проф. Н. Д. Успенский и др. Нек-рые рукописи поступали в редакцию неофиц. путем, так были опубликованы стихи Н. А. *Павлович*

(№ 68, под псевдонимом Александра Надеждина), 2 письма прот. Всеволода *Шпиллера* (№ 58, 77), ряд др. документов о церковной жизни в России.

Лит.: Сводный каталог рус. зарубежных периодических и продолжающихся изданий в б-ках Санкт-Петербурга. СПб., 1996. № 62. С. 22–23; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий рус. зарубежья в б-ках Москвы. М., 1999. № 168. С. 39–40.

Свящ. Александр Троицкий

«ВЕ́СТНИК РУ́ССКОГО ХРИСТИА́НСКОГО ДВИЖЕ́НИЯ», выходит с 1 дек. 1925 г., издание прерывалось в 1939–1945 гг. и в 1948 г. Первоначально журнал являлся органом *Русского студенческого христианского движения* (РСХД). Название издания менялось: в 1925–1926 гг.— «Вестник русского студенческого движения в Западной Европе», в 1927, 1930–1936, 1950–1974 гг.— «Вестник русского студенческого христианского движения», в 1928–1929 гг.— «Вестник: Орган русского студенческого христианского движения в Западной Европе», в 1937–1939 гг.— «Вестник: Орган церковно-общественной жизни», в 1945–1947 гг.— «Вестник церковной жизни», в 1949 г.— «Вестник: Орган русского студенческого христианского движения в Германии» (№ 3 — под названием «Вестник: Орган русского студенческого движения во Франции»), с 1974 г. (№ 112/113) — «В. Р. х. д.».

Редакторы журнала: Н. М. *Зёрнов* (1925–1929), И. А. Лаговский и Г. П. *Федотов* (1929–1930), Лаговский (1930–1936), В. В. *Зеньковский* (1937–1938), свящ. Лев Липеровский (1939), Л. А. *Зандер* (1945–1947), свящ. Александр *Киселёв* (1949), прот. Георгий *Бенигсен* (1949, с № 5/6), И. В. Морозов (1950–1955), в 1955–1970 гг. общая редколлегия, с 1970 г. ответственный редактор Н. А. Струве. Место издания: в 1925–1939, 1945–1947 гг.— Париж, в 1949 г.— Мюнхен, с 1950 г.— Париж, с 1953 г.— Париж и Нью-Йорк, с 1974 г. (с № 112/113) — Париж, Нью-Йорк, Москва. Периодичность: в 1925–1926 гг. вышли 12 номеров, в 1927–1935 гг. издавались 12 номеров в год, в 1936 г.— 2 (№ 1/2 и 11), в 1937 г.— 12, в 1938 г.— 5, в 1939 г.— 2, в 1945 г.— 4, в 1946 г.— 3, в 1947 г.— 1, в 1949 г.— 12, в 1950–1952 гг.— 6 номеров в год, с 1953 г.— без определенной периодичности, с общей нумерацией.

1925–1939 гг. Первоначально «Вестник» представлял собой информационный бюллетень объемом ок. 14 страниц, напечатанный на ротаторе в количестве 75 экз. Задачей издания были активизация и объединение деятельности кружков, входивших в РСХД. С № 2 (янв. 1926) в журнале стали появляться статьи общего характера — о положении Православия, задачах движения, в т. ч. Н. А. *Бердяева* «Итоги парижской анкеты» (№ 2), Зёрнова «Православие и Запад» (Там же), Зандера «О задачах движения» (№ 3), прот. Сергия *Булгакова* «Смысл и оправдание христианских студенческих кружков» (№ 4). С № 5/6 объем журнала вырос до 30 страниц, расширился круг авторов: в «Вестнике» начали публиковать статьи митр. *Антоний (Храповицкий)*, еп. (впосл. митрополит) *Вениамин (Федченков)*, еп. *Дамиан (Говоров)*, Ю. П. Степанов, Г. Н. Трубецкой и др. В № 7 появилась рубрика «Почтовый ящик», где печатались отклики читателей. С № 10 (окт. 1926) журнал издавался типографским способом, тираж вырос до 300, затем — до 1350 экз. «Вестник» начал печатать статьи о жизни в СССР: «Антирелигиозная пропаганда в системе просвещения СССР» Лаговского (1926. № 10), «Есенинщина: Письмо студента из Петрограда» (1927. № 7), «Новые герои советской литературы» Зёрнова (1927. № 12) и др. В 1928–1929 гг. в качестве приложения к журналу издавался «Бюллетень религиозно-педагогической работы».

Среди наиболее активных авторов журнала в 30-х гг.— духовник РСХД прот. Сергий *Четвериков* (Религиозно-христианское миросозерцание, как основание человеческой жизни и культуры // 1935. № 1/2; Об индивидуальном и социальном христианстве // 1937. № 1/2 и др.), иером. (впосл. митрополит) *Иоанн (Шаховской)* (Учет сердца // 1932. № 1; О прямых путях // 1932. № 10/11 и др.), прот. С. Булгаков (Догматическое обоснование культуры // 1930. № 7; Православие и культура // 1931. № 10 и др.), В. В. Зеньковский (Идея религиозной науки // 1930. № 8/9; Проблема церковной культуры // 1933. № 1 и др.), Бердяев (Кризис христианства и кризис культуры // 1931. № 8/9; Христианство и еврейский вопрос // 1931. № 3 и др.), В. Н. *Ильин* (цикл «Этюды о русской культуре» (1931. № 1, 3–9, 11) и др.), Федотов (О христианском гуманизме // 1932. № 5/7; Национализм // 1933. № 5/6 и др.). В «Вестнике» также публиковались

«Вестник русского христианского движения». 1954 г.

статьи В. В. *Вейдле*, Б. П. *Вышеславцева*, А. В. *Карташёва*, Н. О. *Лосского*, Г. В. *Флоровского*, С. Л. *Франка* и др. Регулярно освещалась деятельность РСХД. 10-летию журнала посвящен юбилейный номер (1935. № 12–1936. № 1/2), в к-ром, в частности, сообщалось об ухудшающемся материальном положении издания.

С 1937 г. журнал в течение нек-рого времени издавался в Эстонии под ред. Зеньковского, жившего в Париже. Издание имело объем 50–60 страниц. Сохраняя интерес к богословской и философской проблематике, журнал начал уделять большое внимание рус. лит-ре. В статьях о В. А. *Жуковском*, Н. В. *Гоголе*, Ф. М. *Достоевском*, Л. Н. *Толстом*, И. А. *Бунине* и др. писателях делались попытки осмыслить их творчество в духе Православия. После выхода в 1939 г. 2 номеров издание было прекращено из-за начала второй мировой войны.

В. А. Никитин

В 1945 г. издание журнала возобновилось. Его задачей стало восстановление связей между разрозненными частями РСХД в послевоенной Зап. Европе. В 1945–1947 гг. в «Вестнике» помимо обзоров церковной жизни рус. эмиграции были опубликованы воспоминания прот. В. Зеньковского о свящ. Димитрии Клепинине (1945. № 2), Слово за литургией 7 янв. 1907 г. свящ. Павла *Флоренского* (1947. № 8) и др. материалы. В 1947 г., после выхода № 1, издание остановилось, возобновилось в янв. 1949 г. в Мюнхене усилиями свящ. А. Киселёва, после отъезда к-рого из Германии

журнал редактировал прот. Г. Бенигсен. Июньский номер журнала (№ 3) вышел в Париже и был посвящен 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

В 50-х гг. «Вестник» помимо информации о деятельности студенческих кружков РСХД публиковал многочисленные богословские и философские статьи и рецензии прот. В. Зеньковского, прот. Георгия Флоровского, прот. Александра *Шмемана,* Франка. В журнале печатались статьи Н. О. Лосского, Ю. П. Иваска, В. Н. Ильина и др., посвященные Ф. М. Достоевскому, В. В. *Розанову* и Д. С. *Мережковскому.* В 1952 г. «Вестник» отметил рядом публикаций 100-летие со дня смерти Гоголя (статьи «День гнева» В. Н. Ильина, «Гоголь во Франции» П. Паскаля), в 1960 г.— 50-летие со дня смерти Л. Н. Толстого и смерть Б. Л. *Пастернака* («Год Л. Н. Толстого» прот. В. Зеньковского, «Памяти Пастернака» Ф. А. *Степуна* и др.). С 1956 г. содержание «Вестника» определяла редколлегия, в к-рую входили прот. А. Шмеман, К. А. Ельчанинов, М. Р. Гизетти, О. Раевская-Хьюз, в 1955–1962 гг. также прот. В. Зеньковский, фактически редактором являлся Струве.

С кон. 60-х гг. объем журнала увеличился до 250–300 страниц во многом благодаря негласным контактам с религиозно настроенной интеллигенцией в СССР. В № 97 (1970) были напечатаны имевшие большой общественный резонанс статьи неск. авторов из Москвы (под псевдонимами), в к-рых анализировалось положение правосл. Церкви в СССР. В № 112/113 за 1974 г. Струве объяснил изменение в названии журнала (исключение слова «студенческого») тем, что «журнал является вестником неоформленного «русского христианского движения», с особой силой развивающегося в России» (С. 3). Журнал активно реагировал на события, происходившие в СССР (выход сб. «Из-под глыб» и др.), с 1974 г. регулярно печатал произведения А. И. *Солженицына,* все больше места отводилось «Материалам по истории русской культуры» (разд. в журнале), среди публикаций раздела — письма свящ. П. Флоренского (№ 114), статья Л. *Шестова* «Угрозы современных варваров» (№ 119) и отрывок из его книги о И. С. Тургеневе (№ 127). № 101/102 (1971) посвящен 100-летию со дня рождения прот. С. Булгакова, часть № 104/105 (1972) посвящена 20-летию со дня смерти Л. П. *Карсавина* (впервые опубликованы его произведения «Венок сонетов», «Терцины» и «О молитве Господней»). С № 127 (1978) в журнале появился раздел, посвященный истории рус. эмиграции.

В 1989 г. началась подписка на журнал в СССР. С 1992 г. (№ 164) он печатается в Москве по оригинал-макету, подготовленному парижской редакцией. В № 165 журнала помещено приветствие Патриарха Московского и всея Руси *Алексия II.* Дав положительную оценку изданию, Первосвятитель указал на его значение для духовного возрождения России.

В 90-х гг. журнал имел разделы: «Богословие и философия» (позднее «Богословие», «Философия»), «Литература и жизнь» (позднее «Литература»), «Судьбы России», «Судьбы Церкви». В 2002–2003 гг. появились разделы «Из архива», «Христианство на Западе», «Хроника». В разделах «Судьбы России» и «Судьбы Церкви» печатаются материалы о новомучениках и исповедниках (№ 175–178 и др.). В журнале продолжается публикация архивных материалов, в т. ч. связанных с прот. С. Булгаковым (дневники // № 170, 174–175; ст. «Христос в мире» // № 182–185), Бердяевым (статьи и письма // № 177), И. С. *Шмелёвым* (письма // № 181), прот. В. Зеньковским (Из моей жизни // № 183). Тематические номера были посвящены 100-летию со дня смерти Вл. С. *Соловьёва* и 130-летию со дня рождения прот. С. Булгакова — № 182, 50-летию смерти Федотова и 80-летию смерти А. А. *Блока* — № 183.

Лит.: Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий рус. зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М., 1999. С. 41–45; *Никитин В. А.* Вестник русского христианского движения // Лит. энциклопедия рус. зарубежья, 1918–1940: Периодика и лит. центры. М., 2000. С. 57–61; *Богословский А. Н.* Вестник русского христианского движения // Там же. С. 515–522.

А. Н. Богословский

«ВЕ́СТНИК СВЯЩЕ́ННОГО СИНО́ДА ПРАВОСЛА́ВНЫХ ЦЕРКВЕ́Й В СССР» (до 1927 «Вестник Священного синода Православной российской церкви»), центральный печатный орган обновленческого (см. *Обновленчество*) синода, издавался в Москве в 1925–1931 гг. Указание в № 2 и 3 за 1925 г. «год издания 2-й» объясняется тем, что «Вестник» по подписке был преемником выходившего в 1924 г. ж. «Христианин». При заявленной периодичности 1 раз в месяц (в 1931 1 раз в 2 мес.) всего вышло 55 номеров, из к-рых многие были сдвоенными. Первоначальный тираж — 4 тыс. экз., с № 6 за 1928 г.— 3 тыс., в 1930–1931 гг.— 2 тыс. экз. В качестве издателя указаны в № 1 за 1925 г. Издательский отдел синода, в № 2–4 за 1925 г. и № 5–6 (1–2) за 1926 г.— проф. С. М. *Зарин,* далее — «протопресвитер» П. Н. Красотин, в последнем, № 5/6 (54/55), его имя исправлено надпечаткой на Т. В. Попов. Редактором (или ответственным редактором) в 1925 г. и № 5–6 (1–2) за 1926 г. назван проф. Б. В. *Титлинов,* далее — Зарин.

Почти все номера журнала делятся на офиц. и неофиц. части. Среди офиц. публикаций — циркуляры и обращения обновленческого синода, его переписка с К-польским и др. вост. Патриархами, их представителями в России, состоявшими в общении с обновленцами, Католикосом Грузинской Церкви; документы обновленческих «соборов», синодальных пленумов, бюллетени синодальных отделов, хроника обновленчества, а также гос. документы, призванные демонстрировать лояльное отношение властей не только к обновленцам, но ко всем церковным общинам (напр., распоряжения об уплате авторского гонорара за исполнение в церкви муз. произведений и т. п.). Особый интерес представляют «Краткие сведения о епископах Православной церкви, состоящих в ведении Священного синода» (1926. № 12/13, приведены биографии 133 обновленческих «епископов»), «Список православных епископов, находящихся в ведении Священного синода» (1931. № 1–4), протоколы «2-го Всероссийского собора» 1923 г. под ред. «митрополита» Александра *Введенского* (1928).

В 1926 — нач. 1928 г. неофиц. часть журнала делилась на отделы: «Церковно-общественный», «Научно-богословский», «Миссионерский», «Церковной беседы», «Провинциальный» (с 1927 вместо него могут быть отделы «Церковной жизни за границей», «Церковной жизни на местах» или отдел «Цер-

ковной жизни в провинции и за границей»). С № 5/6 за 1929 г. выделены отделы неофиц. части: «Догматика», «Каноника», «Хроника». В неофиц. части публиковались статьи, посвященные обоснованию и оправданию обновленчества, очерки истории движения (Титлинова, Зарина, проф. А. И. Покровского, «архиепископа» Николая *Платонова*, «епископа» Константина Смирнова, «епископа» Николая Русанова, прот. В. Алешинцева, прот. А. Аретинского); многочисленные статьи по церковному праву (прот. Н. Г. Попова, «протопресвитера» Красотина, «епископа Томского» Сергия Дмитриевского и др.), к-рые, как правило, также содержали апологию обновленчества. Неск. статей посвящены конкретным вопросам «церковного обновления»: «О литургических реформах» свящ. К. Смирнова, «О неотложной необходимости перевода православного богослужения с славянского языка на русский» прот. Н. Попова и др., ряд статей — апологетике христианства перед лицом безбожия («митрополита» Александра Введенского, И. Д. Холопова, В. Н. Турчанинова). В продолжение всего времени издания одной из основных тем журнала была борьба с сектантством, причем мн. опубликованные статьи (проф. В. З. Белоликова, прот. В. Адаменко (впосл. иером. *Феофан*), прот. А. Эндеки, свящ. В. Приходского, прот. Н. Фетисова и др.) содержат ценные сведения по внутренней жизни рационалистических и мистических сект, а также различных старообрядческих согласий в 20-х гг. В «Вестнике» иногда печатались материалы и необновленческих авторов: выдержки из статей католич. еп. М. д'*Эрбиньи* «Впечатления иностранца от современной церковной Москвы» (1926. № 8/9), дореволюционная статья А. В. *Ельчанинова* «Каноны и церковная организация» (1927. № 5/6) и даже проповедь архиеп. священноисп. *Луки (Войно-Ясенецкого)* в записи слушательницы (1927. № 3).

Хотя подписка на «Вестник» на 1932 г. была объявлена, издание закончилось, возможно из-за ужесточения религ. политики гос-ва и прекращения финансирования из ГПУ. Поскольку др. обновленческие периодические издания и издательства закрылись еще раньше, издательская деятельность обновленцев на этом завершилась.

Несмотря на явно тенденциозный или провокационный характер большей части публикаций, из-за отсутствия др., более достоверных церковных изданий и плохой сохранности архивов, «Вестник» является одним из основных источников для изучения не только обновленческого раскола, но и всей церковной жизни в СССР в 20-х гг. XX в.

Свящ. Александр Троицкий

«ВЕ́СТНИК ЦЕРКО́ВНОГО ЕДИНЕ́НИЯ» – см. *«Воронежские епархиальные ведомости»*.

ВЕСТФА́ЛЬСКИЙ МИР, договор, завершивший *Тридцатилетнюю войну* (1618–1648); заключен 24 окт. 1648 г. Состоит из 2 мирных соглашений: Мюнстерского (между Римско-Германской империей и Францией) и Оснабрюкского договоров (между Римско-Германской империей, Швецией и протестант. гос-вами Германии). Постановления В. м. касались территориальных изменений, религ. отношений, политического устройства Римско-Германской империи. Заключению В. м. предшествовали длительные переговоры. Согласно В. м., Швеция получила от Римско-Германской империи, помимо контрибуции в 5 млн талеров, о-в Рюген, всю Зап. и часть Вост. Померании с г. Штеттином, г. Висмар, секуляризованные архиеп-ство Бремен и еп-ство Верден. Во владении Швеции оказались, т. о., важнейшие гавани Балтийского и Северного морей. В качестве герцогов Померанских швед. короли стали имперскими князьями и получили возможность вмешиваться в дела империи. Франции отошли бывш. владения *Габсбургов* в Эльзасе, она подтвердила свой суверенитет над лотарингскими еп-ствами Мец, Туль и Верден. Франция и Швеция, державы-победительницы, были объявлены гарантами выполнения В. м. Их союзники, герм. княжества Бранденбург, Мекленбург-Шверин, Брауншвейг-Люнебург, расширили свои территории за счет секуляризованных еп-ств и мон-рей, герцог Баварии получил В. Пфальц и титул курфюрста. Политическая система, закрепленная В. м., имела гибельные последствия для единства Римско-Германской империи: значение и власть императора были сведены до минимума. В. м. затрагивал проблемы конфессионального урегулирования в рамках Римско-Германской империи. В его основу лег закрепленный *Аугсбургским религиозным миром* 1555 г. видоизмененный принцип «cuius regio, eius religio» (чья власть, того и вера). Защита закона гарантировалась всем религ. меньшинствам, существовавшим на 1 янв. 1624 г. Это правило не распространялось на Австрию, Чехию и Моравию, находившихся под властью Габсбургов, а также на Баварское курфюршество: в этих землях единственной признанной религией оставался католицизм. Герм. князей лишили права определять религ. принадлежность подданных. Была узаконена секуляризация церковных земель, произведенная до 1624 г., при этом значительная часть бывш. владений Римско-католической Церкви, секуляризованных после 1624 г., не была ей возвращена. Статус официально признанной религии наряду с католицизмом и лютеранством получил кальвинизм, но многочисленные секты преследовались местными властями. Т. о., в конфессиональной сфере В. м. все же не привел к полному утверждению веротерпимости. В. м., закрепивший победу антигабсбургской коалиции, имел большое международное значение. Попытка создания мировой «христианской» империи под эгидой испан. и австр. Габсбургов и планы подавления реформационного движения в Европе потерпели крах. Республика Соединенных провинций (по особому голландско-испан. договору) и Швейцарский союз получили международное признание своей независимости. Франция на длительное время обеспечила себе доминирующее положение в Зап. Европе. Папа *Иннокентий X* отказался признать условия мирного договора, рассматривая их как недопустимые уступки протестантам. Католич. монархи, стремившиеся быстрее завершить затянувшийся конфликт, не поддержали папу, что свидетельствует о начале секуляризации политики в Европе.

Ист.: Acta pacis Westphalicae / Hrsg. M. Braubach, K. Repgen. Münster, 1962–[2002]. 48 Bde. Лит.: *Bosbach F.* Die Kosten des Westfälischen Friedenskongresses. Münster, 1984; *Dickmann F.* Der Westphälische Frieden. Münster, 1992[6]; *Беляев М. П.* Из истории Вестфальского мирного конгресса: Франко-имперские переговоры (1644–1648) о заключении Мюнстерского мира. М., 2000; *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола (1555–1648). СПб., 2002.

А. Ю. Серёгина, А. В. Чупрасов

ВЕТВЕ́Й ТЕО́РИЯ — см. *Теория ветвей.*

ВЕ́ТЕЛЕВ Александр Андреевич (24.11.1892, с. Чёрное Балахнинского у. Нижегородской губ.— 28.06.

Прот. Александр Ветелев. Фотография. Нач. 70-х гг. XX в.

1976, Москва), прот., проф. МДА. Из семьи псаломщика (впосл. диакон). В 1907 г. окончил Нижегородское ДУ, в 1913 г.— Нижегородскую ДС, направлен в КазДА. Будучи студентом академии, состоял членом философско-богословского кружка, посещал лекции по истории философии в Казанском ун-те. В 1917 г. окончил КазДА со степенью канд. богословия (канд. соч. «Н. И. Новиков, жизнь и мировоззрение»). В 1917 г. призван в действующую армию, в течение года служил матросом на Черноморском флоте. В 1920 г. женился на М. Е. Пчельниковой. В 1921 г. окончил Высший социально-юридический ин-т в Севастополе, до 1923 г. работал преподавателем средней школы в Севастополе. В 1923–1924 гг. заведовал ФЗУ в пос. Растяпино (впосл. г. Дзержинск) Нижегородской губ., в 1924–1930 гг. являлся заведующим школой «городка для беспризорных детей» в г. Пушкино близ Москвы. В 1924–1929 гг. учился на вечернем отд-нии фак-та рус. языка и лит-ры Московского педагогического ин-та. В 1930–1935 гг. преподавал в средней школе в Москве, в 1935–1943 гг.— в средней школе в г. Щёлково Московской обл. В 1943–1944 гг. по трудовой мобилизации работал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1944–1945 гг. преподаватель средней школы № 87 г. Москвы.

С сент. 1945 г. В. преподавал в Московском православном богословском ин-те (с 1946 МДА), читал лекции по гомилетике. 6 марта 1946 г. Патриархом Московским и всея Руси *Алексием I* рукоположен во диакона, 10 марта — во священника. В 1949 г. В. защитил магист. диссертацию, представив в совет МДА курс лекций по гомилетике. С 1949 г. преподавал в МДА патрологию, с 1951 г. пастырское богословие, с 1953 г. литургику. В 1957 г. оставил преподавание в МДА, чтобы всецело посвятить себя пастырскому служению (служил в московских храмах: Успенском (в Новодевичьем мон-ре), Пимена Великого в Нов. Воротниках, Покровском на Лыщиковой горе, Знаменском у Рижского вокзала) и работе над докт. диссертацией. В 1965 г. вернулся к преподавательской деятельности, читал в МДА курсы гомилетики и нравственного богословия. Основное внимание в лекциях уделял проблемам духовно-нравственного и церковного воспитания, осмысления буд. пастырями своего служения в Церкви.

26 дек. 1967 г. В. защитил докт. дис. «Божественная литургия», в к-рой раскрыл связь богослужения с пастырской деятельностью. В приложении к диссертации помещен сборник годичных поучений В. (ок. 200).

В 50–70-х гг. в *«Журнале Московской Патриархии»* и *«Богословских трудах»* публиковались доклады В. на различных церковных собраниях, проповеди, отрывки из его лекций и докт. диссертации. Проповеди В. печатались также в ж. «Stimme der Orthodoxie» *(Голос Православия).* 28 дек. 1972 г. В. был награжден орденом св. Владимира 2-й степени. Скончался после продолжительной болезни, похоронен на московском Ваганьковском кладбище.

Значительное число работ В. не опубликовано, хранится в б-ке МДА.

Арх.: МДА. Личное дело проф. прот. А. А. Ветелева; Б-ка МДА [Машинописные труды В.]: Общие основы проповедничества. М., 1948; Гомилетика: Курс акад. лекций по теории и практике церк.-правосл. проповедничества: Магист. дис. М.; Загорск, 1949; Духовная школа как преддверие пастырства: Главы из курса пастырского богословия. Загорск, 1952–1953; Отзыв о соч. П. В. Гнедича «Догмат искупления в рус. богосл. науке последнего 50-летия». Л., 1953; Вопросы жизни. Загорск, 1959–1960; Краткий очерк истории и этики греч. античного мира. М., 1965; Богословское содержание иконописных творений инока Андрея Рублева. Загорск, 1961; Божественная литургия: Опыт изъяснения применительно к требованиям пастырской душепопечительности. Докт. дис. М.; Загорск, 1963–1967, 1967–1969[2]; Истолкование великопостной молитвы прп. Ефрема Сирина в 3-х проповеднических сб-ках / Архиеп. Иннокентий (Борисов), архиеп. Лука Симферопольский, прот. А. Ветелев; Под общ. ред. прот. А. Ветелева. Загорск, 1969.

Соч.: Митр. Московский Филарет как проповедник-богослов // ЖМП. 1951. № 12. С. 50–57; Таинство Покаяния // Там же. 1954. № 11. С. 32–41; № 12. С. 47–52; Святоотеческая проповедь как образец для подражания // Там же. 1955. № 4. С. 31–34; № 6. С. 8–10; Доктрина и мнение // Там же. 1956. № 9. С. 55–58; «Паломник» Даниила мниха // Там же. 1958. № 10. С. 48–57; Архиеп. Лука: (Некролог) // Там же. 1961. № 8. С. 35–38; Гефсиманская молитва Спасителя // Там же. 1962. № 3. С. 38–46; Воскресение Христово // Там же. 1964. № 5. С. 60–63; Эммаусская вечеря // Там же. 1967. № 4. С. 76–78. № 5. С. 53–56; Божественная литургия // Там же. 1970. № 1. С. 60–68; Богословское содержание иконы «Св. Троица» прп. Андрея Рублева // Там же. 1972. № 8. С. 63–75; № 10. С. 62–65; То же // Троица Андрея Рублева: Антология. М., 1989; О грехопадении прародителей и его следствиях // ЖМП. 1974. № 11. С. 61–75; Основы христианской нравственности // Там же. 1975. № 7. С. 58–72; Беседа о таинстве покаяния // Там же. 1976. № 7. С. 38–45; Служение крещеного человека в мире по свидетельству отцов Церкви // БТ. 1973. Сб. 10. С. 142–149; Царство Божие // Там же. 1975. Сб. 14. С. 62–76; Путь к пробуждению: Сб. великопостных и пасхальных поучений. М., 2002.

Лит.: *Марк (Лозинский), иером.* Завершение многолетнего богословского труда // ЖМП. 1968. № 2. С. 21–24; Некролог // Там же. 1976. № 10. С. 30–32; *Хасанова Е. К.* Любовь — мост, ведущий в Вечность // Моск. журнал. 1999. № 9. С. 33–38.

Диак. Сергий Матюшин

ВЕ́ТКА, город на р. Сож в Гомельской обл. (Белоруссия), центр старообрядчества в кон. XVII–XIX в., созданный рус. переселенцами из *Стародубья* и Центр. России. Старо-

Интерьер старообрядческой церкви в г. Ветка. Фотография. 2002 г.

обрядческое поселение В. возникло за российским рубежом, во владениях Халецких и др. представителей польск. шляхты. В. и Стародубье, как старообрядческие центры, скла-

дывались практически одновременно — начиная с 70-х гг. XVII в. Наиболее активно заселение В. шло после 1685 г., когда были изданы 12 статей царевны *Софьи Алексеевны*, направленные на борьбу с последователями «старой веры». Первой появилась слобода В. на одноименном острове на р. Сож, в кон. XVII — нач. XVIII в. вокруг острова в радиусе ок. 50 км возникли еще 16 слобод: сначала Косецкая, Романово, Леонтьево, затем Дубовый Лог, Попсуевка, Марьино, Миличи, Красная, Костюковичи, Буда, Крупец, Гродня, Нивки, Грабовка, Тарасовка, Спасовка. В 1720–1721 гг. в ветковских слободах насчитывалось более 400 дворов.

Первыми руководителями ветковских старообрядцев были поп Кузьма, переселившийся из Москвы в Стародубье, а затем в ветковскую слободу Косецкую, и поп Стефан из тульских земель, живший после Стародубья на В., но затем ушедший в слободу Карповку. Начало строительства на В. первого храма связано с донским иером. Иоасафом, келейником и учеником *Иова Льговского*, после скитаний по пустыням пришедшим в слободу Вылевскую неподалеку от В. Ветковцы сначала отнеслись к нему настороженно, поскольку он был рукоположен новообрядческим Тверским архиереем, но, имея нужду в священнике, просили Иоасафа служить у них. Иоасаф согласился, в 1689–1690 гг. окончательно обосновался на В., начал строительство Покровской ц., но не смог завершить его из-за смерти в 1695 г. Иоасафу за небольшой срок удалось собрать вокруг себя мн. иноков и инокинь; монахиня из Белёва Мелания, ученица вождя старообрядцев *Аввакума* Петрова, привезла на В. древний антиминс.

Преемником Иоасафа стал один из известных *беглопоповцев* рыльский иером. *Феодосий (Ворыпин)*. При нем В. достигла наивысшего расцвета. В 1695 г. Феодосий тайно отслужил литургию по старому обряду в заброшенной ц. Покрова Пресв. Богородицы в Калуге и освятил немало Запасных Даров. Из той же церкви ему удалось забрать древний иконостас (по старообрядческим преданиям, времен царя Иоанна Грозного) и привезти его на В. Феодосий сумел за неск. дней значительно расширить на В. храм, построенный при иером. Иоасафе. К освящению храма, состоявшемуся осенью 1695 г., и службе в нем Феодосий привлек 2 священников, рукоположенных архиереями правосл. Церкви: безместного московского свящ. Григория и своего родного брата Александра из Рыльска. По свидетельству нек-рых источников, он принял их в старообрядчество 3-м чином — через отречение от ересей, без Миропомазания (см.: *Лилеев. Из истории.* С. 211); др. источники утверждают, что Феодосий всех священников, приходивших на В., в т. ч. Григория и Александра, принимал 2-м чином — через Миропомазание (*Нифонт.* С. 78). Поскольку старого мира не хватало, Феодосий в нарушение канонов сварил «миро» (по церковным правилам, это может делать только архиерей).

Ветковский храм имел 2 придела, со временем его богато украсили иконами и утварью. Вскоре при нем возникли 2 мон-ря — муж. и жен.,

«Наставник и суетной». Гравюра из кн.: Иоаннов А. (Журавлёв). «Известие о стригольниках и новых раскольниках». СПб., 1795. Ч. 2, вкл. после с. 84 (РГБ)

были открыты мощи, в первую очередь «тихого благоветного Иоасафа». В., где действовала единственная на весь старообрядческий мир церковь и были обретены мощи вождей старообрядчества, стала одним из главных центров беглопоповщины. Феодосий и принятые им в «старую веру» беглые иереи «исправляли» приходивших к ним священников и посылали их в старообрядческие общины во все концы страны. Под видом купцов насельники ветковских мон-рей расходились по России, развозили просфоры и воду, освященные в ветковской церкви, совершали требы, собирали пожертвования. Разносторонней была и хозяйственная деятельность ветковских поселений: старообрядцы вырубали леса, обрабатывали пашню, разводили скот, строили мельницы, вели широкую торговлю. Насельники скитов и мон-рей занимались традиц. монастырскими рукоделиями — книгописанием, переплетом книг, иконописанием; ветковские мон-ри являлись центрами обучения грамоте, хранилищами древних книг и рукописей.

Под влиянием В. в 1-й пол. XVIII в. находились *поповцы* Москвы, Поволжья, Дона, Яика и др. Ослабленный преследованиями Нижегородского еп. *Питирима (Потёмкина)* и нарастающими внутренними спорами между софонтиевским, онуфриевским и *дьяконовским* согласиями, Керженец подчинился В. и ее деятельному старцу Феодосию. Последний энергично участвовал в полемике, особенно с дьяконовцами, начавшими активно переселяться с Волги на В. и в Стародубье. Одним из противников Феодосия был дьяконовец Т. М. *Лысенин*. Их спор отражен в «Описании прения старца Феодосия с некоим Тимофеем Матвеевым Лысениным, и с учеником его Василием Власовым, и с их единовольники о Честном и Животворящем Кресте Христове», происходившем на В. в июне 1709 г. (*Лилеев.* Материалы. С. 3–9). Предмет спора заключался в следующем: Лысенин, как и все дьяконовцы, почитал равно 4-конечный и 8-конечный кресты, Феодосий же называл «истинным» только 8-конечный крест. Строго относился Феодосий и к Софонтию — организатору на Керженце скита, не подчинявшегося В., а также к керженскому старцу Онуфрию — почитателю догматических писем протопопа Аввакума.

О преемниках Феодосия по управлению ветковским Покровским мон-рем до сер. 30-х гг. XVIII в. известно следующее: Александр (брат Феодосия) «также вторым чином принял [в старообрядчество.— *Е. А.*] священноинока Антония и проч. Антоний же принял священноинока Иова и проч.» (*Нифонт.* С. 78). Иов, присоединив к старообрядчеству неск. иеромонахов, в 1734 г. «принял под исправу» лжеепископа Епифания Ревуцкого (2-м или 3-м чином, по разным старообрядческим источникам). Мн. ветковцы не признали архиерейства Епифания, к-рый тем

не менее «рукоположил» для старообрядцев 14 «священников». Ранее ветковские старообрядцы предпринимали неск. попыток получить собственного епископа. В 1730 г. ветковский игум. Власий передал Ясскому митр. Антонию «просительный лист» о собственном архиерее, подписанный ветковскими поповцами и стародубскими диаконовцами, прошение поддержали владелец В. пан Халецкий и молдав. господарь. Не получив ответа, в следующем году ветковцы направили новое прошение, к-рое было рассмотрено находившимся тогда в Яссах К-польским Патриархом Паисием II, согласившимся удовлетворить просьбу, но с условием во всем следовать учению правосл. Церкви, что не устраивало ветковцев.

В 1733 и 1734 гг. имп. *Анна Иоанновна* издала 2 указа, к-рыми ветковцы приглашались вернуться на места своих прежних поселений. Поскольку ответа на указы не последовало, в 1735 г. по повелению императрицы 5 полков под командованием полковника Я. Г. Сытина окружили В., все ее насельники были разосланы по мон-рям, расселены по местам прежнего жительства и в Ингерманландии. Начальствовавший тогда на В. иером. Иов был сослан в *валдайский в честь Иверской иконы Божией Матери мон-рь* и там скончался; Епифания отправили в Киев, где он умер в общении с правосл. Церковью. Покровскую ц. разобрали, из бревен устроили плоты и водой пытались доставить в Стародубье, но в устье Сожа бревна затонули. У ветковских иноков было отобрано 682 книги «да особливо разных мелких книжек и поминаний полтора мешка».

Через год на В. вновь стали собираться старообрядцы, была построена величественная часовня, устроены звоны. В 1758 г. поставили новый храм, освященный с оставшимся от старого храма антиминсом. Возродился и Покровский мон-рь, где жили до 1200 насельников. Однако подъем В. и на этот раз был непродолжительным. В 1764 г. по повелению имп. *Екатерины II Алексеевны*, стремившейся к возвращению русских на родину, генерал-майор Маслов с 2 полками внезапно окружил В. и через 2 мес. более 20 тыс. ее жителей вывел в Россию, большей частью в Сибирь, нек-рых — на *Иргиз*, превратившийся в главный центр старообрядцев-поповцев. В наст. время выходцы с В. живут в Бурятии (носят название *семейских* Забайкалья) и на Алтае, где их называют поляками.

Согласно старообрядческим свидетельствам, В. окончательно опустела в 1772 г. Но еще долго продолжались споры о том, каким чином «приимати приходящих от великороссийской Церкви попов и мирян» (*Мельников-Печерский*. С. 337). На В. придерживались приема 2-м чином, с «перемазыванием» миром, что и дало название ветковцам — перемазанцы, в отличие от дьяконова согласия, принимавшего 3-м чином. Из ветковцев окончательно к дьяконовской практике перешел Михаил *Калмык*, в 1772 г. переселившийся в Стародубье.

Во 2-й пол. XVIII–XIX в. старообрядцы жили на В., но былого значения этот центр не имел. Наибольшей известностью пользовался Лаврентьев мон-рь (после 1735–1844; не сохр., в наст. время зона отдыха Гомеля), где начал свой иноческий путь в 1834 г. *Павел (Великодворский)*. В 1832–1839 гг. настоятелем мон-ря был *Аркадий* (*Шапошников*, впосл. старообрядческий епископ), с этой обителью связаны мн. видные деятели *Белокриницкой иерархии: Аркадий* (*Дорофеев*, впосл. еп. Славский), *Онуфрий* (*Парусов*, впосл. еп. Браиловский), Алимпий (Вепринцев), И. Г. *Кабанов* (Ксенос) — автор «Истории и обычаев Ветковской церкви» и *Окружного послания*. На В. действовали и др. старообрядческие мон-ри: Макариев Терловский, основанный ок. 1750 г. в 32 верстах от Лаврентьева мон-ря иноком Макарием из Вереи, Пахомиев, созданный ок. 1760 г. др. выходцем из России — иноком Пахомием, Асахов (Чолнский или Чонский) скит, устроенный в то же время близ Гомеля в урочище Чолнский обрыв старцем Иоасафом из Гжатска, жен. мон-рь в Спасовой слободе на территории совр. Гомеля. Этим мон-рям, особенно Лаврентьеву, в кон. XVIII — нач. XIX в. покровительствовали фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский и его сын гр. Н. П. *Румянцев*, на землях к-рых располагались обители. В нач. XIX в. в Макарьевом мон-ре проходил собор по соглашению «перемазанцев» с дьяконовцами, на к-ром присутствовали представители Рогожского кладбища, В., Стародубья, Орла и Молдавии. На соборе преобладали «перемазанцы», но согласие не было достигнуто, ветковские старцы от спора уклонились (*Мельников-Печерский*. С. 346).

В кон. 20-х гг. XX в. ветковские старообрядческие слободы были довольно многолюдными: в 1929 г. в Косецкой общине были зарегистрированы 434 прихожанина, в Попсуевской — 342, в приходе Леонтьевского молитвенного дома — 521 прихожанин. В 1988 г. территории ветковских слобод оказались в зоне заражения после аварии на Чернобыльской АЭС, что обусловило исчезновение мн. исторически значимых поселений, гибель большого числа памятников старообрядческой культуры. В наст. время немногочисленное старообрядческое население живет в Тарасовке, Марьине, Ст. Крупце, Буде.

В 1897 г. в В. усилиями Ф. Г. Шклярова (открыт для посещения в 1987) был создан Музей народного творчества, более 400 экспонатов из коллекции Шклярова положили начало музейным фондам. В музее представлены иконы, изделия местных мастеров ткачества, бисерного шитья, есть также собрание древних книг и рукописей; в большинстве своем экспонаты являются памятниками материальной и духовной культуры старообрядчества. 27–28 февр. 2003 г. в Гомеле прошла международная конференция «Старообрядчество как историко-культурный феномен», основной темой к-рой было сохранение и изучение уникального исторического наследия В.

Ветковский музей народного творчества. Фотография. 2002 г.

Ист.: *[Ксенос И. Г.]* История и обычаи Ветковской церкви. Б. м., б. г.; То же // Старообрядческий церк. календарь на 1994 г. М., 1993. С. 66–104; О. Нифонт: Родословие // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосиб., 1999. С. 65–91. Лит.: *Лилеев М. И.* Мат-лы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. К., 1893; *он же.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. К., 1895. Вып. 1; *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Очерки поповщины // Собр. соч. М., 1976. Т. 7. С. 243–275, 343–345, 510–555; *Воронцова А. В.* О полемике «ветковцев» с дьяконовцами: Малоизученные полемич. соч. представителей «ветковского» согласия // Мир старообрядчества. М.; СПб., 1992. Вып. 1: Личность. Книга. Традиции. С. 117–126; *Гарбацкі А. А.* Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII — пачатку XX ст. Брэст, 1999; *Зеленкова А. И.* Старообрядцы деревни Крупец Добрушского р-на Гомельской обл. (на мат-лах устной истории) // Старообрядчество как ист.-культурный феномен: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. 27–28 февр. 2003 г., Гомель, 2003. С. 85–87; *Киштымов А. Л.* Румянцев и старообрядцы Гомельского имения // Там же. С. 111–118; *Кузьмич А. В.* Из истории Лаврентьева мон-ря // Там же. С. 139–142; *Савинская М. П., Алейникова М. А.* Отношение органов власти к старообрядческим общинам на Гомельщине в 20-е гг. XX в. // Там же. С. 250–254.

Е. А. Агеева

Ветковский распев. В В., являющейся духовно-адм. центром старообрядцев-поповцев, впервые начали складываться их певч. традиции. В рукописях, к-рые здесь переписывались, было заложено то, что впосл. стало особенностью старообрядческих поповских певч. книг — истинноречная редакция текстов, знаменная нотация с пометами и признáками.

Ветковские мастера создали своеобразный стиль оформления рукописей, к-рый сложился под влиянием московских рукописей XVII в. (Веткаускі музей народнай творчаці. Мінск, 2001. С. 119; *Гусева К.* Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине // Из истории фондов НБ МГУ. М., 1978. С. 130–135). Наиболее известным местом, где переписывались рукописи, являлся ветковский Покровский мон-рь; этим занимались и жители слобод (*Лилеев.* С. 221; Сб. Нижегородской учен. арх. комис. Н. Новг., 1910. Т. 9. Ч. 2. С. 313; *Поздеева* С. 56–58). В Ветковском центре были собраны древние книги не только из центральнорус. областей, но и из сопредельных правосл. земель (*Смилянская.* С. 205–210).

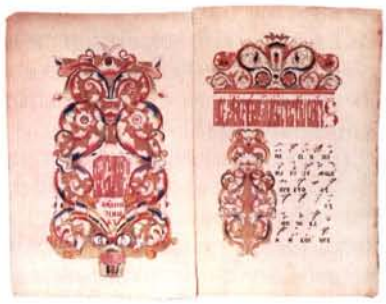
Ветковские мастера создали собственный стиль написания и оформления рукописей. Орнамент ветковских певч. рукописей своеобразен и строг, не содержит золота. В нем присутствуют черты травного стиля, барочные элементы, преобладают оттенки красного, зеленого, синего, желтого цветов. Инициалы многоцветные, используется киноварь или близкая по тону краска. Встречаются высокохудожественные переработки старопечатного орнамента. В ряде рукописей указываются имена создавших их мастеров (*Бобков Е., Бобков А.* С. 451). Своей вершины ветковская орнаментика достигла в рукописях старца Евдокима Носова (1777). Традиция переписывания рукописей сохранялась на В. вплоть до 60-х гг. XX в. Ветковские орнамент и почерк крюков послужили основой, на к-рой сложился стиль гуслицких рукописей (особенно трудно отличить от ветковских гуслицкие рукописи кон. XVIII в.— см.:

Ирмосы.
Рукопись. 1777 г. Ветка (ВМНТ)

Рукописи старообрядцев Бессарабии и Белой Криницы: Из собр. НБ МГУ: Кат. Ч. 2: Певч. рукописи Бессарабского собрания МГУ / Сост. Н. Г. Денисов, Е. Б. Смилянская. М., 2000. № 1608, 1733, 1738, 1838, 1845, 2206 и др.).

Ветковцы распели отдельные песнопения особым напевом, обозначенным в рукописях как «Ветковский распев». В одной из рукописей, к-рую нашли и ввели в научный оборот Е. А. и А. Е. Бобковы, этим распевом записано песнопение «Да ся исправит молитва моя» (*Бобков Е., Бобков А.* С. 450; ркп. передана Бобковыми в дар ИРЛИ, где и хранится (Древлехранилище. Белорус. собр., № 93. Л. 30 об.)). Указания на ветковский распев встречаются в рукописи певч. собрания Пермской Гос. галереи (ркп. № 1405р. Октоих и Обиходник крюковые. XIX в. Л. 125. «Веткавского напеву»: «Иже нейде на совет» (*Парфентьев Н. П.* Традиции и памятники древнерус.

Ирмосы.
Рукопись. XIX в. Ветка (ВМНТ)

муз.-письменной культуры на Урале (XVI–XX вв.). Челябинск, 1994. С. 178–179)) и др. Гласового обозначения ветковский распев не имеет; его музыкально-стилистические особенности не изучены. В Ветковско-Стародубском собрании певч. рукописей научной б-ки МГУ указаний на этот распев нет *(Богомолова, Кобяк).*

Лит.: *Лилеев М. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. К., 1895; *Поздеева И. В.* Археографические работы Моск. ун-та в р-не древней Ветки и Стародубья (1970–1972) // ПКНО, 1975. М., 1976. С. 56–58; *Богомолова М. В., Кобяк Н. А.* Описание певч. рукописей XVII–XX в. Ветковско-Стародубского собр. МГУ // Рус. письменные и устные традиции. М., 1982. С. 162–227; *Бобков Е. А., Бобков А. Е.* Певч. рукописи с Ветки и Стародубья // ТОДРЛ. 1989. Т. 42. С. 448–452; *Смилянская Е. Б.* К изучению ист.-культурного значения Ветковско-Стародубского старообрядческого центра в XVIII–XX вв. // История Церкви: изучение и преподавание: Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 205–210.

Н. Г. Денисов

Иконопись В. (кон. XVII в.— 2-я пол. XVIII в.), отражающая непрерывность правосл. традиции, сохраненной в среде старообрядцев в следовании решениям Стоглавого Собора 1551 г. и памятникам духовной культуры XVI — 1-й пол. XVII в., изучена мало. Ее истоками были художественные центры в Романове-Борисоглебске (ныне Тутаев), Костроме, Ярославле, чьи лучшие мастера работали в Оружейной палате Московского Кремля. Однако на дониконовскую иконопись не могли не оказать влияние новые художественные тенденции. Совмещение традиц. письма с «живоподобием» свидетельствует о двойственности стиля, удержавшегося тем не менее в старообрядческой иконе в границах древнего канона. Конфессиональная замкнутость и расположенность за пределами России способствовали закреплению в художественной практике В. местных

особенностей, сохраняемых благодаря династической преемственности мастерства. Своеобразие иконописи на В. проявилось и в создании новых иконографий.

Ветковские мастера изготавливали иконные доски без ковчега из древесины мягких пород, осины и тополя, сильно подверженных воздействию жучка-точильщика. Для паволоки использовались льняные, позже хлопчатобумажные промышленного производства ткани. Графья присутствовала всегда; рисунок процарапывался, вычеканивался по левкасу и затем поверхность золотилась. Характерной чертой ветковских икон стало одновременное сочетание большинства распространенных техник и приемов письма (цировка, цвечение золота, черневая роспись, впроскребку). При золочении нимбов нередко применялось глассирование, они выполнялись в виде точечного орнамента, а также способом цировки, цветом (красной и тонкой белой линиями), иногда по зап. типу — сочетанием прямых и зигзагообразных лучей. В разделке одежд твореным сусальным золотом использовался рисунок (в перо, в зигзаг, в рогожку и др., а также свободной формы) в технике золото-пробельного письма (техника инакопи не использовалась); только на ветковских иконах встречается унаследованная от мастеров Оружейной палаты разделка одежд охрой или белилами по золоту. Влияние этих мастеров сказалось также в одновременном применении золота и серебра при написании орнаментов одежд поверх складок, в т. ч. в «теневых» местах. Особенностью икон такого письма является высокое качество олифного покрытия.

В ветковской иконе сохранялось свойственное для традиц. иконописи отношение к свету как Фаворскому, но и свет, и цвет частично изменили свои качества, поскольку все больше внимания уделялось красоте видимого мира. На вкусы ветковцев наложила отпечаток жизнь в пределах Малороссии. Яркое многоцветие юж. колорита они воспринимали как образ Эдемского сада, отсюда повышенная декоративность, обилие растительных орнаментов (нарциссы, ветви с листьями и цветами яблонь, имитация листьев аканфа, виноградная лоза, гирлянды, рог изобилия, раковины). Кровли архитектурных сооружений украшались декором в виде полукружий, рыбьей чешуи, черепицы, лемеха, диагональной сетки с орнаментом внутри. На орнаментацию одежд оказали влияние узоры зап. и вост. привозных тканей. От мастеров Ярославля и Костромы был унаследован интерес к усложненным композициям, любовь к узорочью и орнаментам, в частности, были восприняты и развиты костромские орнаментальные рамки, отделяющие средник иконы от полей, часто с наугольниками др. цвета и орнамента.

В старообрядческой иконописи сохранилось семантическое значение основных составляющих иконы и символика ее цветов: опушь на полях (граница земной и небесной тверди) писалась красной и синей краской; рамка, отделяющая ковчег (область вечности) от полей (небесной тверди),— красной и тонкой белильной линией (цвета горнего мира). Пигментный состав палитры в В. представлен основными цветами и выделяется обилием бакана. Характерны открытые, чистые, часто не смешанные, локальные цвета. В продолжение традиции тонального письма возможен вариант смешения цвета с различным содержанием белил. Фон и поля покрывались золотом, редко серебром с подцвеченной олифой. В отличие от др. иконописных центров на В. цветной фон не применялся. На распространение «архитектурных» фонов в иконах XVIII–XIX вв. повлияло европ. барокко. Еще одна своеобразная черта — обилие надписей на полях. Эклектичный стиль царских мастеров стал источником совмещения в ветковских иконах «живоподобного» доличного и традиц. личного письма.

Техника исполнения личного письма восходит к визант. приемам (плавь, взаливку, отборка) и известна в 3 основных «пошибах» (вариантах). В первом — визант. и рус. домонгольскую традицию продолжили т. н. корсунские письма, где тона санкиря и охрения максимально сближены, подрумянка разбеленной киноварью и выделенное киноварью междугубие (или опись нижней губы) создают образ духовного горения. Эти «темноликие образы» сохранили особое видение старообрядцами божественной природы преображенной плоти. В др. варианте, «контрастном письме», оливково-коричневые по цвету санкири с обильными высветлениями не совпадают друг с другом по тону; подрумянка наносилась не всегда.

Рождество Богородицы. Богоматерь Феодоровская. «Бысть чрево Твое Святая трапеза». Великомученицы Екатерина и Варвара. Четырехчастная икона. 40-е гг. XIX в. (ВМНТ)

В 3-м — система письма та же, но личное письмо выдержано в теплых тонах: оранжево-коричневые цвета охрений, нанесенных по охристо-коричневым санкирям. Отличительной чертой письма ликов являются 3 световых пятна в виде активных высветлений вокруг рта и подбородка, а также форма верхней губы, нависающей над припухлой раздвоенной нижней. Указанные направления существовали как в монастырских, слободских мастерских, так и в работах сельских иконописцев.

Умение ветковских мастеров воплотить в иконе принципы монументального искусства является наследием художественной культуры богатых поволжских городов. Иконописцы наряду с традиц. формой житийных икон, событийный ряд в к-рых представлен в клеймах, приняли вслед за мастерами Верхнего Поволжья новую композиционную форму развития сюжета в одной плоскости. Навыки пространственного мышления нашли отражение в широком распространении многочастных икон, актуальных для домашних молелен старообрядцев, находившихся «в бегах».

Обособленность ветковцев не приостановила творческих поисков в области иконографии. Правосл. самосознание и чаяния Небесного Иерусалима старообрядцами, выра-

жаемые словами ап. Павла: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр 13. 14), отражают суть мн. иконографий, созданных в их среде. Излюбленным был образ Св. Троицы (т. н. новозаветной) — «Триипостасное Божество». Усвоение и усложнение этой иконографии старообрядцами, появление к-рой они не связывали с Западом, обусловлено важными для них эсхатологическими настроениями и

Триипостасное Божество. Икона. 1-я пол. XIX в. (ВМНТ)

представлением христиан об участи грешников и праведников. Среди многочисленных аспектов выделена идея крестного пути верных, способных внутри Церкви и с помощью Евхаристии преодолеть разделение

«Союзом любви связуемы апостолы». XIX в. Фрагмент трехчастной иконы (Челябинская областная картинная галерея)

и стать сонаследниками Царствия Небесного.

Надежды на обретение полноты церковной иерархии у поповцев нашли отражение в старообрядческих изводах иконографии *«Союзом любви связуемы апостолы»*, являющей образ Церкви со своим Главой Христом. Эту иконографию иконописцы-старообрядцы обогатили рядом смысловых акцентов, создав собственную структуру образа. Так, апостолы соединены между собой и с Христом визант. плетенкой — символом духовного вервия. Текст тропаря внутри плетенки («**Союзом любве апостолы Твоя связавый, Христе...**», глас 4) раскрывает духовный смысл образа: мистическое соединение Церкви Земной и Небесной со своим Главой. Жертвенный путь этого соединения выражен через крестоцентричную композицию, где Крест — средство спасения на пути к Богу. В центре композиции, как правило, представлен Христос Первосвященник в образе *Ангела Великого Совета* с восьмиконечным нимбом, в священнической ризе, в поручах и со скрещенными на груди руками; встречаются изображения Господа Вседержителя, «Спаса Благое Молчание», Распятия, Св. Троицы (ветхозаветной), а также Богоматери *«Призри на смирение»* в образе Невесты-Церкви, связанной узами единства и любви с коронующим Ее Женихом-Христом. Художественными средствами этот образ раскрывается через светоносную структуру цвета и света, золото полей и фона. Возникновение этой иконографии в 1-й пол.— сер. XIX в. в Белой Кринице не случайно, именно там в 1846 г. совершилось присоединение к старообрядчеству Босно-Сараевского митр. Амвросия (Паппа-Георгополи), и старообрядцы получили собственную иерархию.

Икона Божией Матери «Огневидная». Нач. XIX в. (ВМНТ)

В XVIII в. появление на В. иконографии Богоматери *«Огневидной»* связано с осмыслением Ее образа как полноты Церкви. Эта идея соединена с темой божественного огня и выражена в иконе через символику красного цвета лика и одежд Богородицы. Цвет Воскресения Христова для образа Богоматери является наиболее адекватным воплощением обоженной нетленной плоти, соединившей земное и небесное и ставшей «Престолом огненным». Эта иконография связана с праздником *Сретения Господня*, отмечаемым в католич. Церкви как Богородичный (Очищение Марии) и известным в Польше и Юго-Зап. Руси под названиями «Огненная Мария», «Громница» (см.: О Тебе радуется: Рус. иконы Богоматери XVI — нач. XX в. М., 1996. Кат. 60). У беспоповцев образ Богоматери «Огневидной» отсутствует; в РПЦ известен только в Своде чудотворных икон Богоматери.

Образ свт. Николая Мирликийского «Никола Отвратный» был создан на В. не ранее XVIII в. Его отличает ряд особенностей: свт. Николай представлен оплечно, зрачки больших глаз скошены влево, голова обращена вправо. Иногда на иконе изображены пальцы благословляющей руки святителя. На

«Никола Отвратный». Икона. Нач. XIX в. (ВМНТ)

нек-рых иконах встречаются надписи, поясняющие смысл эпитета свт. Николая как помощника, «отвращающего от бесов».

Примером усвоения и переработки нек-рых зап. иконографических приемов являются изображения сидящих или представленных по пояс святых с несоразмерно высоким положением колена, иногда на уровне пояса, с характерными линеарными

светами и частыми складками одежд на колене и бедре.

До XX в. продолжала жить древняя традиция шитья, ставшая впосл. и домашним промыслом для ветковцев (изготовление бисерных окладов икон, лицевой стороны окладов богослужебных книг и т. д.).

Стиль серебряных окладов икон, изготовленных на В., восходит к работам мастеров из Романова, принадлежавших крупному центру серебряного дела в с. Красном (ныне пос. Красное-на-Волге) близ Костромы, а также имеет общие черты с окладами из Воскресенского собора г. Тутаева нач. XIX — 2-й пол. XIX в., произведенными в мастерской этого города. Для них характерен высокий рельеф, совмещение всех известных техник и приемов: *выколотки*, *чеканки*, *гравировки*, цировки, просечки, канфарения, ритмического чередования орнаментов и плоскостей «фона» — гладкого или заполненного орнаментом. Часто встречается богатая пластическая разработка орнаментов.

Деревянные киоты, сделанные на В., унаследовали традиции белорус., т. н. флёмской, прорезной, многослойной резьбы, имеющей западноевроп. происхождение. Применение

Икона Божией Матери «Взыскание погибших». Сер. XIX в. (ВМНТ)

новой технологии и инструментов позволило создать скульптурно-объемную высокорельефную и в то же время ажурную резьбу. На элементы деревянной резьбы оказали влияние, а порой «цитировались», орнаменты заставок, буквиц старопечатных и рукописных книг XVI в.

Лит.: *Соболев Н. И.* Русская нар. резьба по дереву. М; Л., 1934; *Абецедарский Л. С.* Белорусы в Москве XVII в. Минск, 1957; НКС. Т. 4. С. 8, 19, 25, 122–123, 126–127; *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII в. М., 1984. С. 94, 113–114. Ил. 82, 83; *Зонова О. В.* О ранних алтарных фресках Успенского собора // Успенский собор Моск. Кремля: Мат-лы и исслед. М., 1985. С. 116–117. Ил. 26; Невьянская икона. Екатеринбург, 1997. Ил. 147; Ветковский музей нар. творчества. Минск, 1994; *Рафаил (Карелин), архим.* О языке правосл. иконы. СПб., 1997; *Гребенюк Т. Е.* Худож. своеобразие ветковских икон: Технико-технол. аспект // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 387–390; *Сарабьянов В. Д.* Символико-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI в. Моск. Кремля // Благовещенский собор Моск. Кремля: Мат-лы и исслед. М., 1999. С. 200, 202; *Флоровский Г.* Вера и культура. СПб., 2002. С. 240–241.

Т. Е. Гребенюк

ВЕТЛУ́ЖСКОЕ ВИКАРИА́ТСТВО первоначально Костромской, затем Нижегородской епархии, создано в 1922 г., названо по г. Ветлуга. Учреждение викарных кафедр в кон. 10-х — 20-х гг. XX в. происходило в соответствии с определением *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* об увеличении числа викарных епископов и повышении степени их самостоятельности. 2 апр. 1922 г. во епископа Ветлужского был хиротонисан *Григорий (Козлов)*. 5 июля того же года Ветлужский у. был передан из Костромской губ. в Нижегородскую, В. в. перешло в Нижегородскую епархию. Еп. Григорий активно препятствовал распространению в вик-стве *обновленчества*, окормлял приходы соседнего Яранского вик-ства Вятской епархии, поскольку Яранский еп. Сергий (Корнеев) перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. еп. Григорий был арестован и выслан из Ветлуги, в февр. 1926 г. назначен епископом Печерским, викарием Нижегородской епархии.

В окт. 1926 г. во епископа Ветлужского был хиротонисан *Николай (Голубев)*. После издания *«Декларации» 1927 г.* еп. Николай перешел в оппозицию к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергию (Страгородскому)*, и 12 февр. 1928 г. был отправлен на покой. 1 авг. 1929 г. на В. в. с *Городецкого вик-ства* Нижегородской епархии был переведен еп. *Неофит (Коробов)*. 6 авг. 1937 г. еп. Неофит вместе со священниками Ветлужской округи был арестован, перевезен в г. Горький, 11 нояб. 1937 г. приговорен к расстрелу. Впосл. В. в. не замещалось.

6 окт. 1998 г. на возобновленное В. в. был назначен еп. *Аркадий (Афонин)*, к-рый 29 дек. следующего года был переведен на Южно-Сахалинскую кафедру. 12 марта 2002 г. Ветлужским епископом определено быть *Феодосию (Васневу)*, 21 апр. состоялась хиротония. 26 дек. 2002 г. еп. Феодосий был переведен на Тамбовскую кафедру. Новых назначений на В. в. не последовало.

Ист.: Определения Свящ. Синода // ЖМП. 1998. № 11. С. 5; Наречение и хиротония архим. Феодосия (Васнева) во еп. Ветлужского, вик. Нижегородской епархии // Там же. 2002. № 5. С. 44.

Лит.: За Христа пострадавшие. С. 337; *Тихон (Затёкин), игум., Дегтева О. В., Куранова О. В.* Святители земли Нижегородской. Н. Новг., 2003. С. 456, 457–458, 468–469, 516, 521.

ВЕ́ТРИНСКИЙ Иродион Яковлевич (1787, с. Ветрино Мологского у. Ярославской губ.— 7.07.1849, С.-Петербург), профессор философии, переводчик, поэт, издатель. Из семьи священника. С 1797 г. учился в Ярославской ДС, в 1809–1814 гг.— в СПбДА, был среди 12 студентов 1-го выпуска СПбДА, оставленных в академии для преподавательской деятельности. Вместе с В. в академии учились известные впосл. церковные деятели: митр. *Григорий (Постников)*, протоиереи Герасим *Павский* и Иоаким *Кочетов*.

В 1814 г. В. был удостоен степени магистра, в авг. того же года Комиссией духовных уч-щ определен бакалавром философских наук. В окт. 1814 г. назначен членом академической конференции, 7 авг. 1817 г. избран секретарем академии, в 1818 г. утвержден в звании ординарного профессора СПбДА, через год — в звании профессора философских наук СПбДС. В 1814–1822 гг. В. преподавал в с.-петербургских духовных школах историю философии, в 1823–1826 гг.— метафизику, на основе лекций издал кн. «Institutiones metaphysicae» (Основы метафизики) (Petropolis, 1821). В сент. 1825 г. уволен с должности профессора в семинарии, 1 нояб. следующего года уволен из СПбДА. В марте 1826 г. награжден орденом св. Анны 3-й степени.

В 1819–1820 гг. В. работал в Комиссии по составлению устава духовной цензуры (утвержден 22 апр. 1828). 4 авг. 1826 г. был назначен цензором Главного цензурного комитета. В 1828 г., после преобразования Главного цензурного комитета в С.-Петербургский цензурный комитет, уволен с должности. В дек. 1830 г. поступил в Департа-

мент гос. имуществ, в к-ром со временем занял должность помощника столоначальника.

Начиная с 1821 г. В. участвовал в издании ж. *«Христианское чтение»*. В авг. 1831 г. получил разрешение на издание ж. «Северная Минерва», к-рый выходил в течение 1832 г. В журнале публиковались статьи по античной философии и совр. лит-ре, популярностью издание не пользовалось.

В июле 1833 г. В. по собственному прошению был назначен членом правления Белорусского учебного округа, в мае 1834 г.– директором Могилёвской дирекции уч-щ, в 1837 г.– директором Таганрогской гимназии. В 1838 г. получил чин статского советника. Летом 1841 г. уволен со службы по болезни; последние годы жил в С.-Петербурге (умер от холеры).

Основной труд В.– «Памятники древней христианской Церкви, или христианских древностей, с описанием таинств, богослужения, храмов, праздников, постов, иерархии, разных соборных постановлений и всех обрядов и обычаев, бывших в древней христианской Церкви» (СПб., 1829–1845. 5 т.) – стал первым в России изданием по истории древней Церкви 5 начальных веков существования христианства. В основе труда лежит соч. англикан. свящ. Джозефа *Бингема* «Origines ecclesiasticae, or The Antiquities of the Christian Church» (L., 1710–1722. 10 vol.), на то время лучший свод источников по христ. археологии.

Большинство рецензентов негативно отозвались на выход «Памятников». Московский митр. свт. *Филарет (Дроздов)* писал: «Книга не удовлетворяет древней истине и Православию во многих местах», проникнута духом англикан. Церкви (Лит. наследство. М., 1935. Т. 19/20. С. 194; др. отзыв святителя, также негативный: *Филарет Московский, свт.* Собр. мнений. СПб., 1887. Т. доп. С. 27–28). Критически отозвался о работе В. архиеп. *Филарет (Гумилевский)* (Обзор. СПб., 1884. Кн. 2. С. 493). В мае 1847 г. С.-Петербургскому цензурному комитету было сделано строгое замечание за пропуск в печать издания.

В. занимался переводами с латыни (*Вергилиева* Енеида. Песнь 1-я. СПб., 1820; Надгробные слова Флешьера, еп. Нимского. СПб., 1824; *Тацит.* Агрикола // Отеч. зап. 1849. № 5), написал оды на кончину имп. Александра I (СПб., 1825), имп. Елисаветы Алексеевны (СПб., 1826), имп. Марии Феодоровны (СПб., 1828). В 1844 г. В. по хранившейся у него рукописи издал соч. М. М. *Сперанского* «Правила высшего красноречия». В книге В. поместил краткие биографические сведения о Сперанском, с к-рым был знаком в период ок. 1809–1812 гг. В. является также автором кн. «Русские письма о счастливой жизни по ее возрастам» (СПб., 1848), в к-рой отражены его понимание семейной жизни и взгляды на воспитание детей.

Арх.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 2044; Ф. 777. Оп. 1. Д. 574; Ф. 777. Оп. 1. Д. 859; Ф. 777. Оп. 1. Д. 860; Ф. 777. Оп. 1. Д. 1104; РНБ. Ф. 359. Д. 453 [Конспект лекций В. по философии].

Соч.: О философии // Сын отечества. 1828. № 9; О прекрасном // Сев. Минерва. 1832. № 9; Разбор оды «Бог» // Там же. № 11.

Лит.: *Чистович И.* История СПбДА. СПб., 1857. С. 345–346; Биографический список студентов СПбДА 1-го курса 1809–1814. [СПб.], 1888. С. 6–7; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. С. 91–92; *Панов С. И.* И. Я. Ветринский // Рус. писатели, 1800–1917. Т. 1. С. 438.

А. И. Богданов

ВЕ́ТТЕР [нем. Wetter] Густав Андреас (4 мая 1911, Мёдлинг, близ Вены – 1991, Рим), священник-иезуит, профессор, писатель, философ, специалист по рус. философии и научному материализму. В 1930–1936 гг. учился в папском коллегиуме *Russicum* и в папском *Григорианском университете* в Риме, где был рукоположен во пресвитера (1935), годом позже вступил в орден *иезуитов*. В Восточном папском ин-те изучал рус. философию, был увлечен философией Вл. С. *Соловьёва*, особенно его идеей всеединства. По мысли В. эта идея могла бы стать объединяющей в возможном примирении вост. и зап. религ. традиции. В 1943 г. защитил докт. дис. на тему «Онтология Троицы у Л. П. Карсавина: Структура творческой сущности как отражение Божественной Троичности» и начал преподавать в Восточном папском инте. Занятия рус. философией привели его к изучению развития марксизма-ленинизма в России. В. подготовил курс лекций о развитии диалектического материализма в России и СССР. Несмотря на то что мировоззрение В. диаметрально расходилось с идеологией марксизма-ленинизма, он стал одним из известных авторов, писавших на эту тему на Западе, и одним из немногих иезуитов 2-й пол. XX в., работы к-рого получили научное признание не только в католич. кругах, но и в сфере светской науки. В 1948 г. в Италии была издана его кн. «Диалектический материализм: История философской системы в Советском Союзе» (Il materialismo dialettico sovietico), опровергавшая материалистическую философию. Марксизм, особенно его русский и советский вариант, оставался главной темой дальнейших исследований В. Со временем у него появилась возможность собрать б-ку по марксизму и материалистической философии в папском коллегиуме Russicum; позднее она была перемещена в папский Григорианский ун-т, где В. преподавал с 1954 г. В 1970 г. в Григорианском ун-те В. основал Центр по изучению марксизма. В 1950–1954 гг. был ректором папского коллегиума Russicum (фактически с 1948).

Соч.: Il materialismo dialettico sovietico. Torino, 1948; Der dialektische Materialismus: seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. W., 1952; Philosophie und Naturwissenschaft in der Sowjetunion. Hamburg, 1958; Sowjetideologie heute. Fr. / M., 1962; Dialektischer und historischer Materialismus. Fr./M., 1971.

Лит.: Seid nüchtern und wachsam: G. Wetter und die philos. Sowjetologie / H. Dahm. Münch., 1991; *Faenza L.* Dialettica e materialismo dialettico: Letture inattuali. Rimini, 1994.

К. Симон

ВЕ́ТТШТЕЙН [нем. Wettstein] Иоганн Якоб (5.03.1693, Базель – 9.03.1754, Амстердам), швейцар. протестант. теолог, текстолог НЗ. Изучал философию и теологию в Базельском ун-те. Еще студентом В. занялся исследованием рукописей и ранних переводов НЗ, работал в б-ках Голландии и Англии (1714–1717). По окончании учебы, став пастором, В. подготовил новое издание греч. НЗ. Однако, когда в гранках издания обнаружилось, что он внес в текст варианты, отличные от «общепризнанного текста» (см. ст. *Библия*), к-рые он считал более близкими к оригинальным, В. был отправлен за штат, а издание так и не вышло в свет. В. уехал в Амстердам, где в 1751–1752 гг. опубликовал греч. НЗ в 2 томах (Novum Testamentum Graecum editionis receptae cum lectionibus variantibus... necnon commentario pleniore... opera et studio). В этом издании он ничего не менял в «общепризнанном тексте»,

но под текстом разместил нек-рые варианты, к-рые считал изначальными. Кроме того, под текстом В. поместил 2 объемных критических аппарата, первый из к-рых отражал варианты чтения, предлагаемые различными рукописями. Примененная здесь система обозначения кодексов (маюскулы, или унциалы, — большими лат. буквами, после окончания лат. алфавита — еврейскими; минускулы, или курсивные рукописи, — араб. цифрами) просуществовала без изменений до нач. XX в., когда К. Р. Грегори, сохранив принципы В., привел эту систему в тот вид, к-рый принят в новозаветной текстологии в наст. время (см. ст. *Текстология библейская*). Второй аппарат предлагал собрание цитат из произведений классической греч. и евр. лит-ры, поясняющих содержание используемых в НЗ понятий и представлений. В приложении В. опубликовал описание всех известных на то время рукописей НЗ и трактат «О толковании Нового Завета». При интерпретации текста НЗ, как и любого др. произведения, В. считал, что необходимо стремиться прочитать текст глазами первых читателей и учитывать представления, характерные для времени его появления.

Лит.: *Hulbert-Powell Ch. L.* John James Wettstein, 1693–1754. L., 1937.

ВЕ́ТХИЙ ДЕ́НМИ (церковнослав.— **вет҃хїй де́нми**, рус.— Ветхий днями), в основе иконографии — текст Книги пророка Даниила, описывающий видение В. д., одеяние Которого «было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна» (Дан 7. 9), и Откровения ап. Иоанна Богослова: «Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег» (Откр 1. 14). Святые отцы связывали этот образ с темой Воплощения Предвечного Сына Божия и искупительной жертвы, а также с образом грядущего Судии Второго пришествия. Архиеп. *Андрей Кесарийский* в толковании на Откровение Иоанна Богослова говорит: «Принесенный в жертву за нас в эти последние времена, Он однако древний, точнее — Он вечный, свидетельство чему Его белые волосы». Так же понимает этот образ *Михаил Хониат,* митр. Афинский: «Белые волосы означают вечность. Говорят, они появились с Ним, Который был с начала, с Ветхим Деньми; и однако Он, принесенный за нас в жертву,— Младенец в Воплощении». Тема Воплощения звучит и в текстах службы на Сретение: «Ветхий Деньми, иже закон древле в Синае

Ветхий денми. Икона. VII в. (Мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

дав Моисею, днесь Младенец видится» (1-я стихира на литии); «**Вет҃хїй де́ньми младе́нствовавъ пло́тїю, мт҃рїю дв҃ою въ ц҃рковь прино́ситсѧ**» (литийная стихира на «И ныне:»).

Самое раннее из известных изображений — икона VII в. из мон-ря вмц. Екатерины на Синае, представляющая В. д. во славе. Надпись «Эммануил» соответствует святоотеческому толкованию этого образа. Следующей по времени является миниатюра из Книги Иова (Patm. 171. Fol. 449, IX в.) — В. д. представлен с крещатым нимбом, его фигура окружена ореолом, внутри к-рого 9 ангелов; на миниатюре в Книге Иова из Ватопедского мон-ря (Vatop. 590, XII в.) — с монограммой ИС ХС. В рукописи Евангелия сер. XI в. (Paris. gr. 74) В. д. изображен дважды: с надписью «ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν» (ветхий днями) перед текстом Евангелия от Матфея (Fol. 1) в медальоне, сидящим на троне, здесь же — 2 медальона с серафимами, в центре — евангелист Матфей, в медальонах внизу — праотцы Авраам и Исаак; перед текстом Евангелия от Иоанна (Fol. 167) — между сидящими на тронах Христом Пантократором и Христом-Эммануилом, В. д.— с крещатым нимбом, пропорции его фигуры крупнее 2 др. В композиции «Страшный Суд» в Джанавар-килисе в Соганлы (Каппадокия), XIII (датировка Н. Тьери) или XV–XVI вв. (датировка Ж. Лафонтен-Дозонь), В. д. следует понимать как образ Христа Второго пришествия, поскольку Его поясная фигура в медальоне является центром композиции. Также в сцене Страшного Суда В. д. изображен на фреске ц. Рождества Богородицы Снетогорского мон-ря, 1313 г. Тема Второго пришествия выражена и в росписи 2-й пол. XII в. в ц. св. Николая Касницисса в Кастории, где В. д. представлен в Деисусе. Тема воплощения и Второго пришествия раскрывается также через сопоставление в росписях визант. храмов XI–XIV вв. образов Христа В. д., Эммануила и Пантократора: 3 образа Христа представлены в куполах ц. Богоматери Елеусы в Велюсе близ Струмицы (Македония), 1085–1093 гг.; Пантократор, В. д., Эммануил и Христос-Священник — в куполах ц. св. Пантелеимона в Нерези близ Скопье (Македония), 1164 г.; Пантократор, В. д. и Эммануил на своде — в ц. св. Стефана в Кастории, сер. XII в.; те же 3 образа в вост. части ц. св. Врачей в Кастории, кон. XII в.; над алтарной конхой Эммануил, в алтарном своде В. д. (с рус. надписью «Ветхий Деньми») и на вост. стене Христос-Священник — в апсиде ц. Спаса на Нередице (не сохр.), 1199 г.; в центральном куполе Пантократор, в юго-зап. В. д., в северо-вост. Эммануил — в ц. Вознесения мон-ря Раваница (Сербия), 1375–1377 гг.; Пантократор и В. д. на своде — в ц. св. Георгия в Убиси (Грузия), XIV в. Полуфигура В. д. встречается в росписях апсид 2 церквей XIII в. на о-ве Эвбея. В крипте Сан-Бьяджо близ Сан-Вито-деи-Норманни (Италия), до 1300 г., вместе с В. д. изображены пророки Даниил и Иезекииль; первый держит свиток с текс-

Ветхий денми. Роспись ц. во имя св. Стефана в Кастории. Сер. XII в.

Ветхий денми. Роспись ц. Спаса на Нередице в Новгороде. 1199 г.

том (Дан 7. 2, 9), надпись в книге Христа — «Аз есмь лоза истинная и Отец мой делатель» (Ин 15. 1). Примеры различных расположений образа В. д. в храмовой росписи: ц. вмч. Георгия в Курбинове (Македония), 1191 г.— на престоле на зап. стене; ц. св. Апостолов в Печской Патриархии (Сербия, Косово и Метохия), ок. 1260 г.— в жертвеннике, там же «Видение прор. Даниилу Небесного Иерусалима».

Изображения В. д. встречаются также в поствизант. искусстве: ц. Вознесения мон-ря Сучевица (Румыния), XVII в., в куполе и наружной росписи апсиды; трапезная мон-ря Хиландар на Афоне, 1620 г.; ц. Успения Богородицы мон-ря Пива (Черногория), 1604–1606 гг.— в своде В. д., Пантократор, Эммануил и Христос-Ангел.

Неясно, с какого времени образ В. д. связывается с Богом Отцом (Х. Герштингер предполагает сев. влияние — см.: Gerstinger. S. 79–85). Один из ранних примеров такого понимания — композиция «Отечество», вписанная в инициал Θ (ὁ Θεός) в рукописи Евангельских чтений из мон-ря Дионисиат на Афоне (Dionys. № 587, XI в.). Такой же смысл в изображении В. д. на рус. иконе «Благовещение Устюжское», нач. XII в. (ГТГ), где В. д. во славе, сидящий на херувимах, изображен в небесном сегменте, а от Его благословляющей десницы исходит луч в сторону Богородицы. Рядом с В. д. надпись: «**ІС ХС Трьсвѧты вѣтъхы Д[...]нєми**». Аналогичная сцена Благовещения в росписи ц. Асину (Панагии Форвиотиссы) в Никитари (Кипр), XIV в. На фреске ц. Панагии тон Халкеон в Фессалонике, 1028 г., где В. д. представлен в композиции «Крещение Господне», в его руке свиток с текстом: «Сей есть сын мой возлюбленный» (Мф 3. 17). В ц. Богоматери Перивлепты в Охриде (Македония), 1294–1295 гг., В. д. изображен в медальоне, но без крещатого нимба и без монограммы. К примерам отождествления В. д. с Богом Отцом можно отнести роспи-

Ветхий денми. Роспись ц. Богоматери Перивлепты в Охриде. 1294–1295 гг.

си церквей: Успения Богородицы в Грачанице, 1320 г.,— В. д. в медальоне в сцене Крещения; св. Петра в Биело-Поле (Черногория), 1319–1320 гг.,— В. д. на престоле во славе в сцене Вознесения; Богоматери мон-ря Матейче, близ Скопье (Македония), 1355–1360 гг.,— в дьяконнике «Св. Троица» (новозаветная) — на престолах в ряд изображены В. д., Эммануил и Св. Дух в виде голубя.

В «Ерминии» Дионисия Фурноаграфиота, нач. XVIII в., образу В. д. посвящена отдельная статья «Блаженный Отец — Ветхий Деньми» (ст. 449).

В рус. искусстве XVI в. под влиянием иконографии *Софии Премудрости Божией* В. д. вместо крещатого нимба стал изображаться со звездчатым нимбом в виде пересекающихся синего и красного ромбов, что привело к формированию нового иконографического типа — *Господа Саваофа*, запрещенного Большим Московским Собором (1666–1667).

Лит.: *Millet G.* La Dalmatique du Vatican: Les élus, images et croyances. P., 1945. P. 42–44. BEHER. 1948. Vol. 60; *Gerstinger H.* Über Herkunf und Entwicklung der anthropomorphen byzant.-slavischen Trinitätsdarstellungen des sogenannten Synthroni und Paternitas (Otechestwo) Typus // FS W. Sas-Zaloziecky zum 60. Geburtstag. Graz, 1956; *Papadopoulos S. A.* Essai d'interprétation du thème iconographique de la Paternité dans l'Art byzantin // Cah. Arch. 1968. Vol. 18. P. 121–136; *Onasch K.* Ketzergeschichtliche Zusammenhänge bei der Entstehung des anthropomorphen Dreieinigkeitsbildes der byzant.-slavischen Orthodoxie // Bsl. 1970. T. 31. № 2 (A). S. 229–243; LCI. Bd. 1. Sp. 394–396.

Н. В. Квливидзе

ВЕ́ТХИЙ ЗАВЕ́Т [греч. παλαιὰ διαθήκη], название первой части христ. *Библии*, утвержденной Церковью в статусе *Священного Писания* и богодухновенного текста (см. *Богодухновенность*). ВЗ представляет собой собрание книг, усвоенных из традиции евр. Библии. Особая роль в формировании ВЗ принадлежит греч. переводу Семидесяти толковников, или *Септуагинте* (LXX). Объем и состав ВЗ, последовательность и названия книг могут различаться в библейских традициях основных христ. конфессий: православия, католичества и протестантизма (см. статьи *Библия; Канон библейский*). В христ. словоупотреблении термин ВЗ также обозначает период Свящ. истории до пришествия в мир Господа Иисуса Христа. (Поскольку вопросы статуса библейских книг, их происхождения, жанровой принадлежности, канона, а также историософии библейской истории находят свое освещение в соответствующих статьях наст. издания, в данной статье внимание обращено прежде всего на содержательную сторону термина ВЗ и характерные особенности ВЗ в христ. библейской традиции.)

Впервые термин ВЗ был употреблен св. ап. *Павлом* в 2 Кор 3. 14: «Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета; потому что оно снимается Христом». Очевидно, этот термин обозначает в данном контексте иудейское Свящ. Писание. Его содержательную основу составляет *Завет* — одно из важнейших представлений в системе библейского религ. мировоззрения. Завет (евр. ברית *berît*, в совр. переводах обычно передают как Союз, Договор) есть сакральное деяние Бога и общины Израиля, к-рое устанавливает отношения Бога и человека как личностные и доверительные и определяет весь спектр этих отношений и ход Свящ. истории (ср.: Исх 19. 1–24, 11). Применяя термин «завет» для именования Писания, ап. Павел находится в русле библейского словоупотребления, напр., в Исх 24. 7 (и мн. др.) говорится о «книге Завета», к-рая включает отдельные нормы и условия Синайского Завета. В 2 Кор 3. 14 содержание термина расширяется и в него уже входит вся совокупность письменного свидетельства о религ. истории человечества дохрист. эпохи,

проходившей под знаком Завета с Моисеем. Основание для определения «Ветхий» нужно искать в историческом развитии идеи Завета у пророков, прежде всего у *Иеремии*, возвестившего грядущее наступление Нового Завета (НЗ) как новой жизни с Богом в противоположность прежнему Завету, не только нарушенному Израилем, но и не достигшему полноты (Иер 31. 31–34; 32. 40–41). Следуя пророческой традиции, ап. Павел развивает богословие двух Заветов, к-рое становится одним из приоритетных направлений в осмыслении им религ. значимости евангельских событий. Для него НЗ осуществился во Христе (1 Кор 11. 25; Гал 3. 17); это Завет с Богом через Христа, Завет «духа» и «свободы» в отличие от Синайского Завета «плоти» и «рабства», заключенного через Моисея (2 Кор 3. 4–18; Гал 4. 24–31) (последовательное выражение эта тема находит в Евр 8. 1–10. 18, и, как ни относиться к вопросу авторства этого Послания, несомненно — в полном согласии с основными направлениями мысли апостола в тех его Посланиях, аутентичность к-рых не подлежит сомнению). 3 смысловых значения «Завета»: событие, эпоха и письменное свидетельство о них,— употребляемые не всегда дифференцированно, обусловливают содержание соответствующих словосочетаний у ап. Павла. В «диалектике» 2 Заветов получают оценку 2 события мирового масштаба, 2 открывающиеся в них эпохи Свящ. истории, сменяющие одна другую. Этим же определяется и выраженный в 2 Кор 3. 14 герменевтический подход к иудейскому Свящ. Писанию для христ. новозаветной общины. Писание для ап. Павла принципиально христоцентрично — это его главное свойство, основа его содержания. Воплощение Христа, Его учение, Крестная смерть и Воскресение, становящееся центром новой жизни с Богом, вносят определенность в понимание хода ветхозаветной истории, делая ее события постигаемыми в перспективе плана Божественного *домостроительства*, «краеугольным камнем» к-рого является Христос (1 Кор 10. 4). Свершение евангельской истории рассматривается как ключ к пониманию ВЗ, поэтому иудеи, не принявшие благовестия Иисуса Христа, лишаются этой возможности, оставаясь в состоянии неведения, не понимая данного им Свящ. Писания: «Умы их ослеплены... покрывало лежит на сердце их» (2 Кор 3. 14–15). Использование термина ВЗ в значении Писания предполагает, что и новая страница Свящ. истории получит свое письменное выражение, тем самым ап. Павел фактически предвосхищает создание нового корпуса Свящ. Писания — НЗ. Выражая христ. отношение к иудейскому Свящ. Писанию и определяя основные принципы его использования, подхода к нему и понимания его, ап. Павел тем самым обусловливает характер будущих отношений между частями начинающей формироваться христ. Библии — Ветхим и Новым Заветами и как фактический создатель первых христ. писаний становится ее основоположником. Позднейшее христ. словоупотребление терминов ВЗ и НЗ целиком укладывается в контекст создаваемой апостолом традиции.

Изначально ВЗ принимается в церковном употреблении в статусе откровенного (см. *Откровение*), религиозно актуального текста. Об этом единодушно свидетельствуют и новозаветные источники, и святоотеческая традиция. В НЗ достоинство книг ВЗ находит выражение в их именовании священными писаниями (ἱερὰ γράμματα, 2 Тим 3. 15), «Святыми Писаниями» (γραφαὶ ἅγιαι — Рим 1. 2), «Писанием» (ἡ γραφή — Мф 21. 42; Мк 15. 28; Лк 4. 21 и др.), «Писаниями» (αἱ γραφαί — Мф 22. 29; 26. 54; Лк 24. 45 и др.); в утверждении их Божественного происхождения — «все Писание богодухновенно» (θεόπνευστος — 2 Тим 3. 16). Чередование форм единственного и множественного числа в данном случае свидетельствует об изначальном восприятии сборника ВЗ как единого целого. Раннехрист. период во всей полноте приемлет апостольские писания, церковные авторы того времени веро- или нравоучительную истинность того или иного высказывания обычно подтверждают библейским текстом, обрамляя цитату типовыми формулами — «как сказано в Писании», «Писание говорит» (*Barnaba.* Ep. 4. 7, 11; *Iren.* Adv. haer. I 1. 3; *Orig.* De princip. IV 1. 1 и мн. др.). Более того, в период устной передачи христ. свидетельства и начальной стадии образования НЗ, в кон. I — нач. II в., именно ВЗ в церковных общинах преимущественно выступал в роли Свящ. Писания. На протяжении первых веков христ. Библия формируется как цельный, двухчастный сборник. Об этом свидетельствуют библейские кодексы IV–V вв.— период, к к-рому окончательно сложился и утвердился новозаветный корпус — *Синайский, Ватиканский, Александрийский,* включающие Ветхий и Новый Заветы.

Констатируя богодухновенность ВЗ и единство 2 частей Библии, церковное сознание одновременно решает вопросы понимания ВЗ. Уже новозаветные писания задают основные направления экзегезы ВЗ, при этом опыт ап. Павла является основополагающим. Активно осваивая ветхозаветное наследие, в обладание к-рым вступила Церковь, святоотеческая экзегеза вплоть до IV–V вв. главное внимание уделяла именно ВЗ. Используемые ею методы толкования определяют возникновение отдельных экзегетических школ (см. ст. *Богословские школы древней Церкви*). Тем не менее при всем многообразии методов и подходов как новозаветной, так и святоотеческой экзегезы ВЗ они подчиняются общему герменевтическому принципу, унаследованному от ап. Павла,— христоцентрическому прочтению текстов ВЗ. Сложная задача сведения всего многообразия ВЗ к единому знаменателю при сохранении его религ. значимости решается использованием определенных методов экзегезы. Если пророчества ВЗ трактуются буквально и прямо соотносятся с соответствующими событиями из жизни Иисуса Христа как их исполнение (ср.: Мф 2. 5–6, 18 и др.), то в отношении др. текстов ВЗ, отличных по жанру и тематике от пророчеств, применяются более сложные методы толкования. Для оценки событий ветхозаветной истории святоотеческая экзегеза также вслед за ап. Павлом использует метод *типологического толкования*. Эти события рассматриваются как прообраз (τύπος) новозаветных. Раскрытие смысла ветхозаветных событий происходит благодаря их «узнаванию» в НЗ, и наоборот — т. о., сохраняется религ. актуальность ветхозаветной истории. Причем этот прием применяется не только в отношении новозаветных событий, но и событий уже собственно церковной истории. Так, именование I Вселенского Собора

«Собором 318 отцов», очевидно, обусловлено не конкретными историческими данными, но заимствованием соответствующего числа вооруженных слуг Авраама в описании военного конфликта в Быт 14. 14. Основанием переноса этого числа на события I Вселенского Собора послужило прочтение греч. буквенного выражения числа 318 (ΤΙΗ) как символа, содержащего знак Креста (Τ) и монограмму имени Иисус (ΙΗ) и, т. о., указывающего на его христ. содержание. Образ, к-рый при таком подходе строится на основе повествования Быт 14, вполне прозрачен: как когда-то праведный Авраам во главе своих верных 318 слуг одержал победу над войском нечестивых царей, выполнив родственные обязательства по отношению к Лоту, так благочестивый имп. Константин вместе с преданными ему епископами победил богопротивных еретиков, исполнив долг христ. государя по утверждению истин христ. вероучения. Т. о., событие ветхозаветной истории становится ключом к постижению смысла события, имевшего место в эпоху церковной истории. Этот пример помимо наглядной демонстрации метода толкования показывает, насколько активно текст ВЗ живет в церковном сознании.

Самое широкое распространение в первые века христианства получил метод *аллегорического толкования*, позволивший свободно обращаться с исходным библейским материалом. Это открывает практически неограниченные возможности в соотнесении 2 частей Свящ. Писания. Т. о. очевидно, что в первые века христианства в церковной среде происходило плодотворное усвоение ветхозаветного наследия. Высказыванием, определяющим отношение к предшествующей библейской традиции и ее понимание на все времена, остается фраза блж. *Августина:* «Novum Testamentum in Vetere lateat, Vetus in Novo pateat» (Новый Завет в Ветхом сокрыт, Ветхий в Новом открыт) (*Aug.* Quast. in Hept. II 73 // PL. 34. Col. 623).

Однако утверждение единства Ветхого и Нового Заветов — небезусловная характеристика библейской церковной традиции. Пришествие в мир Господа Иисуса Христа создает принципиально новую религ. ситуацию, и ни с чем не сравнимая полнота Откровения, явленная во Христе, в известной степени обесценивает прежние религ. ценности. Эта дилемма «старого» и «нового» понимается уже ап. Павлом, находя выражение, напр., в сложном «диалектическом» противопоставлении «закона» и «благодати», как старой и приходящей ей на смену новой ценности. И если бы не очевидное стремление апостола остаться в рамках Писания, даже за счет радикального переосмысления традиц. библейских образов и представлений с целью применения их к новой ситуации (напр., оценка «крещения» как полноценного замещения «обрезания»), употребленный им термин «Ветхий Завет» (в широком контексте — и Писание, и эпоха) правильнее было бы понимать как «устаревший», потерявший свою значимость (ср. Евр 8. 13). Если опыт ап. Павла предстает первой попыткой обозначить эту проблему и наметить нек-рые пути ее решения, то лишь вся практика церковного использования текстов ВЗ может рассматриваться как ответ на нее. Самая большая трудность, к-рая возникает,— это отсутствие единых правил и подходов. При исследовании вопроса приходится выявлять фактическое положение каждого ветхозаветного религ. представления в устанавливающейся системе христ. библейских ценностей, отнюдь не тождественной прежней. Так, в полном согласии с приведенным высказыванием блж. Августина очевидно принципиальное единство и преемственность основных откровенных прозрений богословия обоих Заветов. И хотя такие центральные истины библейского богословия, как *монотеизм* и учение о Боге-Творце, выражены прежде всего в ВЗ, их основополагающее значение сохраняется и для НЗ. В видении Бога активным Субъектом мировой истории, в пространстве к-рой Бог и человек предстоят друг другу как 2 личности, истории, к-рая подчиняется Его Промыслу, ведущему тварь ко спасению, ВЗ и НЗ (обращающий внимание на сотериологию по преимуществу) гармонично дополняют друг друга. Догмат Св. Троицы — данность уже церковного богословия, и несмотря на то что он обретает свое основание прежде всего в новозаветных текстах, находит для себя аргументы и в ВЗ. Так, в истории становления догмата одним из ключевых текстов при его обсуждении в IV в. был текст Притч 8. 22–31, а последующая экзегеза усматривает указание на Св. Троицу, напр., в грамматической форме мн. ч. нек-рых глаголов, описывающих действия Бога (Быт 1. 26; 3. 22; 11. 6, 7; *Athanas. Alex.* Or. contr. gent. 46; *Basil. Magn.* Adv. Eunom. V // PG. 29. Col. 756; *Ioan. Chrysost.* In Gen. 8 и мн. др.), и в др. материалах ветхозаветного текста. Одним из оснований христ. нравственности продолжают оставаться *Десять заповедей* (к-рые «в сущности своей ... суть тот же закон, который, по словам ап. Павла, написан в сердцах у всех человеков, дабы поступали по нему»; Иисус Христос «повелевал для получения жизни вечной сохранять заповеди и учил понимать и исполнять их совершеннее, нежели до Него понимали» (*Филарет (Дроздов), митр.* Пространный христ. Катихизис Православной Кафолической Церкви Восточной. М., 1909. Ч. 3. С. 83)). Церковь в полной мере рассматривает себя преемницей религ. опыта ВЗ, и текст Псалтири, где он находит одно из самых своих ярких выражений, составляет основу литургической практики Церкви. С др. стороны, хотя в богослужебном церковном устройстве усматриваются явные параллели с элементами культа ветхозаветного Израиля (в трехчастности устройства храма, трехсоставности иерархии и т. д.), в новозаветное время культовое законодательство, основа основ ветхозаветного закона, утрачивает всякий практический религ. смысл. Произошел отход от целого ряда норм ветхозаветного закона, составляющих существенную часть прежней религ. жизни и до сих пор скрупулезно соблюдаемых иудаизмом. И если отказ от пищевых ограничений можно обосновать эрой *Мессии,* снимающей всякие ритуальные разграничения «чистого» и «нечистого», то практическое игнорирование запрета на профанное использование «крови» (Быт 9, 4; Лев 17, 10–14 и др.), подтвержденного решением Апостольского собора (Деян 15. 20), невозможно объяснить, оставаясь только на ветхозаветной почве. Радикальным размежеванием с ветхозаветным религ. законодательством является отказ от *обрезания,* главного знака принадлежности к прежнему Завету; это был самый болезненный внутрицерковный вопрос во времена создания

апостолами первых христ. общин (как об этом свидетельствуют большинство посланий ап. Павла). Т. о., помимо полноты принятия необходимо констатировать и определенную двойственность в отношениях церковной традиции к своему ветхозаветному наследию.

Обозначаются и очевидно неприемлемые для Церкви подходы, к-рые можно развести по полярным позициям: с одной стороны, недопустимое принижение роли ВЗ, с др.— придание ему неоправданной в ущерб НЗ значимости. Предельным выражением тенденций, принижавших значения ВЗ, предстает во II в. попытка *Маркиона* отказать ВЗ в статусе христ. Свящ. Писания. За позицией Маркиона, очевидно, стояло радикальное гностическое неприятие мира (см. ст. *Гностицизм*), не допускавшее единства ветхозаветного богословия творения и новозаветной сотериологии. Эта позиция была решительно отвергнута церковным сознанием как явно еретическая и нецерковная. К той же области относятся попытки нек-рых богословов Нового времени рассматривать ветхозаветную историю узко национальной историей евр. народа, вслед. чего отрицалась преемственность евангельских событий с ветхозаветной историей, к-рая лишалась т. о. права на к.-л. религ. ценность для христианства (А. *Гарнак* и его последователи). Позицию, где ВЗ придается значимость, ущемляющая роль НЗ в первые века христианства, можно видеть в практике иудеохрист. общин (см. *Иудеохристианство*), сохранявших основные предписания ветхозаветного закона. Этой же позиции придерживается и секта *Иеговы свидетелей*: в их доктрине явно преобладают нек-рые аспекты ВЗ и потому, очевидно, периферийное положение занимают отдельные постулаты НЗ, что заставляет иеговистов в своей христологии повторять еретические взгляды *Ария*. В отечественной церковной истории в качестве примера придания ВЗ недопустимой гипертрофированной значимости можно вспомнить почти курьезный случай с насельником Киево-Печерской обители иером. *Никитой* (буд. свт. еп. Новгородский), зазубрившим весь ВЗ при полном незнании НЗ — только молитва братии мон-ря спасла инока от козней «лукавого», правда ценой полной утраты им знания Свящ. Писания (*Макарий*. История РЦ. Т. 2. С. 136). Сюда также можно отнести историю ереси *жидовствующих* с ее очевидной ориентированностью на ВЗ.

По существу отношения между ВЗ и НЗ в церковной традиции строятся на чутком, не поддающемся жестким определениям балансе, гарантом ее сохранения выступает церковное сознание. В общей характеристике ситуации безусловно показательными предстают и наблюдаемые в ходе историй колебания роли и значимости ВЗ в церковной традиции. Так, тенденции к их снижению проявляются в практике чтения ВЗ за правосл. богослужением. Уже в VIII в. этот текст не читается за литургией в К-поле (см., напр., Толкования на литургию свт. Гермогена К-польского (715–730), в к-ром ВЗ не упом.), паремийные чтения ВЗ на сегодня составляют его незначительную часть. Те же тенденции можно видеть и в постепенном изменении подходов и методов толкования библейского текста, где на первое место выходят требования исторической строгости и филологической корректности в обращении с текстовым материалом. Для Нового времени характерно предпочтение рационалистической экзегезы сложившимся методам толкования, что часто приводило к утрате смыслового многообразия библейских текстов. Так, напр., отказ от аллегорического метода, в той или иной модификации превалирующего в церковной экзегезе с первых веков христианства вплоть до средневековья (к-рый из-за своей произвольности не смог выдержать строгой критики), означал утрату широких возможностей в трактовке ВЗ и его религ. актуализации. Однако в XX в. новые направления в гуманитарных науках, особенно в герменевтике, поставили под вопрос сложившуюся монополию рационалистических подходов в экзегезе, что позволяет говорить о перспективе открытия иных измерений в понимании и употреблении текстов ВЗ (см. *Герменевтика библейская*).

В контексте тезиса о возможности функционирования текста как религиозного только в рамках связанной с ним религ. традиции необходимо проводить различие между ВЗ и *Танахом*, евр. Библией, как Свящ. Писанием 2 отдельных религий. Изначальной данностью такого различия явилось текстовое размежевание Танаха и ВЗ как евр. оригинала и греч. перевода LXX, обусловленное особенностями исторического пути христианства, миссия к-рого оказалась неразрывно связанной с грекоязычной средой. Выбор греческого языком христ. провозвестия уже на начальном этапе стал для Церкви судьбоносным, поскольку открывал церковной проповеди доступ в ойкумену (в значении всего обитаемого мира), что соответствовало вселенской природе христианства. В этом отношении принятие Церковью перевода LXX в качестве текста Свящ. Писания следует рассматривать как промыслительное. НЗ принципиально пишется на греч. языке, при этом подавляющее большинство цитат из ВЗ в НЗ приводятся по версии LXX. Не случайно *Аристея послание к Филократу*, говорящее о Божественном участии в труде переводчиков LXX, находит столь широкий отклик среди церковных авторов (*Iren.* Adv. haer. III 21. 2; *Clem. Alex.* Strom. I 148; *Cyr. Hieros.* Cathech. IV 34 и др.). Позднейшее церковное предание рассматривает старца *Симеона* (Лк 2. 25–35) как одного из 72 толковников и тем утверждает, что перевод LXX явился условием пришествия Христа в мир, став гарантом осуществления христ. миссии. Т. о., LXX мыслится обязательным связующим звеном между ветхозаветной и новозаветной эпохами Свящ. истории, что создает предпосылки для усвоения исключительно ему статуса христ. текста Свящ. Писания.

С 1-й пол. II в. начинаются споры между христианством и иудаизмом об истинном тексте Свящ. Писания и раздаются взаимные обвинения в его искажениях. Они практически не прекращаются на всем протяжении истории Церкви и составляют отдельную страницу в отношениях христианства и иудаизма. В иудаизме на рубеже I–II вв. запрещается использование текста LXX; евр. текст и в XIX, а иногда и в XX в. рассматривался рядом авторов, в т. ч. и отечественных, как целенаправленно измененный *масоретами* (напр., свт. *Феофан Затворник*, см. ст. *Библеистика*). (При этом вопрос о тексте Свящ. Писания становится предметом не только межрелиг., но и межконфессиональных церковных споров.) Однако даже если предположить полное текстовое тождество

или исключить проблему отношения перевода к тексту оригинала, ВЗ и Танах предстают разнохарактерными величинами. Положение ВЗ целиком и полностью определяется его неразрывным единством с НЗ и принятием в церковной традиции, к-рая окончательно утверждает характер и границы его функционирования. То же справедливо и в отношении Танаха и его места в иудаизме. Фактически один текст находится в 2 различных позициях, исполняя 2 различные роли. Само именование «Ветхий Завет» для иудаизма звучит нонсенсом. Совр. видение истории становления библейского текста, основанное на достижениях *текстологии библейской*, и представление о его многовариантности в период осуществления перевода LXX показывают содержательную несостоятельность споров между христианством и иудаизмом об истинном тексте Свящ. Писания. Тем не менее сам феномен этих споров вполне симптоматичен как отражение борьбы 2 религий за право обладания единым наследием.

Лит.: *Корсунский И. Н.* Иудейское толкование ВЗ. М., 1882; *он же*. Новозаветное толкование ВЗ. М., 1885; *Михаил (Лузин), еп.* Библейская наука. Тула, 1898. Кн. 1: Очерк истории толкования Библии; *Глаголев А.* Ветхий Завет и его непреходящее значение в христ. Церкви. К., 1909; *Dodd C. H.* According to the Scriptures. L., 1952; *Ellis E. E.* Paul's Use of the Old Testament. Grand Rapids, 1957; *Агурский М.* Борьба вокруг ВЗ в России перед революцией // Вестн. РХД. 1979. № 130. С. 75–83; *Breck J.* Scripture in Tradition: the Bible and its Interpretation in the Orthodox Church. Crestwood (N. Y.), 2001.

Б. А. Тихомиров

ВЕТХОЗАВЕ́ТНОЕ БОГОСЛУЖЕ́НИЕ, литургически оформленное почитание истинного Бога в ветхозаветной общине; богоустановленная и упорядоченная форма поклонения Богу, открывшему Себя в Свящ. истории. Это понятие включает как культово-ритуальное жертвоприношение, так и собрание верующих в истинного Бога, целью к-рого является поклонение Ему, а также всякое проявление индивидуального благочестия вне общинной службы. Необходимыми признаками В. б., как и всякого др. *богослужения*, являются священные места и пространства, священнодействующие лица, установленные порядок служения и священное время, богослужебные *облачения* священнослужителей и литургические предметы и книги.

Ветхозаветный культ был тесно связан с идеей *Завета*, с историческим избранием и обязанностями, сложившимися в процессе общения с Богом. В отличие от языческих культов окружавших Израиль народов он не восходит к к.-л. мифу, хотя, возможно, и вобрал в себя нек-рые доизраильские элементы (напр., отдельные виды *жертв*, нек-рые моменты аграрных праздников). Определяющее значение в ветхозаветном культе имели исторический опыт народа и Откровение Бога в истории — в этом состоит его главное отличие от культов др. древневост. религий, основанных на почитании природных явлений. В В. б. отсутствовали чувственно-экстатические элементы, магия и заклинания; его связь с историей постоянно актуализировалась в праздниках, молитвах, псалмах, соблюдении субботы, обрезании и т. д.

Жертвоприношение является центральным моментом В. б. и одним из главных обрядов ветхозаветной религии, оно восходит к доисторическим временам. В основе обряда жертвоприношения — идея дара, приносимого Господу, благодарения Бога, посвящения Ему себя и своей собственности, выраженные символическими действиями. Общий евр. термин для обозначения жертвы — קרבן (корбан) обычно передается в Септуагинте словом δῶρον — дар. Евр. термин для обозначения хлебной жертвы — מנחה (минха) также имел первоначальное значение «дар»; термин же, обозначавший мирную жертву — שלמים (шеламим), возможно, имел первоначальное значение «священный, приветственный дар» (*Levine*. P. XXIV). Т. о., жертвоприношение оказывается соединительным звеном между миром людей и Богом, общедоступным способом «приближения» к Господу, формой общения с Ним.

Жертвоприношение в храме Соломона. Икона «Обновление храма Воскресения Христова в Иерусалиме». Кон. XVI — нач. XVII в. (СИХМ). Фрагмент

Основные законы и установления, регулирующие процесс подготовки и осуществления древнеизраильских культовых жертвоприношений, были возвещены Господом Моисею из скинии собрания (Лев 1. 1) и на Синае (Лев 7. 37–38).

Жертва всесожжения (Лев 1. 3–17; 6. 1–6, 8–13). Данное рус. наименование восходит к интерпретации Септуагинты, отражающей процедуру обряда ὁλοκαύτωμα, при к-ром сжигается все жертвенное животное. Евр. наименование такой жертвы — עולה, *ʻolā* (от глагола עלה — восходить, подниматься) — может быть переведено как «жертва возношения». Она приносится во искупление непреднамеренно совершенного греха (какого — не уточняется). Приносятся в жертву особи муж. пола из крупного и мелкого скота или 2 птицы (горлицы или молодые голуби). Жертва сжигается целиком, за исключением крови и шкуры; в случае с птицами — за исключением зоба и перьев. Приносящий возлагает руку на голову жертвы (если жертва приносилась от всего общества, то руки возлагали старейшины (Лев 4. 15)), умерщвляет ее, снимает шкуру (кожу) и рассекает на части; священники принимают жертву, окропляют ее кровью жертвенник (кровь птиц, также предварительно умерщвляемых, сцеживается и выливается у стены жертвенника) и кладут на огонь жертвенника отдельные части жертвы; голову и тук (жирные части), а также внутренности животного, прежде чем положить на огонь, моют в воде. Огонь всесожжения должен гореть непрерывно (Лев 6. 12–13). В Лев 6. 15–16 при описании жертвы всесожжения употребляется термин כליל, *kalîl* (встречается во Втор 33. 10, редко как дополнительное определение к *ʻolā* — напр., в 1 Цар 7. 9; Пс 50. 21).

Хлебное приношение (קרבן מנחה, *qorban minha*; греч. δῶρον θυσία, также προσφορά, μάννα, σεμίδαλις), или

минха (מנחה; Лев 2. 1–16) — бескровная жертва, добровольное приношение Господу. Может представлять собой пшеничную муку с добавлением ливана, к-рую полили елеем, пресный пшеничный хлеб, смешанный с елеем, пресные лепешки, помазанные елеем; пшеничную муку со сковороды или пшеничную муку из горшка, смешанную с елеем. Всякое хлебное приношение должно быть также с «солью Завета Бога» (Лев 2. 13). Часть («полную горсть») священник сжигает «в память» (אזכרה, *'azkarā*; греч. μνημόσυμον) на жертвеннике; остальное съедается священниками.

Термин מנחה первоначально, по-видимому, имел общее значение дар (ср.: Быт 32. 21–22, 43. 11, 15), в политико-адм. смысле употреблялся как «дань» (ср.: 2 Цар 8. 2–6; 3 Цар 5. 1; 4 Цар 8. 8–9; 17. 3–4). В Быт 4. 3–5 термин מנחה обозначает дар Каина от плодов земли и дар Авеля от первородных овец. В священнических текстах это слово употребляется в значении бескровной, растительной жертвы, к-рая могла приноситься как отдельно (как об этом говорится во 2-й гл. кн. Левит), так и в качестве добавочного жертвоприношения при жертве кровной, всесожжении или мирной.

Мирная жертва (Лев 3. 1–17; 7. 11–21, 28–36). Евр. наименование жертвы (זבח שלמים, *zebah šəlamim*) может быть переведено как «жертва воздаяния». Рус. наименование «мирная жертва» восходит к Септуагинте, где термин шеламим связывается со словом שלום — мир (сама жертва обозначается у LXX как θυσία σωτηρίου, т. е. жертва спасения). Приносится из крупного и мелкого скота муж. или жен. пола, без порока. Часть жертвы (тук, почки, сальник на печени) сжигается священниками на жертвеннике, а остальное съедается священниками и жертвователями; в жертвоприношении принимают участие не только священники, но и те, кто жертву приносит. Мирная жертва подразделяется на 3 вида: жертва благодарности (תודה, *tôdā* — Лев 7. 11–15; 22. 29) Господу за Его благодеяния; жертва по обету (נדר, ***neder*** — Лев 7. 16, 22. 18–21); жертва от усердия, или добровольная (נדבה, ***nedābā*** — Лев 7. 16; 22. 18–21).

Жертва за грех (חטאת, *hat'at* — Лев 4. 1–5; 13, 6. 17–23 [24–30]) приносится во искупление определенных непредумышленно («по ошибке» — בשגגה, *bisgagā*) совершенных грехов. Священник и все общество Израиля приносят тельца (быка) без порока, начальник — козла без порока, представитель «народа земли» (см. *Ам ха-арец*), т. е. полноправный гражданин,— козу или овцу без порока, бедняк — 2 горлиц или 2 молодых голубей, очень бедный человек — $^1/_{10}$ часть эфы (1 эфа = = ок. 40 л) пшеничной муки. Священники сжигают часть жертвы (тук, почки, сальник на печени), а остальное съедают.

Жертва повинности (אשם, *'ašam* — Лев 5. 14–19; 7. 1–10) приносится аналогично жертве за грех. При этом возмещается весь нанесенный ущерб, а также «прилагается к тому пятая доля».

Десятина, $^1/_{10}$ часть от всех доходов в пользу храма и его служителей или как особый дар Богу, была известна еще до Моисея. В Быт 14. 20 Авраам отдает *десятину* военной добычи царю Салима *Мелхиседеку*, «священнику Бога Всевышнего». В Быт 28. 22 и Ам 4. 4 говорится о пожертвовании десятины урожая на святилище в *Вефиле*, в Ам 4. 4 — и для святилища в *Галгале*. Согласно Втор 14. 22–23, десятина отдается в Иерусалиме («на том месте, которое изберет Он, чтобы пребывать имени Его там»). Каждые 3 года десятину надо было отдавать нуждающимся (ср. Втор 26. 12 и сл.), к-рые могли приходить за ней в дом подателя. Десятина отчислялась на содержание левитов (Числ 18. 21–22), позже этот обряд превратился в «десятину из крупного и мелкого скота» (Лев 27. 32 и сл.; 2 Пар 31. 4 и сл.). Существовал также обычай жертвы начатков плодов и первенцев от скота (Исх 23. 19; Быт 4. 4; Исх 34. 19; Втор 8. 8; 26. 1–11), к-рый означал благодарение Богу как Подателю всех благ (ср. Притч 3. 9).

Разные виды жертв часто сочетались (Лев 23. 37; Числ 29. 36–39; Втор 12. 6). Мн. приношения сопровождались жертвами воскурения (см.: *Clements R. E.* קטר // ThWAT. Bd. 7. Sp. 10–18), или же одна из частей этих жертвоприношений называлась воскурением. «Кадильницы» упомянуты в 3 Цар 7. 50 и были неоднократно найдены археологами при раскопках.

Жертву можно также назвать молитвой-действием. Термин תודה, *tôdā*, основное значение к-рого — благодарственная молитва, может обозначать также благодарственную жертву (Лев 7. 12; Ам 4. 5; Пс 94. 2; 99. 4).

Молитва (פלה, *təpilā*; תודה, *tôdā*; תחלה, *təhilā*), помимо жертвоприношений и песнопений, составляла важнейшую часть В. б. Исследования молитв-плачей и ходатайственных молитв (*Gerstenberger E. S.* Der bittende Mensch. Neukirchen-Vluyn, 1980) показали необходимость проводить различие между офиц. богослужением общины и малыми семейными богослужениями. Большинство молитв, используемых в семейном культе и частной молитве, а также в офиц. богослужении, были созданы сочинителями-профессионалами. Оба вида частной молитвы (плачи и ходатайства) могли использовать все молящиеся и вся община. Такие молитвы встречаются в повествовательных и пророческих текстах ВЗ, а не только в Псалтири.

В повествовательных текстах есть ряд кратких молитв, к-рые не всегда структурно совпадают с псалмами, однако, как правило, содержат многие их части (воззвание, плач, прошение) (Быт 32. 9–12 — молитва Иакова перед встречей с Исавом; Суд 10. 10, 15 — воззвание Израиля к Богу и исповедание грехов; 2 Цар 7. 18–29 — молитва и благодарение Давида; 3 Цар 8. 22 и сл.— молитва Соломона при освящении храма; 3 Цар 18. 36 и сл.; 2 Цар 15. 31— краткие молитвы прор. Илии и царя Давида и мн. др.). Объемные и богословски значимые молитвы встречаются в 1 Езд 9, Неем 9 и Дан 9. Прор. *Моисей* молится за народ (Втор 3. 23–25; 9. 25–29; Исх 5. 22 и сл.), за фараона (Исх 8. 4–9, 24–27; 9. 27–33; 10. 16–19) и особенно за ропщущий в пустыне Израиль (Исх 32. 11 слл., 30 слл.; 33. 12–13; Числ 11. 2, 11–15). Самуил молится Богу за Израиль (1 Цар 7. 9). То, что молитва-ходатайство к Богу была распространена, показывают мн. примеры: Быт 18. 22 и сл.; 20. 7, 17; Нав 7. 6–9; 1 Цар 7. 8 и сл.; Иоиль 1. 14; Иов 1. 5; 42. 8. Мн. молитвы известны из Книг Паралепоменон (2 Пар 14. 11; 20, 6–12). Псалмы как (частные) молитвы встречаются в Исх 15. 1–18; Втор 32; 33. 2–5, 26–29; 1 Цар 1, 2; 2 Цар 22 (=Пс 17); Ис 12; Авв 3; Иона 2 и в 1 Пар 16 — соединение неск. псалмов и молитв, используемых в офиц. культе и вне его.

Благочестивый израильтянин молился 3 раза в день (Пс 54. 18 и Дан 6. 10). Установленного единого положения на молитве не существовало: он преклонял колена, падал ниц или склонялся, простирал руки (3 Цар 8. 38, 54; Ис 1. 15), воздымал их вверх (Пс 140. 2). Сохранились изображения молящегося человека (*Keel O.* Die Welt der altorientalischen Bildsymbolik und das AT. Zürich, 1977[2]. S. 287 ff.). Молитва иногда сопровождалась жертвоприношением (Иов 42. 8; ср.: *tôdā* как в значении благодарение, так и жертвы), плачем и постом (1 Езд 8. 21, 23; 10. 1; Неем 1. 4; Дан 9. 3–4).

В Псалтири можно выделить неск. видов молитв, имеющих как общие, так и характерные структурные элементы. Наиболее распространенный жанр — т. н. плачи (Пс 5; 12; 21; 141 и др.), одной из особенностей к-рых является то, что молящийся сразу и прямо обращается к Богу без приуготовительных слов восхваления (Пс 12. 2; 21. 2). Это характерно как для храмовой молитвы, так и для частной (ср.: «мой Бог», «мой Пастырь», «мой Спаситель», «моя Помощь» или «наш Бог», «Пастырь Израиля» и т. п.).

Др. важнейшим жанром псалмов является восхваление Бога: Господь живет «среди славословий Израиля» (Пс 21. 4), воспеваются в гимнах Его действия (ср. Пс 32). Предметом восхвалений являются действия Бога в творении (Пс 103; 138; 147) и истории (Пс 134; 135), восхваления вызваны ожиданием и предвкушением Царства Божия (Пс 46; 92; 95; 98), присутствием Господа в храме и граде Божием (Пс 45; 47; 75; 83; 86). Но были псалмы-плачи и молитвы, оставшиеся неуслышанными, и тогда молящийся должен был призывать Бога часто и долго (1 Цар 7. 8; Пс 54. 18; 91. 3; Неем 1. 6).

С песнями благодарения (напр., Пс 29; 65. 13 и сл.; 115; 137) во время культовых действий, совершавшимися в семье или общине (ср.: Пс 29. 5; 31. 11; 33. 4), часто соединялись жертвоприношения (*tôdā*) во исполнение обета, когда несчастье уже миновало (Пс 21. 26; 55. 13; 66. 13–15; Иона 2. 10).

Священные места и предметы. Определяющей для В. б. всегда оставалась вера в то, что богослужение Яхве должно совершаться в определенных местах, где Он открывал

Царь Давид переносит Ковчег Завета в Иерусалим. Роспись собора мон-ря Дионисиат на Афоне. XVI в.

Себя (см. *Богоявление*), но только в пределах данной Им Израилю земли (Быт 4. 14; 1 Цар 26. 19), и что Господь «живет» на небесах (Быт 11. 5; 18. 21; 21. 17; 22. 11; 28. 12; Исх 19. 11, 18, 20) и везде слышит молитву верующих в Него (Быт 24. 12; Суд 16. 28; 1 Цар 27. 1 слл.). В период патриархов Яхве являл Себя в местах, ставших затем ханаанейскими святилищами (Быт 12. 7 *(Сихем)*, Быт 13. 18 *(Хеврон)*, Быт 26. 23 слл. *(Вирсавия)*, Быт 28. 10 слл. (Вефиль), Быт 32. 2–3 *(Маханаим)* и др.). В Египте единого места для богослужения у евреев, по-видимому, не было (ср.: Ам 5. 25–26), а со времени путешествия Израиля по пустыне священными местами стали гора *Синай* (Исх 3. 1 слл.) и источник *Мишпат* (Кадес). После захвата евреями Ханаана языческие капища были превращены сначала в племенные святилища Израиля (*Силом, Мицпа* и др.), в более позднее время — в царские святилища. Однако в ветхозаветной традиции авторитет Синайского Богоявления никогда не ставился под сомнение. Эти святилища исчезли с установлением централизованного иерусалимского богослужения.

Благоговейным почитанием у евреев еще со времени путешествия по пустыне были окружены свящ. предметы, особенным образом указывавшие на присутствие Яхве: *ковчег Завета, Ааронов жезл*, змей, сделанный Моисеем (Исх 4. 17; 17. 9, 15–16; Числ 21. 8–9; Втор 33. 8), *скиния* собрания, где Яхве являлся Моисею в облаке и сообщал Свою волю (Исх 33. 7–11).

Скиния была центром В. б. Она была сооружена в первый год исхода евреев из Египта, а после завоевания Ханаана поставлена в Силоме (Суд 18. 31), откуда перенесена сначала в Номву (1 Цар 21. 1–9), а при царе Давиде в Иерусалим (2 Цар 6. 16; 7. 1). Скиния представляла собой шатер, поддерживаемый подмостками из 48 толстых досок из дерева ситтим. Была покрыта кожами, имела прямоугольную форму и разделялась на 2 части: святилище и Святая Святых (Исх 26. 33). В святилище находился алтарь, где воскуряли особый фимиам, составленный из различных благовоний (Исх 30. 8–9, 20–38), золотой семисвечник и позолоченный стол из дерева ситтим с 12 хлебами предложения (Исх 25. 23–30; Лев 26. 5–8), к-рые менялись каждую неделю. Во Святая Святых находился ковчег Завета, название к-рого происходит от хранившихся в нем скрижалей Завета (Исх 25. 16, 21; 34. 29; 40. 18; Втор 31. 26). Он представлял собой ящик из дерева ситтим (или акации), покрытый изнутри и снаружи золотыми пластинками. Верхняя часть ковчега окружалась золотым венцом. В 4 углах располагались 4 золотых кольца, в к-рые продевались шесты из позолоченного дерева акации для перенесения его из одного стана в другой (Числ 10. 33–36). 2 золотых херувима, расположенные друг напротив друга на 2 концах крышки, покрывали ее своими распростертыми крыльями (Исх 25. 17–22).

Перед скинией был устроен окруженный оградой двор, где приносились жертвы и собирался народ. Во дворе находился *жертвенник* — алтарь для заклания жертв, на к-ром непрерывно поддерживался священный огонь. Близ алтаря было поставлено «медное море» — обширный резервуар, из к-рого священники перед входом в святилище или перед приближением к алтарю черпали воду для омовения рук и ног в знак внутренней чистоты.

Со времени царя Соломона до вавилонского плена местом общественного богослужения был *храм иерусалимский*, построенный по подобию скинии и разрушенный Навуходоносором в VI в. до Р. Х. Во время вавилонского плена евреи были лишены определенного места для общественного богослужения.

Но после плена таким местом вновь стал восстановленный при *Ездре* и *Неемии* иерусалимский храм. Он был окончательно разрушен в 70 г. по Р. Х. рим. имп. *Титом*.

Лица, совершавшие богослужение. Ветхозаветные патриархи сами совершали общественные богослужения. В последующий период, согласно Завету, заключенному на горе Синай (Исх 19. 6), весь израильский народ стал царством священников, так что совершение общественного богослужения было всеобщим правом. Его осуществление возлагалось, возможно, на «первенцев сынов Израилевых», к-рые были посвящены Богу, в воспоминание о первенцах египетских (Исх 13. 12; Числ 8. 17) (см. ст. *Священство ветхозаветное*). Для осуществления богослужения Бог избрал колено *Левия*. Священство, назначением к-рого было совершение жертвоприношений, было предоставлено одному из семейств этого колена — семейству Аарона. Глава семьи являлся первосвященником, его сыновья и потомки Аарона — священниками, др. члены колена Левина *(левиты)* были их служителями (Исх 29. 9, 44; Числ 8. 6–26). В обязанности *первосвященника* входило общее руководство В. б. Он один раз в год входил во Святая Святых, возглавлял проведение торжественных праздников (напр., *Дня очищения*), вопрошал Бога о Его воле через *урим и туммим*. Первосвященник одевался в особые одеяния (Исх 28; 29. 1–30; Лев 14. 4) и носил нагрудник с 12 драгоценными камнями с именами 12 колен Израиля. Первым первосвященником был Аарон (Лев 8).

Нек-рые священники имели право входить внутрь святилища и служить там (Числ 18. 7). Они совершали все обряды, предписанные для различных жертв, возжигали благовония на алтаре внутри святилища, очищали каждое утро семисвечник и наполняли елеем его лампады, еженедельно полагали хлеб на стол предложения, поддерживали постоянный огонь во дворе, на алтаре всесожжений, в установленные торжества трубили в трубы и в конце общественных жертв благословляли народ (Числ 10. 8–10; 6. 23). Вне скинии они брали на себя обязанности оценивать различные предметы, приносимые Богу по обету, посещать прокаженных и т. п. (Лев 26. 8; 13. 2–3).

Чтобы осуществлять священство, потомки Аарона должны были обладать безупречной репутацией, избегать осквернения, к.-л. нечистоты и не иметь телесных недостатков (Лев 21; 10. 9). Позднее, когда священников стало много, их разделили на 24 класса (череды), каждый класс имел главу и в свою очередь исполнял свои обязанности (1 Пар 24).

Поставление Ковчега Завета царем Соломоном и священниками в Иерусалимском храме. Роспись собора мон-ря Дионисиат на Афоне. XVI в.

Левиты были стражами и служителями святилища. В пустыне они брали на себя перенесение скинии и ее принадлежностей. Позднее хранили храм: отпирали и запирали его, поддерживали чистоту, приготовляли хлеб предложения. Во времена царя Давида левиты ведали храмовым пением и музыкой (1 Пар 23–26). Они не имели права входить внутрь скинии и во всем были подчинены священникам.

Священные времена. ***Суббота*** (שבת, *šabbāt*) — 7-й день недели, «день покоя». Праздник имеет домоисеево происхождение (ср. Исх 20. 8). Уже в древних правовых текстах ВЗ суббота упоминается как день покоя (ср. глагол שבת, *šābat* — прекращать). Данное установление относится как к человеку, так и к животным (Исх 23. 12; 34. 21). В обоих вариантах Декалога (Втор 5. 12; Исх 20) дается различное обоснование заповеди о субботе как покое в каждый 7-й день. В кн. Второзаконие суббота получает социально-историческое обоснование: отдых работников в память о том, что сами израильтяне были рабами в Египте. В кн. Исход говорится о покое Бога в 7-й день (ст. 8–11), т. е. дается богословское обоснование заповеди о субботе. Субботний покой связывается также с творением мира (ср. Быт 2. 1–3), ритм существования к-рого, а также всей человеческой жизни задается и благословляется Богом. Суббота как дар Бога миру является целью и итогом творения.

Соблюдение субботы упоминается уже допленными пророками (Ам 8. 5; Ос 2. 11–13; др. ранние тексты: Исх 16. 29–30; 4 Цар 4. 23; 11. 5, 7, 9). В этот день израильтяне могли посещать «людей Божиих» (4 Цар 4. 23). Семидневный ритм жизни и значение числа 7 для всего, что связано с религ. жизнью, неоднократно подчеркивается в ВЗ (Быт 29. 27–28; Иов 2. 13; Нав 6. 4–5; Лев 12. 2; 1 Цар 31. 13; Есф 1. 5). Во время вавилонского пленения, когда храмовое богослужение и жертвоприношения были невозможны, соблюдение субботы получило большое значение — она стала знаком Завета (ср. Исх 31. 13–17; в Числ 16. 31 — суббота как заповедь). Этот день, к-рый Господь благословил и выделил из всех остальных (Быт 2. 3), в период плена, возможно, воспринимался как противоположность вавилонскому дню полнолуния (*šapattu*), когда люди не работали, опасаясь к.-л. несчастья. Из текстов пленного и послепленного периодов видно, как росло значение субботы (Ис 56. 2–6; 58. 13–14; 66. 23; Иер 17. 21–27). Соблюдение субботы пытался защитить Неемия (Неем 10. 31, 33; 13. 15–22). В книгах Паралипоменон соблюдение субботнего дня становится уже обычным явлением (1 Пар 9. 32; 23. 31; 2 Пар 2. 4; 8. 13; 31. 3; ср.: Иез 45. 17; 46. 12). В Пс 91. 1 дается пример «Песни в день субботний».

Дальнейшим развитием идеи субботы являются древнеизраильские институты субботнего и юбилейного годов (Лев 25. 1–7, 18–22; 26. 34–35; Исх 23. 10–11; Втор 15. 1–11). Устанавливается, что каждый 7-й год— это «суббота покоя для земли, суббота Господня», когда не следует обрабатывать и засевать землю и обрезать виноградник и маслину. В постановлении о субботнем годе сочетаются различные аспекты: богословский (не только человек, но и сама земля справляет субботы Господни), экономический

(восстановление плодородной силы земли) и социальный (пропитание для неимущих, рабов и т. д.) (Лев 25. 4–7; Исх 23. 11). Юбилейный год праздновался после 7 субботних лет (т. е. период юбилеев состоял из 50 лет) (Лев 25. 8–55; 27. 17–24; Числ 36. 4). Основным праздником считался День очищения, к-рый отмечался особым трублением в трубы. Постановления для этого года сводятся к 3 основным пунктам: покой земли, как в субботний год (Лев 25. 11–13); возвращение недвижимости (родовой земли, домов их первоначальным владельцам (Лев 25. 14–34; 27. 17–24; Числ 36. 4); возвращение свободы рабам-евреям (Лев 25. 35.–55).

Проч. ветхозаветные праздники имеют долгую и сложную историю. Назначение их было двояким: с одной стороны, освящать различные сферы человеческой жизни и труда (сев, сбор урожая и т. д.), с др.— поддерживать в народе память о спасительных деяниях Божиих. Кроме того, праздники были призваны периодически освобождать человека от повседневного труда с тем, чтобы он мог уделять время молитве и отдыху. В дни праздников совершались торжественные богослужения, *паломничества*, ритуальные трапезы.

Пасха (праздник *опресноков*) (евр. פסח, *peseh*) — один из самых больших ветхозаветных праздников, к-рый справлялся на 14-й день весеннего месяца нисана. Установлена непосредственно перед исходом евреев из Египта (Исх 12). Появилась в домоисееву эпоху и была первоначально праздником скотоводов (см.: Исх 5. 1). После Моисея Пасха стала связываться с событиями исхода и к ней присоединился праздник пресных хлебов, опресноков (ср. Лев 23. 5–6). Пасха отмечалась ритуальной трапезой. Для пасхальной трапезы использовали однолетнего агнца муж. пола без порока от овец и коз, к-рых приносили в жертву к концу 14-го дня первого месяца (авива). Кровью жертвенного агнца помазывали косяки и перекладины дверей в домах, где совершались трапезы; мясо жертвы, приготовленное на огне, съедалось в ту же ночь с пресным хлебом и горькими травами (Исх 12. 7–8). Название праздника происходит от глагола פסח, что означает «прошел мимо», «миновал» (Исх 12. 13, 27), ибо, согласно Исх 12. 11–16, в эту ночь Господь прошел по земле Египетской, поразил егип. младенцев и произвел суд над егип. «богами», кровь жертвенных агнцев на дверях евр. домов была знаком, чтобы карающий Господь «прошел мимо». В праздник Пасхи, установленный в память об этом освобождении, и в течение 7 дней после него евреи должны были есть только пресный хлеб, соблюдать покой от всякой работы и совершать священное собрание в 1-й и 7-й дни (см. также: Исх 12. 42–50; 13. 3–10; 23. 15; 34. 18; Лев 23. 5–8; Числ 9. 2–14; 28. 16–27; Втор 16. 1–6). Если в кн. Второзаконие Пасха и праздник опресноков полностью отождествляются, то в кн. Левит сохраняется их относительная дифференциация (см. также Числ 28. 16–25).

Праздник жатвы первых плодов (Исх 23. 16), или праздник седмиц (Исх 34. 22; Втор 16. 9–10), справляли через 7 недель после Пасхи (опресноков). По своему происхождению он связан с началом жатвы пшеницы (ср.: Ис 9. 2; Пс 65. 10–14). Исторически переосмыслен как память о даровании Закона Божия и считался настолько важным праздником, что нередко его называли просто праздник (חג). Этому празднику предшествовало паломничество к культовому центру (Втор 16. 9–12). Праздник жатвы первых плодов имеет в Пятикнижии 3 основных наименования: День жатвы (Исх 23. 16), День первых плодов (Числ 28. 26–31) и праздник седмиц (Втор 16. 9–12). Позднее его название *Пятидесятница* (Тов 2. 1; 2 Макк 12. 22) употребляется и в НЗ (Деян 2. 1, 20 16; 1 Кор 16. 8). В Талмуде он также обозначается חג (торжественное собрание, праздник) и рассматривается как продолжение Пасхи. В Лев 23. 9–21 описываются жертвоприношения, положенные для этого праздника: «первый сноп жатвы», всесожжение однолетнего агнца, хлебное приношение и жертва-возлияние и мирная жертва.

Праздник кущей (евр. סכות, *sukkôt*) — осенний праздник, совпадающий с началом сбора винограда, справлялся 7 дней, во время к-рых народ жил в специально сооруженных шатрах и шалашах. Название впервые встречается во Втор 16. 13 слл. (ср.: Зах 14. 16 слл.), появление обычая строить праздничные шалаши ко времени путешествия Израиля по пустыне отмечено в Лев 23. 42–43 (ср. Неем 8. 17). Выжившие из языческих народов будут приходить каждый год в Иерусалим, чтобы поклониться там Господу и праздновать праздник кущей (Зах 14. 16), «всякий возмужалый» еврей должен был являться пред Лице Господа, т. е. совершать паломничество в святилище (Исх 23. 17, 34. 23 и Втор 16. 16).

Праздник трубного звука (Лев 23. 23–25; ср. Числ 29. 1) падал на 1-й день 7-го месяца, соответствующего 1-му месяцу тишри иудаистского лунного календаря. Соответственно раввинистическая традиция считает 1-е тишри днем Нового года (Рош-хашшана, букв.— глава года) — это день покоя, когда созывается священное собрание (Лев 23. 24). Характерным признаком праздника является торжественное трубление в трубы (Числ 29; согласно Числ 10. 10, каждое новомесячие ознаменовывалось протяжным трубным гласом). В тексте Числ 29. 2–6 указываются праздничные жертвы дня трубного звука. В этот день возвратившиеся из Вавилонского плена евреи возобновили культ жертвоприношений в Иерусалиме (еще до восстановления храма) (Ездр 3. 6). В 1-й день 7-го месяца Ездра торжественно читал Закон перед народом (Неем 8. 2).

Праздник восхождения Яхве на трон. Во 2-й пол. XX в. предметом споров в библеистике стал вопрос о существовании древнеизраильского Праздника восхождения Яхве на трон, о к-ром говорится в текстах царских псалмов (Пс 47; 92; 96; 97; 98). З. *Мовинкель* и мн. др. связывают этот праздник с осенним праздником допленного времени (новолетием). Аргументируя свою позицию, сторонники существования этого праздника указывают на нек-рые, по их мнению, параллельные представления о Боге как Царе в мифологии окружающих Израиль народов (особенно идеи творения мира и борьбы с хаосом). Во время этого праздника, по мнению Мовинкеля, Царство Яхве, Которого почитали как Царя творения и всех народов, воспевалось в гимнах во время храмового богослужения, совершавшегося для сохранения и спасения мира от хаоса (ср. Пс 92, 95, 96). Однако, по мнению др. исследователей, это всего лишь один из моментов осеннего или новогоднего праздника, а не

отдельный праздник (*Loretz O.* Ugarit und die Bibel. Darmstadt, 1990. S. 96 ff.).

День очищения (искупления) (евр. יום הכפורים, *yôm hakkippurîm*; греч. ἡμέρα ἐξηλασμοῦ), один из важнейших древнеизраильских праздников, восходит ко временам Моисея (Лев 16. 29–34; 23. 26–32; 25. 9; Числ 29. 7–11). Празднуется в 10-й день 7-го месяца (этаним). В этот день созывается священное собрание, полностью воздерживаются от любой работы, поскольку это суббота суббот [покоя] (Лев 16. 31; 23. 32) — время, когда следует смирять (постом) свои души (Лев 16. 29, 31; 23. 27, 32; Числ 29. 7). День очищения был единственным днем в году, когда Аарон, а после него и др. первосвященники (Лев 16. 2, 32) могли входить во Святая Святых скинии, где помещался ковчег Завета, над крышкой к-рого (евр. הכפרת, от глагола כפר — покрывать, умилостивлять; греч. ἱλαστήριον) Господь являл в облаке Свое Присутствие. Аарон должен был входить в скинию в особых священных льняных одеждах, предварительно омыв свое тело. Никто др. не мог войти в скинию, когда первосвященник совершал там священнодействия, очистительные жертвоприношения (тельца и козла в жертву за грех, кровью к-рых окроплял крышку ковчега Завета и перед ней, и 2 овнов во всесожжение), искупая (очищая от грехов) себя, Святая Святых, скинию собрания с жертвенником, священников и все собрание народа.

Особое внимание в лит-ре уделяется ритуалу, связанному с т. н. козлом отпущения. Согласно 16-й гл. кн. Левит, Аарон должен был взять от общества сынов Израилевых 2 козлов в жертву за грех, поставить «перед Господом у входа в скинию собрания» и бросить жребии: один козел, согласно выпавшему ему жребию, приносился первосвященником Господу в жертву за грех, а др., на к-рого выпал жребий азазелю (MT: לעזאזל), отсылался с нарочным в пустыню. На голову козла для азазеля Аарон возлагал обе руки, «исповедуя над ним все грехи сынов Израилевых и все преступления их», тем самым, символически перелагая их на него (далее см. ст. *День очищения*).

Пурим, или день Мардохея, возник в эпоху вавилонского плена и связывался с событиями, описанными в Книге Есфири. Праздник Обновления храма (евр. *Ханукка;* греч. ἐγκαίνια) справлялся в память об очищении святилища от «мерзости запустения».

Обрезание. Как и соблюдение субботы, *обрезание* (Суд 14. 3; 15. 18; 1 Цар 14. 6; 17. 26, 36; Быт 34) стало особым символом Завета Бога с Авраамом (Быт 17. 11). Археологические данные свидетельствуют о распространении этого ритуала на Др. Ближ. Востоке уже в период ветхозаветных патриархов, когда он был обрядом инициации, отмечавшим переход юноши во взрослую жизнь. В ВЗ сказано, что он производился не над взрослыми, а над детьми (Быт 17. 10–11; ср.: Быт 21. 4; Лев 12. 3). С принятием обрезания ребенок становился потомком Авраама. Так же как и соблюдение субботы, этот обряд не был связан с храмовым богослужением и приобрел большое распространение в период плена.

Чистое и нечистое. В богослужебной жизни Др. Израиля большое значение имело противопоставление «чистого» и «нечистого» (Быт 7. 2–3, 8), пригодного для еды и жертв и непригодного или запрещенного для этих целей. Особо важное значение для израильского общества противопоставление приобрело в послепленный период (Втор 14. 3–4; Лев 11). Разделение животных на чистых и нечистых основывалось на заповедях Божиих. В Лев 12–15 содержатся правила, касающиеся чистоты, для рожениц, прокаженных, мертвых и отношений между полами (см. *Чистое и нечистое*).

В. б. в межзаветный период и прекращение В. б. Межзаветный период стал временем споров о правильном способе отправления храмового культа и лицах, к-рые должны его совершать. Рубежом в истории В. б. явилось осквернение иерусалимского храма в 167 г. до Р. Х. Антиохом IV (2 Макк 5. 24–25). Хотя последовавший затем подъем движения сторонников законного первосвященства и традиц. культа (см. *Хасидим*) и т. н. «маккавейские войны» привели к восстановлению храмового богослужения (1 Макк 4. 36–61), иудейское общество оказалось расколотым на противоборствующие группы: религ. элиту, представленную первосвященническими кланами и *саддукеями;* претендующие на духовную власть, но

Ангел благовествует первосвящ. Захарии о рождении Иоанна Предтечи во Святая святых иерусалимского храма. Икона. Кон. XVI — нач. XVII в. Мастер Семен Бороздин (ГРМ)

менее четко оформленные группы последователей «учителей израильских» и *фарисеев;* сектантские *(ессеи)* и харизматические (последователи св. Иоанна Крестителя и др.) группировки и религиозно-политические движения (напр., *зилоты*). Каждая группа так или иначе соотносила себя с традициями В. б. и предлагала свое понимание закона и храмовых жертвоприношений.

В лит-ре *Премудрости,* характеризующей одну из линий развития религ. мысли в межзаветный период, вопросам богослужения уделено мало внимания, в основном затрагиваются вопросы повседневной этики. Эта лит-ра ориентирована на общество, к-рое более не осознает себя единой религ. общиной. Все, что связано с культом, упоминается лишь вскользь. Напр., *Екклесиаст* говорит, что жертвы не влияют на судьбу человека (Еккл 9. 2), и предупреждает о том, чтобы обеты не давались необдуманно, и что человек всегда должен их исполнять (Еккл 5. 3–5; ср. Притч 20. 25).

Неприязненное отношение к храмовому культу отражено в апокалиптической лит-ре (см. *Апокалиптика*). Священство и земной храм характеризуются в ней как оскверненные и ритуально нечистые (напр., 1 Енох 89. 72–73). При этом на первый план выходит идея небесного Храма (Завет Левия. 17. 10; ср.: Ис 66. 1; Прем 9. 8; Иез 37. 26), к-рый в конце времен опустится на землю, и Бог будет постоянно пребывать в нем (1 Енох 90. 28–29).

В открытой оппозиции находились ессеи, разработавшие отличные от В. б. обрядовые формы, принципы ритуальной чистоты, календарь и т. д. Они ожидали прихода *Мессии* и верили, что рано или поздно овладеют иерусалимским храмом и установят в нем истинное с их т. зр. богослужение. Со II в. до Р. Х. в Палестине, а затем и в др. странах Средиземноморья и Вавилонии отмечается рост *синагог*, после разрушения иерусалимского храма ставших главными центрами иудейского богослужения. Поскольку в новых условиях ввиду отсутствия храма и законного священства буквальное исполнение Закона стало невозможным, иудейскими *раввинами* была создана по сути новая религ. система, лишь частично воспринявшая традиции В. б. (см. статьи *Иудейское богослужение; Синагога*).

В. б. и христианство. Земное служение Господа Иисуса Христа стало исполнением закона и пророков (Мф 5. 17) и одновременно ознаменовало собой окончание В. б. Ветхозаветные жертвы были лишь «тенью будущих благ» (Евр 10. 1; ср.: Евр 8. 5; Кол 2. 17), в то время как в Крестной Жертве Христовой открылась вся полнота Божественной любви. Отныне храмовое богослужение заменяется поклонением Богу в Духе и истине (Ин 4. 23–24).

При этом Спаситель участвовал в храмовых праздниках (Лк 2. 41; Ин 2. 13; 10. 22), подобно пророкам, требовал соблюдать верность духу богослужения (Мф 23. 16–23), чтить святость храма (Мк 11. 17), для свидетельства о Своей миссии велел приносить жертвы по Закону Моисееву (Мф 8. 4; Мк 1. 44; Лк 5. 14; 17. 14). В то же время Он еще до Страстей предсказывал грядущий конец В. б. (Ин 4. 21) и разрушение самого здания храма (Лк 21. 6; ср. Ин 2. 19–21). Евангелисты отмечают, что после Его крестной смерти в храме разорвалась завеса (Мф 27. 31; Мк 15. 38; Лк 23. 45), что символизировало конец В. б. и начало новой эры.

Значение Жертвы Христовой в НЗ раскрывается с помощью образов В. б.: Христос — пасхальный Агнец (1 Кор 5. 7), Жертва умилостивления (Ин 1. 29; 1 Ин 2. 2; Рим 3. 24–25), Жертва за грех (Рим 8. 3; 2 Кор 5. 21). Повествование о Тайной вечере связывает установление *Евхаристии* не только с ветхозаветным праздником Пасхи (опресноков), но и с днем искупления и обрядами обновления Завета (напр., Лк 22. 19–20; ср. Исх 24). О роли Христа как Первосвященника, совершающего жертвоприношение и одновременно являющегося Жертвой, говорится в Послании к Евреям (Евр 9. 11, 12, 24). В раннехрист. источниках Евхаристия характеризуется как Жертвоприношение (напр., Didach. 14. 2; *Iust. Martyr.* Dial. 41). Особенно детально В. б. переосмысливается с христ. т. зр. в *Варнавы апостола Послании*.

Члены иерусалимской общины после сошествия на них Духа в день Пятидесятницы собрались в храме (Деян 2. 46; 5. 42; в притворе Соломона — Деян 3. 11), куда они регулярно ходили для молитвы (Деян 3. 1). Еще в самом начале апостольской проповеди мн. священники обратились в новую веру (Деян 6. 7).

Согласно Егезиппу, с храмом был тесно связан ап. Иаков, брат Господень, к-рый имел право входить в святилище (*Euseb.* HE. 2. 23. 1–18). По сообщению Иосифа Флавия, он был там и убит (*Ios. Flav.* Antiq. 20. 9. 1. 197–203). Особое отношение к храму, по преданию, имела также Божия Матерь, воспитывавшаяся при храме (см. ст. *Введение во храм Пресв. Богородицы*).

Образ ветхозаветной скинии. Роспись собора мон-ря Дионисиат на Афоне. XVI в.

Писатели III в. отмечают связь (реальную или желаемую) церковного Предания с богослужением иерусалимского храма (*Orig.* In Num. 5). Видимо, к традициям В. б. прямо или опосредованно восходит практика обращения во время молитвы к востоку (Иез 8. 16–18; *Philo.* De vita contempl. 27; *Ios. Flav.* De bell. 2. 218; Откр 7), крестное знамение (Иез 9. 4), обряд возложения рук, священнические *благословения*, славословия, обрядовая сторона Крещения, нек-рые гимнографические тексты, структурные особенности важнейших христ. молитв и т. п.

Однако прямая связь между тем или иным христ. обрядом или литургическим предметом (напр., семисвечником) и похожим обрядом или предметом в В. б. в большинстве случаев все же отсутствует. После IV в. В. б. стало для Церкви источником идей и образов, находивших воплощение в литургическом творчестве и иконописи, и сходство между к.-л. церковной традицией и той, что описана в ВЗ, чаще всего объясняется вторичным заимствованием.

Лит.: *Титов Г., свящ.* История священства и левитства в Ветхозаветной Церкви. Тифлис, 1878; *Смирнов А. П.* Вефильский культ // ЧОЛДП. 1878. № 5. С. 591–624; *Елеонский Ф. Г.* О ветхозаветном священстве // ХЧ. 1879. № 11–12. С. 606–638; *он же.* Происхождение юбилея // ХЧ. 1885. № 3–4. С. 380–414; *Добронравов Н. П., прот.* Ветхозаветный праздник пятидесятницы // ЧОЛДП. 1884. № 5–6; *Иоанн (Митропольский), еп.* Жертва истинному Богу по указаниям Слова Божия. М., 1885–1886. Ч. 1–4; *Гедеон (Покровский), иером.* Археология и символика ветхозаветных жертв. Каз., 1888; *Терновский С.* Праздник кущей у евреев // ПС. 1890. Т. 3. С. 334–360; *Добросмыслов Д.* Мнения отцов и учителей Церкви о ветхозаветном обрядовом законе Моисея. Каз., 1892; *Дебольский Г. С., прот.* Установления ветхозаветной Церкви и христианской, для к-рых первые служили образами. СПб., 1893; *Ключарев Г.* История ветхозаветного священства до заключения священного канона. Ставрополь, 1902; *он же.* Значение ветхозаветного священства // ТКДА. 1904. № 2. С. 202–207; *Кобрин М.* День очищения в ВЗ. Холм, 1902; *Яворский В.* Отношение ветхозаветных институтов — пророчества и священства. Х., 1903; *Экземплярский В.* Библейское и святоотеческое учение о священстве. К., 1904; *Попович Г.* Значение иерусалимского храма в ветхозаветной теократии // ТКДА. 1913. № 12. С. 613–629; *Троицкий И. Г.* Библейская археология. СПб., 1913; *Богоявленский Н. Я.* Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной истории евр. народа. СПб., 1915; *Vaux R., de.* Les Institutions de l'Ancien Testament. P., 1958–1960. Vol. 1–2; *Kraus H.-J.* Gottesdienst in Israel. Münch., 1962; *Rowley H. H.* Worship in Ancient Israel: Its Forms and Meaning. L., 1967; *Stolz F.* Strukturen und Figuren im Kult von Jerusalem: Stud. z. altorientalischen, vor- und frühisraelitischen Religion. B., 1970. (BZAW; 118); *Haran M.* Temples and Temple-Service in Ancient Israel: An Inquiry Into the Character of Cult Phenomena and the Historical Setting

of the Priestly School. Oxf., 1978; *Barker M.* The Older Testament: The Survival of Themes from the Ancient Royal Cult in Sectarian Judaism and Early Christianity. L., 1987; *Levine B. A.* Leviticus: the Traditional Hebrew Text with the New JPS Translation. Phil., 1989; *Loretz O.* Ugarit und die Bibel: Kanaanäische Götter und Religion im Alten Testament. Darmstadt, 1990; *Anderson G. A., Olyan S. M.* Priesthood and Cult in Ancient Israel. Sheffield, 1991. (JSOT, Suppl. Ser.; 125); *Willi-Plein I.* Opfer und Kult im alttestamentlichen Israel: Textbefragungen und Zwischenergebnisse. Stuttg., 1993. (SBS; 153).

ВЕТХОЗАВЕ́ТНОЕ ПРА́ВО, законоположения, содержащиеся в ветхозаветных книгах и касающиеся не только богопочитания и *богослужения,* но и норм общественной жизни, семейных и имущественных отношений, а также политического устройства израильского общества. Эти законоположения по своей полноте и обстоятельности, по подробному регламентированию жизни народа носят характер юридических кодексов и составляют в своей совокупности целосо́ную правовую систему. Законодательный, правовой элемент содержится и в исторических, и в учительных, и в пророческих книгах ВЗ, но гл. обр.— в книгах *Исход, Левит* и *Второзаконие,* в меньшей степени — в *Числах.*

Правовую, юридическую оболочку имеет весь *закон Моисеев;* отдельным его частям по их содержанию присущ с т. зр. совр. права специфически правовой характер, кроме того, в нем отражены те нормы религ. права, к-рые по своей тематике аналогичны или параллельны нормам канонического права Церкви. Выделение этих аспектов, представляющееся необходимым для изучения В. п., в определенном смысле, однако, искусственно ввиду органической целостности и религ. значимости всего богодухновенного закона.

Ветхозаветные правовые нормы при всем их своеобразии имеют очевидные параллели с нормами правовых систем окружавших Др. Израиль ближневост. народов. Вопрос о возможном влиянии этих правовых систем на В. п. принципиально решается в свете соотношения элементов богооткровенных и обусловленных собственно человеческими, культурными факторами в содержании Библии (см. статьи *Священное Писание, Откровение*).

Но принципиальное отличие ветхозаветного законодательства от законов иных народов и гос-в заключается уже в том, что законодателем для Израиля является Сам Бог, а не царь, что характерно для правовых систем окружавших Израиль языческих народов. Лишь нек-рые из библейских законов в эпоху Царств восходят к царю. Напр., царь *Давид* установил порядок равного раздела военной добычи между участвовавшими в военных действиях и находившимися в обозе (1 Цар 30. 23–25). Основной корпус В. п. составляют законы, к-рые были даны Израилю Самим Богом через прор. *Моисея.*

В. п. в его собственно юридическом аспекте, относящемся к политическому устройству и гражданским правоотношениям богоизбранного народа, включает в себя нормы публичного и частного права в соответствии с классической терминологией *римского права.* В свою очередь, опираясь на совр., более детализованную юридическую классификацию, публичное В. п. по материалу можно разделить на право политическое, военное, адм., уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, налоговое, а частное право — на гражданское (имущественное), семейное, гражданско-процессуальное.

Политическое право. Политическую систему израильского общества, установленную Моисеевым законодательством, принято именовать *теократией,* причем в данном случае речь идет о подлинной теократии — Богоправлении, а не о такой модели гос. власти, в к-рой духовенству принадлежит господствующая или доминирующая роль, вроде средневек. Папского гос-ва, а также совр. *Ватикана,* раннесредневек. *халифата* или режима, созданного в Иране аятоллой Хомейни,— в лит-ре и такие модели политического устройства часто именуют теократией, но в отличие от Израиля периода прор. Моисея или *Судей* термин «теократия» применительно к подобным моделям политического устройства позднейших эпох употребляется условно.

Подлинное теократическое правление в Израиле решительно отличало его политическое устройство от тех форм правления, к-рые существовали тогда в языческом мире Ближ. Востока. Для политических систем народов Ближ. Востока была характерна абсолютная, часто прямо обожествляемая власть верховного правителя, царя, и жесткое разделение народа на сословия, резко отличавшиеся по своему правовому статусу. В Израиле признавалось высокое достоинство человеческой личности ввиду равенства всех пред Богом — истинным и единственным Царем Израиля до помазания на царство *Саула.*

В этом отношении особенно характерно то место из Второзакония, где Господь заключает *завет* (договор) со всеми израильтянами, включая даже пришельцев: «Все вы сегодня стоите пред лицем Господа Бога вашего, начальники колен ваших, старейшины ваши (судьи ваши), надзиратели ваши, все израильтяне, дети ваши, жены ваши и пришельцы твои, находящиеся в стане твоем, от секущего дрова твои до черпающего воду твою, чтобы вступить тебе в завет Господа, Бога твоего, и в клятвенный договор с Ним» (Втор 29. 10–12). Участниками договора и, следов., субъектами политических прав являются все израильтяне — феномен, невозможный в совр. прор. Моисею Египте или в гос-вах Месопотамии, немыслимый и в странах классической древности.

Из участия в этом основополагающем договоре всех израильтян вытекает их принципиальное равноправие как в политической жизни, так и в экономических отношениях. «Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца, поселившегося между вами» (Исх 12. 49; ср.: Числ 15. 16, 29; Лев 24. 22).

Во времена исхода из Египта вождем народа был прор. Моисей, к-рый действовал не по личному произволу, а лишь неукоснительно сообщая народу волю истинного Верховного Правителя и Царя — Яхве. Отдельные колена израильтян управлялись старейшинами [сынами] Израилевыми (Исх 3. 16). Они действовали как представители этих колен, как их избранники и выразители воли народа. В Синайской пустыне из этих старейшин по повелению Божию был составлен совет из 70 мужей, на них и было возложено нести вместе с Моисеем «бремя» народного управления. Этот совет заведовал самыми важными делами народного правления, а для решения повседневных дел, в особенности для ведения судебных процессов, Моисеем по совету его тестя Иофора были поставлены «из всего народа

люди, способные, боящиеся Бога, люди, правдивые, ненавидящие корысть» тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками (Исх 18. 21, 22).

Политическая система, сложившаяся в Израиле после прор. Моисея и его преемника *Иисуса Навина*, в эпоху Судей, продолжавшуюся более 2 столетий, вплоть до рубежа II и I тыс. до Р. Х., характеризуется тем, что в Израиле уже не было единого управления, а каждое колено управлялось своими избранными начальниками, к-рые одновременно были и народными судьями. Но во времена бедствий сам Бог выдвигал народных вождей для всех или неск. колен, к-рые были одновременно и полководцами и судьями, однако не имели власти над народом в мирное время и не передавали своих полномочий по наследству (Суд 8. 22–23). Такими богоизбранными судьями были *Гофониил, Гедеон, Иаир, Иеффай, Самсон* и др. вожди народа. Среди них и прор. *Девора*, к-рая вместе с *Вараком* повела народ на победоносную войну против ханаанейского царя Иавина и его военачальника Сисары.

Исполнение судейских обязанностей могло совмещаться с первосвященническим служением. Так, первосвященник *Илий* «был судьей Израиля 40 лет» (1 Цар 4. 18). Последним судьей той эпохи явился прор. *Самуил*, к-рый судействовал «во все дни жизни своей».

При сравнении власти судей с властными инстанциями у др. народов находили параллели с карфагенскими «суффетами» (судьями) и даже с рим. консулами. Историк *Иосиф Флавий*, писавший об Израиле и Иудее для людей греко-рим. культуры, характеризует судейское правление как аристократическое (*Jos. Flav.* Antiq. VI 3. 3; 36. 3) в соответствии с аристотелевской классификацией форм правления, но все эти параллели имеют относительное значение, указывают лишь на отдаленное и внешнее сходство, не устраняя совершенную уникальность подлинной теократии, к-рая заключалась в судействе.

При судье и прор. Самуиле в политическом устройстве Израиля произошел переворот. Вслед. умножения грехов и беззакония израильтяне, потерпев ряд поражений от филистимлян, захотели, отказавшись от теократии, иметь, подобно иным народам, земного повелителя — царя, надеясь, что, командуя регулярным войском, он сможет надежнее защитить народ от врагов, чем это делали судьи. Господь принял выбор народа и в то же время устами прор. Самуила выразил сожаление об этом выборе: «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними... итак, послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними» (1 Цар 8. 7, 9). Затем по повелению Божию Самуил рассказал народу о том, какими правами будет обладать царь: «...сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его... и дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанья и пекли хлебы; и поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим» (1 Цар 8. 11, 13, 14). Из свободных людей израильтяне станут подданными царя (1 Цар 8. 18).

При этом позднейшее учреждение царской власти уже было предусмотрено в законах Моисеевых: «...поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою (царем) иноземца, который не брат тебе». Этому грядущему царю Господь чрез Моисея заповедал хранить «список закона», читать его каждый день и «исполнять все слова закона сего» (Втор 17. 15, 18–20).

Самуил по воле Божией поставил царем Саула из колена Вениаминова, к-рый получил через помазание от Самуила Божие благословение на царство. Причем благословение дано было Саулу при условии исполнения воли Божией. Когда же Саул преступил заповеди Господни, Бог отверг его (1 Цар 16. 1), велев Самуилу помазать на царство др. избранника — Давида.

Главное отличие политической системы судейства от учрежденной затем монархической власти заключалось в том, что судьи действовали не через принуждение, а силой авторитета, причем авторитет этот сообщался Божественной санкцией; при монархии власть осталась богоданной, но для своей реализации использовала уже не столько духовный авторитет, сколько принуждение. Переход от судейства к монархии свидетельствовал об ослаблении веры, отчего и возникло у израильтян стремление заменить Царя Незримого царем видимым.

Ветхозаветное военное право базировалось на основополагающем принципе равенства обязанностей всех свободных израильтян по защите своего народа и земли. Существовавшая в Др. Израиле всеобщая воинская повинность распространялась на мужчин, достигших 20-летнего возраста. При этом, однако, делались нек-рые исключения: от участия в военных действиях освобождались не только левиты, к-рые должны были посвящать себя исключительно служению Богу, лица, физически неспособные к несению воинской службы, но также и те, «кто построил новый дом и не обновил его... дабы не умер на сражении, и другой не обновил его», и «кто насадил виноградник и не пользовался им», и «кто обручился с женою и не взял ее... дабы не умер на сражении, и другой не взял ее» (Втор 20. 5–7).

От участия в сражениях освобождались и просто малодушные люди, чтобы они трусостью своей не вызывали паники в войске (Втор 20. 8). Военное право др. народов и гос-в в подобных случаях предусматривает меры устрашения и часто смертную казнь для обнаруживших преступную трусость, вовсе не сообразуясь с душевными качествами призванных к исполнению воинского долга в сражении.

Относительно противника военное право Израиля отличалось свойственной древней эпохе суровостью. Перед началом военных действий против к.-л. города надлежало предложить его гражданам мир при условии, что «весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе» (Втор 20. 11). Если же противник эти условия не принимал, то после завоевания города все его взрослое муж. население подлежало истреблению (Втор 20. 13–14). Жителей городов хеттеев, аморреев, хананеев, ферезеев, евеев и иевусеев, преданных заклятию, закон повелевал истреблять всех поголовно, «не оставляя в живых ни одной души... дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали

для богов своих» (Втор 20. 16, 18). Под «мерзостями» в первую очередь подразумевалось принесение в жертву новорожденных детей, а также храмовая проституция.

На случай осады города В. п. предусматривало бережное отношение к окружавшим город насаждениям и к иному имуществу городских окрестностей (Втор 20. 19–20).

Налоговое право и правила общежительства. В. п. предусматривалось и относительное равенство израильтян в исполнении налоговой повинности — в Израиле не было разделения граждан на податное и бесподатное сословия. Ввиду малочисленности чиновного аппарата подати, взимаемые с израильтян, предназначались гл. обр. на *скинию* Завета и потом на храм, на содержание левитов и священников, на народные празднества и помощь малоимущим (Втор 26. 12).

Одной из форм подати был т. н. «выкуп души» — выплата полсикля серебра с израильтянина, достигшего 20 лет, когда всякий годный к воинской службе попадал в их число, и эта подать предназначалась для содержания скинии (Исх 30. 12–16). Эта выплата не зависела от имущественного положения израильтянина. Но большая часть податей имела характер подоходного налога, потому что налагалась не в виде твердо установленных выплат, а в виде десятины — 10-й доли от доходов, в основном плодов земли, вина и елея (Числ 18. 21; Втор 14. 22).

Помимо десятины для помощи малоимущим, и в частности вдовам и сиротам, установлены были и иные меры. У вдов запрещено было брать в залог одежду (Втор 24. 17). Вдовам и сиротам предоставлялось право подбирать оставшиеся на поле после уборки урожая колосья, а также масличные ветви и виноград (Втор 24. 19; Руфь 2. 2–3).

Правовые нормы, регулирующие рабовладельческие отношения, в В. п. в отличие от греко-рим. права и правовых систем ряда народов Ближ. Востока должны быть по своему содержанию, направленному на защиту рабов от неограниченного произвола их владельцев, отнесены скорее к публичному, чем к частному праву.

Раб в законе Моисеевом в отличие от рим. права трактуется вовсе не как вещь, но как человек, права к-рого защищены законом. «Если купишь раба Еврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой (год) пусть выйдет на волю даром; если он пришел один, пусть один и выйдет; а если женатый, пусть выйдет с ним и жена его» (Исх 21. 2–3); «когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего... помни, что (и) ты был рабом в земле Египетской» (Втор 15. 13–15). Господин, к-рый жестоко обращался со своим рабом, обязан был отпустить его на свободу (Исх 21. 26–27). Во Второзаконии содержится также запрет выдавать беглого раба его прежнему хозяину (Втор 23. 15), очевидно, чтобы уберечь раба от его жестокости и мщения.

Значительное место в В. п. занимают нормы права, направленные на предотвращение эпидемий, своего рода карантинное право. В первую очередь это касается проказы. В кн. Левит неск. глав (13–15) содержат подробные инструкции относительно того, как надлежит ставить диагноз проказы и венерических заболеваний, отличая их он незаразных болезней, похожих симптоматикой на заразные, вроде лишая, и предписания относительно строгой изоляции заразных больных. У объявленного прокаженным в соответствии с этими предписаниями «должна быть разодрана одежда, и голова его должна быть непокрыта, и до уст он должен быть закрыт, и кричать: «нечист! нечист!» (имеется в виду при возможной встрече со здоровым человеком, предостерегая его от опасности.— *В. Ц.*). Во все дни, доколе на нем язва, он должен быть нечист, нечист он; он должен жить отдельно, вне стана жилище его» (Лев 13. 45–46).

Ветхозаветные гигиенические предписания в отдельных случаях простираются в область, к-рая у др. народов не подлежит правовому регулированию и предоставлена обычаю и личному усмотрению, напр., относительно устройства отхожих мест вне стана и способов пользования ими (Втор 23. 12–13), об удалении из стана и последующих омовениях в случаях ночного осквернения (Втор 23. 10–12). При этом часто предписания, касающиеся омовений, имеют по преимуществу не гигиенический, но религиозно-символический характер и относятся уже к сфере собственно религ., культового права.

Уголовное право. Основополагающий принцип ветхозаветного уголовного права — закон равного или пропорционального возмездия, т. н. закон талиона: «Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх 21. 24–25). Этот принцип исходит из идеи справедливости, насколько она могла быть воспринята древним евр. народом до пришествия в мир Мессии — Христа.

Наказания, к-рые предусматривались В. п., могут быть разделены на 3 основных вида: смертная казнь, бичевание и др. телесные наказания, денежные штрафы. Самым обычным способом смертной казни было побивание камнями. При этом первым должен был бросить камень свидетель обвинения (Втор 17. 7).

Смертной казнью карались религ. преступления: идолослужение, богохульство, колдовство, намеренное убийство и др. тяжкие преступления против личности, в частности похищение человека, изнасилование замужней жены или обрученной невесты другого, избиение или оскорбление родителей и вообще непочтительное отношение к ним, содомия, скотоложество, кровосмешение, супружеская неверность жены или обрученной невесты, казни подвергался и тот, кто вступил в связь с чужой женой или невестой (Исх 22. 18–20; Лев 20. 27; 24. 15–16; Втор 21. 18–21; 22. 22–25). Смертной казни подлежали и виновные в преступной небрежности, когда результатом ее явилась гибель человека (Исх 21. 29).

В редких случаях применялся и такой вид смертной казни, как усечение мечом. Так, царь Давид приказал одному из своих воинов убить, очевидно, мечом убийцу царя Саула, к-рый, впрочем, убил помазанника Божия не по злой воле, но по повелению самого Саула (2 Цар 1. 15). Наиболее тяжкие преступления карались сожжением. Такой вид казни предусматривался за связь с тещей (Лев 20. 14), за блуд дочери священника (Лев 21. 9). За вероотступничество в нек-рых случаях в качестве наказания полагалось повешение: Господь повелел Моисею осудить на повешение начальников народа за то, что народ израильский в Ситтиме стал приносить жертвы

Ваал-Фегору (Числ 25. 1–5). Тело повешенного при этом нельзя было оставлять на дереве на ночь (Втор 21. 23).

В ВЗ есть ряд упоминаний о др. видах казни, к-рые не предусмотрены законом Моисеевым, но к-рые налагались законной властью. Так, после завоевания Раввы Аммонитской жителей этого города царь Давид «вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими» (2 Цар 12. 31). После победы над идумеями иудеи, во главе к-рых стоял тогда царь *Амасия*, привели 10 тыс. пленных на «вершину скалы, и низринули их с вершины скалы, и все они разбились...» (2 Пар 25. 12). Впрочем, все перечисленные выше казни имели особый характер, потому что они налагались не на израильтян, а на побежденных противников.

При наказании ударами бича или палки в соответствии с Второзаконием полагалось наносить не больше 40 ударов, «чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред твоими глазами» (Втор 25. 3). В случае причинения тяжких телесных повреждений наказание налагалось в буквальном смысле по принципу око за око, зуб за зуб (Исх 21. 24).

Тюремное заключение не предусматривалось в законе Моисеевом, хотя, по свидетельству ряда мест ВЗ, и применялось фактически. Так, царь иудейский *Аса* подверг прозорливца Ананию заключению в темницу (2 Пар 16. 10). Заключенных сковывали цепями, забивали в колодки (Иер 20. 2).

В нек-рых случаях наказанием служил штраф. Оклеветавший новобрачную жену свою в добрачном нецеломудрии, помимо того что до конца жизни ее утрачивал право на развод с ней, должен был еще заплатить 100 сиклей серебра ее отцу (Втор 22. 19). Если кто в драке ударит «беременную женщину и она выкинет», то виновный должен при посредниках заплатить мужу пострадавшей жены, сколько тот потребует (Исх 21. 22). Воровство каралось многократным возмещением украденного (Исх 22. 1). Если же вор окажется не в состоянии заплатить штраф, то он сам подлежит продаже в рабство в возмещение причиненного им убытка (Исх 22. 3).

В. п. включает и ряд процессуальных норм, касающихся судопроизводства по уголовным делам. Расследование дел полагалось производить публично, у городских ворот, поскольку это было самым людным местом (Втор 21. 19). Суд мог вынести обвинительный приговор только в том случае, когда обвинение подтверждалось не менее чем 2 свидетелями, показания к-рых ни в чем не противоречили друг другу (Числ 35. 30; Втор 17. 6). Лжесвидетель подвергался наказанию, полагавшемуся за преступление, в к-ром он клеветнически обвинял невиновного (Втор 19. 18–19).

В случае нераскрытого убийства следовало измерить расстояние от места, где обнаружен труп убитого, до близлежащих городов, и когда будет выявлен ближайший город, то его старейшины должны были принести в жертву телицу, омыть руки свои над головой телицы и поклясться: «Руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели» — и просить Бога о том, чтобы невинная кровь не была вменена народу (Втор 21. 1–9).

Семейно-брачное право ВЗ исходит из идеи богоустановленности *брака*. Супружеская любовь стала в Библии метафорическим образом для обозначения любви, к-рая связывает Бога с Его народом (Ос 2. 19–20; Ис 50. 1; Иез 16. 8). Именно поэтому ветхозаветный закон столь суров, когда попирается добрачное целомудрие или допускается супружеская неверность, предусматривая в подобных случаях смертную казнь.

Ввиду нравственного несовершенства ветхозаветного человечества, в т. ч. и избранного народа, долг супружеской верности в юридическом отношении касался только женщин. Более того, ветхий закон допускал полигамию. Среди многоженцев были и ветхозаветные святые, напр. цари Давид и Соломон. Но после вавилонского плена многоженство постепенно уходит из жизни возвратившихся в землю обетованную иудеев, и в эпоху Христа и апостолов иудеи уже имели по одной жене.

Что касается препятствий к браку, то установленная законом Моисеевым система запретов отличается большей строгостью, чем та, что существовала в патриархальную эпоху, когда праотец *Авраам* был женат на своей единокровной сестре *Сарре* (Быт 20, 12), а Иаков — на 2 родных сестрах *Лии* и *Рахили*, к-рые к тому же были двоюродными сестрами своего мужа. В законе Моисеевом под страхом смертной казни запрещены кровосмесительные сожительства, а следов., и браки с близкими родственниками: не только с отцом и матерью, с родными, а также единокровными и единоутробными братьями и сестрами, с внуками и внучками, но также с дядями и тетями, с мачехами, отчимами, женами братьев (за исключением особого случая — т. н. *левирата*), с женами дядей и мужьями тетей, с невестками и зятьями, со свояками и свояченицами, сводными сестрами. Запрещалось также при общей дозволенности полигамного брака брать в жены сразу мать и ее дочь, бабушку и ее внучек, 2 сестер при жизни той и другой (Лев 18. 7–18). При этом провозглашался и общий запрет на браки с кровными родственниками: «Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу» (Лев 18. 6).

Хотя обычно брак с вдовой брата запрещался, но в определенном случае таковой брак прямо предписывался, а именно: если один из братьев умирал, не оставив сына, то другой брат должен был взять в жены его вдову, и первенец от этого брака почитался уже по закону сыном своего умершего дяди, а не физического отца. Отказ деверя взять в жены вдову-невестку влек за собой бесчестие.

Закон Моисеев воспрещал евреям браки с хананеями и хананеянками, а также вообще с язычниками из-за опасности, что такие браки могут совратить в идолопоклонство (Исх 34. 16; Втор 7. 3–4); после вавилонского плена запрещались также браки с самарянами, с «женами иноплеменными из народов земли» (1 Ездр 10. 2–3). Но фактически браки с иноплеменницами в Израиле заключались часто, в особенности это относится к царям израильским и иудейским, и даже к праведным царям, в т. ч. и к Соломону, но его случай поучителен как раз с т. зр. религ. опасности таких браков: «Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам... И стал Соломон служить Астарте, божеству

Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (3 Цар 11. 4–5).

Для священников и первосвященников устанавливались более строгие запреты относительно выбора жен. Священники не могли жениться на развратных и разведенных женщинах; кроме девиц они могли брать в жены только священнических вдов (Иез 44. 22), а первосвященникам совершенно запрещались браки со вдовами. Поскольку вдовами считались и обрученные невесты, женихи к-рых умирали до брака, на них также не могли жениться ни первосвященники, ни священники. В Израиле вдовы могли вторично выходить замуж, но в более позднее время особым почетом пользовались те вдовы, к-рые пребывали во вдовстве до конца жизни. Свидетельства об этом, впрочем, встречаются только в НЗ (ср. Лк 2. 36).

В. п. предоставляло женщине больше прав, чем это было у мн. др. народов. Положение жены вовсе не было близким к положению рабыни, как это было обыкновенно у древних народов. Жены израильтян участвовали в событиях общенародного значения, даже в борьбе с неприятелем (ср. Суд 4. 17–21).

Семейное право Израиля допускало развод, «если кто возьмет жену... и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего» (Втор 24. 1). Но в отдельных случаях развод был невозможен. Если муж клеветнически обвинял новобрачную в добрачном нецеломудрии, он платил отцу ее штраф в 100 сиклей серебра и никогда уже не мог развестись с ней (Втор 22. 123). Кроме того, если мужчина обесчестил девицу, он обязан был заплатить отцу ее штраф в 50 сиклей серебра, жениться на ней и никогда уже не разводиться с ней (Втор 22. 28–29). Но в одном случае В. п. признавало развод обязательным: если господин давал в жены своему рабу еврею рабыню, то по прошествии 6 лет, когда раб получал свободу, он обязан был возвратить свою жену и детей хозяину, а если не хотел расстаться с ними, то должен был уже остаться рабом навсегда (Исх 21. 4–6). Разведенная жена имела право на вторичное замужество. Но если ее второй муж умирал или разводился с ней, ее первый муж, давший ей разводное письмо, лишался права вторично взять ее в жены (Втор 24. 1–4).

В ВЗ не упоминается явным образом право жены на развод, но есть косвенные основания считать, что при определенных условиях и жена обладала таким правом. Поскольку право оставить своего господина и сожителя имела наложница, лишенная «пищи, одежды и общения» (Исх 21. 10–11), тем более таким правом должна была обладать законная жена. Слова Христа Спасителя, «если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого» (Мк 10. 12), вероятно, предполагают не жену, к-рая оказалась в разводе по инициативе ее мужа, но разведенную по собственному желанию. Во всяком случае в соответствии с талмудическим правом жена может инициировать развод по ряду причин: в случае отказа мужа от супружеского общения, ввиду бесплодия мужа после 10-летнего сожительства с ним, в случае заразной болезни супруга и при нек-рых др. обстоятельствах (Вавилонский Талмуд, Иевамот 65а–б; Кэтуббот 77а).

Ввиду существовавшего в Израиле многоженства закон Моисеев регламентирует порядок раздела и наследования имущества детьми от разных жен, в особенности в связи с правом первородства. Отец в подобном случае не в праве по произволу отдавать предпочтение сыну от любимой жены (Втор 21. 15–17).

Т. о., дети в израильской семье не были в отличие от обычаев мн. др. народов в положении рабов своего отца, их права были защищены законом. Неповиновение детей родителям каралось сурово, вплоть до побиения камнями, однако к смертной казни непокорный сын приговаривался не отцом, но решением общественного суда, и на основании жалобы родителей казнь совершал народ (Втор 21. 18–21).

Гражданское право. Ветхозаветная правовая система включает детально разработанные нормы гражданского права, своего рода гражданский кодекс, к-рый по тщательной дифференциации казусов и по полноте своей может быть поставлен рядом с классическим рим. правом; при этом решительно отличаясь от рим. права своей приверженностью высшей Божественной справедливости, своим человеколюбием, заботой о бедных и неимущих.

В отличие от рим. права в законе Моисеевом не абсолютизируется право частной собственности. Главным богатством народа была земля, в соответствии с законом Моисеевым она признавалась исключительной собственностью Господа Бога и потому была принципиально неотчуждаемой (Лев 25. 23). Израильтянин мог продать свой участок земли только до определенного срока, до юбилейного года, в к-рый этот участок непременно возвращался первому владельцу, что предотвращало глубокое имущественное расслоение израильтян.

Ради поддержки бедных и малоимущих установлен был субботний (7-й) год, когда пользование плодами предоставлялось исключительно бедным (Исх 23. 11). С этой же целью полагалось прощать долги в 7-й год (Втор 15. 1–2).

В кн. Второзаконие содержится запрет ссужать деньги в рост своему соплеменнику-израильтянину, но по отношению к иноплеменнику ростовщичество не запрещалось (Втор 23. 19–20). В др. месте Пятикнижия запрет ростовщичества распространяется и на пришельцев (Лев 25. 35–36).

Неприкосновенность имущества израильтянина охраняется рядом правовых норм, содержащихся в кн. Исход. В ней предусмотрено, что в случае потравы скотом поля или виноградника владелец скота обязан возместить убыток из лучших плодов своего поля или виноградника. Виновный в пожаре на поле, при этом имеется в виду, очевидно, не намеренный поджог, а небрежность, обязан возместить убыток (Исх 22. 5–6). «Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден, или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить; если же хозяин его был при нем, то не должен платить; если он взят был внаймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену» (Исх 22. 14–15). Во Второзаконии содержится предписание нашедшему заблудившихся вола, или овцу, или осла либо потерянную вещь не оставлять их без присмотра и не присваивать себе, но возвращать владельцу, когда таковой найдется (Втор 22. 1–4).

Законодательство, относящееся к богослужению, храму, к жертвоприношениям занимает значитель-

ное место в Пятикнижии. Нек-рые темы религ. закона по содержанию имеют аналог в нормах канонического права христ. Церкви — гл. обр. это касается условий принадлежности к «обществу Господню», к ветхозаветной церкви, а также статуса левитов и левитского священства.

К «обществу Господню» из числа израильтян не могли принадлежать кастраты (Втор 23. 1), а также сыновья блудницы до 10-го колена (Втор 23. 2). Из числа иноплеменников в «общество Господне» могли войти идумеи и египтяне (Втор 23. 7–8). Условием принятия иноплеменников было исповедание веры Авраама, Исаака и Иакова в единого истинного Бога и соблюдение закона; что касается народов, выходцы из к-рых ни при каких обстоятельствах не могли войти в «общество Господне», во Второзаконии названы только аммонитяне и моавитяне, «потому что они не встретили вас [израильтян.— *В. Ц.*] с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта, и потому что они наняли против тебя [Израиль.— *В. Ц.*] Валаама, сына Веорова, из Пефора Месопотамского, чтобы проклясть тебя» (Втор 23. 4).

Для служения Богу из всех израильтян было избрано одно колено — потомки *Левия*, левиты. В свою очередь из числа левитов для священнического служения избирались потомки *Аарона*, а среди священников первое место принадлежало первосвященнику. Только первосвященник мог входить во Святая Святых храма для кропления кровью на крышку ковчега, и делал он это единственный раз в году (см. ст. *Священство ветхозаветное*). Израильское священство было наследственным. Левиты помогали священникам в служении при скинии и потом при храме. Они переносили скинию, сторожили у дверей скинии и потом храма, пекли хлеб предложения, славословили Бога пением и игрой на муз. инструментах. Они изучали закон и были для народа учителями и судьями. Обязанности священников заключались в том, что они поддерживали огонь на жертвеннике всесожжения, приносили утреннюю и вечернюю жертву, хлебное приношение и возлияние. Кроме того, они были учителями и судьями народа.

Поскольку, как и левиты, священники лишены были возможности трудиться для собственного пропитания, израильтяне должны были давать левитам десятину на пропитание, а те в свою очередь обязаны были 10-ю часть десятины выделять для священников (Числ 18. 25–32). Для проживания левитам было выделено 48 городов среди разных колен Израиля, из к-рых в 13 жили исключительно священники, 6 городов служили убежищем для невольных убийц, где они укрывались от кровной мести со стороны сородичей убитых (Числ 35. 1–9).

Не все потомки Аарона допускались до священнического служения. Священником не мог быть «ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у которого переломлена нога или переломлена рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни коростовый, ни паршивый, ни с поврежденными ятрами» (Лев 21. 18–20).

Главной характерной чертой ветхозаветного законодательства является то обстоятельство, что оно представляет собой именно завет Бога с человеком, т. е. своего рода договор, союз (евр. ברית). Причем в ВЗ речь идет о последовательном ряде таких заветов: с первозданным Адамом, с Ноем, с Авраамом, с Израилем в лице прор. Моисея на Синайской горе, к-рый содержит в себе уже целостную правовую систему, и, наконец, Новый Завет. Причем завет представляет собой действительно договор, к-рый сопровождается клятвой со стороны Самого Бога: «Господь, Бог твой, есть Бог (благий и) милосердый; Он не оставит тебя и не погубит тебя, и не забудет завета с отцами твоими, который Он клятвою утвердил им» (Втор 4. 31). Договор по природе своей предполагает равенство договаривающихся сторон хотя бы в формально юридическом отношении, к-рое немыслимо, когда речь идет о Боге Творце и тварном человечестве. Однако в истории права можно отыскать примеры договоров неравноправных сторон, когда это неравноправие отражается в самом содержании договора.

Разумеется, аналогия между юридическими отношениями земного порядка и мистической реальностью общения Бога и человека может носить лишь самый отдаленный характер, но так обстоит дело и со всеми без исключения характеристиками Божества, к-рые существуют на человеческом языке, напр., когда мы именуем Господа Царем царствующих, или Царем Небесным, или Отцом. В любом случае, говоря о Боге, мы вынуждены словами, характеризующими в прямом смысле явления видимого мира, выразить нечто относящееся к невидимому, неописуемому и непостижимому Существу.

Формальные и языковые особенности ветхозаветного законодательства. Правовые нормы, содержащиеся в Пятикнижии, представляют собой заповеди, к-рые даны Богом людям через прор. Моисея и сформулированы либо в аподиктической, либо в условной форме.

Аподиктические нормы предстают в виде императивных предписаний или запретов, либо сформулированы в 3-м лице. Нек-рые примеры: «Шесть лет засевай землю твою и собирай произведения ее, а в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые; так же поступай с виноградником твоим и с маслиною твоею» (Исх 23. 10–11), «начатки плодов земли твоей приноси в дом Господа, Бога твоего» (Исх 23. 19), «истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того» (Втор 12. 2–3).

Значительно чаще заповеди формулируются как негативный императив, в качестве запретов, напр.: «Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской» (Исх 22. 21), «не суди превратно тяжбы бедного твоего» (Исх 23. 6), «не ешь никакой мерзости» (Втор 14. 3).

В евр. тексте в 3-м лице сформулированы следующие заповеди: «Всякий скотоложник да будет предан смерти» (Исх 22. 19), «жертву повинности должно закалать на том месте, где закалается всесожжение, и кровью ее кропить на жертвенник со всех сторон» (Лев 7. 2).

Наиболее обычной структурной формой ветхозаветного законодательства являются условные предложения, к-рые и с формальной стороны придают соответствующим местам священных книг юридический характер, ибо наиболее

приспособлены для того, чтобы выразить зависимость санкции от того или иного деяния. «Кто украдет человека (из сынов Израилевых) и (поработив его) продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти» (Исх 21. 16), «если кто раскроет яму, или если выкопает яму и не покроет ее, и упадет в нее вол или осел, то хозяин ямы должен заплатить, отдать серебро хозяину их, а труп будет его» (Исх 21. 33–34), «если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу» (Исх 22. 1). В подобных конструкциях налицо все существенные элементы правовой нормы: гипотеза, подразумеваемая контекстом диспозиция и санкция.

Однако не все заповеди, сформулированные в виде условных предложений, содержат, как в приведенных примерах, гипотезу и санкцию. В тексте Пятикнижия встречаются условные предложения, к-рые содержат в себе аподиктические императивы в позитивном или негативном, запретительном, виде, напр.: «Если будешь строить новый дом, то сделай перила около кровли твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто-нибудь упадет с него» (Втор 22. 8), «если ты ближнему твоему дашь что-нибудь взаймы, то не ходи к нему в дом, чтобы взять у него залог, постой на улице, а тот, которому ты дал взаймы, вынесет тебе залог свой на улицу» (Втор 24. 10–11).

В отдельных случаях условные конструкции употребляются для формулировки диспозитивных норм, напр., чтобы указать способ различения заразной болезни, пораженный к-рой должен быть изолирован, от незаразной: «Если у кого на голове вылезли волосы, то это плешивый: он чист; а если на передней стороне головы вылезли волосы, то это лысый: он чист. Если же на плеши или на лысине будет белое или красноватое пятно, то на плеши его или на лысине его расцвела проказа» (Лев 13. 40–42).

Правовые нормы могут быть выражены и в таких предложениях, условный характер к-рых не выражен синтаксически в виде союзов «если» или «когда», а содержит глаголы в 3-м лице: «Кто ляжет с женою своего отца, тот открыл наготу отца своего: оба они да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев 20. 11), «кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не взял ее» (Втор 20. 7).

Влияние В. п. на церковное право. В своеобразно преломленном виде В. п. составило основу позднейшего иудейского талмудического права. Оно оказало также влияние на правовые системы не только христ. гос-в и народов, но и на исламское право, в т. ч. и на *шариат*. В той или иной форме, через более или менее интенсивное воздействие основных начал европ. права в его континентальном или англосаксон. варианте ветхозаветное законодательство повлияло на правовые системы совр. гос-в, выросших на почве иных цивилизаций.

Ветхозаветные правовые нормы оказали влияние и на каноническое право христ. Церкви. Авторитет ветхозаветных и новозаветных книг в Церкви не одинаков. «...Закон был для нас детоводителем ко Христу...» (Гал 3. 24), «имея тень будущих благ, а не самый образ вещей» (Евр 10. 1), явленный во Христе, Который, по слову апостола, «отменяет первое, чтобы постановить второе» (Евр 10. 9). Тем не менее Господь говорил о ВЗ: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5. 17). Идея Царства Божия в ВЗ дана в обетовании, в прообразовании, а в НЗ она явлена в личности и учении Христа, в жизни Церкви, в житиях святых.

Всю свою обязательную силу для христиан сохранили *Десять заповедей* Моисея. Суть этих заповедей Господь Иисус Христос в беседе с законником изложил так: ««Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» — сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22. 37–40). Т. о., в НЗ сохранили силу нравственные предписания Моисеева закона, очищенные от тех элементов, к-рые были уместны до пришествия Христа, но утратили смысл после исполнения чаяний Израиля.

На *Иерусалимском Соборе апостолов* в связи с разномыслием первых христиан об обязательности Моисеева закона для новообращенных из язычников принято было постановление написать братиям из язычников: «Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян 15. 28–29). Т. о., большая часть ветхозаветных предписаний богослужебного, ритуального характера, а также собственно юридических норм в их буквальном смысле утратила силу для христиан. Так, в христ. брачном праве безусловно отменен ветхозаветный левират.

Но отдельные институты юридического В. п. послужили образцом и основой для христ. установлений, напр. ветхозаветный институт священства для христ. церковной иерархии. Нек-рые ветхозаветные правовые нормы признаются действующими в Церкви, напр. требование показаний 2 или 3 свидетелей для установления истины на суде. Отдельные ветхозаветные правовые институты существовали в Церкви в определенные эпохи ее истории, напр. десятина, запрещение взимать проценты.

В канонах часто встречаются ссылки на ветхозаветные тексты. В 21-м прав. свт. *Василия Великого* цитируется Книга прор. Иеремии (3. 1) и Книга Притчей Соломоновых (18. 23). На эти же места ссылаются и отцы Трулльского Собора в 87-м прав. В 16-м прав. VII Вселенского Собора цитируется Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова (1. 25). Нек-рые канонические нормы основаны на ветхозаветных текстах, к-рые сами по себе не содержат соответствующих юридических формул, но в к-рых заключены мысли, используемые для их обоснования, такие места из ВЗ и цитируются в канонах. Так, за свои преступления и грехи клирики не подлежат наравне с мирянами отлучению от Причащения, а только извержению из сана на основании общего принципа, не допускающего налагать двойное наказание за одно и то же преступление. Эта норма сформулирована в Ап. 25, где содержится ссылка на Книгу прор. Наума (1. 9).

Принципиальный подход к предписаниям ветхозаветного законодательства в Церкви таков: ветхозаветные нормы юридического и ли-

тургического содержания не являются в Церкви нормами прямого действия, но сохраняют свою силу настолько, насколько Церковь сама сообщила им эту силу, руководствуясь принципом, выраженным в постановлении Апостольского Собора.

В связи с тем, что далеко не все юридические нормы ВЗ признаются действующими в Церкви, встает вопрос о принадлежности этих норм к области Божественного права. Нек-рые канонисты ограничивают сферу Божественного права только теми нормами, к-рые имеют абсолютно неизменный характер. При такой т. зр. не все правовые заповеди, включенные в Свящ. Писание, могут быть наделены авторитетом Божественного права (*Павлов*. С. 33). Однако не включать в Божественное право те заповеди, к-рые хотя и имеют свой источник в Божественной воле, но не носят абсолютно неизменного характера, а вызваны преходящими обстоятельствами времени, было бы нелогично. Вопрос об изменяемости правовых норм следует отделить от вопроса об их источнике. Неизменность нормы нельзя считать непременным критерием ее принадлежности к Божественному праву. С одной стороны, воля Божия выражается и в попечении о наших временных нуждах, а с др.— изменяемость норм пророческого, а значит, Божественного происхождения вовсе не тождественна их отменяемости.

Включение совершенной неизменяемости правовых норм в число критериев, выделяющих Божественное право из всей совокупности действующего в Церкви права,— дань теории естественного права. Божественное право нек-рые канонисты называют естественным церковным правом в противоположность положительному праву Церкви; корни этой теории имеют не христ. характер, хотя она и оказала в свое время влияние на канонистов.

Нет никаких богословски и канонически разумных оснований выводить ветхозаветную правовую систему за границы jus divinum (Божественного права), к к-рому оно принадлежит, поскольку ввиду *богодухновенности* Свящ. Писания ВЗ содержит в себе аутентичную фиксацию Божественного Откровения.

Лит.: *Юнгеров П.* Общее ист.-крит. введение в священные ветхозаветные книги. Каз., 1910. М., 2003; *Dodd C. H.* The Bible and the Greeks. L., 1935; *Карташев А. В.* Ветхозаветная библейская критика. П., 1947; *Monsengwo Pasinya L.* La notion de nomos dans le Pentateuque grec. R., 1973; *Davies W. D.* Law in First-Century Judaism. Phil., 1984; *Григорьев Ф. А.* Теория государства и права: Курс лекций. М., 1997; *Павлов А. С.* Курс церковного права. СПб., 2002[2].

Прот. Владислав Цыпин

ВЕФИ́ЛЬ [евр. בית־אל *bêt'ēl* — дом Бога], название местности и города на Иудейском нагорье, рядом с *Гаем* и севернее Иерусалима. Топоним обозначает также святилище внутри и (или) вблизи него. Роль религ. центра, равно как и расположение на географической и политической границе Иудейского нагорья, в точке пересечения дорог, определили значение В. в истории Св. земли.

В. впервые упомянут в Библии в рассказах о ветхозаветных патриархах *Аврааме* и *Иакове*. Кочуя на юг от Сихема, Авраам воздвиг жертвенник между В. и Гаем (Быт 12. 8), а по пути из Египта вновь останавливался в этом месте (Быт 13. 3, 4). Во время путешествия Иакова из *Вирсавии* в Харран на этом месте во сне ему было дано видение лестницы, по к-рой нисходили и восходили ангелы, а Господь, стоящий на лестнице, предрек Иакову многочисленное потомство и Свое покровительство; наутро Иаков установил на этом св. месте жертвенник, назвав его Вефиль (прежнее название — Луз) (Быт 28. 19). Через много лет Иаков вновь посетил это место по пути домой, устроил 2-й жертвенник и назвал место богоявления Эл-Вефиль (Быт 35. 7). В. упоминается также в связи с двумя Деворами: умершей и погребенной вблизи В. кормилицей *Ревекки* (Быт 35. 8) и пророчицей, жившей в его окрестностях (Суд 4. 5). Прор. *Самуил* посещал город, чтобы творить суд (1 Цар 7. 16). Остается неясным, как соотносились одноименные святилище и город; возможно, что в отличие от ханаанейской традиции большинство культовых мест в Др. Израиле до начала периода монархии строили вне городов, давая им др. имена, однако святилище в В. могло быть и внутри города (*Kallai*. P. 131).

Святилище в В. потеряло свое значение во время царствования Давида с перенесением ковчега Завета в Иерусалим и последующим строительством храма при Соломоне. После раскола царства, когда *Иеровоам II* поместил в В. и Дане золотого тельца (3 Цар 12. 29–33), святилище превратилось в религ. центр отпадших от истинного богопочитания иудеев. Об этих временах с гневом пророчествовал *Осия* (10. 15), а пророк *Амос* предрек, что с Израиля будет взыскано «за жертвенники в Вефиле, и отсечены будут роги алтаря и падут на землю» (3. 14). Действительно, иудейский царь Иосия захватил В., разрушил его святилища и жертвенники (4 Цар 23. 15–20).

Важность святилища в В. связана с его положением на границе Ефремовых и Иудейских гор, к-рые разделяют Ханаан надвое. Этот центральный хребет был границей между евр. племенами севера и юга, позже — царствами Сев. Израиля и Иудеи, а при римлянах – провинциями Самарией и Иудеей. Климат и сельское хозяйство теплого Иудейского плато и сурового Ефремова нагорья различны. По водоразделу идет с севера на юг один из важнейших путей всей библейской истории — дорога из Хеврона в Сихем — через Иерусалим и В.; вблизи В., к югу от него, лежит и дорога с востока на запад, от побережья мимо Аиалонской долины к Иерихону и долине Иордана.

По расположению и природным особенностям В. может относиться и к той и к др. географической области, что отразилось на его политической истории: В. принадлежал колену *Вениамина* (Нав 18. 22), но был захвачен коленом *Ефрема* (Суд 1. 22); царь Иеровоам овладел В., но его вскоре захватил царь Иудеи *Авия* (2 Пар 13. 19). *Вааса*, царь Израиля, вернул город в свои владения, но с захватом Израиля ассирийцами В. вошел в состав Иудеи.

Стратегическая роль В., расположенного на пути в Иерусалим с севера, сохранялась и позже. В период Хасмонейского восстания его укрепил военачальник сирийцев Вакхид (1 Макк 9. 50). В визант. эпоху В. оставался поселком в зоне Элии Капитолины (Иерусалима) (*Euseb*. Onomast. 192), он упоминается в *Бурдигальском итинерарии* (333 г. по Р. Х.) и автором описания Св. земли Феодосием (ок. 503 г. по Р. Х.), отмечен на карте *Мадабы* (ок. 565 г. по Р. Х.). Вероятно, город был уничтожен при араб. завоевании в VII в. Поселение на его месте возродилось только в сер. XIX в.

Хотя В.— один из самых известных городов бронзового века в центральной Палестине, проведенные там раскопки дали немного материалов даже для схематической археологической реконструкции его истории. Большинство ученых, начиная с Э. Робинсона (1838), соотносят В. с Байтином, совр. городом в 13 км от Иерусалима (значительная его территория, ок. 16 тыс. кв. м, изучена У. Ф. *Олбрайтом* (1927, 1934), Дж. Л. Келсо (1954, 1957, 1960)). Отчеты об исследованиях содержат общие соображения, но конкретной информации мало: недостаточно общих планов, разрезы непригодны для анализа; результаты разных сезонов плохо увязаны (нет нумерации слоев); описание фаз минимально, а их интерпретация сводится к простому «иллюстрированию Библии». В наст. время материал пересмотрен (У. Г. Девер).

Постоянное поселение в Байтине начинается с эпохи раннего бронзового века (IV фаза, ок. 2200–2000 гг. до Р. Х.; по Олбрайту — среднебронзовый I). Келсо считал, что ему удалось обнаружить святилище той эпохи с относящимися к нему «кремнями для разделки туш» и «кровостоками» (*Kelso*. P. 20–23). Сейчас поселок того времени считают лагерем пастухов, а стены святилища интерпретируют как основания городской стены среднебронзового века. Поселение среднебронзового века (ок. 2000–1500 гг. до Р. Х.) представлено керамикой поздней фазы периода, к к-рому следует относить остатки «ворот» и стены; предполагавшееся уничтожение Байтина ок. 1550 г. до Р. Х. археологически не доказано.

В нач. позднебронзового века телль не был заселен, население появилось там во 2-й фазе эпохи (ок. 1400–1200 гг. до Р. Х.), но в конце бронзового века опять оставило это место в связи с вторжением в Ханаан племен древних израильтян, разрушивших В. Этот факт неоднократно использовали наряду с *Асором* как один из примеров, археологически иллюстрирующих завоевание Ханаана. Однако со всей уверенностью утверждать, что разрушение В. может служить археологическим подтверждением этого, невозможно.

В городе эпохи поздней бронзы существовали обширные «дома знати», каменное мощение и сложная система дренажа. 4 уровня раннего железного века (XII — кон. X в.) дают картину упадка культуры. Были найдены характерные т. н. дома 4-комнатного, но не городского типа; по-видимому, поселок не был укреплен и занял только часть старого города. В древнейшем уровне обнаружено нек-рое количество «филистимской» керамики и сосуды, типичные для ранней стадии освоения древними евреями Иудейского нагорья. Для эпохи железного века II (ок. 900–600 гг. до Р. Х.) следов укрепления также не найдено; значение слоев этого времени для археологии в том, что они дают комплекс редкой в Палестине керамики раннеперсид. эпохи.

Эллинистический период представлен 3 фазами кон. IV–II в. или, судя по керамике и обилию монет Птолемеев и Селевкидов, кон. III–II в. до Р. Х. В рим. и иродианском периодах монет не обнаружено, эти периоды представлены керамикой, остатками домов и множеством цистерн, что характерно также для визант. и ислам. периодов, когда застройка была более активной (улицы, ворота, церковь и большой резервуар для воды). Заселение В. прекратилось уже в раннеислам. период.

Существуют и др. варианты отождествления В., напр., с Эль-Бира, к-рый находится в неск. км к юго-западу от Байтина (Д. Ливингстон).

Лит.: *Albright W. F.* The First Month of Excavation of Bethel // BASOR. 1934. Vol. 55. P. 23–25; *idem*. The Kyle Memorial Excavation at Bethel // Ibid. Vol. 56. P. 37–43; *Dever W. G.* New Vistas on the EB IV («MB I») Horizon in Syria-Palestine // Ibid. 1980. Vol. 237. P. 35–64; *Kelso J. L.* The Excavation of Bethel (1934–1960). Camb., 1968; *Livingston D.* The Last Word on Bethel and Ai // BAR. 1989. Vol. 15. P. 1–11; *Naaman N.* Bethel and Beth-Aven // Zion. 1985. Vol. 50. P. 15–25; *Kallai Z.* Historical Geography of the Bible. Leiden, 1986.

Л. А. Беляев

ВЕФСА́МИС [евр. בית שמש *beyt šemeš*; греч. Βηθσαμῆς], название неск. городов в Свящ. Писании.

1. Город к западу от Иерусалима, на сев. границе колена Иуды. Упомянут в 2 библейских списках распределения земли между племенами сынов Израиля: в 1-м (Нав 19. 41) как *'ir šemeš* (עיר שמש) — «город солнца» в колене Дана, во 2-м (Нав 21. 16) говорится о «Беф-Шемеше и предместьях его», отданных «сынам Аарона, из племен Каафовых, из сынов Левии» (Нав 21. 10). Однако В. нет среди городов колена Иуды в списке в Нав 15. Неопределенность источников о принадлежности В. (колену Иуды или Дана) объяснима с учетом миграции Дана в XI в. до Р. Х. на север, в результате чего В. остался на сев.-зап. границе колена Иуды.

Как пограничный город евреев В. упоминается в истории захвата филистимлянами ковчега Завета (1 Цар 6. 9–15). После разделения царств В. оказался в границах Иудеи: здесь *Иоас* Израильский (798–782 гг. до Р. Х.) и *Амасия* Иудейский (ок. 800–783 гг. до Р. Х.) сошлись в битве, в к-рой победил Иоас (4 Цар 14 . 11; 2 Пар 25. 21). То, что после падения В. Иоас смог разграбить Иерусалим, означает, что В. защищал подступы к Иерусалиму со стороны филистимских равнин. В правление иудейского царя *Ахаза* (735–715 гг. до Р. Х.) В. захватили филистимляне (2 Пар 28. 18).

Этот В. отождествляют с Телль-эр-Румейлех, в долине р. Сорек. Во время раскопок телля в 1911–1912 гг., проведенных Палестинским исследовательским фондом (под рук. Д. Макензи), были обнаружены мон-рь визант. эпохи на юж. стороне холма, укрепления бронзового века с типичными воротами среднебронзового века и стеной, окружавшей город. Исследователи выделили 3 ранних слоя, от эпохи бронзы до нашествия ассирийского царя *Синаххериба* в 701 г. до Р. Х. В 1928–1931 гг. работы проводились на зап. и юж. сторонах телля (Э. Грант, К. С. Фишер, А. Роу). На основании опубликованных (отчасти уже устаревших) данных можно утверждать, что поселение в В. существовало на протяжении всего библейского периода, и выделить в памятнике 6 главных слоев. Однако нек-рые ученые полагают, что без более тонкого деления слоев и выявления керамических групп даже общие представления о памятнике останутся неопределенными (Ф. Брандфон).

Нижний (VI) слой выделен условно на основании обнаруженных кремневых орудий, керамики и предметов кон. раннебронзового — нач. среднебронзового века; это, однако, не позволяет говорить о непрерывном существовании здесь города вплоть до эпохи среднебронзового века II–III, к-рая представлена неск. гробницами, сооруженными до постройки городской стены. В целом гробницы, вырубленные в ска-

лах, многочисленны как на самом телле, так и вокруг него; самые ранние (кон. XVIII – сер. XVII в. до Р. Х.) находятся ниже первых жилищ и укреплений, др. расположены внутри города и использовались даже в то время, когда над ними уже стояли дома.

Следующий слой (V) относится к развитому бронзовому веку (кон. XVIII – сер. XVI в. до Р. Х.) и включает укрепления среднебронзового века III: стену шириной 2,2–2,4 м в основании с 3 прямоугольными башнями и небольшими 3-камерными воротами. Ни гласиса, ни низкой подпорной стены, к-рые типичны для таких укреплений, не найдено. В стенах города открыт единственный большой дом (т. н. Господский), состоящий из внутреннего двора, окруженного с 3 сторон небольшими комнатами. Верхняя граница слоя V отмечена следами разрушения города (пепел на полу Господского дома и бреши в городской стене), к-рое Дж. Э. Райт датирует сер. XVI в. до Р. Х.

Период наибольшего расцвета города — эпоха поздней бронзы, этот слой (IV) достигает 2 м толщины; период продолжался до кон. XIII – нач. XII в. и был прерван большим пожаром. В слое найдено множество больших зданий, ям-хранилищ и обмазных цистерн для воды, а также 3 обжигательных печи. Укрепления города в то время были восстановлены в зап. части холма, но на юж. стороне Господский дом перекрыл часть разрушенной стены, к-рая уже не использовалась. Это можно объяснить как хронологической неоднородностью слоя IV, так и различным использованием частей телля. Райт и Грант делят слой IV на 2 фазы: IV A (XV–XIV вв.) и IV B (XIII – нач. XII в.) на основании различной ориентации зданий. Кроме того, для слоя IV A характерна двухцветная, для слоя IV B – микенская, а для слоя III — филистимская керамика. Среди находок слоя IV — скарабеи с надписями егип. фараонов Аменхотепа III, Рамсесов I и II, обнаружены также скарабеи времени Тутмоса II, Сети I, Рамсеса III. В помещении 526 (слой IV A) открыта клинописная табличка с надписью по-угаритски. Остракон из V или IV слоя содержит протоханаанейскую надпись. От эпохи поздней бронзы дошли также 2 гробницы (внутри стен и вне их).

В слое III (ранняя фаза железного века) с отложениями ок. 1 м обнаружена характерная филистимская керамика (что объяснимо, учитывая, что В. стоит на границе с прибрежной равниной). Это слой второго расцвета города, когда там строили новые цистерны, частные дома и водопроводы, плавили бронзу. Расцвет продолжался до сер. XI в. до Р. Х., до очередного вражеского нашествия (возможно, филистимского). Неясно, был ли город того времени укреплен (последний ремонт стен мог относиться как к слою III, так и к слою IV).

Позднейшее поселение (слой II) было укреплено только в первой фазе (II A). На зап. краю телля дома стояли по старой линии укреплений, разделенные улицами; были сделаны попытки восстановить стены, применив казематные конструкции. Фаза II A оборвалась очень быстро, при пожаре нач. X в. Фазы II B и II C, охватывающие время до 587 г. (вавилонское нашествие на Иудею), показывают уже безусловно неукрепленное поселение. Окончательное разрушение Макензи и Й. Ахарони датируют ассирийским вторжением 701 г., однако такой дате противоречит находка ряда керамических форм VII в. до Р. Х. В слое II найдены ручки кувшинов с личными штампами с надписями на древнеевр. языке, типичные для эпохи конца Иудейского царства. Там же найдены царские печати с крылатым скарабеем или крылатым свитком, типичные для VIII в.

То, что фазы II B и II C не имеют укреплений, подтверждается отсутствием В. в списке крепостей, возведенных *Ровоамом* по всей Иудее (включая соседнюю Цору — 2 Пар 11. 5–10). В. не упомянут и в списке городов Иудеи, где есть его соседи, такие как Цора и *Азек* (Нав 15. 33–36). К слою II относят значительные группы гробниц за пределами города, к-рые в основном датируют концом железного века. Возможно, что в IX в. до Р. Х. город нек-рое время оставался незаселенным.

Верхний слой (I) представлен небольшим количеством нумизматических материалов эпохи эллинизма, керамикой рим. времени и мон-рем визант. эпохи (на юго-вост. стороне телля), к-рый стал последним поселением на телле.

2. Расположение В., упомянутого в уделе колена Иссахара (Нав 19. 22), неясно: Ахарони предположил, что его можно отождествить с Хирбет-Шейхом к юго-западу от Геннисаретского оз., находящимся в пределах границ Иссахара (Нав 19. 17–23) (The Land. P. 432). Др. В., полученный коленом Неффалима (Нав 19. 38), был укреплен, причем ханаанеи из него не были изгнаны (Суд 1. 33). Этот В., видимо, упомянут в егип. Текстах проклятий и в списке ханаанских городов Тутмоса III (*Aharoni*. The Land. P. 162). Ахарони полагает, что этот В. можно отождествить с Хирбет-Телль-эр-Рувейсех на севере Галилеи: именно в В. Галилее ханаанеи нек-рое время сохраняли влияние после захвата Ханаана евр. племенами (Ibid. P. 162, 432). Наконец, Иер 43. 13 называет еще один В., или Гелиополь, как город в Египте (Иер 50. 13).

Лит.: *Mackenzie D.* Excavations at Ain Shems. L., 1911; *idem.* Excavations at Ain Shems. Manchester, 1912–1913; *Grant E.* Beth Shemesh: Progress of the Haverford Archaeol. Expedition. Haverford (PA), 1929; *idem.* Ain Shems Excavations 1–2. Haverford (PA), 1931–1932; *idem.* Rumeileh. Haverford (PA), 1934; *idem.* Ain Shems Excavations 4–5. Haverford (PA), 1939 (совм. с: G. Wright); *Brandfon F., Manor D. W.* Beth Shemesh // ABD. Vol. 1. P. 696–698; *Pfeiffer C. F.* Wycliffe Dictionary of Biblical Archaeology. Grand Rapids, 2000. P. 145–149.

Л. А. Беляев

ВЕФСА́Н, библейский г.— см. *Беф-Сан.*

«VEHEMENTER NOS» [Чрезвычайно нас (огорчает)], 6-я *энциклика* папы *Пия X* от 11 февр. 1906 г., к-рая осуждает франц. закон об отделении Церкви от гос-ва и обращена к кардиналам, епископату, клиру и народу Франции.

С нач. 80-х гг. XIX в. во Франции нарастали антицерковные настроения, велась пропаганда необходимости создания национальной франц. Церкви, отделенной от Рима. В 1904 г. франц. правительство разорвало дипломатические отношения с Ватиканом, и в дек. 1905 г. во Франции был принят закон об отделении Церкви от гос-ва. В ответ папа Пий X издал энциклику «V. n.». Она начиналась с перечисления мер, принятых франц. правительством против Церкви. Затем указывались ложные принципы, на к-рых был основан закон об отделении Церкви от гос-ва. Подчеркивалось, что положение, согласно к-рому гос-во не должно

поддерживать богопочитание,— тяжкое оскорбление Бога. Отрицание сверхприродного порядка возникновения человеческих обществ, говорится в энциклике, «ограничивает всю деятельность гос-ва только лишь достижением материального благосостояния в сей жизни, что является лишь ближайшим основанием для бытия политических обществ», в то время как конечной целью существования этих обществ «является лишь жизнь вечная». Принятый закон уничтожает установленный Богом гармоничный порядок устройства общества и чреват пагубными последствиями. Папа отметил, что, разорвав конкордат со Св. престолом и провозгласив отделение Церкви от гос-ва, гос-во не только не предоставило Церкви свободу, но, наоборот, решило подчинить ее светской власти. Согласно «Уложению о культовых союзах», дополнявшему закон, храмы и др. недвижимое церковное имущество объявлялись собственностью гос-ва и только «культовые союзы» получали право пользоваться церковными зданиями, представляя префекту отчеты об управлении имуществом. Гос-во признавало лишь эти союзы мирян, и настоятели приходов оказывались всецело в зависимости от «культовых союзов». Закон не считался с властью епископов и папы и фактически способствовал отрыву франц. Церкви от Св. престола. Папа Пий X призвал франц. духовенство и верующих сплотиться вокруг Церкви.

21 февр. 1906 г. в консисториальной аллокуции «Gravissimum apostolici» папа Пий X торжественно предал осуждению франц. закон об отделении Церкви от гос-ва и «Уложение о культовых союзах». 10 авг. 1906 г. появилась 2-я энциклика, посвященная франц. событиям — «Gravissimo officii munere» (Важнейший долг служения). Папа призвал отказаться от любых компромиссов с безбожной властью, даже если ценой такого решения будет потеря франц. Церковью всего ее имущества.

Лит.: *Hayward F.* Pie X. P., 1951. P. 99–109; *Гаврилов М. Н., Тышкевич С., свящ.* Святой Пий X. N. Y., 1955. С. 35–43; Tutte le encicliche dei Sommi Pontefici / Rac. e annot. E. Momigliano. Mil., 1959.

А. Г. Крысов

ВЕХНО́ВСКИЙ Николай Александрович (13.01.1895, пос. Лобно Новоржевского у. Псковской губ.— 18.07.1972, г. Печоры Псковской обл.), регент, композитор, общественный деятель. Род. в семье потомственного священника, прот. Александра. Прадед В., прот. Петр, настоятель

Н. А. Вехновский. Фотография. Кон. 30-х гг. XX в.

Псковского кафедрального Троицкого собора, принимал активное участие в устроении Псковской ДС и стал ее первым ректором.

С 5 лет В. прислуживал в алтаре; в 6–7 лет проявил незаурядные муз. способности. Образование получил в Псковской ДС, где изучал церковное пение под рук. регента и церковного композитора (впосл. протоиерея) Михаила *Гривского*. Во время обучения В. был регентом семинарского хора (с 1918). В 1912 г. написал 1-е произведение — «Разбойника благоразумнаго» (эксапостиларий утрени Великого пятка).

После революции 1917 г. В. переехал в Нарву и служил регентом в храме, расположенном в крепости. В 1921 г. переехал в г. Печоры и по благословению наместника мон-ря архим. *Иоанна (Булина)* стал регентом смешанного любительского хора при Псково-Печерском мон-ре, где организовал муж. квартет, сопровождавший архиерея в поездках по епархии. В 1925 г. при участии В. было образовано Печорское русское об-во просвещения.

В 30-х гг. В. в соавторстве с А. Анисимовым издал детский учебник пения, писал статьи о церковном пении для ж. «Русское общество». В 1937 г. активно участвовал в памятных мероприятиях, посвященных 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина, в т. ч. в 1-м слете рус. хоров в Эстонии. При открытии 2-го слета рус. хоров в 1939 г. руководил хором из 600 чел. В. преподавал пение в гимназии, муз. школе и педагогическом уч-ще. 65 лет прослужил регентом.

В. награжден орденом митр. Платона (Левшина) (в 40-х гг.) и орденом св. равноап. кн. Владимира 3-й степени (1970).

Духовномуз. сочинения (неопубл.): «Разбойника благоразумного» (e-moll, 1912), «Христос воскресе» (на лат., эст. яз.: C-dur, на слав. яз.: F-dur, 1938), припевы акафиста Успению Божией Матери (C-dur, 1938), «Вечери Твоея тайныя» (g-moll, 1942), «Царю небесный» (G-dur, 1942), «Господи, помилуй» (3 варианта: F-dur, 1954 (два); C-dur, 1961), Трисвятое (e-moll, 1954), «Благословлю Господа» (33-й псалом) (F-dur, 1959), «Утверди, Боже» (2 варианта: C-dur, 1961; 1967), «Хвалите имя Господне» (G-dur, 3-гол., 1962), «В молитвах неусыпающую» (G-dur, 1962), «Свете тихий» (e-moll, 1964). В. гармонизовал напевы песнопений: «Душе моя», «Ныне силы небесныя», догматиков (знаменного распева); воскресных ирмосов 8 гласов (сокращенного знаменного распева, киевского, греч. распева), ирмосов Обрезания, Богоявления, Рождества Богородицы (псковского напева), Сретения (киевского распева). Сделал переложения для разных составов хора следующих духовномуз. произведений: «Молитву пролию» неизвестного автора, «Покаяния» А. М. Кислова, «Господи и Владыко» и «Приидите вернии» (стихира св. Николаю) А. В. *Никольского*, «Ныне отпущаеши» М. П. *Строкина*, «Ветхий денми» киевского напева, тропаря и стихиры прп. Корнилию напева Троице-Сергиевой лавры (для смешанного хора); «Покаяния» Л. Д. *Малашкина* (для смешанного и муж. хоров); «Свете тихий» неск. напевов (лаврского, киевского, архим. *Феофана (Александрова)*, И. С. Дворецкого) (для муж. хора), «Имже образом желает елень» П. П. *Мироносицкого* (на 3 голоса), «Приидите, поклонимся» (для муж. хора).

Лит.: [Некролог] // ЖМП. 1974. № 8. С. 44–45; «Боже, во имя Твое спаси мя...»: Священники и регенты в семьях Вехновских и Васильевых // Невельский сб. / Публ. и коммент. Л. Максимовской. СПб., 2001. Вып. 6. С. 159–171; «Боже, во имя Твое спаси мя»: Из восп. о регенте Н. А. Вехновском // Псково-Печерский листок. 2003. № 534. С. 1–8.

Е. Н. Васильева, Л. М. Максимовская

«ВЕ́ЧЕ», журнал (Москва, 1971–1974); альманах (Мюнхен, с 1981); альманах (С.-Петербург, с 1994).

I. «В.», «русский неподцензурный машинописный православный патриотический журнал», издавался в Москве в 1971–1974 гг. Основатель, издатель и редактор журнала — историк В. Н. Осипов. В редакцию входили свящ. Димитрий *Дудко*, писатель Л. И. Бородин, историк А. Иванов, инженер С. М. Мельникова (секретарь редакции). Журнал выходил раз в 3 месяца (всего вышло 10 номеров) тиражом 50–100 экз., но затем довольно широко распространялся на территории СССР: его получали известные редакции лица в Ленинграде, Ярославле, Курске, Калинине, Архангельске, Воткинске, Магнитогорске, Барнауле, Магадане, Нальчике, Краснодарском крае, Киеве.

Задачей журнала являлась пропаганда христ. ценностей и патриотических идей. В журнале обсуждались проблемы церковной жизни, были опубликованы исследования об А. С. *Хомякове*, И. В. *Киреевском*, К. Н. *Леонтьеве*, Ф. М. *Достоевском*. Церковной тематике в «В.» были посвящены беседы, статьи и заметки священников Димитрия Дудко, Сергия Желудкова, Николая Гайнова, иеродиак. Варсонофия (Хайбулина), писателей Бородина и Д. А. Жукова, философа М. Ф. Антонова, публицистов Шиманова, В. А. Капитанчука и др. Журнал публиковал материалы о преследованиях духовенства и церковных общин в СССР. Негласную помощь журналу оказывали историк Л. Н. *Гумилёв*, худож. И. С. *Глазунов*, литератор В. В. Кожинов и др.

В марте 1974 г. в результате провокаций КГБ Осипов сделал заявление о прекращении издания «В.». Мельникова и И. В. Овчинников, не согласившись с решением редактора, использовали имевшиеся в редакционном портфеле материалы и выпустили № 10 журнала, но вскоре заявили об окончательном прекращении издания «в связи с возбуждением уголовного дела» (уголовное дело в отношении Осипова было возбуждено Владимирским областным управлением КГБ, 28 нояб. 1974 Осипов был арестован, 26 сент. следующего года приговорен к 8 годам лишения свободы).

II. С 1981 г. в Мюнхене Российским национальным объединением в ФРГ ежеквартально издается «независимый русский альманах» «В.» Редакторы — Е. Вагин и О. Красовский. В 1-м выпуске альманаха, посвященном Осипову, редакция заявила, что «перенимая эстафету, не просто возобновляет журнал, но продолжает дело, начатое В. Н. Осиповым». Альманах содержит отделы «Россия и Церковь», «Материалы по истории русского самосознания» и др. Особое внимание в «В.» уделяется проблемам совр. религ. исканий и церковного возрождения в России, этим темам посвящены статьи: Горичева Т. О нашем религиозном опыте (1981. № 1), Вагин. Русский человек конца XX века (Там же), Вехин Н. Об интеллигенции и русском народе (1981. № 3), Пашнин Е. По вере вашей будет вам: Святая Русь в СССР (1982. № 6), Зеленский В. Приходящие в Церковь (1982. № 7/8; 1983. № 9), Поляков О. Некоторые вопросы Православной Церкви в России (1984. № 13) и др. В ряде выпусков «В.» помещены послания, проповеди, речи и статьи иерархов РПЦЗ, регулярно печатаются материалы о новомучениках и исповедниках Российских. В журнале обсуждалось христ. понимание патриотизма и национализма, публиковались работы И. А. *Ильина*, В. В. Шульгина, А. И. *Солженицына*, И. Р. *Шафаревича*.

III. С 1994 г. С.-Петербургский ун-т в рамках межвузовской научной программы «Русская философская мысль как основа возрождения российской нравственности» издает «В.» — альманах рус. философии и культуры. Альманах выходит без определенной периодичности, в 1994–2003 гг. увидели свет 14 выпусков, тираж — от 300 до 700 экз. Председатель редакционного совета и ответственный редактор — А. Ф. Замалеев. Альманах содержит отделы: «Архив русской мысли», «Пространство российской культуры», «Монография в номере», «Библиография» и др. Нек-рые выпуски являются тематическими, напр., вып. 1 (1994) имеет подзаголовок: «Отечественная духовность: истоки и сущность российского менталитета»; вып. 6 (1996) — «Ноосфера и устойчивое развитие»; вып. 9 (1997) — «Новые идеи в русской философии»; вып. 12 (1999) — «275 лет С.-Петербургского гос. ун-та, 1724–1999».

Основной темой издания является история рус. философской мысли, особое внимание уделяется религ. философии. В альманахе публикуются обзорные статьи: Слинько А. А. Против течения: Очерки русской гуманистической мысли (Вып. 3. 1995. С. 89–162), Голлербах Е. А. Идеология путейства: Моск. религ.-филос. изд-во «Путь» и его полит. философия (Вып. 9. 1997. С. 17–70), Шапошников Л. Е. Православие и философия: границы взаимодействия (Вып. 13. 2002. С. 33–94) и др. Наиболее многочисленными являются материалы, посвященные творчеству рус. философов, преимущественно религиозных: Некрасова Е. Н. Семён Франк (Вып. 2. 1995. С. 91–179); Кравченко В. В. Мария Безобразова (Вып. 4. 1995. С. 77–150), Губин В. Д. В. В. Розанов и его учение о человеке (Вып. 5. 1996. С. 38–52), Рудаков Л. И. Петр Чаадаев (Вып. 7. 1996. С. 108–215), Исаев А. А. Онтология исторического бытия в философии истории Н. А. Бердяева (Вып. 13. 2002. С. 106–121) и др. Большое место в альманахе занимают исследования, посвященные религиозно-философским аспектам творчества писателей: Сивак А. Ф. Антиномия красоты в религиозном умозрении Ф. М. Достоевского и К. Н. Леонтьева (Вып. 1. 1994. С. 130–144), Шугуров М. В. Будущее отчуждения и судьба России в апокалиптических пророчествах К. Леонтьева (Вып. 13. 2002. С. 95–105) и др.

Часть материалов «В.» посвящена церковной науке: Августин (Никитин), архим. Протоиерей Федор Сидонский — философ и богослов (Вып. 7. 1996. С. 29–55), Коновалова Е. Н. Идея субъективности в русской духовно-академической философии (Вып. 14. 2003. С. 165–177); философским концепциям историков Церкви: Троянов А. А. Философия истории Георгия Флоровского (Вып. 10. 1997. С. 153–162), Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташёва (Вып. 9. 1997. С. 71–86). Альманах также публикует статьи, посвященные истории и совр. жизни Церкви: Августин (Никитин), архим. У святынь Константинополя (Вып. 3. 1995. С. 67–87), Керенский В. А. Духовенство как сословие: его права и привилегии (Вып. 14. 2003. С. 94–99).

Ю. В. Колова, архим. Никон (Лысенко)

ВЕЧЕ́РНЯ [греч. ἑσπερινός, также λυχνικά или λυχνικόν (светильники); лат. vesperae], одна из главных служб *суточного круга* в христ. Церкви. Обычное время ее совершения — ок. 9-го часа дня, считая от восхода солнца, т. е. примерно время заката.

Вечернее богослужение в ВЗ, так же как и утреннее, заключалось в ежедневном жертвоприношении в иерусалимском храме (Исх 29. 38–39, 41), к к-рому по субботам и праздникам прибавлялись дополнительные жертвы. В дополнение к 2 ежедневным принесениям жертвенных животных каждый день совершалось принесение фимиама (Исх 30. 1, 7–8; ср. Лк 8. 1–10). Помимо жертв, обрядовое законодательство ВЗ предписывало зажигать по вечерам свет в храме и поддерживать его горение в течение всей ночи (Исх 27. 20–21; Лев 24. 2–3). Обряд возжигания светильника мог сопровождаться особым чином. Вечерние жертвоприношения животных и фимиама были, несомненно, одной из важнейших составляющих *ветхозаветного богослужения;* вместе с тем в книгах Премудрости и у пророков появляется учение о том, что *молитва* может заменить собой жертву (см., напр.: Пс 140. 1–2). Со времени Страстей Господа ветхозаветные жертвы утратили свое прообразовательное значение (тем не менее христиане из иудеев в течение нек-рого времени продолжали посещать храм, о чем неоднократно говорится в кн. Деяний св. апостолов), а с разрушением храма в 70 г. по Р. Х. и вовсе прекратились. Впосл. описания ежедневных жертвоприношений вошли в 3 дневные службы *иудейского богослужения.* Нет подтверждений тому, что порядок ежедневных жертвоприношений в ветхозаветном храме оказал влияние на формирование христ. системы служб суточного круга в I–IV вв. Маловероятно, что на христ. богослужение оказала сколько-нибудь значимое влияние и синагогальная практика, в I–III вв. по Р. Х. еще сама находившаяся в стадии первоначального становления. Однако можно говорить о параллелях между нек-рыми ветхозаветными и христ. обычаями, в частности, это относится к христ. обычаю благословения вечернего света, к-рый, хотя и имеет, возможно, античное происхождение (*Dölger.* 1921; 1936), напоминает ежедневное возжжение лампад в ветхозаветном храме. Особое значение в последовании В. получил и Пс 140 (см. ст. *«Господи, воззвах»*), входящий в состав этой службы в большинстве христ. традиций.

В ранней Церкви. Среди христиан с самого начала существовал обычай возносить Богу молитвы в определенные времена суток, однако из-за скудости источников трудно сделать выводы о составе этих молитв. Самые ранние сведения (содержащиеся в НЗ, «Дидахе» и др. памятниках старше сер. II в.) о молитвах в течение суток, как правило, относятся к практике личной, а не общинной молитвы. Единственное исключение — письмо Плиния к имп. Траяну (Ep. X. 96. 7; 112 г.), где упомянуты вечерние собрания христиан для общей трапезы. *Тертуллиан,* писавший в кон. II — нач. III в. в Сев. Африке, упоминает *агапу* — вечернее собрание христиан для молитвы и вкушения пищи (Apol. 39). Похожие трапезы описываются и в др. памятниках III в., поэтому в лит-ре распространено мнение, что агапа — проводившаяся по особому чину вечерняя трапеза — была одним из основных видов богослужебных собраний христиан первых веков. Но описания трапез в раннехрист. памятниках весьма разнообразны, а термин «агапа» в значении именно вечерней трапезы встречается только у Тертуллиана (в др. памятниках это слово употребляется в различных и, как правило, неясных значениях — см.: *McGowan.* 1997).

К III в. относятся первые подробные описания ежедневного круга суточных служб христиан. Напр., в *«Апостольском предании»* (III в.) дается не только перечень молитв в течение суток (после пробуждения от сна; в начале дня; в 3, 6 и 9-й часы дня (считая от восхода солнца); перед сном; среди ночи; при пении петуха), но и их толкование (см.: *Phillips.* 1989); в частности, вечерняя молитва 9-го часа посвящена воспоминанию пришествия Христа в мир для спасения человечества, а также воспоминанию Его Крестной смерти и прободения Его пречистого ребра (гл. 41). Большинство из описанных в «Апостольском предании» служб являются личными молениями; с церковным собранием соотнесена лишь служба в начале дня, однако служба 9-го часа названа «большим молением и большим благословением», что указывает на ее превосходство над проч. суточными службами (кроме службы в начале дня). Это значение вечерняя служба сохранила и впосл.: к кон. IV в., когда суточный круг церковных богослужений уже в основном сформировался в том виде, в каком он существует и в наст. время, В. и утреня были в нем главными службами.

В главах 25–30 «Апостольского предания» описана общая вечерняя трапеза. Кроме вкушения пищи она включает пение псалмов, благословение неевхаристических хлеба и чаши (если за трапезой присутствует клирик). В том случае, когда за трапезой присутствует епископ, помимо проч. совершается чин благословения вечернего света: диакон вносит в собрание светильник, и читается молитва, содержащая благодарение Богу Отцу за то, что Он, «просветив нас через... Иисуса Христа», даровал людям не только дневной, но и «вечерний свет», т. е. свет свечей и лампад. И в последующее время обряд благословения вечернего света остался существенной составляющей В. во мн. традициях (в частности, этим обусловлено одно из названий В. в правосл. Церкви: греч. λυχνικά, церковнослав. **свѣтильничное**); вдвойне важен этот обряд на В. *Великой субботы.* Вечерняя трапеза, как правило, также сохранила свою связь с В.: напр., согласно правосл. богослужебным книгам, за В. должна сразу следовать *вечеря,* а на всенощном бдении в состав В. входит чин *благословения хлебов.*

IV–V вв. Первые относительно подробные описания ежедневных служб, совершавшихся в соборных храмах главных городов христ. мира, относятся к IV в. Евсевий Кесарийский (1-я пол. IV в.) пишет, что важнейшими службами суточного круга во всем христ. мире являются утреня и В., и цитирует при этом Пс 140, что скорее всего указывает на его присутствие в чине В. (PG. 23. Col. 639). Этот псалом вошел в чин В., вероятно, намного раньше, поскольку о нем в связи с вечерней молитвой упоминает уже Ориген (De oratione. 12). В Антиохии в кон. IV в. Пс 140 входил в состав ежедневной В., что следует из слов свт. Иоанна Златоуста, сказанных им во

время антиохийского периода его служения (PG. 55. Col. 427–432; для вопроса о богословии В. важно то, что святитель объясняет здесь необходимость ежедневного совершения В. и утрени ветхозаветной заповедью о ежедневных жертвах). В *«Апостольских постановлениях»*, написанных в Антиохии ок. 380 г., общественные службы утра и вечера описываются в книгах II и VIII (см.: *Joncas.* 1993). В кн. II (гл. 59) на вечернем богослужении указано произносить Пс 140 (в «Дидаскалии апостолов», памятнике III в., к к-рому восходят первые 6 книг «Апостольских постановлений», это указание отсутствует (гл. 13)), причем это относится к общим молитвенным собраниям (к-рые нужно отличать от частной молитвы). В кн. VIII (гл. 35–37) дан подробный чин В.: епископ возглавляет службу, к-рая начинается с «ἐπιλύχνιον ψαλμὸν» (*псалом над светильником* — вероятно, 140-й), затем диакон возглашает ектении об оглашенных, обуреваемых, просвещаемых и кающихся, после чего люди, относящиеся к этим категориям, уходят (как на литургии); далее следует ектения верных с коленопреклонением, заключаемая молением, напоминающим совр. просительную ектению (моления в конце утрени и В. упоминает и свт. Иоанн Златоуст — PG. 62. Col. 530); наконец, епископ читает молитву и главопреклонную молитву, содержащие воспоминание сотворения мира, благодарение о свете и неск. прошений, и затем следует отпуст. В Каппадокии в IV в., по свидетельствам святителей Василия Великого и Григория Нисского, В. включала обряд благословения вечернего света, сопровождавшийся гимном (возможно, песнью *«Свете тихий»*); свт. Василий упоминает и прошение о «мирном ангеле» в конце службы, аналогичное входящему в состав моления в «Апостольских постановлениях» (*Taft.* Liturgy of the Hours. P. 36–41),— этот ангел, под к-рым следует понимать или ангела-хранителя, или Самого Христа, должен охранять молящегося и по окончании службы.

В Иерусалиме, по сообщению «Паломничества» *Эгерии* (кон. IV в.), ежедневная В. начиналась ок. 10 часов дня (примерно в 16.00) с того, что все собирались в часовне Воскресения Христова, и от неугасимой лампады, горевшей в пещере Гроба Господня, зажигались все свечи и лампады в храме (этот чин Эгерия обозначает словом lychnicon); в начале В. достаточно долго пели «светильничные» псалмы и антифоны, после чего в храм приходили епископ и пресвитеры и садились на свои места; пели еще неск. псалмов и антифонов; диакон произносил ектению; следовали молитва епископа и главопреклонная молитва над оглашенными, а также молитва и главопреклонная молитва над верными; затем устраивалось небольшое шествие сначала ко Кресту, а затем — в часовню позади Креста, причем на обоих местах вновь произносились главопреклонные молитвы над оглашенными и верными; в конце каждого из 3 последований все подходили под *благословение* к руке епископа (гл. 24). Иерусалимский чин В. V–VII вв. можно реконструировать на основании арм. и груз. переводов святоградского Лекционария, а также груз. перевода святоградского Часослова (*Frøyshov.* 2003), где В. названа «11-м часом» и соответствует описанию Эгерии. В качестве начальных использовались псалмы 18-й кафизмы, перед к-рыми ок. VIII в. был поставлен еще и Пс 103. Затем следовала центральная часть В., состоявшая из: обряда возжжения светильника, сопровождавшегося особой молитвой; псалмов «Господи, воззвах» с гимнографическими припевами (аналог позднейших стихир на «Господи, воззвах»); песни «Свете тихий»; *входа* духовенства в алтарь, сопровождавшегося псалмом, к к-рому припевали «Аллилуия» или особые тропари; прокимна; молитвы-гимна *«Сподоби, Господи»;* великой ектении и молитвы. В конце В. прибавлялись: Пс 120 с гимнографическими припевами (аналог позднейших стихир на стиховне); ектения; песнь прав. Симеона Богоприимца *«Ныне отпущаеши»;* Трисвятое и «Отче наш», между к-рыми читалась молитва, представлявшая собой раннюю форму позднейшей молитвы «Пресвятая Троице». Сразу после В. совершалась процессия, во время к-рой исполнялись соответствующие песнопения; процессия заканчивалась сугубой ектенией и неск. молитвами.

О В. в соборном богослужении лат. Запада IV–V вв. известно значительно меньше (*Winkler.* 1974), но и здесь в состав В. входил чин благословения вечернего света (lucernarium) и, как правило, Пс 140 (*Taft.* Liturgy of the Hours. 141–163). Совсем иной порядок В. имела в монашеских общинах в Египте (где она сводилась к чтению псалмов (12 или иного числа), перемежаемых молитвами) и на Западе (где В. включала в свой состав помимо небольшого числа изменяемых песнопений и фиксированных молитв ряд псалмов, их выбор определялся днем недели) (Ibid. P. 57–73, 93–140). В городских же монашеских общинах в М. Азии, Сирии и Палестине за основу служб суточного круга была принята традиция соборного богослужения (хотя в упомянутом груз. переводе иерусалимского Часослова и выписана наряду с соборной монашеская традиция непрерывной псалмодии — *Frøyshov.* 2003); в частности, в Палестине это привело к формированию палестинского монашеского *Часослова,* к-рый сохранил мн. особенности кафедрального иерусалимского богослужения. Ок. IX в. он получил большое распространение в правосл. мире, а с повсеместным переходом правосл. Церкви в XII–XIV вв. на *Иерусалимский устав* сделался общепринятым (этот Часослов использовался и в более раннем *Студийском уставе*) и остается таковым вплоть до наст. времени.

Соборное богослужение Константинополя IX–XII вв. Единственная широко известная богослужебная традиция в правосл. Церкви, где палестинский Часослов был полностью принят позднее IX в.— это кафедральное богослужение К-поля IX–XII вв. Службы суточного круга в соборном богослужении К-поля совершались по т. н. *песненному последованию,* главной книгой к-рого была к-польская Псалтирь, разделенная на 76 *антифонов* (а не на 20 кафизм, как палестинская Псалтирь). Из них 68 антифонов были изменяемыми и не исполнялись ежедневно. Порядок служб суточного круга был достаточно единообразен и в общем сводился к пению антифонов Псалтири (с припевами), перемежавшихся диаконскими ектениями и священническими молитвами. Главные службы суточного круга — В. и утреня — в отличие от остальных складывались из 2 частей: 1-я проходила в нартексе, 2-я — в храме. 1-я часть вечерни, после возгласа и ектении, представляла собой пение неск. изменяемых

антифонов из 68, предварявшихся и заключавшихся 2 неизменяемыми — из Пс 85 в начале и из Пс 140 в конце. Количество изменяемых антифонов на В. было различным. *Типикон Великой ц.* сообщает о 16 антифонах под 31 июля, о 15 — под 14 авг., о 13 — под 14 сент. (см.: *Mateos.* Typicon. T. 1. P. 32, 355, 368); т. о., число изменяемых антифонов на В. было больше в длинные летние вечера. С др. стороны, в к-польском *Евхологии* для изменяемых антифонов приводится только 6 молитв, о 6 антифонах сообщает в своих творениях блж. Симеон Солунский, 6 изменяемых антифонов указаны и в певч. Псалтирях нач. XV в. (Athen. gr. 2061, 2062). Т. о., источники дают разные сведения относительно числа изменяемых антифонов. Во время последнего из антифонов — Пс 140 («Господи, воззвах»; к нему припевали небольшой тропарь, называвшийся «кекрагарион», от греч. ἐκέκραξα — [я] воззвал) — совершался торжественный вход в храм, возглавляемый клириками со светильниками и кадилом. 2-я часть вечерни начиналась с прокимна (накануне праздников и Великим постом после прокимна читали *паремии*), за к-рым следовали 3 предварявшиеся ектениями антифона: Пс 114, 115 и 116. Припевом к 1-му служил стих «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас», ко 2-му — «Спаси ны, Сыне Божий...» (в конце антифона прибавляли тропарь «Единородный Сыне»), к 3-му — Трисвятое. За малыми антифонами следовали ектения и молитва об оглашенных, 2 ектении и молитвы верных, просительная ектения (содержащая помимо проч. прошение о «мирном ангеле») и молитва «отпуста», молитва главопреклонная и возглас «С миром изыдем». После окончания В., согласно нек-рым рукописям, могла совершаться процессия в *скевофилакион* и/или в *баптистерий* храма Св. Софии. Ее чин включал ектению, молитву и главопреклонную молитву в скевофилакионе, молитву и главопреклонную молитву в баптистерии, молитву отпуста (см.: *Strunk.* 1955–1956; *Аранц.* 1979; *Lingas.* 1997). В нек-рые дни года В. переходила в литургию: в навечерия Рождества Христова, Богоявления и Пасхи (т. е. в Великую субботу) и в Великий четверг — в полную, в будние дни Великого поста, а также в среду и пятницу Сырной седмицы и в будние дни (кроме четверга) Страстной седмицы — в *литургию Преждеосвященных Даров*. Особенностью В. в день *Пятидесятницы* было чтение коленопреклонных ектений и молитв.

Несмотря на авторитет практики Св. Софии, уже к XI в. богослужение с использованием палестинского Часослова стало настолько распространено, что даже в храме Св. Софии песненное последование сосуществовало с ним (см., напр.: *Дмитриевский.* 1907. С. 160–164). Песненное последование прекратилось в К-поле после 1204 г., когда город был захвачен крестоносцами. Еще нек-рое время оно отчасти сохранялось в соборной практике в Фессалонике, о чем в нач. XV в. писал блж. Симеон Солунский, но с падением Византии оно окончательно исчезло. Однако часть его молитв и ектений остались во всеобщем употреблении, будучи распределены по последованиям В. и утрени в рамках палестинского Часослова. Большинство из древних к-польских молитв В. доныне сохраняется в практике: в начале В. по уставу прочитываются подряд 7 молитв — 6 из 8 молитв 1-й части и молитва «отпуста» песненной В.; во время входа — молитва входного (8-го) антифона 1-й части песненной В.; перед стиховными стихирами — главопреклонная молитва песненной В. (см. ст. *Светильничные молитвы*). В. по-прежнему соединена с литургией в многие из тех дней, когда это предписывалось Типиконом Великой ц.; сохраняется и коленопреклонение на В. Пятидесятницы (в составе к-рой наряду с обычными 8 и поныне читаются (вместе с коленопреклонными) еще 3 из 16 молитв песненной В.)

В. в составе палестинского Часослова. Главными частями В. по Часослову являются: *предначинательный псалом* (Пс 103), «Господи, воззвах» (Пс 140 с прибавлением Пс 141, 129, 116), «Свете тихий», «Сподоби, Господи» и «Ныне отпущаеши». Все эти элементы (кроме Пс 103) содержатся уже в описании В., входившей в состав бдения, совершавшегося в VII в. аввой Нилом (рассказ об этом бдении, записанный Иоанном и Софронием — предположительно Иоанном Мосхом и свт. Софронием Иерусалимским,— приводит прп. Никон Черногорец (XI в.) (Il testo integrale della «Narrazione». P. 251–252)), а также упоминаются в памятниках иерусалимского и палестинского богослужения того времени — в груз. переводе древнего иерусалимского Лекционария, в *Иадгари* и др. Согласно древнейшей известной греч. рукописи палестинского Часослова (Sinait. gr. 863, IX в.), в чин В. входят: Пс 103; *степенны* (18-я кафизма палестинской Псалтири: Пс 118–133), разделенные на 3 статии; «Господи, воззвах» (Пс 140, 141, 129, 116); «Свете тихий»; аллилуиарии на каждый день недели, кроме вечера субботы; «Сподоби, Господи»; «Ныне отпущаеши»; Трисвятое. Такая В., не включающая в себя ни священнических молитв и ектений, ни даже песнопений, легко могла совершаться монахами-отшельниками в своих келлиях. Источники по истории палестинского монашества VI–IX вв. свидетельствуют о том, что мн. монахи совершали все службы суточного круга у себя в келлиях, собираясь вместе со всей братией в храме только по субботам, воскресеньям и праздникам (*Patrich.* 1995); отсутствие аллилуиария для вечера субботы в Часослове Sinait. gr. 863, очевидно, следует понимать как свидетельство того же. В. в этом Часослове следует за 9-м часом и *изобразительными* и предваряет службу «1-го часа [ночи]» (т. е. повечерие). Др. древняя рукопись Часослова IX в. (Sinait. gr. 964), видимо, использовалась монахом, жившим не в уединении, а в общежитии, поскольку после 9-го часа там сразу следует повечерие (скорее всего, эти службы совершались в келлии, а В.— в храме, вместе с братией). Еще одна рукопись, отражающая палестинскую практику VIII–IX вв.— сир. Часослов 1187/1188 г. (Berolin. Or. Oct. 1019 — *Black.* 1954),— указывает для В. следующий порядок: Трисвятое; «Приидите, поклонимся...» и Пс 102 (вероятно, это ошибка — Пс 102 начинается с тех же слов, что и Пс 103); Пс 140; «Свете тихий» и тропари; «Ныне отпущаеши»; *«Богородице Дево»* и тропари святым; «Господи, помилуй» 40 раз; 15 поклонов; окончательная молитва.

Тот же порядок суточных служб, что и в древнейших сохранившихся Часословах, перешел в практику студийского монашества, но здесь он был дополнен новой гимнографией, находившейся в иконоборческое и послеиконоборческое время

в периоде расцвета, а также заимствованными из песненного последования священническими молитвами и диаконскими ектениями. В составе В. изменяемые песнопения, согласно Студийскому и Иерусалимскому уставам, звучат трижды: на «Господи, воззвах» (*стихиры*, к-рые прибавляются к стихам псалмов), на стиховне (вставной элемент между «Сподоби, Господи» и «Ныне отпущаеши», состоящий из псаломских стихов и стихир), после Трисвятого и «Отче наш» (*тропари*). Священнические молитвы В. и утрени во мн. рукописях студийской эпохи распределены по службе (аналогично песненному последованию), по Иерусалимскому уставу большинство молитв читается сразу в начале В. (во время Пс 103), самостоятельное значение имеют лишь молитвы входная и главопреклонная. Порядок В. по различным редакциям Студийского и Иерусалимского уставов (в т. ч. и по принятым ныне в правосл. Церкви редакциям Иерусалимского устава), несмотря на различия между ними, в целом один и тот же. Во весь год (за исключением нек-рых особых дней — напр., Страстной седмицы) В. начинает литургическую тему нового, наступающего дня (тогда как предшествующий ей 9-й час закрывает тему дня уходящего). В. предваряется 9-м часом, за В. следуют вечеря (ужин) и повечерие. Связь В. и вечери указывает на преемство между раннехрист. традицией общинных трапез и позднейшей практикой правосл. Церкви. По Иерусалимскому уставу В. может входить также в состав всенощного бдения.

По современному русскому Типикону, являющемуся поздней редакцией Иерусалимского устава, есть 2 главных вида В.— вседневная и великая. В. должна служиться каждый день, что и бывает в мон-рях и в тех приходских храмах, где богослужения совершаются ежедневно.

Вседневная В. (Типикон. Гл. 9) должна совершаться накануне седмичных дней и субботы в тех случаях, когда на них не выпадает никакого праздника; она имеет следующий порядок. В. предваряется 9-м часом, к-рый может читаться в притворе или в храме (если он читается в притворе, после него произносится отпуст); начальным возгласом В. служит «Благословенъ бг҃ъ нашъ:», затем следует «Прїидите, поклонимсѧ:» и Пс 103; во время Пс 103 служащий священник тихо читает перед св. вратами 7 светильничных молитв; после псалма возглашается мирная ектения. Бывает стихословие Псалтири: в зимний период года (начиная с понедельника после недели по Воздвижении), а также в период Великого поста читается 18-я кафизма (Пс 119–134), в др. время года — рядовая кафизма, согласно расписанию чтения кафизм в течение недели (Типикон. Гл. 17). Стихословие Псалтири заключается малой ектенией, вечером в воскресенья и праздники кафизма и малая ектения на вседневной В. отменяются. Далее поются псалмы «Гд҃и, воззвахъ» (Пс 140, 141, 129, 116), к последним стихам к-рых припеваются 6 стихир (обычно из Октоиха и Минеи (или только Минеи); в *попразднства* — праздника и Минеи; в период пения Триоди Октоих заменяется Триодью), а к начальным — припев «Оуслыши мѧ, гд҃и» (Пс 140. 1b). Пение кратких припевов к стихам воззвашных псалмов — древняя традиция; в древнерус. певч. рукописях выписаны целые циклы таких припевов (*Успенский*. 1978). В совр. приходской практике стихи псалмов «Гд҃и, воззвахъ» без припевов и без стихир могут не петься, а прочитываться (или вовсе опускаться). Стихиры на «Гд҃и, воззвахъ» заключаются словами «Слава: И нынѣ:», к к-рым припевается *богородичен* (а если у святого есть славник, то он поется перед богородичном на «Слава:»). После стихир и богородична следует «Свѣте тихїй», к-рый по уставу на вседневной В. полагается читать, но по сложившейся традиции его обычно поют (как правило, простым напевом). Затем возглашается прокимен дня (согласно дню седмицы) и сразу же читается «Сподоби, гд҃и». После этого возглашается просительная ектения, по окончании ее совершается преподание мира и главопреклонение (в это время священник читает главопреклонную молитву.). Затем поются *стиховные стихиры* (из Октоиха; в попразднства — праздника; в период пения Триоди — из Триоди), припеваемые к стихам одного из степенных псалмов, как правило, это Пс 122 (на 2 части: стихи 1–2 и 3–4) или же др., подобранные по содержанию стихир; как и стихиры на «Гд҃и, воззвахъ», они заканчиваются «Слава: И нынѣ:» и богородичном (если есть, то поется и славник). После стихир читается «Нынѣ отпѹщаеши», затем — Трисвятое, «Пресвта трце:» и «Отче нашъ:». Поются тропарь рядового святого и богородичен; В. заканчивается сугубой ектенией, возгласом «Сый блгословенъ:» (этот возглас бывает только на В. и утрене, он предваряется возгласом: «Премдрость»), кратким многолетием «Оутверди бже:» и отпустом, после к-рого поется большое многолетие.

Неск. изменяется порядок вседневной В. в том случае, когда на утрене поется *«Аллилуия»* (кроме «Аллилуия» в субботу), т. е. в будние непраздничные дни 3 малых *постов* — Рождественского, Петрова, Успенского. Устав такой В. изложен в 9-й гл. Типикона, а также в его месяцесловной части ([Т. 1.] С. 256–262). Во время В. с «Аллилуия» совершают земные поклоны; прокимен дня заменяется на аллилуиарий (но не накануне понедельника); после «Нынѣ отпѹщаеши» поются не тропари рядового святого, а фиксированные вечерние тропари: «Бце дво, радйсѧ», тропарь св. Иоанну Предтече, тропарь всем святым (все 3 — с земными поклонами), тропарь Божией Матери «Подъ твое блговтробїе» (без поклона); сугубая ектения заменяется на «Гд҃и, помилй» (40 раз), «Слава: И нынѣ:», «Чтнѣйшюю херувимъ», «Именемъ гднимъ:»; за возгласом «Сый блгословенъ:» вместо «Оутверди бже:» читается «Небесный црю:»; совершаются 14 поклонов (3 земных, 12 поясных, 1 земной) с молитвой прп. Ефрема Сирина. В период Великого поста В. в будние дни оканчивается так же, как В. с «Аллилуия» в период малых постов, но есть существенные отличия: вечером по средам и пятницам и в нек-рых др. случаях В. соединяется с литургией Преждеосвященных Даров; вечером по понедельникам, вторникам и четвергам она фактически включается в состав последования изобразительных (и из-за этого теряет начальный возглас, а по окончании В. читаются заключительные молитвословия изобразительных); вместо аллилуиария поются прокимны Триоди и читаются паремии; после 14 поклонов бывает *конечное Трисвятое*. Особый устав имеет В. вечером в воскресенья Великого поста и в Неделю сыропустную: она служится по чину вседневной, но стихиры на «Гд҃и, воззвахъ» поются на 10,

на В. бывает вход (хотя В. не является великой), прокимен дня заменяется великим прокимном, окончание В.— как у В. с «Аллилуия», но вместо 14 поклонов совершаются только 3.

Великая В. должна совершаться вечером в субботу (под воскресенье) и накануне праздников, начиная с полиелея (см. *Знаки праздников месяцеслова*); славословные праздники, кроме Господских, имеют вседневную В.; Господские славословные и даже нек-рые шестеричные праздники (1, 13 и 15 сент., 26 дек., 7 янв., Преполовение Пятидесятницы и Духов день, 7 авг., а также все дни Светлой седмицы и Вознесение Господне) — великую. Отличия великой В. от вседневной состоит в том, что стихословие кафизмы Псалтири заменяется пением *«Блажен муж»* (иногда вовсе отменяется); стихиры на **«Гдⷭ҃и, воззва́хъ»** поются на 6 или на 8; после стихир совершается *вход*, являющийся самым ярким признаком великой В.; **«Свѣ́те тиⷯ҃ій»** поется; после прокимна читаются ветхозаветные (в дни памяти апостолов — новозаветные) паремии (кроме В. под воскресенье и Светлой седмицы, когда паремии читаются только в случае совпадения с к.-л. праздником); сугубая ектения переносится в середину службы и возглашается перед **«Сподо́би, гдⷭ҃и»** с добавлением 2 начальных прошений (как на литургии); после тропаря сразу следуют возгласы **«Премⷣ́дрость»** и **«Сы́й бл҃гослове́нъ:»** и отпуст, к-рый произносится при открытых св. вратах. Целый ряд особенностей имеет великая В. в составе *всенощного бдения*, к-рое служится под бденные праздники (под воскресенья может совершаться как бдение (Типикон. Гл. 2–5), так и раздельно В. и утреня (Типикон. Гл. 7)). Элементы бденной В., напр. лития, могут присутствовать и в чине великой В. без бдения.

На великой В. отчетливо проявляется ее связь с древним обрядом благословения вечернего света: во время вечернего входа свещеносцы с горящими свечами предваряют священнослужителей, и возглавляющий службу священник, прежде чем войти в алтарь, благословляет их; в поющемся в это время гимне **«Свѣ́те тиⷯ҃ій»** подчеркивается, что Христос — Свет верующим. О раннехрист. традиции внесения диаконом в собрание горящего светильника напоминает ныне то, что в начале всенощного бдения диакон (по уставу — кандиловжигатель), возглашая: **«Воста́ните!»** (греч. κελεύσατε, что следовало бы перевести как **«Повели́те!»**), возвышает свечу, показывая ее молящимся. В еще более торжественном виде обряд вечернего света сохранился в чине литургии Преждеосвященных Даров, где между паремиями произносятся возгласы: **«Повели́те!»** и **«Свѣ́тъ хр҃то́въ просвѣща́етъ всѣ́хъ!»** — и предстоятель осеняет народ свечой и кадилом (по рукописям XIV в. и старше свечу возвышал не предстоятель, а диакон — аналогично обряду в начале всенощного бдения по Иерусалимскому уставу).

У великой В. в дни Светлой седмицы — особый порядок, по к-рому стихословие Псалтири отменяется, Пс 103 не читается, а началом В. служит многократное пение тропаря Пасхи со стихами, после к-рого возглашается великая ектения и поются вечерние псалмы **«Гдⷭ҃и, воззва́хъ»** с воскресными стихирами Октоиха; прокимен дня во все дни Светлой седмицы заменяется на особые великие прокимны (то же и на В. вечером в Господские двунадесятые праздники); **«Ны́нѣ Ѿпⷭ҃ща́еши»**, Трисвятое и тропари дня заменяются на троекратное пение тропаря Пасхи; отпуст произносится по-пасхальному.

Обычное уставное время начала В.— до заката, так что вечеря бывает примерно во время захода солнца. Однако В. в составе всенощного бдения должна начинаться после заката, поэтому в Иерусалимском уставе (начиная примерно с XIII в.) бдение предваряется еще одной, дополнительной В., к-рая называется малой В.

Малая В. призвана занять то время перед вечерей, к-рое в др. дни всегда занято В. Она совершается по тому же чину, что и вседневная, но имеет следующие особенности (Типикон. Гл. 1): во время Пс 103 не читаются светильничные молитвы; отменяются все ектении (только в конце, перед отпустом, прибавлена сокращенная сугубая ектения, названная в уставе «малой»); кафизма отсутствует; на «Господи, воззвах» поются только 4 стихиры; прокимен поется с одним стихом. В приходской практике малая В. обычно не совершается (или совершается только по престольным праздникам).

В нек-рые дни В. соединяется с литургией: с литургией Преждеосвященных Даров во все дни совершения той, а с полной литургией — в навечерия Рождества Христова и Богоявления (если они не попадают на субботу или воскресенье); в Великие четверг и субботу; на Благовещение, если праздник приходится на седмичные дни Постной Триоди.

В. в богослужении нехалкидонитов. ***В армянском обряде*** В. имеет следующий порядок: «Отче наш» (в качестве обычной начальной молитвы); Пс 54. 17–18 и Пс 85; возвашные псалмы (Пс 139–141); гимн (на воскресной службе — «Свете тихий»), предваряемый двукратным «Аллилуия»; молитва благословения вечернего света; ходатайственные моления; прокимен; ектения (содержащая в т. ч. прошение о «мирном ангеле») с молитвой; В. заключают Трисвятое, Пс 120 с тропарем, неск. молитв, «Отче наш» и отпуст. Как правило, В. совершается *накануне воскресных дней*, а *по будням* опускается (*Taft.* Liturgy of the Hours. P. 223–224). Сравнение арм. чина В. (как совр., так и в особенности описываемого в древних арм. источниках) с древним кафедральным иерусалимским чином В. указывает на зависимость первого от второго; единственное существенное отличие — Пс 85 в начале арм. В., к-рый, по-видимому, является следом 9-го часа (*Frøyshov.* 2003).

В восточно-сирийском обряде праздничная В. начинается с неск. псалмов и гимна, являющихся следом 9-го часа; затем с молитвами приносятся свечи и фимиам и поется гимн «К Тебе, Господи»; следуют Пс 140, 141, 118. 105–112, 116, до и после к-рых поются аллилуйный псалом и антифон; возглашается ектения (с прошением о «мирном ангеле»); В. заканчивается Трисвятым с молитвой и молитвой-благословением. После В. бывает процессия, чин к-рой включает антифон, аллилуйный псалом, «Отче наш», молитву. Связь чина с древней вост. кафедральной практикой очевидна. По будням В. состоит из Трисвятого с молитвой, вечернего антифона, аллилуйного псалма и процессии с антифоном мученикам. В практике Церкви Востока и униатской Халдейской католич. Церкви В., как правило, совершается ежедневно (*Pudichery.* 1972; *Taft.* Liturgy of the Hours. P. 233–237).

В западно-сирийском обряде центральное место В. занимают те же псалмы, что и в восточно-сир., они поются с припевами. Их предваряют начальные молитвословия, молитва дня и респонсорный псалом; после них совершается характерный для этого обряда чин каждения, сопровождаемый седрой — молитвой, в к-рой подчеркивается тема фимиама как чистого приношения. После гимнов со стихами псалмов, перемежаемых молитвой каждения, бывает молитва-песнопение просительного характера и поется аллилуйный псалом (на В. под воскресенье читается и Евангелие), в конце — молитва и благословение. В. обычно служится ежедневно, предваряемая 9-м часом (Ibid. P. 243).

В коптском обряде чин В. имеет тот же порядок, что и проч. службы суточного круга, восходящий к практике егип. монашества IV–V вв.: начальные молитвословия, 12 псалмов (Пс 116–117 и 119–128), евангельское чтение, тропари, многократное «Господи, помилуй», Трисвятое, «Отче наш», молитва «разрешения» (отпуста), конечная молитва. Накануне праздников к В. прибавляется т. н. псалмодия, включающая начальные молитвословия, Пс 116, хвалитные псалмы (Пс 148–150) и гимны (по времени года, по дню, Божией Матери). После псалмодии совершается чин вечернего приношения кадила (при отсутствии псалмодии также может совершаться), имеющий следующий порядок: начальные молитвословия; молитвы, обращенные к Божией Матери и святым; молитва кадила; каждение и ходатайственные моления; Трисвятое и «Отче наш»; песнопения и Символ веры; каждение; благословение Крестом и свечами; ектения; молитва перед Евангелием, аллилуиарий и чтение Евангелия; каждение; молитва «разрешения»; поклонение Кресту и Евангелию; заключительное благословение. В отличие от собственно В. чин вечернего приношения кадила имеет, видимо, не монашеское, а кафедральное происхождение. Обычно В. и «псалмодия» служатся с закрытой алтарной завесой, а вечернее каждение — с открытой. Вместе эти элементы образуют чин вечернего собрания; на практике, как правило, вечернее собрание бывает накануне тех дней, когда совершается Евхаристия (Ibid. P. 252–259).

В эфиопском обряде праздничная В. имеет следующий порядок: начальные молитвы; троекратно повторяемое последование из: прошения, псалма с припевами и гимна (псалмы: Пс 23, 92, 140); благодарственная вечерняя молитва; чтение Апостола; *библейская песнь* вавилонских отроков; гимн; чтение Евангелия; неск. вечерних молитв; стихи Пс 101 и 84 с припевами; обращенное ко Христу троекратное моление; молитва заключительного благословения; окончание (славословие, Символ веры, «Отче наш», молитва отпуста). Кроме праздников в совр. практике Эфиопской Церкви В. совершается ежедневно только Великим постом (по тому же чину, но вместо Пс 23 и 92 — изменяемые по дню, вместо Пс 140 звучит Пс 50, песнь *вавилонских отроков* отменяется); однако в древности В. совершалась во весь год ежедневно (*Habtemichael-Kidane*. P. 308–335). Среди эфиоп. рукописей встречаются и Часословы, содержащие суточные службы совсем иного типа, напр., в одном из них В. близка к чину В. по палестинскому Часослову: вступительные молитвы; Пс 116–128 (с пропуском Пс 118); Евангелие; Пс 129. 7–8 и Пс 116. 1 с припевами; «Свете тихий»; «Сподоби, Господи»; Пс 91. 1 и Пс 122. 1 с припевами; тропари; «Ныне отпущаеши»; Пс 140. 1 с припевом; Трисвятое; заключение (*Тураев*. 1897. С. 72–87).

В. на Западе. *В богослужении Римско-католической Церкви.* Сведения о кафедральной системе служб суточного круга в Римской Церкви в древности до нас почти не дошли. Одно из немногих — описание В. (vesperae) пасхальной седмицы в Ordo Romanus XII (возможно отражающем городскую практику кон. VII в.— *van Dijk*. P. 327), по-видимому включавшей только 3 псалма: «На вечерне три псалма даже до субботы и при каждом псалме «Аллилуия»» (*Andrieu*. Ordines. Vol. 2. P. 464). В др. из Ordines Romani отмечается, что после совершения клириками Рима В. в Латеранской базилике вечером в день Пасхи они возвращались в свои приходы, чтобы служить там В. с 3 псалмами еще раз (Ordo XXVII. 79 // *Andrieu*. Ordines. Vol. 3. P. 362). По предположению С. ван Дийка, первоначальными псалмами были Пс 129, 140, 11 (*van Dijk*. P. 330–332).

Несмотря на существование кафедральной традиции, со времен Карла Великого основным на Западе стал круг суточных служб монахов городских мон-рей Рима и бенедиктинского монашества, к-рый лег в основу средневек. рим. *Бревиария* (*Callewaert*. P. 97–101, 103–108). Определяющим в нем было непрерывное чтение Псалтири на протяжении седмицы. До 70-х гг. XX в. В. состояла из следующих текстов: начальных молитв; 5 рядовых псалмов; краткого чтения (capitulum) с респонсорием; гимна; стиха «Dirigatur» (Пс 140. 2) или иного с респонсорием; песни *Magnificat* (песнь Богородицы «Величит душа Моя Господа», включенная в чин В. монахами-бенедиктинцами) с антифоном; коллекты (молитвы дня); заключительных молитвословий. В периоды постов перед молитвой дня добавлялся ряд ходатайственных прошений (preces feriales). Единственным элементом древнего кафедрального чина В. остался стих Пс 140. 2, ассоциировавшийся с каждением, позднее перенесенным на Magnificat. Отчасти о древней кафедральной традиции напоминали постовые preces feriales, в остальном В. имела исключительно монашеский характер и была заполнена непрерывной псалмодией (в понедельник на ней стихословились Пс 109–113, во вторник — Пс 114–116 и 119–120, в среду — Пс 121–125, в четверг — Пс 131–132 и 134–136, в пятницу — Пс 137–141, в субботу — Пс 143–147). В нек-рые праздники псалмодия варьировалась (напр., 2-я В. Рождества Христова начиналась с Пс 109–111, а затем вместо Пс 112 и 113 звучали Пс 129 и 131), т. о., принцип использования избранных псалмов до нек-рой степени все же соблюдался (*Pascher*. 1966).

Согласно анализу Х. Бекера, первоначально в богослужении бенедиктинцев (см. ст. *Орденов монашеских обряды*) вслед за В. монашеского типа совершался древний обряд благословения вечернего света (lucernaium), каждение связывалось с Пс 140, а ходатайственные прошения произносились ежедневно; если это предположение верно, тогда можно считать, что вслед за монашеской псалмодией следовали 3 основные составляющие древней кафедральной В.: возжжение светильника, вечерний Пс 140 с каждением, моление.

Существенное отличие в понимании В. на Западе и на Востоке состоит в том, что в рим. обряде В. (кроме В. под воскресенья и праздники, к-рые имеют 2 В.— «1-ю» (вечером накануне) и «2-ю» (в сам день праздника)) не считается первой службой нового литургического дня. Кроме того, на Западе В., как и др. службы суточного круга, вне мон-рей превратилась из общественной службы фактически в частную молитву, обязательную только для клириков и, как правило, вычитываемую дома (миряне при желании также могли читать дома Бревиарий). Однако из всех служб суточного круга В. сохраняла значение общественной в наибольшей степени, что выражалось в ее частом совершении на приходах и в том, что большой популярностью на Западе пользовался *Vesperale* — книга, содержащая последование и изменяемые тексты В.

Лат. песнопения, в т. ч. на В., по-видимому, начали появляться со времени свт. Амвросия Медиоланского и были настолько тесно связаны с его именем, что прп. Венедикт Нурсийский называл их «амвросианскими» (см. статьи *Амвросианский обряд, Амвросианское пение,* свт. *Амвросий,* еп. Медиоланский, *Амброзиастер*). В Бревиарии гимны стали включать только с XII в.

В 1912 г. по инициативе папы Пия X рим. Бревиарий был реформирован, но структура В. почти не была изменена. Радикальное изменение В., так же как и др. службы суточного круга, претерпела после II Ватиканского Собора (1962–1965), когда традиц. рим. Бревиарий был фактически отменен и заменен т. н. Литургией часов (Liturgia horarum). Общие принципы реформы выражены в конституции Sacrosanctum Concilium от 4 дек. 1963 г. (SC. 83–101); первое издание Liturgia Horarum (1971–1972) было утверждено конституцией папы Павла VI Laudis Canticum от 1 нояб. 1970.

Совр. рим. В. начинается со стиха Пс 69. 1, затем следуют гимн, 2 псалма и библейская песнь из НЗ. Эти части изменяются по 4-недельному циклу и задуманы как подходящие к В. Далее звучит краткое либо пространное библейское чтение. Вслед за чтением поется краткий респонсорий и песнь Magnificat с антифоном. Службу завершают ряд ходатайственных молитв, «Отче наш», коллекта и благословение. Традиц. форма бенедиктинской В. сохраняется только в нек-рых мон-рях. В приходской практике В., как правило, сразу переходит в вечернюю мессу. Чин благословения вечернего света имеет большое значение в службе пасхального бдения (к-рое со времен средневековья и до II Ватиканского Собора совершалось в Великую субботу утром, ныне же возвращено на исконное место).

Кроме рим. в практике католиков лат. обряда еще сохраняются древние испано-мосарабский и амвросианский обряды. Службы суточного круга в них, по-видимому, первоначально не имели продолжающейся псалмодии. Эти чины начинаются с пения псалма, сопровождающего обряд возжжения светильника, могут звучать также др. песнопения и молитвы, в т. ч. «Отче наш». Амвросианский чин претерпел сильное рим. влияние и вместе с рим. был реформирован после II Ватиканского Собора.

В реформированных церквах. В период Реформации службам суточного круга уделялось много внимания, поскольку они содержат библейские чтения и их объяснение. Лютеране и англикане сохранили регулярно совершаемые суточные службы. Лютеран. В. была основана на средневек. рим. чине, но количество псалмов сокращено до 3, увеличен объем чтений из Библии, введена обязательная проповедь. Служба в значительной степени воспринималась в качестве назидательной и постепенно в большинстве мест стала отмирать, за исключением В. в воскресенье. Совр. попытки реставрации древней практики в лютеран. общинах бывают нацелены на возрождение ежедневных суточных служб, а также на введение в чин таких обрядовых элементов, как возжжение светильника и каждение, от к-рых отказались в XVI в. Англикан. службу вечерней молитвы (англ. Evening Prayer или Evensong — вечерняя песнь) создал Томас *Кранмер* на основе средневек. рим. чинов В. и повечерия (completorium). Речитацию Псалтири Кранмер расписал по дням месяца, разделив дневные псалмы между утром и вечером. Была также выработана четкая система продолжающихся чтений из ВЗ и НЗ (первоначально весь ВЗ должен был прочитываться за год, НЗ — 3 раза за год); после каждого чтения следует библейская песнь — обычно Magnificat («Величит душа Моя Господа») после ветхозаветного и Nunc dimittis («Ныне отпущаеши», песнь входит в состав рим. completorium) после новозаветного. Оканчивалась служба нек-рыми ходатайственными молитвами и молитвами дня. Отличаясь рациональным характером и будучи (в Англии) обязательными для клириков, эти службы широко использовались в качестве ежедневных. По воскресеньям произносили проповедь. Обстоятельства последнего времени потребовали сокращения частоты совершения этих служб, за исключением соборов и нек-рых др. главнейших церквей. В наст. время продолжается процесс пересмотра чина В. с целью подчеркнуть назидательный аспект чтений из Свящ. Писания и псалмодии, а также возродить древние обряды возжжения светильника и каждения. Результат этих попыток пока весьма незначителен — подобно совр. рим. клирикам, англикан. обычно трактуют суточные службы как личное молитвенное правило, прочитываемое наедине с опущением муз. и обрядовых элементов.

Богословский символизм православного чина В. Службы суточного круга — это не случайное собрание разрозненных элементов, соединенных вместе для получения назидательного эффекта. Это литургические действия, актуализирующие для верных тайну спасения во Христе. Тайна спасения непрестанно выявляется в совершении Божественной литургии, когда верные присутствуют и делаются причастниками спасительных событий страдания, смерти и Воскресения Христа, и суточный круг, открываемый В., часто понимается как подготовка к литургии, хотя этим его значение не исчерпывается.

В. как служба времени отдыха в конце дня открывается Пс 103, в стихах 1–18 к-рого Богу воздается хвала за Его творение; затем звучит тема вечера (ст. 19–20); после описания дневного круга псалмопевец размышляет о величии Бога, чей Дух наполняет землю, и превозносит Его в Его вечной славе. Тема завершения дня, когда мы можем оглянуться с благодарностью назад и обратиться к молитве о нуждах Церкви и мира, а также покаяться за грехи и прегрешения прошедшего

дня, вновь возникает в ектениях и молитвах В. и в песни прав. Симеона «Ныне отпущаеши». Вместе с тем в традиц. правосл. понимании, разделяемом нехалкидонскими Восточными Церквами, а некогда разделявшемся и зап. христианами, В.— это начало нового дня. Верные встречают сгущающуюся тьму ночи со светом Христа, к-рый освещает ночь; приношение фимиама как символа молитвы и очищения от греха (Пс 140) приготовляет нас к принятию этого света. Возжжение светильников символизирует славу Бога, Которому воздается хвала при наступлении темноты. Гимн «Свете тихий» и следующая за ним после прокимна молитва «Сподоби, Господи» являются кульминацией В., соединяющей темы благодарения за прошедший день и моления о продолжении защиты в течение ночи. Вечернее время отдыха есть также время приобщения к источнику Свящ. Писания.

Вместе с тем В. можно понимать как существенно незавершенную, и этим объясняется традиц. ее толкование как службы более «ветхозаветной», чем утреня. В. подводит нас к моменту, когда мы можем с уверенностью войти в ночь, ведомые светом Христовым. Но более полное откровение ждет нас на утрене, когда будет провозглашено Воскресение и в конце к-рой Воскресший Христос вновь будет явлен как Господь всего творения.

Наиболее авторитетное толкование символизма правосл. В. содержится в соч. «О божественной молитве» блж. Симеона Солунского (PG. 155. Col. 535–670).

Лит.: *Дмитриевский А. А.* Что такое κανὼν τῆς ψαλμωδίας // РукСП. 1889. Сент. С. 69–73; *он же.* Описание; *он же.* Древнейшие патриаршие Типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой К-польской ц. К., 1907; *Феофан [Затворник], еп.* Древние иноческие уставы. М., 1892; *Тураев Б.* Часослов Эфиопской Церкви. СПб., 1897; *Никольский.* Устав. Т. 2. С. 41–146; *Скабалланович.* Типикон. Вып. 1, 2; *Dölger F. J.* Sol salutis: Gebet und Gesang im christlichen Altertum. Münster, 1921. (LGF; 4/5 [16/ 17]); *idem.* Lumen Christi // Antike und Christentum. Münster, 1936. Bd. 5. S. 1–43; *Τρεμπέλας.* Μικρὸν Εὐχολόγιον. Τ. 2. Σ. 254–268; *Callewaert C.* Vesperae antiquae in officio praesertim Romano // Sacris Erudiri. Steenbrugge, 1940. P. 91–117; *Black M.* A Christian Palestinian Syriac Horologion (Berlin MS Or. Oct. 1019). Camb., 1954; *Strunk O.* The Byzantine Office at Hagia Sophia // DOP. 1955/1956. Vol. 9/10. P. 177–202; *Pinell J.* Vestigis del Lucernari a Occident // Liturgica I: Scripta et Documenta. Abadia de Montserrat, 1956. Vol. 7. P. 91–149; *Успенский Н. Д.* Православная вечерня // БТ. 1960. Сб. 1. С. 5–54; *он же.* Чин всенощного бдения (ἡ ἀγρυπνία) на Православном Востоке и в Русской Церкви // БТ. 1978. Сб. 18. С. 5–117; Сб. 19. С. 3–69; *Mateos J.* Les différentes espèces de vigiles dans le rite chaldéens // OCP. 1961. Vol. 27. P. 46–67; *idem.* L'office monastique à la fin du IVe siècle // Oriens Chr. 1963. Bd. 47. S. 53–88; *idem.* Un horologion inédit de St.-Sabas: Le Codex sinaïtique grec 863 (IXe siècle). Vat., 1964. P. 47–77. (ST; 233); *idem.* The Morning and Evening Office // Worship. 1968. Vol. 42. P. 31–47; *idem.* Quelques anciens documents sur l'office du soir // OCP. 1969. Vol. 35. P. 347–374; *idem.* La synaxe monastique des vêpres byzantines // Ibid. 1970. Vol. 36. P. 248–272; *Janeras V.* La partie vespérale de la liturgie byzantine des Présanctifiés // Ibid. 1964. Vol. 30. P. 193–222; *Pascher J.* De Psalmodia Vesperarum // Ephemerides Liturgicae. R., 1965. P. 318–326; Il testo integrale della «Narrazione degli abbati Giovanni e Sofronio» attraverso le «Ἑρμηνεῖαι» di Nicone / Ed. A. Longo // RSBN. 1965/1966. Vol. 2/3. P. 223–267; *Stroes H. R.* Does the Day begin in the Evening or the Morning? // VT. 1966. Vol. 16. P. 460–475; *van Dijk S. J. P.* The Medieval Easter Vespers of the Roman Clergy // Sacris Erudiri. Steenbrugge, 1969/1970. Vol. 19. P. 261–363; *Tripolitis A.* Φῶς ἱλαρὸν – Ancient Hymn and Modern Enigma // VChr. 1970. Vol. 24. P. 189-196; *Pudichery S.* Ramsha: An Analysis and Interpretation of the Chaldean Vespers. Bangalore, 1972. (Dhamaram College Studies; 9); *Winkler G.* Über die Kathedralvesper in der verschiedenen Riten des Ostens und Westens // AfLW. 1974. Bd. 16. S. 53–102; *Арранц М.* Как молились Богу древние византийцы / ЛДА. Л., 1979; *Bradshaw P. F.* Daily Prayer in the Early Church. L., 1981; *idem.* The Search for the Origins of Christian Worship. L., 2002; *Taft R. F.* «Evening Thanks»: Toward a Theology of Vespers // Diakonia. N. Y., 1978. Vol. 13. P. 27–50; *idem.* The Liturgy of the Hours; *Becker H.* Zur Struktur der «Vespertina Synaxis» in der Regula Benedicti // AfLW. 1987. Bd. 29. S. 177–188; *Phillips E.* Daily Prayer in the Apostolic Tradition of Hippolytus // JThSt. 1989. Vol. 40. P. 389–400; *Joncas J. M.* Daily Prayer in the Apostolic Constitutions // Ephemerides Liturgicae. R., 1993. Vol. 107. P. 113–135; *Patrich J.* Sabas, Leader in Palestinian Monasticism. Wash., 1995. (DOS; 32); *Lingas A.* Festal Cathedral Vespers in Late Byzanitum // OCP. 1997. Vol. 63. P. 421–448; *McGowan A.* Naming the Feast: The Agape and the Diversity of Early Christian Meals // StPatr. 1997. Vol. 30. P. 314–318; *Habtemichael-Kidane.* L'ufficio divino della Chiesa etiopica. R., 1998. (OCA; 257); *Frøyshov S. R.* L'Horologe «Georgien» du Sin. Iber. 34: Diss. P., 2003. Mscr. P. 21–27, 429–465, 544–620.

Свящ. Григорий Вульфенден, М. С. Желтов

ВЕ́ЧЕРЯ [греч. δεῖπνον], слав. название вечерней трапезы. Кроме собственно слова «В.» (обозначающего просто ужин) в богословской лит-ре употребительны сочетания «Тайная вечеря» и «Вечеря любви».

Тайная вечеря (Мф 26. 17–30; Мк 14. 12–31; Лк 22. 7–38; Ин 13; 1 Кор 11. 18–34) является одним из важнейших событий в истории совершенного Господом Иисусом Христом домостроительства спасения. Будучи тесно связанной с ветхозаветной *Пасхой,* она вместе с тем предначинала собой Страсти Христовы и была установлением таинства *Евхаристии,* главного таинства Церкви (подробнее см. ст. *Тайная вечеря*).

Вечери любви, или *агапы,*— это, по распространенному в лит-ре мнению, особые трапезы христиан первых веков, отделенные от Евхаристии (или отделившиеся от нее со временем) и проходившие по особому чину. Любые упоминания о неевхаристической вечерней трапезе ранних христиан (напр., описание «вечери общины» в *«Апостольском предании»* III в.) мн. исследователи отождествляют с агапой. Однако, как показывает анализ источников, все разнообразие типов общинных трапез у первых христиан не может быть сведено к противопоставлению агапы и Евхаристии; более того, сам термин «агапа» у мн. авторов является просто синонимом Евхаристии или же употребляется в неопределенном значении. Единственный ранний автор, недвусмысленно описывающий неевхаристическую вечернюю трапезу христиан и при этом называющий ее агапой,— это *Тертуллиан* (Apol. 39). Трапеза, о к-рой он говорит, представляет собой христианизированный вариант античного симпосия (см.: *Leyerle B.* Meal Customs in the Greco-Roman World // Passover and Easter: Origin and History to Modern Times / Ed. P. Bradshaw, L. Hoffman. Notre-Dame (Ind.), 1999. P. 29–61). Поэтому безошибочно можно утверждать только то, что центром церковной жизни ранних христиан (так же как и во все последующие эпохи) всегда была лишь Евхаристия, в то время как в тех или иных общинах существовали также и различные формы общинных трапез, вовсе не обязательно называвшиеся «Вечерями любви» и не имевшие единой традиции их проведения (см.: *McGowan A.* Naming the Feast: The Agape and the Diversity of Early Christian Meals // StPatr. 1997. Vol. 30. P. 314–318).

Ежедневная В. В., т. е. ужин, является с т. зр. принятого ныне в правосл. Церкви богослужебного устава важнейшей дневной трапезой: будучи рассчитанным на монастырские условия, устав указывает каждый день только 1 (В.) или 2

(обед и В.) трапезы, при этом обед отменяется в дни усиленного поста (в сочельники Рождества Христова и Богоявления, в будние дни Великого поста, во все дни Страстной седмицы с понедельника по субботу, в среду и пятницу Сырной седмицы). В. же отменяется только в дни особо строгого поста — в понедельник и вторник 1-й седмицы Великого поста и в Великую пятницу. Тем самым В. имеет даже большее значение, чем обеденная трапеза, поскольку есть немало дней в году, когда по уставу В.— это единственная монастырская трапеза за целый день.

В. должна происходить сразу после вечерни. В Часослове (С. 168–169) содержатся специальные молитвы до и после В. (древние иерусалимские и палестинские молитвы В. см. в кн.: *Frøyshov S. R.* L'Horologe «Georgien» du Sin. Iber. 34: Diss. P., 2003. Mscr. P. 47–54, 621–627). До трапезы читается текст «**Їи҃дѧ́тъ оу҃во́зѝн:**» (Пс 21. 27), далее — «**Слава́: И́ нынѣ́:**», «**Гд҃и поми́луи҃**» (трижды), «**Бл҃гослови҃**», и священник благословляет пищу. После трапезы следует читать: «**Слава́: И́ нынѣ́:**», «**Бы́сть чре́во твоѐ сто҃а́м трапе́за:**», «**Чтнѣ́йшюю:**», «**Возвесели́лъ ны́ е҃сѝ г҃дѝ:**» (Пс 91. 5 + 4. 7b – 9), далее — «**Слава́: И́ нынѣ́:**», «**Гд҃и поми́луи҃**» (трижды), «**Бл҃гослови҃**», и священник произносит: «**Съ на́ми бг҃ъ:**». Тем самым цикл молитв до и после ужина по структуре соответствует циклу молитв до и после обеда: до трапезы читается один текст («Отче наш» перед обедом, Пс 21. 27 перед ужином), а после трапезы следует более продолжительное благодарение (обычай молиться в первую очередь не до, а после еды восходит к ВЗ), содержащее в своем составе богородичен («Достойно есть» после обеда, «**Бы́сть чре́во твоѐ сто҃а́м трапе́за:**» после ужина), благодарственную молитву («**Бл҃годари́мъ тѧ҆ хр҃те҆ бж҃е на́шъ:**» после обеда, «**Возвесели́лъ ны́ е҃сѝ г҃дѝ:**» после ужина) и священническое благословение. Молитвы В., хотя и печатаются в общепринятом Часослове, имеют в РПЦ меньшее распространение, чем обеденные, что связано с тем, что они редко помещаются в рус. Молитвословы для келейного чтения (в отличие от греч.).

По уставу после В. братия исходит из монастырской трапезы и возвращается в храм, где должно петься *повечерие* (ἀπόδειπνον), являющееся службой перед сном и названное так именно по той причине, что оно следует за В. Определенный аналог В.— чин *благословения хлебов* на праздничной всенощной, первоначально возникший в среде палестинского монашества как особый тип В., происходящий непосредственно во время ночной службы. По совр. уставу чин благословения хлебов является не заменой В., а скорее дополнением к ней, поскольку В. должна происходить после малой вечерни и перед началом всенощной (повечерие тогда отменяется) (Типикон. Гл. 1–2).

М. С. Желтов

ВЕ́ЧНАЯ ЖИ́ЗНЬ, термин, обозначающий причастность к вечному Божественному бытию; бесконечное существование, жизнь как не имеющая конца длительность; понятие, выражающее религ. и религиозно-философские представления о высшей цели бытия человека, о его конечных путях, о посмертном существовании. В христианстве В. ж. есть жизнь в Царстве Небесном, *полносоставное духовно-телесное* участие человеческой личности в Божественном бытии.

Дохристианские представления о В. ж. В большинстве известных религ. традиций древности (древнеегип., древнеиран., ведической, средиземноморской) земное существование воспринималось лишь как приготовление человека к переходу в загробный мир. Понятие В. ж. было связано с идеей посмертного суда и концепцией 2 загробных путей человека – блаженного или скорбного – в зависимости от его соответствия идеалам и следования предписаниям данной религии. Вера в бессмертие души и в неизбежность суда сочеталась с надеждой на буд. воскресение тел. В религиях Междуречья идея В. ж., напротив, предстает пессимистичным воззрением на загробную участь человеческой души как на «дурную бесконечность» — безысходное пребывание в подземном царстве теней. Последние представления связаны с религ. деградацией, вызванной все большим искажением «истинной веры, присущей человечеству изначала» (*Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 674), в результате чего идея В. ж. подменяется либо ее фольклорно-мифологическими суррогатами (вера в *перевоплощение,* представления о посмертном переходе в мир духов и о возможности подчинения его с помощью *магии* в *шаманизме* и т. п.), либо ее фактическим отрицанием (как, напр., в *буддизме*).

Один из самых ранних датированных памятников религ. лит-ры — корпус текстов из пирамиды царя Унаса (сер. XXIV в. до Р. Х.) – определенно свидетельствует о вере древних египтян в В. ж. (*Piankoff A.* The Pyramid of Unas. Princeton, 1968). Несмотря на идею неизбежности посмертного суда, древнеегип. представление о смерти оптимистично: награда праведникам, вечное блаженство, несоизмеримо значительнее наказания злодеям небытием (*Бадж.* С. 111). Для древнеегип. памятника «Похвала смерти» характерно почти полное отсутствие страха перед посмертной реальностью: «Из тех, кто родится на свет во множестве неисчислимом, не осядет в Египте никто: в городе Вечности всем поголовно приют уготован. Разве долго продлится пора гостеванья земного? Время как сон промелькнет, и «добро пожаловать» — скажут в полях заката пришельцу» (Похвала смерти // Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 102). По воззрениям древних египтян, загробный мир — это мир надземный, а не подземный, как в более поздних религ. верованиях Междуречья и Средиземноморья. Он описывается в очень светлых тонах, причем касается это не только внешнего благополучия, но и нравственного состояния обитателей. «Город Вечности» представлен в образе «страны справедливой, блаженной, где страху нет места, обители упокоенья, чьим жильцам омерзительны распри, где нечего ближних бояться, ибо нету вражды в этом крае» (Там же). Столь же оптимистичны по своему настроению и сохранившиеся образцы ритуального искусства древних египтян: изображения в пирамидах, представляющие сцены посмертного бытия,— это жизнеутверждающие картины кипучей деятельности (*Франкфорт Г. и др.* В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 96–97). Важнейшим положением древнеегип. религии была вера в последующее телесное воскресение человека: к В. ж. предназначены не только души людей, но и их тела, к-рые будут восстановлены. Заупокойный ритуал, гробницы и гробничная ут-

варь, заупокойные храмы, искусство бальзамирования свидетельствуют о твердом уповании древних египтян на восстановление всего человека — души и тела — после смерти (*Зубов.* С. 44–45).

Сохранившиеся лит. памятники древних религий Междуречья резко контрастируют с древнеегип. Представления о посмертной жизни человека в них предельно пессимистичны. Место загробного пребывания («чужая страна» — в шумерских верованиях, «страна без возврата» — в вавилонских) представляет собой мрачную, безрадостную картину томительного полусуществования. И праведников, и злодеев ждет одна и та же горькая участь. Все награды и наказания получены уже в земной жизни, по смерти же люди переходят «в дом мрака, жилище Иркаллы, / в дом, откуда вошедший никогда не выходит, / В путь, по которому не выйти обратно, / В дом, где живущие лишаются света, / Где их пища — прах и еда их — глина, / А одеты, как птицы, одеждою крыльев, / И света не видят, но во тьме обитают, / А засовы и двери покрыты пылью» (Эпос о Гильгамеше 7 // Эпос о Гильгамеше. М., 1961). Души умерших томятся здесь без всякой надежды на воскресение или новое рождение. Путь к блаженному бессмертию богов для человека закрыт. Однако в «стране без возврата» существуют различные градации страдания: «С теми, кто имел большие семьи, кто пал в битве, с тем, кто достойно провел жизнь, обращаются лучше, чем с остальными. Но все же какие-либо ясные моральные и этические принципы, по-видимому, не действительны в инфернальном мире» (*Якобсен.* С. 239).

Взгляды на посмертную судьбу человека, встречающиеся в верованиях ранних *индоариев,* смутны и противоречивы. У них не было особого учения о загробной жизни, тем не менее они были убеждены, что смерть не означает конца: «После ночи — день; после смерти — жизнь. Существа, однажды возникнув, никогда не окончат своего существования» (*Радхакришнан.* Т. 1. С. 92). После смерти человек отправляется в царство Ямы, где душа облекается в сияющий духовный покров. Неясно, когда именно и каким образом первоначальная, более оптимистичная эсхатология индоариев стала претерпевать изменения, но постепенно представление о различных путях предков (рай и ад) сменяет взгляд, согласно к-рому человек после смерти обрекается на безвыходное мрачное существование. Образ Ямы приобретает черты грозного и беспощадного владыки мщения, его царство превращается из сияющей страны заходящего солнца в место подземного заточения. «Расставшаяся с телом душа — урван — на три дня задерживалась на земле перед тем, как сойти вниз, в подземное царство мертвых, в котором правил Йима (по-санскритски — Яма)... В царстве Йимы души жили словно тени и зависели от своих потомков, которые продолжали пребывать на земле» (*Бойс.* С. 23). В *зороастризме* присутствует идея блаженной В. ж., к-рая достигается благодаря соединению души с воскресшим телом (Там же. С. 39), а также идея разных путей: вечное блаженство получают только праведники; грешников ждут вечные муки в преисподней (*Рак И. В.* Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М., 1998. С. 296–301, 357–367).

В Др. Индии религ. представления вообще и понимание В. ж. в частности были на рубеже II–I тыс. до Р. Х. подвержены радикальным изменениям. Первоначально, в ведический период, неотъемлемой частью индийской религии была идея блаженной вечности после смерти. Человек живет на земле единожды. Путь мертвых — это путь без возврата, путь на Небо, к богам и к тем, к-рые его проложили (Атхарваведа XVIII 4 // Атхарваведа: Избр. М., 1995). Посмертное существование представлялось древним индийцам вечным и целостным: в нем участвует не только дух *(атман),* но и тело. Ряд ведических текстов, а главное, погребальный обряд свидетельствуют, что человек надеялся обрести после смерти пребывание в божественном мире — «по ту сторону солнца» — в воскресшем, как бы заново рожденном собственном теле, очищенном от изъянов греха (Там же; Ригведа X // Ригведа: Мандалы IX–X. М., 1999). Позднее все большее распространение получает идея 2 путей. Помимо блаженной вечности, ожидающей почитающих богов праведников, существует место наказания, мрачная бездна, безвозвратно поглощающая злых (*Радхакришнан.* Т. 1. С. 93–94).

В нач. I тыс. до Р. Х. в *брахманизме,* пришедшем на смену Ведам, появляется новое учение — о *карме, сансаре,* спасении как развоплощении. В *Упанишадах* (VIII–V вв. до Р. Х.) идея реинкарнации заняла важное, но еще не центральное место. В учении брахманов нет к.-л. единой т. зр. на буд. жизнь (Там же. С. 108), но доминирующей является представление о 2 посмертных путях человека. 1-й — высший «путь огня» — для постигших сокровенное знание, ведет в запредельные дали миров *Брахмы.* 2-й — «путь дыма» — для тех, «кто завоевывают миры жертвой, дарами, подвижничеством», они, несмотря на это, не достигают Брахмы и, поглощенные второстепенными богами, вновь ниспадают на землю. «Так совершают они круговорот, снова поднимаясь в миры. Те же, которые не знают этих двух путей, становятся насекомыми, птицами и кусающимися тварями» (Брихадараньяка упанишада. VI 2. 16 // Упанишады. М., 2000). Блаженная вечность обретается только 1-м путем. Нравственные качества человека в брахманизме уже не имеют для наследования В. ж. столь существенного значения, как в религии Вед, на 1-й план выдвигается эзотерическое (сокровенное) знание и точное исполнение ритуалов.

Важнейшими для брахманических представлений о В. ж., получивших развитие в философии Упанишад, являются 2 ключевых понятия — атман — «световая точка», к-рую условно можно назвать духовной сущностью человека, и *брахман* — первооснова бытия, мировая душа, абсолютная сущность, безличное божество, олицетворением к-рого является верховный бог Брахма. Достижение В. ж. осуществляется человеком через признание тождества атмана и брахмана и их последующее слияние. Т. о., происходит пантеистическое растворение человеческого сознания в безличном Абсолюте. Кто находит атман в себе и осознает его равенство с брахманом, тот отсекает все случайное, все индивидуальное, сбрасывает все внешние оболочки, все преграды самости и сливается с ним. Теряется самосознание, но обретается абсолютное сознание атмана. Это и есть вожделенная В. ж. брахманизма. Реинкарнация, даже «благополучная», с т. зр. брахманистов — наказание, а не награда.

Представления, подвигающие человека к бегству от реальности, к непрестанному поиску избавления от «колеса сансары», чреды бессмысленных существований, стали причиной коренной ломки религии, культуры и социальной жизни (возникновение кастовости) в Др. Индии. С переходом к идее переселения душ в инд. культуре воцарился чуждый Ведам пессимизм. В системе *Адвайта-веданты,* разработанной реформатором брахманизма *Шанкарой* (2-я пол. или конец I тыс. по Р. Х.), кармическая философия достигла полного развития и была воспринята различными направлениями *индуизма.*

Основатель буддизма Будда Гаутама (VI в. до Р. Х.) воспринял общую направленность и пессимистический характер брахманической философии, но при этом отверг ее основной принцип «ты есть То», выражающий идею тождества и слияния атмана и брахмана. И то и другое было объявлено Буддой иллюзией. По его мнению, слова о единении с Брахмой — это речи глупцов. Желание небесного блаженства открыто признавалось в раннем буддизме величайшим злом, ибо любое желание привязывает к иллюзорной действительности, а желание вечного блаженства — сильнейшее. Конечная цель человека в буддизме — растворение в *нирване* (букв.— угасание), к-рое достигается через пассивное состояние недеяния, нежелания, нечувствия, через полную интеллектуальную и эмоциональную статичность, через осознание тотальной пустоты, в к-рой растворяется призрачный индивид, через «интенсивное самоотрицание» (*Конзе Э.* Буддийская медитация: благочестивые упражнения, внимательность, транс, мудрость. М., 1993. С. 13).

В контексте буддийского учения, т. о., вопрос о В. ж. человека и даже о его дальнейших перевоплощениях представляется абсурдным, ибо человек, согласно этому воззрению, не есть целостность ни в каком из привычных смыслов, но сумма 5 слоев *скандх,* к-рые не перевоплощаются, но образуют регулируемые законом кармы серии последовательностей, ошибочно воспринимаемые профаническим сознанием как нечто реально существующее: «Есть только скандхи, которые остаются на непродолжительное время, и нет ничего кроме них. Исчезновение скандх называют смертью» (Там же. С. 116).

Сформированная под влиянием евдемонической цивилизации религия древних греков решает вопрос о В. ж. человека отрицательно: «Все чаяния и ожидания, надежды и желания в миросозерцании Гомера сосредоточены на благополучии в этой земной жизни» (*Кулаковский.* С. 21). Жизнь тела — временна, но реальна. Только в теле человеческая жизнь может быть беспечальной, только земные блага являются подлинными. Поэтому даже блаженство самих богов изображается предельно натуралистично. Посмертное существование человеческой души тем не менее признается, но это существование мрачное, томительное, на грани небытия. Душа не более чем тень (*Homer.* Od. XXIV 6). Вечное блаженство — Олимп — для богов. Посмертная участь людей — Аид, «где мертвые только тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно реют» (Ibid. XI 488). Однако, по-видимому, первоначальные воззрения древних греков на посмертную участь человека были иными, более оптимистичными. Об этом свидетельствует, в частности, упоминание Гомером Елисейских полей, «где протекают светло-беспечальные дни человека» (Ibid. IV 561).

В античной философии В. ж.— по преимуществу жизнь ума в неизменности бытия, вне прошлого и будущего, но при всецелой принадлежности неделимому настоящему. Человек и его судьба рассматривались включенными в вечное циклическое развитие, к-рое неизбежно возвращается к своей исходной точке. Вместо идеи полноценной В. ж. здесь утверждалась абстрактная идея вечного возвращения. Всем в мире правит безличный закон необходимости, слепой рок, фатум. Суть этого воззрения, разделяемого большинством античных философов, точно выразил *Аристотель:* «То, что существует в силу необходимости, вместе с тем существует всегда, ибо то, что необходимо существует, не может не существовать. Поэтому, если оно существует необходимо, то оно вечно, а если оно вечно, то оно существует необходимо... Значит, если возникновение чего-то безусловно необходимо, оно происходит по кругу и возвращается к исходной точке... Итак, безусловная необходимость имеется в движении по кругу и в возникновении по кругу» (*Arist.* De generat. et corrupt. 338a 1–15). *Платон* в «Тимее» сравнивает В. ж. со временем, к-рое, подражая вечности, непрестанно бежит по кругу (*Plat.* Tim. 37e — 38a). Идея круговорота — одна из центральных и в *стоицизме.* Конечное состояние мира для мыслителей этой школы тождественно начальному. После завершения очередного космического цикла все начинается сначала: «восстановление», «развитие», «завершение». Очередной период до мельчайших подробностей совпадает с предыдущим. Космические циклы сменяют друг друга бесконечно (*Столяров А. А.* Стоя и стоицизм. М., 1995. С. 114–115). Идею вечного круговращения бытия разделяли и др. философские школы античности вплоть до *неоплатонизма.* Космология неоплатоников предполагает движение всего сущего по кругу: «В космосе совершается вечная жизнь в виде ниспадения вещества из высших его сфер в низшие и обратного его восхождения» (*Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Поздний эллинизм. М., 2000. С. 226).

Однако если для философского дискурса эта непротиворечивая идея представлялась наиболее убедительной, то для обыденного сознания и религ. чувства она выглядела пугающей, т. к., оставаясь заложником всеобщего вечного круговращения, человек терял надежду на собственную В. ж. Страх смерти, ужас буд. небытия, абсолютная предопределенность судьбы заставляли древних греков искать выход из этого мировоззренческого тупика. В результате поиск привел к развитию различных форм идеи *метемпсихоза,* к-рая, как своего рода подобие «земной вечности», была воспринята здесь с большим воодушевлением. Если в Индии эта идея носила крайне пессимистический характер, то в религиях Средиземноморья она приобрела положительный жизнеутверждающий заряд.

Упоминания о переселении душ встречаются в погребальных надписях южноиталийских орфиков, у Овидия (*Ovid.* Met. XV 98–142), *Вергилия* (*Vergil.* Aen. VI 730–751) и т. д. *Пифагор,* Платон и их последователи признавали возможность перевоплощения. Платон видел высшую цель человеческого суще-

ствования в окончательном развоплощении: душа призвана оставить тело, эту темницу, чтобы вернуться в вечный и совершенный мир идей, из к-рого она некогда ниспала. Однако Аристотель и его ближайшие ученики, следуя традиц. древнегреч. воззрению, не видели для человека никакой надежды за порогом смерти: «За ним уже для умершего ничто ни хорошо, ни плохо» (*Arist.* EN. 1115a 26). По мнению Плотина, каждый человек после смерти становится тем существом, характеру к-рого наиболее соответствовали его устремления в этой жизни: кто достойно человека жил умом, возродится философом; кто жил только чувственным восприятием — животным; кто бездействовал — растением и т. п. (*Plot.* Enn. III 4. 2). Вместе с тем Плотин считал, что каждый в новом рождении должен будет испытать то, что он причинял другим: насильник родится женщиной и будет изнасилован, убийца станет в буд. жизни жертвой и т. п. (Ibid. III 2.13).

В неоплатонической философии В. ж.— это безличное растворение в Едином, пантеистическое слияние с Божеством, полное и совершенное отождествление с ним. Идеал неоплатоников — единение с Умом и через него с первоначалом бытия — Единым. В. ж. обретается человеческой душой через ее восхождение в порядке обратном эманатическому истечению Единого (Единое — Ум — Душа — прочие формы бытия; вся совокупность бытийных процессов выражается триадой «пребывание» — «исхождение» — «возвращение»).

Представление о В. ж. в Ветхом Завете и в иудаизме. В ВЗ идея В. ж. выражена неопределенно. Представление о посмертной судьбе ограничивается лишь догадками и намеками (см., напр.: Еккл 12. 7). «С печалью сойду... в преисподнюю» (Быт 37. 35); «дни мои бегут скорее челнока и кончаются без надежды» (Иов 7. 6; ср.: Пс 102. 15–16) — основной предсмертный мотив библейских книг. В нек-рых случаях в них звучат пессимистические мотивы, характерные для танатологии народов Междуречья, родственных древним евреям: «Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и [злому], чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы... Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем» (Еккл 9. 2–6). Каждого человека — и праведного и грешного — ожидает после смерти одна и та же незавидная участь: тело его распадается и обращается в прах (Иов 14. 10); душа же спускается в преисподнюю *(шеол)* — царство тьмы и теней (Иов 10. 21), страну молчания (Пс 93. 17), землю забвения (Пс 87. 13), безóбразное, сумеречное место, в к-ром ничего не видно (Иов 10. 22); там душа пребывает в бессознательном состоянии (Пс 6. 6), в состоянии тяжкого и бессмысленного сна (Иов 14. 12). Иногда взгляд ветхозаветных авторов на посмертную судьбу человека безнадежен настолько, что даже само существование души как отдельной субстанции ставится ими под сомнение (Пс 145. 4; Еккл 12. 7).

Недосказанность о тайне В. ж. и столь пессимистичные представления о загробном существовании человека компенсируются в ВЗ идеалом земного благоденствия. Награда за праведность — богатство, здоровье, долголетие, умножение рода (Быт 22. 17; 26. 3–4). Все обетования Божии заключены в земных пределах — в жизни самого праведника или в жизни его потомков (Быт 17. 8). В большинстве случаев эти обетования именуются вечными. В. ж., т. о., согласно ветхозаветным воззрениям,— это бесконечное родовое благополучие в условиях данного мира (Быт 26. 4; 48. 4; Исх 32. 13).

Столь на первый взгляд странная для богооткровенной религии недосказанность в представлениях о В. ж. объясняется в первую очередь тем, что, согласно Божественному замыслу, вера Др. Израиля должна была сконцентрироваться на ожидании грядущего Мессии. Если роль ВЗ сводилась гл. обр. к тому, чтобы быть подготовительной ступенью к пришествию Спасителя мира (ср.: Гал 3. 24), то естественно, что мессианская эсхатология и связанные с ней упования должны были оказаться в центре религ. сознания ветхозаветных людей, вытесняя из него все личные надежды на к.-л. частное воздаяние за гробом. Др. Израиль должен был твердо верить только в то, что обещанный Богом Мессия рано или поздно придет и Его приход радикально изменит участь человечества — наступит чаемое благоденствие. О характере этого благоденствия говорится весьма неопределенно, что позволяло большинству иудеев перетолковывать пророчества о пришествии Мессии и представлять Его Царство как национально-политическое торжество Израиля.

Однако в книгах Пророков уже встречаются выражения, к-рые позволяют заключить, что умершие не просто спят вечным сном, но нек-рым образом осознают свое существование и испытывают определенные состояния (Иез 32. 18–32; Ис 14. 9–11; 66. 24). В ряде текстов ветхозаветные пророки связывают пришествие Мессии со всеобщим воскресением мертвых и судом: «Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела!» (Ис 26. 19); «и многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан 12. 2). Но буквальное толкование этих пророчеств стало общепринятым лишь в новозаветной Церкви. В ветхозаветные же времена их рассматривали гл. обр. в контексте национальной истории. Напр., пророчество из книги Иезекииля о собирающихся воедино костях (37. 11–14) понималось как предсказание о грядущем соединении рассеянного Израиля (см.: *Успенский Н. Д.* Анафора // БТ. 1975. Сб. 13. С. 57).

Лишь в позднейших книгах ВЗ идея посмертного существования человека, вера в воскресение мертвых и В. ж. выражается достаточно отчетливо. В Книге премудрости Соломона прямо говорится: «Неправо умствующие говорили сами в себе: коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил из ада. ...Так они умствовали, и ошиблись; ибо... они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных. Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего» (Прем 2. 1–5, 21–24; см. также: Прем 3. 1–4; 2 Макк 7. 9, 14; 12. 43; 3 Езд 2. 23).

Тем не менее общие эсхатологические воззрения ветхозаветных

иудеев оставались по-прежнему размытыми, что нередко приводило к напряженным спорам между различными религ. течениями внутри предновозаветного иудейства. Так, 2 крупнейшие раввинистические школы того времени — Гиллеля и Шамая — в течение 3 лет вели диспут на тему «Не напрасно ли создан человек?» и в конце концов согласились, что лучше человеку было бы не появляться на свет (*Eisenberg J., Gross B.* A Bible ouverte. P., 1978. P. 101–102). Во времена Иисуса Христа среди иудейских книжников, в частности между фарисеями и саддукеями, шли споры о посмертном воздаянии, В. ж., воскресении мертвых. Фарисеи верили в буд. воскресение, саддукеи отрицали его (Мф 22. 23; Мк 12. 18; Лк 20. 27).

В период со времени гонения *Антиоха IV Епифана* и восстания *Маккавеев* (167–165 гг. до Р. Х.) вплоть до восстания *Бар Кохбы* и окончательного разрушения Иерусалима (132–135 гг. по Р. Х.) эсхатологические ожидания в евр. народе достигают кульминационного напряжения. Эти ожидания связывались с приходом Мессии, к-рый должен будет установить свое вечное Царство (ср.: Деян 1. 6), понимавшееся большинством иудеев как Царство земное. В то время происходит стремительное развитие иудейской апокалиптической апокрифической лит-ры (Книги Еноха, Псалмы Соломона, Книга Юбилеев, Восшествие Моисея, Апокалипсис Ездры, Апокалипсис Варуха, Завещание 12 патриархов) (см. статьи *Апокалиптика, Апокрифы*). В иудейской апокалиптике впервые отчетливо зазвучала идея *хилиазма* — тысячелетнего земного царства, по завершении к-рого наступит новый эон. Образ Мессии, к-рый, как представляется на первый взгляд, занимает здесь центральное место, на самом деле служит лишь средством, орудием для установления всемирного господства избранного народа, что, в частности, подтверждается полной неопределенностью самого этого образа. В одних случаях это личный Мессия, в др. коллективный — персонификация всего иудейского народа, иногда он смертный человек, земной царь, иногда бессмертное, сверхмирное существо, но во всех случаях задача Мессии сводится к освобождению израильского народа и установлению земного царства с Иерусалимом в качестве всемирной столицы. Кроме этого Мессия является связующим звеном, переводящим мир из текущего эона в новый. Он не только освобождает иудейский народ, наказывает его врагов и устанавливает тысячелетнее господство, но и присутствует при воскресении мертвых, выступает в роли судьи на Страшном Суде и открывает жизнь буд. века (*Булгаков.* С. 81). Последняя не имеет сколько-нибудь четких духовных критериев, поэтому либо полностью оттеняется образом предшествующего ей мессианского царства, либо представляется в тех же самых материалистических чертах, но с участием уже всего воскресшего и объединенного Израиля.

После пришествия в мир Иисуса Христа в иудействе произошло окончательное разделение на 2 части — избранный «остаток», ставший началом христ. Церкви, и возглавляемую синедрионом национальную общину, к-рая, отвергнув истинного Мессию, утратила тем самым духовный статус богоизбранного народа (ср.: Деян 13. 46). Недосказанность в вопросе о В. ж., присущая ветхозаветному Писанию, обернулась в иудаизме многочисленными заимствованиями из язычества, в частности, из гностической философии и мистики. Так, к рубежу I–II вв. по Р. Х. относятся первые в иудейской лит-ре упоминания об идее реинкарнации. Евр. историк *Иосиф Флавий*, описывая взгляды фарисеев своего времени, отмечает: «Души, по их мнению, бессмертны; но только души добрых переселяются после их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки» (*Ios. Flav.* De bel. II 163; рус. пер. 8. 14). В средневек. период идея переселения душ становится ключевой в *Каббале*. В Новое время она получает широкое распространение и в др. иудейских течениях и школах: «После смерти тела души возвращаются к своему Источнику и переходят в другие тела, чтобы исправить то, что испортили в прошлом воплощении» (*Гордон Й.* Райский сад. М., 1996. С. 26). Однако в отличие от инд. кармической философии реинкарнация в иудаизме не служит средством для окончательного развоплощения и полного слияния с Абсолютом, но вплетена в контекст основного положения иудаизма — представления о вечном царствовании Израиля.

Учение о В. ж. в Новом Завете. Цель пришествия в мир Сына Божия, как и всего домостроительства нашего спасения, состояла в том, чтобы «всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3. 15). Благовестие Иисуса Христа восполнило ветхозаветную эсхатологию идеалом Царства Небесного, к-рое рассматривается как принципиально иная, духовная реальность (Мф 22. 30; Лк 20. 35), открывающаяся внутри самого человека (Лк 17. 21) как В. ж., т. е. приобщение к Св. Духу, дарованному Церкви (ср.: 1 Ин 1. 2). В. ж.— дар Божий (Рим 6. 23), участие в Его бытии (2 Пет 1. 4), к-рое было потеряно для человечества в первозданном Адаме, произвольно подпавшем под власть смерти, и возвращено в воплотившемся Сыне Божием, победившем смерть Крестом и Воскресением. В воскресшем Христе как в начатке возрождается и воскресает вся тварь: «И как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор 15. 22). Вопреки недосказанности танатологии ВЗ новозаветное учение о сошествии Христа во ад ясно свидетельствует, что со смертью тел души умерших не уничтожаются и не теряют самосознания совершенно, ибо способны были к слышанию проповеди Спасителя и принятию ее (ср.: Мф 12. 40; Деян 2. 27–31; 1 Петр 3. 19; 4. 16; Рим 10. 7; Еф 4. 9).

Дар В. ж. воспринимается людьми

Христос и самарянка. Икона. Нач. XVII в. Мастер Никифор Савин (ГРМ). Фрагмент

уже здесь, на земле, через веру в Сына Божия (Ин 3. 36; 5. 24) и Крещение (Ин 3. 5). В беседе с самарянкой Христос говорит о живой воде, т. е. о благодати Св. Духа, к-рая ста-

новится в принимающих ее «источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин 4. 14). Приобщиться к В. ж. могут как живые, так и почившие. По мысли Патриарха *Сергия (Страгородского),* В. ж. «не обусловлена воскресением из мертвых, она раньше его, и как будто бы даже обусловливает его собою: «Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я (как будто бы в силу этого) воскрешу его в последний день» (Ин 6. 54). С др. стороны, «никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1 Ин 3. 15), т. е. не только не имеет твердой надежды на получение вечной жизни в будущем веке, но прямо не имеет вечной жизни здесь на земле, как своего душевного достояния» (*Сергий (Страгородский), архиеп.* 1898. С. 113–114).

Полученный в Крещении Божественный дар В. ж. должен быть не только сохранен, но и преумножен (ср. Мф 25. 14–27). Он требует динамичного восприятия и непрестанного развития, «возгревания» (2 Тим 1. 6) со стороны самого человека. Этот процесс осуществляется через соблюдение заповедей (Мф 19. 17), самоотверженное следование за Христом (Мф 19. 29), Который есть «путь, истина и жизнь» (Ин 14. 6), постоянство в добродетели (Рим 2. 7) и евхаристическое приобщение к Христовым Плоти и Крови (Ин 6. 54). Однако полное приобщение к В. ж. станет возможным только после всеобщего воскресения (Ин 6. 40; 2 Кор 5. 1), когда Бог обновит все творение, соделает его нетленным и вечным (Откр 21. 5).

В новом преображенном состоянии (1 Кор 15. 51–53) человек получит возможность созерцать Бога непосредственно (Откр 22. 4), «как Он есть» (1 Ин 3. 2). *Богопознание,* непрестанно возрастающие соединение с Богом и уподобление Ему станут источником бесконечного блаженства человека, содержанием его вечного бытия: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17. 3). Это соединение не предполагает спиритуалистического развоплощения или пантеистического растворения в Божестве, напротив, человек не утратит ни своего личностного начала, ни духовно-телесной целостности. Так будет окончательно осуществлен Божий замысел о творении.

Новозаветное Откровение не рассматривает вечную блаженную жизнь как реальность, к к-рой безусловно предопределен человек. В. ж. имеет свой антипод — вечную смерть — состояние нескончаемого пребывания во мраке вечной тьмы (2 Пет 2. 17). Наряду с образом Небесного Иерусалима (Откр 21. 2) — вечной обители праведников — Апокалипсис рисует образ огненного озера — места мучения диавола и грешников (Откр 21. 8; см. также: Мф 18. 8; 25. 41; Мк 9. 43–44). На Страшном Суде произойдет духовное разделение человечества: праведники пойдут в жизнь вечную, а грешники в муку вечную (Мф 25. 46). Однако причина этого разделения коренится не в воле благого Бога, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2. 4), но в свободном желании самих грешников: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин 3. 19). Вечные муки, т. о., есть констатация того духовного состояния, в к-рое человек произвольно привел себя в течение земной жизни (Гал 6. 8).

Учение Церкви о В. ж. Новозаветное понимание В. ж. раскрывалось отцами и учителями Церкви в полемике с 2 противоположными еретическими тенденциями — хилиазмом иудействующих *(эбионитов)* и эллинистическим спиритуализмом, проявившимся в антропологии и эсхатологии Оригена. С одной стороны, было необходимо отсекать натуралистические чувственные представления о Царстве Небесном, с др.— отстаивать идею всеобщего телесного воскресения.

Соблазн хилиазма, к-рому под влиянием евр. апокрифической апокалиптики поддавались в той или иной мере мн. христ. авторы II–III вв. (священномученики Поликарп Смирнский, Папий Иерапольский, Иустин Философ, Ириней Лионский, Ипполит Римский, Мефодий Патарский, а также Тертуллиан), был преодолен достаточно быстро. На Востоке хилиазм был разоблачен усилиями свт. *Дионисия Великого,* Патриарха Александрийского и осужден на созванном им Соборе в 255 г. Немаловажную роль в преодолении хилиазма сыграли и изменившиеся исторические условия: легализация христианства значительно ослабила напряженность апокалиптических ожиданий. Во 2-й пол. IV в. хилиазм воспринимался уже как воззрение внецерковное: с хилиастами-гностиками, последователями Керинфа, полемизировали прп. Ефрем Сирин и свт. Григорий Богослов. На Западе вера в тысячелетнее царство сохранялась неск. дольше, гл. обр. среди монтанистов или в духовно близких к ним церковных кругах. В кон. IV— нач. V в., благодаря полемике и просветительским трудам блж. *Августина,* хилиазм исчезает из западнохрист. сознания вплоть до Нового времени. Общепринятым в Зап. Церкви становится августиновское учение, согласно к-рому «тысячелетнее царство» Апокалипсиса (Откр 20. 1–6) есть аллегорически понимаемая Кафолическая Церковь в ее исторической перспективе — со времени Пятидесятницы и до Второго Пришествия (*Aug.* De civ. Dei. XX).

Параллельно церковная мысль преодолевала и эллинистические тенденции. Уже в Посланиях ап. Павла был отвергнут соблазн развоплощения: «Ибо не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор 5. 4). Проповедь воскресения тел стала одним из основных мотивов и в писаниях *апологетов раннехристианских:* «Мы ожидаем весны и для нашего тела» (*Min. Fel.* Octavius. 34). Для оправдания этой надежды раннехрист. авторы указывали на духовно-телесную целостность человека. Душа без тела, отмечали они,— это не целый человек, а лишь его осколок, не способный к полноценному бытию. «Бог наделил самостоятельным бытием и жизнью не природу души саму по себе и не природу тела, взятую отдельно, но, скорее, людей, состоящих из души и тела, чтобы с теми же частями, из которых они состоят, когда рождаются и живут, по окончании сей жизни достигали общего конца» (*Athenag.* De resurrect. 13, 15).

Однако для полного преодоления эллинистического спиритуализма не достаточно было одной лишь проповеди: диалектической утонченности платонической философии нужно было противопоставить интеллектуальную вескость христ. аргументов. Попытка Оригена была в этом отношении крайне неудачной. Формулируя эсхатологию Церкви в категориях греч. мысли, он не сумел

преодолеть основного в античной космологии принципа тождества «начала» и «конца», хотя и пытался синтезировать его с христ. идеей творения. Концепция вечного круговорота бытия, неизменно завершающегося возвращением всего сущего к первоначальному единству, осталась в эсхатологии Оригена базовой посылкой. При таком воззрении человеческая история и как следствие совершившаяся в ней искупительная Жертва теряют свою уникальность и онтологическую значимость. Чаемое христианами воскресение мертвых становится в оригенизме лишь подготовительным фрагментом перед конечным и полным развоплощением — *апокатастасисом* всей разумной твари в первичное чисто духовное состояние.

Церковная мысль в лице прежде всего свт. Афанасия Великого, каппадокийцев, блж. Августина, автора *«Ареопагитик»* и прп. Максима Исповедника противопоставила эллинской идее вечного кругообращения строго библейское линейное видение истории. История, следуя заложенному в нее Творцом «принципу поступательной устремленности», движется от своего «начала» к «концу», от зачаточного первозданного совершенства к всесовершенной полноте Царствия Божия, когда мир перейдет в качественно иное, преображенное состояние. История не случайна по отношению к В. ж., не противопоставлена ей. Напротив, она является необходимым условием для вхождения человечества в Божественную вечность. По мысли прот. Георгия *Флоровского*, история есть «процесс становления твари, врастающей в вечность» (О воскресении мертвых. С. 441). Эта динамичная линейность есть обязательный принцип не только бытия человечества в целом, но и каждой человеческой личности. Человек должен свободно осуществить свое восхождение в вечность через следование Божественному «первопроходцу» Иисусу Христу. Имея в виду эллинскую космологию, в к-рой не остается места для человеческой свободы, но есть лишь одна неизбежная предопределенность, блж. Августин писал: «Последуем Христу — прямому пути и отвратимся от суетного кругового лабиринта» (*Aug.* De civ. Dei. XII 20).

История закончится, когда будет завершено собирание Тела Церкви. Полнота Тела — цель и исполнение истории (*Ioan. Chrysost.* In Eph. III 1. 23). «Когда человечество достигнет своей полноты,— писал свт. Григорий Нисский,— тогда непременно остановится текучее это движение естества, достигнув необходимого предела, и место сей жизни заступит другое некое состояние, отделенное от нынешнего, протекающего в разрушении и рождении» (*Greg. Nyss.* Dial. de anima et resurrect. // PG. 46. Col. 128). Всеобщее воскресение будет окончательной победой над смертью и тлением, над пугающей древних греков текучестью и изменчивостью временного мира. Но это будет не простым возвращением к «началу», а конечным возобновлением. Христ. вера в неизбежность конца этого мира не означает его сущностного уничтожения. Новое творение — «се, творю все новое» (Откр 21. 5) — не упраздняет первое творение, совершенное «в начале» (Быт 1. 1), но преображает его, возводит в новое нетленное, обоженное состояние.

Однако, согласно святоотеческому воззрению, В. ж.— это не просто потусторонний мир, обретаемый исключительно в буд. перспективе, но реальность Божественного бытия, к к-рому можно приобщаться уже в земных условиях. По этой причине учение о В. ж. не рассматривалось отцами Церкви отдельно, как самостоятельный раздел богословия, но входило в христологию, сотериологию и аскетику как неотъемлемый аспект центральной святоотеческой доктрины — обожения человека во Христе. Духовно умершая в Адаме человеческая природа была возрождена и обновлена Св. Духом во Христе. В основанной Им Церкви благодать возрождения стала неотъемлемым даром. Христос соделал нас, по выражению свт. Афанасия Великого, «духоприемными» (*Athanas. Alex.* Or. contr. arian. I 46).

Приобщение к В. ж., осуществленное через крещальное рождение свыше, есть лишь его 1-я ступень. В Крещении нетление обретается человеком лишь потенциально, «в состоянии возможности» (*Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. 6). «Потенциальность» на языке греч. отцов означает не отсутствие чего-либо, что должно появиться впосл., но реальное присутствие, к-рое, однако, требует определенных условий для проявления. В этом смысле дар В. ж., подаваемый в Крещении, неотъемлем, однако кроме объективного присутствия крещенской благодати требуется еще и непрестанное субъективное ее усвоение, стяжание. Рождение свыше — это не единичный акт, а некий динамичный процесс. «Изменяющемуся необходимо постоянно рождаться: в превратном естестве не заметишь чего-либо всегда во всем себе тождественного» (*Greg. Nyss.* De vita Moysis). Одна из антиномий христианства: с одной стороны, Церковь провозглашает вечное Царство Пресв. Троицы открывшимся и доступным, с др.— призывает к непрестанному усилию для его обретения («Подвизайтесь стяжать сознательно внутрь вас Царство Небесное, то есть благодать Святого Духа» — *Sym. N. Theol.* Catech. 34; рус. пер.: Слово 89). В синергийном соединении двух воль — Божественной, подающей благодать, и человеческой, ее воспринимающей,— дар В. ж. преобразуется в христианине из состояния возможности в состояние действительности (*Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. 6). Аскетические усилия христианина подкрепляются таинствами. Крещение рождает человека в В. ж., Евхаристия — «врачевство бессмертия», «противоядие, чтобы не умирать» (*Ign.* Eph. XX 2) — в нем эту жизнь поддерживает и взращивает.

По окончании земной истории Царство Божие, прежде сокровенно пребывавшее в душах святых, будет со славой и силой явлено во всем видимом творении. Вся природа будет восстановлена в ее изначальных богоустановленных предначертаниях. Воскресшее человечество сможет участвовать в предвечной славе Божества не только своими душами, но и собственными одухотворенными телами, освобожденными от примешавшегося к ним через грехопадение тления (1 Кор 15. 44). «Грядущая жизнь уничтожает и истребляет не тело, но приставшее к нему тление и смерть» (*Ioan. Chrysost.* De resurrect. 6). Вместе с человеческим естеством будет преображен весь мир. Вся тварь получит приснобытие и нерушимость, станет нетленной. Но о характере или формах этого преображения христ. Откровение умалчивает, апофатически возвышая человеческий разум от чувственных представлений к духовному созерцанию: «Писание не истолковало нам, что суть вещи бу-

дущего века... будущие блага непостижимы и не имеют никакого сходства с благами здешними» (*Isaac Syr.* Sermo 2).

Однако Свящ. Писание ясно говорит: Бог будет все во всем (1 Кор 15. 28). Все тварное естество — и духовное, и материальное — будет проявлять только Бога, созерцание Которого станет содержанием человеческого бытия. По наиболее распространенному святоотеческому определению, В. ж. есть постоянный и неизреченный покой в Боге (*Aug.* De civ. Dei. XI 8), единение с Ним. В этом единении отношения «я — Ты» не упраздняются, напротив, обретают совершенную полноту. Прп. *Иоанн Дамаскин* подчеркивает, что в буд. веке праведники будут прославляться вместе с Сыном Божиим, вечно «смотря на Него и вечно будучи видимы Им» (*Ioan. Damasc.* De fide orth. IV 27). Хотя человек призван стать богом настолько, насколько Бог стал человеком (*Greg. Nazianz.* Or. 29. 19), сущностное различие между ними останется попрежнему радикальным. Человек не будет лишен «по благодати ничего из того, что по естеству присуще Богу» (*Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. Proem. 14), но Бог в своей сущности всегда останется недосягаемым, трансцендентным.

В. ж. не имеет конца или изменения. Однако это не означает, что спасенное человечество будет пребывать в статичном неподвижном покое. Состояние обоженной твари — это устремленность к Богу (*Мандзаридис.* С. 123), бесконечный процесс богоуподобления (Areop. CH. IV 2). С др. стороны, и Сам Бог будет дарить Себя Своим созданиям безмерно, «щедро и без зависти», так что сыны буд. века будут непрестанно возрастать, «получая благодать от благодати и неустанно продвигаясь радостным путем восхождения» (*Greg. Pal.* Triad. II 2. 11). Т. е. «актуальная бесконечность Божественного бытия определяет динамическую (потенциальную) бесконечность человеческого пути» (*Флоровский.* Вост. отцы IV в. С. 129–130). При этом расстояние между тварью и Творцом будет, непрестанно сокращаясь, всегда оставаться бесконечным.

Хотя по окончании земной истории неизбежно воскреснет все человечество и все люди независимо от их воли будут восстановлены для В. ж., тем не менее богами по благодати станут только произволяющие (*Nicol. Cabas.* De vita in Christo. II 91–98). Разрешая этот парадокс, прп. Максим Исповедник развивал тему двоякого соединения с Богом: соединения через внутреннее свободное согласие и соединения против воли, извне, «вне благодати». Одни будут обожены действием Божественных энергий, внутренне присвоенных их существом, другие же будут пребывать в состоянии внешнего соприкосновения с Богом при внутренней отлученности от Него. Всех — и добрых, и злых — обнимет одна и та же Божественная любовь, но нераскаянные грешники переживать блаженство этой любви будут не способны, для них обожающий огнь Св. Духа будет внешним пламенем, приносящим лишь невыносимое мучение (*Лосский.* С. 134).

Лит.: Сергий (Страгородский), архиеп. (впосл. Патриарх Московский и Всея Руси). Православное учение о спасении. Каз., 1898, 1991[2]; *он же.* Вечная жизнь как высшее благо // АиО. 1999. № 2 (20). С. 147–172; № 3 (21). С. 130–145; *Кулаковский Ю. А.* Смерть и бессмертие в представлении древних греков. К., 1899; *Булгаков С. Н.* Два града. М., 1911. Т. 2. С. 51–127; *Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 1956–1957. 2 т.; *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 148–188, 285–287; *Трубецкой Н. С.* Религии Индии и христианство // Лит. учеба. М., 1991. Нояб.–дек. С. 131–144; *Зубов А. Б.* Победа над «последним врагом» // БВ. 1993. № 1. Вып. 2. С. 40–53; *Бойс М.* Зороастрийцы: Верования и обычаи. СПб., 1994; *Бадж У.* Путешествие души в царстве мертвых: Египетская Книга Мертвых. М., 1995; *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995; *Мейендорф И., прот.* Три эсхатологии // *он же.* Православие в совр. мире. Клин, 2002. С. 299–303; *Флоровский Г. В.* О воскресении мертвых // *он же.* Догмат и история. М., 1998. С. 415–443; *Мандзаридис Г.* Обожение человека по учению свт. Григория Паламы: Пер. с греч. Серг. П., 2003.

А. А. Зайцев

«ВЕ́ЧНАЯ ПА́МЯТЬ» [слав. **вѣ́чнаѧ па́мѧть**; греч. αἰωνία ἡ μνήμη], формула торжественного поминовения.

Выражение «В. п.» возникло в эллинистическую эпоху как форма прославления того или иного выдающегося лица (живого или умершего). В визант. эпоху употреблялось в том же значении, в частности, применительно к уже почившим выдающимся церковным деятелям (напр., в Деяниях IV Вселенского Собора 451 г.: «Вечная память Кириллу!» — ДВС. Т. 2. С. 242). Как торжественное прославление почивших императоров-защитников Церкви и правосл. иерархов вошло в чин Торжества Православия (см. *Православия неделя*), посвященный воспоминанию восстановления иконопочитания в 843 г.

В позднейшей правосл. богослужебной традиции «В. п.» стало песнопением, заключающим собой последование *панихиды* по усопшим, где оно поется трижды после возглашения диакона: «**Во блаже́нномъ оу҃спе́нїи вѣ́чный поко́й пода́ждь гдⷭ҇и, оу҃спшымъ рабо́мъ твои́мъ, и҃мⷭ҃ки: и сотвори́ и҃мъ вѣ́чную па́мѧть**» — с поименным поминовением (если диакона нет, возглашение и «В. п.» заменяется словами: «**Рабо́мъ бж҃їимъ, и҃мⷭ҃ки, оу҃спшымъ вѣ́чнаѧ па́мѧть**») (Типикон. [Т. 1.] С. 65). Во время «В. п.» принято совершать 3 удара в колокола.

«В. п.» также указывается Требником в конце чинов отпеваний мирян и младенцев, предваряемое возглашением: «**Вѣ́чнаѧ твоѧ̀ па́мѧть, достоблаже́нне, и҆ прїснопа́мѧтне бра́тє на́шъ**» (Требник большой. Л. 106 об.). На практике «В. п.» поется в конце всех заупокойных последований и обычно предваряется панихидным возглашением. Особый вид «В. п.» — троекратное пение братией мон-ря слов: «**вѣ́чнаѧ ва́ша па́мѧть достоблаже́ннїи о҆́цы, и҆ бра́тїѧ на́ша прїснꙋ̀ поминаемїи**» — с прибавлением: «**Бг҃ъ да оу҃блажи́тъ и҆ оу҃поко́итъ и҃хъ, и҆ на́съ поми́лꙋ́етъ, ꙗ̆кш бл҃гъ и҆ чл҃вѣ́колю́бецъ**» — в конце вседневной заупокойной литии (Типикон. [Т. 1.] С. 52–53).

Поскольку «В. п.» ныне воспринимается как исключительно заупокойный текст, не принято петь его в честь прославленных святых. Пение «В. п.» в последний раз и затем уже *величания* в честь новопрославленного святого представляют собой центральный момент торжественного богослужения в честь *канонизации*. Единственный пример в совр. богослужебных книгах, когда «В. п.» употребляется в более древнем значении восхваления выдающихся деятелей Церкви, как прославленных в лике святых (напр., св. равноапостольных Константина и Елены), так и неканонизированных,— это «В. п.» в чине Торжества Православия (Чин в Неделю Православия. СПб., 1869).

В богослужении католич. Церкви существует песнопение, начинающееся с похожей фразы «Покой вечный» («Requiem aeternam»), по к-рому называют последование заупокойной мессы — *реквием*.

А. А. Лукашевич

«ВЕ́ЧНОЕ», правосл. журнал. Издавался в 1948–1992 гг. во Франции, в г. Аньере (пригород Парижа), с параллельным франц. заглавием «L'Éternel», в 1948–1974 гг.– ежемесячно, в 1975–1976 гг.– 1 раз в 2 месяца (№ 325–336), в 1978–1992 гг. вышли 13 нерегулярных «сборников духовного чтения» (№ 337–349). Основателем и редактором журнала в 1948–1974 гг. был настоятель храма Христа Спасителя в Аньере архим. (с 1953 еп. Кампанский, К-польский Патриархат) Мефодий (Кульман), в 1975–1976 гг. журнал редактировал еп. Евдокиадский (К-польский Патриархат) Георгий (Вагнер), в дальнейшем имя редактора не указывалось.

Программу издания определил на первой странице № 1 редактор архим. Мефодий: «Журнал не будет повествовать о текущей церковной жизни, не будет и отражать современную богословскую мысль. Его задача просто приоткрыть для читателя вечную сокровищницу православной веры и Православной Церкви». В журнале регулярно печатались толкования Свящ. Писания, главы и фрагменты из творений св. отцов (свт. *Василия Великого,* свт. *Иоанна Златоуста,* свт. *Ефрема Сирина,* свт. *Григория* Нисского, прп. *Иоанна Дамаскина,* прп. *Максима Исповедника* и мн. др., в т. ч. авторов «Добротолюбия», др. аскетических сборников и патериков) и рус. духовных писателей (прп. *Нила Сорского,* митр. Ростовского свт. *Димитрия (Туптало),* свт. *Тихона Задонского,* свт. *Игнатия (Брянчанинова),* свт. *Феофана (Говорова),* прав. *Иоанна Кронштадтского,* оптинских и афонских старцев и др.), поучения и статьи митр. св. *Иннокентия (Вениаминова),* митр. *Иннокентия (Борисова),* архиеп. *Димитрия (Самбикина),* еп. *Иоанна (Соколова)* и др., богослужебные тексты (молитвы, акафисты, в 1967–1970 каноны праздникам в рус. переводе Е. Ловягина), объяснения богослужений и обрядов (А. Н. *Муравьёва,* М. Н. *Скабалановича,* прот. Сергия *Четверикова,* Б. И. *Сове*), жития святых (в т. ч. греч. новомучеников), жизнеописания подвижников благочестия, апологетические статьи и заметки. Мн. публикации в журнале являются перепечатками или выборками из дореволюционных книг, журналов или более ранних зарубежных периодических изданий (напр., «Сергиевских листков»), исключение представляют, напр., биографические и житийные материалы: В. Гаджимукова о св. Женевьеве (1955. № 11), архим. Авраамия (Терешкевича?) об архиеп. Японском равноап. *Николае (Касаткине)* (1956. № 7/8) и архим. *Андронике (Елпидинском)* (1959. № 11), архим. *Киприана (Керна)* «Памяти архим. Антонина (Капустина)» (1955. № 7/8), М. Н. Дьяченко о прп. Ниле Сорском (1956. № 11, 12), Н. И. Кульман об архиеп. *Сергии (Королёве)* (1960. № 12), И. Е. «Отец Сергий Четвериков» (1972. № 12). Среди публикаций журнала – «Письмо о молитве» митр. *Антония (Храповицкого)* (1962. № 6/7), статьи прот. А. П. Князева «Христос Спаситель» (1958. № 12) и еп. Мефодия (Кульмана) «Из сокровища духовного Царской Семьи» (1956. № 6; 1968. № 7/8), описания пребывания рус. паломнических групп из Франции в Св. земле.

В журнале полностью были напечатаны книги «Слово о смерти» (1954) свт. Игнатия (Брянчанинова), «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» (1955–1956) и «Мысли на каждый день года» (1966) свт. Феофана (Говорова), «Описание жизни оптинского старца иеросхимонаха Амвросия» (1957–1958) и «Старец Паисий Величковский» (1970–1972) прот. С. Четверикова, «Невидимая брань» (1959–1960) прп. *Никодима Святогорца,* «Письма Валаамского старца» (1962–1963) архим. Иоанна (Алексеева), «Достопамятные сказания о святых отцах» (1964), «Духовные зернышки» (1965–1967) митр. *Владимира (Тихоницкого).* Нек-рые из этих книг были изданы редакцией «В.» отдельно.

Отдельные номера 1948–1976 гг. и почти все сборники 1978–1992 гг., к-рые имели объем от 63 до 127 стр., представляют собой тематические выпуски и посвящены, напр., рус. религ. поэзии (1955. № 10; 1956. № 10), *Афону* (1961. № 7), памяти еп. Мефодия (Кульмана) (1974. № 324), прп. *Серафиму Саровскому* (1953. № 7/8; 1982. № 341), прп. *Сергию Радонежскому* (1984. № 343), Св. земле (1985. № 344), старцам Оптиной пустыни (1986. № 345), 1000-летию Крещения Руси (1988. № 347), Патриарху Московскому свт. *Тихону* (1992. № 349).

Годовые комплекты «В.» 1948 и 1949 гг. были изданы 2-м изданием (Париж, 1988–1989), а комплект 1950 г. переиздан по заказу редакции московского ж. «Выбор» (Винница, 1991).

Лит.: Содержание журнала «Вечное», № 1–120 за 1948–1957 гг. // Вечное. 1957. № 12. С. 21–31; Сводный каталог рус. зарубежных периодических и продолжающихся изданий в б-ках С.-Петербурга. СПб., 1996, № 72; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий рус. зарубежья в б-ках Москвы. М., 1999, № 192.

Свящ. Александр Троицкий

ВЕ́ЧНОСТЬ, одно из *свойств Божиих;* применительно к миру и истории философское и богословское понятие, обозначающее нескончаемое продолжение к.-л. определенного бытия во времени.

Понятие В. в главных чертах было сформировано в античной философии. Слово «В.» (αἰών) употреблялось в древнегреч. языке в широком смысле: эпоха; длительный исторический период; «век» как время в целом или как определенный космический цикл; иногда «век» как неопределенное во времени пребывание мира в одном и том же качественном состоянии. В ходе развития человеческой мысли понимание В. выводилось из наблюдения над долговечностью различных существ и предметов, наполняющих эмпирический мир. Относительность этой долговечности приводила к представлению о вещах, к-рые продолжают существовать всегда, т. е. вечно. Отсюда закономерный переход к метафизическому понятию о В. как свойстве трансцендентного бытия. Это понятие, характерное не только для древнегреч., но и для древнеинд. философии (Упанишады), наиболее полное развитие получило в платонической традиции (*Plat.* Tim.; *Plot.* Enn. III 7. 1–4; *Procl.* In Tim. 11).

Представление о В. в Свящ. Писании. В книгах ВЗ В. есть свойство безначального Божественного бытия, к-рое противопоставляется изменчивой и быстротекущей временной жизни (Пс 89. 5; 101. 12–13, 26–28). Вечным в собственном смысле этого слова, т. е. трансцендентным по отношению ко времени, Писание именует одного лишь Бога: как сотворившего «в начале» небо и землю (Быт 1. 1; ср.: Пс 89. 3); как вечно Живущего (Ис 57. 15; ср.: Пс 54. 20); как царствующего «во веки и в вечность» (Исх 15. 18; ср.: Иер 10.

10; Дан 7. 14, 27); как Первого и Последнего (Ис 48. 12), т. е. не имеющего ни начала, ни конца; как знающего «все прежде бытия его» (Дан 13. 42). Идея безусловной независимости Бога от категории времени подчеркивается и Его именем «Яхве» — Сущий (греч. ὁ ὤν), указывающим на непознаваемость, самобытность и абсолютную самодостаточность Божественной природы (Исх 3. 14; 17. 15). Иногда свойство В. переносится от естества Божия к Его действиям (Пс 32. 11; 118. 142, 144; 137. 8; Дан 7. 14, 27).

В то же время слово «вечный» нередко употребляется в ВЗ условно, в значении большого периода времени, долговечности к.-л. установления и т. п. Так, вечным именуется завет между Богом и людьми о том, «что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли» (Быт 9. 11–16); о земле Ханаанской говорится, что она дается Аврааму и его потомству «в вечное владение» (Быт 48. 4); «вечным постановлением» или «уставом вечным» называются обрядовые предписания ветхозаветного законодательства (Лев 7. 36; 23. 14; Числ 19. 21).

НЗ уточняет и дополняет ветхозаветное представление о вечном Боге учением о Сыне Божием, предвечном Логосе (Ин 1. 1, 18; 17. 5), едином со Отцом (Ин 10. 30) и Св. Духом (ср.: Ин 14. 26; 15. 26), открывающем всему человечеству *вечную жизнь* как дар Божий (Рим 6. 23), к-рый может быть усвоен верующими в Сына Божия (Ин 3. 36; 1 Ин 5. 13) и исполняющими Его заповеди (Мф 19. 17; Рим 2. 7).

Историческое развитие христианского учения о В. Библейское понимание В. формулировалось Церковью в контексте космологии, гл. обр. в рамках критики оригенизма. Вопрос стоял о выборе между античной концепцией вечного космоса, связанной с цикличным пониманием времени, и библейским линейным видением истории, получившей начало благодаря творящему действию Бога (см. в ст. *Время*).

Античная картина мироздания дуалистична, она предполагает 2 совечных первоначала: мир умопостигаемый (платонический κόσμος νοητός), т. е. безличный мир идей; и мир материи — низшая, но тем не менее столь же вечная реальность. В своей сущности умопостигаемый мир статичен, каждый из его элементов (идей) неизменен. Но на уровне материи осуществляется движение — бесконечное вращение и самоповторение, что, однако, есть лишь выражение В. и безусловной необходимости космоса. Вселенная с т. зр. античной философии может менять форму, но при этом в своей умопостигаемой сущности ее бытие неизменно и бесконечно во времени. Этот динамизм круговорота исключает саму постановку вопроса о происхождении или начале существования мира и стирает проведенное в Свящ. Писании радикальное различие между безначальным Богом и Его В., с одной стороны, и имевшим начало и существующим во времени миром — с др. (*Флоровский.* С. 80).

Отцы и учители Церкви, начиная с *апологетов раннехристианских,* опровергали любые формы *дуализма* (платонический, гностический, манихейский). Они настаивали, что мир — и умопостигаемый, и материальный — не самобытен, он имеет начало и своим существованием обязан благой воле Создателя, вызвавшего его из небытия (из не-сущего, из ничего) творящим «Да будет!» (Быт 1). Поэтому вечным и бессмертным в собственном смысле этих слов может быть назван только Бог. Проч. существа могут обладать бессмертием исключительно в силу своей причастности к Нему (*Iust. Martyr.* Dial. 5–6). Тем не менее раннехрист. авторы еще недостаточно четко выражали разницу между внутренним бытием Бога и Его Откровением во вне, что нередко приводило к смешению категорий Божественной природы и Божественной воли, онтологического и космологического аспектов. Тайна Пресв. Троицы рассматривалась в трудах отцов Церкви II–III вв. преимущественно в домостроительном аспекте — в связи с творческим замыслом Бога о мире, безотносительно к Его бытию в Самом Себе.

Это смешение вносило неясность и в решение проблемы В., что у *Оригена* привело к существенной эллинизации в истолковании церковного учения о творении. Вполне определенно высказываясь о творении мира из ничего и последовательно опровергая античную концепцию 2 совечных начал, Ориген в значительной мере отходит от библейской космологии. Чтобы философски примирить христ. идею творения с абсолютной неизменяемостью Божией, он предлагает собственную теорию вечного миротворения, согласно к-рой мир имеет начало лишь онтологически, будучи вечным и бесконечным в хронологическом отношении. Отвергая дуалистическую концепцию *Платона* о предсуществующей материи, о материи как самобытной субстанции, Ориген впадает в др. заблуждение — он провозглашает идею вечно творимой материи (*Orig.* De princip. III 5. 3); причем в этом бесконечном процессе миротворения мир теряет свою уникальность, он рассматривается как одно из колец непрерывной цепи. Эта идея привела к фактическому отождествлению В. творения и В. Сына Божия, рождаемого от Отца. Получается, что и сотворенный мир и Слово в равной мере извечно исходят от Бога. Позднее *Арий,* отвергнув идею В. творения, тем не менее не отказался от оригеновского отождествления рождения Сына и творения мира, в результате чего пришел к прямо противоположному выводу,— что и Божественный Логос был порожден во времени (*Спасский.* С. 172–174).

Собственно христ. понимание В. начинает получать определенность в своем выражении лишь в IV в., в трудах свт. *Афанасия I Великого* в ходе его полемики с *арианством.* Отстаивая *единосущие* Сына Божия Богу Отцу, он проводит радикальное различие между бытием Божиим и существованием сотворенного мира и соответственно между безначальной Божественной В. и тварной В. разумных существ, имевших начало. Разрешая мнимое противоречие между неизменностью Бога и актом творения, совершенного Им «в начале», свт. Афанасий настаивает на различении в Боге категорий *природы* и *воли.* Рождение Сына есть дело природы, творение мира — действие воли (*Athanas. Alex.* Or. contr. arian. III 64). Оставаясь совершенно неизменным по Своей природе, т. е. в Самом Себе, Бог тем не менее может сотворить нечто вне Себя. Этот творческий акт не есть необходимость природы, но свободное изъявление воли, к-рое никоим образом не влияет на внутреннюю жизнь Божества. Применительно к воле свт. Афанасий различает 2 др. аспекта: предвечный замысел Бога о мире и актуализацию этого замысла, т. е. творение мира. Предвечный

замысел — «В начале было Слово... Все чрез Него начало быть» (Ин 1. 1–3) — онтологически отличен от начала времени: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1. 1). Замысел есть свободное проявление Божественного бытия, и он вечен, тогда как осуществление этого замысла — тварный мир — есть реальность совершенно иного порядка: тварный мир появляется во времени, точнее, вместе с ним. Божественное и тварное абсолютно иноприродны. Тварное имеет собственный модус существования — существование вне Бога, существование несопоставимое с вечным бытием. Все тварное «никоим образом не подобно своему Творцу по сущности, но находится вне Его» (*Athanas. Alex.* Or. contr. arian. I 20). Как созданное из ничего и как небезначальное, оно имеет по необходимости изменчивую природу. По этой же причине оно обречено на конечность своего существования. И если к.-л. из сотворенных существ не исчезает, то исключительно по благой воле Творца (Ibid. I 36). Бога можно назвать Создателем и «до» появления тварного, ибо Он мог творить всегда, но тварное не может существовать извечно, т. к. оно — из ничего, а не из Бога (*Флоровский.* С. 92–104).

Четко сформулированное учение свт. Афанасия Великого о радикальном различии между абсолютным Божественным бытием и условным бытием мира легло в основание святоотеческого понимания В. (*Ioan. Damasc.* De fide orth. II 1). Но терминологически это различие в данном вопросе было определено не сразу. Напр., у свт. *Григория,* еп. Нисского, понятие В. выражается еще не достаточно четко: нередко оно относится равным образом и к Богу, и к ангелам, что можно расценивать как своего рода дань платонической традиции, в к-рой единый «умопостигаемый мир», без различия Творца и творения, противопоставлялся миру материи. Но в трудах 2 др. каппадокийцев, святителей *Григория Богослова* и *Василия Великого,* граница между В. Божественной и В. тварной проводится уже очень резко. Свт. Василий первым из отцов Церкви стал терминологически отличать век (эон) ангелов от В. Бога. Причем если тварная В. ангелов сопоставима со временем, то В. Божественная ему трансцендентна (см.: *Otis B.* Cappadocian Thought as a Coherent System // DOP. 1958. N 12. P. 109; *idem.* Gregory of Nyssa and the Cappadocian Conception of Time // StPatr. 1976. Vol. 14. P. 327–357). Однако и на рубеже V–VI вв. мнение о безусловной В. ангельского мира все еще встречается у отдельных христ. мыслителей, близких к оригенизму. Так, автор капитального труда по антропологии «О природе человека» *Немесий,* еп. Эмесский, склоняется к этому мнению в интересах теории предсуществования душ. Но позднее благодаря в первую очередь *«Ареопагитикам»* (Areop. DN. V 4; X 3) и прп. *Максиму Исповеднику* (*Maximus Conf.* Schol. in DN. V 4) система 3 категорий в понимании В. и времени станет общепринятой: 1) время (категория, предполагающая различие «прошлого», «настоящего» и «будущего») — для материального мира; 2) эон («век», тварная В., в к-рой хотя и нет такого различия, но, т. к. она имеет начало, в ней сохраняется возможность некого изменения, развития) — для ангелов; 3) В. в собственном значении этого слова — применительно к безначальному Божественному бытию (см.: *Ioan. Damasc.* De fide orth. II 1).

В. Божественная. В понимании отцов Церкви В. не есть временная *бесконечность* или длительность без начала и конца, к-рую можно представлять в виде некой неоконченной линии, при этом рассматривая историю мира как отрезок этой линии, ограниченный началом творения, с одной стороны, и концом света — с др. (*Лосский.* С. 231). В. есть обладание всей полнотой бытия. «Вечностью,— писал прп. Максим Исповедник,— мы называем некую неподвижную и притом цельную жизнь, уже беспредельную и совершенно неколебимую» (*Maximus Conf.* Schol. in DN. V 4). По природе этой беспредельной жизнью может обладать только Бог, Который абсолютно не зависит от условий времени как формы изменчивого существования. Бог, по выражению свт. Григория Богослова, «сосредоточивает в Себе всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится», Он «всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, есть; ибо слова был и будет означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему, а Сущий — всегда» (*Greg. Nazianz.* Or. 38. 7). К Богу не приложимы понятия «раньше», «теперь», «после» и т. п. И прежде начала мира, и в конце его лежит одна Божественная В. «как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве» (Ibidem). Для Бога в равной мере открыты и реальны прошлое, настоящее и будущее: «...пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс 89. 5). По словам свт. Григория Богослова, «у Бога все пред очами, и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади; а для Бога все сливается в одно, и все держится в мышцах великого Божества» (*Greg. Nazianz.* Carm. dogm. 4). Однако «если движение, перемена, переход от одного состояния в другое суть категории времени, то им нельзя противопоставлять одно за другим понятия: неподвижность, неизменность, непреходящесть некой статичной вечности; это была бы вечность умозрительного мира Платона, но не вечность Бога Живого. Если Бог живет в вечности, эта живая вечность должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной вечности» (*Лосский.* С. 233).

Понятие В., т. о., в строгом смысле применимо только к Богу. В. есть свойство Его бытия, коренным образом отличное от времени — одного из необходимых условий изменчивого мира. В. по отношению ко времени трансцендентна. И хотя вслед. своей ограниченности мы вынуждены сопоставлять В. со временем, онтологически это совершенно несводимые реальности (*Greg. Nazianz.* Or. 29. 3).

В. тварная Свящ. Писание именует вечным не только Бога, но и невидимый ангельский мир (ср.: 2 Кор 4. 18) с нек-рой степенью условности. Тварная В., имеющая начало, принципиально отлична от В. безначальной, Божественной. По словам свт. Григория Богослова, «если Бог, то не тварь... Если же тварь, то не Бог, ибо получила начало во времени. А если получила начало, то было, когда ее не было» (*Greg. Nazianz.* Or. 42. 17). И если Бог называется вечным как нерожденный и безначальный и как Источник и Обладатель самой В., то ангелы именуются так не как совечные Богу, а лишь «как имеющие способность пребывать в тождествен-

ности» (*Maximus Conf.* Schol. in DN. X 3) и как по благодати, но не по природе, причастные В. Божией. «Ибо что безначально, то и бесконечно; а что бесконечно по благодати, то никак не безначально, как, например, ангелы» (*Ioan. Damasc.* De fide orth. I 8). Тварная В. есть «неподвижное время или вечно длящееся мгновение» и нек-рым образом сопоставима со временем. Она является своего рода посредствующим состоянием между сущим и возникающим, поистине вечным и временным (Areop. DN. X 3). Как нетленные и бессмертные, ангелы и человеческие души причастны В., но как имеющие начало и «существующие в становлении» — времени (*Maximus Conf.* Schol. in DN. X 3).

Вечный замысел Бога о мире и творение мира «в начале». Для решения вопроса о том, как вечный Бог может сотворить нечто временное, не утратив при этом своей неизменности, Церковь опиралась на положение свт. Афанасия Великого о нераздельном различии в Боге категорий природы и воли, к-рые в святоотеческом богословии соотносятся также с понятиями сущности и энергии. Ни предвечное рождение Сына Божия, к-рое есть дело природы, ни тем более творение во времени, к-рое есть дело свободного хотения (воли), не привносят в Божественное бытие никаких изменений. Вместе с тем, хотя творение есть дело воли вечного Бога, оно не может быть Ему совечным, «так как то, что выводится в бытие из не сущего, по природе не способно быть совечным безначальному и всегда сущему» (*Ioan. Damasc.* De fide orth. I 8).

При этом нельзя допустить, что мысль о творении мира могла возникнуть в Боге внезапно, как что-то, чего не было прежде. И Свящ. Писание (Деян 15. 18), и Свящ. Предание свидетельствуют, что предначертания, или образы, мира существуют в Боге предвечно. «Мироподный Ум,— писал свт. Григорий Богослов,— рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим» (*Greg. Nazianz.* Carm. dogm. 4). В. замысла Бога о творении отлична от временного характера самого творения. Замысел Божий есть совокупность предвечных Божественных идей о мире («благие произволения» в Ареопагитиках, «логосы сущего» у прп. Максима Исповедника или «нетварные энергии» у свт. *Григория Паламы*), в соответствии с к-рыми Бог «и предопределил, и произвел все существующее» (Areop. DN. V 8; ср.: *Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. 13). Предвечные идеи Бога о мире содержатся не в самой природе Божией, а в том, что «возле» природы (*Ioan. Damasc.* De fide orth. I 8), в том, что, по терминологии свт. Григория Паламы, следует относить не к сущности, а к энергии (*Greg. Pal.* Triad. I 3. 23). Это положение святоотеческого богословия приводит к различию 2 модусов Божественной В.: сущностной В., относящейся исключительно к области внутритроичного бытия, и энергийной В. свободных деяний Божественной благодати (*Мейендорф.* С. 190–191).

Творение есть переход от вечных Божественных предначертаний к их актуализации во времени. По учению прп. Максима Исповедника, 2 формам тварного бытия — умопостигаемому и чувственному — в Логосе Божием соответствуют 2 предвечные идеи — логос В. и логос времени. В этом смысле Бог именуется и Вечностью как Причина бессмертных разумных существ и Временем как Причина всего временного. В., «неподвижная и цельная жизнь, беспредельная и совершенно неколебимая, пребывающая в Едином», выступила вовне при сотворении ангелов. «Так же и время, покоившееся некогда в Вечносущем, проявилось при выступлении во вне, когда надо было, наконец, произойти и видимой природе. Итак, выход Божией благости в чувственное, при его сотворении, мы называем временем» (*Maximus Conf.* Schol. in DN. V 4).

При этом идея творящего выступления вовне исключает пантеистическое смешение Бога и мира, поскольку речь идет не об эманации (истечении) Божественной сущности, но о творении из ничего. Тварный мир получает собственную природу, радикально отличную от вызывающих ее из небытия Божественных энергий (*Greg. Pal.* Triad. III 3. 6–9). Осуществление этой сотворенной природы происходит в энергиях Творца, к-рые, не сливаясь с миром, пронизывают его и тем самым удерживают от уничтожения (Areop. DN. V 4; *Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. 2, 13).

Важную роль в преодолении стереотипов античного понимания В. сыграло акцентирование внимания в контексте христ. космологии на первом библейском стихе: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт 1. 1). Согласно свт. Василию Великому, данный текст свидетельствует, что Бог творит мир не в В. и, следов., мир не совечен Богу, и не во времени, ибо Бог существует вне времени и не зависит от него, но именно «в начале», т. е. в некой внезапности, в мгновении, к-рое еще не время, а лишь точка, с к-рой оно начинается, но уже и не В., а скорее грань В. и времени. «Поскольку действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано: в начале сотворил; потому что начало есть нечто не состоящее из частей и непротяженное. Как начало пути еще не путь и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, даже и не самомалейшая часть времени» (*Basil. Magn.* Hom. in Hex. 1. 6). Т. е. само по себе творящее действие Божественной воли вневременно, в потенции Бог создает все многообразие мира мгновенно (*Maximus Conf.* Quaest. ad Thalas. 2). Возникнув, тварный мир начинает изменяться, и это изменение порождает эффект времени.

Конец времени и приобщение твари к Божественной В. Время имеет начало и конец. Согласно Божественному Откровению, по окончании земной истории, когда наступит «тот неизмеримый и непротяженный предел времени», «последняя и крайняя вершина, после которой не остается ничего» (*Greg. Nyss.* De hom. opif. 12), мир переступит черту, за к-рой времени уже не будет (Откр 10. 6). «Тогда же... произойдет разложение всего на элементы, и при преложении целого соизменится и человеческое из тленного и землистого в бесстрастное и вечное» (*Greg. Nyss.* De hom. opif. 12). За пределами седмичного времени начнется символический восьмой день (*Basil. Magn.* Hom. in Hex. 4) и вся тварь, включая видимый мир, приобщится к Божественной В. (Areop. DN. X 3; *Maximus Conf.* Schol. in DN. 10. 3). Это преображение совершится, как и при первоначальном творении, мгновенно (1 Кор 15. 52). В теснейшее единение с Божественной В. вступит

тварная В. ангелов. Динамичное участие в вечной жизни Творца есть существенный аспект бесконечного процесса обожения всей твари.

Понимание В. в западном богословии. Древнее зап. богословие и средневек. лат. схоластика в понимании В. в основном придерживалась главных положений греч. патристики. *Боэций* определяет В. в близком к «Ареопагитикам» смысле: «Вечность есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечного бытия» (*Boetius.* Consol. V 6). Позднее *Фома Аквинский*, отстаивая это определение, сделал следующее уточнение: «Вечность определяется двояко: во-первых, как вечность в смысле бесконечности, то есть как не имеющая ни начала, ни конца (ни в каком из известных смыслов); во-вторых, как вечность в смысле отсутствия последовательности, как сразу вся полнота» (*Thom. Aquin.* Sum. Th. X 1). Вместе с тем он проводит грань между В. абсолютной, свойственной одному лишь Богу, и В. относительной, тварной, к-рая именуется вечной лишь в смысле причастности Божественному бытию: «Справедливо и истинно говорят о вечности, что она единственно в Боге, поскольку вечность есть следствие неизменности... Ведь один только Бог целокупно неизменен... Впрочем, однако, если кто обретает свою неизменность от Него, тот участвует и в Его вечности» (Ibid. X 3).

Однако в отличие от вост. богословия само «участие» в Божественной жизни понималось в зап. схоластике принципиально иным образом. Если в вост. богословии речь идет об «участии» в Божественных энергиях, а не в Божественной сущности, к-рая всегда остается абсолютно недоступной, трансцендентной, то в зап.— о постижении, хотя и частичном, самой сущности: и ангелы, и святые способны созерцать сущность Божества (т. н. блаженное видение сущности Божией), что в своих крайних выводах приводит к пантеистическому смешению. Начиная с блж. Августина благодать рассматривается в зап. богословии не как непосредственное действие Божие, но лишь как тварные символы Божественного присутствия, тварные элементы. Т. о. реальность обожения и соответственно возможность приобщения к Божественной В. уже во временной жизни ставится под сомнение.

С XVII в. в католич. богословии под влиянием проведенного Декартом противопоставления протяженной и мыслящей субстанций утвердилась концепция безусловной духовности ангельской природы, к-рая стала рассматриваться как чистая мыслящая субстанция, совершенно не зависящая от временных и пространственных категорий (*Лосский.* С. 251). Подспудно это привело к смещению радикального различия «нетварное — тварное» (Бог — ангелы, человеческие души, материальный мир) на уровень «умопостигаемое (ангелы и души) — чувственное (материальное)». Грань между Божественной В. и В. тварной стала менее отчетливой, что, по оценке В. Н. Лосского, следует рассматривать как один из многочисленных признаков тяготения католич. богословской мысли к философской традиции платонизма.

Лит.: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Православное догматическое богословие. СПб., 1882. С. 125–132; *Сильвестр (Малеванский), еп.* Опыт православного догматического богословия: В 5 т. К., Т. 2. 1885. С. 17–44; *Болотов В. В.* Учение Оригена о Св. Троице. СПб., 1879; *он же.* Лекции. Т. 2. С. 340–345; *Спасский А., проф.* История догматических движений в эпоху вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Серг. П., 1914. С. 168–176; *Флоровский Г., прот.* Понятие творения у свт. Афанасия Великого // *он же.* Догмат и история. М., 1998; *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 229–234; *Мейендорф И., прот.* Византийское богословие: Ист. тенденции и доктринальные темы. Минск, 2001. С. 187–192.

А. А. Зайцев

ВЕ́ЧНЫЕ МУ́КИ — см. ст. *Ад.*

ВЕЩЕСТВА́ ТА́ИНСТВ, природные элементы, используемые при совершении *таинств* и иных священнодействий. В. т., получив освящение через установленные Церковью молитвы, к-рые возносятся Богу предстоятелем от лица общины, затем преподаются верным и служат знаком духовного действия, происходящего в таинстве; тем самым В. т. представляют собой символы Божественной реальности в доступной для человеческого восприятия форме (см.: 1 Кор 13. 12; *Areop.* EH. 1. 2; *Maximus Conf.* Mystagogia. 24). К числу наиболее важных В. т. относятся *хлеб* и *вино, вода, елей* и *миро*. Эти природные элементы наилучшим образом отражают сущность того, что совершается в таинствах.

Рыба, держащая на спине сосуд с хлебами и вином. Роспись усыпальницы св. Люцины в катакомбах св. Каллиста. Нач. III в.

Хлеб и вино используются в первую очередь в таинстве *Евхаристии*. Во время *Тайной вечери*, накануне Своих Крестных страданий, Господь Иисус Христос благословил хлеб и чашу с вином, указав на них как на Свои Тело и Кровь и заповедав всем верующим вкушать и пить их в Его воспоминание. Господь образно говорит о Себе в Евангелии, что Он — «Хлеб, сшедший с небес» (Ин 6. 41, 51). Использование для главного из церковных таинств обычной повседневной пищи (какой и были в Средиземноморье в древности хлеб и вино — Пс 103. 15) указывает на то, что Бог входит в человеческую жизнь в самых основных и на первый взгляд незаметных ее проявлениях. Хлеб, мука для к-рого получается из мн. зерен, символизирует евхаристическое единство Церкви (Didache. 9). Правосл. Церковь использует для таинства Евхаристии только пшеничный и квасной хлеб (*Iren.* Adv. haer. 5. 2. 3), но по ряду причин употребление опресноков в Евхаристии было введено в арм. и католич. Церквах, что неоднократно осуждалось правосл. Церковью как отступление от древней традиции; большое внимание в спорах о качестве евхаристического хлеба всегда уделялось и символике, к-рая связана с употреблением квасного или пресного хлеба. Добавление соли в евхаристический хлеб упоминается уже в раннехрист. источниках (PG. 2. Col. 345), но последовательно применяется только в традиции правосл. Церкви. Помимо Евхаристии хлеб используется и в др. церковных священнодействиях, по происхождению связанных с общинными трапезами первых христиан (см. ст. *Артос, Благословение хлебов, Панагия, Просфора*).

Вино, к-рое в обычной жизни является символом радости и пира, при использовании в таинстве символизирует полноту новой жизни во Христе и радость Духа (ср.: Деян 2. 13), общение с Богом и брачный пир в Царстве небесном (Лк 22. 18). Однако вино своим видом напоминает кровь, и поэтому оно также указывает на Крест Христов (Ин 19. 34). Использование вина в Евхаристии говорит верным о единстве со Спасителем, Который сравнил Себя и учеников с ветвью и гроздями виноградной лозы (Ин 15. 1–8). Церковь с самого начала использовала за богослужением только чистое беспримесное виноградное вино, растворенное водой (*Iust. Martyr.* I Apol. 65. 3; Карф. 37). В древности считалось, что неразбавленное вино употребляют только «варварские» народы (скифы и т. п.), эллины же и римляне в $^{1}/_{3}$ вина обычно добавляли до $^{2}/_{3}$ воды. О смешении вина с водой Господом во время Тайной вечери упоминают мн. *анафоры,* хотя об этом и не говорится в Евангелии. В церковном употреблении вино при разбавлении не должно терять своего вкуса. Вода наливается в вино до освящения Даров; особенность визант. традиции в том, что вода вливается в евхаристическое вино дважды: во время *протесиса* (проскомидии), до начала литургии, и непосредственно перед Причащением (т. н. *теплота*). Вода не добавляется в вино только в арм. традиции, хотя первоначально также практиковалось смешение вина с водой, но с VI в. от этого сознательно отказались (см. ст. *Армянский обряд*), что было осуждено на Трулльском Соборе в К-поле (Трул. 32). В ранней Церкви существовали секты (эбиониты и др.), практиковавшие совершение Евхаристии не на хлебе и вине, а на хлебе и воде; практика совершения Евхаристии на воде без вина расценивалась св. отцами как еретическая (*Clem. Alex.* Strom. 1. 19. 96. 1; *Ioan. Chrysost.* In Matth. 82. 2 // PG. 58. Col. 740; *Theodoret.* Haer. fab. 1. 20; *Epiph.* Adv. haer. [Panarion]. 30. 16; 42. 3; 46. 2). Помимо вина использование за богослужением иных напитков запрещено (Апост. 3). В наст. время в РПЦ принято использовать красные десертные вина (кагоры и под.), но в богослужении др. Поместных Церквей широко используются и полусухие, и сухие красные вина; могут употребляться даже белые и розовые сорта. Как и хлеб, вино используется в Евхаристии и в чине благословения хлебов; в совр. практике правосл. Церкви вино обычно добавляют в елей в таинстве *Елеосвящения* (ср.: Лк 10. 34). Вино также используется в правосл. чине таинства *Брака:* новобрачные вкушают из общей чаши с вином, символизирующей радость брачного пира и единства супругов.

Вода имеет центральное значение в таинстве *Крещения.* Основные символы воды во всех традиц. культурах — жизнь и ее зарождение (ср.: Быт 1. 2), смерть (ср.: Быт 7. 17–22), очищение и омовение. Поэтому вода и используется для совершения таинства вступления в Церковь, где она символизирует очищение от грехов и погружение (греч. наименование Крещения — βάπτισμα, т. е. погружение) в смерть Христову, чтобы совоскреснуть с Господом. Вода освящается не только в Крещении, но и в малом и великом *водоосвящениях;* св. вода широко используется для окропления домов и различных предметов с целью их благословения, для вкушения и помазания с целью освящения повседневной жизни и получения исцеления. При *освящении храма* новосозданный престол омывают специально освященной водой, что является его символическим Крещением.

При Крещении используются также елей, т. е. оливковое масло, и миро — благовонное масло, сваренное из елея, вина и различных ароматических веществ. Елей в античной средиземноморской культуре употреблялся и в пищу, и для лечения, и как горючее вещество для лампад. В Др. Израиле елеем помазывали священников (Аарон и его сыновья), царей (Саул, Давид), пророков (Елисей). Спасителя, Чьего пришествия ожидал ветхий Израиль, называли Мессией-Христом, т. е. «Помазанником Божиим» (Ин 4. 25). Помазание елеем символизирует невидимое помазание человека Божественной благодатью, а также привитие нового христианина к маслине-Христу (Рим 11. 17). При Крещении елеем помазывают крещаемого, а также воду в купели. Сходную символику имеет и св. миро, но его благоухание более явно указывает на помазание даром Св. Духа, поэтому миро (к-рое в отличие от др. В. т. освящается только Главами Поместных Церквей или по их поручению епископами) употребляется при помазании новокрещеного (являя печать Св. Духа — см.: 2 Кор 1. 21–22; Еф 1. 13; 4. 30). Помазание св. миром также входит в чины принятия нек-рых инославных; им помазываются при поставлении правосл. цари. Также миро используют при освящении храмов, иногда икон и евхаристических сосудов (в совр. греч. практике); в католич. Церкви помазание св. миром входит также в чин рукоположения во пресвитера.

Кроме своей основной символики елей, будучи лекарственным средством, указывает и на исцеляющую милость Божию. В связи с этим он входит в чины, связанные с *врачеванием,*— в первую очередь в чин таинства Елеосвящения (см.: Иак 5. 14–18; Мк 6. 13). Как и хлеб с вином, елей употребляется в чине благословения хлебов. Вместе с елеем в последнем чине благословляется пшеница — в древних монашеских общинах из пшеницы и елея варили простую грубую кашу; пшеница используется и в чине Елеосвящения. Наряду с восковыми свечами елей в древности был основным средством освещения и до сих пор используется в храмах в качестве лампадного масла. Во время праздничной всенощной настоятель помазывает прихожан елеем, взятым из лампады, горящей у иконы празднуемого святого (Типикон. Гл. 3) — это помазание символизирует благословение, к-рое святой невидимо преподает верующим. Елей должен представлять собой чистое оливковое масло; тем не менее в РПЦ за неимением оливкового часто используют масла иных растений (напр., подсолнечное). Эта практика, хотя и отчасти оправданная, нарушает библейскую символику елея (ср.: Рим 11) и не соответствует церковной традиции (напр., визант. полемисты упрекали армян, в частности, в замене елея кунжутным маслом), поэтому следует стремиться употреблять за богослужением именно оливковое масло.

Кроме хлеба, вина, воды, елея и мира в широком смысле слова к В. т. можно причислить *ладан,* представляющий собой благовонную смолу и используемый при кажении; *воскомастих* и розовую воду, используемые в чине освящения храма; воск, из к-рого изготовляются

свечи. С раннехрист. времен Церковь благословляла и освящала первые плоды различных фруктов (напр., указания о благословении первых плодов есть уже в *«Апостольском предании»*, памятнике III в.), и подобные чины совершаются в правосл. Церкви на нек-рые праздники. В ранней Церкви бытовала также традиция давать новокрещеным молоко и мед (*Tertull.* De corona. 3; Adv. Marcion. 1. 14; *Hieron.* Adv. Lucifer. 1. 8) как символы достижения в таинстве земли обетованной (Исх 3. 8 и др.), причем в нек-рых местностях было принято вкушать их во время крещальной литургии между принятием Тела и Крови (об этом говорится, напр., в «Апостольском предании»). Однако уже Карф. 37 ограничивает принесение их в храм для новокрещеных только одним днем в году, а Трул. 57 запрещает эту практику окончательно. С IV в. приносить к алтарю животную пищу и молоко запрещено (Апост. 3).

В католич. Церкви характер В. т. помимо тех же веществ, что и в правосл. Церкви, имеют освященные соль, используемая при освящении воды и в предкрещальных чинах (см.: *Aug.* Confess. 1. 11. 17), и пепел, символизирующий покаяние и раздаваемый перед началом Великого поста (см. ст. *Пепельная среда*).

Все В. т., к-рые участвовали в богослужении, являются святынями и требуют благоговейного отношения. Вдвойне это относится к Св. Дарам, св. миру и воде Крещения. Оставшиеся после литургии Дары обязательно потребляет диакон или священник, св. миро омывается после Крещения, вода Крещения выливается только в непопираемое место (гл. 199 Номоканона при Большом Требнике). Запасные Св. Дары и св. миро хранятся в алтаре, на св. престоле.

Развернутое богословское осмысление использования В. т. в богослужении есть уже у авторов III в.— напр., у Климента Александрийского и Оригена. Большое влияние на развитие богословия таинств и, в частности, на понимание В. т. оказали сочинения блж. Августина, интерпретировавшего таинства как одну из разновидностей знаков (*Aug.* De civ. Dei 10. 5; Con. Faust. 19. 1–2, 16; Ep. 138. 7), состоящих из слова и вещества (*Aug.* In Ioan. Tract. 80. 3). В средневек. зап. схоластике под влиянием аристотелизма материальная сторона таинств была втиснута в рамки категорий мышления; в лат. богословие были введены категории формы и материи, субстанции и акциденции. Поскольку с XII в. наметилось значительное сужение самого термина «таинство», в католич. богословии под В. т. стали понимать только те натуральные элементы, что используются в чинопоследованиях Крещения, Конфирмации, Евхаристии и Елеосвящения. Внешние свойства и качества этих веществ были строго регламентированы. Любое отклонение или несоответствие хотя бы по одному показателю стало считаться непреодолимым препятствием для совершения и действенности таинств. Священнослужители, сознательно нарушавшие предписанные нормы в отношении В. т. или попустительствовавшие их несоблюдению, подлежали строгим прещениям вплоть до извержения из сана. Основные положения были после Тридентского Собора (1545) включены, окончательно кодифицированы и опубликованы в послесоборных католич. богослужебных книгах.

Схоластическое учение о таинствах в XVII–XIX вв. оказало влияние на богослужебную практику РПЦ. В частности, использование В. т. было строго регламентировано в «Учительном известии», к-рое с 1694 г. помещается в рус. печатных изданиях Служебника в качестве приложения. Его текст был составлен справщиком Евфимием Чудовским на основе Требника митр. Петра (Могилы) (1646), а свт. Петр в свою очередь при составлении своего Требника заимствовал основные положения из послетридентского рим. Миссала (точнее, из разд. «Rubricae generales Missalis: De defectibus»). Созданный митр. Петром трактат, включенный им в его Требник, был не единственным — уже в нач. XVII в. подобные сочинения, составленные по образцу и на основе рубрик католич. богослужебных книг, публиковались в приложениях к Служебникам, изданным в белорус. землях (напр., в Вильно в 1617 г.: «Наука иереом до порядного отправования службы Божия велце потребная»). Текст «Учительного известия» соборно не обсуждался, но, будучи напечатанным при Служебнике, был воспринят как однозначно авторитетный; с кон. XVIII в. его нормы стали общеобязательными для рус. священников и вошли во все учебники литургики и догматического богословия (*Сове Б. И.* История литургической науки в России // УЗ РПУ ап. Иоанна Богослова. М., 1996. Вып. 2. С. 31–98).

На Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. был поднят вопрос о В. т. (*Карабинов И. А.* Историко-литургическая справка «О евхаристическом хлебе и вине» // БТ. 1998. Сб. 34. С. 324–333). По материалам работы богослужебной комиссии был издан циркуляр, предписывавший в связи с разрухой и отсутствием продовольствия снизить требования к В. т.— в частности, в случае нехватки пшеничной муки должного качества предлагалось сократить количество литургийных просфор и даже готовить их из хорошей ржаной муки, а красное вино заменять белым или, за неимением и такого, натуральными соками. При этом в качестве основного требования к В. т. выдвигался не их конкретный состав, а доброкачественность. Оригинал циркуляра не сохранился, а его проведение в жизнь было воспринято неоднозначно. Получив одобрение со стороны свт. Тихона (Белавина), сщмч. Кирилла (Смирнова), священноисп. Афанасия (Сахарова) и др., он вместе с тем подвергся резкой критике со стороны др. церковных деятелей (см.: *Новоселов М. А.* Письма к друзьям. М., 1994. С. 24–33). Развернувшиеся гонения на Церковь, движение «обновленчества» и снижение остроты положения с продовольствием вернули ситуацию к дособорному состоянию. Однако изменение взглядов на В. т. позволило верующим вести литургическую жизнь даже в условиях концлагерей и ссылок. С послевоенных лет и вплоть до наст. времени вопрос о В. т. в РПЦ официально не рассматривался.

А. А. Ткаченко

ВЕ́ЩЬ В СЕБЕ́ [нем. Ding an sich], философский термин, обозначающий бытие вещей самих по себе безотносительно к их познанию (к тому как они «являются» или познаются).

В. в с.— центральное понятие философии И. *Канта*, в своем основании восходящее к принятому уже в античной философии понятию

бытия самого по себе. В философии *Платона* и *Аристотеля* используются конструкции αὐτὸ ἐφ' ἑαυτοῦ (*Plat.* Theaet. 152 b) и αὐτὸ καθ' αὐτό (Theaet. 157a; *Arist.* EN. 1095a 27) — вещь «сама по себе», явление «само по себе»,— предполагающие различения бытия в себе и бытия для другого; в диалоге «Федон», обсуждая проблемы прекрасного, доброго, справедливого и священного «самого по себе», Платон возводил их к понятию «бытия самого по себе (αὐτὸ ὃ ἔστι)» (Phaedo. 75d), подразумевая идею, Аристотель в «Метафизике» понимал форму как «сущее само по себе» (Met. 1051b 29). Тщательно рассматриваемая Платоном в диалоге «Парменид» онтологическая проблематика Единого «в себе» и «самого по себе» в отношении к «иному» (Уму) и «другому» (Parm. 143a – 160b) имела исключительное значение для всей античной философии; в качестве философского обоснования теизма и понимания Бога как Абсолюта она оказала большое влияние на развитие эллинистической философии. В учениях *Плотина* и *Прокла* конструкции «само по себе», «в себе» «единое-в-себе» выступают в качестве основания для различения Единого и Ума.

Др. источник В. в с., имеющий отношение к античности, связан с учением о познании, с разделением у *Парменида* знания по «истине» и по «мнению» и отождествлением истины с бытием, а мнения с феноменальным миром, с развившейся на этой основе концепцией первичных и вторичных качеств у *Демокрита*, а также с логической и метафизической проблематикой учения о субстанции и акциденции у Аристотеля.

Эта проблематика вместе с переводами Аристотеля на лат. язык была унаследована философией ср. веков; вслед за блж. *Августином*, *Боэцием* и др. термины «per se ipsum», «per se», «само по себе» нашли самое широкое распространение в учениях о Боге и субстанции. В видоизмененном виде она сохранила свое значение и в новоевроп. философии с ее общей ориентацией на теорию познания и учение о методе и отрицательным отношением к схоластике. В спорах представителей рационализма и эмпиризма (Р. *Декарт*, Б. *Спиноза*, Дж. *Локк*, Дж. *Беркли*, Д. *Юм*, Г. В. *Лейбниц* и др.) особое место занимают вопросы существования субстанции (самой по себе), ее познаваемости, отношения субстанции и акциденции. Декарт, Локк, Т. *Гоббс* и др. проводят границу между вещью самой по себе и тем, как она представляется познающему субъекту, противопоставляя пространственно-геометрические свойства самих вещей (т. н. первичные качества) свойствам вещей, опосредствованным восприятиями субъекта (вторичным качествам). В нем. философии термин «an sich» (пер. лат. in se), «в себе», встречается у М. *Мендельсона*, Х. *Вольфа* и А. Г. Баумгартена.

К истории формирования понятия «вещь в себе» у Канта. Проблема В. в с. в учении Канта принадлежит к числу самых трудных проблем его философии; ее толкование породило обширную лит-ру. Кант категорически отвергал любые попытки упразднить В. в с. О том, что проблема В. в с. и ее дальнейшей разработки оставалась сложнейшей и даже загадочной для самого Канта, говорят изменения, внесенные им во 2-е изд. «Критики чистого разума»; в др. книгах, вплоть до последней незавершенной — «Переход от метафизических начал естествознания к физике», эта проблема продолжала волновать Канта (Из рукописного наследия. С. 450, 481, 486). Основные трудности, с к-рыми он столкнулся и к-рые пытался разрешить, разрабатывая свое учение «об основании различения всех предметов вообще на phenomena и noumena», имели отношение к двум взаимосвязанным аспектам этой проблемы — пониманию самой В. в с. и возможности ее адекватного выражения в языке.

Разделение на ноумены и феномены появляется в написанной Кантом 1770 г. диссертации «De mundi sensibilis atque intelligibilis forma et principiis» (О форме и началах чувственного и умопостигаемого мира). Отличая чувственное познание (явления, феномены) от рассудочного и умопостигаемого (ноуменов), Кант ссылался на «античные школы» (Соч. Т. 2. С. 390), «отменный обычай древности рассуждать о природе феноменов и ноуменов» (Там же. С. 393) и определял различие между ними: «...чувственно познанное это представление о вещах — как они нам являются, а представления рассудочные — как они существуют [на самом деле]» (Там же. С. 390). Кант еще не разграничивал со всей определенностью и ясностью сферу компетенции рассудка и разума, теоретического и практического разума в отношении к феноменам и ноуменам. В этой же диссертации представлены в общем виде 2 из 4 антиномий, к-рые, по словам Канта, разбудили его «от догматического сна» (Письмо к Гарве от 21 сент. 1798 г. // Трактаты и письма. С. 617), однако эти математические антиномии по причине отсутствия специального учения о В. в с. даны без опирающихся на понятие В. в с. доказательств тезисов и антитезисов, что было сделано позднее в «Критике чистого разума». В написанном в связи с диссертацией письме к И. Г. Ламберту (от 2 сент. 1770) Кант считал возможным предпослать метафизике особую науку — phaenomenologia generalis (общую феноменологию), в задачу к-рой будет входить определение границ, «принципов чувственности, дабы предотвратить их воздействие на суждения о предметах чистого разума» (Там же. С. 522). В письме М. Герцу (от 21 февр. 1772) Кант о проведенных им исследованиях в теоретической философии писал, что ему «не хватает еще кое-чего существенного», что он, «как и другие, упустил из виду... ключ ко всей тайне метафизики...» (Соч. Т. 2. С. 430). Есть основания полагать, что этим «ключом» было новое понимание ноумена как В. в с., разграничение в связи с учением о трансцендентальной дедукции явлений и В. в с. по их отношению к чувственности, рассудку и разуму, определение метафизического статуса В. в с. в отношении к свободе, нравственности и Богу.

Многозначность термина «вещь в себе» в сочинениях Канта. Разработанное Кантом в «Критике чистого разума» учение о В. в с. (ноуменах) и вещах для нас (феноменах) занимает центральное место в его философии и является той внутренней основой, к-рая связывает воедино все части кантовской системы и определяет ее подлинную новизну и оригинальность. В «Критике чистого разума» исходной предпосылкой разделения явлений (природы) и В. в с. выступает познание. Кант писал: «Знание относится только к явлениям, а вещь в себе остается непознанной нами» (Соч. Т. 3. С. 89). Понимая явления как вещи,

данные нам в чувственном созерцании (интуиции, Anschaung) и благодаря этому мыслимые посредством рассудка, Кант противопоставлял явлениям (природе) В. в с., к-рые ни в каком чувственном опыте нам не даны и непознаваемы, поскольку теоретическое познание, по Канту, предполагает синтез чувственности и рассудка. Критики Канта задавали вполне обоснованный вопрос: если В. в с. непознаваема, то на каком основании можно говорить о ее существовании и нужна ли она вообще?

В своем учении о познании, соединяющем рационализм и эмпиризм, опытное и априорное знание, Кант исходил из нек-рых фундаментальных предпосылок, в частности, он полагал, что подлинное знание носит опытный характер, но сам опыт определяется доопытными трансцендентальными структурами чувственности и рассудка. Различая материальные и формальные условия опыта, Кант к первым относил то «нечто» (условно говоря — вещь), что воздействует на нас, вызывая ощущения, и называл это «материей» опыта; к форме же опыта (полагая ее определяющей) он относил априорные формы чувственного созерцания и априорные категории рассудка. Многообразие ощущений (материя опыта) в явлении «упорядочивается», получает определенный смысл лишь тогда, когда оно приводится к единству присущими нам априорными формами чувственного созерцания (это означает, что предмет дан) и подводится под априорные категории рассудка, к-рые позволяют этот предмет мыслить. Применяя неопределенное понятие «нечто» (В. в с.), «некий х», воздействующий на нас, Кант пытался избежать обоснованных упреков в том, что вещь (как явление) своим существованием обязана познающему субъекту, к-рый в этом случае выступает не только в качестве необходимого формального условия ее смысла, но и образует «материю» ее существования. Этот метафизический статус В. в с., несмотря на ее апофатический характер, представляется одним из устоев всей кантовской философии.

Рассматривая пространство и время в качестве априорных форм чувственного созерцания, Кант писал: «...пространство и время суть определения не вещей в себе, а явлений: каковы вещи в себе, я не знаю и мне незачем это знать, потому что вещь никогда не может предстать мне иначе как в явлении» (Там же. С. 325). Тем самым Кант отличает вещи вообще, объекты, предметы (и т. п.) от В. в с., к-рые в строгом смысле этого слова вещами не являются. В связи с тем что основанием для различения явлений и феноменов (или В. в с.) выступает познающий субъект, еще при жизни Канта возникло противопоставление познаваемых явлений их непознаваемой сущности (В. в с.), внешнего внутреннему. Это ошибочное толкование, разделяющее и противопоставляющее явление и сущность в вещах, своим происхождением отчасти было обязано самому Канту, к-рый называл лежащие в «основе явлений» В. в с. «умопостигаемыми сущностями» (Пролегомены... // Соч. Т. 4(1). С. 134), имея в виду возможное «трансцендентное» применение категорий рассудка за пределами опыта; при этом Кант не всегда был последователен и точен в своих формулировках, с одной стороны, он неизменно подчеркивал, что о такой «умопостигаемой сущности» нельзя ничего знать (теоретическое познание ее невозможно), более того, правильное применение «сущности» как априорной категории рассудка допустимо лишь в отношении явлений природы (т. е. в пределах возможного опыта); с др.— он утверждал, что было бы ошибкой полагать «наш опыт единственно возможным способом познания вещей», следовательно, нельзя считать «наше созерцание в пространстве и времени — единственно возможным созерцанием, а наш дискурсивный рассудок — прообразом всякого возможного рассудка» и принимать «принципы возможности опыта за всеобщие условия вещей самих по себе» (Там же. С. 174–175).

Стремление знать, что представляют собой В. в с., Кант связывал с природой человека, с присущей человеческому разуму метафизической потребностью мыслить безусловное. Рассматривая В. в с. как «безусловное», он противопоставлял им явления, вещи для нас, в качестве «обусловленного» априорными структурами чувственности и рассудка. Опираясь на положение, «если дано обусловленное, то дана и вся сумма условий, т. е. безусловное, благодаря которому единственно возможно было обусловленное» (Соч. Т. 3. С. 257), Кант предпринял попытку исследовать «безусловное», т. е. В. в с., в 3 направлениях: как абсолютное (безусловное) единство субъекта (вопрос о душе); как абсолютное единство ряда условий явлений (вопрос о мире в целом); как абсолютное единство условий всех предметов мышления вообще (вопрос о Боге). Пытаясь познать безусловное и продвигаясь от обусловленного к безусловному, теоретический разум запутывается в противоречиях, отмечал Кант, выходит за пределы возможного опыта и применяет рассудочные понятия, предназначенные для познания вещей для нас («обусловленного»), в качестве средств познания В. в с. («безусловного»). Душа, мир в целом, Бог (т. е. то, что составляет «абсолютно безусловное», В. в с.), по Канту, не могут быть предметом опытного теоретического знания, они суть идеи; внеопытное же их исследование (в форме рациональной психологии, космологии и теологии) не представляет для Канта научной ценности.

В «Критике чистого разума» Кант, различая реальное основание существования и логическое, сформулировал чрезвычайно важное положение, касающееся понимания вещей и их отличия от В. в с. По учению Канта, «возможность вещи можно доказать, только подкрепляя понятие этой вещи соответствующим ему созерцанием, но никогда нельзя ее доказать ссылкой на одно лишь отсутствие противоречия в понятии вещи» (Соч. Т. 3. С. 308). Т. о. с помощью учения о В. в с. проводится демаркационная линия между пространственно-временным миром и миром, лежащим вне пространства и времени, между тем, что относится к метафизике природы, и тем, что лежит за ее пределами и относится к области практического разума, к нравственности, религии. Это — граница, к-рая должна помочь избежать сверхчувственного применения теоретического разума к «вещам», лежащим за пределами опытного познания, она разделяет знание опытное и внеопытное. В теоретической философии Кант называл В. в с. «проблематическим понятием», понятием, к-рое «не содержит никакого противоречия... но объективную реальность которого никоим образом нельзя познать» (Там же. С. 309), и обосновывал не-

познаваемость В. в с. тем, что она не есть объект, или предмет (Там же. С. 332–333).

В предисловии ко 2-му изд. «Критики чистого разума» Кант писал: «Я не могу... даже допустить существование Бога, свободы и бессмертия для целей необходимого практического применения разума, если не отниму у спекулятивного разума также его притязаний на трансцендентные знания...»; и далее: «...мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере» (Там же. С. 95)

Переход от теоретического разума к практическому, по Канту, предполагает перемену т. зр. на В. в с., к-рая теперь получает новый смысл. Если в теоретической философии В. в с. по преимуществу рассматривается в отрицательном смысле, в качестве границы, то в практической — понимание В. в с. как находящихся за пределами природы и господствующей в природе естественной необходимости позволяют Канту связать В. в с. со свободой, разработать принципы *автономной этики,* учение о личности, бессмертии души, вечной жизни, воздаянии, вере в Бога и религии. Кант не противопоставлял практический разум теоретическому, но разграничивал их области. Область применения практического разума — это область свободы («безусловного»), В. в с., понимаемых как мир идей. Свобода, по Канту, составляет существенное определение человека; как природное существо, человек подчиняется естественной необходимости и принадлежит миру пространственно-временному, а как существо, обладающее душой (В. в с.), он принадлежит к вневременному нравственному миру и утверждает свою свободу тем, что устанавливает для себя нравственный закон. В своей нравственности человек, считал Кант, подымается до веры в Бога, Творца, Судию. Бог, душа, бессмертие человека, по Канту, недоступны теоретическому разуму, не могут стать предметом опытного исследования; это — В. в с., идеи практического разума, постулаты веры. Отрицая опытное богопознание и догматическое богословие, Кант противопоставлял им философскую веру, свою версию нравственного богословия.

Проблема В. в с. в послекантовской философии. И. Г. *Фихте,* считавший себя последователем Канта, рассматривал В. в с. как ненужную для трансцендентальной философии — это не могло не вызвать гневную отповедь Канта (Заявление по поводу Наукоучения Фихте // Трактаты и письма. С. 624–626). До Фихте о противоречиях, связанных с концепцией В. в с., высказывался Ф. Г. *Якоби,* к-рый вместе с тем понимал значение этого учения для философии Канта. Ф. В. Й. *Шеллинг* и Г. В. Ф. *Гегель* критиковали учение о В. в с.; в своих теоретических построениях они придерживались принципа тождества бытия и мышления, исключавшего существование В. в с. в кантовском смысле. У Гегеля термины «в себе», «для другого», «в себе и для себя», понимаемые в качестве тезиса, антитезиса и синтеза, образуют триаду. А. *Шопенгауэр* высоко оценивал учение Канта о В. в с., однако полагал, что он испортил это учение во 2-м изд. «Критики чистого разума»; к тому же, по мнению Шопенгауэра, Кант не понял главного, что В. в с. является воля. Ф. *Ницше* отвергал учение о В. в с. как закрепляющее разделение мира на земной и небесный, едко высмеивал его, утверждая, что В. в с. «достойна «гомерического хохота»» (ПСС. Т. 3. С. 5–7, 25–27). В неокантианстве тема В. в с. занимала важное место: для Г. Когена, П. Наторпа и др. В. в с. не бытие, а принцип цели, «пограничное понятие» (Grenzbegriff), без к-рого не может обойтись теория познания; В. Виндельбанд ошибку Канта усматривал в отрицании им возможности интеллектуальной интуиции как особой способности, посредством к-рой Божественный дух созидает В. в с. М. *Хайдеггер,* представитель *экзистенциализма,* объяснял ноумен в качестве положенного в чистом рассудке непознаваемого, образующего основу явлений, и тем самым отрицал онтологический статус В. в с.

Религиозная философия и богословие в России о В. в с. П. Д. *Юркевич* в работе «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта» проводил аналогию и исследовал различия, существующие между вещью и идеей, явлением и В. в с. (С. 498–500). Вл. С. *Соловьёв* основной недостаток кантовского учения о В. в с. видел в отсутствии у него продуманного учения о трансцендентальном субъекте, «универсального ума, которого мышление своими всеобщими и необходимыми формами и категориями создает и определяет все предметы и явления» (Кант. С. 373). С. Н. *Трубецкой* в ст. «О природе человеческого сознания» отмечал двойственный характер В. в с.: она «идея разума» и «иррациональный источник» (С. 52) эмпирического познания; он считал ошибочным понимание В. в с. («безусловно» абсолютного) вне «вселенского сознания» (С. 55). Г. Г. *Шпет* в работе «Проблема причинности у Юма и Канта» придерживался строго феноменалистской трактовки учения Канта о познании; считал, что только т. о. преодолимы противоречия, связанные с учением о В. в с. (С. 186). Л. М. *Лопатин* в ст. «Учение Канта о познании» писал, что критика Кантом доказательств существования Бога и противопоставление феноменального мира ноуменальному создает видимость приоритета мира феноменального, на самом же деле вне чувственного сознания он «ничто», в то время как мир ноуменальный (В. в с.) есть мир разума, нравственности, веры, единственно мыслимый мир (С. 62). Н. О. *Лосский* во «Введении в философию» считал учение о В. в с. догматической предпосылкой философии Канта и связывал с ним все недостатки его теории познания (С. 227). Е. Н. *Трубецкой* в кн. «Метафизические предположения познания» отмечал противоречия в понимании В. в с.: вопреки утверждениям Канта о ее непознаваемости в «Критике чистого разума» содержится и «весьма определенное отрицательное знание» о ней (С. 120), и положительное знание (В. в с. как «неизвестная нам реальность x» — С. 122). Свящ. Павел Флоренский считал В. в с. одним из тех метафизических постулатов Канта, к-рые закрепляют отъединенность и обособленность человека от Бога, оправдывают субъективизм и ошибочное понимание религии в пределах разума; в цикле работ «Философия культа» он трактовал В. в с. Канта как «культо-борство» (С. 106), рассматривая их только в отношении к явлениям.

В нек-рых работах XIX в. по правосл. догматике принято разделение на «в себе» и «в отношении» к миру. Так, митр. *Макарий* (Булгаков) в «Православно-догматическом богословии» (СПб., 1868) придерживался следующего основного деления: «Бог в Самом Себе»

и «Бог в общем отношении Его к миру и человеку». Это деление, близкое по форме к учению Канта, не имеет с ним ничего общего по содержанию. Митр. Макарий отмечал главные условия «нашего» знания о Боге в Самом Себе: 1) «Бог благоволил открыть нам о Самом Себе»; 2) Церковь есть хранительница Откровения (Т. 1. С. 74).

В. Н. *Лосский* в своем «Догматическом богословии» использовал словосочетания «Бог в Нем Самом» и «Бог, Который Себя открывает», он связывает с первым — апофатическое ведение («мы не можем мыслить Бога в Нем Самом, в Его сущности, в Его сокровенной тайне» (С. 204), со вторым — путь катафатического познания. Лосский исходит из принципа неразрывного единства имманентного и трансцендентного, апофатического и катафатического, единства, коренящегося в тайне Троицы и раскрывающегося в троичном богословии.

Ист.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964–1966; *он же.* Трактаты и письма. М., 1980; *он же.* Из рукописного наследия. М., 2000.

Лит.: *Windelband W.* Über die verschiedenen Phasen der kantischen Lehre vom Dinge an sich // Zeitschr. wiss. Phil. I. 1877; *Lehman R.* Kants Lehre vom Ding an sich. B., 1878; *Щербина А. М.* Учение Канта о вещи в себе. К., 1904; *Юркевич П. Д.* Разум по учению Платона и опыт по учению Канта // Филос. произв. М., 1990. С. 466–526; *Шпет Г.* Проблема причинности у Юма и Канта. К., 1907; *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания // Соч. М., 1908. Т. 2. С. 1–110; *Соловьев В. С.* Кант // Собр. соч.: В 10 т. Пг., [1911–1914]. Т. 10. С. 345–380; *Brysz S.* Das Ding an sich und die empirische Anschauung in Kants Philosophie. Halle, 1913; *Лопатин Л. М.* Учение Канта о познании // *он же.* Филос. характеристики и речи. М., 1914. С. 56–69; *Вышеславцев Б. П.* Этика Фихте. М., 1914; Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 12; *Трубецкой Е. Н.* Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917; *Лосский Н. О.* Введение в философию. Пг., 1918². Ч. 1; *Adikes E., von.* Kant und das Dinge an sich. S. l., 1924; *Noll B.* Kants und Fichtes Frage nach dem Ding. Fr. / M., 1936; *Heimsoeth H.* Persönlichkeitsbewusstsein und Dinge an sich // Studien zur Philosophie I. Kants. Bonn, 1956. Bd. 1; *Schaw G.* Das Problem des Dinges an sich in der englischen Kant-interpretation. Bonn, 1967; *Prauss G.* Kant und das Problem der Dinge an sich. Bonn, 1974; *Heidegger M.* Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernuft. WS. 1927/28 // GA. Fr./M., 1977. Bd. 25; *Гайденко П. П.* Монадология Лейбница и кантовское понятие «вещи в себе» // Этика Канта и современность. Рига, 1989; Кант и философия в России. М., 1994 [Библиогр.]; *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб., 1997; *Флоренский П., свящ.* Философия культа. М., 2004. С. 99–125.

А. Т. Казарян

ВЁЛЬФЛИН [нем. Wölfflin] Генрих (21.06.1864, Винтертур — 19.07. 1945, Цюрих), швейцар. теоретик и историк искусства, с именем к-рого связано становление истории искусства как самостоятельной научной дисциплины; создатель метода формально-стилистического анализа художественных памятников. Получил образование в Базельском ун-те, где под влиянием своего учителя Я. *Буркхардта* заинтересовался концепционными построениями и идеей «классического искусства» как вершиной развития художественного стиля. Заканчивал образование в ун-те Мюнхена под рук. проф. Г. фон Брунна. В 1886 г. защитил дис. «Пролегомены к психологии архитектуры» (опубл. посмертно: Prolegomena zur Psychologie der Architektur. Münch., 1946). Преподавал в Мюнхенском ун-те, затем в Базеле (после смерти Буркхардта в 1893 занял его кафедру), в Берлине, снова в Мюнхене, с 1924 г. до конца жизни — в Цюрихе.

Решающим для становления теории развития искусства В. стало его знакомство в 1887 г. в Риме с группой нем. интеллектуалов (философ К. Фидлер, живописец Х. фон Маре, скульптор А. фон Хильдебранд), объединенных идеей возрождения «большого стиля» на основе «вечных законов художественного творчества». В. привлекла возможность превращения истории искусства в объективную науку, поскольку форма, по его мнению, могла быть «математически» измерена. В основе теории В. лежит идея о существовании различных «методов видения», характерных для тех или иных исторических эпох. Различие методов связано с эволюцией психической природы человека, порождающей изменение зрительного восприятия предметного мира и как следствие форм его воспроизведения в искусстве. Исследователь подчеркивал, что смена стилей не зависит от сознательной воли художников. Т. о., развитие художественных форм у В.— внутренне обусловленный, имманентный процесс, подчиняющий себе все остальные моменты творческой деятельности. Любые знания о художниках играют для понимания искусства второстепенную роль, отсюда знаменитый тезис В.: не «история художников», а «история искусства без имен».

В кн. «Renaissance und Barock: eine Untersuch. über Wesen u. Entstehung d. Barockstils in Italien» (Münch., 1888; рус. пер.: Ренессанс и барокко. СПб., 1913), написанной В. в Риме, ученый рассматривал ренессанс и барокко не как сменяющие друг друга стили, а как 2 разных способа художественного мышления. В смене ренессансного стиля барочным он был склонен видеть одну из важнейших закономерностей в развитии формы, наблюдаемую не только в итал. искусстве. В процессе исследования сущности и происхождения барочного стиля ученый пытался выработать систему понятий для описания различных «методов видения». Эта работа была продолжена в кн. «Die klassische Kunst: eine Einf. in die italienische Renaissance» (Münch., 1899; рус. пер.: Классическое искусство. СПб., 1912), где В. представил искусство Высокого Возрождения как результат развития «чисто оптического характера», направленного «к объединенному созерцанию многого и к слитому в необходимое целое соотношению частей». Вывод о «классическом искусстве» как не конкретно-исторической, а вневременной категории получил дальнейшее развитие в «Kunstgeschichtliche Grundbegriffe: das Problem der Stilentwicklung in der neueren Kunst» (Münch., 1915; рус. пер.: Основные понятия истории искусств: Пробл. эволюции стиля в новом искусстве. М.; Л., 1930). В этой книге метод В. приобрел последовательно не исторический характер, ученый создал картину искусства нового времени, используя формальные категории, состоящие из 5 пар контрастных понятий (линейного и живописного, плоскостного и глубинного, замкнутой и открытой формы, множественности и единства, абсолютной и относительной ясности). Эта система явилась своеобразным завершением теоретических построений ученого.

Труды В. были переведены на основные европ. языки. Его идеи не только господствовали среди историков искусства, но и влияли на изобразительное искусство, развитие литературоведения и нек-рых др. гуманитарных дисциплин. Популярности В. помимо научной новизны и актуальности его идей способствовала лит. одаренность исследователя. Следствием широкой известности явилось избрание В.

в члены Прусской АН – он стал первым исследователем, получившим звание академика за работы в области истории искусства.

После первой мировой войны метод «формального» подхода к искусству подвергся основательной критике. Новое поколение историков искусства склонялось к концепции «истории искусства как истории духа» М. *Дворжака* и идеям набирающей силу иконологической школы (Э. Панофский).

В советской науке об искусстве метод В., уже в 20-х гг. на Западе утративший актуальность, был сознательно законсервирован. В эпоху господства атеистического мировоззрения рядом с отечественной, восходящей к иконографическим исследованиям Н. П. *Кондакова* традицией стилистического анализа формальный метод казался более приемлемым. Метод В. лег в основу искусствоведческого образования и приобрел характер универсального инструмента исследования. С одной стороны, это сохранило саму возможность заниматься исследованиями древнерус. и визант. искусства (работы В. Н. *Лазарева*, М. В. *Алпатова*), но, с др. стороны, именно в области восточнохрист. искусства метод В. оказался малоэффективен, более того, породил неадекватную картину его художественного развития, поскольку был разработан для описания исторически и типологически иных явлений.

Соч.: Die Kunst Albrecht Dürers. Münch., 1905; Italien und das deutsche Formgefühl. Münch., 1931 (рус. пер.: Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса. Л., 1934); Kleine Schriften (1886–1933) / Hrsg. v. J. Gantner. Basel, 1946 [Bibliogr.].

Лит.: *Недошивин Г. А.* Генрих Вёльфлин // История европ. искусствознания: 2-я пол. XIX – нач. XX в. М., 1969. Кн. 1; *Lurz M.* Heinrich Wöllflin: Biographie einer Kunsttheorie. Worms am Rhein, 1981; *Чегот И. Д.* Основные понятия истории искусств Г. Вёльфлина: АКД / ЛГУ. Л., 1983; *Лидов А. М.* Генрих Вёльфлин // 1989: Сто памятных дат: Худож. календарь. М., 1988. С. 197–202.

А. М. Лидов

ВЗДО́РНОВ Герольд Иванович (род. 17.11.1936, с. Байкалово Свердловской обл.), историк искусства, специалист по истории древнерус. искусства и культуры. Окончил отд-ние истории и теории искусства исторического фак-та МГУ (1959); ст. научный сотрудник и хранитель отдела искусства XVIII в. СПГИАХМЗ (1958–1961), ведущий научный сотрудник ВЦНИЛКР (с 1964), канд. искусствоведения (1967, канд. дис. «Рукописные книги Северо-Вост. Руси XII – нач. XV в. как памятники искусства»), д-р искусствоведения (1985, докт. дис. «Феофан Грек: творческое наследие художника и проблемы его истолкования»). Чл.-кор. РАН по отд-нию лит-ры и языка (искусствоведение) (с 1994). Лауреат гос. премии СССР (1980) и гос. премии РФ (1999).

Область научных интересов В.– история древнерус. и визант. живописи, рус. архитектура XVII–XVIII вв., искусство книги, музейное дело, история и теория реставрации. Им впервые опубликованы монографии о творчестве *Феофана Грека*, о фресках ц. *Успения Богородицы на Волотовом поле* близ Новгорода, об истории изучения древнерус. живописи в XIX в. и о творчестве Н. Л. *Окунева*, А. И. *Анисимова*, Ю. А. *Олсуфьева*, И. И. *Бриллиантова* и др. историков искусства. Под ред. В. изданы монографии В. Н. *Лазарева* «Двусторонние таблетки из собора св. Софии в Новгороде» (М., 1977), «Русская иконопись: От истоков до нач. XVI в.» (М., 1983, 1996), «История визант. живописи» (М., 1986. 2 т.), «Искусство Древней Руси: Мозаики и фрески» (Милан; М., 2000). В.– создатель Музея фресок Дионисия в Ферапонтове, издатель и редактор «Ферапонтовских сборников» (Ферапонтово; М., 1985–2002. Т. 1–6).

Соч.: Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978; Искусство книги в Др. Руси: Рукописная кн. Сев.-Вост. Руси XII – нач. XV в. М., 1980; Феофан Грек: Творческое наследие. М., 1983; История открытия и изучения рус. средневек. живописи, XIX в. М., 1986; Волотово: Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989; Материалы к истории Музея фресок Дионисия: Друзья Музея (1993–1998). М.; Ферапонтово, 1998 (в соавт. с М. Н. Шаромазовым); Общество «Икона в Париже». М.; П., 2002. 2 т. (в соавт. с З. Е. Залесской и О. В. Лелековой); Старопечатные кириллические книги в Музее фресок Дионисия, 1538–1918: Кат.-путев. М.; Ферапонтово, 2003 (в соавт. с М. Н. Шаромазовым).

Лит.: *Красилин М. М., Подвигина И. Л.* Список печатных работ Г. И. Вздорнова. М., 2000.

Ю. Р. Савельев

«ВЗЫГРА́НИЕ» («Взыграние Младенца»), рус. название одного из вариантов иконографического типа Богоматери *Елеусы*, отражающее подчеркнуто эмоциональный характер взаимоотношений Богоматери с Сыном, изображенным играющим (или резвящимся). Название извода появилось на Руси в эпоху позднего средневековья, не являлось ни лит. эпитетом, ни топонимом, имело хождение преимущественно в среде иконописцев и любителей иконописи; случаи использования его в качестве сопровождающей надписи на самих иконах не известны. В большинстве композиций этого извода Младенец Иисус, сидящий на левой или правой руке Богородицы, порывисто тянется ручками к лику Матери, касаясь Ее подбородка или щеки, резко закинув назад голову. Его фигура полна живого, нетерпеливого движения, так что Богоматери приходится удерживать Сына, нежно прижимая одну из Его обнаженных ножек

Богоматерь Пелагонитисса. Фреска алтарной преграды ц. вмч. Георгия в Старо-Нагоричино. 1318 г.

(часто скрещенных). Неотъемлемой деталью иконографии является свернутый свиток в откинутой назад руке Младенца.

Относительно происхождения иконографии «В.» существовали различные мнения: Н. П. *Кондаков* и Н. П. *Лихачёв* считали, что Византия позаимствовала ее из итал. искусства XIV в., где композиция с играющим Младенцем получила широкое распространение. Ф. Швайнфурт связывал зарождение этого типа на Западе с искусством готики. Большинство же исследователей (К. Вайгельт, А. Н. Грабар, Н. М. Беляев, П. Мильковик-Пепек, В. Н. Лазарев) не сомневались в визант. происхождении иконографии, по их мнению занесенной в Италию с Востока, однако каждый из них по-разному определял регион и время ее формирования.

Иконография «В.», лишенная характерной для мн. визант. богородичных икон иератичности, получила широкое распространение в поствизант. искусстве, особенно в слав. странах. Ее прототипом, очевидно, является не дошедший до нас древний образ Богоматери *Пелагонитиссы*, почитавшийся в местности Пелагония (Македония). О его существовании здесь говорят многочисленные повторения в серб. живописи, композиционно близкие типу «В.» и уже с XIV в. сопровождаемые надписью: «Пелагонитисса» (напр., фреска 1318 на алтарной преграде ц. вмч. Георгия в Старо-Нагоричино). Об особом почитании этой иконы в Сербии свидетельствует тот факт, что ее изображения украшают ниши аркосолиев над гробницами кесаря Воихны и деспота Иоанна Углеши, потомков серб. королевского рода Неманичей в кафоликоне мон-ря Хиландар на Афоне (60-е гг. XIV в.). Все наиболее ранние изображения «В.» либо встречаются на Балканах (на территории совр. Греции, Македонии и Сербии), либо были исполнены балканскими мастерами: фрагмент фрески XI в. на зап. грани сев. предалтарного столпа ц. Св. Софии в Охриде, македон. икона «Богоматерь Елеуса» позднего XII в. (Византийский музей, Афины); миниатюра из серб. Призренского Евангелия XIII в. из Белградской народной б-ки (Cod. 297/3. Fol. 71; утрачено), воспроизводящая, судя по обрамлению, чтимую древнюю икону Пелагонитиссы; икона сер. XIV в. из афонского мон-ря Филофея; выносная серб. икона 2-й пол. XIV в. из мон-ря Хиландар с изображением прор. Илии на обороте (см. ст. *«Евхаитская» (Серрская) икона Божией Матери*), фреска ц. Успения мон-ря Трескавец близ Прилепа (Македония), ок. 1360 г.; фреска 1422 г. с надписью «Богородица Елеуса» в храме св. Алипия в Кастории; серб. икона 1422 г., написанная Макарием Зографом в Зрзе (Худож. галерея, Скопье); фреска «Богородица Рассиотисса Гликофилуса» в храме Богородицы Рассиотиссы в Кастории, 1553 г., а также многочисленные греч. и крит. иконы XV–XVI вв., получившие различные наименования (Богородица Гликофилуса, Кардиотисса и др.). Поза разыгравшегося Младенца Христа известна в визант. памятниках комниновского времени

Икона Божией Матери «Взыграние Младенца». 1422 г. Мастер Макарий Зограф (Худож. галерея. Скопье)

(инициал с поясным изображением Богоматери с Младенцем в Гомилиях Иакова Коккиновафского — Vat. gr. 1162. Fol. 32, XII в.; икона XII в. «Богоматерь с Младенцем типа Киккской на троне, в окружении пророков и святых» из мон-ря вмц. Екатерины на Синае). Иконографи-

Богоматерь с Младенцем типа Киккской на троне. Средник иконы. XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

ческий тип «В.» был распространен и в др. восточнохрист. землях (среди наиболее ранних примеров сир. миниатюра в Книге псалмов 1203 г. (Add. 7154. Fol. 1v) — образ заключен в отдельную рамку).

Подобно нек-рым др. визант. богородичным иконам, жанровый характер изображения «В.» скорее всего сформировался из повествовательных евангельских сцен, в первую очередь композиции «Сретение Господне». Драматический характер движения Младенца Христа, порывисто хватающегося за край мафория Матери, более всего напоминает позу Младенца в сцене Сретения, где Он часто показан вырывающимся из рук Богоматери. Это соответствует текстам гомилий и проповедей, посвященных принесению Богомладенца в храм, для к-рых характерным является мотив «взыграния» Младенца, влекомого силой своего жертвенного предназначения от Матери на руки Симеона, предвозвещающего страстной путь (Гомилии на Сретение Григория Никомидийского — PG. 28. Col. 985C — 988A). В ряде др. текстов также подчеркивается антитеза ласкания Богородицей Младенца Христа и оплакивание Ею мертвого Сына: «Когда-то я растила Тебя материнскими руками, когда Ты по-детски подпрыгивал и скакал, а ныне Ты лежишь на тех же руках мертвый» (Псевдо-Симеон Метафраст — PG. 144. Col. 126). Иконография Пелагонитиссы является своего рода изобразительным синтезом этих противоположных смысловых акцентов: на *Киккской иконе* «взыграние» Младенца близко к отвержению (жест правой ручки) нежной ласки Матери, на *Владимирской иконе* Он приникает к лику Богородицы.

В рус. иконографии к типу «В.» относятся: *Яхромская*, «Взыграние» Акидимская, *Угрешская «Взыграние»* (празд. 7 нояб.) и др. иконы Божией Матери.

Лит.: *Кондаков.* Иконография Богоматери. С. 182–187; *Лихачев Н. П.* Ист. значение итало-греч. иконописи: Изображения Богоматери в произв. итало-греч. иконописцев и их влияние на композиции нек-рых прославленных рус. икон. СПб., 1911. С. 209–214; *Weigelt C.* An Early Trecento Umbrian Painter // Art in America. N. Y., 1927. P. 255–264; *Grabar A.* Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique. Strasbourg, 1928. P. 76. Pl. VII–1; *idem.* Deux images de la Vierge dans un manuscrit serbe // L'art Byzantine chez les slaves. P., 1930. Vol. 2. P. 264–276; *idem.* Les images de la Vierge de Tendresse // Zograf. 1975. [Vol.] 6. P. 25–30; *Беляев Н.* Образ Божьей Матери Пелагонитиссы // Bsl. 1930. Vol. 2. S. 386–394; *Schweinfurth Ph.* Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930. S. 444; *Миљковић-Пепек П.* Умилител-

ните мотиви во византиската уметност на Балканот и проблемот на Богородица Пелагонитиса // Археолошкиот музеј во Скопје. Скопје, 1958. 1957/1958. Зб. 2. С. 1–31; *Pallas D. I.* Passion und Bestattung Christi in Byzanz: Der Ritus — das Bild. Münch., 1965. S. 167–173. (Miscellanea Byzantina Monacensia; 2); *Лазарев В. Н.* Этюды по иконографии Богоматери // *он же.* Визант. живопись. М., 1971. С. 291–298; *Hadermann-Misguich L.* Pelagonitissa et Kardiotissa // Byzantion. 1983. Vol. 53. P. 10–16; *idem.* La Vierge Kikkotissa et l'éventuelle origine latine de son voile // FS f. K. Wessel zum 70: Geburtstag in memoriam / Red. M. Restle. Münch., 1988. S. 197–204 (Münchener Arbeiten zur Kunstgeschichte und Archäologie; Bd. 2); *N. P. Š.* Virgin Eleousa // ODB. Vol. 3. P. 2171; *Baltoyanni Ch.* The Virgin Glykophilousa and the «Reclining Infant» in an Icon of the Loverdos Coll. // ΔΧΑΕ. 1991/1992. Т. 16. Σ. 219–236; *eadem.* Icons: Mother of God. Athens, 1994; Hilandar Monastery. Belgrad, 1998. P. 211–213; *Бельтинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи искусства. М., 2002. С. 330–331.

И. А. Шалина

«ВЗЫГРА́НИЕ» УГРЕ́ШСКАЯ ИКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ — см. *Угрешская «Взыграние» икона Божией Матери.*

«ВЗЫСКА́НИЕ ПОГИ́БШИХ» ИКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ (празд. 5 февр.), под этим названием известны неск. чудотворных икон. Служба с акафистом «В. п.» составлена во 2-й пол. XIX в. на основе общей службы Пресв. Богородице, молитвословий и службы празднику Сретение Господне; молитва взята из рус. текста повести «О покаянии Феофила, экономa церковного, во граде Адане» (VII в.), известной на Руси с XVII в., где впервые появляется эпитет «Взыскание погибших» по отношению к Богоматери. Сюжет восходит к IV в.: инок Феофил, служивший при архиерейском доме, был оклеветан и изгнан оттуда. От несправедливости он возроптал на Господа и заключил союз с диаволом, подписав с ним хартию. Раскаявшись в своем отступничестве, инок неусыпно молил Божию Матерь перед Ее иконой о прощении, называя Богородицу «Взысканием погибших». Моление Феофила было услышано, и Пресв. Богородица, возвестив о прощении грехов, вернула подписанную им хартию. Об иконографии образа, перед к-рым молился Феофил, сообщений нет.

Начало почитания иконы с таким названием в России приходится на XVIII в., когда прославились чудотворениями неск. образов, связанных с повестью «О покаянии Феофила» только эпитетом Богоматери.

«В. п.» из ц. св. Георгия г. Болхова Орловской губ., по преданию, была написана в 1707 г. (размер ок. 210×120 см). В наст. время местонахождение этой иконы, наиболее ранней из известных образов с таким названием, неизвестно; храм в 2003 г. передан РПЦ и восстанавливается.

«В. п.» из с. Бор Тарусского у. Калужской губ. (ныне Жуковский р-н Калужской обл.) прославилась в 1-й пол. XVIII в. Крестьянин Федот Алексеевич Обухов из дер. Вязовны в приходе с. Бор, занимавшийся скупкой пеньки и конопляного семени, был застигнут по пути в с. Голдаево вьюгой и сбился с дороги, оказавшись на краю непроходимого оврага. Обессилев, он выпряг лошадь, привязал ее к саням, а сам лег в них. Почувствовав, что замерзает, он взмолился о помощи к Божией Матери и дал обет написать список с Ее иконы, находящейся в Георгиевской ц. Болхова, для храма своего села. Необъяснимым образом лошадь и сани с лежавшим в них без сознания Федотом оказались у ворот крестьянина Рыданских постоялых дворов Генеральчикова, к-рый, находясь в избе, услышал голос: «Возьмите». Федота нашли и, обогрев, вернули к жизни. С просьбой написать список с иконы Федот обратился к художнику из Болхова Гурову. Тот согласился написать образ, но назначил слишком высокую цену, однако был вразумлен настигшей его слепотой. Пообещав сделать работу за любую предложенную цену, Гуров прозрел. Написанную им икону Обухов, исполнив обет, пожертвовал в ц. во имя свт. Николая, архиеп. Мирликийского с. Бор. В 1798 г. на средства паломников, приходивших к иконе, был воздвигнут каменный храм. Место его постройки было указано Богородицей в тонком сне старосте церкви. Один из приделов был освящен в честь иконы Божией Матери *«Всех скорбящих Радость»*, ок. 1780 г. туда была перенесена «В. п.». В 1849–1853 гг. в благодарность за избавление от холеры возвели новый каменный храм и освятили его во имя иконы Божией Матери «В. п.» (не сохр., последний настоятель свящ. Михаил Виноградов арестован в 1937).

Особенностью этой иконы (размер ок. 200×125 см) было изображение в ее верхней части «Крещения Господня» в память спасения крестьянина Федота Обухова в этот праздник. Ее украшала серебряная с позолотой риза весом более 16 кг (утрачена). Икона была известна также под названием «Борская Покровенная», т. к. в отличие от др. икон «В. п.» Пресв. Богородица была изображена на ней в традиц. мафории.

В архиве Калужской Духовной консистории хранятся свидетельства о чудесах от иконы. В июне 1850 г. сады с. Гостешева Тарусского у. были избавлены от нашествия

Икона Божией Матери «Взыскание погибших». XIX в. (ц. Воскресения Христова в Тарусе)

гусениц («червя») по молебному прошению перед принесенным из с. Бор образом. В память об этом событии был установлен ежегодный крестный ход с чудотворной иконой. В 1868 г. перед иконой, принесенной в с. Татьянинское Тарусского у., был отслужен молебен об избавлении от засухи. В тот же день пролил дождь и жители постановили ежегодно устраивать в селе крестный ход с иконой; на 4-й год за несоблюдение этого обета выпал град, опустошивший поля и луга. Икона явила чудо в 1848 г., отведя от сел Тарусского у. эпидемию холеры. В 1871 г. служащие фабрики Коншина г. Серпухова получили разрешение Московского митр. Иннокентия (Вениаминова) и Калужского архиеп. Григория (Митькевича) принести в город «В. п.» для

избавления от холеры. 29 авг. вокруг города был совершен крестный ход, после чего эпидемия пошла на убыль. Благодарные жители Серпухова пожертвовали в борскую церковь литой серебряный с золотом крест и напрестольное Евангелие в таком же окладе с изображением «В. п.» и памятной надписью.

Первоначально праздник иконе из с. Бор приходился на 7 марта, с 1857 г.— на 5 февр. (после согласования дня чествования одноименных икон, происходящих из разных мест). Судьба иконы после 1917 г. неизвестна.

Список иконы из с. Бор, выполненный, очевидно, в кон. XIX — нач. XX в., находился в ц. Воскресения Христова с. Роща. После его закрытия в 60-х гг. был перенесен в Успенскую ц. с. Истомина, где находился до закрытия храма в 1975 г. 4 февр. 1985 г. список с Боровской иконы «В. п.» был передан в ц. Воскресения Христова г. Тарусы неизвестными жертвователями. О близости этой иконы к своему оригиналу свидетельствуют ее размеры (210×120 см), включение композиции «Рождество Христово» и надпись в нижней части: «Подобие чудотворной иконы, именуемой Взыскание погибших, находящейся в церкви села Бора Тарусского уез. Калуж. епархии». До 1975 г. икону украшала риза (местонахождение неизвестно).

К иконографии иконы из с. Бор восходит также чтимый образ «В. п.» из московской ц. свт. Николая в Кузнецкой слободе. По нек-рым сведениям (*Богословский*. С. 55), список находился и в ц. Петра и Павла на Преображенской пл. (снесена в 1964).

«В. п.» из Раковского во имя Св. Троицы мон-ря почитается в Самарском крае и Поволжье с нач. 60-х гг. XIX в. Основным источником сведений о ней является очерк самарского свящ. Петра Альбицкого, составленный в 1896 г. по поручению еп. Самарского и Ставропольского *Гурия (Буртасовского)*. Свящ. П. Альбицким были использованы рукописные материалы, присланные в 1893 г. настоятельницей *Раковского во имя Св. Троицы жен. мон-ря* игум. Анатолией (Тейс), на протяжении 23 лет являвшейся очевидицей мн. чудес от иконы. Среди 5 рукописей, посвященных «В. п.», одна была записана со слов владелицы иконы Анны Ивановны Кадышевой «первым священником Раковской общины», др. переписана дочерью Кадышевой «с рукописной тетради ея матери». Еще одна рукопись озаглавлена «Дело по ходатайству настоятельницы Раковской Свято-Троицкой женской общины о дозволении ношения св. иконы Божией Матери «Взыскание погибших» по

Икона Божией Матери «Взыскание погибших» в киоте. XIX в. (собор Покрова Пресв. Богородицы в Самаре). Фотография. 2003 г.

селениям Самарской епархии уездов Бугурусланского и Ставропольского. Началось 9-го ноября 1862 г.». Рукописи содержат сказания о чудесах от иконы, происшедших в 1861–1895 гг. (описано 37 чудотворений: исцеления от болезней, избавления от засухи и саранчи).

«В. п.» была фамильной святыней дворянского рода Кадышевых. Согласно семейному преданию, она приплыла по Волге к Саратову и была явлена местному воеводе Кадышеву в 1666 г. (*Альбицкий*. С. 123) или во 2-й пол. XVIII в. («Поездка в Раковскую жен. пустынь...». С. 441). Обретение иконы ознаменовалось исцелением воеводы и чудесным обличением похитителей церковного имущества. После смерти мужа А. И. Кадышева решила посвятить свою жизнь Богу. С 1859 г. она стала устроительницей и настоятельницей жен. монашеской общины близ с. Раковка Самарской губ., куда принесла с собой чудотворную икону. По свидетельству одной из сестер Раковской обители М. В. Тихановой, сопровождавшей Кадышеву во время ее пребывания в С.-Петербурге, после водосвятного молебна перед иконой «В. п.» исцелился 11-летний сын гр. Шереметева. Известие об этом дошло до митр. Московского *Филарета (Дроздова)*, пожелавшего увидеть икону. На средства гр. Шереметева, решившего в благодарность за исцеление сына украсить икону, по рисунку свт. Филарета был создан серебряный позолоченный киот в виде сияния, с литыми по сторонам ангелами и венцами из драгоценных камней над главами Богородицы и Младенца. В 1866 г. была сделана серебряная риза с украшениями из эмали, бриллиантов, бирюзы и жемчуга. Вероятно, именно этот драгоценный убор украшает икону в наст. время.

Первоначально «В. п.» находилась над царскими вратами в Свято-Троицкой теплой домовой ц. настоятельского корпуса; для поклонения молящихся ее спускали на шнурах. С 20 мая 1895 г. на летнее время икона переносилась в новый каменный Свято-Троицкий храм. С 1862 г. ее приносили из мон-ря в г. Ставрополь (совр. Тольятти Самарской обл.), Мелекесский Завод (совр. Димитровград Ульяновской обл.), в села Самарского, Ставропольского и Бугурусланского уездов для совершения молебнов. По просьбе жителей Самары Святейшим Синодом было дано разрешение ежегодно на 2 месяца доставлять икону в город для поклонения.

В 1924 г. монахини мон-ря отказались передать ее обновленческому архиеп. (председателю епархиального управления) Александру Анисимову (?), о чем он 17 сент. того же года писал в донесении представителям местной власти (ГА Самарской обл. Ф. Р–857. Оп. 5. Д. 62. Л. 4). После закрытия Раковского мон-ря в 1928 г. икона, вероятно, сохранялась в близлежащем селе, на квартире у оставшихся в живых монахинь. По свидетельствам современников, в 30-х гг. в Покровском храме г. Самары (в 1935–1991 Куйбышев), принадлежавшем тогда обновленцам, а в 1941 г. ставшем кафедральным собором Куйбышевской и Сызранской епархии, находилась икона «В. п.», но, по заключению еп. Куйбышевского *Иеронима (Захарова)*, это был позднейший список с чудотворной иконы. Согласно распоряжению еп. Иеронима, в 1953/54 г. в Покровский кафедральный собор была перенесена икона «В. п.», сохранявшаяся раковскими монахинями, в соборе она

Икона Божией Матери «Взыскание погибших». XIX в. (собор Покрова Пресв. Богородицы в Самаре). Фотография. 2003 г.

пребывает и в наст. время. По вторникам перед иконой поется акафист; в день ее празднования совершаются торжественный молебен и крестный ход; икона участвует в проводимом ежегодно в сер. сент. крестном ходе вокруг города.

Икона писана на доске без ковчега. Ее размеры (31,7×23,9 см) близки описанным свящ. П. Альбицким. Богоматерь облачена в платье красно-коричневых тонов, плат на Ее главе и хитон Младенца обильно разделаны золотом. Поверх авторского слоя темперной живописи сделаны грубые прописи в области глаз, носа и губ. Характер личного письма и иконография иконы указывают на ее близость к памятникам, выполненным под влиянием зап. (итал. или критских) образцов в кон. XVIII в.

В рукописях Раковского мон-ря было зафиксировано чудесное изменение вида иконы: обычно она была темной и черты ликов едва различались; иногда образ просветлялся («как бы лучи и сияние исходят»), что рассматривалось как предвестие радостного события. Известны случаи появления на лике Божией Матери, лике и руках Младенца капелек мира, напр., с мая по окт. 1895 г., во время освящения нового Свято-Троицкого каменного монастырского храма, придел к-рого был посвящен «В. п.», и совершавшихся перед иконой молебнов в домах жителей окрестных сел.

По словам Кадышевой, в нач. 60-х гг. XIX в., во время ее остановки в Н. Новгороде по пути из С.-Петербурга, Нижегородский еп. *Нектарий (Надеждин)* пожелал иметь копию с иконы, к-рая была выполнена инокиней Дивеевского мон-ря. Она находилась в Нижегородском Спасском (Ярмарочном) соборе. Др. копия, написанная настоятельницей Раковского мон-ря игум. Анатолией, хранилась в крестовой церкви Самарского архиерейского дома, близ правого клироса. Судьба этих 2 списков неизвестна.

В самарском храме апостолов Петра и Павла находится копия, написанная, как значится на обороте, «в подобие и меру», крестьянином с. Утёвка Бузулукского у. Самарской губ. Григорием Журавлёвым 13 февр. 1888 г. Этот список, как и все др. иконы, Журавлёв, инвалид по рождению, лишенный рук и ног, выполнил, держа кисть зубами.

В 50-х гг. XX в. в р-не Мариенбург г. Гатчина Ленинградской обл. была обретена икона «В. п.», в советские годы бывшая частью настила пешеходного моста. Из надписи на иконе известно, что она «сооружена» 31 окт. 1888 г. усердием настоятельницы Свято-Троицкого Раковского мон-ря Самарской губ. и того же уезда игум. Анатолии с сестрами в память чудесного избавления имп. Александра III и его семьи «от опасности при крушении поезда» (17 окт. 1888 г. близ ст. Борки). В наст. время этот образ находится в ц. Покрова Божией Матери в Мариенбурге. 17 февр. 1994 г. на всенощной в канун празднования «В. п.» образ начал мироточить.

«В. п.» из с. Малижина Богодуховского у. Харьковской губ., по преданию, была обретена ок. 1770 г.; прославлена исцелением помещицы Лесницкой и троекратным избавлением этой местности от холеры. Др. сведений об иконе нет.

«В. п.» ц. Рождества Христова в Палашах в Москве (в наст. время в ц. Воскресения словущего на Успенском вражке) датируется 1802 г. (см.: О Тебе радуется: Рус. иконы Богоматери XVI — нач. XX в. М., 1995. С. 62. Кат. 50). По преданию, владелец этой иконы был вдов и один воспитывал 3 дочерей. Его молитвы перед образом Пресв. Богородицы о благополучии дочерей были услышаны: они счастливо вышли замуж, а благодарный отец, как ему было указано в сонном видении, передал семейную святыню в свой приходской храм Рождества Христова в Палашах. Во время разорения французами Москвы в 1812 г. икона была разбита на части и брошена вместе с др. церковным имуществом. После ее обретения была восстановлена стараниями худож. Т. Г. Мягкова. В 1815 г. в Рождественской ц. на месте прежнего Покровского придела по ходатайству прихожан был устроен и освящен придел в честь «В. п.», где икона находилась до разрушения храма (1935–1937). Затем образ перенесли на короткое время сначала в ц. Воскресения словущего на М. Бронной ул. (разобрана в 1935, снесена в 1938), затем в ц. Вознесения Христова («Малое Вознесение») на Б. Никитской ул. (закрыт в 1937), в наст. время «В. п.» находится в ц. Воскресения словущего на Успенском вражке. В 1981 г. от оставленной свечи возник пожар, пострадал киот иконы, однако образ остался невредим. В 1982 г., после обновления киота, «В. п.» была перенесена на солею, слева от царских врат главного придела.

Образ написан маслом в традициях западноевроп. живописи. На полях изображены святые — небесные

Икона Божией Матери «Взыскание погибших». 1802 г. (ц. Воскресения словущего на Успенском вражке в Москве)

покровители прежних владельцев: мч. Мамант, ап. Филипп, прав. Анна, свт. Николай Мирликийский, прмц. Параскева, вмц. Екатерина.

В день празднования «В. п.» в палашевском храме литургию совершали Московские митрополиты или викарные архиереи, неоднократно служил Патриарх свт. Тихон.

Традиция совершения литургии 5 февр. архиерейским чином сохранилась и после перенесения иконы в Воскресенскую ц. на Успенском вражке; по воскресным дням перед иконой читается акафист.

В Успенском соборе новомосковского Свято-Успенского муж. мон-ря Тульской обл. (с 1992), слева от иконостаса, рядом с ковчегом с частицей мощей блж. старицы Матроны, в киоте хранится образ «В. п.», написанный по ее просьбе и ранее находившийся в ц. Успения Божией Матери в с. Себине Тульской обл. На полях иконы изображены свт. Николай Мирликийский и мч. Лавр. Икона украшена серебряной чеканной ризой. В воскресные дни перед ней совершается молебен с чтением совмещенного акафиста иконе и блж. Матроне (др. образ, созданный также по воле старицы, в наст. время пребывает в московском жен. мон-ре в честь Покрова Пресв. Богородицы).

Особенности иконографии. Под названием «В. п.» известны 2 извода, восходящие к разным чтимым протографам. Их сходство ограничивается положением стоящего справа в рост Младенца Христа, левой ручкой охватывающего шею Богоматери, правой прикасающегося к горловине ее платья. Различаются положения голов Богоматери и Младенца: на иконах, повторяющих болховский образец (иконы из с. Бор и г. Таруса, из московской ц. свт. Николая в Кузнецах), лики не соприкасаются; в др. варианте (иконы из Раковского мон-ря, из московской ц. Рождества Христова в Палашах и др.) Младенец прикасается к щеке Богоматери. Различия касаются и положения рук Богоматери, что является характерным отличительным моментом для извода 2-го типа: руки Богородицы кольцом охватывают Младенца, пальцы плотно сцеплены между собой; в 1-м типе кисти рук, придерживающих Младенца, расположены близко друг к другу, но не соприкасаются, сохраняя молитвенный жест. Во 2-м изводе Богоматерь изображена сидящей, так что Младенец, обе ножки Которого (левая отведена назад) видны из-под хитона, стоит на Ее правом колене (или коленях); в 1-м варианте Младенец опирается ножками о подобие парапета, на передней части к-рого надпись-посвящение. На иконах 1-го типа на голове Богородицы традиц. мафорий; на иконах, подобных образу раковского мон-ря, Ее голову покрывает спускающийся на плечи до середины груди плат, из-под него видны пряди волос; на московской иконе волосы Богородицы не прикрыты и свободно спадают на плечи.

Иконография богородичных образов 1-го типа известна с XII в. (мозаика ц. св. Франчески в Риме, 1130–1143 гг., рельеф в Капелле Дзен в соборе Сан-Марко в Венеции, XIII в.) и получила распространение на Руси с почитанием *Феодоровской* (посл. треть XIII в.), *Толгской* (кон. XIII в.) икон Божией Матери. Несмотря на известность в рус. традиции этой иконографии, ее появление в XVIII в. в варианте «В. п.» может быть обусловлено влиянием зап. художественной культуры, в т. ч. воспринятой через посредство укр. иконописи. О косвенном влиянии зап. образца в изводе 1-го типа можно судить по характерным изображениям херувимов по сторонам Богоматери с Младенцем; не свойственна для традиц. иконописания и переброшенная от ножек Младенца через Его плечо развевающаяся ткань, отдаленно напоминающая гиматий. Более ярко это влияние выражено в иконах др. извода, в написании одежд Богоматери и пейзажа, к-рый виден через окно архитектурного портика.

Гимнография. В совр. рус. Минее на февр. (Минея (МП). Февр. С. 175–189) помещено полиелейное последование «В. п.». В него входят в т. ч., следующие элементы: 2 тропаря, 7-го гласа («**Ра́дуйся, благода́тная Бе́це Де́во, во ѡ҃бра́тїихъ свои́хъ прев҃е́чнаго младе́нца и бг҃а носи́вшая:**») и 4-го гласа («**Взыщи́ на́съ, погиба́ющихъ, пре́ста́я Де́во:**»); канон 4-го гласа (ирмос: «**Ѿве́рзо́ у҃ста̀ моя̀:**», нач.: «**Ѹ҃милосе́дися ѡ҃ на́съ гр҃е́шныхъ, погиба́ющихъ, пре́ста́я Де́во**»); в последовании использованы общие кондаки Богородицы 6-го гласа: «**Предста́тельство хр҃ті́анъ непостыдное:**» и «**Не имамы и҃ны́я по́мощи:**».

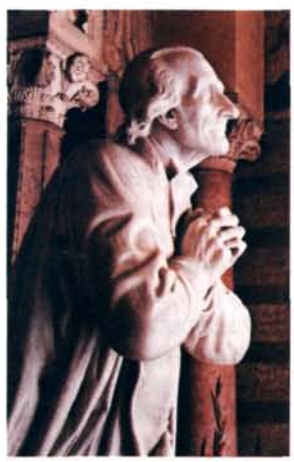
Арх.: ГА Калужской обл. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2209. Л. 34.

Лит.: *Рождественский А., свящ.* Сказание о иконе Божией Матери «Взыскание Погибших, что в с. Бор» // Калужские ЕВ. 1864. № 24. С. 436; Поездка в Раковскую жен. пуст. Самарской губ. // ДЧ. 1882. Авг. С. 432–443; *Ливанов И., свящ.* Преобразование Св.-Троицкой Раковской жен. общины в мон-рь // Самарские ЕВ. Ч. неофиц. 1887. № 4. С. 65–76; *Альбицкий П., свящ.* Исторические сведения об иконе Божией Матери, именуемой «Взыскание погибших», находящейся в Св.-Троицком Раковском жен. мон-ре Самарской еп. и уезда (1666–1895 гг.) // Там же. 1896. № 3. С. 103–107; № 4. С. 122–138; *Кременский Е. В., свящ.* Иконы Божией Матери, именуемые «Взыскание погибших». М., 1898, 1903[3]; *Никольский В., свящ.* Чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших», что при моск. Христорождественской в Палашах церкви. М., 1900; Борская икона Божией Матери «Взыскание погибших» // Калужская старина. Калуга, 1903. Т. 3. С. 1–3; *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери: Связи греч. и рус. иконописи с итал. живописью раннего Возрождения. СПб., 1910. С. 54–67, 201; *Соколов П., свящ.* Икона Божией Матери, именуемая «Взыскание погибших». М., 1912; *Никольская Ю.* «Взыскание погибших». М., 1914; *Троицкий В., прот.* Икона Божией Матери «Взыскание погибших». Тверь, 1914; *Богословский Т. М.* Икона Божией Матери «Взыскание погибших» // ЖМП. 1945. № 5. С. 54–56; *Праве Л.* Икона Божией Матери «Взыскание погибших» // Там же. 1980. № 2. С. 24–26; *Антонов В.* Церковь Покрова Пресв. Богородицы в Мариенбурге // С.-Петербургские ЕВ. 1991. Вып. 8. Окт. С. 87; *Морозова-Утенкова Е.* Седьмое начало: История восстановления храма Воскресения Христова в Тарусе Калужской еп. Таруса, 1998. С. 53–57. Ил. на с. 52; Правосл. святыни Самарского края. Самара, 2001. С. 63; Раковский Св.-Троицкий жен. мон-рь (1859–1927 гг.) // Мон-ри Самарского края (XVI–XX вв.). Самара, 2002. С. 65–70.

Э. В. Шевченко, инокиня Вероника (Горячева)

«ВЗЫСКА́НИЯ ПОГИ́БШИХ» ИКО́НЫ БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ В г. АСТАНА́ – см. *Астанайский в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» женский монастырь.*

ВИАННЕ́Й [франц. Vianney] Жан Мари Батист (8.05.1786, Дардийи, близ Лиона – 4.08.1859, дер.

Ж. М. Вианней. Скульптура. Кон. XIX в. Мастер Э. Кабюше (Базилика в Арс-сюр-Форманс). Фрагмент

Арс (совр. Арс-сюр-Форманс), деп. Эн, Франция), католич. св. (пам. 4 и 8 авг.). Род. в католич. крестьян-

ской семье. Только в 17 лет научился читать и писать, поступив в начальную школу в родной деревне. Учился в начальной семинарии в Верьере, в высшей Лионской духовной семинарии св. Иринея Лионского. 13 авг. 1815 г. рукоположен во пресвитера. В 1818 г. стал викарием в дер. Арс. В 1823 г. храм в Арсе получил статус приходского, и В. был назначен его настоятелем. Ежедневно В. посещало более тысячи человек. Трудами В. в приходе была открыта бесплатная школа (1824), приют для сирот (1827). Скончался В. 4 авг. 1859 г. в Арсе, на его погребение прибыли ок. 300 священников и 6 тыс. верующих. Похоронен В. в своем приходском храме. Папа *Пий X* 8 янв. 1905 г. провозгласил В. блаженным. 31 мая 1925 г. папа *Пий XI* канонизировал его. В 1929 г. В. был провозглашен небесным покровителем всех настоятелей приходов в католич. Церкви.

Соч.: Избранные проповеди и уроки катехизиса. Брюссель, 1969; Поучение о гордыне // Покров: Альманах рос. католиков. М., 2001. № 10. С. 3–8; Поучение о зависти // Там же. № 11. С. 3–12; Поучение о равнодушии // Там же. № 12. С. 3–10; Поучение о прелюбодеянии // Там же. 2002. № 13. С. 3–14; Поучение о злословии // Там же. № 14. С. 3–9; Поучение об опрометчивом осуждении ближнего // Там же. № 15. С. 13–20; Поучение об искушениях // Там же. 2003. № 16. С. 7–16; Поучение о смертном грехе // Там же. № 17. С. 7–17.

Лит.: *Сикари А.* Жан-Мари Вианней // Портреты святых. Милан, 1987. Т. 1. С. 81–99; *Trochu F.* Le curé d'Ars: St. Jean-Marie-Baptiste Vianney. Résiac, 1993[19].

А. Г. Крысов

ВИАННЕ́Я СВ. ЖА́НА МАРИ́ АПО́СТОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАТУ́РА [лат. Sancti Ioannis Mariae Vianney Administratio Apostolica], образована 18 янв. 2002 г. папой *Иоанном Павлом II*, действует на территории еп-ства Кампус (Бразилия). В наст. время в ее составе числится 26 священников, окормляющих 27 730 верующих (An. Pont. 2003. P. 994). С 16 дек. 2002 г. апостольский администратор еп. Фернандо Ареас Рифан.

С началом проведения реформ в католицизме, основанных на постановлениях *Ватиканского II Собора*, еп-ство Кампус стало одним из центров католич. традиционализма. В 1969 г., после введения папой *Павлом VI* нового чина мессы (см. ст. *Novus Ordo*), еп. Кампуса Антонио де Кастро Майер отказался совершать мессу «по новому обряду», и практически во всех приходах Кампусского еп-ства до вынужденной отставки еп. А. де Кастро Майера (1 июня 1981) богослужение совершалось по дореформенному чинопоследованию. Задачей нового еп. Карлоса Альберто Наварро (назначен 29 авг. 1981) было введение богослужебной реформы во всех приходах. Большая часть местного духовенства не согласилась перейти на «Чин мессы 1969 г.» и объединилась в т. н. «Священнический союз св. Жана Мари Вианнея» (португ. União Sacerdotal São João Maria Vianney), возглавленный еп. А. де Кастро Майером. Члены «Союза» не принимали не только новые богослужебные чинопоследования, но и нек-рые положения в области вероучения, особенно принцип религ. свободы, изложенный в декларации II Ватиканского Собора *«Dignitatis humanae»*. Однако они не считали это проявлением непослушания папе.

По мере закрытия традиционалистских приходов и увольнения клириков, не желавших принимать богослужебную реформу, «Союзом» открывались новые храмы и часовни, в к-рых совершалось традиц. католич. богослужение. В 1983 г. на территории частного владения близ Кампуса была открыта семинария для подготовки священников-традиционалистов. «Союз» поддерживал тесные контакты со «Священническим братством св. Пия X», основанным архиеп. Марселем *Лефевром* в 1970 г. 21 нояб. 1983 г. архиеп. М. Лефевр и еп. А. де Кастро Майер направили совместное «Открытое послание Св. Отцу», в к-ром подвергли критике богословие II Ватиканского Собора и призвали папу отказаться от экуменизма, принципа коллегиальности в управлении Церкви, концепции прав человека на религ. свободу и присутствующего в Novus Ordo протестант. понимания мессы.

30 июня 1988 г. архиеп. М. Лефевр и еп. А. де Кастро Майер без папского разрешения совершили рукоположение 4 епископов, за что были отлучены от Церкви (CIC 1382). Папа Иоанн Павел II в *motu proprio* «Ecclesia Dei» (2 июля 1988) объявил совершение епископских рукоположений схизматическим актом, а традиционалистские общ-ва находящимися в отлучении от Римско-католической Церкви. После кончины еп. А. де Кастро Майера (25 апр. 1991) «Союз» возглавил свящ. Лисинио Ранхел, рукоположенный в сан епископа 28 июля 1991 г. 3 епископами из братства св. Пия X.

В 2001 г. еп. Л. Ранхел вел переговоры с Ватиканом о юридическом признании «Союза» католич. Церковью. 25 дек. 2001 г. папа объявил о снятии с членов «Союза» отлучения и о принятии их в полное общение с католич. Церковью с правом совершения богослужения по дореформенному чину. 18 янв. 2002 г. в кафедральном соборе Христа Спасителя в Кампусе префект конгрегации клира кард. Дарио Кастрильон Хойс от имени папы принял от еп. Л. Ранхела и священников «Союза» декларацию, признававшую законность II Ватиканского Собора и нового чина мессы. Решением папы Иоанна Павла II «Союз» был преобразован в «персональную апостольскую администратуру св. Ж. М. Вианнея», еп. Л. Ранхел был назначен апостольским администратором с присвоением ему титула епископа Зарны. 1 июля 2002 г. один из священников администратуры, Фернандо Ареас Рифан, был назначен коадъютором с правом наследования апостольского администратора. 18 авг. 2002 г. он был рукоположен в титулярного епископа Цедамусского, а 16 дек. 2002 г. сменил скончавшегося еп. Л. Ранхела в должности апостольского администратора.

Лит.: *Броницкий А.* Кампус: Браз. епархия в изгнании / Пер. с польского В. П. Пономарева // Покров: Альманах рос. католиков. М., 2000. Вып. 7. С. 35–64; О событиях в Кампусской епархии // Там же. 2002. Вып. 14. С. 102–112; Nouvelles de Campos // DICI. 2002. № 43. P. 3–9; Au sujet de Campos // Nouvelles de Chrétienté. P., 2002. № 73. P. 2–4; La situation à Campos // Ibid. № 75. P. 10–12.

В. В. Тюшагин

ВИА́НОР И СИЛУА́Н [греч. Βιάνωρ, Σιλουανός; лат. Bianor, Silvanus] († нач. IV в.), мученики (пам. 10 июля). В. происходил из обл. Писидия в М. Азии, за исповедание Христа был схвачен, приведен к игемону Севириану, правителю г. Исавра (в обл. Ликаония), и подвергнут многочисленным пыткам. Присутствовавший при этом воин С., видя терпение, с к-рым В. переносил все страдания, уверовал во Христа. С. отрезали язык и затем отсекли голову. На следующий

день после долгих мучений был обезглавлен В.

В нек-рых календарях местом мученической кончины В. и С. ошибочно названа Евфратисия.

Краткое житие и память В. и С. включены под 9 июля в состав Минология Василия II (PG. 117. Col. 532–533), визант. стишные синаксари (напр., Paris. Coisl. 223, 1301 г.) и слав. стишной Пролог; под 10 июля — в Синаксарь К-польской ц. X в. (SynCP. Col. 811–812) и древнерус. нестишной Пролог. Канон мученикам, составленный гимнографом Иосифом (Ταμεῖον. N 745), помещен в визант. рукописных минеях под 11 июля.

Ист.: ActaSS. Iul. T. 3. P. 34–35; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 6. Σ. 48–49; ЖСв. Июль. С. 285.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 208; Т. 3. С. 264; *Janin R.* Bianor // DHGE. T. 8. Col. 1386; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 860; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 81; *Eldarov G.* Bianore e Silvano // BiblSS. T. 3. P. 177.

Э. П. А.

ВИА́Р [Виаре; греч. Βιαρέ] (IV–V вв.), егип. подвижник. О нем упоминается в *Apophtegmata Patrum.* Когда один монах спросил В., что ему делать, чтобы спастись, тот ответил: «Пойди, уменьши чрево свое и рукоделье твое, живи безмятежно в своей келье и ты спасешься».

Ист.: Τὸ Γεροντικὸν ἤτοι ἀποφθέγματα ἁγίων γερόντων / Ὑπὸ Π. Β. Πάσχου. Ἀθῆναι, 1970². Σ. 24 (рус. пер.: Достопамятные сказания. С. 48).

А. А. В.

VIÁTICUM [лат. [устраиваемое] на дорогу или после дороги], в католич. Церкви — обозначение предсмертного *Причащения.*

Термин «V.» в дохрист. латыни первоначально обозначал довольствие, выдававшееся солдату в дорогу, прощальный ужин в честь отправлявшегося в путь близкого человека или радостную трапезу в честь его возвращения; в христ.— слово-напутствие, к-рое преподавалось верующему перед последним путем в его земной жизни — смертью. Этим термином также называли предсмертное Крещение или иное священнодействие перед кончиной, но прежде всего — предсмертное Причащение Св. Таин.

Регулярное употребление на Западе термина «V.» в этом смысле отмечалось уже Аравсионским Собором 441 г.

Согласно древней церковной традиции, отраженной в 13-м прав. I Вселенского Собора, никто не может лишить «последнего и нужнейшего напутствия (греч. ἐφόδιον = V.— *Ред.*) — Причащения, даже находящегося под отлучением христианина. Некрещеные верующие перед смертью должны быть крещены и также получить Причащение (5 прав. Кир.). Обычай причащать каждого умирающего, просящего об этом, сохраняется и доныне (впрочем, в правилах Эльвирских Соборов нач. IV в. содержатся попытки запретить нек-рым из категорий отступников причащаться даже перед смертью, и подобная практика одно время действительно бытовала в католич. Церкви).

Первоначально особого чина V. не было — Св. Дары просто приносились после мессы умирающим. С VIII в. V. обычно соединялось с чинами таинств Покаяния и Елеосвящения; необходимость в нем была настолько очевидна, что иногда V. преподавали даже уже умершим людям (*Wirix.* P. 251). С XII в., когда появились более строгие требования к подготовке к Евхаристии (в т. ч. посту), V. постепенно перестали преподавать непосредственно в смертный час, ограничиваясь Причащением во время болезни и благословением Св. Дарами при смерти. В эпоху, последовавшую за Тридентским Собором (1545–1563), акцентировавшим внимание на Елеосвящении (одно из лат. названий к-рого — Extrema unctio — Последнее помазание) как собственно предсмертном таинстве, V. почти не воспринимался как предсмертный чин — рим. издание *Ритуала* 1614 г., легшее в основу всех изданий этой католич. богослужебной книги до 1962 г. включительно, предусматривает преподание V. до Елеосвящения, причем порядок чина V. здесь ничем, кроме произносимой при Причащении формулы («Прими, брат (сестра), V. Тела Господа нашего Иисуса Христа, Которое тебя сохранит от злобы врага и введет в жизнь вечную. Аминь»), от чина Причащения больных не отличается.

В ходе реформ, инициированных II Ватиканским Собором (см. ст. *Novus Ordo*), V. было вновь понято как подлинное предсмертное напутствие, завершающее земной путь христианина. В качестве предпочтительного чина предложено преподание V. во время мессы, причем допускается ее совершение в комнате умирающего. Кроме того, чин V. рассматривается как возможность в последний раз в земной жизни подтвердить свою веру и возобновить крещальные обеты. Елеосвящение же не утратило полностью своего толкования как предсмертного таинства, но его вновь стали понимать как в первую очередь таинство над болящими, а не над умирающими, в частности, оно стало совершаться не после, а до V.; достаточным предсмертным напутствием Елеосвящение считается только в случае физической невозможности умирающего принять Св. Таины. Если V. преподается без совершения мессы, новые издания последования Елеосвящения (Ordo Unctionis) предусматривают следующий чин V.: приветствие, окропление св. водой, исповедание и отпущение грехов, чтение Свящ. Писания, подтверждение умирающим его крещальных обетов (исповедание веры), молитвы, преподание V. (с формулой «Христос да сохранит и введет тебя в вечную жизнь»), заключение. V. может быть преподан и вполне здоровым людям, находящимся под угрозой скорой смерти: солдатам перед боем, пилотам-испытателям и проч.

В древности последнее Причащение преподавали епископы и священники, хотя известны случаи, когда из-за болезни или отсутствия священника это делали диаконы или даже миряне (см., напр.: *Euseb.* Hist. eccl. VI 44). Ныне в католич. Церкви обязанность преподавать V. лежит на приходском священнике, однако диаконам и мирянам также официально разрешается преподавать V. в случае крайней необходимости.

Лит.: *Schulte A. J.* Viaticum // Catholic Encylopedia. N. Y., 1912. Vol. 15. P. 397–399; *Didier J.-C.* The Last Rites. L., 1961. P. 81–106; *Wirix B.* The Viaticum: From the Beginning until the Present Day // Bread of Heaven: Customs and Practices Surrounding Holy Communion / Ed. Ch. Caspers, G. Lukken, G. Rouwhorst. Kampen, 1995. P. 247–259; *Кунцлер М.* Литургия Церкви. М., 2001. Т. 2. С. 213–214.

М. С. Желтов

ВИА́ТОР [лат. Viator] (IV в.), свт. (пам. зап. 14 дек.), еп. г. Бергамо (Италия), ученик и преемник свт. Нарна — см. в ст. *Нарн.*

ВИА́ТОР [лат. Viator; франц. Viâtre] (VI в.), св. (пам. зап. 16 окт. в Бревиарии XV в. из Сен-Мема,

5 авг. в еп-ствах Блуа и Бурж), подвижник из Тремуливика (Трамблеви, совр. Сен-Виатр). Первое упоминание о В. относится к X в. Летальд из Миси в «Книге чудес св. Максимина» (PL. 137. Col. 798) сообщает, что В. был учеником св. Максимина, первого аббата Миси. Житие В. также датируется X в. Согласно этому памятнику, В. род. на земле битуригов в Аквитании (ист. обл. Берри). В возрасте 12 лет покинул дом и поступил в мон-рь, где настоятелем был некий Тригезий. В этом мон-ре В. прожил 15 лет и был рукоположен во диакона, однако, привлеченный славой св. Максимина, покинул обитель и перешел в Миси, где исполнял служение привратника. В Миси В. стал другом прп. *Авита,* второго аббата Миси, с к-рым позднее он покинул аббатство ради отшельнической жизни. Узнав чудесным образом день своей смерти, В. срубил огромное дерево и изготовил себе гроб. Когда аббату Тригезию сообщили, где обитает В., он с братией поспешил к нему и нашел его готовящимся к смерти. Скончался В. в воскресный день и был погребен братией.

Почитание В. в Тремуливике фиксируется с X в., здесь же хранились его мощи. В 1597 г. капитул Орлеана произвел каноническую рекогницию мощей В., после чего они были помещены в особый реликварий. Новая рекогниция была совершена в 1655 г. Во время Великой французской революции реликварий был конфискован, однако мощи сохранились.

Ист.: ActaSS. Aug. T. 2. P. 82; BHL, N 8551.
Лит.: *Villepelet J.* Les saints berrichons. Burges, 1963. P. 130–133; *Rouillard Ph.* Viatore eremita a Tremblevif // BiblSS. Vol. 12. Col. 1071–1072.

Д. В. Зайцев

ВИА́ТОР ЛУГДУ́НСКИЙ († ок. 390), св. (пам. зап. 21 окт.), отшельник, ученик св. Иуста — см. в ст. *Иуст,* св.

ВИБОРА́ДА [герм. Wiborada] († 926), св. дева (пам. зап. 2 мая), мц. Санкт-Галленская. Сохранилось 2 жития В., первое написано мон. Санкт-Галленского мон-ря Хартманом между 993 и 1047 гг.; второе житие составил мон. того же мон-ря Эриман между 1072 и 1076 гг. О мученической кончине В. при нападении венгров также упоминает аббат Эккехард IV († 1060) в «Истории Санкт-Галленского монастыря», составленной по просьбе братии в качестве продолжения к хронике Ратперта. К менее значительным источникам относятся «Старшие Санкт-Галленские анналы» и анонимное «Продолжение истории Санкт-Галленского монастыря», рассказывающее о почитании и канонизации В.

Согласно житиям, В. происходила из знатной герм. семьи из Тургови, с ранних лет отличалась благочестием и милосердием. По совету В. ее брат Иттон стал священником, а впосл. монахом в Санкт-Галлене. После смерти матери в 912 г. В. покинула родительский дом и подвизалась в келлии возле ц. св. Георгия, недалеко от Санкт-Галлена, в 916 г.— в келлии возле ц. св. Магна. Святая отличалась даром пророчества. Мн. монахи и иерархи Санкт-Галлена просили совета и помощи В.; между 920 и 922 гг. ее посетил еп. Аугсбургский *Ульрих.* В 926 г. незадолго до нападения на Санкт-Галлен венгров В. посоветовала аббату Энгильберту спрятать церковные книги и сокровища, к-рые были перенесены в мон-рь Авгия (Райхенау). В. приняла мученическую кончину 1 мая 926 г. при взятии Санкт-Галлена язычниками-венграми. Между 946 и 952 гг. ее мощи были перенесены в ц. св. Магна.

Канонизация В. была совершена в 1047 г. папой *Климентом II* в присутствии имп. Свящ. Римской империи Генриха III. В. изображается с книгой в одной руке и алебардой, орудием, к-рым, по преданию, ее пытали венгры,— в др.

Ист.: ActaSS. Mai. T. 1. P. 284–308; MGH. SS. T. 4. P. 452–457.
Лит.: *Duft J.* Wiborada // LTK. Bd. 10. Sp. 1088–1089; *Irblich E.* Die Vita sanctae Wiboradae: Ein Heiligen-Leben des 10. Jh. als Zeitbild. St. Gallen, 1970; *idem.* Viborada di S. Gallo // BiblSS. Vol. 12. Col 1072–1073.

Д. В. Зайцев

ВИВЕКАНА́НДА (в миру Нарендранат Датт; 12.01.1863 — 4.06.1902), свами, инд. религ. и общественный деятель, один из основателей неоиндуизма, способствовавший пробуждению национального самосознания инд. народа и установлению диалога с зап. культурой.

В. род. в Калькутте, в семье адвоката, достаточно скептически настроенного к *индуизму;* получил зап. образование: закончил Пресвитерианский колледж, где изучал астрономию, философию, математику, медицину и языки. В юности участвовал в реформаторской деятельности *Брахмо самадж,* состоял в калькуттской масонской ложе, прошел через европ. скептицизм и агностицизм, но после долгих исканий обратился к учению *Рамакришны* Парамахансы (1836–1886) и в возрасте 23 лет, решив посвятить себя религ. служению, принял статус санньясина. Однако *санньяса* В. была не традиц. аскетическим удалением от мира, а, напротив, активным и самоотверженным служением человечеству. В. завершил свой путь проповедью неоиндуистского учения, к-рое нашло адептов не только на Востоке, но и на Западе после выступления В.-свами на *Всемирном парламенте религий* в Чикаго в 1893 г.

Начав с усвоения элементов чужой культуры, В. пришел к углубленному поиску их эквивалентов в традиции неоиндуизма, закончив свою работу созданием религ. синтеза. Одним из ключевых понятий зап. культуры, аналог к-рому В. пытался отыскать в собственной традиции, была наука. Полагая, что «наука это не что иное, как поиск единства», он увидел ее подобие в абсолютном монизме *адвайта-веданты,* к-рую и предложил называть «наукой религии». По мнению В., аналогом 3 основ науки — чувственного восприятия, разума и интуиции — являются 3 праманы (источника знания) в веданте — пратьякша (восприятие), анумана (рассуждение) и *шрути* (откровение). Высшей из трех В. признает интуицию-шрути, к-рая не вступает в конфликт с разумом, а дополняет его. Т. о., «наука религии» В., базируясь на откровении, остается рациональным учением, ибо подлежит проверке разумом.

Знакомство с наукой толкает В. и на поиск аналогов научному эмпиризму. По собственному признанию, одной из причин, заставивших его остановить свой выбор на Рамакришне, было то, что тот брался доказать ему существование Бога, ибо видел его собственными глазами. Эквивалентом эмпиризму выступает, т. о., мистический опыт, достижение к-рого в индуизме детально разработано *йогой.* Йога и служит у В. экспериментальной основой «науки религии», поэтому из всех ее видов он отдает предпочтение «джняне» — йоге знания. Она и венчает иерархическую пирамиду, в основе к-рой ле-

жат *карма*-йога (йога действия) и *бхакти*-йога (йога любви к Богу).

Поиск функциональных эквивалентов науки в инд. традиции привел В. к значительной рационализации веданты, к-рая была истолкована им как духовное дополнение совр. материалистической науки: «Кажется ясным, что современный материализм может оставаться верным себе и в то же время приближаться к духовности, принимая выводы веданты...» Вместе с тем приоритет остается за ведантой: «...выводы современной науки — это те же выводы, что веданта достигла в отдаленные эпохи, но в современной науке они записаны на языке материи». Синтез двух этих начал при главенствующей роли веданты и стал сутью учения В.

Вопрос отношения В. к христианству довольно сложен. Вскоре после смерти Рамакришны В. собрал его учеников и предложил им, подобно апостолам Христовым, продолжить дело Учителя, создав собственную орг-цию — Миссию Рамакришны (1897). Ночью у костра он рассказывал им историю Иисуса, приводя на память цитаты из Евангелия от Матфея. Как выяснилось позднее, это случилось в рождественскую ночь. Получается, что первый импульс к созданию орг-ции имел христ. характер. Но это было «христианство» Рамакришны, для к-рого Христос был лишь одной из «личин» Абсолюта. Подобно учителю, В. не понимал догмата о богочеловечности Христа, акцентируя то его божественную, то человеческую природу. Все это свидетельствует о значительной «индуизации» христианства в сознании В., что и помогло ему легко включить эту конфессию в свой религ. синтез.

Соч.: The Complete Works: In 7 vol. Almora, 1924–1927; Веданта как религия будущего? СПб., 1991; Миссия Христа: душа, бог и религия. СПб., 1992; Божественная любовь. Женщина Индии. СПб., 1992; Моя жизнь и миссия: Письма к Аласингу. СПб., 1992; Практическая веданта. М., 1993[2]; Четыре йоги. СПб.; М., 1993.

Лит.: *Костюченко В. С.* Вивекананда. М., 1977; *Isherwood Ch.* Ramakrishna and His Disciples. Calcutta, 1974[3]; *Челышева И. П.* Этические идеи в мировоззрении Вивекананды, Б. Г. Тилака и Ауробиндо Гхоша. М., 1986; *Роллан Р.* Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. Л., 1991; *он же.* Вселенское евангелие Вивекананды. Самара, 1994; *Фаликов Б. З.* Неоиндуизм и западная культура. М., 1994; *Mohapatra K.* Political Philosophy of Swami Vivekananda. New Delhi, 1996.

Б. З. Фаликов

ВИВЕНТИО́Л [лат. Viventiolus] († 524), свт. (пам. зап. 12 июля), еп. Лугдунский (Лионский) с 514 г. Сведения о его жизни содержатся в посланиях свт. *Авита* Вьеннского (Epist. 19, 57, 59, 67, 69, 73), к-рый высоко ценил его духовные качества и образованность. Авит считал В. достойным епископского сана, когда тот был еще простым монахом в мон-ре Кондат (совр. Сен-Клод), подвизаясь под рук. св. *Евгенда*. В. был одним из активных участников Соборов в Эпаоне (517) и Лугдуне (519). В XIV в. в ц. Сен-Низье, где находятся его мощи, была найдена эпитафия в честь В. Автор 2 посланий, одно из к-рых адресовано св. Авиту, а другое — епископам Лугдунской митрополии перед Собором в Эпаоне.

Соч.: Epistola ad episcopos provinciae // PL. 67. Col 993; Epistola ad Avitum // PL. 59. Col. 272.

Лит.: *Coville A.* Recherches sur l'histoire de Lyon du Ve siècle (450–800). P., 1928. P. 308–316; *Hamman A.* Viventiolus of Lyon // EEC. Vol. 2. P. 874.

Д. В. Зайцев

ВИ́ВЕС [исп. Vives] Хуан Луис (март 1492, Валенсия — 6.05.1540, Брюгге), гуманист, философ, богослов и педагог. Первоначальное образование получил в родном городе. Затем учился в Париже, куда переехал в 1509 г. С 1512 г. В. обосновался в Нидерландах, до 1517 г. находился в Брюгге (здесь была община выходцев из Испании), далее — в Лувене, читал лекции в местном ун-те, с 1518 г. исполнял обязанности наставника молодого кард. Вильгельма де Гроя. Большое влияние на В. оказали дружба и знакомство с гуманистами *Эразмом Роттердамским* и Гийомом Бюде. Редкая филологическая культура, репутация признанного педагога и знатока самых разнообразных наук — от богословия до этики, натурфилософии, юриспруденции — стяжали В. высокий авторитет среди ученых-гуманистов его времени. С 1523 по 1527 г. В. преподавал лат. словесность в ун-те Оксфорда. Нек-рое время был учителем принцессы Марии; однако, не поддержав англ. кор. *Генриха VIII* в вопросе о разводе, открыто принял сторону его супруги Екатерины Арагонской и вынужден был покинуть Англию без сохранения пожалованного ему королевского содержания. С 1529 г. и до смерти он находился в Брюгге, продолжал преподавательскую, научную и лит. деятельность.

В произведении «Миф о человеке» (Fabula de Homine, 1518) В. выступил популяризатором идеи самовластия человека, ставшей в то время актуальной в гуманистической антропологии. Оно стилизовано под философскую притчу, жанр к-рой был широко распространен в лит-ре античности. Однако классические образы у В. отнюдь не обязательно наполнены классическим содержанием: в частности, Юпитер, создающий мир во времени, более похож на Бога-Творца библейской кн. Бытия, изображение человека не столько соответствует описаниям в сочинениях Цицерона и Овидия, сколько трактовке человеческого достоинства, данной флорентийскими неоплатониками. Составленный В. изящный рассказ о том, как человек своим лицедейством на подмостках вселенского театра, устроенного для олимпийцев, смог вызвать их изумление, принимая самые различные обличья — от бесчувственного растения и дикого зверя до божества,— по сути является иллюстрацией известной концепции Дж. *Пико делла Мирандолы* о способности человека по собственной воле творить себя, поскольку он объемлет собой все сущности мира. В этом моменте подобия и родства человеческой природы и божественной, как показывает В., человек делается сотоварищем и сотрапезником небожителей.

В др. трактате, «Против псевдодиалектиков» (In pseudodialecticos, 1519), В. вступил в полемику с традициями и методами схоластической образованности, защищая позиции гуманистического знания и преподавания. В 1531 г. он завершил состоящий из 3 частей фундаментальный труд под общим названием «О науках» (De disciplinis). В первой и наиболее значительной его части, озаглавленной «О причинах упадка искусств» (De causis corruptarum artium), В., выдвигая задачу установления прочных оснований культуры, нарисовал картину тотальной деградации наук и всякого рода навыков, критически отзывался не только о том, что оставила средневек. ученость, но и о том, что завещали античные мыслители, отвергал принципы совр. ему грамматики, диалектики (т. е. логики), риторики, натурфилософии, этики, правоведения. Во 2-й части, озаглав-

ленной «О преподавании наук, или О христианском учении» (De tradendis disciplinis sive de Doctrina Christiana), В., разрабатывая основы образования, полагал необходимым с уважением относиться к индивидуальным особенностям человека, склонностям его характера; целью образования он называл благочестие (pietas), тем не менее предпочтение отдавал светской школе, подчеркивал роль окружения (семьи, учебного заведения, наставника) в воспитании ученика; в отличие от Эразма Роттердамского и др. гуманистов большое значение в педагогическом процессе В. придавал обучению ребенка на родном для него языке. 3-я часть называлась «Об искусствах» (De artibus), в ней собраны трактаты по различным философским наукам, прежде всего гносеологии.

Сугубо педагогические темы рассмотрены в трактатах «О приемах воспитания детей» (De ratione studii puerilis, 1523) и «О воспитании христианки» (De institutione feminae christianae, 1529); последний посвящен Екатерине Арагонской; в нем В. указывал на образование как на средство привить девочке добродетели, подобающие ее полу, описывал правила поведения, коими она должна руководствоваться в юном возрасте, в замужестве и став вдовой.

Большую популярность В. снискала «Практика латинского языка» (Linguae latinae Exercitationes, 1538), сочинение, выдержавшее за полстолетия до полусотни изданий, исследующее помимо правил лат. грамматики различные проблемы этики и педагогики. Особый трактат «Риторика, или О приемах словесного выражения» (Rhetoricae sive de ratione dicendi libri tres, 1537) посвящен речи как главнейшей «связующей силе человеческого общежития», в нем намечена программа совершенствования языка во всех областях, где он находит применение. В работе «О душе и жизни» (De anima et vita, 1538) не только рассмотрена широко обсуждавшаяся в то время тема бессмертия души, но и обосновывалась идея важности эмпирических наблюдений за состояниями и явлениями психической жизни людей. Актуальная социальная проблема нищенства получила разработку в соч. «О вспомоществовании бедным» (De subventione pauperorum, 1525). В последние годы В. работал над апологетическим соч. «Об истинности христианской веры» (De veritate fidei Christianae), к-рое он не успел завершить.

В. издавал античных авторов, переводил речи Сократа, писал пояснения и вступительные статьи к Вергилию, Светонию, Цицерону, составил комментарий на «Град Божий» блж. Августина (в 1584 этот труд был занесен в Индекс запрещенных книг). Во 2-й пол. XVI в. В. стал одним из самых читаемых писателей-гуманистов Европы.

Соч.: Opera. Basileae, 1555. 2 vol.; Opera. Valentiae, 1782–1790. 8 vol.; Opera omnia. Valencia, 1992–. Vol. 1–[4]; О причинах упадка искусств / Пер. В. Бибихина // Эстетика Ренессанса. М., 1981. Т. 1. С. 457–472; О приемах словесного выражения / Пер. В. Бибихина // Там же. Т. 2. С. 308–316; Миф о человеке / Пер. О. Ф. Кудрявцева // Чаша Гермеса: Гуманистич. мысль эпохи Возрождения и гуманистич. традиция. М., 1996. С. 286–294; Obras políticas y pacifistas. Madrid, 1999.

Лит.: *Rivari E.* La sapienza psicologica e pedagogica di Giovanni Ludovico Vives. Bologna, 1922; *Graf P.* Luis Vives como apologeta. Madrid, 1943; *Colish M. L.* The Mime of God: Vives on the Nature of Man // J. of the History of Ideas. 1962. N 1. P. 3–20; *Piñera H.* Luis Vives: El pensamiento espacol de los siglos XVI–XVII. N. Y., 1970; *Guy A.* Vivès ou L'humanisme engagé. P., 1972; *Денисенко Н. П.* Проблемы бедности в трактате исп. гуманиста Хуана Луиса Вивеса «О вспомоществовании бедным» // Возрождение: Обществ.-полит. мысль, философия, наука. Иваново, 1988. С. 90–101; *Calero Fr.* Europa en el pensamiento de Luis Vives. Valencia, 1997.

Библиогр.: *Empaytas de Croome D.* Juan Luis Vives: Un intento de bibliografía. Barcelona, 1989.

О. Ф. Кудрявцев

ВИВИА́Н [лат.Vivianus] (V в.), свт. (пам. зап. 28 авг.), еп. г. Сантона (совр. Сент, Юго-Зап. Франция). Впервые упоминается в 57-й гл. «О славе исповедников» свт. *Григория Турского,* где автор описывает исцеление сухорукой женщины на могиле святого. Согласно житию кон. V в., В. род. в языческой семье, был учеником и преемником свт. *Амвросия,* еп. Сентского, к-рым он был рукоположен во священника. Мощи В. хранились в построенном им соборе ап. Петра до IX в., затем были перенесены в г. Фижак, а в XVI в. сожжены *гугенотами.*

Ист.: ActaSS. Aug. T. 6. P. 461–467; MGH. Scr. Mer. T. 1. Pars 2. P. 780–781.

Лит.: *Holweck.* P. 1028; *Claude H.* Bibiano // BiblSS. Vol. 3. Col. 181–182.

К. Жуньеви

ВИВИА́Н, мч. (пам. 9 марта) – см. ст. *Севастийские мученики.*

ВИВИА́НА [лат. Viviana, Vibiana, Bibiana] (IV в.), мц. Римская (пам. зап. 2 дек.), пострадала при имп. *Юлиане Отступнике.* Согласно тексту мученичества, восходящему к VII в., В. была дочерью св. мучеников сенатора Фауста и Дофросы и сестрой св. Деметрии. Вслед за своими родителями В. была схвачена и предстала перед судьей Апронианом. Несмотря на долгие пытки (ее привязали к колонне и били плетьми, а затем бичами с заостренными крюками), В. оставалась тверда в вере. После того как мученица скончалась, ее тело было выброшено на съедение собакам, но они не прикоснулись к нему. Честные останки подобрала некая благочестивая матрона и погребла В. рядом с ее матерью и сестрой. В Риме на месте погребения В. была построена часовня, позже, согласно *Liber pontificalis,* папа *Симплиций* (468–483) воздвиг здесь базилику. Имя В. упоминается в мартирологе свт. *Адона,* архиеп. Вьеннского (IX в.). Почитание В. не было широко распространено за пределами Рима вплоть до XV в.

Ист.: BHL, N 1322–1323.

Лит.: *Gordini G. D.* Bibiana // BiblSS. Vol. 3. P. 177–180.

Д. В. Зайцев

ВИ́ГБЕРТ [лат. Vigbertus; англ. Wigbert] († 738), прп. (пам. зап. 13 авг.), аббат мон-ря Фрицлар (Германия). По происхождению англосакс. Был учеником св. *Бонифация* (Винфрида), просветителя Германии, с к-рым подвизался в деле устроения Церкви в этой стране. В. основал мон-рь Ордруф в Тюрингии. Скончался во Фрицларе, где и был погребен. Там же почиталась его монашеская одежда, перенесенная в 774 г. в Бюрабург, а впосл. в Херсфельд.

Ист.: ActaSS. Aug. T. 3. P. 132–137; MGH SS. T. 15. P. 37–43.

Лит.: *Levison W.* England and the Continent in the 8th Cent. Oxf., 1946, 1966. P. 76–79, 235–236; *Farmer H.* Vigberto // BiblSS. Vol. 12. Col. 1084.

Д. В. Зайцев

ВИ́ГБЕРТ [Виктерп, Вигго; нем. Wigbert, Wikterp, Wiggo] († 771, Аугсбург), св. (пам. зап. 18 апр.), 1-й исторически подтвержденный епископ Аугсбурга. Род. в Эпфахе близ Ландсберга; епископскую кафедру, видимо, занял в 30-х гг. VIII в. Имя В. в епископских списках стоит перед Зимпертом и впервые

упоминается в послании папы *Григория III* к епископам Баварии и Алеманнии (738). По неподтвержденным данным, В. стал еп. Нойбурга сразу же после завоевания Баварии франк. кор. Пипином III, однако из-за своих антикаролингских воззрений был лишен кафедры. Возможно, по той же причине он лишился и аугсбургской кафедры. В. освятил построенные миссионером Магнусом из Санкт-Галлена церкви в Фюссене и Вальтенхофене; участвовал в основании и освящении мон-ря Бенедиктбойрен (740). Считается одним из основателей герм. мон-рей Элльванген, Вессобрунн и Кемптен. С его именем связывают обращение в христианство последних язычников в местности Алльгой. В 751–754 гг. В. с помощью Карломана, набожного брата франк. короля, добился у Пипина III крупных земельных пожалований для аугсбургской Церкви. Похоронен в Эпфахе. Почитание В. распространилось не ранее XII в., его мощи были перенесены в ц. святых Ульриха и Афры в Аугсбурге в XII в.

Лит.: *Hoeynck F. A.* Geschichte der kirchlichen Liturgie des Bistum Augsburg. Augsburg, 1889; *Volkert W., Zoepfel F.* Die Regesten der Bischöfe und des Domkapitels von Augsburg. Augsburg, 1955. Bd. 1. Pt. 1. Nr 1–9; *Bosl K.* Bayerische Biographie. Regensburg, 1983. S. 846.

А. В. Чуприсов

ВИ́ГИЛЕВ Дмитрий Григорьевич (1831 — сер. 1900-х, Вильна), регент, учитель пения, автор духовно-муз. произведений. Сын священника. С детских лет пел в церковном хоре. Учился в Рязанской ДС (1846–1852). Во время учебы в МДА (1852–1856) пел и управлял академическим хором. В 1856–1861 гг. служил в канцелярии московского гражданского губернатора, также организовал хор чернорабочих в одной из московских церквей. В сент. 1874 г. был назначен регентом Синодального хора. В янв. 1875 г. представил директору *Придворной певческой капеллы* Н. И. *Бахметеву* свои сочинения и выдержал экзамен по теории музыки и нотному пению для получения аттестата на звание регента 2-го разряда. С 1 апр. 1886 г. перешел на службу в Виленский учебный округ (Мин-во народного просвещения).

Под управлением В. Синодальный хор дал 2 духовных концерта: 11 марта 1876 г. (в пользу вдов и сирот Синодального хора) и 14 февр. 1882 г. в зале Благородного собрания. В 1-м концерте прозвучали сочинения и переложения В. «Свете тихий», «Царю небесный» и «Достойно есть». Эти сочинения и «Литургия св. Василия Великого» (отдельные песнопения к-рой исполнялись в 90-х гг. Русским хоровым об-вом) не найдены. Не сохранилась и тетрадь с произведениями В., переданная его сыном в Москву после смерти В. Имеющиеся в рукописях духовные песнопения В. показывают, что он владел техникой хорового письма, в т. ч. 2-хорного, что ставит его произведения выше т. н. «регентской литературы». Гармония и фактура его сочинений и переложения «Достойно и праведно есть» характерны для церковной музыки 2-й пол. XIX в. т. н. петербургского периода (по классификации И. А. Гарднера).

Соч.: «Слава в вышних Богу» (2-хорное) // ГЦММК. Ф. 283. № 118. Л. 39 об.– 44; «Ангел вопияше» // Там же. № 120. Л. 50 об.– 52 об.; «Достойно и праведно есть» (киевского распева, на Литургии св. Василия Великого) // Отд. ред. изд. и ркп. Науч.-муз. б-ки МГК; «Не умолчим никогда, Богородице» // ГИМ. Син. певч. № 1061: Собр. автографов духовно-муз. соч. XIX–XX вв. / Сост. С. В. Смоленский.

Арх.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 9. Ч. 3. № 110: Личное дело Д. Г. Вигилева (1874–1886).

Лит.: Рус. духовная музыка в док-тах и мат-лах / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой. М., 1998. С. 377–386; 2002. Т. 2. С. 115, 364, 962–964; Т. 3: Церк. пение пореформенной России. С. 196–201.

А. А. Наумов, Н. Ю. Плотникова

ВИГИ́ЛИЙ [лат. Vigilius] († 685), свт. (пам. зап. 11 марта, 17 июля перенесение мощей), еп. Автиссиодурский (Осерский). Значится 21-м епископом г. Автиссиодур (совр. Осер, Франция), преемник св. *Палладия* с 659 г. Имя В. упоминается в декрете 667 г. Драузия, еп. Сенонского, а также в т. н. Автиссиодурском Мартирологе XI в., содержащем имена донаторов (дарителей) и ктиторов ц. Нотр-Дам в Осере. О насильственной кончине В. повествуется в «Деяниях Автиссиодурских епископов» (De gestis episcoporum Autissiodorensium // PL. 138. Col. 243).

В. основал в Автиссиодуре ц. в честь Пресв. Богородицы (Нотр-Дам-ла-д'Ор) и монашескую общину по уставу блж. *Августина*, при церкви построил богадельню. Впосл. В. оказался замешан в интригах Гислемара против его отца Варатона, майордома Нейстрии. По приказу последнего епископ был убит близ совр. г. Компьень. Когда неск. несправедливо осужденных узников перенесли тело в Сеноны (совр. Санс), их оковы чудесным образом спали благодаря заступничеству святого. Позднее останки В. были перезахоронены в Автиссиодуре в основанной им церкви. В 1567 г. гробница с мощами В. была разграблена гугенотами. Мощи были вновь обретены в 1589 г.

Ист.: ActaSS. Mart. T. 2. P. 71–72.

Лит.: *Duchesne.* Fastes. T. 2. P. 447–448; *Holweck.* P. 1020; *Brouette É.* Vigilo di Auxerre // BiblSS. Vol. 12. Col. 1084–1085.

Д. В. Зайцев

ВИГИ́ЛИЙ († 405), сщмч. (пам. зап. 26 июня), еп. г. Тридент (совр. Тренто, Сев. Италия). Согласно тексту мученичества, восходящему к VI в., В. был избран епископом в возрасте 20 лет и первоначально проповедовал христианство в окр. Бриксии (совр. Брешиа) и Вероны. По благословению епископа Аквилеи В. занялся миссионерской деятельностью в районе Тридента, где его усилиями в христианство были обращены мн. язычники и построены церкви, в т. ч. и городская церковь Тридента. Во время одного из миссионерских путешествий В. был побит камнями язычниками в долине Валь-Рендана. Погребен в пригородной церкви Тридента (позднее названной в его честь), к-рая со времени Каролингов стала кафедральным собором Тридента. Почитание В. в ср. века распространилось также в Австрии и Баварии. В 397 г. язычниками были замучены святые *Сисиний*, *Мартирий* и *Александр*, также занимавшиеся миссионерской деятельностью в Тридентском округе, о чем В. в особых посланиях уведомил *Симплициана* Медиоланского, а затем свт. *Иоанна Златоуста*, послав последнему в К-поль частицы мощей этих мучеников. В. также вел переписку со свт. *Амвросием* Медиоланским. Память появляется уже в мартирологе блж. *Иеронима*.

Соч.: Ep. ad Simplicianum // PL. 13. Col. 549–552; Ep. ad Ioannum Chrysostomum // PL. 13. Col. 552–558.

Ист.: ActaSS. Iun. T. 7. P. 143–148; *Ambrosius Mediolanensis.* Ep. 17 // PL. 16. Col. 1024–1036.

Лит.: *Rogger I.* Vigilio di Trento // BiblSS. Vol. 12. Col. 1086–1088; *idem* // I martiri della Val di Non e la reazione pagana alla fine del 4.

secolo: Atti del Conv. (Trento, 1984). Bologna, 1985. P. 159–161; *Sironi E. M.* Dall'Oriente in Occidente. Sanzeno, 1989. P. 79–90.

Д. В. Зайцев

ВИГИ́ЛИЙ, папа Римский (22.03.537 – 7.06.555). Происходил из рим. аристократической семьи. Папа *Бонифаций II* назначил диакона В. своим преемником, однако позднее отменил это решение, признав недопустимость такого способа замещения епископских кафедр. В сане архидиакона В. в 536 г. сопровождал папу *Агапита I* в К-поль, затем был отправлен туда в качестве *апокрисиария* Римского престола. Он добился покровительства имп. Феодоры. После занятия Рима визант. войсками Велисария (9 дек. 536) и смещения папы *Сильверия* В. при содействии Феодоры стал предстоятелем Римской Церкви; интронизация состоялась 29 марта 537 г.

Новый папа содействовал визант. властям во главе с Велисарием в установлении контроля над Италией. Ок. 545 г. имп. *Юстиниан I* издал эдикт, осудивший «Три главы» (*Феодора Мопсуестийского,* сочинения *Феодорита* Кирского и *Ивы* Эдесского). Папа первоначально отказался подписать эдикт, сославшись на позицию епископата, видевшего в этом унижение авторитета Халкидонского Собора. К-польский Патриарх *Мина* согласился подписать эдикт под давлением двора при условии, что его подпись будет действительна лишь в случае одобрения эдикта папой В. За отказ следовать политике императора (возможно, также из-за подозрений со стороны визант. властей в контактах с готами, к-рые осенью 545 начали осаду Рима) в нояб. 545 г. В. был тайно вывезен на Сицилию. Юстиниан не прерывал отношений с папой и в янв. 547 г. совершил публичный акт примирения. В. прибыл в К-поль и был торжественно встречен императором в соборе Св. Софии.

В К-поле продолжились переговоры о признании эдикта; был организован Собор зап. епископов, приехавших вместе с папой, на к-ром вновь не удалось добиться согласия. Тем не менее 11 апр. 548 г. В. издал послание на имя Патриарха Мины (Judicatum), в к-ром осудил «Три главы». Это вызвало протест на Западе; в 550 г. Собор в Карфагене осудил действия папы; противников В. выступил епископат Италии и Иллирика. В. был вынужден отказаться от признания эдикта, но публично поклялся имп. Юстиниану в том, что будет добиваться его признания на Западе. 23 дек. 551 г. В. бежал из дворца Галлы Плацидии в К-поле, где он содержался под охраной, в Халкидон.

В своем послании «Universo populo Dei» (Всему народу Божию) от 5 февр. 552 г. В. отмежевался от начавшейся политики преследования противников эдикта и представил себя самого жертвой насилия властей. Вскоре после этого состоялось новое соглашение В. с имп. Юстинианом о том, что в обмен на возвращение папы в К-поль император поставит вопрос о «Трех главах» на рассмотрение Вселенского Собора.

Несмотря на прежние обещания, в 553 г. В. отказался принять участие во *Вселенском V Соборе* в К-поле, т. к. там почти не был представлен зап. епископат. Отказ папы привел к окончательному его разрыву с имп. Юстинианом, и В. был сослан на о-в Проконнес в Мраморном м. В связи с Собором папа составил определение (Constitutum I), к-рое по сути совпало с оросом Собора, кроме одного пункта: В. не одобрял посмертного отлучения Феодора Мопсуестийского. Но имп. Юстиниан официально не принял определение, т. к. на Соборе были оглашены письма В. Юстиниану и Феодоре с обязательством осудить «Три главы». Вотум В. тем самым был дезавуирован, а его имя вычеркнуто из диптихов. В конце концов В. согласился признать Собор и 8 дек. 553 г. издал новое определение (Constitutum II). После этого Собор 553 г. официально получил статус Вселенского. В авг. 554 г. В. был отпущен в Рим, но по дороге скончался в Сиракузах на Сицилии; его тело позже было перенесено в Рим.

Сохранились многочисленные послания В., большинство из к-рых посвящены спору о «Трех главах». Помимо участия в этих церковных прениях В. содействовал восстановлению в Риме разрушенных катакомб.

Соч.: MGH. Epp. Bd. 3. P. 57–68; PL. 69. P. 15–328.

Ист.: LP. Vol. 1. P. 296–302; ДВС. Т. 3. С. 304–307, 394–395, 450–462; *Procop.* Bella. I 25; *Evag. Schol.* Hist. eccl. IV 19, 38–39; *Iohannes Malalas.* Chronographia / Rec. L. Dindolf. Bonn, 1831. P. 480 f.; *Theoph.* Chron. P. 217–229.

Лит.: *Болотов.* Лекции. Т. 4; *Duchesne L.* L'Église au VIe siècle. P., 1925; *Schieffer R.* Zur Beurteilung des norditalienischen Dreikapitelschismas: Eine überlieferungsgesch. Studie // ZKG. 1976. Bd. 87. S. 167–201; *Кудрявцев П. Н.* Судьбы Италии от падения Зап. Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1980. С. 69–74; *Carrol W. H.* The Transformation of Pope Vigilius // Faith and Reason. 1982. Vol. 8. P. 273–287; *Kelly J. N. D.* The Oxford Dictionary of Popes. Oxf., 1986. P. 60–62; *Carcione F.* Vigilio nelle controversie cristologiche del suo tempo: I rapporti con Giustiniano dagli anni dell'apocrisariato al secondo editto imperiale sui Tre Capitoli (533–551) // Studi e ricerche sull'Oriente cristiano. 1987. T. 10. P. 37–51; *Кулаковский.* История Византии. Т. 2. С. 201–213; *Задворный В. Л.* История римских пап. М., 1997. Т. 2. С. 96–125.

А. В. Чупрасов

ВИГИ́ЛИЙ (V в.), еп. г. Тапс (пров. Бизацена, Африка), церковный писатель, богослов-полемист. Участвовал в диспуте с арианами на т. н. Карфагенском Соборе 484 г., устроенном по инициативе вандальского кор. Гунериха. Впосл., опасаясь притеснений вандалов-ариан, бежал из Африки в К-поль, где, вероятно, протекала его лит. деятельность. Перу В. принадлежит крупное соч. «Диалог против ариан, савеллиан и фотиниан в 3 книгах», построенное в форме диспута между православным и защитниками 3 основных тринитарных ересей, но основной упор делается на полемику с арианством. Известна краткая редакция этого сочинения, где полемика идет только между арианином и православным. Второе соч. В. «Против евтихита в пяти книгах» (Contra eutuchitem) посвящено христологии и направлено против ереси монофизитства, впрочем отчасти В. полемизирует и с несторианскими заблуждениями, отстаивая христологическое учение IV Вселенского (Халкидонского) Собора.

В., возможно, также принадлежит диалог «Против Феликиана, арианина, о единстве Троицы», ошибочно приписываемый иногда блж. *Августину.*

В богословском отношении сочинения В. представляют традиционное изложение правосл. учения (в учении о Троице В. следует за блж. Августином, в христологии – за папой Львом I).

В. также приписывается ряд др. сочинений, в т. ч. «О Троице» Псевдо-Афанасия (Ср. CPL, N 806–812).

Соч.: PL. 42. Col. 1157–1172; 62. Col. 95–238.

Лит.: *Simonetti M.* Letteratura antimonofisita d'Occidentale // Augustinianum. 1978. Vol. 18. P. 505–522.

Д. В. Зайцев

ВИГИЛЯ́НЦИЙ [лат. Vigilantius] (нач. V в.), пресв., еретик. Род. в Калагуре близ галльского г. Конвены (совр. Сен-Мартори в Комменже, деп. В. Гаронна, Франция). В 395 г. В. находился в Палестине, куда он прибыл для раздачи милостыни, посланной св. *Павлином Милостивым*, еп. Ноланским. Нек-рое время В. жил в Вифлееме, где познакомился с блж. *Иеронимом* (Hyeronimus Epist. 58) и поддерживал с ним нек-рое время миролюбивые отношения. По возвращении в Нолу и затем в Галлию (Paulinus Nolanus Epist. 5) В. начал обвинять блж. Иеронима в оригенизме (Hyeronimus Epist. 61). Однако вскоре выяснились неправосл. взгляды самого В., когда он стал выступать со своим еретическим учением. В 403 г. пресв. Рипарий из г. Толоза (совр. Тулуза) сообщил блж. Иерониму, что В. выступает против почитания мучеников (Hyeronimus. 109). В 406 г. диак. Синий переслал блж. Иерониму сочинения В. (не сохр.), ознакомившись с к-рыми Иероним составил за одну ночь трактат «Против Вигилянция» (Contra Vigilantium). Согласно блж. Иерониму, ересь В. носила антиаскетический и антимонашеский характер: он назвал суеверием и язычеством ряд церковных обрядов и установлений, отрицал монашество, выступал против безбрачия духовенства, против девства и воздержания как аскетической практики.

Ист.: *Hieronymus Stridonensis.* Contra Vigilantium // PL. 23. Col. 339–352.

Лит.: *Kelly J. N. D.* Jerome. L., 1975. P. 286–290; *Crouzel H.* Vigilantius // EEC. Vol. 2. P. 869–870; *Диесперов А.* Блаженный Иероним и его век. М., 2002. С. 82–84.

Д. В. Зайцев

ВИГИЛЯ́РИЙ [лат. vigilarius; франц. vigilaut; итал. invigilante от лат. vigiliae — бодрствование, бдение], в католич. традиции монах, к-рый будит братию на утреннюю молитву. В Православии аналогичного послушника называют братом-будильщиком. Исполнение обязанностей В. является одним из видов монашеского послушания. Перед тем как будить братию, В. получает благословение аббата мон-ря, затем идет, останавливаясь перед каждой кельей, передает благословение монашеской братии и звонит в колокольчик. В. будил братию за 30 мин. до начала утренней молитвы и за 15 мин. до колокольного звона, к-рый как бы продолжает звон его маленького колокольчика. Помимо этих обязанностей в послушание В. входит будить случайно задремавших за работой монахов, напр., В. обходил скрипторий и будил уснувших за книгами писцов.

Лит.: *Fichtenau H.* Lebensordnung des 10. Jh.: Stud. über Denkart und Existenz im einstigen Karolingerreich. Stuttg., 1984. 2 Bde; *Goetz H.-W.* Leben im Mittelalter: vom 7. bis zum 13. Jh. Münch., 1986.

А. В. Чупрасов

ВИ́ГО [древнесаксон. Wiho — борец] († 20.04.804, Оснабрюк), св. (пам. 13 февр.), первый еп. Оснабрюка. Род. во Фрисландии, получил образование в григорианской школе в Утрехте. Имп. *Карл Великий* основал епископскую кафедру в Оснабрюке и ок. 803 г. поставил В. ее главой. Благодаря В., а также его последователям *Госберту* и Адольфу был ускорен процесс христианизации Швеции.

Лит.: *Niehus L.* Osnabrück // LTK. Bd. 7. S. 1265.

А. В. Чупрасов

ВИГУРУ́ [франц. Vigouroux] Фулькран Грегуар (13.02.1837, Нант — 21.02.1915, Париж), франц. католич. библеист-апологет. Богословское образование получил в семинарии в Бельмоне. После вступления в монашескую общину *сульпициан* посвящен в сан 21 дек. 1861 г. В 1862–1868 гг. В. был профессором философии в духовных семинариях Отёна и Иси. В 1868 г., после смерти А. М. Ле Хира, занял кафедру философии в семинарии св. Сульпиция (Париж). В 1890–1902 гг. возглавлял кафедру библеистики в Католическом ин-те в Париже, где он стал преемником П. Мартина. С 1902 г. занимал должность первого секретаря *Папской библейской комиссии*.

В соч. «Библия и новые открытия в Палестине, Египте и Ассирии» (La Bible et les Découvertes modernes en Palestine, en Égypte et en Assyrie. P., 1884[4]. 4 vol.) на основании обширного археологического материала В. защищал историчность ветхозаветных повествований. Исторической достоверности НЗ посвящена книга В. «Новый Завет и новые археологические открытия» (Le Nouveau Testament et les Découvertes archéologiques modernes. P., 1980), отдельные главы к-рой опубликованы А. П. *Лопухиным* в ж. «Странник» (1891. № 1–9) и в кн. «Библейская история при свете новейших исследований и открытий: Новый Завет» (СПб., 1895). Весь доступный на то время археологический материал учтен В. в «Библейском словаре» (Dictionnaire de la Bible. [Ed.]. P., 1895–1912. Suppl., 1928. 5 vol.). В. вел активную полемику с Э. *Ренаном* и др. представителями критической школы в библеистике. Опровержению рационалистических воззрений на Свящ. Писание посвящено исследование «Священные книги и рационалистическая критика» (Le livres Saints et la critique rationaliste. P., 1886–1891. 5 vol.).

«Введение» в ВЗ (Manuel biblique ou cours d'Ecriture Sainte a l'usage des seminaires: Ancien Testament. P., 1879–1880, 1906[12]) — главный труд В., выдержавший ряд переизданий и переведенный на мн. языки,— содержит анализ ветхозаветных книг в том порядке, как они расположены в Свящ. Писании. Первые 2 тома «Введения» были переведены на рус. язык (Руководство к чтению и изучению Библии. М., 1897–1899, 1916[2]. Т. 1–2), текст был отредактирован переводчиком В. В. Воронцовым, к-рый, кроме того, переписал разделы «О богодухновенности» и «О каноне» Свящ. Писания в соответствии с правосл. учением, а также существенно переработал раздел, посвященный слав. переводам Библии. Ряд исправлений вызвал критику со стороны рецензентов (см.: *Мышцын*. С. 329). Издание дополнено подробной библиографией работ рус. библеистов (Там же. С. 293–326).

Своей активной преподавательской деятельностью В. поставил на должную высоту изучение Свящ. Писания в образовательной программе духовных учебных заведений католич. Церкви. В 1923 г., несмотря на то что труды В. выделялись высоким научным уровнем и апологетическим характером, отдельные тома его пособий по причине нек-рых дополнений были исключены католич. Церковью из рекомендуемых в процессе богословского образования.

Соч.: La cosmogonie mosaïque d'après les Pères de l'Église. P., 1882, 1889[2]. (Mélanges bibliques); La Bible et la critique: Réponse aux Souvenirs d'enfance et de jeunesse de M. Renan. P., 1883. Изд.: La Sainte Bible polyglotte. P., 1900–1909. 8 vol.

Лит.: *Мышцын В.* Рец. на кн.: [Вигуру Ф.] Руководство к чтению и изучению Библии.

Т. 1. М., 1897 // БВ. 1897. Т. 4. № 11. Отд. 4. С. 328–333; Вигуру // ПБЭ. Т. 3. С. 345–346; *Levesque E.* M. Vigouroux et ses Écrits // RB. 1915. T. 12. P. 183–216 [Библиогр.]; *Strobel A.* Vigouroux // LTK. Bd. 10. Sp. 790; Вигуру Ф. Ж. // *Мень А., прот.* Библиологический словарь. М., 2002. Т. 1. С. 206–207.

Д. В. Лоськов

«ВИДЕ́НИЕ ЕВЛО́ГИЯ», иконографический сюжет в основе к-рого лежит повесть Скитского Патерика (известен в древнерус. письменности с XIV в. как особая редакция Сводного и Азбучного Патериков) «Иже на всенощных бдениях полезно души и благоугодию пред Богом не расслаблятися леностию», рассказывающая о блж. Евлогии, видевшем во время бдения на Пасху ангелов, певших службу вместе с монахами и раздававших им по окончании богослужения различные дары. Из прозрачных корзин ангелы доставали золотые, серебряные и медные монеты, просфоры и куски просфор, кого-то из братии помазывали из золотого сосуда миром, других кадили из золотой кадильницы фимиамом, иные уходили, ничего не получив, а нек-рые оставляли дары в храме и выходили с пустыми руками. В рассказе Патерика дано объяснение видения, смысл к-рого в том, что ангелы символически открывают меру духовной пользы разных монашеских подвигов и соответствующих им наград — т. е. духовных даров. Золото получают совершающие бдение в среду, пятницу, воскресенье и Господские праздники с вечера до утра, серебро — те, кто служат от полуночи до утра, медные деньги достаются подвизающимся в пении и псалмах, просфоры — усердным в чтении книг, куски просфор отдаются новоначальным, помазуются миром послушливые, кадятся те, «кто только в церкви в чувство приходит», оставляют дары увлекающиеся «еллинскими книгами и учениями» и тем самым утрачивающие духовную пользу, получаемую в церкви.

В XIV в. в росписи храмов, особенно монастырских, появляются назидательные истории и рассказы о подвигах монахов, известные из Патериков. В нартексе ц. св. Николая мон-ря Йошаница близ Светозарева (Сербия, ок. 1400), в одной из плохо сохранившихся композиций, расположенной в люнете на зап. стене нартекса, изображена сцена, содержание к-рой близко к рассказу о блж. Евлогии: в центре из открытых ворот здания вереницей выходят монахи, направляясь к 3 ангелам, сидящим справа от ворот. В левой части изображен монах, к-рому 3 др. ангела указывают на происходящее. Расположение этих сюжетов в нартексах или зап. частях храмов связывают с отмеченным в Типиконах правилом чтения в этой части храма глав из Патериков на утренях Великого поста.

Самым ранним известным примером этой иконографии в рус. искусстве является фреска Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова мон-ря (1502), написанная на сев. стене перед входом в жертвенник. На условном архитектурном фоне изображена большая группа монахов, среди к-рых стоят ангелы, одних помазывающие елеем, другим вручающие монетки и просфоры. В центре композиции — престол, на к-ром лежит крест, окруженный голубым сиянием. Помазуемые и склоняющиеся к кресту монахи изображены с обнаженными головами, остальные — в клобуках; с нимбами — только ангелы. Новым по сравнению с визант. традицией изображения монашеских циклов является расположение назидательного сюжета не в нартексе, а в вост. части наоса, причем размеры и место композиции в Ферапонтове ставят ее в один ряд с циклом Вселенских Соборов. Возможно, в росписи Рождественского собора отразились особенности, сложившиеся в искусстве 1-й четв. XV в. Фрагментарная сохранность памятников не позволяет судить об этом с уверенностью, но дошедшие до нас фрески ц. Успения на Городке (в Звенигороде), где на зап. гранях вост. столпов представлены сцены «Явление ангела прп. Пахомию» и «Беседа Варлаама и Иоасафа», свидетельствуют о том, что сюжетные композиции монашеского цикла могут помещаться в предалтарной зоне.

Видение прп. Евлогия. Икона из Введенского мон-ря в Сольвычегодске. 1565–1596 гг. (ГТГ)

Во 2-й пол. XVI в. иконография «В. Е.» (иконы ГРМ, ГТГ) была дополнена нек-рыми деталями. Сцена изображается на фоне церкви с 3 куполами, на фасаде к-рой помещен образ Богоматери «Воплощение» в медальоне. В соответствии с текстом повести на престоле стоит большой золотой сосуд с миром, ангелы держат корзинки, сосуды с елеем, раздают просфоры и свитки. На развернутых свитках в руках Евлогия и 3 ангелов написаны назидательные обращения к монахам. Два монаха по сторонам престола и Евлогий изображены с нимбами. На рисунке из Сийского иконописного подлинника (XVII в.) «В. Е.» представлено в иконографическом типе, близком ферапонтовской росписи: нет изображения храма, все монахи, кроме Евлогия в левом углу, изображены без нимбов, они идут чередой, с непокрытыми головами, принимая помазание и дары из корзин, стоящих на престоле в соответствии с церковным чином елеопомазания и раздаяния благословенных хлебов. Подпись под рисунком: «Ангели раздавают златники и сребреники и покропляют с верою послушающих неседальна Богоматере» — связывает «В. Е.» с Акафистом Богородицы. Возможно, такая связь возникла под влиянием росписи храма Рождества Богородицы Ферапонтова мон-ря, в к-рой сцена из Патерика соседствует с иллюстрациями Акафиста.

Ист.: Евлогиево видение // ВМЧ. Вып. 14. Дек. День 31. Стб. 2566–2569; РГБ. Троиц. № 704; 705; ГИМ. Епарх. 384, 385.

Лит.: *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб., 1897. Вып. 3. С. 117–118; *Преображенский В. С.* Славяно-рус. Скитский патерик. К., 1909; *Антонова, Мнева.* Каталог. Т. 2. № 644; *Џурић В.* Византијске фреске у Југославији. Beograd, 1975. С. 98, сл. 105 (на рус. яз.: М., 2000. С. 290–291. Ил.: с. 525); *Petkovic S.* The Lives of Heremites in the Wall Paintings of the Katholikon of the Monastery at Josanica // Byzantine East, Latin West: Art –history Stud. in Honor of K. Weitzmann. Princeton, 1995; *Лукашев А.* Видение прп. Евлогия // София Премудрость Божия. М., 2000. С. 242–243; *Калиндзе Н. В.* «Видение Евлогия» в росписи Рождественского собора Ферапонтова мон-ря // К 500-летию фресок Дионисия в Ферапонтовом мон-ре //

Рус. и поствизант. искусство рубежа XV–XVI вв. М., 2002. С. 11–14; *Шалина И. А.* Врата с «притчами» как символический вход в Дом премудрости // ДРИ: Рус. искусство позднего средневековья: XVI в. СПб., 2003. С. 273–274.

Н. В. Квливидзе

ВИДЕ́НИЕ ИСА́ИИ – см. *Исаии пророка видение.*

ВИДЕ́НИЯ, жанр древней и средневек. религ. лит-ры; в филологии термин В. обычно используется как синоним откровений – см. в статьях *Откровение, Апокалиптика.*

ВИДЖНЯ́НА [санскр. vijñāna; пали viññāna – сознание, познание, различение, распознавание, постижение], один из базовых терминов инд. психологии и философии сознания, встречающийся впервые в *Упанишадах.* В «Брихадараньяка-упанишаде» душа, расстающаяся с телом, сопровождается лишь В. (означает «сознание» как таковое), состояние к-рой определяет ее буд. воплощение (IV 4. 3), и в том же тексте упоминается «состоящее из познания-Виджняны» духовное начало-*пуруша* (II 1. 16–17). В «Чхандогья-упанишаде» В. вполне четко идентифицируется как познание, посредством к-рого приобретаются самые разнообразные знания и «науки», начиная со знания о Четырех *Ведах* и завершая «наукой о змеях и низших божествах» (VII 7. 1–2). В «Тайттирия-упанишаде» В.– один из 5 «слоев» (букв.– ножен) *Атмана,* и «Атман, состоящий из распознавания» (виджняно-майя) выше Атманов, «состоящих» из пищи, дыхания и ума, и ниже лишь «состоящего из блаженства» (II 5. 1). В более поздней «Катха-упанишаде», в иерархии ментальных способностей, В. как распознавание фактически идентична интеллекту-буддхи, располагается на этой шкале выше ума-манаса и управляет всей «колесницей» психофизической организации человека, обладателем к-рой является Атман (III 5–6). В *Бхагавадгите* (VI 8, VII 2 и т. д.) В. и джняна находятся, по мнению Ф. Эджертона, в корреляции познания практического и умозрительного.

В.– одно из основных понятий традиц. буддизма, в нек-рых наиболее древних контекстах отчасти замещающее духовное начало. Так, в одном из пассажей В., идентичная сознанию (читта) и уму (манас), противополагается телу и с распадом одного тела переходит в другое (Самъютта-никая II 95). Однако постепенно, вместе с демонтированием идеи духовного начала уже в ранней буддийской философии, начинает подвергаться осуждению взгляд (первоначально, вероятно, в буддизме популярный) на В. как на некое постоянное духовное начало (Маджджхима-никая I 258). С формированием классической буддийской концепции сознания как единства функций, лишенных их носителя *(анатмавада),* В. занимает высшее место в системе 5 *скандх* в качестве «сознания», к-рое мыслится как сознание прежде всего различающее (и в практических вопросах и в умозрительных). В системе 18 дхату (3-й тип классификации *дхарм*) В. занимает 6 «табличных клеточек», соответствующих сознанию слышимого, видимого, осязаемого, обоняемого, вкушаемого и мыслимого. Приоритетное значение В. как первого буддийского «заменителя души» сохраняется, когда указывается, что именно через В. осуществляются реинкарнации, когда В. локализуется в сердце, и подчеркивается, что именно В. обеспечивает буд. жизнь определенной аккумуляцией заслуги или порока, накопленных в предыдущем состоянии псевдоиндивида. Тем не менее на шкале приоритетных понятий В., по наблюдениям А. Ваймана, нередко занимает и подчиненное место по отношению к «знанию» (санскр. jñāna; пали ñāna) и соотносится с последним как «восприятие» и «постижение».

В буддийском идеализме *йогачары*-виджнянавады В.– системообразующее понятие всей теории сознания. В соч. Асанги «Махаяна-санграха» прежняя скандха В. стратифицируется и различаются 4 ее уровня (X 5 и т. д.). Самый глубокий соответствует алая-виджняне («аккумулированное сознание»), хранящей «плоды» всего накопленного в безначальном прошлом опыте псевдоиндивида, к-рые определяют «цветение» его сознания в настоящем и сохранятся (если не будет достигнуто «освобождение») для будущего. Следующие по порядку уровни В.: «загрязненный ум-манас» (клишта-манас); сознание, базирующееся на уме-манасе (мано-виджняна) и, наконец, 5 видов внешнего восприятия. Каждый из этих динамических слоев сознания черпает из «аккумулированного сознания» и находится поэтому во взаимодействии с ним. Реверсиями этих уровней сознания, достигаемыми благодаря специальной йогической практике, являются соответственно «зеркалоподобная мудрость» (адарша-джняна), «мудрость всеединства» (самата-джняна), «мудрость различающая» (пратьявекшана-джняна) и «мудрость исполнения должного» (критьянуштхана-джняна).

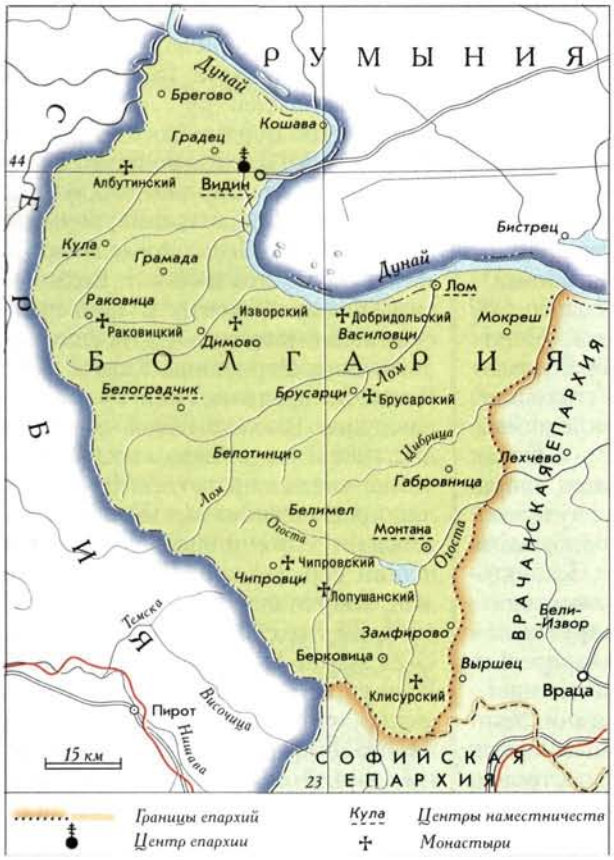
У Васубандху в «Тримшатике» осуществляется перегруппировка элементов этой стратификации (ст. 1–9). Глубинным слоем остается «аккумулированное сознание», но «сознание умственное» поглощает «нечистотное» сознание, загрязненное аффектами, потому что его функционирование неразрывно связано с «нечистотой», а сознание перцептивное (включающее восприятия объектов не только 5 внешних чувств, но и ума-манаса) перемещается с 4-го места на 3-е.

Поскольку йогачара исключает существование любых экстраментальных объектов (отсюда и ее др. название – виджняпти-матра (учение, в к-ром признается только деятельность сознания)), стратификация «слоев» В. оказывается здесь равнозначной и стратификации уровней реальности.

Лит.: *Edgerton F.* The Beginnings of Indian Philosophy: Selections from the Rig Veda, Atharva Veda, Upaniṣads and Mahābhārata. L., 1965; *Johansson R. E. A.* Citta, manas, viññāna a Psychosemantic Investigation // Univ. of Ceylon Review. 1965. Vol. 23. P. 165–215; *Wayman A.* Buddhist Insight: Essays. Delhi, 1984; *Rhys Davids T., Stede W.* Pali-English Dictionary. Delhi, 1993. P. 618–619.

В. К. Шохин

ВИ́ДИНСКАЯ ЕПА́РХИЯ [болг. Видинска епархия] Болгарской Православной Церкви; кафедра в г. Видин. Объединяет приходы и мон-ри на территории Видинской обл. Болгарии. Разделена на 5 наместничеств: Видинское, Кульское, Ломское, Белоградчикское и Берковицкое (г. Монтана). Правящий архиерей – митр. *Дометиан (Топузлиев).* По данным на сер. 2003 г., в епархии действуют 195 церквей, в к-рых служат 102 священника. Кафедральный собор во имя вмч. Димитрия (г. Видин).

Монастыри. Действующие: *Добридольский* во имя Св. Троицы муж., XIX в.; *Изворский* в честь Успения Пресв. Богородицы жен., XII в.; *Клисурский* во имя святых Кирилла и Мефодия муж., XII в.; *Лопушанский* во имя св. Иоанна Предтечи муж., X в.; *Раковицкий* во имя Св. Троицы муж., X–XI вв.; *Чипровский* во имя св. Иоанна Рильского муж., X в. В мон-рях в сер. 2003 г. проживали 14 монахов и 1 монахиня. Недействующие: Албутинский скальный близ с. Раброва, был основан в XIII в., сейчас в нем располагается музей, и *Брусарский* (XI в.), действует как приход. На территории В. е. ранее действовали и др. мон-ри: напр., из жития свт. *Феодосия Тырновского* известно о мон-ре во имя свт. Николая в с. Акчар (совр. Арчар).

История. В первых веках по Р. Х. земли совр. В. е. входили в состав рим. провинции В. Мёзия, в к-рой христианство распространилось благодаря проповеди учеников ап. Андрея. В III–IV вв. на берегу Дуная возник укрепленный рим. лагерь Бонония (совр. Видин). При изменении адм. деления балканских владений Римской империи в IV в. эти земли вошли в состав диоцеза Дакия префектуры Иллирик. В IV в. существовала епископская кафедра в Кастра Мартис (совр. г. Кула), а в IV – нач. VII в. епископия Аквы (севернее Видина, совр. территория Сербии) и митрополия Ратиария (совр. Арчар, Видинская обл.). В Сардикийском Соборе (343/4) участвовали 2 епископа – Аквийский Виталис и Кастра-Мартисский Молв. При нашествии гуннов в 412 г., а затем славян Ратиария была полностью разрушена, а Бонония получила у славян новое название Бдин (или Быдин). Кафедры в этот период были упразднены.

После Крещения кн. *Бориса* в 865 г. и учреждения Болгарской архиепископии в Бдине была основана кафедра. Когда в 1018 г. Византия завоевала Болгарию и был ликвидирован Болгарский Патриархат, Бдинская епархия вошла в состав автокефальной *Охридской архиепископии*. В богослужении и просвещении усилилось визант. влияние, Бдин стал именоваться на греч. манер Видином. Из переписки архиеп. Охридского *Феофилакта* (кон. XI – нач. XII в.) с Видинским митрополитом известно, что территория епархии подвергалась в то время частым нападениям и грабежам варварских племен. Несмотря на это, согласно церковным преданиям, в X–XI вв. в епархии было основано неск. мон-рей: Лопушанский, Чипровский, Раковицкий, Изворский и Клисурский.

После создания 2-го Болгарского царства со столицей в Тырнове (1186–1396) была учреждена Тырновская архиепископия. Бдин в этот период был важнейшей крепостью и торговым центром на северо-западе Болгарии. Видинский митрополит осенью 1186 (или 1187) г. участвовал в хиротонии во епископа иерея *Василия*, ставшего затем первым Тырновским архиепископом. Тогда же В. е. перешла из юрисдикции Охрида в подчинение Тырнову. После признания К-польским Патриархом *Иоанном X Каматиром* статуса Тырновской архиепископии архиеп. Василий рукоположил во митрополита Видинского некоего Стефана. Богослужение перешло на слав. язык, в епархии было открыто уч-ще, и кафедре было возвращено наименование Бдинская.

При царе Константине Асене Тихе (1257–1277) Бдин и соседние с ним области были завоеваны венграми и преобразованы в деспотат, во главе к-рого был поставлен русский по происхождению кн. Иаков Святослав. Т. к. Венгрия поначалу была союзницей Византии, отношения Бдинского митрополита и Тырновского Патриарха, возможно, были временно прерваны. Но когда в 1265 г. союз Венгрии и Византии распался, отношения Бдина и Тырнова восстановились. При Георгии Тертере I (1280–1292) Болгарию захватили монголо-татары и Видин стал самостоятельным феодальным княжеством под властью деспота Шишмана, во время правления к-рого епархия временно вновь была подчинена К-полю. Преемник Шишмана Михаил стал болг. царем (1322–1330) и епархия вернулась в юрисдикцию Тырнова. В сер. XIV в. царь *Иоанн Александр* разделил Болгарию на 2 удела: Тырновским управлял вместе со своим сыном Иоанном Шишманом, а Видинский передал старшему сыну Иоанну Срацимиру. Благодаря деятельности Иоанна Александра и его сыновей в Болгарии, в т. ч. и в Видине, строились и украшались храмы и мон-ри. От этого времени сохранилось неск. рукописей, переписанных в Видине: Четвероевангелие сер. XIV в., переписанное по заказу митр. Видинского Даниила (возможно, ок. 1348) (Lond. Brit. Mus., Add. Ms. 39626); т. н. Бдинский сборник (Бельгия, Гент, б-ка ун-та. Ms. 408), копия кон. XIV в. сборника житий св. жен, написанного в 1360 г. для царицы Анны, супруги Иоанна Срацимира; 2 сохранившихся листа Апостола, написанного в 1365–1368 гг. и до нач. XX в. хранившегося в б-ке мон-ря св. Павла на Афоне (БАН. Дмитр. 43); Апостол 1428 г. (ХАЗУ III в 16).

В 1365 г. Бдин захватили венг. войска кор. Лайоша I (Людовика Великого): было создано Видинское банство, учреждено Видинское католич. еп-ство и поставлена венг.

администрация, проводившая политику окатоличивания местного населения. В 1369 г. благодаря сопротивлению болг. населения Иоанн Срацимир смог вернуться из плена в Видин.

Из-за возникших противоречий между братьями Иоанном Срацимиром и Иоанном Шишманом первый, несмотря на протесты Патриарха Тырновского св. *Евфимия,* передал в 1381 г. Бдин в ведение К-польского Патриарха и попросил поставить на кафедру вместо бежавшего в Валахию при венг. завоевании митр. Даниила своего ставленника — иером. Кассиана. В 1392 г. подчинение Бдина К-полю было закреплено поставлением на кафедру митр. Иоасафа, к-рый в 1394 г. перенес из уже захваченного турками Тырнова в Видин мощи св. Параскевы-Петки (позже были переданы сербам) и мц. Филофеи. Ухудшение отношений между правителями Тырнова и Бдина способствовали завоеванию Болгарии турками. В 1393 г. султаном Баязетом было взято Тырново, а в 1396 г. последним из болг. городов был взят Бдин. В сер. XV в. Бдин и прилегающие к нему придунайские районы и зап. земли (совр. сев. районы Сербии) были объединены в Видинский санджак.

С падением гос. независимости в церковной, духовной и общественной жизни наступил упадок. По сохранившимся неск. письмам, связанным со спором между Охридом и К-полем по поводу присоединения Видина к Охридской архиепископии, можно предположить, что в нач. XV в. Видин, как и София, на непродолжительное время был присоединен к Охриду (см. ст. *Болгарская Православная Церковь*). К-польская Патриархия назначала на кафедру греч. архиереев, к-рые вводили богослужение на греч. языке. Вновь было изменено наименование епархии на Видинская. Мн. церкви и мон-ри были сожжены, и почти все обители закрыты. В XV–XVIII вв. известно о строительстве в епархии одной ц. во имя св. Петки валашским господарем Матеем Басарабом (1634–1654) и по сохранившейся надписи на внутренней стене о реконструкции в 1633 г. кафедральной ц. во имя вмч. Пантелеимона в Видине, построенной в XII в.

В кон. XVIII — нач. XIX в. власть в Видинском крае была захвачена Осман-пашой Пазвантоглу, владычество к-рого было крайне жестоким. О тяготах духовенства и христ. населения в этот период известно из жития свт. *Софрония,* еп. Врачанского, к-рый в 1800–1803 гг. жил в Видине. Все города, села, церкви и мон-ри Видинской и Врачанской епархий были разграблены, свт. Софронию пришлось искать спасения в Крайове (Румыния). После смерти Османа Пазвантоглу положение не изменилось. Недовольство населения перерастало в восстания: в 1836 г. в Берковице, в 1850 г. в Видинской, Ломской, Белоградчикской, в 1857 г. в Кульской околиях, к-рые проходили при поддержке местного болг. духовенства, в т. ч. насельников Изворского и Чипровского мон-рей. Раковицкий мон-рь был центром восстания в 1850 г. Видинскую кафедру последовательно занимали митрополиты-греки. Религ. образованию паствы уделялось мало внимания. Усиливалось греч. влияние: слав. книги были заменены на греч., действовали лишь греч. уч-ща. Нек-рые митрополиты были малообразованы и рукополагали неграмотных священников только ради получения платы за хиротонию.

Имена епископов Видинской кафедры за XV–XVI вв. не сохранились, а их список XVII–XIX вв. крайне неполон. Последнего из них, митр. Паисия, К-поль был вынужден в нач. 1868 г. отозвать из-за народных волнений. В 60-х гг. XIX в. жители Видина образовали Церковно-училищную общину, к-рая признала своим церковным начальством управу Болгарской Церкви в К-поле в лице еп. Макариопольского *Илариона* и приняла решение о недопущении в будущем на кафедру греч. ставленников. Все богослужебные книги на греч. языке были изъяты и заменены на слав. Было установлено празднование памяти святых Кирилла и Мефодия. Вместо греч. уч-ща открылось болгарское, начала работу б-ка болг. лит-ры «Цвет». Т. о. было положено начало возрождению церковного просвещения. В апр. 1868 г. К-польская Патриархия назначила на кафедру болгарина по происхождению митр. Анфима (буд. *Анфим I (Чалыков),* к-рый через 7 месяцев под влиянием Церковно-училищной общины вышел из-под юрисдикции К-поля.

В 1872 г., при учреждении Болгарского Экзархата и избрании митр. Видинского Анфима экзархом, В. е. вошла в состав новой церковной структуры. 3 марта 1878 г. Видин был освобожден рус. войсками и по решению Берлинского конгресса 13 июля того же года вошел в состав автономного Болгарского княжества.

Границы В. е., сохранившиеся до наст. времени, были определены Уставом Экзархата 1883 г.: г. Видин — епархиальный центр и архиерейские наместничества — в городах Белоградчик, Берковица, Кула и Лом. После возвращения в 1878 г. к управлению В. е. до своей смерти в дек. 1888 г. митр. Анфим особое внимание уделял нравственному и религ. просвещению паствы, объезжал города и села с проповедью. В завещании передал свой дом в Видине жен. епархиальному уч-щу и средства для уже существовавших уч-щ. С 21 марта 1891 по 21 мая 1914 г. В. е. управлял митр. *Кирилл (Стоичков),* к-рый начал строительство нового кафедрального собора во имя вмч. Димитрия в Видине, поддерживал повышение уровня образования в епархии и деятельность б-ки «Цвет».

Трудами митр. *Неофита (Карабобова),* управлявшего епархией в течение 57 лет (в окт. 1914 — февр. 1971) были окончены строительство и роспись кафедрального собора вмч. Димитрия, возведены храм во имя свт. Николая и мавзолей экзарха Анфима I в Видине, 45 новых храмов, возобновлены неск. мон-рей, построено здание канцелярии митрополии, открыто уч-ще, на его личные средства открыт детский дом, для управления к-рым было образовано жен. об-во «Развитие». Митр. Филарет (Игнатов, 23 мая 1971 — 4 июня 1987) большое внимание уделял обновлению и реставрации храмов и мон-рей, повышению образовательного уровня священников, при нем был возобновлен Клисурский мон-рь.

Со 2 авг. 1987 г. епархией управляет митр. Дометиан (Топузлиев). При нем были возобновлены Изворский, Лопушанский и Чипровский мон-ри, мн. церквей. С 1988 г. по его инициативе в день памяти вмч. Димитрия, небесного покровителя Видина, отмечается день города.

Лит.: *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия отъ падането и подъ турците до нейното унищожение (1394–1767 г.). София, 1932; *Цухлев Д. Н.* История на града Видин и неговата област.

София, 1932; *Събев Т.* Самостойна народностна църква в средновековна България. София, 1987.

Митр. Видинский Дометиан

ВИ́ДНОВСКОЕ ВИКАРИА́ТСТВО Московской епархии, названо по г. Видное Ленинского р-на Московской обл. 10 авг. 1999 г. во епископа Видновского был хиротонисан благочинный церквей Видновского округа и мон-рей Московской епархии, настоятель *Екатерининского муж. мон-ря* в г. Видное архим. *Тихон (Недосекин)* с сохранением за ним прежних должностей (17 апр. 2002, согласно прошению, еп. Тихон был освобожден от обязанности благочинного церквей Видновского округа).

Лит.: Наречение и хиротония архим. Тихона (Недосекина) во еп. Видновского, вик. Московской епархии // ЖМП. 1999. № 9. С. 9–15; Указы по Моск. епархии // Моск. ЕВ. 2002. № 5–6. С. 21.

ВИДУКИ́НД КОРВЕ́ЙСКИЙ [лат. Widukindus Corbeiensis; древнесаксон. Widukind, Witikind] (ок. 925 — после 973), бенедиктинский монах, агиограф и историограф; один из представителей т. н. Оттоновского возрождения. Происходил из высшей саксон. знати. Ок. 940 г. попал в мон-рь Корвей в Вестфалии, где получил прекрасное для того времени образование. Был знаком с историческими сочинениями *Григория Турского, Плутарха* и Светония, Горация, *Вергилия* и др. В. К., автор ряда не сохранившихся до наст. времени агиографических произведений, упоминает о них в соч. «Rerum Gestarum Saxonicarum libri III» (Деяния саксов в 3 книгах).

«Деяния саксов» наряду с хроникой Титмара Мерзебургского занимает одно из главных мест в историографии X в. Свое сочинение В. К. адресовал дочери Оттона I Великого Матильде, аббатисе Кведлинбурга. Историческое повествование начато В. К. ок. 967–968 гг. и доведено до года смерти герм. имп. Оттона I Великого (973). В отечественной историографии этот факт отчасти подвергается сомнению. Полагают, что В. К. принадлежит описание истории до 968 г., а остальная часть «Деяний саксов» была написана неизвестным автором. В кн. I В. К. освещает раннюю историю саксон. народа и время правления саксон. герц., а затем герм. кор. Генриха I. В книгах II и III описаны деяния и подвиги Оттона I. Особое внимание автор уделил его борьбе с врагами из королевской семьи и саксон. знати.

Исследователи отмечали плохую осведомленность В. К. в том, что касалось деятельности Оттона I за пределами Германии. В доказательство приводилось отсутствие в соответствующем месте упоминания о коронации Оттона I имп. короной в 962 г. Краткий рассказ об этом событии появляется лишь в связи с Оттоном II. По всей видимости, В. К. был вхож через архиеп. Вильгельма Майнцского в аристократические круги и выражал интересы определенной прослойки саксон. магнатов. Скорее всего о таком глобальном событии, как имперская коронация Оттона I, хронист был осведомлен, но, выражая интересы тех слоев духовенства, к-рые поддерживали политику продвижения на восток, он специально принизил значение итал. направления внешней политики Оттона I. В. К. подчеркивал вселенский характер власти императора, изображая Оттона I владыкой не только всей Европы, но и Азии и Африки, он понимал империю как сублимированную королевскую власть, не требующую санкции Рима.

Основное для В. К.— это описание истории войн саксов с окружавшими их народами, королей саксон. династии он прославлял за воинственность. Хронист доказывал, что Бог с теми, кто сражается на стороне короля. В «Деяниях саксов» была обоснована легитимность династии Оттонов: законность перехода власти от франков к саксам (919) подтверждалась речью последнего франк. кор. Конрада I, к-рый на смертном одре передал свои полномочия Генриху I.

«Деяния саксов» отличаются стилистическими заимствованиями из античных авторов, прежде всего из Саллюстия и Светония, а также из Книги Маккавеев, использованием анекдотических и драматических элементов, введением в повествование речей и словесных дуэлей.

Автор «Деяний саксов» собрал в своем произведении богатый материал по ранней истории славян: ободритов, доленчан, гаволян, лужичан, руан, чехов, укров, ротарей, моравов, вагров и вильцев. Термином «vicinae gentes» (пограничные народы) или народы-«barbari» (варвары) В. К. обозначил те слав. племена и народы, к-рых саксы рассматривали как объект своего влияния и завоевания, прежде всего это славяне, жившие на Эльбе. Образ славянина у корвейского хрониста крайне тенденциозен и построен на противопоставлении саксов и варваров. Главное отличие славян от герм. населения в том, что они язычники (pagani) и поклоняются идолам. Саксы, бавары, швабы — это добропорядочные христиане, к-рые ратуют за установление христ. мира, и поэтому с ними благодать Божия.

Соч.: Quellen z. Geschichte d. sächsischen Kaiserzeit / Hrsg. v. Bauer A., Rau R. Darmstadt, 1971. (Ausgewählte Quellen z. deutschen Geschichte d. Mittelalters; Bd. 8); Деяния саксов / Под. ред. Г. Э. Санчука. М., 1975.

Лит.: *Hirsch A.* Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei. Hannover, 1935; *Beumann H.* Widukind von Korvei: Untersuch. zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jh. Weimar, 1950; *Lintzel M.* Die Entstehungszeit von Widukinds Sachsengeschichte // *Idem.* Ausgewälte Schriften: In 2 Bd. B., 1961; *idem.* Die politische Haltung Widukinds von Korvei // Ibid.; *Санчук Г. Э.* Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» (обзор источников) // Вопр. историографии и источниковедения слав.-герм. отношений. М., 1971; *он же.* Политические взгляды Видукинда Корвейского // Исследования по истории слав.-герм. отношений. М., 1971; *Keller H.* Widukinds Bericht über die Aachener Wahl und Krönung Ottos I. // Frühmittelalterliche Studien. B., 1995. Bd. 29. S. 390–453.

А. В. Чупрасов

ВИЗА́НТИЙ [Ви́зант; греч. Βυζάντιος, Βύζας], визант. гимнограф. Этим именем надписаны в Минеях ряд самогласных стихир.

Как творения В. (Βυζαντίου) в греч. печатных Минеях обозначены самогласны след. служб: индикта (1 сент., на «Господи, воззвах», на «И ныне») «Ὁ πνεύματι ἁγίῳ συνημμένος» (**И́же со дх҃омъ сⷭ҃ты́мъ соедине́нъ**) 2-го плагального (6-го) гласа; свт. *Иоанна* IV Постника, Патриарха К-польского (2 сент., славник на «Господи, воззвах») «Νέον φυτὸν καθάπερ ἐλαίας» (**Но́въ са́дъ ꙗ҆коже ма́слина**) 2-го гласа; арх. Михаила (6 сент., славник на «Господи, воззвах») «Συγχάρητε ἡμῖν, ἅπασαι αἱ τῶν ἀγγέλων ταξιαρχίαι» (**Сра́дꙋ́йтесѧ на́мъ всѣ҆ а҆г҃ґ҃льскаѧ чинонача́лїѧ**) 2-го плагального (6-го) гласа; вмц. Евфимии (16 сент., на стиховне на вечерне) «Πᾶσα γλῶσσα κινείσθω» (**Всѧ́къ ꙗ҆зы́къ да подви́житсѧ**) 4-го плагального (8-го) гласа и (славник на стиховне на утрене) «Σήμερον χοροὶ πατέρων πανεύφημε» (**Дне́сь ли҆цы о҆тцє́въ, всехва́льнаѧ**) 1-го гласа (в рим. изд. Минеи 1888 г. надписание отсутствует); Зачатия св. Иоанна Предтечи

(23 сент., славник на «Господи, воззвах») «Ἐκ στειρευούσης σήμερον νηδύος» (Ѡ̃ неплоднагѡ днесь чрева) 2-го плагального (6-го) гласа (в изд.: Рим, 1888 надписание отсутствует); ап. Иоанна Богослова (26 сент., славник на литии) «Ἀναπεσὼν ἐν τῷ στήθει τοῦ διδασκάλου» (Возлегъ на перси оучителѧ) 4-го гласа; мч. Каллистрата (27 сент., славник на «Господи, воззвах») «Πρὸ τοῦ τιμίου σταυροῦ σοῦ» (Прежде честнагѡ крт҃а твоегѡ) 4-го гласа; мучеников Назария, Протасия, Гервасия и Келсия (14 окт., славник на «Господи, воззвах») «Τὰ θύματα τὰ λογικά» (Жертвы словесныѧ) 4-го плагального (8-го) гласа; ап. Иакова, брата Господня (23 окт., славник на хвалитех), «Ἐν τῇ πυρίνῃ αὐγλῇ» (Во Ѻгненной зарѝ) 1-го гласа; вмч. Димитрия Солунского (26 окт., славник на «Господи, воззвах») «Σήμερον συγκαλεῖται ἡμᾶς» (Днесь созываетъ насъ) 2-го плагального (6-го) гласа; свт. *Павла I*, архиеп. К-польского (6 нояб., славник на стиховне), «Ἀσκήσεως τὸ πέλαγος» (Постнꙋю пѹчинꙋ) 2-го гласа; арх. Михаила (8 нояб., на великой вечерне славник на «Господи, воззвах») «Συγχάρητε ἡμῖν, ἅπασαι αἱ τῶν ἀγγέλων ταξιαρχίαι» (Сра́дꙋйтесѧ намъ всѣ ѧ̆гг҃льскаѧ чиноначалїѧ) 2-го плагального (6-го) гласа; мучеников Мины, Виктора и Викентия (11 нояб., славник на «Господи, воззвах») «Πάλιν ἡμῖν ἡ ἐτήσιος μνήμη» (Паки намъ лѣтнѧѧ памѧть) 2-го плагального (6-го) гласа; ап. Филиппа (14 нояб., славник на стиховне) «Καταλιπὼν τὰ ἐπὶ γῆς» (Ѡставивъ земнаѧ) 2-го гласа; мучеников Гурия, Самона и Авива (15 нояб., славник на стиховне) «Δεῦτε φιλομάρτυρες πάντες» (Прїидите мч҃енколюбцы вси) 2-го гласа (в рим. изд. греч. Минеи 1889 г. и в слав. печатных Минеях без надписания); вмц. Варвары (4 дек., на хвалитех) «Ἡ σχύνθη ὁ βάσκανος ἐχθρός» (Посрамисѧ лꙋкавый врагъ), «Τὴν πανήγυριν σήμερον» (Торжество днесь) и «Ἡ θεόκλητος μάρτυς Βαρβάρα» (Бг҃озванная мч҃енице варвара) 2-го гласа; равноапостольных Константина и Елены (21 мая, славник на «Господи, воззвах») «Πλουσίων δωρεῶν τὰ κρείττονα» (Богатыхъ даровъ лч҃шаѧ) 2-го гласа; Рождества Иоанна Предтечи (24 июня на великой вечерне славник на «Господи, воззвах») «Σήμερον τοῦ φωτὸς ὁ λύχνος» (Днесь свѣта свѣтильник) 2-го плагального (6-го) гласа; апостолов Петра и Павла (29 июня, славник на литии) «Ἡ σωφία τοῦ Θεοῦ» (Премдрость бж҃їа) 1-го плагального (5-го) гласа; вмч. Прокопия (8 июля, на хвалитех) «Ὡς προκόπτων ἐν Θεῷ» (Ꙗкw преꙋспева́ѧ въ бг҃ѣ) 2-го гласа (отсутствует в изд. греч. Минеи: Рим, 1902); мучеников Кирика и Иулитты (15 июля, славник на хвалитех) «Δεῦτε πιστοὶ, τοῖς ἐπαίνοις συνελθόντες» (Прїидите вѣрнїи, хвалами, сошедшесѧ) 2-го гласа; прор. Илии (20 июля, на великой вечерне славник на «Господи, воззвах») «Δεῦτε τῶν ὀρθοδόξων τὸ σύστημα» (Прїидите православныхъ совокꙋплени҃е) 2-го плагального (6-го) гласа; вмц. Христины (24 июля, на хвалитех) «Δοξάζομέν σου Χριστὲ τὴν πολλὴν εὐσπλαγχνίαν» (Славимъ твое хр҃те многое милосе́рдїе) 4-го гласа; вмч. Пантелеимона (27 июля, славник на «Господи, воззвах») «Ἐξέλαμψε σήμερον, ἡ σεβάσμιος μνήμη τοῦ ἀναργύρου» (Возсїа́ днесь честнаѧ памѧть безсре́бреника) 2-го плагального (6-го) гласа, (на литии) «Ἀγῶνα καλὸν ἠγωνίσω» (Подвигомъ до́брымъ подвизалсѧ е́си) 1-го гласа и (славник на литии) «Δεῦτε φιλομάρτυρες, ὁμοφρόνως ἅπαντες εὐφημήσωμεν» (Прїидите мч҃енколюбцы, единомдренно вси восхва́лимъ) 1-го плагального (6-го) гласа.

Именем Византа (Βύζαντος) надписаны стихиры в службах: ап. Филиппа (14 нояб., славник на «Господи, воззвах») «Τοῦ μεγάλου Φίλιππε φωτὸς, ταῖς ἀστραπαῖς πυρωθείς» (Велича́гw, фїлїппе, свѣта блиста́нїи разже́гсѧ) 2-го плагального (6-го) гласа (в рим. изд. Минеи 1888 г. эта стихира надписана именем Византия); мч. Евстратия и иже с ним пострадавших (13 дек., на хвалитех; в слав. Минее по 50-м псалме) «Τὴν πεντάριθμον χορείαν» (Пѧточи́сленный ли́къ) 1-го гласа; предпразднства Рождества Христова (20 дек., на утренних стиховнах) «Σπήλαιον εὐτρεπίζου» (Вертепе благообразисѧ) 2-го плагального (6-го) гласа; предпразднства Рождества Христова и вмц. Анастасии (22 дек., славник на «Господи, воззвах» на «И ныне», в слав. службе отсутствует) «Ἀνύμφευτε Παρθένε, πόθεν ἥκεις;» (Безневестная Дево, где обитаеши?) 2-го плагального (6-го) гласа и (славник стиховных на утрене) «Προεόρτιος ἡμέρα σήμερον» (Предпра́здничный де́нь днесь) 1-го плагального (5-го) гласа; свт. Василия Великого (1 янв., на стиховне) «Ὦ θεία καὶ ἱερὰ τῆς Χριστοῦ ἐκκλησίας μέλισσα» (Ѡ̃ бж҃ественнаѧ и сщ҃е́ннаѧ хр҃то́вы цр҃кве пчело́) 1-го гласа (в «Антологии» В. Криста и М. Параникаса указан 2-й глас) и (на великой вечерне на литии) «Τὴν ἱερατικὴν στολὴν ἀμπεχόμενος» (Сщ҃и́тельскою ѻде́ждею ѡ҆дѣѧнъ) 3-го гласа; Богоявления (6 янв., славник на «Господи, воззвах») «Ὑπέκλιας κάραν τῷ Προδρόμῳ» (Приклони́лъ е́си главꙋ пр҃течи) 2-го гласа; Собора Иоанна Предтечи (7 янв., славник на стиховне) «Ὡς τοῦ Πνεύματος ἐραστής» (Ꙗкw дх҃а рачи́тель) 4-го гласа; мч. Полиевкта (9 янв., славник на «Господи, воззвах») «Τὰ τῶν ἀγγέλων στρατεύματα» (Ѧг҃гельскаѧ вѡ́инства) 1-го гласа; ап. Петра (16 янв., славник на «Господи, воззвах») «Σήμερον ἡμῖν ἡ κρηπὶς τῆς Ἐκκλησίας» (Днесь намъ ѡ҆снова́нїе цр҃кве) 2-го плагального (6-го) гласа; Благовещения Пресв. Богородицы (25 марта, на литии) «Τῷ ἕκτῳ μηνὶ, ὁ ἀρχιστράτηγος ἀπεστάλη» (Въ шестꙋю мц҃ъ а҆рхистрати́гъ по́сланъ бы́сть) 1-го гласа; равноапостольных Константина и Елены (21 мая, на литии и по 50-м псалме) «Τοῦ εὐσεβοὺς Κωνσταντίνου ἡ μνήμη» (Бл҃гочести́ваго кѡнстанти́на па́мять) 2-го гласа (в слав. Минее надписание помещено над предыдущей стихирой «Не ѿ человѣкъ зва́нїе прїи́мъ» 2-го гласа, не имеющей надписания в греч. Минее); равноап. Марии Магдалины (22 июля, славник на стиховне) «Τῷ ἐκουσίως πτωχεύσαντι τὴν πτωχείαν τὴν ἐμὴν» (Во́лею ѡ҆бнищавшемꙋ нището́ю мое́ю) 4-го плагального гласа; Преображения Господня (6 авг., славник на хвалитех) «Παρέλαβεν ὁ Χριστὸς τὸν Πέτρον καὶ Ἰάκωβον καὶ Ἰωάννην» (Поѧ́тъ хр҃то́съ петра̀, ꙗ҆кова и ꙗ҆ѡа́нна) 4-го плагального (8-го) гласа; Успения Пресв. Богородицы (15 авг., по 50-м псалме) «Ὅτε ἡ Μεταστάσις τοῦ ἀχράντου σου σκήνους ηὐτρεπίζετο» (Ѳгда̀ преставле́нїе пречи́стаго твоегѡ т҃ѣла гото́вляшесѧ) 2-го плагального (6-го) гласа.

Согласно греч. печатным Минеям, нек-рые стихиры приписываются в одних источниках Византию, а в др.— к.-л. иному гимнографу: в службе ап. Иоанна Богослова (26 сент., славник на «Господи, воззвах») «Τὸν υἱὸν τῆς βροντῆς» (Сн҃а гро́мова) 2-го гласа — свт. *Герману I* К-польскому; в службе ап. Анании (1 окт., славник на «Господи, воззвах») «Τὸ σκεῦος τῆς ἐκλογῆς» (Сосꙋдъ и҆збра́нный) 1-го гласа — Анатолию; в службе сщмч. Дионисия Ареопагита (3 окт., славник на «Господи, воззвах») «Δεῦτε συμφώνως, οἱ πιστοί» (Прїидите, вѣрнїи, согла́сну)

2-го гласа — свт. *Андрею* Критскому (Иерусалимскому).

В слав. печатных Минеях оба греч. надписания чаще всего переданы одним и тем же способом — «Вѷзантіе́во», в нек-рых случаях надписание отсутствует.

Почти все указанные стихиры присутствуют в древнейших сохранившихся списках греч. Стихираря (Athen. Bibl. Nat. gr. 883, XII в.; Crypt. E. a. II, XIII в.?; Cantabr. S. Trin. 256 (B. 11, 17)), однако во мн. рукописях — напр., Vindob. gr. theol. 136 (1-я пол. XII в.) и Vindob. gr. theol. 181 (1-я пол. XIII в.) — без надписания. В «Антологии», составленной Кристом и Параникасом, приведен список самогласнов В., к-рые содержатся в печатных Минеях, и напечатано 3 самогласна из служб 21 мая, 1 янв. и 6 авг. с указаниями разночтений по рукописным Минеям Vindod. theol. gr. 332 et 338 (XII в.), Ibid. 121 (XII в.), Стихирарям Vindod. theol. gr. 33 (XIII в.), Monacensis (olim Augustanus) gr. 471 (XI–XII вв.) и печатному венецианскому изданию Миней и Пентикостариона (1869), подготовленному Варфоломеем Кутлумушским.

Исследователи не пришли к единому мнению, следует ли считать Византия и Византа одним и тем же лицом. По мнению П. Трембеласа, самогласны, надписанные именем Византа, уступают по поэтическим качествам творениям, автором к-рых назван Византий. Согласно М. Карпентеру, самогласны В. испытали на себе влияние творчества прп. *Романа Сладкопевца* (в частности, кондака на Рождество Христово). Крист и Параникас полагали, что В. следует отнести к ранним гимнографам, исходя из того, что под этим именем не сохранилось канонов. Однако позднее митр. *Софроний (Евстратиадис)* обнаружил в Ирмологии X в. Laur. B. 32 (Fol. 49v) и издал носящие имя Византия ирмосы полного канона на праздник Богоявления «Τὸ ἐρυθραῖων πεζεύων ὁ Ἰσραὴλ πέλαγος» (Чермное пешествовал Израиль море) 2-го гласа (ирмос 9-й песни в описании не указан — по-видимому, не сохр.). Если автор самогласнов и ирмосов — одно и то же лицо, то он жил, несомненно, не раньше создателя жанра канона — свт. Андрея Критского (рубеж VII–VIII вв.). По предположению Х. *Тильярда*, в гимне мученикам Гурию, Самону и Авиву В. подражал мон. *Косме* (1-я треть IX в.), чья стихира присутствует в той же службе; в таком случае творчество В. следует отнести на более позднее время. Не исключено также, что надписание указанных ирмосов (Βυζαντ) указывает не на автора, а на место их происхождения, т. к. в той же рукописи 2 др. последования ирмосов (2-го плагального (6-го) гласа) названы «Βυζαντιέα» и «Βυζαντιαῖα» (Laur. B. 32. Fol. 226v, 232v).

Лит.: Menaea et Pentecostarium / Cur. Bartholomeus Cutlumusianus. Venetia, 1869; Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. R., 1888–1901. 6 т.; *Christ W., Paranikas M.* Anthologia Graeca carminum christianorum. Lpz., 1871. P. XLIII, 100–101, 264; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης), πρώην μητρ. Λεοντοπόλεως.* Εἱρμολόγιον. Chennevières-sur-Marne, 1932. Σ. 55–56, 179, 188. (Ἁγιορειτικὴ βιβλιοθήκη; 9); *Mioni E.* Romano Il Melode: Saggio critico: E dieci inni inediti. Torino, 1937. P. 56; *Carpenter M.* The Origin and Influence of the Christmas Kontakion of Romanos // HarvSCPh. 1930. Vol. 41. P. 191; Die Hymnen des Sticherarium für September / Übertr. v. E. Wellesz. Kopenhagen, 1936. S. 14, 23, 101, 118, 120, 143. (MMB. Transcripta; 1); The Hymns of the Sticherarium for November / Transcr. by H. J. W. Tillyard. Copenhagen, 1938. P. 40–42, 56–58, 66–67, 81–83, 87–90. (MMB. Transcripta; 2); Μηναῖον; *Μιτσάκης Κ.* Βυζαντινὴ ὑμνογραφία. Θεσσαλονίκη, 1971. Τ. 1. Σ. 367; *Τρεμπέλας Π. Ν.* Ἐκλογὴ Ἑλληνικῆς Ὀρθοδόξου ὑμνογραφίας. Ἀθῆναι, 1978. Σ. 89, 260, 261–262; *Szövérffy.* Hymnografy. 1979. Vol. 2. P. 235, 243–255.

С. И. Никитин

ВИЗАНТИ́ЙСКАЯ ИКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ (празд. 7 апр. и 1 мая), согласно преданию, явилась 7 апр. 732 г., в Россию была перенесена из Рима. Перед нею молился имп. Петр I после Полтавской битвы (1709) в благодарность о победе над неприятелем.

Изображение относится к типу Одигитрии. Богородица представлена поколенно, сидящей, с Младенцем Христом на правой руке (Дексиократуса). Характерная черта этой иконографии — поворот головы Младенца от Матери вправо. Правая рука Младенца в жесте благословения, левой Он прикасается к руке Матери. В руках у обнимающей Сына Богородицы держава и скипетр. Царственный облик подчеркивают короны, венчающие Их головы.

Эту иконографию Н. П. *Кондаков* рассматривал как результат влияния итал. живописи на греч. иконопись и относил ее появление к XVI в. В рус. иконописи царские регалии — жезл, венец и держава — известны на иконах Богородицы с XVII в. Гравюра с изображением В. и. работы Г. П. *Тепчегорского* была включена в свод чудотворных икон, составленный в 1715–1716 гг. сторожем московского Благовещенского собора С. Моховиковым. С кон. XVIII в. клеймо с В. и. встречается и на иконах такого состава (напр., «Явленные иконы Богородицы», кон. XVIII — нач. XIX в., Череповецкое музейное объединение).

Лит.: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери: Связи греч. и рус. иконописи с итал. живописью раннего Возрождения. СПб., 1910. С. 189, 201; *он же.* Иконография Богоматери. Т. 2. С. 275; *Поселянин Е.* Богоматерь. С. 234; *Bentchev I.* Handbuch der Muttergottesikonen Russlands. Bonn, 1985. S. 122; *Кочетков И. А.* Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX вв. // Чудотворная икона в Византии и Др. Руси. С. 407 (сн. 10).

Э. В. Ш.

ВИЗАНТИ́ЙСКАЯ ИМПЕ́РИЯ [Вост. Римская империя, Византия], позднеантичное и средневек. христ. гос-во в Средиземноморье со столицей в К-поле в IV — сер. XV в.; важ-

План Константинополя. XV в. Худож. К. Буондельмонти (Б-ка Лауренциана во Флоренции)

нейший исторический центр развития Православия. Уникальная по своему богатству христ. культура, созданная в В. и., оказала глубокое воздействие на страны средневек. Европы (в т. ч. Др. Русь), Кавказа и Ближ. Востока.

Самоназвание В. и.— Римская (Ромейская) империя, или «Царство ромеев» (лат. Imperium Romanorum; греч. βασιλεία τῶν Ῥωμαίων),— подразумевает, что она считала себя продолжением древней *Римской*

империи. Жители В. и. называли себя римлянами («ромеями»), этим же именем называли их соседние народы Ближ. Востока. В Зап. Европе после образования в 800 г. Римской империи во главе с франк., а затем герм. императорами В. и. именовалась К-польской или Греческой (при сохранении за ее территорией географического понятия Романия, букв.— страна римлян). Зап. традиция была воспринята и славянами, в т. ч. на Руси, где традиц. формой названия Византии было «Ц(ес)арство греков». Между тем в греч. языке визант. эпохи слово «эллины» (Ἕλληνες — греки) обозначало язычников (его этническое значение возрождается лишь в XIV в.), в то время как ромеями (Ῥωμαῖοι — римляне) называли христиан. Поэтому др. названием В. и. было «Христианское царство» (βασιλεία τῶν Χριστιανῶν), что отражало сформировавшуюся к VI в. концепцию о единстве всех христиан ойкумены под властью (реальной или номинальной) рим. императора.

Название «В. и.», принятое в исторической науке и совр. обиходе, является искусственным; оно происходит от античного названия столицы империи — Визáнтий (Βυζάντιον; см. ст. *Константинополь*). Это название встречается у визант. авторов (как архаизированное наименование К-поля) и в нек-рых иноязычных средневек. текстах (арм., копт.), однако оно никогда не являлось официальным. Как научный термин название «Византия» впервые, вероятно, было введено в употребление в XVI в. нем. ученым и издателем античных и визант. авторов И. *Вольфом*. В совр. историографии продолжаются дискуссии относительно аутентичности понятия «Византийская империя»; ряд ученых считают более корректным говорить о Вост. Римской империи, просуществовавшей до сер. XV в. Однако описание этого своеобразного исторического феномена оказывается более удобным при использовании особого (хотя бы и условного) термина. Этим объясняется широкое распространение понятий «Византия», «Византийская империя» в исторической науке и развитие ее специальной отрасли — *византиноведения*.

В VI в. (время наибольшего расширения) территория В. и. охватывала Балканский п-ов, М. Азию, Сев. Месопотамию, часть Армении и груз. земель, Сирию, Палестину, Египет, Киренаику, Кипр, Крит, Родос и др. острова Вост. Средиземноморья, Италию и часть Испании.

Периодизация истории В. и. Существуют разнообразные системы периодизации истории В. и., к-рые отличаются друг от друга в зависимости от критериев, принятых в ее основе. В экономической истории Вост. Средиземноморья после эпох реформ Диоклетиана и Константина (кон. III — нач. IV в.) можно выделить неск. рубежей: VII в. (упадок товарно-денежных отношений, дезурбанизация), IX в. (медленный, но неуклонный подъем на основе внутренних ресурсов), кон. XI–XII в. (рост торговых связей региона с Зап. Европой и установление экономической зависимости от средиземноморской транзитной торговли). В истории социальных отношений выделяют периоды: IV–VII вв. (сохранение позднеантичной социальной структуры, значительная роль городов и сословия куриалов), VII–XI вв. (преобладание аграрных отношений, свободные крестьяне-общинники, фемный строй, начало формирования родовой аристократии), XI–XV вв. (феодализация, закрепощение крестьянства, политическая дезинтеграция империи). С т. зр. церковной истории наиболее важными рубежами представляются: 313–325 гг. (легализация христианства в империи, I Всел. Собор), 431–451 гг. (III и IV Всел. Соборы, начало разделения единой Церкви), 787–843 гг. (конец эпохи Всел. Соборов, Торжество Православия), 1054 г. («великая схизма» Рима и К-поля), 1204 г. («латинский» патриархат в К-поле), 1274 и 1439 гг. (Лионская и Флорентийская унии). В российской исторической науке наиболее распространено деление истории В. и. на следующие периоды: 1) ранневизант. (позднерим.): IV — нач. VII в.; 2) средневизант.: сер. VII — кон. XII в.; 3) поздневизант.: XIII — сер. XV в.

Политическая система и государственная идеология В. и. формировались в ходе взаимодействия различных традиций, унаследованных от греч. полисов, эллинистических монархий, Римской республики и империи, Персидского гос-ва, а также ветхозаветной и, разумеется, христ. традиций. Гос. система поздней Римской империи — *доминат* — сложилась в результате реформ имп. *Диоклетиана* на рубеже III–IV вв. Верховная военная, адм., законодательная и судебная власть была сосредоточена в руках императора, носившего титул dominus (господин, государь) и Augustus (август, в честь имп. *Августа*). Греч. титул *василевс* (βασιλεύς — царь) также использовался в лит-ре, но в офиц. титулатуру вошел только в 1-й пол. VII в. (см.: *Rösch G.* Ὄνομα βασιλείας: Stud. z. offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzant. Zeit. W., 1978). До 382 г. император сохранял за собой титул главного жреца традиц. рим. религии (pontifex maximus — верховный понтифик).

При имп. Диоклетиане была введена система тетрархии (власть 4 императоров), при к-рой одновременно правили 2 старших императора-августа и 2 назначенных ими соправителя-цезаря, каждый получал

Триумф императора. Створка «Диптиха Барберини». 1-я пол. VI в. (Лувр. Париж)

в управление часть гос-ва. Эта схема, основанная на усыновлении цезарей августами и их последующей регулярной смене, не выдержала испытания временем и при имп. *Константине I Великом* трансформировалась в систему, основанную на принципе династической легитимности. Последующие императоры провозглашали (обычно из числа своих родственников) соправителей и наследников, принимавших участие в управлении гос-вом. Для визант. политической системы обычным явлением было соправительство неск. императоров. Иногда вся территория империи объединя-

Имп. Константин Великий. Солид (аверс, реверс)

лась под властью одного августа (324–337, 353–363, 394–395), к-рый мог выделять отдельные области в управление цезарям (с V в. звание цезаря (кесаря) стало высшим титулом, не связанным с властными полномочиями). В 395 г. произошло разделение зап. и вост. частей империи, но и после этого они считались частями единого гос-ва, хотя постепенно все более выраженной становилась тенденция к обособлению. В 476 г. Зап. Римская империя прекратила существование; инсигнии имп. власти были отосланы в К-поль имп. Зинону, к-рый т. о. de jure вновь объединил Римскую империю (реальной политической властью на Западе обладал лишь имп. Юстиниан I, отвоевавший в VI в. Сев. Африку, Италию и часть Испании у «варварских» королевств).

Идея объединения всей империи под властью К-поля (статус к-рого — Нов. Рим — с кон. IV в. получил не только административно-политическое, но и церковно-каноническое содержание) сложилась в представление о единстве всех христиан под скипетром державы ромеев и о суверенитете В. и. над всем христ. миром. Эта концепция, вполне реалистичная до VI в. включительно, со временем перестала отражать действительное состояние политических взаимоотношений как в Европе, так и на Ближ. Востоке. Тем не менее идея исключительного положения В. и. в христ. ойкумене даже в период упадка гос-ва (XIII — сер. XV в.) занимала важное место в его политической идеологии.

В силу греко-рим. республиканских традиций гос. власть в В. и. являлась публично-правовым институтом и не рассматривалась как «собственность» правителя и его семьи. Легитимность и полномочия императора всегда были политически связаны с обществом, к-рое в лице представителей «народа», сената и армии делегировало власть достойнейшему. Традиционно большую роль играли представления о согласии власти и общества на основе уважения традиции и строгого соблюдения закона — при том что «одушевленным законом» (νόμος ἔμψυχος) считался сам император. В исключительных случаях народ имел право в ходе восстания лишить власти недостойного правителя. Идеологически обоснование этому было дано диаконом Св. Софии *Агапитом* в адресованных имп. Юстиниану «Поучительных главах»: хотя император и получает власть от Бога, но создан из праха, как и все люди. Власть пользовалась почитанием и представала в блеске дворцов и церемониала, но все это относилось к ней как к высшему, Богом данному институту, а не к конкретной личности императора, к-рый всегда оставался смертным человеком, способным на слабости и ошибки. Даже самые прославленные императоры могли подвергаться острой критике со стороны своих приближенных (см.: *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzant. Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates. Münch., 1971). В нек-рых случаях во внутриполитической борьбе они терпели унижения, что не сказывалось на авторитете самой власти.

Такой комплекс представлений накладывал на имп. власть ряд существенных ограничений, важнейшее из к-рых — визант. система престолонаследия. Как и Римская империя, Византия не знала принципа наследования престола от отца к сыну по праву рождения. Для того чтобы передать престол сыну, отец должен был при жизни короновать его и объявить своим соправителем. Но и это не гарантировало легкого перехода власти, поскольку не упраздняло требования о признании нового императора сенатом, армией и «народом». Часто престол переходил родственникам покойного императора (родным или приемным сыновьям, брату, племяннику, зятю и др.), что способствовало укреплению династий: Константина Великого (Флавиев; 305–363), Феодосия Великого (Испанской; 379–457), Льва I (457–518), Юстина I (Иллирийской; 518–602), Ираклидов (610–711), Исаврийской (717–802), Аморийской (820–867), Македонской (867–1028/56), Дук (1059–1081), Комнинов (1081–1185), Ангелов (1185–1204) и Палеологов (1259–1453). В правление Македонской династии соправителями и опекунами юных «багрянородных» императоров (родившихся в «багряной» зале дворца, когда их отец уже занимал престол) выступали императоры из числа крупных военачальников. Жены (иногда и дочери) императоров, как правило, также короновались на царство и носили титулы «август» и «василисс». За вдовствующими императрицами было признано право передавать престол новому избраннику или

Византийский император. Рельеф. XII в. (Дамбартон-Окс. Вашингтон)

Имп. Флацилла, супруга Феодосия I. Скульптура. 410–420 гг. (Национальная б-ка Франции)

занимать его самостоятельно (св. Ирина в 797–802; Зоя и Феодора в 1042; Феодора в 1055–1056; Евдокия Макремволитисса в 1067 и 1071). Императрицы выступали и

Императрицы Зоя и Феодора. Гистаменон

регентшами при малолетних наследниках престола.

Важнейшим нововведением в области политической идеологии стал союз империи и Церкви, провозглашенный имп. Константином Великим и идеологически обоснованный его соратником и биографом еп. *Евсевием* Кесарийским. В эпоху ранней Византии предпринимались неоднократные попытки согласовать статусы империи и Церкви, этапами к-рых были представления о земном царстве как корреляте Царствия Небесного и императоре, подражающем Спасителю (еп. Евсевий Кесарийский), теории *симфонии властей* (преамбула к 6-й новелле имп. Юстиниана). Сложились принципы особой системы символической демонстрации взаимоотношений Бога (Пантократора, Вседержителя) и правителя (автократора, самодержца).

С 395 г. на протяжении более 2 столетий персона императора была подчеркнуто отделена от исполнения военных функций: императоры не возглавляли войска и не вели военных кампаний лично, даже если до вступления на престол они были полководцами. С VII в. военное дело вновь заняло важное место в деятельности императоров. Развивался придворный церемониал, к-рый позднее был описан в кн. имп. Константина VII «О церемониях» (X в.). Сакрализация власти достигалась выдвижением благочестия на первый план в ряду имп. добродетелей и через формирование образа правителя как примера для подданных прежде всего в религ. делах. Одной из важнейших функций власти как института (вместе с Церковью и отдельно от нее) становится предстоятельство перед Богом за державу (теоретически включавшую всю христ. ойкумену) и ответственность за религ. благочестие граждан империи (концепция «политической ортодоксии», предложенная Х.-Г. Беком). При этом гос. порядок (τάξις) и сама власть мыслятся как богохранимые, находящиеся под божественным руководством. В процессе передачи власти от одного императора к др. приобретает особое значение представление о «выборе Бога», указывающего наследника рукой правящего императора и освящающего выбор народа, армии и сената. Божественная санкция на избрание нового императора нашла воплощение в установлении обряда церковной коронации (венчания на царство), к-рый, как правило, проводит Патриарх К-польский (первый известный пример — при имп. Льве I в 457; см.: *Острогорский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронования // Византия...: Сб. ст. в честь

Патриарх Никифор I венчает на царство Михаила I Рангаве. Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII в. (Matrit. gr. 26–2. Fol. 10v)

В. Н. Лазарева. С. 33–42). Этот церемониал соседствовал с заимствованным у германцев обычаем поднятия императора на щите, знаменовавшим признание правителя армией. В случае борьбы за престол победа одного из претендентов обосновывалась тем, что он «угоден Богу».

Административная структура. Гос. органы В. и. за более чем тысячелетнюю историю претерпели ряд существенных трансформаций, что позволяет говорить о различных адм. структурах в эпоху ранней (IV–VII вв.), средней (VII–XII вв.) и поздней (XIII–XV вв.) империи. Тем не менее они всегда в той или иной мере сохраняли общую основу, унаследованную от Римской империи.

В ранний период огромная территория гос-ва, объединявшего области, разнородные в экономическом и демографическом отношении, а также культурная полицентричность империи требовали гибкой и неоднородной системы управления. Эту задачу должен был решить развитый адм. аппарат, сочетавший усиление центральной власти с дроблением и специализацией ее органов. Деление территории империи на 4 части закрепилось в виде системы префектур: 1) Восток; 2) Италия и Африка; 3) Галлия, Британия и Испания; 4) Иллирик; во главе их стояли гражданские чиновники I ранга — префекты претория (praefecti praetorio) (высший пост в имп. администрации — префект претория Востока). Обе столицы, Рим и К-поль — Нов. Рим, были поставлены наравне с префектурами и управлялись городскими префектами (praefecti urbani). 4 префектуры делились на 12–14 диоцезов (dioeceses), управлявшихся чиновниками II ранга — викариями (vicarii), или вице-префектами (во главе Вост. диоцеза стоял комит Востока (comes Orientis), а во главе Египта — августальный префект (praefectus Augustalis)). Диоцезы делились на провинции (от 97 в кон. III в. до 116 при Константине и 120 в нач. V в.), наместниками к-рых были чиновники II (проконсулы Асии, Ахайи и Африки) и III рангов (консуляры, корректоры, президы).

В систему центрального управления входили совет при императоре — консисторий (consistorium), а также ведомства во главе с чиновниками I ранга: магистр оффиций (magister officiorum — начальник дворцовых служб) возглавлял канцелярию, штат секретарей и поверенных агентов, почтовую и дипломатическую службу; комиты священных щедрот (comes sacrarum largitionum) и личных имений (comes rerum privatarum, rei patrimonii) заведовали гос. и имп. собственностью и финансами; квестор (quaestor) ведал юридическими вопросами. Звание куропалата (κουροπαλάτης от лат. cura palatii — охрана

дворца) в сер. VI в. превратилось в один из высших придворных титулов. Огромным (хотя и неформальным) влиянием нередко пользовался препозит священной опочиваль-

Инвеститура сановника Феодосием I. Блюдо. 388 г. (Академия истории. Мадрид)

ни (praepositus sacri cubiculi, обычно евнух), в подчинении к-рого находились примикирий (primicerius) и комит священных облачений (comes sacrae vestis). Своеобразными «представителями народа» при имп. дворе являлись т. н. димоты, члены 4 факций (партий, команд) ипподрома (см. ст. *Димы*).

В качестве рудиментов древнего рим. республиканского устройства сохранялись сенат, или синклит (лат. senatus; греч. ἡ σύγκλητος), и консулы (consules; ὕπατοι). Сенат, в состав к-рого входило до 2 тыс. членов, играл важную роль в периоды междуцарствия, а в обычное время являлся консультативным органом. Заседания сената в полном составе назывались конвентом (conventus), в случае присутствия на них высших должностных лиц имели форму силенция (silentium). Высшим сенаторским рангом были патриции, или патрикии (patricii; πατρίκιοι); в отличие от одноименных представителей древнерим. родовой аристократии они возводились в это достоинство императором. Консулы по традиции считались высшими должностными лицами, по именам к-рых велось офиц. летосчисление; до 534 г. более или менее регулярно ежегодно с 1 янв. назначались 2 консула (с 395 один консул обычно назначался в Риме, др.— в К-поле); после 541 г. в консульство вступали только императоры, как правило в 1-й год после воцарения.

В IV–VI вв. сформировалась развитая иерархия гос. чинов и титулов (табель о рангах). Высшие титулы «нобилиссим» (nobilissimus — знатнейший) и «феликиссим» (felicissimus — счастливейший) прилагались к наследникам престола и цезарям. В IV в. чиновники I ранга (префекты, магистры, консулы и др.) титуловались «сиятельными» (illustres; ἰλλούστριοι), II ранга — «знаменитыми» (spectabiles; περίβλεπτοι); III — «светлейшими» (clarissimi; λαμπρότατοι); IV — «совершеннейшими» (perfectissimi); существовали и др. титулы.

Централизация и бюрократизация гос. аппарата сочетались с жестким контролем за чиновниками. Наместники не могли быть уроженцами подчиненных им провинций, им запрещалось вступать в брак с местными жительницами и приобретать там недвижимое имущество. Строго проводился принцип разделения гражданских и военных властей.

Военачальниками высшего ранга являлись магистры армии и родов войск (magistri militum), находившихся при ставках императоров (in praesenti) и на наиб. опасных направлениях (на Рейне, В. и Н. Дунае, Евфрате). Командование на местах осуществляли военные комиты (comites) и дуксы (duces; δοῦκες). Основу полевой армии составляли мобильные войска (comitatus). Привилегированные части были расквартированы в К-поле при имп. дворе; в их число входили личные телохранители императора (protectores), дворцовая стража (auxilia palatina) и имп. гвардия — доместики (domestici), экскувиты (excubitores), схоларии (scholarii), кандидаты (candidati) и др. В провинциях были размещены пограничные войска (limitanei), основу их составляли военные поселенцы. В IV–VI вв. значительную роль в составе вооруженных сил играли наемные отряды, сформированные из германцев и др. народов; они были подчинены комиту федератов.

Сформировавшаяся развитая система налогообложения включала налог с земельной собственности (т. н. jugatio-capitatio terrena) и подушную подать (capitatio humana) с безземельного населения. Составленный при имп. Диоклетиане кадастр земель регулярно (с 313 каждые 15 лет) подвергался уточнению, после чего издавался имп. указ (индиктион, или индикт — indictio) с разверсткой налога по регионам. Система летосчисления по 15-летним индиктам с началом года 1 сент. к кон. VI в. вытеснила из офиц. употребления традиц. рим. систему счета по ежегодным консулам с началом года 1 янв. Существовали также ряд нерегулярных налогов (натуральные подати, поставка рекрутов, сборы с городского населения и высшей аристократии), косвенные налоги (торговые пошлины, налог с продаж). Ответственность

Консул Стилихон и его супруга Серена. Диптих. 400 г. (собор в Монце)

за сбор налогов на местах была возложена на органы самоуправления городских общин — куриалов (декурионов). Значительную роль в жизни городов играли местные епископы, обладавшие нек-рыми судебными полномочиями для решения дел, касавшихся членов церковных общин.

Необходимость более гибкого и оперативного управления в условиях постоянной военной угрозы привела к нарушению принципа строгого разделения гражданских и военных властей. При имп. Юстиниане I в ряде областей (М. Азия, Фракия, Армения, Египет) появились округа, наместники к-рых («юстиниановы» комиты и преторы) имели гражданские, судебные и военные полномочия. В кон. VI в. эта тенденция нашла свое развитие на более высоком уровне в возникновении Равеннского и Карфагенского Экзархатов

во главе с экзархами (ἔξαρχος), совмещавшими полномочия префектов претория и магистров армии.

Характерной чертой адм. устройства В. и. средневизант. периода стала система новых военно-адм. единиц – *фем* (θέμα), начало ее формирования обычно связывают с реформами имп. Ираклия, хотя в совр. историографии присутствует мнение и о более позднем возникновении фем. Новое адм. устройство явилось закономерным развитием тенденций к слиянию гражданского и военного управления, к-рые проявлялись в правление Юстиниана и Маврикия. Первые фемы были образованы в М. Азии (Анатолик, Армениак, Фракисий и др.); на европ. территории в VII в. было 2 фемы (Фракия и Эллада), позднее их число увеличилось. В руках фемных стратигов были объединены военная и гражданская власть. Стратиотское ополчение, основанное на фемной системе, стало основой регулярной армии.

Сложный бюрократический аппарат уступил место более скромной и гибкой системе правительственных ведомств. Нередко чрезвычайные полномочия оказывались в руках временщиков, пользовавшихся особым расположением императора. Процесс смешения должностей и титулов породил весьма запутанную систему, о к-рой позволяют судить перечни чинов IX–X вв.: «Тактикон Успенского» (ок. 843), «Клиторологий Филофея» (899), «Тактикон Бенешевича» (между 934 и 944) и «Эскуриальский тактикон» (70-е гг. X в.) (Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / Éd. N. Oikonomidès. P., 1972). Высшими ступенями гос. иерархии, доступными только членам имп. фамилии, остались титулы кесаря, новелиссима и куропалата, в IX в. к ним добавились василеопатор (βασιλεοπάτωρ — царский отец) и «зоста патрикия» (ζωστὴ — препоясанная). Далее в системе гос. чинов следовали 2 магистра, проконсулы-анфипаты (ἀνθύπατοι), патрикии, протоспафарии (те и другие могли быть евнухами и «бородатыми», причем первые стояли на ступень выше), спафарокандидаты и спафарии (σπαθάριοι — мечники). Высшими придворными должностями, развившимися из ведомства препозита опочивальни, являлись ректор, проэдр, севастофор и вест; их, как правило, занимали евнухи. Высшие посты в администрации занимали эпарх (префект) К-поля (ἔπαρχος Πόλεως), квестор (юридический советник) и начальник прошений (имп. секретарь). Среди правительственных должностей высшую степень занимал сакелларий (σακελλάριος) — глава финансового ведомства; под его контролем находились: генеральный логофет (λογοθέτης τοῦ γενικοῦ) — глава налоговой службы; стратиотский логофет (λογοθέτης τῶν στρατιωτικῶν), отвечавший за комплектование и снабжение армии; логофет дрома (λογοθέτης τοῦ δρόμου) — начальник почтовой службы, ведавший также иностранными делами; хартуларии сакеллия (казначейства) и вестиария (монетного двора и арсенала). Гос. секретариат возглавлял протоасикрит (πρωτοασηκρέτις). Особые чиновники управляли гос. факториями, поместьями и сиротскими домами (орфанотрофиями).

Характерной чертой визант. табелей о рангах является включение в них высших церковных иерархов. В «Тактиконе Бенешевича» первые 4 степени выглядят следующим образом: 1) автократор, 2) василевс, 3) папа Римский, 4) Патриарх К-польский; на 16-м месте значится архиепископ Болгарии. Очень высокие ранги (выше патрикиев и стратигов) занимают *синкеллы* Римского, К-польского и проч. Патриарших престолов, к-рые выполняли функции представителей Патриархов при имп. дворе. Митрополиты, автокефальные архиепископы и епископы присутствуют во всех тактиконах и занимают места вслед за фемными стратигами. Ниже располагаются эконом Великой ц. (собора Св. Софии, Патриаршей резиденции) и эконом Неа-Экклесиа (Новой ц.) в имп. дворце. В самом конце «Тактикона Успенского» среди гос. чинов упоминаются царские пресвитеры, священники и диаконы (βασιλικοὶ πρεσβύτεροι, παπᾶδες, διάκονοι).

Среди военных чинов высшую степень занимал стратиг фемы Анатолик. За ним следовал доместик схол, в VIII–IX вв. командовавший вооруженными силами (с X в. было 2 доместика, Востока и Запада), далее стратиги фем Армениак, Фракисий, комит Опсикия и стратиги др. фем. Список военачальников замыкали друнгарий флота (δρουγγάριος τῶν πλοΐμων) и командиры полков имп. гвардии (не считая доместиков схол и экскувитов, занимавших высокие ранги) – друнгарий «чисел» (ἀριθμῶν), этериарх, доместики иканатов (ἱκανάτων), «нумеров» (νουμέρων), оптиматов (ὀπτιμάτων) и др.

В ходе победоносных войн 2-й пол. X — нач. XI в. возникли многочисленные мелкие фемы в Сирии, Армении, Болгарии и Италии. На первые места в военной иерархии, потеснив фемных стратигов, выдвинулись дуксы, или дуки (в Антиохии, Месопотамии, Халдии, Фессалонике и Адрианополе), а также катепан (κατεπάνω) Италии. В XI в. процесс вытеснения из армии стратиотского ополчения отрядами наемников и военной аристократией привел к упадку фемной системы; на местах вновь появилась параллельная военная и гражданская администрация.

В 3-й период для гос. структуры В. и. характерно противостояние 2 принципов: традиционного стремления к политическому единству вокруг престола и местных интересов феодальной знати, стремившейся к обособлению от центра и к защите своих личных интересов. В этих условиях на рубеже XI–XII вв. новой династией Комнинов были проведены реформы по созданию принципиально иной системы управления. Не отказываясь полностью от бюрократической администрации, императоры окружили себя многочисленным кланом близких родственников, им были предоставлены все важнейшие посты как в столице, так и в дукатах. Была создана новая система титулатуры, к-рая отражала одновременно родственную иерархию и положение в гос. аппарате. Первым после императора (василевса, автократора) был титул севастократора (σεβαστοκράτωρ), к-рый давался младшим братьям императора; за ним следовали паниперсеваст, пансеваст, севаст (πανυπερσέβαστος, πανσέβαστος, σεβαστός) и кесарь. Прежние титулы сохранялись, но стали второстепенными. Фактически в поздний период В. и. продемонстрировала неспособность к компромиссу между местной знатью и политическим центром, система центрального и местного бюрократического управления пришла в упадок, что стало одной из причин падения империи.

И. С. Чичуров

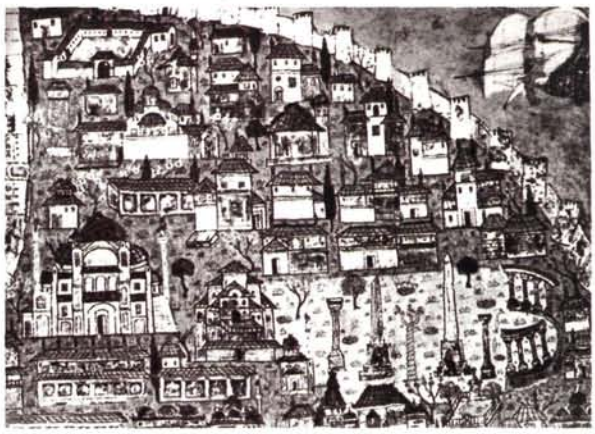
Исторический очерк. ***Ранневизантийский период (IV – нач. VII в.).*** Становление В. и. связано с кризисом Римской империи III в., в ходе к-рого в гос-ве существенным образом изменилась социально-политическая ситуация. Был создан большой бюрократический аппарат, возникла значительная по своей численности служилая знать. Рим. сенат был отстранен от прямого управления империей. Вся полнота власти сосредоточилась в руках императора. Рим. политические традиции сочетались с обычаями эллинистического Востока. Эти новшества с трудом приживались в Риме, где были сильны еще старые традиции и где сенат, несмотря на ущемление его политических прав, продолжал пользоваться большим влиянием. Императорам было трудно осуществлять здесь свою политику, и они предпочитали находиться подальше от «вечного города», время от времени меняя свои резиденции (с запада на восток — от Трира до Антиохии).

1 мая 305 г. императоры Диоклетиан (в Никомидии) и *Максимиан* (в Медиолане) торжественно отказались от власти; августами были провозглашены бывшие цезари, *Галерий* на Востоке и *Констанций I Хлор* на Западе. Однако вскоре система тетрархии рухнула. После смерти Констанция Хлора (25 июля 306) в Эбораке (совр. Йорк, Великобритания) легионы Британии и Галлии провозгласили императором его сына Константина I Великого, а 28 окт. того же года в Риме был

Имп. Константин Великий. Бюст. IV в. (BNF)

провозглашен *Максенций*, сын Максимиана. После гибели цезаря Севера в борьбе с Максенцием (307) и кратковременной попытки Максимиана вернуться к власти в союзе

Панорама Константинополя. Миниатюра. XVI в. (Университетская б-ка. Стамбул). Фрагмент

с Константином (307–308) на имп. совещании в Карнунте (308) августом Запада был назначен *Лициний*, а Константин и Максенций были признаны в качестве цезарей. Вскоре и они, и правивший Египтом и

Изображение лабарума на саркофаге архиеп. Феодора. V–VI вв. (ц. Сант-Аполлинаре ин Классе в Равенне)

Сирией Максимин Дайа приняли титулы августов. После кончины «старшего августа» Галерия (311) оставшиеся 4 августа вступили в борьбу: на Востоке Максимин Дайа потерпел поражение от Лициния и вскоре умер (313); на Западе Константин Великий в битве близ Рима, у Мульвийского моста, разбил Максенция, к-рый при отступлении утонул в Тибре (28 окт. 312). С этим событием связано предание о видении Константину Великому небесного знамения, по Евсевию Кесарийскому солнечного креста со словами «сим победиши» (*Euseb.* Vita Const. 28–31; см. ст. *Лабарум*), убедившего его в истинности христ. веры. В течение десятилетия Константин (на Западе) и Лициний (на Востоке) правили совместно. В 323 г. между ними началась война, закончившаяся поражением Лициния у Хрисополя (18 сент. 324) и его отречением от власти в Никомидии; Константин стал единовластным правителем империи.

В том же году имп. Константин основал на берегу Босфора, на месте древнего г. Византий, новую столицу, к-рая в большей степени отвечала изменившейся стратегической и социально-политической ситуации. Город, задуманный как Нов. Рим и названный в честь императора К-полем, на многие столетия стал символом богатства и могущества В. и., ее блеска и великолепия. *Большой дворец* императоров, многочисленные храмы, в т. ч. собор Св. Софии, резиденции аристократов, занимавшие целый квартал, украшали город. Уже Константин Великий начал свозить сюда из разных культурных центров древности памятники искусства. К-поль был превращен в музей под открытым небом. Обелиск егип. фараона Тутмоса III, завершавшаяся золотым треножником змеиная колонна из Дельф, сооруженная в честь победы при Платеях, рим. волчица, квадрига Лисиппа, увезенная после 4-го крестового похода в Венецию и находящаяся ныне в музее собора Сан-Марко, были установлены на к-польском ипподроме. К-поль играл определяющую роль в политической истории империи. В отличие

Квадрига Лисиппа (музей собора Сан-Марко. Венеция)

от мн. европ. гос-в, менявших резиденции правительства, К-поль с 476 г. был единственной столицей империи и оставался ею до падения империи. Время существования В. и. соответствует сроку жизни К-поля — от 11 мая 330 г., когда произошло освящение новой столицы («день рождения Города» был для византийцев одним из главных праздников), до 29 мая 1453 г.— дня завоевания ее турками.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

В IV–VI ВВ.

311 Места и время издания эдиктов императоров Галерия, Константина, Лициния о веротерпимости и легализации христианства
380 Место и время издания эдикта императора Феодосия I о поддержке Православия
Патриархаты Вселенской Церкви в V–VI вв.
Автокефальные Церкви в сер. V в.
Крупнейшие архиепископии в IV–V вв.
Арелат 314, 353 Места и годы проведения церковных Соборов
Центры развития монашества
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЁРНОЕ МОРЕ)
ГИРКАНСКОЕ (КАСПИЙСКОЕ) МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ГОТЫ
ОСТГОТЫ
ГУННЫ
ПРОТОБОЛГАРЫ
ХАЗАРЫ
АВАРЫ
ГЕПИДЫ
ЛАНГОБАРДЫ
ЛАВЯНЕ
ГАССАНИДЫ
ЛАХМИДЫ
ФРАКИЯ
МАКЕДОНИЯ
ДАКИЯ
ПАННОНИЯ
ПРЕВАЛИЙСКАЯ
ДАРДАНИЯ
ДАЛМАТИЯ
ПАФЛАГОНИЯ
ГАЛАТИЯ
ВИФИНИЯ
ПОНТ ПОЛЕМОНИАКСКИЙ
ЛАЗИКА
АРМЕНИЯ
ФРИГИЯ
ЛИКАОНИЯ
ПИСИДИЯ
ПАМФИЛИЯ
ЛИКИЯ
КАППАДОКИЯ
СИРИЯ
ФИНИКИЯ
ПАЛЕСТИНА
МЕСОПОТАМИЯ
ОСРОЕНА
ЕГИПЕТ
ЛИВИЯ
АРКАДИЯ
АВГУСТАМНИКА
САЛЮТАРИС
КРИТ
Херсонес
Питиунт
Диоскуриада
Фасис
Михета
Кир
Партав
Валаршапат
Аштишат
Двин
Карин (Феодосиополь)
Шахапиван
Аракс
Трапезунд
Неокесария
Амасия
Севастия
Амида
Мелитина
Дара
Нисибин
(Анастасиополь)
Эдесса
Сергиополь
Ктесифон
Евфрат
Тигр
Сирмий
Сингидун
Ратиария
Томы
Маркианополь
Данувий
Наисс
Сердика
Филиппополь
Адрианополь
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Ираклия
Фракийская
Халкидон
НИКОМИДИЯ
Никея
Скупи
Стобы
ФЕССАЛОНИКА
Траянополь
Ламисак
Кизик
Пессинунт
Ганграа
Анкира
Кесария
Синнада
Иконий
Антиохия
Тиана
Аназарв
Смирна
Сарды
Эфес
Лаодикия
Иераполь
Афродисиада
Перга
Аттталия
Сида
Селевкия
Тарс
АНТИОХИЯ
Верия
Эмеса
Родос
Миры
Констанция
Сидон
Дамаск
Тир
Скифополь
Кесария
Бостра
Иерусалим
Гортина
Кирена
Парэтоний
Александрия
Пелусий
Петра
Оксиринх
Нил
Ларисса
Коринф
Афины
Смирна
Эфес
Лампсак
Ираклия
Скупи
Стобы
Наисс
Сердика
Филиппополь
Адрианополь
Ратиария
Сингидун
Сирмий
Томы
Маркианополь
Данувий
Тирас
Борисфен
Танаис
Гипанис
Аракс
Кир
Двин
Партав
Ктесифон
Евфрат
Тигр
150 км

Если Рим, древняя столица империи, был городом сената, то новая столица формировалась как город императора. Константин стремился дать постоянное пристанище своему двору и имперской администрации (до этого они переезжали вслед за императором из города в город) и пространственно отделил служилую аристократию от старинной рим. родовитой знати. Чтобы уравнять их статус, вместо старого сенаторского cursus honorum был утвержден новый тип карьеры сенатора: через службу в гос. аппарате и при дворе императора.

В отличие от Рима К-поль был личной имп. резиденцией, городом Константина, неразрывно связанным с основателем и его наследниками. Сенат К-поля был сенатом императора, его население, не обладавшее древними привилегиями рим. граждан, было связано с имп. Константином личностными отношениями. Те благодеяния и привилегии, к-рые он предоставил городу, были в большей степени его милостью сенату и жителям столицы, чем правом сената и народа.

Вместе с тем император заботился и о придании столице христ. облика: при нем были основаны храм Св. Софии, храм св. Апостолов, ставший с тех пор усыпальницей визант. императоров, и др. Стараниями св. равноап. царицы Елены в 326 г. было положено начало собиранию важнейших христ. святынь (были обретены Честной Животворящий Крест Господень и гвозди).

Город стремительно расширялся, его население увеличивалось. Имп. Константин заботился об обеспечении новой столицы хлебом из Египта, бесплатно распределявшимся среди 80 тыс. чел. Управление городом было возложено на проконсула К-поля, с 359 г. он получил статус префекта города. К-поль стал местом пребывания высших должностных лиц, таких как префект претория Востока, магистр оффиций, квестор священного дворца, 2 комита финансов.

22 мая 337 г. имп. Константин Великий умер, оставив 3 сыновей, между ними осенью того же года произошел раздел империи: старший, *Константин II* (337–340), получил Галлию, *Констанций II* (337–361) — Восток, *Констант* (337–350) — Италию и Африку. Проч. родственники имп. Константина Великого, к-рые могли претендовать на власть, были перебиты по приказу Констанция; чудом остались живы лишь племянники усопшего императора — Юлиан и Галл. Вскоре между сыновьями Константина Великого началась борьба за власть в империи. Она получила религ. окраску: Констанций II придерживался умеренного арианства, Констант разделял никейское вероисповедание. После гибели Константина II могущество Константа возросло, и Констанцию пришлось ослабить преследования никейцев. В нач. 350 г. Констант был убит узурпатором Магненцием. Конфликт между Востоком и Западом превратился в открытую и кровопролитную войну, в нее с обеих сторон были вовлечены наемные варвары. 10 авг. 353 г. Магненций погиб, и Констанций II стал единодержавным правителем всей Римской империи. Восток оказался более сильным и полностью возобладал над Западом.

Во внутренней политике Констанций II продолжал линию отца на укрепление центральной власти. Он усилил военно-адм. аппарат империи и поднял его престиж, расширив круг должностей, дававших право на сенаторский статус. Благодаря этому сенат К-поля увеличился до 2 тыс. чел. При Констанции возрос-

Св. царица Елена обретает истинный Крест Господень. Миниатюра из сборника гомилий свт. Григория Богослова (BNF. Ms. gr. 510)

ла роль придворных евнухов (происходивших обычно из вольноотпущенников и варваров), в первую очередь препозита священной опочивальни (спальничего). Евсевий, занимавший этот пост в течение практически всего правления Констанция, был одним из самых влиятельных людей в империи. Особым покровительством Констанция II пользовались нотарии (секретари-скорописцы). Именно из нотариев в эпоху Констанция выходили высшие гос. деятели; нек-рые исследователи называют эпоху Констанция «правлением нотариев».

Во внешней политике в IV в. главной проблемой были отношения с *готами* и связанное с ними общее положение дел к северу от Дуная. Римская империя к этому времени уже отказалась от завоевательной политики за Дунаем; готы же стремились к захвату богатых и цивилизованных областей Балканского п-ова. В 332 г. готам было нанесено крупное поражение, вынудившее их заключить мир, согласно к-рому их воины переходили на службу к императору: они должны были участвовать во всех его походах и охранять границу на Дунае. В свою очередь империя обязывалась выплачивать готам денежную субсидию. Часть готов приняла христианство в его арианской форме, поскольку арианство являлось господствующим вероисповеданием в самой империи. В 341 г. епископом готов стал *Вульфила;* он изобрел гот. алфавит и перевел на гот. язык христ. книги.

На Востоке В. и. унаследовала от Рима его давнего врага — персид. державу, к-рая начала добиваться выхода к Чёрному м. Предметом раздора между Византией и сасанидским Ираном была Армения (где христианство в нач. IV в. превратилось в гос. религию), к-рая оказалась под формальным покровительством В. и. В 338 г. Констанций возвел на армян. престол сына Аршака — Тирана. Сасаниды же добивались распространения в Армении *маздаизма,* чтобы подчинить страну своему влиянию. Война против персов проходила с переменным успехом. Персы трижды неудачно осаждали Нисибин; и Византия, и Иран стремились вовлечь в сферу своего влияния араб. племена.

Централизаторская политика Констанция II вызывала недовольство куриалов крупных городов и приверженцев язычества в кругах образованного общества. Выразителем настроений этой части населения стал двоюродный брат Констанция, племянник Константина Великого *Юлиан Отступник,* после смерти Констанция в 361 г. оставшийся единственным представителем Константиновой династии. Он получил

образование у афин. философов и ритора Ливания. Не имевший наследников Констанций II женил Юлиана на своей сестре, в 355 г. провозгласил его кесарем и отдал ему в управление Галлию. Юлиан показал себя способным военачальником и добился ряда побед над германцами. 1 февр. 360 г. войско провозгласило его августом против воли Констан-

Имп. Констанций II. Солид

ция, что едва не привело к гражданской войне. Однако после внезапной смерти Констанция II Юлиан беспрепятственно вступил на престол. Он был приверженцем язычества, сторонником муниципальной самостоятельности в рамках единого гос-ва, старался укрепить городскую верхушку и стал возвращать в ведение курий территории, отнятые у городов в предшествующее правление. Однако предоставлять куриям прежнее самоуправление имп. Юлиан был не склонен. 26 июня 363 г. во время похода против персов он погиб.

Имп. *Иовиан* отменил все распоряжения своего предшественника. После скорой смерти Иовиана в 364 г. императором был избран *Валентиниан I*, к-рый возвел на престол в качестве соправителя своего брата *Валента*. Валентиниан отправился на Запад, Валент остался править на Востоке. Византия в этот период находилась в состоянии глубокого потрясения, вызванного реакцией на неудачную попытку реставрации язычества при Юлиане. В особенно тяжелом положении оказались балканские провинции, подвергавшиеся частым варварским набегам. Отмена распоряжений имп. Юлиана о возвращении городам земельных территорий вызвала недовольство городской знати. Раздражены были и галльские легионы, к-рые возвели на престол Юлиана и теперь находились в немилости. Эти легионы восстали против Валента и 28 сент. 365 г. провозгласили императором племянника Юлиана — Прокопия, к-рому удалось занять К-поль. Основой его политики стала поддержка городских курий; расправа с чиновниками, ставленниками Валента, обеспечила ему расположение широких народных масс, к-рые примкнули к нему как во Фракии, так и в зап. областях М. Азии. Поддерживало имп. Прокопия и сельское население, в основном языческое. Однако недостаток средств заставил его поднять налоги, и это сделало его непопулярным. Часть войск сохранила преданность Валенту. Армия Прокопия начала таять; Прокопий был схвачен и 27 мая 366 г. казнен.

С мая 366 г. сбор налогов с сельского населения возлагался на землевладельцев. Куриалам оставалось собирать налоги только со своих земель и с мелких свободных городских и пригородных хозяйств. Курии перестали играть к.-л. роль в политической жизни империи. В дальнейшем против них уже не велось острой борьбы, скорее даже проявлялась забота о том, чтобы сохранить этот институт в качестве фискального аппарата — для сбора налогов и выполнения повинностей.

Начиная с сер. 70-х гг. IV в. в центре всей политической жизни империи оказался вопрос об отношении к варварам, расселявшимся (в т. ч. и с согласия центральной власти) на территории империи. Внешнеполитическая по существу проблема почти на четверть века стала сугубо внутриполитической, социальной. Даже религ. борьба получила особую окраску в свете отношений Византии с варварами. Главные события при Валенте развернулись на Балканском п-ове, где готы вновь стали переходить через Дунай. В 367 г. они вторглись во Фракию, но нападение было отражено. Валент признал независимость гот. племен севернее Дуная, готы обязались не переходить реку. В 376 г. вестготы, теснимые с востока гуннами, с разрешения Валента переправились через Дунай. Валент рассчитывал расселить готов в Мёзии на правах федератов, с тем чтобы они обрабатывали землю и защищали границу. Тем не менее варвары были спровоцированы корыстолюбием и неповоротливостью имперских чиновников и пришли в волнение. В 377 г. их вождь Фритигерн начал военные действия, а в авг. 378 г. в сражении у Адрианополя имп. войско было разбито, Валент погиб. Балканский п-ов оказался фактически беззащитным; готы подступили к стенам К-поля. Вдова имп. Валента Домника распорядилась выдать жителям столицы оружие, с большим трудом варваров удалось отогнать.

После гибели Валента император зап. части Римской империи *Грациан* (сын Валентиниана) направил на Восток для подавления восстания готов полководца Феодосия, энергичного военачальника и талантливого дипломата; 19 янв. 379 г. он был провозглашен императором. В 382 г. имп. *Феодосий I Великий* одержал над готами победу, а затем вступил в переговоры. Он позволил им поселиться на территории империи (во Фракии); у варваров полностью сохранялась их военно-племенная организация, они освобождались от налогов, им выдавались крупные суммы денег и большое количество продовольствия. Взамен их вожди

Имп. Феодосий I с сыновьями Гонорием, Аркадием и придворными. Рельеф базы обелиска Феодосия на к-польском ипподроме. 390 г.

должны были выставлять военную силу в качестве союзников — федератов. Вместе с тем варвары поступали и в регулярную армию как рядовыми солдатами, так и на офицерские должности. В результате визант. армия подверглась варваризации. В конфликтах между местным населением и готами имп. Феодосий нередко принимал сторону варваров. За убийство гота расплачивались все жители города. Так случилось, напр., в 390 г., когда в Фессалонике был убит гот. вождь Ботерих и готы (с разрешения Феодосия) устроили в отместку на ипподроме города побоище (т. н. Солунская резня), в ходе к-рого

погибли 7 тыс. горожан. Наложенное на императора свт. *Амвросием*, еп. Медиоланским, отлучение от св. Причастия побудило Феодосия, сложив с себя знаки царского достоинства, принести покаяние.

Имп. Феодосий I активно преследовал сторонников арианства и язычества. Вместе с тем он терпимо относился к арианству готов-федератов и позволял отдельным язычникам занимать высокие посты. Языческого ритора и философа Фемистия Феодосий назначил на пост префекта К-поля и доверил ему воспитание своего сына Аркадия.

В нач. 90-х гг. IV в. усилилось соперничество между зап. и вост. частями империи. В 392 г. полководец Арбогаст возвел на зап. престол сторонника язычества Евгения (392–394). Имп. Феодосий направил против него свое войско и одержал победу в гражданской войне. В сент. 394 г. ему удалось вновь на короткое время объединить империю.

17 янв. 395 г. имп. Феодосий скончался. Перед смертью он разделил империю между сыновьями: Запад

Имп. Аркадий. 400 г. Скульптурный портрет. (Археологический музей. Стамбул)

достался *Гонорию*, Восток — *Аркадию*. 395 год считается годом окончательного разделения Римской империи на 2 части, хотя офиц. имп. указы издавались от имени обоих императоров для обеих частей империи. Опекуном Гонория имп. Феодосий оставил вандала Стилихона, опекуном Аркадия был назначен галл Руфин, получивший пост префекта претория Востока. Отношения между правительствами обеих частей империи сразу приняли враждебный характер. Стилихон стремился присоединить к Зап. империи всю префектуру Иллирик, не довольствуясь Далмацией и Паннонией. Окружение Аркадия вело против зап. правительства интриги в Сев. Африке. Опекун Аркадия Руфин, прежде чем истек год его правления, был убит по приказу магистра армии Востока гота Гайны, к-рый действовал по наущению Стилихона. Бразды гражданского правления на Востоке были отданы евнуху Евтропию, препозиту священной опочивальни.

При Аркадии вопрос о варварах стал еще острее. Один из вестгот. вождей *Аларих* после смерти имп. Феодосия поднял мятеж и разграбил Балканский п-ов. Явившийся из Италии Стилихон дважды имел возможность уничтожить силы Алариха в Греции, но вместо этого он позволил ему спокойно удалиться с добычей на север. Не имея возможности одолеть Алариха силой, власти вступили с ним в переговоры. Алариху был пожалован титул магистра армии, а его вестготам позволили поселиться на правах федератов в Иллирике. Размещая готов вблизи Италии, Евтропий сознательно провоцировал их на вторжение в пределы Зап. империи. Поскольку реально армией командовал Гайна, Евтропий вначале не ссорился с ним, а собирал силы против варваров. Префектом претория Востока был назначен представитель антигот. партии Аврелиан. Епископом К-поля при содействии Евтропия стал свт. *Иоанн Златоуст*, к-рый повел решительную борьбу с арианством. Став консулом, Евтропий начал более решительные действия против варваров. Готы ответили восстанием. Во главе восставших был Трибигильд, начальник гот. гарнизонов во Фракии. Восстание быстро перекинулось в Вифинию, Галатию, Писидию; Трибигильд не нашел поддержки у высшего военачальника империи — Гайны. Одновременно Гайна потребовал устранения и казни Евтропия, а когда это требование было выполнено,— выдачи ему вождей враждебной готам партии во главе с Аврелианом. Аркадий был вынужден согласиться и на эти требования. Гайна с готами вступил в К-поль, однако в борьбу вмешались горожане. 12 июля 400 г., когда Гайна и часть его ополчения находились вне города, в столице началась борьба между населением и оставшимися в городе готами. Ворота К-поля были закрыты; Гайна и его войско не могли проникнуть обратно в город, изолированные отряды готов были перебиты в разных частях столицы. Гайна объявил войну империи, но потерпел поражение и был убит. Опасность была устранена в К-поле, но на Балканах продолжал свирепствовать Аларих и вторгшиеся через Дунай отряды гуннов Ульдиса. Визант. дипломатия сумела направить Алариха против Зап. Римской империи. Удалось подавить и движение Ульдиса.

Вскоре, однако, воцарившееся в Византии спокойствие было нарушено возмущениями, вспыхнувшими внутри империи. В 403 г. началось восстание исавров, живших в горах на юге М. Азии и относительно слабо эллинизированных, к-рое удалось подавить с большим трудом. Впосл. исавры стали наниматься на службу в визант. армию и исаврийская знать начала оказывать влияние на политическую жизнь империи. В 405 г. пост префекта претория Востока занял представитель служилой аристократии Анфимий, связанный с просвещенной языческой средой. Он стоял во главе гражданского управления империей до 18 апр. 414 г.

Слабый и инертный Аркадий умер в 408 г. в возрасте 31 года. Имп. трон перешел к его семилетнему сыну *Феодосию II*, но фактическое управление страной находилось попрежнему в руках Анфимия, продолжавшего политику «умиротворения». Еще в конце правления Аркадия у Византии установились дружественные отношения с Ираном. В правление Феодосия эти отношения продолжали укрепляться. Опустошенная сев.-зап. часть Балканского п-ова, оставленная готами, была приведена в относительный порядок. Там были приняты экстренные меры для постройки стен городов и возведения укреплений. В 413 г. К-поль был укреплен со стороны суши новыми стенами. В одну из них была включена триумфальная арка Феодосия I, к-рая составила парадные ворота города, получившие наименование Золотых.

В 414 г. управление гос-вом перешло к старшей сестре Феодосия II св. *Пульхерии*, получившей титул августы. Властная и энергичная, она вместе с тем отличалась благочестием. В 421 г. св. Пульхерия выбрала в жены Феодосию Афинаиду, дочь афинского ритора Леонтия, к-рая

при Крещении получила имя *Евдокии*. По всей видимости, под ее влиянием в 425 г. произошло важное событие — основание высшей школы в К-поле. В ней была организована 31 кафедра, на к-рых 10 грамматиков обучали лат. языку, 10 — греч., преподавали 3 лат. и 5 греч. риторов и позднее 2 юриста и 1 философ. Школа находилась в ведении префекта города, преподавателей назначал сенат.

В 438 г. был издан Кодекс Феодосия — свод законодательства христ. императоров начиная с Константина I. Он был введен в вост. и зап. частях империи и оказал большое влияние на законодательство позднейших европ. варварских королевств.

Правительство Феодосия II не оставалось безучастным к происходившему в этот период развалу Зап. империи, с к-рой Восток (Византия) формально составлял единое целое. В. и. неоднократно пыталась помочь Западу в борьбе с варварами. Организовывались военные экспедиции в Италию, но эти попытки не имели сколько-нибудь значительных последствий.

К сер. V в. серьезно осложнилось положение В. и. на сев. границе, где ей пришлось сдерживать напор гуннов, особенно когда во главе их стал *Аттила*. Еще в 40-х гг. гунны овладевали пограничными крепостями, взяли штурмом Аркадиополь и Филиппополь. Имп. армия, брошенная против гуннов, потерпела поражение у Херсонеса Фракийского. С Аттилой был заключен мир на тяжелых для империи условиях: уплатить единовременно 14 тыс. фунтов золота, выдать всех перебежчиков, взять обязательства по выплате большой дани в 2100 фунтов золота ежегодно. Тем не менее мирные соглашения с варварами постоянно нарушались. Находясь под постоянной угрозой нападения, В. и. не смогла оказать помощь Западу в его борьбе с вандалами, к-рые, осев в Сев. Африке, создали здесь свое королевство.

После смерти имп. Феодосия II в 450 г. Пульхерия вышла замуж за полководца *Маркиана*, ставшего

Имп. Маркиан. Солид

императором. Ранее Маркиан находился на службе у полководца Аспара. Св. Пульхерия, видимо, решила заручиться поддержкой Аспара против своего врага — могущественного при дворе евнуха Хрисафия. Аспар, алан по происхождению, опирался на дружину из готов-федератов. С этого времени началось усиление могущества Аспара. Главная проблема, к-рую решала царственная чета, заключалась в ликвидации религ. распрей и восстановлении Православия, ибо в конце своего правления Феодосий II поддерживал монофизитов.

В сфере внешней политики первым делом Маркиана было изменение отношения к Аттиле, к-рому он перестал платить ежегодную дань. Это могло бы иметь для империи роковые последствия, если бы взоры Аттилы не обратились на Запад. В 451 г. Аттила потерпел крупное поражение от рим. полководца Аэция на Каталаунских полях, а в 453 г. смерть Аттилы и последовавший затем распад его державы изменили благоприятно для Византии международную политическую ситуацию.

Стены имп. Феодосия II в К-поле. 1-я пол. V в.

Со смертью Маркиана в 457 г. прекратилась династия Феодосия. Реальная власть к этому моменту находилась в руках Аспара, к-рый занимал не только высший военный пост, но также был первым членом сената (ранее этот статус принадлежал префекту К-поля). Аспар был варваром и арианином и, не решаясь претендовать на престол, предложил кандидатуру своего офицера, фракийца по происхождению, *Льва I*, к-рый и был провозглашен императором армией в Евдоме (близ К-поля) в присутствии гражданских чинов и Патриарха Анатолия. Лев был первым из императоров, коронованных К-польским Патриархом. Аспар заручился от Льва I обещанием, что тот сделает своим преемником одного из его сыновей. Могущество Аспара было связано с преобладанием готов в визант. армии. Верхушка аристократии, состоявшая по преимуществу из гражданских высших чинов, стремилась противостоять партии Аспара и готов. С этой целью имп. Лев сблизился с группировкой исавров, также служивших в столице, и с их помощью надеялся ограничить готское влияние. Лев сформировал из служивших в столице исавров особый придворный военный отряд (экскувиты), к-рый стал противовесом схолам, набиравшимся преимущественно из готов. Лев выдал за одного из вождей исавров, Тарасикодиссу, свою старшую дочь Ариадну. Тарасикодисса принял имя Зинона и был удостоен консульства в 469 г.

В 468 г. К-поль сделал еще одну попытку помочь Зап. Римской империи: когда рим. сенат обратился ко Льву с просьбой дать императора Западу, тот остановил свой выбор на Прокопии Антемии, внуке бывш. префекта претория Востока Анфимия. Был выработан план совместной борьбы обеих империй против королевства вандалов. Византия снарядила огромную эскадру из 1100 кораблей. Во главе основных военных сил был поставлен шурин императора Василиск. Операция против вандалов началась успешно, но полная неспособность (или измена) командующего явилась причиной поражения. Визант. казна долго не могла оправиться после этого краха. Следствием этой катастрофы явилось крушение Зап. империи в 476 г. Гибель огромного флота вызвала в К-поле возмущение против Василиска, к-рый по возвращении вынужден был искать убежище в церкви. Аспара обвиняли в том, что как варвар и арианин он сочувствовал

вандалам и обещал Василиску свое содействие в достижении имп. престола, если тот провалит операцию. Между тем готы выдвинули требование объявить кесарем (наследником престола) сына Аспара Ардавура (Ардабурия). Народ К-поля, монашество, аристократы, боявшиеся готов, выступили против провозглашения арианина престолонаследником. Положение еще более обострилось, когда в результате распада державы Аттилы на границе империи появились остготы во главе с Теодорихом, сыном Триария, и Теодорихом, сыном Теодемира. В 469 г. остатки гуннских племен вторглись на Балканский п-ов. Визант. армия во главе с Аспаром нанесла им сокрушительный удар, но тем опаснее становился Аспар и его готы. В 471 г. имп. Лев заманил Аспара с сыновьями во дворец, и там по приказу императора Аспар и его старший сын Ардавур были убиты. Последовавшая ожесточенная схватка между частями дворцовой гвардии закончилась победой исавров над готами.

В 474 г., после кончины имп. Льва I и кратковременного правления его внука Льва II, императором стал *Зинон*. Вместе с ним в состав высшей знати вошли ряд др. вождей исаврийских кланов (Илл, Трокунд). Зинон продолжил политику своего предшественника по организации войска из коренного населения империи. Он создал имп. гвардию из своих соплеменников, укомплектовал из них ряд новых военных частей и начал набор в армию армян — подданных империи. Варварские элементы визант. армии стали уступать количественно отрядам, в к-рых служило коренное население.

Правление исаврийской знати и привилегированное положение самой Исаврии, получавшей ежегодно из казны субсидию в 1,5 тыс. фунтов золота, вызывали недовольство со стороны значительной части аристократии и населения К-поля. Бурное время правления Зинона изобиловало заговорами, восстаниями и вспышками гражданских войн. При имп. дворе большим влиянием пользовались евнухи, особенно препозит священной опочивальни Урвикий, жена императора Ариадна и ее мать Верина, вдова имп. Льва I. Верина надеялась с помощью своего брата, неудачливого полководца *Василиска*, свергнуть исавров и посадить на престол магистра оффиций сенатора Патрикия. Заговорщикам удалось захватить власть, но Василиск обманул Верину и сам стал императором (9 янв. 475). Зинон бежал, последовало избиение исавров в К-поле. Однако Василиск оказался неумелым правителем, успел восстановить против себя все слои населения и вызвать восстание, к-рое приняло характер борьбы за правосл. веру, поскольку Василиск поддержал монофизитов. В авг. 476 г. Зинон с войском беспрепятственно вернулся в столицу.

Помимо внутренних волнений множество хлопот доставляли правительству имп. Зинона остгот. вожди — два Теодориха, остававшиеся постоянной угрозой для империи. Смерть Теодориха, сына Триария, неск. облегчила положение. Но в 486 г. отношения между Византией и готами вновь резко ухудшились. Теодорих, сын Теодемира, осадил К-поль и опустошил его окрестности. Исавры и городское население готовы были сжечь столицу, если ее невозможно будет отстоять. Однако Теодорих отступил и согласился на перемирие. Имп. Зинон предложил ему двинуться с готами в Италию и стать ее правителем вместо Одоакра. Осенью 486 г. основные силы готов покинули Балканы, избавив Зинона от постоянной угрозы на Балканском п-ове.

На персид. границе в правление имп. Зинона ситуация складывалась удачно для Византии. Иран во 2-й пол. V в. переживал тяжелый период; неоднократно вспыхивали восстания в Персид. Армении. После ожесточенной междоусобной борьбы за шахский престол, охватившей Иран в 457–459 гг., на него напали гунны-кидариты, а затем гунны-эфталиты. Считая кочевников общими врагами, В. и. оказывала Ирану финансовую помощь. Когда во время одного из неудачных походов против эфталитов шаханшах Пероз (459–484) попал к ним в плен, Зинон выкупил персид. правителя. Внутреннее положение Ирана осложнялось движением маздакитов, к-рое в кон. 80-х гг. приняло особенно широкий размах, а также борьбой за шахский престол между братом и сыновьями Пероза. Иран на время выпал из числа реальных противников Византии.

Имп. Зинон умер 9 апр. 491 г. Высшие сановники согласились на выбор имп. Ариадны, пожелавшей видеть своим мужем и соправителем *Анастасия I*, бывш. силенциария (придворный чин). Вступив на престол, он ликвидировал привилегии и изгнал исавров из К-поля, прекратил выплаты субсидий из казны. После ухода Теодориха в Италию

Имп. Анастасий I. Солид

гот. опасность исчезла и изменилось положение исавров как противостоящей им силы. Исавры не смирились, ответив восстанием, к-рое продолжалось неск. лет. После подавления восстания в 497 г. часть исавров была выселена во Фракию.

Имп. Анастасий проявил себя опытным администратором. В основе его политики лежало стремление к умиротворению страны. Ему удалось восстановить потери казны. Он изменил систему взимания поземельной подати — главной доходной статьи гос-ва, что значительно увеличило доходы казны, отменил взимавшийся раз в 4 года налог на ремесло и торговлю (т. н. хрисаргир). В правление Анастасия была проведена денежная реформа и введена новая бронзовая монета (большой фолл и его номинации). Император не строил пышных дворцов и зданий, существенно урезал траты на зрелища. Все эти мероприятия позволили ему создать новые контингенты войск и даже увеличить гос. казну. Имп. Анастасий был сторонником вост. ориентации и опирался на вост. области империи, понимая, что эти богатые провинции с развитым ремеслом и торговлей являлись экономической основой империи. Гос. интересы императора совпали с его личными пристрастиями: он стал поддерживать монофизитов, обладавших большой силой на Востоке, вопреки воле папы Римского, что серьезно осложнило отношения В. и. с Римом (см. ст. *Акакианская схизма*).

Внешняя политика Анастасия была оборонительной. На Востоке начались конфликты с Ираном, по-

степенно окрепшим после потрясений V в. Анастасий отказался выплачивать персам денежную субсидию, к-рую они требовали под предлогом необходимости охраны Каспийских ворот (Дербентского прохода) от варварских набегов. В 502 г. персид. армия двинулась в наступление. Главные военные действия разыгрались в районе сир. г. Амида, к-рый персы захватили, но не смогли удержать. В 506 г. был заключен мир на условии сохранения прежних границ. Для защиты от будущих нападений на границе с Ираном была построена крепость Дара (Анастасиополь). В кон. V в. на Балканском п-ове В. и. столкнулась с новой опасностью — набегами протоболгар и славян.

Финансово-экономическая и религ. политика имп. Анастасия вызывала немало возмущений. Особенно он был непопулярен в столице, где правосл. население составляло подавляющее большинство и где в 512 г. вспыхнуло восстание, едва не стоившее Анастасию трона. В 514 г. комит федератов Виталиан поднял население балканских провинций против власти императора. Непосредственным поводом к восстанию послужило снижение денежных платежей федератам и недовольство Ипатием, начальником фрак. войска, племянником имп. Анастасия. Виталиан призывал к борьбе за Православие,

Имп. Юстин I. Солид

против поддерживавшейся императором монофизитской ереси. Военные действия Виталиана, к-рые велись на суше и на море, были поначалу весьма успешны. Он не раз наносил поражения имп. войскам; лишь в 515 г. удалось разбить его флот, после чего он скрылся во Фракии.

По смерти имп. Анастасия высшие сановники, сенат, армия, народ и Церковь избрали на царство престарелого комита экскувитов *Юстина I.* Его правление (518–527) стало лишь прологом к царствованию *Юстиниана I,* при к-ром В. и. достигла, казалось бы, наивысшего расцвета. Как и его дядя Юстин, Юстиниан был выходцем из пров. Иллирик, с детства говорил на латыни и по образу жизни был скорее римлянином, нежели греком. Мысль о возрождении величия и мощи Римской империи не давала ему покоя.

Став императором, он приступил к осуществлению широкой программы мероприятий, направленных на укрепление престижа империи и власти, добился успеха в своей деятельности, и это во многом определило последующее развитие Зап. и Вост. Европы. При имп. Юстиниане была осуществлена кодификация рим. права и появился «Свод гражданского права» (Codex Iuris Civilis), к-рый стал итогом развития всего законодательства Римской империи. В «Своде» нашла отражение идея сильной централизованной власти и детально разработано право частной собственности.

Для осуществления обширной внешнеполитической программы на Западе имп. Юстиниану пришлось пойти на значительные уступки соседям на севере и востоке, с тем чтобы сохранить спокойствие на этих участках границы империи. Немалые суммы он пожертвовал варварам (гуннам, герулам и др.), купив т. о. их союз и лояльность, дорого обошлось и заключение мира с Ираном; по условиям договора 532 г. империя должна была выплатить персам 11 тыс. фунтов золота.

В 533 г. имп. Юстиниан начал завоевательные кампании на Западе. К 534 г. он покорил гос-во вандалов в Сев. Африке, начал длительную войну против королевства остготов в Италии (535–554), присоединил к империи земли на юго-востоке Пиренейского п-ова (554), а также Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские о-ва. Средиземное м. стало внутренним морем В. и. 13 авг. 554 г., когда война византийцев с остготами еще продолжалась, Юстиниан издал прагматическую санкцию о внутреннем устройстве Италии, в к-рой он восстанавливал старые рим. порядки и учреждения. Было сохранено разделение военной и гражданской администрации. Во главе гражданского управления был поставлен префект претория Италии, его помощниками назначили 2 викариев и 13 правителей провинций с многочисленным бюрократическим аппаратом, штаты и содержание к-рого были строго определены. Изданием этого документа имп. Юстиниан решил уничтожить все, что напоминало о варварской «тирании», т. е. засилье «варваров» в гос. элите. Прагматическая санкция возвратила земли прежним собственникам. Была восстановлена

Имп. Юстиниан I. VI в. Медальон (BNF)

старая военная администрация, возглавляемая магистром армии. Предметом особой заботы имп. Юстиниана был Рим, в ходе войны 5 раз переходивший в ожесточенных боях от готов к византийцам и обратно. Город был заново отстроен и снова стал местом пребывания сената. Была отстроена Равенна, восстановлен разгромленный готами и франками Медиолан. Окрепли торговые связи Италии с К-полем и вост. провинциями империи.

В 531 г. престол Сасанидов занял Хосров I Ануширван. Зная, что вост. границы В. и. обнажены, он в 540 г. захватил и разграбил Антиохию и неск. др. городов Сирии, вывел в Персию большое количество пленных. Т. о. империи был нанесен удар, какого она не испытывала со времени адрианопольской катастрофы 378 г. В 541 г. Хосров вторгся в Лазику и взял мощную визант. крепость Петру, воздвигнутую имп. Юстинианом. В 544 г. Хосров опустошил Месопотамию. Озабоченный войной в Италии, Юстиниан был рад купить у персов перемирие на 5 лет. Это перемирие было возобновлено в 551 г., но оно не распространялось

на Лазику, где персы продолжали ожесточенную борьбу за выход к Чёрному м. Имп. Юстиниан употреблял все усилия, чтобы не допустить этого. Лишь в 561 г. Хосров, поняв, что Лазика не может быть удержана персами, вывел оттуда свои войска, но при этом получил от Византии крупный денежный выкуп.

В янв. 532 г. в К-поле вспыхнуло восстание, получившее название «Ника» (от νίκα — побеждай!) и объединившее все слои населения — от люмпен-пролетариев до сенаторов. Восстание было потоплено в крови, унеся более 30 тыс. жизней, во время восстания был сожжен собор Св. Софии.

В 542 г. в империи распространилась тяжелейшая эпидемия чумы, к-рой переболел и имп. Юстиниан. В К-поле ежедневно умирали тысячи людей. Ремесло и торговля замерли. Завоевания Юстиниана на Западе, расширение границ империи от Херсонеса в Крыму до Гибралтара крайне затрудняли оборону империи. Огромных средств требовало и обширное строительство, к-рое развернул император. Все больше увеличивались налоги и сокращались расходы на армию; страна разорялась налогами и вымогательствами чиновников. К концу жизни имп. Юстиниана волнения особенно участились. На это время приходится усиление роли сената и активизация димов (общественно-политические организации населения, сформировавшиеся вокруг ипподрома).

Следующие за Юстинианом императоры — его племянник *Юстин II* (565–578), его преемник *Тиверий I* (578–582) и зять Тиверия *Маврикий*

Имп. Юстин II. Солид

(582–602) — унаследовали истощенную как в финансовом, так и в военном отношении империю, к-рой приходилось выдерживать ожесточенный напор авар, славян, лангобардов на севере и персов на востоке. В 573 г. Хосров разбил византийцев у стен Нисибина, а затем взял крепость Дару. Появившиеся к северу от Дуная авары вместе со славянами угрожали придунайским провинциям империи. В 577 г., когда авары официально находились в мире с империей, славяне огромной массой переправились через Дунай, наводнили Фракию, разграбили и разорили Македонию и Фессалию. Лангобарды, к-рых Юстиниан поселил в Норике, в 568 г. вторглись в Италию и за неск. лет покорили большую часть Сев. Италии и Тоскану. Под властью Византии остались лишь Равенна с прилегающей к ней областью, Рим, Юж. Италия и Сицилия. Лангобардское вторжение привело к постепенному отдалению

Имп. Тиверий I Константин. Солид

Италии от Византии. Не выдержав тяжести выпавшей на его долю задачи, Юстин II сошел с ума.

При Тиверии В. и. придерживалась оборонительной тактики в Италии, откупаясь выплатой увеличенной дани от нападений авар, и главные усилия сосредоточила против Ирана. Война за Армению шла с переменным успехом, и византийцы смогли нанести персам неск. поражений.

Утрата империей территорий на Западе (в 572 вестготы захватили Кордову, а 50 лет спустя к ним окончательно отошла вся Юж. Испания) заставила К-поль сосредоточиться на вост. политике. В 591 г. имп. Маврикию (выходцу из знатной каппадокийской семьи) удалось добиться успеха в 20-летней войне с Ираном. В благодарность за помощь в борьбе за шахский престол *Хосров II* Парвиз передал имп. Маврикию Иверию и значительную территорию Персид. Армении (до оз. Ван). Несмотря на высокую дань, к-рую Византия платила аварам, они продолжали совершать разорительные набеги на Балканский п-ов и вместе со славянами проникали далеко на юг (584 и 586 — нападения аваров и славян на Фессалонику, 80-е гг. VI в.— расселение славян на Балканах). Перелом наступил в 591 г., когда имп. Маврикий после заключения мира с Ираном смог направить на защиту европ. провинций более крупные силы. Борьба шла с переменным успехом, но перевес оказался на стороне Византии, к-рой к нач. VII в. удалось восстановить дунайскую границу.

Занятый войнами с персами, аварами и славянами, имп. Маврикий не мог выделить многочисленные войска для защиты Италии. Он пытался разбить лангобардов при помощи франков, к-рым были выплачены крупные суммы. Совместное нападение византийцев и франков, хотя и не принесшее решающего успеха, способствовало тому, что дальнейшие завоевания лангобардов были приостановлены. Из визант. владений в Италии имп. Маврикий образовал адм. единицу нового типа — экзархат с центром в Равенне (впервые упом. в 582), глава к-рого являлся военным правителем с широкими полномочиями, в т. ч. в сфере гражданского управления. Позднее в Африке был образован Карфагенский экзархат (первое упоминание — 591). Экзархаты явились прообразом будущих фем.

Противостояние слав. вторжениям не смогло сдержать массового переселения славян на территорию В. и. Имп. Маврикий пытался ликвидировать возникшие экономические трудности гос-ва за счет сокращения воинского жалования и бесплатных раздач к-польскому плебсу, а также путем увеличения налогов. Это привело к резким выступлениям в столице и волнениям в армии. Непосредственным поводом к восстанию в 602 г. послужил приказ войскам, действовавшим против авар и славян, перезимовать за Дунаем. Маврикий рассчитывал таким способом избавить казну от расходов, полагая, что армия, находившаяся за Дунаем, будет кормиться за счет грабежа чужеземной территории. Солдаты не подчинились, подняли мятеж, избрали своим предводителем центуриона Фоку и двинулись на К-поль. Восстание в армии встретило поддержку населения столицы, на улицы к-рой вышли цирковые партии «голубых» и «зеленых». Подобные выступления

имели место и в др. крупных городах империи. Были подожжены дворцы близких к императору са-

Имп. Маврикий. Солид

новников, Маврикий бежал. Через неск. дней Фока был провозглашен императором. Он торжественно въехал в К-поль, разбрасывая народу золотые монеты. Вскоре он приказал казнить Маврикия, прежде обезглавив на глазах императора его сыновей.

Правление узурпатора *Фоки* (602–610), хотя и поддержанного первоначально синклитом (сенатом), началось массовыми казнями, преследованиями родовой знати, сторонников имп. Маврикия. Как мститель за свергнутого визант. императора, с помощью к-рого он получил престол, выступил Хосров II: персы захватили Дару, продвинулись дальше в М. Азию (захватили Кесарию) и дошли даже до Халкидона. Сложной оставалась ситуация на европ. территориях империи, Балканы были беззащитными перед угрозой аварских и слав. вторжений. По-

Имп. Фока. Солид

пытка Фоки стабилизировать ситуацию (604) увеличением размера дани аварам не принесла результатов. Стремление Фоки в решении внешнеполитических проблем заручиться поддержкой Рима (эдиктом 607 г. признавался примат Римского престола) также не увенчалось успехом.

Гонения в империи не ограничились притеснениями политических противников Фоки, но в неменьшей степени коснулись конфессиональных и религ. меньшинств (монофизитов и евреев в Передней Азии). Столичные цирковые партии «зеленых», выступавшие прежде за Фоку, изменили свое отношение к власти, и был выпущен указ о запрете «зеленым» занимать гос. должности. Недовольство правлением Фоки нарастало не только в столице, но и на периферии: экзарх Карфагена Ираклий выступил против Фоки (в 608 он отказался выслать хлеб в К-поль, а в 610 отправил своего сына Ираклия с флотом против Фоки). 3 окт. 610 г. карфагенский флот был уже у стен столицы, а 5 окт. *Ираклий* принял из рук Патриарха имп. венец.

Имп. Ираклий с сыном Константином III. Солид

Империя, переживавшая тяжелый финансовый и экономический кризис (упадок городской жизни, устаревшая адм. машина, утратившая эффективность система наемничества в армии), столкнулась с необходимостью решения насущных внешнеполитических проблем. С нач. VII в. усилилось расселение славян на Балканах: на западе они дошли до побережья Адриатики, на юге и востоке — до Эгейского м., заняли Македонию, опустошили Фракию, дважды (в 616 и 618) осаждали Фессалонику, продвинулись в Ср. Грецию и на Пелопоннес, добирались и до стен К-поля. Греч. население оттеснялось на побережье и острова. Визант. Балканы распались на слав. племенные княжества («склавинии»).

Хотя в 611 г. удалось вытеснить персов из Кесарии, попытка контрнаступления в Армении и Сирии не удалась (поражение визант. армии у Антиохии в 613). В 614 г. после трехнедельной осады был взят Иерусалим, сожжен храм Гроба Господня, Св. Крест увезен в Ктесифон. В 615 г. персы, вторгшиеся в М. Азию, доходили до Босфора. Попытки переговоров Ираклия с каганом аваров в 617 г. у Ираклии Фракийской чуть было не закончились гибелью императора. Весеннее наступление персов на Египет в 619 г. завершилось для В. и. утратой этой житницы К-поля и источника дешевого писчего материала (папируса), не говоря уже о потере древних церковных и культурных центров. Заключенный в 619 г. мир с аварским каганом не способствовал улучшению внешнеполитической ситуации: наступление византийцев на персов в 622 г., освобождение М. Азии, продвижение в Армению, разгром персид. отрядов в Киликии (623) завершились контрнаступлением персов под предводительством Шахрвараза в М. Азии; в 626 г. они дошли до Халкидона и оказались в непосредственной близости от К-поля, к-рый в то время был осажден аварами и славянами. Чудесное спасение столицы (в отсутствие императора город опекал Патриарх *Сергий*) отразилось в кукулии к Акафисту Богородице («Взбранной воеводе...»).

Имп. Ираклий в поисках новых союзников для борьбы с Персией пытался в 626 г. в Лазике привлечь на свою сторону зап. тюрок (хазар).

Хотя в результате персид. походов имп. Ираклия (дек. 627 — победа над персами при Ниневии, янв. 628 — вступление визант. войск в Дастагерд, февр.— свержение Хосрова II) империя вернула себе Армению, Месопотамию, Сирию, Палестину и Египет, а 21 марта 630 (или 631) г. в Иерусалим был возвращен Св. Крест, императору в посл. десятилетие правления пришлось пережить утрату отвоеванных им территорий в результате араб. нашествия 30-х гг. VII в.

А. А. Чекалова, И. С. Чичуров

Средневизантийский период (сер. VII — кон. XII в.). I. Ираклиды. Несмотря на огромный авторитет освободителя Св. Креста и напряженные усилия, имп. Ираклию не удалось преодолеть раскол между сторонниками и противниками Халкидонского Собора. Арабы, объединенные новой религией, воспользовались крайним истощением Византии и Ирана и нанесли обеим державам сокрушительный удар. Гос-во Сасанидов погибло (651/2), христ.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

империя вышла из тяжелейшего кризиса со значительными потерями.

Старший сын имп. Ираклия *Константин III* скончался через 3 месяца после отца. Виновницей его скоропостижной смерти считали Мартину. Верная спутница Ираклия, разделявшая с мужем все тяготы военных походов, не пользовалась народной любовью; в их кровосмесительном браке (Мартина была племянницей Ираклия) многие видели причину тяжких бедствий, обрушившихся на империю. В результате восстания в К-поле Мартина и ее сын Ираклона были изувечены и сосланы; власть перешла к малолетнему сыну Константина *Константу II* (641–668). В 642 г. арабы без боя заняли Александрию; через 2 года визант. экспедиции удалось отвоевать город, но удержать его оказалось невозможно, и к 646 г. Египет был окончательно занят арабами.

В VIII–XII ВВ.

В течение последующего века В. и. вынуждена была вести почти непрерывную борьбу за существование. Тем опаснее были внутренние противоречия, вызванные монофелитской религ. политикой Ираклия и К-польского Патриарха Сергия. Перед лицом церковного раскола с Западом, осудившим «Эктесис» Ираклия, имп. Констант издал эдикт, запрещавший «во имя сохранения единства Церкви» все споры о волях и энергиях во Христе под угрозой тяжких наказаний («Типос», 648).

Со времен походов Ираклия большинство военных постов в империи занимали представители арм. знати. После падения державы Сасанидов князья Персид. Армении пошли на сближение с К-полем. Однако, несмотря на Каринскую унию, армяне не спешили отказываться от традиций своей Церкви и поддерживали тесные контакты с сир. яковитами. Ок. 651 г. наместник Армении Теодорос Рштуни подчинился арабам. Констант II совершил поход в Армению и заручился поддержкой католикоса Нерсеса III, с к-рым вступил в евхаристическое общение (652/3), но вскоре арабы овладели Арменией (655). Смуты в халифате, вызванные борьбой Муавии и Али, дали империи короткую передышку в виде перемирия (659–661).

После казни своего брата Феодосия (ок. 660), испугавшись ненависти жителей К-поля, имп. Констант, оставив в столице семью, уехал в Фессалонику, нек-рое время жил в Афинах, а затем переехал в Тарент (663). Не сумев овладеть Беневентом, Констант прибыл в Рим, где был торжественно встречен папой, а затем отправился в Сиракузы, решив основать там новую столицу. Вскоре в окружении императора созрел заговор, и он был убит (668). Мятеж был быстро подавлен войсками, верными юному наследнику Константа *Константину IV*.

Правление Константина IV (668–685), скудно освещенное источниками, было временем наибольшего обострения внешнеполитической угрозы. Арабы, ежегодно совершавшие разорительные набеги в М. Азию, все ближе подступали к К-полю. Муавия, объединивший под своей властью огромный халифат, развивал военно-морские силы, готовясь нанести империи решающий удар. Планомерная осада К-поля араб. флотом продолжалась неск. лет (ок. 673–677). В конце концов арабы отступили, понеся большие потери. Важную роль в победе византийцев сыграло новое оружие — жидкий, или «мидийский» (в рус. традиции — греческий), огонь. С халифатом был заключен 30-летний мир на весьма выгодных условиях (680). При вести об этом в К-поль поспешили с приветствиями посланцы европ. правителей.

Константин IV восстановил добрые отношения с Римом, созвав VI Вселенский Собор, на к-ром была провозглашена анафема на отрицающих две воли и два действия

(божественное и человеческое) во Христе (680–681). С сер. VII в., после распада т. н. Вел. Болгарии, в междуречье Кубани и Дона началась миграция на запад протоболгар во главе с ханом Аспарухом. Константин IV не сумел воспрепятствовать их переходу через Дунай и был вынужден признать новую Болгарскую державу, заключив с ней мирный договор (681).

Правление имп. *Юстиниана II* Ринотмита, последнего представителя династии Ираклия, дважды занимавшего престол (685–695, 705–711), вошло в историю Византии как одно из самых трагичных и жестоких. Неурядицы в халифате позволили ему заключить с арабами выгодный мир и вернуть под свой контроль Армению и др. страны Кавказа (ок. 686). Пользуясь миром на Востоке, имп. Юстиниан II совершил первый за долгие годы поход против славян во Фракию и Македонию (688–689); значительная часть покоренных славян была переправлена в Вифинию, где из них было сформировано особое войско. Желая освободить кипрских христиан «от ига язычников» (Кипр считался совместным владением императора и халифа), Юстиниан организовал их переселение на Кизикский п-ов, где был основан г. Юстинианополь (ок. 691). Не менее активной была церковная политика императора, созвавшего Трулльский Собор. Однако неудачная война Юстиниана II с арабами (проигранная из-за измены слав. войска ок. 692) и его увлечение дорогостоящим строительством (сопровождавшееся злоупотреблениями сановников) способствовали успеху заговора. Юстиниан II был свергнут с престола и изувечен (отсюда его прозвище Ринотмит, т. е. «с урезанным носом»), затем сослан в Херсонес.

При следующем императоре полководце *Леонтии* (695–698) Византия потеряла Лазику (696) и Африку (697/8); флот, посланный на освобождение Карфагена, вынужден был отступить на Крит, где против Леонтия вспыхнул мятеж. Новым императором был провозглашен некий Апсимар, принявший имя *Тиверия II* (698–705). С помощью измены ему удалось овладеть К-полем.

Смирившись с утратой Африки, Тиверий начал укреплять стены К-поля и границы с арабами в горах Киликии. Его армии удалось совершить первый за долгие годы удачный поход в Сирию (ок. 698). Однако Армения после перехода на сторону арабов местных князей и подавления восстания, сопровождавшегося массовым уничтожением арм. знати (702–705), надолго попала под власть халифата.

Имп. Юстиниан II бежал из Херсонеса к хазарам (взяв в жены сестру кагана), а затем к болг. хану Тервелю, при помощи к-рого овладел К-полем и жестоко отомстил противникам, в т. ч. К-польскому Патриарху *Каллинику I*, к-рый был ослеплен и отослан в Рим (705). Свое возвращение на престол Юстиниан II считал делом Божественного Промысла и стремился подчеркнуть свое благочестие. Во время визита папы *Константина I* император ус-

Имп. Тиверий II. Солид

троил понтифику пышный прием в Никомидии (710–711). Жестокие карательные экспедиции, посланные имп. Юстинианом против Равенны (709) и Херсонеса (710), вызвали восстания в этих городах. В Херсонесе был провозглашен им-

Иисус Христос и имп. Юстиниан II. Солид (аверс, реверс)

ператором некто Вардан, нашедший поддержку у хазар. На его сторону перешли войска Юстиниана, и внушавший ужас император был свергнут и казнен (711). Вместе с ним пресеклась династия Ираклия, стоявшая у власти в течение века.

Вардан, принявший тронное имя *Филиппик* (711–713), находился под сильным влиянием монофелитов и стремился вновь утвердить это учение. Вскоре в войсках, размещенных в окрестностях К-поля, созрел заговор, окончившийся ослеплением и свержением Филиппика. Одновременно с венчанием на царство

Имп. Анастасий II. Солид

нового имп. *Анастасия II* (713–715) было провозглашено восстановление Православия. Правление Анастасия II и его преемника *Феодосия III* (715–717) также были непродолжительны и прервались вследствие военных мятежей.

Продолжительный кризис власти в конце династии Ираклидов и борьба за престол в нач. VIII в. поставили империю в критическое положение. В нач. VIII в. центральное правительство было фактически парализовано, власть перешла к стратигам фем. Вовлеченные в политическую борьбу, они не обладали достаточными силами, чтобы противостоять араб. экспансии, продолжавшейся по всему Средиземноморью. В 696–698 гг. арабы начали молниеносное продвижение на запад Африки, и уже в 709 г. им сдалась последняя визант. крепость у Гибралтара — Септем (Сеута). Перестал существовать когда-то богатый и влиятельный Карфагенский экзархат. В 711–713 гг. арабы овладели почти всей Испанией, положив конец 300-летнему правлению вестготов.

II. «Исаврийская» династия и 1-й период иконоборчества. В 717–718 гг., при халифе Сулеймане, арабы предприняли новую попытку овладеть визант. столицей. Их армия высадилась на европ. берегу и обложила город с суши, флот блокировал Босфор и запер визант. эскадру в бухте Золотой Рог. Незадолго

до этого престол занял стратиг фемы Анатолик *Лев III Исавр* (717–741), к-рый организовал оборону столицы и вел активные действия против арабов на суше и на море. Осада города, продолжавшаяся в течение года, не принесла арабам успеха. Их флот понес значительные потери, а в сухопутном лагере при наступлении необычайно суровой зимы начался голод и падеж скота; экспедиции за продовольствием пресекались болгарами, к-рые были в союзе с империей. В авг. 718 г. остатки войска и флота арабов отступили.

Победа над арабами подняла авторитет и популярность нового имп. Льва III и послужила решающим фактором прекращения внутренней борьбы в империи. Вскоре были прекращены мятежи на Сицилии и

Имп. Феодосий III. Солид

в Фессалонике и имп. Лев установил свою власть на всей территории Византии.

После 718 г. арабы более не предпринимали попыток захватить К-поль. В традиции ислам. мистики этот город приобрел особое эсхатологическое значение; его будущее подчинение религии Мухаммада со временем стало связываться с представлениями об окончательном торжестве ислама накануне конца света. Араб. вторжения в Анатолию продолжались еще в течение неск. десятилетий; их жертвами нередко становились крупные визант. города (Иконий, Кесария и др.). Однако арабам уже не удавалось надолго закрепляться западнее гор Тавра. В 726 г. они осаждали Никею, но под стенами города потерпели тяжелое поражение от войск Льва III и его сына и соправителя Константина V. В 740 г. император одержал еще одну решающую победу над мусульманами в битве при Акроине, после чего их вторжения в Анатолию почти прекратились. К сер. VIII в. граница между Византией и халифатом надолго установилась по линии гор Тавра и далее к северо-востоку в районах М. Армении и Понта. Победа при Акроине совпала с началом междоусобной борьбы

Имп. Лев III. Номисма

в халифате, к-рая завершилась переходом власти к династии *Аббасидов*, переносом столицы из Дамаска в Багдад и общей перестройкой исламской державы. В этот период византийцы перешли к активным действиям против арабов. В 746 г. империи был возвращен Кипр. В 40–50-х гг. имп. Константин V совершил неск. походов на Восток, разрушил араб. приграничные крепости Феодосиополь, Мелитину и Самосату. Во 2-й пол. VIII в. активность противостояния на Востоке резко упала. Важным условием успехов Льва III в противоборстве с арабами стал союз В. и. с Хазарским каганатом, закрепленный династическим браком Константина V и дочери кагана, принявшей в Крещении имя Ирина (733). Имп. Лев стал основателем новой, т. н. Исаврийской (или Сирийской), династии. Крайний недостаток источников не позволяет подробно говорить об особенностях жизни визант. общества и о деталях внутренней политики в VIII в. Тем не менее в ряду важнейших преобразований Исаврийской династии известны: 1) развитие фемной системы (образование новых фем Фракисий и Вукелларии, их укрепление, позволившее поддерживать на должном уровне военные силы в борьбе с арабами); 2) издание нового свода законов («Эклоги»); 3) попытка переосмысления духовных основ визант. общества, выразившаяся в иконоборческом и антимонашеском движении.

Имп. Лев III объявил о запрете икон эдиктом ок. 726 (или 730) г., начался 1-й период иконоборчества (726/30–787). О к.-л. конкретных последствиях иконоборческого эдикта и о проведении его в жизнь при имп. Льве достоверных сведений нет. За отказ следовать политике императора в 730 г. был низложен Патриарх К-польский свт. *Герман I*. В 731 г. Римский Собор во главе с папой *Григорием III* осудил иконоборческую деятельность имп. Льва, что привело к фактическому разрыву отношений между К-полем и Римом. В связи с этим имп. Лев III или его сын Константин V отделили Юж. Италию и Сицилию от Равеннского экзархата и передали их, как и Иллирийский диоцез во главе с Фессалоникой, под церковную юрисдикцию К-поля.

Сын и преемник Льва *Константин V Копроним* вскоре после воцарения был вынужден бороться за престол со своим шурином, стратигом *Артаваздом*, к-рый был провозглашен в К-поле императором и венчан на царство Патриархом *Анастасием*. Однако в 743 г. Константин сумел вернуть себе престол и столицу. Выступая продолжателем политики отца, Константин решил придать иконоборчеству статус офи-

Имп. Константин V. Номисма

циально утвержденного Церковью учения и в 754 г. организовал «Вселенский» Собор в Иерии, азиат. пригороде К-поля. На Соборе, проходившем в отсутствие всех Патриархов (отсюда его название — Безглавый) под председательством еп. Феодосия Эфесского, было принято определение (орос) с осуждением почитания икон и мощей святых; были осуждены как «еретики» свт. Герман К-польский и прп. *Иоанн Дамаскин*. Наиболее суровые гонения иконопочитателей, начавшиеся в 762 г., сопровождались комплексом мер, направленных против монашества; были закрыты мн. мон-ри в К-поле и др. городах, монахи подвергались публичным осмеяниям и принуждались к вступлению в брак. При имп. Константине значительно

увеличилось количество мучеников и исповедников из числа иконопочитателей, из к-рых наиболее известен прмч. *Стефан Новый*.

С нач. VII в. империя почти полностью лишилась контроля над Балканами, сохранив за собой лишь неск. пунктов вдоль побережья. С этого времени началось массовое переселение славян на Балканы, к-рые вскоре колонизовали большую часть полуострова, включая Ср. Грецию и Пелопоннес, и полностью изменили этнический состав его населения. На этих землях образовались союзы слав. племен — «склавинии». Они могли вступать в договорные отношения со стратигами местных визант. фем, а также с Аварским каганатом и протоболгарами, образовавшими в 80-х гг. независимое гос-во на территории бывш. рим. провинций Скифия и Мёзия. Болгария, где в VIII–IX вв. шли процессы взаимодействия тюркских и слав. этнических элементов, стала основным соперником Византии на Балканах.

Константин V первым среди визант. императоров последовательно проводил политику военного давления на болгар. В 60–70-х гг. VIII в. он совершил ряд походов и морских экспедиций на север Балканского п-ова, одержав ряд крупных побед над болгарами (755 у Длинных стен во Фракии, 773 в Лифосории), и стремился поддерживать на болг. престоле сторонников сближения с Византией. Политика Константина позволила приостановить продвижение болгар и установить твердую границу империи в юж. предгорьях Балканского хребта. Однако в то же время происходило постепенное подчинение болг. ханами «склавиний» в зап. и юго-зап. частях полуострова.

Имп. Лев IV с сыном Константином VI. Солид

III. Восстановление иконопочитания (кон. VIII — нач. IX в.). Сын и преемник Константина V имп. *Лев IV* Хазарин (775–780) формально продолжал иконоборческую политику отца и деда, однако интенсивность гонений существенно сократилась. После кончины имп. Льва IV в 780 г. начался 20-летний период правления св. *Ирины* и ее сына *Константина VI* (сначала Ирина была регентшей при малолетнем сыне, а затем стала его политической соперницей). Главной заслугой св. Ирины стало проведение VII Вселенского Собора в Никее (787; годом ранее попытка созыва Собора в к-польском храме св. Апостолов была сорвана военными) под председательством Патриарха св. Тарасия, на к-ром было осуждено иконоборчество, но это отнюдь не означало единодушного признания иконопочитания обществом.

Имп. Константин VI с императрицей Ириной (аверс). Лев III, Константин V и Лев IV (реверс). Номисма

В 790 г. возмужавший Константин VI предпринял попытку освободиться от опеки матери, потерпел неудачу и был отстранен от власти; армия, выступив в его поддержку, заставила св. Ирину отказаться от власти; позже Константин примирился с матерью и вновь сделал ее соправительницей (792). В 795 г. неканонический брак Константина с Феодотой после насильственного пострижения его первой жены Марии вызвал новый конфликт в правящей семье, ставший причиной внутрицерковного раскола *(михианская схизма)*. В 797 г. по приказу императрицы Константин VI был схвачен и ослеплен в Порфировом покое Большого дворца.

Имп. Ирина стала первой в истории Византии женщиной, единолично управлявшей гос-вом. В офиц. документах она подписывалась: «Ирина, великий василевс и автократор ромеев». Воспользовавшись сложившимся положением, папа Римский Лев III присвоил имп. титул самому могущественному европ. монарху, обладавшему и властью над Римом,— франк. кор. Карлу Великому, к-рый был коронован в Риме на Рождество 800 г. Новый «римский император» на Западе формально претендовал и на К-поль; обсуждался даже проект брачного союза между св. Ириной и Карлом с последующим восстановлением Римской империи в ее древних границах (посольство в К-поль в 802).

Правление св. Ирины характеризовалось значительными благодеяниями в пользу монашества, гонимого при императорах-иконоборцах. Монашество, остававшееся в иконоборческую эпоху оплотом Православия, стало играть большую роль в политических событиях. Особенным влиянием пользовался столичный Студийский мон-рь, во главе к-рого стоял прп. *Феодор Студит*. Однако финансовые послабления в пользу мон-рей, Церкви и городского населения подточили экономическое благополучие гос-ва. На этом фоне неудачные военные действия против болгар и арабов не могли не вызвать недовольство правлением имп. Ирины и ее фаворитов-евнухов.

Имп. *Никифор I* (802–811), бывш. логофет геникона (ведавший гос. финансами), отстранил от власти св. Ирину при поддержке военных. Важнейшим направлением деятельности императора стала реализация обширной программы финансовых, адм. и военных реформ. В их числе были переселение части стратиотов из анатолийских фем во Фракию для освоения отвоеванных террито-

Имп. Никифор I. Номисма

рий на Балканах, укрепление флота, введение круговой поруки в отношении стратиотского ополчения, упорядочение налогообложения, перевод монастырских богоугодных заведений на попечение гос-ва, выделение гос. ссуд купцам для стимулирования торговли. Широкомасштабные и решительные мероприятия имп. Никифора, значительно усилившие военные и финансовые ресурсы гос-ва, вызвали недовольство у части общества, что отразилось в последних разделах «Хронографии» его современника прп. *Феофана Исповедника*.

На рубеже VIII–IX вв. внешнеполитическое положение империи на фоне постоянной внутренней борьбы партий значительно осложнилось. Пользуясь ослаблением военной мощи империи, в 782 г. арабы совершили поход через всю М. Азию до Халкидона и вынудили св. Ирину заключить договор о выплате крупной регулярной дани халифу. В 90-х гг. военные действия возобновились и шли с переменным успехом. По договору 798 г. Византия лишилась неск. приграничных крепостей. По вступлении на престол имп. Никифор отказался выплачивать дань арабам, но после похода Харуна ар-Рашида (806) в М. Азию ему пришлось выплатить ее вновь на унизительных условиях. Междоусобная борьба, разгоревшаяся после смерти халифа, позволила императору сосредоточить внимание на зап. областях.

Отдельные успехи византийцев на Балканах в правление Константина VI и св. Ирины (экспедиция патрикия Ставракия против «склавиний» в Македонию в 783–784, походы имп. Константина VI в 90-х гг. против болгар) не могли переломить ситуацию. В нач. IX в. империя оказалась под ударами могущественного хана Крума. В 809 г. он разбил стратига Македонии и овладел Сердикой (совр. София), поставив под угрозу замыслы имп. Никифора I. В 811 г. император предпринял решающее наступление в Болгарию; визант. армия захватила и разграбила болг. столицу Плиску, но в сев. предгорьях Балканского хребта попала в окружение в Вырбицком ущелье; 26 июля Никифор I и почти все войско во главе с большинством фемных стратигов погибли, а сын и соправитель Никифора Ставракий был тяжело ранен. Население фракийских городов, в т. ч. Анхиала и Филиппополя, бежало к столице и переправлялось в Азию. Ввиду смертельной болезни имп. Ставракия (811) престол достался мужу его сестры *Михаилу I Рангаве* (811–813), нашедшему поддержку у Патриарха св. Никифора. Стремясь укрепить свое положение, новый император официально признал имп. титул Карла Великого (812), к-рый в свою очередь признал власть Византии над побережьем Далмации. Однако Михаил, не имевший политического авторитета и попавший в зависимость от своих советников (в числе к-рых важное место занимали студийские монахи), не смог противостоять болгарам: Крум взял штурмом Месемврию, обратил в бегство визант. армию в сражении под Адрианополем и угрожал К-полю (июнь 813). Имп. Михаил I был вынужден отречься от престола в пользу стратига фемы Анатолик *Льва V Армянина* (813–820) и вместе с семьей принял монашеский постриг. Тем временем Крум подступил к К-полю; во время встречи имп. Льва с ханом византийцы безуспешно попытались убить Крума. Не имея сил для штурма столицы империи, болгары захватили Адрианополь и увели в рабство все население. От дальнейших испытаний Византию спасла лишь смерть Крума (весна 814). Его преемник хан Омуртаг был разбит Львом при Месемврии (816) и заключил мир с империей на 30 лет.

IV. Второе иконоборчество (814–842). Лев V был не только удачливым полководцем, но и ревностным иконоборцем, к-рый видел в постигших империю военных катастрофах кару за восстановление «идолопоклонства». Указ об уничтожении икон (814) и осудивший иконопочитание Собор в храме Св. Софии (815) положили начало т. н. второму иконоборческому периоду. Лев V был убит в 820 г. в результате заговора, во главе к-рого стоял его бывш. соратник *Михаил II Травл* (820–829), основатель Аморийской династии. Церковную политику Михаила II можно охарактеризовать как умеренное иконоборчество. Захватив власть, новый император был вынужден отстаивать ее в борьбе с движением Фомы Славянина (820–823), к-рый был провозглашен императором в вост. приграничье империи и при поддержке халифа аль-Мамуна коронован в Антиохии Патриархом Иовом. В то же время Фома добился широкой поддержки, объявив себя защитником иконопочитания и начав сокращение налогов на подчинившихся ему территориях. В 821–822 гг. он дважды осаждал К-поль, но был разбит в боях с болгарами хана Омуртага и войсками имп. Михаила II.

Имп. Лев V. Фоллис

В тот период империя вновь испытала сильное военное давление со стороны мусульман. В 825 г. араб. переселенцы из Испании внезапно захватили о-в Крит, превратив его в базу для своих пиратских рейдов; в 827 г. африкан. арабы вторглись на Сицилию и постепенно овладели крепостями и городами, в т. ч. Палермо (831). После захвата Крита арабы начали регулярные пиратские рейды по всему Эгейскому м., разбив визант. флот у о-ва Тасос (829). В Анатолии имп. *Феофил* (829–842) вступил в противоборство с халифом аль-Мамуном и его преемником аль-Мутасимом. В 831 г.

Имп. Феофил. Номисма (аверс, реверс)

византийцам удалось захватить крепость Тарс в Киликии. Арабы укрепили пограничную крепость Тиана в Каппадокии, сделав ее базой для вторжений во внутренние районы Анатолии. В 837 г. Феофил во главе большой армии, пользуясь войной халифа с повстанцами Бабека, совершил победоносную экспедицию в область Евфрата, что стало поводом для триумфа в К-поле. В следующем году халиф аль-Мутасим лично возглавил вторжение в Византию; имп. Феофил был разбит на равнине Дазимон (фема Армениак), после чего были захвачены и разрушены крупнейшие визант. крепости в центре М. Азии — Анкира и Аморий, родной город имп. династии (см. ст. *Аморийские мученики*). Мирные переговоры в 841 г. не привели к к.-л. соглашению.

Усиление гонений против иконопочитателей при имп. Феофиле стало последним всплеском иконоборчества; после катастрофы 838 г. были окончательно развенчаны представления о связи этой доктрины с военными успехами империи, сложившиеся в военных кругах со времен Исаврийской династии. Иконопочитание, несмотря на политику новых императоров-иконоборцев, было широко распространено в обществе и тайно сохранялось в правящей семье. Вскоре после смерти имп. Феофила его вдова св. *Феодора* возглавила правительство при малолетнем имп. *Михаиле III* (842–867). Патриарх Иоанн Грамматик, воспитатель Феофила и идеолог иконоборчества, был низложен и сослан; К-польскую кафедру занял свт. *Мефодий*. 11 марта 843 г. Феодора созвала Поместный Собор в К-поле, на к-ром были подтверждены решения VII Вселенского Собора о восстановлении иконопочитания. Это событие, воспринятое как окончательная победа над последней грозной ересью, празднуется с тех пор в правосл. Церкви как Торжество Православия.

Иконопочитание в семье имп. Феофила. Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII–XIII вв. (Matrit. gr. 26–2. Fol. 44v)

V. Правление Македонской династии (867–1056) традиционно считается эпохой «классической» Византии. Политика августы св. Феодоры и ее министра патрикия Феоктиста, несмотря на общее согласие с восстановлением иконопочитания, вызывала недовольство в военных кругах. Это привело к убийству Феоктиста (855) и отстранению св. Феодоры (856); во главе правительства встал юный имп. Михаил III, но реальная власть перешла к его дяде Варде, брату Феодоры. Патриарх свт. Игнатий, сторонник императрицы, в 858 г. был смещен с престола и сослан. На его место был поставлен свт. *Фотий*. В дальнейшем противостояние Патриархов Игнатия и Фотия вылилось во внутрицерковный конфликт, к-рый растянулся более чем на полвека и был осложнен вмешательством в него Римских пап. Несмотря на достаточно уверенное правление в течение ряда лет, возрождение высшей школы в столице (т. н. университет в Магнавре), ряд успехов в борьбе с арабами на Востоке, миссионерскую активность, правление Михаила III и Варды оказалось непрочным. Один из приближенных Михаила III, Василий Македонянин, при помощи интриг устранил кесаря Варду, был провозглашен соправителем Михаила (866), а затем в результате дворцового заговора ликвидировал и самого императора. Став единоличным правителем, *Василий I Македонянин* (867–886) вернул Патриарший престол Игнатию, чем, с одной стороны, уладил конфликт с папой, а с другой — обеспечил себе поддержку широких слоев населения, поскольку гонимый Игнатий пользовался у них большой популярностью. Безродный и не получивший образования «выскочка» Василий проявил себя как выдающийся политик, сумев сплотить вокруг себя много способных сотрудников (в т. ч. возвращенного им из ссылки Фотия, к-рый был сделан наставником имп. сыновей), и как основатель династии обеспечил твердое преемство управления В. и.

Нек-рые важные черты новой эпохи проявились еще в период правления Феодоры и Михаила III. Во время первого Патриаршества Фотия (858–867) началась миссия святых Константина–Кирилла и Мефодия в Моравию, активно распространялось христианство в Болгарии, произошло первое Крещение Руси. От жесткого противостояния с «варварами» империя перешла к приобщению их к христианству и «ромейской» культуре. Несмотря на фактическую неудачу моравской миссии и на дальнейшие сложности во взаимоотношениях Византии с Болгарией, Сербией и др. новыми христ. странами, этот поворот сер. IX в. сыграл определяющую роль в дальнейшей многовековой истории правосл. Европы.

Церковная политика Василия I была обусловлена желанием сохранить союз с папой. С этой целью в К-поле был созван Собор (869–870), осудивший Фотия (якобы неканонично поставленного на Патриаршество) и полностью восстановивший церковное общение Рима и К-поля. После кончины Игнатия Фотий вновь занял Патриарший престол и примирился с Римом на К-польском Соборе в храме Св. Софии (879–880). Однако папские ожидания уступок со стороны императора в спорных вопросах не оправдались: Василий сумел закрепить за К-полем церковную юрисдикцию над Болгарской Церковью и Иллирийским диоцезом.

Торжество Православия в 843 г. стало основой для окончательного оформления В. и. как моноконфессионального общества, в к-ром прежние разногласия сведены до уровня маргинальных сект. Императоры большие усилия тратили на борьбу с неправосл. группировками, среди к-рых наиболее значительной были павликиане, распространенные в приграничных с Арменией и халифатом вост. районах. Противодействие им вылилось в неск. крупных военных кампаний; в 872 г. был захвачен главный центр распространения ереси — крепость Тефрика. Во 2-й пол. IX–X в. неоднократно проводились мероприятия по Крещению иудеев.

В сознании современников Македонской династии империя как госво, его правовые нормы, традиции и даже особенности бытовой культуры воспринимались как идеальные, установленные свыше, напрямую соотнесенные с религ. ценностями. В связи с этим получила дополнительное подтверждение одна из основ имперской политической идеологии: подчеркивание исклю-

чительности В. и. в мире, ее главенствующей роли в судьбах христ. ойкумены. Лишь отчасти эти притязания были обусловлены соперничеством с Зап. империей Каролингов и Оттонов, но гл. обр. они стали результатом внутренней эволюции визант. общества на фоне общехрист. представлений о 4 мировых империях (толкования на Книгу пророка Даниила и Откровение Иоанна Богослова). Представление о неразрывной связи империи и Православия сделало основным направлением гос. политики В. и. оформление победы иконопочитания через создание произведений искусства, к-рые должны были служить прославлению правой веры и утвердившей ее имп. власти. С этим связано создание новых иконографических программ важнейших храмов, в т. ч. Св. Софии. Частью имперской идеологии стало проявление особого внимания к репрезентативной функции власти, к придворному церемониалу. При Василии I и его сыне Льве VI была проведена масштабная работа по созданию законодательного корпуса на основе свода Юстиниана I, к-рый был призван заменить иконоборческую «Эклогу» (т. н. программа «Очищения древних законов» — см. статьи *Анакатарсис; Василики; Исагога; Прохирон*).

Правление имп. *Льва VI Мудрого* (886–912), в целом успешно продолжавшего политику своего отца, было омрачено династическим кризисом, вылившимся в противостояние императора и Патриарха. Ни Лев VI, ни его брат Александр не имели сыновей, что ставило под угрозу

Богоматерь коронует имп. Льва VI. Резьба. 886–912 гг. (Berl. MSBK)

династию; лишь 4-я супруга Льва, Зоя Карвонопсина, родила ему сына Константина. Однако 4-й брак был явным нарушением канонических норм, утвержденных ранее самим же Львом VI, что ставило под сомнение легитимность долгожданного наследника. Вопрос о 4-м браке имп. Льва вызвал новый длительный раскол в обществе, к-рый был преодолен К-польским Собором 920, издавшим «Томос единения».

После краткого правления имп. *Александра* (912–913) власть перешла к регентскому совету, правившему от имени юного *Константина VII Багрянородного* (913–959). Разногласия и интриги среди членов совета привели к политическому кризису, обострившемуся из-за войны с Симеоном Болгарским, к-рый в тот период угрожал захватом К-поля. В результате военного переворота к власти пришел флотоводец *Роман I Лакапин* (919–944), к-рый выдал свою дочь за Константина VII и был объявлен императором-соправителем. Роману удалось договориться с Симеоном, признав за ним и его наследником имп. (царский) титул. Вскоре Роман Лакапин приобщил к правлению 3 старших сыновей, а младшего Феофилакта сделал К-польским Патриархом (поставление было осуществлено в 933 приглашенными из Рима посланцами папы). В 944 г. сыновья Романа свергли и отправили в ссылку отца, однако сами не смогли удержать власть, к-рая перешла к «багрянородному» (т. е. рожденному в имп. покоях) императору — Константину VII (944/5), до этого долгое время имевшему лишь символическую власть. Новый император большое внимание уделял укреплению престижа гос-ва. При его непосредственном участии проводились исторические разыскания в области придворного этикета, гос. устройства, дипломатии.

Св. Александр благословляет имп. Александра. Номисма

С эпохой Македонской династии связан культурный расцвет Византии, условно называемый «Македонским ренессансом». Усилиями императоров и придворных писателей IX–X вв. создавался особый образ идеального императора (два таких Поучения приписываются основателю династии Василию I). В офиц. жизнеописании (приписываемом Константину VII) сам *Василий Македонянин* предстал в облике идеального богоизбранного и родовитого правителя, спасителя и благодетеля гос-ва, христолюбивого ревнителя веры. В составленном по указанию того же Константина анонимном историческом сочинении (т. н. Хроника Продолжателя Феофана) подчеркивались отрицательные черты предшественников Василия на троне. В истории Македонской династии важное место занимало

Иисус Христос и имп. Константин VII Багрянородный. Номисма (аверс, реверс)

покровительство двора развитию культуры и творчества; литераторы и ученые вели работу от имени и совместно с венценосцами. Еще в IX в. лит. и научная деятельность свт. Фотия и его учеников во многом предопределила дальнейшее развитие культурной элиты империи. Одной из черт эпохи становится своеобразный «энциклопедизм» — собирание всевозможных сведений по различным областям знаний и изложение их в обобщающих трактатах. Такова «Библиотека» («Тысячекнижие») свт. Фотия, различные лексиконы, среди к-рых компендиум «Суда», трактаты по военному искусству, дипломатии. При дворе Константина Багрянородного были составлены сочинения «Об управлении империей», «О церемониях императорского двора», «О фемах» и мн. др. Задачам обобщения служил труд Симеона Метафраста по сбору и лит. обработке житий святых.

В сер. IX — сер. X в. продолжалась борьба с мусульманами в Анатолии и на Средиземном м., с болгарами и др. слав. народами на Балканах. Свидетельством законности и богоугодности императора считались его победы над врагами, и для имп. Василия I крайне важно было использовать этот фактор для укрепления легитимности своей власти. Василий I неоднократно лично руководил кампаниями и праздновал триумфы в честь побед в К-поле, хотя военные успехи Византии до сер. X в. были весьма скромными (в 30-х гг. X в. была отвоевана у арабов Мелитина). Для укрепления своего положения в 80-х гг. IX в. византийцы заключили и поддерживали союз с царем Армении Ашотом Багратуни и его наследниками. Формально война на Востоке велась постоянно, но, как правило, стороны ограничивались набегами и стычками небольших приграничных отрядов; регулярно происходили обмены пленными и контакты К-поля и Багдада через посольства. Стремление Византии и арабов к проведению крупных военных акций в основном диктовалось внутриполитическими причинами. Военные успехи Романа I и его дипломатические контакты с халифатом позволили в 943 г. договориться о переносе из Эдессы в К-поль особо чтимой реликвии — Нерукотворного образа Спасителя.

Наибольшую угрозу для империи к нач. X в., несмотря на христианизацию и длительный период мирных отношений с Византией, представляла Болгария. С нач. 90-х гг. IX в. до 927 г. между этими странами шли широкомасштабные военные действия (с перерывом в 904–913). Симеон Болгарский объявил себя «василевсом болгар и ромеев» и претендовал на захват К-поля. Он неск. раз нанес поражения визант. армии во Фракии (896, 917, 921); в 20-х гг. X в. болгары захватили Адрианополь, Месемврию и Ираклию Фракийскую. К-поль постоянно находился под угрозой осады, мирные переговоры неоднократно срывались. Однако сразу после смерти Симеона (927) война завершилась. На престол в Преславе взошел сын Симеона Петр, получивший в жены внучку имп. Романа I; надолго были восстановлены дружественные отношения стран, и империи были возвращены почти все завоевания болгар. В ходе болг. войны были установлены дипломатические контакты империи с серб. княжествами (в 917 — союз с жупаном приморской Сербии Петром Гойниковичем) и с венграми, в 90-х гг. IX в. переселившимися из Сев. Причерноморья на Ср. Дунай и выступавшими союзниками Византии против Болгарии.

На этот же период приходится пик араб. господства на Средиземном м. Завершилось завоевание Сицилии африкан. арабами: в 878 г. пали Сиракузы, а к нач. X в. и остальные визант. владения на острове. Из Сицилии арабы начали экспансию в Юж. Италию; овладев Тарентом и Бари (847), они образовали здесь свой султанат; морским набегам подвергались города Италии (включая Рим в 846) и Юж. Франции. Однако союз Византии с франк. имп. Людовиком II, сложившийся в кон. 60-х гг., позволил остановить волну араб. нашествия. В 871 г. совместными действиями франк. войск и визант. флота Бари был освобожден, после чего мусульм. владения в Италии стали сокращаться. В Вост. Средиземноморье крупнейшей акцией византийцев стала атака с моря крупной егип. крепости Дамиетта в 853 г. Однако имп. флот не мог установить контроль над морскими коммуникациями, пока араб. пираты имели неприступную базу на Крите. Экспедиции, неоднократно направлявшиеся на завоевание острова, срывались или заканчивались поражениями (в 826, 843, 866, 902–904, 910, 949); в 904 г. арабы напали на Фессалонику и разграбили второй по значению город империи.

Особые отношения складывались у В. и. с Русью (см. разд. «Византия и Русь»).

С сер. X в. в жизни империи все большую роль играли военные; армия, возглавляемая неск. стратигами крупных фем, подчинялась им часто не по причине их назначения из К-поля, а в силу установления личных связей между начальствующими и подчиненными. Полководцы были не только командирами на службе у императора, но и влиятельными политическими лидерами отдельных областей империи, где они, как правило, имели крупную земельную собственность и родственные связи. Императоры Македонской династии все больше времени проводили в столице, сосредоточив внимание на адм. управлении. В сер. X в. династия оказалась в достаточно сложном положении, поскольку, обладая значительным авторитетом и неоспоримой легитимностью, она должна была строить взаимоотношения с новой политической силой — организованной военной элитой фем.

В правление сына Константина VII, имп. Романа II (959–963), войска во главе с Никифором Фокой наконец захватили Крит (960–961). Это было несомненным успехом, сразу изменившим соотношение сил на море в пользу Византии. После скоропостижной смерти имп. Романа победоносный *Никифор II Фока* (963–969) был провозглашен императором и вступил в К-поль, приняв

Императоры Никифор II и Василий II. Гистамен

Императоры Василий II и Константин VIII. Гистамен

власть в качестве соправителя и опекуна малолетних сыновей Романа II — Василия и Константина. С этого времени власть в империи перешла в руки сменявших друг друга, соперничавших военных кланов. В 969 г. имп. Никифор Фока был убит полководцем *Иоанном I Цимисхием* (969–976), сохранявшим лояльность в отношении Македонской династии. После его смерти против *Василия II Болгаробойцы* (976–1025) поднимали мятежи полководцы Варда Склир (976–979) и Варда Фока (987–989).

Триумф Иоанна I Цимисхия в К-поле. Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII в. (Matrit. gr. 26–2. Fol. 172v)

2-я пол. X в. отмечена значительной активизацией внешней политики В. и. Отвоевав Киликию (964–965), визант. войска вступили в Сирию и в 969 г. после длительной осады овладели Антиохией. Флот, отправленный на Сицилию, в 964–965 гг. отбил у арабов Сиракузы и большую часть острова, но удержать победу не удалось. Болгарам было отказано в выплате дани, и в 967 г. началась война. Имп. Никифор II обратился за помощью к рус. кн. Святославу, и тот разгромил Вост. Болгарию. При имп. Иоанне Цимисхии успехи кн. Святослава в Болгарии заставили В. и. вступить с ним в войну, и с большим трудом Иоанну удалось вытеснить русских из Болгарии (969–971). Вслед за этим на Востоке были отвоеваны Сев. Месопотамия (972) и значительная часть Сирии (974–975), зависимость от империи признал эмир Халеба (Алеппо). Имп. Иоанн Цимисхий готовился к походу на Иерусалим, но внезапно умер, не осуществив своих планов.

Главным направлением деятельности нового имп. Василия II стала Болгария, где возникло мощное антивизант. движение во главе с царем Самуилом, к-рое вылилось в многолетнюю жестокую войну. Поначалу успех сопутствовал болгарам: в 986 г. они разгромили Василия II в Ихтиманском ущелье. Однако, несмотря на все трудности, император постепенно захватывал балканские крепости, выселял слав. население из занятых районов в Анатолию. Наконец в 1014 г. в битве в ущелье Кимвалонге (Родопы) он уничтожил основные силы болг. войска, после чего организованное сопротивление прекратилось. В 1018 г. состоялся торжественный въезд имп. Василия в болг. столицу Охрид. Теперь сев. граница империи вновь, как и в VI в., проходила по Дунаю. Но многолетняя война привела к разорению Балкан и во многом к истощению военного потенциала империи.

В Сирии происходили эпизодические столкновения; к нач. XI в. византийцы потеряли влияние в Халебе. В 1000 и 1021–1022 гг. Василий II совершил крупные походы в Армению, в результате к-рых к империи были присоединены неск. областей, в т. ч. Тайк и Васпуракан; большинство правителей этого региона признали верховную власть императора.

На фоне успехов X в. в В. и. развивались социальные процессы, к-рые вскоре привели гос-во к тяжелому кризису. Одновременно с разорением мелкого свободного крестьянства, бывшего опорой фемного войска, происходила постепенная концентрация земельных и прочих владений в руках крупных собственников — динатов. Образовавшиеся военные кланы содержали вооруженную дружину («этерии»), раздавали земли в обмен на военную службу. Происходило закрепощение крестьян, общины стали зависеть от динатов. Все эти процессы привели к феодализации общества. На смену фемному стратиотскому ополчению постепенно пришла профессиональная армия. Защищая интересы гос-ва, императоры в X в. стремились ограничить процесс разорения средних и мелких хозяйств. В 922, 934, 947 и 996 гг. издавались законы против динатов, обязывавшие их вернуть земли прежним владельцам на тех или иных условиях. На нек-рое время процесс удавалось приостановить; в период жесткого единоличного правления имп. Василия II влияние военно-феодальной аристократии почти сошло на нет, однако гос-во само зависело от динатов и в определенной мере было заинтересовано в их могуществе. Развитие военной технологии требовало все более дорогой экипировки и длительного индивидуального обучения воинов-профессионалов. Прежнее фемное войско уже не могло обеспечить эффективного проведения военных кампаний.

VI. Кризис XI в. Формально концом Македонской династии считается 1056 г., когда умерла последняя ее представительница на троне — имп. Феодора. Однако упадок династии, а с ней и всего гос-ва начался уже после смерти имп. Василия II Болгаробойцы (1025). Ни один из его многочисленных преемников не сумел создать прочной системы власти, что в результате привело к постепенному нарастанию внутренних и внешних проблем, к-рые отчасти проявились уже в правление Василия II, но сдерживались его твердой политикой. Власть в империи на неск. десятилетий перешла к к-польской чиновничьей элите. Первоначально эта группировка сформировалась вокруг имп. *Константина VIII* (1025–1028), бывшего в течение полувека номинальным соправителем своего брата Василия II. Преемниками Константина VIII, не оставившего муж. потомства, стали бывш. чиновники: эконом и синклитик *Роман III Аргир* (1028–1034), младший брат влия-

Богоматерь коронует имп. Романа III. Гистамен

тельного препозита Иоанна Орфанотрофа *Михаил IV Пафлагонец* (1034–1041), их племянник *Михаил V Калафат* (1041–1042), сын верховного судьи *Константин IX Мономах*

Имп. Константин IX Мономах. Гистамен

(1042–1055). Легитимность правления обеспечивалась их браками с порфирородной царевной Зоей, дочерью Константина VIII (для Михаила V — усыновлением).

К сер. XI в. наиболее влиятельными в гос-ве стали феодальные кланы Комнинов, Дук, Кондостефанов, Катакалонов, Мелиссинов, Врие-ниев, Палеологов и др. Их представители, обладая обширными земельными владениями, занимали ключевые посты в провинциальной администрации и армии. Первой серьезной попыткой захвата власти одним из военных кланов был мятеж Георгия Маниака (1042–1043). Сделав блестящую карьеру на Востоке и в Италии, он, оказавшись жертвой политических интриг, выступил с войском своих родственников и «клиентов» против Константина Мономаха. В сражении под Фессалоникой Маниак одержал победу над правительственной армией, но случайно был убит.

Имп. *Михаил VI* (1056–1057), ставленник августы Феодоры (1055–1056), после смерти своей покровительницы утратил легитимность. Комнины подняли мятеж в М. Азии и привели под стены столицы большую часть войск анатолийских фем. Михаил VI отрекся от престола в пользу *Исаака I Комнина* (1057–1059), однако политического авторитета Комнинов и их союзников пока еще было недостаточно для удержания власти, поэтому был заключен союз с фамилией Дук, одной из знатнейших в империи (они возводили свой род к Константину Великому). Константин Дука был провозглашен кесарем, соправителем и фактически наследником Исаака I. Когда тот из-за болезни отрекся от престола, *Константин X Дука* (1059–1067) стал новым императором, положив начало почти 20-летнему периоду правления своей династии. В правление Дук императоры не просто устанавливали династическую преемственность власти, но и назначали ближайших родственников на все ключевые посты в гос. аппарате.

Имп. Исаак I Комнин. Гистамен

Христос коронует имп. Константина X Дуку с супругой Евдокией. Реликварий. 1059–1067 гг. (ГММИ)

Внешним фактором кризиса в Византии со 2-й пол. XI в. стало резкое обострение международной обстановки на Ближ. Востоке и в Вост. Европе. Наиболее серьезной угрозой была очередная волна миграций кочевых тюркских народов евразийской степи: сельджуков, печенегов, узов, куман (половцев). В 1048 г. сельджукский полководец Ибрагим Инал вторгся в Закавказье и разграбил Эрзерум. В 1054 г. султан Тогрул-бек осаждал Манцикерт. С этого времени отряды сельджуков постоянно находились на территории вост. фем и большинство арм. и груз. правителей признали вассальную зависимость от Сельджукского султаната. В 60-х гг. сельджукские отряды достигали Галатии и Фригии. Были захвачены и разграблены Севастия (1059), Ани (1065), Кесария (1067), Аморий (1068), Иконий (1069), Хоны (1070). Попытку организовать сопротивление предпринял имп. *Роман IV Диоген* (1068–1071), второй муж вдовствующей имп. Евдокии, но в решающей битве с войсками султана Алп-Арслана при Манцикерте (26 авг. 1071) он потерпел поражение и попал в плен. Дуки отмежевались от Романа Диогена (к-рый был отпущен султаном), объявив его низложенным; началась гражданская война (1071–1072), Роман был побежден и ослеплен. Этот конфликт стал первым в череде гражданских войн, потрясавших империю в течение следующего десятилетия, в к-рых приняли участие все наиболее видные военно-феодальные кланы. Мятежи против *Михаила VII Дуки* (1071–1078) поднимали кесарь Иоанн Дука и предводитель норманнских наемников Урсель (Русель), полководцы Никифор Вотаниат на Востоке и Никифор Вриенний на Балканах. Дукам удалось договориться с Вотаниатом и ценой отречения Михаила VII сохранить свое положение.

Христос коронует имп. Михаила VII Дуку с супругой Марией. Хахульский триптих. XI в. (Гос. музей искусств Грузии. Тбилиси). Фрагмент

В годы правления *Никифора III Вотаниата* (1078–1081) внутриполитическая ситуация в империи представляла собой полный хаос. С помощью Комнинов Вотаниат и Дуки добились разгрома военных мятежей Никифора Вриенния и Никифора Василаки на Балканах (1078), однако в том же году против Вотаниата поднял восстание Константин Дука, брат свергнутого имп. Михаила VII. Никифор Вотаниат

Имп. Никифор III с придворными. Миниатюра из рукописи гомилий Иоанна Златоуста. 1071–1081 гг. К-поль (Paris. Coslin 79. Fol. 2r)

неск. укрепил свое положение, женившись на августе Марии Аланской, бывш. жене Михаила VII, тем самым претендуя на вступление в клан Дук (1079). Но в кон. 1080 г. в Анатолии Никифор Мелиссин поднял против него новый мятеж.

В годы гражданских войн произошло оформление династичес-

кого союза, сыгравшего решающую роль в выходе Византии из кризиса. В 1078 г. был заключен брак между Алексеем Комнином, племянником имп. Исаака I, и Ириной Дукеной, внучкой кесаря Иоанна Дуки. В следующем году Алексей занял пост вел. доместика схол и проявил себя как талантливый полководец. В нач. 1081 г. против непопулярного имп. Никифора Вотаниата был поднят очередной мятеж военачальников, к-рый возглавил кесарь Иоанн Дука. К нему вскоре присоединились Комнины, и общим согласием представителей этих знатных фамилий было решено провозгласить Алексея императором. В апр. 1081 г. войска Дук и Комнинов вошли в К-поль, подвергнув столицу частичному разграблению. С воцарением *Алексея I Комнина* (1081–1118) многолетняя борьба за престол завершилась.

На фоне гражданских войн в 70-х гг. продолжалось нашествие сельджуков. Разбив основные военные силы империи при Манцикерте (1071), сельджуки в течение неск. лет захватили почти всю территорию М. Азии и Сирии. К началу правления Алексея I Комнина под властью византийцев в Азии находилось неск. приморских портов с окрестностями: Трапезунд, Синоп, Амастрида, Никомидия, Атталия и нек-рые др.,— и это положение не менялось до начала 1-го крестового похода (1097). За короткий период времени империя лишилась огромного региона. Утрата М. Азии стала непоправимым ударом, несмотря на то что в XII–XIII вв. византийцам удалось отвоевать часть ее территории.

В эти же годы усилился натиск на дунайскую границу со стороны печенегов, к-рых из Сев. Причерноморья вытесняли куманы и узы. В 1048–1053 гг. на Балканы совершили крупный набег печенежские ханы Кеген и Тирах. Печенеги разгромили визант. войска в ряде сражений, и имп. Константин Мономах был вынужден откупиться. В 1059 г. имп. Исаак Комнин вновь вел кампанию против печенегов, на этот раз победоносно. В 1065 и 1073 гг. племена узов переходили Дунай и опустошали страну. Кульминацией борьбы на Балканах в этот период стала тяжелейшая война 1086–1091 гг., к-рую вел имп. Алексей I Комнин против союза печенегов и куман, поддержанных венграми. Первоначально византийцы не сумели сдержать вторжение на дунайской границе; войска Алексея потерпели поражение при Доростоле (1088), и в 1090–1091 гг. печенеги угрожали К-полю. Однако Алексей разрушил союз печенегов и куман и с помощью последних одержал решающую победу над печенегами в битве при Эносе (1091), после к-рой византийцы устроили резню пленных кочевников.

В Юж. Италии, находившейся под управлением визант. администрации, с 30-х гг. XI в. большое влияние приобрели норманны. Первоначально их дружины нанимались на службу к тем или иным местным правителям, но постепенно неск. норманнских фамилий приобрели собственные феодальные владения и стали претендовать на господство в регионе. В условиях упадка центральной власти Византия не сумела защитить свои позиции, и к кон. 60-х гг. норманны контролировали уже почти всю Юж. Италию. Среди них особенным влиянием пользовался *Роберт Гвискар,* к-рый в 1071 г. овладел Бари — последним визант. владением в Италии. В 70-х гг. Гвискар обручил одну из своих дочерей с Константином Дукой, сыном имп. Михаила VII (1076). Свадьба не состоялась из-за свержения Михаила, но Гвискар заявил претензии на имп. престол. В 1081–1085 гг. он по благословению папы *Григория VII* вел «священную войну» против имп. Алексея Комнина, одержал ряд побед и захватил Диррахий. Однако норманны не сумели сохранить завоеванное и после смерти Гвискара вывели свои войска с Балкан (1085).

В XI в. новой угрозой для В. и. стал рост активности в Вост. Средиземноморье со стороны западноевроп. стран, тем более что это направление визант. политики всегда было одним из самых спокойных. Борьба с новыми врагами вынудила Византию искать новых союзников в самой Европе, и уже в последних десятилетиях XI в. помощь империи оказывали флоты итальянских морских республик Венеции и Пизы, получивших от императора особые привилегии в торговых делах.

VII. Эпоха Комнинов. С 1081 г. в течение 100 лет визант. престол занимали 3 правителя из династии Комнинов: Алексей I (1081–1118), Иоанн II (1118–1143) и Мануил I (1143–1180). Им удалось обеспечить стабильность внутриполитического положения страны и ее развитие в самых разных областях жизни. Власть этой династии первоначально выглядела как совместное правление целой группы военно-

Иисус Христос благословляет имп. Алексея I Комнина. Миниатюра. 1081–1118 гг. (Б-ка Ватикана)

аристократических фамилий. Супругой Алексея была Ирина Дукена; соправителем и наследником Алексея считался Константин Дука, порфирородный сын имп. Михаила VII, за к-рого предполагалось выдать старшую дочь Алексея Анну. Титул кесаря получил Никифор Мелиссин; ряд ключевых постов достался Палеологам. Все это обеспечило устойчивость власти в первые годы правления Алексея Комнина и способствовало прекращению гражданских войн.

Предпосылкой стабильности власти новой династии стала политика формирования фамильных связей и династические браки с др. влиятельными родами. Правящий клан постепенно расширялся, в него входили новые члены и семьи, у императоров появлялось все больше возможностей контролировать важные посты в гос-ве, назначая на них своих родственников. При имп. Алексее были введены новые титулы для высших чинов гос-ва — ближайших членов его семьи. Во дворце постепенно падало значение Дук. В сер. XII в. в офиц. энкомиях фамилии Комнинов и Дук еще называются вместе, они считаются одной семьей, но реальное значение Дуки теряют. Подобным образом правящим кланом были постепенно поглощены и др. видные фамилии (Кондостефаны, Мелиссины). Благодаря родству с Комнинами возвышались новые фамилии (Палеологи, Ватацы,

Враны, Кантакузины, Ангелы), сыгравшие впосл. важную роль в истории Византии. Когда на престол взошел *Иоанн II Комнин*, старший сын Алексея I, против него возник заговор во главе с его сестрой *Анной*

Богоматерь коронует имп. Иоанна II Комнина. Монета

Комниной, но ее попытка выдвинуть на престол своего мужа, кесаря Никифора Вриенния, закончилась неудачей.

В течение столетия после прихода к власти Алексея Комнина правящий клан почти полностью монополизировал управление империей. Прежние группировки столичного чиновничества практически исчезли; возможность занимать высшие посты в центральном и местном управлении полностью зависела от родственных связей. В то же время слишком многочисленный клан стал внутренне разобщенным, и в событиях кон. XII в. проявилась его нежизнеспособность.

Главной целью внутренней политики Комнинов оставалась мобилизация сил для противостояния внешним опасностям, поскольку положение империи определялось прежде всего военными факторами. В 1081–1082 гг. для формирования новых войск Алексей I провел конфискацию церковных сокровищ из храмов и мон-рей К-поля. Вскоре император вернул изъятые ценности, но эта акция вызвала резкое противодействие со стороны церковной иерархии и части общества. Наиболее решительным противником Алексея выступал митрополит Халкидонский Лев, к-рый обвинил императора в «иконоборчестве» и требовал соборного рассмотрения дела. Большинство клира не поддержало Льва, и через неск. лет он был смещен. Одной из важнейших задач правительства стало упорядочение деятельности светских ученых. Отдельные течения и группировки были признаны опасными, и уже в 1082 г. состоялся судебный процесс над философом *Иоанном Италом*, к-рый был осужден за увлечение платонизмом и язычеством. Неоднократно проводились кампании по искоренению богомильства на Балканах; имп. Алексей лично вел диспуты с их лидерами, а ок. 1110 г. был проведен церковный Собор в К-поле, на к-ром были осуждены учения мессалиан, богомилов и «всех прочих еретиков». Один из вождей богомилов, *Василий*, был сожжен на костре (исключительный случай в истории Византии).

Коренные перемены в положении на Ближ. Востоке и вокруг Византии произошли после начала 1-го крестового похода. Войска западноевроп. рыцарей появились под К-полем в кон. 1096 г., а весной 1097 г. крестоносцы и византийцы начали совместную кампанию против сельджуков в Анатолии. Несмотря на многочисленные конфликты между населением империи и рыцарями, Алексею I удалось заключить союз с предводителями крестового похода и добиться от них вассальной присяги на владение всеми землями на Востоке, к-рые они смогут завоевать. До кон. 1097 г. византийцы и крестоносцы действовали совместно, но затем произошел разрыв, и визант. войска были отозваны из осадного лагеря под Антиохией. Воспользовавшись разгромом сельджуков, в 1097–1099 гг. византийцы вернули себе значительную часть ранее утраченных территорий в Анатолии. Были освобождены Никея, Смирна, области Вифинии, Асии, Фригии, Ликии, Памфилии, Пафлагонии. Сельджукские владения были более чем на столетие ограничены центральной частью М. Азии. В 1097 г. крестоносцы временно захватили Иконий. В 1101 г. византийцы организовали поход в Вост. Анатолию крестоносного войска графов Раймунда Сен-Жиля, Гильома Неверского и Гильома де Пуатье. Крестоносцы овладели Анкирой, но в битве при Амасии были разгромлены и потеряли все завоевания. Главным достижением имп. Алексея в Анатолии стал поход 1116 г., когда визант. армия разбила силы иконийского султана Масуда, осаждала Иконий, но решающего успеха не добилась, и Алексей заключил договор о вассальной зависимости тюркского правителя от К-поля.

Дальнейшая борьба в М. Азии велась с переменным успехом. В кон. XI в. здесь сформировались 2 мусульм. гос-ва: султанат наследников сельджукида Сулеймана со столицей в Иконии и владения династии Данишмандидов в Каппадокии. В 30–40-х гг. имп. Иоанн II Комнин вел против этой династии затяжную войну. Византийцы овладели крепостью Кастамон, временно удерживали Гангру, угрожали осадой Анкире и Неокесарии. Эти успехи привели к политическому кризису и упадку гос-ва Данишмандидов. В 1143–1146 и 1160 гг. имп. *Мануил I Комнин* вел войны против Иконийского султаната; ок. 1161/62 г. султан Кылыч-Арслан II прибыл для заключения мира в К-поль. Долговременное присутствие тюрок в Анатолии стало сказываться на ситуации в регионе. Кочевые группировки, зачастую неподконтрольные султанам, совершали регулярные набеги на визант. приграничные районы, вынуждая население покидать обжитые места. Тюркизация все новых территорий позволяла сельджукидам постепенно укреп-

Имп. Мануил I Комнин. Монета

лять свои позиции. В 70-х гг. XII в. Кылыч-Арслан II объединил все тюркские владения в М. Азии; образовался Румский султанат, представлявший серьезную угрозу для империи. Имп. Мануил начал войну с султаном, захватил крепость Дорилей, но во время решающего похода на Иконий его войско было окружено в горных проходах Фригии, у крепости Мириокефал, и понесло огромные потери (1176). Это поражение не внесло существенных изменений в соотношение сил в Анатолии, но было воспринято современниками как крах всей внешней политики имп. Мануила и повлияло на престиж Византии. До нач. XIII в. византийцам, несмотря на отдельные потери, удавалось в

основном удерживать позиции. Но усиление сельджуков продолжалось; принципиальные изменения в Анатолии произошли после захвата ими портовых городов Атталия (1207) и Синоп (1214).

Экономическое и военное могущество итал. морских республик сделало отношения с ними одной из важнейших проблем для Византии. Венецианцы, пизанцы и генуэзцы с кон. XI в. получали от визант. императоров особые привилегии беспошлинной торговли; их деятельность играла важную роль в общем экономическом подъеме империи в XII в. Первоначально у Комнинов сложился союз с Венецией, в то время как Пиза поддерживала крестоносцев в Св. земле. В 1118–1123 гг. имп. Иоанн II пошел на разрыв отношений с Венецией, но вскоре был вынужден вернуться к прежним соглашениям. В 1171 г. имп. Мануил использовал против Венеции союз с Пизой и Фридрихом I Барбароссой. Противостояние с перерывами продолжалось до 1185 г. и привело к росту враждебного отношения к Византии среди итал. купечества, к-рое неоднократно страдало от конфискаций и погромов.

Главным противником империи в Средиземноморье стало норманнское Сицилийское королевство. Стремление норманнов к захвату позиций на Балканах и настойчивые попытки империи восстановить свое прежнее положение в Юж. Италии привели к ряду морских войн (наиболее продолжительная в 1147–1158). Войны с Венгрией велись из-за пограничных крепостей на Дунае и позиций в Боснии и Сербии в 1127–1130, 1150–1155 и в 1166–1167 гг. В 1167 г. имп. Мануил совершил поход за Дунай и угрожал Белграду, что заставило венг. короля заключить мир, сохранивший равновесие в регионе. В 1122 и в 1140-х гг. Византии пришлось отражать крупные набеги половцев на Балканы.

Прочный союз Византии с крестоносцами не сложился. С момента разрыва с участниками 1-го крестового похода основным объектом визант. интересов стала Антиохия, занятая Боэмундом Тарентским. В 1107–1108 гг. Боэмунд предпринял вторжение из Италии на Балканы, но был блокирован у крепости Девол и вынужден заключить мир на условиях передачи Антиохии В. и. Но наследники Боэмунда не исполнили этого условия. Участники 2-го (1147–1149) и 3-го (1189–1192) крестовых походов поддерживали дружественные отношения с Византией, но на Ближ. Востоке действовали лишь в интересах крестоносных гос-в. Реальное признание роли К-поля зависело от активности самой империи. В XII в. византийцы провели в Сирии 4 крупные военные кампании, каждый раз стараясь не только упрочить союз с крестоносцами, но и навязать им вассальные отношения. В 1136–1138 гг. имп. Иоанн почти полностью захватил Киликийскую Армению, учредив там визант. дукат, и добился присяги от кн. Раймонда Антиохийского. В 1142–1143 гг. новый вост. поход византийцев был прерван из-за неожиданной смерти императора. В течение последующих 15 лет позиции империи постепенно ослабевали; армянское гос-во было восстановлено, а отношения с Антиохией стали враждебными. В 1158–1159 гг. имп. Мануил вновь захватил Киликию и добился вассальной клятвы от Антиохии. Наконец, в 1168–1169 гг., в период активных попыток крестоносцев захватить Египет, сложился союз К-поля с кор. Амальриком I Иерусалимским, к-рый женился на царевне Марии Комнине. Византийцы и крестоносцы предприняли экспедицию в Египет и осаждали Дамиетту, но не добились успеха. В 1171 г. Амальрик посетил К-поль, признав вассальный союз с империей; новая экспедиция, запланированная на 1177 г., не состоялась. В дальнейшем династический кризис в империи и быстрый рост могущества егип. султана Салах ад-Дина сделали совместные военные акции на Востоке невозможными.

После смерти императора в 1180 г. сын и наследник Мануила 11-летний *Алексей II Комнин* правил под опекой матери, Марии Антиохийской. Используя связи императрицы, двор опирался в основном на прозап. партию и союз с норманнами. Однако новая политика вызвала противодействие, к-рое возглавил двоюродный брат имп. Мануила Андроник. В 1182 г. в ходе погрома лат. кварталов в К-поле были убиты или проданы в рабство неск. тыс. человек, в основном пизанцы, генуэзцы и норманны. Обладая большой популярностью, Андроник Комнин занял место регента, а затем и соправителя; в 1183 г. Алексей II был тайно убит, и *Андроник I Комнин* стал единовластным императором. Он пытался найти поддержку у широких слоев населения и стремился порвать с традицией комниновской клановости. Среди элиты общества, династии и ее ближайших родственников были проведены аресты и казни. Во внешней политике Андроник пошел на решительную конфронтацию с Западом. В ответ на это против Византии выступила коалиция Сицилийского королевства и итал. республик; в 1185 г. норманнское войско высадилось на Балканах, захватив и разграбив Диррахий и Фессалонику.

Андроник I поставил империю в крайне тяжелое положение и сам оказался в изоляции. 12 сент. 1185 г. в К-поле произошел новый переворот, Андроник был свергнут и растерзан толпой, а престол занял *Исаак II Ангел* (1185–1195), дальний родственник комниновского дома. Программой новой династии, к-рая официально считалась продолжением Комнинов, стала попытка возрождения прежних политических традиций. В 1185 г. в сражении при Мосинополе имп. Исаак одержал победу над норманнами, вынудил их оставить Фессалонику и вскоре заключил мир с ними. Итал. купцы были вновь допущены в К-поль с прежними привилегиями. Однако преодолеть последствия династического кризиса Ангелам не удалось; система центрального управления империи в результате репрессий Андроника была обезглавлена, авторитет столицы резко упал среди провинциальных магнатов. Кипр, не признававший власти имп. Исаака Ангела, был захвачен крестоносцами (1191). В кон. 1185 г. против императора поднял мятеж Алексей Врана. В это же время началось восстание в Болгарии, к-рое вскоре вывело из-под власти империи почти все внутренние районы Балканского п-ова. Неоднократные попытки имп. Исаака и его полководцев подавить болгар оказались безуспешными. В этих условиях положение новой династии оказалось весьма шатким. Борьба за власть началась внутри дома Ангелов. В 1195 г. Исаака II сверг и ослепил его брат *Алексей III Ангел Комнин,* к-рый оказался еще менее успешным правителем (1195–1203). Сын Исаака

Алексей бежал на Запад и обратился за помощью к итал. и герм. дворам, дав европейцам повод для прямого вмешательства в дела Византии. В 1201–1202 гг. был организован 4-й крестовый поход с участием фландрских, североитал., франц. рыцарей и венецианцев, тайно направленный против Византии. Летом 1203 г. крестоносцы появились под стенами К-поля и возвели на престол *Алексея IV Ангела* и его отца Исаака II, требуя взамен уплаты колоссальной суммы. 12 апр. 1204 г. рыцари ворвались в город и разграбили его.

И. Н. Попов, Э. П. Г.

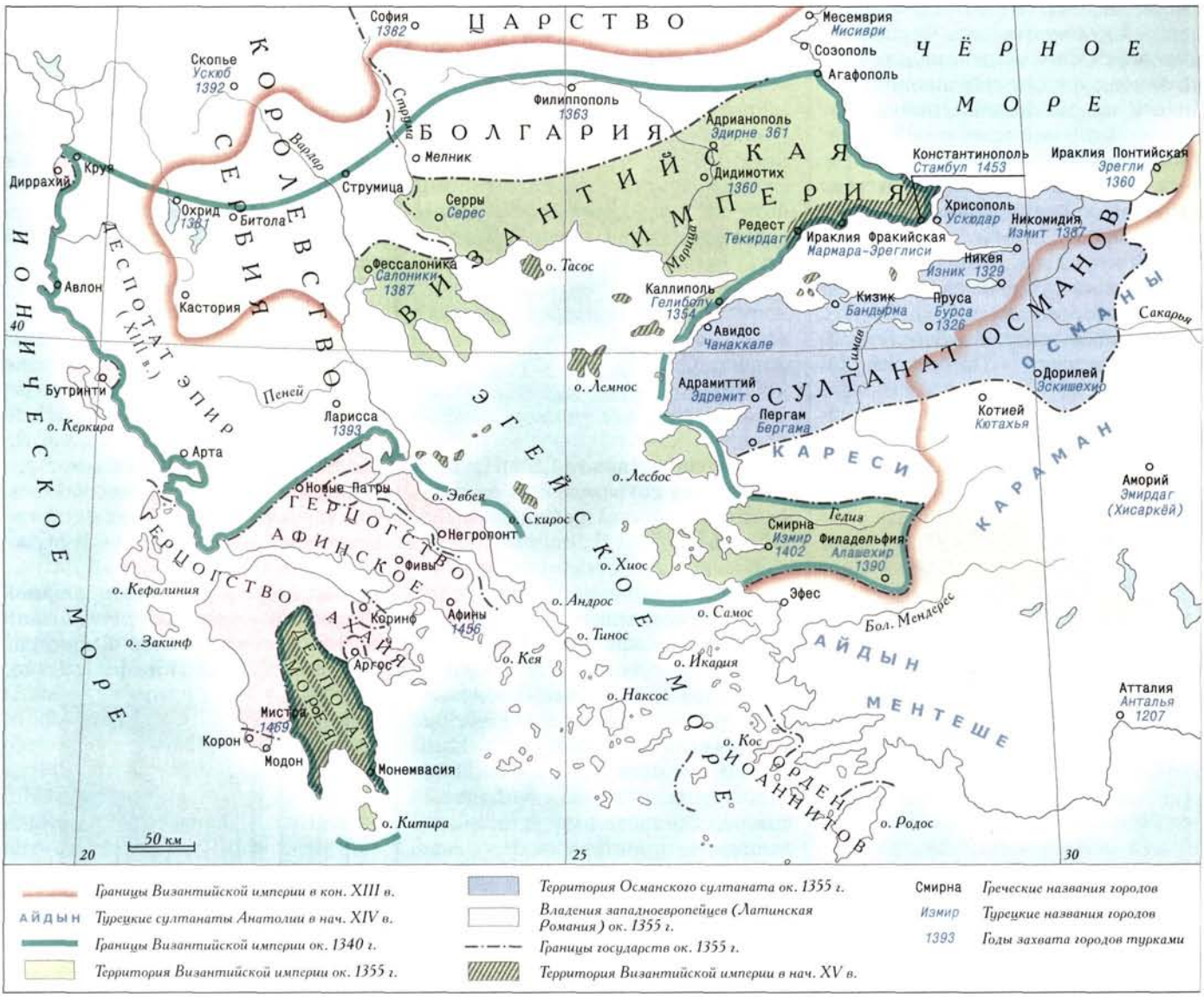
Поздневизантийский период (XIII – сер. XV в.). I. Период децентрализации империи (1204–1261). В марте 1204 г. участники 4-го крестового похода условились между собой о разделе Византии, заключив оформленный позднее пакт Partitio Romaniae. Венецианцы оговорили себе четверть и еще полчетверти завоеванной территории, включая и кварталы К-поля. После захвата К-поля 12 апр. предводители крестоносцев приступили к выбору императора. Им не стал вождь похода – решительный и энергичный маркиз *Бонифаций Монферратский*. Его усиления не хотели ни венецианцы, ни значительная часть франц. рыцарства. Корона досталась 9 мая 1204 г. графу Фландрии и Эно *Балдуину I*. Хотя формально новый государь считал себя визант. василевсом, придерживался обычаев визант. двора и присваивал греч. титулы, на руинах Византии возникло новое гос-во – *Латинская империя*, управляемая западноевроп. сеньорами и венецианцами. Западноевроп. система вассалитета была наложена на визант. адм. структуры. Лат. каноники в храме Св. Софии избрали патриархом К-польским венецианского клирика Томмазо (Фому) *Морозини*. Власть и канонические права Патриарха существенно ограничивали папские легаты, регулярно посещавшие К-поль. Находившиеся под юрисдикцией Патриархата храмы К-поля были разделены между католиками и православными. Значительная часть правосл. церквей пустовала из-за исхода священнослужителей и мирян из города. Императору по договору о разделе Романии причиталась в качестве домена четверть К-поля и всей империи. Новый государь должен был сразу же приступить к завоеванию греч. земель, предоставляя на то права и своим наиболее могущественным вассалам. Балдуин I отверг предложения о сотрудничестве части греч. знати и тем самым усилил сопротивление архонтов. Когда весной 1205 г. население Фракии восстало против крестоносцев, болг. царь *Калоян*, опираясь на поддержку архонтов и половецкую конницу, вторгся в пределы империи и нанес войску крестоносцев решительное поражение в битве при Адрианополе 14 апр. Погиб цвет рыцарства, а сам император оказался в плену, где вскоре скончался или был убит. Его преемник *Генрих I* перешел к обороне и к политике договоров с греч. архонтами, предоставляя нек-рым из них или расширяя (напр., Феодору Вране) лены. Тем временем предводители др. отрядов рыцарей продолжали наступление. Бонифаций Монферратский, женившийся на вдове Исаака II Ангела, заключил союз с греч. архонтами и овладел Фессалоникой и ее округой, где основал королевство. Бароны Сев. и Ср. Греции, включая маркизов Водоницы, были вассалами короля Фессалоники. Гийом де Шамплит и Жоффруа де Виллардуэн завладели большей частью Пелопоннеса, где возникло Ахейское (Морейское) княжество (1205–1432). Оттон де ла Рош получил от Бонифация Монферратского в лен Аттику и Беотию и основал Афинскую сеньорию (с 1260 герцогство). Негропонт (о-в Эвбея) был отдан в феод рыцарю Жаку д'Авеню, разделившему его на 3 лена, переданных ломбардским сеньорам – терциариям. В 1209 г. Негропонт признал зависимость от Венеции, а затем и целиком перешел под ее власть. Венеция кроме кварталов К-поля приобрела за 1 тыс. марок серебра у Бонифация о-в Крит (1206). За овладение им ей пришлось вести долгую борьбу с местными жителями. Она захватила также города у Геллеспонта: Лампсак, Галлиполи и Ираклию, важнейшие порты Пелопоннеса Корон и Модон, острова и опорные пункты к югу от Диррахия (Дураццо). Венеция как бы протянула цепь из опорных пунктов своей торговли от Адриатики до Босфора. Кроме того, отдельные венецианские семейства захватывали беззащитные острова Эгеиды. Так, Марко Санудо основал герцогство Архипелаг (Наксос) (1207), Филокало Навагайозо в 1207 г. овладел Лемносом, роду Гизи достались Спорады, Тинос и Миконос. На завоеванных участниками крестового похода территориях устанавливались разные формы сеньориальной системы западноевроп. образца. Местные греч. архонты в лучшем случае занимали низшую ступень во вновь создаваемой феодальной иерархии.

Крупнейшими очагами визант. сопротивления стали Вифиния, Понт и Пафлагония, Зап. Балканы. Опираясь на города Бруссу, Нимфей, затем Никею, гос-во в Вифинии создал деспот Феодор I Ласкарь, зять Алексея III и брат последнего провозглашенного в К-поле императора (так и не получившего власти) Константина Ласкаря. В 1208 г. он был коронован как василевс ромеев. *Никейская империя*, куда перенес свою резиденцию К-польский Патриарх (в 1208 им был избран *Михаил IV Авториан*), быстро усиливалась и становилась местом эмиграции бежавших от завоевателей греков. Др. таким центром стала Сев. Анатолия, где в апр. 1204 г. внуками Андроника I Комнина Алексеем и Давидом Великими Комнинами при поддержке отряда войск груз. царицы Тамары была создана *Тра-*

Христос на троне (аверс). Св. Феодор Стратилат и деспот Феодор I Ласкарь (реверс)
Монета

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIII–XV ВВ.

пезундская империя. В 1205 г. Давид вышел к Пропонтиде и началась его борьба с Феодором I Ласкарем. В 1214 г. Трапезундская империя была одновременно атакована сельджуками и никейцами и потеряла крепости Пафлагонии Амастриду и Ираклию Понтийскую, отошедшие к Никейской империи, Синоп и Кастамон, отошедшие к Румскому султанату. С тех пор она вышла из борьбы за восстановление под своей эгидой В. и. Третье греч. гос-во — Эпирское царство — основал знатный греч. динат Михаил Ангел Дука. В 1204 г. он управлял фемой Пелопоннес, затем перешел на службу к Бонифацию Монферратскому и в конце 1204 г. воспользовался мятежом греч. архонтов в феме Никополь для захвата власти. Ему удалось овладеть большей частью Эпира, опираясь на родовые владения своей семьи в этой области. Захватив Зап. Фессалию, он смог изолировать Фессалоникийское королевство от лат. владений в Ср. и Юж. Греции. Его брат и наследник Феодор I Ангел в 1224 г. захватил Фессалонику и затем короновался императором. Обряд коронования совершил архиеп. Охридский Димитрий Хоматиан. Обострилось соперничество Никеи и Эпира в борьбе за К-поль, но в 1230 г. войска Феодора Ангела были разбиты в битве при Клокотнице болг. царем Иоанном Асенем II. Болгары овладели частью Фракии и Юж. Македонии. Эпирское гос-во распалось на две части — Фессалоникийскую империю, завоеванную затем Никеей в 1246 г., и собственно Эпирское царство со столицей в Арте.

За счет рациональной организации собственных поместий, приносивших большие доходы, строительства нового флота и реформы войска никейский имп. *Иоанн III Дука Ватац* сосредоточил немалые ресурсы и перешел к решительному наступлению на владения крестоносцев, опираясь и на союз с герм. имп. Фридрихом II Штауфеном. Эпир уступил Никее ряд своих владений и признал ее суверенитет. Болгария попала в зависимость от монголо-татар. В 1259 г. никейские войска в битве при Пелагонии наголову разгромили морейского кн. Гийома II Виллардуэна и его эпирских союзников. Арта была взята никейскими войсками. Латинская империя переживала тяжелый экономический кризис. Единственным препятствием на пути к К-полю был венецианский флот. Никейский имп. *Михаил VIII Палеолог* в марте 1261 г. заключил союзный договор

с соперниками венецианцев — генуэзцами, пообещав им права на беспошлинную торговлю в Чёрном м. и во всех своих владениях в обмен на помощь флотом. Она не понадобилась: никейские войска вошли в К-поль без боя в ночь на 25 июля 1261 г. Латинская империя пала. Ее последний имп. *Балдуин II* и лат. патриарх со своим клиром бежали на Запад.

С. П. Карпов

II. Время Палеологов (1261–1453). С восстановлением В. и. началась эпоха правления последней визант. династии — Палеологов. Ее

Имп. Михаил VIII Палеолог. Миниатюра из Евангелия. XV в. (РНБ. Греч. 118. Л. 22)

основатель Михаил VIII Палеолог (1259–1282), ставший визант. императором еще в период Никейской империи, был вторично коронован и помазан в соборе Св. Софии.

Однако возрожденная империя была лишь бледной тенью державы Комнинов. Мн. территории на Балканах, занятые латинянами, болгарами и сербами, еще предстояло отвоевать, за что энергично взялся Михаил VIII, провозглашенный «Новым Константином». Но успехи были скромными. Дальновидный и умный политик, Михаил понимал, что главной опасностью являлся Запад, где папский Рим после потери К-поля постоянно призывал к новому крестовому походу против схизматиков-греков, сделав ставку на воинственного сицилийского кор. Карла Анжуйского, к-рый в 1273 г. готовился к нападению на Византию. К-поль был вынужден пойти на переговоры об унии Церквей как единственном средстве предотвратить войну с опасным и сильным противником. Уния, за-

Герб с монограммой династии Палеологов. XV в. Миниатюра из Евангелия (РНБ. Греч. 118. Л. 3)

ключенная в Лионе (1274), давала надежду на сохранение мира между католич. гос-вами Запада и Византией.

Объединение с католиками, вызванное политической необходимостью, раскололо население империи. Сближение с Западом нашло поддержку лишь у части придворной знати и высшего чиновничества, нек-рых представителей духовенства и интеллигенции. Уния была отвергнута и Церковью, и народными массами. Даже ближайшие родственники императора были в лагере непримиримых. Проблема унии усложнила отношения между императором и Церковью, претендовавшей на более активное участие в гос. политике.

При всем том уния не оправдала возлагавшихся на нее политических надежд: Карл Анжуйский, утвердившись в Греции, не отказался от планов похода на К-поль. В 1281 г. папа Мартин IV отлучил визант. императора, обвинив его в провале унии. Против Михаила VIII сложилась грозная коалиция. Только благодаря антианжуйскому восстанию на Сицилии («Сицилийская вечерня», 1282) замыслы Карла не осуществились. Осенью того же года во время похода против латинян умер и Михаил VIII.

Визант. престол перешел к сыну Михаила *Андронику II Палеологу* (1282–1328). Слабый и нерешительный, он поддерживал status quo в империи. Но если угрозу с Запада Андронику II удалось предотвратить дипломатическими и династическими методами, то почти вся М. Азия (за исключением прибрежных городов) к нач. XIV в. была завоевана турками. Попытка Византии в 1303 г. опереться на наемников-каталанцев в борьбе с османами дорого обошлась империи: 6-тысячный каталанский отряд под командованием Рожера де Флора, добившись нек-рых успехов в М. Азии, вскоре вышел из подчинения императору и в отместку за убийство Рожера поднял мятеж и опустошил земли Фракии и Македонии вплоть до Аттики.

Во внутренней политике Андроник II сразу же отказался от крайне непопулярной униатской линии Михаила VIII. Противники унии были возвращены из ссылок и тюрем, а поддерживавший ее Патриарх Иоанн XI Векк отрекся от престола и был отправлен в мон-рь. Императору, однако, не удалось восстановить мир в Церкви. В течение его царствования на К-польской кафедре сменилось 10 Патриархов. «Арсениты» (сторонники Патриарха *Арсения Авториана*) долгое время боролись с партией, поддерживавшей Иосифа I. Лишь

Христос передает привилегии имп. Андронику II Палеологу. Миниатюра из хрисовула. 1301 г. (Византийский музей. Афины)

в 1310 г. арсенитская схизма была прекращена.

В конце правления Андроника II империя стояла на пороге острого социально-политического кризиса. Уже в 1320 г. оформилась оппозиция старому императору во главе с его внуком и соправителем *Андроником III Палеологом*, к-рый в следующем году заставил деда отдать ему Фракию и часть Македонии. Началась междоусобная «война двух Андроников» — по сути гражданская война группировок знати, к-рая закончилась победой аристократии, стоявшей за спиной Андроника III;

24 мая 1328 г. он вступил в К-поль как император.

Восшествие на престол имп. Андроника III означало триумф крупной феодальной знати, во главе к-рой стоял фрак. феодал, одаренный дипломат и полководец Иоанн Кантакузин. По существу вся власть в гос-ве сосредоточилась в его руках. Император проявлял нек-рую самостоятельность во время военных кампаний. В результате неск. походов Византия вернула отторгнутые еще в 1204 г. о-в Хиос (1329), Сев. Фессалию и Эпир (1337). Однако на Востоке империя теряла город за городом. В решающей битве при Филокрине (10 июня 1329) визант. армия была разбита османами, и после 2 лет осады турки овладели Никеей (март 1331). Мир с османским эмиром Орханом был достигнут ценой ежегодной выплаты 12 тыс. иперпиров. В борьбе с османами Византия пыталась опереться и на союз с тур. эмиратами Кареси, Сарухан и Айдын, но не достигла успехов. В 1337 г. пала Никомидия. Османы собирали силы на берегах Мраморного м. для решающего броска через проливы. Их набеги на Фракию стали систематическими.

К 1340 г. окончательно рассеялись иллюзии возрождения былого могущества Византии. Перед империей стояла проблема выживания. В это время возникло течение, видевшее спасение в усилении веры и благочестия и опиравшееся на богословие свт. *Григория Паламы*. В 30-х гг. разгорелась полемика противников и сторонников его учения — исихазма, к-рая приобретала все более широкое общественное значение. На К-польском Соборе (1341) под председательством имп. Андроника III исихасты во главе со свт. Григорием Паламой добились победы над Варлаамом Калабрийским.

15 июня 1341 г. Андроник III умер, оставив наследником 9-летнего *Иоанна V Палеолога* (1341–1391) при регентстве Иоанна Кантакузина. Против всесильного регента выступила оппозиция, сплотившаяся вокруг имп. Анны Савойской. Лидерами оппозиции стали Патриарх Иоанн XIV Калека (1334–1347) и бывш. сподвижник Кантакузина Алексей Апокавк. В отличие от междоусобной войны 1320–1328 гг. борьба против Кантакузина приобрела социальный характер и превратилась в гражданскую войну с широким участием народных масс, выступавших против провинциальной аристократии.

Феодальные магнаты провозгласили *Иоанна VI Кантакузина* императором (окт. 1341). К 1343 г. оппозиции удалось потеснить Кантакузина (его сторонники в К-поле были арестованы) и одержать ряд побед в Македонии. В этой борьбе Алексей Апокавк опирался на к-польское чиновничество, городские торговые слои и «зилотов» Фессалоники. Но Кантакузин прибег к помощи турок и сплотил вокруг себя феодалов Фракии, Македонии и Фессалии. На его сторону встал и свт. Григорий Палама, сторонники к-рого стали идейными союзниками Кантакузина. После убийства в К-поле Алексея Апокавка (1345) правительство Анны Савойской стало сдавать позиции. В 1347 г. Иоанн VI Кантакузин вступил в К-поль и был официально признан старшим императором и правителем империи. Его дочь Елена стала женой имп. Иоанна V Палеолога.

Гражданская война закончилась победой феодальной аристократии. Страна была разорена, казна опустела. Византия превратилась во второразрядную балканскую державу. Большая часть земель на Западе была потеряна. Визант. владения

Алексей Апокавк. Миниатюра из сборника медицинских трактатов. 1338 г. (Parisin. gr. 2144. Fol. 11)

в Эпире, Фессалии и Македонии были окружены сербами; отдельные успехи Кантакузина в борьбе с ними не могли переломить ситуацию. Из-за отсутствия флота Эгейское м. не контролировалось Византией; попытки воссоздать морские силы не увенчались успехом из-за противодействия Генуи, в столкновении с к-рой Византия потерпела поражение (1349). Привлеченные Кантакузином тур. отряды грабили визант. территории и в 1352–1354 гг. переправились в Европу, закрепившись на Галлипольском п-ове, что вызвало рост ненависти населения к императору. Этим решил воспользоваться 20-летний Иоанн V Палеолог, находившийся в Фессалонике. Вновь началась междоусобная война, в к-рую были вовлечены все соседние гос-ва и итал. республики. В нояб. 1354 г. Иоанн V вступил в К-поль, а Кантакузин был вынужден отречься от престола и постричься в монахи. Вместе с окончанием междоусобных войн закончилась и история В. и. как гос-ва, способного вести независимую политику. На западе господствовали сербы и болгары, на востоке — турки, к-рые в 1359 г. впервые появились у стен К-поля.

До сер. XIV в. османы совершали в европ. владения Византии лишь временные грабительские набеги. После смерти Орхана (1324/26–1359/60), при к-ром были завоеваны все визант. земли в М. Азии, его сын Мурад I (1359/60–1389), умный правитель и талантливый полководец, приступил к овладению Балканами, начав с Фракии. Вскоре был взят Адрианополь, куда в 1365 г. была перенесена столица завоевателей, получившая название Эдирне. В империи все более крепла идея обреченности Византии. Феодалы Фракии переходили на сторону победителей, становясь ленниками (сипахами) османов. Из крупных городов греч. население выселялось и заменялось тур. колонистами из М. Азии.

Поддавшись латинофильским настроениям при дворе в 1366 г. имп. Иоанн V впервые решил покинуть страну, чтобы просить Запад о помощи против турок. Но венг. кор. Лайош I ограничился туманными обещаниями. В 1369 г. Иоанн V отправился в Италию; в обмен на помощь в борьбе с турками он был готов пойти на церковную унию, несмотря на ожесточенное сопротивление правосл. духовенства; с благословения папы Урбана V Иоанн V даже принял католичество, но это был единоличный акт, к-рый не принес никакой пользы империи. В окт. 1371 г. император вернулся в К-поль, так и не добившись помощи от Запада.

После победы турок на р. Марице (сент. 1371) Сербия признала себя вассалом османов. Вскоре это сделала и Византия. Весной 1373 г., когда Иоанн V как вассал султана принимал участие в походе турок в М. Азию, его старший сын Андроник поднял восстание против отца. Мятеж был подавлен, но через 3 года с помощью генуэзцев *Андроник IV Палеолог* пришел к власти (авг. 1376), бросив в темницу отца и своего брата Мануила. В 1379 г. Андроник IV отрекся от престола по повелению султана, решавшего участь визант. престола. В 1382 г. турки овладели Софией, а в 1389 г. на Косовом поле разбили ополчение сербобоснийских князей.

В нач. 1391 г. умер имп. Иоанн V Палеолог и престол с согласия тур. султана Баязида I (1389–1402) перешел к любимому сыну василевса — *Мануилу II Палеологу* (1391–1425),

Богоматерь коронует имп. Мануила II Палеолога с супругой Еленой и детьми Иоанном, Феодором, Андроником. Миниатюра из «Ареопагитик». 1403–1405 гг. (Louvre. Ivoires A 53)

склонному более к наукам и философским размышлениям, чем к битвам. Между тем османы продолжали победный марш на Балканах. К 1392 г. вся Македония, кроме Фессалоники (через 2 года ее постигла та же участь), была в руках турок. В 1394 г. Мурад обложил К-поль со всех сторон суши, опустошил окрестности, и в течение 7 лет город находился в блокаде, почти изолированный от внешнего мира. Во время осады К-поля при содействии папского престола был организован крестовый поход против Османской державы. 25 сент. 1396 г. под Никополем на Дунае произошло одно из самых грандиозных сражений европ. армий с турками, закончившееся полным разгромом христ. коалиции. К-поль был обречен. Не принесло никакой помощи и длительное (1399–1403) путешествие по Европе Мануила II, искавшего поддержки в Риме, Париже и Лондоне. Неожиданная помощь пришла с Востока: 28 июля 1402 г. в жестокой битве при Анкаре войска Баязида I были разгромлены армией Тимура.

Медаль в честь имп. Иоанна VIII Палеолога. Худож. Пизанелло. 1438 г. (BNF)

Это поражение на полвека отсрочило гибель Византии.

Несмотря на потерю почти всех владений к нач. XIV в. (Византию составляли только К-поль с ближайшими предместьями, часть Пелопоннеса и нек-рые острова), империя жила напряженной духовной жизнью: в обществе шла острая антилат. полемика, обсуждались проблемы взаимоотношений с мусульм. миром, устанавливались культурные связи с Западом, происходили диспуты философов, работали мастера и художники.

Преемником Баязида I стал его сын Мехмед I (1402–1421). Его положение было непрочным из-за междоусобной борьбы в султанате, и он был вынужден проводить в отношении Византии миролюбивую политику. Однако империя не смогла воспользоваться этой 20-летней передышкой для укрепления своего положения. Продолжались распри в среде феодалов, усилились раздоры между латинофильской, правосл. и туркофильской партиями. Правда, Византии удалось вернуть Фессалонику, а деспотам Мореи отнять у правителя лат. Ахайи большую часть его владений. Но султан Мурад II (1421–1451), новый правитель османов, вернулся к агрессивной политике Баязида I. Летом 1422 г. он на непродолжительное время осадил К-поль, а затем вторгся в Морею. В 1430 г. вторично пала Фессалоника.

Империя находилась в тяжелейшем положении, когда на трон взошел предпоследний визант. император, старший сын Мануила II *Иоанн VIII Палеолог* (1425–1448). Тур. угроза заставила императора вновь обратиться за помощью к Западу. Когда встал вопрос об унии Церквей, борьба между ее сторонниками и противниками в Византии достигла крайнего ожесточения. Имп. Иоанну VIII удалось на Ферраро-Флорентийском Соборе (1438–1439) добиться подписания унии в обмен на обещания папы способствовать организации военной помощи империи в борьбе с турками. Но реально помочь Запад был не в состоянии. Крестовый поход против турок, инициированный Римом, закончился трагическим поражением армии крестоносцев под Варной 10 нояб. 1444 г.

В 1446 г. Мурад II опустошил Морею, уведя в плен более 60 тыс. чел. Первоочередной задачей османов стало овладение визант. столицей, стоявшей на пути между их балканскими и малоазийскими владениями. Финал наступил, когда визант. престол занял брат Иоанна VIII *Константин XI Палеолог* Драгаш (1449–1453), бывш. деспот Мореи,

Осада Константинополя турками в 1453 г. Миниатюра из «Путешествия за моря» Бертрандона де ла Брокьер. 2-я пол. XV в. (BNF)

человек огромной энергии и храбрости. Османами в это время правил Мехмед II Фатих (Завоеватель), один из самых выдающихся и беспощадных тур. правителей. Проведя тщательную подготовку, султан приступил к осаде К-поля (7 апр.

1453). Силы были неравны. Против 7 тыс. защитников города и 25 судов турки выставили огромную армию (до 200 тыс.), 400 боевых судов и

Султан Мехмед II Фатих. Миниатюра. Кон. XV в. (Музей дворца Топкапы. Стамбул)

большое число пушек. 29 мая 1453 г. столица В. и. пала, гос-во перестало существовать. В 1460 г. турки овладели Мореей, а через год — Трапезундом, последним осколком некогда могучей державы.

П. И. Жаворонков

Ист.: *Ioannis Cantacuzeni* Historiarum libri IV / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1828–1832. 3 vol.; *Nicephori Gregorae* Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829–1830. Vol. 1–2; Chronicon Paschale / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832; *Georgius Cedrenus* Ioannis Scylitzae Compendium historiarum / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838; *Michaelis Glycae* Annales / Rec. I. Bekker. Bonn, 1836; *Theophanis Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838; *Ioannis Zonarae* Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1868–1875. Vol. 1–6; *Theophanis* Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883–1885. Vol. 1–2; *Josua the Stylite*. The Chronicle / Ed. W. Wright. Camb., 1882; The Syriac Chronicle known as that of *Zachariah of Mitelene* / Trans. F. J. Hamilton, E. W. Brooks. L., 1899; *Michel le Syrien*. Cronique / Ed. J.-B. Chabot. P., 1899–1910. Vol. 1–4; *Georgii Acropolitae* Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903; *John, bishop of Nikiou*. The Chronicle / Trans. R. H. Charles. L.; Oxf., 1916; *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. Münch., 1922–1923. Bd. 1–3; *Laonici Chalcocandylae* Historiarum demonstrationes / Rec. E. Darky. Bdpst., 1922–1927. Vol. 1–2; *Michael Ducas*. Istoria turco-byzantina: 1341–1462 / Ed. V. Grecu. Bucure ti, 1958; *Critobul din Imbros*. Din domnia lui Mahomed al II-lea anii 1451–1467 / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1963; *Georgios Sphrantzes*. Chronicon minus. Memorii / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966; *Nicetae Choniatae* Orationes et epistulae / Rec. I. A. van Dieten. B., 1972; *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. B., 1973; *Nicetae Choniatae* Historia / Rec. I. A. van Dieten. B.; N. Y., 1975; La caduta di Costantinopoli / Testi a cura di A. Pertusi. Mil., 1976. 2 vol.; *Georges Pachymérès*. Relations historiques / Ed. A. Failler. P., 1984–1999. 4 vol.; The Chronicle of *John Malalas* / Ed. E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. Melbourne, 1987; *Nicephoros, Patriarch of Constantinople*. Short History / Ed. C. Mango. Wash., 1990; *Ammianus Marcellinus*. The Chronicle/ Ed. B. Croke. Sydney, 1995.

Лит.: *Rambaud A.* L'empire grec au Xe s. P., 1870; *Васильев А. А.* Византия и арабы. СПб., 1900–1902. 2 ч.; *он же*. Византия и крестоносцы. Пг., 1923; *Chalandon F.* Les Comnène. P., 1900–1912. 2 t.; *Диль Ш.* Юстиниан и визант. цивилизация в VI в. СПб., 1906; *Васильевский В. Г.* Труды. СПб.; Пг., 1908–1915. 4 т.; *Bury J. B.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (802–867). L., 1912; Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches / Hrsg. F. Dölger, P. Wirth. B.; Münch., 1924–1995; *Dölger F.* Antike und Christentum. Münster, 1929–1941, 1950. 6 Bde.; *Diehl Ch., Marçais G.* Le monde oriental de 395 à 1081. P., 1936; *Ostrogorsky G.* Geschichte des byzant. Staates. Münch., 1963[3]; *Diehl Ch., Oeconomos L., Guilland R., Grousset, R. Bréhier L.* L'Europe orientale de 1081 à 1453. P., 1945; *Baynes N. H.* The Hellenistic Civilisation and East Rome. L.; Oxf., 1946; *Κουκουλὲς Φ.* Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Ἀθῆναι, 1948–1955. Τ. Α′–Σ′; *Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. P.; Brux.; Amst., 1949; *Vasiliev A. A.* Justin the First: An Introd. to the Epoch of Justinian the Great. Camb., 1950; *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. P., 1953; *Hunger H.* Byzantinische Geisteswelt von Konstantin des Grossen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden, 1958; *idem*. Reich der Neuen Mitte: Der christl. Geist der byzant. Kultur. Graz, W., Köln, 1965; *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. B., 1958; *Karayannopulos J.* Die Entstehung der byzant. Themenordnung. Münch., 1959; *idem*. Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους. Θεσσαλονίκη, 1981; *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au Moyen Âge. P., 1959; *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI s. P., 1960; *eadem*. Byzance et la mer. P., 1966; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960; *он же*. Визант. общество и гос-во в X–XI вв.: проблемы истории одного столетия. М., 1977; *Rubin B.* Das Zeitalter Justinians I. Köln. 2 Bde; B., 1960; Визант. очерки. Т. 1–7. М.; СПб., 1961–2001; *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры VIII — 1 пол. IX в. М.; Л., 1961; *Guilland R.* Recherches sur l'administration byzantine. P., 1964. 2 t.; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Oxf., 1964. 3 vol.; *Hunger H.* PROOIMION: Elemente d. byzant. Kaiseridee in den Arengen der Kaiserlichen Urkunden. W., 1964; *Geanakoplos D. J.* Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxf., 1966, 1976; *Jenkins R.* The Imperial Centuries. 610–1071. L., 1966; The Cambridge Medieval History. Vol. 4: The Byzantine Empire. Camb., 1966–1967; История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 72–207; *Barker J. W.* Manuel II Paleologus (1391–1425). New Brunswick, 1969; *Weiss G.* Joannes Kantakuzenos: Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jh. Wiesbaden, 1969; *Setton K. M.* (ed.) A History of the Crusades. Madison, 1969[2], 1985[2], 1989[2]. Vol. 2, 5, 6; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantine. P., 1971; *Vryonis Sp.* Byzantium: it's Internal History and Relations with the Muslim World. L., 1971; *Tinnefeld F.* Kategorien der Kaiserkritik in der Byzantinischen Historiographie. Münch., 1971; *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. М., 1972; *он же*. Византийская культура. СПб., 1998[2]; *он же*. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002; *Podskalsky G.* Byzant. Reichseschatologie. Münch., 1972; *Inalçik H.* The Ottoman Empire: The Classical Age (1300–1600). L.; N. Y., 1973; *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitos and his World. L., 1973; *Dagron G.* Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974; *idem*. Constantinople imaginaire: Études sur le recueil des «Patria». P., 1984; *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974; Античность и Византия: Сб. ст. М., 1975; *Медведев И. П.* Визант. гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976; *Pertusi A.* La caduta di Costantinopoli. Mil., Palermo, 1976; Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. H. Hunger, E. Trapp e. a. W., 1976–1996; Tabula Imperii Byzantini. 10 vol. / Ed. H. Hunger, J. Koder. W., 1976–1998; *Чичуров И. С.* Хронография Феофана и ранневизант. историографическая традиция IV–VIII вв. М., 1976; *он же*. Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М., 1990; *Browning R.* Studies on Byzantine History, Literature and Education. L., 1977; *idem*. The Byzantine Empire. N. Y., 1980; *Balard M.* La Romanie génoise: XII — début du XVe s. R., 1978. T. 1–2; *Gouillard J.* Quatre procès de mystiques à Byzance 960–1143. P., 1978; *Beck H.-G.* Byzantinisches Jahrtausend. Münch., 1978; *idem*. Die Byzantiner und ihr Jenseits: zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität. Münch., 1979; *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: личность и творчество: К истории визант. предгуманизма. М., 1978; *Mango C.* Byzantium: the Empire of New Rome. L., 1980; *idem*. Byzantium and it's Image: History and Culture of the Byzantine Empire and it's Heritage. L., 1984; *Lilie R.-H.* Byzanz und Kreuzfahrerstaaten. Münch., 1981; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981; *Поляковская М. А.* Общественно-полит. мысль Византии: 40–60 гг. XIV в. Свердловск, 1981; *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in late Byzantium. L., 1981; *Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz. Wiesbaden, 1982. Bd. 1–2; *Ђурић И.* Сумрак Византије: Време Јована VIII Палеолога, 1392–1448. Београд, 1984; Культура Византии. М., 1984–1991; *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя: 1204–1261. София, 1985; *Kazhdan A., Epstein*. Change in Byzantine Culture of XI–XII Cent. Berkeley, 1985; *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8 und 9 Jh.: Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung. B., 1985; *Kordoses M. S.* Southern Greece under the Franks: 1204–1262. Ioannina, 1987; *Thomas J.-Ph.* Private Religious Foundations in the Byzantine Empire. Wash., 1987; *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988; *Treadgold W.* The Byzantine Revival 780–842. Stanford, 1988; *Harvey A.* Economic Expansion in the Byzantine Empire 900–1200. Camb., 1989; *Haldon J.* Byzantium in the VIIth Cent. Camb., 1990; *Stauridou-*

Zafraka A. Νίκαια και Ήπειρος τον 13ο αιώνα. Thessal., 1990; *Magdalino P.* Tradition and Transformation in Medieval Byzantium. Camb., 1991; *idem.* The Empire of Manuel Comnenos. L., 1993; *Кулаковский.* История Византии; *Cameron A.* The Later Roman Empire, AD 284–430. Camb., 1993; *idem.* The Mediterranean World in Late Antiquity. L.; N. Y., 1993; *Nicol D. M.* The Last Centuries of Byzantium: 1261–1453. Camb., 1993²; *Радић Р.* Време Јована V Палеолога: 1332–1391. Београд, 1993; *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994; *Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081–1261. Camb., 1995; *Kafadar C.* Between Two Worlds: The Construction of the Ottomans State. Berkeley, 1995; *Lock P.* The Franks in the Aegean, 1204–1500. L.; N. Y., 1995; *Soulis G. Ch.* The Serbs and Byzantium during the Reign of Tsar Stephen Dušan (1331–1355) and His Successors. Wash., 1995; New Constantines: the Rythm of Imperial Renewal in Byzantium. Brookfield, 1996; *Καρπόζηλος Α.* Βυζαντινοὶ ἱστορικοὶ καὶ χρονογράφοι. Αθῆνα, 1997; Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abt. (641–867). B., 1998–2001. 6 Bde; *Рудаков А. П.* Очерки визант. культуры по данным греч. агиографии. СПб., 1997²; *Успенский Ф. И.* История Визант. империи. М., 1997. 3 т.; *он же.* Очерки по истории визант. образованности. М., 1998²; *Васильев А. А.* История Визант. империи. СПб., 1998. 2 т.; *Оболенский Д.* Визант. содружество наций. Шесть визант. портретов. М., 1998; Визант. цивилизация в освещении рос. ученых. М., 1999. 2 т.; *Любарский Я. Н.* Визант. историки и писатели. СПб., 1999; *Грабар А.* Император в визант. искусстве. М., 2000; *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000; *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат: Византийцы в Италии. СПб., 2001; *Медведев И. П.* Правовая культура Визант. империи. СПб., 2001; The Economic History of Byzantium: VIIth – XVth Cent. / Ed. A. Laiou. Wash., 2002; Le monde byzantin / Dir. C. Morrison. P., 2004.

Империя и Церковь. В соответствии с административно-территориальным устройством В. и. происходило и становление церковной организации, постепенно делившейся на отдельные самоуправляемые Церкви-Патриархаты (*Александрийская Православная Церковь, Антиохийская Православная Церковь, Иерусалимская Православная Церковь, Константинопольская Православная Церковь,* Римская Церковь). В различные периоды существования империи отношения с каждым из этих церковных центров могли складываться по-разному.

От Константина Великого до Юстиниана I (311–565). 30 апр. 311 г. имп. Галерий издал эдикт, к-рым прекращались гонения на христиан (*Euseb.* Hist. eccl. IX 10). Этим законодательным актом гос. власть Римской империи фактически признала свое поражение в почти трехвековой борьбе против Церкви. В февр. 313 г. на встрече в Медиолане (совр. Милан) императоры Константин Великий и Лициний приняли постановление, получившее название «Миланский эдикт» (греч. пер.: *Euseb.* Hist. eccl. X 5. 2–14; лат. текст известен по рескрипту Лициния от 13 июня 313 к наместнику Вифинии: *Lact.* De mort. persec. 48. 2–12). Христианство признавалось полноправной религией наравне с язычеством; христианам разрешалось без всяких ограничений собираться и совершать богослужения, каждому дозволялось свободно принимать христ. веру; все предыдущие распоряжения, направленные против христиан, объявлялись утратившими силу. Церковная собственность (прежде всего места богослужения), ранее конфискованная в пользу имп. казны или проданная частным лицам, была возвращена христианам безвозмездно, с компенсацией владельцам за счет гос-ва (*Euseb.* Hist. eccl. X 5. 15–17), хотя эта норма, подкрепленная и др. особыми распоряжениями, вначале исполнялась преимущественно на западе империи, во владениях Константина.

Имп. Константин Великий. Скульптурный портрет. IV в.

Равноправие христианства и язычества было формальным, особенно после того как имп. Константин, победив Лициния, стал единодержавным правителем Римской империи (324). Стало очевидным привилегированное положение христ. веры по сравнению с традиц. религиями греко-римского мира. Это выразилось не только в том, что Константин лично покровительствовал христианам, дал своим детям христ. воспитание и щедро выделял средства на строительство и украшение христ. храмов, но прежде всего в том, что в законодательстве империи обнаружилась тенденция к предоставлению Церкви особого статуса.

Церковью усваивается ряд прав и привилегий, определяющих ее офиц. место в гос-ве. Епископам передается часть судебных функций от гражданских судов (закон от 23 июня 321 – CTh I 27. 1), расширяются права клира (законы от 18 апр. 321 и 8 июня 323 – CTh IV 7. 1 = CJ I 13. 2; CJ I 13. 1). Законом от 5 мая 333 г. (Constitutiones Sirmondianae, 1) епископ приравнивается к магистрату; в случае передачи дела по требованию хотя бы одной из сторон на суд епископа его решение исполнялось без апелляции. Особенно важным стало принятие ряда законов (начиная с 319), продиктованных нормами христ. нравственности: отменяются законы имп. Августа против безбрачия (31 янв. 320 – CTh VIII 16. 1), ужесточаются меры против безнравственного поведения (3 февр. 326 – CTh IX 7. 1; 1 апр. 326 – CTh IX 26. 1; 4 апр. 326 – CTh IX 8. 1 и 29 мая 329 – CTh IX 9. 1), более не признается конкубинат (14 июня 326 – CTh V 26. 1) и рождение детей вне брака (29 апр. 336 – CTh IV 6. 2), ужесточаются основания для развода (кон. 331 – CTh III 16. 1). Воскресенье (dies solis) становится офиц. праздничным днем (закон от 3 июля 321 – CTh II 8. 1 = CJ III 12. 2). Христ. принципы прослеживаются и в ряде законов в защиту слабых и обездоленных: строго наказываются клевета и доносительство (29 марта 319 и 22 марта 335 – CTh IX 34. 1 и X 10. 3); заключенные ограждаются от жестокостей надзирателей (31 дек. 320 и 3 февр. 326 – CTh IX 3. 1–2), а дети – от произвола родителей (6 июля 322 и 13 мая 329 – CTh XI 27. 2 и 1); преследуются пытки и убийство рабов их хозяевами (11 мая 319 – CTh IX 12. 1); запрещается разделение семей рабов при их продаже (19 апр. 325 – CTh II 15. 1); принимаются под особое покровительство общества вдовы и сироты (17 июня 334 – CTh I 22. 2).

В силу своего положения император оставался вел. понтификом (pontifex maximus) и вынужден был формально сохранять офиц. характер традиц. рим. религии и привилегии жречества, но в то же время под предлогом «очищения» старой религии он принимал меры против от-

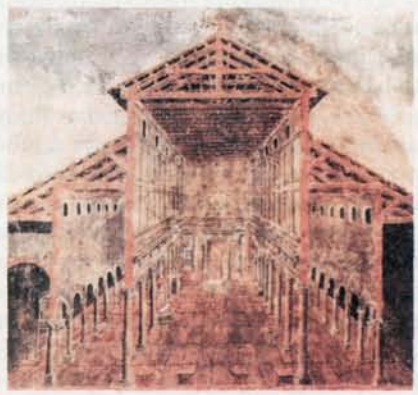

Базилика императоров Константина Великого и Максенция в Риме. 306–312 гг.

дельных проявлений язычества: запрещаются чародейство и тайные гадания (законы 23 мая 318 и 1 февр. 320 — CTh IX 16. 3. 2 и 1; от 17 дек. 320 — CTh XVI 10. 1), антихрист. сочинения неоплатоника *Порфирия* (по закону, введенному после 330, они подлежат сожжению, см.: *Socr. Schol.* Hist. eccl. I 9), закрываются известные своими безнравственными культами сир. языческие храмы (*Euseb.* Vita Const. III 55–58, *Socr.* Hist. eccl. I 18; *Sozom.* Hist. eccl. II 5). Имп. Константин иногда позволял себе публично высмеивать заблуждения язычников (*Euseb.* Vita Const. II 48–60), хотя и не требовал от них перехода в христианство, не отрицая офиц. характера языческого культа (Ibid. III 56).

Первую «структурную модель» церковно-гос. отношений, раскрывшую идейно-мировоззренческие представления о роли Церкви в империи, сформулировал в нач. IV в. *Евсевий*, еп. Кесарии Палестинской. В факте синхронности и несомненной связи возникновения Римской империи и воплощения Христа Спасителя, что отмечали еще христ. писатели II–III вв. *Мелитон* Сардский (см.: *Euseb.* Hist. eccl. IV 26. 7), *Ипполит* Римский (*Hipp.* In Dan. IV 1), *Ориген* (*Orig.* Contra Cels. II 30), Евсевий видел совместное действие «по мановению единого Бога» (De laudibus Const. 16) двух сил: учения Христова, одерживающего победу над многобожием, и монархии Августа, преодолевающей многоначалие. В результате Римская империя становится неким подобием небесной монархии. Подчеркивая мистическую связь императора и Спасителя (Ibid. 11, 18), Евсевий изложил принципы идеального правителя. Он видел в нем «образ единого Всецаря» (εἰκὼν ἑνὸς τοῦ παμβασιλέως — Ibid. 7. 12), считая, что он усваивает «образ верховного царствования» (τῆς ἀνωτάτης βασιλείας τὴν εἰκόνα — Ibid. 1. 6) и через это причастен к делу уготовления Спасителем вышнего царства Богу Отцу. Евсевий усматривал в императоре истолкователя Бога-Слова (ἀποφάτης τοῦ Θεοῦ Λόγου — Ibid. 2. 4), учителя и доброго пастыря, посвятившего Богу ум и душу: он берет на себя заботу о спасении подданных, приводит к богопознанию и научает добру и благочестию. В силу этого Евсевий допускал прямое вмешательство императора в дела Церкви, в т. ч. и в вопросы вероучения. Осознавая несомненную связь между благополучием гос-ва и единством Церкви, император выполнял роль верховного арбитра, «действовал как общий епископ, поставленный от Бога» (κοινὸς ἐπίσκοπος ἐκ Θεοῦ καθεσταμένος — *Euseb.* Vita Const. I 44. 2). В представлении Евсевия император, соединяя в своем лице гражданскую и религ. власть, занимает исключительное место в церковно-гос. отношениях, играет роль более значительную, чем епископы, его авторитет выше авторитета Соборов. В таких взглядах Евсевия, по мнению зап. ученых, впервые выразилась и получила богословское обоснование теория *цезарепапизма*.

Однако реальная христ. политика имп. Константина Великого отличалась от образа, созданного Евсевием. Важнейшие внутрицерковные события нач. IV в., связанные с расколом донатистов и арианской ересью, в к-рых император действительно принимал участие, не соответствуют схеме, предложенной «отцом церковной истории». К Константину неоднократно апеллировали донатисты, всякий раз вызывая его недовольство из-за споров и раскола в Африканской Церкви, но решения принимал не император, а созванные им сначала Римский (окт. 313), а затем Арелатский (авг. 314) Соборы; Константин на них не присутствовал, но передавал дело на их рассмотрение, требуя от участников выслушать стороны, поскольку «это соответствует священнейшему закону» (*Euseb.* Hist. eccl. X 5. 19). Только после нового обращения донатистов император особым рескриптом к проконсулу Африки Анулину предписал подвергать наказаниям упорствующих раскольников (Ibid. X 6. 4; мера действовала до мая 321). В случае с арианами император уже без апелляции вмешался в спор в Александрийской Церкви, к-рый возник, по его мнению, из-за слов и не должен был служить предлогом для церковного разделения. Ему же принадлежала инициатива созыва I Вселенского Собора в Никее (325); имп. Константин присутствовал на открытии Собора и приветствовал его участников (впредь все Вселенские Соборы созывались императорами, к-рые также официально утверждали их решения и объявляли об их закрытии), но фактически этим его роль и ограничилась: если он и предложил включить в Символ веры термин «единосущный», то лишь с подсказки *Осия*, еп. Кордубского. Епископы были свободны в своих суждениях и решениях. Имп. Константин определил свое место в отношениях Церкви и гос-ва, обращаясь к участникам Никейского Собора: «Вы — епископы внутренних [дел] Церкви, а я был поставлен от Бога епископом внешних» (ὑμεῖς μὲν τῶν εἴσω τῆς ἐκκλησίας, ἐγὼ δὲ τῶν ἐκτὸς ὑπὸ Θεοῦ καθεσταμένος ἐπίσκοπος ἂν εἴην — *Euseb.* Vita Const. IV 24). По мнению ряда историков (Л. С. Тиймон, Ж. Р. Паланк и мн. др.), император имел в виду 2 религ. группы — христиан и язычников («внешних»), считая, «что его духовная задача в отношении язычников аналогична роли епископа к христианам» (*Grillmeier.* 1975. Vol. 1. P. 260; см. также: *Sansterre J.-M.* Eusèbe de Cesarée et la

Изображение базилики св. Петра в Риме. Роспись. XVII в. Мастер Д. Тассели (собор св. Петра. Ватикан)

naissance de la théorie «Césaropapiste» // Byz. 1972. T. 42. P. 131–195, 532–594); согласно др. т. зр., Константин «хотел показать, что епископам принадлежит право и они обязаны решать вопросы вероучения, таинств, обрядов, иерархии и принципов управления Церковью, всего того, что вытекает из начал христианской религии и имеет внутреннее, логически определяемое отношение к вере; а император обязан принимать определение Церкви как данное и заботиться о внешнем приложении его в жизни между подданными» (*Курганов*. 1880. С. 39). С развитием арианского спора степень вмешательства императора в церковные дела усилилась: он низлагал ариан, отправлял их в ссылку и возвращал обратно после их «раскаяния», требовал принять в общение *Ария*, от к-рого лично получил исповедание веры, и сослал свт. *Афанасия I Великого* в Галлию; при этом в своих действиях император неизменно опирался на определения Никейского Собора; ссылка же свт. Афанасия была вызвана обвинением в гос. преступлении. Перед кончиной (22 мая 337) св. равноап. Константин был крещен на смертном одре близким ко двору еп. Никомидийским *Евсевием* (известным своими арианскими взглядами) и похоронен в новой столице империи К-поле, в храме св. Апостолов, к-рый стал местом традиц. погребения визант. императоров.

Сформировавшиеся при Константине Великом отношения Церкви и гос-ва явились образцом для их развития в последующие периоды истории Византии. Уже во 2-й пол. IV в. империя окончательно становится христ. гос-вом; прежний культ теряет офиц. статус, уступая место христианству — единственной гос. религии. Светская власть активно участвует в богословских спорах, не всегда занимая сторону православных, и оказывается иногда влиятельной силой в их разрешении.

При наследниках Константина Великого борьба против язычества стала приобретать все более открытые формы: имп. Констанций II запрещает суеверие (superstitio) и кровавые жертвы (sacrificiorum insania) (341 — CTh XVI 10. 2), отменяет разрешение на ночные жертвоприношения, данное узурпатором Магненцием (23 нояб. 353 — CTh XVI 10. 5), и вводит уголовное наказание за жертвоприношения (1 дек. 354, 19 февр. 356 — CTh XVI 10. 4, 6), преследует гаруспиков, «математиков» (т. е. астрологов), прорицателей, «халдеев» и магов (4 дек. 356, 25 янв. 357, 5 июля 358 — CTh IX 16. 4–6). Эти законы, несмотря на терминологическую неопределенность, к-рую усматривают исследователи (напр., П. де Лабриоль), были направлены не на полное искоренение язычества, а против крайних, уродливых форм традиц. культа. Кроме того, действия власти по отношению к язычеству находили преувеличенную оценку со стороны как христ., так и языческих писателей. Случаи закрытия или разрушения языческих храмов в 40–50-х гг. IV в. были очень редки. Во время посещения Рима (356) имп. Констанций II живо интересовался памятниками старины, к-рые сохраняли чуждый христианству характер: в них продолжали совершаться языческие церемонии, но уже без кровавых жертвоприношений.

Отношения Церкви и гос-ва в период 40–70-х гг. IV в. были омрачены многочисленными случаями вмешательства светской власти в церковные дела, в т. ч. и в вопросы вероучения, в к-рых правительство не всегда принимало сторону православных. Сыновья Константина Великого Константин II и Констант выступали гарантами Православия, причем не только в своих владениях на Западе, но и на Востоке, и пытались (в т. ч. на Соборе в Сардике, ок. 343) примирить разногласия, возникшие в ходе арианского спора между епископами обеих частей империи; они способствовали возвращению из ссылки в Египет свт. Афанасия Великого (337, 346). Но их средний брат Констанций II, с 353 г. ставший единственным правителем империи, грубо вмешивался в церковные дела на стороне ариан, предпринимал шаги к пересмотру решений I Вселенского Собора и устранению его сторонников. Тот же государь, первый в истории император-богослов (*Болотов*. Т. 4. С. 57), для к-рого церковные интересы преобладали над гос., выразил крайний взгляд на принцип церковно-гос. отношений. Будучи приверженцем арианства и добиваясь устранения свт. Афанасия Александрийского от управления церковными делами, Констанций в 355 г. потребовал его осуждения от участников Медиоланского Собора; встретив сопротивление в лице неск. зап. епископов, считавших, что такое осуждение противоречит канонам Церкви, император заявил: «Что я желаю, то пусть и считается каноном... Или повинуйтесь, или сами отправитесь в ссылку» (ὅπερ ἐγὼ βούλομαι, τοῦτο κανὼν νομιζέσθω... ἢ τοίνυν πείσθητε ἢ καὶ ὑμεῖς ὑπερόριοι γενέσεσθε — *Athanas Alex*. Hist. arian. 33. 7). Епископы опротестовали такую «формулу» и советовали не смешивать власть над Римской империей с церковным управлением (*Болотов*. Т. 4. С. 59). Однако император добился подтверждения своей воли на этом Соборе.

Имп. Констанций II. Медальон. IV в.

Т. зр. лучших представителей Церкви IV в. на характер церковно-гос. отношений не была единой. Полную свободу Церкви от вмешательства со стороны гос-ва отстаивали лишь немногие, считавшие, что насильственные меры противны самому существу религ. убеждения. Свт. Афанасий Великий, полагавший, что «богочестию свойственно не принуждать, но убеждать» (*Athan*. Hist. arian. 67), считал, что «не может быть убеждения там, где страх от царя», к-рый, «не имея доводов, всех принуждает со властью» (Ibid. 33). Доводы свт. Афанасия повторил и свт. *Иларий* Пиктавийский, видевший среди обязанностей императора попечение о полной свободе подданных жить по собственным убеждениям, без всякого рабского принуждения (*Hilar. Pict*. Ad Const. I 2). Св. Осий Кордубский возражал Констанцию с т. зр. функционального разделения Церкви и гос-ва: «Не мешайся в дела церковные и не давай нам приказов; не тебе нас учить в этой области, ты сам должен слушаться нас. Тебе Бог вручил царство, нам вверил церкви. Нам не до́лжно начальствовать на земле, ни

тебе — воскурять фимиам» (*Athanas. Alex.* Hist. arian. 44). Но имп. Констанция осуждали не столько за само вмешательство в дела Церкви, сколько за подавление истинной веры. Свт. *Григорий Богослов* называл его «божественнейшим и христолюбивейшим государем», считавшим, «что с успехами христиан возрастало могущество римлян», хотя

Имп. Юлиан Отступник. Скульптура. IV в. (Лувр. Париж)

император и поколебал «правое учение не из презрения, но желая, чтобы все хранили единомыслие и не разделялись расколами» (*Greg. Nazianz.* Orat. 4. 24, 27).

Констанций принял Крещение незадолго до смерти (3 нояб. 361) от арианского еп. Евзоия Антиохийского (*Sozom.* Hist. eccl. V 1. 6). Сменивший его имп. Юлиан Отступник изменил общее направление имперской политики, объявив религ. терпимость и возвратив из ссылки правосл. епископов с умыслом усугубить раздоры среди христиан (*Amm. Marc.* Res gest. XXII 5. 2). Тем самым Юлиан невольно способствовал успеху Православия, что вызвало у него злобу и стремление к открытому притеснению христиан. Потворствуя убийствам мучеников и разрушению или передаче язычникам христ. храмов, он показал свое истинное отношение к христианству; вскоре последовал запрет христианам заниматься нек-рыми интеллектуальными профессиями, что вызвало протесты даже среди образованных язычников (*Sozom.* Hist. eccl. V 11; *Socr.* Hist. eccl. III 12–13; *Julian.* Ep. 110–112 // *Julien.* Lettre et fragments / Ed. J. Bidez. P., 1924. P. 121, 187–192).

Период языческой реакции не был продолжительным: 26 июня 363 г. последний император-язычник погиб, и власть перешла к военачальнику Иовиану. Он открыто объявил о своей приверженности Православию, а в отношениях с сектами и язычниками придерживался веротерпимости. Тем не менее за неск. дней до смерти законом от 4 февр. 364 г. Иовиан конфисковал земельную собственность, принадлежавшую языческим храмам (CTh X 1. 8); согласно Сократу Схоластику, он запретил публичные языческие жертвоприношения, вновь распространившиеся при Юлиане, и закрывал языческие храмы; известно неск. случаев их разрушения или переделки (см.: *Socr.* Hist. eccl. III 23; *Theodoret.* Hist. eccl. V 20).

Преемник Иовиана Валентиниан I, ставший императором на Западе, тоже придерживался принципа религ. беспристрастия, отразив его в своем законодательстве (CTh IX 16. 9; ср. *Amm. Marc.* Res gest. XXX 9. 5). Этот император, убежденный сторонник Никейского вероисповедания, искренне считал, что, как мирянин, он не должен судить о вопросах веры (*Sozom.* Hist. eccl. VI 7). Поэтому в его владениях ариане играли заметную роль, удерживая за собой некрые кафедры на севере Италии и в Иллирике. Его брат и соправитель на Востоке Валент, покровитель ариан и гонитель православных, предоставил полную свободу язычникам (*Theodoret.* Hist. eccl. V 20). Оба императора постановили, что ни гадания гаруспиков, ни религия предков не считаются преступными (законы от 19 мая и 6 дек. 371 — CTh IX 16. 9–10); запрещались под угрозой страшных наказаний лишь колдовство, астрология и ночные жертвоприношения (законы от 9 сент. 364 и 12 дек. 370 (или 373) — CTh IX 16. 7–8).

В 370 г., после перемещения в К-поль еп. Димофила, сменившего умершего Евдоксия, у к-рого Валент крестился двумя годами прежде (*Theodoret.* Hist. eccl. IV 12; *Hieron.* Chron. s. a. 367), началось преследование православных. Гонение вспыхнуло в Никомидии и охватило постепенно весь Восток. Особенно много пострадавших было в Сирии, среди них и свт. *Мелетий* Антиохийский, в 3-й раз отправившийся в ссылку. Действия Валента встретили сильное недовольство; духовным главой правосл. оппозиции был свт. *Василий Великий*, к-рый своим нравственным авторитетом по сути приостановил гонение в Каппадокии. После смерти свт. Афанасия (2 мая 373) от православных Египта требовали подписать арианское вероопределение. Однако в 376 г. Валент либо по политической необходимости (ввиду войны с готами), либо по причине перемены образа мыслей изменил религ. политику в сторону терпимости: в 377–378 гг. на свои кафедры возвратились ранее сосланные правосл. епископы Востока.

В 80-х гг. IV в., при Грациане и Феодосии I Великом произошел открытый и окончательный разрыв старого союза язычества с гос-вом. Феодосий I, управлявший вост. частью империи после гибели Валента, издал эдикт, лишавший гражданских прав отступников от христианства (2 мая 381 и 20 мая 383 — CThXVI 7. 1–2). Подобным образом на Западе действовал Грациан (закон 21 мая 383 — CTh XVI 7. 3 = CJ I 7. 2). Др. эдикты, опубликованные Феодосием I на Востоке в это же время, повторяли прежние нормы: вновь были запрещены кровавые жертвоприношения и гадания, закрыты нек-рые храмы, в т. ч. в Эдессе (20 нояб. 382 и 30 нояб. 382 — CTh XVI 10. 7–8).

В 382 г. имп. Грациан под влиянием свт. *Амвросия* Медиоланского нанес сокрушительный удар язычеству: он отказался от титула «pontifex maximus», лишил привилегий коллегии жрецов и весталок в Риме, конфисковав их владения, и приказал удалить из здания римского сената алтарь Победы. Тем самым Грациан осуществил отделение языческой религии от гос-ва. Это не было гонением на культ или покушением на религ. свободу язычников, хотя старая рим. знать, имевшая заметное влияние в сенате, противилась такой политике императора, а после его гибели (383) предпринимала попытки вернуться к прежнему порядку (см.: *Ambros. Mediol.* Epp. 17, 18, 57).

В отношении к арианам имп. Грациан поначалу следовал принципу

невмешательства, как и его отец Валентиниан I, но затем начал борьбу против еретиков (законы 3 авг. 379 и 22 апр. 380 — CTh XVI 5. 5 и 4; последний предусматривал передачу церквей православным). Принятый им в соправители Феодосий Великий, едва вступив на престол (379), объявил себя решительным сторонником Никейского Символа веры. Находясь в Фессалонике, он тяжело заболел и крестился у местного еп. А(с)холия, от к-рого потребовал (прежде совершения таинства) исповедания никейской веры (*Sozom.* Hist. eccl. VII 4. 3; *Socr. Schol.* Hist. eccl. V 6). Законом 28 февр. 380 г. (CTh XVI 1. 2) император предписал всем следовать кафолической вере, к-рую сохраняют Дамас, еп. Римский, и Петр, еп. Александрийский. «Привилегиями в делах веры,— провозглашал император,— должны пользоваться только соблюдающие кафолический закон. Мы желаем, чтобы еретики и раскольники не только были чужды этих привилегий, но и подверглись различным повинностям. Заклейменные позорным именем еретиков, они, кроме осуждения божественного правосудия, должны ожидать еще тяжких наказаний, к-рым по внушению небесной мудрости заблагорассудит подвергнуть их наше величество» (цит. по: *Болотов.* Т. 4. С. 78). Прибыв в К-поль, Феодосий потребовал от арианского еп. Димофила признать учение о единосущии, но тот предпочел отправиться в ссылку. 27 нояб. 380 г. император лично ввел свт. Григория Богослова в столичный кафедральный храм св. Апостолов (*Socr. Schol.* Hist. eccl. V 6), а 10 янв. 381 г. предписал отбирать у еретиков церкви и запретил им собираться в пределах городских стен (CTh XVI 5. 6).

Имп. Феодосий I и в дальнейшем активно вмешивался в дела Церкви, причем порой сами епископы поощряли его к таким действиям. При выборах на II Вселенском Соборе (381) архиепископа К-польского отцы Собора согласились с предложенной императором кандидатурой *Нектария*. Сразу после закрытия Собора Феодосий опубликовал новый эдикт (30 июля 381), в к-ром повторил распоряжение отбирать церкви у еретиков и определил, что православными он считает тех, кто находится в общении с епископами, чье Православие не вызывало сомнения,— Нектарием К-польским, Тимофеем Александрийским, Диодором Тарсийским, Григорием Нисским и др. В надежде восстановить единство христиан в столице было назначено собеседование представителей различных партий (383), но эта затея не привела к к.-л. результату. Запрет собраний еретиков был подтвержден неоднократно (15 июля и 3 сент. 383, 21 янв. 384 — CTh XVI 5. 11–13) и был направлен против евномиан, ариан, македониан и аполлинариан. Многочисленные законы, изданные позже, касались евномиан (CTh XVI 5. 17, 23, 25, 27, 31, 32, 34, 36 и др.). Кроме того, в ответ на постоянные просьбы папы Римского и др. итал. епископов назначить новый Собор в Риме для решения вопроса о каноничности замещения К-польской и Антиохийской кафедр имп. Феодосий I склонил зап. епископов вступить в общение как с Нектарием К-польским, так и с Флавианом Антиохийским (*Bardy, Palanque.* 1937. P. 292–296; *Болотов.* Т. 4. С. 85).

В кон. IV в. разграничение сфер церковной и гос. деятельности попытался установить свт. Амвросий Медиоланский. В 385–386 гг. он ответил отказом на требование имп. Валентиниана II (соправителя Феодосия Великого на Западе), находившегося под сильным влиянием матери, арианки Юстины, передать арианскому еп. Авксентию одну из базилик Медиолана и ясно дал понять, что не признает за имп. властью права судить епископов и решать вопросы веры (см.: *Болотов.* Т. 4. С. 79–82). В кон. 388 г. в Каллинике на Евфрате толпа сожгла синагогу, а монахи разрушили молитвенный дом гностиков-валентиниан; Феодосий I потребовал отстроить разрушенные постройки за счет местного епископа, если окажется, что тот виновен в подстрекательстве. Однако под сильным давлением со стороны свт. Амвросия, умолявшего не допустить торжества иудеев и др. врагов Христовых над христианами, император был вынужден отменить приказ. Свт. Амвросий считал, что император не всегда и не во всем должен следовать юридическим принципам, лежащим в основании гос-ва, и ставил ему в прямую обязанность защиту и поддержку истинной веры. В 390 г. он отлучил Феодосия I от церковного общения за жестокое подавление

Базилика Сант-Амброджо в Милане. IV в.

беспорядков в Фессалонике, и император должен был подчиниться такой мере; свт. Амвросий ясно показал, что Церковь не только осуждает государей еретиков или раскольников: личное поведение монарха и его офиц. действия, если в них нарушается нравственный закон, подпадают под церковные прещения. Вместе с тем никогда прежде союз Церкви и гос-ва не был столь тесным, как при Феодосии Великом (*Palanque.* P. 512).

Феодосий I вел целенаправленную борьбу с язычеством. В 385–389 гг. наряду с возобновлением запрета на кровавые жертвоприношения и гадания (25 мая 385 — CTh XVI 10. 9) во многих вост. провинциях было закрыто и разрушено большое число храмов (см. о Египте: *Zosim.* Hist. IV 37. 3; о Сирии: *Theodoret.* Hist. eccl. V 21. 5–15; *Rufin.* Hist. eccl. XI 23; *Sozom.* Hist. eccl. VII 15; о Киликии: ibid. 39; о Месопотамии: ibid. 44; *Theodoret.* Hist. eccl. IV 18. 14). Лица, осужденные за колдовство и гадания, были исключены из числа амнистированных на Пасху в 384–386 гг. (CTh IX 38, VIII 7–8). В 391 г. имп. Феодосий I запретил языческие церемонии, жертвоприношения и посещение храмов, грозя суровым наказанием магистратам, потворствующим таким действиям (24 февр. 391 — CTh XVI 10. 10); лишил вероотступников гражданских и политических прав (11 мая 391 — CTh XVI 7. 4–5; XI 39. 11); особым эдиктом, изданным в Аквилее, был наложен запрет на языческий культ в Египте (16 *июня 391* — *CTh* XVI 10.

11; под влиянием этого закона христиане Александрии разрушили храм Сераписа — см.: *Socr. Schol.* Hist. eccl. V 16). Завершением мер против язычников стал к-польский эдикт от 8 нояб. 392 (CTh XVI 10. 12): отныне повсюду на территории империи подвергались суровому наказанию с конфискацией имущества лица, поклонявшиеся идолам или сооружавшие им алтари не только в общественных, но даже и в частных местах, приносившие бескровные жертвы ларам, гениям и пенатам. В 393 г. состоялись последние Олимпийские игры, а статуя Зевса Олимпийского работы Фидия была увезена в К-поль. После смерти Валентиниана II (15 мая 392) усилившаяся в Риме и Италии оппозиция во главе с узурпатором Евгением (отлученным свт. Амвросием) добилась отмены жестких мер против язычества. Алтарь Победы вновь был внесен в здание рим. сената, язычникам начали возвращать их храмы. Имп. Феодосий I, разгромивший Евгения (6 сент. 394), по просьбе свт. Амвросия простил сторонников узурпатора и, отменив все акты последнего, придерживался строгих мер закона 392 г.

При сыновьях Феодосия Великого Гонории и Аркадии политика их отца была в целом продолжена, гос. власть оказывала помощь Церкви в ее борьбе с еретиками. Так это произошло в случае запрещения пелагиан, когда в 418 г. Гонорий по просьбе епископов Африки начал преследование новой ереси. В деле низложения свт. *Иоанна Златоуста* имп. власть была исполнительницей приговора, вынесенного Собором во главе с Феофилом Александрийским (см.: *Болотов.* Т. 4. С. 85–88). Языческий культ утрачивал легальный статус, но, поскольку законы против него не применялись со всей строгостью, власти время от времени приходилось подтверждать прежние установления. 7 авг. 395 г. оба императора торжественно объявили об ужесточении запретов против язычников и еретиков, предписав воздерживаться от посещения их храмов и совершения жертвоприношений (CTh XVI 10. 13), а годом спустя отменили освобождение от налогов, к-рым пользовалось языческое жреческое сословие (7 дек. 396 — CTh XVI 10. 14). В 399 г. Гонорий вновь запретил жертвоприношения (21 янв. 399 — CTh XVI 10. 15), но предписывал не разрушать древние храмы (20 авг. 399 — CTh XVI 10. 17), тогда как Аркадий требовал их разрушения (10 авг. 399 — CTh XVI 10. 16). В ответ на просьбу правосл. епископов Сев. Африки Гонорий издал новый закон (25 нояб. 407 — CTh XVI 10. 19), действие к-рого позже было распространено и на др. провинции (30 авг. 415 — CTh XVI 10. 20): он распорядился лишить субсидий (annones) языческие храмы, изъять из них культовые образы и уничтожить алтари. Законом от 14 нояб. 408 г. этот император удалил из числа придворных тех, кто не разделяли его веру (CTh XVI 5. 42).

В правление Феодосия II Младшего (408–450) происходили важные церковно-исторические события, нашедшие отражение в законодательных и иных актах императоров, в к-рых уточнялись теоретические начала отношений между Церковью и гос-вом. С т. зр. представителей Церкви, император — ее покровитель и защитник. Феодосий II боролся против язычников, усиливая меры предшественников новыми законами (9 апр. 423 и 14 нояб. 435 — CTh XVI 10. 22 и 25), хотя уже 8 июня 423 г. были смягчены наказания для приверженцев старого культа (смертная казнь заменена ссылкой и конфискацией имущества) и запрещены любые принуждения в отношении иудеев и лояльных язычников (CTh XVI 10. 23–24). 3-я новелла Феодосия II (30 янв. 438) грозила открытым язычникам конфискацией имущества. *Несторий* при поставлении на кафедру К-поля обратился к императору: «Дай мне землю, очищенную от ересей, и я за то дам тебе небо; помоги мне истребить еретиков, и я помогу тебе истребить персов» (*Socr. Schol.* Hist. eccl. VII 29); в ответ Феодосий II не ограничился единичными мерами против ариан, аполлинариан, македониан, манихеев и проч. еретиков, но издал общий закон (30 мая 428 — CTh XVI 5. 65), к-рый широко применялся и налагал суровые меры на всех, кто придерживались еретических взглядов. Догматический противник Нестория папа Римский Целестин разделял его жесткую позицию в отношении еретиков; в одном из посланий к Феодосию II он писал, что для императора «дело веры должно быть важнее, чем дело гос-ва: ваша милость должна быть более озабочена миром Церкви, нежели безопасностью империи» (ActaCO. T. 1. Vol. 2. P. 25; рус. пер.: ДВС. Т. 1. С. 298). Принимая репрессивные меры в отношении еретиков, Феодосий II придерживался, хотя и не всегда успешно и последовательно, принципа невмешательства во внутрицерковные дела; если возникали разногласия и нестроения в Церкви, то решаться они должны были, по его мнению, церковными средствами. Когда вспыхнул несторианский спор, Феодосий II устранился от непосредственного участия в нем, что во многом явилось причиной неблагоприятного течения событий как до открытия, так и в ходе проведения III Вселенского Собора в Эфесе. В имп. указе к свт. Кириллу Александрийскому, к-рый пытался через сестру императора св. Пульхерию добиться его поддержки, он писал: «Всякому известно, от приказаний ли более получает твердости благочестие, или от совещаний» (ActaCO. T. 1. Vol. 1/1. P. 73; рус. пер.: *Болотов.* Т. 1. С. 89; ср.: ДВС. Т. 1. С. 208); др. грамотой он запретил своему представителю на Соборе Кандидиану вмешиваться в рассмотрение вопросов: «Не принадлежащему к числу святейших епископов не справедливо вмешиваться в дела церковные» (ActaCO. T. 1. Vol. 1/1. P. 120; рус. пер.: ДВС. Т. 1. С. 213) — и ограничил его полномочия попечением о сохранении внешнего порядка. Правда, по окончании Собора император был вынужден неоднократно посылать на Восток своих уполномоченных для примирения несогласных епископов (Histoire de l'Église. P., 1937. Vol. 4. P. 191–196); не ограничившись ссылкой Нестория и близких его друзей, имп. Феодосий II издал строгий закон против несториан, к-рый предписывал впредь именовать сторонников новой ереси симонианами, запрещал хранить, читать или распространять их книги, к-рые подлежали розыску и сожжению (3 авг. 435 — CTh XVI 5. 66; ActaCO. T. 1. Vol. 1/3. P. 68; рус. пер.: ДВС. Т. 1. С. 583–584). С целью сохранения хрупкого церковного мира император вмешался и в поднятый в это же время спор об осуждении *Феодора Мопсуестийского,* в к-ром мн. христиане на Востоке видели действительного основоположника и идеолога несторианства: эдиктом было запрещено осуждать лиц,

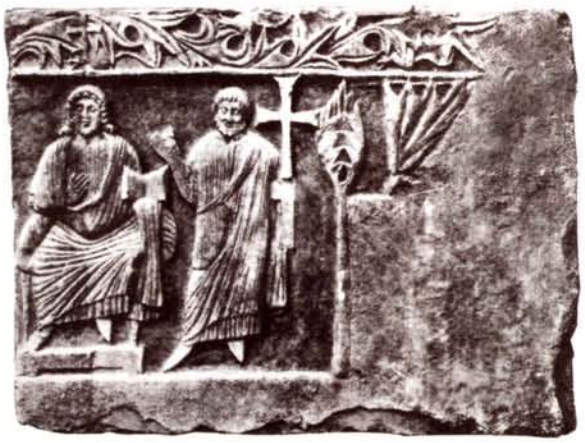
умерших в мире с Церковью; тем самым решение этого вопроса было отложено более чем на столетие, до V Вселенского Собора (ActaCO. T. 1. Vol. 4. P. 241). В деле *Евтихия* Феодосий II определенно занял сторону монофизитов, послав патрикия Флорентия «для наблюдения за православием рассуждений» отцов Поместного К-польского Собора во главе со свт. Флавианом (448); на этом Соборе впервые было признано, что имп. власти присущ архиерейский характер: отцы Собора приветствовали решение императора возгласом: «Многая лета царю нашему архиерею!» (τῷ ἀρχιερεῖ βασιλεῖ — ActaCO. T. 2. Vol. 1/1. P. 138; рус. пер.: *Болотов.* Т. 4. С. 90; ср.: ДВС. Т. 2. С. 125). Сомневаясь в правильности решения этого Собора, осудившего Евтихия, император приказал в марте 449 г. пересмотреть его дело, но, не удовлетворившись подтверждением прежнего определения, назначил на авг. 449 г. новый Вселенский Собор в Эфесе, известный как «Разбойничий». Представителям императора, к-рым был поручен надзор за ходом соборных заседаний, были подчинены вооруженные отряды и дано указание, чтобы осудившие Евтихия епископы «молчали, не имея звания судей, но ожидали общего мнения всех святых отцов, потому что теперь обсуждается определенное прежде ими» (ActaCO. T. 2. Vol. 1/1. P. 72; ДВС. Т. 2. С. 71–72). Вопреки церковным канонам император от своего имени пригласил участвовать на Соборе с правом голоса ревностного монофизита мон. Варсуму, наводившего страх по всей Сирии (ActaCO. T. 2. Vol. 1/1. P. 71; ДВС. Т. 2. С. 72). Под покровом видимого приличия на «Разбойничьем» Соборе творились беззакония: без соблюдения надлежащей процедуры, лишенный возможности оправдаться, был низложен свт. Флавиан, а Феодорит Кирский и Евсевий Дорилейский, не допущенные на Собор, были осуждены заочно. Такие решения, хотя и получили санкцию императора, вызвали протесты, особенно на западе империи. Валентиниан III обратился к своему вост. коллеге с просьбой пересмотреть решения на новом Соборе. Но Феодосий II не хотел и слышать об этом, т. к. был уверен в законности постановлений «Разбойничьего» Эфесского Собора. Однако скоропостижная кончина Феодосия (28 июля 450) резко переменила направление церковной политики В. и.

Правосл. императоры Маркиан (450–457) и Лев I (457–474) в своей церковной политике придерживались принципа невмешательства даже более последовательно, чем их предшественник: они стремились решать возникавшие проблемы исключительно церковными средствами. Маркиан для пересмотра решений «Разбойничьего» Собора созвал в Халкидоне осенью 451 г. IV Вселенский Собор. Влияние светской власти на нем было весьма скромным. Хотя представители императора и присутствовали на большинстве заседаний, они не участвовали в тех, на к-рых обсуждались канонические и дисциплинарные вопросы (в т. ч. личное дело Диоскора Александрийского). Но гос. власть не была безучастна к волновавшим Церковь проблемам: именно по настоянию этих чиновников удалось добиться от отцов Халкидонского Собора, отказывавшихся подготовить новое вероопределение, составления «ороса» — вероисповедной формулы, выразившей правосл. догмат о воплощении Христа Спасителя во единой ипостаси и двух природах. Император утвердил определения IV Вселенского Собора и потребовал от всех принятия его решений (см. грамоты Маркиана от 7 февр. и 13 марта 452 — ActaCO. T. 2.Vol. 2/3. P. 21–24; ДВС. Т. 3. С.169–171). Возникшая оппозиция Халкидонскому Собору, особенно среди монахов, поднявших вооруженный мятеж в Палестине и Египте, была подавлена с помощью военной силы.

При имп. Льве I вновь открыто выступили противники Халкидонского Собора: после убийства правосл. Патриарха Александрийского сщмч. *Протерия* (451–457) патриаршую кафедру захватил монофизит *Тимофей II Элур.* Эти события вынудили императора поставить перед епископатом ряд вопросов: об отношении к Тимофею Элуру, о требовании созыва нового Вселенского Собора и о подтверждении авторитета Халкидонского Собора (Codex encyclius, 458). Рим. папа Лев I Великий настоятельно напоминал имп. Льву, что его «царская власть сообщена не только для управления миром, но особенно для охранения Церкви, чтобы, обуздав незаконные дерзости, [он] и добрые постановления защитил, и истинный мир восстановил, прогнав похитителей чужого права» (*Leo Magn.* Ep. 156. ActaCO. T. 2. Vol. 4. P. 101–104; ДВС. Т. 3. С. 206), и рекомендовал «не допускать каких бы то ни было рассуждений относительно того, что решено на IV Вселенском Соборе» (*Болотов.* Т. 4. С. 90). Подавляющее большинство епископов высказалось в поддержку Халкидонского Собора и признало неканоничным избрание Тимофея Элура, к-рого император незамедлительно отправил в ссылку.

При преемниках Льва I Церковь столкнулась с открытыми попытками светской власти разрешать догматические вопросы собственными средствами. Первый опыт в этом роде предпринял узурпатор *Василиск* (475–476). Стремясь привлечь на свою сторону монофизитов, составлявших значительную часть населения Востока и не признававших вселенского авторитета Халкидонского Собора, он издал «Энкиклион» (ἐγκύκλιον — окружное послание; текст: *Evagr. Schol.* Hist. eccl. III 4), отменявший решения этого Собора, и возвратил в Александрию Тимофея Элура. Эти действия вызвали возмущение клира и жителей К-поля во главе с Патриархом *Акакием;* и хотя Василиск поспешил отменить свой закон, издав «Антиэнкиклион» (Ibid. III 7), открытое недовольство горожан стоило узурпатору короны. Имп. Зинон, к-рого пытался отстранить Василиск, вернул себе престол и отменил все меры в пользу монофизитов: на Александрийскую и Антиохийскую кафедры были поставлены правосл. епископы. Но в 482 г. с его стороны была предпринята попытка объединить сторонников и противников Халкидонского Собора на основании догматических формул, к-рые допускали широкое толкование. С этой целью был обнародован «Энотикон», составленный, вероятно, Акакием К-польским и от имени императора адресованный Египетской Церкви (текст: Ibid. III 14). На деле этот документ, формально не отрицавший Халкидонского Собора, не оправдал надежд. Он оказался неприемлем для большей части монофизитов и вызвал протест приверженцев Халкидонского Собора, став причиной церковного раскола между Римом и К-полем — т. н. *Акакианской схизмы,* продолжавшейся до

519 г. В правление имп. Анастасия I (491–518) политика примирения религ. партий на основе «Энотикона» продолжилась в полной мере. Однако православные как на Востоке, так и на Западе протестовали против вмешательства светской власти в дела Церкви. В 493 г. папа *Геласий I* в письме к Анастасию, подчеркивая противозаконность этого, сформулировал теорию о двух силах: «Две силы, августейший император, по преимуществу управляют этим миром, это — священный авторитет архиереев и царская власть, и между ними тем важнее значение священников, что они и за самих царей должны дать ответ Господу на суде Его... В делах веры ты должен подчиняться их законным распоряжениям, а не начальствовать над ними; не их покорять твоей воле, а сам руководиться их суждением» (*Gelasii I* Ep. 12. 2 // Epistulae Romanorum Pontificum / Ed. A. Thiel. Braunsberg, 1867; рус. пер.: *Болотов*. Т. 4. С. 90). Анастасий занял престол только после того, как по требованию свт. *Евфимия* К-польского подписал обязательства, суть к-рых сводилась к тому, что он не нанесет вреда правосл. вере (*Evagr. Schol.* Hist. eccl. III 32). Но император, твердо придерживавшийся монофизитских убеждений, все более и более открыто действовал в пользу монофизитской партии. В частности, он добился вопреки народной воле низложения с К-польской кафедры свт. Евфимия (496), арестовал и удалил его преемника свт. *Македония II* (511), помог одному из главных идеологов умеренного монофизитства, *Севиру*, занять Антиохийскую кафедру (512). Движение в защиту Православия среди населения столицы и нек-рых провинций, особенно вооруженное выступление под предводительством военачальника Виталиана, побудило императора смягчить политику в отношении православных и пойти на переговоры с Римом о прекращении церковной схизмы.

Иисус Христос и ап. Петр. Рельеф (Археологический музей. Стамбул)

Вступление на престол Юстина I ознаменовалось началом правосл. «реакции», в результате к-рой на Востоке (за исключением Египта) со своих кафедр были удалены епископы-монофизиты (в т. ч. Севир Антиохийский). В результате переговоров с папой Гормиздом, предпринятых лично императором, на Пасху 519 г. был восстановлен церковный мир между Римом и К-полем.

Особое место в истории взаимоотношений Церкви и гос-ва занимает правление имп. Юстиниана I (527–565), властно руководившего церковной жизнью. В отличие от мн. своих предшественников Юстиниан положил в основание своей религ. политики принцип симфонии (гармонии) между церковной и гос. властью: «Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство.

Имп. Юстиниан I и архитектор храма Св. Софии в К-поле. Миниатюра из «Хроники Св. Софии» (Vat. lat. 4939)

Первое служит делам божественным, второе начальствует и надзирает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и обустраивает жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как честь иереев, к-рые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (παρρησίας), а второе будет справедливо и подобающим образом обустраивать преданное ему государство (πολιτείαν), наступит некое доброе согласие (συμφωνία τις ἀγαθή), которое обеспечит все, какие ни есть, блага роду человеческому» (Novell. Just. 6, pr.). Фундаментальными основаниями принципа симфонии были правосл. вера и св. церковные каноны, к-рым император через свое законодательство (прежде всего, первые 13 титулов 1-й кн. Кодекса и многочисленные новеллы) придал значение общеимперских законов и установлений (Novell. Just. 107, pr.; 131. 1). В царствование Юстиниана возникало мн. церковных проблем, к к-рым он проявлял большой интерес. Его действия и вся церковная политика в целом получили неоднозначную оценку как современников, так и исследователей нового и новейшего времени: одни подчеркивали цезарепапистский характер его стремлений подчинить себе Церковь, др. отвергали обвинения в цезарепапизме.

«Скифские» монахи, поднявшие весной 519 г. т. н. теопасхитский спор из-за выражения «Един от Св. Троицы пострадал», нашли поддержку у Юстиниана, к-рый включил предложенную ими формулу в свои догматические работы и в литургический гимн «Единородный Сыне и Слове Божий». Наметившееся в кон. 20-х — сер. 30-х гг. VI в. смягчение политики в отношении монофизитов, сопровождавшееся переговорами с умеренными противниками Халкидонского Собора (напр., богословское собеседование с «севирианами» в К-поле в 532), сменилось в 536 г. осуждением Севира Антиохийского и его сторонников на Поместном К-польском Соборе. Юстиниан своей конституцией на имя Патриарха Мины утвердил решение этого Собора, запретив монофизитам крестить, устраивать собрания, рукополагать и т. д. (Novell. Just. 42). В Александрии после более чем полувекового перерыва была восстановлена правосл. иерархия. Однако возобновившиеся преследования монофизитов правительством сопровождались и в дальнейшем

попытками найти основания для возможного соединения их с православными. Для того чтобы снять их упреки в том, что IV Вселенский Собор принял в церковное общение несториан, Юстиниан обнародовал эдикт с осуждением *«Трех глав»* (ок. 544), возбудив богословский спор, в результате к-рого Церковь на V Вселенском Соборе (553) приняла т. зр. императора и анафематствовала Феодора Мопсуестийского, а также сочинения блж. Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, направленные против свт. Кирилла Александрийского и III Вселенского Собора. Не все православные, особенно на Западе, согласились принять такое решение (в связи с этим возникли церковные расколы в Аквилее и Медиолане); в то же время вопрос о присоединении монофизитов продолжал оставаться открытым. Юстиниан активно участвовал в обсуждении этого вопроса, что нашло отражение в его законах и богословских трактатах (см., напр., догматическую конституцию 551 г.,– CPG, N 6885; рус. пер.: ДВС. Т. 3. С. 539 и сл.). Император был также инициатором осуждения оригенизма, волновавшего в VI в. гл. обр. монахов Палестины (соответствующий эдикт был издан ок. 542 – CPG, N 6880; ActaCO. T. 3. P. 189–214). Это осуждение было утверждено перед открытием заседаний V Вселенского Собора на Поместном К-польском Соборе, издавшем 15 особых правил (ActaCO. T. 4/1. P. 248–249). Император до конца своей жизни не переставал искать основания к восстановлению церковного единства. Одной из таких попыток, возможно, является т. н. «афтартодокетский» эдикт (565), появившийся незадолго до смерти Юстиниана (*Evagr. Schol.* Hist. eccl. IV 39–41).

Во 2-й пол. V в. продолжали издаваться законы против языческого культа. Маркиан и Валентиниан III запретили открывать уже закрытые языческие храмы, совершать жертвоприношения (CJ I 11. 7). Приверженцам древних культов было запрещено занимать муниципальные и гос. должности, их лишили нек-рых прав (при Льве I, в 468 и 472 – CJ I 4. 15 и 11. 8; при Анастасии – CJ I 11. 9). При Юстиниане I в 529 г. был закрыт интеллектуальный центр старой религии – афинская философская школа (CJ I 5. 18. 4). Однако пережитки язычества сохранялись в Византии и в кон. VI в., и позже, и даже самые строгие меры не могли полностью их уничтожить. Опорой язычества были, с одной стороны, аристократическая и образованная часть населения, не склонная отказываться от традиц. религии, так тесно связанной с былым величием Рима, а с др. стороны, крестьянство, традиционно консервативное; язычество удерживалось и среди варваров на приграничных территориях. Повсеместно язычники покорно принимали офиц. запрещение старого культа, не поднимаясь открыто на борьбу за прежнюю веру, но их пассивное сопротивление было широким и продолжительным. Иоанн Эфесский, посещавший в 40-х гг. VI в. столицу Византии, сталкивался со множеством язычников среди образованных горожан. В течение 7 лет (с 542) он по поручению имп. Юстиниана занимался миссионерством в провинциях М. Азии, окрестив более 70 тыс. чел. и построив 98 церквей и 12 мон-рей. Ему же принадлежит сообщение о преследовании в 578 г. язычников в Гелиополе (Финикия), где они все еще составляли большинство населения, включая и городские власти (*Ioan. Ephes.* Hist. eccl. II 44, III 27 и 36–37). Имеются и др. многочисленные свидетельства как для этого, так и для более позднего периода (см.: *Jones.* Vol. 2. P. 938–943, *de Labriolle.* P. 15–30).

А. В. Храпов

Окончание христологических споров. 2-я пол. VI – нач. VII в. отмечены усилением тенденций, проявившихся в последние годы правления Юстиниана. Отколовшиеся монофизиты оставались основной проблемой для имп. власти и офиц. Церкви. Продолжалось оформление самостоятельной монофизитской церковной организации в вост. провинциях. Пытаясь восстановить единство христиан, имп. власть то склонялась к терпимости и религ. примирению, то вновь прибегала к репрессиям. В 565–571 гг. имп. Юстин II предпринял решительную попытку выработать платформу для объединения на основе «умеренного неохалкидонизма». На Соборе в Каллинике представителям монофизитов был зачитан имп. эдикт, в к-ром дифизитский догмат провозглашался в форме наиболее близкой к христологической терминологии свт. Кирилла: «Един от Святой Троицы пострадал», «Христос есть единство двух природ»; Халкидонский Собор не упоминался; снималась анафема с Севира Антиохийского. Такая политика властей вызвала протест ревностных приверженцев Халкидона (в 570 был смещен Патриарх Антиохийский *Анастасий I Синаит*). Однако лидеры монофизитов Иаков Барадей и Иоанн Эфесский под давлением радикально настроенных монахов отвергли призыв к объединению.

Крест имп. Юстина II. 565–578 гг. (сокровищница собора св. Петра. Ватикан)

При активной поддержке К-польского Патриарха *Иоанна III* Схоластика император лишил сана всех священников-монофизитов, закрыл монофизитские мон-ри, арестовал высокопоставленных мирян, симпатизировавших доктрине «одной природы».

После прихода к власти имп. Тиверия курс изменился: гонения прекратились и отношение к монофизитам стало более терпимым. Однако в самом конце столетия имп. Маврикий по инициативе Мелитинского еп. Дометиана вновь стал преследовать монофизитов; эта политика продолжилась в смутные годы имп. Фоки (602–610).

Зигзаги имперской политики лишь затрудняли дело церковного объединения. Властям даже не удалось воспользоваться серьезными противоречиями внутри монофизитского движения. Раскол сторонников и противников Халкидонского вероопределения продолжал углубляться, что было чревато серьезными последствиями в условиях ухудшения внешнеполитического положения империи.

Стремясь выстроить систему государственно-церковных отношений, имп. власть во 2-й пол. VI в. пыталась создать вертикальную структуру внутрицерковного управления, усилив позицию предстоятеля столичной кафедры. При поддержке имп. Маврикия К-польский Патриарх *Иоанн IV Постник* принял титул «вселенского» (οἰκουμενικός). Это вызвало недовольство папы свт. *Григория I Великого (Двоеслова)*, к-рый призывал императора восстановить status quo. Идя навстречу Риму, имп. Фока в 607 г. запретил

Вотивная рука. VI–VII вв. (BNF)

К-польскому Патриарху употреблять титул «Вселенский». Впосл. этот запрет перестал соблюдаться.

В VII в. в халкидонитском лагере в результате попыток преодолеть противостояние с монофизитами разгорелись моноэнергистские и монофелитские споры. Возникновение этих 2 направлений явилось выражением усилившегося в нач. VII в. стремления визант. политической и церковной власти наладить диалог и достичь взаимопонимания с монофизитами в христологической сфере. Проблема отколовшихся антихалкидонитов, имевших широкую поддержку в Египте, Сирии и Армении, с особенной остротой встала для В. и. во время персид. агрессии. Несогласие с церковной политикой К-поля населения вост. провинций делало задачу их обороны и отвоевания крайне проблематичной.

Имп. Ираклий (610–641) активно поддержал попытку группы иерархов во главе с К-польским Патриархом *Сергием* соединить халкидонский догмат о двух природах Христа с заимствованным из *«Ареопагитик»* выражением «богомужное действование» (θεανδρικὴ ἐνέργεια — Ер. 4. 19). Эта доктрина (моноэнергизм) имела успех в монофизитских кругах Сирии и особенно Египта, где на ее основе Александрийский Патриарх *Кир* добился церковного объединения (633). Однако против нее выступили убежденные защитники Халкидона (в лице свт. *Софрония* Иерусалимского). Опасаясь нового раскола, Ираклий и Сергий перевели проблему в иную плоскость: заручившись одобрением папы *Гонория I*, они выдвинули доктрину о едином волении воплощенного Слова (монофелитство), оформленную в виде имп. указа «Изложение веры» (Эктесис, 638).

Личный авторитет Ираклия как спасителя Честного Креста из персид. плена способствовал достижению церковного единства с его главными военными союзниками — армянами. На Каринском Соборе (633) Армянская Церковь во главе с католикосом *Езром* фактически признала Халкидонский Собор, обязавшись не возбуждать более споров по его поводу. Объединение было достигнуто без компромиссных богословских формулировок.

Захват арабами Сирии, Палестины и Египта (633–642) кардинально изменил ситуацию. От империи отошли основные монофизитские области, и поэтому для визант. гос-ва проблема неправосл. христ. Церквей утратила свою актуальность. Вне империи и под властью иноверцев оказались 3 из 5 Патриархатов — Иерусалимский, Антиохийский и Александрийский, к-рые утратили свое прежнее значение; ведущая роль в восточнохрист. мире перешла к К-польской кафедре. Монофелитский спор потерял политическую подоплеку и трансформировался в проблему взаимоотношений Римского и К-польского престолов.

Папство в лице Иоанна IV (640–642) и Феодора I (642–649) осудило *«Эктесис»* и вступило в союз с убежденными противниками монофелитства. Во главе стоял прп. *Максим Исповедник*, сформулировавший принцип, по к-рому император был лишен права решать догматические вопросы. Противостояние усугублялось спором о канонической избрания на К-польскую кафедру *Павла II* (641–653), не признанного в Риме (648). Имп. Констант II сделал попытку остановить споры, запретив обсуждать вопрос о волях и энергиях Христа (*Типос*, 648). Однако папа св. *Мартин I* (649–655), созвав Латеранский Собор (649), добился открытого осуждения «Эктесиса» и «Типоса». В ответ император подверг тяжелым унижениям и репрессиям папу Мартина и Максима Исповедника (по обвинению в гос. измене) и заставил Римский престол восстановить общение с К-полем (655). В 672 г. Рим вновь разорвал отношения с К-полем.

Имп. Констант II с сыном Константином IV. Солид

Ухудшение внешнеполитической ситуации на Востоке и стремление

Имп. Константин IV дарует привилегии архиеп. Репарату. Мозаика (ц. Сант-Аполлинаре ин Классе в Равенне. VII в.)

укрепить позиции в зап. провинциях побудило имп. власть уладить конфликт с папой. Имп. Константин IV созвал в К-поле Вселенский

VI Собор (680–681), к-рый осудил моноэнергизм и монофелитство и подтвердил учение о двух действиях и двух волях во Христе. В приветственном слове Собора к имп. Константину IV подчеркивалась верховная власть императора в христ. мире и его особая роль в церковных делах как хранителя Православия (ДВС. Т. 4. С. 232–236).

Имп. Юстиниан II, видя в унификации дисциплинарных правил и церковных обычаев гарантию единства как Церкви, так и Империи, созвал новый Вселенский Собор в К-поле (т. н. Пято-Шестой, или Трулльский) для обсуждения канонических вопросов, не решенных V и VI Вселенскими Соборами (692). Среди проч. отступлений от к-польской практики Собор осудил обычаи Римской Церкви (субботний пост и др.) и утвердил ряд канонических постановлений, не признанных Римом (допустимость брака для духовенства, равноправие К-польской и Римской кафедр). Хотя папские легаты и подписались под решениями Трулльского Собора, папа *Сергий I* отказался одобрить их в полном объеме. Во время 2-го правления Юстиниана II состоялась встреча императора с папой Константином в Никомидии, где разногласия были улажены (711). Торжественный прием, оказанный папе Юстинианом II, был одним из актов, к-рыми император стремился подчеркнуть свое благочестие. На его монетах впервые появляется лик Спасителя с лат. надписью: «Царь царствующих» и эпитет «раб Божий» при имени императора.

Последнюю попытку возродить монофелитство предпринял имп.

Имп. Вардан Филиппик. Номисма

Филиппик (711–713), находившийся под влиянием сторонников этой доктрины, к-рых оставалось немало в среде вост. монашества (к этому времени относится оформление в мон-рях горной части Ливана особой монофелитской конфессии; см. ст. *Марониты*). По имп. приказу VI Вселенский Собор был осужден, его акты сожжены. Однако монофелитство уже не пользовалось реальной поддержкой, и после свержения Филиппика новый имп. Анастасий II (713–715) окончательно отказался от промонофелитского курса и восстановил нарушенные при Филиппике отношения с папой.

Эпоха иконоборческих споров (717–843). Новый этап взаимоотношений имп. власти и Церкви связан с правлением Исаврийской династии (717–802). Ее основатель Лев III в кодификационном правовом сб. *«Эклога»* обосновывал легитимность своей законодательной инициативы фактом собственного воцарения, в чем видел признание Господом его любви к Богу. Обязанностью императора он считал, ссылаясь на ап. Петра (1 Петр 5. 2), пасти «Божие стадо» во имя правосудия. Законодательная деятельность императора в целом (без конкретизации сфер законотворчества) получала т. о. квазицерковное обоснование, не исключающее правомочности вмешательства императора в дела Церкви.

Реформа, к-рую предпринял Лев III, была направлена против почитания икон (см. ст. *Иконоборчество*). С критикой иконопочитания выступили ряд церковных деятелей (Константин Наколийский, Фома Клавдиопольский, Иоанн Синнадский), увидевших в нем оскорбление Божества и разновидность идолопоклонства. Однако непосредственный повод для обращения имп. Льва III к иконоборческой политике остается неизвестным. Правосл. традиция называет виновниками то неких иудейских предсказателей, то араб. халифа Язида II, издавшего указ об уничтожении изображений (723), то видит в этом влияние фригийского еп. Константина Наколийского. Формированию иконоборческих настроений (особенно в вост. областях) способствовала как ветхозаветная традиция, отвергавшая идолопоклонство и повлиявшая на традиции вост. христиан (сирийцев, армян), так и исламское неприятие изображений. Эти настроения, очевидно, были распространены в среде малоазийского фемного крестьянства, составлявшего основу имп. войск. Иконоборчество имело сторонников во всех слоях визант. общества и во всех областях империи. Кроме того, ситуация менялась с течением времени: так, население К-поля в период 726–766 гг. постепенно переходит от безусловного неприятия к поддержке иконоборчества.

Иконоборчество было инициировано имп. властью и осуществлялось как гос. политика. На 1-м этапе Лев III пытался убедить высший клир осудить почитание икон как идолопоклонство. Потерпев неудачу, он приказал удалить образ Хри-

Изображение креста в ц. Св. Ирины в К-поле

ста с Халкийских ворот Большого дворца. Эта акция вызвала волнения среди столичного населения, к-рые были подавлены вооруженной силой. Церковные иерархи во главе с Патриархом свт. *Германом I* перешли в оппозицию Льву III, выдвинув тезис о неподсудности императору вопросов веры, к-рые вправе решать только церковный Собор. Когда Лев III начал гонение на иконопочитателей (730), Патриарх Герман отказался одобрить его и был смещен императором. Лев III добился избрания на К-польскую кафедру своего единомышленника *Анастасия* и приступил к формированию иконоборческой иерархии. Однако папу не удалось заставить принять иконоборческую доктрину: Римский Собор (731) предал иконоборцев анафеме. Тогда император изъял из сферы церковной юрисдикции Рима Юж. Италию, Сицилию и Иллирик, передав их во временную юрисдикцию К-поля под предлогом окружения Рима варварами. В ответ папы отказались признавать власть императора, перестав вносить налоги в казну. В др. областях империи под руководством гос. чиновников активно проводилось уничтожение образов Христа, Богоматери и святых. Среди иконопочитателей особую популярность приобрел тезис о том, что император не может навязывать Церкви свои бо-

Св. имп. Ирина. Номисма (аверс, реверс)

гословские воззрения. Главным защитником иконопочитания стал тогда прп. *Иоанн Дамаскин*, живший в Арабском халифате вне пределов досягаемости императоров-иконоборцев.

Имп. Константин V (741–775), выступая в роли верховного авторитета в богословских вопросах, перевел борьбу с иконами на уровень догматического спора, сделав главной мишенью критики возможность материального изображения Христа, к-рое или ограничивает неограничимое Божество, или смешивает две природы, или разделяет человеческую и божественную ипостась воплощенного Слова. Иерархи на «Вселенском» Соборе в Иерии (близ Халкидона) (754) постарались дать богословское обоснование иконоборчеству, провозгласив, что император был подвигнут на искоренение «нового язычества» Св. Духом. С этого времени ведущую роль в оппозиции иконоборчеству стало играть монашество. В 760–765 гг. Константин V развернул гонения против иконопочитателей, прежде всего против монахов; под угрозой оказался сам институт монашества: мон-ри закрывались, монахов принуждали вернуться в мир, вступать в брак и т. д. Одновременно с этим последовательно проводилась линия на уничижение авторитета высшей церковной иерархии, прежде всего К-польского Патриарха.

В сфере внешней политики иконоборческий курс привел к окончательной потере византийцами контроля над Сев. и Ср. Италией; отколовшийся от империи Рим оказался предоставлен сам себе; лангобарды овладели Равенной (751) и угрожали Риму; в поисках защиты папа прибег к союзу с новой франк. династией Пипинидов (Каролингов), под протекторатом к-рых оформилась Папская обл. (756). В 769 г. Римский Собор вновь осудил иконоборчество.

При имп. Льве IV Хазаре (775–780) иконоборческий курс смягчается, гонение на монахов полностью прекращается. После его смерти регентство при малолетнем Константине VI возглавила его мать св. Ирина, убежденная сторонница иконопочитания. Постепенно иерархи-иконоборцы замещались иконопочитателями; после отречения *Павла IV* (780–784) на К-польскую кафедру был возведен иконопочитатель *Тарасий*. В 787 г. созванный св. Ириной в Никее VII Вселенский Собор осудил иконоборчество. В связи с вызвавшим ожесточенные споры 2-м браком Константина VI возникла т. н. *михианская схизма*, первая в ряду внутрицерковных расколов IX–X вв., к-рые отражали различные взгляды на отношения Церкви и гос-ва и осложнялись борьбой политических и церковных группировок.

В нач. IX в. имп. власть предприняла новую попытку усилить свои позиции по отношению к Церкви. Имп. Никифор I (802–811) провел Собор, на к-ром добился признания законности брака Константина VI, несмотря на протест прп. Феодора Студита.

Имп. Михаил III с сестрой Феклой (аверс). Имп. Феодора (реверс). Номисма

Во время кризиса, вызванного неудачной войной с болгарами, престол захватил стратиг фемы Армениак Лев V Армянин, в 814 г. возродивший иконоборчество, еще бывшее популярным в военной среде. Лидер иконопочитателей прп. Феодор Студит настаивал на полном невмешательстве светской власти во внутренние дела Церкви. Созванный Львом V Собор в храме Св. Софии (815) подтвердил постановления иконоборческого Иерийского Собора 754 г. и отверг решения VII Вселенского Собора в Никее. Сторонники иконопочитания, в первую очередь монахи, подверглись репрессиям.

При Михаиле II (820–829) иконоборческий курс значительно смягчился; преследования монахов практически прекратились. В 821 г. преемником Патриарха Феодота I Касситеры стал не ревностный иконоборец Иоанн VII Грамматик, кандидатура к-рого считалась наиболее вероятной, а Антоний I Кассимата, не имевший прямого отношения к преследованию иконопочитателей. Умеренность иконоборческого курса обеспечила лояльность клира и части монашества. Михаил II попытался также восстановить союз с Римским престолом на компромиссной платформе, предложенной франк. имп. *Людовиком Благочестивым*: иконы разрешено помещать в церквах, но запрещено воздавать им поклонение. Сын Михаила имп. Феофил (829–842) возобновил репрессии против иконопочитателей. Наиболее известные исповедники этого времени — иконописец Лазарь и братья Феофан и Феодор Начертанные. При Феофиле К-польскую кафедру получил его воспитатель Иоанн VII Грамматик.

Вдова Феофила *Феодора*, возглавлявшая правительство (842–856) при малолетнем Михаиле III, была сторонницей иконопочитания и окончательно восстановила его, постаравшись не допустить при этом нанесения ущерба авторитету имп. власти: К-польский Собор (843) подтвердил решения VII Вселенского Собора, но воздержался от осуждения последнего императора-иконоборца. Это событие получило название «Торжества Православия»; тогда же была составлена 1-я редакция *Синодика в Неделю Православия*, игравшего впосл. важную роль в закреплении правосл. вероучения.

Окончательное восстановление иконопочитания привело к значительным изменениям в отношениях гос-ва и Церкви. Политика императоров-иконоборцев, особенно во 2-й период иконоборчества, была направлена на принижение авторитета К-польского Патриарха, подчинение церковной иерархии контролю светской власти и борьбу с влиянием монашества. Крах иконоборчества

сопровождался усилением власти Патриарха и централизацией церковного управления, перестановками в рядах епископата и обострением давнего конфликта между Патриархией и влиятельным монашеством, группировавшимся вокруг Студийского мон-ря.

Сер. IX – нач. XI в. После отстранения св. Феодоры (856) началось самостоятельное правление имп. Михаила III, при к-ром фактическим правителем В. и. стал его дядя – Варда. Отказ Патриарха свт. *Игнатия*, сторонника Феодоры, постричь императрицу в монахини привел его к конфликту с Вардой. Патриарх обвинил Варду в противозаконной связи с вдовой его сына и отлучил от Церкви; в ответ Варда добился низложения Игнатия по обвинению в гос. измене и провел избрание на кафедру свт. *Фотия*, к-рый, как и его дед Тарасий, до Патриаршества был гос. чиновником. Сторонники Игнатия не признали Фотия и нашли поддержку у энергичного и честолюбивого папы *Николая I*. Власти, поддерживавшие Фотия, противостояли Риму, к-рый претендовал на роль арбитра во внутренних конфликтах К-польского Патриархата и требовал вернуть под свою юрисдикцию отторгнутые при иконоборцах области (Юж. Италию, Сицилию и Иллирик); ситуация обострилась из-за попыток Рима взять под свой контроль Болгарию, недавно принявшую христианство из К-поля. На Римском Соборе (863) Патриарх Фотий был низложен и осужден вместе со своими приверженцами; Фотий выдвинул против Зап. Церкви ряд обвинений (добавление в Символ веры *Filioque*, субботний пост и др.) и на К-польском Соборе (867) добился осуждения папы Николая I за превышение власти.

В правление Михаила III К-поль развернул беспрецедентную миссионерскую активность за пределами В. и., в чем исследователи справедливо видят заслугу свт. Фотия. Святые Константин–Кирилл и Мефодий успешно действовали в Хазарии (ок. 860) и Вел. Моравии (с 863); наряду с болгарами к христ. вере был приобщен и др. опасный сосед империи – народ «рос», угрожавший незадолго до этого самому К-полю (860); первое Крещение Руси при Патриархе Фотии (до 866/7) положило начало длительному процессу христианизации, окончившемуся век спустя при св. равноап. кн. *Владимире (Василии) Святославиче*.

Гос. переворот осенью 867 г. и восшествие на визант. престол Василия I привели к резкому изменению церковной политики. Новый император низложил Фотия и восстановил на престоле Игнатия, вступив в союз с Римом. Однако попытки папы вмешиваться во внутренние церковные дела К-поля и требования подчинить Болгарскую Церковь Риму встретили отпор со стороны Василия I. На К-польском Соборе 869–870 гг. (признаваемом на Западе «VIII Вселенским») было утверждено низложение Патриарха Фотия и его сторонников, но идея папского примата в христ. мире не нашла поддержки; Болгария получила архиепископа от К-польского Патриарха. Позиция императора способствовала устранению церковного раскола; после смерти Игнатия Фотий был восстановлен на патриаршем престоле (877–886). Римские понтифики, нуждавшиеся в военной помощи для отражения араб. угрозы в Италии, были вынуждены пойти на примирение с Византией.

В новом законодательном сборнике *«Исагоге»* была сформулирована (по всей видимости, не без участия Патриарха Фотия) концепция разделения имп. и патриаршей власти. Главой гос-ва провозглашается «Сам Христос, Коего представители на земле – василевс и Патриарх, управляют в единомыслии и единодушии»; император (василевс) «обязан защищать и охранять в первую очередь все установления Свящ. Писания, затем – все установления и догматы семи Вселенских Соборов, наконец, – действующие римские законы»; он должен отличаться православием, набожностью и др. христ. добродетелями. Патриарх – «живой и одушевленный образ Христа, своими делами и словами возвещающий истину» – обязан блюсти в благочестии и чистоте жизни вверенных ему Богом людей, обращать в Православие и соединять с Церковью еретиков, просвещать язычников; должен быть учителем, нелицеприятным, кротким в правосудии, обличительным к непослушным; имеет право толковать древние каноны, святоотеческие и соборные правила, обсуждать и применять постановления Поместных Соборов; К-польский Патриарх решает споры др. престолов и является единственным судьей при обращении еретиков (Eisag. 2).

После смерти Василия I новый имп. Лев VI организовал смещение Патриарха Фотия по обвинению в гос. измене; на патриарший престол вступил младший брат императора и воспитанник Фотия *Стефан I* (886–893). Эта новая тенденция – назначение на высший церковный пост представителей имп. фамилии – отразила стремление светской власти обеспечить более тесный союз Церкви и гос-ва при доминировании последнего. Считая своей обязанностью заботиться о внутреннем состоянии Церкви, Лев VI активно занимался церковным законодательством; вместе с Патриархом Антонием он добился окончательного прекращения раскола игнатиан.

В 906 г. произошел самый серьезный за весь средневизант. период кризис во взаимоотношениях имп. власти и Церкви. По династическим соображениям Лев VI вступил в 4-й брак, запрещенный ранее его собственным эдиктом; поступок императора вызвал протест Патриарха *Николая I Мистика* и большинства епископата (т. н. спор о тетрагамии). Лев VI, обратившись к поддержке

Имп. Александр возвращает на К-польский престол Патриарха Николая Мистика. Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII в. (Matrit. gr. 26–2)

папы, на К-польском Соборе (907) добился утверждения своего брака и низложения Николая I, на место к-рого был поставлен видный представитель монашеских кругов *Евфимий I*. Этот ловкий дипломатический ход дезорганизовал церковную оппозицию.

После смерти Льва VI новый имп. Александр (912–913) низложил Патриарха Евфимия и восстановил Николая Мистика на престо-

ле (912–925); рукоположенные Евфимием священники подверглись преследованиям, отношения с Римом были прерваны. После смерти Александра Патриарх Николай на нек-рое время возглавил регентский совет при малолетнем Константине VII Багрянородном и активно занялся политическими проблемами, вызванными войной с Болгарией; однако после дворцового переворота власть перешла в руки императрицы-матери Зои (914), а Николаю было указано заниматься исключительно церковными делами. Сменивший Зою Роман I Лакапин, ставший тестем и соправителем Константина VII (919), держал Патриарха под неусыпным контролем. В 920 г. по желанию имп. Романа Патриарх Николай Мистик созвал в К-поле Собор, к-рый издал «Томос единения», где 4-й брак был признан недопустимым для православных, однако по отношению к сторонникам Евфимия и покойному Льву VI был применен принцип икономии (право временного отступления от канонов во имя высших интересов христианства); т. о., 4-й брак Льва VI был признан легитимным (и тем самым подтверждены права на престол его сына Константина VII). Спор о тетрагамии подтвердил право К-польского Патриарха воздействовать на имп. власть в вопросах нравственности.

Со 2-й четв. X в. по мере усиления военной мощи В. и. происходило укрепление имп. власти, к-рая предпринимает попытки установить контроль над церковной иерархией. После отставки Патриарха *Трифона* и двухлетнего вдовства К-польской кафедры имп. Роману I удалось, преодолев сопротивление клира, обеспечить избрание в 933 г. на Патриарший престол своего 14-летнего сына *Феофилакта;* его поставление осуществили посланцы папы *Иоанна XI*. Давление на Церковь усилилось при имп. Никифоре II Фоке. Будучи человеком высоких аскетических принципов и поддерживая самые тесные связи с афонским монашеством (прежде всего с прп. Афанасием Афонским), император в то же время принимал меры к ограничению числа монахов, видя в этом ущерб интересам армии: было запрещено создание новых мон-рей и передача им в дар имущества (964). Пытаясь придать борьбе с мусульманами характер священной войны, император предлагал Патриарху *Полиевкту* объявить всех павших на ней воинов мучениками за веру, но не получил согласия. Наконец, было установлено правило,

Богоматерь коронует имп. Иоанна I Цимисхия. Тетартерон

по к-рому ни один епископ не мог быть рукоположен без согласия императора. Патриарх, безуспешно сопротивлявшийся этим мерам, добился от нового имп. Иоанна I Цимисхия отмены законов Никифора II и признания исключительного верховенства Патриарха в церковных делах; однако после кончины Полиевкта императоры Иоанн Цимисхий и особенно Василий II восстановили былое влияние на ход церковных дел. При Василии II Патриарший престол долгое время оставался незамещен (991–996); в 1003/04 г. мон-ри были обложены высокими налогами, что вынудило их продать гос-ву значительную часть принадлежащих им земель.

Успехи визант. оружия в сер. X — нач. XI в. привели к включению в состав В. и. ряда прежде утраченных территорий на Востоке — Армении, Сев. Сирии и Сев. Месопотамии. Конфессиональная ситуация в отвоеванных районах была достаточно сложной — наряду с мусульманами здесь находились значительные общины христиан др. конфессий, гл. обр. монофизитов. Мусульм. население стремилось выехать за пределы империи, на опустевших землях византийцы расселяли сир. и арм. христиан, как правило придерживавшихся монофизитской доктрины. Задача укрепления завоеваний на Востоке обусловила проведение визант. императорами в 963–1028 гг. политики конфессиональной терпимости.

К кон. X — нач. XI в. власть К-польского Патриарха вышла далеко за пределы В. и. В результате активной миссионерской деятельности К-польского Патриархата во 2-й пол. IX — X в. в сферу его влияния вошли Болгария, Алания, Сербия, Хорватия и Киевская Русь. Новая ситуация отразилась в притязаниях Патриарха на право именоваться «Вселенским в своем собственном мире», к-рые имп. Василий II и Патриарх *Евстафий* выдвинули в 1024 г. в послании к папе Иоанну XIX. Усиление могущества В. и. обеспечивало сохранение тесной связи церковной и гос. политики; миссионерская деятельность византийцев развивалась одновременно с их политическим проникновением на христианизируемые территории; распространение христианства за пределами империи, как правило, велось от имени и при посредстве имп. власти. После включения Болгарии в состав империи (1019) начала проводиться планомерная «грецизация» местного клира; на Руси, где подобная политика была невозможна, Патриархи и императоры всеми силами стремились сохранить под контролем греч. духовенства митрополичий престол. Выход К-польского Патриархата за политические границы Византии способствовал тому, что в дальнейшем пути и судьбы К-польской Церкви и В. и. разошлись.

Сер. XI — нач. XIII в. Во 2-й четв. XI в. в В. и. на фоне ослабления имп. власти авторитет Церкви и ее экономическое могущество продолжали усиливаться. Выросло число

Корона имп. Константина IX Мономаха. 1042–1050 гг. (Национальный музей. Будапешт)

мон-рей (особенно на Афоне); расширило свое влияние монашество. Новый курс в отношении неправосл. христ. общин Востока выразился в давлении на монофизитов с целью убедить их присоединиться к офиц. Церкви. Его начал проводить с 1029 г. Патриарх *Алексий Студит*, к-рый попытался принудить яковитский

клир Сирии и Месопотамии признать Халкидонский Собор. При Патриархах *Михаиле I Кируларии, Константине III Лихуде* и *Иоанне VIII Ксифилине* антимонофизитская политика К-поля ужесточилась. Давление и репрессии со стороны правительства против отколовшихся Церквей вызвали этнические и религ. столкновения, в первую очередь с армянами. Этот курс активно проводился императорами Константином IX Мономахом (1042–1055) и особенно Константином X Дукой (1059–1067). Однако такая политика шла вразрез с политическими интересами гос-ва, поскольку серьезно ослабляла поддержку визант. господства на Востоке перед лицом растущей внешней опасности; недовольство засильем «греков» со стороны местного населения облегчило завоевание в 70-х гг. XI в. всего Востока и М. Азии турками-сельджуками.

Известное расхождение в позиции Церкви и имп. власти проявилось в сфере отношений с Римом. Развернувшееся на Западе движение за церковную реформу, выдвинувшее лозунг папского единовластия во всем христ. мире, привело в сер. XI в. к усилению папства и росту его церковно-политических претензий. В то же время норманнская угроза в Италии, нараставшая в 1-й пол. XI в., побуждала Рим искать пути для сближения с визант. императорами, также обеспокоенными судьбой своих южноитал. владений. Однако политический и военный союз был сорван из-за конфликта папства с К-польским Патриархом Михаилом Кируларием. К этому привел длительный процесс церковно-политического отчуждения зап. и вост. христианства, осложнявшийся расхождениями в традициях и обрядах, особенно с введением догматических новаций Запада (Filioque). Протестуя против канонического наступления Рима в Юж. Италии (к-рую папы рассматривали как область своей непосредственной юрисдикции), Патриарх закрыл в К-поле лат. церкви; нарастание напряженности привело к отлучению Патриарха и его соратников легатами папы *Льва IX* и к ответному отлучению легатов на К-польском Соборе (1054). Заинтересованный в сохранении союзных отношений с Римом, имп. Константин IX пытался смягчить остроту конфликта, но был вынужден отступить, увидев, что население К-поля во всем поддерживало Патриарха. Сложившаяся ситуация показала, что светские власти были не способны полностью контролировать политику Церкви.

Конфликт 1054 г. вызвал разрыв офиц. отношений между папами Римскими и К-польскими Патриархами (взаимное невключение Предстоятелей Церквей в диптихи, прекращение обмена посланиями при избрании на престол и т. д.) и последовавшую затем утрату К-полем политического и церковного контроля над Юж. Италией. Вкупе с военными неудачами разрыв с К-полем побудил папство заключить политическую сделку с норманнами, признававшими себя вассалами Рима (1059). К 1071 г. норманны окончательно подчинили Апулию и Калабрию, к-рые (как и Сицилия) перешли под церковную юрисдикцию рим. понтификов.

Период 1028–1081 гг. характеризуется общим ростом напряженности между Патриархами и имп. властью. Уже Алексий Студит при всей своей лояльности ко двору (напр., в деле о 3-м браке имп. Зои) решительно боролся против покушений гос-ва и светской аристократии на монастырскую собственность и пытался утвердить институциональную автономность Церкви (запрет духовенству обращаться в светские суды). Михаил Кируларий, ориентируясь на идею верховенства духовной власти над светской, критиковал действия императоров и всячески подчеркивал свое превосходство над ними. Когда он открыто выступил против попыток имп. Исаака I Комнина использовать часть церковного имущества на нужды обороны империи, Патриарх был низложен. В 60–70-х гг. XI в. Патриарх Иоанн VIII Ксифилин активно вмешивался в гос. дела и твердо защищал права Церкви от притязаний императоров.

В период правления династий Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204) ситуация в восточнохрист. мире кардинально изменилась. Потеря империей Юж. Италии, где утвердилась юрисдикция Рима, и М. Азии, где при сельджуках происходила исламизация местного христ. населения, значительно сузила сферу церковной юрисдикции К-поля, и К-польская Церковь столкнулась с неск. проблемами: возрождением в XI в. интереса к античной культуре и распространением в визант. интеллектуальных кругах стремления соединить христ. учение с античной философией; всплеском во 2-й пол. XI — 1-й пол. XII в. популярности народных «дуалистических» ересей (павликиане, богомилы); началом (1095) крестоносного движения под руководством папства, угрожавшего позициям К-поля и поддерживаемых им правосл. Патриархатов в восточнохрист. мире; возобновлением в XII в. доктринальных споров (дело *Нила Калабрийского,* осуждение сочинений *Евстратия,* евхаристическая дискуссия).

В этих условиях особую значимость для Церкви приобрела поддержка со стороны имп. власти, вновь усилившейся при Комнинах. Представление о василевсе как защитнике веры стало особенно актуальным. Конфликт имп. Алексея I с частью клира во главе с митр. *Львом* Халкидонским, вызванный конфискацией церковных сокровищ (к-рому оппозиция пыталась придать иконоборческий подтекст), был урегулирован к нач. 90-х гг. XI в.: император примирился с митрополитом и отказался от дальнейшего ущемления интересов Церкви. Комнины играли руководящую роль в борьбе с ересями, а также влияли на исход доктринальных споров. Именно Алексей I, а не Патриарх Евстратий предложил возобновить процесс над *Иоанном Италом* (1082); ок. 1110 г. император лично изобличил в ереси лидера богомилов Василия и предал его сожжению; в 1114/15 г. он вступил в дискуссию с вождями павликиан в Филиппополе, убеждая их вернуться в лоно Церкви. По инициативе Алексея I начались и первые переговоры о преодолении церковного раскола с Римом (1089). Имп. Мануил I Комнин участвовал в соборном обсуждении евхаристической проблемы (1156 и 1158) и толковании слов Христа «Отец болий Меня есть» (1166); именно его позиция определила исход дискуссии. Он же в 70-х гг. XII в. стал инициатором исключения из формулы отречения от ислама анафемы «Богу Магомета» и добился на это соборной санкции, несмотря на противодействие Патриарха. Участие императора в решении вопросов вероучения не вызывало неприятия ни у епископата, ни у монахов; наоборот, от-

каз имп. Андроника I Комнина от богословских дискуссий вызвал негативную реакцию в церковных кругах. Ок. 1180 г. канонист Патриарх Антиохийский *Феодор IV Вальсамон* сформулировал тезис о том, что император имеет право заниматься законотворчеством в религ. сфере; он обязан заботиться не только о телах, но и о душах своих подданных; за пределами его власти остаются только основные постулаты христ. вероучения.

Усиление роли императоров в церковных делах проявилось и в политике ограничения прав монашества. Алексей I передал управление частью монастырской собственности в руки мирян (т. н. *харистикий*), Мануил I запретил основывать новые мон-ри в К-поле и др. крупных городах В. и., а также передавать в дар монашеским обителям имущество в полную и безусловную собственность.

Однако Комнинам не удалось достичь взаимопонимания с Церковью в вопросе об отношениях с папством. Внешнеполитические соображения подталкивали императоров к достижению согласия с Римом. Первоначально стремление к союзу с папством было обусловлено тяжелым положением империи в связи с норманнской агрессией на Балканах (1081–1085); после восстановления внешнеполитических позиций Византии зап. политика Комнинов определялась идеей возрождения единой Римской империи с визант. императором во главе и с единой Церковью. Кульминацией этой великодержавной политики стало обращение Мануила I к папе *Александру III* в 1167 г. с предложением признать его единственным императором в обмен на восстановление церковного единства (Мануил даже предложил понтифику К-польский престол). С 1089 г. Рим благожелательно относился к попыткам Комнинов пойти на сближение, требуя, однако, в качестве непременного условия политического союза признания папского примата. Но этот союз не был заключен из-за упорного сопротивления визант. епископата и монашества, поддержанного широкими кругами общества; крестовые походы и экспансия итал. торговцев вызвали устойчивый рост антизап. настроений; латинофильство имело место лишь в среде интеллектуальной и политической элиты. В вопросе о союзе с Римом имп. власть оказалась в полной изоляции.

Эпоха латинского завоевания (1204–1261). Захват К-поля крестоносцами в 1204 г. явился переломным моментом в истории визант. цивилизации. Трагические события 1204 г. ознаменовали разрыв между зап., католическим, и вост., православным, христианством. Римский престол воспользовался падением В. и., чтобы взять К-польский Патриархат под свой полный контроль; папа *Иннокентий III* утвердил в К-поле «латинского» патриарха Томмазо (Фому) Морозини (1204) и не разрешил греч. духовенству избрать своего Патриарха, хотя бы и подчиненного Римскому престолу (1208). Захваченные греч. земли были включены в состав католич. Церкви (параллельная правосл. иерархия была сохранена только на Кипре). На Латеранском Соборе (1215) папа был провозглашен главой всех вост. (лат.) патриархатов.

Отцы Церкви. Имп. Алексей I. Миниатюра. XII в. (Vat. gr. 666. Fol. 2r)

Подавляющее большинство греч. иерархов отвергли латинизацию и, оставив кафедры, бежали в области, не захваченные крестоносцами. Для них, как и для большинства населения, латинизация означала отказ от своей правосл. доктринальной и обрядовой традиции и от своей визант. культурной основы, от своей этнической почвы и от первенства в восточнохрист. мире.

В эпоху лат. господства Церковь приняла на себя миссию этнической консолидации греч. населения бывшей В. и., став основой для восстановления единой государственности. Епископат сплотился вокруг 2 центров антилат. сопротивления — Никейского и Эпирского гос-в. На Никейском Соборе была восстановлена преемственность К-польских Патриархов, что дало возможность реставрировать визант. имперскую традицию: новоизбранный Патриарх *Михаил IV Авториан* возложил имп. венец на никейского деспота Феодора Ласкаря (1208); в церемонию было включено помазание на царство — первый известный случай в визант. истории. Позже церковно-гос. союз на почве идеи возрождения империи утвердился и в Эпире: в 1224 г. *Димитрий II Хоматиан*, архиеп. Охридский, короновал императором деспота Феодора Ангела.

Существование 2 очагов имперского возрождения породило противостояние между Никеей и Эпиром и привело к временному расколу: Артский Собор (1225) фактически вывел Эпирский диоцез из-под юрисдикции Патриарха, находившегося в Никее. Однако по сути дела этот конфликт был лишь частью соперничества за к-польское наследие. Неудачи эпирско-фессалоникийских правителей в борьбе с болгарами и Никейской империей привели к подчинению Эпирской Церкви никейским Предстоятелям: в 1233 г. Христофор Анкирский, назначенный экзархом Запада, утвердил власть Патриарха над Охридской архиепископией. Это еще более усилило консолидацию сил антилат. сопротивления вокруг Никеи.

Внешняя опасность, угрожавшая как самому существованию визант.

государственности, так и сохранению самостоятельности и самобытности Византийской (Греко-православной) Церкви, обусловила тесное сотрудничество политической и церковной власти. Иерархия и монашество приняли идею верховенства императора над Церковью и признали его право и обязанность блюсти духовное и моральное состояние своих подданных (Димитрий Хоматиан, *Никифор Влеммид*). В целях создания широкой антилат. коалиции на Балканах никейские иерархи пожертвовали своей юрисдикцией над Сербией и Болгарией: в 1219 г. Патриарх *Мануил I* признал автокефалию Сербской Церкви (архиеп-ство Жичское), а в 30-х гг. его преемник *Герман II* даровал автокефалию Болгарской Церкви, возведя митрополита Тырновского в сан Патриарха.

Церковь не поддержала никейских императоров лишь в вопросе о союзе с Римом. С помощью папства Никейское гос-во рассчитывало прекратить крестоносную агрессию в Эгейском бассейне и даже (на заключительном этапе) добиться ликвидации Латинской империи; платой за это должно было стать признание верховенства Римских понтификов. Переговоры, однако, неизменно заходили в доктринальный и экклесиологический тупик. Церковь отвергла унионистский проект, выдвинутый в 1253–1254 гг. никейским имп. Иоанном III Дукой Ватацем, поддержанный папой *Иннокентием IV*: признание Римского престола верховным арбитром в христ. мире (без клятвы верности) и обязательности его доктринальных решений для всех Церквей, если они не противоречат Евангелию и канонам (вопрос о Filioque деликатно обходился) в обмен на упразднение Латинской империи и лат. иерархии в греч. землях. Сопротивление церковных кругов такой политике находилось в русле общего антилат. патриотического движения всего визант. общества, что предопределило тщетность всех усилий никейской дипломатии достичь соглашения с Римом.

Эпоха Палеологов (1261–1453). Восстановление империи с центром в К-поле (1261) изменило характер взаимоотношений Церкви и гос-ва. В правление династии Палеологов главный источник внешней угрозы для Византии постепенно переместился с Запада (анжуйская агрессия, 1266–1282) на Восток (османские завоевания с нач. XIV в.), но главным оппонентом правосл. Церкви оставался лат. Запад. Кроме того, постоянное сокращение территории империи лишало византийское гос-во статуса гаранта и защитника прав К-польского Патриархата, продолжавшего сохранять церковный контроль над греч. областями и влияние на национальные правосл. Церкви, в первую очередь в слав. странах, на Балканах и в России, на к-рую распространялась церковная юрисдикция К-поля. Все это предопределило окончательное расхождение исторических путей византийского гос-ва и К-польской Церкви, пережившей гибель империи в 1453 г.

Палеологовский период отмечен значительной напряженностью церковно-гос. отношений. Патриарх *Арсений Авториан* осудил вероломный захват престола Михаилом VIII Палеологом (1259–1282), устранившим законного императора из династии Ласкаридов. Конфликт Патриарха с императором, только что торжественно коронованным в отвоеванном у латинян К-поле, вызвал раскол: противники Арсения ссылались на высший авторитет имп. власти и утверждали, что к ее прегрешениям следует применять принцип икономии; сторонники Патриарха утверждали, что ни один человек не может стоять выше заповедей Божиих. Имп. Михаил VIII низложил Арсения, обвинив в гос. измене (1265); его приверженцы (арсениты) отказались признать нового Патриарха *Иосифа I* и отделились от Церкви. В 1268 г. после публичного покаяния в своем грехе Михаил VIII был принят в церковное общение.

Чтобы остановить анжуйскую агрессию, угрожавшую самому существованию возрожденной империи, Михаил VIII был вынужден взять курс на примирение со стремительно слабевшим папством, к-рое начиная с *Урбана IV* (1261–1264) проявляло готовность удовлетворить одно из основных требований Византии — вынести все доктринальные и дисциплинарные разногласия на суд Вселенского Собора (первоначально Рим рассматривал такой Собор лишь как инструмент для формального санкционирования унии на основе папской позиции). Несмотря на неприятие церковной политики императора монашеством и значительной частью клира, имп. Михаилу VIII удалось заставить нек-рых епископов согласиться на подчинение Риму. Это открыло путь для формального восстановления церковного единства на II Лионском Соборе (1274). Уния, однако, вызвала сильное противодействие со стороны клира во главе с Патриархом Иосифом и его сторонниками-иосифитами, поддержанными аристократами, военной верхушкой и широкими массами населения К-поля. К антиуниатской коалиции примкнули полунезависимые балканские греч. деспоты Никифор I Эпирский и Иоанн Дука Фессалийский, пытавшиеся отобрать у к-польского императора роль защитников веры; их позиции были достаточно сильны благодаря поддержке эпирского епископата, к-рый разорвал общение с К-польским престолом (Новопатрский Собор, 1277). Идеологическим фундаментом позиции иосифитов, как и арсенитов, стал тезис о недопустимости вмешательства светской власти в дела духовные.

Под давлением императора Патриарх Иосиф I сложил с себя полномочия и был заменен униатом *Иоанном XI Векком;* Михаил VIII начал жестокие репрессии против иосифитов, что обеспечило ему временный контроль над иерархией. Влахернский Собор (1277) провозгласил восстановление церковного общения с Римом. Однако ужесточение требований папства после смерти *Григория X* в 1276 г. (обязательная клятва каждого визант. священника в верности папе, включение Filioque в Символ веры) вызвали разногласия в среде униатов (временная отставка Иоанна Векка, 1279) и привели к охлаждению отношений императора с Римом, тем более что папство не оказало Византии реальной помощи против Карла Анжуйского. Победа Михаила VIII над анжуйцами (1281) и «Сицилийская вечерня» (1282) устранили угрозу с Запада, и необходимость в политическом союзе с Римским престолом отпала. Отлучение императора проанжуйски настроенным папой *Мартином IV* ознаменовало полный крах униатского курса.

Смерть Михаила VIII и воцарение Андроника II вызвали смену курса гос. церковной политики. Новый император решительно поддержал

иосифитов (отказ от переговоров с Римом, смещение Иоанна Векка, восстановление на Патриаршем престоле Иосифа). Векк и визант. легаты, присутствовавшие на Лионском Соборе, были отлучены, началось преследование униатского клира. К-польский Собор (1283) официально аннулировал унию. Патриарх *Григорий II* сместил всех епископов-униатов и даже запретил поминать Михаила VIII во время литургии. После разгрома униатской партии серьезной проблемой для светских властей и иерархии остались только арсениты.

С кон. XIII в. в греко-правосл. Церкви усилились позиции монашеской группировки «ревнителей чистоты веры» (зилотов). Зилоты исповедовали идею превосходства духовной власти над светской: не позволяя императорам вторгаться в церковную сферу, они активно вмешивались во внутреннюю и внешнюю политику гос-ва. «Зилотизация» Церкви явилась выражением глубинного процесса ее отдаления от гос-ва, поиска собственных путей в обстановке кризиса визант. политических институтов.

Конфликт Церкви и светской элиты явственно обозначился в правление Патриархов *Афанасия I* и *Иоанна XII*. Их жесткая позиция по отношению к клиру и критика правящей элиты вызвали столь сильную оппозицию, что они были вынуждены оставить престол. Однако эскалация тур. агрессии и угроза потери малоазийских епархий в нач. XIV в. породили в церковных кругах тенденцию к внутренней консолидации и к восстановлению взаимопонимания с имп. властью. При Патриархе *Нифонте I* (1310–1314) арсениты примирились с Церковью и признали легитимность династии Палеологов. Избрание его преемником *Иоанна XIII Глики*, бывш. сановника, не связанного с монашеской партией, символизировало сближение церковных верхов с имп. властью, к-рая расширила права Патриарха, передав ему контроль над мон-рями. Но военная катастрофа в М. Азии и политический кризис 20-х гг. XIV в. (борьба Андроника II и Андроника III) привели к восстановлению в Церкви доминирующего положения зилотов. После Иоанна Глики Патриарший престол вновь заняли зилоты — *Герасим I* и *Исаия*,— возродившие практику вмешательства в гос. дела и даже пытавшиеся оказать прямое влияние на исход гражданской войны 1321–1328 гг. Имп. власть перед лицом тур. угрозы возобновила в 1324 г. переговоры с папством; они активизировались при имп. Андронике III, к-рый нашел опору в возродившейся униатской партии.

Во время гражданской войны 1341–1347 гг. духовенство оказалось расколотым: на сторону имп. Иоанна V Палеолога встали Патриарх *Иоанн XIV Калека* и высшее духовенство, сторону вел. доместика Иоанна Кантакузина поддержали провинциальный клир и мон-ри. Этот раскол усугубился исихастскими спорами 30–50-х гг. Иоанн Кантакузин поддержал исихастов,

Иоанн VI Кантакузин на Влахернском Соборе 1351 г. (Parisin. gr. 1242 (№ 355). Fol. 5v)

Иоанн Калека — их противников. После победы Иоанн VI Кантакузин возвел на Патриарший престол исихаста *Исидора I*. Его преемник *Каллист I* при поддержке Иоанна Кантакузина обеспечил торжество исихастов во главе со свт. *Григорием Паламой* на Влахернском Соборе 1351 г.

Представители движения монахов-исихастов последовательно занимали патриарший трон: за Каллистом I последовали *Филофей Коккин, Макарий*, их единомышленники занимали большинство митрополичьих и епископских кафедр. На фоне окончательного упадка империи Церковь с сер. XIV в. консолидируется и усиливает свое влияние на светскую власть. Императоры со своей стороны пытались расширить свои прерогативы в церковной сфере. Документом, призванным определить полномочия императоров в церковных делах, стало синодальное деяние 1380/82 г., принятое при имп. Иоанне V и Патриархе *Ниле*.

Монашеское возрождение XIV в. способствовало сохранению самостоятельности и могущества К-польской Церкви и укреплению позиций Православия на Балканах, в придунайских и рус. землях. К-польский Патриархат противодействовал политической и церковной экспансии балканских гос-в, прежде всего Сербии, правитель к-рой *Стефан Душан* принял титул «царь и самодержец Сербии и Романии» и провозгласил архиепископа Печского «Патриархом сербов и греков» (1346). Во 2-й пол. XIV в. под эгидой К-поля оформились Церкви в Валахии (Арджешская митрополия) и Молдавии (Сучавская митрополия), во главе встали греки, назначенные К-польским Патриархом. Сохранялась церковная юрисдикция К-поля над рус. землями, где митрополиты при помощи Патриархов пытались сохранить церковное единство, несмотря на политическое соперничество князей; подчинение западнорус. областей Литве и Польше привело к их церковному обособлению (в 1355 К-поль назначил митрополита Литовского, в 1371 была учреждена Галицкая митрополия). На Востоке падение власти крестоносцев в Палестине и Сирии позволило К-полю восстановить свое влияние в Антиохийском и Иерусалимском Патриархатах.

Задача укрепления положения К-польского Патриархата в правосл. мире стала для него гораздо более важной, чем вопрос о восстановлении церковного единства с Римом и вопрос о сохранении В. и. Как и в комниновский и никейский периоды, все усилия по достижению унии (предполагавшей получение политической и военной помощи Запада) исходили от светской власти.

Переговоры с папством активно вели все визант. императоры от Иоанна V до Иоанна VIII. Во 2-й пол. XIV — 1-й пол. XV в. вопрос об унии оставался центральным для визант. дипломатии, за исключением периода 1378–1415 гг., когда Великая схизма в католич. Церкви заставила Палеологов перевести проблему взаимоотношений с лат. миром из церковной в политическую сферу, сосредоточив внимание на переговорах с отдельными европ. гос-вами (Венеция, Венгрия, Арагон). Тяжелое

внешнеполитическое положение империи привело к росту числа сторонников унии в визант. обществе, и зап. политика императоров обрела нек-рую социальную почву. Одним из проявлений проуниатских тенденций стал переход в католичество имп. Иоанна V (1369). Запад (особенно в 1-й пол. XV в.) также проявлял сильное стремление к примирению с Православием в рамках своих общих усилий по преодолению церковного кризиса. Определились контуры соглашения: признание Византией верховенства папы и разрешение всех доктринальных и обрядовых разногласий на Вселенском Соборе с участием католич. и правосл. епископов (спор в результате свелся к вопросу о месте проведения такого Собора). В 1438–1439 гг. состоялся «Вселенский» Ферраро-Флорентийский Собор, на к-ром церковное единство было формально восстановлено: визант. делегация (впрочем, не в полном составе и с нек-рыми двусмысленными оговорками) приняла догмат Filioque и папскую юрисдикцию.

Но все усилия визант. дипломатии оказались малоэффективными, ибо сторонники унии до конца существования империи составляли меньшинство. Хотя часть церковных иерархов, в т. ч. Патриархи *Митрофан II* и *Григорий III*, признали унию, но решения Ферраро-Флорентийского Собора вызвали неприятие основной массы клира и мирян и породили ожесточенное противостояние униатов и их противников, возглавляемых свт. *Марком Евгеником*, а затем Георгием Куртесием (буд. Патриарх *Геннадий II Схоларий*). Все попытки императоров Иоанна VIII и особенно Константина XI добиться принятия унии визант. обществом не увенчались успехом, тем более что после поражения крестоносцев под Варной (1444) надежды на зап. помощь оказались тщетными, а отказ папы отозвать лат. клир из греч. земель продемонстрировал нежелание Рима идти на к.-л. серьезные уступки. После публичного провозглашения унии в Св. Софии (12 дек. 1452) конфликт униатского меньшинства во главе с императором и антиуниатского большинства еще более обострился, что способствовало ослаблению единства защитников столицы от турок, ее падению и гибели В. и. (29 мая 1453).

Ист.: ДВС; *Euseb.* Hist. eccl.; *Socr. Schol.* Hist. eccl.; *Sozom.* Hist. eccl.; *Theodoret.* Hist. eccl.; *idem.* Ep.; *Philost.* Hist. eccl.; *Theod. Lect.* Eccl. hist.; *Theod. Stud.* Ep.; *Philippus Cyprius.* Chronicon ecclesiae graecae / Ed. N. Blancardus. Frankfurt, 1679; *Ignatius Diaconus.* Vita Nicephori // *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani* Opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lpz., 1880; *Ignatius Diaconus.* Vita Tarasii Archiepiscopi Constantinopolitani / Ed. I. A. Heikel. Helsinki, 1881; De exsilio S. Nicephori et translatione reliquiarum // Μνημεῖα ἁγιολογικά / Ἐκδ. ὑπὸ Θ. Ἰωάννου. Βενετία, 1884; *Gregorii Magni* Epistolae / Ed. L. M. Hartmann. B., 1891–1892. Vol. 1–2; *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в визант. и слав.-рус. литрах. М., 1897; The Ecclesiastical History of *Evagrius* with the Scholia / Ed. J. Bidez and L. Parmentier. L., 1898; *Basilius aus Achrida Erzbischof von Thessalonica.* Bisher unedierte Dialoge / Hrsg. von J. Schmidt. Münch., 1901; Doctrina Jacobi nuper baptizati / Ed. N. Bonwetsch // Abhandl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. 1910. Bd. 12. Heft 3; Vita S. Danielis Stylitae // AnBoll. 1913. Vol. 32; *Golubovich G.* Disputatio Latinorum et Graecorum // AFH. 1919. Vol. 12. P. 428–470; *Nestorius.* The Bazaar of Heracleides / Transl. G. R. Driver, L. Hodgson. Oxf., 1925; *Palladii* Dialogus de Vita S. Johannis Chrysostomi / Ed. P. R. Coleman-Norton. Camb., 1928; *Schwartz E.* Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma. Münch., 1934; Le Traité contre les Bogomiles de *Cosmas le prêtre* / Trad. H.-C. Puech, A. Vaillant. P., 1945; *Lactance.* De la mort des persécuteurs / Ed. J. Moreau. P., 1954 (рус. пер.: *Лактанций.* О смертях преследователей / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 1998); Liber Pontificalis / Ed. L. Duchesne. P., 1955. T. 1–2; The Homilies of *Photius Patriarch of Constantinople* / Ed. C. Mango. Camb., 1958; *Arethae* Scripta Minora / Ed. L. G. Westerink. Lpz., 1968. Vol. 1–2; Vita Euthymii Patriarchae Constantinopolitani / Ed. P. Karlin-Hayter. Brux., 1970; Les «Mémoires» de Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople *Sylvestre Syropoulos* sur le concile de Florence (1438–1439) / Ed. V. Laurent. R., 1971; *Athanasius I Patriarch of Constantinople.* The Correspondence / Ed. A.-M. Talbot. Wash., 1975; Patriarch Germanos I. von Konstantinopel (715–730) / Hrsg. von L. Lamza. Würzburg, 1975; *Lolos A.* Die Apocalypse des Ps.-Methodius. Meisenheim am Glan, 1976; *Étienne le Diacre.* La vie d'Étienne le Jeune / Ed. M.-F. Auzépy. Aldershot, 1997; *Никифор, архиеп. Константинопольский.* Творения. Минск, 2001.

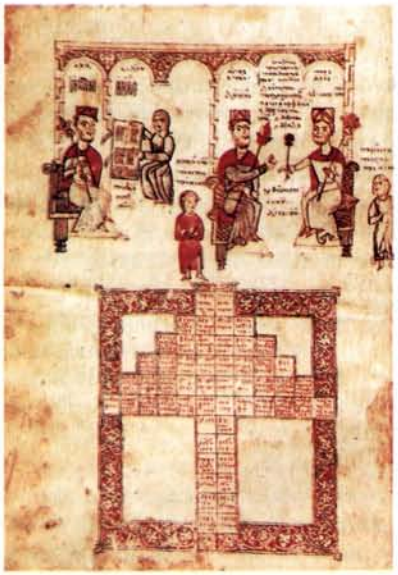
Лит.: *Лебедев А. П.* Церковь Римская и Византийская в их взаимных догматич. и церк.-обрядовых спорах в IX, X и XI вв. М., 1875; *он же.* Вселенские соборы IV и V вв: (Обзор их догматич. деятельности). Серг. П., 1896; *он же.* Собр. церк.-ист. сочинений. СПб.; М., 1896–1903[2]. Т. 1–2; *он же.* История греко-вост. церкви под властию турок: От падения Константинополя до наст. вр. Серг. П., 1896; *он же.* Духовенство и народ и их взаимные отношения в IV–VIII веках // Моск. ЦВед. 1900. № 21–22; *он же.* Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1885, 1994[p]; *он же.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X в. СПб., 1997[n]; *он же.* Истор. очерки состояния Визант.-вост. Церкви от кон. XI до сер. XV в.: От нач. Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. СПб., 1998[n]; *он же.* Очерки внутренней истории Визант.-вост. Церкви в IX, X и XI вв.: От конца иконоборческих споров в 842 г. до нач. Крестовых походов – 1096 г. СПб., 1998[n]; *он же.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1999[n]; *он же.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2000[n]; *он же.* История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001[n]; *Терновский Ф. А.* Греко-восточная Церковь. К., 1879–1882; *он же.* Рус. и иностр. библиография по истории визант. церкви IV–IX вв. К., 1885; *Perry S. G. F.* The Second Synod of Ephesus. Dartford, 1881; *Скабалановић Н. А.* Визант. гос-во и церковь в XI в. от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884; *Соколов И. И.* Состояние монашества в Визант. церкви во 2-й пол. IX–XII вв. Каз., 1894; *он же.* Избрание архиереев в Византии IX–XV вв.: Ист.-правовой очерк // Визант. цивилизация в освещении рос. ученых, 1894–1927. М., 1999. Т. 1; *Diekamp F.* Die origenistischen Streitigkeiten im 6. Jh. und das fünfte allgemeine Concil. Münster, 1899; *Gwatkin H. M.* Studies of Arianism. Camb., 1900[2]; *Мелиоранский Б. М.* Георгий Киприянин и Иоанн Иерусалимский, два малоизвестных борца за Православие в VIII в. СПб., 1901; *Norden W.* Das Papstum und Byzanz: die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung, bis zum Untergang des Byzantinischen Reichs (1453). B., 1903; *Гроссу Н. С., прот.* Прп. Феодор Студит: Его время, жизнь и творения. К., 1907; *он же.* Отношение визант. императоров Иоанна II и Мануила Комнинов к вопросу об унии с Западом. К., 1912; *он же.* Церковно-религ. деятельность визант. имп. Алексея I Комнина (1081–1118) // ТКДА. 1912. № 7/8. С. 501–543; *Hefele, Leclerq.* Hist. des Conciles; *Lebon J.* Le monophysitisme sévérien. Louvain, 1909; *Jugie M.* Nestorius et la controverse nestorienne. P., 1912; *idem.* Le Schisme byzantin. P., 1941; *Доброклонский А.* Прп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Од., 1913–1914. Ч. 1–2; *Панченко Б. А.* Латинский Константинополь и папа Иннокентий III // ЛетИФО. 1914. Т. 21. № 1; *Спасский А. А.* История догматич. движений в эпоху Вселенских Соборов. Серг. П., 1914[2]; *Епифанович С.* Прп. Максим Исповедник и визант. богословие. К., 1915; *Бриллиантов А. И.* Имп. Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. Пг., 1916; *Batiffol P.* Le siège apostolique (359–451). P., 1924[3]; *Duchesne L.* L'Église au VIe siècle. P., 1925; *Baynes N. H.* Constantine the Great and the Christian Church. L., 1930, 1972[r]; *Martin E. J.* A History of the Iconoclastic Controversy. L., 1930. N. Y., 1978[r]; *Острогорский Г. А.* Отношения Церкви и государства в Византии // SK. 1931. Vol. 4. P. 121–132; *Fliche, Martin.* HE; *Bardy G., Palanque J.-R.* La victoire de l'Orthodoxie // Histoire de l'Église. P., 1937. Vol. 3; *Labriolle P. de.* La destruction du paganisme // Ibid. Vol. 4; *Palanque J.-R.* Le Catholicisme – Religion d'État // Ibid. Vol. 3; *Schwartz E.* Zur Kirchenpolitik Justinians. Münch., 1940; *Dvornik F.* The Photian Schism: History and Legend. Camb., 1948; *idem.* Byzance et la Primauté romaine. P., 1964; *idem.* Byzantine Missions among the Slavs: SS. Constantine-Cyril and Methodius. New Brunswick, 1970; *idem.* Photian and Byzantine Ecclesiastical Studies. L., 1974; Das Konzil von Chalkedon / Hrsg. von A. Grillmeier und H. Bacht. Würzburg, 1951–1954. 3 Bde; 1054–1954, L'Église et les Églises: Études et Travaux

offerts à D. Beaudouin. Chevetogne, 1954; *Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxf., 1958; *Gill J.* The Council of Florence. Camb., 1959; *idem.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979; *Stockmeier P.* Leo I. des Grossen Beurteilung der kaiserlichen Religionspolitik. Münch., 1959; *Festugière A.-J.* Les moines d'Orient. P., 1961–1965. Vol. 1–4 (in 7); *Липшиц Е. Э.* Павликианское движение в Византии в VIII и 1-й пол. IX вв. // ВВ. 1962. Т. 5. С. 49–72; *Every G.* The Byzantine Patriarchate, 451–1204. L., 1962²; *Hajjar J.* Le Synode Permanent (synodos endèmousa) dans l'Église byzantine des origines au XIe siècle. R., 1962; *Zernov N.* Il cristianesimo orientale. Mil., 1962; *Graef H.* Mary: a History of Doctrine and Devotion. N. Y., 1963. Vol. 1; *Ware T.* The Orthodox Church. Baltimore, 1963. L.; N. Y., 1993; Histoire des Conciles œcuméniques. Vol. 1: *Ortiz de Urbina I.* Nicée et Constantinople. P., 1964; Vol. 2: *Camelot P. Th.* Éphèse et Chalcédoine. P., 1962; Vol. 3: *Murphy F. X., Sherwood P.* Constantinople II et III. P., 1973; Vol. 4: *Dumeige G.* Nicée II. P., 1978; Vol. 5: *Stiernon D.* Constantinople IV. P., 1967; Vol. 7: *Wolter H., Holstein H.* Lyon I et Lyon II. P., 1966; Vol. 9: *Gill J.* Constance et Bâle-Florence. P., 1965; *Grabar A.* Le Premier Âge chrétien (200–395). L'Âge d'Or de Justinien: De la mort de Théodose à l'Islam. P., 1966; *idem.* L'Iconoclasme byzantin: Le dossier archéol. P., 1975, 1998; *Chadwick H.* The Early Church. Harmondsworth, 1967, 1973²; *Darrouzès J.* Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'Église byzantine. P., 1970; *Charanis P.* Church and State in the Later Roman Empire: The Religious Policy of Anastasius the First, 491–518. Thessal., 1974²; Councils and Assemblies / Ed. G. J. Cuming and D. Baker. Camb., 1971; *Potz R.* Patriarche und Synode in Konstantinopel: Das Verfassungsrecht des ökumenischen Patriarchates. W., 1971; *Dieten J. L., van.* Geschichte der Patriarchen von Sergios I. bis Johannes VI. (610–715). Amst., 1972; *Frend W. H. C.* The Rise of the Monophysite Movement. Camb., 1972; *Kawerau P.* Das Christentum des Ostens. Stuttg., 1972; *Gerö S.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Leo III with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1973. (CSCO; 346); *idem.* Byzantine Iconoclasm during the Reign of Constantine V with Particular Attention to the Oriental Sources. Louvain, 1977. (CSCO; 384); *Meyendorf J.* Byzantine Hesychasm. L., 1974; *idem.* Byzantine Theology: Hist. Trends and Doctrinal Themes. N. Y., 1979²; *idem.* The Orthodox Church. N. Y., 1981³; *idem.* The Byzantine Legacy in the Orthodox Church. N. Y., 1982; *idem.* Imperial Unity and Christian Divisions: The Church 450–680 A. D. Crestwood, 1989; *Scipioni L. I.* Nestorio e il concilio di Efeso. Mil., 1974; Iconoclasm: Papers of Spring Symp. of Byzantine Studies (1975). Birmingham, 1977; *Schönborn Ch., von.* L'icône du Christ: Fondements théol. élaborés entre le premier et le second concile de Nicée (325–787). Fribourg, 1976; *Setton K. M.* The Papacy and the Levant (1204–1571): In 4 vol. Phil., 1976–1984; The Orthodox Churches and the West / Ed. D. Baker. Oxf., 1976; *Gregory T. E.* Vox populi: Popular Opinion and Violence in the Religious Controversies of the 5th Cent. AD. Columbus, 1979; *Beck.* Geschichte der orthodoxen Kirche; *Dagron G.* La Romanité chrétienne en Orient: héritages et mutations. L., 1984; *idem.* Empereur et prêtre: Étude sur le «césaropapisme» byzantin. P., 1995; *Fedalto G.* Le Chiese d'Oriente: Da Giustiniano alla Caduta a Constantinopoli. Mil., 1984, 1991²; *MacMullen R.* Christianizing the Roman Empire (AD 100–400). New Haven, 1984; *Herrin J.* The Formation of Christendom. Princeton, 1987; Nicée II, 787–1987: Douze siècles d'images religieuses: Colloque, 1986 / Ed. F. Boespflug, N. Lossky. P., 1987; *Курбатов Г. Л.* Визант. церковь IV–XII вв. // Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 107–188; Принятие христианства народами Центр. и Юго-Вост. Европы и Крещение Руси. М., 1988; *Camelot P. Th., Maraval P.* Les Conciles Œcuméniques. P., 1988. Vol. 1: Le Premier Millénaire; *Cross L.* Eastern Christianity: The Byzantine Tradition. Sydney; Phil., 1988; *Hanson R. P. C.* The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy, 318–381. Edinb., 1988; *Thümmel H. G.* Die Kirche des Ostens im 3. und 4. Jh. B., 1988; *idem.* Bilderlehre und Bilderstreit: Arbeiten zur Auseinandersetzung über die Ikone und ihre Begründung vornehmlich im 8. und 9. Jh. Würzburg, 1991; Streit um das Bild: Das Zweite Konzil von Nizäa (787) in ökumenischer Perspektive / Hrsg. J. Wohlmut. Bonn, 1989; *Ducellier A.* L'Église byzantine: Entre Pouvoir et Esprit (313–1204). P., 1990; *Griggs C. W.* Early Egyptian Christianity. Leiden, 1990, 2000; *Hussey J. M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxf., 1990²; *Liebeschuetz J. H. W. G.* Barbarians and Bishops. Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostome. Oxf., 1990; *Сидоров А. И.* Максим Исповедник: Политика и богословие в Византии VII в. // Ретроспективная и сравнительная политология: Публ. и исслед. М., 1991. Вып. 1; Early Christianity: Origins and Evolution to AD 600: In Honour of W. H. C. Frend / Ed. I. Hazlet. L., 1991; *Gliscinski J.* W spótistotny Ojcu. Łódź, 1992; *Nichols A.* Rome and the Eastern Churches: A Study in Schism. Edinb., 1992; *Полищук Е. С.* Флорентийский Собор и его значение в истории Православ. Церкви // ЖМП. 1993. № 1. С. 49–59; *Aldridge J. F.* The Cross and Its Cult in an Age of Iconoclasm. [Columbus], 1993; *Gahbauer F. R.* Die Pentarchie-Theorie: Ein Modell d. Kirchenleitung v. d. Anfängen bis z. Gegenwart. Fr./M, 1993; Geschichte der Konzilien: Vom Nicaenum bis z. Vaticanum II / Hrsg. G. Alberigo. Düsseldorf, 1993; *Grillmeier A., Hainthaler T.* Le Christ dans la tradition chrétienne. T. 2. Pt. 2: L'Église de Constantinople au VIe s. P., 1993; T. 2. Pt. 4: L'Église d'Alexandrie, la Nubie et l'Ethiopie après 451. P., 1996; *Hage W.* Das Christentum im frühen Mittelalter (476–1054): Vom Ende des weströmischen Reiches bis zum west-östlichen Schisma. Gött., 1993; Le monachisme à Byzance et en Occident du VIIIe au Xe siècle / Ed. A. Dierkens, D. Misonne et J.-M. Sansterre. Brux., 1993; *Polemis M.* Zum Begriff der Trinität. W., 1993; HChr; *Карташёв.* Соборы; Incontro fra canoni d'Oriente e d'Occidente: Atti del congr. intern. / A cura di R. Coppola. Bari, 1994. 3 vol.; *Wipszycka E.* Kościół w świecie późnego antiku. Warsz., 1994; *Kountoura-Galake E.* Byzantine Clergy and Society in the Dark Centuries. Athenes, 1996; *L'Huillier P.* The Church of the Ancient Councils. Crestwood (N. Y.), 1996; Moines et monastères dans les sociétés de rite grec et latin / Ed. J.-L. Lemaitre, M. Dmitriev et P. Gonneau. Genève, 1996; *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии: 784–847. М., 1997; *Мейендорф И.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: Введ. в изуч. СПб., 1997; *он же.* История Церкви и восточнохрист. мистика: Единство империи и разделение христиан. Св. Григорий Палама и правосл. мистика. Византия и Моск.Русь. М., 2000; *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998; Konzilien und Kircheneinheit / Hrsg. A. Stirnemann, G. Wilflinger. Innsbruck, 1998; *Болотов В. В.* Собр. церк.-истор. трудов. М., 1999–2003. Т. 1–5; *Garsoïan N.* L'église arménienne et le grand schisme d'Orient. Louvain, 1999. (CSCO; 574); Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit: Germanos I.– Methodius I. (715–843) / Hrsg. R.-J. Lilie. Fr./M, 1999; *Špidlík T., Tenace M., Čemus R.* Questions monastiques en Orient. R., 1999. (OCA; 259); *Дагрон Ж.* Восточный цезаропапизм: история и критика одной концепции // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. М., 2000. С. 80–99; *Тафт Р. Ф.* Визант. церк. обряд: Пер. с англ. СПб., 2000; *Acerbi S.* Conflitti politico-ecclesiastici in oriente nella tarda antichità. Madrid, 2001; *Trombley F. R.* Hellenic Religion and Christianization c. 370–529. Leiden, 2001. 2 vol.; *Михайленко С. В.* Роль арсенитов в полит. жизни Византии в нач. XIV в. // Мир православия. 2002. Вып. 4. С. 77–102; *Макаров Д. И.* Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003.

И. В. Кривушин

Право и Церковь. ***Рецепция римского права в Византии. Понятие византийского права.*** Правовая культура В. и. с начала ее истории вплоть до падения К-поля была основана на рецепции классического *римского права.* Источники рим. права подразделялись на законы (имп. конституции) (leges) и сочинения классиков рим. юридической мысли (iura). Попытки систематизации правового наследия ограничивались на первых порах только законами и были результатом частной инициативы. Так, в кон. III — нач. IV в. по Р. Х. были созданы сборники имп. конституций от имп. Адриана (117–138) до кон. III в. (Codex Gregorianus) и далее до имп. Константина I (306/324–337) (т. н. Codex Hermogenianus). Однако только с принятием христианства в качестве офиц. религии и созданием христ. империи начинается история гос. кодификации рим. права. При имп. Феодосии II был составлен и издан *Кодекс Феодосия* (Codex Theodosianus, 429–438), в к-ром были собраны и систематизированы имп. конституции начиная с Константина I. Кодекс включает 16 тематических книг, подразделяющихся на титулы, внутри к-рых отдельные конституции расположены в хронологическом порядке. Конституции, к-рые появились после издания Кодекса Феодосия, получили название «феодосиевых» новелл (leges novellae — новые законы).

В 1-й пол. VI в., при имп. Юстиниане I, была реализована грандиозная программа кодификации всего рим. права, охватившая как законы, изданные при прежних императорах, так и теоретические сочинения. Новую кодификацию составили неск. книг: *Кодекс Юстиниана* (Codex Iustiniani), включивший в себя более 4600 имп. указов — от Адриана до Юстиниана; *«Дигесты»*, или «Пандекты» (лат. Digesta; греч. Πανδέκται, 530–533),— сборник из 7 частей (50 книг, 150 тыс. параграфов), вобравший в себя отрывки из ок. 2 тыс. сочинений классических юристов; *«Институции»* (Institutiones, 533) — учебник права в 4 книгах, также получивший нормативный статус. Законы, вышедшие после издания Кодекса — новеллы Юстиниана (novellae; νεαραί),— дошли до нас в позднейших сборниках различного состава (напр., сборник 154 новелл 534–565 гг. на греч. языке, 580 г.). В ср. века на Западе «Институции», «Дигесты», Кодекс и новеллы получили в совокупности название «Свод гражданского права» (Corpus iuris civilis). За исключением большей части новелл, тексты «Свода» написаны на лат. языке. Важной частью кодификаций императоров Феодосия и Юстиниана стало законодательство о Церкви. Христ. характер кодификаций декларировался в самом начале соответствующих книг (CTh XVI; CJ I). 1-я кн. Кодекса Юстиниана посвящена изложению догматических основ Православия, вводная конституция к «Дигестам» (Deo auctore) содержит обращение к Св. Троице.

Императоры Юстиниан I, Лев III и Константин V. Юридический сборник (Marc. gr. 172. Fol. 27v). XIII–XIV вв.

После имп. Юстиниана рецепция рим. права в Византии протекала в форме создания различных сборников, переработок, индексов, комментариев (схолий) и парафраз на греч. языке. Широкое распространение получили тематические выборки из юстиниановского законодательства — эпитомы (ἐπιτομή — выборка, сокращение) и алфавитные обзоры правовых сводов с указанием параллельных мест — синопсисы (σύνοψις — обозрение, здесь — обобщенное изложение). Во 2-й пол. VI — сер. VII в. возникли Эпитома (Синтагма) *Афанасия Эмесского* — сокращенный свод новелл Юстиниана I и Юстина II (ок. 577); т. н. Собрание 25 глав (Collectio XXV capitulorum); т. н. Собрание 87 глав (Collectio LXXXVII capitulorum) *Иоанна III* Схоластика (впосл. Патриарха К-польского, 565–577) — на основе новелл Юстиниана, касающихся церковных вопросов; т. н. Трехчастный сборник (Collectio tripartita, кон. VI в.) — греч. переработка корпуса Юстиниана; «Номоканон L титулов», «Номоканон XIV титулов» и др. сборники. Многие из них трактовали (либо исключительно, либо наряду со светским) вопросы церковного права. Определяющее влияние классического законодательства на правовую традицию не мешало, однако, появлению нек-рых новаторских черт в юридических кодексах более позднего времени: так, в уголовных статьях «Эклоги» иконоборческих императоров Льва III и Константина V (Ἐκλογὴ τῶν νόμων, 741) введены увечащие наказания, напоминающие практику исламского *шариата*.

Систематизация источников права сопровождалась редакторской работой. В тексты законов нередко вносились исправления (интерполяции), к-рые затрагивали как их содержание, так и форму. В частности, систематическому редактированию подвергался язык юридических текстов. Несмотря на то что лат. термины сохранялись в визант. законодательных сборниках еще долгое время, наблюдалась тенденция к выработке собственно греч. терминологии в целях стандартизации юридического языка. Эту тенденцию наглядно демонстрируют законодательные сборники, изданные в рамках программы «очищения древних законов» (см. ст. *Анакатарсис*) при имп. Василии I (867–886). Завершением процесса кодификации римско-визант. права в кон. IX в. стало издание при имп. Льве VI Мудром (886–912) сборника имп. указов в 60 книгах, получившего название *«Василики»*. К этому времени лат. язык в Византии был почти забыт, поэтому источниками «Василик», целиком составленных на греч. языке, послужили греч. переработки и парафразы кодификации Юстиниана. Идеологически и композиционно значимые начальные книги «Василик» посвящены догматам веры и организации Церкви: кн. I, как и в Кодексе Юстиниана,— Св. Троице и Православию, кн. III–V трактуют вопросы канонического права.

История кодификации показывает, что правовая традиция в Византии не сводилась к рецепции классического рим. права, но испытала опосредованное влияние со стороны Церкви. Этот синтез классического рим. права и христ. религии составляет главное своеобразие правовой системы Византии. Кодифицированное, христианизированное и переработанное в духе времени рим. право визант. периода стало называться «римско-византийским правом» или «греко-римским правом».

Соотношение закона и канона. С возникновением Церкви появилась особая ветвь права — *каноническое право*. Светское и каноническое право изначально строились на различных принципах. В первые века христ. эры, когда начали вырабатываться церковные правила (каноны), рим. право уже насчитывало неск. столетий интенсивного развития — от архаичных, патриархальных форм до сложных правовых установлений и институтов, регулирующих комплекс социальных отношений развитого рабовладельческого общества. В основу рим. права под влиянием классической греч. философии была положена идея «естественного права» (ius naturale) и принципы «справедливости» (aequitas) и «человечности» (humanitas). Мотивы и представления, выходящие за пределы повседневной (гл. обр. экономической) деятельности, в светском праве отсутствовали. С др. стороны, сложность регулируемых светским правом товарно-денежных, имущественных, се-

мейных и др. отношений требовала четкости терминов, системности и в то же время гибкости правовых норм. Вековая аналитическая работа рим. юристов, вооруженных категориальным аппаратом античной философии, придала светскому праву системность и логическую стройность. Каноническое право, наоборот, изначально было призвано регулировать преимущественно духовные вопросы, имеющие прямое отношение к спасению души и вечной жизни (подтверждением этому является частое цитирование Свящ. Писания в церковных канонах). Оно не могло опираться на принципы формальной логики, как классическое рим. право, поскольку во многом основывалось на понятиях, не поддающихся рациональному определению. В каноническом праве центральное место занимало понятие Церкви. Церковь во главе с Иисусом Христом — богоустановленный, св. институт, объединяющий земные и небесные иерархии, водительствуемый Св. Духом, промыслительно исполняющий в истории человечества миссию спасения. Земная Церковь представляет собой сообщество верных (fideles; πιστοί), жизнь к-рого регулируется каноническим правом. Что же касается «неверных», то они входят в компетенцию канонического права только в случае их обращения (для отлученных и отступников — после покаяния). Определения канонического права опираются не столько на эллинистические идеи «справедливости» или «человечности», сколько на идею христ. любви; высшим источником канонического права является воля Св. Духа, выражаемая соборным волеизъявлением Церкви. Церковные каноны оперируют не только юридическими, но и религ. и моральными понятиями: «благо», «правильное», «подобающее», «достойное», «святость», «грех» и т. п.

В церковном праве каноны, утвержденные соборным решением (особенно если это было решение Вселенского Собора), признавались богодухновенными и приобретали вечную правовую силу (Eisag. III 7; Basilic. V 3. 1). В светском праве Византии высшей правовой (законодательной, судебной и апелляционной) инстанцией был император (CJ I 14. 1; 12). Согласно классической сентенции великого рим. юриста Ульпиана (II–III вв.), «то, что постановил принцепс, имеет силу закона» (quod principi placuit, legis habet vigorem — Dig. I 4. 1). Однако источником права признавался рим. народ, к-рый делегирует принцепсу (императору) высшие правомочия (imperium et potestatem) посредством «царского закона» (Ibidem; ср.: конституция Deo auctore, 7). В каноническом праве источником права является соборное сообщество верующих, водимое Св. Духом,— Церковь. С течением времени в визант. гос. идеологии наблюдалась тенденция провозглашать Божественную волю источником не только церковных канонов, но и законов гос-ва (Eisag. Prooem. 22; I 1). Однако в Церкви, признающей божественное происхождение только самого института власти (Рим 13. 1–7), но не конкретных властных персон или их постановлений, данный взгляд не нашел признания.

Несмотря на то что вся правотворческая деятельность в империи находилась под контролем императора, каноническое право сохранило в рамках этой системы определенную автономию, к-рая проявилась в различии церковной и светской юрисдикции.

Церковная и светская юрисдикции. Фундаментальные институциональные различия между Церковью и гос-вом были закреплены разделением юрисдикции на светскую и церковную. Наряду с обычными судами со времени правления имп. Юстиниана по нач. XIII в. был имп. суд на ипподроме, служивший высшей инстанцией по делам светского характера (*Медведев.* 1991. С. 298). В то же время в К-поле существовал высший Патриарший суд, в к-ром разбирались тяжбы с участием архиереев (Халк. 9; 17). Для разрешения споров между клириками на местах и по вопросам, связанным с верой, Церковью и культом, существовал суд местного епископа (audientia episcopalis), упоминавшийся уже в IV в. (*Euseb.* Vita Const. IV 27; Const. Ap. II 12.1; ср. также: CJ I 3. 25; I 4; Novell. Just. 79; 83. Prooem.; 123. 21. Prooem.; *Ehrhardt.* 1955. S. 170; *Τρωιάνος.* 1999. Σ. 25). Если тяжба с участем клириков касалась денежно-имущественных вопросов, то тяжущиеся стороны также должны были получить приговор местного епископа (в столице — Патриарха К-поля), к-рый затем приводился в исполнение гос. чиновником; только в случае невозможности или нежелания одной из сторон сделать это допускался суд имп. наместника (в столице — префекта претория). Неск. особняком в юридической традиции стоит новелла имп. *Ираклия* 629 г., утвердившая принцип «истец следует юрисдикции ответчика» (τὸν ἄκτορα τὸν τοῦ ῥέου μεταδιώκειν φόρον — Novell. Heracl. a. 629: *Rhalles, Potles.* T. 5. P. 228). Светский суд над клириком или епископом допускался также в том случае, если он подвергался судебному преследованию в столице, находясь вдали от своей епархии (Novell. Just. 123. 24; Novell. Herakl. a. 629). Уголовные процессы с участием клириков должны были рассматриваться епископом (Патриархом), к-рый в случае доказательства вины клирика мог извергнуть его из сана, после чего за дело брались гражданские судьи или наместник провинции (Novell. Just. 83. 1; 123. 21. 1; Nov. Herakl. a. 629). Иски клириков против епископов (своей или др. епархии) по церковным делам разбирались епархиальным Собором (Конст. 6; Халк. 9; 17), а споры между епископами — экзархом диоцеза или Патриаршим судом в К-поле (Там же; Novell. Just. 123. 22).

Нарушение клириками церковной юрисдикции и попытки прибегнуть к помощи светских властей сурово карались (Апост. 39; Конст. 6; Лаод. 57; Антиох. 5, 11, 12; Карф. 15, 62, 104; Eisag. XI 11). Однако и светские власти (включая императора) могли лишь ограниченно влиять на церковные дела. Так, когда имп. Феодосий I Великий (379–395) пригрозил еп. К-польскому *Димофилу* (арианину) запретить его в служении, последний заявил, что власть императора простирается только на церковные здания, и стал служить литургию под открытым небом (*Болотов.* Лекции. Т. 4. С. 108).

Светское право строго преследовало отступления от правосл. (кафолического) христианства (ереси, секты, расколы) как общественно опасные деяния, но не вмешивалось в юрисдикцию Церкви (Novell. Just. 79. 1; 83. 1; 123. 21. 2). Согласно «Эклоге», христиане, отпавшие от веры в плену и вернувшиеся домой, не наказывались в уголовном порядке, а передавались Церкви на покаяние (Экл. XVII 6). «Исагога» (Εἰσαγωγή, 885/6 г.) назначает пресвитерам и

диаконам за лжесвидетельство, не подкрепленное клятвой, трехгодичный срок запрещения в служении и покаяния в мон-ре (Eisag. IX 12). По делам, касающимся вероисповедных и дисциплинарных вопросов, церковной юрисдикции теоретически подлежали все миряне, включая императора. Вместе с тем, по крайней мере на практике, церковные наказания обычно не распространялись на императора, членов его семьи и приближенных (одно из редких исключений — епитимия, наложенная в 906 при Патриархе К-польском *Николае I Мистике* на имп. Льва VI за его неканонический 4-й брак). В одной анонимной имп. новелле принцип неподсудности императора Церкви даже сформулирован эксплицитно: «Наш дворец и казна не подлежат каноническим (т. е. церковным) законам» (νόμοις κανονικοῖς) (*Burgmann.* Palatium. S. 20, 24).

С различием юрисдикций было связано и то обстоятельство, что членам церковного клира было запрещено заниматься любой деятельностью светского характера (Апост. 6, 44, 81, 83; I Ник. 17; Халк. 3; Трул. 10; Лаод. 4; Карф. 5, 16, 19; Novell. Just. 123. 4, 6–7). Так, клирики не могли выступать офиц. адвокатами в светском суде. Со временем, когда профессия адвоката стала свободной, это правило могло нарушаться (напр., у Патриарха Луки Хрисоверга (1157–1169/70) возник конфликт с неким диаконом, к-рый намеревался выступить защитником в имп. суде — *Медведев.* 1989. С. 236).

Несмотря на различие церковной и светской юрисдикций, представление о фундаментальном родстве и общих задачах светского и канонического права (*Stolte.* 1991. S. 242) приводило к тому, что уже в IX в. церковная власть в лице Патриарха *Фотия* принимала активное участие в составлении офиц. законодательных сборников. Юридическая образованность и осведомленность не только в церковном, но и в светском праве была важным требованием для кандидатов на Патриарший престол. Юристами по образованию и первоначальному роду деятельности были Патриарх К-польский Иоанн III Схоластик (VI в.) и Патриарх Антиохийский *Феодор IV Вальсамон* (XII в.); юрист и буд. Патриарх *Иоанн VIII Ксифилин* исполнял при имп. Константине IX Мономахе (1042–1055) особую гос. должность *номофилакса* — хранителя законов (*Медведев.* 1989. С. 238).

В период поздней империи Церковь начала играть важную роль в гражданском управлении и правосудии. В XIV–XV вв. К-польские Патриархи вели интенсивную судебную деятельность в области семейного, наследственного и брачного права, о чем свидетельствует Патриарший регистр 1315–1401 гг. и многочисленные сборники церковного и гражданского права (*Darrouzès.* Le registre synodal). В 1296 г. имп. *Андроник II Палеолог* (1282–1328) издал хрисовул о создании института 12 присяжных «вселенских судей ромеев» (οἱ καθολικοὶ κριταὶ τῶν Ῥωμαίων), в число к-рых должны были войти не только светские, но и духовные лица — архиереи (Reg. Imp. N 2183, 2188). Юрисдикция «вселенских судей» простиралась даже на императора и членов его семьи. Т. о., принцип неподсудности императора был впервые официально признан недействительным (по крайней мере в теории). С учреждением коллегии «вселенских судей» был создан особый имп. (светский) суд высшей и низшей инстанции с участием церковных иерархов. Поскольку данная реформа не удалась из-за невозможности рассмотреть в разумные сроки огромное количество дел, в 1329 г. внук Андроника II, имп. Андроник III Палеолог (1328–1341), учредил новый «вселенский суд» из 4 судей. В первом составе нового суда был один митрополит и один диакон (Ibid. N 2743, 2747, 2805, 2806). В одном из указов Андроника III прямо определяется участие Церкви в отправлении светского правосудия: «Вселенские судьи ромеев избраны и поставлены святою Церковью Божией и моей царственностью» (Ibid. N 2747, 2805). Местом заседаний «вселенского суда» был избран храм Св. Софии в К-поле (*Медведев.* 1991. С. 300–302).

Взаимодействие канонического и светского права. В первые века христианства светское и церковное право развивались независимо друг от друга. Пока язычество оставалось гос. религией, Церковь дистанцировалась от светской власти. Однако, после того как христианство приобрело статус религии, к-рой покровительствует император (с Константина Великого), а затем и гос. религии (с Феодосия I), началось постепенное проникновение христ. элементов в правовую систему, унаследованную от рим. государственности. С IV в. светское право официально признает святость христ. религии и гос. статус Церкви (см. разд. Империя и Церковь). В условиях, когда глава гос-ва, император, также был членом Церкви и вместе с нею заботился о духовном благе подданных, прежнее дистанцирование Церкви от мирской власти потеряло смысл. Императоры стали присутствовать на Вселенских Соборах и утверждать их решения, ставя тем самым их исполнение под защиту гос. власти (первый известный пример — эдикт Феодосия I от 30 авг. 381, утверждающий решения II Вселенского Собора: CTh XVI 1. 3).

Мн. церковные каноны регулируют взаимоотношения Церкви с высшими светскими властями (Апост. 84, Трул. 69, Антиох. 11–12, Карф. 58–64, 75, 82, 84–85, 93, 96–97, 102, 104, 106, Сард. 7–9, комм. Феодора Вальсамона к Апост. 16). С др. стороны, гос. законы христ. империи начинают рассматривать церковную общину как юридическое лицо (persona incerta). Уже при Константине Великом церковная община могла выступать в роли законного наследника завещанного ей имущества (CJ I 2. 1, 321 г.). Тогда же впервые выделяются гос. субсидии на содержание дев, посвятивших себя Богу, и церковных вдовиц (*Theodoret.* Hist. eccl. I 11. 2), вводится право освобождения рабов в Церкви (manumissio in ecclesia — CJ 13, 316 и 321 гг.; широко распространившись в Италии, оно затем было введено и в африканских епархиях, ср. Карф. 75 и 93) и др. (см.: *Ehrhardt.* 1955. S. 179). Церковь также получает от гос-ва средства на помощь бедным (CJ I 2. 12, 451 г.). В 321 г. воскресенье (dies solis) официально признано религ. праздником и днем отдыха (CTh II 8. 1; CJ III 12. 2; *Euseb.* Vita Const. IV 18; 33; см.: *Ehrhardt.* 1955. S. 170, 179–181).

Уже в V в. церковные каноны приблизились по своему статусу к законам гос-ва. Так, зап. имп. Валентиниан III законом от 451 г. объявил недействительными ранее изданные законы (pragmaticae sanctiones), противоречащие церковным канонам (CJ I 2. 12; ср. Эфес. 8). В VI в. Юстиниан окончательно придал церковным канонам (прежде всего

канонам Вселенских Соборов) силу гос. закона (CJ I 3. 44; Novell. Just. 6. 1. 8; 131. 1; см.: *Biondi*. 1954. P. 196). В интерпретации «Номоканона XIV титулов» именно законы следуют канонам, а не наоборот (Nomocan. XIV tit., I 2; см.: *Нарбеков*. 1899. С. 47; *Stolte*. 1991. S. 233). Это мнение разделяли и великие визант. канонисты XII в. Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон (*Rhalles, Potles*. T. 1. P. 57–58, 60, 68; см.: *Stolte*. 1991. S. 234–235).

С принятием христианства в систему светского права вводятся новые элементы. Так, в дополнение к светским законам (leges civiles) и церковным канонам (sacri canones, sacrae regulae) появился новый тип имп. конституций — «божественные законы» (leges divinae; θεῖοι νόμοι), т. е. имп. постановления о Церкви. В преамбулах к 6-й и 137-й новеллам Юстиниана I провозглашается, что император обязан заботиться о хранении истинных догматов веры и чести священников, наблюдать за исполнением не только общегражданских (νόμοι πολιτικοί) и «божественных» (νόμοι θεῖοι) законов, но и церковных канонов. В конституции Константина Великого от 326 г. зафиксирован особый термин — «кафолический закон» (catholica lex), соблюдающие к-рый противопоставлены «еретикам» (haereticos) (CJ I 5. 1; ср.: lex Iudaica — Ibid. I 9. 4–5). Юстиниан официально объявил долгом императора подражание Христу и Его «снисхождению» (humilitas, συγκατάβασις) (CJ I 1. 6). Имп. законы не только осуществляют всестороннее регулирование церковной жизни, но и трактуют (в соответствии с решениями Соборов) богословские вопросы (CJ I 1. 5; 6; I 5. 18 и др.; Eisag. II 5).

Сильное влияние канонического права отмечается в новеллах имп. Ираклия от 612, 617, 619 и 629 гг., имп. Ирины между 780–790 и 797–802 гг., иконоборца Льва V и его сына Константина 819/20 г. (Reg. Imp. N 165, 175, 199, 212, 338, 358, 359; *Τρωιάνος*. 1999. Σ. 104–105). Активную законотворческую деятельность развил имп. Лев VI Мудрый (886–912), из 113 новелл к-рого 35 посвящены Церкви, в частности вопросам приспособления светского права к соборным канонам VII–VIII вв., не учтенным в юстиниановском законодательстве (*Τρωιάνος*. 1999. Σ. 160–167; *Stolte*. 1991. S. 233, Anm. 5). Тесная связь с каноническим правом также в новеллах имп. Исаака I Комнина (1057–1059) и Константина X Дуки (1059–1067) (Reg. Imp. N 943, 944, 961), Никифора III Вотаниата (1078–1081) (Ibid. N 1048), Алексея I Комнина (1081–1118) (Ibid. N 1085, 1116, 1167, 1168b, 1177, 1214b), Мануила I Комнина (1143–1180) (Ibid. N 1333a, 1372, 1468) (*Τρωιάνος*. 1999. Σ. 167–170; *Соколов*. 1907). Следует упомянуть также новеллу Андроника II Палеолога (1282–1328) о запрете кандидату в епископы делать подарки участвующим в его поставлении архиереям (Reg. Imp. N 2159 — ср.: каноны Халк. 2 и Трул. 22) и новеллу Андроника III, в к-рой наряду с вопросами наследственного, процессуального, уголовного, брачного и договорного права трактуются вопросы церковной дисциплины (Ibid. N 2295).

Взаимодействие канонического и светского права не ограничивалось влиянием первого на второе. Светское право в свою очередь также сыграло определенную роль в формировании церковных институтов. Так, по-видимому, влиянием светского права можно объяснить появление в Церкви института апелляционного суда (Ант. 12, Сард. 3–5; Халк. 9, 17; см.: *Troianos*. Der Apostolische Stuhl. S. 252–253).

Появление нового юридического жанра — имп. «божественных законов», касающихся Церкви,— неизбежно должно было поставить перед церковными властями проблему сбора и тематической классификации (кодификации) юридического материала, относящегося к церковным делам. С кон. VI в. в церковно-канонической книжности распространяется новый тип сборника, объединяющий соборные и святоотеческие каноны с имп. законодательством о Церкви — номоканоны (от греч. νόμος — закон и κανών — канон, правило). Наиболее важными из них были т. н. «Номоканон L титулов» и «Номоканон XIV титулов» (*Τρωιάνος*. 1999. Σ. 142–145). Визант. канонисты XII в. Иоанн Зонара и Феодор Вальсамон в своих толкованиях церковных канонов часто обращались к материалу светского права (*Stolte*. 1991. S. 241–242).

В XIII–XV вв. Церковь начинает играть активную роль в гос. управлении и судопроизводстве. Усиление юридической и судебной роли Церкви нашло свое отражение не только в адм. реформах, но и в особенностях юридической книжности того времени. Так, составитель юридического сборника XIII–XIV вв., известного как «Пространный Прохирон» (Prochiron auctum), находился под заметным влиянием визант. канонистов XII–XIII вв. (*Медведев*. 1991. С. 303). Судья из Фессалоники Константин *Арменопул*, составивший в 1345 г. юридическую компиляцию «Шестикнижие» (Ἑξάβιβλος), включил в нее титулы «О завещании епископов и монахов», «О рукоположении епископов и священников» и др., относящиеся

Иером. Матфей Властарь. Канонический сборник. XV в. (Vatop. 483. Fol. 2r)

к каноническому праву. Большое место занимает светское и каноническое право в юридических сборниках современника Арменопула иером. из Фессалоники *Матфея Властаря*, к-рый составил «Алфавитную синтагму» канонов с традиц. прологом «О православной вере» и значительными вставками из светского законодательства, придающими этому труду характер номоканона.

Христианизация частного права (ius privatum). В светском праве Византии были предусмотрены ограничения в правах для лиц, не являющихся членами Церкви,— еретиков, раскольников, отступников, отлученных (CJ I 7; Novell. Just. 115. 3. 14; Proch. 33. 13–15; см. также ст. *Апостасия*). Отступники от христианства лишались права выступать свидетелями в суде, наследовать по

завещанию, совершать акт дарения, а отпавшие от христианства в иудаизм наказывались конфискацией имущества (CJ I 7. 1; 3). Запрещалось любое отчуждение (продажа, дарение и т. д.) имущества правосл. общин в пользу еретиков или иноверцев (CJ I 5. 10; 18; Novell. Just. 131. 14). Еретики лишались права занимать офиц. должности, быть адвокатами и участвовать в местном самоуправлении (CJ I 5. 12. 9–12; Novell. Just. 15; 37. 5–6). Дети правосл. родителей, ставшие еретиками, получали юридический статус «неблагодарных» с вытекающими из этого последствиями, предусмотренными рим. наследственным правом (Novell. Just. 115. 3. 14). Имущество еретиков наследовалось независимо от их последней воли только их правосл. детьми или родственниками, а при отсутствии таковых отходило гос-ву (CJ I 5. 18. 6–7; Novell. Just. 115. 3. 14; 4. 8).

В области семейного законодательства влияние христианства и Церкви было не менее сильным, чем в вещном праве. Уже при имп. Константине Великом были приняты законы, приводившие семейные отношения в соответствие с нормами христ. нравственности: отменено действие закона против безбрачных и бездетных (*Euseb.* Vita Const. IV 26; C Th VIII 16. 1; CJ VIII 58. 1), приняты меры против конкубината (CJ V 26. 1; 27. 1, 5), установлена полная гражданская правоспособность женщин с 18 лет (CTh II 17. 1; CJ II 45. 2) и ограничена возможность развода (CTh III 16. 1). При имп. Юстиниане I введен запрет брака между духовными чадами и родителями (CJ V 4 26. 2; 530 г.), позднее распространенный также на брак духовных родителей с физическими родителями новокрещеного (Трул. 53; см.: *Τρωιάνος*. 1992. S. 29). Вопрос о допустимости браков в зависимости от степени родства впосл. стал одной из распространенных тем визант. трактатов по каноническому праву (*Суворов.* 2004. 330–332).

Были запрещены браки между христианами и иудеями (CJ I 9. 6; Халк. 14), а также между православными и еретиками (Лаод. 31). Женам еретиков, к-рые сами привержены ереси, запрещалось получать приданое и пользоваться связанными с ним преимуществами вплоть до отказа от ереси (Novell. Just. 109). При уклонении одного из супругов в ересь брак подлежал расторжению. Если же один из супругов, живших ранее вне веры и Церкви, обращался в Православие, такой брак предписывалось сохранить согласно указанию св. ап. Павла: «Неверующий муж освящается женою верующею» (1 Кор 7. 14; Трул. 72). Детей, родившихся от смешанного брака, следовало крестить в правосл. церкви (Халк. 14; CJ I 5. 18. 8; см.: *Нарбеков.* 1899. С. 452–456).

Согласно каноническому праву, из церковнослужителей могли вступать в брак после рукоположения только чтецы (анагносты) и поющие на клиросе (псалты) (Апост. 26; Трул. 6, 12, 13; Неокес. 1; Карф. 20, 34(25) — прочие (диаконы и священники) имели право жениться лишь до рукоположения (Трул. 6). В Зап. Церкви постепенно был введен целибат, прежде всего для епископов. На Карфагенском Соборе (419) епископам предписывалось воздержание от своих жен (Карф. 34(25): «И да будут яко не имеющие их»). В юстиниановой новелле 6. 1. 3 содержится иное предписание: кандидат в епископы должен быть либо неженатым, либо женатым на женщине «от ее девичества». Вопросы семейной жизни духовенства подробно регламентировал Трулльский (Пято-Шестой Вселенский) Собор 691–692 гг., оказавший затем значительное влияние на имперское законодательство о браке (напр., в «Эклоге») (*Τρωιάνος*. 1992. Σ. 28–29); на этом Соборе был определен целибат для епископата (Трул. 12, 48). Клирикам запрещалось также вступать в брак с иноверцами или еретиками, если только последние не пообещают перейти в Православие (Халк. 14; Лаод. 10; Карф. 21).

Новелла Юстиниана 137. 10, а за ней и «Частная пространная Эклога» (Ecloga privata aucta, II 16, 19), возникшая предположительно между 829 и 870 гг. в Юж. Италии, предусматривают уход в мон-рь как причину расторжения брака, заключенного либо по устному, либо по письменному соглашению (*Schoell, Kroll.* Novellae. P. 650; *Zachariä v. Lingenthal.* 1865. S. 13, 14; ср.: *Медведев.* 1989. С. 226).

Христианизация частного права происходила не только на содержательном, но и на формальном уровне, проявляясь, напр., в использовании Свящ. Писания в правовых текстах. Так, в порядке частной инициативы составляются такие юридические сборники, как *Закон Моисеев* (Νόμος Μωσαϊκός), целиком основанный на древнеиудейском законодательстве ВЗ. В светских законодательных сборниках (напр., в «Эклоге») появляются цитаты из Свящ. Писания (*Медведев.* 1984. С. 369).

Уголовное право и Церковь. Визант. христ. гос-во боролось с язычниками и еретиками при помощи как адм., так и уголовных наказаний. Уже имп. Константин Великий принимал меры против языческих культов (*Euseb.* Vita Const. IV 25) и гаданий (CTh IX 16. 1–2); он же позаботился о том, чтобы иудеи, переходящие в христианство, не подвергались преследованиям со стороны своих бывш. единоверцев — в противном случае последних следовало сжечь на костре (CTh XVI 8. 1; CJ I 9. 3) (см.: *Ehrhardt.* 1955. S. 165–182). Язычникам и иудеям запрещалось под угрозой крупного штрафа иметь рабов-христиан, а за обрезание раба-христианина хозяину-иудею грозила смертная казнь (*Euseb.* Vita Const. IV 27; CJ I 10; Novell. Just. 37. 7 — обрезание рабов как условие вкушения ими евр. пасхи упоминается в ВЗ (Исх 12. 44), ср.: *Ehrhardt.* 1955. S. 181–183). Начиная с 354 г. регулярно издаются эдикты, налагающие запрет на языческие культы под страхом смерти (gladio ultore) (CJ I 11). Казнь полагалась также за возвращение к языческим обрядам после принятия Крещения (Proch. 39. 33).

Для отступников от христианства, еретиков и сектантов первоначально предусматривались адм. наказания — штрафы и др. поборы в пользу гос-ва (CJ I 5. 1; 7. 1). С 380 г. еретики и сектанты подвергаются уголовным наказаниям. Под страхом смерти им было запрещено устраивать собрания, рукополагать священников, крестить, участвовать в хозяйственной деятельности (CJ I 5. 14). Категорически запрещалось допускать их в черту города (CTh XIV 5. 6.; XVI 5. 14; 15; 65; CJ I 1. 2). Места их собраний — будь то общественные или частные здания — подлежали конфискации в пользу Церкви (CJ I 5. 3). «Исагога» запрещает еретикам, иудеям и язычникам исполнять гражданские и военные должности, фактически лишая их большей части гражданских прав (ἐσχάτως ἀτιμοῦνται) (Eisag. 9. 13).

Суровым преследованиям подвергались приверженцы *манихейства*, расследования против них не имели срока давности (CJ I 5. 4, 5). Манихеям, перешедшим в христианство, а потом вновь вернувшимся к своим обрядам, полагалась смертная казнь (CJ I 5. 16; Basilic. I 1. 31; Proch. 39. 28). Манихейство, как и церковный раскол, приравнивалось к гос. преступлению (publicum crimen). Смертную казнь манихеям и монтанистам предписывали «Эклога» (Ecl. 17. 52) и *«Прохирон»* (Proch. 39. 28–29). Участникам раскола донатистов закон назначал ссылку с лишением имущества и конфискацией церковных построек, а за упорство в расколе — крупные штрафы (для чиновников) или побиение палками (для частных лиц и рабов). Раскольникам запрещалось занимать гос. должности, заключать контракты, выступать свидетелями на суде (CTh XVI 5. 52; 54; CJ I 5. 4; ср. Апост. 75).

Юридические основы власти императора и Патриарха. Теория «симфонии» властей. Вводная конституция к «Дигестам» имп. Юстиниана декларирует способность законов упорядочивать как «человеческие», так и «божественные» дела (Deo auctore 1). В гос. идеологии Византии наблюдалась тенденция ставить императора над Церковью, объявляя его «наместником Христа», «архиереем, пусть и не служащим» и т. п. (*Остроумов.* 1893. С. 462–463; *Медведев.* 2001. С. 75–79). Вместе с тем широкие полномочия К-польских Патриархов в решении церковных вопросов и их общественный авторитет доставляли немало проблем императорам, если они осмеливались нарушить церковные каноны. Влияние императора на дела Церкви было хоть и велико, но не безгранично. В каноническом праве высшим юридическим авторитетом обладал не император, а Вселенский Собор. Император в отношении Церкви выступал de iure как надзирающая и координирующая, но не как руководящая инстанция. Вместе с Патриархом он был обязан следить за соблюдением канонов, однако не имел права издавать, отменять и толковать каноны и не мог без санкции митрополита принимать от клириков прошения и выступать в роли посредника или судьи по церковным вопросам (ср.: Халк. 9; Антиох. 11, 12; Сард. 7–9; Карф. 73, 119). Роль императора в Церкви ограничивалась лишь неск. (хотя и весьма важными) адм. функциями: он утверждал кандидатов на Патриаршие престолы, созывал Вселенские Соборы, утверждал соборные постановления (*Joannou.* 1962. P. 509–511; RegImp. N 2108, 2139), подкреплял особыми законами действенность церковных канонов (Novell. Just. 137. 4), мог менять церковно-адм. структуру, присваивая ранги епископиям и митрополиям (CJ I 2. 6; Халк. 12; Трул. 38; RegImp. N 1897a, 2109, 2232, 2234, 2235, 2270). Император также мог поручить епископу или гос. чиновнику разобрать то или иное спорное дело, касающееся Церкви (Карф. 104; Novell. Just. 123. 8; RegImp. N 2153). В особых случаях императоры брали на себя и ряд адм. функций церковных властей: назначение митрополитов (Reg. Imp. N 2091), вызов митрополитов в столицу на Патриарший суд (Ibid. N 2132), переподчинение мон-рей (Ibid. N 2141, 2179, 2179). Поскольку Церковь не имела собственного карательного аппарата, император выступал также в роли инстанции, защищающей интересы Церкви методами принуждения (*Медведев.* 2001. 75). Однако деятельность императора в поддержку правосл. веры и Церкви подробно не регламентировалась, а потому нередко носила характер импровизации. Ни церковные каноны, ни светские законы ничего не говорят о праве императора толковать основы христ. вероучения и навязывать эти толкования Церкви. Тем не менее произвольное вмешательство императоров в богословские споры периода Вселенских Соборов на стороне одной из партий имело место и нередко приводило к временному торжеству еретических догматов.

К-польский Патриарх был не только Предстоятелем своего Патриархата, но со времени правления имп. Зинона, а затем Юстиниана I считался руководителем всех церковных дел в империи (CJ I 2. 16; 24) и (в идеале) духовным наставником императора. Имп. Юстиниану принадлежит и первая формулировка принципа «симфонии» в преамбуле к 6-й новелле: гармоничное сотрудничество светской и духовной властей. Тот же принцип согласия царской и патриаршей власти эксплицитно сформулирован в «Исагоге» (Eisag. 3. 8) и повторен позднее в «Алфавитной синтагме» Матфея Властаря (XIV в.) (ср.: *Медведев.* 2001. 72–74).

Впервые в визант. светском праве разд. «О патриархе» появляется в «Исагоге» — офиц. законодательном сборнике, написанном при участии Патриарха Фотия (858–867, 877–886). Здесь Патриарх именуется «живым и одушевленным образом (εἰκών) Христа, словами и делами изобразующим Истину» (Eisag. 3. 1). Правом и обязанностью Патриарха является выступление перед императором в защиту Православия. Только Патриарх имел право толковать церковные каноны, принимать в лоно Церкви кающихся еретиков и отступников либо поручать это др. лицам (Eisag. 3. 4, 5, 11).

Юридический статус Римской кафедры в светском и церковном праве. Имп. Юстиниан I в CJ. I 1. 7 и Nov. 131. 2 отдает Римскому папе первенство перед Патриархом К-поля. В то же время в распоряжениях имп. Зинона от 477 г. (CJ. I 2. 16) и Юстиниана I от 530 г. (CJ I 2. 24) Великая Церковь К-поля названа «матерью православной религии всех христиан» и «главой всех прочих (церквей)», ее привилегии «относительно поставлений епископов и права восседания впереди прочих» (super... iure ante alios residendi) подтверждаются «на вечные времена» (in perpetuum) (ср. *Нарбеков.* 1899. С. 55). С кон. IV в. соборные правила (Конст. 3) признают почетное старшинство К-польского престола «после епископа Рима»; Халк. 28 и Трул. 36 добавляют, что утверждение за К-польской кафедрой «равных привилегий» (ἴσα πρεσβεῖα) с кафедрой «старого Рима» мотивируется столичным статусом обоих городов. Это равенство подкреплялось правом К-польского архиепископа поставлять митрополитов в Асийский, Понтийский и Фракийский диоцезы (Халк. 28). Еще ранее указом Феодосия II от 421 г. (CTh I 2. 6) юрисдикции К-поля была подчинена церковная организация провинции Иллирик; данное положение, не признанное Римом, закрепил иконоборческий имп. Лев III Исавр (717–741).

Согласно Халк. 9 и 17, К-польский Патриарх наряду с экзархом диоцеза имел право окончательного судебного решения в спорах между епископами одной епархии, т. е.

выступал как высшая апелляционная инстанция. Эти полномочия К-польского Патриарха со ссылкой на каноны и «божественные законы» были подтверждены и распространены на все части империи в «Исагоге» (Eis. 3. 9–10; ср. *Τρωιάνος. Μέγας Φώτιος.* Σ. 499). Рим. епископ, согласно Сард. 3–5, также мог выступать в качестве апелляционной инстанции (*Troianos.* 1991. S. 251–255).

Изд.: *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907. Lpz., 1974[r]; Т. 1. Вып. 1–3; Т. 2 / Под ред. Я. Н. Щапова. София, 1987; Corpus Iuris Civilis. Vol. 1: Institutiones / Ed. P. Krueger. Digesta / Ed. Th. Mommsen, P. Krueger. B., 1963; Vol. 2: Codex Iustinianus / Ed. P. Krueger. B., 1963; Vol. 3: Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. B., 1963; *Joannou P.-P.* Discipline générale antique (IIe–IXe s.). T. 1/1: Les canons des conciles œcuméniques. R., 1962; T. 1/2: Les canons des synodes particuliers. R., 1962; T. 2: Les canons des pères grecs. R., 1963.

Лит.: *Азаревич Д.* История визант. права. Ярославль, 1876–1877. Т. 1. Ч. 1–2; *Курганов Ф. А.* Отношения между церк. и гражданскою властью в Визант. империи (325–565 гг.). Каз., 1880. Lpz., 1983[r]; *Остроумов М.* Введение в правосл. церк. право. Х., 1893. Т. 1; *Нарбеков В.* Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Каз., 1899. Ч. 1; *Суворов Н. С.* Визант. папа: Из истории церк.-гос. отношений в Византии. М., 1902 (Рец.: *Соколов И.* // ВВ. 1902. Т. 9. С. 226–228); *Соколов И. И.* Избрание патриархов в Византии с пол. IX до пол. XV в. СПб., 1907; *он же.* Вселенские судьи в Византии. Каз., 1915; *Alibizatos H. S.* Die kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I. B., 1913. Aalen, 1973[r]; *Wenger L.* Canon in den römischen Rechtsquellen. W., 1942; RegImp; RegCP; *Lemerle P.* Le juge général des grecs et la réforme judiciaire d'Andronic III // Mémorial L. Petit. Bucarest, 1948. P. 292–316; *Biondi B.* Il diritto romano cristiano. Mil., 1952–1954. T. 1–3; *idem.* Il diritto romano. Bologna, 1957; *Ehrhardt A.* Constantin der Grosse: Religionspolitik und Gesetzgebung // Zschr. d. Savigny-Stiftung f. Rechtsgeschichte. Romanistische Abt. 1955. Bd. 72. S. 127–190; *Joannou P.-P.* Pape, concile et patriarches dans la tradition canonique de l'église orientale jusqu'au IXe s. // *Idem.* Discipline générale antique (IVe–IXe s.). R., 1962. T. 1. Pt. 2: Les canons des synodes particuliers. Append. 2. P. 489–550; *idem.* La législation impériale et la christianisation de l'empire romain (311–476). R., 1972; *Τρωιάνος Σ.* Ἡ ἐκκλησιαστικὴ δικονομία μέχρι τοῦ θανάτου τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἀθῆναι, 1964; *idem.* Τὰ περὶ τὴν θρησκείαν ἐγκλήματα εἰς τὰ νομοθετικὰ κείμενα τῶν μέσων βυζαντινῶν χρόνων // Δίπτυχα. 1979. Τ. 1. Σ. 168–193; *idem.* Μέγας Φώτιος καὶ οἱ διατάξεις της «Εισαγωγῆς» // Εκκλησία και Θεολογία. 1989/1991. Τ. 10. Σ. 489–504; *Troianos Sp. N.* Die kirchenrechtlichen Novellen Leons VI. und ihre Quellen // Subseciva Groningana. 1990. Vol. 4. P. 233–247; *idem.* Nomos und Kanon in Byzanz // Kanon. 1991. Bd. 10. S. 37–51; *idem.* Der Apostolische Stuhl im frühmittelbyzant. kanonischen Recht // Il primato del vescovo di Roma nel primo millennio: Ricerche e testimonianze. Vat., 1991. P. 245–259; *idem.* Die Wirkungsgeschichte des Trullanum (Quinisextum) in der byzantinischen Gesetzgebung // Annuarium Historiae Conciliorum. 1992. Vol. 24. P. 95–111; *idem.* Η Πενθέκτη οικουμενική Σύνοδος και το νομοθετικό της έργο. Αθήνα, 1992; *idem.* Οι πηγές του Βυζαντινού δικαίου. Αθήνα, 1999; *Scharf J.* Ius Divinum: Aspekte und Perspektiven einer byzant. Zweigewaltentheorie // Polychronion: FS. Fr. Dölger. Hdlb., 1966. S. 462–479; *Hunger H.* Christliches und Nichtchristliches im byzant. Eherecht // Österreich. Archiv für Kirchenrecht. 1967. Bd. 18. S. 305–325; *Darrouzès J.* Le registre synodal du patriarcat Byzantin au XIVe s. P., 1971; *Pieler P. E.* Byzantinische Rechtsliteratur // *Hunger.* Literatur. Bd. 2. S. 445–461; *Липшиц Е. Э.* Юридические школы и развитие правовой науки // Культура Византии, IV — 1-я пол. VII в. М., 1984. С. 358–370; *Simon D.* Princeps legibus solutus // Gedächtnisschrift für W. Kunkel / Hrsg. D. Nörr, D. Simon. Fr./M., 1984. S. 449–492; *Burgmann L.* Palatium canonibus solutum: Vier Texte zum byzant. Kirchen- und Verfassungsrecht // Cupido Legum / Hrsg. L. Burgmann u. a. Fr./M., 1985. S. 19–32; *Медведев И. П.* Развитие правовой науки // Культура Византии, 2-я пол. VII–XII в. М., 1989. С. 216–240; *он же.* Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии, XIII — 1-я пол. XV в. М., 1991. С. 298–312; *он же.* Правовая культура Визант. империи. СПб., 2001; *Selb W.* Zur Christianisierung des Eherechts // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter / Hrsg. D. Simon. Münch., 1992. S. 1–14; *Dagron G.* Le caractère sacerdotal de la royauté d'après les commentaires canoniques du XIIe siècle // Το Βυζάντιο κατά τον 12ο αιώνα: Κανονικό Δίκαιο, κράτος και κοινωνία. Αθήνα, 1991. Σ. 165–178; *Saradi H.* The Twelfth Century Canon Law Commentaries on the ΑΡΧΟΝΤΙΚΗ ΔΥΝΑΣΤΕΙΑ: Ecclesiastical Theory vs. Juridical Practice // Ibid. Σ. 375–404; *Schminck A.* Zur Entwicklung des Eherechts in der Komnenenepoche // Ibid. Σ. 211–243; *Суворов Н. С.* Учебник церк. права / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2004.

Римско-византийское правовое наследие в православном мире. Происходившее в ср. века активное вовлечение слав. стран в культурную орбиту Византии выражалось, помимо прочего, в интенсивной деятельности по переводу визант. сборников канонического и светского права на слав. язык. Эта деятельность началась уже во время моравской миссии святых Константина—Кирилла и Мефодия (863–885) и продолжалась у юж. славян до сер. XIV в., а на Руси вплоть до кон. XVII в. Главная роль в рецепции визант. права у славян принадлежала юридическим сборникам — *кормчим книгам* (иногда называемым также «номоканонами»). В силу того обстоятельства, что церковная жизнь в Византии регулировалась как светским, так и каноническим правом, создатели кормчих использовали для своих целей тексты обеих правовых традиций.

Так же как в Византии, у славян существовало разделение церковной и светской юрисдикции. В Церкви действовали епископские (митрополичьи) суды, приговоры к-рых выносились на основании кормчих книг. В юрисдикции Церкви находились дела, касающиеся клириков и др. «церковных людей» — вдовиц, монахов, зависимых крестьян. Кроме того, церковный суд мог рассматривать дела мирян, если они относились к вероисповедным и церковно-дисциплинарным вопросам и христ. морали. Дела о заключении и расторжении браков также подлежали церковной юрисдикции. Иногда в виде исключения юрисдикция Церкви могла распространяться на традиционно светские области права, такие как внешняя политика или уголовный процесс (в частности, дела о поджоге, краже урожая или одежды) (*Щапов.* 1971. С. 75; *он же.* 1976. С. 88–89; *Pantazopoulos.* 1984. P. 42–43; *Щапов.* 1989. С. 99). С течением времени римско-визант. и (в меньшей мере) церковное законодательство начинают проникать и в светские юридические книги славян, занимая в них почетное первое место. Старые правовые кодексы («Русская Правда», княжеские уставы и т. п.) также переписывались в составе слав. номоканонов, но занимали в них последние листы. Иногда переводы визант. юридических текстов объединялись с памятниками местного права в рамках особых редакций, образуя замысловатое переплетение правовых норм различного происхождения (Пространная ред. *«Закона Судного людем»*, частично слав. «Эклога», сборники епитимий и т. п.).

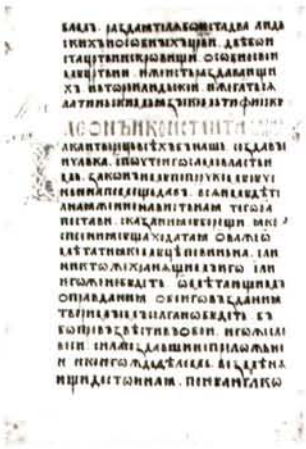

«Закон Судный людем»

В целом заимствованное (визант.) право играло в правосл. странах Юж. и Вост. Европы двоякую роль. С одной стороны, оно представляло

собой образцовую юридическую модель, на к-рую ориентировалось местное законодательство (*Burgmann*. 1996. S. 286–287). С др., нормы визант. права могли в особых случаях находить свое применение в местном судопроизводстве и проникать в правовые сборники общегос. или местного значения (*«Мерило праведное»*, Пространная редакция «Закона Судного людем», кормчие книги).

«Эклога» императоров Льва III и Константина V. Рецепция римско-визант. права у славян началась на исходе IX в. в Моравии и в X в. была продолжена в Болгарии. Около сер. XI в. переводные юридические сборники проникают на Русь

Славянская «Эклога» в сб. «Мерило праведное» (РГБ. Тр. 15. Л. 165 об., XIV в.)

(*Burgmann*. 1991). Первым сборником визант. светского права, переведенным на слав. язык, была «Эклога» императоров Льва III и Константина V (741), содержащая нормы брачного, наследственного, вещного, процессуального и уголовного права (*Burgmann*. Ecloga. S. 672; *Τρωιάνος*. 1999. Σ. 112–119). Ряд титулов и глав «Эклоги» был переведен в Моравии св. Мефодием (см.: *Максимович*. 2002) и сохранился в рус. кормчих книгах под названием «Закон Судный людем» (изд.: *Тихомиров, Милов*. 1961; *Vašica*. 1971). При этом греч. оригинал был местами изменен, слишком строгие наказания (в т. ч. увечья) заменены более мягкими, за ряд проступков назначается церковное покаяние. В Моравии св. Мефодий перевел также сборник канонов в 50 титулах Иоанна Схоластика. Мефодиевские юридические переводы сохранились только в рус. рукописях XIII–XVII вв., и, возможно, были доставлены на Русь уже в XI в. непосредственно от зап. славян. На Руси возникли Пространная и Сводная редакции «Закона Судного людем» (изд.: *Тихомиров, Милов*. 1961). В сер. XVII в. мефодиевская (краткая) редакция «Закона Судного людем» была включена в Печатную Кормчую в качестве 46-й главы (*Žužek*. 1964. P. 85–86).

Дальнейший этап рецепции «Эклоги» у славян связан с ее полным переводом в Болгарии, возможно

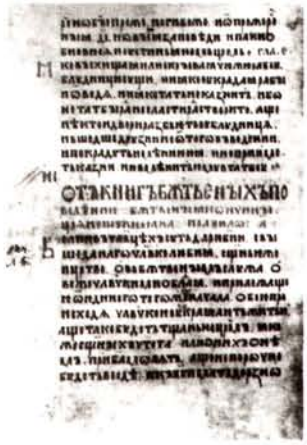
Древнерус. юридический сб. «Мерило праведное» (РГБ. Тр. 15. Л. 2, XIV в.)

при царе Симеоне (893–927). Этот полный перевод «Эклоги» был, вероятно, принесен на Русь болг. духовенством после разгрома Болгарии Византией (1014) и сохранился только в рус. списках. По мнению Л. В. Милова полный перевод «Эклоги» был сделан в XI в. на Руси (*Милов*. 1976. 1984). Вместе с «Законом Судным людем» слав. «Эклога» была включена в кон. XIII в. в офиц. (по мнению акад. М. Н. Тихомирова) правовой кодекс Сев.-Вост. Руси «Мерило праведное» (изд.: *Тихомиров*. 1961. С. 334–393), а в сер. XVII в.— в Печатную Кормчую.

Неск. фрагментов «Эклоги» «О послусех» (т. е. свидетелях) вошли в рус. правовой сб. XIII в. «Книги законные» (Ecl. 14. 8; 14. 1; 14. 2–5; ср.: *Павлов*. 1885. С. 86–87, 90; *Милов*. 1984). Еще один фрагмент о запрещенных браках (Ecl. 2. 2) в версии, близкой к болг. переводу, вошел в дополнительные статьи Древнеславянской кормчей без толкований (изд.: *Бенешевич*. 1987. С. 51–52).

«Собрание 87 (93) глав». Др. визант. сборником, нашедшим популярность у славян, было т. н. «Собрание 87 глав» (Collectio LXXXVII capitulorum), представлявшее собой тематическую выборку из новелл Юстиниана, относящихся к Церкви. Автором «Собрания» считается Иоанн Схоластик. Перевод на слав. язык был сделан в Болгарии, вероятно, в X в., оригиналом послужила рукопись, содержащая дополнительные 6 глав, вслед. чего у славян данное собрание насчитывает не 87, а 93 главы (*Vašica*. 1959). В XI в. сборник попадает на Русь вместе с Древнеславянской кормчей без толкований. Как и последняя, слав. «Собрание 87 (93) глав» сохранилось в рус. «Ефремовском» кодексе XII в. и в ряде позднейших списков (изд.: *Бенешевич*. 1907. С. 739–837). В кон. XIII или нач. XIV в. в Сев.-Вост. Руси фрагменты «Собрания 87 (93) глав» были включены в Устюжскую кормчую (*Maksimović*. 1998. S. 480. № 24, 26).

В нач. XIII в. в связи с образованием автокефальной Сербской Церкви при свт. *Савве* Сербском (возможно, еще раньше на Афоне) был сделан новый слав. перевод «Собрания 87 глав» на этот раз без дополнительных 6 глав, зато с особым оглавлением. Во 2-й пол. XIII в. Сербская кормчая («Номоканон св. Саввы») вместе с «87 главами» попадает через Болгарию на Русь, где расходится в большом количестве

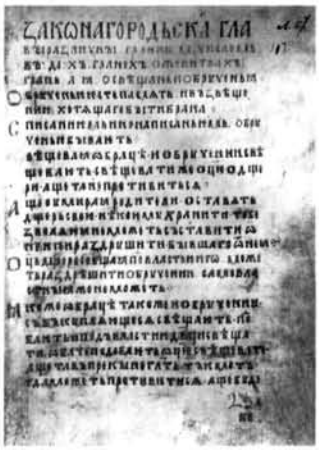
«Собрание 87 глав» Иоанна Схоластика в сб. «Мерило праведное» (РГБ. Тр. 15. Л. 142 об., XIV в.)

списков и используется в 70-х гг. XIII в. при создании Кормчей русской редакции. В рус. Печатной Кормчей «Собрание 87 глав» составляет гл. 42 (*Žužek*. 1964. P. 82).

Смешанная редакция «87 глав» находится в упомянутом древнерус. юридическом сб. кон. XIII в. «Мерило праведное»: до гл. 61

использован древнейший болг. перевод, главы 62–86 взяты из серб. перевода, гл. 87 опущена.

«Прохирон» («Закон градский»). Чрезвычайно популярен у славян был визант. юридический сб. «Прохирон», изданный в нач. X в. имп. Львом VI. Нек-рые главы «Прохирона» были переведены уже в Болгарии и вошли в дополнительные статьи Древнеславянской кормчей без толкований. Речь идет о главах 7. 1–28 (о запрещенных браках), 24. 1–4 (о наследовании имущества

Перевод визант. «Прохирона» («Закон градский») в сб. «Мерило праведное» (РГБ. Тр. 15. Л. 231, XIV в.)

епископов и монахов), 28. 1, 2–4 (о поставлении во епископа и пресвитера) (изд.: *Бенешевич.* 1987. С. 43–51, 54–56, 64–65). Эти же фрагменты (кроме 28. 1, 2–4) вошли на Руси в Устюжскую кормчую XIII–XIV вв. (*Maksimovič.* 1998. S. 480, N 20, 22, 27). Самое позднее в нач. XIII в. фрагменты об основаниях для развода (Proch. 11. 6–11) были включены в одну из редакций «устава Ярослава, сына Володимирова о церковных судех» (*Щапов.* 1976. С. 90). В рус. юридическом сб. «Книги законные», составленном из переводов визант. права, также были использованы главы из «Прохирона» Proch. 39. 1–8, 11–13, 10, 14–19, 22–25, 27, 40–72, 74–75 (о «Земледельческом законе»), 77–78, 80, 79, 81–85 (уголовное право); 40 (о разделе военной добычи); 26. 2 (эманципация детей после смерти отца); 11. 1–2, 5–18; 7. 28; 4. 26; 5. 4; 4. 27 (брачное право); 27. 1–4; 5–8, 12, 11, 13, 22, 29, 24–25, 28, 26–27, 29–31, 33, 36 (процессуальное право) (изд.: *Павлов.* 1885. С. 63–90).

Полный слав. перевод «Прохирона» был сделан в Сербии в XIII в. во время подготовки «Номоканона св. Саввы» (изд.: *Петровић.* 1991. Л. 267 об.– 327 об.). На Руси он вошел вместе со слав. «Эклогой» и «Собранием 87 глав» в сб. «Мерило праведное» (изд.: *Тихомиров.* 1961. С. 463–663), а потом и в Печатную Кормчую (гл. 49/48, ср. *Žužek.* 1964. P. 88–89). В *Соборном уложении 1649 г.* также использованы отдельные статьи: Proch. 16. 12 (Улож. X 259), 17. 1 (Улож. X 227), 17. 9 (Улож. X 260, 272), 17. 11 (Улож. X 275), 19. 15 (Улож. X 276), 27. 4 (Улож. X 170), 30. 13 (Улож. XVII 15), 38. 4 (Улож. X 277), 38. 17 (Улож. X 278), 38. 18 (Улож. X 279), 39. 17 (Улож. VIII 20), 39. 18 (Улож. II 4; X 228), 39. 35 (Улож. XXII 1–2, 13–14), 39. 36, 40 (Улож. XXII 16), 39. 48 (Улож. X 233), 39. 53 (Улож. VIII 28–29), 39. 76 (Улож. X 224–225), 39. 77 (Улож. X 226) (ср.: *Рождественский.* 1843. С. 111; *Тихомиров, Епифанов.* 1961).

«Исагога». В посл. четв. IX в. в К-поле был издан юридический сборник «Исагога» в 40 титулах, трактующий вопросы публичного, а также брачного, наследственного и уголовного права. В числе авторов сборника предполагают К-польского Патриарха свт. Фотия (858–867, 877–886). Особенную известность «Исагога» приобрела благодаря тому, что в ней была сформулирована концепция соотношения 2 властей – светской и духовной (титулы «Об императоре» и «О патриархе»). Эти титулы по указанию Патриарха Московского и всея Руси *Никона* были переведены на церковнослав. язык в сер. XVII в. (*Соколь-ский.* 1894. С. 50–53; *Vernadsky.* 1928. S. 127–142). Статьи 8-го титула «Исагоги» о полномочиях епископа и поставлениях на мзде (Eisag. 8. 13, 15, 1) в слав. переводе вошли в Печатную Кормчую (гл. 36).

«Номоканон XIV титулов». При имп. Ираклии (610–641) в К-поле возник «Номоканон XIV титулов», составленный из различных источников (преимущественно из церковных канонов и кодификации имп. Юстиниана I) (*Τρωιάνος.* 1999. Σ. 134–135, 139–141, 144–147). В кон. IX в. при Патриархе Фотии в К-поле «Номоканон» был существенно расширен и снабжен новым предисловием. Эта «фотиевская» редакция была усвоена славянами по крайней мере в 3 частичных переводах.

Впервые отрывки «Номоканона» были переведены (вероятно, ок. 1170) рус. переводчиками на Афоне в составе обширной визант. компиляции святоотеческих и канонических текстов «Пандектов» *Никона Черногорца* (*Максимович.* 1998. С. 570–572). В XIV в. в Болгарии был сделан второй перевод «Пандектов» Никона, также содержащий фрагменты «Номоканона XIV титулов». В нач. XIII в. в ходе работы над «Номоканоном св. Саввы» в Сербии был сделан новый перевод избранных глав «Номоканона XIV титулов» (в общей сложности 33 главы из 237; титулы III, XII и XIV полностью опущены) (изд.: *Петровић.* 1991. Л. 240 об.– 249 об.). В составе серб. «Номоканона» эти главы попадают на Русь, где переписываются в сб. «Мерило праведное» под заглавием «От различных тител, рекше грании, Иустиньяна цесаря» (*Тихомиров.* 1961. С. 262–288); в XVII в. входят в рус. Печатную Кормчую (гл. 44; ср. *Žužek.* 1964. P. 83–84).

«Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря. В 1335 г. иером. из Фессалоники Матфей Властарь составил т. н. *Алфавитную Синтагму* – юридический справочник с классификацией материала по буквам греч. алфавита. В качестве источников были использованы церковные каноны, Кодекс, «Дигесты» и новеллы имп. Юстиниана, «Эклога», «Исагога», «Прохирон», а также «Номоканон XIV титулов» (*Τρωιάνος.* 1999. Σ. 297–300). Чрезвычайно популярный в Византии, сборник Властаря был не позднее 1349 г. переведен в Сербии на сербско-церковнослав. язык (изд.: *Новаковић С.* Матије Властара Синтагмат. Београд, 1907). Ок. 1349 г. на основе полного перевода Синтагмы возникла ее краткая редакция, в к-рой были оставлены преимущественно нормы светского права (изд.: *Флоринский.* 1888. Прил. С. 95–203). Эта краткая редакция вошла в корпус законов серб. царя Стефана IV Душана (1331–1355). Вплоть до XVII в. Синтагма Властаря оставалась одним из важнейших руководств по визант. праву на Балканах. С посл. четв. XIV в. известны и болг. ее списки. В 1461 и 1495 гг. были сделаны ее списки для валашского господаря Иоанна Владислава и молд. Стефана Великого. По всей видимости, она служила офиц. юридическим кодексом в Дунайских княже-

ствах вплоть до XVII в., поскольку иные источники права этого периода неизвестны. Первое национальное законодательство румыноязычные области получили только в 1649 и 1652 гг., причем кодекс 1652 г. «Pravila cea mare», по всей видимости, испытал определенное влияние Алфавитной Синтагмы. В завоеванной османами Греции труд Властаря был использован при составлении Номоканона Мануила Малакса (1563). В 1695 г. в Москве инок Чудова мон-ря *Евфимий* сделал новый церковнослав. перевод Алфавитной Синтагмы (сохр. в ркп. РНБ. Соф. 1179, 1695 г.) (данные Т. А. Исаченко).

«Шестикнижие» Константина Арменопула. В 1345 г. судья из Фессалоник Константин Арменопул составил на основе Василик обширный юридический сб. «Шестикнижие» (*Τρωιάνος*. 1999. Σ. 286–290). Совместно с Алфавитной Синтагмой Властаря это сочинение было неоднократно парафразировано на народном греч. языке и широко использовалось в Греции в период тур. ига (*Papastathis*. 1976. S. 68; *Argyriadis*. 1984. S. 246). После освобождения Греции и вплоть до введения «Гражданского кодекса» (1946) «Шестикнижие» составляло важную часть действующего права в греч. гос-ве. Книга Арменопула на греч. языке была признана тур. властями в качестве действующего юридического кодекса также и в оккупированной (с 1393) Болгарии (*Soloviev*. 1955. P. 611). Первая слав. версия «Шестикнижия» была создана только в 1798 г. ученым клириком Петаром Витковичем, к-рый перевел его на серб. язык для использования правосл. сербами в империи Габсбургов. Однако австр. власти не разрешили напечатать перевод. В кон. XVII в. «Шестикнижие» наряду с Алфавитной Синтагмой Властаря послужило источником для Уложения груз. царя Вахтанга VI (*Papastathis*. 1976. S. 67).

Византийское право на Руси. После Крещения Руси визант. право начинает проникать в правовую систему Древнерусского гос-ва. Княжескими уставами «О церковных судах» вводится особая церковная юрисдикция (*Щапов*. 1989. С. 97–123), находящая соответствие в «Номоканоне XIV титулов» (VIII 4; IX 1; 17), новеллах имп. Юстиниана (Novell. Just. 133. 21–22), «Исагоге» (Eisag. 9. 12). Обращение к «греческому номоканону», эксплицитно упомянутому в Уставе кн. Владимира, восходит, вероятно, к инициативе греч. иерархов, управлявших в ранний период Русской Церковью. Уже в XII в. имеются надежные данные о том, что визант. законодательство в слав. переводах не только было известно, но и применялось на Руси (*Бенеманский*. 1917. С. 19–20). Так, с появлением на Руси переводов из «Прохирона» и «Эклоги» в рус. право вводится требование составлять завещание, находясь в здравом уме. В рус. праве XIV–XV вв. отмечается влияние «Эклоги» на количество свидетелей при составлении завещания (7, 5 или 3) (ср. Ecl. 5. 2–4); иногда под влиянием местных традиций к ним добавляется еще один — духовник завещателя (*Семенченко*. 1986. С. 166; *Ščapov*. 1986. P. 493).

Во мн. случаях традиц. обычное право вступало в противоречие с визант. влиянием. Так, в рус. юридических сборниках дочерям завещателя отказывается в наследстве, если имеется муж. потомство (*Бенеманский*. 1917. С. 136–137; Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 261), в то время как римско-визант. право устанавливало равные права детей муж. и жен. пола на наследство (Proch. 30. 2). Однако в 1446 г. зафиксировано первое рус. завещание, в к-ром завещаемое имущество распределяется между супругой и детьми обоего пола (*Бенеманский*. 1917. С. 138). Визант. правило о разделе наследства между детьми обоего пола встречается также в приложении к Уставу новгородского кн. Всеволода (впрочем, в относительно позднем списке) (Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 253, 261).

С кодификацией рус. права при Алексее Михайловиче (1649) и изданием Печатной Кормчей (1650, 2-е изд. 1653) на Руси официально вступило в силу визант. законодательство о браке. Семейное право в извлечениях из сочинений Феодора Вальсамона, новелл имп. Алексея I Комнина (1081–1118), «Шестикнижия» Арменопула использовались на Руси еще в XVIII и XIX вв. Это относится и к определенным областям вещного, обязательственного и процессуального права (ср. *Рождественский*. 1843. С. 122, 125 слл.).

Римско-визант. право в слав. переводах нашло широчайшее распространение в странах Юж. и Вост. Европы. Разумеется, в слав. землях и на Руси оно не могло применяться в полном объеме (впрочем, это относится и к самой Византии). Тем не менее сфера его применения охватывала важные сферы общественной жизни Др. Руси и позднее Российской империи. Правовые вопросы, связанные с семьей и браком, находились в юрисдикции правосл. Церкви и решались в соответствии с установлениями визант. канонического и светского права до сер. XIX в. Действовали также визант. нормы о числе свидетелей (процессуальное право), нек-рые положения обязательственного, наследственного и уголовного права (включенные в сб. «Книги законные»), а также имп. законодательство о Церкви. В Русской Церкви с начала ее истории в судах по церковным делам и над церковными людьми почти в полном объеме применялось визант. каноническое право.

Лит.: Библиогр.: *[Burgmann L., Kaufhold H. et al.]* Bibliographie zur Rezeption des byzant. Rechts im alten Russland sowie zur Geschichte des armenischen und georgischen Rechts. Fr./M., 1992; издания и исследования: *Рождественский Н. Ф.* Рассуждение о влиянии греко-римского права на российские гражданские законы. СПб., 1843. С. 67–220; *Павлов А. С.* «Книги Законныя». СПб., 1885; *Флоринский Т. [Д].* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. К., 1888; *Сокольский В.* О характере и значении Эпанагоги // ВВ. 1894. Т. 1. С. 17–54; *Бенеманский М. И.* О ΠΡΟΧΕΙΡΟΣ ΝΟΜΟΣ имп. Василия Македонянина. Сер. II., 1906. Т. 1; *он же.* «Закон Градский»: Значение его в рус. праве. М., 1917; *Vernadsky G. V.* Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im 17. Jh. // BNGJ. 1928. Bd. 6. S. 119–142; *Soloviev A.* Le droit byzantin dans la codification d'Étienne Douchan // Nouvelle Revue hist. de droit, 4e sér. 1928. T. 7. P. 387–412; *idem.* L'influence du droit byzantin dans les pays orthodoxes // Relazioni del X Congr. Int. di Scienze Storiche. Firenze, 1955. T. 6. P. 599–650; *idem.* Der Einfluss des byzant. Rechts auf die Völker Osteuropas // Zschr. d. Savigny-Stiftung f. Rechtsgeschichte. Romanistische Abt. 1959. Bd. 67. S. 432–479; *Vašica J.* Collectio 87(93) capitulorum dans les nomocanons slaves // Bsl. 1959. T. 20/1. S. 1–8; *idem (ed.).* Zakonъ sudnyi ljudьmъ = Soudný zákoník pro lid // Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1971. T. 4. S. 178–198; *idem (ed.).* Nomokanon // Ibid. S. 205–363; *Тихомиров М. Н., Милов Л. В. [изд.].* «Закон судный людем» краткой редакции. М., 1961; *они же [изд.].* «Закон судный людем» Пространной и Сводной редакции. М., 1961; *Тихомиров М. Н. (ред.)* «Мерило праведное» по рукописи XIV в. М., 1961; *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961; *Žužek I.* Kormčaja Kniga: Stud. on the Chief Code of Russian

Canon Law. R., 1964; *Щапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к визант. наследию на Руси в сер. XI в. // ВВ. 1971. Т. 31. С. 71–78; *он же.* Древнерус. княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976; *он же.* Визант. и южнослав. правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; *idem.* Le droit romain oriental en Russie jusqu'au XVI[e] s. // Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. R., 1986. P. 487–495; *он же.* Государство и Церковь Древней Руси. М., 1989; *Милов Л. В.* О древнерус. переводе визант. кодекса законов VIII века («Эклоги») // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163; *он же.* Древнерус. перевод Эклоги в кодификационной обработке кон. XIII в. // ВМУ: Ист. 1984. № 3. С. 56–65; *Papastathis Ch. K.* Zur Verbreitung der «Hexabiblos» des Harmenopoulos im slawischen Raum // Balkan Studies. 1976. Vol. 17/1. P. 67–78; *Argyriadis Ch.* Armenopoulos und der Zeitgeist des 19. Jhs // Rechtshistorisches J. 1984. Bd. 3. S. 243–251; *Pantazopoulos N. J.* Church and Law in the Balkan Peninsula During the Ottoman Rule. Amst., 1984; *Семенченко Г. В.* Визант. право и оформление рус. завещаний XIV–XV вв. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 164–173; *Schminck A.* Studien zu mittelbyzant. Rechtsbüchern. Fr./M., 1986; *Бенешевич В. Н. и др.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2. София, 1987; *Петровић М. М. (изд.).* Законоправило или Номоканон Св. Саве: Иловички препис 1262 година. Београд, 1991; *Burgmann L.* Ecloga // ODB. Vol. 1. P. 672; *idem.* Law in Slavic Countries, Byzantine // Ibid. Vol. 2. P. 1195; *idem.* Das byzant. Recht und seine Einwirkung auf die Rechtsvorstellung der Nachbarvölker // Byzanz und seine Nachbarn / Hrsg. A. Hohlweg. Münch., 1996. S. 277–295; *Τρωιάνος Σπ. Ν.* Οἱ πηγές τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου. Αθήνα, 1999; *Максимович К. А.* «Пандекты» Никона Черногорца в древнерус. переводе XII в. (юрид. тексты). М., 1998; *idem.* Aufbau und Quellen des altrussischen Ustjuger Nomokanons // Fontes Minores. Fr. / M., 1998. Bd. 10. S. 477–508; *он же.* Древнейший памятник слав. права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, пробл. авторства // ВВ. 2002. Т. 61. С. 24–37; *idem.* Byzantinische Gesetzbücher und ihre Bedeutung für die Rechtsgeschichte Südosteuropas // Modernisierung des osteuropäischen Rechts bis zum 1. Weltkrieg. Fr. / M., 2004.

К. А. Максимович

Регионы и периферия В. и. *Сирия и Палестина.* I. Общие сведения. Термин «византийская Сирия и Палестина» в известном смысле условен. Речь идет об областях сироарам. культурного ареала, к-рые с IV в. по 40-е гг. VII в. были в составе В. и. и входили в визант. диоцез Восток. Диоцез включал в себя 8 провинций и охватывал помимо В. Месопотамии, Сирии, Палестины, Заиорданья и Синая территории Киликии и о-ва Кипр. В позднеантичную эпоху это были густозаселенные земли с высокоразвитым сельским хозяйством (пшеница, цитрусовые, вино, оливковое масло, финики и др.), обеспечивавшим потребности значительной части Средиземноморья. Сложные ирригационные системы функционировали в Месопотамии, на Оронте, Иордане; на горных склонах применялось террасное земледелие. В глубинных засушливых областях развивалось скотоводство, в т. ч. кочевое. Важными экономическими и адм. ц. были города Антиохия, Эдесса, Апамея, Верит (Бейрут), Дамаск, Бостра, Кесария, города Декаполиса в Заиорданье. В *Антиохии,* бурно разраставшейся в IV–V вв., проживало до 200 тыс. жителей, она была одним из крупнейших городов империи, средоточием духовной и интеллектуальной жизни, деловой активности. Продукция сир. ремесла — текстиль, стекло, ювелирные изделия и оружие, красители и лекарства — высоко ценилась в позднеантичном мире. По территории Сирии проходили важные торговые маршруты. Ее приморские города были конечной точкой Великого шелкового пути, тянувшегося через всю Евразию. Между Красным м. и Дамаском пролегал последний отрезок Пути благовоний, соединявший Средиземноморье с Индией и Вост. Африкой. Сир. торговцы действовали на всем пространстве рим. мира и Ближ. Востока. Торговые отношения связывали их с Галлией на западе, Арменией и др. областями Закавказья на севере, с Йеменом, районами Персидского зал. и Индийского океана на юге, Ср. Азией и Китаем на востоке. Благодаря выгодному географическому положению заселенных ими районов сир. купцы стали играть важную посредническую роль в торговле.

Фрагмент карты Византийской империи. Напольная мозаика из ц. св. Георгия в Мадабе (Палестина). 2-я пол. VI в.

Ближневост. провинции управлялись аппаратом военных и гражданских чиновников, назначаемых из имперского центра; среди них нередко встречались сирийцы, близко знакомые с местными условиями. В 335 г. был учрежден пост комита Востока (comes Orientis) — гражданского администратора с резиденцией в Антиохии, ответственного за диоцез Восток и контролировавшего губернаторов провинций. Этот пост часто занимали представители высшей визант. знати, в т. ч. родственники императоров. Игемоны (губернаторы) осуществляли адм. и судебные функции, сбор налогов, надзирали за деятельностью ремесленных корпораций.

Наряду с имперской администрацией в ближневост. провинциях сохранялись элементы местного самоуправления, полисного строя. Из представителей городской верхушки (сословие куриалов) формировался сенат, занимавшийся организацией муниципальной жизни: продовольственным снабжением, поддержанием инфраструктуры, проведением празднеств, управлением общественными землями, раскладкой податей. Налоговое бремя вело к обнищанию куриалов и резкому усилению немногих оставшихся богачей.

Ряд араб. племен Сирийской пустыни, находившихся в союзных отношениях с империей, были поселены в пограничных р-нах Заиорданья и Вост. Сирии на правах федератов. Там сложились араб. протогос. образования, возглавлявшиеся племенными вождями-филархами, к-рые получали от визант. властей регулярное жалованье за охрану границ (см. статьи *Гассаниды, Аравия*).

Церковная структура во многом повторяла гос. адм. систему. Антиохийский Патриархат (см. ст. *Антиохийская Православная Церковь*), охватывавший территории Сирии, Сев. Месопотамии, восток М. Азии, в VI в. был разделен на 13 митрополий и 151 епископию; провинции Палестина 1-я, 2-я и 3-я с сер. V в. входили в состав Иерусалимского Патриархата (ок. 60 епископий) (см. ст. *Иерусалимская Православная Церковь*). Церковь владела значительной земельной собственностью, архиереи играли важную роль в общественно-политической жизни.

Основную массу населения диоцеза Восток составляли арамеи-сирийцы, более или менее эллинизированные, в зависимости от региона проживания и социального положения. Значительные группы греков жили в крупных урбанистических центрах, особенно приморских, и прежде всего в Антиохии. Во мн. городах существовали евр. диаспоры; евреи и самаритяне компактно проживали в отдельных местностях Палестины. В пров. Палестина Третья и Аравия преобладало араб. население.

В целом визант. период в истории сироязычных областей характеризуется медленным экономическим и демографическим упадком. В VI в. Ближ. Восток оказался в зоне повышенной сейсмической активности, серия катастрофических землетрясений и пожаров, сопровождавшихся огромными жертвами, подорвала процветание крупных городов. Войны, эпидемии и хозяйственный упадок привели к тому, что из 6 млн сирийцев в эпоху принципата к IV в. осталось 4,4 млн, к VII в.— 2,6 млн.

II. Церковно-политическая история. В 324 г. имп. Константин одержал победу над Лицинием и установил свою власть в вост. провинциях. Важная роль, к-рую теперь играло христианство в жизни об-ва, предопределила особое место Палестины как сакрального центра империи. Равноапостольные Константин и Елена организовали масштабное строительство храмов в Св. земле, и прежде всего базилики над Св. Гробом в Иерусалиме, возведение к-рой стало важным этапом в развитии визант. архитектуры и образцом для множества подражаний. Константином была заложена также октагональная т. н. Великая церковь в Антиохии, завершенная в 341 г. Визант. церковная архитектура в Сирии оказала значительное влия-

Карта Иерусалима. Напольная мозаика из ц. св. Георгия в Мадабе (Палестина). 2-я пол. VI в.

Северные ворота Иераполя (совр. Манбидж. Сирия)

ние на др. провинции, в частности на Египет и Сев. Африку.

В истории христ. Церкви IV век прошел под знаком арианских споров; *арианство*, осужденное на *Вселенском I Соборе* в 325 г., возобладало, однако, в вост. провинциях; с 330 г. в руках ариан находился Антиохийский престол. К поддержке арианства склонялся и преемник Константина имп. Констанций II (337–361), правивший в вост. половине империи. Большую часть своего царствования (до 350) он провел в Антиохии и в военных походах против персов в Сев. Месопотамии. Персы неск. раз осаждали Нисибин, но не достигли особых успехов. В 351–354 гг. Антиохия была резиденцией цезаря Констанция Галла, однако подозрения в претензиях на имп. диадему привели к смещению Галла и его убийству по приказу императора. С июля 362 по март 363 г. в Антиохии жил имп. Юлиан Отступник, возможно считая этот древний центр античной культуры наиболее подходящим местом для проведения своей культурно-религ. политики. В Церкви Антиохии в этот период не было единства: различные партии враждовали между собой. Юлиан вернул из ссылки правосл. епископов. Временное прекращение гос. поддержки арианства позволило православным консолидировать силы для успешного противоборства с этой доктриной. В 359 г. возобновилась война с персами. Желая возродить престиж Римской империи на Востоке, Юлиан предпринял крупное наступление на Иран, но в одном из боев был смертельно ранен (июнь 363). Его преемник Иовиан был вынужден заключить мир, уступив персам Нисибин.

В правление имп. Валента (364–378), сторонника арианства, возобновились преследования правосл. епископов. В 371–378 гг. имп. двор находился попеременно в Антиохии и Иераполе. Император развернул в Антиохии активную строительную деятельность, главным памятником к-рой стал форум Валента. На персид. границе в кон. 60-х — нач. 70-х гг. периодически происходили военные столкновения.

После гибели Валента прекратилась офиц. поддержка ариан, правосл. епископы были в 378 г. возвращены из ссылки, церкви ариан переданы православным. 65 епископов вост. провинций участвовали во *Вселенском II Соборе*, окончательно осудившем арианство. В кон. IV в. произошло примирение различных правосл. партий в Антиохийской Церкви, пребывавших в расколе со времен арианской смуты.

Кон. IV — нач. V в. были временем расцвета Антиохийской школы богословия (см. ст. *Богословские школы Древней Церкви*), на этот период приходится творчество ее главных представителей *Диодора* Тарсийского и *Феодора Мопсуестийского*. Когда ученик Феодора *Несторий* был избран в 428 г. епископом К-поля и начал пропагандировать со столичной кафедры свое учение о природе Христа, против его учения решительно выступил свт. *Кирилл Александрийский*, один из самых известных представителей александрийского богословия. Идейное противостояние усугублялось давним соперничеством Александрии и Антиохии — крупнейших региональных центров империи. На *Вселенском III Соборе* в Эфесе (431) учение Нестория было осуждено большинством участников, но делегация сир. епископов выступила в его поддержку, и это привело к расколу между Антиохийской и Александрийской Церквами. При посредничестве имперских властей конфликт был урегулирован, однако

противостояние этих богословских течений продолжалось. В период симпатий к монофизитам со стороны гос. власти мн. представители Антиохийской школы, осужденные «Разбойничьим Собором» 449 г., подверглись преследованиям. Однако после Халкидонского Собора (451), оправдавшего блж. Феодорита, отношение к ним стало более сдержанным. На этом же Соборе в отдельную церковно-адм. единицу был выделен Иерусалимский Патриархат, включавший в себя территорию Палестины и Синая.

Хотя сир. епископы поддержали решения Халкидонского Собора, монофизитство начало быстро распространяться в землях Антиохийского Патриархата, особенно в В. Месопотамии. Уже в 469 г. сторонник монофизитства Петр Гнафевс был возведен на Антиохийскую кафедру. В 479 г. правосл. Антиохийский Патриарх Стефан был убит монофизитами. Императоры Зинон (474–491) и особенно Анастасий (491–518) почти открыто покровительствовали монофизитской партии. В этот период из Сирии были вытеснены последние сторонники несторианства, эмигрировавшие в Иран. В кон. V — нач. VI в. Антиохия снова стала ареной политических потрясений и религ. смут. В 484 г. исаврийский военачальник Илл, занимавший пост магистра Востока, отложился от Зинона с большей частью Сирии, но вскоре был разбит. В Антиохии периодически происходили столкновения цирковых партий. Беспорядки сопровождались пожарами и разрушениями. В 512–518 гг. Антиохийскую Церковь возглавлял патриарх Антиохийский Севир, ведущий идеолог монофизитской доктрины.

В 502 г., после долгого затишья, возобновились крупные военные действия на византийско-персид. границе. Шаханшах Кавад, пройдя через визант. Армению, подступил к г. Амида на Тигре и овладел им после длительной тяжелой осады. В городе был оставлен персид. гарнизон. Ответные действия визант. военачальников в 503 г. были малоуспешны, им лишь с трудом удалось отстоять Эдессу от персов. На следующий год византийцы блокировали Амиду и предприняли активное наступление в глубь персид. владений, в кон. 504 г. был заключен мир на условиях восстановления довоенной границы. Имп. Анастасий, озабоченный слабостью визант. позиций в Сев. Месопотамии, организовал возведение мощной крепости на месте пограничного сел. Дара, переименованного в Анастасиополь.

С приходом к власти имп. Юстина (518–527) религ. политика К-поля резко переменилась, начались преследования монофизитов. В сироязычных провинциях, особенно в В. Месопотамии, были смещены и сосланы десятки епископов, придерживавшихся монофизитской ориентации. Началась эмиграция сирийцев-монофизитов в сасанидский Иран. Однако в целом усилия властей не увенчались успехом, сторонники монофизитской доктрины, как и ранее, преобладали в Сев. Сирии, особенно за Евфратом. Политика церковной унификации, искоренения языческих и неортодоксальных вероучений активно продолжалась в правление Юстиниана I (527–565). В результате в 529 г. вспыхнуло восстание самаритян в Палестине, сопровождавшееся разрушениями церквей и убийствами христиан. Восстание было подавлено визант. войсками при участии араб. федератов во главе с Харисом ибн Джабалой. После стабилизации обстановки Юстиниан развернул активную строительную деятельность, было восстановлено множество пострадавших в ходе восстания церквей в Галилее, вокруг Иерусалима, на Иордане. Среди самых значительных построек эпохи Юстиниана — храм Рождества в Вифлееме и мон-рь вмц. Екатерины на Синае.

Однако при всем внешнем блеске эпоха Юстиниана стала началом глубокого упадка ближневост. областей. Глобальный кризис античной системы хозяйства был усугублен серией природных катастроф, из к-рых наиболее тяжелыми были пожар в Антиохии 525 г. и землетрясения, происшедшие там же в 526 и 528 гг. Первое, по свидетельству современников, впрочем явно преувеличенному, привело к гибели 250 тыс. чел. В ходе стихийных бедствий Антиохия была разрушена целиком, пострадали также Дафна, Лаодикия, Селевкия Пиерия. Так же был разрушен Бейрут в результате землетрясений 50-х гг.

Не меньший ущерб наносили непрерывные войны с Ираном. В 528 г. возобновились пограничные столкновения в Месопотамии, в 530 г. визант. полководец Велисарий отразил персид. наступление на Дару, на следующий год персы при поддержке своих араб. союзников обошли с юга визант. укрепления Месопотамии и вторглись в слабозащищенные местности Сирии на правобережье Евфрата. Осенью 532 г. между 2 гос-вами был заключен мир, оказавшийся, впрочем, недолговечным, т. к. Иран был весьма обеспокоен военной экспансией Византии при Юстиниане.

Весной 540 г., когда лучшие войска империи были сосредоточены на западе, персид. шах Хосров I, опрокинув слабые визант. заслоны, вторгся в Сирию. Не пытаясь закрепиться на захваченных территориях, персы стремились нанести максимальный урон визант. землям. Иераполь, Вероя, Апамея, Эмеса были захвачены и обложены тяжелой контрибуцией. Антиохийцы оказали персам сопротивление, тем не менее город был взят, методично разграблен и разрушен, множество жителей уведено в плен. Катастрофа 540 г. значительно пошатнула престиж визант. власти на Ближ. Востоке. Правительство Юстиниана предпринимало значительные усилия по восстановлению Антиохии, однако город не достиг и малой доли прежнего величия.

Военно-политические потрясения сопровождались растущими религ. противоречиями. Несмотря на суровые гонения против монофизитов, связанные, в частности, с именем Антиохийского Патриарха свт. *Ефрема* (527–545), монофизитской партии, опиравшейся на поддержку араб. кн. Хариса ибн Джабалы и имп. Феодоры, удалось в 542 г. восстановить в Сирии монофизитскую церковную иерархию. Лидер монофизитов *Иаков Барадей* рукоположил десятки епископов, тем самым окончательно оформив церковный раскол между православными и монофизитами. По имени Иакова община сир. монофизитов получила название сиро-яковитов. После Юстиниана религиозно-политический курс императоров неск. раз менялся — от поисков компромисса с монофизитами до гонений на них; яковитская община и Церковь продолжали играть важнейшую роль в жизни ближневост. областей.

Пограничная византийско-персид. война 572–591 гг., шедшая с переменным успехом в Армении, Месо-

потамии и на окраинах Сирийской пустыни, завершилась выгодным для империи миром; она получила Вост. Армению и захваченные ранее персами Дару и Мартирополь. Однако после смерти имп. Маврикия произошло самое крупное военное столкновение 2 держав (602–628), в ходе к-рого шах Хосров II предпринял завоевание вост. провинций империи. Разгромив одну за другой неск. визант. армий, персы захватили и разрушили Дару (604/5), вслед за этим пала Эдесса, и в 610 г. иран. войска вышли к Евфрату. Сиропалестинские евреи, выступавшие против политики христианизации, проводившейся имп. Фокой, повсеместно присоединялись к персам. Ок. 609 г. в Антиохии произошла серия беспорядков, в т. ч. иудейско-христ. столкновения, во время к-рых был убит Патриарх Анастасий. В 613 г. персы овладели Антиохией, Апамеей и Дамаском, в 614 г. иран. войска при поддержке иудейских союзников завоевали Палестину. При этом были убиты тысячи иерусалимских христиан, много монахов Иорданской пустыни, ограблены и разрушены храмы, а святыни, прежде всего Древо Св. Креста, вывезены в Иран. Персид. нашествие нанесло сильнейший удар по христ. Церкви в пограничных областях, дезорганизовало хозяйственную жизнь. В 20-х гг. имп. Ираклию удалось переломить ход войны и нанести персам ряд поражений в Закавказье и Месопотамии.

По мирному договору 629 г. восстанавливались прежние границы, персид. гарнизоны были выведены из Сирии, возвращались христ. реликвии, захваченные персами. 21 марта 630 (или 631) г. имп. Ираклий лично вознес Св. Крест на Голгофу. В Иерусалиме проводились восстановительные работы, приписываемые Патриарху Модесту, был отреставрирован храм Св. Гроба. В 629–636 гг. Ираклий находился в Сирии, где, в частности, ок. 629 (или 634) г. вел переговоры с сирояковитским патриархом Афанасием о примирении его сторонников с офиц. Церковью на основе монофелитского вероучения. Яковиты, однако, отвергли компромисс; с др. стороны, правосл. круги тоже выступали против монофелитства — отражением этих настроений стало избрание в 634 г. на иерусалимскую кафедру монаха Софрония (см. свт. *Софроний I*, Патриарх Иерусалимский), выдающегося церковного писателя, убежденного противника монофелитов.

Кальат-Симьян. Монастырский комплекс прп. Симеона Столпника. Кон. V в.

В. и. вышла из войны с Ираном крайне ослабленной и не смогла сдержать натиск нового противника — арабов-мусульман, вторгшихся в Сирию в 634 г. (см. ст. *Арабские завоевания*). После поражения визант. армии в решающем сражении на р. Ярмук (авг. 636) Ираклий покинул Антиохию и отбыл в К-поль, сказав, по свидетельству хронистов: «Прощай, Сирия!»

III. Монашество. Важнейшей чертой духовной жизни ближневост. областей В. и. было монашеское движение, получившее особенное распространение в пустынных горах у Мёртвого м. и Иордана. С этими обителями в кон. IV в. была связана значительная часть жизни и творчества блж. *Иеронима Стридонского*, одного из тех лат. писателей, к-рые познакомили Зап. Европу с монашеской традицией Египта и Палестины. В округе Антиохии с кон. IV в. так-

Изображение храма Св. Гроба Господня на ампуле из Монцы. VI в. (Дамбартон-Окс. Вашингтон. No. 48.18)

же известны колонии отшельников. Сир. монашество выработало один из наиболее суровых видов аскезы — столпничество, виднейшим представителем к-рого был прп. *Симеон Столпник* (V в.), уже при жизни считавшийся духовным покровителем и заступником Антиохии.

Палестинские мон-ри достигли расцвета в кон. V–VI в. (см. *Савва Освященный*), но в нач. VII в. сильно пострадали от персид. нашествия и вступили в полосу упадка. Выступая центрами образования и лит. деятельности, мон-ри Св. земли дали христ. миру плеяду церковных писателей, как прп. *Иоанн Мосх*, Иерусалимский Патриарх св. Софроний I (VII в.) и др.

IV. Культура. В ближневост. областях В. и. греч. язык был языком общения образованных слоев общества, а также науки и лит-ры; лат. долгое время употреблялся в адм. сфере. Богослужение велось на греч. и сир., сир. был языком бытового общения для большинства населения. В В. Месопотамии существовала обширная лит-ра на сир. языке. Еще до визант. времени сирийский получил широкое распространение в Передней Азии в качестве торгового и дипломатического языка. В Хауране и Заиорданье развивалась арабоязычная культура, в первую очередь бедуинская поэзия, шло становление араб. письменности.

Для этого региона, особенно в IV–V вв., было характерно сосуществование христианства и античной языческой культуры, особенно сильной в больших эллинизированных городах. Театральные представления были широко популярны даже среди христиан, как свидетельствуют обличительные сочинения церковных авторов. В Антиохии в IV–VI вв. проводились местные Олимпийские игры, постепенно, впрочем, приходившие в упадок, в общем контексте ослабления сословия куриалов, все менее способных нести бремя расходов на муниципальные нужды. В сир. городах жили философы-неоплатоники, софисты и риторы, самым знаменитым из них был *Ливаний* (Либаний) (314–393) — антиохийский оратор, преподаватель и гос. деятель, поклонник языческого прошлого, учитель имп. Юлиана и свт. Иоанна Златоуста.

Уроженцем Антиохии был последний античный лат. историк *Аммиан Марцеллин*.

Однако христ. начало доминировало в сир. культуре. Ее интеллектуальной столицей была Антиохия, центр духовной и богословской мысли, уроженцами Антиохии были мн. выдающиеся церковные иерархи и писатели. В Антиохии начиналась деятельность свт. Иоанна Златоуста (347–407) до его избрания в 398 г. епископом К-поля. Под влиянием Антиохийской богословской школы находился церковный писатель блж. Феодорит (ок. 393–466), епископ г. Кир в Приевфратье.

Единственным сир. городом, пытавшимся соперничать с Антиохией в интеллектуальной сфере, был Бейрут. Там еще с рим. времен действовала академия права, в к-рой в разное время учились мч. Памфил (нач. IV в.), свт. Григорий Богослов (Назианзин), Севир Антиохийский. Академия прекратила свое существование после серии катастрофических землетрясений, разрушивших Бейрут в сер. VI в.

Южнее, в Палестине, крупными культурными центрами были Кесария, связанная с именами историков еп. Евсевия (ок. 263–339/40) и Прокопия (VI в.), а также Газа, где действовала школа риторики. В целом Палестина была менее затронута религ. исканиями и богословскими спорами, чем Сев. Сирия.

Видную роль в визант. культуре сыграли мн. уроженцы Сирии, переселившиеся в К-поль, такие как церковный историк *Созомен* (V в.) из Газы, хронист *Иоанн Малала* из Антиохии или поэт-гимнограф VI в. прп. *Роман Сладкопевец* из Эмесы.

В вост. областях Сирии в условиях начавшегося во II–III вв. возрождения арамейского самосознания сложилась сироязычная христ. культура. Ее интеллектуальным центром стала Эдесса. Выдающимся представителем сир. культуры был богослов и поэт прп. *Ефрем Сирин*, уроженец Нисибина, переселившийся ок. 363 г. в Эдессу и создавший там академию — крупнейший образовательный центр в сир. мире. В стенах академии в V в. были созданы сир. переводы основных греч. философских и научных трактатов. Под рук. еп. Раббулы (V в.) завершилось оформление сир. версии Библии (т. н. Пешитта) (см. в ст. *Библия*, переводы). Эдесская академия находилась под влиянием Антиохийской школы богословия, что особенно заметно в творчестве руководителя академии еп. Ивы Эдесского (V в.). При имп. Зиноне в 489 г. академия была закрыта как очаг несторианства. Во 2-й пол. V в. в среде арам. населения визант. Сирии распространилось монофизитское учение. Известен ряд сир. монофизитских писателей и богословов — Иаков Серугский (451–521), Филоксен Маббугский (VI в.), Иоанн Эфесский (505–585). Видное место в истории сир. науки принадлежит философу, врачу и переводчику Сергию Решайнскому (VI в.), ставшему одним из посредников между сир. и греч. культурами. В сир. среде развивалось летописание (хроника Иешу Стилита нач. VI в., Эдесская хроника 540 г., труды Иоанна Эфесского), представляющее значительный интерес для реконструкции ближневост. истории раннего средневековья.

Велика роль сирийцев как переводчиков с греч. языка. Они сделали доступным сначала персам, а затем арабам сочинения Аристотеля, Галена, Гиппократа и др. классиков античной науки. В их школах неск. столетий бывш. кочевники-арабы обучались эллинской философии, медицине, алхимии, географии. Арабы, развив и усовершенствовав полученные знания, передали их лат. Западу. На пути торговых караванов они организовывали христ. (гл. обр. несторианские) фактории в Ср. Азии, Индии, Китае. В VI в. *Косма Индикоплов* обнаружил на Тапробане (ныне Шри-Ланка) основанную сирийцами несторианскую колонию. В VII и VIII вв. сирийцы-несториане имели фактории в городах Китая, о чем свидетельствует надпись 781 г. в Чанъане (Сиань), указывающая на наличие несторианской миссии в Китае с 636 г. Как показывают сир. источники, в XIII в. сир. колонии существовали в Ханбалыке (Пекине), столице монгольских ханов. Сир. письменность Малабара (Юго-Зап. Индия) и поныне представляет собой интересный материал.

Нек-рые сирийцы, оказавшиеся на территории сасанидского Ирана, активно участвовали в персид. дипломатических посольствах в В. и. Поскольку они занимали видное положение при дворе шаханшахов и прекрасно владели греч. и среднеперсид. языками, а иногда и знаниями по медицине, последние привлекали их как переводчиков и как врачей.

V. Византийское наследие в средневековой Сирии и Палестине. В течение первых 2–3 поколений после араб. завоевания гос. строй, эконо-

Гадара (Гадорон). Фрагмент напольной мозаики из с. Маин. Иордания. 715–720 гг.

мика, социальные структуры и бытовая культура большей части населения этого региона сохраняли визант. характер. Канцелярское делопроизводство велось на греч. языке, использовалась визант. монетная система, сбор налогов осуществлялся по старым визант. кадастрам, региональные элиты сир. христиан играли большую роль в управлении бывш. визант. провинциями. Только на рубеже VII–VIII вв. в результате реформ халифа Абд аль-Малика произошло укрепление мусульм. государственности и, в частности, вытеснение прежней ромейской атрибутики. Однако в сфере ремесленного производства, изобразительного искусства и архитектуры визант. традиции еще долго сохранялись почти в неизменном виде. Мечеть Омейядов в Дамаске (707) считается одним из лучших образцов визант. искусства VIII в.; омейядская эпоха была последним этапом развития позднеантичной культуры в Вост. Средиземноморье. В эпоху Аббасидов на Ближ. Востоке начинается преобладание иран. культурной традиции.

Тесные связи с визант. культурой сохраняли ближневост. христиане. Если у сиро-яковитов этим связям отчасти препятствовала традиц. грекофобия, болезненная память о визант. гонениях, то мелькиты (т. е. православные) халифата долгое время продолжали считать себя, хотя бы теоретически, частью визант. ойкумены, подданными к-польских

василевсов. В VII–VIII вв. православные Ближ. Востока активно участвовали в церковной жизни Византии, во Вселенских Соборах; в Палестине продолжалось лит. творчество на греч. языке (см. статьи *Андрей Критский*, *Иоанн Дамаскин*, *Косма Маюмский*). Мелькитско-визант. связи начинают ослабевать со 2-й пол. VIII в., в нач. IX в. прекращается употребление греч. языка как литературного. В VIII–X вв. шел процесс арабизации правосл. сирийцев, вызвавший появление араб. переводов Свящ. Писания и создание историко-богословских сочинений на араб. языке, призванных донести до арабоязычного читателя достижения визант. культурной традиции. С сер. IX в. греч. влияние на культуру мелькитов снова усиливается. Это было отчасти связано с визант. экспансией в Сирии, когда Антиохия снова вошла в состав В. и. (в 969–1084). В этот период в Сев. Сирии развивалась специфическая греко-араб. правосл. субкультура. Византийско-ближневост. отношения резко осложнились в период крестовых походов и особенно после захвата К-поля крестоносцами в 1204 г. В мамлюкскую эпоху (1291–1516) контакты сир. мелькитов и

Реликварий из сокровищницы собора в Ахене. Кон. X в. (Сирия?)

греч. мира сократились до минимума, однако после османского завоевания Сирии (1516) начался новый этап культурного сближения ближневост. христиан и греч. Церкви.

Лит.: *Кондаков Н. П.* Археол. путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904; *Butler H.* C. Ancient Arcitecture in Syria. Leiden, 1908–1909; *Hitti P.* History of Syria. N. Y., 1951; *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961; *Chitty D. J.* The Desert a City: An Introd. to the Study of Egyptian and Palestinian Monasticism under the Christian Empire. Oxf., 1966. Crestwood (N. Y.), 1977[2], 1995[3]; *Segal J. B.* Edessa «The Blessed City». Oxf., 1970; *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979; *она же.* Сирийская средневек. историография. СПб., 2000; *Shahid I.* Byzantium and the Arabs in the 4th Cent. Wash., 1984; *Успенский.* История. Т. 1; *Кулаковский.* История; *Карташев.* Соборы; *Пайкова А. В.* Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // ППС. Л., 1990. Вып. 30 (93). С. 107–116; *Большаков О. Г.* Византия и халифат в VII–X вв. // Византия между Западом и Востоком. СПб., 2001. С. 354–379.

К. А. Панченко

Египет. Хронологически визант. период истории Египта определяется с IV в. и до времени араб. завое-

Фрагмент карты Н. Египта. Напольная мозаика из ц. св. Георгия в Мадабе (Палестина). 2-я пол. VI в.

вания (40-е гг. VII в.). Однако в папирологии принято вести отсчет с царствования имп. Диоклетиана, когда были заложены адм. основы последующего устройства Египта, к-рый являлся важным регионом В. и. как с экономической, так и с культурной т. зр. Объемы сельскохозяйственного производства в плодородной долине Нила намного превышали урожайность в любых др. провинциях Римской и Византийской империй, что делало Египет основным экспортером хлеба, папируса и др. продукции по всему Средиземноморью, в т. ч. в мегаполисы Рим, К-поль и проч. Столица Египта *Александрия* в ранневизант. период оставалась одним из основных центров науки и образования, а экзегетика Александрийской богословской школы оказала существенное влияние на визант. богословие (см. в ст. *Богословские школы Древней Церкви*).

I. Административное деление. Реформы системы управления в Египте начались при имп. Диоклетиане. Из провинции, управляемой непосредственно подчиненным императору префектом, Египет стал одной из провинций диоцеза Восток. В нач. 70-х или 80-х гг. III в. Египет был превращен в самостоятельный диоцез, а его префект получил титул августала. Введенный Диоклетианом принцип разделения властей в основном соблюдался, но нестабильная внутренняя обстановка и, видимо, нашествия кочевников с юга вынудили администрацию империи пойти на временное объединение военной и гражданской власти. До VI в. это объединение носило либо локальный (Фиваида), либо временный характер. Следующие крупные адм. реформы в Египте были осуществлены имп. Юстинианом I, к-рый разделил страну на 7 провинций: Египет 1-й и 2-й, Августамника 1-я и 2-я, Аркадия, Фиваида 1-я и 2-я. Во главе этих провинций были поставлены дуксы, подчинявшиеся префекту претория Востока. Среди них ведущее место занимал августал Египта и Александрии. Во главе епархий (адм. единиц провинций) находились обладавшие только светской властью президы (praesides).

Процесс муниципализации Египта начался при имп. Диоклетиане, но был завершен позже. Столицы номов (древних областей Египта) получили статус полисов, а номы превратились в подвластную им территорию (ἐνορία). Старое деление на топархии было упразднено, вместо них были созданы более мелкие адм. подразделения — паги, возглавляемые пагархами. Однако в кон. V в. вместо пагов стали создаваться более крупные единицы — пагархии, территория к-рых в основном совпадала с территориями бывш. номов. Они управлялись пагархами, назначаемыми императором, как правило из числа крупных землевладельцев.

II. Социально-экономические отношения. В рим. время в Египте выделялись 3 основные социальные группы: «римляне» — рим. граждане (высшая администрация, армия,

в т. ч. ветераны), составлявшие меньшинство, «александрийцы» — привилегированный эллинизированный слой, стоявший рангом ниже римлян, и «египтяне», куда входили не только этнические египтяне, но также греки и эллинизированное население метрополий. Важным шагом в преодолении этой социальной замкнутости явился эдикт имп. *Каракаллы* 212 г. о даровании прав рим. гражданства большей части свободного населения провинций. В визант. время происходило размывание барьеров между социальными группами. Характерной чертой этого процесса являлось отсутствие четкого соотношения между этническим делением и социально-экономическим положением: среди беднейших слоев населения нередко встречались греки, элита была уже не целиком греческая, копты наряду с греками занимали важные посты в провинциальной администрации. Предполагается существование коптов, хорошо знавших греч. язык и во многом ориентировавшихся на греч. культуру. Именно в этой среде была создана большая часть произведений копт. лит-ры, как оригинальных, так и переводных. В эпоху, последовавшую за араб. завоеванием, греч. население

Изображения креста, знаков анх, альфы и омеги. Рельеф. III–IV вв. (Коптский музей. Каир)

хоры, по всей видимости, частично эмигрировало в области, оставшиеся под властью Византии, либо ассимилировалось с коптами.

В рим. и визант. Египте имелась значительная иудейская община, представители к-рой жили в основном в Александрии. Впрочем, часть иудеев вынуждена была покинуть столицу Египта в Патриаршество свт. *Кирилла* Александрийского из-за начавшихся беспорядков. В папирусах эллинистического, рим. и визант. времени упоминаются и др. этнические группы: сирийцы, самаритяне, фракийцы, персы, «эфиопы», арабы, германцы, даки и др.

В визант. период в Египте площадь общественных земель сокращалась, шел процесс образования крупных частновладельческих хозяйств, к-рые постепенно поглощали значительную часть мелких и средних землевладельцев. Не выдерживая налогового гнета и притеснений чиновников, они вынуждены были искать себе «патрона», отказываясь за право его защиты от своей собственности. В законодательстве этот процесс получил название патроциния. Расцвет крупного землевладения в Египте относят к кон. V — нач. VI в. Однако мелкое и среднее землевладение не исчезло совсем, в общей сложности оно занимало больше площади, чем крупное.

В городах, несмотря на то что ремесло и торговля остаются на том же высоком уровне, что и прежде, наблюдался постепенный упадок муниципальной организации (городских советов) и сословия куриалов, но усилилась роль Церкви.

III. Основные события политической истории. Политическое положение в Египте визант. периода было относительно стабильным. Большой активностью отличалось население Александрии, к-рое с легкостью поддерживало ту или иную интригу, в результате чего в городе часто происходили волнения, однако серьезной опасности для всей страны они не представляли. Опасное волнение произошло в Н. Египте при имп. Маврикии (582–602). Его зачинщиками выступили 4 визант. чиновника из Айкелы (город близ Александрии). Волнения перекинулись в Бану (Панау) и Бусирис. Префект Александрии Иоанн решил наказать восставших в Айкеле за насилие по отношению к этим городам. Это послужило поводом для выступления восставших против Александрии. В результате в Александрии начался голод, что породило сильное недовольство префектом. Несмотря на то что восстание охватило весь Н. Египет и перекинулось на Кипр, его удалось подавить. Часто эти события связывают с борьбой цирковых партий, однако их роль в этом движении неясна окончательно. Др. причиной восстания называется недовольство экономической и налоговой политикой визант. властей в Египте, на что есть косвенное указание в «Хронике» Иоанна Никиуского (La Chronique de Jean. XCVII. P. 411). Во время гражданской войны при имп. Фоке Египет стал ареной борьбы между военачальниками Никитой, двоюродным братом буд. имп. Ираклия, и Вонозом, сторонником Фоки. Одним из наиболее известных эпизодов этих волнений было убийство в Александрии Патриарха Феодора Скрибона, поддерживавшего имп. Фоку. Как отмечает Иоанн Никиуский, победивший в этой борьбе Никита, став префектом, облегчил египтянам налоговое бремя на 3 года (Ibid. CIX. P. 430).

Основной внешнеполитической опасностью для Египта в III — сер. V в. были кочевые племена на юж. границах, прежде всего блеммии. С 250 г. блеммии постоянно вторгались в Додекасхойн (12-мильную пограничную зону на юге) и Фиваиду, что нашло отражение как в агиографических источниках, так и у визант. историков. В 298 г. имп. Диоклетиан переселил в район между 1-м и 2-м порогом Нила нобатов (нубатов) и распорядился платить им и блеммиям определенное количество золота ежегодно, формально — как вознаграждение за оборону границ, фактически — как откупное. Однако во 2-й четв. IV в. участились набеги блеммиев, в т. ч. они, вероятно, совершили нападение на мон-рь св. Пахомия в Тавенниси. Имп. Константин принял меры, чтобы обезопасить юж. границу Египта, пригласив делегацию блеммиев в К-поль на празднование 30-летия своего царствования. Несмотря на то что блеммии считались союзниками империи, они продолжали совершать рейды в глубь территории Египта. Напр., в 70-х и 90-х гг. они проводят неск. успешных военных операций, нападая также на мон-ри В. Египта. В 40–50-х гг. V в. блеммии вместе с нобатами неск. раз вторгались в Египет, но после 453 г. их набеги прекращаются (*Priscus Panites*. Historia Byzantina. Fr. 21).

Ок. 617 г. в Египет вошли персид. войска полководца Шахрбараза, и

вскоре весь Египет оказался в их руках. Персы предоставили широкие права монофизитскому патриарху Андронику, сделав его ответственным за сбор налогов. После кончины Андроника его заменил патриарх *Вениамин I*. Однако в ходе успешных действий против персов имп. Ираклию в 627 г. удалось вернуть Египет под власть Византии. 12 дек. 639 г. с относительно немногочисленной армией в Египет вторгся араб. полководец Амр (см. ст. *Арабские завоевания*); 9 апр. 641 г. им был захвачен Вавилон (Бабальюн), а 17 сент. 642 г. пала Александрия. Столь быстрому и успешному завоеванию арабами Египта способствовал целый комплекс причин. Ряд историков (Г. Масперо, А. А. Васильев и др.) видят главную причину столь быстрого завоевания арабами Египта в плохом состоянии визант. военного корпуса, находившегося там; другие (напр., Г. *Белл*, Э. *Амелино*) — в слабости визант. гражданской администрации, третьи (Л. Каэтани, О. Г. Большаков) большое значение придают превращению ислама в серьезную политическую силу накануне и в ходе араб. завоеваний. К этим причинам следует добавить и ряд непопулярных мер ставленника имп. Ираклия Патриарха *Кира* в отношении егип. монофизитов накануне араб. вторжения, а также, вероятно, и то, что большинство населения отказалось от сопротивления захватчикам.

IV. Церковь (см. также ст. *Александрийская Православная Церковь*). В 1-й четв. IV в. в Египте существовало 72 епархии, однако неизвестно, сколько из них было организовано в III в., а сколько после прекращения гонений. В 357 г. свт. *Афанасий I Великий* упоминает о существовании ок. 100 епархий (Apol. contr. ar. 71). Послание Сардикийского Собора подтверждает существование 94 епархий, подчиненных Александрийскому Патриарху, включая те, к-рые находились в Ливии и Пентаполе. Это говорит о том, что к сер. IV в. в Египте была развитая епархиальная структура, к-рая с незначительными изменениями оставалась стабильной до конца визант. периода. В V–VI вв. в Дельте (Н. Египет) было 44 епархии (Египет Первый — 13; Египет Второй — 9; Августамника Первая — 14; Августамника Вторая — 8), в В. Египте — 29 (Аркадия — 9; Фиваида Первая — 8; Фиваида Вторая — 12) (*Wipszycka E.* Le instituzioni ecclesiastiche in Egitto dalla fine del III all'inizio dell'VIII secolo // L'Egitto christiano. R., 1997. P. 238). Подобная несоразмерность количества епархий объясняется не только большой плотностью населения Н. Египта, но и тем, что на окраине Дельты епархии основывались не только в полисах, но и в более мелких селениях. Изменения в церковно-адм. устройстве были связаны гл. обр. с 3 факторами. Во-первых, с внутрицерковной борьбой: так, патриарх *Феофил* (384–412) в период борьбы с «Длинными братьями» (см. ст. *Аммоний Долгий*), нуждаясь в сторонниках, поставил епископа в одной из деревень возле Гермополя М., лишив т. о. своего противника Диоскора епископской кафедры (позже епархиальный статус Гермополя М. был восстановлен). Во-вторых, с общими адм. изменениями: в V или VI в. сел. Афродито получило статус столицы нома и тогда же там была организована епархия. В-третьих, имело религ. мотивацию: решение об организации епархии на маленьком о-ве Филы было связано с тем, что там находилось известное во всем Египте языческое святилище Изиды.

Характерной чертой церковной организации Египта было отсутствие митрополий; В. В. Болотов, напр., полагал, что Египет представлял собой фактически не Патриархат, а одну большую митрополию (*Болотов В. В.* Собр. церк.-ист. трудов. М., 2002. Т. 4. С. 245–250). Эта черта особенно бросалась в глаза в Киренаике, к-рая находилась в подчинении Александрийского Патриарха, но где тем не менее существовали митрополии. Такие различия могут объясняться социально-историческими причинами: население Киренаики было грекоязычным и имело прочные традиции полисного самоуправления, тогда как столицы номов получили муниципальный статус только в нач. III в. по Р. Х. и, не имея традиций городской автономии, легко подчинялись правлению из Александрии.

Отсутствие митрополий приводило к увеличению власти Патриарха, но одновременно также ее и ограничивало. Самостоятельность отдельных епископов в провинции была гораздо большей, чем если бы они находились в юрисдикции митрополитов, т. к. из Александрии было сложно контролировать положение на местах. Вероятно, по этой причине Александрийские Патриархи неоднократно предпринимали попытки создания промежуточной структуры. Напр., при Патриархе *Феодосии I* Фиваммон, еп. Панополя, был известен как «диадох» Египта, во 2-й пол. VII в. можно говорить о 2 патриарших викариях: Иоанне, еп. Никиуском, и епископе Каиса. Однако такие назначения происходили спорадически и по воле Патриарха.

Архиерейские Соборы в Египте играли незначительную роль, обычно они лишь подтверждали решения, принятые ранее Патриархом. Нет свидетельств о том, что на Соборах имели место дискуссии, равно как и то, что на них принимались к.-л. дисциплинарные каноны; в научной лит-ре упоминаний о Соборах немного (ок. 12), но это не означает, что они редко созывались. Житие монофизитского патриарха Исаака (кон. VII в.) содержит косвенное указание на то, что такие Соборы не были редкостью. Помимо общих были, вероятно, и Поместные архиерейские Соборы, на к-рых могли присутствовать до 10 епископов из одного региона. Напр., такой Собор состоялся в Латополе в 346/7 г.

Александрийский архиепископ носил титул «Патриарх». Однако этот термин только в VI в. приобрел совр. смысл и стал прилагаться к Предстоятелям главных кафедр. К архиепископу Александрии часто применялся почетный титул «папа», к-рый мог употребляться по отношению и к др. епископам, а также к простым священникам. На протяжении всего визант. периода архиепископами Александрии были, гл. обр. представители греч. александрийской элиты. Среди патриархов-монофизитов были 2 сир. грека: *Феодор* (575–587) и *Дамиан* (578–606/608). Первым патриархом-коптом считается Вениамин I (622–661), в патриаршество к-рого Египет был завоеван арабами.

Характерной чертой было то, что все егип. епископы рукополагались лично Патриархом. Этот принцип соблюдался строго даже тогда, когда верность ему становилась опасной. В Киренаике, разделенной на митрополии, также существовал обычай отправлять выбранного кандидата в епископы для рукоположения в Александрию, но не исключалась возможность и рукоположения его

на месте епископами Киренаики, что подтверждается 67-м и 76-м посланиями *Синесия Киренского*. Возможность влиять на рукоположение епископов, к-рым располагала Александрийская курия, создавало благоприятные условия для симонии. Замечание в письме Исидора Пелусиота говорит о том, что в Александрии можно было купить епископскую хиротонию (Ep. II. 127 // PG. 78. Col. 565–572). Опасность симонии (не только епископской, но и священнической) была достаточно большой, поскольку в целом позднеантичное общество рассматривало щедрые пожертвования, сделанные получившим ту или иную должность, как вполне законную благодарность.

Для людей, к-рые готовились исполнять священнические и диаконские обязанности, не существовало обязательной системы образования. Новые члены клира должны были учить наизусть все, что относилось к литургическим чтениям, и богослужебные книги, наблюдая за клириками во время службы. Источники сообщают, что нек-рые епископы экзаменовали кандидатов в члены клира на знание Свящ. Писания. Напр., блж. *Афу*, еп. Оксиринха (IV — 2-я четв. V в.), требовал от своих диаконов знания на память части Евангелия, 20 псалмов, 2 посланий, а от священников помимо этого знания наизусть части Второзакония, Притч, Книги пророка Исаии. В нач. VII в. Авраам, еп. Гермополя, требовал от своих клириков знания наизусть меньшего по объему текста Свящ. Писания.

Вероятнее всего, основным доходом церквей на протяжении всего ранневизант. периода были пожертвования, приносимые верующими в дни совершения церковных служб. Нек-рые церкви имели землю, ремесленные мастерские, дома. Крупные собственники назначали субсидии на содержание церквей и часовен, расположенных в их владениях. Имп. постановления о субсидиях на содержание клира относились ко всем регионам империи, однако нет практически никаких следов их целевого использования в Александрии, где значительные средства от гос-ва поступали непосредственно к Патриарху, к-рый мог распределять их по своему усмотрению. Но не все экономические ресурсы были сосредоточены в руках Патриарха. Если какая-то церковь благодаря пожертвованиям верующих владела землей, домами, ремесленными мастерскими, Патриарх или местный епископ мог не вмешиваться в дела этой собственности или делал это редко.

В греч. и копт. источниках «церковь» обозначалась словом ἐκκλησία. Помимо этого встречается термин εὐκτήριον, обозначавший часовню. Термин τόπος обозначал не только монастырскую церковь, но и мон-рь. Гораздо реже встречается термин μαρτύριον, обозначавший церковь, где хранились мощи мученика. Особые названия (напр., церковь Вознесения и т. д.) носили епископальные церкви. Значительно реже название содержало имя святого, и оно давалось обычно неепископальной церкви или часовне. Материал папирусов показывает существование большого числа церквей в отдельных городах. Не все церкви были небольших размеров, в тексте VI в., происходящем из Оксиринха, упоминается о строительстве церкви св. Филоксена, у к-рой 8 входов и 120 колонн. Епископальная церковь обычно обозначалась как καθολικὴ ἐκκλησία или μεγάλη ἐκκλησία. Нек-рые города имели неск. епископальных церквей.

Неизвестные святые. Рельеф. IV в. (Коптский музей, Каир)

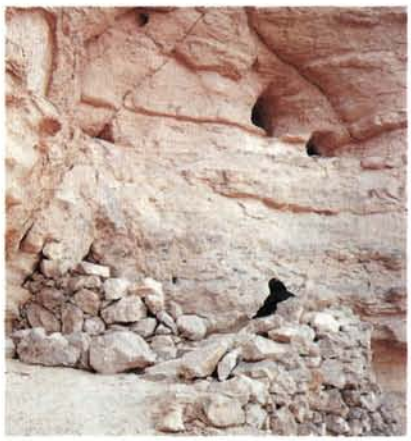
Компактность населения Египта, сосредоточенного в основном в городах и селениях, способствовала возникновению церковной структуры, к-рую с определенными оговорками можно назвать «приходской». Духовное лицо, ответственное за епископальную церковь определенного поселка, не было там главой всего клира, а жители не обязаны были являться на службу в καθολική. В деревнях епископальная церковь имела клир, к-рый постоянно и систематически совершал богослужения, в др. церквах службы совершались нерегулярно. Совершение таинства Крещения на протяжении всего периода поздней античности часто было привилегией епископа. Чтобы креститься, дети и взрослые приходили на епископскую кафедру, реже случалось, что епископ приезжал в деревню и крестил народ в местном баптистерии. Число церквей (и епископальных, и др.) уже в IV в. растет очень быстро. В нек-рых селениях, даже сравнительно небольших, насчитывалось до 10 церквей. Инициатива возведения церквей исходила как от большинства жителей деревни, так и от отдельных семей. В монашеских центрах существовали храмы, к-рые окормляли жителей округи: часть заупокойных служб совершалась в церквах такого типа.

На протяжении всего визант. периода Церковь являлась ареной столкновений и расколов, к-рые были сопряжены с созданием параллельной иерархии. Сначала ей приходилось бороться с арианством и мелитианством (см. *Мелитианский раскол*), затем с монофизитством. Если арианство в Египте, лишившись гос. поддержки, быстро сошло на нет, то мелитианство продержалось неск. дольше, гл. обр. в монашеской среде. Лишь сторонникам монофизитства (антихалкидонитам) удалось найти в Египте значительную социальную базу и создать прочную церковную структуру, а их доктрина стала основой вероучения *Коптской Церкви*. Распространено мнение о том, что этот церковный раскол в Египте с самого начала носил ярко выраженный этнокультурный характер: большинство сторонников Православия были греками, приверженцы монофизитства — коптами. Связывается это как с ослаблением влияния греч. культуры на коренных жителей Египта в визант. время, особым «практическим» типом религиозности коптов, отличным от греч. («александрийского»), их национальными устремлениями, так и с неприязнью коптов к визант. власти. Однако совр. исследователи (напр., Т. Орланди, Э. Випшицка, Л. Мак-Коул и др.) доказывают, что неприятие греч. языка и лит-ры коптами можно констатировать лишь в течение последнего полувека перед араб. завоеванием. Копт. источники не содержат прямых примеров «грекофобии».

Визант. Египет являлся зоной широкого синтеза греч. и копт. культур, что обусловило существование значительного слоя коптов, хорошо знавших греч. язык. Проявления «местного патриотизма», заметного как у копт., так и у греч. авторов, живших в Египте, вписывалось в рамки феномена греко-рим. культуры поздней античности и не являлось проявлением национализма (Э. Випшицка). Все монофизитские патриархи в Египте до Вениамина I происходили из греч. семей, а греки, жившие в провинции (напр., известная семья Аппионов из Оксиринха), могли быть монофизитами. Предположительно окончательное размежевание между православными и монофизитами по национальному признаку происходило уже в араб. время.

V. Монашество. Несмотря на то что в новейшей научной лит-ре принято полагать, что Египет не был родиной монашества — оно зародилось одновременно в неск. вост. провинциях В. и. (Египет, Сирия, Палестина) на основе местных аскетических традиций,— огромная роль Египта в становлении и развитии этого движения очевидна.

Первые протомонашеские поселения в Египте начинают возникать со 2-й пол. III в., гл. обр. в связи с уходом христиан в пустыню во время гонений. Именно к этому времени относится подвижническая жизнь отшельником в пустыне прп. Павла Фивейского, к-рого иногда называют «монахом до монашества». Ок. 271 г. прп. *Антоний Великий* начинает вести подвижническую жизнь возле своей деревни. Наиболее известные монашеские поселения возникают в Египте в 1-й четв. IV в. Ок. 305 г. прп. Антоний прервал свой затвор и вокруг него возникла колония анахоретов. Ок. 315 г. прп. *Амон Нитрийский* поселяется в Нитрии, ок. 320 (или 325) г. св. *Пахомий Великий* основал *Тавеннисийский мон-рь* в Фиваиде, ок. 325 (или 330) г. прп. *Макарий Великий* — поселение в *Скиту*. Ок. 335 г. возникло монашеское поселение в *Келлиях*. Примерно в то же время св. Пахомий основал мон-рь в Пбоу (Пабау), к-рый затем стал центром пахомианских киновий, ок. 340 (или 350) г. появился *Белый мон-рь*.

Пещера прп. Антония Великого

Церковь св. Марка в мон-ре прп. Антония Великого (Ср. Египет)

В научной лит-ре обычно различают 2 (анахоресис, киновия) или 3 (анахоресис, киновия, лавра) типа монашеской организации в Египте, однако на начальных этапах становления монашества эти формы были разнообразней. Наряду с полным уединением (классическим отшельничеством), примеров к-рого в источниках немного, существовали небольшие общины, состоявшие, как правило, из старца и его учеников, колонии отшельников. Отдельно следует выделить т. н. sarabaitae/remnuoth, упомянутые лат. авторами блж. Иеронимом и св. Иоанном Кассианом Римлянином: эти отшельники жили небольшими общинами в городах и селениях, но не признавали над собой власть старцев. Упомянутые церковные писатели называют их «худшим родом монахов». Совр. исследователи считают этот тип монашества переходной формой от городского типа аскезы к пустынножительству. Источники упоминают также о небольших по сравнению с киновиями мон-рях (до 100 чел.), жизнь в к-рых, по всей видимости, регулировалась правилами, установленными основателем мон-ря. Возникновение киновий — общежительной формы монашеской организации — связывается с именем прп. Пахомия Великого. Подобный тип организации со строгим уставом, регулирующим почти весь строй жизни инока, совместным трудом и молитвой, а также (что не менее важно) характеризующийся полным отказом от личной собственности, возник не сразу, а вырабатывался постепенно и закреплялся в положениях Устава прп. Пахомия. В состав братства прп. Пахомия входило ок. 11 мон-рей (из них 2 жен.), одни из них были основаны самим прп. Пахомием, др., уже существовавшие до этого, приняли его устав. Устройство пахомианского братства выглядело скорее всего следующим образом: в период наибольшего расцвета центральный мон-рь насчитывал 1300–1400 монахов, а подчиненные ему мон-ри (как муж., так и жен.) до 200–400 чел. в каждом. Общее число монахов пахомианских киновий приближалось к 3 тыс. чел. (*Palladius*. Hist. Laus. Cap. VII) либо к 7 тыс. чел. (Ibid. Cap. XXXII), несовпадение цифр в разных источниках, возможно, отражает динамику численности мон-рей. Др. данные о братстве прп. Пахомия (напр., у блж. Иеронима) носят округленный и завышенный характер. После кончины прп. Пахомия в пахомианской конгрегации начинались волнения и часть мон-рей пыталась

Мон-рь прп. Павла Фивейского (Ср. Египет)

выйти из состава братства. Возможно, эти нестроения сильно подорвали могущество пахомианского монашества, о последующем состоянии мон-рей св. Пахомия практически ничего неизвестно. Общежительная форма организации получила свое дальнейшее развитие в братстве *Шенуте,* к-рый ок. 383 г. стал настоятелем Белого мон-ря. В его конгрегацию входили как минимум 3 мон-ря (1 из них жен.). Ее устав, разработанный при предшественнике Шенуте, Пжоле, был более суровым, чем Устав прп. Пахомия. Исследования творений Шенуте позволяют предполагать, что организация его мон-рей имела строгую иерархию («старцы» и «старицы», «отцы», «начальники домов», простые монахи и монахини), где осуществлялось довольно жесткое регулирование жизни иноков (см., напр.: *Layton B.* Social Structure. P. 25–30). К провинившимся могли применяться телесные наказания, регламентировались состав и количество вкушаемой пищи, запрещалось употребление вина и т. д. (см.: Ibid. P. 30–54). Киновия как тип организации оказалась весьма жизнеспособна: благодаря Правилам свт. Василия Великого и прп. Венедикта Нурсийского (использовавших Устав прп. Пахомия) она широко распространилась как на востоке, так и на западе христ. мира.

Помимо перечисленных типов организации монашества в Египте можно обнаружить уникальные случаи: напр., мон-рь прп. *Аполлония Фиваидского* (см. *Бауит*) (*Rufinus.* Hist. mon. VIII (lat. VII)) на ранних этапах своего развития сочетал элементы колонии отшельников и киновии, мон-рь аввы Исидора (Ibid. Cap. XVII) был скорее всего сходен с киновией, но имел более строгие правила (запрет монахам покидать мон-рь и пр.). Источники содержат примеры затворничества (как отдельно, так и в составе мон-ря) и странничества. Есть указания на то, что нек-рые отшельники подвизались в пустыне, мигрируя вместе со стадом животных (см. ст. *Афу*).

Отдельно следует выделить организацию монахов на Нитрийской горе (*Palladius.* Hist. Laus. Cap. VII; *Rufinus.* Hist. mon. Cap. XX (lat. XXI)): там находились как минимум 3 типа поселений: «по одному, по двое и многие вместе». Наряду с этим существовали общие для всего комплекса институты: коллегия из 8 пресвитеров, общая система наказаний, общие пекарни, странноприимный дом и проч. По субботам и воскресеньям все монахи собирались в церкви для богослужения. Еп. Палладий пишет, что число иноков Нитрии составляло до 5 тыс. чел., однако эти цифры, возможно, преувеличены. Нек-рые элементы такой же организации можно усмотреть в Келлиях и в Скиту, поддерживавших с Нитрией тесные связи.

Мон-ри зачастую вырастали постепенно из небольших общин, возглавляемых старцами. Однако отдельные обители возникали на местах языческих храмов, поблизости

Белый мон-рь (В. Египет)

от церквей или мест, где подвизался известный подвижник, к тому времени уже почивший. Возможно, нек-рые мон-ри возникали на средства их основателей, к-рые становились настоятелями (см.: *Palladius.* Hist. Laus. Cap. XIV). Монашеское поселение могло образовываться за счет постепенного слияния неск. близлежащих общин в один комплекс — т. о., скорее всего происходило возникновение комплекса на Нитрийской горе, чем можно объяснить особенности его организации.

Широко распространено мнение, что егип. монахи по большей части были необразованными копт. крестьянами. Точных данных о соотношении греков и коптов в монашеской среде источники не содержат. Однако недавние исследования показали большую роль городских и окологородских мон-рей в возникновении и развитии монашеского движения, а также то, что грамотность в монашеской среде была распространена в большей степени, нежели это ранее предполагалось (Э. Випшицка). Можно предполагать, что среди монахов Н. Египта, более эллинизированного и урбанизированного, чем юг страны, было немало греков и коптов из образованных городских слоев среднего достатка. Это подтвердилось, напр., раскопками Келлий, где были найдены указывающие на это тип жилищ, внутреннее убранство, предметы быта, там обнаруженные, и т. д. Однако и в обителях В. Египта были греки и представители городских торгово-ремесленных сословий. Предполагается, что в поселениях анахоретов выходцев из зажиточных слоев было больше, чем в киновиях. Данные источников о видных подвижниках свидетельствуют о том, что среди них было немало горожан. Источники содержат также упоминания о присутствии в монашеской среде представителей др. регионов — «эфиопов», ливийцев, палестинцев, «римлян», жителей М. Азии и др., но такие примеры немногочисленны.

На ранних стадиях развития монашества преобладал «автаркический» идеал хозяйственной жизни, согласно к-рому все необходимое для нужд мон-ря или общины должно производиться самими монахами, остальное следует покупать или менять на товары, произведенные в мон-ре. Отдельные иноки нанимались к землевладельцам во время жатвы за часть урожая. Применительно к IV в. нет достаточно надежных данных о том, что этот принцип часто нарушался. Еще одним источником доходов мон-ря были пожертвования богатых благочестивых мирян. Возможно, что для нек-рых обителей это был основной источник дохода, хотя такие пожертвования носили нерегулярный характер. В источниках содержатся примеры успешных «автаркических» монашеских хозяйств: напр., мон-рь прп. Пахомия в Панополе, Нитрийский комплекс, мон-ри Шенуте и др. Однако с V в. есть ясные указания на то, что мон-ри начали использовать такие средства получения доходов, как сдача в аренду мастерских, продажа или аренда земельных участков и др. Мон-ри занимались благотворительностью: оказывали помощь заключенным и неимущим,

устраивали бесплатные раздачи еды и одежды и т. д., но о конкретных масштабах этой деятельности судить сложно. В кризисных ситуациях — неурожай или набег кочевников — мон-ри могли оказывать помощь пострадавшему населению: кормить, выкупать пленных, хоронить погибших и т. д.

Наиболее частый тип обращений к известным подвижникам со стороны мирян (что видно как из агиографических источников, так и из папирусов) — это просьбы об исцелении. Однако есть также данные, что монахи выступают посредниками в разрешении бытовых и социальных конфликтов (напр., территориальных споров между деревнями, посредничество при выкупе из рабства и т. д.), что подчеркивает достаточно высокий авторитет нек-рых подвижников как у населения, так и у чиновников. Нередко на известных подвижников смотрели как на гарантов чистоты веры в случаях споров с еретиками (см., напр.: *Rufinus*. Hist. mon. X (lat. IX)).

Миссионерская деятельность монахов в IV–V вв. могла носить форму как целенаправленного уничтожения остатков языческих культов (см.: Vita Sinuthii. Cap. 83–84, 125–126), так и быть результатом повседневного общения монахов с крестьянами (ср.: *Rufinus*. Hist. mon. X (lat. IX)). С кон. IV в., во время т. н. антропоморфитской смуты (см. *Антропоморфиты*), монахи заявляют о себе как о силе, способной активно вмешиваться в церковные и богословские вопросы. Впосл. эта роль монашества только усиливается.

Особый вопрос составляют взаимоотношения монахов и церковного клира, в частности епископата на ранних этапах развития монашества. С одной стороны, в источниках подчеркивается уважительное отношение к клирикам (*Athanas. Alex.* Vita Antonii. Cap. LXVII; *Palladius*. Hist. Laus. Cap. I), с др.— есть упоминание о серьезном конфликте, возникшем между прп. Пахомием и епископами на Соборе в Латополе (см.: S. Pacomii vitae. P. 11; Monuments pour servir. P. 591 sq.). Однако этот конфликт в целом не является отражением серьезных противоречий между церковными институтами — монашеством и епископатом, как считал, напр., А. А. Спасский (см.: *Спасский А.* Пахомий и Феодор, первые основатели киновитского подвижничества по греч. и копт. источникам // БВ. 1909. № 2. С. 308). Подобные конфликты могли иметь локальный характер и скорее всего были связаны с частными дисциплинарными проблемами. Неоднозначен вопрос об отношении монахов к принятию священного сана. Как указывают агиографические источники, иноки старались избегать принятия сана (см., напр.: *Palladius*. Hist. Laus. XI). Но в последних исследованиях сделано предположение о том, что стремление стать членом клира было сильно и в раннем монашестве и известные подвижники вынуждены были его сдерживать (см.: *Wipszycka E.* Les clercs dans les communautés monastiques d'Égypt // J. of Juristic Papyrology. 1996. Vol. 26. P. 135–166). Впосл., особенно в VI–VII вв., число представителей монашества в составе клира заметно увеличилось.

Ист.: *Priscus Panites*. Historia Byzantina // FHG. P., 1870. Vol. 5. Pt. 1; La Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Ed. H. Zotenberg. P., 1883; Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne au IV siècle: Histoire de St. Pachôme et de ses communautés / Publ. par E. Amelineau // Annales de Musée Giumet. P., 1889. Vol. 17; The Canons of Athanasius of Alexandria / Ed. W. E. Crum, W. Riedel. L., 1904; Sinuthii archimandritae vita et opera omnia / Ed. I. Leipoldt // CSCO. Vol. 41. Copt. 2. P., 1906. Louvain, 1951[r]; Vie d'Isaac, patriarche d'Alexandrie de 686 à 689 / Ed. E. Porcher // PO. T. 11, fasc. 3 (N 54). P., 1915; S. Pachomii vitae sahidice scriptae / Ed. L. Th. Lefort // CSCO. T. 99–100. Copt. 9–10. P., 1933–1934. Louvain, 1952[r].

Лит.: *Maspero J.* Organisation militaire de l'Égypte Byzantine. P., 1912; *Bell H. I.* The Byzantine Servile State in Egypt // JEA. 1917. Vol. 4. P. 86–106; *Barison P.* Ricerche sui monasteri dell' Egitto bizantino ed arabo secondo i documenti dei papiri greci // Aegyptus. 1938. Vol. 18. P. 29–148; *Antonini L.* Le chiese christiane nell' Egitto dal IV al XI secolo i documenti dei papiri greci // Ibid. 1940. Vol. 20. P. 129–208; *Винкельман Ф.* Некоторые замечания к оценке роли монофиситства в Египте в послеюстиниановскую эпоху // ВВ. 1978. Т. 39. С. 86–92; *он же.* О роли народных масс в ранней Византии // ВВ. 1979. Т. 40. С. 26–36; *Rousseau Ph.* Pachomius: The Making of Community in the 4[h] Cent. Egypt. Berkeley, 1985, 1999; *Фихман И. Ф.* Введ. в докум. папирологию. М., 1987. С. 142–172; *Берзина С. Я.* Мероэ и окружающий мир, I–VIII вв. н. э. М., 1992. С. 96–101; *Bagnall R.* Egypt in Late Antiquity. Princeton, 1993; *Wipszycka E.* Études sur le christianisme dans l'Égypte de l'Antiquité tardive. R., 1996. (SEAug; 52); L'Egitto cristiano in età tardo antica / A cura di A. Camplani. R., 1997; *Layton B.* Social Structure and Food Consumption in Early Christian Monastery: The Evidence of Schenute's Canons and the White Monastery Federation A.D. 385–465 // Le Muséon. 2002. Vol. 115. P. 25–55.

А. А. Войтенко

Южная Италия и Сицилия. В VI — сер. VIII в. В. и. играла определяющую роль на территории всей Италии и Сицилии (см. в ст. *Равенна, Рим, Сицилия*). Однако в дальнейшем, после араб. завоеваний на Востоке и в Африке, империя заняла скорее оборонительную, чем наступательную позицию в этом регионе. Ослаблению визант. позиций в зап. провинциях способствовало также постепенное укрепление позиций рим. архиепископа в Италии и создание к 750-м гг. гос-ва пап, а также лангобардское завоевание Равенны и Рима. С сер. VIII в. В. и. еще сохраняла влияние на обл. Венето и Неаполь, но фактически ей подчинялись лишь наиболее грецизированные области — Юж. Италия и Сицилия.

Церковь Сан-Марко в Россано. X в.

На материке ей пришлось противостоять экспансии франков (сер. VIII — сер. X в.), арабов (с IX в.), германцев (с сер. X в.), норманнов (с нач. XI в.). Политическая ситуация на Апеннинском п-ове осложнялась наличием значительного числа мелких полунезависимых владений, таких как Беневент, Салерно, Капуя, Неаполь, Амальфи, Гаэта, Венеция. В целях более успешного проведения своей политики в Италии византийцы создали ряд новых адм. подразделений: в кон. IX в. была основана фема Лангобардия (Лонгивардия), куда входили часть Апулии, Лукании и г. Бари. Вероятно, в течение короткого времени существовали фемы Калабрия и Отранто, ок. 969 г. возник катепанат Италия. Однако с норманнским завоеванием в XI в. и эти меры не принесли успеха византийцам. Осада норманнами столицы катепаната Бари в 1071 г. закончилась сдачей города.

Особое положение Сицилии в составе империи было подтверждено 75-й новеллой имп. Юстиниана I (537). Остров считался своего рода личным владением императора и управлялся претором, подчинявшимся в политическом и юридическом отношении квестору Свящ. дворца в К-поле, а в финансовом — комиту патримоний Италии, к-рый тоже пребывал в столице империи. Военное руководство осуществлял дука. Такое адм. устройство Сицилии существовало до учреждения одноименной фемы в кон. VII в. Во главе нее был поставлен стратиг, а главным гражданским чиновником являлся протонотарий, состоявший в центральном ведомстве хартулария сакеллия. Фема Сицилия, а позже наряду с ней Калабрия и Лангобардия, входили в число зап. фем, к-рые занимали более низкое положение в адм. системе, чем восточные. К феме Сицилия принадлежали также расположенные в Юж. Италии дукаты Калабрия, Отранто и номинально Неаполь. Ее основная задача состояла в обороне зап. границы В. и. от арабов (первый набег в 652), Сицилия оставалась под визант. управлением до араб. завоевания в IX в. и была потеряна для византийцев в ходе мусульм. вторжения, к-рое на-

Богоматерь благословляет адмирала Антиохии Георгия. Мозаика из ц. Марторана в Палермо (Сицилия). 1145–1146 гг.

чалось взятием Палермо в 831 г. и закончилось падением Таормины в 902 г., окончательно — с потерей византийцами Раметты в 965 г. Палермо был отвоеван христианами норманнами только в 1072 г.

I. Греческая Церковь в Юж. Италии и Сицилии. В. и. в IX в. сохранила свои позиции в Калабрии и юж. Саленто и завоевала в 870–880 гг. лангобардские районы Апулии, Базиликаты и Юж. Калабрии, где восстанавливались лат. еп-ства, поскольку здесь преобладало лангобардское население. Мн. селения исчезли в раннем средневековье, поэтому необходимо было создавать новые епархии. В VIII в. византийцами были основаны новые города и епархии в городах Юж. Италии. В визант. эпоху не имелось к.-л. непроницаемых границ между греч. и лат. клиром, хотя в густонаселенных зонах иногда происходили конфликты. Так, в 800-х гг. папа Римский *Стефан V* выступил против создания греч. епископии в отвоеванном Таранто, где остались лишь лат. еп-ства.

Подчинение в 968 г. греч. епископов лат. кафедре в Отранто, о чем упоминает Лиутпранд Кремонский, скорее всего не состоялось. На севере Калабрии для престолов Кассано, Мальвито, Бизиньяно и Козенца потребовалось создать лат. митрополию в Салерно и греч. в Реджо — первые 2 кафедры по крайней мере были, без сомнения, греческими в течение долгого времени.

Эллинизация епископских престолов происходила практически одновременно и в Сицилии и в Юж. Италии. В Калабрии нек-рые епископы носили греч. имена уже в кон. VII в., но сплошная эллинизация началась в VIII в. В Калабрии было только 10 кафедр; кроме того, сев. часть полуострова до Козенцы осталась латинской, т. к. она являлась лангобардской территорией. Лат. были Кротон и, может быть, Россано и Тремеса. Все первые греч. епархии размещались на юге района Ла-Сила: Реджо, Тауриана, Никотера, Тропеа, Вибо, Скуиллаче, Локри. Последующее развитие церковной организации зависело от основания новых городов византийцами (располагавшихся часто во внутренних областях) и лангобардами (на севере), а также от проникновения на север грекоязычного населения и от присоединения к В. и. Сев. Калабрии в кон. IX в. В VIII в. престол из Локри был перенесен в Джераче; во 2-й пол. IX в. епархию в Калабрии передали митрополиту в Реджо; в кон. IX в. появились новые епископии в Амантеа, Никастро и, возможно, в Россано (к-рая получила автокефалию в XI в.); кроме того, в Ла-Силе учреждена митрополия Санта-Северина, в подчинении к-рой находились Умбриатико, Черенция и Изола-ди-Капо-Риццуто, Саленто. К X–XI вв. нек-рые лат. еп-ства на севере на короткое время грецизируются (Кассано и Мальвито, возможно, Бизиньяно и Козенца). С др. стороны, к кон. X в. такие древние еп-ства, как Тремеса и Тауриана, прекратили существование, а Вибо в норманнскую эпоху переместилось в Милето. За неск. десятилетий до прихода норманнов на

Евхологий. Калабрия. Нач. XI в. (Vat. Barb. gr. 336. Fol. 279)

юге были основаны кафедры в Оппидо, Бова и, возможно, в Стило. Последнюю кафедру нельзя рассматривать как исключительно К-польскую епархию. Она упоминается в источниках то как «епископство», то как «великая церковь», однако позднее епископ Скуиллаче носил также титул и епископа Стило. Вероятно, оно было создано тогда же, когда и Оппидо и Бова и не пережило норманнскую эпоху. Во 2-й пол. XI в. норманны сменили иерархию греч. престолов на лат., кроме Джераче, Кротоне, Санта-Северина, Оппидо, Бова и Россано, где население препятствовало латинизации еп-ств до 1093 г.

Последний регион — Саленто. Со времени своего основания калабрийская митрополия Санта-Северина подчинялась престолу Галлиполи, к-рый еще долгое время оставался греч. и после норманнского завоевания. Перед падением визант. господства к ним присоединился Палеокастрон (Кастро) (*Darrouzès.* Notitiae. N 10). С др. стороны, Лече была греч. епархией и не исключено, что 2 еп-ства ниже Саленто — Удженто и Алессано (Левка) — были основаны незадолго до падения визант. власти в регионе. Отранто оставалось вне этой системы: оно было автокефальным с 968 г., и местный митрополит ставил новых

епископов на границе Апулии и Лукании (Гравина, Матера, Ачеренца, Трикарико, Турси). Напротив, в 1-й пол. XI в. известно неск. епископов-греков, с одной стороны в Таранто, с др.— в принципате Салерно. Они исчезают к сер. XI в.

На основании подписей в актах церковных Соборов известны нек-рые имена греч. епископов Калабрии и Саленто. Так, митр. Ипатий из Отранто присутствовал в 1054 г. на Соборе в К-поле, когда Патриарх *Михаил I Кируларий* анафематствовал легатов папы *Льва IX*, и, возможно, в 1066 г. в синоде Патриарха *Иоанна VIII Ксифилина;* еп. Стефан из Реджо посещал К-поль в 1032 и 1039 гг.; митрополиты Василий и Иоанн из Санта-Северины подписывали документы в X и XI вв., так же как и митрополит Отранто. Единственный епископ, житие к-рого дошло до нас,— Лука, родом из юж. Калабрии, занимал кафедру в Капо-Рицуто в кон. XI в. Он проповедовал в своей епархии и на Сицилии, полемизировал с латинянами по вопросам церковной дисциплины. В то же время Лука из Бовы прославился как автор гомилий.

Послание К-польского Патриарха Фотия Калабрийскому архиеп. Льву (Vat. gr. 456. Fol. 294, X–XII вв.)

Частноправовые акты дают нек-рые сведения о составе кафедрального клира, гл. обр. в Калабрии. Кроме протодиакона и протоиерея (протопапаса) в Санта-Северине известен доместик кафедрального собора, в Оппидо имелись примикирий, кимилиарх или скевофилак, канстрисий, кувуклисий, священник иеромнемон; в Реджо — примикирий, диакон-хартофилакс, лаосинакт. В этой митрополии получает владения «Великая Церковь»; кроме того, диаконат сообща пользуется нек-рыми владениями. Подобная организация во многом повторяет структуру патриаршего ведомства К-поля.

Документы крайне лаконичны, когда дело касается клира и статуса местных церквей. По меньшей мере к XI в. священники оказались прикрепленными к отдельным храмам. Нек-рые из церквей были частными: так, имеется свидетельство, что в сер. XI в. в Оппидо 2 чел. дарят кафедральному собору половину церкви, к-рую они построили; и отныне она переходит в подчинение епископа. Есть сообщение о том, что митрополия Реджо признала долги некоего священника. Кроме того, из упоминания в одном из актов 2 священников ясно, что один из них служил в кафедральном соборе, а др.— в частной церкви. Часто священники исполняли функции публичных нотариев. При норманнском господстве греч. церкви приняли вид приходских общин, существующих параллельно с лат. церквами.

В сер. XI в. в подчинении митрополии Реджо находилось множество мон-рей, что свидетельствует о ее богатстве и значительности. Она контролировала 281 владение, бесчисленное количество имущества в 7 свободных общинах. По картулярию кафедрального собора новое еп-ство в Оппидо было не столь богато: в начале норманнского завоевания оно только начинало обустраивать свои владения.

Норманны латинизировали большинство епископских престолов, переведя их под рим. юрисдикцию, но сохранили и греч. духовенство. Существование греч. обряда до XVII в., а греч. диалектов до XX в. доказывает, что греки компактно проживали на определенной территории.

Сицилийские епископы присутствуют на церковных Соборах в VII в.; на Вселенском VII Соборе в Никее в 787 г. их было 10. Неск. годами ранее греч. епископы Лентини и Катании выступали посланцами имп. Ирины к папе. В это время греч. имена епископов свидетельствуют об усилении эллинизации сицилийских престолов, когда они вновь подчиняются К-полю, при этом визант. иерархия берет верх над лат. Примерно в сер. VIII в. на острове учреждается митрополия в Сиракузах; во 2-й пол. IX в. еп-ство Катании становится автокефальным: позднее в диптихах оно обозначается как титулярная митрополия. В целом греч. епархии VIII–IX вв. были древнего происхождения, основаны в эту эпоху Чефалу,

Греко-лат. Псалтирь. Кон. XIII в. (Lond. Brit. Lib. Add. 11752. Fol. 294)

Карини и Мальта. Почти все они исчезли во время араб. господства на острове.

Мусульм. завоевание IX в. быстро уничтожило большую часть диоцезов в вост. Сицилии, на западе и северо-западе они сохранились дольше. Во время 2-го периода иконоборчества в Сиракузах был митрополит-иконоборец. 4 епископа предприняли поездку в К-поль в 869 г.; в перечне епархий в правление имп. *Льва VI* уже нет Катании, и в XI в. «архиепископом Сицилии» назван митрополит Реджо. Норманны, прибывшие в 1072 г. в Палермо, нашли резиденцию архиепископа в маленькой церкви, поскольку кафедральный собор был давно превращен в мечеть. В 1103 г. греч. епархия в Катании перешла под власть латинян. Норманны создавали на острове только лат. еп-ства.

II. Южноитальянские мон-ри. Греч. монашество в Сицилии, Калабрии и в Базиликате известно нам по 2 различным типам источников: с одной стороны, это жития святых монахов (ок. 15), среди к-рых самым выдающимся как с исторической, так и с лит. т. зр. является Житие св. Нила Россанского; с др.— материал актов.

К кон. VI в. на упомянутых территориях мон-ри еще были латинские. С VII по IX в. среди монахов Сицилии и Калабрии появляется много

греков. Мон. Феофан ведет переписку с Феодором Студитом, сицилийские монахи Митрофан и Марк — с Патриархом Фотием. Первый широко известный италийский монах *Илия Младший* род. в Энне, возможно в 1-й пол. IX в. В течение жизни он побывал не только в Калабрии, но и на Синае, на Пелопоннесе, на Корфу, в Фессалонике, что подтверждает активные связи итало-греч. монашества с крупными религ. центрами империи. В странствиях его сопровождали ученики. Большая часть монахов сицилийского происхождения (Лев-Лука Корлеоне, Виталий из Каструм Новум, Савва, Христофор и Макарий из Коллесано, Лука из Демены) бежала от арабов через Мессинский прол. на континент. В захваченной мусульманами Сицилии самым важным греч. монашеским центром был Сан-Филиппо д'Ажира (к востоку от Энны).

В сохранившемся инвентарном списке греч. митрополии Реджо упоминаются многочисленные мон-ри и подворья на юге полуострова. Но, если кто-то из подвижников и задерживался (как, напр., прп. *Илия Пещерник* в Меликукке), то большая часть монахов, как правило, уходила все дальше на север. Россано был одним из значительных монастырских центров. На границах многонаселенных Калабрии и Базиликаты образовывались большие монастырские зоны — Меркурио близ р. Лао и Латиниано в долине рек Синни и Агри (Карбона). Св. Нил, родившийся в 1-й пол. X в. в Россано, в одном из культурных центров визант. Италии, получил в родном городе серьезное образование. Он основал мон-рь в Меркурио; позднее отправился в лат. земли и поселился сначала в Валлелуче, где принимал аббата Монте-Кассино. Затем, возвратившись в Серпери близ Гаэты, он основал в окрестностях Рима мон-рь Гроттаферрата, к-рый до сих пор играет заметную роль в монастырской жизни и имеет богатую древнюю б-ку. В числе проч. рукописей здесь находятся автографы его основателя и учеников. В Терра-д'Отранто сохранились остатки нек-рых греч. мон-рей визант. эпохи; мн. маленькие греч. обители находились в гротах.

Монашеская организация мало чем отличалась от установлений визант. эпохи. Вначале монахи жили то поодиночке, то общиной, наиболее известные были часто окружены учениками. В нач. XI в. монахи приняли Уставы свт. Василия Великого и Феодора Студита. Именно в эту эпоху образуются самые важные мон-ри.

В норманнскую эпоху основывались новые мон-ри, такие как Санта-Мария дель Патир близ Россано и его подворий, Спасителя в Мессине и св. Варфоломея в Тригоне или св. Николая в Казоле в Терра-д'Отранто. Многочисленные греч. мон-ри постепенно переходят под контроль лат. аббатов, объединившись в братства. Особняком стоят императорские мон-ри, такие как Салины близ Оппидо и св. Петра в Таранто; прежде существовавшие как киновии, в 999 г. они были переданы светскому сановнику и его детям. В визант. эпоху существовали в основном маленькие и средние монастырские объединения в отличие от норманнского времени, когда возникали большие аббатства. От этой эпохи сохранилось большое количество литургических книг; самая знаменитая рукопись — *Барберини Евхологий* (Vat. Barber. gr. 336), скопированный в Калабрии в VIII в.— древнейший из известных в визант. мире. Изучение этого визант. манускрипта показывает наличие в нем многочисленных сиро-палестинских и егип. элементов; следует констатировать, что последующие итало-греч. евхологии несут на себе существенные вост. влияния. Бытование литургии св. Иакова и св. Марка, известное в этом регионе, доказывает наличие значительного количества иммигрантов с востока. В Кампании в X в. контакты с Зап. Церковью также повлекли за собой появление характерных черт, в частности перевод и последующая византинизация формуляра рим. мессы, к-рый многочисленные манускрипты донесли до нас под именем литургии св. Петра; через мон-рь *Амальфитанцев* на Афоне или посредством калабрийских монахов эта литургия распространилась также на Восток, где она была переведена на слав., армян. и груз. языки.

Баптистерий. XI в. Мон-рь Гроттаферрата

III. Политика норманнских герцогов в Юж. Италии XI–XII вв. После того как Роберт Гвискар получил от Римского папы титул герцога Апулии и Калабрии и за это признал власть папы и обязался защищать его от врагов, политика норманнов состояла в постепенном подчинении Римской курии мон-рей Юж. Италии, потерявших в ходе завоевания свою адм. связь с К-польским Патриархом, и в быстрой латинизации епископских кафедр. Акты, касающиеся церковной реорганизации Калабрии и удостоверяющие восстановление греч. епархий в Милето и Скуиллаче в норманнский период, оказались подложными (ранее в историографии этот факт воспринимался как неожиданный поворот в политике норманнского гр. Сицилии Рожера I). Так, в 1066 г. во главе греч. епархии Тропеа встал латинянин, то же произошло в Палермо в 1083 г., а в 1078 г. совершилась насильственная латинизация кафедры в Реджо, когда Роберт Гвискар, выслав греч. епископа Василия, заменил его лат. прелатом. Папой Григорием VII в правление Рожера I были также упразднены древние греч. епархии Тауриана и Вибо для создания лат. еп-ства Милето. Нек-рые греч. епископские кафедры были оставлены в Калабрии по политическим соображениям и из-за того, что их поддерживало большое число верующих-греков.

В 1080 г., угрожая отлучением в случае посягательства на земельную собственность Римской Церкви, папа специальной буллой разрешил вмешательство лат. епископов в церковное устройство Юж. Италии: теперь они могли объявить своей собственностью любой греч. мон-рь и подчинить его юрисдикции Рима. Это, вероятно, и явилось одной из причин того, что в посл. четв. XI в. греч. мон-ри Калабрии, в т. ч. и р-нов Меркурио и Латиниано, были оставлены монахами, к-рые отправи-

лись на юг и на Сицилию, где норманны, обнаружив уцелевшие при арабах греч. обители св. Ангела в Броло, св. Филиппа во Фрагале, Пресв. Богородицы в Викари и св. Варвары, а также земельные владения в Валь-Демоне, восстанавливали церкви и мон-ри (к-рые до 1134 были в основном греч.) и строили новые для укрепления авторитета своей власти среди греч. жителей. Роберт Гвискар в 1063 г. устроил около Мессины мон-рь св. Григория. Его преемник Рожер I заявлял, что считает вполне справедливым восстанавливать мон-ри и заселять их иноками. Из 32 случаев основания мон-рей при Рожере I 21 греч. мон-рь основывает сам правитель острова и лишь в 11 — частные лица, тогда как из 36 лат. мон-рей 25 основаны частными лицами. Это позволяет сделать вывод о том, что в кон. XI — нач. XII в. Рожер I, всячески ослабляя греч. влияние в Калабрии, пытался на Сицилии увеличить количество своих немусульм. подданных. Так же и сын его Рожер II (граф Сицилии 1101–1130, герцог Апулии 1127–1154, король Сицилии 1130–1154) устроил в Мессине греч. мон-рь во имя Спасителя, к-рый был тогда известен как греческий. Сначала Рожер II выстроил небольшую церковь, посвященную Спасителю, а с 1130 г. там образовался большой мон-рь с Уставом свт. Василия Великого (просуществовал до XVI в.). Этому мон-рю Рожер II подчинил 31 мон-рь в Сицилии и 15 — в Калабрии. Право назначать игумена этого мон-ря, к-рому был дан сан архимандрита, правители острова оставили за собой.

После 1134 г. дарения и основания греч. церквей прекращаются; от 2-й пол. XII в. сохранились только 2 грамоты, содержащие подтверждение дарений, сделанных Рожером, и акт о восстановлении прав на владение. Существует документ 1196 г., адресованный Мессинскому архиеп. Бернарду, к-рому поручается надзор за греч. и лат. мон-рями его диоцеза, а следов., и за теми, к-рые были приписаны к мон-рю Спасителя. Так, через постепенное подчинение Риму, происходила латинизация греч. мон-рей юга Италии и Сицилии. Возможно, такая централизация греч. мон-рей на Сицилии была подсказана норманнским правителям Римской курией. Подобное происходило и в Апулии, где

Христос коронует кор. Рожера II. Мозаика из ц. Марторана в Палермо. 1146–1151 гг.

при Рожере II большинство греч. мон-рей были подчинены мон-рю св. Николая в Казоле близ Отранто, основанного в 1099 г. игум. Иосифом при содействии герц. Тарентского и Антиохийского Боэмунда. И здесь все греч. мон-ри Апулии были также объединены около одного греч. мон-ря, к-рый был непосредственно подчинен Риму. К сер. XIII в. эта зависимость вылилась в форму прямого вмешательства Рима в дела этой обители. При Вильгельме II (1166–1189) мон-рь святых Илии и Анастасия в Карбоне (Калабрия) претендовал в 1168 г. на то, чтобы стать alma mater греч. мон-рей Кампании и Лукании в противовес мон-рю Спасителя в Мессине.

Т. о. в норманнский период греч. обители были или разрушены, или перешли в ведение бенедиктинских монахов. К кон. XII в. древние греч. мон-ри и церкви попали под контроль и покровительство крупных монастырских центров: св. Илии в Карбоне для района Валь-ди-Синни, св. Иоанна Жнеца в Стило для Астромонте, Богородицы Новой Одигитрии (ныне Санта-Мария дель Патир) близ Россано для района Ла-Сила, св. Николая в Казоле близ Отранто для Апулии и Спасителя в Мессине для Сицилии и юга Калабрии. Норманнские герцоги вынуждены были терпимо относиться к их существованию там, где греч. население составляло большинство. На рубеже XII–XIII вв. церковная реформа, начатая папской буллой 1080 г. в отношении южноитал. мон-рей, была почти закончена: большинство греч. обителей Апулии, Калабрии и Сицилии через подчинение крупным мон-рям оказались в зависимости от Рима. В правление Вильгельма I Злого (1154–1166) происходили настоящие гонения на греч. иноков, греч. мон-ри насильно передавались лат. клиру, греков заставляли переходить к лат. церковно-служебному уставу и проч. Но еще в сер. XIII в. Николай Нектарий Отремтский вел полемику с кардиналом в защиту греч. обряда Крещения.

Греч. обители в лат. землях почти полностью исчезли. Однако население грекоязычной культуры на уровне приходов сопротивлялось латинизации и долго еще поддерживало в нек-рых районах использование греч. языка, практически до наст. времени он сохранился близ Бовы и на юге Лечче, в Саленто, что позволяло создавать многочисленные рукописи до XVI в. Визант. литургия поддерживалась до XVII в. В наст. время она сохранилась у албанцев Сицилии и Калабрии, появившихся там в XV–XVI вв.

Ист.: Vita S. Leonis Lucae abbatis // ActaSS. Mart. T. 1. P. 99–102; Vita S. Vitalis abbatis // Ibid. T. 2. P. 27–35; Vita S. Zosimi episcopi Syracusani // Ibid. T. 3. P. 835–840; Vita et conversatio S. Patris nostri Eliae Speleotae // Ibid. Sept. T. 3. P. 848–887; Vita S. Lucae abbatis // Ibid. Oct. T. 6. P. 337–342; Βίος καὶ πολιτεία Βαρθολομαίου τοῦ Νεοῦ // PG. 127. Col. 475–498; *Trinchera Fr.* Syllabus Graecarum membranarum. Neapoli, 1865; *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia publicati nel testo originale, tradotti ed illusrati. Palermo, 1868–1882. Vol. 1. N 21 (1105). P. 396–400; *Orestes, patr. of Jerusalem.* Historia et laudes SS. Sabae et Macarii / Ed. G. Cozza-Luzzi. R., 1893; Vita S. Gregorii abbatis // MGH. SS. T. 15. Pt. 2. P. 1187–1190; Vita di S. Luca vescovo di Isola Capo Rizzuto / Ed. G. Schirò. Palermo, 1954; RPR. Bd. 9: [Italia pontifica: Samnium — Apulia — Lucania]. B., 1962; Vita di S. Elia il Giovane / Ed. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962; Vita S. Phantini confessoris ex cod. Vat. Gr. n. 1989 (Basil. XXVIII) / Ed. V. Saletta. R., 1963; *Bartolomeo, St. Abbate di Grottaferrata.* Vita di S. Nicodemo di Kellarana / Ed. M. Arco Magrì. R., 1969; Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νείλου / Ed. G. Giovanelli. Grottaferrata, 1972; *Guillou A.* Le brébion de la métropole byzantine de Règion (vers 1050). Vat., 1974; *Falkenhausen V., von.* La dominazione bizantina nell'Italia meridionale dal IX all'XI sec. Bari, 1978; *Acconcia Longo A.* La Vita di S. Leone vescovo di Catania e gli incantestini del mafo Eliodoro // RSBN. 1989. Vol. 26. P. 3–98.

Лит.: *Lenormant F.* Le Grande-Grèce. Paysages et histoire. P., 1884. Vol. 2; *Gay J.* Notes sur la conservation du rite grec dans la Calabre et dans la Terre d'Otrante au XIVe siècle; listes de monastères basiliens // BZ. 1895. Bd. 4. S. 59–66; *idem.* Étude sur la décadence du rite grec dans l'Italie méridionale à la fin du XVIe siècle // RHLR. 1897. T. 2. P. 481–495; *idem.* L'Italie

méridionale et l'Empire byzantin depuis l'avenement de Basile I jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071). P., 1904; *Протасов Н. Д.* Греч. монашество Юж. Италии и его церк. искусство. Серг. П., 1915; *Robinson G.* The History and Cartulary of St. Elias and St. Anastasius of Carbone. R., 1928–1930. 2 vol. (3 Pt.) (OrChr.; 11/5, 15/2, 19/4); *White L.-T.* Latin Monasticism in Norman Sicily. Camb., 1938. P. 41–43; *Scaduto M.* Il monachismo basiliano nella Sicilia medievale: Rinascità e decadenza, sec. XI–XIV. R., 1947; *Grumel V.* L'annexion de l'Illyricum oriental, de la Sicile et de la Calabre au patriarcat de Constantinople: Le témoignage de Théophane le Chronographe // RechSR. 1951/1952. Vol. 40. P. 191–200; *Anastos M. V.* The Transfer of Illyricum, Calabria, and Sicily to the Jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople in 732–733 // Silloge bizantina: In onore di S. G. Mercati. R., 1957. P. 14–31. (SBN; 9); La Chiesa greca in Italia dall'VIII al XVI sec.: Atti del Conv. storico interecclessiale (Bari, 1969). Padova, 1972. Vol. 1–2; *Jacob A.* Le Vat. Gr. 1238 et le diocèse de Paléocastro // Riv. di Storia d. Chiesa in Italia. 1971. Vol. 25. P. 516–523; *idem.* Testimonianze bizantine nel Basso Salento // Il Basso Salento: Ricerche di storia sociale e religiosa / A cura di S. Palese. Galatina, 1982. P. 49–69; *Guillou A.* L'organisation ecclésiastique de l'Italie byzantine autour de 1050: de la métropole aux église privée: Administration et économie // Le istituzioni ecclesiastiche d. «Societas Christiana» d. sec. XI–XII: Diocesi, pieve e parrocchie: Atti d. 6 Settimana intern. di studio (Mil., 1974). Mil., 1977. P. 309–322; *Martin J.-M., Noyé G.* Guerre, fortifications et habitats en Italie méridionale du Ve au Xe siècle // Guerre, fortification et habitat dans le monde méditerranéen au Moyen Âge / Sous la dir. d'A. Bazzana. [P.; R.], 1988. P. 225–236. (Castrum; 3).

М. А. Курышева

Византия и Болгария. Болгарское гос-во было создано в кон. VII в. непосредственно на территории В. и. и на протяжении столетий находилось с ней в теснейшем взаимодействии, многократно переходя от конфронтации к союзническим отношениям и наоборот; более

Фрагмент протоболгарской надписи греч. буквами

2 столетий (970–1180-е гг.) болг. земли входили непосредственно в состав В. и. (политическую историю см. в ст. *Болгария*). Это обстоятельство (вернее, постоянно действующий фактор) определило мн. особенности социально-экономической, политической и культурной жизни страны в эпоху средневековья. Еще до принятия христианства греческий служил офиц. языком дипломатических сношений, на нем преимущественно выполнялись также памятные надписи болг. языческих правителей в VIII–IX вв. (см.: *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979; *Каймакамова М.* Българска средновековна историопис. София, 1990. С. 89–94): надписи на протоболг. языке выполнены греч. алфавитом. Широкая известность на территории Болгарии греч. письма несомненно явилась одной из причин создания в кон. IX в. на его основе нового слав. алфавита — кириллицы взамен первоначальной глаголицы. Изображения на печатях и медальонах болг. ханов подражают имп. иконографии. После принятия христианства в 60-х гг. IX в. в форме визант. Православия (см. ст. *Болгарская Православная Церковь*) греч. язык являлся на первых порах в Болгарии (до начала деятельности здесь в 886 учеников святых *Кирилла (Константина)* и *Мефодия*) основным языком богослужения, сохранив и позднее заметные (если не господствующие) позиции в церковном пении (см.: *Момина М. А.* Проблема правки слав. богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1991. Т. 45. С. 201–202). Практика поставления греч. священников на приходы в Болгарии сохранялась по крайней мере до 2-й пол. 90-х гг. IX в., если не позднее. Судя по эпиграфическому материалу (раскопки в монастырском комплексе *Равна* в сев.-вост. Болгарии), греч. монашество в стране было значительным и в X в. Первые христ. правители Болгарии (кн. *Борис*, цари *Симеон* и *Петр*) состояли в переписке с К-польскими Патриархами. Симеон во время пребывания заложником в К-поле получил хорошее греч. образование и настолько проникся духом визант. культуры, что современники называли его «полугреком». Став правителем, он попытался военным путем воплотить в жизнь идею «переноса царства» (Translatio imperii) — создания единого гос-ва «болгар и греков» под своей властью. В 919 г. Симеон принимает царский (имп.) титул и провозглашает болг. архиепископа Патриархом. Осуществить эти планы Симеону не удалось, но культурная часть его программы, направленная, в частности, на создание слав. аналога монастырского варианта визант. культуры, трудами болг. книжников была претворена в жизнь (см.: *Булашин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XIV вв. Мюнхен, 1991. С. 264–276), послужив позднее основой и моделью для рус. и серб. лит-р.

Возможно, что косвенным отражением культурно-политической программы Симеона (в т. ч. и для всей позднейшей средневек. истории Болгарии) является практически полное отсутствие в болг. книжности летописных памятников и житий правителей и церковных иерархов (при наличии значительного числа переводных хроник) — вероятно, история страны не мыслилась образованной частью общества в отрыве от истории Византии (или в противопоставлении ей). На это же указывает скорее всего и включение болг. реалий в эсхатологические сочинения и компиляции (см. в ст. *Апокалиптика*).

В долгое правление сына и преемника Симеона — царя Петра (927–969), женатого на дочери имп. Романа I Лакапина и не унаследовавшего энергии и политических талантов отца, визант. влияние в Болгарии, по всей видимости, еще более усиливается.

После завоевания имп. Иоанном I Цимисхием Вост. Болгарии (970) регион был подчинен в церковном отношении К-польскому Патриархату; такая ситуация сохранялась вплоть до восстания 1185 г. и образования 2-го Болгарского царства. Более сложной была картина болгаро-визант. взаимоотношений в зап. части царства, завоеванного Василием II Болгаробойцей в 1018 г. Здесь была создана автокефальная *Охридская архиепископия*, в рамках к-рой болг. культура продолжала сохраняться, хотя условия для ее существования становились со временем все менее благоприятными (см.: *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 123–128). Значительная часть болг. аристократии, признавшей власть Византии, вошла в состав ее правящей верхушки, но (по старой визант. традиции) была расселена в др. регионы империи. Однако картину жизни Охрид-

ской архиепископии в XI–XIII вв. определяет не только это разрушение национальной элиты и антивизант. восстания (крупнейшие в 1040–1041 и 1072–1073), но и проявления культурного взаимодействия. Византийцы пишут на греческом жития и службы местным слав. святым (архиеп. *Феофилакт* — пространное Житие св. Климента Охридского, Георгий *Скилица* в сер. XII в.— Житие св. Иоанна Рильского и цикл канонов ему, архиеп. *Димитрий II Хоматиан* в XIII в.— проложное житие Климента), к-рые тем самым включаются в число чтимых греч. святых. В среде местных слав. книжников наряду с представлениями о святости слав. языка и письма (*Солунская легенда*, переделка сочинения *Храбра Черноризца*) формируются и причудливые порой представления о византийско-болг. общности (*Иванов С. А.* «Болгарская апокрифическая летопись» как памятник этнического самосознания болгар // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 70–77).

Резкая конфронтация болгаро-визант. отношений в ходе восстания Асеней в 1185 г. и создания 2-го Болгарского царства после взятия К-поля крестоносцами сменяется поисками союзников в различных политических комбинациях. В 1234 г. Тырновский предстоятель *Иоаким I* был рукоположен в Никее, а в следующем году за ним был признан патриарший титул.

Старая болг. идея «переноса царства», имевшая определенные шансы на воплощение в правление царя *Калояна* (и, возможно, Иоанна

Царь Иоанн Асень II. Монета. 1230–1241 гг.

Асеня II), после сер. XIII в. утрачивает свое значение для страны, разоренной междоусобными войнами и татар. набегами и сохраняется лишь как часть панегирических формул

Деспот Константин и дочери болг. царя Иоанна Александра. Миниатюра из Четвероевангелия. 1356 г. (Add. Ms. 39627. Fol. 2v)

(титул Иоанна Александра — «царь болгар и греков», именование Тырнова «Царьградом», а Патриарха Тырновского Игнатия (1277) — «столпом правоверия»). Ориентация на визант. образцы дает о себе знать в различных проявлениях жизни верхушки болг. общества — придворных чинах и титулах, царском облачении (как можно судить по миниатюрам Лондонского Евангелия царя Иоанна), характере оформления монет и печатей.

В 1-й пол. XIV в. в среде болг. монашества (первоначально на Афоне, а затем и в самой Болгарии) получает широкое распространение *исихазм*. Его основатель прп. *Григорий Синаит* продолжительное время жил и скончался в Парорийском мон-ре, ктитором к-рого был царь Иоанн Александр. Одним из последствий распространения учения в Болгарии явилась резкая активизация лит. и переводческой деятельности в стране и на Афоне (см. статьи свт. *Евфимий*, Патриарх Тырновский, *Тырновская художественная школа*). Ее результатом явился новый перевод на слав. язык большого корпуса аскетических сочинений, а также литургических и четьих книг, необходимых для богослужения по Иерусалимскому уставу.

Ярким показателем значения В. и. в истории и культуре средневек. Болгарии является своеобразная «национализация» здесь почитания целого ряда визант. святых, превращение их в особо чтимых болгарских. Зачатки этого своеобразного явления, не имеющего полноценных аналогий в др. странах правосл. слав. мира, обнаруживаются уже в правление кн. Бориса, когда особое почитание приобрели раннехрист. Тиверио польские (Струмицкие) мученики и в Западноболгарском царстве, когда царем Самуилом в 986 г. в Преспу были перенесены из фессалийской Лариссы мощи свт. *Ахиллия*. Но наиболее показательна эпоха Второго царства, когда в результате военных походов царей из династии Асеней в Тырнов были перенесены мощи мн. святых (свт. *Илариона*, еп. Меглинского, свт. *Иоанна Чудотворца*, еп. Поливотского, прп. Иоанна Рильского, мч. *Михаила Воина* из Потуки, преподобных жен *Параскевы* (Петки) Эпиватской и *Филофеи* Тырновской), ставших наиболее почитаемыми в Болгарии вплоть до наших дней. Большинству из них во 2-й пол. XIV в. написаны пространные жития, похвальные слова и службы свт. Евфимием Тырновским (а еще ранее — в XIII в.— краткие жития и повести, включенные позже в Стишной Пролог), при этом болгарами из них были только св. Иоанн Рильский и, возможно, Михаил из Потуки. Такая активность почитания визант. святых, чьи мощи были собраны в болг. столице, особенно заметна на фоне местных в то время культов святых Климента и Наума Охридских и западноболг. (македон.) пустынников преподобных *Гавриила Лесновского*, *Иоакима Осоговского* и *Прохора Пшинского*, а также несомненного угасания в стране в XIV в. почитания св. архиеп. Мефодия и непродолжительности почитания Тырновского Патриарха свт. Иоакима, служба и житие к-рого сохранились в единственном дефектном списке.

Болг. церковное искусство на протяжении всей средневек. истории находилось под сильнейшим влиянием византийского (см. разд. «Искусство» в ст. *Болгария*).

Лит.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1970. Т. 1; *Острогорски Г.* Автократор и самодржац // *Он же.* Сабрана дела. Београд, 1970. Књ. 4. С. 303–321; История на България. София, 1980–1982. Т. 2–3; *Божилов И.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. София, 1983. С. 17–32, 41–52, 106–117; *он же.* Българите във Византийската империя. София, 1995; *Тъпкова-Заимова В.* Българо-византийските отношения и концепция за «Втория» и «Третий Рим» // Величието на Търновград. Велико Търново,

1985. С. 283–295; Принятие христианства народами Центр. и Юго-Вост. Европы и Крещение Руси. М., 1988. С. 30–67; *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерус. лит-ре XI–XVI вв. Мюнхен, 1991. С. 264–270; *Драгова Н.* Балканският контекст на старобългарската писмена култура (VIII–XII вв.). София, 1992; *Пикио Р.* Мястото на старата българска литература в културата на средновековна Европа // *Он же.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 137–170; *Gjuzelev V.* Bulgarien zwischen Orient und Okzident: Die Grundlagen seiner geistigen Kultur vom 13. bis zum 15. Jh. W.; Köln; Weimar, 1993; Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 276–298; *Тъпкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптчната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 113–144, 223–233, 259–263, 314–316, 319–324, 348–355; *Полывянный Д. И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV вв. Иваново, 2000; *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien, 865–1459. Münch., 2000. S. 35–62, 64–85, 93–115, 124–141, 144–162, 165–168, 175–205, 208–219, 227–269, 276–355, 425–454, 471–487, 494–509, 513–517; *Литаврин Г. Г.* Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. // Христианство в странах Вост., Юго-Вост. и Центр. Европы на пороге 2-го тысячелетия. М., 2002. С. 133–189.

Византия и Сербия. Серб. племена, поселившиеся в зап. части Балканского п-ова в правление имп. Ираклия в качестве пактиотов, вскоре с ослаблением империи стали от нее по существу полностью независимы. Регион, в к-ром формировалась средневек. серб. государственность, совпадал с территорией совр. Сербии лишь частично, в ее юж. и юго-зап. областях, и включал помимо этого юг совр. Боснии и Герцеговины, Юж. Далмацию, Черногорию и сев.-запад Албании. Длительное время (по крайней мере до X в.) эта область не была единой в политическом отношении, а состояла из разрозненных территориально-племенных княжений, наиболее значительными среди к-рых были приморская Дукля (Зета) и континентальная Рашка, в X–XII вв. попеременно выступавшие в роли центра гос. объединения серб. земель. Окраинное положение относительно основных центров В. и. достаточно небольших и небогатых серб. княжеств и их сравнительно малый военно-политический потенциал явились причиной того, что они упоминаются до XI–XII вв. в иностранных источниках (основной из к-рых представляет трактат 1-й пол. X в. «Об управлении империей» имп. Константина VII Багрянородного), как правило, лишь в связи с военными действиями в регионе (как союзники либо противники Византии); главный же местный источник — т. н. «Летопись (или Хроника) попа Дуклянина» («Барский родослов»), дошедшая в лат. переводе,— изобилует легендарными известиями, нуждающимися в тщательной проверке.

В правление имп. Василия I Македонянина, ок. 870 г., большая часть серб. племен (за исключением обитавших в бассейне р. Неретвы и на близлежащем побережье Адриатики иеретвлян (паганов), остававшихся язычниками еще в X в.) приняла христианство из Византии (более ранние опыты обращения сербов в новую религию не имели продолжительного успеха), однако детали этого события и организация церковной жизни в новопросвещенном регионе в этот период не нашли отражения в источниках. Одновременно были восстановлены определенные формы зависимости местных князей от империи. Серб. князья («архонты» греч. источников), союзные Византии, занимают в это время весьма незначительное место в визант. табели о рангах.

В период болг. экспансии на Балканах и болгаро-визант. войн (кон. IX — 1-я треть X в.) значительная часть континентальной Сербии вошла в состав Болгарского царства, князья отдельных серб. областей выступали попеременно в роли союзников Византии и Болгарии (*Lesny.* Studia... S. 19–21). В нач. XI в. правитель сильнейшего из областных княжеств — приморской Дукли (Зеты) — св. *Иоанн (Владимир)* († 1015) выступал первоначально союзником Византии, но, разбитый западноболг. царем Самуилом, признал его главенство и вступил в брак с его дочерью. С завоеванием Западноболгарского царства имп. Василием II Болгаробойцей (1018) в состав империи вошла и большая часть континентальных серб. земель. Формально они оказались в церковной юрисдикции новоучрежденной Охридской архиепископии (вероятно, входящего в ее состав епископства в Расе), однако свидетельств ее деятельности на этой территории в XI–XII вв. практически не сохранилось. На протяжении XI в. сербы принимали активное участие в антивизант. выступлениях: восстании Петра Деляна в 1040 г., Георгия Войтеха в 1072 г. (в последнем случае союзником и одним из предводителей восставших был наследник дуклянского престола княжич Константин Бодин, провозглашенный болг. царем).

Ситуация объединения и нового дробления серб. княжеств, находящихся в разной степени зависимости от Византии, то подчиняющихся империи, то воюющих с нею, сохраняется до 2-й пол. XII в.; в 60–80-х гг. великому жупану Стефану Немане (св. *Симеон Мироточивый*) удалось соединить континентальные и приморские области в единое гос-во, ставшее в условиях ослабления империи значительной силой на Балканах. С этого времени определяется и основное направление долговременной (вплоть до сер. XIV в.) серб. экспансии — на юг и юго-восток, в Македонию. Признанием возросшего значения Сербии был брак сына Немани Стефана с дочерью буд. имп. Алексея III Ангела Евдокией (1191 или 1192) — первый в череде византийско-серб. династических союзов.

В конце жизни Неманя принял монашество с именем Симеон и отправился на Афон, где еще ранее принял постриг его младший сын св. Савва Сербский. Им удалось получить от царственного свойственника жалованную грамоту (1198) на восстановление заброшенного мон-ря *Хиландар* в качестве серб. обители на Афоне. Для него св. Саввой был переведен и отредактирован типик к-польского мон-ря Богородицы Евергетиды. Так возник крупнейший центр сербско-визант. связей (ктиторами Хиландара считались совместно императоры и серб. правители) и одновременно серб. церковной и культурной жизни на протяжении всего средневековья. Его создание по праву расценивается исследователями как важный шаг на пути создания самостоятельной Сербской Церкви (см.: *Lesny.* Studia... S. 227).

В 1219 г., умело использовав противоречия между правосл. наследниками завоеванной крестоносцами Византии — Эпирским царством (к-рому была подвластна и Охридская архиепископия) и Никейской империей, кор. Стефан Первовенчанный и его брат св. Савва добились согласия К-польского Патриарха на учреждение автокефальной Сербской Церкви. Это решение вы-

звало резко негативную реакцию со стороны Охридского архиеп. Димитрия II Хоматиана, обратившегося с посланиями к Патриарху Герману II и новому серб. архиепископу св. Савве, заявляя о неканоничности этого акта. Для нужд новой автокефальной Церкви св. Саввой был организован (вероятно, на Афоне) перевод Номоканона с толкованиями Иоанна Зонары и Алексея Аристина, почти на полтора века определившего нормы серб. канонического права.

Непродолжительное (ок. 1228 — ок. 1233) правление кор. Стефана Радослава, женатого на дочери эпирского деспота Феодора Ангела, отмечено возникновением сербско-эпирского союза (при главенствующей роли Эпира), однако победа болг. царя Иоанна Асеня II и пленение Феодора в битве при Клокотнице (1230) в корне изменили ситуацию и даже привели к смене на серб. престоле.

Экспансия Сербии в Сев. Македонии возобновилась при кор. Стефане Уроше I (1243–1276) и принесла заметные плоды в правление его сына *Стефана Уроша II Милутина* (1282–1321), к-рый окончательно закрепил за собой территории до Скопье и Вельбужда. Мир с Византией был скреплен браком короля с малолетней дочерью Андроника II Симонидой (1299). Но и позднее Милутин выступал и в качестве противника и в роли союзника империи: в 1308 г. он заключил союз с претендентом на визант. престол, номинальным к-польским имп. Карлом Валуа, продлившийся до 1311 г., а 2 года спустя участвовал вместе с византийцами в походе против турок.

Номоканон (Кормчая) св. Саввы Сербского с толкованиями. Иловицкий список. 1262 г. (Загреб.Архив ХАЗУ III. С. 9. Л. 169)

Кор. Стефан Урош II Милутин. Роспись ц. праведных Иоакима и Анны (Кралевой) в мон-ре Студеница (Сербия). 1314 г.

Правление кор. Стефана Уроша III (св. мч. *Стефан Дечанский*) (1321–1331) знаменовало мирный период византийско-серб. отношений, к-рый закончился с насильственным приходом к власти его сына *Стефана Душана*. Этот правитель представляет в какой-то мере позднесредневек. серб. аналог болг. царя Симеона. Детские годы он провел в К-поле, куда Милутин отправил в ссылку его отца, подозреваемого в заговоре, а придя к власти, попытался осуществить идею «переноса царства», создав к концу жизни обширную, хотя и непрочную империю «сербов, греков и болгар». Он вмешался в гражданскую войну в Византии и к сер. 40-х гг. XIV в. завладел большинством балканской территории империи — вплоть до Этолии на юге и Филипп и среднего течения Месты на востоке. В 1346 г. он принял царский титул, а Собор серб. епископов провозгласил архиеп. Иоанникия II Патриархом, к-рому в церковном отношении подчинялись греч. епархии на территории державы Душана. Провозглашение царства и Патриаршества сопровождалось переводом визант. канонических и юридических памятников — *Алфавитной синтагмы* Матфея Властаря и, вероятно, Земледельческого закона. По примеру визант. императоров Душан создал и сборник светского права — Законник, обычно включавшийся в один кодекс с Синтагмой. Придворные обычаи и облачения нового царства копировали византийские (что хорошо видно на властительских портретах в стенописях той эпохи), распространение получила система визант. чинов и титулов (при сохранении, впрочем, и традиционных), существовали канцелярии на слав. и греч. языках. В качестве преемника власти визант. императоров Душан оказывал покровительство мон-рям Афона, входившего в состав его владений (см. разд. «Афон и Сербия» в ст. *Афон*).

Кор. Стефан Душан. Роспись ц. арх. Михаила в Леснове (Македония). Ок. 1346 г.

Претензии Душана и в особенности вмешательство в дела К-польского Патриархата вызвали резко отрицательное отношение в К-поле и почти на полтора десятилетия привели к разрыву церковных отношений.

Смерть Душана (кон. 1355) привела к стремительному распаду его державы, при этом в ее юж. части возникли новые гос. образования с преимущественно греч. населением и серб. правителями во главе. Важнейшим из них было гос-во сводного брата Душана Симеона-Синиши, включавшее Фессалию и Эпир и просуществовавшее около 20 лет (в 1372 сын Симеона Иоанн Урош принял постриг в мон-ре в Метеорах, где и скончался полвека спустя).

После смерти Стефана Душана и распада его царства с обеих сторон начинают предприниматься попытки к восстановлению церковного общения — их инициаторами были К-польские Патриархи Каллист I и Филофей Коккин и один из сильнейших диадохов Душана, серб. деспот Иоанн Углеша. После гибели Углеши в 1371 г. в Марицкой битве с турками (вслед. к-рой отторгнутые у К-польского Патриархата епархии вернулись под его юрисдикцию) попытки возобновились позднее по

инициативе св. кн. Лазаря и завершились в 1375 г. окончательным примирением Церквей и признанием визант. стороной титула Патриарха за главой Сербской Церкви. Последние 80 лет до падения В. и. отношения между нею и Сербией носят исключительно дружественный характер: между гос-вами нет поводов для соперничества, обоим в равной мере угрожает османское завоевание. В кон. XIV в. (до 1391) наследник визант. престола Мануил Палеолог женился на Елене, дочери серб. правителя вост. Македонии Константина Драгаша; детьми от этого брака были последние императоры — Иоанн VIII и Константин XI. В 1402 г. серб. кн. Стефан Лазаревич, спасаясь после разгрома тур. войска в Ангорской битве, в к-рой он принимал участие как вассал и шурин султана Баязида, нашел убежище в К-поле, где получил титул деспота и посредством брака с дочерью правителя о-ва Митилена генуэзского аристократа Гателузи (1404) связался узами свойства с имп. фамилией. Племянник и наследник Стефана деспот Георгий (Гюрг) *Бранкович* (1427–1456) был женат на Ирине Кантакузине; представители этой фамилии в его правление играли важную роль в жизни одного из крупнейших центров добычи серебра в Сербии, г. Ново-Брдо. В 1443–1444 гг. Бранкович, временно лишенный в тот момент турками своих владений, участвовал в крестовом походе, организованном венг. кор. Владиславом Варненчиком и Яношем Хуньяди. В 1448 г. на средства деспота Георгия была восстановлена часть городских стен и башен К-поля, разрушенных землетрясением. В 1453 г. вспомогательные серб. войска (преимущественно саперы из рудокопов), обманом призванные султаном якобы для похода на восток, приняли участие в последней осаде визант. столицы.

Изобразительное искусство Сербии в XII–XV вв. и до нек-рой степени (особенно в XIV–XV вв.) ее архитектура развивались под сильнейшим воздействием византийских (см. разд. «Искусство» в ст. *Сербия*).

Лит.: *Флоринский Т. Д.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. К., 1888; *Пальмов И.* Ист. взгляд на начало автокефалии Сербской церкви и учреждение патриаршества в древней Сербии. СПб., 1891; *Марковић В.* Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Сремски Карловци, 1920. Горњи Милановац, 2002²; *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1924. Т. 1. С. 47–51, 135–141, 162–163, 316–347; *Соловјев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара. Београд, 1936; *Ферјанчић Б.* Деспота у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960; *Живојиновић М.* Аделфати у Византији и средњевековној Србији // ЗРВИ. 1968. Кн. 11. С. 241–270; *Острогорски Г.* О византијском феудализму // *Он же.* Сабрана дела. Београд, 1969. Кн. 1. С. 282–311; *он же.* Византија и словени // Там же. Београд, 1970. Кн. 4. С. 170–196, 228–242, 257–280, 321–338, 423–624; *Богдановић Д.* Византијски службени канон у српским службима средњег века // О Србљаку. Београд, 1970. С. 95–125; *он же.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 57–88, 164–189; Македонија во рамките на меѓународните односи на Балканот во 2-та пол. на XIII и 1-та пол. на XIV в. Скопје, 1977. (СпомМакед.; 2); *Баришић Ф.* О измирењу српске и византијске цркве 1375 // ЗРВИ. 1982. Т. 21. С. 159–182; *Lesny J.* Studia nad poczatkami serbskiej monarchii Nemaniczow (połowa XI — koniec XII w.). Wrocław; Warsz.; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989; *Кораћ Д.* Света Гора под српском влашћу (1345–1371). Београд, 1992. (ЗРВИ; 31); *Марјановић-Душанић С.* Владарске инсигнији у Србији од XIII до XV в. Београд, 1994; *Трифуновић Ђ.* Стара српска књижевност. Београд, 1995. С. 179–252; *Оболенский Д.* Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 69–70, 108–112, 234–238, 263–274, 318–320, 322–323, 329–331, 337–340, 371–372, 375–378.486–526; Лексикон српског средњег века / Приредили С. Ћирковић, Р. Михаљчић. Београд, 1999; *Джурич В.* Византийские фрески: средневековая Сербия. Далмация, славянская Македония. М., 2000; *Podskalsky G.* Theologische Literatur des Mittelalters in Bulgarien und Serbien: 865–1459. Münch., 2000. S. 62–63, 85–93, 115–124, 141–144, 162–165, 168–175, 205–208, 219–227, 269–276, 355–425, 454–471, 487–494, 509–512, 517–527.

А. А. Турилов

Византия и Армения. Под властью В. и. находились нек-рые обл. Зап. Армении — Малая, Сатрапская и Внутренняя Армении, имевшие разный административно-политический статус.

М. Армения в III в. была включена в состав Вост. Римской империи в качестве провинции (арм. ишханы (князья) сохранили свои феодальные права); при Феодосии I она была разделена на 2 части (Первую и Вторую Армении с центрами в Севастии и Мелитине), во главе к-рых стояли президы, подчиненные викарию Понтийского диоцеза. Военную администрацию представлял дукс Армении, к-рому подчинялись войска на территории обеих Армений и Понта Полемониакского.

Сатрапская (Нахарарская) Армения, состоявшая из 5 (или 6) княжеств в юго-зап. части исторической Вел. Армении, была завоевана империей в 363–368 гг., но оставалась фактически автономной: ее зависимость состояла лишь в обязанности нахараров (крупных феодалов), исполнявших должность сатрапов, защищать границы империи от персов.

В результате раздела Вел. Армении между Византией и Персией (387) в Византию вошли 11 ее зап. областей ($^1/_5$ часть территории, согласно Прокопию Кесарийскому), т. н. Внутренняя Армения (именуемая иногда в визант. источниках Armenia Magna, в арм. источниках Высокая Армения): Карин, Акилисена (Екелесена), Дерджан, Мананали, Даранали, Хордзен, Мзур (Музур) и др. Институт арм. царей был упразднен не сразу: в Зап. Армении — после смерти Аршака III (390), в Персидской Армении — в 428 г. Имперскую власть во Внутренней Армении представлял гражданский чиновник — комит Армении. Власть Византии над сатрапиями и Внутренней Арменией определялась особым договором (foedus non aequum) и носила скорее номинальный характер (*Адонц.* С. 107). Армяне в составе империи хранили свои обычаи и долгое время пользовались собственным правовым статусом. Вхождение части Армении в империю сделало насущным создание собственной письменности, т. к. использование греч. языка в церковной жизни и как офиц. в делопроизводстве грозило ассимиляцией. Появление ок. 408 г. арм. перевода Свящ. Писания положило начало формированию письменного арм. языка.

В 422 г. окончилась война Византии с Ираном. С обеих сторон было проявлено стремление к компромиссу за счет Армении, где нарастало недовольство иноземной властью. Имп. Маркиан не оказал поддержки антиперсид. восстанию во главе с *Варданом Мамиконяном* (сер. V в.). В 484 г. нек-рые нахарарства Юж. Армении примкнули к мятежу против имп. Зинона. Подавив восстание, Зинон лишил арм. нахараров (кроме сатрапа Балабитены) наследственного права владения землей, уравняв их сатрапские функции с др. «ромейскими должностями», и распустил имп. гвардию из 3500 арм. воинов-схолариев.

В очередной византийско-персид. войне 502 г. Армения вновь была основным театром военных дей-

ствий; персы заняли Феодосиополь (арм. Карин; укреплен и переименован при Феодосии II, ныне Эрзурум в Турции), Амиду и неск. крепостей, но по договору 506 г. был восстановлен довоенный порядок. В V–VI вв. Феодосиополь, Мартирополь и др. города Зап. Армении превратились в опорные пункты визант. войск и утратили свое торгово-ремесленное значение. Экономическое значение и торговые связи с Востоком и Западом сохраняли лишь города Армянской Месопотамии и М. Армении (Амида, Мелитина). Вдоль персид. границы был выстроен ряд городов-крепостей и фортов.

Положение в Зап. Армении радикально изменилось с приходом к власти имп. Юстиниана I. Ввиду неудач в войне с персами указом 528 г. император объединил все арм. земли в один военный округ с центром в Феодосиополе, во главе его был поставлен магистр армии (magister militum per Armeniam et Pontum Polemoniacum et gentes, под gentes подразумевались южно-арм. сатрапии-нахарарства). На должность магистра был назначен армянин Ситта. Затем имп. Юстиниан реформировал адм. устройство Зап. Армении с целью уравнять правовое положение армян с остальными подданными империи. В соответствии с 31-й новеллой визант. Армения была разделена на Армению Первую (включая всю Внутреннюю

Кафедральный собор в Эчмиадзине (Армения). IV, V–XVII вв.

и часть бывш. Первой Армении) с центром в Визане (Леонтополе), Армению Вторую (включая часть бывш. Первой и прилегающие понтийские области) с центром в Севастии, Армению Третью (бывш. Вторая) с центром в Мелитине и Армению Четвертую (арм. сатрапии) с центром в Мартирополе (арм. Нпркерт). Прокопий Кесарийский упоминает имена назначавшихся туда правителей-армян: Симеон, Амазасп, Акакий, Фома. Новелла 21(33) имп. Юстиниана под предлогом необходимости уподобить статус армян общеимперскому наносила удар по основам нахарарского землевладения, наделив правом наследования женщин: в результате арм. нахарарства дробились, теряя свою экономическую и политическую силу. Арм. нахарары лишались права иметь свое войско. Т. о. была ликвидирована автономия Четвертой Армении. Формируемые из армян войска направлялись в отдаленные районы империи для охраны границ. Источники упоминают ок. 20 имен армян-полководцев того времени, наиболее известны среди них Артаван Аршакуни (участвовавший в завоевании Сев. Африки) и Нерсес (победоносно завершивший войну с остготами в Италии). В Четвертой Армении были построены крепости Китарич, Мартирополь и др., укреплены города Сатала (Сатаг), Колония, Мелитина, Феодосиополь. Тяжелая налоговая политика империи, повинности, установленные для строительства крепостей, а также догматические разногласия, возникшие после Халкидонского Собора, породили недовольство армян и в 539 г. привели к восстанию, а в 540 г.— к войне Византии с Ираном: прямые обращения арм. нахараров к шаханшаху Хосрову I Ануширвану побудили его нарушить «вечный мир» 532 г.

Интерьер храма св. Гаяниии (Гаяне) в Эчмиадзине (Армения). VII в.

В 572 г. началась новая война с персами, поводом к к-рой послужила поддержка, оказанная Византией армянам в восстании против Сасанидов. Война завершилась в 591 г., когда персид. трон при поддержке визант. войск занял Хосров II Парвиз. В знак благодарности имп. Маврикию за оказанную помощь большая часть Персармении отошла Византии. Маврикий не только провел новую адм. реформу в арм. землях, но и утвердил в *Аване* халкидонитский Католикосат (588(591)–610), альтернативный монофизитскому в Двине. Арм. войска посылались в отдаленные районы империи, гл. обр. во Фракию, где шли кровопролитные войны с аварами и славянами. По словам историка *Себеоса,* частые мобилизации и переброска арм. воинских контингентов на Балканы были результатом направленного против армян сговора Маврикия с Хосровом, к-рый также перебрасывал арм. дружины на вост. границы. Нахарары не раз поднимали восстания против проводимой Византией и Ираном политики, к-рая во время араб. завоеваний привела к последствиям, роковым не только для Армении, но и для самих этих держав.

За новоприобретенными визант. территориями до кон. VII в. сохранялась автономия, о чем свидетельствует появление должности первенствующего князя Армении (*Юзбашян.* С. 29–35), ее носители получали в империи титулы патрикиев, апоипатов, куропалатов. В правление имп. Фоки (602–610) персы овладели неск. вост. областями Византии, а в правление имп. Ираклия (610–641) Хосров II захватил весь восток империи, в т. ч. Армению. В ходе 6-летней кампании (622–628) имп. Ираклий одержал верх над персами и по договору 629 г. вернул завоеванные ими земли.

С кон. V в. Армянская Церковь заняла отрицательную позицию по отношению к Халкидонскому Собору, к-рый был открыто осужден на 1-м и 2-м *Двинских Соборах* (505/6, 554/5). Тем не менее мн. армяне не только в Малой, но и в Вост. Армении придерживались Православия; *армяне-халкидониты* играли заметную роль в жизни В. и. После победы над Ираном, одержанной при помощи армян, имп. Ираклий через известного полководца, арм. кн. Мжежа Гнуни, предложил высшему духовенству Армении восстановить

Капитель церкви-мартирия в Звартноце (Армения) с монограммой Католикоса Нерсеса. 642–662 гг.

церковное единство, отказавшись от осуждения Халкидонского Собора. Если князь не примет предложение, император грозил восстановить халкидонитский Католикосат. Прибывший в 630 г. в Карин католикос *Езр* с 4 епископами и 3 учеными-*вардапетами* приняли церковную унию.

После распада в 637 г. Сасанидского гос-ва спарапет и марзпан Теодорос Рштуни объявил Армению независимой. В ее состав в 639 г. при содействии арм. нахараров вошли и нек-рые земли визант. Армении. Чтобы сохранить свое влияние, К-поль признал власть Теодороса и пожаловал ему титулы патрикия и куропалата. На протяжении 10 лет армяно-визант. войска противостояли попыткам арабов овладеть Арменией, однако давление Византии в конфессиональных вопросах вынудило Теодороса Рштуни заключить в 652 г. договор с араб. правителем Сирии, по к-рому Армения признала верховную власть халифа. При поддержке арабов Теодорос отразил вторжение византийцев и овладел территорией до Трапезунда. К нач. VIII в. вся визант. Армения оказалась под властью арабов.

Постоянным стал отток населения из Армении на запад, в В. и., несмотря на карательные меры, предпринимаемые халифатом для его пресечения. Источники сообщают о массовых переселениях целых нахарарских домов. Армяне стали играть заметную роль в военной и политической элите империи. Армянин Вардан взошел на престол в К-поле под именем Филиппика (711–713). Стратиг фемы Анатолик армянин Артавазд способствовал воцарению основателя Исаврийской династии Льва III, своего тестя, а позднее оспаривал престол у его сына Константина V.

Армяне составляли основную массу сторонников движения *павликиан;* изгнанные из Византии при Филиппике, они обосновались в Мелитине и в Четвертой Армении, принадлежавших тогда арабам. Константин V, отвоевавший Мелитину и Феодосиополь, выслал павликиан во Фракию, где эта ересь получила дальнейшее распространение.

Мн. политические и церковные деятели В. и. IX–X вв. имели арм. происхождение, в т. ч. имп. Лев V Армянин, супруга имп. Феофила и мать Михаила III имп. Феодора и ее брат кесарь Варда, фактический правитель империи, а также крупный ученый Лев Математик, К-польский Патриарх Иоанн VII Грамматик и др. Согласно составленному для основателя Македонской династии имп. Василия I родословию, он считался потомком арм. царского рода Аршакидов (Аршакуни) и, согласно арм. преданиям, пожелал получить корону из рук князя князей (ишханац ишхан), а впосл. царя Армении Ашота Багратуни (*Вардан Великий.* Всеобщая история. М., 1861. С. 116), чьему роду со II в. до Р. Х. принадлежала должность венцевозлагателей (т'агадир) арм. царей. Ашот Багратуни добился удаления из страны арабов, положив конец 200-летнему араб. владычеству в Армении. После того как арм. нахарары и католикос провозгласили Ашота царем, он получил инсигнии власти от халифа (885/6); имп. Василий I также прислал ему корону и объявил его своим «любимым сыном». Патриарх К-польский Фотий, автор легенды о царском происхождении Василия, также имевший арм. корни, состоял в переписке с арм. католикосом Закарией и Ашотом Багратуни (ППС. 1892. Т. 2. Вып. 1; см.: *Юзбашян.* С. 261–267; *Ширинян М. Э.* «История» Мовсеса Хоренаци и «генеалогия» Патриарха Фотия // Аштанак. 1995. № 1. С. 85–96 (на арм. яз.)). Именно в эту эпоху в Византии получило распространение житие свт. *Григория Просветителя*, произошло перенесение в К-поль мощей арм. святых — Григория Просветителя в Св. Софию и преподобномучениц *Гаиании* и *Рипсимии* в ц. Св. Троицы. Однако арм. Багратиды не признавали себя вассалами империи, а включение их как «духовных сыновей» в визант. «семью народов» имело значение скорее для самой Византии (*Арутюнова-Фиданян.* С. 9).

Хоругвь свт. Григория Просветителя. 1448 г. (Музей-сокровищница Эчмиадзина)

В IX–XI вв. Армения переживала период расцвета, именуемый в историографии «эпохой Багратидов». Визант. имп. Лев VI Мудрый и арм. царь Смбат I ок. 891 г. заключили союз и торговый договор, открывающий для Византии новые рынки на Востоке. В царствование имп. Константина VII Багрянородного Византия пыталась установить политический союз с правителями Армении, Грузии и Кавказской Албании. В 914 г. в К-поль прибыл арм. царь Ашот II Еркат, получивший от императора военную поддержку против «измаильтян». При последних Багратидах сепаратистские тенденции в Армении нарастали на фоне ослабления господства арабов и постепенного включения арм. территорий в состав В. и.

Крест царя Ашота Ерката (924–929) и ставротека XVIII в. (Музей собора Эчмиадзина)

В сер. X в. наряду с крупными малоазийскими фемами Армениак,

Севастия, Колония, Халдия, Месопотамия, Ликанд, в к-рых был значителен элемент арм. населения, в Каппадокии и Месопотамии появились многочисл. малые «армянские» («акритские») фемы, ограниченные обычно городом с прилегающей округой. В то время прославились мн. военачальники арм. происхождения: Мелиас (Млех), основатель фемы Ликанд, Варда Фока, Мушег Роман, Иоанн Куркуас (Гурген) и его брат Феофил. Представители арм. родов (Торникии, Мамиконяны, Апокапы, Вхкаци, Василаки, Пакурианы, Пахлавуни и др.) заняли высокое положение при визант. дворе. В 966 г. княжество таронских Багратидов было преобразовано в фему Византии, в 968 г. Византия овладела Манцикертом (Маназкертом), а затем Арчешем и Беркри. Приобщение к империи Тарона положило начало практике «добровольных» завещаний, в результате чего в течение 80 лет Византия овладела почти всей Арменией. В 1021 г. последний васпураканский царь Сенекерим Ованнес Арцруни уступил Византии свое царство, а сам вместе с войском и значительной частью населения переселился на запад, в М. Армению. В 1022 г. по распоряжению царя Ованнеса Смбата (1020–1041) арм. католикос Петрос I заключил в Трапезунде соглашение с имп. Василием II о передаче Анийского царства Византии после смерти царя. Население Ани встретило это известие с возмущением. В 1041 г. жителям Ани под рук. спарапета Вахрама Пахлавуни удалось отразить визант. войско от стен города. Борьба продолжалась и при юном Гагике II Багратуни (1042–1045). Под предлогом переговоров Гагик II был вызван имп. Константином IX Мономахом в К-поль и задержан там. Одновременно в Армению были направлены новые войска, к-рые после кровопролитных боев захватили Ани. Город стал столицей фемы Ивирия. В 1065 г., когда над Карсским царством нависла угроза завоевания турками-сельджуками, карсский царь Гагик (1029–1065) уступил свои владения Византии и переселился в пределы империи. «Добровольный» характер вхождения в состав империи в каждом случае был результатом давления — дипломатического, политического, конфессионального, военного — со стороны К-поля. При всем разнообразии обстоятельств, сопровождавших аннексию арм. земель, Византия неизменно стремилась придать ей законный характер. Наличие

Каменные рельефы ц. Св. Креста в Ахтамаре (Турция). 915–921 гг.

юридических оснований для аннексии было необходимой предпосылкой акций, подготовка к-рых порой занимала мн. годы. В IX–XI вв. насилие по отношению к Армении в Византии считалось невозможным без «законных» оснований (*Юзбашян*. С. 173). Отношение армян к Византии также было неоднозначным в разное время и на разных территориях. Однако с выходом на историческую арену завоевателей-мусульман «образ» христ. империи приобрел гораздо большую привлекательность. После распада сасанидского Ирана ни одно гос-во в ср. века не влияло так на все стороны жизни арм. народа, как Византия. С др. стороны, многочисленность армян на территории В. и. привела также к влиянию на Византию арм. феодальных институтов, нахарарского строя.

Сельджукские завоевания XI в. вызвали новые волны эмиграции армян. На утраченных Византией после поражения при Манцикерте (1071) землях возникали вассальные арм. княжества в Эдессе, Антиохии, Мелитине, Киликии; однако лишь *Киликийской Армении* удалось просуществовать в качестве самостоятельного гос-ва с 1080 до 1375 г. Во 2-й пол. XII в. проживавшие там арм. католикосы *Нерсес IV Шнорали* и *Григор IV* вели переговоры с имп. Мануилом Комнином о церковном союзе. В 1198 г. при Левоне Рубениде арм. Киликия стала царством; по сообщению Киракоса Гандзакеци, золотые короны прислали киликийскому царю папа Римский и визант. император. После падения Киликийского царства армяне на неск. столетий утратили государственность и смогли сохраниться как этнос во многом благодаря *Армянской Апостольской Церкви*.

Лит.: *Тер-Саакян К.* Армянские императоры Византии. Венеция, 1905. 2 т. (на арм. яз.); *Адонц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. Ереван, 1971[2]; *он же.* О происхождении армян-цатов // HAms. 1912. N 5; *idem.* Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965; *Laurent J.* L'Arménie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. P., 1919. Lisbonne, 1980; *idem.* Études d'histoire arménienne. Louvain, 1971; *Бартикян Р. М.* Два послания Григория Магистра Пахлавуни (XI в.) относительно еретиков-тондракитов // ППС. 1962. Вып. 9 (72). С. 133–140; *он же.* 101-е и 139-е письма К-польского Патриарха Николая Мистика, адресованные Ованесу Драсханакертци и царю Смбату I // ИФЖ. 1966. № 4 (35). С. 251–256; *он же.* Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для армяноведения. Ереван, 1970; *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire. Lisboa, 1963; *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в кон. IX–X в. // Визант. очерки. М., 1971. С. 86–97; *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Визант. империи в XI–XII вв. Ереван, 1975; *Vryonis Sp.* Patterns of Population Movement in Byzantine Asia Minor 1071–1261 // XV Congr. Intern. des études byzantines: Rapports. Athènes, 1976; *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977; Кавказ и Византия: Сб. ст. Ереван, 1978–1988. Вып. 1–6; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты на вост. границах Визант. империи (XI в.). Ереван, 1980; *она же.* Армяно-визант. контактная зона (X–XI вв.). М., 1994 [Библиогр.]; *она же.* Повествования о делах армянских, VII век: Источник и время. М., 2004; *Μπαρτικιάν Χρ.* Βυζάντιον καὶ Ἀρμενία // Βυζαντινά. 1983. Τ. 12. Σ. 431–462 [Библиогр.]; *Юзбашян К. Н.* Армянские гос-ва эпохи Багратидов и Византия, IX–XI вв. М., 1988 [Библиогр.]; *Исканян В. К.* Армяно-визант. отношения в IV–VII вв. Ереван, 1991 (на арм. яз.); L'Arménie et Byzance: Histoire et culture. P., 1995; *Bartikian Hr.* Studia Armeno-Byzantina. Yerevan, 2002. 2 vol.

Е. Д. Джагацпанян

Византия и Грузия. Между В. и. и груз. гос-вами — Иберией (Иверия, Картли; Вост. Грузия) и Лазикой (Эгриси, древняя Колхида; Зап. Грузия) существовали тесные политические, экономические и культурные связи, их характер и интенсивность были различны в разное время в зависимости от ситуации на Ближ. Востоке и положения самих груз. гос-в. С I в. по Р. Х. груз. гос-ва находились в сфере влияния Рима, причем Колхида попала под непосредственное управление Римского

Прославление Креста. Рельеф. Храм Джвари (Мцхета. Грузия). VII в.

гос-ва, а Иберия признала зависимость от Рима, но на практике пользовалась значительной самостоятельностью, став объектом соперничества Рима и *Парфии*. Во II в. Зап. Грузия прочно входила в сферу политического господства Римской империи и делилась на ряд этнотерриториальных единиц. С кон. III в. среди них усилилось княжество лазов, постепенно подчинившее своему влиянию всю Зап. Грузию. В IV–V вв. под власть Лазского (Эгрисского) царства попало все побережье от устья р. Чорохи до р. Шахе, включая земли, заселенные абазгами, апшилами и сванами (Amm. Marc. Res gest. XXIII. 12; FHG. Vol. 5. P. 10–21). На территории Лазики отсутствовали рим. гарнизоны; единственное, в чем выражалась вассальная зависимость Лазского царства от империи — утверждение его царей императором. В 60-х гг. V в. лазский царь Губаз попытался освободиться и от этой зависимости, но потерпел неудачу (*Priscus Panites*. Historia Byzantina. Fr. 25–34); к кон. V в. зависимость Лазики от Византии усилилась. В 30-х гг. VI в. имп. Юстиниан I провел ряд решительных мероприятий для укрепления позиций Византии в Лазике, чем вызвал сильное недовольство среди местной знати, открыто перешедшей на сторону Ирана. Зап. Грузия стала ареной длительных военных действий между В. и. и Персией; борьба шла с переменным успехом, но в результате по мирному договору 562 г. Персия была вынуждена примириться с потерей своих позиций в Зап. Грузии.

Иная ситуация сложилась в отношении Вост. Грузии, где с IV в. усилилось наступление сасанидского Ирана, подчинившего Картлийское царство. Правящие круги Иберии, стремясь сохранить самостоятельность, пошли на союз с В. и., и царь Картли принял христианство и объявил его офиц. религией (20–30-е гг. IV в.). Ок. 337 г. была утверждена первая епархия Грузинской Православной Церкви в Мцхете. Глава Церкви носил титул Мтавареписконоси (глава епископов). Грузинская Церковь до 487 г. подчинялась К-польскому, а затем Антиохийскому Патриархату. Организация церковных структур шла при непосредственном участии Византии. В тот же период создается груз. алфавит, из греч. языка заимствуется церковная терминология. На груз. язык переводятся различные книги Ветхого и Нового Завета.

В 30-х гг. IV в. Византия при имп. Константине Великом была единственным союзником Иберии в борьбе против Сасанидов. Несмотря на противодействие проиранских сил, цари Иберии и впосл. старались сохранить поддержку В. и. К нач. V в. Персия довольно прочно утвердилась в Закавказье, и Иберия оказалась в более жесткой зависимости от нее, а контакты Вост. Грузии с Византией почти сошли на нет. В визант. источниках этого времени нет сведений об Иберии. Сведения груз. летописей о присоединении к Иберии Зап. Грузии при царе *Вахтанге Горгасали* (2-я пол. V в.) отражают переход под его контроль соседних с Картли вост. районов подвластной В. и. Лазики. Церковная реформа царя Вахтанга 466–468 гг. проводилась при поддержке визант. императора и К-польских Патриархов (вероятно, Зинона и Нектария). Была введена новая организационно-адм. структура во главе с Католикосом. Первым Католикосом был Петр (2-я пол. V в.). Вахтанг положил начало автокефалии Грузинской Церкви (официально с 487).

Болнисский Сион (Грузия). 478–493 гг.

Светская и церковная власти Византии поддерживали стремление царей Картли усилить централизацию своего гос-ва. Однако антииран. восстание христ. кавказских народов в Кавказской Албании, Армении и Иберии (484) окончилось поражением, и В. и. надолго потеряла влияние в этих областях Закавказья. В 523 г. шаханшах Кавад I подавил восстание царя Иберии Гургена; так и не дождавшись помощи от имп. Юстина I, царь с семьей и приближенными вынужден был укрыться в В. и. После этого в течение столетия Картли была полностью подчинена Персии.

С 20-х гг. VII в. позиции В. и. на Кавказе значительно укрепились в результате победоносных персид. походов имп. Ираклия, в к-рых участвовали христ. народы кавказских стран. После разгрома Персии господство В. и. установилось не только в Лазике, но и в Иберии. В Зап. Грузии была упразднена царская власть и управление областью возглавил подчиненный императору сановник с титулом патрикия. Сев. области Лазики, заселенные лазами, сванами, абазгами и апшилами, были еще ранее непосредственно подчинены империи и поставлены под власть архонта. Разделив Лазское царство на 2 части, В. и. целенаправленно проводила здесь имперскую политику. Зап. Грузия находилась в сфере влияния В. и. и в церковном отношении: в списках кафедр, подчиненных К-польскому Патриархату не позднее VII в. упоминаются митрополия *Фасис* (совр. Поти) в Лазике и архиепископия Севастополь (близ совр. Сухуми) в Абазгии.

Серьезные изменения происходили с сер. VII в., когда в Закавказье появились новые завоеватели — арабы, захватившие Армению, а затем и Иберию. Первоначально господство арабов в Закавказье было непрочным, в Картли и Армении происходили восстания, грузины и армяне отказывались платить дань. В 687 г. имп. Юстиниан II смог временно вернуть под контроль империи Армению, Иберию и Кавказскую Албанию. Однако в кон. VII в. араб. господство распространилось и на Зап. Грузию, где патрикий Лазики Сергий, сын Барнука, восстал против византийцев и подчинился арабам, под власть арабов попала и Абазгия. Однако В. и. не прекращала попыток вернуть Зап. Грузию.

Тяжелым ударом для Грузии в 30-х гг. VIII в. стал поход мусульм. полководца Мервана ибн Мухаммада, прозванного в груз. летописях

Мурваном Кру (Глухим) за его жестокость. Опустошив Вост. и Зап. Грузию, арабы надолго сломили сопротивление местного населения. Византия ничем не смогла помочь своим бывшим вассалам. Несмотря на отдельные успехи императоров Исаврийской династии, арабы прочно обосновались в Закавказье.

На рубеже VIII–IX вв. в условиях борьбы с В. и. и Арабским халифатом на территории Грузии начался процесс консолидации разрозненных груз. земель, результатом к-рого стало создание единого груз. гос-ва.

С IX в. в Вост. Грузии образовалось хореп-ство Кахети и княжество (царство) Эрети. В сер. VIII в. в Зап. Грузии в условиях династического брака между наследницей эгрисского (лазского) престола Гурандухт и эристави (архонтом) Абхазии (Абазгии) Леоном I завершился процесс воссоединения западногруз. земель. В кон. VIII в. наследник (племянник) Леона I, Леон II, используя внутренние конфликты и внешние неудачи В. и., при поддержке хазарского кагана объявил о независимости от империи и принял титул «царь абхазов». Так образовалось западногруз. Эгрис-Абхазское, или Абхазское, царство. В сер. IX в. арабы попытались проникнуть в Зап. Грузию, однако В. и. оказала помощь своему бывшему вассалу, и они потерпели поражение. В 843–844 гг. византийцы направили войско против «непокорных абхазов», но не смогли одержать победу.

В нач. IX в. эрисмтавар (правитель) Картли Ашот Багратиони из-за конфликта с арабами с семьей и ближайшими соратниками удалился в Юго-Зап. Грузию и обосновался в Шавшети и Кларджети (домен фамилии Багратиони). Выбрав резиденцией Артануджи, он начал активные действия с целью воссоединения Юго-Зап. Грузии и создания нового гос-ва (Картвельское княжество, или Тао-Кларджети) на территории, находившейся в сфере политического влияния В. и. Несомненно, эта акция Ашота Багратиони была дипломатически поддержана имперской властью, свидетельством чего является его высокий титул куропалата и заявление груз. историка, что Ашот укрепил свою власть «по воле» греч. кесаря (Картлис цховреба. Т. 1. С. 251). После убийства Ашота Куропалата (ок. 826) его сыновья якобы по своей воле уступили старшинство среднему сыну Ашота Баграту, но на это требовалось согласие имперской власти, к-рое, по-видимому, было дано, ибо Баграту также был пожалован титул куропалата.

Значение Тао-Кларджети особенно усилилось в царствование Давида III куропалата (2-я пол. X в.), к-рый оказал военную помощь имп. Василию II во время восстания полководца Варды Склира. Направлению войска против Склира предшествовали соответствующие дипломатические переговоры, проводившиеся по инициативе визант. двора. Визант. сторона первоначально об-

Церковь Архангелов в Икорте (Грузия). 1172 г.

ратилась в груз. монашескую общину на Афоне, к-рая возможно выполняла функции груз. посольства на территории империи. После разгрома восстания Склира в благодарность за поддержку император пожаловал Давиду в пожизненное владение земли в округах Эрзурум и Басиани. Влияние Давида распространялось и на сев. области Грузии. При активной поддержке Давида III его приемный сын Баграт Багратиони, законный наследник вост. и западногруз. престолов, был объявлен правителем Картли (975) и царем Абхазии (Зап. Грузии; 978). В 988 г. военный отряд Давида III поддерживал восставшего против имп. Василия II Варду Фоку, видимо надеясь полученные от императора в «пожизненное владение» земли закрепить за собой в наследственную собственность. Но поражение восставших вынудило его для спасения страны завещать свои земли империи. Имперская власть не доверяла Давиду Куропалату, и в 1001 г. он был отравлен. С нач. XI в. владения Давида стали предметом борьбы между Грузией и В. и.

К этому времени позиции В. и. в Закавказье были в значительной мере ослаблены, Византия сохранила формальный сюзеренитет над Тао-Кларджетским (Картвельским) царством, правители к-рого традиционно получали придворные титулы (куропалата, магистра, антипата и др.). После смерти Баграта III (1014) царем стал его малолетний наследник Георгий I (1014–1027). Воспользовавшись длительной войной имп. Василия II с болгарами, он перешел визант. границу и присоединил зап. часть Тао, Басиани и окрестности оз. Ван. По инициативе Георгия была сформирована антивизант. коалиция, в к-рую в т. ч. вошли егип. султан аль-Хаким и правитель Кахети-Эрети Квирике I Великий. В 1018 г., после поражения Болгарского царства, Василий II получил возможность заняться кавказскими делами. В 1021 г. он двинул в Грузию войска. По мирному договору 1022 г. В. и. полностью присоединила территорию царства Давида Куропалата, провинции Зап. Тао, Кола, Артаани и Джавахети. На присоединенных землях имп. Василий II создал фему Ивирия (Ἰβηρία). Однако Георгий I не прекратил борьбу. В 1026 г. он предпринял попытку создания новой антивизант. коалиции, установив связь с визант. полководцем Никифором Комнином. Параллельно велись переговоры с осетинским царем, результатом к-рых, вероятно, стала женитьба Георгия I на дочери царя — Алде. Планы груз. двора были нарушены смертью Никифора Комнина, а затем кончиной самого Георгия.

Новое вторжение В. и. произошло при малолетнем сыне Георгия, Багарате IV. Положение осложнялось тем, что мн. крупные феодалы (азнауры) перешли на сторону империи. Изменение политической обстановки в К-поле (смерть имп. Константина VIII в 1028) и решение имп. Романа III Аргира установить мир на Востоке дали возможность недолгого перемирия. Византийцы признали Вост. Тао собственностью груз. династии Багратиони, а имп. Роман III отдал свою племянницу Елену в жены Баграту IV. По существовавшей в Грузии в позднее

средневековье традиции именно Елена привезла в Грузию Оконскую чудотворную икону. Успехи Баграта IV в деле объединения земель (присоединение Тбилиси, арм. Ани) продолжали политику вытеснения В. и. с Кавказа. Однако в новой войне, начатой визант. имп. Константином IX Мономахом против Анийского царства, на стороне к-рого выступил Баграт IV, Грузия потерпела поражение. В 1054 г. Баграт явился в К-поль «с повинной».

Во 2-й пол. XI в. над Кавказом нависла новая угроза — турки-сельджуки. В этот период В. и. проводила на Кавказе в основном оборонительные операции, не стремясь к обострению отношений с Грузией, игравшей важную роль на Кавказе. Ок. 1064 г. по инициативе визант. двора были начаты переговоры с Грузией о заключении династического брака. В 1065 г. в Грузию прибыл посол визант. императора Аарон, чтобы сопроводить в К-поль дочь Баграта IV Марту (в визант. традиции — Мария Аланская), невесту буд. имп. Михаила VII Дуки. Их свадьба состоялась либо между 1065–1066 гг., либо между 1071–1073 гг. Этот династический брак существенно укрепил политические отношения гос-в. В кон. 60-х гг. турки-сельджуки предприняли широкомасштабное нашествие в Закавказье. Византия после поражения в битве при Манцикерте (1071) заключила мир (1074) и уступила сельджукам вост. земли: в 1076–1080 гг. они заняли Ивирийскую фему (принятая ранее датировка ее упразднения 1072–1074 гг. крайне спорна — см.: *Метревели Р., Самушия Дж.* Царь царей Георгий II. Тбилиси, 2003. С. 100–105). После упорного сопротивления и смерти Баграта IV, его сын Георгий II признал поражение и выразил готовность стать данником султана. Несмотря на это, грузины играли видную роль при визант. дворе. В 1081 г. груз. партия способствовала восшествию на престол Алексея I Комнина.

В 1089 г. Георгий II возвел на престол своего 16-летнего сына Давида IV Строителя. Давид провел реорганизацию армии и укрепил центральную власть. К этому времени гос-во сельджуков начинало распадаться, В. и. активизировала свою внешнюю политику на вост. направлении, что позволило и Грузии вступить в боевые действия и к 1118 г. изгнать сельджуков со своей территории. Христиане Кавказа получили покровительство правосл. Грузии. В. и. в тот период также была заинтересована в дружественных отношениях с ней, что проявилось в заключении династического брака между Багратионами и Комнинами. В 1116 г. дочь Давида IV была выдана за сына имп. Алексея Комнина, севастократора Исаака.

После разгрома К-поля крестоносцами в 1204 г. Грузия подчиняет себе заселенное картвельскими племенами Юго-Вост. Причерноморье. Причерноморские города в М. Азии: Трапезунд, Самсун, Синоп, Керасунт, Котиора и Ираклия — были включены в состав новопровозглашенной Трапезундской империи,

Христос коронует Михаила VII Дуку и Марию Аланскую. Миниатюра из поучений свт. Иоанна Златоуста. 1071–1081 гг. (Paris. Coslin. 79. Fol. 1v)

императором к-рой стал царевич Алексей Комнин, родственник груз. царицы Тамары, получивший воспитание при груз. дворе. После освобождения Михаилом VIII Палеологом К-поля в 1261 г. и восстановления В. и. грузино-визант. отношения были возобновлены. В 1267 г. царь Зап. Грузии Давид VI Нарин взял в жены дочь Михаила Палеолога.

В 1240 г. вся Вост. Грузия была захвачена монголами. По договору царицы Русудан с монголами Зап. Грузия брала обязательство платить дань и поставлять войско. Фактически с этого времени Вост. и Зап. Грузия политически и экономически обособились. В XIII–XIV вв. отношения между Грузией и В. и. складывались под знаком соперничества за первенство в Причерноморье. Внешнеполитические интересы стран скрестились в Трапезундской империи. В. и. старалась

Царица Тамара с супругом Георгием III в молении Богоматери. Роспись ц. Успения Божией Матери в Вардзиа (Грузия). Мастер Георгий. 1184–1186 гг.

посредством династического брака молодого имп. Трапезунда Иоанна II (1280–1297) восстановить свое влияние в Причерноморье. В ответ на это царь Зап. Грузии Давид Нарин начал боевые действия против Трапезундской империи. Противостояние Грузии и Византии в этом регионе длилось неск. десятилетий. В 1314 г. на престол в Вост. Грузии был возведен Георгий V, к-рый воссоединил груз. земли. В период его правления Грузия и Византия выступали за восстановление прав христиан на Св. земле, свидетельством чего явилось совместное посольство к егип. султану, но противоречия между Грузией и В. и. в Причерноморье сохранялись.

В XIV в. на юго-зап. рубежах Грузии появилась новая опасность — Османская империя. Общей задачей Грузии и В. и. стало получение помощи со стороны Зап. Европы. Визант. имп. Иоанн VIII хотел убедить Запад, что опасность угрожает не только В. и., но и всему вост. христианству, в частности Трапезундской империи и Грузии. В определении позиции европ. гос-в большую роль должен был сыграть Феррара-Флорентийский Собор (1438–1439). С целью предварительных перегово-

ров и согласования позиций в 1436 г. Иоанн VIII направил своего посла Андроника Агара в Грузию и Трапезунд. Ферраро-Флорентийский Собор, принявший акт об унии Римско-католической и Православной Церквей, вызвал негативную реакцию со стороны Грузинской Церкви, изначально занявшей в вопросе унии резко отрицательную позицию.

Дипломатические контакты между Грузией и Византией продолжались вплоть до падения К-поля. Последний визант. имп. Константин XI в 1450 г. направил посольство в Грузию и Трапезунд для выбора невесты протовестария Георгия Сфрандзи. Выбор пал на дочь груз. царя Георгия VIII, к-рая должна была прибыть весной 1453 г., но 29 мая К-поль пал. Падение Византии имело тяжелые последствия для Грузии в религ., культурной и экономической сфере. Вместо правосл. гос-ва юж. соседом Грузии стала мощная мусульм. Османская империя. Грузия оказалась оторвана от мира активно развивавшейся западноевроп. культуры и потеряла единственный в то время выход к христ. странам Средиземноморского бассейна. Межгос. и торговые пути переместились с Закавказья на юг.

Ист.: Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис, 1875; *Церетели Г. В.* Эпиграфические находки в Мцхета // ВДИ. 1948. № 2. С. 49–57; Картлис Цховреба (История Грузии) / Изд. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. 1; 1959. Т. 2 (на груз. яз.); Georgica: Сведения визант. писателей о Грузии / Тексты, груз. пер. и примеч. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1961–1970. 8 т.; Georgica-Byzantica: Груз. источники по истории Византии / Сост. и коммент. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1974 (на груз. и рус. яз.); Корпус груз. надписей. Кн. 1 (V–X вв.) / Сост. Н. Ф. Шошиашвили. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.); Летопись Картли / Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982; *Каухчишвили Т. С.* Корпус греч. надписей Грузии. Тбилиси, 1999–2000. Т. 1–3 (пер. и коммент. на груз. яз.); The Georgian Chroniche «Matiane Kartlisa» / Introd. and not. by R. Metreveli; Transl. and indexes by A. Chanturia. Tbilissi, 1996; Матиане Картлиса / Пер., введ. и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976; Сумбат Давитисдзе: История и повествование о Багратионах / Рус. пер., введ. и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979; Повествование вардапета Аристакэса Ластивертеци / Пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М., 1968. *Лит.: Иоселиани И. И.* Краткая История Грузинской Церкви. Тифлис, 1843²; *Кирион (Садзагелов), еп.* Краткий очерк истории Грузинской Церкви и экзархата до XIX в. Тифлис, 1901; *Гозалишвили Г. К.* Борьба между Византией и Ираном за Иберию и Лазику // Тр. ТГУ. 1944. Т. 26. (на груз. яз.); *он же.* Внешние взаимоотношения Лазики в VI в. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.); *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI–VII вв., М.; Л., 1946; *Каухчишвили С. Г.* Лекции из истории Византии. Кн. 1 (IV–VII вв.). Тбилиси, 1948 (на груз. яз.); *Анчабадзе З. В.* Из истории средневек. Абхазии, Сухуми, 1959; *Лордкипанидзе М. Д.* Полит. объединение феодальной Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.); *она же.* История Грузии XI – нач. XIII в. Тбилиси, 1974; *она же.* Картли во 2-й пол. V в. Тбилиси, 1978 (на рус. яз.); *она же.* Из истории визант.-груз. взаимоотношений (70-е гг. XI в.) // ВВ. 1979. Т. 40. С. 92–95; *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1965–1975 [Кн. 2–8] (на груз. яз.); *Ломоури Н. Ю.* История Эгрисского (Лазского) царства (с возникновения до V в. н. э.). Тбилиси, 1968 (на груз. яз., с рус. и англ. рез.); *он же.* Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства в III – нач. IV в. н. э. Тбилиси, 1975 (на груз. яз., с рус. и англ. рез.); *он же.* Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981; *он же.* Грузино-визант. отношения в V в. Тбилиси, 1989; *он же.* Иранские походы имп. Ираклия и Грузия // Визант. очерки. 1991. С. 31–44; *он же.* Абхазия в античную и раннесредневек. эпохи. Тбилиси, 1997; *он же.* Визант. политика в Зап. Грузии в VI–VIII вв. // ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 74–85; *он же.* Полит. положение Картли (Иберии) в 1-й пол. VI в. // Ближний Восток и Грузия. 2002. № 3. (на груз. яз., с рус. и англ. рез.); *Lomouri N.* The History of Georgian-Byzantine Relation // Perceptions of Byzantium and its Neighbours (843–1261) / The Metropolitan Museum of Art. N. Y., 2000; *Нодия И. М.* Груз. материалы о визант. имп. Марфе-Марии // Визант. этюды. Тбилиси, 1978; *Юзбашян К. Н.* Армянские государство эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. М.,1988; *Метревели Р. В.* Давид IV Строитель. Тб., 1990 (на груз. яз.); Очерки истории груз. дипломатии. Тбилиси, 1998. Т. 1.

Н. Ломоури, М. Лордкипанидзе, Н. Озерова, Дж. Самушия

Византия и Русь. На рубеже V и VI вв. в ходе Великого переселения народов слав. племена начали проникать на земли Вост. Римской империи. К этому времени относятся первые сведения о славянах в лат. и греч. исторических сочинениях (см. ст. *Славяне*). В ходе заселения юж. славянами Балканского п-ова (2-я пол. VI–VII в.) византийцы имели возможность хорошо познакомиться со своими новыми соседями, обосновавшимися в Греции, Фракии, Македонии и Иллирике (см. в целом: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994². Т. 1; 1995. Т. 2; также статьи *Болгария, Греция, Сербия*). Восточнослав. племена на территории будущей России долгое время находились на далекой периферии политических интересов империи (за исключением, пожалуй, причастности антов к аваро-визант. войнам нач. VII в.).

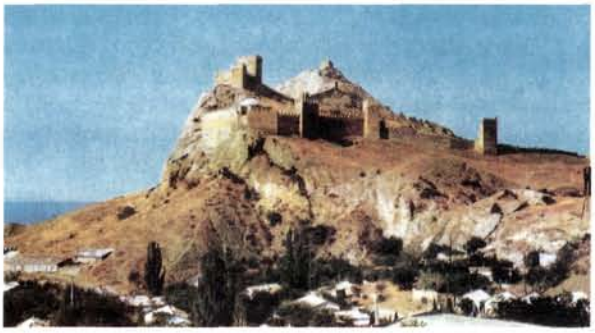
Начиная с VII в. значительную роль во внешней политике Византии играли связи с Хазарским каганатом. Первые в истории Византии браки императоров (Юстиниана II и Константина V) с иностранками были заключены с хазарскими принцессами, принявшими христианство. По данным визант. источников, ок. 837 г. при помощи визант. инженеров в ниж. течении Дона по просьбе хазар была построена мощная крепость Саркел (Белая Вежа) на речном пути из Азовского м. к Волге и Каспию (*Const. Porphyr.* De adm. imp. 42; *Theoph. Contin.* P. 122–124); система белокаменных укреплений обнаружена археологами в лесостепной зоне на предполагаемой границе Хазарии с восточнослав. племенами (*Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989). Визант. сановник Петрона Каматир, руководивший работами в Саркеле, убедил имп. Феофила в необходимости усилить военное присутствие империи в Таврике (совр. Крым), и ок. 840 г. он был назначен стратигом новообразованной визант. фемы Климаты с центром в *Херсонесе* (близ совр. Се-

Базилика в Херсонесе Таврическом. VI в.

вастополя), где был расквартирован крупный гарнизон. Строительство крепостей и учреждение фемы были вызваны осложнением политической ситуации в Сев. Причерноморье, где в это время появляется Русь.

Анализ монетных кладов свидетельствует, что в период между 750 и 1000 гг. в Вост. Европу сместились основные потоки азиатско-европ. международной торговли (*Noonan.*

Генуэзская крепость в Судаке. XIV–XV вв.

1998). Торговые пути из обширных владений мусульм. халифата через Хазарию вели к Балтийскому м. по Волге и др. рекам Восточно-Европейской равнины, на пространствах к-рой в IX — нач. X в. шел процесс формирования Древнерусского госва. Постепенно более древний волжский маршрут, ориентированный на рынки Багдада и др. городов Востока, по своему значению уступил пути, к-рый связывал Балтику с Чёрным м. и вел в Византию (см.: *Брим В. А.* Путь из варяг в греки // ИАН. VII сер. Обществ. науки. 1931. № 2. С. 201–247; *Лебедев Г. С.* Путь из варяг в греки // ВЛУ. Сер. 2. 1975. Вып. 4. № 20. С. 37–43). На этом «пути из варяг в греки» находились главные политические центры Др. Руси — Киев и Новгород. Основные рынки размещались в К-поле и портовых городах Юж. Таврики и Малоазийского побережья (Синоп, Амастрида, Трапезунд). Из Византии вывозили гл. обр. ткани, ювелирные изделия, художественную керамику, стеклянные изделия, а также продукты (перец, оливковое масло, вина, фрукты, грецкие орехи); из Руси ввозились рабы, меха, мед, воск, кожи, высококачественные мечи рус. и европ. производства, а также деликатесные породы рыб, икра, «рыбий зуб» (моржовые клыки).

В Таврике с древних времен было распространено христианство; здесь, по преданию, проповедовал ап. *Андрей Первозванный*, к-рый, согласно рус. летописи, совершил путешествие по будущим рус. землям. К IX в. на Крымском п-ове существовало неск. архиепископий: Херсонес (рус. Корсунь), Боспор (рус. Корчев, совр. Керчь) и Сугдея (рус. Сурож, совр. Судак). К кон. VIII — нач. IX в. относятся первые известные случаи Крещения рус. вождей, описанные в Житиях свт. Стефана Сурожского и свт. Георгия Амастридского (*Васильевский*. 1915. Т. 3). В первом из житий, сохранившемся в краткой греч. редакции и пространных слав. и арм. версиях, рассказано о нападении на Сугдею (в кон. VIII или нач. IX в.) и последующем Крещении *Бравлина*, «русского князя из Новгорода» (имя и происхождение князя приводит лишь слав. текст). Создание второго жития, греч. текст к-рого уцелел в единственной рукописи, относят к 1-й пол. IX в. (*Ševčenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. L., 1982. Ch. V). В нем повествуется об обращении ко Христу после чуда на могиле свт. Георгия напавших на Амастриду «росов» (οἱ Ῥῶς); при этом говорится, что народ этот, «как все знают, в высшей степени дикий и грубый» (*Васильевский*. 1915. Т. 3. С. 64).

Уже в сер. IX в., согласно сообщению «Книги путей и стран» араб. географа Ибн Хордадбеха (ок. 846/7), купцы русы («ар-Рус»), один из видов славян («ассакалиба»), доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных окраин страны славян к Румийскому м.; правитель ромеев («сахиб ар-Рум») взимает с них десятину. Приезжая для торговли в Багдад, «русы называли себя христианами» (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124).

Активизация торговых контактов сопровождалась установлением политических связей между Русью и Византией. Ни визант. историки, ни рус. летописи не сообщают о раннем этапе русско-визант. отношений (до 860). Первое дошедшее до нас датированное упоминание о Руси встречается в придворных анналах франк. императоров (т. н. Бертинских), но именно в связи с Византией. Под 839 г. здесь отмечено прибытие посольства визант. имп. Феофила, вместе с к-рым ко двору Людовика Благочестивого прибыли посланцы «хакана» (chacanus) «народа рос» (gens Rhos); Феофил просил пропустить их через франк. владения, т. к. путь, по к-рому они прибыли в К-поль договариваться о дружбе, «пролегал по землям» варварских и в своей чрезмерной дикости исключительно свирепых народов». Франки распознали в «росах» своих недругов скандинавов («свеонов») и заподозрили их в шпионаже (Les Annales de St.-Bertin / Ed. F. Grat e. a. P., 1964. P. 30–31). В 871 г. аналогичный титул «хаган норманнов» (chaganus Nortmannorum) упоминается в переписке франк. имп. Людовика II с визант. имп. Василием I (Chronicon Salernitanum. Cap. 107 / Ed. U. Westerbergh. Stockholm, 1956. P. 111).

На русско-визант. контакты в 1-й пол. IX в. указывают и косвенные свидетельства греч. источников: в частности, сообщение об отряде дворцовой гвардии, состоявшем из «скифов из Таврики» (*Genesii* Basileia IV 10; «тавроскифами» визант. историки обычно называли русских).

В июне 860 г. столица Византии впервые испытала на себе военную силу «росов» (*Vasiliev A.* The Russian Attack on Constantinople in 860. Camb. (Mass.), 1946; *Кузенков*. 2003). Ок. 200 кораблей внезапно появились у стен К-поля, когда имп. Михаил III находился в походе против арабов. По свидетельству Патриарха свт. Фотия, очевидца осады, воинственный дух нападавших привел в ужас жителей К-поля. Награбив добычу, «варвары» неожиданно отступили, в чем свт. Фотий видит чудесное заступничество Пресв. Богородицы. Согласно визант. хроникам, божественная кара настигла флот «безбожных росов» во время бури, последовавшей после погружения в море св. Ризы Богородицы. Вскоре в К-поль прибыло их посольство с просьбой о Крещении. В «Окружном послании» 867 г. Фотий сообщает об успехах проповеди веры Христовой и говорит, что грозные

Погружение в море Патриархом Фотием и имп. Михаилом III ризы Пресв. Богородицы. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 10)

варвары смиренно поставили себя в ряды «подданных и гостеприимцев» (ὑπήκοοι καὶ πρόξενοι) империи (*Кузенков*. 2003. С. 75).

ПВЛ ошибочно датирует 1-й рус. поход на К-поль 6374 (866) г. и связывает его с именами киевских князей *Аскольда и Дира* (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17–22; Т. 2. Стб. 15–16), в к-рых обычно видят первых христ. правителей Руси. Однако новая вера далеко не сразу вытеснила традиц. языческие культы. О первом этапе христ. проповеди на Руси древнерус. источники не сохранили упоминаний, не считая летописного свидетельства о церквах на могилах Аскольда и Дира (ПВЛ под 6390 г.) и предания о том, что св. Владимир будто бы принял Крещение от Патриарха Фотия (в т. н. Уставе кн. Владимира, XII–XIII вв., и ряде поздних летописей).

Аскольд и Дир просят разрешение у кн. Рюрика отправиться в К-поль. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 9)

Жизнеописание имп. Василия I, составленное его внуком Константином VII Багрянородным, ставит Крещение язычников в заслугу не Михаилу III, а своему герою; императору пришлось воздействовать на «неодолимейших и безбожнейших росов» богатыми дарами, чтобы заключить мирный договор и убедить их «приобщиться к спасительному Крещению»; Василий I направил к ним поставленного Патриархом свт. *Игнатием* архиепископа, к-рому с успехом удалось обратить ко Христу «архонта и народ росов», явив им чудо с неопалимым Евангелием (*Theoph. Contin.* P. 342–344).

Поход кн. Олега на К-поль и его возвращение в Киев. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 15, 16 об.)

Нападение на К-поль и «Первое Крещение» Руси совпадают по времени с миссией равноап. *Кирилла (Константина)* в Хазарию (ок. 860–861), что дало повод предположить некую связь между этими двумя визант. миссиями (*Ламанский В. И.* Слав. житие св. Кирилла. Пг., 1915).

В X в. рус. князья не раз совершали военные экспедиции против Византии. Нападения «надменных и гордых скифов» в эту эпоху были самой грозной опасностью для К-поля. Не исключено, что именно от них защищал христиан Покров Пресв. Богородицы, видение к-рого явилось во Влахернском храме св. *Андрею Юродивому*. Тема опасности, исходящей от Руси, нашла отражение в визант. загадках той эпохи (*Успенский*. История. Т. 2. С. 266–267).

Результатом удачных военных акций было заключение выгодных для Руси торговых соглашений с империей. Неск. таких договоров — уникальных памятников дипломатии X в.— сохранила рус. летопись (*Sorlin I.* Les traités de Byzance avec la Russie au Xe s. // Cah. du monde russe et soviétique. 1961. Vol. 2. P. 313–360, 447–475; *Каштанов С. М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-ист. процессе. М., 1972; *Литаврин Г. Г.* Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юрид. статус // ВВ. 1993. Т. 54. С. 81–92; *Малингуди Я.* Русско-визант. связи в X в. с точки зрения дипломатики // ВВ. 1995. Т. 56. С. 68–91; 1997. Т. 57. С. 58–87; *Кистерев С. Н.* К вопросу о длительности действия норм рус.-греч. договоров X в. // Россия в IX–XX вв. М., 1999. С. 189–192). Первый из них заключил с императорами Львом VI и Александром «вещий» Олег в связи с удачным походом на К-поль (ПВЛ под 6415 (907) г. // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30–32; Т. 2. Стб. 21–23). Несмотря на то что этот поход не упомянут в греч. источниках, нет веских оснований считать его легендарным вымыслом (*Ostrogorsky G.* L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // SK. 1940. Vol. 11. P. 47–62; *Vasiliev A.* The Second Russian Attack on Constantinople // DOP. 1951. Vol. 6. P. 161–225). По договору византийцы выплатили громадную контрибуцию, а также обязались выдавать «уклады» городам, подвластным «великому князю русскому», обеспечивать довольствием рус. послов и «гостей» (на 6 месяцев), снаряжать их суда в обратный путь. За рус. купцами признавалось право беспошлинной торговли в К-поле. Со своей стороны они должны были соблюдать установленные правила: проживать «у святого Мамы» (пригород К-поля на Босфоре, названный так в честь ц. св. Маманта — *Janin*. Églises et monastères. P. 314), входить в город группами по 50 человек, без оружия, в сопровождении «царева мужа». Сент. 911 г. датирован более подробный договор между кн. Олегом и теми же императорами (к именам к-рых добавлено имя только что коронованного Константина VII). Договор провозглашает «вечный мир и любовь» и оговаривает наказания за преступления, оказание помощи пострадавшим от кораблекрушения в «чужих странах», условия выкупа пленных, обязательства выдачи беглых рабов и преступников. Русь времени правления кн. Олега в договорах предстает языческим народом, противопоставленным христианам-византийцам; каждая сторона приносит клятву «своею верою». Согласно ПВЛ, после переговоров имп. Лев VI показал послам «церковную красоту» и главные христ. реликвии: «страсти Господни, венец и гвоздье, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я к вере своей и показующе им истинную веру» (ПВЛ под 6420 г. // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–38; Т. 2. Стб. 23–28).

В контексте русско-визант. союза следует рассматривать участие 700

наемных «росов» в составе эскадры Имерия, посланной Львом VI против араб. пиратов (окт. 911) (*Const. Porphyr.* De cerem. II 44. P. 651), а также сообщение т. н. Кембриджского документа о враждебных действиях против хазар некоего «царя Русии Х-л-гу», подстрекаемого «злодеем Романусом» (имп. Романом I Лакапином, 919–944) (*Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997. С. 134–142).

Льготные условия, к-рыми пользовались рус. купцы в К-поле, должны были привести к значительному росту их торговой активности. Анализ древнерус. денежно-весовой системы позволяет предположить, что в X в. происходит проникновение на восточноевроп. рынок нек-рых визант. весовых единиц: по всей вероятности, с этим связано происхождение рус. «сорок» (при общеслав. четыредесять) от среднегреч. σαράκοντα — 40 кун, меховой эквивалент визант. фунта серебра (*Назаренко.* 2001. С. 191–194). Араб. историк и географ аль-Масуди, описывая ситуацию 1-й пол. X в., сообщает: «Рус, многочисленное скопление народов разного рода... посещают со своими товарами страны аль-Андалус (в данном случае, скорее, Анатолию, чем Вандалусию в Испании.— *Ред.*), Румию (Византию.— *Ред.*], Кустантинию [К-поль.— *Ред.*) и аль-Хазар (Хазарию.— *Ред.*)». Чёрное м., к-рое более ранние араб. авторы называли Румийским или Хазарским, у аль-Масуди именуется Русским (*Maçoudi.* Les prairies d'or / Ed. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1816. T. 2. P. 8–11, 24–25; ср. ПСРЛ. Т. 1. С. 7). В др. сочинении тот же араб. ученый пишет, что византийцы называют русских «русийа», что значит «красные, рыжие» (BGA. T. 8. P. 140). О том же сообщает итал. дипломат *Лиутпранд,* еп. Кремонский, побывавший в К-поле в 949 г.: «К северу обитает некий народ, который греки за внешний вид (a qualitate corporis) называют ῥούσιοι, мы же по месту обитания именуем норманнами» (*Liudprandi* Antapodosis V 15 // Die Werke Liudprands von Cremona / Hrsg. J. Becker. S. 137–138. (MGH. Script. Rer. Germ.; 41)). Далее Лиутпранд описывает рус. нападение на К-поль, предпринятое кн. *Игорем* (июнь 941), о к-ром известно также из визант. и древнерус. источников (*Theoph. Contin.* VI 39; *Веселовский А. Н.* Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. 1889. Ч. 261. Отд. 2. С. 80–92; ПВЛ под 6449 г.). Византийцы были предупреждены о походе болгарами и подготовились к обороне; огромная рус. флотилия (источники говорят о 10 тыс. лодок-

«Греческий огонь». Миниатюра из Хроники Иоанна Скилицы. XII в. (Matrit. gr. 26–2)

«однодеревок») была встречена в узком прол. Босфор и разгромлена флотоводцем Феофаном при помощи «греческого огня». Зрелище «страшного чуда» — горящей в воде нефтяной смеси, выбрасывавшейся из котлов через сифоны,— произвело сильное впечатление на участников похода, рассказывавших по возвращении, «якоже молъньа, иже на небесех, Грьци имут у себе». После отступления основных сил вместе с кн. Игорем часть рус. воинов прорвалась в Вифинию; лишь осенью визант. силам удалось окончательно отбить нападение (*Литаврин Г. Г.* Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря на Византию в 941 г. // Вост. Европа в ист. ретроспективе. М., 1999. С. 138–144).

Текст мирного договора «великого князя русского» Игоря с имп. Романом I Лакапином и его соправителями Константином и Стефаном (944) показывает нек-рое изменение прежних соглашений. На рус. купцов был наложен ряд ограничений: им было запрещено закупать ткани на сумму более 50 золотых и зимовать в К-поле. Характерны пункты, касающиеся сев. побережья Чёрного м.: власть рус. князя не распространяется на города «Корсуньской страны»; корсуняне могут ловить рыбу в устье Днепра; рус. суда не имеют права зимовать в устье Днепра и на о-ве Елевферия (совр. о-в Березань); рус. князь должен охранять «Корсуньскую страну» от набегов «черных болгар» (ПВЛ под 6453 г. // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 44–45; Т. 2. Стб. 33–34). Византия пыталась отстаивать свои политические интересы при помощи дипломатических комбинаций в отношениях с Русью, Хазарией и печенегами, в X в. контролировавшими причерноморские степи. Эти методы излагает имп. Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (ок. 950–952), где целая глава посвящена Руси (в частности, подробно описан маршрут рус. судов из Киева в К-поль — *Const. Porphyr.* De adm. imp. 9).

В составе рус. посольства 944 г. наряду с язычниками уже фигурируют и христиане. При ратификации договора в Киеве была проведена раздельная присяга: для «поганых» во главе с кн. Игорем на холме Перуна, а для «хрещеной Руси» — «в церкви святаго Ильи, таже есть над ручаем, конец Пасынъче беседы и Козаре; се бо бе сборная цьркы, мнози бо беша Варязи хрестьяни» (ПСРЛ. Т. 1. С. 54; Т. 2. С. 42). Константин VII Багрянородный упоминает отряд «крещеных росов» (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς) при описании приема в имп. дворце араб. посольства 946 г. (*Const. Porphyr.* De cerem. II 15).

В той же главе трактата «О церемониях византийского двора» описан прием в К-поле равноап. кнг. *Ольги,* предположительно состоявшийся в 946 или 957 г. (см. полемику: *Литаврин Г. Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения кнг. Ольги // Древнейшие гос-ва на территории СССР, 1985 г. М., 1986. С. 49–57; *Kresten O.* «Staatsempfänge» im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jh.:

Присяга рус. христиан в ц. св. Илии и язычников на холме перед идолом Перуна. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 16)

Beobachtungen zu Kap. II 15 des sogenanntes «Zeremonienbuches». W., 2000; *Назаренко.* 2001. С. 219–310). Описание, приводящее подробные

детали церемониала, упоминает в свите «архонтиссы Эльги» (Ἔλγας τῶν Ῥῶς, Ἔλγας τῆς Ῥωσένης) свящ. Григория, но ни слова не говорит о Крещении рус. княгини в К-поле. О нем сообщают др. достоверные источники (*Reginonis Prumensis* Chronicon cum continuatione Treverensi / Ed. F. Kurze. Hannover, 1890. (MGH. Script. Rer. Germ.; 50). P. 169; *Scyl.* Hist. P. 240; ПВЛ под 6463 г. // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60–62; Т. 2. Стб. 49–52). В Крещении кнг. Ольга получила имя Елены — св. равноапостольной

Крещение св. кнг. Ольги в К-поле. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 31 об.)

царицы, матери имп. Константина Великого (так же звали и супругу имп. Константина VII). В 960–961 гг. рус. отряды участвовали в экспедиции имп. Никифора II Фоки по освобождению Крита от араб. пиратов (*Theoph. Contin.* P. 476).

После кончины св. Ольги (969) попытка визант. дипломатии при посредстве херсонского стратига вовлечь кн. Святослава в войну, к-рую вел против болгар имп. Никифор II Фока, привела к непредвиденным результатам. Рус. князь покорил Болгарию и обосновался в Переяславце на Дунае, объявив его «середой своей земли» и грозя выгнать «греков» из самого К-поля. Лишь напряжение всех военных сил империи позволило свергнувшему Никифора II имп. Иоанну Цимисхию вытеснить кн. Святослава из Болгарии (см.: *Карышковский П. О.* О хронологии русско-визант. войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5. С. 127–138; *он же.* Балканские войны Святослава в визант. ист. лит-ре // Там же. 1953. Т. 6. С. 36–71; *он же.* К истории балканских войн Святослава // Там же. Т. 7. С. 224–243). На личной встрече правителей был возобновлен договор о «вечном мире и любви» (971); кн. Святослав отказывался от нападений на Византию, «Корсуньскую власть» и Болгарию и брал на себя обязательство воевать против врагов империи (ПВЛ под 6479 г. // ПСРЛ. Т. 1. Стб. 72–73; Т. 2. Стб. 60–61).

Начало правления кн. *Владимира Святославича* было ознаменовано последним всплеском язычества. К тому времени в Киеве уже было значительное число христиан, прежде всего из купцов и дружинников, побывавших в Византии. Пришедший «из Греческой земли» варяг и его сын (святые *Феодор и Иоанн*) первыми на Руси снискали мученический венец (ПВЛ под 6491 (983) г.). Вскоре князь осознал необходимость приобщения своего народа и гос-ва к одной из великих религий, к-рые к тому времени были приняты у соседей Руси (ислам у волжских булгар с 922, иудаизм у хазар с VIII–IX вв., зап. христианство в Польше с 966). Летописное предание об избрании кн. Владимиром «греческой веры» в образной форме свидетельствует о том, что на Руси оценили высочайший уровень развития духовной и эстетической культуры, достигнутый в Византии, к-рая находилась в кон. X в. на вершине политического и культурного развития (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 84–108; Т. 2. Стб. 71–94).

Ход событий благоприятствовал осуществлению намерений князя. В критический момент гражданской войны в Византии (987–989) кн. Владимир прислал имп. Василию II Болгаробойце крупный военный отряд (6 тыс. чел.). Эта помощь, сыгравшая решающую роль в сохранении у власти Василия II, была результатом договора, по к-рому импе-

Императоры Василий II и Константин VIII отпускают рус. посланцев с дарами. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 59 об.)

ратор соглашался выдать за Владимира свою сестру, багрянородную *Анну,* при условии принятия рус. князем христианства.

Место и год Крещения св. Владимира остаются предметом дискуссии (Киев или Херсонес? 987, 988 или 989? — см. *Poppe.* 1982. N II; *Müller.* 1987. S. 94–116; *Назаренко.* 2001. Гл. 8). Рус. князь принял крестное имя имп. Василия II и породнился с Македонской династией, получив в жены сестру императоров Анну. С т. зр. визант. внешнеполитической доктрины такой союз с иностранным правителем рассматривался как исключительная мера. Дед Анны имп. Константин Багрянородный наставлял своего сына Романа II ни под каким предлогом не соглашаться на требования и просьбы «северных и скифских народов» заполучить царские облачения и венцы и особенно запрещал заключать с ними брачные союзы: «Никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками; ибо для них одних сделал исключение великий муж святой Константин» (*Const. Porphyr.* De adm. imp. 13). Русь вступила в семью европ. гос-в как христ. держава, международный статус правителя к-рой, ставшего «братом» визант. императоров, чрезвычайно возрос.

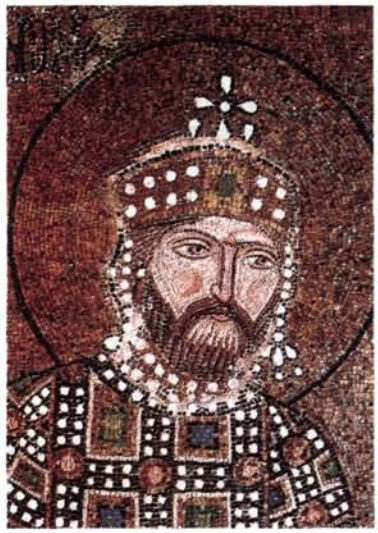
Не позднее 997 г. оформилась церковная организация новой Русской епархии как митрополии К-польского Патриархата (*Müller.* 1959; *Poppe.* 1982. N III; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 23–33; обзор др. гипотез о древнейшем статусе Русской Церкви см.: *Подскальски.* 1996. С. 42–49).

Визант. историографическая традиция (в отличие от араб. и арм.) не упоминает о Крещении Руси при имп. Василии II и кн. Владимире. Возможно, это связано с тем, что «росы» считались крещенными со времени правления Фотия и Василия I (*Müller.* 1987. S. 57–66). Слабый интерес к реальной истории окрестных народов, хотя бы и единоверных, характерен для визант. книжной культуры. В XV в. Киевский митр. *Исидор,* собирая сведения о принятии христианства слав. народами, переводил выписки о Крещении Руси при кн. Владимире из рус. летописи (*Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // ВВ. 1991. Т. 52. С. 151–160).

Крещение Руси стало наиболее крупным успехом миссионерской деятельности К-поля, начало к-рой было положено во времена свт. Фотия и равноапостольных Солунских братьев. В IX–X вв. стараниями визант. проповедников христианство проникло в хазарские владения в Сев. Причерноморье, восторжествовало в Болгарии (ок. 865) и Алании (нач. X в.), в К-поле были крещены венг. вожди (948, 952). Но в Венгрии вскоре возобладало влияние Римской Церкви; Болгария, попав в сферу влияния Византии, вслед за этим утратила политическую самостоятельность; в Алании эпоха расцвета христианства была недолгой и сменилась упадком. Напротив, «митрополия Росии» (τῆς Ῥωσίας) в течение веков являлась единственной крупной и процветающей епархией К-польского Патриархата за пределами империи (о Русской митрополии визант. периода см. ПЭ. Т. РПЦ и ст. *Константинопольская Православная Церковь*).

После Крещения Руси эволюция русско-визант. отношений шла по пути перехода от военно-политических, дипломатических и экономических столкновений и союзов к преимущественно церковным связям и культурному взаимодействию (*Оболенский*. 1970).

Принятие христианства из К-поля рассматривалось в Византии не только как вхождение новокрещеного народа в состав Вселенской Православной Церкви, но и как вовлечение его в сообщество христ. гос-в во главе с империей (см.: *Dölger Fr. J.* Byzanz und die Europäische Staatenwelt. Darmstadt, 1964[2]; *Grabar A.* God and the «Family of Princes» Presided over by the Byzantine Emperor // *Idem.* L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge. P., 1968. Vol. 1. P. 115–119; *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-ист. процессе. М., 1972. С. 188–200; *Оболенский*. 1998). Однако представления визант. политической идеологии об универсальной власти императора над христ. ойкуменой не означали реального политического подчинения Руси Византии (*Wasilewski T.* La place de l'État russe dans le monde byzantin pendant le Haut moyen-âge // Acta Poloniae Historica. 1970. T. 22. P. 43–51; *Chrysos E.* «Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?» // The Legacy of SS. Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessal., 1992. P. 233–246; ср.: *Vasiliev A.* Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? // Speculum. 1932. Vol. 7. P. 350–360; *Оболенский*. 1970). Возможности воздействия императоров на рус. князей были крайне ограничены. В то же время только союз с Русью обеспечивал прочные позиции империи в Сев. Причерноморье; так, в 1016 г. имп. флот при помощи Сфенга (Σφέγγος), «брата кн. Владимира», покорил «Хазарию» (*Scyl.* Hist. P. 354) (вероятно, речь идет о подавлении восстания в Таврике, см.: *Скржинская Е. Ч.* Рец. на кн.: А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес // ВВ. 1953. Т. 6. С. 266). Русско-варяжский корпус, прибывший на помощь имп. Василию II и постоянно пополнявшийся выходцами из Руси, стал одной из наиболее боеспособных военных единиц империи и играл ключевую роль во всех значительных кампаниях XI в. в Европе и Азии. Из русско-варяжской наемной дружины комплектовались отряды имп. гвардии (*Васильевский*. 1908. Т. 1. С. 176–377). Рус. воины продолжают упоминаться в имп. грамотах до 80-х гг. (Actes de Lavra. P., 1970. N 44 (1082), 48 (1086)). Военный союз сопровождался установлением стабильных и взаимовыгодных торговых отношений. В XI в. развивается русско-визант. торговля; рус. подворье в К-поле было перенесено из предместья св. Маманта внутрь городских стен (во время войны, в 1043 рус. купцы и воины были выселены из столицы – *Scyl.* Hist. P. 432). В XII в. в К-поле засвидетельствован рус. торговый квартал («убол»; ἔμβολος) от ц. Сорока мучеников на Месе до Золотого Рога (*Janin.* Églises et monastères. P. 257); под 1117(?) г. в летописной заметке из рукописи XVI в. отмечено строительство ц. Бориса и Глеба в пригороде К-поля Пигах («в Испигасеи» – Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 45–46). Рус. купцы достигают

Имп. Константин IX Мономах. Мозаика из собора Св. Софии в К-поле. Ок. 1030–1042 гг.

Александрии (*Francès*. 1959. P. 52), а греки проникают не только в Киев, но и во Владимир-на-Клязьме (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 591). В то же время в XII в. резко сокращается число кладов визант. золотых монет (*Кропоткин В. В.* Клады визант. монет на территории СССР. М., 1962).

Союзные отношения Руси и Византии, сложившиеся при св. Владимире, сохранялись и после его кончины (не считая конфликтного эпизода с небольшим рус. отрядом некоего Хрисохира, «родственника» Владимира, объявившегося у К-поля ок. 1023/24 г.– *Scyl.* Hist. P. 367). Кризис разразился в 1042 г., когда вел. кн. *Ярослав Владимирович Мудрый* по не вполне установленным причинам вступил в конфликт с Константином IX Мономахом, недавно занявшим имп. престол. Обострение отношений вылилось в последний в истории русско-визант. отношений крупный военный конфликт (лето 1043). Морской поход на К-поль рус. войска, к к-рому присоединились и варяги из Скандинавии, возглавил старший сын Ярослава кн. Владимир Новгородский. Нападение крупных рус. сил (400 кораблей) и требование огромной дани навело ужас на ви-

Поход кн. Владимира Ярославича Новгородского на К-поль. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 89)

зантийцев, но в конечном счете рус. войска по-

терпели поражение, часть их попала в плен (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154; Т. 2. Стб. 142; *Mich. Psell.* Chron. VI 90; *Scyl.* Hist. P. 431; *Mich. Attal.* Hist. P. 20–21). Характерен взгляд на причины «восстания росов» (τῶν Ῥώσων ἐπαναστάσεως) царедворца Михаила Пселла, свидетеля этих событий: «Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами» (см.: *Poppe A.* La dernière expédition russe contre Consantinople // Bsl. 1971. T. 32. P. 262–268; *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С. 36–52; *Shepard J.* Why did the Russians Attack Byzantium in 1043? // BNGJ. 1985. Bd. 22. P. 147–212). Едва ли случайным совпадением выглядит происшедшее в это же время разорение на Афоне пристани и складов Русского мон-ря вмч. Пантелеимона (Акты Русского на св. Афоне мон-ря. К., 1873. № 3).

В 1045 г. конфликт был улажен, и в 1047 г. рус. войско помогало императору в подавлении мятежа Льва Торника (*Каждан А. П.* Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в. // ЗРВИ. 1963. Т. 8. С. 177–184). Не позднее 1051 г. состоялся брак *Всеволода Ярославича* и «греческой царицы» — родственницы имп. Константина IX Мономаха (ПСРЛ. Т. 1. С. 160). Имя супруги Всеволода и матери *Владимира Всеволодовича Мономаха* точно не известно; возможно, это была «архонтисса Мария», на печати к-рой читается греч. надпись MO[NOM]AXH(?) (*Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые мат-лы о происхождении Владимира Мономаха // Ист.-археол. сб. М., 1962. С. 204–221; *Soloviev.* 1979. N VI); поздние рус. синодики называют ее Анастасией, дочерью Константина Мономаха (*Брюсова В. Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // ВВ. 1968. Т. 28. С. 127–135).

Вскоре осложнения с К-полем возникли в церковной сфере: поставление на Киевский престол «русина» *Илариона* (1051), избранного Собором епископов митрополии, было осуществлено по воле Ярослава Мудрого (так же как и поставление князем в 1036 на Новгородскую кафедру Луки Жидяты) и, по всей видимости, без согласования с Патриархом (иначе: *Müller.* 1971. S. 100). Обстоятельства этого события остаются неясны, но источники не дают оснований говорить о стремлении рус. князя к церковной автокефалии (*Поппэ А.* Русско-византийские церк.-политические отношения в сер. XI в. // История СССР. 1970. № 3. С. 108–124).

После смерти кн. Ярослава (1054) место Илариона занял грек *Ефрем*. Очевидной реакцией К-поля на эту тенденцию в церковной жизни Руси было осуждение митр. Ефремом в его антилат. сочинении (возможно, соборном акте) зап. практики поставления церковных иерархов королями (см.: *Чичуров И. С.* Схизма 1054 г. и антилат. полемика в Киеве (сер. XI–XII в.) // RM. 1998. T. 9. S. 43–53; *Čičurov I.* Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // Fontes Minores. 1998. T. 10. S. 319–356). К-польский Патриархат заботился об укреплении позиций на Руси в условиях обострения отношений с Римом, приведших к церковному разрыву (1054). Об этом свидетельствует готовность Патриархата отреагировать на изменение политической структуры Русского гос-ва (установление «триумвирата» старших Ярославичей): в 60–80-х гг. XI в. наряду с правящим митрополитом в Киеве титулы митрополитов носили (временно) предстоятели кафедр Чернигова и Переяславля Русского (*Poppe A.* Zur Geschichte der Kirche und des Staates der Rus' im 11. Jh.: Titularmetropolen // Das heidnische und christliche Slaventum. Wiesbaden, 1970. Bd. 1). Среди митрополитов-греков, направленных на Русь во 2-й пол. XI в., были церковные иерархи высоких рангов, образованные богословы, последовательно выступавшие как полемисты против латинян.

В переписке Михаила Пселла сохранились 2 послания (ок. 1073/74), в к-рых от имени имп. Михаила VII Дуки некоему правителю соседнего гос-ва предлагается выдать дочь за порфирородного брата императора, Константина. Причинами столь лестного предложения выставляется «тождество исповедания» и «точная правильность веры» адресата, его миролюбие и благородство, а также то, что «оба государства имеют один некий источник и корень» и «одни и те же самовидцы божественного таинства и вещатели провозгласили в них слово Евангелия». Единственным правосл. и соседним с Византией гос-вом в эту эпоху была Русь, что дает основания считать послания адресованными одному из Ярославичей. Упоминание о свойстве адресата (по дочери) с сыном свергнутого имп. Романа IV Диогена говорит в пользу того, что предполагавшейся невестой была дочь кн. Всеволода (Андрея) Ярославича. Возможно, это была *Анна* (Янка) Всеволодовна († 1112); известно, что в 1090 г. она вернулась из К-поля вместе с новопоставленным митр. *Иоанном III* и стала после пострига первой настоятельницей Андреевского (Янчина) мон-ря в Киеве (*Васильевский.* 1909. Т. 2/1. С. 3–55).

Соперник кн. Всеволода Олег Святославич был захвачен в Тмутаракани и увезен «за море в Царьград», видимо с согласия имп. Никифора III Вотаниата (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 204; Т. 2. Стб. 193); нек-рое время он пребывал в ссылке на Родосе, а затем, вероятно, женился на визант. аристократке Феофано Музалонисе, на печати к-рой значится титул «архонтисса Росии» (*Лопарев Х. М.* Визант. печать с именем рус. княгини // ВВ. 1894. Т. 1. С. 159–166; *Янин В. Л.* Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. К., 1965. Вып. 2). Алексей Комнин помог Олегу вернуться в Тмутаракань (1083), а затем аннексировал этот важный торговый город (1094 или 1115), до кон. XII в. признававший суверенитет Византии (*Litavrin G. G.* A propos de Tmutorokan // Byz. 1965. T. 35. P. 221–234).

Действительный или самозваный сын имп. Романа IV Диогена «Леон

Гибель Леона Диогеновича. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 156)

Диогенович», зять Владимира Всеволодовича Мономаха (по Васильевскому, муж его сестры), оспаривал престол у имп. Алексея I Комнина и подчинил себе дунайские города в Болгарии (см.: *Васильевский.* 1909. Т. 2/1. С. 47–50; *Mathieu M.* Les faux Diogènes // Byz. 1953. T. 22. P. 133–148). После его убийства в Доростоле

15 авг. 1116 ā (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291; Т. 2. Стб. 283) Владимир Мономах без успеха пытался удержать завоевания Леона; его сын, царевич Василько Леонович, погиб в усобице

Имп. Иоанн II Комнин с сыном Алексеем. Миниатюра из Евангелия, принадлежавшего Иоанну II Комнину. 1128 г. (Vat. Urb. gr. 2. Fol. 10v)

рус. князей в 1136 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298).

При сыне Алексея I, имп. Иоанне II, отношения Киева с Комнинами нормализовались, и в 1122 г. дочь старшего сына Мономаха *Мстислава Владимировича* была выдана за визант. «царя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286), к-рым был, по всей видимости, сын и соправитель Иоанна «василевс» Алексей (*Лопарев Х. М.* Брак Мстиславны // ВВ. 1902. Т. 9. С. 418–445; *Пападимитриу С. Д.* Брак рус. княжны Мстиславны Добродеи с греч. царевичем Алексеем Комниным // ВВ. 1904. Т. 11. С. 73–98). Первая его жена Ирина († до 1136) может быть отождествлена с Мстиславной, хотя указаний на ее рус. происхождение в греч. текстах не встречается (*Βαρζός К.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Т. 1. Σ. 343). Согласно проложному сказанию, «при князи Володимире Мономасе в лето 6000-ное и 6-сотное (1092?)» в Киев был привезен из К-поля перст св. Иоанна Предтечи и положен «в церкви святого Иоанна» на Сетомли, у Купшина мон-ря (Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 220).

В XII в. в связи с выходом на первый план внешней политики Комнинов отношений с Венгрией усиливаются связи империи с юго-зап. рус. княжествами (*Vernadsky*. 1927/1928; *Francès E.* Les Relations russo-byzantines au XIIe s. et la domination de Galicie au Bas-Danube // BSl. 1959. Т. 20; *Гуревич Ф. Д.* Зап. Русь и Византия в XII–XIII вв. // Сов. Арх. 1988. № 3. С. 130–144; *Horodysky*. 1989). Летопись сохранила известие о браке в 1104 г. дочери кн. Володаря Ростиславича Перемышльского и «царевича Олексинича», одного из сыновей имп. Алексея Комнина (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280; Т. 2. Стб. 256), к-рым был либо севастократор Андроник (*Βαρζός К.* Ἡ γενεαλογία. Σ. 234), либо его младший брат кесарь Исаак; греч. источники упоминают их супруг (обе Ирины), но не уточняют их происхождения (*Kazhdan*. 1990. P. 419–420). Брат Володаревны кн. Владимирко Галицкий во время венг. похода имп. Мануила I Комнина (1151) упоминается как своего рода «вассал» империи (ἀνὴρ ὑπόσπονδος Ῥωμαίοις, букв.— муж, связанный клятвой с ромеями); в то же время киевский вел. князь назван союзником (σύμμαχος) императора (*Cinnam*. Hist. P. 115, 234–237; *Бибиков*. 1997. С. 52, 55–56, 62, 66–67). На особо тесные политические отношения Галицкой Руси с Византией в это время указывает и обращение герм. имп. Конрада III к имп. Мануилу с просьбой наказать обидчиков нем. купцов, убитых и ограбленных «в России» (in Rossia) (*Otto ep. Frisigensis a Rahewini*. Gesta Frederici / Ed. F. J. Schmale. Darmstadt, 1974^{2}. P. 174, 176). Рус. князь-изгой Иван Берладник, оспаривавший у галицких князей владения на нижнем Дунае, после долгих скитаний обосновался в Фессалонике, где и умер в 1162 г. Сын Владимирка Галицкого кн. Ярослав Осмомысл (1153–1187) вел по отношению к К-полю более самостоятельную политику; ок. 1165 г. он гостеприимно принял своего родственника, буд. имп. *Андроника I Комнина*, бежавшего из К-поля; имп. Мануил, опасаясь возникновения враждебной коалиции, поспешил примириться с Андроником и добился его возвращения (*Jurewicz O.* Aus der Geschichte der Beziehungen zwischen Byzanz und Russland in der 2. Hälfte des 12. Jh. // Byzant. Beitr. B., 1964. S. 345 f.).

В период раздробленности Древнерусского гос-ва серьезному испытанию подверглось его церковное единство. Подчинение митрополитов К-полю давало им возможность держаться в стороне от княжеских усобиц. Рус. князья, как правило, не оспаривали независимое от светской власти положение Предстоятеля Русской Церкви. Лишь кн. *Изяслав Мстиславич* попытался нарушить традицию и самолично назначить митрополитом рус. монаха *Климента Смолятича*, проведя его избрание и поставление Собором рус. епископов (1147). Кн. *Юрий Владимирович Долгорукий*, заняв Киев, поспешил принять из К-поля митрополита-грека *Константина I*, к-рый анафематствовал Изяслава и Климента и сместил их сторонников (1156) (*Соколов*. 1913. С. 91–95). Кн. Юрий Долгорукий неизменно действовал как союзник Византии; однако гипотеза о визант. происхождении его 2-й супруги, матери кн. *Всеволода Юрьевича Большое Гнездо*, не имеет прочных оснований. Известно лишь, что имп. Мануил I принял в Византии вдову и младших сыновей Юрия Долгорукого (1162), предоставив княжичам Васильку и Мстиславу области во владение; позднее 4 города, составлявшие удел кн. Василька Юрьевича, получил «тавроскифский династ» Владислав, выехавший в Византию со всем своим домом (*Cinnam*. Hist. P. 236; *Бибиков*. 1997. С. 67).

Изгнавший мачеху и братьев кн. *Андрей Юрьевич Боголюбский* (1157–1174) творчески развивал визант. традиции для укрепления своего

Поставление кн. Андреем Боголюбским иконы Богоматери Владимирской. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 200 об.)

Владимиро-Суздальского княжества (прославление иконы Владимирской Божией Матери, введение праздника Покрова) и дерзал равняться с самим императором: в прославляющих князя сочинениях его победы над волжскими булгарами ставятся в один ряд с победами Ма-

нуила I над арабами и сельджуками, подчеркивается равенство императора и князя в «братолюбии» и справедливости. Андрей Боголюбский — первый рус. князь, чье имя упоминается в контексте определения имп. власти, сформулированного при имп. Юстиниане I (VI в.) *Агапитом* диаконом: «Естеством бо цесарь земным подобен есть всякому человеку, властью же сана вышьши яко Бог» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 592; Т. 1 (2). Стб. 370). Впрочем, в конфликте кн. Андрея с ростовским еп. *Леонтом* (ок. 1159–1164) из-за поста едва ли стоит усматривать антивизант. тенденции; за неск. лет до этого в столь важном для него вопросе о создании Владимирской кафедры властный рус. князь уступил авторитету К-польского Патриарха *Луки Хрисоверга* (см.: *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг // ВВ. 1962. Т. 21. С. 29–50; *он же.* «Житие Леонтия Ростовского» и визант.-рус. отношения 2-й пол. XII в. // ВВ. 1963. Т. 23. С. 23–24; *он же.* Из истории русско-визант. церковной борьбы в XII в. // ВВ. 1965. Т. 26. С. 190–218; *Vodoff V.* Un «partie théocratique» dans la Russie du XIIe s.? // Cah. Civ. Méd. 1974. T. 17. P. 193–215).

Реакцией на усиление центробежных тенденций в Киевской Руси стало изменение митрополичьего титула, к-рый с 60-х гг. XII в. принимает форму «всея Руси» (τῆς πάσης Ῥωσίας).

В 1164/65 г. Киев и др. рус. княжества посетило визант. посольство во главе с одним из членов правящего рода (*Шестаков С. П.* Визант. посол на Руси Мануил Комнин // Сб. в честь Д. А. Корсакова. Каз., 1913. С. 379 сл.), результатом чего стали энергичные действия рус. князей по защите караванов греч. торговцев («гречников») от нападений половцев на Днепровском пути в 1167–1170 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526, 528, 538). В кон. XII — нач. XIII в. кн. *Роман Мстиславич* Галицко-Волынский поддерживал с Византией союзные отношения, направляя послов в К-поль и оказывая империи военную поддержку против половцев и болгар.

Некий визант. «царевич» был женихом черниговской княж. Евфимии Глебовны, внучки вел. кн. *Святослава Всеволодовича* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 680). Единственным имп. сыном брачного возраста был в то время юный наследник имп. Исаака II Ангела, буд. имп. *Алексей IV Ангел.* Однако этот брак едва ли состоялся: в 1194 г. визант. послы прибыли в Киев за Евфимией, но уже в следующем году Исаак II был свергнут с престола. В повествовании о приключениях Алексея, окончившихся печально известными событиями 1204 г., о его рус. невесте или жене не упоминается.

В источниках обращает на себя внимание скудость известий о политических связях Руси и Византии. Молчание визант. историков отчасти оправдано тем, что браки с иностранцами считались умалением авторитета империи. Но и рус. князья не придавали родству с единоверными «греками» какого-то особого значения. Не менее развиты были ди-

Высылка полоцких князей в К-поль по воле вел. кн. Мстислава Владимировича. Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 164)

настические связи домонг. Руси с Зап. Европой вопреки увещеваниям священноначалия Русской Церкви не родниться с «латинянами». По числу брачных союзов Рюриковичей в XI–XII вв. Византия (12) уступает Польше (16) и англо-сканд. династиям (13), не намного опережая Германию (10) и Венгрию (9) (*Baumgarten.* 1927; ср. *Kazhdan.* 1990. P. 429).

Случаи, когда выходцы из Руси, переселившиеся в Византию, вливались в визант. элиту, были крайне редки — особенно по сравнению с многочисленными примерами такого рода карьеры среди представителей арм., болгар., франко-норманнской и тюркской знати (см.: *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974). В связи с вопросом о рус. «эмиграции» в Византию можно упомянуть летописное сообщение 1069 г., когда киевляне, прося о заступничестве от поляков младших Ярославичей, грозят в противном случае сжечь свой город и «ступить в Гречьску землю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173). Известны эпизоды, когда в Византии оказывались (как правило, с ведома правящих князей) изгнанные представители рода Рюриковичей. Так, в 1130 г. кн. Мстислав Владимирович выслал «в Грецию» полоцких князей с женами и детьми (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 290). Ок. 1187 г. в К-поль явился Юрий, сын Андрея Боголюбского, но уже не как рус. князь, а как претендент на груз. престол, к-рый он пытался оспаривать у своей бывш. жены царицы Тамары.

Во 2-й пол. XIII в. русско-визант. связи заметно ослабли. И Русь, и Византия переживали трудные времена: крестоносцы захватили К-поль (1204), а рус. земли были завоеваны Батыем (1237–1241). Множество рус. беженцев искало пристанища в бывш. визант. владениях в Крыму. Пленники, захваченные в рус. землях, продавались на рабских рынках и попадали в страны Средиземноморья.

В новых условиях визант. гос. и церковная дипломатия уже не могла придерживаться в отношениях с Русью прежнего жесткого курса, не допускавшего поставления на митрополичий престол рус. клириков. На смену митрополиту-греку Иосифу, пропавшему без вести во время Батыева нашествия, Патриарх, проживавший в Никее, утвердил на митрополичьей кафедре уроженца Юго-Зап. Руси, ставленника вел. кн. *Даниила Романовича* Галицко-Волынского — *Кирилла II* (1247).

Отвоевание К-поля (1261) знаменовало возрождение политического авторитета Византии, и после кончины митр. Кирилла (1281) К-польский Патриарх вернулся к традиц. практике, поставив на рус. митрополию грека свт. *Максима* (1283–1305). Возрождаются представления о господстве императоров над всеми правосл. народами (русские наряду с болгарами, влахами, аланами и грузинами названы в числе подданных имп. Андроника II Палеолога в послании егип. султана — Analecta Byzantino-Russica / Ed. W. Regel. St.-Pb., 1891. P. 57–58). К нач. XIV в. в Византии сложилось представление об исконном вхождении Руси в имперскую систему гос-в и народов: «Русский [властитель] от Константина Великого был наделен положением и саном кравчего (τοῦ ἐπὶ τῆς τραπέζης)» (*Niceph. Greg.* Hist. T. 1. P. 239; ср.:

Ševèenko I. Some Autographs of Nikephorus Gregoras // ЗРВИ. 1964. Т. 8/2. С. 447–450). Ср. обращение посла вел. кн. Михаила Ярославича († 1318) к имп. Андронику II, сохранившееся в отрывке Максима Плануда: «Государь мой царь Руси (βασιλεὺς τῶν Ῥῶς), кравчий твоего святого царства, кланяется смиренно (δουλικῶς) твоему святому царству» (РИБ. Т. 6. Прил. Стб. 273–274; см.: *Soloviev.* 1979. N VIII).

В первые десятилетия после монголо-татар. завоевания Руси регулярные контакты с Византией резко сократились, почти полностью ограничиваясь церковной сферой: за период до 1342 г. состоялось всего 10 из 147 визитов между Русью и К-полем, упоминаемых в рус. летописях с 1240 по 1453 г. С сер. XIV в. связи рус. земель с К-полем заметно активизировались, достигнув апогея в 70–80-х гг. XIV в. (*Маджеска.* 1994). Несмотря на крайнее политическое ослабление империи, монашеское возрождение в Византии, связанное с победой исихазма в сер. XIV в., привело к усилению роли К-польского Патриархата в решении вопросов рус. церковной жизни и духовного влияния Византии на Русь и др. слав. страны (*Мейендорф.* 1990; *Прохоров.* 2000). Согласно Житию прп. Сергия Радонежского, Патриарх Филофей Коккин, последователь свт. Григория Паламы, благословил возрождение на Руси общежительного монашества и в знак особого расположения прислал преподобному дары.

Главным поводом для активного обмена посольствами были вопросы церковной организации на рус. землях, в XIV в. оказавшихся разделенными между 3-мя гос-вами — Московским и Литовским великими княжествами и Польским королевством. Митрополиты разъезжали по своей огромной епархии, но все большее предпочтение оказывали Сев.-Вост. Руси. Фактически их резиденция была перенесена из Киева во Владимир (1299), а затем в Москву (1328), но митрополия оставалась единственным общерус. институтом. Правители, отстаивая свои политические интересы в церковной сфере, апеллировали к авторитету К-польского Патриарха, не ставя под сомнение его верховной юрисдикции над Русской Церковью. Митрополию попеременно занимали выходцы из Византии и Зап. Руси, но все они противостояли попыткам расчленения своей епархии. Митрополит-грек *Феогност* в 1347 г. добился от имп. Иоанна VI Кантакузина хрисовула о восстановлении единства рус. митрополии (РИБ. Т. 6. Прил. С. 13–19; *Мейендорф.* 1990. Прил. 1). Однако в условиях возрастающей политической отчужденности сохранить церковное единство рус. земель оказалось невозможно, и К-поль после долгих колебаний санкционировал образование независимых митрополий в Литве и польской Галиции. Церковно-политические комбинации К-поля, пытавшегося небескорыстно использовать соперничество претендентов на митрополию, приводили к кризисам, самым острым из к-рых было противостояние (1378–1389) митр. Киприана с московским вел. кн. Димитрием Донским, пытавшимся противопоставить ему своего кандидата. До известной степени борьба в рус. церковных кругах определялась религ. движениями, к-рые играли в тот период важную роль в Византии (см. том РПЦ).

Великокняжеская власть не только не посягала на права К-польского Патриархата, но и оказывала визант. императорам и Патриархам серьезную материальную поддержку. Для ослабленной и окруженной врагами Византии поступавшие из Руси товары и денежные пожертвования были чрезвычайно важны. Ок. 1347 г. рус. князья во главе с вел. кн. Симеоном Иоанновичем собрали и отправили в К-поль богатое пожертвование на ремонт храма Св. Софии (*Niceph. Greg.* Hist. XXVIII 34–36). В. и. и К-польский Патриархат попрежнему пользовались на Руси славой «источника всякого благочестия, законоуложения и святости», как о том говорилось в послании вел. кн. Симеона к имп. Иоанну Кантакузину (*Miklosich, Müller.* Т. 1. P. 263). В 1398 г. вел. кн. московский Василий Димитриевич послал в осажденную турками столицу Византии огромную по тем временам сумму в неск. тыс. руб. (ПСРЛ. Т. 11. С. 168). В 1399 г. Михаил Александрович Тверской послал «ко Царюграду с милостынею к соборней церкви святеи Софии, патриарху и царю, якоже преже обычай бе ему многажды посылати милостыню в соборную церковь святую Софию, и патриарху» (ПСРЛ. Т. 11. С. 177). При подготовке Флорентийского Собора предполагалось, что рус. митрополит сделает взнос в 100 тыс. иперпиров, тогда как др. богатые кафедры могли внести не больше 20 тыс. (Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439) / Ed. V. Laurent. R., 1971. P. 120–122).

Содержание сохранившихся актов К-польского Патриархата за период 1315–1402 гг. свидетельствует, что верхушка визант. общества и особенно церковные круги были прекрасно информированы о событиях в огромной церковной епархии всея Руси (*Miklosich, Müller.* Т. 1–2; из 615 документов 44 посвящены рус. делам). Один из актов, относящийся к визант. посольству 1393 г., направленному Патриархом *Антонием IV* и имп. Мануилом II, отражает неразрывную связь церковных и политических интересов Византии на Руси и проливает свет на нек-рые детали русско-визант. дипломатических и делопроизводственных связей (*Медведев И. П.* Ревизия визант. док-тов на Руси в кон. XIV в. // ВИД. 1976. С. 289–297). В послании к вел. кн. *Василию I Димитриевичу* Московскому Патриарх наставляет «великого рикса» (μέγας ῥήξ) оказывать К-польскому императору воздававшуюся издревле честь: «Невозможно для христиан иметь Церковь и не иметь царя, ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе, и невозможно отделить их друг от друга... Святой император не таков, как прочие князья и правители... Он помазуется великим мирром и поставляется императором ромеев, то есть всех христиан» (*Miklosich, Müller.* Т. 2. 188–192; История РЦ. Кн. 3. Прил. 11). Предполагают, что такая реакция Патриарха была вызвана прекращением поминания визант. императора.

В К-поле знакомились с ситуацией в Московии не только через епископов и посланников, но и «от ромеев, побывавших в России». Сообщения путешественников и паломников, прибывавших из Византии, были источником известий о политической ситуации в империи и соседних с ней странах, к-рые изредка встречаются в рус. летописях (примеры см.: *Маджеска.* 1994. Примеч. 49).

В 1411 г. установился династический союз между Москвой и династией Палеологов в результате по-

Визант. имп. Иоанн VIII Палеолог с супругой Анной

Вел. кн. Василий I и вел. кня. Софья Витовтовна

Фрагменты «Большого» саккоса митр. Фотия. 1-я пол. XV в. (ГММК)

молвки будущего имп. Иоанна VIII, сына имп. Мануила II, и Анны, дочери вел. кн. Василия Димитриевича (княжна, прибывшая в К-поль в 1414, через 3 года умерла от чумы — ODB. Vol. 1. P. 261). Чета Иоанна и Анны изображена на «Большом саккосе» митр. Фотия (1408–1431) рядом с рус. вел. кн. Василием и его женой Софьей Витовтовной (*Банк А. В.* Визант. искусство в собр. Сов. Союза. Л.; М., 1966. С. 287). Между фигурами Василия и его дочери Анны помещены святые виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий, казненные литовским вел. кн. Ольгердом (1347) и канонизированные Патриархом Филофеем (1374).

Одним из наиболее активных сторонников Флорентийской унии (1439) выступал грек Исидор, незадолго до *Ферраро-Флорентийского Собора* поставленный на Киевскую митрополию. Но когда митр. Исидор по возвращении торжественно провозгласил о заключении унии, он был арестован по приказу вел. кн. Василия II Васильевича, а затем бежал из Москвы. В 1441 г. Василий II направил К-польскому Патриарху почтительное послание с выражением недоумения по поводу «Исидорова дела» и просьбой о разрешении избрать митрополита на Соборе рус. епископов (РИБ. Т. 6. Стб. 525–536), но послы так и не добрались до К-поля. Категоричное неприятие унии Русской Церковью, поддержанное афонскими монахами и Иерусалимским Собором (1443), а также непрерывные войны привели к прекращению контактов с К-полем, где сидели «царь неправильный и патриарх неправильный» (Там же. Стб. 559). Дипломатичное послание московского вел. князя к имп. Константину XI (1451) с целью уладить отношения с К-полем *после избрания в 1448 г. митр. Ионы* оказалось запоздалой мерой (Там же. Стб. 583–584).

Униатская политика императоров не оправдала возлагавшихся на нее политических надежд, и в 1453 г. В. и. прекратила существование (об отражении падения К-поля в рус. лит-ре см., напр.: *Dujčev I.* La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine // BSl. 1956. T. 17. P. 280 sq.; *Удальцова З. В.* Отклики на завоевание К-поля турками в рус. гос-ве // ВВ. 1977. Т. 38. С. 19–29). В окружном послании к епископам Литвы и Польши московский митр. Иона объявил, что захват «царствующего града» турками был наказанием «грекам» за измену Православию на Флорентийском Соборе (РИБ. Т. 6. С. 623).

Важнейшее для истории Московской Руси событие — брак племянницы последнего визант. имп. Константина XI Палеолога Зои *(Софьи)* и вел. кн. *Иоанна III Васильевича* (1472) — произошло спустя 19 лет после падения К-поля. О новом, «поствизантийском» этапе в отношениях России и попавших под власть османов правосл. народов В. и. см. в статьях, посвященных отдельным Патриархатам и Поместным Церквам.

Визант. политическая идеология была воспринята в Киевской Руси в весьма ограниченном объеме (*Чичуров И. С.* Полит. идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1991). Титул «царь», к-рым называли визант. императоров, иногда применялся и к рус. князьям (*Водов В. А.* Замечания о значении титула «царь» применительно к рус. князьям в эпоху до сер. XV в. // Из истории рус. культуры. М., 2002. Т. 2/1. С. 506–542), но не воспринимался как прерогатива главы христ. мира (что делало возможным его приложение к ордынским ханам и тур. султанам). Визант. элементы проникли в сферы делопроизводства (буллы, печати) и монетного дела, однако имперская система титулов не нашла распространения на Руси (в отличие от балканских и кавказских стран). В области светского права, несмотря на наличие переводных визант. юридических текстов, наблюдается тенденция к самостоятельному развитию на основе местных традиций (что нашло свое отражение в Русской Правде и ранних грамотах). Церковное право на Руси, основанное на визант. каноническом праве, также имело местные особенности: так, в княжеских церковных уставах (с XI в.) к церковной юрисдикции отнесен ряд правовых казусов, к-рые в Византии относились к светскому праву (см.: *Щапов.* 1978).

В древнерус. лит-ре XI в. заметно стремление к утверждению древности и самостоятельности славянорус. христ. традиции, нашедшее выражение в предании о проповеди в Вост. Европе ап. Андрея Первозванного (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7–9) и в особом почитании в Киеве сщмч. *Климента*, еп. Римского. В то же время летопись называет христианство «греческим законом» (Там же. Стб. 108). Митр. Иларион в «Слове о законе и благодати», подчеркивая самостоятельность апостольской миссии св. Владимира — «второго Константина», говорит о «благоверной земле Гречьстей, христолюбивей же и сильней верою» (*Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. К., 1984). Именно «греки» — визант. иерархи, писатели, подвижники — выступали для рус. христиан учителями и наставниками, передающими чистоту правосл. учения и богатейший опыт духовной жизни. Немало выдающихся греч. иерархов украшали Киевскую и др. кафедры Русской Церкви, вызывая глубокое уважение своей паствы. Ср. возглас летописца об ученом митр. *Иоанне II:* «И сякого

не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208). Впрочем, отношение на Руси к «грекам» было далеким от идеализации; в летописном повествовании их характерной чертой нередко выступает лукавство («лесть»): греки пытаются отравить «вещего» Олега (ПВЛ под 6415 г.), хитростью выведывают численность войска кн. Святослава (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70; здесь добавлено знаменитое восклицание летописца: «Суть бо Греци льстивы и до сего дни»), греч. наместник Херсона («котопан») на пиру в Тмутаракани подсыпает яд кн. Ростиславу Владимировичу (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166); рассказывая об обмане еп. Антония Черниговского (1164), летописец замечает: «Се же молвяше им, льсть тая в собе: бяше бо родом Гречин» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523). Неизвестный рус. паломник XV в., составивший русско-греч. словарь, с почтением пишет о «премудром греческом языке», но греков в агонизирующей Византии считает народом «неуживчивым, недружелюбным и любви не имеющим» (*Vasmer M.* Ein russisch-byzant. Gesprächsbuch. Lpz., 1922. S. 25–27).

В церковном отношении рус. первоиерархи были подчинены К-польскому престолу: Киевские митрополиты поставлялись в К-поле до сер. XIII в. только из визант. клириков. Попытки вел. князей возводить на митрополичью кафедру своих ставленников без ведома К-польского Патриарха были редчайшими исключениями (Иларион при Ярославе Мудром в сер. XI в., Климент при Изяславе Мстиславиче в сер. XII в.). Митрополиты назначали епископов (многие из к-рых также были выходцами из Византии), стараясь учитывать внутриполитическую ситуацию. Характерными чертами организации Русской Церкви, отличавшими ее от визант. практики и находящими параллели в зап. христианстве, были институт «десятины» (часть княжеских доходов, к-рая передавалась в пользу Церкви) и стремление князей участвовать в избрании епископов в своих владениях (ср. «спор об инвеституре» на Западе).

В Византии осознавали значительность зап. влияния на Руси. Не случайно разрыв Рима и К-поля в 1054 г. нашел отражение в активной полемической деятельности греч. иерархов сер. XI — нач. XII в. на рус. почве: митрополитов Киевских Ефрема, *Георгия*, Иоанна II и *Никифора I*, Переяславского *Леона*. Связи вост. славян с Зап. Европой имели давние и глубокие корни. Еще в древности славяне заимствовали основную церковную терминологию (церковь, алтарь, крест, пост) от герм. народов; с Запада пришли в слав. языки названия римлян («влахов, волохов»), византийцев («греков») и их императоров («цесарей»). Зап. славяне познакомились с христианством не от греч., а от нем. проповедников. Торговые и политические связи Руси с Западом также не следует недооценивать. Попытки приглашения на Русь нем. епископа при кнг. Ольге (959, миссия еп. *Адальберта* в 961–962) и кн. Ярополке Святославиче (70-е гг. X в.) не были случайными эпизодами (*Назаренко*. 2001. Гл. 5, 6, 7). Переговоры о союзе с папой бежавшего на Запад кн. *Изяслава Ярославича* (1075), положение мощей святых Бориса и Глеба в бенедиктинском мон-ре на р. Сазаве (Чехия, 1095), упоминание ряда зап. святых в рус. церковных календарях (*Лосева О. В.* Русские месяцесловы, XI–XIV вв. М., 2001. С. 63–75), празднование Русской Церковью (единственной среди правосл. Церквей) перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари и русские паломничества туда в XII–XIII вв. свидетельствуют о продолжении церковных контактов Руси с зап. миром и после 1054 г. Однако к кон. XI в. в сознании самих зап. авторов Русь уже столь прочно ассоциируется с визант. правосл. миром, что в 70-х гг. *Адам Бременский* называет столицу Руси Киев «соперницей Константинопольского скипетра, славнейшим украшением Греции» (aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Greciae — *Adami Bremensis* Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum, 22 (19) // Quellen des 9. und 11. Jh. zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Darmstadt, 1978. S. 254).

Идея подражания К-полю, за к-рым в рус. языке закрепилось описательное название Царьград (наряду с Костянтинград; ср. греч. βασιλὶς πόλις), нашла свое выражение в градостроительстве (соборы Св. Софии в Киеве, Новгороде и Полоцке; храм Двенадцати апостолов при княжеском дворе в Берестове; киевские церкви св. Ирины, св. Георгия и Влахернской Богоматери; Золотые ворота Киева и Владимира). Возникает и своего рода соперничество «матери городов русских» с митрополией христ. ойкумены: в XI в. Киев удостаивается эпитета «другого Иерусалима» (Похвала Владимиру). Хранителями воспринятых из Византии духовных и церковных традиций выступали наряду с епископатом монастырские центры, главный из к-рых — *Киево-Печерский* мон-рь — имел тесные связи с центрами визант. монашества — *Афоном* (где, по преданию, подвизался прп. Антоний Печерский, † 1073) и *Студийским мон-рем* в К-поле (откуда при прп. Феодосии Печерском был доставлен и переведен *Студийско-Алексиевский Типикон*). В афонских актах уже в 1016 г. засвидетельствован мон-рь некоего «Роса». Афонский мон-рь *Ксилургу* (Древоделя) упоминается в 1142 г. как обитель, в к-рой имелось множество «русских» книг и вещей; к 1169 г. этот мон-рь стал столь богат и многолюден, что к нему был присоединен пришедший в упадок древний мон-рь св. Пантелеимона, с этого времени получивший название Русского (Ῥούσικον) (*Мошин*. 1947–1950; см. статьи *Русский вмч. Пантелеимона мон-рь*, а также разд. «Афон и Россия» в ст. *Афон*).

Собор Св. Софии в Вел. Новгороде. 1045–1050 гг. Юж. фасад

Широкие формы приняло паломничество к святыням К-поля и далее в Св. землю. О каликах, путешествовавших в Иерусалим, говорится уже в Несторовом Житии прп. Феодосия Печерского. Киево-Печерский Патерик рассказывает о путешествиях в XI в. игум. Димитриевского

мон-ря прп. *Варлаама* — в К-поль и Иерусалим, буд. митр. Переяславского *Ефрема* — в К-поль. Столица Византии служит отправным пунктом для 1-го рус. описания паломничества в Св. землю — «Хожения» игум. *Даниила* (1104–1106 или 1106–1108). В XII в. в отвоеванный крестоносцами Иерусалим путешествовали — в т. ч. через Византию — многие рус. паломники, в т. ч. княж. прп. *Евфросиния* Полоцкая, встретившая по пути имп. Мануила I и принятая им «с великою честью» (ПСРЛ. Т. 4. С. 178). Новгородский архиеп. Нифонт (1131–1156) осуждал массовое паломничество к св. местам, видя в этом вред «для русской земли» из-за разорительных затрат на далекие и опасные поездки (РИБ. Т. 6. Стб. 61–62), но число паломников, очевидно, продолжало расти, и не позднее 60-х гг. XII в. в Иерусалиме возник рус. мон-рь Пресв. Богородицы.

Для владимиро-суздальских князей из Византии доставлялись священные реликвии. В 1197 г. доска от гроба вмч. Димитрия Солунского была привезена из Фессалоники для вел. кн. Всеволода Большое Гнездо (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414), а в 1217/18 г. для его сына вел. кн. Константина Всеволодовича Полоцкий епископ привез из К-поля (уже захваченного латинянами) во Владимир частицу Страстей Господних и мощи Марии Магдалины и Лонгина Сотника (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441). Дважды (в 1200 и 1208/09) побывал в К-поле Добрыня Ядрейкович (буд. архиеп. Новгородский *Антоний*), автор «Книги Паломник»; он привез из столицы Византии на Русь частицы Гроба Господня и Животворящего Креста, а также ряд др. святынь (НПЛ. С. 52). Яркое описание взятия и разорения К-поля участниками IV крестового похода (1204) оставил один из рус. путешественников; по его убеждению, воинственные «фряги», погубившие «царство богохранимаго Константинограда», действовали самовольно: «Не тако бо бе казал им цесарь немечьскыи и папа римьскыи» (НПЛ. С. 46–49; см.: *Мещерский Н. А.* Древнерус. повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. 1954. Т. 10. С. 120–135).

С новой интенсивностью паломничества возобновились в сер. XIV в. Мн. рус. паломники оставили описание своих путешествий: Стефан Новгородец («Странник», 1348 или 1349), Игнатий Смольнянин («Хожение» 1389–1392 в К-поль, затем, до 1405, в Фессалонику и на Афон), Александр дьяк («Хожение» в К-поль, 1391–1396), диакон Троице-Сергиева мон-ря Зосима (*Ченцова В. Г.* О причинах путешествия рус. паломника XV в. Зосимы на Христианский Восток // МОСХОВІА. М., 2000. [Вып.] 1. С. 447–467). В то же время все чаще посещают рус. земли монахи из Византии; известно о существовании в Москве в XIV в. греч. мон-ря «Николы Старого» (*Тихомиров.* 1969).

Обращение Руси к христианству совпало с возникновением слав. письменности. Древнерус. книжность с самого начала оказалась фактически тождественной с общеслав. церковной лит-рой, основанной на переводах с греч. языка (см.: ПЭ. Т. РПЦ. С. 372–406).

Визант. влияние на Руси проявлялось в законодательстве, искусстве и ремеслах, музыке и пении, технике, торговле, области гос. управления и дипломатии, военном и морском деле. Однако вне церковной сферы масштаб проникновения визант. элементов в рус. быт не следует преувеличивать: помимо богатейшей калькированной и заимствованной «книжной» лексики число слов, вошедших в рус. язык непосредственно из греческого визант. эпохи, невелико (терем, палата, мрамор, финифть, плита, кровать, скамья, фонарь, парус, канат, корабль, каторга, конопатить, тормоз, грамота, календарь и назв. месяцев) и заметно уступает заимствованиям из тюрк., герм. и романских языков (см.: *Копыленко М. М.* Кальки греч. происхождения в языке древнерус. письменности // ВВ. 1973. Т. 34. С. 141–150; *Йордаль К.* Греч. заимствования в рус. языке // Scando-Slavica. 1968. Т. 14. С. 227–256).

Особая близость Руси и Византии была обусловлена не политическими или экономическими интересами, но осознанием общности правосл. духовной культуры, в течение веков служившей связующим звеном между Византией и Русью. Каноническое подчинение Русской Церкви К-польскому Патриарху зиждилось на признании авторитета Византии как хранительницы чистоты и полноты веры. Показательно, что в периоды активизации униатской политики К-поля рус. духовные и светские власти не считали себя обязанными послушно следовать в фарватере Царьграда.

«Между «греческим» и «русским» Православием были легкие отличия в акцентировке и стиле, но если принять во внимание глубинное тождество подхода и интуиции, остававшееся неизменным несмотря на огромную историческую и культурную дистанцию между двумя народами, то эти различия нельзя не признать ничтожными... Если в русском Православии и есть черта, которую можно противопоставить византийскому восприятию христианства, то это глубокая озабоченность русских сохранением буквы традиции, полученной от «греков».» (*Мейендорф.* 1990. С. 34–35). Наряду с первой волной христ. просвещения, принесшей на Русь из Византии сокровища правосл. культуры, глубокое влияние на рус. духовную культуру оказал в XIV в. исихазм. Эта духовная традиция проявилась в резком росте переводов с греч. языка, возникновении многочисленных мон-рей, обновлении художественного творчества. Благодаря ему Московская Русь «стала страной прп. Сергия, Андрея Рублева и Нила Сорского» (*Мейендорф.* С. 326). Рус. народ, долгое время игравший в «диалоге культур» роль «принимающей» стороны, после усвоения богатого визант. наследия сам стал носителем и хранителем традиций Православия.

Ист.: *Constantini Porphyrogeniti imperatoris* De cerimoniis aulae byzantinae. Lib. II. Bonnae, 1829; *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // ВВ. 1962. Т. 21. С. 51–94; *Чичуров И. С.* Визант. ист. сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Гл. 2, 4, 8, 9 / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991[2]; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993; *Бибиков М. В.* Визант. ист. сочинения: Визант. историк Иоанн Киннам о Руси и народах Вост. Европы. М., 1997; *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на К-поль и первое Крещение Руси в средневек. письменных источниках // Древнейшие гос-ва на территории СССР, 2000. М., 2003. С. 3–172.

Лит.: *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в рус. истории. К., 1869; *Барсов Т.* К-польский Патриарх и его власть над Рус. Церковью. СПб., 1878; *Успенский Ф. И.* Русь и Византия. Од., 1888; *Лопарев Х. М.* Греки и Русь. СПб., 1898; *Васильевский В. Г.* Труды. СПб.; Пг.; Л., 1908–1930. 4 т. в 5 кн.; *Соколов П.* Рус. архиерей из Византии и право его назначения до нач. XV в. К., 1913; *Истрин В. М.* Летописные повествования о походах рус. князей на Царьград. Пг., 1917; *Baumgarten N., de.* Généalogies

et mariages occidentaux de Rurikides Russes du Xe au XIIIe s. // OrChr. 1927. T. 9/1, N 35. P. 5–94; *Vernadsky G.* Relations byzantino-russes au XIIe s. // Byz. 1927/28. T. 4. P. 269–276; *Приселков М. Д.* Русско-визант. отношения в IX–XII вв. // ВДИ. 1939. № 3. С. 98–109; *Мошин В. А.* Русские на Афоне и русско-визант. отношения в XI–XII вв. // BSl. 1947. T. 9/1. S. 55–85; 1950. T. 11. S. 32–60; *Флоровский А. В.* К изучению истории русско-визант. отношений // BSl. 1952/1953. T. 13. S. 301–311; *Лихачев Д. С.* К вопросу о визант. влиянии на Руси // *Он же.* Возникновение рус. лит-ры. М.; Л., 1952. С. 119–129; *Ammann A. M.* Untersuchungen zur Geschichte der kirchlichen Kultur und des religiösen Lebens bei den Ostslawen. Würzburg, 1955. T. 1; *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-визант. отношений. М., 1956; *Dvornik F.* Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // DOP. 1956. Vol. 9–10. P. 75–121; *Müller L.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln, 1959; *idem.* Russen in Byzanz und Griechen im Rus'-Reich // Bull. Inform. 1971. T. 5. P. 96–118; *idem.* Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. Münch., 1987; *Obolensky D.* Byzance et la Russie de Kiev // ВРЗЕПЭ. 1959. Т. 29. С. 20–35; *Оболенский Д.* Связи между Византией и Русью в XI–XV вв. М., 1970; *он же.* Визант. содружество наций. Шесть визант. портретов. М., 1998; *Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношения Др. Руси и Византии в XI — 1-й пол. XIII в. Oxf., 1966; *Lilienfeld F., von.* Russland und Byzanz in 14. und 15. Jh. // 13th Intern. Congr. of Byzant. Studies. Suppl. Papers. Oxf., 1966. P. 25–30; *Ševčenko I.* Russo-Byzantine Relations after the 11th Cent. // Ibid. P. 19–25; История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 226–236, 347–353; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Др. Руси. М., 1968; *Тихомиров М. Н.* Ист. связи России со слав. странами и Византией. М., 1969; *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Некоторые проблемы русско-визант. отношений в IX–XV вв. // История СССР. 1970. № 4. С. 32–53; *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982; *Wozniak F.* Byzantine Policy towards Kievan Russia. Ann Arbor, 1973; *Tinnefeld F.* Byzantinisch-russische Kirchenpolitik im 14. Jh. // BZ. 1974. Bd. 67. S. 359–364; *Литаврин Г. Г.* Культурные связи Др. Руси и Византии в X–XII вв. // Балканские исследования. М., 1976. С. 254–265; *он же.* Русско-визант. связи в сер. X в. // ВИ. 1986. № 6. С. 41–52; Византия, Болгария, Др. Русь (IX — нач. XII в.). СПб., 2000; *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского на визант. престоле? // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 255–262; *Бибиков М. В.* Древняя Русь и Византия в свете новых и малоизвестных источников // Вост. Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 296–301; *он же.* Русь в визант. памятниках и Византия в древнерус. произведениях // Древнейшие гос-ва на территории СССР, 1987. М., 1989. С. 167–172; *Липшиц Е. Э.* Русь и Византия // Сов. историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 200–209; *Щапов Я. Н.* Визант. и южнослав. правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; *Soloviev A. V.* Byzance et la formation de l'État russe. L., 1979; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Др. Руси. М., 1980; *Удальцова З. В.* Культурные связи Др. Руси и Византии // ВВ. 1981. Т. 42. С. 25–34; *она же.* Киев и Константинополь — культурные связи до XIII в. // ВИ. 1987. № 4. С. 56–69; *Franklin S.* Byzantine Historiography in Kievan Russia. Oxf., 1981; *idem.* The Empire of the Rhomaioi as Viewed from Kievan Russia: Aspects of the Byzantine-Russian Cultural Relations // Byz. 1983. T. 53. P. 507–537; *idem.* The Reception of Byzantine Culture by the Slavs // The 17th Intern. Byzant. Congr. Major Papers. N. Y., 1986. P. 383–397; *Arrignon J.-P.* Les relations diplomatiques entre Byzance et la Russie de 860 à 1043 // RES. 1983. T. 55. P. 129–137; *Majeska G. P.* Russian Travellers to Constantinople in the 14th and 15th Cent. Wash., 1984; *Маджеска Дж.* Русско-визант. отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Архив РИ. 1994. Вып. 4. С. 27–50; *он же.* Царьград: образ Византии в рус. средневек. фольклоре // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: к 70-летию акад. Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 118–128; *Hanak W. K.* The Impact of Byzantine Imperial Thought upon Vladimirian-Jaroslavian Russia // BSEtB. 1985. Vol. 12. P. 117–129; *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; № 9. С. 227–239; *Курбатов Г. Л.* Византия и Русь в IX–X вв.: Нек-рые аспекты соц.-экон. отношений // Ист.-археол. изучение Др. Руси. Л., 1988. Вып. 1. С. 215–231; Tausend Jahre Christentum in Russland / Hrsg. v. K. Ch. Felmy u. a. Gött., 1988; 988–1988: Un millenaire: La christianisation de la Russie ancienne / Ed. Y. Hamant. [P., 1989]; *Horodysky J. Z.* Byzantium and Rus' Relations during the Reign of the Comneni Dynasty. Ann Arbor, 1989; *Мейендорф И., прот.* Византия и Московская Русь. П., 1990; Proc. of the Intern. Congr. Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine / Ed. O. Pritsak, I. Ševčenko, M. Labunka. Camb. (Mass.), 1990; *Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the 11th and 12th Cent. // Ibid. P. 414–429; *Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // ВВ. 1991. Т. 52. С. 151–160; The Legacy of SS. Cyril and Methodius to Kiev and Moscow / Ed. by A.-E. Tachiaos. Thessal., 1992; Millennium Russiae Christianae = Tausend Jahre Christliches Rußland, 988–1988 / Hrsg. G. Birkfellner. Köln etc., 1993; *Подскальски Г.* Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996 (Библиогр.); Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999; *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. СПб., 2000; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на междунар. путях. М., 2001; *Живов В. М.* Особенности рецепции визант. культуры в древней Руси // *Он же.* Разыскания в области истории и предыстории рус. культуры. М., 2002. С. 73–115; *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

П. В. Кузенков

Византийская археология, раздел *византиноведения,* изучающий материальные памятники визант. культуры, составная часть *археологии христианской.*

Предмет и задачи. История визант. археологии насчитывает 3 века; обследованы сотни памятников и тысячи предметов, но обобщение материалов началось недавно. Общих обзоров и пособий по визант. археологии не существует (см. опыты: *Gregory T. E. e. a.* Archaeology // ODB. N. Y.; Oxf., 1991. Vol. 1. P. 152–154; *Sodini J.-P.* La contribution de l'archéologie à la connaissance du monde byzantin (IVe–VIIe siècle) // DOP. 1993. Vol. 47; *Zanini E.* Introduzione all'archeologia bizantina. R., 1994. (Studi Superiori, N. S, 228. Archeologia) — см. рец.: Хрушкова Л. Г. // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 7; *Романчук А. И., Шандровская В. С.* Введение в визант. археологию и сфрагистику. Екатеринбург, 1995); мало внимания ей уделяют в ун-тах. Наблюдается также отставание в исследовании визант. археологии от текстуальной византинистики и искусствознания, где она играла подчиненную роль «иллюстратора истории», однако ее значение неуклонно возрастает, в т. ч. для историографии, ориентированной на тексты и историю искусства. В наст. время визант. археология рассматривается как самостоятельное направление научной деятельности, важное для национального развития стран, унаследовавших территории исторической Византии: при образовании Мин-ва культуры Греции (1971) возникла служба охраны визант. и поствизант. памятников; под эгидой ЮНЕСКО создан Европейский центр визант. и поствизант. памятников, к-рым была проведена международная конференция «Памятники Византии и мировое культурное наследие» (Фессалоника, 2001), принявшая пакет документов по законодательству, охране, учету, изучению и использованию исторического наследия Византии (Byzantine Monuments and World Heritage // ΔΧΑΕ. 2001. Т. 2) Инициатором этой деятельности выступает Греция; в конференции участвовало 16 стран (в их числе и Россия), на территории к-рых есть памятники археологии В. и.

Визант. археология разработана слабее, чем археология классической Греции и Рима и средневек. археология Зап. Европы. До недавнего времени при раскопках исследование начинали с уровней поздней античности, а более поздние слои, в т. ч. визант., сносили как «варварские». Даже ключевые объекты археологии В. и. редко исследуют широкой площадью с применением новейших методик; мало сведений о повседневной жизни горожан и крестьян, об истории бытовой архитектуры. Неск. лучше изучены первые века Византии (IV–VII вв.), к-рые

отчасти затронуло исследование классической культуры; хуже — переходный (сер. VII–VIII в.) и средневизант. период (IX–XII вв.), когда возникли своеобразные типы

Мозаика пола ранневизант. периода с изображением христ. города из ц. св. Иоанна в Хирбет-эс-Самра

памятников, а визант. культура распространила влияние далеко за пределы империи; поздний (1204–1453) и поствизант. периоды.

Под визант. археологией обычно понимают изучение материальной и художественной культуры вост. части Средиземноморья и связанных с ней районов, где языком богослужения и международного общения служил греческий. Собственного хронологического и территориального деления визант. археология не выработала и, следуя общей исторической периодизации, делится на ранний (от строительства К-поля в IV в. или падения Зап. Римской империи с 476 г. до сер. VII в.), переходный (сер. VII–VIII в.), средний (с IX в. до захвата К-поля крестоносцами в 1204 и образования лат. королевств), поздний (XIII — сер. XV в.) и поствизант. (археология Афона и др. монастырских общин; развитие визант. наследия вне пределов Византии) периоды. Делаются попытки уточнить такое деление, напр. отказаться от представления о VII–VIII вв. как о промежуточном периоде «темных веков» и рассматривать VII в. как конец раннего периода, а VIII и ранний IX в. как начало периода расцвета, когда новые, христ. формы религ. и общественной жизни, в к-рой место теменоса и форума древнего мира заняли христ. храм и дворец императора, окончательно восторжествовали.

В географическом отношении визант. археология традиционно делится на области: К-поль и его окрестности; материковую Грецию и гос-ва Балканского п-ова; М. Азию; города и гос-ва Сев. и Вост. Причерноморья (в т. ч. Крым) и Кавказ; Сиро-Палестинский регион (IV–VIII вв.); Египет и часть территорий Сев. Африки (до окончательной победы ислама); области Италии, испытавшие влияние Византии в V–VII вв., а также зоны развития итало-визант. культуры в средне- и поздневизант. периоды (Адриатическое побережье, юг Апеннинского п-ова, о-в Сицилия); Др. Русь (особенно в IX–XII вв.).

История византийской археологии. Археологическими исследованиями XIX — нач. XX в. был накоплен огромный материал, но его направленное изучение началось только после второй мировой войны. За последние 50 лет XX в. поток информации возрос настолько, что его осмысление и обобщение не успевает за полевыми работами. Заметно изменился и географический охват работ, если до сер. XX в. их вели в центральных областях империи (в К-поле, в М. Азии, на Балканах, в Италии и в Причерноморье), то позже внимание переместилось на Сиро-Палестинский регион ранневизант. эпохи, где сосредоточена огромная часть архитектурных объектов и мозаик.

I. *Изучение на Западе.* Началом визант. археологии принято считать труды филолога-классика П. *Жилле*, систематизирующие заметки об осмотре руин древнего города «De Bosporo thracio» (*Giller P.* Lugduni, 1561. Athenai, 1967[r]) и «De topographia Constantinopoleos» (Там же) (изданы посмертно в 1561). Эти работы, сопоставимые по значению с древними источниками, пополнили исчерпывающий для своего времени свод письменных данных III. *Дюканжа* (*Du Cange Ch.* Constantinopolis christiana. Lutetiae, 1680). Мат-лы до сер. XIX в. пополнялись слабо, но с постепенным открытием Турции для европейцев в 40-х гг. XIX в.— 50-х гг. XX в. появились новые труды, посвященные архитектуре столицы Византии (Ш. Тексье, В. Зальценберг); в 10-х гг. XX в. попытки построить на основе появившихся исследований общую историю визант. архитектуры (А. Ван Миллинген, Ж. Эберсольт, и др.: *Texier Ch.* L'architecture byzantine. P., 1847; *Salzenberg W.* Altchristliche Baudenkmäle von Constantinopel vom 5. bis 12. Jh. B., 1854. Lpz., 2001; *Van Millingen A.* Byzantine Churches in Constantinople: Their History and Architecture. L., 1912; *Ebersolt J., Thiers A.* Les églises de Constantinople. P., 1913).

В нач. XX в. усилия по изучению Византии получили поддержку правительств, озабоченных разделом «оттоманского наследства». Франция организовала работу над составлением свода церквей К-поля V–XIV вв., обращенных в мечети (этому способствовали землетрясения и пожары 1908, 1911, 1912, уничтожившие позднюю застройку Стамбула). В 1890–1900-х гг. рус. ученые, гл. обр. члены Русского *Археологического института в Константинополе* (РАИК), первыми осуществляли наблюдение за сносом древних памятников и земляными работами в Стамбуле, проводили обмер остатков памятников (мон-рь Богородицы Перивлепты в Псаматии, ц. Богородицы Халкопратийской (сер. V в.)).

Однако военные действия (1912–1922), распад Османской империи прервали начавшиеся исследования: были закрыты РАИК и Французская школа археологии в Афинах. В 20-х гг. XX в. работы возобновились, были раскопаны (в основном франц. археологами) ц. Иоанна Крестителя (VI в.) в Евдоме и ряд объектов в Манганах.

Решающим шагом для развития визант. археологии стали работы в Стамбуле в 30-х гг. XX в. на ипподроме и в *Большом дворце*, позволившие создать керамическую стратиграфию и общую типологию артефактов, датированных на основе нумизматического материала (работы были продолжены в 50-х гг. под рук. Тамары Толбот Райс, Д. *Толбота Райса*, Джоан Оутс, Дж. Б. *Уорд-Перкинса*. См.: The Great Palace of the Byzantine Emperors: Rep. 1. L., 1947–1949; Rep. 2. Edinb., 1958). Тогда же началось активное исследование и реставрация стен К-поля (продолжается в наст. время). В 20–30-х гг. XX в. ключевые открытия сделали ученые Германского археологического ин-та в Стамбуле (А. М. Шнайдер, К. Биттель и др.): были изучены ц. св. Евфимии, вблизи ипподрома (VI в.), и зап. часть 1-го (IV — нач. V в.) собора Св. Софии. Особую роль в изучении визант. памятников в Стамбуле сыграло начало исследований с 30-х гг.

XX в. интерьера Св. Софии под рук. Т. *Уиттмора*, директора 1-го Американского ин-та визант. исследований в Париже (позднее соединен с *Дамбартон-Окс*, Вашингтон); работы были продолжены в 50-х гг. XX в. П. Андервудом, позже С. *Манго*, Н. Б. Тетерятниковой; с 90-х гг. XX в. в соборе ведется научная реставрация.

В 20–40-х гг. XX в. важнейшим районом полевых исследований визант. археологии стал Ближ. Восток (особенно Сирия). Введение мандатов на управление этими территориями после первой мировой войны обеспечило свободу раскопок, а прекрасная сохранность памятников, заброшенных в VII–VIII вв., привлекла к ним внимание. Франц. ученые Ж. Б. *Лассю* и Ж. *Чаленко* разработали функциональный и историко-культурный методы (*Lassus J.* Sanctuaries chrétiens de Syrie. P., 1947; *Tchalenko G.* Les villages antiques de la Syrie du Nord. P., 1953–1958. 3 vol.). Примененный Лассю метод восстановления древней литургии по архитектурным элементам привел его к трактовке церковной архитектуры как исторического источника, позволив раскрыть социальную и экономическую основы храмового строительства; оказалось, что в визант. провинции церкви возводили в складчину владельцы богатых имений или сельские общины (синтез археологических, письменных, материальных и иконографических источников, применявшийся затем на том же материале А. Фестюжьером и мн. др., получил во Франции название «литургической археологии»).

Образцом археологической реконструкции жизни общества и Церкви стало исследование Чаленко аграрных поселений Сев. Сирии. Вокруг Антиохии-на-Оронте и на Сирийском нагорье применение аэрофотосъемки позволило выявить руины храмов, фортификационные сооружения, в т. ч. обнесенные стенами сельскохозяйственные угодья — плантации мон-рей V–VII вв., при каждом существовал поселок работников. Обнаружилось, что районы мон-рей, как и вся Сирия визант. эпохи, были населены очень плотно. Сир. церкви, мон-ри и усадьбы, построенные из цельных блоков камня, полностью сохранили планировку и позволили восстановить экономический и социальный контекст жизни общества, а также изучить развитие храмов в сторону постепенного выделения алтарной части и появления в VI–VII вв. иерархии частей храма, слабо выраженной в ранних сир. постройках, где не было жертвенника, диаконника, алтарной преграды и нартекса.

Экспедиции Принстонского ун-та в Сирию в нач. XX в. за 2 года (под рук. Х. Батлера) изучили ок. 100 объектов архитектуры I–VII вв.; совместная с музеем Лувра экспедиция (под рук. У. А. Кэмпбелла) открыла в Каусье (пригород *Антиохии*) церковь-меморию сщмч. Вавилы (ок. 379/80) с планом в форме равноконечного креста и прекрасные христ. мозаики. Здесь же были обнаружены клады церковной утвари, в т. ч. *антиохийская чаша*. В Иордании успешными оказались раскопки Йельского ун-та в Джараше (*Jerace;* 1928–1930 под рук. Дж. У. Кроуфута, совместно с Британской школой археологии в Иерусалиме, с 80-х гг. XX в. продолжена совместно с Департаментом древностей Иордании). Обилие надписей позволило восстановить историю превращения города из языческого в христ., затем в мусульм. в IV–VIII вв. Первые церкви появились здесь в 50-х гг. IV в.: большой собор (длина ок. 50 м) и еще не менее 15 храмов (последний поставили за 3 года до персид. нашествия в 613); христианизация коснулась даже синагоги, к-рую перестроили в церковь, сменив ветхозаветные сюжеты мозаик на новозаветные. С началом исламизации Герасы были уничтожены изображения живых существ на мозаиках и разрушены церкви; город погиб при землетрясении 749 г.

В 1-й пол. XX в. упрочилось положение представителей амер. ун-тов среди ученых, занимавшихся визант. археологией. Этот процесс в большой степени обеспечили ученые-эмигранты из России (А. А. *Васильев*, М. И. *Ростовцев*) и Германии (К. *Вайцман*, Х. Бухталь, Э. *Китцингер*). С 1914 г. в Принстоне началась работа над иконографическим *Индексом христианского искусства*.

Работы на Ближ. Востоке не прекратились и в период второй мировой войны: специально созданные службы охраны памятников обследовали ранее открытые руины (напр., паломнический центр *Абу-Мина* под Александрией, позже раскопанный почти целиком. Но целенаправленные исследования вплоть до 50-х гг. XX в. оставались единичными. Новые открытия начались только во 2-й пол. XX в., когда резко вырос уровень фиксации объектов, были уточнены хронология и история строительной техники, топография, особенности погребального обряда.

Для К-поля классическими стали обследования Андервудом мон-ря Хора (Кахрие-джами) в 1947–1968 гг.; А. Миго мон-рей Пантократора (Зейрек-джами, нач. 60-х гг. XX в.) и Липса (Фенари-Исаджами), с его знаменитыми погребальными капеллами, сложными субструкциями, эпиграфикой, многочисленными находками мраморной резьбы и расписного витражного стекла XII в.; в 60-х гг. XX в. С. Страйкер работал в Мирелейоне (Бодрум-джами) с некрополем Палеологов в основании храма и в Календерхане-джами (с 1966, совместно с Д. Кубаном). Важнейшим шагом в изучении ранневизант. эпохи стали раскопки на Сарахане, открывшие остатки богатейшего храма св. Полиевкта, построенного в VI в. *Аникией Юлианой* (Р. М. Харрисон, Н. Фиратли, 1964–1969).

Крупные открытия в М. Азии связаны с *Эфесом*, где в 50–70-х гг. XX в. был раскопан Британским ин-том в Анкаре (под рук. М. Гофа) уникальный комплекс *Алахан-манастыр* (V в.) (среди находок — эпитафия архит. Тарасия, 462 г.);

Алахан-манастыр. Остатки Восточной базилики. V в.

зафиксированы пещерные памятники Каппадокии, традиц. считавшиеся монастырскими

(Н. Тьерри, Л. Родли, Тетерятникова). Их временная атрибуция была верно указана еще Я. И. *Смирновым* (в основном не ранее X в.); в наст. время установлено, что скальные храмы были частью сложной социальной структуры, они располагались вблизи узлов дорог, скоплений деревень и городов, зависели от местных ктиторов, поэтому ставится вопрос о сплошной проверке принадлежности скальных каппадокийских церквей к монастырским постройкам.

После второй мировой войны изучение визант. археологии ускорилось, с одной стороны, благодаря важнейшим издательским проектам «Археологические тетради» (Cahiers archéologiques; с 1948, Париж) и «Словарь византийского искусства» (Reallexicon zur byzantinische Kunst, с 1964, Штутгарт), с др.— включению в работу новых ин-тов из США, располагавших значительными материальными средствами. Так, Мичиганский и Принстонский ун-ты организовали ряд больших экспедиций (в мон-рь вмц. Екатерины на Синае, 50–60-е гг. XX в.). Принстон сохранял значение основного центра изучения визант. археологии в США до 50-х гг. XX в. (в наст. время в основном архитектуры под рук. С. Чурчича), позже — центр Гарвардского ун-та Дамбартон-Окс, систематически проводящий археологические и иные работы в разных областях Византии, имеющий хорошее собрание древностей, архив и одну из лучших б-к по византинистике, организующий ежегодные симпозиумы, публикующий периодические и серийные издания.

Особая роль в изучении визант. археологии в послевоенный период принадлежит музеям, организующим международные выставки: Византийский музей (Афины) — «Византийское искусство: европейское искусство» (1964, под рук. М. Хадзидакиса); Лувр (Париж) — «Византия» (1992); Британский музей (Лондон) — «Сокровища византийского искусства и культуры» (1994; выставки при его участии в Эдинбурге (1958) и в музее Виктории и Альберта в Лондоне (1978)); в копенгагенской Глиптотеке — «Византия: поздняя античность и византийское искусство в скандинавских собраниях» (1994); «дидактические» экспозиции в Метрополитен-музее (Нью-Йорк) — «Год 1200» (1970), «Век Духовности: позднеантичное и раннехристианское искусство III–VII вв.» (1977), «Слава Византии» (1997), «Византия: вера и мощь» (2003); особое место среди них занимают большие научные выставки визант. искусства, проводившиеся в СССР. Важную роль играли конференции и публикации по «сквозным» темам, напр. по истории погребального обряда Византии в его археологическом аспекте. С 60-х гг. XX в. визант. археологи приступили к обобщению материалов по изучению церковной архитектуры на новом уровне (Р. *Краутхаймер*, Манго и Р. *Оустерхаут*) и к анализу литургической организации визант. архитектуры (книги Т. *Мэтьюса* о ранневизант. архитектуре, работы Р. *Тафта*).

Важнейшим фактором развития археологии В. и. стало возникновение независимых Сирии, Иордании и Ливана, где сложились национальные археологические службы, с 60-х гг. XX в. разрешившие международным экспедициям вести раскопки на территории своих стран. Наиболее продвинулись вперед работы в Св. земле, Палестине, к-рую сегодня считают самой исследованной в археологическом отношении из территорий Византии.

Несмотря на достижения в этой области в XX в., целенаправленное развитие визант. археологии началось в зап. науке только в посл. трети XX в. Визант. древности долго не могли найти себе места в общей истории культуры и искусства, рассматривались как «промежуточные» между вост. и европейскими, порой полностью «исчезая» из пространства мировой культуры. Сегодня положение иное, памятники Византии постепенно «входят в моду», но и сейчас их место не вполне определено, и мн. ученые (Р. Нельсон, Оустерхаут) вынуждены посвящать особые полемические работы определению позиций визант. культуры на карте мировых культур.

II. Изучение в России. Совершенно иным был подход к изучению памятников Византии в рус. науке (о донаучном этапе см.: *Беляев Л. А.* Христианские древности: Введ. в сравн. изучение. М., 1998, 2000[2]). Развитие археологии В. и. имело для Российской империи XIX — нач. XX в., считавшейся неоспоримой наследницей Византии (по крайней мере, в отношении религии), особое значение, отражавшее геополитическую позицию и доктрину страны. Стремление лучше понять собственное прошлое заставило рус. ученых относиться к визант. древностям с предельным вниманием.

В сер. XIX в. подготовительными моментами к изучению визант. археологии в России стала деятельность по коллекционированию визант. и древнерус. искусства и организации экспедиций по сбору икон и рукописей на христ. Востоке (см. статьи А. П. *Базилевский;* П. И. *Севастьянов,* А. А. *Дмитриевский,* В. И. *Григорович,* Н. П. *Лихачёв*), работа *Русской духовной миссии в Иерусалиме* и Императорского Православного Палестинского об-ва (ИППО; см. также статьи *Порфирий (Успенский), Антонин (Капустин), Леонид (Кавелин)*), раскопки базилик *Херсонеса* (см. также ст. А. С. *Уваров*) и первые попытки исследовать центры паломничества в Вост. Средиземноморье (см. статьи А. Н. *Муравьёв, Миры Ликийские*). Позже на землях, принадлежавших Русской духовной миссии, были проведены раскопки, давшие памятники визант. археологии (храмы Бейт-Захар; остатки церкви VI в. с надгробием ее основателя Кириака (11 дек. 566) на рус. подворье в Иерихоне; Елеонская гора и «русское место» в Иерусалиме).

В академической сфере важнейшим шагом к формированию национальной школы археологии В. и. стало создание «Византийского временника», уделявшего внимание географии и топографии, нумизматике, палеографии и др. специальным дисциплинам, а затем создание РАИК (1894–1914) (см. также статьи *Археологический институт в Константинополе;* Ф. И. *Успенский*), начавшего издание капитальных «Известий РАИК» и собирание археологического музея, а также первым среди европ. научных школ приступившего к археологическим раскопкам в Стамбуле (базилика св. Феодора Студита, 1906–1909), исследованиям мон-ря Хора (1899–1903; см. также статьи Ф. И. *Шмит,* Б. А. *Панченко,* Н. К. *Клуге*) и работе над общим сводом исторической топографии города.

ИППО и РАИК стремились вести исследования на всем «византийском пространстве». До кон. XIX в., изучая визант. памятники Ближ. Востока, российские ученые обращались к трудам западноевроп.

ученых, напр. де Ш. М. де *Вогюэ* (1865–1877). С 80-х гг. был организован ряд ученых экспедиций, надолго ставших важнейшим источником знаний по визант. археологии Сирии и Палестины.

Исследовательская поездка в 1881 г. Н. П. *Кондакова* на Синай, в мон-рь вмц. Екатерины, была отражена в подробном описании монастырских древностей и «Синайском альбоме» (ок. 1500 снимков Ж. К. Рауля). Наиболее важен маршрут 1891–1892 гг. под рук. Кондакова на средства ИППО (К-поль — Афины — *Бейрут* и *Баальбек* — плато Хауран — *Пелла*, Гераса, *Иерихон* — Иерусалим), к-рый дал фотоматериалы, обмеры и экспонаты; были сделаны научные наблюдения над типологией ранневизант. архитектурных элементов (капители); зафиксированы и интерпретированы открытые в 1883 г. пропилеи базилики Мартириума в комплексе храма Гроба Господня, сам храм, арка ворот VII–VIII вв., визант. элементы в «мечети Скалы». Итоги экспедиции дали возможность продвинуть сравнительно-иконографический метод, поставить задачу изучения литургического устройства ранневизант. церквей и развития восточнохрист. археологии. Работал в Сиро-Палестинском регионе и РАИК. В 1897 г., вслед за открытием «мозаичной карты» в *Мадабе*, Клуге осуществил ее 1-ю фиксацию и опубликовал материалы. В 1900 г. в Сирию для изучения жизни христ. общин V в. отправилась экспедиция РАИК во главе с Успенским. К этим путешествиям тесно примыкают работы, организованные ГЭ в Египте (В. Г. *Бок*, 90-е гг. XIX в.) по открытию коптско-визант. древностей (см. статьи *Египет, копты*). Эти научные экспедиции создали основу для развития изучения древностей коптов в советский период (Каковкин, 1991). Начаты были исследования визант. древностей и в Италии (Д. В. *Айналов*, Е. К. *Редин*), включая обследование пещерных мон-рей Калабрии и Апулии, чье визант. происхождение было доказано Н. Д. Протасовым. Деятельность российских экспедиций, в состав к-рых входили молодые ученые (Шмит, Н. Е. Макаренко, М. В. *Алпатов*, Н. И. *Брунов*), изучавшие археологию В. и. за рубежом, была затруднена первой мировой войной (работы в *Ани* и в *Трапезунде*, давшие важные результаты, продолжались еще в 1916) и постепенно прекращена после революции.

Огромное влияние на формирование школы археологии В. и. в России оказал типолого-археологический подход, окончательно утвержденный в первые десятилетия XX в. школой Кондакова, сохранившей влияние как в СССР, так и за рубежом (Айналов, А. Н. *Грабар*, В. Н. *Лазарев*, Л. А. *Мацулевич*, собравший огромный материал в зарубежных экспедициях Смирнов и др.). Метод рус. школы был особо требователен к достоверности аналитических, археологических доказательств и построений и предполагал глубокое погружение в проблемы иконологии, богословия, литургики, был крайне чуток к проявлениям художественных достоинств, к специфическому языку визант. культуры, к-рая в глазах большинства зап. искусствоведов все еще оставалась непонятной и была за рамками эстетического подхода.

Разгром российского византиноведения в СССР в кон. 20-х — нач. 30-х гг. XX в. ударил и по развитию археологии В. и.: были закрыты Херсонесская комиссия ГАИМК (1927), Византино-рус. комиссия и «Византийский временник» (1928), отд-ние визант. искусства в ГЭ (1931; последняя выставка — «Византия и эпоха Великого переселения народов», 1927), и только полевые исследования еще продолжались (ГАИМК и музеи) в Херсонесе и др. точках Крыма (Эски-Керменская базилика, Шмит), на Кавказе.

В этих условиях важную роль в сохранении традиций археологии В. и. сыграла в сер. XX в. работа в музейных собраниях ГЭ, ГИМ, ГТГ, ГМИИ, ГРМ, Киевского музея зап. и вост. искусства, музеев Закавказья и др., где делались описания предметов, проводилась атрибуция, реставрация, готовились публикации и объекты к экспонированию (см. ст. А. В. *Банк*). Огромную роль в развитии археологии В. и. играли также полевые исследования на окраинах СССР, в национальных районах, история к-рых тесно связана с визант. культурой и где сохранилось много визант. памятников (Крым, северо-восток Причерноморья, Армения и Грузия).

Вместе с ослаблением гонений на Церковь в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. и обращением гос-ва к национальным корням России, а также в силу геополитических причин запреты на византинистику в СССР ослабли. В нояб. 1943 г. по решению ЦК КПСС и АН при отд-нии истории и философии АН СССР был создан сектор византиноведения. В возрожденном в 1947 г. «Византийском временнике» стали появляться обзоры и рецензии работ зап. коллег. После войны возникла возможность выставлять и издавать памятники археологии В. и. под собственными именами; событиями мирового значения стали выставка «Искусство Византии в собраниях СССР» (1976) и выпуск каталога к ней (1977).

Послевоенное восстановление византиноведческих исследований, в т. ч. по архитектуре, археологии и церковному искусству, позволило ученым в СССР перейти от изучения отдельных памятников к исследованию исторических процессов, таких как сложение и развитие общей структуры визант. города и отчасти гос. жизни, торговли и социальных отношений, быта основных слоев общества. Традиц. сферы археологии В. и., история фортификации и церковных древностей, обрели широту и системность. В послевоенный период эти направления визант. археологии активно развивались на материалах таких больших визант. центров Крыма и Таманского п-ова, как Херсонес, Феодосия, Гермонасса и др., во многом опередив движение в этом направлении зап. науки, к-рое стало формироваться только в посл. четв. XX в.

Херсонес, раскопанный в значительной степени еще в XIX в. (попытку обобщения церковно-археологических материалов предпринял Айналов в 1915), продолжал привлекать особое внимание, а во 2-й пол. XX в. стал одним из главных полигонов изучения как церковных древностей, так и визант. города в целом (работы А. Л. *Якобсона*, А. И. Романчук и др.). К сер. XX в. была обследована площадь почти $^1/_3$ Херсонеса (в археологии принято считать достаточно представительным раскрытие 10% территории города), причем все объекты изучались как часть единого археологического контекста. Особую роль в работе с материалами визант. Херсонеса сыграла выставка, приуроченная к открытию XVIII Международного конгресса визан-

тинистов в Москве («Средневековый Херсон». М., 1991).

С кон. 80-х гг. исследования по археологии В. и. в Крыму интенсивно ведутся рядом международных экспедиций и местными ин-тами и музеями; публикуются монографии, непериодические серии (МИАЭТ; «Православные древности Таврики» (К., 2002); «Проблемы истории пещерных городов в Крыму» (Симферополь, 1992), «История и археология Юго-Западного Крыма» (Симферополь, 1993), «Проблемы истории и археологии Крыма» (Симферополь, 1994); АДСВ и др.).

Археология В. и. в Крыму за пределами Херсонеса хорошо представлена в юго-зап. Таврике (города княжества Феодоро); базилики ранне- и средневизант. периодов: Мангупская (с единственной надписью времени имп. Юстиниана I в Крыму), Партенитская и Эски-Керменская. Здесь изучается большое количество «пещерных городов» с храмами, во мн. отношениях аналогичных скальным храмам Каппадокии, в основном средневизант. периода (Ю. М. Могаричёв и др.); раннесредневек. могильники (А. И. Айбабин), боспорские склепы (И. П. Засецкая); бесчисленные памятники архитектурной археологии (А. Г. Герцен, В. Л. Мыц, В. П. Кирилко). Нек-рые методы работ в области визант. археологии вызвали у историков ряд вопросов (см.: *Богданова Н. М.* О методике использования археол. источников по истории визант. города // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 104–116).

Др. областью российской археологии В. и. стало изучение процесса византинизации и христианизации народов Кавказа. Распространение новой религии и присущей ей архитектуры и живописи, а также форм гос. строительства, отраженных в нумизматике, сигиллографии и эпиграфике, хорошо прослеживается на приморских территориях Абхазии; памятники Закавказья отражают взаимодействие визант. культуры древних христ. цивилизаций Армении и Грузии (общий обзор см.: Крым, Северо-Вост. Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. / Под ред. Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой. М., 2003; см. также: Die Christianisierung des Kaukasus: Ref. d. Intern. Symp. (Wien, 9–12. Dez. 1999) / Hrsg. W. Seibt. W., 2002.

В Закавказье серьезные работы начались уже после *Археологических съездов* в Казани (1877) и Тифлисе (1881), хотя мн. памятники были замечены ранее (напр., в Ани). В 1888 г. МАО образовало специальную серию «Материалы по археологии Кавказа» (14 вып., по 1916), где около половины публикаций посвящены визант. периоду. С 1892 г. регулярные раскопки в Ани начал Н. Я. Марр (продолжались до 1913), а также приступили к исследованиям базилики V в. в *Ереруйке*, руин Двина, столицы Армении V–IX вв.

Не менее активно изучались древности визант. Абхазии, часть к-рых восходит к IV в., но большинство к XI–XIV вв. (городище *Питиунт;* большие трехнефные базилики VI в., Цандрипшская и др.; Археополь; октагональный храм V в. в Сухуми). Археология В. и. позволила решить вопрос о времени христианизации нагорных областей Абхазии, т. к. работами Ю. Н. Воронова в р-не Цебельды были открыты храмы юстинианов ской эпохи в крепостях Шапкы и Цибил и даже более ранние церкви.

Особый интерес для археологии В. и. представляют могильники на участках Кавказской зоны Великого шелкового пути, позволявшего проникнуть из областей Византии в Ср. Азию и дальше в Китай, минуя территории враждебного Ирана (Мощевая Балка и Хасаут, южнее Кисловодска), давшие подлинные шедевры визант. шелкоткачества (в т. ч. палас с копией ткани александрийского производства VII–VIII вв.), образцы стекла и нумизматики (см. каталоги выставок 60-х гг. XX в. в ГЭ и Баварском музее в Мюнхене: «Von China nach Byzanz: frühmittelalterliche Seiden aus der Staatlichen Ermitage, Sankt Petersburg. Münch., 1996; см. также: *Иерусалимская А. А.* Раннесредневек. памятники визант. круга из Закавказья и с Сев. Кавказа // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 66–71; *она же.* Находки предметов христ. культа в могильнике Мощевая Балка // Худож. памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 101–112).

По материалам археологии (нумизматика, оружие, костюм, украшения) визант. проникновение на Сев. Кавказ прослеживается по крайней мере с VI–VII вв. Изучаются визант. памятники VII–IX вв. в зоне Приазовья (известно о существовании епархий в Фанагории, Таматархе) — в Новомихайловском, Адлере и др. (работы северокавказской археологической экспедиции В. А. Кузнецова, В. И. Марковина и др.); памятники X–XIII вв. в Алании, где христианизация началась в правление Патриарха Николая (901–907 и 912–925), и до XIII в. было построено более 50 церквей, связанных с кладбищами, на к-рых находят кресты с греч. надписями. Строительство широко развернулось в 1-й пол. X в., тогда под влиянием визант. архитектуры и были возведены древнейшие из сохранившихся на территории РФ церкви на городище Ильичёвском, на горе Шоана, близ аула Сенты (ныне Н. Теберда), где в 2003 г. Д. В. Белецким и А. Ю. Виноградовым обнаружена ктиторская надпись 965 г. Хорошо сохранившиеся памятники византийско-кавказской археологии представляют городища на месте центров Аланской епархии: Зильгинское и Нижнеархызское (в верховьях р. Б. Зеленчук).

Третья область, активно развивающаяся в советской и совр. российской археологии В. и.,— это визант. культура на степных территориях Сев. Причерноморья и Сев. Прикаспия. Примерами проникновения сюда визант. традиции, напр. в фортификации, являются крепости с регулярным планом, строившиеся из местных материалов по визант. образцам в IX в. в Хазарии (Саркел и др.). Памятники визант. археологии обнаруживаются и далее на Восток, в Центр. Азии (см. статьи *Суяб* (Ак-Бешим), *Мерв* и др.).

Особый материал для развития археологии В. и. в СССР и России дали славяно-рус. древности и памятники раннего этапа развития *Киевской Руси,* к-рые формировались при огромном влиянии визант. культуры и при участии византийцев. Определенный интерес для визант. археологии представляют и более поздние археологические материалы средневек. Руси, вплоть до гибели Византии (и даже после нее) сохранявшей как генетическое родство с ее культурой, так и связи на разных уровнях. «Русско-византийские» (согласно старой терминологии) древности составляют 4-е базовое направление в отечественной археологии В. и. Несмотря на отсутствие возможностей для активной

экспедиционной деятельности за рубежом, археология В. и. в России, как и в др. странах мира, находится в наст. время в стадии подъема и является важным направлением для воссоздания общенациональной археологической школы и позволит прояснить мн. проблемы истории, искусства и религии не только в Византии, но и в самой России.

III. Изучение на Балканах. Особой частью археологии В. и. являются славяно-визант. исследования на Балканах, в Болгарии, в Македонии и в Сербии, посл. четв. XIX в., до этого сведения о памятниках попадали в записки путешественников, таких как В. И. Григорович, в 1844–1845 гг. посетивший Мелник, Пловдив и Тырново, и архим. Антонин (Капустин), побывавший в Охриде, Прилепе и др. городах Македонии. Рус. наука стала играть существенную роль в изучении визант. археологии на Балканах Турцией 1877–1878 гг.: собирание и фиксация ранневизант. памятников Софии (древняя Сердика) П. В. Алабиным (фрески Боянской церкви; ц. во имя Сорока мучеников в Велико-Тырнове); проведение первых раскопок (Софийский собор); планировалось создание в Болгарии археологического ин-та; РАИК стремился включить Болгарию в круг своих работ. В 1896 г. Ф. И. Успенский начал раскопки на городище Абоба (*Плиска;* основные работы: РАИК, 1899–1900), одной из столиц Болгарии, эти работы вскоре повлекли необходимость раскопок в Преславе. В 1898 г. Успенский и М. П. Милюков изучили эпиграфику и церковные памятники Македонии на оз. Преспа (пещерные храмы юж. берега, о-в Мали-Град, руины «Великой церкви» на о-ве Айос-Ахилиос), и обследовали надгробную плиту 993 г. с кириллическим граффито, сообщающим о семье царя Самуила. После 2-й экспедиции в Македонию (1900) Кондаков сформулировал задачи изучения древностей Балкан как особой ветви археологии В. и. (*Кондаков Н. П.* Македония: Археол. путешествие. СПб., 1909).

Политическая обстановка 10-х гг. XX в. не благоприятствовала развитию славяно-визант. археологии, да и общество южнослав. земель не было еще готово к изучению национальных древностей. Небольшое число специалистов (Б. Филов), работая в рамках Археологического музея в Софии и провинциальных музеев (Варна и др.), положили начало серийным изданиям и приступили к раскопкам памятников визант. эпохи. 1-й том начатой в 1913 г. серии монографий «Материалы по истории Софии» посвящен раскопкам Софийского собора, давшим богатый материал (в т. ч. раннехрист. кладбище с расписными склепами) для истории раннего христианства в Сердике — городе, где проходил Собор 342–343 гг. В том же году был основан археолого-этнографический журнал «Старинар» (Белград), существующий до наст. времени.

После первой мировой войны влияние на развитие изучения археологии В. и. в южнослав. странах оказали эмигранты из России, в т. ч. Кондаков и Грабар, опубликовавший одну из первых книг по истории болгаро-визант. искусства VI–XVII вв., а также статью о «двухэтажных церквах-гробницах» в Бачковском мон-ре (см. *Петрицонский монастырь*), храме *Асеновской* крепости и *Боянской* церкви, положившую начало длительной дискуссии, в к-рой приняли участие Брунов, Э. Бакалова, Б. Пенкова и др. С 20-х гг. XX в. в Болгарии одно за др. следуют открытия визант. храмов IV–VI вв. (Красная церковь в Перуштице (1921); Беловская базилика (1924) и др.; Круглая (Золотая) ц. в Преславе эпохи царя Симеона); новые материалы дают работы в Несебыре (XIII–XV вв.), в столицах Болгарии (Тырново, Плиска, Преспа) и приморских городах (Варна, Созополь).

Ранневизант. памятники особенно хорошо изучены в Болгарии. В послевоенный период здесь активно работали международные экспедиции, к-рыми к кон. XX в. были полностью раскопаны позднерим. Никополь-на-Истре; большой епископский «город» на месте одного из рим. военных лагерей лимеса в Нове (Новах) на Дунае (работы вел ун-т Познани, Польша); руины ц. св. Ахиллия в столице царя Самуила на оз. Микра-Преспа с уникальным комплексом погребений в каменных саркофагах (ун-т Фессалоники, 1966–1970). Этим работам посвящены международные симпозиумы (Велико-Тырново, 2000; см.: Roman City, 2002). К наст. времени в Болгарии открыто ок. 200 ранневизант. храмов.

Исследования археологии В. и. на Балканах охватывают не только церковные древности, но и крепостную архитектуру, гос. и светскую культуру южнослав. народов в эпохи визант. доминирования (исследования крепостей М. Поповичем) и описывают их культуру как достаточно самостоятельную и тесно связанную не только с Византией, но также с Зап. Европой. В Болгарии применялась фортификация визант. типа.

Аналогичные процессы и публикация каталогов ранневизант. памятников идут и в др. молодых южнослав. гос-вах, напр. подготовленное Б. Алексовой издание по Македонии. В период существования единой Югославии здесь сложилась собственная школа визант. археологии, представленная Чурчичем, Д. Попович, С. Попович, М. Поповичем и мн. др.

IV. Изучение в Греции. Долгое время решающим фактором в развитии визант. археологии в Греции было археологическое открытие храмов кон. IV — нач. V в., начатое в сер. 20-х гг. XX в. Если к 1929 г. в сводках раннехрист. базилик в Греции насчитывалось до 40, то в 40-х гг. эта цифра выросла вдвое, к сер. 50-х гг. их число дошло до 100, а в наст. время в научный оборот введено ок. 300 раннехрист. памятников Греции (Г. Сотириу, П. Лемерль, А. Орландос; см.: *Soteriou G. A.* Die Altchristlichen Basiliken Griechenlands // Atti del IV Congr. Intern. d'archeol. cristiana. R., 1940. Vol. 1. P. 355–380; *Lemerle P.* A propos des basiliques paléochrétiennes de Grèce // BCHell. 1947. T. 70; *Orlandos A.* Les monuments paléochrétiens découverts ou étudiés en Grèce de 1938 à 1954 // Actes du 5-e Congr. Intern. d'archéol. chrétienne. Vat.; P., 1957).

Базилики ранневизант. эпохи были построены по всей стране, имели чрезвычайно богатый декор и очень большие размеры, не уступавшие храмам античности (длина базилики в Лехее (Коринф) более 100 м, в Никополе (Эпир) 60 м (все 5 нефов устилала мозаика). Мозаика и резьба по мрамору украшали базилику D, самую большую в Неа-Анхиалос (Фессалия). Было определено, что в Греции и Македонии (епископский собор рубежа IV–V вв. в Стоби) сложился особый стиль церковной архитектуры, ориентированной на Сирию и зап. провинции, проводником к-рого выступала Фессалоника.

В 50-х гг. XX в. начались работы на Агоре Афин; выяснилось, что ее развитие не было остановлено нашествием герулов 267 г. и пережило в христ. эпоху новый расцвет: храм Гефеста превратили в церковь в V в.; были перестроены в церкви Парфенон и Эрехтейон на Акрополе, так же датируются и первые надписи христ. содержания; христ. период Агоры продолжался до аваро-слав. нашествия 580 г.

В Филиппах раскопки раскрыли процесс христианизации городской жизни. В новой части форума был построен связанный с ним парадной лестницей храм с баптистерием и атриумом, к к-рому постепенно сместились общественные центры. Яркую картину расцвета и гибели ранневизант. цивилизации дает Царичин-Град под г. Ниш (исследован АН Сербии в 1937–1947). Город, построенный имп. Юстинианом на его родине, просуществовал 75 лет (ок. 550–625), в нем были возведены не менее 4 церквей, епископская резиденция, колоннада главной улицы, акведук. Почти все базилики Греции погибли в огне пожаров; беглецы укрылись на островах архипелага, население к-рого было крещено до нач. V в., (храмы на Кипре, Лесбосе, Косе, Делосе и Крите).

Средне- и поздневизант. периоды меньше привлекали внимание археологов, но в посл. десятилетия древностями средневековья занимаются все чаще. Появляются сборники, специально посвященные археологии поздней (средневек.) Греции (напр., Archaeology of Greece. 1996) и отдельно XIII в., или периоду лат. королевств в К-поле, на материке и островах, или охватывающие конкретные зоны поздневизант. культуры, такие как ключевой для контактов слав. и визант. миров г. Фессалоника, монастырские комплексы Афона, *Метеорских мон-рей* и др. Увеличивается количество работ по отдельным типам артефактов средневизант. периода: амвонам, капителям, саркофагам и т. д. После сводов О. Фельда по средневизант. саркофагам и Грабара по скульптуре в целом, вышедших в 70-х гг., появились каталог Ф. Пазараса средне- и поздневизант. надгробий и саркофагов с резьбой (1988), работы М. Деннерта (1995) и Й. Отюкен (1996) по амвонам и фрагментам резьбы на территории М. Азии; серия статей Э. Ивисона, к-рый ведет большую работу по собиранию надгробий XIII–XV вв. в Вост. Средиземноморье.

Византийская археология и проблемы византиноведения. I. Основные данные по визант. археологии получены за счет сплошного обследования местностей (археологическая разведка), и лишь отчасти их составляют (напр., в Нихории: Excavations at Nichoria in Southwest Greece / Ed. G. Rapp e. a. Minneapolis, 1978–1992. Vol. 1–3) результаты раскопок, к-рыми трудно охватить большую площадь. Эти обследования имеют длительную традицию, их проводили путешественники на Восток с XVIII в., и, хотя в основном фиксировались классические памятники, была собрана информация и по археологии В. и. К нач. XX в. изучение исторической географии и провинциальной топографии Византии сложилось в специальную дисциплину, в развитие к-рой внесли вклад У. М. *Рамсей*, Й. *Стржиговский*, У. М. *Кальдер*, А. *Грегуар* и др. ученые. Важными вехами в ее развитии стало создание в 70-х гг. Международной ассоциации по изучению Византии (Association Internationale des Etudes byzantines) (см.: Association Internationale des Etudes byzantines // Bull. d'information et de coordination. Athènes, 1976. Vol. 8/9: (1977/1978). P. 27–37), начало выпусков Tabula Imperii Byzantini и выход ряда монографий, связанных с изучением исторической географии и отдельных церковных памятников (см.: *Robert L.* Villes d'Asie Mineure: Études de géographie ancien. P., 1962[2]; *Harrison R. M.* Churches and Chapels of Central Lycia // AnatSt. 1963. Vol. 13. P. 117–151; *Ahrweiler H.* L'Histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. P. 1–204; *Foss C.* Byzantine. Cities of Western Asia Minor. Camb., 1972; *idem.* Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // AJA. 1977. Vol. 81. P. 469–486. Развитие направления: *Bryer A., Wintfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos: In 2 vol. Wash., 1985. По методам: Byzanz als Raum: Zu Methoden und Inhalten der hist. Geographie des östlichen Mittelmeerraumes / Hrsg. K. Belke e. a. W., 1989).

Методы археологического обследования территорий позволяют выявить и отождествить города и небольшие объекты, дают сведения об их размере и форме, могут с высокой степенью надежности подтвердить отсутствие поселений в тот или иной период. Кроме того, определяются важные для истории провинции элементы: структура епископальных центров, система обороны границ, развитие хоры города и сети мелких сельских поселений (см., напр.: Byzantine and Early Near East / Ed. G. R. D. King, A. Cameron. Oxbow, 1994. Vol. 2: Land Use and Settlement Patterns). Так, долгий спор о гибели или выживании городских общин в ранневизант. период был решен на основе раскопок в Сардах, Афинах, Коринфе и др., мат-лы к-рых К. Фосс дополнил разведками на большой территории.

До 80-х гг. при разведочных работах материал визант. и исламской эпох фиксировали как «средневековый», без разделения, поэтому большим шагом вперед стали работы именно о визант. находках (проект Т. Грегори «Историческая география Византии» Центра исследований Византии в Афинах, 1980: обследования района порта Коринфа, Кехрие, к югу от пролива). Масштабные работы экспедиции ун-та шт. Огайо в Беотии (1979–1982) открыли на прибрежных островах и в бассейне р. Тисви, в обширном и богатом земледельческом районе, памятники всех визант. периодов, включая т. н. темные века (VI – нач. VII в.). Интересная работа ведется по изучению пограничных визант. крепостей в М. Азии (напр.: *Redford S.* Archaeology of the Frontier in the Medieval Near East: Excavation at Gritille, Turkey. Phil., 1998).

II. Научным полигоном для изучения археологии В. и. раннего периода в посл. трети XX в. стал Сиро-Палестинский регион, чему способствовал расцвет Палестины; было в IV–VII вв. и огромное количество доступных для изучения памятников, сохранившихся после гибели визант. Палестины, а также усиление внимания мирового сообщества к библейским и христ. древностям с возникновением гос-ва Израиль. (См. библиографию в работах: *Patrich J.* Church, State and the Transformation of Palestin – the Byzantine Period (324–640 CE) // Archaeology of Society in the Holy Land / Ed.

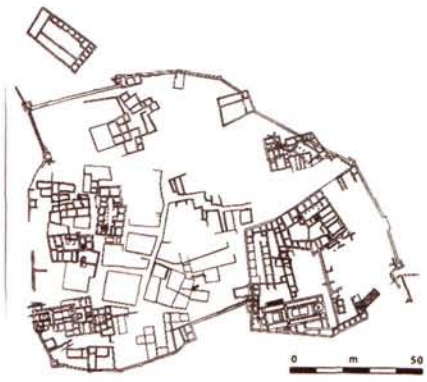
Th. E. Levy. L., 1995; *Dauphin C.* La Palestine byzantine: peuplements et populations. Oxf., 1998. Vol. 1–3. (BAR; 726); *Parker S. T.* The Byzantine Period: an Empire's New Holy Land // Near Eastern Archaeology. 1999. Vol. 62. N 3. P. 134–182.)

Визант. археология резко изменила представления о ранневизант. периоде в Палестине: ее территория оказалась тесно населенной и интенсивно эксплуатируемой; было доказано мощное передвижение населения на непригодные для оседлой жизни окраины и в пустыни, основу населения составляли земледельцы, скотоводы и отчасти монахи (численность колеблется от 1,5 до 4 млн). В расцвете экономики Палестины выдающуюся роль играли победа христианства и приток средств на благоустройство страны, строительство церквей, мон-рей, развитие своеобразной индустрии для паломников, предоставление убежища потоку беглецов из зап. части империи. Использовать эти факторы удалось благодаря наличию развитого аграрного производства, расцвету производств (стеклоделие), добыче меди в Вади-эль-Араба, участию в транзитной торговле специями и благовониями. Археология В. и. доказала также, что христианство в Сиро-Палестинском регионе распространилось не сразу, к концу визант. периода христиане составили большинство везде, кроме традиц. районов расселения иудеев и самарян, Галилеи, Самарии, Голан. Визант. археология показала, что на Ближ. Востоке быстро отказались от лат. языка: его еще использовали как официальный (милевые камни, надписи на зданиях) в IV в., но к концу столетия даже в офиц. переписке заменили греческим, наряду с к-рым использовали и семит. языки (иврит, арам., араб.).

Скифополь (совр. Бет-Шеан). Остатки базилики ранневизант. периода

Важнейшая особенность археологии В. и. Сиро-Палестинского региона — программы сплошных обследований территорий Израиля (Archaeological Survey of Israel, квадраты 10×10 км) и Иордании (Jordan Antiquities Database and Information System: интернет-сайт). Благодаря им число памятников визант. периода многократно выросло: только на плато между Мёртвым м. и вост. пустыней Иордании открыто более чем 2 тыс. точек, из к-рых поселения визант. периода составляют до 87% (в Хисбане). Непригодные для жизни земли пустыни Негев оказались зоной процветающего земледелия, были плотно заселены. Мн. поселки имели систему искусственного орошения, террасы и гумна, причем развивались в плотном контакте с группами кочевавших в окрестностях скотоводов. Развитая земледельческая инфраструктура с крупными поселениями (Элуса, Нессана, Обода, Собата, Мампсис, Реховот) заходила далеко на юг (до 100 км от Газы). Послойные раскопки и стратиграфические разрезы охватили малые города, деревни, мон-ри, форты и даже стоянки кочевников. Изученные поселения Иордании и Юж. Сирии (Эд-Дията, Хирбет-эд-Дарих, Хумайма) показали отсутствие регулярной планировки: пространство поселка обычно обведено стеной (Умм-эль-Джималь, Хирбет-эс-Самра, Умм-эр-Расас), а внутри имеется маленькая цитадель. Остальное пространство занято домами с внутренним двором; общественных зданий, кроме церквей, нет. Та же картина в Сев. Негеве (открыто более 10 поселков). В Иордании раскопано мн. отдельных военных поселений на границе с пустыней (гл. обр. III–IV вв.).

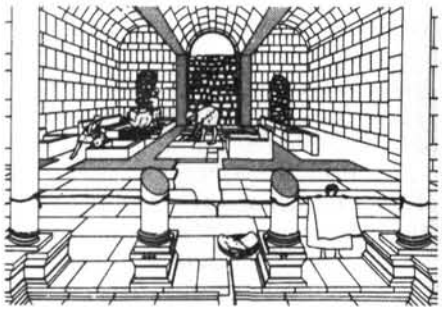
Мампсис (пустыня Негев). План визант. поселения. V–VII вв.

Более широкие работы в наст. время идут в таких городах как *Кесария Палестинская*, Скифополь (совр. Бет-Шеан), *Сепфорис*, достигших в визант. эпоху нового уровня процветания. В Кесарии в IV–V вв. попрежнему работал огромный античный порт, в город был проведен 2-й акведук, при имп. Анастасии I (500-е гг.) были выстроены более обширные стены, охватившие ипподром и театр, а на платформе снесенного языческого храма построена церковь октагональная с планом. Примерно вдвое вырос в визант. эпоху Скифополь, полностью перестроенный, получивший колоннадную улицу (длина 180, ширина 7,5 м; мощение улиц продолжалось до 522), неск. церквей и мон-рь Богородицы (567), а также синагогу (город не был конфессионально однородным). В Сепфорисе в Галилее христиане даже в визант. эпоху составляли меньшинство, их появление фиксируется после землетрясения 363 г. в зап. части города (остраконы с христ. текстами и символами).

Много открытий делается и в городах Иордании, в т. ч. в Десятиградии: Гадаре, *Авиле*, Пелле, Герасе и Филадельфии, а также в др. важных точках (*Петра*, Эсба, Мадаб, *Элат*). Пелла (восточнее Иордана) уже в кон. IV в. имела епископа и достигла расцвета в VI в.; здесь открыты 3 богатые церкви, перестраивавшиеся с нач. V по нач. VII в. Гераса (юго-восточнее Пеллы) также пережила расцвет в IV в., на что указывают нумизматика и строительство в кон. V–VI в. более 10 церквей (в т. ч. одной — в 530–531 на месте синагоги). Рим. общественные здания использовались не по назначению: на ипподроме появились гончарные мастерские, на форуме — красильни и печи для выжига извести.

Экономика В. и. была монетарной и высокотоварной, поэтому благополучие городов обеспечивало участие в международной торговле и связи с сельскохозяйственной округой. Монеты в визант. Палестине

представляют массовый материал. В посл. время много внимания уделяется периоду ранневизант. чеканки. Денежная система IV–VI вв. держалась на золотом солиде, введенном имп. Константином I Великим, и массе мелких бронзовых номиналов, поскольку серебро постоянно падало в цене. Собственно визант. нумизматика начинается с введения в 498 г. имп. Анастасием I (491–518) бронзовой монеты — фоллиса. Монеты оставались важным средством пропаганды; надписи на них до VII в. исключительно лат., но оформление отличается от римских: портрет императора в профиль сменило непортретное изображение почти в анфас; большинство языческих символов (кроме персонификаций: Победа, Рим, К-поль) заменили знак Креста (с сер. V в.) и образ Иисуса Христа (впервые на монетах имп. Юстиниана II).

Ранневизант. производство крашеных тканей, устроенное в здании общественного рынка в Герасе. Реконструкция

С сер. VI в. отмечается упадок хозяйства, что заметно в центрах (Кесария) и на периферии, вдоль границ пустыни к востоку от Мёртвого м. Причины упадка видят в перенаселенности и истощении почв и лишь отчасти во внешних факторах. Все же состояние экономики оставалось устойчивым, что позволяло строить церкви и синагоги. Внутреннее состояние страны в визант. период выглядит мирным, и визант. археология не подтверждает рассказы источников о бурных социальных конфликтах — все форты и крепости, включая легионы, сосредоточены на границе с пустыней Негев на юге и к востоку от Виа Нова Траяна в Иордании; на севере и в прибрежных городах присутствие войск слабо обозначено.

В 1993 г. в Петре при раскопках церкви, в комнате при апсиде были найдены десятки свитков папирусов. Разборка этих свитков, переживших пожар, еще не закончена (ведется в Аммане АКОР, ун-тами Хельсинки и Мичигана). Почти все документы относятся к VI в. и написаны по-гречески и представляют собой семейный архив горожанина Феодора: контракты на покупки, дарственные и росписи приданого. В документах упоминается сельская округа Петры и соседние городки, воины, духовенство и владельцы многих малых усадеб, на к-рых работали арендаторы и рабы. Петра, как следует из ее архива, предстает не «караванным» городом (не упоминается торговля), а аграрным центром вплоть до кон. VI в. Яркую картину жизни маленького городка Нессана в пустыне Негев рисует др. группа папирусов (ок. 200), датированных 512–689 гг. и содержащих рецепты, торговые расписки, финансовые, брачные и бракоразводные контракты, завещания, сельскохозяйственные записи, дела местных гарнизонов.

Греч. охранительная и посвятительная надписи в церковных постройках Бет-Лойи

Археология В. и. внесла огромный вклад в реконструкцию процесса христианизации Вост. Средиземноморья на основе эпиграфики. Так, на плато восточнее Мёртвого м. отмечено ок. 20 некрополей с надгробиями, несущими греч. надписи; 135 из них с точными датами. До 475 г. христ. надписей — всего 4,4%, в посл. четв. V в. их число быстро увеличивается, и во 2-й пол. VI — 1-й четв. VII в. их становится больше, чем языческих. В крупнейшем городе плато Эль-Караке подавляющее большинство христ. надписей были сделаны не ранее VI в., древнейшая — в 449/50 г.; в Ареополе этих надписей нет вообще (епископ появился в Эль-Караке только в 536, в Ареополе — в 449). К югу от Эль-Карака найдено 48 датированных надписей, но первая христ. 505 г. Сходную картину дали Голаны. Сведения, почерпнутые из археологических раскопок, доказывают то, что христиане, язычники и иудеи жили вместе в районах, традиционно считавшихся исключительно иудейскими. Из надписей на общественных зданиях можно сделать заключение о большом количестве религ. зданий в городе: церквей, мон-рей, синагог иудеев и самарян. Но христ. объектов явно больше. По-своему рисуют жизнь христиан в Сиро-Палестинском регионе папирусы: в найденной в Нессане в 30-х гг. XX в. сумке с папирусами (512–689) были обнаружены списки Евангелия от Иоанна, Деяний св. Георгия, апокрифической переписки царя Авгаря, «Энеиды» Вергилия и греч. словаря к ней.

Археология ранневизант. периода фиксирует развитие старых рим. архитектурных традиций, хотя и с нововведениями. Благодаря строительным надписям можно составить представление о периодах строительной активности: один приходится на правление императоров Анастасия I (491–518) и Юстиниана I (527–565), второй — Маврикия (582–602) и Фоки (602–610). Много надписей (особенно о строительстве церквей) относится к персид. периоду после 610 г., до сер. VII в. Строительство осуществляли как гос-во, привлекая армию, так и Церковь, муниципальные власти и частные лица. Надписи сообщают о возведении бань, водопроводов, библиотек, базилик, крепостей, постоялых дворов (с VI в. для паломников).

Наличие базальта и известняка позволило быстро усвоить рим. буто-бетонную технику с применением кладок из тесаного камня и (или) кирпича (в т. ч. сырца), оформление стен и полов мозаикой, покрытие черепицей по деревянным балкам или каменной плитой по сводам. Активно использовались сполии и привозной мрамор, а также красный порфир из Египта. Рим. влияние особенно заметно в технике строительства, требовавшей использования криволинейных элементов (своды, купола, апсиды, арки). Важнейшим вопросом остается механизм сохранения этих традиций при переходе к новому типу

построек — храмам, к древнейшим из к-рых относят следы построек нач. IV в. в Гадаре, *Капернауме* и Элате на Красном м. (см. ст. *Дура-Европос*), а также храмам, построен-

Капернаум. Общий вид раскопок религ. сооружений ранневизант. периода: синагога и паломнический комплекс на месте «дома ап. Петра»

ным имп. Константином и его матерью Еленой: *Гроба Господня*, Елеона на Масличной горе, Рождества Христова в Вифлееме, церковь в *Мамре* (все после 325). Строительный бум, начавшийся в IV в., привел к повсеместному появлению храмов во всем регионе, он продолжился при имп. Юстиниане I (527–565), когда мн. храмы подверглись перестройке (Неа-Эклесиа в Ст. городе Иерусалима), и распространился даже на мелкие поселения, к-рые часто имели более одной церкви (только в небольшом Умм-эль-Джимале, Сев. Иордания, их ок. 15).

Для ранневизант. периода характерно медленное изживание остатков язычества и сосуществование христианства с иными религиями, прежде всего с иудаизмом, чему археология Палестины дает нагляд-

ный пример. Абсолютное большинство изученных синагог (более 100) датируются кон. III–VIII в., и, хотя они сосредоточены западнее р. Иордан (особенно в Галилее — центре иудаизма в визант. период), их постройки есть на Голанах и в городах вне этих зон (Гераса). Архитектура и мозаичные полы синагог отражают влияние христ. искусства (см. ст. *Бет-Альфа*), а расположение церквей и синагог буквально бок о бок (в Капернауме между ними всего 30 м) — особенность, отражающая мирное сосуществование иудеев, христиан, самарян и язычников.

Изучение крепостной архитектуры показывает, что рим. система была изменена: старые стены городов перестраивали или возводили новые в более дешевой технике кладки из панцирей с буто-бетонным ядром, свойственной всей В. и. Особо укрепляли ворота и далеко выступающие башни: в Кесарии кон. IV — нач. V в. возводились прямоугольные башни; в Элате — стены (шириной 1, 6 м) с выносом ба-

Фрагмент мозаичного пола из ц. в Кисуфиме (пустыня Негев). Ок. 576 г.

шен на 4 м; городская стена Герасы получила в IV в. ок. 100 (!) выносных башен через каждые 15–20 м.

Крепости и форты визант. периода также сильно отличаются от рим.: их площадь уменьшалась по мере сокращения численности гарнизонов, однако укрепления в целом стали мощнее. Мало изучена архитектура част-

Тивериада. Мозаика пола в синагоге ранневизант. периода

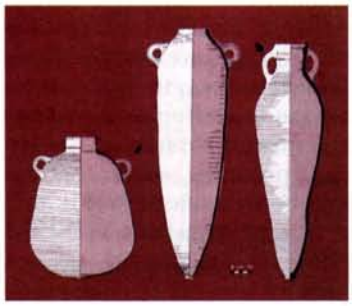
ного дома, но материал для ее истории накоплен значительный. При раскопках большими площадями в Мероне, Сепфорисе, Мампсисе, Умм-эль-Джимале, Пелле, Герасе, Петре и др. установлено, что господствующим типом оставался дом с внутренним двором, куда выходили многочисленные комнаты.

Яркое проявление ранневизант. культуры — мозаики полов, открытие к-рых в Мадабе в 1897 г. стало сенсацией (обзор итогов изучения см. в сб. «Столетие «карты из Мадабы»: The Madaba Map Centenary, 1897–1997: Travelling through the Byzantine Umayyad Period / Ed. M. Piccirillo, E. Alliata. Jerusalem, 1998, 1999). В рим. период мозаики со сценами из классической мифологии украшали жилые здания, с кон. IV в. эта техника в упрощенном виде (из 30 оттенков смальт осталось 10–12) была применена в церквах и синагогах. Церковные мозаики включали христ. символы (кресты), но в целом темы остались прежними: персонификации абстрактных понятий; времена года; сцены охоты; буколика (изображения растений, домашних и диких животных, в т. ч. экзотических и фантастических). Работы одних и тех же мозаичистов охватывают весь юг Вост. Средиземноморья: Палестину, Сирию, Кипр. Пока нет объяснения неравномерности в распределении мозаик. Западнее Иордана (в т. ч. в пустыне Негев) они встречаются постоянно, восточнее — спорадически, и время их создания более позднее; в Иордании до кон. V в. мозаик нет (хотя рим. городков там раскопано очень много), а поздние лежат, за немногими исключениями (церковь в Петре и др.), севернее Эль-Мауджиба.

В изображениях мозаик зафиксированы колоннадные улицы, отдельные здания, храмы, мон-ри и т. д. Они содержат посвятительные надписи (обычно по-гречески), в к-рых выявлена тесная связь клира с общиной, названы имена ктиторов, членов их семей, стоящих за ними социальных групп, даны краткие (обычно только имена) сведения о мозаичистах; указаны мотивы пожертвований (поминание мерт-

вых, исполнение обета и т. д.). Иконография мозаик синагог Палестины отлична от принятой в диаспоре: в Апамее (Сирия) и Сардах IV в. преобладает геометрический стиль, в Палестине (Бет-Альфа, Сепфорис, Тивериада) — сцены с персонажами (в т. ч. из ВЗ), изображение ритуальных предметов (ниша Торы, менора и т. д.) и сюжеты из классического репертуара (времена года; знаки Зодиака; Гелиос или его колесница).

В посл. десятилетия XX в. продвинулось изучение ранневизант. керамики, построены строго датированные колонки стратиграфии на памятниках вдоль границы провинции *Аравия* (Телль-Хисбан, Пелла, Капернаум, Кесария, Хирбет-Шема, Кейсан, Мерон, Арак-эль-Эмир и др.), Иерусалима; составлена биб-

Типы амфор, производившихся в Палестине в ранневизант. период

лиография (*Herr L.* Published Pottery of Palestine. Atlanta, 1996). К VI в. в районе Иерусалима сложились местные центры производства хорошо обожженной керамики (т. н. столовой византийской); в Иордании были распространены расписные блюда с изображениями людей, животных, растений и крестов, к-рые делали в VI–VII вв. в Герасе. Амфоры, являющиеся маркерами товарного обмена, делали в Газе и Ашкелоне, откуда они достигали Египта, Сев. Африки, Балкан и Зап. Европы. Др. тип амфор связан с торговлей на Красном м. и обнаружен в его портах (Элат, Аксум, Береника), в Йемене, Эритрее и в Эфиопии.

Не менее важно изучение производства стекла в Сиро-Палестинском регионе, к-рый снабжал им все древнее Средиземноморье. Химические и морфологические анализы выполнены для сосудов из Герасы. Стеклоделательный комплекс кон. IV в. раскопан под Хайфой (работы Миссурийского ун-та с 1964). Для Палестины характерны также чаши и лампы из стеатита (возможно, связанные с ритуальной практикой иудаизма).

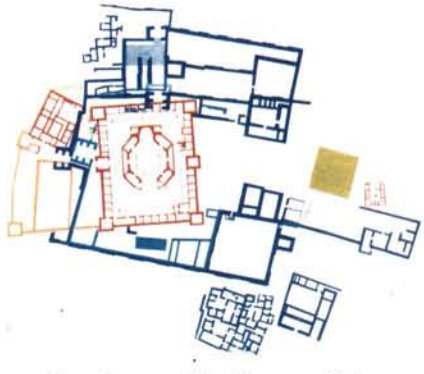
Византийская археология и проблемы трансформации византийского города. В посл. годы все большее значение придается археологическому изучению визант. города и динамики его развития: планированию при строительстве городов, развитию городских кварталов; роли стациональной литургии (и сакральной топографии) в структурировании городской сети. История формирования христ. города и его взаимоотношений с античной подосновой с т. зр. визант. археологии существенно отличается от складывающейся на основе письменных источников. Эта тема, развитая еще *Р. Краутхаймером* в кн. «Три христ. столицы» (М.; СПб., 2000), усиленно развивается совр. европ. авторами (В. Брандес, Б. Бренк, Дж. Броджоло, Х. Северин, Ж. М. Спизер, Уорд-Перкинс).

В эпоху расцвета Римской империи ее города имели единый тип инфраструктуры и общественной архитектуры. Трансформацию античного города в период перехода к христианству археология В. и. видит в сокращении площади и (или) смене ядра старого поселения, часто при смене укреплений; распаде территории города внутри его стен на общины; уходе со старого идеологического центра и отказе от системы общественных зданий рим. эпохи с ее зоной общения (форум), центром самоуправления и языческими храмами; вторичном использовании общественных зданий как центров власти (дворцов) или мест публичных церемоний (цирки в Милане и К-поле); росте религ. (особенно епископских) комплексов в IV–V вв., чья топография зависит от практических нужд и возможностей Церкви; перенесении кладбищ в границы города; в резких изменениях в строительной технике (усвоение простейших технологий, переход к массовому вторичному использованию материалов и зданий).

Изменение прежней модели города и строительных технологий в сторону их упрощения отражает не только разрушение структуры общества и экономический упадок, но и формирование на этом фоне иного религ. контекста, новых военных задач и политической организации. Необходимо отметить быстрый рост новой столицы (К-поль), экономически и социокультурно построенной по модели имп. двора, однако из др. городов урбанистический характер развития сохраняли лишь единичные, в основном приморские, центры (Фессалоника, Эфес, Никея, Трапезунд, Херсонес).

В последнее время особое внимание вызывает изучение процесса обращения языческих храмов в христ. Данные визант. археологии не поддержали представлений о разрушении или сожжении христианами языческих храмов сразу после запрета язычества, так же как о немедленном освящении их в качестве церквей. Они рисуют картину временного запустения и обветшания священных участков (теменосов) и лишь позже полную перестройку нек-рых из них в христ. сооружения (примеры святилищ, оставшихся заброшенными, найдены в Газе, Агригенте, Пестуме). Перестройка языческих храмов в христ. приходится на V–VII вв., когда творимая ex novo визант. архитектура уже вполне оформилась.

Изучено ок. 300 случаев использования мест языческих культов для сооружения христ. церквей, среди к-рых включение в состав церкви остатков целлы и значительной части древней постройки (83 случая); возведение христ. церкви на месте разобранного языческого храма; сооружение церкви в пределах теменоса или в его окрестностях, но вне языческого храма; размещение церкви на языческом некрополе или в

Гора Гаризим (Джабаль-эт-Тур). План самарянского святилища с визант. церковными постройками (по материалам раскопок)

старом общественном центре; размещение ее в частном доме или над его остатками (общий обзор и библиография — *Milojevic M.* Retrofit Ecclesia: a Non-Conforming Building

Type // ByzF. 1997. Bd. 24. S. 324–366; см. также: *Castren P.* Paganism and Christianity in Athens and Vicinity during the 4th to 6th Cent. A. D. // Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Modern Ages / Ed G. P. Brogiolo, B. Ward-Perkins. Leiden, 1999. P. 211–224; *Ward-Perkins B.* Re-using the Architectural Legacy of the Past: entre Idéologie et Pragmatisme // Ibid. P. 225–244).

Особое значение для изучения трансформации ранневизант. города в средневековый имеют результаты работ на периферии Византии — в Причерноморье, в М. Азии, на Ближ. Востоке. Важные сведения получены в ходе сплошного обследования кварталов крымского Херсонеса, целенаправленно изучаемого уже более 50 лет, работ в малоазийских *Амории* и Приене, раскопок в Герасе, начатых еще в 20-х гг. XX в.

Особую роль в церковной и придворной культуре В. и. играл К-поль. Развитие археологии В. и. во мн. зависит от его изучения: из 500 храмов и мон-рей здесь сохранилось менее 10%, причем утрачен и ряд основных сооружений. Из-за этого, несмотря на многолетние раскопки, ранний К-поль известен хуже, чем древние Рим или Афины. Столица Византии во многом остается неизвестным городом: его детали археологически изучены, но связь между ними устанавливается с трудом. Натурное изучение К-поля за последние десятилетия в сравнении с др. районами В. и. продвигается медленнее, открытия здесь малочисленны и случайны (среди исключений — новые раскопки субструкций Большого дворца). Нек-рые эпохи (лат. правление; время Палеологов) изучают гл. обр. по письменным источникам. Несмотря на активную реставрацию в городе и проводимые там в посл. время конференции по истории Византии (X Конгресс византинистов в Стамбуле, семинар «Византийский Константинополь»), все еще нет археологического ин-та, специально изучающего визант. период, аналогичного дореволюционному РАИК или Американской школе в Афинах, не сложилась школа урбанистической археологии.

Только в кон. 90-х гг. был поставлен вопрос о комплексном изучении К-поля (симпозиум в ин-те Дамбартон-Окс, 1998 г.; публикация: Constantinople: The Fabric of the City // DOP. 2000. Vol. 54), включающем изучение места античного наследия в эволюции города, структурную перестройку в средневековье, влияние визант. инфраструктуры на развитие тур. Стамбула. Новый подход, отличный от «топографического» метода (восходит к Жилле и Дюканжу, представлен в работах В. Мюллер-Винера и А. Бергера), предполагает не только сравнение результатов натурных исследований ключевых сооружений с текстами, но и их связь с историей частей города, сохранившихся в исламизированном виде (сады Магнаны в комплексе дворца Топкапы; термы, превращенные в хаммам (тур. баня), и т. д.).

В последние годы «белые пятна» в изучении города (окружение сохранившихся памятников, монастырское и дворцовое строительство) пытаются заполнить. Семинар Французского ин-та исследований Анатолии и работы в ун-те Стамбула под рук. Нервы Неджипоглу (Визант. К-поль: памятники, топография и повседневная жизнь, 1999; опубл.: Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life / Ed. N. Necipoglu. Leiden; Boston; Köln, 2001) затронули вопросы археологии укреплений города, восстановления его древней береговой линии, особенности использования ландшафта в градостроительстве, представили новые открытия (в мон-ре Пантократора, ц. Христа Акаталепта (Календерхане-джами) и др.) и проблемы их интерпретации. Более серьезное внимание привлекают остатки Большого дворца и Вуколеона (их территория очерчена строже, чем ранее, наметились точные локализации нек-рых элементов, напр. Хрисотриклина). Церковное строительство рассматривается теперь в общегородском контексте, с использованием топографических реконструкций, контекстуального подхода к формам городской архитектуры и технологических исследований (работы Оустерхаута: Building Medieval Constantinople // Proc. of the PRM Conf. (1994–1996). Villanova, 1996. Vol. 19/20. P. 35–67; Contextualizing the Later Churches of Constantinople: Suggested Methodologies and a Few Examples // DOP. 2000. Vol. 54. P. 241–251 и др.).

Роль визант. археологии в изучении переходного периода («темных веков»). Менее всего известна археология В. и. эпохи краха визант. владычества на Ближ. Востоке и Великого переселения народов в Европе. Независимая от письменных источников археологическая версия истории периода VI–VII вв. еще не сформирована, работа по выделению объектов только начата, к 90-м гг. XX в. не выработано даже керамической хронологии; материалы с кон. VI по IX в. по-прежнему трудно дифференцировать. Стремясь подтвердить традиц. источники, археологию В. и. уже с 50-х гг. XX в. привлекали (А. П. *Каждан*, Фосс) к восстановлению картины социально-экономического развития Вост. Средиземноморья в «темные века» (см., напр.: *Каждан А. П.* Визант. города в VII–IX вв. // Сов. Арх. 1954. Т. 21. С. 164–188). Материалы подтверждают продолжающийся до кон. VI в. расцвет позднеантичной экономики и культуры; затем их упадок под ударами вторжений; последующее медленное восстановление и новый расцвет, не достигший античного уровня, в средневизант. период (напр., экономика Арголиды, согласно исследованиям Сьюзен Алкок и др., сделала резкий скачок в V–VI вв., но в VII–VIII вв. количество новых поселений резко уменьшилось, и со 2-й пол. VII в. их возникновение прекратилось (последние монеты относятся к правлению имп. Фоки)). Контраст между богатством мат-лов поздней античности и пустотой «темных веков» традиционно объясняют, следуя визант. историкам, как внезапный экономический и гос. кризис, осложненный вторжениями варваров в кон. VI–VII в. и араб. нашествием 30–40-х гг. VII в. Археология В. и. позволяет лучше понять внутренние причины этого процесса и по-новому интерпретировать социально-экономический механизм упадка. Это стало возможным благодаря осознанию значимости археологии В. и. для «темных веков» и постепенному накоплению материалов этого периода к кон. XX в. (Т. Грегори). Прежде всего в V–VII вв. резко увеличилось число известных в Вост. Средиземноморье поселений. Выяснилось, что расцвет ранневизант. эпохи не уходит корнями глубоко в прошлое: основная часть поселений возникла не в эпоху расцвета античности, а самое раннее на исходе рим. периода (по количеству точно датированных поселений в Беотии и Арголиде в это время уступает только

классической эпохе; на Мелосе (ныне Милос), согласно Дж. Сандерсу, они стоят на 1-м месте). Кроме того, ни на Ближ. Востоке, ни на Балканах археологическая картина гибели ранневизант. мира не выглядит внезапной и связанной только с внешними вторжениями. Так, в Сирии неуклонный и медленный регресс раннехрист. общин занял весь VI в. (раскопки Анемуриона) или 2-ю пол. VI в., а наступление ислама предстает лишь одним из факторов, повлекших окончательную гибель.

Т. о., гипотеза упадка городской жизни как внутренний фактор кризиса ранневизант. общества, выдвинутая Кажданом еще в 50-х гг. XX в., была подтверждена объективными данными археологии, свидетельствующими о возможной смене цивилизационной модели. Место господствовавшей в античном обществе структуры расселения (города с окружающими усадьбами) в VI–VII вв. заняла малоструктурированная масса сельских поселков. Большинство их переживало упадок, но размеры частных владений при этом возросли. Разведки в Греции представляют экономику, основанную на равномерном сельскохозяйственном освоении всей территории поселениями (в т. ч. ранее пустовавших участков); до VI в. заметен расцвет сельской жизни и рекультивации старых или экспансии на новые земли; заселяют как лучшие земли побережья, так и труднодоступные (горные) или непригодные для жизни районы.

В большинстве эти поселения возникли в эпоху относительно спокойную, между вторжением Алариха и приходом славян (396–585), следов., стоящий за переменами в экономике системный сдвиг имел внутренние причины. Судя по материалам визант. археологии, развал Римской империи, высвободив энергию местных производств и систем распределения, вызвал бум в экономике Греции, к-рую раньше подавляло производство Италии, Галлии и Сев. Африки. Население распределилось равномернее, создав огромную сеть маленьких сельскохозяйственных поселков, отчасти ориентированных на рынок. В 30-х гг. XX в. Чаленко пришел к выводу о расцвете производства оливкового масла на севере Сирии; сегодня он находит новые тому подтверждения: следы выжимки масла в промышленном масштабе (прессы, емкости для хранения больших количеств жидкостей) и массовое производство амфор (тара для транспортировки) отмечены по всей Греции, что доказывает рыночный характер производства. Много и прямых свидетельств обмена ценностями, художественную посуду из М. Азии и Сев. Африки находят даже на самых бедных поселениях внутри страны и на побережье; малые острова, часто неудобные для жизни и безводные, заселяют в связи с потребностями резко возросшей морской торговли (в пос. Дипорто на о-ве Макронисос открыто 56 зданий, в т. ч. 2 церкви, постройки в порту, 8-комнатные дома).

Т. о., археология В. и. наглядно демонстрирует уровень экономического развития с такой конкретностью, к-рая не соотносима с данными письменных источников для этого периода. Это подтверждает такая особенность культуры V–VI вв., как огромный размер и роскошь раннехрист. базилик Греции. Для храмозданий в подобном масштабе только отказ от строительства языческих святилищ и общественных центров был недостаточен, благодаря устойчиво развивавшейся экономике у Церкви и ее общин должны были сосредоточиться и пополняться огромные материальные средства.

Археологическая модель помогает объяснить и внезапность происшедшей катастрофы: основанную на специализированных производствах и торговле экономику может разрушить относительно небольшой кризис, причем первой жертвой становятся города, полностью зависящие от сельской округи. Археологически было подтверждено существование в этот период террасного земледелия и культивации бедных почв, к-рые дают быстрый прирост продукта, но требуют привлечения больших сил и вложения средств, а впосл.— удобрения, поддержания опорных стен и т. п., в противном случае последует упадок плодородия и обвал террас (геологически зафиксированы крупномасштабные эрозия почв и засоление земли в период поздней античности). В таком контексте военные вторжения в В. и. VI–VII вв. выглядят катализатором, а не причиной катастрофы, к-рая внутренне обусловлена нехваткой сил у центральной власти и местной аристократии, нужных для поддержания сложной продуктивной экономической структуры общества.

Визант. археология показала и механизм передачи позднеантичного наследия средневек. Византии. Обилие и широта разброса периферийных поселений, возникших в период расцвета, обеспечили инфраструктуру такой передачи, позволившей населению мигрировать, пережить первый удар нашествия, включиться в новый образ жизни. Археологически доказано, что основу начавшегося в IX в. возрождения Византии составили пережившие кризис грекоговорящие общины, возникшие еще в период античности. Это касается не только жителей Коринфа, Афин и др. центров, отчасти сохранивших городской характер, но и выживания множества общин в отдаленных местностях (что отразилось в топонимике). Археология фиксирует также перенос активности из больших городов в сельскую округу, вторичное использование руин общественных сооружений рим. эпохи (напр., в окрестностях Коринфа). По-видимому, именно крестьяне-землевладельцы, численность к-рых возросла, как наиболее консервативная среда сохранили до средневизант. периода присущие эллинизму формы культуры и быта.

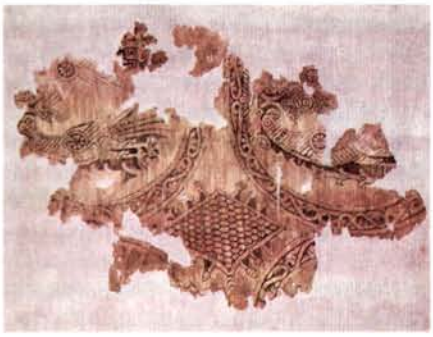
Византийская археология о торговле и производстве в Византии. Возможности визант. археологии в реконструкции системы торговли показал симпозиум 2004 г. в Оксфорде «Торговля Византии (IV–XII вв.): Недавние археологические работы» (Byzantine Trade (4th–12th c.): Recent Archaeological Work). Для ранневизант. периода систему связей восстанавливают на основе анализа перевозок на большие расстояния зерна, амфор с вином и оливковым маслом, художественной столовой посуды. Удается проследить также местные торговые операции; организацию городской торговли; производство и циркуляцию товаров из металлов, слоновой кости, шелка, стекла и керамики. Товары из Византии обнаруживаются в Британии, на Красном и Чёрном морях, даже в Китае. Набор товаров и направление торговых путей устанавливают, картографируя точки кораблекрушений и находки керамической тары (амфор: *Peacock D. P. S., Williams D. F.* Amphorae and the Roman Economy. L.; N. Y., 1986); изучаются и торговые кварталы отдельных городов (Скифополь, Александрия).

Визант. археология способна освещать вопросы распространения продуктов визант. производства с т. зр. истории культурного влияния Византии на формирование новых христ. гос-в, особенно в Вост. Европе. В числе важных примеров — культура *Великой Моравии* X–XI вв., во мн. воспринявшая художественные и технические достижения Византии, и культура Др. Руси. Памятники археологии В. и. раскрывают влияние Византии на становление культур Сев. Европы, в т.ч. Англии и Скандинавии, и ее посредническую роль в переносе на Запад элементов культуры ислама. Интерес к этим процессам отражен в программах крупных симпозиумов. Артефакты из Греции достигали побережья Швеции (Бирка) и Исландии; в Скандинавию доставлялись церковные атрибуты из Византии (крест с Деисусом найден в саркофаге датской королевы Дагмар, † 1200); монеты императоров Византии X–XI вв. служили образцом для скандинавских и древнерус. монет, а рельефные орнаменты, восходящие к греч. прототипам X в. (барабан ц. Осиос Лукас в Фокиде), легли в основу 400 вотивных стел с изображениями креста на Голгофе, собранных в Вестергётланде. Доходили до Скандинавии и визант. свинцовые печати имп. чиновников и церковных иерархов.

В изучении визант. производств (ткани, стеклоделие, строительство, керамическое производство, ювелирное дело и др.) сложился ряд направлений с собственными аналитическими методами, в т. ч. естественно-научными. Они имеют первостепенное значение не только для истории экономики, но также и для искусства, истории религии и Церкви.

История визант. стекла изучает центры производства и его связи с античным и вост. стеклоделием, технологии и их перенос в др. районы мира (в т. ч. на Русь), использование стекла в производстве бытовых и церковных сосудов, украшений, в архитектуре (витраж) и мозаике, в алхимии и др. Визант. стеклоделие тесно связано с рим. традицией, к-рая в I в. до Р. Х. ввела технологию выдувания и превратила стекло в массовую продукцию. Для Др. Руси важно изучение визант. стеклянных сосудов, браслетов, бус X–XIII вв., импорт к-рых был очень активен (О. М. Олейников). В церковном ювелирном искусстве стеклоделие важно для изучения производства *эмалей* (Т. И. Макарова) и литиков — стеклянных подражаний иконкам из камня. Изучается вопрос о происхождении витражного стекла в храмах К-поля (мон-рь Липса и др.) и Руси (Чернигов, Владимир, Ст. Рязань) в XII в.

Особую роль в культуре В. и. играло производство шелка и его распределение (о торговле; имп. дарах монархам Европы см.: *Muthesius A.* Byzantine Silk Weaving: AD 400 to AD 1200. Vienna, 1997). До VI в. шелк привозили из Китая и Центр.

Фрагмент шелковой ткани с изображением птиц из раскопок ц. св. Ахиллия на оз. Микра-Преспа. XI в.

Азии (при раскопках находят печати VII–VIII вв. торговцев шелком); к X в. было налажено местное производство (в т. ч. пурпурных тканей) в Коринфе, Афинах, Фивах и др. Центром торговли шелком с Русью и Болгарией была Фессалоника, в Зап. Европу он попадал через посредство Венеции. Археология В. и. изучает производство и распространение художественных тканей по находкам в погребениях (церковные ткани и облачения) с сохраняющейся органикой (раннесредневек. Мощевая Балка на Сев. Кавказе; средневек. курганы и погребения в церквах России и Украины; в Зап. Европе). Для изучения последних особый интерес представляют результаты недавней выставки тканей из погребений в соборе Бамберга (кат. под ред. Г. Хельмеке: «Byzantinische und Orientalische Seidenstoffe: Grabfunde aus der Sepultur der Bambergen Domherren. Bamberg, 2001).

Изучение визант. археологии дает сведения о производстве строительных материалов, об организации производства мрамора в ранневизант. период, о переработке его в архитектурные детали на месте добычи, о производстве искусственного мрамора и скульптуры из него, архитектурной поливной керамики «никомидийского» типа (половой плитки, стенных украшений, икон) в К-поле, Вифинии и Болгарии, собранные в сб. «Константинополь и его округа» (под ред. С. Манго и Ж. Дагрона). Особую отрасль производства составляли керамические материалы: кирпич (изучение возглавляет Дж. Бардилл), кровельная черепица, половые плитки, трубы для дренажей и кладки сводов, декоративные архитектурные формы. Наиболее полный обзор по строительному производству в средневизант. (а отчасти в ранний и поздний) период дан в монографии Оустерхаута «Визант. мастера-строители» (Master Builders of Byzantium. Princeton (N. J.), 1999).

Изучение производства играет огромную роль для внутреннего развития визант. археологии. Так, непременным условием датирования является изучение керамического производства. Впервые хроно-стратиграфическая шкала на основе керамики создана в 30-х гг. XX в. по результатам раскопок ипподрома и Большого дворца (Д. Толбот Райс и др.), затем Афин (работы А. Франц) и Коринфа (работы Ч. Моргана). К 60-м гг. общую типологию и хронологию керамики установили для среднего и позднего периодов; к 90-м гг. были соотнесены шкалы К-поля и Греции (специальная подборка в «Cahiers Archéologiques». 1954. N 7). Отдельные типы изучали франц. (В. Франсуа, Ж. П. Содини, Спизер) и нем. (У. Пешлов) археологи, ученые из Греции, Турции и др. (библиогр. см.: *François V.* Bibliographie analitique sur la céramique byzantine à glaçure. Istanbul; P., 1997). Первый (неполный) обзор керамического производства в В. и. выполнен в 2001 г. англ. ученым К. Дарком. С сер. XX в. фундаментальные исследования по визант. керамике велись в СССР, прежде всего на основе работ в Крыму (Херсонес) и на Кавказе (А. Якобсон); продолжаются они и в России (А. Романчук и др.), затрагивая вопросы проникновения визант. товаров в Древнерусское и Московское гос-во (В. Коваль и др.).

Лучше всего изучена керамическая хронология V–VII вв., разработанная в трудах Дж. Хейеса на па-

мятниках с обильным нумизматическим материалом (даты определены в пределах неск. десятилетий); с помощью лабораторных методов установлены пути проникновения визант. амфор в Сев. Африку и Зап. Европу (важные сведения дает изучение мест кораблекрушения: корабль у мыса Кызылбурун (Зап. Турция) с амфорами X в., перевозивший архитектурные детали VI в.). Аналитическая работа ведется в Дамбартон-Окс, ун-те Иллинойса, в Англии (Оксфорд, Саутгемптон, Рединг). Изучено формирование высокотехнологичной краснолощеной визант. керамики из «позднеримской» (североафриканской, египетской, малоазийской). Доказана непрерывность производства глазурованных сосудов с рим. до конца ранневизант. времени (V — нач. VII в., в т. ч. в остатках кораблекрушения у берегов М. Азии (Яссыада II, ок. 625–626), что разрушает представление об их изобретении в мусульм. мире. Обнаружено также невизант. происхождение нек-рых распространенных в XIII–XIV вв. керамических типов (т. н. керамика св. Симеона и др.; библиография: La ceramica nel Mondo Bizantino tra 11 e 15 sec. e i suoi rapporti con l'Italia / Ed. S. Gelichi. Firenze, 1993). Обобщены сведения об использовании поливной керамики в церковном обиходе, для производства икон, популярных в Болгарии, известных в Греции и К-поле (1-й полный свод: *Totev T.* The Ceramic Icon in Medieval Bulgaria. Sofia, 1999).

Церковная археология. Визант. археология зародилась и долго развивалась как археология Церкви и империи. Наиболее полно ее потенциал раскрыт в сфере входящей в нее *археологии церковной,* а также в специальных исторических дисциплинах, *эпиграфике, нумизматике, сигиллографии.*

I. Архитектурная археология. Раскопки отдельных храмов и мон-рей — наиболее традиц. часть археологии В. и., именно на них основана типология (прежде всего керамическая) и стратиграфия, а следов., и хронология. Не дублируя историко-архитектурного изучения памятников, визант. археология обеспечивает высокую степень подробности в изучении истории строительной техники. На ее реконструкции литургической планировки и обустройства храмов во мн. основывается их функциональная, символическая и смысловая интерпретации; существенно меняется сам подход к изучению архитектуры: на первый план выходят взаимоотношения мастеров и ктиторов, особое внимание уделяется позднейшему периоду (XIII–XV вв.).

Натурные исследования, традиционно ограниченные отдельными памятниками, резко меняют представления о давно известных сооружениях. Так, ц. Христа Акаталепта, ранее относимая к IX в. (Краутхаймер, Кольвиц) и связывавшаяся с храмами типа Св. Софии в Фессалонике, св. Климента в Анкаре и ц. Успения в Никее, после натурного обследования (Страйкер, Кубан, с 1966) была передатирована (по монетам) первыми годами XIII в. Важные открытия связаны и с исследованиями Св. Софии К-польской, а в последние годы — с работами Оустерхаута и М. Анунбей в мон-ре Пантократор, где изучение сводов неожиданно дало примеры археологической стратиграфии: закрытые комплексы находок (серия амфор XII в.), вторично использованные кирпичи VI в. и т. п.

В архитектурную археологию введен широкий круг естественнонаучных дисциплин, составив т. н. длинную цепь годовых колец (от 362 до средневизант. периода), дендрохронология заложила основу независимой датировки памятников. Мн. даты были уточнены (как оказалось, ц. Св. Ирины после землетрясения 740 перестроили не сразу, а не ранее 753; балки баптистерия Св. Софии указали на неизвестный ремонт после 814; комната с мозаикой над ее вестибюлем оказалась датированной после 854, а помещение в сев.-вост. контрфорсе — после 892). К IX в. удалось также отнести ряд зданий, считавшихся более древними: Фатих-джами в Трилье датирована после 799 г. (до этого считалась самым ранним храмом типа вписанного креста), а храм Св. Софии в Визе — после 833 г. (даты П. Я. Кунихолма, Корнелльский ун-т).

Достижения визант. археологии позволили отказаться от «типологической схемы» истории визант. архитектуры, господствовавшей до сер. XX в. (Ван Миллинген, Эберсольт, отчасти Краутхаймер), и от идеи происхождения крестово-купольного храма от базилик с куполом над средокрестием, ранее относимых к эпохе имп. Василия I: Богородицы Паммакаристос (Фетхие-джами), Гюль-джами, ц. Христа Акаталепта, ц. святых Петра и Марка (Атик-Мустафа-паша-джами). Эти храмы оказались принадлежащими к XII — нач. XIII в. (до 1204) (обзор дискуссии см.: *Ousterhout R.* The Byzantine Church at Enez: Proc. in 12th Cent. Architecture // JÖB. 1985. Bd. 35. S. 262–280). И напротив, более ранние датировки, нач. X в., получили 2 храма со вполне развитым планом типа вписанного креста и куполом на 4 колоннах. Удалось доказать, что купола, действительно, вводились в VIII–X вв. во мн. небольших древних базиликах под К-полем, в Сельчиклере (Фригия, раскопки Н. Фиратли), в Амории, в Кидне, в Бююкада под Амасрой; ц. св. Иоанна в Пелекете, в Фатих-джами в Трилье, ц. Н в Сиде, возможно ц. святых Петра и Марка. Археология В. и. доказала, что в нач. средневизант. периода господствовало типологическое разнообразие; что новый тип развился путем переработки раннехрист. зданий церковных построек, что перестройка в VIII в. ц. Св. Ирины отразилась в таких храмах IX в., как ц. в Визе (Фракия) и в Дереагзы (Ликия).

Существенно обогатилась и общая картина развития средневизант. архитектуры. Было установлено, что в эпоху Палеологов в К-поле достраивали и трансформировали старые храмы, а новые возводили в основном в провинциальных столицах (Трапезунд, Месемврия, Фессалоника, Арта, Мистра), т. о. была объяснена «иррегулярность» средневизант. композиций, возникавшая от постоянных перестроек.

Иначе выглядит сегодня и проблема обращения визант. мастеров к наследию античности. К древним памятникам с целью добычи строительных деталей часто обращались уже в ранневизант. эпоху (их собирали из др. городов при строительстве К-поля; имп. Юстиниан вывез из Афин колонны для постройки Св. Софии; после полного разрушения Филипп землетрясением VII в. колонны и иные детали были собраны для вторичного использования). Практическая потребность сочеталась со стремлением подчеркнуть преемство от классического прошлого, что выразилось

в переустройстве древних храмов (Парфенон и Эрехтейон на Акрополе; храм Гефеста на Агоре в Афинах; мавзолей имп. Галерия в Фессалонике, мастерская Фидия в Олимпии) в церкви (VII в.). В ср. века та же цель достигалась использованием мраморных деталей древних построек в новых, кирпичных зданиях (напр., ц. Богородицы в Орхомене; М. Митрополия в Афинах, XII (?) в.).

Христ. базилика на месте мастерской Фидия в Олимпии. VII в.

II. Археология мон-рей. Существенную часть археологии В. и. составляет комплексное изучение визант. мон-рей, прежде всего древнейших и мало известных общин нач. IV–VI в. Они были обнаружены в Египте и на Ближ. Востоке (особенно между Хевроном и Иерихоном, включая Иудейскую пустыню и район Иерусалима; мон-рь в Скифополе и на горе Нево). В Египте работали с кон. XIX в. франц., затем амер., польск. и др. археологи; систематические исследования в Сиро-Палестинском регионе осуществлены только в посл. трети XX в., когда были изучены десятки памятников на юге Синайского п-ова (с 70-х гг.— израильский Департамент древностей) и в Иудейской пустыне (с 80-х гг.). Они дали возможность судить о реальном устройстве древних монастырских комплексов.

Так, лавра св. Саввы Освященного занимала зону длиной ок. 2 км; ее кельи включали жилое помещение, двор, цистерну для сбора дождя, иногда — отдельную молельню; некрые кельи рассчитаны на 2–3 монахов. В лавре св. Герасима в долине Иордана, где в эпоху расцвета (V–VI вв.) жило до 100 иноков, открыты десятки келий (отдельно стоящих или вырубленных в скале), широко разбросанных на местности, и центральная общежительная группа зданий. Из киновий хорошо сохранился мон-рь св. Мартирия (Хирбет-эль-Мурасас) (сер. V в.) на пути между Иерихоном и Иерусалимом. Его стена (78×68 м) охватывала церковь, 2 часовни, кладбище, кухню, трапезную, кладовые, жилища, подземную систему для сбора воды и даже (что необычно) маленькую баню; полы украшала мозаика. Снаружи оставались часовня, стойла и жилище для паломников (мат-лы см.: Ancient Churches Revealed / Ed. J. Tsafrir. Jerusalem, 1993).

В Иордании в 1996 г. были завершены длительные раскопки мон-ря св. Лота (Дейр-Айн-Абата, V–VII вв., окончательно покинут в IX в.). Его главная базилика включала естественную пещеру, где, по представлениям византийцев, укрывался Лот с дочерьми по разрушении Содома; с юга от базилики находился бассейн для воды, с севера — общая трапезная с очагом, крытое кладбище и общежитие для паломников; масса отдельных келий располагалась выше по склонам. В храме открыты 5 мозаичных полов с греч. надписями и датами 605 и 691 гг., в 3 надписях на камнях упомянут св. Лот.

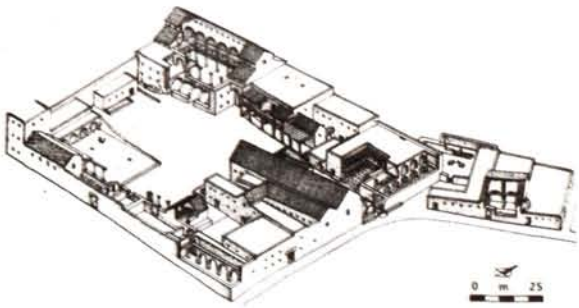
Лавра св. Саввы Освященного в Иудейской пустыне

В 80–90-х гг. XX в. открыты многочисленные остатки визант. монрей Ближ. Востока, напр. уникальный мон-рь IV — кон. VI в. в Талль-Бие, в верхнем течении Евфрата (район древней Эдессы). Он обладал развитой планировкой: здания из сырцовых кирпичей группировались вокруг атриума и ряда внутренних дворов; общая трапезная имела сложный план. Полы 3 помещений украшали дорогие мозаики с надписями: в надписи 509 г. в помещении при входе перечисляется клир церкви; в алтаре пол 595 г. покрывала мозаика с плетеным орнаментом, птицами, цветами, чашей и крестом; в погребальном зале изображен олень под огромной пальмой.

В процессе изучения скальных мон-рей Каппадокии, Крыма и др. областей все чаще ставится вопрос о правомерности отнесения их к монастырским постройкам (в статьях Оустерхаута и др. авторов). Следует также отметить начало обобщения материалов по типам сооружений, свойственных исключительно мон-рям (*Popović Sv.* The «Trapeza» in Cenobitic Monasteries: Archit. and Spiritual Context // DOP. 1998. Vol. 52. P. 281–303)

Городские обители изучены хуже пустынных. К последним публикациям (2003) относятся материалы работ Б. Мазара (1968–1978) к югу от Храмовой горы в Иерусалиме, вблизи его Тройных врат, где изучены остатки мон-ря Девственниц (2-я пол. IV — нач. VII в.), поставленные на месте предвходового сооружения Храма эпохи Ирода Великого и частично использовавшие его кладки. Это типичная, хотя и большая, прямоугольная постройка в 3 уровнях, с внутренним двором. Кроме субструкции и наземной части кое-где сохранились стены 2-го этажа, на к-рый вели каменные лестницы, антресоли. Полы в интерьере мостили камнем и мозаикой (2), стены штукатурили. Христ. назначение комплекса подтверждается большим числом находок знаков креста (граффити, утварь из металла, резьба мраморной алтарной преграды и др.). В сер. VI в. $^1/_3$ мон-ря была перестроена под кухню, соединенную с общежитием для паломников, др. треть заняли лавки, и только внутренняя часть здания осталась в распоряжении монашествующих; к мон-рю была пристроена винодельня. Из описания паломника Феодосия известно, что монахини никогда не покидали обители, даже кладбище располагалось внут-

ри ее, однако погребений не обнаружено. Монастырская церковь помещалась во 2-м этаже, причем в качестве реликвариев использовались старые оссуарии с еврейских некрополей. Мон-рь погиб во время борьбы с персами в 614 г. (дошли слои пожара и сломанное оружие), после чего уже не восстанавливался.

Монастырь св. Мартирия. План-реконструкция

Можно указать и на работы, проведенные *Библейской и археологической французской школой в Иерусалиме*, в мон-ре св. Стефана в Иерусалиме, история к-рого хорошо подкреплена письменными источниками, богатым археологическим материалом. Особенно интересно активное использование в исследовании методов антропологии, позволяющих выявить особенности, напр., обособленных монашеских общин, возрастной состав погребенных, систему питания и мн. др. На основе изучения останков усопших, собранных в ходе раскопок (ок. 15 тыс.), С. Шеридан была построена биокультурная модель жизни в мон-ре, сопоставленная с данными по мон-рям Иудейской пустыни того же периода — сер. V — нач. VII в. В мон-ре жили здоровые, привычные к лишениям мужчины, умиравшие в основном в возрасте за 40 лет (до $^1/_3$ погребенных составляли несовершеннолетние); распространенной болезнью был артрит (особенно коленных суставов).

Использование естественных наук позволяет изучать такие сложные явления, как взаимодействие религ. общин (прежде всего мон-рей) со средой, или восстанавливать, опираясь на археоботанику, условия питания, посты и праздники, отношение к пище пустынников в мон-рях Египта V–VII вв. (Ком-эн-Нана). Наряду с этим развиваются и традиц. методы исследований, опирающиеся на иконографию монастырских комплексов (напр.: *Baumann P.* Spätantike Stifter im Heiligen Land: Darstellungen und Inschriften auf Bodenmosaiken in Kirchen, Synagogen und Privathäusern. Wiesbaden, 1999).

III. Археология паломничества. Особым направлением археологии

Кафизма Пресв. Богородицы. Сер. V в. Общий вид раскопок. План октагональной церкви

В. и. является изучение паломничества как историко-культурного явления. В той части, к-рая связана с изучением архитектурных комплексов св. мест в Палестине и за ее пределами в визант. эпоху, она тесно смыкается с архитектурной и монастырской археологией наряду с исследованием таких известных центров паломничества, как *Кальат-Симьан* в Сирии или *Абу-Мина* в Египте.

Комплекс *Дора-Дор*, раскопанный Клодин Дофен,— огромный храм эпохи имп. Юстиниана I в Тивериаде (на горе Береника), где местной реликвией служил культовый камень бронзового века, заложенный под престол; т. н. комплекс Кафизма Богородицы сер. V в.— одно из главных св. мест, почитавшееся как место отдыха Св. семейства на их пути в Египет. Этот комплекс открыт в 1992 г. на землях К-польского Патриархата, между Иерусалимом и Вифлеемом, в наст. время раскопан его главный храм, октагональный в плане, с обширными, роскошными мозаичными полами. Это один из первых храмов, посвященных Богородице после постановлений Эфесского и Халкидонского Вселенских Соборов.

Вне Палестины одним из самых известных мест визант. паломничества был чрезвычайно богатый памятниками Эфес — столица провинции Асия и место Вселенских Соборов. Сюда сходились для поклонения местам, связанным с памятью Богородицы, Марии Магдалины, апостолов Павла и Тимофея, евангелиста Иоанна, дочерей ап. Филиппа, пещеры Семи отроков Эфесских. В 1895 г. австр. экспедиция приступила к раскопкам в античной части города, в 1902 г. открыли (Р. Хеберди) первую визант. церковь, затем огромную (т. н. двойную, длина 265 м) базилику Богородицы — первый кафедральный собор Эфеса (изучение продолжалось до 80-х гг. XX в.) и примыкавший к ней епископальный комплекс рубежа V–VI вв., привлекавшие пилигримов до позднего средневековья. В 20-х гг. Й. Кайль обследовал пещеры Семи отроков Эфесских с церковью V в. и храм на месте погребения ап. Иоанна (в 2 км от античного Эфеса, под руинами собора нового города VII–XII вв.— большого крестообразного здания, достигшего в эпоху имп. Юстиниана длины 110 м). Работы в Эфесе не прекращаются по сей день; в 1996–1998 гг. в гроте св. ап. Павла были зафиксированы 300 паломнических надписей и фреска с редчайшей иконографией на сюжет «Деяний ап. Павла и св. Феклы», единственное пока реальное свидетельство пребывания ап. Павла в Эфесе. Тип др. почитаемого памятника, «гробница ап. Луки», после работ 1997–2000 гг. был интерпретирован как ротонда II в., перестроенная в церковь в ранневизант. эпоху (см.: Frühchristliches und Byzantinisches Ephesos / [Ed. R. Pillinger et al.] W., 1999; и публикации в австр. ежегоднике

Mitteilungen zur christl. Archaeologie. W., 2000. Bd. 6; 2001. Bd. 7).

Второе направление в археологии паломничества — изучение типов евлогий, методов их производства в Византии, форм бытования, путей и географии их распространения в ареале от Англии до Памира. Эта тема была широко представлена на XII Конгрессе христ. археологии в Бонне в 1991 г. и симпозиуме 2000 г. в Дамбартон-Окс (*Vikan G.* Byzantine Pilgrimage Art. Wash., 1982; Blessings of Pilgrimage. Urbana; Chicago, 1990; Akten des XII. Intern. Kongr. für christliche Archäologie. 1991, Bonn. Münster, 1995. Tl. 1; Pilgrimage in the Byzantine Empire, 7th–15th Cent.: DO Symp. 2000 // DOP. 2000. Vol. 54. P. 283–284). Евлогиями служили изделия из различных материалов (стекло, металл, дерево и др.), но наиболее массовый вид паломнических евлогий делался из глины, на к-рую штампом наносили изображения. Фляги для св. воды из Абу-Мины, святилища св. Иоанна в Эфесе и др.; «жетоны» (медалеобразные предметы), отражающие географию св. мест Вост. Средиземноморья. Среди сюжетов много необычных. Так, изображение корня мандрагоры и имени царя Соломона на жетоне базилики в честь царя Давида под Вифлеемом (?) — единственный случай использования ветхозаветной темы в евлогиях со Св. земли сер. VI — нач. VII в. (раскрыт израильским археологом Л. Рахмани; ампулы для масла в виде узких сосудов, часто со штампами-монограммами (лат. unguentaria)). Последние мало изучены, но широко представлены в

Ампула св. Мины. V–VI вв.

Стамбуле и по всему Средиземноморью, включая Испанию, Сев. Африку и Причерноморье.

Среди продукции нек-рых мастерских средневизант. эпохи (напр., в Коринфе, где часть горнов располагалась вблизи церквей), где изготавливали поливную посуду и стекло, были и сосуды для пилигримов, на что указывают оттиснутые греч. монограммы имен святых (Михаил, Константин, Филипп, Георгий), а также знаки креста, звезды, треугольника и т. п.

IV. Археология погребений. Памятники обряда погребения обладают для визант. археологии первостепенной важностью, однако в их изучении есть ряд особенностей, отличных от др. областей археологии. Прежде всего религ. содержание погребения усопших христиан хорошо известно из церковной и исторической, письменной и устной традиций и изучение его с т. зр. археологии может добавить только отдельные детали. Из источников можно почерпнуть и сведения об основных формах обряда (ориентации тела по сторонам света, облачение, оформление места упокоения и т. д.). Наконец, христианство предполагает при погребении скромность сопутствующего инвентаря или его полное отсутствие.

Все это ориентирует археологию В. и. при изучении мест упокоения на выяснение более сложных вопросов, таких как соотношение архитектурного и художественного оформления некрополей с традицией поминальных служб и почитания останков христиан; типологическая, иконографическая и эпиграфическая интерпретация вместилищ останков (гробов, саркофагов, оссуариев и др.) и надгробных памятников; организация пространства кладбищ как вне, так и внутри церквей; оттенки исторически фиксируемых форм погребения в особые периоды (прежде всего переходный от язычества к христианству) и в особых местных или социальных условиях. Особым направлением в изучении погребального обряда можно считать также исследование почитания в В. и. мощей святых, историю их переноса, оформление поклонения им.

Обобщение огромного материала по археологии погребального обряда в Византии началось в 50-х гг. XX в. с каталогизации коллекций и анализа письменных данных по истории имп. захоронений, порфировых саркофагов в К-поле (труды А. А. Васильева, С. Манго, Ф. Гирсона и др.).

Это направление обогатили материалы раскопок в крупных средневизант. храмах (мон-ри Липса, Пантократора и Хора, Мирелейон и др.), а также разработка типологии всех видов погребальных сооружений и знаков, к-рыми были отмечены индивидуальные погребения, в т. ч. в средневизант. период. Очень плохо изучен инвентарь погребений, что приводит зачастую к публикации необоснованных гипотез при находке отдельных предметов, прежде всего сосудов, в погребениях (напр., стеклянного кубка из Берчето в Италии). Это направление получило большее развитие в странах, формально относившихся к Византии или связанных с ней религиозно и культурно (на Балканах, в Причерноморье, на Руси).

Первоначально интерес вызывали погребения аристократических семей внутри храмов, но в посл. десятилетие подход стал системным: изучается влияние погребений в церквах на организацию их внутреннего пространства и на развитие программ его декорации (см., напр., *Поповић Д.* Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992); влияние размещения некрополей на развитие городских и сельских поселений, в т. ч. в процессе перехода от язычества к христианству. Проблемы погребальной практики в визант. обществе становятся темой специальных обсуждений (GOTR. 1984. Vol. 29) или поднимаются в ходе дискуссий о проблемах исторической памяти и эсхатологии в Византии (напр., материалы симпозиума по эсхатологии Византии — Byzantine Eschatology: Views on Death and the Last Things, 8th to 15th Cent.: Symp., 1999 // DOP. 2001. Vol. 55).

Стремительно растет значение антропологических исследований, поскольку зачастую они составляют основной комплекс сведений при раскопках рядовых некрополей, где нет остатков монументальной архитектуры, саркофагов, мемориальных знаков и т. д. Естественно-научный анализ костных останков позволяет провести исследование не только половозрастного состава погребенных, но и предположить систему питания и род занятий усопшего, предположить его социальный статус, полученные при жизни травмы, причины смерти и т. п. (напр., ана-

лиз зубной эмали позволил определить, что основу питания жителей деревень ранневизант. эпохи в Иордании (Саад и Ясила) составляли зерновые). В Иордании важные све-

Золотой крест. X в. (Византийский музей. Фессалоника)

дения по антропологии раннехрист. некрополя получены в Хирбет-эс-Самре (древняя Хатита к северу от Аммана, раскопки 90-х гг. XX в.), где изучено ок. 150 погребений VI–VII вв. на кладбище, за городской стеной. Они совершены в плитчатых могилах, имеют ориентировку запад—восток и отмечены вертикальными стелами; на большинстве (875 экз.) сохранился знак креста, иногда краткая надпись по-гречески; сохранилась часть погребального инвентаря (нательные крестики и иные ювелирные изделия (в т. ч. золотые), монеты, изделия из бронзы, железа и кости, керамические лампы, сосуды из стекла). Особенность этого некрополя — очень ранний ср. возраст погребенных, ок. 17 лет. Из последних работ по ранневизант. погребальной археологии важен окончательный отчет о работах в Хисбане, где дана сравнительная типология гробниц Палестины и Иордании (*Krug H. P.* Comparative Roman and Byzantine Tombs in Transjordan // The Necropolis of Hesban: A Typology of Tombs / Ed. S. D. Waterhouse. Berrien Springs (Mich.), 1998).

V. Археология церковной утвари и реликвий — одно из самых старых и традиц. направлений визант. археологии. Основная тенденция в изучении визант. церковной утвари сегодня — переход от анализа и интерпретации отдельных выдающихся произведений прикладного искусства к созданию системных и региональных сводов артефактов, а также применение более строгого источниковедческого подхода к их атрибуциям.

Самые известные сир. клады литургического серебра из Стумы (Археологический музей, Стамбул), Рихи (Дамбартон-Окс), Хамы (Худож. галерея Уолтерса, Балтимор, США) и Антиохии (Метрополитен-музей и Дамбартон-Окс) возведены М. Манделл-Манго (каталог выставки «Silver from Early Byzantium» в Худож. галерее Уолтерса, 1986) к кладу из Стумы (по соседству с *Капер-Кораоном*). Литургист Р. *Тафт* сопоставил сведения об археологических находках лжиц для причастия с материалами письменных источников и предложил вывести значительную их часть из области литургических объектов, указав на возможность их использования в др. церковных обрядах (в т. ч. погребальных — лжицы часто встречают в погребениях, напр., «инвентарь» Св. Софии XIV в. указывает «лжицу для миро»). Он отметил, что отнесение лжиц к сфере визант. куль-

Светильники. III–V вв. (Византийский музей. Фессалоника)

туры допустимо только с т. зр. истории искусств, в литургическом плане они не имеют ничего собственно визант., и поставил вопрос об их «литургической дате», уточнив, что до VIII в. источники не говорят об употреблении лжиц для причастия. Особое внимание уделяется лампадам и переносным светильникам, игравшим огромную роль в богослужении в целом, а также в обряде погребения и др., а потому ставшим одной из самых ранних групп артефактов с христ. символикой. К церковной утвари стремятся отнести и нек-рые др. массовые предметы, напр. маленькие одноручные кувшинчики (с желто-зеленой поливой и неполивные), встреченные в слоях VIII–IX и XI вв. и использовавшиеся для хранения и возлияния елея.

Одно из разработанных направлений в визант. археологии — оформление поклонения реликвиям — в России получило новый толчок к развитию, после проведения Центром восточнохрист. культуры конференции и совместной с ГММК выставки (Христ. реликвии в Московском Кремле: Каталог выставки. М., 2000). Изучение как массовых, так и высокохудожественных объектов, связанных с реликвиями, велось и успешно ведется как зарубежными, так и рус. учеными. Прежде всего это исследование крестов-реликвариев, часто называемых энколпионами. Кроме сводов по провинциям (напр., Г. Атанасова по Румынии) следует отметить свод К. Хорничковой по Центр. Европе и свод энколпионов Руси, начатый еще в сер. XX в. Г. Ф. Корзухиной и законченный в 2003 г. А. А. Песковой; использование крестов-реликвариев (и вообще нательных крестов) в качестве молитвенных, вмонтированных в колонны и парапеты Св. Софии К-польской, рассмотрено Тетерятниковой. Для изучения художественных форм в оформлении реликвий огромное значение имела деятельность рус. ученых — хранителей коллекций ГЭ А. В. Банк и В. Н. Залесской.

Особый интерес всегда вызывали реликвии, хранившиеся в столице Византии. Сбор данных о судьбах реликвий К-поля, вывезенных в Зап. Европу после разгрома К-поля крестоносцами в 1204 г., много лет ведет по специальной программе Ж. Дюран, а изучение реликвий, попавших в руки турок после 1453 г. и сохраненных в малодоступном дворце султанов Топкапы, только начинается (И. Калаврезу).

Лит.: *Ramsay W. M.* The Hist. Geography of Asia Minor. L., 1890. Amst., 1962²; *Бок В. Г.* Мат-лы по археологии христ. Египта. СПб., 1901; *Omont H.* Les missions archéol. françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe s. P., 1902. Vol. 1–2; *Айналов Д. В.* Развалины храмов. М., 1905. (Памятники христ. Херсонеса; Вып. 1); *Butler H. C.* Ancient Architecture in Syria // Archaeol. Expedition to Syria in 1904–1905. Div. 2. Pt. 1. Leyden, 1907; *Calder W. M.* The Epigraphy of the Anatolian Heresies // Anatolian Studies: Presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923; *Grégoire H.* Épigraphie chrétienne // Byz. 1924. Vol. 1; *Schneider A.-M.* Byzanz: Vorarbeiten z. Topographie u. Archäologie d. Stadt. B., 1936. (IF; Bd. 8); *idem.* Die Grabung im Westhof der Sophienkirche zu

Istanbul. B., 1941. (IF; Bd. 12); *Demangel R., Mumboury E.* Le quartier des Manganes et la 1ère région de Constantinople. P., 1939; *Demangel R.* Contribution à la topographie de l'Hebdomon. P., 1945; *Vasiliev A. A.* Imperial Porphyry Sarcophagi in Constantinople // DOP. 1948. N 4. P. [1]–26; *Якобсон А. Л.* Средневек. Херсонес (XII–XIV вв.) М.; Л., 1950. (МИА; Вып. 17); *он же.* Средневек. Крым: Очерки. М.; Л., 1964; *Charanis P.* The Significance of Coins as Evidence for the History of Athens and Corinth in the 7th and 1th Cent. // Historia. 1955. N 4. P. 163–172; *Festugière A. J.* Antioche païenne et chrétienne: Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. P., 1959; *Въжарова Ж. Н.* Руските учени и българските старини: Изслед. Мат-ли и док-ти. София, 1960; *Megaw A. H. S.* Notes on Recent Work of the Byzant. Inst. in Istanbul // DOP. 1963. Vol. 17. P. 333–371; *Janin R.* Constantinople Byzantine. P., 1964²; *Macridy T. et al.* The Monastery of Lips (Fenari Isa Camii) at Istanbul // DOP. 1964. N 18. P. 249–315; *Frantz A.* Late Antiquity, AD 267–700. Princeton, 1988; *Feld O.* Mittelbyzant. Sarkophage // RQS. 1970. Bd. 65. Hf. 3/4. S. 158–184; *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Camb., 1976; *Mango C.* Studies on Constantinople. Aldershot, 1993; *idem.* The Palace of the Boukoleon // Cah. Arch. 1997. T. 45. P. 41–50; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977; *Müller-Wiener W.* Bildlexicon zur Topographie Istanbuls. Tüb., 1977; *Ваклинова М., Овчаров Д.* Ранневизант. паметници от България, IV–VII в. София, 1978; *Rosser J. H.* A Research Strategy for Byzantine Archaeology // BSEtB. 1979. Vol. 6. P. 156–166; *Gough M.* Alahan: An Early Christian Monastery in Southern Turkey: Based on the Work of Michael Gough. Toronto, 1985; *Haldon J. F.* Some Considerations on Byzantine Society and Economy in the 7th Century // ByzF. 1985. Bd. 10. S. 75–112; *Hendy M.* Studies in the Byzantine Monetary Economy. Camb.; N. Y., 1985; *Rodley L.* Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia. Camb.; N. Y., 1985; *Tuma O.* Great Moravia's Trade Contacts with the Eastern Mediterranean and the Mediating Role of Venice // Bsl. 1985. T. 46. P. 67–77; *Романчук А. И.* Херсонес XII – XIV вв.: Ист. топография. Красноярск, 1986; *она же.* Очерки истории и археологии визант. Херсона. Екатеринбург, 2000; *Gregory T. E.* A Desert Island Survey in the Gulf of Korinth // Archaeology. N. Y., 1986. Vol. 39. N 3. P. 16–21; *idem.* Intensive Archaeol. Survey and Its Place in Byzantine Studies // Byzantine Studies. Bakersfield (Calif.), 1986. Vol. 13. N 2. P. 155–175; *Russell J.* Transformations in Early Byzantine Urban Life: the Contribution and Limitations of Archaeol. Evidence // XVII Intern. Byzantine Congr.: Major Papers. New Rochelle, 1986. P. 137–154; *Weitzmann K.* The Contribution of the Princeton Univ. Dep. of Art and Archaeology to the Study of Byzantine Art // Byzantium at Princeton: Cat. of an Exhibition / Ed. S. Ćurčić, A. S. Clair. Princeton, 1986. P. 11–30; *Van Andel T. H., Runnels C.* Beyond the Acropolis. Stanford, 1987; *Bintliff J., Snodgrass A.* The End of the Countryside: A View from the East // First Millennium Papers: Western Europe in the First Millennium A. D. / Ed. R. F. Jones et al. Oxf., 1988. P. 175–217; *Donceel-Voute P.* Les pavements des églises byzantines de la Syrie et du Liban: Décor, Archeologie et Liturgie. Louvain-la-Neuve. 1988. 2 vol.; *Alcock S. E.* Archaeology and Imperialism: Roman Expansion and the Greek City // JMA. 1989. Vol. 2. N 1. P. 87–133; *Harrison R. M.* Temple for Byzantium: The Discovery and Excavation of Anicia Juliana's Palace-Church in Istanbul. Austin, 1989; *Metcalf D. M.* Avar and Slav Invasions into the Balkan Peninsula: the Value of the Numismatic Evidence // JRArch. 1990. Vol. 4. P. 140–148; *Hirschfeld Y.* Gerasimus and His Laura in the Jordan Valley // RB. 1991. Vol. 98. N 3. P. 419–430; *idem.* Imperial Building Activity during the Reign of Justinian and Pilgrimage to the Holy Land in Light of the Excavations on the Mt. Berenice, Tiberias // RB. 1999. Vol. 106. N 2. P. 236–249; *Duval N. e. a.* Basiliques chrétiennes de l'Afrique du Nord. P., 1992. Vol. 1: Algérie; *idem.* L'architecture chrétienne et les pratiques liturgiques en Jordanie en rapport avec la Palestine: Recherches nouvelles // Churches Built in Ancient Times. L., 1994. P. 149–212; *Kalla G.* Christentum am oberen Euphrat: das byzant. Kloster von Tall Bi'a // Antike Welt. 1992. Jg. 23. N 2. P. 131–142; *Magness J.* Jerusalem Ceramic Chronology: Circa 200–800 CE. Sheffield, 1993. (JSOT; 9); *idem.* Illuminating Byzantine Jerusalem: Oil Lamp Shed Light on Early Christian Worship // BAR. 1998. Vol. 24. N 2. P. 40–47, 70–71; *Kidonopoulos V.* Bauten in Konstantinopel, 1204–1328. Wiesbaden, 1994; *Kirbi A., Armstrong P.* Text and Stones: Evergetis, Christodoulos and Meletios // The Theotokos Evergetis and 11th Cent. Monasticism / Ed. M. Mullett, A. Kirby. Belfast, 1994. P. 146–161; *Hill St.* When is a Monastery not a Monastery? // Ibid. P. 137–145; *Atanasov G.* Croix-encolpions proche-orientales de la région de la Dobroudja du Sud // Akten des XII. Intern. Kongr. f. christliche Archäologie. 1991, Bonn. Münster, 1995. Tl. 1; Constantinople and its Hinterland / Ed. C. Mango, G. Dagron. Belfast, 1995. P. 263–310; *Залесская В. Н.* Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // ЦА, 1-я. 1995. Ч. 1. С. 50–53; *Hayes J. W.* The Pottery // Berenike 1995: Prelim. Rep. of the Excavations at Berenike (Egyptian Red Sea Coast) and Survey of the Eastern Desert. Leiden, 1996; *Ierusalimskaja A.* Von China nach Byzanz: Frühmittelalterliche Seiden aus der Staat. Ermitage S.-Petersburg. Münch., 1996; *idem.* Die Gräber der Moščevaja Balka: Frühmittelalterliche Funde an der nordkaukasischen Seidenstrasse. Münch., 1996; *Kuban D.* Istanbul: An Urban History: Byzantion, Constantinopolis, Istanbul. Istanbul, 1996; *Magdalino P.* Constantinople médiévale: Études sur l'évolution des structures urbaines. P., 1996. (TM; 9); *Nelson R. S.* Living on the Byzantine Borders of Western Art // Gesta. N. Y., 1996. Vol. 35. P. 3–11; *Ousterhout R.* An Apologia for Byzantin Architecture // Ibid. P. 21–33; *idem.* Questioning the Architectural Evidence: Cappadocian Monasticism // Work and Worship at the Theotokos Evergetis / Ed. M. Mullett, A. Kirby. Belfast, 1997. P. 420–434; *Taft R. F.* Byzantine Communion Spoons // DOP. 1996. N 50. P. 209–238; *Teteriatnikov N. B.* The Liturgical Planning of Byzant. Churches in Cappadocia. R., 1996. (OCA; 252); *idem.* Devotional Crosses in the Columns and Walls of Hagia Sophia // Byz. 1998. Vol. 68, fasc. 2. P. 419–445; *Tuma O.* Contacts between Central Europe and Byzantium in the 9th to the 11th Cent. // Acts: XVIIIth Intern. Congr. of Byz. Studies. Sheperdstown, 1996. Vol. 2. P. 135–142; *Алексова Б., Лилчик В.* Ранохристијански цркви во Македонија – истражени и регистрирани цркви на теренот // Македонско наследство. Скопје, 1997. Vol. 2. N 5. P. 11–38; *Kalavrezou I.* Helping Hands for the Empire: Imperial Ceremonies and the Cult of Relics at the Byzant. Court // Byzant. Court Culture from 829 to 1204 / Ed. H. Maguire. Wash., 1997; Materials Analysis of Byzant. Pottery / Ed. H. Maguire. Wash., 1997; *Беляев Л. А.* Московские литики // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 316–327; Byzantium and Islam in Scandinavia: Acts of a Symp. at Uppsala, June 15–16.1996 / Ed. E. Piltz. Jonsered, 1998. (SMA; 126); Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jh. / Ed. M. Müller-Wille. Mainz; Stuttg., 1998. Bd. 2; *Щапова Ю. Л.* Визант. стекло: Очерк истории. М., 1998; *Horničková K.* The Byzantine Reliquary Pectoral Crosses in Central Europe // Bsl. 1999. Vol. 60, fasc. 1. P. 213–250; Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. P. Brogiolo, B. Ward-Perkins. Leiden; Boston, 1999; *Rahmani L. Y.* The Byzantine Solomon Eulogia Tokens in the British Museum // IEJ. 1999. Vol. 49. P. 92–104; *Sheridan S. G.* «New Life the Dead Receive»: the Relationship between Human Remains and the Cultural Record for Byzantine St. Stephans // RB. 1999. Vol. 106. N 4. P. 574–661; *Popović M.* Fortress of Ras – Tvrdava Ras. Beograd, 1999; *Dahari U.* Monastic Settlements in South Sinai in the Byzant. Period. Jerusalem, 2000; *Brooks S. T.* Byzantine Patronage and the Ancient Past: Case Studies in Medieval Greece // Athena Review. 2001. Vol. 3. N 1: Westport CT. P. 60–63; *Chlouveraki S. N., Politis D.* The Monastery of Agios Lot, Deir Ain Abata, Jordan // ΔΧΑΕ. 2001. N 2. Σ. 48–59; *Dark K.* Byzantine Pottery. Stroud; Charleston, 2001; A Lost Art Rediscovered: The Archit. Ceramics of Byzantium / Ed. E. J. Sharon Gerstel, J. A. Lauffenburger. Baltimore; Univ. Park, 2001; *Harlow M., Smith W.* Between Fasting and Feasting: the Literary and Archaeobotanical Evidence for Monastic Diet in Late Antique Egypt // Antiquity. 2001. Vol. 75. N 4. P. 758–776; *Lavas G. P.* The Kathisma of the Holy Virgin: A Major New Shrine // ΔΧΑΕ. 2001. Τ. 2. Σ. 60–101; *Ousterhout R., Ahunbay Z. and M.* Study and Restoration of the Zeyrek Camii in Istanbul: 1st Rep., 1997–1998 // DOP. 2000. Vol. 54; *idem.* Resotation Work at the Zeyrek Camii, 1997–1998 // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life / Ed. N. Necipoglu. Leiden; Boston, 2001. P. 117–132; *Spieser J.-M.* Urban and Religious Spaces in Late Antiquity and Early Byzantium. Aldershot, 2001; *Striker C. L.* The Findings at Kalenderhane and Problems of Method in the History of Byzantine Architecture // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life / Ed. N. Necipoglu. Leiden; Boston, 2001. P. 107–116; Кавказ на Великом шелковом пути: Кат. выст. в ГЭ. СПб., 1992; *Хрушкова Л. Г.* Раннехрист. памятники Вост. Причерноморья: IV–VII вв. М., 2002; *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерус. энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003; *Al-Shorman A.* Byzant. Paleodiet and Social Status at Sa'ad and Yasieleh in Northern Jordan // Athena Review. 2003. Vol. 3. N 4: Westport CT. P. 60–63; Die spätantike Stadt und ihre Christianisierung: Symp., 14.–16. Febr. 2000. Halle / Ed. G. Brands, H.-G. Severin. Wiesbaden, 2003; *Brenk B.* Die Christianisierung der spätrömischen Welt. Wiesbaden, 2003; The Temple Mount Excavations in Jerusalem, 1968–1978: Final Reports / Dir. by B. Mazar. Jerusalem, 2003. Vol. 2: The Byzantine and Early Islamic Periods. (Quedem; 43).

Л. А. Беляев

Литература. Визант. лит-ра, словесность и книжность в целом составляют труднообозримый массив духовного наследия христ. империи. Его освещение предполагает обращение ко мн. видам и жанрам лит-ры, в первую очередь к святоотеческой, богословской лит-ре (см. статьи *«Ареопагитики»*, *Богословские школы древней Церкви*, *Вселенские Соборы*, *Патристика* и др.), литургике и гимнографии (см. статьи *Литургика*, *Гимнография*).

Основные направления в развитии христианизирующейся и в конечном счете собственно христ. лит-ры, сохранявшей древние жанровые, стилистические и языковые традиции, поэтапно представлены ниже.

Ранневизантийский период (IV — сер. VII в.). Лит-ра этого времени именуется также позднеантичной, поскольку в ней наряду с новыми явлениями, получившими дальнейшее развитие в последующие века, чрезвычайно сильно ощущается преемственность от античной традиции. От языческой лит-ры «второй софистики» (II в. по Р. Х.) визант. словесность унаследовала жесткую жанровую структуру, несмотря на отмирание одних и появление др. самостоятельных жанров, а также основные принципы риторической организации текста. Связь с доникейской древнехрист. лит-рой прослеживается после IV в. гораздо слабее. Это объясняется прежде всего тем, что вследствие формирования богословских терминов в результате тринитарных и христологических споров и христианизации восточнорим. интеллектуальной элиты большинство произведений, созданных в первые века христианства, перестали удовлетворять требованиям новой эпохи как с идейной, так и с эстетической т. зр. В этом отношении нач. IV в. представляет собой определенный рубеж, после к-рого можно говорить о визант. лит-ре в противоположность древнехристианской.

Именно в IV в. появляются новаторские произведения, ставшие образцами для более поздних авторов. Очень важную роль сыграло обширное творческое наследие Евсевия Кесарийского. Его «Церковная история» в 10 кн. не просто подвела итоги 3-векового развития Церкви, но и впервые обосновала ее право иметь свою собственную историю, протекающую и описываемую параллельно с историей гос-ва и независимо от него. Принцип построения повествования, позволявший включать обширные цитаты из др. авторов и даже отдельные документы без стилистической унификации, оказался очень удобен там, где требования объективности и авторитетности источников превалировали над чисто художественными задачами. Помимо «Церковной истории» Евсевий составил также всемирную «Хронику» (сохранившуюся в лат. пер. блж. Иеронима и в арм. версии). Одной из главнейших заслуг Евсевия как историка можно считать то, что ему вслед за его христ. предшественниками *(Юлий Африкан, Ипполит Римский)* удалось на основе синтеза достижений языческой хронистики (Берос и др.) и иудейской историографии (прежде всего *Иосиф Флавий*) поставить Свящ. историю в контекст всемирного исторического процесса, к-рый вследствие этого в свою очередь приобрел сакральное измерение. Напротив, значение написанного Евсевием энкомия «На жизнь блаженного царя Константина», как правило, переоценивается исследователями. Предпринятая в этом сочинении попытка создать парадигму идеального христ. государя осталась изолированным явлением. Вместе с тем решающее влияние на формирование собственно христ. гос. идеологии оказала речь Евсевия на 30-летие правления Константина Великого (оформление представлений о соотнесенности Царствия Небесного и царства земного, Царя Небесного и царя земного). Эпоху Константина I Великого, когда христианство из гонимого «новшества» стало религией императора, византийцы в последующие века воспринимали скорее через призму «Жития папы Сильвестра», а не Евсевиева энкомия. Евсевию принадлежат также апологетические сочинения «Евангельское приуготовление» и «Евангельское доказательство». Репутация Евсевия как богослова оказалась окончательно дискредитирована в эпоху иконоборчества, когда его сочинения активно использовались иконоборцами, а правосл. богословы в ответ указывали на скрытое арианство автора.

Богословские и экзегетические труды Евсевия уступают аналогичным сочинениям его младших современников, в особенности свт. *Афанасия I Великого*. Свт. Афанасий внес огромный вклад в историю визант. словесности гл. обр. написанием Жития прп. Антония. Используя приемы и методы античной биографии, он создал фактически первое житие святого, где присутствуют почти все формальные элементы, впосл. ставшие обязательными для визант. агиографии. Образ Антония создается лит. средствами, причем конкретные факты из жизни преподобного оформлены автором с помощью такого топоса, к-рый позволяет представить их в наиболее положительном свете (так, говоря о неграмотности Антония, агиограф акцентирует противопоставление действенной веры словесным хитросплетениям). Все это подчинено основной идее — показать постепенное совершенствование подвижника в добродетели и его приближение к Богу, причем так, чтобы у читателя возникло желание подражать святому. В то же время в житии немало сверхъестественного и чудесного (в т. ч. искушения прп. Антония), что, несомненно, способствовало популярности сочинения. Произведения свт. Афанасия, в к-рых он опровергает выдвигаемые его противниками обвинения («Апология против ариан», «Апология к императору Констанцию», «Апология о бегстве своем», «История ариан» и др.), представляют такой же интерес как своим автобиографическим содержанием, так и художественной формой.

Свт. Афанасий Великий. «Слово против язычников» (Vatop. 5. Fol. 3r, XIV в.)

2-я пол. IV в. характеризуется расцветом риторики (как христ., так и языческой), а также экспериментами с поэзией в классических формах, включая квантитативную метрику и гомеровский диалект. Дальнейшее развитие получает и

агиография. Наиболее ярким писателем, работавшим в этих жанрах, был свт. *Григорий Богослов*. Особую силу и выразительность речам свт. Григория придает их язык, к-рый можно назвать «поэтическим», поскольку автору удается вкладывать в слова сразу неск. смысловых слоев, что позволяет сформулировать мысль с несвойственной прозаическому языку рельефностью и многомерностью. Эмоциональный по натуре, свт. Григорий находит способ передать читателю свои чувства, практически не прибегая к ритори-

Свт. Григорий Богослов. «Слово на бедствие града, опустошившего поля» (Vat. gr. 463. Fol. 295, 1062 г.)

ческим преувеличениям. Уникальная особенность писателя состоит в том, что стиль его сочинений остается таким же и тогда, когда он пишет о сложнейших богословских проблемах. Именно поэтому нек-рые из его чеканных формулировок получили впосл. статус, сравнимый с соборными определениями (напр., τὸ ἀπρόσληπτον ἀθεράπευτον — что не воспринято, то не исцелено — *Greg. Nazianz.* Ep. 101. 32). Несмотря на значительную сложность для восприятия, речи свт. Григория Богослова входили в круг наиболее читаемых в Византии произведений, причем в них признавалось наличие неясных мест, подлежащих толкованию (этим занимался, в частности, прп. *Максим Исповедник*).

Поэтическое творчество свт. Григория Богослова состоит из 2 частей: научной и «формалистической» (стихотворения, написанные в основном гекзаметром и элегическим дистихом) и более живой и непосредственной, с явным личностным элементом (ямбические стихотворения и поэмы, чья ритмическая структура иногда приближается к силлабо-тонике). Соединение архаического поэтического диалекта и классической метрики с возвышенным богословским содержанием

Свиток с литургиями свт. Василия Великого и Преждеосвященных Даров (Patm. 707 (Rotul. 1), 2-я четв. XII — нач. XIII в.)

производит иной раз не меньший художественный эффект, чем проникновенная интонация стихотворений из «Исторических поэм».

Речь свт. Григория «Надгробное слово Василию Кесарийскому» (Слово 43) принадлежит к числу лучших памятников визант. агиографии. Античный жанр надгробного слова стал наряду с жизнеописаниями знаменитых мужей одним из источников формирования житийного жанра. От античных образцов речь Григория Богослова отличается прежде всего преобладанием конкретных деталей над общими местами и ярко выраженным личностным началом.

В наследии отца и учителя Церкви свт. *Василия Великого*, включающем прежде всего догматические и аскетические сочинения, письма, беседы, важнейшие для церковной жизни богослужебные тексты, для истории визант. словесности особый интерес представляет *«Шестоднев»* — описание 6 дней творения в 9 пространных гомилиях. Здесь впервые предпринята попытка изображения целостной картины видимого мира, в каждой детали к-рого проявляется мудрость Творца. Используя все достижения античной натурфилософии и совр. ему науки, свт. Василий показывает, что окружающая человека природа не только приводит к познанию создавшего ее Бога, но и является неисчерпаемым источником нравственного назидания. Большой интерес представляет также «Слово к юношеству» о пользе, к-рую можно извлечь из чтения языческих классиков.

Вопреки распространенному мнению свт. Василий не пропагандировал изучение античных авторов (Гомер и др. древние авторы входили в обязательную программу образования), но стремился показать, что из этого чтения можно извлекать нравственные уроки точно так же, как и из наблюдений над природой. Обширная переписка свт. Василия Великого (365 писем, включая адресованные ему) рисует живую картину многогранной деятельности автора и является ценнейшим источником по визант. истории и культуре того времени.

Брат Василия свт. *Григорий*, еп. Нисский, был выдающимся агиографом. Его перу принадлежат, в частности, «Жизнь Моисея», где биографический материал органично соединяется с богословско-экзегетическим, и Житие прп. Макрины. Последнее делится на 2 части: вначале излагается биография святой, изобилующая сведениями о ее семье, членом к-рой был и сам автор — младший брат Макрины, а затем описывается последнее свидание Макрины и Григория, ее смерть

Свт. Григорий Нисский. «Беседа о молитве» (Vat. gr. 2066. Fol. 82, кон. IX в.)

и погребение. Не совсем обычная композиция побудила писателя оформить свое произведение как письмо, а не как речь или жизнеописание,— еще одно свидетельство

гибкости ранневизант. авторов в приспособлении существующих жанровых форм к новому содержанию.

В одно время с великими каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский) жили и писали языческие риторы Имерий, *Фемистий, Ливаний* и имп. *Юлиан Отступник;* последний имеет большое значение для собственно визант. лит-ры, прежде всего потому, что именно в полемике с ним христ. интеллектуалы, в частности свт. Василий Великий и Григорий Богослов, четко сформулировали (и для себя, и для оппонента), что античное наследие принадлежит им ничуть не в меньшей мере, чем их языческим противникам. Византийцы последующих столетий высоко ценили лит. стиль Юлиана, благодаря чему его письма и речи дошли до нас в большом количестве. В этом нет противоречия, если учитывать свойственное эстетическому сознанию византийцев четкое различение между формой и содержанием.

В творчестве отца и учителя Церкви свт. *Иоанна Златоуста* (ученика Ливания) ранневизант. риторика становится проповедническим искусством. Свт. Иоанн смог совместить лит. греч. язык, со всем его синтаксическим и словарным богатством (к тому времени уже был заметен разрыв между разговорным и письменным языком), и легкость и доступность изложения, так что его гомилии, несмотря на блестящую риторическую форму, без затруднений воспринимались на слух. Благодаря своему безупречному эстетическому вкусу свт. Иоанн настолько искусно уснащал свои речи образами, сравнениями, аллюзиями на злободневные события, занимательными отступлениями, что слушатели могли внимать этим проповедям длительное время, не утомляясь. В истории визант. лит-ры свт. Иоанн Златоуст остался преимущественно как проповедник, корпус его сочинений из-за все новых и новых приписывавшихся ему гомилий разросся до громадных размеров. В наст. время ведется интенсивная работа по атрибуции гомилий т. н. Хризостомовского корпуса. Нек-рые из них были идентифицированы как произведения *Севериана Габальского,* выдающегося проповедника кон. IV — нач. V в. (среди проч. автора гомилий на «Шестоднев», весьма популярных в Византии и слав. мире).

Особое место в лит-ре этого периода занимает *Синесий Киренский* — поэт, оратор и философ. 9 гимнов Синесия, посвященных Божеству, написаны на архаизирующем диалекте, подражающем пиндаровскому, что не мешает им быть образцом жанра оды, к тому времени почти исчезнувшего. Для понимания духовной атмосферы эпохи очень важны письма Синесия. Эксперименты с облечением христ. богословия в классическую поэтическую форму продолжил *Нонн Панополитанский,* написавший после 431 г. гекзаметрический парафраз Евангелия от Иоанна. Однако, поскольку тот же Нонн известен как автор большой поэмы о деяниях Диониса, не исключено, что мы имеем дело скорее с интеллектуальной игрой, чем с серьезным предприятием, подобным переложению Псалтири *Аполлинарием (младшим),* еп. Лаодикии Сирийской, или несохранившемуся переложению Евангелий имп. *Евдокии.*

Свт. Иоанн Златоуст. «Беседа 4 на Первое послание к Фессалоникийцам» (Vatop. 327. Fol. 222v, 1335 г.)

Неск. авторов V в. вслед за Евсевием Кесарийским посвятили свои сочинения церковной истории. *Сократ Схоластик* описал события с 305 по 439 г., привлекая большой документальный материал. Сократ сформулировал нек-рые принципы своего жанра: объективность как цель церковной историографии, что объединяет ее с историей, и точные указания на источники, что было свойственно античной историографии в гораздо меньшей степени. Для Сократа характерно осознание тесного переплетения и взаимозависимости церковной и политической истории, в т. ч. и на лит. уровне; по его словам, он опасался наскучить читателю рассказами лишь о спорах епископов и об их борьбе с еретиками, а потому ввел в свое произведение повествования о войнах и проч. политических событиях. Это означало большее, по сравнению с Евсевием, сближение церковной истории с традиц. жанром. Сочинением Сократа активно пользовался др. церковный историк V в., *Созомен,* рассказывающий о периоде с 325 до 439 г. В лит. отношении Созомен превосходит Сократа, однако он не столь критически относится к отбору материала для своего труда именно потому, что считает возможным иногда жертвовать научной строгостью ради лит. занимательности.

Оценивая популярность жанра церковной истории в Византии V–VI вв., необходимо учитывать, что неск. произведений дошло до нас лишь во фрагментах, выдержках или переводах. Таковы сочинения *Филиппа Сидского, Исихия, Геласия* (православные, V в.), *Филосторгия* (арианин, кон. IV — V в.), *Захарии Ритора* и *Феодора Чтеца* (православные, VI в.), *Иоанна Диакриномена, Василия Киликийца, Иоанна Эфесского* (монофизиты, VI в.).

Церковная история занимала важное место и в творчестве одного из крупнейших визант. писателей V в. блж. *Феодорита,* еп. Кирского. Его труд в 5 книгах посвящен событиям с 325 по 428 г. и опирается на предшествующую традицию, включая Евсевия, Сократа и Созомена. Феодорит, однако, во многом порывает с принципами, к-рыми руководствовались его предшественники. Не пытаясь быть объективным, писатель изображает людей и события строго в черно-белых тонах в зависимости от их ортодоксальности в его понимании. Блж. Феодорит не стесняется прибегать к открытой хуле или неумеренным восхвалениям в адрес своих персонажей — приему, недопустимому с т. зр. традиц. историографии, но весьма охотно применяемому христ. хронистами, особенно в изложении перипетий церковной истории. Еще одна черта, сближающая Феодорита с хронистами,— откровенная дидактичность, проявляющаяся, напр., во введении в текст назидательных посланий и обращений различных церковных деятелей; т. о. Евсевий и др. включали

в свои сочинения исторические документы (они присутствуют и в произведении Феодорита). Блж. Феодорит известен и своим апологетическим сочинением, в к-ром он защищает христианство от нападок язычников. Это «Врачевание еллинских недугов», отличающееся изысканностью стиля, большой эрудицией и взвешенным тоном полемики.

Полностью сохранилась церковная история *Евагрия Схоластика*, описавшего в 6 книгах события с 431 по 594 г. Евагрий воплощает лучшие черты своего жанра — стремление к правдивости и беспристрастности, простой и искренний тон повествования, лишенный чрезмерной вычурности, выразительность описаний, окрашенных личным отношением к происходящему. Вместе с тем по количеству описаний диковин и невероятных событий Евагрий превосходит даже Созомена. Но «Церковной историей» Евагрия в визант. лит-ре этот жанр прерывается (единственное исключение — «Церковная история» Никифора Каллиста Ксанфопула, 1-я пол. XIV в.).

Важный вклад в развитие визант. агиографии внес Феодорит своим произведением «Монашеская история» (Historia religiosa), где описывается жизнь монахов, подвизавшихся в окрестностях Антиохии и Кира, кафедру к-рого занимал автор. Большинство рассказов написано по личным впечатлениям. Это сочинение отличается простотой языка и живостью изложения — чертами, свойственными сборникам рассказов о монахах. К ним относятся *«История монахов»* (Historia monachorum in Aegypto), написанная в кон. IV в. предположительно монахом Елеонской горы и затем переведенная на лат. язык *Руфином Аквилейским;* «Лавсаик» (Historia Lausiaca) еп. *Палладия* Еленопольского; сб. *«Apophthegmata Patrum»* (IV — нач. VI в.; в слав. традиции — «Скитский Патерик»), а в нач. VII в.— «Луг духовный» *Иоанна Мосха*, у к-рого данный жанр достигает своей высшей точки. Греч. язык у Иоанна уже весьма близок к разговорному, а новеллистический, сюжетный элемент в его повествовании выражен сильнее, чем в более ранних произведениях того же рода. Всем этим произведениям свойственно сочетание элементов агиографии, аскетического поучения и занимательного рассказа, что предопределило огромную популярность патериков во все последующие века существования Византии. К патерикам примыкает произведение, ставшее излюбленным чтением византийцев,— «Лествица» *Иоанна Лествичника*, обобщившая монашеский опыт предшествующих столетий в литературной форме, сочетающей прямые наставления о пороках и добродетелях с поучительными историями из жизни. Весьма разнообразная с т. зр. стиля, «Лествица» изобилует метафорами и сравнениями и содержит пассажи, напоминающие гимнографические тексты (напр., о покаянии, PG. 88. Col. 764B).

Из агиографических произведений V в. особого упоминания заслуживают «Повесть об убиении монахов на горе Синайской» Нила Синаита, в к-рой используется лит. инструментарий еще одного античного жанра — эллинистического романа, и Житие свт. Порфирия Газского *Марка Диакона*, представляющее, по всей видимости, лит. греч. переработку сир. текста. Эпизоды жития о пребывании свт. Порфирия в К-поле при имп. дворе и в Газе во время языческого мятежа местами также напоминают приключенческий роман.

В V–VI вв. в визант. церковно-литургической поэзии произошел переход к поэтическому творчеству. То, что произведения прп. *Романа Сладкопевца* в позднейшие времена воспринимались именно как самостоятельные поэтические сочинения, доказывает их сохранение в рукописях при практически полном вытеснении из литургической практики. Прп. Роман (по происхождению, возможно, еврей из Сирии) писал в форме кондака. Стихи были силлабическими с довольно последовательным учетом ударения и не имели ничего общего с классической квантитативной метрикой. Несмотря на то что сама форма кондака в том виде, в каком он был представлен у прп. Романа, в дальнейшем не стала образцом для подражания, гимнографическая метрика ориентировалась именно на принципы живого (т. е. силлабического или силлабо-тонического) стиха, к-рый мог восприниматься не только при чтении, но и на слух. Однако именно прп. Роман ввел в практику визант. богослужебной поэзии такой чисто визуальный прием, как *акростих*. Содержание кондаков этого автора отмечено явным влиянием «суггиты» — сир. драматизированного гимна. Разговорное начало вообще очень характерно для творчества прп. Романа Сладкопевца.

Уникальным явлением в визант. литургическом стихосложении и в визант. лит-ре вообще следует считать *Акафист* Пресв. Богородице (датируемый VI–VII вв.), с его последовательным силлабическим параллелизмом и гомеотелевтами (рифмованный силлаботонический стих, обычный для средневек. лат. гимнографии, на визант. почве не прижился). Ритмический параллелизм соответствует синтаксическому.

Икосы Акафиста Пресв. Богородице (Vatop. 1432. Fol. 120r, 1742 г.)

Поэзия в классической квантитативной метрике, прежде чем испытать глубокий упадок с кон. VI в., пережила еще один расцвет. Хотя произведения, созданные такими авторами, как Мусей, Коллуф, Трифиодор, Квинт Смирнский, Паллад Афинский, по содержанию относятся к архаизирующей нехрист. словесности, христ. сюжеты получили отражение в эпиграммах, собранных в 1-й кн. Палатинской антологии, а также в «Экфрасисе Св. Софии» *Павла Силенциария*. Используя возвышенную поэтическую лексику, автор создает монументальный образ храма, затмившего своей красотой все, что когда-либо видели его современники.

Творчество *Георгия Писиды*, писавшего в царствование имп. Ираклия, завершило собой развитие

ранневизант. поэзии и обеспечило в этой области переход к средневизант. периоду. Основной размер, к-рым пользовался Георгий, может быть с одинаковым основанием назван «ямбическим триметром» квантитативного стихосложения и «двенадцатисложником» силлабической поэзии. У Писиды уже заметна тенденция к фиксации ударения на предпоследнем слоге строки, ставшая впосл. почти абсолютным правилом. Это явление позволяет говорить о проникновении в силлабический стих элементов тоники. Применяя двенадцатисложник в эпическом жанре (поэмы о войнах Ираклия, в т. ч. и об аваро-слав. осаде К-поля в 626), к-рый ранее требовал исключительно гекзаметра, поэт достигает большой силы и выразительности в описаниях, не впадая в излишнее многословие. Античные аллюзии у Писиды окончательно отходят в область формы, долженствующей оттенить вполне совр. содержание. Восхваления императора, хотя и занимают существенное место в поэмах, все же не ослабляют динамичности сюжета. В религиозно-дидактическом жанре Георгий Писида создал поэму «Шестоднев», следующую в основном свт. Василию Великому, но в иной лит. форме, а также морализирующие поэмы, оплакивающие в достаточно искусной риторике суетность и неразумие человеческой жизни.

Из всех лит. жанров, унаследованных от античности, наиболее консервативной оставалась историческая проза. Хотя оба выдающихся историка VI в. *Прокопий Кесарийский* и *Агафий Схоластик*, очевидно, были христианами, в их произведениях стилизация под античные образцы (гл. обр. Геродота и Фукидида) приводит к почти полному вытеснению христ. тематики и не оставляет места для христ. осмысления истории. Исключением, к-рое подтверждает правило, можно считать «Тайную историю» Прокопия Кесарийского, в к-рой церковные сюжеты занимают заметное место. В жанровом отношении, однако, это политический памфлет (греч. псогос, т. е. порицание), в к-ром реальные события искусно представлены так, чтобы нанести как можно больший ущерб репутации имп. Юстиниана и его супруги Феодоры. Задачу освещения тем, интересных для христ. аудитории, отчасти выполняли многочисленные церковные истории, но они не давали представления об историческом процессе в целом и его структуре, наполненной провиденциальным смыслом.

Именно такую потребность удовлетворяли всемирные хроники, классические образцы к-рых появились в VI в. Прежде всего это хроника *Иоанна Малалы*, где впервые осуществлен синтез обобщающей всемирной истории, начинающейся с сотворения мира, и подробного рассказа о совр. автору эпохе. Малала отказывается от принципов античной историографии — описания ограниченного временного отрезка, единства стиля, трехчастного построения (narratio — descriptio — oratio (повествование — описание — речь)) и т. п. Композиция хроники предопределена концепцией осевого времени, имеющего начало и конец, в отличие от циклических представлений античности. Такая композиция налагает на автора минимум ограничений при отборе материала, поскольку цельность повествования сохраняется за счет жесткой хронологической шкалы. Вместе с тем у Малалы отражена библейско-богословская концепция всемирной истории как ряда сменяющих друг друга «мировых царств», причем Римскому царству отводится эсхатологическая перспектива. Хронист также воспользовался, хотя и в искаженном и сокращенном виде, достижениями раннехрист. авторов и Евсевия в плане синхронизации событий ветхозаветной и легендарной греч. и рим. истории. Эта синхронизация должна была представить персонажей греко-рим. мифологии как современников различных библейских героев. Произведение Малалы пронизано христ. назидательностью, и изображение античных богов как реальных людей также служило этой задаче. Несмотря на некритический отбор сообщаемых Малалой сведений, в рассказе о своем времени он выступает как вполне профессиональный историк, умеющий использовать наряду с письменными источниками устное предание. Еще одна важная особенность хроники — т. н. соматопсихограммы (описания внешности и нравственных качеств персонажей по определенной схеме). Хроника Иоанна Малалы использовалась в качестве основного источника автором *Пасхальной хроники* (30-е гг. VII в.), также воплощающей важнейшие элементы своего жанра: интерес к хронологии (здесь он выражен особенно ярко, т. к. главная цель автора — обеспечить согласование исторической хронологии и христ. пасхалии), церковно-апологетический характер и занимательность, достигаемая за счет включения многочисленных новеллистических фрагментов.

Только в самом конце ранневизант. периода классический жанр истории достигает органичного соединения с христ. мировоззрением — в сочинении *Феофилакта Симокатты*, написанном, очевидно, между 628 и 638 г. Идеал императора у Феофилакта уже включает такие понятия, как смирение, признание бренности всего земного, упование на Божественное провидение, но прежде всего — благочестие. Ход истории в большей степени, чем у Прокопия и Агафия, определяется у Феофилакта вознаграждением за добродетель и воздаянием за грехи. Однако стремление при всем том оставаться в рамках, установленных античной традицией, нередко приводит историка к излишней риторичности. В целом по стилю он уступает своим предшественникам, что отмечалось уже Патриархом Фотием в его «Библиотеке».

Одним из видных богословов этого времени является свт. *Анастасий I Синаит*, Патриарх Антиохийский. Он составил 5 философских трактатов в форме проповеди, посвященных антиеретической полемике, к-рые дошли до нас в лат. переводе.

В VI и 1-й пол. VII в. продолжает развиваться агиография. Чрезвычайно интересна фигура *Кирилла Скифопольского*, автора целой серии биографий основателей палестинских мон-рей: прп. Евфимия Великого, прп. Саввы Освященного и др. Автор точен в передаче фактов, внимательно относится к подробностям и тщательно фиксирует хронологию. Созданные Кириллом жития образуют в нек-ром смысле единое повествование, где собирательный образ палестинского монашества, с одной стороны, и фигура автора, с др., играют самостоятельную лит. роль. Произведения Кирилла мало риторичны и по стилю ориентированы скорее на Apophthegmata Patrum. Новые перспективы изучения его творчества, связанные с атрибуцией

«Похвального слова преподобным Евфимию и Савве», сохранившегося в слав. версии, могут существенно изменить мнение о времени кончины Кирилла (нач. 610-х) и о развитии его лит. метода.

Весьма заметным произведением является панегирик свт. *Софрония I,* Патриарха Иерусалимского, мученикам Киру и Иоанну. Софроний был также церковным поэтом, классиком т. н. анакреонтического стиха — античного метра, приспособленного к силлабическому стиху с элементами тоники.

Один из величайших представителей визант. агиографии и лит-ры вообще — *Леонтий,* еп. Неаполя Кипрского, составивший Жития свт. Иоанна Милостивого и прп. Симеона Юродивого. Произведения Леонтия очень близко подходят к совр. представлениям о художественной лит-ре: фактический материал у него всецело подчинен художественным задачам, сюжетно и композиционно организован так, чтобы создать у читателя особое настроение и привести его к нужным автору чувствам и мыслям. Для этих житий, особенно для 2-го, характерна многоплановость, позволяющая постепенно проникать в более глубокие уровни повествования — от фактографического до богословско-метафизического. Леонтий виртуозно применяет речевые характеристики персонажей и варьирует стиль в зависимости от содержания.

Завершается история ранневизант. агиографии монументальным Житием прп. Феодора Сикеота, к-рое написал его ученик Георгий (до 641). Необыкновенное богатство бытовых деталей, сведения из политической истории того времени, многочисленные истории об изгнании бесов и проч. чудесах делают эту биографию не только одним из важнейших источников по истории Византии нач. VII в., но и весьма занимательным чтением.

Совершенно особое место в истории ранневизант. лит-ры принадлежит «Христианской топографии» *Космы Индикоплова* (написана в 545–547). Это произведение совмещает самые разные лит. жанры, как унаследованные от античности, так и специфически христианские: записки путешественника, естественно-научное землеописание, астрономический трактат, богословско-полемическое сочинение. Личность Космы, купца, мореплавателя и монаха, определила неповторимый колорит его записок, где сочетаются живые наблюдения за диковинами

Символическое изображение мироздания. Миниатюра из «Христианской топографии» Космы Индикоплова (Vat. gr. 699. Fol. 98, кон. IX в.)

заморских стран с сухими богословскими построениями (в несторианском духе).

Средневизантийский период (сер. VII — кон. XII в.). Водораздел между лит-рой ранневизант. и средневизант. в нек-рых отношениях более очевиден, чем между ранневизант. и поздней эллинистической, так что нек-рые ученые (в т. ч. А. П. Каждан) начинают историю визант. лит-ры именно с сер. VII в. Резкое сокращение территории и населения империи, упадок городов, оскудение материальных ресурсов привели в это время к замиранию лит. деятельности, к-рая возобновилась в полном объеме лишь к рубежу VIII–IX вв.

Реакцией на завоевание арабами юж. и вост. областей Византии явилось «Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского. Греч. версия сочинения появилась в посл. четв. VII в. Это апокрифическое произведение, пользовавшееся огромной популярностью до XVII–XVIII вв., делится на 2 части. 1-я содержит обзор всемирной истории, а 2-я — собственно «пророчество», где красочно описывается вторжение арабов, после их поражения с севера устремляются полчища жестоких варваров («светловолосый род» — ξανθὸν γένος), к-рые в результате сверхъестественного вмешательства становятся на сторону праведных. «Откровение» передает атмосферу эсхатологических ожиданий, возникшую в Византии в ходе араб. нашествия.

Агиография была одним из немногих жанров, породивших во 2-й пол. VII — кон. VIII в. сколько-нибудь заметное число текстов. На первый план в это время выходят либо жития, содержащие описание чудесных событий (Житие сщмч. Ипатия Гангрского и др.), либо сборники чудес (Чудеса вмч. Феодора Тирона Псевдо-Хрисиппа, Чудеса прмч. Анастасия Перса, 2-я ч. Чудес вмч. Димитрия Солунского и др.). Нек-рые из этих сборников представляют значительный интерес не только с исторической, но и с лит.

«Чудеса вмч. Димитрия Солунского» (Vat. gr. 797. Fol. 292, XII–XIII вв.)

т. зр. Это относится прежде всего к Чудесам вмч. Артемия. Нек-рые из рассказов о чудесах представляют собой законченные новеллы, изобилующие бытовыми подробностями. Хотя автор владеет риторическим мастерством, он намеренно пишет простым, а часто даже натуралистическим языком.

В Житии свт. Льва Катанского (VIII в.) основное место занимает история мага Илиодора, продавшего душу диаволу и получившего способность творить «злые» чудеса (1-й известный «фаустовский» сюжет в европ. лит-ре); фактически это новелла с весьма динамичным, местами сказочным, сюжетом.

Гомилетика и гимнография, жанры, доминировавшие в визант. лит-ре «темных веков», представлены в творчестве свт. *Андрея* Критского, свт. *Германа I,* Патриарха К-польского, и прп. *Иоанна Дамаскина.* Перу свт. Андрея принадлежат более 20 гомилий и *Великий канон.* Основные черты лит. стиля этого писателя — композиционная строгость с регулярными повторами и

возвращениями к ранее сказанному и отвлеченность от земных деталей. Андрей Критский употребляет мало сравнений, но зато обильно пользуется синонимическими рядами, анафорами, антитезами и т. п. Основное внимание писателя сосредоточено не на событиях, происходящих на земле, но на их таинственном смысле. В Великом каноне лит. мастерство автора проявляется, напр., в тонкости раскрытия одной и той же темы в соответствующих тропарях разных песен, что создает композиционное движение внутри статичной монументальной структуры. В творчестве Андрея Критского наиболее ярко проявляется свойственное этому периоду сближение гомилетики с гимнографией, в т. ч. и на уровне прозаического ритма.

Напротив, свт. Герман в своих гомилиях рассматривает развитие исторических событий во времени. Для его произведений характерны четкая композиция и драматические ситуации, а иногда, как в гомилии на Благовещение, и диалогическая структура, с помощью к-рой автор удачно передает напряжение момента и смену чувств. Одну из своих гомилий Герман посвятил отражению араб. осады К-поля в 717–718 гг., рассказав, как заступничество Пресв. Богородицы против всяких ожиданий обратило в бегство неисчислимые вражеские полчища. Незаурядными художественными достоинствами отличается Канон прп. Марии Египетской, глубоко раскрывающий диалектику спасения как взаимодействие личного покаяния и милосердия Божия.

Гомилии прп. Иоанна Дамаскина, жившего и творившего за пределами империи на завоеванных арабами землях, отличаются философичностью и герменевтическим подходом — автор сосредоточивается гл. обр. на метафизическом смысле событий. Ситуация с атрибуцией гимнографического творчества прп. Иоанна в совр. науке далека от ясности, однако в тех случаях, когда его авторство общепринято (напр., т. н. Золотой канон), можно говорить о четкой композиционной структуре, логичности и последовательности построения и возвышенном, иногда архаизирующем стиле, несомненно связанном с античными образцами. Богословско-метафизический элемент также хорошо представлен в этих произведениях. Иоанн Дамаскин экспериментировал и с метрикой, применив для написания канонов ямбический размер, строго следующий классической традиции. Впрочем, несмотря на популярность отдельных ямбических канонов, дальнейшего развития это начинание не получило.

Еще одним выдающимся гимнографом VIII в. был прп. *Косма Маюмский*, современник прп. Иоанна Дамаскина. Мастерство Космы в составлении канонов и трипеснцев очень высоко оценивалось византийцами. Каноны Космы (напр., атрибутируемый с уверенностью канон на Крестовоздвижение) очень искусно организованы в композиционном плане, традиц. ветхозаветные темы (Моисей, Иона, вавилонские отроки) играют особую роль в сюжете, а переходы от одной песни к др. организованы так, что ключевые слова каждой из них как бы предвосхищаются лексикой предыдущей песни.

В кон. VIII — нач. IX в. происходит нек-рое возрождение исторической прозы. Между 780 и 787 гг. свт. *Никифор*, буд. Патриарх К-польский, пишет «Краткую историю» (Breviarium), где он попытался изложить классицизирующим языком историю Византии между 602 и 769 гг. Располагая довольно ограниченной источниковедческой базой, свт. Никифор попытался тем не менее создать последовательное повествование, соблюдая все традиции античной историографии (показательно, что хронологически сочинение продолжает труд Феофилакта Симокатты).

Прп. Иоанн Дамаскин. «Священные сопоставления» (Vat. gr. 1553. Fol. 120, X в.)

Любопытное свидетельство упадка образованности в VIII в. представляет собой сочинение, известное под названием «Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί» (Краткие повременные рассказы). Это своего рода путеводитель по К-полю, включающий в себя занимательные новеллы, связанные с теми или иными достопримечательностями. Явная фантастичность и даже абсурдность этих рассказов создает неповторимую гротескную атмосферу великого города, где бродят невежественные, но очень любопытные обыватели.

В 811 г. *Георгий Синкелл* завещал завершить начатую им «Хронографию» (от сотворения мира до правления имп. Диоклетиана) своему другу прп. *Феофану Исповеднику*, к-рый написал ее продолжение (до 813). Если произведение Синкелла из-за сухого стиля не имеет литературно-художественного значения, то труд Феофана, напротив, представляет в этом плане значительный интерес. Согласно мнению совр. ученых, самому хронисту принадлежит лишь последняя $^{1}/_{10}$ часть повествования, тогда как остальное представляет собой собрание фрагментов из разных источников, распределенных составителем по годовым рубрикам (зачастую с нарушением смысловой и сюжетной связи). Из материала, использованного прп. Феофаном, можно частично восстановить несохранившиеся тексты VII–VIII вв. Описание царствований имп. Ирины, имп. Константина VI, имп. Никифора I и имп. Михаила I, сделанные свт. Феофаном, позволяет говорить о нем как о вдумчивом и критически настроенном историке, к-рому не чужд психологизм. В частности, ему удается, при сохранении относительной фактологической точности, изобразить продиктованные гос. интересами мероприятия глубоко антипатичного ему имп. Никифора в виде «10-ти казней египетских». Позднейшие историки начинали свое повествование с того места, на к-ром заканчивается «Хронография» прп. Феофана, не воспроизводя, однако, его уникальной хронографической системы.

В нач. IX в. появляется один из лучших памятников визант. агиографии — Житие прп. Стефана Нового *Стефана Диакона*. Автор органично соединяет 2 содержательных плана: традиц. (аскетические подвиги святого) и злободневный (противостояние прп. Стефана императору-

иконоборцу Константину V), а также искусно вводит побочные сюжетные линии, связанные с духовными детьми Стефана Нового, к-рые так или иначе участвуют в его исповеднической миссии. Повествование изобилует деталями и живыми описаниями, образы иконоборцев столь же рельефны, как и фигуры положительных персонажей. Житие Стефана стало образцом для многочисленных агиографических соч. IX в., затрагивающих тему противостояния святых еретической власти.

В кон. VIII в. начал свою творческую деятельность выдающийся богослов, церковный полемист и активный участник важнейших церковно-политических событий той эпохи прп. *Феодор Студит*. Его сочинения относятся к неск. жанрам, с т. зр. истории лит-ры наибольшее значение имеют письма и огласительные беседы. Переписка Феодора необыкновенно богата в тематическом отношении, причем искренняя и эмоциональная манера автора позволяет видеть за текстом человека, к-рый утешает, наставляет, иронизирует, обличает и т. д., в зависимости от адресата и цели письма. Имея прекрасное образование, прп. Феодор Студит соединяет разговорный язык с ученым, часто изобретая новые слова для более точного выражения своих мыслей. Корпус огласительных бесед Феодора, также весьма обширный, позволяет представить внутреннюю жизнь монашеской общины с ее трудами и подвигами, треволнениями и праздниками, в к-рых непосредственное участие принимает и сам автор (к тому же комментируя события, происходящие в миру).

В 1-й пол. IX в. происходит лавинообразный рост числа агиографических текстов, и большинство из них так или иначе затрагивают тему иконоборчества. Из наиболее интересных представителей этого жанра следует выделить *Феостирикта Монаха*, автора Жития прп. Никиты Мидикийского (полный текст дошел только в слав. переводе), *Игнатия Диакона*, свт. *Мефодия*, Патриарха К-польского, и *Савву Монаха*. Соч. Феостирикта замечательно драматичным сюжетом, выразительными описаниями и прежде всего откровенностью автора, не замалчивающего даже ошибок своего героя. По призванию Феостирикт скорее историк, чем агиограф, благодаря чему Житие Никиты сохранило ряд бесценных подробностей визант. жизни.

Игнатий Диакон выделяется среди современников классицизирующим языком и стилем, а также особым вниманием к лит. форме. Его Жития Патриархов Тарасия и Никифора можно рассматривать как попытку возрождения античной биографии на злободневном материале. Игнатий — мастер сглаживать острые углы и упоминать о нежелательных событиях в завуалированном виде, иногда требующем расшифровки. Сохранившаяся переписка Игнатия сильно уступает в художественном отношении письмам прп. Феодора Студита из-за чрезмерной риторичности.

Свт. Мефодий был одним из самобытнейших писателей своего времени. Его стиль, довольно трудный для понимания, на первый взгляд ориентирован на классические образцы, но на самом деле весьма далек от них даже в области грамматики. Тем не менее по силе и мощи он не знает себе равных в средневизант. период. Мефодий не колеблется вводить в текст целые абзацы, написанные силлаботоническим двенадцатисложником (Житие прп. Феофана). Уникальным документом эпохи является Житие свт. Евфимия Сардского, написанное в заключении и содержащее суровое обличение царствующего имп. Феофила. Это произведение проникнуто личностным восприятием событий: агиограф выступает как их активный участник, спешащий запечатлеть увиденное «по горячим следам».

Савва Монах (работал в 50–60-х гг. IX в.) первым начал систематически перерабатывать более ранние жития, приводя их к стилистической однородности, убирая политически «неудобные» моменты и усиливая роль богословского содержания.

В Житии св. Филарета Милостивого, написанном его внуком Никитой в 20-х гг. IX в., упоминаются известные исторические лица, язык этого произведения приближен к разговорному.

После восстановления иконопочитания (843), ок. 845/7 г. появляется хроника *Георгия Амартола (Монаха)*. Несмотря на невероятно длинные пассажи, состоящие из нанизанных друг на друга библейских и святоотеческих цитат, хроника (существенно сокращенная 2-я ред. после 872) завоевала широкую популярность благодаря новеллистическому и энциклопедическому содержанию. Автор в полной мере использовал потенциал жанра всемирной хроники как собрания разного рода информации.

Наряду с агиографией в IX в. продолжала развиваться и гимнография. Каноны писали и Патриарх Мефодий, и прп. Феодор Студит, и его брат свт. *Иосиф*, еп. Фессалоникийский, и прп. *Феофан Начертанный*. В 30-х гг. IX в. был еще жив гимнограф *Климент Студит*, по мнению нек-рых ученых, один из лучших поэтов своего времени (о его жизни практически ничего не известно). Климент отдавал предпочтение историчности, детальному описанию событий. Напротив, прп. *Иосиф Песнописец* в своих многочисленных канонах чаще прибегал к образности, чем к детальному описанию. Он собирался создать каноны на весь годовой цикл, но осуществить это намерение ему удалось лишь частично. Сквозные темы творчества прп. Иосифа Песнописца — молитвы о спасении: человечества от греха, христиан от врагов и внутренних распрей и самого поэта — как от прегрешений, так и от мирских напастей.

2-й период иконоборчества был отмечен появлением женщин-гимнографов. Известно по меньшей мере 3 из них: *Кассия*, Феодосия и Фекла, но именно Кассия стала особенно знаменита — возможно, из-за легенды о царских смотринах Феофила, связанной с ее именем. Она была весьма одаренным поэтом, не только церковным, но и светским. В гимнографическом творчестве Кассии развиваются такие мотивы, как человеческая слабость перед грехом и упование на милосердие Божие (стихира на Великую среду), вселенское призвание Римской империи, объединяющей все народы под своим скипетром так же, как проповедь Евангелия соединяет их в единую Церковь (стихира на Рождество).

Один из величайших деятелей визант. словесности IX в., свт. *Фотий*, Патриарх К-польский, был не только незаурядным писателем (гл. обр. в жанрах гомилетики и эпистолографии), но и лит. критиком. Он блестяще владел классическим древнегреч. языком и приемами ан-

тичной риторики — недаром многие из его проповедей, судя по заглавию, были произнесены экспромтом. Анализируя с художественной т. зр. произведения античной и христ. лит-ры в своей монументальной «Библиотеке», свт. Фотий исходил из принципа соответствия стиля жанру, так что даже «низменный», по классическим меркам, язык мог удостоиться его похвалы, если употреблялся подобающим образом. Кроме того, свт. Фотий четко отличал форму от содержания и нередко одобрительно отзывался о стиле тех произведений, содержание к-рых отвергал как неприличное или неблагочестивое. Он впервые весьма успешно применил инструментарий античной лит. критики (им значительно обогащенный) к анализу текстов, находившихся за рамками традиц. номенклатуры жанров — напр., Посланий ап. Павла. Немалую художественную ценность имеют «Амфилохии» Фотия — своего рода синтез дружеской переписки и философско-богословских рассуждений на разные темы.

Фигура свт. Фотия наложила заметный отпечаток на развитие визант. лит-ры в кон. IX — нач. X в. Так, учеником Патриарха был имп. *Лев VI Мудрый,* составитель популярных в последующие века гомилий. Под влиянием свт. Фотия находились и непримиримые политические противники Патриарх К-польский *Николай I Мистик* и *Арефа,* архиеп. Кесарии Каппадокийской.

Письма Николая Мистика дают представление о церковных проблемах в Византии и о дипломатических сношениях с Болгарией и Кавказом. Арефа более оригинален с лит. т. зр. Он усложняет стиль своих речей и гомилий весьма запутанным построением периодов, добавляя к этому поговорки, цитаты, античные реминисценции и т. п., что делает его сочинения довольно сложными для понимания (таково было мнение и его современников). Вместе с тем именно в творчестве Арефы наблюдается полномасштабное возрождение визант. публичной риторики. Непреходящая заслуга Арефы заключается в собирании рукописей — благодаря ему до нас дошли мн. памятники античной и древнехрист. лит-ры.

Ученик Арефы *Никита Давид Пафлагон* был ярым ненавистником свт. Фотия. Его Житие Игнатия включает в себя фрагменты памфлетов, написанных против Фотия сторонниками Патриарха Игнатия (в связи с внутрицерковной борьбой 50–60-х гг. IX в.). С художественной т. зр. житие примечательно драматическим сюжетом и видимостью документального повествования. Никита составил ок. 50 похвальных слов разным святым, т. о. отчасти предвосхитив труды *Симеона Метафраста.*

В 40–50-х гг. X в. под покровительством имп. *Константина VII Багрянородного* начинается очередное возрождение исторической прозы (этот жанр был популярен до падения Византии). В сочинениях Генесия и т. н. Продолжателя Феофана делается попытка последовательно представить историю империи с 813 г. Невысокое качество источников и плохое владение классическим языком осложнило авторам их задачу, однако в результате появились довольно занимательные тексты, причем Продолжатель Феофана постарался даже критически подойти к своим источникам, нередко предлагавшим взаимоисключающие версии одних и тех же событий (напр., первое крещение «руси»). Сам Константин VII написал апологетическую биографию своего деда Василия I (6-я кн. Продолжателя), подчеркивающую богоизбранность династии. Под патронатом этого императора составлялись энциклопедические компендиумы, призванные систематизировать знания в самых разных областях – от дипломатии («Эксцерпты о посольствах») до сельского хозяйства («Геопоники») и сохранившие для нас множество фрагментов утраченных произведений античной и визант. лит-ры. При дворе Константина VII работали агиографы, среди к-рых наиболее известен Феодор Дафнопат.

По стопам этих историков в кон. X в. пошел *Лев Диакон,* сделавший своим героем современника — имп. Никифора II Фоку, образ к-рого, несмотря на явную героизацию в духе античных прототипов, представлен у него неоднозначно. Придав полемическую направленность своей «Истории», Лев соблюдает при этом подобающую жанру видимость беспристрастности и ближе подходит к канонам классической историографии, нежели его непосредственные предшественники. Труд Льва Диакона представляет особую важность для истории Др. Руси (описание походов кн. Святослава).

Помимо историй в узком смысле в X в. была создана и всемирная, т. н. Хроника Симеона Логофета, существующая во мн. редакциях. В отличие от хроники Георгия Монаха (в слав. традиции — Амартола) его интересуют именно исторические события, поэтому удельный вес нравоучительного и энциклопедического материала невелик.

Светская поэзия в X в. представлена неск. довольно заметными фигурами. Константин Родосский в правление имп. Константина Багрянородного составил стихотворный экфрасис к-польской ц. св. Апостолов, искусно обрамленный описанием 7 чудес столицы и мозаичным изображением этих же чудес в интерьере храма. Константин Родосский был автором язвительных эпиграмм, направленных, в частности, против стихотворца и богослова *Льва Хиросфакта.*

Мон. *Иоанн Геометр* примерно в то же время писал эпиграммы на исторические, лит., мифологические, географические и др. темы, а также эпитафии. Его именем надписаны 99 эпиграмм назидательного содержания. Подвиги имп. Никифора Фоки восхвалял в своей поэме «О взятии Крита» *Феодосий Диакон,* продолжавший традиции ямбического эпоса Георгия Писиды.

Наиболее яркими явлениями в агиографии X в. были, во-первых, появление житий «рамочного» типа, когда житие святого представляет собой некое обрамление для самых разнообразных сюжетов, а во-вторых, масштабный труд Симеона Метафраста. К 1-му типу можно отнести Жития Василия Нового, Андрея Юродивого и Нифонта. Художественно-беллетристическая составляющая играет огромную роль в этих пространных произведениях. Историческая достоверность их героев, как правило, небесспорна. В состав текстов включались рассказы самого разного содержания, прежде всего откровения и описания загробной жизни. Нек-рые из этих житий воссоздают обстановку эпохи, весьма отдаленной от истинного времени их написания, и даже подходят близко к жанру романа.

Деятельность Симеона Метафраста по унификации и стандартизации

огромного агиографического наследия правосл. Церкви совр. учеными оценивается обычно негативно, поскольку она привела к утрате мн. ранних текстов, имевших подчас большую как историческую, так и лит. ценность. Однако Симеон шел навстречу изменившимся эстетическим вкусам своего времени, и необыкновенная популярность его сборника (четьих миней) доказывает, что он сделал это очень удачно.

Традиц. оригинальная агиография также представлена в кон. IX–X в., однако количество произведений уменьшается по сравнению с предыдущим периодом. Упоминания заслуживают, в частности, Жития прп. Константина из иудеев, прп. Афанасия Афонского, прп. Лазаря Галисийского, прп. Луки Элладского. Можно также отметить возрастание интереса к вставным новеллам, часто вне всякой связи с основным сюжетом (Жития прп. Власия Аморийского, прп. Николая Студита). Новеллистический жанр достигает вершины в душеполезных повестях Павла Монемвасийского.

Кон. X — нач. XI в. ознаменовались появлением одного из величайших визант. мистиков и поэтов — прп. *Симеона Нового Богослова*. Мистическая поэзия Симеона лишена была какого бы то ни было архаизаторства и основывалась всецело на визант. правосл. культуре, что проявилось и в силлабо-тонической метрике (восьми- и пятнадцатисложник). В то же время функционально она далека и от гимнографии в собственном смысле. Основное содержание стихотворений прп. Симеона — устремление души к непосредственному общению с Богом и описание препятствий, к-рые она на этом пути встречает. Поэзия Симеона Нового Богослова лирична и эмоциональна, что не мешает ей касаться и метафизических вопросов.

С творчеством прп. Симеона тесно связано и его житие, написанное его учеником, видным богословом *Никитой Стифатом,* к-рый также опубликовал и популяризовал сочинения своего учителя. Житие прп. Симеона — интересный пример полемической биографии, в к-рой делается попытка оправдать и возвеличить преподобного в глазах представителей тех самых высших церковных кругов, с к-рыми он остро конфликтовал при жизни.

Очень любопытный срез психологии визант. аристократии представлен в соч. «Советы и рассказы» («Стратегикон») *Кекавмена*. Это сборник советов своим детям высокопоставленного визант. вельможи 2-й пол. XI в. Советы, относящиеся к самым разным областям жизни, богато иллюстрируются наглядными примерами, нек-рые представляют собой законченные новеллы. Трезвость и практичность автора, отсутствие ложного пафоса, соединенные с наблюдательностью и острым критическим умом, делают трактат Кекавмена поучительным и занимательным чтением.

Плеяду к-польских интеллектуалов XI в. открывает *Иоанн Мавропод,* митр. Евхаитский. В 1-й период творчества он создавал политические речи, к-рые предназначались для конкретных целей. Это отразилось и на их художественной форме, лишенной чрезмерной витиеватости и банальных топосов. После вынужденного пострига Мавропод сосредоточился на сочинении канонов и похвальных слов святым (в частности, вмч. Феодору Тирону). Сохранились также его письма и эпиграммы (в т. ч. много экфрасисов и эпитафий). Стиль Мавропода отличается сочетанием живой образности и ученых аллюзий. Он был последовательным поклонником и защитником античного наследия.

Самым плодовитым и разносторонним писателем в Византии XI в. был ученик Мавропода *Михаил Пселл*. Его перу принадлежат богословские и философские трактаты, исторические сочинения, многочисленные речи (энкомии, эпитафии, монодии и т. д.), эпиграммы, письма. Как ритор Пселл старался строго соблюдать законы жанра, из-за чего его иногда упрекают в подобострастии, цинизме и проч., поскольку предполагается, что его сочинения не отражают его истинных воззрений. В определенном смысле герой всех риторических произведений Пселла — он сам, любующийся своей ученостью, словесным мастерством и компетенцией в самых разных областях знаний. То же самое можно отчасти сказать и о самом известном его соч. «Хронография», подспудная идея к-рой состоит в том, что Пселл как раз знал, как надо было управлять гос-вом, но его об этом не спросили. В то же время «Хронография» — одна из вершин визант. исторической прозы. Ее основные особенности — психологизм, стремление проникнуть во внутренние мотивы поступков, многомерность и неоднозначность персонажей, а также обобщающая концепция исторического развития империи в описываемый период, образующая своего рода сквозной сюжет повествования. Пселл проявил себя и как лит. критик, нек-рые высказанные им идеи чрезвычайно важны. Так, при полном осознании преемственности и единства греч. культуры от античности до своего времени Пселл высоко ценит самостоятельность, самобытность творчества и потому, в частности, считает своих современников вполне сопоставимыми с древними классиками, но иногда художественная форма становится для Пселла самодостаточной.

Глубину освоения античного наследия в XI в. характеризует центон «Христос страждущий» (Χριστὸς πάσχων), повествующий о Страстях Христовых в метрике и стилистике Еврипидовых «Вакханок». Сочетание, казалось бы, несоединимых формы и содержания производит неожиданное и сильное художественное воздействие. (Впрочем, время создания и авторство этого сочинения остается предметом дискуссий: ряд исследователей склонны относить его к IV в., а в рукописной традиции оно приписывается свт. Григорию Богослову).

Учеником Михаила Пселла был *Феофилакт,* архиеп. Охридский, плодовитый экзегет, полемист, агиограф и эпистолограф. Переписка Феофилакта наряду с жалобами на варварское окружение, в основном выраженная общими словами, содержит интересные подробные описания нравов и показывает, с известным эффектом «отчуждения», социальные взаимоотношения в одной из самых больших визант. епархий.

Среди многочисленных визант. поэтов XI в. выделяется *Христофор Митилинский*, написавший большое количество эпиграмм, часть из них представляет собой довольно длинные стихотворения. Христофор был увлечен красотой видимого мира, отражающей предвечную премудрость Божию. В нек-рых своих произведениях он подчеркивает контраст между кратковременной радостью этого мира и тяжкой скорбью,

к-рая составляет истинную суть земного существования. Христофор продолжает традицию визант. сатиры, в частности высмеивая монахов-чревоугодников или торговцев мощами. В своей поэзии он также отзывался на злободневные политические события, напр. смерть Романа III, ослепление Михаила V, мятеж Георгия Маниака. Для церковной поэзии важны составленные Христофором стихотворные святцы: 2 в классической метрике (ямбы и гекзаметры) и 2 в силлабической (стихиры и каноны).

Именно поэзия становится наиболее популярным родом лит-ры в XII в. Под покровительством севастократориссы Ирины Комнины возникает кружок литераторов, в к-рый, в частности, входили *Феодор Продром, Иоанн Цец* и *Константин Манасси*.

Феодор Продром воплощает собой новую фигуру в лит. мире Византии — нищего поэта, впервые — профессионального литератора. Если в предыдущие столетия хорошее образование само по себе служило гарантией приличной карьеры, то теперь, когда, с одной стороны, круг образованных людей расширился, а с др., возможности для социального роста были урезаны, появились профессиональные писатели, вынужденные полагаться на богатых покровителей-заказчиков. Продром сочинял церемониальные панегирики, исполнявшиеся при возвращении императора из походов, со всей подобающей символикой, вроде уподобления василевса солнцу или параллелей между ним и Христом. Однако наиболее полно его талант проявился в сатирических и юмористических произведениях («Катомиомахия» — подражание древнегреч. пародии на трагедию «Батрахамиомахия», не без аллюзий на совр. Феодору события). Видимо, именно Феодору принадлежит цикл из 4 поэм на народном языке т. н. Птохопродрома, в одной из к-рых сатирически описаны монастырские нравы того времени.

Сочинения Иоанна Цеца представляют собой своего рода ненамеренную пародию на филологическую ученость. Константин Манасси, митр. Навпактский, написал стихотворный рассказ о своей поездке в Палестину в составе посольства (Ὁδοιπορικόν — Путешествие), а также экфрасис ловли птиц со скрытыми политическими аллюзиями. Митр. Константин был также зачинателем жанра поэтической хроники, в к-рой всемирная и визант. история излагалась искусственным поэтическим языком с гомеровскими образами, но в легкой для восприятия манере (о чем свидетельствует широкая популярность этого сочинения).

Еще более наглядно-развлекательный характер носит стихотворная всемирная хроника *Михаила Глики*, включающая в себя большие фрагменты из *«Физиолога»*. В своей поэме из тюрьмы, обращенной к имп. Мануилу Комнину, Глика использует обычные топосы страданий невинно осужденного, бренности этого мира и проч., но делает это, пользуясь народным языком и предметной образностью.

1-й пол. XII в. датируется выдающийся памятник визант. сатиры «Тимарион» — подражающий Лукиану рассказ о путешествии в загробный мир и о потусторонней участи мн. известных лиц (в частности, Михаила Пселла и Иоанна Итала). Автор этого произведения, несомненно имевший чувство юмора и вкус к реалистической детализации, довольно легкомысленно относится к церковному вероучению.

Визант. филология в XII в. достигла, возможно, высшей точки своего развития в работах *Евстафия*, митр. Солунского. Тонкость и глубина анализа, огромная эрудиция, проникновение в суть разбираемого текста — все эти качества архиеп. Евстафий, достойный наследник Фотия, проявляет на материале, не включающем собственно визант. авторов («Комментарии» к Гомеру). Кроме того, Евстафий проявил себя замечательным публицистом, выразителем подлинного гражданского пафоса (напр., в сочинении «Взятие Фессалоники»). В особом трактате «Об исправлении монашеской жизни» он с необыкновенной силой и убедительностью бичует пороки совр. ему монашества, не сбиваясь на банальные общие места и пустую риторику. Отдельной темой в этом трактате проходит невежество иноков, отсутствие у них уважения к культуре, причем архиеп. Евстафий иллюстрирует свои слова конкретными примерами. Ему принадлежит один из шедевров визант. юмора — речь, будто бы произнесенная митр. Неофитом, когда тот, выходя из бани, обнаружил, что у него украли одежду.

Одним из самых продуктивных жанров кон. XI — XII в. оставалась историография. Младшими современниками Михаила Пселла были *Михаил Атталиат* и Иоанн *Скилица*, первый написал «Историю», а второй — компилятивное «Обозрение историй», по жанру относящееся скорее к хронистике. Сочинение Атталиата отмечено более широким, чем у Пселла, географическим и социальным кругозором, а также центральной ролью военно-аристократического идеала в изображении персонажей. С др. стороны, образы, создаваемые историком, менее рельефны, а анализ причинно-следственной связи событий более поверхностен, чем у Пселла.

Историография эпохи Комнинов начинается 2 произведениями, посвященными основателю династии имп. Алексею I: это «Материал для истории» (после 1118) Никифора Вриенния и «Алексиада» его жены *Анны Комнины*. 1-е из них представляет собой своего рода записки, построенные скорее по географо-топографическому, чем по хронологическому принципу. Особый колорит придает «Материалу» широкое использование семейных преданий, рассказов очевидцев и собственных воспоминаний автора. Изложение Вриенния отличается драматизмом и динамичностью, а фигура имп. Алексея, представленного как идеал аристократической доблести, служит сюжетно-композиционным стержнем повествования.

«Алексиада» (после 1148), по жанру заявленная как история и действительно соблюдающая большинство ее канонов, постоянно тяготеет к энкомию, что осознает и сама писательница. Это напряжение добавляет к изложению как бы 2-й план, побуждая автора стремиться к предельной объективности везде, где это ни бросило бы тень на главного героя. Героико-эпический образ Алексея I органично встраивается в историческое повествование. Анна блестяще владеет не только приемами классической историографии, но и новеллистической техникой. Практически каждый эпизод «Алексиады» обладает собственной сюжетной структурой, причем повествовательное время иногда трансформирует историческое, чтобы придать рассказу большую динамику.

Произведение проникнуто личностным началом: эмоционально-заинтересованное отношение автора к своему труду подчеркивается вплетаемыми в ткань произведения лирическими отступлениями, служа как более полному раскрытию сюжета, так и автохарактеристике самой писательницы, к-рая не лишена чувства юмора.

Совсем по-иному построено историческое сочинение *Иоанна Киннама*. Нанизывание эпизодов по формально-хронологической или ассоциативной связи создает настоящий калейдоскоп из разноплановых событий, объединенных гл. обр. безудержными восхвалениями имп. Мануила Комнина.

Интересный эксперимент представляет собой «Краткая история» *Иоанна Зонары*. По содержанию — это всемирная хроника, начинающаяся с сотворения мира, однако по исполнению — история в классическом смысле. Автор тратит немало усилий на то, чтобы интегрировать свои источники в стилистически единообразное повествование с логичными и естественными сюжетными переходами. Результатом этой работы явилось произведение, легкое для чтения, несмотря на свой внушительный объем, действительно дававшее хорошее представление о всемирной истории в ее визант. понимании и удовлетворявшее взыскательному вкусу.

Поздневизантийский период (XIII — 1-я пол. XV в.) исторически и культурно отделен от средневизантийского четким рубежом — взятием К-поля латинянами в 1204 г. Поэтому вполне естественно считать переходной фигурой между эпохами историка, ритора и богослова *Никиту Хониата*, описавшего падение столицы в «Хрониках» («Χρονικὴ διήγησις»). Хониат — настоящий новатор в области стиля. Рассказывая о том или ином эпизоде, он совмещает эпический лексический и образный пласт с библейским, создавая этим сочетанием, нехарактерным для классической исторической прозы, особенный эффект. Такая же многоплановость свойственна ему и при характеристике людей и событий: описав их вначале в духе историко-риторического общего места, Хониат затем переходит к фактам и излагает их предельно объективно; впечатление, к-рое получил читатель от приводимых историком деталей, позволяет существенно скорректировать только что нарисованную общую картину. Такой же контрапункт наблюдается у Хониата и между замыслами персонажей и результатами их действий. Сюжетный лейтмотив сочинения — неотвратимое приближение катастрофы. Никита был не меньшим мастером исторического портрета, чем Пселл, создавая полнокровные образы, сочетающие в себе хорошие и дурные качества, слабости и доблести.

Падение К-поля не могло не сказаться отрицательно на развитии визант. культуры. Однако уже вскоре в греч. гос-вах, возникших на обломках империи, возобновляется в т. ч. и лит. деятельность.

Современник Хониата *Николай Месарит* был весьма оригинальным ритором. Так, его речь, посвященная восстанию Иоанна Комнина, отличается от др. произведений на ту же тему яркими деталями и описанием роли автора в событиях (последнее присутствует также и у Хониата). Николай издевался над набившими оскомину условностями традиц. визант. риторики. Он не гнушался повествовать о самых будничных вещах, придавая своему описанию оттенок интимности, а иногда и юмора. Очень интересен его экфрасис храма св. Апостолов в К-поле с живыми и динамичными описаниями фресок, а также рассказом о школе при этом храме, где учился и сам автор.

Из всего многогранного творчества *Никифора Влеммида*, включавшего аскетические труды, философские трактаты, сочинения по географии, медицине и т. п., для истории визант. лит-ры важна его автобиография в 2 частях, в к-рой он защищается от нападок недоброжелателей. Для имп. *Феодора II Дуки Ласкаря* Никифор составил трактат «Царская статуя», где, во многом следуя за античными образцами, нарисовал образ идеального правителя.

Ученик Влеммида имп. Феодор Ласкарь, один из образованнейших людей своего времени, помимо философских трудов написал неск. речей, в частности превосходный экфрасис своей столицы, Никеи, в к-ром сравнивал ее с древними Афинами. Преимущество Никеи, согласно Феодору, состояло в том, что она сумела соединить правосл. богословие с античной культурой. Имп. Феодору принадлежит надгробная речь, посвященная римско-герм. имп. Фридриху II Гогенштауфену, в к-рой он представляет свои взгляды на взаимоотношения правителя и подданных. В письмах Феодор с искренностью и тонкостью передает эпизоды своей жизни, свое настроение; в них присутствует и ирония, иногда переходящая в сатиру, и философские размышления, и описание прекрасных ландшафтов и памятников древности.

У Влеммида учился также историк *Георгий Акрополит*. В своей «Хронике» (Χρονικὴ Συγγραφή), рассказывающей о периоде 1203–1261 гг., он выступает одним из самых последовательных сторонников объективности и беспристрастности историографии (разумеется, ему приходится нарушать этот принцип, когда он пишет о царствующем императоре). Сочинение Георгия Акрополита отличает скупое и сжатое изложение: он всегда стремится к минимальному использованию словесного материала для передачи реалистической картины. В «Хронике» много реалистичных сцен, иногда с оттенком юмора, оживляющих часто монотонное изложение. С т. зр. сюжета в этом сочинении дается целостная и последовательная история Никейской империи — от падения К-поля до его отвоевания. Георгий был также автором одного из примечательных поэтических произведений эпохи Никейской империи — элегии на смерть имп. Ирины (1241). Это стихотворение, написанное от лица самой царицы, проникнуто искренним чувством, к-рому до нек-рой степени противопоставлены преходящие слава, знатность и величие.

Наиболее процветающими жанрами в визант. лит-ре 2-й пол. XIII — 1-й пол. XIV в. оказались историография, иногда переплетающаяся с автобиографией, риторика и эпистолография. Примечательным явлением этого периода было возрождение жанра церковной истории *Никифором Каллистом Ксанфопулом*. От его сочинения дошли только 18 книг (до 610). Ксанфопул искусно соединяет в единое гармоничное целое сведения, почерпнутые из разных источников, не оставляя в стороне и события светской истории. Он был также довольно плодовитым агиографом и составил, в частности, описание чудес в храме Бого-

матери Живоносный Источник близ стен К-поля.

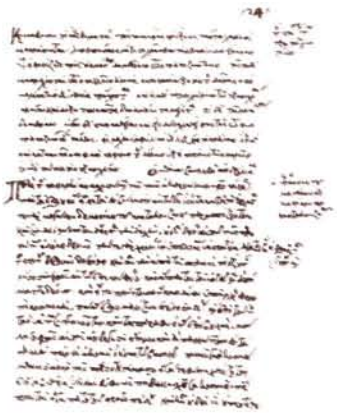
В истории императоров Михаила VIII и Андроника II *Георгия Пахимера* большое место уделено внутрицерковным спорам. Приверженность Православию органично соединяется у автора с эллинским патриотизмом, поскольку и то и другое противопоставлено лат. Западу. Его сочинения отличаются архаизацией языка, стиля и топонимики, однако это компенсируется глубоким знанием античной классики, в к-рой автор черпает свои образы и аллюзии. Сочинение Пахимера проникнуто пессимизмом, ощущением надвигающейся на империю беды. Риторические произведения Пахимера носят скорее характер упражнений на заданные темы.

Очень сильным автобиографическим элементом отмечены «Истории» имп. *Иоанна VI Кантакузина* (в монашестве Иоасафа). Превратности судьбы бывш. императора предопределили не просто субъективный характер его произведения, но и сюжетно-композиционное построение: фигура и действия Иоанна неизменно оказываются стержнем, вокруг к-рого организовано все повествование. Однако автор не только ведет полемику со своими обличителями (в частности, Никифором Григорой), но и умело выстраивает объективный рассказ так, чтобы исподволь создать у читателя впечатление полной обоснованности своих действий.

Имп. Иоанн VI Кантакузин. Миниатюра из сборника богословских сочинений (Parisin. gr. 1242. Fol. 437, 1370–1375 гг.)

Одной из крупнейших фигур визант. культуры XIV в. был *Никифор Григора*, автор «Ромейской истории», охватывающей период с 1204 по 1359 г. Задачей истории Григора считал не просто фиксировать происходящее с назиданием для читателя. При этом в сферу, к-рую история призвана отображать, попадают чуть ли не все виды человеческой деятельности. Отсюда происходит жанровая трансформация произведения: он включает в свое сочинение богословские трактаты, полемические диалоги, философские рассуждения, а также пространные отступления на социально-экономические, календарно-астрономические и т. п. темы. Несмотря на неустойчивость всего в мире, историк видит возможность и для движения к лучшему, для реализации человеческой свободы, способной преобразовать действительность. Большое влияние на освещение событий у Григоры оказала его личная вовлеченность в церковно-политические споры вокруг *исихазма* на стороне противников свт. *Григория Паламы*.

Никифор Григора. «Ромейская история» (Vat. gr. 165. Fol. 241. Автограф, сер. XIV в.)

Будучи поклонником Платона, Григора написал в его духе диалог «Флорентий, или О мудрости», где с тонким юмором представил свой диспут с *Варлаамом Калабрийским*. Автор предлагает своему оппоненту вопросы по астрономии, риторике и грамматике, на к-рые тот отвечает настолько неуклюже, что аудитория заливается хохотом. Григора писал также речи, выдержанные в аттикизирующем стиле, жития святых (прп. Михаила Синкелла, св. Феофана и св. Иоанна Ираклийского). Он внес большой вклад в развитие визант. филологии, особенно критики текстов. Переписка Григоры дает представление о сложившемся в XIV в. сообществе визант. интеллектуалов, поддерживавших друг с другом тесные дружеские связи, культивировавших элитарную науку и образованность. По стилю письма Григоры иногда невероятно вычурны из-за преувеличенного аттикистического пуризма.

Учитель Григоры *Феодор Метохит* (1270–1332) пользовался наибольшим авторитетом в упомянутой среде. Феодор работал во мн. лит. жанрах, включая похвальные слова святым, речи, гекзаметрические поэмы и т. д., однако наибольшую славу принес ему т. н. Miscellanea — сборник небольших философских, литературоведческих, политических, научных и проч. сочинений, отличающийся глубиной мысли, свободой и проницательностью суждений и огромной эрудицией. Метохит осознавал катастрофическое положение Византии, но был способен взглянуть на него отстраненно, в контексте всемирной истории. Стиль Метохита, как и у Григоры, выдает принадлежность к узкому кругу посвященных. В наст. время именно эта необычайная сложность стиля, к сожалению, привела к тому, что большая часть произведений писателя или издана неудовлетворительно, или вообще не опубликована, что затрудняет адекватную оценку незаурядного творчества Метохита.

В неясности упрекал Феодора и его главный лит. и политический противник *Никифор Хумн*. Риторические произведения Хумна малоинтересны, однако его переписка (172 письма) — это совершенный образец лаконичного эпистолографического стиля, лишенный личностного начала.

Никифор Хумн учился у *Григория II Кипрского*, Патриарха К-польского, к-рый является автором одной из лучших автобиографий того времени, написанной, вероятно, под влиянием подобного же сочинения Никифора Влеммида — краткого, но искреннего, простого и безыскусного рассказа о его юности в ученой среде Никеи и К-поля. Сохранились также элегантные по стилю письма Григория. Автобиографию написал и имп. *Михаил VIII Палеолог*, гл. обр. с целью оправдать свои действия,

вызвавшие глубокий раскол в визант. об-ве.

Именно политика имп. Михаила VIII, направленная на заключение унии с Римом, вызвала новый подъем агиографии, в частности в кружке Феодоры Раулены, к-рая сама написала Жития Феодора и Феофана Начертанных и поощряла др. авторов (напр., Иоанна Скевофилака — автора Жития прп. Феодосии). Эти произведения не случайно посвящены иконоборческому периоду — в контексте религиозно-политической полемики образы тиранов-иконоборцев выглядят прозрачным намеком на латинствующего императора и преследования им оппозиции.

«Политическая» агиография, т. е. жития причисленных к лику святых императоров и Патриархов с описанием, в частности, и их политической деятельности, развивается с кон. XIII в. Из наиболее значимых памятников следует назвать Жития св. Иоанна III Дуки Ватаца, святителей Арсения, Иосифа, Афанасия.

Жанр экфрасиса оставался популярным со средневизант. периода, при Палеологах: к нему обратился Мануил Фил (ок. 1275–1345). Плодовитый и разносторонний поэт, он посвятил ряд стихотворений произведениям живописи, архитектуры, прикладного искусства, причем не только своего времени, но и прошед-

Имп. Мануил II Палеолог. Надгробное слово брату Феодору, деспоту Морейскому (Parisin. Suppl. gr. 309, 1407–1425 гг.)

ших веков. Перу имп. *Мануила II Палеолога* принадлежит замечательное несколько шутливое изображение занавеса с изображением весны, виденного им в Париже.

В XIV–XV вв. ряд заметных фигур выдвинуло монашеское движение исихазма. Предтечей последнего считается прп. *Григорий Синаит*, автор сочинений в традиционном монашеском жанре «Глав» и гомилий, в к-рых разрабатывается тема «Фаворского света». Весьма многогранным было творчество свт. Григория Паламы, включавшее кроме богословско-полемических трактатов письма и проповеди (нек-рые из них агиографического содержания). Паламе удалось облечь мистический опыт иноков-исихастов в чеканные богословские формулировки и тем самым прочно связать его с предшествующей традицией, использовавшей в т. ч. терминологический аппарат античной философии. Большой интерес представляет подробный и весьма объективный рассказ Паламы о его пребывании в плену у турок. Среди последователей свт. Григория Паламы плодовитым писателем был Патриарх *Филофей Коккин*, автор гомилетических и агиографических произведений. Гомилии Филофея написаны классическим, без чрезмерной вычурности языком, они доходчивы и должны быть понятны верующим, а не только узкому кругу ценителей. Особый интерес представляет похвальное слово свт. Григорию Паламе, содержащее информативный и предметный рассказ как о превратностях жизни святого, так и о богословских спорах, протагонистом к-рых он был.

Заключительный период истории Византии описан в 4 исторических сочинениях, каждое из к-рых обладает своеобразными чертами, но в то же время имеет и очевидную общность. Их авторы в отличие от историков XIV в.— это выходцы из провинциальных кругов греч. знати, разделившие все бедствия, выпавшие на долю империи.

Историк Михаил *Дука* описал период с 1341 по 1462 г. Основная часть его труда связана логическими сюжетными переходами. Через все произведение проходит мысль о неминуемой катастрофе империи, и писатель стремится выяснить ее причины. Дука хорошо осведомлен как в античной мифологии и истории, так и в богословских вопросах. Он умело сочетает в тексте библейские цитаты со сравнениями, почерпнутыми из древнегреч. лит-ры. Дука, несмотря на архаизацию топонимов и этнонимов, часто дает точные транскрипции иноязычных названий. Элементы исторического прагматизма проявляются у него во взгляде на историю как на соединение усилий человека и Промысла Божия, в рассмотрении религ. вопросов в политическом ракурсе, в критическом подходе к источникам.

Михаил *Критовул* демонстрирует еще больший прагматизм. Его сочинение охватывает период с 1451 по 1467 г. Стилистически он довольно однообразен (заметно подражание Фукидиду), но интересен в идейном отношении. Критовул придерживается протур. ориентации и рассматривает падение Византии как закономерное событие в ряду циклических перемен в истории. Это позволяет ему снять ответственность с ромеев за упадок державы.

Т. н. «Малая хроника» Георгия *Сфрандзи* относится к жанру исторических мемуаров. Автор описывает в основном события, к-рые пережил сам, без всякой архаизации, почти разговорным языком. Это живой и яркий документ эпохи, описанная в них полная превратностей судьба писателя отражает печальную участь того поколения, к-рому довелось пережить падение К-поля (Сфрандзи принимал участие в обороне). Подход к вопросам вероисповедания, в частности унии с католиками, у Сфрандзи сугубо прагматический.

Лаоник Халкокондил представляет совсем др. направление в историографии XV в. Он последовательный эллинофил и греч. патриот, совершенно равнодушный к вопросам веры. Язык и стиль его сочинения всецело ориентированы на древние образцы, что делает их искусственными и труднодоступными. Композиция чрезвычайно свободна, автор постоянно отклоняется от основной линии изложения, вставляя то новеллистические эпизоды, то этнографические или естественно-научные экскурсы. Художественные задачи у Халкокондила явно превалируют над научными, и это приводит даже к нарушению логики повествования. В целом писатель относился к истории как к сокровищнице иллюстративного материала, способного воспитывать читателя на достоверных примерах, что сближает его с представителями риторического направления итал. гуманистической историографии XV в.

Лит.: *Krumbacher.* Geschichte; *Altaner.* Patrologie; *Аверинцев С. С.* Визант. лит-ра IV–VII вв. // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 409–434; *он же* (совм. с *Сыркиным А. Я.*). Визант. лит-ра VIII–XI вв. // Там же. Т. 2. 1967. С. 87–91; *он же.* Визант. лит-ра XIV–XV вв. // Там же. 1967. Т. 3. С. 257–273; *он же.* Литература // Культура Византии. М., 1989. Т. 1. С. 272–331; CPG; *Beck H.-G.* Geschichte der byzant. Volksliteratur. Münch., 1971; *idem.* Kirche und theol. Literatur; *Hunger.* Literatur; *Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324–1453). Wiesbaden, 1982; Tusculum-Lexicon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters / Von W. Buchwald, A. Hohlweg, O. Prinz. Münch.; Zürich, 1982[3]; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. B., 1983[3]. Bd. 1; *Чичуров И. С.* Литература VIII–X вв. // Культура Византии. М., 1989. Т. 1. С. 129–152; *Алексидзе А. Д.* Литература XI–XII вв. // Там же. С. 153–216; *он же.* Визант. народноязычная лит-ра XIII–XV вв. // Там же. М., 1991. Т. 3. С. 313–341; *Бибиков М. В.* Визант. ист. проза. М., 1996; *Каждан А. П. и др.* История визант. лит-ры: 650–850 гг. СПб., 2002.

Д. Е. Афиногенов

Книжная миниатюра. Традиции визант. книжной миниатюры восходят к миниатюре античной и раннехрист. Хотя считается, что первые рукописные книги появились уже в I в., по-видимому, переход от свитка, достигавшего 9–10 м в длину, к кодексу (книге) происходит в кон. III — нач. IV в.

Если свитки, как правило, делали из папируса, то основным материалом для рукописных книг стал пергамен — особым образом обработанная телячья кожа. В отличие от западноевроп. пергамена, белого и бархатистого по фактуре, визант. имеет более гладкую поверхность и часто желтоватый оттенок. Текст писали темными чернилами, в самых роскошных рукописях — золотом, изредка серебром, иногда по окрашенному пурпуром пергамену; инициалы и заголовки — часто киноварью. Для создания миниатюр использовали минеральные краски и золото, твореное или листовое. Сначала делали подготовительный рисунок, затем в неск. слоев наносили краски, прописывали изображение белилами и прорисовывали мелкие детали.

От доиконоборческого периода сохранилось лишь неск. иллюстрированных рукописей. Все они имели крупный формат и содержали, если верить совр. реконструкциям, по неск. десятков и даже сотен изображений. Разнообразие представленных в них подходов к иллюстрированию текста и размещению миниатюр, а также вариантов стиля не позволяет дать убедительные ответы на вопросы: где, когда, кем и по чьему заказу они были созданы? Невозможно установить, когда методы античной книжной иллюстрации стали проникать в циклы ветхозаветных и новозаветных изображений и когда сложились эти циклы. Можно лишь утверждать, что к нач. VII в. большинство методов иллюстрирования текстов, использовавшихся в эпоху средневековья как в Византии, так и на Западе, уже были известны.

От раннехрист. периода до нас дошли иллюстрированные рукописи на греч., лат. и сир. языках.

Миниатюры рукописей светского содержания, таких как ватиканский

Аникия Юлия в сопровождении аллегорий Великодушия и Мудрости. Миниатюра из Диоскорида. Нач. VI в. (Vindob. Med. gr. 1. Fol. 6v)

(Vat. lat. 3225) и римский Вергилий (Vat. lat. 3867), миланская Илиада (Ambros. F. 205 inf) и венский Диоскорид (Vindob. Med. gr. 1), очевидно, восходят к античным традициям иллюстрирования этих текстов. В венском Диоскориде находится самая ранняя из дошедших до нас посвятительных миниатюр, изображающая знатную визант. даму *Аникию Юлиану* в сопровождении аллегорий Великодушия и Мудрости; в посвятительной надписи воздается хвала Аникии Юлиане за основание ею в 512–513 гг. церкви в К-поле (в р-не Гонората).

Самая древняя библейская рукопись, дошедшая до нас в виде 5 листов,— т. н. *Кведлинбургская Итала* (4 листа — Berlin. SB. Theol. lat. F°. 485; 1 лист — в сокровищнице собора в Кведлинбурге). На основании сходства стиля миниатюр с мозаиками нефа рим. базилики Санта-Мария Маджоре эта рукопись датируется 2-й четв. V в. Сохранившиеся листы содержат фрагменты Книг Царств в доиеронимовском переводе. Иллюстрации перемежались с текстом, занимая целые страницы,

История Саула и Самуила. Миниатюра из Кведлинбургской Италы. 2-я четв. V в. (Berlin. SB. Theol. lat. F° 485. Fol. 2r)

разделенные на прямоугольные компартименты, отведенные для отдельных сцен. Изображения предваряли фрагменты текста. Согласно реконструкции, манускрипт включал в себя 220 листов, в т. ч. ок. 60 страниц с миниатюрами. Фризо-

История Лота (Быт 19. 4–9). Миниатюра из Коттоновского Генезиса. Кон. V или VI в. (Lond. Brit. Lib. Cotton Otho B. VI)

образные композиции, пейзажи в духе античного иллюзионизма, трактовка поз и одежд персонажей, а также почти квадратный формат листов, особенности написания текста, устройство заголовков и простые красные обрамления миниатюр сближают эту рукопись с ватиканским Вергилием.

Одним из наиболее богато иллюстрированных раннехрист. кодексов был *Коттоновский Генезис* (Lond. Brit. Lib. Cotton Otho B. VI, кон. V или VI в.). Он сильно пострадал от

пожара, случившегося в 1731 г. в б-ке лорда Коттона: примерно из 220 листов с 339 миниатюрами сохранилось неск. обугленных фрагментов, иллюстрирующих историю Лота (Быт 19. 4–10, 12–13). Композиции этого памятника, или скопированной с него рукописи, были взяты за образец мозаичистами, украшавшими в нач. XIII в. собор Сан-Марко в Венеции.

В VI в. были созданы 3 рукописи, написанные серебром и/или золотом на пурпурном пергамене: *Венский Генезис* (Vindob. Theol. gr. 31), *Россанский кодекс* (Архиепископский музей в Россано) и *Синопское Евангелие* (Parisin. Suppl. gr. 1286). Они отличаются друг от друга по стилю и расположению миниатюр. В Венском Генезисе (примерно из 96 листов сохранилось 24 с 48 композициями) миниатюры занимают нижнюю часть страницы. Иллюстрации Россанского кодекса, включающего тексты Евангелий от Матфея и Марка, вставлены в начало рукописи; это лист с погрудными изображениями евангелистов, предварявший таблицы канонов, и полностраничные миниатюры со сценами из Евангелий. Евангельские сцены занимают $^1/_3$ страницы наверху, а нижняя часть отведена для изображений 4 ветхозаветных пророков с развернутыми свитками в руках — текст пророчеств имеет отношение к представленному вверху событию из НЗ. Это первые сохранившиеся изображения, комментирующие текст. В Синопском Евангелии 5 из

Пир царя Ирода. Миниатюра из Синопского Евангелия. VI в. (Parisin. Suppl. gr. 1286. Fol. 10v)

дошедших до нас 43 листов, содержащих текст Евангелия от Матфея, украшены миниатюрами, располагающимися в нижней части страницы. Здесь также евангельские сцены фланкируют изображения 2 пророков, держащих развернутые свитки со словами их пророчеств. Среди этих рукописей миниатюры Венского Генезиса отличает стиль наиболее близкий к античной живописи: с присущим античному искусству иллюзионизмом переданы движения и пропорции фигур, постройки и элементы пейзажа. В иллюстрациях Россанского кодекса и Синопского Евангелия, создание к-рых мн. ученые связывают с Востоком, художественные средства немного проще, а выразительность образов достигается утрированием ряда приемов.

Распятие Христово. Жены-мироносицы у гроба Господня. Явление Христа женам-мироносицам. Миниатюра из Евангелия Раввулы. VI в. (Laurent. Plut. I.56. Fol. 13r)

Единственная из раннехрист. рукописей, к-рая имеет колофон (сделанную писцом запись о времени и месте создания),— сир. Евангелие Раввулы (Laurent. Plut. I. 56). Это Четвероевангелие было написано в мон-ре св. Иоанна в Бет-Загбе, неподалеку от Апамеи, в Сирии. Главным его писцом был Раввула, завершивший эту работу в 586 г. Все миниатюры и таблицы канонов вставлены в начало рукописи. Манускрипт открывают 3 полностраничные композиции: Избрание ап. Матфия (Деян 1. 21–26), Богоматерь с Младенцем, Аммоний Александрийский и Евсевий. Далее на листах 3v — 12v изображения занимают поля таблиц канонов и располагаются в 3 регистра: сверху — персонажи из ВЗ (в первых 12 таблицах), в среднем регистре — евангельские сцены, в нижнем — растительные мотивы и животные. Затем еще 4 полностраничные миниатюры: Распятие, Вознесение, Христос с предстоящими и Пятидесятница.

Один из наиболее полно сохранившихся ранних библейских манускриптов — сир. Библия (Parisin.

Иов на гноище. Миниатюра из Сирийской Библии. Кон. VI — нач. VII в. (Parisin. syr. 341. Fol. 46r)

syr. 341) кон. VI — нач. VII в. Для иллюстраций отведено место в колонках текста. Они расположены перед началом соответствующих книг ВЗ. Миниатюры этой рукописи выполнены в соответствии с античными художественными принципами: изображения представлены в беглой живописной манере, лики с по-восточному выразительными чертами написаны отдельными мазками, фигуры объемны и подвижны, хотя за одеждами реже угадываются очертания тела.

Общее снижение художественной активности в Византии в эпоху иконоборчества (726–843) не способствовало созданию иллюстрированных рукописей. Неизвестно, был ли наложен запрет на украшение рукописей священными образами. Рукописи светского содержания по-прежнему продолжали украшать миниатюрами. В 753–754 гг. в К-поле был создан кодекс астрономических таблиц Птолемея (Vat. gr. 1291). Таблицы украшают изображения солнца, луны, знаков зодиака, ветров; их стиль и иконография восходят к классической традиции, но качество исполнения невысокое.

В 80–90-х гг. VIII в. в Студийском мон-ре был изобретен минускул — более экономичный и быстрый тип

письма. Все рукописи предшествующего периода и большинство иллюстрированных манускриптов IX в. написаны унциалом (или маюскулом). В IX–X вв. унциал применяли преимущественно для переписывания библейских, агиографических, гомилетических и литургических текстов; в XI в. он постепенно выходит из употребления и используется лишь для заголовков.

На протяжении IX и части X в. формируются новые принципы книжной декорации. Помимо миниатюр в рукописях постепенно появляются орнаментальные инициалы и заставки, со временем приобретающие традиц., легко узнаваемый облик. Число иллюстраций сокращается; складываются иллюстративные циклы наиболее часто копируемых текстов (Четвероевангелия, Лекционария, Псалтири и др.).

Возможно, в Риме в 1-й пол. IX в. были созданы греч. рукописи Гомилий свт. Григория Назианзина (Ambros. E 49–50 inf) и Книги Иова (Vat. gr. 749); по стилю миниатюр и особенностям написания текста к ним близок манускрипт *Sacra Parallela* (Parisin. gr. 923), созданный, вероятно, вскоре после сер. IX в. Кодексы имеют крупный формат и украшены большим количеством миниатюр. Книга Иова и Гомилии свт. Григория Назианзина содержат самые древние из дошедших до нас иллюстративных циклов соответствующих текстов. Иллюстрации Sacra Parallela — сб. цитат из Библии и патристических сочинений, составление к-рого приписывают св. Иоанну Дамаскину,— свидетельствуют о том, что ранее существовало неск. циклов иллюстраций к Библии, не получивших прямого продолжения в дальнейшей иконографической традиции; ряд сюжетов встречается в этой рукописи впервые. В миланском и парижском манускриптах почти все иллюстрации выполнены золотом, поверх к-рого прочерчены контуры и основные детали изображения. Несмотря на использование в них минимума художественных средств, они отличаются внутренней силой.

Вероятно, вскоре после окончания эпохи иконоборчества — в правление Патриарха Мефодия (843–847) или в 1-е правление Фотия (858–867) — были написаны и украшены миниатюрами 3 Псалтири с иллюстрациями на полях: Хлудовская

Иконоборцы, замазывающие образ Христа. Миниатюра из Хлудовской Псалтири. Ок. сер. IX в. (ГИМ. Син. греч. 129д. Л. 67)

(ГИМ. Син. Греч. 129д), Пантократора (Pantokr. gr. 61) и Парижская (Parisin. gr. 20), от к-рой сохранился лишь небольшой фрагмент. Их иллюстрации по стилю близки друг другу и восходят к традициям раннехрист. миниатюры. В них наряду с буквальными и историческими появляются т. н. типологические иллюстрации, ставящие в соответствие событиям ВЗ события НЗ. Принято считать, что непосредственный прототип Псалтирей с иллюстрациями на полях сложился в кон. VIII — 1-й пол. IX в. в сиро-палестинской среде, а первые Псалтири подобного типа появились во 2-й пол. VI–VII в. Такую редакцию Псалтири, с миниатюрами, комментирующими текст и расположенными только на его полях, иногда называют «монастырской» в противовес «аристократической» редакции с буквальными и историческими иллюстрациями, занимающими отдельные страницы. В дальнейшем обе редакции иллюстрированной Псалтири существовали в Византии параллельно. В Хлудовской Псалтири и в Псалтири Пантократора есть изображения, где показаны иконоборцы, замазывающие икону, иконоборческий Собор 815 г. и защитник иконопочитания Патриарх Никифор I, попирающий своего оппонента патриарха-иконоборца Иоанна VII Грамматика.

В 879–882 гг. в к-польском придворном скриптории для имп. Василия I была создана рукопись Гомилий свт. Григория Назианзина (Parisin. gr. 510), содержащая полную редакцию текста. Среди 463 листов рукописи 46 полностраничных миниатюр; мн. страницы расчерчены по горизонтали и вертикали на поля, предназначенные для отдельных сцен и фигур, так что самих изображений значительно больше. В рукописи есть много украшенных золотом инициалов с «плетеным» орнаментом. Стиль изображений, основанный на классических принципах построения формы и композиции, отличается торжественностью и репрезентативностью; яркие и звучные краски лежат плотным слоем, обильно использовано золото. Миниатюры этой рукописи далеко не всегда буквально иллюстрируют текст; для истолкования нек-рых из них и понимания связи изображений друг с другом требуются обширные богословские знания. Разработку «иконографической программы» парижского списка Гомилий (как и Псалтирей с иллюстрациями на полях) приписывают Патриарху Фотию.

Примерно к тому же времени (80-е гг. IX в.) относится рукопись Христианской топографии Космы Индикоплова (Vat. gr. 699), миниатюры к-рой стилистически близки иллюстрациям парижских Гомилий. Это карты, схемы, композиции с изображениями пророков и апостолов, занимающие часть страницы

Царь Давид. Миниатюра из Христианской топографии Космы Индикоплова. 80-е гг. IX в. (Vat. gr. 699. Fol. 63v)

или страницу целиком; фоном обычно служит пергамен. Их отличает превосходное чувство вкуса, композиционная и колористическая гармония. В парижской и ватиканской рукописях использованы похожие типы лиц, сходные приемы передачи движения и изображения

«Териака» Никандра. Миниатюра. 1-я пол. X в. (Parisin. Suppl. gr. 247. Fol. 47v – 48r)

складок драпировок; объемные и весомые фигуры имеют правильные или чуть укороченные пропорции. По стилю к ним примыкают 5 миниатюр, изображающие Христа, Богоматерь, евангелистов Марка, Луку и Иоанна из рукописи, хранящейся в университетской б-ке в Принстоне (Garrett 6). Миниатюры 3 манускриптов, подобно мозаикам апсиды Св. Софии К-польской (вероятно, 60-е гг. IX в.), свидетельствуют об обращении к классическому наследию и стремлении к его переработке для создания идеальной одухотворенной формы. Обращение к классике началось уже во 2-й пол. IX в., вскоре после восшествия на визант. престол императоров Македонской династии, но временем высокого расцвета искусства, и прежде всего книжной миниатюры, стала 1-я пол. X в. Этот период получил название «македонский ренессанс». Его главной фигурой стал меценат и «ученый на троне» имп. Константин VII Багрянородный (913–959), стремившийся сохранить древнее наследие и систематизировать накопленные знания. С имп. Константином связывают создание энциклопедических сборников: 1-й был посвящен военному искусству, 2-й — сельскому хозяйству, 3-й — лечению лошадей. Два последних дошли до нас в рукописях 1-й пол. X в.: Геопоника (Laurent. Plut. LIX, 32) и Гиппиатрика (Berlin. SB. Phill. 1538). Оба кодекса украшены орнаментальными заставками и инициалами, к-рые в берлинской рукописи отличаются необычайным разнообразием и царским великолепием. К этому же периоду относятся сборники сочинений по медицине (Laurent. Plut. LXXIV, 7) с пояснительными изображениями и иллюстрированный трактат о противоядиях от змеиных укусов «Териака» Никандра, автора II в. до Р. Х. (Parisin. Suppl. gr. 247). Среди расположенных на полях текста миниатюр трактата есть целый ряд мифологических и буколических сцен. Колорит, построенный на сочетании охр и голубоватых тонов, идеальные пропорции фигур, свободно движущихся в пространстве, напоминают фрески Помпеи.

Под влиянием древних образцов была создана ок. сер. X в. одна из самых известных рукописей эпохи македонского ренессанса — *Парижская Псалтирь* (Parisin. gr. 139). Это древнейшая из дошедших до нас Псалтирей «аристократической» редакции с 14 полностраничными миниатюрами в широких орнаментальных рамах. Буколические пейзажи и классическая архитектура фонов, аллегории и персонификации, светотеневая моделировка фигур и одежд являются подражанием произведениям античного искусства. Передать его стиль удалось художнику, украсившему Свиток Иисуса Навина (Vat. Palat. gr. 431).

Царь Давид между аллегориями Премудрости и Пророчества. Миниатюра из Парижской Псалтири. Ок. сер. X в. (Parisin. gr. 139. Fol. 7)

Тексту отведено на свитке совсем немного места под миниатюрами, иллюстрирующими первые 12 глав Книги Иисуса Навина, посвященные завоеванию земли обетованной. Точно выстроенные композиции плавно переходят одна в другую; много персонификаций гор, рек, городов. Фигуры изящных пропорций подвижны. Создание Свитка Иисуса Навина нек-рые исследователи связывают с военными походами в Св. землю императоров Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976). Еще один вариант классического стиля этой эпохи представлен в миниатюрах Библии кор. Христины, или Библии сакеллария Льва (Vat. Reg. gr. 1 и 1B), созданной в К-поле вскоре после 940 г. Из 2 томов, составлявших Библию, сохранился только 1-й с книгами ВЗ. Полностраничные миниатюры предваряли некогда каждую из книг ВЗ и, вероятно, НЗ. Это редкий пример иллюстрированной Библии; обычно иллюстрировали Пятикнижие (Пентатевх), Восьмикнижие (Октатевх) или только отдельные книги. Античные образы с их внутренним величием и мощной пластической лепкой послужили образцами для изображений пророков в Книгах пророков с комментариями (Vat. Chigi R VIII 54). В этой рукописи каждому пророку приданы свои индивидуальные черты, им присуще спокойствие и благородное достоинство.

При всем разнообразии копировавшихся текстов и образцов наиболее часто встречающимся видом иллюстрированной рукописной книги в эпоху македонского ренессанса был НЗ, и особенно Четвероевангелие. Рукописи Четвероевангелия украшались, как правило, изображениями сидящих евангелистов — погруженных в раздумья или пишущих (Vat. Palat. gr. 220; Stauronik. 43; Parisin. Coislin. 195; Athen. Bibl. Nat. gr. 56 и др.). Этот иконографический тип, получивший самое широкое распространение в визант. живописи, восходит к изображениям античных философов и поэтов; в Евангелии он впервые появляется в Россанском кодексе VI в. Представленные на золотом фоне или на фоне роскошных архитектурных кулис, напоминающих античные театральные декорации, евангелисты показаны в естественных позах, в ниспадающих крупными складками одеждах ярких чистых цветов. Их фигуры объемны и весомы; письмо ликов свободное, с открытой фактурой мазка. В рукописях 3-й четв. X в. (таких как Четвероевангелия –

Евангелист Матфей. Миниатюра из Евангелия. 3-я четв. X в. (Parisin. gr. 70. Fol. 4v)

Parisin. gr. 70 и Vindob. Theol. gr. 240) появляется и др. тип изображения евангелиста — показанного стоящим или делающим шаг.

Классические живописные принципы, заново сформулированные в сер. X в., стали прочной основой для искусства неск. следующих поколений. Однако уже во 2-й пол. X в. ведущей тенденцией в визант. книжной миниатюре становятся поиски способов одухотворения классической формы. В отдельных произведениях эта тенденция выражается очень резко: напр., подчеркнутая экспрессия миниатюр Трапезундского Евангелия (РНБ. Греч. 21, 21а) во многом противоположна духу македонского ренессанса. Материалистичность и натурализм преодолеваются с помощью нарушения соотношения предметов и фигур в пространстве, смелого искажения пропорций человеческих тел и лиц, утрирования движений. В др. произведениях визант. книжной живописи 2-й пол. X в. (таких как миниатюры НЗ (Lond. Brit. Lib. Add. 28815), Деяний и посланий апостолов (Bodl. Canon. gr. 110) и др.) лишь отдельные черты и некрые экспрессивные акценты нарушают классическую гармонию образов: в изображении пространства и предметов усилены иррациональные элементы, позы и движения персонажей приобрели нервность и напряженность, лица выражают страдание.

К кон. X — 1-й четв. XI в. появляются и более радикальные выразительные средства, позволяющие сильнее акцентировать духовное содержание образа. Напр., в миниатюрах Евангелия из мон-ря вмц. Екатерины на Синае (Gr. 204) свободные позы и изящные пропорции фигур евангелистов, трактовка одежд, живая, иллюзионистическая манера личного письма полностью соответствуют классическому идеалу. Но прп. Петр Монемвасийский изображен на миниатюре как суро-

Омовение ног. Миниатюра из Трапезундского Евангелия. 2-я пол. X в. (РНБ. Греч. 21. Л. 1 об.)

вый аскет: монументальность, мощная тяжеловесность фигуры отшельника сочетается с тонко нюансированной классической манерой письма. В миниатюрах нек-рых др. рукописей этого времени, таких как Евангелие из мон-ря Дионисиат на Афоне (Dionys. 588), постепенно усиливается роль линии и геометрических форм, к-рые становятся более условными, чем раньше, и начинают диссонировать с плавной пластической моделировкой объема. Черты лиц персонажей приобретают более отвлеченный, отрешенный характер, передающий сосредоточенное молитвенное состояние.

Все эти тенденции получают дальнейшее развитие в миниатюрах Минология из Ватиканской б-ки (Vat. gr.1613), созданного по заказу имп. Василия II (976–1025). Это древнейший из сохранившихся визант. иллюстрированных агиографических сборников. Минологий содержит 430 миниатюр, сопровождающих краткие жития святых на 1-ю половину церковного года. В миниатюрах рукописи отразились все основные тенденции живописи этой эпохи. Преобладает спокойный, гармоничный классический стиль; в ряде миниатюр, написанных в более живой и свободной иллюзионистической манере, заметна ориентация на образцы сер.— 3-й четв. X в. Однако в др. миниатюрах этой рукописи обнаруживается определенная близость к новым тенденциям в искусстве 2-й четв. XI в.: к суровому и отрешенному характеру образов, мощным, обобщенным и более абстрактным формам, к большей условности и графичности. В таких миниатюрах лики святых неестественно укрупнены, огромные глаза широко раскрыты, остановившиеся взгляды устремлены в бесконечность. Нередко фигуры имеют преувеличенно мощные, монументальные пропорции, напряженным движениям и суровым, изможденным лицам персонажей придана энергичная выразительность. Все это сближает миниатюры Ватиканского Минология с произведениями искусства следующего поколения, такими как мозаики и фрески ансамблей ц. Осиос Лукас в Фокиде и собора Св. Софии в Киеве.

Ватиканский Минологий оказал существенное влияние на последующую традицию иллюстрирования житий святых. В 1034–1041 гг. он стал образцом для 2 многотомных иллюстрированных изданий др. собрания житий святых — т. н. Императорского Минология. Из этих 2 изданий сохранились том на январь (Baltimore. Walters Art Gallery. Cod.

Перенесение мощей свт. Иоанна Златоуста в ц. св. Апостолов в К-поле. Миниатюра из Минология Василия II (Vat. gr. 1613. Fol. 985v)

521) и том на февраль–март (ГИМ. Син. греч. 183), а также неск. фрагментов в Музее Бенаки в

Афинах (Athen. Ben. 71). Миниатюры этих рукописей в точности повторяют не только иконографию, но и стиль иллюстраций Ватиканского Минология.

В др. произведениях к-польской книжной миниатюры 2-й четв. XI в. новые тенденции отразились мало. Один из немногих подобных примеров — миниатюры рукописи Гомилий свт. Иоанна Златоуста (Cod. 364) из мон-ря вмц. Екатерины на Синае, созданной в 1042–1050 гг. На листе 3 об. изображены имп. Константин IX Мономах с императрицами Зоей и Феодорой, к-рых коронует Христос. Фигуры имп. семьи выглядят тяжелыми, плоскими и неподвижными, как и их округлые лица с симметричными чертами, обведенными жесткими контурами.

Имп. Константин IX Мономах с императрицами Зоей и Феодорой. Миниатюра из Гомилий свт. Иоанна Златоуста. 1042–1050 гг. (Sinait. gr. 364. Fol. 2v – 3r)

С переходом имп. власти от одной династии к др. (1057–1059 — Комнины, 1059–1067 и 1071–1078 — Дуки, 1081–1185 — Комнины, затем до 1204 — Ангелы) начинается новый период в истории визант. искусства, характерной чертой к-рого стал расцвет книжной миниатюры. От этого периода сохранились сотни роскошных иллюстрированных рукописей разного содержания и характера. Как и раньше, иллюстрированные манускрипты остаются предметом роскоши и составляют абсолютное меньшинство среди рукописных книг. Их изготавливают по заказам состоятельных высокопоставленных людей из мирян и духовенства и используют для богослужения, келейной молитвы или домашнего чтения, в качестве ценного дара или вклада на помин души. В зависимости от предназначения и стоимости декоративное оформление этих книг могло быть различным.

Заставка с изображением Иисуса Христа. Миниатюра из Карахисарского Евангелия. 2-я пол. XII в. (РНБ. Греч. 105. Л. 11)

По-прежнему самыми распространенными среди иллюстрированных книг остаются книги Свящ. Писания. ВЗ почти никогда не издавали полностью, но переписывали в виде отдельных книг, из к-рых чаще всего иллюстрировали Псалтирь, а также Книги Пророков и Книгу Иова. От комниновского периода сохранилось неск. Восьмикнижий (напр., Vat. gr. 747, посл. треть XI в. и Vat. gr. 746, 1-я пол. XII в.). Гораздо больше иллюстрируются книги НЗ, особенно Четвероевангелие. Самым распространенным способом иллюстрирования этой книги остаются традиц. изображения евангелистов в начале каждого Евангелия. Однако в комниновский период создаются также Четвероевангелия с очень подробными циклами иллюстраций, размещенных на полях или включенных в текст в виде полос (напр., Четвероевангелия — Parisin. gr. 74, 3-я четв. XI в. и Laurent. Plut VI. 23, нач. XII в.), а также рукописи, украшенные сериями прямоугольных миниатюр в рамках, с изображениями евангельских сцен (напр., Карахисарское Евангелие — РНБ. Греч. 105, 2-я пол. XII в.). Нередко создаются полные издания книг НЗ и отдельные тома Деяний и Посланий апостолов. Последние, как правило, украшались изображениями апостолов, помещенными перед началом каждого текста.

Во 2-й пол. XI в. среди иллюстрированных рукописей существенно увеличивается доля книг, предназначенных для литургического использования — т. е. для чтения во время богослужения. Получают широкое распространение Евангелия апракос, или *Лекционарии*. Как и Четвероевангелия, эти рукописи могли украшаться не только изображениями евангелистов, но и сценами евангельских событий и праздников, размещенными на полях, в инициалах, заставках или занимающими целые страницы (напр., Евангелие апракос — Dionys. gr. 587 или Vat. gr. 1156, оба кон. XI в.).

В это же время значительно увеличивается количество иллюстрированных богословских сочинений, среди к-рых преобладают сборники гомилий отцов Церкви. Огромное распространение получают литургические сборники гомилий свт. Григория Богослова, содержащие 16 проповедей святителя, читаемые в течение года на определенные праздники. Создаются также иллюстрированные сборники творений свт. Василия Великого, свт. Иоанна Златоуста, свт. Иоанна Лествичника и др., Минологии.

Среди иллюстрированных рукописей комниновского периода доля светских сочинений значительно уменьшилась. Из наиболее интересных рукописей такого типа — трактат Псевдо-Оппиана «Кинегетика» об охоте и повадках зверей (Marc. 479, 3-я четв. XI в.); погибшая в XX в. рукопись «Физиолога» (сочинения о животных, растениях и т. п.) из Евангелической школы в Смирне (B 8, 3-я четв. XI в.); историческое сочинение Иоанна Скилицы (Matrit. gr. 26–2, сер. XII в.).

2-я пол. XI в. является временем наивысшего расцвета искусства книжной миниатюры в Византии. Страница рукописной книги этого времени воспринимается как самостоятельное произведение искусства, в к-ром все элементы тонко согласованы и создают неразрывное композиционное единство: написанный каллиграфическим почерком текст, заголовки, фигурные инициалы, орнаментальные заставки и миниатюры, часто расположенные

Вмч. Прокопий Кесарийский. Заставка с инициалом. Миниатюра из Минология. 1063 г. (ГИМ. Син. греч. 9. Л. 72 об.)

на полях или прямо в тексте. Обильное использование золота, великолепие изящных орнаментов, яркие, свежие краски — все это придает рукописям 2-й пол. XI в. характер драгоценных ювелирных изделий.

В это время получает повсеместное распространение особый тип орнамента, возникший еще во 2-й пол. X в.— т. н. эмалевый орнамент. Его основной мотив — фантастический цветок с неск. крупными лепестками. Эти цветы могут иметь разнообразные стилизованные формы, их лепестки окрашены яркими красками — синей, зеленой и красной — и очерчены четкими замкнутыми контурами, к-рые резко выделяются на фоне золота, что делает их похожими на драгоценные визант. эмали. Вьющиеся побеги, листья и бутоны в обрамлении геометрического орнамента образуют самые причудливые комбинации. В этих сказочных зарослях прячутся птицы и звери, изображенные с тонкой наблюдательностью и вкусом. Зооморфные и антропоморфные мотивы украшают сверкающие золотом инициалы, составленные из таких же стилизованных побегов и лепестков: буква Т стоит на груди у павлина, букву О образуют кусающие друг друга за хвост ястреб и остроносая щука, в букве Е скрывается сокольничий, протягивающий своей птице чашку с едой. Таким орнаментом украшен, напр., Минологий из ГИМ (Син. греч. 9). В кон. рукописи есть запись писца, сообщающая, что этот том был окончен в 1063 г.; он был создан в к-польской мастерской, специализировавшейся на изготовлении списков Минология Симеона Метафраста и выпустившей десятки манускриптов с подобной орнаментикой.

Иллюстрации Минология, хранящегося в ГИМе, демонстрируют основные тенденции в искусстве 3-й четв. XI в. Миниатюра этого времени является результатом развития тенденций, наметившихся в искусстве позднемакедонской эпохи. Упрощение и схематизация, более графичная стилизованная трактовка лиц и фигур становятся главными художественными средствами, позволяющими достичь максимальной дематериализации формы и одухотворенности образа. В московской рукописи трактовка архитектуры, пейзажа, человеческого тела и драпировок намного более схематична, чем, напр., в Ватиканском Минологии, скованные движения персонажей переданы условно, тела и предметы теряют объем и вес. Фигуры фронтально стоящих святых напоминают фрески своими монументальными пропорциями, статичными позами, графической проработкой складок, суровыми лицами с остановившимся взглядом.

Новые тенденции достигают зрелости в иллюстрациях ряда рукописей, созданных в Студийском мон-ре,

Помазание Давида на царство. Миниатюра из Псалтири Феодора. 1066 г. (Lond. Brit. Lib. Add. 19352. Fol. 106)

напр. в Четвероевангелии (Parisin. gr. 74) и Псалтири Феодора (Lond. Brit. Lib. Add. 19352). Последняя рукопись содержит колофон, из к-рого известно, что она была исполнена в 1066 г. пресвитером и «библиографом» Студийского мон-ря Феодором из Кесарии для игум. Михаила. Крошечные фигурки на полях, парящие в пространстве белого листа, совершенно лишены веса и объема. Пропорции тел сильно вытянуты, моделировка одежд предельно схематизирована и часто заменена тончайшим золотым ассистом. Активные жесты, горящие взгляды, впалые щеки, огромные крючковатые

Ап. Павел и его ученик Тимофей. Миниатюра из Послания ап. Павла к Филиппийцам. Новый Завет. 1072 г. (МГУ НБ. Греч. 2. Л. 264)

носы и большие рты с сильно опущенными углами придают образам святых подчеркнутую, резкую выразительность. Точный, легкий и непринужденный рисунок, изящество и особая манерная утонченность в исполнении фигур, яркие, сочные краски в гармоничных сочетаниях — все это свидетельствует о совершенстве мастерства иллюстраторов. Подобные рукописи приобрели во 2-й пол. XI — нач. XII в. популярность и создавались во мн. др. мастерских. Вероятно, из имп. скриптория вышла крошечная рукопись НЗ (МГУ НБ. Греч. 2, 1072 г.). Текст, написанный «перлшрифтом» (жемчужное письмо), выполненные золотом заголовки и инициалы, образованные фигурками беседующих апостолов, создают единое ритмическое целое. Квадратные миниатюры в легких орнаментальных рамках занимают чуть больше половины страницы. В них на золотом фоне изображены апостолы, пишущие или диктующие свои послания. Их фигуры кажутся легкими и бесплотными, однако одежды и лики написаны с соблюдением всех классических норм, тончайшими

тональными переходами и белильными лессировками. Особое очарование миниатюрам придает колорит, сочетающий приглушенные тона розового, бледно-зеленого, светло-синего и сиреневого.

В миниатюрах мн. иллюстрированных рукописей посл. трети XI в. явственно начинает проступать классическая основа визант. искусства, к-рой художники стремятся придать максимальную духовную насыщенность. Таковы миниатюры Евангелий — ГИМ. Син. греч. 511 и ГИМ. Син. греч. 518; Athen. Bibl. Nat. gr. 57; Laurent. Med. Palat. 244; Bodl. Auct. T. Inf. 2.7; Parisin. gr. 189

Евангелист Иоанн.
Миниатюра из Евангелия.
Посл. треть XI в.
(Athen. Bibl. Nat. gr. 57. Fol. 265v)

и др. Эти рукописи украшены изображениями 4 евангелистов, занимающими целую страницу. Евангелисты, облаченные в мягкие шелковые одежды, восседают на великолепных резных или плетеных креслах; перед ними на столиках разложены всевозможные инструменты для письма, баночки с чернилами, свитки и кодексы. При этом фигуры и предметы кажутся легкими, лишенными объема, парящими в золотом свете. Складки одежд евангелистов деликатно моделированы тональными градациями, однако подчеркнутая красота силуэтов и сложных линейных ритмов усиливает впечатление плоскостности. Фигуры имеют изящные, немного удлиненные пропорции: небольшие головы, длинные руки и ноги с крошечными кистями и ступнями. Позы евангелистов спокойные и непринужденные, во всем чувствуется равновесие и гармония. Образам евангелистов приданы благородные утонченные черты: высокие лбы, узкие подбородки, орлиные носы, миндалевидные глаза. Лики написаны идеально ровными, гладкими плавями, они словно застыли в состоянии бесстрастного самоуглубленного созерцания.

Однако к кон. XI в. более экспрессивные, выразительные средства окончательно возобладали над классическими. Это можно видеть в миниатюрах 2 роскошных богослужебных Евангелий (Vat. gr. 1156 и Dionys. 587), 2 Четвероевангелий (Palat. 5 из Пармы и Bodl. E. D. Clarke 10), рукописи Лествицы (Vat. gr. 394) и мн. др. Краски стали пестрыми, яркими и холодными, рисунок приобрел сухость и жесткость; прихотливая игра линий, образующих стилизованные складки одежд, делается все более неспокойной. В движениях и жестах персонажей снова чувствуется резкость и напряженность, пропорции фигур невероятно вытянуты, мимика активна; появилась манерность, чрезмерная утонченность и нервность.

Эти тенденции развивались в миниатюре 1-й пол. XII в. Так, в рукописи «Догматического всеоружия» — трактата против ересей, составленного Евфимием Зигабеном по заказу имп. Алексея I Комнина между 1110 и 1118 гг. (Vat. gr. 666), в ликах отцов Церкви, изображенных на 1-й миниатюре, подчеркнуты мистическое вдохновение, душевное напряжение, даже страдание: высокие лбы нахмурены, брови резко изогнуты, сверлящие взгляды наделены большой остротой. Для усиления драматического эффекта черты лиц искажены, линия полностью главенствует над пластикой и становится более самостоятельной и искусственной. Важное значение приобрел свет, к-рый в живописи XII в. стал едва ли не главным выразительным средством, позволяющим акцентировать мистическое, иррациональное начало.

Усиление этих качеств заметно в миниатюрах большой группы рукописей 2-й четв. XII в., вероятно, иллюстрированных в одной мастерской в К-поле. Среди наиболее известных: Евангелие (Vat. Urbin. gr. 2), созданное для имп. Иоанна II Комнина и его сына Алексея в 1122 г.; Кодекс Эбнерианус (Bodl. Auct. T. inf. I. 10); Серальский Октатевх (Topkapi Saray gr. 8) из дворца Топкапы

Вознесение Господне.
Миниатюра
из Гомилий Иакова Коккиновафского.
2-я четв. XII в.
(Parisin. gr. 1208. Fol. 3v)

(Стамбул); Евангелие (Patm. gr. 274) из мон-ря свт. Иоанна Богослова на о-ве Патмос и др. Особенно знамениты 2 списка посвященных Пресв. Богородице Гомилий Иакова Коккиновафского (Vat. gr. 1162 и Parisin. gr. 1208), по имени к-рого иллюстратора этой группы рукописей называют «коккиновафским мастером». Нюансы богословской мысли, смысловые параллели и словесные метафоры нашли отражение в сложных композиционных построениях миниатюр, где в неск. параллельных планах изображены одновременно разные моменты рассказа, визуально сопоставлены разные темы и символы. Мастера не интересовало соотношение фигур и предметов в пространстве, передача их объема, веса, освещения. Его главная художественная задача — изобразить духовную энергию, наполняющую собою весь мир. Основными выразительными средствами являлись чрезвычайно динамичный, виртуозный рисунок, резкий, построенный на цветовых контрастах колорит и иррациональный, яркий белый свет, ложащийся произвольными пятнами, линиями и зигзагами. Действие разворачивается вдоль плоскости. Фигуры изображены в бурном движении, подчеркнутом линейными ритмами драпировок. Возбужденная жестикуляция персонажей, их острые сверкающие взгляды, бледные лица с жесткими зелеными и коричневыми тенями, часто изображенные в характерном резком профиле, усиливают драматический эффект. Миниатюры со-

провождаются сложнейшими орнаментальными композициями заставок и инициалов, населенных причудливыми существами и расцвеченными столь же буйными, плотными красками.

Во 2-й пол. XII в. визант. искусство продолжало активно развиваться в монументальной и станковой живописи. Чрезмерное усиление и доведение до крайности экспрессивных тенденций в искусстве кон. XII в. породило явление т. н. позднекомниновского маньеризма, но это направление почти не отразилось в книжной миниатюре. От 2-й пол. XII в. сохранилось очень мало рукописей, к-рые с уверенностью можно связывать с К-полем. Среди них — Четвероевангелие кон. XII в. (Athen. Bibl. Nat. gr. 93) с обширным циклом миниатюр на евангельские сюжеты.

Особое явление в истории визант. миниатюры представляет т. н. Чикаго-Карахисарская группа рукописей (название от Карахисарского Евангелия (РНБ. Греч. 105) и Евангелия из университетской б-ки в Чикаго (Gr. 965)). С ними связано неск. десятков иллюстрированных манускриптов 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII в. Одни ученые местом создания рукописей этой группы называют К-поль (Б. Л. Фонкич), др.— Кипр и Палестину (А. М. Уэйл-Карр, П. Канар). Рукописи связаны друг с другом рядом особенностей исполнения, почерка, орнаментики, стиля, иконографии и техники живописи миниатюр. Их характерной особенностью является плохая сохранность миниатюр с сильными осыпями красочного слоя, обнажающими подготовительный рисунок. Среди рукописей этой группы преобладают списки НЗ и Четвероевангелия с большими циклами сцен на евангельские сюжеты (напр., Никомидийское Евангелие — НБ НАНУ. Ф. 301 25 Л; Евангелие — Lond. Brit. Lib. Harley. 1810, оба кон. XII — нач. XIII в.). Легкие и плоские фигуры персонажей, как правило, написаны довольно просто яркими локальными красками. В колорите миниатюр преобладают резкие сочетания розового, желто-зеленого, фиолетового, охры. В миниатюрах нек-рых рукописей этой группы, таких как Евангелие (РГБ. Ф. 304. III № 28 (старый — Греч. 11), кон. XII в.), больше заметны черты, характерные для позднекомниновского искусства: вытянутые пропорции импозантных фигур, суховатый, дробный рисунок драпировок, расчерченных условными белильными светами.

Рукописи этой группы продолжали создаваться и после взятия К-поля крестоносцами в 1204 г., напр. 2 Евангелия: Dionys. gr. 4, 1-я треть XIII в., и более позднее — Berlin. SB. gr. Q. 66, ок. сер. XIII в. Обе рукописи отличаются роскошью исполнения, богатством орнамента, яркостью красок. В отдельных миниатюрах Берлинского Евангелия заметны новые черты стиля: интерес к объемной моделировке лиц, повышенный драматизм образов. По мнению исследователей (Х. Бухталь, А. Л. Саминский), это Евангелие, как и нек-рые др. наиболее поздние рукописи Чикаго-Карахисарской группы, было создано в Никее, ставшей во 2-й четв. XIII в. центром притяжения визант. аристократии.

От палеологовской эпохи сохранилось ок. 100 датированных иллюстрированных рукописей и большое число манускриптов, к-рые можно отнести к посл. трети XIII — 1-й пол. XV в. на основании особенностей палеографии и стиля миниатюр. Как и ранее, большинство среди них составляют Четвероевангелия и Лекционарии, а наиболее часто встречающийся тип миниатюры — изображение евангелиста в начале работы над Евангелием, к-рое предваряет орнаментальная заставка. Кроме евангельских текстов от палеологовской эпохи до нас дошли иллюстрированные Псалтири, сочинения отцов Церкви и богословские труды др. авторов, Минологии, жития святых, исторические и научные трактаты.

В XIV — нач. XV в. один из главных рукописных центров существовал при мон-ре Пресв. Богородицы Одигон в К-поле. Но, поскольку большинство миниатюр, относящихся к этому периоду, выполнены на отдельных листах, нельзя утверждать, что художники-миниатюристы работали там же.

Среди наиболее ранних рукописей палеологовского времени — Четвероевангелие из Иверского мон-ря на Афоне (Iver. gr. 5) и греко-лат. кодекс (Parisin. gr. 54), в миниатюрах к-рых нашел отражение новый монументальный классический стиль, представленный фресками ц. Св. Троицы мон-ря Сопочани, Сербия (ок. 1265). В обеих рукописях использованы сходные иконографические модели. Иверский манускрипт содержит большой цикл евангельских сцен, образы евангелистов, изображение сцены «Гостеприимство Авраама» и ктиторскую композицию; парижский — образы евангелистов и ок. 20 миниатюр на евангельские сюжеты. В миниатюрах обоих кодексов объемные и весомые фигуры в спадающих тяжелыми складками одеждах показаны на фоне трехмерных, развертывающихся вглубь архитектурных фонов. Архитектурные кулисы усложняются, художники часто используют античные мотивы: портики, велумы, экседры. Мастера, украшавшие эти рукописи, как и большинство визант. миниатюристов посл. трети XIII в., черпали вдохновение в произведениях македонского ренессанса: миниатюрах Четвероевангелия из мон-ря Ставроникита на Афоне (Stauronik. gr. 43), Парижской Псалтири (Parisin. gr. 139), Свитка Иисуса Навина (Vat. Palat. gr. 431) и др. Иногда миниатюристам удавалось достичь большой близости к прототипу, как, напр., мастеру, украшавшему в посл. четв. XIII в. Псалтирь (Vat. Palat. gr. 381), в к-рой точно скопированы 4 изображения из Парижской Псалтири. В миниатюрах XIII в. преобладают более яркие, насыщенные краски и резкие цветовые контрасты, направленный свет подчеркивает черты лиц, мощь фигур, изображаемое пространство получает развитие вглубь.

В 80-х гг. XIII в. были украшены миниатюрами Четвероевангелие (Lond. Brit. Lib. Burney 20) и Четвероевангелие с Посланиями и Деяниями апостолов (РНБ. Греч. 101). Для них характерно объемно-пространственное построение композиций, свободно лежащие на складках и ликах пробела и светá усиливают их пластику.

В последние 15 лет XIII в. в К-поле, возможно, в скриптории при мон-ре св. Андрея в Криси, по заказу племянницы имп. Михаила VIII Палеолога Феодоры Раулены была создана группа рукописей с библейскими и литургическими текстами (ок. 15 манускриптов). Среди иллюстрированных рукописей этой группы Четвероевангелия (Laurent. Plut. VI, 28; Marc. gr. 541; Bodl. Barocci 31; Vat. gr. 1158) и НЗ (Baltimore. Walters Art Gallery. W 525). Их миниатюры отличаются высочайшим качеством

исполнения и восходят к произведениям македонского ренессанса. Для книжной миниатюры посл. десятилетий XIII в. характерна такая монументальность и мощь, какой не было даже в античном искусстве. Этот стиль, яркими примерами к-рого могут служить фрески церквей Богоматери Перивлепты в Охриде (1295) и прп. Ахиллия, еп. Лариссы, в Арилье, Сербия (1296), представлен в миниатюрах Книг пророков (Vat. gr. 1153).

На рубеже 20–30-х гг. XIV в. в связи с возросшим в визант. обществе интересом к богословским проблемам, в частности к вопросу о природе Фаворского света, на смену стилю палеологовского ренессанса, воплощенному в мозаиках и фресках мон-ря Хора и мозаиках ц. Богоматери Паммакаристос, приходит иное понимание художественного образа. Стиль 30–40-х гг. XIV в.— эпохи церковных споров — представлен в миниатюрах Минология деспота Фессалоники Димитрия Палеолога (Bodl. gr. th. F°. 1), состоящего из одних только иллюстраций, за исключением колофона, посвященного Димитрию Палеологу. К тому же периоду относится НЗ с Псалтирью (ГИМ. Син. греч. 407), в к-ром представлены 26 полностраничных миниатюр. Классическая основа изображений этих манускриптов сохраняется в пропорциональном строе и пластике, в композиционной и цветовой гармонии, но при этом усиливается движение, в изображениях людей и архитектурных фонов возникают сложные ракурсы, лица становятся резко характерными, фигуры, облаченные в чрезмерно просторные, образующие острые зигзагообразные складки одеяния, имеют очерченные белым контуром силуэты, что создает ощущение их свечения. Важная роль отведена теме света: в виде синих столпов или мандорлы в сценах Благовещения, Рождества, Крещения, Преображения, Вознесения, Сошествия Св. Духа и в виде белых бликов, преображающих тварную природу живого. К рукописям, представляющим это художественное направление, уже не классическое по своему характеру, относятся Четвероевангелия 30–40-х гг. XIV в. (Vindob. Theol. gr. 300 и Bodl. Canon 38); Четвероевангелие Исаака Асана Палеолога (мон-рь вмц. Екатерины на Синае — gr. 152, 1346 г.). Сохранились и рукописи того же времени, миниатюристы к-рых работали в более спокойной манере, близкой искусству палеологовского ренессанса: НЗ (Рим, б-ка Валличеллиана. F. 17), Четвероевангелие (мон-рь св. Иоанна Богослова на о-ве Патмос — gr. 81; Vatop. gr. 16; Bodl. Selden supra 6).

Прор. Аввакум. Миниатюра из Нового Завета с Псалтирью. 30–40-е гг. XIV в. (ГИМ. Син. греч. 407. Л. 502 об.)

Евангелист Марк. Миниатюра из Четвероевангелия. 30–40-е гг. XIV в. (Bodl. Canon 36. Fol. 96)

После победы исихазма на Соборе 1351 г. в визант. искусстве еще сохранялись элементы динамичного стиля 30–40-х гг. XIV в., но его общее звучание стало более утвердительным и радостным. Такой стиль представлен в миниатюрах Акафиста (ГИМ. Син. греч. 429), созданного в К-поле в 50–60-х гг. XIV в., вероятно, для Патриарха Филофея, и сборника богословских сочинений Иоанна VI Кантакузина (Parisin. gr. 1242, 1375 г.), написанного писцом Иоасафом из мон-ря Одигон. После того как во 2-й пол. века идеалы, близкие монашеским, получили широкое распространение в визант. обществе, в образах появляется спокойная уверенность и торжество.

В рукописях палеологовской эпохи сохранилось много ктиторских изображений. Имп. портреты в основном помещались в хрисовулах — грамотах о даровании земель и привилегий, часто имевших форму свитка. Изображение имп. Андроника II Палеолога имеется на хрисовуле 1301 г. митр. Монемвасии (Византийский музей, Афины. Ms. no. 80), где император показан подносящим свиток Христу, и на хрисовуле 1307 г. (N. Y. The Pierpont Morgan Lib. M 398), подтверждающем право на владения еп. Канины в Албании, где он представлен перед Богоматерью с Младенцем. На хрисовуле 1374 г. (мон-рь Дионисиат) изображен св. Иоанн Креститель, благословляющий имп. Алексея III Великого Комнина и его супругу Феодору, держащих грамоту о выделении ежегодного содержания для мон-ря Дионисиат на Афоне.

В сборнике сочинений Гиппократа (Parisin. gr. 2144), написанном в 1340–1341 гг. в Италии на бумаге, на развороте листов 10 об.— 11 об. представлены сидящие на тронах и облаченные в роскошные одежды Гиппократ (справа) и заказчик рукописи Алексей Апокавк; маленькая фигурка, стоящая за троном Алексея, возможно, персонификация медицины.

Неск. ктиторских изображений имеется в рукописи Типикона мон-ря Богоматери Верной Надежды (Θεοτόκος τῆς Βεβαίας Ἐλπίδος) в К-поле (Oxf. Lincoln-College. gr. 35, 2-я четв. XIV в.) На одном из них представлена основательница мон-ря племянница имп. Михаила III Феодора Палеологина с моделью церкви и ее дочь Евфросиния с книгой, подносящие свои дары сидящей на престоле Пресв. Богородице. На др. изображены ее муж, дети, внуки Феодоры и монахини из основанного ею мон-ря, обращающиеся с молитвой к Богоматери.

В сборнике богословских сочинений Иоанна IV Кантакузина император изображен на 2 миниатюрах: на 1-й — председательствующим на

Соборе 1351 г. в окружении митрополитов, монахов и придворных (среди участников Собора показан и свт. Григорий Палама); на 2-й император представлен дважды — в царских и монашеских одеждах.

Манускрипт с сочинениями св. Дионисия Ареопагита (Louvre. MR 416), созданный в нач. XIV в. и украшенный миниатюрами между 1403 и 1405 гг., открывают изображения автора и Богоматери, благословляющей имп. семью: Мануила II Палеолога, его супругу Елену и 3 их сыновей. Рукопись была преподнесена имп. посланником Мануилом Хрисолором мон-рю Сен-Дени в память о посещении его императором, искавшим у Карла VI помощи в борьбе против турок. Еще одно изображение Мануила II Палеолога дошло до нас в рукописи 1-й четв. XV в. (Paris. Suppl. gr. 309), содержащей его надгробную речь брату Феодору, деспоту Мореи.

От посл. десятилетий существования Византии дошло очень мало иллюстрированных рукописей. После падения К-поля в 1453 г. традиции визант. книжной иллюстрации продолжали развиваться во мн. греч. мон-рях, в первую очередь на Афоне.

Лит.: *Кондаков Н. П.* История визант. искусства и иконографии по миниатюрам греч. рукописей. Од., 1876; *Weitzmann K.* Die byzant. Buchmalerei des 9. und 10. Jh. B., 1935, W., 1996[r]. 2 Bde; *idem.* Illustrations in Roll and Codex. Princeton, 1970[2]; *idem.* Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago, 1971; *idem.* Byzantine Liturgical Psalters and Gospels. L., 1980; *idem.* Byzantine Book Illumination and Ivories. L., 1980; *Nordenfalk C.* Die spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938; *Galavaris G.* The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969; *idem.* The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. W., 1979; *Dufrenne S.* L'illustration des Psautiers grecs du Moyen Âge. P., 1966; *Belting H.* Das illuminierte Buch in der spätbyzant. Gesellschaft. Hdlb., 1970; *Der Nersessian S.* L'illustration des Psautiers grecs du Moyen Âge. P., 1970; The Place of Book Illumination in Byzantine Art / K. Weitzmann et al. Princeton, 1975; *Лихачева В. Д.* Искусство книги: Константинополь, XI в. М., 1976; *она же.* Визант. миниатюра. М., 1977; *Spatharakis I.* The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscripts. Leiden, 1976; *idem.* Corpus of the Dated Illuminated Greek Manuscripts to the Year 1453. Leiden, 1981. 2 vol.; Искусство Византии в собр. СССР: Выст. М., 1977. Т. 2, 3; *Щепкина М. В.* Миниатюры Хлудовской Псалтири. М., 1977; Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, 3[d] to 7th Cent. / Ed. M. E. Frazer and K. Weitzmann. N. Y., 1977; *Buchthal H., Belting H.* Patronage in 13th-Century Constantinople: An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Wash., 1978; *Nelson R. S.* The Iconography of Preface and Miniature in the Byzantine Gospel Book. N. Y., 1980; *Cutler A.* The Aristocratic Psalter in Byzantium. P., 1984; *Лазарев В. Н.* История визант. живописи. М., 1986; *Huber P.* Hiob: Dulder oder Rebell? Byzant. Miniaturen zum Buch Hiob in Patmos, Rom, Venedig, Sinai, Jerusalem und Athos. Düsseldorf, 1986; *Lowden J.* Illuminated Prophet Books: A Study of Byzantine Manuscripts of the Major and Minor Prophets. Univ. Park (Pa.), 1988; *idem.* The Octateuchs: A Study in Byzantine Manuscript Illumination. Univ. Park, 1992; *idem.* The Beginnings of Biblical Illustration // Imaging the Early Medieval Bible. Univ. Park (Pa.), 1999. P. 9–59; *Ševčenko N. P.* Illustrated Manuscripts of the Metaphrastian Menologion. Chicago, 1990; *Corrigan K. A.* Visual Polemics in the 9th Cent. Byzantine Psalters. Camb.; N. Y., 1992; *Weitzmann K., Bernabò M.* The Illustrations in the Manuscripts of the Septuagint. Princeton, 1999. Vol. 2; *Rodley L.* Byzantine Art and Architecture: An Introd. Camb., 2001; Мат-лы и техника визант. рукописной книги / Мокрецова И. П. и др. М., 2003; *Попова О. С.* Визант. и древнерус. миниатюры. М., 2003. Кат. иллюстр. греч. рукописей: *Omont H.* Les miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI au XIV siècle. P., 1929; *Buberl P., Gerstinger H.* Die Byzant. Handschriften: Die Handschriften d. X. bis XVIII. Jh. Lpz., 1938. Bd. 2; Illuminated Greek Manuscripts from American Collections: An Exhibition in Honour of K. Weitzmann. Princeton, 1973; The Treasures of the Mount Athos: Illuminated Manuscripts / Pelekanidis S. M. Athens, 1973–1991. Vol. 1–4; Corpus der byzant. Miniaturenhandschriften / Oxf. Bodleian Library. Stuttg., 1977–1993. Bd. 1–4; *Furlan I.* Codici greci illustrati d. Biblioteca Marciana. Mil., 1978–1980. Vol. 1–4; Padova, 1988–1997. Vol. 5–6; *Marava-Chatzinikolau A., Toufexi-Paschou Chr.* Catalogue of the Illuminated Byzantine Manuscripts of the National Library of Greece. Athens, 1978–1997. Vol. 1–3; *Weitzmann K., Galavaris G.* The Monastery of St. Catherine at Mount Sinai: The Illuminated Greek Manuscripts. Princeton, 1990. Vol. 1.

А. В. Захарова, И. А. Орецкая

Архитектура В. и.— художественное явление, сформировавшееся в пределах подвижных границ империи. Ее временные рамки также условны, как и территория распространения. Зарождение восходит к эпохе имп. Константина Великого, начало интенсивного развития, как правило, связывают с правлением имп. Юстиниана I. Если в IV в. развитие раннехрист. архитектуры было ориентировано на центры христ. Патриархатов и имп. столицы, то уже с V в. начинается процесс возвышения к-польской школы зодчества. С X в. архитектура Византии представляет собой довольно однородное явление как в строительной технике, так и в художественных принципах. Ее центр — в К-поле, зодчество нек-рых регионов, напр. Закавказья, некогда ориентированное на визант. традиции, с этого периода развивалось самостоятельно. В слав. странах также происходила дифференциация художественного развития: в X–XII вв. складывались основы архитектурных школ Болгарии, Др. Руси и Сербии, на основе визант. архитектуры формировалось зодчество Румынии. В конце своего развития визант. архитектура была ограничена рамками Греции, ее художественное наследие получило новое развитие в поствизант. период, повлияло на возникновение неовизант. варианта исторического стиля XIX в., что выходит за пределы наст. статьи.

История изучения. Значительные утраты и неравномерная изученность памятников разных провинций затрудняют создание ясной картины развития визант. архитектуры, к-рая во многом остается гипотетической. Богатая историография на греч., лат., сир., арм., араб. и др. языках, записки путешественников и паломников, дипломатов и художников содержат указания и описания построек в городах и мон-рях, особенно церквей и дворцов, имеющих ценность при изучении исчезнувших или видоизмененных памятников. Особенности этого жанра письменных источников, его специфическая художественная образность требуют большой осторожности при обращении к подобным описаниям и максимального учета терминологии эпохи для реконструкции утраченных памятников.

Лишь малая часть визант. построек в разных регионах датирована по письменным, в т. ч. эпиграфическим, источникам. В одних регионах (К-поль, Италия, Сирия, Закавказье) таких памятников много, в ряде др. (берега Эгейского м., Каппадокия, Фракия, Дакия, Вост. Причерноморье) они практически отсутствуют, что требует определять их хронологию методом сопоставления стиля и др. особенностей с зодчеством соседних областей.

Понятие визант. архитектуры ассоциируется гл. обр. с монументальным церковным строительством, именно этой области зодчества в ср. века уделялась большая часть творческих сил и материальных средств. Памятники церковной архитектуры сохранились лучше, по ним исследователи судят о др. типах визант. архитектуры и их развитии.

Научный интерес к архитектуре В. и. зародился ок. сер. XIX в., его активизации способствовали

публикация Ш. *Тексье* о церквах М. Азии (*Texier, Pullan.* 1864), экспедиция Ш. М. де *Вогюэ* в Сирию в 60-х гг. XIX в. и др. начинания, прежде всего в области археологии (см. *Византийская империя* (разд. «Археология»)). К кон. XIX в. в изучении архитектуры В. и. одно из первых мест в мире заняло рус. ви-

Мон-рь Хора (Кахрие-джами). Гравюра. XIX в.

зантиноведение, чему способствовало ощущение преемственности с Византией и планы расширения границ России до бывш. владений В. и. Появление специальных учреждений, периодического издания «Византийский временник» и РАИК, имевшего свою печатную периодику, способствовало организационному оформлению и программным исследованиям рус. византинистики. Колоссальный натурный материал — обмеры и фотографии памятников — был накоплен в результате археологических и исследовательских экспедиций российских ученых на Кавказ, в Сирию, в Палестину, на Синай, даже в Египет, продолжавшихся до 1914 г.

В нач. XX в. активизировалась деятельность зап. ученых в Стамбуле, появился ряд монографий об отдельных памятниках столицы (*Millingen A. van.* 1912; *Ebersolt J., Thiers A.* 1913) и др. районов Византии. Их систематические публикации стали началом составления свода памятников архитектуры отдельных регионов В. и., изучения топографии и построек городов. Обобщение материала дало возможность исследовать происхождение как отдельных архитектурных типов, так и функционально однородных групп построек, напр. мартириев (*Grabar.* 1946) или баптистериев (*Khatchatrian.* 1982). Внимание нек-рых ученых было посвящено разработке методологии изучения архитектуры В. и., изучению ее отдельных аспектов, напр. конструкций (О. Шуази), типологической эволюции (Й. Стржиговский), символики форм (А. Грабар, К. Леманн), вопросов стиля (О. Вульф).

Первые опыты составления истории визант. архитектуры были предприняты в нач. XX в. (*Dalton.* 1911), тогда же была сформулирована проблема происхождения визант. храмов. Одни ученые настаивали на вост. корнях (иран., сир., арм., напр. *Strzygowski.* 1918, и др.), др.— на италийских (Дж. Б. Уорд-Перкинс). Позже появились полномасштабные труды, основанные на материалах многочисленных исследований (*Krautheimer.* 1965, 1986; *Mango.* 1976). Универсальную ценность представляет монография Р. Краутхаймера, организованная по хронологическому и географическому признакам (посл. издание с доп. С. Чурчича). Формированию типологии и стиля купольной архитектуры В. и. V–XII вв. и становлению рус. архитектурной традиции посвящено монографическое исследование А. И. Комеча. Для формирования методологической базы изучения архитектуры В. и. важное значение имеют работы В. П. Зубова и А. М. Высоцкого, значительный справочный материал содержит книга Л. А. *Беляева* по истории христ. археологии.

Собор Св. Софии в Константинополе. Вид с юго-запада. Гравюра. XIX в.

В последние десятилетия были сделаны попытки объяснить процессы развития архитектуры В. и. с разных позиций: изменения в литургической практике (Т. Мэтьюс, Н. Б. Тетерятникова), строительной техники (Р. Остерхут) и др. Интересы ученых сосредоточены в рамках отдельных вопросов по истории, периодизации, типологии, регионам визант. архитектуры, что продемонстрировал в т. ч. XX конгресс византинистов (Париж, 2001).

Ранневизантийский период. I. Архитектурный процесс и строительное производство. Уже в ранневизант. время существовали сочинения, посвященные вопросам строительной механики и техники, принципам декора, напр. комментарий к «Камарике» Герона Александрийского, составленный в 1-й пол. VI в. *Исидором* из Милета, архит. Св. Софии К-польской, к-рый предложил собственный способ построения параболы. Теоретическими вопросами занимался и др. создатель Св. Софии — *Анфимий* из Тралл. Компиляцией труда Герона было сочинение «О мерах», широко используемое в Византии IX в., героновские влияния заметны в «Геометрии» Иоанна Диакона Педиасима (XIV в.).

О методах работы визант. зодчих и строителей можно судить по письменным источникам, гл. обр. описаниям построек (Прокопий Кесарийский «О постройках»), по особенностям богослужения, напр. акту основания церкви (канон «Основание св. церкви» католикоса Ованнеса Мандакуни, 480–502, см. ст. *Армения*) или по историческим событиям и случаям, сопровождавшим строительство (расширение кафоликона *Великой Лавры* на Афоне).

Строительство (если его не вели непосредственно монахи) осуществлял архитектор, к-рый вычерчивал план церкви по воле заказчика. Люди архитектурной профессии в ранней Византии делились по своему рангу или сословию. К высшему принадлежали «μηχανικοί» (механики), совмещавшие функции математика, инженера и архитектора; менее квалифицированные —

«αρχιτέκτονες» — руководили строителями. Заказчики могли изъявить свое желание при составлении «схемы» (церковь в Халке имп. Иоанна Цимисхия в 972) или «чертежа» (содержался в послании 405 г. имп. Евдокии еп. Порфирию по поводу церкви в Газе). Вероятно, более подробными являлись «диаграммы», служившие руководством для строителей (*Зубов.* 2000. С. 44–47; *Downey.* 1976), но степень их подробности неизвестна, поскольку ни одна не сохранилась. По свидетельству свт. Григория Нисского (IV в.), замысел постройки мог быть проиллюстрирован в восковой модели, изготовленной «механиками». Уникальный пример подготовительного этапа строительства — рисунок зап. фасада храма, выложенный в земле кирпичом-сырцом около печи для обжига, у *Десятинной церкви в Киеве* (*Комеч.* 1987. С. 172. Сн. 34).

Стандартное строительство, особенно в средневизант. время, с ростом ремесленной традиции могло осуществляться без чертежей. В установлении пропорций плана и высотного построения применялись гл. обр. простые числовые соотношения, в ранневизант. период — иногда иррациональные. Исходным был продиктованный заказчиком один из габаритных размеров строения (о методах построения см.: *Высоцкий.* 1987; *Комеч.* 1987. С. 151–152, 200; *Зубов.* 2000. С. 38–44).

В случае необходимости практиковалось приглашение мастеров из др. городов и областей. Известностью пользовались, в частности, исаврийские кочевые артели, работавшие от Антиохии до К-поля. Активная строительная деятельность имп. Юстиниана I в Месопотамии, Сирии, др. областях способствовала обмену опытом столичных и вост. мастеров.

В ранний период церкви строились очень быстро: собор в Газе и даже грандиозный собор Св. Софии в К-поле были возведены за 5 лет. Об уровне строительного производства, его затратности и месте строителей в обществе свидетельствует описание ц. Богородицы Перивлепты в К-поле (возведена при имп. Романе III Аргире, 1028–1034), для к-рой «раскапывались целые горы, горнорудное дело ценилось выше самой философии, одни камни обкалывались, другие полировались, третьи покрывались резьбой, а мастера этого дела почитались не меньше Фидия, Полигнота и Зевксида...» (*Михаил Пселл.* Хронография / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 27–28).

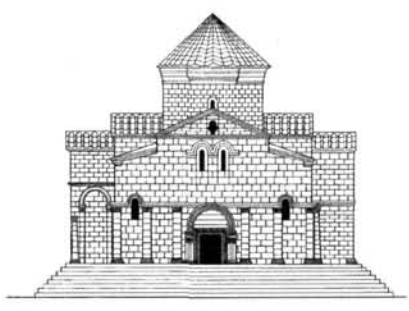
II. Строительная техника, принципы декора. Со времени обретения Церковью офиц. статуса раннехрист. и визант. архитектура оказалась вовлечена в русло развития позднеантичной архитектуры, наследуя ей в значительной мере: античные строительные традиции были приспособлены для новых пространственных форм, иных экономических условий (общей тенденцией, в т. ч. зодчества соседних стран, стало стремление к более экономному использованию рабочей силы и материала).

Древнейшая эллинистическая техника кладки из насухо пригнанных каменных квадров получила новое развитие в Сев. Сирии. В большинстве районов М. Азии и Закавказья, Палестины и Юж. Сирии, отчасти и в К-поле до V в. получила развитие техника 2-слойной каменной кладки с известково-песчаной заливкой по каменному лому между слоями. Камень применяли как тщательно отесанный, так и грубоколотый: базальт (Юж. Сирия), туф (Каппадокия, Армения). После VII в. эта техника стабильно развивалась лишь в странах Закавказья, позже использовалась в Зап. Европе и белокаменном зодчестве Др. Руси XII в. Перекрытия, как правило, были деревянными, хотя небольшие пролеты могли быть перекрыты плоскими каменными плитами.

В зап. части империи — италийских землях и на Балканах — до VII в. устойчиво применялась кирпичная кладка на известковом растворе, на побережье Эгейского м.— каменные блоки на растворе, выровненные кирпичными рядами. Облицовка стен иногда была кирпичной, но и в К-поле, где основа конструкции была бутобетонной, и в др. регионах часто ряды (от 3 до 5) небольших камней чередовались с кирпичной кладкой (от 4 до 9 рядов). Подобная техника с VI–VII вв. стала распространяться в Сирии (Каср-Ибн-Вардан) и на Балканах (ц. Св. Софии в Фессалонике), впосл. стала доминирующей в Византии и слав. странах. Если в позднерим. строительстве толщина кирпича превосходила толщину раствора, то в IV в. соотношение толщины кирпича к шву было равно 1:1, в VI в.— 2:3, т. о. визант. тонкий кирпич (плинфа) оказался включен в пластичный известково-бетонный массив стены.

Основной формой вертикальной опоры оставалась круглая, гл. обр. мраморная, колонна с профилированной базой и резной капителью. Применение выкладываемых столпов было связано с расчетом нагрузки купола и ограничивалось вост. областями империи и соседними странами. Опоры связывались между собой и со стенами посредством арок, хотя до VI в. применялись и каменные перемычки, а в К-поле — античный антаблемент (ц. Сергия и Вакха, завершена до 536). Разделение внутреннего пространства столпами было свойственно архитектуре вост. областей империи и соседних стран.

В ранневизант. время повсеместно использовали деревянные стропильные перекрытия, в главных храмах империи их оформляли кессонированными потолками (ц. св. Апостолов в К-поле). Завершение центрических построек деревянным шатром или каменным куполом (пандативным сводом) зависело от наличия в регионе кровельного леса (письмо 373–375 или 379–394 гг. свт. Григория Нисского еп. Амфилохию Иконийскому о строительстве мартирия в Ниссе). Теми же причинами можно объяснить сооружение каменного купола в храме в Текоре (совр. Дигор, Турция, 80-е гг. V в.), притом что на восстановленном в том же десятилетии соборе Эчмиадзин купол был деревянным. Возведение деревянных шатров особенно практиковалось в лесистых областях: в Ливане, в Ликии и на Кипре, откуда в нач. IX в. были привезены в Иерусалим 50 бревен сосны и кедра для восстановления ротонды Воскресения Христова храма Гроба Господня.

Чертеж зап. фасада мартирия св. Сергия в Текоре. 80-е гг. V в.

Активное распространение каменных перекрытий происходило в нач. VI в. Своды (цилиндрические, крестовые и пандативные), как и купола, возводились в основном из кирпича, чаще всего без использования опалубки, с применением быстро твердеющего раствора, поверх к-рого кирпичная оболочка фиксировалась еще и дополнительным слоем. Церковь Сан-Витале в Равенне построена в древней италийской традиции с применением безопалубочного метода куполостроения из керамических сосудов, набранных кольцевыми рядами, аналогичный метод в камне применялся и в Армении.

Сохранившиеся образцы первых куполов не имеют специально выделенной зоны подкупольного перехода, они скорее похожи на пандативные своды с прорезанными окнами (Текор, Каср-Ибн-Вардан). Предполагают, что таким был купол первого юстинианов. собора Св. Софии (до перестройки 558). Со 2-й четв. VI в. переход от квадрата подкупольных арок к кольцевой основе купола осуществлялся с помощью парусов, особо характерных

Восточная церковь Алахан-манастыра. Внутренний вид. Рисунок. XIX в.

для эпохи имп. Юстиниана. Реже применялись тромпы, к-рые на юге М. Азии имели форму ниши с конхой (Алахан-манастыр), в Закавказье и в Каппадокии — полуконуса. Зодчие столичной школы старались создавать пространственные системы сводов, гасящие распор купола, что было особенно важно при его огромных размерах. Это обстоятельство, вероятно, исключало барабан как отдельную, присутствующую в интерьере форму и приводило к размещению окон в нижней зоне полусферы купола, к-рая и составила отдельную форму — барабан — первоначально только снаружи. С появлением высокого светового барабана между парусами и куполом перекрытия рукавов перестали гасить распор купола, но продолжали играть существенную роль в устойчивости здания. Менялись и внешние формы главы: в V в. это высокий куб с прорезанными в нем окнами (Текор), подобный основаниям деревянных шатров (Алахан-манастыр). Начиная с юстинианов. построек кубовидный объем завершения понижается, его углы прикрывают паруса или тромпы, доминирующую роль играет многогранный барабан. Приверженность древнейшим формам отразилась в ц. Св. Софии в Фессалонике (сер. VII в.), где в каждой грани куба прорезано по 3 окна, тогда как барабан оставлен глухим. Визант. кирпичные купола, как правило, содержат довольно широкие и не сужающиеся кверху ребра, имевшие конструктивное значение.

Широко применялись в церковном строительстве керамические изделия, напр. сосуды-голосники (Дранда в Абхазии, VII в.). В качестве антисейсмических поясов и для обеспечения устойчивости арок визант. мастера использовали деревянные и металлические связи, как внешние, воздушные, так и внутренние, утопленные в стену. Кровли изготовлялись из керамической черепицы, в нек-рых богатых постройках — из свинцовых, золоченых бронзовых (ц. св. Апостолов в К-поле) и медных пластин.

Сохранившиеся постройки и средневек. описания свидетельствуют о богатстве и разнообразии резного и живописного убранства храмов и дворцов, отдельных архитектурных элементов. Наряду со штукатуркой, покрытой росписью или мозаикой, обязательным для всех значимых построек ранневизант. архитектуры стал мраморный декор интерьеров, восходящий к рим. зодчеству. Фасады церквей также покрывали штукатурной или мраморной облицовкой (зап. фасад Св. Софии в К-поле), в средневековье к этим методам добавили живописные панно. Наличие резных капителей, архитравов, карнизов, инкрустированных разноцветным мрамором настенных панелей и настилов полов свидетельствует о художественном вкусе заказчиков и высочайшем уровне обработки камня в архитектуре В. и. Крупное производство деталей и предметов из белого мрамора было организовано

Золотые ворота в Константинополе. Фототипия. Нач. XX в.

на о-ве Проконнес в Мраморном м., откуда они импортировались во все области империи. С др. стороны, в К-поль и др. центры из Средиземноморья, М. Азии, Египта ввозили цветной мрамор, оникс, красный и зеленый порфир и др. материалы.

В греч. и италийских областях широко использовали детали античных построек (колонны и др. элементы из театров и храмов). Эта традиция восходит по крайней мере к эпохе имп. Константина I, когда статуи античных богов были собраны отовсюду в новой столице и как признак городской среды свидетельствовали о преемственности античных художественных вкусов.

1. Архитектура в IV–V вв. Античные принципы планировки применялись ограниченно, гл. обр. в военном (при разбивке лагерей) и дворцовом строительстве. Расположение и строительство христ. храма определялось не только практическими соображениями, но и в большей мере идеологическими. Напр., построенный имп. Константином I храм Сан-Джованни ин Латерано (ок. 313–318) в Риме, первая папская церковь, располагался в имп. владении (как и все церкви Рима нач. IV в.), в отдаленном от центра районе аристократических особняков и вилл, у городской стены, что свидетельствовало о сильной оппозиции рим. общества императору-христианину. Ситуация изменилась с обретением Церковью гос. защиты, и

собор стал занимать господствующее положение в городе наряду с имп. дворцом, адм. сооружениями, цирком и др., как показывают планы К-поля, Антиохии, Милана. Возведение мартириев, церквей и мон-рей над святынями и памятными местами истории НЗ и апостольской миссии получило широкое распространение.

Основание К-поля в результате перестройки древнего Византия, начатой в 324 г., можно оценивать как планировку нового города с новым центром (остатки старого с ц. Св. Ирины (Мира) сохр. севернее), включающим имп. дворец, ипподром (его ложа являлась частью

Крепостная башня в Константинополе. V в.

дворца), адм. здания, термы и собор Св. Софии (Премудрости Божией). К-поль сохранял черты античного города, столицы мира со всеми признаками, присущими Риму: широкие улицы с колоннадами (Меса), форумы (площади) с колоннами из камней благородных пород, увенчанными имп. статуями (2 порфировые колонны на площади Филадельфион со статуями сыновей имп. Константина), ц. св. Апостолов с надгробием императора с имп. мавзолеем «внутри стен», подобно Августовому (*Краутхаймер.* 2000. С. 65).

Характер застройки и типология дворцовых зданий определяются на примере остатков дворца Антиоха (нач. V в.), располагавшегося к западу от ипподрома. Ротондальные многолепестковые структуры его залов следуют традиции позднерим. дворцов и вилл.

В нач. V в. территория К-поля была расширена строительством новых фортификационных сооружений при имп. Феодосии II (408–450), до наст. времени старая часть Стамбула сохраняет основные черты планировки эпохи имп. Константина. Население К-поля неуклонно росло, даже когда уменьшалось население др. античных городов, внутренний город был столь переполнен, что потребовался указ (450), запрещавший дома более 10 этажей (*Краутхаймер.* 2000. С. 60).

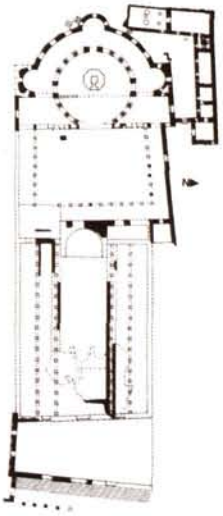
Мн. античные города продолжали развиваться в ранневизант. эпоху (Бостра (совр. Бусра-эш-Шам) в Сирии, Гераса (совр. Джараш) в Иордании); редко возникали новые или кардинально реконструировались существовавшие ранее, напр. в VI в. Юстиниана Первая (Царичин-Град) на Балканах (близ Лебане, Сербия), Сергиополь (Эр-Русафа) в сир. Месопотамии, Двин в Армении (IV–VII вв.). В большинстве из них церкви и дворцы духовных иерархов занимали градообразующее положение, в нек-рых случаях, как, напр., в Эфесе (запад М. Азии), новый христ. центр с храмами располагался рядом с античным городом.

Образцами высокого градостроительного искусства являлись такие крупные монастырские и паломнические центры, как Калъат-Симъан в Сев. Сирии, включавший многоэтажные каменные дома, *Абу-Мина* в Египте, на территории к-рого помимо зданий были площади и улицы с колоннадами. Ансамбли церковных сооружений могли группироваться по оси запад—восток, вероятно воспроизводя планировку

Мартирий св. Симеона Столпника (Калъат-Симъан). 80-е гг. V в.

комплекса храма Гроба Господня, или примыкать друг к другу боковыми сторонами (оба варианта представлены в Герасе, IV–VI вв.), а также иными способами. Как и в древнюю эпоху, в ранний период архитектуры В. и. строились загородные виллы, о связи их архитектуры с природным ландшафтом известно из описания свт. Григория Нисского (посл. четв. IV в.) виллы Ванот на берегу р. Галис (совр. Кызылырмак,

Храм Гроба Господня в Иерусалиме. IV в. План-реконструкция

Турция), использовавшего термины античной эстетики. Остатки подобных комплексов сохранились также на севере Сирии и в Греции (мозаичный пол зала-триклиния с экседрой, Византийский музей в Фессалонике).

Раннехрист. культура оказалась пронизанной античной традицией.

Заимствование рим. архитектурных форм (в т. ч. буквальное) сопровождалось существенным изменением их сути и структуры в целом: был потерян тектонический смысл ордера, напр. колонны разных ордеров и размеров употреблялись в одном ряду (*Комеч.* 1978. С. 215). Безразличие к строгой системе ордера было связано с изменением психологии строителей, со стремлением достичь принципиально новых ощущений в сакральном пространстве, обусловленных не активным движением, но созерцанием. Новые требования к художественным качествам

пространства, где совершались христ. богослужения, исключали полную адаптацию или точное повторение античных образцов и вызывали необходимость создания иных типов монументальных сооружений (ср. *Комеч.* 1984. С. 576–577).

Еще в III в. Рим являлся главным генератором пространственных, в т. ч. центричных, архитектурных идей, сводчатых и купольных решений. Однако базилики, построенные в этом городе имп. Константином I, определили основное развитие италийского зодчества на тысячелетия. В К-поле и др. центрах на востоке империи, где наряду с базиликальными структурами широко были распространены центрические, получили свое продолжение «прогрессивные традиции Италии» (*Ward Perkins.* 1954. P. 88).

Положение христ. общин изменилось в нач. V в. В Газе, из неск. тысяч населения к-рой лишь 280 чел. являлись христианами, при поддержке светских властей еп. Порфирий разрушил храм Зевса Марнаса и возвел новый собор (402–407). В это же время был освящен христ. храм (?) в Мусмии (Месмии) в Сирии (II в.) (*Hill.* 1975), в Фессалонике мавзолей имп. Галерия (до 311) перестроен в кон. IV в. в ц. вмч. Георгия (посвящение позднее), т. н. Красная ц. в честь ап. Иоанна была перестроена из храма Сераписа (?) в Пергаме (117–138), освящен как мартирий вмц. Евфимии (VI в.) 6-экседровый зал дворца Антиоха в К-поле (1-я треть V в.) после переноса из Халкидона ее мощей имп. Ираклием в 615 или 626 г. (*Mathews.* 1971; *Беляев.* 1998. С. 257–259).

Начиная с 1-й пол. IV в. простое литургическое устройство и эстетика молельных залов (как, напр., в Доме собраний в Дура-Европос) перестали отвечать потребностям многократно увеличившихся общин и обратившихся в новую веру представителей знати. Основание ряда церквей и мартириев имп. Константином Великим предопределило широкое использование форм и конструкций из арсенала монументального строительства античности, а также имп. масштаб церковной архитектуры В. и. 1-й пол. IV в.

Базилика стала одним из ведущих типов церковного здания архитектуры В. и. Такие здания, распространившиеся в IV–VI вв., происходили от древнерим. базилик — 3-нефных построек, завершавшихся экседрой и имевших различное назначение (от залов публичных собраний и рынков до имп. приемных залов); памятниками такого типа были базилики Ульпия в Риме с экседрами на концах центрального нефа (рубеж I–II вв.) или базилика Цезареум в Кирене (Ливия) с 1 экседрой после перестройки в I в. по Р. Х. Были базиликами и первые храмы, напр. Латеранский собор в Риме (Сан-Джованни ин Латерано), их грандиозное пространство и богатейшее убранство свидетельствовали о величии Церкви, щедрости и благочестии христ. императоров. Конструкция базилик имела символическое значение, разделение интерьера отражало организацию общины: широкий главный неф завершался на вост. стороне *алтарем,* с *амвоном* перед ним, в нем и прилегающих к нему нефах размещались во время богослужения верные, в крайних — катехумены (оглашенные). На золотом фоне апсиды выделялся серебряный fastigium (преграда или киворий по хорде апсиды, поверх к-рого помещались посеребренные статуи Христа, ангелов и апостолов, см.: *Краутхаймер.* 2000. С. 20). Прообразами жертвенника и диаконника позднейших храмов являлись помещения по сторонам апсиды, замыкавшие крайние нефы. Планировка рим. церквей могла быть усложнена: базилика с амбулаторием за алтарем, напр. Сан-Лоренцо на Тибуртинской дороге (ок. 330), 5-нефная базилика с трансептом перед алтарной апсидой — собор св. Петра в Ватикане (319–322 (?)). Т. о., выработался стандартный вариант церковного здания, включавшего атрий, один или 2 нартекса, чаще всего 3-нефный наос с апсидой на вост. (в отличие от храмов эпохи имп. Константина) конце ср. нефа. Сам термин «базилика» в эпоху имп. Константина и до VI в. широко применялся по отношению к центричным зданиям, напр. ротонде Воскресения (Анастасис) в храме Гроба Господня, ц. Сан-Витале в Равенне (*Ward Perkins.* 1954).

Рассматривая назначение отдельных частей христ. базилики в разных областях империи, а также учитывая ее использование в качестве соборной, приходской или монастырской церкви, можно прийти к выводу, что происхождение этого типа сооружения не связано с конкретной функциональной необходимостью (*Mango.* 1976. P. 70–75), а истоки ее прямоугольной формы или плана можно видеть и в «Апостольских постановлениях» (ок. 380).

В крупных комплексах, основанных имп. Константином, базилика, как правило, сочеталась с центричной постройкой, круглой или октагональной, образуя с ней единое здание, напр. октагон над «пещерой Рождества» в составе комплекса ц. Рождества Христова в *Вифлееме* (до 333), или архитектурный ансамбль, напр. храм Гроба Господня в Иерусалиме, включавший круглую в плане ротонду Воскресения над гробницей и 5-нефную базиликальную церковь с галереями над всеми боковыми нефами (Мартириум, 325–326, освящен в 336), внутренний двор между ними с местом Распятия, атриум и колонные пропилеи перед входом в Мартириум с вост. стороны.

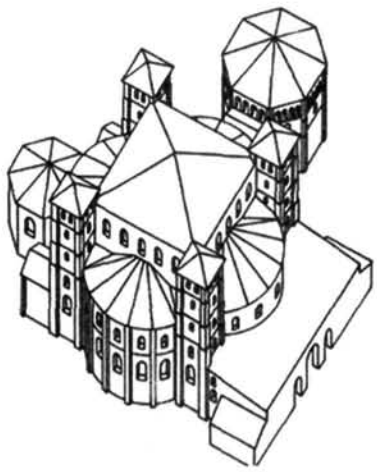
Октагональные структуры визант. архитектуры восходили к архитектуре позднерим. мавзолеев и геройонов, для к-рых была адаптирована форма круглых храмов с куполом, напр. Пантеона в Риме (ок. 115–125). Такие мавзолеи на протяжении IV в. пристраивались к базиликам, напр. ротонда ц. св. Апостолов в К-поле для саркофага имп. Константина Великого (до 361). Но именно в Св. земле возвели первые центричные мартирии над местами, связанными с почитанием Христа. Во времена имп. Константина тип имп. геройона предназначался только для Христа (*Krautheimer.* 1986. P. 64). Композиция для мартирия, подобная композиции ротонды Воскресения, была распространена в ср. века как на Востоке, так и на Западе. Не меньшее значение для появления октагональных и др. центричных христ. храмов могли иметь дворцовые залы, подобные залу приемов рим. проконсула Азии в Эфесе (октагон с круглыми нишами на диагоналях) (*Foss.* 1979. P. 51. Fig. 13).

Типологический ряд крестообразных храмов восходит к несохранившейся ц. св. Апостолов в К-поле (законченной в 337), план к-рой реконструируется то как крестообразное сочетание одно- или многонефных зданий-рукавов по сторонам двора (*Strzygowski.* 1903. S. 74–75) с гробницей императора в центре, то как установленная в центре двора ро-

тондальная церковь-мавзолей, ставшая после перенесения туда мощей апостолов Тимофея, Луки и Андрея (в 336 или не позднее 356–357) мартирием. Независимо от реальной формы ц. св. Апостолов в К-поле ее расположение посреди двора позволяет искать истоки этого типа среди комплексов имп. мавзолеев (Максенция в Риме и др.) и центричных позднеантичных и раннехрист. храмов (храм Солнца в Риме; Великая ц. в Антиохии, 327–341). В лит-ре отмечено подобие форм 1-й ц. св. Апостолов, ее посвящения и функций ряду крестообразных построек с квадратом на перекрестии (ц. св. Апостолов (Сан-Надзаро Маджоре) в Милане, освящена в 386, мартирий сщмч. *Вавилы* в Каусье (Антиохия), освящен в 387; ц. св. Пророков, апостолов и мучеников в Герасе, 464–465) или октагоном на перекрестии (мартирий в Нисе, ок. 380; Калъат-Симъан, 80–90-е гг. V в.).

Апостолейон был единственным храмом в К-поле, завершенным еще при имп. Константине, строительство др. церквей занимало годы, в т. ч. и собора Св. Софии (основан в 326, освящен в 360) в К-поле; восстановленный в нач. V в., до 532 г. имел структуру Мартириума на Голгофе (325/6–335), но меньшего масштаба: 5-нефная базилика с атриумом, галереями на колоннах над боковыми нефами, общая длина (ок. 120 м) перекрыла бы площадь юстинианов ской ц. Св. Софии.

Др. важнейшим из ранних храмов архитектуры В. и. была антиохийская Великая ц. (ц. Гармонии, Золотой Октагон), располагавшаяся на острове, в центре города, в непосредственной близости от имп. дворца. Описание Евсевием Памфилом (Жизнь Константина. III. 50) этой исчезнувшей, «единственной относительно величины и красоты громадной церкви» (*Высоцкий* и др. 2000. С. 211–212), кафедрального собора Антиохийского Патриархата, позволяет представить 8-стороннюю центричную постройку, окруженную амбулаторием, галереями и нишами. Сторонники октагональной реконструкции храма (*Krautheimer*. 1986. P. 75–78) считают его образцом при строительстве дворцовых церквей с аналогичной структурой, начиная с ц. святых Сергия и Вакха в К-поле до капеллы в *Ахене* (ок. 800). Если же согласиться с реконструкцией в виде двойного тетраконха, то такая композиция могла стать основой ряда структурно подобных или близких соборных храмов и дворцовых церквей (начиная с ц. Сан-Лоренцо Маджоре в Милане, 376–377) (*Kleinbauer*. 1973. P. 108–112). Независимо от конкретной формы ее считают первым образцом христ. храмов с «двойной оболочкой» (*Краутхаймер*. 2000. С. 93), широко известных в архитектуре юстинианов ской эпохи и повлиявших на внутреннее пространство визант. церквей с развитыми хорами.

Церковь Сан-Лоренцо Маджоре в Милане. 376–377 гг. Изометрическая реконструкция

Среди церквей IV–V вв. было немало центричных или октагональных построек, служивших гл. обр. мартириями, особенно в Св. земле, напр. ц. Богородицы (сер. V в.), т. н. Кафизма на пути из Иерусалима в Вифлеем; аналогичная по плану ц. Богородицы на горе Гаризим (после 484); различного рода крестообразные сооружения — от самых простых, подобных мартирию свт. Вавилы в Каусье (Антиохия), до таких сложных, как ц. ап. Иоанна в Эфесе (ок. 450) с 5-нефным восточным и 3-нефными остальными рукавами. Идеи октагона и креста при планировании построек часто сочетались, напр. мартирий в Ниссе, октагон в Севастополисе (Сухуми, IV–V вв. (?)); рукава креста могли быть даже в форме 3-нефной базилики (мартирий в Калъат-Симъане, 80–90-е гг. V в.). Их центральные пространства — октагональные, круглые или квадратные — перекрывали деревянным шатром, реже каменным сомкнутым сводом или куполом (нек-рые, возможно, оставались открытыми), что придавало композиции сооружения новую, вертикальную ось развития. Подобный тип был характерен для мартириев, но такую композицию могла иметь и соборная церковь и церковь при имп. резиденции, что связывает их происхождение и с архитектурой дворцовых залов.

Особую группу составляют тетраконхи с обходом или тетраконхи с двойной структурой, наиболее ранняя сохранившаяся постройка такого рода — ц. Сан-Лоренцо Маджоре в Милане, отождествляемая с известной по источникам базиликой Порциана (50–70-е гг. IV в.). Она была собором влиятельной арианской общины, стояла рядом с предполагаемым имп. дворцом. Амбулаторий и галереи открывались в пространство внутреннего тетраконха 2-ярусными аркадами на изящных мраморных колоннах. Крещатые столпы в углах центрального квадрата поддерживали кубовидный объем, перекрытый сводом, за столпами располагались башенки. Сочетание 4 угловых башен с центральной придавало экстерьеру храма 5-главый силуэт. С юга и востока к церкви примыкали 2 мавзолея, перед зап. экседрой собора располагался атрий, обрамленный портиками, а вход в комплекс украшала колоннада пропилеев, центральное звено антаблемента к-рой имело арочное очертание. Вскоре постройки, подобные миланскому храму или антиохийской Великой ц., распространились на Балканском п-ове, первый из них — тетраконх во дворе б-ки Адриана в Афинах (10-е гг. V в.) и в Сиро-Месопотамском районе (первые в Селевкии Пиерии и Апамее, оба кон. V в.). Не позднее рубежа IV–V вв. 4-столпная композиция внутри квадрифолия составила композицию собора Эчмиадзин в Вагаршапате; подобно миланскому храму, его венчали 5 башенок. Большинство сложных тетраконховых структур сочетали функции собора и мартирия, а нек-рые (Милан, Вагаршапат) примыкали к царским дворцам.

Одним из важнейших центров ранней архитектуры В. и. был Рим, имевший тесные контакты с некрыми областями вост. половины империи. Здесь был особо популярен тип базилики как самой простой формы, напр. церкви Сан-Клементе (кон. IV в.), Сан-Витале (401–417), Санто-Стефано на Виа Латина

(440–461), так и с колоннадами, элегантными пропорциями и полихромным решением, обилием света: ц. Санта-Сабина (422–432) на вершине Авентинского холма крупными размерами напоминавшая предшествующий век, базилики Сан-Паоло фуори ле Мура (до 400, ремонт 40-х гг. V в.), Санта-Мария Маджоре (завершена при Сиксте III, 432–440). Единственное крупное церковное сооружение центричного плана с использованием классических деталей — ц. Санто-Стефано Ротондо (освящена в 460).

В К-поле церквей, построенных до имп. Юстиниана, сохранилось крайне мало. Между 404 и 415 гг. восстанавливали собор Св. Софии, композиция пропилеев к-рого напоминала Сан-Лоренцо в Милане, резьба сохранившихся фрагментов изысканна и содержит античные мотивы, тяготеющие к геометрическим формам. Новый стиль архитектурного оформления, вероятно, проник в столицу с малоазийского побережья, из Пергама, Эфеса, Милета. Из числа построенных в период

Базилика Студийского мон-ря в Константинополе. Сев. колоннада центрального нефа кафоликона. IV–VI вв.

415–527 гг. известна лишь одна крупная церковь — базилика Студийского мон-ря (церковь и мон-рь были основаны сенатором Студием в 50-х гг. IV в.) с атрием, окруженным портиками, и короткой колоннадой нартекса. Мраморные поверхности облицовки, мозаика в апсиде, широкий «шаг» колонн, очертания арочных окон и др. создавали эффект дематериализации пространства, свойственный лишь нек-рым одновременно построенным базиликам (напр., св. Леонида в Лехее (Коринф, 50–60-е гг. V в.)) и унаследованный храмами эпохи имп. Юстиниана. По этому памятнику можно судить о литургическом устройстве столичного храма (и строительной технике) V в., где, в частности, выделены устроенный амфитеатром в апсиде синтрон со сводчатым проходом внутри; короткая вима, вероятно продолженная до амвона узким проходом-солеей; крестообразная крипта под апсидой; двери в обоих концах боковых нефов. В К-поле обнаружены остатки базилики того же времени, ц. Богоматери в Халкопратии близ Св. Софии (450–460), церкви вмц. Евфимии в Халкидоне (совр. Кадыкёй, до 450) и Богоматери во Влахернах (518–527) известны только по источникам. При базиликах мартирии, как правило, имели круглую планировку, уникальный мартирий в виде ротонды с апсидой и кольцевым обходом (амбулаторием) существовал при ц. святых Карпа и Папилы (нач. V в.) (*Krautheimer*. 1986. P. 105).

Кроме к-польской и ближайших к ней школ эгейского мира и зап. побережья М. Азии своей индивидуальностью выделяются школы: на западе — материковой Греции, севера Балкан и Италии; на востоке и юге — зап., юж. побережья и центральных районов М. Азии, Палестины, Сирии, Месопотамии, Египта, Крыма, Вост. Причерноморья. В этом ряду следует рассматривать и раннесредневек. зодчество сопредельных с империей стран Закавказья, развивавшееся в IV–VI вв. в русле с малоазийской традицией, но не вводимое в диапазон визант. архитектуры. С архитектурой Сирии и Закавказья была тесно связана христ. архитектура Ср. Азии и Ирана, включавшего и вост. земли Сев. Месопотамии (ввиду особой специфики и отсутствия тесных связей с регионами архитектура этих областей в наст. статье не рассматривается).

На берегах Эгейского м. бытовали неск. типов церковных зданий, преимущественно базилик: с галереями над боковыми нефами, с 3-частным трансептом, с алтарем в виде трифолия, разные вариации крестово-трансептной базилики. Каждый тип получил распространение в отдельных областях этого региона. Мартирии и дворцовые церкви имели са-

Церковь Богородицы Ахиропиитос в Фессалонике. 450–470 гг. Главный неф

мые разнообразные формы плана: октагон, крест, тетраконх и др. Богатством пространственных композиций, наличием хор, шириной и хорошим освещением центрального нефа отличались большие базилики традиционно ориентированной на К-поль Фессалоники — ц. Богородицы Ахиропиитос (450–470) и вмч. Димитрия (кон. V в.), там же частично сохранилась одна из древнейших крестово-купольных церквей — монастырская ц. Осиос Давид (кон. V — нач. VI в.), с крестообразным пространством, вписанным в квадрат внешних стен.

В центральных районах материковой Греции развитые 3-нефные базилики с атрием и нартексами стали распространенными с сер. V в. Нартекс открывался в центральный неф тройной аркадой (трибелоном) на колоннах, к торцам нартекса примыкали симметричные помещения, одно из к-рых служило диаконником. В отличие от к-польской школы апсида и снаружи была полукруглой, колонны были связаны арками, опирающимися на импостные блоки (*Krautheimer*. P. 121). Главный неф с амвоном отделялся парапетами в интерколумниях аркад от боковых, предназначавшихся для прихожан. В местной архитектуре нашли отражение вост. и зап. традиции. Так, в 5-нефной базилике Эпидавра (ок. 400) по подобию базилики Гроба Господня в средних рядах опор стоят колонны, в боковых — столпы, трансепт напоминает аналогичное

пространство миланской ц. св. Феклы (350), к эгейским образцам восходят пропилеи, атрий и нартекс, а также мозаики храма. Базилику «А» Неа-Анхиалоса (ок. 470) предварял 3-нефный нартекс с круглым обходом на зап. стороне, по сторонам нартекса — длинные залы с апсидами на западе, северная из них служила баптистерием. Грандиозность градостроительного замысла отличала вытянутый по продольной оси (длина 186 м) комплекс базилики св. Леонида в Лехее, портовом пригороде Коринфа (50–60-е гг. V в. (?) и 518–527), 23 пары колонн отделяли широкий центральный неф, с трансептом на востоке, его средняя ячейка, формирующая виму, была перекрыта шатром или деревянным куполом. Совершенство исполнения характерно для мраморной резьбы и инкрустированных полов. Среди редких центричных структур наиболее ранней является церковь в б-ке Адриана в Афинах (ок. 400), восходящая к семейству тетраконхов с амбулаторием. К ее композиции, вероятно, восходят храмы подобного типа на севере Балканского п-ова: в Охриде (Македония), Адрианополе и Перуштице близ Пловдива (нач. VI в. (?)) (см. ст. *Болгария*). В т. н. Красной ц. в Перуштице вместо амбулатория имеются лишь обходы вдоль юж. и сев. экседр, колонны заменены толстыми столпами. Распространены были и церкви типа свободного креста. Наиболее часто строились здесь 3-нефные базилики, к-рые продолжали возводить и после отказа от подобных структур в К-поле и др. областях с сер. VI в. В церквах Фракии и Дакии нефы разделяли рядами колонн и столпов, несущих стропильное перекрытие (Патриаршая базилика в Велико-Тырнове, V–VI вв.; базилика у крепостной стены Монтаны, IV в.), или близко поставленных столпов, поддерживавших своды (Маркианополь (Девня), IV–VI вв.; базилика в квартале Галата Одесса (Варны), IV–V вв.; Ст. Митрополия в Месемврии (Несебыре), V–VI вв.). В этих областях (совр. Болгария), вероятно, чуть позже получил распространение тип сводчатой базилики на крещатых в плане, близко поставленных столпах (ц. Св. Софии в Сердике (ныне София), V–VI вв.; базилика в Голямо-Белове, V–VI вв.), большая часть перекрытий представляла секции из крестовых сводов. В центральном нефе Эленской базилики у Пирдопа (V–VI вв.) выделены 2 квадратные ячейки, по крайней мере восточная из них была перекрыта куполом или пандативным сводом, так же было перекрыто средокрестие ц. Св. Софии в Сердике — базилики с трансептом. Часто, как в греч. церквах, на концах нартекса устраивались помещения, напр. в зальной ц. в Джанаваре (V–VI вв.) близ Варны или по сторонам алтаря, тогда композиция храмов напоминала базилику № 32 в *Бинбир-килисе* (М. Азия), базилику в Ереруйке (Армения) (*Чанева-Дечевска*. С. 99, 176). 8 церквей VI в. в Царичин-Граде демонстрируют связь со столичной традицией: использование пропилеев, атриума, нартекса, 3-гранных апсид, обычной для Фессалоники техники кирпичной кладки. Мн. резные детали балканских храмов являются интерпретацией к-польских или фессалоникийских образцов.

Руины Эленской базилики у Пирдопа. V–VI вв.

Своеобразная школа визант. архитектуры, связанная с рим. традицией, развивалась в Сев. Африке, где кроме стандартных (укороченных) базилик часто встречаются огромные 7- и 9-нефные постройки: в Типасе, в Алжире (сер. V в.), базилика комплекса Дамус аль-Карита в Тунисе (IV в.) с полукруглым атриумом почти в середине. Хоры над боковыми нефами, парапеты в интерколумниях, отделяющие боковые нефы от центрального, возникли под влиянием к-польской архитектуры (V в.; Тебесса, Алжир). В Египте при имп. Зиноне стал распространяться стиль Эгейского побережья после возведения мон-ря Абу-Мина (490), в к-ром Большая базилика (66,5×50 м) принадлежит крестово-трансептному типу и, подобно др. сооружениям этого типа, считается копией ц. св. Апостолов в К-поле. Из *Александрии*, города, находящегося под влиянием столицы, этот стиль проник на запад, в обл. Киренаику (территория совр. Ливии), где появились похожие церковные постройки в Аполлонии (ныне близ г. Эль-Байда), а также на юг, в Ср. и В. Египет, где распространение получили базилики, имевшие трансепт с 3 экседрами либо алтарь с 3 конхами. Такая форма алтаря появилась сначала в 401–402 гг. в церкви около погребения св. Феликса в Ноле, близ Неаполя, и затем в Средиземноморье; подобного типа алтарь был в ц. Белого, или еп. Шенуте, мон-ря (ок. 440, близ г. Сохаг).

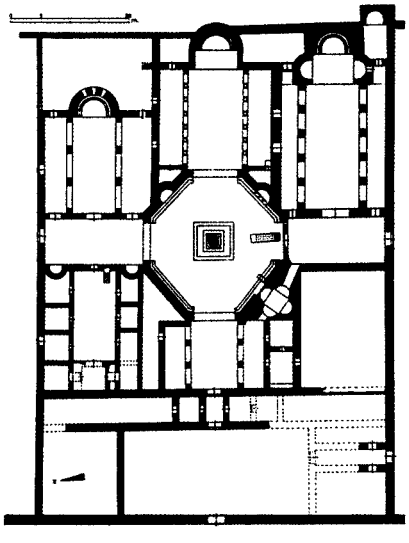
Архитектура в районах Палестины и Иордании, начатая храмоздательством имп. Константина Великого, формировалась под влиянием искусства эгейского мира и К-поля, а также монастырских и сельских церквей соседней Сирии. Строительство важнейших храмов в этом регионе по-прежнему проводилось под покровительством имп. власти, напр. из К-поля имп. Евдокией в 401 г. был прислан крестообразный план церкви в Газе и 32 колонны зеленого греч. мрамора (*Mango*. 1976. P. 27), при ее же участии была построена базилика св. Стефана в Иерусалиме (437–460), повторившая тип церкви Студийского мон-ря с колонным нартексом и атрием, колоннадами, разделяющими нефы, апсидой с внешней граненой формой.

Октагональная структура была избрана для ц. Богородицы на горе Гаризим, возведенной имп. Зиноном (открыта при раскопках во 2-й пол. XX в.). Посвящение и общая композиция повторяли ц. Богородицы (Кафизма): вокруг центрального ядра обход, формируемый на углах столпами и колоннами, объединенные апсида и пастофории, вдоль диагональных граней октагона устроены вытянутые помещения с малыми апсидами (апсидиолами).

Эгейским происхождением объясняются формы и декор (напр., напольные мозаики) мн. базилик V в. в Палестине, Иордании и Юж. Сирии.

Процесс постепенного перехода к сложению местной архитектурной традиции демонстрируют 9 сохранившихся церквей Герасы: начиная с собора (ок. 400), имевшего атрий и мраморную облицовку стен, до базилики еп. Генезиуса (611), в к-рой вост. концы боковых нефов превратились в рукава трансепта.

Интенсивностью и высоким качеством отличалось строительство в Сев. Сирии, гл. обр. монастырское. К востоку от Антиохии, в известняковом горном массиве, создавали архитектурные комплексы, включавшие кроме церквей 2–3-этажные жилые дома и хозяйственные постройки. В качестве церковных зданий преобладали 3-нефные базилики с опорами в виде столпов или колонн, полукруглой апсидой, фланкированной пастофориями, предположительно служившими жертвенником и мартирием. В ранних памятниках эта 3-частная структура снаружи была вписана в прямоугольник стен, как ц. в Дар-Кита (418), но со 2-й пол. V в. апсиды выступали полукруглым объемом и часто оформлялись колоннадами, иногда 2-ярусными. При возведении мартирия прп. Симеона Столпника (Калъат-Симъан) при имп. Зиноне в 80-х гг. V в. местная школа обогатилась опытом к-польской архитектуры. Торжественный, триумфальный, грандиозный комплекс масштабностью напоминал позднеантичные имп. ансамбли, крестообразная композиция, рукавами к-рой служат 3-нефные базилики (вост. с алтарем), сформирована вокруг октагонального ядра, вероятно не имевшего перекрытия, в центре его находился столп прп. Симеона. Торжественность и строгая уравновешенность форм характерны для церквей в Кальб-Лузе (сер. V в.), Керратине (505–506), Турманине (VI в.), где использование низких прямоугольных столпов увеличивало пролеты между опорами.

Мон-рь прп. Симеона Столпника (Калъат-Симъан). План

С кон. V в. сир. мастера разрабатывали тему двойного тетраконха, напр. церкви в Селевкии Пиерии и Апамее (кон. V в.), Верое (Халебе) (нач. VI в.), Русафе (ок. сер. VI в.). Судя по толщине стен и подкупольных столпов, эти храмы были перекрыты в основном деревянными конструкциями.

В наружном и внутреннем облике сир. построек большую роль играл резной декор, как правило растительный орнамент в виде широкой нарядной полосы (триумфальные арки, капители), оживлявший строгие каменные формы, наличники часто соединены между собой длинной лентой, пластично огибавшей ряды проемов.

Архитектура в обл. Хауран, на юге Сирии, богатой традициями набатейской позднеэллинистической культуры, развивалась в контактах с палестинской и северосир. традициями. Наряду с базиликами, напр. в Канафе (совр. Эль-Канават, перестроена в V в. (?) из античного храмового комплекса), начиная с 1-й пол. VI в. был возведен ряд центрических храмов, в композиции к-рых вписанный в квадрат круг или октагон сочетается с внутренней купольной или шатровой структурой на аркадах. В баптистерии в Герасе, в центре подобного сооружения, поставлен 4-столпный балдахин, в ц. вмч. Георгия в Зораве (совр. Изра, Сирия, 515) купол покоится на 8-столпной структуре, в ц. мучеников Сергия, Вакха и Леонтия в Бостре (512–513) в центре квадрифолий (принадлежит группе сир. тетраконхов с амбулаторием), в «Новом» соборе Бостры (раскопан недавно, VI в. (?)) — огромная кольцевая колоннада. Стилистически здания разные, одни отражают простой утилитарный подход (Изра), др. тяготеют к античной классике (Канафа, Бостра). Крупные элементы декора из черного базальта в высоком рельефе на порталах, капителях коринфского и ионического ордера оживляют гладкие стены и круглые колонны этих построек.

Сложность планировки сир. храмов достигалась умелым варьированием известных архитектурных форм. Искусство этого региона осталось во многом консервативным, не создало новых, прежде всего пространственных форм, свойственных ранневизант. зодчеству. Приверженность к стропильным и плоским каменным перекрытиям (даже в круглых храмах Хаурана) затрудняла переход к купольно-сводчатой конструкции. Череда войн в нач. VII в. окончательно прервала развитие архитектуры. Традиции сирийцев и соседних христ. народов послужили основой для расцвета центров Омейядского халифата в нач. VIII в., напр. мечеть Омейядов в Дамаске (после 706), дворец Каср аль-Хайр аль-Гарби (начата в 727–728).

С сир. зодчеством было связано церковное строительство в городах Сев. Месопотамии Нисибине и Амиде, где сохранился тетраконх двойной структуры, Эдессе, где в VI в. был возведен величественный купольный храм, известный по посвященному ему сир. гимну. Архитектурная традиция гористой местности Тур-Абдин была тесным образом связана также с зодчеством несторианских и монофизитских общин сасанидского Ирана. Обычный тип построек — 1- или 3-нефные церкви с прямоугольными столпами, рядами ниш вдоль стен и прямоугольным в плане алтарем, фланкированным 2 комнатами, часто с престолами. Наряду с продольно вытянутыми композициями широко были распространены поперечно ориентированные, квадратные или октагональные мартирии, перекрытые куполом или шатром на тромпах, напр. церковь и мартирий мон-ря Мар-Габриэль, близ Картамина (нач. V в. или ок. 512). Выложенные из хорошо обтесанного камня, постройки украшены резными орнаментами, капителями, ставшими традицией на века. Кубовидный барабан мартирия в Хахе (кон. VII в.) декорирован аркатурой на сдвоенных колонках с нишами между ними. В средневизант. время эта школа обогатилась к-польской строительной традицией, с каменно-кирпичной кладкой стен и кирпичными сводами, заменившими деревянные перекрытия (*Wissner.* 1980; *Sinclair.* 1989).

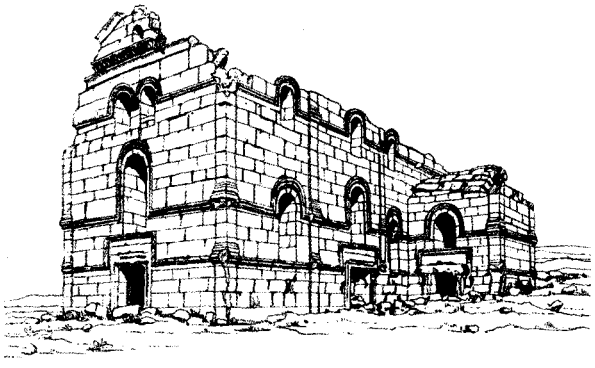
Давние связи К-поля с побережьем М. Азии, особенно с его зап. частью (города Эфес и Милет), с островами вдоль него, напр. с Кипром, отразились на близости архитектурных традиций. Обычным типом церкви здесь была 3-нефная базилика с 3-частным или цельным нартексом, 3-гранной или полукруглой снаружи апсидой, редко с пастофориями. Возможно, влияние столицы на эти территории распространилось уже с кон. IV — нач. V в., повторением к-польской ц. св. Апостолов считают ц. ап. Иоанна в Эфесе (ок. 450) с крестообразной структурой, рукавами в виде базилик, центральным ядром с 4-столпным балдахином над погребением ап. Иоанна. К числу редких грандиозных комплексов принадлежала ц. Богоматери в Эфесе (основания стен II в., ок. 400), где проходил Вселенский Собор 431 г. (длина базилики 85 м, с нартексом и атрием — 143 м). Множество базилик на побережье М. Азии повторяли ее композицию в уменьшенном масштабе и упрощенных формах, особенная деталь их архитектуры, идущая от К-поля,— 3-частные нартексы сообщались с пространством наоса через двери.

Местная школа архитектуры сформировалась на юж. побережье М. Азии. Особенным в планировке было решение алтарной части: апсиду фланкировали пастофории, скрытые за стеной вост. фасада, иногда апсиде предшествовал трансепт (базилика А в Перге, V–VI вв.). Церквей, имевших галереи над боковыми нефами, было мало, беднее по сравнению с памятниками Эгейского побережья выглядело резное убранство, хотя отдельные образцы фасадной пластики имели высокое художественное качество, напр. рельефы на портале зап. базилики Алахан-манастыра (посл. треть V в.) со сценами Вознесения Господня, видения Иезекииля и др. Техника каменно-бетонной кладки стен с рядами крупных отесанных блоков, придававшая образу храма мощь и монументальность, развивалась в Каппадокии и странах Закавказья. Крупнейшей базиликой в регионе была ц. св. Феклы в Мериамлыке (78×39 м), возведенная при поддержке имп. Зинона (474–475, 476–491), коринфские капители, мозаичные и инкрустированные полы подтверждают предание о строительстве ее мастерами, присланными из К-поля (*Krautheimer*. 1986. P. 110). К кон. V в. в Киликии и Исаврии появились короткие базилики с куполом или деревянным шатром на массивном барабане, напр. вост. церковь Алахан-манастыра (80-е гг. V в.), построенная предположительно имп. Зиноном, в центральном нефе к-рой, непосредственно перед алтарем, выделена ячейка, перекрытая деревянным шатром на кубовидном снаружи и октагональном изнутри (с нишами) барабане (6,80×6,50 м), опирающемся на столпы; боковые нефы и галереи над ними открываются в «подкупольное» пространство тройными аркадами. В этом памятнике неразрывно сочетаются смелость композиционной идеи с массивным обликом кладки и архаическими чертами конструкций.

В глубинных районах М. Азии сохранились памятники 3 архитектурных центров. На западе — Иераполь (Памуккале) с мартирием ап. Филиппа, сложной центрической постройкой нач. V в., октагональное ядро к-рой с 8 глубокими прямоугольными рукавами вписано в квадрат, с рядом дополнительных помещений по периметру. Ближе к востоку, в Ликаонии, в местности Бинбир-килисе, большинство храмов — сводчатые 3-нефные базилики, с аркадами на низких колоннах или столпах и галереями над боковыми нефами, выдающими к-польское влияние.

В Каппадокии, где с IV в. существовал октагонально-крестообразный мартирий в Ниссе, наряду с базиликами строилось много церквей по типу свободного креста с 3 прямоугольными рукавами и 5-гранной снаружи апсидой. Высокий кубический барабан ц. Панагии в Томарзе (VI в.) был перекрыт шатром, длинный зап. свод опирался на подпружные арки. Снаружи стены с рядом частых крупных окон были оформлены пилястрами в 2 ярусах и горизонтальной тягой, проходящей между ними и огибающей арки окон. Эта система декора, еще более развитая в церкви в Скупи (кон. V в.), возможно восходящая к оформлению апсид сир. церквей (*Krautheimer*. 1986. P. 166), имеет местное происхождение, берущее начало от рим. гробницы в Шаре (сер. IV в.) и большой базилики в Кесарии Каппадокийской (Кайсери) (2-я пол. V в. (*Restle*. 1979)). Популярность на Востоке подобного торжественного стиля оформления фасадов совпала со временем правления имп. Зинона, строителя базилики св. Мины (Абу-Мина) в Египте, св. Феклы в Мериамлыке, Калъат-Симъана в Сирии, ц. Богородицы на горе Гаризим в Палестине. Этот стиль получил распространение вплоть до Армении: купольный храм в Текоре, базилика Ереруйка (кон. V — нач. VI в.). В отличие от Египта и др. областей, где появление новых форм поначалу было связано с непосредственной доставкой изделий из К-поля, на востоке В. и. новое направление развивалось местными, т. е. малоазийскими (исаврийскими и др.), сир., арм. мастерами с использованием местных материалов, что наложило отпечаток на уже существовавшие формы построек.

Развитие крестообразных храмов в Каппадокии привело к созданию ц. Кызыл-килисе (ок. 600), к-рая была завершена куполом на трompах и 8-гранном барабане. Подобные постройки, как и купольные базилики Исаврии, отражали перспективы развития восточномалоазийского зодчества, угасшего в самом нач. VII в. Эта традиция, родственная раннехрист. зодчеству Армении (тип кладки и декор, отсутствие атрия и нартекса, раннее распространение крестово-купольных структур и т. д.), имела блестящее развитие в странах Закавказья в VII в. Искусство этих стран почти никогда не включают в

Церковь в Скупи. Каппадокия. Кон. V в. Реконструкция

историю визант. архитектуры, объясняя их местонахождением за пределами В. и. и особым положением Армянской Апостольской Церкви. Архитектурные памятники VI–VII вв. чаще всего рассматривают в связи с их влиянием на формирование типологии средневизант. храмов (*Krautheimer*. 1986. P. 321–330). Но в IV–VI вв. зодчество стран Закавказья было целостным явлением и частью ранневизант. архитектуры, до кон. VII в. развивалось в тесном контакте с ней. Несмотря на раннее строительство центричных и крестово-купольных храмов (Эчмиадзин, Текор), основными типами церквей до кон. VI в. были 1-нефные постройки и базилики. Они не имели атриев и нартексов, но многие были снабжены внешними галереями (Сион в Болниси, кон. V в.). Апсида могла фланкироваться 2 помещениями, а снаружи была скрыта за стеной вост. фасада или выступала граненым объемом. Особенности кладки с бетонной сердцевиной конструкций, разделение нефов аркадами на столпах способствовали быстрому переходу на сводчатые перекрытия. Связи этого искусства по преимуществу с юго-вост. областями М. Азии, а также с Сирией и Месопотамией заметны в нек-рых планировочных решениях и системе декора.

Расположение вокруг Чёрного м. определяло архитектурные связи между К-полем и вост. частью Балкан, севером М. Азии, Крымом, Вост. Причерноморьем. Варианты планов и структур визант. архитектуры на Балканах встречаются и в Вост. Причерноморье (Колхиде), где наряду с базиликами, разделенными на нефы квадратными, близко поставленными столпами, напр. в Цандрипше (VI в.), № 3 в Питиунте (не ранее 2-й пол. V в.), встречаются храмы с продольно вытянутыми опорами, длина к-рых превосходит пролеты соединяющих их арок, напр. церкви в Алахадзы (кон. V – нач. VI в.); центричные структуры, напр. октагон в Сухуми (древний Севастополис) (IV–V вв.?), план к-рого имел форму развитого креста, все рукава, в т. ч. восточный,– прямоугольные, под сенью центрального шатра (купола?), опиравшегося на 8 столпов, располагалась небольшая постройка с входом на западе и полукружием на востоке, имевшая сиденья вдоль стен (*Хрушкова*. 2003). Др. вариантом подобных построек, свидетельствующих о провинциализации визант. архитектурной традиции в церковном строительстве Причерноморья, Грузии и Сев. Армении, является срастание нартекса с боковыми нефами. В зависимости от того как были устроены стены или аркады по сторонам центрального сводчатого зала, такие постройки могут рассматриваться как 3-нефные базилики, напр. церковь в с. Овчарове (V в., Болгария), церкви в Археополе (Нокалакеви, IV–V вв.) или зальные церкви с галереями, как в Гюлагараке в Армении (VI в.), в Зегани в Грузии (VII в.), к-рые груз. исследователи называют 3 церковными базиликами.

2. Архитектура VI–VII вв. По мнению ведущих исследователей (Краутхаймер и др.), традиции классической рим. архитектуры с VI в. окончательно угасают даже на Востоке империи; новая архитектура, к-рую с полным правом можно именовать архитектурой В. и., использовала наследие поздней, неклассической античности и развивалась с эпохи имп. Юстиниана I (527–565). Перелом в ее становлении связан прежде всего с широким распространением купольных построек и появлением характерных стилистических изменений, со сменой ритмической организации внешних масс динамикой сферических линий и плоскостей внутри здания. Вид нового здания, созданного повторяющимися ритмами и формами, их гармонией и симметрией, производил впечатление легких, невесомых сводов и перекрытий и более всего соответствовал не только практике, но и духу богослужения с акцентом на созерцании и рефлексии молящегося. Плановое устройство храма обогатилось упорядоченным иерархическим развитием пространственных зон по направлению сверху вниз.

Началом новой эпохи визант. архитектуры стало возведение неск. величественных построек в К-поле в первое десятилетие правления имп. Юстиниана. Разные по типу, все они были центральнокупольными, с 2-ярусным обходом вокруг подкупольного пространства, как, напр., ц. св. Полиевкта (524–527, раскопана в 1964–1969), построенная Аникией Юлианой; о масштабе храма свидетельствует 5-метровая платформа здания, в к-рой под 3 нефами находились проходы, центральный вел в крипту под алтарем. Этот памятник обозначил изменения стилистики резного убранства, античные мотивы уступили место растительным, возможно иран. происхождения, а также усложненному декоративному. Резьба украсила большинство деталей, в т. ч. пилоны, появились рельефные фигуративные изображения (павлины в кон-

Фрагмент орнамента ниши из ц. св. Полиевкта в Константинополе. 524–527 гг.

хах ниш). По архивольтам проходила поэтическая надпись, поля между арками занимала рельефная виноградная лоза свободного рисунка. Пластически разнообразная резьба, иногда переходившая в круглую скульптуру, сочеталась с мозаиками полов и разноцветными панелями из мрамора, доставленного из разных концов империи. Возводившие храм мастера участвовали в последующем церковном строительстве имп. Юстиниана (*Harrison*. 1989; *Беляев*. 1998. С. 264–267). Нек-рые фрагменты скульптурного убранства этой церкви были вывезены после 1204 г. и украсили, в частности, собор Сан-Марко в Венеции.

Ц. мучеников Сергия и Вакха (основана в кон. 20-х гг. VI в.? до 536) была построена рядом с дворцовой ц. св. апостолов Петра и Павла (518–519, не сохр.) типа базилики с галереями, имела с ней общий нартекс и сообщалась на 2 уровнях открытыми аркадами. Внутреннее ядро ц. мучеников Сергия и Вакха имело традиц. для баптистериев октагональную форму, 2-ярусную структуру с круглыми нишами по диагоналям, стены были заменены тройными проемами, колоннадами в нижнем и аркадами в верхнем ярусе хор. Пространство вписано в квадрат внешних стен, небольшими нишами преобразованный изнутри в неправильный 8-гранник, помещение обхода прерывала глубокая

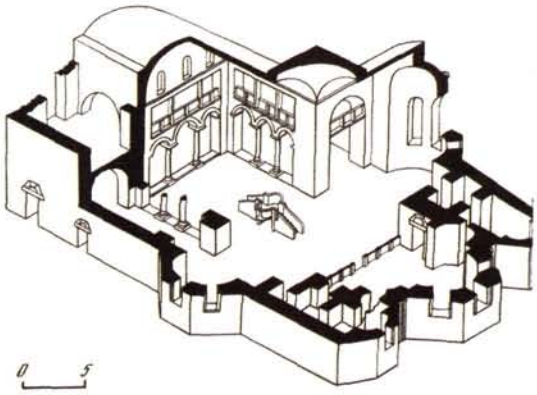
вима, завершенная 3-гранной снаружи апсидой. Возводившие церковь мастера обошлись без подкупольного перехода, купол опирается непосредственно на формируемый столпами и арками октагон и состоит из чередующихся плоских (над вершинами арок) и вогнутых (над углами) долей. В ц. мучеников Сергия и Вакха еще видна привязанность к античной трактовке пространственных форм и тектонике: выделены подкупольные пилоны, широкий антаблемент колоннад, отсутствует сплошное декорирование поверхностей (конечно, часть декора позднее была закрашена).

Высшим воплощением художественных устремлений эпохи, самым грандиозным созданием архитектуры В. и. явился собор Св. Со-

Собор Св. Софии в Константинополе. Вид с севера

фии (532–537, купол восстановлен в 563, кон. X в. и др.) на месте сгоревшего кафедрального собора К-польского Патриархата. Грандиозный в размерах (ширина — 230 визант. футов, расстояние между подкупольными арками — 100×100 визант. футов (ок. 31 м)), роскошно оформленный, собор Софии К-польской воплотил мировое величие Византии, мощь империи и власти, что осознавали его современники. Сходство композиции и размеров с имп. базиликой Максенция в Риме, а также соотношения с куполом рим. Пантеона (наибольший, диагональный, пролет первоначального купольного свода Св. Софии был равен пролету купола Пантеона — 43 м) отражают преемственность рим. имп. традиции архитектурой В. и. Но уже в описаниях современников (*Прокопий Кесарийский*. О постройках. Кн. I. I, 37) подчеркивались качества архитектуры этого храма, не характерные для античной традиции. При всей огромности несущих элементов (подкупольных столпов) очевиден эффект «парения» сферического плоского купола, переходящего на востоке и западе в полукупола и экседры; впечатление отсутствия стен достигнуто благодаря ярусам аркад, обилию окон, мозаикам и богатому декору, в к-ром господствуют геометрические мотивы, резному мрамору, а также сочетаниям оттенков колонн и инкрустированных панелей, придававшим деталям изысканность, а пространству светотеневое богатство. Античные элементы, напр. капители, имеют обобщенные, иногда редуцированные формы, их покрывает резьба, нивелирующая массивность колонн и арок. Материал декора (мрамор) типологически родствен периоду поздней античности, его характер близок вост., вероятно сир., традиции (напр., концентрические ряды мелкого резного орнамента арок, сплошные орнаментальные поверхности). Эти плановые, пространственные, композиционные, стилистические особенности создают уникальность к-польской Св. Софии, архитектура к-рой определила развитие купольных храмов. В 532 г. ц. Св. Ирины была перестроена в купольную базилику, в 40-х гг. VIII в. она приобрела крестово-купольную структуру (продольные подкупольные арки были продолжены до внешних стен).

Церковь ап. Тита в Гортине. VI–VII вв. Аксонометрия

Масштабность, высокий художественный вкус строителей, богатство пространственных решений и убранства свойственны храмам эпохи правления имп. Юстиниана в др. районах, напр. в Италии. В Равенне, в ц. Сан-Витале (ок. 547), кладка стен представляет собой зап. технику, ее композиция схожа с ц. мучеников Сергия и Вакха, но вместо ритмичного чередования прямолинейных и округлых форм здесь использована более равновесная система: в октагон внешних стен вписана 8-экседровая купольная структура. Особенностью убранства храма являются «дублированные» капители: форму их основного объема повторяют импостные блоки с крестами и изображениями коней по сторонам.

Композиции с куполами и экседрами получают широчайшее распространение в архитектуре В. и. этого периода. Обветшавший храм св. Апостолов в К-поле был заменен огромным 5-купольным сооружением с центральным световым куполом над перекрестием пространных рукавов, также была перестроена в 565 г. ц. ап. Иоанна в Эфесе, сохранившаяся в развалинах. В результате реконструкции ц. Рождества в Вифлееме приобрела вид базилики с трансептом, рукава к-рого завершены экседрами. Вероятно, такую же композицию имела ц. Богоматери во Влахернах в К-поле при имп. Юстине II (после 572), когда были добавлены боковые экседры и здание приобрело крестообразный план. 3 экседры служили завершением вост., сев. и юж. рукавов планового креста в ц. ап. Тита в Гортине (Крит, VI–VII вв.), в крестово-купольных соборах Двина и Талина в Армении (VII в.) и нек-рых др. Воздействие к-польского зодчества в VI–VII вв. стало заметным на всей территории В. и., напр. на Балканах (ц. Св. Софии в Фессалонике, Эленская ц. у Пирдопа, Болгария), на юге М. Азии (Джуманин-джами близ Анталии, кон. VI в.), в Сирии (Каср-Ибн-Вардан). Редчайший пример зальной церкви с 2 куполами — храм VI в. в Филадельфии (совр. Алашехир, Турция).

В Херсонесе (Крым), судя по археологическому материалу, крупные базилики возводились в довольно позднее время, напр. Западная — не ранее 2-й четв. VI в., т. н.

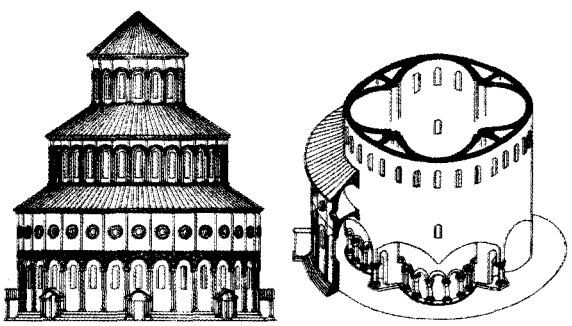
Уваровская — на рубеже VI–VII вв., Восточная — не ранее сер. VII в. (*Айбабин* и др. 2003. С. 48–51), что свидетельствует об устойчивости традиций и постепенном проникновении новых композиционных идей в нек-рые провинции, в т. ч. такие важные для христ. мира, как Палестина, где базилики строились и в эпоху правления имп. Юстиниана (церкви в Хорват-Берахоте близ Вифлеема, в Реховоте, в пустыне Негев). В Крыму в ранневизант. время существовали и базилики с алтарным трифолием (№ 7 в Херсонесе), а также простые купольные постройки типа свободного креста. Триконх близ Уваровской базилики и большой тетраконх в Херсонесе (диаметр купола более 10 м) имеют редкую особенность: стыки рукавов обозначают круглую, а не квадратную основу подкупольного пространства. Подобная форма характерна для храма с. Дранда (VII в.) в Абхазии (*Хрушкова.* 2003), к-рый представляет собой редчайший пример купольной постройки постюстинианского периода, имевшей приземистые пропорции; в его композиции сочетаются ротонда (ребристый купол над центральным пространством) и крестообразная структура пространства, образованная сводчатыми прямоугольными рукавами (восточный завершен апсидой), вписанная в квадрат внешнего объема; 4 угла занимают изолированные помещения — круглые купольные на западе, квадратные сводчатые, с апсидиолами на востоке. Как и в ц. Осиос Давид в Фессалонике, композиция ц. в с. Дранда вместе с одновременно с ней построенными церквами в Армении и Грузии *(Аван, Рипсиме, Джвари)* предвосхищает появление средневизант. типа церкви с вписанной в прямоугольник крестово-купольной структурой и пониженными угловыми частями, напр. храмы Успения в Скрипу (873–874, Беотия, Греция) и в Патлейне у Преслава (907?, Болгария).

Пространственные особенности юстиниановских храмов отразились в архитектуре стран Закавказья, особенно после победоносной войны имп. Ираклия с Ираном и укрепления их связей с В. и. При использовании местной строительной техники традиц. композиционные идеи совмещали с заимствованиями из визант. образцов, гл. обр. из ц. Св. Софии в К-поле, как в соборе Авана (90-е гг. VI в.), первого тетраконха с угловыми нишами, в церквах Рипсиме (618), *Багавана* (631–639), *Аруча* (669, см.: *Казарян.* 2002). Черты нового стиля проявились в таких архаических по типу композициях, как тетраконх с обходом в Звартноце (642–662), источником идей послужила ротонда Воскресения в Иерусалиме. Под влиянием архитектуры В. и. в нек-рые композиции (купольные залы) была внедрена каркасная система, массивные стены заменены более тонкими «мембранами», с рядами окон (Аруч), храмы внутри украшали росписями, реже мозаиками, снаружи — резным декором.

Тип крестово-купольного храма с куполом на 4 опорах, к-рый позднее станет одним из основных для церковного строительства в архитектуре В. и., развивался в этот период. Его происхождение неясно, но развитие темы крестово-купольной постройки с куполом на 4 столпах началось еще в позднеантичное время (храм (?) II в. в Мусмии в Сирии), она использовалась в качестве церковного пространства в V–VI вв. (храм в Текоре, отчасти в угловых ячейках Св. Софии в К-поле). В VII в. сформировалась композиция типа вписанного креста с опорами квадратного сечения, равновеликими цилиндрическими сводами рукавов креста и сомкнутыми сводами угловых компартиментов (Багаран в Армении, 624–631), к VII–IX вв. относят развалины ряда храмов на 4 колоннах в Сиде (базилики АА и ЕЕ) и Триглии (обл. Вифиния, вост. побережье Мраморного м.). Первые сохранившиеся постройки развитого типа вписанного креста в К-поле отнесены к нач. X в., здесь этот тип был доведен до совершенства, что послужило его дальнейшему распространению почти во всех областях влияния архитектуры В. и.

Эпоха иконоборчества практически совпала с т. н. темными веками (VII–IX вв., по нек-рым оценкам — с кон. VI в.), география визант. архитектуры изменилась, мн. крупные города угасли. Монументальное строительство оказалось невозможным на оккупированных мусульманами территориях Ближ. Востока, М. Азии, в большей части империи оно почти пришло в упадок, тем не менее развитие визант. архитектуры продолжалось в отдельных регионах, напр. в Причерноморье, Греции, в меньшей степени в К-поле и отдельных областях М. Азии. Однако творческая активность не угасла. Наоборот, в архитектуре В. и. появились разнообразные варианты крестово-купольных храмов. Кроме типа вписанного креста с куполом на 4 колоннах, это большие храмы с 2-ярусным обходом центрального крестообразного пространства: церкви Св. Софии в Фессалонике (после перестройки в VII или VIII в.) и Климента в Анкаре (VI–IX вв.). При перестройке ок. 753 г. ц. Св. Ирины в К-поле приобрела крестово-купольную композицию. Сведения об архитектуре В. и. этого времени доступны во многом лишь по археологическим источникам.

Средневизантийский период. В X–XI вв. восстанавливались и укреплялись города, росло их население. В большей мере эта эпоха была отмечена строительством мон-рей, как городских, так и расположенных в сельской местности. Многие основывались ок. сер. X в., в т. ч. в Греции такие, как Осиос Лукас (Фокида), Дафни (Афины), Осиос Мелетиос на горе Китерона (Аттика), Неа-Мони на о-ве Хиос, мон-ри на Афоне, Патмосе. Монастырские комплексы в отличие от прежних имели замкнутый характер: жилые и хозяйственные постройки располагались по периметру большого двора, в центре находилась соборная церковь (кафоликон) или группа церквей. Такая структура напоминает группировку помещений внутри двора в больших жи-

Чертеж фасада с аксонометрией ц. Звартноц в Армении. 642–662 гг. Реконструкция

лых домах (сохр., напр., в Афинах), эгейских по происхождению.

Интенсивное развитие К-поля возобновилось еще при имп. Василии I Македонянине (867–886), к-рый восстановил неск. юстиниановских построек, в т. ч. собор Св. Софии и ц. св. Апостолов. Со 2-й четв. IX в. на протяжении 100 лет перестраивался и украшался Большой имп. дворец, включавший неск. комплексов-кварталов. Дворцовый комплекс был дополнен 8 новыми церквами.

К архитектуре В. и. этого периода в минимальной степени применимо понятие «македонский ренессанс»: несмотря на отдельные детали, возрождавшие античные формы (напр., фрагменты нач. X в., найденные в болг. Преславе, капители собора Сан-Марко в Венеции (начато строительство в 1067), порталы церквей анийской школы кон. X – нач. XI в.), визант. архитектура, в основном сохранившая античные традиции ремесла, развивалась в рамках традиц. канонов и образцов средневек. искусства. Параллелью средневизант. архитектуре К-поля может служить зодчество Ани и окрестных мон-рей в Армении, груз. соборы; мастерство их строителей обладало всеми признаками развитой городской культуры, в то время как вокруг господствовала архитектура феодальных поместий и мон-рей.

Главным в церковной визант. архитектуре стал центральнокупольный храм. Его вариации в сочетании с сакральным значением крестообразного пространства определили тип постройки большинства храмов. Получила развитие богослужебно-

Собор в Кутаиси. 1003 г. Вид с северо-востока

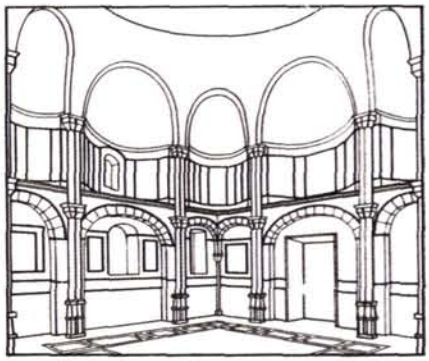
хронологическая система толкований архитектурных форм и связанного с ними декора, основанная на христ. календаре и интерпретировавшая храм как «образ» отраженного в богослужении праздничного

Собор в Ани. 989–1001 гг. Интерьер

цикла. По сравнению с прежними размеры построек уменьшились многократно, тяготение к компактным и выразительным формам исключало повторение старых, прежде всего базиликальных, композиций, к-рые продолжали использовать, напр. в Болгарии. В 1065 г. была реконструирована ц. Успения в Никее, с минимальными изменениями форм и размеров повторен тип купольной базилики в Дереагзы (Ликия, кон. IX – нач. X в.), мн. купольные композиции VII в. в странах Закавказья восстановлены в прежних размерах. Появились церкви в виде простого триконха (ц. Панагии Кумбелидики в Кастории, сер. IX или XI в.) или тетраконха – форм, свойственных ранним мартириям и баптистериям; с X в. они воспроизводятся и в пространствах дополнительных помещений, чаще жертвенников и диаконников (часовни и пастофории сев. церкви мон-ря Липса в К-поле, 907).

На основе форм и принципов, существовавших ранее на периферии, зодчими к-польского круга были разработаны новые типы церквей, к-рые Краутхаймер, в частности (*Краутхаймер*. 1986. P. 337–341), разделяет на 5 основных: 1) укороченный греч. крест в плане, как в ц. Архангелов в Сиге (ок. 780), формируется большим подкупольным квадратом с неглубокими сводами по сторонам, к востоку примыкает апсида, зап. часть сообщается с нартексом посредством трибелона – церковь мон-ря Хора в К-поле (Кахрие-джами, после перестройки нач. XII в.), церковь в Куршунлу в Вифинии (2-я пол. XII в.); 2) октагонально-купольный, вероятно к-польский по происхождению, как в кафоликоне мон-ря Неа-Мони на о-ве Хиос (1042–1056), центральное пространство к-рого представляет собой квадратный зал с 8 пристенными пилястрами, во 2-м ярусе угловые и плоские осевые широкие ячейки преобразованы в округлые ниши, завершаемые конхами, их арки включены в парусную конструкцию под барабаном; 3) смешанный тип, соединяющий греч. крест с октагоном, как в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас (1011 или 1022), в Дафни (ок. 1080), где в центре – подкупольный квадрат с 3-частным алтарем на востоке и с 3 др. сторон 2-ярусный обход (в Дафни 1-ярусный), к-рый пересекают до внешних стен сводчатые рукава кре-

Кафоликон мон-ря Неа-Мони на о-ве Хиос. 1042–1056 гг. Рисунок-реконструкция интерьера

ста более узкие, чем сторона подкупольного квадрата; углы квадрата перекрыты большими коническими тромпами, расположенными на одном уровне со сводами рукавов и сферической поверхностью парусов; 4) здания с амбулаторием (обходом), развивающие тему купольной базилики с галереями, встроенными в структуру крестово-купольного храма, открывающимися в подкупольное пространство (чаще всего аркадами), напр. церкви Христа Акаталепта, или Богоматери Кириотиссы в К-поле (XII в., ныне Календерхане-джами); 5) вписанный крест – самый распространенный

в средневизант. время; с ним отчасти были связаны и крестово-купольные композиции с полуизолированными угловыми компартиментами и куполом на 4 опорах, формируемых углами стен; их истоки можно видеть в церквах типа Осиос Давид в Фессалонике, развитые образцы — ц. Атик-Мустафа-джами в К-поле (IX в.) и основное ядро кафоликона Великой Лавры на Афоне (963).

Храмы 2-го и 3-го типов, объединяемые под общим названием «на восьми опорах», представляют собой самые высокие в конструктивном и эстетическом отношении достижения зодчества средневизант. времени. Вопреки установившимся названиям в основе их композиций октагональная форма почти отсутствует: 8-угольник образуется смыканиями основных подкупольных арок с арками тромпов и является основой 8 парусов. Даже в зоне 2-го яруса, где стены, формирующие пространство наоса, приобрели вид 8 чередующихся больших и малых круглых ниш (Неа-Мони на Хиосе), форма подкупольных пилястр ясно указывает на квадратное основание композиции.

Кроме перечисленных типов в X–XII вв. было возведено множество построек, как простых (напр., сводчатый зал с апсидой над аналогичной криптой костницы Бачковского мон-ря, 1083), так и самых необычных композиций, имевших локальное распространение: напр., храм с куполом на 6 опорах, как в Болгарии (церковь в Винице, ок. 950) и в Грузии (церковь в Кумурдо, 964), сочетание 4-столпного храма с триконхом (кафоликоны мон-рей Афона) и др.

Начало средневизант. архитектуры К-поля обычно связывают с 2 несохранившимися храмами имп. Василия I Македонянина в Большом имп. дворце — ц. Богоматери Фара (освящена, вероятно, в 864) и ц. Неа (Новая) (876–881) (см. ст. *Большой дворец в Константинополе*). Об архитектуре Фаросской церкви — хранилища наиболее почитаемых реликвий — известно мало, реконструкция сближает его композицию с ц. свт. Климента в Анкаре (*Jenkins R. J. H., Mango C.* The Date and Significance of the Tenth Homily of Photius // DOP. 1956. Vol. 9/10. P. 173), ц. Неа, располагавшаяся на террасе, на субструкциях, была типа вписанного креста или крестово-купольная, предположительно с 5 куполами. Оба храма, небольшие по размеру, могли оказать влияние на церковное зодчество столицы и за ее пределами. Неск. храмов К-поля, возведенные в 900–1200 гг., с композицией типа вписанного креста являются подражанием ей (*Krautheimer*. 1986. P. 356), напр. сев. постройка мон-ря, основанного адмиралом флота Константином Липсом (ныне мечеть Фенари-Иса-джами), освященная как ц. Богородицы (907) и ц. мон-ря Мирелейон (Бодрум-джами), вероятно возведенная имп. Романом I Лакапином (919–944) рядом с его

Церковь мон-ря Мирелейон (Бодрум-джами) в Константинополе

новым дворцом до 923 г. Их наосы схожи особенностями композиций, размерами (наос ц. мон. Липса — 13×9,5 м) и оформлением деталей, нартексы завершаются по сторонам округлыми нишами. Галерея над нартексом ц. мон-ря Липса тройной аркадой раскрывалась в зап. рукав храма; хоры размещались и над угловыми частями наоса, где были устроены молельни, восточные (возможно, и западные) венчались куполами. К 3-частному алтарю примыкают капеллы, благодаря к-рым вост. фасад оформляет 5-апсидная композиция. Глухие грани апсид украшены нишами. Оба храма имели великолепное освещение благодаря окнам центрального барабана и широким застекленным проемам в торцах юж. и сев. рукавов, вытеснившим собственно стены. В богатой системе скульптурного убранства ведущая роль принадлежала карнизам в неск. ярусах (в основании барабана, под центральными сводами, на уровне капителей колонн по стенам), они подчеркивали архитектонику здания и имели самостоятельную орнаментику (орлы и розетки, цветы и пальметты, звезды, кресты с павлинами). От высоты карниза зависел его вынос и наклон плоскости резной поверхности. Резьба покрывала мраморные столбики между окнами и выходила на фасады. Вероятно, в качестве обрамлений на стенах храма применялись разноцветные керамические поливные плитки, в чем усматривается влияние сасанидского и араб. Востока (*Комеч*. 1986. С. 59). Мирелейон выложен целиком из кирпича и основан на субструкции аналогичной 4-столпной структуры, превращенной после восстановления храма ок. 1300 г. в имп. усыпальницу. В более развитом 4-колонном пространстве боковые участки стен расчленены арочными нишами. В ряду однотипных построек Мирелейон выделяется особой, крестовой формой завершения всех ячеек, за исключением центральной, перекрытой дольчатым куполом (диаметр — 3,1 м), и пандативных сводов широко раскрытых в пространство наоса пастофориев и средней ячейки нартекса. Выступающие за линию фасадов массивные полуколонны придают особую монументальность маленькому храму.

Композиция и стиль этих построек развивались в К-поле и в кон. XI в., напр. в ц. Христа Пантепопта (Эски-Имарет-джами) (1081–1087). Величественности ее облику добавляют прямоугольные лопатки на фасадах. Галерея над нартексом вела в молельни, имевшие небольшие купола, над сводами зап. угловых ячеек. Как и в Мирелейоне, тройные аркады рукавов креста снаружи, вероятно, прикрывались портиками. На фасадах использована кладка со скрытым рядом, частично техника клуазонне, воспринятая из Греции,— кирпичный меандр и зигзагообразный орнамент. Близка по технике исполнения и стилю Килисе-джами (ц. св. Феодора), постройка типа вписанного креста, вероятно комниновского времени.

В 1-й пол. XI в. в столице создавали постройки, выделявшиеся размерами, сложностью структуры и роскошью отделки, напр. несохранившаяся ц. Богородицы Перивлепты, возведенная имп. Романом III Аргиром (1028–1034). Согласно описаниям XI–XIII вв., она имела центричный план, 3 нефа, купол на колоннах и пышную декорацию, но о ее объемной композиции можно лишь догадываться. Описание возведенной имп. Константином IX Мономахом (1042–1055), несохранившейся ц. вмч. Георгия в Манганах можно сопоставить с ее раскопками 20-х гг. XX в. Это была самая большая из средневизант. церквей: композиция в целом напоминает ц. Успения в Никее, но имеет 9-дольную структуру, развитый вариант крестово-купольного типа. Необычна планировка: подкупольный квадрат со стороной 10 м ограничен стенами, в к-рых прорезаны арки по ширине в 2 раза меньше стороны квадрата, его углы скруглены. Церковь предварял прямоугольный атрий, его стены внутри были оформлены чередованием ниш разных глубины и очертаний, их простенки превращены в пучковые лопатки, ближайшую аналогию им представляет резьба на стенах памятников X в. в Ани (*Mango*. 1976. P. 128–131). Большей компактностью обладает композиция сев. ц. Богородицы Паммакаристос (Фетхие-джами) в К-поле (сер. XI в.) — памятника т. н. перистильного типа, или храма с амбулаторием.

Тройное деление каждой из сторон подкупольного пространства этих построек, «потенциальная трехнефность», родственность 4-колонной структуре вписанного креста (*Комеч*. 1987. С. 96) подтверждают «генетическую изначальность» квадратного основания плана и сомнительность тезиса о происхождении построек «на восьми опорах» только от октагональных ранневизант. храмов. Рассмотрение арм. зодчества VII в. в рамках общевизант. традиции, новый взгляд на происхождение храмов типа Авана и Рипсиме не позволяют усматривать в арм. храмах лишь чуждый визант. духу источник соседней традиции — они обладали комплексом черт родственной культуры. Визант. храмы отличаются помимо особенностей системы декора наличием 2-ярусного обхода купольного квадрата и 2-ярусным оформлением самого квадрата. Это определило вариации форм в центральном пространстве: условные опоры арок (в Неа-Мони — пилястры), аркады, мраморная облицовка,— все разделено на 2 зоны, в Неа-Мони прямые углы в основании квадрата, как и участки под арками, во 2-м ярусе преобразованы в круглые ниши. Создавалось круговое движение пространств и сводов, подчеркнутое сверкающей поверхностью мраморной облицовки,— архитектурное воплощение изощренного эстетического вкуса эпохи.

В ц. Панагии Камариотиссы (XI в.; разрушена в 1804) на о-ве Халки в Мраморном м., близ К-поля, была реализована родственная храмам «на восьми опорах» композиция тетраконха с угловыми круглыми нишами, воспроизводящая храм на о-ве Ахтамар не только внутренней структурой, но и изрезанностью внешнего контура стен. Манго видит влияние арм. памятников и на структуру ц. Спасителя у ворот Халки в К-поле, построенную имп. Иоанном I Цимисхием (969–976), армянином по происхождению, проектировавшим ее: церковь, по реконструкции представлявшая собой тетраконх, располагалась на субструкциях, служивших усыпальницей этого императора и местом хранения реликвий (*Mango*. 1976. P. 224, 231).

Средневизант. архитектура продолжала развиваться в Сев. Африке, здесь преобладал гл. обр. тип базилики с алтарным трифолием, в большей мере — в В. Египте и Судане, где Нубийское царство успешно противостояло мусульм. натиску до XII в. Традиц. типом церквей со времени христианизации (кон. VI в.) стала сводчатая базилика с галереями. Стены выкладывались камнем, верхние зоны — прессованным кирпичом, опорами служили столпы, колонны применялись только для триумфальной арки. Нек-рые памятники отражают связь с купольными постройками архитектуры В. и., напр. ц. Богоматери в Серрах (совр. Серре, X в.), подобная ц. Осиос Давид в Фессалонике.

К-польская школа, с особой строительной техникой, типологией построек, стилистическими приемами, в X–XI вв. оказала влияние на строительство в пределах всей империи, а также в сопредельных странах слав. мира и Вост. Причерноморья, к-рые тяготели к империи, а их церковные организации складывались в рамках структур визант. Церкви. На христ. Востоке после араб. нашествия к-польское влияние проявлялось в отдельных анклавах, напр. в обл. Тур-Абдин (Сев. Месопотамия), в целом не распространяясь даже на временно завоеванные территории, обладавшие развитой и индивидуальной архитектурой, напр. на Армению и Грузию X–XI вв. С X в. в К-поле и сфере его влияния, в т. ч. на Руси и в Юж. Сербии, стали использовать технику кладки с применением утопленного (скрытого) ряда, когда через один ряды кирпича выкладывались с отступом и замазывались известковым раствором, что создавало иллюзию шва в 2–3 раза более широкого, чем кирпич. В Греции с 900 г. преобладала др. техника — клуазонне, при к-рой каждый блок камня огибала кирпичная кладка (*Krautheimer*. 1986. P. 355). К XI в. стены обычно украшали керамическим и пластическим декором, что, возможно, было связано с постепенным отказом от наружной мраморной облицовки и даже от штукатурки. Значительно изменилась художественная природа памятников: они стали меньше похожи на светские сооружения, большинство интерьеров (за исключением нек-рых имп. храмов) оказались менее освященными, хоры сократились, оставаясь над нартексом или угловыми ячейками, либо вовсе исчезли, возможно под влиянием монастырского строительства. По-прежнему визант. храм обладал четкой композицией, уравновешенными соотношениями всех элементов, благодаря к-рым подчеркивалось состояние гармонии, покоя, духовного созерцания, отвлечения от земного, усиливалось переживание сакральности происходящего. Сложившаяся к X в. новая образность и склонность к развитию крестово-купольных структур послужили фундаментом возрождения монументального церковного строительства.

Архитектура регионов В. и. Влияние к-польского зодчества определяло развитие архитектуры др. стран, напр. Болгарского царства, когда с кон. IX в. было возобновлено дворцовое и церковное строительство, базирующееся на местных памятниках эпохи имп. Юстиниана.

С одной стороны, возрождали тип классических базилик с 3-частным алтарем, галереями над боковыми нефами, нартексом, атрием, напр. базилика в Абобе (Плиска) (IX в. (?)), общей длиной 99 м, ц. св. Ахиллия на оз. Микра-Преспа (80-е гг. X в.), с др.— создавали купольные, в т. ч. оригинальные, композиции, напр., зальных храмов, где пространство, перекрытое сводами и куполом на мощных пилонах и низких арках, завершалось 3 апсидами. Одной из вариаций этого типа явилась композиция ц. Св. Софии в Охриде (кон. IX — сер. XI в. (?)).

Развитая крестово-купольная структура с почти изолированным средним нефом характерна для построек и в Центр. Греции, напр. для ц. Панагии в Скрипу (873–874): ее массивный облик, хорошие пропорции, ясные геометрические формы, а также каменная техника и восходящая к сасанидской культуре орнаментация позволяют говорить о деятельности пришедших на Балканы арм. мастеров (*Krautheimer.* 1986. P. 313–317), причастных также и к строительству дворца в Плиске (814–831). С церквами в Скрипу и Охриде стилистически связаны ц. св. Иоанна Крестителя в Месемврии (ок. 1000 г.) на побережье Чёрного м.: кладка из грубо обработанного камня, строгость форм, граненые очертания объемов, щипцовые завершения рукавов оживляются кирпичными орнаментальными вставками и арками. Уникальный образец др. типа — Круглая ц. в Преславе (нач. X в.?), небольшая постройка с 2-ярусным атрием и куполом на 2-ярусной аркатуре (по 12 колонн в каждом ярусе, слегка отстоящих от внешней стены, оформленной нишами). Ее масштаб и декорации близки построенным в то же время к-польским храмам, антикизирующие орнаменты пальметт, вероятно, имитируют греко-рим. образцы, а инкрустированные колонны подобны к-польским колоннам VI в. из церквей мч. Полиевкта и св. Евфимии (*Krautheimer.* 1986. P. 318–321); композиция связана либо с традицией рим. мавзолеев, либо с одной из центрических структур эпохи имп. Юстиниана и имеет параллель среди памятников на северо-западе Балкан, напр. с ц. св. Доната в Заре (Задаре) (810–815, Хорватия), восходящей к италийской традиции.

Для неск. десятков монастырских и приходских церквей X в. в окрестностях 2 царских резиденций — Преслава (до разрушения в 971) и Охрида — характерной чертой является близость болг. зодчества к-польской традиции. Большинство преславских построек принадлежали типу вписанного креста, но материалом служил камень. Снаружи, как и в Мирелейоне, часто применялись полукруглые пилястры, апсиды имели граненые формы, над нартексом располагалась галерея, торцы рукавов креста завершали тройные окна, с полами из цветных панелей разного рисунка (гексагональные кирпичи обрамлены белым камнем и зеленым мрамором; белокаменные октагоны — красным и зеленым мрамором). Вариацией типа вписанного креста является небольшая церковь в Патлейне близ Преслава (907?) (ширина наоса 5 м, длина 3,4 м), ее вост. подкупольные опоры сливаются с концами апсиды, 4 столпа, имеющие со стороны наоса округлое сечение, как в церкви в Дранде, производят впечатление фрагментов стен. Пол и стены декорированы обливными плитками, тип декора сасанидского происхождения, проникший сюда из К-поля (*Krautheimer.* 1986. P. 370).

В качестве залов для приемов и дворцовых часовен широко использовались триконхи, напр. в церкви в Винице (ок. 950), 3-частный алтарь примыкает к купольному квадрату наоса, расширенному по сторонам парами округлых ниш. В Перистероне, в Фессалонике, частично сохранилась ц. во имя ап. Андрея на подворье Великой Лавры (870–871) с планом в форме греч. креста и 5 куполами, напоминающая ц. св. Апостолов в К-поле. Центральная ячейка плана этого небольшого здания была преобразована во вписанный крест (угловые зоны — 60×60 см), а рукава — в триконхи. В X–XII вв. в этом регионе создавали и простые композиции — зальные и 3-нефные церкви, упрощенные до одной пары столпов, техника их кладки и убранство фасадов развивали греч. традицию, подобные здания получили особое распространение в Кастории и Юж. Македонии.

После победы имп. Василия II в 1018 г. в культуре и зодчестве Балканского п-ова повысилась роль Фессалоники. От периода нач. VIII — 1-й пол. XI в. не сохранилось ни одного памятника. Первая средневизант. постройка — ц. Панагии Халкеон (освящена в 1028) типа вписанного креста, ее кирпичная техника кладки и внешние полукруглые пилястры отражали связь с Мирелейоном, а капители близки ц. Неа-Мони на Хиосе. В отличие от столичной традиции 2 купола поставлены над галереей нартекса и сильно выступали над крышами, 8-гранные барабаны оформлены округлыми нишами, в осевых устроены окна, стены между пилястрами на фасадах оформлены ступенчатыми нишами с широкими окнами (*Krautheimer.* 1986. P. 373–374).

Церковь Малая Митрополия в Афинах. Ок. 1200 г. Фотография. Кон. XIX в. (ГИМ)

Торжественность, монументальность форм и отточенность отделки свойственны храмам, возведенным под имп. патронатом на Афоне: кафоликонам Великой Лавры, Ивирона, Ватопеда. В результате перестройки прп. Афанасием Афонским крестово-купольного кафоликона Великой Лавры (ок. 1002) и кафоликона типа вписанного креста мон-ря Ватопед (ок. 1000) поперечные рукава этих зданий были расширены полукруглыми экседрами (хорами, пространствами для певчих). Для балканского зодчества можно выделить 2 источника: К-поль и Фессалонику, с к-рыми были связаны композиция, техника и декор построек Афона (*Krautheimer.* 1986. P. 375). Их элементы, такие как триконх, параклисы (часовни, добавленные по сторонам нартекса), глубокий нартекс (лити), были восприняты монастырским строитель-

ством как на самом Афоне, так и на севере Греции и Балкан.

В архитектуре материковой Греции доминировала отличная от к-польской школы техника клуазонне с использованием большого количества камня. Первоначально грубая, она эволюционировала к кон. X в.: хорошо отесанные каменные квадры обрамляли кирпичом в один ряд по вертикали и в 2 ряда по горизонтали в сочетании с вставками куфического орнамента, мотивы к-рого иногда создавали фризами из терракотовых плиток (ц. св. Феодоров в Афинах, ок. 1065). С сер. XI в. мастера стали применять кирпичные фризы с узором в виде меандра, как в Епископской ц. в Дрополисе, близ Арты (X в.), или в ц. Панагии Кумбелидики, в Кастории. В Греции неизвестны или редко использовались системы полуколонн, пилястр, наложенных арок, уступчатых ниш, характерных для столичных памятников. Вместо рельефной выразительности и светотеневой игры в художественном решении фасадов главенствуют фактурность и полихромность. Не применялся мотив раскрытого рукава креста с 3-частными окнами на фасаде (*Krautheimer*. 1986. P. 379–381), узкие высокие окна группировались по 2 или 3, иногда объединялись аркой или орнаментированным тимпаном.

С кон. X в. архитектурные формы приобрели больше изящества, барабаны глав украшали аркатуры на тонких колонках, образующие ли-

Церковь св. Апостолов в Афинах. Ок. 1000 г. Вид с востока

нию карниза. В ц. Пресв. Богородицы (Феотокос Панагия) мон-ря Осиос Лукас (X в.) 4 колонны с орнаментированными капителями (2 коринфские и 2 с геометризированным орнаментом) в пространстве типа вписанного креста поддерживали систему арок и сводов чистых и ясных форм. Наружные стены полихромны, применен красноватый раствор, тип кладки трижды меняется: в нижней части — техника клуазонне, от уровня оконных арок ее ряды чередуются с рядами поребрика и орнаментированными вставками; в гранях барабана — по паре окон, разделенных колонками и обрамленных резными мраморными плитами и арками. Более сдержан декор ц. св. Апостолов в Афинах (ок. 1000), оригинальная объемно-пространственная композиция к-рой соединяла вписанный крест и круглый наос, расширенные экседры по осям (квадрифолий) с малыми полукруглыми нишами по диагоналям и напоминала раннехрист. композиции в Юж. Сирии (Гераса, Бостра) и еще более в Армении (Эчмиадзин, Багаран).

Величественный и яркий памятник, свидетельствующий о новой образности визант. архитектуры того периода,— кафоликон мон-ря Осиос Лукас. Его облику присущи богатство пространственных переходов, соразмерность и гармония больших и малых форм (от широкого купола до аркатур обхода), искусные градации света и тени, элегантные пропорции. Внутренний вид дает представление о системе мраморной облицовки в средневизант. период, когда разномасштабные прямоугольники, объединенные с др. элементами декора в сложном ритме, препятствуют восприятию массивности опор. 2-ярусное расположение больших арок, объединяющих по 2 или 3 окна, проходящих широкими лентами по фасадам кубовидного объема, придает зданию сходство с дворцовой архитектурой, декоративная кладка, характерная для местной традиции, не доминирует, а дополняет мерный и торжественный ритм проемов.

Мон-рь Осиос Лукас в Фокиде. Кафоликон 1022 г. и ц. Пресв. Богородицы. X в. Вид с востока

Кафоликон Осиос Лукас — наиболее ранний сохранившийся храм с куполом «на восьми опорах», т. е. того типа, истоки к-рого Вульф был склонен видеть в октагональных постройках (напр., ц. мучеников Сергия и Вакха), отмечая реализацию замысла «перекрыть наос куполом во всю его ширину, и так как нерасчлененное пространство предшествовало 3-частной виме, то перед зодчим встала конструктивная задача перенести опору купола на окружающие стены» (*Wulf O.* Altchristliche und byzantinische Kunst. B.; Neubabelsberg, 1914. Bd. 2. S. 461; в рус. переводе:

Кафоликон мон-ря Осиос Лукас в Фокиде. 1022 г. Интерьер

Комеч. 1987. С. 90–91). Близкие храмам «на восьми опорах» типы композиции по масштабу, формированию подкупольного квадрата 8 опорами, особенностям их ритма и конструктивным решениям (тромпы в основе подкупольного перехода) разрабатывались в Закавказье VI–VII вв. (Аван и Рипсиме, Мастара). Сходство заметнее, если с визант. храмами «на восьми опорах» сопоставить хронологически более

близкие храмы, напр. ц. Св. Креста на о-ве *Ахтамар* (915–921), собор св. Апостолов в Карсе (30-е гг. X в.), собор в Мартвили (X в.), в к-рых угловые конхи или конические тромпы, чередуясь с основными подкупольными арками, включены в основу парусной, сферической формы, завершенной кольцевым карнизом. Исторические события X — нач. XI в. (аннексия В. и. арм. царств, переселение царских родов на отдаленные территории В. и., их проникновение в гос. элиту, в т. ч. на имп. трон) могут служить обоснованием появления близких черт в визант. храмах. Возможно, подобные композиции были основательно переработаны к-польскими мастерами и распространились на периферии В. и. (*Mango*. 1976. P. 222) либо послужили импульсом для переосмысления структур эпохи Юстиниана (*Комеч*. 1987. С. 91). Возможно, греч. крестово-октагональные церкви появились в результате самостоятельного пути развития архитектуры В. и. с использованием конструктивных приемов (напр., применение тромпов), свойственных соседним традициям (арм. или мусульманской) (*Krautheimer*. 1986. P. 340). При этом слабо учитывается возможность местного фактора, ведь почти все известные памятники находятся на территории Греции. Возможно, здесь, напр. в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас, этот тип получил совершенное воплощение.

Как и типологически близкая ц. Неа-Мони на Хиосе, кафоликон Осиос Лукас неоднократно копировался в более упрощенных формах (наиболее ранний пример — ц. Сотира Ликодиму (совр. Троицы) в Афинах (1044)), однако в целом его стиль, навеянный к-польским влиянием, не имел продолжения в Греции, где возобладала местная традиция. Ее характерные черты — цельность и простота пространства, гладкие стены, прорезанные редкими группами окон, живописная фактура кладки, изящно декорированный барабан — получили развитие в храмах 2-й пол. XI в. (ц. Введения Богородицы во храм (Капникарея) ок. 1060–1070 в Афинах, кафоликон в Дафни).

На Кипре в IX–XI вв. строятся купольные храмы с массивными столпами, иногда низко опущенными арками в продольных направлениях и гладкими, слабо расчлененными стенами. 3 купола осеняют центральный неф и поперечные рукава ц. Варнавы и Илариона в Перистероне, образуя композицию, подобную ц. св. Апостолов в К-поле. Идея распределения куполов по продольной оси получила своеобразное развитие в здании с 2 куполами — ц. Панагии Хриселеусы в с. Эмба, близ Пафоса (ок. 1050), где почти одинаковые купола перекрывают центральные ячейки наоса и нартекса, равные по объему и композиции.

В М. Азии в средневизант. период не велось интенсивное строительство церквей, но порой на освобожденных от арабов землях возводились величественные храмы, напр. ц. свт. Николая в Мирах (VIII в.?) или собор в Дереагзы в Ликии (кон. IX — нач. X в.) — крестово-купольная постройка с хорами над нартексом и боковыми нефами, массивный облик к-рой типологически ближе более ранним памятникам, напр. ц. Св. Ирины в К-поле, но четкость композиции и особая структурность фасадов имеют сходство со стилем столичных храмов нач. X в., напр. с ц. Мирелейон. На зодчество XI в. в вост. районах полуострова, в частности в Каппадокии, оказали влияние как к-польская, так и закавказская традиции, напр. ц. Чанлыкилисе в Акхисаре — храм типа вписанного креста на 4 столпах квадратного сечения, первоначально без нартекса. Его апсиды имеют грани, как и стены, украшены плоскими уступчатыми нишами, верхние арки к-рых опирались на узкие колонки, имитируя наложенную аркатуру. Для декоративности был применен кирпич: из него на фоне гладкотесаных каменных стен выложены 2 узкие полосы в нижней части внешних стен и большинство наружных арок, а также «расчесы» в архивольтах аркатуры. Каменная ц. в Белисырме оформлена проще. Архитектура 2 небольших, имеющих общий нартекс крестообразных купольных церквей в Учаяке (Центр. Анатолия), возведенных целиком из плинфы, по стилю родственна столичным храмам «на четырех колоннах»: напр. использованы 5-гранные апсиды, оформленные нишами, но 3-частная к-польская схема дополнилась нехарактерной для столичных построек вертикальностью.

В Каппадокии средневизант. времени возникает масса пещерных

Церковь Чарыклы-килисе в Каппадокии. XIII в.

комплексов (возможно, нек-рые являлись монастырскими или дворцовыми), где церкви воспроизводили интерьеры наземных храмов. Целые группы комплексов с росписями интерьеров сохранились в местностях Гёреме, Ыхлара, Соганлы. Церковь в Элмалы представляет собой высеченный интерьер 4-колонного храма типа вписанного креста с куполами над всеми 9 ячейками наоса. Много куполов имели интерьеры в Каранлык-килисе и Чарыклы-килисе, в Токалы-килисе имитирована 3-нефная базилика с 2 парами столпов, встречаются и простые варианты крестообразного плана, а также с поперечно вытянутым залом. Храмы сохранили алтарную преграду, скамьи и троны и даже амвоны (ц. Дурмуш-Кадир-килисе), высеченные в том же массиве скалы (*Rodley*. 1985; *Teteriatnikov*. 1996).

В Вост. Причерноморье в зодчестве независимого Абхазского царства (кон. VIII — нач. XI в.) визант. традиции развивались в новом масштабе и новой типологии. Ведущее место заняли храмы типа вписанного креста на крещатых столпах, с хорами над обходом (Мокви, 967) и с 3-частным алтарем, выявленным снаружи, их художественные качества отчасти близки центральномалоазийским, груз., болг., первым древнерус., а также аланским храмам. Именно в X–XI вв. в верховьях Кубани (Зап. Алания) появились храмы типа вписанного креста на столпах — Сев., Ср. и Юж. Зелен-

чукские, Сентинский, Шоанинский (см. *Аланская епархия*). В Крыму храм типа вписанного креста на крещатых столпах известен в постройках Херсонеса (ц. № 9, XI–XIII вв.), с глубоким нартексом, 3-частным алтарем, гранеными апсидами и декорацией продольных фасадов из 3 плоских ниш. В Крыму строились и крестообразные храмы с 4 молельнями в углах, между рукавами планового креста: т. н. 5-апсидная церковь и храм на акрополе Херсонеса (XI–XIII вв.) (*Айбабин* и др. 2003. С. 82–86, 143).

На Руси начало каменного монументального зодчества было положено к-польскими мастерами, повлиявшими на рождение самостоятельной архитектурной традиции, тесно связанной с княжеским характером рус. культуры в период с кон. X по 30-е гг. XI в. Образцами для первых каменных храмов в Киеве с 2-ярусными аркадами в рукавах креста могла быть церковная архитектура Большого имп. дворца в К-поле, Фаросской ц. Богородицы для т. н. Десятинной ц., выстроенной вел. кн. Владимиром (991–996) (*Комеч.* 1987. С. 176), к-рая в свою очередь стала образцом для постройки черниговским кн. Мстиславом Спасо-Преображенского собора в Чернигове (основан в 1034/35), представляющего собой 4-столпный храм типа вписанного креста с хорами над нартексом и над боковыми нефами. Структурой и размерами он близок храму в Дереагзы, аркадами в верхнем ярусе хор — Алахан-манастыру и Каср-Ибн-Вардану, памятникам, появившимся в начале развития купольных базилик. Как в визант. 4-колонных храмах типа вписанного креста, основные опоры центричны, но крещатые столпы и хоры вопреки визант. традиции располагаются на плоских перекрытиях. На хорах главными являются зоны в рукавах креста, перекрытые высокими коробовыми сводами, залитые светом больших окон и открытые в подкупольное пространство тройной аркадой. 5-главая композиция, придающая пирамидальность внешнему облику храма, отличается от визант. принципов: если зап. главы расположены над хорами, то восточные выходят в предалтарное пространство. Использование в оформлении фасадов рядов ниш, пилястр с полукруглыми тягами между нишами, смешанная техника кладки из камня и плинфы с утопленным рядом характерны для зодчества К-поля, но степень развития и тонкость организации системы членений не имеет равных среди сохранившихся памятников В. и. (*Комеч.* 1987. С. 156–160).

В 1037 г. в Киеве кн. Ярослав Мудрый заложил собор Св. Софии — крупнейший памятник не только рус., но и визант. зодчества той эпохи (размеры вместе с внешними галереями — 42×55 м, величина подкупольного квадрата (7,75 м, или 25 греч. футов) уступает кафоликону Осиос Лукас или ц. вмч. Георгия в Манганах). Традиц. визант. композиция вписанного креста была расширена дополнительными нефами, продольными и поперечным, над к-рыми устроены хоры, превращенные в светлые, торжественные залы, полностью открытые в пространство наоса, что не соответствовало совр. визант. решениям, где общее пространство дробилось на коридоры и молельни. Большой масштаб соотносится со сложностью и множественностью однородных элементов (пространственных ячеек, лопаток, арок), к-рые отличаются весомостью и массивностью, что сообщает развитию пространства ритм размеренной и торжественной процессии, выступы лопаток обособляют пространственные ячейки, этому эффекту способствует живописная организация с обилием одиночных изображений, торжественностью предстоящих фигур, перекрытия «не кажутся единой осеняющей поверхностью» (*Комеч.* 1987. С. 212). Дробление больших плоскостей подобно ритму мраморной облицовки, напр. в кафоликоне Осиос Лукас или ц. Пантократора в К-поле, полихромные мозаические полы в наосе по технике и мотивам (ковровые геометрические композиции) аналогичны к-польским. Посвящение главного собора Киева, как и возведенных кн. Ярославом церквей вмц. Ирины и вмч. Георгия, строительство Золотых и Серебряных ворот восходят к к-польским образцам. Построенные в сер. XI в. Софийские соборы в Новгороде и Полоцке стали началом развития визант. архитектурного типа на Руси.

Спасо-Преображенский собор в Чернигове. 1-я пол. XI в. Вид с востока

Собор Св. Софии в Киеве. 1037–1045 гг. Интерьер. Вид с востока

Во 2-й пол. XI в. сформировался особый вид 3-нефного храма типа вписанного креста, ставший каноническим для последующего развития древнерус. зодчества. Вслед. уменьшения площади хор, оставшихся только над нартексом, исчезло многоглавие. В это же время закомары, характерные для визант. архитектуры, завершающие фасады по периметру, применялись активнее, чем в Византии, в храмах к-рой круговые ритмы более характерны для интерьеров, чем для наружного облика зданий. Само появление закомар связано с желанием выявить внутреннюю структуру храма, но формирование позакомарного завершения здания зависит от эстетического осмысления и создания декоративного эффекта при разработке объемной композиции. Тип

закомарного храма, выработанный рус. искусством к нач. XII в., не только стал итогом определенного периода в восприятии визант. архитектурного наследия, но и предопределил поиски рус. мастеров, до XVI в. занятых проблемами завершения (*Комеч.* 1987. С. 318).

Храмы 2-й пол. XI в. имеют много общего с церквами Византии: так, фундаменты ц. Богородицы Влахернской Кловского мон-ря в Киеве позволяют реконструировать ее по типу кафоликона мон-ря Осиос Лукас в Фокиде; остатки Михайловской ц. в Переяславле (кон. 80-х гг. XI в.), самой ранней среди городских построек, позволяют представить ее композицию близкой храмам Гюльджами или Календерхане-джами в К-поле (обе построены в 50-х гг. XI – кон. XII в.).

При всей очевидности самостоятельного пути развития до XII в. зодчество Др. Руси представляет собой явление в рамках визант. художественной культуры. В последующее время самобытная рус. архитектура оставалась открытой в т. ч. и визант. влиянию.

Визант. зодчество в X–XI вв. оказывало влияние на архитектурные школы Италии, напр. Рима и сев. областей, где иногда появлялись храмы с композицией вписанного креста (напр., ок. Казино, близ Милана), применялись галереи, тройные аркады, многогранные апсиды, импостные блоки. В Юж. Италии после отвоевания в 970 г. Апулии и Калабрии и учреждения резиденции визант. катепана в Бари вплоть до норманнского вторжения 1071 г. было построено много церквей визант. типа, напр. ц. Каттолика в Стило (X–XI вв., Калабрия) типа вписанного креста с 4 куполами в углах, выступающими над кровлями; пропорциями и упрощенностью пространства они похожи на пещерные церкви Каппадокии и, возможно, строились под влиянием зодчества Пелопоннеса (*Krautheimer.* 1987. P. 402–403). Иная ветвь многокупольных композиций с дополнительными главами над рукавами креста представлена собором в Каносе (X–XI вв.), облик к-рого, вероятно, непосредственно восходит к ц. св. Апостолов в К-поле (*Epstein A. W.* The Date and Significance of the Cathedral of Canosa in Apulia, South Italy // DOP. 1983. Vol. 37. P. 79–90). Визант. влияние продолжалось и после 1071 г.: церковь-усыпальница гр. Боэмунда в Каносе (1101) имеет структуру вписанного креста, собор в Мольфетте (XIII в.) – базилики с 3 куполами по оси среднего нефа, ближайшей параллелью к-рой являются композиции церквей Кипра. Материалом для южноитал. построек служил гл. обр. грубо обработанный камень, техника кладки и декор близки памятникам горных провинций Греции. На Сицилии и ближайших островах построек визант. образца сохранилось мало: Сан-Костанцо на Капри (кон. X – нач. XI в.) и ц. Марторана в Палермо (1143) имеют структуру вписанного креста, простота внешнего декора контрастирует с богатым внутренним убранством.

Исключение для Сев. Италии – архитектура *Венеции,* поддерживавшей веками теснейшие связи с Византией. В венецианском зодчестве традиции Запада (североиталийская строительная техника с кладкой из высоких кирпичей и тонким слоем раствора, особенности плана, связанные с литургической традицией, нек-рая специфика декора) сочетались с влиянием К-поля и греч. центров гл. обр., в церковном и дворцовом строительстве в XI–XII вв. Ц. Санта-Фоска на о-ве Торчелло (XI–XII вв.) – вариант греч. крестово-октагонального типа (8-гранная внешняя галерея-портик, вероятно, добавлена позднее) – имеет сходство с ц. Сотира Ликодиму в Афинах и собором в Христиану (XI в.), отдельные формы близки к-польским постройкам, но переработаны в рамках местной традиции. Композиция главного храма Венеции, собора Сан-Марко (первое здание – 830), была крестообразной, имела сходные размеры и, вероятно, восходила к юстинианов ской ц. св. Апостолов в К-поле. Второе здание (1063) с небольшими изменениями X в. еще сохраняло структуру юстинианов ских куполов, только центральный, самый высокий, купол был световым, но при завершении строительства собор приобрел 5 равнозначных световых куполов, что отразило изменение в архитектуре к-польской ц. св. Апостолов к кон. XI в. Большинство капителей в Сан-Марко – копии XI в. с к-польских образцов VI в. и более ранних. Собор достраивали и декорировали в основном до XIII в., к этому времени были завершены облицовка столпов и мозаики, а также создана обильно украшенная в готическом вкусе ниша портала, над к-рым установили привезенную в 1204 г. из К-поля античную бронзовую квадригу. Ни добавления последующих веков, ни местная выучка мастеров, ни множество западноевроп. деталей не изменили качеств пространственной композиции собора Сан-Марко, передающих величественный дух юстинианов ских храмов.

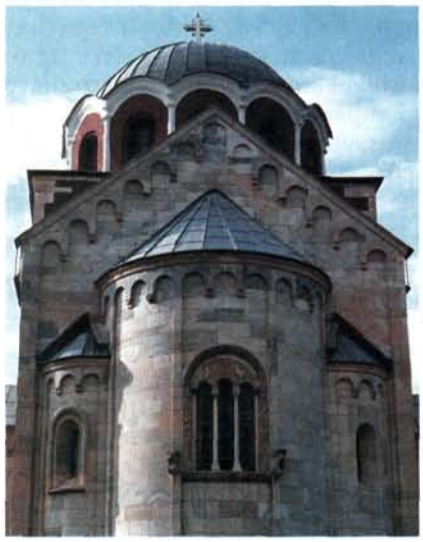
Связи между Востоком и Западом не были односторонними. Нек-рое влияние романского, в частности ломбардского, зодчества усматривается в к-польских постройках со 2-й пол. XI в., напр. ряды ниш в зоне аттика апсид, аркатурное обрамление окон, фризы в виде пирамидального зигзага (dog-tooth friezes) были восприняты в К-поле непосредственно или через архитектуру Венеции (*Krautheimer.* 1987. P. 411). С др. стороны, такое техническое новшество, как аркбутан (подпорная арка), еще недавно считавшееся заимствованным из арсенала готического зодчества, согласно последнему исследованию (*Ćurčić S.* Some Reflections on the Flying Buttresses of Hagia Sophia in Istanbul // Sanat Tarihi Defterleri. Istanbul, 2004. T. 8. P. 7–22), применялось в визант. архитектуре с целью укрепления построек (на зап. фасаде Св. Софии в К-поле; на апсиде Св. Софии в Фессалонике) за 250 лет до его появления в первых готических соборах.

В X–XIV вв. в зодчестве на территории Армении и Грузии, уходящем корнями к раннехрист. традиции Востока, стали более явными отличия от архитектурной традиции визант столицы (в принципах планировки мон-рей, типологии построек, средств художественной выразительности, в особенностях мемориального зодчества, восприятия внешних, гл. обр. мусульм., влияний). Внутри Закавказского региона с XI в. четко определились особенности архитектуры Армении и Грузии, каждая составила самостоятельную ветвь восточнохрист. зодчества. В Закавказье еще существовали области, где активно воспринимали и синтезировали разные (арм., груз. и к-польскую) традиции, напр. в Тайке (Тао) в IX–X вв. Возникали новые типы крестово-купольного храма (триконх с длинной зап. ветвью креста и цент-

ральным ядром в виде вписанного креста — Ошки, 963–973) и аркатурное убранство фасадов, к-рые послужили основой формирования архитектуры соборов в Зап. и Вост. Грузии 1-й пол. XI в. Проникновением визант. традиции можно объяснить появление круглых (многогранных) подкупольных столпов. Спецификой груз. развития 4-столпной структуры является соединение арками 2 высоких вост. столпов, часто слитых с краями апсиды, и 2 низких, свободно стоящих на западе.

Новый этап в развитии зодчества К-поля пришелся на XII в. 2 храма комплекса мон-ря Пантократора (1118–1136, совр. Зейрек-джами), ц. Христа Пантократора (между 1118 и 1124), построенная имп. Ириной Комниной, и сев. ц. Богородицы (ок. 1124), демонстрируют традиционализм заказчиков и мастеров, их приверженность к ранним образцам. Композиционные изменения минимальны и относятся гл. обр. к деталям. Снаружи весь комплекс храмов (в т. ч. средний, во имя арх. Михаила, служивший имп. мавзолеем с 1136) имеет общие зап. и вост. фасады. Объемы зданий асимметричны: вост. части понижены по отношению к зап., где устроены хоры; хотя уровень хоров понизился, они занимают 2-й ярус наоса, а не уровень его сводов. Декором насыщен внешний облик зданий (3- и 5-гранные апсиды оформлены рядами плоских и круглых ниш, средняя апсида сев. церкви имеет лопатки и карниз) и внутренний. Наряду с мраморной облицовкой стен и резными деталями в юж. церкви Пантократора сохранился инкрустированный пол, деления к-рого отражают структуру сводов, его квадратные и круглые ячейки соединены переплетениями, между ними помещены изображения животных и растительные орнаменты. Подобные полы XI в. известны в базиликах Студийского мон-ря и Св. Софии в Никее (в XIII в.— в ц. Св. Софии в Трапезунде). Принципиальным новшеством явилось украшение окон ц. Пантократора витражами с образами святых, заменившими здесь и в нек-рых др. храмах XII в. традиц. цветное остекление.

Др. группу церквей составляют постройки с амбулаторием — Гюльджами и Календерхане-джами. О времени их строительства свидетельствуют присутствие развитой системы ниш на апсидах, множество окон во всех ярусах и кладка стен в технике скрытого ряда. Но массивные архаизированные столпы (по толщине превосходят стены), поддерживаемые тройными аркадами хоры, огибающие подкупольный квадрат, напоминают пространственные структуры ц. Успения в Никее или вмч. Георгия в Манганах. Особенность этих храмов XII в.— высокие хоры (угловые ячейки в Календерхане имеют 3 этажа) — повлияла на формирование закомарного завершения фасадов (*Комеч.* 1986. С. 123–124).

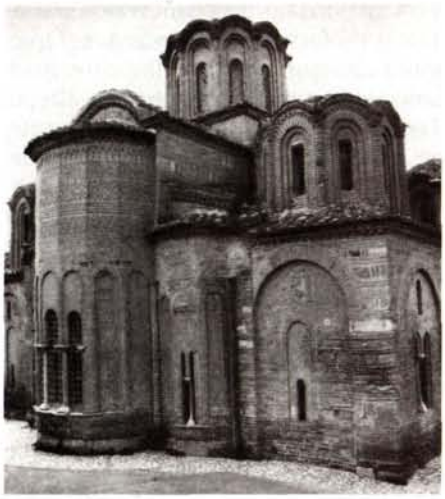
Церковь Богородицы Евергетиды в Студенице. Ок. 1183 г. Вид с востока

К типу храма с 3-сторонним обходом купольного пространства наоса относились ц. Богородицы Паммакаристос (Фетхие-джами) и ц. Спасителя мон-ря Хора (Кахрие-джами) (после перестройки 1315–1321); в первой тройные аркады (снесены) между столпами создавали впечатление легкой границы между «нефами», во второй центральный объем был изолирован от обхода. Приставленные к углам столпы формировали крещатость основного пространства (*Комеч.* 1987. С. 124; *Ousterhout.* 1995).

К-польская традиция отчетливо влияла на памятники Балкан: в долине р. Струмы, в *Велюсе*, греч. еп. Мануил в 1080 г. построил ц. во имя Богородицы Елеусы. Храм представлял собой выложенный из плинфы небольшой тетраконх, 5-гранные экседры оформлены в к-польском духе — наложенными арками и ступенчатыми нишами, почерк столичных мастеров заметен и во внутренней отделке. Оригинальная ц. мон-ря Панагии Космосотиры в Феррах (совр. Фере, Греция) (1152) построена в технике скрытого ряда, имеет 4 колонны, попарно сгруппированные под зап. углами квадрата подкупольных арок, к-рый на востоке непосредственно примыкает к алтарному пространству. Из 4 дополнительных куполов 2 западных служат освещению угловых зон цельного интерьера храма, 2 восточных — пространств жертвенника и диаконника. В ц. вмч. Пантелеимона в Нерези (основатель — Алексей Ангел Комнин, до 1164, Македония) реализован тип вписанного креста с куполами над угловыми компартиментами и применена кирпичная кладка в технике клуазонне (*Krautheimer.* 1986. P. 375–376).

Архитектура посл. трети XII в. в возвысившемся гос-ве Рашка (Сербия) в Моравской долине ввиду географического положения испытала сильное влияние архитектуры Далмации и побережья Адриатики: через них из италийских школ проникали черты зап. романики, отразившиеся, напр., в ц. Богородицы Евергетиды в Студенице (основана кор. Стефаном Неманей, 1183). В вост. части Сербии, где оставалась сильна визант. традиция, тот же король возвел ц. свт. Николая в Куршумлии (ок. 1168), к-рая сложена в технике скрытого ряда и представляет собой развитие визант. типа «редуцированного» креста с большим куполом на высоком барабане, венчающем зал наоса (хронологически ей близка церковь в Куршунлу на азиатском побережье Мраморного м.), и переработанный вариант далматорашской композиции.

Церкви Греции XI–XII вв. относятся к храмам типа вписанного креста на 4 колоннах, имеют массивные, не расчлененные внизу стены, упрощенную технику кладки; наличие небольшого количества окон придает зданию статичность, а внутреннему пространству жесткую ограниченность (напр., церкви Асоматон, Богородицы в мон-ре Кесариани, Афины). При возведении подобных сооружений использовали элементы и более ранних визант. зданий (сполии), напр. мраморные колонны, редко во внешней декорации — сплошную кладку из мраморных блоков, как в ц. М. Митрополия

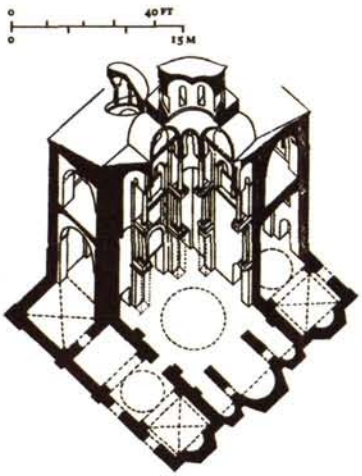
Церковь св. Апостолов в Фессалонике. 1310–1314 гг.

с престолом св. Елевферия (ок. 1200, Афины). Еще большая декоративность кладки, активное включение орнаментированных розеток и вставок присущи, напр., ц. Спасителя близ Амфисы (XII в.) в Центр. Греции или церкви в Мербаке в Арголиде (2-я пол. XII — нач. XIII в.); эти черты станут характерными для начального этапа поздневизант. зодчества (*Krautheimer*. 1986. P. 395).

Развитие монастырского зодчества в Центр. Греции, Македонии, Сербии привело к формированию нового типа притворов — лити, заменивших нартекс; они отличались большей глубиной, их перекрытия опирались на 2 свободно стоявшие колонны, напр. в ц. Панагии мон-ря Осиос Лукас, где нартекс был перестроен на рубеже X–XI вв.; в мон-ре Осиос Мелетиос — ок. 1150 г., в кафоликоне мон-ря Хиландар — нач. XIV в. Позже появился тип лити с перекрытием из пандативных или крестовых сводов над 9 ячейками, с опорой на 4 колонны, напр. в мон-ре Сагмата (1175). Широкое применение в то же время подобных построек в виде гавитов (или жаматунов) в Армении представляло параллельный процесс (*Mylonas*. 1990).

Поздневизантийский период. В сохраненных после 1204 г. и отвоеванных городах империи сосредоточились духовные силы византийцев. Вслед за экономическим укреплением независимых гос-в с центрами в Никее, Трапезунде, Арте началось возрождение архитектуры, ее дальнейшему развитию способствовало церковное строительство в Сербии и Втором Болгарском царстве, а также в К-поле после 1261 г. Архитектура поздней Византии обычно рассматривается в рамках 2 периодов — раннего (посл. треть XIII в.) и высокого палеологовского, связанного с новым стилистическим направлением, зародившимся ок. 1300 г. и развивавшимся во всех областях В. и. и Балканских странах в 1340–1440 гг.

Наиболее значительным образцом допалеологовской архитектуры является собор Св. Софии в Трапезунде (между 1238 и 1263). Наряду с очевидным воспроизведением традиц. структуры плана вписанного креста на круглых колоннах и пространства с нартексом постройка содержит ряд черт, заимствованных с Востока: удлиненный зап. рукав, формы объемной композиции, кладка из гладко отесанных камней, оконные бровки напоминают арм. и груз. памятники предшествующих эпох. Глубокие портики с 3 арками сходны с собором в Кутаиси (1003). Орнаментальные мотивы, капители в портиках имеют сельджукское

Церковь Панагии Паригоритиссы в Арте. 1282–1289 гг. Аксонометрия

происхождение и были восприняты, возможно, из арм. зодчества. Этот храм, самый крупный на востоке империи, остался в стороне от основного пути эволюции визант. архитектуры, центрами возрождения к-рой стали К-поль, Никея, Арта, Мистра, Фессалоника.

Раннепалеологовская архитектура повторяла традиц. решения: тип вписанного креста с амбулаторием в ц. св. Иоанна Предтечи (юж. церковь мон-ря Липса в К-поле, 1282–1304), молельни в виде триконха или тетраконха. Строилось множество зальных сводчатых церквей и часовен, простых крестообразных купольных залов с 3-частным алтарем и нартексом, как ц. Архангелов в Месемврии (кон. XIII в.); создаются структуры, сочетающие базиликальную и центрическую идеи, как

Церковь Панагии Паригористиссы в Арте 1282–1289 гг. Вид с юго-востока

ц. Панагии во Вриони близ Арты (1238); возрождается тип VIII–IX вв. купольной базилики с галереями, напр. ц. Богородицы Одигитрии (Афендико) мон-ря Вронтохион в Мистре (после 1300); подобные явления имеют параллели в визант. живописи кон. XIII в., обращавшейся к раннемакедонским моделям (*Krautheimer*. 1986. P. 417).

В Греции появляются новые образцы церквей, относящихся к синтезирующему типу — греч. крест с октагоном, напр. ц. Панагии Паригоритиссы в Арте (1282–1289). Ее центральное пространство оформлено 4-ярусным ордером, изящные колонны к-рого ряд за рядом выдвигаются в пространство наоса, так что колонны 3-го ряда арками соединены со стеной, а основание купола у́же подкупольного квадрата. Создается иллюзия, что 8 тонких колонок поддерживают подкупольные арки и паруса между ними, декоративные арочки поверх парусов имитируют тромпы, традиц. для подобных храмов. Как в кафоликоне Осиос Лукас, наос окружен 2-ярусным обходом, аркады к-рого открываются в подкупольное пространство, но подкупольные арки не превращаются в своды рукавов, нет прежнего взаимопроникновения пространств, и наос типологически ближе ц. Неа Мони на Хиосе, но само пространство отличается легкостью и изящностью форм. Подобные качества

легкости пространства при невысоком завершении характерны для др. памятников, напр. параклис Фетхие-джами (1315) в К-поле.

Тенденция к членению пространства хоров на отдельные молельни и коридоры также получила развитие в ц. Панагии Паригоритиссы. Внешние формы упрощены: кубовидный объем, отражающий структуру обхода, прорезан 2 рядами одинаковых сдвоенных окон, над ним вырастают 6 куполов (центральный — над наосом, боковые — над нартексом и молельнями). Подобное совмещение цельного куба, завершенного карнизом или рядом закомар, и многоглавия становится типичным для XIV в., напр. в ц. Спасителя мон-ря Хора (Кахрие-джами) в К-поле (нач. XIV в.), параклис Фетхие-джами. Хотя барабан центрального купола часто покоится на приподнятом основании, скрывающем структуру подкупольных арок, из-за большой глубины примыкающих к наосу объемов при обозрении снизу глава кажется вырастающей из общего «куба». Это впечатление частично могло быть преодолено благодаря повышенному основанию и пропорциям центральной главы, как, напр., в ц. св. Апостолов в Фессалонике

Церковь Благовещения в Грачанице. Ок. 1315 г. Вид с юго-востока

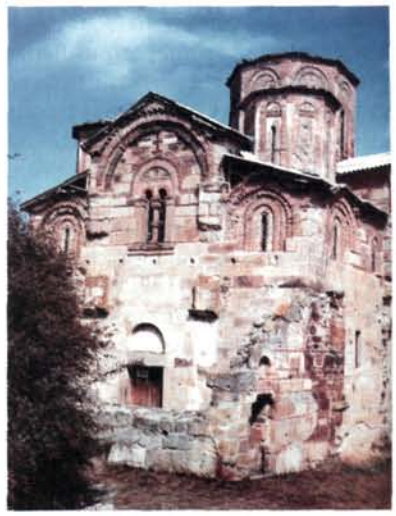
(нартекс — 1310–1314) или в ц. Благовещения в Грачанице (ок. 1315), где сама церковь типа вписанного креста с обходом завершена стройной пирамидальной композицией из 5 глав с резко дифференцированными по высоте объемами.

К-польская архитектура в эпоху Палеологов сохраняет традицию частично раскрывать внутреннее пространство вовне благодаря полупрозрачной оболочке вместо стен, как, напр., в нартексе Молла-Гюрани (Килисе-джами, ок. 1320), где по сторонам центрального входа с фланкирующими нишами устроены тройные аркады на колоннах с мраморными плитами в интерколумниях, юж. портик имел 5-частную аркаду.

Характер декорации фасадов раннепалеологовского зодчества ярко демонстрирует юж. ц. мон-ря Константина Липса в К-поле, 7-гранная главная апсида к-рой оформлена 3 регистрами ниш (за нижним коротким рядом плоских ниш следует высокий ряд), 3 средних преобразованы в окна, разделенные мраморными колонками, в верхнем ярусе — ниши круглые. Завершает апсиду широкий пояс кирпичного меандра и карниз из треугольных зубцов. Стены выложены с чередованием узких полос белого камня и кирпича, перекрытия ниш выполнены из кирпича. В др. памятниках кладка более разнообразна и представляет собой ковровый рисунок из полос клуазонне, зигзагов, диагональной клетки из квадратных плиток, лент поребрика, вставок орнамента «елочкой» и др. варианты, порой полностью заполняя поверхности стен, как в ц. свт. Климента в Охриде (1294–1295), в ц. святых Феодоров в Мистре (1290–1295).

Зодчие высокого палеологовского искусства дополнили традиц. декор др. орнаментами: «косо расчесанными» поверхностями тимпанов, шахматным узором, сложным плетением, полихромной кладкой арок, как в Грачанице, нартексе Килисе-джами, ц. Иоанна Алитургита в Месемврии (посл. четв. XIV в.). В кладку инкрустируются глазурованные блюда и фигурные изразцы (обычно в форме 4-листника), образующие фризы, ленты спаренных бровок, огибающие здание, напр. храмы XIII–XIV вв. в Месемврии, достигшей своего расцвета при болг. ц. Иоанне Александре (1331–1371). Нарядны сохранившиеся фрагменты дворца Текфур-серай в К-поле (нач. XIV в.), демонстрирующие расцвет светской культуры. Новое звучание приобрели нек-рые традиц. мотивы, напр. тройное окно в тимпане: центральная арка опирается на мраморные колонки, тогда как боковые полуарки сходятся к ее пятам, как на фасаде параклиса Кахрие-джами (1303–1320). Пилястры на фасадах, традиционно являвшиеся выступами между нишами, теперь служат простым членением фасада, находясь посреди ниши и даже подпирая окно (параклис Кахрие-джами).

Если пропорции основного объема и высота барабанов в к-польских храмах не менялись, то в Македонии, Сербии и Румынии разрабатывались более динамичные варианты известных композиций. В ц. св. Апостолов в Фессалонике развитая планировка уравновешена вертикальной вытянутостью форм, особенно

Церковь вмч. Георгия в Старо-Нагоричино. 2-я пол. XI — нач. XIV в. Вид с юго-запада

пространственного креста и центральной главы. Вертикаль подкупольной зоны имеет аналогию в др. постройках Сев. Греции, напр. в небольшом триконхе ц. Панагии Кувелитиссы (Кумбелидики), в Кастории (XIII–XIV вв.). Пирамидальная 5-купольная композиция отражала новую тенденцию в разработке объемной композиции, подхваченную серб. зодчими. Независимо от типа сооружения (вписанный крест с обходом, триконх по образцу афонских кафоликонов) храмы имеют стройные пропорции, ритмически возвышающуюся систему закомарных завершений и глав, великолепную технику кладки (Грачаница, ц. св. Стефана в Крушеваце (1377–1380)). Если в Грачанице малые купола помещены над обходом, то в ц. вмч. Георгия в Старо-Нагоричино (1067–1071, 1312–1313) — над угловыми компартиментами основного объема, также в ц. Вознесения

Господня в Раванице (1375–1377). Визант. традиц. решетки в окнах, резные из камня, на Балканах становятся похожи на кружевное заполнение проемов, в духе этой архитектурной школы работали зодчие рум. храмов XIV в., напр. ц. Троицы в мон-ре Козия, в Валахии (ок. 1386).

Элегантность, обусловленная вертикальностью пропорций, как в ц. св. Апостолов в Фессалонике, и ритм членений на фасадах присущи ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи (сер. XIV в.). Ее кладка, с регулярным чередованием полос кирпича и камня, сочетается с глубокой и на редкость сложной системой вертикальных членений фасадов так, что ряды кирпича в отличие от визант. практики того времени отмечают уровни внутренних конструкций. Др. особенность — выдвижение рукавов креста и их повышение по сравнению с угловыми зонами. Стены апсиды и внутренние поля рукавов отделаны 3 рядами ниш, с уступами по периметру, деталь, встречающаяся только в Центр. Анатолии, в церкви в Учаяке и Чанлы-килисе (XI в.). Декоративный характер кирпичной кладки (отсутствует внутри основного объема), широкое применение камня, разделение боковых стен высоких рукавов креста нишами (известны в груз. соборах XI–XII вв.) сближают ее с традицией вост. М. Азии и Кавказа (*Комеч.* 1992), чему причиной, возможно, была связь Крыма с Трапезундской империей.

Новая тема в визант. архитектуре — колокольни, как правило квадратные в плане, многоярусные, возвышающиеся над главным храмом и окрестностями, возможно появившиеся под влиянием итал. и сицилийских кампанилл (*Krautheimer.* 1986. P. 428). При большой высоте они массивны, завершены куполообразным покрытием. Первая из таких построек была пристроена вместе с экзонартексом к ц. Спасителя в мон-ре Жича (между 1208 и 1219), за ней следует ряд звонниц Сербии, как, напр., звонница на зап. стороне ц. Богородицы Левишки в Призрене (1306–1307), а также у ц. св. Георгия в Оморфоклисье на севере Греции (ок. 1300), у собора Св. Софии в Трапезунде (1427), у ц. Богородицы Пантанассы в Мистре (XV в.). В мон-ре Хора (Кахриеджами) подобная звонница (нач. XIV в.) существовала над юго-зап. углом экзонартекса, на ее основании впосл. был сооружен минарет (*Ousterhout.* 1995). Прообразы башнеобразных композиций могли быть различными: сопоставляя арм. звонницы XIII–XIV вв. и изображение ярусного здания на миниатюре Ахпатского Евангелия (1211), это была эдикула Гроба Господня, сравнивая сохранившиеся постройки Сербии и миниатюры из слав. рукописи (MS. No. 226 (757) Нац. б-ки Белграда, 2-я пол. XIV в., утрачена) — гробница Александра Великого (*Ćurčić S.* Alexander's Tomb: A Column or a Tower? // Τὸ Ἑλληνικόν: Stud. in Hon. of Speros Vrionis, Jr. New Rochelle; N. Y., 1993. Vol. 2. P. 25–48).

После падения К-поля и др. центров империи визант. культура продолжила свое развитие среди правосл. населения на территории Османской империи и в небольших колониях латинян на Востоке. Поствизант. период в наименьшей степени интересен с т. зр. архитектуры, поскольку церковное строительство стало невозможным, строения ветшали и разрушались. Колоссальное воздействие визант. архитектуры испытало культовое зодчество Османской империи. Кроме того, несмотря на уничтожение или замазывание христ. росписей и образов, использование в качестве мечетей нек-рых храмов способствовало их сохранению: они своевременно ремонтировались и укреплялись. С их изучения началось знакомство и исследование архитектуры В. и. в Новое время, отдельные соборы в результате смягчения тур. политики были преобразованы в музеи и концертные залы (Св. София, мон-рь Хора в К-поле, Св. София в Трапезунде (Трабзоне) и др.). Восстановление нек-рых памятников, сохранявших церковный статус, напр. ц. свт. Николая в Мире (Демре) или ц. вмч. Георгия в Изре, было осуществлено в XIX в. на средства России, но без научного обоснования. Исследование визант. памятников в Турции было позволено ряду археологических ин-тов зап. гос-в и России, крупные археологические раскопки проводятся с 30-х гг., а научная реставрация памятников архитектуры — с 60-х гг. XX в., продолжаясь и поныне; последние значительные работы проведены в ц. Николая в Демре (Мире) и мон-ре Пантократора в Стамбуле. Огромное число памятников требует археологических изысканий и консервации. В Греции и слав. гос-вах, где памятники архитектуры В. и. воспринимались как национальное достояние, их изучение и реставрация имеют более богатую историю, несмотря на идеологические препятствия в отдельные десятилетия XX в. Наряду с гос. опекой в Греции вопросами охраны античного и средневек. наследия заняты археологические школы западноевроп. стран. Традиции визант. архитектуры составили основу развития архитектуры на территории Греции в период возрождения нац. культуры и зодчества с XIX в.

Лит.: *Texier Ch., Pullan R.* L'architecture byzantine. L., 1864; *Strzygowski J.* Kleinasien: ein Neuland der Kunstgeschichte. Lpz., 1903; *idem.* Die Baukunst der Armenier und Europa. W., 1918. Bd. 1–2; *idem.* Origin of the Christian Church Art. Oxf., 1923; *Butler H. C.* Early Churches in Syria, V–VII Cent. Princeton, 1929; *Bell G. L.* The Churches and Monasteries of the Tur Abdin // Amida. Hdlb., 1910. S. 224–261; *Van Millingen A.* Byzantine Churches in Constantinople: Their History and Architecture. L., 1912; *Ebersolt J., Thiers A.* Les églises de Constantinople. P., 1913; *Dalton O. M.* East Christian Art: Survey of Monuments. Oxf., 1925; *Buckler W. H. e. a.* Monuments and Documents: From Eastern Asia and Western Galatia // MAMA. Manchester, 1933. Vol. 4; *Grabar A.* Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. P., 1946. T. 1; *Krautheimer R.* Introd. to an «Iconography of Medieval Architecture» // Medieval Architecture. N. Y.; L., 1976. P. 155–192; *idem.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; L., 1986[4] (with S. Ćurčić); *Ward Perkins J. B.* Constantine and the Origin of the Christian Basilica // Papers of the British School at Rome. 1954. Vol. 22. P. 69–90; *idem.* The Italian Element in Late Roman and Early Medieval Architecture // Medieval Architecture. N. Y.; L., 1976. P. 1–40; *Mango C.* Isaurian Builders // Polychronion: FS. F. Dölger zum 75. Geburtstag. Hdlb., 1966. P. 358–365; *idem.* Byzantine Architecture. N. Y., 1976; *Delvoye Ch.* Études d'architecture paléochrétienne et byzantine. 1: L'atrium // Byz. 1962. Vol. 32. Fasc. 1. P. 261–291; *idem.* Ibid. 2: L'abside // Fasc. 1. P. 291–310; Fasc. 2. P. 489–547; *Khatchatrian A.* Origine et typologie des baptistères paléochrétiens. Mulhouse, 1982; *Mansel A.* Die Ruinen von Side. B., 1963; *Downey G.* Byzantine Architects: Their Training and Methods // Medieval Architecture. N. Y.; L., 1976. P. 63–82; *Leroy J. L.* L'état présent des monuments chrétiens du Sud-Est de la Turquie (Tur Abdin et environs) // CRAI, 1968. P., 1969. P. 478–493; *Dimitrokallis G.* Contribution à l'étude des monuments Byzantins et médiévaux d'Italie. Athènes, 1971; *Mathews T.* Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. Univ. Park; L., 1971; *Deichmann F. W.* Das Oktagon von Antiocheia: Heroon-Martyrion, Palastkirche oder Kathedrale? // BZ. 1972.

Bd. 65. S. 40–56; *Gough M.* The Imperor Zeno and Some Cilician Churches // Anat. St. 1972. Vol. 22. P. 202–210; *Kleinbauer W. E.* The Origin and Function of the Aisled Tetraconch Churches in Syria and Northern Mesopotamia // DOP. 1973. Vol. 27. P. 89–114; *idem.* Early Christian and Byzantine Architecture: An Annotated Bibliography and Historiography. Boston, 1992; *Hanfmann G. M. A., Waldbaum J. C.* A Survey of Sardis and the Major Monuments Outside the City Walls // Archaeol. Exploration of Sardis. Camb. (Mass.); L., 1975. Rep. 1; *Воронов Ю. Н.* В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978; *Комеч А. И.* Архитектура // Культура Византии: IV — 1-я пол. VII в. М., 1984. С. 573–595; *он же.* Древнерус. зодчество кон. X — нач. XII в. М., 1987; *он же.* Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Керчи // Зограф. Београд, 1992. № 22. С. 28–41; *Foss C.* Ephesus after Antiquity: a Late Antique, Byzantine and Turkish City. Camb., 1979; *Restle M.* Kappadokia // TIB. 1981. Bd. 2. Tl. 2; *Wiessner G.* Nordmesopotamische Ruinenstatten // Göttinger Orientforsch. Reihe 2. Wiesbaden, 1980. Bd. 2; *idem.* Christliche Kulturbauten im Tur Abdin. Tl. 2 // Ibid. 1982. Bd. 4; *Buchwald H.* The Church of St. John the Teologian in Alaşehir (Philadelphia) // JÖB. 1981. Bd. 30. S. 301–318; *Striker C. L.* The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, 1981; *Koch G.* Probleme des nordmesopotamischen Kirchenbaus: die Langstonnenkirchen im Tur 'Abdin // Studien zur spatantiken und fruhchristl. Kunst. Wiesbaden, 1982. Bd. 6. S. 117 ff.; *Якобсон А. Л.* Закономерности в развитии раннесредневек. архитектуры. Л., 1983; *McVey K. E.* The Domed Church as Microcosm: Literary Roots an Architectural Symbols // DOP. 1983. N 37. P. 91–121; *Morganstern J.* The Byzantine Church at Dereagzi and its Decoration. Tüb., 1983; *Biscop J.-L., Sodini J.-P.* Qalat Seman et chevets à colonnes de Syrie du Nord // Syria. 1984. Vol. 61. N 3–4. P 267–330; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Wash., 1985. 2 vol.; *Rodley L.* Cave Monasteries of Byzantine Cappadocia. Camb., 1985; *Foss C., Winfield D.* Byzantine Fortifications. Pretoria, 1986; *Высоцкий А. М., Шелов-Коведяев Ф. В.* Мартирий в Нисе по описанию Григория Нисского и его значение для изучения раннесредневек. архитектуры стран Закавказья // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 82–114; *Mainstone R. J.* Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church. N. Y., 1988; *Harrison M.* A Temple for Byzantium: The Discovery and Excavation of Anicia Juliana's Palace-Churche in Istanbul. Austin, 1989; *Naccache A., Sodini J.-P.* Le decor architectural en Syrie byzantine // Archéologie et histoire de la Syrie. 1989. Vol. 2. P. 477–490; *Sinclair T. A.* Easterm Turkey: An Architectural and Archaeological Survey. L., 1989. Vol. 3; *Oustehout R.* Loca Sancta and the Architectural Response to Pilgrimage // The Blessing of Pilgrimage. Chicago, 1990; *idem.* Another Look at the Kariye Camii // Arkeoloji ve sanat. Istanbul, 1995. T. 68. P. 2–22; *idem.* The 1994 Survey at Akhisar-Canli Kilise // Araşt rma Sonuçlari Toplantisi. Toplantisi. Ankara, 1996. T. 13. P. 165–180; *idem.* Master Builders of Byzantium. Princeton, 1999; *Ruggieri V.* Byzantine Religious Architecture (582–867): Its History and Structural Elements. R., 1991. (OCA; 237); *idem.* L'architettura religiosa nell'Imperio Bizantino (fin VI–IX sec.). Soveria Mannelli, 1995; *Theis L.* Die Architektur der Kirche der Panagia Parēgorētissa in Arta, Epirus. Amst., 1991; Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present / Ed. R. Mark, A. Çakmak. Camb., 1992; *Walter Ch.* A New Look at the Byzantine Sanctuary // REB. 1993. Vol. 51. P. 203–208; *Чанева-Дечевска Н.* Пространствени, декоративни и конструктивни особености на българската култова архитектура през XIII–XIV в. // ДРИ. СПб., 1995. [Вып.: Балканы. Русь]. С. 183–196; *Ötüken Y., Ousterhout R.* The Byzantine Church at Celtikdere // Studien zur byzant. Kunstgeschichte: FS. f. H. Hallensleben. Amst., 1995. S. 85–92; *Ćurčić S.* From the Temple of the Sun to the Temple of the Lord: Monotheistic Contribution to an Architectural Iconography in Late Antiquity // Architectural Studies: in Memory of R. Krautheimer. Mainz, 1996. P. 55–59. Fig. 1–12; *idem.* Some Observations and Questions Regarding Early Christian Architecture in Thessaloniki. Thessal., 2000; *idem.* The Role of Late Byzantine Thessaloniki in Church Architekture in the Balkans // DOP. 2003. Vol. 57. P. 65–84; *Hill S.* The Early Byzantine Churches of Cilicia and Isauria. Aldershot, 1996; *Teteriatnikov N. B.* The Liturgy Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. R., 1996; *Peña I.* The Christian Art of Byzantine Syria. Madrid, 1997; *Седов Вл. В.* Визант. храм в Куршунлу // ДРИ. СПб., 1999. [Вып.:] Византия и Древняя Русь: К 100-летию А. Н. Грабара. С. 134–142; *Pillinger R. e. a.* Frühchristl. und byzant. Ephesos. W., 1999; *Зубов В. П.* Труды по истории и теории архитектуры. М., 2000; *Ghazarian A., Ousterhout R.* A Muqarnas Drawing from 13th-Cent. Armenia and the Use of Architectural Drawings during the Middle Ages // Muqarnas. 2000. Vol. 18. P. 141–154; *Казарян А. Ю.* Архитектура Армении IV–VII вв. и особенности раннехрист. традиции в соседних странах // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 126–158; *он же.* Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в.: К вопр. о визант. влиянии // ДРИ. СПб., 2002. [Вып.:] Византия, Русь, Зап. Европа: искусство и культура.. С. 54–78; *Μπούρας Χ.* Βυζαντινή και Μεταβυζαντινή Αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001; *Michel A.* Les églises d'époque Byzantine et Umayyade de la Jordanie Ve–VIIIe siècle: Typologie Architecturale et aménagements liturgiques. Turnhout, 2001 (Bibliothèque de l'antiquité tardive, 2); *Хрушкова Л. Г.* Раннехрист. памятники Вост. Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002; *Шукуров Ш. М.* Образ храма. М., 2002; *Айбабин А. И. и др.* Крым, Сев.-вост. Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII вв. // Археология / Ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М., 2003; *Хайт В. Л.* Античные истоки и образно-стилевые характеристики христ. зодчества // *Он же.* Об архитектуре, ее истории и проблемах. М., 2003. С. 47–62; Les églises de Jordanie et leurs mosaïques. Actes de la journée d'études organisée le 22 février 1989 au musée de la Civilisation gallo-romaine de Lyon / Ed. par N. Duval. Beyrouth, 2003; *Tsafrir Y.* The Loca Sancta and the Invention of Relics in Palestine from the 4th to 7th Cent. // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 56–76.

А. Ю. Казарян

Изобразительное искусство является важнейшей по значению в христ. культуре и наиболее обширной по количеству сохранившихся памятников частью художественного наследия В. и.

Хронология развития визант. искусства не вполне совпадает с хронологией общественно-политической истории В. и. Такие события IV в.? как офиц. признание христианства (313), провозглашение К-поля новой столицей (330), разделение Римской империи на вост. и зап. части (395), несомненно, оказали влияние на искусство, но провести четкую границу между раннехрист. и ранневизант. искусством невозможно. Оба периода принадлежат к одной фазе развития христ. искусства — «христианской античности». Новая художественная образность, определившая визант. искусство как особое явление мировой культуры, чьи традиции сформировались к VI в.— «золотому веку Юстиниана», развивалась до 1-й четв. VIII в., когда художественная жизнь В. и. была практически прервана событиями иконоборчества. Именно период иконоборчества (726–843, с перерывом между 787 и 815) является рубежом, после к-рого начался новый этап в истории визант. искусства. Средневизант. период — время расцвета и выдающихся достижений в области изобразительного искусства — имеет верхнюю дату — 1204 г. Захват и разграбление К-поля крестоносцами, образование на территории В. и. неск. гос-в и развитие художественных центров в Греции, на Балканах, в М. Азии определили дальнейшую историю искусства В. и. Исторические границы поздневизант. периода определяются возвращением К-поля в 1261 г. имп. Михаилом VIII Палеологом, захватом столицы турками и падением империи в 1453 г. Этот последний этап истории искусства В. и. назван по имени правившей династии палеологовским и характеризуется мощным художественным подъемом, импульс к-рого надолго определил культуру восточнохрист. мира.

После крушения империи визант. искусство, продолжавшее существовать на ее бывш. территории, на Афоне, на Крите, на Кипре, островах Средиземного м., в Италии, на Балканах и называемое поствизантийским, определялось сохранением

форм и тенденций визант. культуры вплоть до XVII–XVIII вв.; велико значение визант. наследия и для рус. искусства XV–XVII вв.

Ранневизантийский период (IV – нач. VII в.). Самыми ранними, дошедшими до наст. времени произведениями христ. изобразительного искусства являются росписи катакомб — подземных кладбищ первых христиан, возникших в период гонений (II — нач. IV в.), сохранившихся в ряде мест Италии (Рим, Неаполь, Сицилия), на Мальте, в Испании, в Сев. Африке. Росписи украшали также стены молитвенных домов христиан, где собиралась община для совершения богослужения. Один из наиболее полно сохранившихся памятников этого периода — церковный дом в *Дура-Европос* (ок. 230, Сев. Сирия, совр. Ирак). Выбор для росписи сюжетов из ВЗ и НЗ, изображения Христа, Богоматери, святых указывают на церковно-учительное значение христ. изобразительного искусства уже в самый ранний период его истории.

Победа имп. Константина над Максенцием (312) и признание христианства гос. религией положили начало новой эпохе. Гос., имперский характер церковных сооружений изменил формы христ. искусства, придав им небывалый размах и величие. Вместо небольших помещений частного характера христ. церкви стали строить по образцу грандиозных, богато украшенных залов для публичных собраний. Изначально присущее христ. изобразительному искусству образное осмысление пространства, имеющего церковное назначение, выразилось в новых условиях еще более определенно и ярко. Сохранившиеся описания интерьера *Латеранской базилики* (Сан-Джованни ин Латерано) в Риме (313–318), первого общественного церковного здания нового типа, свидетельствуют о том, что алтарь был отделен от основного пространства церкви и оформлен как сакральная зона: алтарную апсиду украшала серебряная преграда (или киворий) со статуями Христа и апостолов (см.: *Engemann J.* Der Skulpturenschmuck des «Fastigium» Konstantins I. nach dem Liber Pontificalis und der «Zufall der Überlieferung» // RAC. 1993. Bd. 69. S. 179–203; *Васильева Т. М.* Латеранский фастигиум и генезис алтарной преграды // Иконостас: Происхождение — Развитие — Символика. М., 2000. С. 33–49).

Строительство имп. Константином новой христ. столицы К-поля (8 нояб. 324 — 11 мая 330) привлекло большое число зодчих, скульпторов и художников, принявших участие в возведении и украшении имп. дворцов и храмов. Это заложило основы не только гос., но и нового художественного центра империи. Однако памятников к-польского изобразительного искусства этого времени не сохранилось.

О великолепии и масштабах живописных работ в столице можно судить только по фрагментам мозаичных росписей в имп. виллах в провинциях. Мозаика пола виллы имп. Константина в Антиохии (ок. 330), где представлены аллегорические сцены 4 времен года, выдержана в лучших эллинистических традициях. Неск. проще в живописном отношении, но с точной передачей динамики движения, большей свободой композиций выполнены мозаики пола залов и коридоров виллы близ Пьяцца-Армерины на Сицилии (300–330). Здесь изображены сцены «Большой и Малой охот», мифологические сюжеты (подвиги Геракла, гибель Титанов), аллегории народов, упражнения гимнасток. Мозаики пола базилики еп. Феодора в *Аквилее* (нач. IV в.) свидетельствуют о сходных со светскими постройками принципах украшения церковных зданий. Композиции (история прор. Ионы, триумф Евхаристии, Добрый Пастырь, портреты донаторов, изображения птиц) и орнаменты характеризуются нек-рой упрощенностью и схематизмом.

В целом в визант. искусстве IV–VI вв. можно отметить возрождение античных традиций. Отличаясь лишь уровнем художественного качества, напольные мозаики соответствуют общему декоративному строю и демонстрируют близкий набор элементов: орнаменты, деревья, цветы, птицы, овцы, рыбы, корзины хлеба. Таковы многочисленные мозаичные полы визант. базилик в Иордании, Сирии, Палестине, Причерноморье (Херсонес), обнаруженные в результате археологических раскопок (напр., карта Иерусалима в напольной мозаике ц. вмч. Георгия в Мадабе, Иордания, VI в.; аллегорические сцены в ц. св. Иоанна Крестителя, Джараш, Иордания, VI в.; рыба и голубь с крестом в мозаичной облицовке крещальни из Келибии, Тунис, V в.; пейзажи с птицами и 2 рыбы по сторонам корзины в ц. Умножения хлебов и рыб, Табга, Израиль, VI в.; изображение феникса из Антиохии, V в., Лувр, Париж; пейзажи и путники с животными в ц. Горы Нево, Палестина, VI в.; птицы, цветы и фрукты в базилике Херсонеса, V–VI вв.).

Мч. Онисифор. Мозаика ц. вмч. Георгия в Фессалонике. Кон. IV в. Фрагмент

Один из ранних примеров искусства эпохи имп. Константина — мозаики сводов обходной галереи мавзолея его дочери Констанции, позже ставшего ц. Санта-Констанца в Риме (1-я пол. IV в.). В секциях свода в декоративном обрамлении изображены фигурки амуров и психей, птицы, цветы и фрукты, сосуды для воды и вина, среди к-рых небольшие кресты и портрет имп. Константина. Единственной сюжетной композицией является сбор и давка винограда путти. Все элементы имеют символический характер, известны по росписям катакомб и рельефам саркофагов (те же мотивы на саркофаге Констанции) и развивают характерные для погребальной тематики идеи христ. любви, пребывания души в райском саду, Евхаристии, Крещения. В апсидах притвора, вероятно украшенного неск. позже, напротив друга друга располагаются композиции, представляющие Христа и апостолов Петра и Павла, традиц. для саркофагов: «Вручение ключей ап. Петру» (Traditio clavium) и «Даяние Закона» *(Traditio Legis)*. Если тематика росписи продолжает традиции предшествующей поры, то стиль свидетельствует о новом направлении, возрождающем античные объемно-

пластические формы, энергичную динамику поз и движений, живописную многокрасочную палитру (портрет имп. Константина).

В еще большей мере эллинистические традиции проявились в мозаиках ц. св. Георгия в Фессалонике, превращенной из мавзолея Галерия в имп. капеллу при имп. Феодосии Великом (до 395). На склонах купола изображены фронтально в рост святые с молитвенно воздетыми руками. Их сравнительно небольшие фигуры, рядом с к-рыми помещены надписи с именем и указанием дня памяти, представлены на фоне многоярусных архитектурных сооружений в виде аркад и портиков, увенчанных фронтонами и полукуполами. Образы святых отличаются спокойствием и глубокой одухотворенностью, их единообразные статичные позы в сочетании с тончайшей объемно-пластической живописной моделировкой ликов, пышными прическами, великолепием многоцветных драпировок создают эффект реальности небесного мира, в к-ром они пребывают. Это качество присуще мозаикам *Фессалоники, Рима, Милана* и *Равенны* кон. IV–V в.

Наряду с возрождением эллинистической художественной формы в этот период идет активная разработка новых иконографических тем, среди к-рых важное место занимают образы Христа. В апсиде ц. Осиос Давид в Фессалонике (V в.) сохранилась теофаническая композиция «Христос во славе с символами евангелистов»: юный Христос, окруженный сиянием, восседает на радуге, *подняв правую руку в* триумфальном жесте, в левой — развернутый свиток с текстом пророчества прор. Исаии (Ис 25. 9); слева изображен склонившийся святой, приставивший руки к ушам (прор. Иезекииль?), справа — святой, сидящий с раскрытой книгой. В апсиде ц. Санта-Пуденциана в Риме (ок. 400) Христос средовек в золотых одеждах восседает, величественно возвышаясь над апостолами, на золотом, украшенном драгоценными камнями троне; по сторонам, взирая на Него, у подножия трона сидят апостолы Петр и Павел, над ними 2 жен. фигуры держат победные венки; остальные апостолы, обращаясь друг к другу, оживленно жестикулируют. Фигуры изображены на фоне Небесного Иерусалима, огражденного стеной, в центре к-рого возвышается Голгофа с золотым, усыпанным каменьями крестом, в небесах парят крылатые лев, телец, орел и ангел — символы евангелистов. Традиц. изображение Христа и апостолов, являющее образ Церкви и известное по росписям катакомб, где юный Спаситель не выделяется ни одеждами, ни позой, приобретает новый смысловой оттенок: в росписи ц. Санта-Пуденциана подчеркнут царственный облик Христа как главы Церкви. Одновременно продолжают существовать старые формы иконографии. Так, в апсиде ц. Сан-Лоренцо в Милане (V в.) представлена композиция, характерная для более раннего времени: апостолы с юным Христом в центре изображены в белых хитонах с клавами. В мозаиках Милана живописные приемы менее сложны, напр., в упрощенной манере трактован образ св. Виктора на мозаике «Золотое небо» (Ciel d'Oro) в капелле Сан-Витторе (ок. 470) базилики Сант-Амброджо.

Рубежным памятником эпохи, определившим содержание церковного визант. искусства, является мозаичное убранство ц. *Санта-Мария Маджоре* в Риме. Созданные в период правления папы Сикста III (432–440) росписи отразили важнейшую догматическую тему, связанную с почитанием Девы Марии как Богородицы. Догмат Боговоплощения, лежащий в основе почитания Богородицы, нашел образное выражение в росписи алтарной апсиды ц. Санта-Мария Маджоре, где изображение Богородицы было размещено впервые в этой части храма. В росписи наоса раскрыта история Божественного откровения от событий ВЗ, к-рым посвящены композиции центрального нефа, расположенные на стенах в виде прямоугольных панно, до сцен из НЗ, к-рые помещены на триумфальной арке. Росписи в целом присущ патетический, торжественный характер. Композиции на боковых стенах представляют историю ветхозаветных патриархов Авраама, Исаака и Иакова, Моисея, Иисуса Навина, представленных в виде античных героев; библейские жены выглядят как рим. матроны, юноши имеют облик рим. легионеров. Особенно величественны батальные сцены: переход евреев через Чермное м., битвы Иисуса Навина. Изображения отличаются четким рисунком, яркими насыщенными цветами и светотеневой лепкой объемов. Фигуры показаны на переднем плане, что почти лишает пространство глубины. Каждое мозаичное панно, как правило, делится на 2 яруса, где представлена цепь последовательно развивающихся событий. Наряду с повествовательностью, сближающей монументальный фриз с книжной иллюстрацией, в нек-рых композициях показано развитие в христ. иконографии догматических тем. К последним относится изображение «Явления 3 ангелов Аврааму». В соответствии с толкованием этого библейского эпизода свт. Иоанном Златоустом фигура центрального ангела окружена сиянием, что указывает на Божественное присутствие. На триумфальной арке (вост. стена центрального нефа) 3 фризами располагаются сцены, посвященные темам НЗ. Лит. источником для художников послужили не канонические тексты Евангелия, а апокрифы, в к-рых чудесные обстоятельства, свидетельствующие о Божественной природе Младенца Христа, переданы с нарочитыми подробностями. Повествование начинается в верхнем ярусе сценой «Благовещения»: Богоматерь представлена сидящей на престоле в расшитом драгоценными камнями платье, с ожерельем и серьгами, прическа убрана жемчугом,

Благовещение. Мозаика ц. Санта-Мария Маджоре в Риме. 432–440 гг.

в руках красная пряжа, конец к-рой спускается в высокую корзину. С небес к Ней слетают арх. Гавриил и Св. Дух в виде голубя (архангел в этой сцене изображен еще трижды).

Далее следуют композиции «Благовестие прав. Иосифу» и «Сретение», где голова Младенца Христа окружена нимбом с крестиком над челом. Ярусом ниже — «Поклонение волхвов»: Младенец представлен сидящим на широком царском троне, за высокой спинкой к-рого стоят 4 ангела и сияет вифлеемская звезда; по сторонам трона 2 жен. фигуры, одну из них по аналогии с росписью ц. Санта-Сабина истолковывают как персонификацию Церкви; волхвы, держащие большие блюда с дарами, одеты в причудливые костюмы, расшитые драгоценными камнями, и фригийские шапки. По-

Христос Добрый Пастырь. Мозаика мавзолея Галлы Плацидии в Равенне. Ок. 425 г. Фрагмент

вествование продолжается апокрифическим рассказом о правителе Афродитиане, встретившем св. семейство по пути в Египет и исповедавшим Младенца Христа Богом. В нижнем ярусе — «Избиение вифлеемских младенцев» и «Беседа волхвов с Иродом». Роспись триумфальной арки заканчивается изображениями Вифлеема и Небесного Иерусалима, перед их воротами стоят по 6 овец (символ Церкви). Эллинистическое искусство в росписи ц. Санта-Мария Маджоре пережило подлинное возрождение.

Характерное для эпохи триумфальное настроение проявилось и в мозаиках мавзолея *Галлы Плацидии* в Равенне (ок. 425). Кирпичное здание мавзолея, практически лишенное внешнего декора, поражает богатством внутренней отделки. Нижние части стен облицованы светлым мрамором, свет, проникая сквозь затянутые прозрачным камнем окна, создает эффект внутреннего свечения. На темно-синем фоне центрального свода среди золотых звезд сияет золотой крест, своды 4 рукавов креста покрыты многоцветными ковровыми орнаментами, в парусах — символы евангелистов, на стенах — попарно фигуры апостолов в белых одеждах, между ними фонтаны и птицы. В люнете над входом — изображение Доброго Пастыря, в противоположной люнете — архидиак. сщмч. Лаврентия перед орудием его мучения (пылающей решеткой). Мотивы мозаик традиционны для погребальной капеллы и известны по росписям катакомб, но характер образов принципиально изменился. Ключом к пониманию программы декорации мавзолея является изображение Креста, триумфу к-рого посвящена вся роспись: Христос Добрый Пастырь в виде царственного юноши в золотых одеждах с синими клавами опирается на золотой крест с длинным древком, протягивая правую руку к овце; такой же крест несет на плече сщмч. Лаврентий, шествуя к огню; сияющий в небесах Крест осеняет мир и предвозвещает победу. Поскольку Галла Плацидия была дочерью имп. Феодосия и в имп. семье особо почитались реликвии Креста, хранившиеся в дворцовой капелле в К-поле, а мавзолей первоначально примыкал к построенной Галлой Плацидией в Равенне дворцовой ц. Санта-Кроче, то имп. тематика росписи мавзолея становится очевидной.

Росписи мавзолея выделяются среди памятников Равенны по своим художественным качествам, возможно, они были выполнены к-польскими мастерами. Интенсивная строительная и художественная деятельность в Равенне способствовала созданию собственной школы мозаичистов, к произведениям к-рой принадлежат мозаики сер. V в. баптистерия Православных. Живописная декорация баптистерия свидетельствует, что к V в. в христ. искусстве были выработаны основные иконографические схемы и принцип оформления сакрального пространства в соответствии с его назначением и идейным смыслом. В зените купола, в медальоне, помещена композиция «Крещение». В центре баптистерия располагается мраморный бассейн-крещальня с колонной, увенчанной крестом. Отражаясь в крещальной купели, сцена в куполе освящает каждого принимающего Крещение и одновременно, благодаря колонне с кре-

Крещение Господне. 12 апостолов. Мозаика баптистерия Православных в Равенне. Сер. V в.

стом (упом. паломниками по св. местам на месте крещения Иисуса Христа), усиливает аллюзию с водами Иордана. Вокруг центрального медальона среди райских растений изображены 12 апостолов в светлых одеждах с победными венцами в руках, символизирующие Св. Соборную Апостольскую Церковь, в к-рую входит крещаемый. Ниже располагается фриз в виде чередующихся портиков и экседр, где четырехкратно изображены церковные престолы с раскрытыми книгами и Этимасии — Престолы уготованные, перемежающиеся фантастическими растениями — образ Небесного Иерусалима. Поверхность стен баптистерия покрыта орнаментами в виде побегов аканфа, между его завитками в медальонах изображены пророки.

В искусстве IV–V вв. значительное место принадлежало скульптуре. Известно, что для украшения улиц К-поля в город было привезено большое число античных статуй (*Dagron G.* Naissance d'une capitale. P., 1974; *Berger A.* Untersuchungen zu den Patria Konstantinupoleos. Bonn, 1988. (ΠΟΙΚΙΛΑ BYZANTINA; 8); сохранялась рим. традиция устанавливать монументальные скульптурные портреты императоров. По описаниям известно скульптурное изображение имп. Константина с 7-лучевым нимбом вокруг головы,

к-рое венчало колонну Константина (форум Константина, ныне пл. Чемберлиташ, Стамбул). Среди немногих сохранившихся памятников — мраморная голова имп. Аркадия (кон. IV в., Археологический музей, Стамбул) и бронзовая статуя имп. Маркиана (Валентиана I?) (V(IV?) в., Барлетта, Италия). В скульптуре нашла отражение и новая тематика — таковы скульптуры юного Христа (III в., Национальный музей, Рим) и Христа Доброго Пастыря с овцой на плечах (V в., ГЭ). Самым распространенным и сохранившимся в большом числе памятников видом скульптуры были рельефы саркофагов. Тематика рельефов аналогична живописи того времени: сцены сбора винограда (саркофаги Констанции и Трех пастырей, оба — IV в., Музеи Ватикана), «Христос и апостолы», «Поклонение волхвов», многосюжетные фризы на евангельские и библейские темы (саркофаг IV в., Латеранский музей, Рим) и отдельные сцены в архитектурном обрамлении, вырезанные в высоком рельефе, как на саркофаге Юния Басса (359, Музеи Ватикана). Для скульптуры IV–V вв. характерно сочетание реалистических принципов рим. скульптурного портрета с символическими христ. темами. Позже художественная обработка

Имп. Маркиан (Валентиан I?). Бронзовая статуя. V (IV?) в. Барлетта. Италия

камня упростилась, рельеф сделался более плоским, трактовка фигур схематичной. Изысканная пластика перешла в искусство малых форм и особенно ярко проявилась в резных произведениях из слоновой кости (см. разд. «Прикладное искусство В. и.»).

Формирование визант. искусства как нового художественного явления, отличного от христ. античности, происходило постепенно. С одной стороны, христ. памятники Сирии, Палестины, Египта вбирали черты народного вост. искусства, отражая низовые формы культуры. Эти многочисленные произведения, распространяясь по всему христ. миру в качестве памятных реликвий из св. мест и отличаясь яркой выразительностью, иногда оказывали иконографическое и стилистическое влияние на искусство столицы. Вместе с тем, несмотря на художественную самобытность, искусство Александрии, Антиохии, Иерусалима, городов Греции, М. Азии, островов Средиземного и Эгейского морей ориентировалось на культуру К-поля как главного города христ. ойкумены. Процессы стилеобразования, поиск новых типов образности, широкая ассимиляция местных традиций и сохранение классической выучки переплавлялись в творчестве лучших художников столицы в формы визант. стиля, отвечавшего прежде всего духовным задачам. Специфику искусства В. и. определили религ. основа практически всех видов культуры и принятие в качестве языка выражения эллинистических форм, наиболее соответствующих понятию «гармония». Как и античный Рим, Нов. Рим — К-поль — распространял свою ученость и рафинированное столичное искусство на все пространство империи посредством строительства и украшения церквей, создания иллюминированных рукописей, икон, драгоценной церковной утвари, богатых вкладов в мон-ри. Лит. образованность, богословская ученость и изысканность художественного вкуса визант. имп. двора, главного заказчика произведений, являются неотъемлемой характеристикой визант. мира. Эти особенности жизни аристократии проявились после захвата зап. территорий древнего Рима варварами и фактического перемещения понятия «Римская империя» на грекоязычный Восток. После окончательного падения Рима и отправки герм. вождем Одоакром имп. инсигний в К-поль императору вост. части империи Зинону империя ромеев, как называли свое гос-во византийцы, обрела те культурные формы, к-рые определяли ее самобытность на протяжении тысячелетия.

Величайшее творение времени правления имп. Юстиниана I — *Софии Святой собор в Константинополе* (532–537) не сохранил своего первоначального убранства (*Procop.* De aedificiis. I 1. 27–78; *Paul. Silent.* Descriptio S. Sophiae. 617–920). По описанию, составленному Николаем Месаритом (1201; *Nikolaos Mesarites.* Die Palastrevolution des Johannes Komnenos / Ed. A. Heisenberg. Würzburg, 1907), известны росписи 2-й по значению постройки имп. Юстиниана — несохранившейся ц. св. Апостолов в К-поле. Об уровне живописного искусства столицы можно судить по фрагментам мозаичных полов Большого имп. дворца. Но главные творческие усилия были сосредоточены на поиске тех форм, образов и сюжетов, к-рые соответствовали бы литургической природе церковного искусства и с максимальной художественной силой и духовной полнотой выражали догматическое учение Церкви о Христе. Об этой направленности изобразительного искусства К-поля свидетельствуют сохранившиеся памятники архитектуры и монументальные живописные ансамбли, созданные в удаленных местах империи. Понятие о небесной иерархии и упорядоченности проявилось в символике пространств церковных интерьеров и в принципах организации живописного декора через смысловой подход к взаимному расположению сюжетов, в к-рых путем сопоставления и соподчинения образов выражены различные богословские идеи — т. о. произошло сложение системы храмовой декорации. В этот период приобрела устойчивый характер и стала общеупотребительной иконография важнейших евангельских событий, образующих круг годовых праздников, была выработана иконография образов Христа, Богоматери, небесных сил, святых по чинам святости, получили широкое распространение моленные образы, написанные на досках,— иконы. Наряду с историческими сюжетами НЗ и ВЗ продолжали существовать символические образы, напр. Христа Агнца, но их место становится подчиненным.

Примером нового подхода к храмовой росписи являются мозаики ц. Сан-Витале в Равенне (освящена

в 547), сохранившиеся в алтаре. Храм был основан еп. Екклесием (521–532), построен и украшен после изгнания из города готов и возвращения его под власть имп. Юстиниана I (540). В алтаре на стенах апсиды помещены 2 групповых портрета, в к-рых запечатлены главные участники этого события: на сев. стороне имп. Юстиниан со свитой, в к-рой изображен полководец Велисарий, возвративший империи Равенну и Рим, и архиеп. Равенны Максимиан; на юж.— имп. Феодора с придворными дамами. Эта живопись, обладающая ярко выраженной портретностью исторических персонажей, не может быть отнесена к произведениям к-польских мастеров, хотя и выделяется среди др. памятников Равенны художественной тонкостью. В конхе алтарной апсиды изображен юный Христос, восседающий на голубой небесной сфере, под к-рой из отрогов гор вытекают 4 райские реки. В левой руке Христос держит свиток, запечатанный 7 печатями,— образ грядущего Страшного Суда, правой Он протягивает победный венок мч. Виталию; справа от Христа — ктитор еп. Екклесий с моделью храма в руках. В зените свода вимы, покрытом растительным орнаментом, представлено символическое изображение Спасителя: в медальоне, поддерживаемом 4 ангелами, на фоне звездного неба изображен агнец с крещатым нимбом. Образ Христа средовека с крещатым нимбом находится на арке вимы, Он окружен изображениями апостолов в медальонах. Иерархия образов Спасителя в росписи вимы (Агнец Божий, Которому служат ангелы, Глава Церкви и Господь Второго Пришествия) раскрывается через Божественную литургию, совершаемую в алтаре. Тема литургии развивается в представленных на стенах вимы ветхозаветных прообразах новозаветного таинства: на юж. стене изображена композиция жертвоприношения Авеля и Мелхиседека, возносящих свои дары над церковным престолом; на сев.— гостеприимство и жертвоприношение Авраама; над этими сценами — ангелы с крестами в медальонах, пророки Исаия, Иеремия и Моисей на Синае, еще выше — 4 евангелиста с их символами. Впервые в росписи ц. Сан-Витале можно отметить новые иконографические и программные решения. Если в ц. Санта-Мария Маджоре для выражения в образах догмата о Воплощении Бога художники выбирали исторические сюжеты, расписав алтарную зону на темы НЗ, то в искусстве VI в. исторический иллюстративный принцип уступает место богословскому иконографическому творчеству. Так, в ц. Санта-Мария Маджоре композиция «Явление 3 ангелов Аврааму» стоит в ряду постепенного откровения Бога миру, в ц. Сан-Витале — акцент перенесен на тему жертвы, причем как использованы уже существующие иконографические схемы, так и созданы новые. Традиц. изображение Авраама, готового принести своего сына в жертву Богу,— прообраз той истинной жертвы, к-рую принесет Сын Божий, известно еще по росписям катакомб. Изображение в одной композиции праведной жертвы Авеля и Мелхиседека, не имеющее основания в тексте Свящ. Писания, представлено впервые как прообраз Евхаристии.

Имп. Юстиниан I со свитой. Мозаика ц. Сан-Витале в Равенне. Ок. 547 г.

Исцеление расслабленного. Мозаика ц. Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. До 526 г.

В сюжетах мозаичного убранства ц. Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне (до 526; см. ст. *Аполлинария священномученика базилики в Равенне*) — дворцовой капелле кор. остготов Теодориха Великого — также преобладает догматический, а не исторический принцип. В 60-х гг. VI в. нижний фриз росписи, где были изображены процессии придворных, выходивших из дворца Теодориха, был переделан: появились процессии мучеников и мучениц, направляющихся к Христу и Богородице. В первоначальном виде и особенно после переделок система росписи предстает как стройная иерархия тем, раскрывающих учение Церкви. В верхнем ярусе находятся композиции, в к-рых события НЗ представлены как Господни чудеса (сев. стена) и страсти (юж. стена), являющие Божественную и человеческую природы Спасителя. Ниже расположены монументальные фигуры пророков со свитками в руках, предвозвестивших рождение Сына Божия от Девы, еще ниже — шествие святых к восседающим на престолах в окружении ангелов Христу и Богородице, т. е. изображение торжествующей христ. Церкви. Сокращенный вид композиций придает им эмблематический характер, живопись подчеркнуто иерархична, лица и фигуры однотипны. Золотые фоны и фронтальная постановка фигур, скрадывая реальное пространство, создают впечатление вневременного, вечного пребывания, напоминают древнейшие раннехрист. композиции. Стиль росписи ц. Сант-Аполлинаре Нуово перекликается с мозаиками Архиепископской капеллы (494–519), но представляет его упрощенный вариант.

Сочетание реалистических и символических типов иконографии, в целом характерное для памятников Запада, просуществовало в искусстве значительно дольше, чем на правосл. Востоке. Один из примеров — роспись апсиды ц. Сант-

Аполлинаре ин Классе в Равенне (сер. VI в.). В конхе, над фронтальной фигурой св. Аполлинария, молящегося среди райских садов, в медальоне на фоне звездного неба, изображен большой золотой крест, усыпанный камнями и жемчугом, в средокрестии — медальон с погрудным образом Христа средовека. В небесах рядом с крестом — полуфигуры пророков Моисея и Илии, в зените — Божественная десница, ниже, на фоне сада,— 3 овцы, взирающие на крест. Надписи, сопровождающие крест (SALUS MUNDI — в подножии, A и Ω — по сторонам, IXΘYC — в навершии), указывают на него как на символ преобразившегося Христа, а вся композиция является символическим изображением Преображения Господня.

Почти одновременно с этой росписью по заказу имп. Юстиниана была выполнена мозаика апсиды базилики в мон-ре вмц. Екатерины на Синае (550–565), где в конхе представлено Преображение в том иконографическом варианте, к-рый будет определяющим для изображения этого события на мн. столетия. В центре, окруженный мандорлой в виде концентрических овалов синего цвета, Христос в сияющих белых одеждах с широкой золотой каймой, Он именословно благословляет правой рукой. От фигуры Христа вовне, пронизывая мандорлу, исходят лучи, свет к-рых заливает пространство, не смешиваясь с золотом фона, т. о. являя в живописи непостижимое и одновременно реально созерцаемое проявление нетварных Божественных энергий. По краям изображены в рост пророки Илия и Моисей, далее коленопреклоненные, обернувшиеся к центру апостолы Иоанн и Иаков, и в центре, у ног Спасителя,— простертый ниц ап. Петр. Композиция заключена в своеобразную раму с изображениями по верхней границе конхи креста (в центре) и апостолов в медальонах, по нижней — также в медальонах — пророков. Вновь использована схема сопоставления ветхозаветного образа Церкви (в лице пророков) с самой Церковью, основанной Христом (в лице апостолов). Вместе с тем появился новый тип христ. искусства, свидетельствующий о возможностях художественной формы, позволяющей изобразить Божественную реальность во всей полноте физической и духовной достоверности. Как и в росписи ц. Сан-Витале, несмотря на определенность заказа, зафиксированного в надписи, исполнение мозаик мон-ря вмц. Екатерины трудно связать с работой к-польских мастеров, но ориентация на столичные идеалы несомненна. Яркая цветовая насыщенность, определенность рисунка, преувеличенная экспрессия придают росписи вост. характер.

Те же черты, отличные от к-польских произведений, характеризуют образы Богоматери с Младенцем с поклоняющимися архангелами в мозаиках кипрских церквей Панагии Канакарии в Литрангоми (2-я. четв. VI в.) и Панагии *Ангелоктисты* в Кити (2-я пол.— кон. VI в.). Тонкая моделировка живописи ликов, свободные позы и богатство драпировок в росписи ц. Панагии Ангелоктисты свидетельствуют об исключительно высоком уровне художников. К произведениям к-польской традиции относят также фрески церквей Санта-Мария в Кастельсеприо (VII в.), Санта-Мария Антиква в Риме (VII в.) (*Лазарев.* 1986. С. 39). Наиболее точное представление об искусстве К-поля этого периода могут дать росписи ц. Успения Богородицы в Никее (не сохр., церковь разрушена в 1922, во время греко-тур. войны), известные по дореволюционным фотографиям РАИК. На своде вимы, в центре к-рого в медальоне была изображена Этимасия, находились изображения 4 ангелов в драгоценных лоратных одеяниях с лабарумами, на к-рых начертан текст Трисвятого, в руках. Надписи (APXE, ΔYNAMIC, KYPIOTITEC, EΞOYCIE) поясняли, что это чины небесных бесплотных сил: начал, сил, господств и властей. Эти изображения, выдержанные в классических традициях эллинистического импрессионизма, являются одним из лучших примеров визант. стиля, сложившегося в эпоху имп. Юстиниана I.

Ангельские чины (господства и власти). Мозаика ц. Успения Богородицы в Никее. VII в.

К к-польской школе близко искусство Фессалоники, сохранившее собственные черты, восходящие, хотя и в упрощенном виде, к традициям V в. В базилике вмч. Димитрия, не раз страдавшей от пожаров, и полностью восстановленной в XX в., сохранились фрагменты мозаик VI–VII вв., а также композиции более позднего времени. В юж. нефе и на алтарных столпах уцелели ктиторские композиции. В 1-й (VI в.) — вмч. Димитрий в позе оранта стоит на подножии на фоне живописной ниши, к нему с обеих сторон подводят детей. Левая часть композиции практически утрачена, справа сохранились фигуры отрока и сопровождающего его человека, а также пейзажный фон. В 2 композициях на юж. алтарном столпе (VII в.) с вмч. Димитрием, покровительственно возлагающим руки на плечи донаторов (с неизвестным диаконом; с еп. Иоанном и эпархом Леонтием), фигуры представлены фронтально на фоне стены с выступами, расположенными, подобно прямоугольным нимбам, за головами

Вмч. Димитрий с донаторами, еп. Иоанном и эпархом Леонтием. Мозаика ц. вмч. Димитрия в Фессалонике. VII в.

предстоящих. Широкие силуэты, вертикально спадающие складки одежд, симметрия, одинаковые позы, взгляды, направленные перед собой, придают образам строгость, смягчаемую живописным великолепием мозаик. Объемная моделировка ликов выполнена по-разному, подчеркивая портретность образов. Юный лик вмч. Димитрия с большими, широко открытыми глазами будто выточен из драгоценного камня, лица ктиторов набраны более темной смальтой, отличаются глубоким рельефом. Смальта выложена по форме, наделяя цвет особой пластичностью. В этих композициях отчетливо проявляется ориентация на выполненные ранее росписи ц. вмч. Георгия вФессалонике, верность эллинистическим живописным приемам и одновременно поиск новых форм выразительности, позволяющих акцентировать личностное начало в христ. искусстве. Неск. абстрактные образы кон. IV в. сменяются ликами, имеющими не только индивидуальный характер, но и волевую и эмоциональную настроенность. Отличаясь более тонким живописным стилем, эти мозаики близки по содержанию рим. фрескам ц. Санта-Мария Антиква (VI–VII вв.) и донаторской композиции с Феликсом и Адавктом в катакомбах Комодиллы (528).

На противоположном полюсе по отношению к эллинизирующему искусству столицы находятся памятники монастырской культуры Египта, отражающие народные вкусы. Фрески серии небольших капелл, открытые в результате раскопок в мон-ре Бауит (VI в.), отличаются примитивным рисунком и упрощенной цветовой гаммой. Иконографическая программа росписей свидетельствует об общих для всего христ. мира процессах. Так, в капелле № 6, в конхе апсиды, изображен Христос во славе, на стене — Богоматерь с Младенцем на престоле в окружении апостолов с кодексами в руках. Сопоставление образов небесной славы Христа, восседающего на престоле, Которому поклоняется вся тварь — силы небесные (ангелы, престолы), небесные светила, и Младенца Христа на руках Богоматери соответствует догматическому принципу храмовой декорации, сложившемуся в эту эпоху. В стиле росписей черты классического искусства сохранились лишь в пропорциональном строе композиций и естественности движений. Однотипные лики не имеют моделировки, одежды выполнены в 2 цвета без переходов и полутонов, фигуры практически лишены объема, хотя круглящиеся складки подчеркивают форму тела и придают нек-рую динамику позам.

К VI в. относятся дошедшие до нас древнейшие иконы. Как и античные картины (напр., погребальные портреты из Файюмского оазиса, с к-рыми часто сравнивают ранние христ. иконы), они писались на досках в технике энкаустики — красками, разведенными на особым образом приготовленном воске, и темперой — красками на яичном

Христос Пантократор. Икона. VI в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

желтке. Возникновение икон церковное предание связывает с Христом (см. статьи *Авгарь*, *Нерукотворный образ Спасителя*) и евангелистом Лукой, написавшим первые прижизненные иконы Богоматери, в т. ч. знаменитую икону «Одигитрия». Станковых произведений от первых веков христианства не сохранилось, однако это не означает, что икона как моленный образ появилась в Церкви позже, чем др. виды изобразительного искусства. Портретные изображения в росписях катакомб, встречающиеся наравне с сюжетными композициями и символическими изображениями, могут свидетельствовать о присутствии в раннехрист. искусстве икон, количество к-рых, вероятно, было невелико. Отсутствие произведений I–V вв. можно объяснить и тем, что в период иконоборчества уничтожались в первую очередь древнейшие

Богоматерь с Младенцем на престоле со святыми Феодором Стратилатом и Георгием. VI в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

и наиболее почитаемые образы, т. е. иконы, исторически связанные с апостольским временем. Древние христ. образы, за небольшим исключением, сохранились в мон-ре вмц. Екатерины на Синае. Число дошедших до наст. времени икон VI–VII вв. и их стилистическое разнообразие свидетельствуют о том, что в этот период иконописание широко распространилось в К-поле и тяготевших к нему греч. центрах, а также в Сирии, Палестине и Египте. Иконографический состав икон — единоличные образы святых, парные и групповые изображения, в т. ч. с Христом и Богоматерью, сюжетные композиции на темы ВЗ и НЗ — показывает, что для них характерна та же живописная программа, что и для стенописи, книжной миниатюры и скульптурных произведений этого времени.

Энкаустические иконы «Христос Пантократор», «Богоматерь на престоле со святыми Феодором Стратилатом и Георгием», «Ап. Петр» (все —VI в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае), «Богоматерь с Младенцем», «Св. Иоанн Предтеча» (VI в., Музей зап. и вост. искусства, Киев) отличаются высоким качеством письма и принадлежат, вероятно, мастерам столичного круга.

Живописная лепка объемов, реальное пространство, естественные позы, передача особенностей фактуры гладкого шелка одеяний, блеска золота, характерные для этих икон, продолжали в визант. иконописи VI в. художественные традиции эллинистического портрета. Вместе с тем христ. икона, будучи священным образом, имеет по сравнению с античным портретом новые черты, прежде всего иконографические. Христос, Богоматерь и святые написаны в традиц. одеждах, с нимбами (Христос с крещатым) и атрибутами (Христос с Евангелием в левой руке, правой благословляет; ап. Петр с ключами и крестом на длинном древке; мученики в парадных воинских плащах, с небольшими крестами в руках; св. Иоанн Предтеча во власянице, с развернутым свитком в руке). Синайские иконы написаны на условных архитектурных фонах в виде стены с выступающими ризолитами. На иконе ап. Петра, в верхней части, в медальонах, представлены оглавные изображения Христа, Богоматери, юного святого, по типу античных круглых портретов — «imago clipeata» (букв. с лат.— изображение на щите); перекрестие вписано прямо в медальон Христа — прием, сохранившийся для таких изображений и в средневек. период. Определенность иконографических

Ап. Петр.
Икона. VI в.
(мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

типов, точно соответствующих содержанию образов, привела к их поразительной многовековой стабильности. Иконографии Христа Пантократора, Богоматери на престоле, св. Иоанна Предтечи, мучеников в том виде, как они представлены на иконах VI в., просуществовали до позднего средневековья. Иконы «Христос Вседержитель», «Ап. Петр» и «Богоматерь на престоле со святыми Феодором Стратилатом и Георгием», отличающиеся ярко выраженной портретностью, часто объединяют в одну группу. Вместе с тем икона Богоматери, отличаясь виртуозной живописностью, по характеру чрезвычайно близка к более условным ктиторским портретам ц. вмч. Димитрия в Фессалонике. В иконе «Мученики Сергий и Вакх» (VII в., Музей зап. и вост. искусства, Киев), далеко отстоящей от реалистического портрета, еще сохраняются классические живописные приемы, тогда как в иконе «Два мученика» (VII в., Музей зап. и вост. искусства, Киев), где письмо предельно упрощено, образы приобретают выразительность народного примитива; возможно, обе эти иконы являются памятниками палестинского искусства. Трудно с определенностью судить о происхождении таких икон, как «Богоматерь с Младенцем» (VII в., ц. Санта-Мария Нуово, Рим), «Христос Ветхий денми во славе», «Три отрока в пещи огненной» (обе — VII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае), отличающихся не столь высоким уровнем исполнения. Живописная крышка реликвария (VI в., Музеи Ватикана) с евангельскими сценами (Рождество Христово, Крещение, Распятие, Жены-мироносицы у гроба, Вознесение) по экспрессивному стилю и особенностям иконографии относится к произведениям сир. искусства, перекликаясь с миниатюрами Евангелия Раввулы (Laurent. Plut. I. 56, 586 г.). Вероятно, к той же художественной традиции принадлежит икона «Распятие» (VII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае), где изображения распятых с Христом разбойников сопровождаются именами (ΓΕΣΤΑΣ и ΔΗ[ΣΜΑΣ]), известными по памятникам апокрифической лит-ры. Надписями сопровождаются иконы «Христос и св. Мина» (VI в., Лувр, Париж) и «Еп. Авраам» (VI в., Гос. музеи Берлина), найденные при раскопках в Египте. На 1-й представлены в рост особо чтимый в Египте св. Мина с покровительствующим ему Христом, на 2-й — поясное изображение святителя с Евангелием в руках. Приземистые пропорции, плоскостные фигуры, примитивный рисунок ликов и цветовая гамма, в к-рой используются локальные цвета (белый, черный, коричневый, желтый), сближают эти иконы с фресками из Бауита.

Средневизантийский период (сер. VII — кон. XII в.). 2-я пол. VII–VIII в.— время сложения средневек. культуры В. и., определяющей чертой к-рой являлось христ. мировоззрение. В VII в. было сформулировано догматическое учение Церкви о Спасителе, что сразу отозвалось и на учении об иконах. Их содержание впервые получило обоснование в 82-м прав. Трулльского Собора (691–692), к-рое определяло обращение от символических к историческим изображениям Христа: «На некоторых честных иконах изображается перстом предтечевым показуемый, агнец, кото-

Распятие Христово.
Икона. VII в.
(мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

рый принят во образ благодати, чрез закон показуя нам истинного Агнца, Христа Бога нашего. Почитая древние образы и сени, преданные церкви, как знамения и предначертания истины, мы предпочитаем благодать и истину, приемля оную, яко исполнение закона. Сего ради, дабы и искусством живописания очам всех представляемо было совершенное, повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представляти по человеческому естеству вместо ветхаго агнца: да чрез то созерцая

смирение Бога Слова приводимся к воспоминанию жития Его во плоти, Его страдания и спасительныя смерти, и сим образом совершившагося искупления мира». В этом правиле была сформулирована не только богословская, но и эстетическая программа визант. иконописания, ставшая целью поисков визант. художников следующей эпохи. Однако прежде чем визант. искусство обрело свою неповторимую художественную форму, ему было суждено пережить период решительного отрицания священных образов, вошедший в историю под названием «иконоборчество».

I. Иконоборчество (726–843). На силенции, созванном 7 янв. 730 г. имп. Львом III Исавром, Патриарх Герман отказался подписаться против святых икон и был низложен (*Theoph.* Chron. I 408. 31. 409.11), на его место был поставлен патриарх-иконоборец Анастасий. Иконоборчество надолго прервало развитие церковного искусства, вызвало эмиграцию иконопочитателей и иконописцев. Уничтожение властью императора священных изображений, запрещение писать иконы и преследование иконопочитателей привели к уникальным по масштабу потерям в области древнего церковного искусства. Первым (в 726), согласно хронике св. Феофана Исповедника, был уничтожен образ Христа Халкитиса, находившийся у главного входа в Большой имп. дворец; население К-поля, возмущенное происходившими событиями, расправилось с представителями власти, после чего начались массовые преследования православных (*Theoph.* Chron. I. 405.5–11). Иконоборческая ересь имела большое число приверженцев среди тех, кто отрицательно относился к чувственным формам языческого искусства, считая, что это оскорбляет достоинство святых (монофизиты, павликиане). К уничтожению икон привело также араб. завоевание вост. территорий В. и. в VII в., на к-рых стал действовать ислам. запрет на изображение живых существ.

Восстановивший иконопочитание VII Вселенский Собор (Никея, 787) в своем определении, являющемся одновременно образцом богословия и художественного анализа священных изображений, четко выразил суть церковного искусства: «Определяем, чтобы святыя и честныя иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как и изображение честного и животворящаго Креста, будут ли они сделаны из красок или (мозаических) плиточек или из какого-либо другого вещества... будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей.— Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей приличествует одному только божественному естеству» (ДВС. Т. 4. С. 590–591).

В правление имп. Льва V Армянина (813–820) иконоборчество было возобновлено. С перерывами иконоборческие гонения вспыхивали с большой ожесточенностью до 843 г., когда имп. Феодора созвала в К-поле Собор, подтвердивший деяния VII Вселенского Собора. В память этого события в 843 г. было установлено в 1-е воскресенье Великого поста ежегодное празднование, вошедшее в церковный календарь под названием «Торжество Православия».

Иконоборцы уничтожали не только правосл. иконы. Известно, что по приказу имп. Константина V Копронима во Влахернской церкви были сбиты изображения на евангельские темы, чтобы заменить их «деревьями, цветами, различными птицами и другими животными, окруженными побегами растений, среди которых копошились журавли, вороны и павлины» ([Житие св. Стефана Нового] // PG. 100. Col. 1120). Эти росписи также были уничтожены после восстановления иконопочитания и анафематствования иконоборчества. О том, как выглядели столичные церковные интерьеры в период иконоборчества, можно судить по аналогии с орнаментальными мозаиками храма Скалы в Иерусалиме (691–692) и Большой мечети Омейядов в Дамаске (705–711). Эти мозаики, отличающиеся живописным мастерством, были выполнены, по свидетельству источников, к-польскими художниками. Композиция, украшающая портик мечети в Дамаске, построена в виде фриза, ограниченного снизу и сверху полосами коврового орнамента. На переднем плане перед высокими деревьями, кроны к-рых на золотом фоне играют всеми оттенками зеленого, протекает река. На берегу, среди деревьев и холмов, изображены разнообразные архитектурные сооружения — аркады, портики, домики с причудливыми башенками, экседры, купольные здания. Иконоборцами были разработаны принципы т. н. *аниконической декорации* (от греч. ἀ(ν) — без, εἰκών — образ), главным мотивом к-рой был крест. Изображение креста сохранилось в конхе апсиды ц. Св. Ирины в К-поле; орнаменты в виде крестиков до сих пор видны на склонах алтарного свода *Софии Святой собора в Фессалонике*, апсиду к-рой украшал крест, а впосл. фигура Богоматери; в ц. Успения в Никее первоначальный образ Богоматери в апсиде в период иконоборчества заменили крестом, а после 787 г. там вновь поместили изображение Богоматери с Младенцем. Неск. сохра-

Архитектурный пейзаж. Мозаика Большой мечети Омейядов в Дамаске. 705–711 гг.

нившихся памятников, гл. обр. провинциальных и несравнимых по качеству исполнения с мозаиками Иерусалима и Дамаска, позволяют примерно представить репертуар аниконического декора. В росписях пещерных церквей Каппадокии (св. Никиты Столпника в Кызылчукуре (VII–IX вв.), Кокар в долине Ыхлара (1-я пол. IX в.)) сочетаются фигуративные и аниконические элементы; на о-ве Наксос во 2-й четв. IX в. одновременно были выполнены росписи ц. св. Кириаки, в алтаре к-рой изображен фриз из сасанидских птичек с лентами на шее, крестов и чешуйчатого орнамента, и ц. св. Артемия с орнаментом в виде ром-

бов, вписанных в квадраты, розетками и стилизованными капителями.

Др. направление искусства иконоборческого периода развивалось на Западе, куда устремился мощный поток эмиграции из Византии. В отличие от К-поля Рим не разделял иконоборческих настроений (Соборы в Риме 727 и 731). В период правления имп. Константина Копронима выходцами из вост. части империи в Италии основывались новые мон-ри, строились и расписывались церкви. В сер. VIII в. была создана роспись капеллы святых Кирика и Иулиты в ц. Санта-Мария Антиква. В 1-й пол. IX в. при папах Льве III, Пасхалии I и Григории IV построены и украшены мозаиками церкви в Риме: Санти-Нерео э Акиллео (до 816), Санта-Мария ин Домника (ок. 818), Санта-Прасседе (ок. 820), Санта-Чечилия ин Трастевере (1-я четв. IX в.) и Сан-Марко (2-я четв. IX в.). В иконографии их росписей использованы элементы старого рим. декора: вазы с гирляндами цветов на арках (Санта-Мария ин Домника), обрамление медальона в виде победного венка (капелла Сан-Дзено в ц. Санта-Прасседе); раннехрист. изображения: агнцы, св. грады на триумфальных арках (Сан-Марко, Санта-Чечилия). Роспись свода капеллы Сан-Дзено с ангелами, несущими медальон с Христом, повторила композицию Архиепископской капеллы в Равенне, мозаика апсиды ц. Сан-Марко аналогична композиции в ц. Санти-Козма э Дамиано (ок. 530). Однако вместо классического стиля раннего рим. искусства в росписях проявились вост. черты. Мозаики выполнены в линейном стиле и практически лишены моделировок. Кубики смальты одного и того же довольно крупного размера использованы для фона, одежд и ликов, техника кладки грубая. Между тем упрощенные приемы придают изображениям экспрессивный характер. Угловатые позы, неправильные пропорции, укрупненные черты ликов с выделяющимся рисунком глаз и бровей, лаконичная цветовая гамма, построенная на сочетании золота, синего и зеленого цветов, сероватый цвет карнации ликов с яркими пятнами румян сближают рим. мозаики IX в. с памятниками восточновизант. провинций, известными по росписям пещерных храмов Каппадокии.

Фресковые ансамбли VII–IX вв. ц. Никиты Столпника в Кызылчукуре, церквей Агачалты (прор. Даниила) и Кокар в долине Ыхлара представляют собой памятники монашеского провинциального искусства, в к-рых сильна народная традиция. В их росписях композиции на евангельские темы и изображения святых сочетаются с элементами аниконической декорации. В ц. Никиты Столпника свод заполнен орнаментальным панно в виде ковра, в центре — ажурный крест из чередующихся кружочков и ромбиков на ярко-желтом фоне, по к-рому вьется широкий белый стебель лозы с оранжевыми виноградными гроздьями, бордюр в виде плетеной цепи с крупными розетками. На стенах изображены фронтальные фигуры святых, помещенные под арочками, в люнете — Распятие с предстоящими Богоматерью, ап. Иоанном и 2 святыми. Христос облачен в коловий (хитон без рукавов с клавами) — деталь, характерная для сир. иконографии (Евангелие Раввулы, ватиканский реликварий). В росписи использованы 3 цвета — желтый, оранжевый и коричневый, моделировка фигур отсутствует, но при всей простоте исполнения фрески не лишены определенного изящества. Роспись ц. Агачалты, в куполе к-рой представлено «Вознесение», отличает экспрессия. Предельно обобщенные почти абстрактные формы фигур летящих ангелов в синих одеждах с неотличимыми от драпировок крыльями, причудливые позы, выразительные, но одинаковые удлиненные лики, декоративный характер цвета придают росписи напряженность. Значительно проще и традиционнее выполнены фрески ц. Кокар: на своде — «Вознесение» и большие орнаментированные кресты; поверхность свода и стен покрыта орнаментами и фронтальными изображениями святых, под к-рыми тянется фриз евангельских сцен. Фигуры, стоящие отдельно или включенные в композиции (напр., апостолы из «Вознесения»), подчинены мерному ритму повторяющихся декоративных элементов. Колористическая гамма, так же как в Кызылчукуре, исчерпывается 3 цветами — зеленым (цвет фона), коричневым и желтым.

Запрет на священные изображения оказал негативное воздействие

Богородица с Младенцем Христом. Мозаика ц. Успения Богородицы в Никее. 787 г.

на изобразительное искусство в целом. Сохранившиеся памятники иконоборческого периода свидетельствуют об общем снижении художественного уровня произведений. Однако примером того, что эллинистическая традиция не угасла, является мозаика ц. Успения Богородицы в Никее (не сохр.), созданная после VII Вселенского Собора. К первоначальной росписи VII в. относилось изображение в конхе апсиды небесного сегмента с Божественной десницей и исходящими от нее 3 лучами. Вокруг сегмента шла греч. надпись: «Из чрева прежде денницы родих тя», указывающая на вневременное рождение Божественного Логоса от Отца. В 787 г. изображение Богородицы с Младенцем, уничтоженное иконоборцами, было восстановлено неким Навкратием, оставившим о своем деянии памятную надпись: «Навкратий утверждает божественные иконы». На фоне вокруг фигуры отчетливо видны следы реставрации. Центральный луч падает из сегмента на нимб Богоматери, Которая держит Младенца перед грудью. Слегка вытянутые пропорции, мягкие, округлые контуры, легко ниспадающие мелкие складки одежды, позволяющие угадать объем фигуры, живописная моделировка ликов близки манере исполнения образов ангелов в виме. Живописная программа апсиды наглядно иллюстрирует догмат о Воплощении: Тот, Кто рождается от Отца Небесного, является Младенцем, рожденным Девой. Царственное достоинство

Девы, несущей миру воплотившееся Слово, ничем не напоминает о борениях и спорах прошедшего Собора. Образ Богоматери с Младенцем прямо соответствовал словам, к-рыми начиналось соборное обращение: «Христос Бог наш, даровавший нам свет познания».

II. Искусство Македонской династии. Главным итогом 120-летней борьбы иконоборцев и иконопочитателей, к-рую переживала В. и., стало завершение процесса становления империи как правосл. гос-ва.

Парадоксальным образом захват гос. властью полномочий в делах веры послужил тому, что вопрос о почитании икон из церковных богословских споров перешел в сферу гос. жизни, объединил население страны по вероисповедному принципу, и Торжество Православия стало одновременно торжеством В. и. как единой правосл. державы. Это новое качество ознаменовало окончание эпохи Вселенских Соборов и начало нового этапа средневек. истории В. и.

В результате победы иконопочитания К-поль вновь стал главным художественным центром, и на смену вост. формам искусства, культивировавшимся в монашеской провинциальной среде, пришло искусство столичное, основанное на эллинистических традициях. Античное наследие всегда воспринималось в В. и. как естественное и законное достояние, к-рое получало в период возрождения своей художественной формы самое широкое распространение. Со 2-й пол. IX в. начался подъем во всех сферах искусства, науки и церковной жизни. Восстанавливали уничтоженные иконоборцами росписи: над вратами Большого имп. дворца — изображение Христа Халкитиса, в соборе Св. Софии — мозаики апсиды; строили и украшали мозаиками церкви новой архитектурной формы — типа вписанного креста или крестово-купольные; была выработана система храмовой декорации, идеально соответствующая литургическому характеру церковного пространства.

В этот период визант. Церковь осуществляла миссию среди славян, неся не только свет Христовой веры, но и искусство и науки. Образованность стала необходимым условием проповеди, а искусство, по выражению Л. А. *Успенского,* играло роль проводника веры: «Принимающие христианство народы принимают и его образный язык, выработанный в центре христианского мира, принимают как опытное выражение получаемой ими истины, запечатленное в художественных формах» (*Успенский.* С. 254).

Исключительная роль принадлежала свт. *Фотию,* Патриарху К-польскому (858–867; 877–886), к-рый придавал особое значение восстановлению и распространению церковного искусства, считая, что именно через созерцание священных образов приходит наиболее полное постижение христ. истин: «И само зрение, излиянием и истечением оптических лучей как бы ощупывая и исследуя образ увиденного, посылает его в разум, позволяя, чтобы он был оттуда переправлен в память для безошибочного собирания знаний» (Ὁμιλία XVII 5 // Φωτίου ὁμιλίαι / Ἔκδοσις κειμένου, εἰσαγωγὴ καὶ σχόλια Β. Λαούρδας. Θεσσαλονίκη, 1959. Σ. 170–171; пер. В. В. Василика). В период Патриаршества свт. Фотия была полностью переработана программа храмовой росписи. Новая живописная система нашла отражение в проповеди, сказанной святителем в период с 859 по 867 г. на освящении построенной в К-поле имп. Василием I Македонянином новой церкви в честь Пресв. Богородицы (Ὁμιλία X // Ibid. Σ. 99–104); ранее полагали, что это была ц. Неа-Экклесиа, в наст. время эту проповедь связывают с освящением церкви мон-ря Богородицы Одигон (*Grabar A.* L'iconoclasme byzantin: Dossier archéologique. P. 1957. P. 183–184) или дворцовой ц. Богородицы Фара (*Jenkins R., Mango C.* The Date and Significance of the 10th Homily of Photius / DOP. 1956. Vol. 10. P. 125–140). Патриарх Фотий дал блестящий экфрасис на указанное событие и истолковал значение изображений в интерьере храма. В куполе представлен Пантократор: «Он как бы обозревает землю и обдумывает ее украшение и устройство. Художник хотел таким образом формами и красками выразить попечение Творца о нас. На вогнутых частях, примыкающих к потолку полусферы, сонм ангелов охраняет Владыку всяческих. А возвышающаяся над алтарем апсида сияет образом Девы, воздевающей пречистые свои руки за нас, испрашивая для царя спасение и победы над врагами. Мученики и апостолы, пророки и праотцы красуясь, наполняют кругом своими изображениями весь храм» (Ὁμιλία X 6 // Ibid. Σ. 102–103; пер. П. В. Кузенкова). Далее свт. Фотий сопоставил ветхозаветный и новозаветный храмы, говоря о красоте и совершенстве освещаемой им имп. церкви как выражении благодати духа.

Этой оценке в полной мере соответствует мозаика, украсившая в 867 г. конху апсиды и свод вимы собора Св. Софии в К-поле. По краю конхи шла надпись: «Изображения,

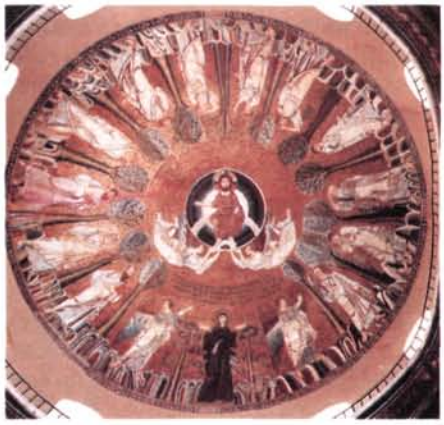

Богородица с Младенцем Христом. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. 867 г.

которые обманщики здесь низвергли, благочестивые правители восстановили». Богоматерь с Младенцем, сидящая на престоле, изображена в лучших эллинистических традициях. Ее фигура расположена довольно высоко, поскольку в нижней части конхи находятся окна. Изображение будто парит в пространстве мерцающего золотого свечения смальты и льющегося из окон света. Эффект глубины достигнут благодаря ракурсам престола в виде массивной золотой скамьи и подножия, украшенных крупными драгоценными камнями. Поза и жесты Богоматери, повторяя древнейший иконографический тип, известный по синайской иконе (VI в.), естественны и непринужденны. Идеально прекрасный лик исполнен живого трепетного тепла и глубокой духовной силы. Художник достиг своей цели в изображении духовного мира, вызывая ощущение одновременно реальности и нереальности

этого небесного видения. Фигура Младенца дана в движении, лик еще более живописен. Арх. Гавриил изображен на склоне вимы в расшитой далматике и сияющем плаще, почти фронтально, с широко раскинутыми руками и крыльями, в едва заметном повороте к центру, голова чуть склонена в противоположную сторону, что придает позе особую изысканность, образ отличается утонченностью и благородством.

В период правления основанной имп. Василием I Македонянином династии (867–1056), с началом широкомасштабного строительства и украшения новых церквей, были выработаны все основные формы визант. искусства, сложился его неповторимый стиль и образный язык, адекватно выражающий спиритуалистическое содержание священных изображений. Памятников монументальной живописи 2-й пол. IX — 1-й пол. X в. сохранилось не много. Единственный монументальный ансамбль этого времени — росписи собора Св. Софии в Фессалонике. Мозаики относятся к неск. периодам: в своде вимы — изображение креста, выполненное в иконоборческое время; в куполе «Вознесение» (880–885); в конхе апсиды — Богоматерь с Младенцем на престоле (рубеж XI–XII вв.). На фоне живописи К-поля, ориентированной на эллинистические образцы, мозаики купола Св. Софии выглядят провинциальным анахронизмом. В зените купола — возносящийся Христос в медальоне из концентрических кругов темно-синего цвета с белым центром, поддерживаемый 2 ангелами, позы к-рых своей условностью напоминают древние сир. памятники.

Вознесение Господне. Мозаика ц. Св. Софии в Фессалонике. 880–885 гг.

На склонах свода, между высокими деревьями на поземе, в виде многоцветных условных горочек изображены апостолы. В центре — фигура Богоматери Оранты, выделенная 2 деревцами, и 2 ангела, указывающие апостолам на возносящегося Спасителя. Стиль мозаик с неправильными пропорциями фигур, угловатыми жестами, неподвижными выражениями ликов и подчеркнутой декоративностью цвета отвечает вост. вкусу.

В противоположность экспрессивному характеру Востока в визант. живописи ведущим становится классическое направление. Искусство 2-й пол. IX–X в., известное гл. обр. по памятникам книжной миниатюры, в к-рых широко практиковалось копирование образцов, восходящих к античности, получило название «македонский ренессанс». О монументальной живописи этого времени можно судить по неск. разновременным мозаикам собора Св. Софии в К-поле. К кон. 80-х гг. IX в. относится ряд образов св. отцов в сев. тимпане. Святители изображены в нишах, на золотом фоне и темно-зеленом поземе с орнаментальным украшением в виде 2 квадрифолиев. Изображения сопровождаются колончатыми черными надписями, выполненными крупными буквами. Высокие фигуры (ок. 2,5 м) поставлены строго фронтально, взгляды направлены перед собой. В левых руках у святителей кодексы, правыми придерживают их или благословляют. Массивные фигуры с покатыми плечами, сравнительно небольшими головами, одинаковыми «скульптурными» лицами близки образам миниатюр из рукописи Гомилий свт. Григория Назианзина (Parisin. gr. 510, 879–882 гг.), где, как и в мозаиках, присутствует характерная античная тяжеловесная пластичность. Это впечатление отчасти снимается мерцанием золотого фона и светлых риз, украшенных тонкими золотыми или цветными полосами.

В тимпане над главными дверями собора Св. Софии в годы правления имп. Льва VI Мудрого (886–912) появилась композиция, изображающая его припадающим к Спасителю на престоле. В медальонах по сторонам Христа: слева — Богоматерь в молении (в деисусном типе), справа — фронтально изображенный архангел. Христос держит раскрытое Евангелие, в к-ром читается надпись на греч., состоящая из 2, как правило, несоединяющихся стихов: «Мир вам. Я свет миру» (Ин 20. 19, 26; 8. 12). По одной версии толкования, иконографическая программа композиции, а именно редкая для имп. изображения поза глубокого поклона (проскинесис), соединение образов Богоматери и архангела, представляет поклонение земного владыки, василевса, Небесному Царю, Панвасилевсу, воплотившейся Премудрости Божией. Изображение соответствует обряду входа императора в храм Св. Софии, описанному имп. Константином VII Багрянородным, к-рый состоит в чтении специальных входных молитв с троекратным поклоном как раз перед теми дверьми, где находится мозаика. Согласно др. версии, проскинесис перед Спасителем — знак раскаяния Льва VI, вступившего в 4-й брак, и моление об императоре Богоматери. Оба толкования связаны с идеей верности правосл. государя Христу и объединяются в эсхатологической перспективе, к-рая всегда присутствует в христ. богослужении и отвечает программе росписи. В живописи этой композиции отмечается определенное развитие стиля. Формы все еще остаются массивными, но появляется динамика движения, разнообразие ракурсов, поз, жестикуляции, направления взглядов. Дифференцированной становится живописная моделировка ликов. Более легкими

Спаситель на престоле с припадающим имп. Львом VI. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. 886–912 гг.

Богородица с Младенцем на престоле с предстоящими императорами Константином Великим и Юстинианом I. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. 2-я пол. X в.

выглядят драпировки. В сев. галерее сохранилось точно датированное изображение младшего брата имп. Льва VI, имп. Александра (912), представленного в праздничном пурпурном облачении, расшитом камнями и жемчугом лоре, диадеме с подвесками, державой в левой и акакией (мешочек с землей) в правой руке. Надпись, сопровождающая этот единоличный образ: «Господи, помоги твоему слуге, православному благоверному императору», выполненная в виде монограмм в медальонах, указывает на то, что, как и в мозаике над входом, здесь изображено моление императора перед Господом. За небольшой промежуток времени между созданием образов святителей в сев. тимпане и портретом имп. Александра произошли заметные перемены в стиле. При сохранении фронтальной постановки фигура чуть сдвинута вправо, отведенная в сторону рука с державой придает динамику позе, разнообразие в композицию вносят медальоны, отличающиеся по диаметру и типу надписей. Силуэт стал более стройным, пропорции гармоничными, жесты естественными. Расшитые камнями одежды акцентируют внимание на силуэте, что зрительно облегчает фигуру.

В люнете над входом в нартекс из юж. вестибюля находится мозаика 2-й пол. X в., на к-рой представлена Богоматерь с Младенцем на престоле. Ей подносят дары императоры: справа Константин — град К-поль, слева Юстиниан — храм Св. Софии. Это изображение носит символический характер и задает тон всем царским композициям такого рода, в к-рых имп. служение понимается как посвящение Христу, а Богородице вверено попечение о Церкви (храме) и царстве. Используя традиц. иконографию Богоматери на троне, художник придал Ее облику новый характер, подчеркнув царское достоинство и величие Девы Марии, перед Которой, смиренно склонив головы, стоят императоры. Композиция построена симметрично: вертикальная ось задана фигурой Богородицы, сидящей строго по центру престола; нимбы Богоматери и Младенца находятся на одной вертикальной линии; на равных расстояниях от центра расположены медальоны с монограммой Богоматери и нимбы Константина и Юстиниана, изображенных в одинаковых лоратных облачениях, диадемах, с одинаковыми прическами и схожими безбородыми лицами. Симметрия нарушается только противоположным направлением взоров Младенца Христа и Богоматери, что придает сцене подвижное равновесие. Идеальные пропорции, естественность в жестах и постановке фигур, объемная, но лишенная намека на чувственность моделировка ликов свидетельствуют о сложении нового стиля, в к-ром античная основа полностью претворена в новое качество, позволяющее, не нарушая законов видимого мира, изображать мир небесный.

Завершает цикл изображений македонской эпохи в соборе Св. Софии мозаика (1042) в юж. галерее, на к-рой представлены имп. Константин IX Мономах и последняя представительница Македонской династии имп. Зоя, подносящие дары Христу. Спаситель, сидящий на престоле, изображен чуть выше, по сторонам от Него вплотную к трону стоят Зоя со свитком и Константин Мономах с мешочком с золотом в руках — дар Софийскому собору, к-рый император по праздникам возлагал на церковный престол. Первоначально здесь находились изображения имп. Зои и ее супруга имп. Михаила IV (1034–1041), у к-рых при имп. Михаиле V, изгнавшем Зою, были уничтожены лики. В 1042 г. императрица вернулась из изгнания, вновь вышла замуж и восстановила свой портрет, а на месте портрета ее супруга появился лик имп. Константина Мономаха. Сияющие камнями лоратные одежды, подобно сплошному драгоценному щиту, закрывают фигуры, в то время как лики подчеркнуто объемно выложены светлой смальтой. Лики Константина и Зои идеализированы и имеют условные выражения мужественности и кротости соответственно.

Традиц. представление о церковном здании как о микрокосме, отражающем Божественное устроение и Божественный Промысел о мире, нашло совершенное, как в художественном, так и в смысловом отношении, воплощение в формах средневизант. храмовой декорации. Четкое деление пространства наоса на зоны является одной из ее характерных черт и подчинено задаче отображения принципа небесной иерархии и догматического учения Церкви, воплощенного в богослужебном чине. Повествовательные евангельские циклы (доиконоборческого и иконоборческого времени в росписях Каппадокии) уступили место особым образом расположенной в храмовом интерьере системе важнейших евангельских событий. Принцип отбора сюжетов соответствует годовому праздничному кругу, те же образы пишутся на иконах, составляющих циклы праздников, по тому же принципу подбираются евангельские чтения в богослужебных Евангелиях, в соответствие с богослужебным кругом приводится весь лит. репертуар апокрифических и житийных сюжетов, отраженный в текстах богослужебной поэзии (канонов) и литургических чтений (гомилий). Этот основополагающий литургический принцип привел к синтезу всех искусств — слова, музыки, архитектуры и изобразительного искусства, среди к-рых важнейшее место принадлежит монументальной живописи.

Сохранившиеся мозаики собора Св. Софии в К-поле дают возможность проследить на примере одного памятника эволюцию стиля живописи от IX до сер. XI в., но об иконографических программах столичных храмов, кроме темы имп. предстояния перед Христом и Богоматерью, можно судить лишь по письменным источникам и сохранившимся памятникам Греции, Македонии и Руси.

Наиболее полное представление о программе росписи храма македон. периода дает кафоликон мон-ря *Осиос Лукас* в Фокиде (30-е гг. XI в.). Уникальный по полноте сохранности мозаичного убранства, он является классическим образцом той стройной системы, к-рая именуется средневизант. храмовой декорацией. Стены храма на всю высоту (до уровня пят сводов) покрыты мраморной облицовкой, декоративные элементы (панели, карнизы, дугообразные полосы) подчинены конструктивным членениям здания, отмечают основание и высоту арок и сводов. Это вносит разнообразие, оживляя поверхности, и одновременно придает архитектоническую цельность интерьеру. Мозаики расположены в верхней «небесной» зоне храма, покрывая цилиндрические своды наоса, поверхности тромпов, своды алтаря, галерей, а также в нишах; в нартексе мозаиками украшены стены и своды.

В куполе кафоликона мон-ря Осиос Лукас находится изображение Христа Пантократора в медальоне, окруженного 4 архангелами; в простенках барабана — пророки. Мозаики купола были заменены в XIX в. фресковой росписью. Появившиеся изображения Богородицы Оранты на вост. склоне купола и крылатого Иоанна Предтечи (Ангела пустыни) на западном отражают

Богородица с Младенцем на престоле. Сошествие Св. Духа на апостолов. Мозаика кафоликона мон-ря Осиос Лукас в Фокиде. 30-е гг. XI в.

более позднюю иконографическую традицию. Мозаики сохранились в ярусе сводов. В тромпах расположены евангельские сюжеты — Рождество Христово, Сретение и Крещение; Благовещение, находившееся в сев.-зап. тромпе, утрачено. Пространство алтаря выделено как особая сакральная зона не только архитектурно (преградой), но и программой росписи. На триумфальной арке находятся изображения в рост архангелов в лоратных облачениях; купольный свод алтаря украшен вписанной в круг композицией «Сошествие Св. Духа»: в зените свода в медальоне — Этимасия с изображением Св. Духа в виде голубя, от медальона к апостолам, сидящим на отдельных престолах, направлены широкие белые лучи с языками пламени; в парусах изображены фигуры людей, олицетворяющих «народы», просвещенные евангельской проповедью. В нишах на стенах вимы — полуфигуры святителей. В конхе апсиды — Богоматерь с Младенцем на престоле, в люнетах над тройным окном апсиды — полуфигурный Деисус. В алтарной росписи раскрывается в образах учение о пребывании в Церкви Св. Духа от

Рождество Христово. Мозаика кафоликона мон-ря Осиос Лукас в Фокиде. 30-е гг. XI в.

момента Пятидесятницы. В диаконнике — сцены из ВЗ: Даниил во рву львином и Три отрока в пещи. Сцены страстей, начинающиеся «Умовением ног» и завершающиеся «Уверением Фомы», вынесены в нартекс. Они расположены в люнетах стен и служат назиданием кающимся, находящимся в этом помещении. В тимпане над центральной дверью из нартекса в наос находится поясное изображение Христа Пантократора с раскрытым Евангелием (текст из Ин 8. 12). В люнетах на зап. стене — изображения святых равноапостольных Константина и Елены, мучениц и преподобных жен. Образы святых, сгруппированных по чинам святости, играют важную роль в программе росписи: на арках в рукавах креста и на парусах сохранились фрагменты изображений воинов-мучеников; на сводах алтарных помещений в медальонах и в рост представлены святители, в т. ч. Дионисий Ареопагит, Иерофей Афинский. На крестовых сводах нижнего яруса наоса — галерея изображений св. монахов, среди к-рых основатель обители прп. Лука и местночтимые святые; на арках нартекса — апостолы. Небесной иерархии, представленной Христом и ангелами, согласно текстам «Ареопагитиков», соответствует церковная иерархия. Т. о., последовательно разворачивающаяся в храме от нартекса к алтарю система изображений раскрывает историческое и символическое содержание христ. богослужения.

Мон-рь Осиос Лукас в Фокиде относится к числу имп. сооружений (построен имп. Романом II, 959–963). Высокое качество живописи, отличающейся иератизмом и суровостью, свидетельствует об особенностях заказа, соответствующих монашескому вкусу, а программные основы росписи указывают на высокую образованность ее составителей. Художники, расписывавшие наос, активно применяли контурный рисунок, придающий жесткость силуэтам. Ритмически четкое построение композиций порой достигает эмблематического характера, моделировка ликов становится графически условной. Большие, широко раскрытые глаза с крупными черными зрачками придают персонажам одинаковое выражение значительности. Мозаики нартекса отличаются большей свободой и живописностью. В изображении лика Христа Пантократора моделировка объемов достигнута с помощью тончайших живописных нюансов. Композиции «Умовение ног» и «Сошествие во ад» отличаются динамикой поз.

Заказчиком росписи церкви мон-ря *Неа-Мони* на Хиосе (1042–1056) являлся имп. Константин Мономах, активно покровительствовавший развитию наук и искусств. Наос храма, как в Осиос Лукас, до сводов облицован мраморными плитами. В нишах, над к-рыми располагался несохранившийся купол, представлены сцены Евангельского цикла — от «Благовещения» до «Воскресения», куда кроме «Рождества» (не сохр.), «Сретения», «Крещения»,

«Преображения» и «Распятия Христова», вошло «Снятие с креста». Страстные сюжеты оказались также включенными в роспись наоса, причем приобрели за счет дополнительной сцены Евангельского цикла (Снятие с Креста) усиленное звучание. В парусах были изображены 4 евангелиста и 4 херувима. В конхе алтарной апсиды — Богоматерь Оранта, в апсидах боковых алтарных помещений — полуфигуры архангелов Михаила и Гавриила. Евангельский цикл продолжался в мозаиках внутреннего и внешнего нартексов (нартекса и экзонартекса), где подробно проиллюстрированы страстные события, завершающиеся «Вознесением» и «Сошествием» Св. Духа. Помимо сюжетных композиций в куполе нартекса, на стенах и сводах изображены святые в рост и в медальонах, среди к-рых пророки, мученики, мученицы и преподобные. Богатая, но сдержанная колористическая гамма (сочетание лиловых, коричневых, фиолетовых тонов), благородные типы ликов, умело построенные сложные многофигурные композиции, в т. ч. вписанные в узкие пространства тромпов,— весь строй живописи указывает на то, что ведущими в создании мозаик были к-польские мастера.

В 40-х гг. XI в. в Киеве и Охриде были расписаны главные соборы митрополии и архиепископии (соответственно), посвященные Св. Софии, Премудрости Божией (см. статьи *Софии Святой собор в Киеве, Софии Святой собор в Охриде*). В киевском соборе, для строительства и украшения к-рого св. блгв. кн. Ярослав Мудрый пригласил к-польских мастеров, верхняя зона наоса и центральный алтарь украшены мозаиками, нижняя часть стен и столпов, а также боковые алтарные помещения, хоры и ведущие на них лестницы — фресками. Образы Христа, Богоматери и святых отличаются мощью и величием, фигуры объемны, движения сдержанны, позы фронтальны. Программа росписи отвечает классической средневизант. схеме: в конхе апсиды — Богоматерь Оранта, в куполе — Христос Пантократор, окруженный 4 архангелами в лоратных облачениях, в 12 простенках барабана — апостолы, в парусах — евангелисты, на арках — мученики, на вост. столпах — «Благовещение». В сводах, где должны были находиться евангельские праздники, живопись не сохранилась. Росписи огромного, расчлененного на отдельные компартименты пространства киевского храма будто вместили всю картину христ. мира. Здесь представлены житийные циклы Богоматери, первоверховных апостолов Петра и Павла, вмч. Георгия, арх. Михаила (боковые алтарные апсиды), сюжеты ВЗ, связанные с новозаветной жертвой (Явление Троицы и Жертвоприношение Авраама), и евангельские чудеса (хоры), сонм святых (столпы и стены), сюжеты к-польской придворной жизни (лестничные башни) и ктиторская композиция — групповой портрет св. блгв. кн. Ярослава и его семьи (зап. рукав креста).

Причащение апостолов.
Мозаика собора Св. Софии в Киеве.
40-е гг. XI в. Фрагмент

Программа фресковой росписи собора в Охриде, перестроенной и расписанной при архиеп. Льве (1037–1056), отличалась еще большим разнообразием сюжетов: сохранились фрески алтаря, в конхе апсиды к-рого представлена Богоматерь Никопея, жертвенника (Сорок мучеников Севастийских), диаконника, композиции Богородичного цикла (в т. ч. Успение Богородицы на зап. стене), фрагментарно росписи нартекса и колоссальная галерея портретов св. епископов на стенах, среди к-рых образы Римских пап в диаконнике, в рост и по пояс, в рамках, в медальонах, попарно на разноцветных фонах. Алтарные росписи обоих храмов отличает стройная иконографическая программа, центр к-рой — композиция «Евхаристия» в верхнем ярусе апсиды. В монументальной живописи изображение Евхаристии известно уже в росписи ц. Богоматери Халкеон (1028) в Фессалонике, где в конхе изображена Богоматерь Оранта, в апсиде — святители, а на стенах вимы — причащение апостолов. В храмах Св. Софии в Киеве и Охриде эта композиция помещена на стене апсиды под образом Богоматери, она связывает в единый иерархический ряд

Роспись алтарной апсиды
собора Св. Софии в Охриде.
40-е гг. XI в.

тему Воплощения, служения Христа Великого Архиерея и св. архиереев, изображенных в нижнем ярусе апсиды, с реально осуществляемым на церковном престоле таинством.

Евхаристия.
Роспись собора Св. Софии в Охриде.
40-е гг. XI в. Фрагмент

В центре композиции — престол под киворием с литургическими предметами, по его сторонам — ангелы в диаконских одеждах с рипидами и Христос, совершающий Божественную литургию. В Св. Софии Киевской Христос дважды изображен по сторонам престола, причащающим подходящих к Нему апостолов; в Охридской — один раз, держащим литургический хлеб. Тема священнического служения Христа в киев-

ском соборе представлена также изображением Христа Иерея в медальоне на щеке вост. подпружной арки. В Охриде тема богослужения развивается в сюжетах на стенах вимы, где изображены ветхозаветные прообразы новозаветной жертвы: жертвоприношение Авраама, Три отрока в пещи, а также Лествица Иакова, свт. Василий Великий, совершающий литургию. Развитие литургической тематики, к-рое будет продолжено в искусстве XII в., говорит о тесной связи программы храмовой декорации с догматическим учением Церкви и с актуальными вопросами церковной жизни, пробуждающими творческую богословскую мысль как в форме учительного слова, так и в образе.

Для иконописи македонского периода характерны те же тенденции, что и для книжной миниатюры и монументальной живописи. В этот период происходила активная разработка и фиксация иконографических схем, формировалась типология моленного образа с определенной программой средника и полей, оттачивался стиль. Иконы «Апостол Фаддей, царь Авгарь с избранными святыми» и «Умовение ног» из мон-ря вмц. Екатерины на Синае отразили преобладавший в X в. стиль, восходящий к античности. В иконах («Свт. Николай») и («Ап. Филипп») (обе X–XI вв., мон-рь вмц. Екатерины на Синае) отражены черты сложения нового художественного языка, в к-ром исчезает чувственное, уступая место идеализированной, одухотворенной красоте. Для икон XI в. типичны золотой фон, отшлифованные особым образом нимбы и медальоны, удлиненные пропорции фигур, изящные жесты, выразительные, сосредоточенные лики, безупречное живописное письмо плавями, прозрачные сияющие краски.

III. Искусство Комниновской династии. В 1081 г. на визант. престол вступил имп. Алексей I Комнин, основавший династию, именем к-рой назван период в истории визант. культуры, когда совершенства достигли все виды изобразительного искусства. Эпитет «комниновский стиль» отражает созерцательное, утонченное, интеллектуальное, спиритуалистическое искусство, верное классической основе, к-рое культивировалось в придворной просвещенной среде столичной аристократии. В этот период влияние к-польского искусства распространилось по всей правосл. ойкумене. Иконографические темы и примеры высокого стиля можно обнаружить в росписях Киева и Новгорода, пещерных мон-рей Каппадокии, мозаиках Сицилии, фресках Грузии и в первую очередь на Балканах, находившихся в самой тесной связи с К-полем. Столичная живопись комниновской эпохи известна гл. обр. по книжной миниатюре, особую ценность представляют те рукописи, время и место изготовления к-рых точно устанавливается по

Ап. Фаддей, царь Авгарь с избранными святыми. Икона. X в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

писцовым записям и кодикологическим особенностям книг. С опорой на эти произведения можно очертить круг памятников, созданных к-польскими мастерами.

Памятником столичного искусства являются мозаики ц. Успения Богоматери мон-ря *Дафни* (ок. 1100), расположенного недалеко от Афин. Система росписи следует плану, типичному для македонской эпохи. В куполе — полуфигура Пантократора, в простенках барабана — пророки, в тромпах — «Благовещение», «Рождество», «Крещение» и «Преображение Христово». В алтарной апсиде — Богоматерь на престоле, по сторонам от к-рой в нишах — архангелы. В конхе жертвенника — полуфигура св. Иоанна Предтечи, в конхе диаконника — поясное изображение свт. Николая, на арках боковых алтарных помещений — святители и архидиаконы. Сцены евангельского цикла — от «Поклонения волхвов» до «Уверения Фомы» — расположены на стенах наоса. Здесь же находятся «Рождество» и «Успение» (на зап. стене) Богородицы. Сцены протоевангельского цикла и неск. страстных сюжетов вынесены в нартекс. Помимо сюжетных композиций стены украшены многочисленными образами святых, среди к-рых ветхозаветные первосвященники Аарон и Захария, свт. Григорий Акрагантский, мученики Сергий и Вакх. Подбор сюжетов и их размещение в пространстве наоса и нартекса дают представление о дальнейшем развитии классической схемы храмовой декорации. Изображение в наосе праздничных Богородичных композиций, а также выделение в отдельную сцену помимо «Рождества Христова» и «Поклонения волхвов» подчинено теме прославления Богородицы, к-рой по-

Христос Пантократор. Мозаика ц. Успения Богородицы мон-ря Дафни. Ок. 1100 г.

священ храм. Этой же теме соответствуют сюжеты в нартексе, связанные с детством Богоматери. Иконография композиций отличается рядом особенностей: в «Рождестве Богородицы» акцентированы царственные почести, воздаваемые прав. Анне, над к-рой ангелоподобная дева держит опахало, в «Поклонении волхвов» над вост. царями, согбенные позы к-рых напоминают триумфальные композиции «Приношения даров императору», стоит ангел и церемониально указывает на сидящую на престоле Богородицу с Младенцем Христом. Композиции изобилуют множеством конкретных деталей, как правило, это

позы и жесты, придающие реальность действию. Стиль этой росписи наиболее последовательно среди всех сохранившихся памятников XI–XII вв. воплощает эллинизирующие традиции. Многофигурные сцены и единоличные изображения помещены в ниши, что создает дополнительную игру света, усиливая свечение золотого фона. В мозаиках использовано более 30 оттенков смальты. Тончайшие тональные переходы позволяют живописно моделировать объемы, добиваться точной передачи фактуры — от теплого характера карнации ликов до холодной, кристально прозрачной воды («Крещение»). Пространство, в к-ром пребывают объемно написанные фигуры, строится с помощью различных ракурсов, поворотов, жестов и поз (напр., пророки в барабане, архангелы в алтаре). Пропорции фигур, черты ликов, характер движения лишены преувеличений, отличаются естественностью, изяществом и благородством. Но при отсутствии внешней эмоциональности и экспрессии видимая сдержанность только усиливает ощущение внутренней силы переживания («Распятие»).

В 1108–1113 гг. был построен и расписан визант. мастерами собор в честь арх. Михаила *Златоверхого киевского мон-ря* (разобран в 1934–1936, воссоздан в 1998). В декорации этой церкви, как и в Софийском соборе, сочетались мозаика и фресковая роспись. Сохранившиеся мозаики, Евхаристия из центральной апсиды и неск. изображений святых (вмч. Димитрий Солунский, архидиак. Стефан, ап. Фаддей), имеют много общего с мозаиками Дафни. Иконографически повторяя роспись Св. Софии Киевской, мозаики Михайловского собора принадлежат др. стилистическому направлению. Апостолы, подходящие к Христу, изображены жестикулирующими, в поворотах друг к другу. Пропорции фигур вытянутые, на драпировках лежат цветные отсветы — рефлексы. Лики набраны многоцветной смальтой с использованием красного, серого, розового, коричневого цвета, контуры в зависимости от фона выложены в виде черной или красной линий. На смену статуарному однообразию и суровому величию апостолов Софийского собора пришли изысканность, деликатность и благородная красота. Среди апостолов, каждый из к-рых имеет индивидуальную характеристику, особой выразительностью отличается образ ап. Павла.

В нач. XII в. художники столичного направления работали и в Вел. Новгороде. От ансамблей росписи *Софии Святой* (1108) и Николо-Дворищенского соборов (после 1113) сохранились отдельные изображения (архангел в лоратных одеждах в куполе Софийского собора, жена Иова в нартексе Никольского собора), отвечающие принципам раннекомниновского стиля. К более провинциальному варианту комниновского стиля принадлежат

Вмч. Димитрий Солунский. Мозаика ц. арх. Михаила Михайловского Златоверхого мон-ря в Киеве. 1108–1113 гг. (ГТГ)

фрески Рождественского собора Антониева мон-ря (1125).

Фрески церквей Богородицы Форвиотиссы в *Асину*, Св. Троицы мон-ря Хризостома (свт. Иоанна Златоуста) близ с. *Куцовендис* и Богородицы в Трикомо на Кипре свидетельствуют о распространении столичной живописи на тех территориях, к-рые входили в сферу политических интересов В. и., и где осуществлялась активная ктиторская деятельность. В памятниках визант. провинции черты нового стиля доведены до простой и ясной схемы, а в иконографии акцентирована смысловая сторона сюжетов. Роспись ц. Богородицы Форвиотиссы, как следует из надписи над входом в нартекс, была выполнена по заказу магистра Никифора в 1105–1106 гг. Первоначальная живопись (фрески поновлялись в кон. XII и XIV в.) сохранилась в алтарной апсиде — «Евхаристия» и фронтальный ряд св. отцов, в виме — «Рождество Богородицы» и «Введение во храм», на зап. стене, над входом,— «Успение», над ним в люнете «Вход в Иерусалим» и «Тайная вечеря». На стенах и сводах — «Воскрешение Лазаря», «Умовение ног», «Сошествие Св. Духа», «Сорок мучеников Севастийских», а также фигуры святых: равноапостольных Константина и Елены, воинов-мучеников, целителей, преподобных. Композиции отличаются нек-рыми иконографическими особенностями. Так, в сцене «Причащение» первым к Христу подходит юный ап. Иоанн Богослов (на этом месте, как правило, находится ап. Павел); последний в ряду апостолов — Иуда, к-рый убегает в противоположную сторону, вынимая изо рта частицу, он изображен в профиль, движения резкие, угловатые. Редкий мотив — красный плат, к-рым покрыта рука Спасителя, держащая большой золотой евхаристический сосуд. Значение Евхаристии и Причащения помимо композиции «Причащение апостолов» акцентировано изображением причащения прп. Марии Египетской прп. Зосимой, расположенным рядом с жертвенником и диаконником,

Св. равноапостольные Константин и Елена. Роспись ц. Богородицы Форвиотиссы в Асину на Кипре. 1105–1106 гг.

а также изображением в композиции «Тайная вечеря» рыбы — символа Христа. Помимо иконографических элементов,

имеющих содержательное значение, использованы детали, усиливающие эмоциональное напряжение, напр. кровавые отпечатки следов ног в сцене «Сорок мучеников Севастийских». Удлиненные пропорции фигур, тонкий и точный рисунок, цветовое богатство, мягкая объемная моделировка ликов придают росписи изысканный характер. Однако заметно, что художники пользуются определенным набором штампов: однотипные лики, повторяющийся рисунок складок, единообразные позы фигур.

Роспись ц. Св. Троицы мон-ря Хризостома (1110–1118) — самый яркий памятник столичного искусства времени Алексея I Комнина на Кипре, перекликаясь с фресками ц. Богородицы Форвиотиссы, они намного ее превосходят своим художественным качеством. Ктитором храма, как следует из сохранившейся на юго-вост. балке стихотворной надписи, являлся визант. вельможа, дука Кипра Евматий Филокал. Фрагментарно сохранились композиции циклов, посвященных земной жизни Христа и богородичного (Распятие, Воскресение, Благовещение, Успение), фигуры отшельников, изображения мучеников в медальонах на арках — святые Георгий, Димитрий, Прокопий и композиция «Служба святых отцов» в апсиде (фигуры литургисующих святителей Василия Великого и Григория Богослова). В погребальной капелле, посвященной Спасителю, представлено «Оплакивание», этот иконографический вариант получил широкое распространение во 2-й пол. XII в.

Росписи ц. Богородицы в Трикомо (нач. XII в.) не столь высокого художественного уровня. В композициях больше экспрессии, фигуры приземисты, жесты лишены изящества, живописная моделировка одежд и письмо ликов упрощены. Типы лиц имеют сходство с образами из ц. Богородицы Форвиотиссы (напр., в композиции «Евхаристия»), возможно, здесь работали те же художники. Наибольший интерес представляет иконографическая программа росписи, в к-рой важное место принадлежит декорации купола. В центре — Христос Пантократор в медальоне. Вокруг разворачивается триумфальная композиция на тему Страшного Суда: в центре — Этимасия, по сторонам —

Богородица с Младенцем и предстоящими имп. Иоанном II Комнином и имп. Ириной. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. 1118 г.

в деисусном предстоянии Богородица и св. Иоанн Предтеча, за ними по всей окружности купола в виде 2 встречных рядов изображены коленопреклоненные ангелы, возглавляемые архангелами в лоратных одеяниях, над к-рыми надпись: «И поклонятся Ему все ангелы». В росписи большое место отведено сюжетам протоевангельского цикла. В конхе апсиды — образ Богоматери Влахернитиссы, сопровождаемый надписью: «Радуйся, Свет непостижимо родившая» (Акафист Пресв. Богородице. Икос 2).

При имп. Мануиле I Комнине, ок. 1169 г., была украшена мозаиками базилика Рождества Христова в Вифлееме (построена в 326 св. равноапостольными Константином и Еленой; ок. 530 перестроена имп. Юстинианом; см. ст. *Вифлеем*). Сохранились фрагменты изображений Вселенских и Поместных Соборов, праздничного цикла (Преображение, Вход в Иерусалим, Вознесение и др.).

В самом К-поле от произведений монументальной живописи этой эпо-

Христос Пантократор. Мозаика собора в Чефалу. Сер. XII в.

хи в соборе Св. Софии сохранился парный портрет имп. Иоанна II Комнина и имп. Ирины, предстоящих Богоматери с Младенцем (1118), расположенный в юж. галерее рядом с портретом имп. Константина IX Мономаха и имп. Зои (1042). В общих чертах здесь повторяется та же иконографическая схема: император изображен с мешочком золота, а императрица — со свитком в руках, в парадных облачениях и царских венцах. На примыкающем выступе стены в 1122 г. был помещен портрет царевича Алексея Комнина, старшего сына императора. Комнины изображены подчеркнуто фронтально, пропорции фигур изящны, ярко выражено портретное сходство. Имп. Ирина, венгерка по происхождению,— худощавая блондинка с очень светлым неподвижным лицом, голубыми глазами и косами, лежащими по плечам. Лицо Алексея, задумчивое и строгое, несет печать семейного сходства. Лики набраны очень мелкой смальтой, трактованы плоскостно, золотые расшитые одежды превращают фигуры в силуэты. Изображение Богоматери выполнено в иной манере, с глубокой теневой проработкой и насыщенным цветом.

Распространение визант. искусства комниновского времени как бы раздвинуло границы империи вопреки территориальным потерям. Эту своеобразную ситуацию демонстрирует искусство норманнской *Сицилии* сер. XII в. Король Сицилии Рожер II пригласил в 1148 г. к-польских художников для украшения собора в Чефалу. Визант. мастера уже работали при дворе этого правителя. В 1143 г. ими была расписана Палатинская капелла в *Палермо* (построенная в 1132–1140). Она была посвящена ап. Петру, изображение к-рого первоначально украшало конху центральной апсиды. В 60-х гг. XII в. при кор. Вильгельме I капелла была перестроена, заменена мозаика конхи апсиды и выполнена роспись нефов. К 1-му этапу относятся мозаики алтаря и купола трансепта с изображением Христа Пантократора в

медальоне, окруженного архангелами, пророками в барабане и евангелистами в тромпах. В 1146–1151 гг. греч. мастера украсили мозаиками ц. *Марторана* (Санта-Мария дель Аммиральо), построенную адмиралом Антиохии Георгием, где в подражание визант. василевсам кор. Рожер II изображен коронуемым Христом. Программа росписи ц. Марторана, так же как и купольной части Палатинской капеллы, является вариантом визант. декорации купольного здания. В соборе в Чефалу визант. мастерами была разработана новая живописная система. Сочетание базиликальной формы здания с визант. программой росписи крестово-купольного храма придало своеобразие сицилийским мозаикам. Созданный в Чефалу тип декорации с изображением Христа Пантократора в конхе апсиды затем повторился в Палатинской капелле в Палермо (1154–1166) и в соборе в Монреале (80-е гг. XII в.). Текст на страницах раскрытого Евангелия написан на греч. и лат. языках. В верхний ярус апсиды переместилось изображение Богоматери, по сторонам Которой архангелы и апостолы (Чефалу), а также святители (Палатинская капелла, собор в Монреале). Евангельские сюжеты сосредоточены в трансепте, на стенах центрального нефа — сцены ветхозаветного цикла. Помимо греч. и западноевроп. мотивов в убранстве интерьера сицилийских храмов большую роль играют араб. декоративные элементы: стены покрыты орнаментами, использованы раскрашенная деревянная резьба, инкрустация по мрамору и позолоченные детали. Благодаря многолетним работам над огромными мозаичными ансамблями в Сицилии сформировалась собственная школа, ее произведения сохранились также в Италии (напр., мозаики мон-ря Гроттаферрата, кон. XII в.). Др. итал. центром византинизирующей живописи была *Венеция*. Тесные контакты с К-полем и большая греч. диаспора способствовали развитию на визант. базе местной школы. Об этом свидетельствуют мозаики XII в. соборов в *Торчелло, Мурано* и *Сан-Марко* в Венеции. Связи с Византией поддерживали мн. монри Италии, в к-рых сохранились росписи, выполненные греч. художниками и сопровождающиеся греч. надписями, напр. фрески кон. XII в. в атриуме ц. *Сант-Анджело ин Формис* в Капуе (основной объем храма расписан в 70–80-х гг. XI в.).

Наиболее близкими столичному искусству В. и. являются памятники Македонии. Охридская архиепископия, находящаяся в прямой связи с К-полем, где назначались епископы, как правило принадлежащие высшим к-польским кругам, была главным источником развития науки и искусства. Высшее духовенство выступало в качестве основного заказчика строительства и украшения церквей. От фресок кон. XI — 1-й пол. XII в. сохранились лишь росписи мон-ря в *Велюсе* (1080), придела на хорах Софийского собора в Охриде и фрагменты в ц. св. Леонтия в *Водоче*. Наиболее значительными в художественном отношении и интересными по программе являются фрески монастырской ц. Богоматери Елеусы в Велюсе (после 1080). Церковь расписана по заказу еп. Мануила, к-рый до поставления на кафедру в Струмицу был монахом одного из мон-рей Халкидона. Мон-рь в Велюсе не только был основан греком, богато его украсившим и сделавшим значительные вклады, но и продолжал поддерживать тесные контакты с К-полем; в 1085 и 1106 гг. он дважды получал хрисовулы имп. Алексея I Комнина. В алтарной росписи Велюсы сохранилась уникальная композиция «Поклонение жертве» в виде поклоняющихся Этимасии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста — самый ранний пример сложения новой литургической композиции «Служба святых отцов».

С сер. XII в. в качестве ктиторов храмового строительства в Македонии все чаще выступали представители знатных к-польских фамилий. В 1164 г. по заказу Алексея Комнина Ангела, сына Феодоры (дочери Алексея I Комнина) и Константина Ангела, была построена и украшена фресками ц. вмч. Пантелеимона в *Нерези* (близ Скопье). Об этом сообщает ктиторская надпись на греческом, расположенная над входом из нартекса в храм. Церковь в Нерези — большой 5-главый храм, архитектура и живописное убранство к-рого свидетельствуют о работе лучших столичных мастеров. Сохранившаяся роспись позволяет представить программу храмовой декорации. Фрески малых куполов (центральный обрушился в XVI в.), в к-рых представлены 4 иконографических варианта изображения Христа, в т. ч. образ Христа иерея, являются самым ранним примером декорации классического 5-купольного храма. Фрески расположены 3 регистрами, отделенными друг от друга красными полосами, 2 верхних яруса занимают сюжетные композиции, разделенные фризом медальонов с полуфигурами святых, в нижнем — изображены святые в рост. На вост. столпах — фресковые иконы: на сев. стороне Богоматерь с Младенцем, на юж.— вмч. Пантелеимон. Образ вмч. Пантелеимона в резном по штукатурке обрамлении-киоте — один из самых возвышенных в искусстве XII в. Лик святого идеально прекрасен, его выражение сдержанно. В алтаре находятся композиции «Евхаристия» и «Служба святых отцов» («Поклонение Этимасии»). Все святители изображены в $^{3}/_{4}$-ном повороте к центру, с развернутыми свитками евхаристических молитв. В конхах жертвенника и диаконника — полуфигуры Богоматери Оранты и св. Иоанна Предтечи. На стенах, занимая по ширине весь пролет, расположены сцены евангельского и протоевангельского циклов, в нартексе — житийный цикл вмч. Пантелеимона. Самая известная композиция росписи — «Оплакивание». Иконографически она близка фреске ц. Св. Троицы мон-ря Хризостома, но по композиционному совершенству, гармонии цвета и формы, виртуозному рисунку и глубине переданного чув-

Оплакивание Христа. Роспись ц. вмч. Пантелеимона в Нерези. 1164 г.

ства этой сцене нет равных. Изображая святых, преподобных, художник умело варьирует одежды, позы, жесты, положения развернутых свитков, но его внимание сосредоточено на ликах, каждый из к-рых обладает индивидуальной характеристикой. В Нерези в полной мере проявилось новое качество комниновской живописи — основным художественным средством стала линия. С помощью ее живописных средств моделируют личное письмо, создавая своеобразную, вибрирующую поверхность, изображают лежащие каскадами складки одежды; яркие пробела и широко использующийся красный цвет придают краскам светоносность. Для стиля Нерези характерен контраст суровой духовной сосредоточенности образов и артистической виртуозности живописного исполнения.

Преобладание линейной экспрессивной манеры получило широкое распространение в комниновской живописи и связано с усилением аскетического начала в ее образном строе. Уже в памятниках начала века произошло изменение типа ликов наиболее характерное для изображений св. отшельников, занявших постоянное место в системе храмовой росписи. На смену округлым правильным формам приходят заостренные лица с крупными носами, впалыми щеками, изборожденные глубокими складками, в т. ч. у жен. изображений и ангелов. Драпировки скрывают реальные объемы узких и длинных, сильно вытянутых фигур. Обнаженное тело, напротив, пишется подчеркнуто рельефно, но при этом анатомический рисунок приобретает почти орнаментальный характер. Такой способ изображения, особенно выразительный в письме ликов, В. Н. *Лазарев* определил термином «линейная стилизация». Архитектурный стаффаж подобен цветным ширмам, элементы пейзажа имеют декоративный характер, напр. лежащие мелкими «фестончатыми» складками вершины горок. Движение передается резкими, динамичными позами, постоянно используется положение в профиль. В изображение видимого мира художниками настойчиво вносятся элементы условности. Эти черты можно отметить в росписях Спасского собора *псковского Мирожского мон-ря* (сер. XII в.), ц. вмч. Георгия в Ст. Ладоге (посл. четв. XII в.; см. ст. *Ладога Старая*), ц. Благовещения в *Аркажах* (1189), ц. Спаса на Нередице (1199; см. ст. *Нередицкий в честь Преображения Господня мон-рь*). Одновременно продолжают создаваться памятники, ориентированные на классические столичные образцы (фрески церкви-гробницы (костницы) Бачковского *(Петрицонского)* мон-ря (2-я пол. XII в.— датировка Э. Бакаловой; кон. XI — нач. XII в.— датировка Д. Мурики), *Димитриевского собора во Владимире* (80-е гг. XII в.)), а также росписи, в к-рых органично сочетаются динамичный линейный стиль и классическое понимание формы (фрески Энклистры св. Неофита в Пафосе (1185), церквей Христа Антифонита близ Калогреи (кон. XII в.) и Панагии *Аракос* (Богоматери Аракиотиссы) в Лагудере на Кипре (1192)).

Стиль графически изощренной живописи завершающего этапа комниновского искусства получил наименование «позднекомниновского маньеризма». Его примером являются фрески церквей вмч. Георгия в *Курбинове* (1191), св. Врачей (кон. XII в.) и св. Николая Касницисса в Кастории (1180), мон-ря св. Иоанна Богослова на Патмосе (кон. XII в.). Благодаря надписи, оставленной художниками на престоле в алтаре, известна точная дата росписи в Курбинове, начатой в апр. 1191 г. Фрески сохранились во всем объеме церкви, они расположены 3 регистрами: в верхнем представлены ростовые изображения пророков (верхняя часть фигур утрачена); в среднем — композиции евангельского цикла, к-рые, начинаясь на вост. стене «Благовещением», обходят по периметру юж. и сев. стены и завершаются в верхней части фронтона вост. стены «Вознесением»; в нижнем регистре — ряд ростовых фигур святых. В конхе апсиды во всю высоту ниши изображены Богоматерь с Младенцем на престоле с поклоняющимися архангелами, фигуры к-рых по масштабу в 2 раза меньше изображения Богоматери. На стене апсиды — композиция «Служба святых отцов» («Поклонение жертве»). Святители показаны в $^{3}/_{4}$-ном повороте к центру, с развернутыми литургическими свитками в руках. В центре святительского ряда впервые появляется изображение умершего Христа, лежащего на плащанице — образ, свидетельствующий о реальности приносимой в алтаре евхаристической Жертвы, к-рый получил распространение в росписях 2-й пол. XII в. На юж. и сев. стенах, на уровне алтарной преграды, отделяя пространство наоса от алтаря, в живописных орнаментированных трехлопастных киотах написаны фигуры Христа и вмч. Георгия. Масштаб этих изображений значительно больше остальных ростовых фигур и занимает по высоте 2 яруса росписи. На зап. стене, над входом, помещена композиция «Успение Богородицы», над ней — образ Христа Ветхого денми. Упрощенные формы архитектуры оказали определенное влияние на своеобразие программы росписи. Кроме алтарной апсиды и 2 небольших ниш на вост. стене с полуфигурами диаконов, в церкви нет архитектурно выделенного алтарного пространства, поэтому сцены евангельского цикла, написанные на вост. частях юж. и сев. стен, отделенных алтарной преградой, включены в алтарную зону. В алтаре помимо композиций «Благовещения» и «Вознесения», написанных на вост. стене, изображены «Встреча Марии и Елисаветы» (на юж.) и «Сошествие во ад» (на сев.), под каждой из них — фронтальные фигуры 3 святителей. Т. о., алтарная программа, включающая начальные и завершающие эпизоды евангельской истории, на первый взгляд механически отделенные от последовательного исторического цикла, приобретает самостоятельное звучание. Сцены, оказавшиеся в пространстве алтаря, объединены одной темой — значения спасительного Воплощения Христа. Взаимное расположение и иконографические особенности сюжетов позволяют

Служба святых отцов (Поклонение Жертве). Роспись ц. вмч. Георгия в Курбинове. 1191 г. Фрагмент

предельно просто и наглядно раскрыть смысл пришествия Бога на землю, а также представить миссию Христа в ее евхаристическом и эсхатологическом значениях. В сцене «Вознесения», завершающей программу росписи, есть уникальная деталь, неоднократно привлекавшая внимание исследователей,— мандорла возносящегося Христа заполнена клубящимися облаками в виде рыб, животных, стилизованных голов людей. Одна из интерпретаций этого образа (В. Джурич) основана на толковании текста Деяний святых апостолов (Деян 1. 10), в соответствии с к-рым Вознесение является прообразом Второго пришествия. Параллель со Вторым пришествием и Страшным Судом подчеркнута изображением на зап. стене, напротив «Вознесения», «Христа Ветхого денми». Художники, расписывавшие ц. вмч. Георгия в Курбинове, достигли предельно возможной стилизации в изображении формы и передаче движения: позы персонажей становятся вычурными, жесты манерными.

Нерукотворный образ Спасителя («Спас на чрепии»). Роспись ц. Панагии Аракос в Лагудере, Кипр. 1192 г.

Ведущими мастерами, работавшими в Курбинове, по-видимому неск. раньше, были выполнены фрески ц. св. Врачей (Космы и Дамиана) в Кастории, где иконография ряда композиций (образы святых Георгия и Димитрия, архангелов в апсиде и святителей) имеет сходство с изображениями в вост. части ц. вмч. Георгия. Так же как в Курбинове, здесь соседствуют разномасштабные изображения, пропорции фигур сильно вытянуты, поверхности предметов и одежды покрыты разнообразными орнаментами.

Отсутствие памятников столичной монументальной живописи (за исключением неск. фрагментов росписей) делает довольно условным понятие «столичная живопись». Тем не менее это определение широко употребляется для характеристики произведений, созданных далеко за пределами столицы. К самым «столичным» памятникам провинции относятся фрески ц. Панагии Аракос в Лагудере, на Кипре. Как следует из надписи, помещенной на сев. стене под изображением Нерукотворного образа Спасителя («Спас на чрепии»), заказчиком росписи, выполненной в 1192 г., был некий кир Лев. Очевидно, здесь работали к-польские мастера. Программа росписи сочетает классическую ясность с характерным для позднекомниновского искусства особым подбором сюжетов, элементы линейного динамичного стиля и реальность движения и объемов фигур, декоративное украшение и объемно-пластическую моделировку ликов. В куполе изображен Христос Пантократор в медальоне, вокруг Него также в медальонах — ангелы, предстоящие Этимасии. В простенках барабана — пророки. Учитывая архитектурные особенности храма (однонефного купольного здания), художник расположил в вост. парусах арх. Гавриила и Богоматерь (Благовещение), а в зап.— попарно евангелистов. На арках изображены мученики в медальонах, на предалтарных пилястрах — Богоматерь Епископсис (Молебница) и Христос Антифонит, в конхе алтаря — Богоматерь с Младенцем на престоле с архангелами Гавриилом и Михаилом, в апсиде — фриз медальонов с полуфигурами кипрских святителей, ниже — композиция «Служба святых отцов», в алтарном своде — «Вознесение». Расположение композиций и фигур выявляет и подчеркивает архитектурные формы храма. В основных чертах программа соответствует средневизант. классической схеме, но насыщена целым рядом новых тем. Выбор и распределение сюжетных композиций, не связанных последовательностью повествования, подчинены задаче прославления Богоматери. В соответствии с этим на сев. стене подкупольного пространства написано «Введение во храм», а на юж.— «Успение Богородицы». Особенностью последней композиции является нетрадиц. для нее изображение ап. Петра с крестом на длинном древке, а не с кадилом, к-рое вместо него держит один из святителей. В росписи появляется новая тема, к-рая получит широкое распространение в палеологовском искусстве,— изображения гимнографов прп. Иоанна Дамаскина, свт. Космы Маюмского, прп. Иосифа Песнописца и Феофана, авторов канонов, воспевающих Богородицу; они изображены в медальонах на триумфальной арке по сторонам Нерукотворного образа Спасителя (Мандилиона) и на примыкающих участках стен. В кольце под барабаном — Спас Эммануил в медальоне между образами архангела и Богоматери из «Благовещения» как иллюстрация слов прор. Исаии: «Се Дева приимет во чреве» (Ис 7. 14), на вост. оси от образа Пантократора в куполе выстраивается ряд изображений Христа: Этимасия (образ Второго пришествия), Эммануил, Спас Нерукотворный, Младенец (на руках у Богородицы). Композиции из цикла земной жизни Христа располагаются в зап. рукаве — на своде «Рождество Христово» и «Сошествие во ад», на сев. стене — «Крещение». Отсутствие повествовательной линии подчиняет всю программу храмовой декорации созерцательному началу. Этому способствует и характер изображения в рост святых в нижнем ярусе росписи, к-рые предстают в виде отдельных моленных образов, а не выстраиваются типичным для позднекомниновской живописи фризом. Фигур не много, их выбор и расположение подчиняются строгой системе. Центральным является образ Богоматери Аракиотиссы, написанный на юж. стене. Образы церкви в Лагудере, в к-рых оживают идеалы искусства начала столетия, найдут отклик в серб. живописи, в росписях нач. XIII в. ц. Богоматери в мон-ре в *Студенице* (1208–1209).

Комниновская эпоха явилась временем расцвета иконописания. Из-за изменений в первоначальном убранстве храмов трудно судить о том, как располагались иконы в пространстве церкви. Но по типу дошедших до наст. времени икон, описаниям в текстах, изображениям на миниатюрах и фресках, а также по каменным алтарным преградам можно представить, какое место занимали они в богослужении и личном обиходе.

В коллекции икон мон-рей вмц. Екатерины на Синае, Ватопеда на Афоне, а также в музейных собраниях имеется довольно большое количество икон, в основном XII в., представляющих собой ряд изображений, написанных на длинной доске, т. н. эпистилиев темплонов, к-рые устанавливались на архитраве алтарной преграды. Чаще всего на эпистилиях в соответствии с последовательностью евангельского повествования изображались 12 праздников (от Благовещения до Успения Богородицы) с Деисусом в среднике. Из сохранившихся икон таких большинство (неск. икон XII в. в мон-ре вмц. Екатерины на Синае). Если размеры храма позволяли, число праздников могло быть увеличено за счет сцен «Рождества» и «Введения Богородицы во храм» и более подробного изображения страстных сюжетов (напр., эпистилий из мон-ря Ватопед, XII в.). Известны эпистилии, состоящие только из образов избранных святых (фрагменты XII в., ГЭ). Вариантом визант. эпистилия могли являться иконы «Спас Эммануил с архангелами» (кон. XII в., ГТГ) и «Деисус: Спас, Богоматерь, Иоанн Предтеча» (1-я треть XIII в., ГТГ), происхождение к-рых связывают с Владимиро-Суздальской Русью. Изображения помещаются под аркадой, выделенной на золотом фоне с помощью специальной шлифовки, графическим рисунком или рельефно. 12 праздников — одна из популярных тем в иконах комниновского времени. Тот же набор праздников помещался на складнях или на отдельных иконах («Тетрактих»; «Двенадцать апостолов, Деисус и двенадцать праздников» — обе XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае). Может быть воспроизведен полный евангельский цикл, как, напр., на иконе XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае), где в верхнем регистре изображены 5 чтимых к-польских икон Богородицы, а в клеймах — иллюстрации евангельских чудес и событий. Иконография сцен, легкие фигуры персонажей, тонкое письмо плавями ликов, живописная моделировка одежд близки книжным миниатюрам кон. XI–XII в. Изображения на иконах иногда по размеру

Чудо арх. Михаила в Хонех. Икона. Кон. XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

меньше, чем в миниатюрах рукописей, напр. на иконах-минеях из мон-ря вмц. Екатерины на Синае. На досках сравнительно небольшого размера (55×45 см) в 9 рядов расположены клейма с изображениями святых и событий на каждый день месяца. Мастерство художников, сокративших композиции

Вход Господень в Иерусалим. Распятие. Воскресение Христово. Эпистилий. XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае). Фрагмент

многофигурных сцен до неск. важнейших элементов и оставивших большое пространство фона, позволило создать удивительно гармоничное целое, сохранив самостоятельное значение каждого отдельного эпизода. В иконах, книжной миниатюре, прикладном искусстве можно отметить сближение композиционных и живописных приемов, единство иконографии и образного строя. В это время получили распространение мозаичные иконы, живописная поверхность к-рых подобна сиянию драгоценных камней.

Наряду с использованием «типовых» иконографических схем в иконах встречаются редкие варианты сюжетов, опирающиеся на апокрифические тексты. На иконе «Рождество Христово» (нач. XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае) в миниатюрных сценках, расположенных на фоне плавно очерченных отрогов горок, подробно воспроизведено место из Протоевангелия Иакова, где говорится о Рождестве Спасителя с такими эпизодами, как «Елисавета, укрывающаяся с младенцем Иоанном в горе». Иногда программа иконы предстает не менее сложным организованным смысловым пространством, чем храмовая роспись, в образах раскрывающая догмат о Воплощении (напр., *«Благовещение Устюжское»*, нач. XII в., ГТГ). На Киккской иконе Богоматери (нач. XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае) вокруг средника с изображением Богоматери с Младенцем на престоле, на боковых полях, представлены попарно пророки с развернутыми свитками и символами их пророчеств о Богоматери; под средником, в центре,— прав. Иосиф Обручник со свитком, по сторонам от него — в молении родители Богородицы праведные Иоаким и Анна и родители св. Иоанна Предтечи праведные Захария и Елисавета; над средником — сидящий на радуге Спаситель во славе с символами евангелистов, серафимы и херувимы. Сюжетом иконы могли стать рассказ из аскетической лит-ры, напр. «Лествица прп. Иоанна Лествичника» (XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае), один из праздников годового круга — «Чудо в Хонех» (кон. XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае) или образ моления святого перед Христом или Богоматерью, к-рые изображены как икона в иконе — «Прп. Евфимий Великий в молении Богоматери» (XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае).

Именно в иконописи наиболее полно воплотились идеалы комниновского искусства. Сочетание телесной красоты, гармонии линий и красок и глубокой одухотворенности дало непревзойденные образцы созерцательного христ. моленного образа. Художественным шедевром и образом духовного совершенства является созданная в К-поле и привезенная в Киев при вел. кн. Юрии Долгоруком *Владимирская икона Божией Матери* (нач.— 1-я треть XII в., ГТГ). Образ Богоматери относится к типу Гликофилусы (Сладкое лобзание), получившему на Руси наименование «Умиление».

Благовещение. Икона. Кон. XII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

После многократных поновлений от первоначальной живописи сохранились лики Богородицы и Младенца. Благородный, прекрасный лик Богоматери, в к-ром сочетаются кротость и величие, достоинство и безмерная печаль, контрастирует с открытым, исполненным силы выражением лика Младенца. Лик Богоматери написан сплавленными прозрачными слоями теплой, медового оттенка краски с глубокими зелеными тенями по контурам, что создает мягкое внутреннее свечение. Тонкие черты, удлиненный нос, идеальный рисунок глаз и бровей, небольшие уста — все соразмерно, лишено преувеличений или стилизации. В лике Младенца вместо письма плавями применена лепка объемов в эллинистических традициях живописи, карнация более светлая, подрумянки яркие. Иконописец с помощью этих различных приемов представил небесное, неземное совершенство Девы и полноту жизненной реальности в изображении Богомладенца.

В иконописи кон. XII в. также можно отметить процесс усиления графического начала, хотя иконы, как более консервативный вид искусства, не дают тех примеров утрированной линейной стилизации, к-рые характерны для монументальной живописи. На иконе «Свт. Григорий Чудотворец» (2-я пол. XII в., ГЭ) тонкий контурный рисунок приобретает каллиграфический характер. На двусторонней иконе «Богоматерь Одигитрия» (на обороте — «Христос во гробе», кон. XII в., Археологическая коллекция, Кастория) излом бровей Богородицы придает напряженность образу. Наиболее последовательно формы позднекомниновского маньеризма воплотились в иконе «Благовещение» (кон. XII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае).

Поздневизантийский период (XIII — сер. XV в.). I. 1204–1261 гг.

Захват и разграбление К-поля крестоносцами в 1204 г. привели к разрушению централизованной системы культуры правосл. мира, сложившейся в послеиконоборческий период. С разорением К-поля, художественные импульсы к-рого питали искусство провинций и стран, находившихся в сфере церковного влияния В. и., усилилась активность местных школ Сербии, Болгарии, Грузии и Руси. XIII век стал временем сложения самостоятельных национальных форм правосл. искусства, чему в значительной мере способствовали греч. художники, эмигрировавшие с захваченных крестоносцами территорий. Сильное влияние визант. искусство оказало и на культуру лат. Запада, куда было вывезено из К-поля много произведений изобразительного искусства.

В результате 4-го крестового похода В. и. распалась на неск. гос-в. На севере Греции образовалось Эпирское царство, в М. Азии — Никейская империя, где правящая династия Ласкарей продолжила придворные к-польские традиции покровительства наукам и искусству. В 1204 г. в Трапезунд вернулись воспитывавшиеся при дворе груз. царицы Тамары Алексей и Давид Комнины, и на юго-востоке, на побережье Чёрного м., образовалась Трапезундская империя Великих Комнинов.

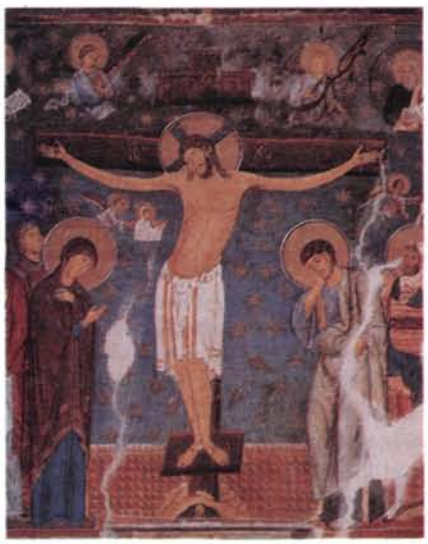
О художественной жизни периода лат. владычества можно судить по иконам 1-й четв. XIII в. из мон-ря вмц. Екатерины на Синае, фрескам Крита, принадлежавшего после захвата К-поля Венеции, чья колониальная политика позволяла греч. населению строить и украшать правосл. храмы. Вероятно, в столичных мон-рях тоже оставались художники. Свт. Саввой, по свидетельству его жития, из К-поля в 1219 г. были привезены мастера для украшения ц. Спасителя мон-ря *Жича* — резиденции серб. архиепископов. Большая часть произведений нач. XIII в. свидетельствует о программном обращении изобразительного искусства этого времени к идеалам раннекомниновской эпохи. В редких случаях можно отметить следование аскетическим монастырским традициям линейного стиля кон. XII в. (напр., икона «Свт. Николай с житием», нач. XIII в., мон-рь вмц. Екатерины на Синае; фрески нач. XIII в. мон-ря близ дер. Мириокефала на Крите). Наряду с комниновским традиционализмом в памятниках 1-й четв. XIII в. появилось новое явление — возрождение интереса к эллинистическим объемно-пластическим формам, импрессионистическому колориту, пространственному построению композиций.

В 1-й пол. XIII в. в Никее велось строительство дворцов и мон-рей. В 20-х гг. XIII в. имп. Иоанн III Дука Ватац построил новую резиденцию — Нимфей близ Смирны, недалеко от к-рой в Сосандре был основан мон-рь Спасителя, где в 1254 г. император был похоронен. Эти сооружения, к-рые должны были иметь росписи, не сохранились. Наиболее значительные, сохранившиеся до наст. времени памятники монументальной живописи Эпирского царства (мозаики ц. Богородицы Паригоритиссы в *Арте*, 1295; ц. Богородицы Порта близ Трикалы, ок. 1285) были созданы в период, когда К-поль вновь стал столицей В. и. Росписи Трапезунда также относятся к палеологовской эпохе (ц. Св. Софии, 60-е гг. XIII в.). Памятники Греции 1-й пол. XIII в., такие как церкви Крита (вмч. Пантелеимона в Визариано, нач. XIII в.; вмч. Георгия в Фоделе, нач. XIII в.; Анны в Амари, 1225; Богородицы Кера в Крице, сер. XIII в., где среди святых изображен Франциск Ассизский); ц. вмч. Георгия в Оропосе (Беотия; разрушена землетрясением, сохр. фрагмент с изображением диакона (Византийский музей, Афины)), 1-я пол. XIII в.; ц. Богородицы Ахиропиитос в Фессалонике, 1230 г.; ц. Св. Троицы в Кранидионе, в Арголиде, 1245 г.; ц. Богородицы Мавриотиссы в Кастории, кон. XII в., и др., представляют собой разного уровня произведения провинциального искусства, варьирующие образцы комниновского стиля.

О монументальной столичной живописи 1-й пол. XIII в. можно соста-

вить представление по фрескам Сербии, где на протяжении полувека по заказам архиеп. Саввы и серб. владетелей работали лучшие художники. К периоду архиепископства свт. Саввы относятся близкие друг другу по программе и стилистике фрески мон-рей Студеница, Жича и *Милешево*. Неизвестно, откуда именно происходили художники, создавшие эти росписи. Свт. Савва не раз посещал К-поль, был при дворе в Никее, где добился автокефалии Сербской Церкви, минуя Охридскую архиепископию, а также поддерживал контакты с Фессалоникой, где он заказал местным художникам иконы для вклада в мон-рь Филокал. Однако из какого бы центра ни были мастера, работавшие при свт. Савве, они представляли высокое искусство В. и. того периода.

В 1208–1209 гг. свт. Савва (вместе с братом Стефаном) украсил церковь в мон-ре Студеница, куда торжественно перенес из Хиландарского мон-ря на Афоне мощи своего отца прп. Симеона Немани. Церковь освящена в честь Богородицы Евергетиды, как и к-польский мон-рь, в к-ром свт. Савва не раз бывал до захвата К-поля и продолжал поддерживать с ним тесные связи после 1204 г. Художник, расписывавший

Распятие Христово. Роспись ц. Богородицы Евергетиды мон-ря Студеница. 1208–1209 гг.

ц. Богородицы, оставил в кольце под куполом греч. надпись, остальные сделаны на слав. языке. Фрески имитируют мозаичную роспись. В алтаре и подкупольном пространстве изображения выполнены на золотом фоне, расчерченном квадратиками, наподобие кубиков смальты, в зап. частях — на синем фоне, с обильным использованием золота в деталях (нимбы, звезды на фоне Распятия, украшения одежд), золотом же выполнены надписи. В алтаре — Богоматерь «Знамение», в центре Евхаристии — священнодействующий за престолом Христос, благословляющий обеими руками, ниже — композиция «Служба святых отцов» (на синем фоне). В подкупольном пространстве расположены сцены евангельского цикла, композиции «Успение» (на сев. стене), «Распятие» (на зап. стене), на пилястрах — фигуры святых; выделяются образы Богоматери Студеницкой и св. Иоанна Предтечи. Вытянутые пропорции больших по размеру фигур, тонкий рисунок округлых, отличающихся особой красотой ликов, написанных плавями, изящество движений, свободное построение композиций сближают роспись в мон-ре Студеница с тем направлением столичного искусства, к-рое представлено фресками ц. Богоматери Аракиотиссы.

В 1220 г. греч. художники, работавшие по заказу свт. Саввы, расписали ц. Спасителя мон-ря Жича (основной объем фресок относится к XIV в.), от этого периода остались сцены «Распятие» и «Снятие с креста» и 2 фигуры апостолов в певницах (боковых экседрах по сторонам подкупольного пространства). Классически уравновешенные композиции, сдержанность и величие образов сближают жичские росписи с фресками мон-ря Студеница.

До 1228 г. по заказу королевича Владислава греч. мастерами были выполнены росписи ц. Вознесения мон-ря Милешева с их античной трактовкой образов, вдохновлявших художников македонского возрождения. Фрески, как и в Студенице, имитируют мозаику, причем художники не только расчертили кубиками золото фона, но и использовали приемы, характерные для мозаики в моделировке одежд, передаче светоносности карнации ликов. В наосе помимо евангельских сцен, «Успения» на зап. стене (сохр. фрагментарно), фигур апостолов, воинов, мучеников находится ктиторская композиция: Богородица подводит к Христу, сидящему на престоле, королевича Владислава с моделью храма в руке. Лики Христа и Богоматери написаны светлой охрой с глубокими зелеными тенями с одной стороны и коричневато-красными с другой, что придает объемам скульптурную осязательность. Лик Владислава отличается более светлым тоном и розоватым цветом карнации. Характерная для росписи ц. Вознесения мажорная интонация ярко проявилась в образе ангела, сидящего на большом мраморном кубе. В композиции «Жены-мироносицы у гроба Господня» его монументальная фигура в белых одеждах занимает центральное место. Широкие мягкие складки одежд подчеркивают скрытые под ними формы. Поза, характер движения, выражение лика с ярким румянцем на щеках напоминают античные образы; с живой непосредственностью переданы фигурки жен-мироносиц, будто отпрянувших от этого величественного виде-

Жены-мироносицы у Гроба Господня. Роспись ц. Вознесения мон-ря Милешево. До 1228 г.

ния. В нартексе на сев. стене представлен групповой портрет семьи Неманичей: прп. Симеон Неманя в монашеских одеждах, свт. Савва, прп. Стефан Первовенчанный, Радослав и Владислав. Династические портреты станут традиц. мотивом росписи серб. церквей. В росписях церквей Богородицы Левишки в Призрене (1310–1313), свт. Николая мон-ря Студеница (30-е гг. XIII в.) появились новые для визант. искусства черты: задушевность образов, лирическое чувство, привносящие в изображение личностное начало.

К этому же ряду памятников относятся росписи церквей Успения Богородицы в мон-ре *Морача* (1251–1252) и св. Апостолов в *Печской Патриархии* (1260). В Мораче от первоначальной декорации сохранились наружная фреска с изображением Богоматери с Младенцем

и ангелами и житийный цикл прор. Илии в диаконнике. Помимо объемной трактовки фигур (в изображении преобладают плавные, округлые линии) художник усилил ощущение глубины пространства, дав в перспективном сокращении элементы архитектуры. Ц. св. Апостолов была построена свт. Саввой в 30-х гг. XIII в. по примеру знаменитого к-польского храма как усыпальница серб. архиепископов. Роспись, программа к-рой была задумана свт. Саввой, была закончена при его преемнике архиеп. Арсении ок. 1260 г., к-рый внес дополнения в первоначальный план, дважды поместив изображение свт. Саввы: в ряду святителей в алтарной композиции «Служба святых отцов» и в жертвеннике, совершающим проскомидию вместе с архиеп. Арсением. В конхе апсиды представлено монументальное изображение Деисуса, в куполе — «Вознесение». Подбор сюжетов, посвященных земной жизни Христа, связан с желанием свт. Саввы повторить программу росписи Сионской ц. в Иерусалиме. В жертвеннике размещены композиции из ВЗ, связанные с пророками Даниилом и Давидом, раскрывающие смысл новозаветной жертвы (Христос Ветхий денми, Видение Небесного Иерусалима, Даниил во рву львином, Три отрока в пещи огненной, Явление ангела царю Давиду и Покаяние Давида). В росписях ц. св. Апостолов подчеркнута скульптурная пластика объемов, статуарное величие поз и пространственность в построении композиций.

В XIII в. продолжалась работа венецианских греч. мастерских по украшению собора Сан-Марко, мозаичные росписи к-рого были начаты в XII в. 5-купольная базилика, возведенная по образцу ц. св. Апостолов в К-поле, расписывалась с перерывами в течение 3 веков визант. и местными мастерами. В XIII в. крупные работы предпринимались в неск. этапов: в 1200–1220 гг., после пожара 1231 г. и в 1260–1280 гг. Отчасти росписи следовали визант. программе храмовой декорации, но в то же время отвечали зап. вкусам, отражая темы, связанные с венецианской историей. В XII в. в зап. куполе было изображено «Сошествие Св. Духа на апостолов». В XIII в. в вост. куполе — Спас Эммануил с символами евангелистов, в центральном — «Вознесение», в куполах трансепта — сцены из жития ап. Иоанна Богослова и одиночные фигуры святых; на арках и стенах — евангельские сюжеты и исторические композиции, в т. ч. повторное обретение мощей ап. Марка, находившихся в столпе собора. В малых куполах нартекса представлены подробные иллюстрации к ВЗ — от Сотворения мира до истории прор. Моисея, в основе к-рых лежат миниатюры Коттоновского Генезиса (Lond. Brit. Lib. Cotton. Otho. B. VI, VI в.). Росписи собора демонстрируют сочетание визант. и романских черт в иконографии и в стиле. Так,

Вмц. Екатерина с житием. Икона. 1-я четв. XIII в. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

в простенках центрального купола под «Вознесением» изображены жен. фигуры — аллегории добродетелей и блаженств, не имеющие отношения к визант. иконографии. Стиль мозаик отличается жесткостью и перегруженностью деталями. В юж. куполе нартекса изображены дни творения; композиции, буквально воспроизводящие миниатюры, расположены 3 концентрическими кругами, между к-рыми в виде разделительных полос идут черные строчки текста. Круговое движение и мелкий масштаб множества фигур и элементов пейзажа превращают мозаику в калейдоскоп. Но романские черты не оказали определяющего воздействия на стиль живописи, напротив, в мозаиках малого купола с историей прор. Моисея, выполненных одними из последних (в 1280), преобладают визант. черты раннепалеологовского искусства.

Своеобразие искусства XIII в. ярко проявилось в иконописи. В коллекции мон-ря вмц. Екатерины на Синае сохранилась большая группа икон нач.— 1-й четв. XIII в. Очевидно, в этот период в мон-ре работала иконописная мастерская, в состав к-рой входили к-польские художники. К выдающимся произведениям нач. XIII в., созданным в лучших традициях раннекомниновского искусства, принадлежит «Большой Деисус» — поясной чин, написанный на отдельных досках. Первоначально к нему относили 3 центральных образа — Христа, Богоматери и св. Иоанна Предтечи (т. н. Триморф). Благодаря новым атрибуциям к комплексу добавились еще 4 иконы: архангелов Михаила, Гавриила и апостолов Петра, Павла. Смягченность линий силуэтов, весомость объемов, более определенный характер широких контурных линий, высветления, плавно и вместе с тем рельефно подчеркивающие форму, эмоциональная открытость образов отличают их от раннекомниновских памятников. В иконе «Прор. Илия» изографа Стефана, оставившего свою подпись на нижнем поле, также очевиден диалог с

Младенец Христос. Фрагмент мозаичной иконы «Богородица Одигитрия». 1200 г. (мон-рь вмц. Екатерины на Синае)

ранними образцами, переработанными с т. зр. пластики и движения. Прор. Илия изображен в рост, фронтально, с воздетыми в молении руками, лик его обращен вправо, к слетающему к нему ворону с хлебцем в клюве. Тонко варьируя оттенки 2 цветов — серого и охры, художник создал богатую колористическую гамму. Монументальный образ прор. Илии с обобщенными формами фигуры, тонко написанным ликом и необыкновенно изящными кистями рук напоминает изображе-

ние прп. Петра Монемвасийского на миниатюре из Синайского Евангелистария (Sinait. gr. 204. Fol. 5, кон. X в.), однако отличается от него динамикой позы и выразительностью тяжелых форм.

В XIII в. получил распространение новый тип икон, в среднике к-рых представлено изображение святого, а в клеймах на полях — сцены его жития. Корпус житий прп. Симеона Метафраста уже к кон. X — нач. XI в. нашел отражение в памятниках изобразительного искусства — в миниатюрах рукописей и монументальной живописи. Появление в 1-й четв. XIII в. житийных икон «Вмц. Екатерина», «Свт. Николай», «Св. Иоанн Предтеча», «Вмч. Георгий», «Вмч. Пантелеимон» из мон-ря вмц. Екатерины на Синае свидетельствует о том, что к этому времени полностью сложилась и получила устойчивые формы традиция написания житийных циклов в иконе. Совершенство живописи и отточенность стиля характерны для каждой из этих икон. В образе вмч. Пантелеимона владение техникой письма плавями в лике сочетается с твердостью и точностью рисунка и свободным построением не перегруженных фигурами композиций клейм. В облике святого и в иконографии клейм заметна ориентация на образцы, восходящие к позднему македон. искусству. Житийными циклами дополнялись и образы Богоматери, напр., на боковых створках чудотворной иконы Божией Матери Виматариссы представлены сцены Ее жития (нач. XIII в., в алтаре базилики мон-ря вмц. Екатерины на Синае).

Среди икон 1-й пол. XIII в. значительную часть составляют мозаичные, выполненные в тонкой и сложной технике набора из мельчайших кусочков смальты. Мастерскими по производству таких икон славился К-поль. Вероятно, там же продолжали изготавливать эти образы и после 1204 г. Неск. икон Божией Матери Одигитрии (Национальная галерея, Палермо; мон-рь вмц. Екатерины на Синае; Археологический музей, София), возможно, являются произведениями этих мастерских. Отдельную группу представляют иконы, созданные по заказу крестоносцев в мастерской в Акре (*Weitzmann K.* Crusader Icons on Mount Sinai // Actes du XIIe Congrès intern. d'études byzant. Beograd, 1964. Vol. 3. P. 409–413). В них сочетаются упрощенная визант. и католич. иконографии, реалистические художественные формы причудливо переплетаются с иконописной условностью, стремление к достоверной передаче пространства приводит к механическому соединению плоскостных и трехмерных форм, в образном строе преобладают сентиментальность и чувствительность. Иконы этой группы сохранились в коллекции мон-ря вмц. Екатерины на Синае (напр., «Распятие» с «Сошествием во ад» на обороте, 2-я пол. XIII в.), где находилась построенная крестоносцами капелла св. Екатерины Франкской.

II. Искусство палеологовской династии (1261–1453). В 1261 г. имп. Михаил VIII Палеолог изгнал латинян из К-поля, вновь ставшего столицей В. и. Династия Палеологов, давшая имя посл. периоду истории визант. искусства, правила гос-вом до падения империи в 1453 г. Палеологовское искусство делится на 2 периода: ранний (посл. треть XIII — 1-е 10-летие XIV в.) характеризуется возрождением эллинизма и получил название «палеологовский ренессанс»; поздний (сер. XIV в.) отмечен сложением особого стиля, основанного на аскетических духовных предпосылках и воплотившего в формах изобразительного искусства явление исихазма. Это деление условно, поскольку в целом для визант. искусства посл. трети XIII — 1-й пол. XV в. свойственны классическая форма, глубина пространства, естественность движения, живописное понимание цвета и света и, наконец, глубоко личностное чувство, присущее свящ. образу. Особенностью палеологовского искусства в отличие от предшествовавших периодов является отсутствие противоборствующих тенденций: эллинизирующие и аскетические формы сосуществуют, смешиваясь друг с другом или преобладая в тех или иных памятниках. Эта фаза развития оказалась столь плодотворной, что после падения В. и. на протяжении неск. столетий художественные и иконографические темы палеологовского времени продолжали жить в искусстве стран правосл. мира, прежде всего Руси.

Возвращение имп. двора из Никеи в К-поль означало возрождение культурной и научной жизни столицы. Из Никеи, Фессалоники, Трапезунда в К-поль съезжались представители ученого мира, чьи энциклопедическая образованность и широта интересов простирались от математики до изобразительного искусства. Своеобразным памятником художественного возрождения столицы является мозаика юж. галереи собора Св. Софии, выполненная, вероятно, вскоре после 1261 г.

Деисус. Мозаика собора Св. Софии в Константинополе. Ок. 1261 г.

(XII в.— датировка Лазарева), представляющая Деисус. Образы Спасителя, Богоматери и св. Иоанна Предтечи, живописное совершенство к-рых вызывает ассоциации с произведениями XII в., отличаются новой, глубоко индивидуальной трактовкой. Лик Богоматери, с любовью склонившейся к исполненному царственного величия Спасителю, противопоставлен пламенному и скорбному образу св. Иоанна Предтечи. Такие ярко выраженные характеристики образов в сочетании с тончайшей разработкой цвета и приемами свето-теневой моделировки являются признаками зрелого, сложившегося палеологовского стиля.

Искусство Эпира, Трапезунда, Македонии и Сербии свидетельствует о том, что уже в посл. десятилетия XIII в. палеологовский стиль получил широкое распространение. Ок. 1295 г. были выполнены мозаики ц. Богородицы Паригоритиссы в Арте, столице Эпирского царства. Заказчица росписи Анна, супруга правителя и племянница имп. Михаила VIII Палеолога, пригласила для украшения церкви мастеров, свободно владевших новым стилем. Сохранившиеся мозаики купола ц. Богородицы Паригоритиссы (Христос Пантократор в медальоне, окруженный небесными силами, и пророки в барабане) сочетают традиц. иконографию и новые художественные черты. Большого размера

лик Пантократора, с широкой линией бровей и пышной прической, набран очень мелкой многоцветной смальтой, что позволило достичь иллюзорного живописного эффекта. Пророки, держащие в руках причудливо развернутые свитки, стоят в разнообразных позах, опустив или запрокинув головы. Их лики портретны, движения свободны, повороты фигур (в $^3/_4$) выявляют объемы. Выполненные на десятилетие раньше мозаики ц. Богородицы Порта в Трикале (ок. 1285) вновь следуют эллинизирующей традиции.

Фрески ц. Св. Софии в Трапезунде, созданные после 1260 г. по заказу трапезундского имп. Мануила I Великого Комнина (1238–1263), выполнены по новой иконографической программе росписи, в к-рой особое значение имеет цикл ветхозаветных прообразов Воплощения (в нартексе).

Самым значительным памятником столичного стиля, возродившего эллинистические основы искусства, является ц. Св. Троицы мон-ря *Сопочани* (1263–1268). Большие сюжетные композиции занимают четко выделенные архитектурные зоны. В алтаре изображены «Евхаристия» и «Поклонение жертве», где в числе епископов представлены 3 серб. святителя. В подкупольном пространстве в 2 ярусах расположены сцены из евангельского цикла, в певницах «Сорок мучеников Севастийских» и «Св. Троица»; всю зап. стену занимает огромная композиция «Успение». Важное место в программе росписи отведено образам святых, расположенным на арках, пилястрах и в нижних частях стен. На стенах певниц изображены апостолы в рост, величественные фигуры к-рых напоминают античных философов. На стенах зап. рукава представлены святые воины — юноши, старцы, полные сил зрелые мужи в праздничных одеждах, с мечами и копьями. Образам праотцев, пророков, воинов, мучеников придан эпический характер; они отличаются монументальностью и духовной глубиной. Свободные одеяния голубых, лиловых, серебристо-розовых, бледно-бирюзовых, светло-охристых цветов с широкими золотыми каймами ниспадают тяжелыми складками, выявляя объемы массивных тел. Здания античного типа с портиками и балконами, перспективно сокращающиеся стенами, подчеркивают пространственное построение композиций, написанных в серб. традициях на золотом фоне. Иконографические детали, прежде всего увеличение числа действующих лиц, придают сценам вселенский характер. Напр., в «Распятии» за Богоматерью изображен сонм жен, за мч. Лонгином сотником — толпа солдат, на первом плане, по сторонам Голгофы, гробы со множеством воскресающих людей. В нартексе (1268) представлены следующие сюжеты: на зап. стене — история прав. Иосифа, на сев.— Страшный Суд, под к-рым сцена смерти кор. Анны, на юж.— Древо Иессеево и династический портрет Неманичей, на вост.— Вселенские Соборы и Тайная вечеря; в нижнем регистре на зап. стене изображены святые Иоанн Дамаскин, Косма Маюмский и равноапостольные Константин и Елена. Т. о., программа росписи алтаря, наоса и нартекса ц. Св. Троицы подчинена задаче показать вселенский охват картины мира, в к-ром протяженность и конечность исторического времени существуют параллельно с временем литургии.

Ап. Павел.
Роспись ц. Св. Троицы
мон-ря Сопочани. 1263–1268 гг.

Монументальный стиль мон-ря Сопочани оказал влияние на роспись ц. Благовещения в Градаце (1275), капеллы Драгутина (короля серб.) в Расе (1282–1283) и ц. св. Ахиллия в *Арилье* (1296) — последней крупной постройке XIII в. в Сербии. Росписи ц. св. Ахиллия были выполнены, по-видимому, фессалоникийскими мастерами, к-рые оставили надпись — акростих, являющийся сокращением распространенного в Фессалонике девиза, прославляющего имп. Михаила Палеолога.

С творчеством художников из Фессалоники *Михаила Астрапы* и *Евтихия* связано развитие палеологовского стиля в Македонии в кон. XIII — 1-й четв. XIV в. От палеологовской эпохи сохранилось много имен художников, работавших в разных концах правосл. мира: в *Верии* — Георгий *Каллиергис*, в *Дечанах* — Сергий, на Крите — *Пепагоменос Иоанн Пагомен*, в Грузии — Дамиан (см. ст. *Убиси*) и *Мануил Евгеник*, на Руси — *Феофан Грек*, в ц. *Андрея апостола на Треске* — митр. Иоанн, в *Раванице* — Константин. Известны также имена ктиторов, заказчиков и составителей живописных программ, многие из к-рых, подобно Феодору Метохиту и историку Никифору Григоре, принадлежали к высшему придворному кругу. По заказу вельможи и родственника визант. имп. Андроника II Палеолога Прогона Згура в 1295 г. Михаилом и Евтихием была расписана ц. Богородицы Перивлепты в Охриде. Живописный стиль и программа росписи этого храма являются яркими примерами палеологовского искусства кон. XIII в. Художественное своеобразие фресок определяют мощная, неск. утрированная выразительность крупных фигур с огромными ступнями ног, тяжелыми формами, экспрессивным характером движения и резкий цветовой контраст теплых красных

Свт. Климент Охридский.
Роспись ц. Богородицы Перивлепты
в Охриде. Кон. XIII в.

и холодных голубых тонов в живописи ликов. Но отдельные образы, в т. ч. Христос Пантократор в куполе, росписи алтаря и сводов, св. воины, показывают приверженность художников к классическим принципам красоты и соразмерности. Архитектурный фон и элементы пейзажа подчеркивают глубину пространства. В росписи наоса помимо основных евангельских событий и подробного Страстного цикла представлен Богородичный цикл (юж. стена). Его завершает композиция «Успение» (зап. стена) в расширенном иконографическом изводе со сценами прощания Богоматери с женами иерусалимскими, вознесения Богородицы и передачи пояса ап. Фоме, моления апостолов у пустого гроба. Развитая Богородичная тематика, обусловленная посвящением храма, представлена и в росписи нартекса: над входом в церковь — иллюстрация к рождественской стихире, где изображен огромных размеров образ Богоматери с Младенцем на престоле в центре; на стенах — ветхозаветные прообразы Богоматери в сюжетах «Явление купины прор. Моисею» (Исх 3. 2), «Видение Лествицы Иакову» (Быт 28.12), «Толкование снов царя Навуходоносора прор. Даниилом» (Дан 2. 31–45), «Ложе царя Соломона» (Песн 3. 7), «Пир Премудрости» (Притч 9. 1–11). Выбор библейских сюжетов обусловлен чтениями паремий на Богородичные праздники. На связь этих сюжетов с Богородицей прямо указывают небольшие круглые клейма с образом Девы Марии, помещенные в композициях на всех изображениях, символизирующих чудесное воплощение Спасителя: на купине, горе, храме, ложе. На своде нартекса изображена теофаническая композиция «Ангел Великого совета Иисус Христос с пророками Иезекиилем и Аввакумом», иконография к-рой восходит к миниатюрам гомилий свт. Григория Богослова (Слово на Св. Пасху; напр., в ркп. Sinait. gr. 339. Fol. 9v, 1136–1155 гг.). Мастерами Михаилом и Евтихием были расписаны также церкви Богородицы Левишки, св. Никиты под Скопье (до 1316), вмч. Георгия *в Старо-Нагоричино* (1317–1318), где художники оставили свои подписи, и, по мнению В. Джурича, маленькая ц. святых Иоакима и Анны (Кралева) в мон-ре Студеница.

Выдающимся памятником являются мозаики мон-ря *Хора* в К-поле (Кахрие-джами), созданные в 1316–1321 гг. по заказу Феодора Метохита — блестяще образованного вельможи, философа, математика, историка и поэта, воплотившего в росписи эстетические и богословские идеалы эпохи. Характеру росписи более всего отвечает название

Успение Богородицы. Мозаика мон-ря Хора (Кахрие-джами) в Константинополе. 1316–1321 гг.

соч. Феодора Метохита «О математическом виде философии и особенно о виде ее, связанном с гармонией», поскольку гармония является основной категорией живописного убранства этого памятника. От мозаичной росписи сохранилось неск. фрагментов в наосе, в т. ч. композиция «Успение» на зап. стене, и достаточно полный ансамбль внешнего и внутреннего нартексов. В больших зонтичных куполах представлены образы Христа Пантократора в окружении праотцев и Богоматери с Младенцем в окружении пророков. На арках, парусах, сводах и в люнетах стен показаны уникальные по подробности циклы евангельских чудес Христа и жития Богородицы. Композиции идеально вписаны в пространства сложных конфигураций в виде треугольников, кругов и полукругов с плоской или сферической поверхностью. Сюжеты «Ласкание Марии» и «Благословение старцев», «Введение Богородицы во храм», «Искушения Христа», расположенные на сводах, представляют круговые композиции, в к-рых значительную роль играют изображения архитектуры. В сценах на парусах «Исцеление тещи ап. Петра» и «Исцеление кровоточивой» художники использовали особенности архитектурной формы, акцентировав движение, совпадающее с направлением дуги, отчего каждая сцена читается как замкнутая и уравновешенная композиция. При этом расположенные на примыкающих арках и в люнетах сцены включают каждый отдельный эпизод в композиции более широкого плана, объединяя роспись компартимента в продуманное гармоничное целое. Жесты, позы, направления движений и взглядов также связывают отдельные эпизоды в единое повествование.

Последовательное развитие событий является своеобразной цепью «клейм», обрамляющих и поясняющих ряд образов Спасителя в росписи, среди к-рых важнейшие расположены в люнетах над входами в нартекс и в наос и сопровождаются надписью: ΙC ΧC ἡ Χώρα τῶν ζώντων (Иисус Христос Страна живых).

Иисус Христос на престоле с коленопреклоненным Федором Метохитом. Мозаика мон-ря Хора (Кахрие-джами) в Константинополе. 1316–1321 гг.

Над входом в нартекс — поясной образ Христа Пантократора с закрытым Евангелием, иконография соответствует образу в куполе. Над входом в наос — Спаситель на престоле с Феодором Метохитом, подносящим модель храма, подобно мозаике над входом в собор Св. Софии в К-поле (886–912), ктитор, как и имп. Лев VI, изображен коленопреклоненным. Композиция асимметрична: слева от центра изображен Феодор Метохит в далматике из орнаментированной вост. ткани и в огромной белой митре с золотыми вертикальными полосами, справа оставлено пустое пространство золотого фона. Фигура Феодора выглядит почти плоским силуэтом, его

лицо с каллиграфически тонким рисунком черт лишено объемной моделировки, борода и волосы лежат идеально ровными прядями, слегка приподнятые брови придают его вы-

Христос и Богоматерь. Мозаика мон-ря Хора (Кахрие-джами) в Константинополе. 1316–1321 гг. Фрагмент Деисуса

ражению едва заметный проситель-ный оттенок, тогда как в образе Христа выявляющие формы тела драпировки, свободная поза, чуть выдвинутая вперед нога, погрузившийся в складки синего гиматия обрез закрытого Евангелия создают ощущение глубины пространства; лик написан объемно. Помимо сюжетных композиций на вост. стене нартекса находится ростовой Деисус. Композиция представлена в сокращенном изводе — в молитвенном предстоянии Христу изображены Богоматерь и коленопреклоненные севастократор Исаак Комнин (брат имп. Иоанна II Комнина) и принявшая постриг с именем Мелания дочь Михаила VIII Палеолога Мария. Изображение Христа сопровождается эпитетом «Халкитис» и повторяет знаменитый образ, находившийся над медными вратами Большого имп. дворца в К-поле. Расположение такой деисусной композиции указывает на находившиеся в этой части нартекса погребения Исаака Комнина и Марии Палеологины. С целью создания семейной усыпальницы с юж. стороны кафоликона Феодором Метохитом был пристроен параклис, фрески к-рого выполнены одновременно с мозаиками нартекса. Тематика росписи отвечает заупокойному назначению этой небольшой погребальной капеллы. В конхе апсиды изображено «Сошествие во ад», в виме — «Воскрешение сына вдовицы» и «Воскрешение дочери Иаира», на своде и стенах — «Страшный Суд», в куполе — «Богоматерь с Младенцем в окружении ангелов», в парусах — гимнографы прп. Иоанн Дамаскин, свт. Косма Маюмский, прп. Иосиф Песнописец и Феофан, под куполом на арках и стенах — прообразовательные богородичные сюжеты из ВЗ.

Чрезвычайно близки росписи мон-ря Хора, но исполнены большей лиричности фрагменты мозаик др. погребальной капеллы — параклиса ц. Богородицы Паммакаристос (Фетхие-джами), расписанного ок. 1315 г. Он был пристроен мон. Марфой, вдовой сановника Михаила Тарханиота, перестроившего церковь в кон. XIII в. В куполе изображен Христос Пантократор в окружении пророков. В алтаре находится Деисус — Спаситель на престоле в конхе апсиды, фигуры Богоматери и св. Иоанна Предтечи в нишах вимы; образ Спасителя сопровождается эпитетом «Ὑπεράγαθος» (Преблагой). В юж. рукаве — «Крещение»: на арках и сводах уцелели изображения святителей, преподобных, ангелов, св. Иоанна Предтечи.

В 1-й четв. XIV в. в Фессалонике были созданы неск. живописных ансамблей (церкви Богородицы (Казанджылар-джами), мон-ря *Влатадон*, свт. Николая Орфаноса), среди к-рых особое место принадлежит росписям ц. св. Апостолов. В 1312–1315 гг. были выполнены мозаики, позже написаны фрески притвора. Мозаики по стилю близки к-польским памятникам, но выглядят более динамичными и эмоционально

Успение Богородицы. Роспись ц. свт. Николая Орфаноса в Фессалонике. 1-я четв. XIV в.

выразительными. Несмотря на значительные утраты, сохранившиеся части позволяют представить программу росписи в целом. В куполе — Христос Пантократор в окружении пророков, на парусах — фигуры пишущих Евангелистов, на сводах — евангельские сцены, на арках и стенах — фигуры святых. Исключительная красота живописи ставит роспись ц. св. Апостолов в ряд лучших произведений палеологовской эпохи. В 20-х гг. XIV в. были созданы фрески ц. свт. Николая Орфаноса, в к-рых помимо традиц. сюжетов представлены житийные циклы свт. Николая и прп. Герасима Иорданского, иллюстрации к Акафисту Богородице и настенный минологий.

Художники из Фессалоники поддерживали тесные отношения с Афоном, где в нач. XIV в. были созданы грандиозные фресковые росписи в Протате, связанные с именем худож. *Мануила Панселина*, Великой Лавры прп. Афанасия, Ватопедского (1312) и Хиландарского (1319) мон-рей. Нартексы монастырских соборов украшены развернутыми назидательными циклами, в т. ч. иллюстрациями из Патериков. Экспрессивная живопись Афона близка фрескам Веррии.

Искусство XIV в. представлено памятниками столицы Морейского деспотата *Мистры*. Уникальный го-

Рождество Христово. Роспись ц. Богородицы Перивлепты в Мистре. 80–90-е гг. XIV в.

родской ансамбль, состоящий из комплекса дворцов и мон-рей, сохранил памятники архитектуры и живописи кон. XIII — сер. XV в. Самой ранней является роспись ц. великомучеников Феодора Тирона и Феодора Стратилата (ок. 1295), к 1312 г. относятся фрески ц. Митрополии, в 1-й четв. XIV в. была выполнена роспись ц. Богородицы Одигитрии (Афендико). Фрески Афендико и Митрополии свидетельствуют о высоком уровне художественной жизни Мистры и ее связях с К-полем. Сер. XIV в. датируются росписи Евангелистрии и ц. Софии, 80–90-ми гг. XIV в.— ц. Богородицы Перивлепты и ок. 1428 г.— ц. Богородицы Пантанассы. Два последних ансамбля отлича-

ются сложностью иконографической программы и являются памятниками позднего стиля, также ориентированного на столичное искусство. Внимание к символическому осмыслению литургии, стремление максимально наглядно представить центральное таинство христ. Церкви привели к развитию иконографии композиции «Великий вход», представленной в жертвеннике ц. Богородицы Перивлепты.

Сходные процессы можно отметить в живописи Сербии, Македонии и Румынии. В росписях церквей Христа Пантократора в мон-ре Дечаны (Сербия, 1335–1350), арх. Михаила в мон-ре *Лесново* (Македония, 1348), вмч. Димитрия в *Марковом мон-ре* (Македония, 1376–1380), Спасителя в мон-ре Раваница (Сербия, 1385–1387), св. Андрея на Треске (Югославия, 1389) и св. Николая в Куртя-де-Арджеш (Румыния, сер. XIV в.), где присутствуют греч. и слав. надписи, сложная литургическая программа сочетается с обилием пространных циклов, среди к-рых важное место занимает цикл Акафиста Богородице.

Исихастские споры сер. XIV в. не только затронули богословские круги, но и отразились на культуре В. и. Под влиянием учения о Фаворском свете получил особое значение свет в живописи: стали широко применяться сияющие блики, лежащие на поверхности предметов, моделирующие объемы белильные «движки»; свет пронизывает и преображает плоть, мягкое свечение излучают лики. Наиболее ярко этот стиль проявился в творчестве Феофана Грека, расписавшего ц. Спаса на Ильине ул. в Вел. Новгороде (1378), и Мануила Евгеника, выполнившего роспись церкви в Цаленджихе (Грузия, 1384–1396).

Особая ориентированность на человека произведений палеологовского искусства наиболее ярко проявилась в иконах. В 1-й пол. XIV в. была создана серия образов, в к-рых заметна проникновенность и глубина духовного чувства. Именно в этот период получили большое распространение образы Христа Пантократора, часто сопровождающиеся эпитетами, выражающими глубокую надежду верующего на заступничество: Елеимон (Милующий), Психосотир (Душеспаситель) и др.; подавляющее большинство образов Богоматери с Младенцем относятся

Христос Психосотир (Душеспаситель). Икона. 1-я пол. XIV в. (Народный музей. Охрид)

к различным вариантам Одигитрии и сопровождаются эпитетами: Елеуса (Милующая), Перивлепта (Прекрасная), Пантанасса (Всецарица). Как и в монументальной живописи, в иконах появилось динамичное движение («Благовещение», Музей в Охриде), сложные пространственные построения («Благовещение», ГМИИ), объемная пластичность в моделировке ликов («Деисус», мон-рь Хиландар). В палеологовскую эпоху получила развитие алтарная преграда (поясной «Деисусный чин», ГТГ), принявшая на Руси форму высокого иконостаса, что свидетельствует об исключительном значении икон в храмовом убранстве. Именно в иконописи нашло прямое выражение учение свт. Григория Паламы о нетварных Божественных энергиях, о чем свидетельствует ряд образов, созданных во 2-й пол. XIV в. Особая техника наложения краски тонкими полосками телесного и почти белого цвета привела к созданию иллюзорного эффекта свечения плоти, как на иконах «Христос Пантократор» (1363, ГЭ; XIV в., мон-рь Пантократор на Афоне; кон. XIV — нач. XV в., ГМИИ), «Арх. Михаил» (XIV в., Византийский музей, Афины), «Свт. Григорий Палама» (70–80-е гг. XIV в., ГМИИ), диптих «Фома Прелюбович» (1382–1384, собор в Куэнке), *Пименовская икона Божией Матери* (1380, ГТГ). Иконографические и стилистические формы палеологовского искусства в дальнейшем развивались в иконописи Крита и Афона.

Лит.: *Clausse G.* Basiliques et mosaïques chrétiennes. P., 1893. Vol. 1–2; *Смирнов Я. И.* Христ. мозаики Кипра // ВВ. 1897. Т. 4. С. 1–93; *Айналов Д. В.* Эллинистические основы визант. искусства: Исслед. в области истории ранневизант. искусства. СПб., 1900; *он же.* Визант. живопись XIV ст. Пг., 1917; *Millet G.* Monuments Byzantins de Mistra. P., 1910; *idem.* Monuments de l'Athos. P., 1927. Vol. 1: Les peintures; *Лихачев Н. П.* Ист. значение итало-греч. иконописи: Изображения Богоматери в произведениях итало-греч. иконописцев. СПб., 1911; *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей церк.-археол. музея при КДА. К., 1912. Т. 1: Колл. синайских и афонских икон преосв. Порфирия Успенского; *Шмит Ф.* Заметки о поздневизант. храмовых росписях // ВВ. 1916. Т. 22. С. 118–124; *Wilpert J.* Die Römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten von IV. bis XIII. Jh. Freiburg i. Br., 1916; *Van Marle R.* La peinture romaine au Moyen Âge, son développement du VIe jusqu'à la fin du XIIIe siècle. Strasbourg, 1921; *Van Berchem M., Clouzot E.* Mosaïques chrétiennes du IVe au Xe siècle. Gen., 1924; *Diehl C.* Manuel d'Art Byzantin. P., 1925; *Jerphanion G., de.* Une nouvelle province de l'art byzantine: Les églises rupestres de Cappadoce. P., 1925–1942. 3 vol.; *idem.* Les caractéristique et les attributs des saints dans la peinture cappadocienne // AnBoll. 1937. T. 55. P. 1–28; *Wulff O., Alpatoff M.* Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau bei Dresden, 1925; *Muratoff P.* La peinture byzantine. P., 1928; *Kömstedt R.* Vormittelalterliche Malerei. Augsburg, 1929; *Petković V. R.* La peinture serbe du Moyen Âge. Beograd, 1930–1934. 2 vol.; *Diez E., Demus O.* Byzantine Mosaics in Greece: Hosios Lucas and Daphni. Camb., 1931; La chronologie des peinture de Cappadoce // EO. 1931. Vol. 30. P. 5–27; *Kitzinger E.* Römische Malerei vom Beginn des VII. bis zum Mitte des VIII. Jh. Münch., 1934; *idem.* The Cult of Images in the Age before Iconoclasm // DOP. 1954. T. 8. P. 83–150; *idem.* Byzantine Art in the Period between Justinian and Iconoclasm // Berichte zum XI. Intern. Byzant.-Kongress. Münch., 1958; *idem.* The Mosaics of Monreale. Palermo, 1960; *idem.* Studies in Late Antique, Byzantine, and Medieval Western Art. L., 2002–2003. Vol. 1–2; *Millet G., Talbot Rice D.* Byzantine Painting at Trebizond. L., 1936; *Weigande E.* Zur Datierung der kappadokischen Höhlenmalereien // BZ. 1936. Bd. 36/2. S. 337–397; *Bettini S.* Appunti per lo studio dei mosaici portativi bizantini // Felix Ravenna. 1938. T. 46. P. 7–39; *idem.* La pittura bizantina. Part. 1. Firenze, 1937; Part. 2: I mosaici. Fasc. 1–2. Firenze, 1938; *Volbach W. F.* Early Christian Mosaics. N. Y., 1946; *Мавродинов Н.* Старобългарска живопис. София, 1946; *Demus O.* Byzantine Mosaic Decoration: Aspects of Monumental Art in Byzantium. L., 1948; *idem.* The Mosaics of Norman Sicily. L., 1950; *idem.* Die Entstehung des Paläologenstils in der Malerei // Berichte zum XI. Intern. Byzant. Kongress. Münch., 1958; *Mathew G.* Byzantine Painting. L., 1950; *Der Nersessian S.* Le décor des églises du IXe siècle // Actes du VIe Congrès intern. d'études byzantines. P., 1951. T. 2. P. 315–320; *Galassi G.* I mosaici sinaitici: Concordanze e sconcordanze con Ravenna // Felix Ravenna. 1953. T. 63. P. 5–35; *Grabar A.* La peinture byzantine. Gen., 1953; *idem.* L'iconoclasme byzantine: Dossier archéol. P.,

1957; *Millet, Frolow; Ladner G.* The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy // DOP. 1953. T. 7. P. 1–34; *Weidlé W.* Mosaici paleocristiani e bizantini. Mil.; Firenze, 1954; *Sotiriou G. et M.* Icônes du Mont Sinaï. Athènes, 1956–1958. 2 vol.; *Ammann A.* La pittura sacra bizantina. R., 1957; *Felicetti-Liebenfels W.* Geschichte der byzant. Ikonenmalerei. Olten; Lausanne, 1956; *Grabar A., Nordenfalk C.* Early Medieval Painting from the 4th to the 11th Cent. N. Y., 1957; *Ioannou A. S.* Byzantine Frescoes of Euboea [13. and 14. Cent.]. Athens; N. Y., 1959; *Grabar A., Chatzidakis M.* Greece: Byzantine Mosaics. N. Y., 1960; *Лазарев В. Н.* История визант. живописи. М., 1947–1948, 1986; *он же.* Живопись XI–XII вв. в Македонии. Belgrade; Ochride, 1961; *Djurić V. J.* Icônes de Yougoslavie: Texte et cat. Belgrade, 1961; *Radojčić S.* Icônes de Serbie et de Macédoine. Beograd, 1961; *Hammann-McLean., Hallensleben; Lazarev V.* Storia della pittura bizantina. Torino, 1967; *Megaw A., Stylianou A.* Chypre: Mosaïques et fresques byzantine. N. Y., 1963; *Pelekanidis S.* Gli affreschi paleocristiani ed i più antichi mosaici parietali di Salonicco. Ravenna, 1963; *Stylianou A. and J.* The Painted Churches of Cyprus. Stourbridge, 1964; *Chatzidakis M., Grabar A.* La peinture byzantine et du Haut Moyen Âge. P., 1965; Frühe Ikonen / K. Weitzmann, M. Chatzidakis, K. Miatev, S. W. Radojčić. Münch., 1965; *Weitzmann K.* Byzantine Miniature and Icon Painting in the 11th Cent. Oxf., 1966; *Тяжелов В. Н., Сопоцинский О. И.* Искусство Ср. веков: Византия. Армения и Грузия. Болгария и Сербия. Др. Русь, Украина и Белоруссия. М.; Дрезден, 1975; *Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV–XV вв. Л., 1986; *Belović M.* Late Byzantine Painting in Serbia: Kalenič and the Kariye Djami: Diss. Univ. of Oregon, 1987; *Belting H.* The Image and its Public in the Middle Ages: Form and Function of Early Paintings of the Passion. New Rochelle; N. Y., 1990; *idem.* Bild und Kult: Eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. Münch., 1990; *Gabelić S.* Ciklus arhangela u vizantijskoj umetnosti. Beograd, 1990; *Falla Castelfranchi M.* Pittura monumentale bizantina in Puglia. Mil., 1991; *Constantinides E. C.* The Wall Paintings of the Panagia Olympiotissa at Elasson in Northern Thessaly / Pref. by D. Mouriki; ed. by J. Y. Perreault. Athens, 1992. Vol. 1–2; *Ranoutsaki Ch.* Die Fresken der Soteras Christos-Kirche bei Potamies: Stud. zur byzant. Wandmalerei auf Kreta im 14. Jh. Münch., 1992; *Sophokleous S.* Icons of Cyprus 7th–20th Cent. Nicosia, 1994; *Acheimastou-Potamianou M.* Byzantine Wall-paintings. Athens, 1994; *Alpago N. A. et al.* L'arte bizantina in Grecia. Mil., 1995; *Bissinger M.* Kreta: byzant. Wandmalerei. Münch., 1995; *Mouriki D.* Studies in Late Byzantine Painting. L., 1995; *Παπαζώτος Θ.* Βυζαντινές εικόνες της Βέροιας. Αθήνα, 1995; *Hein E.* Zypern-byzantinische Kirchen und Köster: Mosaiken und Fresken. Ratingen, 1996; *Robinson S. I.* Images of Byzantium: Learning about Icons. L., 1996; *Chatzidakis M.* Corpus de la peinture monumentale byzantine de la Grèce: l'île de Cythère. Athènes, 1997; D'un autre monde: Icônes inconnues et art byzantin / Comp. et réd. E. et V. Vandamme. [Ghent]; [Antw.], 1997; Icons from the Velimezi Coll.: Museum of Byzantine Culture, Thessal., 29 Jan.– 30 Apr. 1997, Megaron the Athens Concert Hall, Athens, 22 Sept.– 7 Nov. 1997. Athena, 1997; *Petković S.* The icons of Monastery Chilandar. Athos, 1997; *Stylianou A. and J.* The Painted Churches of Cyprus: Treasures of Byzantine Art. Nicosia, 1997; *idem.* Cyprus, Byzantine Churches and Monasteries: Mosaics and Frescoes / E. Hein, A. Jakovlević, B. Kleidt. Ratingen, 1998; *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Переславль, 1997; Byzantine Icons : Art, Technique and Technology: an Intern. Symp., Gennadius Library, The American School of Classical Studies at Athens, 20–21 Febr. 1998 / Ed. by M. Vassilaki. Herakleio, 2002; *Todić B.* Serbian Medieval Painting: The Age of King. Belgrade, 1999; *Джурич В.* Визант. фрески: Средневек. Сербия, Далмация, слав. Македония. М., 2000; *Этингоф О. Е.* Образ Богоматери: Очерки визант. иконографии XI–XIII вв. М., 2000; Byzantinische Malerei: Bildprogramme, Ikonographie, Stil: Symp. in Marburg vom 25.–29.6.1997 / Hrsg. G. Koch. Wiesbaden, 2000; *Κουμπαράκη-Πανσελήνου Ν.* Βυζαντινή ζωγραφική: Η Βυζαντινή κοινωνία και οι εικόνες της. Αθήνα, 2000; Perceptions of Byzantium and its Neighbors: 843–1261: The Metropolitan Museum of Art Symp. / Ed. by O. Z. Pevny. N. Y., 2000; *Wiemer-Enis H.* Spätbyzantinische Wandmalerei in den Höhlenkirchen Kappadokiens in der Türkei. Petersberg, 2000; *Демус О.* Визант. мозаики. М., 2001; *Spatharakis I.* Dated Byzantine Wallpaintings of Crete. Leiden, 2001; *Jolivet-Lévy C.* La Cappadoce médiévale: Images et spiritualité. St.-Léger–Vauban, 2001; *eadem.* Études cappadociennes. L., 2002; *Орлова М. А.* Наружные росписи средневек. храмов: Византия, Балканы, Др. Русь. М., 2002; Percorsi del sacro: Icone dai musei albanesi / Cur. C. Pirovano. Mil., 2002; *Winfield D.* The Church of the Panaghia tou Arakos at Lagoudhera, Cyprus: The Paintings and their Painterly Significance. Wash., 2003.

Н. В. Квливидзе

Поствизантийский период (1453 г.– XVII в.). Главным центром иконописания в поствизант. период, значимым для всего Вост. Средиземноморья, была Кандия (совр. Ираклион) — столица находившегося с 1204 г. под властью Венецианской республики о-ва Крит. Права правосл. Церкви на Крите со стороны лат. властей были ограничены, однако они не затрагивали церковного обряда и искусства. Живописцы из К-поля стали переселяться на Крит уже с кон. XIV в., образовав здесь после падения К-поля целую колонию. В XVI в. художники Крита, как и их собратья по искусству в итал. городах, объединились в гильдию под небесным покровительством ап. Луки. От XV–XVII вв. до наст. времени дошло ок. 240 имен критских художников, 120 из них трудились между 1450–1500 гг.

Мастера Кандии писали гл. обр. иконы. Широкие торговые связи острова обеспечивали художникам Кандии обширный круг заказчиков, в первую очередь правосл. мон-рей и общин на Балканах, в Вост. Средиземноморье и в Италии. Критские иконы активно приобретали католич. мон-ри, отдельные семьи в Италии, на Крите и на Пелопоннесе. Согласно документам Гос. венецианского архива, посредники-купцы вывозили с Крита за год тысячи икон, получая от одного мастера по неск. сот произведений. В договорах всегда указывали стиль живописи будущей иконы: «in maniera greca» или «in maniera latina», обозначая т. о. соответственно визант. или зап. манеру изображения.

Критская иконопись «in maniera greca» прямо продолжала традиции

Икона Божией Матери Пантанасса. 2-я пол. XV в. Мастер А. Рицос (мон-рь ап. Иоанна Богослова. Патмос)

поздней палеологовской живописи в ее столичном варианте, художники нередко обращались к иконографическим изводам, распространенным в XI–XII вв. Одновременно использовали изобразительные мотивы и живописные приемы зап. искусства. Живопись критян «in maniera latina» — итало-критский стиль — основывалась на повторении произведений венецианской готики, при этом в свои работы греч. художники привносили нек-рые художественные приемы визант. искусства. Ведущие критские мастера XV–XVII вв. являлись создателями новых иконографических канонов и самостоятельного стиля, распространялся метод копирования написанных ими икон. Тиражирование

образцов порождало стандартизацию художественных приемов. Однако от снижения качества работ художников уберегало строгое соблюдение технологии письма, за чем следили и представители гильдии. Роспись церквей на Крите, в основном сельских (от 2-й пол. XV–XVI в. сохр. неск. сот живописных ансамблей), исполнялась др. категорией художников, среди к-рых были приезжие, как, напр., Ксенос Дигенис, прибывший с Пелопоннеса в 1462 г. Стиль этой живописи нередко имел сходство с палеологовскими фресками Мистры, хотя в него все чаще проникала иконная техника письма.

На первом этапе развития критской школы иконописи во 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в., совпавшем с ее расцветом, работали такие критские художники, как *Ангелос Акотантос* (известен с 1436, † 1457), творчество к-рого отражает процесс образования критской школы живописи; Андреас *Рицос* (1421–1492) — классический представитель школы, стиль его живописи

Богоматерь с Младенцем. Икона. 2-я пол. XV в. Мастер Н. Зафурис (коллекция П. Канелопулоса. Афины)

стал определяющим для творчества современников; его сын Николаос Рицос († до 1507).

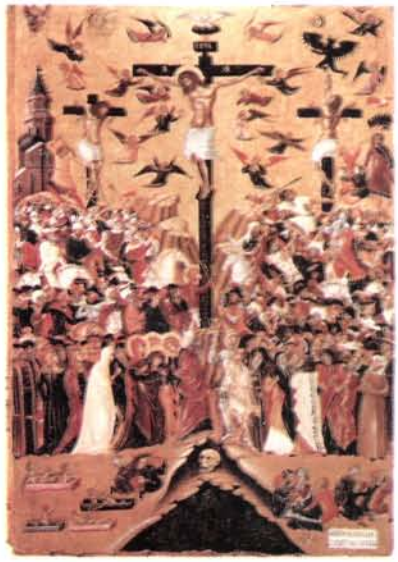
На исполнении произведений, ориентированных на итал. готику XIV–XV вв., специализировался Николаос Зафурис († до 1501). Художник и его мастерская воспроизводили чтимые в Италии изображения Мадонны. Особенно широко известны вышедшие из мастерской Зафуриса иконы Богоматери «Madre della Consolazione» — «Богоматерь Утешение» (напр., из коллекции П. Канелопулоса в Афинах, подписная). Ему принадлежит особый вариант традиц. композиции «Христос во гробе» (Музей истории искусства в Вене; триптих в ГЭ), опирающийся на венецианскую готику и работы Дж. Беллини. Согласно последним исследованиям, иконы Зафуриса заказывали и католики, и православные.

Как в традиц. визант. манере, так и в стиле венецианской готики работал Андреас Павиас (1440 — ок. 1504). Его подписная икона «Успение прп. Ефрема Сирина» (ц. святых равноапостольных Константина и Елены в Иерусалиме) с изображением сцен отшельнической жизни святого повторяла иконографию стенописи и традиц. иконописный стиль палеологовского времени. Те же черты присущи иконе «Св. Антоний» (коллекция Харокопос в Кефалинии). «Распятие» (Национальная пинакотека, Афины) с лат. надписями имитирует готическое произведение сложной иконографии.

Принадлежность крупным мастерским др. неизвестных по именам критских художников XV — 1-й пол. XVI в., ориентировавшихся в своем творчестве в основном на произведения А. Рицоса и Н. Зафуриса, остается неясной. Наиболее популярные среди заказчиков сюжеты повторялись в критской иконописи в близком стилистическом варианте в течение неск. десятилетий: «Богоматерь Одигитрия», «Богоматерь Страстная», «Madre della Consolazione», «Успение Богоматери», «Рождество Христово», «Христос во гробе», «Св. Георгий, побеждающий дракона» (музеи Греческого ин-та, Венеция).

В 1-й пол. XVI в. начался исход мастеров из Кандии. Они отправлялись в правосл. мон-ри или в Италию, преимущественно в Венецию, что в дальнейшем определило формирование направления их творчества в сторону сохранения традиций или усиления зап. элементов живописи.

К этому периоду относится творчество Ангелоса Бизоманоса (1467 — после 1532) — ученика Андреаса Павиаса. В 1518 г. он уехал с Крита в Далмацию, где написал сцены пределлы с 5 святыми для алтаря католич. ц. Св. Духа (в наст. время во францисканском мон-ре в Дубровнике), затем на юг Италии, в Отранто. Здесь он вместе с братом Донатосом, тоже художником, создал мастерскую. Оставляя на своих произведениях 2-язычную подпись, Бизоманос обязательно указывал, что он грек, уроженец Кандии. Мастер одним из первых среди критских художников использовал в качестве образцов итал. гравюры, обычно тиражировавшие произведения мастеров Возрождения. Так, в написанной после 1518 г. иконе «Поклонение пастухов» (ГЭ) Бизоманос следовал гравюре М. Раймонди.

Распятие Христово. Икона. 2-я пол. XV в. Мастер А. Павиас (Национальная пинакотека. Афины)

Одним из немногих мастеров Кандии, расписывавших храмы, был Феофан Стрелицас Вафас († 1559; см. ст. *Феофан Критский* (Критянин)). Он создал особый критский стиль монументального искусства, его живопись стала эталонной для последующих афонских мастеров. В 1527 г. он украсил фресками ц. свт. Николая мон-ря *Анапавса* в комплексе Метеорских мон-рей. Эта работа еще имеет большую связь с иконописью и не отличается монументальным характером. В 1535 г. Феофан прибыл на Афон, где расписал вместе со своим сыном Симеоном соборы и трапезные, возведенные еще в X–XI вв.: в Лавре прп. Афанасия (1535), мон-ре Ставроникита (1546–1547) и, возможно, в Иверском мон-ре (50-е гг. XVI в.). Для иконостасов этих соборов он написал двунадесятые праздники, иконы Христа, Богоматери. Феофан воспринял монументальный стиль мастеров солуно-македон. школы,

примерами к-рого был богат Афон, в то же время заметно обращение к итал. искусству: так, при написании фрески «Избиение младенцев» в соборе Лавры прп. Афанасия он использовал в качестве образца гравюру М. Раймонди.

С сер. XVI в. ориентиры мастеров Крита в итал. искусстве, несмотря на сохранившуюся приверженность формам палеологовского времени, изменились: художников стала интересовать совр. живопись маньеристов, мощная экспрессивная форма к-рых вытесняла визант. основу живописи. Критский худож. Доменикос Теотокопулос (1541–1614), уроженец Кандии, покинув остров, под именем *Эль Греко* стал одним из новаторов маньеризма. От критского периода его жизни сохранились 2 иконы: «Успение Богоматери» (на о-ве Сирос) и «Евангелист Лука пишет икону Богоматери» (Музей Бенаки, Афины). В Венеции он работал в мастерской Тициана (с 1567), одновременно создавал иконы, в к-рых первым из критских художников активно использовал изобразительные мотивы и отдельные художественные приемы итал. маньеристов («Поклонение волхвов» (Музей Бенаки, Афины), «Тайная вечеря» (Национальная пинакотека, Болонья), триптих (Галерея д'Эсте, Модена)).

Сохранилось ок. 80 икон, подписанных или приписываемых Михаилу Дамаскиносу (1530 или 1535–1592). География мест их распространения обширна: Крит, Венеция, о-ва Керкира (Корфу), Закинф и Патмос, Афон, мон-рь вмц. Екатерины на Синае. Его иконы, созданные в 60–70-х гг. XVI в., напоминают монументальным стилем произведения Феофана Критского. В 1574 г. Дамаскинос был приглашен греч. общиной Венеции для росписи алтаря ц. Сан-Джорджо деи Гречи (возведена в ломбардском стиле архитекторами Санте Ломбардо и Г. А. Кьона в 1539–1571) и исполнения икон иконостаса. В созданных для Сан-Джорджо деи Гречи и для кафизмы Евангелизму на Патмосе иконах художник не отступил от визант. традиции, но использовал свободный рисунок и добился эффекта венецианского колорита. В «Тайной вечере» объединены визант. иконография и растиражированная гравюрой М. Раймонди фресковая композиция Леонардо да Винчи; в «Поклонении волхвов» заполненная фигурами людей и животных сцена близка картинам Я. Бассано, но Богоматерь с Младенцем и Иосиф написаны в традиц. манере (обе в соборе св. Екатерины в Ираклионе). Влияние маньеризма на творчество Дамаскиноса за время его пребывания в Италии (в 1584

Поклонение волхвов. Икона. 1584–1592 гг. Мастер М. Дамаскинос (собор св. Екатерины. Ираклион). Фрагмент

возвратился в Кандию) было очень сильным, в частности, он был увлечен искусством Пармиджанино, работы к-рого копировал.

Органичное соединение палеологовской традиции с итал. маньеризмом было характерно для творчества Георгиоса Клонцаса (1540–1608), мыслителя, художника и писца-каллиграфа, руководителя и преподавателя художественной школы в Кандии. Мастер был в основном приверженцем миниатюрного письма. Сохранилось ок. 40 подписанных и приписываемых ему произведений, 6 написанных и проиллюстрированных им кодексов, содержащих сотни миниатюр. Широкое признание получили небольшие полиптихи (сохр. 11), где события Свящ. истории предстают в виде многолюдных сцен. Темы небесной славы Христа, Божественного домостроения и Страшного Суда — основные в творчестве Клонцаса. Они присутствуют в подписанном мастером полиптихе 2-й пол. XVI в. (частное собр., США; ранее принадлежал итал. семье Спада). На одной из его 6 плоскостей изображен мон-рь вмц. Екатерины на Синае как образ св. места (Locus Sanctus) — распространенная тема в критской живописи. Полиптих (1580–1600, мон-рь ап. Иоанна Богослова на Патмосе) с изображением цикла основных церковных праздников, возможно, как и др. подобные произведения, исполнял функцию аналойной иконы.

Интерес к западноевроп. гравюре как образцу для живописи проявился в работах Фомы Вафаса (1554–1599), художника из Кандии, позднее работавшего на о-ве Корфу и в Венеции. Используя композицию гравюры, мастер заменял иконографические типы с зап. на визант., напр., икона «Апокалипсис» (ок. 1596, собор мон-ря Апокалипсиса на Патмосе) восходит к гравюре А. Дюрера.

Стиль живописи мастеров Юж. Греции во 2-й пол. XV–XVI в. был близок критским мастерам («Одигитрия» худож. Николаоса Ламбудиса из Спарты, 2-я пол. XV в., частная коллекция в Афинах).

На Кипре во 2-й пол. XV в. происходило возрождение живописи, в основном монументальной, что объясняется приобретением Кипрской Церковью нек-рой независимости после Ферраро-Флорентийского Собора и ее поддержкой со стороны преданной Православию королевы Кипра Елены Палеологины, а также общей экономической стабильностью острова. Немалую роль в подъеме искусства на Кипре сыграли эмигрировавшие сюда из

Обретение и воздвижение Креста. Оборот средника триптиха. Между 1580 и 1600 гг. Мастер Г. Клонцас (мон-рь ап. Иоанна Богослова. Патмос)

крупных визант. центров художники, к-рые расписали большое количество сельских церквей и мон-рей, дополняя частично разрушенные фрески XII–XIV вв. Основной чер-

той кипрской живописи XV–XVI вв. был провинциальный эклектизм, более явный и пестрый, чем в искусстве Крита. Используя в качестве основы архаичные модели, художники Кипра вводили изобразительные мотивы франц. и итал. готики, Ренессанса, отдельные элементы живописи христ. Востока. Их работы отличались расширением повествовательных циклов и резким сокращением масштаба изображений, грубоватым рисунком.

В стиле, объединившем все названные заимствования, выполнены росписи в церквах св. Маманта в Луварасе (1465), Св. Креста (Ставрос ту Агиасмати) близ Платанистасы (1494/95), св. Андроника в Калопанайотисе и св. Кирика в Летимну художником арабо-сир. происхождения Филиппом по прозвищу Гуль, к-рому подражали мн. его современники. Особняком стоит греч. мастер «Латинской» капеллы в мон-ре св. Иоанна Лампадиста, создавший во 2-й пол. XV в. цикл «Акафист Богоматери» в стиле живописи Сев. Италии. Нек-рые кипрские живописные ансамбли 2-й пол. XV в. можно признать почти визант. по чистоте стиля (в церквах Св. Креста в Пелендри, Богородицы Форвиотиссы в Асину, св. Параскевы в Героскипу). На Кипре росписи XVI в. содержали большое количество сцен, выполненных в стиле зап. иконографии, стиль изображения стал грубее. Отдельные художники XVI в. имитировали местные фрески 2-й пол. XV в. Так, в работах Симеона Авксентиса узнается манера Гуля (фрески в церквах в *Галате:* св. Созомена (1513), Панагии Феотокос или арх. Михаила и св. Параскевы (обе 1514)).

Иконопись Кипра во 2-й пол. XV в. более традиционна по своей иконографии и стилю; в это время созданы произведения, близкие палеологовским («Преображение» из ц. святых Феодоров в Летимну, «Сошествие Св. Духа» из ц. Богородицы Фанеромени в Никосии, св. Параскева из ц. Богородицы Хрисалиниотиссы в Никосии, праздничный чин в мон-ре св. Неофита). В иконах 1-й пол. XVI в. заметно влияние итал. искусства (деисусные чины в мон-ре св. Неофита и ц. Богородицы Хриселеусы в Полеми). В ряде икон XVI в. ярко проявились заимствования из живописи Возрождения, особенно в портретах донаторов. После 1571 г., когда остров был завоеван турками, не известно ни одного значительного живописного ансамбля.

В Центр. и Сев. Греции (Фессалии, Беотии, Македонии) главными художественными центрами являлись мон-ри Афона, Метеоры, Янины, македонские города Кастория и Верия. Основой развития местного варианта поствизант. искусства стала живопись XIV в. Фессалоники, экспрессивная по духу, порой лишенная того классического начала, к-рое отличало к-польское искусство.

Художественная жизнь в этой части Греции возродилась в 80-х гг. XV в. в отдельных артелях художников, не связанных друг с другом единым центром. Они расписывали храмы, строго придерживаясь визант. художественной традиции, нек-рые

Свт. Николай Чудотворец с житием. Фессалоника. Ок. 1485 г. (Археологическая коллекция. Кастория)

из них прибегали к готическим заимствованиям, не посягая на изменение древней иконографии. Эти артели, как и на Кипре, нередко восстанавливали и дополняли пострадавшие фрески палеологовского времени: росписи 1307 г. в ц. св. Никиты в Чучере получили новые композиции в 1483–1484 гг.; фрески 1334–1344 гг. в ц. Успения в мон-ре Трескавец — в посл. десятилетие XV в. Наиболее значительные и цельные монументальные живописные ансамбли этого периода были созданы в Кремиковском (Болгария) в 1493 г. и Погановском (Македония) в 1499 г. мон-рях. Исполнялись также иконы для храмовых

Благовещение. Царские врата. Македония. XVI в. (ГМИИ)

темплонов, близкие по стилю позднему палеологовскому искусству (напр., «Свт. Николай Чудотворец с клеймами жития», на обороте «Успение свт. Николая», ок. 1485, Археологическая коллекция в Кастории). К кон. XV в. палеологовский стиль в отдельных произведениях был заметно упрощен («Св. Харалампий», коллекция П. Каннелопуллоса в Афинах; «Христос Пантократор, архангелы, апостолы и мученики», на обороте «Распятие», мон-рь Влатадон в Фессалонике). Книжная миниатюра в это время исполнялась редко. Известен греч. мастер высокого класса, возможно, ученик художника, пришедшего на Афон из Фессалоники, трудившийся в Иверском мон-ре над серией миниатюр греко-груз. рукописи, являвшейся книгой образцов для художников (РНБ. О. I. 58).

К XVI в., когда из жизни ушло поколение художников, воспитанников мастерских Фессалоники, развитие искусства приостановилось. Художники копировали палеологовские иконы, но при этом живопись огрубляется, появляется графическая жесткость, палитра темнеет («Свт. Николай», 1-я пол.— сер. XVI в., ГТГ; Царские врата, 1-я пол.— сер. XVI в., ГМИИ; «св. Иоанн Предтеча Ангел пустыни», 2-я пол. XVI в., ГМИИ).

В росписях сер.– 2-й пол. XVI в. Фессалии, Беотии и Янины уроки критян отобразились более последовательно, особенно в работах выходцев из Фив Франгоса Кателяноса (в 1548 расписывал ц. мон-ря св. Варлаама в Метеорах, в 1560 — капеллу свт. Николая в Вел. Лавре) и Франгоса Кандариса с братом свящ. Георгием (в 1563–1566 украшали фресками церкви Метеор, Эпира, о-ва Эвбеи).

Активизация тур. экспансии в Вост. Средиземноморье привела к захвату в 1669 г. Кандии. Уже с нач. XVII в. критские художники начали покидать Крит, центр иконописания переместился на о-в Корфу. В живописи получила развитие особая ретроспективная тенденция, к-рая вела к повторению лучших образцов критской иконописи XV–XVI вв. Характерно, что мн. художники этого времени были священниками. Язык их икон стал более строгим, в то же время наблюдался интерес к нем. и фламанд. гравюрам с их повествовательными сюжетами и острым характерным рисунком.

Художники Эммануил Ламбардос и свящ. Иоаннис Апакас (кон. XVI — 1-я пол. XVII в.) использовали в качестве моделей для своих работ критские иконы. Ламбардос ориентировался на образцы XV в., не затронутые влиянием маньеризма (иконы в Византийском музее в Афинах, ГЭ, ц. Сан-Джорджо деи Гречи в Венеции), свящ. Иоаннис — на иконы Н. Рицоса и Клонцаса с их символической изощренностью и миниатюрным стилем (иконы в мон-рях Афона и Патмоса, в ц. Сан-Джорджо деи Гречи в Венеции, в Далмации и на о-ве Сифнос).

География распространения работ иконописца из мон-ря вмц. Екатерины на Синае иером. Иеремии Палладаса (между 1602–1639) показывает, насколько прочно критские художники XVII в. были связаны с правосл. общинами Востока. Иконы Палладаса, стиль к-рых основывался на живописи Дамаскиноса, расценивались современниками как выражающие церковное предание и поэтому служили образцами для мн. художников (иконы для иконостасов ц. Св. Гроба в Иерусалиме, ц. Рождества Христова в Вифлееме, соборов в мон-ре вмц. Екатерины на Синае и в Ст. Патриархате в Каире).

Известны 135 икон свящ. Эммануила Цанеса (1610–1690), уроженца критского г. Ретимнон, служившего в 1665–1690 гг. в ц. Сан-Джорджо деи Гречи в Венеции. Они отличаются разнообразной стилистикой, где присутствуют художественные элементы, восходящие к произведениям раннего Возрождения и к работам Тинторетто. Наиболее устойчив в творчестве Цанеса интерес к критским мастерам XV в.: в исполненных в 1644 г. для алтарной преграды одной из афинских церквей иконах «Христос на троне» и «Богоматерь с Младенцем на троне» он повторил не только иконографию, но и стиль произведений А. Рицоса; к критской иконе XV в. восходит и образ Богоматери из собрания ГЭ.

Священником одной из церквей в Кандии был и худож. Виктор (работал в 1651–1697), образцами для его работ стали произведения Дамаскиноса. Известно 95 написанных им икон, в т. ч. изображения вмц. Екатерины, сидящей на троне в царских одеждах перед Распятием, в к-рых он, видимо, повторял несохранившееся произведение Дамаскиноса. После 1669 г. он, вероятно, пребывал в Венеции, где копировал местные произведения («Поклонение пастухов», ГЭ).

Произведения Теодороса Пулакиса (1622–1692; из критского г. Ханья, переселился на о-в Корфу, работал также в Венеции) и его современника Элиаса Москоса (известен с 1649) показывают, что, несмотря на умение критских мастеров XVII в. адаптировать отдельные формы совр. им искусства Запада (напр., включение элементов барокко), критская живопись этого времени осталась верной визант. изобразительной системе. В качестве моделей Пулакис избрал иконы Клонцаса и Дамаскиноса; его также интересовали фламанд. мастера, в частности гравюры И. Саделера, композиции к-рых он повторял. До наших дней дошел принадлежавший художнику свод образцов, среди к-рых много зап. гравюр (Музей Бенаки, Афины).

На Афоне в XVII в. главным направлением творческих усилий стала иконография, в связи с чем особая забота проявлялась о сохранении старинных визант. изводов и вариантов, созданных критскими художниками XVI в. Интерес к иконографическим построениям привлек на Афон в качестве образцов гравюры Дюрера. Непосредственным источником послужило франц. издание Библии, попавшее на Афон через Венецию. Восходящий к гравюрам Дюрера грандиозный фресковый цикл Апокалипсиса украсил галереи при трапезных в мон-рях Дионисиат (1600) и Дохиар (XVII в.), экзонартекс собора в мон-ре Ксенофонт (1632–1654). Композиции гравюр были переложены на традиц. язык визант. форм, схематизированный в XVII в. Вновь созданный цикл Апокалипсиса почти сразу получил статус канона и многократно повторялся.

Стиль живописи иконописцев Афона определили консервативные тенденции. Однако в него вошли элементы и приемы критского письма, освоенные афонитами в

Иверская икона Божией Матери (Портаитисса). 1648 г. Мастер Ямвлих (ГИМ)

предыдущем столетии. Иконы Феофана Критского, как и особо почитаемые визант. образы, находящиеся в мон-рях Афона, стали объектом многократного копирования, их списки предназначались для местных храмов и в качестве подношений христ. правителям. Во множестве исполнялись иконы для паломников, приходящих на Афон, в первую очередь с изображением устроителя Вел. Лавры прп. Афанасия Афонского, а также списки чудотворных икон Божией Матери: «Ватопедской Закланной», «Троеручицы» из Хиландарского, «Портаитиссы» из Иверского мон-рей и др.

Одним из ведущих художников мастерской Иверского мон-ря был

Ямвлих, сын Романов, известный с 1648 г., когда ему было поручено исполнение точного списка «Портаитиссы» (Иверской иконы Божией Матери) по заказу московского царского дома. В том же году список был доставлен в Москву (находится в Смоленском соборе Новодевичьего мон-ря, ГИМ). Ок. 1655 г. был изготовлен 2-й список «Портаитиссы» для Патриарха Никона (не сохр.). В Россию с Афона были присланы еще 2 иконы «Портаитиссы», переданные дочерям царя Алексея Михайловича (ГИМ, музей «Новодевичий монастырь»).

К XVIII в. большое распространение получило на Афоне изготовление икон с видами местных мон-рей, к-рые повторяли их гравюрные изображения, исполненные в мастерских Венеции и Вены («Преображение с предстоящими и видом афонского мон-ря Пантократора», сер. XVIII в., ГИМ). Источником гравюр послужили живописные изображения. В XVIII и XIX вв. на Афоне исполнялось мн. икон упрощенных, иногда близких к народному искусству, но всегда точно следующих канонической схеме, к-рая не давала мастеру нарушить верность образа преданию. Для поствизант. живописи разного художественного уровня это всегда было главным условием ее существования как самостоятельного искусства, что прекрасно осознавали сами художники. Об этом свидетельствуют многообразные по своему типу иконописные подлинники, лицевые и толковые, бытовавшие в среде греч. мастеров в XV–XIX вв. Наиболее полный свод толкового подлинника (Ерминия) был завершен между 1700 и 1742 гг. трудами афонского инока *Дионисия Фурноаграфиота*.

Лит.: *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери: Связи рус. и греч. иконописи с итал. живописью раннего Возрождения. СПб., 1911; *Millet.* Athos; *Chatzidakis M.* Etudes sur la peinture postbyzantine: Variorum Reprints. L., 1976; *idem.* Icons of Patmos: Questions of Byzantine and Post-Byzantine Painting. Athens, 1985; *idem.* Ὁ κρητικὸς ζωγράφος Θεοφάνης: Οἱ τοιχογραφίες τῆς Ἱ. Μ. Σταυρονικήτα. Αθήνα, 1986; *Лазарев В. Н.* «Маньера грека» и проблема критской школы // *Он же.* Визант. живопись. М., 1971. С. 378–399; *Чилингиров А.* Влияние Дюрера и совр. ему нем. графики на иконографию поствизант. искусства // ДРИ. М., 1975. [Вып.:] Зарубежные связи. С. 325–342; *Cattapan M.* Nuovi elenchi e documenti dei pittori in Creta dal 1300 al 1500 // Θησαυρίσματα. 1977. Т. 14. P. 202–235; *Паскалева-Кабадаиева К.* Църквата «Св. Георги» в Кремиковския манастир. София, 1980; *Stilianou A. and J.* The Painted Churches of Cyprus: Treasures of Byzantine Art. L., 1985; *Garidis M. M.* La peinture murale dans le monde orthodoxe après la chute de Byzance (1450–1600) et dans les payes sous domination etrangère. Athènes, 1989; Εἰκόνες τῆς κρητικῆς τέχνης. Ἡράκλεον, 1993; *Пятницкий Ю. А.* Визант. и поствизант. иконы в России // ВВ. 1996. Т. 56 (81). С. 247–265; *Евсеева Л. М.* Афонская книга образцов. М., 1998; *она же.* Греч. икона после падения Византии // История иконописи: Истоки. Традиция. Современность. М., 2002. С. 95–118.

Каталоги коллекций: *Chatzidakis M.* Icônes de St. Georges des Grecs et de la Coll. de l'Institut: Cat. Venice, 1962; From Byzantion to El Greco: Greek Frescoes and Icons: Cat. / Ed. M. Acheimastou-Potamianou. Athens, 1987; *Chatzidakis N.* From Candia to Venice: Greek Icons in Italy, 15th–16th Cent. Athens, 1993; Из коллекций Н. П. Лихачева: Кат. выст. СПб., 1993; Греч. документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства моск. собраний: Кат. выст. М., 1995; Поствизант. живопись из собр. Москвы, Твери и Рязани: Кат. выст. Афины, 1995; Treasures of Mont Athos: Cat. of Exhibition. Thessal., 1997; Древности мон-рей Афона X–XVII вв. в собр. Москвы и Подмосковья. М., 2004.

Л. М. Евсеева

Прикладное искусство. Назначение памятников прикладного искусства не сводилось к декоративным или утилитарным функциям. В этой сфере деятельности, необоснованно получившей название «искусство малых форм», не было «малого», все было обусловлено личностным отношением человека к Богу. Так, лампады символизировали души, горящие огнем веры (Исх 30. 8); евхаристические сосуды (потиры и дискосы) должны были восприниматься, с одной стороны, как память о пасхальном блюде Вечери Христовой, с др.— как хранилища Жертвы Завета, через к-рую Бог снова воплощается среди верующих; лжицы — как посредницы Церкви в духовном питании мирян. Символическое значение имел и материал, из к-рого был изготовлен памятник, а также его цвет. В трактате свт. Епифания, архиеп. Кипрского (ок. 315–403), посвященном 12 камням эфуда (пекторали) ветхозаветного первосвященника, сказано, что драгоценные камни могли служить символами как христ. добродетелей, так и конкретных святых, в наивысшей степени ими обладавших (*Епифаний Кипрский.* О 12 камнях, бывших на одеждах Аарона // ТСОРП. 1885. Т. 52б. С. 267). Камни красного цвета обозначали божественную любовь и огонь Св. Духа, синие были эмблемой чистоты, рубин считали камнем ап. Андрея, зеленую яшму — камнем ап. Петра, а хризопраз — камнем ап. Фаддея. Процесс сложения и развития основных видов визант. прикладного искусства протекал во многом сходно с эволюцией монументальной живописи, иконописи и скульптуры с использованием того же набора изображений и приемов их воплощения. Благодаря легкости перемещения небольших по размерам предметов прикладного искусства с их помощью происходило распространение образного строя «большого» искусства.

IV — нач. IX в. Христ. иконография находилась в стадии становления, инерция ремесленной традиции была еще достаточно сильной, и визант. мастера прибегали к условному языку символов, в качестве к-рых выступали аллегорические фигуры добродетелей и сил природы, нек-рые растения, птицы и животные, буквенные криптограммы; нередко как аллегории, в христ. контексте использовались образы греч. и рим. богов или сцены из их жизни. В это время появилось множество разнообразных бронзовых,

Лампадофор. V–VI вв. (Лувр. Париж)

стеклянных и глиняных осветительных приборов: хоросов и канделябров, лампадофоров в виде базилики, лампад и ламп с полным набором изображений, встречающихся в живописи катакомб. Появились и композиции, известные только на щитках ламп: Христос над аспидом и василиском; лучи в окружении греч. надписи: «Свет Христов просвещает всех»; композиция, соединяющая черты конструкций погребального сооружения и крещальни, означавшая, что принимающий Крещение

умирает как язычник, но воскресает к новой жизни как христианин. Лампы являлись носителями определенной символики, поскольку ассоциировались с источником невещественного света («Ты, Господи, светильник мой» (2 Цар 22. 29), «Слово Твое — светильник ноге моей» (Пс 118. 105), «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику» (2 Петр 1. 19)).

Изделия из серебра в ранневизант. период изготовлялись преимущественно в крупнейших городах империи — Александрии, Антиохии, К-поле, в т. ч. расположенных на побережьях Эгейского и Мраморного морей. Со времени экономической реформы имп. Анастасия I (491–518) серебро, вышедшее из столичной придворной мастерской, имело ставившиеся в процессе работы пробирные знаки, подтверждавшие высокую пробу металла. В клейма, их, как правило, было 5, включали монограммы имени правившего императора, а также комита «священных щедрот» — чиновника, отвечавшего за качество серебра. Подобная система апробирования действовала в К-поле до кон. VII в., и все изделия с т. н. клеймами имп. типа имеют точные даты их изготовления (с точностью до года, если известно время пребывания в должности конкретного комита). Свои клейма имели Антиохия, Никомидия, Наисс и Карфаген.

Согласно данным письменных источников, мастерские барбарикариев (ремесленников, владевших приемами художественной обработки металла) существовали при созданных имп. Диоклетианом (284–305) оружейных «фабриках» в Антиохии, Эдессе и Дамаске. Из посвятительных и весовых надписей на сосудах следует, что мастерские торевтики существовали в Фессалонике, Севастии Палестинской, Карополе, Феле и Бенемсине (в Сирии). Визант. мастера широко пользовались чеканом, при к-ром силуэты изображений выбивались с оборота, а детали наносились с лицевой стороны и иногда дополнялись гравировкой, позолотой и чернью.

Сосуды из золота и серебра часто служили дипломатическими подарками. Каждый год предводителям варварских дружин, в помощи и

Блюдо с изображением креста. 629–641 гг. (ГЭ)

поддержке к-рых Византия была заинтересована, отсылались богатые дары, куда непременно входили и сосуды из драгоценных металлов. Предметы, посылавшиеся в подарок, не были в прямом смысле слова чашами или блюдами, но являлись своего рода богато украшенными щитами (миссориями), на к-рые было принято насыпать золотые монеты (напр., блюдо, дарованное правителю Боспора Рескупориду III, блюда из керченских склепов с портретами имп. Констанция II (337–361)). Миссории IV–V вв. сменили сосуды с медальонами в центре, где помещались выполненные чернью кресты в венках из листьев плюща или виноградных лоз. Изображения — сцены из античных мифов, орнаментальные композиции или сюжеты, взятые из Свящ. Писания,— выполнялись с помощью одних стилистических приемов. Этот ранневизант. стиль («койне») сложился к IV в. в результате взаимовлияний, шедших из крупнейших центров, что, однако, не исключало творческой инициативы и ориентации на самобытное местное художественное наследие.

Со времени основания К-поля там работали мастера — выходцы из различных областей, поэтому созданные в столице империи памятники имеют черты искусства разных провинций. К специфически малоазийским образцам торевтики относятся блюда с изображением дионисийских шествий, сопровождавшихся кормлением священных змей, и иллюстрациями Одиссеи в изложении Квинта Смирнского (IV в.), автора поэмы «После Гомера». Малоазийские изделия VI в. входят в состав большого клада (ок. 60 предметов) церковного серебра, найденного в 1963 г. в Юж. Турции, у дер. Кумлуджа (древняя Коридалла), близ Антальи. Только на $^1/_3$ предметов из этого клада имеются клейма времени имп. Юстина II (565–578), свидетельствующие об их столичном происхождении. В посвятительных надписях упомянуты ц. Св. Сион и сир. еп. Евтихиан, о деятельности к-рого повествует хроника Захарии Ритора. В М. Азии Св. Сионом называлась главная церковь мон-ря, расположенного к северо-востоку от Мир Ликийских. Храм был основан в VI в. 3 церковными иерархами, соименными знаменитому покровителю Мир — свт. Николаю Чудотворцу. Мон-рь был известен как один из важных центров паломничества и потому мог получить столь значительные подношения, к-рые включали дискосы, лампадофоры и книжные оклады к-польского, малоазийского, и сир. происхождения. С егип. Александрией связано появление таких сцен, как «Ипполит и Федра», «Измерение подъема уровня воды в Ниле», «Борьба орла и оленя со змеями» — мотивы, восходящие к иллюстрациям «Физиолога», греч. оригинал к-рого был создан в Александрии. Хотя крупнейшие города Средиземноморья были эллинизированы, христианство столкнулось здесь с местными, подчас очень древними культами, нек-рые выражения к-рых по духу и по форме были созвучны христ. представлениям. К ним относится образ Богоматери Млекопитательницы (Галактотрофусы), сопоставимый с егип. богиней Исидой, кормящей Гора (напр., на фреске в Саккаре (до 640), на коптских стелах V–VI вв.). Сложившийся как иконный тип на егип. почве, извод «Млекопитательницы» получил затем общеимп. признание, в частности был широко представлен на вислых свинцовых печатях (моливдовулах). Стиль изображений на литургической утвари, потирах, дискосах, лампадах, крестах, окладах священных книг в ранневизант. время в значительной степени вырабатывался мастерами-сребродельцами Сиро-Палестинского региона. Характерным примером могут служить изображения на потирах и кадилах, посвященные, согласно греч. надписям, св. Стефану и св. Иоанну из Аттарути.

Находившийся вблизи Апамеи г. Аттарути (древняя Тарутия), раз-

рушенный персами в 614 г., был обследован экспедицией Принстонского ун-та. В ходе раскопок были найдены фундаменты 2 храмов, один из к-рых был посвящен св. Стефану, а др.— св. Иоанну Крестителю. На 10 потирах и 3 кадилах из Аттарути с подчеркнутой экспрессией, достигаемой контрастами золотых и серебряных поверхностей и

Клад литургических предметов из Аттарути (Метрополитен-музей. Нью-Йорк)

условной передачей очертаний фигур с помощью т. н. штриховой манеры, изображаются под арками Христос между св. Стефаном и св. Георгием, Христос между 2 архангелами, Богоматерь со святыми Иоанном Крестителем и Феодором.

Для украшения ювелирных изделий мастера помимо чеканки, штамповки и гравировки применяли перегородчатую инкрустацию в сочетании с полудрагоценными камнями, эмаль, выемчатую и перегородчатую, технику миллефиори, филигрань и зернь. Перстни, браслеты, ожерелья и пояса являлись не только украшениями, но имели функциональное назначение как инсигнии власти и принадлежности к определенной социальной группе, предметы, связанные с христ. культом или с оккультной практикой и магией. Браслеты и ожерелья «монетного типа» служили наградами отличившимся воинам, подарками варварским вождям. О сплетенных из золотых нитей шнурах с подвесками, отправленных предводителям авар, сообщает историк Менандр Протиктор (VI в.). Любопытное свидетельство содержится в «Готской войне» Прокопия Кесарийского (*Procop.* Bella. VII 1. 8): полководец имп. Юстиниана I Велисарий награждал наиболее отличившихся деньгами, золотыми браслетами и ожерельями. Подвешенные к шнурам ажурные золотые листья, круги, медальоны (брактеаты), подобно тому как это имело место в Римской империи, являли собой знаки воинского отличия. Полые цилиндрики на цепях, происшедшие от амулетных обойм с вложениями, выполняли функции филактериев (амулетов). Сочетавшиеся с амулетами и брактеатами кресты, как следует из описаний церемоний визант. двора имп. Константина Багрянородного (913–959), были не просто христ. символами, но связывались с определенным званием и служили его почетным знаком. Евангельские сцены можно видеть на нек-рых браслетах, происходящих из Сирии и Египта, а также на перстнях-инсигниях и обручальных кольцах. Фибулы и пряжки отличались многообразием. В IV в. преобладали фибулы-броши с эмалью и полудрагоценными камнями и арбалетные фибулы «луковичного» типа с гравировкой, чернью и инкрустациями; в V в.— большие трапециевидные фибулы с эмалями и двупластинчатые экземпляры с гравировкой и накладной крученой проволокой, последние легли в основу многообразных вариантов двупластинчатых фибул VI и VII вв. Пряжки в IV в. украшались крестами, на рубеже V–VI вв. геометрическим орнаментом и перегородчатой инкрустацией, в VI в.— орнаментом в виде лилии, накладками с антропоморфными изображениями, монограммами, включенными в растительный и геометрический орнаменты, в VII в.— изображениями львов, грифонов, виноградных лоз, побегов плюща, различных пальметок, реже

Свадебный пояс. VI в. (Лувр. Париж)

выступающими фигурными крестиками. В ажурной технике интерасиле (от лат. interrāsilis — резной, узорчатый) декорировались золотые браслеты, серьги, перстни, ожерелья и свадебные пояса. Напр., на одном из таких поясов (Лувр, Париж), на 2 больших дисках, служивших застежкой, представлен Христос, венчающий жениха и невесту, а на малых дисках, составляющих сам пояс, помещены бюсты Тихе (богиня судьбы и удачи, олицетворение городов) и участников дионисийского шествия. Из жития прав. Алексия, человека Божия, явствует, что подобные свадебные предметы не участвовали в обряде венчания, но дарились новобрачной ее супругом в брачном покое («И вошед в брачный покой, юноша увидел ее сидящей в кресле. И он взял свой золотой перстень и поясную пряжку, завернутые в пурпурного цвета покров, и отдал ей».— Жития визант. святых / Пер. С. В. Поляковой. СПб., 1995. С. 322–323).

Слоновая кость доставлялась в К-поль из Индии и Африки и шла на изготовление пиксид, консульских и церковных диптихов, для украшения ларцов и мебели. Именно в визант. время скульптура и рельефы из слоновой кости получают особое распространение, т. к. в предшествующий период она чаще применялась для облицовки мебели или различного вида шкатулок. Изображения на диптихах консулов, как к-польских, так и рим., известны с 406 по 540 г. Как явствует из закона имп. Феодосия I (384), изготовление диптихов из слоновой кости разрешалось только для ординарных консулов (CTh. XV 9. 1). Их вступление в должность сопровождалось цирковыми представлениями, раздачей хлеба и мелких монет. На большинстве диптихов наряду с портретами консулов изображены зрители в ложах, на арене — выступления акробатов, жонглеров, актеров с масками в руках, гонки на колесницах, борьба с дикими животными. Обратная сторона диптиха оставалась гладкой, имела восковое покрытие и предназначалась для текста приглашения на ипподром почетных гостей. На диптихе 517 г. консула Анастасия (BNF) над восседающим на курульном кресле консулом помещены портреты имп. Анастасия I, имп. Ариадны и экс-консула Помпея, отца вновь избранного консула.

Портреты императора в медальонах держат Ники и орел, венчающий консульский жезл. Помимо К-поля и Рима искусство обработки слоновой кости процветало в Египте и в

Диптих консула Ареобинда. 506 г. (Музей Клюни. Париж)

Сиро-Палестинском регионе. Александрия и близлежащие центры, Андрополь и Навкратис, славились своими косторезами, что подтверждает текст V в., в к-ром сообщается, что Кирилл Александрийский посылает имп. Феодосию II 8 облицованных пластинками из слоновой кости курульных кресел и 14 со спинками. Кроме готовых изделий в столицу империи доставлялась и необработанная кость, к-рая беспрепятственно экспортировалась до сер. VI в., т. к. при Юстиниане I Византия контролировала всю долину Нила. Сложение к VI в. развитых иконографических циклов, иллюстрирующих Свящ. Писание, проявилось в оформлении пиксид, нередко предназначавшихся для хранения реликвий. Такой экземпляр VI в. хранится в Музее Клюни в Париже; на пиксиде изображены чудеса, совершаемые Иисусом Христом: Христос и самарянка, исцеление слепорожденного и расслабленного, воскрешение Лазаря.

Производство керамики — светильников, ампул, штампов для просфор и для изготовления евлогий, сосудов богослужебных и бытового назначения — было развито повсе-

Образцы глиняной посуды. VI в. (Археологический музей Неа-Анхиалос. Греция)

местно. Местные отличия проявлялись в форме предметов, в наборе декоративных элементов и способах их нанесения, в цвете глины. Светильники подразделялись на группы: аттическую, коринфскую, фракийскую, понтийскую (включающую и Сев. Причерноморье), малоазийскую, кипрскую, сирийскую, палестинскую, рим., италийскую («африканский» тип), карфагенскую и египетскую. Особый столичный тип глиняных ламп неизвестен. Археологические раскопки показали в К-поле в V–VI вв. наличие ламп из Н. Мёзии и Фракии. Среди глиняных ампул для святой воды или масла, к-рое было принято отливать из светильников, горевших у гроба мученика, известны 2 большие группы изделий: егип. и малоазийские. При раскопках егип. мон-ря св. Мины была обнаружена мастерская по изготовлению ампул. На них на одной стороне изображался св. Мина с верблюдами, обратную сторону занимала пояснительная надпись. Развозимые паломниками ампулы обнаруживались во всех концах христ. мира и

Пиксида с изображением сцен из Евангелия. VI в. (Музей Клюни. Париж)

даже за его пределами — от Галлии до Центр. Азии. В М. Азии ампулы для пилигримов изготовлялись в Синопе, Лампсаке, Эфесе, Смирне, Пергаме и Трапезунде. Композиции, принадлежащие по своей значимости к разряду общеимп., «Иоанн Богослов, диктующий писание Прохору» и «Христос и апокалиптические всадники» были созданы в Эфесе и оттуда с паломническими ампулами распространились по империи. На малоазийских ампулах представлены также и сюжеты, не получившие распространения за пределами провинции, напр. св. Иоанн Богослов (фоном изображения служит липсанотека этого святого), еп. Эфесский св. Тимофей. Краснолаковая посуда IV–VI вв. т. н. африканского типа со штампованными изображениями на дне крестов, хризм, животных и птиц, реже отдельных святых или Христа производилась по преимуществу в мастерских Сев. Африки и Сирии. Рисунок на таких блюдах и плоских чашах примитивен и груб по сравнению с тонкими краснолаковыми сосудами рим. времени. Расписная бытовая керамика VI в. известна по образцам, вышедшим из мастерских Центр. Греции, Египта и юга Палестины.

Стеклоделие в В. и. было наиболее развито в Сирии и Египте. Мастера-стекольщики делились на шлифовальщиков и выдувальщиков. Подавляющее большинство сосудов было выполнено техникой дутья в форму и имело зеленоватый, реже желтоватый, оттенок. В IV–V вв. были распространены ребристые кувшины и бутыли с 4- или 6-гранным туловом. На отдельных сосудах имелись изображения крестов, волнообразный орнамент и штриховка. На егип. экземплярах встречаются штампованные украшения, припаянные к разогретой стенке сосуда. В Сирии изготовлялись стеклянные чаши, к-рые оправляли в серебро. О таких драгоценных сосудах сообщает свт. Иоанн Златоуст, осуждая людей, к-рые, «увлекаясь роскошью, употребляют на это серебро, но прежде влагают внутрь стекло, а потом снаружи окружают его серебром» (PG. 48. Col. 584). Производство стеклянных изделий было сосредоточено в 3 центрах Средизем-

номорья: в Александрии, в Сирии, на Финикийском побережье, и в Риме, однако большую часть миниатюрных стеклянных имп. портретов, таких как бюст Максенция (306–312) и бюст Констанция II, принято считать изготовленными в Александрии. В столице Египта, где с эллинистических времен существовали многочисленные фабрики по производству стекла, была изобретена новая мозаика, в кубиках к-рой стеклянная масса сочеталась с золотыми и серебряными пластинками. Найденные в рим. катакомбах и относящиеся по преимуществу к IV в. донца стеклянных чаш украшены в схожей технике. На них тонкие листки золота с гравированными изображениями, как в кубиках мозаики, заключались между 2 стеклянными поверхностями. Наряду с портретами конкретных лиц на этих донцах чаще всего сделаны сопровождаемые лат. надписями изображения ап. Петра, св. Агнессы, Жертвоприношение Авраама. Известен и ряд образцов, на к-рых представлен сюжет, встречающийся на обручальных кольцах и поясах — Христос, венчающий жениха и невесту. Ранневизант. Египет знал небольшие стеклянные зеркала, укреп-

Образцы стеклянной посуды. IV–V вв. (Византийский музей. Фессалоника)

лявшиеся на мастике в коробочках. В М. Азии и особенно на территориях, расположенных по дунайской границе В. и., в V–VI вв. были распространены зеркала с 2 свинцовыми рамками, одна из к-рых дублировала стекло. Эти зеркала имели малую отражательную поверхность (диаметр 2–3,5 см); они не столько использовались по прямому назначению, сколько связывались с магическими представлениями. На свинцовых оправах изображались сцены охоты, растительный орнамент, включавший элементы христ. символики, что усиливало охранительное назначение такого предмета, т. е. превращало зеркало в амулет.

К массовым видам производства как монастырского, так и гос. относилось ткачество. В большом количестве благодаря особенностям почвы и климатических условий ткани сохранились в Египте — крупнейшем поставщике ткацкой продукции для различных областей В. и. Они изготовлялись в основном из льна; шерсть применялась гл. обр. для цветных узоров. Производство шелка на территории В. и. распространилось в VI в. Однако еще в IV в. свт. Иоанн Златоуст осуждал богачей, к-рые носят шелковые одежды и доходят до «такого безумия, что вплетают еще и золото в одежды». Шелковые ткани с изображениями всадников, орнаментальными мотивами, евангельскими сюжетами изготовлялись в К-поле, Александрии и Антиохии. В Египте, Греции и М. Азии широкое распространение получила гобеленная техника. Для крупных узоров часто применялось изобретенное египтянами петельчатое переплетение, напоминающее мозаику. В этой технике изготовляли настенные ковры и завесы. Особую группу составляли ткани, выполненные в технике броше, с помощью к-рой создавались геометрические композиции. Наиболее распространенными видами одежды были туники, далматики и плащи разных типов. С III в. вост. и варварская одежда с украшениями утвердилась в рим. обиходе, в V–VI вв. возрастающая роль декора стала заметна и в Византии. Узкие узорчатые полосы, расположенные в верхней части одежды (клавы), украшения на плечи, ворот и подол были обязательными для туник. Для узоров, первоначально вотканных, а позднее нашивавшихся на ткань, употреблялась различно окрашенная шерсть. Красители были растительного или животного происхождения, реже использовались минеральные краски. Выше всего ценился пурпур, к-рый добывали из особого вида моллюсков, встречавшихся у берегов Финикии. Пурпуром обычно раскрашивались ткани в имп. мастерских, расцвечивали завесы, как это видно, напр., на изображении дворца Теодориха в ц. Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне. Подобные завесы сохранились среди копт. тканей. Ткани с многофигурными полихромными изображениями специалисты связывают с искусством Александрии, напр. ткань с изображением нарядно одетой женщины с зеркалом, датируемая V–VI вв. (Музей Бенаки, Афины). Др. крупными текстильными центрами в это время были Антиноя и Панополь.

Период иконоборчества (726–787, 813–843) определяли такие явления, носившие ретроспективный ха-

Ткань с изображением женщины с зеркалом. V–VI вв. (Музей Бенаки. Афины)

рактер, как возврат к античности и к раннехрист. аниконическому искусству. Эта эпоха не оставила значительных памятников.

2-я пол. IX–XII в. Время правления императоров из Македонской и Комниновской династий было ознаменовано расцветом ювелирного дела, торевтики, резьбы по кости и камню, стеклоделия, керамического ремесла и производства тканей. По числу дошедших до нас памятников, их техническому и художественному совершенству этот период не имеет себе равных. К-поль сохранил ведущую роль во всех областях искусства, произведения столичных мастеров продолжали оставаться для ближних и дальних соседей империи эталонами. Самым выразительным, наиболее соответствующим эстетическим принципам искусства В. и. было творчество эмальеров. Перегородчатые эмали с их утонченной линейной стилизацией, глубиной и чистотой локальных

цветов, золотой сетью мельчайших деталей рисунка создавали впечатление невесомости фигур и ирреальности пространства. К зеленым, синим, лиловым и красным цветам, к-рые доминировали в ранневизант. время, эмальеры X в. добавляли фиолетовый и желтый, голубой и бирюзовый оттенки. Обилие золота знаменовало стихию божественной энергии, являлось символом торжествующей веры, а образы подчинялись идее возвышенной духовности. Великолепные образцы такого искусства, на к-рых перегородчатые эмали сочетаются с ювелирной обработкой полудрагоценных камней, золота и серебра, хранятся в ризнице собора Сан-Марко в Венеции. Эти литургические сосуды X–XII вв., гл. обр. потиры и дискосы, вывезенные из ограбленного в ходе 4-го крестового похода К-поля, выточены из яшмы, агата, оникса, малахита, серпентина, алебастра и горного хрусталя. Потиры имеют форму чаш с полусферическим туловом; ножки и венчики, выполненные из золота и серебра, убраны полудрагоценными камнями и нитями жемчуга, обрамляющими эмалевые пластины и медальоны с погрудными изображениями Христа, Богоматери, апостолов и святых. Круговые греч. надписи содержат традиц. евхаристические тексты. В письменных источниках такие сосуды упоминаются среди имп. даров или возвращенных трофеев. Так, по свидетельству Анны Комниной, имп. Алексей I Комнин отправляет в дар герм. кор. Генриху IV чашу из сардоникса и кубок из горного хрусталя, а историк Никита Хониат описывает «прекраснейший и необыкновенный крест, который был высечен из драгоценного светящегося камня и на котором искусство живо изобразило божественный лик несравненной красоты» (цит. по: *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М., 1978. С. 116). Вазы из хрусталя постоянно упоминаются среди трофеев крестоносцев. Такой добычей стал в свое время алебастровый дискос XI в. в серебряной позолоченной оправе, хранящийся в соборе Сан-Марко в Венеции, к-рый украшает выполненное в технике перегородчатой эмали на золоте изображение благословляющего Христа. Хранящийся в том же собрании потир имп. Романа, имеющий греч. надпись: «Господи, помоги Роману, православному императору», относится к вотивным образцам. Из надписи не ясно, по заказу какого имп. Романа I Лакапина (920–944) или Романа II (959–963) был выполнен этот сосуд. Чашу из сардоникса античной работы в X в. оправили в серебро, украсили жемчугом и 15 золотыми пластинками с перегородчатой эмалью, представляющими Христа, Богоматерь, св. Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла, 4 евангелистов, 2 архангелов, святителей Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и Николая Чудотворца. Исполненные в это же время камеи с изображениями святых украшали оклады икон, литургические книги и священные облачения, а также потиры и дискосы. Рус. паломник Добрыня Ядрейкович (буд. архиеп. Антоний Новгородский) в сер. XII в. описал дискос, вклад равноап. кнг. Ольги в храм Св. Софии К-польской, с таким резным камнем: «На блюде же Олжине [Ольги] камень драгий, на том камне написан Христос... у того же блюда все по верхови жемчугом учинено».

Дискос с изображением Иисуса Христа. XI в. (сокровищница собора Сан-Марко в Венеции)

Потир имп. Романа. 940 г. (сокровищница собора Сан-Марко в Венеции)

Серебряные изделия X–XII вв. выглядят иначе, чем ранневизант. Хотя способы обработки металла не изменились, но техническая изощренность, вкус к декоративному достигли предельных высот. Широкое распространение получило сочетание золота и позолоченного серебра с жемчугом, драгоценными камнями и чернью, гравированный рисунок стал помещаться на канфареном (зернистой фактуры) фоне. Сюжеты, ставшие обычными для серебряных сосудов светского назначения, близки триумфальному имп. циклу, целью к-рого было прославление василевса. Это искусство питал символический параллелизм, уподоблявший императора легендарным героям прошлого. Среди целой серии подобных сосудов выделяется совершенством исполнения и уникальностью композиционного решения блюдо с Вознесением *Александра Великого* (Македонского) (ГЭ), выполненное мастером столичной выучки. Декор подобных светских сосудов состоял из сюжетов, имевших между собой мало общего, кроме символики силы, победы и праздника, являясь тем самым пожеланием всех благ владельцу. Такие памятники служат иллюстрацией положений трактата «О разных искусствах» мон. Феофила (Рогер из Хельмарсхаузена — западноевроп. мастер по обработке металла), к-рый писал в нач. XII в., что золотые и серебряные сосуды надо украшать фигурами «всадников, сражающихся с драконами, львами

«Вознесение» Александра Македонского. Фрагмент блюда. Нач. XIII в. (ГЭ)

и грифонами, или образами Самсона и Давида, раздирающих пасти львов, а также одиночными львами и грифонами, или кем-нибудь из них, когда он душит овцу, или чем-нибудь еще, что вам нравится и является подходящим и соответствующим изделию по размеру» (*Theophilus, Presbyter.* De diversis artibus / Ed. and transl. C. R. Dodwell. Oxf., 1986. P. 141; рус. пер. С. А. Беляева см. в кн.: *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. Прил.). В эпоху крестовых походов, когда происходило интенсивное

Филофеевская ставротека. XII в. (ГММК)

взаимопроникновение культур Запада и Востока, визант. торевты применяли различные орнаментальные приемы, элементы «сельджукского» и позднероманского искусств. В оформлении литургических предметов примечательна любовь к полихромии, исключительное многообразие растительного и цветочного орнаментов, выделение креста как композиционно образующего элемента. Наглядными образцами являются ставротеки, украшенные чеканными и гравированными изображениями. Под выдвижной крышкой вокруг крестообразного углубления, предназначенного для частиц Животворящего Креста, помещались изображения равноапостольных Константина и Елены в окружении архангелов, серафимов и святых, на оборотной стороне — 6-конечный процветший крест на ступенях. Т. н. Филофеевская ставротека (XII в., Оружейная палата ГММК), по преданию, являлась благословением К-польского Патриарха Филофея (1353–1354 и 1364–1376) московскому вел. князю и была привезена на Русь митр. Алексием в 1354 г. Особенность ее иконографии — традиц. фигуры святых Константина и Елены по сторонам креста заменены изображениями святых врачевателей Космы, Дамиана, Кира и Пантелеимона; реликвии этих святых, вероятно, также хранились в ставротеке. Евлогии к-польского происхождения — это не только драгоценные предметы, к-рые служили дипломатическими подарками и, как правило, были связаны с почитанием Честного Креста, но и миниатюрные образки, воспроизводившие прославленные столичные иконы Богоматери Платитеры и Никопеи. Почитание Богоматери «Живоносный Источник» было сосредоточено у 2 столичных храмов. Самый известный находился возле Силиврийских ворот, у источника, где собирались больные, др.— в Евдоме, у дворца Магнавра, неподалеку от к-рого была *агиасма*, к к-рой также шли жаждавшие исцеления. В Евдоме были найдены стеклянные ампулы для освященной воды. В провинции реликварии и евлогии производились для пилигримов в известных еще с ранневизант. времени центрах. К знаменитым св. местам добавились в М. Азии ц. в честь св. Михаила в Хонах Фригийских, мартирий св. Меркурия, сокрушителя Юлиана Отступника, в Кесарии Каппадокийской, мартирий св. Фотия в Никомидии, мартирий св. Георгия Амастридского в Трапезунде, где почитались также и Севастийские мученики; в Сирии — возрожденный в X в. мон-рь св. Симеона Столпника Младшего на Дивной горе, вблизи Антиохии, при к-ром изготовлялись свинцовые медальоны с изображением столпника. Небесным покровителем Фессалоники стал вмч. Димитрий Солунский. По данным хроники фессалоникийского свящ. Иоанна Камениата, с нач. X в. мощи вмч. Димитрия начали источать миро, с этого времени и по XII в. включительно в Фессалонике процветало изготовление специальных свинцовых флаконов для елея с полуфигурными изображениями в медальонах вмч. Димитрия и др. местных святых: Феодоры, Матроны, Фронтона и Феодула. В средневизант. период была изготовлена и основная масса серебряных и золотых, украшенных перегородчатыми эмалями реликвариев, энколпионов и образков с изображением покровителя Фессалоники, нередко со св. воинами Георгием, Нестором и Лупом: напр., золотой с перегородчатыми эмалями энколпион (Британский музей, Лондон) имеет изображение вмч. Димитрия во гробе, причем раку святого прикрывает диск с изображением св. Георгия.

Мощевик-энколпион вмч. Димитрия Солунского. XIII в. (Британский музей. Лондон)

В X в. в визант. стеклоделии появились приемы глубокой и рельефной резьбы, с помощью к-рой мастера имитировали в стекле изделия из горного хрусталя. Одной из больших заслуг стеклоделов считалось также умение сочетать росписи золотом и эмалью. До X в. роспись золотом применялась гл. обр. в Египте, роспись эмалью считалась сир. традицией. На основе использования этих видов росписи был создан новый, более парадный стиль украшения стеклянных сосудов. В XI–XII вв. данный прием считался преимуществом визант. мастеров. Мон. Феофил сообщал, что греки изготовляли стеклянные кубки, флаконы и вазы и украшали их росписью золотом и разноцветными эмалями. Такие сосуды известны по находкам в Коринфе, на Кипре, в Двине (Армения) и в Новогрудке (Белоруссия). Напр., на стенках украшенной в такой технике чаше темно-фиолетового стекла (сокровищница Сан-Марко в Венеции) помещены 7 медальонов с персонажами, взятыми

из античной мифологии, возможно олицетворяющими 7 планет; в пышный растительный орнамент вплетены арабески, что позволяет датировать сосуд XI в., когда господствовал стиль куфеск, имитирующий араб. письмо.

Чаша с изображением сюжетов, взятых из античной мифологии. XI в. (сокровищница собора Сан-Марко в Венеции)

Излюбленными при дворе визант. императоров были изделия из резной слоновой кости. Она шла на изготовление миниатюрных иконок, портативных диптихов и триптихов для домашних часовен, переносных темплонов, для украшения ларцов светского и культового назначения. По свидетельству имп. Константина Багрянородного, в часовне Большого имп. дворца, посвященной пострадавшим в Севастии христианам, находился выполненный из слоновой кости эпистилий. Большинство визант. изделий из слоновой кости раскрашивалось. Фон часто бывал синим, выступающие части рельефа золотились; использовались розовый, голубой и зеленый красители. О высоком техническом мастерстве резчика и изысканных вкусах столичного общества свидетельствует триптих (Художественная галерея Уолтерса, Балтимор, США) с изображением под резной аркой Богоматери Одигитрии, выполненный в период македон. ренессанса, на боковых створках в 2 регистрах представлены образы святых; на оборотной стороне створок, обрамляющих центральную пластину, обычно вырезались кресты, иногда с медальонами на концах и в перекрестии или с розетками.

Триптих с образом Богородицы Одигитрии и святыми. X в. (Художественная галерея Уолтерса. Балтимор, США)

Пластичностью, характерной для антикизирующего направления в искусстве македон. ренессанса, отличаются бронзовые иконы с чеканными и гравированными изображениями. Эти памятники стилистически не столько связаны с изделиями из драгоценных металлов, сколько с резьбой по кости и камню; в частности, аналогичными приемами сделана разделка архитектурных обрамлений и мебели. Литые иконы с горельефными изображениями принято относить к изделиям К-поля, иконы же, выполненные из тонкого листа бронзы и, вероятно, набивавшиеся на деревянную основу, связывают с М. Азией. Бронзовые иконы, пожертвованные по завещанию (1059) малоазийского магната-каппадокийца Евстафия Воилы в ц. в честь Богородицы, названы им «σαρούτια». К такой категории памятников относится и вотивная икона с образом св. Ермолая, с греч. надписью, в к-рой вкладчик просит о спасении души и отпущении грехов (Дамбартон-Окс, Вашингтон).

Св. Ермолай. Литая икона. Нач. XI в. (Дамбартон-Окс. Вашингтон)

Костяным и бронзовым портативным иконкам стилистически близки стеатитовые. Из стеатита вырезались также кресты, образки и пластинки для украшения ларцов. В визант. источниках они названы «μίαντος λίθος» (пятнистый камень) или «ὀφίτης λίθος» (змеевик). Упоминаются стеатитовые изделия и в поэмах Мануила Фила (1275 — ок. 1345). Стеатиты с изображениями святых воинов принято относить к XI–XII вв., т. к. воинская тематика была особенно популярна в средневизант. период. Такова, напр., найденная в Херсонесе икона с изображениями святых Георгия и Димитрия. Образ последнего стилистически тождествен изображению этого же святого на дне чаши из серпентина рубежа XI–XII вв. (сокровищница собора Сан-Марко в Венеции). На обоих памятниках совпадают не только иконографический тип, но и ряд мелких деталей и характерных приемов, напр. в передаче волос и одежд. Оба были изготовлены в Фессалонике и характеризуют высокий уровень камнерезного искусства этого города.

Прикладное искусство В. и. развивалось на неск. уровнях, отражавших различные интеллектуальные позиции. Производство ремесленной продукции на широкий рынок сбыта вело к расцвету творчества, ориентированного на фольклор и обладавшего собственной эстетикой. Искусство городских гончаров отражало влияние образцов, изготовленных торевтами. Это народное направление в искусстве представлено яркой и красочной поливной керамикой, связанной с повседневной жизнью. В IX–X вв. преобладала белоглиняная посуда с рельефным штампованным орнаментом, к-рый покрывала монохромная зеленая или желто-коричневая полива (глазурь). Ее изготовляли в неск. центрах, откуда развозили по визант. городам Вост. Средиземноморья и Причерноморья. Из района К-поля происходят блюда с узором в виде розеток и изображением павлинов — символов воскресения и бессмертия. В IX в. появилась и белоглиняная посуда, расписанная минеральными красителями прямо по черепку. Наличие или отсутствие контура делило ее на 2 подтипа. Контурная роспись отличалась четким, нанесенным кистью рисунком черно-коричневого цвета; детали расцвечивались коричневыми, желтыми и розовыми красками, к-рые

накладывались тонким слоем; синий, зеленый и красный пигменты отличались пастозностью, образовывая рельеф. Сосуды покрывали прозрачной поливой, пропускавшей цвет росписи. Ареал этой керамики невелик, так же как и число нахо-

Чаша с изображением воина. XII в. (Археологический музей г. Пелла. Греция)

док. Более распространены относящиеся к X в. белоглиняные плитки с росписью, предназначавшиеся для украшения стен. Среди них выделяется группа керамических икон. Фрагменты подобных пластин и целые иконы были найдены в значительном количестве в различных районах К-поля, а также в древней столице Болгарии — Преславе и ее округе. При всей технической и стилистической близости к находкам в К-поле плитки из Преслава образуют особый самостоятельный вид, хотя и примыкающий по своему характеру к визант. расписной керамике IX–X вв. Существует гипотеза о возможном изготовлении полихромных плиток в М. Азии — в Никомидии. Как свидетельствует грамота от 13 окт. 1202 г., по приказу имп. Алексея III Ангела уступаемая генуэзцам церковь в К-поле имела интерьер, украшенный мрамором, золотой мозаикой, медными накладками и декоративными керамическими плитками, «привезенными из Никомидии» (*Miklosich, Müller.* Vol. 3. P. 55, XI). Хотя из текста грамоты не ясно, были ли эти плитки рельефными или расписными, в пользу производства керамики в Никомидии говорят следующие обстоятельства: из этого района происходят 3 керамические иконы (все в ГИМ); расположенная вблизи Никея богата залежами высококачественной белой глины. В XI в. появились новые типы керамики: белоглиняная расписная с бесконтурной зелено-коричневой росписью, красноглиняная керамика, покрытая белым ангобом, по к-рому гравированными линиями наносили рисунок (техника сграффито), или изображение выполнялось в технике снятия фона. Сосуды, декорированные в технике сграффито, широко представлены находками в К-поле, на месте, где некогда располагались термы Зевксипа. Для XII в. характерными стали смешанные типы керамики. Чаша с изображением воина (Археологический музей, Пелла, Греция) является примером сочетания росписи и гравировки по ангобу, а др. современная ей чаша со сценой борьбы животных — образец рисунка в технике снятия фона (частное собр. в Греции). Подобные сосуды относятся к изделиям столичной школы, к-рая включала и продукцию центров сев.-зап. части М. Азии, небольшой территории, оставшейся в пределах В. и. после поражения при Манцикерте (1071) и создания турками-сельджуками своего гос-ва.

Блюдо с изображением животных. XIII в. (Метрополитен-музей. Нью-Йорк)

При имп. Мануиле I Комнине (1143–1180) столицей пограничной с сельджуками обл. Неокастра становится Пергам, тогда же он выделился и как крупный центр по производству и экспорту поливной посуды. Антропоморфные образы на визант. сосудах — это воины, готовящиеся к битвам или сражающиеся с врагами, борющиеся с хищными животными или, подобно Георгию Победоносцу, поражающие дракона. Они олицетворяют героев визант. эпоса (напр., Василия Дигениса Акрита) или являются собирательными образами защитников от врагов и сокрушителей злых сил.

Крупнейшим центром текстильного производства и мировым рынком восточноевроп. торговли шелком являлся К-поль. В имп. мастерских-гинекеях вырабатывали дорогие ткани (шелка), к-рые шли на изготовление имп. и придворно-церемониальных одежд, на облачения высшего духовенства, для украшения дворцов и храмов. Их рисунок составляли изображения слонов, крылатых коней, орлов и грифонов, к-рые размещались в кругах, составленных из растительного и геометрического орнаментов (напр., ткань XI–XII вв. из Национального музея дизайна в Нью-Йорке). Производство элитных шелковых тканей являлось гос. монополией, и продажа их иностранным купцам была в VIII–X вв. запрещена; в XI–XII вв. их экспорт был сильно ограничен. Шелковые ткани, как и изделия из драгоценных металлов, использовались в качестве дипломатических подарков: их находят в гробницах зап. правителей, в сокровищницах соборов, они упоминаются в рус. летописях (среди даров, посланных в 1081 имп. Алексеем I Комнином герм. кор. Генриху IV, находились 100 кусков тканей пурпурного шелка).

Визант. шелковый экспорт складывался в основном из продукции шелкоткацких мастерских К-поля и Фессалоники, где вырабатывали двухцветные с несложным узором ткани и одноцветные, менее плотные, чем созданные в гинекеях. Эти ткани, окрашенные в красный и синий цвета разных оттенков, являлись упрощенным вариантом многоцветных шелков и были значительно дешевле. Нередко гладкие ткани украшали золотой вышивкой. В XI–XII вв. центрами шелкоткачества стали Фивы, славившиеся производством пурпурных тканей, а также Коринф и Спарта, продукцию к-рых высоко ценили на Пелопоннесе. Наличие на тканях изображений слонов и сенмурвов указывает на их тесную связь с вост. прототипами. В свою очередь визант. образцы оказали влияние на искусство др. народов: широко известен факт переселения пленных шелкоделов из Фив и Коринфа норманским кор. Рожером II в Сицилию.

XIII–XV вв. Вслед. экономического кризиса в этот период сильно

сократилось производство шелковых тканей, перегородчатых эмалей, изделий из драгоценных металлов, слоновой кости и цветного камня. Оловянная и глиняная посуда вытеснила золотую и серебряную, резное дерево — слоновую кость. В быту широких слоев населения ведущее место принадлежало поливной керамике. Поливные сосуды украшали, используя различные технические приемы: наряду с изображениями, выполненными глубокими врезанными линиями, применялось снятие фона; надписи и отдельные детали рисунка наносились ангобом. На белоглиняных сосудах синими, красно-коричневыми и зелеными красителями исполняли фигуры животных и птиц; на мн. чашах есть монограммы владельцев; дополнявшие изображения или заключенные в медальоны, они сами являются элементом декора. Производство посуды засвидетельствовано в различных регионах Балканского п-ова: Аттике, Македонии, Мёзии и Фракии. Малоазийские города Никея и Никомидия сохранили свое значение развитых керамических центров. В Коринфе, Фивах и Спарте были распространены большие красноглиняные блюда с гравированными изображениями рыб, агнцев и виноградных лоз под кроющей желтой поливой. Обращение к ранневизант. сюжетам (агнец, рыба) — одна из характерных черт культуры палеологовского ренессанса. Эта группа керамики обладает 2 отличительными признаками: изображения на ней оказываются в русле новых исканий визант. искусства, что само по себе указывает на метрополию, а характер стилизации виноградных лоз обнаруживает влияние араб. скоростного письма «насх». Из исконных визант. областей такими чертами отличались прежде всего памятники Греции с их ярко выраженной ориентацией на мусульм. Восток. Источником этого влияния было, с одной стороны, завоевание византийцами в 960–961 гг. о-ва Крит и последовавшее за ним переселение мусульман в Аттику, с др.— выгодное положение греч. торговых центров, получавших предметы араб. импорта. В Фессалонике, Олинфе, Пелле и юго-зап. Болгарии были найдены при раскопках красноглиняные сосуды с изображениями, выполненными в технике сграффито, на к-рых представлены арх. Михаил, вмч. Димитрий, как, напр., на чаше из Византийского музея в Фессалонике. Хотя композиционно сцены на таких сосудах близки кипрской керамике того же времени, характер рисунка и иконография повторяют изображения на визант. монетах, чеканившихся при имп. Андронике II Палеологе (1282–1328) в Фессалонике.

Фрагмент чаши с изображением вмч. Димитрия. XIV в. (Византийский музей. Фессалоника)

Ювелирное искусство этого периода представлено единичными памятниками: золотые перстни с надписями и монограммами Палеологов, украшенные филигранью и зернью серьги и браслеты.

В экфрасисах Мануила Фила сохранилось описание гемм. Не ясно, речь идет о созданных при жизни поэта резных камнях или о памятниках более ранних, тем не менее среди дошедших до нас камей и резных стеатитовых образков с изображениями святых Георгия, Димитрия, Иоанна Предтечи и праздничных сцен, нек-рые по характеру исполнения могут быть отнесены к XIII–XV вв. Их отличает живость изображения и отступление от строгой фронтальности.

Единственной в своем роде является крохотная (диаметр 4,3 см) пиксида из слоновой кости (Дамбартон-Окс) с изображением 2 имп. семей — т. о. запечатлены политические события сер. XIV в.: смена на престоле Иоанна V Палеолога (1341–1391) Иоанном VI Кантакузином (1347–1354). Судя по надписям, здесь представлены имп. Иоанн VI, его супруга имп. Ирина и их сын Андроник, около др. группы имена не указаны. Фигуры императоров даны фронтально, в торжественных позах; выступающие перед ними танцоры, музыканты и акробат изображены в движении, напоминающем образцы готической резной кости.

Основным материалом, используемым резчиками в XIV–XV вв., стала кость домашних животных, но чаще всего дерево. Искусство резьбы по дереву было воспето в экфрасисах поэта Иоанна Евгеника (XV в.): на незначительной поверхности, писал он, мастера создавали исключительно тонко и правдиво выполненные произведения. Подавляющее большинство дошедших до нас изделий относятся ко времени после 1453 г. Сделаны они гл. обр. на Афоне; мастерские резчиков по дереву известны также на Хиосе, Крите и Пелопоннесе. В XIV в. была выполнена створка складня со сценами Воскрешения Лазаря и Успения Пресв. Богородицы (ГЭ) и близкая ей по размерам и структуре створка со сценами Крещения и Вознесения (Художественная галерея Уолтерса, Балтимор, США). На обоих пластинах обращает на себя внимание сочетание двунадесятых переходящих (Успение, Крещение) и непереходящих (Воскрешение Лазаря, Вознесение) праздников — т. о. выдержан принцип расположения праздников, характерный для эпистилия. Миниатюрные деревянные эпистилии явились прообразами

Воскрешение Лазаря. Успение Божией Матери. Створка складня. XIV в. (ГЭ)

поствизант. резных иконостасов. Каждая икона размещалась под резной аркой, опиравшейся на колонки, к-рые могли быть либо витыми, либо декорированными изображениями зверей, птиц и вьющихся растений. По теории, изложенной Патриархом Никифором I (806–815) в трактате «Антирретика», где проводилась четкая грань между изображением как предметом поклонения и изображением, служившим простым украшением, оправдывалась глубоко укоренившаяся у визант. мастеров практика помещать на богослужебных предметах зооморфные образы. Прототипы деревянных эпистилиев, вероятно, были созданы в К-поле. Сохранившийся в ц. Санта-Мария ин Валле

Положение во гроб и оплакивание Иисуса Христа. Плащаница. 1-я треть XV в. (ГИМ)

Порклaнета в Абруцци (Италия) деревянный эпистилий на мраморном темплоне, согласно письменным источникам, являлся копией иконостаса из мон-ря Монте-Кассино, заказанного аббатом Дезидерием в К-поле.

Дошедшие до нас образцы визант. лицевого шитья XIV–XV вв. создавались по заказам имп. двора и Церкви. В эпоху Палеологов получило широкое развитие сюжетное золотое шитье, украшавшее предметы литургического назначения и церковные облачения. Материалом служили дорогие ткани, как правило подложенные полотном, декор выполнялся золотыми и серебряными нитями и расцвечивался разнообразными шелками. Такое шитье создавали придворные мастерицы, а также насельницы жен. мон-рей. Поздневизант. лицевое шитье лучше всего представлено плащаницами с изображением сцены «Положение во гроб и оплакивание Иисуса Христа». При большом разнообразии иконографических трактовок в композиции всегда присутствуют изображения Солнца и Луны в виде профилей с венцами на головах либо круглых личин. Стремясь подчеркнуть вселенскую значимость страстной сцены, художник-«знаменщик» переносил на нее

«Малый» саккос митр. Фотия. Кон. XIV — нач. XV в. (ГММК)

представление о дне Страшного Суда, когда померкнет Солнце, а Луна превратится в кровь. Композиция воспроизводила евангельский текст о приготовлении тела Христа к погребению: Иосиф и Никодим обвили тело Спасителя плащаницей, при этом были жены, смотревшие на приготовления (Мф 27. 59–61; Мк 15. 46; Лк 23. 53–55; Ин 19. 40). Сцену «Оплакивания» нередко обрамляли вышитые тексты страстных тропарей, связанных с ролью плащаницы в богослужении — она выносилась из алтаря в Великую пятницу и оставалась в центре храма для поклонения до пасхальной полунощницы. На плащаницах рубежа XIII–XIV вв. «Оплакивание» помещалось на фоне небесных светил со славословящими ангелами, на памятниках более позднего времени появились процессии ангелов с рипидами и символы евангелистов. Эволюция стиля золотого шитья проявилась в заметном усилении графического элемента, чему способствовал сам материал, свойства к-рого умело использовали вышивальщицы. Интенсивное проникновение сюжетного шитья в церковный обиход эпохи Палеологов сказалось в оформлении литургических одежд, особенно саккоса, право облачения в к-рый в XI–XV вв. кроме К-польского Патриарха получили также и нек-рые митрополиты. Полное соответствие образцам визант. живописи XIV–XV вв. представляет шитье неск. дошедших до нас церковных облачений: т. н. далматика Карла Великого со сценой «Преображения» (сокровищница собора св. Петра в Ватикане), а также епитрахиль и 2 саккоса, связанные с именем митр. Фотия (Оружейная палата ГММК). На «малом» саккосе Фотия, датируемом рубежом XIV–XV вв., вышиты сцены цикла земной жизни Христа в окружении пророков, святителей, мучеников и преподобных. Сюжетная вышивка украшала также епитрахили, епигонатии (набедренники), поручи, алтарные завесы (катапетасмы), подвесные пелены к иконам. Изысканный рисунок лучших произведений палеологовского шитья говорит об участии в их создании выдающихся художников.

Художественный металл эпохи Палеологов представлен прежде всего серебряными, реже золотыми окладами икон, чеканные рельефы к-рых повторяют живописные модели своего времени; встречается и ажурный прорезной орнамент с

Епитрахиль. Нач. XV в. (ГММК). Фрагмент

рельефно выступающими розетками. Одним из наиболее известных памятников ювелирного дела является золотой оклад *Владимирской иконы Божией Матери*. Композиции 12 праздничных сцен вплетены в сканый орнамент. Техника его исполнения напоминает структуру перегородчатой эмали. Трактовка мн. сцен, их подчеркнутая эмоциональность, драматическое напряжение соответствуют памятникам поздневизант. периода. Отмеченные особенности чеканного и филигранного

декора характерны и для украшений переплетов литургических книг, наперсных крестов и реликвариев. Золотой и серебряной насечкой, а также цветной мастикой украшали бронзовые двери храмов. Так, на бронзовых дверях Ватопедского собора на Афоне с изображением Благовещения, предположительно работы к-польских мастеров кон. XIV — нач. XV в., растительные мотивы, чередующиеся с многократно повторяющимися двуглавыми орлами и василисками, выполнены резьбой с заполнением красной мастикой. В характере этой орнаментации заметно зап. влияние. Ярко выраженное влияние готики проявилось и в убранстве чаши, выточенной с оправой из позолоченного серебра и монограммой имп. Мануила II Палеолога (1391–1425), хранящейся в афонском мон-ре Ватопед.

Прикладное искусство В. и. последних веков существования империи изучено еще недостаточно. Проблематично выделить собственно визант. произведения в их новой, то восточной (сельджукской, арм., груз.), то испытавшей влияние Запада оболочке. Однако малые формы этого искусства, произведения металлопластики, резного дерева, шитья и керамики, продолжали развиваться и после 1453 г. Их традиции сохранились и в искусстве христ. народов Османской империи, Италии и Московской Руси.

Лит.: *Кондаков Н. П.* История и памятники визант. эмали: Собр. А. В. Звенигородского. СПб., 1892; *он же.* Памятники христ. искусства на Афоне. СПб., 1902; *Dalton O. M.* Catalogue of the Finger Rings: Early Christian, Byzantine. L., 1912; *Delbrueck R.* Die Consulardiptychen. B., 1929; *Matzulewich L. A.* Byzant. Antike. B., 1929; *Morgan Ch. H.* The Byzantine Pottery. Camb. (Mass.), 1942. (Corinth; 11); *Coche de la Ferté E.* Bijoux byzantins de Chio, etc. // Collection H. Stathatos: Les objects byzantins et post-byzantins. Limoges, 1957; *Frolow A.* La relique de la Vraie Croix: Recherches sur le développement d'un culte. P., 1961; *idem.* Les reliquaires de la Vraie Croix. P., 1965; *Ross M. C.* Metallwork, Ceramics, Glass, Glyptics, Painting. Wash., 1962. (Cat. of Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Coll.; Vol. 1); *idem.* Jewellery, Enamels and Art of the Migration Period. Wash., 1965. (Ibid; Vol. 2); *Писарская Л. В.* Памятники визант. искусства V–XV вв. в Гос. Оружейной Палате. Л.; М., 1964; *Банк А. В.* Визант. искусство в собр. Сов. Союза. Л.; М., 1966; *она же.* Прикладное искусство // История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 467–480. Т. 2. С. 412–420. Т. 3. С. 289–302; *она же.* Прикладное искусство // Культура Византии: IV — 1-я пол. VII в. М., 1984. Т. 1. С. 596–613; *Wessel K.* Das Byzant. Emailkunst, vom 5. bis 13. Jh. Recklinghausen, 1967; *Buschhausen H.* Die spätrömischen Metallscrinia und frühchristl. Reliquiare. Vienna, 1971; *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. L., 1972; *Weitzmann K.* Ivories and Steatites. Wash., 1972. (Cat. of Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Coll.; Vol. 3); *Dodd Cruikshank E.* Byzantine Silver Treasures. Bern, 1973; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения визант. худож. ремесла в Вост. Европе X–XIII вв. М., 1975; *Grabar A.* Les Revêtements en or et en argent des icônes Byzantines du Moyen Âge. Venise, 1975; *Piltz E.* Trois sakkoi byzantins. Stockholm; Uppsala, 1976; *Volbach W. F.* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters: Kat. vor- und frühgeschichtl. Altertümer. Mainz am Rein, 1976. Bd. 7; Искусство Византии в собр. СССР. М., 1977. Т. 1–3; Byzantinische Kostbarkeiten aus Museen, Kirchenschätzen und Bibliotheken der DDR: Ausstellung im Bode-Museum / Bearb. u. Red. A. Effenberger. B., 1977; *Kent J. P. S., Painter K. S.* Wealth of the Roman World A. D. 300–700. L., 1977; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневек. Таврики. Л., 1979; *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzant. Elfenbeinskulpturen des X.–XIII. Jh. B., 1979. Bd. 1–2; *Metzger C.* Les ampoules à eulogie du musée du Louvre // Notes et Documents des musées de France. P., 1981. N 3; *Miljkovitch-Pépék P.* Splendeur de Byzance: Europalia 82. Hellas-Grèce. 2 oct.— 2 dec. 1982 // Musées royaux d'Art et d'Histoire. Brux., 1982; The Anatolian Civilisations: Greek, Roman, Byzantine: Istanbul. May 22 — Oct. 30, 1983. Istanbul, 1983; *Залесская В. Н.* Визант. белоглиняная расписная керамика: Кат. выст. / ГЭ. Л., 1985; *она же.* Прикладное искусство Византии IV–XII вв.: Опыт атрибуции. СПб., 1997; *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite // Byzantine Vindobonensia. W., 1985. Vol. 15/1; *Randall R. H.* Masterpieces of Ivory from the Walters Art Gallery. N. Y.; Baltimore, 1985; *Mundell Mango M.* Silver from Early Byzantium: The Kaper Koraon and Related Treasures. Baltimore, 1986; *Harden D. B.* Glass of the Caesars. Mil., 1987; *Théocharis M.* Pavement brodes d'or: Patmos: Les trésores du monastère. Athènes, 1988; *Пуцко В. Г.* Прикладное искусство Византии XIII–XV вв. // Культура Византии: XIII — 1-я пол. XV в. М., 1991. С. 509–527; Средневек. лицевое шитье: Византия. Балканы. Русь / Авт. вступ. ст. и сост. Н. А. Маясова. М., 1991; Афонские древности / Авт.-сост. В. Н. Залесская, Ю. А. Пятницкий, И. Н. Уханова. СПб., 1992; Ecclesiastical Silver Plate in VIth Cent. Byzantium: Papers of the Symp. (May 16–18, 1986, Walters Art Gablery) / Ed. S. A. Boyd, M. Mundell Mango. Wash., 1993; *Cutler A.* The Hand of the Master: Craftsmanship, Ivory and Society in Byzantium (IXth–XIth cent.). Princeton (N. J.), 1994; Греч. документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства моск. собраний / Сост. и отв. ред. Б. Л. Фонкич. М., 1995; Die Artuqiden-Schale im Tiroler Landesmuseum Ferdinandeum Innsbruck: Mittelalterliche Emailkunst zwischen Orient and Occident / Wiss. Konzeption und Katalogred.: Th. Steppan. Münch., 1995; The Medieval Treasury: The Art of the Middle Ages in the Victoria and Albert Museum: Cat. / Ed. by P. Williamson. L., 1996; Христиане на Востоке: Искусство мелькитов и инославных христиан / Авт.-сост. В. Н. Залесская, Ю. А. Пятницкий, И. Н. Уханова. СПб., 1998; *Chrzanovski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow: Cat. R., 1998; *Connor C. L.* The Color of Ivory: Polychromy on Byzantine Ivories. Princeton (N. J.), 1998; Byzantine Glazed Ceramics: The Art Sgraffito / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 1999; Синай. Византия. Русь: Правосл. искусство с VI до нач. XX в. Л., 2000; Пилигримы: (Ист.-культурная роль паломничества по данным вещественных памятников): Сб. науч. тр. / Авт. вступ. ст. и науч. ред. В. Н. Залесская. СПб., 2001; *Ballian A., Drandaki A.* A Middle Byzantine Silver Treasure // Benaki Museum. Athens, 2003. N 3. P. 47–80; Der spätrömische Silberschatz von Kaiseraugst: Die neuen Funde / Hrsg. M. A. Guggisberg. Augst, 2003. (Forschungen in Augst; Bd. 34); Byzanz: Das Licht aus dem Osten: Kult und Alltag im Byzant. Reich vom 4. bis 15. Jh.: Kat. der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. Mainz, 2002; Everyday Life in Byzantium. Thessal., White Tower, Oct. 2001 — Jan. 2002 / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2002; Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / Ed. by H. C. Evans. N. Y., 2004.

В. Н. Залесская

Церковное пение. ***Введение.*** Понятие «византийское церковное пение» распространяется прежде всего на певч. культуру, существовавшую на территории В. и. до падения К-поля в 1453 г., а иногда — в широком смысле — и на муз. традиции Церквей, совершающих богослужение согласно визант. традиции. Наряду с понятием «византийское пение» в широком смысле применяется также понятие «поствизантийское пение» для обозначения певч. образцов XVI–XVIII вв. и т. н. *«нового метода»* (пореформенная традиция от нач. XIX в.). Употребление 2 разных терминов позволяет избежать крайностей: во-первых, преувеличения степени преемственности в истории богослужебного пения визант. обряда от поздней античности до наших дней, что наблюдается в работах нек-рых (гл. обр. греческих) исследователей истории визант. музыки, стремящихся опереться на авторитет поздней певч. традиции и т. о. ставящими себя в чрезмерную зависимость от греч. повествовательных источников Нового времени; во-вторых, того оттенка ориентализма, к-рый придают термину «византийское пение» нек-рые (гл. обр. западные) ученые, использующие его исключительно в узкоисторическом смысле и отрицающие преемственность между древней традицией и совр. корпусом монодийных песнопений греч. правосл. Церквей, называя последний «неовизантийским» или «новогреческим». Сам термин «византийское пение» появился в Новое время и, будучи обозначением для раз-

личных муз. практик и корпусов песнопений, описываемых в патристической традиции термином «ψαλμῳδία» (псалмодия, псалмопение), охватывает как более узкие греч. певч. термины — «ᾆσμα» ([церковная] песнь), «ὑμνογραφία» (гимнография) и «μέλος» (мелос), так и муз. теорию и нотацию. В статье излагается материал, имеющий отношение преимущественно к исторической и совр. традиции монодийного пения К-польского Патриархата, греч. правосл. Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов и автокефальных национальных Церквей Греции, Кипра, Болгарии, Румынии и (в меньшей степени) Сербии, а также греч. католич., мелькитских или униатских Церквей, совершающих богослужение согласно визант. традиции, но в различные моменты истории вошедших в общение с Римским престолом.

Позднеантичные истоки. Из христ. литургических и певч. центров, возникших на территории вост. провинций Римской империи, главными на территории В. и. были Иерусалим и К-поль. Наряду с кафедральной традицией большое значение в IV–VI вв. имело богослужение городских аскетических общин, сосуществовавшее с кафедральным и, вероятно, характеризовавшееся прежде всего последовательным пением, сольным или общинным, библейских псалмов, разделявшимся произнесением молитв и чтений. В рассказе зап. паломницы (обычно отождествляемой с *Эгерией*) о путешествии в Иерусалим (381–384) описывается, как по будним дням последовательное пение псалмов монашествующими (monazontes) и девами (parthenae) было присоединено к кафедральным службам. Кафедральное богослужение и богослужение городских аскетических общин оказали влияние на формирование зародившегося в IV в. богослужения монахов, живших как уединенно, так и в мон-рях. Блж. *Иероним Стридонский* (ок. 347–419/20) и прп. *Иоанн Кассиан Римлянин* (ок. 365 — ок. 433), оба воспринявшие строгую сольную псалмодию егип. монашества непосредственно от носителей этой традиции, сообщают о включении городской практики псалмопения в богослужение монашеских общин. В рассказе Иоанна Кассиана о монашеской молитве в Вифлееме (куда Иероним удалился после 384) описывается, как неизменяемые псалмы, заимствованные из кафедральной службы, были добавлены к последовательной псалмодии, практиковавшейся в Египте.

Со временем исполнительский и мелодический аспекты *псалмодии* стали приобретать гораздо бóльшее значение. Вместо простой речитации солистом, имевшей место в монашеской практике, в кафедральной псалмодии важнейшую роль стало играть иерархическое разделение труда певчих: стихи исполнялись солистами-клириками (специально поставлявшимися на это служение) или хорами, в то время как активному участию всей общины в богослужении способствовало употребление припевов. Многообразие достигалось путем использования всех перечисленных категорий исполнителей в различных видах пения — от респонсорной псалмодии с ее простым чередованием стиха и ответа до более сложных форм антифонной псалмодии, когда стихи и припевы исполнялись поочередно разными группами певцов. Хотя от IV–V вв. не сохранилось примеров псалмов с муз. нотацией, в святоотеческих писаниях этого времени отмечается, что одной из основных причин распространения псалмодии городского типа была ее мелодическая привлекательность, отношение к к-рой в Церкви было неоднозначным. Сторонники чистоты монашеского богослужения (напр., свт. *Афанасий Александрийский* — Ep. ad Marcel. 29 // PG. 27. Col. 40–41) смотрели на развитие муз. элемента псалмодии как на случайное явление и возможный источник духовной рассеянности, в то время как святители Василий Великий (Hom. in Ps. 1 // PG. 29. Col. 212) и Иоанн Златоуст (In Psalmum 41 // PG. 55. Col. 156) видели в привлекательной мелодии благой по природе и полезный с пастырской т. зр. дар Божий.

Тем не менее писатели патристического периода (*Basil. Magn.* De legendis libris gentilium. 7 // PG. 31. Col. 581–584; *Ioan. Chrysost.* In Ep. 1 ad Cor. 36. 5–6 // PG. 61. Col. 313–315; *idem.* In Ep. ad Col. 1. 5 // PG. 62. Col. 306) были единодушны в своем осуждении мн. аспектов языческого муз. наследия в светском обществе (характерным исключением является музыка имперского церемониала). Авлос и кифара подвергались особенно резкой критике, когда они звучали на брачном пиру или в театре, поскольку, по мнению духовных писателей того времени, возбуждали плотские страсти. Все же было бы анахронизмом считать, что отцы подходили к муз. вопросам преимущественно с юридической или моралистической т. зр., характерной для зап. христианства последующих веков. В действительности их практические рекомендации, касавшиеся пользы или вреда от определенных типов муз. практики, происходили от убежденности в этической силе музыки, что было тесно связано как с платоновской и пифагорейской традициями метафизики и космологии, воплощенными в муз. теории и языческой философии того времени, так и с психологическими моделями, разработанными в христ. аскетической лит-ре.

Константинополь. Данных о богослужебном пении в столице В. и. в доиконоборческий период сохранилось не много. Известны 2 местные литургические традиции, появлявшиеся в это время: кафедральный обряд ц. Св. Софии и монашеское богослужение *акимитов*.

I. Истоки к-польского кафедрального обряда. Кафедральный обряд Великой ц. Св. Софии был настолько известен своей певч. традицией, что его суточный круг богослужения позднее стал называться *песненным последованием* (ᾀσματικὴ ἀκολουθία). История его формирования являет пример того, как архетип городского богослужения может принять четкие формы в соответствии с конкретными местными обстоятельствами. Напр., процессии с антифонной псалмодией приобрели особое значение в период архиепископства свт. Иоанна Златоуста (398–404), когда ариане совершали ночные шествия по улицам К-поля с пением псалмов с припевами, выражавшими их учение. В ответ на арианскую практику Златоуст, получив поддержку от императора, учредил процессии с пением, на к-рых звучали припевы в духе правосл. учения. Популярность этих контрмер способствовала возникновению разработанного *стационального богослужения*, объединявшего все церкви города и др. важные общественные места в единую священную топографию. Покровительство императоров придало богослужению

Великой ц. великолепие, дополнявшее, а иногда и превосходившее придворный церемониал. При имп. Ираклии (610–641) клир ц. Св. Софии и зависевших от нее учреждений увеличился до 525 чел.: здесь было 80 священников, 150 диаконов, 40 диаконис, 70 иподиаконов, 160 чтецов (ἀναγνῶσται, в их обязанности, согласно более поздним источникам, входило пение в хоре) и 25 певцов (ψάλται).

Рост «имперской фазы» (по выражению Р. *Тафта*) к-польского богослужения совпал с первым расцветом визант. гимнографии. К-поль-

Прп. Роман Сладкопевец. Роспись собора мон-ря Дионисиат на Афоне. XVI в.

ские мелоды начали создавать более сложные музыкально-поэтические формы на греч. языке, аналогичные по структуре гимнам и изосиллабическим многострофным поэмам прп. Ефрема Сирина и др. сир. поэтов. Основным жанром к-польской гимнографии становится *кондак* — разработанное многострофное песнопение. Наиболее известным автором кондаков был диакон прп. *Роман Сладкопевец* († после 555), почитаемый правосл. Церковью в качестве покровителя церковного пения. Хотя от I тыс. не сохранилось нотированных образцов кондаков прп. Романа и др. мелодов, размер и структура этих гимнов позволяют предположить, что их мелос был силлабическим. Реликты этой исполнительской практики, возможно, сохранились в неск. средневек. рукописях (напр., РНБ. Греч. № 674, XIII–XIV вв.; Dionys. 570, XV в.— см.: *Troelsgård C.* The Repertoires of Model Melodies (Automela) in Byzantine Musical Manuscripts // CIMAGL. 2000. Vol. 71. P. 3–27), содержащих простые образцы мелоса проимиев нек-рых кондаков в качестве приложения к собраниям мелодических моделей и к др. дидактическим материалам. Эти силлабические версии песнопений, к-рые часто напоминают мелодии, известные в совр. традиции, передавались, очевидно, изустно: в средневек. источниках не найдено силлабических мелодий для икосов кондаков. Однако в визант. и слав. средневек. манускриптах, отражающих сольный и хоровой репертуары к-польской кафедральной традиции, содержится в высокой степени орнаментированный мелос для проимиев и первых икосов кондаков (запись мелоса всего гимна сохранилась только для *Акафиста* Богородице). Греч. версии сольного исполнения содержатся в списках *Псалтикона*, слав. обработки украшенных мелодий для хора встречаются в *Кондакарях*.

Эпоха политических беспорядков и территориального сокращения В. и., продолжавшаяся от араб. завоевания до окончания иконоборческой смуты в 843 г., была для богослужения Великой ц., очевидно, временем консолидации, однако сведений об этом периоде сохранилось мало. 75-е прав. Трулльского (VI Вселенского) Собора (691–692) запрещает певчим бесчинные вопли, неестественные выкрики или исполнение несвойственных церкви песнопений (прав. 75).

II. Акимиты (неусыпающие). Истоки движения неусыпающих восходят к учению *Александра Константинопольского* († ок. 430), к-рый стремился выполнить заповедь о непрестанной молитве буквально — через устроение непрерывного богослужения. В общинах акимитов это богослужение приняло форму суточного круга из 24 служб (по одной службе на каждый час суток), поочередно совершавшихся 3 хорами. Движение неусыпающих достигло своего апогея в доиконоборческий период, после чего пришло в упадок (вплоть до полного его исчезновения в период лат. оккупации 1204–1261) по причине усиления духовного авторитета монахов, практиковавших палестинские формы монашеского богослужения, к-рые были заимствованы и приспособлены к местным условиям прп. *Феодором Студитом* († 826). И. *Фундулис* изучил литургические памятники, относящиеся к движению неусыпающих, датируемые периодом господства студитов и, вероятно, содержащие заимствования из служб акимитов (см.: *Φουντούλης Ι.* Ἡ εἰκοσιτετράωρος ἀκοίμητος δοξολογία. Αθῆναι, 1963). На основании этих источников можно заключить, что первоначальные муз. традиции акимитов были весьма консервативными: корпус песнопений состоял гл. обр. из псалмов и небольшого количества небиблейской гимнографии; наряду с псалмодией и простейшими по мелосу песнопениями использовалась мелодически развитая форма (ᾆσμα).

III. Богослужение Великой ц. в послеиконоборческий период. Ко 2-й пол. VIII в. богослужение Великой ц. уже сформировалось в своих самых существенных частях. Зрелая стадия обряда Великой ц. замечательна бережным собиранием различных типов пения в рамках высокоорганизованной богослужебной системы. Богослужебные книги, предназначенные гл. обр. для исполнителей различных литургических функций, включали в себя тексты,

Свт. Герман I Константинопольский. Роспись ц. апостолов Петра и Павла в Велико-Тырнове. XIV в.

уставные предписания («рубрики») и мелос. Библейские чтения, исполнявшиеся распевно, распределены по 3 Лекционариям: *Евангелие* содержит евангельские перикопы, исполнявшиеся диаконом; *Апостол* содержит чтения из Деяний и Посланий апостолов, исполнявшиеся чтецом (ἀναγνώστης); Профитологий (слав. аналог — *Паремийник*) содержит чтения из ВЗ, также предназначенные для чтеца. В списках Лекционариев, датируемых IX–

XIV вв., чтения часто содержат *экфонетические знаки* — адиастематическую систему обозначений, с помощью к-рой записывались использовавшиеся для торжественной кантилляции литургических чтений формулы, передававшиеся изустно (подробнее см. в ст. *Византийская нотация*). Апостол и Профитологий содержат также рубрики и ненотированные тексты торжественных песнопений, сопровождавших чтения.

В «Синаксаре Великой церкви» (обычно называемом Типиконом Великой ц.) помещены дополнительные рубрики, регулирующие изменения основной структуры к-польского кафедрального богослужения и относящиеся к подвижной и неподвижной частям годового богослужебного круга, с текстами кратких гимнов (тропарей) и псалмовых припевов. Циклы полных кондаков прп. Романа и др. мелодов, исполнявшиеся в кафедральных панихидах, в списках греч. Кондакаря (наиболее полные — Patm. 212 и 213, XI в.) не нотированы. В соч. «О церемониях византийского двора» имп. Константина VII Багрянородного (913–920, 945–959) содержатся заимствованные, вероятно, из более древних источников указания, касающиеся участия императора в визант. богослужении и паралитургических обрядах (в частности, об *аккламациях* — евфимиях и *полихрониона*х, а также об использовании *органа*).

Совершенствование систем визант. муз. нотации, самые ранние образцы к-рой относятся к X в., не только облегчало запись песнопений, но и способствовало развитию нек-рых жанров, в т. ч. *причастна* и кондака. Первым результатом этих процессов было создание корпуса украшенных или, наоборот, условно-формульных песнопений, в основном завершившееся к XI в., когда они были заимствованы слав. Церквами. Эти мелодии были записаны в *Асматиконе* и Псалтиконе, содержащих соответственно мелизматические хоровые и сольные богослужебные песнопения Великой ц. Сохранившиеся греч. списки этих сборников, большая часть к-рых происходит из студийских общин Сев. Италии, датируются кон. XII — нач. XV в. Дополнительные сведения о к-польском корпусе украшенных песнопений для хора содержатся в слав. Кондакарях (названных так по содержащимся в них сокращенным циклам мелизматических кондаков), являющихся, по-видимому, адаптациями архаических версий Асматикона.

Будничные суточные и седмичные циклы псалмов и библейских песней, согласно уставу Великой ц. записаны вместе с их припевами в кафедральной Псалтири (иногда условно называемой Антифонарием). Самые ранние из них — Псалтири IX в. с иллюстрациями на полях; нек-рые из этих рукописей содержат рубрики иерусалимского происхождения, включенные в студийский городской монашеский обряд того времени. Развитые муз. версии кафедральной псалмодии для вечерни в день Пятидесятницы записаны в нек-рых списках Псалтикона, в то время как праздничные обработки неизменяемого 1-го антифона песненной утрени присутствуют в 4 рукописях: Messin. gr. 161, Grottaferrata Γ. γ. VI и VII, Kastoria 8. Два уникальных источника, в к-рых записан мелос для 2-недельного будничного цикла к-польского кафедрального обряда, имеют фессалоникийское происхождение: Athen. Bibl. Nat. 2061 (нач. XV в.) и 2062 (кон. XIV в.). В др. рукописях того же периода (Vindob. Theol. gr. 185, ок. 1385–1391; Ibid. Phil. gr. 194, XV в.; Laur. Λ 165, XV в.; Athen. Bibl. Nat. 899, XV в.; Ibid. 2401, XV в.; Vatop. 1527, 1434) зафиксированы сопоставимые по стилю распевы песненной вечерни для суббот и праздников (см.: *Lingas.* Festal Cathedral Vespers). Несмотря на позднее происхождение, мелос кафедральных служб в этих рукописях в целом консервативен по стилю. Как правило, он представляет архаичные формы антифонной псалмодии, сохранившие иерархическое распределение функций между подготовленными солистами, обученными хорами и теми, кто пел рефрены.

Обряд Великой ц. в К-поле в значительной мере сохранил свое «имперское» великолепие до кон. XII в. От этого времени имеется свидетельство канониста Патриарха Антиохийского *Феодора IV Вальсамона*, что певчими (ψάλται) в столице были *евнухи* (PG. 137. Col. 532; см. также: *Moran N. K.* Singers in Late Byzantine and Slavonic Painting // Byzantina Neerlandica. Leiden, 1986. T. 9. P. 25–26; *idem.* Byzantine castrati // Plainsong and Medieval Music. 2002. Vol. 11. Pt. 2. P. 99–112). Эта практика прекратилась с лат. оккупацией 1204–1261 гг., после к-рой в большинстве визант. храмов службы согласно песненному последованию совершались только по большим праздникам и в субботу вечером. Поздневизант. источники сообщают о 2 необычных службах, происходивших от к-польской кафедральной традиции и совершавшихся на *Воздвижение Честного и Животворящего Креста* и в неделю пред Рождеством Христовым (см. ст. *Пещное действо*). Хотя в соборе Св. Софии в Фессалонике продолжали следовать древнему чину вплоть до захвата города оттоманским войском в 1430 г., эта практика уже не соответствовала происшедшим во вкусах народа и в литургическом благочестии изменениям, сопровождавшим повсеместное распространение палестинской монашеской практики. По этой причине местный архиеп. *Симеон* (1416/17–1429) предпринял серьезную реформу песненного последования, систематически дополнив монашескими гимнографией и мелосом составленный им кафедральный Типикон (Athen. Bibl. Nat. 2047). Вместе с захватом К-поля в 1453 г. прекратило свое бытование и песненное последование.

Иерусалим. Превращение Иерусалима в паломнический центр позволило ему влиять в различной степени на формы и содержание богослужения в позднеантичной христ. ойкумене. Согласно 2 арм. рукописям (Parisin. arm. 44 и Hierosol. arm. 121, изд.: *Renoux A.* Le codex arménien Jérusalem 121. Turnhout, 1969, 1971. (PO; 35/1, 36/2)), передающим содержание греч. иерусалимского Лекционария 1-й пол. V в., литургическое пение в Иерусалиме в этот период состояло гл. обр. из антифонных и респонсорных псалмов. Развернутая версия иерусалимского Лекционария, по содержанию соответствующая VII–VIII вв. и сохранившаяся в груз. переводе (рукописи: Parisin. georg. 3; Sinait. georg. 37 (Cagarelli 30); Ms. Lathal; Ms. Kala; см.: *Tarchnischvlli.* Grand Lectionnaire), отличается от своего арм. предшественника наличием рубрик, касающихся ладовой принадлежности песнопений согласно системе *осмогласия*, а также мн. песнопений с небиблейским текстом, посящих,

как правило, название «ипакои»,— напр., на литургии это были тропари в начале службы, на умовение рук священника и на великом входе (*Jeffery*. 1991).

Ок. VII в. иерусалимские формы гимнографии сменяются новыми монашескими жанрами, включающими *седальны*, *стихиры* и *каноны*, что отражено уже в древней редакции груз. сб. *Иадгари*, являющегося переводом греч. *Тропология* (изд.: *Renoux A.* Les hymnes de la résurrection. P., 2000. T. 1: Hymnographie

Свт. Андрей Критский. Роспись собора мон-ря Дионисиат на Афоне. Сер. XVI в.

liturgique géorgienne: Introd., trad. et annot. des textes du Sinaï 18), и в ркп. Sinait. gr. 34 (изд.: *Frøyshov S.* L'Horologe «Georgien» du Sinaiticus Ibericus 34: Thése Doct. P., 2003. 2 t.). Несмотря на замену гимнографических форм и начало нового гимнографического творчества (что отражено в новом иерусалимском Тропологии VIII–IX вв.), часть гимнов, содержащихся в древних памятниках, присутствует и в совр. богослужебных книгах правосл. Церкви, но многие вышли из употребления. С нач. II тыс. по Р. Х. Иерусалимская Церковь перешла на богослужение к-польского типа, хотя в нек-рых источниках (напр., в *Святогробском Типиконе;* см.: *Παπαδόπουλος-Κεραμεύς*. Ἀνάλεκτα. Т. 2. Σ. 1–254) еще нек-рое время сохранялись отдельные черты древней иерусалимской традиции. Анализ данных греч. источников IX в.— свитка с литургией ап. Иакова (Vatic. gr. 2282, IX в.), Псалтири (РНБ. Греч. № 216, 862 г.) и Часословов (Sinait. gr. 863 и 864, IX в.) — показывает, что кафедральные службы Страстной седмицы в Иерусалиме в этот период достигли степени муз. и текстуальной вариативности,

Прп. Иоанн Дамаскин. Роспись кафоликона мон-ря Варлаама в Метеорах. XVI в.

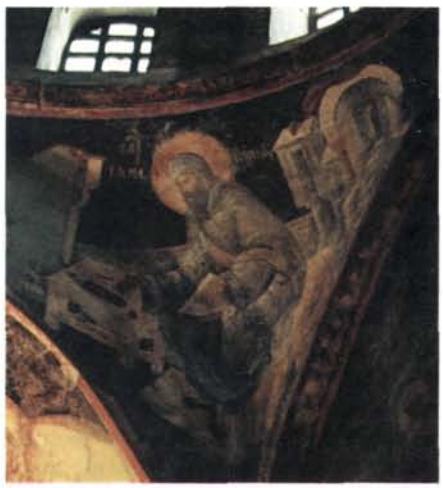
сопоставимой с подобными характеристиками совр. визант. обряда.

Мн. ранние образцы гимнографии анонимны, др. атрибутированы мелодам (создававшим как тексты, так и мелос). Одним из центров палестинской гимнографии стала лавра прп. *Саввы Освященного* (439–532). Среди первых мелодов был избранный позднее Иерусалимским Патриархом монах лавры св. Саввы *Софроний* († 638), составивший циклы гимнов на Рождество Христово и Богоявление, используемые поныне.

Эти литургические новшества встретили сопротивление нек-рых монахов консервативного направления, осуждавших введение в их правило псалмопения гимнографии и мелодического пения. Все же это не помешало расцвету новой палестинской школы мелодов, наиболее выдающимися представителями к-рой были преподобные *Иоанн Дамаскин* († ок. 750) и *Косма Маюмский* († 787). Вместе они создали значительный корпус гимнов различных жанров, различающихся по форме и богослужебному употреблению: стихиры, седальны, каноны. Песнопения (стихиры, седальны, также кондаки) могут иметь оригинальную мелодию (ἰδιόμελον — *самогласен*) или быть «слепками» (contrafacta) — *подобнами* (προσόμοια), сделанными с мелодического образца — самоподобна (αὐτόμελον).

Система мелодических моделей присутствует и в гимнографическом каноне — комплексной многострофной поэме, насчитывающей до 9 песней (ᾠδαί), состоящих из тропарей, припеваемых к библейским песням утреннего правила псалмопения. Каждая песнь гимнографического канона, в идеале тесно связанная с темой соответствующей библейской песни, включает строфу-модель — *ирмос* и идентичные ему по метрике и мелодике тропари. Собрания ирмосов записывались отдельно от тропарей в *Ирмологии*, чтобы облегчить применение мелодических моделей к текстам тропарей.

Расцвет канона, по-видимому, происходил параллельно с важным новшеством в муз. области: введением в Палестине системы осмогласия — октоиха (ὀκτώηχος, так же стало называться и собрание гимнов, сгруппированных по ладовому признаку). Свидетельства греч., груз., слав., сир., арм. и лат. источников указывают на то, что принцип организации песнопений на основе ладово-мелодической системы октоиха появился в районе Иерусалима

Прп. Косма Маюмский. Роспись мон-ря Хора (Кахрие-джами) в К-поле. 1316–1321 гг.

в VIII в. (см.: *Jeffery P.* The Earliest Oktoechoi: The Role of Jerusalem and Palestine in the Beginnings of Modal Ordering // The Study of Medieval Chant: Paths and Bridges, East and West: In Honor of K. Levy / Ed. by P. Jefferey. Woodbridge (Suffolk), 2001. P. 147–209). Особенно важными в этом отношении являются ранние груз. Ирмологии, содержащие песнопения, выстроенные по ладам, а также древний груз. Октоих —

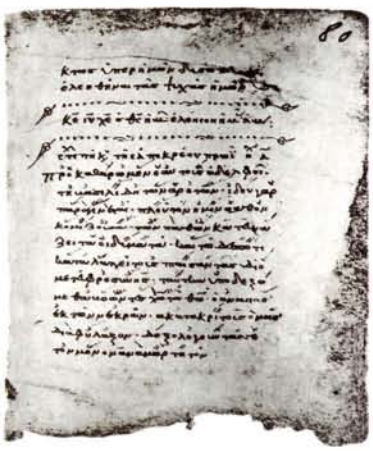

Преподобные Иосиф Песнописец, Феофан Начертанный и Феодор Студит. Роспись ц. вмч. Пантелеимона в Нерези. 1164 г.

сборник распределенных по ладам воскресных песнопений и общих песнопений святым, в качестве приложения к Тропологию.

Студийская традиция. Атрибуция ряда канонов святителям *Герману I* К-польскому и *Андрею Критскому* (прожившему значительную часть жизни в К-поле), чьи творения необычайно выделяются в груз. Тропологии и Октоихе, показывает, что по крайней мере с нач. VIII в. нек-рые константинопольцы были знакомы с новой монашеской гимнографией. Однако эта гимнография, по-видимому, получила распространение в столице В. и. только в IX в., когда началось возрождение Студийского мон-ря. Введение в последнем савваитских обычаев богослужения подготовило почву для соединения элементов к-польской кафедральной традиции — в т. ч. сопутствующей библейским чтениям развитой псалмодии, циклов кондаков и практики использования припевов со «сквозной» псалмодией — со службами палестинского Часослова.

Когда студийская монашеская традиция распространилась от Юж. Италии до Киевской Руси, творения к-польских гимнографов, в т. ч. принадлежащих к студийской школе,— включая прп. Феодора, его брата свт. *Иосифа*, еп. Фессалоникийского, исп. *Феофана Начертанного*, прп. *Иосифа Песнописца*, мон. *Кассию* и мн. др., — стали систематически заполнять лакуны между праздничными службами гимнографических сборников. Введение в употребление большого количества новых гимнов — ок. 60 тыс., согласно К. *Ливи* и К. *Трёльсгору*, принимавших в расчет только песнопения, включенные в совр. богослужебные книги (см.: *Levy K., Troelsgård C.* Byzantine Chant // NGDMM. 2001. Vol. 4. P. 734–756),— стало возможным благодаря тому, что большинство из них создавались как contrafacta (подобны) с ограниченного количества хорошо известных мелодий. К XI в. для каждого дня неподвижного и подвижного годовых богослужебных кругов были созданы циклы песнопений, на основе к-рых были составлены применяемые поныне в правосл. Церкви сборники изменяемых песнопений — *Минея*, *Триодь* (в рус. традиции — Постная Триодь), Пентикостарион (в рус. традиции — Триодь Цветная), Октоих и *Параклитик*,— а также регулирующий их употребление *Типикон*. Воздействие на молящихся гимнографии, ставшей в правосл. богослужении основным средством для передачи богословских идей, на практике было усилено за счет растущих тенденций опускать сами библейские тексты (для сопровождения к-рых и были изначально написаны палестинские гимны) и читать молитвы про себя. Неожиданным следствием повсеместного распространения гимнографии стало создание дидактических (самого разного содержания — от богословско-полемического до медицинского) или сатирических произведений (напр., «Канона» Михаила Пселла или «Службы лысого монаха»), в к-рых были использованы стихотворные размеры известных гимнов для облегчения их запоминания (см.: *Mitsakis K.* Byzantine and Modern Greek Parahymnography // Studies in Eastern Chant. Crestwood (N. Y.), 1990. Vol. 5 / Ed. by D. Conomos. P. 9–76).

Триодь. X в. (Laur. Г. 12. Fol. 80)

Возникновение нотации и вопрос о стиле византийского пения. Первые образцы визант. певч. нотации, восходящие к X в., младше приблизительно на 6 столетий единственного сохранившегося фрагмента христ. песнопения с древнегреч. нотацией — гимна Св. Троице в папирусе Pap. Oxyrrhynch. 1786; различия усугубляются тем, что в основе этих муз. примеров лежат различные принципы и ладовые системы. В отличие от буквенной нотации, использовавшейся в Др. Греции для записи инструментальной и вокальной музыки, ранневизант. система нотации передавала скорее особенности мелодики и ритмики (направление движения мелодии, ритмическое соотношение невм и т. п.), чем положение звуков в звукоряде, певцы же продолжали опираться в основном на устную традицию. По этой причине невозможно достоверно установить степень зависимости средневек. визант. церковного пения от иудейской или эллинистической музыки эпохи поздней античности. Тем не менее можно составить представление о муз. стиле псалмодии и гимнографии по литургическим рукописям, содержащим т. н. куаленское и шартрское семейства адиастематических визант. невм (см. подробнее в ст. *Византийская нотация*). Данные источников с ранневизант. нотацией в целом подтверждаются диастематическими памятниками средневизант. нотации, появляющимися с кон. XII в. Во мн. случаях степень преемственности диастематических источников настолько высока, что их можно использовать для реконструкции мелодического контура ранневизант. версий песнопений. Т. о., можно с уверенностью утверждать, что источники по визант. пению X–XIII вв. содержат полностью сложившиеся корпусы песнопений неск. стилей, основанные на стереотипных мелодических формулах. В Асматиконе и Псалтиконе записаны анонимные распевы псалмов и гимнов соответственно для хора и для солиста согласно городской к-польской традиции с развитой

мелодикой мелизматического типа и специфическими вставками в текст песнопений слогов, не несущих вербальной нагрузки. Стихиры и каноны монашеской традиции, со-

Минея.
1114 г. (Crypt. Δ. α. 3. Fol. 123)

держащиеся соответственно в *Стихираре* и Ирмологии, являются по преимуществу силлабическими или силлабо-невматическими.

Система осмогласия, очевидно принесенная в К-поль вместе с палестинской гимнографией, впосл. стала основой визант. церковной музыки. Она была применена даже к местному, сложившемуся до появления осмогласия корпусу песнопений Псалтикона, в к-ром использовался звукоряд соединенных больших («мажорных») тетрахордов, не вполне совместимый с новой системой. Лады средневек. визант. осмогласия, по-видимому, были в основном диатоническими, однако сохранились также данные о разной степени хроматизации ладов. Нек-рые исследователи пытались «спроецировать» на визант. мелос хроматические изменения, используемые во 2-м и 2-м плагальном (6-м) гласах в совр. традиции греч. правосл. пения. Др. ученые находят в средневек. источниках только случайные хроматические фрагменты, сфера действия к-рых могла расшириться в поздневизант. период. Во всяком случае необходимо признать, что визант. лады разных периодов различаются не только звукорядами, но и способами использования характерных мелодических формул, что можно сравнить с инд. рагами или араб. макамами.

Диастематическая нотация и калофонический стиль. Период распространения на правосл. Востоке *Иерусалимского устава* (с XI в.) отмечен рядом новых черт в развитии визант. церковного пения, причем только часть их проникла в земли, лежащие к северу от Балкан. Наиболее важным «техническим» достижением была постепенная трансформация куаленской ранневизант. нотации в полностью диастематическую систему невм (средне-

Ирмологий.
1302 г. (РНБ. Греч. № 121. Л. 1)

визант., или «круглую», нотацию), передающую точную последовательность интервалов с помощью знаков, имеющих количественное значение для поступенного движения (σώματα — тела) и скачков (πνεύματα — духи). Дополнением к ним служили знаки с качественным значением — от невм для обо-

Стихирарь.
Сер. XIII в. (Doch. 41. Fol. 130)

значения темпа и орнаментированных участков мелоса до т. н. больших знаков (μεγάλα σημάδια), связанных с мелодическими группами (нек-рые из этих последних знаков были заимствованы из вышедшей к тому времени из употребления шартрской нотации). Хотя информация, касающаяся исполнения знаков, передававших качественные характеристики, продолжала передаваться гл. обр. путем устного обучения и *хирономии* (утерянное ныне визант. искусство управления хором), конечным результатом этих нововведений в нотацию были серьезные изменения в соотношении между письменной и устной формами создания и передачи мелоса. В случае со Стихирарем это сопровождалось сокращением нотированного репертуара во 2-й пол. XI в., когда хорошо известные гимны (подобны и богородичны), а также песнопения, вероятно, маргинальные по отношению к традиции (т. н. ἀπόκρυφα), были исключены из нового, более компактного корпуса стихир, названного О. *Странком* «стандартной сокращенной версией» (the standard abridged version — *Strunk O.* Essays on Music in the Byzantine World. N. Y., 1977).

Ливи и др. исследователи отмечали, что данное усовершенствование нотации, по-видимому, стало предпосылкой для новых разработанных жанров пения, процветавших в уменьшившейся территориально В. и., основными культурными центрами к-рой были К-поль, Фессалоника и Афон. Главным создателем этих новых жанров был прп. *Иоанн Кукузель* († ок. 1341), к-рый, согласно житию (к сожалению, позднему и малодостоверному), провел бóльшую часть жизни в качестве монаха-исихаста в Великой Лавре на Афоне. К достижениям Иоанна Кукузеля как муз. теоретика и мелурга относятся новые муз. редакции Ирмология и Стихираря, а также создание нового типа муз. сборника неизменяемых и праздничных песнопений визант. литургии и «неосавваитского» всенощного бдения под названием *«Акколуфии»* (последования), самым ранним из сохранившихся списков к-рого является ркп. Athen. Bibl. Nat. 2458 (1336 г.; описание: *Στάθης Γ.* Ἡ ἀσματικὴ διαφοροποίηση ὅπως καταγράφεται στὸν κώδικα ΕΒΕ 2458 τοῦ ἔτους 1336 // Χριστιανικὴ Θεσσαλονίκη· Παλαιολόγειος ἐποχῆ. Θεσσαλονίκη, 1989. Σ. 167–241). По спискам Акколуфий можно проследить, как Иоанн Кукузель и др. мелурги — *Иоанн Глика* (кон. XIII в.), *Никифор Ифик* (ок.

1300), *Ксен Коронис* (ок. 1325–1350) и *Иоанн Клада* (ок. 1400) — развивали авторские стили, составляя собственные муз. версии псалмов и гимнов и т. о. нарушая традиц. для правосл. богослужения в целом соотношение «один текст — одна мелодия». Напр., псалмодия всенощного бдения, прежде бывшая анонимной, с этого времени представлена в списках Аколуфий в виде собраний новых и старых мелодий разной продолжительности и сложности для таких песнопений, как *предначинательный псалом* (Пс 103, с вставками-*аниксандариями*), *«Блажен муж»* (Пс 1–3), *непорочны* (Пс 118), *полиелей* (Пс 134–135) и заме-

Пентикостарион.
XII в. (Vat. Regina. gr. 58. Fol. 33v)

няющие его антифоны (в совр. практике называются ἐκλογαί — избранные [стихи]; в слав. практике аналогичную литургическую функцию выполняет величание с избранным псалмом). Анонимный и разнородный репертуар Асматикона для литургии также подвергся серьезной ревизии: было создано большое количество альтернативных версий наиболее важных с музыкальной т. зр. элементов службы: Трисвятого (в меньшей степени — песнопений, заменяющих его в нек-рые праздники), херувимской песни и причастна (*Conomos D.* Byzantine Trisagia and Cheroubika of the 14th and 15th Cent. Thessal., 1974; *idem.* The Late Byzantine and Slavonic Communion Cycle: Liturgy and Music. Wash., 1985. (DOS; 21)).

Многие из творений мелургов палеологовского периода были созданы в виртуозном калофоническом стиле, предвосхищенном в песнопениях сборника «Ἄισμα», содержащего мелизматические большей частью анонимные песнопения и дошедшего в 4 южноиталийских списках XIII в. (Grottaferrata. Г. γ. 4; 6; 7; Messina gr. 161). Для зрелого *калофонического пения* характерны перестановки текста, мелизматическая мелодика и вокализации не несущих смысловой нагрузки слогов — теретизмы (τερετισμοί), к-рые обнаруживаются как в составе песнопений (напр., стихир, стихов псалмов и таких новых форм, как *анаграмматизм*), так и в качестве отдельных композиций — *кратим*, иногда носящих характерные названия (напр., βιόλα — виола, περσικόν — персидское). Калофонические образцы присутствуют среди новых песнопений литургии и всенощного бдения в списках Аколуфий либо в качестве самостоятельных произведений, либо как факультативные расширения для песнопений с менее развитым мелосом. Среди примеров последних встречаются: вставки в херувимскую песнь для удлинения ее звучания во время разросшегося обряда великого *входа;* развитые коды к таким песнопениям как прокимен субботы вечера и Трисвятое на литургии, муз. версиям к-рого предпослано указание «δύναμις». Мелурги палеологовского периода также выборочно применяли калофонический стиль к др. репертуару, напр. к Акафисту Богородице или к песнопениям Стихираря. Эти гимнографические произведения записывались не только в Аколуфиях в качестве приложения к последованиям неизменяемых песнопений литургии и служб суточного круга, но и в отдельных книгах, таких как *Икиматарий* или Калофонический Стихирарь.

В последние века истории В. и. наблюдается возрождение интереса к муз. теории, как классической, так и церковной. Древние и совр. традиции соединены в трактате под названием *«Агиополит»* (изд. Й. Раастеда, 1983), дошедшем лишь частично в источниках XIV в. *Георгий Пахимер* (1242 — ок. 1310) и Мануил Вриенний (ок. 1300) в свои сочинения — соответственно «Квадривиум» и «Гармоника»,— посвященные античным муз. системам, включили рассмотрение системы визант. гласов. Соотношение таких классицизирующих трактатов и реальной практики церковного пения остается, однако, неясным, т. к. для нужд исполнителей существовали пособия более практического свойства — описательные перечни невм (прежде всего т. н. *Пападики*), упражнения (μέθοδοι) по *сольмизации* (μετροφωνία) и модуляции (παραλλαγή), диаграммы гласов и учебные песнопения различных типов. Наиболее известными образцами таких пособий являются перечни певч. знаков и формул прп. Иоанна Кукузеля, к-рый основывался на более ранних упражнениях Иоанна Гliки (см.:

Октоих.
XII в. (Mess. S. Salvatore 51. Fol. 72)

Troelsgård C. The Development of a Didactic Poem // Byzantine Chant. P. 69–85). В этот период было также составлено неск. пространных теоретических сочинений по визант. певч. практике более систематического свойства, тексты к-рых в посл. время публикуются в изд. «Monumenta Musicae Byzantinae» (Памятники византийской музыки) в серии «Corpus scriptorum de re musica»: тракат *Псевдо-Дамаскина* (изд. Г. Вольфрам и К. *Ханника*, 1997), анонимный трактат о певч. знаках (изд. Б. Шартау, 1997), трактат иером. *Гавриила* Ксанфопулского (изд. Ханника и Вольфрам, 1985) и трактат о знаках модуляции (фторах) придворного музыканта *Мануила Хрисафа* (изд. Д. Кономоса, 1985). Др. поздне- и поствизант. трактаты опубликованы Л. *Тардо* (*Tardo L.* L'Antica melurgia bizantina: Nell'interpretazione d. scuola monastica di Grottaferrata. Grottaferrata, 1938;) и Е. В. *Герцманом* (Петербургский Теоретикон. СПб., 1994).

Влияние зап. муз. форм и исполнительской практики видно в неск. визант. певч. рукописях XV в., содержащих, в частности, муз. версии

Никейского Символа веры и образцы простого 2-голосия (напоминают cantus planus binatim — вид зап. пения, предполагавший значительную степень импровизации), к-рые встречаются в творениях муз. теоретика Иоанна Плусиадина (впосл. *Иосиф*, униатский еп. Мефоны) и придворных музыкантов *Мануила*

Параклитик. 1434 г. (Karakal. 265 (116). Fol. 224)

Гадза и Мануила Хрисафа (см.: *Conomos D.* Experimental Polyphony «According to the... Latins» in Late Byzantine Psalmody // Early Music History. 1982. Vol. 2. P. 1–16; 1982; *Στάθης Γ. Θ.* «... τιμὴ πρὸς τὸν διδάσκαλον...». Ἔκφραση ἀγάπης στὸ πρόσωπο τοῦ καθηγητοῦ Γρηγορίου Θ. Στάθη. Ἀφιέρωμα στὰ ἑξηντάχρονα τῆς ἡλικίας καὶ στὰ τριαντάχρονα τῆς ἐπιστημονικῆς καὶ καλλιτεχνικῆς προσφορᾶς τοῦ. Ἀθῆναι, 2001. P. 656–674).

Поствизантийское пение. После падения К-поля в 1453 г. христиане, совершавшие богослужение по визант. обряду, оказались под властью либо римо-католиков, либо турок-мусульман. На о-ве Крит, испытавшем культурное влияние итал. Ренессанса в годы венецианского правления, возникла школа визант. пения, к-рая основывалась на трудах беженцев, таких как Мануил Хрисаф, и творчестве собственных мелургов, в т. ч. протопсалта Кидонии Антония Епископопулоса, протопсалта Ретимнона Венедикта Епископопулоса и протопсалта Хандакса Димитрия Дамиаса (см.: *Χατζηγιακουμής Μ.* Χειρόγραφα ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς (1453–1820). Ἀθῆναι, 1980. Σ. 24–29). После захвата Крита турками в 1669 г. традиция «критской музыки» была перенесена на Ионические о-ва, ее остатки сохранились до наст. времени на островах Кефалиния и Закинф, причем на последнем получила распространение особая версия осмогласия (см.: *Δραγούμης Μ. Φ.* Η Μουσική Παράδοση της Ζακυνθινής Εκκλησίας. Αθήνα, 2000). Еще одной чертой критской традиции, сохранившейся на Ионических о-вах, является многоголосное исполнение визант. песнопений. Певч. рукописи (прежде всего Hieros. Patr. gr. 578, кон. XVII — нач. XVIII в.) и сообщения путешественников свидетельствуют о замене совершенных консонансов (кварт, квинт и октав), характерных для 2-голосных песнопений в поздневизант. рукописях, более полными гармоническими структурами, основанными на терциях и сравнимыми по использованию параллелизмов с совр. практикой пения на Закинфе и Кефалинии (*Δραγούμης Μ. Φ.* Ἡ δυτικίζουσα ἐκκλησιαστικὴ μουσικὴ μας στὴν Κρήτη καὶ στὰ ἑπτάνησα // Λαογραφία. 1976/1978. Ἀ. 31. Σ. 272–293; *Touliatos-Miles D.* The Performance Practice of Byzantine-Kephalonian Chant // Византия и Вост. Европа: Литург. и муз. связи: К 80-летию М. Велимировича / Сост. Н. Герасимова-Персидская, И. Лозовая. М., 2004. С. 148–158. (Гимнология; 4)). Зап. разновидности монодийного визант. пения существуют поныне в Трансильвании и Юж. Италии.

В сфере влияния Османской империи протопсалт Панайотис Новый *Хрисаф* (ок. 1623 — ок. 1682), *Герман*, митр. Нов. Патр (ок. 1625 — ок. 1685), свящ. *Баласис* (ок. 1615 — ок. 1700) и *Петр Берекет* (ок. 1665 — ок. 1725) обогатили традиц. корпус песнопений, как в письменной, так и в устной форме. Письменно они осуществляли рекодификацию существовавших прежде распевов, создавали новые произведения в рамках сложившегося певч. репертуара, а также способствовали развитию неск. новых композиционных форм, наиболее важными из к-рых являются калофонические ирмосы и Великое славословие (в даный период получают распространение осмогласные циклы этих песнопений). Устно же эти мелурги передавали песнопения не только в форме последовательности интервалов, буквально обозначаемой в записи с помощью невм с звуковысотным значением (μετροφωνία), но и воспроизводя полностью их мелодию (μέλος) с помощью интерпретации определенных групп невм (θέσεις) в более украшенной манере. Совр. ученые, однако, не пришли к единому мнению как по вопросу о том, до какой степени следовали этому «стенографическому» подходу в XVII и XVIII вв., так и о критериях, по к-рым можно определить, насколько «кратким» или «пространным» может быть исполнение одних и тех же невм (см., напр.: *Stathis G.* An Analysis of the Sticheron Τὸν ἥλιον κρύψαντα by Germanos, Bishop of New Patras: (The Old «Synoptic» and the New «Analytical» Method of Byzantine Notation) // Studies in Eastern Chant. Crestwood (N. Y.), 1979. Vol. 4. P. 177–227; *Arvanitis I.* A Way to the Transcription of Old Byzantine Chant by means of Written and Oral Tradition // Byzantine Chant. P. 123–141). Также спорным остается вопрос, до какой степени строй визант. гласов мог измениться в течение этого периода. Захария Хандакс (Мир Сембил, 1680–1750) и *Петр Пелопоннесский* (Петраки-и-Кебир? † 1778) известны как создатели и визант., и тур. музыки, чьему мастерству новогреч. музыканты подражали вплоть до XX в.

Движение в направлении большей систематизации, начавшееся с попыток более точно нотировать передававшиеся изустно формулы (θέσεις) путем их транскрибирования или «истолкования» (ἐξήγησις), продолжилось с появлением новых, пересмотренных редакций Стихираря и Ирмология, составленных Петром Пелопоннесским и его учеником *Петром Византийским* († 1808). Две попытки *Агапия Палиерма* († 1815) заменить визант. невмы зап. нотацией встретили сопротивление консервативных сил в Патриаршей церкви, однако в 1814 г. К-польский Патриархат принял 3-й проект комплексной реформы, предложенный *Хрисанфом из Мадита* (ок. 1770–1840). Хрисанф значительно сократил число визант. знаков с качественным значением, заменил средневек. интонационные формулы зап. системой сольмизации, ввел точные средства записи хроматизмов и деления основной ритмической единицы и возродил восходящее к Аристоксену деление ладов на диатонические, хроматические и энгармонические. Хартофилак *Хурмузий Гиамалис* (ок. 1770–1840) и протопсалт *Григорий* (ок. 1778–1821) транскрибировали почти весь кор-

пус песнопений с помощью этого «нового метода», к-рый продолжает употребляться в К-польском, Александрийском и Антиохийском Патриархатах, в Болгарской и Румынской Православных Церквах, автокефальных Церквах Эллады и Кипра и нек-рых мелькитских общинах. Официально были приняты лишь изменения, введенные в 1881 г. комиссией К-польского Патриархата: незначительно скорректирован Хрисанфов строй и добавлены ритмические пометы. В последнее время успехи в музыковедении и литургике начали оказывать влияние на исполнительскую практику и теорию визант. пения, однако с неоднозначными результатами. Наиболее успешным стало возрождение нек-рых подвергшихся забвению жанров (мелизматических причастнов, песненных прокимнов и аллилуариев) и литургической практики (совершение служб согласно к-польской кафедральной традиции). Более противоречивыми явились попытки Симона *Караса* († 1999) и его учеников пересмотреть строй и классификацию гласов, утвержденную комиссией К-польского Патриархата в 1881 г., и возродить Дохрисанфовы знаки нотации, передающие качественные характеристики звука, — такие как оксиа, стрептон, тромикон и пиазма.

В XIX в. были также предприняты попытки изменить традиц. пение в соотвествии с тенденциями в совр. зап. музыке. Обработки для 4-голосного хора, выполненные в Вене в 40-х гг., несмотря на осуждение со стороны К-польского Патриархата, вскоре были восприняты мн. общинами греч. диаспоры. Гармонизацией занимался также афинский протопсалт Иоаннис Сакелларидис (ок. 1853–1938), к-рый считал совр. ему исполнительскую практику и многие из традиц. распевов продуктами вырождения, возникшими под оттоманским и араб. влиянием, и поэтому создал и опубликовал (как в зап., так и в Хрисанфовой нотациях) собственные версии монодийных песнопений. Обработки Сакелларидиса отличаются мелодической и ритмической простотой, к-рые он оправдывал с помощью сомнительных ссылок на древнегреч. музыку. Ученик Сакелларидиса брит. ученый Г. *Тильярд* сотрудничал с Э. *Веллесом* и К. *Хёгом* в сходной, но филологически более обоснованной попытке заменить традиц. версии песнопений ритмически свободными транскрипциями из средневек. источников для исполнения в манере, близкой к изобретенной монахами мон-ря Солем (Франция) для григорианского пения. Подобные же тенденции проявились в изданиях *сербского распева,* подготовленных Ст. *Мокраняцем* (1846–1914), в радикальном упрощении традиц. распевов, имевшем место в Румынии в период власти коммунистов, и в попытках возрождения Дохрисанфова пения в 1-й пол. XX в. в Румынии, Болгарии и мон-ре *Гроттаферрата* в Италии. Т. о., границы между новаторством и традицией, как и между Востоком и Западом, оказались стертыми, с одной стороны, консерваторами, к-рые используют версии визант. песнопений, выработанные (сознательно или несознательно) под влиянием популярной зап. или арабо-тур. музыки, с др.— сторонниками более или менее обоснованных интерпретаций исторических данных об исполнительской практике.

Лит.: *Παπαδόπουλος Γ. Ι.* Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ' ἡμῖν ἐκκλησιατικῆς μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1890, 1977[r]; *Schlötterer R.* Die kirchenmusikalische Terminologie der griechischen Kirchenväter: Ph. D. Diss. Münch., 1953; *Di Salvo B.* Gli «Asmata» nella musica bizantina // BollGrott. 1959. Vol. 13. P. 45–50, 127–145; 1960. Vol. 14. P. 145–178; *Thodberg C.* The Tonal System of the Kontakarium: Stud. in Byzantine Psaltikon Style. København, 1960; *idem.* Der byzant. Alleluiarionzyklus: Stud. im kurzen Psaltikonstil. Kopenhagen, 1966. (MMB. Subs.; 8); *Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxf., 1961[2]; *Velimirovic M.* Liturgical Drama in Byzantium and Russia // DOP. 1962. Vol. 16. P. 351–385; *idem.* Byzantine Composers in Ms Athens 2406 // Essays presented to E. Wellesz. Oxf., 1966. P. 7–18; *idem.* The Byzantine Heirmos and Heirmologion // Gattungen der Musik in Einzeldarstellungen: Gedenkschrift. Schrade. Bern; Münch., 1973. Bd. 1. S. 192–244; *McKinnon J.* The Meaning of the Patristic Polemic against Musical Instruments // Current Musicology. 1965. Vol. 1. P. 69–82; *idem.* Christian Antiquity // Antiquity and the Middle Ages: From Ancient Greece to the 15th Cent. Englewood Cliffs (N. J.), 1991. P. 68–87; *idem.* The Temple, the Church Fathers and Early Western Chant. Aldershot, 1998; *Williams E. V.* A Byzantine ars nova: The 14th-cent. Reforms of John Koukouzeles in the Chanting of Great Vespers // Aspects of the Balkans: Continuity and Change / Ed. by H. Birnbaum, S. Vryonis (Junior). The Hague, 1972; *Conomos D. E.* Sacred Music in the Post-Byzantine Era // The Byzantine Legacy in Eastern Europe. Boulder; N. Y., 1988. P. 83–105; *Desby F.* The Modes and Tunings in Neo-Byzantine Chant: Ph. D. Diss. Los. Ang., 1974; *idem.* The Growth of Liturgical Music in the Iakovian Era // History of the Greek Orthodox Church in America / Ed. by M. B. Ephthimiou, G. A. Christopoulos. N. Y., 1984. P. 303–323; *Moran N. K.* The Ordinary Chants of the Byzantine Mass. Hamburg, 1975. 2 vol.; *Γεωργίου Κ. Ι.* Ἡ ἑβδομαδιαία ἀντιφωνικὴ κατανομὴ τῶν ᾠδῶν εἰς τὰς Ἀσματικὰς Ἀκουλουθίας ἑσπερινοῦ καὶ ὄρθρου. Ἑλληνικοὶ Μουσικοὶ Κώδικες 2061–2062 Ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης Ἀθηνῶν: Ph. D. Diss. R., 1976; *Στάθης.* Ἀναγραμματισμοὶ καὶ μαθήματα; *Καρᾶς Σ.* Μέθοδος ἑλληνικῆς μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1982–1985. 8 τ.; *Touliatos[-Banker] D.* The Byzantine Amomos Chant of the 14th and 15th Cent. Thessal., 1984. (Analecta Vlatadon; 46); *Αλυγιζάκης Α. Ε.* Η Οκταηχία στην ελληνική λειτουργική υμνογραφία. Θεσσαλονίκη, 1985; Music in Early Christian Literature / Ed. by J. McKinnon. Camb., 1987; *Μητσάκης Κ.* Βυζαντινὴ ὑμνογραφία ἀπὸ τὴν ἐποχὴ τῆς Καινῆς Διαθήκης ἕως τὴν Εἰκονομαχία. Ἀθῆναι, 1986[2]; *Trapp E.* Critical Notes on the Biography of John Koukouzeles // Byzantine and Modern Greek Studies. 1987. Vol. 11. P. 223–229; *Schartau B.* On Collecting «Testimonia» of Byzantine Musical Practice // CIMAGL. 1988. N 57. P. 159–166; *Φιλόπουλος Γ.* Εἰσαγωγὴ στὴν ἑλληνικὴ πολυφωνικὴ μουσική. Ἀθῆναι, 1990; *Jeffery P.* The Sunday Office of 17th Cent. Jerusalem in the Georgian Chantbook (Iadgari): A Prelim. Rep. // Studia Liturgica. 1991. Vol. 21. P. 52–75; *idem.* The Earliest Christian Chant Repertory Recovered: The Georgian Witnesses to Jerusalem Chant // JAMS. 1994. Vol. 47. P. 1–39; *Lingas A.* The Liturgical Use of the Kontakion in Constantinople // Литургия, архитектура и искусство визант. мира: Тр. XVIII Междунар. Конгресса византинистов (Москва, 8–15 авг. 1991) и др. мат-лы, посвященные памяти о. И. Мейендорфа / Под ред. К. К. Акентьева. СПб., 1995. С. 50–57. (Византиноросика; 1); *idem.* Hesychasm and Psalmody // Mount Athos and Byzantine Monasticism / Ed. by A. Bryer and M. Cunningham. Brookfield (Vt.), 1996. P. 155–168; *idem.* Festal Cathedral Vespers in Late Byzantium // OCP. 1997. Vol. 63. P. 421–459; *idem.* Sunday Matins in the Byzantine Cathedral Rite: Music and Liturgy. Aldershot (в печати); Studi di musica bizantina in onore di G. Marzi / Ed. A. Doda. Lucca, 1995; *Giannelos D.* La musique byzantine: Le chant ecclésiastique grec, sa notation et sa pratique actuelle. P., 1996; Byzantine Chant: Tradition and Reform: Acts of a Meeting held at the Danish Inst. at Athens, 1993 / Ed. C. Troelsgård. Athens, 1997; *Τσιαμούλης Χ., Ἐρευνίδης Π.* Ρωμηοὶ συνθέτες τῆς Πόλης (17ος–20ος αἰ.). Ἀθῆναι, 1998; The Communion Chants of the 13th-Cent. Asmatikon / Ed. by S. Harris. Amst., 1999. (Music Archive Publ., Ser. A; 1); *Froyshov S.* La reticence à l'hymnographie chez des anachorètes de l'Égypte et du Sinaï du 5ème au 8ème siècles // L'Hymnographie: Conf. S.-Serge, 46e Semaine d'Études Liturgiques, Paris, 1999 / Ed. A. M. Triacca, A. Pistoia; R., 2000. P. 229–245. (BELS; 105); Θεωρία καὶ Πράξη τῆς Ψαλτικῆς Τέχνης. Πρακτικὰ Α΄ Πανελλινίου Συνεδρίου Ψαλτικῆς Τέχνης (Ἀθῆναι, 3–5 Νοεμβρίου) / Ἐκδ. παρὰ τοῦ Α. Γ. Χαλδαιάκη. Ἀθῆναι, 2001; *Χριστόδουλος (Παρασκευαΐδης), ἀρχιεπίσκοπος.* Ἐγχειρίδιον ἱεροψάλτου· Βασικαὶ τοῦ ἱεροψάλτου ὑποχρεώσεις ὡς συμβολὴ εἰς τὴν Λειτουργικὴν ἀναγέννησιν. Ἀθῆναι, 2001[3]; *Οικονόμου Φ. Α.* Το Νέο Μουσικό Ζήτημα στην Ορθόδοξη Εκκλησία. Αίγιο, 2002; *Пентковский А. М.* Антиохийская литург. традиция в IV–V ст. // ЖМП. 2002. № 7. С. 73–87.

А. Лингас

И. С. Чичуров
(общее научное редактирование ст. *Византийская империя*)

ВИЗАНТИ́ЙСКАЯ НОТА́ЦИЯ, система записи мелоса церковного пения, распространившаяся в Византийской империи начиная с X в. и существующая в греч. ареале вплоть до наст. времени.

Введение. Предыстория. Периодизация. Существуют 2 основные формы церковного пения: мелодическая речитация (литургический речитатив) и исполнение песнопений (псалмов, кондаков, канонов, стихир и т. д.). Мелодическая речитация — это чтение нараспев отрывков из Ветхого и Нового Заветов, называемое «экфонесис» (греч. ἐκφώνησις, букв.— возглашение). Экфонесис обладает муз. характеристиками (высота тона), но не имеет строгих ритмических характеристик. В отличие от литургического чтения мелос песнопений имеет все муз. характеристики: четко определенный ритм, объемные звукоряды, более или менее развитый мелодический стиль (силлабический, невматический или мелизматический).

2 типам пения соответствует 2 вида певч. рукописей, появившихся со времени изобретения муз. нотации для записи песнопений или их фрагментов.

Рукописи, содержащие чтения с экфонетической системой знаков — Евангелиарии (или Евангелистарии — см. ст. *Евангелие*), *Апостолы* и Профетологионы (см. ст. *Паремийник*),— относятся к периоду с VIII–IX по XIV–XV вв. Экфонетические знаки иногда сопровождали и др. тексты, напр. Символ веры или нек-рые тексты Деяний Соборов (см. ст. *Синодик*).

Муз. нотация песнопений появляется в литургических книгах в X в., однако и в более ранних рукописях присутствуют следы употребления знаков, имеющих муз. значение. Обозначение гласа в начале или в середине песнопения, деление фразы на колоны (с помощью точек), инципиты мелодических моделей в качестве указания на определенный напев и др. свидетельствуют по крайней мере об устной передаче более или менее стереотипных муз. образцов. Новейшие исследования (И. Папатанасиу, Н. Букаса) открыли многочисленные, хотя и изолированные примеры примитивных систем нотации гл. обр. локального характера на периферии Византийской империи (Палестина, Египет, Сирия, Кипр) до появления ранневизант. нотации.

Первый известный образец нотированного визант. песнопения — гимн Св. Троице в егип. папирусе из Оксиринха (Pap. Oxyrhynch. 1786, 2-я пол. III в.), записанный древнегреч. алфавитной нотацией с нек-рыми дополнительными ритмическими знаками. Этот единичный случай не имел к.-л. продолжения: собственно муз. свидетельств в отличие от данных повествовательных источников от IV–V вв. не сохранилось.

В папирусах VI–VII вв. обнаружены только обозначения гласа в гимнах, однако на егип. остраконе того же времени (Ostr. Skeat. 16) содержится фрагмент гимна, сопровождаемый знаками креста, точки и полукружия (разновидности облеченного ударения). Точка напоминает систему нотации, о к-рой сообщают, хотя и не описывают ее подробно Аристоксен (IV в. до Р. Х.) и Аристид Квинтилиан (рубеж III—IV вв.?). Д. Журдан-Хеммердингер на основании исследования музыкально-космологической рукописи V–VI вв. утверждает, что точка (употребление к-рой — различного размера и в разных комбинациях — встречается в папирусах II–IV вв.) указывает на забытую систему нотации, использовавшуюся в копт. среде.

Др. случай — это один из богородичных гимнов, найденных во фрагментах папируса Pap. Berolin. 21319 (сер. VI — сер. VII в.). Крюкообразный знак, напоминающий более позднюю петасти (πεταστή), помещен в неск. местах над текстом гимна; возможно, в утраченных частях этого манускрипта могли находиться и др. знаки. Значение этой находки заключается в том, что она дает пример, относящийся к более раннему времени, чем эпоха прп. *Иоанна Дамаскина* († ок. 750), к-рому традиция приписывает изобретение крюкообразных знаков (см.: *Παπαδόπουλος Γ. Ι.* Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ᾽ ἡμῖν ἐκκλησιατικῆς μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1890. Σ. 168–180).

Еще одна система нотации была обнаружена в 5 греч. папирусах из Гермополя (Pap. Ryland. Copt. 25–29), датируемых греч. учеными Папатанасиу и Букасом VII–IX вв. Над нек-рыми слогами песнопений стоят муз. знаки, состоящие гл. обр. из комбинаций неск. начертаний оксиа (ὀξεῖα) — от 1 до 7 оксий над 1 слогом. Реже встречаются знаки (перечислены в убывающем порядке), напоминающие более поздние элафрон (ἐλαφρόν), точку (κέντημα, от κεντῶ — вышивать), ипоррои (ὑποῤῥοή) и вариа (βαρεῖα). По предположению этих ученых, данная нотация является диастематической — число оксий соответствует номеру определенной ступени (неизвестного) звукоряда.

Пергаменный фрагмент, по-видимому относящийся к кон. XII — нач. XIII в., может рассматриваться как свидетельство об использовавшейся на Кипре и в Палестине примитивной системе нотации, возможно, гораздо более древней, чем сам фрагмент: над мн. словами ударение проставлено дважды, а иногда и трижды. Используемые знаки — оксиа (острое ударение), вариа (тупое) и полукружие (облеченное). Сопоставление с более поздними манускриптами показывает, что вариа и полукружие, вероятно, соответствуют «двойным» знакам ранневизант. и средневизант. нотаций, таким как дипли (διπλῆ) и ксирон клазма (ξηρὸν κλάσμα), или одиночной клазме, в то время как оксиа, может быть, соответствует позднейшим комбинациям с этим знаком. Комбинация оксии с 2 точками (подобным более поздним кендимам (κεντήματα)) над одним из слогов гимна в этом фрагменте не находит соответствия в позднейших рукописях. Имеющиеся данные не позволяют сделать окончательные выводы как о наличии связи между этими системами нотации, так и о роли их в формировании более поздних систем нотации, получивших широкое распространение.

Др. группа рукописей содержит примитивную систему нотации, представленную различными формами, каждая из к-рых использует для описания мелизматической фигуры, известной в более поздних рукописях под названием «тематизмос» (θεματισμός), преимущественно один определенный знак (оксиа, двойная оксиа, 2 полукружия, маюскульная фита (Θ) или иногда комбинация из 2 фит). Более развитая форма этой квазинотации — фитная, или «тета-нотация»,— использовалась в греч., сиро-мелькитских и нек-рых слав. рукописях и после появления полной палеовизант. нотации. Форма этих систем, хотя и является весьма примитивной и ог-

раниченной, может указывать на связь с позднейшими системами и восприниматься как их предшественница.

Запись песнопений с помощью муз. знаков присутствует в *Ирмологии, Стихираре, Асматиконе* и *Псалтиконе*. Древнейшие нотированные рукописи — Ирмологии и Стихирари — известны с X в. Асматикон и Псалтикон, списки к-рых сохранились только от XII и XIII вв., содержат средневизант. нотацию. Образцы песнопений, содержащихся в Псалтиконе и Асматиконе, встречаются и в более ранних рукописях (Ирмологиях и Стихирарях), поэтому нельзя исключить, что полные Псалтиконы и Асматиконы как самостоятельные книги существовали и ранее, в период бытования ранневизант. нотации. Об этом свидетельствуют и слав. рукописи. После исчезновения Асматикона и Псалтикона в XIV в. содержавшиеся в них песнопения наряду с новыми муз. творениями стали помещаться в *Аколуфиях* или *Пападики* (самый ранний известный образец — ркп. Athen. Bibl. Nat. 2458, 1336 г.).

Певч. рукописи содержат не весь богослужебный певч. репертуар: седальны, отпустительные тропари, кондаки силлабического распева, псалмовые стихи, стихиры, самогласны и подобны и др. песнопения либо совсем не нотировались, либо нотировались очень редко или в более позднее время. Мелос, к-рый был всем хорошо известен, могли не записывать. Почти весь корпус песнопений визант. соборного богослужения *(песненного последования)* был записан уже после периода его расцвета.

В различных источниках песнопения записаны в системе *осмогласия* и обычно распределены по соответствующим группам. В В. н. была разработана специальная система для обозначения гласа или одного из его вариантов, к к-рому принадлежит данное песнопение,— т. н. *мартирии* (μαρτυρίαι, букв.— свидетельства). В записях экфонесиса для чтений гласовые обозначения отсутствуют, что чрезвычайно осложняет расшифровку этой системы знаков.

Историю нотирования песнопений можно разделить на 4 стадии: ранневизант. (палеовизант.) нотация, встречающаяся в рукописях X — сер. XII в.; средневизант. (медиавизант.), или «круглая», нотация с сер. XII в. по 1400 г.; позднe- и поствизант. нотация, с нач. XV в. по 1814 г.; в последние столетия этого периода возникает феномен «экзегезиса» (ἐξήγησις, букв.— интерпретация), т. е. попытки «аналитической» записи мелоса, когда прежние формы нотации рассматриваются в качестве «стенографических»; нотация Трех дидаскалов, или Хрисанфова нотация, или нотация *нового метода*, с 1814 г., в XX в. этот вид нотации был обогащен дидаскалом С. *Карасом*, включившим в него древние знаки, к-рые отвергли Три дидаскала.

Для периода зарождения В. н. и начального этапа ее развития характерно сосуществование 2 различных систем: шартрской и куаленской, 1-я имеет, вероятно, к-польское, а 2-я — палестинское происхождение; обе появляются в рукописях в X в. и, возможно, восходят к одной, ныне неизвестной системе.

Сравнение ранневизант. и диастематической средневизант. нотаций, имеющих общий фонд знаков (наблюдается преемство в мелосе песнопений и способе их нотирования), показывает, что обе системы ранневизант. нотации — адиастематические и обе используют «малые» и «большие» знаки. «Малые» знаки обозначают, как правило, 1–2 звука и указывают направление движения мелоса, однако не вполне точно. Так, оксиа чаще всего обозначает повышение звука (по сравнению с предыдущим), но не обязательно на 1 ступень (как в средневизант. нотации), а, возможно, и на 2, на 3 и т. д. «Большие» знаки — это «стенографические» символы, обозначающие мелодические фигуры, т. е. формулы, состоящие из 2 или чаще большего числа звуков для 1 слога. Шартрская нотация гораздо богаче «большими» знаками, чем куаленская.

Средневизант. нотация, возникшая из куаленской ок. 1150 г. (или, возможно, раньше), является диастематической: простые знаки, ранее обозначавшие только направление движения мелоса, стали обозначать определенные нисходящие или восходящие интервалы (т. е. число ступеней, без различения тонов и полутонов или др. видов простых интервалов). «Стенографические» символы более ранних периодов были записаны аналитически, т. е. раскрыты с помощью простых интервальных знаков; часть символов осталась в употреблении наряду с их «расшифровками» — для обозначения групп интервальных знаков, приходящихся на 1 слог, и для обозначения ритма. Они стали называться «афона» (ἄφωνα — беззвучные) или «большие ипостаси» (μεγάλαι ὑποστάσεις — см. *Ипостаси*).

Поздне- и поствизант. нотация в сущности та же, что и средневизант., но она обогащена мн. ранними и поздними знаками, к-рые обычно пишутся киноварью. Эта черта сближает ее с ранневизант. нотацией, особенно с шартрской.

В то время как «стенографические» символы ранневизант. нотации были «анализированы» с помощью знаков средневизант., к-рой стало возможно записывать не только древние традиц. образцы мелоса, но и новые, «расцвеченные» авторские композиции последних веков истории визант. церковного пения (см. ст. *Калофоническое пение*), с определенного момента (возможно, еще до падения К-поля, но определенно — после) певцы, имея перед глазами первоначальную нотацию, стали понимать записанный мелос как «скелет», основу, и удваивать, учетверять или еще больше увеличивать длительность звуков, наполняя и разрабатывая движение мелоса, используя мелизмы и украшения. Пространный мелос пелся по краткой муз. записи с использованием средств разработки, передававшихся изустно. Т. о., вся нотация стала восприниматься во мн. случаях как «стенографическая» и требующая нового «анализа» («толкования», развода). Попытки такого «анализа» известны уже в XVI в., более систематически эти «экзегезисы» культивировались в XVII в. С т. зр. большинства греков они представляют первоначальную форму мелоса, однако, вероятно, являются сравнительно поздними обработками. Результатом этих разработок мелоса и попыток упрощения нотации стала Хрисанфова нотация, используемая и в наст. время.

Экфонетическая система знаков, предназначенная для фиксации интонации литургического чтения, происходит, вероятно, от знаков просодии древнегреч. языка, изобретенных в Александрии грамматиком Аристофаном Византийским, жившим между 260 и 180 гг. до Р. Х. Знаки просодии обозначают муз. элементы, свойственные отдельным

словам и устной речи в целом: бóльшую высоту тона нек-рых слогов (оксиа обозначает слог на высокой интонации, вариа — на низкой, периспомени (περισπωμένη — знак облеченного ударения) — слог, начинающийся на сравнительно высокой и заканчивающийся на более низкой интонации), бóльшую или меньшую длительность (μακρόν и βραχύ; лат. longa и brevis), произношение начальных гласных с придыханием и без придыхания (προσῳδία δασεῖα; лат. spiritus asper — густое придыхание; προσῳδία ψιλή; лат. spiritus lenis — тонкое придыхание), элизию в произношении гласных или слов (ὑφέν — соединение) либо

Евангелие с экфонетическими знаками. К-поль. 2-я пол. XI в. (New York. The Pierpont Morgan Library. M. 639. Fol. 1)

разделение слов или фраз (ἀπόστροφος — апостроф, κόμμα — запятая, διαστολή — разделение), окончание периодов (τελεία, букв.— совершенная пауза). Просодические знаки делятся на τόνοι (тоны, муз. ударения), χρόνοι (длительности), πνεύματα (придыхания) и πάθη (знаки декламации) (см. табл. 1).

Распевная речитация — это вид чтения, требующий знаков для обозначения его структуры: разделения на сегменты (периоды, предложения или части меньшего размера) для правильного восприятия содержания текста и для взятия дыхания с помощью кратких (κόμμα) и долгих (τελεία) пауз. Эту функцию выполняют знаки πάθη. Распевная речитация имеет более интенсивную, разнообразную и определенную муз. интонацию, чем устная речь: она движется в определенном направлении и делает остановки на строго фиксированных высотах, более того, она характеризуется значительным разнообразием мелодических движений и каденций (что можно сравнить с совр. практикой). Следов., речитация нуждается в знаках, обозначающих мелодические шаги и каденции. Эту функцию выполняют τόνοι, заимствованные из просодических знаков (вероятно, с нек-рым изменением их значений), а также др. знаки тоново-мелодической природы, созданные специально для фиксации мелодических движений и каденций распевной речитации, отличающихся от менее определенных движений голоса при обычном чтении. Т. о., была создана система простых или составных (двойных или тройных) знаков (см. табл. 2).

Различают классическую и доклассические системы расстановки экфонетических знаков в библейских чтениях. В классической системе знаки размещаются парами — 1 в начале и 1 в конце каждого колона, как это видно в «учебной таблице», где эти знаки расположены в определенных комбинациях. Таблица известна по неск. рукописям, напр., Lesb. Leim. gr. 38 (XI в.?). В Профетологионе (Sinait. gr. 8, X–XI вв.) экфонетические пары записаны вместе с разводом адиастематической ранневизант. нотацией, не поддающейся расшифровке. Можно сказать, что эти комбинации составляют «экфонетические формулы» — более или менее стереотипные муз. фразы, используемые в экфонесисе (насколько вообще возможно гово-

Таблица 1

Знаки греческой просодии

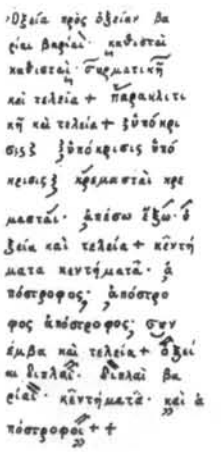
Τόνοι (тоны)			
προσῳδία ὀξεῖα	высокий тон	острое ударение	/
προσῳδία βαρεῖα	низкий тон	тупое ударение	\
προσῳδία περισπωμένη	лигатура из острого и тупого ударений	облеченное ударение	^
Χρόνοι (длительности)			
προσῳδία μακρά	знак для долгого слога	знак долготы	–
προσῳδία βραχεῖα	знак для краткого слога	знак краткости	◡
Πνεύματα (придыхания)			
προσῳδία δασεῖα	густое придыхание		⊤
προσῳδία ψιλή	тонкое придыхание		⊥
Πάθη (знаки декламации)			
ἀπόστροφος	апостроф		⸌
ὑφέν	соединение		‿
διαστολή	разделение		⸌⸍

Таблица 2

Экфонетические знаки

Простые знаки		Составные знаки	
оксиа (ὀξεῖα)		оксии (ὀξεῖαι)	
сирматики (συρματηκή)		варии (βαρεῖαι)	
вариа (βαρεῖα)		кендимы (κεντήματα)	
кафисти (καθιστή)		апесо эксо (ἀπέσω ἔξω)	
кремасти (κρεμαστή)		апострофы (ἀπόστροφοι)	
апостроф (ἀπόστροφος)			
синемва (συνέμβα)		ипокрисис (ὑπόκρισις)	
параклитики (παρακλιτική)			
	+		

рить в данном случае о стереотипном мелосе). В большей части колонов стоят пары простых знаков (включая нек-рые комбинации, напр., ипокрисис (ὑπόκρισις, от ὑποκρίνομαι — играть (роль)), кендимы или апесо эксо (ἀπέσω ἔξω, букв.— от

Перечень экфонетических знаков в рукописи XI в. (Lesb. Leim. gr. 38. Fol. 318). Прорись

низкого к высокому). Но в последних 3 или 4 колонах используются двойные знаки (двойные оксии, двойные варии, апострофы), обозначающие, по всей вероятности, более развернутую финальную каденцию, что отражается и в совр. практике.

В противоположность четко организованной классической системе, более или менее однородно представленной в рукописях X–XII вв., доклассические системы более разнородны и обладают рядом особенностей. Наиболее важными их характеристиками являются: а) различные графические формы 1 знака в разных или даже в одном и том же манускрипте; б) различный состав знаков в рукописях, т. е. меньшее или большее их число (нек-рые писцы ограничиваются одним или неск. из следующих знаков: телиа, ипокрисис, апостроф, опуская остальные); в) использование одиночных знаков вместо пар, или необычных и почти свободных комбинаций, или колонов с 3 знаками; г) муз. значение каждой пары знаков, вероятно, может отличаться от рукописи к рукописи; д) иногда двойные знаки используются в середине чтения (в отличие от классической системы, где они используются только в финальной каденции); е) в ранних рукописях не содержатся однообразные финальные каденции с фиксированной последовательностью двойных знаков и кендим; в этих каденциях могут также использоваться одиночные знаки.

Датировка древнейших сохранившихся рукописей с экфонетическими знаками (VIII–IX вв.) не обязательно указывает на время изобретения данной системы. В этих рукописях она появляется уже в развитой форме, что предполагает определенную предысторию. Данный факт позволил К. *Хёгу* сделать

Перечень экфонетических знаков в Профетологионе X–XI вв. (Sinait. gr. 8. Fol. 303r)

предположение, что экфонетическая система знаков была изобретена до VII в.; основываясь на наблюдениях над номенклатурой знаков, он даже допустил, что это должно было произойти не позднее, чем в кон. IV в. Еще раньше Ж. Б. *Тибо* заключил, что данная система знаков должна была быть создана в V–VI вв.

Описанная система знаков продолжала использоваться до кон. XIII в. С нач. XIV в. появляются первые признаки ее упадка: упрощение, уменьшение числа знаков, использование одиночных знаков вместо их пар. Возможно, это свидетельствует об упрощении самого экфонесиса. Процесс вырождения начался уже в XIII в., и к кон. XV в. экфонетическая система знаков, по-видимому, была уже почти забыта и впоследствии отвергнута. И хотя традиция экфонесиса продолжается по сей день, точное значение экфонетических знаков до сих пор не выяснено. Тем не менее экфонетическая система знаков послужила основой для создания нотации песнопений, имеющей с ней много общих знаков.

Ранневизантийская нотация впервые появляется в рукописях X в. в 2 формах, или системах,— шартрской и куаленской, возможно восходящих к общей оригинальной системе, разделившейся на 2 разновидности ко времени, от к-рого мы имеем древнейшие из сохранившихся нотированных рукописей. И шартрская, и куаленская нотации тесно связаны с экфонетической системой знаков, т. к. бóльшая часть знаков последней присутствует в ранневизант. нотации под теми же или др. названиями (см. табл. 3). Смысл знаков не должен был оставаться в точности неизменным, однако, по-видимому, является родственным. Связь между нотациями позволяет предложить 2 объяснения: 1) обе формы ранневизант. нотации происходят из экфонетической системы знаков и, следовательно, были созданы после нее; 2) все знаковые системы были созданы параллельно в одно и то же время на основании одного и того же источника — просодических знаков, имевших 2 разные, хотя и родственные системы обозначений для 2 типов

Таблица 3

Экфонетические знаки	Ранневизантийские невмы
оксиа (ὀξεῖα)	оксиа (ὀξεῖα)
вариа (βαρεῖα)	вариа (βαρεῖα)
кафисти (καθιστή)	
сирматики (συρματική)	сирма (ипоррои) (σύρμα (ὑποῤῥοή))
параклитики (παρακλιτική)	параклитики (παρακλητική)
ипокрисис (ὑπόκρισις)	катавазма (κατάβασμα) или псифистон (ψηφιστόν)
кремасти (κρεμαστή)	петасти (πεταστή)
апесо эксо (ἀπέσω ἔξω)	апесо эксо (ἀπέσω ἔξω)
кендимы (κεντήματα)	кендимы (κεντήματα)
апостроф (ἀπόστροφος)	апостроф (ἀπόστροφος)
синемва (συνέμβα)	
телиа (τελεία)	ставрос (σταυρός)
оксиэ диплэ (ὀξεῖαι διπλαῖ)	дипли (оксиа) (διπλῆ (ὀξεῖα))
диплэ вариэ (διπλαὶ βαρεῖαι)	пиазма (πίασμα)
апострофы (ἀπόστροφοι)	два апострофа (δύο ἀπόστροφοι)

Триодь. Нач. XI в.
(Chartres 1754. Fol. 62v — 63)

мелоса — чтений и песнопений. Тибо и К. *Флорос* склонялись к 1-му объяснению; Флорос гл. обр. исходил из того, что функции и номенклатура экфонетической системы знаков ближе к просодии и просодическим знакам, к-рые несомненно являются более древними. 2-е объяснение также не следует исключать полностью, хотя ему до сих пор не найдено подтверждения в рукописях и оно остается только гипотезой. Несомненным является родство экфонетической системы знаков и ранневизант. нотации.

Куаленская и шартрская — первые самостоятельные системы ранневизант. нотации, названные учеными по 2 рукописям, в к-рых они были

Стихирарь
с ранневизант. куаленской нотацией.
Кон. XII — нач. XIII в.
(Karakal. 74. Fol. 247v)

впервые обнаружены: Ирмологию XI–XII вв. из собрания Куалена (Paris. Coislin. gr. 220) и хранившемуся в муниципальной б-ке г. Шартра и утерянному ныне фрагменту (Chartres 1754) Триоди нач. XI в., основная часть к-рой находится в б-ке Великой Лавры на Афоне (Laur. Г. 67). Обе нотации описывают движение голоса вверх и вниз, а не отдельные звуки и имеют общий фонд основных (коренных) знаков (т. н. «малые знаки») (см. табл. 4).

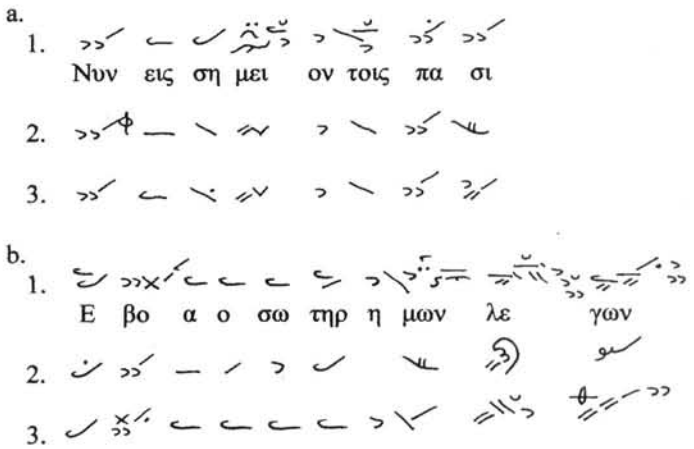
Общими для обеих нотаций на ранних стадиях являются наличие в рукописях слогов без к.-л. муз. знаков и отсутствие знака для повторения звука. В шартрской нотации намного больше, чем в куаленской, «стенографических» символов, передающих более или менее стереотипные мелодические фигуры (μελίσματα; «большие» знаки — формулы для 1, реже 2 слогов). После публикации А. *Їастуэ* в 1907 г. детально описанных 6 листов Шартрского фрагмента Г. *Тильярду* в 1913–1914 гг. удалось определить, что данный фрагмент является частью указанной рукописи из Великой Лавры.

Наиболее важным критерием для классификации различных стадий ранневизант. нотации в 1-е десятилетия XX в. считалось отсутствие исона (ἴσον — равно; знак повторения тона) или форма этого знака. В куаленской нотации исон имел форму крюка, в шартрской — прямого горизонтального штриха. Тильярд предложил деление ранневизант. нотации на 3 стадии в соответствии с 3 рукописями: 1-я, самая ранняя, стадия, не имеющая исона — «эсфигменская нотация» (по ркп. из афонского мон-ря Эсфигмен, Esph. 54); 2-я стадия, XI в., с прямым исоном — «андреевская (или андреатическая) нотация» (по утраченной ныне ркп. из скита ап. Андрея на Афоне, Andr. 18); 3-я стадия, XI–XII вв.,— куаленская нотация. Параллельно с опытами классификации ранневизант. нотации были предприняты попытки ее расшифровки. Ранневизант. нотация, являющаяся в отличие от средневизант. адиастематической, должна изучаться в сравнении со средневизант., имеющей с ней общие тексты песнопений. Сопоставление различных нотаций одних и тех же песнопений показывает в большинстве случаев прямую связь нотаций между собой и убеждает в том, что они передают более или менее один и тот же мелос (см. пример 1).

Пример 1

Образцы записи песнопения в средневизантийской и палеовизантийской нотациях

(1 — средневизантийская, 2 — шартрская, 3 — куаленская)

Т. о., используя средневизант. рукописи в качестве путеводителя, можно изучать интервальное значение формул ранневизант. нотации, а суммируя все значения, полученные в процессе исследования,— обнаружить общую идею, объединяющую эти значения. Напр., для варии общим моментом в разных нотациях является то, что она предполагает 2 звука на 1 слоге, причем 2-й звук почти всегда (исключая мелодическое движение сизма — σεῖσμα) ниже 1-го, в то время как интервал между 1-м и предшествующим звуками, как и интервал между 2 звуками варии, точно не определен. Путем сопоставления ранневизант. и средневизант. рукописей

Таблица 4

Основные знаки, общие для шартрской и куаленской нотаций

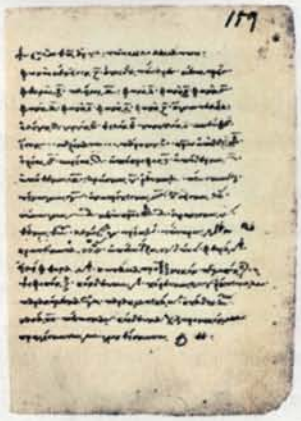
оксиа (ὀξεῖα)	
вариа (βαρεῖα)	
апостроф (ἀπόστροφος)	
петасти (πεταστή)	
клазма (κλάσμα)	
(кендимы (κεντήματα))	

можно понять смысл «стенографического» символа, логическую структуру ранневизант. нотации и со временем реконструировать мелос непосредственно по ранневизант. рукописи (расшифровка «in campo aperto»). Тильярду в 1921 г. удалось путем «параллельной транскрипции» расшифровать песнопения из куаленских источников. Новая оценка ранневизант. нотации и этапов ее развития была сделана в работах О. *Странка* (1965), обнаружившего, что ее ранее описанные разновидности объединяются в 2 системы ранневизант. нотации — шартрскую и куаленскую, и каждая имеет архаическую и развитую стадии (с промежуточным этапом, когда апостроф часто использовался для несущественных в муз. отношении слогов).

Более детальная классификация стадий ранневизант. нотации была предложена Флоросом в монументальном исследовании «Общее руководство по невмам» (Universale Neumenkunde). По мнению К. *Трёльсгора*, «классификация, представленная Флоросом... стала ценным практическим руководством для работы с ранневизантийскими рукописями... Однако одной из ее слабых сторон является то, что лишь очень немногие рукописи или части рукописей на 100% отвечают формальным критериям этих «идеальных» стадий» (*Troelsgård C.* Postscript // Palaeobyzantine Notations: A Reconsideration of the Source Material. Hernen, 1995. P. 166. Note 5). Критерии классификации Флороса: а) число слогов без муз. знаков; б) частота употребления определенных интервальных знаков; в) графическое начертание знаков; г) поэтапное уточнение способов записи мелоса. Флорос выделяет 4 периода в истории развития шартрской нотации и 6 — в куаленской; временны́е границы стадий 2 систем в основном совпадают.

Обе системы нотации во всех их стадиях с X по XII в. четко представлены в подборке примеров-факсимиле в изд. «Образцы древних нотаций» Странка (древнейший пример — Ирмологий с шартрской нотацией Laur. B. 32).

Единственным теоретическим руководством, к-рое можно соотнести с ранневизант. нотацией, является анонимный трактат палестинского происхождения «*Агиополит*» (XII в.). Здесь описывается куаленская нотация, знаки к-рой распределяются по 4 классам: τόνοι (ἁπλοί и σύνθετοι), ἡμίτονα (или ἡμίφωνα), πνεύματα и μέλη. Τόνοι ἁπλοί (простые тоны) — это знаки, к-рые нельзя разложить на более простые знаки. Τόνοι σύνθετοι (составные тоны) — знаки, состоящие из 2 или 3 более простых знаков; они выглядят либо как конъюнктуры (знаки, поставленные рядом над 1 слогом так, что составляют сложный знак, составные части к-рого, однако, четко видны), либо как лигатуры (соединенные друг с другом знаки). Одни из них встречаются в виде конъюнктур на более ранних стадиях нотации и в виде лигатур на более поздних, напр. ксирон клазма; др. так и остаются в конъюнктурной форме, напр. дио (δύο — два) или анатрихизма (ἀνατρίχισμα, букв.— дрожание). Ἡμίτονα (ἡμίφωνα) — знаки, передающие небольшое украшение, т. е. мелизму, поющуюся в особой манере («вполголоса»). Μέλη — «стенографические» знаки для определенных групп звуков, приходящихся на 1 слог. В др. трактатах состав этих классов может быть представлен неск. иначе (см. табл. 5 (*Floros.* Einführung in die Neumenkunde. S. 46)). В таблице 6 представлены наиболее часто употребляемые σύνθετοι τόνοι.

Перечень знаков шартрской нотации в Триоди Нач. XI в. (Laur. Г. 67. Fol. 159)

Теоретические трактаты, описывающие шартрскую нотацию, не сохранились; известен только перечень знаков в Триоди нач. XI в. (Laur. Г. 67), представляющий среднюю стадию этой нотации. Помимо знаков, обозначающих 1 звук, в этом списке есть «стенографические»

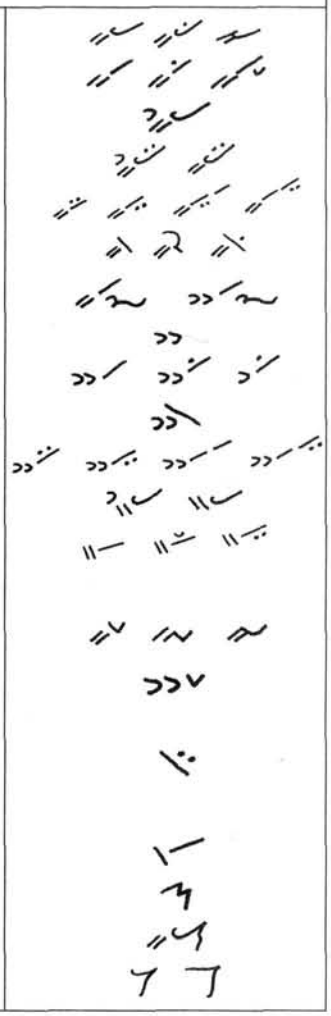
Таблица 5

Знаки ранневизантийской нотации по рукописи XV в. Barber. gr. 300. (Fol. 9v – 10)

Τόνοι		Ἡμίτονα	
исон (ἴσον)		элафрон клазма (ἐλαφρὸν κλάσμα)	
оксиа (ὀξεῖα)		куфизма (κούφισμα)	
аподерма (ἀπόδερμα)		параклитики (παρακλητική)	
вариа (βαρεῖα)			
кратима (κράτημα)		**Πνεύματα**	
анастама (ἀνάσταμα)		ипсили (ὑψηλή)	
катавазма (κατάβασμα)		хамили (χαμηλή)	
паракалезма (παρακάλεσμα)		элафрон (ἐλαφρόν)	
олигон (ὀλίγον)		кендима (κέντημα)	
петасти (πεταστή)			
апостроф (ἀπόστροφος)		**Μέλη**	
антикенома (ἀντικένωμα)		псифистокатавазма (ψηφιστοκατάβασμα)	
дипли (διπλῆ)		эксистрептокатавазма (ἐξιστρεπτοκατάβασμα)	
пиазма (πίασμα)			
триплун (τριπλοῦν)			
(сизма (σεῖσμα))			

Таблица 6

Наиболее часто употребляемые σύνθετοι τόνοι

кратима (κράτημα)	
дио (δύο)	
анастама (ἀνάσταμα)	
энилитикон анастама (ἐνειλητικὸν ἀνάσταμα)	
анатрихизма 1-я (ἀνατρίχισμα α΄)	
дипли с варией (διπλῆ καὶ βαρεῖα)	
килизма (κύλισμα)	
два апострофа (δύο ἀπόστροφοι)	
апесо эксо (ἀπέσω ἔξω)	
два апострофа с варией (δύο ἀπόστροφοι καὶ βαρεῖα)	
антрихизма 2-я (ἀνατρίχισμα β΄)	
сизма 2-я (σεῖσμα β΄)	
пиазма с оксией (πίασμα καὶ οξεῖα)	
(а также с клазмой и с кендимами)	
ксирон клазма (ξηρὸν κλάσμα)	
два апострофа с клазмой (δύο ἀπόστροφοι	
καὶ κλάσμα)	
сизма 1-я (σεῖσμα α΄) (сирма (σύρμα),	
или дармос (δαρμός))	
соединение варии и оксии (βαρεῖα καὶ ὀξεῖα)	
странгизмата (στραγγίσματα)	
кратимокатавазма (κρατημοκατάβασμα)	
катаватромикон (καταβατρομικόν)	

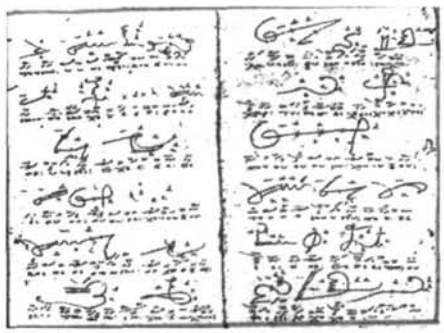
знаки шартрской нотации, передающие много звуков и называющиеся «мелодемами» (μελῳδήματα). Многие из этих знаков можно обнаружить в «Большом исоне» (учебном песнопении) прп. *Иоанна Кукузеля* (нач. XIV в.), являющемся одним из источников для изучения шартрской нотации.

С целью систематической классификации и изучения знаков ранневизант. нотации Флорос предложил более дробное их деление на 7 классов: а) τόνοι ἁπλοί; б) ἡμίτονα или ἡμίφωνα; в) γράμματα (буквы); г) τόνοι σύνθετοι; д) «знаки украшений»; е) θῆτα или θέματα; ж) мартирии и *фторы* (φθοραί).

Т. о., можно выделить следующие черты сходства и различия шартрской и куаленской нотаций. 1) Нотации имеют много общих знаков (оксиа, вариа, апостроф, петасти, клазма, ксирон клазма и др.), но в шартрской нотации фонд знаков, особенно «больших», больше, чем в куаленской. 2) Обе нотации имеют знак для повторения звука: шартрская — прямой исон, куаленская — крюкообразный исон. 3) Число присутствующих в той и в др. нотациях знаков γράμματα (буквы, letterae significativae) различается. Обычно γράμματα — это сокращения (чаще всего в виде первых букв слов), описывающие интервальные значения или длительности др. знаков с относительно большей степенью точности. В шартрской нотации можно обнаружить до 9 букв, в куаленской — только 3 буквы. 4) Общей чертой обеих нотаций является присутствие (по крайней мере на ранних стадиях) слогов без к.-л. муз. знаков.

Более тщательное рассмотрение рукописей с ранневизант. нотацией, начиная с самых ранних (X в.), показывает непрерывную эволюцию нотации в направлении детализации записи мелоса. На протяжении X — 1-й пол. XI в. шартрская и куаленская нотации развивались параллельно. С сер. XI в. шартрская нотация вышла из употребления, а куаленская продолжала использоваться, развивалась и трансформировалась к сер. или, возможно, к нач. XII в. в средневизант. нотацию.

В ранневизант. нотации существовали 2 основные проблемы, оправдывавшие перманентные попытки по уточнению интервального значения невм и приведшие в конечном счете к эволюции обеих ее разновидностей: адиастематический (неинтервальный) характер «малых» знаков и «стенографическая» природа «больших» знаков. В рамках шартрской нотации удалось решить 1-ю из этих проблем: здесь были изобретены и впервые стали широко использоваться исон и олигон (ὀλίγον), а благодаря активному использованию буквенных обозначений (γράμματα) уже в ранний период удалось достичь высокой степени диастематической (интервальной) точности. С др. стороны, в отношении «стенографических» символов («больших» знаков) шартрская нотация осталась неразвитой. Ее многочисленные «большие» знаки никогда не подвергались «анализу». Преимущество большей диастематической точности в определенный момент перешло к куаленской нотации, и шартрская нотация, недостатки к-рой не удалось преодолеть, в сер. XI в. уступила место первой. Используя преимущества шартрской нотации, визант. писцам удалось достичь почти такой же точности записи в куаленской нотации, а после исчезновения шартрской нотации — сделать большой шаг вперед: благодаря изначально большей «экономичности» и простоте куаленской нотации стало возможным постепенно начать истолковывать «стенографические» символы. Развитие, происходившее в течение столетия (ок. 1050 — ок. 1150) на 2 уров-

Нотация ранневизант. Асматикона в рукописи нач. XIV в. (Kastoria 8. Fol. 33v — 34)

нях — диастематической точности и «анализа» «стенографических» символов,— привело к появлению полностью диастематической и аналитической средневизант. нотации.

Как можно увидеть из сравнения греч. и слав. рукописей, наряду с шартрской и куаленской нотациями, к-рые присутствуют гл. обр. в Стихирарях и Ирмологиях и с помощью к-рых нотированы в большинстве случаев одни и те же песнопения, получила развитие нотация ранневизант. Асматикона, имеющая как сходство, так и различия с указанными выше системами. Отличительной чертой этой нотации является расположение знаков в 2 ряда: знаки большого размера в верхнем ряду, «охватывающие» неск. малых знаков в нижнем ряду. Отдельных рукописей ранневизант. Асматиконов не сохранилось. Единственными греч. источниками, где содержится эта система нотации, являются рукописи Paris. gr. 242 (нек-рые добавления в Стихираре с куаленской нотацией) и Kastoria 8 (большие знаки над нижним рядом знаков средневизант. нотации) (см. ил.). Однако существуют соответствующие слав. рукописи — *Кондакари*, содержащие подобную двойную нотацию. Исследование слав. Кондакарей показывает, что содержащиеся в них песнопения являются адаптацией образцов визант. мелоса, поэтому возможно сравнение 2 версий песнопений и изучение соответствующих нотаций. «Большие» знаки Кондакарей могут оказаться лигатурами «больших» знаков шартрской нотации, однако роль «больших» знаков пока не вполне выяснена.

Фитная («тета-нотация») и др. родственные ей нотации. Шартрская и куаленская нотации являются «полными», т. е. имеющими знаки для всех или для большинства слогов. Кроме них в тот же период существовало еще 2 тесно связанные между собой «квазинотации» — θῆτα (фитная) и διπλῆ (дипли), использовавшиеся для обозначения мелизм в не нотировавшихся к.-л. др. способом (силлабических или квазисиллабических) самогласных стихирах (στιχηρὰ ἰδιόμελα) в греч., слав. и сиро-мелькитских рукописях VIII–XVI вв. Сравнение с рукописями, содержащими полную нотацию, показывает, что часто в них представлен один и тот же мелос. Первым образцом этой нотации, возможно, является фрагмент палимпсеста Гаррета из Принстона (Firestone Library. Garret 24), в к-ром под груз. текстом XI в. (перевод ирмосов, происходящих из древнейших палестинских Ирмологиев) находятся творения первых авторов канонов — преподобных Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского, святителей Андрея Критского и Германа К-польского, выполненные наклонным унциальным письмом. По форме шрифта нижний слой рукописи датируется terminus ante quem 800 г. На доступной для изучения части рукописи находится только 1 знак — оксиа (над словом διό). Именно это слово в рукописях часто содержит мелизму тематизмос, обозначавшуюся в ранневизант. нотации унциальной либо минускульной фитой. Нечто похожее, но в более развитой форме находится в рукописи Brit. Lib. Add. 24378: один из писцов в типичных местах использовал фиту, но с определенного момента он начал заменять фиты 3 наклонными чертами (вертикальные оксии) или 3 малыми полукружиями, а далее — комбинациями наклонных черт (2 или 3) и полукружий (попарно). Для др. писца того же кодекса стандартным знаком на характерных «фитных» местах является двойная оксиа (дипли), к-рая всегда ставится дважды или трижды, в зависимости от того, сколько слогов (2 или 1) распето с помощью мелизм. В значительном числе греч. и сиро-мелькитских рукописей для мелизм используется одиночная фита, что является наиболее употребляемой формой данной «квазинотации». В нек-рых из этих рукописей иногда встречаются украшение килизма (κύλισμα) или др. знаки. На основании этих мелизм, как и обозначений гласа, находящихся иногда в середине песнопений (что в большинстве случаев в точности совпадает с их употреблением в ранневизант. рукописях), можно сделать заключение, что писцы, применявшие фитную нотацию, имели в виду вполне конкретные образцы мелоса и не использовали их лишь как указания на импровизацию, отмечая подходящие для мелизм участки. Это может навести на мысль, что фитная нотация есть только часть ранневизант., отделенная от ее полных форм в качестве обобщенного мнемонического средства. Тем не менее фитная нотация, по-видимому, была связана с более ранними системами, имела «предшественников» и была, судя по немногочисленным пока исследованиям, самостоятельной нотацией. Определенная связь фитной нотации со «святоградскими стихирами» (στιχηρὰ ἁγιοπολίτικα) позволяет предположить, что она является иерусалимской по происхождению.

Средневизантийская нотация. Последней стадией развития куаленской нотации была средневизантийская нотация. Интервальные

Средневизант. нотация. Стихирарь. 1321 г. (РНБ. Греч. 366. Л. 1 об.)

знаки, ранее обозначавшие только направление движения мелоса (притом не всегда точно), приобрели конкретное интервальное значение, указывающее на число ступеней в движении голоса в рамках данного звукоряда. «Стенографические» знаки были полностью истолкованы с помощью знаков, имеющих точное интервальное значение. Этот переход, по-видимому, происходил постепенно. Нек-рые из древних рукописей со средневизант. нотацией содержат архаизмы, как в отношении точности интервальных знаков, так и в отношении «аналитического» изложения «стенографических» символов. Напр., в Ирмологии Ivir. 470 (ок. 1150) характер нисходящих интервалов, использующих знак апостроф, не всегда точен, а такие «стенографические» символы, как сирма (σύρμα) и тематизмос, даны еще в первоначальной «стенографической» или в «полуаналитической» форме с использованием точных интервальных знаков, но с ошибками. Эти архаизмы исчезают в более поздних рукописях. Кроме того, более ранние

рукописи, как архаизирующие, так и нет, написаны тем же заостренным пером, что и сам текст, подобно рукописям с ранневизант. нотацией, что дало повод исследователям называть их нотацию «точечно-штриховой». Более поздние рукописи с той же нотацией написаны более широким пером, из-за чего эта нота-

Ирмологий с т. н. круглой нотацией. Кон. XIV в. (Karakal. 224. Fol. 173)

ция получила название «круглой». Поскольку эти названия не являются точным отражением реальных стадий развития нотации, они почти отвергнуты учеными.

Будучи точной и аналитической, средневизант. нотация была пригодна для записи широкого круга песнопений. Ею была записана бóльшая часть репертуара, включенного в Стихирари и Ирмологии. Почти весь корпус песнопений для сольного исполнения т. н. «стиля Псалтикона» — прокимнов, аллилуариев, кондаков и др.— был записан в отдельных книгах, по-видимому, впервые, т. к. полные Псалтиконы с ранневизант. нотацией не сохранились. То же самое произошло с песнопениями для хора, помещавшимися в Асматиконе. Мелос псалмов и др. песнопений кафедрального богослужения, ранее передававшийся скорее всего устным путем, был записан к нач. XV в., как это видно по 2 рукописям (Athen Bibl. Nat. 2061, посл. четв. XIV в.; Ibid. 2062, 1-я четв. XV в.), происходящим, вероятно, из Фессалоники, где великоцерковные чины пережили последний расцвет. Песнопения меньшего размера — седальны, эксапостиларии, отпустительные тропари, силлабические кондаки, никогда не нотировавшиеся или чрезвычайно редко нотировавшиеся в рукописях периода ранневизант. нотации,— встречаются время от времени в списках со средневизант. нотацией, особенно в более поздних книгах этого периода — т. н. Аколуфиях (с нач. XIV в.). В средневизант. нотации стала возможной запись мелизматического, в высокой степени орнаментированного и разработанного калофонического пения. Этот вид пения, возможно, имеет корни в эпохе ранневизант. нотации, однако, по-видимому, во 2-й пол. XIII в. происходило дальнейшее развитие прежних традиций, что было в конце концов зафиксировано в Аколуфиях. Благодаря этой записи дальнейшее развитие получила и сама нотация. Запись новых, калофонических формул потребовала использования и новых комбинаций традиц. знаков (не изменивших, однако, своих значений). Для дидактических целей появились перечни этих формул и учебное песнопение («Большой исон») прп. Иоанна Кукузеля, к-рому, возможно, принадлежит если не первая фиксация калофонического пения, то составление Аколуфий. Характерной чертой развития нотации было постепенное возвращение мн. ранневизант. «стенографических» знаков, создание новых знаков или их новых комбинаций, но не в первоначальном «стенографическом» значении, а в качестве «дополнительных» знаков, к-рые с этого времени писались киноварью под или (реже) над строкой нотации более древнего образца. Эта черно-киноварная нотация, с тех пор ставшая стандартной, м. б. названа «поздневизантийской».

Система средне- и поздневизант. нотаций представлена в многочисленных трактатах XV–XVII вв. (учебные упражнения и «Большой исон» прп. Иоанна Кукузеля встречаются с XIV в.); ее объяснение включалось в начало Аколуфий или содержалось в отдельных манускриптах. Наиболее известными рукописями с этой нотацией являются: Мессинское Пападики (Mess. gr. 154, XV–XVI вв.), Хрисанфов кодекс (Codex Chrysander — Berol. Mus. 40614, XV в.), кодексы Laur. 610 (XVI в.) и 1656 (XVII в.) и кодекс Vat. Barber. gr. 300 (XV в.). Согласно этим трактатам, знаки могут быть классифицированы по следующим группам: эмфона (ἔμφωνα — озвученные) или фонэ (φωναί — звуки, голоса), аргии (ἀργίαι — покоящиеся) и афона. Из описаний, помещенных в трактатах, можно заключить, что эмфона — это интервальные знаки, точно обозначающие движение голоса, аргии — ритмические знаки, а афона — знаки, к-рые «не должны петься», но являются «большими знаками» или «большими ипостасями», играющими вспомогательную роль (группировка эмфона и аргий, обычно на одном слоге; краткое обозначение формулы, используемой в *хирономии;* знаки, применяемые для исполнения или для украшения песнопения и др.). Существуют также классы мартирий (сигнатур для обозначения гласа) и фтор (знаков модуляции) (см. табл. 7).

В средневизант. нотации использовались те же эмфона, что и в ранневизант., но они получили точное интервальное значение. Исон, обозначающий повторение звука, помещен среди афона, поскольку повторение звука не считалось интервалом. Форма исона — крюкообразная, как и в куаленской нотации. Апостроф, обозначающий нисходящее движение или (иногда) повтор и в целом имеющий множество функций в ранневизант. нотации, здесь приобретает точное значение — движение на 1 ступень вниз. Противоположное движение — на 1 ступень вверх — обозначается с помощью 6 различных знаков, использовавшихся и ранее, но в этот период приобретших точное значение: олигон (куаленский), оксиа, петасти, куфизма, пеластон и кендимы (последний знак сохранил прежнее значение). Олигон, оксиа, петасти, куфизма, пеластон и апостроф стали собирательно называться «сомата» (σώματα, букв.— тела). Для др. восходящих и нисходящих движений точное значение было закреплено за «граммата» (γράμματα — буквы), первоначально изобретенными в шартрской нотации и впосл. включенными в куаленскую: псили (ψιλή (ὑψηλή) — высокая) и хамили (χαμηλή — низкая) получили точное значение — 4 ступени вверх и вниз соответственно, элафрон — 2 ступени вниз, а одиночный знак кендимы, использовавшийся в куаленской нотации с неясным значением «довольно повыше»,— 2 ступени вверх. Эти знаки, получившие собирательное название «пневмата» (πνεύματα, букв.— духи), не записывались от-

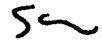
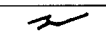
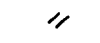
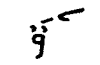
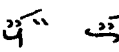
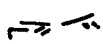
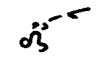
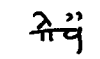
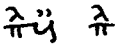
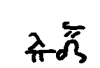
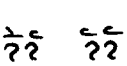
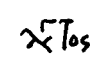
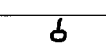
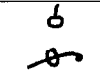
Таблица 7

Знаки средневизантийской нотации

Эмфона (ἔμφωνα)	
олигон (ὀλίγον)	
оксиа (ὀξεῖα)	
петасти (πεταστή)	
куфизма (κούφισμα)	
пеластон (πελαστόν)	
две кендимы (δύο κεντήματα)	
кендима (κέντημα)	
ипсили (ὑψηλή)	
апостроф (ἀπόστροφος)	
два апострофа (δύο ἀπόστροφοι) (синдезми (σύνδεσμοι))	
элафрон (ἐλαφρόν)	
хамили (χαμηλή)	
ипоррои (ὑποῤῥοή)	
кратимоипорроон (κρατημοϋπόῤῥοον)	
Афона (ἄφωνα)	
исон (ἴσον)	
дипли (διπλῆ)	
параклитики (παρακλητική)	
кратима (κράτημα)	
килизма (κύλισμα)	
антикенокилизма (ἀντικενωκύλισμα)	
тромикон (τρομικόν)	
(эк)стрептон ((ἐκ)στρεπτόν)	
тромикосинагма (τρομικοσύναγμα)	
псифистон (ψηφιστόν)	
псифистосинагма (ψηφιστοσύναγμα)	
горгон (γοργόν)	
аргон (ἀργόν)	
ставрос (σταυρός)	
тематизмос эсо (θεματισμὸς ἔσω)	
тематизмос эксо (θεματισμὸς ἔξω)	
эпегерма (ἐπέγερμα)	
паракалезма (παρακάλεσμα)	
этерон (паракалезма) (ἕτερον (παρακάλεσμα))	
ксирон клазма (ξηρὸν κλάσμα)	
аргосинтетон (ἀργοσύνθετον)	
горгосинтетон (γοργοσύνθετον)	
этерон ту псалтику (ἕτερον τοῦ ψαλτικοῦ)	
уранизма (οὐράνισμα)	
аподерма (ἀπόδερμα)	
тес ке апотес (θὲς καὶ ἀπόθες)	
тема аплун (θέμα ἁπλοῦν)	
хоревма (χόρευμα)	
антикенома (ἀντικένωμα)	
омалон (ὁμαλόν)	

дельно, а должны были «покоиться» на сомата: псили и кендимы на 5 восходящих сомата (олигон, оксиа, петасти, куфизма, пеластон), элафрон и хамили на апострофе, обозначавшем движение на 1 ступень вниз. Наличие 6 знаков для восходящей секунды кажется странным, однако использование того или иного из них зависит от контекста. Существуют определенные орфографические правила их употребления. В. н. предназначена для певч. текстов, а не для инструментальной музыки, что имело большое значение при выработке различных знаков. Выработка и употребление знака регулируется гл. обр. следующими правилами: а) если одно и то же мелодическое движение приходится на 1, 2 или более слогов, то используются разные знаки; б) принимается в расчет положение определенного звука в мелодическом движении, так что используются разные знаки, если далее следует повторение тона, восходящее или нисходящее движение. Иногда знак нотации более тонко учитывает «форму» мелоса: следует ли за вершиной мелодического оборота 1 или 2 нисходящих звука или какова длительность последнего (последних). Эти правила муз. орфографии восходят к ранневизант. нотации; они приобрели модифицированную форму в 1-е столетие развития средневизант. нотации и окончательно утвердились в XIII в. Согласно сложившимся правилам, олигон используется для простого восхождения на слоге, отличающемся от предшествующего, когда далее следует повторение тона или еще одно восхождение; оксиа как «более сильный» знак обозначает восхождение, когда вслед идут как минимум 2 нисходящих звука, из к-рых по крайней мере 1-й имеет ту же длительность, что и сама оксиа (1 единица времени). Олигон, а не оксиа, используется, если самый высокий звук имеет длительность в 2 единицы времени, обозначенных знаками дипли и кратима. Петасти понимается как «самый сильный» знак и используется на верхнем звуке (длительностью в 1 единицу времени) мелодического оборота, когда за ним следует только 1 нисходящий звук длительностью в 1 или 2 единицы времени или большее количество нисходящих звуков (обычно 2), из к-рых 1-й отмечен клазмой. Итак, оксиа и пета-

Продолжение таблицы 7

псифистопаракалезма (ψηφιστοπαρακάλεσμα)	
тромикопаракалезма (τρομικοπαρακάλεσμα)	
цакизма (τζάκισμα) (клазма)	
энарксис (ἔναρξις)	
пиазма (πίασμα)	
сизма (σεῖσμα)	
синагма (σύναγμα)	
вариа (βαρεῖα)	
лигизма (λύγισμα)	
Аргии	
кратима (κράτημα)	
дипли (διπλῆ)	
два апострофа (δύο ἀπόστροφοι)	
цакизма (τζάκισμα)	
Мартирии	
1-й глас (ἦχος πρῶτος)	
2-й глас (ἦχος δεύτερος)	
3-й глас (ἦχος τρίτος)	
4-й глас (ἦχος τέταρτος)	
1-й плагальный глас (ἦχος πλάγιος πρῶτος)	
2-й плагальный глас (ἦχος πλάγιος δεύτερος)	
«тяжкий» глас (ἦχος βαρύς) (3-й плагальный глас (πλάγιος τρίτος))	
4-й плагальный глас (πλάγιος τέταρτος)	
4-й медиальный глас (ἦχος μέσος τέταρτος) (νανα)	
ἦχος λέγετος	
Фторы	
фтора 1-го	
фтора 2-го	
фтора 3-го	
фтора 4-го	
фтора νενανω	
имифонон (ἡμίφωνον)	
имифторон (ἡμίφθορον)	
энарксис (ἔναρξις)	

сти помещаются на «локальных» вершинах мелодической фигуры, и только когда эти вершины имеют длительность в 1 единицу. Куфизма и пеластон используются не очень часто. Куфизма используется почти так же, как в ранневизант. нотации, т. е. гл. обр. на предпоследнем ударном слоге колона, вслед за к-рым следует нисходящий знак или (иногда) повторение тона (что, может быть, подтверждает ее название: κούφισμα от κοῦφος, букв.— легкий; это «легкая» петасти). Пеластон (πελαστόν) — это лигатура петасти и древней катавазмы (κατάβασμα), знак мелизматического пения, использовавшийся для определенных и очень редких формул, где его иногда заменяет оксиа или петасти. Только что описанные характеристики сомата передаются исону и нисходящим знакам через феномен ипотаксиса (ὑπόταξις, букв.— подчинение). Согласно этому правилу, сомата теряют свои интервальные значения и сохраняют свое «качество», только когда помещены под исоном и нисходящими знаками (в поздних рукописях с куаленской нотацией, к к-рым восходит употребление ипотаксиса, и в ранних рукописях со средневизант. нотацией оксиа и петасти могли иногда помещаться над исоном). Т. о., напр., исон, помещенный над петасти, означает, что предыдущий звук повторяется, но за ним следует только 1 звук в нисходящем движении (в более общем смысле — все то, что может следовать за одиночной петасти). На практике обычно только оксиа и петасти подчиняются др. знакам. Куфизма и пеластон подчиняются только исону.

Кендимы, не относящиеся ни к сомата, ни к пневмата, используются для обозначения восходящей секунды в пределах слога. Они всегда присоединяются к др. интервальному знаку (кроме куфизмы и пеластона) и имеют вместе с этим знаком продолжительность в 1 единицу времени (каждый знак по $^1/_2$ единицы). Кендимы также помещаются над одиночным или подчиненным оксиа или петасти согласно правилам, регулирующим употребление последних. Др. знак, определенный в трактатах как «ни сома, ни пневма, но быстрое движение гортани»,— ипоррои (ὑποῤῥοή) — происходит от более древней катавазмы и имеет интервальное значение

2 последовательно нисходящих секунд, поющихся на одном слоге с предшествующим знаком, причем 1-й или оба этих звука поются очень быстро, заимствуя часть длительности у предыдущего звука. Несмотря на то что ипоррои не является ни сомой, ни пневмой, она (хотя и очень редко) подчиняет себе знаки оксиа и петасти.

Запись интервалов объемом более секунды (с помощью сомата и пневмата) осуществляется по неск. несложным правилам. Для восходящих интервалов: а) когда пневма помещена справа или под сомой, интервальное значение этой комбинации равняется значению пневмы (напр., олигон с псили с правой стороны означает движение на 4 ступени вверх (ход на квинту)); б) когда пневма помещена над сомой, интервальное значение этой комбинации равняется сумме значений этих знаков, напр. псили над олигоном означает движение на 5 ступеней вверх (4+1, т. е. ход на сексту). Для нисходящих интервалов: а) когда пневма помещена справа от сомы, интервальное значение комбинации равняется значению одной пневмы (напр., элафрон справа от апострофа означает движение на 2 ступени вниз, т. е на терцию); б) когда пневма помещена над сомой, интервальное значение комбинации равняется сумме этих знаков (напр., элафрон над апострофом означает движение на 3 ступени вниз, т. е. на кварту). Использование комбинаций 5 сомата с пневмата для восходящих интервалов осуществляется по правилам для одиночных сомата. Куфизма и пеластон, редко используемые для больших интервалов, обычно обозначают движение на 1 ступень вверх, редко — на 2 ступени и почти никогда — на бóльший интервал (комбинации этих знаков с пневмата, к-рые приводятся в виде таблиц в трактатах, являются скорее теоретическими и составлены «для полноты картины»). Комбинации нисходящих знаков могут подчинять себе сомата (на практике — только оксиа и петасти).

Т. н. «составные тоны» (σύνθετοι τόνοι) представляют собой различные комбинации «простых тонов», т. е. интервальных, ритмических и/или др. знаков, используемых на 1 слоге для обозначения мелодических движений (восходящих, нисходящих или и тех, и других), состоящих из 2 или более звуков на том же самом слоге. Этот класс знаков не упоминается в теоретических трактатах поздней фазы средневизант. нотации и не фигурирует под данным названием в перечнях знаков. Эти комбинации продолжали употребляться в средневизант. нотации, поэтому представляется удобным использовать их старые названия. Интервальное значение входящих в них невм в этот период стало точным. Напр., комбинация «дио», составленная из дипли и оксии и включающая 2 звука в восходящем порядке (причем ранее оба звука могли иметь почти любое интервальное отношение к предшествующим и друг к другу), стала точной в отношении обоих составляющих ее звуков. Интервальный знак для 1-го звука ставится над дипли для обозначения интервала между 1-м и предшествующим звуками, а оксиа при необходимости уточнена с помощью пневмата и обозначает интервал между 1-м и 2-м звуками дио. Оксиа не подчиняется в этих комбинациях правилам постановки одиночной оксии: за ней может следовать исон или восходящий знак. Напротив, после петасти (одиночной или в «составных тонах») почти никогда не ставится исон или восходящий знак (это может встретиться только в формулах калофонического пения).

Одиночные знаки (кроме кендим и ипоррои) предположительно имеют одну и ту же продолжительность в 1 единицу времени. Существуют также знаки для бóльших длительностей, называемые ныне аргии или *кратимы* (κρατήματα, от κρατέω (κρατῶ) — держать, удерживать). Это те же знаки, что и в ранневизант. нотации (классифицировавшиеся прежде среди «простых тонов» или «составных тонов»): т. н. большая кратима (μέγα κράτημα; лигатура, теперь состоящая из дипли и петасти), дипли, два апострофа (δύο ἀπόστροφοι) — согласно описаниям в трактатах, все они имеют длительность в 2 единицы времени. К ним прибавилась клазма (κλάσμα, букв.— обломок), или в просторечии цакизма (τζάκισμα), называемая в трактатах «полуаргией». Автором этих строк доказано, что клазма не обозначает увеличения длительности (такое происходит, возможно, только на поздних стадиях средневизант. нотации). Ранее клазма принадлежала к ἡμίτονα (ἡμίφωνα). Возможно, что причисление клазмы к полуаргиям, а не к «обычным» аргиям является лишь напоминанием о более ранней классификации (ἡμι- — полу-), оно привело к тому, что клазму стали писать над оксией (позднее и над петасти), чтобы обозначить легкое (ἡμίφωνον — вполголоса) украшение, в то время как аргиа не может ставиться над указанными знаками. Дипли и кратима в рукописях с ранневизант. нотацией писались отдельно и использовались гл. обр. для обозначения повторения тона (продолжительностью в 2 единицы времени) или для восходящих интервалов, хотя иногда и для нисходящих, без точного обозначения самого интервала. Следуя тенденции, идущей от поздней стадии куаленской нотации, дипли и кратима стали помещаться под интервальными знаками (под исоном, под комбинациями олигона для различных интервалов, под нисходящими знаками; они не ставятся под оксиа, петасти и кендимами; ипоррои может сопровождаться дипли для продлевания ее 2-го звука). Два апострофа — это интервальный знак, обозначающий движение на 1 ступень вниз длительностью в 2 единицы времени, а также сома: элафрон и хамили могут помещаться справа или над ним для обозначения нисходящих нот двойной длительности. В пределах «составных тонов» аргии скорее всего обозначают не длительность одиночного знака, а длительность слога. Т. о., интервальные знаки иногда могут принимать значение меньшее, чем 1 единица времени, поэтому можно считать, что временно́е значение интервальных знаков давалось в определенном смысле «стенографически» — через их использование в «составных тонах» или в рамках афона, бывших прежде «стенографическими» знаками. Только один знак «открыто» передает более короткое временно́е значение — горгон (γοργόν — быстрое). Этот древний знак, не использовавшийся в начале периода средневизант. нотации, стал употребляться позднее, причем часто лишь как напоминание о подвижности кендим или ипоррои или как напоминание о нек-рых коротких длительностях в «составных тонах». Противоположность горгона — аргон (ἀργόν — медленное) встречается довольно редко.

Древние «стенографические» символы или скорее то, что от них осталось после периода господства более «аналитической» куаленской нотации над более «стенографической» шартрской нотацией, были истолкованы в средневизант. нотации с помощью интервальных знаков и длительностей. Нек-рые из символов, как правило обозначавшие строго определенные формулы — эпегерма (ἐπέγερμα), сирма, странгизмата (στραγγίσματα), катаватромикон (καταβατρομικόν) и др.,— были полностью отвергнуты после того, как были разведены с помощью др. знаков. Но бóльшая их часть сохранилась, поскольку была удобна для четкого обозначения соотношения группы интервальных знаков со слогом или для обозначения ритма — более коротких временны́х значений интервальных знаков, сгруппированных вместе. Эти знаки записывались черным цветом под интервальными знаками и назывались «большими ипостасями», или «большими знаками» (μεγάλα σημάδια). Они обозначали не конкретные звуки (за исключением, возможно, небольших украшений), а определяли способ исполнения, отсюда их др. название — афона. Иногда можно проследить связь между жанром песнопения и специфическим употреблением афона: напр., пиазма (πίασμα) и антикенома (ἀντικένωμα), судя по трактатам, имеют одно и то же значение, но 1-й знак используется гл. обр. в Стихираре, а 2-й — в мелизматических песнопениях Псалтикона; тромикон (τρομικόν, от τρέμω — дрожать), паракалезма (παρακάλεσμα), синагма (σύναγμα) в основном связаны с мелизматическими песнопениями, в то время как в силлабических песнопениях Ирмология и Стихираря на их месте используется гл. обр. ксирон клазма. В этот период были изобретены нек-рые дополнительные афона, напр. омалон (ὁμαλόν — ровное). В более поздний период афона постепенно добавлялись к уже существовавшим текстам, записанным средневизант. нотацией, вновь стали использоваться древние «стенографические» символы, были разработаны новые знаки, использовавшиеся как афона; все эти знаки стали записываться киноварью — так наметился переход к новой стадии нотации, к-рую можно назвать «поздневизантийской».

Мартирии и фторы связаны с ладовой системой и с гласами визант. пения. В наст. время визант. пение использует широкий спектр муз. интервалов — от полутонов, наименьших, малых и больших тонов до «мягких» и «жестких» увеличенных («хроматических») секунд, представленных в числовом отношении соответственно как 6, 8, 10, 12, 14 или 16 и 18 комм (κόμματα — знаки, отрезки). Иногда могут использоваться интервалы меньшие, чем полутон (4 коммы). Возможно, эти интервалы присутствовали и в древнем визант. пении, но в музыкально-теоретических трактатах нет об этом прямых сведений, поэтому следует в большей степени опираться на сами песнопения и на средства нотации, имеющие отношение к звукорядам и гласам, т. е. на мартирии и фторы. Подобные исследования приводят скорее к диатонической ладовой системе пифагорейского строя, хотя на практике могли существовать небольшие отклонения от этого идеального звукоряда (напр., в сторону чистого строя). Попытки греч., а позднее и зап. ученых привести древнюю ладовую систему в соответствие с современной, особенно с т. н. хроматическими ладами, использующими увеличенные секунды, не имеют серьезных оснований. Тем не менее увеличенные секунды должны были существовать в последние века Византийской империи, но они, как представляется, не принадлежали к первоначальной ладовой системе и вводились через калофоническое пение, вобравшее в себя элементы светской музыки. Увеличенные секунды могли также образоваться через постепенную, а не непосредственно осознанную альтерацию интервалов в муз. практике, как это описано, напр., в трактате к-польского иером. *Гавриила*. Т. о., ладовая система большей части песнопений (стихир, ирмосов, седальнов и др.) была следующей: G-A-H-C-D-E-F-g-a-h-c-d-e-f-g'-a', в нек-рых случаях с использованием b (си бемоль). Финалисы ладов располагались в 2 тетрахордах: D — 1-й плагальный, E — 2-й плагальный, F — 3-й плагальный (βαρύς — «тяжкий»), g — 4-й плагальный, a — 1-й автентический, или «господствующий», «главный» (κύριος), h — 2-й господствующий, c — 3-й господствующий, d — 4-й господствующий. Псалтикон имеет особую ладовую систему, состоящую из соединенных тетрахордов: A-H-C#-D--E-F#-G-a-h-c-d-e-f.

Мартирии — обозначения гласа, к к-рому принадлежит песнопение,— можно найти уже в литургических рукописях (т. е. не содержащих нотации) ранее X в.. С появлением ранневизант. нотации продолжали использоваться те же обозначения: алфавитная нумерация и сокращенная форма для «βαρύς» («тяжкого», 3-го плагального гласа). Однако на поздней стадии куаленской нотации эти простейшие мартирии были обогащены муз. знаками, представленными большим разнообразием форм; они ставились над мартириями; их разнообразие неск. сократилось при переходе к средневизант. нотации. В результате исследований было выяснено, что разные формы знаков соответствуют различным интонационным формулам — апихимам (ἀπηχήματα). Апихима (απήχημα) состоит из основного ряда звуков, начинается с финалиса данного гласа и заканчивается тем же финалисом. Она является практическим средством введения в звукоряд гласа в целом и в определенное гласовое песнопение в частности. Поскольку разные песнопения одного гласа могут начинаться с разных ступеней звукоряда, допускается, что апихима может заканчиваться не обязательно на финалисе, но и на ступени, с к-рой хору было бы удобно «подхватить» 1-й звук песнопения. Так, чтобы облегчить исполнение первых звуков песнопения, может петься только часть апихимы или ее расширение — эпихима (ἐπήχημα). Муз. знаки, надписанные над простой мартирией (цифровой или сокращенной),— одни из наиболее поздних муз. знаков нотированных форм апихимы, при необходимости — с добавлением эпихимы. Т. о., мартирия «напоминает» о соответствующей апихиме. Кроме начальных мартирий (сказанное выше о мартириях относится именно этому виду) существуют также медиальные мартирии, стоящие в середине песнопения, на его структурно важных участках. Подобно тому как начальные мартирии связаны с апихимами, служащими для облегчения исполнения начала песнопения, так и медиальные мартирии относятся непосредственно к следующим за ними фразам песнопения. Согласно Й. *Ростеду,*

они представляли собой реально певшиеся апихимы. Т. о., медиальная мартирия — это мартирия гласа для начального звука следующей фразы или соседнего звука, удобного для легкого «подхватывания» начального звука (тоны обозначались с помощью названий соответствующих гласов, поскольку для них не существовало особых односложных названий). Иногда в различных рукописях встречаются различные медиальные мартирии, подводящие к одному и тому же звуку в одной и той же фразе того же самого песнопения, согласно «вкусу» писца и его ладовому ощущению начальных звуков данной муз. фразы. Так, можно обнаружить мартирию «μέσος δεύτερος» (2-ю медиальную) вместо мартирии 4-го плагального или мартирию «πλάγιος πρῶτος τρίφωνος» (1-го плагального трифонного, т. е. на 3 ступени выше, чем финалис 1-го плагального гласа) на месте мартирии 4-го гласа. Начальные и медиальные мартирии (и соответствующие апихимы) практически совпадают. Тем не менее система медиальных мартирий проще, т. к. мн. эпихимы очень часто включены в сам мелос, соединяя следующие друг за другом фразы, и поэтому нет необходимости включать эти эпихимы в мартирии. Вместо мартирии 3-го гласа часто можно встретить мартирию эпихимы 4-го и 4-го плагального гласов — «νανα». Данная система мартирий продолжала использоваться в такой же форме и с той же функцией на протяжении неск. столетий вплоть до поствизант. периода, когда она вместе с тщательно разработанной системой апихим пришла в упадок и подверглась изменениям. Мелос, по крайней мере в своем ладовом аспекте, мало-помалу менялся, эволюционируя во мн. отношениях в сторону упрощения, и разработанная система апихим и соответствующих им мартирий оказалась более ненужной.

Финалисы плагальных и автентических («господствующих») гласов, а значит, и их мартирии следуют друг за другом в обычном порядке (1-й, 2-й и т. д.), составляя систему 2 соединенных пентахордов (как было описано выше). Это часть ладовой системы Стихираря и Ирмология. Использование медиальных мартирий в «неправильной» позиции (напр., мартирия 3-го гласа вместо мартирии 4-го) указывает на модуляцию или на др. ладовую систему, использующую полностью или частично соединенные тетрахорды. «Неправильные» мартирии образуют ладовую систему, характерную для Псалтикона, составленную целиком из соединенных тетрахордов. В Стихираре же «неправильные» мартирии редки; они показывают, что могли быть нек-рые отклонения от его идеальной ладовой системы — вероятно, как альтернативный результат певч. практики. Наконец, использование «неправильных» мартирий в качестве знаков модуляции, м. б., являлось единственным средством для этой цели в средневизант. нотации, по крайней мере когда это касалось более раннего репертуара. В этом случае мартирия выполняла функцию фторы. Несмотря на развитие системы фтор, эта функция мартирий продолжала сохраняться в практике для определенных случаев.

Последний класс знаков — фторы (φθοραί, букв.— порчи), или модуляционные знаки,— в средневизант. нотации отсутствует. В ранневизант. нотации существовала фтора (φθορά) — вертикальная фи (φ — 1-я буква слова), присоединявшаяся с правой стороны к одиночной оксии или к оксии в комбинациях с дио и апесо эксо, или наклонная фи, ставившаяся под оксией, одиночной или в указанных комбинациях, и имифторон (ἡμίφθορον) — та же фи, помещенная над петасти. Прямая форма характерна для шартрской нотации, наклонная — для куаленской; разницы в значении этих форм нет, т. к. они используются на одних и тех же участках мелоса тех же самых песнопений. В ранневизант. нотации они были связаны с весьма специфическими мелодическими движениями в рамках комбинаций апесо эксо и дио. Знак фторы всегда был связан со скачком к финалису 3-го гласа, т. е. он точно определял в этих комбинациях значение интервала оксии. Имифторон был связан с нисходящим движением от финалиса 4-го гласа к финалису 4-го плагального гласа в песнопениях 2-го и 2-го плагального гласов (d — G). При переходе к средневизант. нотации от этих знаков отказались, потому что нотация стала диастематической и более не нуждалась во вспомогательных знаках, как это видно в стихирах и ирмосах, записанных средневизант. нотацией. В калофоническом пении кроме старых появляется система новых фтор. Художественный стиль этого вида пения требовал частого применения модуляций, редко или вовсе не употреблявшихся в более ранний период. В трактате о фторах *Манула Хрисафа* (XV в.), где он приводит примеры исключительно из калофонического пения, новая система фтор содержит, согласно автору, в ее «правильной» форме 4 знака для 4 автентических гласов, 1 для 2-го плагального и 1 для его производного — νενανω, хотя в др. трактатах фторы для каждого гласа можно найти вместе с 2 др. новыми знаками — имифонон (ἡμίφωνον) и имифторон, значение к-рых неясно и до сих пор не исследовано (они явно не имеют отношения к одноименным терминам ранневизант. нотации). К фторам также иногда причисляется энарксис (ἔναρξις) — «потомок» ранневизант. знака параклитики.

Поздневизантийская нотация. Новая система фтор характерна не столько для средневизант., сколько для поздневизант. нотации, хотя последний термин, как и термин «поствизантийская нотация», является неточным, поскольку данные фазы нотации на самом деле являются лишь продолжением средневизант. нотации. Характерная черта этого периода — широкое использование знаков афона, к-рые, согласно трактатам, ставятся «не для того, чтобы [по ним] пели, но для нужд хирономии»; они не являются интервальными знаками, но обозначают движения руки, управляющей пением хора. Мн. афона — те же, что использовались в средневизант. нотации; как и др. знаки, созданные в этот период, все они писались черным цветом. Они служили для обозначения ритма и для группировки знаков на 1 слоге, одновременно обозначая и краткие длительности. Новым в поздневизант. нотации было увеличение числа тех же самых знаков и «возвращение» в существующий муз. текст древних «стенографических» символов, выписанных киноварью, гл. обр. из шартрской нотации. Несмотря на встречающиеся в трактатах утверждения, что эти дополнительные знаки «ставятся только для хирономии», их роль не всегда ясна. Согласно совр. исследованиям, можно различать следующие их функции: а) более ясное обозначение мелодического

оборота с помощью группирующего киноварного знака в тех случаях, когда в средневизант. нотации не требовалось ставить один из знаков

Псалтикон. XV в. (Vatop. 1528. Fol. 227)

афона; формы таких знаков могли либо повторять движение руки в пространстве (напр., лигизма (λύγισμα), антикенокилизма (ἀντικενωκύλισμα)), либо служить только напоминанием о формуле и давать ей название (напр., эпегерма, тес ке апотес (θὲς καὶ ἀπόθες)); б) небольшое украшение или перераспределение малых длительностей на микроритмическом уровне в мелосе формулы без изменения общей длительности звучания слога (напр., киноварная клазма над петасти, киноварная пиазма над оксиа с клазмой и т. д.). Представляется также, что афона ставились над интервальными знаками гораздо чаще, чем это было необходимо. Возрастающее, а иногда и чрезмерное количество киноварных знаков в нотации объясняется, вероятно, существовавшей в то время потребностью в более систематическом обучении из-за относительного упадка муз. практики и желания улучшить ее или же творческой потребностью в более тонких средствах выражения. И в том и в др. случае подобная задача могла быть предпринята и выполнена только такими дидаскалами, как прп. Иоанн Кукузель и его современники.

Попытки и теории расшифровки. С началом исследований визант. церковного пения делались попытки расшифровки его нотации, в особенности полностью диастематической и аналитической средневизант. нотации. Наиболее влиятельным на Западе был метод транскрипции, предложенный учеными — участниками проекта «Памятники византийской музыки» (Monumenta Musicae Byzantinae — MMB), гл. обр. после 1930 г. На основе этого метода в серии «Transcripta» был издан ряд томов расшифровок (см. пример 2).

Эти транскрипции характеризуются чисто диатонической формой интервалов, в одних случаях слишком ограниченным, в др.— излишне частым использованием случайных знаков, а также отсутствием специфического ритма мелоса, м. б. даже отсутствием определенной единицы длительности, поскольку клазма была передана как добавление $^1/_2$ краткой единицы длительности (что невозможно осуществить на практике), а мелос в целом был осмыслен как имеющий «свободный речевой ритм», наподобие совр. исполнения григорианского пения монахами аббатства Солем. Др. ритмические интерпретации — Э. *Яммерса* и Я. ван Бизена — не получили офиц. признания MMB и были либо почти полностью отвергнуты зап. учеными, либо сочтены недостаточно обоснованными.

Греч. исследователи восприняли традицию транскрипции Трех дидаскалов (т. н. ἀργὴ ἐξήγησις — «пространный развод»), возникшую в результате осмысления В. н. как «стенографической», в звукоряде, отличном как от пифагорейского диатонического, так и от хроматических. Исследования И. Арванитиса, основанные на полном охвате истории В. н., особенностях гимнографических текстов ирмосов и стихир, соотношении словесного текста, мелоса и нотации, а также др. деталях, предоставили более сильные аргументы в пользу интерпретации ван Бизена, подразумевающего наличие бинарного ритма в стихирах и ирмосах (см. пример 3). Данный способ транскрипции подтверждается сравнительными исследованиями И. и М. Школьник, к-рые применили к изучению визант. пения систему ритмического деления, принятую в *знаменной нотации*, известную по музыкально-теоретическим руководствам и двоезнаменным рукописям и производную от ранневизант. нотации. При этом речь не идет ни об организации длительностей в такты, ни о стихотворном размере в гимнографии. Итак, визант. песнопения имели первоначально силлабическую, а не пространную мелизматическую форму. Эта последняя форма вместе с т. н. «кратким мелизматическим экзегесисом» (чаще всего 2 доли на 1 слог), предложенным дидаскалом Карасом, вероятно, является более поздним изобретением, положившим начало формированию последующих форм визант. пения. Как это впервые показал Странк (1942), первоначальными являются пифагорейские диатонические звукоряды, на основе к-рых в результате незначительных постепенных изменений в певч. практике и влияния калофонического пения (в большей степени открытого влияниям со стороны светской музыки) была выработана система используемых ныне интервалов.

Пример 2

Рождественский ирмос (Iver. 470. Fol. 3v, XII в.— MMB. Vol. 6. Pt. 1. P. 61)

Метод обучения. Помимо музыкально-теоретических трактатов, посвященных ранневизант. нотациям, не существует иного метода обучения этим нотациям. Единственный возможный дидактический путь — это использование и

Пример 3

Рождественские ирмосы (Crypt. E. g. II. Fol. 16v, 1281 г.— Arvanitis. The Rhythmical and Metrical Structure)

обучение хирономии. От данного периода, однако, не сохранилось ни одного ясного описания хирономии, и ее соотношение с нотацией также остается весьма неопределенным. Сама природа ранневизант. нотации делает описание процесса обучения и запись упражнений весьма затруднительными. Оба аспекта обучения становятся доступными для исследования лишь в более поздний период, с появлением полностью диастематической средневизант. нотации, и сначала только в виде перечня знаков и их комбинаций (к-рым также давались определенные названия — для краткости и с дидактическими целями). Данные о более систематическом обучении появляются не ранее нач. XIV в. Вероятно, оно приобрело законченную форму у *Иоанна Глики* («Дидаскала дидаскалов») и его ученика прп. Иоанна Кукузеля (по прозвищу «Μαΐστωρ» — Магистр) и явилось результатом появления калофонического пения с его новыми комбинациями ранее использовавшихся знаков средневизант. нотации и его высокими художественными требованиями. Глика составил расширенный и упорядоченный перечень знаков и их комбинаций, а Кукузель на основе этого материала написал осмогласную певч. дидактическую поэму (учебное песнопение), т. н. «Большой исон» (Μέγα ἴσον). Вкладом Кукузеля в систематическое изложение теории гласов явилось «Колесо» (Τροχός). В этот же период др. ученик Глики, *Ксен Коронис,* написал упражнение на формулы стихирарического жанра, или жанра кратим (напевов без слов, использующих наборы слогов «τεριρεμ», «νενενα» и др.). В последующие десятилетия появились и др. подобные упражнения. Тогда же вместе с соответствующими примерами и упражнениями был описан и процесс обучения, к-рый делился на 3 стадии: параллаги (παραλλαγή), метрофониа (μετροφωνία) и мелос (μέλος). Метрофониа могла быть и 1-й стадией, т. к. она представляет собой «анализ» каждого скачкообразного интервала на простые поступенные движения. В процессе параллаги обычно пропевали апихимы гласов для каждого из восходящих и нисходящих шагов, но без повторений тона, описываемых знаком исон. Т. о., ученик мог выучить все звуки, к-рые передавал каждый из знаков, как и новый ряд интервалов в модуляции (φθορά). В процессе метрофониа обычно пели отдельные и «анализированные» (заполненные) шаги песнопения, используя его словесный текст, но без учета ритма, украшений и др. средств выразительности. На первых 2 стадиях обучения не требовалось петь скачки; это была простая методика практического обучения звукорядам без к.-л. теоретического описания. Такая практика была продиктована отсутствием односложных названий звуков, подобных сольфеджио. Наконец, мелос был уже реальным исполнением песнопения. Все эти аспекты обучения вместе с кратким введением в саму нотацию и гласы были включены в начальную часть появившегося тогда нового типа рукописи — Аколуфии, или Пападики, и получили название «Протеория Пападики» (Προθεωρία τῆς Παπαδικῆς). В этот период писались и более пространные или более специализированные трактаты, как невысокого уровня, так и выдающиеся, напр. трактат о знаках и гласах иером. Гавриила и трактат о фторах Мануила Хрисафа.

С падением К-поля в 1453 г. визант. пение и его нотация не прекратили своего существования. Они использовались в прежней форме, поэтому можно говорить о продолжении этапа поздневизант. нотации в период тур. господства. Тем не менее нек-рые изменения в самом пении повлекли за собой и преобразования в концепции нотации в сторону «стенографичности» и потребовали реформы, что и было сделано Тремя дидаскалами в 1814 г. Несмотря на эти реформы и изменения значений, мн. знаки остались в употреблении до наст. времени, и нотация сохраняет способ описания музыки более или менее идентичный существовавшему тысячелетие тому назад.

Ист.: *Издание рукописей:* MMB. A. Sér. principale (Facs.): Vol. 1: Sticherarium: Cod. Vindobonensis theol. gr. 181 / Ed. C. Høeg, H. Tillyard, E. Wellesz. Copenhague, 1935; Vol. 2: Hirmologium Athoum: Cod. Monasterii Hiberorum / Ed. C. Høeg. Copenhague, 1938; Vol. 3: *Hirmologium Cryptense / Cur. L. Tardo.* R., 1951; Vol. 4: Contacarium Ashburnhamense: Cod. Bibl. Laurentianae Ashburnhamensis, 64 / Ed. C. Høeg. Copenhague, 1956; Vol. 7: Specimina Notationum Antiquiorum: Folia selecta ex variis cod. saec. X, XI et XII / Ed. cur. O. Strunk. Hauniae, 1966; Vol. 8: Hirmologium Sabbaiticum: Cod. Monasterii S. Sabae 83 / Ed. J. Raasted. Hauniae, 1968–1970. 2 vol.; Vol. 9: Triodium Athoum: Cod. Monasterii Vatopedi 1488 / Ed. E. Follieri, O. Strunk. Hauniae, 1975; Vol. 10: Sticherarium Antiquum Vindobonense: Cod. theol. gr. 136 Bibl. Nat. Austriacae / Ed. G. Wolfram. Vindobonae, 1987; Vol. 11: Sticherarium Ambrosianum: Cod. Bibl. Ambrosianae A 139 / Ed. L. Perria, J. Raasted. Hauniae, 1992; D. Sér. Lectionaria: Vol. 1: Prophetologium. Pars 1: Lectiones anni mobilis / Ed. C. Høeg, G. Zuntz. Copenhague 1939–1970. Fasc. 1–6; Pars 2: Lectiones anni immobilis / Ed. G. Engberg. Copenhague, 1980–1981. Fasc. 1–2; *Thibaut J.-B.* Monuments de la Notation ekphonètique et Hagiopolite de l'Église Greque. St.-Pb., 1913. Hildesheim, 1976[r]; *расшифровки:* MMB. C. Sér. Transcripta. Vol. 1: Die Hymnen des Sticherarium für September / Übertr. v. E. Wellesz. Kopenhagen, 1936; Vol. 2: The Hymns of the Sticherarium for November/ Transcr. by H. J. W. Tillyard. Copenhagen, 1938; Vol. 3, 5: The Hymns of the Oktoechus. Pt. 1, 2 / Transcr. by H. J. W. Tillyard. Copenhagen, 1940, 1949; Vol. 4: 20 Canons from the Trinity Hirmologium / Transcr. by H. J. W. Tillyard. Boston e. a., 1952. (Amer. Ser.; 2); Vol. 6: The Hymns of the Hirmologium. Pt. 1 / Transcr. by A. Ayoutanti, M. Stöhr, rev. and annot. by C. Høeg. Copenhagen, 1952; Vol. 8: Idem. Pt. 3.2 / Transcr. by A. Ayoutanti, rev. and annot. by H. J. W. Tillyard. Copenhagen, 1956; Vol. 7: The Hymns of the Pentecostarium / Transcr. by H. J. W. Tillyard. Copenhagen, 1960; Vol. 9: The Akathistos Hymn / Introd. and transcr. by E. Wellesz. Copenhagen, 1957; *трактаты:* MMB. Corpus scriptorum de re musica: Vol. 1: *Gabriel Hieromonachos.*

Abhandlung über den Kirchengesang / Hrsg. C. Hannick, G. Wolfram. W., 1985; Vol. 2: The Treatise of Manuel Chrysaphes, the Lampadarios / Ed. D. Conomos. W., 1985; Vol. 3: *Hieronymos Tragodistes.* Über das Erfordernis von Schriftzeichen für die Musik der Griechen / Hrsg. B. Schartau. W., 1990; Vol. 4: Anonymous Questions and Answers on the Interval Signs / Ed. B. Schartau. W., 1998; *Vol. 5:* Die Erotapokriseis des Pseudo-Johannes Damaskenos zum Kirchengesang / Hrsg. C. Hannick, G. Wolfram. W., 1997; *Schartau B., Troelsgård C.* A Small Treatise on the Interpretation of the Phthorai // CIMAGL. 1997. N 67; *Tardo L.* L'antica melurgia bizantina nell'interpretazione d. scuola monastica di Grottaferrata. Grottaferrata, 1938; *Βαμβουδάκης Ε.* Συμβολὴ εἰς τὴν σπουδὴν τῆς παρασημαντικῆς τῶν Βυζαντινῶν Μουσικῶν. Σάμος, 1938. Τ. 1; *Raasted J.* The Hagiopolitis // CIMAGL. 1983. N 45; *Герцман Е. В.* Петербургский Теоретикон. Од., 1994. Лит.: *Καράς Σ.* Ἡ Βυζαντινὴ μουσικὴ σημειογραφία. Ἀθῆναι, 1933; *idem.* Ἡ ὀρθὴ ἑρμηνεία καὶ μεταγραφὴ τῶν Βυζαντινῶν μουσικῶν χειρογράφων. Ἀθῆναι, 1955. 1990[r]; *idem.* Γένη καὶ διαστήματα εἰς τὴν Βυζαντινὴν μουσικὴν. Ἀθῆναι, 1970; *idem.* Ἡ Βυζαντινὴ μουσικὴ παλαιογραφικὴ ἔρευνα ἐν Ἑλλάδι. Ἀθῆναι, 1976; *idem.* Μέθοδος Ἑλληνικῆς Μουσικῆς, Θεωρητικόν. Ἀθῆναι, 1982; *Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxf., 1961[2]; *Jammers E.* Musik in Byzanz, im päpstlichen Rom und im Frankenreich: Der Choral als Musik der Textaussprache. Hdlb., 1962; Studies in Eastern Chant. L.; Crestwood (N. Y.), 1966–1990. 5 vol.; *Floros C.* Die Entzifferung der Kondakarien-Notation // Musik des Ostens. 1965. Bd. 3; 1967. Bd. 4; *idem.* Universale Neumenkunde. Kassel, 1970. 3 Bde; *idem.* Einf. in die Neumenkunde. Wilhelmshaven, 1980, 2000[2]; *Van Biezen J.* The Middle Byzantine Kanon-Notation of Ms. H: A Palaeogr. Study with a Transcription of the Melodies of 13 Kanons and a Triodion. Bilthoven, 1968; MMB. B. Sér. Subsidia: Vol. 1. Fasc.1: *Tillyard H.J. W.* Handbook of the Middle Byzantine Notation. Copenhagen 1970[2]; Vol. 1. Fasc. 2: *Høeg C.* La notation ekphonétique. Copenhagen, 1935; Vol. 7: *Raasted J.* Intonation Formulas and Modal Signatures in Byzantine Musical Manuscripts. Copenhagen, 1966; Vol. 9: *Troelsgård C.* A New Introd. to the Middle Byzantine Notation (в печати); *Haas M.* Byzantinische und Slavische Notationen. Köln, 1973. (Palaeographie der Musik; Bd. 1. Fasz. 2); *Moran N. K.* The Ordinary Chants of the Byzantine Mass. Hamburg, 1975. 2 vol. (Hamburger BzMW; 12); *Amargiannakis G.* An Analysis of Stichera in the Deuteros Mode. 2 Parts // CIMAGL. 1977. Vol. 22/23; *idem.* Some Remarks on the Orthography of the Signs Oligon, Petaste, Oxeia and Kouphisma // Ibid. 1983. Vol. 44; *Strunk O.* The Tonal System of Byzantine Music // MQ. 1942. Vol. 28. P. 196 sqq.; *idem.* Source Readings in Music History. N. Y., 1965. Vol. 1; *idem.* Essays on Music in the Byzantine World. N. Y., 1977; *Ψάχος Κ.* Ἡ Παρασημαντικὴ τῆς Βυζαντινῆς Μουσικῆς. Ἀθῆναι, 1978[2]; *Jourdan-Hemmerdinger D.* Nouveaux fragments musicaux sur papyrus (une notation antique par points) // Studies in Eastern Chant / Ed. M. Velimirovič. N. Y., 1979. Vol. 4. P. 81–111; *Raasted J.* Musical Notation and Quasi Notation in Syro-Melchite Liturgical Manuscripts // CIMAGL. 1979. Vol. 31a–31b; *idem.* Thoughts on a Revision of the Transcription Rules of the MMB // Ibid. 1987. Vol. 54; *idem.* The Princeton Heirmologion Palimpsest // Ibid. 1992. Vol. 62; *idem.* Zur Erforschung der paläobyzant. Musikquellen // Palaeobyzantine Notations: A Reconsideration of the Source Material / Ed. J. Raasted, C. Troelsgård. Hernen, 1995; *idem.* Theta Notation and Some Related Notational Types // Ibid.; *idem.* Pulse and Pauses in Medieval and Post-medieval Byzantine Chant // Akten d. XVI. Intern. Byzantinistenkongresses. Tl. 2.7 // JÖB. 1982. Bd. 32. Hf. 7; Rhythm in Byzantine Chant: Acta of the Congress held at Hernen Castle in Nov. 1986 / Ed. C. Hannick. Hernen, 1991; *Wolfram G.* Fragen der Modulation in der byzant. Musik // Cantus planus: Papers Read at the 4th Meeting, Pécs, Hungary, 3–8 Sept. 1990. Bdpst., 1992; *eadem.* Modulationszeichen in der paläobyzant. Notation // Studi di musica bizantina: In onore di G. Marzi. Lucca, 1995. (Studi e testi musicali. N. S.; 6); *eadem.* Die Phthorai der Paläobyzant. Notationen // Palaeobyzantine Notations. Hernen, 1995; *Doda A.* Coislin Notation, Problems and Working Hypotheses // Ibid.; *idem.* Considerazioni sulla «mecanica» d. melodie irmologiche // Studi di musica bizantina: In onore di G. Marzi. Lucca, 1995; *Engberg S. G.* Greek Ekphonetic Notation: The Classical and the Pre-classical Systems // Palaeobyzantine Notations. Hernen, 1995; *Troelsgård C.* The Role of Parakletike in Palaeobyzantine Notations // Ibid.; *Alexandru M.* Koukouzeles' Mega Ison // CIMAGL. 1996. Vol. 66; *eadem.* Zu den «megala semadia» der byzant. Notation // Cantus planus: Papers Read at the 7th Meeting, Sopron, Hungary, 1995. Bdpst., 1998; *eadem.* Studie über die «Grossen Zeichen» der byzant. mus. Notation unter besonderer Berücksichtigung der Periode vom Ende des 12. bis Anfang des 19. Jh. Copenhagen, 2000; *Shkolnik M.* Some Principles of Rhythmic Organization in Byzantine Music: (A Study Based on the Byzantine-Russian Heirmologion) // Cantus planus. Bdpst., 1998; *eadem.* Reconstructing the Znameny Chant of the 12th–17th Cent. // Palaeobyzantine Notations II: Acta of the Congress Held at Hernen Castle (The Netherlands) in Oct. 1996 / Ed. C. Troelsgård. Hernen, 1999; *Doneda A.* «Hyperstaseis» in Ms. Kastoria 8 and the Kondakarian Notation // Ibid.; *Arvanitis I.* A Way to the Transcription of the Old Byzantine Chant by Means of the Written and Oral Tradition / Ed. C. Troelsgård // Byzantine Chant: Tradition and Reform: Acts of a Meeting held at the Danish Inst. at Athens in Nov. 1993 / Ed. C. Troelsgård. Athens, 1997; *idem.* The Rhythmical and Metrical Structure of Byzantine Heirmoi and Stichera as a Means to and as a Result of a New Rhythmical Interpretation of Byzantine Chant // Le chant byzantin: état des recherches: Actes du colloque tenu du 12 au 15 decembre 1996 à l'Abbaye de Royaumont. Ia i, 2003. (Acta Musicae Byzantinae; 6) (греч. пер.: Οι δύο όψεις της Ελληνικής μουσικής κληρονομιάς / Εκδ. παρά Ε. Μακρής. Αθήνα, 2003); *idem.* Phthora and Chromaticism in Early and Late Byzantine Chant // Paper Read at the 11th Meeting of the Cantus Planus Study Group in the frame of the 17th Congr. of the Intern. Musicological Soc. held at Leuven, Belgium, 1–7 Aug., 2002 (в печати); *Jung A.* The Long Melismas in the Non-kalophonic Sticherarion // CIMAGL. 1999. Vol. 70; *Lingas A.* The First Antiphon of Byzantine Cathedral Rite Matins: From Popular Psalmody to Kalophonia // Cantus planus: Papers Read at the 9th Meeting, Esztergom & Visegrad, Hungary, 1998. Bdpst., 2001; *Martani S.* Beobachtungen zum ekphonetischen Notationssystem eines Evangelienlektionars aus dem 12. Jh. // Ibid.; *Myers G.* The Medieval Russian Kondakar and the Choirbook from Kastoria: A Palaeogr. Study in Byzantine and Slavic Musical Relations // Plainsong and Medieval Music. Camb., 1998. Vol. 7, N 1; *Παπαθανασίου Ι.* Λειτουργικά περγαμηνά σπαράγματα από το ιδιωτικό αρχείο του Δημητρίου Καπαδόχου // Οι δύο όψεις της Ελληνικής μουσικής κληρονομιάς. Αθήνα, 2003; *Papathanasiou I., Boukas N.* Byzantine Notation in the 8th–10th Cent.: On Oral and Written Transmission of Early Byzantine Chant // CIMAGL. 2002. Vol. 73 (греч. пер.: Μουσικολογία. Αθήνα, 2003. Ар. 17); *iidem.* Early Diastematic Notation in Greek Christian Hymnographic Texts of Coptic Origin: A Reconsideration of the Source Material // Palaeobyzantine Notations III: Acta of the Congress Held at Hernen Castle in March 2001 (в печати).

И. Арванитис

ВИЗАНТИ́ЙСКИЕ А́КТЫ, документы правового характера, один из важнейших видов документальных исторических источников *Византийской империи.* Совр. визант. *дипломатика* относит к В. а. не только собственно акты, т. е. письменные документы юридического характера, но и разного рода письма, уведомления, поручения, а также протоколы, служебные записи, формуляры и т. п. (в оригинале или копиях). Высокий уровень развития правовой культуры Византии обусловил юридическое оформление всех гос. решений, имущественных, поземельных и проч. отношений, церковных постановлений в виде актов, к-рые, облекаясь в сложную символическую форму, представляли собой особого рода знаковую систему (*Медведев.* С. 13).

По своему происхождению от того или иного адресанта различают акты публичноправовые и частноправовые. К публичноправовым (лат. instrumenta publica) относят документы, изданные от имени того или иного носителя (как индивидуального, так и коллективного) светской или церковной власти. Они могли иметь как общегос. значение, так и локальное, касаясь лишь отдельных конкретных лиц и территорий. Частные акты (instrumenta privata) — документы, составленные от имени частных лиц. Ими могли быть как физические лица (принадлежавшие к самым разным категориям), так и юридические лица (коллективы — семья, род, монастырская община, группа селян и др.). Эти акты, не обладая презумпцией подлинности, нуждались в подтверждении со стороны свидетелей или чиновников нотариата (или тех и других одновременно).

Императорские акты. Среди В. а. публичноправового содержания центральное место занимают имп. акты, имеющие непосредственное преемство с постановлениями, декретами (decreta) и эдиктами (edicta) рим. императоров. Различают неск. типов имп. актов. К первому относятся документы законодательного характера, прежде всего законы (leges; греч νόμοι) или конституции (constitutiones). В ранневизант. период конституции издавались от имени императора, но в текстах встречаются указания на конкретных юристов. В 438 г. по распоряжению имп. *Феодосия II* был составлен первый в истории Римской империи офиц. законодательный свод — *Кодекс Феодосия* (Codex Theodosianus). При имп. Юстиниане I был составлен новый кодекс: Кодекс Юстиниана (Codex Iustiniani) (529, 534), вошедший как часть в «Свод гражданского права» *(Corpus iuris civilis)*. Имп. конституции, выходившие после издания Кодекса, получили название *новелл* (novellae; греч. νεαραί — новые [законы]); они стали основным видом законов. Новеллы Юстиниана (изданные в отличие от др. частей «Свода» на греч. языке) публиковались в сборниках, сокращенных изложениях (т. н. «Эпитома Юлиана», состоявшая из 122 новелл) и лат. переводе («Аутентикум», содержащий 134 новеллы).

В отличие от этих актов, включавших постановления общего характера (constitutiones generales), с XI в. основным типом имп. актов становятся распоряжения в форме специальных законов (leges speciales). Они издавались в виде *хрисовула* или простагмы. Хрисовул (χρυσόβουλλος λόγος; хрисовульное слово) получил свое наименование от золотой печати, или буллы (χρυσὴ βούλλα), к-рой скрепляли имп. грамоты. Печати представляли собой круг из золота диаметром 2,5–4 см и были атрибутом только имп. персоны; на одной стороне специальным штемпелем наносилось изображение василевса (часто с соправителем или соправительницей), осеняемого образом Христа или Богородицы, на оборотной стороне указывались имена и офиц. титулы владельца печати. Печати подвешивались к акту на специальном шнуре (ленте). Хрисовул составлялся по определенной форме и подписывался собственноручно императором пурпурными чернилами. Этот вид актов выдавался по особо торжественным поводам. Торжественные акты, скрепленные серебряной (ἀργυρός) печатью, назывались аргировулами («серебропечатными»). Простагма (πρόσταγμα — распоряжение, приказ) представляет собой имп. акт, формуляр к-рого отличается меньшей торжественностью. Еще одним видом имп. грамот в Византии был

Хрисовул имп. Андроника III, данный мон-рю Хиландар. 1317 г.

сигиллий (σιγίλλιον от sigillum — знак, печать), под к-рым не ставилось имя василевса, а указывалась лишь дата (месяц и индикт) издания документа; он также скреплялся имп. печатью. Наконец, видами имп. распоряжений были питтакии (γράμματα πιττάκια) и орисмос (ὁρισμός), подобные по характеру сигиллию.

Др. тип визант. имп. актов представлен документами по конкретным правовым казусам, издаваемыми в связи с запросами представителей власти, юристов или отдельных частных лиц. Распоряжения василевса оформлялись в виде посланий (epistula; ἐπιστολή или σάκρα) или предписаний (subscriptio; λύσις или σημείωσις). В грамотах последнего вида изначально различались λύσις — ответ императора на запрос чиновника по вопросам администрации и фиска и σημείωμα

Указ имп. Алексея IV Великого Комнина. 1416 г. (мон-рь Дионисиат на Афоне)

(σημείωσις) — ответ императора по гражданским и церковноправовым вопросам; со временем эти нюансы стерлись.

3-й тип представлен внешнеполитическими актами: договорами, письмами к иноземным правителям, посольскими верительными грамотами. Межгос. договоры, оригиналы к-рых сохранились в Византии лишь начиная с XII в., оформлялись в соответствии с визант. политической доктриной как привилегия, акт милости василевса по отношению к иностранному правителю, облекаясь в форму жалованной грамоты — хрисовульного слова или иногда хрисовульного сигиллия. В поздневизант. дипломатике, исходя из политических реалий слабеющей империи, эта особенность утрачивается: Нимфейский договор между Византией и Генуей (1261) представлял собой трактат, или клятвенное заверение (privilegium sacramentum, tractata, treva; κεφαλαί, χρυσόβουλλον ὁρκωμοτικόν).

К 4-му типу относятся документы адм. характера, указы императора о пожаловании звания и назначении на должность. Они оформлялись как простагмы или орисмосы либо в виде сигиллия, сакры и др. актовых форм (ὑποτύπωσις, προβατωρία, codicilli).

5-й тип имп. актов составляют жалованные грамоты, с кон. IX — нач. X в. особенно торжественно выполненные как хрисовульное слово, хрисовульный сигиллий или хрисовульный орисмос. Их содержание составляли перечень и обоснование жалуемых льгот и привилегий в

пользу того или иного института (напр., мон-ря или храма).

В визант. имп. акте вычленяются собственно текст и вводяще-заключающие формулы, т. е. протокол, к-рый в свою очередь делится на собственно протокол и эсхатокол (πρωτόκολλον и ἐσχατόκολλον — первый или последний приклеенный лист [свитка]). Начальная часть протокола с посвящением Св. Троице представляет собой инвокацию, к-рая могла выражаться просто символом (крестом, христограммой). Во внешнеполитических актах инвокация часто опускалась. Обозначение лица, издающего документ (в данном случае — императора), называется интитуляцией. Затем следовало обозначение адресата (inscriptio) и приветствие (salutatio). В «основной части» выделяются риторическое введение по всему тексту (προοίμιον), затем — публичное объявление (promulgatio, publicatio, praescriptio, notificatio) и изложение сути дела (narratio). Наконец, приводилось распоряжение императора, выражающее его волю и удовлетворяющее ходатайство получателя документа (dispositio). Эта часть часто повторяет основные пункты narratio и вводится определенной формулой (διὸ (ὅθεν) διορίζεται ἡ βασιλεία μου — «посему определяет моя царственность»), а заканчивается предостережением против нарушения постановления (sanctio). Это предостережение, иногда выделяемое в самостоятельную часть акта, сопровождалось угрозой кары — божественной (sanctio spiritualis) или гос. (sanctio temporalis). Заключительная часть, эсхатокол, содержала важные элементы визант. канцелярского делопроизводства: дату и подпись (datum и subscriptio). Император подписывал и датировал документы собственноручно всегда красным (пурпурным) цветом. Различие в датировке определяло тот или иной тип документа: хрисовулы имели полную датировку, с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира. Эсхатокол мог содержать сведения об удостоверительных знаках документа (corroboratio).

Лишь небольшая часть визант. имп. грамот дошла в аутентичных оригиналах. Древнейший международный договор датируется 922 г., к XI в. относятся самые ранние сохранившиеся имп. пожалования монрям. Сведения нарративных памятников об актах, не дошедших до наст. времени, а также данные об иноязычных переводах собраны в 5-томном сборнике регест имп. актов (изд. Ф. Дёльгер и П. Вирт). К числу сохранившихся только в переводах международных договоров Византии относятся и договоры Руси с греками (911, 944, 971), дошедшие в рус. переводе в составе *«Повести временных лет»*. Для истории русско-визант. отношений важное значение имеют 2 послания визант. имп. *Михаила VII Дуки,* адресованные «иноземному правителю», с предложением о браке дочери адресата с багрянородным братом василевса — Константином. Считается, что эти послания были направлены ок. 1073–1074 гг. кн. Всеволоду Ярославичу. Греч. тексты этих актов сохранились среди сочинений *Михаила Пселла.* О рус. наемниках, находившихся на военной службе в Византии по крайней мере с кон. IX в., свидетельствуют хрисовулы, сохранившиеся в оригиналах в архиве Великой Лавры св. Афанасия на Афоне. Это хрисовулы *Константина X Дуки* (июнь 1060), *Никифора III Вотаниата* (июль 1079; сохр. в аутентичной копии, совр. оформлению акта) и 2 хрисовула *Алексея I Комнина* (март 1082 и май 1086). В них в числе иноземных воинских подразделений, от постоя к-рых освобождаются лаврские владения на материке, указаны русские и варяги. Аналогичные материалы имеются в хрисовулах Михаила VII Дуки (1073, 1074) и Алексея I Комнина (1088). Эти акты позволяют проследить историю пребывания русских дружин в Византии на протяжении почти 30 лет во 2-й пол. XI в., хотя ранее считалось, что после битвы при Гастингсе (1066) русские уступили свое место в имп. гвардии выходцам из Англии. «Росия» упоминается также в международных договорах визант. василевсов с генуэзцами (1169, 1192), в к-рых предусматривалось ограничение распространения визант. опеки на земли Руси и Сев. Причерноморья (Тмутаракани) в торговых операциях генуэзцев.

Патриаршие акты. К ним относятся документы К-польского Патриархата, сохранившиеся в оригинале или копиях, а также сведения о недошедших актах К-польских Патриархов и данные об иноязычных (в т. ч. русских) их версиях, собранные византинистами и составившие неск. томов регест К-польского Патриархата (изд. В. Грюмелем, В. Лораном и Ж. Даррузесом).

Большая часть актов К-польского Патриархата, имеющих отношение к Руси, известны лишь по рус. источникам, что создает проблему их научной верификации. Таковы послание Патриарха *Николая IV Музалона* Новгородскому еп. Нифонту (1149) и послания Патриарха *Луки Хрисоверга,* в частности, вел. кн. *Андрею Боголюбскому* (между 1160 и 1168). Из летописных и документальных указаний известно об актах утверждения в качестве Киевского митр. Константина (нач. 1157), благословения Патриарха Луки Хрисоверга праздника в связи с победой вел. кн. Андрея Боголюбского над камскими болгарами (ок. 1163–1164) и др. Подлинность подобных актов часто оспаривается исследователями.

Среди сохранившихся греч. текстов патриарших актов важное значение для отечественной истории имеют определение Собора (26 янв. 1156), созванного по инициативе митр. Константина перед его отъездом на Русь, а также свидетельство о посланиях Патриарха *Мануила I Саратина* из Никеи Иоанну Апокавку (февр. 1222) и Патриарха *Германа II* кардиналам (1232), в к-ром среди правосл. народов упоминаются северийцы, аваси, аланы, «алаасты» (лазы?), готы, хазары и «бесчисленная», «из тысяч народностей» Русь. На греч. языке сохранились и тексты посланий рус. митрополитов, греков по происхождению: «Послание» митр. Киевского *Иоанна II* к антипапе *Клименту III,* направленное в период между 1085 и 1088 гг., и послание Переяславского митр. Леона к римлянам, или латинянам об опресноках (60–70-е гг. XI в.).

Место Русской Церкви в епархиальной структуре К-польской Церкви, юрисдикция к-рой распространялась на Русь с момента учреждения там митрополии, определялось специальными актовыми «Перечнями епископских престолов» (Notitia episcopatuum; Τάξις θρόνων). Впервые рус. митрополия упоминается в подобном документе, относящемся к кон. X в., как «митрополия Киева Росии» (Κυέβου Ῥωσίας — *Darrouzès.* Notitiae. N 10). В списках XI–XIII вв. Русь занимает в ряду мит-

рополий К-польского Патриархата, как правило, 60-е место (Ibid. N 11–12, 15–16). С кон. XII в. в «Перечнях епископий» упоминается также митрополит «Руси Переяславля» (Ῥωσία Πρεσθλάβα) — титулярной Переяславской митрополии, образование к-рой датируется 2-й пол. XI в. В перечнях епископий «Великой России» (Μεγάλη Ῥωσία) указывались местные кафедры, образование первых из них относится к 90-м гг. X в.: Новгородская, Белгородская, Черниговская, Переяславская, Полоцкая, Владимиро-Волынская, Перемышльская, Туровская, Юрьевская («Св. Георгия»), Ростовская, Смоленская, Галичская, Рязанская, Владимиро-Суздальская и др.

Монастырские акты. Важнейшим типом визант. монастырских актов являются *Типиконы* (Типики), т. е. уставы, документирующие условия основания обители и регламентирующие правила монашеского общежития. В текстах монастырских уставов содержатся и важные свидетельства, напр., по аграрноправовым отношениям, как в Типике Бачковского мон-ря, основанного в Болгарии визант. вельможей кавказского происхождения *Григорием Пакурианом* и его братом Апасием в 1083 г., или в Типике сер. XII в. мон-ря Богородицы Спасительницы мира (Космосотиры) близ Эноса Фракийского. Устав к-польского мон-ря Пантократора содержит уникальные сведения об организациимонастырской больницы в XII в.

Нек-рые уставные акты не сохранились в греч. подлиннике и восстанавливаются по дошедшим переводам. Важнейший Типик к-польского Студийского мон-ря известен в списках XI–XII вв. в славяно-рус. переводе (см. *Студийско-Алексиевский Типикон*).

Среди др. типов монастырских актов — жалованных, дарственных грамот, купчих, исковых заявлений — существенное значение имеют описи имущества мон-рей. История внутреннего устройства Русского мон-ря на Афоне известна благодаря сохранившейся в оригинале описи (ἀπογραφή) мон-ря Ксилургу (Ξυλουργοῦ букв.— древоделя, первоначальное наименование обители), перешедшего в ведение Русского мон-ря (14 дек. 1142). По др. акту из Протата (авг. 1169) рус. монашеской общине Ксилургу по просьбе ее игумена Лаврентия был передан мон-рь Солунянина на правах дочерней обители. С этого времени Русский мон-рь на Св. Горе стал именоваться мон-рем Солунянина (др. название — св. Пантелеимона). Вместе с Пантелеимоновым мон-рем к Русскому мон-рю перешли и его земельные владения. Упомянутая же опись 1142 г. содержит подробный перечень имущества мон-ря — от хозяйственных предметов до священных сосудов и книг, среди к-рых специально выделены «русские книги».

Документы Соборов составляют специальную группу актов (см. статьи *Вселенские Соборы, Поместные Соборы*).

В поствизантийский период, с 1453 г., традиция издания греч. актов не прерывалась. Это прежде всего относится к документам церковным: патриаршие послания из К-поля или Иерусалима, акты из обителей Афона и Синая продолжали традиции визант. дипломатики. Особую ценность для истории РПЦ имеют документы XVI–XIX вв. по истории отношений России с правосл. Востоком. В отечественных архивах насчитывается ок. 30 грамот XVI в., более 700 — XVII в. Уникальными являются такие акты, как 7 грамот

Грамота К-польского Патриарха Кирилла Лукариса царю Михаилу Феодоровичу. 1625 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 18. Л. 1 об.)

из К-поля в Москву 1557–1560 гг. в связи с переговорами об утверждении царского титула Иоанна Грозного (4 из них сохр. в подлиннике). Ценнейшими документами являются Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. об учреждении Патриаршества в России. Сохранилось 56 актов, в т. ч. грамот, адресованных царю и Патриарху в Москву, К-польского Патриарха Кирилла I Лукариса (1620–1638, с перерывами), а также собственноручные грамоты к Патриарху Филарету и царям Михаилу Феодоровичу и Алексею Михайловичу К-польского Патриарха Афанасия III Пателлария (1634–1652, с перерывом). Подготовлен к печати каталог греч. грамот из московских собраний. См. также ст. *Акты в России.*

Изд.: *Miklosich, Müller; Mansi*[2]; *Schwartz E.* Acta conciliorum oecumenicorum. B., 1922–1940. 5 t.; *Дмитриевский.* Описание; Actes de l'Athos. 1–6 / Ed. L. Petit, W. Regel, E. Kurts, B. Korablev // BB. 1903. T. 10; 1906. T. 12; 1907. T. 13; 1910. T. 17; 1912. T. 19; 1913. T. 20. Прил.; *Успенский Ф. И., Бенешевич Б. Н.* Вазелонские акты. Л., 1927; *Dölger F.* Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. Münch., 1931; Archive de l'Athos. P., 1937–; RegPatr. Vol. 1–5. Лит.: *Яковенко П. А.* Исследования в области визант. грамот: Грамоты Нового мон-ря на о. Хиос. Юрьев, 1917. (УЗ Юрьевского ун-та); *Seeck O.* Regesten d. Kaiser und Päpste f. d. Jahre 311. bis 476. n. Chr. Stuttg., 1919; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden d. oströmischen Reiches: vom 565–1453. Münch.; B., 1924–1965. Tl. 1–5. Hildesheim, 1977[2]; *idem.* Byzant. Diplomatik. Ettal, 1956; *Hunger H.* Prooimion: Elemente d. byzant. Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. W., 1964; *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzant. Urkundenlehre. Münch., 1968. Bd. 1: Die Kaiserurkunde; *Καραγιαννόπουλος Ι.* Βυζαντινὴ διπλωματική. Τ. 1. Θεσσαλονίκη, 1969; *Фонкич Б. Л.* Греч.-рус. культурные связи в XV–XVII вв. М., 1977; *он же.* Греч. рукописи европ. собраний. М., 1999; *Медведев И. П.* Очерки визант. дипломатики: (Частноправовой акт). Л., 1988.

М. В. Бибиков

ВИЗАНТИ́ЙСКИЙ ОБРЯ́Д [лат. Ritus byzantinus], термин, принятый в совр. зап. науке для обозначения литургической традиции, зародившейся на Востоке Римской империи, использовавшейся греч. Патриархатами древности и сохраняющейся и после падения Византии в богослужении правосл. Поместных Церквей вплоть до наст. времени (Р. Тафт). Однако по своему содержанию термин не вполне корректен в силу неск. причин. Во-первых, в визант. эпоху на Востоке Римской империи (см. *Византийская империя*) сосуществовали неск. литургических традиций, частично они легли в основу *византийского богослужения*, частично исчезли или же сохранились лишь в богослужении нехалкидонитов. Наиболее важными для последующего правосл. богослужения стали традиции К-поля и Иерусалима, к-рые в разные эпохи

своего развития имели различную форму и, кроме того, оказывали друг на друга существенное влияние. Наконец, богослужение Православных Поместных Церквей и после падения Византии, и в наст. время (причем нередко в каждой из Церквей по-своему) продолжает развиваться, поэтому говорить о В. о. как о некой определенной традиции невозможно. Само употребление слова «обряд» для обозначения целой богослужебной традиции изначально являлось попыткой свести ее только к обрядовой стороне. Не случайно название В. о. активно использовалось иезуитами в период между мировыми войнами, преимущественно в Вост. Польше, для распространения унии (см. *Восточный обряд*), когда совершение богослужения католич. священнослужителями по правосл. чину преследовало цели прозелитизма. Офиц. признание термин «В. о.» получил в католич. Церкви только в 60-х гг. XX в. после переиздания ряда греч. и слав. литургических книг и особенно на фоне решений *Ватиканского II Собора* (ККЦ. 1203). В Кодексе канонического права Восточных католич. Церквей сам термин «обряд» определяется уже шире (как литургическое, богословское, духовное и дисциплинарное наследие), но связывается с богослужением автономных Церквей (sui juris), иерархия к-рых признана Римом (Codex canonum ecclesium orientalium. Tit. 2. Can. 27–28). Тем не менее в силу изложенных выше причин термин «В. о.» не может считаться адекватным определением *богослужения* правосл. Церкви.

Лит.: *Gatti C., Korolevskij C.* I riti e le Chiese orientali. Genova, 1942. Vol. 1: Il rito bizantino e le Chiese bizantine; *Dalmais I.-H.* Signification de la diversité des rites au regard de l'unité chrétienne // Istina. P., 1960. Vol. 7. P. 311–318; *Taft R. F.* The Byzantine Rite: A Short History. Collegeville (Minn.), 1992.

ВИЗАНТИ́ЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕ́НИЕ, литургическая традиция, сформировавшаяся в средневизант. период в результате взаимодействия богослужебных традиций древних Церквей К-поля и Иерусалима. История В. б. восходит к доиконоборческому времени (325–726) и в дальнейшем может быть разделена на иконоборческий (726–843), послеиконоборческий (843–1204), никейский (1204–1261) и палеологовский (1261–1453) периоды.

Доиконоборческий период (325–726). Одним из важных церковно-адм. решений, принятых на *Вселенском I Соборе* (325), было признание особых преимуществ епископов крупных адм. центров Римской империи: Рима (диоцез Италия), Александрии (диоцез Египет) и Антиохии (диоцез Восток). С каждым из них связано формирование особой литургической традиции (см. ст. *Литургические семьи*), определяющей особенностью к-рой является структура евхаристической молитвы — *анафоры*. Литургическая традиция каждого центра развивалась независимо и определяла богослужение в церковных провинциях, зависящих от них.

В вост. части Римской империи крупнейшим и влиятельнейшим адм. и церковным центром в III–IV вв. была Антиохия, из к-рой христианство распространялось как по территории империи, так и за ее пределами. С историко-литургической т. зр. Антиохия была центром «антиохийского литургического пространства», границы к-рого значительно превосходили границы адм. диоцеза Восток. Уже во 2-й пол. IV в. в этой литургической традиции сформировались основные богослужебные круги — суточный, седмичный и годовой. Определяющее влияние на развитие и облик антиохийской литургической традиции оказали городские аскетические общины, к-рые обеспечивали в храмах регулярное совершение богослужения с молитвами, пением псалмов и различных гимнов. Богослужение этих общин определяло структуру суточного круга и основные характеристики литургической традиции антиохийских мон-рей, находившихся вне городов.

2 наиболее значимые литургические традиции Византийской империи — иерусалимская и к-польская (традиционно последнюю и называют византийской) — в начальный период были тесно связаны с антиохийским богослужением и во многом находились под его влиянием, что определило характер и особенности их развития. Для 1-й это было обусловлено прямой церковно-адм. зависимостью Палестины от Антиохии, для 2-й — воздействием антиохийского богослужения на литургическую традицию М. Азии (диоцез Асия с центром в Эфесе и диоцез Понт с центром в Кесарии Каппадокийской), с к-рой было непосредственно связано к-польское богослужение в начальный период.

Усиление церковных и адм. позиций К-поля и Иерусалима в сер. V в. при постепенном ослаблении Антиохии привело к формированию 2 во многом самостоятельных литургических центров внутри «антиохийского литургического пространства» (подробнее см. ст. *Антиохийское богослужение*) и «литургических областей», с ними связанных. Развитие богослужения в этих центрах определило дальнейшее развитие В. б. Тем не менее принадлежность обоих к «антиохийскому литургическому пространству», а также использование одного и того же греч. языка в качестве богослужебного предопределили возможность последующего взаимовлияния и взаимообмена литургическим материалом между ними в процессе развития В. б.

Иерусалимское богослужение. Центром формирования и развития богослужения в Иерусалиме был церковный комплекс, в состав к-рого входила ротонда Воскресения (Анастасис) и большая базилика (Мартириум). Этот церковный комплекс был построен имп. Константином на месте Крестных страданий и погребения Спасителя и освящен в 335 г. Подобно антиохийской литургической традиции, движущей силой развития иерусалимского богослужения были городские аскетические общины — «тагмы спудеев», существовавшие при храме Воскресения и др. иерусалимских храмах.

Именно спудеи («монашествующие», греч. μονάζοντες) обеспечивали регулярное совершение служб суточного круга богослужения в иерусалимских храмах. Основу этих служб составляло антифонное пение (см. *Антифон*) «коротких» стихов иерусалимской Псалтири, однако употреблялись и сложные гимнографические сочинения, связанные по своей структуре и организации текста с античной лит. традицией. Иерусалимские спудеи использовали муз. систему, восходящую к античной муз. культуре.

Годовой круг богослужения регламентировал иерусалимский *Лекционарий*, определявший праздники, места совершения богослужений, чтения из Свящ. Писания и содер-

жавший краткие литургические рубрики. Иерусалимская литургическая традиция имела собственный набор евхологических текстов, входивших в иерусалимский *Евхологий*. Его составляли молитвы Божественной *литургии ап. Иакова*, служб суточного круга богослужения, чинопоследований *таинств*. Структуру служб суточного круга определял иерусалимский *Часослов*, содержавший неизменяемые псалмы и некрые молитвословия.

В связи с тем что иерусалимские храмы располагались в местах, не-

Прп. Савва Освященный. Миниатюра из греко-груз. рукописи. Кон. XV в. (РНБ. О. I. 58. Л. 89 об.)

посредственно связанных с земной жизнью Господа Иисуса Христа, отличительной чертой древнего иерусалимского богослужения было наличие богослужебных процессий (литий) по св. местам, совершавшихся в праздничные дни (см. статьи *Стациональное богослужение*, *Иерусалим*).

Монашеское богослужение в Палестине, так же как и в Сирии, находилось под влиянием городского богослужения спудеев. Как и в др. регионах Ближ. Востока, палестинские мон-ри (киновии и лавры) в IV–VI вв. располагались вне городов. От практики спудеев богослужение в палестинских киновиях от-

Прп. Косма Маюмский. Роспись кафоликона мон-ря Варлаама в Метеорах. XVI в.

личало отсутствие сложной гимнографии и связанного с ней муз. исполнения. Основу монашеского богослужения составляло стихословие Псалтири, но в киновиях пелись и нек-рые общепринятые гимнографические тексты (напр., «вечерний» и «утренний» гимны — см. статьи *«Свете тихий»*, *Великое славословие*). Богослужение палестинских келлиотов и палестинских лавр, к к-рым келлиоты принадлежали, было вторичным по отношению к литургической традиции палестинских киновий, где келлиоты должны были проходить обязательную новоначальную стадию. Этот тип богослужения был ориентирован исключительно на монашеское псалмопение.

Существенные изменения в иерусалимской и вообще в палестинской литургической традиции произошли в VII в. и были обусловлены внешними факторами: разрушение Иерусалима персами в 614 г. сопровождалось многочисленными жертвами, гл. обр. среди городских спудеев, не оставивших своих храмов и общин, а последовавшая вскоре оккупация Палестины арабами-мусульманами и падение Иерусалима в 637 г. стали причиной необратимых социальных и демографических изменений в регионе, что в свою очередь привело к изменениям в социальной структуре христ. сообщества. Место, к-рое в Иерусалиме и др. городах Палестины ранее занимали аскетические общины, заняли общины монахов, оставлявших свои пустынные мон-ри под давлением завоевателей. Однако монахи не возобновили в городах древнее богослужение спудеев, отличавшееся разнообразием гимнографических форм и предполагавшее высокую профессиональную подготовку певцов. Они принесли в город свою богослужебную традицию, основанную на монашеском псалмопении, что привело к изменениям как в структуре служб суточного круга, так и в составе комплекса гимнографических текстов. Поэтому древние песнопения, исполнявшиеся ранее спудеями, вскоре вышли из употребления, а праздничные песнопения Иерусалимского Патриарха *Софрония I* (634–638), известные под названием «анакреонтические стихотворения» и восходящие по своей лит. форме к древней гимнографической традиции, не получили распространения.

Отличительным элементом нового богослужения, сформировавшегося в Иерусалиме во 2-й пол. VII в., стал новый гимнографический жанр — *канон*, структура к-рого обусловлена набором и последовательностью *библейских песней*, входивших в состав иерусалимской Псалтири. Первоначально в качестве припевов к стихам библейских

Прп. Иоанн Дамаскин. Роспись Кралевой ц. в мон-ре Студеница. 1313 г.

песней (т. е. в качестве тропарей канона) использовались фрагменты древних песнопений, ранее исполнявшихся спудеями (напр., такие воскресные каноны входили в состав

древнего иерусалимского *Тропология*). Вскоре трудами преподобных *Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского* и др. палестинских гимнографов VIII в. в Иерусалиме был создан комплекс праздничных и воскресных песнопений, образовавших новый иерусалимский Тропологий, вытеснивший из употребления древний. Несмотря на связь канонов, входивших в состав древнего и нового Тропология, с монашеским стихословием библейских песней, характерные особенности организации текста мн. праздничных канонов нового Тропология (наличие *акростиха*, использование ямбического стихосложения, диалоговая форма построения песнопений) свидетельствуют о значительном влиянии древних гимнографических сочинений, создававшихся и исполнявшихся иерусалимскими спудеями. Особенностью жанра канона была его неразрывная связь с новой ладово-интонационной системой — осмогласием, созданным в Иерусалиме в VII в.

Одновременно с формированием нового Тропология происходило дополнение Лекционария как новыми чтениями, так и различными песнопениями, связанными с палестинским осмогласием. Вскоре новые Лекционарий и Тропологий, созданные в Иерусалиме, были приняты в лавре прп. Саввы Освященного, киновии прп. Феодосия и др. мон-рях Палестины, после чего палестинское богослужение приобрело относительное единообразие. Однако новые Тропологий и Лекционарий существовали как самостоятельные богослужебные книги сравнительно недолго и вскоре распались на неск. частей. Из Лекционария были выделены ветхозаветные, апостольские и евангельские чтения, к-рые образовали Профитологий, Лекционарий-Апостол и Лекционарий-Евангелие; гимнографические тексты Тропология, связанные с седмичным кругом богослужения, были объединены в новую богослужебную книгу, ставшую известной под поздним названием *Октоих*, тогда как тексты, связанные с годовым неподвижным кругом богослужения, вошли в состав служебной *Минеи*, а тексты, связанные с годовым подвижным кругом богослужения, образовали *Триодь*.

Константинопольское богослужение. Формирование и развитие к-польской литургической традиции было во многом сходно с развитием антиохийской и иерусалимской. Центром развития богослужения был храм *Св. Софии*, впервые освященный в 360 г.; городские аскетические общины (аскитирионы), связанные с храмом Св. Софии и др. храмами города, обеспечивали регулярное совершение служб суточного круга (утреня, 3, 6 и 9-й часы, вечерня, полунощница). Основу богослужения составляло респонсорное пение «длинных» стихов к-польской Псалтири с особыми припевами («ипакои»), однако использовались и сложные гимнографические сочинения, в т. ч. и древние *кондаки*, сопоставимые с сир. песнопениями типа madrasha и sogitha. Исполнение гимнографических сочинений к-польскими аскитирионами было основано на муз. системе, восходившей к античной культуре. Годовой круг богослужения регламентировался к-польским Лекционарием доиконоборческого периода (не сохр.), рождественско-триодная структура к-рого была сходна со структурой иерусалимского Лекционария.

В к-польской литургической традиции сформировался свой набор евхологических текстов, отличный от иерусалимского. В его состав входили молитвы *литургий святителей Василия Великого* и *Иоанна Златоуста*, служб суточного круга и чинопоследований таинств (древнейший известный текст к-польского Евхология сохранился в южноитал. списке 2-й пол. VIII в.— см. ст. *Барберини Евхологий*). Структуру служб суточного круга должен был определять несохранившийся к-польский Часослов, содержавший неизменяемые псалмы для каждой из служб и, вероятно, молитвословия.

Одной из особенностей к-польского богослужения являлись процессии (литии) по городским улицам из кафедрального собора в различные храмы, а также на площади города, к-рые совершались в определенные дни богослужебного года и сопровождались пением гимнов, остановками на пути следования процессии и молитвами во время этих остановок (см. статьи *Стационарное богослужение, Константинополь*). Регулярное совершение литий и др. особенности к-польского богослужения оказали влияние на архитектурные планы ранних к-польских церквей, к-рые отличало наличие большого числа дверей для обеспечения входа участников процессий в храм или же для выхода из него, а также атриумов, где участники собирались перед началом службы, и нартексов, где службы начинались и откуда совершался вход в храм или же исхождение на литию в город.

На рубеже V–VI вв. в Византии появился систематический коммен-

Собор Св. Софии в Константинополе. 532–537 гг. Фотография. XX в.

тарий главных церковных чинопоследований, входящий в состав *«Ареопагитик»* и называющийся «О церковной иерархии». По мнению автора комментария, ставшего образцом для последующих визант. литургических толкований, истинные тайны духовного созерцания могли быть доступны только лицам, принадлежащим к церковной иерархии, и поэтому богослужение рассматривалось им символически и мистически. Распространение символической интерпретации совпало с появлением в К-поле новых форм в церковной архитектуре: над центральной частью собора Св. Софии, заново построенного имп. св. *Юстинианом I* в 532–537 гг. на месте сгоревшего, возвышался огромный купол. Архитектурный план нового собора с куполом в центре принципиально отличался от плана предшествующего собора (традиц. базилика), что не могло не оказать влияние как на богослужение, совершавшееся в новом храме, так и на его интерпретацию.

Нек-рому реформированию к-польская литургическая традиция подверглась и в связи с церковно-адм. реформами имп. св. Юстиниана I, на что указывает, напр., определение фиксированного штата священно- и церковнослужителей для новопостроенного храма в новелле импера-

тора (535). По указанию имп. Юстиниана в к-польскую богослужебную практику было введено и пение догматического тропаря *«Единородный Сыне»*.

Церковно-адм. реформы были продолжены при имп. *Ираклии*, по распоряжению к-рого в 612 г. было увеличено число клириков Св. Софии и определен штат церковной администрации храма. В этот же период при содействии Патриарха *Сергия* в к-польскую литургическую традицию были внесены различные дополнения, происхождение к-рых связано с иерусалимским богослужением и во многом обусловлено перенесением христ. реликвий из Иерусалима в К-поль, а также появлением в К-поле эмигрантов из Палестины. Так, в храме Св. Софии стали совершать поклонение святым Кресту, копию́ и губке, а на литургии Преждеосвященных Даров петь «Ныне силы небесные».

Во 2-й четв. VII в. прп. *Максим Исповедник* составил классический визант. литургический комментарий доиконоборческого периода («Мистагогия»), в к-ром евхаристическое богослужение рассматривалось как сослужение земной Церкви, т. е. собрания верных, с ангельскими силами и Небесным Агнцем перед Престолом Божиим.

В VII в. храм Св. Софии стал местом торжественного совершения чинопоследований возложения имп. регалий, обручения и венчания императоров, т. е. «императорский обряд», к-рый начал формироваться еще при Юстиниане I, начал приобретать свои классические формы.

Богослужение в большинстве к-польских мон-рей (киновий), находившихся рядом с городом, по набору служб суточного круга существенно не отличалось от богослужения в киновиях М. Азии, Сирии и Палестины. Однако в нек-рых к-польских мон-рях со 2-й четв. V в. существовала традиция «непрерывного» богослужения *акимитов* (неусыпающих). Тем не менее основные параметры монашеского богослужения (лекционарная система, календарь и евхологические тексты) были едиными для акимитов и неакимитов, и они совпадали с соответствующими параметрами к-польского кафедрального богослужения.

Прп. Максим Исповедник. Миниатюра из Минеи. XIII в. (Parisin. gr. 1561)

Иконоборческий период (726–843). В сер. VIII в. в к-польском богослужении произошли существенные перемены, на что указывают изменения в лекционарной системе, структуре и текстах Евхология, а также появление нового литургического комментария.

Выделение новозаветных чтений из древнего к-польского Лекционария и изменение лекционарной системы, определявшей набор и порядок использования чтений, привели к появлению новых визант. Лекционариев, к-рые содержали только евангельские или только апостольские чтения и были разделены на 2 части — подвижную (начинавшуюся с Пасхи) и неподвижную (начинавшуюся с 1 сент.). Ветхозаветные чтения остались в Профитологии (см. ст. *Паремийник*), сохранившем рождественско-триодную структуру древнего к-польского Лекционария и нек-рые древние песнопения.

Существенные изменения претерпел и чин Божественной литургии,

в начале к-рой появились 3 антифона (см. статьи *Антифон, Энарксис*), а чтение паремий (ветхозаветных чтений) в праздничные дни было перенесено на вечерню, в результате чего на литургии остались только новозаветные чтения. Особое значение получил чин приготовления Даров (протесис, или *проскомидия*), к-рый стал совершаться перед началом литургии. К этому же времени, судя по всему, относится и начало регулярного использования формуляра литургии свт. Иоанна Златоуста, что позднее привело к существенным ограничениям в использовании формуляра литургии свт. Василия Великого. Значительно был сокращен гимнографический материал, использовавшийся аскитирионами в доиконоборческий период. Новая литургическая традиция, сформировавшаяся в результате проведенной литургической реформы, была зафиксирована в «Синаксаре Великой церкви» (известном также под поздним названием *Типикона Великой церкви*), к-рый представлял собой лекционарный указатель новозаветных и ветхозаветных чтений для годового подвижного и неподвижного кругов богослужения, дополнявшийся уставными рубриками.

Перемены в богослужении сопровождались изменениями в его восприятии и интерпретации. Во многом под влиянием сир. литургических комментариев в сер. VIII в. в Византии был составлен новый литургический комментарий, известный под названием *«Церковная история»*; в древних списках он надписан именем свт. Василия Великого (с формуляром его литургии он связан текстологически), а в нек-рых позднейших — именем свт. *Германа I*, Патриарха К-польского. Принципиальной особенностью этого комментария, отличавшей его от комментария прп. Максима Исповедника и сближавшей со сходными сир. текстами, была интерпретация литургии вместе с предшествующим ей чином протесиса как символического изображения земной жизни

Евангелие с экфонетическими знаками. X в. (Sinait. gr. 204)

Спасителя и главных моментов Его искупительных деяний, что во многом определялось особым христоцентризмом и взглядом на Евхаристические Дары как на единственное истинное изображение (икону) Иисуса Христа, характерным для иконоборческой эпохи.

Прекращение использования и последующее исчезновение сложных гимнографических текстов, происхождение и исполнение к-рых было связано с древними аскитирионами (в т. ч. и исчезновение древних кондаков), указывают на то, что в иконоборческий период городские аскетические общины перестали быть движущей силой развития к-польского (т. е. «византийского») богослужения. В кон. VIII в. их место заняли монахи, чье участие в церковной жизни значительно усилилось после прихода к власти имп. Ирины в 780 г. Достаточно быстро они не только восстановили свое прежнее положение и влияние в столице и др. городах империи, но и существенно укрепили его.

Господствующее положение, занятое монахами в К-польской Церкви после VII Вселенского Собора (787), стало причиной новых изменений в В. б., т. к. на рубеже VIII–IX вв. монахи были носителями и проводниками палестинского литургического влияния. В 799 г. в древний к-польский Студийский мон-рь перешла группа монахов из Вифинии, возглавляемая прп. *Феодором Студитом*, что привело к существенным изменениям в монастырском богослужении визант. столицы. В структуре суточного круга появились новые службы (1-й час и изобразительны), происхождение к-рых было связано с палестинской традицией. К этой же традиции восходили как студийская система стихословия *кафизм* Псалтири, так и сама Псалтирь с «короткими» стихами, разделенная на 20 кафизм. Использовавшиеся студитами праздничные и воскресные гимнографические сочинения (каноны и стихиры), первоначально находившиеся в новом иерусалимском Тропологии и позднее вошедшие в состав Миней, Триоди и Октоиха, также происходили из Палестины. Структура утрени, вечерни, изобразительных и повечерия в студийском Часослове тоже восходила к палестинской традиции. Тем не менее основные параметры студийского богослужения (*лекционарная система*, определявшая набор и порядок чтений Свящ. Писания; тексты Евхология, в т. ч. формуляры литургий и молитвословия служб суточного круга) были не иерусалимскими, а к-польскими.

Базилика Иоанна Предтечи в Студийском мон-ре. Сер. V в.

Начальный этап «студийского синтеза» проходил в кон. VIII в. в Вифинии (М. Азия), где прп. Феодор Студит и его монахи познакомились с основными элементами палестинской литургической традиции. В Студийском мон-ре богослужебная традиция, сформировавшаяся в Вифинии, была адаптирована к городским условиям.

Одновременно с изменениями в структуре служб суточного круга, появлением новых служб и песнопений палестинского происхождения в В. б. проникали иерусалимское (палестинское) осмогласие и нотация, связанные с этими текстами и структурами. На новую муз. систему были ориентированы гимнографические произведения и самого прп. Феодора Студита, в т. ч. седмичные песнопения Постной Триоди и праздничные каноны Миней.

В сер. 2-го десятилетия IX в. началось новое наступление иконоборчества, но оно не оказало существенного влияния на развитие той к-польской литургической традиции, начало к-рой было положено в сер. VIII в.

Послеиконоборческий период (843–1204). Восстановление иконопочитания не внесло существенных изменений в к-польское богослужение, но во внутреннем убранстве и украшении храмов произошли значительные перемены. Появилась новая иконографическая программа, последовательно иллюстрировавшая историю Спасения, подобно тому как ее «изображала» в соответствии с литургическим комментарием (надписанным именем свт. Василия Великого или же Патриарха Германа) совершавшаяся в этих храмах Божественная литургия. С развитием этой интерпретации евхаристического богослужения в чинопоследовании литургии и предшествующего ей чина проскомидии появлялись новые элементы, в т. ч. использование *звездицы*, символизирующей вифлеемскую звезду, на проскомидии. Систематическое изложение новая интерпретация получила в литургическом комментарии Николая Андидского «Протеория», согласно к-рому при совершении евхаристического богослужения каждый этап земной жизни Спасителя имел свое соответствие в чинопоследовании литургии, а проскомидия символизировала Воплощение и Рождество.

Изменения в литургии сопровождались и определенными переменами в церковной архитектуре — в рассматриваемый период все чаще стали строить крестово-купольные храмы небольших размеров, в к-рых место для совершения проскомидии находилось рядом с алтарной частью.

Центральное место в литургической жизни послеиконоборческого периода занимало монашеское богослужение, регламентировавшееся Студийским Синаксарем и его редакциями. Оно определяло и характеризовало развитие В. б. в целом, тогда как кафедральная традиция постепенно утрачивала свое значение.

Студийский Синаксарь. После восстановления иконопочитания в 843 г. монахи-студиты вернулись из рассеяния и собрались в Студийском мон-ре. Здесь произошло окончательное устроение и фиксация студийской литургической традиции, результатом чего стало создание Студийского Синаксаря. Он представлял собой собрание богослужебных рубрик (уставных указаний) для годового подвижного (триодная часть) и неподвижного (месяцесловная часть) кругов богослужения, причем в месяцесловной части содержались рубрики и памяти только для тех случаев, когда бого-

служение отличалось от обычного (рядового), т. е. только для праздничных дней. В основе же Студийского Синаксаря, как и в основе Синаксаря Великой церкви, лежал лекционарный указатель новозаветных и ветхозаветных чтений, отражающий новую к-польскую лекционарную систему.

Одновременно был сформирован и комплекс богослужебных книг, использование к-рых регламентировал Студийский Синаксарь. Минеи, Триоди и Октоих, входившие в состав этого комплекса, содержали и старые песнопения палестинского происхождения (преподобных Андрея Критского, Космы Маюмского, Иоанна Дамаскина), и новые песнопения, созданные по образцу палестинских как прп. Феодором Студитом, так и др. студийскими (преподобными Иосифом, Николаем, Климентом Студитами) и нестудийскими к-польскими (преподобными Феофаном Начертанным, Иосифом Песнописцем) гимнографами.

Богослужение, регламентировавшееся Студийским Синаксарем, обладало рядом характерных особенностей, одной из к-рых был такой порядок праздничной и воскресной утрени, при к-ром стихиры на стиховне не соединялись с хвалитными, но пелись после утреннего гимна «Слава в вышних Богу» в его иерусалимской редакции (как и в палестинском богослужении VIII–X вв.). Генетическую связь студийского богослужения с палестинским (иерусалимским) подчеркивало и общее для той и др. традиции наименование, иногда встречающееся в визант. богослужебных рукописях — ὁ ἁγιοπολίτης, указывавшее не только на палестинское происхождение используемой муз. системы (осмогласие), но и на палестинское происхождение текстов, написанных гимнографами-святоградцами. Тем не менее в богослужебном пении крупных к-польских мон-рей, в т. ч. и Студийского, сохранялись элементы древней к-польской муз. традиции.

С сер. IX в. и до кон. XI в. Студийский Синаксарь пополнялся новыми памятями святых и новыми рубриками. Различные редакции (версии) Студийского Синаксаря, возникшие в этот период, использовались в богослужебной практике др. визант. мон-рей. Текст Студийского Синаксаря не сохранился, и единственным источником для характеристики его состава и структуры, а также литургической практики, им регулировавшейся, является богослужебный Синаксарь в составе Типикона Патриарха Алексия Студита (см. *Студийско-Алексиевский Типикон*). Типикон состоит из 2 частей: богослужебного Синаксаря, определяющего порядок служб годового подвижного и неподвижного кругов богослужения, и кти-торского Типикона, посвященного устроению монашеской жизни. Основным литургическим источником при составлении богослужебного Синаксаря был Студийский Синаксарь в версии 2-й пол. X в., к-рый был использован без существенных изменений. Студийская традиция продолжала сохранять свой престиж и в нач. XII в.— она была избрана в качестве образца имп. Иоанном II Комнином (1118–1143) при устроении мон-ря Христа Пантократора.

Редакции Студийского Синаксаря. Не позднее сер. X в. в К-поле появилась 1-я (к-польская) редакция Студийского Синаксаря. Она возникла под влиянием к-польского кафедрального богослужения и занимала промежуточное положение между собственно Студийским Синаксарем и др. его редакциями. Отличительной особенностью этой редакции было особое окончание праздничной и воскресной утрени, когда утренние стихиры на стиховне присоединялись к хвалитным стихирам, что было обусловлено использованием *Великого славословия,* т. е. утреннего гимна «Слава в вышних Богу» в к-польской редакции, за к-рым следовало «Великое Трисвятое».

Эта модернизированная редакция Студийского Синаксаря стала быстро распространяться в Византийской империи. Уже в X в. она была принята в Фессалонике, где на ее основе создали 2-ю (фессалоникийскую) редакцию Студийского Синаксаря. Отличительной чертой этой редакции является пение 3 антифонов (псалмов) вместо рядовых кафизм на утренях в великие праздники, а также пение к-польских кафедральных антифонов (стихи 91, 92 и 94-го псалмов с фиксированными припевами) на воскресных и праздничных литургиях. 2-я редакция Студийского Синаксаря лежала в основе богослужебного устава, существовавшего на Афоне в сер. X–XII в. (Афоно-Студийский Синаксарь), и была использована при составлении богослужебного Синаксаря, к-рый регламентировал богослужение *Иверского мон-ря* на Афоне в XI в. (см. ст. *Георгия Мтацминдели Типикон*). Не позднее кон. X в. Афоно-Студийский Синаксарь был перенесен в Юж. Италию, где на его основе были созданы различные группы южноитал. богослужебных Синаксарей: калабро-сицилианской группы (Мессинский, Милийский, Тригонский Типиконы), отрантской группы (Николо-Казолянский Типикон) и связанной с ней гротта-ферратской группы (Типикон мон-ря Патирион и Гроттаферратский Типикон).

К-польская редакция Студийского Синаксаря определяла богослужение и в монашеских центрах М. Азии, где в нее вносились различные дополнения и изменения, обусловленные местными традициями и обычаями. Но под влиянием палестинской (иерусалимской) литургической традиции в богослужении малоазийских мон-рей появлялись элементы палестинского происхождения. В нач. 60-х гг. XI в. богослужебная традиция одного из таких мон-рей — мон-ря Воскресения на Галисийской горе около Эфеса — была принята в к-польском Евергетидском мон-ре. В 80-х гг. XI в. игум. Евергетидского мон-ря Тимофей составил ктиторский Типикон и богослужебный Синаксарь (см. *Евергетидский Типикон*), в к-рых были отражены результаты адаптации галисийской традиции, в т. ч. и богослужебного Синаксаря из мон-ря Воскресения. Вскоре евергетидская традиция была избрана в качестве образца для мон-рей Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной, созданных в К-поле в кон. XI — нач. XII в. имп. Ириной Дукеной при участии имп. Алексея I Комнина, а впосл. и для др. столичных и провинциальных мон-рей.

Во 2-й пол. X в. вследствие сильного к-польского воздействия 1-я ред. Студийского Синаксаря проникает в иерусалимское и палестинское богослужения. Вероятно, уже в кон. X в. этот нормативный текст и связанный с ним комплекс богослужебных книг были приняты в киновии прп. Феодосия Великого, находившейся недалеко от Иерусалима. Результатом быстрой адаптации

1-й редакции Студийского Синаксаря к обычаям палестинских киновий стало появление *Иерусалимского устава*. Отличительной чертой богослужения, определявшегося этим уставом, было совершение в канун воскресных и праздничных дней палестинских *всенощных бдений* (агрипний), к-рые представляли собой соединение великой вечерни (включавшей в свой состав *литию* и *благословение хлебов*) и воскресной или праздничной утрени. Вскоре новый богослужебный устав был принят в лавре прп. Саввы Освященного и др. палестинских мон-рях, вытеснив прежний устав и связанный с ним комплекс богослужебных книг иерусалимского происхождения (в т. ч. и иерусалимский Евхологий, содержавший формуляр литургии ап. Иакова), а в кон. XI в. Иерусалимский устав распространился далеко за пределами Палестины.

1-я и 2-я редакции Студийского Синаксаря, появившиеся под влиянием кафедрального богослужения, определяли богослужение не только в мон-рях, но с определенными изменениями и сокращениями могли использоваться и для регламентации соборно-приходского богослужения в Византии.

«Синаксарь Великой церкви» и кафедральное богослужение. В послеиконоборческий период кафедральное богослужение в К-поле, совершавшееся в Св. Софии с участием Патриарха, регламентировал «Синаксарь Великой церкви» (или Типикон Великой ц.), отражавший результаты литургических преобразований предшествующего периода. Первоначальный его текст неизвестен, но в визант. богослужебных книгах XI–XII вв. сохранились пространные уставные рубрики, отражающие различные этапы развития и переработки этого «Синаксаря». Он регламентировал особый тип богослужения (ὁ ἐκκλησιαστής), известный как *песненное последование*, к-рый по своей структуре и по причине использования к-польской Псалтири восходил к древней к-польской доиконоборческой традиции. В богослужебном пении Св. Софии в послеиконоборческий период также сохранялись древние муз. элементы.

В X в. на кафедральное богослужение оказывало все более сильное влияние богослужение монашеское, и уже в XI в. в литургической практике Св. Софии появились отдельные заимствования из к-польского монастырского богослужения (напр., пение канона), к-рые, однако, не разрушали архаичную структуру служб суточного круга. К этому же периоду относится и смена основного формуляра литургии — с XI в. им стала литургия свт. Иоанна Златоуста, а не литургия свт. Василия Великого, как было ранее. Смена произошла под влиянием монашеского богослужения, в к-ром формуляр литургии свт. Иоанна Златоуста был основным начиная с сер. IX в. Вскоре в визант. литургической традиции появились новые нормативные тексты (диатаксисы, или *уставы литургии*), регламентировавшие, вплоть до мелких деталей, совершение проскомидии и Божественной литургии; они были связаны с формуляром литургии свт. Иоанна Златоуста.

Литургия свт. Иоанна Златоуста. XI–XII вв. (Vat. Borg. gr. 27)

В сер. X в. в К-поле была произведена кодификация имп. обряда. Подробное описание различных чинопоследований с участием визант. императоров (в т. ч. императоров-иконоборцев) содержится в трактате «De ceremoniis aulae Byzantinae»; в его составлении принимал участие имп. *Константин VII Багрянородный*.

Никейский период (1204–1261). Падение К-поля 13 апр. 1204 г. стало причиной прекращения литургической традиции, сформировавшейся в послеиконоборческий период. Переход визант. столицы под лат. господство существенно изменил положение к-польских церквей и мон-рей, т. к. многие из них были заняты лат. клириками и монашествующими, а остальные испытывали затруднения. Богослужение в Св. Софии и др. наиболее известных храмах и мон-рях К-поля совершалось лат. священнослужителями по рим. обряду, из-за чего во внутреннее убранство храмов были внесены необходимые изменения.

Но визант. литургическая традиция не была прервана и продолжалась в неск. гос-вах, наиболее значимым из к-рых была *Никейская империя*, ставшая наследницей Византии. Тем не менее богослужение в Никее, как и богослужение в М. Азии в целом, не воспроизводило к-польское богослужение предшествующего периода, несмотря на преемственность визант. гос. и церковно-адм. традиций. Основным богослужебным уставом в М. Азии в 1-й пол. XIII в. был Иерусалимский устав, однако его использование не вносило принципиальных изменений в совершение богослужения в кафедральных соборах и мон-рях М. Азии, т. к. в основе Иерусалимского устава лежала 1-я (к-польская) редакция Студийского Синаксаря, к-рая использовалась и в М. Азии. Различия же между этими богослужебными уставами состояли гл. обр. в наличии или же отсутствии палестинского всенощного бдения, а также в незначительных расхождениях в памятях святых и гимнографических текстах.

Палеологовский период (1261–1453). Возобновление В. б. в Св. Софии и в к-польских мон-рях в 1261 г. не сопровождалось реставрацией литургической традиции послеиконоборческого периода, прерванной в 1204 г. Новое богослужение во многом находилось под влиянием богослужебных обычаев Никейской империи, определявшихся Иерусалимским уставом. Именно этот устав стал регламентировать богослужение в к-польских мон-рях, в т. ч. и в Студийском. Существенные изменения произошли и в богослужении Св. Софии, где монастырское богослужение полностью вытеснило особый строй суточного круга и структурообразующие элементы древнего кафедрального об-

ряда. Поэтому в к-польском богослужении так быстро был принят Устав Божественной литургии (Διάταξις τῆς θεῖας λειτουργίας), составленный Патриархом К-польским Филофеем Коккином в 1344–1347 гг., когда он еще был игуменом афонской *Великой Лавры*. Существенную часть этого текста составляло подробное описание совершения проскомидии, получившей окончательную интерпретацию в своих молитвословиях. Тогда же Патриарх Филофей составил и Устав священнослужения (Διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας), регламентировавший совершение служб суточного круга, и прежде всего совершение всенощного бдения, согласно Иерусалимскому уставу. И только в богослужении кафедрального собора в Фессалонике еще в нач. XV в. сохранялось «песненное последование», восходившее по своей структуре к древнему визант. кафедральному обряду.

Распространение Иерусалимского устава сопровождалось как внесением различных дополнений в существующие редакции этого текста, так и появлением новых редакций; в одну из них, напр., были внесены различия в совершении служб суточного круга богослужения между келлиотскими и киновиальными

«Небесная литургия». Миниатюра из греко-груз. рукописи. Кон. XV в. (РНБ. О.I. 58. Л. 33 об.). Фрагмент

мон-рями. В 1-й трети XIV в. в К-поле была создана др. редакция Иерусалимского устава, содержавшая в основном тексте статьи, ранее входившие в состав *Марковых глав*.

Изменения в кафедральном богослужении сопровождались изменениями в совершении чинопоследований с участием визант. императоров. Вскоре новая версия имп. обряда была зафиксирована в «Книге церемоний» Псевдо-Кодина, составленной при имп. дворе в 1347–1368 гг. За этим последовала кодификация особенностей Патриаршего богослужения: в 1386 г. протонотарий Великой ц. диакон Димитрий Гемистос составил Архиератикон (Патриарший Чиновник) с описанием литургии, совершавшейся Патриархом в Св. Софии (см. ст. *Архиерейское богослужение*), и порядка совершения хиротоний.

Переход на богослужение, регламентировавшееся Иерусалимским уставом, повлек изменения в практике церковного пения, из-за чего в кон. XIII — нач. XIV в. в Византии появился новый тип богослужебных певч. рукописей, известный под общим названием «последование» (ἀκολουθία), и связанные с этими рукописями поздневизант. тип певч. нотации и новый калофонический стиль.

В XIV в. в Византии завершилось формирование комплекса богослужебных книг, определявшихся Иерусалимским уставом. В состав этого комплекса вошли: Евангелиететр служебное, Апостол служебный, Евхологий, Часослов, Псалтирь служебная, Октоих, Минеи служебные, Триоди Постная и Цветная, Синаксарь (Пролог), а также певч. сборники песнопений (аколуфии — последования).

Полное и систематическое истолкование к-польского богослужения палеологовского периода было составлено в 20-х гг. XV в. архиеп. Симеоном Фессалоникийским. В этом литургическом сочинении, известном под названием «Беседа архиерея с клириком о святых священнодействиях и таинствах церковных», находится подробное комментированное описание богослужения, совершавшегося в соответствии с предписаниями Диатаксиса Патриарха Филофея и Иерусалимского устава, а также нек-рые сведения о «песненном последовании» кафедрального собора в Фессалонике.

Проведенная Патриархом Филофеем кодификация литургических рубрик свидетельствовала о канонизации сформировавшихся к этому времени богослужебных форм и указывала на завершение развития визант. литургической традиции, а быстрое распространение сочинений архиеп. Симеона Фессалоникийского способствовало канонизации нового литургического комментария, ставшего общепринятым. 29 мая 1453 г. К-поль пал, и последний период развития В. б. завершился. Тем не менее визант. литургическая традиция продолжила свое существование и на греч. языке, и в различных переводах на церковнослав., груз., сир., араб., румын. и др. языки, вплоть до наст. времени определяя богослужение Поместных Православных Церквей.

Ист.: *Lodi.* Enchiridion; *Areop.* EH; *Maximus Conf.* Mystagogia; *Goar.* Euchologion; *Christ, Paranikas.* Anthologia; *Дмитриевский.* Описание; *Mateos.* Typicon; *Const. Porphyr.* De cerem.; *Пентковский.* Типикон; *Красносельцев.* Уставы литургии; *Symeon Thessal.* De sacr. predicat.

Лит.: *Мансветов И. Д.* Церк. устав (Типик), его образование и судьба в Греч. и Рус. Церкви. М., 1885; *Дмитриевский А. А.* Древнейшие патриаршие Типиконы: Святогробский иерусалимский и Великой К-польской ц.: Крит.-библиогр. исслед. К., 1907; *Скабалланович.* Типикон; *Голубцов А. П.* Из чтений по церк. археологии и литургике. Серг. П., 1917. СПб., 1995²; *он же.* Из чтений...: Литургика. Серг. П., 1918. М., 1996ᵇ; *Baumstark A.* Denkmäler der Entstehungsgeschichte des byzant. Ritus // Oriens Chr. 1927. Ser. III. Bd. 2. S. 1–32; *idem.* Liturgie comparée: Conférences faites au Prieuré d'Amay. Chevetogne, [1940]; *Hanssens I.-M.* Institutiones liturgicae de ritibus orientalibus. R., 1930–1932. T. 2–3; *Mandala M.* La protesi d. liturgia nel rito bizantino-greco. Grottaferrata, 1935; La prière des églises de rite byzantin / Comp. et ed. F. Mercenier Chevetogne, 1937–1968. T. 1–3; *Wellesz.* Byzantine Music and Hymnography; *Dalmais I.-H.* Die Liturgie der Ostkirchen. Aschaffenburg, 1960; *Papas T.* Studien z. Geschichte d. Messgewänder im byzant. Ritus. Münch., 1965; *Bornert.* Commentaires; *Jacob.* Formulaire; *Mateos.* Célébration; *Μιτσάκης.* Βυζαντινή ὑμνογραφία; *Mathews.* Early Churches of Constantinople; *Bertonière G.* The Hist. Development of the Easter Vigil and Related Services in the Greek Church. R., 1972. (OCA; 193); *Arranz M.* Les grandes étapes de la liturgie Byzantine: Palestine–Byzance–Russie // Liturgie de l'Église particulière et liturgie de l'Église universelle. R., 1976. P. 43–72. (BELS; 7); *Арранц М.* Как молились Богу древние Византийцы: Суточный круг богослужения по др. спискам Визант. Евхология / ЛДА. Л., 1979; *Strunk O.* Essays on Music in the Byzantine World. N. Y., 1977; *Szövérffy.* Hymnography; *Taft R. F.* The Liturgy of the Great Church: An Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclasm // DOP. 1981. Vol. 34–35. P. 45–75; *idem.* Mount Athos: A Late Chapter in the History of the Byzantine Rite // DOP. 1988. Vol. 42. P. 179–194; *Walter Ch.* Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982; *Schulz H.-J.* The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure

and Faith Expression. N. Y., 1986; *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Baltimore, 1986; *Baldovin.* Worship; *Mainstone R. J.* Hagia Sophia: Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church. L., 1988; *Fenwick J. R.* The Anaphoras of St. Basil and St. James: An Investigation into Their Common Origin. R., 1992. (OCA; 240); *Paprocki H.* Le mystère de l'eucharistie: Genèse et interprétation de la liturgie eucharistique byzantine. P., 1993; *Mango C.* Studies on Constantinople. Aldershot (GB), 1993; *Onasch.* Lexicon; *Τρεμπέλας Π. Ν.* Λειτουργικοὶ τύποι Αἰγύπτου καὶ Ἀνατολῆς. Ἀθῆναι, 1993²; *Renoux Ch.* Les Hymnes de la Résurrection: Hymnographie liturgique géorgienne. P., 2000. Vol. 1. (Sources liturgiques; 3); *Τωμαδάκης.* Βυζαντινὴ ὑμνογραφία; *Pott Th.* La réforme liturgique byzantine: Étude du phénomène de l'évolution non-spontanée de la liturgie byzantine. R., 2000. (BEL.S; 104); *Тафт Р. Ф.* Визант. церк. обряд. СПб., 2000 [Библиогр.]; *Пентковский А. М.* К-польский и иерусалимский богослужебные уставы // ЖМП. 2001. № 4. С. 70–78; *он же.* Студийский устав и уставы студийской традиции // Там же. № 5. С. 69–80; *он же.* Чинопоследования хиротоний в визант. Евхологиях VIII–XII вв. // ВВ. 2002. Вып. 61 (86). С. 118–132; *он же.* Антиохийская литург. традиция в IV–V ст. // ЖМП. 2002. № 7. С. 73–87; *он же.* Иерусалимский устав в К-поле в Палеологовский период // ЖМП. 2003. № 5. С. 77–87; *он же.* Ктиторские Типиконы и богослужебные Синаксари Евергетидской группы // БТ. 2003. Сб. 38. С. 321–355; Hanke Gr. Vesper und orthros des Kathedralritus der Hagia Sophia zu Konstantinopel: Diss.: Fr./M., 2002; *Froyshov S. R.* L'Horologe «géorgien» du Sinaiticus Ibericus 34: Diss.: P., 2003.

А. М. Пентковский

ВИЗАНТИНОВЕ́ДЕНИЕ [византинистика], комплексная гуманитарная дисциплина, изучающая историю, язык, религию, право и культуру (лит-ру, философию, искусство и пр.) *Византийской империи* (IV–XV вв.), ее истоки, типологические особенности, связи с др. странами и регионами мира, влияние Византии на развитие др. стран средневековья и Нового времени. В самостоятельные дисциплины выделяются история визант. искусства (см. в ст. *Искусствоведение*) и визант. археология (см. в ст. *Византийская империя*). Как исследовательское направление В. развивалось в тесной связи с др. разделами исторической науки: антиковедением, медиевистикой, неоэллинистикой, *славяноведением,* востоковедением, кавказоведением, археологией, классической филологией, а также с *патрологией, литургикой.* В данном очерке представлена история научного изучения феномена Византии с преимущественным вниманием к церковно-исторической проблематике.

Период накопления материалов и их первоначального освоения (XV–XVI вв.). Начало зарождения интереса к визант. истории и культуре в Европе относится к эпохе Ренессанса, периоду общего подъема науки, возрождения интереса к античности и истории Др. Рима. Одним из первых произведений, где содержалась информация о визант. истории, стал труд итальянца Ф. *Бьондо* «Исторические декады от падения Римской империи» (Venetiis, 1483). Его ученик *Лет Помпоний* создал «Историю цезарей», в к-рой излагалась история III–VII вв. и впервые была высказана мысль, что именно Вост. Римская империя стала единственной наследницей гос. традиции после падения Рима в V в. В 1456 г. Н. Сагундино (Sagundino, 1402–1464?) написал трактат «De origine et rebus gestis Turcarum» (О происхождении и деяниях турок), первую в европ. науке работу по тур. истории, где история поздней Византии была рассмотрена в связи со средиземноморской политикой последних столетий ее существования.

В XV–XVI вв. начинается коллекционирование визант. и ближневост. рукописей. В Ватикане (папская б-ка), Венеции (б-ка Сан-Марко и фонды греч. общины Венеции), Флоренции (коллекция Лоренцо Медичи), Париже (Королевская б-ка), Мадриде (коллекция кор. Филиппа II) складываются крупнейшие собрания греч. рукописей, вокруг к-рых развивается научная деятельность по сохранению и изучению этого наследия. С нач. XVI в. центром собирания древностей становится Базельский ун-т. После падения Византийской империи множество образованных греков оказались в эмиграции в Италии и др. странах Европы, где Виссарион Никейский, Мануил Хрисолор, Георгий Гемист Плифон, Иоанн Ласкарис и др. интеллектуалы занимались преподаванием греч. языка, переписыванием и подготовкой первых изданий греч. рукописей. Они были посредниками в передаче знаний о визант. культуре в среду ренессансных общественно-политических и творческих элит. С распространением книгопечатания в первые десятилетия XVI в. европ. научные центры начинают издание трудов греч. античных и визант. писателей, ученых и богословов.

И. *Вольф,* работавший в Базеле и в Аугсбурге, в 60-х гг. XVI в. издал произведения историков Иоанна Зонары, Никиты Хониата и Никифора Григоры. В комментариях к этому изданию Вольф впервые использовал термин «Византийская империя» вместо обычных в то время обозначений Римская, Греческая или Восточная империя; в силу этого он считается в Германии «отцом византинистики». В 1584 г. тюбингенский эллинист М. *Крузий* издал в Нюрнберге более обширный свод источников под названием «Туркогреция». В это же время начинается систематическое изучение памятников визант. права: Г. Галоандер (Haloander, 1501–1531) публикует Корпус и новеллы имп. Юстиниана I (1529–1531), И. *Леунклавий* издает «Эклогу» (1575), канонические труды Константина Арменопула (1578)

Иероним Вольф. Медаль. XVI в. Худож. В. Малер

и Феодора Вальсамона (1593). С 40-х гг. XVI в. кружок ученых при Королевской типографии в Париже начинает издание корпуса источников по визант. истории. Накопление огромного материала создало предпосылки для перехода к качественно новому этапу развития, к-рый в XVII–XVIII вв. выразился в деятельности ученых-эрудитов.

В эпоху противостояния внутри западноевроп. христианства особую значимость приобрела история Церкви, ставшая важным орудием религиозных полемистов. В связи с общим ростом науки европ. историки Церкви XVI в. сумели создать работы, принципиально отличавшиеся от средневековых трудов по уровню изложения информации, и заполнили существовавший на протяжении веков пробел в историко-церковном жанре. Крупнейшим издательским проектом лютеран в XVI в. стало

издание коллективом ученых во главе с М. *Флацием* Иллириком в Магдебурге 13-томной «Истории Церкви», разделенной на эпохи по столетиям,— отсюда общее название труда *«Магдебургские центурии»* (1554–1574). Издание носило откровенно памфлетный антипапский характер. В нем доказывалось отсутствие прав Римского престола на *примат,* в связи с чем авторы нередко становились на сторону известных визант. полемистов, начиная с К-польского Патриарха свт. Фотия. Ответом католиков стали 12-томные «Церковные анналы» (1588–1607) кард. Ц. *Барония;* несмотря на столь же полемический характер, этот труд стал первой попыткой использования в исследовательских целях значительного числа архивных церковных документов. В результате деятельности католич. и протестант. ученых XVI в. наука об истории Церкви выделяется как особое направление.

Начало научно-критических исследований (XVII–XVIII вв.). Лучшие представители науки этой эпохи, т. н. эрудиты, занимались исследованием конкретных памятников, их внутренней языковой и смысловой критикой. Вскоре сложилось достаточно полное и аутентичное представление о прошлых эпохах истории Европы и Византии. Крупнейшие ученые эрудитского направления — Ш. *Дюканж,* Ж. *Мабильон* и Б. *Монфокон* — заложили основы визант. источниковедения. Все они были представителями франц. школы, сложившейся вокруг *Коллеж де Франс* и Королевской б-ки, к-рая с XVII в. обладала крупнейшим в мире собранием греч. рукописей. После появления «Словаря средневекового греческого языка» Дюканжа (1688) исследователи Византии получили инструмент для адекватного понимания многочисленных терминов и реалий визант. мира. Трактат Монфокона «Греческая палеография» (1708) стал основой для работы с рукописями всех последующих поколений ученых. Труд Мабильона «О дипломатике» (1681) посвящен исследованию гос., церковных, деловых и др. актов; книга посвящена прежде всего европ. средневековью, но значительное место уделено и Византии.

Представителями парижской школы были исследователь и переводчик памятников визант. права Ш. Фабро (1580–1659) и основатель научной хронологии Д. *Петo* (Петавий). При покровительстве Людовика XIV и Ж. Б. Кольбера в Луврской типографии началось издание «Парижского корпуса» источников по истории Византии (Corpus Byzantinae Historiae. P., 1645–1711. 42 vol.). В этой серии трудами ученых-эрудитов во главе с Ф. *Лаббе* были впервые опубликованы хроники Георгия Синкелла (нач. IX в.), прп. Феофана Исповедника (нач. IX в.), Михаила Глики (XII в.) и др. В 1671 г. Лаббе издал 18-томное собрание церковных актов Вселенских и Поместных Соборов. Одновременно началось научное изучение и публикация памятников агиографии. С 1643 г. в Антверпене ученые-иезуиты *болландисты* начали издание собрания житий святых — *«Acta Sanctorum»*.

Кроме франц. школы в XVII–XVIII вв. В. развивалось и в др. центрах. Греч. ученый и издатель, перешедший в католичество, Н. *Алеманнос* обнаружил и подготовил 1-е изд. «Тайной истории» Прокопия Кесарийского (Lugduni, 1623). Др. католик греч. происхождения, Л. *Алляций,* издатель греч. текстов, внес значительный вклад в изучение патристики. Работавший в основном в Венеции А. *Бандури* оставил труды по рим. и визант. нумизматике, топографии К-поля. В Лейдене И. *Меурсий* впервые опубликовал хронику Константина Манасси, письма архиеп. Феофилакта Болгарского, «Тактикон» имп. Льва VI. Появились обобщающие работы по памятникам визант. исторической лит-ры (*Hanke M.* De Byzantinarum rerum scriptoribus graecis liber. Lipsiae, 1677). Проф. ун-та в Галле К. *Келлер* издал общий труд «История средних веков со времен Константина Великого до взятия Константинополя турками» (Cizae, 1688). Автор считал, что принятие христианства в IV в. стало качественным изменением в истории Римской империи. После издания Келлера закрепилась традиция начинать историю Византии со времени признания христианства в Риме. Основателем изучения греко-православной литургики стал доминиканец Ж. *Гоар,* впервые издавший греч. Евхологий. В 1751 г. И. Я. *Рейске* подготовил к публикации в Лейпциге трактат имп. Константина VII Багрянородного «О церемониях византийского двора» (1-я пол. X в.).

В XVIII в. итал. ученые продолжали работу по изучению источников. Под рук. Л. *Муратори* в 1723 г. началось издание свода средневековых хроник по истории Италии (Rerum italicarum scriptores; издание серии продолжается до сих пор), в Венеции был переиздан «Парижский корпус» визант. историков (Byzantinae historiae scriptores. Venetiis, 1722–1733). Во 2-й пол. XVIII в. появился обширный свод И. Д. *Манси* (Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiis; Venetiis, 1759–1798. 31 vol.), остающийся до сегодняшнего дня наиболее полным собранием источников по истории Вселенских и поместных Соборов. Изучению христ. Востока было посвящено творчество доминиканца М. *Лекьена.*

Первые научно-исторические концепции Византии и становление В. (2-я пол. XVIII — XIX вв.). Для эпохи Просвещения в целом было характерно отрицательное отношение к феномену Византии. В ней видели образец совр. европ. абсолютизма, все недостатки европ. жизни XVIII в. экстраполировались на Византию. В эпоху Просвещения были сформулированы исторические концепции, связанные с историей Византии. Во-первых, упадок Римской империи рассматривался как преимущественно внутренний процесс; вторжения варваров сыграли в этом процессе лишь незначительную роль. Во-вторых, были впервые предприняты попытки осмыслить сам феномен Византии. На выводах ярко отразился дух времени: история тысячелетней империи стала символом бесконечной стагнации, медленной деградации, «косности» и исторической бесперспективности.

Ш. Монтескьё (1689–1755) в соч. «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян» (*Montesquieu Ch.* Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Amst., 1734) преимущественное внимание уделял недостаткам Византии, к-рая, с его точки зрения, представляет эпоху «упадка римлян», слабости гос-ва, деструктивной внутренней борьбы церковных и цирковых партий. Причины бедствий — в отсутствии «гражданских добродетелей», влиянии Церкви, в опоре гос-ва на идеологию, а не на «естественное право». Причину «сохранения Византии» автор

видел в благоприятной экономической обстановке, процветании ремесел и торговли. Ж. Кондорсе (1743–1794) в кн. «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (*Condorcet J.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'ésprit humain. P., 1795; рус. пер.: М., 1936), рассуждая о противоположности исторических путей Запада и Востока, Византию относил к Востоку. Разность цивилизаций Востока и Запада, по его мнению, выразилась отчасти в том, что на Западе между светской и церковной властью происходила постоянная борьба, в то время как в Византии сохранялось их единство.

Первым специальным фундаментальным исследованием, посвященным собственно Византии, стала многотомная «История поздней империи» Ш. *Лебо* (1757–1781; в 1781–1811 (тома 22–27) издание продолжил М. Амейон). В этом монументальном труде была впервые сделана попытка представить материалы по экономике империи. Лебо отрицательно относился к визант. политической культуре, негативно оценивал деятельность Церкви.

Несмотря на все различия в общественно-политической и научной жизни Франции и Англии XVIII в., взгляды на историю Византии в этих странах оказались схожими. Англ. ученый Э. *Гиббон* в фундаментальной «Истории упадка и гибели Римской империи» (1776–1788) рассмотрел различные стороны жизни позднерим. и визант. об-ва: политику, право, социальную структуру, религию, экономику, культуру и т. п. Труд представляет собой концептуальное изображение «тысячелетнего упадка», начавшегося, по мнению Гиббона, со II в. в результате «падения нравов», влияния христианства и плохих законов. Влияние взглядов Лебо и Гиббона сказывалось на отношении к Византии в европ. мысли на протяжении долгого времени. В нач. XIX в. их идеи развивал Ж. Руайу (*Royou J. C.* Histoire du Bas-Empire. P., 1803).

В XIX в. видное место в развитии исторической науки приобрела нем. наука, представители к-рой в этот период внесли наибольший вклад в развитие В. как самостоятельного научного направления. Еще в 1754 г. была создана Академия восточных языков в Вене. Интерес к Византии сочетался с интересом к культуре соседей немцев в Вост. Европе — слав. народов, начало изучению к-рых положил И. Г. *Гердер*. А. Л. *Шлёцер* издал труд «Мировая история в ее главных частях» (Gött., 1785–1789), где особый раздел посвящен Византии. Не соглашаясь с Лебо, он видел в истории Византии благотворное сдерживание феодализма сильной гос. властью, первым сформулировал концепцию греч. нации, выразителем духа к-рой в средневековье стала Византийская империя.

Принципиально новый уровень науки в нач. XIX в. наметила критическая школа во главе с Б. Г. *Нибуром* и Ф. Я. Беком (Beck, 1785–1867), к-рые на новых методологических основах начали изучение и сбор источников по истории Римской империи, уделяя первостепенное значение материалам по социальной истории, частноправовым актам, применяя критический филологический анализ к уже известным нарративным источникам. В 1799 г. было начато издание источников в серии *«Monumenta Germaniae Historica»*. На основе опыта работы над ним в Бонне выходит свод источников по истории Византии — *«Corpus scriptorum historiae Byzantinae»* (т. н. Боннский корпус, 1829–1897), издаваемый И. Беккером, Ф. Шопеном, Л. Диндорфом и др. Появляются корпусы греч. и лат. надписей, позволившие впервые приступить к системному изучению эпиграфических материалов рим. и визант. эпох.

Др. важнейшим направлением стала нем. историческая школа права во главе с Ф. К. *Савиньи* и Л. фон *Ранке*. Труды ее представителя К. Э. *Цахарие фон Лингенталя* стали новым этапом в изучении визант. права как продолжения рим. права, более детальной оценки социальных отношений в визант. об-ве, роли Церкви и гос-ва. Им было предпринято издание первого сводного корпуса памятников визант. права (Jus Graeco-Romanum. Lipsiae, 1856–1884. 7 t.).

В исследованиях слав. мира Я. Ф. *Фальмерайер* впервые выдвинул концепцию принципиальной противоположности путей развития романо-герм. и слав. народов Европы; он утверждал, что в VI–VIII вв. Византия полностью славянизировалась и утратила древний грекорим. дух. Тем самым была впервые поставлена проблема преемственности между Римской и Византийской империями. С этого времени одним из ключевых направлений поиска путей к пониманию феномена Византии стало исследование процесса трансформации античной империи в средневековую.

Труды герм. школы привели к постепенному пересмотру первоначальных отрицательных оценок визант. цивилизации. Г. фон Зибель (1817–1895) в «Истории 1-го Крестового похода» (*Sybel H., von.* Geschichte des ersten Kreuzzugs. Düsseldorf, 1841) дал объяснение крестоносному движению, исходя из понимания особенностей религ. мировоззрения средневек. общества. Неким итогом развития В. этого периода стал фундаментальный труд Т. *Моммзена* «Римская история», где особое внимание было уделено истории поздней Римской империи, проявлено гораздо более тонкое, нежели у просветителей, понимание политического строя Римской и Византийской империи как «демократической монархии» — диалектического сочетания гражданских свобод и твердого адм. правления.

На фоне общего развития историографии в XIX в. в Германии появился ряд обобщающих сочинений по истории Церкви. Основателем исследовательской школы по этой тематике считается И. А. В. *Неандер*, к-рый в соч. «Всеобщая история христианской религии и Церкви» (Hamburg, 1825–1829) впервые попытался построить историю Церкви (доведенную до XV в.) на рационалистической критике источников, не в связи с идеологией эпохи Просвещения. Одновременно с Неандером получили известность многочисленные работы основателя новой тюбингенской школы библейской критики Ф. К. *Баура*, а также И. *Гизелера*, К. А. *Газе*, И. Я. Герцога (Herzog, 1805–1882). Во 2-й пол. XIX в. ведущим специалистом церковной истории стал протестант. богослов А. фон *Гарнак*, автор многотомной истории христ. догматов и работ по истории раннего христианства. Исследователи того времени, как правило, отрицательно относились к преобразованиям в Церкви IV в. в связи с обретением ею офиц. статуса в Римской империи, критиковали зависимость Церкви от имп. власти.

Особое направление в развитии науки открыли работы Я. К. *Буркхардта* по истории итал. Ренессанса. Хотя большая часть его книг не

была связана напрямую с тематикой В., в самом исследовательском методе Буркхардта проявилось новое понимание культуры как особой сферы человеческой жизни, не всегда связанной или зависимой от социальных, экономических и проч. условий.

Крупнейший вклад брит. науки в В. XIX в.— книги Дж. *Финлея* по истории Др. Греции и Византии. Во Франции неоценимым собранием источников, в т. ч. по истории Византии, стало издание ученым аббатом Ж. П. *Минем* многотомного «Полного курса патрологии», выходившего параллельно в лат. и греч. сериях (1844–1866). Этот уникальный по охвату авторов компендиум святоотеческих, богословских, исторических и литературных текстов не утратил значения до наших дней. История Церкви и канонического права более всего изучалась ватиканскими учеными А. *Маи*, Ж.-Б. *Питра* и др., в основном в связи с изданием новых собраний средневек. текстов.

В. как сформировавшаяся научная дисциплина (кон. XIX — XX в.). Национальные школы. *Германия.* На протяжении 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX в. лидирующее положение занимало В. стран Германского региона. Историей Византии занимались в Мюнхенском, Гейдельбергском, Лейпцигском, Берлинском ун-тах, в Баварской, Прусской и др. академиях, собиранием и изучением коллекции визант. памятников — в Баварской гос. б-ке и Берлинском музее. На фоне национального объединения Германии и становления конституционной монархии история Византии привлекала как опыт успешного сочетания в империи демократических и монархических начал. С этой т. зр. нем. историки были склонны идеализировать Византию, ее политико-правовую традицию, чему примером может служить обобщающая работа Г. Ф. Герцберга (1826–1907) (*Hertzberg G. F.* Geschichte der Byzantinischen und Osmanischen Reiche. B., 1883; рус. пер.: *Герцберг Г. Ф.* История Византии / Пер., примеч. и прилож. П. В. Безобразова. М., 1896).

Решающую роль в развитии герм. В. сыграли работы проф. Мюнхенского ун-та К. *Крумбахера*. Важной вехой стал выход его труда «История византийской литературы» (Geschichte der byzantinischen Literatur. Münch., 1891. 1897²). Книга впервые представила исчерпывающую на то время информацию по данной теме, визант. лит-ра по стилистическим и формальным критериям была отделена от античной и осмыслена как ключевое явление, определившее феномен визант. культуры. 2-е изд. было дополнено очерком А. *Эрхарда* о памятниках

К. Крумбахер с участниками основанного им семинара. Фотография. 1909 г.

богословской лит-ры Византии. В дальнейшем преимущественный интерес герм. византинистов был сосредоточен в области литературоведения, к-рое стало главным направлением сложившейся в Мюнхене школы Крумбахера. Среди его учеников — А. *Гейзенберг*, Э. Курц (Kurtz, 1846–1925) и др.

К кон. XIX в. международное В. в Германии и России впервые получило собственные организационные формы. В Германии ими стали основанный Крумбахером в Мюнхене специальный научный ж. «Byzantinische Zeitschrift» (с 1892; с приложением «Byzantinisches Archiv») и Ин-т (Семинар) визант. и новогреч. филологии при Мюнхенском ун-те (с 1899).

В 20-х гг. XX в. ведущее положение в герм. В. занял Гейзенберг, стремившийся в своих работах к некоему объединению идей филологической школы Крумбахера и традиц. нем. политико-правовой школы. Его интерес переместился в сторону истории отношений гос-ва и общества. Революционные изменения в жизни Германии заставили историков несколько иначе смотреть и на общественный строй Византии. Э. *Штейн*, исследователь переходной эпохи от античной империи к Византии III–VI вв., выдвинул концепцию «социального мира» как основного источника сохранения и устойчивости Византийской империи. Концепция нашла отклик в среде специалистов и до наст. времени сохраняет свое влияние. Она во многом позволила адекватно оценить социальную мобильность визант. общества, равновесие классов на фоне сравнительно развитой экономики.

Среди сторонников концепции «социального мира» был также нем. византинист сер. XX в. Ф. И. *Дёльгер*, автор многочисленных публикаций по различным проблемам В., изданий источников и исследований по истории Афона, имп. документов. В соавторстве с И. *Караянопулосом* им создана обобщающая работа по визант. дипломатике.

Для нем. В. 2-й пол. XX в. характерно обращение к истории культуры и ментальности византийцев. В рамках этого направления сохраняется интерес к социальной истории, особенностям и развитию гос. и церковных институтов. Среди наиболее значимых работ — труды нем. ученого Х. Г. *Бека*, исследователя визант. лит-ры, общественно-политической и церковной жизни империи. С т. зр. Бека, важнейшими гра-

Семинар византинистов во главе с А. Гейзенбергом. Фотография. 1912 г.

нями Византии как целостного феномена являются наряду с гос-вом, обществом и их взаимо-

отношениями также Церковь, религ. традиция и мышление византийцев. Слияние гос. системы и религ. доктрины описывается автором как «политическая (т. е. государственная) ортодоксия»,— особая система взаимосвязанных политических, общественных, религ., нравственных ценностей, гарантом к-рой является император,— важнейшая отличительная черта визант. цивилизации от западноевроп. мира. Истории Церкви Бек посвятил монографию «История православной Церкви в Византийской империи» (1980).

В 50–70-х гг. XX в. в ФРГ складывается школа Бека: Г. Вайс (Weiss) (лит-ра и Церковь, издание источников, совм. с Караянопулосом справочник по визант. источниковедению: Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz. Wiesbaden, 1982. 2 Bde), Г. Принцинг (Prinzing) (исследования по истории Византии и ее соседей на Балканах эпохи распада империи кон. XII — XIII в., «княжеские зерцала» как тип лит. памятников гос. идеологии), П. Шпек (Speck) (межэтнические и межрелиг. отношения в ранней Византии, история иконоборчества и источниковедение этого периода), П. Шрайнер (Schreiner) (история и культура средней и поздней Византии IX–XV вв., взаимоотношения империи и Запада).

Одновременно формировалась школа В. в ГДР, представителями к-рой являются Й. Ирмшер (Irmscher), Ф. Винкельман (Winkelmann), Х. Кёпштайн (Köpstein), И. Рохов (Rochow), К. П. Мачке (Matschke).

На 70-е гг. приходится возрождение нем. школы в изучении визант. права, как светского, так и церковного. С 1976 г. под ред. Д. Зимона (Simon) публикуется серия «Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte» и в ее рамках — периодическое издание «Fontes Minores», редакцию к-рого с 1993 г. возглавляет Л. Бургманн (Burgmann).

Традиционно большой интерес германоязычной науки к истории гос. идеологии и Церкви проявился в работах последних десятилетий: Ф. Тиннефельда (Tinnefeld) (ранневизант. общественные отношения, русско-визант. связи, издание писем Димитрия Кидониса), Г. *Подскальски* (визант. эсхатология, греч. богословие в эпоху тур. владычества, русско-визант. связи), В. Зайбта (Seibt) (сигиллография) и др. В научной традиции последних десятилетий изучение формальных гос. ин-тов сменяется интересом к общественным структурам, идеологии и пропаганде, отношению современников к жизни гос-ва.

В Свободном ун-те Берлина действует один из центров нем. В. — Семинар по визант. и новогреч. филологии под рук. Д. Р. Райнша (Reinsch). В Боннском ун-те австр. византинист Э. Трапп организовал проект по изданию словаря греч. языка визант. эпохи (Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jh. W., 1994–). После объединения Германии при Берлино-Бранденбургской АН подготовлен просопографический словарь средневизант. периода (Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. 1. Abt. (641–867). B., 1998–2001. 6 Bde).

Австрия. Большое значение для В. имели работы ученых из Австро-Венгрии, в т. ч. Ф. К. фон *Миклошича* (собрание визант. источников, в т. ч. документов К-польского Патриархата) и чешских славистов (см. ниже). Во 2-й пол. XX в. происходит активизация В. в Австрии. Действует Комиссия по византинистике при Австрийской АН. Австрийское византиноведческое об-во в Вене издает ж. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik» (с 1951; до 1972 — «Jahrbücher der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft») и серию «Wiener Byzantinische Studien». Комиссия АН по церковному искусству и Ин-т византинистики и неогрецистики при Венском ун-те публикуют серию «Byzantina Vindobonensia». Многолетним главой австр. В. был Х. *Хунгер*. Важнейшие коллективные проекты, созданные под его рук.— «Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit» (1976–1996), «Repertorium der griechischen Kopisten» (в сотрудничестве с Э. Гамильшегом и Д. Харльфингером), «Tabula Imperii Byzantini» (1976–; издание продолжается под редакцией Й. *Кодера*). Среди крупных австр. специалистов В. Хёранднер (поэтика средне- и поздневизант. периода), Г. Рёш (имп. титулатура, венецианская политика на Востоке).

Франция. Во франц. В. развивалась историко-правовая школа, сохранялся интерес к политической истории, искусствоведению и археологии. Основателем совр. школы В. во Франции считается А. *Рамбо* — исследователь политической истории. Наиболее влиятельный византинист этого времени — Ш. М. *Диль*, ученик археолога Э. Лависса, оставивший после себя множество работ по самым разным проблемам изучения Византии и создавший основу дальнейшего развития В. во Франции. В центре внимания Диля — гос-во как совокупность конкретных политических обстоятельств и арена действия исторических личностей, отдельные регионы империи (Равенна, Сев. Африка). Монография об эпохе Юстиниана (*Diehl F.* Justinien et la civilisation byzantine au VIe siècle. P., 1901; рус. пер.: СПб., 1906) остается единственным систематическим исследованием данной темы. В своей последней работе «Основные проблемы истории Византии» (Les grands problèmes de l'histoire byzantine. P., 1943; рус. пер.: М., 1948) Диль обобщил опыт В. и сформулировал задачи науки: изучение визант. гос-ва, его прочной и долговечной адм. системы, социально-экономических отношений.

В 1899 г. в Сорбонне по инициативе Диля была организована кафедра В., к-рая стала главным центром формирования франц. школы византинистов; с 1897 г. начал выходить ж. «Échos d'Orient», посвященный проблемам изучения христ. культур Ближ. Востока. В кон. 20–30-х гг. был создан ин-т славяноведения при Сорбонне, а также археологические ин-ты в Бейруте и Дамаске.

Среди учеников Диля — такие крупные ученые кон. XIX — 1-й пол. XX в., как Л. *Брейе*, Ф. Шаландон (*Chalandon F.* Les Comnène. P., 1900–1912. 2 t.), Ж. Эберсольт (*Ebersolt J.* Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant. P., 1918; *idem.* Monuments d'architecture byzantine. P., 1934). Публикация Ж. Руйаром и П. Голломом актов Великой Лавры (*Rouillard G., Gollomp P.* Actes de Lavra. P., 1937) открыло парижскую серию изданий актов афонских мон-рей (Archives d'Athos; пришла на смену начатому по инициативе еп. Порфирия (Успенского) и прекращенному в 1915 рус. изданию афонских актов). Г. *Шлюмберже* начал систематическое изучение визант. печатей. Важным направлением оставалась история визант. права (Les Novelles de Leon le Sage / Introd., èd. par

H. *Monnier*. Bordeaux, 1923; *Collinet P.* Études historiques sur le droit de Justinien. P., 1912–1952. 5 t.).

Труд В. *Грюмеля* «Регесты актов Константинопольского Патриархата» (Constantinople, 1932–1937. 3 vol.) — собрание всех известий о документах, издававшихся ведомством Великой Церкви с сер. V до сер. XV в., продолженное и обновленное Ж. *Даррузесом,*— стал незаменимой источниковедческой основой для дальнейших исследований по церковной истории Византии.

Во 2-й пол. XX в. во франц. науке возобладали методологические установки, развивавшиеся с нач. 30-х гг. вокруг ж. «Анналы». Несмотря на известную традиционность методологии, обусловленную как недостатком и сложностью источниковедческой базы В., так и его отставанием по сравнению с зап. медиевистикой, все большее внимание получает история социального быта, повседневной жизни столичного и провинциального населения, описание ментальности и внутренней картины мира византийцев.

После второй мировой войны организационное становление франц. В. завершилось возрождением ж. «Échos d'Orient», с 1946 г. выходившего под названием «Revue des études Byzantines». При Центре исследований византийской истории и цивилизации (Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance) началось издание сб. «Travaux et Mémoires» (с 1965), в к-ром регулярно публиковались историографические обзоры международного (в т. ч. советского) В. Публикация источников осуществлялась в сериях «Le monde Byzantin», «Bibliothèque byzantine», «Sources chrétiennes» (патристика, богословие), «Archives d'Athos».

Ведущим специалистом в области аграрных отношений, этнической истории, взаимоотношений Византии и Запада был П. *Лемерль*. Истории гос. институтов посвящены работы Э. Арвейлер (*Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI s. P., 1960; *eadem.* Byzance et la mer. P., 1966; *eadem.* Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. L., 1971).

Р. *Жанен* на основе собранных им материалов и сведений о памятниках визант. культуры издал труды по топографии К-поля и крупнейших церковных центров Византии. Даррузес занимался исследованием и публикацией документов имп. и патриарших канцелярий, нотиций епископских кафедр К-польского Патриархата, канонических и др. сочинений церковных авторов, преимущественно XI–XV вв. Крупнейшие исследователи Церкви — Г. *Барди,* Р. *Гийан,* П. *Готье,* И. *Делеэ,* В. *Лоран,* Ж. *Лоран,* А. Гийомон (Guillaumont) (егип. монашество), Б. Флюзен (Flusin) (палестинское монашество).

Значит. вклад в исследование греч. рукописей внес М. *Ришар*. В др. областях В. работают: М. Балар (Balard; генуэзская политика в Романии и Причерноморье), А. *Гийу* (визант.-итал. связи), Э. Маламю (Malamut) (региональная история), С. Моррисон (Morrisson) (нумизматика, экономическая история), Ф. Тирье (Thiriet) (венецианская политика в Вост. Средиземноморье, Венецианская Романия, издание актов из венецианского архива), Ж.К. Шене (Cheynet) (сфрагистика, визант. аристократия VIII–XIII вв.), Ж. Гаску (Gascou) (папирология и визант. Египет). В последние десятилетия ведущую роль во франц. В. играет Ж. *Дагрон* — автор исследований о традициях рим. эллинизма в ранней Византии, о визант. об-ве и его религ. сознании, истории К-поля.

Началось издание обобщающей работы по истории и культуре Византии (Le monde byzantin / Sous la dir. C. Morrisson. P., 2004. T. 1: L'Empire romain d'Orient, 330–641).

Бельгия. Бельг. школа В. изначально была тесно связана с Францией и сыграла в развитии науки большую роль. С 1882 г. было возрождено об-во болландистов и было организовано Бельгийское об-во византиноведческих исследований, к-рое с 1924 г. стало издавать ж. «Byzantion» — новый международный (преимущественно франкоязычный) специализированный орган В. Крупнейшим представителем бельг. школы стал А. *Грегуар,* издавший свод христ. надписей из М. Азии, занимавшийся историей павликиан, визант. народной лит-рой (эпос о Дигенисе Акрите) и мн. др. темами.

Великобритания. В кон. XIX — нач. XX в. брит. В. развивалось в основном как один из разделов антиковедения и находилось в стадии становления. Статьи по Византии печатались в изданиях «Journal of Hellenic Studies» (с 1880), «Journal of Roman Studies» (с 1911) и др. Изучение культуры поздней античности сформировало концептуальные основы брит. В.

Дж. Б. Бьюри (Bury, 1861–1927), основатель англ. школы В., в своих обобщающих работах стремился показать историю Византии как продолжение Римской империи, основы к-рой, с его т. зр., просуществовали до 1453 г. Бьюри впервые ввел понятие визант. «конституции» — особой системы политических и правовых отношений, к-рая содержала множество «демократических» элементов и служила реальным ограничением власти императора.

Характерной чертой брит. (и позднее амер.) В. стало регулярное появление крупных обобщающих, как правило коллективных, трудов. Среди них — многотомная Кембриджская история средневековья, значительная часть к-рой посвящена истории Византии (The Cambridge Medieval History; 1-е изд. вышло в 1911–1936 под ред. Дж. Бьюри; во 2-м изд. Византии посвящен т. 4, в 2 ч.: The Byzantine Empire / Ed. J. M. Hussey. Camb., 1966–1967. 2 vol.).

После первой мировой войны возрос интерес к Вост. Европе. В 1915 г. был организован Ин-т славяноведения и изучения Вост. Европы, к-рый стал издавать ж. «Slavonic and East European Review» (с 1922). Развивались изучение и публикация коллекций Британского музея: British Museum: a Guide to the Early Christian and Byzantine Antiquities. L., 1921; *Goodacre H. A.* Handbook of the Coinage of the Byzantine Empire. L., 1928–1933. 3 vol.

Среди учеников Бьюри первенствующее положение занял Н. Х. Бейнз (Baynes, 1877–1961), к-рый рассматривал проблему перехода от античности к Византии через призму христианизации позднерим. общества (Constantine the Great and the Christian Church. L., 1929, 1972[2]; The Hellenistic Civilisation and East Rome. L., 1946 и др.). Истории вост. христианства и Византии посвящены работы Б. Кидда (*Kidd B. J.* The Churches of Eastern Christendom. L., 1927), Дж. М. Хасси (*Hussey J. M.* Church and Learning in the Byzantine Empire: 867–1185. L., 1937; *eadem.* Ascetics and Humanists in 11th-Cent. Byzantium. L., 1960) и др.

Интерес к Византии как к феномену неизменно приводил исследователей к поиску некоего «классического» образа этой цивилизации, к-рый видели в эпохе Македонской династии IX–XI вв. Мн. специальные работы англ. (как и франц.) специалистов были посвящены проблемам истории именно этого периода. Среди них важное место заняли книги С. *Рансимена* (правление Романа Лакапина, взаимоотношения Византии и Запада в эпоху Крестовых походов, история Зап. и Вост. Церквей), а также А. *Тойнби* (*Toynbee A.* Constantine Porphyrogennitos and His World. L. etc., 1973).

В послевоенные десятилетия опыт изучения позднерим. истории в связи с историей Византии был обобщен в работе А. Джонса (*Jones A.* The Later Roman Empire 284–602. Oxf., 1964. 3 vol.). Крупным событием в международном В. стал выход книги Д. Д. *Оболенского* «Византийское содружество наций» (*Obolensky D.* Byzantine Commonwealth. L., 1971; рус. пер.: Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998), в к-рой сделана попытка концептуально осмыслить историю взаимоотношений империи с ее слав. соседями, а также и всю историю восточноевроп. средневековья.

Д. Д. Оболенский и С. П. Карпов. Фотография. 1994 г.

Развитие брит. В. последних десятилетий определяется работами по обширному кругу проблем истории Византии: С. *Манго* (археология, история литературы, культуры и искусства), Р. *Дженкинз* (история VII–XI вв., историческая литература), Р. Браунинг (Browning) (средневек. греч. язык, лит-ра, светское и духовное образование, публикации источников X–XIII вв.), Д. Никол (Nicol) (история отношений Византии и Запада, Церковь и общество в поздней Византии), П. *Александер* (история иконоборчества, визант. эсхатология), А. Брайер (Bryer) (Трапезундская империя, этническая история Анатолии, проблемы упадка Византии), М. *Энголд* (гос-во и общество XI–XIII вв.), Дж. Хэлдон (Haldon; история администрации и военного дела в ранней Византии, проблема трансформации империи в VII в.; кн. «Byzantium in the 7th Century.» Camb., 1990), М. Хенди (Hendy) (нумизматика, экономическая история империи), М. Мак-Кормик (McCormick) (имп. церемониал, взаимоотношения империи и раннесредневек. варварского мира), У. *Тредголд* (гос-во и общество, проблемы истории VII–IX вв.), П. *Магдалино* (эпоха Комнинов, политические, социальные, культурные проблемы).

США. В послевоенные десятилетия происходит постепенный рост амер. В., к-рое к нач. XXI в. выходит на ведущие позиции в мире. Долгое время в амер. науке доминирующее положение занимали ученые-иммигранты — выходцы из различных европ. и ближневост. стран, прежде всего рус. византинист А. А. *Васильев*, работавший в США в 20–40-х гг. и ставший фактически основателем школы В. в этой стране; греч. историки П. *Харанис* (взаимоотношения гос-ва и Церкви), Сп. Врионис (Vryonis) (тюркизация М. Азии в XI–XV вв., греко-визант. наследие в Турции и на Балканах), Н. *Икономидис* (адм. система средневизант. периода, сигиллография); И. И. *Шевченко* (общество и интеллектуальная культура эпохи Палеологов), А. П. *Каждан*. Традиц. области интересов амер. специалистов — археология и история искусства. В 80–90-х гг. одно из ведущих мест в совр. амер. В. занимает А. Лаиу (Laïou), исследовательница экономической истории империи, взаимоотношений с Западом в эпоху Палеологов.

Участники византийской конференции в Дамбартон-Окс. Фотография. 1993 г.

Первым амер. византиноведческим ежегодником стал «Dumbarton Oaks Papers», издающийся (с 1940) научным центром в *Дамбартон-Окс* при Гарвардском ун-те. Первоначально издание предполагалось как в основном искусствоведческое, однако разнородный характер специалистов, работавших уже в то время в США, придал ему гораздо более общий характер, постепенно сделав его одним из ведущих мировых изданий по В. Наряду с ежегодником этим же центром публикуется серия монографий «Dumbarton Oaks Studies» (с 1950). Дьюкский ун-т (Дарем, Сев. Каролина) издает ж. «Greek, Roman and Byzantine Studies» (с 1974). Значительное внимание В. уделяется в общемедиевистском издании «Speculum» (с 1926).

Италия. Историческая наука в этой стране долгое время не уделяла значительного внимания Византии. Работы по средневек. Италии, по истории левантийской торговли итал. республик, по истории взаимоотношений Рима и Восточных Церквей были значительным вкладом в В. (*Gaudenzi P.* Sui rapporti fra l'Italia et l'Impero d'Oriente fra gli anni 476 e 554 d. C. Bologna, 1888; *Besta E.* La cattura dei veneziani in Oriente. Feltre, 1900). В исследованиях итал. ученых традиционно преобладает источниковедческий подход — публикация и критика источников богатейших архивов и коллекций рукописей Ватикана, Венеции, Генуи, Флоренции и др. центров, многие из к-рых содержат материал по истории Византии, Восточных Церквей, а также отражают реалии различных периодов визант. правления в Италии. Среди крупнейших изданий и каталогов рукописей и архивных материалов — Documenti longobardi e greci per la storia dell'Italia meridionale nel Medio Evo. R., 1877; Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. G. M. Thomas, R. Predelli. Venetiis, 1880–1899.

2 vol.; Codices Vaticani Graeci. Vat., 1923–.; *Canart P., Peri V.* Sussidi bibliografici per i monoscritti greci della Biblioteca Vaticana. Vat., 1970–. (периодическое библиографическое издание, продолжающееся др. авторами). В. *Пери* также является автором публикаций по патристике, истории церковных взаимоотношений Рима и К-поля, истории Соборов IX в.

Традиционно наиболее значительными научными центрами являются многочисленные научные учреждения Ватикана, объединяющие католич. ученых из мн. стран мира. Среди работавших в Ватикане византинистов — Й. Хергенрётер, Дж. *Меркати,* Р. *Девреес* (палеография, патрология), П. Канар и др.

Центром по изучению рим., в т. ч. визант., наследия стал действующий в Риме с 1980 г. международный семинар исторических исследований «От Рима к 3-му Риму» под рук. П. *Каталано.* Исследования публикуются в многочисленных журналах и сериях, среди к-рых важнейшие: «Roma e l'Oriente» (1910–1921), «Orientalia Christiana Analecta» и «Orientalia Christiana Periodica» (в 1923–1934 — «Orientalia Christiana»). С 1924 г. издается специальный ж. по В. и неоэллинистике «Studi bizantini e neoellenici», созданный по инициативе исследователя визант. палеографии и лит-ры С. Дж. *Меркати.* В 50-х гг. при Римском ун-те образован Институт византийских и новогреческих исследований. Среди итал. ученых 2-й пол. XX в.— Э. *Фольери* (палеография, агиография), Ф. Коньяссо (*Cognasso F.* Relazioni religiose o politiche fra Roma e Bizanzio. Torino, 1947), Г. *Галасси,* А. *Пертузи* (итало-визант. отношения, история поздней империи, издания источников).

Греция. Византия всегда занимала огромное место в культуре и самосознании греч. народа, и поэтому естественно, что с начала своего появления научная школа в этой стране обратилась к изучению и оценке визант. наследия. При этом, как правило, преобладали полярные т. зр.: либо полное отрицание визант. эпохи как позднерим. «упадка» идеалов античности, либо восхваление Византии и ее церковной культуры. Основателями В. в Греции считаются С. *Ламброс,* создавший 6-томную «Историю Эллады с древнейших времен до падения Константинополя» (1886–1908) и К. *Сафас* — издатель свода визант. памятников (Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη. Ἀθῆναι, 1872–1894. 7 τ.).

В 1-й пол. XX в. сформировались новые исследовательские центры и печатные издания. В 1914 г. в Афинах был открыт Византийский музей. Появляется ж. «Νέος ἑλληνομνήμων» (1904–1919), основанный и издававшийся Ламбросом. Издание ж. «Βυζαντίς», в основании к-рого принял участие византинист и историк Церкви Н. *Веис,* прекратилось после выхода 2 томов (1909, 1911). С 1924 г. выходит ж. Общества византийских исследований «Ἐπετηρίς τῆς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν». В 1929 г. в Афинах было продолжено издание ж. «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher» (изд. с 1920 в Берлине; возобновлен в Фессалонике с 1962). В 1926 г. наряду с Афинским ун-том центром греч. В. становится Афинская академия.

Изучением экономики и общества Византийской империи занимались А. Андреадис (Ἀνδρεάδης, 1876–1935) и К. Амандос (Ἄμαντος, 1874–1960). Большой вклад в изучение средневек. греч. языка внес Г. Хадзидакис (Χατζηδάκις), составивший «Сводную историю греческого языка» (1915). Крупным вкладом в В. явилась работа греч. ученых над изданием памятников визант. права, начавшаяся под влиянием герм. историко-правовой школы. Среди главных изданий — собрание юридических текстов, публиковавшееся юристами Г. *Раллисом* и М. *Потлисом* (см. ст. *Афинская синтагма*), свод памятников визант. права в 6 томах И. и П. *Зипосов* (1931–1936). Фундаментальный многотомный свод сведений по культуре и быту Византийской империи был издан в 50-х гг. Ф. *Кукулесом.* Работа по изучению греч. языка визант. периода, начатая Е. Софоклисом (*Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Boston, 1870), была продолжена (с кон. 60-х) Э. Криарасом (*Κριαράς Ε.* Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς Ἑλληνικῆς δημώδους γραμματείας, 1100–1669. Θεσσαλονίκη, 1968–.).

Во 2-й пол. XX в. появился новый центр В. в Фессалоникийском ун-те, где издается ж. «Βυζαντινά» (с 1969). В 1968 г. в мон-ре *Влатадон* создан Патриарший центр патристических исследований. В различных областях В. исследования ведут: Я. Кордатос (Κορδάτος) (социальная история), А. Вакалопулос (Βακαλόπουλος) (история Фессалоники; позднеантичный эллинизм), Д. Закитинос (Ζακυθινός) (славянская колонизация), А. Стратос (Στράτος) (Византия в VII в.), А. Карпозилос (Καρπόζηλος) (историческая лит-ра), Л. Политис (Πολίτης) (рукописное наследие, просопография) и др. ученые. Изучением визант. права (светского и церковного) занимается С. *Троянос* (Τροϊάνος) и его ученики К. Пицакис (Πιτσάκης), Э. Папаяни (Παπαγιάννη), Я. Конидарис (Κονιδάρης).

Другие страны. В Болгарии Византией, в особенности историей византийско-болг. отношений, занимались уже с начала становления национальной научной традиции. Первые значительные работы на эту тему изданы М. *Дриновым* в 70-х гг. XIX в. В 1892 г. открыт Национальный археологический музей. На становление болг. школы большое влияние оказало рус. В. рубежа XIX–XX вв. Здесь регулярно проводились экспедиции РАИК; учеником В. Г. Васильевского был крупнейший болг. византинист В. *Златарский,* автор большого обобщающего труда по истории средневек. Болгарии (София, 1918–1940. 3 т.). В 1950 г. создан Институт болгарской истории при АН. Большой вклад в изучение истории Византии и средневековой Болгарии внесли труды П. *Мутафчиева,* Д. *Ангелова* (аграрная история, богомильство, становление болг. народности), И. *Дуйчева,* В. Бешевлиева (эпиграфика), В. Велкова (археология), Г. Цанковой-Петковой, В. Тыпковой-Заимовой, К. Мечева (кирилло-мефодиевское наследие), И. Божилова, В. Гюзелева и др. При Софийском ун-те действует Научный центр им. И. Дуйчева (под рук. А. Джуровой).

В Венгрии занятия В. сосредоточены на отд-нии классической филологии Венгерской АН, в Институте греческой филологии Будапештского ун-та (с 1939). Основателем традиции считается Р. Вари, исследователь визант. воен. трактатов; Д. *Моравчик,* автор корпуса визант. источников по истории Венгрии (1934) и свода реликтов тюрк. языков в визант. лит-ре (Byzantinoturcica. Bdpst, 1942–1943; B., 1958². 2 Bde). Среди исследователей 2-й пол. XX в.— Ш. Садецки-Кардош (Szádeczky-Kardoss) (собрание визант.

источников по истории авар), Т. Олайош (Olajos) (визант. историки).

В Нидерландах во 2-й пол. XX в. В. формируется вокруг Лейденского и Гронингенского ун-тов. Публикуется международное периодическое издание «Byzantinische Forschungen» (с 1968). Большое значение имеет голл. историческая школа истории права, основанная Х. Й. Селтемой (Scheltema) и продолжающая работу во главе с его учеником Б. Х. Столте (Stolte).

Польское В. в довоенный период представлено исследователями визант. лит-ры Л. Стернбахом (Sternbach, 1864–1940), Я. Сайдаком (Sajdak, 1882–1967) и др. В послевоенный период сложились 3 центра В.: в ун-тах Варшавы (папирология, филология, славистика — Р. Таубеншлаг, К. Куманецкий, В. Церан), Познани (источники по истории славян — Г. Лабуда) и Лодзи (отд-ние истории Византии — Х. Эверт-Каппесова). Позднее к ним добавился центр в Кракове (М. Саломон). Церковной историей и монашеством визант. Египта занимается Э. Випшицкая, под рук. к-рой издается ж. «Journal of Juristic Papyrology» (осн. Таубеншлагом).

Румын. историография традиционно поддерживает тесные связи с франц. и нем. школами. С 1881 г. в Бухарестском ун-те существует кафедра греко-рим. древностей, с 1891 г.— кафедра славистики. Основателем В. в Румынии считается Н. *Йорга,* занимавшийся румыно-тур. отношениями, культурным наследием Византии на румын. почве. Работа Йорги «Византия после Византии» (1935) открыла новое направление в В.— изучение визант. наследия. В 1913 г. под рук-вом Йорги был организован Ин-т юго-восточноевропейских исследований, издающий ж. «Revue des études sud-est européennes» (1924–1946, 1963–). С 1936 г. действует Ин-т всемирной истории. Статус румын. В., представленного помимо Йорги такими крупными учеными как Н. Бэнеску (Bănescu) и В. Греку (Grecu), был подтвержден проведением в Бухаресте 1-го Международного конгресса византинистов (1924). Этот форум завершил собой период повсеместного становления В. как специальной дисциплины. Среди др. румын. византинистов — Г. Брэтяну (Brătianu), Э. Франчес (Francès), Э. Стэнеску (Stănescu), А. Элиан (Elian) и др.

Серб. школа В. сформировалась в нач. XX в. на основе Королевской Сербской академии (с 1886). Первым крупным исследователем стал С. *Новакович,* автор исследований по истории сербо-визант. и сербо-тур. отношений. Влияние рус. В. в Сербии проявилось с 20-х гг. XX в., когда в Белграде начал деятельность

Г. А. Острогорский. Фотография. 1962 г.

эмигрировавший из СССР Г. А. *Острогорский.* Он стал главой серб. византиноведения и возглавил Ин-т им. Н. П. Кондакова (переехавший из Праги в 1937). В 1948 г. при Сербской АН был организован Византиноведческий ин-т, начавший издание ж. «Зборник радова византолошког института» (с 1952). Большинство серб. ученых 2-й пол. XX в.— ученики Острогорского: Н. Радойчич, В. А. *Мошин,* Б. Ферьянич, Л. Максимович, Ф. Баришич.

Чеш. историки по традиции уделяли основное внимание древнейшей истории славян, их связей с др. народами. В работах Й. *Добровского,* П. Й. *Шафарика* и крупнейшего исследователя истории балканских народов К. Й. *Иречека* было показано влияние Византии на развитие средневек. слав. культуры. К нач. XX в. опыт изучения данной темы был обобщен в «Славянских древностях» Л. *Нидерле.* Развитие чеш. национальной школы В. началось после обретения независимости Чехословакией (1918). Ее основателем считается ученик В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского Я. Бидло (Bidlo, 1868–1937). Организационными центрами В. стали Чешская академия наук, словесности и искусств (с 1952 — Чехословацкая АН) и Ин-т славяноведения (с 1924) при Карловом ун-те в Праге. Большую роль в развитии визант. археологии и истории искусств сыграла деятельность Н. П. *Кондакова,* эмигрировавшего из СССР в Прагу. Семинар (затем Ин-т) им. Кондакова издавал сб. «Seminarium Kondakovianum» по проблемам визант. искусствоведения и истории (с 1926; после оккупации Праги ин-т и издание переведены в Белград, где действовали до 1941). Для истории Церкви первостепенное значение имеют монографии крупнейшего чеш. византиниста XX в. Ф. *Дворника* (эмигрировавшего в 1938 во Францию, затем в Англию и США). После второй мировой войны издающийся в Праге ж. «Byzantinoslavica» превратился в международный научный орган, наиболее полно отражавший развитие В. в соц. странах; большой вклад в работу над изданием внесли Б. Гавранек (Havránek), А. Достал (Dostál), В. Хрохова (Hrochová), В. Варжинек (Vavřínek) (аннотированная библиография).

Швед. школа В., сосредоточенная при Уппсальском ун-те (фак-т лингвистики и филологии), главное внимание уделяет изучению визант. лит-ры (прежде всего агиографии) и греч. филологии. Главные представители — Л. Рюден (Rydén), Я. У. Русенквист (Rosenqvist). Издаются ж. «Eranos: Acta philologica Suecana», серия «Studia Byzantina Upsaliensis» (с 1986).

В последние десятилетия география международного В. существенно расширилась: сформировались византиноведческие центры в Дании (Центр византийских исследований при Ин-те истории Копенгагенского ун-та), Японии (К. Ватанабе), Австралии (серия «Byzantina Australiensia»), на Кипре (исследовательский центр Киккского мон-ря, Никосийский ун-т) и в др. странах.

Международные конгрессы византинистов: 1-й — Бухарест, 1924 (64 уч., 11 стран); 2-й — Белград, 1927; 3-й — Афины, 1930; 4-й — София, 1934; 5-й — Рим, 1936; (6-й — Алжир, 1939, не состоялся); 6-й — Париж, 1948; 7-й — Брюссель, 1948; 8-й — Палермо, 1951; 9-й — Фессалоника, 1953; 10-й — Стамбул, 1955 (впервые представлена делегация из СССР, нет участников из Греции); 11-й — Мюнхен, 1958; 12-й — Охрид, 1961; 13-й — Оксфорд, 1966; 14-й — Бухарест, 1971; 15-й — Афины, 1976; 16-й — Вена, 1981; 17-й — Вашингтон, 1986; 18-й — Москва, 1991; 19-й —

Копенгаген, 1996; 20-й — Париж, 2001; 21-й — Лондон, 2006.

В. в России. Интерес к Византии на Руси проявился уже в период средневековья. В рус. исторических произведениях, включавших материал переводных визант. хроник (*«Повести временных лет»*, летописных сводах XV–XVI вв. и др.), Византийской империи отводилось важное место. Основы для научного изучения Византии в России были заложены в XVII в. созданием собрания греч. рукописей в Москве (миссия *Арсения (Суханова)* на Афон) и основанием *Славяно-греколатинской академии* при участии греч. ученых братьев *И.* и *С. Лихудов*. В кон. XVII — нач. XVIII в. появляется ряд историографических работ, по-разному освещавших историю Византии, ее связи и влияние на Русь. Среди них — «Синопсис», приписываемый архим. *Иннокентию (Гизелю)* (1674), «Скифская история» А. И. Лызлова (1692), «Ядро российской истории» А. И. Манкиева (1715). Первые опыты научного исследования Византии появились после создания С.-Петербургской АН (1724). В XVIII в. Византия изучалась в основном в связи с историей древних славян и Руси. Визант. источники использовались Г. З. Байером (1694–1738) в работах «О происхождении Руси» (Origines Russicae. Petropoli, 1741), «О первом походе руссов против Константинополя» (De Russorum prima expeditione Constantinopolitana. Petropoli, 1738), «География России и соседних регионов ок. 948 г. по Р. Х.» (Geographia Russiae vicinarumque regionum circiter a. C. 948. Petropoli, 1744). Визант. материалы привлекали в своих работах В. Н. *Татищев*, М. В. *Ломоносов*, Г. Ф. *Миллер*, А. Л. *Шлёцер*. В 70-х гг. XVIII в. Шлёцер и И. Г. *Штриттер* издали корпус сведений о народах Дуная и Понта Эвксинского у визант. историков.

В нач. XIX в. в России появляются первые популярные изложения визант. истории, созданные под влиянием трудов европ. ученых, прежде всего Лебо и Гиббона (*Наумов П.* Рассуждение, каким образом Константинопольская империя... могла держаться более тысячи лет... М., 1818; *Ертов И. Д.* История Восточно-Римской, или Константинопольской империи. СПб., 1837. 3 ч.). Начинается изучение визант. текстов и их слав. переводов (П. М. Строев, Ф. И. *Круг*, А. Меньшиков). В 30–60-х гг. большой вклад в изучение визант. историков внес С. Ю. Дестунис, выполнивший ряд переводов их трудов на рус. язык в серии «Византийские историки, переведенные с греч. яз. при СПбДА» (СПб., 1858–1863).

Феномен Византии становится одной из главных тем в полемике славянофилов и западников, а затем в революционно-демократических и национально ориентированных направлениях общественной мысли 2-й пол. XIX в. Т. Н. Грановский (1813–1855) в своих лекциях заложил традицию изучения истории Византии в контексте истории европ. средневековья. Критически оценивая теорию тысячелетнего упадка Византии, он отмечал прогрессивность христианства, вслед за Я. Фальмерайером подчеркивал огромную роль слав. элемента в истории Византии.

Первыми специальными работами, посвященными отдельным проблемам В., были труды М. М. Стасюлевича «Осада и взятие Визáнтия турками» (СПб., 1854), А. А. *Куника* «Образование Трапезундской империи» (СПб., 1854), А. П. Зернина «Император Василий Македонянин» (Современник. 1854. Т. 47; отд. отт.: 1854), «Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия» (ЧОИДР. 1858. Кн. 3. С. 1–94; отд. отт.: 1858), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (Х., 1858. Вып. 1). Важным направлением становится изучение рим. и канонического права, сохранившегося в визант. памятниках (*Энгельман А.* Об ученой обработке греко-римского права с обозрением новейшей его лит-ры: Опыт введения в изучение визант. юрид. истории. СПб., 1857). Огромную роль в изучении культуры греч. Востока сыграл еп. *Порфирий (Успенский)*, открывший ряд важных лит. памятников, одним из первых в мире начавший изучение наследия *Афона*.

Основатель совр. рус. научной школы В. акад. В. Г. *Васильевский* первым из рус. ученых обратился к Византии как к основной сфере своих научных интересов. Его труды на много десятилетий определили многие основные направления дальнейшего развития рус. В.: главными темами работ ученых в России стали аграрная история Византии и история русско-визант. отношений, преимущественно эпохи Др. Руси.

Др. видный представитель рус. В., акад. Ф. И. *Успенский*, занимался изучением византийско-слав. отношений в контексте общей истории Балкан и Вост. Европы. Ученый внес огромный вклад в изучение внутренней истории империи, начал систематическое исследование актового материала. В области истории культуры важнейшей работой Успенского являются «Очерки по истории визант. образованности» (СПб., 1891. М., 2001), в к-рой была показана связь между догматическими спорами в Церкви и общественно-политической мыслью различных эпох визант. истории с IX по XIV в.

Основателем российского и мирового визант. искусствоведения стал Н. П. Кондаков. Изучая памятники визант. искусства — первоначально преимущественно книжные миниатюры,— он создал особый метод иконографического анализа, к-рый позволил впервые установить пути развития творческого мышления визант. художников по мельчайшим изменениям в рамках ограниченного числа традиц. сюжетов. Его труды опровергли представление о статичности визант. искусства, была впервые представлена проблема взаимоотношения художественной культуры Ренессанса и поздней Византии.

Одним из существенных направлений рус. В. было изучение визант. права и отношений между Церковью и гос-вом. Ф. А. *Курганов*, изучив взаимоотношения гос-ва и Церкви в Византийской империи, отверг распространенную в мировой науке того времени концепцию визант. цезарепапизма, т. е. деспотического господства императоров над Церковью. В дальнейшем изучение визант. права в российской науке тесно соприкасалось с проблематикой истории Церкви, к-рая стала одним из важнейших направлений исследований. Достижениями историко-правового направления стали книги Н. А. *Скабалановича* «Визант. гос-во и Церковь в XI в.» (СПб., 1884), Д. И. Азаревича «История визант. права» (Ярославль, 1877. 2 ч.), издание Номоканона и его толкований А. С. *Павловым* и В. А. *Нарбековым*. Крупнейшим вкладом в изучение истории Церкви стали труды В. В. *Болотова* и Е. Е. *Голубинского*. Болотов

впервые в России создал обобщающее исследование, одновременно явившееся итогом развития мировой церковно-исторической науки того времени и позволившее взглянуть на историю визант. христианства как на феномен истории мировой культуры, представить ключевую роль эпохи отцов Церкви и Вселенских Соборов в развитии европ. цивилизации. Др. крупный историк Церкви, А. П. *Лебедев*, впервые в истории рус. науки собрал исчерпывающий для своего времени материал по истории правосл. Церкви в Византии и на его основе создал монографии по отдельным эпохам. Большой вклад в изучение истории Церкви внес И. И. *Соколов*, стремившийся в своих работах дать обобщенный анализ церковно-гос. отношений в Византии как системы; он одним из первых в В. специально обратился к истории монашества и оценил его огромную роль в истории визант. общества и культуры. Изучением визант. житий занимался Х. М. *Лопарёв*. Специалистом мирового уровня в области христ. хронологии и пасхалии являлся свящ. Д. А. Лебедев.

К кон. XIX в. в России сформировались неск. центров В. Крупнейшими из них были Петербургский ун-т (школы Васильевского, Кондакова), СПбДА (Болотов), Казанский ун-т (школа Курганова), Новороссийский ун-т в Одессе (Успенский), МДА (Лебедев). В 90-х гг. рус. В. превратилось в обширное научное сообщество, дальнейшее развитие к-рого потребовало организации новых форм взаимодействия ученых. С этой целью в 1894 г. в С.-Петербурге был основан специальный научный ж. по В. «Византийский временник». Инициатива создания журнала принадлежала В. Э. *Регелю* и Васильевскому, к-рый стал его главным редактором. Одновременно по инициативе рус. посла в Турции А. И. Нелидова в Стамбуле был образован Русский *Археологический институт в Константинополе* (РАИК), к-рый начал издавать ж. «Известия РАИК» (1896–1912). Директором ин-та стал проф. Новороссийского ун-та Ф. И. Успенский, остававшийся на этом посту до закрытия ин-та в 1914 г. Рус. византинисты активно участвовали в работе над научными проектами Императорского *Палестинского Православного общества*, издававшего «Православный Палестинский сборник» (1881–1916, 1992–; в 1954–1991 «Палестинский сборник»). К нач. XX в. рус. В. вышло на ведущие позиции в мировой

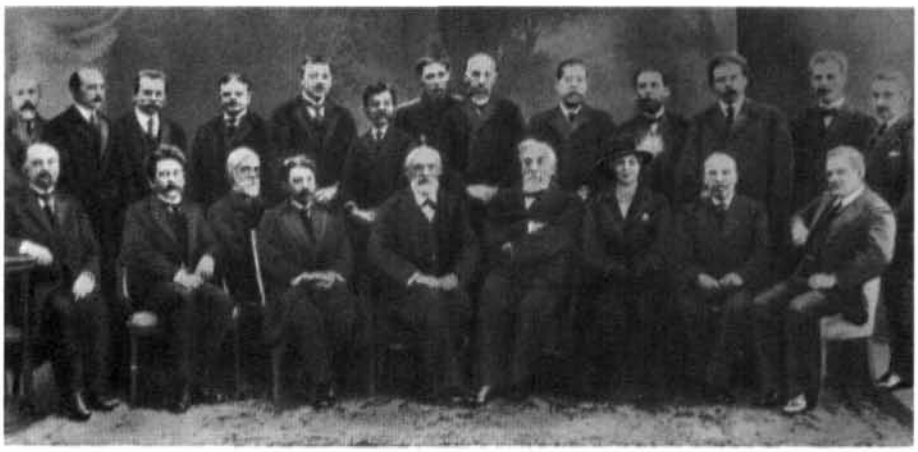

В. Г. Васильевский и Н. П. Кондаков. Фотография. 1894 г. (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 14. Ф. 16)

науке, обладало собственными изданиями, воспитывало специалистов практически в любой сфере в рамках научной специализации того времени, пользовалось авторитетом в мировых научных кругах и привлекало широкий интерес российской общественности.

В кон. XIX — нач. XX в. велась активная работа по изданию и комментированию источников, в т. ч. актов афонских мон-рей, памятников житийной лит-ры, писем, придворных энкомиев. Среди издателей — Регель, А. И. *Пападопуло-Керамевс*, Г. С. *Дестунис*, В. М. *Истрин*, Ф. А. *Терновский*, Т. Д. Флоринский и др. Новым направлением стало исследование взаимоотношений Византии со странами Ближ. Востока. Основатель рус. школы арабистики В. Р. *Розен* опубликовал отрывки хроники Яхьи Антиохийского, посвященные правлению имп. Василия II Болгаробойцы (1883). Развивалось изучение средневековой Сирии и Палестины (П. К. *Коковцев*, Розен, Н. А. Медников), эфиопистики (Б. А. *Тураев*), направлялись экспедиции для исследования древностей Ближ. Востока. Большое место в исторической науке заняло кавказоведение (Н. О. *Эмин*, Н. Я. *Марр*, Г. Ф. *Церетели*, И. А. *Джавахишвили*, Н. Г. *Адонц* и др.).

В предреволюционные годы резонанс вызвала работа Б. А. *Панченко* «Крестьянская собственность в Византии» (София, 1903), в к-рой было продемонстрировано господство права частной собственности над общинными отношениями на всем протяжении истории империи, высказано предположение о фискальном происхождении визант. общины, организованной адм. методами для удобства сбора налогов. Эта концепция не получила поддержки в науке, но стала важным этапом на пути к пониманию природы социально-экономических отношений в Византии. Вкладом в развитие В. стали также труды М. И. *Ростовцева*, посвященные социальным отношениям и экономике Римской империи и позволившие более детально представить многообразный мир ранней Византии, его непосредственную связь с предшествующей эпохой.

Н. П. Кондаков среди своих учеников и друзей. Фотография. 1914 г. (А ИИИ АН УР.КІ)

В 1910-х гг. было создано неск. обобщающих работ по визант. истории: «История Византии» в 3 томах

Ю. А. *Кулаковского*, охватывающая 395–717 гг. (К., 1910, 1912, 1915), 1-й т. «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского (1913; 1-я пол. 2-го т. вышла в 1927, 3-й т.— в 1948; полное изд.: М., 1996–1997. 3 т.), «История Византийской империи» К. Н. *Успенского* (М., 1914), «Лекции по истории Византии» А. А. Васильева (Пг., 1917). Большой прорыв в области методологии исследований — работа А. П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» (М., 1917. СПб., 1997). Автор впервые использовал огромный массив агиографического материала для реконструкции социальных, экономических и бытовых реалий византийской цивилизации, открыв дорогу для дальнейшего изучения житийной лит-ры не только как памятников духовной культуры, но и как неисчерпаемого исторического источника. В нач. XX в. сложились школы специальных исторических дисциплин. Крупнейшими специалистами были И. И. *Толстой* в области нумизматики, В. В. *Латышев* по эпиграфике, Н. П. *Лихачёв* по сфрагистике.

Революция 1917 г. не сразу сказалась на судьбе В. Ученые проявляли активность в различных общественных событиях. Участниками *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* были В. Н. *Бенешевич* и А. В. *Карташёв;* публицистические произведения выпускали П. В. *Безобразов*, Ф. И. Успенский и др. Созданная в 1918 г. Всероссийская комиссия по охране памятников культуры развернула масштабные работы по изучению рус. средневек. искусства и обеспечила качественный прорыв в области истории иконописи. После начала гонений на РПЦ В. оказалось одной из опальных научных дисциплин в силу своих тесных тематических связей с церковной наукой. Уже во время Гражданской войны были закрыты византиноведческие отд-ния ун-тов и академий в Одессе и Киеве, вскоре закрыта МДА. В дальнейшем В. постепенно вытеснялось из научной среды, работы ученых публиковались все реже и сложнее проходили цензуру. Тем не менее в 20-х гг. петербургская школа В. продолжала свою работу. В 1917–1929 гг. были опубликованы 23–25-й тома «Византийского временника». Было закончено издание собрания трудов акад. Васильевского, вышли монографии Васильева (Византия и крестоносцы. Пг.; 1923; История Византии.

А. А. Васильев и Б. В. Фармаковский. Фотография. Нач. XX в.

Пг.; Л., 1923–1925. Вып. 1–3) и Ф. И. Успенского (Очерки истории Трапезундской империи. Л., 1929), подготовленное Успенским и Бенешевичем издание «Вазелонских актов» (Л., 1927).

В нач. 30-х гг., после смерти Успенского (1928) и Регеля (1932), научная деятельность в области В. в СССР фактически прекратилась. В стране проводилась политика по установлению единства теоретических подходов в общественных науках на основе марксистской идеологии; исследователи, чья область интересов не вписывалась в общие методологические установки, в т. ч. большинство византинистов, были отлучены от полноценной научной работы. Многие из них стали жертвами советской репрессивной системы. Наиболее трагично сложилась судьба Бенешевича, крупнейшего представителя рус. историко-правовой школы; он был арестован в 1928 г., провел 5 лет в лагерях и ссылках и расстрелян в 1938 г. Большое число специалистов в 20-х гг. эмигрировали из СССР на Запад. Среди них были выдающиеся ученые-историки (Ростовцев, Васильев, И. Ю. Крачковский, Кондаков и др.). Эмигрировавший в 1925 г. в США Васильев фактически стал основателем научной школы В. в этой стране и в последние годы жизни занимал положение неформального главы амер. византинистов.

Среди эмигрантов «первой волны» были Г. А. Острогорский, Д. Оболенский, известный историк визант. искусства А. *Грабар*, богослов и патролог свящ. Г. В. *Флоровский*, церковный историк Карташёв. Из рус. эмиграции вышли патролог архиеп. *Василий (Кривошеин)*, исследователь визант. богословия протопресв. И. *Мейендорф*, византинист И. И. *Шевченко* и др. ученые.

Возрождение В. в СССР началось в годы Великой Отечественной войны, когда наметился идеологический поворот к воспитанию патриотизма, возрождению традиций отечественной истории. Советское гос-во сделало шаг навстречу нормализации отношений с РПЦ. В свете перспек-

Г. Г. Литаврин и И. И. Шевченко. Фотография. 1994 г.

тив послевоенного передела Европы вновь стали актуальными вопросы визант. наследия. Еще в 1939–1940 гг. группа сотрудников Ленинградского отделения ин-та истории АН СССР (М. В. *Левченко*, Е. С. *Липшиц*, М. А. Шангин, Е. Э. *Гранстрем*, Н. С. Лебедев) подготовили неск. работ, опубликованных в 1945 г. в «Византийском сборнике». В 1943 г. при Ин-те истории АН СССР в Москве была создана визант. группа во главе с чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминским; в работе группы участвовали Н. В. *Пигулевская*, Б. Т. *Горянов*, Липшиц, Лебедев, М. Е. Массон и др. В дальнейшем группа проводила регулярные заседания; в 1947 г. под ред. академиков Б. Д. Грекова и Е. А. Косминского был издан 1-й (26-й) том обновленного «Византийского временника». В 1955 г. группа была

преобразована в сектор византиноведения. С 1952 г. возобновлено издание «Палестинского сборника» как печатного органа Палестинского об-ва при АН СССР. С 1945 г. проводятся регулярные всесоюзные (всероссийские) византиноведческие сессии: 1-я (май 1945) была посвящена памяти Ф. И. Успенского; в 2004 г. в Москве состоялась 17-я сессия. Советские византинисты начали регулярно принимать участие в работе Международных конгрессов византинистов (с 1955, Стамбул). В связи с подготовкой к конгрессам выходит периодическое издание «Византийские очерки».

С кон. 40-х гг. В. развивается достаточно интенсивно. Наряду с Москвой и Ленинградом ведущими центрами В. стали Свердловск (школа М. Я. *Сюзюмова*), Ереван (Р. М. *Бартикян*, С. Т. Еремян, П. М. Мурадян и др.), Тбилиси (С. Г. *Каухчишвили*, Н. Ю. Ломоури, Э. Хинтибидзе и др.). В то же время интересы ученых были ограничены методологической заданностью, необходимостью признания марксистской концепции социально-экономических формаций. Поскольку главным направлением советской исторической науки этого времени была социально-экономическая история, исследовательские усилия византинистов преимущественно концентрировались в сфере истории социально-экономических отношений, аграрной истории, проблем феодализма. Этой проблематике посвящено большинство работ этого времени.

С кон. 60-х гг. в сфере интересов советских византинистов оказываются различные сюжеты, выходящие за рамки социально-экономической тематики: общественно-политическая мысль, история лит-ры, право, внутренний мир визант. интеллектуалов и др. Публикуются работы, посвященные различным проблемам В.: А. В. *Банк* (прикладное искусство), Горянова (религиозно-полемическая лит-ра), Гранстрем (палеография и кодикология), А. П. *Каждана* (культура, лит-ра, русско-визант. отношения), Г. Л. *Курбатова* (общественная мысль, историография), В. Н. *Лазарева* (история визант. живописи), М. В. Левченко (партии цирка, русско-визант. отношения), Липшиц (юриспруденция), Г. Г. *Литаврина* (византино-болгар. отношения), Пигулевской (византийско-иран. отношения), Е. Ч. Скржинской (итало-визант. связи), Сюзюмова (источниковедение), З. В. *Удальцовой* (культура и идеология), В. А. *Арутюновой-Фиданян* (армяно-визант. культурные связи), М. В. *Бибикова* (визант. лит. памятники и их переводы в слав. мире), В. В. *Бычкова* (раннехрист. и визант. эстетика), Е. В. *Герцмана* (музыка), П. И. Жаворонкова (политическая история Никейской империи), С. П. *Карпова* (история Трапезундской империи, левантийская и причерноморская торговля итал. морских республик), А. С. Козлова (политическая история ранней Византии), Я. Н. *Любарского* (историческая лит-ра, переводы), И. П. *Медведева* (культуры Византии эпохи Палеологов), Е. Н. Мещерской (восточнохрист. апокрифы), М. А. Поляковской (культура и общественно-политическая мысль поздней Византии), Г. М. *Прохорова* (богословская и полемическая лит-ра), В. П. Степаненко (политика Византии в Закавказье и на Ближ. Востоке), В. И. Уколовой (общественная мысль позднеантичной и ранневизант. эпохи), Б. Л. *Фонкича* (греч. кодикология), К. В. Хвостовой (правовые отношения, теоретические проблемы исторического познания), А. А. Чекаловой (общественная жизнь ранней Византии), И. С. *Чичурова* (визант. историческая лит-ра, политическая идеология средневизант. эпохи и Др. Руси, антилат. церковная полемика), В. С. Шандровской (сфрагистика), К. Н. *Юзбашяна* (армяно-визант. отношения) и др. ученых.

Участники XVII конгресса византинистов в Вашингтоне (Р. М. Бартикян, К. В. Хвостова, З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин, С. П. Карпов). Фотография. 1986 г.

Итогом первых десятилетий возрождения В. в СССР стал фундаментальный 3-томный труд «История Византии» (под ред. акад. С. Д. Сказкина. М.; Л., 1967), выдержанный в традиции классического социально-экономического подхода. В книге продемонстрирована схема развития визант. мира от античного рабовладения через расцвет средневекового феодализма в XI–XIV вв. к зарождению капиталистических отношений в поздневизант. обществе. В то же время в этом коллективном труде нашли отражение темы, связанные с визант. культурой и историей Церкви. Параллельно с работой над «Историей Византии» был издан 2-томный сб. «Памятники византийской литературы», куда также вошли переводы творений отцов Церкви. Развитие В. способствовало возрождению интереса к изучению иноязычных источников по истории Др. Руси. В 1969 г. по инициативе В. Т. Пашуто было основано издание свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» (с 1991: «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»), в рамках к-рого видное место занимала серия «Византийские исторические сочинения» (*Чичуров И. С.* «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989; *Бибиков М. В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997).

На протяжении долгих лет ведущее положение в советском В. занимала Удальцова (с 1967 ответственный редактор «Византийского временника», с 1980 директор Ин-та всеобщей истории АН СССР, с 1982 зав. кафедрой истории средних веков историч. фак-та МГУ; на Международном конгрессе византинистов в Афинах (1976) избрана вице-президентом Международной ассоциации византинистов).

Важной вехой для советского В. стало творчество Каждана, оставившего суждения практически обо всех исследовательских проблемах истории и культуры Византии. Среди огромного числа его научных публикаций особое место занимают монографии «Византийская культура X–XII вв.» (М., 1968) и «Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв.» (М., 1974). В 1978 г. Каждан эмигрировал в США. Важным этапом в его деятельности амер. периода стало осуществление проекта первого в международном В. энциклопедичес-

кого словаря по истории и культуре Византии (The Oxford Dictionary of Byzantium. Wash.; N. Y., 1991. 3 vol.).

Видное место в российском В. на рубеже XX–XXI вв. занимает акад. Литаврин. В центре его научных интересов — традиционная для рус. науки тематика истории земельных отношений, форм собственности в Византии и история взаимоотношений Византии и слав. народов.

С 60-х гг. центром изучения визант. лит-ры стал сектор античной лит-ры ИМЛИ РАН в Москве, возглавлявшийся последовательно Ф. А. Петровским, М. Л. Гаспаровым, С. С. *Аверинцевым*, А. И. *Сидоровым*. Сектором были подготовлены издания переводов визант. текстов, сборники «Византийская литература» (М., 1974), «Античность и Византия» (М., 1975). Аверинцев в работе «Поэтика ранневизантийской литературы» (М., 1976), ставшей событием не только в отечественном, но и в мировом В., показал синкретизм визант. традиции, сформулировал концепции основ взаимоотношений античного писателя и окружающего его мира, в т. ч. риторическое мышление, знаково-символическая игра с читателем, ее лингвистическая структура и проч. Были изданы посвященные визант. лит-ре монографии Л. А. Фрейберг и Т. В. Поповой «Византийская литература эпохи расцвета: IX–XV вв.» (М., 1978), Т. В. Поповой «Византийская народная литература: история жанровых форм эпоса и романа» (М., 1985). Несмотря на цензурные запреты, переводом и изданием памятников визант. агиографии занималась С. В. *Полякова* (сб. житий «Византийские легенды». М., 1972).

Коллективная 3-томная работа «Культура Византии». (М., 1984, 1989, 1991) фактически подвела итог развития отечественного В. советского периода. Характерной чертой этого труда, само название к-рого отражало определенное смещение научных интересов, оставался подчеркнуто секуляризованный подход к освещению визант. культуры. Международным признанием заслуг советского В. было проведение в Москве в авг. 1991 г. 18-го Международного конгресса византинистов и избрание Литаврина вице-президентом Международной ассоциации византинистов.

С кон. 80-х гг. начался новый период в российском В., связанный со снятием запретов на темы, посвященные христианству и истории Церкви. За последние 15 лет расширился диапазон научных исследований в этой области. Издаются работы по церковной историографии (И. В. Кривушин), истории К-польского Патриархата (Д. Е. Афиногенов) и др. направлениям изучения визант. христ. цивилизации (С. А. Иванов).

Петербургская (ленинградская) группа византинистов, действующая под рук. Медведева, особое внимание уделяет изучению истории российского В., публикации архивов отечественных ученых.

В 90-х гг. организованы новые центры В.: лаборатория истории Византии и Причерноморья (исторический фак-т МГУ) под рук. Карпова, выпускающая сб. «Причерноморье в средние века» (с 1991), Центр восточнохрист. культуры (А. М. Лидов), Общество византийско-слав. исследований в С.-Петербурге (К. К. Акентьев), кафедра визант. и новогреч. филологии в МГУ (заведующий Д. А. *Яламас*). Активизируется работа по переизданию переводов отцов Церкви, различных литературных памятников Византии, трудов дореволюционных исследователей.

Лит.: *Васильевский В. Г.* Обозрение трудов по визант. истории. СПб., 1890. Вып. 1; *Попов Н. Г.* Начало византиноведения в России // Сб. ст., посвящ. В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 435–448; *Успенский Ф. И.* Из истории византиноведения в России // Анналы. Пг., 1922. С. 110–126; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925²; *Diehl Ch.* Les grands problèmes de l'histoire byzantine. P., 1943 (рус. пер.: *Диль Ш.* Основные пробл. визант. истории. М., 1947); *Удальцова З. В.* Сов. византиноведение за 50 лет. М., 1969; ΧΑΛΙΚΕΣ: Festgabe f. d. Teilnehmer am XI. Int. Byzantinistenkongress / Hrsg. H.-G. Beck. Freising, 1958; *Каждан А. П., Литаврин Г. Г., Удальцова З. В.* Византия и Запад в совр. буржуазной историографии // Против фальсификации истории. М., 1959. С. 381–447; *Соколов Н. П.* Сорок лет сов. византиноведения. Горький, 1959; *Angelov D.* La byzantinologie en Bulgarie et ses récentes acquisitions // Byzantinobulgarica. 1962. Т. 1; *Шапиро А. Л.* Рус. историография в период империализма. Л., 1962; *Косминский Е. А.* Историография ср. веков. М., 1963; Очерки истории ист. науки в СССР. М., 1963. Т. 5. С. 514–536; *Сюзюмов М. Я.* Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода // ВВ. 1963. Т. 22. С. 199–226; *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. Münch., 1963³; *Каждан А. П.* Загадка Комнинов: опыт историографии // ВВ. 1964. Т. 25. С. 53–98; *Moravcsik Gy.* Bevezetés a bizantinológiába. Bdpst., 1966; *Pertusi A.* Storiografia umanistica e mondo bizantino. Palermo, 1967; *Заборов М. А.* Историография крестовых походов. М., 1971; *Irmscher J.* Einf. in die Byzantinistik. B., 1971; *Гутнова Е. В.* Историография истории ср. веков (сер. XIX в.— 1917). М., 1974; *Курбатов Г. Л.* История Византии: историография. Л., 1975; *Beck H.-G.* Byzantinistik heute. B.; N. Y., 1977; *Кызласова И. Л.* История изучения визант. и древнерус. искусства в России. М., 1985; *Schreiner P.* Byzanz. Münch., 1986. S. 97–189; *Mazal O.* Handbuch der Byzantinistik. Graz, 1989; Архивы рус. византинистов в С.-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995; *Dagron G.* Contemporary Image and Influence of Byzantium // Byzantium: Identity, Image, Influence. Copenhagen, 1996. Vol. 1; *Васильев А. А.* История Визант. империи: Время до крестовых походов. СПб., 1998². С. 41–92; *Медведев И. П., Флоря Б. Н.* Г. Г. Литаврин: Кр. очерк науч. деятельности // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. М., 1999. С. 7–22; Рукописное наследие рус. византинистов в архивах С.-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999; *Беляев Л. А.* Христ. древности. СПб., 2000; *Лебедев А. П.* Церк. историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2000³; *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах рус. византиноведения: итоги столетия // ИЗ. 2000. Т. 3 (121). С. 30–47; Мир Александра Каждана / Под ред. А. А. Чекаловой. СПб., 2003; Мир рус. византинистики: мат-лы архивов С.-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004.

Библиографию работ исследователей см. в статьях, посвященных им, а также в ст. *Византийская империя* и тематически связанных с нею (напр., *Афон, Армения*, статьи о Патриархатах и проч.).

И. Н. Попов, И. С. Чичуров

ВИЗИТА́ЦИЯ [лат. visitatio, греч. ἡ ἐπίσκεψις], обозрение начальствующими духовными лицами в целях надзора подведомственных им учреждений, в особенности находящихся в удалении от места служения самого начальственного лица,— одна из форм осуществления контролирующей власти. Практика В. в Церкви восходит к апостолам, к-рые периодически посещали основанные ими общины, укрепляя христиан в вере и, кроме того, контролируя служение епископов, пресвитеров, диаконов, диаконисс (1 Тим 1. 3–4; 6. 12, 18; Тит 1. 4–5). В эпоху мужей апостольских и последующий период епископы посещали общины, находившиеся в их юрисдикции. Об объезде епархий правящим архиереем свидетельствуют и отцы Церкви. Свт. *Афанасий I Великий* неоднократно совершал В. подчиненных ему епархий. Так, свое 2-е праздничное (пасхальное) послание к пастве он написал, совершая объезд Фиваиды, 4-е послание — посещая Пентаполь и Аммониак (*Athanas. Alex.* Ep. pasch. 2, 4; см. также: *Idem.* Apol. contr. ar. 17). Свт. *Григорий*, еп. Нисский, в похвальном Слове свт. *Григорию Чудотворцу* рассказывает, что святитель незадолго до смерти

объезжал окормляемые им приходы, для того чтобы выявить причины заблуждений и обличить неверных (*Greg. Nyss.* De vita Greg. Thaum. // PG. 46. Col. 953–954). Свт. *Иоанн Златоуст* увещевал епископов иметь попечение о своем здоровье, ибо больной не может совершать поездки в вверенные ему общины епархии (In ep. ad Tit. 1. 4). В Зап. Церкви также существовала практика В. епископами общин, находящихся в городах и в отдаленных местах (*Aug.* Ep. 209. 2). Так, *Сульпиций Север* сопровождал свт. *Мартина Милостивого,* еп. Турского, в его поездке по сельской местности с целью В. приходов (*Sulp. Sev.* Ep. ad Eus. // *Idem.* Dial. 2. 3).

Ввиду умножения числа христ. общин и, в частности, в связи с образованием общин в сельской местности для их окормления и надзора за ними поставлялись *хорепископы.* В кон. IV в. институт хорепископов исчезает из церковной жизни; согласно 57-му прав. *Лаодикийского Собора,* «не подобает в малых градах и селах поставляти епископов, но периодевтов». С этих пор обязанность посещения удаленных от кафедрального города общин стала возлагаться на пресвитеров — *периодевтов,* подобных нынешним *благочинным.* Естественно, что и сами епископы продолжали осуществлять надзор за находящимися в их окормлении приходскими общинами, в т. ч. и через В., личные посещения. На Западе, где в делах епархиального управления важная роль принадлежала архидиаконам, В. приходов помимо епископов часто совершали по их поручению архидиаконы (*Baccrabère.* Col. 1517–1518).

На Руси в древности епископы осуществляли В. либо лично, либо через уполномоченных на то лиц — клирошан (клириков кафедрального собора), *наместников,* впосл., в московскую эпоху,— через *старост поповских, десятильников, протопопов,* заказчиков, а также через светских чиновников, состоявших на службе в *архиерейском доме,* — бояр, дворян, дьяков и подьячих. При объезде епархии архиерей творил суд в пределах своей компетенции, к-рая до имп. *Петра I Алексеевича,* на основании «Церковного устава» св. Владимира, выходила далеко за границы собственно церковных дел, взимал в связи с этим судебные пошлины. Так, Новгородские архиепископы, приезжая в Псков, когда он входил в Новгородскую епархию, оставались в нем в течение месяца, находясь на содержании горожан, творя в городе суд и взимая судебные пошлины.

«Духовный регламент» (1721) возлагает на епархиальных архиереев обязанность раз в год или по меньшей мере раз в 2 года объезжать свою епархию (Духовный регламент. Ч. 2. О епископах. 17). При многочисленности приходов эта обязанность не предполагала посещения всех или даже большей части приходов. Многие из приходов не посещались архиереями в течение десятков лет, а особенно удаленные — вообще никогда. Поэтому в синодальную эпоху непременное посещение всех приходов в целях надзора за ними возлагалось на заказчиков или на благочинных, «дабы лишних безлюдных церквей не строено, дабы иконам святым ложных чудес не вымышлено, також о кликушах, о телесах мертвых несвидетельствованных и прочих, всего того добре наблюдать» (Там же. 8). В соответствии с «Инструкцией благочинным приходских церквей» (1775), епархиальное начальство осуществляло надзор над церквами и духовенством округа через благочинного, для чего он обязан был не реже 2 раз в году посетить все приходы своего округа, при этом благочинный наблюдал за тем, чтобы духовенство неукоснительно исполняло свои обязанности, касающиеся богослужения, распоряжения церковным имуществом и ведения метрических книг. О всех недостатках благочинный обязан был немедленно сообщать архиерею. При появлении в приходах лжеучителей, «ханжей», кликуш благочинный должен был, если его увещевания не имели успеха, сообщать об этом органам прокурорского надзора.

Обязанность посещать приходы своей епархии возлагалась на правящих архиереев «Определением об епархиальном управлении», принятым *Поместным Собором Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., «Положением об управлении Русской Православной Церкви»,* изданным *Поместным Собором 1945 г.,* а также *Уставом об управлении Русской Православной Церкви,* принятым *Поместным Юбилейным Собором 1988 г.*

В ныне действующем *Уставе Русской Православной Церкви,* изданном *Архиерейским юбилейным Собором 2000 г.,* указывается, что епархиальный архиерей «согласно канонам, посещает приходы своей епархии и осуществляет контроль за их деятельностью непосредственно или через своих полномочных представителей» (X 1. 17 ж). При этом обязанность посещения всех без исключения приходов Устав возлагает на благочинных: «Осуществляя свои обязанности, благочинный по крайней мере раз в год посещает все приходы своего округа, проверяя богослужебную жизнь, внутреннее и внешнее состояние храмов и иных церковных построек, а также правильность ведения приходских дел и церковного архива, знакомясь с религиозно-нравственным состоянием верующих» (X 5. 53). Благочинный обязан также ежегодно представлять епархиальному архиерею отчет о состоянии благочиния (X 5. 56).

Помимо В. внутри епархий во все эпохи церковной истории предстоятели Поместных Церквей в разных формах осуществляли В. епархий, находящихся в их юрисдикции. В Русской Церкви таким правом располагали митрополиты Киевские, затем Московские и, наконец, Патриархи, но оно не принадлежало Первоприсутствующим в Святейшем Синоде в синодальный период. Восстановив Патриаршество, Поместный Собор 1917–1918 гг. предоставил Святейшему Патриарху право В. всех епархий Российской Церкви. Аналогичное положение содержится в «Положении об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г. и в Уставе об управлении РПЦ 1988 г.

В ныне действующем Уставе РПЦ говорится, что Патриарх «имеет право посещения в необходимых случаях всех епархий Русской Православной Церкви» (Ап. 34, Антиох. 9, Карф. 52 (63)) (IV 7с). За время своего Первосвятительского служения Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил многочисленные В. епархий Русской Церкви; многие из них он посетил многократно.

В. епархий и приходов в разных формах осуществляется и в др. автокефальных правосл. Церквах. Поскольку во многих из них территории епархий значительно меньше,

чем в РПЦ, частота обязательных посещений епископом вверенных ему приходов не определяется или рекомендуется посещать их как можно чаще: напр., Устав Румынской Православной Церкви (Гл. II. Отд. IV 1. Ст. 90) предписывает епископам совершать как можно больше пастырских визитов в своей епархии и сообщать о состоянии дел в Свящ. Синод и епархиальное собрание. Устав Болгарской Православной Церкви обязывает епископов посещать городские приходы раз в год, а сельские – когда к тому есть возможность (Гл. IX. Чл. 144. 12) и каждые 3 года представлять в Св. Синод отчет о состоянии епархиальных дел (Там же. 15).

В католич. Церкви в средневековье внутри еп-ств, или диоцезов, В. осуществлялась обыкновенно не самими епископами, а епископальными архидиаконами. Но *Тридентский Собор* постановил, чтобы епископы лично визитировали еп-ство ежегодно или, если еп-ство обширно, в 1-й год – большую часть, оставшуюся – в следующем году (Sess. 24: De ref. Can. 3); только ввиду исключительных обстоятельств епископ мог назначать специального визитатора (Ibidem). Ныне действующий Кодекс канонического права католич. Церкви возлагает на епископов обязанность посещать в течение года хотя бы часть приходов и иных учреждений своего еп-ства, с тем чтобы полная В. еп-ства совершалась за 5 лет (CIC 395–397). На *деканов,* соответствующих нашим благочинным, возлагалась ранее обязанность ежегодно обозревать приходы своих деканатов. В ныне действующем Кодексе предусматривается обязанность декана (окружного викария) посещать приходы своего деканата, но периодичность таких посещений не регламентируется (CIC 555).

Термин «визитация» употребляется в католич. Церкви и с др. значением – посещение Рима епископами католич. Церкви. С одной стороны, такая В. носит паломнический характер, т. к. целью ее является поклонение могилам святых апостолов *Петра* и *Павла,* с др. стороны, сопряжена с отчетом папе о церковной жизни еп-ства, находящегося в юрисдикции епископа, совершающего В. (см. *Ad limina apostolorum*).

Лит.: Acta genuina S. et Oecumenici Concilii Tridentini. Lpz., 1874. T. 2; *Никодим [Милаш],* *еп. Далматинский.* Православное церковное право. СПб., 1897. С. 377–378; *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1912. С. 220–221, 263; *Baccrabère G.* Visite canonique // DDC. T. 7. Col. 1512–1619.

Прот. Владислав Цыпин

ВИЗИ́Я [греч. Βιζύη] (совр. Визе, Турция), г. во Фракии, к северо-востоку от Аркадиополя (совр. Люлебургаз). Известна с античности, входила в состав рим. пров. Европа. С III в. по Р. Х. В. играла важную роль как крепость. В 922 г. была разрушена болг. царем *Симеоном* (893–927). Вновь была обнесена крепостными стенами и в XIII в. стала военно-стратегическим пунктом Никейской империи. Впервые попала под власть турок в кон. XIV в.; окончательно завоевана в 1453 г.

Епископия В., подчиненная митрополии Ираклии Фракийской, в составе К-польского Патриархата, впервые упомянута в 431 г. В VII–VIII вв. возведена в ранг автокефальной архиепископии (*Darrouzès.* Notitiae. N 1. P. 205), между 1342 и 1348 гг. стала митрополией (Ibid. N 17. P. 402). В 1682 г. объединена с Мидийской епархией. Упразднена в 1922 г.

В. известна как место смерти в 304 г. святых *Севира, Мемнона* и с ними 37 мучеников (пам. 20 авг.). В В. находится гробница Антиохийского Патриарха свт. Евстафия, соратника свт. Афанасия Великого в борьбе с арианской ересью. Во время церковной борьбы при имп. Валенте сюда был сослан К-польский Патриарх *Евагрий* (*Socr. Schol.* Hist. eccl. IV 15), а в 656 г.– богослов и философ прп. *Максим Исповедник* (PG. 90. Col. 159–160). Здесь, в кафедральном соборе Св. Софии, построенном в кон. VIII – нач. IX в., в 903 г. была похоронена св. Мария Новая (или Мария Младшая; пам. греч. 16 февр.) (*Mango.* P. 9–13). Собор представляет собой базилику с элементами крестово-купольного здания. Однако тур. ученый С. Эйидже (*Eyice.* P. 293–297) считает, что св. Мария была похоронена в несохранившейся церкви, на месте к-рой в XIII–XIV вв. был построен совр. собор.

Лит.: *Λακίδης Σ. Θ.* Ἱστορία τῆς ἐπαρχίας Βιζύης καὶ Μηδείας. Κωνσταντινούπολις, 1890; *Delehaye H.* Saints de Thrace et de Mésie / AnBoll. 1912. Vol. 31; *Janin R.* Bizya // DHGE. T. 9. Col. 44–46; *Ἰωαννίδης Σ.* Ἱστορία τῆς Βιζύης ἀνατολικῆς Θράκης // Ἑταιρεία Θρακικῶν Μελετῶν. 1954. Т. 33; Κατάστασις τῆς ἐπαρχίας Βιζύης ὑπὸ τὴν Βυζαντινήν μοναρχίαν 364–1204 М. Х. // Ἀρχεῖον τοῦ Θρακικοῦ Λαογραφικοῦ καὶ Γλωσσικοῦ Θησαυροῦ. 1957. Т. 22. Σ. 270–280; *Mango C.* The Byzantine Church at Vize (Bizye) in Thrace and St. Mary Younger // ЗРВИ. 1968. Vol. 11; *Γριτσόπουλος Τ. Α.* Βιζύης, Μητρόπολις // ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 889–890; *Eyice S.* Monuments byzantins art atiliens inédits ou peu connus // Corsi di Cultura sull'arte Ravennate e Bizantina. Ravenna, 1971. Vol. 18. P. 293–297; *Velkov V.* Die thrakische Stadt Bizye // Studia in honorem V. Beševliev. Sofia, 1978. P. 174–181.

П. И. Жаворонков

ВИЙО́ [франц. Villot] Жан (11.10.1905, Сент-Аман-Талланд, деп. Пюи-де-Дом, Франция – 9.03.1979, Рим), кард., гос. секретарь Ватикана (1969–1979). Начальное духовное образование получил в семинарии при католич. ун-те в Париже. 19 апр. 1930 г. рукоположен во пресвитера. В 1934 г. закончил рим. ун-т *Angelicum,* с 1934 по 1942 г. преподавал в семинарии г. Клермон-Ферран и затем в Лионском католич. ун-те. 1 дек. 1945 г. папой *Пием XII* возведен в достоинство тайного камергера. В 1950 г. В. возглавил секретариат Французской епископской конференции, и 22 февр. того же года назначен Апостольским протонотарием.

2 сент. 1954 г. определен титулярным епископом Виндским, викарием Парижского архиеп-ства. Епископское рукоположение В., состоявшееся 12 окт. 1954 г. в Париже, совершил архиеп. Парижа кард. М. Фельтен. 17 дек. 1959 г. папой *Иоанном XXIII* В. был наречен титулярным архиепископом Боспорским и назначен викарием с правом наследования Лионского архиепископства. На первых 3 сессиях *Ватиканского II Собора* являлся одним из заместителей генерального секретаря Собора архиеп. П. *Феличи.* С 17 янв. 1965 по 7 апр. 1967 г. В.– архиепископ Лиона, примас Галлии. На консистории 22 февр. 1965 г. папа *Павел VI* возвел В. в достоинство, а 25 февр. присвоил ему титул кардинала-пресвитера ц. Пресв. Троицы на холме Пинчио (Sanctissimae Trinitatis in Monte Pincio). С 7 апр. 1967 по 2 мая 1969 г. занимал должность префекта Конгрегации Собора (с 15 авг. 1967 – Конгрегация по делам духовенства).

2 мая 1969 г. папой Павлом VI В. был назначен гос. секретарем Ватикана, префектом совета по внешнецерковным делам, председателем Комиссии по управлению гос-вом Ватикан, а также руководителем

Администрации по управлению имуществом Ватикана. С 16 окт. 1970 г. В.— кардинал-*камерленго* Римско-католической Церкви. 15 июля 1971 г. назначен председателем Совета по проблемам милосердия («Corunum»). 12 дек. 1974 г. возведен в достоинство кардинала-епископа Фраскати.

В. принимал участие в работе ассамблей Всемирного синода епископов, проходивших в Ватикане, различных рим. декастерий: конгрегаций (вероучения, по делам епископов, евангелизации народов, канонизации святых, католич. образования (до 1973)) и папских комиссий (по пересмотру Кодекса канонического права и Кодекса канонического права Восточных католических Церквей (с 1972), по интерпретации декретов II Ватиканского Собора (до 1972)).

После смерти папы Павла VI († 6.08.1978) В. возглавил управление Римской курией и подготовку конклава, избравшего папу *Иоанна Павла I* (26 авг. 1978). 4 сент. новый папа освободил В. от должности председателя Совета по проблемам милосердия и собирался уволить В. с поста гос. секретаря Ватикана. Однако в связи со скоропостижной смертью папы Иоанна Павла I († 29.09.1978) В. продолжил свою деятельность в курии и как кардинал-камерленго организовывал открывшийся 14 окт. конклав, к-рый завершился избранием 16 окт. папы *Иоанна Павла II*. 24 окт. 1978 г. новоизбранный папа объявил о сохранении за В. всех куриальных должностей. Погребен в Риме в ц. Пресв. Троицы на холме Пинчио.

Лит.: *Wenger A.* Le cardinal Jean Villot (1905–1979): Secrétaire d'État de trois papes. P., 1989; *Riccardi A.* Il potere del papa da Pio XII a Giovanni Paolo. R., 1993.

ВИ́КАН [англ. Vikan] Гари (род. 1946, Фостон, шт. Миннесота, США), один из ведущих специалистов по раннехрист. и визант. искусству в США. В 1976 г. удостоен докторской степени Принстонского ун-та; ст. научный сотрудник визант. отдела музея *Дамбартон-Окс* (до 1985); хранитель отдела средневек. искусства (с 1986), в наст. время директор (с 1994) Художественной галереи Уолтерса в Балтиморе (шт. Мэриленд). Профессор ун-та Дж. Хопкинса в Балтиморе. Организатор и куратор выставок, автор и редактор сборников и научных каталогов музея Принстонского ун-та (памяти К. *Вайцмана:* Illuminated Greek Manuscripts from American Collections. Princeton, 1973) и Художественной галереи Уолтерса (наиб. известные: «Клады ранневизант. серебра» (Silver Treasure from Early Byzantium, 1986), «Святой образ, священное пространство: иконы и фрески из Греции» (Holy Image, Holy Space: Icons and Frescoes from Greece, 1988); «Врата тайны: иконы Святой Руси» (Gates of Mystery: The Art of Holy Russia, 1992) «Африканский Сион: священные образы из Эфиопии» (African Zion: The Sacred Art of Ethiopia, 1993). Член комиссии по культурной собственности при президенте США (до 2003; вышел в знак протеста, будучи несогласным с действиями Белого дома и Пентагона по обеспечению охраны памятников истории и культуры в Ираке).

Сторонник строго археологического подхода к датировке и интерпретации памятников визант. искусства, в т. ч. христ. святынь (см. ст. *Туринская плащаница*). Важнейшие работы В. по паломническому искусству в визант. период и проблемам иконографии изданы отдельным томом (Sacred Images and Sacred Power in Byzantium. Aldershot (Hampshire, GB), 2003).

Соч.: Byzantine Pilgrimage Art. Wash., 1982; Early Christian and Byzantine Rings in the Zuker Family Collection // J. of the Walters Art Gallery. Baltimore, 1987. T. 45.

Л. А. Беляев

ВИКАРИА́ТСТВО, служение или кафедра *викария*, в частности викарного епископа. В Русской Церкви синодальной эпохи В. по преимуществу именовались полусамостоятельные области в составе епархий, находившиеся в ведении викарного епископа, когда он имел резиденцию в городе, к-рым титуловался, и свою администрацию в этом городе: *Люблинское викариатство* в составе *Варшавской епархии,* Читинское — в составе *Иркутской епархии;* в конце синодальной эпохи существовали такие полусамостоятельные В., как Камчатское, Уральское, Бакинское и Эриванское. В соответствии с определением *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* решено было повсеместно ввести полусамостоятельные В. (Собор, 1918. Определения. Вып. 3. С. 42), с тем чтобы они впосл. были преобразованы в самостоятельные епархии, но ввиду гонений, обрушившихся на Церковь после Собора, это постановление было реализовано лишь частично (см. также ст. *Викарий*).

Прот. Владислав Цыпин

ВИКА́РИЙ [лат. vicarius букв.— заместитель], церковная должность, связанная с исполнением обязанностей заместителя или помощника церковного администратора; в РПЦ и нек-рых др. правосл. Церквах — должность помощника правящего епархиального архиерея, к-рая учреждается для оказания помощи архиерею в управлении епархией.

Первоначально слово vicarius как адм. термин стало употребляться в сфере гос. управления Римской империи. При имп. св. равноап. *Константине I Великом* империя была разделена на 4 префектуры: Галлию, Италию, Иллирик и Восток, при этом имперские столицы Рим и Нов. Рим — К-поль не входили в префектуры. В свою очередь префектуры делились на диоцезы. Так, в префектуру Восток входили диоцезы Асия, Понт, Фракия, Восток и Египет. Каждый диоцез включал неск. провинций. Начальствующее лицо префектуры именовалось префектом претория (praefectus praetorio), а правитель диоцеза назывался В., по-гречески — экзархом (ἔξαρχος). В., как и вышестоящий префект, назначался императором и в пределах своего диоцеза пользовался полномочиями префекта в отношении надзора за правителями провинций, но если в диоцезе присутствовал сам префект, В. терял какую бы то ни было власть в нем. Тем самым полномочия В. приобретали двойственный характер: он был, с одной стороны, начальником области, вверенной его власти самим императором, а с др.— всего лишь заместителем вышестоящего должностного лица, префекта, исполнявшим свои правительственные функции в диоцезе в отсутствие самого префекта. До известной степени аналогичный характер имеют и полномочия В. в Церкви, в т. ч. и викарного епископа.

Отдаленными предшественниками позднейших викарных епископов были *хорепископы* (τῶν χωρῶν ἐπίσκοποι). *Неокесарийский Собор* именует их «сослужителями епископов», «поставленными во образ семидесяти апостолов» (прав. 14). В IV в. хорепископы, зависящие от

епархиального архиерея, поставлялись почти в каждой епископии (в малых городах и в селах). *Антиохийский Собор* права хорепископов определил так: «Святый Собор за благо разсуждал, чтобы состоящие в малых градах или селах предстоятели, или так именуемые хорепископы, знали свою меру... чтобы они управляли токмо подчиненными им церквами, и ограничивали ими свое попечение и распоряжения: чтобы поставляли чтецов, иподиаконов и заклинателей... а поставляти пресвитера или диакона не дерзали без воли сущаго во граде епископа, которому подчинен хорепископ и его округ» (прав. 10). Древние хорепископы, как видно, в отличие от викарных епископов нового времени управляли своей малой областью, составлявшей часть епархии, хотя и не вполне самостоятельно, в чем, собственно, и усматривается сходство этого института с институтом викарных епископов; как не вполне самостоятельные архиереи, они могли рукополагать лишь по поручению правящего епископа (Анкир. 13; Антиох. 10; VII Всел. 14; ср. Васил. 89).

Уже в сер. IV в. институт хорепископства стал исчезать из жизни Церкви. *Лаодикийский Собор* запретил ставить новых хорепископов: «Не подобает в малых градах и селах поставляти епископов, но периодевтов; а поставленным уже прежде, ничего не творити без воли епископа града» (прав. 57). *Периодевтами* становились только пресвитеры. Но и после того, как прекратилась практика поставления хорепископов, в нек-рых епархиях в помощь правящему епископу посвящались епископы-помощники, с титулами ранее существовавших и упраздненных епархий — *титулярные епископы,* к-рые послужили ближайшим прообразом викарных епископов.

Институт викарных епископов неизвестен Др. Руси, хотя древнерус. архиереи часто имели наместников, к-рые обладали адм. и судебной властью в значительных городах епархии, где они представляли правящего епископа. Первоначально наместники обыкновенно были в пресвитерском сане, а начиная с XIV в., когда при епископах состояли в значительном числе служилые бояре и боярские дети, наместники часто назначались из этой среды, т. е. миряне. В известной степени подобные наместники напоминают институт В., сложившийся уже к этому времени в католич. Церкви.

Кроме того, при первосвятителях-митрополитах иногда состоял епископ, помогавший ему в управлении его епархией. Так, свт. Алексий при жизни св. митр. Феогноста, именуясь еп. Владимирским, не имел своей епархии, но был помощником первоиерарха.

С 1454 г. епископы Сарские и Подонские, поселившиеся близ Москвы в Крутицах и неофициально называвшиеся Крутицкими, исполняли обязанности помощников Московских Первосвятителей в управлении *митрополичьей областью.* Но прямыми предшественниками викарных епископов они считаться не могут, поскольку за ними оставалась их Сарская и Подонская епархия с ее немногочисленными приходами в Диком поле и иных местах, где посреди мусульм. большинства сохранялось еще правосл. население. По учреждении Московского Патриаршества они стали носить титул митрополитов Крутицких.

На *Большом Московском Соборе* предлагалось при всех 4 тогда митрополичьих кафедрах (Новгородской, Казанской, Ростовской и Сарской и Подонской), а также при Рязанской, к-рая из архиепископской была преобразована в митрополичью, учредить по одной епископской кафедре, с тем чтобы занимающие их архиереи помогали правящим епископам-митрополитам управлять их епархиями (Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. С. 85–86). Но план этот не был осуществлен.

В 1698 г. Патриархом *Адрианом* и царем *Петром I Алексеевичем* было разрешено Киевскому митр. *Варлааму (Ясинскому)* иметь своего «коадъютора» (как и «В.», наименование заимствовано у католич. Церкви, но в отличие от «В.» в РПЦ не прижилось) — помощника в епископском сане. Мотивировалось решение слабостью здоровья митр. Варлаама, однако предполагалось, что эта его привилегия перейдет и к его преемникам. В 1708 г. в Новгородской епархии была учреждена должность В. с титулом епископа Карельского и Ладожского.

В синодальную эпоху институт В., главных помощников епархиального архиерея в епископском сане, укореняется в Русской Церкви. Уже при имп. *Екатерине II Алексеевне* Святейший Синод дозволил всем своим членам иметь В. В кон. XVIII в. *викариатства* стали открываться и в епархиях, где в этом была необходимость: при старейших архиереях-митрополитах и в особо крупных епархиях. Однако до сер. XIX в. викариатские кафедры существовали в немногих епархиях. Но в 1865 г. имп. указом было дозволено открывать викариатства во всех епархиях, где есть местные средства на их содержание без обременения синодальной, т. е. гос. казны. Во 2-й пол. XIX — нач. XX в. викариатства были учреждены в большинстве епархий.

В. титуловались по одному из уездных городов епархии, но за редкими исключениями их резиденция находилась в епархиальном центре, а не в том городе, наименование к-рого они носили в своем титуле. Они не имели никакой церковно-адм. или судебной власти в этом городе, их связь с ним обычно ограничивалась лишь возношением их имени за богослужением в соборном храме города либо также и в др. его церквах. Согласно имп. указу от 13 апр. 1793 г., В. не имели ни своих кафедральных соборов, ни своих отдельных консисторий. Исключение составляли нек-рые викариатства, представлявшие собой выделенную часть епархии, находившуюся под полусамостоятельным управлением викарного епископа. В этом случае резиденция В. располагалась на территории его викариатства и при нем действовало духовное правление. Такой статус имело *Люблинское викариатство* в составе Варшавской епархии, пока эта епархия не была разделена на 2 самостоятельные: *Варшавскую* и *Холмскую,* в связи с чем Люблинское вик-ство было упразднено. В. Иркутской епархии епископ Читинский управлял приходами Забайкальской обл., имея резиденцию в своем кафедральном городе. В конце синодальной эпохи существовали и др. полусамостоятельные викариатства, в частности Камчатское, Бакинское.

В важнейших епархиях в канун *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* было по неск. викарных епископов: в С.-Петербургской и Новгородской — 4, один из к-рых состоял по Новгородской, а 3 др.— по С.-Петербургской епархии, при общем

митрополите юридически это были 2 епархии, соединенные в адм. порядке; в Московской и Киевской — по 3 В.; еще неск. епархий (в т. ч. Тифлисская, Иркутская, Херсонская) имели по 2 В. В большинстве же епархий было по одному В.

Для действий викарных епископов не существовало общих инструкций Святейшего Синода, они выполняли поручения правящих архиереев, к-рые по своему усмотрению либо возлагали на своих помощников — В. постоянные обязанности, либо давали им разовые поручения. В обязанности викарных архиереев могло входить посвящение церковнослужителей, или даже священнослужителей, особенно часто в тех уездах, центры к-рых были городами, которыми они титуловались, но при этом они действовали по поручению епархиального архиерея и не принимали решений о рукоположениях самостоятельно. Кроме того, по усмотрению правящего архиерея их ведению могли вверяться такие отрасли церковного управления, как надзор за церковноприходскими школами, женскими мон-рями, свечными заводами, предварительный просмотр консисторских журналов, в отдельных случаях с согласия правящего архиерея, и их утверждение, дела о присоединении инославных к правосл. Церкви, попечение о выдаче освященных антиминсов и св. мира. Во время вакантности епархиальной кафедры указы Святейшего Синода адресовывались викарному епископу, если таковой был в епархии.

Предсоборное Присутствие РПЦ 1906 г. признало желательным, чтобы В. были кандидатами на замещение епархиальных кафедр и чтобы их права были расширены. Эти идеи Предсоборного Присутствия были осуществлены Поместным Собором 1917–1918 гг. Собор вынес особое «Определение о викарных епископах». Его принципиальная новизна заключалась в том, что к ведению викарных епископов предполагалось отнести не только круг дел, касающихся епархиального управления, как это имело место и в синодальный период, но и управление отдельными частями епархии, что в синодальную эпоху имело место лишь в неск. епархиях. Викарные епископы должны были управлять своими частями епархии «под общим руководством епархиального архиерея... на правах самостоятельных епископов» и иметь пребывание в городах, по к-рым титулуются, а также, где это возможно, состоять настоятелями монастырей (Собор, 1918. Определения. Вып. 3. С. 42). Определение было продиктовано насущной потребностью в увеличении числа епархий и мыслилось как первый шаг в этом направлении: «Существующие викариатства, где к тому представляется возможность, постепенно преобразовываются в самостоятельные епархии» (Там же).

После Собора в соответствии с соборным решением о расширении полномочий викарных епископов и об увеличении числа викариатств стало совершаться значительно больше архиерейских хиротоний, чем прежде: в 20-х гг. в Русской Церкви было не менее 200 архиереев, и большинство из них составляли В. Викарные епископы имели своим местопребыванием города, по к-рым они титуловались. Но устройство епархиального управления с разделением епархии на округа во главе с В., как это предполагалось Поместным Собором 1917–1918 гг., так и не сложилось: на Церковь обрушились гонения, архиереи подвергались арестам, заточениям, ссылкам и, т. о., утрачивали возможность управлять своими епархиями или викариатствами, в большинстве случаев епархиями управляли не правящие, а находившиеся временно на свободе и в пределах епархии В.

Учитывая реальные обстоятельства церковной жизни, сложившиеся в 40-х гг., *Поместный Собор 1945 г.* в своем *«Положении об управлении Русской Православной Церкви»* не предусматривал уже пребывания В. в городах, к-рыми они титуловались, и полусамостоятельного управления ими отдельными частями епархии, определив для них «круг обязанностей по усмотрению епархиального архиерея» (III 25). С этих пор статус викарных епископов в целом в Русской Церкви соответствует тому, какой они имели в синодальный период. Никаких принципиальных изменений в него не было внесено и *Уставом об управлении Русской Православной Церкви 1988 г.*, к-рый предусматривал возможность назначения в помощь епархиальному архиерею викарного епископа (VII 7).

Так же как в прежнем, в ныне действующем *Уставе Русской Православной Церкви,* изданном *Архиерейским юбилейным Собором 2000 г.,* говорится, что при необходимости в помощь епархиальному архиерею Священным Синодом назначаются викарные епископы, круг обязанностей к-рых устанавливается правящим архиереем (X 1. 8).

В соответствии с Уставом викарные епископы входят в состав Поместного Собора (II 3). Таким же правом они располагали и в соответствии с Уставом 1988 г. (II 3). Но, согласно Уставу Собора 1917–1918 гг., викарные архиереи по своему статусу не являлись его членами, членами Собора нек-рые из них были на др. основаниях, напр. по избранию съезда монашествующих. Викарные епископы в соответствии с ныне действующим Уставом (II 13) наравне с правящими архиереями составляют Архиерейское совещание (см. в ст. *Архиерейский Собор*).

В состав Архиерейского Собора на основании ныне действующего Устава с правом решающего голоса входят только те викарные епископы, к-рые возглавляют синодальные учреждения и духовные академии или имеют каноническую юрисдикцию над подведомственными им приходами (III 1). Викарные епископы, «имеющие каноническую юрисдикцию над подведомственными им приходами», — это те архиереи, к-рые, будучи по титулу В. Московского Патриарха, управляют приходами РПЦ на канонической территории *Православной Церкви в Америке,* таковыми в наст. время являются епископ Зарайский, управляющий приходами Московского Патриархата в США, и архиепископ Каширский, управляющий приходами Московского Патриархата в Канаде. Ранее таковые викарные епископы не были членами Архиерейского Собора. Все остальные викарные епископы могут участвовать в заседаниях Архиерейского Собора без права решающего голоса (III 1).

В РПЦ сохраняется обычай, по к-рому викарные епископы в отличие от правящих в своем титуле имеют наименование одного города. Только часть В. в наст. время исполняет обязанности, связанные с помощью правящему архиерею в управлении епархией. Ряд В. Святейшего Патриарха, нося титулы городов Московской епархии, имеют

различные должности по высшему церковному управлению. В. в РПЦ, как и правящие архиереи, могут иметь сан епископов, архиепископов и митрополитов.

В РПЦ в 2004 г. было 25 кафедр викарных епископов: Верейская, Видновская, Дмитровская, Егорьевская, Зарайская, Истринская, Каширская, Клинская, Красногорская, Люберецкая, Можайская, Орехово-Зуевская, Подольская, Сергиево-Посадская, Раменская — в Московской епархии, Тихвинская — в С.-Петербургской, Людиновская — в Калужской, Шацкая — в Рязанской, Балтийская — в Смоленской, Керченская, Сергиевская — в Сурожской, а также в Украинской Православной Церкви: Васильковская и Почаевская, Вышгородская, Переяслав-Хмельницкая — в Киевской, Изюмская — в Харьковской епархиях.

Институт викарных, или титулярных, епископов существует и в др. правосл. Церквах, но само наименование «викарный епископ», «викарий» появилось в нек-рых из них, очевидно, по примеру Русской Церкви. Викарные епископы поставляются, в частности, в Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской, Американской Церквах. В нек-рых др. Церквах, напр. К-польской и Александрийской, их именуют титулярными епископами. При этом в соответствии с уставами этих Церквей В., как правило, входят в качестве полноправных членов в Соборы с участием клириков и мирян, но в нек-рых из них (Сербской, Болгарской, Американской) они не входят в Архиерейские Соборы, имеющие в этих Церквах различные наименования.

Викарные епископы в правосл. Церкви не могут принимать самостоятельных решений о рукоположениях: совершать посвящения во диакона или пресвитера они могут только по благословению правящего архиерея, обладающего полнотой канонической епископской власти. В этом отношении викарные архиереи находятся в положении, аналогичном положению епископов, ушедших на покой.

Прот. Владислав Цыпин

Термин «викарий» получил широкое распространение в католич. Церкви еще в эпоху средневековья. С т. зр. правосл. экклезиологии не имеет никаких оснований тот факт, что среди титулов главы Римско-католической Церкви, папы, есть «викарий Христа» (vicarius Jesu Christi — CIC 331), часто переводимый как «наместник Христа», а по тому смыслу, к-рый вкладывается в этот титул католич. богословием и каноническим правом,— «заместитель Христа». Эта должность принадлежит ему как преемнику апостола Петра, «князя апостолов» на языке традиц. католич. экклезиологии.

Термин «викарий» употреблялся на Западе уже в древней Церкви как наименование должности заместителя, или представителя, папы, епископа Рима. «Апостолические викарии» (vicarii apostolici) именуются также «прирожденными легатами» (legati nati), если исполнение соответствующих обязанностей сопряжено не с личностью епископа, а с занимаемой им кафедрой, первенствующей в той или иной церковной области, так что уже через поставление на нее епископ приобретает звание легата. Такие В. назначались папами со 2-й пол. IV в. (*Naz R.* Vicaire apostolique. Col. 1481). Они наделялись высшими правительственными полномочиями в области своей юрисдикции, в частности по созыву Соборов, по судебному рассмотрению тяжб между епископами, по принятию апелляций. Папскими В. и одновременно прирожденными легатами были архиепископы Арелатский в Галлии, Севильский в Испании, Фессалоникийский в Иллирике (до VIII в., когда Иллирик с Фессалоникой был передан в иконоборческую эпоху из юрисдикции Римских пап в юрисдикцию К-польских Патриархов). Институт апостолических В. в определенной мере аналогичен институту экзархов в Вост. Церкви, начиная с V в., когда возглавляемые экзархами «великие области» утратили свою *автокефалию*.

В IX в. В. Галлии и Германии был назначен архиепископ г. Мец. В XI в. этого титула были удостоены архиепископы Зальцбургский, «примас Германии», Майнцский, Трирский, Гамбург-Бременский, к-рые одновременно являлись кардиналами и обладали широкими адм. и судебными полномочиями. Эти апостолические В. носили также титул «legati a latere» (легатов из ближайшего окружения). Вообще до XII в. апостолическими В. называли тех, кого в наст. время именуют легатами (Ibidem).

Новое употребление термин «апостолический викарий» получил в XVII в., когда перед католич. Церковью встала необходимость миссионерской деятельности в протестант. странах Европы, с одной стороны, и в странах Нового Света, в Африке и на Дальн. Востоке — с др. Действовавшие на этих территориях католич. миссии были подчинены непосредственно папе в качестве его «всеобщего епископа» (episcopus universalis). При успехе миссии в к.-л. местности миссионерство организовывалось в апостолический викариат, глава к-рого, назначаемый и смещаемый Римской курией, управлял им от имени папы. «Апостолический викариат или апостолическая префектура есть определенная часть народа Божия, которая ввиду особых обстоятельств еще не образует диоцез и которая вверяется пастырскому попечению апостолического викария или апостолического префекта, чтобы они управляли ею от имени Верховного Первосвященника» (CIC 371. 1). В рамках таких викариатов в течение долгого времени была организована католич. миссия на территории Англии, Голландии, Скандинавских стран и в протестант. областях Германии. Епископское устройство возникло там в кон. XVIII–XIX в., а в Скандинавии — только в 50-х гг. XX в. Апостолические викариаты образовывались начиная с кон. XVI в. в странах Азии и Африки. В наст. время они действуют в Йемене, Камбодже, Кувейте, Лаосе, Ливии, Эфиопии и ряде др. государств.

В XIX в. «военным викарием» (vicarius castrensis) именовался глава военного духовенства в Австро-Венгрии, кроме того, аналогичный титул имели нек-рые католич. епископы в миссионерских странах: в Китае, на о-вах Тихого океана.

Должность «викарий» существует в католич. Церкви и на уровне диоцезального, или епископского, управления. Причем носителем такой должности может быть как епископ, так и пресвитер. Викарные епископы в католич. Церкви в этом значении термина напоминают В. в Русской Православной Церкви.

Викарные епископы называются также титулярными (episcopi titulares), т. к., имея титул, они не обладают соответствующей ему юрисдикцией, иначе говоря, кафедра, наименование к-рой они носят в

своем титуле, в действительности не существует, как не существует и соответствующих им еп-ств, а сами эти епископы являются только помощниками или заместителями правящих епископов. Наименование титулярных епископов — episcopi in partibus infidelium (епископы в странах неверных) — сохранялось до кон. XIX в.

Происхождение титулярного епископата связано с нормой 8-го прав. *Вселенского I Собора,* к-рое не допускает существования 2 епископов в одном городе. В связи с этим, когда в управлении обширными епархиями возникла необходимость в помощи правящему архиерею со стороны др. епископа, в особенности в совершении рукоположений, то этим епископам-помощникам стали давать фиктивные титулы (или по исчезнувшим городам). В отличие от католич. Церкви в правосл. Церкви, в частности Русской, они, как правило, носят титулы меньших городов тех же самых епархий, где они осуществляют свое служение.

В католич. Церкви появление титулярных епископов исторически оказалось связано с изгнанием в XIII в. язычниками пруссами и ливами епископов из прибалтийских еп-ств и одновременным удалением католич. епископов с Балкан и из Леванта после падения Латинской империи и неудач крестоносцев на Ближ. Востоке. Утратившие свои кафедры епископы, сохраняя прежние титулы, становились помощниками правящих епископов Зап. Европы с ее относительно обширными еп-ствами (диоцезами). Впосл. эта практика была институализирована и получила широкое распространение. В этом отношении аналогию с католич. епископами «in partibus infidelium» представляют такие кафедры Русской Церкви, как Сурожская или Корсунская, хотя они являются не викарными, но епархиальными. Титулярные епископы в католич. Церкви в наст. время особенно часто носят в титуле наименования городов Карфагенской (Африканской) Церкви, где до завоевания Африки арабами было особенно много епископских кафедр.

Викарные епископы в католич. Церкви назначаются папой либо по его собственному усмотрению, когда в этом возникает необходимость, либо по просьбе диоцезального епископа. Чаще всего викарные епископы назначаются в общирные епства, в отдельных случаях также ввиду преклонных лет или болезни правящего епископа.

В позднее средневековье и в Новое время, когда ряд епископов, особенно в Германии, обладали гос. суверенитетом, причем на территориях, необязательно совпадающих с областью их церковной юрисдикции, таковыми епископами обыкновенно поставлялись выходцы из феодальной аристократии, и, как правило, они не получали епископской хиротонии, иными словами, обладая церковно-правительственной властью (potestas jurisdictionis) в своем еп-стве, не обладали властью совершать священнодействия (jura ordinis). В таком случае в еп-ство не получившего хиротонии епископа-князя назначался викарный епископ, к-рый и совершал богослужения, рукополагал пресвитеров. Отсюда характерное наименование викарных епископов в Германии в ту эпоху — Weihbischof (посвященный епископ, т. е. епископ, имеющий хиротонию). Исчезновение института не имевших хиротонии епископов относится уже к новейшему периоду и может быть поставлено в связь с упразднением церковных гос-в в Зап. Европе, за исключением *Папской обл.,* при Наполеоне.

Викарные епископы именуются либо епископами-помощниками (episcopus auxiliaris), либо епископами-коадъюторами (episcopus coadiutor) (CIC 403. 2). Различие в их статусе заключается в том, что коадъютор обыкновенно поставляется в случае преклонных лет или болезни правящего епископа и в отличие от епископа-помощника он обычно имеет право на преемство правящему диоцезальному епископу (cum jure successionis). При освобождении кафедры правящего епископа коадъютор автоматически становится правящим епископом, а епископ-помощник в аналогичном случае сохраняет только ту власть, к-рой он пользовался, когда кафедра была занята (CIC 409. 1). «Епископ-коадъютор и епископ-помощник,— согласно действующему Кодексу канонического права католич. Церкви,— помогают диоцезальному епископу во всем управлении диоцезом и замещают его в его отсутствие или при наличии для него препятствий» (CIC 405. 2).

Помимо викарных епископов-помощников или коадъюторов, к-рые назначаются лишь в особых случаях, во всех епископальных (диоцезальных) куриях католич. Церкви лат. обряда существует должность генерального В. (vicarius generalis), к-рый является помощником правящего епископа по осуществлению правительственных, и в частности адм. прав епископа. До XIV в. генеральные В. назначались лишь в вакантные диоцезы. Затем они стали назначаться и в те диоцезы, где присутствует епископ. При этом, однако, назначение или неназначение генерального В. предоставлялось усмотрению диоцезального епископа, принудить его к такому назначению папа мог лишь в случае недостаточного знакомства епископа с каноническим правом или при обширности еп-ства. Действующий Кодекс предусматривает существование должности генерального В. во всех еп-ствах (CIC 475. 1).

Если в еп-стве (диоцезе) есть епископ-коадъютор или епископ-помощник, то таковой и становится одновременно генеральным В. (CIC 406. 1) либо епископским В. (vicarius episcopalis; должность учреждена после *Ватиканского II Собора — Юркович.* С. 116). В большинстве же еп-ств, где викарных епископов нет, генеральный В. назначается, а также при необходимости увольняется самим правящим епископом из числа пресвитеров. Ранее он мог и не иметь священного сана, но должен был непременно принадлежать к клиру, т. е. иметь тонзуру.

Если правящий епископ сочтет целесообразным, он может, помимо генерального В., назначить одного или неск. епископских В., полномочия к-рых отличаются от полномочий генерального В. тем, что они осуществляют их лишь применительно к части еп-ства, или к определенной группе верующих, напр. к монашествующим, или по определенному кругу вопросов.

Генеральные и епископские В. назначаются из лиц в пресвитерском сане, «не моложе 30 лет, имеющих степень доктора или лиценциата канонического права или богословия или, по крайней мере, подлинно сведущих в этих науках, известных приверженностью учению Церкви (sancta doctrina), честностью, благоразумием и опытом ведения дел» (CIC 478. 1). При этом генеральный

или епископский В. не может быть одновременно каноником-пенитенциарием либо находиться в родстве с диоцезальным епископом до 4-й степени включительно. Полномочия генеральных и епископских В. упраздняются в случае наступившей вакантности епископской кафедры.

«В силу самой должности генеральный викарий во всем диоцезе располагает исполнительной властью (potestas executiva), по праву принадлежащей диоцезному Епископу, а именно властью издавать все административные акты — за исключением тех, что Епископ сохранил за самим собой, а также тех, что по нормам права требуют особого мандата Епископа» (CIC 479. 1). Генеральные и епископские В. рассматриваются юридически как одна инстанция с диоцезальным епископом, поэтому апелляции на их действия подаются не диоцезальному епископу, а в вышестоящую инстанцию — архиепископу, по отношению к к-рому диоцезальный епископ является суффраганом (CIC 1438. 1).

В католич. Церкви термин «викарий» употребляется также применительно к главе т. н. деканата, т. е. округа, состоящего из неск. приходов, подобного *благочинническим округам* Русской Православной Церкви. Декан, или vicarius foraneus, именуется также архипресвитером. Он назначается правящим епископом с учетом мнения духовенства деканата на определенный срок. В своем деканате vicarius foraneus поддерживает и координирует совместную пастырскую деятельность, следит за тем, чтобы клирики вели жизнь, подобающую их сану, заботится о совершении богослужения в соответствии с литургическими предписаниями, наблюдает за правильным ведением приходской документации и целесообразным распоряжением церковным имуществом.

Помощников или заместителей могут иметь и настоятели приходов. Институт приходского В. появился в XII в. (Р. Штригл) в силу целого ряда обстоятельств. Нередко настоятелями приходов становились, в качестве юридических лиц, аббатства и капитулы (это явление, получившее название «инкорпорации» приходов, возникло еще в X в. и все больше распространялось вплоть до конца средневековья). Вместе с тем на должность приходского настоятеля порой назначались лица, освобожденные от обязанности постоянно проживать в своих приходах (т. о. за счет приходских доходов обеспечивалось, в частности, содержание клирикам, занятым на адм. должностях в папской курии или королевской канцелярии). Наконец, несмотря на неоднократные запрещения, сохранялась практика соединения в руках одного настоятеля неск. приходов. Во всех подобных случаях появлялась необходимость найти В., к-рый на деле исполнял бы пастырские обязанности. Викариатские должности бывали как пожизненные (vicarius perpetuus), так и временные, или смещаемые (vicarius temporalis, amovabilis). Права и обязанности В., как и размер полагающегося ему содержания, определялись договором, к-рый он заключал с номинальным настоятелем прихода. Общее право Церкви на протяжении средневековья оставляло их отношения почти без всякого внимания.

В ср. века в обширных приходах, особенно в городах, для помощи приходскому настоятелю могли назначаться др. священники. Эта должность называлась в разных местах по-разному: socii sacerdotes, adjutores, suffraganei и проч.— к В. они не причислялись.

Кодекс канонического права 1917 г. (Can. 471–478) объединял под понятием приходского В. (vicarius paroecialis) лицо, замещающее настоятеля прихода в его отсутствие или, если он не мог исполнять свои обязанности (vicarius substitutus, adiutor и др.), и помощника настоятеля (vicarius cooperator). В ныне действующем Кодексе название «приходский викарий» сохранено только за последней должностью (CIC 545–552). В. может осуществлять пастырское служение как в пределах всего прихода, так и в определенной его части или же в отношении особой группы прихожан. Назначение на должность производится епархиальным епископом. Права и обязанности приходского В. определяются помимо общецерковного права уставом еп-ства и мандатом настоятеля прихода. В приходе может быть один или неск. приходских В.

Аналогичный институт приходских В. существует и в протестант. церквах. При этом, ввиду отсутствия в этих церквах священства, приходские В., равно как и настоятели приходов, не являются священнослужителями в собственном смысле слова ни с т. зр. правосл. экклезиологии, ввиду отсутствия в этих церквах преемства рукоположений от апостолов, ни в соответствии с учением самих этих церквей, отрицающим сакраментальный характер *ординаций*. Действительность же священства англикан. Церкви не признана ни правосл., ни католич. Церковью, что относится и к англикан. В., имеющим посвящение в сан пресвитеров.

Ист.: Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893²; Собор, 1918; Положение об управлении Русской Православной Церкви. М., 1945; CIC, 1983; Устав, 1989; Устав, 2000.

Лит.: *Никодим [Милаш], еп. Далматинский.* Православное церковное право. СПб., 1897. С. 379–381; *Павлов А. С.* Курс церковного права. Серг. П., 1902. С. 250–251; *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1912. С. 236–241; 261; *Hartridge R. A. R.* A History of Vicarages in the Middle Ages. Camb., 1930; *Fournier E.* L'origine du vicaire général et des autres membres de la curie diocésaine. P., 1940. P. 283–400; *Strigl R.* Pfarrvikar // LTK. Bd. 8. Sp. 414; *Naz R.* Vicaire apostolique, auxiliaire, capitulaire et autr. // DDC. T. 7. Col. 1479–1504; *Цыпин Вл., прот.* Церковное право. М., 1996. С. 283, 285, 287, 290; *Юркович И., пресв.* Каноническое право о народе Божием и о браке. М., 2000. С. 115–116, 134–135.

Прот. Владислав Цыпин, А. В. Бусыгин

ВИКА́РНЫЙ ЕПИ́СКОП – см. в ст. *Викарий*.

ВИКЕ́НТИЙ († 551), свт. (пам. зап. 24 мая), еп. г. Фульгиния (совр. Фолиньо, обл. Умбрия, Италия). Подробное житие В. было составлено в XVII в. Л. Якобили и помещено в его соч. «Жития святых и блаженных Умбрии» (Vite dei Santi e Beati dell'Umbria. Foligno, 1647. T. 1. P. 556–559). В. происходил из Сирии, из г. Лаодикия. В 516 г. он прибыл в Рим, где был рукоположен во пресвитера папой *Гормиздом*. Позднее В. построил себе келлию с часовней в честь Пресв. Троицы вблизи г. Фульгиния и поселился в ней как отшельник. После смерти в 523 г. еп. Фульгинии Фортуната В. был избран его преемником и утвержден на кафедре папой *Иоанном I*. На месте своей прежней келлии он основал мон-рь в честь св. *Сильвестра*, папы Римского, где впосл. нек-рое время подвизался св. Флорентий Нурсийский. В 546 г., во время войны между Византией и остготами, остготский кор. Тотила разрушил

Фульгинию. В. занимал кафедру в течение 28 лет. Был погребен в кафедральной ц. св. Фелициана.

Сведения, представленные Якобили, в новейшее время подвергались сомнению, в частности, отрицался епископский сан В., к-рый, по мнению совр. исследователей, был только подвижником-монахом (M. Sensi).

Ист.: ActaSS. Mai. T. 5. P. 296–297, 299.
Лит.: *Lanzoni Fr.* Le diocesi d'Italia. Faenza, 1927. P. 450; *Marini F.* I vescovi di Foligno. Vedelago, 1948. P. 13; *Sensi M.* Vincenzo di Foligno // BiblSS. Vol. 12. Col. 1140–1141.

Д. В. Зайцев

ВИКЕ́НТИЙ [греч. Βικέντιος] († 304), сщмч. Августопольский (Сарагосский, Валенсийский) (пам. 11 нояб., пам. зап. 22 янв.), пострадал в гонение имп. *Диоклетиана*. Родиной В. традиционно считается Оска (совр. Уеска, Испания), по др. версии — Цезаравгуста (Августополь, совр. Сарагоса). Родителей В. звали Евтихий и Енола. С юности В. посвятил себя служению Богу. Наставником В. был свт. *Валерий*, еп. Цезаравгусты. По причине косноязычия еп. Валерий не мог произносить проповеди в храме, поручив это В., к-рого рукоположил во диакона.

В это время в Валенцию (совр. Валенсия) по поручению Диоклетиана прибыл наместник Дациан с целью искоренения христ. веры и велел доставить к нему еп. Валерия и В. По пути их мучили голодом и жаждой и тащили, привязав к коням. В Валенции мучеников на неск. дней бросили в темницу, оставив без пищи и еды. Еп. Валерий на вопросы Дациана отвечал тихим голосом, В., желая показать, что не боится угроз, открыто исповедал христ. веру. Отослав епископа в темницу, Дациан предал В. мучениям. Ему нанесли такие глубокие раны, что в нек-рых местах показались кости. Однако В. просил палачей продолжать пытку, и она длилась до тех пор, пока палачи не устали. Распяв В. на кресте, ему прижигали раны раскаленным железом. Когда мученик упал на землю, палачи, решив, что он умер, подняли его, но В. освободился из их рук и вернулся на крест. После этого его бросили на острые черепки в темнице. Воин, охранявший В., видел чудесный свет и слышал пение мученика. На следующий день Дациан, положив В. на мягкое ложе, подослал к нему слуг, к-рые перевязывали его раны и уговаривали отречься от веры, мученик же отвечал, что предпочитает вернуться в темницу. Тогда В. положили на железную решетку, разведя

Святые Мина, Виктор и Викентий. Икона. Нач. XVII в. (Ризница мон-ря Хиландар на Афоне)

под ней огонь, и во время этих мучений святой скончался.

По приказу Дациана тело мученика было выброшено в поле, и к нему приставлена стража, чтобы христиане не смогли предать его погребению. Однако около тела появился ворон, к-рый и сам не прикасался к нему вопреки своему обычному поведению, и др. птицам и зверям не давал приблизиться к останкам мученика, отогнав от них даже волка. Сообщив о таком чуде Дациану, стражники по его приказу бросили тело В. в море, отплыв на лодке далеко от берега, но по возвращении они увидели, что тело лежит на берегу. В ужасе воины убежали, а тело В. предала погребению некая благочестивая вдова.

В зап. традиции В. является покровителем виноделов и моряков, городов Сарагоса, Валенсия, а также Португалии. В кон. IV в. он почитался в Африке, о чем свидетельствует блж. *Августин*, еп. Гиппонский, посвятивший В. 4 большие проповеди (PL. 38. Col. 1252–1268).

Сразу после утверждения христианства в Валенсии на месте погребения мученика была построена церковь. В Испании посвященные В. церкви находились в Толедо и Гиспале (совр. Севилья) (V в.). В 1175 г. (или в 1173) мощи В. были перенесены в Лиссабон, по др. версии, в 864 г. они оказались в г. Кастр (Франция). Рука В. находится в Бари (Италия). Возможно, часть мощей В. находилась также в г. Кремона (Италия). Кор. Хильдеберт I привез *далматик* В. в Париж в 543 г. и тогда же (по др. сведениям, в 558) построил церковь в честь В., к-рая позже была посвящена св. Герману и стала называться Сен-Жермен-де-Пре. В г. Режимон (Франция) с 455 г. существовала церковь святых В., Агнессы и Евлалии. В Риме было 3 церкви, посвященные В., про одну известно, что она была построена папой Римским *Гонорием I* (625–638) и отреставрирована при папе *Льве III* в 796 г.

В К-поле существовала по крайней мере одна церковь в честь В., к-рая находилась в пригороде Евдом или на равнине вокруг него; в синаксарє К-польской ц. она названа «церковью Викентия на военном поле» (ἐν τῷ Κάμπῳ) (SynCP. Col. 869). Эта церковь была разрушена в результате землетрясения в 557 г., впосл. была восстановлена. Есть сведения, что память мучеников В. и Виктора (пам. 11 нояб.) отмечалась в местности под названием Гайтанон (Γαϊτανόν) (SynCP. Col. 214), установить точное ее расположение невозможно, вероятно, речь также идет о церкви в Евдоме. По сообщению анонимного описания святынь К-поля, изданного С. Дж. *Меркати*, часть мощей В. находилась в К-польской ц. мч. Мины (*Mercati S. G.* Santuari e reliquie Costantinopolitane secondo il cod. Ottob. lat. 169 prima d. conquista latina (1204) // Rendiconti d. Accademia di Archeologia. Napoli, 1936. Vol. 8. P. 144).

На греч. языке существует житие В., приписываемое *Симеону Метафрасту* (X в.) (BHG, N 1866; PG. 114. Col. 735–755). Основной корпус текстов, посвященных В., сохранился на лат. языке. Одним из главных источников о мученичестве В. является стихотворный рассказ христ. поэта *Пруденция* (IV–Vвв.) (Peristephanon 5 // PL. 40. Col. 378–411), в свою очередь источником для Пруденция, как и для блж. Августина, вероятно, служили несохранившиеся акты мученичества В. или более древнее житие, опубликованное Рюинартом (Acta Martyrum. Verona, 1731. P. 323–329). Сохранились также др. жития В. в стихах (BHL, N 8641–8642) и анонимное прозаическое житие (BHL, N 8627–8636; ActaSS. Ian. T. 2. P. 394–397.

Т. 3. P. 7–10). Известны сказания о перенесении мощей В. в мон-рь в г. Кастр в 864 г. (BHL, N 8644–8646), перенесении руки мученика в Бари в XI в. (BHL, N 8652), перенесении мощей в Лиссабон в 1173 г. и чудесах, происходивших в том же городе (BHL, N 8653–8655). Сохранились рассказы, посвященные посмертным чудесам В. в Испании (BHL, N 8648), чудо в мон-ре св. Бертена (Бертинском) в X в. (BHL, N 8650). В. упоминается в творениях свт. *Павлина Милостивого,* еп. Ноланского (V в.) (Carmina. 19. 164 / Ed. W. Harlet. Vindobonae, 1894. (CSEL; 30)), а также *Венанция Фортуната* (VI в.) (Carmina miscellanea. Cap. 8, 9 // PL. 88. Col. 71A–71B, 71B–72A) и мн. др. средневек. писателей.

Ист.: PG. 114. Col. 735–755 [passio]; ЖСв. Ноябрь. С. 222–228.

Лит.: *Waal A.* Zum Kult des hl. Vinzent von Saragossa // RQS. 1907. Bd. 21. P. 135 sq.; *Hurault E.* St. Vincent martyr, patron des vignerons et son culte dans le diocèse de Châlons. Châlons-sur-Marne, 1910; *Peeters P.* Une invention des ss. Valère, Vincent et Eulalie dans le Péloponèse // AnBoll. 1911. T. 30. P. 296–306; *Lacger L., de.* Saint-Vincent de Saragosse // Revue d'Histoire de l'Église de France. 1927. N 13. P. 307–358; *Gaiffier B., de.* Sermons latins en l'honneur de St. Vincent antérieurs au Xe siècle // AnBoll. 1950. T. 67. P. 267–286; *Janin.* Églises et monastères. P. 63–64, 334; ΘΗΕ. Τ. 3. Σ. 892; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 81; *Moral T.* Vincenzo // BiblSS. Vol. 12. Col. 1149–1155; *Saxen V.* La version breve BHL 8638 de la Pasión de San Vincente // Hispania sacra. 1991. N 43. P. 679–713; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 465.

О. Н. Афиногенова

Гимнография. Последование, посвященное исключительно В., неизвестно. Служба 11 нояб., когда отмечается память В., по студийским и иерусалимским Типиконам не содержит больших различий и посвящена в основном мч. Мине, с упоминанием в нек-рых песнопениях имени В. (напр.: в каноне Иоанна Монаха 4-го гласа, помещенном в совр. последовании 11 нояб., в 4-м тропаре 8-й песни и 2-м тропаре 9-й; в светильне, стихирах на «Слава» на «Господи, воззвах» и на стиховне).

В рукописях встречаются и др. каноны, совместно прославляющие память мучеников Мины, Виктора и В. (а также мц. Стефаниды) (Ταμεῖον. Σ. 91; AHG. T. 3. P. 299–317), этих же мучеников вместе с прп. Феодором Студитом (AHG. T. 3. P. 318–330).

Иконография. В. обычно изображался как молодой безбородый мученик с темно-коричневыми вьющимися волосами, в хитоне и плаще; в правой руке держит крест. Эта иконография характерна для большинства памятников, однако, встречаются изображения В. как средовека с бородой, напр. в Новой ц. Токалы-килисе в Гёреме (Каппадокия), кон. X в. Реже святой представлен

Сщмч. Викентий. Роспись кафоликона мон-ря Осиос Лукас в Фокиде. 1-я пол. XI в.

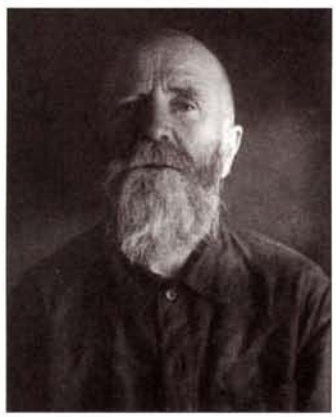
юным светловолосым диаконом с гуменцом на голове, в стихаре и с орарем: в Палатинской капелле в Палермо в Сицилии, 50–60-е гг. XII в.; в Чефалу в Сицилии, ок. 1148 г.; в мон-ре Хора (Кахрие-джами) в К-поле, ок. 1316–1321 гг. В Ерминии *Дионисия Фурноаграфиота* (нач. XVIII в.) о В. сказано: «Юный без бороды» (Ч. 3. § 10. № 10).

В визант. искусстве В. изображался в сцене мучения или реже единолично в рост; как правило, рядом со святыми Виктором Египетским и Миной Фригийским, память к-рых приходится на тот же день (фреска в ц. № 6 в Гёреме, 1-я пол. X в.– только В.). Вместе святые представлены: в Куббели-килисе № 3 в Соганлы (Каппадокия), 1-я пол. X в.; в Минологии Василия II (Vat. gr. 1613. Fol. 174, 976–1025 гг.); в Новой ц. Токалы-килисе в Гёреме; в ц. Варвары в Соганлы, между 1006–1021 гг.; в минологии Служебного Евангелия (Vat. gr. 1156. Fol. 266v, 3-я четв. XI в.– в рост); в ц. Карабаш-килисе в Соганлы 1060–1061 гг.; в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас в Фокиде (в крипте, 30-е гг. XI в., и в наосе, где в XIX в. на месте утраченного образа был написан новый); в ц. Георгия Диасорита на о-ве Наксос, XI в.; в ц. Марторана в Палермо, в Сицилии, 1143 г.; в кафедральном соборе в Монреале в Сицилии, 1180–1190 гг.; в ц. ап. Андрея в Ливади на о-ве Китира, XIII в.; в ц. Николая Орфаноса в Фессалонике, 1309–1319 гг.; в ц. Вознесения мон-ря Дечаны, 1348–1350 гг.; в ц. Св. Троицы мон-ря Козия в Валахии (Румыния), ок. 1386 г.; в греко-груз. рукописи (РНБ. О. I. 58. Л. 57, 94, XV в.).

Лит.: *Jerphanion G., de.* Les églises rupestres de Cappadoce: Une nouvelles province de l'art byzantin. P., 1928. Vol. 2. P. 340; *Demus O.* The Mosaics of Norman Sicily. L., 1949. P. 14, 39, 80, 115; *Restle M.* Byzantine Wall Painting in Asia Minor. Recklinghausen, 1967. Bd. 2. Pl. 10. № 115–116; *Underwood P.* The Kariye Djami. L., 1967. Vol. 1. P. 153, 156–159. Pl. 164. Vol. 2. P. 163; *Chatzidakis M. et al.* Naxos. Athens, 1989. P. 69–70. Pl. 1; *Connor J. L.* Art and Miracles in Medieval Byzantium: The Crypt at Hosios Loukas and Its Frescoes. Princeton, 1991. P. 17; *Jolivet-Levy C.* Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991. P. 93. Remarq. 79. P. 116. Remarq. 266, 269; *Chadzidakis M., Bitha I.* Corpus de la peinture monumentale Byzantine de la Grèce: L'Ile de Cythère. Athènes, 1997. P. 61. Pl. 5; *Евсеева.* Афонская книга. С. 217, 251.

Н. В. Герасименко

ВИКЕ́НТИЙ Михайлович Смирнов (1881, с. Засименево Клинского у. Московской губ.– 16.11.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 3 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи диакона. По окончании ДС женился и был рукоположен во иерея. В 1930 г. в сане протоиерея назначен настоятелем храма в пос. Химки под Москвой. 26 окт. 1937 г.

Сщмч. Викентий Смирнов. Москва. Тюрьма НКВД. Фотография. 1937 г.

В. был арестован, заключен в камеру при Красногорском районном отд-нии милиции, обвинен в «контрреволюционной агитации». Виновным себя не признал. Расстрелян по постановлению тройки при УНКВД по Московской обл. от 14 нояб. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 22 февр. 2001 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20627.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 6. С. 271–272.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИКЕ́НТИЙ [лат. Vincentius] (III в.), мч. (пам. зап. 24 мая). Пострадал во время гонения имп.

Диоклетиана в окрестностях Рима и был погребен на 6-й миле от Рима, между Аврелиевой и Триумфальной дорогами. Память В. впервые встречается в италийской редакции Мартиролога Иеронима. По указаниям итинериариев VII в. (Малмсберийского и «О святых местах мучеников, которые находятся за пределами Рима»), центр почитания В. был в катакомбах Понтиана, на Портовой дороге, где был воздвигнут в его честь памятник. Из Мартиролога Иеронима память В. перешла в каролингские мартирологи. Текст «Страстей», где упоминается В., относится к позднему времени и признан исторически недостоверным.

Ист.: ActaSS. Mai. T. 5. P. 281; Iul. T. 5. P. 536; BHL, N 2742.

Лит.: *Lanzoni Fr.* Le diocesi d'Italia. Faenza, 1927. P. 112, 136; *Amore A.* Vincenzo di Porto // BiblSS. Vol. 12. Col. 1147; *idem.* Vincenzo di Roma // Ibid. Vol. 12. Col. 1148.

Д. В. Зайцев

ВИКЕ́НТИЙ († 303), мч. (пам. зап. 6 июня, в диоцезе Мец (Франция), 4 июля — перенесение частиц мощей в г. Мец), первый епископ г. Мевания (совр. Беванья, обл. Умбрия, Италия). Согласно тексту «Страстей», восходящему к VI в., В. пострадал вместе со своим братом диак. Бенигном из г. Мевания в гонение имп. *Диоклетиана*. После пыток во время суда в г. Перузия (совр. Перуджа, Италия) Бенигн был обезглавлен, а В. заключен в небольшой келье, где и скончался. Его тело погребла близ Мевании знатная матрона Лицерия; на месте погребения при имп. *Константине I Великом* была построена церковь, ставшая кафедральным собором Мевании. В кон. VI в. этот храм был разграблен лангобардами и после восстановления просуществовал до XII в. С этого времени мощи В. находились в ц. арх. Михаила в Мевании. В 1183 г. часть мощей была перенесена папой *Луцием III* в Лукку, где они были помещены под алтарем кафедрального собора. Частицы мощей В. также находились под главным алтарем митрополичьей ц. в Беневенто, куда их перенес папа *Николай III* в 1277 г. Мощи, хранившиеся в Беневенто, пропали во время второй мировой войны, в 1943 г.

Ист.: ActaSS. Iun. T. 1. P. 625.

Лит.: BHL, N 8676; *Lanzoni Fr.* Le diocesi d'Italia. Faenza, 1927. P. 434–435; *Leonardi C.* Vincenzo di Bevagna // BiblSS. Vol. 12. Col. 1138–1139.

Д. В. Зайцев

ВИКЕ́НТИЙ († нач. IV в.), мч. (пам. зап. 19 апр.). В «Страстях св. Викентия» упоминается о том, что он пострадал в гонение императоров *Диоклетиана* и *Максимиана* от префекта Дациана, на к-рого было возложено исполнение имп. указов, направленных против христиан в Испании и Юж. Галлии. Прибыв в г. Кавколибер (совр. Кольюр, Франция), Дациан был извещен о христианине В., отказавшемся принести жертвы языческим богам. Ни угрозы, ни пытки не сломили мученика, а его раны чудесным образом исцелялись. В. был сожжен на костре.

По мнению болландистов, «Страсти св. Викентия» из испан. Мартиролога Томайо де Салазара являются исторически недостоверными. В новейшее время преобладает т. зр., что «Страсти» В. в том виде, в к-ром они помещены в Acta Sanctorum, были составлены в XVI в. Салазаром и представляют собой переработку некоего древнего, несохранившегося агиографического памятника. То, что В. был реальной исторической личностью, подтверждают как древность его почитания (память указана в Мартирологе Иеронима под 19 апр.), так и упоминание в «Страстях» префекта Дациана, к-рый фигурирует в житиях др. мучеников и исповедников, пострадавших в Испании в гонение Диоклетиана (напр., в Житии св. Валерия, еп. Цезаравгусты, св. Евлалии и др.). Мощи В. находились в Кольюре до XVII в., когда некий испан. солдат перенес их в Канкавелью (Испания).

Ист.: ActaSS. Apr. T. 2. P. 620; BHL, N 8656.

Лит.: *Viard P.* Vincenzo di Collioure // BiblSS. Vol. 12. Col. 1139–1140.

Д. В. Зайцев

ВИКЕ́НТИЙ [лат. Vincentius; франц. Vincent] (III в.), мч. Агинский (пам. зап. 9 июня). О мученической кончине В. рассказывают анонимные «Страсти св. Викентия» сер. VI в. Согласно этому памятнику, в окрестностях г. Агин (совр. Ажен, Юж. Франция), на берегу реки, находилось святилище друидов. Здесь во время празднеств, посвященных богу солнца, появлялся огненный круг, спускавшийся к реке и вновь поднимавшийся к храму, что привлекало в это место множество язычников. Христианин В. осенил этот огненный круг крестным знамением, после чего он исчез и не появлялся вновь. Исчезновение огня вызвало гнев и раздражение язычников. Присутствовавший на празднике правитель (praeses) города немедленно вызвал В. в суд. После того как В. исповедал христ. веру и отказался поклониться языческим богам, он был приговорен к смертной казни и обезглавлен. Спустя 150 лет мощи В. были обретены и перезахоронены в Каструм Помпеякум (вероятно, совр. Помпие), в районе Агина, где впосл. был воздвигнут храм в честь святого. В IX в., во время набегов норманнов, мощи В. были перенесены в Сент-Фуа-д'Ажен, а впосл. в аббатство Конк, в диоцезе Родез.

Свт. *Григорий Турский* сообщает о диаконском сане В. (leviticae stolae) и о том, что он был замучен местными жителями (De gloria martyrum 104 // PL. 105). *Венанций Фортунат* в 2 поэмах, посвященных св. Леонтию, еп. Бурдигальскому, упоминает о 2 базиликах в честь В. в окрестностях Агина, одна из к-рых была воздвигнута св. Леонтием между 542 и 545 г. в мест. Вернемет (вероятно, совр. Комон-сюр-Гарон к югу от совр. г. Марманд) на месте языческого храма и кончины В.

Ист.: ActaSS. Iun. T. 2. P. 164–170; *Greg. Turon.* Hist. Franc. 35 // PL. 71. Col. 439–440; *idem.* De gloria beatorum martyrum // PL. 71. Col. 797–798; *Venantius Fortunatus.* Caput 8–9 // PZ. 88. Col. 70–71.

Лит.: *Maillé A., de.* Vincent d'Agen et St. Vincent de Saragosse: Étude de la Passio Sancti Vincentii martyris. Melun, 1949; *Duchesne.* Fastes. T. 2. P. 142–144; *Griffe É.* La Gaul Chrétienne à l'époque romaine. P., 1964. T. 1. P. 137, 141, 147; *Viard P.* Vincenzo d'Agen // BiblSS. Vol. 12. Col. 1135–1138.

Д. В. Зайцев

ВИКЕ́НТИЙ [серб. Викентије] (Проданов Витомир; 10/23.08.1890, Бачко-Петрово-Село, Сербия — 5.07.1958, Белград), Патриарх Сербский. Начальное образование получил в родном городе. В 1909 г. окончил гимназию в г. Нови-Сад, в 1913 г.— семинарию в г. Сремски-Карловци. Преподавал в школах Бачской обл. 1 июня 1917 г. еп. *Георгием (Летичем)* назначен делопроизводителем *Темишварской епархии*. 5 авг. 1917 г. пострижен в монашество в мон-ре Бездин. 12 сент. 1917 г. рукоположен во диакона в кафедральном соборе г. Темишвар (рум. Тимишоара). В 1919 г., после вхождения Темишвара в состав Румынии, вернулся на родину и вступил в клир Бачской епархии. Возведен в сан протодиакона, 1 февр.

1921 г. назначен секретарем совета мон-рей Карловацкой митрополии. В 1923 г. возведен в сан архидиакона. В 1929 г. окончил филос. фак-т Белградского ун-та. 18 нояб. 1929 г. принял священство, 20 нояб. 1929 г.

Викентий (Проданов), Патриарх Сербский. Фотография. Сер. XX в.

возведен в сан архимандрита. В окт. 1932 г. назначен секретарем Свящ. Синода Сербской Православной Церкви (СПЦ). 21 июня 1936 г. избран викарным епископом Марчанским. Хиротонисан Патриархом *Варнавой (Росичем)* в кафедральном соборе Белграда. В качестве помощника Патриарха активно выступал против заключения конкордата между Югославским королевством и Ватиканом. В 1938 г. Патриарх *Гавриил (Дожич)* поручил В. как патриаршему викарию управление Белградско-Карловацкой митрополией. В 1939 г. назначен епископом Злетовско-Струмицким, в 1940 г.— управляющим Охридско-Битольской епархией. Основал Историческое об-во Воеводины, нек-рое время был редактором «Вестника исторического общества».

После поражения Югославии от нем. войск в апр. 1941 г. и оккупации Македонии болг. войсками В. был изгнан с кафедры. С 1941 по 1947 г. заменял еп. *Николая (Велимировича)* на Жичской кафедре. После окончания войны югославские власти не позволили изгнанным архиереям СПЦ возвратиться на свои кафедры на территории Македонии. С 1947 по 1951 г. В. был администратором Сремской епархии и старался спасти от разрушения памятники церковной архитектуры, пострадавшие в годы войны.

1 июля 1950 г. избран Патриархом Сербским, 2 июля в кафедральном соборе в Белграде состоялась интронизация. Во время Патриаршества В. испытывал сильное давление со стороны гос. властей, непризнанного Синодом СПЦ «Союза православного духовенства Югославии» и группы македон. священников, добивавшихся церковной независимости. Благодаря смягчению офиц. позиций Синода В. удалось добиться внешней нормализации взаимоотношений с властями республики. При В. были решены вопросы социального и пенсионного обеспечения духовенства. В 1952 г., несмотря на тяжелое экономическое положение Церкви, удалось предотвратить упразднение богословского фак-та Белградского ун-та и обеспечить его деятельность, а также упорядочить деятельность духовных школ в Белграде и Призрене. При В. были основаны газ. «Православный миссионер», к-рая со временем стала самым многотиражным периодическим изданием СПЦ, журналы «Богословие» (Богословского фак-та Белградского ун-та) и «Богословская мысль».

Особым достижением В. является восстановление братских отношений с Поместными Православными Церквами. В 1955 г. В. посетил с офиц. визитом Грецию, 5–29 окт. 1956 г.— Москву, Ленинград и Киев. Принимал в Белграде делегации во главе с архиеп. Афинским и всей Эллады *Дорофеем (Коттарасом)* в 1956 г., Патриархом Московским и всея Руси *Алексием I (Симанским)* 11–29 окт. 1957 г., Патриархом Румынским *Юстинианом (Мариной)* в 1957 г. Был награжден орденом Югославского знамени I степени.

Похоронен возле кафедрального собора во имя арх. Михаила, в Белграде.

Лит.: *Иванов Н.* Праздник церк. общения: К пребыванию в СССР делегации Сербской Православной Церкви // ЖМП. 1956. №11. С. 20–41; *Казем-Бек А.* Патриарх Сербский Викентий: Некролог // ЖМП. 1958. № 9. С. 71–76; *Слијепчевић.* Историја. Књ. 3. С. 202–213; *Живојиновић Д.* Српска Православна Црква и нова власт, 1944–1950. Београд, 1998. С. 162–170; *Ђурић-Мишина В.* Летопис Српске Православне Цркве 1946–1958 г.: Време патријарха Гаврила (1946–1950) и патријарха Викентија (1950–1958). Београд, 2000. Т. 1. С. 238–249.

А. В. Шестаков

ВИКЕ́НТИЙ (Стефанович; † 1758, Стамбул), Патриарх Печский. Принял монашество в одном из мон-рей на *Фрушка-Горе*. Был архидиаконом при митр. Карловацком *Викентии (Йовановиче)*, исполнял обязанности визитатора. Во время заключения еп. *Виссариона (Павловича)* управлял Бачской епархией. В 1736 г. был арестован на неск. недель. После завоевания Белграда турками в 1739 г. остался в Сербии. К 1753 г. стал Белградским митрополитом (*Стојановић.* Записи. Кн. II. 3052). Год избрания Патриархом неизвестен. Занимал кафедру между Патриархами *Гавриилом III* и *Паисием II*. Внезапно скончался во время пребывания в Стамбуле.

Лит.: *Јакшић М., Руварац Д.* Виђентије Стефановић, митр. Београдски, а затим патријарх Српски // ГлИДНС. 1928. Кн. 1. С. 161.

ВИКЕ́НТИЙ (Вуич Василий, 29.01.1874, Даль, Хорватия — 18.08.1939, Вршац, Сербия), еп. Банатский Сербской Православной Церкви. Закончил гимназию в Осиеке, затем юридический фак-т в Вене. Получил также богословское образование и степень д-ра богословия. В 1903 г. принял монашество в мон-ре Шишатовац. В окт. 1903 г. назначен профессором Карловацкой ДС, к-рую позже возглавил в сане архимандрита. После восстановления в 1920 г. Сербской Патри-

Викентий (Вуич), еп. Банатский. Фотография. 30-е гг. XX в.

архии был избран епископом Захумско-Герцеговинским, но от избрания отказался. В 1925–1931 гг. был инспектором преподавания Закона Божия в средних школах бывш. Сремско-Карловацкой епархии. В 1931 г. назначен заместителем Патриарха *Варнавы (Росича)*. В 1932 г. назначен викарным епископом Моравичским, хиротонисан

20 сент. в Белградской соборной церкви. В 1936 г. определен на Банатскую кафедру. Преподавал церковное право на Богословском факте Белградского ун-та. Похоронен в кафедральном соборе Вршаца.

Лит.: Српски јерарси. С. 76–77.

В. И. Косик

ВИКЕ́НТИЙ (Йованович; 1689, Сентендре, близ Будапешта — 6.06.1737, Белград), митр. Карловацкий. Монашество принял в мон-ре Раковац. На церковно-народном Соборе 1726 г. был избран епископом Енопольским и Великоварадским. На соборе, созванном 15 февр. 1731 г., после смерти митр. Карловацкого *Моисея (Петровича)*, успешно противостоял попыткам имп. комиссара ген. Локателли разделить *Белградско-Карловацкую митрополию* на 2 епархии. 22 марта 1731 г. был избран на Карловацкую митрополию. 1 нояб. 1733 г. ввел особые дисциплинарные правила для духовенства, вменил приходам в обязанность ведение метрических книг, ввел в мон-рях общежительный устав. В 1736 г. В. предпринял попытку создать Великий духовный суд в Сремски-Карловци и малые духовные суды (или консистории) во всех епархиях. Активно противодействовал пропаганде унии. Заботился о просвещении сербов, при согласии венского двора открыл лат. школы в Белграде, Сремски-Карловци, Осиеке и Дале, пригласив преподавателей из России. Жаловался российской имп. Анне Иоанновне на притеснения сербов австр. властями.

Викентий (Йованович), митр. Карловацкий. Портрет. XVIII в.

В 1735 г. в мон-ре Раковац построил колокольню и часовню во имя свт. Николая. В Белграде планировал возвести соборную церковь, здания школы, народной б-ки и больницы, но из-за материальных трудностей смог начать лишь строительство храма, в к-ром через 2 года был похоронен. В 1749 г. останки В. были перенесены в мон-рь Раковац и положены в часовне свт. Николая.

Лит.: *Руварац Д.* Живот и радња Вићентија Јовановића, архиеп. српског и митр. београдског и карловачког // Српски Сион. Нови Сад, 1893. С. 712; *Веселиновић Р.* Преглед историје Карловачке митрополије од 1695 до 1919 г. // Српска Православна Црква, 1219–1969: Споменица о 750-годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 225–227; *он же.* Шабац и шабачка нахија (дистрикт) од 1683 до 1739 г. // Шабац у прошлости. Шабац, 1970. Кн. 1. С. 316–317; *Грујић Р.* Православна Српска Црква. Београд, Крагујевац, 1995. С.120–121.

ВИКЕ́НТИЙ (Йованович Видак; 10.03.1730, Карловцы, ныне Сремски-Карловци, Сербия — 18.02.1780, Даль, Хорватия), митр. Карловацкий. 23 мая 1745 г. в мест. Плашки рукоположен во диакона еп. Горнокарловацким *Павлом (Ненадовичем)*. 4 окт. 1749 г. возведен во протодиакона. 1 нояб. 1749 г. пострижен митр. Павлом в монашество в мон-ре Раковац. С 12 апр. 1753 г. архидиакон. Позже был рукоположен во пресвитера, затем возведен в сан архимандрита и назначен протосинкеллом. 26 дек. 1757 г. назначен администратором Пакрацкой епархии.

В нач. 1759 г. был рукоположен во епископа Темишварского, 25 марта вступил на кафедру. Был одним из инициаторов организации церковного суда. Безрезультатно протестовал против введения в состав консисторий мирян. В 1778 г. хлопотал перед имп. Марией Терезией в связи с «неправдами», чинимыми австр. правительством серб. народу. Выступал за увеличение числа епархий, за прекращение практики перемещений епископов с кафедры на кафедру, против участия представителя от императора на заседаниях Свящ. Синода. Требовал, чтобы народ выбирал местоблюстителя митрополии в случае кончины ее главы. Активная защита В. прав сербов перед австр. властями заставила Вену в 1779 г. изъять гражданские дела из его юрисдикции. Согласно рескрипту от 16 июля 1779 г., права сербов в империи были урезаны, в т. ч. и церковные. Так, митрополит выбирался народом, но кандидатура должна была получить утверждение главы гос-ва.

В. оказывал помощь просветителям *Досифею (Обрадовичу)*, Ф. И. Янковичу де Мириево, Й. Раичу, поддержку серб. студентам, учившимся в Вене. При В. в 1773 г. в Вршаце была открыта школа для подготовки священников. После конфискации австр. властями присланных из России богослужебных книг с целью ослабления рус. влияния на Балканах В. во время пребывания в Вене в 1776 г. добился их возвращения и распределения по храмам. Получил дворянское достоинство. Похоронен в ц. св. Димитрия в городке Даль.

Лит.: *Радојчић Н.* Српски историчар Ј. Рајић // Српска Академија наука. Посебна издања. Кн. 204. Од. друштв. наука. Кн. 7. Београд, 1952. С. 48–50; *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1959. Кн. 2. С. 343, 423; Историја српског народа. Београд, 1986. Кн. 4. Т. 1. С. 263, 274, 290; Т. 2. С. 356; *Слијпчевић.* Историја. Кн. 2. С. 55–57, 60–62, 67–68; *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1992. С. 161.

В. И. Косик

ВИКЕ́НТИЙ (Морарь Виктор Александрович; род. 4.10.1953, с. Скуляны, Молдавия), архиеп. Екатеринбургский и Верхотурский. Из семьи служащих. По окончании средней школы был иподиаконом у еп. Кишинёвского и Молдавского *Варфоломея (Гондаровского)*. В 1971–1973 гг. служил в Советской Армии. В 1974 г. поступил в Московскую ДС, в 1978 г.— в МДА, к-рую окончил в 1982 г. со степенью канд. богословия за соч. «Учение свт. Игнатия Брянчанинова о молитве». В годы учебы был иподиаконом у Патриарха *Пимена (Извекова)*. В апр. 1981 г. наместником ТСЛ архим. *Иеронимом (Зиновьевым)* пострижен в монашество с именем в честь мч. Викентия. 19 мая того же года ректором МДА архиеп. Дмитровским *Владимиром (Сабоданом)* рукоположен во диакона, 18 янв. 1982 г.— во иерея. В 1982–1990 гг. нес послушание помощника ризничего в ТСЛ. В 1985 г. возведен в сан игумена, 28 авг. 1990 г.— в сан архимандрита.

20 июля 1990 г. В. определено быть епископом Бендерским, викарием Кишинёвской епархии. Хиротония В., возглавленная Патриархом *Алексием II*, совершилась 2 сент. 1990 г.

в Христорождественском соборе Кишинёва. Трудами В. в окт. 1990 г. возродилась монашеская жизнь в *Ново-Нямецком в честь Вознесения Господня муж. мон-ре,* при к-ром в ноябре того же года начало работу Ново-Нямецкое ДУ, преобразованное в 1992 г. в ДС.

18 июля 1995 г. В. был назначен на новообразованную *Абаканскую и Кызылскую епархию,* 19 февр. 1999 г. возведен в сан архиепископа. В. уделял особое внимание открытию приходов, число к-рых выросло с 9 до 20. При В. в Абакане был заложен Преображенский кафедральный собор, открыты Духовно-просветительский центр и духовная школа с храмом в честь святителей Московских. 30 нояб. 1998 г. в Абакане прошла Межрегиональная научно-церковная конференция «Исторические и культурные судьбы Православия в Хакасии и России», посвященная

Викентий (Морарь), архиеп. Екатеринбургский. Фотография. 2002 г.

2000-летию Рождества Христова, в к-рой приняли участие представители МДА, Красноярской, Кемеровской и Новосибирской епархий.

19 июля 1999 г. В. был назначен архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским. За короткий срок сумел восстановить церковный мир в епархии, нарушенный нестроениями, к-рые возникли при его предшественнике еп. *Никоне (Миронове).* При деятельном участии В. в епархии развернулось большое храмовое строительство. В 2003 г. в Екатеринбурге, на месте убиения св. царственных страстотерпцев, завершилось возведение храма-памятника во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. В 2000 г. в урочище Ганина Яма под Екатеринбургом — на месте, где убийцы уничтожили останки царской семьи, открылся мон-рь в честь царственных страстотерпцев. В епархии ведется активная миссионерская и духовно-просветительская работа. 17 июля 2001 г. Екатеринбургское ДУ было преобразовано в ДС, в 2002 г. при ДС открылось регентское отд-ние. С 2001 г. при *верхотурском во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ре* действует ДУ. В 2001 г. в Уральском гос. профессионально-педагогическом ун-те (с 2002 Российский гос. профессионально-педагогический ун-т) введено преподавание предметов по специальности «Теология». С 2003 г. В. является председателем Фонда по премиям памяти митр. Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Награжден церковными орденами: прп. Сергия Радонежского 2-й степени (2000), свт. Иннокентия Московского 2-й степени (2003).

Лит.: Наречение и хиротония архим. Викентия (Мораря) во еп. Бендерского // ЖМП. 1991. № 7. С. 11–13; Архипастырь, 1990–2000 // Твоя Церковь. Екатеринбург, 2000. № 7(10). С. 4–6; *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия: события, люди, храмы. Екатеринбург, 2001.

Прот. Петр Мангилёв

ВИКЕ́НТИЙ (Попович, по прозвищу Хаджилавич; 2-я пол. XVII в., Янево, Косово — 23.10.1725, Карловцы, ныне Сремски-Карловци, Сербия), митр. Карловацкий. Пострижен в монашество в Пече. Вместе с Патриархом *Арсением III (Черноевичем)* в 1690 г. бежал от турок под защиту Австрии, поселился в Сентендре (совр. Венгрия). 7 янв. 1708 г. избран епископом *Будимской епархии.* 6 мая 1713 г. на Церковно-народном Соборе в Карловцах благодаря поддержке Патриарха Арсения IV был выбран главой *Карловацкой митрополии,* входившей в состав Печской Патриархии. Согласно принятому на Соборе решению, все Карловацкие митрополиты имели титул и архиепископа Белградского, поэтому В. именовался митрополитом и архиепископом. Несмотря на противодействие австр. властей, вел переговоры с митр. *Моисеем (Петровичем)* об объединении Карловацкой и Белградской митрополий, что произошло только в 1726 г. 30 окт. 1714 г. от имени серб. народа, живущего под австровенг. властью, потребовал, хотя и безуспешно, предоставления серб. депутатам «места и голоса» в гос. собрании. Оказывал щедрую помощь Печской Патриархии и мн. мон-рям, обеспечивая их церковной утварью, книгами и пр. В Крушедоле на свои средства построил трапезную, в Велика-Ремете — келлии. Похоронен в мон-ре Крушедол.

Лит.: *Грујић Р. М.* Пећки патријарси и карловачки митрополити у 18 в. // ГлИДНС. 1931. Т. 4; *Поповић Д.* Срби у Будиму от 1690 до 1740 г. Београд, 1952. С. 228–229; *он же.* Срби у Војводини. Нови Сад, 1959. Кн. 2. С. 84, 85, 363; Историја српског народа. Београд. 1983. Кн. 3. Т. 1. С. 539, 541–542; *Слијепчевић.* Историја. Кн. 2. С. 31, 32; *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1992. С. 124.

В. И. Косик

ВИКЕ́НТИЙ ВОЛОГО́ДСКИЙ (XVI?), прп. (пам. 19 марта, в 3-ю неделю по Пятидесятнице — в Соборе Вологодских святых). Единственным источником, содержащим упоминание о В. В. (под 19 марта), являются святцы *Коряжемского во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ря* (РГБ. Унд. № 237. Л. 153 об., 1621 г.). Коряжемский мон-рь, основанный в 1535 г. преподобными Лонгином и Симоном Коряжемскими, в XIX в. относился к Вологодской епархии (ныне это приходской храм во имя прп. Лонгина Коряжемского в г. Коряжма Архангельской обл.), поэтому Н. П. *Барсуков* включил В. В. в число Вологодских преподобных. Поскольку ни в каких др. источниках В. В. не упоминается, архиеп. *Димитрий (Самбикин)* высказал предположение о возможном отождествлении В. В. с прп. *Иннокентием Комельским* († 1521), память к-рого празднуется также 19 марта, но не отмечена в Коряжемских святцах. Мнение архиеп. Димитрия представляется заслуживающим внимания, поскольку Коряжемские святцы содержат много ошибок, вызванных механическим переписыванием текста (р. Толва названа Волгой и т. п.). Вологодский еп. (впосл. митрополит) *Евгений (Болховитинов)* не упомянул В. В. в составленном им списке Вологодских святых (1811). Имя В. В. внесено в Собор Вологодских святых, установленный в 1841 г. по благословению Вологодского еп. *Иннокентия (Борисова).*

Лит.: Барсуков. Источники агиографии. Стб. 101; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 554; *Димитрий (Самбикин).* Месяцеслов. Тамбов, 1880. Вып. 3. С. 55–56; Минея (МП). Май. Ч. 3. С. 373.

Е. В. Романенко

ВИКЕ́НТИЙ ЛЕРИ́НСКИЙ [Лиринский; лат. Vincentius Lirinensis] († до 450) (пам. зап. 24 мая), лат. богослов.

Родом из Галлии (*Gennad. Massil.* De script. eccl. 64). Служил в армии (Common. 1), затем удалился на о-в Лерин (совр. о-в Сент-Онора в архипелаге Лерен), где был рукоположен во пресвитера; жил при мон-ре (*Gennad. Massil.* De script. eccl. 64). Там он написал свои сочинения. В. Л. вместе с *Сальвианом Марсельским* был учителем сына еп. *Евхерия* Лионского (*Eucher. Lugd.* Instruct. I Praef.). Евхерий Лионский отмечает незаурядные знания и красноречие В. Л. (Ibidem). *Геннадий Марсельский* отзывается о нем как о человеке, хорошо знавшем Свящ. Писание и церковные догматы (*Gennad. Massil.* De script. eccl. 64). Из сочинений В. Л. он упоминает только «Рассуждение» (disputatio), направленное против еретиков. Это — известный трактат «Commonitorium» (Памятные записки), написанный В. Л. в 434 г. под псевдонимом Перегрин. Трактат посвящен вопросу о критериях истинности церковного учения и его отличия от еретических учений. Изначально он состоял из 2 книг, но бóльшая часть 2-й кн. была украдена у В. Л., о ней известно только из упоминания самого В. Л. в дошедшей до нас единственной книге (Common. 29, 33), а также из сообщения Геннадия Марсельского (*Gennad. Massil.* De script. eccl. 64). Основная тема трактата развивается в главах 1–11 и 17–28; главы 12–16 представляют собой отступление, в к-ром В. Л. сначала кратко перечисляет известные ему тринитарные и христологические ереси (12), а затем излагает истинное церковное учение (13–16). Главы 29–33 представляют собой краткое резюме обеих книг трактата; здесь повторяются те же мысли, что и в предыдущих главах, а также для подтверждения т. зр. автора приводится определение *Вселенского III Собора,* запретившего изменять Никео-Константинопольский Символ веры (III Всел. 7). Трактат оказал значительное влияние на зап. учение о церковном Предании и отличии истинной веры от еретических учений. В. Л. принадлежат «Excerpta e sancto Augustino» (Извлечения из св. Августина — CCSL. 64. P. 199–231), касающиеся вопросов триадологии и христологии. Возможно, это именно то сочинение, к-рое В. Л. упоминает в 16-й гл. «Commonitorium». Собственно В. Л. принадлежит только вступление и заключение. Трактат состоит из 2 частей: 1-я направлена против ересей *Ария* и *Аполлинария (младшего),* еп. Лаодикии Сирийской, 2-я — против ереси *Нестория.* Хотя В. Л. очень высоко ценил блж. *Августина* как догматиста и называл его «святой памяти епископом Августином» (Excerpta. Prol.), однако расходился с ним в учении о благодати и свободе и придерживался взглядов прп. *Иоанна Кассиана Римлянина* и *Фавста Регийского,* настоятеля Леринского мон-ря. По-видимому, именно против В. Л. был направлен трактат *Проспера Тиро Аквитанского* «Responsiones pro Augustino ad capitula objectionum Vincentianarum» (Ответы в защиту Августина на Главы возражений Викентия), где он защищал учение блж. Августина о благодати и предопределении. Однако сами «Возражения» сохранились только в качестве цитат в сочинении Проспера. Возможно, В. Л. участвовал также в составлении «Objectiones Gallorum» (Возражения галлов) — трактата на ту же тему, против к-рого Проспер Аквитанский написал трактат «Responsiones pro Augustino ad capitula Gallorum» (Ответы в защиту Августина на Главы галлов).

Св. Викентий Леринский. Икона. XXI в. Мастер иеродиак. Владимир (Лысак)

Учение. ***Церковное Предание.*** В. Л., ссылаясь на «многих преблагочестивых и преученых мужей», выделяет 2 критерия истинного церковного учения: авторитет Божественного закона (divinae legis auctoritas), или соответствие учения «каноническим книгам Писания»; Предание кафолической Церкви (Ecclesiae catholicae traditio — Common. 2, 29). Последнее необходимо потому, что возможно не только истинное, но и ложное толкование Свящ. Писания. Свящ. Писание следует толковать «согласно норме церковного и кафолического понимания» (secundum Ecclesiastici et Catholici sensus normam (regulam) — Ibidem). В церковном Предании следует придерживаться «того, чему верили повсюду, всегда и все» (quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est — Ibid. 2), т. е. принципа всеобщности, древности и согласия. Всеобщность (universitas) означает признание истинности только той веры, к-рую исповедует вселенская Церковь (universalis Ecclesia). Древность (antiquitas, vetustas) означает верность учению, одобренному св. отцами. Согласие (consensio) означает следование в самой древности определениям и суждениям всех или почти всех, кто облечены священством и учительством (Ibidem). Это согласие прежде всего выражают решения Вселенских Соборов, а также суждения, общие для большинства великих учителей Церкви (Ibid. 27, 29). Следует опираться на суждения «только тех отцов, которые, живя, уча и пребывая в вере и в кафолическом общении свято, мудро, постоянно, сподобились или с верой почить во Христе, или блаженно умереть за Христа» (Ibid. 28). При этом В. Л. отличает *догмат* от частного *богословского мнения* (теологумена). Догмат (dogma, sententia) есть то, что все св. отцы или большинство из них единодушно и без колебаний принимали (Ibidem). Это — *общее, общепризнанное* и универсальное суждение (communis et publicae ac generalis sententiae),

к-рое следует почитать за несомненное, верное и неизменное (Ibidem). Теологумен (opinicula) представляет собой единоличное мнение святого, учителя, исповедника или мученика, к-рое он полагал несогласно со всеми или даже противореча всем (Ibidem). По мнению В. Л., принцип древности не отменяет возможности богословского развития (profectus religionis), только развитие это должно состоять во внутреннем усложнении (in semetipsum amplificetur) при верности традиции, а не приводить к изменению веры (Ibid. 23). В. Л. сравнивает это с развитием человеческого организма, проходящего разные возрасты, но сохраняющего свою целостность: «...следует, чтобы возрастали и во многом успешно преуспевали в эпохах и веках разумение, знание, мудрость как каждого, так и всех вместе, как одного человека, так и всей Церкви, но только в своем роде, то есть в одном и том же учении (in eodem dogmate), в одном и том же смысле (eodem sensu), в одном и том же суждении (eademque sententia)» (Ibidem). Христ. учение с годами может укрепляться и расширяться, его следует более точно и ясно истолковывать и определять, но при этом оно должно оставаться полным, целостным, неповрежденным, неиспорченным и сохранять свои свойства неизменными. Такое богословское развитие особенно ясно видно в деятельности и решениях Вселенских и Поместных церковных Соборов, к-рые побуждались к этому нововведениями еретиков (Ibidem).

Триадология и христология. У В. Л. встречаются ясные формулировки тринитарного и особенно христологического догмата, даваемые им отчасти как опровержение еретических искажений, отчасти как пример положительного богословствования. Оба догмата ставятся им в тесное соотношение: «В Боге одна сущность, но три Лица; во Христе же две сущности, но одно Лицо. В Троице иной и иной, а не иное и иное; в Спасителе же иное и иное, а не иной и иной. Каким образом в Троице иной и иной, а не иное и иное? Потому что иное Лицо Отца, иное — Сына, иное — Святого Духа; однако у Отца, Сына и Святого Духа не иная и иная природа, но одна и та же. Каким образом в Спасителе иное и иное, а не иной и иной? Потому что одна сущность Божества, а другая — человечества; однако Божество и человечество суть не иной и иной, а один и тот же Христос, один и тот же Сын Божий, и одно и то же Лицо одного и того же Христа и Сына Божия» (Common. 13). Кафолическая Церковь почитает «Единого Бога в полноте Троицы и равенство Троицы в едином Божестве, чтобы ни единичность сущности не привела к слиянию Личных особенностей, ни различие Троицы не привело бы к разделению единства Божества» (Ibid. 16). Христологический догмат В. Л. традиционно поясняет антропологической аналогией: так же как в человеке иное — тело, иное — душа, но и душа, и тело — один и тот же человек, состоящий из двойной и различной природы души и тела, так и во Христе, иное — Божество, иное — человечество, но и Божество и человечество — один и тот же Христос в обеих сущностях (unus idemque Christus in utraque substantia — Ibid. 13). Единство Лица (Ипостаси) Христа В. Л. подчеркивает такими выражениями, как «один и тот же Бог и человек» (unus idemque Deus et homo — Ibidem), «единство Лица» (unitas personae — Ibid. 13, 15, 16), «единичность одного и того же Лица» (singularitas unius ejusdemque personae — Ibid. 13), «по Лицу (Бог стал человеком)» (per personam — Ibidem), «ипостасно (Слово Божие соединилось с человеком)» (subsistendo — Ibid. 14), «Лицо ипостасное и пребывающее» (persona substantiva ac permanens — Ibid. 16) и др. Само Лицо Бога Слова было Лицом человеческой природы Христа (Deus Verbum... ipse persona hominis existeret), причем Лицом не притворным, а истинным, не по подражанию, а ипостасно (non imitativa, sed substantiva — Ibid. 14). Не менее подробно В. Л. останавливается на учении о двух природах. Церковь верует, что «во Христе были две истинные и совершенные сущности, но одно Лицо, чтобы ни различие природ не привело к разделению единства Лица, ни единство Лица не привело бы к стиранию различия сущностей» (Ibid. 16). Соединение природ В. Л. обычно описывает с помощью таких выражений, как «(Бог) воспринял плоть» (suscipere carnem, adsumere carnem — Ibid. 14), «человек соединился с Богом» (unitum hominem Deo — Ibid. 16), «Бог стал человеком» (Deum factum hominem — Ibidem) и др. Соединение двух природ Христа произошло в самой утробе Пресв. Девы (Ibid. 15, 16) или в самом девственном зачатии (in ipsa virginali conceptione — Ibid. 15). В. Л. указывает также на совершенство и полноту двух природ Христа. Христос — это «совершенный Бог и совершенный человек» (perfectus Deus, perfectus homo); «в Боге — высшее Божество, в человеке — полное человечество» (Ibid. 13). Во Христе особенности каждой из двух природ всегда сохраняются и никогда не смешиваются и не разрушаются (Ibid. 13, 14). При восприятии человеческой природы не произошло никакого превращения Божественной природы Бога Слова, к-рая осталась неизменной (Ibid. 14, 16). Полнота и истинность человеческой природы Христа подразумевает, что Он имел человеческую душу и плоть: плоть истинную (carnem veram), нашу, материнскую, а душу, наделенную умом, обладающую духом и разумом (animam intellectu praeditam, mente ac ratione pollentem — Ibid. 13, 14). Хотя во Христе различаются Слово, душа и тело, но все это один Христос (Ibid. 13). Сообразно двум природам Христа в Нем было и двойное единосущие, ведь «одна Его сущность единосущна Отцу, а другая единосущна Матери» (Ibidem). В. Л. указывает на то, что Христу было присуще и истинное природное человеческое действие: «Слово Божие, восприняв плоть и обладая ею, говорило, делало и страдало посредством плоти» (loquendo, faciendo, patiendo per carnem — Ibid. 14). Наконец, он учит о communicatio idiomatum (общении свойств) двух природ: «Вследствие единства Лица (propter personae unitatem) то, что свойственно Богу, безразлично и совместно приписывается человеку, и то, что свойственно плоти, приписывается Богу» (Ibid. 15). Именно поэтому Пресв. Дева Мария является Богородицей (theotocos — Ibidem).

Сотериология: благодать и свобода воли. Учение В. Л. о соотношении Божественной благодати и человеческой свободы в спасении было близко к учению прп. Иоанна Кассиана Римлянина и Фавста Регийского. В отличие от Пелагия и Целестия (см. ст. *Пелагианство*) В. Л. признавал, что «преступлению Адама повинен весь человеческий род» и что «благодать Божия

необходима для вспомоществования в добрых делах при каждом действии» (in bonis rebus per actus singulos adjuvandum necessariam Dei gratiam – Common. 24). В то же время В. Л. не соглашался с крайностями августиновского учения. Хотя до нас полностью не дошли «Возражения» В. Л., но представление о том, с чем именно он был не согласен в учении блж. Августина, можно получить по сохраненным Проспером Аквитанским цитатам из «Возражений». Прежде всего В. Л. не согласен с ограниченным, не-всеобщим характером совершенного Христом спасения. Он полагает, что из учения блж. Августина о спасении следует, что Христос пострадал не за всех людей (*Prosper.* Resp. Vincent. 1) и что Бог не хочет, чтобы все спаслись, даже если все будут хотеть спастись (Ibid. 2, 7, 8, 9). У В. Л. вызывает неприятие мысль о том, что Бог создал бóльшую часть рода человеческого для того, чтобы предать ее вечной гибели (perdat in aeternum – Ibid. 3). Если признать, что после грехопадения люди потеряли возможность творить добро и исполнять заповеди Божии, то отсюда следует, что бóльшая часть рода человеческого была создана для того, чтобы творить не Божию, а диавольскую волю (Ibid. 4). Если Бог создал сущность, к-рая естественным движением не может сделать ничего, кроме греха (substantiam quae naturali motu nihil possit nisi peccare), то получается, что Он является творцом человеческих грехов (Ibid. 5, 10, 11). Блж. Августин фактически утверждает, что Бог создал в людях такое произволение (arbitrium), какое свойственно демонам, поскольку, по блж. Августину, человек собственным устремлением не может желать ничего, кроме зла (proprio motu nihil aliud possit velle nisi malum – Ibid. 6, ср.: *Aug.* Contr. Pelag. I 3. 7). Наконец, В. Л. резко выступает против августиновского учения о предопределении Божием (praedestinatio), из к-рого можно заключить, что именно в силу предопределения сыны Божии делаются сынами диавола, из храма Св. Духа становятся храмами бесов, а из членов Христовых – членами блудниц (Ibid. 12). Даже если блж. Августин и его последователи утверждают, что люди, предопределенные к вечной смерти (ad aeternam mortem praedestinati sunt), грешат благодаря собственным порокам, тем не менее выходит, что причина самих пороков – предопределение Божие (Ibid. 13). Божественной благости и милосердию противоречит то, что люди, предопределенные к падению и погибели, даже если будут просить у Бога пребывания в святости (sanctitatis perseverantiam), не вымолят этого и не смогут быть освобожденными через покаяние (Ibid. 14, 15, 16). В др. сочинении В. Л. приписывает т. зр., близкую августиновской, еретикам *Симону Волхву* и *Присциллиану,* к-рые считали, что Бог сотворил естество людей таким, что оно по собственному устремлению (proprio quodam motu) и необходимому влечению воли не может и не хочет ничего иного, кроме греха (nihil aliud possit, nihil aliud velit nisi peccare – Common. 24, ср.: *Aug.* De nat. et grat. 48. 56–49. 57). Единственное отличие от учения блж. Августина состоит в том, что тот не распространял это состояние на Адама до грехопадения. В. Л. сообщает также о какой-то еретической секте (conventiculum), учившей о существовании некой особой благодати Божией, доступной только ограниченному числу лиц, к-рая без всяких усилий и стараний с их стороны (так что они даже «не ищут, не просят и не стучатся») настолько их предохраняет от греха, что они никогда не могут соблазниться и пасть (Common. 26). Хотя В. Л. не упоминает здесь имени блж. Августина, подобное представление о непреодолимом действии благодати на «избранных», к-рая «влечет» их ко спасению, весьма характерно для позднего учения блж. Августина о предопределении. Выражения, употребленные здесь В. Л., близки к выражениям, использованным Проспером Аквитанским в его письме к блж. Августину, где он излагает обвинения, выдвинутые марсельскими монахами в отношении последнего (*Aug.* Ep. 225).

Однако положительное учение самого В. Л. по вопросу о свободе и благодати неизвестно. Из его критики учения блж. Августина следует, что, по его мнению, грехопадение Адама не привело к потере им свободы выбора и не сделало человека рабом греха. И после грехопадения человек способен собственными силами не только желать, но и творить добро. При этом он нуждается в помощи (adjuvandum) Божией благодати в каждом своем действии. То же касается и дальнейшего пребывания человека в добре. Учение В. Л., т. о., заключается в том, что спасение человека достигается в сотрудничестве, синергии, Божественной и человеческой воли.

Соч.: PL. 50. Col. 637–686; CCSL. 64. P. 199–231; рус. пер.: Памятные записки. Каз., 1863; Напоминания: Трактат Перегрина о древности и всеобщности кафолической веры против непотребных новизн всех еретиков / Пер. П. Пономарева. Каз., 1904; То же // Прп. Викентий Лиринский о Свящ. Предании Церкви. СПб., 2000. С. 14–112; Памятные записки Перегрина. М., 1999.

Лит.: *Петрушевский В.* Учение Викентия Лиринского о Свящ. Предании // РукСП. 1896. № 16, 20, 23; ПБЭ. Т. 3. С. 446–454; *Филевский И., свящ.* Св. Викентий Лиринский о Свящ. Предании и его значении // Странник. 1896. № 9. С. 3–30; № 10. С. 205–232; № 11/12. С. 429–448; 1897. № 1. С. 1–43; № 2. С. 193–209; № 3. С. 377–386; № 4. С. 561–575; *Reilly W. S.* «Quod ubique, quod semper, quod ab omnibus»: Étude sur la règle de foi de S. Vincent de Lérins. Tours, 1903; *Bunetière F., Labriolle P., de.* S. Vincent de Lérins. P., 1906; *Пономарев П. П.* Учение о Свящ. Предании прп. Викентия Лиринского // ПС. 1906. Янв.–Февр.; *Koch H.* Vincenz von Lerin und Gennadius: Ein Beitr. z. Literaturgeschichte des Semi-pelagianismus // TU. 1907. Bd. 31. Hf. 2, 2b; *Bardy G.* Vincent de Lérins // DTC. 1950. T. 15. Col. 3045–3055; *Костюк В.* Учение прп. Викентия Лиринского о Свящ. Предании // Встреча. 1996. № 2.

А. Р. Фокин

ВИ́КТОР [лат. Victor] († 2 апр. 554), свт. (пам. зап. 2 апр., 17 окт.), еп. Капуанский. Занимал кафедру г. Капуя (Кампания) с 24 февр. 541 г. Достоверных сведений о жизни В. не сохранилось. Известны 2 надписи, где упоминается его имя (CIL 10, 4503–4504). 1-я, надгробная, указывает дату смерти и срок епископата В.– 13 лет 38 дней. Из 2-й надписи можно заключить, что при нем в Капуе проводились некие строительные работы. *Беда Достопочтенный* называет В. «ученейшим мужем», указывая на его труды, большей частью утраченные. Первая церковь, посвященная В., упоминается в 1266 г. в Капуе. В XIV в. церкви в его честь существовали и в др. городах Кампании (Каяццо, Сесса-Аурунка, Нола, Джиффони). Память В. впервые зафиксирована в мартирологе П. Галезини (1578) под 17 окт. В издании Римского мартиролога 1927 г. память перемещена на день кончины В.– 2 апр.

В. известен прежде всего как составитель Фульдского кодекса лат. перевода НЗ (Codex Fuldensis; Fulda, Landesbibliothek, Bonifatianus I). В аббатство Фульда кодекс был до-

ставлен из Англии св. *Бонифацием* (Винфридом), просветителем Германии. В Англию эту рукопись привез св. Адриан, бывш. аббат мон-ря на о-ве Низида близ Неаполя. Кодекс содержит гармонию Евангелий (см. ст. *Гармония евангельская*) с предисловием В., таблицу литургических чтений, Послания ап. Павла (включая апокрифическое Послание к Лаодикийцам), указания мест захоронения апостолов, Деяния святых апостолов, Послание ап. Иакова. Из 2 колофонов следует, что рукопись написана В.: в 546 г. он закончил текст Откровения ап. Иоанна Богослова, а в 547 г.— Деяний апостолов. Кодекс содержит также «Послание к Киприану» и евангельские каноны *Евсевия* Кесарийского.

В. не переводил с греч. гармонию *Татиана,* но воспользовался готовым лат. переводом. Вероятно, он заменил старолат. перевод текстом *Вульгаты* и ввел цифровую рубрикацию из канонов Евсевия. В пользу того, что оригинал, к-рым пользовался В., был латиноязычным, может свидетельствовать то, что имеющийся в Фульдском кодексе лат. перевод «Послания к Киприану» существовал уже до В.

В. занимался вопросами исчисления Пасхи. *Адон* Вьеннский (Chronicon s. a. 572 // PL. 123. Col. 108) упоминает его соч. «О пасхальном круге» (De cyclo paschali), из к-рого Беда Достопочтенный приводит 2 фрагмента (De Ratione temporum. 51 // PL. 90. Col. 502); 17 др. фрагментов этого сочинения сохранились в «Толковании на Шестикнижие» Иоанна Диакона Римского (VI в.). Сочинение направлено против системы, предложенной столетием ранее *Викторием Аквитанским,* и защищает александрийскую пасхалию. В этом же сочинении Иоанна Диакона сохранилось 6 фрагментов из произведений В. «О Ноевом ковчеге» (De arca Noe), где появляется символическое толкование чисел и «Книги ответов» (Liber Responsorum), представляющей собой собрание схолий различных писателей на Пятикнижие. Собранные В. схолии принадлежат исключительно вост. отцам и учителям Церкви. В. цитирует сщмч. *Поликарпа,* еп. Смирнского, *Оригена,* свт. *Василия Великого, Диодора,* еп. Тарсийского, *Севериана Габальского.* Мн. цитаты из Поликарпа Смирнского, приводимые В., по др. источникам неизвестны. Последним экзегетическим произведением В. является соч. «Главы о Воскресении Господнем» (Capitula de Resurrectione Domini), представляющее собой согласование 4 евангелистов в повествовании о Воскресении Иисуса Христа.

Ж. Морен (RBén. 1890. N 7. P. 416–423) атрибутирует В. послание к Констанцию, еп. Аквинскому, к-рое в ряде рукописей предшествует рим. лекционарию Посланий ап. Павла. Таблица Апостольских чтений присутствует уже в Фульдском кодексе В. (CPL, N 1976).

Мощи В. хранились в XV в. в Монте-Кассино, частица мощей находилась в Монте-Верджине, откуда они в 1967 г. были перенесены в кафедральный собор Капуи.

Соч.: Praefatio in Evangelicos harmonias // PL. 68. Col. 251; Codex Fuldensis: Novum Testamentum latine interprete Hieronimo ex ms. Victoris Capuani / Ed. E. Ranke. Marburg; Lipsiae, 1868, 1871; De cyclo Paschali // PL. 90. Col. 502; *Bedae* Opera de temporibus / Ed. C. W. Jones. Camb., 1943. P. 272–273, 322–323 [фрагменты]; Ex libello de cyclo paschali // *Pitra J.* Spicilegium solesmense. P., 1852. Graz, 1962². T. 1. P. 296–301 [фрагменты у Иоанна Диакона]; Capitula de Resurrectione Domini / Ed. J. Pitra // O. C. Prolegomena. P. 53; Ibid. // PLS. T. 4. Col. 1196; Glossa in Epistula ad Romanos / Ed. G. Morin // RBén. 1910. Vol. 27. P. 114 sqq.
Лит.: *Morin G.* L'auteur de la «Lettre à Constantius»: Étude sur les origines du Comes ou Lectionnaire Romain // RBén. 1890. Vol. 7. P. 416–423; CPL, N 953 a – 956; *Bruyne D., de.* La préface des Diatessaron latin avant Victor de Capoue // RBén. 1927. Vol. 39. P. 5–11; *Vigouroux F.* Fuldensis (codex) // Dictionaire de la Bible. P., 1899. T. 2. Col. 1413; *Ghellinck J., de.* Patristique et Moyen-Âge. Gembloux, 1947. T. 2. P. 297; *Bardy G.* Victor de Capoue // DTC. T. 15. Col. 2874–2876; *Baus K.* Victor von Capua // LTK. Bd. 10. Sp. 770–771; *Ambrasi D.* Vittore di Capua // BiblSS. Vol. 12. Col. 1253–1256.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР († 24.09.1918, погост Подосиновец Северо-Двинской губ., ныне поселок в Кировской обл.), сщмч. (пам. 11 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. За чтение послания Патриарха свт. *Тихона* 24 сент. 1918 г. был расстрелян сщмч. *Николай Подьяков,* настоятель ц. Рождества Богородицы в Подосиновце. Тело священника палачи бросили в яму и заставили В., служившего в соседнем приходе, совершить чин погребения. Когда отпевание было завершено, один из карателей выстрелом в затылок убил В. Священномученик прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: *Дамаскин.* Т. 5. С. 65.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Петрович Басов (29.10.1892, с. Городец Нижегородской губ.— 15.09.1937, Карагандинский ИТЛ), сщмч. (пам. 2 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи диакона. По окончании ДС неск. лет служил псаломщиком, в 1918 г. рукоположен во диакона, в 1925 г.— во иерея. Служил в одном из сел Арзамасского р-на Нижегородского края, с 1931 г.— в храме в с. Ефимьеве Богородского р-на. 17 апр. 1935 г. по доносу одного из жителей села В. был арестован и заключен в тюрьму в Горьком. Обвинен в выступлениях против колхозов, произнесении «антисоветских» проповедей, помощи крестьянам в составлении жалоб на неправильное налогообложение. Во время заседания спецколлегии краевого суда 1 июня В. сказал: «Виновным я себя не признаю... Я твердо держусь правила не выступать против какой бы то ни было власти». Был приговорен к 5 годам ИТЛ.

30 авг. 1937 г. В. был арестован в лагере как сторонник «контрреволюционной группы» сщмч. еп. *Дамаскина (Цедрика),* обвинен в «систематическом ведении контрреволюционной деятельности... направленной на дискредитацию политики партии и правительства и на свержение существующего строя». Поводом для ареста послужило пение В. «церковных песен» (канона Пасхи) вместе со сщмч. *Иоанном Мельниченко.* В. не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Карагандинской обл. от 10 сент. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГА Нижегородской обл. Ф. 2209. Оп. 3. Д. 18741; Архив Центра Правовой Статистики и информации при Обл. Прокуратуре г. Караганды. Д. № 2149.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Иванович Воронов (10.03.1889, г. Вышний Волочёк Тверской губ.— 29.11.1937, Калининская обл.), сщмч. (пам. 16 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. В 1923 г. рукоположен во иерея, служил в одном из городских храмов. В кон. 20-х гг. подвергся аресту за неуплату налога, приговорен к 5 годам ИТЛ, после обжалования приговор был отменен. С 1930 г. служил в церкви в с. Заборовье (в 35 км от Вышнего Волочка). В 1936 г. В. был

арестован, обвинен в ведении метрических записей при храме и приговорен к штрафу. 15 нояб. следующего года он вновь был арестован, заключен в тюрьму Вышнего Волочка. Священнику предъявили обвинения в «контрреволюционной агитации» и «организации антисоветской демонстрации». После того как В. не признал себя виновным, его обвинили в совершении треб в домах прихожан без разрешения сельсовета. В. был расстрелян по приговору тройки УНКВД по Калининской обл. от 27 нояб. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 20613-С.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 3. С. 374–375.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Андреевич Европейцев (1885, с. Хлыстовка Краснослободского у. Пензенской губ. (ныне с. Краснополье, Мордовия) — 30.01. 1931, Саранск), сщмч. (пам. 17 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. По окончании Пензенской ДС женился и в 1906 г. был рукоположен во иерея к храму святых Космы и Дамиана в родном селе. Супруга В. Варвара Михайловна, дочь священника, окончила епархиальное уч-ще и работала учительницей в местной школе. В нояб. 1929 г. власти выселили семью священника из села, конфисковали дом и др. имущество. В. поселился в Краснослободске, в большие праздники по приглашению односельчан совершал богослужения в храме в Хлыстовке. В нач. 1930 г. храм был закрыт, несмотря на это, В. продолжал духовно окормлять бывш. односельчан.

22 нояб. 1930 г. В. был арестован в Краснослободске, помещен в местный арестный дом, обвинен в «антисоветской агитации» и в противодействии организации колхоза. В. виновным себя не признал и на допросе пояснил: «Мое внимание специально было сосредоточено к религии как священника... а на проводимые государственной властью кампании внимания не обращал, никакой агитации среди крестьян не вел». Вскоре В. перевели в тюрьму Саранска. Священномученик был расстрелян по приговору тройки ОГПУ от 10 янв. 1931 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ от 30 июля 2003 г.

Арх.: Архив УФСБ Республики Мордовия. Арх. № 8312-с.

ВИ́КТОР Николаевич Ильинский (31.10.1872, с. Кой Кашинского у. Тверской губ.— 27.11.1937, Калининская обл.), сщмч. (пам. 14 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи диакона. По окончании учительских курсов при уездном уч-ще в Новгородской губ. в течение 10 лет преподавал в церковноприходской школе в родном селе, одновременно с 1906 г. служил в храме псаломщиком. В 1912 г. рукоположен во диакона ко храму в с. Кой. В. был арестован в 1920 г., обвинен в сокрытии излишков хлеба и приговорен к 3 месяцам заключения в лагере. В 1927 г. В. вместе с прихожанами выступил с протестом против намечавшегося властями закрытия храма, храм удалось отстоять. В 1930 г. В. был рукоположен во иерея. В том же году его арестовали, за невыполнение плана хлебозаготовок приговорили к 8 месяцам ИТЛ.

В 1934 г. В. был вновь арестован, обвинен в сокрытии церковных ценностей, приговорен к 2 годам заключения в исправительно-трудовой колонии. В 1935 г. по состоянию здоровья освобожден, вернулся в родное село. В марте 1936 г. сотрудники НКВД произвели в храме обыск и изъяли книги с метрическими записями, В. был допрошен, но ареста не последовало. В. продолжал служить в храме, все время и силы отдавая богослужению и окормлению паствы. Председатель сельсовета неоднократно выдвигал против В. обвинения, напр., в том, что он, будто бы воспользовавшись отсутствием колоколов (к-рые были сняты по распоряжению власти), служил очень долго, перестав регулировать время службы церковным звоном, а также в том, что он призывал христиан к посещению храма, в чем добился больших успехов, и к 1937 г. число постоянных прихожан значительно увеличилось.

12 нояб. 1937 г. В. был арестован, заключен в тюрьму в Бежецке. К следствию привлекли лжесвидетелей, к-рые подписали протоколы, заранее составленные следователем. В. держался мужественно, не признал себя виновным в антигос. деятельности, не свидетельствовал против других. Расстрелян по постановлению тройки УНКВД по Калининской обл. от 25 нояб. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Д. 21784-С.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 3. С. 364–366.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Константинович Каракулин (1887, с. Волоконск Суджанского у. Курской губ.—7.05.1937, Дальлаг), сщмч. (пам. 19 мая и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. Служил в Троицкой ц. в Курске. 23 июля 1935 г. арестован вместе с Курским архиеп. сщмч. *Онуфрием (Гагалюком)* и др. священниками, обвинен в членстве в «контрреволюционной организации», к-рую будто бы возглавлял архиеп. Онуфрий. На допросах В. не признал себя виновным и не стал подписывать ложные свидетельства против себя и других, на очных ставках со лжесвидетелями отказался подтвердить их оговоры. На закрытом заседании специальной коллегии Курского областного суда 8 дек. 1935 г. В. вновь твердо отверг предъявленные обвинения. На следующий день специальная коллегия Курского областного суда приговорила священника к 10 годам заключения. В. был отправлен в Дальневосточный ИТЛ в Хабаровский край, заключение отбывал вместе со священномучениками архиеп. Онуфрием и еп. *Антонием (Панкеевым)*, скончался в лагере. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Курской обл. Арх. № П–16593.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 4. С. 215–216.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Михайлович Киранов (8.03.1881, с. Мануйловка Бердянского у. Таврической губ.— 30.03. 1942, Темниковский ИТЛ), сщмч. (пам. 17 марта и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из болг. священнического рода, брат сщмч. *Димитрия Киранова.* По окончании в 1903 г. Таврической ДС В. поступил в Юрьевский ун-т, в след. году оставил учебу и 21 дек. был назначен псаломщиком к Троицкой ц. в с. Новопрокофьевка Бердянского у. В 1905 г.

женился, 30 окт. был рукоположен Таврическим еп. *Алексием (Молчановым)* во иерея к Покровскому храму в с. Б. Благовещенка Днепровского у. В 1906 г. назначен законоучителем в нововасильевскую земскую школу, впосл. являлся также духовным следователем Серагозского благочиния. В нач. 20-х гг. В. был возведен в сан протоиерея и переведен в Бердянск настоятелем Вознесенского собора. В 1928 г. собор был закрыт (в 1929 взорван), В. перешел в городскую Покровскую ц., вскоре был назначен ее настоятелем и благочинным Бердянского округа. По распоряжению В. лишенное приходов духовенство принимали в штат Покровской ц. певчими, сторожами

Сщмч. Виктор Киранов. Фотография. 20-е гг. XX в.

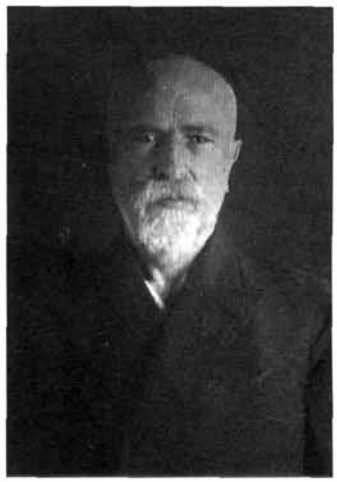
и на др. должности, была заведена касса взаимопомощи для поддержки малоимущих. В. убеждал клириков, переходивших на работу в светские учреждения из боязни преследований, не оставлять священнослужения.

К кон. 1936 г. Покровский храм был единственным действующим храмом в Бердянском благочинии. Но и его власти намеревались закрыть и разрушить под предлогом отсутствия камня для постройки школы. В. и прот. сщмч. *Михаил Богословский* организовали приходское собрание в защиту храма, к-рое состоялось 8 янв. 1938 г., после литургии, присутствовали ок. 4 тыс. чел. В защиту церкви выступили мн. прихожане, наиболее ярким было выступление инженера В. М. Панкратова, сказавшего: «Советская власть забирает нашу последнюю отраду, нам нужно крепко стоять перед этой властью, и она оставит нам церковь... Где тот кирпич уже разрушенных церквей? Почему из него не построена ни одна школа? Братья, наши сердца уже двадцать лет обливаются кровью». Панкратов обещал представителям горисполкома, присутствовавшим на собрании, что приход соберет деньги для строительства школы. Несмотря на выступление прихожан, вскоре храм был закрыт, к лету арестовали всех служивших при нем священников.

В. был арестован 25 июня 1938 г., почти сразу к нему были применены пытки. В. писал супруге о следствии: «Кратко мое дело... Сперва отборная, пересыпанная матерщиной ругня, затем толчки, удары до грыжи, а затем бессонная стойка в течение 300 часов с перерывом в 6 часов, заставили подписать составленный начальником НКВД... протокол — бред сумасшедшего чека... Я держался больше месяца без сна и днем и ночью... Предъявили показания... что я поручил в день выборов отравить колодцы и выдал яд... Затем переключили обвинения на агитацию». На последующих допросах В. отказался от выбитых у него показаний, 7 марта направил следователю заявление, в к-ром сообщал, что «был вынужден подписывать эти показания и подписывал их не читая... Очные ставки, которые я подписывал, были заготовлены следователем ранее». После того как физические меры воздействия не дали результата, к следствию в качестве «свидетеля» был привлечен бывш. свящ. П. Зверев, к-рого В. ранее безуспешно уговаривал не оставлять священнослужения. На очной ставке Зверев советовал В. отказаться от сана и «перейти на честный труд»; в ответ священномученик назвал Зверева отступником и подхалимом, за что отсидел 10 суток в карцере.

В. и большинство заключенных виновными себя не признали (В. писал из тюрьмы: «Я, всегда лояльный, открытый патриот и защитник весьма многих реформ, и вдруг — контрреволюционер. Перед родиной и властью не грешен, и пусть Бог будет судьей моим и вольным и невольным врагам»). Поскольку материалов для открытого судебного заседания было недостаточно, Запорожский суд переслал дело на рассмотрение в Днепропетровск, затем в Киев. Не найдя достаточных оснований для осуждения арестованных, 11 авг. 1939 г. прокурор УССР Косман направил дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Ожидая решения своей участи, В. писал из заключения близким:

Сщмч. Виктор Киранов. Тюрьма НКВД. Фотография. 1938 г.

«Путь ко спасению проходит нормально, по указанию апостола Иакова,— сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению... Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен... Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер — отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение».

Тройка НКВД на заседании 29 окт. 1939 г. приговорила В. к 8 годам ИТЛ. Постановление было объявлено 28 нояб., священномученика направили в Томско-Асинский ИТЛ (с. Асино Новосибирской обл.). Из лагеря он писал: «Принимали доброе, примем безропотно и плохое... слава Богу, что дал возможность искупить этим путем бесчисленные грехи пред Ним». В окт. 1940 г. ввиду расформирования Томасинлага В. был переведен в Темниковский ИТЛ, скончался в лагере, похоронен в безвестной могиле. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив Управления СБУ по Запорожской обл. Д. 1731; Семейный архив Кирановых.
Ист.: Справочная книга Таврической епархии. Симферополь, 1910.
Лит.: *Доненко Н., прот.* Новомученики г. Бердянска. М., 2001; *Стариков А.* «Чтоб не прервалась связь времен»: [Рец. на кн. *Доненко Н., прот.* Новомученики г. Бердянска] // Південна зоря: Газ. Бердянск, 2001. 25 мая.

Прот. Николай Доненко

ВИ́КТОР Степанович Климов (17.04.1889, с. Семиярское Семипалатинской обл., ныне с. Семиярка Восточно-Казахстанской обл., Ка-

Сщмч. Виктор Климов. Фотография. Нач. 10-х гг. XX в.

захстан — 22.11.1937, Семипалатинск), сщмч. (пам. 9 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи станционного смотрителя. Брат В. Николай был священником в Троицком соборе Томска и также впосл. принял мученическую кончину. По окончании в 1909 г. Томской ДС В. работал учителем словесности в муж. гимназии Семипалатинска. В 1911 г. женился, в 1913 г. был рукоположен во диакона, 8 дек. того же года — во иерея Семипалатинским еп. *Киприаном (Комаровским)*. В 1914–1923 гг. служил в Воскресенском храме Семипалатинска, также состоял в клире Александро-Невской ц., нес послушание благочинного.

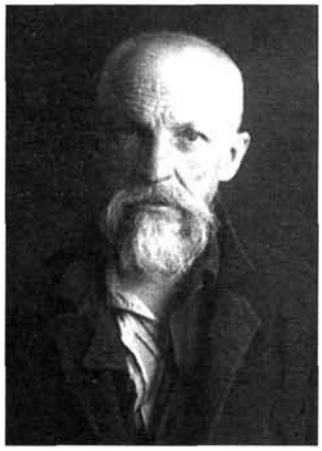
В 1922 г. В. участвовал в организации и проведении собраний духовенства и мирян *Семипалатинского викариатства*, целью к-рых было противостояние *обновленчеству*. 4 дек. вместе с др. участниками собраний был задержан, вскоре отпущен под подписку о невыезде, 5 марта следующего года «за участие в тайных собраниях» приговорен к денежному штрафу. С 1924 г. В. состоял в причте Знаменского собора Семипалатинска, после закрытия к-рого в 1931 г. вернулся в Воскресенский храм.

Священномученик был арестован 17 нояб. 1937 г., обвинен в «активной контрреволюционной деятельности путем агитации среди населения», распространении «клеветнических слухов о мероприятиях советского правительства», шпионаже. В. виновным себя не признал. Расстрелян вместе со священномучениками прот. *Нестором Паниным*, прот. *Феодором Чичкановым* и свящ. *Константином Черепановым* по постановлению тройки УНКВД по Восточно-Казахстанской обл. от 19 нояб. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Свящ. Синода РПЦ 27 дек. 2000 г.

Лит.: *Кашляк В. Н.* Семипалатинск: Три века истории. Новосибирск, 2002.

В. В. Королёва

ВИ́КТОР Иванович Моригеровский (17.04.1872, погост Минеево Дмитровского у. Московской губ.–

Сщмч. Виктор Моригеровский. Москва. Тюрьма НКВД. Фотография. 1938 г.

7.03.1938, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 22 февр. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. Окончил Заиконоспасское ДУ (1889), Вифанскую ДС (1896); в 1901 г. был рукоположен во иерея к Никольской ц. в с. Черленкове Волоколамского у. Московской губ. В 1931 г. В. был арестован, обвинен в отказе от выполнения общегос. повинностей и приговорен к 2 годам ИТЛ. После обжалования приговора в суде священник был оправдан. В 1933 г. он вновь был арестован, обвинен в «контрреволюционной агитации», приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. В июне 1934 г. вернулся в Черленково и вновь стал служить в Никольском храме, призывал прихожан оказывать помощь репрессированным священнослужителям.

16 февр. 1938 г. В. был арестован вместе со старостой Никольского храма мц. *Ириной Смирновой*, заключен в Волоколамскую тюрьму. Основанием для ареста послужили показания о «контрреволюционной деятельности» В., к-рые дал П. П. Розов (до 1937 служивший священником в Никольской ц.). В справке, составленной на арест В. 11 февр. 1938 г., приведены слова священномученика, сказанные 21 янв. того же года в сельсовете: «Хоть вы меня и вынуждаете под давлением непосильных налогов отказаться от службы, но я в помощь Церкви и для сохранения православной веры мобилизую все силы верующих своего прихода и буду служить православной вере до последних дней своей жизни». В. не признал себя виновным в «контрреволюционной агитации». Расстрелян по постановлению тройки УНКВД по Московской обл. от 27 февр. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦГИАМ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2095; ГАРФ. Ф. 10035. Д. 23028.
Лит.: *Дамаскин.* Т. 6. С. 65–70; ЖНИР: Моск. Янв.–Май. С. 149–155; Сщмч. Виктор (Моригеровский) // Возглас: Справ.-инф. газ. М., 2004. Февр. № 4. С. 4.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Никифоров († в июле 1918, Пермская губ.), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Служил в храме в с. Комарове Осинского у. Пермской губ. Расстрелян в ходе массовых репрессий в Пермском крае. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Пермские ЕВ. 1919. № 1, 2; *Дамаскин.* Т. 2. С. 116; *Королев.* Исповедники. С. 14.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Павлович Смирнов (20.10.1875, с. Ильинское Звенигородского у. Московской губ.–8.12.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 25 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи псаломщика. В 1891 г. окончил Звенигород-

ское ДУ, в 1898 г.– Вифанскую ДС. Работал учителем в церковноприходской школе в Можайском у. Московской губ. 7 нояб. 1902 г. был рукоположен во иерея к Ильинской ц. в с. Сандыри Коломенского у., в 1927 г. возведен в сан протоиерея. С апр. 1930 г. служил в ц. Рождества Христова погоста Хотяинова Коломенского р-на. В том же году за неуплату налога В. был арестован и приговорен к 3 месяцам принудительных работ. В марте 1934 г. назначен настоятелем Троицкой ц. в с. Протопопове (пос. им. Кирова, ныне в черте Коломны). В 1936 г. награжден правом ношения палицы.

27 нояб. 1937 г. по обвинению в проведении «активной антисоветской деятельности» В. был арестован и заключен в тюрьму Коломны; впосл. переведен в Таганскую тюрьму в Москву. Виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки НКВД от 1 дек. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Свящ. Синода РПЦ 7 мая 2003 г.

Арх.: Архив МП. Послужной список; ГАРФ. Ф. 10035. Д. № 61290.

Ист.: *Дубинский А. Ю.* Вифанская ДС: Алф. список выпускников 1881–1900 гг.: (Кр. генеалогич. справ.). М., 2002.

ВИ́КТОР Семенович Усов (19.03.1876, Всесвятский (Орловский) погост Устюжского у. Вологодской губ.– 20.01.1937, г. Сокол Вологодской обл.), сщмч. (пам. 8 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи диакона. После окончания Вологодской ДС В. женился и был рукоположен во иерея, служил в Троицкой ц. в с. Вознесенском (Вохма). В 1913 г. переведен в Богородице-Рождественскую ц. в с. Леваш Тотемского у. Вел активную проповедническую и пастырскую деятельность, к-рую не уменьшил и в годы гонений.

13 мая 1935 г. В. был вызван на допрос, обвинен в «контрреволюционной работе» среди населения. Виновным себя не признал. В тот же день уполномоченный Тотемского отдела НКВД выписал постановление на принятие дела к производству, в к-ром сообщалось, что «контрреволюционные действия» священника выразились «в срывании революционных лозунгов, находящихся в квартирах граждан с. Леваш Нижнепеченского сельсовета, внушении школьникам не писать революционных лозунгов, а имеющиеся в квартирах убрать и заменить их антисоветскими с религиозной наклонностью» (основанием для обвинения был совет, данный В. девочке с. Леваш: заменить висевший у нее дома плакат «Попы — враги рабочих и крестьян!» на надпись: «Где совет — тут и свет, где любовь — тут и Бог»). В. был арестован, заключен в тюрьму в Тотьме. На допросах отказался назвать имена «единомышленников» и родственников (4 брата В. служили священниками).

9 июня следствие было закончено. В. обвинили в «контрреволюционной пропаганде», а также в том, что он вовлекал учеников школы в отправление религ. обрядов (школьники во время крестных ходов носили иконы). На заседании специальной коллегии Северного краевого суда 11 сент. 1935 г. В. подтвердил, что посещал дома школьников и наставлял детей в вере, советовал обращавшимся к нему крестьянам не вступать в колхозы, все др. обвинения он отверг. Священномученик был приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ, 8 окт. отправлен этапом в Вологду. Отбывал срок, видимо, в системе Беломоро-Балтийского ИТЛ. 27 окт. он был доставлен в лагерный пункт близ г. Сокола. Скончался в лагере, погребен в безвестной могиле в Соколе. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Свящ. Синода РПЦ 27 дек. 2000 г.

Сщмч. Виктор Усов (сидит справа) среди друзей. Фотография. 10-е гг. XX в.

Арх.: Архив УФСБ по Вологодской обл. Арх. № П–516; *Глазкова Т. Г.* Сщмч. иерей Виктор (Виктор Семенович Усов): Мат-лы к жизнеописанию. Ркп. 2000.

Лит.: *Кузнецов А.* Тотемская церк. старина. Тотьма, 1999; Новопрославленный вологодский святой // Благовестник. Вологда, 2000. № 1 (69).

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Васильевич Элланский (16.09.1874, с. Плоское Остёрского у. Черниговской губ.– 8.09.1937, Казахстан), сщмч. (пам. 26 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника. По окончании в 1914 г. КДА был рукоположен во иерея к одному из храмов Киева. Являлся одним из близких помощников митр. сщмч. *Владимира (Богоявленского)*. В 1924 г. В. был арестован, приговорен к 3 годам ссылки. Вернувшись после ее окончания в Киев, возобновил служение, был возведен в сан протоиерея. Вторично арестован в марте 1929 г., заключен в киевский дом предварительного заключения, в окт. приговорен к 3 годам ссылки, к-рую отбывал в Иркутской обл.

После окончания срока ссылки В. было запрещено проживать в 12 областях страны, в янв. 1934 г. он поселился в г. Мичуринске Тамбовской обл., получил благословение Тамбовского и Мичуринского архиеп. сщмч. *Вассиана (Пятницкого)* служить в храмах епархии. В Мичуринске В. проявил себя как ревностный пастырь, часто служил, причем не только в городе, но и в окрестных селах. В марте 1935 г. В. был арестован, заключен в тюрьму Мичуринска. На состоявшемся в тот же день допросе В. обвинили в «антисоветской агитации», к-рая заключалась в том, что священник «говорил верующим о недолговечности советской власти и предсказывал ее скорую гибель». В. виновным себя не признал и пояснил: «Всякая власть является данной Богом, я, как человек, глубоко верующий, признаю советскую власть как власть, данную Богом». 18 дек. 1936 г. выездной сессией спецколлегии Воронежского облсуда В. был приговорен к 5 годам тюремного заключения. Впосл. тюремное заключение было заменено на лагерное, и 15 апр. 1936 г. он прибыл в Карагандинский ИТЛ, работал счетоводом в лагерном пункте «Алихан».

В 1937 г. В. был арестован в лагере, обвинялся в том, что «среди лагерников проводил к/р агитацию

пораженческого характера, заявляя: «Советская власть скоро будет уничтожена Богом»... Наряду с ведением к/р агитации Элланский проводил и богослужения, группируя вокруг себя бывших попов. Будучи религиозным до фанатизма на Троицу пел тропарь Троицы и др.» В. виновным в контрреволюционной деятельности себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Карагандинской обл. от 31 авг. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тамбовской обл. Арх. № Р–4166; Архив Центра правовой статистики и информации при обл. прокуратуре г. Караганды. Д. 2193.

Ист.: *Элланская Е., Элланский В. В.* Письма к Е. П. Пешковой // ЦИВ. 1999. № 2/3. С. 125–127.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Николаевич Яворский (2.04.1873, с. Корощин Седлецкой губ. (ныне Польша) — 13.01.1938, Харьков), сщмч. (пам. 19 мая — в Соборе новомучеников Слободского края), свящ. Служил на приходах в Харькове. 20 дек. 1937 г. арестован и приговорен к расстрелу. Определением Синода УПЦ от 22 июня 1993 г. прославлен как местночтимый святой Слободского края (Харьковской епархии).

Лит.: Кр. биогр. справки известных новомучеников Слободского края // *Никодим (Руснак), митр.* Сб. служб и акафистов. Х., 1999. С. 299.

ВИ́КТОР [апа Виктор; Виктор стратилат; копт. **ⲃⲓⲕⲧⲱⲣ**] (III — нач. IV в.), егип. мч. (пам. копт. 27 пармуте (22 апр.)). Судя по копт. и копто-араб. источникам, В. был весьма почитаем в Египте в визант. и раннеараб. время. Сохранилось неск. копт. рукописей (саидский диалект) с описанием его мучений. Рукопись (Or. 7022 Брит. б-ки), изданная Э. А. Т. Уоллисом *Баджем,* содержит 4 версии, рукопись из ГПБ, опубликованная А. И. Еланской,— 1, совпадающую по сюжету с рукописью из опубликованных Баджем. Неск. фрагментов мартирия В. хранятся во Французской национальной б-ке (Париж); фрагменты перевода этого сочинения на бохайрский диалект копт. языка издал Ф. Росси. Существуют также панегирики в честь В., атрибутированные Целестину, еп. Римскому (Lond. Brit. Or. 7022), Феодосию Иерусалимскому, свт. *Иоанну Златоусту* (2 последних — в кодексе У. Буриана) и Феопемпту Антиохийскому (ркп. из коллекции Пьерпонта Моргана). Неск. фрагментов, хранящихся в С.-Петербурге и, вероятно, содержащих часть панегирика, приписываемого свт. Иоанну Златоусту, опубликованы О. Э. фон Леммом. Неск. листов из Венской рукописи, возможно относящихся к панегирику Целестина, изданы В. Тилем.

Копто-араб. «досье» В. не менее обширно, чем коптское, однако мало исследовано и не издано. Имеется 2 типа текстов: описание его мученичества (это различные панегирики на 27 пармуте) и сборники его чудес под 27 хатора (дата освящения церкви в честь В.). Панегирики атрибутированы Кириаку, еп. Эль-Бахнасы (Оксиринха) (сохр. в 6 ркп. XVI, XVII и XIX вв.), Димитрию Антиохийскому (в 2 ркп. XV и XVIII вв.), Целестину, еп. Римскому (2 ркп.— Graf 470, Paris Arab. 4782) и Табунтусу (Феопемпту?) Антиохийскому (1 ркп.— Graf. Geschichte. I. P. 540). По всей видимости, 2 последних панегирика являются переводами с копт. оригиналов. Краткое описание мученичества В. содержится в копто-араб. синаксаре под 27 пармуте. Описание его чудес находится в рассказе копто-араб. синаксаря под 27 хатора о строительстве 2 церквей в его честь, а также в тексте гомилии Димитрия Антиохийского. Часть текстов копто-араб. рукописной традиции, посвященной В., еще не полностью идентифицирована. Существует эфиоп. версия его мартирия (Lond. Brit. Or. 729).

Поскольку версии мартириев содержат значительные разночтения, реконструировать этапы мученичества В. можно только условно. Вероятно, местом его рождения была Антиохия. Он был сыном стратилата Романа, его мать, согласно эфиоп. версии, звали Марфа. Когда имп. Диоклетиан учредил культ 70 божеств, среди к-рых главенствовали Аполлон и Артемида, всем было приказано принести жертву их изваяниям. Мартирий сообщает, что некий протектор Василид отказался это сделать и был убит вместе со своими домочадцами. Когда настала очередь В., к-рому к этому времени было ок. 20 лет, он в отличие от отца отказался выполнить приказ, хотя был сильно искушаем сатаной. Он был доставлен к Диоклетиану и подвергнут избиениям и издевательствам. Отец отрекся от него. По приказу Диоклетиана В. был отослан к дуксу (комиту) Александрии Арминию. Перед отъездом у В. состоялся разговор с матерью, где он убеждал ее не уподобляться отцу и быть христианкой. Арминий устроил судилище и призывал В. принести жертву идолам. Он отказался и был подвергнут пыткам, а затем брошен в печь общественной бани. Однако благодаря заступничеству арх. Михаила В. остался невредим. Чиновники и жители Александрии, боясь Божьего гнева, просили Армения, чтобы В. был казнен в др. месте. Тогда он выслал В. в Антиною к дуксу Евтихиану. Тот, в свою очередь, утроил судилище и пытал В., желая добиться от него жертвоприношения, но безрезультатно. После этого дукс повелел сослать его в крепость Гиеракион (либо в р-не совр. Эль-Атавлы, либо возле Дейр-Эль-Гебрави). Там В. был искушаем диаволом, но рассеял его видения. После этого к нему явился Иисус Христос и утешал его, помогая перенести пытки, к-рым он подвергался в крепости. Дукс Севастиан, вероятно сменивший Евтихиана на этом посту, прибыл в крепость, где безуспешно пытался сжечь святого в печи. Разгневанный этим обстоятельством, дукс приказал обезглавить В. В это время жена одного из солдат гарнизона, 15-летняя Стефанида, исповедала Христа и была казнена. По мнению исследователей (напр., М. ван *Эсбрука*), именно этот эпизод в искаженном виде содержится в греч. мученичестве В. и Стефаниды (BHG, N 1864), а также в лат. источниках (где мученица названа лат. именем Corona): события перенесены во время правления имп. *Антонина Пия,* а Севастиан назван правителем Италии (см. ст. *Виктор,* мч.). Перед казнью В. прославил Христа, предрек позорную смерть своим мучителям и предсказал, что на месте его казни будет воздвигнута часовня.

По упоминаниям в папирусах VI–VIII вв., культ В. был распространен в разных частях Египта: Арсиное, Афродито, Джеме, Элефантине, Сиене, Гермополе, Гераклеополе, Долине царей и др. местах. Араб. «История церквей и монастырей Египта» (XIII в.) сообщает о 8 церквах в честь В. (1 из к-рых находилась в

мон-ре В. в Камуле, вблизи г. Кус). Помимо Египта упоминаются 3 места, где хранились мощи святого: в Маюме (согласно карте Мадабы), Антиохии (согласно копто-араб. синаксарю, мощи В. были перенесены сюда из Египта) и в Риме (согласно панегирику Целестина, еп. Римского).

Ист.: *Bouriant U.* L'Éloge de l'Apa Viktor, fils de Romanos // MIFAO. 1892. T. 8. P. 145–266; *Rossi F.* Di alcuni manoscritti copti che si conservano nella Bibliotheca Nazionale di Torino. Ser. 2. 1893. T. 43 P. 106–109; 326–339; *Evetts B. E. A.* The Churches and Monasteries of Egypt and some Neighbouring Countries attributed to Abu Salih, the Armenian. Oxf., 1895; *Budge E. A. W.* Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypte. L., 1914. P. 1–101; *Till W.* Koptische Heiligen- und Märtyrerlegenden. R., 1935; *Еланская А. И.* Коптские рукописи ГПБ // ППС. 1969. Вып. 20. С. 21–95 (рус. пер.: Изречения египетских отцов: Памятники лит-ры на копт. языке. СПб., 1993, 2001². С. 263–286).

Лит.: BHO, N 1242; *Galtier E.* Contribution à l'étude de la littérature arabe-copte. III. Les Actes de Viktor fils de Romanos // BIFAO. 1905. T. 4. P. 127–140; *Sauget J.-M.* Vittore il Generale // BiblSS. Vol. 12. Col. 1258–1260; *Horn J.* Untersuchungen zu Frömmigkeit und Literatur des christlichen Ägypten: Das Martyrium des Viktor, Sohnes des Romanos: Einleitung in das koptische Literaturwerk: Kommentar zum «ersten Martyrium»: Diss. Gött., 1988; *Van Esbroeck M., Samir Kh.* Viktor Stratelates, Saint // CoptE. Vol. 7. P. 2303–2308; *Papaconstantinou A.* Le culte des Saints en Égypte: des Byzantins aux Abbassides: L'apport des inscriptions et les papyrus grecs et coptes. P., 2001. P. 62–67.

А. А. Войтенко

ВИ́КТОР [лат. Victor; греч. Βίκτωρ] (II в.), мч. (пам. 11 нояб., пам. зап. 14 мая). Воин-христианин В. служил в рим. армии под начальством дукса (или комита) Севастиана. Когда начались гонения на христиан, его призвали к военачальнику и велели принести жертвы языческим богам. В. отказался и был подвергнут пыткам, его бросили в раскаленную печь и оставили в ней в течение 3 дней, но мученик остался невредимым. Затем его заставили съесть отравленное мясо, но яд не подействовал, а чародей, приготовивший зелье, уверовал во Христа. После этого В. предали еще большим мучениям: ему вытягивали жилы, бросили в котел с кипящим маслом, повесили на дереве и опаляли тело свечами, вливали в уста мученика прах, смешанный с уксусом. Затем ему выкололи глаза и повесили вниз головой, при этом ослепившие его воины сами потеряли зрение, но впосл. исцелились по молитве святого. Узнав об этом, Севастиан

Мч. Виктор. Роспись ц. Панагии Аракос на Кипре. 1192 г.

велел содрать с него кожу. Присутствовавшая при его страданиях христианка по имени *Стефанида* увидела 2 лучезарных венца, спускающихся с неба, и открыто исповедала Христа. Она была казнена по приказу военачальника, а В. отсекли голову. Перед смертью В. предсказал гибель, ожидающую его мучителей, что вскоре сбылось. Когда В. был обезглавлен, произошло чудо: из его тела потекли кровь и молоко.

Житие В. сохранилось на греч., лат., копт. языках. Тексты содержат значительные расхождения относительно времени жизни и места кончины мученика. Согласно лат. источникам (BHL, N 8559–8563), В. происходил из Киликии (М. Азия), по греч. версии (BHG, N 1864) — он был родом из Италии. По лат. и греч. житиям, В. пострадал в царствование имп. *Антонина Пия* (138–161), по копт. житиям — в гонения имп. *Диоклетиана* (BHO, N 1242–1244), по мнению большинства историков, при имп. *Марке Аврелии* (161–180).

Местом мученической кончины пространные греч. жития считают Дамаск, а краткие синаксарные — Италию (Минологий Василия II — PG. 117. Col. 154), копт.— Антиохию в Сирии или Антиною Египетскую, большинство лат. источников — Александрию, нек-рые позднейшие из них — Сицилию или Марсель (смешивая В. с *Виктором,* мч. Марсельским).

Нек-рые исследователи предполагают, что существовало 2 одноименных мученика, один пострадал в Сирии, др.— в Египте, и что на определенном этапе произошло слияние культа В. и *Виктора,* егип. мч. Др. ученые считают, что В. принял мученическую кончину в Египте, но его почитание было настолько распространено в Антиохии, что возникла легенда о его сир. происхождении. Существует также мнение, что в основе др. версий лежит греч. житие (BHG, N 1864) или его прототип, составленный в III–IV вв., согласно к-рому В. претерпел мучение в Сирии (*Lucchesi.* Col. 1291–1292).

Память В. отмечается в греч. календарях 11 нояб. (в ряде визант. синаксарей 10 или 12 нояб.), в лат. памятниках кроме общепринятого праздника 14 мая, также 24 апр. (BHL, N 8559), 11 янв., 20 февр., 23 апр. и 8 мая (MartHieron. P. 36, 106, 169, 205–206, 240, 253, 289), 1 апр. (MartRom. P. 120, 188).

Мч. Виктор. Роспись собора Св. Софии в Киеве. 1-я пол. XI в.

Сведения относительно мощей В. также разноречивы. В Александрийском Синаксаре под 23 нояб. сообщается об освящении в Антиохии церкви, построенной в честь В., на месте, где было похоронено его тело (Syn Alex. 1922. T. 18. Fasc. 1. P. 157–159). В XII в. в к-польской ц. вмч. Мины, около Манган, хранились мощи мучеников В. и Викентия (Описание святынь К-поля в лат. рукописи XII в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 443). В Риме часть мощей В. хранилась в ц. св. Панкратия, в 1697 г. они были перенесены в кармелитский мон-рь Санта-Лучия алле Боттеге Оскуре, а затем в ц. святых Марцеллина и Петра. С 1906 г. мощи В. находятся в Фано, в Италии.

Ист.: BHL, N 8559–8563; BHG, N 1251–1252, 1864–1865; BHO, N 1242–1244; ActaSS. Apr. T. 3. P. 265; ActaSS. Mai. T. 3. P. 266–268; PG. 115. Col. 257–268 [греч. житие В.]; ЖСв. Ноябрь. С. 217–222; *Budge E. A.* Coptic Martyrdoms. L., 1914. P. 1–45 [копт. мучение В.]; Мартирий св. Виктора // Изречения египетских отцов: Памятники лит-ры на копт. языке. СПб., 2001. С. 263–286.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 465; *Delehaye H.* Les Martyrs d'Égypte // AnBoll. 1922. Vol. 40. P. 32–34, 67, 70, 96, 98, 118–119, 121, 123, 151; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 897; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 81; *Sauget J.-M.* Vittore il Generale // BiblSS. Vol. 12. Col. 1258–1260; *Lucchesi G.* Vittore e Corona // Ibid. Col. 1290–1292; *Keller K.* Victor der Sieger: Zur Verehrung von frühchristl. Märtyrern mit Namen Victor // Hermeneia. 1996. N 12.

Иконография. В памятниках визант. круга представлен юным темноволосым мучеником или средовеком с короткой округлой бородой; облачен в хитон и плащ; в руке держит крест. В Эрминии *Дионисия Фурноаграфиота*, нач. XVIII в., о В. сказано: «Юный без бороды» (Ч. 3. § 10. № 10). Как юный мученик В. представлен: в Новой ц. Токалы-килисе в Гёреме (Каппадокия), кон. X в.; в Минологии Василия II (Vat. gr. 1613. Fol. 174, 976–1025 гг.); в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас (в наосе, где в XIX в. на месте утраченного образа был написан новый). Как средовек: в ц. Георгия Диасорита на о-ве Наксос, XI в.; в Палатинской капелле в Палермо, в Сицилии, 50–60-е гг. XII в.; в Чефалу, в Сицилии, ок. 1148 г.; в мон-ре Хора (Кахрие-джами), в К-поле, ок. 1316–1321 гг.; в греко-груз. рукописи (РНБ. О. I. 58. Л. 57, 94, XV в.). Обычно изображался в мучении, или единолично в рост, или в паре с мучениками Викентием и Миной Египетским (см. ст. *Викентий*, мч.).

В западнохрист. искусстве В. представлен, как правило, юным мучеником: напр., деревянная скульптура мастера Франческо ди Вальдамбрино, Сиена, XV в.; миниатюра Сано ди Пьетро (XV в., Сиена, б-ка Пикколомини) — с пальмовой ветвью и знаменем; полиптих работы Пьетро да Монтепульчано (1418, собор в Озимо, Италия) — с пальмовой ветвью и мечом; картина худож. Л. Мемми из Сиенского собора (1333, Нац. музей, Копенгаген) — с мечом и ветвью оливы, и др.

Лит.: *Jerphanion G., de.* Les églises rupestres de Cappadoce: Une nouvelles province de l'art byzantin. P., 1928. Vol. 2. P. 340; *Demus O.* The Mosaics of Norman Sicily. L., 1949. P. 14, 39, 80, 115; *Restle M.* Byzantine Wall Painting in Asia Minor. Recklinghausen, 1967. Bd. 2. Pl. 10. № 115–116; *Underwood P.* The Kariye Djami. L., 1967. Vol. 1. P. 153, 156–159. Pl. 164. Vol. 2. P. 163; *Chatzidakis M. et al.* Naxos. Athens, 1989. P. 69–70. Pl. 1; *Connor J. L.* Art and Miracles in Medieval Byzantium: The Crypt at Hosios Loukas and Its Frescoes. Princeton, 1991. P. 17; *Jolivet-Levy C.* Les églises byzantines de Cappadoce: Le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991. P. 93. Remarq. 79; P. 116. Remarq. 266, 269; *Chatzidakis M., Bitha I.* Corpus de la peinture monumentale Byzantine de la Grèce: L'Ile de Cythére. Athènes, 1997. P. 61. Pl. 5; *Евсеева.* Афонская книга. С. 217, 251.

Н. В. Герасименко, Э. П. А.

Гимнография. Память В. с кратким указанием «Вся [служба] — святым» присутствует в иерусалимском Лекционарии VII–VIII вв. (*Tarchnischvili.* Grand Lectionnaire. T. 2. [Pars. 1.] P. 62; [Pars. 2.] P. 50). В Типиконе Великой ц. память В. есть, но без богослужебного последования. По студийским и иерусалимским Типиконам, включая совр., последование 11 нояб. не содержит больших различий и посвящено в основном мч. Мине с упоминанием в нек-рых песнопениях имени В.

В греч. рукописях сохранились также общие каноны В. и мц. Стефаниде (AHG. T. 3. P. 288–298), а также 2 общих канона Мине, В. и Викентию (AHG. T. 3. P. 299–317) и 3 общих канона Мине, В., Викентию и мц. Стефаниде (AHG. T. 3. 318–330; Ταμεῖον. Σ. 91) (см. также ст. *Мина, мч., Стефанида, мц.*).

ВИ́КТОР (нач. IV в.), мч. (пам. зап. 12 апр.). Житие В. входит в состав пассионария XI в. из мон-ря Сан-Доминго де Силос в Кастилии (Испания). Согласно житию, В. был жителем г. Бракара Августа (совр. Брага, Португалия). Он был схвачен и представлен на суд презида (наместника провинции) после того, как попытался прервать праздничную процессию язычников. На суде святой исповедал христ. веру и после пыток был приговорен к смертной казни и обезглавлен.

Память В. впервые указывается в 3 календарях XI в. из мон-ря Сан-Доминго де Силос. Мощи В. покоились в Браге, в храме, посвященном святому. В 1102 г. еп. Сантьяго-де-Компостела Диего Хельминес посетил Брагу и увез с собой мн. мощи, хранившиеся в этом храме, среди к-рых были, вероятно, и мощи В. Местные жители считали, что мощи В. находились в Браге до тех пор, пока в 1590 г. архиеп. Браги Августин де Кастро не произвел вскрытие гробницы В. и подтвердил их отсутствие.

Ист.: ActaSS. Apr. T. 2. P. 78–79.

Лит.: *David P.* Études historiques sur la Galice et le Portugal du VIe au XIIe siècles. P., 1947. P. 222; *Jimenez Pedrajas R.* Vittore di Braga // BiblSS. Vol. 12. Col. 1251–1252.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР, мч. Коринфский — см. в ст. *Викторин, Виктор, Никифор, Клавдий, Диодор, Серапион и Папий,* мученики Коринфские.

ВИ́КТОР († ок. 290), мч. Марсельский (Массилийский) (пам. зап. 21 июля). Воин-христианин В. происходил из сенаторского сословия г. Массилия (совр. Марсель, Франция), он был схвачен за отказ участвовать в языческих церемониях. Ни угрозы, ни обещания наград и почетного титула «друга Цезаря» не смогли склонить мученика к вероотступничеству. Сначала святой предстал перед 2 судьями, затем перед имп. *Максимианом,* к-рый убеждал В. принести жертву Юпитеру. Святого бичевали, затем заключили в темницу, где ему явился ангел Господень, укреплявший его в мученическом подвиге. Стражники, увидевшие сияние, исходившее из темницы, в к-рой был заключен В., уверовали во Христа и были казнены. На следующее утро святого снова подвергли пыткам, но не смогли добиться отречения от Христа и вновь бросили в темницу. Через 3 дня император призвал В. и стал склонять его к отречению. В., притворившись, что согласен припасть к ногам статуи Юпитера, приблизился к ней, и идол тут же рухнул. В. бичевали и мучили с помощью различных приспособлений для пыток. Наконец, палачи, видя, что все их усилия бесполезны, отрубили святому голову. Тела В. и 3 обращенных воинов были брошены в море, но волны вынесли их на берег. В. был похоронен христианами в гробнице, высеченной в скале.

Память В. отмечена уже в Мартирологе блж. Иеронима (протограф сер. V в.) под 21 июля, где он ошибочно назван Виктором, пострадавшим в Александрии с мц. Стефанидой. В 417/8 г. *Иоанн Кассиан Римлянин* воздвиг близ Массилии на месте захоронения мученика муж. мон-рь в его честь (впосл. аббатство *Сен-Виктор*). В VI в. о почитании В. упоминают Венанций Фортунат и Григорий Турский. Последний сообщает о существовании базилики во имя В. и о почитании его гробницы, у к-рой изгоняются бесы и мн. больные получают исцеление (*Greg. Turon.* Glor. martyr. 77).

Сведения о мученичестве В. известны в 3 версиях. Пространная версия («Страсти») издана болландистами в Acta Sanctorum («Деяния святых»), 2-я, краткая, известна в одной рукописи из Намюра, 3-я сохранилась фрагментарно. Сказание о нем, близкое к пространной вер-

сии «Страстей», помещено также в Мартирологе Флора. В кратких актах описывается только суд имп. Максимиана, к-рый фигурирует как единственный мучитель В. В «Страстях» упомянуты 2 судьи без указания имен, а в Мартирологах Флора (IX в.) и Адона (860) они названы Астерием и Евтихием. Флор пишет, что по приказу трибуна Астерия В. был брошен в темницу за отказ от службы и сопряженного с ней культа языческих богов. Из темницы святого чудесным образом вывел ангел, но мученик вторично был схвачен и представлен перед префектом Евтихием, к-рый отдал В. на растерзание зверям. Об имп. суде в Мартирологе Флора не упоминается. Рабан Мавр (842) по неизвестным причинам делает из воина В. епископа Массилии, что не находит подтверждения в др. источниках.

До нач. XX в. достоверность «Страстей» В. не подвергалась сомнению, исследователи традиционно относили этот памятник к V в. (в качестве возможного автора «Страстей» предположительно назывался Иоанн Кассиан Римлянин) и считали его основой кратких актов и сказаний средневек. мартирологов.

Г. Кантен и вслед за ним Э. Дюпра отнесли возникновение Сказания о В. к более позднему времени. По мнению Дюпра, именно сведения Мартирологов Флора и Адона стали основой «Страстей» В. и кратких актов, к-рые этот автор датирует временем после 1047 г. и считает, что они были созданы в аббатстве Сен-Виктор близ Марселя. Поводом к написанию кратких актов стали события 1047 г., когда в Марселе было обнаружено захоронение имп. Максимиана Геркулия, известного преследованиями христиан. Монахи аббатства Сен-Виктор отождествили патрона своего мон-ря с местным мучеником и связали его казнь с гонениями имп. Максимиана. С др. стороны, краткие акты были составлены ранее 1079 г., т. к. в них фигурирует один судья, производящий процесс над мучеником, что отражает внутреннее устройство Марселя до 1079 г., когда город был разделен на епископский и графский и соответственно действовал параллельно суд епископа и суд графа. В пространных «Страстях» дело ведут 2 судьи, что отражает ситуацию в Марселе после 1079 г. Дюпра датирует «Страсти» XIII в. и считает, что они созданы при кафедральном соборе г. Марселя. Дюпра не ограничивается критикой житий В., но отрицает существование его как реальной личности, считая, что речь идет о трансформации в Галлии культа мч. Виктора Никомидийского, пострадавшего вместе с *Викторином, Клавдианом и Вассой* (пам. зап. 6 марта). Существование В. отрицает вслед за Дюпра Ж. де Мантейе, к-рый указывает на отсутствие к.-л. эпиграфического материала, говорящего о почитании мученика в Массилии в древности. Высказывались предположения, что в Галлию был перенесен культ др. мч. *Виктора* (пам. 11 нояб., пам. зап. 14 мая) или Виктора Фракийского (одного из дружины 37 мучеников, пам. 20 авг.). Его мощи, по мнению ученого, были принесены в Массилию епископом Сатурнином Арелатским после арианского Собора в К-поле (360).

Историческое существование В. отстаивает совр. исследователь Ж. Р. Паланк, к-рый не видит в его житиях никаких признаков, указывающих на позднее происхождение. Описываемые во всех памятниках обстоятельства вполне соответствуют ситуации в Галлии времен правления Максимиана Геркулия. Более того ряд деталей свидетельствует о знакомстве автора «Страстей» с принципами рим. правосудия периода поздней империи. Стиль этого агиографического памятника более соответствует поздней античной, нежели средневек. латыни XIII в.

В VI в. мощи В. находились в мон-ре Сен-Виктор в капелле Пресв. Богородицы Исповедания. В 904 г. из-за опасности нападения сарацин мощи были перенесены из находившегося за городскими стенами мон-ря в город. В 1122, 1216, 1264–1271 гг. упоминается о пребывании их в кафедральном соборе г. Марселя. В честь перенесения мощей было установлено особое празднество 24 янв.

Др. важным центром почитания В. в ср. века был мон-рь уставных каноников *Сен-Виктор* под Парижем (каноники св. Виктора), основанный ок. 1108 г. *Вильгельмом из Шампо*. Этот мон-рь вскоре стал центром средневек. учености, в XII–XIII вв. здесь действовала богословская школа.

В 1363 г. мощи В. были возвращены в аббатство Сен-Виктор, в т. ч. упоминается глава святого, в др. источниках говорится, что глава В. находилась в это время в мон-ре каноников св. Виктора под Парижем. В 1230 г. каноник Жан из Пуатье обратился с посланием к Пьеру де Сен-Мартену из Труа, спрашивая его о главе В., хранящейся в мон-ре Сен-Виктор под Парижем. В ответном послании Пьер де Сен-Мартен сообщает, что визант. имп. Иоанн II Комнин воздвиг в К-поле ц. во имя В. и просил у марсельцев уступить ему часть мощей мученика. Граф Раймонд II Солье исполнил просьбу императора, предоставив ему мощи, в т. ч. и главу, к-рая была положена в церкви, посвященной В., в К-поле близ Золотых ворот. Когда в 1204 г. крестоносцы взяли К-поль, глава В. досталась Пьеру де Тренелю, еп. Труа, к-рый передал ее своему капеллану Пьеру де Сен-Мартену, к-рый после возвращения во Францию отдал главу Пьеру де Корбею, архиеп. Санса, а тот уступил ее аббату мон-ря Сен-Виктор под Парижем Иоанну Тевтонику (1203–1229). Кроме главы в мон-ре Сен-Виктор под Парижем хранятся др. частицы мощей мученика. Еще в 1116 г. Гуго Сен-Викторский принес с собой из Марселя частицы мощей святого, к-рые достигли Парижа 17 июня. В честь этого перенесения Адам Сен-Викторский написал секвенцию «Часть его дана нам...». В 1280 г. Карл, герц. Салернский, передал каноникам св. Виктора имевшиеся у него частицы мощей святого, к-рые он привез с собой из Марселя в Париж. В 1367 г. Гийом Гримоар подарил часть руки В. Жану дю Пе, приору ц. Сен-Мартен-де-Шан в Париже, а тот поместил ее в особый реликварий и передал мон-рю каноников св. Виктора. В 1403 г. герцог Беррийский также подарил им ногу мученика. В 1436 г. мощи были выставлены для общего поклонения. Мощи В., хранившиеся в мон-ре Сен-Виктор под Парижем, были сожжены во время Французской революции. Часть мощей В. находилась в 1932 г. в Сен-Николадю-Шардонне, куда они перешли из приората Сен-Виктор в Вовнарг.

В средневек. иконографии В. обычно изображается как рим. воин с копьем и щитом. Встречаются изображения В. и в одеянии средневек. рыцаря. Древнейшим сохранившимся изображением является статуя XIII в. из ц. св. Лаврентия в Женеве.

Ист.: BHL, N 8569–8579; ActaSS. Iul. T. 5. P. 135–142; MartHieron. P. 389.
Лит.: *Le Blant E.* Catalogue des monuments chrétiens du musée de Marseille. P., 1894; *Quentin H.* Les Martyrologes hist. du Moyen-Âge. P., 1908. P. 193–200; *De Manteyer G.* La Provence de I^e^ au XIIe siècle. P., 1908; *Jullian C.* Histoire de la Gaule. P., 1908. T. 6. P. 319; T. 7. P. 70–71; *Allard E.* La persécution de Dioclétien. T. 1. P., 1919; *Berenger J.* St.-Victor. Marseille, 1927; *Delehaye.* Origines. P. 349 sq.; *Duprat E.* Histoire des légendes saintes de Provence: S. Victor de Marseille // Mémoires de l'Inst. hist. de Provence. 1944. T. 20. P. 66–94; 1945. T. 21. P. 3–40; *Benoit F.* Sarcophages paléochrétiens d'Arles et de Marseille. Marseille, 1954; *Février P.-A.* Le développement urbain en Provence. P., 1964; *Hubert J.* L'Europe des invasions. P., 1967. P. 12–31; *Palanque J.-R.* Histoire du diocèse de Marseille. Marseille, 1968; *Garrigues M.-O.* Vittore di Marsiglia // BiblSS. Vol. 12. Col. 1261–1273.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР (Фотин), мч. (20 марта) — см. ст. *Фотина Самаряныня*, мц., *Виктор и Иосия*, мученики.

ВИ́КТОР Краснов († 11.11.1918, с. Агломазово Шацкого у. Тамбовской губ.), мч. (пам. 29 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), крестьянин. Претерпел мученическую кончину вместе с настоятелем Богоявленской ц. в с. Агломазове сщмч. *Николаем* Пробатовым. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: *Дамаскин.* Т. 5. С. 325.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Матвеевич Матвеев (11.10.1871, г. Боровичи Новгородской губ.— 31.12.1937, Казахстан), мч. (пам. 18 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), отшельник. В юности был парализован, исцелен прав. *Иоанном Кронштадтским*, к-рый благословил В. на странничество. В течение мн. лет В. странствовал по России, в 1906 г. поселился в 30 км от г. Верного (ныне Алма-Ата) на горе Горельник, где построил небольшую келью и начал вести строгую подвижническую жизнь. Имел дар непрестанной Иисусовой молитвы и дар прозорливости; часто бывал в Никольской ц. в Верном. После 1923 г. В. нек-рое время подвизался на Горельнике вместе с прмч. *Пахомием (Русиным)*. По воспоминаниям жителей Верного, В. был маленького роста, сухощав, с негустой темно-русой бородой и темными длинными волосами; никогда не мылся, лишь изредка протирался керосином, круглый год ходил в брезентовом плаще, зимой — в 2 плащах.

2 сент. 1935 г. В. был арестован вместе с жившими в горных скитах монахами и мирянами, 28 янв. следующего года Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к 5 годам ссылки, направлен в пос. Орловка Чаяновского р-на Южно-Казахстанской обл. В дек. 1937 г. В. был арестован вместе с жившими в ссылке священниками, обвинен в «контрреволюционной деятельности». Виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Южно-Казахстанской обл. от 30 дек. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив КНБ по Южно-Казахстанской обл. Д. № 2041.
Лит.: Крест на Красном обрыве. М., 1996. С. 40–56.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИ́КТОР Васильевич Фролов (1913, Москва — 21.10.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), мч. (пам. 8 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), чтец храма прп. Сергия Радонежского на Рогожской

Мч. Виктор Фролов. Москва. Бутырская тюрьма. Фотография. 1937 г. (Архив Комиссии по канонизации МП)

заставе. Из семьи рабочего. До 1929 г. учился, затем работал бухгалтером на заводе. Являлся активным прихожанином ц. прп. Сергия Радонежского на Рогожской заставе, прислуживал за богослужением, у себя дома давал приют репрессированному духовенству, монахам, странникам. В 1934 г. В. был арестован вместе со своим другом в квартире архим. Алексия (Патрикеева), юноши были допрошены, затем отпущены. Ок. 1935 г. В. познакомился с жившим тогда в Москве архиеп. *Серафимом (Силичевым)*, служил иподиаконом архиерея. 30 сент. 1935 г. архиеп. Серафим уехал к месту своего назначения — в Саратов. В. намеревался, «как только приедет архиеп. Серафим, уйти со службы в советском учреждении на службу в Церковь».

27 авг. 1937 г. В. был арестован вместе с прот. сщмч. *Петром Никотиным* и др. прихожанами Сергиевского храма, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен в «контрреволюционной агитации». Виновным себя не признал, отказался рассказывать «о круге знакомств протоиерея Никотина». В. был расстрелян вместе с прот. Петром и мирянами *Иоанном Рыбиным*, *Елисаветой Курановой* и *Николаем Кузьминым* по постановлению тройки УНКВД по Московской обл. от 17 окт. 1937 г. Имена мучеников включены в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 7 окт. 2002 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. № 20812.

ВИ́КТОР (Островидов Константин Александрович, 20.05.1875, с. Золотое Камышинского у. Саратовской губ.— 2.05.1934, с. Нерица, Усть-Цилемского р-на Коми (Зырянской) автономной обл.), священноисп. (пам. 19 апр., в Соборе С.-Петербургских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), еп. бывш. Глазовский, викарий Вятской епархии. Из семьи псаломщика. Окончил Камышинское ДУ (1893), в 1899 г.— Саратовскую ДС по 1-му разряду со званием действительного студента. В 1899–1903 гг. учился в КазДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия за соч. «Брак и безбрачие». Во время учебы в академии принимал активное участие в деятельности студенческого философского кружка.

28 июня 1903 г. Островидов был пострижен в монашество, на следующий день рукоположен во диакона, 30 июня — во иерея. 1 авг. назначен противораскольническим миссионером в Саратовскую епархию, направлен в г. Хвалынск, стал настоятелем учрежденного в городе 5 дек. 1903 г. Троицкого подворья саратовского Преображенского мон-ря. В февр. 1904 г. в зале муз. уч-ща Саратова В. прочитал 3 лекции о «недовольных людях» в произведениях М. *Горького*, собравшие большое число слушателей, среди к-рых были

саратовский губернатор П. А. *Столыпин*, католич. еп. Рооп, ректор Саратовской ДС и др.; лекции были опубликованы (Недовольные люди: Три лекции по поводу героев М. Горького. СПб., 1905). В. занимался активной просветительской деятельностью среди чувашей, в 1904 г. был назначен на новоучрежденную должность епархиального разъездного миссионера.

В 1905–1908 гг. В. трудился в Иерусалимской духовной миссии. Участвовал в работе 4-го Всероссийского миссионерского съезда (Киев, 12–26 *июля* 1908) (см. *Съезды миссионерские*), сделал на съезде доклад об Иерусалимской миссии. 13 янв. 1909 г. назначен инспектором Архангельского ДУ, 27 янв. награжден наперсным крестом. Не чувствуя призвания к духовно-учебной службе, В. вскоре подал прошение об увольнении от должности инспектора для поступления в с.-петербургскую *Александро-Невскую лавру*, к-рое было удовлетворено 15 окт. 1909 г. 22 нояб. следующего года В. стал настоятелем *Зеленецкого во имя Св. Троицы мон-ря*, возведен в сан архимандрита. С сент. 1918 г. являлся наместником Александро-Невской лавры. По нек-рым сведениям, в 1919 г. подвергался кратковременному аресту.

В кон. (26 дек.?) 1919 г. В. был хиротонисан во епископа на новообразованное Уржумское вик-ство Вятской епархии. Прибыв в Вятскую епархию в янв. 1920 г., он с тщанием и ревностью приступил к исполнению архипастырских обязанностей, много проповедовал. В нач. 1920 г. был арестован, обвинен в агитации «против медицины» (архипастырь призывал верующих во время эпидемии тифа чаще прибегать к святыне, кропить св. водой свои жилища). 27 мая 1920 г. Вятский губернский ревтрибунал приговорил В. к лишению свободы «до ликвидации войны с Польшей». В 1920–1921 гг. епископ был назначен епископом Слободским, викарием Вятской епархии, но, видимо, викариством не управлял. 14 авг. 1921 гг. В. был назначен епископом Глазовским, викарием Вятской епархии, настоятелем *Трифонова Вятского в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*. Пользовался любовью народа. В мае 1922 г. управлял Вятской епархией в связи с кратковременным арестом еп. *Павла (Борисовского)*.

31 мая председатель обновленческого *Высшего церковного управления* (ВЦУ) *Антонин (Грановский)* направил В. письмо с изложением задач *обновленчества* («ликвидация... контрреволюционных тенденций, мир и содружество с советскою властию... ликвидация патриарха Тихона».— Архив УФСБ по Кировской обл. Д. СУ–3708. Т. 1. Л. 137) и с приглашением на обновленческий собор, к-рый должен был состояться в августе. В. обратился с посланием к вятской пастве, в к-ром

Священноисп. Виктор (Островидов), еп. Глазовский. Фотография. Нач. 20-х гг. XX в.

разъяснял антиканоничность обновленческого раскола. 30 июня 1922 г. Вятский еп. Павел получил телеграмму от центрального комитета *«Живой церкви»* с требованием создавать местные группы данной организации, 23 авг. в Вятку прибыл уполномоченный ВЦУ. Добиться содействия еп. Павла в созыве общегородского собрания духовенства, а также письменного ответа на вопросы ВЦУ к епархиальному архиерею уполномоченному не удалось. Тогда он отправился в Трифонов мон-рь в надежде получить поддержку В. Владыка уполномоченного не принял. На следующий день еп. Павел и В. составили послание к вятской пастве, в к-ром объявили ВЦУ самозваным и неканоничным и предостерегли верующих от контактов с обновленцами. Кроме того, в послании Вятская епархия объявлялась автокефальной (на основании послания Заместителя Патриарха сщмч. митр. *Агафангела (Преображенского)* от 18 июня 1922 г., в к-ром содержался призыв к епархиальным архиереям не подчиняться обновленческому ВЦУ и временно управлять своими епархиями самостоятельно). 25 авг. 1922 г. еп. Павел назначил В. «временно управлять делами Орловского уезда на правах самостоятельного епископа с местожительством в г. Вятке в Трифоновом монастыре с именованием «епископ Орловский»... Глазовская кафедра объявляется свободной, до замещения ее делами Глазовской епархии заведует епископ Виктор» (Там же. Л. 315, 280).

26 авг. 1922 г. еп. Павел, В. и неск. священников были арестованы. 30 авг. еп. Павел передал протоиерею вятского собора В. Гагаринскому записку, в к-рой приглашал Яранского еп. Сергия (Корнеева) в Вятку «для временного управления Вятской автокефальной Церковью». Арестованных архиереев обвинили в «нарушении... постановления Наркомюста 24 авг. 1918 г. о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви»... нарушении декрета ВЦИК «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»», выразившемся в «присвоении себе судебных функций» — вынесении постановлений по бракоразводным делам. Архиереи также обвинялись в «связи с подпольными монархическими группировками» и распространении «подпольных воззваний патриарха Тихона и Ярославского Агафангела» (Архив УФСБ по Кировской обл. Д. СУ–3708. Т. 1. Л. 287). Следователи спрашивали арестованных в т. ч. и об отношении к обновленчеству, В. отказался признать обновленческое ВЦУ «по каноническим основаниям». Обвиняемых отправили в Москву, в Бутырскую тюрьму. 23 февр. 1923 г. еп. Павел и В. были приговорены Особым совещанием при коллегии ОГПУ к 3 годам ссылки. В. отбывал срок в Нарымском крае Томской губ.

23 февр. 1926 г. архиереям-исповедникам было разрешено вернуться в Вятскую епархию. Весной 1926 г. Павел, возведенный после окончания ссылки в сан архиепископа, и В. прибыли в Вятку. За время их ссылки епархия пришла в плачевное состояние. Управлявший кафедрой еп. Сергий (Корнеев) перешел к обновленцам и увлек за собой

мн. священнослужителей. Архиереи-исповедники принялись за восстановление разрушенного епархиального управления, почти в каждой проповеди говорили о пагубности обновленческого раскола. Они обратились к пастве с посланием, в к-ром пояснили, что после кончины Патриарха св. *Тихона* законным главой РПЦ является Местоблюститель Патриаршего Престола митр. сщмч. *Петр (Полянский)*. В результате деятельности архиеп. Павла и В. началось массовое возвращение приходов в каноническую Церковь. Обеспокоенные обновленцы угрожали архиереям обвинениями в контрреволюционности; не пугаясь угроз, архиеп. Павел и В. отказывались от переговоров с раскольниками.

14 мая 1926 г. в Вятке был арестован архиеп. Павел, В. арестовали в поезде. В. был обвинен в том, что содействовал и помогал архиеп. Павлу в его мероприятиях и произносил проповеди «контрреволюционного содержания». Сразу же после допроса архиереи были отправлены в Москву, заключены во внутреннюю тюрьму ОГПУ, через нек-рое время переведены в Бутырскую тюрьму. 20 авг. 1926 г. особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило лишить В. на 3 года права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, Вятке и соответствующих губерниях с прикреплением к определенному месту жительства. В. поселился в г. Глазове Вотской автономной обл. (совр. Удмуртская Республика), жил в помещении под колокольней Никольского собора. Во время своего краткого пребывания в Москве после освобождения из тюрьмы В. встретился с Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола митр. *Сергием (Страгородским)* и в соответствии со своим местом ссылки был назначен епископом новообразованной Ижевской и Воткинской епархии (в границах Вотской автономной обл.), временно управляющим Вятской епархией.

29 июля 1927 г. митр. Сергий и *Временный Патриарший Священный Синод*, в к-рый входил в т. ч. Вятский архиеп. Павел, издали *«Декларацию»*, что ставилось властями как одно из условий легализации церковного управления. В. отнесся к документу резко негативно и отослал его митр. Сергию. В большинстве храмов Вятской епархии «Декларация» была оглашена, однако в 5 храмах Вятки, в т. ч. в 2 соборах, и нек-рых благочиниях документ не приняли и не зачитали, но общения с архиеп. Павлом не прервали. Спустя нек-рое время часть вятского духовенства, оставшаяся на стороне митр. Сергия, прекратила поминать В. за богослужением.

Вскоре последовал указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Синода о разделении Воткинской (Вотской) епархии между 5 соседними епархиями. В окт. 1927 г. В. направил митр. Сергию письмо с критикой «Декларации» и просьбой не закрывать Воткинскую кафедру. Синод сделал выговор В. за неподчинение распоряжениям архиеп. Павла, затем последовал указ о назначении В. епископом Шадринским с правом управления Свердловской епархией. Поездка сторонников В. из Вятки к митр. Сергию с просьбой отменить указ была безрезультатной. Находившийся в то время в Москве архиеп. Павел выехал в Вятку. Накануне его возвращения, 11 дек., В. прислал в Вятку телеграмму, в к-рой призывал прекратить поминовение архиеп. Павла за богослужением, если тот не принесет «покаяние и отречение» от «Декларации». Кратковременный визит архиеп. Павла в епархию, как и его архипастырское послание от 14 дек. с разъяснением результатов для Церкви, достигнутых митр. Сергием и Свящ. Синодом после легализации, оказались безуспешными. Вернувшись в Москву, архиеп. Павел обратился в Синод с жалобой на В. Синод потребовал от последнего немедленно выехать в Свердловскую епархию и 15 дек. назначил на Воткинскую кафедру сщмч. еп. *Онисима (Пылаева)* с поручением временного управления Вятской епархией.

16 (29?) дек. 1927 г. В. сообщил письмом митр. Сергию, что отказывается от назначения епископом Шадринским; письмо также содержало резкую критику «Декларации», к-рую В. назвал «глумлением... над нашим исповедничеством за истину Божию» и «отречением от своего спасения». В. писал о предпочтительности «не иметь никогда никакой... церковной организации», нежели получить ее путем соглашения с властями, уничтожающими Церковь. К письму В. приложил составленное им в декабре «Письмо к ближним», в к-ром призывал паству «беречь себя от общения» с теми, кто принял «Декларацию». Столь резкая негативная реакция В. на данный документ была во многом обусловлена тем, что архиерей усмотрел в нем призыв к слишком близкому сотрудничеству с властями и в силу этого сходство с обновленчеством, за сопротивление к-рому он претерпел аресты и ссылку.

После получения сообщения о назначении еп. Онисима Глазовское духовное управление 22 дек. постановило «до покаяния и отречения» митр. Сергия от «Декларации» воздержаться от общения с ним и разделявшими его взгляды епископами, признать В. своим архиереем, именовать его «епископом Глазовским и Воткинским». В. решил до созыва епархиального съезда не менять титул и именоваться Ижевским и Воткинским. Еп. Онисим доложил о решении Глазовского духовного управления митр. Сергию, затем, руководствуясь распоряжением Синода, запретил в священнослужении отделившееся духовенство, в частности в Ижевске. В ответ В. прислал в ижевский Покровский собор 2 телеграммы с распоряжением о прекращении общения Воткинской епархии с митр. Сергием и неподчинении еп. Онисиму.

Постановлением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия и Временного при нем Свящ. Синода от 23 дек. 1927 г. «о раздорнической деятельности управляющего Свердловской епархией епископа Шадринского Виктора» он был уволен от управления Шадринским вик-ством и Свердловской епархией и запрещен в священнослужении.

В. прещениям не подчинился. Живя в Глазове, он продолжал управлять отделившимися от митр. Сергия приходами Вятской и Воткинской епархий, признавая главой Церкви находившегося в ссылке митр. Петра (Полянского). 29 дек. В. отправил 3-е письмо митр. Сергию, к к-рому приложил постановление духовного управления Воткинской епископии о прекращении молитвенно-канонического общения с митр. Сергием и единомышленными ему епископами впредь до их отречения от «Декларации». В нач. 1928 г. В. завязал переписку с ленинградскими *иосифлянами*. В марте он составил резкое «Послание к

пастырям», в к-ром критиковал митр. Сергия за увольнение с кафедр арестованных и сосланных архиереев.

29 марта 1928 г. на заседании Синода вновь был рассмотрен вопрос об отделившихся от митр. Сергия епископах. В решении Синода говорилось, что В. и др. архиереи, «как отделившиеся без достаточных причин... подлежат церковному суду и должному наказанию». Решением Синода 11 апр. 1928 г. по «делу о нестроениях в Ленинградской, Ярославской, Воткинской и Воронежской епархиях» определение от 23 дек. 1927 г. было оставлено в силе.

4 апр. 1928 г. В. был арестован в Глазове, помещен в тюрьму в Вятке, затем переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. Следствие закончилось в мае, архиерея признали виновным в «антисоветской агитации», сочинении и распространении «письма с просьбой защитить каноны Русской Православной Церкви... терпеть гонения от новой власти, как это делали митрополит Филипп или Иван, так называемый Креститель» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р–29722. Л. 14). 18 мая 1928 г. особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило В. к 3 годам заключения в концлагере. В. отбывал наказание в СЛОН, работал бухгалтером на канатной фабрике. Перед отправкой в лагерь В. передал свою паству иосифлянскому еп. *Димитрию (Любимову)*. Во 2-й пол. 1928 г. архиерей отправил из заключения послание пастве с резким осуждением линии митр. Сергия.

В 1929 г. В. написал прошение о досрочном освобождении, в просьбе было отказано. Весной 1930 г. епископа перевели с Соловецких о-вов на материк, в лагерную командировку Майгуба, в нач. 1931 г.— в командировку «Новая биржа». Срок заключения закончился 4 апр. 1931 г., но В. не был освобожден, 10 апр. 1931 г. особое совещание Коллегии ОГПУ приговорило его к ссылке на 3 года в Северный край. Епископ отбывал срок в дер. Караванной вблизи райцентра с. Усть-Цильма, где в то время жило много ссыльных, в т. ч. священников и правосл. мирян. Незадолго до приезда В. храм в Усть-Цильме был закрыт, и ссыльные, в т. ч. В., вместе с местными жителями добивались разрешения на его открытие.

13 дек. 1932 г. В. был арестован, обвинен в «создании антисоветской

Священноисп. Виктор (Островидов). Икона. 2001 г.

организации», заключен в тюрьму в Сыктывкаре. На допросе 22 дек. архиерей заявил, что «по своим религиозным убеждениям является последователем патриарха Тихона, обновленчества и сергиевщины не признает» (Архив УФСБ Республики Коми. Д. 4812. Л. 104). В тюрьме владыка участвовал в общих хозяйственных работах. Однажды, выносся мусор, он нашел икону — копию с чудотворного образа Христа Спасителя, находившегося в *Стефановом во имя Св. Троицы мон-ре* в с. Ульянове. Впосл. В. хранил в киоте этой иконы антиминс, освященный Сарапульским еп. сщмч. *Амвросием (Гудко)*. 10 мая 1933 г. особым совещанием при Коллегии ОГПУ В. был приговорен к 3 годам ссылки в исправтрудлагерь в Северный край, отправлен в глухое с. Нерица Усть-Цилемского р-на, работал на лесоповале.

В Нерице В., уходя в лес, много молился. Получая от своих духовных детей из Вятки и Глазова посылки, раздавал их местным жителям, впавшим в нищету в результате коллективизации и изъятия из деревень продовольствия. Священноисповедник был похоронен в Нерице. В 1987 г. группа исследователей под рук. В. А. Орловского (впосл. игум. *Дамаскин*), ставившая своей задачей подготовку канонизации новомучеников и исповедников Российских, собрала материалы, касающиеся В., и нашла место его захоронения. 1 июля 1997 г. по благословению Вятского и Слободского еп. *Хрисанфа (Чепиля)* были обретены мощи В., 2 дек. 1997 г. они были перенесены в храм блгв. кн. Александра Невского кировского во имя Св. Троицы жен. мон-ря. В. был прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.* В 1981 г. канонизирован *Русской православной Церковью за границей.*

Игум. Дамаскин (Орловский)

Деятельность сторонников В., не признавших Декларации 1927 г., получила название **викторианского разделения**. К кон. 1927 г. оно охватило Глазовский, Слободской, Котельничский, Яранский р-ны, приходы викториан действовали в Вятке, Ижевске, Воткинске, Глазове. 4 марта 1928 г. к викторианскому разделению присоединились Вятские викарные епископы — Яранский *Нектарий (Трезвинский)* и Котельничский *Иларион (Бельский)*, стоявшие на радикальных позициях: они отрицали действительность Таинств, совершаемых священниками, к-рые признают каноническую власть митр. Сергия. В 1928–1929 гг. сторонники В. служили в Казани, напр. настоятель Тихоновской пуст. архим. Иларий, отдельные приходы появились в Башкирии, Перми, Бугурусланском округе.

В нач. 1928 г., после установления В. связи с ленинградскими иосифлянами, викториане влились в иосифлянское движение. (Этот процесс облегчался тем, что все 3 отделившихся от митр. Сергия Вятских архиерея были связаны с Александро-Невской лаврой: В. в годы гражданской войны являлся ее наместником, еп. Нектарий — ее архимандритом, еп. Иларион — экономом.) В 1930 г. к викторианам присоединился Ижевский еп. *Синезий (Зарубин)*. Уволенный 26 февр. 1930 г. постановлением Синода от управления епархией, он отделился от митр. Сергия, обвинив его в обновленчестве, служил в Успенской ц. Ижевска без согласия епархиального архиерея. 9 мая Синезий был запрещен в священнослужении Синодом, покаяния не принес.

В 1-й пол. 30-х гг. храмы викториан открыто действовали в Воткинской, Казанской, Вятской епархиях,

в последней к 1932 г. существовало до 150 приходов викториан. Показательна церковная ситуация в г. Котельниче: здесь все 3 храма вплоть до закрытия в 1934–1935 гг. оставались викторианскими, причем верующие пресекали попытки отдельных священников перейти в Патриаршую Церковь. С кон. 1934 г. викториан окормлял сосланный в Северный край еп. сщмч. *Дамаскин (Цедрик)*. Массовое закрытие храмов и разгром викторианского разделения в Вятской епархии произошли во 2-й пол. 30-х гг.

В Казани церковные оппозиционеры группировались вокруг жившего в городе после освобождения из Соловецкого лагеря еп. Нектария (Трезвинского), к-рый объединил наиболее радикальных противников митр. Сергия. Видную роль среди непоминающих в Казани играли свящ. Иаков Галахов, бывш. проф. Томского ун-та, в 1918–1919 гг. член *Временного высшего церковного управления* сибирских церквей, и его сын Николай. Еп. Нектарий был арестован 30 авг. 1930 г., в 1932 г. приговорен к 10 годам лагерей. По этому же делу арестовали проф. В. И. *Несмелова*, чьим учеником и почитателем был В.

В кон. 30-х гг. почти все уцелевшие викторианские общины перешли на тайное положение, нек-рые из них после Великой Отечественной войны влились в *катакомбное движение*. Последняя легально действовавшая викторианская церковь в с. Монастырщина Оричевского р-на Кировской обл. в 1943 г. перешла в Московскую Патриархию.

М. В. Шкаровский

Соч.: Заметки о человеке. СПб., 1905; Иерусалимская миссия: Доклад на Киев. Миссионерском съезде 18 июля 1908 г. Х., 1909. С. 3–4; Новые богословы // Церковь. 1912. № 16. С. 381–383; *Семибратов В. К.* Из ссылки шлю вам благословение: Письма из Сибири еп. Виктора (Островидова) // Вятка. 1997. № 1. С. 34–38.

Арх.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 184; Архив УФСБ Республики Коми. Д. 4812; ЦА ФСБ России. Д. Н–1780. Т. 9; Д. Р–29722; Архив УФСБ по Кировской обл. Д. СУ–3708. 2 т.; Д. СУ–4947; ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 77, 116 об; Архив УФСБ по Московской обл. Д. 38252.

Ист.: Отчет о состоянии КазДА за 1902–1903 уч. г. Каз., 1903. С. 22; Лекции иером. Виктора: [Отзыв] // Саратовские ЕВ. 1904. № 7. С. 451–455; № 8. С. 507–509; № 9. С. 556–559; [О докладе иером. Виктора о совр. положении Иерусалимской миссии] // ПрибЦВед. 1908. № 31. С. 1463–1465; Акты свт. Тихона. С. 182, 408, 532, 533, 540–546, 599, 600, 605–609, 634, 635, 851–852, 967; *Лихачёв Д. С.* Воспоминания. СПб., 1997. С. 356–358.

Лит.: Дело еп. Островидова // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 100–101; *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии. П., 1933. С. 127, 128. То же // Из истории христ. Церкви на Родине и за рубежом в XX ст. М., 1995. С. 270–273; *Польский.* Ч. 2. С. 29, 33, 70–77; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. П., 1977. М., 1996[Р]. С. 276, 330, 441, 445, 454, 464, 545, 600–602; *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Т. 2. С. 167–172; *Ожегин П.* Гонения на епископов // Вятский епарх. вестн. 1992. № 3 (23). С. 4; *он же.* Узник Соловков // Там же. № 5 (25). С. 6; *Иоанн (Снычёв).* Церк. расколы. С. 237–251; *Резникова И.* Православие на Соловках. СПб., 1994. С. 128; *Семибратов В. К.* Еп. Виктор (Островидов) – один из лидеров «церк. контрреволюции» в Вятском крае (по матлам УФСБ по Кировской обл.) // Из истории Вятских спецслужб и полиции (2-я пол. 19-го – 1-я пол. 20 в.). Киров, 1998. С. 121–127; *Осипова И. И.* «Сквозь огнь мучений и воду слез...» М., 1998. С. 15, 230, 269; Синодик СПб епархии. С. 9–10; *Гомаюнов С., иерей.* Умы наши колеблются, сердца потеряли опору...: (О викторианском расколе в РПЦ в кон. 20-х гг. XX в.) // Вятский епарх. вестн. 1999. № 2 (106). С. 5–6; То же // История Вятского края кон. XIX – 1-й пол. XX в. Киров, 1998. С. 45–46; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в РПЦ. СПб., 1999. С. 34, 50–65, 69, 144, 279–281, 285; *Сухих А., прот.* Сеятель спасения // Вятский епарх. вестн. 1999. № 2 (106). С. 5; Священноисп. Виктор (Островидов) // *Дамаскин.* Кн. 4. С. 116–153; То же // МисОб. 2002. № 4 (78). С. 16–18; *София (Розанова), игум.* Житие исп. Виктора, еп. Глазовского, вик. Вятской епархии. Киров; Люберцы, 2000.

ВИ́КТОР [франц. Vittre] (VII в.), св. (пам. зап. 26 февр.) подвижник Трикасский. В основу жития В., изданного болландистами в *Acta Sanctorum*, положены 2 проповеди в честь этого святого, составленные в XII в. *Бернардом Клервоским*. Ему же принадлежит служба, посвященная В. и написанная по просьбе Гвидона (Видона), аббата мон-ря Монтьераме. Сам Бернард в послании к Гвидону сообщает, что он пользовался нек-рыми сочинениями древних писателей о В., к-рые ему послал Гвидон (*Bernardus Clarevallensis*. Epistula 397, 3).

В. происходил из Трикасс (иначе Трека, совр. Труа, Франция) из знатной семьи; был крещен сразу после рождения. Получив хорошее образование, он решил стать священником, к неудовольствию своих родителей, поскольку В. был единственным ребенком в семье. После смерти родителей вел отшельническую жизнь, удалившись во владения некоего Сатурния. Тихую жизнь подвижника изменила случайная встреча с франк. кор. Хильдериком II (662–675), к-рый был восхищен праведной жизнью и даром чудотворения В. (чтобы угостить короля подобающей ему трапезой, В. чудесным образом обратил воду в вино и камни в хлеб). После этого события В. стал известен, вокруг него собирались ученики и желающие общения со святым. По молитвам В. многие приходящие к нему исцелялись от различных недугов. В. мирно скончался в глубокой старости. В день его смерти свершилось чудо – с некоего узника спали оковы и он смог уйти из темницы, впосл. он посвятил свою жизнь Богу, став священником. Чудеса над могилой святого неоднократно совершались и позже.

В 834 г. мощи В. были перенесены в Арремарский мон-рь (впосл. аббатство Монтьераме), чьим покровителем он считается. С 1791 г. мощи находятся в г. Арси-сюр-Об. Подлинность мощей была подтверждена рекогницией 1564 г.

Ист.: ActaSS. Febr. T. 3. P. 664–665; *Bernardus Clarevallensis.* Officium de sancti Victore confessore // PL. 183. Col. 775–778.

Лит.: BHL, N 856; *Garrigues M.-O.* Vittore di Arcis // BiblSS. Vol. 12. Col. 1250–1251.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР (V в.), еп. г. Вита в рим. провинции Бизацена (Сев. Африка), церковный историк. Ок. 484 г. написал «Историю гонений в Африканской провинции во времена Гейзериха и Гунериха, королей вандалов», опубликованную в 489/90 г. Сочинение, состоящее из 3 книг, охватывает период со времени перехода вандалами Гибралтара (429) до смерти кор. Гунериха (окт. 484). Как современник описываемых событий, автор главное внимание уделяет арианскому преследованию правосл. Церкви в Африке при Гунерихе (477–484). Используя «Страдания семи блаженнейших мучеников» (Passio septem beatissimorum martyrum), к-рое ранее приписывалось самому В., историк дает подробное описание мученичества и преследований правосл. епископов и священников, среди к-рых был и св. *Вигилий* Тапский. Достоинством труда является широкое включение документального материала: эдикты Гунериха от 20 мая 483 г. и 25 февр. 484 г. (II 39; II 3–14), письмо митр. Карфагена Евгения (II 41–42), текст «Книги кафолической веры»(Liber Fidei catholicae), предназначавшейся для диспута с арианами, к-рый имел место 1 февр. 484 г. и др. «История» В.– ценный исторический

источник и для анализа общественно-политической истории гос-ва вандалов.

Соч.: Historia persecutionis Africanae provinciae / Ed. M. Petschenig. Vindobonae, 1881, 1967. (CSEL; 7); History of the Vandal Persecution / Ed. J. Moorhead. Liverpool, 1992.
Лит.: *Ferrére F.* La langue et le style de Victor de Vita // Revue de Philologie. 1901. Vol. 25. 110–123, 320–336; *Capello G.* Il latino di Vittore di Vita // Atti d. Società italiana per il progresso d. scienze. 1937. Vol. 25. 74–102; *Courtois C.* Victor de Vita et son œuvre: Étude crit. Alger, 1954; *Diesner H.J.* Sklaven und Verbannte, Märtyrer und Confessoren bei Victor Vitensis // Philologus. 1962. Bd. 106. S. 101–120.

П. И. Жаворонков

ВИ́КТОР, еп. Картеннский (V в.), церковный писатель, богослов. О его жизни и сочинениях известно из краткого упоминания у *Геннадия Марсельского* (De viris illustribus. 78). В. занимал кафедру г. Картенна (совр. Тенес, Алжир) в Цезарейской Мавритании во времена вандальского кор. Гейзериха (428–477), к-рому он посвятил пространное сочинение «Против ариан». Из др. сочинений В. Геннадий Марсельский упоминает трактат «De poenitentia» (О покаянии), «Утешение к Василию» (на смерть сына, адресованное некоему Василию), книгу гомилий. Сохранился только трактат «De poenitentia», ошибочно приписанный в средневек. рукописях свт. *Амвросию* Медиоланскому или *Виктору* Туннунскому. Согласно Геннадию Марсельскому, В. писал на основе Свящ. Писания, что совпадает с характером данного произведения, где рассуждение о покаянии базируется на цитатах и аллюзиях из НЗ и ВЗ. Аргументом против отождествления автора с В. является то, что в произведении Псевдо-Амвросия речь идет и о личном покаянии, в то время как В., согласно Геннадию, писал о покаянии публичном. Трактат, состоящий из 33 глав, написан лаконично, хорошим стилем. Автор определяет покаяние как осуждение прежней жизни и обещание исправления в будущем. Покаяние есть признание своих ошибок перед Богом, от Которого ничто не скрыто, но Который принимает кающегося с милосердием (гл. 1). Внутреннее обличение совести и признание греха всегда ведут к его прощению, в то время как отказ от признания усугубляет грех (гл. 6–7 с примерами покаявшихся ниневитян в кн. Ионы в противовес нераскаявшемуся Каину), никогда не следует отчаиваться в милосердии Божием (гл. 10–11; ср.: Лк 7. 47; 23. 39–42). Повторение греха не является препятствием к повторному покаянию: «От того, кто излечил тебя один раз ... от него же придет к тебе исцеление и еще» (гл. 12). Кающийся должен непрестанно молиться, как поступали цари израильские Ахав и Манассия, осознав свой грех (гл. 14–15). Адресат трактата впадает во множество тяжких грехов, однако вслед за покаянием никогда не поздно изменить свой образ жизни и наложить на себя добровольное наказание: «Одень рубище, посыпь голову пеплом, в посте постоянно молись, в молитве постись» (гл. 18). Притча о блудном сыне (Лк 15) — доказательство того, что Господь восстанавливает раскаявшегося грешника в истинной жизни: «Возвратись и ты, брат, возвратись, чтобы ожить из мертвого, вновь тебе быть обретенным из потерянного» (гл. 19). Хотя покаяние можно совершать всю жизнь, вплоть до смерти, но лучше стоит употребить время на то, чтобы стяжать в настоящей жизни воздаяние в день суда (гл. 28–32), во всем следует полагаться на Христа, нашего Заступника перед Богом-Отцом (гл. 29; ср.: Рим 8. 3; 2 Ин 2. 8–10). В трактате «О покаянии» отсутствует церковно-сакраментальный момент жизни христианина: церковная молитва за грешников, таинство Евхаристии как средство оставления грехов. Отсутствуют и традиц. призывы к делам милосердия и любви. В. видит средство исправления в аскетическом подвиге. В трактате четко прослеживается тенденция к смещению акцента с публичного покаяния на уровень личностного делания. Из всех африкан. епископов V–VI вв. идея свободы человеческой воли наиболее четко выражена у В., к-рый заявляет: «Дар благочестивой жизни находится в нашей воле... праведными делами мы созидаем безупречную жизнь» (гл. 33).

Соч.: De poenitentia // PL. 17. Col. 971–1004.
Лит.: CPL, N 854; *Poschmann B.* Die abendländische Kirchenbusse im Ausgang des christl. Altertums. Münch., 1928. S. 166–171; *Moricca U.* Storia d. litteratura latina christiana. Torino; Mil., 1932. T. 3. Pt. 1. P. 742; *Scoraza Barcellona F.* Victor of Cartena // EEC. T. 3. P. 868; *Bardy G.* Victor de Cartenna // DTC. T. 15. Col. 2876–2877.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР (Богоявленский Всеволод Семенович; ок. 1854 — 2.11.1928, Омск), архиеп. Омский и Павлодарский. В 1875 г. окончил Псковскую ДС, в 1879 г.— СПбДА, со степенью канд. богословия за дис. «Киприан, митр. Киевский» с правом получения степени магистра. Определен помощником смотрителя Мстиславского ДУ. В 1881 г. назначен инспектором народных уч-щ Виленской губ., в 1887 г.— директором Молодечненской учительской семинарии, в 1891 г.— директором Виленского учительского ин-та и окружного Педагогического музея. В 1913–1918 гг. окружной инспектор Казанского учебного округа (в 1913–1914 заведовал промышленными, техническими, ремесленными и учебными заведениями округа, впосл.— муж. и жен. гимназиями и реальными уч-щами), редактировал научно-педагогический ж. «Вестник образования и воспитания» для средней школы. Имел чин действительного статского советника.

В февр. 1918 г. Богоявленский был отстранен от службы захватившими власть в городе на короткое время большевиками. В нач. сент. того же года бежал из Казани во время осады города Красной Армией. Оказался в Уфе, где познакомился с проф. В. В. Сапожниковым, входившим в состав Временного Сибирского правительства в качестве министра народного просвещения. По приглашению Сапожникова Богоявленский переехал в Омск и был принят в Министерство народного просвещения (29 окт. 1918 зачислен временно исполняющим обязанности помощника делопроизводителя отдела высших народных уч-щ, с 7 мая 1919 заведующий отд-нием жен. гимназий Центрального управления). 28 мая 1919 г. переведен в Министерство торговли и промышленности Российского правительства А. В. Колчака окружным инспектором по учебной части. С 21 июля по 13 сент. 1919 г. исполнял обязанности управляющего учебным отделом в Министерстве торговли и промышленности, с 1 окт. того же года заведовал делами учебного отд-ния Канцелярии министра, 4 янв. 1920 г. числился в Министерстве торговли и промышленности в должности окружного инспектора по учебной части.

Ок. 10 нояб. 1919 г. Богоявленский эвакуировался из Омска с отступавшими частями Белой Армии, добрался до Красноярска, где оставался до мая 1920 г., затем из-за

болезни жены переехал в Томск, там его супруга скончалась. В сент. 1920 г. Богоявленский в Иркутске принял монашеский постриг, через нек-рое время рукоположен во иерея; в дек. того же года был возведен в сан архимандрита с назначением настоятелем московского Знаменского мон-ря, но по месту назначения выехать не смог.

3 авг. 1921 г. в Томске В. был хиротонисан во епископа Барнаульского, викария Томской епархии. В нояб. 1921 г. Томский митр. *Иаков (Пятницкий)* был уволен на покой, до прибытия назначенного на Томскую кафедру еп. *Андрея (Ухтомского)* временное управление епархией Патриарх св. *Тихон* поручил В. Еп. Андрей на кафедру не прибыл, и В. управлял епархией до ареста в июне 1922 г.

В Томской епархии с 1922 г. большое распространение получило *обновленчество,* о чем В. сообщил в письме Патриарху Тихону. Получив ответ Патриарха: «Новшеств не допускайте, это дело Собора»,— В. отстранил от богослужения настоятеля томской Преображенской ц. Макария Торопова. Др. деятеля обновленчества — настоятеля томской ц. Иоанна Лествичника свящ. Петра *Блинова,* подчинившегося требованиям епископа,— оставил на прежней должности, строго указав ему не допускать никаких отступлений от устава (впрочем, вскоре Блинов отпал в обновленчество и занял в расколе видное положение). В проповедях В. называл обновленцев сектой. Архиерей стремился упорядочить жизнь епархии: преобразовал епархиальный совет в епархиальное управление, намеревался созвать епархиальный съезд, священнослужителям рекомендовал вести в церквах метрические записи (*со*гласно циркуляру НКЮ 1919 г., это не было запрещено), совершать разводы только в случае, если прилагалась выписка о расторжении брака из народного суда. При храмах преподавался Закон Божий, о чем был поставлен в известность губернский отдел народного образования.

В марте 1922 г. в Томске началась кампания по *изъятию церковных ценностей.* Председатель местного трибунала Макаренко вызвал В. для беседы и рекомендовал архиерею разъяснить священнослужителям необходимость отдавать в помощь голодающим все сколько-нибудь ценное, а также выступать с такого рода призывами на митингах. Стремясь к тому, чтобы изъятие прошло мирно и без попрания святынь, В. распорядился провести 13 марта епархиальное собрание духовенства, на к-ром прот. Иаков Галахов, настоятель кафедрального собора, бывш. проф. богословия Томского ун-та и настоятель университетской церкви, прочитал опубликованное в «Известиях ВЦИК» заявление Патриарха Тихона с призывом сдавать церковные ценности, не употребляемые за богослужением. На прошедшем на следующий день собрании благочинных В. сказал, что «изъятие ценностей не противоречит христианству», и предложил провести изъятие всех ценностей, к-рые не являются необходимыми при богослужении. 4 апр. в епархии прошли приходские собрания, на к-рых также обсуждалось предстоящее изъятие церковных ценностей.

Несмотря на лояльную позицию В. по отношению к декрету об изъятии, в томской печати началась кампания против архиерея. Газ. «Красное знамя» опубликовала ряд материалов, в к-рых «разоблачалась» «контрреволюционность» В. (*Гражданин.* Контрреволюция под церковным флагом // 1922. № 119, 3 июня. С. 2; *Макаренко.* Отделение православной Церкви от контрреволюции // № 120, 6 июня; *он же.* К суду над церковниками // № 152, 13 июня (также публикации от 6 мая, 21, 22, 25 июля, 2, 4, 7 нояб.)). Изъятие церковных ценностей использовалось как повод для судебного преследования и уничтожения духовенства. После первого произведенного у него обыска В. в мае 1922 г. обратился с письмом к членам епархиального управления о преемстве церковной власти в Томской епархии. Он писал, что в случае его смерти «или еще каких-либо обстоятельств» управление епархией должно перейти к Бийскому архиеп. *Иннокентию (Соколову),* 2-му Томскому викарию, и призывал «никого другого епископом не признавать». Однако после ареста В. церковная власть в Томске была захвачена группой обновленцев во главе с Блиновым.

В. был арестован 12 июля 1922 г., определен в томский дом заключения. 15–20 июля томский губернский революционный трибунал по военному отд-нию рассматривал «дело томских церковников» в открытом судебном заседании. В. в числе др. обвиняемых был признан виновным в «идейном руководстве томской группой контрреволюционной организации духовенства «Православная церковь»... противодействии органам власти при изъятии церковных ценностей», а также в том, что он «фактически злостно нарушал и не исполнял декрета советской власти об отделении церкви от государства, сохранял конструкцию прежней епархиальной консистории (вопреки декрету об избрании духовенства верующими присвоил себе право назначения, смещения, увольнения членов епархиального управления, настоятелей церквей), совместно с Поповым Ильей Константиновичем (архимандритом Ираклием) скрыл от изъятия церковные ценности путем раздачи по частным квартирам: ценности храма Томского мужского монастыря (7 икон в серебряных ризах около 30 ф. весом), домовой церкви при бывшей семинарии (5 риз)... возбуждал население к массовым волнениям и к невыдаче церковных ценностей в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции» (ГА Томской обл. Ф. Р–236. Оп. 2. Д. 96. Л. 13). В. и еще 7 чел. были приговорены к расстрелу. Осужденные направили кассационную жалобу в Сибирское отд-ние Верховного трибунала ВЦИК. 29 июля в Новониколаевское отд-ние Верховного трибунала поступила телеграмма от председателя новоучрежденного обновленческого Сибирского церковного управления А. Авдентова и секретаря М. Торопова, в к-рой они писали, что «утверждение приговора создаст ореол мученичества осужденным и явится непреодолимым препятствием в деле успокоения и устроения Живой церкви», и просили смягчения приговора (Там же. Л. 131).

Определением кассационной коллегии Сибирского отд-ния Верховного трибунала ВЦИК РСФСР от 6 окт. 1922 г. приговор от 15–20 июля был отменен и дело передано для нового рассмотрения в судебную коллегию Сибирского отд-ния Верховного трибунала. 31 окт.— 4 нояб. 1922 г. выездная сессия судебной коллегии повторно рассмотрела дело и признала В. и еще 11 священников виновными в том, что, «являясь членами иерархии православной церкви, занимая... должно-

сти в Томской епархии, использовали эту легальную организацию в целях свержения завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства» (Там же. Л. 148/273 об.). В., архим. *Ираклий (Попов)* и неск. священников вновь были приговорены к расстрелу без права обжалования приговора. Сразу после оглашения приговора с особым мнением выступил член суда Т. Ф. Карелов, оспоривший решение суда.

О приговоре телеграфировали в Верховный трибунал в Москву. В тот же день была получена ответная телеграмма за подписью секретаря ВЦИК А. Енукидзе с приказанием — исполнение приговора немедленно остановить, направить дело в Москву для рассмотрения. 2 дек. 1922 г. судебная коллегия Сибирского отд-ния Верховного трибунала рассматривала вопрос о возможности применения к приговоренным по «делу томских церковников» амнистии в связи с 5-летней годовщиной Октябрьской революции и решила к приговоренным к высшей мере наказания амнистии не применять. Решением Президиума ВЦИК от 2 марта 1923 г. высшая мера наказания В. и 2 др. осужденным была заменена 10 годами лишения свободы, через полгода срок сократили до 6 лет, в февр. 1924 г.— до 5 лет. По данным М. Е. *Губонина,* в 1924 г. В. числился епископом Нижнеудинским, однако известно, что в янв. 1925 г. архиерей находился в тюрьме в Иркутске (*Дамаскин (Орловский), игум.* Житие мц. Татианы (Гримблит; 1903–1937) // Моск. ЕВ. 2003. № 4–5).

В. был освобожден досрочно, в марте 1925 г., после возведения в сан архиепископа назначен управляющим Омской епархии, к тому времени почти целиком перешедшей в обновленчество (за раскольниками числилось 111 приходов с 81 священником). В. начал объезжать приходы епархии, проповедуя и объясняя вред раскола. В результате активной деятельности архиерея в лоно Церкви ежемесячно возвращалось ок. 15–20 приходов. К сер. 1925 г. в Омске из 19 храмов только 3 принадлежали обновленцам: Успенский собор, Воскресенский военно-крепостной собор, Никольская казачья ц., все они в скором времени были закрыты, потому что люди не посещали их. В. неоднократно предпринимал попытки добиться от властей возвращения Никольской ц., к-рую хотел сделать кафедральной, однако безуспешно. Власти всячески препятствовали поездкам В. по епархии. Ему не разрешили въезд в Акмолинск, из Семипалатинска власти выдворили архиерея через день после приезда. При поездке в г. Тара В. запретили заезжать в населенные пункты, расположенные по пути следования, хотя поступало множество приглашений посетить приходы.

В сер. 1925 г. омский обновленческий епархиальный совет прислал к В. депутатов с предложением принять участие в обновленческом соборе 1925 г. и с материалами по вопросу об объединении, предложения об объединении были посланы также мн. правосл. приходам. Через 2 дня во время проповеди в храме В. назвал обновленцев еретиками и предостерег верующих от сближения с ними. Под влиянием архиерея большинство правосл. духовенства и мирян (в Семипалатинске, Павлограде и др.) отказались от переговоров с обновленцами. 25 дек. 1925 г. В. и Петропавловский еп. сщмч. *Иоанн (Троянский)* хиротонисали во епископа Семипалатинского *Иннокентия (Никифорова),* ставшего помощником В. в управлении епархией.

28 янв. 1926 г. под председательством В. состоялось собрание приходов Омска, к-рое должно было определить свое отношение к *Временному высшему церковному совету* (ВВЦС), образованному Свердловским архиеп. *Григорием (Яцковским)* после кончины Патриарха св. Тихона и ареста Местоблюстителя Патриаршего Престола Крутицкого митр. сщмч. *Петра (Полянского)* и претендовавшему на высшую власть в Церкви. Собрание постановило: «Считать ВВЦС канонически незаконным. Ввиду прекращения каноническо-законнопреемственной власти в лице Митрополита Петра Крутитского просить Архиепископа Виктора управлять епархией самостоятельно, не подчиняясь ВВЦС, впредь до восстановления церковной власти в лице ли заместителей покойного Патриарха, указанных им при жизни, или в виде особого учреждения, канонически избранного и уполномоченного на управление церковными делами всей староканонической Церкви. Поминовение на богослужении Митрополита Петра прекратить. Настоящее постановление сообщить викарным епископам Омской епархии: Петропавловскому и Семипалатинскому, и всем благочинным епархии, дабы они поставили в церквях в известность все православные общины» (ГА Омской обл. Ф. 1326. Оп. 4. Д. 11. Л. 124).

5 апр. того же года состоялось 2-е собрание омского духовенства и мирян для обсуждения проблем высшего церковного управления. Был заслушан доклад о церковной жизни в Москве. Собравшиеся просили В. и его викариев управлять Омской епархией самостоятельно, не присоединяясь ни к каким группировкам, и ожидать установления законной церковной власти. В начале лета в ц. Илии Пророка состоялось 3-е собрание духовенства и мирян Омска во главе с В., присутствовали более 50 делегатов от храмов города и близлежащих приходов. Собравшиеся обсуждали выпущенное 18 апр. 1926 г. митр. сщмч. *Агафангелом (Преображенским)* обращение к архипастырям, пастырям и верным чадам РПЦ, в к-ром он объявил, что вступает в права Патриаршего Местоблюстителя. Собрание постановило послать в столицу делегата от Омской епархии для ознакомления с состоянием церковных дел, а также вновь осудило ВВЦС и архиеп. Григория. В авг. 1926 г. на 4-м собрании представителей от омского духовенства и мирян был заслушан доклад вернувшегося из Москвы благочинного градо-омских церквей прот. Василия Инфантьева. В следующем году духовенство и прихожане Омска во главе с В. обратились к властям с ходатайством о регистрации Омского епархиального управления в подчинении у Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергия (Страгородского).*

Несмотря на противодействие властей, находившихся в тесном контакте с остатками обновленцев, жизнь правосл. Омска оживилась. В 1927 г. была восстановлена дореволюционная традиция проводить в храмах после богослужений религиозно-нравственные беседы (на каждую беседу нужно было запрашивать разрешение властей, конспект беседы утверждался представителем исполкома). За 3 года

управления Омской епархией В. сумел сплотить вокруг канонической Церкви почти все духовенство и мирян. Архиерей погребен около алтаря Богородице-Братской ц., где располагалась кафедра и резиденция Омских архиереев.

Соч.: Книга для чтения в нар. уч-щах сев.-зап. края России: Год обучения 1–3. Вильна, 1896; Книга 1-я для чтения в церк.-приход. школах и школах грамоты: Год 1-й обучения. СПб., 1899, 1900[2] (совм. с Н. Ф. Одинцовым); Книга 2-я...: Годы 2-й и 3-й обучения. СПб., 1899, 1900[3].

Арх.: ГАРФ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 297 [Личное дело Богоявленского В. С.]; ГА Томской обл. Ф. Р-236 [Томский губ. рев. трибунал]. Оп. 2. Д. 96; ГА Омской обл. Ф. 1326. Оп. 4. Д. 38; Д. 39. Л.101; *Губонин М. Е.* Современники о свт. Патр. Тихоне / ПСТБИ. Ркп.

Ист.: «Прошу Ваших молитв...»: (Письма Патр. Тихона Томскому еп. Виктору) // Сибир. старина. 1995. № 9.

Лит.: *Чистович И. А.* СПбДА за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889; *Дмитриенко Н. М.* «Дело томских церковников» 1922 г. // Социально-полит. развитие Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1993; *Исаков С. А., Дмитриенко Н. М.* Томские архиереи: Биогр. слов., 1834–2002. Томск, 2002.

Н. Ю. Васильева, Н. М. Дмитриенко, С. А. Исаков, О. В. Косик

ВИ́КТОР (Высоцкий Василий Парфеньевич; 1795?–1871), иером., головщик Симонова и Данилова мон-рей в Москве, духовный композитор. Род. в Черниговской губ. Муз. воспитанием обязан местному регенту, духовному композитору прот. Данилевскому. В 1818 г., по окончании Черниговской ДС, по собственному прошению определен в Рыхловский Пустынно-Николаевский мон-рь, где 14 марта 1820 г. пострижен в монашество, 11 июля рукоположен во диакона, 14 июля — во иерея архиеп. Черниговским *Симеоном (Крыловым-Платоновым)*. С 30 апр. 1822 г. определен в Симонов мон-рь, где исполнял обязанности головщика на правом клиросе. По Высочайшему повелению и распоряжению Святейшего Синода, утвержденному митр. *Филаретом (Дроздовым)*, 20 мая 1839 г. перемещен в балаклавский Георгиевский мон-рь запасным иеромонахом для служения в укреплениях Черноморской береговой линии, куда прибыл 25 июля 1839 г. С июня 1840 г. служил в крепости Бомборы в Абхазии; с 16 июня 1840 по 5 июля 1843 г. был причислен к Черноморскому линейному батальону № 10. 28 апр. 1843 г. уволен оттуда в Московскую епархию с разрешением посетить св. места за границей. По возвращении в Москву 12 июля 1844 г. определен в Данилов мон-рь (1844–1848). С 1848 г. до конца жизни находился в Николаевском мон-ре в Батурине.

Автографы сочинений В. (3 тома), в основном для 4-голосного смешанного хора, хранятся в ОПИ ГИМ. 1-й том, вероятно, включает все сочинения В., созданные к 1834 г. (62 песнопения, в т. ч. неск. концертов). Во 2-й части тома и в прибавлениях к нему помещены соч. Д. С. *Бортнянского*, А. Л. *Веделя*, а также песнопения с пометками «киевское», «простое» или «из простого», «из Обихода», к-рые, возможно, не являются произведениями В. 2-й и 3-й тома содержат по 12 концертов, созданных соответственно в 1835–1836 и 1837–1843 гг., преимущественно в Симоновом мон-ре. Большинство концертов написаны на стихи из псалмов, избранные самим композитором; иногда тексты концертов связаны с событиями жизни В. Так, концерт «Да не потопит мене буря водная» был написан по случаю отъезда В. в Абхазию. В композиции концертов неоднократно меняются темп, метр, тональности, что нередко приводит к рыхлости формы.

Имя В. связывают с особым типом монастырского пения, т. н. «умилительных» песнопений, «дышащих самою задушевною искренностью и религиозным одушевлением» (Смоленский); в них преобладает минор, выразительная мелодия, тихая динамика. Среди самых известных сочинений В.— неск. «Херувимских», «Милость мира» симоновского напева и т. п. По мнению свящ. А. Митропольского, В. в своих песнопениях удалось сгладить «суровость знаменного и нецерковность итальянского пения». Прот. Д. В. Разумовский считает симоновский напев разновидностью киевского распева, отмечая его характерный хоровой состав (альт, два тенора, бас) и тихое исполнение («с сурдиной»). Возникновение напева исследователь относит приблизительно к 1825 г., но не связывает его с именем В. Эти певч. традиции поддерживались в Симоновом мон-ре до 70-х гг. учеником В. иером. Венедиктом, а также на клиросе Данилова мон-ря. Песнопения В. просты по гармоническому складу и фактуре, доступны для исполнения даже небольшими хорами, поэтому они пользовались особенной популярностью в сельских хорах, духовных учебных заведениях.

Песнопения В. были известны по всей России, но при жизни автора не были опубликованы; существовали во множестве рукописных списков, поэтому невозможно точно установить авторство нек-рых сочинений, приписываемых В. (к ним относятся: «Моление теплое», «Помысли, душе моя», «Глаголи Симеоне», «Помышляю день страшный», «Егда преставление», «Плачу и рыдаю», «Волею щедре крест», «Вскую мя отринул», «Милосердия двери», Херувимская «вятская» и др.). В кон. XIX — нач. XX в. сочинения В. публиковались Придворной певческой капеллой, издательствами Юргенсона, Селиверстова, Киреева и др., включались в Церковно-певческий сборник, помещались в качестве приложения к ж. «Народное образование». Большинство изданных сочинений В. в хранящихся в ОПИ ГИМ автографах отсутствуют; возможно, они были написаны после 1843 г.

Муз. соч.: 57 песнопений [в т. ч. «Херувимская» (№ 1, 2, 3), «Милость мира» (№ 1, 2), «Утоли болезни», «Апостоли от конец», «Тока слез моих», «Аз, Дево святая Богородице», «Завещание» («Духовные мои братие»)] // ОПИ ГИМ. Ф. 379. № 19: Духовная музыка (для смеш. хора в перелож. для фортепиано). 1834. Ч. 1; 5 песнопений // Там же. Приб.; концерты для 4-х гол. смеш. хора (партитуры) [в т. ч. «Отврати очи мои, еже не видети суеты», «Путь неправды отстави от мене», «Нищ есмь аз», «Благо мне, яко смирил мя еси», «Скорьби сердца моего»] // Там же. № 20: «Посл. соч. иером. Виктора». 1836; концерты для 4-х гол. смеш. хора (партитуры) [в т. ч. «Бог отмщений» (1834) (на 8 гол.), «Бог сый мира, Отец щедрот» (1838); «Тебе оставлен есть нищий» (1839), «На Синайстей горе», «Да не потопит мене буря водная», «Овча есмь словеснаго стада Твоего», «Яко пленных свободитель» (вмч. Георгию Победоносцу) (1839), «Царю небесный» (1840), «Благослови, душе моя, Господа» (1843)] // Там же. № 21. Изд.: «В молитвах неусыпающую», «С вышних призирая» (симон. напева, для 2 гол. и баса) // Избр. песнопения Православной Церкви / Сост. В. М. Орлов. СПб., 1897; «Душе моя» (для 2 теноров и 2 басов) // Сб. духовно-муз. песнопений. СПб., 1912. Вып. 2: Из Постной Триоди; «Милость мира» // Церковно-певч. сб. СПб., 1901. Т. 2. Ч. 2; «Приидите, последнее целование» // На Литургии: Сб. духовно-муз. произведений для муж. голосов / Аранж. и ред. Е. С. Азеева. Пг., 1914. Вып. 8.; «Милость мира» (симоновская, № 1, 2), «Утоли болезни» // Ист. хрестоматия церк. пения / Сост. М. А. Лисицын. СПб., 1902; «Под Твою милость». СПб., б. г.

Арх.: ЦГИАМ. Ф. 420. Оп. 1. № 270: Ведомость Моск. ставропигиального 1-кл. Симонова мон-ря о монашествующих за 1832 г.

Л. 3–4; РГАДА. Ф. 1183 (Моск. контора Синода). Оп. 5. № 545: Реестр входящих бумаг за 1839 г. Л. 34–38; № 546: Реестр исходящих бумаг за 1839 г. Л. 45–47; Ф. 1188 (Данилов мон-рь). Оп. 1. № 506: Ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Московского 3-кл. Данилова мон-ря за 1847 г. Л. 59 об.— 60 об.

Лит.: *Разумовский Д. В.* Церковное пение в России. М., 1867–1869. С. 193–194, 239; *И. А. К.* Свт. Феодор, архиеп. Ростовский, и основанный им Симонов мон-рь // ПрибЦВед. 1894. № 31. С. 1051–1057; *Преображенский А. В.* Словарь рус. церковного пения. М., 1896. С. 155–156; *Всеславинский Н.* Деятели в области теории и практики рус. церковного пения. М., 1899. С. 35–36; *Митропольский А., свящ.* Виктор // ПБЭ. Т. 3. Стб. 475–477; *Лисицын.* Обзор. С. 188; *Гарднер.* Богослужебное пение. Т. 2. С. 317–319; *Смоленский С. В.* Обзор Ист. концертов Синодального уч-ща церковного пения в 1895 году // РДМДВ. Т. 2. Кн. 1. С. 204–206, Passim.

Н. Ю. Плотникова

ВИ́КТОР (Олейник Владимир Николаевич; род. 21.09.1940, г. Почаев Тернопольской обл.), архиеп.

Виктор (Олейник), архиеп. Тверской. Фотография. Кон. 90-х гг. XX в.

Тверской и Кашинский. Из семьи рабочего. В 1958–1962 гг. учился в Ленинградской ДС, в 1962–1966 гг.— в ЛДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия за соч. «Учение свт. Афанасия Великого о человеке». 2 янв. 1966 г. митр. Ленинградским и Ладожским *Никодимом (Ротовым)* пострижен в монашество с именем в честь мч. Виктора Коринфского. 6 янв. того же года архиеп. Тульским и Белёвским *Алексием (Коноплёвым)* рукоположен во диакона. В 1966 г. служил диаконом в Георгиевской ц. в Краснодаре. 22 окт. 1967 г. архиеп. Краснодарским и Кубанским Алексием (Коноплёвым) рукоположен во иерея к Екатерининскому кафедральному собору Краснодара, в 1969–1978 гг. нес послушание ключаря собора. С 1968 по 1970 г. являлся членом епархиального совета Краснодарской епархии. В 1969 г. возведен в сан игумена, в 1974 г.— в сан архимандрита. С 1978 по 1982 г. служил ключарем кафедрального собора во имя Св. Троицы в Калинине («Белая Троица»), в марте 1982 г. назначен настоятелем собора и секретарем Калининского епархиального управления. В 1979–1988 гг. исполнял обязанности благочинного Калининского округа.

30 нояб. 1988 г. В. определено быть епископом Калининским и Кашинским. Хиротония, к-рую возглавил митр. Ростовский и Новочеркасский *Владимир (Сабодан)*, состоялась 4 дек. 1988 г. в Богоявления соборе Москвы. После возвращения г. Калинину названия Тверь В. 19 июля 1990 г. был усвоен титул епископа Тверского и Кашинского. В 1990 г. избирался депутатом Тверского областного совета народных депутатов. 25 февр. 1996 г. возведен в сан архиепископа.

Стараниями В. в Тверской епархии с 1990 г. открыто 11 мон-рей, в т. ч. *Нилова Столобенская муж. пуст.* Развивается издательская деятельность: выходят ж. «Тверские ЕВ», газ. «Православная Тверь», в составе редакции к-рой работает информационно-аналитический центр свт. Марка Эфесского, газ. «Тверской мирянин». Епархиальное управление тесно сотрудничает с областной телерадиокомпанией «Тверь». С благословения В. в Твери начала работу епархиальная общеобразовательная школа во имя свт. Тихона Задонского, катехизаторскую деятельность проводит Культурно-образовательный центр «Новая Корчева» в г. Конаково. На педагогическом фак-те Тверского гос. ун-та в 1997 г. открылась кафедра правосл. теологии.

В. награжден орденами: равноап. кн. Владимира 2-й степени (1980), блгв. кн. Даниила Московского 2-й степени (1990), прп. Сергия Радонежского 2-й степени (1997), свт. Иннокентия Московского и Коломенского (2000), гос. орденом Почета (1999) и др.

Соч.: Первое празднование Собора Тверских святых // ЖМП. 1979. № 11. С. 15–20; Подвижник Тверской земли прп. Антоний Краснохолмский // Там же. 1984. № 2. С. 9–10; Сохраняя связь времен. Тверь, 1997.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Виктора (Олейника) во еп. Калининского и Кашинского // ЖМП. 1989. № 4. С. 8–10.

ВИ́КТОР (Пьянков Виктор Владимирович; род. 19.10.1944, г. Первоуральск Свердловской обл.), еп. бывш. Подольский. В 1971 г. архиеп. Рижским и Латвийским *Леонидом (Поляковым)* пострижен в монашество, рукоположен во диакона, затем во иерея; в 1971–1983 гг. служил на приходах Рижской епархии. В 1977 г. заочно окончил Московскую ДС. В 1980 г. возведен в сан игумена. В 1980–1983 гг. нес послушание благочинного Мадонского округа Рижской епархии, в 1982–1983 гг.— также секретаря Рижского епархиального управления. В 1983 г. принят в число братии *Данилова московского муж. мон-ря* с поручением должности эконома. В 1986 г. возведен в сан архимандрита и назначен начальником управления по строительству и реставрации Данилова мон-ря, с 1987 г. начальник реставрации и строительства Ленинградского епархиального управления. В авг. 1988 г. назначен настоятелем *Александра Невского ставропигиального собора в Таллине.* 20 февр. 1990 г. В. определено быть епископом Тапаским, викарием Таллинской епархии. Хиротония В. состоялась 25 марта 1990 г. в Троицком соборе *Александро-Невской лавры.* 20 июля того же года В. был назначен епископом Подольским, викарием Московской епархии, с поручением ему должности председателя Хозяйственного управления МП. 21 апр. 1994 г. освобожден от должности председателя Хозяйственного управления по состоянию здоровья. 18 июля 1999 г., согласно собственному прошению, почислен на покой.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Виктора (Пьянкова) во еп. Тапаского // ЖМП. 1990. № 10. С. 19–21.

ВИ́КТОР (Садковский Василий Семенович; ок. 1741 — 11.11.1803, Чернигов), архиеп. Черниговский. Род. на Уманщине в семье униатского священника из дворянского рода. Отец В. во 2-й пол. 40-х гг. XVIII в. переселился в Киев, присоединился к правосл. Церкви и стал священником при Преображенской ц. на Подоле. В. Садковский учился в Киево-Могилянской академии (см. ст. *Киевская духовная академия*) во время ректорства архим. св. *Георгия*

(Конисского), в 1755 г. поставленного во главе Могилёвской (Белорусской) епископии. В 1758 г. Садковский по приглашению свт. Георгия приехал в Могилёв и 17 лет состоял личным секретарем архиерея. В 1764 г. Садковский был назначен кафедральным проповедником, префектом и профессором Могилёвской ДС. Весной 1768 г. рукоположен во иерея, стал членом Могилёвской консистории, именуясь «наместником кафедры Могилёвской». С 18 авг. 1774 г. игумен мстиславского Тупичевского мон-ря, с 12 дек. 1775 г. (по др. данным, с 23 янв. 1775) священник при российском посольстве в Варшаве. 25 окт. 1783 г. В. был поставлен во главе Слуцкой архимандритии в Польше, в февр. следующего года получил презенту на архимандритию от виленского воеводы и владельца Слуцка кн. К. Радзивилла. 19 мая 1784 г. в Киеве, в Софийском кафедральном соборе, митр. Киевским *Самуилом (Мисла́вским)* возведен в сан архимандрита, в июле прибыл в Слуцк. Занимался устроением монастырской жизни и учреждением церковных школ.

В нач. 1785 г. между Россией и Польшей было достигнуто соглашение о восстановлении в пределах Речи Посполитой правосл. *Переяславской и Борисполь́ской* епископской кафедры в юрисдикции РПЦ, во главе к-рой указом имп. *Екатерины II* от 27 марта 1785 г. был поставлен В., хиротония состоялась 9 июня в киевском Софийском соборе, одновременно В. стал коадъютором Киевского митрополита. Местом пребывания архиерея являлся *слуцкий во имя Св. Троицы мон-рь*. Территория Переяславской епархии занимала почти всю Правобережную Украину и часть Белоруссии, включала в себя 323 храма, 365 священно- и церковнослужителей. В 1786 г. В. получил королевский привилей на управление кафедрой. Будучи российским подданным, с согласия российского правительства 7 мая 1787 г. принес в Тульчине присягу на верность королю и Речи Посполитой. В 1786–1787 гг. В. активно занимался церковными делами: ходатайствовал перед Синодом о строительстве церкви при рус. посольстве в Варшаве, совершал инспекционные поездки по мон-рям епархии, сопровождал имп. Екатерину II в ее поездке на Украину. При В. были освящены храмы в Слуцке, Мозыре, Осовцах, заложена церковь в Копыле, открыт ряд жен. и муж. мон-рей. В Слуцке в 1785 г. возобновила свою деятельность консистория, начались занятия в ДС.

В окт. 1788 г. заседавший в Варшаве сейм принял решение о приведении к присяге королю и Речи Посполитой в 2-недельный срок всех должностных лиц (в т. ч. и духовенства), было запрещено за богослужением поминать иностранных царствующих лиц. В это же время В. получил из Святейшего Синода рас-

Виктор (Садковский), архиеп. Минский. Портрет. Кон. XVIII в. (ГРМ)

поряжения об объявлении во всех храмах епархии манифестов о победах России в войнах со Швецией и Турцией, через нек-рое время епископ разослал по епархии отпечатанные в Москве краткие Катехизисы с клятвой на верность императрице. 18 апр. 1789 г. В. был арестован, обвинен в подстрекательстве к мятежам и заключен в Несвижскую крепость. Затем последовали конфискация архива кафедры, обыски в правосл. мон-рях. Сейм подтвердил распоряжение о приведении к присяге духовенства и запрещение поминать за богослужениями российский царствующий дом. Заключению подверглись неск. представителей правосл. духовенства, в т. ч. члены консистории. В. из заключения обратился с посланием к правосл. духовенству и пастве о совершении молебствий за кор. Станислава Августа и сейм, о послушании народа властям, но это не улучшило его положение. В мае 1789 г. В. вместе с др. арестантами был препровожден в Варшаву, заключен в одиночную камеру. Особая комиссия, созданная сеймом и заседавшая до кон. марта 1790 г., признала В. виновным по подозрению в подстрекательстве к бунту.

Сразу же после окончания работы комиссии по делу В. была создана еще одна комиссия, к-рая должна была рассмотреть государственно-правовое положение правосл. («схизматической») Церкви в Речи Посполитой. Комиссия сделала вывод о том, что существование правосл. Церкви, имеющей центр за пределами Польши (в России), не соответствует интересам Польского гос-ва, и предложила создать автономную «схизматическую» Церковь для окормления польск. подданных. С этим планом польск. власти ознакомили К-польского Патриарха, его одобрившего. В 1791 г. в Пинске была проведена «генеральная конгрегация» правосл. Церкви Польши, Литвы и Белоруссии, провозгласившая автономию Польской Церкви в юрисдикции К-польского Патриархата, решение конгрегации было утверждено королем. Однако данный проект не был осуществлен из-за последовавших вскоре 2-го и 3-го разделов Речи Посполитой.

12 июня 1792 г. В. был переведен из Варшавы в Ченстоховскую крепость, 21 июля того же года по ходатайству рус. посла Я. И. Булгакова освобожден, в сентябре полностью оправдан. В марте 1793 г. он прибыл в Слуцк, к тому времени присоединенный к России в результате 2-го раздела Польши. Восстановил деятельность консистории, возобновил учебный процесс в семинарии, к-рая с 13 апр. именовалась Минской, располагаясь в Слуцке.

На территориях, присоединенных к России в 1793 г. в результате 2-го раздела Речи Посполитой, была учреждена Минская епархия, выделенная из Переяславско-Борисполь́ской. Во главе новой епархии 13 апр. 1793 г. был поставлен В. с титулом «архиепископ Минский, Изяславский и Брацлавский» и с сохранением звания коадъютора Киевской митрополии. Мн. приходы новой епархии не имели священников, мон-ри были разорены. В. обратился в Синод с просьбой прислать из соседних епархий — Киевской, Черниговской и Новгород-Северской — иеромонахов и монахов. Просьба была удовлетворена. Большую роль в подготовке правосл. пастырей для

храмов епархии играла Минская ДС. При посещении укр. приходов в 1794 г. В. издал грамоту, приглашавшую униатов возвращаться в Православие. За неполных 6 мес. воссоединилось ок. 1,1 млн верующих (к окт. 1794 в Брацлавской и Изяславской губерниях к Православию присоединились 1332 прихода, к марту 1795 их число возросло до 1607).

Во время пребывания В. на Украине Минская епархия расширилась за счет территорий, присоединившихся к России в результате 3-го раздела Речи Посполитой (1795) и населенных преимущественно католиками и униатами. 12 апр. 1795 г. вышел указ о выделении из Минской епархии Брацлавской епархии и об учреждении Житомирского вик-ства. В. был дарован титул «архиепископ Минский и Волынский», кафедра из Слуцка переместилась в Минск, в 2 бывш. униатских монрях в Минске разместились архиерейский дом и правосл. Петропавловский мон-рь. В Минской губ., где униатская Церковь была хорошо организована в адм. отношении, возвращение униатов в Православие проходило медленнее и в меньших масштабах, чем на Волыни и в Подолье, к кон. 1795 г. процесс воссоединения практически остановился.

13 мая 1796 г. В. был переведен на Черниговскую кафедру. В Чернигове попечением архиерея была обновлена пещерная ц. во имя прп. Антония Печерского и восстановлена Свято-Троицкая ц. бывш. *Болдинского во имя Св. Троицы и пророка Илии мон-ря*. В 1798 г. закончилась реставрация Спасо-Преображенского кафедрального собора в Чернигове. В. довершил начатое его предшественником строительство архиерейского дома в Болдинском мон-ре и произвел значительную перестройку зданий Черниговской ДС, занимался усовершенствованием учебного процесса. Награжден орденами св. Анны 1-й степени и св. Александра Невского (1803). Похоронен у правого клироса Троицкой ц. в Болдинском мон-ре. После кончины архиерея осталась б-ка с 2,5 тыс. книг на церковнослав., лат., греч., евр., польск., франц. и нем. языках.

Соч.: Речь королю польскому // Киевские ЕВ. 1861. № 5. С. 87–89; Окружная грамота к пастве, с увещеванием быть покорною законной польской власти, писанная 25 апр. 1785 г. // Там же. С. 149–152; О добрых намерениях. СПб., 1775[2]; Пастырское послание к насильно совращенным в унию и латинство рус. обитателям части Зап. России, возвращенной России после 2-го раздела Польши, с увещанием, чтобы они, по случаю прекращения гонения за веру, свободно возвращались в Православие. 1794 г. // Вестн. Юго-Зап. и Зап. России: Ист.-лит. журн. / Изд. К. Говорский. К., 1863. Т. 2. Нояб. [Кн. 5]. Отд. 1. С. 1–4.

Ист.: Письмо к Георгию Конисскому // Могилевские вед. 1859; Письма к разным лицам преосв. Виктора (Садковского), первого Минского архиепископа // Минские ЕВ. 1891. № 24. С. 740–748; 1892. № 1. С. 16–21; № 2–3. С. 22–30; № 4. С. 31–45; № 5. С. 46–52; № 6. С. 53–78; № 7–8. С. 79–93; № 9. С. 84–107; № 10. С. 108–127; № 11. С. 128–153; № 12. С. 154–178; № 15. С. 179–190; № 16. С. 191–216; № 17. С. 217–229; № 18. С. 230–256; № 19. С. 257–274; № 20. С. 275–283; № 21. С. 284–299; № 22. С. 300–316; № 23. С. 317–331; № 24. С. 332–347; 3 письма преосв. Виктора (Садковского) к Могилевскому архиеп. Георгию (Конисскому) // Там же. 1902. № 8. С. 180–186.

Лит.: *Л-в П., свящ.* Виктор, еп. Переяславский // Киевские ЕВ. 1861. № 1. С. 79–89; № 2. С. 135–152; № 3. С. 216–223; *Крамаренко И., прот.* Номинальный переяславский еп. Виктор (Садковский) // Странник. 1875. № 6. Ч. 1. С. 153–162; Дело об арестовании поляками преосв. Виктора (Садковского) 18 апр. 1789 г. // Минские ЕВ. 1892. № 14. С. 402–422; *Николаевский П. Ф.* Мат-лы к истории 3-летнего заключения правосл. еп. Виктора (Садковского) в польск. тюрьмах // ХЧ. 1892. Ч. 2. С. 165–201; *Орловский П., прот.* Преосв. Виктор (Садковский), архиеп. Минский, Изяславский и Брацлавский, коадъютер Киевской митрополии, управляющий с 1785 по 1796 г. всеми правосл. церквями и мон-рями в пределах бывшаго ц. Польского // Киев. старина. 1892. № 7. С. 20–54; *он же.* Официальные док-ты по делу В. Садковского // Там же. № 9. С. 414–420; *Вержболович М. И.* Первый период существования Минской ДС (1785–1817 гг.) // Минские ЕВ. 1892. № 22. С. 644–661; № 23. С. 696–707; № 24. С. 745–757; 1893. № 1. С. 10–24; *Жудро Ф. А.* Основание и первые годы Могилевской ДС (1757–1780 гг.) // Могилевские ЕВ. 1893. № 5. С. 97–100; № 6. С. 118–122; *Рункевич С. Г.* Служебный путь преосв. Виктора (Садковского), первого Минского архиепископа: Мат-лы для истории Минской епархии // Минские ЕВ. 1894. № 21. С. 578–582; № 22. С. 621–626; №23. С. 668–670; 1895. № 7. С. 168–203; № 8. С. 229–233; *Беднов В. А.* Правосл. церковь в Польше и Литве по Volumina Legum. Екатеринослав, 1908. С. 446–503; *Грыгаровіч І. І.* Беларуская іерархія: Да 1000-годдзя хрысціянства на Беларусі. Мінск, 1992; *Шэйкін Г.* Мінская епархія // Беларускі праваслаўны каляндар, 1997. Мінск, 1996. С. 117–121; *Коялович М. О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.). Мінск, 1999[m]. С. 273–339, 341–359; *Булгаков М., свящ.* Преосв. Георгий Конисский, архиеп. Могилевский. Минск, 2000; *Ластовський В. В.* Православна церква у суспільно-політичному житті України XVIII ст. Черкаси, 2002; *Коржич Н., свящ. и др.* Правящие архиереи Минской епархии: (1793–2003 гг.). Минск, 2003. С. 33–42.

И. В. Оржеховский, В. А. Теплова

ВИ́КТОР (Святин Леонид Викторович; 2.08.1893, ст-ца Карагайская Верхнеуральского у. Оренбургской губ.— 18.08.1966, Краснодар), митр. Краснодарский и Кубанский. Род. в семье учителя, впосл. принявшего священный сан. После обучения в церковноприходской школе Л. Святин поступил в Челябинское ДУ, затем в Оренбургскую ДС, по окончании к-рой в 1915 г. продолжил учебу в КазДА. В июне 1916 г. направлен в тифлисское Михайловское пехотное военное уч-ще, затем проходил военную службу на Кавказском фронте. После Октябрьской революции 1917 г. вернулся в Верхнеуральск, был мобилизован в ряды Белого движения и назначен начальником организационного отдела гл. штаба Оренбургской армии под командованием ген. Г. А. Белова. В 1919 г. в составе отряда ген. А. С. Бакича штабс-капитан Святин отступил к границе Китая и после роспуска армии эмигрировал в г. Ханькоу (Китай).

В февр. 1921 г. Святин прибыл в Пекин, где поступил послушником в *пекинский в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-рь* при *Русской духовной миссии в Китае*. 30 июня 1921 г. начальником миссии архиеп. Пекинским *Иннокентием (Фигуровским)* Святин был пострижен в монашество, 3 июля рукоположен во диакона, 7 июля — во иерея. В авг. того же года по благословению архиеп. Иннокентия В. поступил на китайско-корейск. фак-т Восточного ин-та во Владивостоке, в июне 1922 г. в связи с поражением Белой Армии в Приморье оставил учебу и вернулся в Китай. 10 авг. 1922 г. В. был назначен настоятелем Покровской ц. на братской могиле рус. воинов в г. Тяньцзинь. Стараниями В. при приходе развернулась активная деятельность рус. правосл. братства, созданы школа, б-ка и госпиталь для эмигрантов, благоустроено рус. кладбище. В. давал приют эмигрантам, помогая им одеждой, питанием, трудоустройством. В 1929 г. при помощи купца-эмигранта И. В. Кулаева здание небольшой Покровской церкви-часовни было перестроено в обширный каменный храм. Во время освящения новопостроенного храма 3 нояб. 1929 г. В. был возведен в сан архимандрита. В 1930 г. по инициативе В. при Покровском храме открылся Дом милосердия им. прп. Серафима Саровского для

Виктор (Святин), митр. Краснодарский. Фотография. Нач. 60-х гг. XX в.

престарелых и больных, организовано правосл. кит. миссионерское братство.

Осенью 1932 г. в качестве делегата от клириков Китая В. присутствовал на Архиерейском Соборе *Русской православной Церкви за границей* в г. Сремски-Карловци (Югославия), где по решению митр. *Антония (Храповицкого)* и по ходатайству Пекинского архиеп. *Симона (Виноградова)* был назначен епископом Шанхайским, викарием Пекинской епархии. Архиерейская хиротония состоялась 6 нояб. 1932 г. в кафедральном соборе Белграда (Югославия). В февр. 1933 г., после кончины архиеп. Симона В. был назначен управляющим, в авг. того же года — начальником 20-й Русской духовной миссии с титулом епископа Китайского и Пекинского, в сент. 1938 г. возведен в сан архиепископа. В. продолжал развивать работу миссии, совершал поездки по Китаю, освящал храмы, открывал мон-ри, осуществлял миссию также среди рус. эмигрантов-униатов, представителей др. христ. конфессий. В 1936–1938 гг. архиерей совершил поездку в Малабар (Индия) и на Цейлон, где вел переговоры о вступлении местных христ. общин в единение с правосл. Церковью.

После захвата в 1931 г. Японией Маньчжурии и образования на ее территории гос-ва Маньчжоу-Го Русская духовная миссия подверглась адм. притеснениям со стороны япон. властей, видевших в деятельности миссии среди кит. населения помеху политике «японизации». В. был вызван в Харбин, где под угрозой объявления его военным преступником ему было предложено передать подведомственный миссии клир на территории Маньчжоу-Го в ведение Харбинской епархии. В. поручил управление имуществом и приходами миссии жившему в Харбине архиеп. *Мелетию (Заборовскому)*. После начала оккупации Китая Японией в 1937 г. по настоянию оккупационных властей В. был вынужден занять пост председателя Антикоминтерновского союза Сев. Китая. В связи со сложной внутриполитической обстановкой в Китае в кон. 30-х гг. архиерей провел реформу миссии в сторону централизации ее управления: было упорядочено адм. управление в отдаленных районах Китая, в составе Пекинской епархии создано Синьцзянское вик-ство с центром в г. Урумчи, организовано Гонконгское благочиние. Указом от 3 мая 1938 г. В. организовал Управление Русской духовной миссии с центром в Пекине.

Во время второй мировой войны связь миссии с Архиерейским Синодом РПЦЗ была прервана. В дек. 1944 г. В. предпринял неудачную попытку связаться с Московской Патриархией через советское посольство в Пекине. После принятия в июле 1945 г. митр. Мелетием (Заборовским) и духовенством Харбинской епархии решения о воссоединении с РПЦ В. вместе с Шанхайским еп. *Иоанном (Максимовичем)* и духовенством в авг. 1945 г. направил телеграмму Патриарху *Алексию I* с прошением о принятии Русской духовной миссии в Китае в юрисдикцию Московской Патриархии. Определением Свящ. Синода РПЦ от 27 дек. 1945 г. прошение В. было удовлетворено. В июне 1946 г. архиерей был награжден правом ношения креста на клобуке.

После возвращения в июне того же года еп. Иоанна (Максимовича) в юрисдикцию РПЦЗ деятельность В. в качестве главы миссии была значительно затруднена. По причине принятия им советского гражданства правительство Гоминьдана препятствовало его деятельности, признавая начальником миссии и представителем правосл. Церкви еп. Иоанна. 19 окт. 1946 г. В. был арестован по обвинению в сотрудничестве с япон. оккупационными властями и членстве в Антикоминтерновском союзе, помещен в тюрьму в Шанхае, освобожден под залог благодаря вмешательству советского консульства 24 окт., полностью обвинение было снято судом в апр. 1947 г.

22 окт. 1946 г. указом Синода РПЦ В. был утвержден в должности начальника Русской духовной миссии в Китае в составе *Восточноазиатского Экзархата РПЦ*. Для предотвращения перехода паствы в РПЦЗ в июне 1947 г. В. приехал из Шанхая в Пекин, где был вынужден передать имущество и здания миссии в собственность СССР. После прекращения гражданской войны в Китае и провозглашения КНР В. обратился 3 дек. 1949 г. к Патриарху Алексию I с рапортом, в к-ром подчеркнул необходимость дальнейшего развития миссионерства в Китае. 24 янв. следующего года Патриарх Алексий благословил В. развивать миссионерское служение и определил основной целью рус. миссии постепенное создание *Китайской Православной Церкви*. В том же году В. разработал проект нового «Положения о миссии». В июле 1950 г. архиерей приехал в Москву и 20 июля представил Синоду доклад о деятельности миссии. 22 авг. В. был назначен Патриаршим Экзархом Восточноазиатского Экзархата РПЦ с оставлением в должности начальника Русской духовной миссии в Китае.

В числе основных мероприятий В. *во исполнение определения о создании* Поместной правосл. Церкви в Китае были: адм. реформа, объединившая все правосл. приходы в рамках Экзархата, образование на основе совета миссии и совета Экзархата единого экзаршего совета, включение кит. клириков в организованное при Экзархе Управление. Для успешного развития миссии были созданы пастырско-катехизаторские курсы в Пекине, 3 школы для кит. детей, учреждена комиссия по переводу богослужебных книг на совр. кит. язык, совершались иерейские и диаконские хиротонии из числа правосл. китайцев.

Массовая эмиграция рус. населения из Китая, малочисленность кит. паствы, недостаток средств, а также высокие налоги, к-рые платила миссия, чрезвычайно затрудняли ее существование и миссионерскую работу Экзархата в целом. В рапорте Патриарху от 27 июня 1954 г. В. изложил главные причины кризиса миссионерской работы и просил реорганизовать церковное управление

в Китае путем упразднения Русской духовной миссии и создания самостоятельного Экзархата с назначением Экзарха из кит. духовенства. 30 июля 1954 г. Синод постановил упразднить Русскую духовную миссию в Китае и передать все правосл. храмы Китая в ведение Восточноазиатского Экзархата. 29 окт. 1955 г. В. получил сообщение, что все церковные дела передаются в компетенцию религ. отдела при правительстве КНР. Дальнейшее ужесточение политики кит. властей в отношении правосл. Церкви привело к тому, что 30 марта 1956 г. вся недвижимая собственность Экзархата была передана кит. правительству, кроме территории Бэйгуаня (сев. подворья миссии), ставшей собственностью советского посольства в Пекине. 24 апр. 1956 г. В. передал все церковные дела и имущество Пекинской епархии временно исполняющему обязанности главы Китайской Православной Церкви архим. *Василию (Шуану)*.

24 мая 1956 г. В. уехал в СССР, 31 мая был назначен архиепископом Краснодарским и Кубанским, 20 июня 1961 г. возведен в сан митрополита. 11 мая 1963 г. награжден орденом равноап. кн. Владимира 1-й степени. Погребение В., состоявшееся 21 авг. 1966 г., совершили архиеп. Ставропольский и Бакинский *Михаил (Чуб)* и еп. Симферопольский и Крымский *Леонтий (Гудимов)*. В. похоронен на городском кладбище Краснодара.

Арх.: Архив МП. Личное дело.
Соч.: Письмо из Пекина // ЖМП. 1948. № 9. С. 9–10; На Родине // ЖМП. 1950. № 9. С. 28–31; Окружное послание // Там же. 1952. № 12. С. 19–20; Вознесение Господне // Там же. 1961. № 5. С. 43–44.
Лит.: *Жиганов В. Г.* Русские в Шанхае. Шанхай, 1936; *О. К.* Защитник Церкви Христовой: К 20-летию священнослужения архиеп. Китайского и Пекинского Виктора // Хлеб Небесный. Харбин, 1941. № 12. С. 28–32; *Гетман Н., прот.* Митр. Краснодарский и Кубанский Виктор: [Некролог] // ЖМП. 1966. № 11. С. 16–19; *Кеппинг О. В.* Последний начальник Рос. духовной миссии в Китае архиеп. Виктор: Жизненный путь // Православие на Дальнем Востоке: 250-летие Рос. духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 84–99; *Тихвинский С. Л.* Начальник 20-й миссии владыка Виктор: (Восп. ген. консула СССР в Пекине) // История Рос. духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 318–327; *Поздняев Д., свящ.* Принятие юрисдикции Московского Патриархата и церк. раскол в Шанхае // АиО. 1997. № 2(13). С. 145–166; *он же.* Православие в Китае (1900–1997). М., 1998.

Свящ. Дионисий Поздняев, Г. В. Прозорова

ВИ́КТОР (Чолаков; серб. Чолакович; † 1888, Белград), митр. Нишский. Род. в Калофере, там же получил начальное образование. По одним данным (Српски јерарси. С. 80–81), принял монашество в Хиландаре на Афоне, по др. (*Цацов*. С. 283) — в Калоферском муж. мон-ре в честь Рождества Пресв. Богородицы. Ок. 1835 г. в сане архимандрита назначен представителем (таксидиотом) Хиландара в Нише. В 1871 г. от *Нишской епархии* присутствовал на 1-м Болгарском церковно-народном Соборе в К-поле. С мая—июня 1872 г. митрополит Нишский. В 1874 г. избран членом Св. Синода Болгарского Экзархата, но, будучи сторонником сербов, не посещал заседаний Синода и вскоре был сменен. Заботился о просвещении паствы, открыл в епархии уч-ще и б-ку. После того как в 1878 г. Ниш по решению Берлинского конгресса отошел к Сербии, В. объявил о переходе своей епархии в юрисдикцию Сербской Православной Церкви, о чем известил митр. Сербского *Михаила (Йовановича)*. На Архиерейском Соборе 1881 г. за поддержку митр. Михаила в конфликте с властями В. был освобожден от обязанностей епархиального архиерея с определением места проживания в мон-ре Петковица, близ г. Сремска-Митровица. Похоронен в ц. св. Марка в Белграде. После уничтожения церкви во время второй мировой войны останки В. были перенесены в новую ц. св. Марка.

Лит.: *Темелски Хр.* Църковно-народният събор 1871 г. София, 2001; *Цацов Б.* Архиереите на Българската Православна Църква. София, 2003.

Хр. Темелски

ВИ́КТОР I († между 197 и 201, Рим), св. (пам. зап. 28 июля), папа Римский (с 186 или 189). Происходил из рим. пров. Африка. Понтификат В. приходится на последние годы правления имп. *Коммода* (180–192) и первые 5–8 лет правления имп. *Септимия Севера* (193–211). В. принял активное участие в разрешении споров о времени празднования Пасхи (см. ст. *Пасхальные споры*). В Римской Церкви этот праздник было принято отмечать в первое воскресенье после весеннего полнолуния (14 нисана), согласно вост. традиции — 14 нисана вне зависимости от дня недели (т. н. четыренадесятники, или кватродецимане). В. поставил вопрос об унификации времени празднования Пасхи на основе рим. традиции. Большинство Соборов, созванных в различных местах (Александрия, Палестина, Понт, Галлия, Осроена, Коринф, Рим) для обсуждения этой проблемы, высказались за следование практике Римской Церкви. Однако Эфесский Собор отстаивал вост. традицию; еп. *Поликрат* Эфесский, возглавлявший партию противников рим. обычая, в послании к В. и Римской Церкви ссылался на древность обычая своей Церкви.

Св. Виктор I, папа Римский. Гравюра (Sacchi. Vitis pontificum. 1626) (РГБ)

В ответ В. решился придать отлучению несогласные с Римом вост. общины, что вызвало недовольство мн. епископов. Примирителем в конфликте выступил сщмч. *Ириней* Лионский. Поддержав позицию Рима по вопросу о дне празднования Пасхи, он призывал В. не отлучать вост. общины от Церкви за верность своим древним обычаям. К IV в. рим. традиция празднования Пасхи в воскресный день постепенно была принята всеми христ. Церквами.

Послания папы по вопросу празднования Пасхи, декреты о клире и о принятии таинства Крещения, а также сочинения В., о к-рых упоминает блж. *Иероним*, не сохранились. На понтификат В. ок. 190 г. приходится первый случай прямых взаимоотношений Римской империи с Церковью и рим. епископом. Имп. Коммод получил непосредственно от В. или же от своей фаворитки Марсии (симпатизировавшей христианству или, возможно, оглашенной) список христиан, осужденных на работы на каменоломнях Сардинии, и велел их освободить.

Согласно *Liber pontificalis*, В. был последним рим. епископом, похороненным в соборе св. Петра рядом с самим апостолом.

Ист.: LP. Vol. 1. P. 60–61, 137–138; *Euseb.* Hist. eccl. V 22–28; ActaSS. Iul. T. 6. P. 534–542; *Iren.* Adv. haer. III 3.

Лит.: *La Piana G.* The Roman Church at the End of the 2nd Cent. // HarvTR. 1925. Vol. 18. P. 201–277; *Zernov N.* Eusebius and the Paschal Controversy at the End of the 2nd Cent. // Church Quarterly Review. 1933. Vol. 116. P. 24–41; *Mohrmann Ch.* Le conflit pascal au II siècle: Note philologique // VChr. 1962. Vol. 16. P. 154–171; *Richard M.* La lettre de S. Irénée au Pape Victor // ZNW. 1965. Bd. 56. S. 260–282; *Brox N.* Tendenzen und Parteilichkeiten im Osterfeststreit des 2. Jh. // ZKG. 1972. Bd. 83. S. 289–324; *Richardson C. C.* A New Solution of the Quartodeciman Riddle // JThSt. 1973. N. S. Vol. 24. P. 74–84; *Campenhausen H., von.* Ostertermin oder Osterfasten? Zum Verständnis des Irenäusbriefes an Victor (*Euseb.* Hist. eccl. V 24, 12–17) // VChr. 1974. Vol. 28. P. 114–138; *Lemoine B.* La controverse pascale du deuxième siècle: Desaccords autour d'une date // Questions Liturgiques. 1992. Vol. 73. P. 223–231; *Задворный В. П.* История римских пап. М., 1995. Т. 1. С. 88–89.

А. В. Ч.

ВИ́КТОР II (ок. 1020, Германия — 28.07.1057, Ареццо, Италия; мирское имя Гебхард, гр. Долленштайн-Хиршбергский), папа Римский (с 13 апр. 1055). Сын гр. Хартвига Швабского, родственник римско-герм. имп. *Генриха III*. Учился в соборной школе в Регенсбурге. В 1042 г., несмотря на юный возраст В., Генрих III назначил его епископом Айхштетта (Германия). В период 1042–1054 гг. был ближайшим советником императора. Противник норманнской политики папы *Льва IX*, под влиянием В. Генрих III отказался помочь папе в борьбе с норманнами (1053). После смерти папы Льва IX, по прямому указанию императора Гебхард был избран папой (сент. 1054), что укрепляло позиции Генриха III в Италии, где к этому времени возросла власть его противника Готфрида Лотарингского (вслед. династического брака с маркграфиней Матильдой Тосканской). Однако В. согласился вступить на папский престол лишь в марте 1055 г. Торжества интронизации В. проходили в Риме с 13 по 16 апр. 1055 г. В. занимал активную позицию по реформированию Римской Церкви в духе *клюнийской реформы*, с этой целью на Пятидесятницу 1055 г. созвал во Флоренции Собор (4 июня 1055), на к-ром были повторены осуждения *симонии* и требование обязательного *целибата* для духовенства. Также на Соборе за нарушение канонических требований были лишены сана ряд епископов. Подобную политику В. проводил в Юж. Франции (Соборы в Лионе (1055) и Тулузе (1056)). В 1055 г. Генрих III даровал В. герцогство Сполето и графство Фермо. При посредничестве В. состоялось примирение императора и Готфрида Лотарингского, договор между

Виктор II, папа Римский. Раскрашенная гравюра (Schedel H. Liber chronicarum. 1493) (РГБ)

к-рыми был подписан в присутствии папы. После смерти Генриха III (5 окт. 1056) Готфрид оказывал В. помощь в отражении набегов норманнов из Юж. Италии. Для укрепления союза с Готфридом В. сделал его брата Фридриха (буд. папу *Стефана X*) аббатом мон-ря *Монте-Кассино* и возвел в достоинство кардинала-пресвитера. В. активно участвовал в прекращении борьбы за трон в Германии, поддерживая несовершеннолетнего *Генриха IV* и регентство имп. Агнессы. После коронации Генриха IV в Ахене папа вернулся в Италию, где созвал Собор в Латеране (18 апр. 1057). В. скоропостижно скончался во время одной из поездок по Италии. Согласно его завещанию, останки должны были быть перевезены в Айхштетт, однако он был похоронен в Равенне в ц. Санта-Мария делла Ротонда. После смерти В. прервалась череда т. н. нем. пап; вместе с тем Римско-Германская империя потеряла ведущую роль в проведении церковных реформ.

Соч.: PL. 143. Col. 803–838.

Ист.: *Jaffé.* RPR. Vol. 1. P. 549–553; *Heidingsfelder F.* Regesten der Bischöfe von Eichstätt. Erlangen, 1938. Bd. 1. Lfg. 1. S. 66–76; LP. Vol. 2. P. 333–334.

Лит.: *Вязигин А. С.* Очерки по истории папства в 11 в. СПб., 1898. С. 267–275; *Грегоровиус Ф.* История города Рима в Средние века: В 5 т. СПб., 1903–1912. Т. 4. 1907. С. 77–83; *Guggenberger K.* Die deutschen Päpste. Köln, 1916. S. 72–78; *Schmid P.* Der Begriff der kanonischen Wahl in den Anfängen d. Investiturtreits. Stuttg., 1926. S. 91–94; *Cartellieri A.* Der Aufstieg des Papsttums im Rahmen der Weltgeschichte, 1047–1095. Münch.; B., 1936. S. 20–28; *Weinfurter S.* Die Geschichte der Eichstätter Bischöfe des Anonymus Haserensis. Regensburg, 1987. S. 177–182, 193–200; *Задворный В.* Виктор II // КатЭ. Т. 1. С. 987–989.

ВИ́КТОР III (ок. 1027, Беневенто, Кампания — 16.09.1087, мон-рь Монте-Кассино; мирское имя Дауферий, в монашестве Дезидерий), папа Римский (с 24 мая 1086). Происходил из правившего в Беневенто знатного лангобардского рода. В юности поступил в мон-рь Св. Троицы в Каве (близ Салерно), между 1048 и 1049 гг.— в мон-рь св. Софии в Беневенто, где принял имя Дезидерий. В 1055 г. с разрешения папы *Виктора II* перешел в бенедиктинский мон-рь *Монте-Кассино*. В кон. 1058 г., после избрания аббата мон-ря Фридриха на папский престол (папа *Стефан (IX) X*), Дезидерий стал приором аббатства Монте-Кассино. В марте 1058 г. папа Стефан X возвел Дезидерия в достоинство кардинала-диакона ц. святых Сергия и Вакха (SS. Sergii et Bacchi). В том же месяце папа направил его в составе делегации в К-поль для переговоров о возобновлении церковного единства, но, узнав о кончине Стефана X († 29 марта 1058), папские легаты были вынуждены возвратиться в Рим. В апр. 1058 г. Дезидерий был избран аббатом Монте-Кассино. 6 марта 1059 г. папа *Николай II* возвел его в достоинство кардинала-пресвитера ц. св. Цецилии (S. Caeciliae) и назначил папским викарием южноитал. монрей. Стараниями Дезидерия аббатство Монте-Кассино было полностью перестроено, была расширена б-ка, мон-рь стал одним из ведущих центров по созданию рукописных книг. В аббатстве была сооружена украшенная мозаиками базилика в честь прп. *Венедикта Нурсийского* (разрушена землетрясением 1349), церемонию освящения к-рой (1 окт. 1071) совершил папа *Александр II* в присутствии Собора епископов, лангобардских и норманнских пра-

Виктор III, папа Римский. Гравюра (Sacchi. Vitis pontificum. 1626) (РГБ)

вителей и большого числа паломников.

Помимо управления аббатством Монте-Кассино Дезидерий неоднократно участвовал по поручению пап в различных переговорах и дипломатических миссиях: при папе Николае II, в 1059 г., во время заключения союза с норманнами, в 1082 г. по поручению папы *Григория VII* в переговорах с имп. *Генрихом IV*. Однако ему не удалось склонить императора к отказу от борьбы с папой, что привело к ухудшению отношений между Дезидерием и папой Григорием VII, обвинившим его в излишней мягкости по отношению к Генриху IV. Тем не менее, когда в 1084 г. Рим был занят войском Генриха IV, Дезидерий участвовал в организации похода против императора, а папа во время бегства из Рима нашел убежище в Монте-Кассино.

После кончины Григория VII († 25 мая 1085) вопрос о его преемнике не удавалось решить в течение года, лишь 24 мая 1086 г. кардиналы провозгласили новым папой аббата Дезидерия. Однако сторонники императора это избрание не признали, и, несмотря на поддержку норманнов, Дезидерию не удалось удержаться в Риме, оккупированном ставленником императора антипапой *Климентом III*. Не желая участвовать в вооруженной борьбе, Дезидерий отказался занять папский престол, и в кон. мая удалился в Монте-Кассино. Только в марте 1087 г., во время Собора в Капуе, Дезидерий согласился стать папой, приняв имя Виктор, по-видимому в честь последнего из т. н. нем. пап Виктора II, что явилось знаком примирения для императора. Епископское рукоположение и интронизация В. состоялись 9 мая 1087 г. в соборе св. Петра, но уже в июне он был вынужден оставить Рим и вернуться в Монте-Кассино, т. к. город был осажден войсками антипапы Климента III. Ко времени понтификата В. относится перенесение мощей свт. *Николая* Чудотворца из г. Миры Ликийские в г. *Бари* (1087). В авг. 1087 г. В. созвал Собор в Беневенто, на к-ром были утверждены нек-рые постановления папы Григория VII, а также провозглашено отлучение Климента III.

По возвращении в Монте-Кассино В. скончался и был погребен в построенной его стараниями монастырской базилике. Местное почитание В. началось уже в XI в., официально его почитание как блаженного католич. Церкви (пам. 16 сент., в Риме — 16 окт.) было подтверждено папой *Львом XIII* 23 июля 1887 г.

В.— автор написанного между 1076 и 1079 гг. соч. «Диалоги о чудесах св. Бенедикта» (Dialogi de miraculis S. Benedicti), в к-ром прослеживается влияние «Диалогов» папы *Григория I Великого*.

Соч.: PL. 149. Col. 913–1018.

Ист.: Dialogi et miraculis s. Benedicti // MGH. SS. Bd. 30/2. S. 1111–1152; Chronica monasterii Casinensis / Hrsg. W. Wattenbach // MGH. SS. Bd. 7. S. 698–754; LP. Vol. 2. P. 292; *Jaffé*. RPR. Vol. 1. P. 655–678; *Hugo Virodunensis*. Cronicon / Hrsg. G. H. Pertz // MGH. SS. Bd. 8. S. 467.

Лит.: *Hirsch F.* Desiderius von Monte Cassino als Papst Viktor III. // FzDG. 1867. Bd. 7. S. 1–112; *Грегоровиус Ф.* История города Рима в Средние века: В 5 т. СПб., 1903–1912. Т. 4. С. 230–232; *Erdmann C.* Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttg., 1935. Darmstadt, 1980; *Bock F.* Bemerkungen zu den ältesten Papstregistern und zum Liber diurnus Romanorum Pontificum // Archivalische Zschr. 1961. Bd. 57. S. 11–51; *Cowdrey H. E. J.* The Age of Abbot Desiderius. Oxf., 1983; *Beulertz S.* Das Verbot der Laieninvestitur im Investiturstreit. Hannover, 1991; *Задворный В.* Виктор III // КатЭ. Т. 1. С. 989–990.

А. Г. Крысов

ВИ́КТОР IV († ок. 1140; мирское имя Грегорио Конти [Conti]), антипапа (1138). Род. в г. Чеккано (ныне пров. Фрозиноне, Италия). В дек. 1122 г. папой *Каллистом II* был возведен в достоинство кардинала-пресвитера ц. 12 Апостолов (XII Apostolorum).

На папских выборах 14 февр. 1130 г. в коллегии кардиналов произошло разделение: 20 кардиналов поддержали *Иннокентия II*, 23 кардинала (в т. ч. Грегорио Конти) — антипапу *Анаклета II*, сторонником к-рого был кор. Сицилии *Рожер II*.

После смерти Анаклета II, в сер. марта 1138 г., его преемником был избран Конти, принявший имя Виктора IV. Но, не получив поддержки Рожера II, заинтересованного в перемирии с Иннокентием II, В. последовал уговорам *Бернарда Клервоского* и 29 марта объявил о признании папой Иннокентия II. 29 мая 1138 г. папа Иннокентий II восстановил Конти в кардинальском достоинстве, и в том же году Конти стал кардиналом-первопресвитером. Однако на *Латеранском II Соборе* (1139) папа Иннокентий II, несмотря на протесты со стороны Бернарда Клервоского, отлучил Конти и бывш. его сторонников от Церкви.

Ист.: *Jaffé*. RPR. Vol. 1. P. 919; LP. Vol. 2. P. 383; Vol. 3. P. 138; MGH. Leg. Const. / Ed. L. Weiland. Hannover, 1893. S. 143, 573.

Лит.: *Klewitz H. W.* Das Ende des Reformpapsttums // DA. 1939. Bd. 3. S. 376–397; *Palumbo P. F.* Lo scisma del MCXXX. R., 1942. P. 588–598; *Schmale F. J.* Studien zum Schisma des Jahres 1130. Köln, 1961. S. 60–61.

А. Г. Крысов

ВИ́КТОР IV (V) (1095, Тиволи, близ Рима — 20.04.1164, Лукка; мирское имя Оттавиано ди Монтичелли), антипапа. Происходил из знатного рода графов Тускуланских. В нач. 1138 г. был возведен папой *Иннокентием II* в достоинство кардинала-диакона ц. св. Николая «в узах» (S. Nicolai in Carcere). В 1143–1145 гг. В. вел по поручению пап *Целестина II* и *Луция II* переговоры с кор. Сицилии *Рожером II*. Являлся папским легатом при герм. кор. Конраде III, затем при имп. *Фридрихе I Барбароссе*. В 1151 г. папой *Евгением III* был возведен в достоинство кардинала-пресвитера ц. св. Цецилии (S. Caeciliae). С 1158 г.— кардинал-первопресвитер.

После смерти папы *Адриана IV* при выборах нового папы (7 сент. 1159) 25 кардиналов проголосовали за поддержанного кор. Сицилии Вильгельмом I юриста и теолога кард. Роландо Бандинелли, ставшего папой *Александром III;* 8 кардиналов поддержали Оттавиано ди Монтичелли, объявившего себя папой Виктором IV (т. к. предыдущий *Виктор IV* рассматривался как антипапа). Несмотря на меньшинство в коллегии кардиналов, кандидатура В. была поддержана Фридрихом Барбароссой.

Епископское рукоположение и интронизация В. состоялись 4 окт. 1159 г. в аббатстве Фарфа, что явилось началом схизмы в Римско-католической Церкви, продлившейся до 1180 г. В февр. 1160 г. В. созвал в Павии Собор, на к-ром присутствовали епископы Германии и Сев. Италии, и объявил об отлучении папы Александра III. В свою очередь в 1161 г. Александр III созвал Соборы в Ананьи и Монпелье, а в 1163 г.— в Туре, на к-рых было провозглашено отлучение В. Постепенно Александру III удалось получить признание со стороны мн. европ. гос-в (Англия, Франция, Сицилия), в то время как В., несмотря на поддержку Фридриха Барбароссы, не признавали даже мн. нем. епископы. Со смертью В. (похоронен в Лукке) схизма не закончилась, т. к. Фридрих Барбаросса не признал папой Александра III.

Ист.: *Jaffé.* RPR. Vol. 2. S. 418–426.

Лит.: *Kehr P.* Zur Geschichte Victors IV. (Octavian von Monticelli) // NA. 1926. Bd. 46. S. 53–85; *Brezzi P.* Lo «schisma inter regnum et sacerdotium» // Archivio d. Deputazione Romana di Storia Patria. 1940. Vol. 63. P. 1–98; *Schuster B.* Das Treffen von St. Jean de Losne im Widerstreit der Meinungen: Z. Freiheit der Geschichtschreibung im 12. Jh. // ZfGW. 1955. Bd. 43. S. 211–245; *Schwarzmaier H.* Zur Familie Viktors IV. in der Sabina // QFIAB. 1968. Bd. 48. S. 64–79; *Palumbo P. F.* Le doppie elezioni d. 1130 e d. 1159 e il giudizio di Alessandro III e d. sua età sullo scisma precedente // Storia e Civiltà. Viterbo, 1985. Vol. 1. P. 408–429; *Georgi W.* Friedrich Barbarossa und die auswärtigen Mächte: Stud. z. Aussenpolitik 1159–1180. Fr./M., 1990. S. 42–90; *Laudage J.* Alexander III. und Friedrich Barbarossa. Köln, 1997. S. 103–152; *Engels O.* Die Staufer. Stuttg., 1998[7]. S. 74–86; *Strothmann J.* Kaiser und Senat: der Herrschaftsanspruch der Stadt Rom zur Zeit der Staufer. Köln, 1998. S. 218–227. (AKG; 47).

А. В. Ч.

ВИ́КТОР, ВИКТОРИ́Н, КЛАВДИА́Н И ВА́ССА [лат. Victor, Victorinus, Claudianus et Bassa] (IV в. ?), мученики Никомидийские (пам. зап. 6 марта). Впервые их память отмечена в сир. Мартирологе 411–412 гг. Рим. Мартиролог содержит рассказ о В. и Викторине, принявших мученическую кончину в Никомидии вместе с Клавдианом и его супругой Вассой. Более подробное повествование о мучениках находится в Мартирологе блж. Иеронима, согласно к-рому В. и Викторин после трехлетнего заточения были доставлены на суд в г. Апамея, где вместе с Клавдианом и его женой Вассой, претерпев пытки, скончались в темнице. Однако более вероятным местом страдания святых следует считать Никомидию; в мартирологах принято указывать на 1-м месте тот город, где пострадали святые, а не откуда они происходили. Возможно, В. и Викторин были арестованы в провинциальном г. Апамея и впосл. отправлены на суд в Никомидию, где к ним были присоединены Клавдиан и Васса. О том, что мн. мученики в период гонений имп. *Диоклетиана* переправлялись для окончательного суда в Никомидию, известно из житий др. святых, напр. сщмч. *Лукиана,* пресв. Антиохийского, также пострадавшего в Никомидии. К тому же сир. Мартиролог и более поздние лат. Мартирологи Каролингской эпохи называют именно Никомидию местом, где святые претерпели мучения за Христа.

Ист.: Acta SS. Mart. T. 1. P. 423.

Лит.: *Delehaye H.* Les Martyrs d'Égipte // AnBoll. 1922. Vol. 40 P. 51–53; *Sauget J.-M.* Vittore, Vittorino, Claudiano e Bassa // BiblSS. Vol. 12. Col. 1295–1296; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 1. С. 650 (прил. 22).

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР, ЗО́ТИК, ЗИНО́Н, АКИНДИ́Н И СЕВЕРИА́Н [греч. Βίκτωρ, Ζωτικός, Ζήνων, Ἀκίνδυνος, Σευηριανός] († 303), мученики Никомидийские (пам. 18 апр., пам. греч. 20 апр.). Уверовали во Христа при виде чудес, происходивших во время колесования вмч. *Георгия Победоносца,* и были обезглавлены. Краткое житие мучеников содержится под 18 апр. в Минологии Василия II кон. X — нач. XI в. (PG. 117. Col. 412). В др. житии, помещенном в Синаксаре К-польской ц. X в. (SynCP. Col. 617–618) под 20 апр., назван еще мученик Кесарий, а также упоминаются воины-копьеносцы имп. Диоклетиана: *Феона, Христофор* и *Антонин,* к-рые, присутствуя при страданиях вмч. Георгия, открыто исповедали Христа, за что были заключены в темницу и на следующий день казнены. В наст. время их память РПЦ отмечает 19 апр., а в календарях греч. Церквей обе группы мучеников помещены под 20 апр.

Ист.: ActaSS. Apr. T. 2. P. 747; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 4. Σ. 248–249; ЖСв. Апр. С. 283.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 113, 115–116; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 898; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 82; *Sauget J.-F.* Vittore, Zotico, Zenone, Acindino, Cesareo, Severiano, Cristoforo, Teona e Antonino // BiblSS. Vol. 12. Col. 1296–1298.

Э. П. А.

ВИКТОРИА́ЛЬНЫЕ ДНИ, памятные даты побед (лат. victoria), одержанных в сражениях, или заключений благоприятных мирных договоров. Торжественное церковное прославление побед известно из истории (установление праздника Всемилостивого Спаса 1 авг. в память победы 1164 блгв. кн. Андреем Боголюбским, дни избавления К-поля от осад — *Карабинов И.* Постная Триодь. СПб., 1910. С. 35–39, и др.). Термин «В. д.» стал употребляться в Русской Церкви в XVIII–XIX вв.; согласно терминологии синодального периода, В. д., или «дни побед», относились к гражданским праздникам наряду с *царскими* и *кавалерскими днями* и праздником *Нового года.* В этот период они приобрели особое значение для Церкви и гос-ва в связи с активной внешней политикой Российской империи. Годовщина победы в Полтавском сражении 27 июня 1709 г. стала важным праздником неподвижного годового круга богослужения: было составлено полное церковное последование праздника, в нек-рых певч. рукописях XVIII в. встречаются песнопения этой службы, исполняемые знаменным распевом, есть концерты на их тексты (см.: *Смоленский С. В.* О собрании рус. древне-певческих рукописей в Моск. Синод. училище церк. пения: Кр. предв. сообщ. [М.], 1899. С. 54, 59; Музыка на Полтавскую победу // ПРМИ. М., 1973. Вып. 3). Память заключения Ништадтского мира со Швецией (30 авг. 1721) также приобрела большое значение, к этой дате в 1724 г. было приурочено перенесение мощей блгв. кн. Александра Невского в лавру его имени в С.-Петербурге. Впосл. было установлено еще неск. В. д.: 9 авг.— взятие Нарвы в 1704 г., 27 июля — битвы при Гангуте в 1714 г. и Гренгаме в 1720 г., 24 июня — Чесменская битва в 1770 г., 10 июля — заключение Кючюк-Кайнарджийского мира с Турцией в 1774 г. и др. Из них только 2 (27 июня и 30 авг.) имели полноценное церковное празднование. Также можно отметить день памяти избавления России от нашествия «галлов и с ними 20 языков», т. е. наполеоновских армий (25 дек.), в богослужебных книгах определено после литургии в этот день совершить молебен по особому чину. Памяти др. побед не упомянуты в богослужебных книгах (хотя в эти дни также совершались молебны).

Списки В. д. печатались в табелях и различных календарях (память заключения Ништадтского мира в них обычно отсутствует, хотя служба Ништадтского мира помещается в Минее на авг. с кон. XVIII в.).

Во 2-й пол. XIX в. списки В. д., помещаемые в различных печатных изданиях, были значительно сокращены, фактически были оставлены только память Полтавской победы и избавления России от галлов. После революции 1917 г. церковное прославление памятей побед вышло из практики. Определенным аналогом В. д. ныне является установленный в 1994 г. обычай отмечать 9 мая — День Победы в Великой Отечественной войне — пением панихид по погибшим воинам.

А. А. Лукашевич

ВИКТО́РИЙ АКВИТА́НСКИЙ [лат. Victorius Aquitanus], хронист, ученый-пасхалист (компутист) сер. V в. О его жизни ничего неизвестно; по-видимому, он был священнослужителем; *Геннадий Марсельский* упоминает его в соч. «О церковных писателях» как «тщательного вычислителя» (calculator scrupulosus — De scriptoribus ecclesiasticis. 89 // PL. 58. Col. 1111). Ок. 457 г. В. А. составил в ответ на вопросы рим. архидиак. (буд. папы) *Илария* сочинение о принципах вычисления даты Пасхи, известное под заглавием «Пасхальный ход» (Cursus paschalis), приложив к нему пасхальную таблицу. Сохранились извлечения (excerpta) из этого труда под заглавием «О пасхалии и рождении четырнадцатой луны» (De paschali et nativitate decimae quartae Lunae); их авторство, как и арифметический трактат В. А. «Книга исчисления» (Liber calculi), в средневек. рукописях обычно приписывается *Беде Достопочтенному*. Принципы исчисления Пасхи В. А., основанные на применении 19-летнего лунного цикла, ок. 465 г. были приняты Римской Церковью вместо менее точного 84-летнего лунно-солнечного цикла. В VI в. в Риме на смену пасхалии В. А. пришла александрийская пасхалия, получившая распространение на Западе благодаря трудам *Дионисия Малого*. С пасхалистическими принципами В. А. полемизировали Виктор Капуанский, Беда и Колумбан. Тем не менее пасхалия В. А. продолжала употребляться в королевстве франков; в 541 г. ее одобрил Собор галльского духовенства в Аврелиане (совр. Орлеан), в VII–VIII вв. она распространилась на подвластную франкам территорию Германии и лишь при *Карле Великом* была вытеснена рим. пасхалией Дионисия Малого.

Геннадий Марсельский упоминает, что В. А. составил также хронологические таблицы событий от сотворения мира. Этими таблицами пользовались при составлении своих Хроник *Проспер Тиро Аквитанский* и *Кассиодор*. Возможно, В. А. также принадлежит соч. «Пролог Пасхи» (Prologus Paschae).

Соч.: Cursus Pachalis // PLS. 3. Col. 381–426; Prologus paschae // Ibid. Col. 427–441; Liber calculi // PL. 90. Col. 677 [Пс.-Беда]; De paschali // Ibid. Col. 712 [Пс.-Беда].

Лит.: CPL, N 2282–2283; *Schwartz E.* Christliche und jüdische Ostertafeln. B., 1905. Nendeln, 1970[r]. P. 427–441; *Jones Ch. W.* Bedae Pseudepigrapha. L., 1939. P. 53.

Д. В. Зайцев

ВИКТОРИ́Н [лат. Victorinus], сщмч. (пам. зап. 13 июня), 2-й еп. Ассизский, преемник сщмч. *Руфина*. Согласно житию, восходящему к XI–XII вв., В. происходил из Ассирии (Сирии). По прибытии в Рим был рукоположен во епископа папой Римским сщмч. *Фабианом* (236–250) и направлен в Азизий (совр. *Ассизи*, Умбрия, Италия). Святой мученически скончался во время гонений имп. *Гордиана III*, потрудившись на поприще проповеди Евангелия. Мученические акты сообщают, что В. пострадал в мест. Мацерата, близ Азизия. В 1190 г. на этом месте находилась церковь, где хранились мощи святого. Позднее они были перенесены в мон-рь св. Петра и помещены под главным алтарем церкви. В ср. века в Ассизи существовало об-во св. Викторина (упом. в 1382), к-рое в день памяти святого устраивало в городе торжественные шествия. В наст. время память В. совершается 13 июня в ц. св. Петра и 12 июня в Ассизи.

В. изображается как епископ в преклонных летах с короткой бородой, с митрой на голове, держащий в руках книгу и благословляющий (фреска XV в. верхней ц. св. Франциска в Ассизи; подобное же изображение имеется и в ц. св. Петра в Ассизи, где хранятся мощи В.).

Ист.: ActaSS. Iun. T. 2. P. 668–671.

Лит.: *Locatelli Paolucci T.* Della Badia di S. Pietro in Assisi. Assisi, 1885; *Kaftal G.* Iconography of the Saints in Central and South Italian Schools of Painting. Florence, 1965. Col. 30; *Brunacci A.* Vittorino di Assisi // BiblSS. Vol. 12. Col. 1302–1304.

Д. В. Зайцев

ВИКТОРИ́Н Михайлович Добронравов (29.01.1889, Кишинёв — 28.12.1937, г. Боровичи, ныне Новгородской обл.), сщмч. (пам. 16 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника. Незрячая с детства сестра юноши была чудесным образом исцелена прав. *Иоанном Кронштадтским*, что сильно подействовало на В., укрепив его веру. В 1910 г. он окончил СПбДС, в 1915 г.— экономическое отд-ние Политехнического ин-та, учился в СПбДА. Был иподиаконом Гдовского еп. сщмч. *Вениамина (Казанского)*. 4 окт. 1915 г. рукоположен во диакона, 21 дек. 1915 г.— во иерея, служил в ц. Преображения Господня (Спасо-Колтовской) в С.-Петербурге. В 1916–1918 гг. преподавал Закон Божий в местной церковноприходской школе и ряде городских уч-щ. Арестован 25 сент. 1918 г., заключен в Петропавловскую крепость, через месяц освобожден без вынесения приговора. В 1919 г. возведен в сан протоиерея. С 25 февр. 1919 по 8 февр. 1930 г. В. являлся настоятелем ц. свт. Николая Чудотворца на Петровском о-ве. В 1918–1919 гг. служил в ревизионной комиссии, в 1921–1922 гг. работал в ремонтных мастерских.

Сщмч. Викторин Добронравов. Фотография. 20-е гг. XX в. (Архив ПСТБИ)

12 дек. 1927 г. В. посетил митр. *Сергия (Страгородского)* в составе

делегации ленинградских иосифлян, призывавших Заместителя Патриаршего Местоблюстителя «отказаться от намечающегося курса порабощения Церкви государством». 26 дек. В. отделился от митр. Сергия, стал одним из активных деятелей иосифлянского движения, пользовался популярностью в среде интеллигенции. После закрытия ц. свт. Николая с февр. по апр. 1930 г. В. служил в храме вмч. Пантелеимона на Пискарёвке, с апр. 1930 г. совершал богослужения в квартирах духовных детей, окормлял часть сестер закрытого *с.-петербургского во имя прп. Иоанна Рыльского мон-ря*. Летом 1930 г. ездил в Саров и Дивеево, где исцелился от гангрены ноги; в том же году навещал отбывавшего ссылку в *Моденском мон-ре* митр. *Иосифа (Петровых)*. В. выступал против регистрации приходских советов иосифлянских церквей.

В сент. 1930 г. В. был арестован по делу «Ленинградского филиала Истинно-Православной церкви». Виновным в предъявленных обвинениях себя не признал. 8 окт. 1931 г. приговорен Коллегией ОГПУ к 10 годам лагерей, отбывал срок в Беломоро-Балтийском и Сибирском ИТЛ сначала на общих работах, после окончания фельдшерских курсов работал фельдшером. Освобожден досрочно 7 дек. 1936 г. Поселился на хут. Гнёздышко Оксочского сельсовета Окуловского р-на Ленинградской (ныне Новгородской) обл., работал в областном детском интернате им. Ушинского в с. Оксочи. Совершал тайные богослужения, на к-рые приезжали иосифляне в т. ч. из Ленинграда.

Вновь арестован 6 авг. 1937 г., обвинен в членстве в «контрреволюционной монархической организации» и в «антисоветской пропаганде» среди работников интерната, содержался в Боровичской тюрьме. В Боровичскую тюрьму по данному делу был помещен 31 «член контрреволюционной организации», от арестованных пытками добивались признания в «антисоветской деятельности». Один обвиняемый умер во время следствия, 24 признали вину, шестеро, в т. ч. В., ее категорически отвергли. Священномученик был расстрелян по приговору особой тройки УНКВД по Ленинградской обл. от 15 дек. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 25 марта 2004 г. В 1981 г. В. был канонизирован *Русской православной Церковью за границей*.

Арх.: Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П–77463, П–83017; ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 102–104; *Андреева М. Ф., Можанская А. Ф.* По прочтении «Синодика». СПб., 2000. Ркп. С. 7, 8, 13, 14.

Ист.: Предсмертный дневник прот. Иоанна Смолина. Джорд., 2000. С. 1, 18–20, 31; «Я иду только за Христом...»: Митр. Иосиф (Петровых), 1930 г. / Публ. А. Мазырина // Богосл. сб. / ПСТБИ. 2002. № 9. С. 388–390, 399, 412, 422.

Лит.: Житие сщмч. прот. Викторина Добронравова. Сидней, 1991; Житие сщмч. прот. Викторина Добронравова // Правосл. Русь. 1991. № 8. С. 3–8; *Антонов В. В.* Два петроградских исповедника // Рус. пастырь. 1996. № 2. С. 21–27; Синодик СПб. епархии. С. 46; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 8, 15, 143, 161–164, 177, 306, 307, 372; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы С.-Петербурга 1917–1945 гг.: Справ. СПб., 1999. С. 168–169; *Цыпин.* История РЦ. С. 168, 170–172; Сщмч. прот. Викторин Добронравов (1889–1937): Память 15/28 дек. // Церк. вести. СПб., 2004. № 4.

М. В. Шкаровский

ВИКТОРИ́Н [Виктор], мч. (пам. греч. 18 февр.) — см. в ст. *Агапит*, еп. Синадский.

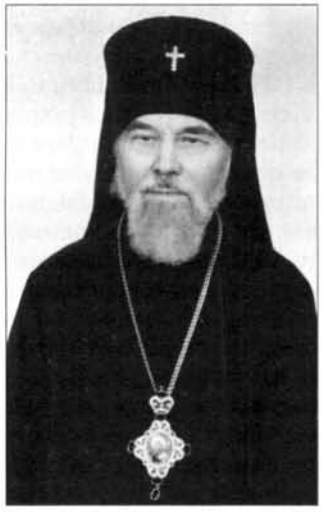
ВИКТОРИ́Н, мч. (пам. 18 дек.)— см. в ст. *Севастиан*, мч., и др. мученики.

ВИКТОРИ́Н (2-я пол. XIX в.— 1914, Коневецкий мон-рь), иером., духовный композитор. Начал свое монашеское послушание в Нов. Афоне в Симоно-Кананитском монре. В кон. 90-х гг. XIX в. или в нач. 1900-х гг. перешел в *Коневецкий в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-рь* на Ладожском оз., но большую часть времени провел в С.-Петербурге, живя на подворье этого мон-ря. С 1894 и до кон. 1900-х гг. издал в С.-Петербурге на собственные средства большое количество духовно-муз. сочинений и переложений (знаменного, киевского и греч. распевов, афонского и коневского напевов), в основном для 3-голосного муж. (2 тенора и бас) и смешанного хоров: песнопения литургии, всенощной, задостойники, песнопения Пасхи, Великого Поста, праздников, тропари и кондаки святым и проч. (всего в 2 сериях 105 и 136 произведений, составивших 17 авторских сборников). Сочинения В. благодаря активному распространению автором, отчасти бесплатно, имели определенный успех в хорах любителей, хотя художественной ценности не имели, являясь по существу типично «регентскими». По сообщению муз. печати тех лет, В. был лично известен высоким особам.

Лит.: *Лисицын.* Обзор. С. 102–107; *Ф. В[ладимирский].* [Библиогр. заметка] // РМГ. 1907. № 32/33. Стб. 714–715; *Фуга [Дановский В. И.].* Между прочим // ХРД. 1909. № 11. С. 279–281.

Д. С. Семёнов, А. А. Наумов

ВИКТОРИ́Н (Беляев Владимир Васильевич; 4.06.1903, с. Блошники Витебской губ.— 16.03.1990, Вильнюс), архиеп. бывш. Виленский и Литовский. В 1924 г. окончил Виленскую ДС. В 1924–1928 гг. нес послушание псаломщика в храмах

Викторин (Беляев), архиеп. Виленский. Фотография. Сер. 80-х гг. XX в.

городов Лида, Сморгонь и в Пречистенском кафедральном соборе Вильны. После вступления в брак, 27 апр. 1928 г. Виленским и Лидским архиеп. *Феодосием (Феодосиевым)* был рукоположен во диакона, 29 апр.— во иерея к Пречистенскому собору. В 1931 г. окончил богословский фак-т Варшавского ун-та. В 1940–1945 гг. служил в виленской ц. во имя мц. Параскевы Пятницы, затем являлся настоятелем Покровской ц. в с. Олекшицы Гродненской обл. В 1946–1953 гг. служил в Покровском кафедральном соборе в Гродно, в 1953 г. назначен в клир Всехсвятского кафедрального собора Тулы. В 1955–1960 гг. служил в г. Алексине Тульской обл., в 1960–1966 гг.— в Преображенском кафедральном соборе в Иванове. В 1962 г. окончил экстерном МДА со степенью канд. богословия за соч. «Рас-

крытие догмата о Св. Троице в творениях святителей Василия Великого и Григория Богослова». В 1966 г. назначен ключарем, затем настоятелем Всехсвятского собора в Туле, исполнял послушания секретаря Тульского ЕУ, члена епархиального совета, заведующего пенсионными делами Тульской епархии, с 3 февр. 1970 г. благочинный храмов 1-го округа Тульской епархии.

31 мая 1973 г. по пострижении в монашество определен быть епископом Пермским и Соликамским. 1 июня 1973 г. он принял монашеский постриг с именем Викторин и возведен в сан архимандрита. Хиротония, к-рую возглавил Патриарх *Пимен (Извеков)*, состоялась 3 июня 1973 г. в Богоявленском соборе Москвы. 3 сент. 1974 г. В. был назначен на Венскую и Австрийскую кафедру, однако из-за состояния здоровья епископа назначение было отменено. С 13 марта 1975 г. епископ Алексинский, викарий Тульской епархии. С 11 июня 1977 г. епископ Тульский и Белёвский. 19 апр. 1978 г. переведен на Виленскую и Литовскую кафедру, 9 сент. 1982 г. возведен в сан архиепископа. В сент. 1980 г. в составе делегации РПЦ В. принимал участие в Конференции лютеранских церквей Европы, проходившей в Таллине. Награжден орденами прп. Сергия Радонежского 2-й степени (1983), равноап. кн. Владимира 1-й степени (1988).

10 апр. 1989 г. в связи с преклонным возрастом и состоянием здоровья В. был почислен на покой, жил в *вильнюсском в честь Сошествия Св. Духа муж. мон-ре*. Погребен в склепе под Духовским собором мон-ря.

Арх.: Архив МП. Личное дело.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Викторина (Беляева) во еп. Пермского и Соликамского // ЖМП. 1973. № 7. С. 11–14; Архиеп. Викторин: Некролог // Там же. 1991. № 3. С. 43.

В. В. Тюшагин

ВИКТОРИ́Н (Любимов Валентин Дмитриевич; 17.04.1821, с. Лисино Калужского у. и губ.— 21.08. 1882, г. Каменец-Подольск), еп. Подольский и Брацлавский. Из семьи священника. Обучался в Калужской ДС, по окончании к-рой в 1843 г. был рукоположен во иерея. В 1848 г. в Боровске во время эпидемии чумы бесстрашно причащал умирающих и снискал уважение горожан. После смерти жены 30 янв. 1850 г. был принят в братию *Пафнутиева боровского в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря*. 19 сент. того же года поступил в СПбДА. 20 окт. 1852 г. принял монашеский постриг. По окончании курса 31 окт. 1853 г. определен инспектором в Смоленскую ДС. 18 апр. 1855 г. получил

Викторин (Любимов), еп. Подольский. Фотография. 1882 г. (РГИА)

степень магистра, защитив дис. «Влияние Церкви на частную и общественную благотворительность». 14 апр. 1857 г. возведен в сан архимандрита. 15 сент. того же года определен в СПбДА бакалавром и преподавателем нравственного и пастырского богословия, 13 нояб. назначен инспектором. Строгость В. навлекла на него неприязнь со стороны студентов академии, и 29 окт. 1858 г. он был переведен в Кострому ректором ДС и настоятелем *Богородицко-Игрицкого мон-ря*. 30 нояб. 1860 г. последовал перевод в Тифлис ректором ДС и настоятелем *тифлисского в честь Преображения Господня мон-ря*. С 24 дек. того же года В. состоял членом *Грузино-Имеретинской синодальной конторы*.

21 авг. 1868 г. В. определено быть епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии, 3 нояб. состоялась хиротония. 7 дек. 1874 г. получил в управление Полоцкую кафедру. 6 марта 1882 г. перемещен в Каменец-Подольск. Погребен в Казанском соборе Каменца-Подольска.

Большое количество статей В. печаталось в журналах *«Христианское чтение»* и *«Православный собеседник»*. Преобладающими темами статей являлись советы духовенству в деле проповедничества и наставления народа в правосл. вере. В. редактировал перевод трудов свт. Иоанна Златоуста. Широкую известность приобрела составленная им по звуковой методике «Азбука по новому способу обучать детей грамоте» (СПб., 1867), к-рая с 1871 по 1892 г. выдержала 10 изданий (с 5-го заглавие: «Азбука русского и церковнославянского языка...»).

Соч.: Иисус Христос есть истинный Бог наш. СПб., 1858; Истинный друг духовного юноши: Практ. наставления воспитанникам духовных училищ. СПб., 1858; Темы для поучений к простому народу: Пособие проповедникам. СПб., 1858; К вопросу об улучшении быта православного духовенства в России // ХЧ. 1864. Ч. 1. Март. С. 355–377; Апр. С. 465–492; Соображения о способах к успешному привлечению некрещенных инородцев к вере Христовой // ПС. 1871. Т. 1. С. 50–72; Слово о пособии голодающим самарцам // Там же. 1874. Т. 1. С. 257–261; О превосходстве христианства над мухаммеданством // Там же. Т. 3. С. 248–279 (отд. изд.: Каз., 1874, 1882², 1910); Законоучителям нар. школ Полоцкой епархии [предложения] // Полоцкие ЕВ. 1874. № 1–3; Понятие о женщине и быт ея у мухаммедан и христиан // ПС. 1875. Т. 1. С. 85–98 (отд. изд.: Каз., 1875).

Арх.: *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Л. 77. Лит.: *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. С. 74–75; *Гараший А.* Об азбуке архим. Викторина по новому способу обучения детей грамоте // ПО. 1871. Т. 3. № 9. С. 714–724; 1876. Май. С. 372–376; Некролог // Странник. 1882. № 10. С. 324–325; Кончина преосв. Викторина, еп. Подольского // ЦВ. 1882. № 35. С. 12.

А. И. Алексеев

ВИКТОРИ́Н, ВИ́КТОР, НИКИ́ФОР, КЛА́ВДИЙ [Клавдиан], **ДИОДО́Р** [Диоскор], **СЕРАПИО́Н** [Сарапион], **ПА́ПИЙ** [греч. Βικτωρῖνος (Οὐϊκτωρῖνος), Βίκτωρ, Νικηφόρος, Κλαύδιος (Κλαυδιανός), Διόδωρος, Σεραπίων (Σαραπίων), Παπίας] († 251 или 258), мученики (пам. 31 янв., 10 марта, пам. греч. 5 апр., пам. зап. 25 февр.). Согласно греч. житиям, пострадали в Коринфе при имп. Деции (или Валериане) и анфипате Тертии, вскоре после мученической кончины *Кодрата*, мч. Коринфского. За исповедание христ. веры Викторин, Виктор и Никифор были истолчены в каменной ступе, Клавдий умер после отсечения рук и ног, Диодор, приговоренный к сожжению на костре, сам добровольно вошел в огонь. Серапион был обезглавлен, а Папий утоплен в море.

Сохранились сир. житие (BHO, N 1245) и краткие греч. жития мучеников (31 янв.) в составе Минология

Василия II, кон. X — нач. XI в. (PG. 117. Col. 283), и Синаксаря К-польской ц. X в. (SynCP. Col. 435–436). Лат. источники (25 февр.) относят время их страдания к правлению имп. Нумериана (284) и считают местом их мученической кончины Диосполь в Египте, а не Коринф (лат. житие и мартирологи). Мартиролог Адона называет имп. Нерона (видимо, ошибочно вместо Нумериана). В зап. календарях их память указывается 25 февр. (Мартирологи Иеронима, Римский, Узуарда и др.). По мнению Л. Дюшена, несохранившееся древнейшее житие мучеников наиболее верно отражено в сир. и наименее точно в лат. агиографических сочинениях.

В наст. время РПЦ и Греческие Церкви празднуют их память 31 янв., а РПЦ еще и 10 марта, в день памяти Кодрата, наиболее чтимого из коринфских мучеников. Во мн. визант. рукописях их память отмечалась 5 апр. (Минеи служебные Sinait. gr. 613, XI в., Sinait. gr. 614, 1049 г., Синаксари Paris. gr. 1617, 1071 г., Петров Синаксарь 1249 г., стишной синаксарь *Христофора Митилинского* XI в.— *Cristoforo Mitileneo*. Calendari. T. 1. P. 418, 421–422) и впосл. вошла в печатную Минею (Венеция, 1596) и совр. календарь Греческих Церквей.

В древнерус. рукописях краткое житие мучеников содержится в Прологах под 31 янв. (РНБ. Соф. № 1324, кон. XII — нач. XIII в., а служба — под 5 апр. (Минея служебная. ГИМ. Син. № 165, XII в., канон, составленный прп. Иосифом Песнописцем).

Этих мучеников не следует смешивать с группами одноименных святых: Виктором, Викторином, Клавдианом и Вассой, мучениками Никомидийскими (пам. зап. 6 марта), и Папием, Диодором и Клавдианом, пострадавшими при Деции в Аттали в Памфилии (М. Азия) (BHG, N 2071, пам. 3 февр., пам. визант. 4, 8 и 29 февр., пам. зап. 26 февр.).

Ист.: BHO, N 1245; ActaSS. Febr. T. 3. P. 489; Mart. T. 2. P. 4–8, 696–700; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 3. Σ. 196–197; Т. 4. Σ. 189; ЖСв. Янв. Ч. 2. С. 455; Март. С. 205; *Poncelet A.* Passio Sanctorum Martyrum Victorini, Victoris et aliorum, quod est V kalendas martii // AnBoll. 1909. Vol. 28. P. 468–470.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 30, 69, 99–100; Т. 3. С. 47; *Duchesne L.* In Aegypto: Une fabrique de fausses légendes égyptiennes // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1918/1919. Vol. 37. P. 179–199; *Delehaye H.* Les Martyrs d'Égypte // AnBoll. 1922. Vol. 40. P. 51–53; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 369; *Sauget J.-F.* Vittorino, Vittore, Niceforo, Claudio, Diodoro, Serapione e Papia // BiblSS. Vol. 12. Col. 1308–1309.

Э. П. А.

ВИКТОРИ́Н МА́РИЙ [Гай Марий Викторин; лат. Gajus Marius Victorinus] (между 281 и 291, Сев. Африка — между 382 и 386, Рим), богослов, философ и ритор.

Жизнь. В. М. род. в рим. пров. Африка, где получил хорошее риторическое образование, начал преподавательскую деятельность и женился. Ок. 340–350 гг. переселился в Италию, сначала, вероятно, в Медиолан (совр. Милан), затем в Рим, где преподавал риторику и др. «свободные искусства» (см. *Artes liberales*), стал наставником знатных сенаторов и в 354 г. за свою ученость удостоился статуи на рим. форуме. В это время В. М. был ревностным язычником. Позже он внимательно изучал Свящ. Писание и нек-рые христ. сочинения, но вступление в Церковь откладывал, ссылаясь на то, что он христианин в душе. Будучи уже в преклонном возрасте, ок. 355 г., после краткого оглашения он принял св. Крещение. Его открытое исповедание веры стало всеобщим торжеством рим. христиан над язычниками. В. М. еще нек-рое время продолжал преподавать риторику, но все свободное время посвящал полемике с *арианством* и защите правосл. веры в единосущие Отца и Сына. В период между 358 и 362 гг. он написал основные догматико-полемические трактаты. Эти сочинения базируются на обширных знаниях автором грамматики, риторики, логики и философии: В. М. стал первым в истории лат. богословия метафизиком, попытавшимся разрешить сложнейшие богословские проблемы, опираясь не только на христ. традицию, но и на лучшие достижения античной мысли. После издания в 362 г. эдикта имп. *Юлиана Отступника* о запрете христианам получать классическое образование В. М. оставил преподавание и посвятил остаток жизни толкованию Посланий ап. Павла. Сведения о жизни В. М. представлены в свидетельствах блаженных *Иеронима Стридонского* (*Hieron.* De vir. illustr. 101) и *Августина* (*Aug.* Confess. VIII 2. 3–5).

Сочинения. В. М.— автор более 20 сочинений, написанных как до его обращения в христианство, так и после. Они отличаются тематическим и жанровым разнообразием: переводы, комментарии, самостоятельные трактаты, религ. гимны; часть сочинений не сохранилась. Тематически сочинения делятся на 4 группы: грамматико-риторические, логические, философские и богословские. Последние состоят из догматико-полемических и экзегетических.

Грамматико-риторические. «Ars Grammatica» (Наука грамматики, до 358) представляет собой компиляцию греч. и лат. школьных учебников (Коминиана, *Полемона*, Веррия Флакка). Дошедшая до наст. времени 1-я часть этого сочинения включает главы о грамматике как науке, звуке, буквах, правописании и слогах; впосл. она была присоединена (возможно, самим В. М.) к учебному пособию по метрике, составленному неким Элием Фестом Афтонием, современником В. М.

«Explanationes in Ciceronis Rhetoricam» (Объяснения «Риторики» Цицерона, в 2 кн.). Это толкование имеет дидактическую направленность. Многочисленные отступления от комментируемого текста позволяют частично реконструировать религиозно-философское учение В. М. до его обращения в христианство. Вероятно, именно это сочинение имел в виду *Кассиодор*, упоминая о подробных толкованиях В. М. раннего риторического трактата *Цицерона* «De inventione» (О нахождении) (*Cassiod.* De artib. II // PL. 70. Col. 1164).

Логические. На основании свидетельств *Марциана Капеллы, Боэция* и Кассиодора (в частности, *Cassiod.* De artib. III // PL. 70. Col. 1167–1203, особенно 1202–1203) исследователи пришли к выводу, что В. М. принадлежат след. сочинения. I. Переводы с греч. языка на латынь: трактатов *Аристотеля* «Категории», «Об истолковании», не сохранились; «Введения» *Порфирия* к «Категориям» Аристотеля, сохранился частично в составе комментария Боэция на «Введение» (*Boetius.* Dial. in Porphyr.).

II. Комментарии: на «Категории» Аристотеля, в 8 кн., не сохранились; на «Топику» Цицерона, не сохранились, упоминаются у Боэция (*Boetius.* In Top. Cic. I // PL. 64. Col. 1041), Кассиодора (*Cassiod.* De artib. III // PL. 70. Col. 1173–1175) и Марциана Капеллы (*Mart. Cap.* De nupt. V 474–501).

III. Трактаты. Известны 2 самостоятельных логических сочинения

В. М., являющиеся своего рода приложениями к его комментарию на «Топику» Цицерона: «De syllogismis hypotheticis» (О гипотетических силлогизмах), не сохранились; о них упоминает Кассиодор (De artib. III // PL. 70. Col. 1173; In Psalm. VII 5 // PL. 70. Col. 69); «De definitionibus» (Об определениях), небольшой трактат, для составления к-рого автор скорее всего пользовался каким-то греч. источником. Об этом трактате упоминает Боэций (In Top. Cic. I // PL. 64. Col. 1098; 1100B), резюме трактата дает Кассиодор (De artib. III // PL. 70. Col. 1173–1175).

Философские. По свидетельству блж. Августина, В. М. перевел на латынь «книги [нео]платоников» (libri platonicorum — *Aug.* Confess. VIII 2. 3; VII 9. 13), ни один из этих переводов не сохранился. Большинство исследователей согласны в том, что «libri platonicorum» В. М. включали тексты *Плотина* и его ученика Порфирия. В качестве вероятных текстов называются отдельные трактаты из «Эннеад» Плотина (*Plot.* Enn. I 2, 6, 8; IV 4; V 2; VI 3); избранные отрывки из «Эннеад» с комментариями Порфирия; «Sententiae ad intelligibilia ducentes» (Отправные положения к умопостигаемому) и «De regressu animae» (О возвращении души) Порфирия.

Богословские. I. Догматико-полемические сочинения В. М., посвященные гл. обр. триадологии, были написаны ок. 358–363 гг. Поводом к их написанию послужили арианские споры.

1. Цикл сочинений «Opus ad Candidum» (Сочинение к Кандиду), написанный в форме переписки В. М. с Кандидом, скорее всего вымышленным персонажем, состоит из 4 частей, к-рые впосл. стали рассматриваться как отдельные трактаты: 1) «Candidi Ariani ad Marium Victorinum rhetorem Liber de Generatione Divina» (Книга Кандида, арианина, к ритору Марию Викторину о Божественном рождении, 357–358).

2) «Marii Victorini rhetoris urbis Romae ad Candidum Arianum Liber de generatione Divini Verbi» (Книга Мария Викторина, римского ритора, к Кандиду, арианину, о рождении Божественного Слова, 357–358), ответное послание В. М., в к-ром он опровергает арианские взгляды на тварность Сына Божия (*Mar. Vict.* De gen. Div. Verbi. 24–30) и касается вопроса о Св. Духе (Ibid. 31. 3–13).

3) «Candidi Ariani Epistola ad Marium Victorinum» (Послание Кандида, арианина, к Марию Викторину, 358), в к-ром приводится лат. перевод послания *Ария* к *Евсевию,* еп. Никомидийскому, и последнего к *Павлину,* еп. Тирскому.

4) «Adversus Arium Liber primus» (Против Ария книга первая, кон. 358 — нач. 359). Состоит из 4 основных частей. В 1-й части (Adv. Ar. I 2. 1–28. 7) В. М. развивает доказательства Божественности Сына на основании свидетельств Свящ. Писания; во 2-й (Ibid. I 28. 8 — 32. 15) — опровергает учение «омиусиан» («подобосущников», см. в статьях *Арианство, Подобосущный*); главным его оппонентом здесь является *Василий,* еп. Анкирский. В 3-й части (Ibid. I 32. 16 — 43. 34) В. М. доказывает *единосущие* (ὁμοούσιον) Сына и Отца на основании имен Сына, к-рые использовали и омиусиане. После общего заключения (Ibid. I 43. 35–43) в 4-й части автор приводит анафематизмы различных ересей (Ibid. I 44. 1 — 45. 48), в конце дает пространное исповедание веры (Ibid. I 46. 1 — 47. 46).

2. Цикл сочинений из 5 трактатов, объединенных идеей логически обосновать, что нек-рые выражения, с к-рыми были согласны все богословские партии, подразумевают понятие единосущия. 1) «Adversus Arium Liber primus» (Против Ария книга первая (продолжение предыдущего трактата), 359) состоит из 4 основных частей. В 1-й части (Ibid. I 49. 1 — 53. 31) В. М. дает определение 5 Божественным именам Сына в свете отношений между Богом и Λόγος'ом. Во 2-й (Ibid. I 54. 1 — 58. 36) — ставит вопрос о том, в каком смысле Божественные имена суть общие, а в каком — особенные. В 3-й части (Ibid. I 59) делаются выводы о единосущии Св. Троицы. В 4-й (Ibid. I 60. 1 — 64. 30) автор обращается к человеческой душе как образу Λόγος'а.

2) «Adversus Arium Liber secundus» (Против Ария книга вторая, кон. 359 — нач. 361) представляет собой дискуссию с «омиями» (см. в статьях *Арианство, Подобосущный*), одержавшими верх над «омиусианами» на *Аримино-Селевкийском Соборе* (359). В. М. отстаивает возможность использования терминов οὐσία и ὁμοούσιος (Ibid. II 3–12), объясняет их содержание, особенности употребления термина οὐσία и его производных в Свящ. Писании. Заканчивается книга кратким исповеданием веры (Ibid. II 12).

3) «Adversus Arium Liber tertius» (Против Ария книга третья, 362), главное догматическое сочинение В. М., в к-ром он соединил богатство библейского богословия свт. *Афанасия I Великого* с глубиной плотиновской метафизики. В. М. рассуждает здесь о единосущии Пресв. Троицы как Божественной триады бытие — жизнь — мышление (Ibid. III 4. 6 — 17. 9). Трактат не имеет полемической направленности, свойственной предыдущим книгам.

4) «Adversus Arium Liber quartus» (Против Ария книга четвертая, 362) затрагивает вопрос о Боговоплощении (Ibid. IV 7. 1–22, 32. 14 — 33. 25). Заканчивается книга исповеданием единосущия Пресв. Троицы (Ibid. IV 33. 26–45).

5) «De homoousio recipiendo» (О необходимости принятия [термина] «единосущие», кон. 363), небольшой трактат, написанный в ответ на решения Аримино-Селевкийского Собора, в поддержку *Вселенского I Собора,* адресован тем, кто был введен в заблуждение *Валентом и Урсакием* и находился под влиянием богословия «омиев». Трактат представляет собой краткое резюме 2-й кн. В. М. «Против Ария».

3. Цикл гимнов о Св. Троице (355–359 или 363), известный под названием «Liber de Trinitate» (Книга о Св. Троице). 1-й гимн по содержанию и структуре близок 3-й кн. «Против Ария» и посвящен осмыслению тайны Св. Троицы в философских терминах.

2-й гимн, к-рый в рукописной традиции и по хронологии идет 1-м, был составлен, вероятно, сразу после обращения В. М. в христианство (Hymn. II 38). Это — молитва В. М., имеющая своим источником веру в единосущие Отца и Сына; роль рефрена в ней играет литургическая молитва «Miserere Domine! Miserere Christe!» (Господи, помилуй! Христе, помилуй!). Явные параллели с этим гимном имеют 1-й и 2-й гимны *Синесия Киренского.*

3-й, самый большой, гимн в качестве рефрена имеет слова «O beata Trinitas» (О, блаженная Троица), к-рые созвучны последним словам 1-го гимна В. М.: «Haec est beata Trinitas» (Сия есть блаженная Троица).

II. Экзегетические сочинения В. М., написанные после 363 г., представляют собой толкования Посланий

ап. Павла к Галатам (In Galat.), в 2 кн., Филиппийцам (In Philip.) и Ефесянам (In Ephes.), в 2 кн. Возможно, что он составил также не дошедшие до наст. времени толкования Посланий к Римлянам и Коринфянам. Это первые лат. толкования Посланий ап. Павла. В рукописях встречается немало лакун (*Hadot.* 1971. P. 287). Хотя в экзегезе В. М. стремился к простоте, его толкования часто отличаются абстрактно-философским характером. Он практически не применяет метод типологии и аллегории (Ibid. P. 289–292). Основные богословские темы толкований В. М.: соотношение Закона и благодати, оправдание через веру, тайна спасения человека, Пресв. Троица.

Спорные и подложные. I. Грамматико-риторические: «De ratione metrorum» (О принципах стихотворных размеров), «De finalibus metrorum» (или «De hexametro versu sive heroico», Об окончаниях метров, или О гекзаметрическом или героическом стихе), «De metrica institutione» (Наставления в метрическом искусстве; изд. в: *Keil H.* Grammatici latini. In 8 Bde. Lpz., 1874. Bd. 6. S. 206–215), а также фрагмент «De soloecismo et barbarismo» (О солецизмах и варваризмах; изд. в: *Niedermann M.* Consentii Ars de barbarismis et metaplasmis. Neuchâtel, 1937. S. 32–37).

II. Богословские. Резко отличающиеся по стилю и содержанию от др. богословских сочинений В. М. трактаты: «Ad Justinum Maniheum» (К Иустину манихею — PL. 8. Col. 999–1010) и «De verbis Scripturae: Factum est vespere, et factum est mane dies unus» (О словах Писания: «И был вечер, и было утро: день один» — PL. 8. Col. 1009–1014), возможно принадлежащие *Викторину Петавскому*. А также трактат «De physicis» (О природе — PL. 8. Col. 1295–1310), написанный неизвестным автором.

Учение. ***Источники.*** Подразделяются на 3 основные группы: аристотелевская и стоическая логика, неоплатоническая философия, христ. богословие. Рим. стоицизм, в особенности Цицерон, оказал влияние на В. М. прежде всего в области риторической техники и этики. Из аристотелевской логики, переосмысленной в стоической (Цицерон) и неоплатонической (Порфирий) традициях, В. М. берет категориальный аппарат и правила доказательств. Основное влияние на его богословие оказала неоплатоническая философия Плотина и Порфирия. В богословских трактатах и толкованиях В. М. встречаются заимствования и прямые цитаты из плотиновских «Эннеад» (*Mar. Vict.* Adv. Ar. I 30, ср.: *Plot.* Enn. VI 3; Adv. Ar. I 49, ср.: Enn. III 8. 9; Adv. Ar. IV 5, ср.: Enn. III 5. 9; Adv. Ar. IV 21, ср.: Enn. V 1. 6; Adv. Ar. IV 22. 8, ср.: Enn. V 2. 1; *Mar. Vict.* In Galat. 4. 3, ср.: Enn. IV 4). Однако в целом неоплатонизм В. М. не был плотиновским: греч. лексика, к-рую он использует, не свойственна Плотину, а основные элементы учения восходят к Порфирию (*Hadot.* 1968. T. 1. P. 79–143; 1971. P. 203). На мысль В. М. повлияли также анонимный неоплатонический комментарий на «Парменида» *Платона* и *«Халдейские оракулы»*, откомментированные Порфирием. На антиарианское богословие В. М. наибольшее влияние оказали Василий и *Маркелл,* епископы Анкирские (Ibid. P. 271–273, 282), свт. Афанасий Великий (*Mar. Vict.* Adv. Ar. III, ср.: *Athanas. Alex.* Ad Antiochenos; Adv. Ar. I 21. 41, 30. 8, 32. 24, 41. 9–18, ср.: *Athanas. Alex.* De Synod. 53), возможно, Фебадий и *Григорий,* еп. Эльвирский. На экзегетику В. М. определенное влияние оказал *Ориген* (*Hadot.* 1971. P. 282).

Богопознание. Согласно В. М., существуют 2 вида богопознания — мудрость и откровение (sapientia et revelatio): «Или мы сами познаем Бога и обретаем познание о Божественном, или же [получаем] некое откровение, то есть как бы внешнее наставление, которое показывает нам Бога и все Божественное» (In Ephes. 1. 18). Христ. совершенство, согласно В. М., предполагает наличие 3 составляющих: веры, знания и любви (Ibid. 3. 18–19; Adv. Ar. I 58). Иметь веру во Христа как истинного Сына Божия, в Его воплощение, распятие, смерть и воскресение, означает приобрести «духовные чувства», надежду на спасение (Adv. Ar. II 1; In Galat. 1. 6 ; In Ephes. 1. 4). Тот, кто верит, приходит к познанию, за познанием следует любовь Христова, к-рая возвышает и освобождает души (Ibid. 3. 18–19).

Однако Бог Сам по Себе превосходит все представления человека о бытии и познании и поэтому остается совершенно непостижимым (Adv. Ar. IV 23. 34; Hymn. III 226). Хотя человек имеет веру в Бога, тем не менее пребывает в совершенном неведении (omnigenam ignorantiam) о Нем, точнее, о том, что́ такое Бог (quid sit) и ка́к Он существует (quomodo sit — De gen. Div. Verbi. 32). Бог познается скорее с помощью некоего сверхмышления (praeintellegentia — Adv. Ar. IV 19. 10, 26. 10). В. М. следует здесь апофатическому методу (см. *Апофатическое (отрицательное) богословие*), к-рый он заимствовал у неоплатонизма; В. М. первым среди зап. богословов стал применять его в решении богословских проблем.

В то же время В. М. признает, что хотя познать Бога трудно, но не невозможно (Ibid. III 6. 2–3). Бога можно познать в Его Логосе, Который есть Его явленный Образ (forma apparens, imago Dei) и поэтому доступен мышлению и познанию (Ibid. IV 20. 21–24, 26. 11–13; ср.: II 4. 19–21; III 6. 5–7). С субъективной стороны познание Бога возможно потому, что человек наделен умом, и в его душе запечатлены образы вечных истин, познаваемые через просвещение благодатью Св. Духа (De gen. Div. Verbi. 1, 32; In Ephes. 1. 17–18).

Учение о Боге. I. Пресущественность и вышебытийность Бога. Применяя в рассуждении о Боге апофатический метод, В. М. приходит к заключению, что «Бог называется несуществующим, несущностным, немыслящим и неживым, то есть без существования, без сущности, без мышления, без жизни, но не через лишение (per στέρησιν vel privationem), а благодаря превосходству (per supralationem)... Он не есть сущее (nec ὄν), а скорее предсущее (προόν)... предсуществующий, предживущий, предзнающий» (Adv. Ar. IV 23. 23–30; ср.: IV 26. 7–10; I 49. 9–26; De gen. Div. Verbi. 4. 11–16; Hymn. III 226–228). Бог называется не-сущим (μὴ ὄν) из-за того, что превосходит все сущее (De gen. Div. Verbi. 4, 13). Вслед за Плотином В. М. называет пресущественного и вышебытийного Бога Единым (unum) или Монадой (unalitas), поскольку Он не имеет совершенно никакого различия как единственное и простое Единое (unum solum, unum simplex — Adv. Ar. I 49; IV 22). Более того, Бог по Своему превосходству не может называться даже Единым и Единственным как пребывающий

до единого, единственного и сверх простоты, а также как Начало самого единого (Ibid. IV 19, 22, 23). Бог бесконечен, беспределен, бесформен, бескачествен, безвиден, невидим, неразличим (Ibid. I 49; IV 19; Hymn. III 227). Вместе с тем В. М. признает, что Богу присущи все те положительные определения, имена, к-рые открыты в Свящ. Писании и утверждаются в церковном Предании.

II. Триадология. 1. Тринитарные схемы. В изложении тринитарного догмата В. М. одновременно пользуется неск. схемами, к-рые не исключают, но скорее дополняют друг друга. Из корпуса его богословских сочинений можно выделить 3 тринитарные схемы.

1-я схема, наиболее близкая учению неоплатоников, используется В. М. очень редко. По ней, Бог как вышебытийное и пресущественное Единое проявляется в т. н. умопостигаемой триаде: бытии (esse, exsistentia), жизни (vita) и мышлении (intelligentia) (ср.: *Plat.* Soph. 248e–249a), к-рые являются Его вторичными проявлениями или исхождениями (egressus, progressus) и отождествляются с Лицами Св. Троицы. В Едином эти 3 свойства находятся в свернутом, потенциальном виде, как «внутренние и сокрытые», так что «до выступления во вне (ante egressum foras) не было ни Отца, ни Сына, но только одно само по себе Единое (unum ipsum solum)» (Adv. Ar. IV 26).

Во 2-й схеме сверхбытийное Единое не безлично, но отождествляется с одним из Лиц Св. Троицы – с Богом Отцом; умопостигаемая триада (бытие, жизнь и мышление) отождествляется прежде всего со Вторым Лицом, Богом Сыном, а через Него и с Третьим Лицом, Св. Духом. Согласно этой схеме, Бог Отец, чистое и нерожденное предсущее, предмышление и предсуществование, пребывающий в Себе и не отделяющийся от Самого Себя, Едино-Единое (unum unum) по причине простоты, соединил в Себе три силы в единстве: всецелое существование, жизнь и блаженство (мышление), к-рые в Нем суть простое Единое в возможности того, что есть бытие (quod est esse), жизнь и блаженство (Ibid. I 49–50, 52). В. М. особо усматривает здесь различие между Первым и Вторым Лицом: Бог Отец как всецело Предсущее (totum προόν) превосходит истинно Сущее (vere ὄν), т. е. Сына. Отец – потенция Самого Сущего (potentia ipsius τοῦ ὄντος), неким невыразимым движением породившая всесовершенное Сущее – Сына, Который Сам есть всецелое, всеобщее Сущее (totum ὄν, universale omnimodis perfectum ὄν), раскрывающееся в умопостигаемой триаде: существовании, жизни и мышлении (De gen. Div. Verbi. 2).

3-я схема – наиболее характерное выражение тринитарного учения В. М. Она представляет собой сокращенный вариант 1-й, в к-рой полностью снят ее высший апофатический элемент. Бог предстает здесь триединством бытия, жизни и мышления, к-рые являются вечными формами, идеями, силами Божиими и соответствуют Лицам Св. Троицы: как правило, но не всегда, бытие – Отцу, жизнь – Сыну, мышление – Св. Духу (Adv. Ar. III 4–17; ср.: I 63; IV 21, 25). Основанное на неоплатоническом представлении об «умопостигаемой триаде», это учение подкрепляется у В. М. антропологической аналогией – представлением о человеке как образе Божием.

2. Отец и Сын. 3-ю тринитарную схему В. М. дополняет учением о различии в Боге возможности и действительности. Богу Отцу, как чистому бытию, соответствуют понятия потенции, сокрытости и покоя (potentia, virtus, occultus, quietus), а Сыну, как раскрывающему это простое бытие в жизни и мышлении, соответствуют понятия формы, акта, проявления и движения (forma, actio, manifestatio, progressio, motus – Ibid. I 22, 27, 47; II 4. 19–21; III 2. 12 – 4. 5; IV 4, 16). Бог Отец есть носитель сущностного бытия (esse, substantia, exsistentia – Ibid. I 47; IV 30–31), Он есть «то, что есть», Он первичен по отношению к Сыну, потому что Он – «причина Слова в том, что касается Его (Слова.– *А. Ф.*) бытия, но не наоборот» (Ibid. I 27); Он – Его источник. Существование, жизнь и мышление находятся в Отце потенциально, «в скрытом виде», и «включены в существование, или скорее сами суть то же, что и существование (Ibid. IV 30). Богу Отцу свойственно находиться в покое (Ibid. I 27). Особенность Сына в том, что Он есть деятельность Отца (actio – Ibid. I 47) как жизнь и мышление (vita et νοῦς – Ibid. I 27; IV 30), или деятельное проявление Отчей потенции (potentia activa), дающее всему тварному соответствующую сущность, жизнь или способность познания (Ibid. I 47); существование, жизнь и мышление в Нем находятся как «в действующем акте, то есть в проявленном виде (in manifesto)» (Ibid. IV 30). Сын рождается от Отца «как акт из потенции, подобно тому, как зрение актуализируется из зрительной способности», способность пребывает в покое, а деятельность в движении (Ibid. I 40).

3. Единосущие Отца и Сына. В антиарианской полемике В. М. защищает и доказывает единосущие Отца и Сына разными способами. Так, если Бог есть, то Он есть или существенно (ἐνούσιος), или несущественно (ἀνούσιος); второе возможно допустить только в смысле Его превосходства над всеми остальными сущностями, а не потому, что Он лишен сущности. Вернее признать первое: Бог существует «существенно», т. е. Он есть сущность (οὐσία – Ibid. II 1. 23–35). Сущность же означает, что есть какая-то вещь (id quod est – Ibid. I 31. 1). Бог есть Свет. Но в Символе веры по отношению к Сыну сказано: Бог от Бога, Свет от Света. Поэтому Сын рожден из сущности Бога и есть той же самой сущности, что и Бог. Итак, Отец и Сын единосущны (Ibid. II 6. 20 – 7. 21). Для перевода греч. ὁμοούσιος В. М. первым стал использовать лат. термин «consubstantialis», занявший место прежнего выражения «unius substantiae» (Ibid. I 34. 9, 47. 10; II 12. 24; IV 10. 29). В. М. выделяет 3 значения термина «consubstantialis»: 1) «от той же самой сущности», 2) «в той же самой сущности», 3) «всегда вместе» (Ibid. II 12. 26–29; ср.: De hom. recip. 2. 30, 4. 14).

4. Сын и Св. Дух. Согласно В. М., в отличие от Бога Отца, пребывающего в покое и тождестве, Сын и Св. Дух – единое движение, но имеющее различную направленность: Сын – движение нисходящее (descensio), или исходящее от Отца, а Св. Дух – восходящее (ascensio), возвращающееся к своему источнику, Отцу. Сын есть Жизнь, оживотворенная Отцом, к-рая обратным движением (retro motae motionis) возвращается к Отцу уже как деятельная Сила. Жизнь – это нисхождение, а Премудрость – восхождение. Сын – движение в отношении жизни, Св. Дух – в отношении познания и мышления (Adv. Ar. I 58.

1–3), и Оба есть Дух, «в одном два» (Ibid. I 51. 1–28; ср.: III 8. 42–43). Это движение круговое (circularis motus), осуществляющееся вокруг единого центра — Бога Отца (Ibid. I 60. 1 — 61. 3), что выражено В. М. в неоплатонической формуле: «Пребывание — Исхождение — Возвращение (Status, Progressio, Regressus): О блаженная Троица» (Hymn. III 71). Можно вывести, что в представлении В. М. Св. Дух заключен в Сыне и существенно не отличается от Слова, посредством Которого Он получает все необходимые Божественные свойства, к-рые Слово имеет непосредственно от Отца (Adv. Ar. I 47. 31–33; IV 16. 25–28). Кроме того, Св. Дух вводится В. М. как связь (copula, conexio, communicatio) между Отцом и Сыном: «Ты, о Святой Дух,— пишет он,— есть связь; а связь есть то, что связывает Двух, и чтобы Тебе связывать всех, Ты прежде всего связываешь Двух, и Сам Ты есть Третье соединение Двух (complexio duorum); но и само Соединение не отступает от Единого, поскольку Ты делаешь Двух Единым» (Hymn. III 242–245).

5. Единство Св. Троицы. Тринитарное учение В. М., в целом, обосновывает единство Лиц Св. Троицы, Которые есть единый Бог (Adv. Ar. I 43. 6–7). Бог един, поскольку Он есть «сущность, обладающая формой и известная себе самой», где сущность — Бог Отец, ее форма — Сын, а ее понимание (notio) — Св. Дух (Hymn. III 146–149; ср.: II 4). В Боге три Лица суть одна неслиянная и нераздельная реальность, выражающаяся в бытии, жизни и мышлении. Хотя Божественные бытие, жизнь и мышление по отдельности — три, но каждое из них находится в др. (Adv. Ar. IV 21. 26–28). Так, если бытие живет, то существует в жизни; сама же жизнь не есть жизнь, лишенная мышления; поэтому одно есть в то же время и др. (Ibid. IV 5. 42–46; ср.: III 7. 2–4). Для пояснения этого В. М. прибегает к неоплатоническому учению о тождестве в различии (identitas in alteritate) и различии в тождестве (alteritas in identitate): Лица Св. Троицы «суть различные и иные, но в то же время, по некоторой общности суть и тождественные, и таким образом они одновременно и тождественные и иные (et eadem et altera); и это двояким образом: они или иные в тождественности или тождественные в инаковости» (Ibid. I 48. 22–26). В. М. приближается здесь к представлению о перихорезе, т. е. о взаимопребывании и взаимопроникновении Лиц Св. Троицы (особенно Отца и Сына) Друг в Друге (alter in altero — Ibid. I 16. 25–26, 37. 31, 42. 33–35, 43. 41–42; II 4. 23–29, 6. 19–26, 12. 6–7). В. М. была известна и греч. тринитарная формула «ἐκ μιᾶς οὐσίας τρεῖς εἶναι τὰς ὑποστάσεις» (из одной сущности суть три ипостаси), к-рую он перевел на латынь: «de una substantia tres subsistentias esse» (Ibid. II 4. 51–52; III 4. 34–35). Как он сам поясняет, «substantia» (οὐσία) означает «subiectum» (подлежащее), или «purum esse» (чистое бытие), а термин «subsistentia» (ὑπόστασις) — «esse formatum» (оформленное бытие — Ibid. II 4. 43–46, 49–50, 55–57). В Боге «то, что есть бытие (т. е. сущность), существует трояким образом: Сам Бог, Христос, т. е. Λόγος, и Св. Дух» (Ibid. II 4. 52). К этой формуле В. М. «подгоняет» свое учение о Св. Троице как умопостигаемой триаде: поскольку «бытие — то же, что жизнь и мышление, они по сущности (substantia) — одно, а по ипостаси (subsistentia) — три» (Ibid. III 4. 32–35). Кроме того, он переводит «ὑπόστασις» как «exsistentia» (существование), так что Отец, Сын и Св. Дух едины по одной и той же сущности (una eadem que substantia), но различны каждый по своему существованию (exsistentia unusquisque sua — Ibid. IV 33. 30–42).

В целом триадология В. М. обосновывает строгое единство и единосущие Лиц Св. Троицы, показывает Их теснейшее взаимопроникновение, а также, возможно, проливает свет на таинственные внутренние законы жизни Бога как Абсолютного Духа. Вместе с тем учение В. М. содержит и ошибочные положения. Во-первых, слабое обоснование ипостасности Лиц Св. Троицы, Их эсенциальность: Лица выступают как своего рода функции, свойства единой Божественной сущности (часто отождествляемой с Богом Отцом); здесь же проявляется смешение сферы домостроительства Божия (Христос — воплотившийся Логос) и триадологии. Во-вторых, Св. Дух из самостоятельного Лица превращается лишь в одну из составляющих бытия Сына как единого действия Отца. В-третьих, представление о Св. Духе как о связи между Отцом и Сыном есть смешение элементов *икономии* (учение о Боге в мире) и теологии (учение о Боге в Самом Себе) и создает предпосылки для *Filioque*.

Учение о творении и тварном мире. I. Мировой процесс. Творение не является чем-то необходимым, поскольку творческое действие происходит не из сущности, а из воли Бога, и само есть Его воля, проявленная вовне (De gen. Div. Verbi. 22. 8–10). В. М., как и неоплатоники, не проводит четкого терминологического различия между понятиями «рождение» (generatio) и «творение» (effectio, creatio), поэтому Бога он называет как Родителем и Отцом всего, так и Творцом (Ibid. 6. 2, 3–4; Adv. Ar. I 22. 43).

Учение В. М. о творении и спасении в значительной степени воспроизводит его учение о Св. Троице (*Hadot.* Introduction // SC. N 68. P. 82). Согласно В. М., история мира и его спасения задается нисходящим и восходящим движением Божества, к-рое есть таинство (mysterium). Посредством этого движения триипостасный Бог проявляет Свою внутреннюю жизнь сначала в умопостигаемом мире, а затем в чувственном, последовательно производя все формы тварного бытия. Нисходящее движение Логоса сообщает творению существование и жизнь (Adv. Ar. I 25. 13 — 26. 40, 47. 18–31; III 3. 12–23; IV 10. 45 — 12. 12; Hymn. I 13–16, 39–42, 47–48; In Ephes. 1. 22–23) и достигает кульминации в Воплощении, крайним пределом к-рого является Смерть и Крест (Adv. Ar. I 26; In Ephes. 1. 4; 4. 9–10). После этого начинается Его возвращение и восхождение: Христос уступает место Св. Духу, в Котором Он продолжает целиком присутствовать и Который одухотворяет все вещи, поскольку Он есть Дух и ипостасная Премудрость. Божественное движение сначала производит в мире различие, чтобы впосл. все объединить в тождестве; др. словами, оно проявляется вовне как природа, чтобы затем вернуться в себя как Дух.

II. Творческий акт. Хотя В. М. исповедует, что Бог Отец является Творцом неба и земли (Adv. Ar. I 47. 1; In Ephes. 1. 8), тем не менее он считает, что имя «Творец» (creator) подходит скорее Божественному Логосу, а через Него — Богу Отцу (Ibid. 3. 9). Это представление пол-

ностью соответствует учению В. М. о Сыне как Божественном Лице, образе движения и жизни, как о самой «Жизни, благодаря которой живет все» (Adv. Ar. I 51. 1–6), «источнике всех действий и первоначальном действии» (In Ephes. 1. 21–22), «источной жизни» (fontana vita — Adv. Ar. I 32. 76), «бесконечной жизни, которая в процессе оживотворения как бы проявилась вовне» (Ibid. I 51. 14–15; III 2–3; IV 12. 1–12). Сын все наделяет бытием, образом бытия, сущностью, качествами (In Ephes. 1. 8). Однако, согласно В. М., можно говорить о некоем распределении «функций» в творении между Лицами Св. Троицы: Отец повелевает сотворить, Сын творит, Св. Дух приводит к совершенству сотворенное (Hymn. III 105–107).

III. Возможность и действительность в творении. В. М. оспаривает традиц. мнение (*Theoph. Antioch.* Ad Autol. II 4, 10, 13; *Tertull.* Adv. Herm. 1, 14, 16), что мир был сотворен «из ничего» (ex nihilo). Он исходит из того представления, что потенциально, в возможности, мир вечно существовал в Боге. Будучи всемогущим, Бог тем не менее не производит ничего иного, кроме того, что имеет возможность бытия (quorum potentia est ut sint). А у того, что поистине не существует, нет совершенно никакой возможности бытия (omnino nulla potentia est). И если благодаря могуществу Божию то, что существует, произошло из того, что не существует, то в возможности (secundum potentiam) само это несуществующее (μὴ ὄντα) есть уже существующее (ὄντα). Поэтому все существующее уже существовало в Боге. Дела Божии возникают не извне, поскольку вне Бога ничего нет; значит все изначально заключалось в Боге, и Он Сам является и содержащим, и содержимым (Adv. Ar. I 37). В. М. утверждает, что в смысле бытия в возможности — мир вечен (ex aeterno omnia — De gen. Div. Verbi. 22. 1–7), в смысле бытия в действительности — мира когда-то не было (Adv. Ar. I 33. 17–18) и все мировое и материальное не вечно (In Ephes. 1. 4).

IV. Порядок творения и панпсихизм. В. М., подобно неоплатоникам, полагает, что творческая мощь Божественного Логоса проявляется в мире как излияние Божественной Жизни во все сотворенное, причем это излияние характеризуется постепенным убыванием совершенства. В 1-ю очередь Бог произвел всеобщие существования и сущности всего, к-рые Платон называл идеями, т. е. первичными видами (species principales) всех видов, реализованных в сущем (Adv. Ar. IV 5. 29–40). В Логосе Божием содержатся не только всеобщие логосы родов и видов, но и логосы единичных вещей, как бестелесных, так и телесных (Ibid. IV 32. 9–13; ср.: I 34. 15–20; IV 19. 26–37). Но это еще не творение мира. Творение начинается творческим нисхождением Логоса и приведением всего в бытие. Сначала Логос благодаря Отчей мощи даровал Свою собственную жизнь (suam propriam vitam) небесным духовным тварям: ангелам, престолам, славам и др. существам. Затем Он сотворил материю, мертвую природу (mortua natura), поскольку невозможно было оживотворить что-либо др., если бы не было материи, способной к оживотворению. В свою очередь материя, восприняв жизнь, или душу, от Божественного оживотворения, произвела все телесные существа (Ibid. I 26. 30–38; In Ephes. 1. 4).

Все в мире, т. о., пронизано жизнью, одушевлено: жизненная сила и мощь, изливаясь от Логоса, Который Сам есть ипостасная Жизнь, сначала проходит через ангельские чины, уделяя им Свой свет в большей степени, затем нисходит в мировую душу, в дальнейшем движении жизненное влечение души постепенно становится все более грубым, погружаясь в материю и материальные элементы, она порождает лишь призрак жизни. Интенсивность и полнота жизни идет по убывающей от превышенебесных тварей (supracaelestia), никак не связанных с материей, до эфирных, огненных, воздушных, водных и земных, к-рые живут уже не первичным Логосом, не целостным светом жизни, но светом, замутненным вследствие их связи с материей (Adv. Ar. IV 11. 7–35). Согласно В. М., жизнь пронизывает в мире все и находится во всем; всякая материя одушевлена, хотя, взятая сама по себе, мертва (Ibid. III 3. 18–26). Вселенная представляет собой один живой организм, одно тело (corpus totius universi), имеющее множество различных взаимно переплетающихся членов, связанных друг с другом посредством Божественного Логоса, через Который вся вселенная связана с Богом Отцом (Ibid. I 25. 38–44). Все сущее едино в своем основании (omnia unum in substantia), поскольку все восуществлено (insubstantiata) — получило сущностное бытие,— по В. М., в Иисусе, т. е. в Логосе, как единственной Причине бытия; при этом все остается иносущным Ему (Ibid. I 26. 1–9).

V. Иерархия бытия. Основываясь на неоплатонической онтологии, В. М. различает в тварном бытии 4 онтологических уровня, образующие «природную иерархию сущего» (De gen. Div. Verbi. 6. 5–7, 8. 19–21, 11. 1–2).

1. Истинно сущее (quae vere sunt, ὄντως ὄντα), или умопостигаемое (intellectibilia), включает в себя пренебесные сущности (дух, ум, мировая душа, знание, наука, добродетели, логосы (идеи), мнения, совершенство, существование, жизнь, мышление), сами принципы существования, жизни и мышления, стоящие выше пренебесных сущностей, и находящиеся превыше всего (в логическом смысле) единое и единственное сущее (Ibid. 7. 1–7).

2. Сущее (quae sunt, ὄντα), или мыслящее (intellectualia),— это души, к-рые лишь способны к истинному мышлению, но еще не проявляют его в действительности и совершенстве; в них наблюдается двойственность мыслящего и мыслимого (Ibid. 7. 10–16, 8. 1–2).

3. Не истинно не-сущее (non vere non sunt, μὴ ὄντως μὴ ὄντα) — это тела, состоящие из подлежащей материи и телесных качеств. Они подвержены качественным превращениям и изменениям, возникновению и уничтожению (при этом всегда сохраняется их бескачественное материальное подлежащее), поэтому нельзя сказать, что тела обладают истинным бытием, но они не могут быть названы и не-сущими в собственном смысле (Ibid. 9. 4 — 10. 6; Adv. Ar. IV 25. 21–31). К этому уровню относятся и человеческие души, соединенные с материальными телами (mixta τῇ ὕλῃ) и пользующиеся чувственным познанием (iuxta sensum intellegentia — De gen. Div. Verbi. 9. 4–11, 10. 30–31). Все материальное является временным, недолговечным и тленным (In Ephes. 1. 4).

4. Не-сущее (quae non sunt, μὴ ὄντα) — неодушевленная материя, взятая сама по себе (sola inanima ὕλη), неопределенное и бескачественное подлежащее всех телесных

качеств. Как неодушевленная, она не способна ни к какому познанию, ни умственному, ни чувственному, и сама по себе мертва (De gen. Div. Verbi. 10. 7–36; Adv. Ar. I 26. 35–38). Хотя материя — «питательница всего», однако без мировой души она бесплодна и застывша (effeta et densa) и всегда нуждается в одушевлении (De gen. Div. Verbi. 10. 32–36). Как низший уровень бытия, материя является тьмой (tenebrae — Adv. Ar. IV 31. 52–53; ср.: I 26. 39–40; In Ephes. 2. 2), принципом зла (malitiae), смерти, тления (Adv. Ar. I 26. 36–38, 58. 17).

VI. Мировая душа и мир духовный. Высший уровень иерархии тварного бытия, согласно В. М., включает такие сущности, как дух, ум, ангелы, мировая душа (De gen. Div. Verbi. 7. 1–7; Adv. Ar. I 25. 43), представление о к-рой В. М. почерпнул из неоплатонизма. Божественная Троица вдуновением (Ibid. III 11. 32), просиянием (effulgenter) сотворила в умопостигаемом мире душу, наделила ее ипостасью и особой природой, разумной, вечнодвижущейся и самоподвижной (De gen. Div. Verbi. 10. 19–21; Adv. Ar. I 20. 47–48; IV 13. 5–14). Ум означает, вероятно, высшую, мыслящую часть этой мировой души (De gen. Div. Verbi. 7. 17), его В. М. называет еще «как бы умом» (quasi νοῦς) и «своим умом» души (Adv. Ar. I 61. 9). Мировая душа, будучи «второй единичной Троицей» (т. е. образом Троицы), проявилась в мире чувственном и, неизменно оставаясь в вышнем мире, породила все внутримировые души (Ibid. I 64. 1–5), к-рые она содержит в себе и для к-рых является подлежащим (substantia), как материя является подлежащим для телесных качеств (Ibid. III 11. 31–33). У множества существующих душ одна и та же сущность, к-рая им не предшествует и не предсуществует, но всегда существует вместе с ними (Ibid. II 2. 38–41). Мировая душа является принципом жизни и движения всего материального мира (Ibid. IV 11. 13–20; De gen. Div. Verbi. 10. 33–34).

Ангелы суть превышенебесные, бестелесные, нематериальные создания, к-рые по своей сущности чисты, удалены от материи и телесных связей и в большей степени, нежели нижестоящие творения, просвещены светом Божественного Логоса (Adv. Ar. IV 11. 9–13, 23–26). Происхождение ангелов является тайной. Поскольку ангелы всегда обладают одной и той же силой и сущностью, можно сказать, что они не рождены: в вышнем мире все не рождено, а появляется как бы в некрой раздельности, называется «как бы рожденным» (veluti generata). Бог лишь как бы отделил ангелов друг от друга и установил по отдельности (In Ephes. 2. 3; Adv. Ar. IV 25. 40–42). У ангелов нет никаких случайных свойств, но все они суть «живущие и мыслящие сущности, чистые, простые, единообразные, насколько существуют, настолько живут и мыслят, и наоборот, насколько мыслят, настолько и существуют» (Ibid. IV 2. 18–24). В. М. делает вывод, что их жизнь суть они сами (Ibid. IV 11. 26–27); они всегда находятся в действительности и действии (actus sunt et actiones sunt), к-рое порождают и в материальном мире, прежде всего в сфере небесных светил (Ibid. IV 13. 3–4). В. М. чаще всего разделяет ангелов на 3 чина: ангелы, престолы и славы (Ibid. I 26. 32–33; IV 5. 11–12, 11. 9–10) (ср. ст. *Ангелология*).

Демоны — «духи материи» (materiae spiritus), точнее, «духи воздуха» (aeris spiritus). Их князь — *диавол,* «дух, имеющий сущность из воздуха», т. е. из материи. Диавол является смешением первоначальных элементов, хаосом (chaos), а также «тьмой и материей тьмы». Он противостоит Богу как противоположное, но не равное начало: он господствует в материальной сфере, владеет душами «сынов противления» (In Ephes. 2. 2). Представление В. М. о диаволе не соответствует христ.: он ничего не говорит о свободной воле и падении ангелов, вероятно, предполагая, что нынешнее положение диавола в мире было изначальным и не явилось результатом падения.

Антропология. В отличие от триадологии антропология В. М. имеет гораздо больше отступлений от христ. учения: она основывается на ошибочном представлении о предсуществовании душ и первоначально идеальном, духовном, состоянии человека.

I. Двойственность человеческой природы. Человек занимает особое положение в тварном мире. Именно ради него был создан чувственный мир (Ibid. 1. 4). По своей природе человек двойственен, поскольку он состоит из 2 различных сущностей (duae substantiae): души и тела, внутреннего человека и внешнего,— каждый из к-рых имеет собственное происхождение и свойства (Adv. Ar. I 32. 17–30, 62. 4–11, 63. 3–7).

II. Душа. Представление В. М. о происхождении человеческой души сложилось под влиянием 2 традиций: неоплатонической и библейской. Вслед за неоплатониками он считает источником всех частных душ всеобщую, или мировую, душу (Ibid. III 11. 31–33; IV 5. 10–11, 11. 13–14). Как христианин, В. М. говорит, что человеческая душа произошла от Божественного духновения (что не исключает и ее изначальной всеобщности), поэтому она есть высшая часть человека, посредством к-рой он соприкасается с Богом (Ibid. III 6. 12–14; ср.: De gen. Div. Verbi. 26. 3–4; In Ephes. 2. 15). Человеческие души возникли раньше тел и вообще материального мира; по домостроительству Божию они были посланы в мир, из к-рого впосл. будут освобождены (Ibid. 1. 4, 2. 4; Adv. Ar. I 56. 8–12). В. М. основывает это положение на словах ап. Павла: Бог «избрал нас в Нем (во Христе.— *А. Ф.*) прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа...» (Еф 1. 4–5). Отсюда, согласно В. М., не может быть, чтобы был Христос, а нас еще не было, следов., и Христос, и мы существовали прежде, т. е. от вечности (ex aeterno). И если мы были во Христе, то уже тогда мы были духовные (spiritales). Человеческие души вечно существовали среди вечных сущностей. Однако это не означает, что до сотворения мира души имели то обособленное существование, к-рое имеют теперь: они заключались в Божественном размышлении и не существовали отдельно от него. Тем не менее, поскольку Божественное размышление не есть ничто, но «определенный вид существования», необходимо допустить, что уже тогда души находились «в истинном и верном существовании» (In Ephes. 1. 4).

Будучи единым сущим (unum ὄν; единой сущностью), обладая самостоятельным существованием, или бытием, человеческая душа, согласно В. М., не просто существует, но живет, размышляя о своем бытии и жизни, т. е. нераздельно соединяет в себе свое бытие, жизнь и мышление. Триединство бытия, жизни и мыш-

ления в душе составляет, по В. М., образ Божий, образ Св. Троицы (Adv. Ar. I 20. 24–37, 32. 27–78, 56. 5–6, 61. 1 — 64. 8). В. М. отличает выражения «по образу Божию» и «по подобию Божию»: первое означает саму сущность души, второе — качество, находящееся в сущности, совершенство души по подобию того совершенства, к-рое находится в Боге. То, что «по образу», человеку присуще уже в этом мире, поскольку человек всегда разумен; то, что «по подобию», т. е. совершенство души, будет у человека только впосл., по вере в Бога, и уже было бы, если бы Адам не согрешил (Ibid. I 20. 59–64). Поскольку душа сотворена по образу Божию, она не единосущна Богу, но лишь подобосущна Ему (Ibid. III 12. 21). Как живая сущность, душа самоподвижна и сообщает движение телу (De gen. Div. Verbi. 10. 19–21; Adv. Ar. I 20. 47–48, 63. 30–32; IV 13. 5–14). Как разумная, она обладает умом (мышлением, νοῦν, intellectum, intelligentiam — De gen. Div. Verbi. 7. 10–16, 8. 1–2; Adv. Ar. I 61. 7–21). Душа человека (как и ум) двойственна: «материальная» душа, к-рая есть чувственная сила (potentia sensibilis), или просто чувство (sensus), и Божественная душа. Происхождение материальной души В. М. обосновывает повествованием кн. Бытие о том, что тело первого человека было образовано из земли, к-рая уже заключала в себе эту вещественную душу, в результате чего человек стал «душою живою», т. е., как и все остальные животные, получил душу вместе с материей (Ibid. I 62. 11–14; Быт 2. 7). При этом даже высший ум человека переходит из состояния возможности в состояние действительности, т. е. становится действительным умом только тогда, когда обращается к Божественному и всеобщему Уму — Св. Духу (Adv. Ar. I 61. 7–21). По мнению В. М., характерной особенностью человеческих душ является их динамический, подвижный статус в иерархии бытия. Если ангелы, демоны, материя были наделены Богом определенной природой и свойствами и неизменно пребывают в этом состоянии, то души, также наделенные своей особой сущностью и свойствами, силою Божией ведутся к лучшей сущности (in meliorem substantiam), так что из душ они в конце концов могут стать духами (In Ephes. 1. 8).

III. Тело и его связь с душой. Человеческое тело, по В. М., так же двойственно, как душа. Следуя повествованию кн. Бытие, он говорит, что Бог взял прах земной и создал из него тело человека (Adv. Ar. I 62. 9–14). Даже тело человека имело образ Божий, поскольку было создано «по образу вышней плоти Слова», т. е. по образу «духовной плоти» Спасителя, к-рую Христос актуально приобрел после Своего Воскресения и к-рая предполагается в качестве буд. конечного состояния человека после всеобщего воскресения (Ibid. I 64. 15–19). Нынешнее, земное, тело подвержено непрерывным изменениям (Ibid. I 62. 9–10). Вместе с тем вслед за неоплатониками В. М. утверждает, что соединение души с телом связано с удалением души от Бога и духовного мира; весь материальный мир творится для того, чтобы души, попав в него, через чувственное познание достигли истинного умственного познания мира и его Творца (In Ephes. 1. 4). Связь между человеческой душой и телом В. М. воспринимает как весьма случайную и временную и, т. о., отступает здесь от христ. традиции, рассматривающей человека как единство души и тела (ср.: 1 Фес 5. 23; *Iren.* Adv. haer. V 6. 1; *Greg. Nyss.* Contr. Eun. II; см. также ст. *Антропология*).

IV. Грехопадение и его последствия. Подобно платоникам и Оригену, В. М. полагает, что первородный грех состоял гл. обр. в ниспадении пребывавших в умопостигаемом мире человеческих душ в мир чувственный. Однако он соединяет неоплатоническое представление о грехопадении всеобщей души с библейским повествованием о свободном грехопадении человека (Ibid. 1. 7). Согласно В. М., когда душа, обладающая мыслительной способностью, взирает на Божественный Ум, она объединяется с ним и тоже становится «как бы умом», поскольку в умственном мире единство есть созерцание. Но когда душа отвращается от Божественного Ума, она и себя, и свой ум тащит вниз, к чувственному миру: душа воплощается и переходит в область только мыслящего, но не умопостигаемого. Ее жизненное влечение постепенно становится все более грубым. Когда душа погружается в материальные элементы, а затем опутывается плотскими узами, смешиваясь с тлением и смертью, она порождает лишь призрак жизни (Adv. Ar. IV 11. 13–20). Рассматривая воплощение как страдание и источник греха, В. М. не называет его виной или пороком, добавившимся к сущности души, но лишь ее меньшим совершенством (In Ephes. 1. 4, 1. 7). Греховную природу человек наследует от плотского, материального, рождения (Ibid. 2. 3).

Главными последствиями грехопадения В. М. считает неведение, подчинение мирским желаниям и страстям, власти диавола, страдания, немощи и смерть (Ibid. 1. 4; Adv. Ar. I 32. 70–72). В. М. рассматривает смерть двоякого рода: физическую, когда душа в конце земной жизни отделяется от тела, и духовную, когда душа, еще пребывая в теле, следует похотям плоти и живет во грехах (In Ephes. 2. 1–2). Вместе с тем в этой судьбе человеческих душ В. М. видит и нечто положительное. Как праведник испытывается в трудных обстоятельствах, так и души, испытавшие все зло рабства и плена мира, искупленные Христом, могут легче познать Бога и через Христа, через Дух достичь духовного познания и стать духом, т. е. возвратиться в свое первоначальное духовное состояние, данное от Бога (Ibid. 1. 4, 1. 7).

Основным источником ошибочных представлений о человеке В. М. является злоупотребление эллинистической философией (неоплатонизмом) и аллегорическим методом толкования Свящ. Писания, в результате чего ясно изложенное в Свящ. Писании учение о человеке подверглось здесь значительному искажению.

Христология. В. М. учит, что во Христе одно Лицо, поскольку один и Тот же есть и Сын Божий, и Сын Человеческий (Adv. Ar. II 1. 13–20; ср.: I 35. 6–40). Сам Логос облекся плотью; не иное Логос, а иное — человек (Ibid. I 45. 8–10). Через восприятие плоти Само Слово образовалось по подобию человека (In Philip. 2. 6–7), существовавшее ранее, «умопостигаемо и мыслимо», Оно явилось «чувственно и воплощенно» (Adv. Ar. I 26. 24–26, 38–41). Будучи «образом Божиим», Оно приняло «образ раба», т. е. человеческую сущность, не восприняло какого-то уже существовавшего человека, но Само стало человеком (Ibid. I 21. 37, 22. 13–14, 27–28; IV 32. 50). В Боговоплощении Логос Божий, по мнению В. М.,

одновременно есть Св. Дух, Сила Всевышнего, плоть, Иисус Христос (Ibid. I 57. 1–6).

Воплощение не означает, что Слово разрушилось и превратилось в плоть; Оно неизменно осталось тем Словом, «через Которое все начало быть» (Ibid. I 45. 16–18). Однако, родившись от Девы, Оно как бы претерпело умаление (quasi deminutionem pati — Ibid. I 51. 40), поскольку сошло «в низшую жизнь» (Ibid. I 56. 37–38). Для Боговоплощения было необходимо своего рода «затемнение» (obumbratio) или «истощание» (exinanitio) Божественности Слова: человеческая природа не смогла бы вместить Божественную природу во всем ее совершенстве и блеске (Ibid. I 57, 58. 32–36; ср.: Флп 2. 6). Истощание не означает, что Бог Слово утратил Свою силу, но — что Он смирил Себя до соединения с чем-то скверным, дабы совершить спасение человека (In Philip. 2. 6–7). Униженное состояние Слова продлилось недолго: в Своем «как бы умалении» Господь воскрес, обновился и вернулся к Отцу, «в Отчее существование и могущество», т. е. в предвечную славу Отца (Adv. Ar. I 51. 41–43).

Согласно В. М., Бог Слово воспринял всего человека: дух, душу и плоть (Ibid. IV 7. 10–20); была в Нем и человеческая воля (Ibid. III 15. 52), и душевные эмоции (Ibid. III 3. 41, 43) — плоть Христа была истинной, а не призрачной (In Philip. 2. 6–7). Особый акцент В. М. делает на всеобщности человеческой природы Христа. Когда Логос воспринял плоть, Он воспринял всеобщий логос плоти (universalem λόγον carnis), а также всеобщий логос души (universalem λόγον animae); вся сила плоти восторжествовала во плоти Христа, и т. о. Он пришел на помощь всякой плоти. Во Христе всеобщие начала человечества были вознесены на Крест и очищены через Спасителя — Бога Слово, самого всеобщего из всех всеобщих начал (Adv. Ar. III 3. 30–52; ср.: III 11. 22 — 12. 46). Вслед. ипостасного соединения двух природ во Христе человеческая природа Христа обрела те же качества, что и Божественная: «Все, что есть Христос — дух, душа или плоть — есть Жизнь вечная; ведь Он Сам есть Логос всего этого, а Логос есть изначальная Жизнь. Следовательно, то, во что Он облекся, стало жизнью, поэтому все это и в нас удостоится вечной жизни, став духовным посредством Духа, Которого Христос нам даст» (Ibid. IV 7. 10–15).

Сотериология. «Таинство Христа» (In Galat. 3. 7; In Ephes. 3. 3–4), или спасение человека, т. е. освобождение его от грехов, страстей, смерти, тления и возвращение в первоначальное духовное состояние, совершилось Тем, Кто создал все — Логосом Божиим, от Которого неотделим Св. Дух, «Соработник в таинстве спасения» (Adv. Ar. III 16. 16–17; ср.: I 45. 17–20; 56. 36 — 57. 6). Для этого потребовалось «второе рождение» Логоса, Его нисхождение на низший уровень жизни — воплощение в низшую тленную материю (Ibid. I 26. 38–40; 56. 37–38; 58. 16–18). Пределом нисхождения являются смерть воплотившегося Слова и Крест, на к-ром произошло искупление (redemptio) людей от грехов и освобождение (liberatio) их от рабства диаволу и материальному миру с его страстями и похотями (Ibid. I 26.; In Ephes. 1. 4; 4. 9–10). Бог по Своей великой любви и милосердию искупил отчужденных от Него грехами людей для Самого Себя через Сына Своего, Которого Он не пощадил (Ibid. 2. 4). Своими страданием и смертью Сын Божий выкупил (mercaretur) всего человека (Adv. Ar. I 45. 17–20), Он отдал Себя на распятие за людей и вместо людей и Своей Кровью освободил их от грехов, потому что Сам претерпел наказание за человеческие грехи (In Galat. 2. 20; In Ephes. 1. 7). Поскольку люди были во вражде с Богом Отцом, Христос, согласно В. М., как Посредник примирил их в Себе с Отцом и стал «нашим Миром» (Ibid. 2. 14; ср.: 1. 4).

Все люди («всеобщая плоть и всеобщая душа») в лице Бога Слова «были вознесены на крест и очищены» (Adv. Ar. III. 3). Весь мир был распят через Христа, поскольку Его всеобщее тело (catholicum corpus) имеет отношение ко всякому человеку, Его страдания и их искупительное действие имеют всеобщее значение (In Galat. 6. 14). Логос, как животворящий Дух и источник вечной жизни, пришел во плоти для умерщвления грехов, победил смерть и воскресил то, что было мертвым, став Первенцем из мертвых (Adv. Ar. I 25. 13–21; In Ephes. 2. 5). В воскресении и вознесении Христа произошло одухотворение телесной природы человека, что В. М. называет облечением в духовную плоть (spiritalis caro), в духовное, небесное одеяние (spiritale indumentum, indumentum caeleste), т. е. в славу (magnificum, corpus gloriae) и нетление (Adv. Ar. I 64. 15–20; In Philip. 3. 21).

Согласно В. М., благодаря Крови Христа люди получили Св. Дух (In Ephes. 1. 7). Христос пребывает в Св. Духе нераздельно: «Иисус есть явленный Дух, а Св. Дух — сокрытый Иисус» (Adv. Ar. III 14. 20–24). Если Христос открывается в чувственном познании, свойственном душам, связанным с телами, то действие Св. Духа как «источного мышления» и ипостасной Премудрости направлено на умственное познание, на внутреннее просвещение умов (Ibid. III 16. 1–18; Hymn. I 72–74). Св. Дух освобождает души от обмана чувств и лживого мира, наставляет их в духовной жизни (In Ephes. 1. 4; 1. 21–23; Hymn. I 56–74), совершает освящение людей (Adv. Ar. III 15. 43–44), итогом чего должно явиться всеобщее одухотворение и возвращение душ в их первоначальное состояние, в к-ром они находились в умопостигаемом мире.

Разбирая вопрос о соотношении Божественной благодати и свободы человека в деле его спасения, В. М. предвосхищает т. зр. блж. Августина. С одной стороны, он справедливо полагает, что человек является господином своей воли и за добро получает добрые награды (merita de bonis bona), а за злодеяния — наказания (In Ephes. 4. 27). С др. стороны, под влиянием богословия Посланий ап. Павла он в поздний период жизни отказывается от своей философской (неоплатонической) антропологии в пользу представления об абсолютно независимом и в нек-ром роде принудительном действии Божественной благодати на человеческую волю. Согласно В. М., после грехопадения воля человека стала «плотской», «мирской» (In Philip. 2. 13; In Ephes. 2. 3). Души, попавшие в плен греховных страстей и обмана чувств, не способны разорвать эти оковы. Поэтому волю к исполнению добрых дел и спасению и сами добрые дела производит в падшем человеке Сам Бог (In Philip. 2. 12–13, 4. 8; In Galat. 3. 6; In Ephes. 4. 17–18). Благодать Божия «подается не по заслугам, но по милости Божией» (In Galat. 5. 4–5; ср.:

In Ephes. 2. 7; *Aug.* De Trinit. XIII 17). Снискать ее можно не делами закона, а только верой (sola fide), к-рая сама есть дар Божий (In Philip. 1. 29–30; 3. 13; In Galat. 1. 6; 3. 2; In Ephes. 3. 18–19). Оправдание происходит так же, не делами, а верой: одной лишь веры в Иисуса Христа достаточно для оправдания и освобождения человека (In Galat. 3. 9, 22). Вслед за ап. Павлом В. М. различает праведность человеческую, достигаемую исполнением закона, и праведность от Бога, к-рая дается по вере во Христа (In Philip. 3. 9). В. М. даже настаивает на том, что христ. совершенство не основывается на нравственных поступках человека, поскольку они ему не принадлежат (Ibid. 3. 13–14; 4. 8). Он склоняется к своего рода квиетизму, когда утверждает, что спасение не зависит от усилий человека, что оно — лишь вера во Христа (In Ephes. 2. 15): «Иметь совершенную веру во Христа не подразумевает никакого труда, никакой трудности, но всего лишь волю души, преданную и доверяющую» (Ibid. 6. 11).

Экклезиология и сакраментология. В. М. исповедует, что Церковь есть Тело Христово (Ibid. 1. 21–23; 4. 12, 15–16), это «все члены Божии, члены Христа, освященные верой» (Ibid. 3. 10), «все души, долженствующие спастись» (Ibid. 1. 21–23), «все освященные и освобожденные души, соединенные с Духом Христовым» (Ibid. 3. 6), «всякая душа, облеченная в Его (Христа.— *А. Ф.*) таинства и полагающая на Него свою надежду» (Ibid. 3. 10). Церковь есть «полнота Наполняющего все во всем» (Ibid. 1. 21–23); она состоит из множества взаимосвязанных членов, управляемых Главой — Христом; каждый член Церкви выполняет свое служение, так что все Тело связывается воедино неразрывным союзом любви (Ibid. 4. 15–16). В. М. различает вышнюю, небесную Церковь (superior Ecclesia, Ecclesia caelestis), и земную, к-рая удерживается на земле заблуждениями мира; обе Церкви объединяет Христос как Посредник, пребывающий одновременно на небе и на земле (In Galat. 3. 10–20). Небесная Церковь имеет свою сущность от вечных сущностей (In Ephes. 1. 21–23), земная Церковь имеет иерархию Таинств и служений, к-рая была установлена «по дару Христа», целью иерархии является совершенство верующих (Ibid. 4. 12). Избранные Христом апостолы обладали властью священнодействовать, учить и благовествовать. Пастыри одновременно суть епископы, т. е. управляющие Церковью и председательствующие в ней; они могут быть одновременно и учителями. Они «предстоят в Таинствах», совершают священнодействия, созидают Церковь и укрепляют всех в вере, проводя катехизацию (Ibidem).

Из церковных Таинств В. М. упоминает Крещение и Евхаристию. Крещение — Таинство освящения человека (sanctificatio — Adv. Ar. III 16. 24–25) и его веры во Христа (consecratio fidei). Оно едино и совершается во имя Св. Троицы (In Ephes. 4. 5–6), «призыванием Бога, Христа и Св. Духа» (Adv. Ar. III 16. 28–29). Всякий, кто принимает Крещение, исповедует, что он верует, омывается в водной купели и т. о. очищается перед Господом от всякого порока, восстанавливается в первообразной силе и красоте; принимает Св. Духа, Которым освящается (Ibid. III 16. 31–33; ср.: I 17. 24–27; In Ephes. 5. 25–27). Крещение — это «наше второе творение во Христе» (secunda creatura nostra in Christo — Adv. Ar. I 21. 3–4) или усыновление Богу во Христе, поскольку крестившийся во Христа облекается в Него и становится сыном Божиим (In Galat. 3. 27). Евхаристию В. М. называет «хлебом Жизни», поскольку Иисус есть Жизнь, и Его Тело также есть жизнь, а Тело — это хлеб. Выражение «хлеб насущный» (ἄρτος ἐπιούσιος) означает евхаристический хлеб, происходящий из самóй Божественной сущности, к-рая есть Жизнь (Adv. Ar. I 30. 39–43; II 8. 12–23).

Эсхатология. По мнению В. М., конечная цель мирового процесса заключается во всеобщем одухотворении и возвращении душ к Богу, в то первоначальное духовное состояние, в к-ром они находились в умопостигаемом мире (Ibid. I 25. 13–21; In Ephes. 1. 7, 8, 22–23; 4. 9–10). Когда наступит полнота времен, посланные в мир души будут освобождены от мира; все будет приведено к полноте, т. е. к Божественному совершенству (plenitudo Dei, quod Graeci πλήρωμα dicunt, id est perfectionem), и «все во всем будет единым» (Ibid. 1. 4; 3. 18–19). Благодаря Христу, Который есть Дух, души, сложив с себя все пороки, станут «духовными» (spiritales), или «духами» (spiritus), т. е. будут освобождены от душевных свойств и обретут лучшую природу, так что для них будет уже невозможным новое искушение или падение, поскольку они познáют все зло рабства и плена, от к-рых их освободил Христос (Ibid. 1. 4, 7, 8, 21–23). Через Христа люди будут приняты Богом «в число сынов» (Ibid. 1. 4) и станут «сынами Божиими по усыновлению», «удостоятся имени и силы Сына», станут «родственными Богу» (Ibid. 1. 7, 8). При этом одухотворение затронет не только душу, но всего человека — дух, душу и плоть — то, во что облекся Христос; человек удостоится вечной жизни и станет духовным посредством Духа, Которого подает Христос (Adv. Ar. IV 7. 10–15). Тело, или плоть, человека, созданное по образу нетленного тела Христова, воскреснет, облечется в нетление, в «духовное и небесное одеяние» и станет «духовной плотью» (Ibid. I 64. 15–20; In Philip. 3. 21). Это «изменение во Христе», или «преображение», В. М. называет новым, третьим (после сотворения и Крещения) творением (Adv. Ar. I 21. 5–6). Весь человек, став духом, взойдет на небо (In Ephes. 4. 9; In Philip. 3. 21). Будущее блаженство людей будет состоять в созерцании Божественного света и Самого Бога, в духовных радостях, в соединении с Богом (Adv. Ar. III 13. 17–21). В. М. лишь вскользь упоминает о Дне Господнем, называя его днем избавления и освобождения (In Ephes. 4. 30), когда Христос придет судить (In Philip. 2. 16; 4. 5), и ничего не говорит о наказаниях грешников. Все члены Тела Христова, Церкви, соберутся под своим Главой — Христом (In Ephes. 1. 21–23), все вернется к своему Первоначалу, Божественному Логосу, и все станет единым, т. е. духовным (Adv. Ar. I 25. 13–21; In Philip. 3. 21). Все, созданное через Логос Божий, будет очищено и вернется в жизнь вечную, к-рая есть Сам Логос (Adv. Ar. III 3. 12–14),— покорится Христу, изменится и обратится в силу Божию (In Philip. 3. 21). Тогда Сын, деятельная сила Отца, прекратит Свою деятельность и покорится Отцу, Покорившему Ему все, и Бог будет все во всем, поскольку Он будет присутствовать во всем и все будет исполнено Богом (Adv. Ar. I 39. 25–34; In Ephes. 1. 41; ср.: 1 Кор 15. 28).

Влияние на богословскую традицию. Влияние В. М. заметно в последующем развитии различных областей знаний: спекулятивного богословия, экзегетики Посланий ап. Павла, логики, философии. Его труды прежде всего способствовали созданию во 2-й пол. IV в. благоприятной среды для усвоения зап. христианством наследия неоплатонической философии. В. М., вероятно, оказал влияние на учение свт. *Амвросия,* еп. Медиоланского: по крайней мере, в сочинениях последнего есть параллели с суждениями В. М. (*Ambros. Mediol.* De fide. III 14, ср.: *Mar. Vict.* Adv. Ar. II 1, 2; De fide. III 15, ср.: Adv. Ar. II 8). Более сильное и непосредственное воздействие его мысли испытал блж. Августин. Огромное личное впечатление произвело на Августина обращение В. М. в христианство (*Aug.* Confess. VIII 2. 3–5); благодаря же его переводам Августин в период, непосредственно предшествовавший его собственному обращению, познакомился с неоплатонической философией (Ibid. VII 9 13; *Idem.* Contr. acad. II 2). Богословская методология В. М. сыграла определенную роль в формировании тринитарного учения (*Aug.* De Trinit. I 5–8; VI 10) и учения о свободе и благодати блж. Августина. Благодаря Гиппонскому епископу скрытое влияние тринитарного богословия В. М. широко распространилось в зап. богословской традиции вплоть до средневек. схоластики. В IV в. анонимный лат. экзегет (т. н. *Амброзиастер*) пользовался толкованиями В. М. на Послания ап. Павла к Галатам, Филиппийцам и Римлянам. В VI в. переводы и трактаты В. М. по логике и риторике послужили основой для трудов Кассиодора и Боэция. Логические трактаты В. М. в VII в. привлекли внимание *Исидора,* еп. Севильского. В кон. VIII — нач. IX в. *Алкуин* использовал обширные цитаты из послания В. М. к Кандиду (De gen. Div. Verbi.) в своих трактатах «Adversus Elipandum» (Против Элипанда) и «De fide sanctae et individuae Trinitatis» (О вере во Святую и нераздельную Троицу) (*Hadot.* 1954). В сер. IX в. *Гинкмар,* архиеп. Реймсский, цитировал то же послание В. М. в трактате «De una et non trina Deitate» (О едином, а не тройном Божестве). В ср. века упоминание о «переписке» В. М. с Кандидом встречается у учеников *Александра Гэльского.* Сам Александр Гэльский (Glossa in quatuor libros Sententiarum Petri Lombardi. I 9. 19; Summa theologica. I inq. 2. Tract. 1. Q. 1. Tit. 1. Art. 3. (N 303)), а также *Альберт Великий* (In I Sentent. 13. 5) и *Бонавентура* (Comment. in lib. Sentent. I 9. Dub. 8) упоминают 12 образов рождения от Бога, встречающихся в соч. «О Божественном рождении» (*Mar. Vict.* De gen. Div. 4–9). В XV в. *Николай Кузанский* обратил внимание на богословскую методологию В. М., особенно на его апофатику; в соч. «Apologia doctae ignorantiae» (Апология ученого незнания) Николай Кузанский упоминает послание В. М. к Кандиду наряду с сочинениями таких авторитетов апофатического метода, как автор *«Ареопагитик»* и *Иоанн Скот Эриугена.*

Изд.: PL. 8; Explanationes in Ciceronis Rhetoricam / Ed. C. Halm // Rhetores latini minores. Lpz., 1863. P. 153–304; De definitionibus / Ed. Th. Stangl // Tulliana et Mario-Victoriniana. Münch., 1888. P. 12–48; Idem / Ed. P. Hadot // Marius Victorinus: Recherches sur sa vie et ses œuvres. P., 1971. Append. III. P. 331–362; Traités théologiques sur la Trinité / Texte établi par P. Henry, introd., trad. et notes par P. Hadot. P., 1960 (SC; N 68); Ars Grammatica / Ed. I. Mariotti. Firenze, 1967; Opera Theologica / Ed. P. Henry, P. Hadot. Louvain, 1971. (CSEL; 83. 1); Opera Theologica / Ed. A. Locher. Lpz., 1976; Theological Treatises on the Trinity/ Transl. by M. T. Clark. Wash., 1981; Commentarii in ep. Pauli ad Eph., ad Gal., ad Phil. / Ed. crit. con introd., trad. ital., note e introd. a cura di F. Gori // Corona Patrum. Torino, 1981. T. 8; Opera. Pars 2: Opera exegetica / Rec. F. Gori. W., 1986. (CSEL; 83. 2); рус. пер.: Против Ария, кн. 2 / Пер. О. Е. Нестеровой // ПСЛЛ, IV–VII вв. С. 38–54.

Лит.: *Koffman G.* De Mario Victorino, philosopho christiano: Diss. Vratislavae, 1880; *Geiger G.* Marius Victorinus Afer: ein neuplatonischer Philosoph. Lansdhut, 1887–1889. 2 [Bde]; *Schmid R.* Marius Victorinus Rhetor und seine Bezeihungen zu Augustin: Diss. Kiel, 1895; *Monceaux P.* Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. P., 1905. T. 3. P. 375–422; *Benz E.* Marius Victorinus und die Entwicklung des abendländischen Willensmetaphysik: Diss. Stuttg., 1932; *Henry P.* Plotin et l'Occident. Louvain, 1934. P. 44–62; *Leusse H. de.* Le problème de la préexistence des âmes chez Marius Victorinus // RSR. 1939. T. 39. P. 197–239; *Séjourné P.* Victorinus Afer // DTC. P., 1950. T. 15. Col. 2887–2954; *Hadot P.* Marius Victorinus et Alcuin // AHDLMA. 1954. T. 21. P. 5–19; *idem.* Porphyre et Victorinus. P., 1968. 2 vol.; *idem.* Marius Victorinus: Recherches sur sa vie et ses œuvres. P., 1971; *Rupp M.* Der Weg der Freiheit bei Marius Victorinus Afer: Diss. Münch., 1967; *Erdt W.* Marius Victorinus, der erste lateinische Paulus-Kommentator. Fr. / M., 1980. (Europäische Hochschulschriften; Bd. 23, 135); *Clark M. T.* A Neoplatonic Comment. on the Christian Trinity: Marius Victorinus: Neoplatonism and Christian Thought. N. Y., 1981; *idem.* Victorinus and Augustine: Some Differences // Augustinian Studies. 1986. T. 17. P. 147–159; *Фокин А.* Триадология Мария Викторина // АиО. 2000. № 1 (23). С. 366–383; *Baltes M.* Marius Victorinus: Zur Philosophie in seinen theologischen Schriften. Münch., 2002.

А. Р. Фокин

ВИКТОРИ́Н ПЕТА́ВСКИЙ [Петавийский; лат. Victorinus Petabionensis] (230–303/4; пам. зап. 2 нояб.), мч., еп., лат. экзегет.

Жизнь. По свидетельству блж. *Иеронима Стридонского* (*Hieron.* De vir. illustr. 74), В. П. был епископом г. Петавия (Петовиона, лат. Petabium, Poetovio, совр. Птуй, Словения) в В. Паннонии. Блж. Иероним называет его «наш Викторин Петавский» как своего соотечественника (Ep. 36, 16). В своем списке «знаменитых мужей» (De vir. illustr. 74) он помещает его после еп. Анатолия Лаодикийского († после 282) и до Памфила Кесарийского († 309/10), однако в нек-рых письмах — после сщмч. *Киприана* († 258) и до *Лактанция* († между 320 и 330) (Ep. 48. 19; 58. 10; ср. также: Ep. 60. 10). *Амброзиастер* ставит В. П. после *Тертуллиана* и до сщмч. Киприана (*Ambrosiaster.* In Rom. 5. 14 // PL. 17. Col. 96). Точное время епископства В. П. неизвестно.

Обычно считают, что В. П. принял мученический венец (inclyto martyrio coronatus — *Hieron.* Ep. 58. 10) в 303 или 304 г. во время гонений имп. *Диоклетиана,* однако нек-рые исследователи склонны относить его мученичество к гонениям Нумерана в Иллирике 283–284 гг. (*Dulaey.* Victorin de Poetovio. Vol. 1. P. 12).

По свидетельству Иеронима (De vir. illustr. 74), В. П. знал греческий гораздо лучше, чем латынь, что может указывать на его вост., т. е. греч., происхождение. Он не получил достаточного образования в лат. словесности, хотя имел глубокие познания и стремление к образованию (Ep. 58. 10; 70. 5; ср.: In Is. // PL. 24. Col. 20), поэтому сочинения В. П. при всей их глубокомысленности написаны весьма грубым стилем (De vir. illustr. 74). Свидетельство Кассиодора о том, что до принятия епископства В. П. был ритором (*Cassiod.* De inst. div. lit. 7 // PL. 70. Col. 1119), скорее всего ошибочно и происходит от отождествления В. П. с известным рим. ритором, философом и богословом *Викторином Марием* (IV в.).

Сочинения. Список сочинений В. П., к-рый приводит блж. Иероним (*Hieron.* De vir. illustr. 74), вклю-

чает: толкования на кн. Бытие (упом. также в: Ep. 36, 16), Исход, Левит, Книги пророков Исаии, Иезекииля, Аввакума, Книгу Екклесиаста (упом. также в: In Ezech. IV 13), Книгу Песни Песней, Евангелие от Матфея (упом. также в: Transl. Hom. Orig. in Luc., prol.; *Cassiod.* De inst. div. lit. 7), Откровение; соч. «Против всех ересей» (Adversum omnes haereses). Блж. Иероним подчеркивает неполноту этого списка, добавляя «и многие другие».

До наст. времени из сочинений В. П. дошли «Толкование на Откровение» (Commentarius in apocalypsin) и «Трактат о сотворении мира» (Tractatus de fabrica mundi). Кроме этого ему с разной степенью вероятности приписывают еще ряд сочинений: каталог 32 ересей, присоединенный к трактату Тертуллиана «О прескрипции» (PL. 2. Col. 61–74), к-рый иногда отождествляют с упомянутым блж. Иеронимом соч. В. П. «Против всех ересей»; гомилию «О десяти девах» (De decem virginibus); «Фрагменты толкований неизвестного хилиаста на Евангелие от Матфея» (Anonymi chiliastae in Matthaeum fragmenta); трактат «О природе» (De physicis // PL. 8. Col. 1295–1310), авторство к-рого ранее усваивалось Викторину Марию; трактат о евангельской хронологии (PL. 129. Col. 1369) и нек-рые др. (*Bardy.* Col. 2884–2886; *Dulaey.* P. 37 sqq.).

Преобладание библейских комментариев среди сочинений В. П. дает основание считать его первым лат. экзегетом. Насколько можно судить по его «Толкованию на Откровение» и нек-рым замечаниям блж. Иеронима, в интерпретации Свящ. Писания В. П. пользовался преимущественно аллегорическим методом. Напр., в словах Екклесиаста: «Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь» (Еккл 4. 13) — В. П. вслед за Оригеном (*Orig.* Comm. in Eccl. IV 13) видел образное указание на Христа и диавола, в образе 6 крыл 2 серафимов (Ис 6. 2) — указание на 12 апостолов (*Hieron.* Ep. 18, 6). Этим, однако, экзегетический метод В. П. не ограничивался, его интересовали и вопросы истории. Известно, что в своем толковании на Евангелие от Матфея он рассматривал проблему братьев Иисуса, доказывая, что они не были детьми Марии (*Hieron.* Adv. Helvid. I 17).

На экзегезу В. П. большое влияние оказали сочинения мч. Ипполита Римского и особенно Оригена; в свою очередь В. П. принадлежит заслуга распространения их влияния на последующую лат. экзегетическую традицию: *Илария,* еп. Пиктавийского, свт. *Амвросия,* еп. Медиоланского, Руфина, блж. Иеронима (*Dulaey.* P. 17).

«Толкование на Откровение» было написано В. П. после 260 г. Оно дошло до нас в неск. редакциях. Согласно Й. Хауссляйтеру (J. Haussleiter), издателю текста этого толкования в серии CSEL (T. 49), первоначальная редакция (со значительными лакунами), имеющая ярко выраженный хилиастический характер, сохранилась только в одной рукописи из Ватиканской б-ки (Ottob. lat. 3288A, XV в.), а также в сделанных с нее копиях XV–XVI вв. Эта редакция примечательна также тем, что в ней использовано иудеохрист. предание о воскресшем Нероне (Nero redivivus). Кроме того, в ней впервые излагается т. н. теория повторения, согласно к-рой в Откровении один и тот же ряд буд. событий описывается неск. раз в разных формах. Так, в рассказе о чашах в иной форме повторяется то, что было сообщено в рассказе о трубах (*Allo.* P. 221). 2-я редакция «Толкования на Откровение» принадлежит блж. Иерониму, к-рый предпринял ее по просьбе некоего монаха Анатолия. Хотя в своем прологе к этой редакции блж. Иероним отмечает, что он ограничился только неск. добавлениями, сокращениями и исправлениями первоначального текста, на самом деле проделанная им работа была гораздо обширнее и глубже: он не только улучшил стиль В. П. и во мн. местах заменил старый лат. перевод Свящ. Писания новым, но и устранил все места, содержавшие хилиастические представления, а также существенно дополнил первоначальный текст различными вставками, заимствованными гл. обр. из толкований *Тихония.* Текст этой редакции «Толкования на Откровение» В. П. впервые был опубликован в 1542 г. в Париже. 3-я редакция, принадлежащая неизвестному автору, является переработкой редакции блж. Иеронима и отличается в цитировании Откровения. Она послужила основой для итал. издания 1558 г., а затем — издания А. Галланди в серии «Bibliotheca veterum patrum» (Cura et stud. A. Gallandi. Venetiis, 1765–1781. 14 vol.); она же была воспроизведена в PL (Scholia in Apocalypsin Joannis // PL. 5. Col. 317–344). 4-я редакция представляет собой соединение 3 предшествующих с многочисленными новыми дополнениями и перестановками текста.

«Трактат о сотворении мира», сохранившийся в рукописи X–XI вв. из б-ки Ламбетского дворца в Лондоне, был впервые издан в XVII в. Ж. Кавом (J. Cave), а затем воспроизведен в PL. Долгое время считалось, что этот трактат — всего лишь фрагмент какого-то из многочисленных комментариев В. П., возможно на кн. Бытие. Однако подробный анализ структуры текста показал, что он является самостоятельным законченным трактатом, в к-ром отчетливо выделяются следующие части: 1) вступление, о цели написания трактата; 2) рассуждение о первых 7 днях творения; 3) число 7 как Божественный символ земных и небесных вещей; 4) параллель между 7 днями творения и домостроительством спасения согласно различным значениям числа 7; 5) заключение, 12 свидетелей дел Божиих (*Dulaey.* P. 26–29). В этом трактате В. П. рассматривает библейский рассказ о сотворении мира в символическо-арифмологическом ключе. Особенностью трактата является соединение в нем экзегетических принципов и построений Александрийской школы (см. в ст. *Богословские школы древней Церкви*) с хилиастическими представлениями, поэтому большое место здесь отводится свидетельствам Откровения. По-видимому, именно хилиазм В. П. стал причиной того, что в V в. его сочинения в одном из посланий папы *Геласия I,* повторенном в т. н. «Декрете» Псевдо-Геласия, были отнесены к апокрифам.

Особенности богословского учения В. П. *Бинитаризм.* Богословие В. П. архаично: его терминология и формулировки не отвечают отточенности Никео-Константинопольского исповедания. Его «мерило веры» (mensura fidei), содержащееся в 11-й гл. «Толкования на Откровение», отличается простотой: «Исповедуем Отца всемогущего и Сына Его Господа нашего Иисуса Христа, духовно рожденного у Отца (apud Patrem) прежде начала века, ставшего

человеком, и после того как были побеждены и смерть, воспринятого Отцом на небесах вместе с телом, Святого Господа, и Залог бессмертия. О Нем и Пророки проповедовали, и Закон записал; Он есть Рука Божия и Слово Отчее от Бога, во всем Господь и Создатель мира» (Comm. in Apoc. 1. 1).

Подобно Тертуллиану (Adv. Prax. 7, 26; De orat. 1; Apol. adv. gent. 23) и Лактанцию (Div. inst. II 9; IV 6), В. П. склонен к бинитаризму — смешению Второго и Третьего Лица Св. Троицы. Так, в «Толковании на Откровение», истолковывая образ венца из 12 звезд, он говорит, что это «венец отцов, от к-рых Святой Дух должен был воспринять плоть» (corona patrum, ex quibus erat Spiritus sanctus carnem sumpturus — Comm. in Apoc. 12. 1–2). В др. месте этого же сочинения он объясняет, почему иудейский первосвященник только 1 раз в год мог входить во Святая святых, следующим образом: это «символизировало то, что это намеревался сделать Святой Дух, т. е. то, что Он единожды пострадал» (significabat Spiritum sanctum hoc esse facturum, id est, quod passus est semel factum esse — Comm. in Apoc. 6. 9).

Однако бинитаризм В. П. не столь очевиден, как у Лактанция. Не менее часто он проводит довольно ясное различие между Св. Духом и Словом Божиим. Так, напр., рассуждая о 4 животных из Откр 4. 7, он говорит: «Не только пророческий Дух (Spiritus propheticus), но и Само Слово Бога Отца Вседержителя, Которое есть Его Сын, Господь наш Иисус Христос, приняло на Себя те же самые образы во время Своего пришествия к нам. Действительно, когда Он нам проповедует, Он есть как бы Лев и Львенок. Затем Он Сам стал Человеком ради спасения людей для победы над смертью и освобождения всех. Далее, когда Он Самого Себя принес в жертву Отцу за нас, Он был назван Тельцом. Наконец, когда Он победил смерть и восшел на небеса, распростирая Свои крылья и покрывая Свой народ, Он был назван Орлом летящим» (Comm. in Apoc. 4. 7). То же различение Сына Божия и Св. Духа можно увидеть и в следующих его словах: «После того как Господь восшел на небеса и открыл все тайны, Он послал Святого Духа (misit Spiritum sanctum), слова Которого проповедники, подобно стрелам, послали в сердца людей для того, чтобы поразить их неверие» (Comm. in Apoc. 6. 1–2).

Учение о творении мира в свете библейской и античной арифмологии. Вслед за Тертуллианом (Apol. adv. gent. 17) В. П. говорит, что Бог сотворил этот огромный мир для украшения Своего величия (in ornamento majestatis suae — De fabr. mundi). Тем не менее мир творится так, чтобы он был полезен для человека.

Бог сотворил мир в 6 дней, а в 7-й день освятил Свое творение благословением, так что все небесное и земное было образовано в 7 дней. В. П. лишь кратко останавливается на событиях 1-го дня творения и говорит, что вначале Бог сотворил свет, к-рый Он разделил на 12 часов дня и ночи для того, чтобы труд и отдых людей поочередно сменяли друг друга. Эти 12 часов дня и ночи задают отсчет месяцам, годам, временам и векам. Сообразно этим часам были установлены и 12 ангелов дня и 12 ангелов ночи, к-рые суть 24 «свидетеля дней и ночей» (testes dierum et noctium) — 24 «старца» (seniores), сидящие перед престолом Божиим (ср.: Откр 4. 4), к-рые так называются потому, что они старше всех остальных ангелов и людей, сотворенных в 6-й день.

От 1-го дня В. П., минуя 2-й и 3-й, переходит к 4-му, в к-рый были сотворены 2 небесных светила для управления днем и ночью и для указания времен. Согласно В. П., число 4 (tetras —четверица) символизирует 4 элемента, 4 времени года; кроме того, 4 таинственных животных, стоящих перед престолом Божиим, 4 Евангелия, 4 реки рая, 4 поколения людей от Адама до Иисуса Христа (Адам — Ной — Авраам — Моисей — Иисус Христос), 4-й день недели (среду), в к-рый Господь был взят под стражу.

В 5-й и 6-й дни земля и вода по повелению Творца произвели живые существа. Кроме того, в 6-й день Бог по Своему образу и подобию сотворил человека, «господина всех вещей» (dominum omnium rerum). Еще прежде человека Бог сотворил ангелов и архангелов, «полагая духовное прежде земного» (spiritalia terrenis anteponens). Он не сделал этого раньше, чем было завершено все остальное творение, во-первых, для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что ангелы были помощниками Бога в творении, а во-вторых, потому, что все вещи были «приуготовлением царства» (praeparatio regni) для человека, на что указывает и само название 6-го дня (греч. παρασκευή — пятница, букв.— приготовление). Возможно также, что В. П. в свете своего хилиазма понимает это царство как будущее «тысячелетнее царство» Христово, к-рое наступит по прошествии 6-го, подготовительного, тысячелетия (*Daniélou*. P. 115).

7-й день, в к-рый Бог почил от дел Своих, также, согласно В. П., имеет символическое значение. 7 дней отражают структуру неба и земли; с их помощью Господь обозначил каждый из 7 тысячелетних периодов мировой истории (singula millia annorum), поскольку пред очами Господа тысяча лет, как один день (ср.: Пс 89. 5), и, по пророчеству Захарии, у Господа «семь очей» (Зах 4. 10), в к-рых утверждены эти 7 тысяч лет. День 7-й означает «истинную субботу» (verum sabbatum), т. е. 7-ю тысячу лет, когда Христос будет царствовать со своими избранными. Согласно В. П., 7 дням творения соответствуют 7 небес, утвержденные Словом Господним и получившие силу от духа уст Его (Пс 32. 6); этим 7 дням соответствуют 7 духов, почивших на Христе: дух премудрости, разума, совета, силы, ведения, благочестия и страха Божия (ср.: Ис 11. 2–3). 7 духов означают 7 творческих энергий Бога Слова (Deus Verbum), проявленных в творении: Он называется Премудростью, поскольку сотворил свет, Разумением — поскольку сотворил небо, Советом — поскольку сотворил землю и море, Силой — поскольку сотворил солнце, луну и остальные светила, Ведением — поскольку повелел земле и морю произвести свои порождения, Благочестием — поскольку сотворил человека, Страхом Божиим — поскольку благословил и освятил его. Кроме того, число 7 означает «семь рогов и семь очей Агнца» (Откр 5. 6); 7 огненных светильников, горящих перед престолом, к-рые суть 7 духов Божиих (Откр 4. 5); 7 золотых светильников (Откр 1. 12); 7 агнцев (Лев 23. 18); 7 женщин (Ис 4. 1); 7 церквей, к к-рым писал ап. Павел; 7 диаконов (Деян 6. 3); 7 ангелов и 7 труб (Откр 8. 2); 7 печатей (Откр 5. 1); 7 недель Пятидесятницы, 7 седмин (Дан 9. 25); 7 столбов дома Премудрости (Притч 9. 1) и т. д.

Используя символику числа 7, В. П. излагает и свою концепцию Свящ. истории, в к-рой спасительные деяния Божии во Христе символически связываются с событиями творения мира и падения первых людей. Т. о. он раскрывает смысл событий евангельской истории как предпринятого Богом восстановления падшего Адама (ut Adam illum... reformaverit – De fabr. mundi) и спасения всего тварного мира (atque universae suae creaturae subveniret – Ibidem). По мысли В. П., число 7 означает 7 событий домостроительства (providentia) Христа во плоти: 1) Св. Дух преисполнил Св. Деву Марию в тот день, когда Бог сотворил свет (1-й день творения); 2) Христос воплотился (in carne esse conversum) в тот день, когда Бог создал сушу и моря (3-й день); 3) Он обратился в молоко в тот день, когда были сотворены светила (4-й день); 4) Он обратился в кровь в тот день, когда земля и вода произвели живые существа (5-й день); 5) Он обратился в плоть и родился в тот день, когда был сотворен человек (6-й день); 6) в тот день, когда Ева была обольщена змеем и пал Адам, Гавриил благовествовал Марии и пострадал Господь (7-й день) (см. в ст. *Благовещение Пресв. Богородицы*); 7) Он воскрес в тот день, когда был сотворен свет (т. е. в 1-й или 8-й день).

Опираясь на античное представление об основных возрастах человека, В. П. усматривает символику числа 7 также и в важнейших этапах земной жизни Христа: Рождестве, младенчестве, детстве, отрочестве, юности, зрелом возрасте и смерти.

О 8-м дне В. П. говорит и как о дне грядущего Суда. Этот день выходит за пределы седмицы времен, т. е. наступит после тысячелетнего царства Христова.

Эсхатологическое учение В. П. представляет собой хилиазм, близкий к учению сщмч. *Иринея*, еп. Лионского (Adv. haer. V), и *Коммодиана* (Instruct. I 41–43; Carmen. apol. 807–1060). В трактате «О сотворении мира» В. П. рассматривает 7-й день творения как прообраз «истинной субботы», 7-й тысячи лет, в к-рой Христос будет царствовать со своими избранными.

Его «Толкование на Откровение» также проникнуто хилиастическими представлениями. Последним временам и пришествию *антихриста* будет непосредственно предшествовать приход прор. Илии для проповеди (Comm. in Apoc. 12, 14). Под 7 царями (Откр 17. 10) В. П. понимает 7 рим. императоров от Гальбы до Нервы, причем Домициан, во время правления к-рого писал ап. Иоанн, является 6-м (Comm. in Apoc. 13). После 7-го царя, Нервы, придет 8-й, это будет не кто иной, как Нерон, к-рого Бог воскресит из мертвых и пошлет на землю, чтобы он был царем иудеев (Ibidem). Иудеи примут его как Христа (tamquam Christum); он будет призывать всех соблюдать ветхозаветный закон и обрезание, и те, кого он соблазнит, будут называть его христом. Вместе с антихристом придет и его лжепророк (magnus falsusque propheta), к-рый сотворит знамения и чудеса перед всеми народами (Ibidem).

В. П. отмечает роль сатаны в эсхатологических событиях: князь отпадших духов, до времени содержащийся на 2-м небе, будет низвержен на землю (Comm. in Apoc. 12), и ему будут поклоняться в Иерусалимском храме, поскольку лжепророк сделает золотой образ антихриста и поставит его там, а сатана войдет в этот образ и будет издавать гласы и оракулы, так что люди должны будут поклоняться ему и получать его число на челе или правой руке, без чего никто не сможет ни покупать, ни продавать. Это будет мерзость запустения, стоящая на святом месте (ср.: Мф 24. 15) (Ibid. 13).

После победы над антихристом последует 1-е воскресение – воскресение праведных, к-рые войдут в славу (Ibid. 20). С неба сойдет новый Иерусалим, и откроется тысячелетнее Царство Христа и святых (regnum Christi, regnum sanctorum – Ibid. 21). Все святые соберутся в Иудее и поклонятся Богу (Ibid. 1). Описание жизни в этом Царстве у В. П. имеет чувственно-телесный характер. Все творение по повелению Божию в изобилии произведет всевозможные блага. Бог перенесет туда все богатства моря и сокровища народов. Праведники будут пить вино, натираться благовониями и проводить жизнь в непрестанном веселии (Ibid. 21). Однако В. П. в отличие от Коммодиана (Instruct. I 41–43; Carmen. apol. 807–1060) не предполагает, что там будут продолжаться брачные отношения. Грешники, дожившие до откровения этого Царства, будут оставлены в живых для служения святым (in servitutem sanctorum – Comm. in Apoc. 19), погибнут в последние времена, когда окончится Царство святых и диавол будет выпущен на свободу (*Daniélou*. P. 110–111; ср.: Откр 20. 7).

Затем, после низвержения диавола, последует 2-е, всеобщее, воскресение, когда воскреснут и грешники, чтобы подвергнуться Страшному Суду и наказанию (ср.: Откр 20. 9–13). В. П. ставит 2 воскресения, упоминаемые в книге Откровение (Откр 20. 5; 12–13), в связь с 2 трубными гласами, о к-рых говорит ап. Павел в 1 Фес 4. 16 и в 1 Кор 15. 52 (*Daniélou*. P. 110).

Соч: De fabr. mundi, Comm. in Apoc. // Opera / Rec., comment. crit. instruxit, proleg. et indic. adiecit J. Haussleiter. Vindobonae, 1916. N. Y., 1965[r]. (CSEL; 49); PL. 5. Col. 301–314, 317–344; Comm. in Apoc., Fragm. chron., De fabr. // Sur l'apocalypse et d'autres écrits / Introd., texte crit., trad., comment. et ind. par M. Dulaey. P., 1997. (SC; 423); Adv. haer. // *Quinti Septimi Florentis Tertulliani* Opera. Ps. 3 / Ex rec. Aem. Kroymann. Pragae, 1906. S. 213–226. (CSEL; 47); De decem virg. / Ed. A. Wilmart // BALAC. 1911. Vol. 1. P. 35–38.

Лит.: *Haussleiter J.* Der chiliastische Schlussabschnitt im echten Apokalypsenkommentar des Bischofs Victorinus // ThLBl. 1895. Bd. 16. S. 193–199; *idem.* Beiträge zur Würdigung der Offenbarung des Johannes und ihres ältesten lateinischen Auslegers Victorinus. Greifswald, 1901; *Macholz W.* Spuren binitarischer Denkweise im Abendland seit Tertullian. Halle, 1902; *Gry L.* Le millénarisme dans ses origines et son développement. P., 1904; *Allo E.-B.* St. Jean: L'Apocalypse. P., 1921; *Loofs F.* Theophilus von Antiochien adversus Marcionem und die anderen theologischen Quellen bei Irenäus. Lpz., 1930; *Bardy G.* Victorin de Pettau // DTC. T. 15. Col. 2882–2887; *Quasten.* Patrology. Vol. 2. P. 411–413; *Curti C.* Il regno millenario in Victorinus // Augustinianum. 1978. T. 18. P. 419–433; *Daniélou J.* Les origines du christianisme latin. P., 1978, 1991; *Dulaey M.* Jérôme «éditeur» du commentaire sur l'Apocalypse de Victorin // REAug. 1991. T. 37. P. 199–236; *idem.* Victorin de Poetovio, premier exégète latin. P., 1993. T. 1–2; *Schwarte K. H.* Victorinus von Pettau // DACL. P. 627–628.

А. Р. Фокин

ВИ́КТОР И СОСФЕ́Н [лат. Victor, Sosthenes; греч. Βίκτωρ, Σωσθένης] († ок. 304), мученики Халкидонские (пам. 16 сент., пам. зап. 10 сент.). Упоминаются в житии вмц. *Евфимии*. По приказу проконсула Приска воины В. и С. должны были бросить святую в раскаленную печь. Но в пламени они увидели ангелов, к-рые воспрещали им касаться святой и, отказавшись выполнить приказание, были заключены в оковы. Др. воины, бросившие св. Евфимию в огонь, были сожжены вырвавшимся из печи пламенем, а мученица внутри печи осталась невредимой.

Проконсул попытался заставить В. и С. поклониться идолам, но те ответили, что теперь они узнали истинного Бога. Когда их повели на растерзание зверям, они молились Господу о прощении грехов, совершенных ими в языческом заблуждении. Тогда с неба раздался Божественный голос, призывающий их к упокоению, и они мирно предали свои души Господу, а их тела остались нетронутыми зверями и были тайно погребены христианами.

В зап. календарях, Мартирологах Римском, Адона, Узуарда и др., память мучеников отмечена 10 сент.

Ист.: ActaSS. Sept. T. 3. P. 488; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 1. Σ. 156; ЖСв. Сент. С. 313–314. Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 284–285; *Sauget J.-F.* Sostene e Vittore // BiblSS. T. 11. Col. 1324–1325.

ВИКТО́РИЯ, св. Кордубская, III в. (пам. 17 нояб.) — см. *Ацискл и Виктория.*

ВИ́КТОР МАВР [лат. Victor Maurus] (IV?), мч. Медиоланский (пам. зап. 8, 14 мая). Свт. *Амвросий,* еп. Медиоланский упоминает его в ряду др. мучеников, пострадавших в Медиолане (совр. Милан) в толковании на Евангелие от Луки (PL. 15. Col. 1746C), в его гимне в честь мучеников В. М. и Феликса сообщается, что они по происхождению из Мавритании, но проходили военную службу в Медиолане, где находилась имп. резиденция. Погибли мученики в г. Лаус Помпея (совр. Лоди-Веккьо), и их тела были перенесены в Медиолан и погребены там.

Не позже VIII в. были созданы «Страсти св. Виктора Мавра», представляющие собой более подробный рассказ о мученичестве В. М. Согласно этому памятнику, он решил оставить военную службу в Медиолане, т. к. она была сопряжена с необходимостью отправлять языческий культ. После того как В. М. объявил себя христианином, его арестовали. Через 6 дней он был доставлен в цирк, где присутствовал имп. *Максимиан,* к-рый убеждал святого принести жертву богам, но тот отказался. В. М. был подвергнут пыткам, но его тело оставалось неповрежденным. Однажды, когда стражи, охранявшие В. М., уснули, двери темницы отворились. Узник бежал и нек-рое время укрывался в конюшне близ цирка. Вновь схваченный, В. М. был отведен в лес за город и обезглавлен. Позднее еп. Матерм и др. христиане нашли его тело и погребли в усыпальнице близ места страдания святого, совершив при этом 2-дневное бдение.

В сер. V в. в Медиолане, близ кафедрального собора, была построена небольшая базилика Сан-Витторе ин Чель д'Оро, украшенная мозаиками, часть к-рых сохранилась до наст. времени. Почитание свт. Амвросием В. М. было столь велико, что он похоронил рядом с ним своего брата св. Сатира.

В. М. почитался как покровитель заключенных и изгнанников. Его память впервые зафиксирована в италийской редакции Мартиролога Иеронима. Позднее день 14 мая стал праздноваться в Милане как день перенесения мощей В. М. в церковь Сан-Витторе аль Корпо. Кроме того, в Милане этому святому посвящено еще неск. церквей: Сан-Витторе аль Ольмо — на месте казни, Сан-Витторе аль Карчере — близ старой миланской тюрьмы, Сан-Витторе аль Театро — близ древнего театра.

Ист.: ActaSS. Mai. T. 2. P. 286–290; BHL, N 8580. Лит.: *Goffredo di Bussero.* Liber notitiae Sanctorum Mediolani / Ed. M. Magistretti, H. Monneret de Villard // Storia di Milano. Mil., 1959. T. 1. P. 392–393, 448, 466, 531, 557, 659, 677–678; *Tamborini A.* I Santi Milanesi. Mil., 1927. P. 121–123.

Д. В. Зайцев

ВИ́КТОР МЕСУКЕВИ́ЙСКИЙ, мч.— см. *Месукевийские мученики.*

ВИ́КТОРОВ Алексей Егорович (2.02.1827, с. Студениково Мценского у. Орловской губ.— 22.07.1883, Пятигорск), археограф, историк книги, библиограф. Из семьи диакона. Учился в Орловской ДС (1841–1846), затем в МДА (1846–1850), был учеником протоиереев А. В. *Горского* и Ф. А. *Голубинского.* В 1852–1861 гг. работал в Московском главном архиве Мин-ва иностранных дел. В 1856–1861 гг. читал лекции по рус. языку и словесности в Мариинско-Ермоловском жен. уч-ще. С 1861 г. библиотекарь Московского ун-та. С 20 дек. 1862 г. до конца жизни работал в Московском публичном и Румянцевском музеях (ныне Российская государственная б-ка), где организовал Отд-ние рукописей и слав. старопечатных книг, являлся его хранителем. Одновременно состоял заведующим архивом и канцелярией московской Оружейной палаты (с 12 дек. 1868 по 1883). С 16 окт. 1853 г. действительный член Об-ва любителей российской словесности при Московском ун-те, с 1864 г. член Московского археологического об-ва, с 22 мая 1864 г. член-основатель Об-ва древнерус. искусства при Московском публичном и Румянцевском музеях, с 7 дек. 1879 г. член-корреспондент имп. АН по отд-нию рус. языка и словесности.

В. является автором более 80 книг и статей. Его первая книга посвящена истории Церкви — «Великая кнг.

А. Е. Викторов. Гравюра. Нач. 80-х гг. XIX в.

Евдокия, во иночестве прп. Ефросинья, основательница Вознесенского девичьего мон-ря в Московском Кремле» (М., 1857, 1885, 1899). В 1858 г. В. составил алфавитный указатель к «Указателю для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) б-ки» архим. *Саввы (Тихомирова),* к-рый был его близким другом. В 1859–1860 гг. ученый опубликовал ряд работ по истории Московской Синодальной типографии и ее богатой б-ки. В 1862–1865 гг. подготовил к печати 3 выпуска альбома миниатюр греч. рукописей, хранящихся в Синодальной б-ке. В 1859–1866 гг. В. издал неск. исследований, посвященных жизни и деятельности слав. просветителей равноапостольных Кирилла (Константина) и Мефодия и происхождению слав. письма. По мнению В., создателем кириллицы был св. Кирилл. В 1865 г. В. опубликовал исследование «Кирилл и Мефодий: Новые источники и ученые труды по истории славянских апостолов», в к-ром проанализировал сочинения отечественных и зарубежных ученых на эту тему.

С 1864 г. В. составлял отчеты по Отд-нию рукописей и старопечатных книг, публиковавшиеся в отчетах Московского публичного и

Румянцевского музеев. Эти справочные пособия, содержавшие достаточно подробные описания рукописей и старопечатных книг, не потеряли своего значения до наст. времени. В 1867–1881 гг. ученый публиковал обзоры новых поступлений в руководимое им Отд-ние в газетах «Москва», «Московские ведомости», «Голос», эти обзоры выходили также отдельными оттисками.

В основу фондов Отд-ния рукописей и старопечатных книг была положена коллекция гр. Н. П. *Румянцева*, содержавшая 327 славяно-рус. рукописей, 293 рукописи на иностранных языках и ок. 200 старопечатных книг. Трудами В. объем фондов был многократно увеличен: к концу его жизни количество рукописей достигло 5 тыс., старопечатных книг — ок. 4 тыс. Фонды пополнялись в первую очередь через покупку или дарение музею частных коллекций. Среди приобретенных при непосредственном участии В. для публичного и Румянцевского музеев личных б-к были богатейшие собрания Т. Ф. *Большакова*, П. Н. Муханова, В. М. *Ундольского*, С. Д. Полторацкого, Д. В. Пискарёва, А. С. *Норова*, И. Я. Лукашевича, И. Д. Беляева, В. И. *Григоровича* и др. Ученый составил и издал описания нек-рых коллекций рукописей. В. организовал обмен дублетами с имп. Публичной б-кой (СПб.), б-ками СПбДА, Синода, новгородского Софийского собора, ярославского архиерейского дома. По инициативе В. в 1877–1878 гг. в обмен на дублеты старопечатных книг из собрания музея было получено собрание рукописей Олонецкой ДС. Среди единичных поступлений в Отд-ние рукописных и старопечатных книг — *Архангельское Евангелие 1092 г.* Ежегодно в летние месяцы В. совершал археографические экспедиции, во время к-рых посещал древние мон-ри, изучал и описывал их б-ки, покупал книги для музея. Результатом поездок В. в сев. губернии стал труд «Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России» (СПб., 1890). В зданиях Публичного и Румянцевского музеев В. организовал неск. постоянных и сменяемых выставок рукописей и старопечатных книг.

В 1867 г. археограф открыл в собрании А. И. *Хлудова* и подробно описал ранее неизвестную Псалтирь, напечатанную Ф. *Скориной* в 1517 г. в Праге (ныне хранится в ГИМ). Статья В., посвященная данному изданию (Замечательное открытие в древнерусском книжном мире: Первая кн., напеч. д-ром Ф. Скориной // Беседы в ОЛРС. 1867. Вып. 1. С. 1–27 (отд. изд.: М., 1867)), содержала книговедческий и лингвистический анализ и во многом сформировала широко использовавшуюся в дальнейшем методику описания слав. старопечатных книг. В. подготовил к печати описание «Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского» (М., 1870), издал составленный Ундольским «Очерк славяно-русской библиографии» (М., 1871), дополнив этот указатель описаниями 670 старопечатных книг. В. начал, но не завершил работу над «Каталогом славяно-русских книг церковной печати Московского Публичного и Румянцевского музеев».

На 3-м Археологическом съезде (Киев, 1874) В. прочитал доклад «Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 г.?» (Труды 3-го археол. съезда в России. К., 1878. Т. 2. С. 211–220), в к-ром первым из рус. ученых сообщил о типографии, работавшей в Москве до Ивана *Фёдорова* и выпустившей 7 безвыходных изданий (т. н. анонимная типография). Подробное описание ее изданий В. предполагал дать в большой работе, к-рая не была завершена (написанная В. часть статьи была опубликована в 1976 — *Толстяков*. А. Е. Викторов).

Результатом работы В. в Оружейной палате стало подробное описание 1219 приходных, расходных и записных книг государевой и царицыной мастерских палат, Оружейной палаты, Конюшенного приказа, Серебряной и Золотой палат, Приказа Большого дворца и др. дворцовых приказов (Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1877–1883. 2 вып.). Труд этот по сей день сохраняет значение и активно используется исследователями.

Архив В. хранится в РГБ (ф. 52).

Соч.: Алф. указатель слав. рукописей Моск. Синодальной б-ки. М., 1858; Библиотека и ист. деятельность Моск. Синодальной типографии. М., 1859; Фотографические снимки с миниатюр греч. рукописей. М., 1863–1865; Славяно-рус. рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собр. с № 1 по 579. М., 1870; Каталог слав.-рус. рукописей, приобретенных Моск. Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. М., 1871; Бумаги Н. В. Сушкова в Моск. Публичном музее [М.], 1872; Опись Патриаршей ризницы 1631 г. М., 1875; Обозрение старинных описей Патриаршей ризницы. М., 1875; Собр. рукописей В. И. Григоровича. М., 1879; Стефанит и Ихнилат / Предисл. А. Е. Викторова. М., 1881. (ПДПИ; 64, 78); Собр. рукописей И. Д. Беляева. М., 1881; Собр. рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881; Гос. древлехранилище в теремах Моск. Кремлевского дворца. СПб., 1882. (ПДП; 26).

Лит.: *Срезневский И. И.* Несколько припоминаний о науч. деятельности А. Е. Викторова. СПб., 1881; *Барсов Е. В.* Воспоминания об А. Е. Викторове. [СПб., 1883]; *Грачева О. А., Сокольская К. П.* А. Е. Викторов: Биобиблиогр. указ. М., 1982; *Толстяков А. П.* А. Е. Викторов // Федоровские чтения, 1974. М., 1976. С. 61–70; СвДР. С. 103–104; *Немировский Е. Л.* Библиотекарь и библиограф А. Е. Викторов // Библиотекарь. 1983. № 4. С. 47–50; Рукописные собрания ГБЛ: Указ. М., 1983. Т. 1. Вып. 1. С. 180–183.

Е. Л. Немировский

ВИ́КТОР ТУННУ́НСКИЙ [Тонненский; лат. Victor Tunnunus] († ок. 567), еп. г. Туннуна (Тоннена) в Проконсульской Африке, лат. хронист. Будучи стойким приверженцем Халкидонского вероопределения (451) В., как и большинство зап. и африкан. епископов, не принял эдикт Юстиниана I «О трех главах» (544), составленный митр. Кесарии Каппадокийской *Феодором Аскидой* и направленный против Халкидонского Собора. В связи с этим В. был лишен кафедры (547) и сослан сначала в мон-рь Мандракий (около Карфагена), а затем в Каноп. После V Вселенского Собора по настоянию К-польского Патриарха свт. *Евтихия* (552–565) В. был доставлен в К-поль (555), но, признанный после диспута нераскаявшимся, был отправлен в мон-рь около Александрии. Там он пробыл до 564 г., пока вновь не был доставлен в К-поль и заключен в один из мон-рей, где он составил «Всемирную хронику», от к-рой сохранилась только последняя часть: от 444 до 567 г. (MGH. AA. 1894. Vol. 11. P. 178–206). Произведение В. представляет собой продолжение «Хроники» *Проспера Тиро Аквитанского*. При ее написании В. пользовался «Трехчастной церковной историей» *Феодора Анагноста*. Во «Всемирной хронике» с нач. VI в. детально изложены светская и церковная история, к-рые автор отделяет друг от друга. Несмотря на частые хронологические ошибки, труд В. является ценным источником как по нек-рым

светским сюжетам, так и по истории церковной полемики и богословской мысли 1-й пол. VI в. Принадлежность В. трактата «О раскаянии» спорна.

Лит.: *Андреев И.* Константинопольские Патриархи от времен Халкидонского Собора до Фотия. Серг. П., 1895. С. 51–61; *Cameron Av.* Byzantine Africa: The Literary Evidence // Excavations at Carthage / Univ. of Michigan. Tunis, 1982. Vol. 7. P. 29–62; *Козлов А. С.* Идейно-политическая направленность хроники Виктора Тонненского // АДСВ. 1987. С. 23, 25–41; *Карташёв.* Соборы. С. 335, 356.

П. И. Жаворонков

ВИКТРИ́ЦИЙ [лат. Victricius] (кон. IV — нач. V в.), свт. (пам. зап. 7 авг.), еп. Ротомагский, церковный писатель. Сведения о жизни В. содержатся в 2 посланиях к нему св. *Павлина Милостивого*, еп. Нолан-ского (Ер. 18; 37), в одном из писем папы *Иннокентия I* (Ер. 1), а также в собственном соч. В. «О славе святых» (De laude sanctorum). Согласно св. Павлину, В. происходил из военного сословия, в юности связал жизнь с армейской службой. Впосл. решил оставить военное поприще, чтобы посвятить себя служению Христу, что вызвало обвинения в попытке дезертирства. В. был приговорен к смертной казни, к-рой избежал чудесным образом (*Paulinus.* Ер. 18, 7).

Первые упоминания о В. как о епископе Ротомагском относятся к 389 г. В. занимался активной миссионерской деятельностью на севере Галлии, в прирейнском регионе, в бассейне р. Скальд (совр. Шельда), на территории совр. провинций Зап. и Вост. Фландрии, Фламандского и Валлонского Брабанта, строил новые церкви и рукополагал для них священников (*Paulinus.* Ер. 18, 4). Поддерживал общение с епископами Италии, в т. ч. со свт. *Амвросием* Медиоланским. В 396 г. В. попросил италийских епископов прислать ему частицы мощей мучеников, к-рые были торжественно доставлены в Ротомаг (совр. Руан, Франция) медиоланским клириком Элианом. Между 395 и 397 гг. В. посетил Британию, а в 403 г.— Рим, где, согласно св. Павлину, еп. Нолан-скому, защищался перед папой от обвинений в ереси. В 405 г. папа Иннокентий направил В. письмо, касающееся дисциплинарных вопросов: принятия куриалов в церковный клир, посвящения епископов и священников, вопроса о безбрачии клира, покаяния для павших девственниц, правила принятия монахов в клир (*Innocentius* I, Ер. 2). Почитание В. фиксируется с IX в., когда его мощи были перенесены из Руана в Брен.

Соч.: Liber de laude sanctorum // PL. 20. Col. 443–458A.
Ист.: ActaSS. Aug. T. 2. P. 192–197; *Paulinus Nolanus.* Ep. 18, 37. Col. 237–243B, 353–357.
Лит.: *Prete S.* Vittricio // BiblSS. Vol. 12. Col. 1310–1315.

Д. В. Зайцев

ВИКУ́ЛИН Александр Григорьевич (60-е гг. (?) XIX в.— после 1917), педагог. Окончил Рязанскую Александровскую учительскую семинарию, преподавал в провинции. В 1901–1917 гг. состоял старшим учителем в Крутицком 2-м муж. учще в Москве, там же с 1904 г. преподавал пение. В нач. 90-х гг. XIX в. В. издал небольшим тиражом на собственные средства тетрадь с 3 песнопениями: Прокимен на венчании, «Тебе поем», «Бог Господь» и тропарь «Собезначальное Слово». По отзыву свящ. М. Лисицына, сочинения В. написаны в старинном шаблонном стиле, незатейливы и просты.

Лит.: *Лисицын.* Обзор. С. 107–108.

А. А. Наумов

ВИКУ́ЛИН Даниил (1653 — 12.10.1733, Выговское общежительство), видный деятель старообрядчества, основатель *Выголексинского общежительства*. Именем В. называется согласие старообрядцев-беспоповцев, ведущее начало из Выговского мон-ря: данилово согласие, даниловщина (см. *Поморское согласие*). В. жил в Новгороде, затем был дьячком в церкви с. Шуньга в Заонежье (до 1682). Уже в это время он тесно общался с проповедниками старообрядчества в Поморье, выходцами из *Соловецкого в честь Преображения Господня мон-ря* иеродиаконами *Игнатием* и Пимином. Духовным отцом В. был др. известный деятель старообрядчества — игум. *Беседного во имя свт. Николая мон-ря* Досифей, позже старец *Варлаам (Быков)*. Во время усиления гонений на старообрядчество во 2-й пол. 80-х гг. XVII в. В. скитался по побережью Белого м. Придерживался взглядов о допустимости самосожжения «по нужде». В 1691 г. по просьбе старообрядцев вернулся в новгородские пределы и поселился вместе с ближайшими соратниками, в т. ч. Петром *Прокопьевым*, на

Даниил Викулин. Настенный лист. Выг. Нач. XIX в. (ГИМ). Фрагмент

оз. Сарозеро, в келье Игнатия Соловецкого, откуда в 1692 г. они перешли на р. Рязанку, в кельи Емельяна Повенецкого. Сюда стали приходить окрестные крестьяне, жители Москвы, Н. Новгорода, др. городов, поселение быстро разрасталось. В. неоднократно выходил в окрестные села, проповедуя старообрядчество, подвергался преследованиям, однако пойман не был.

В 1694 г. вместе с А. Денисовым (см. *Денисовы*) В. основал Выголексинское общежительство, был его первым киновиархом, сохранял руководство духовной жизнью обители до самой смерти (светские дела в 1702 были переданы А. Денисову), имел много духовных детей. После того как Выговское общежительство было приписано к олонецким Петровским заводам (1705), летом следующего года В. руководил экспедицией по поиску железной руды в районе Выговской пуст. В 1718 г. подвергся аресту на Петровских заводах в связи с намечавшимся правительственным розыском по Выговскому общежительству, но благодаря хлопотам выговцев и ходатайству начальника заводов В. И. Геннина вскоре был отпущен. В 20-х — нач. 30-х гг. XVIII в. без благословения В. на Выге не совершалось ни одно начинание, будь то строительство в муж. и жен. мон-рях, контакты с властями, оказание помощи др. старообрядческим общинам. В. имел дочь Анастасию, к-рая жила в Лексинском мон-ре; в кон. XVII в. вывез из Устьрецких заводов на Выг свою сестру (имя неизвестно) с мужем Л. Баталовым и детьми.

В 1706–1708 гг. В. выступил оппонентом правосл. свящ. Петровских заводов Иосифа, к-рый направил выговцам 4 полемических послания. Как духовный наставник пустыни В. написал неск. сочинений, призывающих соблюдать монастырские порядки: 2 послания к инокиням Лексинской обители о «неполезных дружбах», поучение о молчании. Перед смертью составил духовное завещание и предсмертное прощальное слово. Старообрядческие писатели посвятили В. слово и вирши на день тезоименитства, неск. надгробных слов и слов на дни ежегодного поминовения, а также отдельную службу.

Лит.: *Филиппов И. Ф.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; *Дружинин В. Г.* Писания рус. старообрядцев. СПб., 1912. С. 74–77; *Островский Д. В.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914; *Понырко Н. В., Бударагин В. И.* Автографы выговских писателей // Древнерус. книжность. Л., 1985. С. 174–200; *Гурьянова Н. С.* Духовные завещания выговских большаков // Традиционная духовная и материальная культура рус. старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосиб., 1992. С. 96–102; *Понырко Н. В.* Даниил Викулин // СККДР. Вып. 3. Ч. 1. С. 248–250; *Демкова Н. С.* Вновь найденный подлинник «Дела об олонецком раскольнике Терешке Артемьеве» 1695 г. // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 176–189; *Юхименко Е. М.* Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ. 1993. Т. 47. С. 328–342; *она же.* Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной Церковью: Предыстория «Поморских ответов» // Там же. 1999. Т. 51. С. 404–416; *она же.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и лит-ра. М., 2002. Т. 1. С. 16, 25–28, 34, 37, 44–46, 48, 50–53 и др.; Т. 2. С. 30–31, 187, 198–199, табл. 1–6.

Е. М. Юхименко

ВИЛ, мч. (28 окт.) — см. в ст. *Терентий, Неонилла* и др. мученики Сирийские.

ВИЛ И ДРАКОН — см. ст. *Даниил,* прор., книга.

ВИЛАЙА́ [валайа], в исламе термин означающий пребывание под божественным покровительством; близость к Богу; у *шиитов* также повиновение имаму. В *Коране* термин встречается дважды и переводится как близость (Коран 8.72) или спасение, защита, покровительство (Коран 18. 47).

Учение о В. подробно изложено в трактате аль-Хакима ат-Тирмизи (ум. в 898) «Книга о печати святости». По Тирмизи, В. ограничена во времени, поскольку она, подобно пророчеству, отмечена печатью, к-рая должна проявиться в конце времен. Может иметь пассивную и активную природу, в совокупности они составляют неделимую божественность и соответственно отражают пассивное и активное начало богоизбранности у суфийских «святых» — аулийа. Основатели багдадской школы мистицизма Харис аль-Мухасиби, Джунайд аль-Багдади, а также ат-Тирмизи считали, что состояние В. даруется свыше и его невозможно лишиться даже после нарушения религ. заповедей, поскольку *Аллах* сам и охраняет дарованное им. Сахл ат-Тустари, напротив, считал, что В. приобретается постоянным соблюдением религ. заповедей и утрачивается при совершении тяжких грехов. Ибн аль-Араби детально разработал учение об иерархии суфийских «святых» и ее главе — кутбе («мистическом полюсе»), о соотношении пророчества и В. Он соединил суфийскую и шиитскую традиции понимания В. Для аль-Араби пророчество — частное проявление «святости», связанное с введением нового религ. закона. Различаются 2 вида «святости»: В. общая для всех религий и В., присущая только исламу. «Печатью» первой аль-Араби называет Иисуса Христа, второй — верховного суфия (кутба).

Позднешиитская философия унаследовала учение аль-Араби об аулийа с одной оговоркой: «печатями святости» были названы соответственно 1-й и 12-й имамы. Уже в X в. были известны многочисленные мусульм. «святые» — *вали.* О них упоминают ат-Тирмизи и Ибн Дурайд (ум. 923). В XI в. аль Худжвири описывает различные степени и виды святости. Истинный вали должен был обладать даром молитвы и способностью творить чудеса, среди к-рых называли сотворение пищи и воды, преодоление пространства за неправдоподобно короткое время, избавление от врага, способность слышать чужие голоса. Чудесные явления обязательно сопровождали и кончину вали. Напр., по преданию, на лбу умершего егип. «святого» Зу-н-Нуна была обнаружена надпись: «Это возлюбленный Аллаха, умерший от любви к Аллаху, умерщвленный Аллахом», а во время похорон над его траурными носилками собрались стаи птиц и своими крыльями создали тень.

Т. о., и у шиитов, и у суфиев В. обозначает «близкое нахождение, покровительство Аллаха», но ни у тех ни у др. понятие «святость» по существу не является до конца адекватным термину «В.».

Ист.: Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1986; Коран / Пер. с араб. Г. С. Саблукова. М., 1990; Коран / Пер. с араб. и коммент. М. Н. Османова. М., 1999; *Ибн ал-'Араби.* Мекканские откровения (ал-Футухат ал-маккийа) / Введ., пер. с араб., примеч. и библиогр. А. Д. Кныша // Памятники культуры Востока. СПб., 1995.

Лит.: *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе: Мухаммеданские эскизы. М., 1938; *Триминггэм Дж. С.* Суфийские ордена в исламе / Пер. с англ. под ред. О. Ф. Акимушкина. М., 1989; *Кныш А. Д.* Вали // Ислам: Энцикл. слов. М., 1991. С. 45–46; *Хисматулин А. А.* Суфизм. СПб., 1999.

В. С. Рыбалкин

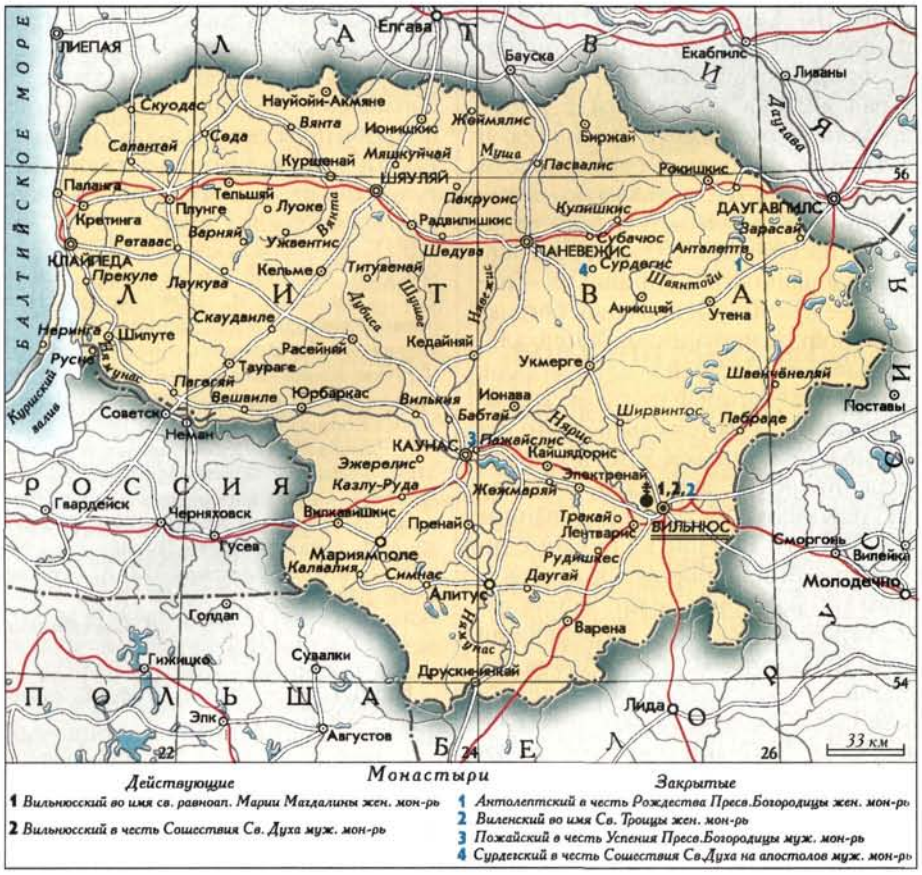
ВИЛДА́Д — см. ст. *Иов,* св. прав. (разд. «Книга Иова»).

ВИ́ЛЕМОВСКИЙ ВО ИМЯ УСПЕ́НИЯ БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ [чеш. Ženský monastýr ve Vilemove] Православной Церкви Чешских Земель и Словакии. Расположен в Вилемове, близ Оломоуца (Чехия). Относится к Оломоуцко-Брненской епархии. Мон-рь был образован в 1993 г. по благословению и трудами еп. Оломоуцко-Брненского *Христофора (Пулеца)* на пожертвования христ. Церквей Зап. Европы. В мон-ре организован духовный кирилло-мефодиевский центр свт. Горазда, действует Православная академия, где проводятся встречи и конференции богословов различных христ. конфессий. В мон-ре 6 насельниц, преимущественно из Румынской Православной Церкви.

Лит.: Pravoslavný kalendář na rok 1999. Olomouc, 1998.

Диак. Сергий Попов

ВИ́ЛЕНСКАЯ И ЛИТО́ВСКАЯ ЕПА́РХИЯ РПЦ, учреждена в февр. 1839 г. с наименованием Литовская, включала территории Виленской и Гродненской губерний Российской империи. С 6 апр. 1840 г. Литовская и Виленская, с 13 апр. 1945 г. Виленская и Литовская. Совр. территория — в границах Республики *Литвы.* Кафедральный город — Вильнюс (до 1795 — Вильно, затем — Вильна, с 1920 вновь Вильно, с 1939 — Вильнюс). Кафедральный собор — в честь

Действующие монастыри

1 Вильнюсский во имя св. равноап. Марии Магдалины жен. мон-рь
2 Вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа муж. мон-рь

Закрытые монастыри

1 Антолептский в честь Рождества Пресв.Богородицы жен. мон-рь
2 Виленский во имя Св. Троицы жен. мон-рь
3 Пожайский в честь Успения Пресв.Богородицы муж. мон-рь
4 Сурдегский в честь Сошествия Св.Духа на апостолов муж. мон-рь

Успения Пресв. Богородицы (Пречистенский). Правящий архиерей — митр. Виленский и Литовский *Хризостом (Мартишкин;* на кафедре с 26 янв. 1990, в сан митрополита возведен 25 февр. 2000). Епархия разделена на 4 благочинных округа: Вильнюсский (города Вильнюс и Друскининкай, р-ны Вильнюсский, Тракайский, Шальчининкский), Каунасский (города Каунас и Шяуляй, р-ны Йонавский, Кедайнский, Кяльмеский, Расейнский, Укмяргский), Клайпедский (города Клайпеда и Паланга, р-ны Клайпедский, Акмянский, Мажейкский, Таурагский, Тяльшяйский) и Висагинский (города Висагинас и Панявежис, р-ны Аникщяйский, Биржайский, Зарасайский, Молетский, Панявежский, Пасвальский, Рокишкский, Утянский, Швянчёнский). К 1 янв. 2004 г. в В. е. действовали 50 приходов, 2 мон-ря (муж. и жен.). В клире епархии состояли 43 священника и 10 диаконов.

Учреждение епархии. После заключения в 1596 г. *Брестской унии* большинство православных, живших на литов. землях и являвшихся польск. подданными, были обращены в *униатство*. В результате 3-го раздела Польши (1795) литов. земли, включая Вильно, вошли в состав Российского гос-ва, на них были созданы Виленская и Слонимская губернии, объединенные в 1797 г. в одну. Указами

Собор в честь Успения Пресв. Богородицы (Пречистенский) в Вильне. Фотография. Нач. XX в. (ГИМ)

9 сент. 1801 г., 1 янв. и 28 авг. 1802 г. обе эти губернии были восстановлены с названиями Литовская Виленская и Литовская Гродненская, позднее переименованные в Виленскую и Гродненскую. В 1793 г. немногочисленная правосл. община Литвы вошла в Минскую, Изяславскую и Брацлавскую епархию, к-рая была образована на территориях, присоединенных к России по 2-му разделу Польши (1793); с 16 окт. 1799 г. Минский архиеп. *Иов (Потёмкин)* стал именоваться Минским и Литовским. В 1833 г. была воссоздана правосл. Полоцкая и Витебская епархия, включившая в себя территорию Виленской губ.

К нач. 30-х гг. XIX в. большинство населения Виленской губ. были греко-католиками. По утверждению Полоцкого архиеп. *Смарагда (Крыжановского)*, жителей правосл. вероисповедания в губернии насчитывалось ок. 1 тыс. В Вильне не было ни одной правосл. приходской церкви, действовал только Свято-Духов монастырский храм, в 1838 г. была освящена приписная к нему кладбищенская ц. во имя прп. Евфросинии Полоцкой.

12 февр. 1839 г. в Полоцке состоялся собор епископов униатских Полоцкой и Витебской епархий, к-рый вынес решение о воссоединении с правосл. Церковью (см. *Полоцкий собор*), в том же году была образована правосл. Литовская епархия, к-рую возглавил архиеп. *Иосиф* (*Семашко;* с 1852 митрополит), принятый в общение с правосл. Церковью вместе с паствой. В 1840 г. здание католич. костела св. Казимира было обращено в правосл. церковь, освященную во имя свт. Николая Чудотворца. 9 мая 1845 г. кафедра Литовского архиерея, в 1839–1845 гг. находившаяся в *жировицком в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ре*, была перенесена в Вильну, кафедральным собором стала ц. свт. Николая. В 1840 г. было создано Брестское вик-ство Литовской епархии для управления приходами на территории Гродненской губ. В 1843 г. в Литовскую епархию вошла территория новообразованной Ковенской губ. и было учреждено *Ковенское викариатство*.

Литовская епархия во 2-й пол. XIX — нач. XX в. До нач. 60-х гг. XIX в. епархия практически не получала средств из российской казны на строительство храмов, местные ресурсы не позволяли осуществлять его в нужном объеме. Положение в корне изменилось после подавления польск. восстания 1863–1864 гг.,

Церковь во имя прп. Евфросинии Полоцкой в Вильнюсе. Фотография. 2003 г.

когда мн. костелы и католич. мон-ри «за содействие мятежникам» главным начальником края М. Н. Муравьёвым были переданы в распоряжение правосл. епархии или закрыты. В 60-х гг. российская казна выделила 500 тыс. р. на строительство 57 храмов в Литовской епархии, кроме того, со всех концов России в край поступали пожертвования. В 1865–1869 гг. были восстановлены древние храмы Вильны, построенные в XIV в.: Успенский митрополичий собор (Пречистенский), ц. вмц. Параскевы Пятницы, ц. свт. Николая, к к-рой пристроили часовню в честь арх. Михаила, в 1851 г. в Свято-Духове мон-ре в существовавшей ранее пещере была оборудована ц. во имя Виленских мучеников *Антония, Иоанна и Евстафия,* где поместили мощи этих святых, вновь обретенные в 1814 г. К кон. 60-х гг. XIX в. на территории епархии действовало более 450 правосл. храмов.

Церковь во имя свт. Николая Чудотворца в Вильне. Гравюра. Кон. XIX в. (РГБ)

При архиеп. *Макарии* (*Булгакове;* 1868–1879), сменившем на кафедре митр. Иосифа, в епархии были построены и переделаны в православные 293 приходские церкви. Архиеп. Макарий ввел выборность благочинных, при нем регулярно проходили епархиальные, благочинические и училищные съезды. В 1898 г. Литовскую кафедру занял архиеп. *Ювеналий (Половцев),* придававший большое значение устроению монашеской жизни. По его ходатайству перед Синодом в 1901 г. был возрожден Березвечский в честь Рождества Пресв. Богородицы жен. мон-рь, значительно увеличилось число насельников виленского Свято-Духова мон-ря, священноархимандритами к-рого являлись Виленские архиереи. В 1909 г. при *виленском православном Свято-Духовском братстве* был учрежден церковно-строительный комитет, к-рый взял на себя заботу по организации сбора средств на храмоздательство в епархии. В 1899 г. в связи с учреждением Гродненской кафедры (см. *Гродненская и Волковысская епархия*) территория Гродненской губ. была исключена из Литовской епархии, прекратило существование Брестское вик-ство.

Церковь во имя арх. Михаила с церковноприходской школой в Вильнюсе. 1895 г. Фотография. 2003 г.

Во время управления Литовской епархией архиеп. св. *Тихоном* (*Белавиным;* дек. 1913 – июнь 1917; впосл. Патриарх Московский и всея России) была открыта церковь при штабе военного корпуса в Вильне, заложена ц. во имя ап. Андрея Первозванного в с. Андроны Дисненского у., построены храмы в Дисне и в мест. Угорско-Богинское (Богино). Представители имп. семьи в разные годы неоднократно посещали Вильну, участвовали в богослужениях в местных храмах, 24–25 сент. 1914 г. по пути на фронт Вильну посетил почетный председатель Виленского братства имп. св. *Николай II Александрович.*

Духовные учебные заведения. В 1839 г. униатская семинария в жировицком Успенском мон-ре была преобразована в православную, в авг. 1845 г. переведена в виленский Свято-Троицкий муж. мон-рь, настоятель к-рого являлся ректором семинарии. В 1839–1915 гг. в ней ежегодно училось 170–195 чел. Поначалу преподавание велось на польск. языке; после появления в ДС рус. преподавателей рус. язык стал доминировать в учебном процессе, хотя нек-рые богословские дисциплины в течение долгого времени преподавались на латыни в целях подготовки семинаристов к диспутам с католич. священнослужителями. В 40-х гг. XIX в. при ДС работал этнографический комитет, под наблюдением к-рого составлялись описания обычаев жителей Западного края, публиковавшиеся Российским географическим об-вом. Библиотека ДС в 1885 г. насчитывала 12 500 томов, среди них были редкие издания XV–XVII вв.

8 сент. 1861 г. в Вильне открылось епархиальное 3-классное жен. училище, к-рому имп. Мария Александровна завещала капитал. В 1867–1872 гг. в епархии действовали 5 ДУ: Березвечское, Виленское, Жировицкое, Кобринское и Супрасльское, находившиеся в ведении семинарского правления. В 1872 г. 3 уч-ща были закрыты, действующими остались уч-ща в Жировицах и в Вильне, в 1895 г. в них обучалось 307 учеников. 25 окт. 1894 г. было учреждено виленское Свято-Андреевское попечительство для оказания пособий бедным ученикам ДУ.

После издания в 1884 г. «Правил о церковноприходских школах» в Литовской епархии стал создаваться этот новый для нее тип учебных

«Вильна. План части города с показанием существовавших и ныне находящихся в нем православных храмов, монастырей и часовен». Литография. 1874 г. (ГИМ)

1. Собор Пречистой Богородицы
2. Церковь вмц. Параскевы (Пятницкая)
3. Церковь Перенесения мощей св. Николая
4. Церковь св. ап. Андрея Первозванного
5. Кафедральный собор св. Николая
6. Свято-Троицкий мон-рь
7. Свято-Духов мон-рь
8. Мариинский жен. мон-рь
9. Церковь Благовещения Пресв. Богородицы
10. Церковь св. Александра Невского во дворце
11. Александро-Невская часовня
12. Церковь Покрова Пресв. Богородицы*
13. Церковь вмц. Екатерины*
14. Церковь св. Иоанна Крестителя*
15. Церковь арх. Михаила *
16. Церковь св. Николая (Успения)*
17. Церковь прор. Илии *
18. Церковь Рождества Христова*
19. Церковь Спасская*
20. Церковь святых Петра и Павла*
21. Церковь Воскресения Господня*
22. Церковь Благовещения*
23. Церковь св. Никодима*
24. Церковь вмч. Георгия на Россе*
25. Церковь св. Иосифа Обручника в архиерейском доме
26. Церковь св. Виленских мучеников в тюремном замке
27. Церковь св. Николая на Антоколе
28. Церковь прп. Евфросинии на кладбище
29. Часовня Георгиевская кладбищенская на могиле рус. воинов, убитых в мятеже 1863 г.
30. Троицкий жен. мон-рь (где Свято-Троицкий мон-рь)
31. Церковь бесср. Космы и Дамиана (на том месте ныне ц. св. Андрея Первозванного)*
32. Церковь св. Петра*
33. Церковь св. Георгия на Луге*
34. Часовня св. Михаила

* Церкви, не сохранившиеся к 1874 г.

заведений (ранее в епархии преобладали народные уч-ща). В 1886 г. открылась образцовая церковно-приходская школа при ДС. В 1885 г. по предложению архиеп. *Александра (Добрынина)* совет Виленского братства принял на себя обязанности епархиального училищного совета, его отделения были организованы во всех уездах Виленской, Гродненской и Ковенской губерний. В 1888 г. совет учредил учительские 2-годичные школы в Вильне и в Гродненской губ. для подготовки преподавателей церковно-приходских школ (состоялись 2 выпуска — в 1890 и 1892). В 1895 г. на территории епархии действовало 148 церковно-приходских школ с 6205 учениками, 693 народных начальных уч-ща с 43 385 учениками и 1288 школ грамоты с 24 445 учениками. Существовали школы при виленском Свято-Духовом, Борунском (приписном к Свято-Духову), Пожайском, Сурдегском, Березвечском, Анталептском мон-рях.

Миссионерская, просветительская, издательская деятельность. Поскольку православные в Западном крае жили по преимуществу в инославной среде, миссионерство было одним из основных направлений деятельности церковных и рус. общественных структур в Литовской епархии. С 1880 г. в нек-рых храмах начали проводиться внебогослужебные религиозно-нравственные собеседования, с 1892 г. при ДС проходили еженедельные религиозно-нравственные чтения. В доме, принадлежавшем Виленскому братству, по субботам проводились собеседования с евреями. В епархии существовала должность противораскольнического миссионера для работы со старообрядцами. С 1898 г. по Виленскому краю курсировал миссионерский поезд — «вагон-церковь полесских дорог». При архиеп. сщмч. *Агафангеле (Преображенском;* 1910–1913) начал работу епархиальный миссионерский комитет, к-рый в 1911 г. возглавил еп. *Елевферий (Богоявленский)*, вик. Ковенский. Были также организованы миссионерские курсы, на к-рых главным предметом стала «противокатолическая полемика». При архиеп. Агафангеле в Духов день ежегодно совершались торжественные крестные ходы из всех виленских храмов и мон-рей к Николаевскому кафедральному собору, затем к Свято-Духову мон-рю.

С 1863 г. в епархии выходил ж. *«Литовские епархиальные ведомости»*, с 1907 г.— «Вестник виленского Свято-Духовского братства». 20 янв. 1895 г. в Вильне открылась типография Свято-Духовского братства, к 1909 г. в ней было отпечатано более 100 наименований книг.

К 1895 г. в епархии действовали 38 благочинических и 86 церковно-приходских б-к. С 1 янв. 1880 г. при всех храмах велись приходские летописи. В авг. 1886 г. архиеп. *Алексий (Лавров-Платонов)* утвердил программу историко-статистического описания приходов епархии, в соответствии с к-рой в 1888 г. в консистории был составлен многотомный документ.

Братства, др. церковно-общественные организации. Виленское Свято-Духовское братство являлось древнейшей и крупнейшей в Литве церковно-общественной организацией (действовало в кон. XVI — кон. XVIII в., возрождено в 1865, прекратило существование в 1915). Братство вело активную просве-

тительскую, издательскую, благотворительную деятельность, содержало приют на 12 детей, а также дом, в к-ром на льготных условиях жили 40 семей. Приют для 30 девочек-сирот из семей духовных лиц существовал при виленском Мариe-Магдалинском жен. мон-ре. Из др. братств наиболее известно ковенское Свято-Никольское Петропавловское (1864–1915, возобновлено в 1926, существовало до 1940). При большинстве приходов епархии действовали попечительства, в 1895 г. их было 479.

Литовская епархия в 1917–1945 гг. В июне 1917 г., после избрания свт. Тихона (Белавина) на Московскую кафедру, управляющим Литовской епархией был назначен Ковенский еп. Елевферий (Богоявленский). В 1918 г. Литва провозгласила независимость, в состав нового гос-ва вошли бывш. Ковенская губ. и незначительная часть бывш. Виленской губ. Правосл. община Литвы оставалась в каноническом подчинении Русской Церкви, 28 июня 1921 г. Патриарх Тихон и Свящ. Синод назначили еп. Елевферия архиепископом Литовским и Виленским.

В 1920 г. бóльшая часть бывш. Виленской губ., включая Вильну, отошла к Польше, в 1922 г. на этой территории была учреждена Виленская и Лидская епархия Варшавской автокефальной митрополии. В февр.–марте 1923 г. произошло самочинное отделение Польской правосл. Церкви от Московского Патриарха и ее переход в юрисдикцию К-польского Патриархата. Архиеп. Елевферий, находившийся тогда в Вильно, выразил протест против этих неканонических действий. Осенью 1922 г. решением церковного суда Варшавской митрополии владыка был уволен с Виленской кафедры, затем он был арестован гражданскими властями и отправлен в заключение в католич. мон-рь под Краковом. На Виленскую кафедру Польской автокефальной Церкви был поставлен архиеп. *Феодосий (Феодосиев)*. Виленская и Лидская епархия Польской Церкви просуществовала до начала второй мировой войны.

После 3 мес. заключения архиеп. Елевферий был выслан из Польши, уехал в Берлин. В апр. 1923 г. ему поступило предложение возглавить ту часть Виленской епархии, территория к-рой находилась в пределах Литовской республики. После приезда владыки в Каунас (Ковно) — временную столицу Литвы — на собрании представителей правосл. приходов был избран епархиальный совет из 3 священников и 2 мирян. Совет ежегодно переизбирался, его состав утверждался департаментом вероисповеданий Мин-ва внутренних дел Литвы. Отношения между правосл. епархией и властями регулировались «Временными правилами отношений Литовской православной церкви с литовским правительством».

В 1926 г. министр внутренних дел В. Пожела побуждал архиеп. Елевферия предпринять действия для приобретения Литовской епархией автокефалии. Архиерей отказался, ссылаясь на то, что управляет частью Литовской епархии и вопрос о ее судьбе можно решать только после возвращения Виленского края Литве. Поскольку присоединение территорий, оккупированных Польшей, было главной политической задачей Литовского гос-ва, планы правительства по автокефалии были на время отложены. Осенью 1928 г. по приглашению Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митр. *Сергия (Страгородского)* архиеп. Елевферий прибыл в Москву. На заседании Свящ. Синода он был возведен в сан митрополита, одновременно получив право «автономно-самостоятельно решать все вопросы, касающиеся церковно-административных интересов Литовской епархии». В 1930 г. митр. Елевферий был назначен на должность временно управляющего западноевроп. приходами РПЦ, 30 апр. утвержден в должности.

Литовский епархиальный совет. 3-й слева — митр. Елевферий (Богоявленский), слева от него — председатель совета прот. И. Корчинский и юрист А. Соколов, справа — прот. Б. Калисский, свящ. С. Семёнов, юрист-консул И. Татаринцев. Фотография. Кон. 20-х гг. XX в.

Епархия в пределах Литвы была разделена на 3 благочиния: Каунасское, Панявежское и Шяуляйское. К 20-м гг. XX в. число правосл. храмов в крае резко сократилось: десятки храмов были разрушены или использовались под хозяйственные нужды, католич. Церкви, костелы и мон-ри, отнятые у католиков во 2-й пол. XIX в., были возвращены. В 1920 г. в департаменте вероисповеданий Литвы было зарегистрировано 10 правосл. приходов. После возвращения архиеп. Елевферия в Литву число приходов росло и к сер. 30-х гг. достигло 31. В 1923 г. архиеп. Елевферий рукоположил 5 священников, до 1930 г.— еще 5, но священнослужителей не хватало. В 1923–1939 гг. в Каунасе издавалась газ. «Голос Литовской православной епархии», публиковавшая статьи в защиту Православия. С 1937 г., в ответ на создание в Каунасе миссии униатской Церкви, газета выпускала специальное приложение об унии и ее целях.

В 1926 г. возобновило свою деятельность каунасское Свято-Никольское братство (существовало до 1940), число его членов в 30-х гг. составляло 80–90 чел. Братство проводило лекции по религ. и морально-этическим вопросам, выдавало пособия нуждающимся ученикам Каунасской рус. гимназии, оказывало помощь бедным приходам, выдавало средства рус. скаутскому отряду для приведения в порядок могил рус. воинов.

В окт. 1939 г., после разгрома Польши Германией и заключения советско-нем. соглашений, Вильно и незначительная часть Виленского края были присоединены к Литве, на этой территории действовало 14 церквей и проживало 12 тыс. православных. Бóльшая часть Виленского края (бывш. Дисненский, Вилейский, Лидский, Ошмянский повяты) отошла к Белорусской ССР. В окт. 1939 г. митр. Елевферий приехал в Вильнюс, к-рый вновь стал кафедральным центром, архиерей

упразднил виленскую консисторию Польской Церкви.

10 янв. 1940 г. архиеп. Феодосий, бывш. глава Виленской епархии Варшавской митрополии, отправил письмо митр. Сергию (Страгородскому), в к-ром приносил покаяние в грехе раскола, отказывался от управления Литовской епархией и просил принять его и его паству в юрисдикцию Русской Церкви. Архиеп. Феодосий был почислен на покой, жил в вильнюсском Свято-Духовом мон-ре. Однако весной того же года Феодосий сообщил Совету министров Литвы, что его письмо в Москву было ошибкой, что он выходит из подчинения митр. Елевферию и создает временный епархиальный совет. 22 мая 1940 г. он послал письмо К-польскому Патриарху, в к-ром писал, что по-прежнему считает себя главой Виленской епархии и просит принять его в юрисдикцию К-поля. В следующем письме на имя председателя Совета министров Литвы Феодосий отмечал, что его обращение в К-поль — это «первый шаг к независимости от Московского Патриарха Сергия не только Виленского края, но и всей исторической Литовской православной церкви». Феодосия поддержал министр внутренних дел Литвы К. Скучас, в непосредственном ведении к-рого находились вопросы религ. отношений. Дальнейшие действия по объявлению автокефалии Литовской Церкви стали невозможны, после того как в июне 1940 г. в Литву вошли советские войска.

В авг. 1940 г. Литва стала частью СССР. Митр. Елевферий управлял Литовской и Виленской епархией РПЦ до своей кончины 31 дек. 1940 г. Затем полномочным представителем Московской Патриархии в Прибалтике стал Дмитровский архиеп. *Сергий (Воскресенский)*, 24 февр. 1941 г. назначенный митрополитом Литовским и Виленским, экзархом Латвии и Эстонии. Во время нем. оккупации Литвы в ходе второй мировой войны экзарх Прибалтики не прерывал связь с Москвой. В 1942 г. митр. Сергий (Воскресенский) рукоположил во епископа Ковенского архим. *Даниила (Юзвьюка)*, бывш. секретаря митр. Елевферия. После убийства митр. Сергия 29 апр. 1944 г. в должность временно управляющего Литовской и Виленской епархией и заместителя экзарха Прибалтики

Крестный ход во время встречи мощей Виленских мучеников в вильнюсском Свято-Духовом мон-ре 26 июля 1946 г. (Архив ЦНЦ ПЭ)

вступил в сане архиепископа Даниил (Юзвьюк), к-рый исполнял эти обязанности до вступления в Литву Советской Армии летом 1944 г.

Духовные учебные заведения. В 1915 г. Литовская семинария эвакуировалась из Вильны в Рязань, где прошел учебный 1916/17 год, занятия возобновились в 1921 г. в Вильно. В 1923 г. Литовская ДС перешла в юрисдикцию Польской автокефальной Церкви. В кон. 1939 г. ДС вернулась в юрисдикцию РПЦ с названием «Вильнюсская». При митр. Сергии (Воскресенском) в Вильнюсе на базе ДС действовали пастырско-богословские курсы для подготовки священнослужителей, к-рыми руководил протопр. Василий *Виноградов;* курсы окончили 27 чел., выпуск состоялся 27 апр. 1944 г. В 1944 г. семинария была закрыта, в 1946 г.— возобновлена, в авг. 1947 г. под давлением властей вновь закрыта, ученики были переведены в семинарию в Жировицах.

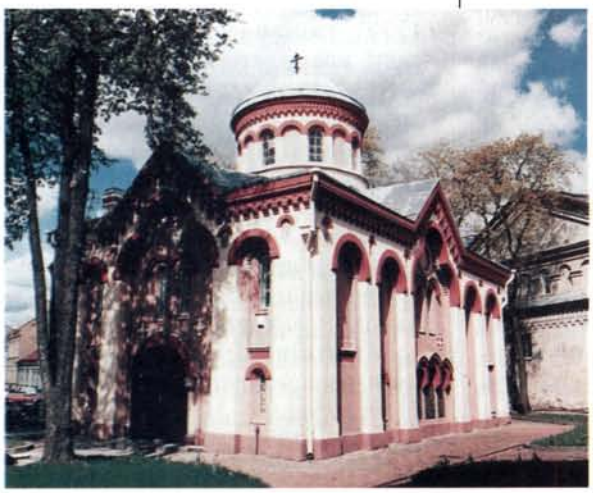
Правосл. духовенство независимой Литвы в 20-х гг. неоднократно обращалось к правительству с просьбой открыть в Каунасе правосл. духовную школу. В кон. 1929 г. Мин-во просвещения выделило 30 тыс. литов на организацию 2-годичных богословских курсов. Занятия вели архиеп. Елевферий, преподаватели парижского Свято-Сергиевского богословского ин-та и руководитель хора каунасского кафедрального Благовещенского собора. На курсах был 1 выпуск, их окончили 8 чел. В 1936 г. действовали 2-недельные епархиальные курсы псаломщиков.

В. е. в 1945–1989 гг. В первые годы после окончания второй мировой войны положение правосл. общины в Литовской ССР было относительно благополучным. В то время когда в республике была закрыта бóльшая часть костелов и все католич. мон-ри, правосл. храмы и мон-ри (Свято-Духов и Марие-Магдалинский в Вильнюсе) продолжали действовать. На литов. язык были переведены правосл. литургические тексты. Важнейшим событием в жизни В. е. стало возвращение в Вильнюс 26 июля 1946 г. мощей Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, увезенных в Москву летом 1915 г. В 1946–1948 гг. правосл. приходы прошли гос. регистрацию, права юридических лиц получили 44 общины. В 1946 г. в клире епархии состояли 76 священнослужителей. До 1949 г. на средства, поступавшие из Патриархии, было отремонтировано более 20 храмов, в т. ч. пострадавший от бомбежки монастырский храм Св. Духа. Патриархия выделяла также средства на зарплаты священнослужителям и пенсии сиротам из семей духовных лиц, в частности, в 1955 г. 21 из 41 прихода епархии получил различного рода помощь из Москвы.

Общегос. политика наступления на правосл. Церковь начала особо сказываться на правосл. общинах Литвы в нач. 50-х гг. В 1953 г. Совет министров Литовской ССР распорядился не отпускать правосл. общинам стройматериалы из гос. фондов. В 50-х гг. литов. правительство неоднократно обращалось в Москву с ходатайством о закрытии Свято-Духова мон-ря. Епархиальный клир не пополнялся — священнослужителям, приезжавшим из Белоруссии и с Украины, чинились непреодолимые препятствия для прописки в Литве. К 1961 г. число клириков епархии сократилось в сравнении с послевоенным более чем в 2 раза и составляло 36 священнослужителей (из них 6 диаконов). В 1965 г. 15 приходов из 44 не имели своих священников. Летом 1962 г. последовало распоряжение о запрете получения епархией материальной помощи из Патриархии. В 1946–1965 гг. в епархии закрыли ок. 30 храмов, сняли с регистрации Марие-Магдалинский мон-рь. Под негласным запретом было совершение таинств Крещения и Браковенчания,

исполнение др. церковных треб. В 70-х гг. в В. е. насчитывалось ок. 30 священнослужителей, число прихожан составляло чуть более 12 тыс. чел. Естественные миграционные процессы — переселение жителей деревень в города — привели к тому, что в большинстве сельских храмов прихожан не осталось. В 70–80-х гг. церковная жизнь была относительно активной только в крупных городах: Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Шяуляе, а также в приграничных с Калининградской обл. населенных пунктах Кибартай и Тяльшяй, в храмы к-рых приезжали верующие из соседней области РСФСР, где в то время не было ни одной правосл. церкви. В 1988 г. в епархии действовала 41 церковь.

В. е. в 1989–2003 гг. 11 марта 1990 г. было восстановлено независимое Литовское гос-во. По новой Конституции Литвы, Православие вошло в число 9 традиц. для края конфессий, к-рым правительство республики ежегодно выделяет средства, распределяющиеся пропорционально числу верующих; среднегодовая помощь правосл. Церкви из бюджета Литвы составляет ок. 60 тыс. долл. По закону о возвращении собственности, епархии вернули часть недвижимости, к-рой она владела до 1940 г., в частности 5 жилых многоэтажных зданий в Вильнюсе, неск. церковных зданий в провинции, жилые постройки, принадлежавшие отдельным приходам. Православным переданы Александро-Невская и Екатерининская церкви в Вильнюсе, Евфросиниевское кладбище, на к-ром возобновили Свято-Тихоновскую часовню; выделены средства на восстановление ц. вмц. Параскевы Пятницы.

Церковь во имя вмц. Параскевы Пятницы в Вильнюсе. 1865 г. Фотография. 2003 г.

В кон. 90-х гг. в епархии освятили неск. новых храмов: во имя мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии в средней школе Клайпеды, во имя свт. Тихона в райцентре Шальчининкай, Иоанно-Предтеченский в Висагинасе. В 2002 г. в Паланге по проекту пензенского архит. Д. Борунова возведен храм в честь Иверской иконы Божией Матери, по проекту того же архитектора в Клайпеде возводится Покровско-Никольская ц., Никольский придел к-рой освящен в дек. 2002 г. В Висагинасе строится двухэтажный храм в честь Введения во храм Пресв. Богородицы, в 2001 г. освящен Пантелеимоновский придел этого храма.

Важнейшим событием в жизни правосл. Литвы стало посещение республики Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II 25–27 июля 1997 г., приуроченное к празднованию 650-летия кончины Виленских мучеников и 400-летия Свято-Духова мон-ря. Президент Литвы А. Бразаускас вручил Патриарху Алексию II высшую награду Литовской Республики — орден литов. вел. кн. Гедимина 1-й степени. В ходе визита Патриарх Алексий II посетил школу-интернат № 3 в Вильнюсе и передал пожертвование на ее благоустройство. С балкона часовни, в к-рой находится виленская *Остробрамская икона Божией Матери,* почитаемая как православными, так и католиками, Предстоятель РПЦ выступил с обращением к народу Литвы.

Просветительская, издательская деятельность. В епархии действует 10 приходских воскресных школ, самая крупная — при каунасском Благовещенском соборе, ее посещают более 200 чел. разного возраста. В 2001 г. создана епархиальная комиссия, курирующая работу воскресных школ. В 2001 г. 12 студентов из Литвы окончили заочное отд-ние Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та.

В 1997 г. начала работу постоянно действующая епархиальная комиссия по аттестации преподавателей предмета «Основы религии», изучаемого в литов. общеобразовательных школах (по выбору учащихся) с 1992 г. Для правосл. учителей-катехизаторов епархия ежегодно проводит республиканские семинары. В наст. время в школах с рус. языком обучения работают 55 правосл. учителей-катехизаторов.

В нач. 90-х гг. епархия издала 3 выпуска правосл. сб. «Лоза», «Очерки по истории русской святости» Иоанна Кологрива, молитвенники, отдельные труды рус. религ. философов.

Церковно-общественные организации. В 1995 г. было учреждено епархиальное Православное братство Литвы (председатель совета — настоятель Благовещенского собора в Каунасе прот. Анатолий Стальбовский), в к-рое вошли большинство приходов епархии. Во многом благодаря инициативе совета братства сотни юношей и девушек стали участниками летних правосл. лагерей, организуемых ежегодно на берегу Балтийского м. и в мест. Ужусаляй под Каунасом. Кроме того, молодые люди совершают паломничества по св. местам России, Белоруссии, Украины. На праздники Рождества Христова и Пасхи проходят фестивали молодежных творческих коллективов. Правосл. об-во св. Евфросинии Полоцкой организует летние правосл. лагеря, молодежный хор об-ва участвует в богослужениях. Общество правосл. просвещения «Живой колос» опекает детей-сирот и детей из неблагополучных семей в рамках действующей уже 12 лет программы «Крестные и крестники». «Живой колос» ведет программу на Литовском национальном радио, в к-рой освящаются религиозно-нравственные вопросы, исторические и совр. аспекты жизни русских в Литве.

Наиболее почитаемой святыней епархии являются мощи мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, почивающие в соборном храме вильнюсского Свято-Духова мон-ря. В трапезной вильнюсского Марие-Магдалинского жен. мон-ря хранится ларец с частицами мощей св. равноап. Марии Магдалины, привезенный в Вильно из Почаевской лавры в 1937 г. В соборе в честь Благовещения Пресв. Богородицы в Каунасе находится *Сурдегская икона Божией Матери,* по преданию явившаяся

в 1530 г. над источником в мест. Сурдеги, в 38 км от Панявежиса; этот источник и поныне является местом паломничества верующих.

Монастыри. К 1 янв. 2004 г. в епархии действовали 2 мон-ря: вильнюсский *Свято-Духов* (муж., основан на рубеже XVI–XVII вв.) и *вильнюсский во имя св. равноап. Марии Магдалины* (жен., основан в 1864).

В XIX — нач. XX в. на территории епархии существовали: *виленский во имя Св. Троицы* (муж., основан во 2-й пол. XIV в., в нач. XVII в. передан униатам, возобновлен как православный в 1845, упразднен в 1915), Сурдегский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов (муж., основан в 1550, упразднен в 1915), Пожайский в честь Успения Божией Матери (муж., преобразован в 1839 в православный из католического, упразднен в 1915), Березвечский в честь Рождества Пресв. Богородицы (в 1839 преобразован в православный из униатского, упразднен в 1872, возрожден в 1901 как жен., упразднен в 1923), Анталептский в честь Рождества Пресв. Богородицы (жен., основан в 1893, упразден в 1948).

Архиереи: митр. *Иосиф* (*Семашко;* 6 марта 1839 — 23 нояб. 1868, с 25 марта 1839 архиеп., с 30 марта 1852 митр.); архиеп. *Макарий* (*Булгаков;* 10 дек. 1868 — 8 апр. 1879); архиеп. *Александр* (*Добрынин;* 22 мая 1879 — 28 апр. 1885); архиеп. *Алексий* (*Лавров-Платонов;* 11 мая 1885 — 9 нояб. 1890, с 20 марта 1886 архиеп.); архиеп. *Донат* (*Бабинский-Соколов;* 13 дек. 1890 — 30 апр. 1894); архиеп. *Иероним* (*Экземплярский;* 30 апр. 1894 — 27 февр. 1898, с 6 мая 1895 архиеп.); архиеп. *Ювеналий* (*Половцев;* 7 марта 1898 — 12 апр. 1904); архиеп. *Никандр* (*Молчанов;* 23 апр. 1904 — 5 июня 1910); архиеп. *Агафангел* (*Преображенский;* 13 авг. 1910 — 22 дек. 1913); архиеп. *Тихон* (*Белавин;* дек. 1913 — 23 июня 1917); митр. *Елевферий* (*Богоявленский;* 13 авг. 1917 — 31 дек. 1940, с 13 авг. 1917 временно управляющий, с 28 июня 1921 правящий архиерей в сане архиепископа, с окт. 1928 митр.); митр. *Сергий* (*Воскресенский;* март 1941 — 28 апр. 1944); архиеп. *Даниил* (*Юзвьюк;* временно управляющий 29 апр. 1944 — июнь 1944); архиеп. *Корнилий* (*Попов;* 13 апр. 1945 — 18 нояб. 1948); архиеп. *Фотий* (*Топиро;* 18 нояб. 1948 — 27 дек. 1951); архиеп. Филарет (Лебедев; временно управляющий 1952–1955); архиеп. *Алексий* (*Дехтерёв;* 22 нояб. 1955 — 19 апр. 1959, с 25 июля 1957 архиеп.); архиеп. *Роман* (*Танг;* 21 мая 1959 — 18 июля 1963); архиеп. *Антоний* (*Варжанский;* 25 авг. 1963 — 28 мая 1971); еп. Ермоген (Орехов; 18 июня 1971 — 25 авг. 1972); еп. *Анатолий* (*Кузнецов;* 3 сент. 1972 — 3 сент. 1974); еп. *Герман* (*Тимофеев;* 3 сент. 1974 — 10 апр. 1978); архиеп. *Викторин* (*Беляев;* 19 апр. 1978 — 10 апр. 1989, с 9 сент. 1982 архиеп.); еп. Антоний (Черемисов; 22 апр. 1989 — 25 янв. 1990); митр. *Хризостом* (*Мартишкин;* с 26 янв. 1990, с 25 февр. 2000 митр.).

Арх.: Литов. ЦГА. Ф. 377. Оп. 4. Д. 695, 697, 617; Ф. 377. Оп. 4. Д. 25, 87, 93; Ф. Р–238, Оп. 1. Д. 37, 40, 59; Ф. Р–238. Оп. 3. Д. 41, 50; *Савицкий Л., прот.* Летопись церк. жизни Литовской епархии. Вильнюс, 1963. Ркп. Ист.: Труды съезда представителей Зап.-рус. правосл. братств. Вильна, 1909; Вестн. Виленского Св.-Духовского братства. 1907–1916; Слово Литовской правосл. епархии. 1923–1939; Акты свт. Тихона. С. 917; Уния в документах. Минск, 1997.

Лит.: *Извеков Н. Д.* Ист. очерк состояния правосл. Церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. М., 1899; *Добрянский Ф. Н.* Старая и новая Вильна. Вильна, 1903; На память о высокопреосв. Ювеналии, архиеп. Литовском и Виленском. Вильна, 1904; *Миловидов А. И.* Церк.-строительное дело в Сев.-Зап. крае при гр. М. Н. Муравьёве. Вильна, 1913; *Бочков Д.* О централизации церк. ист.-археол. учреждений. Минск, 1915; *Sapoka D. A.* Lietuvos istorija. Kaunas, 1936; *Афанасий (Мартос), архиеп.* Беларусь в ист., гос. и церк. жизни. Минск, 1990; *Laukaitytė R.* Lietuvos staciatikiu baznycia 1918–1940, mm.: Kova del cerkviu // Lituanistika. Vilnius, 2001. Nr. 2.

Г. П. Шлевис

Памятники церковного искусства Вильнюса. ***Архитектура.*** Особенности церковного строительства Вильнюса обусловлены историей средневек. Литовского гос-ва, к-рому присущи многонациональность и многоконфессиональность. Отчетливо прослеживается взаимодействие различных художественных культур: визант., соседних слав. народов (белорус., польск., рус.), большую роль играла теснейшая связь с Зап. Европой, особенно после принятия католичества в качестве гос. религии. Существовавшие на протяжении столетий конфессии (Православие, католицизм, униатство) получали приоритет в разные исторические периоды, святыни Вильнюса (храмы, мон-ри, иконы) неоднократно переходили от одной конфессии к др. Город страдал от разрушительных пожаров, после к-рых приходилось заново отстраивать многие, в т. ч. и церковные, здания. Все эти факторы вызывали неоднократные изменения в облике как правосл., так и католич. храмов Вильнюса.

По преданию, первые деревянные христ. постройки возникли в XIII в. на месте древних языческих святилищ. Вел. кн. литов. Ольгерд, его первая супруга Мария Ярославна, кнж. витебская, и вторая — Иулиания Александровна, кнж. тверская, основали в Вильно первые правосл. храмы, еще неск. церквей были построены после учреждения отдельной правосл. митрополии (1415). После офиц. принятия христианства (1387) в стране строились в основном католич. храмы: Владислав-Ягайло, приняв католичество, заложил в 1387 г. кафедральный собор во имя св. Станислава, учредил еп-ство и даровал Вильно магдебургское право. При Казимире IV Ягеллончике в 1469 г. вышел запрет строить и поновлять правосл. рус. храмы. Древние церкви или их изображения, за редким исключением, не сохранились (в XIX в. от древнейших в Вильнюсе Успенской (Пречистенской) и Пятницкой церквей оставались только фрагменты стен). После заключения гос. Люблинской (1569) и религ. Брестской уний (1596) католичество и униатство стали насаждаться насильственно, в 1609 г. правосл. церкви и мон-ри (кроме Свято-Духова) были переданы униатам. В XVII в. абсолютное большинство населения Вильно составляли католики и греко-католики. XVII–XVIII века — период итал. влияния в архитектуре, когда приглашенные итал. архитекторы и художники активно участвовали в строительстве и украшении костелов, именно тогда сложился совр. облик города.

В 1795–1915 гг. Вильнюс находился в составе Российской империи. Для этого периода характерно возобновление древних правосл. святынь и строительство новых храмов, в т. ч. в др. городах и местностях епархии. Во 2-й пол. XIX в. церковь во имя вмц. Параскевы Пятницы и Пречистенский собор были возобновлены с уцелевшими древними фрагментами и в таком виде сохранились до наст. времени.

Свято-Духов мон-рь в Вильнюсе — один из главных центров Православия на территории Литвы и Белоруссии. Первая церковь в честь Сошествия Св. Духа (XIV в.) была деревянной, в 1638 г. на ее месте была возведена каменная в стиле барокко, перестроенная после пожара (1749). Собор утратил первоначальный вид, но сохранил прежний план в виде креста и свое пространственное решение (3-апсидная, 3-нефная постройка с трансептом и 2 баш-

Собор в честь Сошествия Св. Духа Свято-Духова мон-ря. 1638 г., 50-е гг. XVIII в., 1873 г.

нями). В 1873 г. собор был увенчан массивным куполом, возобновлена колокольня, построенная еще в 1638 г. Деревянный барочный иконостас выполнен по проекту архит. И. К. Глаубица в 1753–1756 гг. В сер. XIX в. 12 образов для иконостаса были написаны академиком живописи И. П. Трутневым. Мн. монастырские строения, относящиеся к XVI в. (келейные корпуса, адм. постройки), позднее неоднократно перестраивались; ворота возведены в 1845 г.

Свято-Троицкий мон-рь стоит на месте мученической кончины виленских святых, к-рое вел. кн. Ольгерд подарил христ. общине, выстроившей при содействии вел. кнг. Иулиании в 1347–1350 гг. деревянную церковь во имя Св. Троицы, куда перенесли мощи мучеников. В 1514 г. польск. кор. Сигизмунд I разрешил кн. К. И. Острожскому построить в Вильно 2 каменные церкви, в т. ч. и Свято-Троицкую. В XVII в. уже на территории захваченного униатами мон-ря (1609) к зданию церкви были пристроены часовни — с юж. стороны во имя Воздвижения Св. Креста (1622), с сев.— ап. Луки (1628) и семейная усыпальница Яна Тышкевича. После разрушительных пожаров (1706, 1748, 1749) церковь была отстроена униатами по проекту архит. Глаубица в стиле позднего барокко. Это 3-апсидный, 3-нефный прямоугольный в плане храм зального типа. В целом архитектурный ансамбль Свято-Троицкого мон-ря сложился в XVII–XVIII вв., но строительные работы продолжались до 20-х гг. XIX в. Входные ворота (1749, архит. Глаубиц) со стороны ул. Аушрос-Варту — пример литов. позднего барокко: извилистые горизонтали карнизов, стен, сложные ритмы пилястр и арок создают динамичный силуэт. В 1839–1915 гг. мон-рь принадлежал православным.

Успенский (Пречистенский) собор, один из древнейших, был построен в 1-й пол. XIV в. киевскими зодчими по образцу Софийского храма в Киеве. В 1348 г. Владимирский еп. Алексий (буд. митрополит всея Руси) по приглашению вел. кн. Ольгерда освятил этот храм. По остаткам фундамента и позднейшим описаниям можно судить, что план церкви был близок к квадрату, здание имело купол, колокольня стояла отдельно, по сторонам собора был разбит сад. Высота древнего храма неизвестна, в юго-вост. углу совр. здания сохранилась башня с внутренним ходом под крышу, на наружной ее стороне видны фрагменты прежнего архитектурного декора. От 3 угловых башен остались лишь основания, на к-рых впосл. воздвигли новые башни, наподобие сохранившихся. Престолы храма были посвящены Богородичным праздникам: Рождеству, Введению во храм, Благовещению и Успению (главный престол) и дали название церкви — Пречистенская. С избранием в 1415 г. митрополита для Зап. Руси вел. кн. Витовт провозгласил собор кафедральным митрополичьим. 15 февр. 1495 г. здесь проходила встреча дочери рус. вел. кн. Иоанна III, вел. кнг. Елены Иоанновны, буд. супруги вел. кн. литовского Александра Ягеллончика. Молебствия совершал сщмч. архим. Макарий, в том же году возведенный в сан митрополита Киевского. В 1513 г. Елена Иоанновна была погребена здесь, над гробницей установлена привезенная ею в приданое чудотворная *Виленская «Одигитрия» икона Божией Матери,* позднее находившаяся в Свято-Троицком мон-ре.

В 1609 г. церковь перешла к униатам. Во время войн XVII в. была разрушена и пришла в запустение, в XIX в. ее перестроили, одно время в ней находился анатомический театр. В 1865 г. под рук. проф. А. И. Резанова и акад. Н. М. Чагина началось восстановление Пречистенского собора, освященного 22 окт. 1868 г.; 12 нояб. 1868 г. был освящен придел во имя свт. Алексия; в 1871 г. устроен и освящен придел во имя сщмч. Макария Киевского.

Ц. во имя вмц. Параскевы Пятницы была сооружена в 1345 г. по повелению первой супруги вел. кн. Ольгерда Марии Ярославны, кнж. витебской, к-рая была здесь погребена. Церковь в 1557 г. сгорела во время большого пожара, через 3 года была восстановлена с разрешения польск. кор. Сигизмунда II Августа и освящена в честь Богоявления Господня, но продолжала именоваться Пятницкой. В 1611 г., после очередного пожара, была передана Свято-Троицкому мон-рю, в то время находившемуся под властью униатов. В 1655–1661 гг., когда город временно перешел под власть царя Алексея Михайловича, Пятницкая ц. была восстановлена и передана православным. В 1698 г. ее внутренний вид был устроен по образцу древнерус. храмов. В ней неоднократно молился имп. Петр I в бытность свою в Вильно и крестил здесь арапа Ибрагима, предка А. С. Пушкина. После 1796 г., когда обрушилась крыша, храм находился в руинах до 1864 г. По распоряжению генерал-губернатора края гр. М. Н. Муравьёва восстановление церковного здания было выполнено по проекту архит. А. Марциновского под рук. Чагина, в 1865 г. церковь была освящена.

К числу древнейших христ. святынь Вильнюса принадлежит ц. свт. Николая (Перенесенская). Первое упоминание об этой церкви относится к 1511 г., в 1514 г. по разрешению кор. Сигизмунда I отстроена в камне кн. К. И. Острожским наряду со Свято-Троицкой. В 1609–1827 гг. в числе др. церквей города принадлежала униатам. Первоначальный облик церкви был близок к готическим храмам, но наличие 3 апсид свидетельствует о ее первоначальной постройке в стиле правосл. архитектуры; перестраивалась после пожара 1748 г. по проекту архит. Глаубица и в 1865 г. в русско-визант. стиле по проекту Резанова. В 1866 г. состоялось торжественное освящение возобновленного храма (Литовские ЕВ. 1866. № 21. С. 92), в 1869 г. была освящена часовня в честь архистратига Михаила, построенная также по проекту Резанова. Это массивное здание типа четверика на восьмерике, с круглым куполом примыкает вплотную к юж. фасаду церкви, к к-рому пристроена также

многоярусная колокольня под высоким шатром, нижние ярусы к-рой — четверики, верхние — восьмерики. Фасады украшены орнаментальными поясами из цветного кирпича; окна и порталы отделаны наличниками. В убранстве интерьера использованы витражи. Мозаика «Архистратиг Михаил» в часовне выполнена в мастерских имп. АХ. В храме хранятся частицы мощей свт. Николая, привезенные из Бари.

Деятельность архитекторов Резанова (1817–1887) и Чагина (1823–1909) в Вильне пришлась на 60–70-е гг. XIX в. Они проектировали постройки и наблюдали за строительством правосл. храмов Вильны. В 1865 г. по проектам Резанова были построены в русско-визант. стиле шатровые часовни, Александро-Невская на Георгиевской площади (снесена в 1919), в центральной части города, и Георгиевская на правосл. Евфросиниевском кладбище в память воинов, погибших при подавлении Польского восстания 1863–1864 гг.

В сер. XIX в. РПЦ были переданы мн. католич. и униатские костелы и мон-ри, в к-рых были произведены необходимые перестройки согласно правосл. канонам. В 1840 г. бывш. костел ордена иезуитов во имя св. Казимира был освящен во имя свт. Николая и стал кафедральным собором Вильны (до 1925), его фасадам были приданы черты правосл. храма (по проекту Резанова, см.: Литовские ЕВ. 1867. № 19. С. 793). В 1864 г. по высочайшему повелению были закрыты католич. мон-ри. Мон-рь тринитариев с костелом Иисуса Христа (возведен в 1696 гетманом Яном Казимиром Сапегой), освященный в честь арх. Михаила, действовал до 1929 г.; мон-рь ордена визиток (визитанток) был преобразован в 1865 г. в правосл. мон-рь св. Марии Магдалины. Его главный храм (бывш. костел Сердца Иисусова) представлял в плане греч. крест, по типу это была центричная купольная постройка в стиле рококо, на зап. фасаде, имевшем декоративно вогнутый контур, не было традиц. для католич. храмов 2 башен; храм был построен при поддержке кор. Августа II Сильного по проектам архитекторов Дж. М. Фонтаны и Глаубица, руководил работами Й. Пол.

В 1890–1910 гг. строились приходские храмы в новых районах разраставшейся Вильны, при них открывались школы для детей. Были освящены: 3 сент. 1895 г. ц. арх. Михаила, построенная в память гр. М. Н. Муравьёва; 25 окт. 1898 г. ц. во имя блгв. кн. Александра Невского в память имп. Александра III; 1 июня 1903 г. Знаменская ц. Все эти храмы были возведены в русско-визант. стиле с использованием средневек. архитектурных традиций.

В ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых и в память кн. Константина Острожского был построен храм-памятник во имя

Церковь во имя равноап. Константина и прп. Михаила Малеина. 1913 г. Фотография. 2003 г.

св. равноап. имп. Константина и прп. Михаила Малеина по проекту архит. А. Адамовича при участии епархиального архит. А. А. Шпаковского на средства известного храмоздателя И. А. Колесникова, (действительного статского советника, директора Никольской мануфактуры Саввы Морозова). В Москве были сделаны памятные дары, предназначенные для освящавшего храм архиеп. Литовского и Виленского Агафангела (Преображенского), напр. панагия (1912–1913, коллекция Гос. хранилища ценностей РФ; см.: *Волдаева В. Ю.* Серебряная панагия из коллекции Гохрана РФ и новые данные о фирме Н. В. Немирова-Колодкина // ПКНО, 1997. М., 1998. С. 455–458)). Храм был заложен 14 мая 1911 г. и освящен 9 мая 1913 г. в присутствии вел. кн. прмц. Елисаветы Феодоровны. Пятиглавый, с колокольней при церкви, он был спроектирован в новом для Вильны неорус. стиле, декорирован в традициях древней ростово-суздальской архитектуры, внутри — бесстолпный. Виленские мастера осуществляли строительные работы и наружную отделку здания; московские — внутреннюю отделку храма: иконостас, иконы, кресты, колокола, утварь и т. д.

Иконописание и книжная миниатюра. Сохранившиеся фрагменты фресок в колокольне кафедрального собора св. Станислава свидетельствуют о связях мастеров, работавших в Вильно, с живописными традициями Сербии и Болгарии. С XV в. стала распространяться живопись в западноевроп. готическом стиле, в монастырских мастерских Вильно создавались картины для алтарей и миниатюры рукописных книг. Первая лицевая рукопись — т. н. Лаврушево Евангелие (нач. XIV в., Краков, б-ка Чарторыйских) — с 18 миниатюрами была создана под влиянием визант. искусства. Влияние болг. и новгородских рукописей прослеживается в Евангелии XIV в. и Евангелии Сапеги кон. XV в. (обе в б-ке АН Литвы).

В XIX в. для скульптурных и живописных работ в новых и новоосвященных храмах Вильны приглашали художников академической школы. Так, иконы 5-ярусного иконостаса Пречистенского собора написал Трутнев, И. Т. Хруцкий — для Троицкой церкви, Ф. А. Бруни — копию картины «Моление о чаше» для жен. мон-ря св. Марии Магдалины. Одни и те же художники в 60-х гг. XIX в. работали над отделкой ц. свт. Николая и убранством кафедрального Николаевского собора, для местного ряда иконостаса иконы и образ Саваофа писал проф. К. Б. Вениг, др. иконы — К. Д. Флавицкий; образы свт. Николая и св. Александра Невского — акад. Н. И. Тихобразов; запрестольный образ Воскресения Господня, а также картоны изображений свт. Николая, св. Александра Невского, св. Иосифа Обручника для фронтона — В. В. Васильев (он же написал иконы для Александро-Невской часовни и образ вмч. Георгия для Георгиевской часовни). Находящиеся в нишах и по стенам Николаевского собора иконы работы Ф. П. Брюллова и Трутнева были переданы из Исаакиевского собора С.-Петербурга при содействии Резанова.

Лит.: *Муравьев А. Н.* Рус. Вильна. СПб., 1864; Вильна // ПРСЗГ. 1874. Вып. 5–6; *Киркор А. К.* Литовское полесье // Живописная Россия. СПб.; М., 1882. Т. 3. Ч. 1; *Добрянский Ф. Н.* Вильна и окрестности. Вильна, 1883; *Соболевский И. В.* Пречистенский собор в г. Вильне. Вильна, 1904; *Виноградов А. А.* Путеводитель по г. Вильне и его окрестностям. Вильна, 1904. Ч. 1, 2; *Миловидов А. И.* Торжество закладки ист. храма-памятника в Вильне и значение этого памятника. Вильна, 1911; *Савицкий Л.* Правосл. кладбище г. Вильно: К 100-летию кладбищенской ц. св. Евфросинии 1838–1938 гг. Вильно, 1938; *Озеров Г.* Знаменская церковь // Вильнюс. 1994. № 8. С.177–180; *он же.* Пречистенский собор // Там же. 1996. № 6. С. 151–159.

И. Е. Салтыкова

ВИ́ЛЕНСКАЯ ОДИГИ́ТРИЯ ИКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ

(празд. 14 апр., 15 февр.— перенесение в Вильно в 1495), чудотворная; названа по местонахождению в г. Вильно. По преданию, это одна из древнейших икон, написанных при жизни Божией Матери евангелистом Лукой и перенесенных в К-поль из Палестины (отсюда наименования В. и. «Иерусалимская» или «Цареградская»). Согласно одной версии, из К-поля в Москву В. и., семейная реликвия визант. императоров, прибыла в 1472 г. с Софьей Палеолог, буд. супругой вел. кн. московского Иоанна III Васильевича. По др., менее признанной, В. и. перешла к московским князьям от князей галицких, титулованных королей Червонной Руси, к-рые в свою очередь получили ее в дар от визант. императора. Появление В. и. в Вильно связывают с прибытием туда 15 февр. 1495 г. московской кнж. Елены Иоанновны, к-рая, вступая в брак с вел. кн. литов. Александром, привезла с собой из Москвы икону Божией Матери — благословение ее родителей, вел. кн. Иоанна III Васильевича и Софьи Палеолог. В Вильно В. и. первоначально находилась в княжеском замке в покоях вел. кнг. литов. и кор. польск. Елены Иоанновны. После смерти вел. княгини (24 янв. 1513), согласно завещанию, икона была помещена над ее гробницей в виленском кафедральном правосл. Успенском (Пречистенском) соборе — резиденции митрополита Киевского и Литовского, одном из древнейших правосл. храмов Вильно, построенном вел. кн. литов. Ольгердом (освящен в 1358). Существует мнение, что В. и. была передана раньше в Пречистенский собор самой Еленой Иоанновной.

В период Ливонской войны при ведении переговоров в 1569 г. (1570?) московская сторона пыталась оговорить условия возвращения В. и., взамен предлагалось отпустить из плена 50 представителей знатных литов. родов, однако предложение было отвергнуто.

В результате провозглашения в 1596 г. Брестской церковной унии большинство правосл. храмов в Вильно стали униатскими. В 1608 г. униатским стал и Пречистенский собор. Пытаясь сохранить у себя древнюю икону Божией Матери, православные в 1608 г. временно перенесли ее вместе с др. церковными драгоценностями и реликвиями из Пречистенской в ц. свт. Николая, построенную в 1514 г. кн. Константином Острожским в честь победы под Оршей. Никольская ц. в 1609 г. также стала униатской, и В. и. была возвращена на место своего первоначального пребывания — в Пречистенский собор. В 1610 г. собор горел, в 1612 г. восстановлен, но митрополичья кафедра в 1613 г. была перемещена из него в Свято-Троицкую ц. *виленского во имя Св. Троицы муж. мон-ря,* перешедшего к униатам еще в 1609 г. О нахождении В. и. в Троицкой ц. в XVII в. свидетельствует завещание 1652 г. Алексия Дубовича, архим. Троицкого мон-ря, согласно к-рому в мон-рь делался вклад в 100 злотых ежегодного дохода для совершения в Троицкой ц. перед В. и. каждую субботу акафиста (возможно, перенесение В. и. совершилось позднее и было вызвано запустением Пречистенской ц., о чем свидетельствуют надпись 1748 на иконе, а также упоминание об этом событии в архивных документах Троицкого мон-ря за 1775).

Во время русско-польск. войны (1654–1667) царем Алексеем Михайловичем была предпринята еще одна попытка возвращения В. и. из Вильно в Москву: рус. войска заняли Вильно в 1655 г., а в 1657 и 1658 гг. кн. Михаил Шаховской, назначенный Алексеем Михайловичем виленским воеводой, проводил по поручению царя розыски В. и., оказавшиеся безуспешными (нек-рые исследователи XIX в. ошибочно полагали, что кн. Шаховской искал *Остробрамскую Виленскую икону Божией Матери*). Как показало проведенное рус. администрацией Вильно в 1658 г. следствие, икона была вывезена виленским мещанином Юрием Селедчиком из Вильно по р. Вилии на лодке-витине в Кролевец (Кёнигсберг) и спрятана там униатскими монахами. После 1661 г. она была возвращена в Вильно. В. и. временно покидала Вильно и в годы Северной войны (1700–1721) — вместе со своим драгоценным окладом она была вывезена монахами василианского Троицкого мон-ря в дек. 1701 г. в жировицкий Успенский мон-рь.

В Троицкой ц. В. и. была помещена в киот, устроенный в сер. XVII в. на средства виленского бургомистра Юрия Павловича. Икона в нем закрывалась задвижной завесой с изображением Благовещения (по др. источникам — Покрова Пресв. Богородицы). После пожара в Вильно в 1706 г., истребившего все убранство Троицкой ц., но не повредившего В. и., униатское братство Непорочного зачатия Божией Матери соорудило в 1707 г. новый, резной деревянный киот, а в 1713 г. вызолотило его. В Троицком мон-ре В. и. находилась и после присоединения Вильно к России в 1795 г., и после ликвидации унии в 1839 г. По указанию Литовского архиеп. Иосифа (Семашко) в 1851 г. для Троицкой ц. взамен старой (униатской) алтарной преграды худож. Иваном Хруцким, сыном белорус. униатского священника, был выполнен новый иконостас, в местный ряд к-рого, слева от царских врат, была помещена В. и. Для удобства паломников перед иконой находились ступеньки, а в дни больших праздников застекленная рама киота снималась и верующие свободно могли приложиться к иконе. Чтение Акафиста Богородице перед В. и. совершалось на вечерне каждую пятницу и собирало большое число молящихся. За помощь и исцеления от болезней верующие украшали В. и. многочисленными приношениями — подвесками и серебряными пластинами.

После поражения Польского восстания 1863–1864 гг. прославление В. и. приобрело политический оттенок, поскольку этот образ воспринимался как символ исконного Православия Северо-Западного края. В этом аспекте история В. и. стала своеобразным противопоставлением истории Остробрамской Виленской иконы Божией Матери, являвшейся в то время символом нац. освобождения для католиков и православных (бывших униатов) Литвы

и Белоруссии. Этот период отмечен большим числом публикаций посвященных В. и., обусловленных стремлением доказать древность иконы, подчеркнув ее правосл. корни. Архим. Иосиф (Соколов) в книге, посвященной Остробрамской иконе Божией Матери, опубликовал и текст молитвы к Божией Матери с просьбой о покровительстве имп. дому, читаемой в виленском Троицком мон-ре перед В. и.

В. и. (размер 134,5×90 см) была написана на 4 досках (2 центральных кипарисовых и боковых липовых). Судя по фотографиям и графическим воспроизведениям иконы в издании 2-й пол. XIX в., она наиболее близка иконографическому изводу *Иерусалимской иконы Божией Матери* (в зеркальном варианте — с Младенцем на левой руке Божией Матери) и изводам *Грузинской* и *Тихвинской икон Божией Матери*. Как и на Тихвинской иконе, на В. и. правая ножка Младенца развернута обнаженной пяткой наружу, левая рука Младенца со свитком лежит на Его коленях, но Его благословляющая правая рука поднята более высоко по сравнению с положением руки на Тихвинской иконе.

На протяжении 400-летнего пребывания в Вильно В. и. украшалась многочисленными драгоценными приношениями. В 1677 г. из серебряных табличек-вотивов, поднесенных иконе, была сделана для нее чеканная риза. Одежды Богоматери и Младенца были серебряные с вызолоченными цветами и орлами, фон выполнен в технике филиграни. Золотую филигранную корону на главе Божией Матери поддерживали 2 чеканных серебряных позолоченных ангела, на серебряной позолоченной короне Младенца было 3 драгоценных камня. Фон иконы укрывали серебряные таблички (в т. ч. вотивные 1758 и 1759), на одной из к-рых было рельефное изображение коленопреклоненной женщины (предположительно вел. кнг. Елены Иоанновны). В архивных документах 1701 и 1781 гг. перечислялось множество драгоценных камней, серебряных и золотых украшений, находившихся на В. и., в т. ч. у шеи Богоматери 55 ниток жемчуга, Богомладенца — 33 нитки бисера. В 1866 г. оклад демонтировали, оставив только басменную серебряную раму на полях иконы. Из снятого с иконы серебра и пожертвованных драгоценностей петербургский ювелир А. Соколов выполнил новый оклад, накладные орнаментированные нимбы с бриллиантами и алмазами и корону на главу Божией Матери; на икону изготовили также новую, бронзовую раму. В том же году худож. В. Васильев провел реставрационную расчистку В. и.

С началом первой мировой войны, рус. правительственные и церковные власти организовали эвакуацию наиболее древних и ценных правосл. реликвий из прифронтовой зоны Литвы и Белоруссии в глубь России. В авг. 915 г. В. и. вместе с мощами 3 Виленских правосл. мучеников была вывезена в московский Донской мон-рь, дальнейшая ее судьба неизвестна.

Лит.: *Koialowicz W.* Miscellanae rerum ad statum ecclesiasticum in magno Lituaniae Ducatu pertinentum. Vilnae, 1650; Изображение икон Пресв. Богородицы. М., 1848. Ч. 1. С. 8; Переписка между Россией и Польшей по дипломатическим бумагам // ЧОИДР. 1860. Кн. 4. Отд. 2. С. 1–189; Западно-рус. месяцеслов на 1865 г. Вильно, 1864. С. 67; Дело Виленского Св.-Троицкого мон-ря об украшении ризы на св. иконе Богородицы // Литовские ЕВ. 1868. № 5. С. 222; ПРСЗГ. 1874. Вып. 6. С. 50, 105; *Щербицкий О. В.* Виленский Св.-Троицкий мон-рь // Литовские ЕВ. 1885. № 25. С. 255; *Петров Н. И., Городецкий М. И.* Белоруссия и Литва: Ист. судьбы Сев.-Зап. края. СПб., 1890. Ч. 1. С. 173 (ил.), 258; Ч 2. С. 28, 54; *Иосиф (Соколов), архим.* Островоротная, или Стробрамская чудотворная икона Богородицы, в г. Вильне. Вильна, 1890². С. 39–40, 253 (примеч. 123 — список лит. о В. и.); *Ивановский К. В.* Виленская св. и чудотворная икона Божией Матери: К 400-летию ея пребывания в Вильне. Вильна, 1895; Историческая поминка: К 400-летию пребывания в г. Вильне чудотворной Цареградской иконы Пресв. Богородицы Одигитрии // ЦВед. 1895. С. 265; *Р-въ А.* Отражение войны // Старые годы. 1915. Сент. С. 58; *Chomik P.* Kult ikon Matki Bożej w Wielkim Księstwie Litewskim w XVI–XVIII w. Białystok, 2003. S. 148.

Ю. А. Пискун

ВИ́ЛЕНСКАЯ ОСТРОБРА́МСКАЯ ИКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ, 25 марта — см. *Остробрамская Виленская икона Божией Матери.*

ВИ́ЛЕНСКИЙ ВО И́МЯ СВЯТО́Й ТРО́ИЦЫ МУЖСКО́Й МОНАСТЫ́РЬ, правосл., в XVII — нач. XIX в. униатский, существовал при ц. во имя Св. Троицы в Вильно. Храм был построен по инициативе вел. кнг. *Иулиании Александровны* († 1392), дочери тверского кн. св. *Александра Михайловича*, 2-й жены (с 1349) литов. вел. кн. *Ольгерда*, на месте казни Виленских мучеников *Антония, Иоанна и Евстафия* (1347). Первое упоминание об обители при ц. Св. Троицы относится к 1391 г. (*Ярашэвіч*. С. 68).

По-видимому, изначально В. м. имел статус архимандритии. Настоятель обители архим. *Макарий* в 1495 г. в виленском кафедральном Успенском соборе был хиротонисан во митрополита Киевского. Нек-рое время спустя митр. Макарий назначил настоятеля В. м. своим наместником в Вильно, что вызвало протест священников виленских храмов. Архимандрит В. м. Зосима

Виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий. Гравюра. Святцы. 1713 г. Худож. Г. П. Тепчегорский (ГЛМ). Фрагмент

участвовал в *Виленском Соборе*, проходившем с 25 дек. 1509 по 18 янв. 1510 г.

До кон. XVI в. В. м. был наиболее почитаемой в крае правосл. обителью, существовал в основном за счет великокняжеских и частных пожертвований. Первый известный вклад (деньгами, книгами и церковной утварью) сделал в 1460 г. приближенный кор. *Казимира IV Ягеллончика* литов. маршалок А. А. Солтан (Описание ОР БАН. СПб., 1910. Т. 1. С. 32). После кончины киевского воеводы кн. Д. И. Путятича-Друцкого его душеприказчик кн. М. Л. Глинский 29 апр. 1506 г. пожертвовал обители 10 коп грошей, в то время как на другие «на дванадцать церквей виленьских по копе грошей» (АЗР. Т. 1. № 224. С. 370). 12 марта 1510 г. грамотой польск. кор. *Сигизмунда I* В. м. был дан в пожизненное владение вдовствующей кор. и вел. кнг. литов. *Елене Иоанновне* с правом избирать по своему усмотрению архи-

мандритов. Первые крупные земельные пожалования в пользу обители (имения Свинтыники и Пурвиники в Ковенском повете и др.) сделали в 10–30-х гг. XVI в. гетман Вел. княжества Литовского и воевода Вильно кн. К. И. *Острожский* и кн. М. Н. Головчинский, служивший у вел. кнг. Елены Иоанновны. За победу над московскими войсками под Оршей (1514) кор. Сигизмунд I разрешил кн. Острожскому выстроить вместо деревянного каменный Троицкий храм с приделом в честь Сретения Господня. Строительство шло медленно: еще 12 нояб. 1529 г. подскарбий земский и маршалок М. Богуш Боговитинович завещал «на будованье у Вильни светлое Троицы» 200 коп грошей (АЮЗР. Т. 1. № 91. С. 76).

К сер. XVI в. позиции Православия в Великом княжестве Литовском существенно ослабли, церковные должности покупались или рас-

Церковь во имя Св. Троицы в Свято-Троицком мон-ре. Литография. 1896 г. (РГБ)

пределялись королем (право «подаванья»). 10 июля 1551 г. кор. Сигизмунд пожаловал В. м. виленскому скарбнику и ключнику Сильвестру (Белькевичу), не имевшему тогда духовного сана, в 1567 г.— Ф. Белькевичу, 15 февр. 1569 г.— Киевскому митр. *Ионе (Протасевичу)*, в 1579 г.— в пожизненное владение митр. *Онисифору (Девочке)*.

27 мая 1584 г. кор. *Стефан Баторий* предоставил право владения В. м. после кончины митр. Онисифора правосл. членам виленской городской рады (совета), что позволило создать при мон-ре *Виленское православное братство*. На свои средства братство содержало священника, диакона и иноков мон-ря, братству принадлежал Сретенский придел Троицкого храма. В 1589 г., оставляя митрополичью кафедру, митр. Онисифор напомнил о своем владении В. м., но в 1590 г. отказался от этого права. В 1592 г. король окончательно передал В. м. представителям виленской рады.

После заключения *Брестской унии 1596 г.* большинство архиереев Киевской митрополии стали униатами. В янв. 1597 г. наместник В. м. архим. Софроний, поначалу принявший унию, отказался молиться за униатского митр. *Михаила (Рогозу)*, сдал ключи от монастырских построек и покинул обитель, но вскоре вернулся в униатство. После смерти Михаила (Рогозы) в сент. 1599 г. в В. м. по благословению настоятеля архим. Иоасафа проповедовал один из главных противников унии — Стефан *Зизаний*. Его проповеди стали причиной закрытия Троицкого храма по указу униатского митр. Ипатия *Потея* от 24 сент. 1599 г. Правосл. братчики переселились из В. м. к храму в честь Сошествия Св. Духа, где к 1605 г. устроился новый мон-рь (см. *Вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов мон-рь*).

В 1601 г. Потей открыл в В. м. униатский митрополичий коллегиум, или семинарию, сразу же получившую земельные владения. Первый ректор семинарии — П. Ф. Суроменников — издал направленную против православных кн. «Оборона Собору Флорентийского осмаго» (не сохр.). Насельники униатского мон-ря активно писали и издавали полемические брошюры, направленные против православных: «Уния», «Разговор брестского мещанина с виленским братчиком», «Воскресший Наливайко», «Политика, называемая невежеством» и т. п. (не сохр., известны по названиям), в к-рых, в частности, называли своих противников бунтовщиками против королевской власти.

16 нояб. 1605 г. кор. *Сигизмунд III Ваза* предоставил В. м. в пожизненное управление униату архим. *Самуилу (Сенчило)* с «удалением от заведования» обителью представителей виленской рады. В янв. 1608 г. при В. м. было создано униатское братство, к-рому, по мнению Потея, должны были перейти грамоты и привилегии, дарованные правосл. братству, и т. о. последнее должно было прекратить свое существование (*такого рода иски к правосл.* братчикам выдвигались униатским братством до офиц. признания кор. *Владиславом IV Вазой* правосл. братства в 1632).

После того как Потей в июле 1608 г. назначил своим наместником в Вильно насельника В. м. иером. Иосифа Вельямина *Рутского*, известного своим стремлением к окатоличиванию униатов, архим. Самуил выступил против митрополита и в авг. 1608 г. вместе с виленскими приходскими священниками обратился к собранию бурмистров и радцев рус. общины с жалобой на действия митрополита. За незаконное обращение к светскому суду Потей приговорил Самуила к лишению сана и отлучению от Церкви. Троицкий архимандрит подал виленскому правосл. братству просьбу принять его в число братчиков. На собрании 30 нояб. 1608 г. виленские правосл. священники вместе с членами братства решили вернуть архим. Самуилу (Сенчило) настоятельство в В. м. после отречения от повиновения униатскому митрополиту. Последующие полгода были отмечены стихийными стычками между православными и униатами, взаимными исками, направленными в суды разных инстанций. В июле 1609 г. в Вильно состоялось выездное заседание суда при королевском дворе, решением к-рого виленские правосл. братчики были оштрафованы на 10 тыс. злотых, а архим. Самуилу предписывалось покинуть пределы Речи Посполитой.

В авг. 1609 г. В. м. окончательно перешел под власть униатов. В ведение настоятеля мон-ря светские власти передали все виленские приходские правосл. церкви. Униатский наместник обители Рутский, а затем и его преемник архим. Иосафат *Кунцевич* преобразовали мон-рь по образцу лат. монашеских орденов. Городской магистрат, состоявший теперь только из католиков и униатов, вынес постановление, в соответствии с к-рым каждый желающий вступить в купеческое братство или ремесленный цех должен исповедаться в Троицком храме и принести оттуда удостоверение о принадлежности к унии; инициатор этого решения — Кунцевич — бдительно следил за его исполнением.

(Т. о. православные лишались средств к существованию, поскольку в соответствии с магдебургским правом после удаления ремесленника из цеха его профессиональная деятельность становилась невозможной.)

После ухода в 1611 г. из В. м. Рутского его место занял бывш. Патриарх Московский и всея Руси *Игнатий* († ок. 1640), к-рый в 1612 г. вместе с поляками бежал из Москвы, осажденной войсками кн. Д. М. *Пожарского* и К. *Минина*. В Речи Посполитой он перешел в униатство. При нем в 1613 г. к В. м. был присоединен ставший также униатским минский в честь Вознесения Господня муж. мон-рь. Последний в 1635 г. был объединен с *минским в честь Сошествия Св. Духа на апостолов муж. мон-рем*.

В 1617 г. троицкие монахи вызвали на публичный диспут правосл. насельников Свято-Духова мон-ря, однако последние отказались, не надеясь на беспристрастность судей. Материалы несостоявшегося диспута с изложением униатской позиции опубликовал в том же году троицкий архим. Лев *Кревза* в соч. «Obrona jedności cerkiewney» (Оборона церковной унии). Особенно активно полемика между правосл. Свято-Духовым и униатским Троицким мон-рями разгорелась в связи с лит. деятельностью *Мелетия (Смотрицкого)*, отстаивавшего в те годы Православие. В 1620 г. Виленское правосл. братство издало в защиту восстановленной западнорус. правосл. иерархии трактат Мелетия «Veryficatia niewinności» (Оправдание невинности). В ответ троицкие монахи выпустили кн. «Sowita wina» (Сугубая вина) (Wilno, 1621), сочиненную будто бы митр. Рутским, в к-рой называли правосл. архиереев преступниками, нарушившими гос. законы. В ходе полемики В. м. опубликовал направленные против «схизматиков» (православных) сочинения «List do zakonnikow monastera cerkwie S. Ducha wilenskiego» (Послание законникам виленского монастыря церкви Святого Духа), «Examen Obrony» (Экзамен обороны) (оба: Wilno, 1621), содержавшие упреки и брань в адрес Свято-Духовского братства и Мелетия (Смотрицкого), а также соч. Антония Селявы «Antelenchus» (Wilno, 1622). Помимо письменных оскорблений правосл. братчики подвергались частым физическим нападениям со стороны троицких монахов-униатов, студентов униатской семинарии (перечень обид, нанесенных униатами правосл. братству см.: Документы, относящиеся к истории унии).

В 1617 г., когда был утвержден униатский василианский орден (см. *Василиане*), униатское монашество освободилось от власти епархиальных архиереев и составило единую корпорацию, во главе к-рой стоял протоархимандрит. К сер. XVII в. В. м. стал центром ордена василиан, обитель направляла братию в др. мон-ри, одновременно сохраняя за собой освободившиеся штатные должности. В насельниках В. м. числилось более 100 чел. Из настоятелей и монахов В. м. ставились униатские епископы: Рутский в 1613 г. занял митрополичью кафедру; Кунцевич в 1618 г. был поставлен на Полоцкую архиепископию; после убийства Кунцевича Полоцкую кафедру в 1624 г. занял Антоний Селява, также бывш. настоятель В. м., с 1641 г. он являлся Киевским митрополитом; в 1625 г. из настоятелей В. м. на Смоленскую кафедру был поставлен Лев Кревза и т. д. Мон-рь владел крупной недвижимостью и землями, полученными в качестве пожертвований от дворян и купцов. Среди жертвователей был и Рутский, отписавший мон-рю родовое имение в Новогрудском воеводстве. При В. м. существовал жен. мон-рь, к к-рому в 1609 г. был приписан Брацлавский мон-рь.

В XVII–XVIII вв. в В. м. были возведены каменные колокольня и св. врата. К Троицкому храму пристроены 3 часовни: в честь Воздвижения Креста Господня, Благовещения Богородицы и во имя ап. Луки. После пожаров 1706, 1748, 1749 гг. мон-рь в 1760 г. был восстановлен по проекту архит. И. К. Глаубица: к келейному корпусу был пристроен 3-этажный флигель, капитально реконструирована Троицкая ц. К сер. XIX в. храм по своему внешнему виду и внутреннему убранству напоминал католич. костел с главным престолом и 6 алтарями, перед престолом находился переносной иконостас.

В результате 3-го раздела Польши (1795) Вильна стала губернским городом Российской империи. После ревизии, проведенной в 1836 г., власти предполагали закрыть В. м. Однако еп. *Иосиф (Семашко)* 18 февр. 1837 г. подал записку в Мин-во внутренних дел России, в к-рой писал о том, что «виленский базилианский монастырь мог бы быть впоследствии орудием восстановления здесь древнего Православия». После учреждения *Виленской и Литовской епархии* в 1839 г. В. м. был возобновлен как православный, в 1842 г. возведен в 1-й класс, в 1845 г. причислен к 3-му классу с настоятелем-архимандритом, 5 иеромонахами, 2 иеродиаконами, 1 монахом и 4 послушниками по штату. Первым настоятелем возобновленной обители стал архим. *Евсевий (Ильинский)*, впосл. архиеп. Тверской. На содержание братии из казны отпускалось 1840 р. ежегодно, в качестве дохода от своих владений мон-рь получал еще 1,5–2 тыс. р. В. м. владел 25 десятинами земли в Вильне, собственностью упраздненной Трокской униатской архимандрии с озерами и фермами. В авг. 1845 г. на территории В. м. разместилась переведенная из Жировиц Литовская ДА, ее ректором являлся архимандрит мон-ря. В мон-рь также поступила часть б-ки *жировицкого в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*. В актовом зале семинарии проходили епархиальные собрания, общегородские торжественные заседания, приуроченные к памятным датам, собрания виленского Свято-Духовского братства.

Святые врата мон-ря. Фотография. 60-е гг. XX в.

В 1851–1852 гг. в Троицком храме вместо старой (униатской) алтарной

преграды акад. И. Т. Хруцкий выполнил новый иконостас. На средства (1500 р.), пожертвованные почетным гражданином Иркутска Е. Кузнецовым, в Троицкой ц. был устроен придел во имя ап. Иоанна Богослова. В 1869 г. по проекту епархиального архит. Н. М. Чагина на храме был воздвигнут деревянный купол, 2 каменные зап. боковые башни, в 1884 г. проведен внутренний ремонт. Настоятелями В. м. во 2-й пол. XIX в. были Филарет (Малышевский), впосл. еп. Нижегородский, *Александр (Добрынин)*, впосл. архиеп. Литовский, Иосиф (Дроздов), впосл. еп. Смоленский, и др.

В 1915 г., во время первой мировой войны, насельники В. м. были эвакуированы и размещены в неск. мон-рях России. До нояб. 1919 г. богослужения в Троицкой ц. не совершались. 8 нояб. 1919 г. в больничном корпусе ДС разместились вернувшиеся из эвакуации сестры виленского *(вильнюсского во имя равноап. Марии Магдалины)* жен. мон-ря. Троицкий храм перешел к Мариинской жен. обители, богослужения в нем совершали насельники виленского Свято-Духова мон-ря. 9 дек. 1937 г. Марие-Магдалинский мон-рь был переведен в Александро-Невскую ц., Троицкий храм был закрыт. В 1991 г. власти Литвы передали Троицкую ц. униатской конгрегации, к 2004 г. в здании храма находится униатская ц. свт. Василия Великого. Помещения бывш. Литовской ДС занимает Вильнюсский технический ун-т им. вел. кн. Витовта Великого.

В В. м. хранились 2 чудотворные иконы Божией Матери. *Остробрамскую икону,* по преданию, привез из Херсонеса в Вильно в 1363 г. вел. кн. Ольгерд, вел. кнг. Иулиания поместила ее в Троицком храме В. м., в XV в. ее перенесли в специально устроенную часовню на городских воротах.

Чудотворная *Виленская Одигитрия икона Божией Матери* была перенесена в Троицкий храм В. м. из виленского Успенского собора. О нахождении иконы в мон-ре уже в XVII в. свидетельствует фундуш (завещание) 1652 г. троицкого архим. Алексия Дубовича. По-видимому, в XVII–XIX вв. икону неск. раз переносили из собора в обитель и обратно, во 2-й пол. XIX в. она находилась в местном ряду иконостаса Троицкого храма, слева от царских врат. В авг. 1915 г. при эвакуации церковного имущества икону вывезли из Вильны, к 2004 г. ее местонахождение неизвестно.

Ист.: АЗР. Т. 1. № 152. С. 174–175, № 224. С. 370–371; Т. 2. № 58. С. 71, № 125. С. 154–155, № 219. С. 384–386, № 231. С. 398–400; Т. 3. С. 3, № 144. С. 286–288, № 166. С. 315–316; АЮЗР. Т. 1. № 91. С. 76; Документы, относящиеся к истории унии в Западной России // Вестн. Зап. России. 1864–1865. Окт. С. 55–70; Дек. С. 16–32; 1865–1866. Т. 4. Кн. 12. Отд. 1. С. 41–64; Акты, изд. Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильна, 1893. Т. 20: Акты, касающиеся г. Вильны (по указ.); 2 ПСЗ. 1845. Т. 20. № 18827; РИБ. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 5–18; Уния в документах. Минск, 1997; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 51 (1566–1574): Užrašymu Knyga 51 / Par.: A. Baliulis, R. Ragauskienė, F. Ragauskas. Vilnius, 2000. N 68. S. 78–79; Knyga Nr. 12 (1522–1529): Užrašymu Knyga 12 / Par.: D. Antanavičius, A. Baliulis. Vilnius, 2001. N 104. S. 177–178, N 320. S. 292; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566) / Падрыхт.: А. І. Груша. Мінск, 2001. № 21–22. С. 26–27; Кн. 43 (1523–1560): Кн. запісаў 43: (Копія канца XVI ст.) / Падрыхт.: В. С. Мянжынскі. Мінск, 2003. № 4. С. 49.

Лит.: *Строев.* Списки иерархов. Стб. 540. № 2; *Щербицкий О. В.* Виленский Св.-Троицкий мон-рь. Вильна, 1885; Виленское Св.-Троицкое впосл. Св.-Духовское братство. Вильна, 1890; *Добрянский Ф. Н.* Старая и Новая Вильна. Вильна, 1904; Вестн. Виленского Св.-Духовского братства. 1913. № 8–16; Lietuvus istorija. Kaunas, 1936; *Holowackyj R. R.* Seminarium Vilnense S. Trinitatis (1601–1621). R., 1957; *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерус. наследие и ист. судьбы вост. славянства. М., 1982; *Ketra T.* Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608) – wojewoda Kijowski i marszałek ziemi Wołyńskiej. Toruń, 1997 (по указ.); *Флоря Б. Н.* Попытка осуществления церк. унии в Великом кн-ве Литовском в посл. четв. XV – нач. XVI в. // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 7: Межконфес. связи в странах Центр., Вост. и Юго-Вост. Европы в XV–XVII вв. С. 40–81; *Ярашэвіч А. А.* Віленскі Троіцкі манастыр // Рэлігія і царква на Беларусі: Энцыкл. давед. Мінск, 2001. С. 68.

Д. Б. Кочетов, А. В. Кузьмин, Г. П. Шлевис

ВИ́ЛЕНСКИЙ В ЧЕСТЬ СОШЕ́СТВИЯ СВЯТО́ГО ДУ́ХА на апостолов муж. мон-рь – см. *Вильнюсский в честь Сошествия Святого Духа на апостолов мужской монастырь.*

ВИ́ЛЕНСКИЙ СОБО́Р, Собор духовенства правосл. Киевской *(Западнорусской)* митрополии, заседавший в Вильно с 25 дек. 1509 по 18 янв. 1510 г., созван митр. *Иосифом (Солтаном).* В работе В. С. участвовали все епископы Западнорус. митрополии, а также ряд настоятелей мон-рей и протопопов из сев. части митрополичьей области, Полоцко-Витебской и Смоленской епархий (архимандрит Киево-Печерского мон-ря не участвовал) и не названные по имени священники. Единственный источник сведений о В. С.– сохранившийся текст его решений. Решения Собора отражают определенный этап борьбы духовенства Киевской митрополии против вмешательства гос. власти и светских феодалов в церковную жизнь (о религ. ситуации на украинско-белорус. землях в этот период см.: *Флоря Б. Н.* Западнорусская митрополия, 1458–1686 гг. // ПЭ. Т. РПЦ. С. 101–102). Эта борьба была начата составлением во 2-й пол. XV в. западнорус. редакции «Устава Ярослава», где устанавливались высокие денежные штрафы по отношению к тем землевладельцам, к-рые будут защищать не повинующегося митрополиту епископа или не повинующегося епископу священника, осуществлять суд по делам о браке или совершать своей властью разводы или к.-л. др. образом вмешиваться в церковный суд. Действие этих установлений неоднократно подтверждалось королями *Александром Ягеллончиком,* затем *Сигизмундом I,* однако о применении их на практике ничего неизвестно.

Решения В. С. представляют собой попытку Церкви организовать борьбу с вмешательством в ее жизнь со стороны светских правителей. В 1-м пункте соборных решений осуждается практика пожалования правителем епископских кафедр или настоятельства в мон-рях при жизни занимающего кафедру архиерея или игумена мон-ря «без совета и воли митрополии и епископов и без осмотрения и собрания князей и панов нашего закону греческого». Лица, выхлопотавшие себе такие пожалования, по постановлению Собора, должны быть отлучены от Церкви, а те епископы, к-рые согласились бы их рукоположить, должны лишиться сана. Взаимоотношений правителя и Церкви касается и др. пункт решений В. С.– ст. 4-я, где говорится, что если правитель даст кафедру или к.-л. церковную должность недостойному человеку, то архиерейский Собор должен заявить государю о невозможности такого поставления.

Ряд решений В. С. был направлен против вмешательства в церковную жизнь светских феодалов – патронов церковных учреждений. Так,

Собор запретил землевладельцам самовольно удалять из храмов, над к-рыми они имели право патроната, священнослужителей. В случае нарушения данного запрета епископ не должен ставить в храм нового священника, если выяснится, что прежний удален несправедливо. Священнослужителей должен судить духовный суд (ст. 8). Если храм по вине патрона в течение 3 месяцев остается без священника, епископ может поставить туда нового священника (ст. 9). Священник, приступивший к служению по приказу патрона без согласия епископа, должен быть лишен сана (ст. 11). В случае захвата князем или боярином церковного имущества церковные власти должны указать на незаконность действий и предложить вынести дело на митрополичий суд. Если такое обращение не подействует, то следует захватившего церковное имущество отлучить от Церкви (ст. 10). Отдельный пункт постановлений запрещает мирянам под угрозой отлучения от Церкви иметь Номоканон, т. к. самостоятельное чтение данной книги ведет к тому, что светские люди перестают повиноваться пастырям «и сами себе закон бывают» (ст. 13). О том, что решениям, затрагивавшим интересы правителя и светских патронов, придавалось особое значение, говорит последний, 15-й, пункт постановлений В. С., где рассматривается возможность нарушения правителями или др. светскими лицами, облеченными властью, постановлений Собора. В этом случае епископы, собравшись во главе с митрополитом на Собор, должны добиваться выполнения постановлений В. С.

Ряд решений Собора направлен на укрепление внутрицерковной дисциплины. Порицаются епископы, занятые светскими делами и не приезжающие на церковные Соборы (ст. 14); епископам запрещается поставлять священников в чужие епархии или давать священникам из др. епархий отпускные грамоты (ст. 2); епископы не должны принимать священнослужителей, на к-рых наложены прещения в др. епархиях; запрещается также принимать и назначать в храмы священников, не имеющих отпускных грамот (ст. 5); монахам нельзя покидать мон-рь без грамоты от игумена; иноков, не имеющих такой грамоты, нельзя принимать в др. мон-ри (ст. 12). Епископы не должны «без вины» отнимать храмы и мон-ри у игуменов и священников (ст. 7). Собор категорически запретил служить и вступать во 2-й брак вдовым священникам и диаконам, к-рые должны принимать монашество. Архиереи, разрешившие вдовым священникам служить, должны лишиться сана. Решения Собора направлены на восстановление канонических отношений между митрополитом и епископатом, между епископами и подчиненным их власти приходским духовенством, монашеством. Консолидация духовенства вокруг иерархов, сплочение самих архиереев были главными условиями успешной борьбы против вмешательства правителя и светских патронов во внутреннюю жизнь Церкви.

Есть основания полагать, что с течением времени мн. поставления В. С. перестали выполняться. Так, в кон. XVI в. в правосл. западнорус. обществе шла борьба за то, чтобы не допускать к священнослужению священников-двоеженцев. Совсем не считались с решениями В. С. правители и светские феодалы. В этом отношении положение Церкви было особенно трудным, т. к. она могла прибегать только к церковным санкциям, к-рые не имели силы по отношению к правителю-католику и магнатам-католикам. Во многом успех борьбы зависел от согласованных действий всего епископата, чего на практике добиться не удалось.

Решения В. С. помещены в изданной Львовским братством кн. «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста о священстве» (Львов, 1614). При подготовке издания был использован пергаменный оригинал решений В. С., скрепленный печатями епископов (не сохр.). Известен ряд списков памятника. В одном из них решения В. С. дополнены 2 установлениями, относящимися к приходским священникам (внесены в 1-й пол. XVI в). Священнослужители должны каждую пятницу прежде службы в своих храмах совершать поминальные богослужения в соборе, а также являться в собор «на выход» к вечерней службе в субботу и в воскресенье к заутрене.

Изд.: РИБ. СПб., 1878. Т. 4. Стб. 5–18; *Голубев С. Т.* Объяснительные параграфы по истории Западнорус. Церкви. К., 1893. С. 28–32.
Лит.: *Грушевський М. С.* Історія України-Русі. Львів, 1905. С. 466–467; *Покровский А. И.* О Соборах Юго-Зап. Руси XV–XVII вв. // БВ. 1906. Т. 3. № 10. С. 108–151; *Макарий.* История РЦ. Кн. 5. С. 106–110.

Б. Н. Флоря

ВИ́ЛЕНСКОЕ ПРАВОСЛА́ВНОЕ СВЯТО-ДУ́ХОВСКОЕ БРА́ТСТВО, учреждено для защиты Православия на территории *Литовского великого княжества* в условиях активной экспансии протестантизма и посттридентского католицизма (о религ. ситуации на украинско-белорус. землях в кон. XVI в. см.: *Флоря Б. Н.* Западнорусская митрополия. 1458–1686 гг. // ПЭ. Т. РПЦ. С. 101–104).

Кон. XVI–XVIII в. Создание В. б., первоначально именовавшегося Свято-Троицким, было связано с передачей в мае 1584 г. королевской грамотой *виленского во имя Св. Троицы муж. мон-ря,* находившегося под управлением Киевского митр. *Онисифора (Девочки),* под опеку правосл. членов виленской городской рады (совета). В 1587 г. митр. Онисифор благословил «братство церковное иметь» при ц. Св. Троицы, разрешил напечатать устав братства и учредить при нем школу; братчикам принадлежал Сретенский придел Троицкого храма. В уставе («Чине») В. б. его главными целями помимо поддержки правосл. храмов были записаны содержание уч-ща и типографии, воспитание юношества в Православии, издание необходимых Церкви книг. В июне 1588 г. Вильно посетил К-польский Патриарх *Иеремия II,* в юрисдикции к-рого состояла *Западнорусская митрополия.* Патриарх одобрил и скрепил собственной печатью «Чин» братства, в выданной Патриархом грамоте братчикам предписывалось иметь типографию и школу с изучением греч., лат. и рус. языков. В 1589 г. польск. кор. *Сигизмунд III Ваза* утвердил корпорацию братчиков и предоставил ей право самоуправления, в 1592 г. освободил от уплаты городских повинностей и налогов.

Первоначально бо́льшую часть братчиков составляли ремесленники, после *Брестского Собора* 1591 г., подтвердившего ставропигиальный статус братства, в В. б. также входили дворяне («вельможные паны»). По «Реестру» 1584 г., в В. б. состоял 371 чел. Высшим органом братства являлись общие собрания («сходки»). Для ведения текущих дел избирались годовые старосты («рочные справцы»), они же представля-

ли интересы братства в гос. учреждениях. Заведование хозяйством и казной поручалось 4 выборным ключникам.

В 1591 г. братство купило дом, соседнее здание получило в качестве пожертвования от мещанина Кондратовича; постройки соединили, отремонтировали и открыли в них братскую школу. В 1593 г. кн. А. Полубенский отписал братчикам «на вечные времена» дом и большой надел земли, еще одно здание братство получило по завещанию купца П. Снипки. За короткое время братчики оборудовали в этих помещениях больницу, богадельню и типографию. Деятельность В. б., превратившегося в важнейший центр правосл. просвещения на украинско-белорус. землях, проходила в тесном контакте с др. *братствами православными*, особенно активны были связи со *Львовским братством*, к-рое, в частности, в первое время существования виленской школы посылало туда учителей и книги, позднее воспитанники виленского уч-ща *(Сильвестр (Коссов), Исаия Козловский)* преподавали во Львове.

В школе В. б., имевшей 5 классов, наряду с церковнослав., греч. и польск. языками преподавалась латынь. В 90-х гг. XVI в. в ней трудились крупнейшие деятели западнорус. просвещения — Стефан и Лаврентий *Зизании* (Стефан являлся ректором школы до 1596, кроме того, он был братским проповедником), *Кирилл (Транквиллион-Ставровецкий)*. До 1608 г. здесь преподавал латынь и греческий Логгин (см. *Леонтий*) Карпович, трудившийся также в братской типографии в качестве печатника и корректора, с 1614 г. архимандрит Свято-Духова мон-ря. С начала своего существования школа В. б. терпела нападки со стороны виленской иезуитской академии, в 1598 г. студенты академии учинили разгром братской школы.

В типографии В. б. в 90-х гг. XVI в. были напечатаны «Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частий слова и иных нуждных» Лаврентия Зизания (1596), «Казанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского, о антихристе и знаках его, з росширением науки против ересей розных» Стефана Зизания (1596), составленная Зизаниями «Наука ку читаню и розуменю писма словенского, тутыж о Святой Троици и о Вочеловечении Господни» (1596), а также «Книга о вере» (1596), «Молитвы повседневные» (1595, 1596), Псалтирь (2 изд. в 1595, 1596), Часовник (1596), Часовник с Букварем (1596), Новый Завет с Псалтирью (ок. 1596).

В. б. активно участвовало в *Брестских Соборах* Западнорусской митрополии (1590–1594), на к-рых обсуждались возможные преобразования в церковной жизни для упрочения положения правосл. Церкви. На Соборе 1594 г. В. б. и правосл. дворянство Великого княжества Литовского предложили использовать доходы епископских кафедр на содержание школ, строительство храмов

ГРАММАТІКА
СЛОВѢНСКА
Сѵвр҃шєннаѧ нскꙋ́ства
ѻсмїчастїй слова, и
нны҃ нꙋ́жны҃.
Нѡ́вш сост҃а́лєна А, Z.
ВѢНАНИ
Вдрꙋкарни Брат҃ской.
РѾ ВГѺ. · ѯфѱ҃. Ѧ ѱ҃
Сꙁдан҃їм Мі҃ра, ХРГ.
Мѱ҃ Фр҃алѧ в҃.

Лаврентий Зизаний. «Грамматика словенска». Вильна, 1596. Титульный лист (РГБ)

и больниц. Предложение братства Собором не было принято.

После заключения *Брестской унии 1596 г.* большинство архиереев Киевской митрополии перешли в униатство, униатскими стали мн. приходские церкви. По распоряжению (24 сент. 1599) принявшего унию митр. Ипатия *Потея* в окт. 1599 г. был закрыт принадлежавший В. б. придел Троицкого храма, непосредственной причиной запечатания придела стали антиуниатские проповеди Стефана Зизания. Ранее, в 1597 г., братчики построили недалеко от Троицкого храма деревянную ц. в честь Сошествия Св. Духа на апостолов. Ок. 1600 г. Свято-Духовский храм (с 1605 мон-рь, см. *Вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов мон-рь*) стал братским, братство с того времени именовалось Свято-Духовским.

Др. часть братчиков во главе с новогрудским воеводой Ф. Скуминым-Тышкевичем приняла униатство и объявила не присоединившихся к унии членов братства узурпаторами королевских и Патриарших грамот. Униатское Троицкое братство, утвержденное королем 20 янв. 1608 г., получило все братское имущество и осталось в Троицком мон-ре, вскоре превратившемся в крупный центр униатской пропаганды. Монахи-униаты и студенты униатской семинарии, открывшейся в Троицком мон-ре, неоднократно совершали нападения на насельников Свято-Духова мон-ря, учеников братской школы, правосл. братчиков.

К авг. 1609 г. все правосл. храмы Вильно, за исключением Свято-Духовского, перешли в унию. Противодействие распространению унии стало одним из главных направлений деятельности В. б. В 1608 г. братство опубликовало написанное на польск. языке анонимное соч. «Ἀντίγραφη, albo Odpowiedź na script uszczupliwy, przeciwko ludziom starożytney religiey graeckiey od apostatów Cerkwie Wschodniey wydany» (Ответ на едкое сочинение, напечатанное отступниками от Восточной Церкви против народа старой греческой веры), в к-ром опровергались 2 брошюры, изданные Потеем против В. б. и вообще православных. В 1610 г. в братской типографии было напечатано антикатолич. и антиуниатское соч. М. Г. Смотрицкого (см. *Мелетий*) «Θρήνος, to jest Lament, iedyney ś. powszechney apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem dogmat wiary» (Плач единой святой соборной апостольской Церкви, с объяснением догматов веры), после чего последовал королевский указ об уничтожении книг, изданных В. б. В типографии произвели обыск, уничтожили шрифты, Карпович и неск. печатников были отправлены в тюрьму. На нек-рое время деятельность типографии прекратилась, но затем один из братчиков — кн. Б. М. Огинский — перенес ее в свое имение Евье (совр. Вевис, Литва); в 20-х гг. XVII в. возобновила свою деятельность также братская типография в Вильно. К 1617 г. братчики построили новое, каменное здание школы.

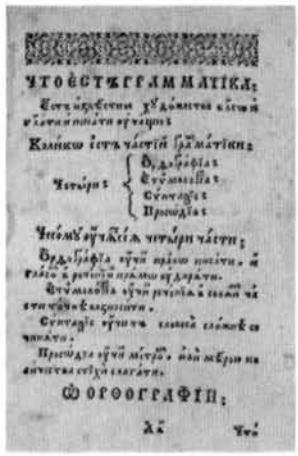
Несмотря на притеснения властей и нападки униатов, В. б. являлось наиболее значительным центром Православия на белорусско-литов. землях. Патроны правосл. мон-рей Литвы, бессильные самостоятельно

противостоять натиску гос-ва и католич. Церкви, отдавали находившиеся на их землях правосл. обители под опеку Свято-Духова мон-ря и В. б. При мн. мон-рях существовали школы, действовали братства. В. б. посылало в подчиненные ему обители исправных в иноческой жизни насельников, ставило настоятелей, обеспечивало книгами, школы — учителями.

В 10–30-х гг. в типографиях В. б. (в Евье и Вильно) в значительном количестве печаталась богослужебная, учебная и учительная лит-ра: Новый Завет с Псалтирью (Евье, 1611; Вильно, 1623), «Молитвы повседневные» (Евье, 1615), «Молитвеник, или Требник... Из греческаго языка на словенский преведеныи и истинно изследованьи» (Вильно, 1618), Псалтирь (Вильно, 1621, 1623, 1627, 1631), «Полу-устав, или Требник» (Вильно, 1622; Евье или Вильно, 1637–1640), Требник (Вильно, 1624, 1628), «Диоптра, сиречь Зерцало, альбо Изображене известное живота человеческого в мире» братского проповедника игум. *Виталия* (Евье, 1612. Вильно; Евье, 1642), «Анфологион, албо Цветы мѡлитв избранных, от многих святых отец събранны» (Евье, 1613) и др.

Братчики занимались переводами с греческого на просту мову — западнорус. лит. язык, в братской типографии были напечатаны «Евангелие учителное, албо Казаня на кождую неделю и свята урочистыи» Каллиста, Патриарха К-польского (Евье, 1616), «Духовныи беседы о доконалстве христиан православных» прп. Макария Египетского (Вильно, 1627), перевод толкования св. Иоанна Златоуста на молитву «Отче наш», сделанный Леонтием (Карповичем),— «На Отче наш выклад з грецкого на руский» (Вильно, 1620). Братство издало наиболее полную грамматику церковнослав. языка, составленную Мелетием (Смотрицким),— «Грамматики славенския правилное синтагма» (Евье, 1619) и более простую «Грамматику, албо Сложение письмени, хотящим ся учити славеньского языка малолетним отрочатом» того же автора (Вильно, 1621). Многочисленным мон-рям, находившимся под управлением В. б., предназначались издания: «Киновион, или Изображение евангелского иноческого общого жития, от святых отец вократце собранно» (Евью, 1618; возможно, представляет собой устав братского Свято-Духова мон-ря) и перевод соч. Фикары Святогорца «Вертоград душевный» (Вильно, 1620).

Братство также издало 2 проповеди архим. Леонтия (Карповича): «Казание двое: одно на Преображение Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, другое на Успение Пречистое и Преблагословенное Владычицы нашое Богородицы Приснодевы Марии» (Евье, 1615), а также 2 Слова на погребение архим. Леонтия: «Лямент у света оубогих на жалосное преставление...

Мелетий (Смотрицкий). «Грамматики славенския правилное синтагма». Евье, 1619. Л. 5 (РГБ)

отца Леонтия Карповича» (Вильно, 1620) и соч. архиеп. Мелетия (Смотрицкого) «Казанье на честный погреб... Леонтия Карповича, номината епископа Володимирского и Берестейского, архимандрита вилейского» (Вильно, 1620).

В 1620 г. Иерусалимский Патриарх *Феофан IV* восстановил западнорус. правосл. иерархию (Патриарх также подтвердил устав В. б.). Среди кандидатов на архиерейство был архим. Свято-Духова братского мон-ря Леонтий (Карпович), нареченный еп. Владимирским и Брестским. Из-за болезни архим. Леонтий в Киев не поехал и вскоре скончался, во архиепископа Полоцкого был хиротонисан др. член В. б.— Мелетий (Смотрицкий). Вернувшись в нояб. 1620 г. в Свято-Духов мон-рь, архиеп. Мелетий возглавил В. б. Он совершал в мон-ре архиерейские богослужения, рукополагал священников и диаконов, что вызвало резкие протесты со стороны униатов. 22 марта 1621 г. был издан королевский универсал против новопоставленных правосл. епископов, в Вильно активизировались преследования православных, на Свято-Духов мон-рь совершались нападения. В оправдание православных архиеп. Мелетий написал соч. «Veryficatia niewinności» (Оправдание невинности), к-рое братство издало от своего имени в 1620 г. (2 издания). Началась активная полемика. Позицию правосл. стороны защищал архиеп. Мелетий в трактатах «Oborona Verificaciej» (Защита Оправдания) (1621), «Elenchus pism uszczypliwych» (Опровержение едких писем) (1622) и др., все эти сочинения были напечатаны в братской типографии. (Возможно, архиеп. Мелетий был автором также соч. «Justificatia niewinności» (Подтверждение невинности) (1622), поданного Киевским митр. *Иовом (Борецким)* королю.) С 1623 г., после отъезда архиеп. Мелетия на восток, во главе В. б. стоял ректор братской школы и проповедник, с 1625 г. наместник Свято-Духова мон-ря *Иосиф (Бобрикович)*, в 1633 г. хиротонисанный во епископа Мстиславского.

Одной из форм борьбы братчиков были регулярные протесты в судах и сеймах коронных земель и Великого княжества Литовского против действий униатской иерархии и католич. властей (в частности, в 1613, после смерти Потея, кн. Огинский и старосты В. б. внесли требование в трибунальный суд об утверждении Киевским митрополитом православного, требование осталось без ответа). Униатский митр. Иосиф Вельямин *Рутский* в 20-х гг. XVII в. писал о том, что В. б. со времени начала унии собрало среди своих членов более 200 тыс. флоринов для противодействия униатству.

Важные для правосл. Церкви последствия имело выступление представителей В. б. на конвокационном сейме 1632 г., созванном после смерти Сигизмунда III для подготовки избрания нового короля. В. б. послало на сейм со своими уполномоченными подготовленную и отпечатанную братством книгу, к-рая была раздана сенату и послам: «Synopsis, albo Krotkie opisanie praw, przywileiow, swiebod y wolności, przeznacznemu starowiecznemu narodowi ruskiemu, pod posłuszeństwem s. oyca patriarchy Konstantynopolskiego stale y nieodmiennie od okreszczenia się swoiego traiącemu, nadanych y poprzysiężonych» (Синопсис, или Крат-

кое описание прав, привилегий, свобод и вольностей, данных литовскими князьями и польскими королями народу русскому, находящемуся неизменно в послушании Константинопольскому Патриарху) (Вильно, 1632). В предисловии к «Синопсису» изложены жалобы православных на притеснения, чинимые униатами. В самой книге в хронологическом порядке перечислены права и привилегии, какие со времени Крещения Руси по 1632 г. были даны сначала рус., потом литов. князьями и польск. королями западнорус. народу, причем указывалось на то, что эти права давались именно русским, состоящим под властью К-польского Патриарха, а не униатам и что, в частности, те права, к-рые пожалованы были В. б., пожалованы именно правосл. братству, а не униатскому. Все это подтверждалось ссылками на документы или свидетельствами польск. историков — М. Кромера и М. Стрыйковского. Сейм создал комиссию по рассмотрению споров между православными и униатами, в ее заседаниях активно участвовали послы от В. б.

К элекционному сейму (сент. 1632) В. б. подготовило и издало «Supplementum Synopsis, albo Zypełnieysze obiaśnienie Krotkiego spisania» (Дополнение к Синопсису, или Подробнейшее объяснение Краткого описания) (Вильно, 1632) с изложением полемики между православными и униатами, происходившей на конвокационном сейме. Королевич Владислав (см. *Владислав IV Ваза*) был вынужден собрать совет для рассмотрения жалоб, представленных правосл. послами. Результатом деятельности совета стало подписание королевичем 1 нояб. 1632 г. «Статей для успокоения народа русского греческой религии», в к-рых было признано существование правосл. церковной иерархии в Речи Посполитой; о В. б. в «Статьях» сказано, что взамен ц. Св. Троицы, находящейся у униатов, братству передаются 3 храма в Вильно — Воскресения Христова, св. Иоанна и св. Юрия на предместье. В 1633 г. король грамотой подтвердил право виленских братчиков принимать пожертвования, беспрепятственно распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, вернул братству право именоваться Свято-Троицким (ранее Свято-Троицким признавалось только униатское братство). Согласно королевскому привилею 1635 г., только в виленской и киевской школах разрешалось преподавать латынь и греческий.

В 1648 г. братская типография прекратила работу, т. к. из-за широкого употребления польск. языка книги на церковнославянском не имели спроса, кроме того, издание богослужебной лит-ры началось в Киеве. Осенью 1677 г. в Свято-Духовом храме по приглашению братчиков читал проповеди иером. (впосл. митр. Ростовский) св. *Димитрий (Туптало)*. В 1749 г. сгорели Свято-Духовская ц. и корпуса братской школы, после чего занятия в школе не возобновились. Численность братства постоянно сокращалась, в посл. четв. XVIII в. братчиками состояли неск. купцов и мещан. В 1795 г., после 3-го раздела Польши, Вильно вошел в состав Российской империи, Виленская губ. стала частью Минской епархии. Минский архиерей принял Свято-Духов мон-рь в свое непосредственное управление, а приписные к мон-рю церковные учреждения сделал самостоятельными. Виленские братчики сочли, что это ущемляет их права, и обратились с жалобой в Святейший Синод. Жалоба не была удовлетворена, братство вскоре перестало существовать.

2-я пол. XIX — нач. XX в. В. б. было возобновлено в 1865 г. митр. Литовским *Иосифом (Семашко)* в связи с необходимостью укрепления Православия в Северо-Западном крае после подавления в 1864 г. польск. восстания. В новом уставе братства его главными задачами были провозглашены «неуклонное служение нуждам и пользам православной Церкви и русской народности в Северо-Западном крае, содействие к распространению духовного просвещения в народе», «создание, поддержание и украшение православных храмов», «издание сочинений, направленных к обличению нареканий, клевет, происков и всевозможных посягательств на чистоту и целость православия». Членами братства, состоявшего под покровительством имп. семьи, стали правосл. архиереи, представители власти в Северо-Западном крае, выдающиеся российские гос. и общественные деятели. Пожертвования В. б. поступали из разных частей империи, в 1866 г. в адрес братства поступило церковной утвари на 20 тыс. р., в 1880 г.— на 30 тыс. р. Кроме частных пожертвований братская касса пополнялась средствами, вырученными от благотворительных концертов, кружечных сборов, распространения книг, сдачи внаем недвижимости. В братстве существовал отдел содействия бедным и нуждающимся. В 1872 г. братство открыло приют для 12 сирот, в 1879 г. разместило в своем доме виленское 2-классное приходское уч-ще, открыв в нем жен. смену. На содержании братства был дом с 40 квартирами для беднейших семей. В беднейших приходах епархии создавались ссудные кассы, на цели к-рых братство отпустило 3 тыс. р.

Высшим органом братства являлся выборный совет из 10–12 чел. В 1885 г. по предложению Литовского архиеп. *Александра (Добрынина)* совет братства принял на себя обязанности епархиального учи-

Иероним (Экземплярский), архиеп. Литовский. Фотография. Кон. XIX в. (РГИА)

лищного совета. Совет организовал 2 учительские двухгодичные школы в Вильне и Гродненской губ. для подготовки преподавателей церковноприходских школ. В 1883 г. с В. б. объединилось Общество ревнителей Православия. В кон. 1894 г. был утвержден новый устав братства, согласно к-рому председателем совета и попечителем братства являлся правящий архиерей Литовской и Виленской епархии (ранее совет возглавляли епископы Ковенские, викарии Литовской епархии). С янв. 1895 г. братство возглавил архиеп. Литовский *Иероним (Экземплярский)*, 18 марта 1895 г. братство взял под свое покровительство имп. *Николай II Александрович*. В это время число братчиков превышало 500 чел.

В 1895 г. при братстве была создана комиссия нравственно-религ. чтений. 20 янв. того же года открылась братская типография, к-рая к 1909 г. выпустила более 100 наименований книг. В 1907–1916 гг. 2 раза в месяц выходил «Вестник виленского Свято-Духовского братства», освещавший вопросы религиозно-нравственной и церковно-общественной

Церковь во имя блгв. кн. Александра Невского в Вильнюсе. 1898 г. Фотография. 2003 г.

жизни Северо-Западного края. В качестве приложений к «Вестнику» выпускались «Поучения на православные праздники», «Литовские ЕВ», «Листки для народа».

Братство проявляло особую заботу о строительстве новых и восстановлении разрушенных правосл. храмов. По его инициативе в Вильне в кон. XIX — нач. XX в. были построены 4 храма: во имя арх. Михаила и во имя кн. Александра Невского, в честь иконы Божией Матери «Знамение», Константино-Михайловский. В 1909 г. при братстве начал работу церковно-строительный комитет, занимавшийся сбором средств на строительство храмов в епархии.

В авг. 1909 г. по инициативе виленских братчиков в Вильне прошел съезд представителей западнорус. правосл. братств, на к-рый прибыли более 300 делегатов (архиереи, духовенство, гос. и общественные деятели из Литвы, Украины, Белоруссии и Польши). На съезде председательствовал архиеп. Литовский и Виленский *Никандр (Молчанов)*. Главной целью съезда было объединение усилий для совместной деятельности — миссионерской, просветительской, хозяйственной.

24–25 сент. 1914 г. по пути на фронт Вильну посетил почетный председатель В. б. имп. Николай II. В Свято-Духовом храме императору была вручена высшая награда братства, знак 1-й степени — Золотая звезда. В авг. 1915 г. в связи с приближением фронта бóльшая часть правосл. духовенства и мирян, в т. ч. самая активная часть виленских братчиков, уехала в Россию, и после оккупации зап. территории Российской империи нем. войсками деятельность В. б. прекратилась. Последним попечителем и председателем совета братства был архиеп. Литовский (с 22 дек. 1913), буд. Патриарх Московский св. *Тихон*.

Ист.: [Устав В. б.] // *Голубев С. Т.* Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники. К., 1883. Т. 1. Прил. С. 235–256; Труды съезда представителей западнорус. православных братств. Вильна, 1909; Унія в документах. Минск, 1997.

Лит.: *Щербицкий О. В.* Виленский Св.-Троицкий мон-рь. Вильна, 1885; *Смирнов Ф. К.* Виленский Св.-Духов мон-рь. Вильна, 1888; Виленское Св.-Троицкое, впоследствии Св.-Духовское братство. Вильна, 1890; 300-летний юбилей Виленского Св.-Духовского братства, 1597–1897: Сб. Вильно, 1897; *Добрянский Ф. И.* Старая и Новая Вильна. Вильна, 1904; На память о высокопреосвящ. Ювеналии, архиеп. Литовском и Виленском. Вильна, 1904; *Афанасий (Мартос), архиеп.* Беларусь в ист., гос. и церк. жизни. Буэнос-Айрес, 1966. Минск, 1990[p]; *Мельников А. А.* Путь непечален. Минск, 1992; История РЦ. Кн. 5. С. 232–234, 243, 253, 254, 467; Кн. 6. С. 180–186, 206–211, 227–230, 235–250, 461, 482–492, 503–504, 524–528; *Мицик Ю., прот.* З листів Віленського та Мінського правосл. братств XVII–XVIII ст. // ТКДА. 2003. № 1. С. 86–110.

Г. П. Шлевис

ВИ́ЛЛЕБРАНДС [голл. Willebrands] Йоханнес Герардус Мария (род. 4.09.1909, Бовенкарспел, Нидерланды), кард., архиеп. Первоначальное теологическое образование получил в Вармондской семинарии, по окончании к-рой 26 мая 1934 г. был рукоположен во пресвитера. В 1934–1937 гг. продолжал обучение в Риме, в Папском ун-те *Angelicum*, где защитил докт. диссертацию по философии, посвященную разбору взглядов кард. Дж. Г. *Ньюмена*. В 1937–1940 гг. служил в одном из приходов Амстердама. В 1940–1945 гг. являлся профессором, преподавателем философии в Вармондской семинарии, с 1945 по 1960 г. был ее ректором. В 1946 г. В. возглавил голл. экуменическое об-во св. Виллиборда, в 1951 г. основал католич. конференцию по вопросам экуменизма, к-рая объединяла европ. католич. богословов. 28 нояб. 1958 г. папой *Иоанном XXIII* возведен в достоинство тайного камергера и прелата.

28 июня 1960 г. В. был назначен секретарем Секретариата по содействию христианскому единству (СХЕ), созданного папой Иоанном XXIII в связи с началом подготовки к *Ватиканскому II Собору*. Находясь на этой должности, В. участвовал в проведении переговоров с представителями различных христ. конфессий по вопросу о присутствии некатолич. наблюдателей на Соборе. Важной миссией В. стала поездка в Москву (27 сент.— 2 окт. 1962) для переговоров с председателем ОВЦС архиеп. *Никодимом (Ротовым)*, результатом их стал приезд наблюдателей от РПЦ на II Ватиканский Собор. Во время проведения 1-й и 2-й сессий Собора В. участвовал в его работах в качестве офиц. консультанта. В нач. 1963 г. сопровождал из Москвы в Рим униатского митр. Иосифа *Слипого*, освобожденного советскими властями по договоренности с Ватиканом.

1 июня 1963 г. папа *Павел VI* вновь утвердил В. в достоинстве тайного камергера (прекратившемся со смертью Иоанна XXIII), а 5 окт. 1963 г. возвел его в достоинство прелата папского двора (praelatus domesticus). 4 июня 1964 г. Павел VI назначил В. титулярным епископом Мавританским, и 28 июня совершил его рукоположение. В течение 3-й и 4-й сессий II Ватиканского Собора В. являлся его участником. Со смертью кард. Августина *Беа*, 12 апр. 1969 г. В. был назначен папой на должность председателя СХЕ. На консистории 28 апр. того же года папа возвел В. в достоинство кардинала-диакона, а 30 апр. пожаловал ему диаконию святых Космы и Дамиана (S. Cosmae et Damiani). С 1969 г. В. являлся членом конгрегаций вероучения, Вост. Церквей, евангелизации народов, таинств, конгрегации богослужения (до ее слияния с конгрегацией таинств в 1975), католич. образования; комиссий по пересмотру Кодекса канонического права и Кодекса канонического права вост. католич. Церквей.

В сер. 60-х гг. в нидерланд. епископате стали распространяться крайние модернистские тенденции, выразившиеся в принятии в 1966 г. т. н. *«Голландского катехизиса»*, фактически отрицавшего нек-рые основополагающие догматы христианства. Несмотря на осуждение Вати-

каном модернизма, новые догматические построения «Голландского катехизиса» оправдывались экуменическими тенденциями нидерланд. епископата. В связи с этим В., как одному из активных участников экуменического движения, было поручено нормализовать ситуацию в католич. Церкви Нидерландов, и 6 дек. 1975 г. он был назначен архиепископом Утрехтским, примасом Голландии и викарием Вооруженных сил Нидерландов с сохранением за ним должности председателя СХЕ. Одновременно с назначением на Утрехтскую кафедру папа возвел В. в достоинство кардинала-пресвитера ц. св. Себастьяна в Катакомбах (S. Sebastiani ad Catacumbas). С 1976 г. возглавлял Епископскую конференцию Нидерландов, 25 окт. 1980 г. при нем был утвержден ее новый временный статус. В 1978 г. В. участвовал в работах 2 конклавов, избравших папу *Иоанна Павла I* (25–26 авг.) и папу *Иоанна Павла II* (14–16 окт.). Оба понтифика подтверждали (28 авг. и 24 окт.) нахождение В. на должности председателя СХЕ. С 1979 г. В. являлся одним из сопредседателей междунар. смешанной богослов. комиссии по православно-католич. диалогу. В 1988 г. в составе офиц. католич. делегации участвовал в торжествах по случаю *тысячелетия Крещения Руси*. Находясь на посту председателя СХЕ, В. неоднократно бывал в Москве и Ленинграде, где служил в католич. приходах и призывал местное духовенство к полному принятию богослужебных реформ 1969 г. (см. ст. *Novus Ordo*).

22 нояб. 1982 г. В. оставил пост викария Вооруженных сил Нидерландов, а 3 дек. 1983 г.– Утрехтскую кафедру и пост председателя епископской конференции. 2 мая 1988 г. он был назначен кардиналом-камерленго коллегии кардиналов. По достижении им в 1989 г. 80-летнего возраста В. утратил право на участие в конклавах. 12 дек. 1989 г. он ушел на покой, оставил пост председателя СХЕ и перестал быть членом различных конгрегаций Римской курии. В знак уважения В. был удостоен титула почетного председателя СХЕ. В 1997 г. В. оставил пост кардинала-камерленго коллегии кардиналов.

В. является почетным доктором богословия Лувенского католич. ун-та (1971), ЛДА (1973); Люблинского католич. ун-та (1985), удостоен почетных званий ряда высших церковных учебных заведений Европы и Америки.

Соч.: Problems before Unity. Baltimore, 1962; L'unità dei cristiani. Napoli, 1965; Bible, Ecumenism and Secularization after the Second Vatican Council. Stokholm, 1968; Œcuménisme et problèmes actuels. P., 1969; Christus, Zeichen und Ursprung der Einheit in einer geteilten Welt. Zürich, 1970; Movimento ecumenico: unità dei cristiani o unità umana? Mil., [1971]; Mandatum unitatis: Beitr. z. Ökumene. Paderborn, 1989; Church and Jewish People: New Consideration. N. Y., 1992; Una sfida ecumenica, la nuova Europa. Verucchio, 1995; Встреча Рима и Москвы: Восп. // Второй Ватиканский Собор: Взгляд из России. М., 1997. С. 152–160.

А. Г. Крысов

ВИЛЛЕХА́Д [лат. Willehadus] (ок. 740, Нортумбрия – 8.11.789, Блексен, Саксония), католич. св. (пам. 8 нояб., 13 июля), миссионер, первый епископ Бременский. Его житие, написанное в сер. IX в., согласно *Адаму Бременскому*, было составлено св. *Ансгаром* (автор «Чудес святого Виллехада»), однако, по мнению совр. исследователей, оно больше отражает агиографическую традицию мон-ря Эхтернах.

В житии рассказывается, что В., англосакс по происхождению, был послан кор. Нортумбрии Альхредом во Фризию, в мест. Доккум, где незадолго до этого принял мученическую кончину св. *Бонифаций* (Винфрид). Но скорее всего *Алкуин* Йоркский, в одном из писем называвший В. своим близким другом, вдохновил его на поездку. Проповедуя Евангелие, В. чудесным образом дважды избежал смерти от рук язычников. В 780 г. франк. кор. *Карл Великий* отправил В. миссионером на Н. Везер, в обл. Вигмодию, на границе Фризии и Н. Саксонии. Однако через 2 года из-за преследований христиан во время восстания Видукинда в Саксонии В. перебрался в одну из соседних областей Фризии. Нек-рые его ученики погибли. Затем В. отправился в Рим и посетил папу *Адриана I*. На обратном пути он остановился в мон-ре Эхтернах, где в это время собрались его ученики, спасаясь от гонений. В мон-ре В. среди прочего занимался переписыванием священных книг. В 785 г. по повелению имп. Карла Великого он продолжил миссионерскую деятельность в Вигмодии, в 787 г. был рукоположен в Вормсе и назначен епископом Бременским.

В. известен как строитель собора св. Петра в Бремене (где и был похоронен), как великий постник, не употреблявший в пищу ничего, кроме хлеба, меда, овощей и фруктов. Признаком его святости считается и то, что его епископский посох и потир не погибли во время пожаров, хотя помещения, где они хранились, полностью выгорели. Мощи В. обретены в 860 г. св. Ансгаром, описавшим происходившие у гробницы В. чудеса. Очевидно, т. о., Ансгар старался подчеркнуть свою преемственность по отношению к епископам Бремена (В. и *Виллериху*), т. к. его статус как главы двух кафедр – архиепископской Гамбургской и епископской Бременской – ставился под сомнение архиепископами Кёльна. В. особо почитался в Саксонии, однако после Реформации его культ угас и снова возродился только в нач. XX в.

Ист.: Vita Willehadi / Ed. A. Poncelet // ActaSS. T. 3. P. 842–846; Vita et miracula Willehadi / Ed. G. H. Pertz // MGH. SS. Lpz., 1925[r]. T. 2. S. 378–390.

Лит.: *Niemeyer G.* Die Herkunft der Vita Willehadi // DA. Köln; W., 1956. Bd. 12. S. 17–35; *Röpcke A.* Das Leben des hl. Willehad Bischof von Bremen und die Beschreibung der Wunder an seinem Grabe. Bremen, 1982.

В. В. Рыбаков

ВИ́ЛЛИБАЛЬД [нем. Willibald; лат. Willibaldus. Villibaldus] (ок. 700, Уэссекс – 7.07.787, Айхштетт), св. (пам. зап. 7 июля), брат св. *Виннебальда* и св. *Вальпурги*. Происходил из англосаксон. знатного рода и являлся родственником св. *Бонифация* (Винфрида). С 5 до 20 лет в качестве послушника (puer oblatus) жил в мон-ре Уолтем (совр. Бишопс-Уолтем в Гэмпшире). Стремление найти идеал монашеской жизни привело В. к решению совершить паломничество в основные христ. центры: Рим, К-поль и Иерусалим. По достижении 20-летнего возраста В. отправился в Рим вместе с отцом и братом, где прожил до 723 г., ведя монашеский образ жизни. В 723–727 гг. В. совершил паломничество в Св. землю, а затем – в К-поль (727–729). Осенью 729 г. он прибыл в мон-рь *Монте-Кассино*, где провел 10 лет, достигнув должности декана. Во время поездки в Рим (739) В. по настоянию папы *Григория III* (731–741) примкнул к миссии Бонифация. Вероятно, именно благодаря В. Бонифаций и его сподвижники познакомились с уставом прп. *Венедикта Нурсийского*.

В 740 г. В. был посвящен во пресвитера, а затем во епископа (741). В историографии остается дискуссионным вопрос о том, где Бонифаций намеревался разместить новую кафедру В.: в Айхштетте или Эрфурте (видимо, в 741 в Эрфурте, а после 745 — в Айхштетте). В Айхштетте В. основал мон-рь, в к-ром по примеру Монте-Кассино был введен бенедиктинский устав. В соответствии с ирланд. традицией существования епископов при мон-рях В. называл себя «епископом мон-ря Айхштетт» (episcopus de monasterii Achistadi), и в источниках IX–X вв. Айхштетт фигурировал как общежительный мон-рь (coenobium), не будучи ни разу названным епископской кафедрой (episcopium). Т. о., если В. был рукоположен во епископа Эрфурта, то его деятельность в Айхштетте представляется не связанной с планами Бонифация. В., став епископом, вынужден был заботиться о просвещении и катехизации местного населения, о подготовке новых кадров. Айхштеттский мон-рь был и школой для буд. священников Баварии, т. к. во многом напоминал обители Бонифация и его последователей.

В. вместе с Виннебальдом основал мон-рь Хайденхайм (752) с жен. и муж. общинами и Зольнхофене (754), к-рые наряду с Айхштеттом стали центрами миссионерской деятельности во Франконии, в Баварии и Швабии. В. участвовал в Consilium Germanicum (742/3) и в Соборе в Аттиньи (762). В июне 778 г. В. продиктовал своей родственнице мон. мон-ря Хайденхайм Хугебурке воспоминания о путешествии на Восток и последующем пребывании в Монте-Кассино. Этот рассказ, впосл. названный Hodoeporicon (Путевые заметки), лег в основу 4 житий В. (2 анонимных кон. IX–X и XI вв., Vita Villibaldi, написанное аббатом Хайденхаймом Адельбертом (ок. 1150), и другое — Vita Villibaldi еп. Айхштеттского Филиппа († 1322)). В. особенно почитается в Баварии. Мощи святого, хранящиеся в реликварии кафедрального собора Айхштетта, неск. раз переносились (989, 1256, 1269, 1745).

Ист.: Vita Willibaldi episcopi Eichstetensis // *Bauch A.* Quellen zur Geschichte der Diözese Eichstätt. Regensburg, 1984². S. 13–122; *Hugeburc (Huneberc) von Heidenheim.* Vita Wynnebaldi Abbatis Heidenheimensis / Ed. O. Holder-Egger // MGH. SS. Bd. 15. Tl. 1. 1887. S. 80–117; BHL. T. 2. N 8931–8934; ActaSS. Iul. T. 2. P. 501–512.

Лит.: *Talbot C. H.* The Anglo-Saxon Missionaries in Germany. L., 1954. P. 153–177; *Pfeiffer G.* Erfurt oder Eichstätt? Zur Biogr. d. Bischofs Willibald // FS W. Schlesinger. Köln, 1974. Bd. 2. S. 137–161; *Mengs M.* Schrifttum zum Leben und zur Verehrung der Eichstätter Diözesanheiligen Willibald...: [Bibliogr.] St. Ottilien, 1987; St. Willibald 787–1987: [Beitr. z. Jubeljahr]. Eistätt, 1987; *Weinfurter S.* Das Bistum Willibalds im Dienste des Königs // Zschr. f. Bayerische Landesgeschichte. 1987. Bd. 50. S. 3–40; Der hl. Willibald – Klosterbischof oder Bistumsgründer? / Hrsg. H. Dickerhof e. a. Regensburg, 1990; *Омельницкий М.* Образ святого в англосаксонской лит. и агиогр. традиции. М., 1997; *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Зап. Европе раннего средневековья. СПб., 2001. С. 221–230.

А. В. Ч.

ВИ́ЛЛИБРОРД [Климент; латиниз. Willibrordus; нем. Willibrord] (ок. 657–658, Нортумбрия — 7 нояб. 739, Эхтернах (ныне в Люксембурге)), св. (пам. зап. 7 нояб.), миссионер. Происходил из знатного англосаксон. рода. В 664 г. стал послушником (puer oblatus) мон-ря Рипон, где его наставником был *Вильфрид* Йоркский. В 678 г. В. отправился в паломничество в Ирландию и остановился в мон-ре Ратмельсиги (ныне, вероятно, Меллифонт, графство Лаут, Ирландия), где был рукоположен в сан пресвитера. В 690 г. В. с неск. спутниками отправился в Фрисландию, присоединенную к Франкскому королевству в результате победы мажордома Пипина II над фризским кор. Радбодом в битве при Дорестаде (совр. Вейк-бей-Дюрстеде, Нидерланды) (689), но его миссия оказалась неудачной. В. решил заручиться поддержкой не только светской власти в лице Пипина II, но и папы *Сергия I*, для чего в 691–692 гг. совершил паломничество в Рим.

21 нояб. 695 г. папой Сергием I В. был рукоположен во епископа и назначен архиепископом фризов, папа передал ему паллий и дал имя Климент. Через 2 недели после рукоположения В. покинул Рим и направился на север. Пипин II определил местом его пребывания г. Вилтабург (ныне Утрехт), где В., а возможно, и самим Пипином был основан мон-рь, ставший центром буд. еп-ства и миссии. Ок. 697 г. Ирмина, аббатиса трирского мон-ря св. Марии, даровала В. поместье Эхтернах с маленьким мон-рем и церковью, где он основал новый большой мон-рь. В нач. VIII в. В. отправился на север крестить племена Фризских о-вов, Шлезвига и отчасти Дании. Миссия В. не имела успеха. В. действовал в основном на юге Нидерландов, в Брабанте и др. областях, где получил от местной знати крупные земельные пожалования. Помимо Фрисландии В. проповедовал в Тюрингии и долине р. Майн. В 714 г. фризы снова взбунтовались. Только в 717 г. Карл Мартелл, сын Пипина II, разбил кор. Радбода. Карл Мартелл покровительствовал В., к-рый стал крестным отцом его сына (впосл. кор. *Пипин Короткий*). После смерти кор. Радбода (719) и окончательного подчинения фризов Каролингами В. возобновил миссионерскую деятельность на севере, опираясь на поддержку англосаксон. миссионера *Бонифация* (Винфрида).

В. был человеком энергичным, проповедовал строго аскетический образ жизни, к-рому сам неукоснительно следовал, подавая пример братии мон-ря. Последние годы он провел в Эхтернахе. После его смерти мон-рь стал одним из центров средневек. учености и культуры. Первым биографом В. был *Беда Достопочтенный*. Наиболее известное житие В. было написано *Алкуином* в стихах и прозе (ок. 790 и 793) по просьбе аббата Эхтернаха.

Ист.: *Beda.* Hist. Angl. Vol. 10; PL. Vol. 89. P. 535–556; *Alkuin.* Vita Willibrordi // MGH. Scr. Mer. Hannover, 1920. Bd. 7: Passiones... S. 81–141; S. Bonifatii et Lulli epistolae / Hrsg. M. Tangl // MGH. EpSel. B., 1916. Bd. 1. S. 235; Die Lebensbeschreibungen des hl. Willibrord, Gregors von Utrecht, Liudgers und Willehads von Bremen / Hrsg. von W. Wattenbach. Lpz., 1888². S. 5–26. (Die Geschichtsschreiber d. deutschen Vorzeit; [14]: 8 Jh.; 3); The Calendar of St. Willibrord: from ms. Paris. Lat. 10837: with facsim. / Hrsg. H. A. Wilson. L., 1918. Woodbridge, 1998ʳ; *Wampach C.* Geschichte der Grundherrschaft Echternach im Frühmittelalter. Luxemburg, 1929–1930. 2 Bde.

Лит.: Willibrordus: Echternacher FS zur XII. Jahrhundertfeier d. Todes d. hl. Willibrord / Hrsg. N. Goetzinger. Luxemburg, 1940; *Huelin G.* St. Willibrord and His Society. L., 1960; *Kiesel G.* Der hl. Willibrord im Zeugnis d. bildenden Kunst: Ikonographie des Apostels der Niederlande. Luxemburg, 1969; *Derksen J.* In Gottes Namen voran! Mosaiksteine zu einem Lebensbild des hl. Willibrord. Lpz., 1974; Willibrord: Apostel der Niederlande, Gründer der Abtei Echternach / Hrsg. G. Kiesel, J. Schroeder. Luxemburg, 1989, 1990; Willibrord, zijn wereld en zijn werk: Voordrachten gehouden tijdens het Willibrordcongres. Nijmegen, 1990; *Laurent J. M.* Nouwen, Willibrord: Een heilige diplomaat of een diplomatieke heilige. Tielt, 1993; *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Зап. Европе раннего средневековья. СПб., 2001. С.190–212.

А. В. Чупрасов

ВИ́ЛЛИГИЗ [Виллиги́з; лат. Willigisus] (ок. 940 – 23.02.1011, Майнц), св. (пам. зап. 23 февр.), архиеп. Майнцский. Вероятно, происходил из знатного саксон. рода. Воспитывался Фолькольдом (с 969 еп. Майсена) при дворе имп. *Оттона I* вместе с его сыном (впосл. имп. *Оттон II*). В 971 г. В. стал канцлером и настоятелем собора в Хильдесхайме. После смерти архиеп. Майнцского Руперта (13 янв. 975) В. при поддержке имп. Феофано, супруги Оттона II, занял кафедру Майнцского архиеп-ства. В марте 975 г. папа Римский *Бенедикт VII* послал ему паллий.

В. не участвовал в итал. походе имп. Оттона II, но в 983 г., сопровождая вместе с архиепископом Равенны 3-летнего наследника престола Оттона III на коронацию в Ахен, присутствовал на собрании князей в Вероне. После смерти Оттона II (дек. 983) В. и имп. Феофано фактически становятся правителями империи при малолетнем Оттоне III. Одновременно с коронацией Оттона III герм. королем в Ахене герцог Баварский был провозглашен королем в Кведлинбурге. В борьбе с герцогом Баварским на стороне Оттона III, В. и имп. Феофано выступил герц. Саксонский Бернхард I. Однако из-за начавшихся восстаний полабских славян на востоке империи, войны с Данией и захватов земель в Лотарингии франк. королем, с герцогом Баварским очень быстро пришлось заключить мир.

В. организовал итал. поход Оттона III, во время к-рого папа Римский *Григорий V* короновал его имп. короной. Оппозицию В., влиявшему на молодого императора, возглавили еп. *Адальберт* Пражский, архиеп. *Гериберт* Кёльнский, еп. Генрих Вюрцбургский и еп. *Бернвард Хильдесхаймский*. С последним В. вел борьбу за мон-рь Гандерсхайм, расположенный на границе Майнцского и Хильдесхаймского диоцезов (1000–1007).

После смерти Оттона III противостояние архиепископов Майнца и Кёльна, В. и Гериберта, стало определять положение дел в империи. В. инициировал избрание новым королем Генриха II, сына герц. Баварского Генриха. В. сопровождал его в поездке по стране и участвовал в коронации кор. Кунигунды в Падерборне (авг. 1002). Поддержанный светскими правителями, он увеличил владения Майнцского архиеп-ства за счет королевских пожалований в Тюрингии и Гессене. При нем в Майнце был отстроен новый собор св. Стефана, где впосл. и был похоронен В.

Ист.: Mainzer Urkundenbuch. Bd. 1: Die Urkunden bis z. Tode Erzbischof Adalberts I. (1137) / Bearb. M. Stimming. Darmstadt, 1932, 1972². Tl. 1. Nr. 216–250; Regesta Imperii. [Ser.] 1: Sächsisches Haus, 919–1024. 1. Abt.: Die Regesten d. Kaiserreichs unter Heinrich I. u. Otto I. (919–973) / Bearb. v. E. v. Ottenthal, H. H. Kaminsky. Hildesheim, 1967ʳ; 2. Abt.: Die Regesten d. Kaiserreichs unter Otto II. (973–983) / Bearb. v. H. L. Mikoletzky. Graz, 1950; 3. Abt.: Die Regesten d. Kaiserreichs unter Otto III. (983–1002) / Bearb. v. M. Uhlirz. Köln, 1956; 4. Abt.: Die Regesten d. Kaiserreichs unter Heinrich II. (1002–1024) / Bearb. v. T. Graff. W. e. a., 1971; 5. Abt.: Papstregesten (911–1024) / Bearb. v. H. Zimmermann. W. e. a., 1969; Regesta archiepiscoporum Moguntinensium / Bearb. J. F. Böhmer, C. Will. Bd. 1: Von Bonifatius bis Arnold v. Selehofen, 742–1116. Innsbruck, 1877, 1966ʳ. Nr. 1–173.

Лит.: *Böhmer H.* Willigis von Mainz. Lpz., 1895; *Falck L.* Mainz im frühen und hohen Mittelalter: (Mitte 5. Jh. bis 1244). Düsseldorf, 1972. S. 64–71, 78–79, 88–97, 100–110, 119, 145, 152, 163–166; Jahrbücher des deutschen Reichs unter Heinrich II. / Hrsg. S. Hirsch e. a. B., 1862, 1975². Bd. 1; Willigis und sein Dom: FS zur Jahrtausendfeier des Mainzer Domes, 975–1975 / Hrsg. A. P. Brück. Mainz, 1975; 1000 Jahre St. Stephan in Mainz. Mainz, 1990.

А. В. Чупрасов

ВИЛЛОТО́ [франц. Villoteau] Гийом Андре (6.09.1759, Беллем – 27.04.1839, Тур), муз. деятель, один из первых франц. этномузыковедов. Обучался в хоровой школе при кафедральном соборе г. Ле-Ман, в Сорбонне изучал вост. языки и философию. Был рукоположен во пресвитера, поступил в хор парижского собора Нотр-Дам, после его роспуска во время революции был вынужден перейти в хор парижского оперного театра, где вскоре стал хормейстером. В 1798 г. в составе корпуса ученых участвовал в егип. походе Наполеона I Бонапарта. Во время этой экспедиции В. собрал большое количество сведений о древней и совр. муз. культуре Египта. Стал членом учрежденного Наполеоном Ин-та Египта и участвовал в создании монументального труда «Description de l'Egypte» (Описание Египта). Также опубликовал ряд работ, среди к-рых «Recherches sur l'analogie de la musique...» в 2 томах (Исследование об аналогии музыки и искусств, подражающих языку), содержащее как цитаты из трактатов древних авторов о греч., егип. и евр. музыке, так и собственные теоретические положения. Был приверженцем воззрений франц. эстетиков XVIII в., для к-рых музыка была прежде всего подражательным искусством. Вслед. серьезных финансовых затруднений В. покинул Париж и переехал в Тур, где подготовил к изданию «Traité de phonétésie» (Трактат о фонетезии; не сохр.), в к-ром предпринял попытку продемонстрировать «выразительные свойства звуков и интонаций человеческого голоса» и франц. перевод и комментарии к античным трактатам (Antiquae musicae auctores septem / Пер. с лат. М. Мейбомиуса. Amstelodami, 1652; хранится: BNF. Rés. 2001 (1–2)).

Наибольший интерес представляет труд В. «De l'état actuel de l'art musical en Égypte» (О действительном состоянии музыкального искусства в Египте), первый во Франции опыт в области муз. этнографии. Несмотря на резкое неприятие муз. культуры аборигенов, В. тщательно описал способ записи, теоретические системы и особенности устной муз. традиции арабов, коптов, греков, армян, сирийцев, персов, турок, евреев и африкан. народов.

Араб. музыка, по мнению В., произошла от слияния «испорченной» древнегреч. и персид. муз. традиций. В. изложил положения араб. теории музыки по анонимному трактату «L'arbre couvert de fleurs dont calices referment les principes de l'art musical» (Дерево, покрытое цветами, чашечки которых содержат сущность музыкального искусства). Переводы неск. муз. трактатов с араб., тур. и персид. языков по просьбе В. выполнили франц. арабист Сильвестр де Саси и его ученики Жан Жак Седийо и Пьер Этьен Эрбен де Галль. В. описал характерные для музыки Н. Египта 7-ступенные звукоряды, включающие микроинтервалику, в общей сложности 84; систему макамов. Здесь В. дал характеристику нотации, созданной на основе араб. алфавита для записи тур. музыки молдав. господарем ученым Димитрием *Кантемиром* (см.: *Cantemir D.* Kitab-i 'ilmu 'l muziki. Istanbul, 1976. [Кн. о муз. науке]). В. первым из европейцев предпринял попытку передать звучание араб. музыки при помощи европ. нотации. Для передачи в нотной записи микроинтервалики, свойственной араб. музыке ($^1/_3$, $^2/_3$ тона), он использовал специальные знаки собственного изобретения, созданные

на основе диеза и бемоля. В. записал один и тот же материал от неск. профессиональных исполнителей (alâyeh) и, сравнив записи, попытался «очистить» мелодии от «варварских и нелепых украшений». Он опубликовал не только полученные таким способом «чистые» напевы, но и неск. образцов напевов со всеми мелодическими украшениями, а также тексты песен, к-рые приведены полностью по-арабски, в фонетической транскрипции и во франц. переводе де Саси с комментариями о диалектизмах и просторечиях. В. описал также народную араб. музыку (напевы танцоров, жонглеров, свадебные и похоронные песни и пр.).

Со слов некоего абиссинского клирика В. первым дал описание копт. церковной нотации, основанной на копт. алфавите, и гласовой системы, привел примеры дешифрованных песнопений (в наст. время этот раздел представляет лишь исторический интерес).

По-видимому, В. был последним образованным музыкантом-европейцем, имевшим дело с живой певч. традицией визант. Церкви (в том виде, в к-ром она сохранилась в Египте) до реформы *Хрисанфа из Мадита* (1821). В. посетил каирский мон-рь св. Георгия, где брал уроки у протопсалта Гавриила; сделал описание визант. муз. системы по списку *Протеории* и «Вопросоответника» *Псевдо-Дамаскина* (эти рукописи, привезенные В., не идентифицированы, полный текст перевода, выполненного парижским эллинистом Н. Л. Ашентром, по-видимому, утерян; опубликованы только фрагменты). В. отметил использование исона, специфическую манеру звукоизвлечения «в нос» и обилие мелизмов, описал систему визант. нотации, гласовую систему. Т. о., большая часть его статьи о греч. музыке представляет собой фактически франц. перевод традиц. текста Протеории с комментариями и пояснениями для европ. читателя. Особого внимания заслуживают дополнения к правилам ипотаксиса, полученные от протопсалта Гавриила, таблица длительностей и запись нек-рых больших *ипостасей* (их графическое начертание и сделанная с голоса запись в 5-линейной нотации). Несмотря на то что запись последних не совпадает ни с одним из известных источников того времени (см., напр., Теоретикон *Апостола Констаса* Хиосского — Athen. Bibl. Nat. gr. 1867, 1820 г.), данные В. следует считать достоверными, поскольку его записи сделаны с голоса профессионального псалта. Вероятно, эти записи отражают местную егип. традицию. В. также упоминает (без употребления терминов) различные способы прочтения одного и того же невменного текста: *метрофонию*, познаковое чтение строки в процессе ее изучения и мелос — собственно напев в том виде, как он звучит в исполнении псалта (см. также ст. *Византийская нотация*). Обзор визант. муз. теории завершается цитатами из «Вопросоответника» Псевдо-Иоанна Дамаскина.

Изд.: Mémoire sur la possibilité et l'utilité d'une théorie exacte des principes naturels de la musique. P., 1807; Recherches sur l'analogie de la musique avec les arts qui ont pour objet l'imitation du langage. P., 1807[1]; De l'état actuel de l'art musical en Égypte. Description hist., technique et littéraire des instrumens de musique des orientaux. Diss. sur les diverses espèces d'instrumens de musique que l'on remarque parmi les sculptures qui décorent les antiques monumens de l'Égypte. Mémoire sur la musique de l'antique Égypte // Description de l'Égypte / Éd. E. F. Jomard. P., 1809–1822.

Лит.: *Fétis.* BUM. T. 8. P. 349–353; *Martineau R.* Un ami de Le Sueur // Entretiens idéalistes. 1913. Vol. 14. 353–357; *Zerańska-Kominek S.* Guillaume André Villoteau i paradygmat piśmienności w etnomuzykologii // Muzyka. 1996. T. 41. N 1. S. 41–52; *Mongrédien J., Ellis K.* // NGDMM. 2001. Vol. 26. P. 639; *Вовк А.* Европеец в Египте: Поздняя визант.-синайская певч. традиция в работах Г. А. Виллото // Cantus planus–2002 [Рус. версия]. СПб., 2004 (в печати).

А. А. Вовк

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ [Гильом; лат. Gullielmus, Willelmus; франц. Guillaume de Volpiano] (962–1031), св. (пам. зап. 1 янв.), аббат мон-ря Сен-Бенинь (Дижон, Франция), один из активных проводников *клюнийской реформы*. Основным источником о жизни В. является житие, написанное в сер. XI в. клюнийским мон. и учеником св. Рудольфом Глабром (Vita Sancti Guillelmi abbatis Divionensis // PL. 142. Col. 697–720).

Согласно сочинению Глабра и др. жизнеописаниям (Chronicon St. Benigni / Ed. Bougaud. Dijon, 1875 // Analecta Divionensia. T. 9; PL. 141. Col. 851–870), В. был сыном графа Роберта ди Вольпиано, а его крестным был герм. имп. *Оттон I*. Род. в фамильном замке на о-ве Сан-Джулио (оз. Орта, к северу от Новары, Пьемонт, Италия). В возрасте 7 лет был отдан в бенедиктинский мон-рь Сан-Микеле ди Лучедио близ Верчелли, где получил образование и принял постриг. В 987 г. перешел в *Клюни* к аббату св. *Майолю*, к-рый годом позднее поручил В. восстановление мон-ря св. Сатурнина на Роне близ Авиньона. Бруно, еп. Лангрский, оценив организаторские способности В., попросил его возглавить пришедшее в упадок аббатство Сен-Бенинь (названное в честь св. *Бенигна*, просветителя Дижона). В 990 г. В. был рукоположен во священника и назначен аббатом Сен-Бенинь. В результате его активной деятельности возросло число монастырской братии, возродился духовный авторитет аббатства. Вскоре еп. Бруно поставил В. во главе всех мон-рей своего диоцеза, т. о. под началом святого находилось ок. 40 обителей и 1200 монахов. Ок. 1001 г. В. основал аббатство Фруттуария в честь св. Бенигна и составил свод монашеских правил, получивший название «Consuetudines Fructuarienses». Свод относится к т. н. клюнийской группе монашеских правил, но отличается особой строгостью и более, чем др., близок к Уставу прп. *Венедикта Нурсийского*. «Consuetudines» быстро распространились на территории Ломбардии, Лотарингии, Бургундии и Нормандии и были приняты в ряде мон-рей, таких как св. Аполлинария в Равенне, св. Амвросия в Милане, св. Иуста в Сузе, а также оказали влияние на уставы нек-рых мон-рей в Германии, Англии и Польше.

Св. Вильгельм. Скульптура из базилики на о-ве Сан-Джулио (Пьемонт. Италия)

При В. аббатство Сен-Бенинь в Дижоне стало одним из центров образования и культуры во Франции XI в., в мон-рях основывались школы как для монахов, так и для мирян, б-ки, певч. уч-ща. В 1001–1018 гг. был отреставрирован и перестроен кафедральный собор в честь св. Бенигна.

В.— автор 7 проповедей и одного богословского трактата «De vero bono et contemplatione divina» (Об истинном благе и божественном созерцании, опубликованы в издании: *Chevalier G.*). Сохранились также 2 письма В. к папе *Иоанну XIX* (PL. 141. Col. 1155–1157C), в одном из к-рых аббат выступает с обличением симонии, и письмо к известному деятелю клюнийского движения аббату *Одилону* (PL. 141. Col. 869–871). В конце жизни В. жил в мон-ре Фекан в Нормандии.

Ист.: ActaSS. Ian. T. 1. P. 57–65; MGH. SS. T. 4. P. 655sq.; *Chevalier G.* Le vénérable Guillaume, Abbé de Saint-Bénigne de Dijon, réformateur de l'ordre bénédictin au XI siècle. P.; Dijon, 1875. P. 230–860.

Лит.: *Williams W.* William of Dijon // *idem.* Monastic Studies. Manchester, 1938. P. 99–120; *Penco G.* Le «Consuetudines Fructuarienses», S. Guglielmo di Volpiano e la sua attività riformatrice in Francia // Studia Monastica. Barcelona, 1969. Vol. 11. P. 7–17; *Bulst N.* Untersuch. zu den Klosterreformen Wilhelms von Dijon. Bonn, 1973; *Marilier G.* Guglielmo, abbate di S. Benigno di Digione // BiblSS. Vol. 7. Col. 482–483.

Н. Е. Новиков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ III [нидерланд. Willem III Hendrik] (4/14.11.1650, Гаага – 8/19.03.1702, Лондон), принц Оранский, правитель (статхаудер) Республики Соединённых провинций (Нидерландов) (1672–1702); кор. Англии (1689–1702).

В., сын Вильгельма II, принца Оранского, и Генриетты Марии, дочери *Карла I* Стюарта, род. через 8 дней после смерти своего отца. Уже в детские годы сформировался характер В., отличавшегося замкнутостью, острым умом и твердостью в достижении намеченной цели; его храбрость признавали даже враги. После смерти Вильгельма II республиканская партия предпринимала неоднократные попытки по отстранению от власти Оранского дома, что совпадало с политикой О. *Кромвеля*, стремившегося ослабить позиции родственников казненного короля. При заключении мирного договора после англо-голл. войны 1652–1654 гг. Кромвель настоял на принятии т. н. Акта об изоляции, воспрещавшего принцу Оранскому и его потомкам занимать гос. посты. После реставрации Стюартов, когда в 1660 г. на англ. престол взошел дядя В. Карл II, акт был отменен.

Начало следующей англо-голл. войны, а также угроза вторжения франц. армии способствовали возвышению В. В февр. 1672 г. он был назначен генерал-капитаном армии, на должность, к-рую обычно занимали принцы, а в июле был провозглашен правителем-штатгальтером (статхаудером). Военные победы позволили заключить серию относительно благоприятных мирных договоров с Англией (1674) и Францией (1678–1679). Тем не менее в отношениях с Францией сохранялись глубокие противоречия, т. к. политика Людовика XIV затрагивала интересы Нидерландов и угрожала независимому существованию республики, кроме того, важную роль в конфронтации католич. абсолютистской Франции и протестант. республики играл религ. фактор. Принц Оранский, являвшийся кальвинистом, занимал непримиримую позицию в отношении Франции. Сильным союзником могла стать протестант. Англия. Немаловажным фактором являлись и виды на корону.

Вильгельм III, принц Оранский, кор. Англии. Гравюра по рис. Ж. А. Брандона

В 1677 г. Вильгельм Оранский женится на 15-летней кузине Марии, дочери Якова Стюарта, своего дяди и буд. кор. Якова II. Этот шаг существенно укрепил положение принца как возможного претендента на англ. престол в связи с тем, что у Якова не было сына. Вильгельм был не только ближайшим родственником муж. пола, но и зятем короля. Яков воспитывал дочерей Марию и Анну в англикан. вере, тогда как сам открыто перешел в лоно католич. Церкви. Его политика по насаждению католицизма в Англии, противоречившая установившимся порядкам и грозившая положению гос. англикан. Церкви, спровоцировала возникновение острого политического кризиса. Вильгельм не поддержал Якова. Его послание к королю, где излагались соображения по этому вопросу, повысили в королевстве авторитет Вильгельма как защитника гражданских свобод и протестант. религии. В Англии распространялись памфлеты, в к-рых он изображался человеком, способным возглавить движение против Якова. С конца зимы и на протяжении весны 1687 г. голл. послом были установлены тесные связи с противниками короля. Ход событий ускорила т. н. тарифная война, начатая Людовиком XIV с целью предотвращения дальнейшего проникновения голл. товаров на франц. рынок и рождение в июне 1688 г. наследника у кор. Якова. Опасения, что он будет воспитываться в католич. вере, а это впосл. приведет к более глубокому конфликту в стране, объединили тори и вигов, к-рые обратились к Вильгельму с просьбой прибыть в Англию. С согласия Генеральных штатов принц Оранский начал подготовку к вторжению. В нояб. его войско высадилось на англ. побережье, практически не встретив сопротивления. Яков с семьей бежал во Францию. В Англии собрался конвент (парламент без короля), к-рый постановил, что в связи с тем, что Яков покинул своих подданных, трон переходил к Марии и Вильгельму Оранскому. Они согласились на условия, выдвинутые парламентом и изложенные в т. н. «*Билле о правах*» (1689), существенно ограничивавшем власть монарха в Англии. Отныне король не мог без согласия парламента вводить или отменять законы, а также приостанавливать их действие, вводить налоги и содержать армию.

События 1688–1689 гг., названные впосл. «Славной революцией», в корне изменили государственно-политическое устройство *Великобритании*. Высшим законодательным и судебным органом стал парламент. С этого времени Вильгельм Оранский под именем Вильгельм III правил Англией и Шотландией, оставаясь статхаудером Соединённых

провинций. Личная уния с Англией нанесла ущерб экономическим интересам Нидерландов и способствовала падению авторитета В. в республике. В историю Англии период правления В. вошел как этап конституционных преобразований и упрочения парламентской практики.

Лит.: *William III.* A collection of all the speeches, messages. L., 1712; *Ogg D.* England in the Reigns of James II and William III. Oxf., 1955, 1957; *Pinkham L.* William III and the respectable revolution. [Hamden (Conn.)], 1969²; *Van der Zee H. and B.* William and Mary. L., 1973; *Horwitz H.* Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Newark, 1977.

М. П. Айзенштат

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ИЗ КО́НША

[Гильом Конхезий; лат. Guillelmus de Conchis, Guilelmus Conchesius; франц. Guillaume de Conches] (ок. 1080, Конш близ Эврё, Нормандия — ок. 1154), франц. богослов, философ, грамматист, представитель *шартрской школы.*

Обучался «свободным искусствам» (см. *Artes liberales*) в Шартре у канцлера школы Бернарда Шартрского и, возможно, в Париже, став к 1120 или к 1125 г. магистром. Вероятно, преподавал в Шартре, затем в собственной школе в Париже, где в 1138–1140/41 гг. его учеником был *Иоанн Солсберийский.* Богословские взгляды В. из К. подверглись жесткой критике со стороны *Бернарда Клервоского,* требовавшего его публичного осуждения, *Вильгельма из Сен-Тьерри,* а также (уже после смерти В. из К.) Вальтера Сен-Викторского. В. из К. признал часть обвинений, но был вынужден прервать преподавание в Париже и вернуться в Нормандию, где стал наставником сыновей графа Анжуйского Готфрида V Плантагенета, в т. ч. буд. кор. Англии Генриха II. Точные время и место кончины В. из К. неизвестны.

К его основным сочинениям относятся: 1) систематический труд «De philosophia mundi» (О философии мира; др. названия: «Magna de naturis philosophia» (Великая философия природы), «Philosophicarum et astronomicarum institutionum libri tres» (Три книги философских и астрономических наставлений), «Περὶ διδαξέων sive Elementorum philosophiae libri quattuor» (Четыре книги об обучении или о началах философии), 1120–1130), авторство этого сочинения ранее ошибочно приписывалось Вильгельму из Хиршау (изд.: Basileae, 1531), св. Беде Достопочтенному (PL. 90. Col. 1127–1182) и Гонорию Августодунскому (PL. 172. Col. 39–102). Сочинение имеет энциклопедический характер, выражающийся в постановке тем: Бог, ангелы, Мировая душа и человеческие души; сотворение человека; сущность и разделение философии; космология, астрономия; метеорологические явления; география; 2) «Dragmaticon philosophiae» (Драгматик философии, или Сноп философских колосьев; известное также, как «Dialogus de substantiis physicis» (Диалог о физических субстанциях), 1145–1150), популярный трактат, написанный в форме диалога с гр. Готфридом V, является продолжением предыдущего, переработанным вслед. критики воззрений В. из К. Вильгельмом из Сен-Тьерри.

Перу В. из К. принадлежат «Glosae super Boethium» (Глоссы на [«Утешение философией»] Боэция), «Glosae super Platonem» (Глоссы на [«Тимея»] Платона; в переводе Халкидия, 2 версии), а также глоссы на «Institutiones grammaticae» (Грамматические наставления) Присциана, на «Commentarium in Somnium Scipionis» (Комментарий к «Сну Сципиона» (из 6-й кн. «О государстве» Цицерона)) Макробия, «Glosae super Juvenalem» (Глоссы на Ювенала), «Glosae super Martianem» (Глоссы на [«О бракосочетании Филологии и Меркурия»] Марциана [Капеллу]); все датируются 20-ми гг. XII в. В. из К. считается составителем «Moralium dogma philosophorum» (Основоположения моральных философов; др. названия: «Summa moralium philosophorum» (Сумма моральных философов), «Moralis philosophia de honesto et utili» (Моральная философия о достойном и полезном), до 1150) — собрания цитат по нравственным вопросам из Свящ. Писания, сочинений св. отцов и античных авторов.

Подобно др. представителям шартрской школы В. из К. исходил из того, что античная, преимущественно платоновская, философия как учение о явленном и не явленном сущем (De phil. mund. I 1–3) при правильном ее истолковании не вступает в противоречие с христ. верой. Согласно В. из К., вера в Божественное всемогущество не подразумевает, что Бог совершает к.-л. действия, не понятные разуму: Он мог бы их совершить, но Он этого не делает (Ibid. II 3). Следов., с одной стороны, методы богословия (как и математическое, физическое познание) согласуются с философскими принципами, а с др.— натурфилософские исследования (космология, естественная история, антропология) обретают истинное значение в свете богословского их осмысления. Отождествляя платоновские идеи с содержащимися в Божественном разуме (Логосе) вечными архетипами, В. из К. утверждает, что при посредстве Мировой души (понятие, заимствованное из платоновского «Тимея») эти первообразы всех родов, видов и индивидов отпечатлеваются в тварном временном мире в качестве имманентных вещам врожденных форм (formae nativae), образующих умопостигаемую структуру универсума, к-рый обладает, т. о., автономией и рационально (и даже математически) познаваемой внутренней необходимостью. Мировую душу В. из К., как и его современник Петр *Абеляр,* отождествляет с обладающим космогонической функцией Св. Духом, основываясь на библейском тексте: «...Дух Божий носился над водою» (Быт 1. 2). Мировая душа, будучи источником жизни для всех живых существ и основанием мировой гармонии, одухотворяет космос в целом, выступающий по отношению к ней как тело. Сотворенный универсум представляет собой, т. о., одушевленное существо, несущее на себе образ Творца, Его могущество (Отец), мудрость (Сын), благость (Св. Дух) (De phil. mund. I 6, 7, 9, 15). После критики Вильгельмом из Сен-Тьерри отождествления Мировой души со Св. Духом В. из К. в «Драгматике философии» отчасти признал свою неправоту, а во 2-м варианте комментариев к «Тимею» отказался от концепции Мировой души и ее отождествления со Св. Духом, заявив, что желает оставаться христианином, а не быть членом Академии.

Стремление объяснить природные явления, исходя из естественных законов, использование при решении естественно-научных вопросов аргументации 7 «свободных искусств», согласно В. из К., не умаляют, но подчеркивают созидающую мощь Премудрости Божией, служащей залогом разумного постижения мироздания (Ibid. I 21). При этом В. из К. подчеркивает, что знание «свободных искусств» не долж-

но быть самоцелью, настаивает на безусловном различении «мудрости», или «истинного знания о реальном», элементом к-рого является богословие, и «красноречия», способности выражать познания (*Жильсон.* С. 207). Во избежание иррациональных выводов из текста Свящ. Писания, в частности из рассказа о сотворении мира, комментируемого В. из К. с привлечением платоновского «Тимея», он считает допустимым прибегать к аллегорическому толкованию, опираясь на метод т. н. облачений (involucra, integumenta), согласно к-рому как природа прячет свою суть в одежды чувственного мира, так и истинный смысл таится в символах и образах. Преувеличение роли рационального познания, с т. зр. Вильгельма из Сен-Тьерри, привело В. из К. к превращению живого Бога в имманентный регулирующий принцип универсума.

Опираясь на Демокрита, *Эпикура, Лукреция*, а также сочинения араб. авторов, В. из К. полагал, что в основе мироздания в качестве его первичных элементов лежат неощутимые, но «понимаемые лишь через дробление разумом», т. е. умопостигаемые, атомы. Однако, выступая против идеи вечности мира, так же как и против концепции его периодической гибели и восстановления, В. из К. в отличие от античных атомистов считал, что атомы тварны и не совечны Богу: «...Ничто, кроме Бога, не может быть безначальным...» (Dragm. phil.). Атомы обладают качествами теплоты, холода, сухости и влажности, различные их сочетания образуют 4 элемента: землю (холодную и сухую), воду (холодную и влажную), воздух (теплый и влажный) и огонь (теплый и сухой), к-рые уже не являются первоначалами. В. из К. не допускает возможности существования хаоса до акта творения: соглашаясь с распространенным мнением, что 4 элемента расположены концентрическими сферами в определенном порядке, от более тяжелого к более легкому, он не признает того, что когда-то они могли быть перемешаны настолько сильно, что этот закон совершенно не соблюдался (De phil. mund. I 21). Зарождение на земле различных видов животных, будучи моментом общего процесса сотворения мира Богом, было обусловлено, согласно В. из К., тем, что после высыхания в результате воздействия звездного тепла вод под твердью соотношение элементов оказалось не одинаково в различных частях выступившей на поверхность суши: там, где преобладал огненный элемент, появились холерические животные (такие как лев), где преобладал водный элемент — флегматичные (такие как свинья), где преобладал земной элемент — меланхолические (такие, как осел и корова). В единственном месте, где соотношение элементов было абсолютно равным, появился человек (Ibid. I 23). В. из К. отвергал учение *Аристотеля* о 5-м элементе — эфире, но принимал его доказательство сферичности Земли: если бы отсутствовала кривизна земной поверхности, то на крайнем Западе и на крайнем Востоке день наступал бы одновременно и все звезды, видные в одних широтах, были бы видны и в др. В сочинениях В. из К. дается описание 5 слоев атмосферы с населяющими их ангелами и демонами.

В учении о душе человека В. из К. присоединяется к пониманию ее как самостоятельной субстанции, идущему в христ. традиции от блж. *Августина* и *Боэция*, и отвергает представление Аристотеля о душе как форме тела, а также платоновскую идею о предсуществовании душ. В. из К. был знаком с медицинскими трактатами Гиппократа, Галена, а также араб. авторов в переводе *Константина Африканского*, где рассматривается учение о душе.

В целом В. из К. оказал значительное влияние на позднейшие произведения энциклопедического характера, в т. ч. посвященные космологической и естественно-научной проблематике: на «Anticlaudianus» (Антиклавдиан, 1182–1184) *Алана Лилльского*, «De natura rerum» (О природе вещей, 1228–1244) Фомы из Кантимпре, «Summa universae theologiae» (Сумму всеобщей теологии, 1235–1245) *Александра Гэльского*, «Speculum naturale» (Зерцало природы, ок. 1244–1260) *Винцентия из Бове* и др.

Соч.: Opera omnia / Dir. E. Jeauneau. Turnholti, 1997–. Vol. 1–[2]–. (CCCM; 152, 158); Philosophia mundi: Ausg. d. 1. Buchs von Wilhelm von Conches' «Philosophia» / Hrsg. v. G. Maurach. Pretoria, 1980; Dragmaticon philosophiae / Ed. I. Ronca. Summa de philosophia in vulgari / Ed. L. Badia, J. Pujol // Opera omnia. T. 1; Glosses on Plato's Timaeus (extr.) // *Parent J. M.* La Doctrine de la creation dans l'école de Chartres. P.; Ottawa, 1938. P. 137–177; Glosae super Platonem / Ed. E. Jeauneau // Textes philosophiques de Moyen Âge. P., 1965; Commentary on Boethius' Consolation of Philosophy (extr.) // *Parent J. M.* La Doctrine... P. 122–136; Glosae super Boethium / Ed. L. Nauta // Opera omnia. T. 2; Glosses on Priscian (extr.) / Ed. E. Jeauneau // RTAM. 1960. Vol. 27. P. 212–247; Glosses on Macrobius' Commentary on the Dream of Scipio / Ed. E. Jeauneau // AHDLMA. 1960. Vol. 27. P. 17–28; Glosae super Juvenalem / Ed. B. Wilson. P., 1980 [Bibliogr.]; Moralis philosophia de honesto et utili. P., 1890; Das Moralium dogma philosophorum des Guillaume de Conches / Ed. J. Holmberg. P., 1929; *Teodorico di Chartres, Guglielmo di Conches, Bernardo Silvestre.* Il divino e il megacosmo: Trattati filosoficie scintifici della Scuola di Chartres / Ed. E. Maccagnolo. Mil., 1980.

Иcт.: *Guillelmus de Sancto Theodorico.* De erroribus Guillelmi de Conchis ad Sanctum Bernardum // PL. 180. Col. 333–340.

Лит.: *Flatten H.* Die Philosophie des Wilhelm von Conches. Koblenz, 1929; *Williams J. R.* Authorschip of the Moralium Dogma Philosophorum // Speculus. 1931. Vol. 6. P. 392–411; *Ottaviano C.* Un brano inedito della «Philosophia» di Guglielmo di Conches. Napoli, 1935; *Gregory T.* Anima mundi: La filosofia di Guigliemo di Conches e la Scuola di Chartres. Firenze, 1955; *Chenu M.-D.* La théologie au XIIme siècle. P., 1957, 1976[3]; *Jeauneau E.* L'usage de la notion d'integumantum à travers les glosses de Guillaume de Conches // AHDLMA. 1957. T. 24. P. 35–100; *Рамм Б. Я.* Гильом Коншский: (Из истории развития прогрессивных идей во Франции в нач. XII в.) // Франц. ежегодник. М., 1961. Т. 2. С. 37–75; *Sulowski J.* Filosofia Wilhelma z Conches i pierwociny metody przyrodniszej // Studia filozoficzne. 1962. Zesz. 4. S. 193–220; *Жильсон Э.* Философия в средние века. М., 2004. С. 207–208.

А. М. Шишков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ИЗ МЁРБЕКЕ

[Вильем, Гильом; лат. Guillelmus de Moerbeke, a Moerbeka; Guilielmus Moerbecanus, Guilelmus Moerbekensis, Willielmus Flemingus; франц. Guillaume de Moerbeke] (ок. 1215, Мёрбеке, совр. Мурбеке, Вост. Фландрия, Бельгия — между 1284 и 26.10.1286, Коринф, Греция), католич. архиеп. Коринфа, ученый, переводчик с греч. на лат. язык научных текстов.

В. из М. вступил в доминиканский орден (в Лёвене или Генте), учился, вероятно, в Париже или в Кёльнской орденской школе у *Альберта Великого*. В 1260 г. посетил основанные в результате крестовых походов отд-ния ордена в Фивах (Греция) и Никее (М. Азия). По возвращении в Италию стал капелланом и исповедником уже, возможно, пап *Урбана IV* и *Климента IV*, а затем пап *Григория X, Иннокентия V, Адриана V, Иоанна XXI* и *Николая III*. Жил при папских резиденциях в Витербо и Орвието, где общался с оптиками Иоанном Пеккамом и Вителo (последний посвятил В. из М.,

«усердному исследователю всего сущего», написанный в сотрудничестве с ним трактат «Перспектива», 1270–1274), астрономом и математиком Иоанном Кампаном из Новары, естествоиспытателем Роцеллом из Ареццо, а также с *Фомой Аквинским,* к-рый вдохновил В. из М. на работу по переводу корпуса аристотелевских сочинений и использовал ее результаты в своих комментариях. В 1272 г. В. из М. посетил савойский и франц. королевские дворы, агитируя за организацию девятого крестового похода; в 1274 г. как советник папы Григория X выступил за воссоединение Зап. и Вост. Церквей на II *Лионском Соборе.* 9 апр. 1278 г. папа Николай III назначил В. из М. архиепископом Коринфа. Последние годы В. из М. жил в 30 милях от города.

В. из М. принадлежат переводы практически всех сочинений Аристотеля (до него переводы Аристотеля на лат. язык делались с араб.), впервые с греч. им были переведены «Historia animalium» (История животных) и «De generatione animalium» (О возникновении животных, 1260), «Politica» (Политика, ок. 1260), «Oeconomica» (Экономика, 1267; соч., считавшееся в то время аутентичной работой философа), «Poetica» (Поэтика, 1278), а также 1-я кн. «Metaphysica» (Метафизика), 1–3-я книги «Meteorologica» (Метеорологика), 3–4-я книги «De caelo» (О Небе); полностью переведены заново «De anima» (О душе, 1260–1270), «Categoriae» (Категории, 1266), «De interpretatione» (Об истолковании, 1268), «Rhetorica» (Риторика, 1281), остальные книги «Метафизики», «Метеорологики» и «О Небе», а также «De sensu et sensibili» (Об ощущении и ощущаемом) и «Малые естественно-научные сочинения» («Parva naturalia»); ряд существовавших уже к тому времени аристотелевских переводов был им отредактирован и исправлен («Физика», «Вторая Аналитика», возможно, «Никомахова этика»). Кроме того, В. из М. приписываются переводы трудов Александра Афродисийского: «De fato ad imperatores» (О судьбе к императорам), комментарии на «Метафизику», «Метеорологику» и «Об ощущении и ощущаемом» (1260); *Симпликия:* комментарии на «Категории» (1266) и «О Небе» (1271); *Фемистия:* комментарии на «Первую Аналитику» и «О душе» (ок. 1268); *Иоанна Филопона:* комментарии на «О душе» (ок. 1268); Аммония: комментарий на «Об истолковании»; а также почти всех работ Архимеда, включая «De iis quae in humido vehuntur» (О помещаемом в жидкость, 1269); возможно, Аполлония Пергского: фрагменты книги «О конических сечениях»; Герона Александрийского: «Pneumatica» (Пневматика) и «Catoptrica» (Катоптрика, 1269), или «De speculis» (О зеркалах), к-рую считали тогда произведением Птолемея; Евтокия из Аскалона: комментарии на «De sphaera et cylindro» (О шаре и цилиндре) Архимеда (1269); Гиппократа: «Prognostica» (Прогностика), или «De prognosticationibus aegritudinum secundum motum lunae» (О предсказаниях болезней по фазам луны); ряд трактатов Галена, включая «De alimentis» (О пищевых продуктах, 1277); 2 трактата *Прокла* о провидении и один о сущности зла (т. н. «Tria opuscula», включая «De malorum subsistentia», 1280–1281), «Elementatio theologica» (Первоосновы теологии, 1268), комментарии на «Тимея» и «Парменида» Платона; трактат «De Divinis Nominibus» (О Божественных именах) из корпуса *«Ареопагитик».*

Переводы В. из М. как буквально соответствующие оригиналу постепенно вытеснили все ранее употреблявшиеся и обрели в средневек. мире статус образцовых. Они не только способствовали значительно более полному усвоению западноевроп. мыслью философского и естественно-научного наследия Аристотеля (к-рого на протяжении долгого времени знали почти исключительно как логика, автора «Органона»), но и совместно с переводами перипатетических комментариев и неоплатонических работ сыграли решающую роль в формировании более адекватного представления об аристотелизме как таковом в его отличии от платонической традиции, мотивы к-рой в то время (во многом благодаря влиянию араб. философии) ассоциировались с именем Аристотеля настолько тесно, что его авторство даже приписывалось ряду неоплатонических сочинений, таких как «Liber de causis» (Книга о причинах) – араб. компиляция из «Первооснов теологии» Прокла и «Theologia Aristotelis» (Теология Аристотеля) – араб. переложение «Эннеад» *Плотина.* По прочтении выполненного В. из М. перевода «Первооснов теологии» Фома Аквинский смог установить истинный источник происхождения «Книги о причинах» и, следов., невозможность ее принадлежности Аристотелю (позднее это открытие было сделано заново в эпоху Возрождения). С др. стороны, своими переводами Прокла В. из М. способствовал развитию средневек. неоплатонизма, в частности в трудах т. н. альбертистов (*Дитриха Фрайбергского,* Ульриха Страсбургского и др.). В целом деятельность переводчиков XIII в., в первую очередь В. из М., привела к тому, что уже к окончанию столетия схоласты знали античное философское наследие лучше, чем арабоязычные философы IX–XII вв.

Лит.: *Franceschini E.* Ricerche e studi su Aristotele nel Medioevo latino // Aristotele nella critica e negli studi contemporanei. Mil., 1956. P. 144–166; *Grabmann M.* Guglielmo di Moerbeke, il traduttore d. operedi Aristotele. R., 1946. (I papi del duecento e l'Aristotelismo; T. 2); Guillaume de Moerbeke: Recueil d'études à l'occasion du 700e anniversaire de sa mort (1286) / Éd. J. Brams, W. Vanhamel. Leuven, 1989; *Vansteenkiste Ch.* Procli «Elementatio theologica» translata a Guilelmo de Moerbeke: Notae de methodo translationis // Tijdschrift voor Philosophie. 1952. T. 14. P. 503–546; *Verbeke G.* Guillaume de Moerbeke traducteur de Jean Philopon // RPhL. 1951. T. 49. P. 222–235; *idem.* Het wetenschappelijk profiel van Willem van Moerbeke. Amst.; Oxf., 1975; *Vuillemin-Diem G.* Wilhelms van Moerbeke Übersetzung der Aristotelischen Metaphysik // Aristoteles Latinus. Leiden; N. Y.; Köln, 1995. Vol. 25 (3) / Rec. et transl. G. de Moerbeka. Pars 1.

А. М. Шишков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ИЗ СЕНТ-АМУ́РА [лат. Guillelmus de Sancto Amore; франц. Guillaume de Saint-Amour] (1200/02, Сент-Амур, Франш-Конте – 13.09.1272, там же), франц. теолог, философ, церковно-политический деятель католич. Европы.

В. из С.-А. возглавлял оппозицию профессоров Парижского ун-та из числа секулярных магистров, возникшую в связи с занятием кафедр представителями недавно образованных нищенствующих монашеских орденов – *доминиканцев* и *францисканцев.* Среди профессоров из монашества были *Александр Гэльский, Фома Аквинский, Бонавентура.* С 1228 г. В. из С.-А. преподавал свободные искусства (см. *Artes liberales*) в Парижском ун-те, в нояб. 1238 г. стал доктором канонического права, являясь в то же время каноником Бове и ректором церкви

в Гервиле (Нормандия); в 1247 г. по протекции епископа Трентского и графа Савойского стал настоятелем церкви в Гранвиле. Ок. 1250 г. получил звание magister regens теологии и был избран деканом теологических магистров Парижского ун-та; в этот период создал комментарий на первую и вторую «Аналитики» Аристотеля («De Analytica Priora et Posteriora»).

В. из С.-А. начал борьбу с магистрами — членами нищенствующих орденов, к-рые при поддержке парижского еп. *Вильгельма Овернского* получили кафедры в ун-те. По инициативе В. из С.-А. 4 февр. 1254 г. все доминиканские магистры были исключены из профессорского состава и изгнаны из университетской корпорации. В том же году как прокуратор Парижского ун-та и глава университетской делегации В. из С.-А. прибыл к папе *Иннокентию IV* в Ананьи близ Рима, он обвинил францисканца Герарда из Борго-Сан-Доннино в ереси, добивался офиц. осуждения его трактата «Введение в Вечное Евангелие», оспаривал легитимность францисканского ордена ввиду приверженности мн. его членов историософской концепции *Иоахима Флорского*. Под влиянием В. из С.-А. папа издал буллу «Quotiens pro communi» (4 июля 1254), в к-рой закрепил университетские установления 1252 г. о том, что каждый орден мог занимать только одну кафедру. Буллой «Esti animarum» (21 нояб. 1254) был отменен целый ряд орденских привилегий. Однако 22 дек. 1254 г. новый папа *Александр IV* отменил решения своего предшественника, а в булле «Quasi lignum vitae» от 4 апр. 1255 г., появившейся под влиянием *Альберта Великого*, папа повелел парижским магистрам вновь допустить доминиканцев к преподаванию в ун-те. В ответ на это В. из С.-А. не только оказывал пассивное сопротивление папским распоряжениям, но и, продолжая атаку на францискацев в проповедях и диспутах, написал «Liber de Antichristo et ejusdem ministris» (Книга об Антихристе и его слугах, 1255), где старался показать, что доминиканцы, являясь «псевдопроповедниками», суть те самые «вкрадывающиеся в домы» предтечи *антихриста*, о появлении в последние времена к-рых говорит Свящ. Писание. 10 дек. 1255 г. папа Александр IV повелел епископам Осера и Орлеана высказать свое мнение относительно деятельности В. из С.-А., после чего отстранил его от всех академических и церковных должностей и запретил впредь преподавать и проповедовать, а также потребовал от кор. *Людовика IX* изгнать его из Франции. 31 июля 1256 г. В. из С.-А. предстал перед судом епископов Санса и Реймса. Он пообещал исключить из своих работ все, что противоречит церковным установлениям, но вместо этого в соавторстве с др. парижскими магистрами в марте—сент. 1256 г. составил вызвавший большой резонанс резкий памфлет под названием «Tractatus brevis de periculis novissimorum temporum» (Краткий трактат об опасностях новейших времен), в к-ром, обвиняя братьев нищенствующих орденов во лжи и ханжестве, снова заявил, что они подражают скорее антихристу, чем Христу, Который, как и апостолы, жил своим трудом, а не милостыней и подаянием. Работа подверглась осуждению папы, приговорившего ее к сожжению.

Желая оправдаться, В. из С.-А. лично прибыл в Рим в кон. 1256 — нач. 1257 г., где представил в свою защиту соч. «Casus et articuli super quibus accusatus fuit magister Guillelmus de Sancto Amore» (Проступки и положения, за которые был обвинен Вильгельм из Сент-Амура), но папа во 2-й раз осудил сочинения и поступки В. из С.-А. Во время аудиенции В. из С.-А. упрекнул Людовика IX в том, что тот ведет себя не как король, но как нищенствующий монах — по королевскому указу В. из С.-А. был выслан из Франции и поселился в Сент-Амуре, находившемся в юрисдикции Римско-Германской империи. Изгнание В. из С.-А. вызвало возмущение секулярных магистров Парижского ун-та. 11 авг. 1259 г. они направили делегацию к папе, чтобы убедить его отменить решение, но их просьба была отклонена; также было отвергнуто обращение к королю.

В ссылке В. из С.-А. написал трактат «Collectiones catholicae et canonicae scripturae» (Собрания католических и канонических писаний). В 1266 г. папа *Климент IV* отметил, что его содержание мало чем отличается от осужденного трактата 1256 г. Кроме того, несмотря на офиц. запрет продолжать спор с нищенствующими орденами, В. из С.-А. вел активную переписку с коллегами по Парижскому ун-ту — Герардом из Абвиля, Николаем из Лизьё и др. В кон. 1266 г. ему, вероятно, было позволено вернуться во Францию, однако скончался он в Сент-Амуре.

Против взглядов В. из С.-А. были составлены сочинения Бонавентуры «Quaestiones disputatae de perfectione evangelica» (Спорные вопросы о евангельском совершенстве), Фомы Аквинского «Contra impugnantes Dei cultum et religionem» (Против нападающих на Божественный культ и религию), и Иоанна Пеккама «Tractatus pauperis» (Трактат бедняка).

Соч.: Opera omnia. Konstanz, 1632.

Ист.: *Rutebeuf.* Le Dit de Maître Guillaume de St.-Amour: La Complainte de Maître Guillaume // *Idem.* Œuvres complétes. Vol. 1 / Éd. M. Zink. P., 1989–1995. P. 137–157.

Лит.: Chartularium Universitatis Parisiensis / Ed. H. Denifle, A. Chatelain. P., 1889. T. 1. P. 331–333, 459; Le Contra Impugnantes de S. Thomas // Mélanges Mandonnet. P., 1930. Vol. 1. P. 51–81. (Biblioth. Thomiste; T. 13); *Douie D. L.* The Conflict between the Seculars and the Mendicants at the University of Paris in the XIIIth Cent. L., 1954; *Dufeil M.-M.* Guillaume de St.-Amour et la polémique universitaire parisienne, 1250–1259. P., 1972.

А. М. Шишков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ (Гильом) **ИЗ СЕНТЬЕРРИ́** [лат. Guillelmus de Sancto Theodorico, франц. Guillaume de Saint-Thierry] (ок. 1085, Льоттих (совр. Льеж), Н. Лотарингия — 8.09.1148, аббатство Синьи, Шампань), франц. богослов, мистик.

Происходил из знатной семьи, учился в школе *Ансельма Ланского*, где познакомился с Петром *Абеляром*. В 1113 или 1115 г. стал монахом реймсского бенедиктинского мон-ря Сен-Никез. В 1119/20 г. был избран аббатом бенедиктинского мон-ря Сен-Тьерри Реймсского архиеп-ства. Встреча с *Бернардом Клервоским* положила начало их дружбе, Бернард посвятил В. из С.-Т. «Апологию» и соч. «О благодати и свободном произволении». В. из С.-Т. изъявил желание по примеру Бернарда присоединиться к членам цистерцианского ордена, но Бернард настоял на том, чтобы он оставался бенедиктинским аббатом. Однако в 1135 г. В. из С.-Т. ушел в новый мон-рь Синьи, также находящийся в Реймсском архиеп-стве, в к-ром пробыл до конца дней своих и был погребен. В 1215 г. его мощи были помещены в стене оратория, это перенесение по сути означало его беатификацию — Вильгельм из Льежа

стал В. из С.-Т.; он почитается в Реймсском архиеп-стве и в цистерцианском ордене (*Dechanet.* Col. 1243).

В. из С.-Т. выступал против триадологических воззрений и учения об Искуплении Абеляра, осуждая его интеллектуальную гордыню; в письме к Бернарду от 1138 г. побуждал последнего принять участие в суде над Абеляром на Соборе в Сансе (1140). В 1140 г. выступил также против *Вильгельма из Конша,* представителя *шартрской школы.* В 1144 г. В. из С.-Т. совершил поездку в картузианский мон-рь Мон-Дьё близ Реймса, вдохновившую его на создание сочинения о теории и практике созерцательной любви, классического образца западно-христ. духовности — «Epistola ad fratres de Monte Dei de vita solitaria» (Послание к братьям из Монте-Деи об уединенной жизни; др. название «Epistola aurea» (Золотое послание)).

Среди сочинений, образующих фундамент богословских воззрений В. из С.-Т., выделяются: «De natura et dignitate divini amoris» (О природе и достоинстве божественной любви), «De contemplando Deo» (О необходимости созерцания Бога), «Meditativae orationes» ([Духовные] размышления), «De sacramento altaris» (О таинстве алтаря), посвященное Бернарду Клервоскому. В. из С.-Т. принадлежат также «De natura corporis et animae libri duo» (Две книги о природе тела и души, 1138–1144), излагающие антропологическое учение на основе сочинений свт. *Григория,* еп. Нисского, *Немесия,* еп. Эмесского, *Клавдиана Мамерта,* блж. *Августина* и переводов *Константина Африканского;* «Speculum fidei» (Зерцало веры, 1140–1144) и «Aenigma fidei» (Загадка веры, 1140–1144); «Expositio super Cantica Canticorum» (Комментарий на Песнь Песней; незавершенный); «Expositio in Epistolam ad Romanos» (Комментарий на Послание к Римлянам), посвященный проблеме благодати; «Vita Sancti Bernardi» (Житие св. Бернарда [Клервоского]). В. из С.-Т. написал ряд полемических произведений против совр. богословов-диалектиков: «Disputatio adversus Petrum Abaelardum» (Рассуждение против Петра Абеляра), «Disputatio catholicorum Patrum adversus dogmata Petri Abaelardi» (Рассуждение католических отцов против учения Петра Абеляра), «De erroribus Guillelmi de Conchis ad Sanctum Bernadum» ([Послание] о заблуждениях Вильгельма из Конша к святому Бернарду, 1140).

Как и Бернард Клервоский, В. из С.-Т. отвергал рационализм Абеляра, богословов шартрской школы; полагал их рационализм непосредственной причиной еретического истолкования Св. Троицы, понимания живого Бога в качестве отвлеченного принципа у Вильгельма из Конша (De error. Guil. de Conch.). В. из С.-Т. стремился к мистическому обоснованию личного опыта духовной жизни, опираясь на авторитет святых отцов, прежде всего блж. Августина и свт. Григория Нисского. В его сочинениях ощутимо влияние идей *Оригена* и *Иоанна Скота Эриугены.*

Учение В. из С.-Т. о взаимной любви Бога и человека, изложенное в «Золотом послании» и др. работах, отличается от рассуждений на ту же тему Бернарда Клервоского большей приверженностью к аналогии между способностями человеческой души и Лицами Св. Троицы, заимствованной у святых отцов, прежде всего у блж. Августина (De Trinit. IX, X; De civ. Dei. XI 26–28), а также, августиновской трактовке памяти. Хотя любовь к Творцу дарована Богом душе каждого человека, грехи изменяют ее должную направленность, восстановление к-рой через приближение к непостижимой тайне Св. Троицы является целью монашеской жизни. Для этого душа должна познать себя как сотворенную по образу (imago) Божию, т. е. как имеющую в себе неуничтожимый Божественный отпечаток, благодаря к-рому человек всегда помнит о Боге. Эта «тайная память» порождает разум, от них двоих исходит воля, поэтому разум и воля не могут иметь никакого иного объекта, помимо Бога. При этом память есть образ Отца, разум — Сына, воля — Св. Духа (Spec. fid.).

Восхождение души к Богу разделяется у В. из С.-Т. на 3 этапа: 1) «животного» человека, движимого страстями и потому необходимо нуждающегося в аскезе, подчинении законам и внешнему авторитету, ведут к Св. Троице чувственно воспринимаемые в телесном мире знаки мира духовного, и прежде всего само Боговоплощение: «Посредник... будучи вечным Богом, стал человеком во времени, чтобы через Него, Который вечен и все же связал Себя временем, мы могли, пройдя временное, перейти в вечное» (Spec. fid.); 2) верх берет «разумный человек», душа к-рого стремится к обоснованию своей веры через размышление над Свящ. Писанием и богословие (ratio fidei); 3) в состоянии любящего знания, «любви-разума» (amor ipse intellectus est), осуществляется выход за пределы чувственного ощущения и рационального обоснования, приводящий к мистическому союзу души с Богом, в к-ром душа начинает участвовать в жизни Св. Троицы, оставаясь при этом отличной от Нее как творение от Творца (Ibidem).

Это единение происходит прежде всего с помощью Св. Духа, Он и есть та любовь, к-рой человек любит Бога (Ibidem // PL. 180. Col. 391), через Св. Духа раскрываются для человека др. Лица Св. Троицы. Благодать Св. Духа настолько усиливает способности души, что та посредством воспоминания, разумного постижения и любви всецело восстанавливает принадлежащее ей от рождения и никогда до конца не утрачиваемое Божественное подобие (similitudo) и путем самопознания восходит к знанию Самого Бога, Чья любовь к Себе совпадает в человеке с его любовью к Нему. «Через Святого Духа душа человека, любящая Бога, внезапно преображается, приобретая не Божественную природу, но сверхчеловеческую блаженную форму, подобную Божественной» (Ibidem). «Через Святого Духа человек Божий удостаивается стать — каким-то непонятным, невероятным способом — конечно, не Самим Богом, но тем, чем Бог есть: человек по благодати становится тем, чем Бог есть по природе» (Epistola aurea. 263). Согласно В. из С.-Т., восстановление человеком своего богоподобия является не только целью, но и необходимым условием постижения Бога в мистическом опыте: ведь и глаз не смог бы видеть, пишет В. из С.-Т., если бы не преображался в то, на что смотрит (Spec. fid. // PL. 180. Col. 382; ср.: *Plot.* Enn. I 6. 9).

Мистический метод постижения триединого Бога В. из С.-Т. впосл. нашел отражение в сочинениях *Бонавентуры,* И. *Таулера,* Г. *Сузо,* Я. ван *Рейсбрука.*

Соч.: PL. 180. Col. 205–727; 184. Col. 307–354; Opera / Éd. et transl. M. Lemoine. P., 1988.

Лит.: *Adam A.* Guillaume de St.-Thierry: Sa vie et ses œuvres. Bourg, 1923; *Déchanet J. M.* Guillaume de St.-Thierry: L'homme et son

œuvre. Bruges; P., 1942; *idem.* Guillaume de Saint-Thierry // DSAMDH. Fasc. 42–43. Col. 1241–1263; *Davy M. M.* Théologie et mystique de Guillaume de St.-Thierry. P., 1954; *Brooke O.* The Trinitariam Aspect of the Ascent of the Soul to God in the Theology of William of St. Thierry // RTAM. 1959. T. 26; William, Abbot of St. Thierry : A Colloquium at the Abbey of St. Thierry // Colloque international d'histoire monastique, Reims-St.-Thierry. Kalamazoo (Mich.), 1987; *Verdeyen P.* La théologie mystique de Guillaume de St.-Thierry. P., 1990; *Омэнн Дж.* Христианская духовность в католической традиции. Рим; Люблин, 1994. С. 133–137; *Rougé M.* Doctrine et expérience de l'Eucharistie chez Guillaume de St.-Thierry. P., 1999; Signy-l'Abbaye, site cistercien enfoui, site de mémoire et Guillaume de St.-Thierry: Actes du Colloque international d'études cisterciennes. Signy-l'Abbaye, 2000; *Жильсон Э.* Философия в средние века. М., 2004. С. 226–227.

А. М. Шишков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ИЗ ШАМПО́ [лат. Guillelmus (Guglielmus) de Campellis (Campellensis, Catalaunensis); франц. Guillaume de Champeaux] (1068/70, мест. Шампо, близ Мелёна, Франция — 1121/2, Шалон-сюр-Марн, Франция), еп. Шалонский, схоластический богослов, основатель сенвикторской богословской школы.

Жизнь. В. из Ш. учился сначала в Париже у Манегольда Лаутенбахского, затем у *Ансельма Ланского* и *Росцелина* из Компьеня. В 1103 г. был избран архидиаконом в Париже и возглавил кафедральную школу, где преподавал логику (диалектику), риторику и богословие. Его школа, в к-рую стекались студенты из мн. европ. гос-в, приобрела широкую известность. Однако из-за критики Петра *Абеляра,* слушателя школы, В. из Ш. вынужден был пересматривать свое учение о природе *универсалий,* в результате чего в 1108 г. покинул школу. Он удалился в маленький мон-рь Сен-Виктор в пригороде Парижа, где вступил в ряды *регулярных каноников.* Его спор с Абеляром продолжался неск. лет. Научная деятельность В. из Ш. в мон-ре Сен-Виктор способствовала становлению здесь знаменитой школы мистического богословия, воспитавшей таких богословов, как *Гуго Сен-Викторский* и *Ришар Сен-Викторский.* В 1113 г. В. из Ш. был рукоположен во епископа г. Шалон-сюр-Марн. Принимал деятельное участие в церковной политике: участвовал в Реймсских Соборах 1114–1119 гг., Римском Соборе 1117 г. и др.; в 1115 г. благословил *Бернарда Клервоского* в качестве настоятеля мон-ря в *Клерво;* оказывал поддержку папе *Каллисту II* в проведении церковных реформ, особенно в борьбе за *целибат* духовенства; в 1119 г. вместе с Клюнийским аббатом был направлен папой Каллистом II к герм. имп. Генриху V для выработки условий соглашения между империей и Св. престолом, в частности в вопросе об *инвеституре.* За активную церковную деятельность, благочестие и ученость В. из Ш. пользовался большим уважением современников: на одном из Соборов он был провозглашен «столпом ученых» (columna doctorum), Бернард Клервоский называл его «святым и ученым епископом» (episcopus sanctus et doctus). Традиц. почетное именование В. из Ш.— «досточтимый [доктор]» ([doctor] venerabilis). Похоронен В. из Ш. в Клерво.

Сочинения. От неск. богословских сочинений В. из Ш. сохранились лишь фрагменты: 1) «De sacramento altaris» (О таинстве алтаря, или «De Eucharistia», О Евхаристии — PL. 163. Col. 1039–1040). В этом фрагменте, вероятно, представляющем собой часть большого трактата «Liber sententiarum» (Книга сентенций), рассматривается вопрос, под одним или под двумя видами следует принимать св. Причастие; 2) «Charta» (Церковно-каноническое послание, 1120 — PL. 163. Col. 1039–1042), в к-ром В. из Ш. епископской властью пытается уладить конфликт по поводу уплаты церковной десятины; 3) «De origine animae» (О происхождении души — PL. 163. Col. 1043–1044; авторство сомнительно), вероятно, также представляет собой фрагмент «Liber sententiarum»; рассматривается вопрос о происхождении души человека и о наследовании первородного греха; 4) «Dialogus inter Christianum et Judaeum de fide catholica» (Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере, ок. 1096–1099 — PL. 163. Col. 1045–1072). Адресованное Александру, еп. Линкольнскому, сочинение представляет собой литературно обработанный диспут между его автором, называющим себя «неким защитником и слугой веры Христовой», и неким иудеем. В трактате, обнаруживающем сильное влияние идей блж. *Августина,* речь идет гл. обр. о прообразовательном значении ветхозаветного законодательства и его исполнении в искупительной Жертве Христа, о значении НЗ, о христ. таинствах, о том, что Иисус Христос есть Сын Божий и истинный Мессия, о единобожии и вере в Св. Троицу, об ангелах и падении диавола, о происхождении и сущности зла, о творении человека и его грехопадении, о наследовании первородного греха, об искуплении и Искупителе. Существуют сомнения в принадлежности этого трактата В. из Ш. (*Jacobi K.* Wilhelm von Champeaux // LexMA. Bd. 9. Col. 168. Bibliogr.), нек-рые исследователи не упоминают о нем или не включают в состав сочинений В. из Ш. (*Бибихин В. В.* Гильом из Шампо // НФЭ. Т. 1. С. 526), в PL его авторство стоит под вопросом.

В. из Ш. приписываются также фрагменты: «Moralia Abbreviata» (Сокращенный вариант Моралий [на «Иова» свт. Григория Великого]; изд. в: Thesaurus novus Anecdotorum / Ed. E. Martnes. 1717. Vol. 5), «De natura et origine rerum placita» (Ed. M. Patru. P., 1847; Мнения о природе и происхождении вещей), «De essentia Dei» (О сущности Божией; изд. в: *Cousin V.* Fragmentes philosophiques. P., 1865. T. 2. P. 328–333).

Учение. Реконструируемое по дошедшим фрагментам сочинений философское учение В. из Ш. ограничивается аристотелевско-порфириевской проблематикой общих понятий, рассмотренной с т. зр. августинизма; богословие его также находится в традиции средневек. августинизма.

Триадология. По определению В. из Ш., всемогущий Бог, высшее Благо, существующий в Троице Лиц и единстве Божества (in Trinitate personarum et unitate Deitatis), не имеет ни начала, ни конца и вечно пребывает Сам в Себе (*Guillel. Camp.* Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1056, 1060, 1061). Единство Лиц Св. Троицы обусловлено единством Их сущности (essentia — Ibid. Col. 1056). Сын Божий — единый Бог вместе с Отцом и Св. Духом (Ibidem); само имя Сына предполагает Отца, поскольку Отец и Сын — два соотносительных понятия (duo relativa sunt), и не может быть ни Отца без Сына, ни Сына без Отца (Ibid. Col. 1057). Св. Дух — Третий среди этих Двух в Троице, но един с Ними по Божеству (in deitate unus — Ibidem).

Универсалии. Об особенностях учения В. из Ш. о природе общих понятий — универсалий — известно

гл. обр. из скудных сведений, сообщаемых Абеляром (*Abaelardus.* Hist. calamit. 2 // PL. 178. Col. 119; *Idem.* Dialect. II 1). Из-за недостатка материала точно определить позицию В. из Ш. и проследить эволюцию его взглядов на природу универсалий не представляется возможным (*Коплстон.* С. 99). Общепризнано, что В. из Ш. придерживался крайнего *реализма,* к-рый он противопоставлял *номинализму* Росцелина и *концептуализму* Абеляра. Согласно В. из Ш., всякое общее всецело (tota) и существенно (essentialiter) содержится в каждом из индивидов, в к-рых оно сказывается, вследствие чего между индивидами одного и того же рода нет никакого различия по сущности (nulla esset in essentia diversitas), их различие обусловлено лишь множеством случайных свойств (акциденций) (sola multitudine accidentium varietas — *Abaelardus.* Hist. calamit. 2). В. из Ш. настаивает на объективной реальности универсалий, называя их «вещами» (res), и признает, что всякое понятие существует в себе объективно и субъективно, как универсальное бытие. Видовые отличия, к-рыми дифференцируется род, относятся к последнему как акциденции, но образуют вид по его субстанции. Это давало право Абеляру утверждать, что В. из Ш. принимал за виды видовые отличия (*Штекль.* С. 110–111). Под натиском критики Абеляра, отмечавшего абсурдность представления о пребывании одного и того же общего в разных индивидах, В. из Ш. пошел на уступки и смягчил свой крайний реализм, заявив, что в индивидах одного вида одна и та же сущность представлена не существенно (essentialiter), а безразлично (indifferenter), так что, напр., хотя два человека не являются одним и тем же человеком, они все-таки не различны. В. из Ш. имел в виду не тождество, а скорее сходство человеческой сущности в двух разных людях: общая сущность представлена в каждом из них безразлично в том смысле, что их нельзя отличить друг от друга путем перечисления определяющих характеристик человеческой сущности.

Для обозначения универсальной сущности В. из Ш. использует без к.-л. явных различий термины «natura» (природа), «essentia» (сущность) и «substantia» (подлежащее —Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1062), хотя последний термин обозначает у него также индивидуальную сущность, собственно субстанцию, определенное нечто (aliquid — Ibid. Col. 1061). Один раз у В. из Ш. встречается выражение «substantialis essentia» (субстанциальная сущность — Ibid. Col. 1062), значение к-рого следует признать тождественным терминам «substantia» или «essentia» (Ibid. Col. 1062).

Творение, ангелология, происхождение зла. Согласно В. из Ш., Бог сотворил мир из бесформенной материи (ex informi materia — Ibid. Col. 1060), к-рая, если следовать августиновской традиции, в свою очередь была сотворена из ничего, но В. из Ш. об этом специально не говорит.

В начале, прежде всех прочих творений (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1043), или одновременно с сотворением света, т. е. в 1-й день, Бог создал ангельскую природу (angelorum natura), предназначенную для познания и прославления Его Божественного могущества (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1060). По своей сущности ангелы были сотворены совершеннейшими (Ibid. Col. 1062), по Божию подобию, наделенные разумным мышлением (rationalis intellectus) и свободой выбора (liberum arbitrium), т. е. способностью различения добра и зла (отвергать зло и избирать благо — Ibid. Col. 1061, 1062). При единстве природы и общем согласии ангелы отличаются друг от друга глубиной познания, славой и властью, так что одни на основании своего начальствующего положения (dominatione) превосходят и повелевают др. (Ibid. Col. 1067). По замыслу Божию ангелы через сознательное служение Богу должны были возвыситься до совершенной степени любви, к-рой в момент сотворения они еще не имели (Ibid. Col. 1062). Ангелы обладали познанием Бога (de Deo notitiam) и должны были стать блаженными благодаря созерцанию (contemplando) Его (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1043).

Денница, первый из ангелов, по достоинству и виду превосходящий всех остальных, не удержался на небесной высоте и пал сразу же после его сотворения. Причину падения диавола В. из Ш. традиционно видит в гордыне: еще не достигнув совершенной любви, диавол предпочел любви и почитанию Бога любовь к себе; презирая ближних и равных, он возвеличился над ними и отказался от должного повиновения Творцу, возжелав стать подобным Богу (Deo similis — Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1060, 1061, 1062). Уклонившись от блага, диавол впал в грех; не распорядившись, как до́лжно, данными от Бога природными способностями (в нравственном отношении нейтральными), он утратил высшее благо — любовь к Богу и впал в высшее зло — ненависть к Богу (Ibid. Col. 1062). Так в мире возникло зло, к-рое, по определению В. из Ш., есть ничто по сущности (substantialiter nihil), поскольку не является творением Божиим (все, что сотворил Бог, есть благо), но изобретением диавола. Зло есть отсутствие блага, подобно тому как тьма — отсутствие света (Ibid. Col. 1061). После падения диавола и последовавшей за ним части ангелов остальные ангелы настолько укрепились в добре и любви к Богу, что стали более неспособными к падению, поскольку были вознаграждены Божественной благодатью (divina remunerante gratia — Ibid. Col. 1061, 1067).

Антропология. I. Творение человека и его райское состояние. В духе блж. Августина В. из Ш. считает, что Бог сотворил человека для восполнения недостатка, образовавшегося в ангельском мире после падения части ангелов (Ibid. Col. 1063). Как и ангелы, человек был сотворен по образу и подобию Божию (между этими понятиями В. из Ш. не проводит никакого различия): разумным и мыслящим (rationalem et intellectualem), бессмертным (immortalem), т. е. обладающим вечно живой душой (Ibid. Col. 1057, 1059), наделенным свободой выбора, т. е. умением отличать добро от зла (Ibid. Col. 1064). В отличие от ангелов и неразумных животных человек был сотворен существом двусоставным, из разумного духа и тела, соединенных в нем столь тесно, что и тело наделялось чувствами благодаря духу, и душа могла чувствовать, гневаться и желать благодаря телу. Вместе с тем человек своим разумным духом мог созерцать Бога и помимо тела (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1044), а разумным мышлением мог первенствовать и господствовать над всеми прочими тварями, сотворенными Богом ради него; все твари — живые и неживые — повиновались ему (Dial. inter Christ. et

Jud. // PL. 163. Col. 1063, 1064, 1065, 1066). Прародители в раю были совершеннейшими как по мудрости, так и по красоте и силе, они жили в состоянии полного мира и покоя: были блаженны, не ведали никакого порока. Хотя в райском состоянии человек не был актуально бессмертным и нуждался в пище, однако, подкрепляемый ею, он мог жить вечно, пока соблюдал повеление Божие (Ibid. Col. 1064).

По мнению В. из Ш., уже в раю люди обладали теоретическим знанием добра и зла, хотя еще и не познали зла практически, на опыте. Если бы Бог создал человека без теоретического знания различия добра и зла, то человек был бы лишен свободы выбора. Бог запретил первым людям есть от Древа познания для того, чтобы они поняли, что через эту заповедь они имеют единство с Богом (Deum se sciret habere), и потому не возгордились бы. Соблюдая повеление, они должны были с помощью благой заслуги послушания обрести подлинное бессмертие и войти в сообщество ангелов, где произвели бы потомство, благодаря к-рому должно было заполниться место отпадших ангелов (Ibidem).

II. Первородный грех и его последствия. Человек поддался на хитрость диавола и отведал плод от Древа познания добра и зла (к-рое само по себе было благим), преступив Божию заповедь и на опыте познав разницу между добром, к-рым он обладал благодаря послушанию, и злом, к-рое заслужил непослушанием (Ibid. Col. 1068). В грехопадении В. из Ш. ошибочно видит некую закономерность: человек не знает (на опыте), что́ такое благо, если хоть раз не испытал, что́ такое зло (Ibid. Col. 1064) (критику подобного взгляда дает прп. Максим Исповедник: благо желанно само по себе, а не только как противоположность злу — *Maximus Conf.* Ambigua. II 2). В. из Ш. полагает, что грехопадение Адама сыграло важнейшую роль в Божественном домостроительстве: «О, сколь блаженна вина (felix culpa),— говорит он,— которая снискала иметь столь великого и столь славного Искупителя!» Бог, согласно В. из Ш., извлек огромную пользу из вины Адама; если бы Адам не согрешил, Бог не стал бы человеком, благодаря чему человек не только спасен и возвращен туда, откуда он пал, но и через восприятие Христом человеческой природы соединился с Богом и превознесен выше чинов ангельских (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1070). Однако, во-первых, этот вывод противоречит разделяемой В. из Ш. концепции творения человека для восполнения недостающего числа ангелов. Во-вторых, нет необходимости полагать, что единственным путем соединения человека с Богом (обожения) было Боговоплощение: при творении Бог дал человеку все необходимые способности для обожения на пути добродетели и исполнения Божией воли (ср.: *Maximus Conf.* Ambigua. II 103).

Главными последствиями первородного греха (originale peccatum — Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1052; originalis culpa — Ibid. Col. 1054) стали: смертность («необходимость смерти», «смерть души», «актуализация смертного приговора» — Ibid. Col. 1068, 1069), плотское наслаждение («жар плотского влечения», «разжжение воли» — Ibid. Col. 1054, 1067, 1069), потеря свободы и рабство диаволу. В. из Ш. полностью разделяет позднеавгустиновский взгляд на состояние человеческой воли после грехопадения: выбор Адама перестал быть свободным, ибо он почувствовал, что в его членах закон греха сопротивляется закону его ума, чего до греха он не испытывал (Ibid. Col. 1064). Адам отступил от Бога и предал себя в рабство диаволу не по принуждению, но сознательно и добровольно, так что диавол удержал его у себя по праву (jure), как своего пленника и раба (Ibidem; ср.: Col. 1069). Вслед за блж. Августином В. из Ш. связывает распространение первородного греха от Адама на все человечество с «порочным и грязным наслаждением», сопровождающим человеческое зачатие и рождение: после грехопадения человек против своего желания почувствовал вожделение плоти, к-рого еще не ведал, ибо греховное наслаждение охватило его плененный ум и распространило заразу греха на все его будущее потомство (Ibid. Col. 1054). Подвергшись порче из-за непослушания, первый человек подпал наказанию, так что стал рождать в вожделении (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1044). Поэтому всякий человек, родившийся от плотского вожделения, наследует первородный грех и испорченную природу (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1054). В. из Ш. обращается также к учению ап. Павла об Адаме как всечеловеке: поскольку все люди изначально заключались в Адаме и еще не отделились от него, то, когда он согрешил, все согрешили с ним нераздельно, и то, что он заслужил, равно заслужили все (Ibid. Col. 1052; ср. Рим 4. 12).

III. Происхождение души. В вопросе о том, заключались ли все люди в Адаме целиком, т. е. телом и душой, или только телом, В. из Ш. придерживается строгого *креационизма:* души всех людей происходят не от родителей, как тела, но непосредственно творятся Богом заново, как душа Адама, и вселяются в тела (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1044). В. из Ш. допускает, что соединение души и тела происходит в момент зачатия, хотя приводит и др. мнения, что оно совершается на 66-й день или в 6-й месяц после зачатия (Ibid. Col. 1043). По мнению В. из Ш., в таком способе происхождения душ заключается непреложный «Совет Божий об одушевлении людей», к-рый не изменился и в результате грехопадения. Однако, когда души, сотворенные Богом чистыми и непорочными, входят в «испорченный сосуд», т. е. в уже искаженное первородным грехом, нечистое тело, они тут же подвергаются порче, наследуют первородный грех (Ibid. Col. 1044; ср.: *Aug.* Contr. Julian. V 4. 17).

Христология и сотериология. Согласно В. из Ш., в конце веков Сын Божий, второе Лицо Св. Троицы, по разумному решению (rationabili auctoritate) и справедливой необходимости принял человеческое тело, чем искупил людей от всякого беззакония (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1059). При этом не произошло никакого умаления Божественной природы Сына Божия, Он остался Богом, Которым был, и воспринял в единство с Собою человека, к-рым не был. При соединении Лица Бога и человека (conveniente persona Dei et hominis) Христос един, как истинный Бог и истинный Человек, не по смешению сущности, а по единству Лица (non confusione substantiae sed unitate personae — Ibidem; ср.: Col. 1050). Особое внимание В. из Ш. уделяет человеческой природе Христа. Хотя Христос воспринял

истинную человеческую природу во всей ее полноте, как тело, так и душу (De sacr. altar. // PL. 163. Col. 1040), он был безгрешен, не был причастен первородному греху, что В. из Ш. доказывает, опираясь на блж. Августина: поскольку Христос был зачат непорочной Девой без мужеского семени при содействии Св. Духа, в Его зачатии отсутствовало к.-л. страстное вожделение (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1054, 1055). Не только зачатие, но и рождение Христа совершилось способом, выходящим за пределы природы, ибо Его Мать и до рождения Христа, и в рождении, и после рождения осталась Девой (Ibid. Col. 1049, 1054, 1055). То обстоятельство, согласно В. из Ш., что Христос не был подвержен болезни первородного греха, дало Ему возможность исцелять человеческие немощи и болезни (Ibid. Col. 1054).

Своим воплощением Христос сочетал человека с Богом (Ibid. Col. 1070). Однако полное спасение и освобождение человека от греха, смерти и власти диавола В. из Ш. в отличие от его современника *Ансельма*, архиеп. Кентерберийского, видит в распространенной как на Западе, так и на Востоке теории «благочестивого обмана». Поскольку диавол хитроумно приобрел власть над человеком и человек предал себя диаволу добровольно, то диавола следовало лишить власти также ненасильственным способом (violenter), но на разумном основании (rationabiliter) и справедливо (juste — Ibid. Col. 1070, 1072). Поэтому Бог, будучи всецело премудрым и справедливым, воспользовался премудрым и справедливым способом для освобождения человека: Создатель человека Сам стал человеком, не имеющим греха, чтобы той же самой природой и тем же самым способом, какими диавол победил человека, одолеть его самого (Ibid. Col. 1070). «Божественная хитрость» состояла в том, что таинство Боговоплощения было сокрыто от диавола, поскольку во Христе Божество было сокрыто немощной плотью. Диавол не мог поверить, что Бог снизошел до такого унижения, но, видя во Христе признаки Божественной силы, пребывал в сомнении. Решившись убить Христа, он не нашел в Нем ничего, что принадлежало бы ему, изобретателю смерти, поэтому Христос и не мог быть удержан смертью, но Своей смертью разрушил и упразднил смерть. Христос, как непорочный Агнец, свободный не только от первородного, но и от всякого личного греха, взял на Себя грехи мира и, став Жертвой за людей, Самого Себя принес Богу Отцу «в приятное благоухание» (Ibid. Col. 1071). Когда диавол несправедливо (injuste) умертвил Христа, своего Бога и Господа, он по справедливости (juste) должен был потерять свою власть над человеком, к-рым обладал по попущению Божию. В результате диавол сам был пленен и побежден Тем, Кто был свободен от всякого греха: набросившись на человеческое Тело Сына Божия, диавол, как хватающая приманку рыба внезапно попадается на сокрытый в ней крючок, был насмерть пронзен Божеством Христа (Ibid. Col. 1072). Сокрушив ад, Сын Божий освободил оттуда души святых и возвратил их в вечное блаженство. В 3-й день Христос воскрес из мертвых, затем восшел на небеса, сел одесную Бога Отца, чем даровал людям надежду воскресения и соединения с Богом. Оттуда же Он Сам придет для Суда, на к-ром воздаст каждому по его заслугам (secundum meritum), послав злых в вечный огонь, а добрых в вечную жизнь (Ibidem).

Таинства. I. Крещение. Согласно В. из Ш., искупление, совершенное Христом, может быть действительным только для верующих, к-рые должны усвоить себе его плоды через веру во Христа и участие в церковных таинствах, прежде всего в Крещении и Евхаристии (Ibid. Col. 1053; De sacr. altar. // PL. 163. Col. 1039). Крещение очищает человека не только от первородного греха, но и от всех личных грехов, ибо в этом таинстве вода, освящаемая словом Божиим и служением священника (verbo Dei et sacerdotis officio), приобретает силу очищения (virtutem purgandi), к-рая может омыть не только тело, но и дух человека от духовной скверны. Чтобы Крещение было во спасение, а не в осуждение, необходимо иметь правильную и совершенную веру. Вера и Крещение настолько тесно связаны, что ни Крещение без веры, ни вера без Крещения не могут даровать человеку спасение (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1053). Исходя из того, что спасение невозможно без Крещения, В. из Ш. говорит, что младенцы, умершие некрещеными, будут претерпевать наказания, но лишь «легчайшие» (De orig. anim. // PL. 163. Col. 1044). Помимо прощения грехов в Крещении человек получает залог (pignus) Св. Духа и становится Его храмом; умирая со Христом, человек становится причастником Его воскресения (Dial. inter Christ. et Jud. // PL. 163. Col. 1053).

II. Евхаристия. Не только без Крещения, но и без Евхаристии, как «жизненного средства», никто не может войти в жизнь вечную (De sacr. altar. // PL. 163. Col. 1039). Из дошедших фрагментов сочинений известны лишь нек-рые частные вопросы, касающиеся Евхаристии, к-рые затрагивает В. из Ш.; напр., вопрос о том, как следует принимать Св. Дары — под одним или под двумя видами. В. из Ш. говорит, что после Своего воскресения Христос пребывает полностью невидимым, бесстрастным и неделимым, так что ни Кровь Его не существует без Тела, ни Тело — без Крови, ни то ни др.— без человеческой души Христа, ни вся Его человеческая природа — без Слова Божия, соединенного с ней личностно (personaliter counito — Ibid. Col. 1039–1040), поэтому в каждом из евхаристических видов Христос принимается верующими не частично, но целиком. Т. о. еще задолго до догматического закрепления *Тридентским Собором* (XVI в.) практики Причащения мирян в католич. Церкви только под одним видом — Телом В. из Ш. высказывал мысль о том, что те, кто причащаются даже под одним видом (напр., Кровью как младенцы), причащаются всему Христу, а утверждение о необходимости Причащения только под двумя видами рассматривал как ересь (Ibid. Col. 1040). К традиционно закрепившейся на Западе практике Причащения В. из Ш. присоединяе, т. о., догматическое объяснение, противоречащее учению правосл. Церкви. Причину совершения Причащения под обоими видами В. из Ш. видел в том, что в Церкви твердо сохраняется и как бы воспроизводится память о Теле Христовом, видимым образом висевшем на Кресте, и Крови Христовой, излившейся из Его ребра (Ibid. Col. 1039).

Соч.: PL. 163. Col. 1039–1072; рус. пер.: *Гильом из Шампо.* Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере / Пер. С. С. Неретиной // Антология средневек. мысли. СПб., 2001. Т. 1. С. 257–293.

Лит.: *Ceillier R., dom.* Histoire générale des auteurs sacrés et ecclésiastiques. P., 1863². T. 14. P. 192–193; *Michaud E.* Guillaume de Champeaux et les écoles de Paris au XIIème siècle. P., 1867²; *Féret P.* La faculté de théologie de Paris: Moyen-âge: En 4 vol. P., 1894. T. 1. P. 105–110; *Lefèvre G.* Les variations de Guillaume de Champeaux et la question des universaux: Étude suivi de documents originaux. Lille, 1898; *Штекль А.* История средневек. философии. М., 1912. С. 110–111; *Weisweiler H.* Das Schrifttum der Schule Anselms von Laon und Wilhelms von Champeaux in deutschen Bibliotheken. Münster, 1936; *Grabmann M.* Die Geschichte der scholastischen Methode. Graz, 1957. Bd. 2. S. 136–168; *Коплстон Ф. Ч.* История средневек. философии. М., 1997. С. 98–99.

А. Р. Фокин

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ОВЕ́РНСКИЙ

[Парижский; лат. Guillelmus Alvernus (Alvernensis, de Alvernia, Parisiensis); франц. Guillaume d'Auvergne (de Paris)] (между 1180 и 1190, Орийак, Овернь — 30.03.1249, Париж), еп. Парижский, схоластический богослов и философ.

Учился в Париже; с 1223 г.— магистр, с 1225 г.— профессор теологии в Парижском ун-те. К 1225 г. стал каноником собора Парижской Богоматери, в 1228 г. рукоположен во епископа Парижа, сохранял при этом тесные связи с ун-том, покровительствовал нищенствующим орденам (в период его епископата кафедры в ун-те получили и *францисканцы*, и *доминиканцы*). Известен деятельностью по ограничению духовенства одним *бенефицием* (в случае если он доставляет достаточно средств к существованию) и участием в комиссии по цензурному редактированию сочинений *Аристотеля* по естественной философии, назначенной в 1231 г. папой *Григорием IX* и возглавлявшейся *Вильгельмом Осерским*. Главным сочинением В. О. является компендиум «Magisterium divinale» (Божественное учение, 1223–1240), состоящий из 7 частей: «De primo principio» (О первом начале, или «De Trinitate» (О Троице)), ок. 1228); «De anima» (О душе, или «De immortalitate animae» (О бессмертии души), 1230); «De universo creaturarum» (О сотворенном универсуме, между 1231 и 1236); «Cur Deus homo» (Почему Бог стал человеком); «De sacramentis» (О таинствах); «De fide et legibus» (О вере и законах); «De virtutibus et moribus» (О добродетелях и нравах, или «De bono et malo» (О добре и зле)). Кроме того, его перу принадлежит еще ок. 20 трактатов, включая «Rhetorica divina» (Божественная риторика) и сочинения по различным вопросам богословия (о благодати, о Евхаристии, о молитве и др.).

Оставаясь приверженцем традиц. августинистского богословия и обладая обширной философской эрудицией, В. О. был одним из первых на Западе мыслителей, предпринявшим попытку включить в традиц. теологическую систему августинизма теории Аристотеля, а также араб. и евр. философов: аль *Фараби*, аль-*Газали*, *Ибн Сины*, *Ибн Гебироля*, *Маймонида*. В. О. разделял предметные области богословия и философии с признанием за последней собственных законов и объектов исследования.

Различая сущность и существование вслед за Ибн Синой и *Боэцием*, В. О. утверждал, что глагол «быть» (лат. esse) может как указывать на некую определенную сущность (быть чем-то), бытие, к-рое задается дефиницией, так и иметь чисто экзистенциальное значение. В последнем смысле бытие не входит в дефиницию никакого сущего, кроме Бога, Чье определение существованием и ограничивается: «Я есмь Сущий» (Исх 3. 14); более точно следует говорить, что Бог вообще не имеет ни чтойности (quidditas), ни определения (*Жильсон*. С. 316). На различении сущности и существования В. О. основывает доказательства существования Бога. Субъект может обладать предикатом либо вслед. своей сущности (praedicatio secundum essentiam), либо вслед. причастия чему-либо иному (praedicatio secundum participationem). В случае если бы все сущности имели свое бытие лишь благодаря участию в бытии иного (т. е. обладали бы не необходимым существованием, но существованием в силу чего-то), их цепочка или уходила бы в бесконечность, что невозможно, или образовывала бы причинно-следственный круг, что абсурдно. Следов., для того, чтобы существование по причастию вообще имело место, требуется постулировать наличие такого сущего, к-рому бытие принадлежало бы вслед. самой его сущности (per essentiam), т. е. к-рое существовало бы необходимо и само по себе (necesse esse per se). Это есть Бог, в силу причастия Которому существует все сотворенное. Т. о., бытие Бога — это бытие, к-рым существуют все вещи, но не то, что́ они суть (esse quo sunt, non autem quod sunt); вещи обладают бытием, к-рым они суть, но не сущностным, а как бы привходящим образом (esse quo sunt non est ejus essentiale, sed quasi accidit). При этом вне Бога нет никакого самостоятельного начала возможности вещей, ибо материя, претендующая на этот статус, во-первых, сама нуждается в получении бытия, а во-вторых, в случае ее отождествления с возможностью как таковой подпадает под категорию отношения, т. е. может являться лишь акциденцией. Материю В. О. относит к телесным вещам; различие же мира чистых интеллигенций (ангелов) и Божественной природы лежит в концепции различения существования и сущности.

В противоположность араб. мыслителям (особенно Ибн Сине) В. О. утверждает, что Бог как абсолютное совершенство исключает ограничение своего могущества, поэтому неверно говорить, что непосредственно от Него исходит лишь первая интеллигенция, обусловливающая, в свою очередь, существование последующего множества вещей. Принцип «от одного может быть лишь одно» относится к естественному причинению, но не к Богу, обладающему свободной волей, благодаря к-рой Он решает творить вещи (приводит это решение в исполнение Божественное могущество). В силу того что творение осуществляется непосредственно, без к.-л. промежуточных ступеней, и примордиальные идеи всех вещей одинаковым образом содержатся в Божественном разуме, все сотворенное в равной степени является объектом Божественного познания, причастно Божественному бытию и подпадает под действие Божественного провидения, направляющего каждую вещь к ее цели. Естественная причинность также есть проявление воли Творца. Доказательство начала мира во времени (в противоположность вечности мира у Аристотеля) заключается, по В. О., в том, что мир, как существующий не необходимо, сам по себе только возможен, а возможность относится к действительности как небытие к бытию, и, следов., мир сам по себе есть ничто. То, что присуще вещи самой по себе, всегда предшествует дающемуся ей извне, но у мира нет собственного бытия, свое бытие он получает от Бога, поэтому мир не должен был существовать прежде, чем

обрел бытие в действительности. Фома Аквинский доказывал несостоятельность этого аргумента в трактате «De aeternitate mundi contra murmurantes» (О вечности мира против ворчунов).

В учении о душе В. О. одновременно разделял аристотелевское представление о ней как «совершенстве физического, органического тела, потенциально имеющего жизнь» (De anima. I 1; ср.: *Arist.* De anima. II 1. 412a28) и, оставаясь на позициях августинизма, утверждал независимое существование души, рассматривая человека как душу, управляющую телом, во всех частях к-рого она присутствует. Аргументы в пользу нетленности души, основанные на специфике ее природы, во многом заимствованы В. О. у Доминика Гундиссалина (XII в.) (De immortalitate animae; Э. Жильсон полагает, что этот трактат В. О. «приписал себе» — 2004. С. 287). О душевных потенциях (разуме, воле и др.) В. О. говорит только как о различных, действительных или возможных, отношениях души к тем или иным актам и объектам, т. е. ничего реального не добавляющим к ее сущности и, следов., тождественным ей. Впосл. это учение было развито *Генрихом Гентским*. Не признавая, т. о., активный и пассивный интеллекты существенно отличными друг от друга способностями души, В. О. отвергает концепцию отделенного деятельного разума Ибн Сины и полагает, что человеческое познание обусловлено не им, но изначально заключенными в душе и созерцаемыми ею по мере возможности очевидными принципами разумного постижения, интеллигибельными экземплярами вещей и моральными постулатами, к-рые, излучаясь от Бога как вечной Истины, отражаются в зеркале разума (отчего он и является образом Божиим в душе человека). Однако представление об озарении Божественным светом сочетается в эпистемологии В. О. с аристотелевской идеей эмпирического познания: разумная душа формирует в себе образы вещей на основе тех впечатлений, к-рые она получает извне, вступая в контакт с вещами посредством органов чувств.

Сочинение В. О. «О сотворенном универсуме» содержит сведения по космологии и естественной истории, интерпретированные с христ. т. зр.

В. О. предвосхитил нек-рые идеи, развитые в дальнейшем Альбертом Великим и Фомой Аквинским (рассмотрение философии как автономной дисциплины), *Иоанном Дунсом Скотом* (учение о бытии и Божественной свободе), У. *Оккамом* (концепция абсолютного могущества Бога).

Соч.: De universo. Norimbergae, 1496. Venetiis, 1591; Opera omnia / Ed. B. Leferon. P., 1674. Fr./M., 1963^{r}. 2 t.; Opera / Curante Blasio Ferronio. Aureliae, 1674. 3 t.; De immortalitate animae // *Bülow G.* Des Dominicus Gundissalinus Schrift von der Unsterblichkeit der Seele, nebst einem Anhang, enthaltend die Abhandlung des Wilhelm von Paris (Auvergne) De immortalitate animae // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. 1897. B. 2 (3). S. 39–61; De bono et malo // Mediaeval Studies. 1946. T. 8. P. 245–299; De Trinitate / Ed. B. Switalski. Toronto, 1976.

Лит.: *Werner K.* Die Psychologie des Wilhelm von Auvergne // SAWW. Philos.-hist. Kl. Bd. 73. 1873. S. 257–326; Amst., 1966; *idem.* Wilhelms von Auvergne Verhältnis zu den Platonikern des XII. Jhd. // SAWW. Philos.-hist. Kl. Bd. 74. 1873. S. 119–172; *Valois N.* Guillaume d'Auvergne, évêque de Paris (1228–1249): Sa vie et ses ouvrages. P., 1880, 1962^{R}; *Schindele St.* Beiträge zur Metaphysik des Wilhelm von Auvergne. Münch., 1900; *Ziesche K.* Die Sakramentenlehre des Wilhelm von Auvergne. W., 1910; *Kramp J.* Des Wilhelms von Auvergne «Magisterium divinale» // Gregorianum. 1920. Vol. 1. P. 538–616; 1921. Vol. 2. P. 42–103, 174–195; *Masnovo A.* Da Guglielmo d'Auvergne a San Thommaso d'Aquino: In 3 vol. Mil., 1945–1946^{2}; *Gilson É.* La notion d'existence chez Guillaume d'Auvergne // AHDLMA. 1946. T. 15. P. 55–91; *Жильсон Э.* Философия в средние века. М., 2004. С. 313–320; *Viard P.* Guillaum d'Auvergne // DSAMDH. Fasc. 42–43. Col. 1182–1192; *Borok H.* Der Tugendbegriff des Wilhelm von Auvergne. Düsseldorf, 1979; *Marrone S. P.* William of Auvergne and Robert Grosseteste: New Ideas of Truth in the Early XIIIth Cent. Princeton, 1983.

А. М. Шишков

ВИЛЬГЕ́ЛЬМ ОСЕ́РСКИЙ [лат. Guillelmus Autissiodorensis (Altissiodorensis); франц. Guillaume d'Auxerre] (ок. 1150, Осер, Бургундия — 3.11.1231, Рим), франц. теолог и философ.

В. О., вероятно, был учеником Ришара Сен-Викторского. Magister regens теологии Парижского ун-та, преподавал до 1229 г. В 1216–1227 гг. был также архидиаконом собора в Бове и проректором Парижского ун-та. В 1229 г. в результате убийства королевскими сержантами и лучниками неск. студентов при наведении порядка на улицах Парижа произошел конфликт между Парижским ун-том, отстаивавшим свою независимость, и горожанами, на стороне к-рых выступала светская власть в лице Бланки Кастильской, регентши при кор. Людовике IX Святом. В февр. 1230 г. В. О. поехал в Рим к папе *Григорию IX*, информировал его о причинах столкновений и способствовал выходу в апр. 1231 г. буллы «Parens scientiarum», окончательно закрепившей автономию и привилегии Парижского ун-та. Однако в той же булле Григорий IX заявил, что парижские профессоры не должны использовать в образовательном процессе естественно-научные сочинения *Аристотеля*, запрет на преподавание к-рых был наложен в 1210 г., впредь до очищения переводов от всех подозрительных мест, поскольку переводы не отличались высоким качеством и содержали нек-рые антихрист. идеи, привнесенные араб. учеными.

23 апр. 1231 г. Григорий IX создал комиссию по цензурному разбору и подготовке улучшенного издания соответствующих сочинений Аристотеля, в состав к-рого наряду с Симоном из Оти и Стефаном из Провена вошел В. О. В письме к Людовику IX от 6 мая папа призывал короля восстановить В. О. в статусе преподавателя Парижского ун-та, дабы он совместно с Готфридом из Пуатье приступил к реализации плана по реформированию системы образования, к-рый он разрабатывал в Риме. Однако по причине болезни и скорой смерти В. О. осуществить эти намерения ему не удалось.

На формирование взглядов В. О. существенное влияние оказало традиц. августинистское мировоззрение, характерное для *Ансельма*, архиеп. Кентерберийского и представителей сен-викторской школы (Гуго, Ришара); его учителем был занимавший в 1206–1209 гг. должность канцлера Парижского ун-та Препозитин из Кремоны, автор «Summa theologica») (Теологическая сумма), «Summa de officiis» (Сумма о службах) и др. сочинений. В. О. наряду с *Филиппом Канцлером*, *Александром Гэльским* и *Вильгельмом Овернским* был тем схоластическим мыслителем, кто способствовал включению метафизического и натурфилософского наследия Аристотеля в систему христ. мировосприятия, благодаря чему, в частности, уже в 1255 г. в Парижском ун-те в образовательную программу фак-та искусств было введено изучение всех известных аристотелевских работ. Особую роль В. О. сыграл в формировании традиций

парижской доминиканской школы, во многом определив характер интеллектуальных построений одного из первых теологов ордена и автора «Compendium theologiae» (Компендиум теологии, 1235) Иоанна из Тревизо и первого доминиканского профессора Парижского ун-та и создателя собственной «Суммы» Роланда Кремонского.

Главной работой В. О. является «Summa super quattuor libros Sententiarum» (Сумма на четыре книги Сентенций, между 1215 и 1229), в целом построенная по плану комментируемого в ней сочинения *Петра Ломбардского*. «Сумма» последовательно затрагивает следующие темы: единство и троичность Божества (кн. 1); творение, природа ангелов и человека, включая вопрос о сущности грехопадения и его последствиях, а также классификацию грехов (кн. 2); Христос, добродетели и преодоление через них греха (кн. 3); христ. таинства и 4 эсхатологических явления: смерть, Страшный Суд, ад и рай (кн. 4).

Теология, ставящая перед собой цель истолкования и прояснения богооткровенных истин, трактуется В. О. как искусство или наука, ибо ее положения выводятся из непреложных постулатов веры, выступающих, т. о., в качестве тех исходных теологических посылок, гарантом истинности к-рых служит Сам Бог. На философию возложена в таком случае инструментальная функция, и теология может использовать ее доводы и методы при решении своих задач, в частности при доказательстве бытия Бога. В. О. перечисляет в «Сумме» 4 равносильных философских аргумента в пользу признания существования Божества, Которое, согласно каждому из них, не может не быть: аргумент Ибн Сины (Авиценны) — необходимость бытия Первой причины (Causa prima), аргумент Доминика Гундиссалина (ок. 1110 — ок. 1190) — необходимость бытия того, что является источником всех вещей (per fluxum rerum), аргумент Боэция — необходимость бытия Высшего блага (Summum bonum), аргумент Ансельма Кентерберийского — необходимость бытия того, больше чего нельзя ничего помыслить (aliquid quo majus excogitari non potest).

Излагая учение о Св. Троице и критикуя антропоморфизм платоновского представления о демиурге, В. О. утверждает, что Божественные идеи, с одной стороны, идентичны природе Божества, а с др., являются архетипами всех вещей, непосредственное истечение от Бога к-рых описывается как сотворение их по Его воле из ничего (ex nihilo); также тварна и материя. Принимая введенное Боэцием различие между сущностью (quod est) и бытием (esse), В. О. говорит о двояком бытии (sic ponitur duplex esse), а именно о бытии тварном, наличествующем в сотворенном мире (esse creatum quod est in creatura), и бытии Божественном, благодаря к-рому существует первое (esse divinum ut a quo est illud esse); различие демонстрирует то, что ничто сотворенное не содержит источник своего существования в самом себе, но только лишь в Боге. В. О. выступает также против мнения представителей араб. неоплатонизма, согласно к-рому от Бога непосредственно может истекать только одно создание (по принципу «от одного может быть лишь одно» — ab uno non est nisi unum): в подобном случае Бога следовало бы называть не «всемогущим» (omnipotens), но «одномогущим» (unipotens). Относительно же принципа индивидуации В. О. указывает, что таковая происходит по причине обладания вещами, отличными друг от друга акцидентальными признаками.

Будучи одной из первых сумм, написанных после знакомства представителей западноевроп. схоластики с трудами Аристотеля, «Сумма» В. О. содержит материалы из «Метафизики» и «Никомаховой этики» последнего.

Гносеология В. О. в целом находится в согласии с учением Августина; теория абстракции заимствуется им у Ибн Сины: ее возможность обусловлена тем, что сущности сами по себе индифферентны по отношению как к единичности, так и к универсальности; способности же души, по его мнению, не едины с ее субстанцией. Кроме того, в «Сумме» затрагивается и тематика морали: вопрос о свободе воли, природе добродетелей и естественного закона (В. О. считается первым средневек. автором, давшим систематическое изложение указанных проблем). О чрезвычайной популярности этого произведения свидетельствует большое число сохранившихся рукописей, а также наличие множества его изложений и комментариев к нему, принадлежащих, напр., перу еп. Флоренции Ардинга («Extractiones Summe magistri Guillelmi Autissiodorensis a magistro Ardenco Papiensi compilate») и декана собора в Осере Герберта («Summa magistri Wilhelmi Autissiodotensis abreviata a magistro Herberto»).

Среди др. соч. В. О. выделяется «Summa de officiis eccesiasticis» (Сумма о церковных службах), посвященная вопросам, связанным с литургической практикой, совершением таинств, молитв и песнопений, годичным циклом чтения Свящ. Писания, священническим облачением и др. Эта систематическая работа послужила моделью для трактата Вильгельма Дуранда «Rationale divinorum officiorum» (Значения божественных служб, 1286–1295) о символическом истолковании обрядовой стороны христианства. В. О. является автором толкований на первые 15 псалмов («Dicta super Psalterium») и «Commentarium in Anticlaudianum» Алана Лилльского (комментария к «Антиклавдиану», ок. 1231), в к-ром цитируется текст «Метафизики» Аристотеля вместе с соответствующими комментариями Ибн Рушда.

В. О. оказал влияние на формирование мировоззрения ведущих представителей высокой схоластики XIII в., принадлежавших к францисканской (Бонавентура) и к доминиканской (Альберт Великий, Фома Аквинский) школам.

Соч.: Summa aurea in quattuor libros Sententiarum. Fr./M., 1964; Summa aurea / Ed. J. Ribaillier // Spicilegium Bonaventurianum. P., 1980–1987. T. 16–20.

Лит.: *Breuning W.* Die hypostatische Union in der Theologie Wilhelms von Auxerre, Hugos von St.-Cher und Rolands von Cremona. Trier, 1962. S. 1–161. (Trier. theol. Stud.; Bd. 11); *Fries A.* Urgerechtigkeit, Fall und Erbsünde nach Praepositin von Cremona und Wilhelm von Auxerre. Freiburg i. Br., 1940; *Landgraf A.* Beobachtungen zur Einflusssphäre Wilhelms von Auxerre // ZKTh. 1928. Bd. 52. S. 53–64; *Ottaviano C.* Guglielmo d'Auxerre: La vita, le opere, il pensiero. R., 1930; *Lottin O.* Psychologie et morale aux XIIe et XIIIe siècles. Gembloux, 1942–1954. 3 vol.; *Ribaillier J.* Guillaume d' Auxerre // DSAMDH. Fasc. 42–43. Col. 1192–1199; *Viola C.* Jugements de Dieu et jugement dernier: S. Augustin et la scolastique naissante (fin XIe — milieu XIIIe siècles) // The Use and Abuse of Eschatology in the Middle Ages / Ed. W. Verbeke, D. Verhelst, A. Welkenheusen. Louvain, 1988. P. 242–298.

А. М. Шишков

ВИ́ЛЬНЮССКИЙ ВО И́МЯ РАВНОАПО́СТОЛЬНОЙ МАРИ́И МАГДАЛИ́НЫ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ (Виленской и Литовской епархии). Основан указом имп. *Александра II Николаевича* от 9 нояб. 1864 г. для укрепления Православия в Северо-Западном крае после подавления польск. восстания и народных волнений в 1860–1864 гг. В. м. разместился в зданиях упраздненного католич. мон-ря в честь Сердца Иисуса ордена визиток (визитанок) на ул. Росса (ныне ул. Росу). В 1865–1868 гг. были реконструированы монастырские корпуса, устроены теплая ц. в честь Покрова Пресв. Богородицы и холодная ц. во имя равноап. Марии Магдалины. В создании обители деятельное участие принимали Литовский митр. *Иосиф (Семашко)* и Московский митр. св. *Филарет (Дроздов)*. 24 июля 1865 г. настоятельницей В. м. была назначена казначея *московского во имя Алексия, человека Божия, мон-ря* мон. Флавиана (Попова), возведенная 22 нояб. в сан игумении. Первыми насельницами обители стали сестры московского Алексиевского мон-ря. 4 февр. 1868 г. при В. м. от-

Духовенство и насельницы мон-ря. Во 2-м ряду в центре — игум. Нина (Баташёва), слева от нее прот. Николай Гурьянов, справа — прот. Сергий Беляев. В верхнем ряду 4-я справа — мон. Варвара (Трофимова). Фотография. 1957 г.

ок. 90 сестер, приют был преобразован в двухгодичное епархиальное уч-ще, в к-ром учились 40 девочек-сирот. В 1914–1915 гг. в В. м. действовал лазарет для раненых на 15 коек. 14 сент. 1915 г. ввиду угрозы наступления нем. войск мон-рь (114 сестер) и приют-училище (50 чел.) были эвакуированы в Минск, затем в Петроград. Часть насельниц по их желанию распределили по монрям и подворьям Петроградской и др. епархий. 30 виленских монахинь во главе с настоятельницей мон. Верой (Потапенко) были направлены в Вохоновский Марие-Магдалинский мон-рь в Царскосельском у. После кончины в 1917 г. игумении Вохоновской обители Паисии сестры обоих мон-рей единодушно избрали новой настоятельницей мон. Веру, возведенную в сан игумении благочинным Вохоновского мон-ря архим. Макарием.

Вильнюсский во имя равноап. Марии Магдалины мон-рь. Фотография. 10-е гг. XX в.

После ухода на покой по болезни игум. Веры в нач. 1918 г. сестры, избравшие своей начальницей мон. Нину (Баташёву), решили вернуться в Вильну. Патриарх Московский и всея России св. *Тихон* помог им получить пропуски для проезда в Литву, в мае 1918 г. ок. 20 виленских сестер прибыли в Вильну и начали восстанавливать обитель на ул. Росса. Указом Литовской консистории 6 мая 1918 г. мон. Нина (Баташёва) была назначена управляющей мон-рем, 8 сент. 1921 г. архиеп. Литовским *Елевферием (Богоявленским)* возведена в сан игумении. В 1919 г., когда Виленский край был оккупирован польск. войсками, решением властей инокини были выселены из В. м. и размещены в больничном корпусе Виленской ДС, к-рый располагался на территории расформированного во время первой мировой войны *виленского во имя Св. Троицы муж. мон-ря*. Монахиням был передан Троицкий храм, богослужения в к-ром совершались насельниками Свято-Духова (см. *вильнюсский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов*) мон-ря. В 1924 г. В. м. вошел в состав неканонически провозглашенной *Польской автокефальной православной Церкви*. Игум. Нину неоднократно командировали на Волынь в *Святогорский Зимненский* и *Корецкий* мон-ри для проведения ревизий и для временного управления этими мон-рями. По благословению Варшавского митр. *Дионисия (Валединского)* насельница В. м. мон. Евгения (Баташёва) была назначена настоятель-

крылся приют для сирот, затем иконописная мастерская, в к-рых преподавали сестры, в т. ч. игум. Флавиана. Насельницы мон-ря и воспитанницы приюта писали иконы, шили облачения для виленских храмов.

После кончины игум. Флавианы 1 янв. 1878 г. В. м. возглавила казначея мон. Антония (Золотарёва), 22 июля возведенная архиеп. Литовским *Макарием (Булгаковым)* в сан игумении. 28 сент. 1900 г. настоятельницей стала игум. Моисея (Лялина), переведенная из ливенского Мариинского мон-ря Орловской губ. При игум. Моисее в В. м. жили

ницей Зимненского мон-ря, а мон. Феофания (Павлюк-Задворная) — Корецкого мон-ря. В 1933 г. Варшавский митр. Дионисий наградил игум. Нину наперсным крестом с украшениями.

В 1937 г. в связи с закрытием Троицкого храма и семинарии В. м. переехал на ул. Лянку, к приходской ц. во имя св. кн. Александра Невского (построена в 1898). Инокини устроили кельи в крыльях отремонтированного храма, выкопали колодец, посадили фруктовый сад, разбили цветники. Летом 1939 г. по ходатайству игум. Нины в В. м. из *Почаевской лавры* были привезены икона св. Марии Магдалины с частицей мощей и образ прп. Иова Почаевского с частицей мощей. В 1944 г. в результате бомбежки Александро-Невский храм лишился купола, окон, полов и дверей, сгорел иконостас. В одном из уцелевших крыльев храма сестры (ок. 35 чел.) устроили временную церковь, к-рую 15 окт. 1945 г. освятил Виленский архиеп. *Корнилий (Попов)*. 8 нояб. 1951 г. Виленский архиеп. Фотий (Топиро) освятил отремонтированную Александро-Невскую ц. В 1953–1955 гг. в В. м. был построен двухэтажный сестринский корпус, к 1959 г. к мон-рю были проведены водопровод и канализация, все помещения электрифицированы, территория обители огорожена кирпичной оградой с дубовыми св. вратами. Трудами сестер было благоустроено Евфросиниевское кладбище, в юж. части к-рого похоронены мн. насельницы и священнослужители обители. Патриарх Московский и всея Руси *Алексий I* передал в дар мон-рю вышитую бисером икону «Целование праведной Елисаветы», выполненную монахинями иерусалимского *Горненского мон-ря*.

Игум. Нина (Баташёва) и мон. Ангелина (Баташёва), казначея мон-ря. Фотография. Сер. 50-х гг. XX в.

Постановлением Совета министров Литовской ССР от 12 июля 1959 г. В. м. был снят с регистрации, денежные средства и движимое имущество обители подлежали конфискации. 23 авг. 1960 г. насельницы (23 монахини, 5 послушниц) были выселены из обители, Александро-Невский храм передан на баланс Министерства культуры Литовской ССР, в бывш. сестринском корпусе разместилась колония для трудновоспитуемых девочек. Несмотря на это, мон-рь продолжал существовать: игум. Нина с сестрами поселилась в двухэтажном корпусе вильнюсского Свято-Духова муж. мон-ря. В 1968 г. вместо ушедшей на покой и принявшей схиму с именем Варвара игум. Нины († 26 апр. 1969) В. м. возглавила ее племянница и многолетняя сподвижница игум. Ангелина (Баташёва). 15 мая 1989 г. постановлением Совета министров Литвы указ 1959 г. о ликвидации мон-ря был признан утратившим силу. С апр. 2002 г. В. м., размещающийся в корпусе на территории Свято-Духова мон-ря, возглавляет мон. Надежда (Ломако). К нач. 2004 г. в В. м. жили 13 насельниц: 9 монахинь и 4 послушницы. Сестры несут послушания в Свято-Духовском соборе, поют на клиросе, выпекают просфоры для храмов Виленской епархии, изготавливают свечи, ухаживают за могилами насельниц В. м. на вильнюсском правосл. Евфросиниевском кладбище.

Арх.: ЛЦИА. Ф. Р–238. Оп. 3. Ед. хр . № 13, 46; *Варвара (Трофимова), мон.* К столетию правосл. Виленского Марие-Магдалинского жен. мон-ря (1865–1965). Вильнюс, 1965. Ркп. Ист.: Вестн. Виленского Св.-Духова братства. Вильно. 1915. № 16.

Г. П. Шлевис

ВИ́ЛЬНЮССКИЙ В ЧЕСТЬ СОШЕ́СТВИЯ СВЯТО́ГО ДУ́ХА НА АПО́СТОЛОВ МУЖСКО́Й МОНАСТЫ́РЬ (Виленской и Литовской епархии), в Вильнюсе (Литва). Основан на рубеже XVI–XVII вв. членами *виленского православного*

Церковь в честь Сошествия Св. Духа на апостолов. Фотография. 2002 г.

Свято-Духовского братства, первоначально существовавшего при *виленском во имя Св. Троицы мон-ре*. По распоряжению принявшего *Брестскую унию* митр. Ипатия *Потея* в окт. 1599 г. был закрыт принадлежавший братству придел Троицкого храма. Ок. 1600 г. братчики перешли в возведенную в Вильно в 1597 г. ц. в честь Сошествия Св. Духа. Хотя королевский указ 1596 г. запрещал строительство правосл. церквей, Свято-Духовский храм был возведен на земле и на средства правосл. дворянок Феодоры и Анны Волович, занимавших высокое общественное положение (Феодора была замужем за брестским воеводой, Анна — за смоленским). Не позднее 1605 г. при Свято-Духовском храме сложилась муж. обитель с небольшим жен. отделением. К авг. 1609 г. храм являлся единственной правосл. церковью в Вильно, остальные были переданы униатам. Под опеку В. м. перешли братские типография и школа, в к-рых трудились насельники мон-ря, в т. ч. *Леонтий (Карпович)*, ставший одним из первых настоятелей обители, *Мелетий (Смотрицкий)* и др. С самого начала существования В. м. страдал от нападений со стороны униатов — насельников Троицкого мон-ря.

В. м. являлся ставропигиальным, подчинялся К-польскому Патриарху. К обители перешли права ставропигии, данные виленскому братству посетившим Вильно в 1588 г. К-польским Патриархом *Иеремией II*. Мон-рь существовал за счет денежных сборов и вкладов, поступавших от членов братства. В 1616 г. кн. Б. М. Огинский пожаловал мон-рю

2 дома в Вильно с хозяйственными постройками, затем двор в мест. Евье Трокского у. (ныне г. Вевис, Литва) с постройками, садами, огородами, землями и крестьянами, а также 6 озер.

После публикации в братской типографии антикатолич. и антиуниатского соч. Смотрицкого «Θρῆνος, to jest Lament, iedyney ś. powszechney apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem dogmat wiary» (Плач единой святой соборной апостольской Церкви, с объяснением догматов веры) последовал королевский указ об уничтожении книг, изданных Виленским братством. На нек-рое время типография прекратила свою деятельность, вскоре она возобновила работу в Евье. В 1618 г. в Евье было напечатано соч. «Киновион, или Изображение евангельского иноческого общего жития», исследователи считают его уставом В. м. Насельники обители занимались переводами с греч. на церковнослав. язык и на просту мову (западнорус. лит. язык); в братской типографии были изданы «Молитвеник, или Требник... Из греческаго языка на словенский преведеныи и истинно исследованыи» (Вильно, 1618), «Евангелие учителное, албо Казаня на кождую неделю и свята урочистыи» Каллиста, Патриарха К-польского (Евье, 1616), «Духовныи беседы о доконалстве христиан православных» прп. Макария Египетского (Вильно, 1627), толкование свт. Иоанна Златоуста на молитву «Отче наш» — перевод Леонтия (Карповича) — «На Отче наш выклад з грецкого на руский» (Вильно, 1620).

Патроны правосл. мон-рей Литвы, бессильные самостоятельно противостоять натиску гос-ва и католич. Церкви, отдавали находившиеся на их землях правосл. обители под опеку Виленского братства и В. м. Под управлением последнего состояли мон-ри: Петропавловский муж. в Минске (передан братству в 1613 основательницей мон-ря Е. Г. Стецкевич), минский Петропавловский жен. мон-рь (передан В. м. в 1618), Селецкий жен. в Минском воеводстве (основан ок. 1609), Цеперский Крестовоздвиженский муж. (основан К. Б. Долматом в 1618 как подчиненный В. м.), Успенский мон-рь в Евье (основан кн. Огинским в 1619 как подчиненный В. м.), Преображенский, основанный в 1609 г. кн. А. Корибутом-Вишневецким, слуцкий Троицкий, Купятицкий (создан в 1628 как подчиненный В. м.), Сурдегский Свято-Духовский (передан Виленскому братству А. Ставецкой-Городенской в 1636) и др. мон-ри. В. м. посылал в подчиненные ему обители исправных в иноческой жизни насельников, ставил настоятелей.

Мн. насельники В. м. занимали архиерейские кафедры *Западнорусской митрополии*. В 1620 г. Иерусалимский Патриарх *Феофан IV* восстановил правосл. западнорус. иерархию. Настоятель В. м. архим. Леонтий (Карпович) был избран епископом Владимирским и Брестским. Архим. Леонтий скончался, не успев получить хиротонии, во архиепископа Полоцкого в том же году был хиротонисан др. насельник В. м.— Мелетий (Смотрицкий), ставший после своего возвращения в Вильно настоятелем мон-ря. В 1623–1633 гг. во главе В. м. стоял архим. *Иосиф* (*Бобрикович;* с 1633 еп. Мстиславский), к-рый добился от светских властей разрешения на строительство в обители каменной церкви. 18 марта 1633 г. вступивший на престол кор. *Владислав IV Ваза* пожаловал В. м. грамоту на постройку храма «по подобию других церквей и костелов, а не в виде крепости». Грамотой также подтверждался статус мон-ря при Свято-Духовском храме как общежительного по чину свт. Василия Великого; к обители приписывались 17 муж. и 2 жен. мон-ря. Братии разрешалось получать пожертвования, беспрепятственно распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, а судебные дела рассматривать в суде высшей инстанции — в главном трибунале. В 1634 г. в В. м. был построен каменный храм Сошествия Св. Духа на апостолов с приделами во имя равноапостольных Константина и Елены и ап. Иоанна Богослова. При В. м. продолжало существовать уч-ще, конгрегации правосл. студентов и учеников монастырского уч-ща принадлежал Константино-Еленинский придел Свято-Духовского храма.

После поставления Иосифа (Бобриковича) на Мстиславскую кафедру настоятелями В. м. являлись Митрофан (Дементьянович; упом. в 1635), затем Самуил (Шитик-Залесский; упом. в 1637), происходивший из местной шляхты. Вместе со званием настоятеля («старшего») мон-ря Самуил носил также титул «наместника митрополии в Великом княжестве Литовском», т. е. ему подчинялось все правосл. духовенство митрополичьей епархии. В нояб. 1637 г. игумен В. м. Леонтий (Шитик-Залесский) ездил в Москву и получил от царя *Михаила Феодоровича* 200 р. в качестве пожертвования на обитель. В 1655 г., после взятия Вильно рус. войсками, были обретены и перенесены в В. м. мощи Виленских мучеников *Антония, Иоанна и Евстафия,* святыню поместили в пещерном склепе Свято-Духовской ц. В 1661 г. город вновь перешел к Речи Посполитой. В 1676 г. сейм запретил всем ставропигиальным мон-рям на территории Польского гос-ва обращаться по вопросам веры к К-польскому Патриарху и в спорных случаях предписал обращаться к гражданским судам.

С 1686 г., когда Киевская правосл. митрополия перешла под омофор Московского Патриарха, насельники В. м. получили возможность обращаться за помощью непосредственно в Москву (отдельные монахи В. м. с 1628 приезжали в Москву за милостыней). Грамотами *Петра I Алексеевича* 1703 и 1708 гг. братии разрешалось «приезжати в Московское государство для милости... сколько захотят». Мон-рю давали крупные пожалования Петр I, царевна Наталия Алексеевна. Однако виленские власти притесняли мон-рь и препятствовали его контактам с Россией. В 1721 г. братия В. м. писала в Святейший Синод РПЦ, что «униатский оффициал, остригши игумену Иоасафу Опоцкому волосы и связавши его, уволок в свою Сутенскую обитель, иноков разогнал, а тамошних прихожан принуждает у себя исповедоваться и причащаться». Братия просила Синод принять В. м. «в свою пастырскую и отеческую протекцию» и назначить выплаты (50 р. в год). Указом Синода от 2 апр. 1722 г. В. м. был признан ставропигиальным. В 1733 г. имп. Анна Иоанновна назначила материальную помощь виленским монахам в размере 100 р. ежегодно (выплачивалась до 1781). Указом Синода 1741 г. наместники В. м. назначались Киевскими митрополитами и утверждались Синодом.

Во время пожаров 1748 и 1749 гг. сгорел Свято-Духовский храм, др. монастырские постройки, архив обители. В 1751 г. виленские власти выдали братии разрешение на

восстановление мон-ря. Виленский католич. еп. М. Зинкевич в письме канцлеру ВКЛ поставил условия восстановления правосл. храмов: *колокольня не должна выделяться* среди городских строений, монастырские ворота не должны иметь излишних украшений. Автором проекта восстановления мон-ря был архит. И. К. Глаубиц, строительство шло медленно из-за нехватки средств.

В 1795 г., после 3-го раздела Польши, г. Вильно вошел в состав Российской империи, Виленская губ. стала частью Минской епархии, В. м. перешел в подчинение Минскому архиерею, к-рый приписные к мон-рю церковные учреждения сделал самостоятельными. В мае 1797 г. В. м. был возведен во 2-й класс с сохранением за ним приписных Сурдегского, Кронского и Евейского мон-рей; по штату, в обители жили иеромонах и 2 диакона. Из казны на содержание В. м. ежегодно выделялись 2,5 тыс. р. В том же году Синод предписал Минскому архиеп. *Иову (Потёмкину)* подготовить план окончательного восстановления Свято-Духовского храма. В ответ архиеп. Иов сообщал, что в Вильне мало жителей правосл. вероисповедания; поскольку в городе нет приходских церквей, а в монастырском храме нельзя совершать требы, архиеп. Иов предложил упразднить мон-рь и Свято-Духовский храм обратить в городской собор. Однако указом 11 окт. 1806 г. Синод, «учитывая древность и знаменитость оного монастыря и непоколебимое пребывание обитающих в нем в Православии», не одобрил намерение архиерея. Имп. *Александр I Павлович* распорядился выделить мон-рю дополнительные средства, и к нач. 1812 г. Свято-Духовский храм был достроен. В ходе Отечественной войны 1812 г. в разоренной и осквернённой церкви жили франц. солдаты. После изгнания захватчиков храм был отремонтирован на средства виленского купца А. Слуцкого. В 1814 г. в пещерном склепе Свято-Духовского храма были обретены мощи мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, в 1826 г. мощи были освидетельствованы и положены в храме для поклонения, в 1852 г. помещены в новую раку.

В 1833 г. В. м. был отнесен к 1-му классу, его священноархимандритами стали Виленские архиереи. Ежегодно мон-рь получал из казны 4176 р., на ремонтно-строительные работы в 1833 г. было выделено 15 812 р. В 1836–1837 гг. архит. А. Порто перестроил Свято-Духовский храм: были открыты своды, надстроен купол, положен деревянный пол; в 1840 г. отреставрировали каменный иконостас, были установлены новые царские врата. В сер. 40-х гг. XIX в. на средства виленского генерал-губернатора возвели св. врата. 4 июня 1845 г. Литовский архиеп. *Иосиф (Семашко)* освятил престол обновленного Свято-Духовского храма, 2 июля ректор Литовской ДС архим. Евсевий (Ильинский) освятил придел во имя равноапостольных Константина и Елены; придел во имя ап. Иоанна Богослова служил ризницей. 14 апр. 1851 г. нижняя пещерная церковь Духовского собора была освящена во имя Виленских мучеников. По эскизам архиеп. Иосифа акад. И. Т. Хруцкий выполнил иконостас пещерной церкви.

Ювеналий (Половцев), архиеп. Виленский. Фотография. Нач. XX в. (РГИА)

К нач. 1839 г. в В. м. жили 5 насельников. Архим. *Платон (Городецкий)*, ставший в этом году настоятелем обители, перевел из костромских мон-рей в В. м. 3 иеромонахов, 4 иеродиаконов и 4 послушников. Указом Синода 2 янв. 1886 г. было учреждено отд-ние В. м.— Борунский муж. мон-рь Ошмянского у. В 1897 г. отмечался 300-летний юбилей В. м., 14 апр. состоялся крестный ход из всех храмов Вильны в мон-рь. При архиеп. Виленском и Литовском *Ювеналии (Половцеве)*, ревностно заботившемся о монашеской жизни в епархии, число насельников В. м. возросло: к 1 янв. 1904 г. в штате обители состояли архимандрит-наместник, 9 иеромонахов, 3 иеродиакона, 5 монахов и 34 послушника. В 1913 г. в В. м. была открыта гостиница, на устройство к-рой Виленский архиеп. св. *Тихон (Белавин)* пожертвовал 2 тыс. р. 14 апр., в день памяти Виленских мучеников, число паломников, приезжавших в обитель, превышало 6 тыс. чел.

После начала первой мировой войны духовенство В. м. несло дежурства на вокзале, перевязочных пунктах и в пунктах раздачи продовольствия, вместе с приходскими священниками окормляло 22 действовавших в городе лазарета. 25 сент. 1914 г. по пути на фронт В. м. посетил имп. св. *Николай II Александрович*, к-рому свт. Тихон и братия мон-ря преподнесли икону Виленских мучеников. В авг. 1915 г. указом Синода вместе с большинством правосл. населения Вильны в глубь России были эвакуированы также насельники В. м. По благословению свт. Тихона в мон-ре остались иеромонахи Савватий, Макарий и иеродиак. Никодим, хранившие обитель после прихода в город нем. оккупантов в 1-й пол. сент. 1915 г. 31 марта следующего года иером. Макарий был арестован, сослан в лагерь рус. военнопленных в Нойхаммер (Силезия), вскоре освобожден, но не смог вернуться в В. м. и нек-рое время находился на территории оккупированной немцами Гродненской епархии, где оказался единственным священнослужителем. На совершаемых иером. Макарием богослужениях собирались тысячи людей, временами детей к причастию передавали поверх голов плотно стоящей паствы, многие молились на улице. В мае 1917 г. иером. Макарий был вновь арестован и отправлен в один из концентрационных лагерей Германии, в кон. 1917 г. вернулся в обитель.

По Рижскому договору 1920 г. Виленский край отошел к Польше. Глава Виленской епархии архиеп. *Елевферий (Богоявленский)* осенью 1921 г. смог вернуться в Вильну, 1 окт. архиеп. Елевферий утвердил иером. Савватия, иером. Макария и иеродиак. Никодима в должностях соответственно наместника, казначея и эконома В. м. В 1922 г. архиеп. Елевферий, как и др. архиереи,

не согласные с попытками властей добиться автокефалии для правосл. Церкви в Польше, были запрещены в служении Варшавским митр. *Георгием (Ярошевским)*. В 1924 г. Польская Церковь неканонически перешла в юрисдикцию К-польского Патриархата, правительство проводило активную политику полонизации правосл. населения. В 1938 г. викарием Виленской епархии был назначен еп. *Матфей (Семашко)*. Первая встреча еп. Матфея с виленским духовенством и верующими состоялась осенью 1938 г. в Свято-Духовском храме В. м. Обращение епископа к присутствующим на польск. языке вызвало резкое негодование со стороны верующих, епископу не дали закончить речь. В окт. 1939 г. Виленский край воссоединился с Литвой, в Вильнюс вернулся митр. Елевферий, возглавивший вновь объединенную Виленскую и Литовскую епархию РПЦ.

Во время Великой Отечественной войны богослужения в Свято-Духовской ц. не прекращались. На территории В. м. действовала Литовская ДС, на базе к-рой были организованы пастырско-богословские курсы, к-рыми руководил протопр. Василий *Виноградов*, исполнявший в 1942–1944 гг. обязанности наместника мон-ря; в апр. 1944 г. курсы окончили 27 чел. В обители также работал приют для детей-сирот. Свято-Духовский храм пострадал от бомбежек, средства на восстановительные работы выделил Патриарх *Алексий I*. 26 июля 1946 г. в Свято-Духовскую ц. были возвращены вывезенные из Вильны в годы первой мировой войны мощи мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. В 1947 г. отмечался 350-летний юбилей В. м. и 600-летие со времени кончины Виленских мучеников.

В 1982 г. был восстановлен и освящен придел ап. Иоанна Богослова Свято-Духовской ц., расширена нижняя пещерная церковь. Увенчанная резной сенью рака с мощами Виленских мучеников была поставлена в центре собора. В июле 1997 г.,

Рака с мощами Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия в Свято-Духовском храме. Фотография. 2003 г.

когда отмечалось 400-летие В. м. и 650-летие со времени кончины Виленских мучеников, Виленскую епархию посетил Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*. 25–26 июля 1997 г. в Свято-Духовском храме Предстоятель совершил всенощное бдение и литургию в сослужении 9 архиереев и местного духовенства. В дар обители Патриарх передал евхаристические сосуды.

В наст. время в В. м. располагаются резиденция архиеп. Виленского *Хризостома (Мартишкина)*, к-рый является священноархимандритом мон-ря, и епархиальная канцелярия. К нач. 2004 г. в обители жили 4 архимандрита, игумен, 3 иеромонаха и иеродиакон. В мон-ре действует общедоступная б-ка (открыта в 1993), в к-рой по

Святые врата мон-ря. Фотография. 2003 г.

воскресеньям проходят встречи священнослужителей с мирянами. Устроена небольшая гостиница для паломников, с нач. 90-х гг. мон-рь ежедневно предоставляет бесплатные обеды 30 нуждающимся. С 1960 г. на территории В. м. также располагается *вильнюсский во имя св. равноап. Марии Магдалины жен. мон-рь*. В Свято-Духовском храме погребены мн. Виленские архиереи – священноархимандриты В. м. В пещерной церкви покоятся останки архиепископов Иосифа (Семашко), *Александра (Добрынина)* и *Алексия (Лаврова-Платонова)*. Основной некрополь находится у сев. стены Свято-Духовского собора, напротив придела равноапостольных Константина и Елены.

Арх.: Летопись церк. жизни Литовской епархии / Вильнюс. епарх. упр. Вильнюс, 1963. Ркп.

Ист.: Устав Виленского правосл. Св.-Духовского братства. Вильна, 1909.

Лит.: *Смирнов Ф. К.* Виленский Св.-Духов мон-рь. Вильна, 1888; *Извеков Н., свящ.* Ист. очерк состояния правосл. Церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. М., 1889; Виленский Св.-Духовский мон-рь. Вильна, 1897; *Виноградов А. А.* Путеводитель по г. Вильне. Вильна, 1908; *Šapoka D. A.* Lietuvos istorija. Kaunas, 1936; *Афанасий (Мартос), архиеп.* Беларусь в ист., гос. и церк. жизни. Буэнос-Айрес, 1966. Минск, 2000[2]; Правосл. Церковь на Украине и в Польше в XX ст. М., 1997; *Арефьева И. С.* «Отсюда, от Литвы, вошел он в славу...» // Ежег. Богосл. конф. ПСТБИ. М., 1998; *она же.* Сподвижники св. Патриарха Тихона на Литовской земле // Там же. М., 1999; *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убеленные. М., 1999; *Laukaitytė R.:* Stačiatikiu bažnyčia Lietuvoje, 1944–1990. Vilnius, 2000; *eadem.* Lietuvos stačiatikiu bažnyčia, 1918–1940. Vilnius, 2001; *Беднов В. А.* Правосл. Церковь в Польше и Литве. Минск, 2002; *Шлевис Г. П.* Православные святыни Вильнюса. Вильнюс, 2003. С. 5–33.

Г. П. Шлевис

ВИ́ЛЬПЕРТ Йозеф [Wilpert] (22.08.1857, Айглау (польск. Дзелув), Силезия – 10.03.1944, Рим), историк искусства и теолог-догматист; католич. исследователь раннехрист. иконографии, автор основополагающих трудов по *археологии христианской;* прелат-domesticus (с 1897), действительный апостольский протонотарий (с 1903), профессор кафедры иконографии Папского ин-та христ. археологии (1926–1936). В 1883 г. рукоположен во пресвитера; с 1884 г. работал в Германском научно-религиозном центре (Camposanto Teutonico) в Риме. Увлекся археологией катакомб (с 80-х гг. XIX в. занимался их натурным изучением), стал сотрудником, а затем преемником Дж. Б. де Росси. Посвятил себя изучению иконографии, став к нач. XX в. вме-

сте с О. Марукки во главе особого направления католич. апологетики «науки о христианском искусстве» (или «теологии монументов»), важную часть к-рой составляло учение об искусстве катакомб.

Сосредоточенные в катакомбах памятники рассматривались В. как отделенное от окружающего языческого контекста иконографическое пространство и своего рода тайная лаборатория, где вырабатывались каноны раннехрист. искусства. В методическом отношении теория «катакомбного искусства» была ярким проявлением «римской школы» в христ. археологии, она широко пользовалась спекулятивными гипотезами, ее герменевтика отличается волюнтаристскими методами и предельно догматическими интерпретациями. Однако для В. важнейшим направлением деятельности оставалась защита принципов «римской школы» и борьба с некатолич. (прежде всего протестантскими) направлениями в изучении раннехрист. искусства, к-рые резко критиковали методику католич. христ. археологии, прежде всего в Германии. Этому была посвящена ранняя брошюра «Главные вопросы христианской археологии» (1889, 1890), направленная против ученых, убежденных в единстве раннехрист. и позднеантичного искусства (В. Шульце и др.).

Помимо проблемы зависимости христ. искусства от античного важным вопросом в кон. XIX в. казался и поиск центров сложения христ. иконографии, к-рый тогда формулировали как вопрос: «Восток или Рим?» В. однозначно решал его в пользу Рима, занимая все более жесткую и догматическую позицию. Памятники Рима (катакомбы и их погребальную живопись, рельефы саркофагов, мозаики) В. воспринимал как приоритетные по отношению к остальным формам искусства и культурным областям (включая христ. Восток). В этом его главным оппонентом стал Й. *Стржиговский,* позже Э. Вайганд.

В совр. науке «римоцентризм» В. выглядит архаично, критики признают большой вклад В. в разработку истории раннехрист. искусства, ценность мн. его наблюдений и открытий, но возлагают на него ответственность за неоправданно резкое разделение художественных традиций на застывшие категории «христианского» и «нехристианского», «римского» и «восточного» и т. п. В. был ярким выразителем консерватизма и католич. апологетики, к-рые характерны для эпохи пап Льва XIII († 1903) и Пия X († 1914). Со страстью миссионера он защищал свою идею о разрыве связей с греко-рим. миром; не допускал возможности сочетания в катакомбах христ. и языческих погребений; отказывался признавать, что раннехрист. искусство в формальном отношении есть продолжение традиций античной живописи и скульптуры. Но В. соглашался с тем, что в катакомбах могут быть символы и сюжеты гностического характера (особенно после открытия в 1911 склепа Тревия Юстуса 2-й пол. III в. на Виа Латина).

В искусстве катакомб В. упорно искал корни римско-католич. догматики и следы обрядов, характерных для зрелого периода Римско-католич. Церкви. Поэтому его работа по натурному изучению и фиксации памятников составляла неразрывное целое с их догматической интерпретацией. В серии публикаций 90-х гг. XIX в. В. создал литургический и догматический комментарий к новооткрытым композициям, «подтягивая» произведения раннехрист. искусства в качестве иллюстраций догматов и обрядов Римско-католической Церкви.

Исследуя кладбище святых Петра и Марцеллина, В. в работе «Ein Cyclus christologischer Gemälde» (Freiburg, 1891) трактовал его росписи как ранний цикл, связанный с изображением Христа (Христос с 4 святыми, Благовещение, Добрый Пастырь, Чудеса Христовы; сцены *агап;* изображения Рая или Евхаристии; Богородица с Младенцем между 2 волхвами); дал объяснение символики фигур орант, часто изображавшихся при погребениях ранних христиан. В. принял также участие в открытии христ. эпиграфий из *Аквилеи,* при публикации к-рых обратил внимание на упоминание в них крещения через обливание. Серьезные выводы В. сделал в 90-х гг. XIX в. при работах на древнейшем из христ. некрополей Рима, катакомбах Присциллы («Греческой капелле», сер.— 2-я пол. II в.). Композицию в ее апсиде он рассматривал как евхаристический сюжет «Разделение хлебов», видя в центральной фигуре священника, преломляющего хлеб и наделяющего им участников трапезы. Др. фреску В. ассоциировал с явлением «освященного девства» (virga sacro) и особым обрядом («чин девства»), в силу чего она была объявлена древнейшим из известных изображений христ. обряда (в католич. лит-ре ее называют «древнейшей литургической фреской христианства»). В. доказывал также, что в катакомбах Присциллы с сер. II в. совершались обряды Крещения и Евхаристии. Эти предположения встретили резкую критику. П. Штайгер указал на отсутствие в помещении престола, на малый размер кубикулы, способной вместить не более 10 молящихся, и на произвольность толкований иконографии. Позже П. А. Феврье доказал, что в композиции с Орантой из катакомб Присциллы правильнее видеть обычную в искусстве позднего Рима тему обучения ребенка, а не сюжет, связанный с «чином девства». Не менее скептическое отношение вызвала и трактовка В. картин пиров в «Капелле грека» как древнейших изображений евхаристического жертвоприношения. Присутствие в этих сценах образа священника сегодня отрицается мн. иконографами; в них видят изображение поминальной трапезы и (или) загробного пира, к-рые достаточно распространены в античном погребальном искусстве.

В 1897–1902 гг. В. заново изучил большую новую галерею, фамильный склеп папы Дамаса I и погребения святых Марка и Марцеллина в катакомбах Домитиллы, известных А. *Бозио,* но позже забытых. В 20-х гг. XX в. в одном из аркосолиев им было идентифицировано изображение группы мучеников, коронуемых Христом, и найдены остатки композиции, символически изображавшей Христа в образе Орфея (III в.), показавшей сильную зависимость раннехрист. иконографии от классического образного репертуара. Эти открытия были важны, т. к. подтвердили несовершенство старых копий (нач. XVII в.), к-рыми еще пользовались ученые.

Огромную и, несомненно, положительную роль В. сыграл в натурном исследовании памятников, разработке приемов их фиксации и формировании корпуса материалов для изучения раннехрист. иконографии. Для создания надежной основы исследования он разработал метод копирования росписей с

применением самой совр. тогда техники — фотографии. Черно-белые отпечатки росписей и мозаик, выполненные в точном масштабе, затем раскрашивались водяными красками, причем возникала возможность реконструировать утраченные части живописных композиций и частей саркофагов. Хорошо владея техникой рисунка, В. мн. копии исполнил сам. Ему удалось ввести в науку достаточно надежный материал, на к-рый до сих пор опираются при анализе раннехрист. иконографии. Это прежде всего свод живописи рим. катакомб (Roma Sotterranea: Le pitture d. catacombe romane. R., 1903), в к-ром описаны, классифицированы и интерпретированы более 600 сюжетов (267 таблиц, ок. половины в цвете), и свод изображений на раннехрист. саркофагах (I sarcofagi cristiani antichi. R., 1926–1936. Vol. 1–4), в к-ром был применен метод археологического датирования по аналогиям с изображениями аксессуаров на датированных предметах (прежде всего монетах). Эти 2 корпуса памятников вошли в число основных для изучения христ. иконографии и сохраняют важность как справочный материал и как исторический источник (мн. из воспроизведенных композиций уже утрачены). Однако разделы обоих трудов, касающиеся интерпретаций сюжетов, нуждаются в пересмотре согласно совр. критериям подхода к искусству поздней античности, поскольку в них много наивной апологетики. Так, изображение сирены со свитком на детском саркофаге В. трактовал как аллегорию ереси, от к-рой должен спастись, подобно Одиссею, погребенный; такие изображения обычны в оформлении античных языческих саркофагов.

В России сочинения В. широко использовались историками церковного искусства (Д. В. *Айналовым*, А. П. *Голубцовым* и др.). На материалах В. основаны и страницы первых глав «Иконографии Богоматери» Н. П. *Кондакова* (1914), где отмечена важность публикации В. точных копий с фресок, пересказаны мн. его положения, ведется полемика с использованием восточнохрист. материала.

Соч.: Principienfragen der christl. Archäologie: Mit besonderer Berücksichtigung der «Forschungen» von Schultze, Hasenclever und Achelis. Freiburg, 1889; Die Katakombengemälde und ihre alten Copien. Freiburg, 1891; Die Gottgeweihten Jungfrauen in den 1. Jh. der Kirche. Freiburg, 1892; Fractio Panis: die älteste Darst. des eucharistischen Opfers in der Capella graeca. Freiburg, 1895; Die Malereien der Sacramentskapellen in der Katakombe des heiligen Callistus. Freiburg, 1897 [Магист. дис.]; Die Malereien der Katakomben Roms. Freiburg, 1903; Cripta dei papi e la cappella di Santa Cecilia nel Cimitero di Callisto. R., 1910; Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten vom IV. bis XIII. Jh. Freiburg, 1924; Erlebnisse und Ergebnisse im Dienste der christl. Archäologie: Rückblick auf eine fünfundvierzigjährige wissenschaftliche Tätigkeit in Rom. Freiburg, 1930; Fede della chiesa nascente: secondo i monumenti dell'arte funeraria antica. Vat.,1938; Mosaici paleocristiani di Santa Maria Maggiore negli acquarelli della collezione Wilpert / A cura A. Nestori, F. Bisconti. Vat., 2000.

Лит.: Bibliografia di Mons. G. Wilpert // RACr. 1938. Vol. 15. P. 6–16 [список работ В.]; *Ferretto G.* Note storico-bibliografiche di archeologia cristiana. Vat., 1942. P. 349–355, 362–365; *Testini P.* Le catacombe e gli antichi cimiteri cristiani in Roma. Bologna, 1966. P. 30–32, 34–35; *Dassmann E.* Josef Wilpert und die Erforschung der Römischen Katakomben // RQS. 1977. Suppl. Bd. 35. S. 160 ff.; *Brandenburg H.* Archeologia Cristiana // DPAC. 1983. Vol. 1. Col. 317–333; *Deichmann F. W.* Archeologia Cristiana. R., 1993. P. 39; *Finney P. C.* The Invisible God: The Earliest Christians on Art. N. Y.; Oxf., 1994. P. 115, 188, 229; *Saxer V.* Zwei christliche Archäologen in Rom: das Werk von G. B. de Rossi und J. Wilpert // RQS. 1994. Bd. 89. S. 163–172; *Sörries R.* Josef Wilpert: (1857–1944): Ein Leben im Dienste der christl. Archäologie. Würzburg, 1998.

Л. А. Беляев

ВИ́ЛЬФРИД [Wilfrid; древнесаксон. имя восходящее к древнегерм. welja — воля и friduz — защита] (634–709), св. (пам. зап. 12 окт., перенесение мощей 24 апр.), еп. Йоркский, миссионер и сторонник приоритета духовной власти над светской. Сын нортумбрийского тэна (знатного королевского дружинника), воспитывался в мон-ре Линдисфарн. Будучи неудовлетворен практикой религ. жизни кельт. Церкви, покинул Линдисфарн и учился в Кентербери, а в 653 г. вместе с буд. основателем аббатства Вермут (Уирмут) св. *Бенедиктом Бископом* отправился на учебу в Рим. На обратном пути В. провел 3 года в Лионе, где еще ранее принял постриг, а по возвращении в Англию по приглашению кор. Альфрита стал аббатом в Рипоне и ввел там континентальный, возможно бенедиктинский, устав и рим. обряд. На Соборе в Уитби (664) благодаря его красноречию рим. партия одержала победу в споре по вопросу исчисления Пасхи. Вскоре кор. Альфрит назначил В. епископом Йорка; тот, не желая принимать сан из рук кельт. епископов, к-рых он считал схизматиками, отправился в Компьень и был там рукоположен во епископа Йоркского 12 франк. епископами.

В 678 г. архиеп. Кентерберийский *Теодор* разделил Йоркское еп-ство на 3 епархии без согласия В., тот отправился с жалобой в Рим и по дороге в течение года проповедовал во Фрисландии. Собор в Риме (680) вынес решение в пользу В., но после возвращения в Британию его по приказу кор. Эгфрита, преемника Альфрита, взяли под стражу и освободили лишь с тем условием, что он покинет королевство Нортумбрия. В. удалился в королевство Суссекс, где успешно проповедовал среди язычников (681–686). Урегулировав противоречия с архиеп. Теодором, В. с 686 по 691 г. занимал епископскую кафедру в Йорке. Однако в 691 г. споры вспыхнули между В. и новым нортумбрийским кор. Альфритом (Альдфритом), братом Эгфрита, по поводу статуса и доходов Рипона. Созванный следующим архиеп. Кентерберийским *Бритвальдом* собор в Остерфилде (703) постановил, чтобы В. оставил кафедру в Йорке. Несмотря на то что очередные жалобы В. были полностью удовлетворены Римом, он, встретив сильную оппозицию со стороны светской власти и Кентербери, согласился оставить пост, довольствовавшись саном епископа Хексемского. Последние годы провел в Рипоне, где и похоронен.

В. смог установить более тесные контакты между Римом и Британией и внедрить в практику англосаксон. Церкви рим. форму литургии и бенедиктинский устав. Первое житие В. написано его учеником Эдди-Стефаном Рипонским, в X в. было создано стихотворное житие, а столетие спустя Эдмер составил новое, ныне наиболее распространенное житие В. и его бревиарий. В X в., во время пребывания еп. Освальда Йоркского в Рипоне, мощи В. были перенесены с юж. крыла алтаря монастырского собора в северное; день перенесения мощей празднуется отдельно. Часть мощей в 940 г. была перенесена в ц. Христа в Кентербери.

Ист.: The Historians of the Church of York and its Archbishops: In 3 vol. / Ed. J. Raine. L., 1879. Vol. 1. P. 3–103, 105–159, 161–226, 227–

237; *Venerabilis Baedae* Opera historica: In 2 vol. / Ed. by C. Plummer. Oxonii, 1896. Vol. 2. P. 315–329; *Frithegodi monachi* Breviloquium vitae Beati Wilfredi: et Wulfstani cantoris Narratio metrica de Sancto Swithuno / Ed. A. Campbell. Turici, [1950]; The Age of Bede / Transl. by J. D. Webb. L., 1983; The Life of bishop Wilfrid by Eddius-Stephanos / Transl. and not. by. B. Colgrave. Camb., 1985; Vita sancti Wilfridi auctore Edmero / Transl., hist. introd. and comment. by B. J. Muir, A. J. Turner. Exter, 1998.

Лит.: *Browne G. F.* Theodore and Wilfrith. L., 1897; *Fletcher J. S.* The Life and Work of St. Wilfrid of Ripon: Apostle of Sussex. Chichester (GB), 1925; *Hutton W. H.* St. Wilfrid. York, 1927; Anglo-Saxon Saints and Scholars / Ed. by E. S. Duckett. N. Y., 1948. P. 101–214; *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxf., 1971; *Mayr-Harting H. M. R. E.* The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England. L., 1972. P. 129–147; *Foley W. T.* Images of Sanctity in Eddius Stephanus' «Life of Bishop Wilfrid»: An Early English Saint's Life. Lewistone (N. Y.), 1992; *Nankivell J.* Saint Wilfrid. L., 2002.

А. С. Попенсков

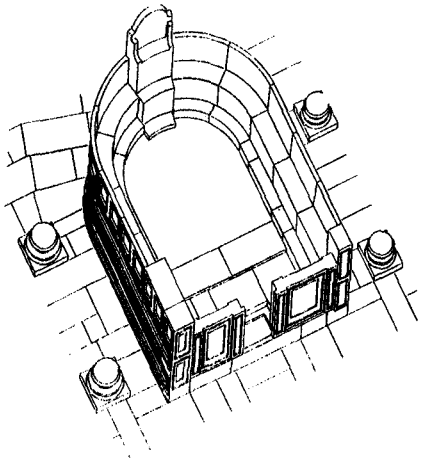
ВИ́МА [греч. βῆμα; сир. bēma — ступень, возвышение], в христ. храме та или иная его часть, возвышенная над уровнем пола. В ВЗ евр. слово במה, в частности, имеет значение культового места, где совершается преимущественно языческое жертвоприношение (1 Цар 9, 12 слл.; 10. 13; 3 Цар 4; 4 Цар 12. 3; Ис 36. 7 и др.); на таких местах часто строилось святилище («капище высот»), при к-ром были священники («священники высот») (см. ст. *Высоты*). В Септуагинте во Втор 2. 5 термин В. используется для перевода указания на меру длины («стопа ноги»). Согласно Е. Ренхарту, этот термин через значение «восходить, вступать» связан с понятиями «судебная трибуна, кафедра судьи, суд, судилище».

В НЗ слово «βῆμα» неоднократно употребляется в одном из своих обычных античных значений как «судебная трибуна, суд» (Мф 27. 19; Ин 3. 19; Деян 12. 21; 18. 16, 17; 25. 6, 10, 17; Рим 14. 10; 2 Кор 5. 10; в Деян 7. 5 цитируется Втор 2. 5 (о судебных В. см. в статьях *Лифостротон* и *Коринф*).

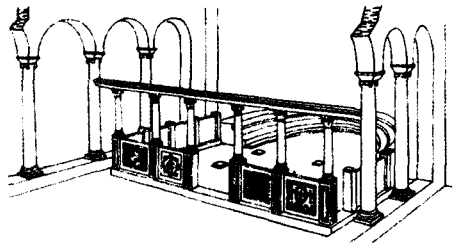
В церковном зодчестве В. называют приподнятую над остальным полом платформу, к-рая может помещаться в алтарной части храма; особенность ряда сир. памятников — В. в центре храма (сир. В. называют «бемой»).

Сир. бема (bēma < βῆμα) известна по северосир. памятникам средневизант. времени (*Renhart.* 1995) и является аналогом визант. *синтрона*, представляя собой амфитеатр, верхняя ступень к-рого является скамьей для восседания духовенства, с епископским троном в центре. Однако в отличие от синтрона сир. бема расположена на платформе в центре храма (а не в алтарной части) и обращена к востоку (а не к западу). В нач. II тыс. по Р. Х. (ок. XI в.) бема исчезает из практики сиро-яковитов, превращаясь в ступень перед алтарной частью храма; иногда в новом качестве встречается и в восточносир. памятниках (*Cassis.* 2002). В позднейшей практике Церкви Востока бема — это большая (сравнимая по площади с алтарной частью) платформа перед алтарем храма, на к-рой проходит литургия оглашенных и др. части богослужения (*Taft.* 1968, 1970).

Применительно к памятникам средне- и поздневизант. архитектуры В. называют или алтарное пространство храма целиком (см. *Алтарь*), поскольку оно обычно приподнято над полом храма, или дополнительное членение между вост. рукавом креста в плане здания и алтарной апсидой. Эта дополнительная пространственная ячейка была не всегда выражена во внешних формах архитектуры и декорации фасадов, но имела важное значение для к-польской архитектурной школы: наличие или отсутствие В. в плане позволяет исследователям визант. и всей христ. архитектуры относить церковную постройку к «сложному» или «простому» типу крестово-купольного храма, сформировавшегося в средневизант. период, особенно в эпоху македон. ренессанса. В. присутствует в планах храмовых зданий с VII в. (напр., ц. Успения в Никее). Исследователи считают, что обязательное включение В. в план связано, во-первых, с развитием богослужения и, во-вторых, с формированием нового типа храма, в к-ром купол опирается на 4 столпа (колонны), стены внутри здания исчезают, а пространственные ячейки, включая вост. апсиды, объединяются в целостное, хотя и дифференцированное единство. Одним из ранних примеров храма с подобным дополнительным членением является сев. церковь мон-ря Липса (907, К-поль). Наличие В. расширяло пространство алтаря, создавая в вост. части храма особую перспективу. В., как правило, перекрывалась цилиндрическим, реже купольным сводом, как, напр., в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас в Фокиде (20-е гг. XI в.). Значение В. в символической иерархии церковного пространства подчеркивалось росписью. Так, в кафоликоне мон-ря Осиос Лукас размещено мозаичное изображение Сошествия Св. Духа на апостолов.

Бема, расположенная в центре церкви в Дехесе. Сев. Сирия. V в.? Реконструкция Э. Ренхарта

Вима базилики в Афенделли, о-в Лесбос. Реконструкция А. Орландоса

Иногда В. называют предалтарную часть правосл. храма (ср. с употреблением термина *солея* в совр. рус. языке). В греч. литургической терминологии словом «βῆμα» обозначается собственно алтарное пространство.

Лит.: *Dauvillier J.* L'Ambon ou Bema dans les textes de l'Église Chaldéenne et de l'Église Syrienne au Moyen Âge // Cah. Arch. P., 1952. Vol. 6. P. 11–31; *Delvoye Ch.* Bema // RBK. Bd. 1. S. 584–599; *Taft R. F.* Some Notes on the Bema in the East and West Syrian Traditions // OCP. 1968. Vol. 34. P. 326–359; *idem.* On the Use of the Bema in the East-Syrian Liturgy // ECR. 1970. Vol. 3. P. 30–39; *Комеч А. И.* Визант. архитектура VI–XII вв. // *Он же.* Древнерус. зодчество кон. X — нач. XII в.: визант. наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 9–132; *Don-*

ceel-Voute P. Les pavements des églises de Syrie et du Liban: Décor, archéologie, et liturgie. Louvain-la-Neuve, 1988. 2 vol.; *Barrick W. B.* High Places // ABD. 1992. Vol. 3. P. 196–200; *Renhart E.* Das Syrische Bema: Liturgisch-archäol. Untersuch. Graz, 1995. (Grazer theol. Stud.; 20); *Emerton J. A.* The Biblical High Place in the Light of Recent Study // PEQ. 1997. Vol. 129. P. 116–132; *Loosley E.* The Early Christian Bema Churches of Syria Revisited // Antiquity. L., 2001. Vol. 75. N 4. P. 502–503; *Cassis M.* The Bema in the East Syriac Church in Light of New Archaeological Evidence // Hugoye: J. of Syriac Studies. 2002. Vol. 5. July. N 2 (http://syrcom.cua.edu/Hugoye/Vol5No2/HV5N2Cassis.html [Электр. ресурс]).

Л. А. Беляев, М. С. Желтов

ВИМПИ́НА [латинизир. Wimpina (прозвище по месту рождения)] (наст. фам. Кох) Конрад (ок. 1460, Вимпфен или Бухен — 16.06.1531, Аморбах), нем. католич. теолог. С 1479 г. учился в Лейпцигском ун-те, где в 1491 г. стал профессором философии, в 1503 г.— доктором теологии. Автор ряда сочинений для учебных целей, повторяющих общие места томистской поздней схоластики. В числе этих работ — «О происхождении, успехах и плодах теологии» (De ortu progressu et fructu sacre theologie, 1498), «О заблуждениях философов в христианской вере» (De erroribus philosophorum in fide Christiana, 1493), панегирики Христу, трактаты о небесных телах и силах. Часть сочинений была опубликована в Кёльне под названием «Смеси» (Farrago miscellanorum, 1531). Вмешавшись в характерную для времени полемику о значении поэзии и ее отношениях с теологией, В. в споре с ректором открывшегося в 1502 г. Виттенбергского ун-та Мартином Поллихом отстаивал традиц. схоластические представления об иерархии наук во главе с превосходящей их всех теологией, к-рую В. сравнивал с непререкаемым монархом. С открытием в 1506 г. ун-та во Франкфурте-на-Одере В. стал его ректором и одним из ведущих профессоров. В 1518 г. он в числе первых католич. полемистов выступил против 95 тезисов об индульгенциях М. *Лютера,* распространение к-рых положило начало *Реформации.* Для продавца индульгенций Иоганна Тецеля В. составил 106 тезисов с традиц. обоснованием католич. учения об отпущении грехов и защитой права папы разрешать продажу индульгенций. В. стал соавтором очередных 106 тезисов, с к-рыми Тецель выступил против Лютера. В 1528 г. В. издал под названием «Собранное воедино» (Anacephalaeosis) ряд своих сочинений разного времени, прежде всего антилютеровских. Он стремился показать, что лютеранство — не новое явление, а свод худших еретических учений от *катаров* и *вальденсов* до Я. *Гуса* и Дж. *Уиклифа.* В 1530 г. В. в качестве советника сопровождал на Аугсбургский рейхстаг курфюрста Иоахима I Бранденбургского и вместе с И. *Экком,* И. *Кохлеусом* и др. теологами участвовал в составлении Конфутации (см. ст. *Аугсбургского исповедания апология*).

Лит.: *Bauch G.* Geschichte des Leipziger Frühhumanismus mit besonderer Rücksicht auf die Streitigkeit zwischen K. Wimpina und M. Mellerstadt. Lpz., 1899; *Boehmer H.* Der junge Luther. Lpz., 1951[4]; *Negwer J.* Konrad Wimpina: Ein katholischer Theologe aus der Reformationszeit. Nieuwkoop, 1967; Die 95 Thesen M. Luthers und die Anfänge der Reformation / Hrsg. v. K. Aland. Gütersloh, 1983; *Rummel E.* The Humanist-Scholastic Debate in the Renaissance and Reformation. Camb., 1995.

В. М. Володарский

ВИНА́Я [санскр. vinaya — нравственное воспитание, руководство поведением и само поведение], в *буддизме* общее название нравственно-этических учений, правил, заповедей, обетов и т. д. всех школ, задача к-рых создать внешние и внутренние условия для духовного совершенствования членов общины и тех мирян, кому дорог Закон *(дхарма) Будды.* В основе В.— идеи нестяжательства, невмешательства в жизнь общества и его индивидов при готовности оказать духовную помощь просящему, при веротерпимости, при равном отношении к сословиям (в Индии — кастам) и равенстве внутри монастырской общины, а также любовь, милосердие и дружелюбие ко всем существам. На эти идеи опираются монастырские уставы (пратимокша), проповеди и дидактические наставления, к-рыми полны произведения мн. жанров буддийской лит-ры — от канонических сутр до философских трактатов, от посланий царям прошлого до лекций совр. миссионеров.

Учения и идеалы В. раскрывают содержание «третьей благородной истины» — «Есть прекращение страдания» из 4, открытых Буддой. Практическое осуществление истины связано с устранением как жажды наслаждений, так и жажды самоистязаний («токмо гордыни ради»), что ведет к отсутствию желаний и привязанностей. Первая попытка реализовать в гражданском обществе социальные идеи В. была предпринята уже в III в. до Р. Х. при инд. царе Ашоке.

Наиболее полный свод учений и заповедей В. собран и систематизирован в В.-питаке («корзина текстов по нравственному воспитанию», записана в I в. до Р. Х.) — 1-м сборнике трехчастного буддийского канона (см. *Трипитака*). В.-питака сохранилась полностью только на языке пали в версии школы *тхеравада;* отдельные ее части, принадлежащие др. ранним школам, дошли до нас на санскрите (напр., «Махавасту» и «Бхикшуни-виная» школы *махасангхика*). В кит. каноне руководства по В. собраны в 3 томах и содержат 86 текстов др. школ *Хинаяны.* В тибет. каноне *Ганджур* В.-питака составляет 13 томов под общим названием «Дулва».

Палийская В.-питака состоит из 3 отделов. «Сутта-вибханга», или «Разъяснение сутр касательно дисциплины», — подробное изложение положений буддийского устава, включающее 227 пунктов для монахов, свыше 300 для монахинь и перечень 227 возможных проступков членов *сангхи.* «Кхандака», или «Особые разделы», представлена 2 томами: «Махавагга», или «Большое повествование», и «Чулавагга», или «Малое повествование». В них иллюстрируются примерами все вышеназванные правила поведения, а также приводятся самые ранние рассказы о событиях жизни Будды (напр., подробное описание просветления вместе с содержанием всех озарений и открытий — предметов будущих проповедей). Во 2-й т. включены отчеты о первых двух соборах буддистов после смерти Будды и ряд легендарных повестей. «Паривара» («Приют»), несомненно, позднейшая часть канона, в к-рой в вопросо-ответной форме подводится итог 2 предыдущих отделов и дается их краткий комментированный пересказ.

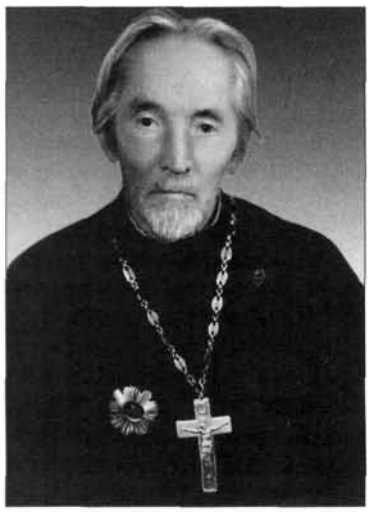
Ист.: Пратимокша-Сутра: Буддийский Служебник / Изд. и пер. И. Минаевым. СПб., 1869; Vinaya-pitaka / Ed. H. Oldenberg. L., 1879–1883. Pt. 1–3; Vinaya Texts / Transl. from the Pali by T. W. Rhys Davids and H. Oldenberg. Oxf., 1881–1885. Pt. 1–3; The Prātimokṣa-Sūtra of the Mahāsānghikās / Crit. ed. by W. Pachow and R. Mishra. Allahabad, 1956; Buddhist Monastic Discipline: The San-

skrit Prātimokṣa-Sūtras of the Mahāsānghikās and Mūlasarvāstivādins / Ed. C. S. Prebish. L., 1975.

Лит.: *Андросов В. П.* Происхождение буддизма: к методике и теории изучения // Религии древнего Востока. М., 1995; *он же.* Будда Шакьямуни и инд. буддизм: Совр. истолкование древних текстов. М., 2001.

В. П. Андросов

ВИ́НК Христофор (1879 — 4.04. 1972, Таллин), прот. Из эст. крестьянской семьи. Отец В. был лютеранином, мать — православной. Мальчик был крещен в лютеран.

Прот. Христофор Винк. Фотография. Нач. 50-х гг. XX в.

церкви с именем Кристьян. Во время тяжелой болезни в детстве В. был присоединен к Православию через миропомазание с наречением имени Христофор, вместе с В. Православие принял и его отец. После окончания школы при правосл. храме в Илмъярве В. получил направление в Рижское ДУ, затем обучался в Рижской ДС, к-рую окончил в 1901 г. Нес послушание псаломщика в храме нарвской «Кренгольмской мануфактуры». После вступления в брак был рукоположен в 1908 г. Рижским и Митавским архиеп. сщмч. *Агафангелом (Преображенским)* во диакона, затем во иерея. Служил на приходе Ууэ-Виртсу и в *Пюхтицком в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-ре,* одновременно являясь законоучителем церковной и монастырской школ. В 1914 г. в связи с началом первой мировой войны вместе с частью насельниц Пюхтицкого мон-ря В. был эвакуирован в Петровский мон-рь в Ростове. С 1919 г. служил настоятелем Петропавловского храма Ярославля.

В 1922 г. В. эмигрировал в Эстонию и был назначен настоятелем общины св. Иоанна Предтечи в Нымме, близ Таллина, не имевшей собственного храма. Стараниями В. в 1923 г. храм для общины был построен и освящен. Помимо пастырской деятельности В. занимался преподаванием пения, лат. языка и Закона Божия в различных школах Таллина, руководил курсами церковного пения при Таллинской консерватории. Будучи большим любителем и знатоком церковной музыки, В. работал над созданием обихода церковного пения на эст. языке. В разное время нес послушания духовного следователя, благочинного, председателя ревизионной комиссии Таллинского ЕУ.

После начала Великой Отечественной войны и оккупации нем. войсками Таллина митр. Таллинский и всей Эстонии *Александр (Паулус)* объявил о восстановлении Эстонской Апостольской Православной Церкви в юрисдикции К-польского Патриархата (ЭАПЦ; создана в 1923, упразднена 30 марта 1941). 19 сент. 1941 г. возобновил работу Синод ЭАПЦ, В. был назначен его председателем. После освобождения Эстонии от нем. войск Синод ЭАПЦ под председательством В. в нояб. 1944 г. принял решение о возвращении в юрисдикцию Московского Патриархата. 6 марта 1945 г. в Никольском храме Таллина архиеп. Псковским и Порховским *Григорием (Чуковым)* был совершен чин воссоединения клириков и мирян ЭАПЦ с РПЦ, во время к-рого В. от лица всех присоединяемых зачитал текст покаяния.

В 1960 г. В. по болезни вышел за штат, но продолжал служить в построенной им ц. св. Иоанна Предтечи в Нымме. 10 апр. 1972 г. отпевание В. возглавил митр. Таллинский и Эстонский *Алексий* (*Ридигер,* впосл. Патриарх Московский и всея Руси). В. погребен на Александро-Невском кладбище Таллина.

Лит.: Прекращение эстонской схизмы // ЖМП. 1945. № 4. С. 3–6; Вечная память почившим: Некролог // Там же. 1972. № 7. С. 32–33; *Алексий II, Патриарх.* Православие в Эстонии. М., 1999. С. 421, 423, 460.

В. В. Тюшагин

ВИ́НКЕЛЬМАН [нем. Winckelmann] Иоганн Иоахим (9.12.1717, Штендаль, к северу от Магдебурга — 8.06.1768, Триест), нем. просветитель, теоретик и историк искусства, *основоположник научного искусствознания.*

В. происходил из простой семьи (сын сапожника); учился в гимназиях в Берлине и Зальцведеле (1735–1737), стал стипендиатом в ун-те Галле, где изучал теологию и классическую лит-ру (1738–1740). С 1741 г. отправился в Йену для занятий естественными науками (физикой, медициной, анатомией); был домашним учителем (1742–1743); проректором в уч-ще г. Зехаузен, преподавал древнеевр., греч. и лат. языки, геометрию и логику (1743–1748). Став библиотекарем гр. Бюнау в Нётнице под Дрезденом (1748–1754), В. изучал художественные коллекции Дрездена, увлекшись античной скульптурой. В 1755 г. в Лейпциге вышло его 1-е важное соч. «Gedanken über die Nachahmung der griechischen Wercke in der Mahlerey und Bildhauer-Kunst» («Мысли о подражании творениям греков в живописи и скульптуре»). Знакомство в Польше с папским нунцием А. Аркинто и его рассказы о Риме вызвали у В. желание увидеть памятники античности. Чтобы получить место библиотекаря кард. Д. С. Пассионеи, В. перешел в католицизм (11 июня 1754); в сент. 1755 г. он приехал в Рим в качестве пансионера. В Италии продолжил изучение классической скульптуры, подружился с близким ему по эстетическим воззрениям нем. живописцем-классиком А. Р. Менгсом и вошел в кружок известного коллекционера и знатока древностей кард. А. Альбани. В. неоднократно посещал Неаполь, Помпеи и Геркуланум; отмечая важность зарождавшейся археологии для изучения классического искусства, критиковал дилетантские методы проведения раскопок в этих городах; разработал свой план раскопок в святилищах Греции (особенно Олимпии). В трудах В. находит обоснование идея развития археологии в качестве научной дисциплины и необходимого компонента европ. культуры. В 1763 г. В. стал верховным хранителем всех древностей Рима и его окрестностей, в 1765 г. получил предложение возглавить музей древностей (Antiken und Medaillenkabinett) и Королевскую б-ку в Берлине. После долгих колебаний В. отправился в Германию, добравшись до Мюнхена, попытался вернуться в Италию, но в Триесте был

убит случайным попутчиком, соблазнившимся бывшими у ученого ценностями.

Главный труд В. — «История искусства древности» (Geschichte der Kunst des Altertums. Dresden, 1764; написан в 1759; полный вариант (с «Заметками по истории искусства»): W., 1776. 2 Bde) — стал 1-й версией общей теории классического искусства, в к-рой античность представлялась как недостижимое идеальное состояние культуры и общества. Изложение «Истории» у В. вопреки представлениям о невыполнимости этой задачи было построено в хронологическом порядке. В. предложил 4 художественных стиля (эпохи): до- и раннеклассический («древнейший»); «высокий классический» (Мирон, Фидий, V в. до Р. Х.); «изящный» (Праксителъ, IV в. до Р. Х.), и упадочный, или «имитирующий» (с I в. до Р. Х., включая эллинизм и рим. искусство), а также разработал их основные характеристики. На первый план было выдвинуто искусство Эллады, к-рое В. противопоставил римскому, определив Др. Грецию как «детство Европы», основу и источник европ. культуры. Характеризуя всю греч. культуру через памятники искусства (преимущественно скульптуры и живописи), В. выделял греч. искусство периода классики в качестве недосягаемого образца и примера для подражания и объяснял происхождение «классики» благоприятными климатическими условиями, гос. устройством и политической свободой, в особенности характерной для демократических Афин.

В. заложил принципы стилистического (системного) анализа произведений искусства. И хотя он судил о греч. искусстве в основном по рим. копиям или эллинистическим подделкам, что было обусловлено общим уровнем развития искусствознания в ту эпоху, тем не менее его стилистический анализ был достаточно точен, В. входил во все частности, сравнивая в т. ч. анатомические особенности (что во многом определило отказ от реставрации найденных скульптур, ранее повсеместно принятый); он первым пытался построить хронологическую шкалу древностей Средиземноморья и Европы, опираясь на стиль вазовой живописи.

В основе эстетики В. лежало убеждение, что искусство выражает абсолютную божественную красоту (идеал) и превосходит природу (натуру). Духовный смысл лучших произведений греч. искусства он видел в «благородной простоте и спокойном величии» и полагал этот принцип критерием истинного художественного творения. Воззрения В. развивались под влиянием англ. и франц. эстетики эпохи Просвещения, и в известном споре о «древних» и «новых», разгоревшемся в эстетике, В. занимал место сторонников первых. Его положение о необходимости «подражания древним» имело в виду не только подражание природе (натуре), изучать к-рую необходимо, но в первую очередь стремлению греч. искусства к абсолютной красоте.

Существенным элементом эстетики В. было представление об аллегорическом характере древнего искусства, с к-рым он непосредственно связывал представление о возвышенном: чем больше смысла заключено в изображении или скульптуре, тем более она доступна чувствам и тем глубже от нее впечатление. Аллегория, считал В., не должна легко читаться, но должна быть ясно составлена, следует избегать двусмысленности и строить ее так, чтобы все признаки оказались «свойственны лишь этой вещи». В. был одним из зачинателей общефилософских идей прогресса и эволюции, к-рые он пытался реализовать в области истории искусства раньше, чем это произошло в др. науках.

Воззрения В. имели большое значение для нем. эстетики (Г. Э. Лессинг, И. Г. Гердер, И. В. Гёте, Ф. Шиллер, Ф. В. Й. Шеллинг, Ф. Шлегель, Г. В. Ф. Гегель и др.), оказали влияние на развитие классического искусства, а также на постановку художественного образования в Европе, ключевым элементом к-рой стало рисование античных скульптур, «гипсов» и обнаженной натуры. На основе идей В. сложились принципы, определившие изучение античного искусства в Европе и сформировали в европ. культуре отношение к нему как необходимому элементу «классического» образования.

Соч.: Anmerkungen über die Baukunst der Alten. Lpz., 1762; Abhandlung von der Fähigkeit des Schönen in der Kunst: Und d. Unterrichte in derselben. Dresden, 1763; Nachrichten von den neuesten Herculanischen Entdeckungen. Dresden, 1764; Versuch einer Allegorie, besonders für die Kunst. Dresden, 1766; Werke / Hrsg. C. L. Fernow. Dresden, 1808–1820. Bd. 1–8; История искусств древности: С прил. мелких соч. и биографией Винкельмана / Сост. Ю. Лессинг; пер. С. Шаровой (Lpz., 1881); под ред. Г. Янчевецкого. Ревель, 1888, 1890; То же / Пер. С. Шаровой, Г. Янчевецкого (с изд. 1763 г.). Л., 1933; То же. Малые соч. / Подгот. И. Е. Бабанов. СПб., 2000; Избр. произведения и письма / Пер. А. Алявдиной. М.; Л., 1935, 1996[2]; О худож. идеале прекрасного: Сб. К., 1990; Мысли о подражании греч. произведениям в живописи и скульптуре. М., 1992; Schriften und Nachlass. Mainz, 1996–2001. Bd. 1–3.

Лит.: *Goethe J. W.* Winckelmann und sein Jh. in Briefen und Aufsätzen. Tüb., 1805. Lpz., 1969, 1985; *Justi K.* Winckelmann: Sein Leben, seine Werke und seine Zeitgenossen. Lpz., 1866. Köln. 1956[5]. 3 Bde; *Асмус В. Ф.* Винкельман, его теория искусства и эстетическое мировоззрение // Нем. эстетика XVIII в. М., 1962. С. 57–84; *Мазурин М.* Винкельман: Его жизнь и соч. М., 1894. Т. 1; *Uhlig L.* Griechenland als Ideal: Winckelmann und seine Rezeption in Deutschland. Tüb., 1988; Rom–Paris–London: Erfahrung u. Selbsterfahrung deutscher Schriftsteller u. Künstler in den fremden Metropolen / Hrsg. C. Wiedemann. Stuttg., 1988; J. J. Winckelmann: Neue Forschungen / Hrsg. Winckelmann-Ges. Stendal, 1990; Эстетика Винкельмана и современность: Сб. ст. М., 1994.

ВИ́НКЛЕР [Winkler] Габриела (род. 9.03.1940), проф., д-р философии, специалист в области богослужения и истории христ. Востока.

Училась в Восточном папском ин-те в Риме (1966–1971), затем в Германии, Франции, Великобритании и Греции (1971–1977). В 1977 г. защитила докт. диссертацию об арм. чине Крещения. В наст. время возглавляет кафедру литургических исследований на фак-те католич. теологии Тюбингенского ун-та.

В. опубликовано более 100 статей в ведущих научных журналах (Revue des Études Arméniennes, Oriens Christianus, Orientalia Christiana Periodica, Studi sull'Oriente Cristiano и др.), посвященных различным проблемам сравнительной и исторической литургики: восточно-сир. и арм. обрядам, структурным элементам вост. *анафор,* литургии Преждеосвященных Даров, чину Крещения, вост. гимнографии (по арм. *шараканам,* тропарям груз. *Иадгари*) и др. (см., напр., сб. ее статей «Studies in Early Christian Liturgy and Its Context». Brookfield, 1997). В 1978–2000 гг. руководила международным проектом по изучению истории развития *Символов веры.* Последние годы В. возглавляет проект по критическому изданию всех сохранившихся арм. анафор (издан 1-й том: *Feulner H.-J.* Die

armenische Athanasius-Anaphora: Kritische Ed., Übers. und liturgievergleichender Kommentar. R., 2001. (Anaphorae Orientales; 1. Anaphorae Armeniacae; 1); в печати: *Winkler G.* Die Basilius-Anaphora: Ed. und Übers. der ersten und zweiten armenischen Rezension mit detailliertem Kommentar anhand aller Versionen im Vergleich mit anderen orient. Überlieferungen. (Anaphorae Orientales; 1. Anaphorae Armeniacae; 2)).

Соч.: Das armenische Initiationsrituale: Entwicklungsgeschichte und liturgievergleichende Untersuchung der Quellen des 3. bis 10. Jhr. R., 1982. (OCA; 217); Koriwns Biographie des Mesrop Maštoc' übersetzt und kommentiert. R., 1994. (OCA; 245); Über die Entwicklungsgeschichte des armenischen Symbolums: Ein Vergleich mit dem syrischen und griechischen Formelgut unter Einbezug der relevanten georgischen und äthiopischen Quellen. R., 2000. (OCA; 262); Das Sanctus: Über den Ursprung und die Anfänge des Sanctus und sein Fortwirken. R., 2001. (OCA; 267); полн. список публикаций см.: http://www.uni-tuebingen.de/uni/ukl/publikationen.html [Электр. ресурс.] Лит.: *Taft R.* G. Winkler at Sixty: Vita et Opera // Crossroad of Cultures: Stud. in Liturgy and Patristics in Honor of G. Winkler / Ed. H.-J. Feulner etc. R., 2000. (OCA; 260). P. 11–29.

А. А. Ткаченко

ВИ́ННЕБАЛЬД [Вунебальд; нем. Wynnebald, Winnebald, Wunibald] (ок. 701, Уэссекс – 18.12.761, мон-рь Хайденхайм (совр. Бавария, Германия)), св. (пам. зап. 18 дек.), миссионер, аббат. Брат святых *Виллибальда* и *Вальпурги*, родственник св. *Бонифация* (Винфрида). Основным источником сведений о В. является его житие, написанное в 778 г. со слов Вальпурги и Виллибальда мон. по имени Хугебурк из мон-ря Хайденхайм (возможно, она была родственницей В.).

По достижении 19-летнего возраста В. вместе с отцом и братом отправился в Рим, где скорее всего они постриглись в монашество. Позднее Виллибальд отправился в паломничество в Св. землю, В. остался в Риме, где вел «угодную Богу жизнь в целомудрии и воздержании». Ок. 728 г. он предпринял путешествие на родину с тем, чтобы указать «друзьям», «братьям и сестрам и другим близким из своего рода» «истинное направление пути» к «узким вратам рая» (*Hugeburc (Huneberc) von Heidenheim.* Vita Wynnebaldi. Cap. 3–4. P. 108).

В 737–738 гг. В. познакомился со св. Бонифацием и принял его предложение стать помощником в деле «евангельской проповеди». Посвященный Бонифацием во пресвитера, В. проповедовал в Тюрингии и Баварии, в нач. 40-х гг. под покровительством бавар. герц. Одило — в бассейне р. Фильс. Ок. 747 г. был призван св. Бонифацием в Майнц, однако вскоре он отправился на поиски «места, соответствующего его духу». Причинами нового странствия были, согласно житию, не только желание В. служить миссионером, но и неудовлетворенность образом жизни в этой восточнорейнской метрополии, где «обилие вина» могло «разрушить дисциплину монашеской жизни» (Ibid. Cap. 7. P. 111).

Из Майнца В. отправился к брату в Айхштетт, они нашли в окрестностях города «подходящее место, к-рое Господь предназначил своему святому исповеднику» (Ibidem). В 752 г. В. основал здесь мон-рь Хайденхайм, в к-ром стал аббатом, жен. общину возглавила Вальпурга. Согласно житию, он в большей степени тяготел к англосакс. монашеским обычаям. В период между 758 и 761 гг. В. под влиянием Виллибальда посетил бенедиктинское аббатство *Фульду*, впосл. собирался побывать и в мон-ре *Монте-Кассино* и принять бенедиктинский устав. Но из-за болезни В. эта поездка не состоялась.

Мон. Хугебурк упоминает в житии, что В. хотел дожить свои дни и упокоиться именно в Хайденхайме. После смерти В. мон-рь с муж. и жен. общинами возглавила Вальпурга (761). Мон. Хугебург описывает чудо обретения нетленными мощей В. при перенесении их в новую гробницу в 777 г., свидетельницей к-рого она была. В наст. время мощи утеряны. В. вместе со святыми Виллибальдом и Вальпургой считаются покровителями еп-ства Айхштетт.

Ист.: *Heidingsfelder F.* Die Regesten der Bischöfe von Eichstätt. Erlangen, 1938; *Hugeburc (Huneberc) von Heidenheim.* Vita Wynnebaldi Abbatis Heidenheimensis / Hrsg. O. Holder-Egger // MGH. SS. 1887. T. 15/1. S. 106–117. Лит.: *Buchner F. X.* St. Wunibald, Apostel des Nord- und Sulafeldgaues. Kallmünz, 1951; *Talbot C. H.* The Anglo-Saxon Missionaries in Germany. N. Y., 1954. P. 153–177; *Bauch A.* Der hl. Wunibald / Hrsg. v. G. Schwaiger // Bavaria Sancta. Regensburg, 1970. Bd. 1. S. 136–147; *Gottschaler E.* Hugeburc von Heidenheim. Münch., 1973; *Mengs M.* Schrifttum zum Leben und zur Verehrung der Eichstätter Diözesanheiligen Willibald, Wunibald, Walburga, Wuna, Richard und Sola. St. Ottilien, 1987; *Vitrone F.* Hugeburc di Heidenheim e le Vitae Willibaldi et Wynnebaldi // Hagiographica. 1994. Vol. 1. P. 43–79; *Омельницкий М.* Образ святого в англосаксонской лит. и агиогр. традиции. М., 1997; *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Зап. Европе раннего средневековья. СПб., 2001. С. 221–230.

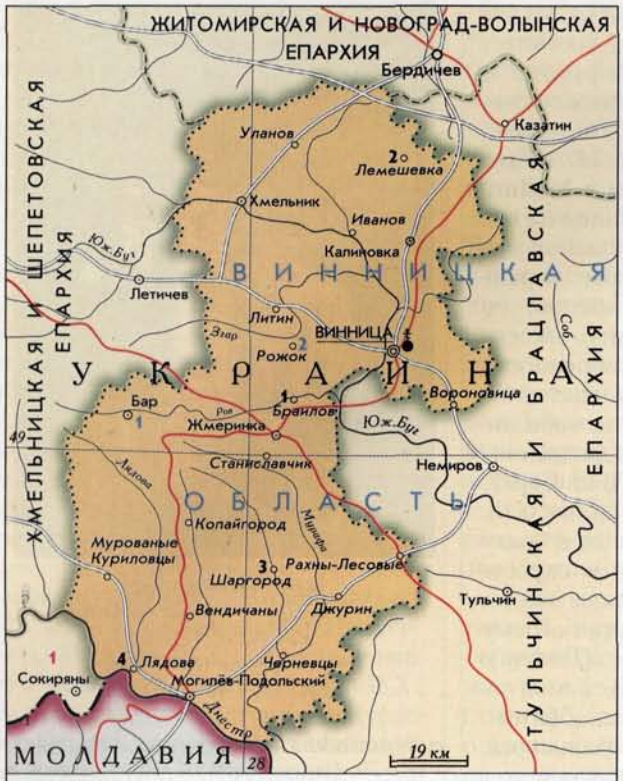
А. В. Ч.

Кафедральный собор в честь Преображения Господня в Виннице. 1758 г., перестроен в 1830–1866, 1894–1895, 90-х гг. XX в.

ВИ́ННИЦКАЯ И МОГИЛЁВ-ПОДО́ЛЬСКАЯ ЕПА́РХИЯ УПЦ МП (Украина), учреждена в 1933 г. преобразованием из *Винницкого викариатства* Подольской епархии, с 1943 г. носила название Винницкая и Каменец-Подольская, с 1945 г.— Винницкая и Брацлавская, с 4 окт. 1994 г., после выделения из нее Тульчинско-Брацлавской епархии, имеет совр. название. Территория В. е. включает в себя 11 районов Винницкой обл.: Винницкий, Барский, Жмеринский, Калиновский, Литинский, Могилёв-Подольский, Мурованокуриловецкий, Томашпольский, Хмельницкий, Черневецкий и Шаргородский. Епархия разделена на 12 благочиний. Кафедральный собор — в честь Преображения Господня в Виннице. Правящий архиерей — митр. *Макарий* (*Свистун;* с 22 июня 1992). На 1 янв. 2004 г. в епархии насчитывалось 403 прихода, 1 жен. и 3 муж. мон-ря. В клире епархии состояли 254 священнослужителя (240 священников и 14 диаконов).

1933–1989 гг. 7 сент. 1933 г. на Винницкую кафедру был назначен еп. сщмч. *Александр (Петровский)*, в 1934 г. он был членом Временного

Монастыри

Действующие

1 *Браиловский во имя Св. Троицы жен. мон-рь*

2 *Иоанна Богослова ап. муж. мон-рь*

3 *Шаргородский во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-рь*

4 *Лядовский в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи скальный муж. мон-рь*

Закрытые

1 *Барский в честь Покрова Божией Матери жен. мон-рь*

2 *Рожецкая Александро-Мариинская жен. пуст. при браиловском Троицком мон-ре*

Цифрой 1 на карте обозначена Черновицкая и Буковинская епархия РПЦ

Патриаршего Свящ. Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергии (Страгородском)*, 2 июня 1937 г. переведен на Харьковскую кафедру. В управлении В. е. его сменил архиеп. *Иннокентий (Тихонов)*, к-рый 29 окт. того же года был арестован, в нояб. расстрелян в Виннице. Неизвестно, были ли назначения на Винницкую кафедру в 1938–1941 гг.

В 20–30-х гг. титул Винницких носили обновленческие (см. *Обновленчество*) «епископы»: Иоаким Пухальский (1925–1926), Иоанн Славгородский (март 1926 — 22 июля 1936), Павел Циприанович (1 янв. 1927 — май 1928), Дмитрий Михальчук (14 сент. 1928 — март 1930), Николай Поликарпов (июль 1936 — 14 дек. 1937). В 1927 г. титул епископа Винницкого носил Сергий, находившийся в *григорианском расколе*.

В окт. 1936 г. Винницкий облисполком издал постановление, в к-ром определялся порядок сноса часовен и крестов на перекрестках и дорогах, что послужило толчком для массового уничтожения правосл. памятников в Винницкой обл. В 1937 г. в епархии (в то время включала в себя территорию Винницкой и Хмельницкой областей) действовали 245 храмов. Храмы начали вновь открываться в годы *Великой Отечественной войны*. В марте 1944 г. в В. е. действовали 839 церковных общин, 4 жен. мон-ря (к 1955 остались 2 — *браиловский во имя Св. Троицы* и барский в честь Покрова Пресв. Богородицы), на приходах служили 405 священнослужителей. В авг. 1941 г. большинство правосл. епископов, оказавшихся на оккупированной нем. войсками территории Украины, собрались на Собор в Почаевской лавре и провозгласили создание автономной УПЦ во главе с митр. *Алексием (Громадским)*, к-рая находилась в каноническом общении с Московской Патриархией. Митр. Алексий заботился о замещении пустующих кафедр, 5 авг. 1942 г. во епископа Винницкого был хиротонисан архим. Евлогий (Марковский).

После освобождения Винницкой обл. от нем. захватчиков (нач. 1944) В. е. включилась в общецерковное патриотическое движение по сбору средств на нужды фронта, к нач. 1945 г. епархия собрала более 2 млн р. В 1944 г. епархией управлял еп. Максим (Бачинский), к-рого сменил еп. *Варлаам (Борисевич;* 13 мая 1945 — 3 янв. 1946). При еп. Варлааме для обеспечения приходов духовенством были организованы богословско-пастырские курсы, на к-рые в 1945/46 г. поступили 40 чел. В марте 1944 г. возобновилось закрытие храмов в Винницкой обл., как открытых во время оккупации, так и действовавших до войны. К 1 янв. 1950 г. в В. е. действовали 717 церквей, к 1 янв. 1957 г.– 601. Гонения усилились в 60-х гг. (см. ст. *Хрущёв* Н. С.): в 1961 г. количество приходов в епархии сократилось с 513 до 425, в следующем году — до 384. В 1962 г. в Виннице был закрыт кафедральный Преображенский собор, кафедральным стал собор Рождества Пресв. Богородицы. В нач. 1970 г. в В. е. действовало 337 приходов, в к-рых служил 151 священник.

1989–2003 гг. В кон. 80-х — нач. 90-х гг. в епархии значительно увеличилось количество приходов. В 1990 г. Церкви был возвращен Преображенский собор, вновь ставший кафедральным. К 1994 г. число приходов в В. е. достигло 561. После отделения Тульчинской епархии (1994) в В. е. в 1997 г. насчитывалось 312 приходов, в клире епархии состояли 174 священнослужителя (166 священников и 8 диаконов).

В наст. время при епархиальном управлении действуют отделы: миссионерский, социальный, исторический, пресс-служба. В 2002 г. были открыты пастырско-богословские курсы, посещение к-рых является обязательным для священнослужителей епархии. При общине во имя сщмч. Владимира (Богоявленского) в Виннице с 2000 г. существует иконописная школа-мастерская, воспитанники к-рой проводят занятия по иконописи в детских воскресных школах Винницы. В большинстве приходов епархии действуют воскресные школы и б-ки. В 2003 г. организовано областное и городское педагогическое об-во во имя равноапостольных Кирилла и Мефодия, занимающееся разработкой и внедрением курса «Основы православной культуры» в светских учебных заведениях.

В 1996 г. в епархии возобновилось издание газ. *«Подольские епархиальные ведомости»*, с 2001 г. издается газ. «Одигитрия». На городском телеканале «Вита» с 2000 г. еженедельно выходит правосл. программа «Благовест», с 2000 г. городское телевидение транслирует рождественские и пасхальные богослужения из кафедрального собора Винницы. С июля 2003 г. на городском радио выходит в эфир еженедельная программа «Преображение».

Клирики епархии с сер. 90-х гг. проводят работу в вооруженных силах Украины, особенно активно в Виннице и Жмеринке. В 2004 г. священники с походным храмом выезжали на всеукр. учения подразделений внутренних войск в Крыму. С 1998 г. священнослужители епархии окормляют заключенных в местах лишения свободы, в Винницкой городской тюрьме № 1 действует храм во имя прп. Алексия, человека Божия, в колонии в пос. Стрижавка Винницкого р-на — храм во имя свт. Николая Чудотворца.

В В. е. активно действуют общественные правосл. орг-ции. В 1994 г. было основано братство прп. Нестора Летописца, в 2000 г. создана областная орг-ция Всеукраинского объединения «Путь православных», в следующем году начала работу городская молодежная орг-ция, к-рая проводит активную благотворительную деятельность в винницком Доме малютки. Действуют молодежная орг-ция при кафедральном соборе, опекающая областную психиатрическую больницу, молодежная орг-ция «Диалог—центр», помогающая жертвам тоталитарных сект и деструктивных культов. В 2001 г. в Виннице начала работу городская ассоциация правосл. медиков. Общины городских храмов опекают детские дома, дом престарелых, помогают малоимущим прихожанам. Епархия принимает активное участие в областных и городских социальных благотворительных проектах.

Шаргородский во имя свт. Николая Чудотворца мон-рь. Фотография. 2003 г.

В июле 1993 г. в ознаменование 70-летия Калиновского чуда (неподалеку от ст. Калиновка в 1923 от кощунственно простреленной металлической иконы Спасителя на деревянном придорожном кресте истекла кровь) был совершен крестный ход во главе с архиеп. Макарием от Преображенского собора Винницы к восстановленному кресту. 9 июля 1998 г. и 4 июля 2003 г. в честь 80- и 85-летнего юбилеев Калиновского чуда состоялись крестные ходы, в к-рых приняли участие тысячи верующих из Украины, России и стран СНГ.

Святыни. В браиловском Свято-Троицком жен. мон-ре находится *Браиловская Ченстоховская икона Божией Матери*. В Успенском храме г. Бар хранится *Барская икона Божией Матери*. В с. Писаревка Калиновского р-на находится местночтимая Писаревская икона Божией Матери. В 2000 г. на срезе дерева возле Воскресенского храма в Виннице был явлен крест и зафиксированы случаи исцелений, над этим местом построена часовня.

Монастыри. ***Действующие:*** браиловский во имя Св. Троицы (жен., основан в 1635, в 1723 перешел в унию, в 1795 воссоединен с Православием, в 1932 закрыт, действовал в 1942–1962, в 1989 возрожден), *Иоанна Богослова* (муж., открыт в дек. 2001), *шаргородский во имя свт. Николая Чудотворца* (муж., время основания неизвестно, в 1718 восстановлен униатами, в 1795 обращен в православный, закрыт в 1925, в 1992 возвращен Церкви, до 1996 действовал как приходской храм), лядовский в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи, скальный (муж., осн. в XII в., разрушен в 30-х гг. XX в., возобновлен в 1998).

Закрытые: бершадский в честь Преображения Господня (муж., основан в 1616, восстановлен в кон. XVIII в., закрыт после 1917), Преображения Господня близ с. Гранов (муж., основан в XVII в. закрыт в 30-х гг. XX в.), барский в честь Покрова Пресв. Богородицы (жен., основан в 1838 как муж., с 1881 жен., закрыт в 1962), Александро-Мариинская жен. пуст. близ с. Рожок при браиловском Свято-Троицком мон-ре (основана в 1795 на месте муж. мон-ря, закрыта в 1923).

Архиереи: еп. сщмч. Александр (Петровский; 7 сент. 1933 — 2 июня 1937), архиеп. сщмч. Иннокентий (Тихонов; 5 апр.— нояб. 1937), еп. Евлогий (Марковский; 5 авг. 1942 — 1943), еп. Максим (Бачинский; управлял епархией в 1944); еп. Варлаам (Борисевич; 13 мая 1945 — 3 янв. 1946), в 1946 г. епархией управлял прот. Н. Салата; еп. Иаков (Заика; 2 февр. 1947 — 18 нояб. 1948), еп. Иннокентий (Зельницкий; 30 янв. 1949 — 27 дек. 1951); еп. *Андрей* (*Сухенко;* с 27 дек. 1951 управлял епархией, 9 февр. 1954 — 17 окт. 1955), архиеп. *Симон* (*Ивановский;* 17 окт. 1955 — 14 авг. 1961), архиеп. *Иоасаф* (*Лелюхин;* 14 авг. 1961 — 30 марта 1964, с 25 февр. 1964 архиеп.), архиеп. Алипий (Хотовицкий; 30 марта 1964 — 11 нояб. 1975, с 24 апр. 1966 архиеп.), митр. *Агафангел* (*Саввин;* 16 нояб. 1975 — 7 авг. 1991, в 1992, с 7 сент. 1981 архиеп., с 10 марта 1989 митр.), архиеп. *Федосий* (*Дикун;* 1991–1992), митр. Макарий (Свистун; с 22 июня 1992, с 2000 митр.).

Арх.: Годовые отчеты за 1960–1970 гг. // Архив Винницкого ЕУ.

Ист.: *Салата Н., прот.* Приезд Экзарха Украины // ЖМП. 1946. № 7. С. 58; *Филиппович Н., прот.* Нужное мероприятие: открытие Богословско-пастырских курсов // Там же. 1949. № 12. С. 59.

Лит.: Мученики за веру / Ред. В. С. Калюжный. Винница, 1993. (Сер.: «Из архивов ВЧК–ГПУ–НКВД–КГБ»; Т. 1); *Лысый А. К.* Очерки истории Подольской (Винницко-Брацлавской) епархии, 1795–1995. Винница, 1995.

ВИ́ННИЦКОЕ ВИКАРИА́ТСТВО Подольской и Брацлавской епархии, учреждено 9 мая 1836 г., названо по г. Винница Подольской губ. (ныне областной центр на Украине). Местом пребывания епископа при учреждении вик-ства был назначен *шаргородский во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-рь*. 31 мая 1836 г. во епископа Винницкого был хиротонисан ректор Минской ДС архим. Евгений (Добротворский), возглавлявший вик-ство до своей кончины 10 апр. 1841 г. 20 июля того же года во епископа Винницкого был хиротонисан ректор Черниговской ДС архим. Иустин (Михайлов), 27 июля 1842 г. он получил назначение на Старорусское вик-ство Новгородской епархии.

8 авг. 1842 г. епископом Винницким был назначен ректор СПбДА архим. *Афанасий (Дроздов)*, хиротония состоялась 15 авг. в Казанском соборе С.-Петербурга. Еп. Афанасий остался в столице и сохранил за собой должность ректора СПбДА, сотрудничал с обер-прокурором Синода гр. Н. А. *Протасовым*. 6 мая 1844 г. Винницкому епископу было поручено наблюдение «за единством в

направлении преподавания Закона Божия в учебных и воспитательных заведениях всех ведомств в С.-Петербурге и его окрестностях». Еп. Афанасий проводил ревизии семинарий – С.-Петербургской (1843), Полоцкой и Могилёвской (1844), в 1846 г.—Казанской ДА (учреждена в 1842). Еп. Афанасий был требовательным администратором, строго следившим за соблюдением дисциплины. Последующие Винницкие епископы, *Евсевий (Орлинский)* и *Макарий (Булгаков)*, также являвшиеся ректорами СПбДА, поддерживали в академии распорядок, установленный их предшественником. Ректором СПбДА и номинальным викарием Подольской епархии еп. Афанасий оставался до 13 янв. 1847 г., когда был назначен епископом Саратовским и Царицынским.

17 янв. 1847 г. состоялся перевод ректора МДА архим. Евсевия на должность ректора СПбДА с хиротонией во епископа. Как и в случае с еп. Афанасием, в указе говорилось только о назначении епископом Винницким, викарием Подольской епархии, ректорство не упоминалось. Архим. Евсевий был хиротонисан во епископа в Казанском соборе 9 марта 1847 г. Новый ректор, как и еп. Афанасий, не исполнял в академии профессорские обязанности. На духовно-учебной службе он оставался до 19 дек. 1850 г., когда получил назначение на новоучрежденную Самарскую кафедру.

20 дек. 1850 г. ректором СПбДА стал ее инспектор и ординарный профессор д-р богословия архим. Макарий. Указом от 20 янв. следующего года архим. Макарий был назначен епископом Винницким, викарием Подольской епархии, хиротония состоялась 28 янв. в Казанском соборе. 6 февр. в академическом правлении обер-прокурор Синода сделал доклад, в к-ром сообщил, что имп. Николай I повелел Винницкому еп. Макарию оставаться в С.-Петербурге для исполнения обязанностей ректора ДА. Еп. Макарий являлся также главным наблюдателем за преподаванием Закона Божия в учебных заведениях столицы. На посту ректора академии еп. Макарий продолжал ученую деятельность, являлся главным редактором и постоянным автором академического ж. *«Христианское чтение»*, к-рый в эти годы получил характер «общеполезного издания». Статьи по истории Русской Церкви, опубликованные еп. Макарием в журнале, в 1857 г. вышли в свет отдельным изданием в 3 томах. 4 нояб. 1854 г. ученый был избран ординарным академиком АН по Отд-нию рус. языка и словесности. После назначения 1 мая 1857 г. еп. Макария на Тамбовскую кафедру пребывание Винницких епископов в С.-Петербурге завершилось. 24 янв. 1860 г. во епископа Винницкого был хиротонисан ректор КДА архим. Израиль (Лукин). 25 марта следующего года В. в. было упразднено, еп. Израиль был уволен на покой с оставлением в должности настоятеля шаргородского Николаевского мон-ря.

В. в. было возобновлено в 1904 г. 1 дек. Подольский и Брацлавский еп. Климент (Верниковский) был уволен от управления епархией с оставлением присутствующим членом Святейшего Синода и присвоением титула «епископ Винницкий». 27 авг. 1905 г. еп. Климент был освобожден от присутствия в Синоде с отменой титулования Винницким. В 1905–1912 гг. назначений на В. в. не было. 11 мая 1912 г. состоялось Высочайшее утверждение доклада Святейшего Синода «об учреждении в Подольской епархии на имеющиеся местные средства кафедры второго викарного епископа с присвоением ему именования Винницким... и о бытии ректору МДС архимандриту Борису (Шипулину) епископом Винницким». Хиротония архим. *Бориса (Шипулина)* состоялась 24 июня 1912 г. в Москве, в храме Христа Спасителя. 14 февр. 1914 г. еп. Борис был переведен на Балтское вик-ство той же епархии; в этот же день на В. в. был назначен еп. Давид (Качахидзе), 1 окт. 1917 г. возглавивший Урбнисскую кафедру самопровозглашенной Грузинской автокефальной Церкви.

22 окт. 1918 г. во епископа Винницкого был хиротонисан ректор Киевской ДС священноисп. архим. *Амвросий (Полянский)*. Поскольку в 1919 г. центр Подольской губ. из Каменца-Подольского был перемещен в Винницу (в 1925–1930 существовал Винницкий округ), еп. Амвросий в 1922 г. был назначен правящим архиереем Подольской и Брацлавской епархии. В 1923 г. он был выслан за пределы Украины и поселился в Москве. После его отъезда Каменец-Подольская епархия при поддержке советских властей была совершенно разгромлена обновленцами (см. *Обновленчество*): в Виннице, напр., не осталось ни одного правосл. храма. В 1924 г. епископ-исповедник подвергся кратковременному аресту, после освобождения в 1925 г. был назначен управляющим Каменец-Подольской епархией, но выехать в нее не успел, т. к. в кон. нояб. того года вновь был арестован в Москве и приговорен к 3 годам ИТЛ.

22 июля 1926 г., после пострижения в монашество с именем Феодосий, во епископа Винницкого был хиротонисан прот. Димитрий Вощанский, с авг. того же года он без права выезда жил в Харькове, в сент. арестован, после освобождения был назначен в мае 1928 г. на *Лужское викариатство* Ленинградской епархии. В 1928–1931 гг. В. в. управлял живший с 1928 г. в *браиловском во имя Св. Троицы мон-ре* Бершадский еп. *Варлаам (Козуля)*. 17 янв. 1931 г. еп. Варлаам был арестован, 17 июля выслан в Карагандинскую обл. Казахстана. 13 мая 1932 г. на Винницкую кафедру получил назначение архиеп. *Филарет (Линчевский)*, управлявший вик-ством до 1933 г. В февр. 1932 г. была образована Винницкая обл., в следующем году В. в. стало самостоятельной *Винницкой епархией*.

Ист.: 2 ПСЗ. Т. 11. С. 500–501; Опред. к должностям // С.-Петерб. сенатские вед. 1842. № 73 (11 сент.); Опред. к должности // Там же. 1847. № 14 (18 февр.); *А[лександр] А[рхимандрит]*. Преосв. Афанасий, бывш. архиеп. Астраханский: (Некролог) // Астраханские ЕВ. 1876. № 51; Высочайшее повеление // ЦВед. 1912. № 21. С. 230.

Лит.: *Чистович И. А.* История СПбДА. СПб., 1857; *Титов Ф. И.* Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. К., 1895. Т. 1; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА; *Глубоковский Н. Н.* Преосв. Евсевий (Орлинский), архиеп. Могилевский, бывш. ректор (1847–1850 гг.) СПбДА // ХЧ. 1909. Окт. С. 1340; *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Ч. 3. 1. С. 112; Ч. 3. 2. С. 291; Ч. 4. С. 132–133; Ч. 4. 2. С. 343; За Христа пострадавшие. С. 72–73, 183, 210; *Дамаскин.* Кн. 2. С. 384; Кн. 4. С. 172.

А. К. Гилкин

ВИНО́ [греч. οἶνος, μέθυ, κρασίον; лат. vinum; евр. יַיִן, *yayin*], алкогольный напиток из винограда. Будучи универсальным символом, В. нередко упоминается в Библии и наряду с др. *веществами таинств* имеет богослужебное употребление, в т. ч. в Таинстве Евхаристии.

В Свящ. Писании ВЗ. Этимология евр. слова *yayin* остается пред-

метом предположений. Оно вошло в употребление с началом культивации в Др. Израиле винограда винных сортов (גֶּפֶן) и, по-видимому, несемит. происхождения (возможны хеттские или анатолийские корни).

В бытовом обиходе древней Палестины. Производством В. занимались еще доизраильские жители Ханаана. В егип. «Странствиях Синухе» (XX в. до Р. Х.) герой, попадая в Палестину, отмечает, что «вина там больше, чем воды».

Основным временем сбора винограда в Палестине были сент. и окт. В. давили с помощью пресса или ногами (Неем 13. 15; Иов 24. 11; Ис 16. 10; 63. 3; Иер 25. 30; 48. 33; Зах

«Христос в точиле». Икона из церкви с. Мотыжин Киевской обл. Кон. XVII в. (НХМУ). Фрагмент

14. 10). Выжатый сок вливали в кожаные мехи (1 Цар 1. 24; 2 Цар 16. 1; Иов 32. 18–19; Иер 13. 12) или глиняные кувшины, обмазанные смолой, а затем переливали в др. сосуды (Иер 48. 11–12). Осадок на дне старых сосудов использовался как бродильный элемент (дрожжи). В. хранилось в глиняных кувшинах рядом с домом. В царских погребах, а также в крепостях и храме были специальные камеры для хранения В. (1 Пар 27. 27; 2 Пар 11. 11).

Названия сортов В. обычно связывали с наименованиями местностей, где произрастал виноград: напр., Хелбонское (Иез 27. 18), Ливанское (Ос 14. 7–8). В древней Палестине, возможно, был сорт винограда темно-голубого цвета, из к-рого приготовляли красное В. (Притч 23. 31; ср.: Ис 63. 2; Втор 32. 14; 1 Макк 6. 34). В. также классифицировалось по возрасту (старое В., прошлогоднего урожая — Сир 9. 13; молодое, или новое В.— Ис 49. 26).

Чтобы сделать В. покрепче или придать ему более приятный вкус, его смешивали с перцем, полынью или фимиамом: «Вино, полное смешения» (Пс 74. 9; ср.: Притч 9. 2, 5; 23. 30; Ис 65. 11; Песнь 8. 2). В., смешанное с *миром,* употреблялось как наркотик (ср. Пс 59. 5: «Вино изумления»). В., сделанное из кожуры винограда, использовалось как уксус (*ḥōmeṣ*) — хорошо утолявший жажду напиток, если его разбавить водой (Руфь 2. 14). Обычай пить разбавленное водой В., видимо, появился в Палестине только в эллинистический период (ср. 2 Макк 15. 39), по крайней мере в Ис 1. 22 разбавление В. водой рассматривается как его порча.

От В. отличали крепкий напиток (*šēḵār*) (Лев 10. 9; Числ 6. 3; Втор 29. 6; Суд 13. 4; 1 Цар 1. 15). Были известны крепкие напитки из фиников, граната, меда, злаков (Песн 8. 2; Притч 20. 1; Ис 24. 9; 28. 7; 29. 9).

В. подавали во время трапезы (Быт 27. 25; 1 Пар 12. 40; Ис 22. 13), часто употребляли с хлебом (Быт 14. 18; 1 Цар 16. 20; 25. 18); оно входило в рацион как правителей (Неем 5. 15, 18), так и простых людей (2 Пар 2. 10, 15). В. брали в путешествие (Суд 19. 19), им снабжали гарнизоны в городах (2 Пар 11. 11; 32. 28). Иисус Сирах перечисляет «кровь виноградной лозы» (αἷμα σταφυλῆς) вместе с пшеницей, молоком, медом и маслом как наиболее важные пищевые продукты (Сир 39. 32).

Употребление В. было необходимой частью любого праздника (Ис 5. 12), т. к. оно «веселит богов и человеков» (Суд 9. 13; ср.: Пс 103. 15; Еккл 10. 19; Сир 31. 32). В богатом доме комната для пиров называлась «комнатой для питья вина» (Есф 7. 8 в Синодальном переводе «дом пира»). Для пиров существовало мн. поводов: отнятие ребенка от груди (Быт 21. 8), свадьба (Суд 14. 10), сбор винограда (Суд 9. 27), стрижка овец (1 Цар 25. 2, 36 сл.), постройка дома (Притч 9. 1–6), восхождение царя на трон (1 Пар 12. 39), заключение договора (2 Цар 3. 20 сл.), визит друзей, к-рым оказывают честь (4 Цар 6. 23; 1 Макк 16. 15). В. пили после трапезы, дополняя удовольствие песнями, музыкой, украшением гостей венками цветов (Ис 5. 12; 28. 1; Прем 2. 7). Женщины обычно не принимали участия в таких пирах (2 Цар 13. 23–32). В. особенно рекомендовали больным (Еккл 2. 3; ср.: Зах 10. 7; Иер 16. 7), «огорченному душею» (Притч 31. 6–7). «Ослы для дома царского, для езды, а хлеб и плоды для пищи отрокам, а вино для питья ослабевшим в пустыне»,— отвечает Сива царю Давиду, ищущему убежище (2 Цар 16. 2).

Чрезмерное употребление В. в Др. Израиле воспринималось как грех. Пророки и мудрецы наставляли против *пьянства* и подчеркивали его тяжелые последствия. Прор. Исаия бросает обвинения тем, кто злоупотребляет В. и крепкими напитками (Ис 5. 11–12), Товит дает своему сыну совет: «Вина до опьянения не пей, и пьянство да не ходит с тобою в пути твоем» (Тов 4. 15). В Свящ. Писании даются примеры постыдного поведения пьяных: опьяневший шатается (Пс 106. 27; Притч 23. 34), «изрыгивает» (Ис 28. 8; Иер 25. 27), имеет «багровые глаза» (Притч 23. 29), вызывает насмешки (Ос 7. 5), лишается приличия (Плач 4. 21), ума (Ос 4. 11), становится бедняком (Притч 23. 21; ср.: 21. 17), а вожди — неспособными выполнять их дело (Притч 31. 4–5). Приводятся примеры поступков, связанных с опьянением Ноя (Быт 9. 21), Лота (Быт 19. 31–38), Навала (1 Цар 25. 36–39), Давида (2 Цар 11. 13), Авесалома (2 Цар 13. 28), Илы (3 Цар 16. 9–10), Велиазара (Дан 5. 2), Олоферна (Иф 13. 2).

Полное воздержание от В. считалось чем-то необычным. Отказ от В. мог быть обусловлен его связью с языческим образом жизни (Дан 1. 8; ср. Втор 32. 38). Прор. Даниил не пил В. 3 недели перед получением видения, когда «был в сетовании» (Дан 10. 2–3). Служащим священникам поэтому было запрещено пить В. под страхом смерти (Лев 10. 8–11; Иез 44. 21). *Назореи* также должны были отказаться от всяких напитков, сделанных из винограда, на все время обета (Числ 6. 3; ср.: Суд 13 и Ам 2. 12). Наконец, *рехавиты* не пили В., т. к. стремились сохранить образ жизни номадов, без постоянных жилищ, сельского хозяйства и скотоводства (Иер 35).

Символизм В. В. символизировало и радость, и печаль. В Ис 55. 1 знаком благословения Божия вернувшимся из Вавилона евреям явилось то, что они могли купить В. и молоко без денег. В лит-ре Премудрости отмечается важность В. (Сир 31. 32), а употребление В.— с данным мудрецом наставлением (Притч 9. 2, 5; Сир 40. 20). Мысли, исполняющие человека, подобны «вину неоткрытому», еще бродящему и ищущему выхода (Иов 32. 19), тогда как тихая жизнь Моава вдали от остального мира сравнивается с долго выдержанным качественным В. (Иер 48. 11). В Пс 77. 65–66 Бог, карающий отступников, уподобляется проснувшемуся «исполину, побежденному вином». В Песни Песней любовь жениха и невесты слаще В. (Песнь 4 10; 5. 1; 7. 10). Будущее райское время будет столь изобильным, что народ сможет мыть свои одежды в В. (Быт 49. 11), Яхве устроит для всех народов пир с лучшим В. (Ис 25. 6). Кубок В. в руке Яхве символизирует Его гнев и суд над Израилем и др. народами. Грешники должны испить эту чашу без остатка (Пс 74. 9; Иер 25. 15 слл.; 27). Испить чашу Божию — значит привлечь несчастье, наказание (Иер 49. 12; Плач 4. 21; Иез 23. 31 слл.; Авв 2. 16). Когда Бог дает пить В. своему народу, он испытывает его стойкость (Пс 59. 5) или сокрушает его (Иер 13. 13–14).

В ветхозаветном богослужении. Использование В. в качестве символа жертвенной крови известно с сер. II тыс. до Р. Х. (формула хеттской воинской присяги). Ветхозаветная фраза *nāsaḵ yayin* обозначает как принесение жертвы возлияния чужим богам (Втор 32. 38), так и приношение В. в богослужении Яхве (Исх 29. 40; Лев 23. 13; Числ 15. 5, 10; 28. 7, 14; Ос 9. 4). Возлияние В. дополняло основное жертвоприношение. Количество жертвы для всесожжения было всегда точно предписано (Числ 15. 5–10; 28. 14; Лев 23. 13). Ежедневные утреннее и вечернее жертвоприношения также заканчивались возлиянием В., как в жертвоприношении назореев. На столе для хлеба предложения всегда стоял сосуд с В. (Числ 4. 7), В. было необходимой частью жертвенной трапезы. Жертвенное В., сохранявшееся *левитами*, разливалось в кубки на жертвеннике для всесожжений (Сир 50. 15) или разбрызгивалось над жертвой, к-рая сжигалась (Числ 15. 7; Юб 7. 53).

В греко-римском мире до Р. Х. В древности в Средиземноморском регионе культивировалось до 150 сортов винограда. Греки и римляне предпочитали темное красное В. Лучшими считались хиосское в Греции и фалернское в Италии. Однако повсеместно употреблялось и плодовое В. (из фруктов). В нек-рых странах В. настаивали на изюме. Культура винопития была очень развита. При раскопках в одних только Помпеях было идентифицировано ок. 200 таверн.

В средиземноморской традиции трапеза обычно состояла из 2 «отделений»: вкушения хлеба, овощей, мясных и рыбных блюд и испития В. и др. напитков, сопровождавшегося продолжительной беседой (см., напр., «Пир» Платона, Ксенофонта, «Сатирикон» Петрония, «Пир мудрецов» Афинея и др.) или увеселениями.

Ритуал возлияния В. служил в гомеровскую эпоху началом общей трапезы (*Homer.* Od. 14. 445) и использовался в культе мертвых (*Homer.* Od. 11. 26). Начиная с классической эпохи и до эпохи домината он совершался между 2 отделениями пира, перед началом «симпосия» (*Plat.* Symp. 176a; *Xen.* Symp. 2. 1). В древнейших текстах возлияние представляет собой жертву, призванную умилостивить богов и отвратить их гнев (*Homer.* Iliad. 7. 481). Впосл. значение обряда было забыто или почти не принималось во внимание, хотя каждая трапеза по-прежнему носила религ. характер. Чаще всего чаша с В. посвящалась Зевсу Спасителю (Сотеру) или «доброму богу» (эпитет Диониса) (*Diodor. Sic.* Bibliotheca. 4. 3; *Athen.* Deip. 11. 486f–487b; 15. 675b–c). Испитие В. воспринималось как связь с божеством (*Plat.* Leg. 653d; *Plut.* Quaest. conv. 615a).

В греч. традиции В. считалось даром бога Диониса (Вакха), а производимые им аффекты (радость, вдохновение, исступление и т. п.) рассматривались как благословение (*Henrichs A.* Changing Dionysiac Identities // Jewish and Christian Self-Definition / Ed. B. F. Meyer, E. P. Sanders. Phil., 1980. Vol. 3. P. 137–160). Почитание этого божества, имевшего фракийско-фригийское происхождение, широко распространилось по всему Средиземноморью и было связано не только с сезонными земледельческими праздниками (дионисиями, ленеями, анфестериями), но и с мистериально-оргиастическими культами, вызывавшими общественное осуждение и даже подвергавшимися запретам (напр., запрет вакханалий в Риме в 186 г. до Р. Х.; см.: *Ливий.* Рим. ист. 39. 8–19).

В. почти всегда смешивалось с водой. Считалось, что неразбавленное В. (ἄκρατος, merum) употребляют только «варвары» или провинциалы. В $^1/_3$ В. обычно добавляли до $^2/_3$ воды.

В межзаветном иудаизме. В рукописях Мёртвого м. слово *yayin* встречается 4 раза, всегда в метафорическом значении. В цитате из Втор 32. 33 (CD 8. 9; 19. 22) «яд драконов» — В. безбожников — истолковывается аллегорически как путь греха всех, кто далек от Бога (CD 8. 10; 19. 23). У кумранитов существовал ритуал благословения хлеба и В., носивший мессианско-эсхатологический характер (1QS 6. 3–6; 1QSa 2. 17–22) и служивший началом совместной трапезы общины (*Kuhn K. G.* The Lord's Supper and the Communal Meal at Qumran // The Scrolls and the New Testament / Ed. K. Stendahl. N. Y., 1957. P. 65–93, 259–265).

Похожий обряд вкушения благословенных хлеба и В. упоминается в «Повести об Иосифе и Асенефе», причем чаша с В. называется «чашей бессмертия» (8. 5; 15. 5; 16. 16) или «чашей благословения» (8. 11; 19. 5) (*Burchard C.* The Importance of Joseph and Aseneth for the Study of the New Testament: A General Survey and a Fresh Look at the Lord's Supper // NTS. 1987. Vol. 33. 102–134; *Klauck H. J.* Herrenmahl und hellenistischer Kult. Münster, 1986^2. S. 187–196. (NTA. N. F.; 15)).

У фарисеев каждая праздничная трапеза начиналась с благословения чаши с В. Несмотря на то что по заповеди Второзакония (Втор 8. 10) благословение должно было произноситься только после насыщения, раввины учили, что человеку запрещено наслаждаться ч.-л., не поблагодарив прежде Создателя. Это привело к возникновению в I–II вв. по Р. Х. множества благодарственных формул и благословений перед едой (для каждого рода пищи — свои; см.: Берахот. 6. 1–8. 8). Особое благословение чаши с В. совершалось во время праздничной субботней трапезы.

4 ритуальные чаши с В. входят в иудейский пасхальный чин, изложенный в Мишне (кон. II — нач. III в.; Песах. 10. 3). Однако существование его в такой форме уже в I в. до Р. Х.— I в. по Р. Х. отвергается большинством совр. исследователей.

В Свящ. Писании НЗ В. упоминается уже в самых первых строках Евангелий: евангелисты, говоря об Иоанне Крестителе, особо подчеркивают, что он воздерживался от В. (Лк 1. 15; ср.: 7. 33; Мф 11. 18), поскольку полностью посвятил себя служению Богу, подобно назореям (см.: Числ 6. 3; Суд 13. 7).

В отличие от Иоанна об Иисусе Христе говорится, что во время Своего земного служения Он употреблял В. (Мф 11. 19; Лк 7. 34). Господь Сам объяснял это тем, что присутствие Жениха является временем праздника (Мк 2. 18–22). Мессия Иисус — более чем пророк, а значит, соответствующие ветхозаветные предписания о назореях к Нему не применимы (ср. притчу о новом В. и старых мехах — Мк 2. 22).

В Евангелии от Иоанна сообщается о чуде, к-рое Он совершил в Кане Галилейской (Ин 2. 1–11, ср. 4. 46), превратив большое количество воды в В., что наряду с чудесами насыщения неск. тыс. человек служило предвестием наступления Царства Небесного и мессианского пира.

Хотя в повествованиях о *Тайной вечере* термин οἶνος не встречается ни у синоптиков, ни у ап. Павла (Мф 26. 20–29; Мк 14. 17–25; Лк 22. 14–28; 1 Кор 11. 23–25), очевидно, что в чаше, над к-рой Спаситель произнес благословение, находилось В. (см.: Мк 14. 25; Мф 26. 29; Лк 22. 18).

Когда ап. Павел говорит о «трапезе Господней» в Коринфской Церкви, он также упоминает лишь о чаше, не называя прямо ее содержимого (1 Кор 10. 16; 10. 21). Вообще термин οἶνος в его посланиях встречается не часто. В Рим 14. 21 он советует воздерживаться от мяса и В. В Еф 5. 18 на основании Притч 23. 31 он предупреждает от чрезмерного пития В., хотя умеренное употребление В. может быть полезно для здоровья (1 Тим 5. 23–24).

В христианской Церкви. ***В богослужении.*** В. употребляется за важнейшим богослужением христиан — Евхаристией, во время к-рой В. прелагается в Кровь Христову (1 Кор 10. 16; *Ign.* Ep. ad Rom. 7. 3; *Iren.* Adv. haer. 4. 17. 5; *Cyr. Hieros.* Catech. 19. 7; 20. 9; 23. 7).

В правосл. Церкви принято к употреблению за литургией только чистое, беспримесное виноградное В., растворенное водой (*Iust. Martyr.* I Apol. 65. 3; Карф. 37). О смешении В. с водой Господом во время Тайной вечери говорится в *institutio* мн. вост. *анафор* (экзегетическим аргументом обычно служит Ин 19. 34). «Святое соединение» В. и воды совершается во время приготовления Даров к литургии; особенностью визант. традиции является повторное добавление воды в евхаристическое В. в чине *теплоты* (Никиф. 13). Точные пропорции при соединении В. и воды в визант. традиции не оговариваются; отмечается лишь, что при разбавлении водой евхаристическое В. не должно терять своего вкуса. У сир. яковитов В. смешивается с водой в равных пропорциях (*Hanssens.* 1930. P. 244, 248). На Западе Трибурский Собор (895) постановил брать $^2/_3$ В. и $^1/_3$ воды (19-й канон), и это правило сохранялось еще в XIII в. Позже для смешения стали использовать небольшую ложечку и вливать всего неск. капель (Ordo Romanus. XV 81 // PL. 78. Col. 1325). Помимо различия в пропорциях по-разному толкуется и символическое понимание обряда соединения В. и воды: на Западе вода ассоциируется с Церковью (ср. Откр 17. 15), а В.— со Христом, тогда как на Востоке они воспринимаются как указание на Божественную (В.) и Человеческую (вода) природы Спасителя. Единственная традиция, где В. не разбавляется водой,— армянская; эта практика была осуждена правосл. Церковью (Трул. 32).

В древности сорт и оттенок литургического В. не регламентировались, хотя о красном оттенке евхаристического В. косвенно говорится уже у сщмч. Иринея Лионского (*Iren.* Adv. haer. I 13). В наст. время в РПЦ принято использовать только красные десертные В. (как правило, кагор или сходные сорта), но на христ. Востоке употребляются помимо красных (сухих или десертных) также и розовые и белые сорта. У католиков с XVI в. рекомендуется использовать для мессы белые сорта В. (*Jungmann.* Missarum Sollemnia. T. 2. P. 311).

Практика совершения Евхаристии только на воде расценивалась св. отцами как еретическая (*Iren.* Adv. haer. V 1; *Clem. Alex.* Strom. I 19. 96. 1; *Cypr. Carth.* Ep. 63. 5; *Ioan. Chrysost.* In Matth. 82. 2; *Theodoret.* Haer. fab. 1. 20; *Epiph.* Adv. haer. [Panarion]. 30. 16; 42. 3; 46. 2). Однако, учитывая возможность отнесения евангельского учения о «воде живой» не только к таинству Крещения, но и к Евхаристии (Ин 4. 10–14; 7. 38; Откр 7. 17; 21. 6; 22. 1, 17), а также на основании свидетельств о практике раннехрист. (апокрифические Деяния апостолов Петра, Фомы, Иоанна) и гностических сект (эбиониты, энкратиты, татиане, маркиониты, апостолики, манихеи, акварии и др.), еще в XIX в. была выдвинута гипотеза об изначальности совершения Евхаристии на хлебе и воде без В. (*Harnack A.* Über das gnostische Buch Pistis—Sophia: Brod und Wasser: Die eucharistischen Elemente bei Justin. Lpz., 1891. (TU, 1. Reihe; 7/2)). Эта гипотеза была сразу отвергнута большинством ученых. Хотя существование разных локальных литургических традиций уже в апостольскую эпоху — несомненный факт, но совершение Евхаристии на хлебе и воде без В. противоречит новозаветному учению о таинстве Евхаристии.

В последующие века также были известны отклонения от общепринятой церковной практики, прежде всего ввиду особых климатических условий. Хотя использование соков из ягод и овощей для совершения Евхаристии запрещено канонами (Ап. 3), в Коптской и Эфиопской Церквах может использоваться т. н. изюмное В. (*Hanssens.* 1930. P. 220–223). В католич. Церкви с XVI в. официально закреплено положение, согласно к-рому таинство Евхаристии вовсе не совершится, если обнаружится к.-л. несоответствие в *веществах таинств*, в частности, В. не будет чистым виноградным напитком (Rubricae generales Missalis: De defectibus). Аналогичное положение было с XVII в. закреплено и в практике Русской Церкви (см. «Учительное известие» (1694) в приложении к Служебнику), хотя в предшествующий период в случае необходимости допускалась замена литургийного В. схожими напитками (напр., польск. католич. автор кон. XV — нач. XVI в. Ян Сакран обвинял правосл. священников в замене евхаристического В. яблочным «квасом», а митр. Московский св. Макарий (1542–1563) дважды

Причащение апостолов. Роспись ц. праведных Иоакима и Анны (Крамва) мон-ря Студеница. 1313–1314 гг.

издавал грамоты о допустимости совершения литургии на вишневой наливке по причине непозволительно низкого качества привозного В.). Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. вновь разрешил в связи с начавшимся после революции голодом и перебоями с продовольствием заменять красное В. белым или др. сортами (изюмным) и в крайнем случае соками. При этом доброкачественность В. оставалась основным требованием (И. А. Карабинов). Дозволение употреблять ягодные соки для Евхаристии дало российским новомученикам и исповедникам XX в. возможность совершать Божественную литургию в условиях лагерей и тюрем. В наст. время ввиду доступности полноценного В. совершение Евхаристии не на чистом виноградном В. не допускается.

Помимо Евхаристии В. используется в др. таинствах и священнодействиях (см. статьи *Благословение хлебов*, *Брак*, *Венчание брака*, *Елеосвящение*, *Мироварение*).

В повседневном обиходе. Св. отцы защищали возможность умеренного употребления В. в обыденной жизни против совр. им ригористических и еретических движений (эбионитов, энкратитов, манихеев и проч.), считавших сам напиток злом (*Epiph.* Adv. haer. [Panarion]. 47. 1). Согласно каноническим правилам, епископов, пресвитеров и диаконов следует извергать из сана, а мирян отлучать от Церкви, если они отказываются от В. не ради подвига воздержания, а по причине гнушения (Ап. 51, 53).

Климент Александрийский, специально рассматривавший вопрос о том, как следует вести себя христианам на пирах, рекомендовал только молодым людям совсем воздерживаться от В., прочим же советовал употреблять его умеренно по вечерам, при наступлении холодов и для улучшения пищеварения (*Clem. Alex.* Paed. 2. 3). Пожилым же людям, по мнению Климента, В. можно пить в больших количествах, но не доводить себя до помутнения рассудка и падений. Такая система воззрений на вопрос об употреблении В. восходит к Платону (*Plat.* Leg. 665c–666b). Как отмечал свт. Иоанн Златоуст, «не вино — зло, а пьянство» (*Ioan. Chrysost.* Ad popul. Antioch. 2. 5). Проблеме пьянства посвящена беседа свт. Василия Великого «На упивающихся» (*Basil. Magn.* Hom. 14). Пьянство в отличие от умеренного употребления В. считается тяжелым грехом. Воздержание от В. может использоваться как *епитимья*.

В монастырских уставах. В первые века существования монашества питье В. монахами не одобрялось (Достопамятные сказания. Об авве Пимене. 19). Устав прп. Пахомия и обители в Тавенниси разрешал употребление В. только больным (*Pachom.* Praecepta. 45, 54). Известны истории об авве Сисое, к-рый не принял 3-й чаши В., напоминая об искушениях от сатаны (Древний Патерик. 4. 44–45 (36–37)). Другой же старец во время праздника вовсе отказался от В., назвав его «смертью» (Древний Патерик. 4. 63 (53)). В «Луге духовном» прп. Иоанна Мосха (VII в.) приводится ответ аввы Феодора Пентапольского, призывавшего воздерживаться от В. даже в случае прихода гостей (Гл. 162). Однако авва Иперехий говорил, что лучше пить В., чем клеветать на брата (Древний Патерик. 4. 59(61)). По Уставу прп. Венедикта Нурсийского (VI в.) всем монахам разрешалось в день не больше одной чаши В., но главным требованием было не допускать опьянения (Гл. 40).

В уставах студийской традиции в непостные периоды литургического года за обедом полагалось 3 чаши В., а за ужином — 2. По средам и пятницам В. обычно запрещалось. В будние дни малых постов за единственной трапезой в 9-м часу разрешалось 2 чаши В. Великим постом в 1-ю седмицу и во все среды и пятницы последующих седмиц вместо В. монахам предлагался теплый напиток с перцем, тмином и анисом, а в проч. дни — по одной чаше за ужином (в будни) или по 3 — за обедом и по 2 — за ужином (в субботы и воскресенья). Указания для Страстной седмицы обычно те же, что и для 1-й, но нек-рые уставы назначают по чаше В. в Великие вторник (ради последования Страстей Христовых), среду и пятницу, по 2 — в Великий четверг (ради воспоминания Тайной вечери).

С XI в. (напр., в Пандектах прп. Никона Черногорца) отмечается значительное ужесточение устава поста, в т. ч. относительно употребления В. По ныне действующему Типикону в течение года вне постов В. можно пить ежедневно, кроме сред и пятниц (в эти дни В. дозволяется по праздникам). В Апостольский (Петров) и Рождественский посты устав о В. тот же, но к среде и пятнице прибавляется понедельник. Великим постом В. дозволяется только по субботам, воскресеньям и в нек-рые праздники; Успенский пост имеет тот же устав.

Уставные предписания о В. необходимо понимать в том смысле, что В. некогда было практически единственным напитком, кроме воды (и может оставаться таковым: напр., в мон-рях *Афона* во время трапезы подаются только вода и В.), имевшим помимо прочего и медицинское значение. В рус. мон-рях за недостатком виноградного В. эти предписания не исполнялись буквально.

Лит.: *Zapletal V.* Der Wein in der Bibel: Kulturgesch. und exegetische Stud. Freiburg. i. Br., 1920; *Busse E.* Der Wein im Kult des AT: Religionsgesch. Untersuch. z. AT. Freiburg i. Br., 1922. (Freiburger theol. Stud.; 29); *Raymond I. W.* The Teaching of the Early Church on the Use of Wine and Strong Drink. N. Y.; Z., 1927; *Hanssens J.-M.* Institutiones liturgicae de ritibus orientalibus. R., 1930. T. 2; *Brunner H.* Die theol. Bedeutung der Trunkenheit // *Idem.* Das hörende Herz: Kleine Schriften z. Religions- u. Geistesgesch. Ägyptens / Hrsg. W. Röllig. Freiburg (Schweiz); Gött., 1988. S. 163–165. (Orbis biblicus et orientalis; 80); *Drower E. S.* Water into Wine: A Study of Ritual Idiom in the Middle East. L., 1956; *Seltman Ch.* Wine in the Ancient World. L., 1957; *Rordorf W.* La vigne et vin dans la tradition juive et chrétienne // Annales Univ. de Neuchâtel. 1969/1971. Vol. 1. P. 131–146; *Smith M.* On the Wine God in Palestine (Gen. 18, Jn. 2, and Achilles Tatius) // *Idem.* Studies in the Cult of Yahweh. 1: Studies in Hist. Method, Ancient Israel, Ancient Judaism / Ed. Sh. J. D. Cohen. Leiden, 1996. P. 227–237. (Religions in the Graeco-Roman world; 130/1)); *Durand J.-L., Frontisi-Ducroux F., Lissarrague F.* Wine: Human and Divine // A City of Images: Iconography and Society in Ancient

Greece / Ed. C. Bérard. Princeton, 1989. P. 121–130; *Bacchiocchi S.* Wine in the Bible: a Bibl. Study on the Use of Alcoholic Beverages. Berrien Springs (Mich.), 1989; *Lissarrague F.* The Aesthetics of the Greek Banquet: Images of Wine and Ritual. Princeton, 1990; *Lissarrague F.* Around the Krater: An Aspect of Banquet Imagery // Sympotica: A Symp. on the Symposion / Ed. O. Murray. Oxf.; N. Y., 1990. P. 196–209; *Burkert W.* Oriental Symposia: Contrasts and Parallels // Dining in a Classical Context / Ed. W. J. Slater. Ann Arbor, 1991. P. 7–24; *Dunbabin K.* Wine and Water at the Roman Convivium // JRA. 1993. Vol. 6. P. 116–141; [*Каждан А.*] Wine // ODB. Vol. 3. P. 2199; *Карабинов И. А.* Историко-литург. справка «О евхаристическом хлебе и вине» // БТ. 1998. Сб. 34. С. 324–333; *Becker L.* Rebe, Rausch und Religion: eine kulturgesch. Stud. z. Wein in der Bibel. Münster, 1999; *Walsh C. E.* The Fruit of the Vine: Viticulture in Ancient Israel. Winona Lake (Ga.), 2000. (Harvard Semitic monogr.; 60); *Wilson H.* Wine and Words in Classical Antiquity and the Middle Ages. L., 2003.

К. В. Неклюдов, А. А. Ткаченко

ВИНОГРА́ДОВ Василий Петрович (23.03.1885, г. Можайск Московской губ.—24.10.1968, Людвигсфельд (ныне в черте Мюнхена, Германия), протопресв. *Русской православной Церкви за границей* (РПЦЗ),

В. П. Виноградов. Фотография. 10-е гг. XX в.

богослов. Из семьи священника. Окончил в 1899 г. Звенигородское ДУ, в 1905 г.— Вифанскую ДС, в 1909 г.— МДА со степенью канд. богословия, оставлен в академии профессорским стипендиатом. С 16 авг. 1910 г. исполнял должность доцента кафедры гомилетики, с 1914 г. доцент. С 1914 г. ответственный редактор ж. «Христианин». 2 авг. 1914 г. удостоен степени магистра богословия за дис. «Уставные чтения». 30 дек. 1916 г. был уволен из МДА, 27 мая следующего года восстановлен, с 21 авг. 1917 г. экстраординарный профессор по кафедре гомилетики и пастырского богословия. За период службы в МДА опубликовал более 50 работ по богословию, литургике, гомилетике, церковно-общественным и актуальным религ. проблемам. Являлся секретарем 1-го Всероссийского съезда деятелей духовной школы (май 1917). 12 июня 1918 г. В. стал помощником ректора Московской правосл. народной академии (открыта 24 июня), вел в ней курс церковной практики. С 1918 г. член Московского епархиального совета, являлся также начальником московских пастырских курсов и проректором МДА.

В нач. 1921 г. В. был арестован, осужден, отбывал срок в лагере около Архангельска, в кон. 1921 г. освобожден. 3 февр. 1922 г. рукоположен во иерея Патриархом св. *Тихоном* в Москве с возложением золотого наперсного креста. В мае 1922 г. арестован вместе с Патриархом св. Тихоном, заключен в одну из тюрем Москвы, затем переведен во Владимир. В нач. 1923 г. освобожден, вернулся в Москву, возведен в сан протоиерея, награжден палицей и назначен настоятелем ц. в честь Тихвинской иконы Божией Матери в Сущёве. В 1923–1924 гг. являлся председателем Московского епархиального совета. 21 мая 1924 г. включен Патриархом в состав *Высшего церковного совета*. В 1928 г. награжден митрой.

В 1930 г. В. вновь был арестован, осужден, до 1935 г. с короткими перерывами находился в лагерях на Колыме, в Красновишерске, Архангельске, Перми и Владимире. В 1935–1942 гг. служил в храмах Московской и Калужской областей. В 1938 г. награжден правом служения литургии при открытых царских вратах до «Отче наш». С кон. 30-х гг. являлся настоятелем Иоанновской ц. в с. Фёдоровском Угодско-Заводского р-на Калужской обл.

Осенью 1941 г. В. оказался на оккупированной нем. войсками территории. Весной 1942 г. он переехал из Можайска в Вильнюс, в 1943 г. возведен экзархом Прибалтики митр. *Сергием (Воскресенским)* в сан протопресвитера. В 1942 — нач. 1944 г. был наместником *вильнюсского в честь сошествия Св. Духа на апостолов муж. мон-ря* и ректором пастырско-богословских курсов. В 1944 г. эмигрировал в Австрию, перешел в юрисдикцию РПЦЗ. В 1944–1945 гг. являлся настоятелем Никольского собора в Вене. С 1945 г. жил в Германии, служил настоятелем храмов в Бад-Наухайме и Штутгарте, с 1951 г.— в Мюнхене (в храме арх. Михаила). В 1951 г. был редактором «Церковных ведомостей» Германской епархии РПЦЗ, в 1954 г. возглавлял пастырские курсы при епархиальном управлении и читал лекции. В июне — нояб. 1953 г. руководил в Людвигсфельде постройкой нового храма арх. Михаила, в к-ром затем служил настоятелем до конца жизни. Похоронен в Фельдмохинге (ныне в черте Мюнхена).

Как церковный ученый В. внес значительный вклад в развитие академической науки. Его основной научной отраслью была область гомилетики, а одним из главных трудов — «Уставные чтения». В нем В. задался целью всесторонне изучить сборники чтений, предписываемых богослужебным уставом для поучений молящихся в храме. Он отмечал, что практика этих чтений почти повсеместно упразднена, хотя в древности чтениям придавалось особое значение. В. называл их «проповедью книги», к-рая в отличие от проповеди отдельного иерархического лица является «коллективной» и «многовековой», она несет на себе печать святоотеческой мудрости и отражает духовный опыт мн. поколений. Поэтому *уставные чтения* служили своего рода центром, вокруг к-рого, как отмечал В., развивалась не только церковная и духовная жизнь, но и жизнь общественная, интеллектуальная, культурная. В. является также автором гомилетического исследования об архиеп. *Амвросии (Ключарёве)*.

В. проявлял живой интерес к вопросам христ. этики, пропуская их сквозь призму церковно-общественной жизни. Он всесторонне изучил этическую систему М. М. *Тареева* и дал ей оценку в опубликованном труде «Основные пункты христианского миросозерцания в системе проф. М. М. Тареева».

В. считал себя нравственно обязанным защищать свою религию от враждебных христианству сил: он решительно выступил против книг А. фон. Гарнака «Сущность христианства» и Ж. Э. Ренана «Жизнь Иисуса»; сопоставив их, убедительно доказал, что обе книги, несмотря на различие целей и убеждений авторов, направлены против христианства.

Арх.: ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 57. Л. 19–19 об.; Архив УФСБ по Псковской обл. Д. А–10676. Т. 2. Л. 392–393.

Соч.: Иисус Христос в понимании Ренана и Гарнака. Серг. П., 1908; Публицистическо-проповеднические принципы... Амвросия, архиеп. Харьковского. Серг. П., 1909; О лит. памятниках «полуарианства» // БВ. 1911. № 4. С. 772–794; № 7/8. С. 527–559; № 12. С. 726–761 (отд. изд.: Серг. П., 1912); «Последний из могикан» эпохи великих реформ: [Памяти архиеп. Амвросия]. Серг. П., 1912; «Страж мира христианского» 2-й пол. XIX в.: К характеристике проповеднического творчества... Амвросия, архиеп. Харьковского. Серг. П., 1912; Осн. пункты христ. миросозерцания в системе проф. М. М. Тареева. Серг. П., 1912; Платон и Филарет, митр. Московские: (Сравн. характеристика их нравств. облика) // БВ. 1913. № 1. С. 10–42; № 2. С. 311–340; Уставные чтения Ист.-гомилетич. исслед. Серг. П., 1914–1915. 3 вып.; Наследие митр. Платона в истории МДА // БВ. 1914. № 10/11. С. 701–724; Жития древнерус. святых как источник по истории древнерус. школы и просвещения // БВ. 1915. № 3. С. 562–590; № 4. С. 774–816; № 5. С. 110–152; Самоограбление мира. Серг. П., 1915; Голгофа и Синай // Христианин. 1916. Март/Апр. С. 339–346; О церк. проповеди накануне революции // БВ. 1917. № 8/9. С. 225–250; Die russische akademische theologische Wissenschaft als Vertreterin der Theologie der Orthodoxen Kirche Russlands // Münchener Theol. Zschr. 1952. Hf. 2; Die Orthodoxe Lehre und Praxis des Bussakramenter // IKZ. 1955. Hf. 3; Die Hauptursache des endgültigen Bruches zwischen West- und Ostkirche in orthodoxer Schau // Ibid. Hf. 4; *idem.* Hamburg, 1954; In orthodoxer Schau. Münch., 1958; О нек-рых моментах последнего периода жизни и деятельности свт. Патриарха Тихона (1923–1925): По личным восп. Мюнхен, 1959; Die Kirche unter der Herrschaft des Kommunismus. Münch., 1960; Пастырское богословие. Мюнхен, 1962–1965. 2 т.; Письма еп. Иоанну (Шаховскому) // Вестн. РХД. 1987. № 150. С. 251–255.

Ист.: Акты свт. Тихона. С. 319, 760; Политбюро и Церковь. Кн. 1. С. 107; Кн. 2. С. 358, 359; Следственное дело Патриарха Тихона. М., 2000. С. 369, 371, 741, 902.

Лит.: *Поспеловский Д. П.* Рус. Православ. Церковь в XX в. М., 1995. С. 75–77, 93, 94, 110, 112, 126–128, 179; *Цыпин.* История РЦ. С. 124, 125, 161, 615, 659, 660; За Христа пострадавшие. Кн. 1. С. 251–253; *Голубцов С., протодиак.* МДА в эпоху революций. М., 1999. С. 44, 55, 59, 61, 62, 66, 94, 97, 99, 101, 104, 133, 163, 166–168, 170, 173, 209, 213, 231, 235–237; *он же.* МДА в нач. XX в.: Профессора и сотрудники. М., 1999. С. 25–26, 121, 123, 125.

М. В. Шкаровский

ВИНОГРА́ДОВ Иван Васильевич (1824, г. Серпухов Московской губ.— 29.12.1881, Москва), регент Синодального хора, духовный композитор. Сын дьячка. Обучался в московском Высокопетровском ДУ, но не окончил полного курса. 17 авг. 1837 г. определен в 3-ю станицу Синодального хора. 3 окт. того же года посвящен в стихарь. 30 янв. 1842 г. исключен из хора по причине ломки голоса. В 1843–1849 гг. находился в должности учителя пения фельдшерской школы при московской Голицынской больнице. 30 мая 1850 г. снова определен в Синодальный хор, во 2-ю станицу, для обучения малолетних певчих. В 1854 г. командирован в С.-Петербург, в Придворную певческую капеллу, для приготовления в регенты, по окончании получил аттестат 2-го разряда. 19 дек. 1855 г. определен исправляющим должность регента Синодального хора. В авг. 1862 г. за пение Синодального хора в присутствии императора во время его пребывания в Москве В. был пожалован золотой перстень с бриллиантовым камнем. 7 мая 1864 г. был уволен по причине расстроенного здоровья. 29 марта 1865 г. В. как исправлявшему должность регента Синодального хора был выдан из Придворной певческой капеллы аттестат 1-го разряда, по к-рому В. имел право не только обучать певчих, но и сочинять музыку для церкви. В 60-х гг. обучал пению в хоре А. И. *Нешумова* в Москве.

В ГЦММК им. М. И. Глинки хранятся 3 рукописных тома песнопений, каждый из к-рых имеет на титульном листе пометку: «Соч. Ив. В. Виноградова» (Т. 1. № 301, датирован «1887 года января 22 дня», т. 3 № 303, датирован «9 марта 1887 года»). В 1-м т. рядом с названием сочинений имеются указания: «Музыка И. В. Виноградова» или «Переложение И. В. Виноградова». Во 2-м т. названия и авторы песнопений не выписаны. Из 22 песнопений 3-го т. 6 принадлежат Ф. А. *Багрецову,* архим. *Феофану (Александрову)* и схим. *Михаилу (Чихачёву);* авторство прочих песнопений не указано. Т. о., авторство В. по отношению к песнопениям 2-го и 3-го томов устанавливается только по надписи на титульном листе.

Произведения В. созданы под влиянием петербургской школы: они имеют аккордово-гармонический 4-голосный склад, широко используются диссонирующие аккорды. Нек-рые сочинения и переложения более просты по изложению, они опираются на стиль изданий Придворной певческой капеллы под редакцией А. Ф. *Львова,* но при этом нередко встречаются отступления от правил классической гармонии (ошибки в голосоведении, параллелизмы и т. п.).

Среди произведений В. преобладают свободные сочинения, иногда имеющие концертный характер. Переложения обиходных распевов содержатся в 1-м т. («Покой, Спасе наш» и «Божества Твоего, Спасе»), во 2-м т. (песнопения Литургии св. Иоанна Златоуста). Особый интерес представляет обращение В. к многоголосной обработке монастырских напевов Троице-Сергиевой лавры. 3-й т. сочинений В. содержит следующие переложения: стихиры напева Троице-Сергиевой лавры (9), Площанской пуст., Оптиной пуст., Угрешского мон-ря, а также песнопение «Свете тихий» («невское»).

Арх.: РГАДА. Ф. 1183 (Моск. синод. конторa). Оп. 9. Ч. 4. № 35. 1856 г.: Дело об определении в должность регента Синодального хора певчего Виноградова; Там же. № 13. 1863; Там же. № 15. 1881; № 124. 1866 г.: Форм. список И. В. Виноградова. Л. 47–48.

Соч.: ГЦММК. Ф. 283. № 301: 44 песнопения (клавир) [в т. ч.: неизменяемые песнопения всенощного бдения (7), литургии (6), причастные стихи (5), стихиры, тропари, кондаки различным праздникам и святым]; Там же. № 302: 36 песнопений [в т. ч. Литургия свт. Иоанна Златоуста (16 песнопений), отд. песнопения всенощного бдения, литургии (5 песнопений «Иже херувимы»), Великого Поста и Страстной Седмицы]; Там же. № 303: 16 песнопений.

Лит.: *Разумовский Д. В.* Николай Михайлович Потулов и его труды по разработке древне-церк. рус. пения // Древности: Тр. МАО. М., 1876. Т. 6. Вып. 2. С. 144; РДМДМ. Т. 2. Кн. 1, 2: Синодальный хор и уч-ще церк. пения. М., 2002. С. 364, 575, 673, 729, 1217 и др.

Н. Ю. Плотникова

ВИНОГРА́ДОВ Михаил Александрович, прот. (1809, с. Заборовские Гаи Ряжского у. Рязанской губ.— 30.01.1888, Рязань), регент, духовный композитор. Сын свящ. Александра Виноградова, к-рый служил в церкви с. Заборовские Гаи, родового имения Скобелевых.

С 1819 по 1827 г. В. был певчим архиерейского хора. Обучался в Рязанской, а затем в Тверской ДС. Развитию музыкальных талантов В. способствовал архиеп. Сергий (Крылов-Платонов), известный особой любовью к пению. Вскоре В. стал помощником регента. С 1827 по 1870 г. служил регентом архиерейского хора; до 1834 г. находился постоянно в С.-Петербурге. Ранее сопровождал еп. Евгения (Казанцева) в С.-Петербург с отд-нием хора.

8 нояб. 1834 г. архиеп. Рязанским Евгением (Казанцевым) В. был рукоположен во диакона кафедрального собора; 31 мая 1843 г. свт. *Гав-*

ршилом (Городковым) хиротонисан во иерея рязанской Благовещенской ц.; 16 янв. 1845 г. переведен в Борисоглебский храм г. Рязани. В течение 12 лет безвозмездно служил в церкви рязанского тюремного замка.

В 1869 г. В. переведен ключарем кафедрального собора, с 1870 г. служил в Екатерининской ц. Рязани. В том же году В. архиеп. *Алексием (Ржаницыным)* был утвержден духовником по благочинию прот. Харалампия Романского. С 1876 по 1879 г. состоял членом попечитель-

Прот. Михаил Виноградов. Фотография. 80-е гг. XIX в.

ства о бедных духовного звания. 23 апр. 1879 г. возведен в сан протоиерея. В это время В. получил ряд церковных наград. В 1887 г. был вызван в Москву, где хор московских синодальных певчих чествовал В. исполнением его сочинений.

В последние годы жизни по причине расстроенного здоровья В. вынужден был оставить архиерейский хор и все свободное от пастырских трудов время посвятил переложению обиходных напевов *догматиков, причастнов, стихир* и изданию их. Похоронен на Лазаревском кладбище г. Рязани, рядом с супругой.

В. известен как композитор, продолживший направление в духовно-музыкальном творчестве, заложенное директором Придворной капеллы А. Ф. *Львовым*, к-рого считал своим наставником, В. был близко знаком с прот. П. И. *Турчаниновым*, духовным композитором А. П. *Есауловым*, регентом Чудовского хора Ф. А. *Багрецовым*. В. принадлежит множество духовно-муз. произведений. Они отличаются простотой, отсутствием внешних эффектов.

Большинство сочинений опубликовано. Неизданные песнопения В., упоминающиеся в различных источниках: догматики 8 гласов (перелож.), «Призри на моления», «Господи, кто обитает в жилище Твоем», «Свете тихий», «Ныне отпущаеши», «На реках Вавилонских», «Разбойника благоразумнаго», «О дивное чудо», «Твое славят Успение», «Приидите празднолюбных собор», «Богоначальным мановением», «Небо и земля», «Веселися, Иерусалиме», «Просветителя нашего», «Иорданские струи».

Арх.: ГАРО. Ф. 627. Оп. 249 б. Д. 440. Л. 246; Оп. 240. Д. 17. Св. 158. Л. 65: Рязанская Духовная Консистория. Ведомости о церквах г. Рязани и уезда за 1871 г.; Ф. Р–2798. Оп. 1. Д. 16: Заметка к биографии еп. Димитрия (Сперовского), прот. Виноградова и митр. Феофилакта Русанова. Л. 5–17.

Соч.: «Да исправится молитва моя», «Ныне силы небесныя», «Вкусите и видите», «Милость мира», «Взбранной Воеводе», «Тело Христово приимите», «Хвалите Господа с небес», «Ядый Мою плоть», «Знаменася на нас», «В память вечную», «Блажени, яже избрал» // Духовно-муз. соч. СПб., 1870; «Во всю землю», «Вознесу Тя, Боже», Херувимская песнь № 1 D-dur, № 2 e-moll, № 3 G-dur, «Творяй ангелы», «Радуйтеся, праведнии», «Явися благодать Божия», «Зряще мя безгласна», «Хвалите имя Господне», «О Тебе радуется» (перелож.), «Благословен грядый», «Дух Твой благий», Богородичен воскресный 1–5-й гласы, «Ангел вопияше», «Светися, светися», «Тебе одеющагося светом» // Духовно-муз. соч. для 4 голосов / Сост. свящ. М. Виноградов. М., 1876; «Чашу спасения прииму», «Ныне вся исполнишася», «Богоначальным мановением» (перелож.), «Да радуется днесь» (перелож.), «Христос воскресе», «С нами Бог», Псалом 41-й, Богородичен гласы 6–8-й // Духовно-муз. соч. М., 1880.

Лит.: *Любитель церковного пения.* М. А. Виноградов: По поводу его юбилея // ПО. 1885. № 1. С. 201–204; Ист. записка Рязанской 1-й муж. гимназии, 1804–1904. Рязань, 1905. С. 170; Прот. А. Виноградов: К 60-летию кончины (1888–1948) духовного композитора прот. М. А. Виноградова // ЖМП. 1948. № 12. С. 61–62; *Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д.* Биогр. словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губ. Рязань, 1995. С. 29–31; *Бурачевский И. И.* Виноградов Михаил Александрович // Рязанская энцикл. Рязань, 2000. Т. 1. С. 163–164.

Игум. Серафим (Питерский), Т. М. Панкова

ВИНОГРА́ДОВ Николай Иванович (1856, Москва — 8.11.1916, посад Сергиевский Дмитровского у. Московской губ.), преподаватель Вифанской ДС, магистр богословия, духовный писатель. Род. в семье диакона московского Никитского девичьего мон-ря. В 1872 г. окончил Московскую ДС. В 1876 г. окончил МДА с отличием по богословскому отделению со степенью кандидата и с правом не держать повторного экзамена для получения магист. степени. По окончании курса был распределен преподавателем греч. языка в Нижегородскую ДС, где затем также преподавал евр. язык и Свящ. Писание. С марта 1884 г. В. преподавал греч. язык в Перервинском уч-ще, а с 1887 г.— в Вифанской ДС. 19 дек. 1894 г. уволен с должности преподавателя по болезни. В 1893 г. за соч. «Притчи Господа нашего Иисуса Христа» (М., 1890–1891. 4 вып.) В. был удостоен степени магистра богословия.

Магист. диссертация В. представляет собой критико-экзегетическое изложение евангельских притч. В 1892 г. сочинение было напечатано в полном виде, но без изменения пагинации. В. ставит перед собой задачу расположить все евангельские притчи (он разбирает 32 притчи) в хронологическом порядке и показать «некоторое развитие предложенного в притчах учения (назидания)» (Вып. 1. С. 6). Автор опирается на толкования зап. экзегетов — Г. Бермана и Д. Зоммерланда. Авторы академических отзывов на диссертацию отмечали неопределенность ее жанра: претендуя на научное исследование, автор «не скуп на изъяснительные размышления», обращается к читателю «как будто с церковной кафедры» (отзыв проф. А. Смирнова). Предлагая работу «вниманию просвещенного читателя» (Вып. 1. С. 3), В. не определил ясно круг возможных читателей. Стараясь синтезировать толкования разных направлений, В. не дает исчерпывающего систематического изложения существующих толкований. Тем не менее его работа была названа в церковной периодике прекрасным пособием для воспитанников духовных семинарий при изучении ими Евангелия, причем в качестве положительной черты было отмечено, что «объяснения автора не нравоучительные, а только выводы и рассуждения церковного оратора и проповедника, в них разбирается содержание притчей не с одной психологической стороны, а и с логической, и с исторической, для чего автор нередко обращается и к контексту речи и подлинному — греческому тексту» (Моск. ЦВед. 1892. № 6. С. 91).

В труде «Антихристианство и Антихрист по учению Христа и апостолов» (Н. Новг., 1883) В. представил

подробный филологический анализ всех греч. терминов из НЗ, описывающих пришествие *антихриста*. Автор ставит перед собой задачу раскрыть учение Свящ. Писания, «стоя на верной и твердой христианской точке зрения, под надежным руководством св. отцов и учителей Церкви, а также... не без указания западных богословов-экзегетов» (С. I).

В. также является автором переводов на рус. язык ряда античных авторов (Платона, Демосфена, Сенеки).

Арх.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 647 [Личн. дело студ. Н. И. Виноградова]; Ф. 427. Оп. 1. Д. 2810, 3253, 4440.

Соч.: Учение Св. Евангелия и Апостола о воскресении мертвых. М., 1882; Антихристианство и Антихрист по учению Христа и Апостолов. Н. Новг., 1883; Будущность Церкви Христовой и всего мира в их взаимном отношении. М., 1884; Эсхатологические притчи Господа Иисуса Христа. М., 1887; О конечных судьбах мира и человека. М., 1887, 1889[2]; Молитва «Отче наш», параллель Мф 6. 9–13 и Лк 11. 1–14. М., 1894; Нагорная проповедь Спасителя. 1892–1894. 5 вып.; Канон на Благовещение Пресвятой Богородицы как образец церк.-богослужебной поэзии. М., 1888; Взгляд на догмат о вере с правосл. и протест. точек зрения. М., 1893; Взгляд на употребление и значение акцентов в Книге Псалмов, как стихотворно-поэтической, и на расстановку их в нек-рых отрывках ветхозаветной прозы: Крит.-библиогр. очерк. Серг. П., 1894.

Пер.: *Феодор Студит*. Речь против иконоборцев: С биогр. очерком. Серг. П., 1894.

Лит.: Отзывы на магист. дис. В.: *Смирнов А.* // Протоколы заседаний Совета МДА за 1892 г. С. 352–357; *Муретов М.* // Там же. С. 357–359.

Н. Ю. Сухова

ВИНОГРА́ДОВ Николай Петрович (11.05.1852, Вятская губ.— 2.04.1928, Казань), прот., проф. КазДА.

Род. в семье священника Вятской губ. В 1876 г. окончил Вятскую ДС. В 1876–1880 гг. учился на богословском отделении КазДА. В 1880 г. окончил КазДА со степенью кандидата богословия, получил премию митр. Литовского *Иосифа (Семашко)* за канд. соч. «Догматическая система святого Григория Богослова». С 18 авг. 1880 по 19 авг. 1881 г. преподавал лат. язык в Нижегородском ДУ. С 19 авг. 1881 г. приват-доцент КазДА, преподаватель кафедры лат. языка и лат. словесности. После введения нового академического устава 1884 г. исполняющий должность доцента. 24 июля 1883 г. В. был назначен законоучителем 1-й казанской гимназии. 15 авг. 1883 г. архиеп. Казанским и Свияжским *Палладием (Раевым)* (впосл. митрополит С.-Петербургский) рукоположен во иерея к Крестовоздвиженской ц. при гимназии. 14 июня 1887 г. защитил магист. дис. «Догматическое учение святого Григория Богослова», 26 окт. 1887 г. утвержден Святейшим Синодом в степени магистра богословия.

В 1888–1911 гг. В. был членом епархиального училищного совета. Указом Святейшего Синода от 12 дек. 1894 г. назначен инспектором КазДА с возведением в сан протоиерея и исполняющим должность экстраординарного профессора. В 1906–1915 гг. состоял членом совета Братства свт. Гурия (с 5 нояб. 1912 по 1917 — секретарь совета). С 3 марта 1908 г. В. экстраординарный профессор КазДА, а с 16 авг. 1910 г., с введением нового академического устава, заслуженный экстраординарный профессор по кафедре лат. языка. В нояб. 1910 г. за выслугой лет В. был уволен от занимаемой должности с оставлением на службе в академии в должности инспектора и с предоставлением возможности преподавать 1 год. 27 июня 1911 г. освобожден от должности инспектора. Определением Святейшего Синода от 10 нояб. 1911 г. за В. было сохранено «право читать в академии лекции, принимать на себя исполнение различных поручений Совета Казанской Духовной академии в качестве штатного профессора... и участвовать в заседаниях Совета с правом решающего голоса».

В. был одним из инициаторов создания и руководителем открытых 5 нояб. 1911 г. Казанских Высших жен. богословских курсов — первого в России женского богословского учебного заведения (негосударственного). С 23 янв. 1912 г. состоял благочинным церквей при казанских духовных учебных заведениях. С 1915 г. настоятель церкви казанского Богородичного девичьего мон-ря. В 1913–1914 гг. читал в КазДА лекции по вакантной кафедре лат. языка. После национализации в 1919 г. зданий КазДА В. с др. профессорами академии читал лекции студентам частным образом на квартирах.

В марте 1921 г. вместе с ректором КазДА еп. Чистопольским сщмч. *Анатолием (Грисюком)* (впосл. митр. Одесский и Херсонский) и 18 преподавателями был арестован ЧК за нарушение декрета ВЦИК от 23 янв. 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» и содержание незарегистрированного учреждения (академии). 5 окт. 1921 г. вместе с др. преподавателями КазДА В. был приговорен к 1 году заключения в лагерь условно. Состоял в числе преподавателей учрежденного в нояб. 1921 г. Богословского ин-та в Казани, просуществовавшего до 1923 г.

Соч. «Догматическое учение св. Григория Богослова» представляет собой наиболее полное и обстоятельное изложение богословия свт. Григория в рус. церковной науке, опирающееся на детальный анализ его текстов. Оно охватывает все основные разделы его догматической системы: учение о едином Боге, о Св. Троице, космологию и антропологию, Промысел Божий о мире и человеке, христологию и сотериологию, учение о таинствах и эсхатологию. Особое внимание В. уделяет триадологии свт. Григория, поскольку «ни один из христианских догматов не получил столь полного и обстоятельного раскрытия в творениях св. Григория, как именно догмат о Св. Троице» (С. 489–490).

Арх.: НАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11478; Ф. 10. Оп. 1. Д. 11481; Ф. 1172–Р. Оп. 3. Д. 15; РНБ ОР. Ф. 253. № 246. Л. 2; Архив КГБ РТ. Д. 9867.

Соч.: Догматическое учение св. Григория Богослова. Каз., 1887; Устройство и торжество освящения храма при Казанском епархиальном женском училище. Каз., 1893; Взгляд Лукреция Кара на религию в его поэме «О природе вещей». Каз., 1896; Слово в день собора св. Архистратига Михаила // ПС. 1899. Дек. С. 609–618; Слово на собор св. Архистратига Божия Михаила // ПС. 1903. Дек. С. 840–850; Воскресение Христово // ПС. 1911. Янв. С. 674–681.

Лит.: *Терновский С. А.* Ист. записка о состоянии КазДА после ее преобразования (1870–1892). Каз., 1892; Чествование бывш. инспектора Академии прот. Н. П. Виноградова // ПС. 1911. Окт. С. 489–490; *Журавский А. В.* КазДА на переломе эпох (1884–1921 г.): Канд. дис. М., 1999.

А. В. Журавский

ВИНОГРА́ДСКИЙ [Виноградов] Василий, рус. композитор 1-й пол. XVIII в., автор партесных духовных концертов. 3 концерта В. на 12 голосов: «Гласом моим ко Господу возвах», «Хвалите отроцы Господа» и «Не Богу ли повинется душа моя» вместе с сочинениями В. П. *Титова*, Ф. *Редрикова*, Н. *Бавыкина* включены в сборник ГИМ. Епарх. певч. 1 а–к (партии 1, 2, 3-го дисканта, 1, 2, 3-го альта, 1-го, 2-го тенора, 1-го, 2-го баса; партии 3-го альта и 3-го баса утрачены). Указание на автор-

ство (в сокращенном виде: «Виноград», «Виног») имеются в реестрах в партиях 2-го тенора (1-з), 3-го тенора (1-и), 1-го баса (1-к). Владельческие записи в отдельных партиях сборника относятся к 1784–1785 гг. (г. Александров). В ОПИ ГИМ хранится партитура (3 дисканта, 3 альта, 3 тенора, 2 баса) концерта «Господи, силою Твоею возвеселится царь» (C-dur), составленная в кон. XIX в., с подписью С. В. *Смоленского:* «Соч. Вас. Виноградова» (Ф. 379. № 22. Л. 1–70). По сведениям Н. И. Петрова, в собрании Софийского собора в Киеве хранился сборник 12-голосных концертов Титова и Виноградского (10 партий, отсутствуют партии 2-го альта и 3-го дисканта; в наст. время не обнаружены). Смоленский в разных работах приводит различные варианты фамилии композитора кон. XVII — нач. XVIII в., списки сочинений к-рого хранились в б-ке рукописей Синодального уч-ща церковного пения: Василий Виноградов (иногда без имени) и Василий Виноградский. Прот. Василий *Металлов* и Н. Ф. *Финдейзен* писали о Василии Виноградове; Финдейзен называет его московским регентом и композитором кон. XVII в., автором 12-голосных произведений: концерта «Гласом моим ко Господу возвзвах» В. и «службы Божией» (т. е. песнопений литургии).

Лит.: *Перетц В.* Очерк б-ки Киево-Софийского собора // Лит. вестн. СПб., 1901. Т. 2. Кн. 6. С. 123; *Петров Н. И.* Описание рукописных собр., находящихся в г. Киеве. М., 1904. Вып. 3. С. 30; *Смоленский С. В.* Обзор ист. концертов Синодального училища церк. пения в 1895 г. М., 1895. С. 21–22; *он же* // Синодальный хор и училище церк. пения. С. 200. (РДМДМ. Т. 2. Кн. 1); *он же.* О собрании рус. древнепевч. рукописей в Моск. Синодальном училище церк. пения // Там же. С. 231; *он же.* О рус. церковно-певч. лит-ре с пол. XVI в. до нач. влияния приезжих итальянцев // ХРД. 1910. № 5–6. С. 120; *Металлов В., прот.* О национализме и церковности в рус. духовной музыке. М., 1912; *он же.* Очерк истории правосл. церк. пения в России. М., 1915. [Серг. П.], 1995[р]. С. 90–91; *Финдейзен Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России. М.; Л., 1928. Вып. 1. С. 302, 326.

Н. Ю. Плотникова

ВИ́НТЕР [нем. Winter] Эдуард (16.09.1896, Гроттау, ныне Градек-над-Нисоу, Чехия — 3.03.1982, Берлин), нем. историк, академик АН ГДР, специалист по «восточной политике» Ватикана. В 1915–1919 гг. изучал богословие и историю в ун-те Инсбрука. Рукоположенный в сан католич. пресвитера, В. был назначен адъюнктом Пражского ун-та, где защитил докт. диссертацию (1922), затем преподавал церковную историю и философию. В 1941 г. В. оставил священническое служение. В 1945 г. переехал в Вену и занимался восточноевроп. историей. В 1947 г. его пригласили на должность профессора в г. Галле, расположенном в советской зоне оккупации Германии. В 1951 г. он окончательно обосновался в Берлине, где до 1966 г. преподавал в ун-те им. В. Гумбольдта. С 1955 г. академик, член АН ГДР (Берлин). Возглавлял научно-исследовательский ин-т истории СССР в ГДР, являлся вице-президентом Исторического об-ва ГДР. В 1956 г. стал лауреатом Национальной премии ГДР.

В.— автор многочисленных работ, посвященных культурным и научным связям народов Вост. Европы. Однако его основные научные труды посвящены взаимоотношениям России и Папского престола с момента возникновения гос-ва на Руси. Основной работой В. является трилогия «Россия и папство» (Russland und das Papsttum), в к-рой рассмотрены взаимоотношения Киевской и Московской Руси с Папским престолом с X по XVI в. (Ч. 1), отношения Российского гос-ва с католич. Церковью с XVI в. до революции 1917 г. (Ч. 2) и контакты СССР с Ватиканом (Ч. 3). Несмотря на тенденциозное освящение политики католич. Церкви, определяемое как взглядами самого В., так и антицерковной атмосферой страны, где он работал, это сочинение отличается научной скрупулезностью, т. к. автор привлек для своего исследования многочисленные материалы не только из ватиканских и советских источников, но и из архивов ГДР, ФРГ, Австрии и Чехословакии. В 1964 г. в кн. «Папство и царизм» вышел сокращенный перевод первых 2 частей его трилогии. 3-я часть была опубликована в виде краткого изложения в 1972 г., а в 1977 г. вышла отдельной книгой. Перевод этого сочинения, хотя и выдержан в антицерковном духе советского времени, способствовал научному изучению вопросов, связанных с деятельностью католич. Церкви в СССР.

Соч.: Byzanz und Rom im Kampf um die Ukraine. Lpz., 1942. Fürth, 1993; Russland und die slawischen Völker in der Diplomatie des Vatikans, 1878–1903. B., 1950; Russland und das Papsttum. B., 1960–1961. Bd. 1–2 (сокр. рус. пер.: Папство и царизм. М., 1964); Bd. 3: Die Sowjetunion und der Vatikan. B., 1972 (рус. пер.: Политика Ватикана в отношении СССР, 1917–1968 гг. М., 1977); Натиск контрреформации на Россию и польские выборы 1575 и 1587 гг. // Междунар. связи России до XVII в. М., 1961. С. 400–418; Der Josefinismus: Die Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus, 1740–1848. B., 1962; О папской политике объединения Церквей // МИРА. Ежег. М.; Л., 1962. Сб. 6; Рапалло и нем. наука // Рапалльский договор и пробл. мирного сосуществования. М., 1963. С. 166–172; Йозефинизм и современность // ВИРА. 1964. Вып. 12. С. 71–78; Феофан Прокопович и начало рус. просвещения // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 43–46; Rom und Moskau. W., 1972; Отношение Ватикана к Советскому Союзу // ВИ. 1972. № 9. С. 39–51; Чего добивался Ватикан // НиР. 1975. № 5. С. 55–59.

А. Г. Крысов

ВИНТИЛЕ́СКУ [румын. Vintilescu] Петре (25.09.1887, Кэтэняса, Румыния — 12.06.1974, Бухарест), румын. литургист. Род. в семье священника. Учился в ДС в Куртя-де-Арджеш (1900–1903) и в ДС Бухареста (1903–1907), на богословском фак-те Бухареста (1907–1911); в 1926 г. стал доктором богословия (дис. «Культ и ереси»). Служил священником в селах жудеца Арджеш (1911–1914) и в г. Питешти (1914–1928); одновременно преподавал Закон Божий в средних учебных заведениях г. Питешти (1919–1928) и занимал должности председателя епархиального совета, епархиального ревизора и советника по культуре Арджешской епископии. В 1928–1950 гг. преподаватель кафедры литургики и пастырского богословия на богословском фак-те Бухарестского ун-та. В 1936–1938 гг. заместитель зав. кафедрой церковного права, с 1 дек. 1938 по 8 окт. 1940 г. и с 3 сент. 1946 по 4 дек. 1948 г. декан богословского фак-та. 1 марта 1950 г. по возрасту ушел на пенсию. Служил священником в Бухаресте вплоть до своей кончины, за исключением 1932–1933 гг., когда во время академического отпуска окормлял румын. правосл. приход в Париже. В 1954–1966 гг. был председателем Центральной церковной консистории — высшей судебной инстанции в Румынской Православной Церкви после Св. Синода. В 1948 г. вместе с румын. Патриархом *Юстинианом (Мариной)* участвовал во Всеправославном совещании в Москве, где способствовал принятию примирительных решений между правосл.

автокефальными Церквами, перешедшими на новый стиль и оставшимися верными старому.

В.— автор свыше 15 книг и брошюр и более чем 35 статей и исследований, опубликованных в румын. церковной периодике. Он участвовал в переиздании румын. Служебника, сопроводив его историческими, богослужебными и догматическими комментариями, написал неск. работ о совершении Божественной литургии. В работе «Тропарь 3-го часа в эпиклезе» В. проводит историко-литургическое и догматическое исследование проблемы и констатирует, что первоначально этот тропарь не входил в состав анафоры в румын. традиции, но вошел в нее через славянскую, позже к нему был добавлен также тропарь Пятидесятницы. В работе «Проскомидия: структура и последование ее совершения в историческом аспекте» В. прежде всего обращает внимание на разнообразие местных традиций совершения проскомидии. Это касается как числа просфор (1, 3, 5 или даже 7), так и того, каким образом изымаются 9 частиц за святых из 3-й просфоры. «Святое причащение в христианской духовности» — исследование традиций принятия Св. Таин в Восточной Церкви. Автор говорит о необходимости более частого Причащения, чем было принято в его время, но по благословению духовника. В кн. «Исповедь и духовничество» он обратился к насущным вопросам духовной жизни совр. христианина, книга стала своего рода пособием для священника-духовника. В. занимался также историческими исследованиями правосл. гимнографии и народного церковного пения, к-рые, в частности, нашли отражение в работе «О гимнографической поэзии в богослужебных книгах и церковном пении».

Соч.: Cultul şi ereziile. Piteşti, 1926; Două imne îngereşti în Liturghie: imnul heruvic şi imnul serafimic. Piteşti, 1927; Morală creştină. Piteşti, 1928[5]; Misterul liturgic. Bucureşti, 1929; Valoarea socială a Liturghiei // Studii Teologice. 1931. № 1. P. 37–48; Preotul în faţa chemării sale ca pastor al sufletor. Bucureşti, 1934; Troparul Ceasului al treilea în rînduiala Epiclesei // BOR. 1937. № 1/2. P. 1–21; Despre poezia imnografică din cărţile de ritual şi cîntare bisericească. Bucureşti, 1937; Proscomidia privită istoric în structura şi rînduiala ei // Ibid. 1942. № 7/8. P. 320–360; Liturghia credincioşilor privită istoric în structura şi rînduiala ei // Ibid. 1943. № 1–3. P. 33–85; Funcţiunea eclesiologică sau comunitară a Liturghiei // Ibid. 1946. № 1–3. P. 1–28; Funcţiunea catehetică a Liturghiei // Studii Teologice. 1949. № 1/2. P. 17–33; Sfînta Împărtăşanie în spiritualitatea creştină // Ibid. 1953. № 5/6. P. 381–406; Spovedania şi duhovnicia. Alba Iulia, 1995[2]; Liturghierul explicat. Bucureşti, 1998[5]; Liturghia creştină în primele trei veacuri. Bucureşti, 2001[2].

Лит.: *Păcurariu M.* Dicţionarul teologilor români. Bucureşti, 1996.

М. Прутяну

ВИНЦЕ́НТИЙ ИЗ БОВЕ́ [Викентий Бовеский; лат. Vincentius Bellovacensis; франц. Vincent de Beauvais] (ок. 1190, Бове, Сев. Франция — ок. 1264, Бове или Париж), монах-доминиканец, свящ., просветитель и педагог.

Учился, вероятно, в Парижском ун-те; ок. 1220 г. стал монахом доминиканского мон-ря св. Иакова в Париже, ок. 1230 г. был послан в новый доминиканский мон-рь в Бове, субприором к-рого был назначен ок. 1246 г. Через аббата цистерцианского мон-ря Руайомон В. из Б. сблизился с кор. *Людовиком IX Святым*. С кон. 40-х гг. В. из Б. становится лектором, библиотекарем, капелланом и учителем при королевском дворе; пользовался покровительством и поддержкой короля, к-рому в 1260 г. по смерти одного из его сыновей адресовал «Epistola consolatoria super morte filii» (Утешительное послание на смерть сына).

Главным сочинением В. из Б. является гигантская по объему для своего времени (3 млн слов, 9885 глав) и универсальная по содержанию энциклопедия «Speculum majus» (Великое зерцало, ок. 1244–1260), написанная с целью организации в единую и удобную для читателя систему всей совокупности знаний. Принцип объединения в одном сочинении как религ., так и естественнонаучных знаний восходил для В. из Б. к словам ап. Павла: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес 5. 21). Первоначально это сочинение состояло из 3 частей: 1) «Speculum naturale» (Зерцало природы; в 32 кн.), фактически являющееся обширным комментарием на «Шестоднев», рассматривающее большой круг природных явлений в соответствии с порядком творения: вопросы космологии, астрономии, оптики, метеорологии, физической географии, геологии, земледелия, алхимии, биологии, анатомии (в частности, воспроизводятся пропорции человеческого тела, предложенные в трактате «Об архитектуре» Витрувия (De architectura libri decem. III 1)), физиологии, психологии, медицины и др.; 2) «Speculum doctrinale» (Зерцало науки; в 17 кн.), охватывающее не только теоретическое знание (теология, метафизика, физика, «свободные искусства»), но и практические дисциплины (этика, экономика, политика, механические искусства), содержащее помимо прочего разработку теории 4 свойств логических терминов (обозначение (significatio), рассматриваемое как род, по отношению к к-рому видами являются подстановка (suppositio), связка (copulatio) и именование (appellatio)); 3) «Speculum historiale» (Зерцало истории; в 31 кн.), излагающее хронику от сотворения мира до 1254 г. и включающее информацию, почерпнутую из рассказов путешественников, современников В. из Б. напр., Иоанн да Плано *Карпини* («Historia Mongalorum» — История монгалов (монголов)), Симона Сен-Кантенского.

Отрицающий собственную оригинальность в изложении, В. из Б. составил это компилятивное сочинение на основе более 400 как христ., так и языческих (греч., рим.), араб. и евр. источников, к к-рым относился с большим доверием. Основная задача энциклопедии, считал В. из Б., заключается в том, чтобы показать людям путь от невежества, греховности и немощи к мудрости, добродетели и могуществу. Энциклопедии, являясь «зерцалом» распространенных знаний своего времени, были предназначены для широкого круга читателей (*Жильсон*. С. 246).

В 1310–1325 гг., уже после смерти В. из Б., в энциклопедию анонимным автором была добавлена 4-я часть, «Speculum morale» (Зерцало морали), составленная гл. обр. на основе «Суммы теологии» *Фомы Аквинского*. В результате все произведение стало называться «Speculum quadruplex» (Четверное зерцало). Переведенное на франц., каталон., испан., голл., нем. и др. языки и выдержавшее 6 печатных изданий за XV–XVII вв., «Великое зерцало» пользовалось популярностью, его хорошо знали итал. гуманисты, к отрывку из хроники за 1223–1250 гг. (времени правления королей Людовика VIII и Людовика IX и жизни самого В. из Б.) как к достоверному источнику обращались позднейшие историки. Исторические примеры из сочинения В. из Б. использовал Иоанникий Голя-

товский в «Небе новом» (Львов, 1663). В 1679 г. извлеченное из «Великого зерцала» сказание о прор. Мухамаде было переведено на рус. язык *Симеоном Полоцким*.

В ответ на просьбу франц. кор. Маргариты и наставника принца Филиппа помочь придворным учителям в воспитании детей знати В. из Б. написал педагогический трактат «De eruditione filiorum nobilium» (О наставлении детей знати, 1246–1249), представляющий собой антологию образования и воспитания из сочинений античных и христ. авторов (*Аристотеля, Сенеки,* Овидия, Ювенала, *Квинтилиана, Цицерона,* Горация, Персия, блж. *Иеронима Стридонского,* блж. *Августина, Эннодия,* еп. Павийского, свт. *Григория I Великого, Гуго Сен-Викторского, Ришара Сен-Викторского, Бернарда Клервоского* и мн. др.), снабженную заключениями В. из Б. Эта работа была частью задуманного им «Opus universale» (Всеобъемлющего сочинения), посвященного проблемам политической теории и практики, др. частью к-рого является трактат «De morali principis institutione» (О нравственном наставлении правителя, 1260–1263). Согласно В. из Б., цель педагогики состоит в том, чтобы защитить человеческую душу от невежества и пороков «двойным обучением (eruditio), а именно: обучением науке (doctrina) для просвещения интеллекта и обучением дисциплине (disciplina) для направления чувств», ибо «добродетель и знание взаимно помогают друг другу и делают человека мудрым» (De erudit. fil. nob. 1). Стройная, последовательная система образования, опирающаяся на христ. веру как основу нравственности, тщательно разработанные гуманные методы обучения, согласно к-рым убеждение при общении с ребенком имеет приоритет над принуждением и наказанием, попытка проникновения в детскую психологию — все это сделало соч. «О наставлении детей...» популярным не только в высших слоях общества, но и в городской среде.

За энциклопедический характер знаний В. из Б. получил почетное прозвище «Speculator» (лат.— наблюдатель, отображатель).

Соч.: Speculum quadruplex, sive Speculum majus. Duaci, 1624. Graz, 1964–1965[r]; De eruditione filiorum nobilium / Ed. A. Steiner. Camb. (Mass.), 1938. N. Y., 1970 (рус. пер.: О наставлении детей знатных граждан (избр. главы) / Пер. Н. В. Ревякиной, Т. Б. Рябовой // Антология педагогич. мысли христ. Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 111–137); De morali principis institutione: [Introd., crit. text] / Ed. R. J. Schneider. Turnholti, 1965. (CCCM; T. 137).

Лит.: *Boutaric E.* Vincent de Beauvais et la connaissance de l'antiquité classique au treizième siècle. P., 1875; *Lieser L.* Vincenz von Beauvais als Kompilator und Philosoph. Lpz., 1928; *Малеин А. И.* Энциклопедия Винцентия из Бовэ // Тр. Ин-та книги, документа и письма АН СССР. Л., 1932. Ч. 2: Статьи по истории энциклопедий. С. 23–41; *Gabriel A. L.* The Educational Ideas of Vincent Beauvais. Notre Dame (Ind.), 1956, 1962[2]; *Lemoine M.* L'œuvre encyclopédique de Vincent de Beauvais: (La pensée encyclopédique au Moyen Âge) // Cah. d'histoire mondiale. 1966. Vol. 9 (3); *McCarthy J. M.* Humanistic Emphases in the Educational Thought of Vincent of Beauvais. Leiden, 1976; *Lusignan S.* Préface au Speculum Majus de Vincent de Beauvais. Montréal; P., 1979; *Tobin R. B.* Vincent of Beauvais's «De eruditione filiorum nobilium»: The Education of Women. N. Y., 1984; *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Пер. В. И. Матузовой. М., 2001. С. 445–448.

А. М. Шишков

ВИНЦИА́НА [лат. Vinciana] (VII в.), прп. (пам. зап. 11 сент.), сестра прав. *Ландоальда*. Вместе с братом и 7 его спутниками прибыла из Италии на север Галлии, в королевство франков. Сопровождала брата в его миссионерских трудах на территории совр. Бельгии. После смерти была погребена Ландоальдом в мест. Винтерсховен (совр. бельг. пров. Лимбург). В X в. эта местность принадлежала мон-рю св. *Баво Гентского*. В 977 г. по инициативе монахов этого мон-ря было произведено вскрытие захоронений в Винтерсховене. Мощи В. были обретены нетленными и опознаны благодаря серебряному кресту на ее груди. Тогда же мощи В. вместе с мощами св. Ландоальда были перенесены в мон-рь св. Баво Гентского. В 1624 г. Антоний Трист, еп. Гентский, передал часть мощей В. церкви Винтерсховена. Почитается в Бельгии как святая.

Лит.: *Brouette E.* Vinciana // BiblSS. Vol. 12. Col. 1190–1191.

Д. В. Зайцев

ВИОЛА́КИС [греч. Βιολάκης] Георгий (ок. 1820, о-в Сифнос — июль 1911, К-поль), главный протопсалт К-польского Патриархата. Служил канонархом в храмах К-поля. Изучал теорию и практику визант. церковного пения сначала на о-ве Хиос у протопсалта Н. Павлаки и в мон-ре Неа-Мони, у мон. Мелетия, затем в К-поле у Феодора Фокейского. С 1843 г. служил в храме св. Иоанна на Хиосе. В 1865 г., отклонив предложение К-польского Патриарха Софрония II занять должность протопсалта патриаршего храма, стал преподавателем визант. пения в Халкинской богословской школе.

В 1876 г., при Патриархе Иоакиме II, единогласным решением Свящ. Синода В. избран на должность главного протопсалта Патриархии, к-рую занимал до 1905 г. В. участвовал в подготовке новой редакции Типикона для соборных и приходских храмов. *Виолакиса Типикон* (1888) стал основным во всех греч. Церквах. В. работал над материалами певч. книги «Доксастария» Петра Пелопоннесского, новая редакция к-рого была выпущена учениками В. в 1889 г.

Лит.: ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 905–906.

А. А. Ткаченко

ВИОЛА́КИСА ТИПИКО́Н, богослужебный устав, употребляемый ныне в греч. кафедральном, приходском и отчасти монастырском богослужении. Является переработкой Типикона Великой Церкви Христовой, составленного протопсалтом Константином и изданного в 1838 г. Согласно решению особой богослужебной комиссии, протопсалту *Виолакису* было поручено подготовить новую редакцию этого Типикона, к-рая и была составлена, а затем одобрена Свящ. Синодом при Патриархе Дионисии V и издана в 1888 г. в К-поле (посл. изд.: *Βιολάκης Γ.* Τυπικὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ὁμοῖον καθ' ὅλα. Ἀθῆναι; Θεσσαλονίκη, s. a).

В. Т. сохранил характерные черты Типикона протопсалта Константина (напр., отсутствие всенощных бдений (обычно ежедневно совершаются: вечером — 9-й час и вечерня; утром — сокращенная полунощница, утреня и сразу литургия, без часов), чтение Евангелия на утрене после 8-й песни канона в воскресные и праздничные дни, особый устав пения литургийных антифонов и др.). Как и Типикон протопсалта Константина, В. Т., в целом основываясь на *Иерусалимском уставе* и соответствующих ему книгах, является, видимо, фиксацией греч. кафедрально-приходской практики XVIII–XIX вв.

В. Т. состоит из предисловия; предварительной части (т. н. протеория),

в к-рой описывается порядок служб суточного круга начиная с 9-го часа; 3 глав об особенностях совершения богослужения в будние, воскресные и праздничные дни; 3 больших разделов: месяцеслова и описания богослужения в дни подвижной части годового круга — в период Великого поста и в период Пятидесятницы (эти 3 раздела составляют основную часть В. Т., причем в месяцеслове описаны не все, но только избранные дни, когда совершение служб может вызвать затруднения); приложения (особенности совершения богослужения нек-рых дней в патриаршем храме (субботы Акафиста, недели всех святых); богослужения при освящении храма; устав на провозглашение К-польского Патриарха и на интронизацию Патриарха; чин молебна 1-го сент.; указания о благовесте в Великие праздники; список праздников, в к-рые Патриарх возглавляет службу в патриаршем храме; глава о хиротониях (особенности совершения в различные дни); глава «О сослужителе» (особенности нек-рых моментов служб при сослужении неск. священников), чин погребения). В конце В. Т. приводится таблица соотношения неподвижных праздничных дней (11 янв.— 25 мая) с днями подвижного годового круга для нек-рых дат празднования Пасхи.

Церковнослав. версия совр. греч. Типикона является ныне основным регулятором литургической жизни в Болгарской Православной Церкви. Перевод греч. Типикона протопсалта Константина (по изд. 1851) был сделан иером. Неофитом Рильским и опубликован в К-поле в 1853 г.; впосл. неоднократно печатался (с изменениями) в К-поле, Велико-Тырнове, Софии (одно из последних изд.— София, 1980).

Лит.: *Скабалланович.* Типикон. Вып. 1. С. 492–494.

А. А. Лукашевич

ВИОЛЛЕ́-ЛЕ-ДЮК [франц. Viollet-le-Duc] Эжен Эмманюэль (27.01.1814, Париж — 17.09.1879, Лозанна), франц. архитектор и историк, один из создателей теории архитектуры Нового времени, реставратор средневек. зданий. Его теоретические труды и опыт практической реставрации средневек. церковной архитектуры существенно повлияли на развитие архитектурной реставрации в России и актуальны в наст. время, когда происходит массовое восстановление и реставрация правосл. храмов. Окончив Бурбонский коллеж со степенью бакалавра (1830), В.-ле-Д. решил стать архитектором; совершил ряд творческих поездок (1831–1836: Овернь, Прованс, Нормандия, замки Луары, Пиренеи, Лангедок; 1836–1837: Рим, Сицилия, Неаполь, Венеция). С 1834 г. преподавал (с перерывами) в Рисовальной школе. В 1838 г. стал аудитором Совета по архитектуре, одной из 2 основных орг-ций Франции по охране и реставрации памятников; в 1846 г. архитектор аббатства Сен-Дени; с 1853 г. (до отставки за вольнодумство в 1874) генеральный инспектор епархиальных сооружений Франции; в 1863 г. профессор Школы изящных искусств. С 1874 г. В.-ле-Д. занимался завершением проектов и вопросами организации городской экологии Парижа, муниципальным советником к-рого оставался до конца жизни. Был кавалером (позже офицером и командором) ордена Почетного легиона, российского ордена св. Станислава II степени и др.

Большой вклад В.-ле-Д. внес в натурное изучение и реставрацию христ. средневек. архитектуры, особенно в «стилевую» реставрацию, стремившуюся восполнить утраты путем проникновения в психологию средневек. художника и его замысел, в дух эпохи. В.-ле-Д. руководил реставрацией мн. памятников национального значения. В 1840 г. ему было поручено возглавить реставрацию базилики Сент-Мадлен в Везле (XII в.) и часовни Сент-Шапель в Париже совместно с Ж. Б. Лассю, с к-рым в 1844 г. они выиграли конкурс на реставрацию собора Парижской Богоматери (Нотр-Дам-де-Пари). Реставрировал также укрепления Каркасона (1849) и Авиньона (1860–1868), соборы Амьена (1849–1875), Реймса (1861–1873) и Клермон-Феррана (с 1862), ц. в Пуаси (1852–1865) и мн. др. На основе этого опыта сформировались его взгляды как теоретика реставрации и новой архитектуры. В.-ле-Д. был сторонником научного изучения и точной фиксации открытий, в т. ч. с помощью молодой тогда фотографии и традиц. чертежей и рисунков. Он являлся одним из лучших мастеров рисунка, к-рый он использовал не только в архитектурной практике, но и при оформлении книг (249 рисунков, привезенных из путешествий, были опубликованы в 1837–1844 в архитектурном обозрении «Voyages pittoresques et romantiques dans l'ancienne France»).

Наибольшую известность В.-ле-Д. принесли научные и научно-популярные труды. Его работы в «Annales archéologiques» стали выходить с 1845 г.; с 1858 г.— переработанный курс лекций «Беседы об архитектуре» (Entretiens sur l'architecture. P., 1863, 1872. 2 vol.) и многотомная энциклопедия средневек. утвари (Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque carolingienne à la Renaissance. P., 1858–1875. 6 vol.). Став знатоком мельчайших археологических деталей архитектуры прошлого, он попытался выстроить аналитическую модель средневек. системы конструкции (в основном готической, к-рая представлялась ему универсальной и совершенной). Подробно В.-ле-Д. представил ее в «Толковом словаре архитектуры» (Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle. P., 1854–1868. 10 vol.), послужившем толчком к появлению в Европе движения «за возрождение готики» (gothic revival).

Взгляды В.-ле-Д. во многом определили развитие реставрации не только в XIX, но и в XX в. В их основе лежат романтизм и архитектурный рационализм, видение в постройке конкретного воплощения стиля, к-рый следовало «восстановить» даже в том случае, если здание не имело его в прошлом. В.-ле-Д. считал, что следует выделить особые черты, определяющие индивидуальность постройки, и попытаться восстановить первоначальное единство стиля, даже путем разрушения старых частей и воспроизведения их по аналогиям (реставрируя ц. Сент-Мадлен в Везле, он заменил часть стрельчатых крестовых сводов XIII в. сводами в стиле XII в.; подменил утраченные части заново сделанными в соборе Парижской Богоматери, соборе в Амьене и др.). Этот реставрационный метод подвергся жесткой критике, особенно со стороны англ. коллег; выражение «реставрация а ля Виолле-ле-Дюк» стало нарицательным обозначением волюнтаристской и деструктивной стилевой реконструкции. Тем не менее труды В.-ле-Д. углубили понимание средневек. архитектуры и прояснили подход к ее ре-

ставрации. Особенно важно, что В.-ле-Д. считал предметом исследования и восстановления не только внешний облик здания, но и его конструкцию. Позже В.-ле-Д. перешел к использованию казавшихся ему наилучшими совр. материалов и более сложных, чем первоначальные, методов, с целью более надежной защиты здания от воздействия внешней среды и т. п.

Труды В.-ле-Д. оказали влияние и на развитие в XIX в. новой, нетрадиц. архитектуры в Европе, Америке и России. Представитель школы рационализма в архитектуре Франции (как архитектору-проектировщику ему принадлежат проекты 3 храмов и ряда частных резиденций), он обучил целое поколение архитекторов, к-рые начали активное применение новых материалов (чугуна, стали, бетона). Большое внимание В.-ле-Д. уделял каркасным и ажурным металлоконструкциям, в к-рых видел развитие принципов готической архитектуры. Ведущие теоретики архитектуры XX в. (А. Гауди-и-Корнет, Л. Э. Салливан) постоянно обращались к трудам В.-ле-Д., цитировали его «Беседы», к-рые наряду с трактатами Витрувия и Альберти образовали теоретический фундамент искусства архитектуры.

Особое влияние В.-ле-Д. имел на развитие церковной архитектуры и реставрации в России. Первый вышедший в России обобщающий труд по методам реставрации древних памятников был составлен по работам В.-ле-Д. (Реставрация древних архит. памятников (по Виоллеле-Дюку) Н. В. Никитина // Древности: Тр. МАО. М., 1887. Т. 11. Вып. 3). Его взгляды в России воспринимали как новаторские, защищающие национальное наследие, призывающие вернуться к народным истокам искусства. Дискуссии о происхождении древнерус. церковного искусства и его значении для совр. России послужила кн. В.-ле-Д. о рус. искусстве (L'Art russe: Ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir. P., 1877) в пер. Н. В. *Султанова* (Рус. искусство: его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность. М., 1879). Написанная на основе материалов, полученных из России («Древности Российского государства» и франц. перевод «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина), книга вызвала резко отрицательную реакцию мн. ученых и архитекторов, мнение к-рых выразили в особых работах Ф. И. *Буслаев,* один из основателей *Археологической комиссии,* С. Г. Строганов, архит. В. В. Суслов. Несмотря на стремление В.-ле-Д. «вытолкать Россию из Европы в Азию» (Буслаев), книга принесла развитию рус. искусствознания и архитектуры пользу, позволив взглянуть на национальное искусство со стороны. Отказываясь причислить древнерус. искусство к европ., В.-ле-Д. предложил свою схему его происхождения, близкую «евразийской», и назвал Русь «лабораторией, в которой искусства, занесенные со всех концов Азии, соединились вместе для принятия формы, средней между миром восточным и миром западным». Это искусство он охарактеризовал как средневек. и обосновал тезис о его самостоятельности; формы рус. церковного зодчества виделись В.-ле-Д. не подражанием, а развитием исходных (не только визант.) образцов, к XV в. достигших самобытности, а в XVI в. давших подлинные шедевры. В.-ле-Д. рассматривал процесс развития искусства не как произвольный выбор форм, а как результат сложившихся географических и исторических условий (климата, характера потребностей и ремесленных навыков, материалов, обычаев и вкусов, религ. чувства). Наивность мн. выводов (толщина церковных стен объясняется холодным климатом, особенности сознания сведены к патриотизму и вере и т. п.) и др. недостатки книги были обусловлены неполнотой данных и тем, что ее автор никогда не видел тех памятников, к-рые описывал. Понимая это, часть рус. ученых (В. И. Даль и Султанов) приветствовали книгу, особенно в отношении функционального и конструктивного анализа.

Др. труды В.-ле-Д., переведенные на рус. язык до революции (напр., История рисовальщика. СПб., 1882; Об украшении зданий. М., 1903), имели умеренный успех в отличие от изданной Академией архитектуры кн. «Беседы об архитектуре» (М., 1937–1938. 2 т.), до сих пор имеющей значение для историков и практиков-архитекторов.

Соч.: Histoire d'une maison. P., 1873; Histoire d'une forteresse. P., 1874. Brux., 1978[r]; Habitations modernes. P., 1875–1877. 2 vol.; Histoire d'un hôtel de ville et d'une cathédrale. P., 1877. Brux., 1978[r]; Histoire d'un dessinateur. P., 1879; Lettres inédites de Viollet-le-Duc recueillies et annotées par son fils. P., 1902; Lettres d'Italie, 1836–1837, adressées à sa famille. P., 1971; Voyage aux Pyrénees, 1833: Lettres à son père et journal de route. Lourdes, 1972; Жизнь и развлечения в Ср. века. СПб., 1997, 2003.

Лит.: *Строганов С. Г.* Рус. искусство: Е. Виолле-ле-Дюк и архитектура в России от X по XVIII вв. СПб., 1878; *Буслаев Ф. И.* Рус. искусство в оценке франц. ученого // Крит. обозр. М., 1879. № 2/5; *Султанов Н. В.* Рус. зодчество в зап. оценке // Зодчий. 1880. № 12; *Михайловский Е. В.* Реставрация памятников архитектуры (развитие теорет. концепций). М., 1971. С. 40–58; *Foucart B.* Viollet-le-Duc. P., 1980 [кат. выст. в Гран Пале с указ. ист. и полной библиогр.]; L'Éclectisme raisonné / Éd. B. Foucart. P., 1984; Viollet-le-Duc et la restauration // Les Lieux de memoire: La Nation. P., 1986. Vol. 2. P. 613–649; *Bressani M.* Notes on Viollet-le-Duc's Philosophy of History: Dialectics and Technology // J. Soc. Archit. Historians. 1989. Vol. 48. № 4. P. 327–350; *Рыцарев К. В.* Нек-рые тенденции западноевроп. архит. реставрации XIX в. // Реставрация и архит. археология. М., 1995. Вып. 2; Памятники архитектуры в дорев. России: Очерки по истории архит. реставрации. М., 2002. С. 290–296.

Л. А. Беляев

ВИ́ППЕР Борис Робертович (3.04.1888, Москва – 24.01.1967, там же), сын Р. Ю. *Виппера,* рус. искусствовед, автор статей, монографий по теории и истории мирового искусства, видный педагог, музейный деятель, заслуженный деятель искусств РСФСР (1959), член-корр. АХ СССР (1962). Круг интересов В. составили античность, итал. Возрождение и барокко, нидерланд. и голл. живопись XV–XVII вв., искусство Англии, рус. архитектура XVII–XVIII вв., рус. живопись XIX в. В. окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та (1911). В 1913–1923 гг. работал в Румянцевском музее хранителем картинной галереи. В 1914–1917 гг. читал лекции в Народном ун-те им. А. Л. Шанявского. С 1915 г. приват-доцент Московского ун-та. Совершал поездки в Италию, Голландию, Вену, Париж для работы в б-ках и музеях. С 1918 г. участвовал в работе музейной секции Наркомпроса. В 1918 г. защитил магист. дис. «Проблема и развитие натюрморта» (Каз., 1922), был утвержден профессором Московского ун-та, где до 1924 г. читал лекции и проводил семинары. В 1922–1923 гг. В.— руководитель Ин-та истории искусств, в 1923–1924 гг.— зав. секцией изобразительных искусств при ГАХН. С 1924 по

1941 г. преподавал в Латвийском гос. ун-те и в Рижской АХ. В 1927 г. защитил докт. диссертацию в Каунасском ун-те. В 1937 г. с исследовательскими целями посетил Италию, Францию, Голландию. С 1941 г. В.– старший научный сотрудник Ин-та истории материальной культуры АН СССР, профессор и зав. кафедрой истории искусства ИФЛИ. В 1943 г. возглавил кафедру общего искусствознания, в 1949–1955 гг. зав. кафедрой западноевроп. искусства в МГУ. В 1944 г. В. вместе с отделом из ИИМК перешел в Ин-т истории искусств АН СССР, созданный под рук. И. Э. *Грабаря;* тогда же стал зам. директора по научной части ГМИИ.

В 1959 г. В. возглавил межсекторную группу по истории искусствознания, с 1960 г.– комплексный сектор классического искусства Запада Ин-та истории искусств, основной задачей к-рых было комплексное изучение пространственных искусств, музыки, театра, лит-ры. Под рук. В. и при его участии создавался многотомный коллективный труд «История европейского искусствознания» (М., 1963–1969); им была задумана и начата, а впосл. продолжена его учениками и сотрудниками комплексная «История искусств стран Зап. Европы от Возрождения до нач. XX в.: Живопись. Скульптура. Графика. Архитектура. Музыка. Драма. Театр» (М., 1980, 1988, 1995).

В своих работах В. исследовал панораму мирового искусства, развивавшегося по историческим этапам и фазам, основываясь на понимании его как средства познания мира. Вкладом ученого в теорию искусства стала концепция исторической логики смены стилей, изучение феномена «борьбы течений» как отражения внутренних противоречий эпохи в переходные исторические моменты, разработка вопросов метода в искусствознании.

В истории рус. искусства XVII–XVIII вв. В. интересовали вопросы формирования стиля, взаимосвязь старых народных традиций с новыми, европ. по происхождению веяниями. Изучая пути сложения рус. барокко, В. доказывал, что в XVII в. этот стиль не коснулся глубоких пластов художественной жизни Руси: в 20–30-х гг. только наметилось сближение с зап. стилистической эволюцией, но не с барокко, а с более ранней архитектурой маньеризма североевроп. гос-в — Голландии, Германии, Дании. С сер. XVII в. к этому процессу присоединилось общеевроп. художественное влияние, проникавшее через Польшу и Украину. В памятниках Соликамска, Каргополя, Мурома, где с сер. XVII в. распространенным стало сочетание широкой глади стены с тончайшей кружевной орнаментикой, В. видел наиболее близкую аналогию сооружениям маньеризма «в его раннем итальянском варианте». Новая для Руси система росписи, известная по памятникам Ярославля и Костромы XVII в., по мнению В., являлась также отражением понимания декоративного ансамбля, к-рое зародилось в кругах рим. и флорентийских маньеристов в сер. XVI в.

Памятники нарышкинского стиля В. также не соотносил со стилем барокко, усматривая противоречие между наружным и внутренним убранством сооружений: мотивы наружных элементов восходили к прототипам маньеризма и традициям рус. деревянного зодчества с его антибарочным принципом распределения декоративных элементов; во внутреннем убранстве сочетались традиции рус. растительного узора с барочными мотивами и пышностью. В 1-й трети XVIII в., по мнению В., благодаря сближению церковного зодчества с гражданским нарышкинский стиль переродился в барокко (ц. Воскресения в Барашах, 1732–1734). В 1-м десятилетии XVIII в. наступил расцвет архитектуры, к-рую В. называл «голицынской» (церкви Знамения Пресв. Богородицы в Дубровицах и в Перове). Объемы этих храмов, замкнутый характер масс сближали их с памятниками Ренессанса. Т. о., национальное своеобразие рус. архитектуры ученый неизменно рассматривал в связи с эволюцией мировой художественной культуры. Концепция формирования стиля в рус. зодчестве XVII — 1-й пол. XVIII в. у В. строилась на сопоставлении архитектуры с театром, музыкой, лит-рой, изобразительным искусством.

Памяти В. посвящены научные конференции — «Випперовские чтения», проводимые в ГМИИ с 1968 г. и объединяющие исследователей различных областей гуманитарного знания.

Соч.: Проблема сходства в портрете. М., 1917; Джотто. М., 1938; Английское искусство. М., 1945; Тинторетто: 1519–1594. М., 1948; Борьба течений в итал. искусстве XVI в. (1520–1590): К пробл. кризиса итал. гуманизма. М., 1956; Очерки голландской живописи эпохи расцвета. М., 1962; История европ. искусствознания: От античности до кон. XVIII в. М., 1963; Проблемы реализма в итал. живописи XVII–XVIII вв. М., 1966; Ренессанс. Барокко. Классицизм: Пробл. стилей в западноевроп. искусстве XV–XVII в. М., 1966; Ст. об искусстве. М., 1970; Искусство Др. Греции. М., 1972; Итал. Ренессанс XIII–XVI в.: Курс лекций по истории изобразит. искусства и архитектуры: В 2 т. М., 1977; Архитектура рус. барокко. М., 1978; Введение в ист. изучение искусства. М., 1985.

Лит.: *Ливанова Т. Н.* Б. Р. Виппер и его научное наследие // *Виппер Б. Р.* Ст. об искусстве. М., 1970; *Ротенберг Е. И.* Памяти Б. Р. Виппера // Искусство Запада: Живопись. Скульптура. Театр. Музыка: Сб. ст. [Посвящ. памяти Б. Р. Виппера]. М., 1971. С. 7–19; *Левитин Е. С.* Б. Р. Виппер – музейный работник // Музей – 6: Худож. собр. СССР. М., 1986.

Ю. В. Иванова, Е. Э. Спрингис

ВИ́ППЕР Роберт Юрьевич (2.07. 1859, Москва – 30.12.1954; там же), историк, академик АН СССР (1943). Род. в семье учителя. В 1880 г. окончил историко-филологический фак-т Московского ун-та. В 1894 г. защитил докт. дис. «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в.: Церковь и гос-во в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма», к-рая в том же году была удостоена Большой золотой медали им. С. М. *Соловьёва*. В 1894–1897 гг. В. занимал должность профессора кафедры всеобщей истории Новороссийского ун-та в Одессе. В 1897 г. вернулся в Москву, читал курсы лекций по древней и новой истории в Московском ун-те. Материалы этих курсов легли в основу его работ «Лекции по истории Греции» (1905) и «Очерки истории Римской империи» (1908). В это же время В. были составлены учебники и учебные пособия «Древняя история для среднего возраста», «История средних веков», «Новая история для старших классов гимназий».

В 1918 г. В. опубликовал брошюру «Возникновение христианства», в к-рой стремился изложить научно-рационалистическую критику истории раннего христианства, отрицая историчность Христа. В 1922 г. В. И. *Ленин* в ст. «О значении воинствующего материализма» осудил работу В. за «немарксистский» подход, заключавшийся в отсутствии «сознательной критики религий». В 1923 г. В. был уволен из Москов-

ского ун-та и в следующем году вынужден был эмигрировать из Советской России в Латвию. С 1927 г. преподавал в Латвийском ун-те в Риге, где занимался историей латв. крестьянства. После присоединения Латвии к СССР, в 1941 г., В. по предложению советских властей вернулся в Москву, где в сент. того же года стал профессором Московского ин-та философии, лит-ры и истории. С 1943 г. работал в Ин-те истории АН СССР и на кафедре истории древнего мира МГУ. В том же году избран действительным членом АН СССР. В 1944 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1945 г.– орденом Ленина.

В.– автор более 300 произведений, посвященных вопросам истории, проблемам методологии исторических исследований, методики преподавания истории. В последние годы жизни он в основном занимался историей раннего христианства. В опубликованных работах «Возникновение христ. литературы» (1946) и «Рим и раннее христианство» (1954) В. опирался на опыт рационалистической критики XIX в. и был последователем т. н. *мифологической школы*. Особое значение В. придавал т. н. молчанию века (saeculi silentium) — утверждению, что все упоминания о Христе и христианах, содержащиеся в произведениях античной лит-ры I в. по Р. Х., являются либо фальсификациями, либо поздними интерполяциями. С т. зр. В., к I в. по Р. Х. могут быть отнесены только *Ермы Пастырь* и *«Дидахе»* (или «Учение апостолов»), но, по его мнению, они еще не являются собственно христ. произведениями, т. к. возникли в дохрист. среде *ессеев*, к-рых В. называет прямыми предшественниками христиан. Соответственно все произведения НЗ датировались В. II в. по Р. Х. (не ранее 130–140), он полагал, что они в значительной степени зависят от сочинений *Плутарха*. Очевидно, что во мн. своих выводах В. следовал своим атеистическим воззрениям и иногда был радикальнее зап. критиков истории христианства (см. ст. *Библеистика*), нек-рые из этих выводов были критически восприняты даже советскими учеными-атеистами.

Соч.: Церковь и гос-во в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894; Общество, гос-во, культура XVI в. на Западе. М., 1897; Общественные учения и ист. теории XVIII–XIX вв. в связи с общественными движениями на Западе. СПб., 1900. М., 1908[2]; Лекции по истории Греции. М., 1905; Очерки истории Римской империи. М., 1908; Очерки теории ист. познания. М., 1910; Заметки историка о совр. религ. исканиях. М., 1916; История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. М., 1916; Учебник новой истории 1500–1916 гг. М., 1917[5]; Возникновение христианства. М., 1918; Кризис ист. науки. Каз., 1921; Судьба религии. Берлин; Пг., 1921; Круговорот истории: Сб. ст. М.; Берлин, 1923; Учебник древней истории. М., 1924[4]; Возникновение христ. лит-ры. М.; Л., 1946; История средних веков. М., 1947; Рим и раннее христианство. М., 1954; Краткий учебник истории средних веков. М., 1993[11]; Избр. соч.: В 2 т. Р.-н/Д., 1995; История древнего мира. М., 1993, 1997; История нового времени. М., 1995.

Лит.: Р. Ю. Виппер: [Некролог] // ВИ. 1955. № 1. С. 192; *Голубцова Н.* Академик Р. Ю. Виппер // НиР. 1969. № 7. С. 95–96; *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Володихин Д. М.* «Очень старый академик»: Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера. М., 1997.

Г. А. Кошеленко, А. Г. Крысов

ВИРАКО́ЧА [Уиракоча, полное имя — Илья-Кон-Тикси-Виракоча], одно из верховных божеств в мифологии индейского племени кечуа, бог-демиург, первопредок всех людей. Происхождение образа В., возможно доинкское, относится к эпохе цивилизации Тихуанако, существовавшей на территории совр. Перу в VII–X вв. В. почитался как бог неба и грома, имел также черты солнечного божества. Глава гос-ва Тихуанако являлся одновременно верховным жрецом В. и считался его воплощением на земле. С кон. XV в. в пантеоне инков В. занимает главенствующую позицию, вытесняя прежних верховных божеств или сливаясь с ними (В. отождествляется с богом солнца Инти, богом огня Пачакамаком). Это возвышение связано с деятельностью имп. Пачакути (Пачакутек; 1438–1471), считавшего В. своим личным покровителем и помощником в борьбе с соседними воинственными племенами. Пачакути построил в Куско храм с золотой статуей В. и распространил его культ в провинциях.

По одному из вариантов индейской космогонии, В. после первой неудачной попытки творения, закончившейся потопом, создал мир, светила и людей, установил этнические, языковые и культурные различия между ними, отвел каждому из племен свою область обитания и вместе со своими помощниками путешествовал по земле, чтобы дать людям необходимые для жизни знания. Нек-рые племена не признали в В. своего творца и напали на него, так что он был вынужден обратить одних в камень, а другим пригрозить небесным огнем. Завершив свою миссию, В., по легенде, уплыл (или ушел по воде) на запад, пообещав однажды вернуться. Он описывается как высокий, сильный человек, со светлой кожей и белой бородой, одетый в длинные белые одежды, с посохом в руке. Нек-рые исследователи предполагают, что прообразом явились европейцы, еще до Колумба прибывшие в Америку из-за океана. Имя В., согласно различным версиям, означает «лавовое озеро» или «морская пена».

ВИРГИ́Л [Виргилий; ирл. Fergil, Ferghil; лат. Virgilius;] (ок. 710, Ирландия — 27.11.784, Зальцбург), св. (пам. зап. 27 нояб.), еп. Зальцбургский. Был монахом, затем аббатом ирл. мон-ря Аабо (ныне в графстве Лиишь). Как и мн. др. ирл. монахи, отправлявшиеся на континент для миссионерства, В. покинул Ирландию и ок. 743 г. прибыл ко двору франк. мажордома *Пипина Короткого*. В 745 г. В. направился в Баварию, к герц. Одилону, к-рый назначил В. аббатом бенедиктинского мон-ря св. Петра в Зальцбурге. С 747 (или с 749) г. В. управлял Зальцбургским еп-ством, продолжая оставаться аббатом мон-ря св. Петра и не получая епископского рукоположения (следуя существовавшей в Ирландии практике, согласно к-рой аббат занимал ведущую роль в управлении еп-ством). Осуществление непосредственных епископских функций В. передал прибывшему из Ирландии еп. Добдагреку. Однако папский легат в Баварии архиеп. Майнцский св. *Бонифаций* (Винфрид) счел такую практику неканоничной, что привело к конфликту между ним и В. Несмотря на это, В. продолжал управлять еп-ством в сане аббата и принял епископское рукоположение только в 755 г. или, согласно Зальцбургским анналам, в 767 г.

Ранее между В. и св. Бонифацием возникли разногласия по ряду вопросов литургического и богословского характера. Одним из спорных пунктов был вопрос о действительности неправильно совершенного Крещения. Из-за низкого уровня

образования среди духовенства мн. малограмотными священниками допускались ошибки при совершении таинства Крещения: вместо формулы «...in nomine Patris et Filii...» («...во имя Отца и Сына...») произносилось: «...in nomine patriae et filiae...» («...во имя отечества и дочери...»). По мнению св. Бонифация, крещенных с такой формулой было необходимо перекрещивать, но В. настаивал, что в данном случае нет к.-л. ереси или сознательного искажения, а потому совершенное с ошибочной формулой крещение может признаваться действительным. Др. предметом спора было разделявшееся В. учение о шарообразной форме Земли и существовании антиподов — людей, живущих на др. стороне Земли («под Землей»). Римский папа св. *Захария* поддержал позицию В. по вопросу Крещения, направив в 748 г. послание св. Бонифацию (PL. 89. Col. 943–948), но в том же послании критиковал В. за учение об антиподах, к-рое было названо папой «дурным и неправедным».

Среди современников В. был известен своей образованностью и значительными для своего времени познаниями в области астрономии, географии и математики, за что получил прозвище Геометр (Virgilius Geometer). С т. зр. нек-рых исследователей (напр., Х. Лёве), В. был автором т. н. «Космографии Этика Истра».

С именем В. связывается первая по времени миссия среди зап. славян в Каринтии, Паннонии и Штирии, где направленные В. миссионеры осуществляли строительство храмов и переводили христ. тексты на слав. язык. В поздних зальцбургских летописях В. назван «апостолом Каринтии». Для успешного распространения христианства в Баварии им были основаны новые мон-ри в Зальцбурге (жен. мон-рь Ноннберг), Бишофсхофене, Мондзе, Кремсмюнстере и др. При В., в 767–774 гг., был сооружен первый кафедральный собор Зальцбурга (разрушен при пожаре в 1167), освященный им 24 сент. 774 г. в честь первого Зальцбургского епископа — св. *Руперта*.

После кончины В. был погребен в построенном им соборе. 18 июня 1233 г. папа *Григорий IX* причислил его к лику святых. В 1628 г. мощи В. вместе с мощами св. Руперта были положены под центральным алтарем нового кафедрального собора Зальцбурга.

Ист.: Auctarium Garstense / Ed. H. Pertz // MGH. SS. Bd. 9. P. 561–569; Conversio Bagoariorum et Carantanorum / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. Bd. 11. P. 1–17.

Лит.: Austria Sancta: Die Heiligen und Seligen Salzburgs / Hrsg. P. Karner. W., 1913. S. 85–94; *Löwe H.* Ein literarischer Widersacher des Bonifatius: Virgil von Salzburg und die Kosmographie der Aethicius Ister // Abhandl. der Akad. Wiss. Mainz. 1951. Bd. 11. S. 903–990; *Grosjean P.* Virgile de Salzbourg en Irlande // AnBoll. 1960. Vol. 78. P. 92–123; *Исаченко А. В.* К вопросу об ирл. миссии у паннонских и моравских славян // Вопр. слав. языкознания. 1963. Вып. 7. С. 43–72; *Wolfram H.* Der Zeitpunkt der Bischofsweihe Virgils in Salzburg // MIÖG. 1971. Bd. 79. S. 297–315; 1200 Jahre Dom zu Salzburg, 774–1974. Salzburg, 1974; *Wolfram H.* Die Zeit der Agiloefinger: Rupert und Virgil // Geschichte Salzburgs: Stadt und Land / Hrsg. H. Dopsch, H. Spatzenegger. Salzburg, 1983². Bd. 1. Tl. 1. S. 121–150; Virgil von Salzburg: Missionar u. Gelehrter / Hrsg. H. Dopsch, R. Juffinger. Salzburg, 1985; *Prinz F.* Frühes Mönchtum im Frankenreich. Darmstadt, 1988²; *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Зап. Европе раннего средневековья: Герм. земли II/III — сер. XI в. М., 2001. С. 137–161.

А. В. Чупрасов

ВИРГИ́ЛИЙ [лат. Virgilius] († 609/10), свт. (пам. зап. 7 или 10 окт. в Арле, 5 марта на Лерене), еп. г. Арелат (совр. Арль, Юж. Франция). Род. в Аквитании, происходил из знатной семьи, принадлежавшей к консульскому сословию. Получил классическое образование. Отказавшись от брака, принял монашеские обеты и удалился в мон-рь на о-ве Лерин (совр. Лерен), где посвятил себя изучению творений св. отцов. В 575 г. был избран настоятелем Леринского мон-ря. В. приписывается введение на Лерине бенедиктинского устава или, что более вероятно, одной из его разновидностей, адаптированной к более древним правилам мон-ря. Позднее св. Сиагрий, еп. Августодунский, поручил В. управление мон-рем в честь св. *Симфориана* в Августодуне (совр. Отён). В 588/89 г. при поддержке св. Сиагрия В. был возведен в сан архиепископа Арелатского. В период епископства В. был реконструирован кафедральный собор св. Стефана в Арелате и построена ц. в честь Спасителя. Также В. основал мон-рь в честь свт. *Гонората*, еп. Арелатского, в к-ром ввел непрерывное богослужение (laus perennis), по образцу к-польского мон-ря *акимитов*. В. поддерживал активные контакты с папой Григорием Великим, признавшим его первенствующим епископом Галлии и своим викарием в этом регионе (*Gregor. Magn.* Ep. 5, 53). Сохранилось неск. посланий папы Григория к В., в одном из к-рых понтифик советует обращать иудеев в христианство средствами убеждения, а не насилием (Ep. 1, 47). В др. посланиях Григорий Великий касается дисциплинарных вопросов, в частности борьбы с симонией, недопустимости рукоположения мирян во епископа без прохождения низших степеней священства (Ep. 5, 53), необходимости проведения ежегодного провинциального Собора (Ep. 9, 106). В. участвовал в рукоположении во епископа *Августина* Кентерберийского (596), направлявшегося из Рима через Арелат в Британию. Скончался В. в возрасте ок. 100 лет, после 21 года епископского служения. Погребен в построенной им ц. Спасителя, в Арелате. Почитание В. началось сразу после его смерти не только в Арелате, но и на Лерине. Он стал вторым по времени, после свт. Гонората, из леринских монахов, чей культ утвердился в этом мон-ре, в то время как многие его предшественники еще не почитались здесь как святые. Основным источником о жизни В. следует считать письма папы Григория к нему, поскольку Житие В., написанное в 1-й пол. VIII в., не вполне исторически достоверно, т. к., за исключением нек-рых фактов, представляет собой плагиат «Жития св. Максима Регийского», написанного Патрицием Динамием.

Ист.: *Greg. Magn.* Ep. 1, 47; 5, 53; 9, 106, 111, 114 // PL. 77. Col. 509–511, 782–785, 1028–1033, 1041–1043, 1044–1045; Acta SS. Mart. T. 1. P. 399–400.

Лит.: *Garriues M.-O.* Virgilio di Arles // BiblSS. Vol. 12. Col. 1205–1206; *Morris H.* L'abbaye de Lerin: Histoire et monuments. P., 1909; *Antier J.-J.* Lérins, l'île sainte de la Côte d'Azur. P., 1973. P.160–161.

Д. В. Зайцев

ВИ́РИЙ (Вений), мч. (29 июля) — см. *Вениамин*, св.

ВИРИЛА́Д, мч. Никопольский (пам. 10 июля) — см. в ст. *Никопольские (Армянские) мученики.*

ВИРИ́ЛЛ, свт., еп. Катанский (пам. 21 марта) — см. *Кирилл*, еп. Катанский, свт.

ВИРИНЕ́Я (Вероника), мц. Эдесская (4 окт.) — см. в ст. *Домнина, Виринея и Проскудия*, мученицы Эдесские.

ВИ́РКО, мц. Готская (пам. 26 марта) — см. *Уирко,* мц. Готская.

ВИ́РОВСКИЙ ВО И́МЯ ВСЕМИ́ЛОСТИВОГО СПА́СА ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ, находился в с. Виров Соколовского повета Седлецкой губ. (Холмской епархии)

Вировский во имя Всемилостивого Спаса мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

(ныне Вирув Мазовецкого воеводства, Польша). Основан осенью 1894 г. настоятельницей *Леснинского жен. мон-ря* игум. Екатериной (Ефимовской) как подразделение Леснинской обители: неск. леснинских насельниц во главе с мон. *Анной Вировской* поселились рядом с закрытым в 1883 г. католич. костелом. В Холмской епархии после воссоединения униатов с Православием (15 февр. 1875) существовала острая необходимость в проведении миссионерской работы, т. к. уния в этих местах была укоренена прочнее, нежели где-либо. Жители Соколовского повета (т. н. калакуты) к появлению мон-ря отнеслись с недоверием. Монахини, живя в крайней бедности, помогали крестьянам окрестных деревень (напр., чинили одежду и обувь), основали школу для детей, в к-рой к кон. XIX в. обучалось ок. 30 чел. Священник из г. Седлец Наум Мизецкий организовал сбор пожертвований для В. м., значительные суммы пожаловали имп. св. *Николай II* и прав. *Иоанн Кронштадтский.* На эти средства в окрестностях мон-ря было приобретено 2 имения. В 1898 г. состоялась встреча мон. Анны с императором, после к-рой обитель получила материальную помощь, неск. икон, в т. ч. образ свт. Николая Чудотворца, Черниговскую икону Божией Матери и освященный на Афоне образ вмч. Пантелеимона. В дек. 1898 г. В. м. был преобразован в самостоятельную жен. обитель 1-го класса, мон. Анна была возведена в сан игумении.

После кончины игум. Анны († 29 авг. 1903) настоятельницей В. м. стала игум. София, затем игум. Сусанна. Богослужения совершались в освященном во имя Всемилостивого Спаса здании бывш. костела. В 1908–1910 гг. 2 инокини из В. м. жили в Обдорске (совр. Салехард, Ямало-Ненецкий АО), трудились в Обдорской миссии. К 1915 г. в В. м. были построены храмы во имя сщмч. Лаврентия Римского, прп. Серафима Саровского, игуменский дом, неск. келейных корпусов, трехэтажный госпиталь, 2 школы, 2 гостиницы для паломников, богадельня, хозяйственные постройки. В нач. XX в. в мон-ре подвизались 200 сестер, в монастырском приюте воспитывались 450 детей, в богадельне жили 50 старцев.

В 1915 г. В. м. был эвакуирован в глубь России и расформирован, монахини направлены в жен. мон-ри Петроградской и др. губерний. К нач. 2004 г. храм Всемилостивого Спаса обращен в католич. костел, Серафимовская ц. находится в полуразрушенном состоянии, Леонтиевская ц. уничтожена. Близ Спасского храма сохранилась могила игум. Анны.

Лит.: *Таисия [Карцова], мон.* Русское правосл. жен. монашество. Серг. П., 1992[р]. С. 186–191; *Харкевіч Я.* Віраўскі манастыр // Праваслаўе. 1998. № 7.

Н. К. Богодзяж

ВИРСА́ВИЯ [Беэршива, Беэр-Шева; евр. באר שבע *bĕʾēr šeba* — кладезь клятвы (Быт 21. 27–31) или колодец семи (Быт 21. 31б); греч. Βηρσαβεε], город в пустыне Юж. Иудеи. Находился на границе заселенной израильтянами территории, так что фразы «от Дана до Вирсавии» (Суд 20. 1 и мн. др.) и «от Вирсавии до Дана» (1 Пар 21. 2) указывали на весь евр. народ, тогда как фраза «от Гевы до Вирсавии» (4 Цар 23. 8) обозначала территорию только Иудейского царства. Точное значение названия города остается предметом предположений. Согласно рассказу Быт 21. 25–31, это «источник семи», названный так по 7 (שבע) агнцам, к-рые Авраам отдал герарскому царю Авимелеху в знак заключения союза между ними; однако в ст. 31 название объясняется уже как место клятвы (שבע). Согласно Быт 26. 32–33, имя городу было дано Исааком, т. к. после клятвы о союзе с тем же или уже др. Авимелехом, царем Герара, он узнал, что его слуги нашли источник; Исаак назвал этот источник «Шива» (клятва), «посему имя городу тому Беэршива до сего дня» (ст. 33).

Патриархи Авраам и Исаак не раз были в В. После захвата Ханаана В. принадлежала колену Иуды и отошла по жребию к колену Симеона (Нав 15. 28; 19. 2). Свидетельством о важности В. как религиозно-адм. центра является тот факт, что 2 сына Самуила, Иоиль и Авия, были неправедными судьями именно здесь (1 Цар 8. 2). Прор. *Илия* во время бегства от гнева Иезавели шел по дороге в В. (3 Цар 19. 3), после чего продолжил путь на Хорив, гору Божию. Цивья, мать царя Иоаса, к-рый должен был свергнуть узурпаторшу Гофолию, также пришла из В. (4 Цар 12. 1). В. упомянута в одном из текстов из *Арада* (ок. VII в. до Р. Х.?). О судьбе В. в поздний монархический период известно мало, но город стал одним из первых заселенных центров после возвращения евреев из вавилонского плена (Неем 11. 27).

В. была религ. святилищем еще со времени патриархов (Быт 21. 33). Позднее культ В. был ассимилирован с богослужением Яхве, а имя Эль Олам понято как Его эпитет «Бог вечный». Иаков перед путешествием в Египет получил в В. пророчество от Господа (Быт 46. 1–5). Во время прор. *Амоса* (VIII в. до Р. Х.) святилище в В. было одним из самых известных в стране, пророк упоминает его наряду с *Даном* и *Вефилем* (где поклонялись золотым тельцам), Галгалом (древним святилищем, основанным еще Иисусом Навином) и Самарией (столицей Израильского царства). Амос упоминает В. как место паломничества (Ам 5. 5; 8. 14), к-рое он осуждает, а также клятву грешников: «Жив бог твой, Дан! и жив путь в Вирсавию!» (Ам 8. 14), что, возможно, указывало на то, что здесь совершались особые свящ. ритуалы.

С ветхозаветной В. отождествляют 2 памятника: Телль-эс-Себа и

Хирбет-Бир-эс-Себа. Телль-эс-Себа впервые идентифицировал Э. Мастерман (International Standard Bible Encyclopedia. 1929. Vol. 1. P. 424–425); в 1969–1976 гг., во время раскопок Тель-Авивского ун-та (рук. Й. Ахарони и З. Херцог), открыт хорошо спланированный адм. центр со слоями от X до VIII вв. до Р. Х., вероятно древний евр. город (Y. Aharoni, 1968; 1973; 1974a; 1974b; 1973; Yadin, 1976 и др.). Однако эта идентификация ставится под сомнение из-за несоответствия этой даты библейскому тексту: на телле нет следов поселения эпохи бронзы и поздней фазы раннего железного века, что делает маловероятным существование здесь города в эпоху патриархов, а также и во времена Иисуса Навина. С 90-х гг. на телле под рук. Херцога ведутся новые исследования.

Район В. был важным и процветающим уже с медно-каменного века (3500–3000 до Р. Х.), поселения нач.—сер. IV тыс. до Р. Х. открыты по берегам вади. Нек-рые поселения могли быть ремесленными центрами металлургии (Абу-Матар) и резьбы по кости (Бир-эс-Сафади).

В эпоху раннежелезного века на Телль-эс-Себа насчитывается 9 слоев (не считая персид., эллинистических и иродианского). Самое раннее поселение (слой IX) открыто только в юго-вост. части холма; оно состояло из пещер и ям разной формы, вырытых в склоне холма, к-рые могли использоваться для хранения зерна или для жилья. В слое обнаружены фрагменты филистимской, краснолощеной и крашеной керамики (кон. XII — нач. XI в.). Пещеры и ямы оставались основными сооружениями в слое VIII (ок. сер. XI в.), но найдены и следы строительства зданий на каменных фундаментах.

Застройка поселения зданиями с характерным для бытовых евр. построек планом (4-комнатный дом), стоявшими по периметру холма, произошла в кон. XI — нач. X в. (слой VII). Задние стены домов были пристроены к городской стене. Ворота состояли из 2 камер, пристроенных к углам домов по обеим сторонам. За воротами находился колодец, также окруженный зданиями. Дата появления колодца неясна: его наслоения нарушены в древности падением верхней части стенок, а дно при раскопках (пройдено 28 м) не достигнуто. Он возник не позже VII слоя, т. к. стоит точно в центре двора этого времени.

Слой VI (X в.) отличается от предшествующего как стратиграфически, так и по качеству строительства: 4-комнатный дом отмечен только в одном случае, остальные здания построены наскоро или с использованием руин VII слоя.

В слое V обнаружены следы сноса прежних зданий и строительства мощной стены из сырца по каменному основанию. Стена была прикрыта гласисом, наружный ров был глубиной более 4 м; городские ворота (ок. 21×21 м) с 3 камерами располагались с юго-востока. Дата слоя — X век; город погиб в пожаре, к-рый Ахарони связал с военными действиями фараона Шешонка I (925 до Р. Х.) в Юж. Иудее (*Aharoni*. 1973. P. 106). 2 архитектурных элемента — монолитная стена и тройные ворота — необычны для X в., «эпохи Соломона» (обычны казематные стены и ворота с 4 камерами), в связи с чем Ахарони (1974) отнес укрепления к «эпохе Давида», XI в. (дата не является общепризнанной, см.: EAEHL. Vol. 1. P. 320). Город возродился на руинах слоя V, но вскоре был вновь уничтожен (слой IV, ок. 910–865).

Последний уровень состоит из 2 фаз (слой III–II) и исследован на максимально широкой площади. Обнаружена ясная картина небольшой, хорошо спланированной крепости,— провинциального центра управления. Крепость состояла из казематной стены с гласисом, стоявшей на руинах более ранней монолитной и превосходившей ее высотой. С вост. стороны стена спускалась с телля, чтобы обеспечить жителям доступ к воде. Новые 3-частные ворота стояли на месте ранних; проход в ширину имел 4,2 м, по сторонам одной из камер шли скамьи (высота ок. 30 см), уничтоженные в слое II. В городе помимо древнего колодца была и др. система снабжения водой, открытая (1994) в сев.-вост. части: вертикальная квадратная шахта (ок. 15 м глубиной) вела в глубь телля, а затем переходила в ступенчатый туннель (еще 5 м), выводя к 5 подземным цистернам (6 м высотой каждая, общий объем 500 м^3). Они заполнялись водой в зимний период через особый туннель. Дома в основном 4-комнатные, сразу за воротами располагались адм. здание с жилыми, парадными и хозяйственными помещениями, часть к-рых замощена камнем (здание обычно трактуют как дом правителя города), и 3 хранилища, где было найдено много тарной керамики (пифосы, кувшины, горшки), кухонной и столовой посуды.

Особый интерес представляют блоки, заложенные в стену «хранилища» от стенок и верхней части 4-рогого жертвенника (на нек-рых из них были насечены изображения змеи). Часть камней от жертвенника, причем со следами огня, собрана в слое II. Попытки Ахарони открыть в В. храм, аналогичный найденному в Араде, не увенчались успехом. Предполагалось, что храм находился в сев.-зап. части города, где найдено много культовых объектов более поздних периодов, или во дворе здания, слева от городских ворот. Ахарони думал, что В. была одним из религ. центров страны в VIII в. до Р. Х. и ее храмы разобрали при реформах первосвящ. Езекии (4 Цар 18. 22; Ис 36. 7; 2 Пар 31. 1, 2; 32. 12).

Город, по мнению Ахарони, погиб при пожаре во время похода ассир. царя *Синаххериба* ок. 701 г. до Р. Х.; однако И. *Ядин* связывал гибель В. с кампанией вавилонского царя *Навуходоносора* II в 587 г. до Р. Х., указывая на совпадения в керамике с *Лахишем*, а К. М. Кеньон считала, что гибель города произошла между этими датами и не имела отношения к указанным нашествиям.

После разрушения город был вновь укреплен (слой I, VII в. до Р. Х.), часть казематной стены укрепили новой насыпью, но зданий не поставили — возможно, что главная часть поселения уже переместилась вдоль вади к западу, в Хирбет-Бир-эс-Себа. Персид. период оставил только ямы и хранилища, в к-рых найдено неск. остраконов (сер. IV в.?) с арам. надписями, упоминающими о зерне, и с перечислениями имен (иудейских, эдомитских и араб.).

В эпоху эллинизма на месте В. была поставлена крепость, а в иродианский период — большой дворцовый комплекс со служебными зданиями и банями. Во II в. по Р. Х. центр телля заняла рим. крепость (30×30 м), в последующий период она была полностью оставлена.

А. *Альт*, Н. Глюк и др. полагали, что библейская В.— это Хирбет-Бир-эс-Себа. Они считали, что в эпоху железного века именно он

был подлинной В., остатки к-рой сохранялись и в римско-визант. эпоху. Действительно, в Хирбет-Бирэс-Себа есть древние слои, в основном X в. до Р. Х. (железный век II С и I С) (*Glueck*. P. 40–41), однако отсутствие соответствующего ландшафта и укреплений не позволяет помещать древнюю В. здесь (Gophna R., Yisraeli Y.). Возможно, что В. состояла из 2 частей: царской крепости (телль) и города (хирбет) к западу, на берегу вади, на месте совр. города. Этим можно объяснить двойственность наименования города колена Симеона: Вирсавия и Шива (Нав 19. 2; 15. 26 (Шема), 28; 1 Пар 4. 28).

Лит.: *Robinson G. L.* The Wells of Beersheba // Biblical World. 1901. Vol. 17. P. 247–255; *Perrot J.* The Excavations at Tell Abu Matar near Beersheba // IEJ. 1955. Vol. 5. P. 17–40; *idem.* Notes and News: Beersheba Bir es-Safadi // Ibid. Vol. 5. P. 125–126; *idem.* Notes and News: Beersheba Bir es-Safadi // Ibid. 1960. Vol. 10. P. 120–121; *Dothan M.* Excavations at Horvat Beter (Beersheba) // Atiqot. 1959. Vol. 2. P. 1–42; *Aharoni Y.* Arad: Its Inscriptions and Temple // BiblArch. 1968. Vol. 31/1. P. 2–32; *idem.* Beer-sheba: The Excavation of a Biblical City. N. Y., 1973; *idem.* The Horned Altar of Beersheba // BiblArch. 1974. Vol. 37. P. 2–6; *idem.* Notes and News: Tel Beersheba // IEJ. 1974. Vol. 24. P. 270–272; *Glueck N.* Rivers in the Desert. N. Y., 1968; *Gophna R., Yisraeli Y.* Soundings at Beer Sheba (Bir es-Seba) // Beer-Sheba I / Ed. Y. Aharoni. Tel Aviv, 1973. P. 115–118; *Kenyon K. M.* Review of Beer-Sheba I // PEQ. 1976. Vol. 108. P. 63–64; *Yadin Y.* Beersheba: The High Place Destroyed by King Josiah // BASOR. 1976. Vol. 222. P. 5–17; Beersheba II / Ed. Z. Herzog. Tel Aviv, 1984; *Manor D.W.* Beer-sheba // ABD. Vol. 1. P. 641–645; *Herzog Z.* Beersheba // OEANE. 1997. Vol. 1. P. 287–291.

Л. А. Беляев

ВИРСА́ВИЯ [евр. בת־שבע, *bat šše*ḇ*a''*; греч. Βηρσαβεέ], дочь Елиама (2 Цар 11. 3 или Аммиила —1 Пар 3. 5), жена Урии Хеттеянина, одного из 30 дружинников Давида (2 Цар 23. 39), впосл. его любимая жена и мать царя Соломона (2 Цар 11. 27; 12. 24). Значение ее имени до конца не ясно. В 1 Пар 3. 5 оно передано как בת־שוע, *bat šû'a*, что, вероятно, является наиболее ранним вариантом этого имени. Возможно, оно содержало в себе языческие (хеттские) элементы и впосл. было изменено в соответствии с евр. традицией на *bat šeḇa'* (наиболее вероятные значения «дочь изобилия» или «дочь клятвы»).

Отрывки, содержащие в себе историю В. (2 Цар 11. 2–12. 24 и 3 Цар 1. 11–19, 28–31), являются частями

Давид и Вирсавия. Роспись ц. Иоанна Предтечи в Толчкове. Ярославль. 1694–1695 гг.

самого древнего слоя книг Царств, в основе к-рых лежит цикл повествования о Давиде. В более поздних местах из кн. Паралипоменон подробный рассказ о грехе Давида с В. опущен. Прельстившись красотой купающейся В., Давид велел привести ее к себе. После того как В. сообщила царю о своей беременности, Давид стремился скрыть свой грех, пытаясь возвратить Урию с поля боя домой к жене, посылая ему дорогие подарки. Однако Урия, повинуясь израильским законам, не захотел вернуться домой и бросить своих соотечественников в битве. Тогда Давид приказал выставить Урию на передовую и в ближайшем сражении он погиб. Прор. Нафан изобличил Давида во грехе, рассказав притчу о богаче, похитившем единственную овечку у бедняка. 1-й ребенок В. умер, согласно пророчеству Нафана (2 Цар 12. 14), а после раскаяния Давида В. родила ему 4 сыновей: Соломона, Шиму, Шовава и Нафана. В повествовании специально рассказывается о переживаниях В. (2 Цар 11. 26). В. пользовалась высоким авторитетом у своего сына царя Соломона, к-рый советовался с ней: ей принадлежит существенная роль в истории разоблачения заговора Адонии (3 Цар 2. 13–23). Возможно, что слова из Книги Притчей Соломоновых «наставление [царя], которое преподала ему мать его» (31. 1) могут служить указанием на В. (если предположить, что имя царя Лемуила, к-рым надписана последняя глава этой книги, является псевдонимом царя Соломона). В НЗ, в родословии Спасителя, В. косвенно упоминается, когда говорится, что «Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею» (Мф 1.6).

В раввинистической лит-ре говорится, что В. от создания мира была предназначена Давиду в законные жены, однако вмешательство искусителя в ход событий привело к несвоевременному греху (Санхедрин 107a). В мидраше на кн. Екклезиаста библейский стих: «Двоим лучше, нежели одному» (Еккл 4. 9) — применяется к Давиду и В., а «нитка, втрое скрученная» (4. 12) — к действиям прор. Нафана (Екклезиаст Рабба IV 9).

В Коране (XXXVIII 20–25) история с В. представлена достаточно фрагментарно, отдельные сюжеты наделены рядом легендарных подробностей: напр., встреча царя с В. является следствием испытания Давида Богом, к-рый решил смирить его гордость. Также в этом отсутствуют эпизоды с умершим ребенком, опущена история отношений Давида с В. до смерти Урии, вместо прор. Нафана Давида обличают ангелы. Образ В. в этой легенде в отличие от библейского повествования лишен ярких черт.

Отцы Вост. Церкви, такие как свт. Кирилл Иерусалимский (Catech. II 11) и свт. Иоанн Златоуст (In Matth. 26. 6–8), в своих толкованиях в истории с В. особенно выделяют мысль о покаянии и уверенность в Божием милосердии по отношению к слабому человеку на примере Давида. Это толкование цитирует и свт. Иоанн Дамаскин (Sacra parall. // PG. 96. Col. 333–337).

Согласно типологическому толкованию у зап. авторов, В. является прообразом Церкви, Давид — прототипом Христа (*Aug.* Con. Faust. 88 // PL. 42. Col. 458; *Bruno Astensis.* Expositio in Pentateuchum. 26 // PL. 164. Col. 205), а Урия — диавола и иудеев (*Isid. Hisp.* Appendix ad libros regum. 51–58 // PL. 83. Col. 430–431).

Лит.: בת־שבע // Encyclopaedia biblica: Thesaurus rerum biblicarum / Ed. Inst. Bialik procurat. Iudaicae. Hierosolymis, 1958 [на иврите]. T. 2. P. 379–380; *Kunoth-Leifels E.* Bathsheba // LCI. Bd. 1. Sp. 253–258; *Yee G. A.* Bathsheba // ABD. Vol. 1. P. 627–628.

И. С. Никитина

ВИ́СА [Беса] (V в.), настоятель *Белого мон-ря*, вероятно непосредственный преемник апы Шенуте.

Сведения о В. содержатся в написанных им Житии апы Шенуте (сохр. саид. фрагменты и переработанный текст на бохайрском), проповедях и письмах, а также в отдельных произведениях копт. лит-ры.

Сведений о его жизни до прихода в мон-рь не сохранилось.

Из записей В. известно, что, будучи монахом, еще за 3 года до смерти своего духовного наставника, ему было доверено писать письма, содержащие увещевания и наставления. В панегирике в честь Макария Ткоуского говорится о том, что апа Шенуте в последние годы жизни назначил В. главой Белого мон-ря; после смерти Шенуте В. носил титул архимандрита, что следует из заглавия катехизиса (*Zoega,* CCVII) и панегирика, написанного в честь В. (BNF, 131, 37). Предположительно апа Шенуте умер в 466 г., вероятно, в этот же год В. стал управлять мон-рем. Он описывает голод, случившийся в мон-ре на 6-й год после смерти апы (*Zoega,* CCVI). Кроме того, из фрагмента рукописи, хранящейся в наст. время в Британском музее (Or. 3581, 64), можно заключить, что В. встречался с имп. Зиноном — следов., В. жил еще нек-рое время и после 474 г.

В. управлял не только Белым мон-рем, но и рядом монашеских общин, входивших в единый монастырский комплекс. Он руководил монахами, монахинями и всеми, кто приходил к нему за наставлениями из окрестных селений. В. был известен своей благотворительностью, во время голода в стенах мон-ря нашли приют до 6 тыс. чел. Им предоставлялась пища, кров, медицинская помощь. Мертвых хоронили за счет обители.

Ежедневные обязанности и заботы пастыря определили характер писем и проповедей В., основанных на Свящ. Писании и сочинениях апы Шенуте, к-рые он часто цитирует, на трудах *Антония Великого* и *Афанасия I Великого,* к-рых он называет «нашими отцами». Отсутствие догматических сочинений (возможно, не сохр.) не умаляет значения В. в развитии и укреплении монашеской жизни в Египте. Копирование его рукописей на протяжении мн. веков, панегирик, составленный в его честь, и поминание его имени среди имен копт. святых на литургии — все это говорит об уважении и почитании, к-рым В. пользуется в Египте. Значение его трудов долгое время недооценивалось, поскольку В., как правило, находился в тени своего великого предшественника. Благодаря публикациям текстов и серии статей К. Куна жизнь В. предстает в более полном виде.

Соч.: Letters and Sermons of Besa: Textus / Ed. by Kuhn K. H. Louvain, 1956. (CSCO; 157. Copt.; 21); Letters and Sermons of Besa: Versio / Transl. by K. H. Kuhn. Louvain, 1956. (CSCO; 158. Copt.; 22).

Лит.: *Cauwenbergh P., van.* Étude sur les moines d'Égypte depuis le concile de Chalcedoine (451) jusqu'à l'invasion arabe (640). P., 1914. Mil., 1973²; *Kuhn K. H.* A Fifth Century Egyptian Abbot // JThSt. 1954. Vol. 5. P. 36–48, 174–187; 1955. Vol. 6. P. 35–48.

Н. Г. Головнина

ВИСКОВА́ТЫЙ Иван Михайлович (нач. 20-х гг. XVI в.— 25.07.1570, Москва), гос. деятель, автор рассуждений о принципах древнерус. иконописи. Впервые упоминается в документах в 1542 г. как подьячий посольской службы. По мнению польск. историка И. Грали, В. был представителем дворянства. Эта т. зр. подтверждается фактом включения В. и его брата Третьяка в избранную «тысячу» лучших слуг государева двора в 1550 г. и их упоминанием в дворовом списке детей боярских царя *Иоанна IV Васильевича Грозного* нач. 50-х гг. XVI в., а также наличием у В. родовых вотчин в Боровском и Переяславском уездах (*Алексеев.* С. 157).

К 1549 г. В. стал дьяком Посольской избы. В янв. того года он участвовал в переговорах с ногайскими послами, 6–7 апр. принимал грамоты у тур. посла Мустафы-Челебея, в 1550 г. сопровождал царя Иоанна IV во время его похода на Казань. В 1550 г. В. участвовал в приеме посольств от К-польского Патриарха *Дионисия II,* 3–11 июня вместе с др. должностными лицами принимал старцев Даниила и Гавриила, присланных Иерусалимским Патриархом *Германом II,* 28 авг.— игум. Паисия и 3 старцев из афонского Хиландарского мон-ря, а также от властей Пантелеимонова мон-ря. В нач. 1552 г. В. известил «в избе на Казенном дворе» астраханского хана Дербыш-Али о пожаловании ему Звенигорода в соответствии с царским приговором.

После *Стоглавого Собора* 1551 г. было принято решение о проведении ревизии документов, на основании к-рых Церковь пользовалась гос. льготами. В. проверял архивы находившихся в Новгородской епархии *Антониева Сийского во имя Св. Троицы* и *Корельского во имя свт. Николая Чудотворца мон-рей.* В. поддерживал тесные отношения с *Борисоглебским на Устье муж. мон-рем:* прижизненный вклад дьяка в эту обитель составил 150 р., его род был записан в монастырский синодик. В 1549 г. как частное лицо В. участвовал в составлении купчей при приобретении Троице-Сергиевым мон-рем земельного владения.

В марте 1553 г., во время династического кризиса в связи с тяжелой болезнью царя, В. остался верен Иоанну IV. По указу царя дьяк участвовал в составлении завещания в пользу малолетнего царевича Димитрия Иоанновича. В 1-й пол. 80-х гг. XVI в. это событие было отражено в приписках к *Летописному лицевому своду,* к-рый ряд исследо-

И. М. Висковатый составляет по указу Иоанна Грозного завещание царя. Рисунок из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (ОР ГИМ. Син. № 149. Л. 666)

вателей ранее ошибочно относили к творчеству В. В июле—авг. 1553 г. В. сопровождал оправившегося от тяжелой болезни царя в Коломну, где Иоанн IV руководил обороной против крымцев, в сент. выступил на заседании Боярской думы с изложением взглядов на новый документ, призванный регулировать отношения России с Великим княжеством Литовским. Позднее на одной из встреч со швед. послами Иоанн IV назвал В. «своим близким и верным думцем».

1553–1554 годы были периодом наибольшей дипломатической активности В. Во время пребывания

в Москве литов. посольства (22 авг.— 14 сент. 1553) рус. сторона, представленная в т. ч. В., снова поставила вопрос о признании Речью Посполитой царского титула Иоанна Грозного, угрожая в противном случае возобновить военные действия. Попытка давления не удалась, царю пришлось вновь пригласить уже высланных из столицы послов и возобновить переговоры о перемирии. Однако упоминание в тексте перемирия о возобновлении переговоров по собственной инициативе царь считал умалением своей чести. В связи с этим В., выступивший на заседании Боярской думы 9 сент. 1553 г., просил ее членов представить заключение перемирия как акт милости царя по отношению к боярам, якобы просившим Иоанна IV об этом, что и было сделано.

В окт. 1553 г. В. в качестве свидетеля, обличившего еретиков, принимал участие в Соборе против М. С. *Башкина*. На соборном заседании 25 окт., когда царь спросил митр. св. *Макария* об исполнении *постановлений Стоглавого Собора* 1551 г., в частности в отношении иконописания, В. выступил с критикой новописанных икон и росписей, к-рыми были украшены восстановленные после пожара 1547 г. кремлевские соборы и палаты. Иконы, созданные преимущественно псковичами и новгородцами, имели сложную и необычную для Москвы иконографию, зачастую они представляли собой иллюстрации к священным или литургическим текстам: «Верую во Единаго Бога» (иллюстрирует Символ веры), «Достойно есть», «Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся», «Благословенно воинство Небесного Царя» и др. В. выступил против изображения Бога Отца («невидимого Бога»), в частности на иконе «Верую во Единаго Бога», считал невозможным изображение Бога в виде *«Ветхого денми»* (иконография основана на Дан 7. 9 и Откр 1. 14), критиковал изображение Бесплотных Сил (на иконе «Верую во Единаго Бога»), символическое изображение Бога Сына в виде *Ангела Великого совета* (источник иконографии — Ис 9. 5–6). В. не считал возможным основываться в иконописи на свидетельствах ВЗ (видениях пророков), поскольку ВЗ прошел и отложен («Ветхая вся мимоидоша, и быша вся нова»). Кроме

Четырехчастная икона («И почил Бог в день седьмый», «Единородный Сыне и Слове Божий», «Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся», «Во гробе плотским»). 1547–1551 гг. (ГММК)

того, по мнению В., пророки видели *лишь «славу Божию», но не* Существо: «Все не едино видение видеша — не Существа, но славы»,— «славы» же лишь знак присутствия Бога, а не образы Божественных Ипостасей. Кроме того, дьяк считал необходимым унифицировать иконографию: «Ино б одним образцом писали, чтоб было несоблазнено, а то в одной паперти убо одна икона, а в церкви другая, то ж писано, а не тем видом».

Свои сомнения В. изложил в записке, поданной свт. Макарию, и просил рассмотреть ее на Соборе, к-рый состоялся в янв. следующего года. На Соборе свт. Макарий отверг бо́льшую часть критических замечаний В., в первую очередь в отношении ВЗ. Митрополит отвечал дьяку, что не весь ВЗ отложен, но лишь закон обрядовый; видения пророков имеют непреходящее значение для Церкви и являются основой для изображения Богоявлений. Иконописцы изображают не невидимого Бога (не Существо Божие, неописуемое и непостижимое), но явления Бога людям (в частности, пророкам), отраженные в Свящ. Писании и закрепленные иконописной традицией («В нашей земле Руськой... живописцы невидимого Божества по Существу не описуют, а пишут и изображают по пророческому видению и по древним образцам греческим»). С нек-рыми замечаниями В. свт. Макарий согласился, в частности относительно изображения сжатых или ослабленных дланей у распятого Христа и в отношении невозможности изображения Христа в виде серафима (имеется в виду т. н. *Четырехчастная икона* из Благовещенского собора Кремля). (В защиту позиции В. можно указать только тот факт, что видение прор. Даниилом Ветхого денми и в древней, и в совр. богословской традиции толкуется как относящееся к Богу Сыну, а не к Богу Отцу, Которого, по свидетельству ап. Иоанна, «не видел никто никогда» (Ин 1. 18). Однако традиция толкования видения прор. Даниила как относящегося к Богу Отцу была древней (с X в.) и очень устойчивой, она лежит в основе широко распространенных, в частности в XIX в. в России, икон «Троица Новозаветная». *Большой Московский Собор* (1666–1667), запретив изображения Бога Отца, признал, что «во Апокалипсисе святаго Иоанна по нужде Отец *пишется в седине»* (*Книга соборных* деяний 1667 г. // Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 гг. М., 1893. Л. 24)).

Рассмотрев недоумения В., Собор сначала принял решение об отлучении его от Церкви — не за сомнения в отношении икон, но за широкое разглашение своих мыслей, вызвавших смущение и волнения среди православных. Спустя 2 недели дьяк подал Собору «Покаяние», в к-ром подробно сознавался в заблуждениях. Собор принял его в общение с Церковью, наложив 3-летнюю епитимью.

Решения Собора не повлияли на служебное положение В. В февр. 1554 г. он вел переговоры с тур. послами, к-рые выразили обеспокоенность усилением влияния Руси на Н. Волге и на Кавказе. Позднее В. принимал посольство сибир. хана Едигера. В 50-х гг. В. неоднократно участвовал в составлении грамот, касавшихся русско-ливонских и новгородско-швед. отношений. В 1554 г. А. Ф. Адашев и В. напомнили ливонским послам об уплате Юрьевой дани — «старых залогов» с Дерптского епископа и о недоимках по этой дани за 1474–1554 гг., позднее неуплата Юрьевой дани стала поводом к началу Ливонской войны. В июле 1557 г., после завершения русско-швед. войны и заключения

40-летнего перемирия Вел. Новгорода со Швецией, В. и Адашев от себя лично сделали шведам предложение о свободной беспошлинной торговле в России и транзите на восток в обмен на аналогичные льготы рус. купцам в Швеции и транзите в страны Сев. и Зап. Европы.

За то время пока В. возглавлял Посольскую избу (ок. 1549–1561), в Москве побывало 32 посольства, в переговорах с к-рыми В. проявил себя как «неуступчивый участник переговоров и знаток процедурных вопросов» (*Граля*. С. 235), был первым руководителем внешнеполитического ведомства России, выезжавшим для ведения переговоров за границу. Через В. в эти годы шла вся дипломатическая переписка царя и Боярской думы. Как глава Посольской избы дьяк также управлял посольской четвертью — территорией, на доходы от к-рой функционировала посольская служба в России.

Падение Адашева стало причиной перемены места службы В., ставшего в нач. февр. 1561 г. царским печатником. Его деятельность на этом поприще оказалась также плодотворной: были созданы неск. новых печатей — малая (1561), большая (1562/63), находившаяся в ведении В., печать ливонского (1564) и новгородского (1565) наместников. Большое внимание, как свидетельствует опись царского архива 2-й пол. XVI в., В. уделял систематизации старых дел и текущей посольской документации, в т. ч. и по церковным вопросам.

В нояб.— дек. 1562 г. кн. А. М. Ромодановский и В. находились в Копенгагене со сложной дипломатической миссией: рус. послы должны были добиться от дат. кор. Фредерика II ратификации мирного договора между Данией и Россией, а также признания права Московского гос-ва на неск. спорных территорий (Ст. и Нов. Колк). Достичь последнего не удалось, однако неудача отчасти компенсировалась признанием царского титула Иоанна IV и урегулированием отношений с Данией. В дек. 1563 г. В. участвовал в переговорах с литов. послами в Москве, в ходе к-рых обосновал войну России против Великого княжества Литовского необходимостью вступиться «за православную истинную и непорочную хрестьянскую веру и за благостояние святых божиих церквей и за всех православных хрестьян, данных нам [царю] по Всемогущего Бога воле во обладание и в устроение» (СбРИО. Т. 71. № 12. С. 244).

В нач. 1564 г. к царю, уехавшему из Москвы в Александрову слободу (см. ст. *Опричнина*), бояре отправили посольство, в к-рое был включен и В. Оставшись в земщине, дьяк попрежнему был влиятельным человеком. В июне 1566 г. он вел в Москве переговоры с послами ВКЛ — правосл. магнатами Ю. А. Ходкевичем, Ю. В. Тышкевичем и писарем М. Гарабурдой. Именно к В. обращался Ходкевич с просьбой похлопотать об урегулировании русско-литов. отношений. В. выступил на земском соборе, созванном для решения вопроса о продолжении Ливонской войны, с предложением отказаться от претензий на Ригу в обмен на обещание кор. Сигизмунда II Августа не оказывать помощи городу. Дьяк спас переговоры, зашедшие в тупик из-за невозможности договориться о гос. принадлежности Ливонии: 13 июля 1566 г. В. предложил в рус. варианте договора ливонский титул приписать царю, а в польск. варианте — королю, что и было сделано 19 июля по приговору думы совместно с царем. 31 янв. 1567 г. В. вместе с боярином М. Морозовым и посольским дьяком А. Васильевым извещали полоцких пленников об условиях их обмена на рус. пленников.

Во время разгрома Вел. Новгорода (дек. 1569 — янв. 1570) был убит вместе с семьей Т. М. Висковатый, брат В. Опала на В. последовала не сразу, в мае 1570 г. он участвовал в переговорах с польск., затем швед. послами. Дьяк был арестован через 2 недели после отъезда послов, одновременно опала постигла мн. рус. участников внешнеполитических сношений, в особенности с ВКЛ, а также др. представителей московского чиновничества. Ко времени ареста В. уже находился в ссоре с царем из-за казни Т. М. Висковатого и из-за интриг против В. братьев Щелкаловых. Дьяку были предъявлены надуманные обвинения в гос. измене, к-рые он отверг, прокляв царя. По приказу Иоанна IV В., являвшийся одним из самых способных чиновников и верных исполнителей внешнеполитических планов царя, был с особой жестокостью казнен в Москве на Поганой луже (ныне Чистые пруды).

Европ. гос. деятели и дипломаты, сталкивавшиеся с В., высоко оценивали его качества. Вице-канцлер ВКЛ правосл. магнат Е. Волович, к-рый в 1560 г. обращался к дьяку с просьбой выслать ему «Евангельские беседы», заявлял, что «среди царских советников не было лучшего, чем он [В.] знатока прошлых событий». А. Гваньини со слов А. Шлихтинга писал, что В. был человеком выдающегося ума и мн. добродетелей, равного к-рому не было во всем Московском царстве. Автор «Ливонской хроники» Б. Рюссов называл В. «отличным человеком, подобного которому не было в то время во всей Московии, разуму и [дипломатическому] искусству московита, ничему не обучавшегося, вынуждены были восхищаться все благочестивые послы» (*Граля*. С. 380–381).

Ист.: ААЭ. Т. 1. № 238. С. 240–249; Моск. соборы на еретиков XVI в. в царствование Ивана Васильевича Грозного / Публ. О. Бодянского // ЧОИДР. 1847. Вып. 3. Отд. 2; Розыск или список о богохульных строках и сумнении святых честных икон диака Ивана Михайлова Висковатого в лето 7062 / Публ. О. Бодянский // Там же. 1858. Вып. 2: Мат-лы слав. С. 1–2; *Щербачёв Ю. Н.* Датский архив: Мат-лы по истории Др. России, хранящиеся в Копенгагене, 1326–1690 гг. // Там же. 1893. Кн. 1. Разд.: Мат-лы иностр. С. 49–56; СбРИО. Т. 59, 71, 129; ПСРЛ. Т. 13. М., 1965; Т. 34. М., 1978 (по указ.); *Штаден Г.* Москва Ивана Грозного: Зап. немца-опричника / Пер. И. И. Полосина. М., 1925; Новое известие о России времени Ивана Грозного: «Сказание» Альберта Шлихтинга / Пер. А. И. Малеина. Л., 1934; ТКиДТ (по указ.); Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1960; *Зимин А. А.* Гос. архив России XVI ст.: Опыт реконструкции. М., 1978; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002; Россия и греч. мир в XVI в.: В 2-х т. / Отв. ред. С. М. Каштанов; Подгот. к публ.: С. М. Каштанов, Л. В. Столярова, Б. Л. Фонкич. М., 2004. Т. 1 (по указ.).

Лит.: *Белокуров С.* О Посольском приказе. М., 1906; *Андреев Н. Е.* О «деле дьяка Висковатого» // SK. Т. 5. С. 191–242; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; *он же.* Опричнина. М., 2001²; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975 (по указ.); *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социал. история Сев.-Вост. Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966; *Miller D. B.* The Viscovatyi Affair of 1553–1554: Official Art, the Emergence of Autocracy and the Desintegration of Mediaeval Russian Culture // Russian History. Pittsburgh, 1981. Vol. 8. № 3. P. 292–332; *Емченко Е. Б., Курукин И. В.* К изучению публикаций «Дела Висковатого» и формирование его состава // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 68–75; *Лурье Я. С.* Висковатый Иван Михайлович // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 138–140 [Библиогр.: с. 140]; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера гос. деятеля в России XVI в. М., 1994; *Макарий (Вере-*

тенников), архим. Моск. Митр. Макарий и его время: Сб. ст. М., 1996. С. 202–274; *он же.* Жизнь и труды свт. Макария, Митр. Московского и всея Руси. М., 2002. С. 263–275; Камень краеугольный: Rhethoric of the Medieval Slavic World: Essay presented to E. L. Keenan. Camb., 1997. (HUS. 19); *Сарабьянов В. Д.* Символико-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI в. // Благовещенский собор Моск. Кремля: Мат-лы и исслед. М., 1999; *Хорошкевич А. Л.* О Висковатом, его времени и безвременьи // RM. 2001. T. 10, fasc. 1. S. 273–302; *она же.* Россия в системе междунар. отношений сер. XVI в. М., 2003 (по указ.).

Архим. Макарий (Веретенников), А. Л. Хорошкевич

ВИСКО́НСИНСКИЙ ЕВАНГЕЛИ́ЧЕСКО-ЛЮТЕРА́НСКИЙ СИНО́Д [англ. Wisconsin Evangelical Lutheran Synod], протестантская церковь в США.

В 40-х гг. XIX в. жившие в Висконсине нем. эмигранты-лютеране обратились с просьбой прислать им пасторов. Приехавшие в Америку пасторы Й. Мюльхаузер, Й. Вайнман и В. Вреде, выпускники Барменской школы по подготовке миссионеров, основали в 1850 г. Немецкий евангелическо-лютеранский министериум Висконсина; в 1853 г. название было изменено на Немецкий лютеранско-евангелический синод Висконсина и др. штатов. В 1863 г. была открыта первая семинария в г. Уотертаун. В 1872 г. Висконсинский синод стал членом Лютеранской синодальной конференции, к к-рой присоединились синод Миннесоты, а позднее и Мичигана (1890); в окт. 1892 г. возникла ассоциация под названием Объединенный синод Висконсина, Миннесоты, Мичигана и др. штатов, где каждый синод сохранял независимость. Общие усилия в основном были направлены на сферу образования. В 1919 г. произошло их полное слияние, в результате к-рого появился Евангелическо-лютеранский объединенный синод Висконсина и др. штатов. Свое совр. название синод получил в 1959 г.

Догматика В. е.-л. с. не отличается от др. лютеранских церквей, но выделяется среди них своей консервативностью, неприятием идей юнионизма и сотрудничества с теми церквами, с к-рыми нет полного догматического единства. Результатом такой политики стал разрыв (1961) отношений с *Миссурийским Синодом* и выход (1963) из Лютеранской синодальной конференции. С 1992 г. В. е.-л. с. начала миссионерскую деятельность на территории Российской Федерации, выбрав для этого Сибирский регион; в 1995 г. в Новосибирске была зарегистрирована первая община; в 1997 г.—открылась семинария. В наст. время общины расположены в Новосибирске, Омске, Тогучине и Искитиме (ок. 600 чел.); в 2003 г. прошла ординация первых 3 рус. пасторов. Офиц. название В. е.-л. с. на территории РФ — Евангелическо-лютеранская церковь «Конкордия».

ВИССАРИО́Н [греч. Βησσαρίων] (ок. 1490–1540/41), свт., митр. Ларисский (1520–1541) (пам. греч. 15 сент.). Род. в благочестивой семье среднего достатка в мест. Мегалон-Пилон (Μεγάλων Πυλῶν, т. е. Великих врат; совр. Пили) в Фессалии. С отроческих лет стал духовным чадом Марка, еп. Триккского, впосл. митрополита Ларисского. Тот рукоположил его сначала во диакона, а затем во иерея. В 1514 г., когда В. достиг 20-летнего возраста, он поставил его во епископа Доменикон-ского и Элассонского. Паства не признала столь юного архиерея законным. Ему пришлось покинуть кафедру, но, проявив смирение, В. не стал оспаривать решение К-польского Патриарха Феолипта (1513–1522), назначившего вместо него еп. Никанора. Когда овдовела кафедра ближайшей Стагийской епископии, В. в течение 6 лет управлял ею. Помогал в устройстве *Метеорских мон-рей.* Много претерпел от некоего влиятельного лица по имени Дометий. Митр. Ларисский Марк назначил В. своим преемником. В 1520 г. В. был избран на эту кафедру и пребывал на ней до конца своей жизни. Он прославился как мудрый пастырь и ревностный служитель Церкви. Помогал бедным, выкупал пленных христиан, организовывал правосл. общины, строил дороги и мосты. У себя на родине В. основал мон-рь *Дусику,* посвященный Христу Спасителю, со строгими правилами монашеской жизни (1527). Сохранились 3 ктиторских завещания, написанные В.: 2 кратких относятся к 1535 г., более позднее пространное завещание не имеет точной даты. В них святой говорит об организации монашеской жизни, аскетике, необходимости постоянного физического труда, дает духовные наставления братии. Им был наложен запрет на вход женщин в мон-рь. Обустройство мон-ря продолжили его родной брат Игнатий, еп. Каппуанский и Фанарийский, и племянник Неофит, митр. Ларисский.

В. был похоронен в основанном им мон-ре, его мощи прославились чудотворениями. Он имел особую благодать избавлять от чумы. В кон. XVII — нач. XVIII в. мусульмане, услышав об этих чудесах, похитили мощи святого и продали их во Францию. В мон-ре Дусику осталась глава святого.

Почитание В. широко распространилось в Фессалии, Эпире, Македонии и придунайских княжествах. Повествование анонимного биографа, составленное вскоре после смерти В., было использовано для написания жития святого (ок. 1544) Пахомием Русаносом, ученым монахом с о-ва Закинф (BHG, N 2064). В честь В. было написано 8 служб, изданных в Бухаресте (1705 и 1749), в Мосхополе (совр. Воскопоя, Албания) (1744), в Вене (1797), в К-поле (1800), в Венеции (1848), в Афинах (1856 и 1897) (*Petit.* Bibliogr. d. acolouthies grecques. P. 27–31).

Ист.: BHG, N 2064, 2064b; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 1. Σ. 152–154; *Δουκάκης.* ΜΣ. Т. Σεπτέμβριος. Σ. 193–226; *Βέης N. А.* Ἡ ἀρχέτυπος κτητορικὴ διαθήκη τοῦ ἐν Ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βησσαρίωνος, μητροπολίτη Λαρίσης, ἱδρυτοῦ τῆς μονῆς Μεγάλων Πυλῶν. Ἀθῆναι, 1949; *Σοφιανός Δ. Ζ.* Χατζη-Γερασίμου ἱερομονάχου Δουσικιώτη ἀνέκδοτο ἐγκώμιο (1826) τοῦ ἁγίου Βησσαρίωνος, μητροπολίτη Λαρίσης // Τρικαλινά. 1987. Т. 7. Σ. 7–40.

Лит.: *Janin R.* Bessarion II, métropolite de Larissa // DHGE. T. 8. Col. 1199–1200; *Διονύσιος (Χαραλάμπους), μητρ. Τρίκκης καὶ Σταγῶν.* Ὁ ἅγιος Βησσαρίων. Ἀθῆναι, 1966; *Βασιλόπουλος Χ.* Ὁ ἅγιος Βησσαρίων. Ἀθῆναι, 1968; *Γριτσόπουλος Τ. Α.* Βησσαρίων ὁ Β', μητροπολίτης Λαρίσης // ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 852–854; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 80.

Э. П. А.

ВИССАРИО́Н [греч. Βισαρίων] (2-я пол. IV в.?), прп., чудотворец егип. (пам. копт. 25 месора (18 авг.), пам. рус. 6 июня). Сведения о нем содержатся в *Apophthegmata Patrum,* пространной версии «Лавсаика» и копто-араб. и эфиоп. синаксарях. Был современником прп. Иоанна Ликопольского. Согласно копто-араб. синаксарю, В. род. в христ. семье. Желая вести «ангельскую жизнь», В. много лет получал наставления у подвижника Антония, а затем ушел в Скит к прп. Макарию (вероятно, прп. *Макарию Великому*). Известно, что у В. был, по крайней мере, один ученик по имени Дула.

Apophthegmata Patrum изображают В. как молитвенника и чудотворца: он превратил морскую воду в пресную, остановил заходящее солнце, ходил по водам как посуху, молитвой излечил бесноватого, мог провести ок. 40 суток стоя, без сна. В пространной версии «Лавсаика» есть рассказ о его нестяжании: В. накрыл плащом мертвеца, нищему на рынке отдал хитон и сидел нагой с Евангелием под мышкой, пока проходящий мимо чиновник не одел его. Затем В. продал Евангелие, чтобы отдать вырученные деньги неимущим. По мнению Л. Реньё, рассказ из «Лавсаика» относится не к В., а к егип. подвижнику Серапиону (*Regnault*. P. 379).

Почитание В. распространилось за пределы Египта. В визант. минеях он упомянут под 20 и 28 февр., 6 и 17 июня, в визант. синаксарях — под 27 и 29 нояб. В рим. Мартирологе Ц. Бария упомянут под 17 июня и ошибочно приписан к святым Фригии (*Sauget*. P. 141). В честь В. гимнографом Иосифом был составлен канон, а кард. Виссарионом — энкомий. В. не следует путать с прп. Пассарионом, архиеп. Палестинским, упомянутым у Кирилла Скифопольского, а также с *Виссарионом Египетским*, предполагаемым учеником прп. Исидора Пелусиота.

Ист.: ActaSS. Iunii. T. 3. P. 299–303; PG. 34. Col. 1219–1220 (рус. пер.: *Палладий*. Лавсаик. С. 158–159) [пространная версия «Лавсаика»]; PG. 65. Col. 137–144 (рус. пер.: Достопамятные сказания. С. 45–47) [алф. собр. Apophthegmata Patrum]; PL. 73. Col. 783, 807, 808, 809, 893, 1000–1001, 1037, 1197–1198 [лат. перевод Apophthegmata Patrum]; PO. T. 17/3. P. 749–751 [копто-араб. синаксарь]; *Joannou P.* Un opuscule inédit du card. Bessarion: Le panégyrique de s. Bessarion, anachorète égyptien // AnBoll. 1947. T. 65. P. 107–137.

Лит.: *David J.* Bessarion // DHGE. T. 8. Col. 1080–1081; *Sauget J.-M.* Bessarione // BiblSS. T. 3. Col. 140–141; *Παπαδόπουλος Σ. Τ.* Βησσαρίων // ΘΗΕ. Τ. 3. Σ. 846–847; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 81; *Regnault L.* Bessarion, Saint // CoptE. Vol. 2. P. 379.

А. А. Войтенко

Гимнография. Память В. с памятью прп. Илариона 6 июня указывается во всех списках Иерусалимского устава, начиная с древнейших (*Дмитриевский*. Описание. Т. 3. С. 50) и до греч. и слав. печатных изданий (Типикон. Венеция, 1577. Fol. 52; старопечатные московские Типиконы – 1610, 1633, 1641). Их памяти сопровождаются указанием *«Аллилуия»*, т. е. в этот день совершалась будничная служба с поклонами, на утрене вместо «Бог Господь» пели «Аллилуия», тропаря у В. не было. В реформированном тексте Типикона 1682 г. появляется ремарка: «Аллилуия или тропарь», выписывается общий тропарь преподобных. Это изменение произошло в связи с общим процессом добавления тропаря для всех святых, не попадающих в период Великого поста. В совр. греч. Минее приводится только последование прп. Илариона.

Совр. последование В. включает в себя: общий тропарь В. и прп. Илариону (**Бо҃же спа҃си на́ша҄хъ**); кондак 2-го гласа на подобен «Твердыя»: (**Вы́шнихъ си́лъ подража́въ преподо́бне, о҆бразомъ пти́цъ жи҃тїе пожи́лъ е҆сѝ**); канон 2-го гласа творение Иосифа (**Гра҆ди́те лю́дїе, поі́мъ пѣ́снь хр҃тв҃ бг҃ꙋ́**) (**Пое́тъ бг҃ꙋ́ цр҃ковь лику́ющи въ па́мати твое́й дне́сь бг҃одохнове́нне висаріѡ́не**).

В рукописях встречаются также др. каноны В.: 2-го плагального, т. е. 6-го, гласа, без акростиха, ирмос: «Κύματι θαλάσσης» (**Волно́ю морско́ю**), нач.: «Χάριτος τῆς θείας ῥανίδα μοι στάξον» (Благодать божественной капли мне пролей); плагального 1-го, т. е. 5-го, гласа, с акростихом «Βισαρίων (sic), ἆρον νόσους Ἀρσενίου» (Арсения), с именем Арсения в 8-й песни канона, ирмос: «Ἵππον καὶ ἀναβάτην» (**Коня́ и всадника**), нач.: «Βλέμματι ἀκοιμήτῳ ὁ βλέπων πᾶσαν τὴν γῆν» (Взору неусыпающему, видящему всю землю) (Ταμεῖον. Σ. 212).

А. А. Л.

ВИССАРИО́Н Селинин († 1.05. 1918, Семиреченская обл.), сщмч. (пам. 18 апр. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Первоначально служил диаконом в храме во имя св. мучеников Флора и Лавра в Павлодаре. В 1907 г. рукоположен во иерея к храму в с. Ильинка. В 1910 г. перешел в Туркестанскую епархию. Служил в храме во имя прор. Илии в ст-це Урджарской Лепсинского у. Семиреченской обл. Был изрублен шашками во время столкновения первомайской демонстрации с крестным ходом, о чем паству известил Верненский и Семиреченский еп. сщмч. *Пимен (Белоликов)*. В. прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Ист.: Туркестанский ЦВ. 1918. № 3.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИССАРИО́Н (Окулов Василий Исидорович, 26.02.1880, с. Никитино Осинского у. Пермской губ.– 14(28).10.1918), прмч. (пам. 12 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), иеродиак. Из крестьянской семьи, был женат. После того как супруги по обоюдному согласию приняли решение о принятии монашеского пострига, Окулов 15 сент. 1909 г. поступил в *Белогорский во имя свт. Николая мон-рь* в Осинском у. 25 апр. 1916 г. был принят в число послушников, 1 мая следующего года пострижен в монашество, в тот же день его супруга приняла постриг в *Казанской иконы Божией Матери жен. мон-ре* в дер. Бахаревой (Бахаревке). 8 окт. 1917 г. Соликамским еп. сщмч. *Феофаном (Ильменским)* В. был рукоположен во диакона, 16 нояб. назначен исполняющим обязанности казначея архиерейского дома. После прихода в Пермском крае к власти большевиков В. арестовали, отправили в Пермь на принудительные работы. За отказ от работ он был живым брошен в Каму. В. причтен к лику местночтимых святых Пермской епархии 2 июля 1998 г., включен в Собор новомучеников для общецерковного почитания *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: *Дамаскин*. Т. 2. С. 116; Духовенство Пермской епархии, 1918–1928 гг. / Сост. П. Агафонов. Пермь, 1997. С. 126; К прославлению сщмч. Феофана, еп. Пермского и Соликамского, и прмч. Варлаама с братией Белогорского мон-ря / Изд. Пермского ЕУ. Пермь, 1998. С. 36.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИССАРИО́Н [груз. ბესარიონი], Католикос-Патриарх Вост. Грузии (1724–1737/38 или 1735) из знатного рода Орбелишвили-Бараташвили, представитель давидгареджийской лит. школы. Получил хорошее духовное образование, особо преуспевал в догматике и литургике.

В 1697 г. В. стал иеромонахом в мон-ре Иоанна Крестителя, в лавре Давидгареджи, где руководил обучением молодых монахов, интересовавшихся духовной лит-рой. Приписки к рукописям из Гареджи свидетельствуют, что его учениками были церковный писатель еп. Тимофей (Тимотэ) (Габашвили, † 1764, Астрахань), к-рый переписал сочинение В. «Грдемли» (Наковальня) (Кекел. А–119) (*Хаханов А.* Очерки по истории грузинской словесности. Т. 1. С. 299–300), писатель и иером. Иосиф (Эриствисшвили) и др. Совместно с игум. Харитоном и монахами Свимеоном и Саввой В. принимал участие в решении мн. церковных и общественных проблем Грузии. Благодаря специальной миссии В. к правителю Гурии Мамия Гуриели был составлен акт, т. н. Клятвенная книга, о совместной

борьбе за отмену продажи пленных (Акты Кавказской археогр. комис. Т. 1. С. 52).

В 1724 г., после отъезда царя Вахтанга VI (Багратиони) в Россию, Католикос *Доментий* IV был вынужден отправиться в К-поль (откуда его затем сослали на о-в Тенедос). Новый царь Иесей поставил В. во главе Картлийской Церкви, но возведение в сан Католикоса-Патриарха состоялось только в 1730 г. (ркп. из Кутаисского гос. музея им. Н. Бердзенишвили, № 28. Л. 188). Большое внимание В. уделял духовной лит-ре и переписке рукописей, в архиве Ин-та рукописей им. К. Кекелидзе Груз. АН хранятся переведенные В. сочинения древних авторов (Молитвенник, часть литургии свт. Иоанна Златоуста. А–198, 1696 г.; Клемакс Иоанна Синайского (пер. на груз.). А–105, 1697 г.; «Лавсаик» Палладия и сочинения св. Ефрема Сирина. А–196, 1696–1697 гг. и др.). На рубеже XVIII–XIX вв. ощущалась острая необходимость в создании груз. агиографического сборника. Уже в 1699 г. Онофрэ (Мачутадзе), настоятель Давидгареджийского мон-ря, составил сборник житий 13 сир. отцов (Кекел. А–160). В нач. XVIII в. под рук. Католикоса Доментия в него включили мученичества и жития груз. святых (Кекел. А–130, 1705–1713 гг.). В. написал агиографическое сочинение о груз. святых, а также распорядился, чтобы были созданы гимнографические каноны. Дошедший список сборника свидетельствует о лит. доработке, сделанной рукой В. (Кекел. S–3269). К числу оригинальных трудов В. принадлежат «Мученичество и подвиг св. великомученика Раждена», «Восхваление и мученичество св. мученика Арчила», «Подвиг святого и блаженного мученика царя Луарсаба», «Восхваление св. мучеников Бидзина, Шалва, и Элизбара и уведомление об их мученической смерти», «Смерть прп. отца Иесея, Цилканского епископа» (Кекел. А–170).

В связи с усилением католич. влияний на груз. об-во В. написал (до 1729) полемическое соч. «Грдемли» (не опубл.), направленное против католицизма. Известны его 2 редакции: ранняя, короткая (Кекел. S–286) и пространная, сохранившаяся во мн. списках (Кекел. S–1596, S–3269, А–156, А–1395, А–1591). «Грдемли» состоит из 38 глав, начинается с предисловия, где говорится о ересях, существовавших в правосл. христ. Церкви, затем перечисляются догматические и литургические отличия, имеющиеся в Вост. и Зап. Церквах. Основная часть сочинения посвящена критике догматов католич. Церкви.

В. был одним из первых, кто старался приблизить груз. праздничную Минею к рус. образцам, взяв за основу переведенный с рус. Типикон. Составленный им сборник является новой ступенью в развитии груз. литургии (автограф, Кекел. А–59).

Похоронен В. в храме Светицховели, в Мцхете. Его преемник, Католикос-Патриарх Кирилл подписал грамоту о вступлении на престол 2 февр. 1738 г. (Груз. ЦГА. Ф. 1448, № 2760).

Лит.: *Хаханов А.* Очерки по истории груз. словесности. М., 1895. Вып. 1. С. 299–300; *ჯიქელიძე ქ.* ძველი ქართული მწერლობის ისტორია. თბილისი, 1951. Т. 1. С. 326–328; *ლომინაძე ბ.* მასალები საქართველოს XVII–XVIII სს. ისტორიის ქრონოლოგიისათვის // მასალები საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის. თბილისი, 1951. Кн. 29. С. 67–74; *ქავთარია მ.* ბესარიონ ორბელიშვილის ცხოვრება და მოღვაწეობა / ხელნაწერთა ინსტიტუტის მოამბე. თბილისი, 1959. Т. 1. 75–113; *он же.* ძველი ქართული პოეზიის ისტორიიდან XVII–XVIII სს. თბილისი, 1977. С. 171–202.

М. Кавтария

ВИССАРИО́Н, Католикос-Патриарх Зап. Грузии (Абхазии) (1742–1769), сын эристава Рачи Шошита III и Марии, дочери царя Имерети Баграта IV. В одной из книг пожертвований из Бичвинты (Пицунды) В. называет себя Католикосом-Патриархом «Лихт-Имерети, Одиши, Понто-Абхаз-Гурии, Рача-Лечхум-Сванети, Осетин, Двалов и всего севера» (с 1453 термин «весь север» — традиц. составляющее титула Абхазских Католикосов). В. поддерживал своего брата Ростома Эристава в борьбе против царя Имерети Соломона I (1752–1784), чей политический курс был направлен на укрепление центральной власти, ограничение прав крупных феодалов и объединение Зап. Грузии. В 1768 г. В. вел переговоры с ахалцихским пашой о военной поддержке своих единомышленников. Но паша заключил В. в тюрьму, откуда тот бежал (1769) в Одиши (Самегрело). Правитель этой области Кация II Дадиани объявил В. «католикосом» Одиши. Но на церковном Соборе, созванном в Кутаиси в мае 1769 г., Католикосом-Патриархом избрали митр. Гаенатского Иосифа (Багратиони) (1769–1776), брата царя Соломона I.

Ист.: დასავლეთ საქართველოს საეკლესიო საბუთები. თბილისი, 1991. Кн. 1. С. 162–163; დასავლეთ საქართველოს საეკლესიო საბუთები / ს. კაკაბაძის გამოც. თბილისი, 1921. Кн. 2. С. 5–6, 7, 22–30; ქართული სამართლის ძეგლები. / ი. დოლიძის გამოც. თბილისი, 1970. Т. 3. С. 813–814, 842, 877–878, 880–882; *ორბელიანი ს.* ამბავნი ქართლისანი / ტექსტი, შესავალი, ლექსიკონი და სახელებლები ელ. ცაგარეიშვილისა. თბილისი, 1981. С. 238–239; *Цагарели А. А.* Грамоты и др. ист. док-ты. XVIII ст., относящиеся к Грузии. СПб., 1891. С. 31–32; *Бутков П.* Мат-лы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1. С. 154.

Лит.: *ლომინაძე ბ.* მასალები დასავლეთ საქართველოს XVII–XVIII სს. ისტორიის ქრონოლოგიისათვის // მასალები საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის. თბილისი, 1954. Ч. 31. С. 133–135, 141–142; *რეხვიაშვილი მ.* იმერეთის სამეფო 1462–1810 წწ. თბილისი, 1989. С. 202, 204–205, 207, 211–212, 215; *თამარაშვილი მ.* ქართული ეკლესიის ისტორია დასაბამიდან დღემდე / ზ. ალექსიძისა და ჯ. ოდიშელის რედ. და წინასიტყვ. თბილისი, 1995. С. 463–464, 467; *ჯორბენაძე თ.* აფხაზეთის (დასავლეთ საქართველოს) კათალიკოსები და კათალიკოს-პატრიარქები // საქართველოს კათალიკოს-პატრიარქები. თბილისი, 2000.

Т. Коридзе

ВИССАРИО́Н († 20.09.1246), Патриарх Тырновский. Сведения о нем малочисленны: оловянная печать с болг. надписью: «Виссарион, по милости Божией патриарх болгар», упоминание в Боянском помяннике нач. XVII в. и содержащая дату кончины надпись вверху мраморной колонны в ц. св. апостолов Петра и Павла в Велико-Тырнове. Избран Патриархом после смерти Патриарха Тырновского *Иоакима I* (18 янв. 1246). После дворцового переворота в авг. 1246 г., в результате к-рого малолетний царь Коломан I Асень был отравлен, а престол занял сын царя Иоанна Асеня II от брака с Ириной Комниной Михаил II Асень, последовала и смерть В. Вероятно, он также был убит. Имя В. не упомянуто среди болг. архиереев в *Борила царя синодике,* т. к., возможно, он склонялся к принятию унии с Римом.

Лит.: *Герасимов Т.* Оловен печат на Търновския патриарх Висарион // Изв. на Окръжния музей във В. Търново. 1964. Кн. 2. С. 45–47; *Овчаров Н., Хаджиев К.* Новооткритият Висарионов надпис от Велико Търново и събитията в България през 40-те г. на XIII в. // Векове. 1991. Кн. 1/2. С. 24–27; Кой кой е в средновековне България. София, 1994. С. 58.

Хр. Темелски

ВИССАРИО́Н (2.01.1403 (?), Трапезунд — 18.11.1472, Равенна), митр. Никейский (К-польский Патриархат), кард. и титулярный лат. Патриарх К-поля, греч. писатель, гуманист, активный сторонник унии. Род. в многодетной семье среднего достатка. В крещении Василий (или Иоанн?). В Трапезунде обучался под рук. митр. Досифея, к-рый при отъезде в К-поль (1416) взял его с собой, определив в обучение к известному визант. интеллектуалу *Иоанну Хортазмену*. 30 янв. 1423 г. был пострижен в монахи, приняв имя в честь мч. *Виссариона Египетского*. Через 2 года имя В. встречается среди учеников ритора и грамматика Мануила Хрисококка, где вместе с ним обучались итал. гуманист Франческо Филельфо, убежденный латинофил Константин *Ласкарис* и *Иоанн Аргиропул*. Здесь у В. пробудился интерес к итал. культуре и зап. гуманизму; к этому времени относится начало его лит. творчества. В К-поле В. был рукоположен во диакона (кон. 1425) и иерея (1430/31), в 1436 г. стал игуменом столичного мон-ря св. Василия. Будучи близок к придворным кругам, В. активно участвовал в политической жизни империи. В 1426–1427 гг. он был направлен с дипломатическими поручениями на родину в Трапезунд; его участие в переговорах между имп. *Иоанном VIII Палеологом* и трапезундским имп. *Алексеем IV Василием Великим Комнином* о союзе против турок свидетельствует о его возросшем влиянии при дворе. С 1431 г. неск. лет жил в Мистре, изучая философию Платона и др. науки под рук. Георгия Гемиста *Плифона;* здесь В. глубже познакомился с лат. культурой, окунулся в атмосферу зап. влияний и религ. терпимости к латинянам.

В 1434–1435 гг. В. принял активное участие в подготовке Собора по объединению Церквей. За большие заслуги в этом деле по настоянию имп. Иоанна VIII он получил сан митрополита Никеи (нояб. 1437); в следующем году он был назначен также проэдром (управляющим епископом) Сардской кафедры. Эти назначения были призваны повысить авторитет одного из главных сторонников унии. На *Ферраро-Флорентийском Соборе* (1438–1439) В., возглавлявший латинофильское крыло визант. делегации, играл одну из ключевых ролей и вел ожесточенную полемику с митр. Эфесским свт. *Марком Евгеником* и др. противниками унии. Большое значение в ходе догматико-полемической борьбы на Соборе имели его речи на открытии Собора в Ферраре (8 окт. 1438) и догматическая к Флорентийскому Собору (13 апр. 1439). Однако Флорентийская уния, подписанная греч. стороной благодаря усилиям В., не была принята подавляющим большинством духовенства и народа Византии. После возвращения на родину В. был обвинен в измене Православию и в мае 1440 г. навсегда покинул Византию, переселившись в Италию.

Пролатинская позиция В. на Соборе получила высокую оценку в Риме. Уже 18 дек. 1439 г. папа *Евгений IV* (1431–1447) возвел В. в достоинство кардинала-пресвитера и определил ему денежное содержание; 8 янв. 1440 г. папа пожаловал В. титул кардинала-пресвитера ц. Двенадцати апостолов (XII Apostolorum), к-рый был сохранен за ним и позднее, после его возведения в достоинство кардинала-епископа. В том же 1440 г. В. получил архиепископскую кафедру Фив «in partibus infidelium» (на землях неверных). В. исполнял дипломатические поручения Римских пап в качестве легата и принимал участие во всех состоявшихся при его жизни конклавах.

В 1446 г. В. был назначен визитатором, а затем кардиналом-протектором греч. мон-рей ордена св. Василия в Италии (см. ст. *Василиане*). Здесь он провел ряд реформ по укреплению дисциплины и способствовал введению как квасного, так и пресного хлеба при Евхаристии. В 1447 г. при новом папе *Николае V* В. получил в управление митрополичью кафедру Манфредонии (Сипонто). 5 марта 1449 г. он был возведен в достоинство кардинала-епископа и определен на Сабинскую субурбикарную кафедру, но уже 23 апр. был переведен на кафедру Фраскати (античный Тускул), к-рую занимал почти 20 лет. В 1449–1458 гг. В. управлял также еп-ством Мадзара-дель-Валло (Сицилия), в 1449 г. был назначен апостольским администратором лат. патриархата Иерусалима и занимал этот пост до марта 1458 г.

Направленный в качестве папского легата в Болонью (1450–1455), В. добился установления мира в городе, реформировав систему городского управления. Его усилиями были проведены реставрационные работы в церквах и Болонском ун-те. На личные средства В. была возведена капелла Вознесения в ц. Санта-Мария дель Монте. В благодарность за труды граждане Болоньи воздвигли монумент с надписью: «Виссариону, епископу Тускуланскому, кардиналу Никейскому, нашему благодетелю».

Дважды В. рассматривался в качестве претендента в ходе выборов нового папы. В 1455 г. он получил на конклаве 8 из 15 голосов, в 1471 г.— 6 из 18.

Помня о своем происхождении, В. всегда пытался оказать помощь греч. народу. После падения Византийской империи (1453) свою задачу он видел в организации совместных действий европ. гос-в для крестового похода против турок. В июле 1453 г. В. направил письмо венецианскому дожу Франческо Фоскари, в к-ром обрисовал угрозу Венеции, исходившую от господства турок на Адриатике, однако его пламенный призыв к борьбе не нашел отклика. По поручению папы *Каллиста III* в 1455 г. В. побывал при дворе неаполитанского кор. Альфонса I с целью склонить его к военному участию в борьбе с врагами христианства. Этой же цели он пытался достичь на встрече глав европ. гос-в в Мантуе (1459); получив поддержку папы *Пия II,* В. выступил с речью, в к-рой предложил конкретный план крестового похода и способы его организации. В 1460–1461 гг. В. как папский легат побывал в Германии, пытаясь пропагандировать идею крестового похода, но помехой была вражда имп. Фридриха III Габсбурга с его братом, эрцгерц. Австрийским Альбрехтом VI. В 1463 г., выполняя поручения папы в Венеции, В. вел переговоры об организации военной экспедиции; в результате Сенат принял решение объявить войну султану. Папа Пий II также начал подготовку к походу против турок (для к-рого В. на собственные средства снарядил галеру), но смерть папы в 1464 г. привела к отмене этого мероприятия.

В кон. апреля 1463 г. В. получил титул лат. патриарха К-поля, став преемником умершего кардинала *Исидора* (бывш. митр. Киевский); от него же В. унаследовал и должность декана Свящ. коллегии кардиналов, самую почетную после папы в католич. иерархии. В 1468 г. папа

Павел II назначил его на Сабинскую субурбикарную кафедру.

Считая своим долгом продолжить дело Исидора по привлечению к унии Русской Церкви, В. направил послание вел. кн. *Иоанну III Васильевичу* с предложением вступить в брак с Зоей (Софьей), племянницей последнего визант. имп. Константина XI Палеолога, нашедшей убежище в Риме. Как известно, брачный план В. увенчался успехом: бракосочетание Иоанна III и Софьи состоялось в Москве 12 нояб. 1472 г.

В 1472 г. в качестве легата В. вел от имени папы *Сикста IV* переговоры с кор. Франции Людовиком XI, герц. Бургундии Карлом Смелым и кор. Англии Эдуардом IV; в очередной раз был поднят вопрос о защите христ. мира от тур. угрозы, но результат не был достигнут. На обратном пути В. заболел и скончался в Равенне; его тело было доставлено в Рим, где заупокойную мессу служил сам папа (беспрецедентное событие для того времени). Погребен В. в храме Двенадцати апостолов.

Философские и богословские воззрения. В. написал произведения как на греч., так и на лат. языке, к-рым владел в совершенстве. Философские представления В. формировались под влиянием Плифона, благодаря к-рому будущий кардинал стал приверженцем философии Платона и ярым латинофилом. В. занял особую позицию в разгоревшемся в XV в. с новой силой споре «платоников» и «аристотеликов». В своих философских трудах он отдавал предпочтение Платону перед др. философами, хотя и не критиковал резко Аристотеля, как это делали последовательные «платоники». Для человека, перешедшего в католичество, было опасно открыто выступать против учения этого философа, поэтому В. был осторожен в высказываниях и подчеркивал свое уважение к авторитету Аристотеля. С др. стороны, он пытался доказать, что Платон ближе Аристотеля подходит к христианству, и стремился найти точки соприкосновения в учениях 2 великих философов. Трактуя тему отношений природы и искусства (De natura et arte, 1450–1455), В. утверждал, что, согласно Платону, природа и искусство устрояются разумом, но этот разум, лежащий вне природы, имеет, по Аристотелю, божественный, универсальный характер. Особое место среди богословских и философских работ В. занимают 4 кн. «Ἔλεγχοι τῶν κατὰ τοῦ Πλάτωνος βλασφημιῶν» (In calumniatorem Platonis, Опровержения клеветы против Платона, 1458–1469), в к-рых он предпринял новую попытку поставить на службу христ. учению платоновскую философию. В этой работе В. отстаивает принципы, лежавшие в основе философии его учителя Плифона, и открыто выступает как сторонник платонизма. Сочинение было написано как ответ на инвективы *Георгия Трапезундского* в соч. «Сравнение философов Платона и Аристотеля». В. доказывает преимущества философии Платона перед философией Аристотеля. Разбирая текст Георгия Трапезундского, В. опровергает гл. его тезис о том, что философская система Платона не носила законченного характера и противоречит христ. учению. В. полагает, что во мн. областях знания, особенно в риторике и диалектике, Платон значительно превзошел Аристотеля. Философская система Платона не сохранилась, но это не является доказательством ее отсутствия, т. к. она могла носить эзотерический характер. Опровергая тезис о враждебности философии Платона христианству, В. считает, что нек-рые идеи Платона предвосхитили христ. учение о Св. Троице. Кроме того, В. указывал, что платоновская философия монотеистична, а учение Платона о провидении, бессмертии души также, по В., близки христ. учению.

Богословские сочинения В. носят преимущественно полемический характер и посвящены в основном защите лат. учения о *Filioque*. В. в своей полемике с правосл. партией опирается на произведения *Иоанна XI Векка* и Димитрия *Кидониса*, а также лат. схоластов, в первую очередь *Фомы Аквинского*. К ранним догматическим работам В. принадлежит законченный в 1439 г. трактат «Πρὸς τὰς τοῦ Παλαμᾶ κατὰ Βέκκου ἀντιρρήσεις» (На возражения Паламы против Векка — PG. 161. Col. 244–287). Основная цель этого сочинения — защита позиции Патриарха К-польского Иоанна XI Векка по отношению к Лионской унии от обвинений свт. *Григория Паламы*. Критикуя обвинения в адрес Векка и рассматривая лат. учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, В. заявляет о тождестве греч. формулы «διά» (через) и лат. «ex» (от) в учении об исхождении Св. Духа.

В трактатах периода Флорентийской унии В. подверг резкой критике взгляды правосл. ученых, прежде всего свт. Марка Эфесского. Особую роль в богословской полемике вокруг проблемы объединения Церквей имела речь В. на Флорентийском Соборе в апр. 1439 г. (Πρὸς τὴν σύνοδον δογματικὸς λόγος ἢ περὶ ἑνώσεως, Догматическая речь к Собору о соединении — Ibid. Col. 543–614). Она содержала основные положения тех религ. и политических уступок, на к-рые были готовы пойти латинофилы для заключения унии. Тема объединения Церквей вновь звучит в соч. 1440–1445 гг. «Πρὸς Ἀλέξιον Λάσκαριν Φιλανθρωπινὸν περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ Ἁγίου Πνεύματος» (К Алексею Ласкарису Филантропину об исхождении Св. Духа — Ibid. Col. 321–406), в к-ром В. излагает события Флорентийского Собора и защищает унию. Наиболее ярко пролат. позиция В. нашла выражение в соч. «Ἀπόκρισις πρὸς τὰ τοῦ Ἐφέσου Κεφάλαια» (Опровержении силлогических глав Марка Эфесского — Ibid. Col. 11–244), написанном в 1445–1447 гг. Подвергая критике свт. Марка Евгеника, В. приводит основные доводы оппонента и тут же дает их опровержение, применяя силлогический метод. В. опирается в своей аргументации на лат. учение о Filioque. Он рассматривает вопросы об определении сущностных свойств ипостасей Св. Троицы и об отношении между ними, чтобы вывести учение об исхождении Св. Духа. Т. к. Сын получил при рождении от Отца все Его свойства, то и исхождение Св. Духа надо понимать как единый акт Отца и Сына. Этим положением В. опровергал основное обвинение латинян в том, что, согласно их учению, Св. Дух исходит от 2 различных начал, имеет 2 причины. С тех же позиций написан и трактат «Περὶ τοῦ τῆς ἱερᾶς εὐχαριστίας μυστηρίου» (О таинстве св. Евхаристии — Ibid. Col. 493–526).

Одним из поздних богословских произведений В. было Соборное послание (Ἐπιστολὴ καθολίκη — Ibid. Col. 449–480) 1463 г., адресованное правосл. грекам по случаю провозглашения В. титулярным лат. патриархом К-польским. В. связывает падение Византийской империи с отклонением греков от истинной веры

и отделением их от католич. Церкви. Единственным путем спасения для греков, по мысли В., могло быть только признание лат. учения и примата папы, а также воссоединение Церквей.

Литературная деятельность. В., получивший классическое визант. образование, написал мн. риторических и эпистолярных сочинений. Он составил монодии на смерть имп. Мануила II Палеолога, Феодоры Комнины, Клеопы Палеологины, в к-рых раскрывается его лит. и риторический талант. Его перу принадлежит панегирик Трапезунду, в к-ром он называет родной город «эмпорием ойкумены».

В. стоял в центре гуманистической жизни Италии. Итал. гуманист Лоренцо *Валла,* принадлежавший к гуманистическому окружению кардинала, назвал В. «Latinorum Graecissimus, Graecorum Latinissimus» (лат.— самый греческий из латинян, самый латинский из греков). В Риме В. основал и возглавил гуманистический кружок, в к-рый входили Поджо Браччолини, Флавио *Бьондо,* Франческо Филельфо, Платина, Валла. «Академия» В. была «артистическим салоном», в к-ром собирались греки и латиняне, богословы и гуманисты для свободного общения. Члены виссарионовской «Академии» занимались копированием рукописей и переводами античных авторов на лат. язык. В. был крупным коллекционером греч. манускриптов и собственноручно сделал неск. копий древних рукописей. Ему принадлежат также переводы на лат. язык «Воспоминаний» Ксенофонта, «Метафизики» Аристотеля, «Метафизики» Теофраста, речей Демосфена. В 1468 г. В. передал в дар Венеции свою самую большую в Европе частную б-ку, состоявшую из 768 рукописных книг (из них 482 на греч. языке). Б-ка Виссариона составила основу будущей б-ки св. Марка (Biblioteca Marciana). Дом В. в Риме стал центром визант. эмиграции, особенно усилившейся после падения империи. Он оказывал финансовую поддержку грекам, содействовал в получении ими должностей в местных ун-тах. Среди тех, кому В. оказал помощь, были Михаил *Апостолис, Феодор Газа* и Константин Ласкарис. В знак признательности Апостолис составил надгробную речь в память о нем. Греч. культура получила широкое распространение на итал. почве благодаря усилиям В., о к-ром в эпитафии сказано: «Твоими трудами Греция переселилась в Рим».

Соч.: PG. 161. Col. 137–744; Νέος Ἑλληνομνήμων. 1913. Т. 1. Σ. 59–63 [Слово на перенесение главы ап. Андрея из Патр в Рим]; 1916. Т. 13. Σ. 146–194 [Энкомий Трапезунду]; *Λάμπρος Σπ.* Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά. Т. Γ′. Σ. 284–290 [монодия Мануилу II]; In calumniatorem Platonis libri IV // *Mohler L.* Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann. Paderborn, 1927. Aalen, 1967². Bd. 2; Epistolae // Ibid. 1942. Bd. 3. S. 415–571, 647; De natura et arte // Ibid. S. 92–246; De Spiritus Sancti processione / Ed. E. Candal. R., 1961; Orazione dogmatica sull'unione dei greci e dei latini / Introd., trad. e note di G. Lusini. Napoli, 2001.

Лит.: PLP. Bd. 2. N 2706; (иностр. работы о В. до 1964 г. см. в ст.: *Labowsky L.* Bessarione // Dizionario biographico degli Italiani. R., 1967. Vol. 9. P. 686–697); *Садов А. И.* Виссарион Никейский: Его деятельность на Ферраро-Флорентийском Соборе, богосл. соч. и значение в истории гуманизма. СПб., 1883; *Хартман Г. М.* Значение греч. культуры для развития итал. гуманизма // ВВ. 1959. Т. 15. С. 100–124; *Удальцова З. В.* Борьба визант. партий на Флорентийском Соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3. С. 106–132; *она же.* Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии // ВВ. 1973. Т. 35. С. 75–85; *она же.* Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // Там же. 1976. Т. 37. С. 74–97; *Clough C. H.* Cardinal Bessarion and Greek at the Court of Urbino // Manuscritta. 1964. Vol. 8. P. 160–171; *Bernandinellos S.* I testi Bessarionei d. metafisica di Aristotele // RSBN. 1968. Vol. 15 (N. S. Vol. 5). P. 127–145; *Gill J.* East and West in the Time of Bessarion // Ibid. P. 3–27; *idem.* Was Bessarion a Conciliarist or an Unionist before the Council of Florence? // OCA. 1977. Vol. 204. P. 201–219; *Mioni E.* Bessarione bibliofilo e filologo // RSBN. 1968. Vol. 15 (N. S. Vol. 5). P. 61–83; *Vlachos T. N.* Bessarion als päpstlicher Legat in Venedig im Jahre 1463 // Ibid. P. 123–125; *Moraux P.* D'Aristote à Bessarions. Québec, 1970; Miscellanea marciana di studi bessarionei. Padova, 1976; *Labowsky L.* Bessarion's Library and the Biblioteca Marciana: Six Early Inventories. R., 1979; *Neuhausen K., Trapp E.* Lateinische Humanistenbriefe zu Bessarions Schrift «In Calumniatorem Platonis» // JÖB. 1979. Bd. 28. S. 141–165; *Monfasani J.* Bessarion Latinus // Rinascimento. 1981. Vol. 21. P. 165–209; *idem.* Byzantine Scholars in Renaissance Haly: Cardinal Bessarion and Other Emigrés. Aldershot, 1995; *Lampsidis O.* L'«éloge de Trébizonde» de Bessarion // JÖB. 1982. Bd. 32. S. 121–127; *Медведев И. П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // ВВ. 1986. Т. 46. С. 157–163; *он же.* Болонская грамота Виссариона Никейского в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВВ. 1986. Т. 47. С. 134–144; *он же.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; *Лазарев В. Н.* История визант. живописи. М., 1986. Т. 1. С. 187, 267; Т. 2. Табл. 597; Bessarionne e l'umanesimo: Cat. d. mostra / A cura di G. Fiaccadori. Napoli, 1994.

П. И. Жаворонков, Т. В. Кущ, А. Г. Крысов

ВИССАРИО́Н, имя неск. южнослав. книгописцев (монахов и мирян) кон. XV — 3-й четв. XVI в., к-рые иногда из-за соименности смешиваются в исследовательской лит-ре.

Виссарион Хиландарский (2-я пол. XV в.— после 1516), мон. Зографа, а затем Хиландара на Афоне, ученик митр. Сучавского Феоктиста. Судя по дошедшим рукописям, был профессиональным книгописцем, специализировался на скромных по оформлению четьих книгах, преимущественно библейских и богословских текстов с толкованиями, достаточно свободно владел как обычной для его времени ресавской орфографией, так и уже довольно редко употреблявшейся тогда тырновской, при этом мог при необходимости переходить с одного языкового извода на другой. Всего им переписано не менее 5 книг: Книга Иова с толкованиями (Бухарест. Б-ка АН Румынии. Слав. № 96), 1503 г., Зографский мон-рь, по заказу митр. Сучавского Георгия, «от извода сръбьскаго»; Псалтирь толковая (Chil. 119. Л. 1 — РНБ. F. I. 614), 1511 г., Хиландар, для мон-ря; Апостол толковый (Деяния и послания) с известием о переводе книги по повелению болг. царя Иоанна Александра (РНБ. F. I. 516), 1516 г., Хиландар (?), совместно с мон. Венедиктом; «Песнь песней» с толкованиями и сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника и послесловием старца Исаии о переводе книги на слав. язык в 1371 г. (Vindob. Slav. N 14), кон. XV (?) — нач. XVI в., вероятно Зограф; Сборник антилат. полемических сочинений в составе конволюта (МСПЦ. № 140 (Крушедол. Ъ V3). Л. 77–181), 1-я пол. XVI в. Последние две рукописи не имеют записи писца и атрибутированы В. на основании почерка (Б. С. *Ангелов*).

Виссарион (Варлаам), иером., работал в Охридской архиепископии в мон-ре Иоанна Предтечи (Продром), близ с. Слепче *(Слепченский мон-рь)* во 2-й четв.— сер. XVI в. Между 1549 и 1551 гг. принял схиму с именем Варлаам. Известно не менее 5 написанных им рукописей: Поучения огласительные Кирилла Александрийского (НБКМ. № 305), 1547 г.; Житие Иоанна Златоуста с дополнительными статьями (Там же. № 306), 1548 г.; Евангелие тетр

(НБС. Рс. 102), 1548 г.; Пролог стишной на сент.–февр. (ГИМ. Хлуд. № 192), 1551 г.; Пролог стишной на март–авг., частично (март и июль) (НБКМ. № 1041), 1554 г. В орфографии книг, переписанных Виссарионом-Варлаамом, наблюдаются следы среднеболг. правописания, восходящие, возможно, к их оригиналам. Его книгописная деятельность в период схимничества исследована недостаточно.

Виссарион Дебарский, уроженец г. Дебар (Зап. Македония), иером. того же Слепченского мон-ря. Чрезвычайно продуктивный книгописец, специализировавшийся преимущественно на четьих рукописях. Известно не менее 9 полностью или частично написанных им книг: отрывок сочинений Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника (РНБ. F. I. 488/13), 1542 г.; Л. 210–373 Книг Царств (РГБ. Григор. № /М., 1684), 1544 г.; отрывок сборника сочинений Дионисия Ареопагита, Григория Паламы и Иоанна Дамаскина (СПб. БАН. 33. 16. 12); начальная часть (Л. 4–6) Помянника Слепченского мон-ря (ОГНБ. № 1/116), 1548 г.; сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника и «Небеса» Иоанна Дамаскина (НБКМ. № 1032, отрывок – РНБ. F. I. 488/15, 16), 1553 г.; «Небеса» Иоанна Дамаскина (Ч. 3) и слова Григория Паламы (София. Б-ка Болгарской АН. № 82), 2-я четв. XVI в.; Стишной Пролог на сент.–февр. (Там же. № 75), сер. XVI в.; Евангелие тетр (Там же. № 16), сер. XVI в.; сборник, содержащий ч. 3 «Небес» Иоанна Дамаскина, слова Григория Паламы, сокращение грамматического трактата Константина Костенечского («Словеса вкратце») и «Песнь песней» без толкований (НБКМ. № 311), сер. XVI в. Все рукописи, за исключением кодекса 1553 г., атрибутированы В. по почерку. Орфография книг, переписанных В., как правило, выдержанная ресавская. Использовал неск. вариантов не очень каллиграфического полуустава и курсив, преимущественно в глоссах и толкованиях.

Деятельность обоих соименных монахов-книжников, работавших в Слепченском мон-ре, и репертуар переписанных ими текстов непосредственно связаны с реализацией программы архиеп. Охридского *Прохора* (1528/29–1550), направленной на возрождение и распространение слав. книжности в диоцезе. Критерии для различения рукописей двух Виссарионов сформулированы С. Николовой.

Виссарион (Никифор), инок, работал в Предтеченском мон-ре на р. Мораве. В 1562/63 г. переписал Минею служебную (*Стојановић.* Записи. Кн. 1. С. 198. № 636).

Виссарион-мастер (серб. мастор). В 1567 г. переписал с соблюдением ресавской орфографии и украсил миниатюрами, заставками и инициалами для «попа Божко» из с. Бухово близ Софии Евангелие тетр (НБКМ. 57 – т. н. Буховское Евангелие).

Лит.: *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска лит-ра. София, 1978. Кн. 3. С. 156–248 [Висарион Дебърски], 265–281 [Висарион Хилендарски]; *Банков Т.* За книжовното дело на Висарион Дебърски // Литература, общество, идеи. София, 1986. С. 88–96; СтБЛ. С. 88–89; *Николова С.* Ръкописи за Висарион Дебърски и текстова традиция на Стария завет // Българският XVI в.: Сб. с докл. за българ. обща и културна история през XVI в. София, 1996. С. 363–402; *Петков Г.* Четири преписа на стишния пролог от XVI в. в ръкописи на Висарион Дебърски // Там же. С. 351–362; *Петков П.* Огласителни поучения на св. Кирил Ерусалимски в преписа на Висарион Дебърски // Там же. С. 403–426; *Узунова Е.* Характеристика на някои палеографски и правописно-езикови особености в скрипторски бележки на Висарион Дебърски // Там же. С. 543–554; *Христова Б.* Западнобългарски книжовници от XVI в. // Там же. С. 343–347; *Поп-Атанасов Ѓ., Велев И., Јакимовска-Тошиќ М.* Скрипторски центри во средновек. Македонија. Скопје, 1997. С. 323–338.

А. А. Турилов

ВИССАРИО́Н (Дадиани; груз. ბესარიონი; 1832–1900), еп. Имereти в 1875–1900 гг., внук вел. кн. Мингрелии Манучара.

Принял постриг 6 авг. 1849 г., жил в Мартвильском мон-ре. В 1853 г. рукоположен во диакона, 16 нояб. 1857 г.– во иерея, 20 дек. 1859 г. возведен в сан архимандрита. С 1860 г. настоятель Джручского мон-ря, с 1865 – Гелатского (Гаенатского) мон-ря. В 1871 г. стал членом Грузино-Имеретинской синодальной конторы, 12 янв. 1875 г. хиротонисан во епископа Мингрельского, викария Имеретинской епархии.

С 1 марта 1886 г. еп. Алавердский, 2-й викарий Грузинского Экзархата, глава восстановленного в этом году Алавердского вик-ства и настоятель мон-рей Шуамта и Алаверди.

С 1895 г., сначала в связи с болезнью еп. *Гавриила (Кикодзе),* а затем после его кончины († 1896), вплоть до 1898 г. В. временно управлял Имеретинской епархией. 6 июня 1898 г. указом императора В. назначен епископом Имерети.

Виссарион (Дадиани), еп. Имерети. Фотография. Кон. XIX в. (РГИА)

В. занимался благотворительной деятельностью. Восстановил мон-рь Шуамта.

Ист.: Девятисотлетие российской иерархии, 988–1888: Епархии и архиереи / Сост. Н. Дурново. М., 1888. С. 81–87; ᲘᲕᲔᲠᲘᲐ. 1896. № 8. С. 1–2; 1897. № 19. С. 5–7; 1900. № 15. С. 1–2; ᲝᲕᲔᲠᲘᲡ. 1898. 20 июня. № 130. С. 4; 1899. 30 марта. № 68. С. 3; 1900. 9 авг. № 172. С. 2; Указ о бытии еп. Имеретинским // ЦВед. 1898. № 25. С. 223; ᲪᲮᲝᲕᲔᲑᲘᲡ ᲕᲔᲠᲪᲮᲚᲘ. 1900. 6 авг. № 1203. С. 2; Некролог // ИВ. 1900. № 11. С. 763; Еп. Имеретинский Виссарион: (Некролог) // Рус. Паломник. 1900. № 41. С. 684; ПБЭ. Т. 9. Стб. 51.

К. Асатиани

ВИССАРИО́Н (Зорнин (Зорин) Василий Павлович; 24.03.1878, с. Голубцовка Саранского у. Пензенской губ.– 25.11.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), председатель *Временного высшего церковного совета* (ВВЦС) – высшего органа управления в *григорианском расколе.* Окончил Нижегородскую ДС, затем КазДА со степенью канд. богословия (1902). В 1899 г. под влиянием ректора академии Чебоксарского еп. *Антония (Храповицкого)* принял монашество. В том же году был рукоположен во диакона, в 1901 г.– во иерея. В 1902 г. назначен преподавателем основного, нравственного и догматического богословия в Калужскую ДС, 20 нояб. переведен преподавателем богословия и противомусульм. полемики в Александровскую Ардонскую ДС, в янв. следующего года

назначение было отменено и В. перевели преподавателем гомилетики в Волынскую ДС, с дек. 1903 г. он являлся инспектором семинарии, с 1905 г.— ректором с возведением в сан архимандрита, с 1903 г.— соборным иеромонахом *почаевской в честь Успения Пресв. Богородицы лавры.* В. покровительствовал «Патриотическому кружку», открытому в Волынской ДС в 1907 г. 27 нояб. 1909 г. назначен ректором Самарской ДС, 11 марта 1914 г. переведен на ту же должность в Пермскую ДС. Во время служения на Волыни и в Самаре В. активно печатался в местных епархиальных ведомостях, ряд его публикаций вышел отдельными оттисками (в «Волынских ЕВ» в 1905 печатался также под псевдонимом С. А. Г.). С 6 окт. 1914 г. являлся настоятелем батуринского Николаевского мон-ря Черниговской епархии, в июле 1916 г. освобожден от должности и направлен в распоряжение Харьковского архиеп. Антония (Храповицкого).

С 1917 г. В. служил в Туркестанской епархии: преподавал Закон Божий в Андижанской гимназии, являлся секретарем епархиального совета, настоятелем собора в г. Аулие-Ата (совр. Тараз). В 1922 г. на чрезвычайном заседании епархиального совета был избран епископом Верненским и Семиреченским, викарием Туркестанской епархии, 24 нояб. состоялось наречение, но хиротония не могла быть совершена. 25 сент. 1923 г. назначен епископом Вольским, викарием Саратовской епархии, вскоре был хиротонисан. 8 февр. следующего года в управление В. были переданы Сызранский и Городищенский уезды Пензенской епархии. 4 марта 1924 г. архиерей получил назначение на Омскую и Павлодарскую епархию, по-видимому, к месту назначения не поехал, т. к. к июлю того же года Патриарх Московский и всея России св. *Тихон* назначил его на Ульяновскую кафедру (ср. сообщение обновленческого «Ульяновского церковно-общественного листка». № 1 за июль 1924).

С самого начала григорианского раскола В. являлся одним из его активнейших деятелей. Принимал участие в совещании 10 архиереев, состоявшемся 22 дек. 1925 г. в *Донской иконы Божией Матери московском мон-ре,* вошел в созданный на совещании ВВЦС под председательством Екатеринбургского архиеп. *Григория (Яцковского),* зарегистрированный властями 2 янв. следующего года. 26 янв. 1926 г. вместе с др. членами ВВЦС был запрещен в священнослужении Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергием (Страгородским),* запрещению не подчинился.

19 янв. 1926 г. членам ВВЦС разрешили встретиться с находившимся в тюрьме Местоблюстителем Патриаршего Престола митр. сщмч. *Петром (Полянским).* Григорий просил митр. Петра образовать коллегию из членов ВВЦС, признанных советской властью, для управления церковными делами, в состав коллегии должен был войти среди др. и В. Митр. Петр «в интересах мира и единения церковного» резолюцией от 1 февр. 1926 г. признал полезным временно «поручить исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя коллегии из трех пастырей» (архиепископы Владимирский сщмч. *Николай (Добронравов),* Томский *Димитрий (Беликов)* и Екатеринбургский Григорий (Яцковский)); резолюция Патриаршего Местоблюстителя предписывала В. вернуться в епархию.

В 1926 г. в Ульяновске действовали 2 епархиальных управления: обновленческое (см. *Обновленчество*) и возглавлявшееся В. Обновленческий «архиепископ» Иоанн служил в Вознесенском соборе, В.— в Свято-Троицком. В кон. июня 1926 г. В. принес покаяние перед митр. Сергием (Страгородским). В нояб. того же года решением Ульяновского губернского адм. отдела Ульяновский епархиальный совет, возглавлявшийся В., был ликвидирован. В дек. того же года архиерей вернулся в григорианский раскол. 23 марта 1927 г. на епархиальном съезде в Карсуне В. убедил большинство делегатов в каноничности ВВЦС и, апеллируя к назначению его на Ульяновскую кафедру Патриархом Тихоном, добился собственного избрания «архиепископом», несмотря на сопротивление правосл. части съезда. На этом же съезде он предложил просить Ярославского митр. сщмч. *Агафангела (Преображенского)* принять управление Церковью.

В Ульяновской епархии позиции григорианцев были наиболее сильными. В кон. 20-х гг. ок. половины приходов и большинство мон-рей епархии примкнули к ВВЦС, даже в соседнем епархиальном центре — Самаре В. подчинялись 2 церкви. В 1927 г. В. «хиротонисал» для своей епархии 3 викарных епископов: Ибресинского Анатолия, Буинского Гермогена (Кузьмина) и Виссариона (Григоровича), впосл. возглавившего григорианскую Ульяновскую епархию. Канонический еп. *Герман (Коккель),* к-рому митр. Сергий (Страгородский) поручил управление Ульяновской епархией, подвергался преследованиям и даже физическим нападениям со стороны григориан; архиереи, не поддержавшие В. и не признавшие ВВЦС, вынуждены были переехать из Ульяновска в Мелекес. По поручению Григория (Яцковского) В. не раз ездил по городам Сибири, когда влияние григорианства там снижалось. По свидетельствам современников, В. любил торжественные богослужения и пышные разъезды по епархии, к-рые бывали обременительны для народа, но производили впечатление внешней торжественностью; В. характеризовали как человека с «широкими замашками по благоустроению своего личного положения».

После отхода от дел Григория (Яцковского) В. в 1928 г. занял пост председателя ВВЦС, жил в Донском мон-ре, в покоях Патриарха Тихона. С 1927 г. носил титул «архиепископ Саратовский», затем был возведен в сан «митрополита Воронежского», с 1929 г. «митрополит Ярославский». В 1927 г. В. возвел в сан «митрополита» *Бориса (Рукина)* и *Иоанникия (Соколовского),* в следующем году предложил Томскому архиеп. Димитрию (Беликову) войти в ВВЦС, архиеп. Димитрий согласился и также был возведен в сан «митрополита». После закрытия в 1929 г. всех храмов Донского мон-ря В. служил в григорианской ц. Сорока мучеников в Москве.

В 1933 г. В. был удален от председательства в ВВЦС и управления епархией. 20 сент. 1937 г. арестован в Москве, заключен во внутреннюю тюрьму НКВД. Обвинен в создании и руководстве «всесоюзной антисоветской фашистской организацией церковников... через участников организации разваливал колхозы, занимался шпионской деятельностью в пользу иностранных государств... оказывал материальную помощь осужденным священнослужителям» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р–35593. Л. 152). В. признал себя

виновным в том, что возглавляемый им ВВЦС являлся «нелегальным центром антисоветской организации церковников в союзном масштабе», задачами к-рой были «создание единого антисоветского фронта церковников на основе блока и на фашистской платформе всех существующих церковных течений (сергиевцев, обновленцев, иосифовцев, уфимских автокефалистов и независимых от этих течений)» (Там же. Л. 114–117, 120, 123). В. был расстрелян по постановлению тройки Управления НКВД по Московской обл. от 23 нояб. 1937 г.

Арх.: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218, 272; ЦА ФСБ России. Д. Р–35593; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. 20867.

Соч.: Об истинных целях жизни. Почаев, 1906; Пастырство и наличная действительность. Почаев, 1904; Проект реформы духовной школы. Почаев, 1906; Процесс религ. познания. Почаев, 1907; Современная рус. изящная лит-ра в ее отношении к учению о нравственной деятельности. Почаев, 1905; Вл. С. Соловьёв как защитник папства по соч. «Россия и Вселенская церковь». Почаев, 1905; Очерк филос. воззрений В. С. Соловьёва. Почаев, 1906; Христ. взгляд на театр. Почаев, 1905; Язычество как выражение утилитарных и чувственных стремлений человеческой природы. Почаев, 1905; Думы после войны. Почаев, 1905; С церк. кафедры: (Слова и речи). Самара, 1910[2].

Лит.: *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митр. Киевского и Галицкого. Н.-Й., 1957. Т. 2. С. 105–107; *Иоанн (Снычёв).* Церк. расколы. С. 15–82; Бутовский полигон. Вып. 4. С. 85.

А. А. Бовкало, Н. Ю. Васильева, Е. В. Липаков

ВИССАРИО́Н (Костич Деян; 14.07.1910, Тимишоара, Румыния — 1.12.1979, Вршац, Сербия), еп. Банатский. Происходил из старинной священнической семьи, отец служил в консистории. Учился в гимназии, в Будапеште. В 1933 г. окончил Богословский фак-т Белградского ун-та. Преподавал в учительской школе в Тимишоаре. В 1935 г. принял монашество в мон-ре Беочин. В 1937 г. Патриархом *Варнавой (Росичем)* был рукоположен во диакона. В 1941 г. возведен в сан пресвитера. В 1945 г. награжден званием синкелла. В 1937 г. назначен преподавателем семинарии в г. Сремски-Карловци и служащим канцелярии Свящ. Архиерейского Синода. Был командирован в Афины для защиты докт. диссертации по патрологии. 29 июня 1947 г. хиротонисан во епископа Топлицкого, патриаршего викария, и назначен помощником Патриарха *Гавриила (Дожича)* по

Виссарион (Костич), еп. Банатский. Портрет. 2-я пол. XX в.

управлению вакантной Банатской кафедрой. В 1951 г. был избран правящим архиереем Банатской епархии. Провел новое деление Банатской епархии на наместничества, добился возвращения епископского двора, отнятого у Церкви после второй мировой войны. В 1952 г. назначен управляющим Темишварской епархии. В 1963 г. входил в комиссию Свящ. Архиерейского Синода по расследованию деяний еп. *Диониси я (Миливоевича)*, учинившего раскол СПЦ в Америке. Похоронен в соборной церкви Вршаца.

Лит.: *Слијепчевић.* Историја. Књ. 3. С. 195, 196, 200, 222, 375; Српски јерарси. С. 89.

В. И. Косик

ВИССАРИО́Н (Любиша Василий; 14.01.1823, о-в Свети-Стефан, Черногория — 14.04.1884, Цетине), митр. Черногорский Сербской Православной Церкви. В детстве, оставшись без отца, воспитывался дедом, архим. Саввой (Любишей), в мон-ре *Прасквица*. Учился в г. Рисан, затем с 1839 г. в правосл. школе в Шибенике, к-рая в 1841 г. была переведена в Задар и получила ранг богословии (семинарии). Вернулся в Прасквицу, был пострижен в монашество, в 1844 г. рукоположен во диакона, затем — во иерея. Был учителем в школах при мон-рях Прасквица, Режевичи (1854–1856), Савина (1856–1858) и др. Затем проживал в мон-ре Баня во имя вмч. Георгия близ г. Рисан. В кон. 1867 г. перешел из клира Бока-Которской епархии в клир Черногорской митрополии. В 1868–1870 гг. игумен мон-ря *Морача*. В 1870 г. возведен в сан архимандрита, назначен управляющим *Цетинского мон-ря*, преподавал в богословско-учительской школе (буд. Цетинская семинария), в 1872–1875 гг. был ее директором. Во время сербско-тур. войны 1876 г. и русско-тур. 1877–1878 гг. служил штабным священником при черногорской армии. Его проповеди имели большое влияние на бойцов и

Виссарион (Любиша), митр. Черногорский. Портрет. Кон. XIX в.

даже упоминаются в народной песне о победе черногорцев 28 июля 1876 г. в битве в местности Вучьи-До. Был избран председателем черногорского Красного Креста. За активную деятельность был отмечен черногорскими, серб. и рус. наградами. 3 дек. 1877 г. назначен администратором новообразованной Захумско-Рашской епархии с резиденцией в мон-ре *Острог*, хиротонисан 8 сент. 1878 г. в Цетинском мон-ре Черногорским митр. *Иларионом (Рогановичем)* и Бока-Которским еп. *Герасимом (Петрановичем)*. Захумско-Рашская епархия в то время насчитывала 60 приходов, где служили 80 священников, и 10 мон-рей. В. отреставрировал и расширил Острог, улучшил материальное обеспечение священнослужителей. После смерти митр. Илариона черногорский кн. Никола I Петрович Негош 20 нояб. 1882 г. назначил В. на Черногорскую кафедру. Одним из первых указов В. стало постановление о венчании только после 3-кратного объявления в церкви о планируемом заключении брака, что было сделано с целью воспрепятствовать

бракам между родственниками и без благословения родителей. В. был членом Государственного совета Черногории и первым министром просвещения и церковных дел (с дек. 1882). Помогал министру юстиции в сборе материалов для составления черногорских имущественных законов. Похоронен у Влашской ц. в Цетине. Свой дом завещал сиротам.

Лит.: *Радичевич Ф.* Из Черногории: Преосв. митр. Виссарион // ЦОВ. 1883. № 1. С. 4–5; Церк. жизнь у славян // Странник. 1883. Янв. С. 126–139; 1884. Май. С. 117 [Некролог]; *Кулаковский П. А.* Слав. известия // Моск. вед. 1884. № 124, 6 мая; *Лукетић М.* Будва Св. Стефан Петровац. Будва-Цетиње, 1966. С. 203–204; *Стаматовић А.* Кратка историја Митрополије Црногорско-приморске (1219–1999). Цетиње, 1999. С. 45–46, 64–65; *Мартиновић Д.* Богословија (1869–1876) и Богословско-учитељска школа (1887–1915) на Цетињу. Подгорица, 2000. С. 74, 84; *Павле, мон.* Висарион Лубиша, први еп. Захумско-Рашки (1878–1882) // Свевиђе. 2002. Бр. 3. С. 29–30.

О. А. Кузеванов

ВИССАРИО́Н (Нечаев Василий Петрович; 13.03.1822, с. Коледино Крапивенского у. Тульской губ.— 30.05.1905, с. Солониково Костромского у. и губ.), еп. Костромской и Галичский. Из семьи диакона. В 1844 г. окончил Тульскую ДС, был направлен в МДА, к-рую окончил в 1848 г. 3-м по списку. За дис. «Св. Димитрий, митр. Ростовский» (М., 1849), написанную под рук. проф. А. В. *Горского*, В. был удостоен степени магистра богословия. С 1848 г. преподавал в Тульской ДС, с 1849 г.— в Вифанской ДС, с 1852 г.— в Московской ДС. 8 дек. 1853 г. в Никольской ц. Московской ДС митр. Московским св. *Филаретом (Дроздовым)* рукоположен во иерея. 12 окт. 1855 г. назначен священником ц. свт. Николая в Толмачах, в к-рой ввел общее пение за богослужением. Среди прихожан о. Василия были основатель *Третьяковской галереи* П. М. *Третьяков* и его брат — городской голова С. М. Третьяков, славянофил Ю. Ф. *Самарин*, публицист И. С. *Аксаков* и др.

В 1859 г. свящ. Василий вошел в состав редакции ж. *«Душеполезное чтение»*, возглавляемой свящ. Алексием Ключарёвым (впосл. архиепископ Харьковский и Ахтырский *Амвросий*). После того как в 1865 г. о. Алексий вышел из редакции, Нечаев стал редактором-издателем журнала и занимал этот пост до 1889 г. 27 марта 1874 г. в связи с 25-летием своей работы в журнале о. Василий был возведен в сан протоиерея.

13 нояб. 1887 г. скончалась супруга прот. Василия. 3 июня 1889 г. в храме Троицкого митрополичьего подворья он принял монашеский постриг, 11 июня возведен в сан архимандрита. 30 июля 1889 г. в *Успенском соборе* Московского Кремля состоялась хиротония В. во епископа Дмитровского, 1-го вик. Московской епархии, к-рую возглавлял Московский митр. *Иоанникий (Руднев)*.

Виссарион (Нечаев), еп. Костромской. Фотография. 90-е гг. XIX в. (РГИА)

14 дек. 1891 г. В. был назначен епископом Костромским и Галичским. Благодаря его усилиям в Костроме было открыто епархиальное жен. уч-ще. Последним деянием В. стала торжественная закладка 15 мая 1905 г. каменного здания уч-ща (после революции в этом здании размещались губком и обком партии, ныне здесь находится администрация Костромской обл.). В. скончался на архиерейской даче в с. Солониково, вблизи Костромы. 3 июня 1905 г. тело В. было погребено в архиерейской усыпальнице Богоявленского кафедрального собора (собор взорван в 1934, ныне на его месте находится спортплощадка).

Особую известность В. принесла его проповедническая деятельность, носившая по преимуществу общественно-публицистический характер и отзывавшаяся почти на все совр. В. явления церковной и общественной жизни. Во время его служения в Костроме было опубликовано 10 выпусков проповедей и поучений. В. также является автором трудов, посвященных толкованию Свящ. Писания и догматов правосл. вероучения. В 1894 г. совет МДА присвоил В. степень д-ра богословия, являлся почетным членом Московской, С.-Петербургской и Казанской духовных академий.

Соч.: Время иконоборства. М., 1861; Божественная литургия по чину св. Иоанна Златоустаго и св. Василия Великого: Опыт истолкования. М., 1869, 1873[2], 1884[3], 1996[p] (со 2-го изд. загл.: Толкование...); О вечерне. М., 1875, 1891[2]; Очерки христ. жизни. М., 1879, 1885[2], 1904[6]. 11 вып.; Духовный свет: Собр. дух.-назидат. ст. М., 1882, 1891[2]; Уроки покаяния в Великом каноне св. Андрея Критского, заимствованные из библейских сказаний. М., 1882, 1891[2], 1897[3], 1998[p]; Сб. для любителей духовного чтения. М., 1884; Духовная пища: Сб. для религ. чтения. М., 1884, 1891[2]; Черты христ. учения. М., 1887. СПб., 1897[2]; О расколе и по поводу раскола. М., 1890, 1901[2]; Сб. для назидат. чтения. М., 1891; Христианские уроки. М., 1891; Обозрение употребительнейших церк. молитв. М., 1892; Голос пастыря. М., 1893; Толкование на паремии. М., 1871–1895. 7 т. (...из кн. Бытия. 1871. СПб., 1998[n]; ...из кн. Исход, Левит, Числ и Второзакония. 1876; ...из кн. Иисуса Навина, Судей, Царства, Иова и Паралипоменон. 1884; ...из кн. Притчей и из книги Премудрости Соломоновой. 1888; ...из кн. пророка Исайи. 1890; ...из кн. пророков: Иеремии, Иезекииля, Даниила, Иоиля, Ионы, Михея, Софонии, Захария и Малахии. 1892; ...из Новозаветных кн. 1895); Слово истины. СПб., 1903[2]; Костромские поучения. М., 1897–1905. 10 вып.

Лит.: 50-летие служения преосв. Виссариона, еп. Костромского и Галичского // Костромские ЕВ. 1898. № 22. Ч. неофиц. С. 704–717 (отд. изд.: Кострома, 1899, 1904); *Корсунский И. Н.* Преосв. Виссарион, еп. Костромской: По случаю 50-летнего юбилея церковно-обществ. деятельности // ДЧ. 1898. № 10, 11 (отд. изд.: М., 1898); Служение преосв. Виссариона, еп. Костромского и Галичского (в мире прот. В. П. Нечаев) в моск. Николо-Толмачевском приходе: Из восп. сослужителя // ДЧ. 1903. № 12. С. 548–555; Сб. ст., посвящ. памяти Виссариона, еп. Костромского и Галичского. М., 1905; Кончина и погребение преосв. Виссариона, еп. Костромского и Галичского. Кострома, 1905; Угасший светильник Русской Церкви: Преосв. Виссарион (Нечаев), еп. Костромской и Галичский: Некролог // Странник. 1905. № 6. С. 946–955; *Поспелов И., прот.* Восп. о преосв. Виссарионе Костромском // Костромские ЕВ. 1905. Ч. неофиц. № 22. С. 702–705; № 23. С. 748–752; № 24. С. 777–781; 1906. № 3. С. 124–129; *Ромашков Д.* Преосв. Виссарион, бывший еп. Костромской и Галичский, как церк. проповедник и духовный писатель. М., 1906.

Н. А. Зонтиков

ВИССАРИО́Н (Павлович; кон. XVII в.— 18.10.1756, Нови-Сад, Сербия), еп. Бачский. Принял монашество в *Крушедольском мон-ре*, в к-ром позже стал игуменом. В 1720 г. упоминается как духовный наставник мон-ря *Хиландар* на Афоне. В том же году стал помощником Патриарха Печского *Моисея (Райо-*

вича). В 1720–1730 гг. был посредником между Патриархом Моисеем и митр. Карловацким *Викентием (Поповичем)*. В нач. 1723 г. назначен патриаршим протосинкеллом, ок. 1730 г. возведен в сан архимандрита. В 1730 г. с одобрения Патриарха *Арсения IV (Йовановича-Шакабенты)* перешел в клир *Карловацкой митрополии*. 17 мая 1731 г. в г. Сремски-Карловци хиротонисан во епископа Бачского с определением резиденции в Петроварадински-Шанаце (совр. Нови-Сад). Был главой церковной оппозиции митр. *Викентию (Йовановичу)*, именовал себя «принцем Бачки и вице-митрополитом королевства Сербии и дуката Сремского». Австр. власти считали В. вдохновителем народных волнений 30-х гг. XVIII в., вызванных злоупотреблениями чиновников и ухудшением положения сербов. После введения в 1736 г. австр. войск в Бачку и Срем с согласия митр. Викентия В. был арестован и перевезен в Сегедин, но вскоре был отпущен. Выступал против проведения народно-церковных Соборов, к-рые считал губительными. Был щедрым благотворителем Хиландара. Дважды был Местоблюстителем престола Карловацкой митрополии: в 1748 г., после смерти Патриарха Арсения IV, и в 1749 г., после кончины митр. *Исаии (Антоновича)*.

Заботился о просвещении, в сент. 1731 г. открыл лат. школу, префектом к-рой стал выпускник КДА иером. Дионисий (Новакович), в нач. 40-х гг. основал и содержал за свой счет т. н. Духовную коллегию, готовившую священников. Открыл также первую в Воеводине серб. гимназию. Среди выпускников этих школ был Ф. И. Янкович де Мириево, деятель серб. и рус. просвещения. В 1741 г. по инициативе В. в Нови-Саде была построена больница. Составил «Правила для священников и диаконов», был ктитором перевода с латыни на серб. язык сборника привилегий серб. народа в Венгрии. Оставил неск. стихотворных произведений на серб. языке.

Лит.: *Радојчић Н.* Српски историчар Ј. Рајић // Посебна издања / Српска АН. Одељ. друштв. наука. Књ. 204. Београд, 1952. Књ. 7. С. 45; *Поповић Д.* Срби у Војводини. Нови-Сад, 1959. Књ. 2. С. 326, 379, 391; Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. 4. Т. 1. С. 174–175, 270–272, 357–358; *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1992. С. 125–126, 134–135, 162.

В. И. Косик

ВИССАРИО́Н (Стретович Василий Александрович; род. 4.12.1953, с. Полянка Житомирской обл.), архиеп. Овручский и Коростенский. В 1975–1979 гг. учился в Московской ДС, в 1979–1983 гг.– в МДА.

Виссарион (Стретович), архиеп. Овручский. Фотография. 2002 г.

1 апр. 1983 г. ректором МДАиС Дмитровским еп. *Александром (Тимофеевым)* пострижен в монашество с именем в честь прп. Виссариона Египетского. 21 сент. 1983 г. Житомирским и Овручским еп. Иоанном (Боднарчуком, см. *Боднарчук* В. Н.) рукоположен во диакона, 25 сент. 1983 г.– во иерея. В 1983–1986 гг. являлся клириком Преображенского кафедрального собора Житомира, в 1986–1987 гг.– клириком ц. Рождества Богородицы в с. Белокоровичи, в 1987–1992 гг.– клириком Васильевского собора г. Овруча, благочинным Овручского округа Житомирской епархии. Стараниями В. в Овруче был отреставрирован древний Васильевский собор. В 1990 г. В. был возведен в сан игумена. В 1991–1992 гг. служил настоятелем Преображенского собора Овруча.

29 июля 1992 г. Свящ. Синод УПЦ (МП) определил В. быть епископом Коростенским, викарием Житомирской епархии. Хиротония В., к-рую возглавил митр. Киевский и всея Украины *Владимир (Сабодан)*, была совершена 24 авг. 1992 г. в трапезной Крестовоздвиженской ц. *Киево-Печерской лавры*. После образования 22 июня 1993 г. *Овручской и Коростенской епархии* В. был назначен ее правящим архиереем, 23 нояб. 2000 г. возведен в сан архиепископа. За годы управления В. Овручской епархией в ней открыто свыше 80 приходов и 2 мон-ря, в Овруче к 2001 г. построен Преображенский кафедральный собор. В епархии развивается книгоиздательская деятельность, выходит газ. «Православное слово», в г. Коростень успешно действует Ольгинское правосл. братство.

В. И. Петрушко

ВИССАРИО́Н (Толмачёв Василий Максимович; 1808, г. Венёв Тульской губ.– 26.04.1862, Афон), иеросхим., основатель и 1-й игумен Свято-Андреевского скита на Афоне (см. *Андрея апостола скит*). Род. в купеческой семье. Рано потерял отца и вынужден был работать приказчиком в Москве, где познакомил-

Иеросхим. Виссарион (Толмачёв). Фотография. Сер. XIX в.

ся с Василием Вавиловым, своим будущим сподвижником иеросхим. *Варсонофием* Афонским. Имел 2 младших братьев Ивана и Александра, Иван впосл. стал ктитором основанной В. *обители*. Первым духовником В. был архим. Кирилл из афонского Иверского мон-ря, проживавший на Никольском подворье в Москве. От него В. впервые услышал об афонских подвижниках. В 17 лет вместе с Василием Вавиловым В. тайно покинул родительский дом и ушел в *Белобережскую брянскую муж. пустынь*, в то время возглавляемую игум. Моисеем. Через 4 года оба были пострижены в рясофор. Старец Серапион, в послушании у к-рого находились духовные братья, убедил игум. Моисея благословить отправить их на Афон.

3 июня 1829 г. В. и Варсонофий прибыли в Иверский мон-рь, где встретили своего духовника архим. Кирилла, с помощью к-рого поселились

в Никольской келье на территории этой обители. Позже они перешли в Преображенскую келью того же мон-ря, где и прожили до 1836 г. Главным средством для пропитания и расширения кельи была красильня, к-рую устроили иноки, хорошо освоившие это ремесло в миру. Белобережские старцы неск. лет подвизались под рук. старца-болгарина Харалампия, прожившего на Афоне 72 года († 1841) и имевшего власть над бесами. Он никого не брал в ученики, сделав исключение для рус. иноков.

В 1834 г. иеросхим. *Арсений Афонский* постриг В. и Варсонофия в схиму по афонской традиции. Вскоре по указанию Арсения иноки перешли в более обширную келью Св. Троицы при мон-ре *Ставроникита*. По настоянию старцев Арсения и Харалампия в апр. 1836 г. В. был рукоположен во иерея еп. Христодулом. В это время братия Ильинского скита изгнала нового игумена, известного подвижника иером. Павла, ставшего впосл. первым духовником рус. братства в Пантелеимоновом мон-ре. Игуменом скита и духовником рус. иноков стал иеросхим. Арсений, с к-рым перешли в скит В. и Варсонофий. Продолжавшиеся нестроения укрепили В. и Варсонофия в намерении создать новую рус. общежительную обитель. Этой обителью стал скит ап. Андрея, основанный в 1841 г. на месте заброшенной кельи Серай, принадлежащей мон-рю *Ватопед*. На эту келью В. и Варсонофию указал афонский блж. Яни со словами: «Вот Серай, скит руссов и москов». Однако окончательное формирование скита затянулось на неск. лет. Огромную поддержку новой рус. обители оказал камергер имп. двора А. Н. *Муравьёв*. Поставление В. во игумена состоялось 22 окт. 1849 г. Весной 1850 г. В. привез из К-поля подтверждение того, что Серай официально считается скитом. Посильную помощь оказывал скиту брат В., московский купец И. М. Толмачёв.

Новую обитель преследовали раздоры: неск. раз братия хотела покинуть В., но одному из насельников во сне явилась Пресв. Богородица с приказом никому не уходить из обители. В. подвергался обвинениям в любоначалии, сребролюбии, в растрате средств, получаемых из России, в том, что он устраивает пиры с приближенными. Он неоднократно пытался сложить с себя обязанности игумена, чтобы избежать наветов, однако, уступая уговорам, оставался на этой должности.

Не имея достаточно земли, скит существовал благодаря помощи из России. В. направил туда для сбора пожертвований молодого иером. Феодорита, буд. игумена. В. был сторонником общежительного устава, к-рый в то время действовал только в нек-рых афонских обителях. Попечением игумена скит постепенно приобретал новые территории. У В. возникли разногласия с почитаемым на Афоне и в России духовником Нифонтом, к-рый покинул мон-рь, забрав по афонскому обычаю свой вклад, но игумен уговорил его остаться духовником братии. Тяжелым испытанием для скита стала Крымская война, прервавшая на время общение с Россией. В 1857 г. В. был награжден наперсным крестом и архимандритской мантией, что вызвало новую вспышку гнева его недоброжелателей в С.-Петербурге.

В. прожил на Афоне 33 года, 13 из них был игуменом. По воспоминанию современников, В. имел чистосердечный и простой нрав, часто сам готовил трапезу для гостей скита, но при этом оставался строгим аскетом и в тяжелые времена на неск. дней затворялся в келье для молитвы. Был тонким ценителем церковной музыки. На Афоне В. пользовался уважением как у русских, так и у греков. О его кончине получили извещение 2 подвижника, независимо друг от друга видевшие полную луну и множество звезд, спустившихся на Андреевский скит. В отпевании участвовали архиепископ и 60 священнослужителей, глава тур. администрации в течение 40 дней приходил на могилу В. Сохранилось неск. свидетельств о чудесах, совершившихся по молитве В. Однажды, в день памяти прп. Антония Великого (17 янв.), когда в скит пришло большое число паломников, обнаружился недостаток вина; игумен, помолившись перед иконой преподобного, велел разливать вино, однако в сосуде его содержание не убавлялось. Согласно монастырскому преданию, по молитве В. исцелились 2 вора, к-рые забрались в скит за орехами, собранными братией, и, наполнив мешки, ослепли. Сам В. дважды был чудесно исцелен с помощью скитской иконы «Скоропослушница Афонская». Незадолго до смерти В. сподобился явления прп. Афанасия Афонского. В др. видении он получил извещение о будущем процветании скита, увидев множество овец на дворе скита, в то время как над ним сияла икона Спасителя. По афонскому обычаю, останки В. были извлечены из могилы через 3 года после кончины. Их янтарный цвет и благоухание свидетельствовали о святости подвижника.

Вскоре после смерти игумена в России прославилась главная скитская икона Божией Матери «В скорбех и печалех утешение», обитель стала известна в России, и у нее появились многочисленные попечители. Переписка В. с братом Иваном, о. Феодоритом и нек-рыми др. корреспондентами, частично опубликованная в Летописи Андреевского скита, представляет не только историческую, но и нравственно-духовную ценность.

Ист.: Летопись Рус. Св.-Андреевского скита на Афоне (1841–1863). СПб., 1911. Т. 1; Краткий ист. очерк Рус. на Афоне Св.-Андреевского общежительного скита: С прил. повествования о чудесах от иконы Божией Матери «В скорбех и печалех утешение». Од., 1890, 1912[6].

Лит.: *Муравьёв А. Н.* Новый Рус. скит св. ап. Андрея Первозванного на Афоне. СПб., 1859 г.; *он же*. Общежительный Рус. скит св. ап. Андрея Первозванного на Афоне. Од., 1866, 1869[2]; Одесское и константинопольское подворье Рус. Св.-Андреевского на Афоне Скита и краткая история означенного скита. Од., 1886; Краткий ист. очерк Русского Общежительного Скита на Афоне // Наставления и утешения св. веры христианской. Од., 1890. № 11. С. 501–514; № 12. С. 550–570; *Троицкий П. В.* Св.-Андреевский скит и рус. кельи на Афоне. М., 2002. С. 7–13; *он же*. Русские на Афоне. М., 2003. С. 207–230.

П. В. Троицкий

ВИССАРИО́Н (Уваров; 2-я пол. XIX в.— после 1911), иером., регент, духовный композитор. Более 20 лет провел в новоафонском Симоно-Кананитском мон-ре. Его духовно-муз. сочинения и переложения выполнены на основе местной певч. традиции. В 1910–1911 гг. в С.-Петербурге напечатаны (на средства автора) следующие сочинения В.: Богородичны догматики на «Господи, воззвах» 8 гласов знаменного распева, для однородного и смешанного хоров; «Достойно есть» афонское, для альта, 2 теноров и баса; Прокимны великие постовые (глас 8-й) знаменного распева, для смешанного хора; Литургия свт. Иоанна Златоустаго; Пять прокимнов великих Св. Четыредесятницы, для

смешанного хора. В последнее время опубликованы: «Достойно есть» напева Старо-Симонова мон-ря, для смешанного хора (№ 17 // Достойно есть. О Тебе радуется / Сост. Ю. Лавданская. М., 1991. С. 33–34), стихира «Седе Адам», для муж. хора (в сб.: Песнопения Постной Триоди / Ред. архим. Матфей (Мормыль). Коломна, 2000. С. 130).

А. А. Наумов

ВИССАРИО́Н I, митр. Дабро-Боснийский. В 1586 г. В., к-рый был тогда епископом Коласийским, Кюстендильским и Кратовским был послан на Русь для получения милостыни. 31 авг. В. вручил царю Феодору Иоанновичу грамоту с описанием разрушения *Осоговского мон-ря* после землетрясения и страданий братии от притеснений мусульман, прося его стать ктитором обители. В серб. лит-ре отмечается, что это было первое непосредственное общение между Печской Патриархией и Русью. В 1587 г. В. был назначен митрополитом Дабро-Боснийским.

Лит.: Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. 1. С. 182–183; *Слијепчевић.* Историја. Кн. 1. С. 376–377; Српски јерарси. С. 82–83.

В. И. Косик

ВИССАРИО́НА ЕВХОЛО́ГИЙ [лат. Codex Bessarionis], греч. пергаменный кодекс (Crypt. Г. β. I). Состоит из 154 листов и является конволютом: первые 147 листов — это рукопись, переписанная ок. 1020 г. в К-поле (*Rocchi A.* Codices Cryptensesseu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano. Tusculani, 1883. P. 235–244) и содержащая молитвы и чинопоследования визант. *Евхология* в послеиконоборческой к-польской редакции; листы 148–154 — рукопись XIV в. на бомбицине чинопоследования Великой схимы.

Название было дано рукописи Ж. *Гоаром* по имени одного из ее владельцев — кард. *Виссариона* (1439–1472; бывш. митрополит Никейский). Первое упоминание о В. Е. связано с заключением Флорентийской унии (1439): участник Собора, греч. свящ. Георгий Вар с о-ва Крит, подарил рукопись кард. Джулиано Чезарини, о чем свидетельствует его собственноручная подпись в конце текста. Кардинал передарил ее Виссариону, в то время аббату Гроттаферраты, к-рый завещал рукопись своему мон-рю.

Публикации. Ряд разночтений из В. Е. были использованы Гоаром при подготовке им «Евхология» 1647 г. (*Goar.* Euchologion). Публикация полных текстов чинопоследований по В. Е. с переводом на лат. была выполнена Ж. Мореном (Morinus) (1591–1659) в его соч. «Comment. hist. ac dogmaticus de sacris Ecclesiae ordinationibus...» (P., 1655, 1695²), в к-ром он датировал В. Е. временем до X в. Полностью весь текст рукописи вошел в состав докторской диссертации, защищенной в Папском Восточном ин-те (*Stassi G.* L'Eucologio Gb1 «Bessarione» di Grottaferrata. R., 1982). Текст В. Е. был взят за основу выполненной М. *Арранцем* гипотетической реконструкции к-польского Евхология XI в. (*Arranz.* Eucologio).

Состав В. Е. Первые 32 листа, на к-рых скорее всего помещались молитвы Божественной литургии, утрачены, рукопись начинается с завершающей литургию молитвы в скевофилакионе (Fol. 1). Далее следуют молитвы служб *суточного круга* (Fol. 1–26v), коленопреклонные молитвы вечера *Пятидесятницы* (Fol. 27–35v), молитвы в различные *литии* (Fol. 36–38v; см. также: *Бедствия стихийные*), чины *хиротоний* (Fol. 39v – 48), молитвы таинства *Крещения* и связанных с ним чинов (Fol. 48–61), последование богоявленского *водоосвящения* (Fol. 61v – 64v), Патриарший катехизис в *Великую пятницу* (Fol. 64v – 69v), чины освящения мира, омовения престола и умовения ног в *Великий четверг* (Fol. 70–73), молитва на основание и чин *освящения храма* (Fol. 74v – 92), чинопоследования принятия еретиков (Fol. 92v – 108v), отпусты и заамвонные молитвы (Fol. 109–114v), молитвы на разные случаи (Fol. 115–119), чинопоследование таинства *Брака* (Fol. 119v – 121v), царские и Патриаршие молитвы (Fol. 122–126), молитвы на разные случаи (Fol. 126v – 138v), чины, связанные с монашеским *постригом* (Fol. 139–146v), чин омовения во Влахернах (Fol. 147).

ВИССАРИО́НА МОНАСТЫ́РЬ – см. *Дусику монастырь.*

ВИССАРИО́Н ЕГИ́ПЕТСКИЙ († 25 нояб. 466 г.), св. подвижник. Упоминается, что он был учеником прп. Исидора Пелусиота и совершил путешествие в Иерусалим, где видел прп. Герасима Иорданского и др. палестинских монахов (*Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 212). Сведения о нем были объединены с данными о др. егип. подвижнике — прп. чудотворце *Виссарионе,* жившем в IV в. Эта «объединенная» традиция нашла свое отражение в «Житиях святых» свт. *Димитрия (Туптало),* митр. Ростовского под 6 июня (ЖСв. Июнь. С. 103–108).

А. А. В.

ВИССАРИО́НОВЦЫ – см. *Последнего Завета Церковь.*

ВИССАРИО́Н САРА́Й (в миру Николай; ок. 1714, Майдан, Босния – после 1744, Куфштайн, Австрия), мч. (пам. в Румынской и Сербской Церквах 21 окт.), правосл. миссионер. Существует предположение о его румын. происхождении, т. к. власти Тимишоары звали его «отшельник валах». С детства отличался благочестием и любовью к молитве. В 17 лет отправился в Св. землю, в лавре св. Саввы Освященного, в Иерусалиме, принял монашество, посетил Афон. После возвращения на родину 7 лет прослужил диаконом и был рукоположен во иерея в мон-ре Пакра (Славония). Вновь посетил Св. землю. Ок. 1742 г. по благословению Патриарха Печского *Арсения IV (Йовановича-Шакабенты)* отправился в Банат и Трансильванию, входившие тогда в состав монархии Габсбургов, для проповеди Православия и противодействия усилившейся при имп. Марии Терезии униатской миссии. Плодотворная деятельность В. С. расстраивала униатские планы Римско-католической Церкви и австр. властей. В 1744 г. В. С. был арестован и отправлен в Вену. После вмешательства рус. посланника был освобожден, но вскоре снова арестован в г. Сибиу. Пройдя через тюрьмы в городах Дева и Тимишоара был заключен в тюрьму в Куфштайне, где и скончался.

Еще при жизни пользовался уважением и авторитетом среди правосл. населения, часто встречавшего его крестными ходами и колокольным звоном. После кончины стал почитаться как святой. Особым местом почитания В. С. был крест, воздвигнутый им на холме близ г. Липова (совр. Румыния). Прославлен в лике святых в Румынской

Церкви 28 февр. 1950 г., в Сербской Церкви 14 июня 1962 г.

В службе В. С. подчеркивается его преданность Православию.

На иконах и фресках В. С. изображается вместе со своими современниками новомучениками Опрей Миклеушем и Софронием из Чоары.

Лит.: *Bogdan-Duică G.* Călugărul Visarion Sarai. Caransebeș, 1890; *Cotoșman G.* Eremitul Visarion Valahul // Mitropolia Banatului. 1957. № 1/3. P. 99–124; *Surdu B.* Știri noi despre Visarion Sarai // Acta Musei Napocensis. Cluj, 1965. P. 695–700; *Păcurariu M.* Sfinții dacoromani și români. Iași, 1994. P. 113–115; *Милеусний Сл.* Свети Срби. Калениħ; Крагујевац, 1989, 2000. С. 204–205.

Свящ. Мирча Пэкурариу, А. В. Шестаков

ВИССАРИО́Н СМОЛЯ́НСКИЙ († 29.07.1670; Смолян, Болгария), сщмч. (пам. в Болгарской Церкви 29 июля). Во 2-й пол. XVII в. был последним епископом г. Смолян. О мученической кончине В. С. сообщают т. н. «Исторические записи светогорского монаха». В правление султана Мухаммеда IV (1648–1687) Смолян был центром исламизации населения в Родопах, в т. ч. насильственными методами. В 1669 г. В. С. скрылся от турок в с. Райково, близ Смоляна (совр. часть города), но утром 29 июля 1670 г. был схвачен и отведен в Смолян, где ему предложили принять ислам. После отказа В. С. подвергся многочисленным пыткам (вырывали клещами куски мяса, избивали железными прутьями, кололи ножами), один из турков пронзил ему ножом грудь. Слова молитвы В. С. были приняты турками за брань, и они заживо завалили его камнями. В. С. был похоронен около места для народных праздничных танцев. В церковных календарях часто ошибочно указывается его память 26 июня. В 1984 г. в Смоляне скульптором И. Колевым был воздвигнут памятник В. С., а 7 апр. 2002 г. заложен новый кафедральный собор во имя священномученика, первый по величине в Юж. Болгарии и второй в стране.

Лит.: Ист. бележник, в който се записват важните случаи, станали над това и от това население в Кръстогорската област, писан от светогорски монаси, обслужвали Кръстогорието (Средните Родопи) през XVIII и XIX в. // Асимилаторската политика на турските завоеватели. София, 1964. С. 169; *Стоянов М.* Български светии и мъченици от епохата на турското владичество // Църквата и съпротивата на българския народ срещу османското иго: Юбил. сб. София, 1981. С. 171; Прославлението на сщмч. Висарион Смолянски // Правосл. слово. 1999. № 3–4. С. 6–9; *Темелски Хр.* Сщмч. Висарион еп. Смоленски: Житийни извори и за една стара грешка в църковния календар // Църковен вест. 2000. № 6. С. 4.

Хр. Темелски

ВИ́ССЕР'Т ХО́ОФТ [Виссерт Хуфт; нидерланд. Visser't Hooft] Вилем Адольф (20.09.1900, Харлем, Нидерланды – 4.07.1985, Женева),

В. А. Виссер'т Хоофт. Фотография. Кон. XX в.

религ. и общественный деятель; реформатский пастор; первый генеральный секретарь *Всемирного Совета Церквей* (ВСЦ).

В 1924 г. В. закончил богословский фак-т Лейденского ун-та; женился на Г. Бодаерт; познакомился с Дж. Моттом, видным деятелем международного христ. студенческого движения, к-рый впосл. стал его другом и наставником. В том же году В. был избран одним из секретарей Всемирной христианской студенческой федерации, в 1932 г. стал ее генеральным секретарем. В авг. 1925 г. В. принял участие в работе 1-й Всемирной конференции «Жизнь и деятельность» в Стокгольме (Швеция), собравшей 600 делегатов из 37 стран (в т. ч. представителей 9 Православных Церквей), созванной для рассмотрения вопросов, поставленных перед христианами первой мировой войной. В 1928 г. в Лейденском ун-те В. защитил докт. дис. на тему «Истоки социального Евангелия в Америке». После прихода А. *Гитлера* к власти (1933) он решительно поддержал антифашистскую Исповедующую Церковь Германии, открыто встав на сторону Д. *Бонхёффера* и М. *Нимёллера*. В 1936 г., будучи пастором Голландской Реформатской Церкви, В. начинает свое служение в Национальной Протестантской Церкви Женевы. В июле 1937 г. на 2-й Всемирной конференции экуменического движения «Жизнь и деятельность» в Оксфорде возглавил подсекцию «Церковь и война»; в августе того же года принял участие в работе 2-й Всемирной конференции движения «Вера и церковное устройство» в Эдинбурге. Обе конференции приняли решение о создании ВСЦ и выделили из числа делегатов по 7 полномочных представителей в учредительный «Комитет 14-ти», в состав к-рого был избран и В. Комитет ставил своей задачей осуществить слияние экуменических движений «Вера и церковное устройство» (1927) и «Жизнь и деятельность» (1925). В мае 1938 г. «Комитет 14-ти» на консультативной конференции в г. Утрехте принял решение о создании ВСЦ. Председателем «Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки» был избран Архиепископ Йоркский Уильям *Темпл*, генеральным секретарем – В. В 1939 г. он принял участие в подготовке и проведении Всемирной конференции христианской молодежи в Амстердаме, получил звание почетного доктора богословских наук Абердинского ун-та. В дек. 1940 г. стал одним из инициаторов создания Комиссии по изучению основ справедливого и длительного мира.

В годы второй мировой войны В. жил и работал в Женеве, где находилась штаб-квартира «Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки». При содействии Международного Красного Креста эта орг-ция оказывала помощь Церквам стран, оккупированных фашистами, военнопленным стран антигитлеровской коалиции, беженцам, в т. ч. и еврейским, а также участвовала в образовании службы военных капелланов. В. внес вклад и в создание «Декларации о мире во всем мире и о принципах послевоенных взаимоотношений», подписанной 7 окт. 1943 г. представителями различных религ. конфессий. После окончания второй мировой войны В. продолжил работу по созданию ВСЦ. 22 авг. 1948 г. в Амстердаме открылась I Ассамблея ВСЦ, на к-рой Дж. Мотт был избран почетным президентом, а В. был утвержден генеральным секретарем. В состав ВСЦ вошли 147 Церквей и религ. объединений из 44 стран мира. В. объяснял, что «символом ВСЦ

является лодка, не очень отличающаяся от рыбацкой лодки святого апостола Петра на Галилейском море. У лодки одна мачта и на мачте — поперечная перекладина, которые образуют крест. Никогда раньше в истории христиане стольких различных исповеданий не собирались вместе в одной лодке» (Цит. по: ЖМП. 1986. № 12. С. 66).

В нояб. 1949 г. В. посетил Бангкок (Таиланд), где возглавил экуменическую конференцию христ. Церквей Вост. Азии. В 1951 г. участвовал в праздновании 1900-летнего юбилея прибытия св. ап. Павла в Грецию. В том же году В. предпринял поездку на Ближ. Восток, чтобы помочь в урегулировании проблемы палестинских беженцев. После конференции в Бейруте В. побывал в Израиле, где встретился с евр. религ. философом М. *Бубером,* выступившим против арабско-евр. конфликта и антигуманных действий по отношению к палестинским арабам.

В нач. 50-х гг. перед В. и ВСЦ встала новая проблема: на сессиях ЦК ВСЦ в июле 1950 г. в г. Торонто (Канада) и в авг. 1951 г. в г. Роль (Швейцария) представители нек-рых зап. Церквей в условиях «холодной войны» стали выдвигать свои политические требования. По инициативе В. была разработана и принята декларация «Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей», в к-рой говорилось о том, что ни одна Церковь не обязана менять свою экклезиологию, для того чтобы быть членом ВСЦ, где есть место всем, кто готов участвовать в экуменическом диалоге. Выступая на сессии ЦК ВСЦ в Лакнау (Индия) (1952), В. упомянул и об искажении христ. надежды, к-рую нередко смешивают с материальным прогрессом и с победой, пытаясь связать с этим понятием чисто земные, в частности социально-политические, интересы и цели.

В сент. 1955 г. в Стамбуле произошли волнения, в результате к-рых пострадали члены греч. общины, правосл. храмы, школы и госпитали. Враждебные по отношению к христианам акции значительно осложнили положение К-польского Патриарха Афинагора. В 1956 г. встал вопрос о его переезде в Женеву. По инициативе В. Комиссия Церквей по международным делам (КЦМД) ВСЦ предприняла шаги на высоком международном уровне, чтобы нормализовать положение. С этой целью В. вместе с председателем КЦМД К. Граббом и директором Комиссии О. Нольде (США) посетили Грецию и Турцию, добившись урегулирования проблемы.

В кон. 50-х — нач. 60-х гг. В. столкнулся с обвинениями в том, что в недрах экуменического движения создается модель некой «сверх-Церкви», к-рая неизбежно будет усвоена ВСЦ. В ответ В. выступил со статьей «Сверх-Церковь и экуменическое движение», в к-рой заявил, что нельзя исключить возможность появления таких взглядов и предложил ряд мер по их предотвращению: ВСЦ должен разъяснить Церквам-членам, что окончательное решение любого вопроса принадлежит им самим, а не ВСЦ. В свою очередь ВСЦ не должно принимать никаких решений в ущерб Церквам, находящимся в меньшинстве при обсуждении к.-л. вопросов. По уставу ВСЦ руководящие посты в его аппарате могут занимать лица не старше 65 лет, В. еще в 1961 г. на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели объявил о своей грядущей отставке в 1966 г.

В мемуарах В. пишет, что уже в 20–30-х гг. XX в. неоднократно встречался с правосл. иерархами и богословами: архиеп. Германом (К-польский Патриархат), еп. Новосадским Иринеем (Сербская Православная Церковь), проф. протопресв. Стефаном Цанковым (Болгарская Православная Церковь), проф. Г. С. Аливизатосом (Элладская Православная Церковь) и др. Борьба В. против нацизма во время второй мировой войны укрепила его симпатии к России. Он приложил немало усилий, чтобы рассеять предубеждения в отношении РПЦ, бытовавшие в то время на Западе. В июне 1945 г., во время офиц. визита делегации РПЦ в Великобританию, В. встречался и беседовал с митр. Крутицким *Николаем (Ярушевичем).* В этот период шла интенсивная подготовка к проведению в Амстердаме I Ассамблеи ВСЦ и В. хотел, чтобы РПЦ приняла в ней участие. С этой целью он предложил Патриарху *Алексию I* направить делегацию для ознакомления с деятельностью «Всемирного Совета Церквей в процессе подготовки». Это предложение было принято, однако усиливавшаяся «холодная война» помешала его осуществлению. Совещание Предстоятелей и представителей автокефальных правосл. Церквей в Москве, проходившее в июле 1948 г. совместно с празднованием 500-летия автокефалии РПЦ, обсудило среди др. и вопрос об отношении Поместных Православных Церквей к экуменическому движению и вынесло решение воздержаться от участия в амстердамской Ассамблее ВСЦ, мотивируя это тем, что «экуменическое движение не обеспечивает дела воссоединения Церквей благодатными путями и средствами» (Деяния Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей. Т. 2. С. 435–436). В то же время деятельность самого В. на Совещании была охарактеризована весьма положительно. По инициативе В., ЦК ВСЦ, собравшийся в Давосе в апр. 1955 г., обратился к РПЦ с предложением об экуменической встрече. Предложение было принято, и 7–9 авг. 1958 г. в Утрехте состоялась встреча делегаций ВСЦ и РПЦ, возглавлявшихся В. и митр. Николаем. Во время совместных заседаний были обсуждены 4 темы: «Русская Православная Церковь и Всемирный Совет Церквей», «Христианское единство в защите мира», «Русская Православная Церковь и социально-политические проблемы нашего времени», «Общая озабоченность Церквей религиозной свободой». В. выступил с докладом «Всемирный Совет Церквей и мир во всем мире». Была выработана общая позиция, к-рая заключалась в том, что Церкви должны совместно добиваться мира (Memoirs. P. 266). Результаты встречи предопределили принятие последующего решения о вступлении РПЦ в ВСЦ. В дек. 1959 г. В. впервые посетил Москву в составе офиц. делегации ВСЦ, к-рая прибыла в СССР по приглашению РПЦ с целью дальнейшего сближения позиций в рамках экуменического диалога, а также для содействия вступлению РПЦ в ВСЦ.

Прямые контакты и переговоры В. с представителями РПЦ привели к пересмотру первоначального и явно недостаточного с правосл. т. зр. базиса ВСЦ, к-рый на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели (1961) был расширен за счет прибавления тринитарной формулы. Исповедание ВСЦ Пресв. Троицы как богословское основание веры участников экуменического движения явилось одним из основных факторов, позволивших РПЦ 20 нояб. 1961 г.

на III Ассамблее ВСЦ в Нью-Дели вступить в ВСЦ. Осенью 1962 г., в период т. н. Карибского кризиса, вызвавшего опасную конфронтацию США и СССР, В. от имени ВСЦ обратился с телеграммами к руководителям обеих держав, призвав их проявить обоюдную сдержанность и политическое благоразумие. В 1963 г., после посещения Св. Горы Афон, В. обратился с просьбой к иерархам Элладской Православной Церкви поддержать перед правительством Греции ходатайство РПЦ о допуске на Афон монахов из России. В февр. 1964 г., во время своего визита в СССР, В. участвовал в работе очередной сессии Исполнительного комитета ВСЦ, проходившей в Одессе с 10 по 14 февр. 1964 г. На сессии была принята специальная резолюция «Проблемы и возможности разоружения в настоящее время», направленная всем правительствам мира. В кон. мая — нач. июня 1968 г. В. (вместе с Ю. К. Блейком) представлял ВСЦ в Москве на юбилейных торжествах по случаю 50-летия восстановления Патриаршества в РПЦ. В 1980 г. в связи с 80-летием В. Святейший Патриарх Пимен наградил В. орденом прп. Сергия Радонежского.

Соч.: Anglo-Catholicism and Orthodoxy. L., 1933; «None Other Gods». L., 1937; Our Ecumenical Task in the Light of History. Gen., 1955; Rembrandt and the Gospel. L., 1957; The Pressure of our Common Calling. N. Y., 1959; No Other Name: The Choice between Syncretism and Christian Universalism. L., 1963; Auf dem Weg zur Einheit. Wetzhausen, 1970; Memoirs. L., 1973; The Genesis and Formation of the World Council of Churches. Gen., 1982.

Лит.: *Казем-Бек А. Л.* К 65-летию д-ра Виссер'т Хоофта // ЖМП. 1965. № 10; *Никитин В. А.* Памяти д-ра Виссер'т Хоофта // ЖМП. 1986. № 12. С. 62–67; 1987. № 1. С. 41–66.

В. А. Никитин

ВИТА́Л Хаим бен Юсеф (1542, Сафед, совр. Цфат, Израиль — 1620, Дамаск), иудейский богослов-каббалист т. н. цфатской школы, образовавшейся в Палестине после изгнания евреев из Испании в 1492 г. Творчество В. сыграло важную роль в развитии поздней *каббалы*.

Первыми учителями В. по Талмуду и раввинистической лит-ре были Иосиф *Каро* и Моисей Алшех. С 1564 г. В. начал изучать каббалу по системе каббалиста *Моисея Кордоверо*. В 1570 г. В. познакомился с Исааком *Лурией*, к-рого и стал считать своим духовным наставником. После смерти Лурии в 1572 г. В. стал его преемником и главным истолкователем его тайного учения, изложив письменно то, что тот сообщал лишь узкому кругу учеников, никогда не записывая. В 1575 г. 12 учеников Лурии поклялись изучать богословие своего наставника только у В., сохраняя тайны учения. В. часто излагал собственные идеи как принадлежащие Лурии, поэтому в его сочинениях трудно отделить его собственные мысли от мыслей его учителя.

Нек-рое время В. странствовал по Сирии и Египту, где встретил, однако, холодный прием. Вернувшись в 1577 г. в Палестину, В. поселился в Иерусалиме, преподавал каббалистику в возглавляемой им яшиве (богословской школе), объявив себя мессией, сыном Иосифа.

Однако через нек-рое время ему пришлось бежать в Дамаск, где он начал составлять каббалистический трактат о патриархе Аврааме, вошедший частично в его труд «Сефер Оцрот Хайим» (Книгу о сокровищах жизни).

В 1584 г. В. вернулся в Иерусалим, но вскоре переехал в Сафед. Здесь он тяжело заболел, и в 1587 г. один из его учеников, испугавшись, что богословское наследие Лурии и В. останется неизвестным, подкупил младшего брата В. Моисея, чтобы тот дал ему скопировать сочинения В. Для этого были приглашены 100 писцов, за 3 дня скопировавшие 600 страниц. Списки появились под названием «Эц Хайим» (Древо жизни), но иногда текст называют «Шмона Шеарим» (Восемь врат) по числу входящих в него трактатов. В 1590 г. В. был «посвящен» в раввина своим бывш. учителем Моисеем Алшехом. Последующие годы он провел в Иерусалиме, время от времени посещая Сафед.

В 1594 г. В. переехал в Дамаск и жил там вплоть до кончины. Он был раввином в синагоге репатриантов из Сицилии, проповедуя скорое пришествие мессии, однако раввин Яков Абулафия запретил ему читать лекции, обвинив В. в том, что тот несправедливо присвоил себе право быть единственным наследником и толкователем учения Лурии. После этого В. вел замкнутый образ жизни, общаясь лишь с учениками. В 1604 г. он тяжело заболел, почти потеряв зрение. Последним его сочинением был сборник автобиографического характера с элементами мистики «Сефер ха-Хезйонот» (Книга видений), составленный между 1609 и 1612 гг.. Его сын Шмуэль бен Хаим (с 1664 раввин в Каире) после смерти В. занимался редактированием и комментированием его трудов, не допуская их копирования на протяжении мн. лет.

Наиболее известное сочинение В.— сборник трактатов «Сефер Эц Хайим» (Книга древа жизни), содержащий подробное описание мистической системы Лурии, космогония к-рой выдержана в традициях *гностицизма*. В. привел в стройную систему взгляды Лурии и дополнил ее множеством схоластических деталей. Концепция В. дает начало новому пониманию творения и присутствия Бога в мире, философски обосновывая творение из ничего. В. со слов Лурии разработал старое понятие цимцум (сосредоточение или сжатие), в отличие от ранней каббалы *эманация* рассматривается не как однонаправленный, а двунаправленный процесс. Каждому новому акту эманации предшествует акт сосредоточения и сокращения. Космический процесс становится двунаправленным. При этом устанавливается взаимодействие между принципами расширения (хитпаштут — поступательное движение) и сужения (хисталкут — возвратное движение).

В последней части кн. «Эц Хайим» В. описывает 4 мира между сферой пребывания Бога и нашим земным миром: в каждом из этих миров Бог отражается в новых конфигурациях (парцуфим). Энергия, эманируемая субстанцией, проходит сквозь занавесь, отделяющую миры, и трансформируется в субстанцию следующего мира, т. о. в нижних мирах рассеяно не само божество, а лишь отличная от Его субстанции энергия. Последний, 4-й мир является духовным прообразом материального чувственного мира. Причину отдаления миров от Бога и наличия зла в них В. видит в т. н. сокрушении сосудов (швират ха-келим), учении, содержащемся в главном каббалистическом трактате *Зохар*, однако описанном В. совершенно по-своему, согласно строго определенным схоластическим законам и правилам. Сосуды были специально созданы для того, чтобы улавливались обособленные потоки света, эманирующие от Адама Кадмона

(предвечного человека, первого существа, возникшего путем эманации и являющегося посредником творения) в «распыленном» виде, хаотично и беспорядочно. Сосуды, не выдержав единого потока света, разбились. «Сокрушение сосудов» и есть причина внутренней ущербности, к-рая неотделима от всего сущего и сохраняется до тех пор, пока сосуды не будут восстановлены. Понятие о восстановлении первозданного божественного порядка (тиккун) определяет, по В., место человека в божественном замысле. Именно человек должен своей религ. жизнью собрать рассеянные при разрушении сосудов искры света и поставить их на свои места. Каждый акт человека соотносится с конечной задачей, к-рую Бог поставил перед своими созданиями. В представлении Лурии и В. пришествие мессии есть завершение непрерывного процесса восстановления (тиккун). Теософская космология превращается в учение о спасении души как возвращении всех вещей к их первоначальному единению с Богом.

В конце «Эц Хайим» В. излагает учение Лурии о метемпсихозе, к-рое было затем дополнено и развито в систематизированной форме в «Сефер ха-гилгулим» (Книге переселений). Это учение находится в непосредственной связи с процессом тиккун: если Адам заключал в себе душу всего человечества, к-рая теперь рассеяна среди рода человеческого в неисчислимых видах и индивидуальных образованиях, то все переселения душ были в сущности лишь перемещением одной души, чье изгнание служит искуплением за ее падение. Этот процесс может длиться сколь угодно долго, но он может быть сокращен посредством определенных религ. деяний, т. е. обрядов, покаянных упражнений и медитаций, чему В. посвятил целый ряд отдельных произведений.

В. также принадлежат сочинения: «Сефер Эц ха-Даат» (Книга древа познания) — гомилетические этюды на книги Свящ. Писания, из к-рых сохранились лишь отдельные части; «Сефер ха-Каванот» (Книга значений) в 2 частях, (первая посвящена рассмотрению ритуальных вопросов и благословений, 2-я — ритуалу на субботние и праздничные дни); «Ноф Эц Хайим» (Лоза древа жизни) — новеллы; «Сефер ха-Гилгулим» (Книга о переселении душ) — обновленное и дополненное учение Лурии о переселении душ; «Шаарей Кедуша» (Врата святости) — трактат о воздаянии в будущем мире и о святости, излагающий мистические основы нравственного богословия; «Ликкуте Тора ве-Тааме ха-Мицвот» (Свод учения и смысл заповедей) — каббалистическое объяснение Библии в соответствии с учениями Лурии; «Шаарей ха-Ихудим, ве-Тиккун Авонот» (Врата единений и исправление грехов) — о пророках, о Св. Духе и о покаянии, изданное его учеником врачом Юсефом бен Цемахом; «Сефер Оцрот Хайим» (Книга о сокровищах жизни) — теория заклинания облаков и алхимические рассуждения о 7 подвижных звездах, о 7 небесных сферах и соответствующих им металлах; «Ликкуте ха-Шас» (Сборник разделов Мишны) — каббалистическое толкование талмудических сказаний в соответствии с учениями Лурии с вставными молитвословиями автора; «Арба Меот Шекель Кесеф» (Четыреста шекелей) — каббалистический трактат о 400 шекелях, уплаченных Авраамом Ефрону за пещеру Махпелу. Многие из произведений В. остались неизданными, напр. «Бет ха-Рое» (Дом провидца) — описание ритуала на круглый год.

Лит.: *Шолем Г.* Основные течения в евр. мистике. Иерусалим, 1984; *Benayahu M.* // Sinai. Yerushalayim,1952. N 30. P. 65–75; *Langer G.* Liebesmystik der Kabbala. Münch., 1956.

Э. С. Небольсин

ВИТАЛИА́Н [лат. Vitalianus] († 27.01.672, Рим), св. (пам. зап. 27 янв., в Риме — 28 янв.), папа Римский (с 30 июля 657). Согласно *Liber Pontificalis,* происходил из Сигнии (совр. Сеньи, Италия). Ок. 655 г. возведен в кардинала-диакона. После смерти папы *Евгения I,* 30 июля 657 г., В. был избран его преемником и 11 авг. рукоположен во епископа.

Из-за угрозы со стороны лангобардов В. стремился к нормализации отношений с визант. имп. *Константом II,* низложившим в 653 г. папу св. *Мартина I* за неприятие поддерживаемого императором *монофелитства.* В. направил императору и К-польскому Патриарху *Петру* послания, в к-рых объявлял о своем избрании, но не затрагивал догматических вопросов, что соответствовало духу изданного императором в 648 г. *Типоса,* запрещавшего к.-л. дискуссии по монофелитству. Изменившаяся политическая обстановка, вызванная поражением визант. войск в битве с арабами, побудила императора к принятию папских легатов. В поисках примирения с римлянами, возмущенными низложением папы св. Мартина, Констант II направил В. богато украшенное Евангелие и подтвердил эдикт о первенстве Римской Церкви, данный имп. *Фокой* папе *Бонифацию III.* Патриарх Петр, желая подчеркнуть единство с Римской Церковью, в ответном послании к В. избегнул прямого исповедания монофелитства (впосл. это послание наряду с др. документами монофелитов было зачитано на *Вселенском VI Соборе*). По желанию императора, впервые со времени *Гонория I* († 638), имя папы было включено в *диптих* К-польской Церкви.

Св. Виталиан, папа Римский. Гравюра. 1600 г. (Sacchi. Vitis pontificum. 1626) (РГБ)

В 663 г. из-за угрозы вторжения арабов Констант II покинул К-поль, и 5 июля был торжественно встречен В. в Риме. Несмотря на проявленную со стороны В. и римлян лояльность, 17 июля император отбыл из Рима, разграбив нек-рые рим. церкви и дворцы. Остановившись в Сиракузах (Сицилия), Констант II поддержал стремление к автокефалии Равеннского архиеп. Мавра и в 666 г. издал эдикт о выходе Равеннского архиеп-ства из юрисдикции Римской Церкви. Однако В. отказался признать автокефалию Равенны и объявил об отлучении архиеп. Мавра. В 668 г., после убийства Константа II, в борьбе за имп. престол В. оказал поддержку *Константину IV* Погонату, отменившему впосл. эдикт об автокефалии Равеннского архиеп-ства.

В 667 г. В. направил ряд посланий к Критскому архиеп. Павлу, в к-рых настаивал на пересмотре дела незаконно смещенного с кафедры Лаппского еп. Иоанна, обратившегося к В. с апелляцией.

При В. были укреплены связи между Римом и Церковью Англии. По инициативе нортумбрийского кор. Осви в 664 г. в Уитби состоялся Собор брит. духовенства, на к-ром было принято решение о праздновании Пасхи одновременно с Римской Церковью. В 667 г. кор. Осви и кентский кор. Эгберт направили к В. свящ. Вигхарда для рукоположения во архиеп. Кентерберийского, но из-за его скоропостижной кончины в марте 668 г. В. рукоположил на Кентерберийскую кафедру выбранного им мон. *Теодора из Тарса*.

Особое внимание В. уделял церковному пению и постоянно заботился об основанной папой св. *Григорием I Великим* (Двоесловом) латеранской певч. школе, хористы к-рой, т. н. виталиани, придавали богослужениям в рим. церквах особую торжественность. С именем В. также связывается введение в зап. литургическую традицию использование орга́на. Погребен В. в базилике св. Петра в Риме. Часть посланий, приписываемых В. (напр., послание к епископам Галлии), с т. зр. нек-рых исследователей, ему не принадлежит.

Соч.: PL. 87. Col. 999–1010.

Ист.: LP. Vol. 1. P. 343–348; *Jaffé*. RPR. Vol. 1. S. 231–237.

Лит.: *Bertolini O.* Roma di fronte a Bizancio e ai Longobardi. Bologna, 1941; *Карташев*. Соборы. С. 427; *Кулаковский*. История. Т. 3. С. 202, 206–212.

А. Г. Крысов

ВИТА́ЛИЙ [греч. Βιτάλιος], свт., еп. Равеннский (пам. греч. 23 июля). Упоминается в визант. календарях: Синаксаре К-польской ц. X в. (SynCP. Col. 835), Типиконе Великой ц. IX–X вв. (*Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 95; *Mateos*. Typicon. T. 1. P. 348), криптоферратском списке Минология Василия II (PG. 117. Col. 556) и др. По зап. источникам не известен. Покровителем Равенны считается др. Виталий — не епископ, а мученик (пам. зап. 28 апр.), отец святых *Гервасия* и *Протасия*.

Архиеп. Сергий (Спасский), заметив, что в Синайском каноне IX–X вв. (*Дмитриевский*. Описание. Т. 1. С. 95) В. назван папой, предположил, что В.— одно лицо с почитаемым на Западе святым *Виталианом* (657–672), папой Римским, память к-рого отмечена в Римском Мартирологе 27 янв. Это предположение подтверждается тем, что значительное число рукописных памятников именует В. епископом Римским: служебные Минеи Sinait. gr. 627, XI в., Meteor. Metamorph. 150, XII в., РНБ. Греч. 227, XII в. и др. Титулование его епископом Равеннским, видимо, возникло от того, что в один день с В. отмечалась память сщмч. *Аполлинария*, еп. Равеннского (23 июля). При этом в тех календарях, где В. назван епископом Равеннским, епископом Римским ошибочно именуется мученик *Аполлоний*.

Память В. упоминается также под 19 июля в стишных греч. синаксарях (напр., Paris. Coisl. 223, 1301 г.) и слав. прологах (ГИМ. Хлуд. № 188, 1370 г.).

Ист.: *Νικόδημος*. Συναξαριστής. Τ. 6. Σ. 96; Ταμεῖον. N 781.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 218, 221; Т. 3. С. 282–283; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 913–914; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης)*. Ἁγιολόγιον. Σ. 51, 82; *Lucchesi G.* Vitale, Valeria ed Ursicino // BiblSS. Vol. 12. Col. 1229–1231.

О. В. Л.

Гимнография. В совр. богослужебных книгах последование В. отсутствует, но в греч. рукописях (Ταμεῖον. Σ. 252) сохранился общий канон святителям Аполлинарию, еп. Равеннскому, и В. 3-го гласа, без акростиха, с именем «Георгия» в богородичнах, ирмос: «Τῷ ῥυσαμένῳ τὸν Ἰσραὴλ ἐκ δουλείας» (**Изба́вльшемꙋ и҆ли҆ꙗ ѡ҆ рабо́ты**): «Τοῦ παναγίου ἡ ὑπερλάμπουσα χάρις» (Всесвятого, пресияющего благодатью).

ВИТА́ЛИЙ (VII в.), прп. Александрийский (пам. 22 апр., пам. греч. 11 янв.), инок мон-ря прп. аввы *Серида* (пам. 13 авг.) в Газе. Пришел в Александрию в возрасте 60 лет во время Патриаршества свт. *Иоанна V* Милостивого (пам. 12 нояб.). В. нес необычный духовный подвиг. Нанимаясь на работу в городе, он брал за свой труд 12 медных монет, на одну из к-рых вечером покупал скудную пищу, весь день проводя в посте. Остальные деньги В. тратил в публичном доме: составив список всех блудниц Александрии, он поочередно обходил каждую, отдавая ей деньги с условием, что женщина в эту ночь воздержится от греха. Сам же В. проводил ночь в молитвах за блудницу, взяв с нее клятву не разглашать его поступок. Однажды некая женщина попыталась рассказать

Прп. Виталий Александрийский. Икона. Нач. XIX в. (ЦАК МДА)

о подвиге старца, но по Божию попущению подверглась беснованию. Мн. падшие женщины, вняв увещеваниям старца, раскаивались и оставляли постыдное занятие. Однако горожане, уверенные в том, что В. еженощно предается греху, обвиняли его в том, что он позорит монашеский чин. Святой же, стремясь любой ценой скрыть свое богоугодное делание, отвечал, что и монахи имеют плотские слабости. Однажды, повстречав В. на пороге публичного дома, некий юноша ударил его по щеке, обличая в мнимом грехе. В. предсказал ему, что юноша получит в ответ такой удар, что весь город услышит его крик. Вскоре юноше явился бес и ударил его по щеке так сильно, что на крик сбежалось огромное количество народа. Придя в себя, юноша привел людей к келье подвижника, где они нашли коленопреклоненного В., скончавшегося во время молитвы. Тогда бывшие в толпе блудницы рассказали о его подвиге, и горожане раскаялись в своем осуждении, удивляясь необычайному смирению старца. От мощей В. происходили исцеления. В его погребении участвовал Патриарх, в свое время не поверивший доносу на святого. Юноша, получивший удар от беса, стал монахом, а мн. свидетели жизни В. взяли себе за правило никогда не осуждать ближнего.

Сказание о В. является частью Жития свт. Иоанна V Милостивого, Патриарха Александрийского, написанного в VII в. *Леонтием*, еп. Неаполитанским (Неаполь — средневек. название совр. г. Лимасол, Кипр) (BHG, N 886).

Память святого указывалась в нек-рых визант. стишных синаксарях (напр., Paris. gr. 1582, XIV в.), а затем была внесена в печатную Минею (Венеция, 1595). РПЦ празднует его память 22 апр., т. к. под этим числом краткое повествование о В., извлеченное из жития Иоанна Милостивого, было включено в раздел слов и поучений древнерус. Пролога, а в ВМЧ помещено «Слово о преподобнем мнисе Виталии, како оставль келию, иде во Александрию и спасе блудницу» (*Иосиф, архим.* Оглавление ВМЧ. Стб. 91, 99 (2-я паг.)).

Ист.: ActaSS. Ian. T. 2. P. 702–703; *Leontius Neapolitanus.* Leben des hl. Iohannes des Barmherzigen, Erzbischofs von Alexandrien / Hrsg. H. Gelzer. Freiburg i. Br., 1893. S. 69–75; SynCP. Col. 385–386; ЖСв. Апр. С. 352–357.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 152; ΘΗΕ. Τ. 3. Σ. 914; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 82; *Sauget J.-F.* Vitale, monaco di Gaza // BiblSS. Vol. 12. Col. 1220.

О. Н. Афиногенова

ВИТА́ЛИЙ (Кокорев Виталий (?) Иванович, 10.08.1890, дер. Дьяково Старицкого у. Тверской губ.– 7.10.1937, Калининская обл.), прмч. (пам. 24 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), мон. Из крестьянской семьи, окончил сельскую школу. Прожив полгода в *Спасо-Преображенском Валаамском мон-ре,* утвердился в решении избрать монашеский путь, вернулся на родину и в 1912 г. поступил в *Нилову Столобенскую Богоявленскую пуст.* Через нек-рое время был принят в число братии и пострижен в монашество. После закрытия обители в 1928 г. В. подвизался в монашеской общине «Божье дело». Через год община была ликвидирована, монахи арестованы и обвинены в неуплате налогов. В. был приговорен к 5 годам заключения в ИТЛ, сослан в г. Николаевск-на-Амуре на Дальн. Востоке. В 1935 г. вернулся в Тверскую обл., снимал комнату в дер. Пустошке, работал сторожем в храме в с. Хвошня Пеновского р-на, исполнял обязанности пономаря.

В янв. 1937 г. Пеновское районное отд-ние НКВД начало собирать материалы для ареста храмового причта и закрытия храма. В. был арестован 4 авг. того же года, заключен в тюрьму в Осташкове, обвинен в «антисоветской агитации», виновным себя не признал. Председатель местного колхоза «Путь Ленина» на допросе сообщил, что в сторожке В. собирается «антисоветская группировка» крестьян-единоличников, читающих Свящ. Писание. Несмотря на то что др. свидетели не подтвердили обвинений, выдвинутых следствием, и В. не признал себя виновным в «антисоветской деятельности», тройка УНКВД по Калининской обл. 3 окт. 1937 г. приговорила преподобномученика к расстрелу. В. прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 22824-С.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 3. С. 250–253.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВИТА́ЛИЙ, мч. Керкирский (пам. 28 апр.) — см. в ст. *Саторний,* мч., и др.

ВИТА́ЛИЙ, мч. Римский (пам. 25 янв.) — см. в ст. *Филицата,* мц., и др. мученики Римские.

ВИТА́ЛИЙ († 20 окт. до 730), св. (пам. зап. 20 окт.), еп. Зальцбургский. Ученик св. *Руперта* († 716), аббат мон-ря св. Петра (Санкт-Петер) в Зальцбурге. Ок. 718 г. стал епископом Зальцбургским. В. продолжил миссионерские начинания св. Руперта. Почитание В. распространяется с кон. XII в. Его могила была известным местом паломничества. В 1462 г. культ В. был рассмотрен Папским престолом, но формальной канонизации не было. В 1497 г. на могиле В. установили плиту с рельефом, выполненным неким мастером Гансом. Это надгробие является одним из самых известных образчиков средневек. могильной скульптуры. В 1519 г. папой *Львом X* был утвержден обычай поминовения В. в аббатстве св. Петра и составлена служба, с 1628 г. культ почитания этого святого распространяется на все архиеп-ство Зальцбург. В наст. время аббатство св. Петра является местом паломничества. В. считается патроном местности Пинцгау в Австрии, а также покровителем детей и беременных женщин. Этого святого изображают с сердцем и лилией в руках. По преданию, в подтверждение чистоты жизни святого на его могиле выросла лилия.

Лит.: *Karner P.* Austria Sancta: Die Heiligen und Seligen Salzburgs. W., 1913. S. 54–63; *Hahnl A.* Kult und Legende: Maximus, Amandus und Vitalis, die Heiligen von St. Peter // St. Peter in Salzburg: das älteste Kloster im deutschen Sprachraum. Salzburg, 1982; *Schauber V., Schindler H. M.* Heilige und Namenspatrone im Jahreslauf. Augsburg, 1992. S. 545–546.

А. В. Чупрасов

ВИТА́ЛИЙ († между 1607 и 1612, Вильно?), игум., церковный писатель, поэт, связанный с кружком кн. К. К. *Острожского.* Биографические сведения о В. отрывочны. Его мирское имя неизвестно, В. отождествляют с соименным «нотарием и анагностом» (чтецом) Уневского мон-ря (близ Острога), фигурирующим в монастырских актах 1601 г. В июле 1603 г. кн. К. К. Острожский, во владениях к-рого находился Дубенский Крестовоздвиженский мон-рь, выдал В. презенту на игуменство в обители. В послесловии к рукописи «Диоптры», завершенной в 1604 г., В. именуется «игуменом Честнаго Креста в Дубне». В 1607 г. В. присутствовал на судебных заседаниях в Остроге в связи с тяжбой между мон-рем и дубенским мещанином Харком Григоровичем. Позднее при невыясненных обстоятельствах (возможно, после смерти в 1608 своего покровителя) В. оставил мон-рь и переехал в Вильно, где до конца жизни исполнял обязанности проповедника *Виленского православного Свято-Духовского братства.* Эпитафия В. помещена в предисловии к 1-му изданию его «Диоптры» (Евье: Тип. братства, 1612). В. знал греч. и лат. языки.

Основной труд В.– морально-аскетическое соч. «Диоптра, сиречь Зерцало, албо Изображение известное живота человеческого в мире» (в рус. рукописной традиции принято также сокращенное название «Зерцало мирозрительное») — посвящен обличению суетности мирской жизни, рассматриваемой на примере отдельных ее проявлений. Сочинение состоит из 3 частей, каждая подразделяется на 50 глав, как правило сопровождающихся в конце виршами. За исключением начала заглавия, «Диоптра» В. не имеет ничего общего с одноименным соч. *Филиппа Монотропа,* переведенным с греческого и широко распространенным в слав. списках начиная с сер. XIV в.

По мнению И. З. Мыцко, вирши, сопровождающие главы «Диоптры», первоначально были снабжены фразовым *акростихом* в комбинации с мезостихом (последний выделялся размером и/или цветом сигнальных

литер) — в частности, при 1-м разделе в издании 1612 г. и в старшем списке, не связанном с печатной традицией, читается имя автора (ВИТАЛІ), имеются и др. фрагменты. Однако этот прием не был замечен ни переписчиками, ни печатниками и оказался по большей части утрачен (применительно к изданию это свидетельствует скорее всего о том, что оно готовилось после смерти В.).

В XVII в. западнорус. типографии выпустили 5 изданий «Диоптры» В.: Евье, 1612 и 1642; Кутеин, 1651 и 1654 (часть тиража 1654 — вместе с типографией и братией *кутеинского оршанского в честь Богоявления Господня мон-ря,* переведенной в *валдайский Святоозерский в честь Иверской иконы Божией Матери мон-рь,*— оказалась во 2-й пол. 50-х гг. XVII в. в пределах Московского гос-ва); Могилёв, 1698. Начиная с 1642 г. издание сопровождалось дополнениями.

«Диоптра» В., подобно др. сочинениям и изданиям острожского кружка и западнорус. изданиям кон. XVI — 1-й пол. XVII в., пользовалась популярностью в старообрядческой среде и дважды (?) переиздавалась (по кутеинскому изд. 1651) в кон. XVIII в.: Клинцы, 1781 и 1786 (*Вознесенский А. В.* Кириллические издания старообрядческих типографий кон. XVIII — нач. XIX в.: Кат. Л., 1991. С. 131, № 288; изд. 1781 г. известно лишь по библиографии — Там же. С. 143. Прил. № 28).

В XIX в. «Диоптра» В., по крайней мере дважды, переводилась на рус. язык. В 1861 г. перевод был выполнен в Н. Новгороде диак. Стефаном Буилло-Вельбудовым (не издан, сохр. в автографе — Афон, Русский Пантелеимонов мон-рь. Слав. 35; см.: *Турилов А. А.* Малоизвестные системы восточнослав. книжной тайнописи XV–XIX вв. // АЕ за 1992 г. М., 1994. С. 106–108). Перевод снабжен новыми стихами после глав, принадлежащими перу переводчика, и его же одой «Триипостасное Божество», написанной под влиянием поэзии Г. Р. *Державина.* В 1899 г. под заглавием «Диоптра, или Духовное Зерцало» был опубликован сокращенный пересказ сочинения В. (авторство ошибочно приписано афонским старцам) с приложением сочинения прав. *Иоанна Кронштадтского* «О суете мирской жизни» (переизд.: СПб., 1996).

Помимо «Диоптры» исследователи предположительно атрибутируют В. (на основании близости образной системы) анонимный западнорус. полемический антилат. виршевый комплекс кон. XVI — нач. XVII в., известный помимо изданных списков (Українська поезія, кін. XVI — поч. XVII ст. К., 1978) также по рукописи того же времени, хранящейся в НБ МГУ. В 1-й пол. 20-х гг. XVII в. комплекс был переложен на церковнослав. язык и отредактирован И. А. *Хворостининым* (СККДР. СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4: Т—Я. Доп.); известен в ряде списков XVII–XVIII вв.

Лит.: *Махновець Л. Е.* Давня укр. літ-ра (XI–XVIII ст. ст.) // Українські письменники: Бібліогр. словник. К., 1960. С. 274–275; *Лукьяненко В. И.* Каталог белорус. изданий кириллловского шрифта XVI–XVII вв. Л., 1975. Вып. 2: 1601–1654; *Голенченко Г. Я. и др.* Книга Белоруссии: 1517–1917: Свод. кат. Минск, 1986; *Мицько І. З.* Острозька слов'яно-греколатиньска академія: 1576–1636. К., 1990. С. 49, 86, 126–127; *он же.* Святоуспенська лавра в Уневі (кін. XIII ст.— кін. XX ст.). Львів, 1998. С. 60,124.

А. А. Турилов

ВИТА́ЛИЙ († нач. 90-х гг. XVII в.), мон., стоявший у истоков старообрядческого *Выголексинского общежительства.* Из московских бояр (мирское имя неизвестно). После морового поветрия 1654 г., когда умерли его семья и дворовые, принял постриг в одном из московских мон-рей, нек-рое время подвизался в московских мон-рях. После Соборов 1656 г., на к-рых были изречены проклятия на *двоеперстие* и придерживающихся его, осужден Иван *Неронов,* В. ушел в олонецкие пределы и жил неск. лет в небольших пустынях сначала на р. Водле, затем на Свири близ Остречинского погоста. Позже переселился в Ильинскую Машезерскую пуст. и жил там неск. лет при строителе Макарии. Источники свидетельствуют о «нужном жестоком пустынном житии» В., любви к молчанию и странничеству.

В это время (80-е гг.) В. установил общение с приверженцами старообрядчества в Поморье: часто посещал Сунарецкую пуст. старца *Кирилла,* жил там и, возможно, хотел принять участие в 1-й палеостровской гари 1687 г. (см. *Самосожжение*). С кон. 80-х гг. XVII в. жил в скиту инока *Корнилия,* стал его келейником. Позднее на месте скита была основана Выговская пуст. Похоронен в этом же скиту, рядом с ним был погребен

Иноки Корнилий и Виталий. Лубок рисованный. 1-я пол. XIX в. (ГЛМ)

(в 1695) ненадолго переживший его Корнилий. Позже над могилами отшельников выговцы возвели часовню, в к-рой ежегодно служили панихиды. Сохранялась также келья старцев. Парное изображение Корнилия и В. на фоне скита помещалось на настенных листах. Согласно выговским источникам, В. перед смертью благословил А. Денисова (см. *Денисовы*), буд. киновиарха Выголексинского общежительства, своей мантией.

Лит.: *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 85–86, 117–120, 123, 216, 276; *Брещинский Д. Н.* Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тесты) // Древнерус. книжность. Л., 1985. С. 62–107; *Понырко Н. В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой лит-ре // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 154–169; *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и лит-ра. М., 2002. Т. 1. С. 17, 35, 196, 201, 288, 352, 389, 403, 519.

Е. М. Юхименко

ВИТА́ЛИЙ (Борисов-Жегачёв Василий; 1779, Калужская губ.— 4.12.1840 (по др. данным, 23.01. 1841), Астрахань), архиеп. Астраханский и Енотаевский. Из семьи сельского священника. Обучался в Калужском ДУ, затем в Калужской ДС, по окончании к-рой продолжил образование в МДА и одновременно слушал лекции в Московском ун-те. По окончании МДА назначен учителем в Калужскую ДС. В марте 1812 г. принял монашеский постриг. 5 мая назначен настоятелем Троицкого Лютикова мон-ря, возведен в сан архимандрита. С 1814 г. профессор философии и инспектор Калуж-

ской ДС, присутствующий консистории Калужской епархии, с янв. 1815 г. ректор Калужского уездного ДУ, с 4 марта 1815 г. ректор Мещовских уездного и приходского уч-щ. В 1817 г. по предложению экзарха Грузии *Феофилакта (Русанова)* В. был переведен ректором в открывшуюся *Тифлисскую* ДС. По состоянию здоровья вскоре покинул Грузию и в 1818 г. определен инспектором в Ярославскую ДС с поручением преподавать философские науки. 26 авг. 1819 г. переведен в Полтавскую ДС ректором и профессором богословских наук. В окт. 1819 г. назначен настоятелем лубенского Преображенского мон-ря.

28 февр. 1826 г. в Киеве В. был хиротонисан во епископа Слободско-Украинского и Харьковского. В том же году Харьковское об-во наук наградило архиерея дипломом за «знания и любовь к наукам». 12 марта 1832 г. В. был переведен на Астраханскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Попечением архиерея в Астрахани открылись уч-ще для детей канцелярских служащих, ин-т для воспитания девиц благородного и купеческого звания (1836), публичная б-ка (1838), а также церковные школы в селах Фёдоровском и Образцове Астраханского у. и 6 приходских уч-щ в казачьих станицах Енотаевского у. В 1838 г. в

Виталий (Борисов-Жегачёв), архиеп. Астраханский. Портрет. XIX в. (РГИА)

Астраханской ДС был создан класс калм. языка. Преподаватели и ученики ДС перевели на калм. язык Свящ. историю, Катехизис, составили русско-калм. и калмыцко-рус. словари. В. ежегодно жертвовал средства попечительству о бедных, благотворительствовал вдовам и сиротам. Награжден орденом св. Анны 1-й степени (1836). В. принадлежала большая б-ка книг по богословию, истории и философии. Погребен в нижнем храме астраханского Успенского кафедрального собора в приделе во имя св. Платона.

Лит.: *Рыбушкин М.* К «Ключарёвской летописи» дополнения. Астрахань, 1899; *Благонравов М.* Архиереи Астраханской еп. за 300 лет ее существования с 1602 до 1902 г. Астрахань, 1902. С. 104–106; *Саввинский И.* Ист. зап. об Астраханской еп. за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902). Астрахань, 1903.

А. В. Дубаков

ВИТА́ЛИЙ (Введенский Владимир Федорович; 8.07.1870, с. Песковатое Белёвского у. Тульской губ.— 25.03.1950, Москва), архиеп. Дмитровский. Из семьи диакона. В 1880–1890 гг. обучался в Тульском ДУ, затем в Тульской ДС, к-рую окончил по 1-му разряду. В 1890–1891 гг. работал сельским учителем, затем был рукоположен во диакона, 8 сент. 1891 г.— во иерея к храму белёвского Крестовоздвиженского жен. мон-ря Тульской епархии. В 1897 г. назначен делопроизводителем, затем председателем правления эмеритальной кассы духовенства Тульской епархии. С 1 февр. 1900 по 1 авг. 1902 г. являлся инспектором белёвского епарх. жен. уч-ща. С авг. 1903 г. преподавал Закон Божий в белёвском реальном уч-ще, с 1905 г. также в белёвской жен. гимназии. В 1907 г. назначен председателем совета белёвского епархиального жен. уч-ща. В 1917 г. свящ. Владимир был избран делегатом от духовенства Тульской епархии на *Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг.* 27 мая 1918 г. вошел

Виталий (Введенский), архиеп. Дмитровский. Фотография. 1946 г. (Архив ц. Воскресения Христова в Сокольниках)

в состав Тульского епархиального совета, в том же году стал его председателем. 15 сент. 1919 г. принял монашество, был возведен в сан архимандрита, служил в *белёвском в честь Преображения Господня муж. мон-ре*. 15 авг. 1920 г. В. был хиротонисан во епископа Епифанского, викария Тульской епархии. В нач. июня 1922 г. стал председателем епархиального совета, созданного управляющим Тульской епархией Белёвским еп. сщмч. *Игнатием (Садковским)*.

18 июня 1922 г. в Тулу прибыл член обновленческого ВЦУ Владимир *Красницкий*, к-рый, вынудив еп. Игнатия отказаться от управления епархией, убедил В. присоединиться к *обновленчеству* и занять пост председателя обновленческого епархиального управления с титулом «епископ Тульский и Епифанский». 16 авг. того же года обновленческим ВЦУ В. был возведен в сан «архиепископа». Участвовал в работе обновленческого «II поместного собора» 1923 г., входил в состав делегации «собора», посетившей Патриарха св. *Тихона* для вручения ему «соборного определения о лишении сана и монашества». В авг. 1923 г. В. вошел в состав пленума новообразованного обновленческого синода, 15 апр. следующего года возведен в сан «митрополита». На обновленческом «III всероссийском поместном соборе» был избран членом синода. В 1929 г., во время болезни *Вениамина (Муратовского)*, В. исполнял обязанности председателя обновленческого синода. В сент. того же года решением учебного комитета при синоде за представленные печатные труды получил степень канд. богословия. После кончины Вениамина (Муратовского) В. 10 мая 1930 г. был избран председателем обновленческого синода с титулом «митрополит Московский и Тульский». В связи с назначением «митрополитом Московским» Михаила Князевского В. 5 мая 1933 г. получил титул «первоиерарх обновленческих православных церквей в СССР». С 29 апр. 1935 г., после упразднения синода и роспуска обновленческих епархиальных управлений, В. являлся единственным адм. руководителем обновленчества, имел титул «первоиерарх Московский и всех православных церквей в СССР». После воссоздания в апр. 1941 г. обновленческого ВЦУ В.

занял пост его председателя. 6 окт. на заседании ВЦУ он выразил желание уйти в бессрочный отпуск по состоянию здоровья и 10 окт. передал все полномочия «митрополиту» А. И. *Введенскому*. 13 окт. 1941 г. вместе с Введенским выехал в эвакуацию в Ульяновск. В кон. 1943 г. вернулся в Москву, служил в ц. прп. Пимена Великого.

2 марта 1944 г. в зале заседаний Свящ. Синода РПЦ В. принес покаяние Патриарху *Сергию* и был принят в общение с правосл. Церковью в сане епископа с оставлением на покое в должности почетного настоятеля храма Воскресения Христова в Сокольниках. 5 мая 1944 г. возведен в сан архиепископа. 13 июля того же года назначен архиепископом Тульским и Белёвским, в марте 1945 г. награжден правом ношения креста на клобуке. В мае — июне 1945 г. В. сопровождал Патриарха *Алексия I* во время его поездки на Св. землю и в Египет. 19 июля 1946 г. по собственному прошению В. был освобожден от управления Тульской кафедрой и назначен председателем миссионерского отдела при Свящ. Синоде с титулом «архиепископ Дмитровский» и с оставлением в должности почетного настоятеля Воскресенского храма в Сокольниках.

Отпевание В., совершенное Патриархом Алексием I в сослужении архиереев и духовенства, состоялось 27 марта 1950 г. в Воскресенском храме в Сокольниках. В. погребен у Троицкой ц. на Пятницком кладбище в Москве.

Соч.: У гроба ученицы [Н. П. Новиковой]. Белёв, 1912; Прощальная речь воспитанницам белёвской жен. гимназии, окончившим курс в 1912 г. Белёв, 1912; Испытания в жизни и отношение к ним по соч. о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Белёв, 1913; Православные церк. братства (1864–1914). СПб., 1914; Станем на защиту Родины: [Стихи] // ЖМП. 1944. № 5. С. 27; Молитва в дни брани: [Стихи] // Там же. С. 28; У гроба Святейшего Патриарха Сергия: [Стихи] // Там же. № 6. С. 37–38; Молитва Богоматери в дни Великой Отечественной войны: [Стихи] // Там же. № 10. С. 30.

Арх.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 30.

Лит.: Воссоединение обновленческих священнослужителей с Правосл. Церковью // ЖМП. 1944. № 4. С. 9; Некролог // Там же. 1950. № 4. С. 6–7; *Левитин, Шавров.* Очерки смуты; «Обновленческий» раскол. С. 702–704.

А. А. Б.

ВИТА́ЛИЙ (Гречулевич Василий Васильевич; 1.01.1823, мест. Тульчин Брацлавского у. Подольской губ.— 14.05.1885, имение Печерск

Виталий (Гречулевич), еп. Могилёвский. Фотография. 1883–1885 гг. (РГИА)

близ Могилёва), еп. Могилёвский и Мстиславский. Род. в семье свящ. В. Я. Гречулевича, талантливого проповедника (его проповеди и поучения были изданы: Беседы катихизические. СПб., 1852; Беседы к простому народу. СПб., 1870–1872. 3 т.; Праздники богородичные в рассказах. СПб., 1908). В 1843 г. В. В. Гречулевич окончил Подольскую ДС, в 1847 г.— СПбДА со степенью магистра богословия, защитив дис. «О молитве Манассии» (СПб., 1848), был назначен законоучителем в имп. Гатчинский сиротский ин-т. 7 авг. 1849 г. рукоположен во иерея и определен законоучителем в с.-петербургский Николаевский сиротский ин-т и Александрийский сиротский дом. 11 дек. 1860 г. переведен на должность законоучителя при Имп. воспитательном об-ве благородных девиц (Смольный ин-т), где служил до выхода в отставку в 1874 г. 13 апр. 1862 г. возведен в сан протоиерея. О. Василий был основателем и редактором ж. «*Странник*» (изд. в 1860–1876), содействовавшего утверждению правосл. ценностей в об-ве, в 1863 г. прот. Василий начал издание ежедневной газ. «Современный листок» (впосл. «Современность») для сельского духовенства и газ. «Мирское слово» для крестьян. 9 мая 1875 г. был избран членом С.-Петербургского цензурного комитета. В 1864 г. на собранные пожертвования священник открыл на своей родине уч-ще для девиц духовного звания. 8 окт. 1876 г. прот. Василий принял монашеский постриг, 22 окт. возведен в сан архимандрита.

13 мая 1879 г. В. был хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. В 1880 г. учредил Свято-Николаевское братство при кременецком Богоявленском мон-ре Волынской губ., задачами братства были просветительская деятельность и благотворительность. 6 окт. 1882 г. В. возглавил Могилёвскую и Мстиславскую епархию. По его инициативе в янв. 1883 г. возродилось могилёвское Богоявленское братство (действовало в кон. XVI — 1-й пол. XVII в.), для к-рого архиерей составил устав. На нужды братства пожертвовали средства имп. *Александр III Александрович* и Синод. Братство стало надежным помощником В. в благотворительности и церковно-школьном деле, много сделало для обеспечения школ учебными пособиями. 1 июля 1883 г. начали издаваться «*Могилёвские ЕВ*» (выходили до 1917, возобновлены в 1991). С 1884 г. по благословению В. в епархии проводились внебогослужебные религиозно-нравственные собеседования священнослужителей с паствой. В зале Могилёвского городского уч-ща архиерей организовал народные чтения, позднее их сменили проходившие в семинарии чтения по истории (церковной и гражданской) Могилёвщины, материалы этих чтений были опубликованы в «Могилёвских ЕВ» в 1884–1885 гг. Архиерей много внимания уделял Могилёвской ДС, благоустройству могилёвского детского приюта.

В. был автором ряда трудов по Свящ. истории, преимущественно новозаветной. Учебный комитет в 1875 г. особо отметил значение для преподавания Свящ. истории кн. В. «Подробный сравнительный обзор Четвероевангелия» (СПб., 1859–1866. 2 т.). Незадолго до кончины В. начал публикацию «Толковой евангельской истории» (Могилёвские ЕВ. 1885. № 5–7), смерть автора прервала эту работу. В. погребен в Спасо-Преображенской ц. при архиерейском доме (бывш. Спасо-Преображенский мон-рь) в Могилёве.

Соч.: Сравнительное обозрение Четвероевангелия. СПб., 1849; Размышление о честном Кресте Господне. СПб., 1853; Указатель церк. чтений из св. книг Нового и Ветхого Заветов. СПб., 1853; Евангельская история СПб., 1857, 1876; Притчи Христовы. СПб., 1860, 1901[3]; Прибавление к Указателю церк. чтений. СПб., 1866; Христианские рассуждения и размышления. СПб., 1868–1877. 3 т.; Евангельские жены. СПб., 1868; Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа в день Его смерти: Опыт крит. исслед. СПб., 1877; Нагорная проповедь Спасителя: Сущность христ. учения. Седлец, 1899.

Лит.: *Тихомиров Д.* Кончина и погребение преосв. Виталия, еп. Могилевского // Могилёвские ЕВ. 1885. № 15/16. С. 331–336; *Сергий, архим.* Слово, сказанное на литургии пред отпеванием преосв. еп. Виталия // Там же. С. 336–345; Могилёвские епископы. Могилёв-на-Днепре, 1887. С. 18; *Каргопольцов И. Н.* Преосв. Виталий (Гречулевич), еп. Могилёвский и Мстиславский: Биогр. очерк. Екатеринослав, 1887. СПб., 1894²; Преосв. Виталий (Гречулевич) в своих проповедях и журн. очерках. Почаев, 1906; Могилёвская епархия: Ист.-стат. описание. Могилёв, 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 247–249, 251, 254, 256, 258; *Антоний (Мельников), архиеп.* Еп. Могилевский и Мстиславский Виталий (Гречулевич): К 90-летию кончины // ЖМП. 1975. № 9. С. 64–66; *Фомин П., прот.* Прот. Василий Гречулевич и его проповеди на укр. языке // Там же. С. 66–67; *Смолич.* История РЦ. Кн. 8. Ч. 2. С. 48, 514.

В. В. Яновская

ВИТА́ЛИЙ (Иосифов Василий Александрович; 1832, с. Терехово Нижнедевицкого у. Воронежской губ.— 15.09.1892, Киев), еп. Калужский и Боровский. Из семьи священника. По окончании Воронежской ДС в 1854 г. определен учителем в Белгородское народное уч-ще. 1 окт. 1856 г. рукоположен во иерея к церкви в с. Сторожевом Коротоякского у. Воронежской губ. В 1859 г. овдовел. В 1859–1860 гг. являлся духовником Воронежской ДС. В 1861–1865 гг. учился в КДА. По окончании курса со степенью магистра 29 июня 1865 г. пострижен в монашество и 15 нояб. определен в Киевскую ДС профессором Свящ. Писания, затем словесности и лат. языка. С 13 нояб. 1869 г. инспектор ДС. 11 апр. 1871 г. возведен в сан архимандрита. В отчете о синодальной ревизии Киевской ДС был отмечен «как человек выдающихся дарований, умный, деятельный, энергичный, с педагогическим тактом и отличными административными способностями». 31 дек. 1875 г. назначен ректором ДС. Превратил семинарию в образцовую, заслужил любовь воспитанников.

Виталий (Иосифов), еп. Калужский. Гравюра. Нач. 90-х гг. XIX в.

29 янв. 1883 г. В. был назначен, 20 февр. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии; определен управляющим *Златоверхим киевским во имя арх. Михаила мон-рем*, к-рый при В. был обустроен. 11 мая 1885 г. переведен на Тамбовскую и Шацкую кафедру, энергично боролся с распространением в епархии *старообрядчества*. 3 июня 1890 г. перемещен в Калугу. По представлению В. 29 мая 1892 г. указом Синода Боголюбивая в честь Казанской иконы Божией Матери жен. община (в сельце Петропавловском Мосальского у. Калужской губ.) была преобразована в мон-рь. В кон. июня 1892 г. В. испросил отпуск для лечения, поехал в Киев, где скончался, погребен в киевском во имя Св. Троицы мон-ре. В. был награжден орденом св. Анны 1-й степени, являлся почетным членом Церковно-археологического об-ва и председателем комитета для сбора доброхотных даяний в пользу нуждавшихся православных.

Соч.: Слово пред погребением митр. Киевского Филофея // ТКДА. 1882. № 3. Прил. С. 8–15.

Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 439. № 241 [форм. список]; *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 86.

Лит.: *С. К.* Миссионерство в Тамбовской епархии // ПрибЦВед. 1888. № 26. С. 701–704; Проводы преосв. Виталия по случаю назначения его еп. Калужским и Боровским // Тамбовские ЕВ. 1890. № 14. С. 710–735; Преосв. Виталий, еп. Калужский и Боровский: [Некролог] // ПрибЦВед. 1892. № 38. С. 1330–1331.

Т. А. Богданова

ВИТА́ЛИЙ (Максименко Василий Иванович; 8.08.1873, с. Глафировка Ростовского у. Екатеринославской губ.— 21.03.1960, Нью-Йорк), архиеп. Восточноамериканский и Нью-Джерсийский (Джерсиситский) *Русской православной Церкви за границей* (РПЦЗ). Из семьи диакона, в 7 лет осиротел. Учился в Мариупольском ДУ, затем в Екатеринославской ДС (1893–1895), по окончании к-рой поступил в КДА. В 1896 г. за участие в студенческих волнениях Максименко был исключен из академии без права поступления в др. учебные заведения. Работал учителем в школе с. Прядивка Новомосковского у. Екатеринославской губ. В 1897 г. на основании поручительства ректора КазДА Чебоксарского еп. *Антония (Храповицкого)* распоряжением Святейшего Синода Максименко было разрешено возобновить учебу на 2-м курсе КазДА. В 1899 г. он был удостоен степени канд. богословия за соч. «Учение трех великих святителей о молитве». В том же году пострижен в монашество еп. Антонием, рукоположен во диакона, 12 авг.— во иерея с причислением к братии *Донской иконы Божией Матери московского муж. мон-ря*. В 1900–1902 гг. преподавал в Александровской Ардонской миссионерской семинарии (Владикавказская епархия).

Виталий (Максименко), архиеп. Восточноамериканский (РПЦЗ). Фотография. 50-е гг. XX в.

29 нояб. 1902 г. В. был переведен в распоряжение Волынского еп. Антония (Храповицкого), к-рый направил его в *почаевскую в честь Успения Пресв. Богородицы лавру* с поручением заведования монастырской типографией. 2 дек. В. был возведен в сан архимандрита и введен в духовный собор лавры. В 1903 г. назначен редактором *«Почаевского листка»*, исполнял обязанности редактора офиц. части «Волынских ЕВ». Под рук. В. типография была оборудована новыми печатными станками, что позволило осуществлять регулярный выпуск богослужебных книг, а также школьных учебников, просветительской литры для народа и неск. периодических изданий и превратило Почаевскую лавру в один из крупнейших центров духовного просвещения. По инициативе и под редакцией В. с 1910 г. издавался ж. *«Русский инок»*,

с 1913 г.— газ. «Волынская земля». В. активно участвовал в политической и общественной жизни Волынского края, являлся одним из инициаторов учреждения «Почаевского народного банка», целью к-рого было предоставление крестьянам ссуд на покупку земли и сельскохозяйственных орудий. Во время революционных событий 1905 г. В. путешествовал по Волыни, призывая местное крестьянство не участвовать в беспорядках. С авг. 1906 г. возглавлял Почаевский отдел *Союза русского народа.*

После начала первой мировой войны в связи с приближением военных действий к Почаевской лавре типография была эвакуирована, частично возобновив работу на лаврском подворье в Здолбунове и в Андреевском скиту вблизи Казатина. В 1918 г., во время правления на Украине гетмана П. П. Скоропадского, В. удалось на короткое время наладить работу типографии в Почаеве. В дек. 1918 г. по распоряжению правительства С. В. Петлюры В. как противник автокефалии Украинской Церкви был арестован в Киево-Печерской лавре и вместе с Киевским митр. Антонием (Храповицким), Волынским архиеп. *Евлогием (Георгиевским)* и Чигиринским еп. сщмч. *Никодимом (Кротковым)* подвергнут заключению в базилианском (см. ст. *Василиане*) униатском мон-ре в г. Бучаче (ныне Тернопольская обл.). Весной 1919 г., после захвата Бучача польск. войсками, заключенных перевели в католич. мон-рь в мест. Беляны под Краковом. Летом 1919 г. В. вместе с др. заключенными был освобожден при посредничестве франц. военной миссии и выехал на Волынь, где вновь был арестован польск. войсками по ложному обвинению в руководстве повстанцами, действовавшими против польск. властей, и заточен в каземат в Ивангороде (Демблине). Ожидая расстрела, В., не имевший антиминса, совершил литургию у себя на груди. Был освобожден при помощи франц. военных властей благодаря ходатайству митр. Антония (Храповицкого) и Скоплянского митр. *Варнавы (Росича,* впосл. Сербский Патриарх).

В 1922 г. В. эмигрировал в Сербию, указом Синода Сербской Православной Церкви был назначен директором типографии в *Иргетегском мон-ре.* Подал прошение Сербскому Патриарху *Димитрию (Павловичу)* об открытии новой типографии «для издания Церковных ведомостей и обслуживания прочих нужд русского заграничного Синода». В 1923 г. В. уехал в Чехословакию, служил приходским священником в Прешове. В том же году организовал в Ладомировой (Владимирово) мон-рь из рус. монахов-эмигрантов и при нем монастырское *Иова Почаевского, преподобного, братство,* целью к-рого были издательская деятельность и миссионерство среди униатов-русинов. К весне 1924 г. Архиерейский Синод РПЦЗ выделил средства для приобретения печатной машины и старого рус. шрифта, после чего В. открыл типографию в мест. Вишни-Свидник; первыми изданиями стали богослужебные книги на церковнослав. языке. В 1925 г. начался выпуск «Церковного русского календаря», были предприняты неудачные попытки издания периодического церковного журнала. В 1926 г. типография братства прп. Иова переехала в Ладомирову, братство увеличилось с 3 до 25 чел., в основном это были рус. эмигранты. В 1928 г. В. начал издавать газ. «Православная Карпатская Русь» (с 1935 *«Православная Русь»*), продолжалось издание богослужебных книг.

После кончины митр. *Платона (Рождественского;* † 20 апр. 1934), к-рый с 1924 г. возглавлял объявивший себя автономным *Митрополичий округ в Сев. Америке,* на Архиерейском Синоде РПЦЗ 26 апр. 1934 г. было принято решение направить в США В. с назначением на Детройтскую кафедру для переговоров о возможности присоединения Митрополичьего округа к РПЦЗ. Хиротония В. во епископа Детройтского, к-рую возглавил митр. Антоний (Храповицкий), была совершена 6 мая того же года в Белграде, 4 сент. В. был возведен в сан архиепископа Североамериканского и Канадского. В окт. 1934 г. архиерей прибыл в Нью-Йорк и начал активную деятельность по установлению отношений между Митрополичьим округом и Архиерейским Синодом РПЦЗ. В нояб. 1935 г. на Архиерейском Соборе в г. Сремски-Карловци (Югославия) было принято «Временное положение», признавшее автономию Митрополичьего округа во главе с митр. *Феофилом (Пашковским),* в состав к-рого вошли находившиеся на территории США епархии РПЦЗ, в т. ч. епархия В.

В нач. июля 1941 г. В. в числе членов Русско-Американского комитета обратился к президенту США Ф. Д. Рузвельту с заявлением, в к-ром осуждалось нападение фашистской Германии на СССР, но при этом содержался призыв не оказывать к.-л. помощи «красной диктатуре в лице Сталина». После начала войны по предложению В. в амер. храмах, а затем во всех храмах РПЦЗ стали возноситься молитвенные прошения «о многострадальном русском народе, в тяжких обстоятельствах сущем, и о спасении его» и «о еже избавити люди Своя от горькаго мучительства безбожныя власти, от нашествия иноплеменников и междуусобныя брани». В окт. 1943 г. В. принял участие в собрании епископов, клириков и мирян Митрополичьего округа в Сев. Америке, к-рое приняло решение о поминовении Патриарха *Сергия.* В 1945 г. В. был удостоен права ношения креста на клобуке.

В *нояб.* 1946 г. Собор духовенства и мирян Американской митрополии в г. Кливленде вынес постановление, по к-рому Митрополичий округ ограничивал свои связи как с РПЦ МП, так и с РПЦЗ, сохраняя с ними только молитвенно-евхаристическое общение и признав Патриарха *Алексия I* духовным главой Церкви в Америке. Участвовавшие в работах Собора архиереи РПЦЗ, в т. ч. В., отказались подчиниться этому постановлению и на проходившем 27–28 мая 1947 г. епископском совещании объявили деяния Кливлендского Собора неканоничными. После разрыва общения с митр. Феофилом (Пашковским) РПЦЗ восстановила свою юрисдикцию в Америке и приняла ок. 40 вышедших из состава Митрополичьего округа приходов, руководство к-рыми было поручено В., получившему титул «архиепископ Восточноамериканский и Нью-Джерсийский (Джерсиситский)». Благодаря активной деятельности архиерея по открытию приходов РПЦЗ к весне 1953 г. в Сев. Америке и Канаде насчитывалось ок. 110 приходов и свыше 150 клириков. С 1950 г. В. являлся постоянным членом Архиерейского Синода РПЦЗ.

С именем В. связана история становления и развития *джорданвилльского во имя Св. Троицы муж. мон-ря*

(шт. Нью-Йорк). По приезде в Америку в 1934 г. В. вошел в число братии мон-ря, 15 дек. 1946 г. по приглашению В. в мон-рь из Ладомировы переехало братство прп. Иова Почаевского, возобновившее в Джорданвилле работу типографии. Позднее В. добился переезда в мон-рь насельников обители прп. Иова близ Мюнхена и иноков из др. мест, увеличив тем самым число братии мон-ря до 50 чел. В 1947–1950 гг. стараниями В. было осуществлено строительство Троицкого собора мон-ря. 16 мая 1948 г. при мон-ре открылась джорданвилльская Свято-Троицкая ДС, первым ректором к-рой стал В. С 1948 г. архиерей являлся настоятелем мон-ря. Согласно завещанию, В. погребен в построенном по его инициативе храме в честь равноап. кн. Владимира в г. Джэксон (шт. Нью-Джерси).

Соч.: Реставрация рус. церк. типографии прп. Иова Почаевского // Правосл. рус. календарь на 1934 г. Владимирова, 1933. С. 49–56; Учительные книги ВЗ. Джорд., 1952; Пророческие книги ВЗ. Джорд., 1953; Мотивы моей жизни. Джорд., 1943, 1955[2]; Православное противосектанское руководство. Джорд., 1958; Духовное мое завещание // Правосл. Русь. 1960. № 6. С. 8–9; Из духовного наследия // Правосл. жизнь. 1973. № 8. С. 29–36.

Лит.: *Тальберг Н.* Жизненный путь архиеп. Виталия (Максименко) // Правосл. Русь. 1959. № 3. С. 4–7; *Помазанский М., прот.* Жизнь-подвиг: (К 25-летию архиерейского служения вл. Виталия) // Там же. № 8. С. 5–7; Кончина архиеп. Виталия (Максименко) // Там же. 1960. № 6. С. 1; *Константин (Зайцев), архим.* Авва Виталий // Там же. С. 5–6; *Тальберг Н.* Памяти архиеп. Виталия (Максименко) // Там же. С. 6–8; *Никон (Рклицкий), архиеп.* Архиеп. Виталий: К 100-летию со дня рождения // Правосл. жизнь. 1973. № 8. С. 11–28; *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Архим. Виталий // *Он же.* Биография юности. Гл.: Установление единства. П., 1977. С. 375–378.

В. И. Косик

ВИТА́ЛИЙ (Устинов Ростислав Петрович; род. 18.03.1910, С.-Петербург), митр., бывш. первоиерарх *Русской православной Церкви за границей* (РПЦЗ). Из семьи морского офицера. В 1920 г. был определен в кадетский корпус в Феодосии, в составе к-рого в том же году эмигрировал в Стамбул. В дек. 1920 г. кадетский корпус был перемещен в Королевство сербов, хорватов и словенцев, размещен сначала на хуторе Стрнишче (ныне Кидричево, Словения), затем в г. Бела-Црква. В 1923 г. мальчик вместе с матерью переехал во Францию, где поступил в иезуитский коллеж св. Людовика, кор.

Митр. Виталий (Устинов) (РПЦЗ). Фотография. 2001 г.

Франции, в г. Ле-Ман. По окончании учебы Устинов уехал в Канн, где жила его мать. В 1934 г. был призван во франц. армию, служил в 9-м кирасирском полку в Лионе. По окончании службы работал на англ. предприятии во Франции, учился в *Православном Богословском ин-те прп. Сергия Радонежского в Париже.*

В 1938 г. Устинов поступил в мон-рь прп. Иова Почаевского в Ладомирове (Владимирове) в Чехословакии. В 1939 г. архим. *Серафимом (Ивановым)* был пострижен в рясофор, 15 марта следующего года принял монашеский постриг. 17 июля 1940 г. Мукачевским и Пряшовским еп. *Владимиром (Раичем)* (Сербский Патриархат) В. был рукоположен во диакона, 10 окт. следующего года в Братиславе митр. Берлинский и Германский *Серафим (Ляде)* (РПЦЗ) рукоположил В. во иерея. В. занимался окормлением приходов в соседних с мон-рем селах. В 1944 г. возведен в сан игумена. В июле того же года в связи с наступлением советских войск мон-рь и *Иова Почаевского, преподобного, братство* эвакуировались в Братиславу, в кон. 1944 г.— в Берлин, где клирики братства несли пастырское служение среди вывезенных в Германию граждан СССР. В нач. мая 1945 г. при приближении Красной Армии В. вместе с архим. Нафанаилом (Львовым) переехал в Гамбург. После окончания войны стараниями В. и архим. Нафанаила неск. тыс. советских военнопленных и депортированных в Германию были спасены от принудительного возвращения в СССР. По инициативе В. для них был организован лагерь Фишбек, в к-ром действовали церковь, рус. и укр. школы, гимназия, пастырские курсы, иконописные мастерские и типография, издававшая религ. лит-ру. В 1946 г. за организацию церковной жизни в Фишбеке митр. *Анастасий (Грибановский)* возвел В. в сан архимандрита. В 1947 г. В. был назначен настоятелем лондонской общины и благочинным приходов РПЦЗ в Англии. Благодаря его активной миссионерской работе, в т. ч. среди англичан, были открыты приходы в Манчестере, Престоне и Брадфорде.

В 1951 г. В. определено быть епископом Монтевидеоским, викарием Сан-Паульской епархии РПЦЗ (Бразилия), хиротонию совершили 12 июля того же года Женевский еп. Леонтий (Бартошевич) и Брюссельский и Западноевропейский еп. Нафанаил (Львов) в Успенском храме Лондона. 23 авг. В. прибыл в Бразилию и получил в ведение Троицкий приход в Сан-Паулу. Через нек-рое время В. создал при Троицком храме монашескую общину, к-рая опекала детский приют и типографию, издавала ж. «Православное обозрение». Большое внимание уделялось миссионерской деятельности как среди рус. эмигрантов, так и среди местного населения. Трудами В. и братии Троицкой общины были основаны приходы в г. Гояния и в мест. Педрейра (близ Сан-Паулу).

В 1955 г. В. был назначен викарием Канадской епархии РПЦЗ с кафедрой в Эдмонтоне (пров. Альберта) с поручением управления западноканад. приходами. В том же году в мест. Гранада, в 75 км от Эдмонтона, В. основал Успенский скит для размещения братии и типографии Троицкой общины, переведенных из Сан-Паулу. В 1958 г. возведен в сан архиепископа с присвоением титула Монреальского и Канадского, включен в Архиерейский Синод РПЦЗ. Стараниями В. в Монреале было приобретено здание для кафедрального собора, обустроено архиерейское подворье, в Оттаве основан Покровский храм, в Мансонвилле (пров. Квебек) построен Преображенский муж. скит. По инициативе В. в епархии неоднократно проходили всезарубежные съезды рус. молодежи. С 1976 г. В. являлся одним из заместителей первоиерарха РПЦЗ митр. *Филарета (Вознесенского).*

После кончины митр. Филарета († 21 нояб. 1985) для избрания

нового главы РПЦЗ был созван Архиерейский Собор, открывшийся 20 янв. 1986 г. После 2 туров голосования В. и архиеп. Женевский и Западноевропейский *Антоний (Бартошевич)* получили равное и наибольшее количество голосов, вслед. чего было принято решение избрать митрополита жребием. 22 янв. В. возглавил РПЦЗ, 25–26 янв. в Знаменском синодальном соборе Нью-Йорка состоялся чин настолования и возведения его в сан митрополита Восточноамериканского и Нью-Йоркского. При В. в РПЦЗ были проведены канонизации мн. святых, в т. ч. архиеп. *Иоанна (Максимовича)* (1994).

Значительные изменения в жизни РПЦ, вызванные падением коммунистического режима в СССР, сделали возможным начало диалога между РПЦ и РПЦЗ. Тем не менее В. неоднократно на протяжении 90-х гг. заявлял о своем негативном отношении к РПЦ и считал к.-л. контакты с ней невозможными. При непосредственном участии В. 15 мая 1990 г. Архиерейский Собор РПЦЗ принял «Положение о приходах свободной православной Церкви», объявлявшее о создании в России, на канонической территории РПЦ, епископата и открытии приходов РПЦЗ.

26 окт. 2000 г. Архиерейский Собор РПЦЗ под председательством В. в своем послании приветствовал нек-рые решения *Архиерейского юбилейного Собора РПЦ 13–16 авг. 2000 г.*, в т. ч. канонизацию новомучеников и принятие *«Основ социальной концепции РПЦ»*. По решению Собора при Архиерейском Синоде РПЦЗ была создана комиссия по вопросам единства Русской Церкви, Собор направил письмо Сербскому Патриарху *Павлу (Стойчевичу)* с просьбой о посредничестве в переговорах с МП. 4 дек. 2000 г. В. распространил послание, в к-ром заявил о своем несогласии со мн. решениями Собора. Несмотря на это письмо, 8 февр. 2001 г. Архиерейский Синод РПЦЗ под председательством В. сделал заявление о «внутреннем единстве» всех членов Синода. После обнародования 5 мая 2001 г. «Обращения клириков Западноевропейской епархии РПЦЗ», содержавшего призыв «противостоять новому курсу в нашей Церкви», В. снова изменил позицию. 22 июня 2001 г. он подписал «Окружное послание» с заявлением, что «Основы социальной концепции РПЦ» не могут перечеркнуть «предательскую Декларацию 1927 г.», послание отрицало происходящее в России духовное возрождение и признало ошибочным создание комиссии по вопросам единства Русской Церкви.

Открывшееся 10 июля 2001 г. заседание Архиерейского Синода РПЦЗ оценило «Окружное послание» как ошибочное, после чего В. дал согласие уйти на покой. 13 июля постановлением Синода было определено, что до проведения внеочередного Архиерейского Собора в окт. того же года временное руководство РПЦЗ возлагается на Троицкого и Сиракузского архиеп. *Лавра (Шкурлу)*. 6 окт. Патриарх *Алексий II* и члены Свящ. Синода РПЦ обратились к членам Архиерейского Собора РПЦЗ с «Братским посланием», призвавшим «преодолеть застарелые подозрения и вражды». Собору Зарубежной Церкви было направлено подписанное мн. клириками РПЦЗ «Обращение», выражавшее надежду, что члены Собора не отклонят «Братское послание» и начнут широкий диалог с РПЦ. В преддверии Архиерейского Собора РПЦЗ В. заявил о недопустимости диалога с Московской Патриархией и о нелегитимности Собора. Однако 23 окт., в день открытия Собора, направленная к В. Собором комиссия из 3 архиереев получила его согласие на участие в Соборе. В тот же день В. написал заявление о своем уходе на покой и о согласии на избрание нового первоиерарха РПЦЗ. 24 окт., в день выборов, В. передал избирательной комиссии запечатанный конверт со своим бюллетенем и изъявил желание присутствовать при определении результатов голосования. Однако ближайшее окружение В. препятствовало ему участвовать в подсчете голосов. В тот же день на заседании Собора личный секретарь митрополита Л. Д. Роснянская была уволена с должности. В. участвовал в вечернем заседании Собора, заняв председательское место, поздравил архиеп. Лавра (Шкурлу) с избранием на пост Первоиерарха РПЦЗ и заявил о передаче ему власти. Планировалось участие В. в настолование новоизбранного митрополита, намеченном на 28 окт.

25 окт. Роснянская вместе с группой ранее отколовшихся от РПЦЗ мирян сделала попытку с помощью полиции заставить В. покинуть здание Синода, заявив, что В. якобы насильственно там удерживается, лишенный пищи и необходимого медицинского ухода. Сначала В. отказался покинуть здание Синода и намеревался присутствовать на вечернем заседании Собора, но Роснянской удалось уговорить иерарха уехать в Канаду. В. был увезен из здания Синода, в ночь на 26 окт. его доставили в Преображенский муж. скит в Мансонвилле. 27 окт. от имени В. было распространено «Чрезвычайное заявление», объявлявшее, что В. снимает подпись «о своем добровольном уходе на покой и передаче... полномочий архиеп. Лавру».

Дальнейшее личное участие В. в событиях, связанных с деятельностью различных церковных структур, считающих его своим первоиерархом (так называемые Русская православная церковь в изгнании, Русская православная церковь за границей под омофором В., Российская истинно-православная Церковь – см. ст. *Русская православная Церковь за границей*), вызывает сомнение и во мн. случаях не имеет документального подтверждения. В наст. время В. пребывает на покое в Преображенском скиту в Мансонвилле.

Соч.: «Тайна Церкви» // Правосл. обозрение. 1954. № 23. С. 37–39; Экуменизм: [Докл., прочитанный Архиерейскому Собору в 1967 г.]. Монреаль, 1982; Prayer // Orthodox Conf. (6th, 1984). Toronto, 1984; Слово на погребение Первоиерарха // Правосл. обозрение. 1986. № 61. С. 4–5; Интервью для р/с «Голос Америки» // Правосл. Русь. 1990. № 7. С. 5–7; Об иконографии // Рус. пастырь. Сан-Франциско, 1992. № 2 (13). С. 78–83; Глубины сатанинские // Митр. Виталий: Юбил. сб. [Сидней, 2001]. С. 104–106; «Вонмем»: Духовное состояние рус. народа в России // Там же. С. 109–112; Ответ святых: [Докл. на съезде молодежи в Торонто] // Там же. С. 113–119; Апокалипсис наших дней: [Докл. Архиерейскому Собору в 1983 г.] // Там же. С. 120–125; Юбилейное послание // Там же. С. 135–137; Отрывки из писем // Там же. С. 143–156.

Лит.: *Киприан, архим.* Настолование нового Первоиерарха Рус. Зарубежной Церкви // Правосл. Русь. 1986. № 2. С. 2–3; Краткая биография новоизбранного Первоиерарха // Там же. С. 3–4; 40-летие архиерейского служения митр. Виталия // Рус. пастырь. 1991. № 11. С. 38–43.

В. И. Косик

ВИТА́ЛИЙ I, Патриарх Антиохийский (ок. 314 – ок. 320), преемник Тиранна. Сведений о В. сохранилось мало. В его Патриаршество началось восстановление древней, или апостольской, ц. в старой части

Антиохии. Закончена она была уже при Патриархе Филогонии (319–324). Скорее всего, В. был председателем Анкирского Собора (314), на к-ром присутствовали малоазийские, палестинские и сир. епископы.

Лит.: *Devreese R.* Le patriarcat d'Antioche. P., 1945. P. 115; *Downey Gl.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 336, N 82; *Курбатов Г. Л.* Ранневизант. город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. С. 260–261.

П. И. Жаворонков

ВИТА́ЛИЙ II, Патриарх Антиохийский (375?), один из 4 иерархов в период епископского многовластия, или «антиохийского раскола». Феодорит Кирский пишет, что в начале В. был православным, «мужем прекрасной жизни, воспитанным в апостольских догматах, но впоследствии заразился болезнью аполлинарства» (*Theodoret.* Hist. eccl. V 4). Еще до вступления на Патриарший престол В. ездил в Рим, подал папе *Дамасу* I изложение своей веры, но скрыл свою приверженность к христологии *Аполлинария (младшего)* Лаодикийского и просил о принятии его в общину Патриарха Павлина III (с кон. 360). Но по указанию Рима Павлин стал принимать к себе только анафематствующих учение Аполлинария. В. обвинил Патриарха Павлина в савеллианстве и открыто перешел на сторону Аполлинария, к-рый рукоположил его в Патриарха Антиохии. Вместе с ним престол занимали «новоникеец» Мелетий (с кон. 360), признающий «три ипостаси», «староникеец» Павлин, поддерживаемый Римом и признающий «одну ипостась», и арианин Евзой, принадлежащий к омиям. Мир и единовластие в Антиохийской Церкви были установлены в 380 г., после эдикта имп. Феодосия I Великого (379–395) о правосл. вере. Патриархом стал Мелетий.

Лит.: *Cavallera F.* Le schisme d'Antioche. P., 1905. P. 162–164, 194; *Downey Gl.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 412; *Карташёв.* Соборы. С. 118.

П. И. Жаворонков

ВИТА́НОВЫ [Витановичи; болг. Витановци], династия иконописцев и резчиков; представители художественной школы г. Трявна в Болгарии. Согласно легенде, в кон. XVII–нач. XVIII в. родоначальник Викентий (Витан) Карчов был приведен афонским монахом на Св. Гору, в мон-рь Зограф, для обучения иконописи и искусству резьбы. Иконописцами были его сын Димитр (род. ок. 1730), поселившийся в Трявне и внук Цоню Димитров, трое сыновей к-рого — свящ. Папа Витан Старший, Кою (Константин) и Симеон Цонювы — работали в кон. XVIII–нач. XIX в. Еще 3 поколения В. писали иконы и резали по дереву до

Вмч. Георгий.
Икона. 1814 г.
Мастер Иоанникий Папа Витанов

кон. XIX в.; исследователям известны ок. 50 мастеров из этой династии, среди них живописцы Иоанникий (Йонко) Папа Витанов, Витан Коюв, Феодосий Коюв и резчик Кою Витанов (впосл. архим. Константин).

Произведения В. встречаются на территории всей Болгарии и в Румынии. Наиболее ранние датированные иконы исполнены в 1798 г. Папой Витаном Старшим (Христос Пантократор — Нац. худож. галерея, София) и его братом Симеоном (свт. Николай Мирликийский — там же) для церкви с. Радуил, близ Самокова, что свидетельствует как о широкой известности тревненских мастеров, работавших вдали от родных мест, так и об их творческой активности. Для произведений В. характерны сохранение традиций иконописного письма, простота, спокойствие и цельность композиционных форм и колорита, отсутствие барочного натурализма или приемов академической живописи Зап. Европы.

Иконописцы В. получали преимущественно заказы от приходских церквей богатых ремесленных городов, напр. Габрова, Сливена, Севлиева, Шумена. В основном они писали иконы св. покровителей различных ремесленных объединений (прор. Илия, свт. Спиридон, ап. Андрей, вмч. Пантелеимон и др.) с житийными циклами. Обычно В. работали вместе, одной артелью, исполняя как иконостасы, так и их резное убранство. Если в первое время существования тревненской школы (кон. XVII — нач. XVIII в.) художников часто приглашали для росписи храмов, то позже они практически перестали получать подобные заказы, за исключением Феодосия Коюва, к-рый в составе артели участвовал в росписи храма Раковицкого мон-ря, церкви в Видине (до 1825) и врачанской ц. Вознесения.

Икона Божией Матери «Троеручица».
Кон. XVIII — нач. XIX в.
(Художественная галерея. Пловдив)

Лит.: *Мавродинов Н.* Изкуството на Българското възраждане. София, 1955. С. 49–60; *Василиев А.* За българската живопис през XVIII в.: В Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 487–488; *он же.* Българси възрожденски майстори. София, 1965. С. 23–61; *Друмев Д.* Тревненско резбарско изкуство. София, 1962; *Божков А.* Тревненска живописна школа. София, 1967; *Петров Ц.* Икони от Тревненски зографи. София, 1978; *Паскалева К.* Икони от Сливенски край. София, 1975; Тревненска художествена школа. София, 1985.

И. Гергова

ВИ́ТБЕРГ Александр Лаврентьевич [до перехода в Православие в 1817 — Карл Магнус; Vitberg Carl Magnus] (15.01.1787, С.-Петербург — 12.01.1855, там же), российский живописец и архитектор. Сын ремесленника (лакировальщика),

эмигранта из Швеции. С 1795 г. учился в Горном уч-ще, с 1798 г. в Анненской школе при лютеран. церкви св. Анны в С.-Петербурге; в 1802–1809 гг.— в АХ по классу исторической живописи у худож. Г. И. Угрюмова. За живописные работы 1807, 1808, 1809 гг. удостоен 3 золотых медалей АХ, был назначен помощником Угрюмова для обучения в натурном классе. Помимо живописи В. интересовался архитектурным проектированием, уделяя внимание вопросам технического строительства (в частности, разрабатывал эскизы цепного моста через Неву), но последовательного архитектурного образования он не получил и твердых знаний и навыков в этой области искусства не имел.

Известность В. как архитектору принес его проект *Христа Спасителя храма в Москве,* создание к-рого предполагалось, согласно манифесту имп. Александра I, в честь «ознаменования благодарности... к Промыслу Божьему, спасшему Россию от грозившей ей гибели» в период Отечественной войны 1812 г. В конкурсе на проект храма участвовали крупнейшие российские зодчие. Грандиозная идея увлекла В., пытавшегося найти новые формы для национального храма-памятника. На формирование замысла особо повлияло общение с вице-президентом АХ А. Ф. Лабзиным, при содействии к-рого В. вступил в масонскую ложу «Умирающий сфинкс» и кружок «Беседа любителей русского слова», объединявший известных своей приверженностью масонству А. С. Шишкова (президент Российской академии, в 1812–1814 гос. секретарь), поэта Г. Р. *Державина,* архит. Н. А. Львова, П. А. Кикина (член ВЭО, создатель Общества поощрения художеств) и др. Идея сооружения храма активно обсуждалась в этом кругу и была раскрыта в письме Кикина (от 17 дек. 1812) на имя приближенного к императору Шишкова (и, вероятно, т. о. преподнесена Александру I). Окружение В. оказало влияние на содержание проекта, но собственно масонские идеи и масонская символика отсутствовали в его программе.

Летом 1813 г. В. переехал в Москву, чтобы определить возможное место возведения храма. Здесь он занимался графикой и рядовым строительством. По проектам В. были возведены дом поэта И. И. Дмитриева в приходе храма свт. Спиридона Тримифунтского (построен в 1814), дом Дмитриевой на Мещанской ул. (построен в 1820–1824) (оба не сохр.), дом Постникова у Донского мон-ря (построен ок. 1820, перестроен), домовая церковь Александровского сиротского ин-та на ул. Знаменке (построена в 1833). В. разработал также проекты оформления увеселительного зрелища в Москве перед зданием почтамта, посвященного дню рождения императора (1813), парковых сооружений в удельном с. Усове под Москвой (1815), господского дома в усадьбе Пальне под Ельцом (нач. 1820-х), церкви в с. Величёве Смоленской губ., в усадьбе Артемьевых, и придельного храма в виде ротонды для Воскресенского собора Новоиерусалимского мон-ря (1818, разрушен нем. захватчиками в 1941). В 1816 г. выполнил проект иконостаса для церкви в доме кн. А. Н. Голицына на Фонтанке, в С.-Петербурге.

Одновременно В. трудился над проектом храма Христа Спасителя. В исследовательской лит-ре отмечается знакомство В. с др. конкурсными работами, в т. ч. принадлежавшими архит. А. Н. *Воронихину,* одна из к-рых фиксирует своеобразную трактовку 5-главия храма — сочетание большого купола с превращенными в открытые беседки-колокольни малыми куполами. Эта идея Воронихина была использована В. в окончательном проекте.

В. составил неск. вариантов храма. Ранние чертежи показывают центрическое квадратное, затем крестообразное в плане здание или ротонду, увенчанные куполом на барабане или без него. Позднее оформился необычный для классицизма философски-религ. замысел, сближавший творчество В. с зарождающейся архитектурой романтизма. Проект стал воплощением идеи создания храма-памятника, к-рому придавались новые для церковного сооружения функции национального памятника и музея. Как классицист В. ориентировался на собор св. Петра в Риме, желая превзойти его масштаб и создать храм, достойный величия России. По мысли В., такой храм «должен быть достоин народа» и иметь «в характере нечто самобытное, стиль строгой оригинальной архитектуры». Зодчий стремился к тому, «чтобы все наружные формы храма были отпечатком внутренней идеи». Посвящение храма Христу Спасителю позволило представить памятник в общехрист. категориях, т. е. через идею троичности Бога и ее взаимосвязь с тройственной природой человека. Эти положения нашли свое воплощение в структуре сооружения, к-рое В. проектировал 3-частным не только по горизонтали (алтарь, собственно храм и притвор), но и по вертикали, в виде возвышающихся один над другим 3 храмов: подземного — в честь Рождества Христова, наземного — в честь Преображения и верхнего — в честь Воскресения Христова. Храмы должны были иметь особую форму, символически выражавшую каждую из 3 человеческих ипостасей и 3 моментов жизни Христа. Нижний, символизирующий телесное начало человека и земной жизни Христа, имел форму параллелепипеда (как писал В., «форму линии в природе наилучше выражает параллелограмм...»). Над ним В. предполагал возвести храм в форме креста («... форма креста приличествует душе, крест принадлежит душевной части человека и есть как бы средина между смертным телом и бессмертным духом его...»). Сооружение должно было завершаться храмом духовным в виде «чистого круга — следствия креста... как круг не имеет ни начала, ни конца, то он есть лучшая линия для выражения бесконечности» — символа божественного в человеке. В символике форм памятника нашло свое выражение воспоминание о войне 1812 г.: к нижнему храму следовало присовокупить «богатую катакомбу» с прахом воинов, чей подвиг уподоблялся искупительной жертве Христа.

При всем дилетантизме и отсутствии профессиональной школы замысел В. произвел огромное впечатление на склонного к мистицизму имп. Александра I, утвердившего проект ничем не прославленного молодого зодчего. В. просил АХ о присвоении ему за этот труд звания академика архитектуры, в чем было отказано в связи с отсутствием у него архитектурного образования. Однако в 1816 г. В. присвоили звание академика живописи за полотно 1806 г. «Изведение ап. Павла из темницы» (ГТГ).

В качестве места для постройки храма Христа Спасителя рассматривались Кремль, Швивая горка и

район Симонова мон-ря. В. настоял на ведении строительства на Воробьёвых горах, позволяющих видеть будущий памятник в «геометральном виде». Торжественная закладка здания состоялась 12 окт. 1817 г., в 5-летнюю годовщину ухода французов из Москвы, в присутствии императора. В день закладки В. был произведен в коллежские асессоры. Совершенствование проекта он продолжал до 1825 г.

Строительные работы после закладки храма продвигались очень медленно. В 1820 г. «экономический проект» В. был утвержден императором. В 1821 г. начались земляные работы. В 1823 г. стали добывать камень для строения, но крупные его партии так и не смогли доставить в Москву. Кроме того, В. подвели незнание архитектурной практики и деловая неопытность. Чиновники и подрядчики, действуя от имени автора проекта, быстро разворовали средства, отпущенные на сооружение храма. Веривший в кристальную честность В. имп. Александр I умер, после чего зодчего обвинили в растрате и отстранили от руководства, постройку законсервировали. В 1826 г., согласно рескрипту имп. Николая I, был создан «Искусственный комитет», задачей к-рого стало выяснение возможности осуществления проекта В. Вошедшие в состав комитета петербургские архитекторы во главе с инженер-ген. К. И. Опперманом сделали вывод о непригодности грунтов Воробьёвых гор для постройки храма. Строительные работы в 1826 г. были прекращены. В 1827 г. комиссию по строительству храма ликвидировали. При новом императоре мистические и надконфессиональные идеи не нашли покровителя, классицистический проект В. уже не мог быть осуществлен в 30–40-х гг. XIX в., когда укрепилось убеждение, что создание национального храма-памятника может быть осуществлено лишь в национальных формах. В 1830 г. был объявлен новый конкурс на создание проекта храма, результатом к-рого явилось утверждение в 1832 г. проекта К. А. *Тона*.

Судебное разбирательство по делу о растрате средств, выделенных на постройку храма, длилось 8 лет, в 1835 г. имущество В. было конфисковано, архитектор сослан в Вятку. Здесь он создал проект собора во имя св. блгв. вел. кн. Александра Невского (1838) — второе программное сооружение архитектора. Основой проекта стал один из вариантов храма Христа Спасителя — 5-купольная ротонда с 4 башнями-колокольнями. Визант. стиль собора сближал это сооружение с произведениями архитекторов романтизма — М. Д. *Быковского*, Тона, А. П. Брюллова. В. в этот период был убежден в возможности выражения национальной идеи с использованием греч. форм. Собор в Вятке был возведен в 1839–1864 гг. (снесен в 30-х гг. XX в.). Здесь же В. построил неск. несохранившихся впосл. зданий (в городском Александровском саду сохр. чугунная решетка с воротами и 2 беседки).

В 1840 г. В. было разрешено возвратиться в С.-Петербург, где он выполнил неск. проектов надгробий и обелисков, а также проект собора для Тифлиса (1847, не осуществлен). Умер в бедности и полном забвении, похоронен на Волковом кладбище в С.-Петербурге (могила не сохр.). Графическое наследие архитектора почти полностью погибло во время пожара в доме В. в 1854 г.

Соч.: Записки // *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 380–453; Автобиография // РС. 1876. Т. 17. № 9. С. 109–110; № 10. С. 267–296; № 12. С. 759–770.

Ист.: ГНИМА. Ф. Р I. Ед. хр. 144, 146, 147–172, 203–204, 1859, 2111, 5260, 7345–7367, 10922–10927.

Лит.: *Соколов П.* Ист. описание торжества, происходившего при заложении храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. М., 1818; *Петров П. Н.* Сб. мат-лов для истории Имп. АХ. СПб., 1864–1887. Ч. 1–4 (по указ.); Участие акад. А. Л. Витберга в постройке Александро-Невского собора в Вятке. Вятка, 1894; Академик А. Л. Витберг и его письма к А. И. Герцену // РС. 1897. Т. 12 (92). С. 477–495; Историческая выставка архитектуры: Альбом. СПб., 1911 [рис.; чертежи]; *Витберг Ф. А.* Витберг и его проект храма Христа Спасителя на Воробьевых горах // Старые годы. 1912. Февр. С. 3–19; *Грабарь И. Э.* Ранний александровский классицизм и его франц. источники // Там же. 1912. Июль/сент. С. 68–96; *он же.* От екатерининского к александровскому классицизму // История рус. искусства. М., [1912]. Т. 3. С. 449–468; *Снегирев В. В.* Архитектор А. Л. Витберг: Жизнь и творчество. М.; Л., 1939; Художники народов СССР: Биобиблиогр. слов. М., 1972. Т. 2. С. 287–288 [Библиогр.]; *Москалец Е. С., Пешнина Л. В.* А. Л. Витберг в Вятке. Киров, 1975; *Молева Н.* Храм // Наше наследие. 1988. № 3. С. 39–55; *Кириченко Е. И.* Храм Христа Спасителя в Москве. М., 1992; *Тинский А.* Архитектурное наследие А. Л. Витберга в Вятке // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 5: Архитектура. С. 153–159; *Кузнецова (Строганкова) Е. В.* Проект храма Христа Спасителя архит. А. Л. Витберга // Шведы в Москве: Мат-лы рос.-швед. науч. конф. М., 2002. С. 93–114; Памятники архитектуры в дорев. России: Очерки истории архит. реставрации. М., 2002. С. 148.

А. Ф. Крашенинников, Е. Э. Спрингис

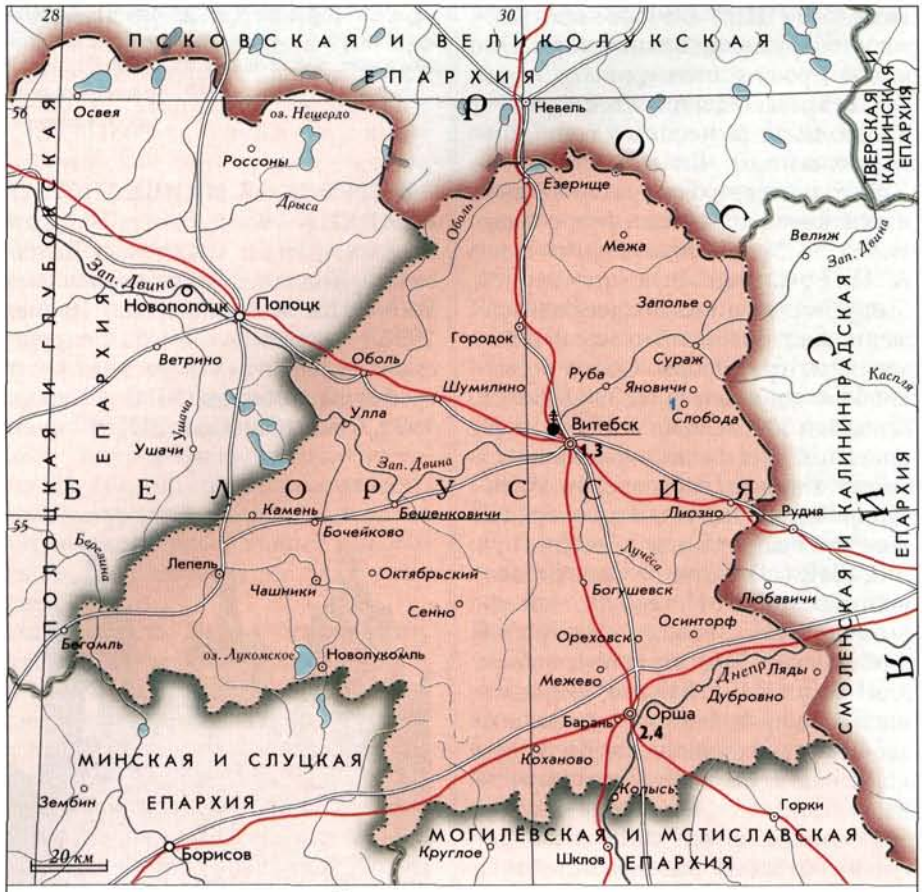
ВИ́ТЕБСКАЯ И ОРША́НСКАЯ ЕПА́РХИЯ Белорусского Экзархата, учреждена в 1942 г. как Витебская и Полоцкая, возобновлена как Витебская и Оршанская 10 мая 1992 г. решением Синода Белорусского Экзархата (утверждено Архиерейским Собором РПЦ 11 июня 1992, Свящ. Синодом РПЦ 17 июля

Кафедральный собор в честь Покрова Божией Матери в Витебске. 1821 г., перестроен в 1862 г. и в нач. 90-х гг. XX в. Фотография. 2004 г.

1992). В. и О. е. объединяет приходы и мон-ри на территории вост. районов Витебской обл. (Витебского, Оршанского, Бешенковичского, Городокского, Дубровенского, Лепельского, Лиозненского, Сенненского, Толочинского, Чашникского, Шумилинского). Епархия разделена на 14 благочинических округов. Кафедральные соборы — Покрова Божией Матери в Витебске, во имя арх. Михаила в Орше. Правящий архиерей — архиеп. *Димитрий (Дроздов;* с 12 авг. 1992). К 2004 г. в епархии действовали 136 приходов, 57 храмов, 4 мон-ря. В клире епархии состояли 132 священнослужителя: 110 священников, 22 диакона.

Православие на витебских землях до учреждения Витебской епархии. *2-я пол. X — 1-я треть XVII в.* Витебск был основан во

Действующие монастыри

1 *Витебский в честь Сошествия Св. Духа жен. мон-рь*
2 *Кутеинский оршанский в честь Богоявления Господня муж. мон-рь*
3 *Марков витебский во имя Св. Троицы муж. мон-рь*
4 *Оршанский в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-рь*

Закрытый монастырь

1 *Тадулинский Успенский жен.мон-рь*

2-й пол. X в. среди поселений кривичей, появившихся здесь в кон. IX в. Первые каменные храмы в городе появились в сер. XII в. (ц. *Благовещения Пресв. Богородицы*).

В 1021 г., в результате войны между киевским кн. *Ярославом (Георгием) Владимировичем* Мудрым и полоцким кн. Брячиславом Изяславичем Ярослав придал Брячиславу к Полоцку также города Усвят и Витебск. Т. о., территория буд. Витебского княжества (известного с 40-х гг. XII в.) вошла в состав Полоцкой земли и в церковном отношении, как и г. Орша, стала подчиняться *Полоцкой епархии*. Витебск являлся 2-м по значению правосл. центром епархии. С кон. 90-х гг. XV в. Полоцкий архиерей титуловался «архиепископом Полоцким и Витебским», после 1514 г.— «архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским» (последний округ в нач. XVI в. перешел к Полоцкой епархии от *Смоленской епархии*) (АЗР. Т. 1. № 209. С. 356–358; АЮЗР. Т. 1. № 94. С. 79 и др.). Полоцкий архиерей в кон. XIII — XVI в. часто выступал как глава православных на территории *Литовского великого княжества* (ВКЛ), правители к-рого гарантировали и неоднократно подтверждали в XIV — сер. XVI в. права и привилегии правосл. жителей Полоцка и Витебска, в т. ч. и то, что великокняжеским наместником в Витебске мог быть только православный.

Литов. правители в XIV–XV вв. «надали» на 5 древнейших витебских церквей (Благовещенскую, Успенскую, арх. Михаила, Св. Духа (см. *Витебский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов жен. мон-рь*), Св. Троицы) пожалования со своих владений и установили в их пользу ряд налогов с тягловых людей. Кроме того, эти храмы имели старинное право на часть рыбы, выловленной в озерах перед большими церковными праздниками (АЗР. Т. 2. № 65. С. 54–55). В посл. четв. XV в. брянский кн. С. И. Можайский пожаловал ц. во имя свт. Николая Чудотворца в Орше бортные земли в своей гомельской вотчине (Там же. Т. 3. № 9. С. 21–22), на Никольскую ц. шло также пожалование кн. И. Ю. Мстиславского — кадь меда и полтина грошей (Там же. Т. 2. № 190. С. 344). Все пожалования впосл. подтверждались литов. вел. князьями и правителями Речи Посполитой.

В 1563–1579 гг. Полоцк был занят войсками царя *Иоанна IV Васильевича Грозного*, Полоцкий архиеп. Варсонофий (Влах), подчинявшийся Киевскому митрополиту, в эти годы находился в Витебске. В 80-х гг. XVI в. в ВКЛ при поддержке правителей Речи Посполитой агрессивно насаждался католицизм, после 1596 г.— уния (см. *Брестская уния*). В 1596 г. Полоцкий архиеп. Григорий (Загоровский) перешел в унию. Правосл. иерархов здесь не было до 1620 г., когда Иерусалимский Патриарх *Феофан IV* хиротонисал во архиепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского *Мелетия (Смотрицкого)*, к-рого униаты не пустили в епархию. После перехода архиеп. Мелетия в унию (1627) новый правосл. епископ на кафедру не был назначен. В 1-й трети XVII в. в Витебске были закрыты все правосл. храмы. В 1618 г. привилей на Полоцкую кафедру получил униат Иосафат *Кунцевич*. В 1621 г. Витебск отказался признать Кунцевича своим епископом. 12 нояб. 1623 г. жители Витебска, возмущенные насилиями, к-рые чинили в городе униаты, убили Кунцевича. Король жестоко наказал город: более 100 жителей были приговорены к казни, Витебск лишился пожалованного ему в 1597 г. магдебургского права (возвращено королем в 1634), была разрушена городская ратуша. В 1-й трети XVII в. в Орше также были закрыты все правосл. храмы. В 1623 г. на земле правосл. шляхтичей Статкевичей был основан *кутеинский оршанский в честь Богоявления муж. мон-рь*, с 1630 г. в мон-ре действовала типография *Спиридона Соболя*. В 1627 и 1637 гг. обитель посещал прп. *Афанасий (Филиппович)*, в 1635 г.— митр. св. *Петр (Могила)*, к-рый освятил монастырский Богоявленский собор.

А. В. Кузьмин

2-я треть XVII — 1-я треть XIX в. Попытка создать на территории Великого княжества Литовско-

Церковь в честь Благовещения Пресв. Богородицы в Витебске. Гравюра. К. Вейермана. XIX в.

го епархию с центром в Витебске была предпринята православными в 30-х гг. XVII в. На заседании сейма 4 июля 1632 г. правосл. послы представили список требований, одно из к-рых заключалось в создании Витебской и Мстиславской кафедры. Требование не было принято. В подготовленном к 30 окт. тексте «пунктов успокоения народа русского греческой религии» отмечалось, что в Великом княжестве Литовском будет создана правосл. епископия Мстиславская, Оршанская и Могилёвская с резиденцией епископа в Могилёве. В этой связи в документе указывалось, что все владения Полоцкого архиеп-ства в полоцкой, витебской и в мстиславской части диоцеза должны принадлежать униатскому архиеп. *Антонию (Селяве)*, правосл. Мстиславскому владыке должны быть переданы все храмы в Орше, Мстиславле и Могилёве, а также церкви Рождества Христова и Вознесения в Полоцке и пустая ц. Св. Духа «в поле» в Витебске. Однако при утверждении «пунктов успокоения» 1 нояб. 1632 г. данный перечень был существенно изменен. Согласно окончательной редакции текста, православным передавались лишь 2 церкви в Мстиславле, 4 в Могилёве, 1 в Орше, 1 в Полоцке. Витебск в этом тексте вообще не упоминается, что, как показали дальнейшие события, было не случайно.

14 марта 1633 г. кор. *Владислав IV Ваза* передал правосл. еп. *Иосифу (Бобриковичу)* «епископию Мстиславскую, Оршанскую и Могилёвскую». В этой грамоте Мстиславскому епископу читается: «Мает теж мети в послушенстве весь народ русский, не в унии с костелом святым Римским будучим... належачий до диецезий архиепископии Полоцкой и епископии Витебской и Мстиславской», поэтому еп. Иосифу разрешалось посещать Полоцк, Витебск и Мстиславль. Аналогичные права в отношении униатов во всех 3 частях диоцеза получил униатский Полоцкий архиеп. Антоний (Селява) (АЗР. Т. 5. № 5. С. 9). Однако в грамоте, данной королем униатам в 1635 г., указывалось, что в Витебске, Полоцке и в Новогрудке не должно быть ни одной неуниатской церкви (АСЗР. Т. 1. № 138. С. 356–357). Поэтому преемнику Иосифа (Бобриковича) архиеп. *Сильвестру (Коссову)* не разрешалось посещать Полоцк и Витебск. Правосл. жители последнего, чтобы участвовать в богослужении, должны были посещать находившийся за городом *Марков витебский во имя Св. Троицы муж. мон-рь* — единственную правосл. обитель на Витебской земле в 1-й четв. XVII в.

Новая попытка создать правосл. Витебскую епархию была предпринята на рубеже 1649–1650 гг. В записи переговоров между приехавшими в Варшаву 2 янв. 1650 г. иерархами *Западнорусской митрополии* и польск. кор. *Яном II Казимиром* отмечено, что среди архиереев был и «нареченный епископ Витепский» (*Грушевський М. С.* Історія України—Русі. К., 1931. Т. 9. Ч. 2. С. 1509). Результаты переговоров нашли отражение в королевском привилее от 12 янв. 1650 г., в к-ром говорилось, что православным отдаются нек-рые епархии (władctwa), в т. ч. Витебско-Мстиславская, ее архиерею должны были быть переданы 3 храма — Рождества Христова в Полоцке, Благовещенский и Св. Духа в Витебске, а также половина имений униат. Полоцкой кафедры. Текст привилея в варшавские градские книги внес *Иосиф (Кононович-Горбацкий)*, «епископ Витепский, Оршанский, Могилёвский». Несмотря на то что в документах лета 1650 г. Иосиф (Кононович-Горбацкий) также фигурирует как «епископ Витебский», неизвестно, были ли ему переданы правосл. храмы в Витебске или нет. В февр. 1652 г. кор. Ян Казимир подтвердил привилей Владислава IV униатам 1635 г., согласно к-рому православные не могли иметь храмов в Полоцке и Витебске.

В 1654–1667 гг. Вост. Белоруссия, в т. ч. Витебск, была занята рус. войсками. Царь Алексей Михайлович объявил о подчинении Могилёвских епископов Московскому Патриарху. В нач. 1656 г. в Могилёв был прислан для управления церковными делами Мефодий Биба — наместник Патриарха Никона «в епископии Мстиславской, Оршанской, Могилёвской, Витебской и Полоцкой», т. е. по существу его власть распространялась на всю территорию Полоцкой епархии. На всю эту территорию распространялась позднее компетенция Патриаршего наместника *Каллиста (Дорофеевича-Риторайского)*, в июне 1657 г. хиротонисанного в Москве во епископа Полоцкого (ранее он был игуменом витебского Маркова мон-ря). В Москве от Патриарха Никона он получил список с Казанской иконы Божией Матери (см. *Витебская Маркова мон-ря икона Божией Матери*). В 1661 г. территория Полоцкой епархии была подчинена Могилёвской кафедре, остававшейся единственной правосл. кафедрой на землях Речи Посполитой.

После возвращения восточнобелорус. земель в состав Речи Посполитой в церковном отношении эти земли составляли в 1675–1772 гг. Могилёвскую и Белорусскую епархию. После вхождения Вост. Белоруссии в состав России архиереи, окормлявшие эти земли,

Марков мон-рь во имя Св. Троицы. Гравюра. XIX в.

имели титул Могилёвские, Оршанские и Мстиславские (1772–1795), Могилёвские и Полоцкие (1795–1797),

Белорусские и Могилёвские (1797–1803), Могилёвские и Витебские (1803–1833), в 1833 г. Белорусская епархия была разделена на Полоцко-Витебскую и Могилёвско-Мстиславскую.

Б. Н. Флоря

Сер. XIX – сер. XX в. После *Полоцкого собора униатского духовенства России* (1839), принявшего решение о воссоединении с Православием, паства правосл. Полоцкой епархии существенно увеличилась. В связи с тем что в Витебске православных было намного больше, чем

Витебск. Вид Николаевского кафедрального собора, архиерейского дома, на заднем плане — Свято-Духовская ц. и женское уч-ще. Фотография. 1876 г.

в Полоцке, Полоцкие архиереи с 1839 г. большую часть времени пребывали в Витебске. Полоцкий еп. *Исидор* (*Никольский;* 1837–1840) поселился в витебском Марковом мон-ре. С 1843 г. кафедральным собором Полоцкой и Витебской епархии считался витебский собор свт. Николая (взорван в 1957), в Витебске находилась духовная консистория. С 1810 г. в городе действовало уездное муж. ДУ. В 1856 г. в Витебск была переведена Полоцкая ДС, размещена в зданиях, прилегающих к Успенскому собору, в 1872 г. семинария стала называться Витебской. В 1864 г. в городе открылось уч-ще для девиц духовного звания. С 1872 г. под рук. ректоров Витебской ДС в Витебске издавались «Полоцкие ЕВ». В 1887 г. в Витебске образовалось епархиальное братство во имя равноап. кн. Владимира, почетным членом братства был прав. *Иоанн Кронштадтский*. В 1893 г. начал работу Витебский церковно-археологический музей, созданный благодаря усилиям витебского этнографа Е. Романова, в музее хранился архив Полоцкой епархии. В 1904 г. в Витебске насчитывалось 35 храмов, в т. ч. Никольский кафедральный и Успенский городской соборы. К 1917 г. в Витебском округе действовало 155 храмов.

В 1918–1920 гг. в Витебске были закрыты ДС, духовные уч-ща и Марков Свято-Троицкий мон-рь. В храмах активно шло *изъятие церковных ценностей:* с марта по май 1922 г. Витебская губ. комиссия помощи голодающим отправила в Гохран в Москву ок. 100 пудов серебра, изделия из драгоценных камней и золота. В апр. 1922 г. был арестован Полоцкий и Витебский архиеп. *Иннокентий (Ястребов)*. Отсутствие архиерея на кафедре, а также арест Патриарха св. *Тихона* (в мае 1922) активизировали деятельность обновленцев (см. *Обновленчество*), и 24 авг. 1922 г. в Витебске состоялся 1-й обновленческий съезд. В сент. того же года обновленческими архиереями в Москве во «епископа Полоцко-Витебского» был «хиротонисан» прот. Константин Запрудский. С этого времени в Витебске жили как архиереи, верные священноначалию РПЦ, так и обновленческие епископы (подробнее см. в ст. *Полоцкая епархия*).

В 1923 г. под предлогом неуплаты налогов в городе были закрыты Успенский собор и Свято-Духовская ц. К нач. 1930 г. в Витебском округе осталось 14 храмов, здания 71 закрытой церкви власти никак не использовали, остальные храмы были приспособлены под клубы, под хранение зерна, для др. нужд колхозов. Крестьяне, чьи приходы были уничтожены, приглашали к себе в праздники священников из Витебска, во мн. районах Витебщины проходил сбор подписей за открытие церквей. В 1934 г. были разрушены Успенский собор в Витебске и Богоявленский собор мон-ря в Орше. В 1931–1932 гг. было арестовано почти все правосл. духовенство Витебска во главе с Полоцким и Витебским архиеп. *Николаем (Покровским;* апр. 1929 – 24 марта 1931). К 1938 г. в Витебске не осталось ни одного действующего храма.

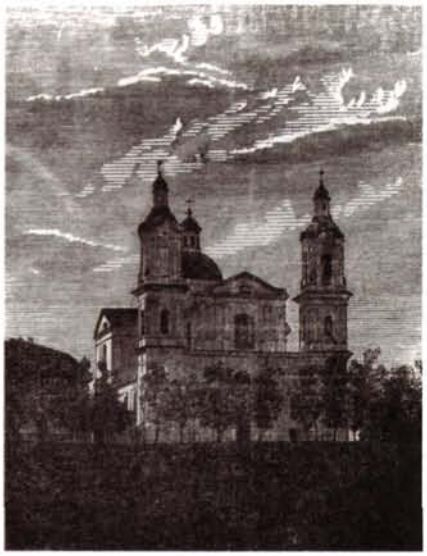
1942–1992 гг. После оккупации Белоруссии нем. войсками началось стихийное восстановление церковной жизни. 3 марта 1942 г. в Минске состоялся Собор белорус. епископов, постановивший среди прочего учредить Витебскую и Полоцкую епархию и назначить ее правящим архиереем *Афанасия (Мартоса)*, к-рому было также поручено управление Новогрудской епархией. Обстоятельства военного времени не позволили организовать деятельность епархиальных учреждений (за исключением открытых в 1941 и просуществовавших предположительно до 1943 курсов для подготовки священно- и церковнослужителей). В годы войны на территории В. е. действовали 30 храмов. Еп. Афанасий, живший в Новогрудке, в В. е. ни разу не был. В июне 1944 г., опасаясь репрессий со стороны советских властей, белорус. епископы, в т. ч. еп. Афанасий, покинули пределы Белоруссии. После 1945 г. территория В. е. являлась частью Минско-Белорусской епархии и управлялась Минскими архиереями, в 1989 г. Витебск вошел в состав возрожденной Полоцкой и Витебской епархии.

Возрождение В. е. Епархия была воссоздана 10 мая 1992 г. решением Синода Белорусского Экзархата (утверждено Архиерейским Собором РПЦ 11 июня 1992, Свящ. Синодом РПЦ 17 июля 1992). Ко времени открытия епархии в ней существовали 18 приходов, 1 мон-рь, располагавшие 9 храмами, в клире епархии со-

Витебск. Общий вид города. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

стояли 12 священнослужителей. В Витебске действовала единствен-

Успенский собор в Витебске. Гравюра. 90-е гг. XIX в.

ная церковь — во имя Казанской иконы Божией Матери на территории закрытого Маркова мон-ря. С нач. 90-х гг. в В. е. идет активное возрождение церковной жизни, воссоздаются и строятся храмы, открываются приходы: в 1992 г. была завершена реставрация Покровского кафедрального собора в Витебске, в 1993 г. построен деревянный храм во имя блгв. кн. Александра Невского. В 1998 г. возрожден Благовещенский храм XII в., его освятил 26 сент. Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*. В 2000 г. началось воссоздание древнего Успенского собора, к-рый должен стать кафедральным храмом епархии; 14 окт. 2002 г., во время празднования 10-летия возрождения В. е., митр. Минский и Слуцкий *Филарет (Вахромеев)* освятил памятный камень у основания нижнего Преображенского храма на Успенской горе. В 1995 г. закончилась реставрация Свято-Троицкого храма в Орше, в 1996 г.— Ильинской ц. в *оршанском в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-ре* (возобновлен в 1997). К нач. 2004 г. в В. е. строился 21 новый храм, реставрировались 24.

При епархиальном управлении действуют отделы: образования и катехизации, по работе с молодежью, социального служения, миссионерский, по работе с Вооруженными Силами и правоохранительными органами, издательский, краеведения и музейной работы.

В сент. 1996 г. в Витебске открылись регентские курсы, в окт. 1998 г. на их базе было создано Витебское ДУ, к-рое располагается в здании епархиального управления (бывш. корпус Витебской ДС). С 1998 г. при уч-ще действует домовая ц. во имя равноапостольных Кирилла и Мефодия, клирики к-рой читают при храме лекции по духовно-нравственному образованию. В окт. 2001 г. открыт филиал Витебского ДУ в Орше. В кон. 2003 г. при ДУ начала работу школа звонарей. В 2003 г. при витебском Покровском соборе открылась детская иконописная школа. В кон. 2003 г. в епархии насчитывалось 42 воскресные школы. Силами клириков и правосл. мирян епархии ведется духовно-просветительская деятельность в Ветеринарной академии, медучилище, техникумах, гимназиях, средних школах, доме-интернате Орши, доме для инвалидов Витебска. С 2002/03 уч. г. на историческом фак-те в Витебском гос. ун-те им. П. М. Машерова осуществляется подготовка по специальности «теология».

Благовещенская и Александро-Невская (деревянная) церкви в Витебске. Фотография. 2001 г.

В. е. издает газеты «Наше Православие» (с 1994), Витебские ЕВ (с 2000), «Православная юность» (с 2001). На областном телевидении о жизни епархии рассказывают телепередачи «К духовным истокам» и «Истоки», на областном и городском радио еженедельно выходят религ. передачи (с 1999). В епархии работают 26 правосл. б-к (публичная епархиальная и приходские). Издательский отдел епархии выпускает брошюры и листовки, противодействующие сектантам. Молодежное братство проводит показ антисектантских и просветительских документальных фильмов.

Начиная с 1992 г. в епархии действуют правосл. братства: во имя св. Димитрия Солунского (1993), занимающееся просветительской и издательской работой, тюремное во имя равноап. кн. Владимира (1998), во имя свт. Алексия, митр. Московского (2000), членами данного братства являются медицинские работники, молодежное братство во имя прав. Иоанна Кронштадтского (2001), братство во имя свт. Луки (Войно-Ясенецкого) (2003), его задачей является оказание социальной и медицинской помощи. С мая 2000 г. диаконический центр В. е. помогает больным, неимущим и многодетным семьям, проводит миссионерскую работу в больницах, детских домах, школах-интернатах, домах престарелых. В епархии действуют 24 сестричества, к-рые окормляют страждущих в больницах и домах престарелых Витебска и Витебской обл. В 2001 г. начал работу летний правосл. оздоровительный лагерь «Дружба» в честь иконы Божией Матери «Воспитание».

Священнослужители В. е. поддерживают активные связи с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. На территории военной части в Витебске располагается домовый храм во имя прор. Илии. Стало традицией служить молебны и благословлять воинов на ратный подвиг во время присяги. В 2004 г. один из священников епархии вместе с воинами участвовал в республиканских воинских учениях «Чистое небо»: в лесу была развернута походная церковь, где служились молебны. Священнослужители В. е. ведут работу в следственных изоляторах и тюрьмах Витебска и Орши.

В 90-х гг. в епархии возродилась традиция крестных ходов. Ежегодно совершается крестный ход по Витебску на праздник Успения Пресв. Богородицы. В авг. 2001 г. состоялся крестный ход с Оршанской иконой Божией Матери из Витебска в Оршу. В ознаменование 1000-летия построения в Белоруссии одного из первых правосл. храмов — Рождества Пресв. Богородицы в с. Друцк 1 сент. 2001 г. состоялся крестный ход с Оршанской иконой

Оршанский мон-рь в честь Успения Пресв. Богородицы. Акварель. XIX в.

из Орши в Друцк. С 31 мая по 5 июня 2002 г. шел крестный ход из Витебска в Полоцк, посвященный 900-летию прп. *Евфросинии* Полоцкой.

25–26 сент. 1998 г. в В. е. находился Патриарх Алексий II. Он посетил ряд храмов Витебска, встретился с подростками из детской трудовой колонии, где освятил храм во имя св. прав. Иоанна Русского, построенный силами воспитанников колонии за 40 дней. 26 сент. Патриарх принял участие в торжественной закладке камня и капсулы с грамотой в основание фундамента Успенского собора и благословил его восстановление.

Святыни. В 1996 г. В. е. были переданы частицы мощей прав. *Иоанна Русского,* вмц. *Варвары,* свт. *Феофана Затворника,* мч. Маманта,

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II закладывает камень и капсулу с грамотой в основание Успенского собора. 26 сентября 1998 г.

сщмч. *Владимира (Богоявленского)* и еще 30 святых, в наст. время мощевик хранится в витебской Успенской ц. В 2001 г. епархии была возвращена чудотворная Оршанская икона Божией Матери, ныне находящаяся в оршанском в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-ре. В Свято-Троицком Марковом мон-ре хранятся мощевики с частицами мощей мн. древних и новопрославленных святых.

Монастыри: кутеинский оршанский в честь Богоявления муж. мон-рь (в Орше Витебской обл., основан в 1623, закрыт после 1917, открыт в 1992), оршанский в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-рь (в Орше Витебской обл., основан в 1630, закрыт после 1917, возрожден в 1997), Марков витебский во имя Св. Троицы муж. мон-рь (в Витебске, муж., основан в XIII–XV вв., закрыт в 1920, возрожден в нояб. 2000), витебский в честь Сошествия Св. Духа на апостолов жен. мон-рь (в Витебске, основан в XIV в., существовал до 1885, возрожден в мае 2001).

На территории В. е. находится Тадулинский в честь Успения Пресв. Богородицы жен. мон-рь (на берегу оз. Вымно, осн. ок. 1743, во 2-й пол. XIX в. преобразован в муж., в 1888 преобразован в жен., закрыт ок. 1920).

Архиереи: еп. Афанасий (Мартос; 8 марта 1942 – июнь 1944), архиеп. Димитрий (Дроздов; с 12 авг. 1992).

А. Ф. Матвеев

Ист.: *Голубев С. Т.* Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники. К., 1898. Т. 2. Прил. С. 4, 7; Vitoldiana: Codex privilegiorum magni ducis Lithuaniae, 1386–1430. Warsz.; Poznań, 1986. № 1, 2. S. 4–7; АЗР. Т. 1. № 204. С. 351–353; Т. 2. № 49. С. 59, 60, № 65. С. 54, 55, № 67, 68. С. 84, 85, № 190. С. 344, № 208. С. 373, № 212. С. 375, 377; Т. 3. № 9. С. 21, 22, № 75. С. 200–202, № 141, 142. С. 283, 284; Т. 5. № 5. С. 9; АЮЗР. Т. 1. № 94. С. 79; АрхЮЗР. Т. 1. Ч. 1. № 20; АСЗР. Вильно, 1867. Т. 1. № 138. С. 356, 357; Уния в документах. Минск, 1997. № 115. С. 341; ПСРЛ. Т. 32. М., 1975; Т. 35. М., 1980 (по указ.).

Лит.: *Тихомиров М. Н.* Древние русские города. М., 1956². С. 366–367; Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. Минск, 1993; История РЦ. Кн. 6. С. 427–430, 490, 496, 531–536; Кн. 7. С. 30, 31. *Пішчулёнак М.* Пра час, калі здымалі званы // Беларуская мінуўшчына. 1997. № 6. С. 17; «А золотые купола кому-то черный глаз слепили»: Интервью с зав. отделом по архивам и делопроизводству Витоблисполкома М. Пищулёнком // Витебский курьер. 1998. 24 дек. С. 3; *Заборовский Л. В.* Католики, православные униаты. М., 1998. Ч. 1. С. 68, 219–220, 249; Віцебская епархія // Беларускі праваслаўны каляндар. Минск, 1999. С. 119–123; *Афанасий (Мартос), архиеп.* Беларусь в исторической гос. и церк. жизни. Минск, 2000; *Яковлева Г. Н.* Из истории правосл. Церкви Витебщины кон. XIX в. // Веснік Віцебскага ДУ. 2000. № 1. С. 27; *Кривонос Ф., свящ.* Очерк истории Витебска 20-х – 30-х гг. XX ст. // Витебские ЕВ. 2001. № 1 (2); *Шэйкін Г. М.* Віцебская праваслаўная епархія // Рэлігія і царква на Беларусі. Мінск, 2001; *Хмяльніцкая Л. У.* Развіццё асветы і народнай адукацыі ў Віцебску // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска. Мінск, 2002. Кн. 1. С. 169; *Кадзянава Г. Н., Трусава А. Р.* Канфесійная палітыка Савецкай улады ў Віцебску // Там же; *Матвеев А. Ф.* Витебская правосл. епархия // Витебские ЕВ. 2002. № 2. С. 10; *он же.* Крестный ход «Витебск–Полоцк» // Там же. 2002. № 2. С. 9; *он же.* Юбилейные торжества // Там же. 2003. № 1. С. 9; Храмы и приходы Витебской епархии. Витебск, 2003.

ВІ́ТЕБСКАЯ МА́РКОВА МОНАСТЫРЯ́ ІКО́НА БО́ЖИЕЙ МА́ТЕРИ (празд. 8 (21) июля), чудотворный образ, один из списков *Казанской иконы Божией Матери;* главная святыня *Маркова витебского во имя Св. Троицы муж. мон-ря* (Белоруссия). По преданию, во время военных действий царя Алексея Михайловича в Белоруссии, после занятия в 1654 г. рус. войсками Полоцка и Витебска, этой иконой Патриарх Никон благословил игум. Маркова мон-ря Каллиста (Дорофеевич-Риторайского), назначенного наместником новой, подчиненной Московской Патриархии Полоцкой епархии, позже (1657) рукоположенного во епископа. По др. версии, В. и. была передана Патриархом Никоном в 1651 г. в дар инокам Маркова мон-ря – единственной в то время в Витебске правосл. обители, не перешедшей в унию. В мон-ре было 2 храма: Троицкий деревянный собор, построенный в 1690 г. на средства Симеона Карла Огинского, мечника Великого княжества Литовского, и каменная Покровская ц., построенная в 1760 (1752?) г. на месте деревянного храма, сооруженного в 1650 г. Во время войны 1812 г. почти все имущество мон-ря было разорено, но В. и. иноки сберегли, спрятав в лесу.

В 1920 г. мон-рь был закрыт, после чего Троицкая ц. сгорела; о судьбе В. и. с этого времени ничего неизвестно. В сохранившемся здании Покровской ц. богослужение было возобновлено в годы второй мировой войны. В память В. и. храм был переосвящен во имя Казанской иконы Божией Матери и на протяжении более полувека, до нач. 90-х гг.

XX в., он оставался единственной действующей правосл. церковью в Витебске.

В издании 1911 г., посвященном мон-рю, помещена фотография В. и., где она представлена на фоне царских врат Покровской ц. мон-ря. Из этого можно заключить, что икона, вероятно, размещалась над царскими вратами, а для поклонения спускалась вниз.

В. и. прославилась мн. чудесами, среди к-рых: прекращение эпидемии в Витебске в сер. XVII в., исцеление в 1867 г. жены витебского губ. В. Н. Верёвкина (отмечено Полоцким архиеп. *Саввой (Тихомировым)*). Праздничная служба, как и Казанской иконы, совершается 8 (21) июля.

В истории Витебска упоминается еще один чудотворный образ Божией Матери, известный как В. и. Икона находилась в XVIII в. в униатской Успенской соборной ц. В 1716 г. с нее были украдены серебряный оклад и драгоценности, вследствие чего к судебному разбирательству привлекались члены евр. кагала города. Др. сведения об этой иконе в наст. время не выявлены.

Лит.: *Сапунов А. П.* Архив Полоцкой духовной консистории. М., 1898, С. 22–23; *Поселянин.* Богоматерь. С. 443; Св.-Троицкий Марков мон-рь в г. Витебске. СПб., 1911. С. 3, 18; Православные мон-ри Беларуси. Минск, 2003. С. 79–80.

Ю. А. Пискун

ВИ́ТЕБСКИЙ В ЧЕСТЬ СОШЕ́СТВИЯ СВЯТО́ГО ДУ́ХА НА АПО́СТОЛОВ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ (Витебской и Оршанской епархии Белорусского Экзархата), в Витебске (Белоруссия). В 1839 г. В. м. присоединился из униатства к правосл. Церкви.

Мон-рь был основан при ц. в честь Сошествия Св. Духа на апостолов, построенной между 1320 и 1346 гг. к северо-западу от Витебска, при впадении Гапеева ручья в Зап. Двину, попечением вел. кнг. Марии Ярославны († 1346), супруги литов. вел. кн. *Ольгерда,* правившего в Витебске с 1320 г. Ктитором храма была также 2-я жена (с 1349) вел. князя — *Иулиания Александровна* († 1392), дочь мч. вел. кн. *Александра Михайловича* Тверского. Поздние источники смешивают имена жен вел. кн. Ольгерда и ошибочно называют основательницей Свято-Духовского храма вел. кнг. Иулианию (ср.: ПСРЛ. Т. 32. С. 67, 194 и др.; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 224). Местная легенда приписывает вел. кнг. Иулиании основание при церкви жен. мон-ря, в к-ром весной 1392 г. она приняла схиму с именем Марфа (*Кулагін.* С. 229). Однако ранние летописные источники свидетельствуют, что по крайней мере последние месяцы жизни кнг. Иулиания провела в Киеве при дворе кн. *Владимира (Василия) Ольгердовича.* В Киеве перед смертью она приняла монашеский постриг с именем Марина и была похоронена в *Киево-Печерской* обители (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 219). По-видимому, первоначально Свято-Духовский храм был деревянным, первое упоминание о каменной церкви относится к 1618 г.

В кон. XIV — нач. XV в., при постройке в Витебске Нижнего замка, ц. Сошествия Св. Духа «в Поле» вошла в черту города и вскоре стала одной из главных городских святынь. В привилеях литов. вел. кн. *Витовта* (между 1396–1399), польск. кор. и литов. вел. кн. *Казимира IV Ягеллончика* (1456 или 1486) на права и вольности боярам и мещанам Витебска, впосл. подтвержденных польск. королями и литов. вел. князьями *Александром Ягеллончиком* (16 июля 1503) и *Сигизмундом I* (23 июля 1511), правители Польско-Литовского гос-ва обязались в витебские правосл. «церкви Божьи не вступатися, в дом Божий Святого Духа, и в дом Божий Благовещания Пречистое, и в иные церкви не вступатися» (Vitoldiana. № 2. S. 6–7; АЗР. Т. 1. № 204. С. 351–352).

С нач. XVI в. клирики Свято-Духовской ц. при поддержке Полоцких и Витебских архиепископов принимали активное участие в отстаивании прав и льгот, пожалованных правосл. храмам и мон-рям города литов. вел. князьями и нередко нарушавшихся местными властями. В частности, витебский воевода Я. Костевич прекратил выдавать полагавшиеся храмам церковную десятину, лишил их рыбных ловель, заставлял исполнять городские повинности. Грамота кор. Сигизмунда I витебскому воеводе 24 июля 1516 г. предписывала не нарушать права и пожалования правосл. храмам, «што еще продкове наши надали» (АЗР. Т. 2. № 65. С. 54).

После заключения *Брестской унии 1596 г.* приход Свято-Духовского храма, как и др. правосл. храмов на территории Великого княжества Литовского, начал терпеть притеснения от католиков и униатов. Согласно инвентарю Полоцкой епархии 10 янв. 1618 г., в Свято-Духовской ц. «в Поле» богослужения не совершались уже в нач. XVII в. В подготовленных к 30 окт. 1632 г. «пунктах успокоения народа русского греческой религии» предполагалось передать храм в ведение униатского Полоцкого и Витебского архиеп. *Антония (Селявы),* но в окончательную редакцию текста, утвержденную 1 нояб. 1632 г., этот пункт не вошел (*Голубев С. Т.* Киевский митр. Петр Могила и его сподвижники. К., 1898. Т. 2. Прил. С. 7). В нарушение прежних привилеев литов. вел. князей и польск. королей *Владислав IV Ваза* своей грамотой 14 марта 1635 г. приказал: «В Витебске... неуниаты не должны иметь никакой церкви». В нач. 1650 г. делегация правосл. духовенства во главе с Киевским митр. *Сильвестром (Коссовым)* на Варшавском сейме просила подтвердить данное кор. *Яном II Казимиром* под Зборовом обещание о предоставлении свободы вероисповедания правосл. населению («не во унии живущим») и передаче православным храмов, в т. ч. «в Витепску Благовещения в Нижнем замку и церковь в поле стоящую Святаго Духа» (*Заборовский.* Ч. 1. С. 68). Однако вместо этого 20 февр. 1652 г. Ян II Казимир подтвердил привилей, данный униатам Владиславом IV 14 марта 1635 г.

В нояб. 1654 г., в ходе русско-польск. войны, Витебск заняли московские войска. Свято-Духовская ц. пострадала во время боев за город, в 1661 г. она была отремонтирована, в ней возобновилось правосл. богослужение. В результате Андрусовского перемирия 1667 г. Витебск был возвращен *Речи Посполитой.* С этого времени в городе начался новый этап национально-религ. гнета, возобновился активный передел земли в пользу католич. Церкви.

18 янв. 1697 г. указом униатского Полоцкого архиеп. Михаила Мартина Белозора земскому судье кн. Ф. Лукомскому было разрешено основать при Свято-Духовской ц. базилианский (см. ст. *Василиане*) жен. мон-рь для сестер, «в унии пребывающих». Насельницам был предоставлен участок земли под строительство и огород. В результате

Церковь в честь Сошествия Св. Духа на апостолов и епархиальное жен. уч-ще в Витебске. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

1-го раздела Речи Посполитой (1772) Витебск вновь вошел в состав Российского гос-ва. В 1792–1793 гг. на средства мещанина П. Бибикова и его сыновей Свято-Духовский храм был перестроен, в левой башне были повешены колокола, под церковью разместилась крипта с погребениями, были устроены 2 ризницы, 7 алтарей. В мон-ре, по-прежнему принадлежавшем униатам, были возведены каменные 2-этажные келейные корпуса, многочисленные хозяйственные постройки. При обители существовал платный пансион для 19 девочек. В нач. XIX в. в мон-ре жили 14 монахинь.

В 1839 г., после *Полоцкого Собора униатского духовенства России*, принявшего решение о воссоединении с правосл. Церковью, В. м. был передан *Полоцкой епархии* РПЦ, в 1844 г. почислен за штат, получал ежегодное пособие из казны. В 1855 г. в В. м. жили 5 монахинь. По инициативе Полоцкого еп. *Саввы (Тихомирова)* в кон. 60-х гг. XIX в. Свято-Духовская ц. была реконструирована: переделаны окна, разобраны 2 передние башни, вместо к-рых построена колокольня.

В 1885 г. В. м. был упразднен, нек-рое время помещения обители занимала жен. тюрьма. В нач. XX в. в монастырских постройках разместилось епархиальное жен. уч-ще, в 1902 г. по проекту архитекторов А. Павловского и П. Виноградова был построен трехэтажный учебный корпус, соединявшийся переходом со Свято-Духовской ц., к-рая стала приходской и была основательно перестроена. В янв. 1918 г. в учебном корпусе бывш. епархиального жен. уч-ща расположился Витебский губисполком. В 1923 г. Свято-Духовская ц. была закрыта, в 1941 г. в ней, по-видимому, возобновились богослужения. При освобождении города от фашистских оккупантов здание храма сильно пострадало, после 1945 г. храм был вновь закрыт, в 1962 г. взорван. Ныне на месте Свято-Духовской ц. находится корпус Витебского облисполкома (ул. Гоголя).

3 мая 2001 г. решением Свящ. Синода Белорусского Экзархата В. м. был возрожден в здании Витебского епархиального духовно-культурного центра (ул. Толстого, 15), богослужения совершаются в домовой ц. во имя равноап. кнг. Ольги. В обители 5 монахинь, настоятельница — мон. Елисавета (Самсонова). В мон-ре почитается икона Собора Киево-Печерских святых с частицами мощей прп. *Дамиана* Киево-Печерского.

Арх.: РГИА. Ф. 824. Оп. 2. № 144 (1829 г.); Ф. 835. Оп. 1. № 758 (1865 г.).

Ист.: АЗР. Т. 1. № 204. С. 351–353; Т. 2. № 65. С. 54–55; Т. 3. № 12. С. 46–49; Vitoldiana. № 2. S. 6–7; Грамота Владислава IV, назначающая униатам мон-ри Зап. России 14 марта 1635 г. // Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1. С. 115; Грамота архиеп. Полоцкого Бяллозора на фундуш Витебского жен. мон-ря при церкви Св. Духа 18 янв. 1697 г. // Там же. № 95. С. 175; Летопись Панцырного и Аверки // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975 (по указ.); *Заборовский Л. В.* Католики, православные, униаты: Пробл. религии в рус.-пол.-укр. отношениях кон. 40-х – 80-х гг. XVII в.: Док-ты. Исслед. М., 1998. Ч. 1. С. 68; Lietuvos Metrika (1387–1546). Kn. Nr. 25 (1387–1546): Užrašymų kn. 25. Vilnius, 1998. № 116. S. 173–175.

Лит.: Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г. СПб., 1865. С. 178–180; *Макарий.* История РЦ. Т. 3. С. 84; *Никифоровский Н. Я.* Странички из недавней старины г. Витебска: Восп. старожила. Минск, 1995²; *Левко О. Н.* Витебск XIV–XVIII вв.: (Стратиграфия, хронология, социал.-ист. топография и технология производств). Минск, 1984. С. 9, 19, 38–39, 82, 88; *Кулагін А. М.* Праваслаўныя храмы на Беларусі: Энцыкл. давед. Мінск, 2001. С. 228–229; *Слюнькова И. Н.* Мон-ри вост. и зап. традиций: Наследие архитектуры Беларуси. М., 2001. С. 405, 452, 469–471, 514; *Чантурыя Ю. [В.]* Гарады і час // Страчаная спадчына. Мінск, 2003. С. 51, 254, 258–259, 262.

А. В. Кузьмин

ВИТИМИ́ОН [Витим, Витимий; греч. Βιτιμίων, Βιτίμιος] (IV–V вв.), прп. (пам. в субботу сырную, пам. греч. 24 дек.). Егип. подвижник, упоминается в сб. *«Apophthegmata Patrum»*, вел аскетическую жизнь в *Скиту*, современник преподобных *Макария Великого, Пимена Великого* и *Ахиллы* Скитского. В ряде визант. календарей его память указана 23 дек. (напр., стишной синаксарь ГИМ. Син. греч. 354, 1295 г.— *Владимир (Филантропов)*. Описание. С. 531), в печатную греч. минею внесена под 24 дек.

Ист.: Достопамятные сказания. С. 37–38, 109, 155; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 2. Σ. 402.

Лит.: *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 2. С. 393; Т. 3. С. 531; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 915; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 82.

ВИ́Т, МОДЕ́СТ И КРИСКЕ́НТИЯ [лат. Vitus, Modestus, Crescentia; греч. Βῖτος, Μόδεστος, Κρησκεντία] († ок. 303), мученики (пам. 16 мая, 15 июня). В. род. на Сицилии, в г. Мазара (совр. Мадзара-дель-Валло), в семье знатного язычника Гиласа. Был научен христ. вере своим воспитателем М. и кормилицей К. В 12 (по др. сведениям, в 7) лет он был схвачен по приказу игемона Валериана, к-рый повелел бить отрока железными палками. При этом рука игемона отсохла. В. исцелил Валериана и был отпущен домой. Гилас всячески стремился *склонить сына к идолопоклонству*, поэтому по божественному указанию В., М. и К. тайно отплыли в Луканию (Юж. Италия) и поселились в месте, называемом Алекторий. Вскоре В. стал известен среди местных жителей многочисленными чудотворениями. В это время сын имп. *Диоклетиана* был одержим бесновании, поэтому за святым были посланы царские слуги, к-рые привели его в Рим. Когда В. изгнал демона, Диоклетиан стал принуждать В. принести жертву языческим богам. Он обещал мученику несметные богатства и половину царства. Получив отказ, император заковал отрока и его воспитателей в тяжелые оковы и заточил в темницу, желая уморить их голодом. Однако в темнице святым явился Иисус Христос с сонмом ангелов и укрепил их перед предстоящим мучением. Стражники, видевшие неизреченный свет и слышавшие ангельское пение, рассказали о чуде императору. Тогда Диоклетиан решил отдать мучеников на растерзание диким зверям. Но даже самый свирепый из львов не тронул их. Затем В. бросили в котел с кипящими оловом, серой и смолой, но он остался невредим. После этого тела мучеников начали строгать железными орудиями. Когда В. воззвал ко Христу, начались землетрясение и буря, обрушились

идольские капища, а ангел перенес мучеников в Луканию, где они предали свой дух Господу. Их тела 3 дня охраняли орлы, а затем останки мучеников были обнаружены знатной христианкой по имени Флорентия после явления ей В. и с честью погребены в месте, называемом Мариан.

Почитание мучеников быстро распространилось в Юж. Италии и на Сицилии. Наиболее раннее известие о них содержится в Иеронимовом Мартирологе (протограф сер. V в.). Ко времени папы Геласия I (492–496) относятся первые сведения о посвящении им храмов. Римский папа Григорий I Великий (590–604) упоминает о существовании мон-рей во имя св. Вита на островах Сицилия и Сардиния (PL. 87. Col. 511). В Риме в VII в. находилась посвященная ему часовня. Более широкое распространение культ В. приобретает со 2-й пол. VIII в., после того как в результате тесного политического сближения между Римом и франками при франк. кор. Пипине III папа Стефан II ок. 755/6 г. подарил мощи В. Фульраду, одному из ближайших сподвижников Пипина, настоятелю парижского аббатства св. Дионисия (Сен-Дени). В 836 г. мощи были перенесены аббатом Варином в мон-рь Корвей в Вестфалии, пользовавшийся особым покровительством франк. имп. Людовика I Благочестивого (814–840). Благодаря этому в Корвей вскоре стали стекаться паломники со всей Саксонии. Еще в Каролингскую эпоху, т. е. в течение IX в., здесь создается Сказание о перенесении мощей В. (Translatio s. Viti), соединяющее, очевидно, более древнее повествование о мощах с историей Корвейского мон-ря. В Германском королевстве, особенно при кор., а затем имп. *Оттоне I* (936–973), почитание В. (наряду с культом святых *Маврикия* и *Лаврентия*) начинает играть одну из ключевых ролей в гос. идеологии. Именно с В. и перенесением его мощей из Сен-Дени в Корвей хронист *Видукинд Корвейский*, автор «Деяния саксов», главного историографического труда эпохи Оттона I, связывает переход политической доминации от франков к саксам и возвышение Германского королевства при правителях саксонского дома. В XIV в. происходит угасание почитания В. в Саксонии, но в более юж. землях оно попрежнему было сильным, особенно в Праге, где с 1355 г. хранилась перенесенная имп. Карлом IV в пражский собор из Павии честная глава мученика. Видимо, во время Тридцатилетней войны, в 1-й пол. XVII в., мощи В. были утрачены. Происхождение предъявляемых ныне в различных местах ок. 150 частиц мощей проследить затруднительно. С молитвой к В. обращались для исцеления нервных заболеваний и при эпилепсии (к-рая именовалась «пляской святого Вита»). Святой считался также покровителем нек-рых профессий (котельщиков, актеров и др.).

Мч. Вит.
До 1365 г. Мастер Теодорик.
Алтарный образ
(Национальная галерея в Праге)

Лат. житие мучеников было составлено на рубеже VI–VII вв., впосл. оно было переведено на греч. язык. Слав. пространное житие В., М. и К., представленное древнерус. списками, в т. ч. домонг. времени, переведено с латыни в Вел. Моравии не позднее 885 г. (мнение М. Пельца) или, согласно наиболее распространенной т. зр., в Чехии в X в. (*Kappel.* S. 73–85). В южнослав. традиции не известны ни полный текст памятника, ни его сокращения. Скорее всего житие было заимствовано древнерус. книжниками через посредство чеш. лит-ры. В последнее время выявлены списки лат. жития В., наиболее близкие этому слав. переводу.

Пространное житие В., М. и К. помещено в *Успенском сборнике* кон. XII — нач. XIII в. (Л. 124–130) под датой 16 мая. Житие в составе древнерус. нестишного Пролога 2-й редакции является сокращением пространного и включено в него, вероятнее всего, в 1-й пол. XIII в. (текст сохр. в списках со 2-й пол. XIV в.— ГИМ. Син. № 246). Самостоятельным сокращением этого первоначального перевода является, по-видимому, краткое житие в составе службы В., содержащееся в отрывке глаголического Святотомашевского бревиария кон. XIV в., опубликованное и исследованное Й. Вайсом (впрочем, Ф. В. Мареш сомневается в том, что кириллический и глаголический тексты восходят к единому старослав. архетипу, и скорее склонен считать их самостоятельными переводами). Сокращение было сделано, очевидно, ок. сер. XIV в. по заказу имп. Карла IV в Эммаусском мон-ре в Праге для бревиария, включавшего службы всем святым, покровителям Чехии (*Турилов.* 1992. С. 411, 414).

В зап. мартирологах и в ряде греч. синаксарей память В., М. и К. отмечается 15 июня. Хотя их память отсутствует в визант. календарях к-польского происхождения (Типикон Великой ц. IX–X в., Синаксарь К-польской ц. X в., Минологий Василия II кон. X — нач. XI в.), однако сохранилось 2 канона на греч. языке, составленных в честь этих мучеников (*Minisci.* P. 305–316; AHG. T. 10. P. 73–85).

Почитание В. у славян и на Руси. Из Саксонии культ В. распространился в Центр. Европе. Начало почитания В. у славян относится к великоморавскому периоду. Видимо, уже в кирилло-мефодиевскую эпоху (посл. четв. IX в.) близ Старе-Места (предполагаемая столица Велеград) была построена ц. во имя Вита (*Hruby.* S. 191–196). В житии св. *Вячеслава*, написанном в сер. XIV в. имп. Карлом IV, с этим храмом связывается Крещение чеш. кн. *Борживоя* и его жены св. *Людмилы* (MMFH. 1967. T. 2. P. 298). По мнению ряда исследователей, распространению культа В. в Вел. Моравии могло способствовать пребывание равноап. *Мефодия* в заточении в мон-ре Элльванген в Швабии (по др. версии, в мон-ре Райхенау), покровителем к-рого почитался этот святой.

Ок. 935 г. кн. Вячеславом была построена ц. св. Вита в Праге, к-рая с учреждением в 972/3 г. Пражской епископии стала кафедральным собором. В легендах о св. Вячеславе 1-й пол. XIII в. содержится рассказ о том, что чеш. князь получил руку В. в дар от герм. кор. Генриха I и в связи с этим Чехия была освобождена

от повинностей в пользу Свящ. Римской империи. Благодаря ключевой роли чешско-польск. отношений в Крещении польск. кн. Ме́шка I (ок. 966) почитание В. проникает из Чехии в Польшу; именно В. посвящена базилика, построенная Ме́шком в Гнезне.

Распространение почитания В. у полабских и поморских славян могло быть связано с созвучием его имени с именем слав. языческого божества Святовита, главный храм к-рого находился на о-ве Рюген. У юж. славян (сербов, словенцев, хорватов) В. почитается как целитель от глазных болезней. В серб. истории день памяти В. («Видов дан») приобрел особое значение в связи с тем, что 15 июня 1389 г. произошла битва на Косовом поле — «гибель царства» (в кон. XIX в. в связи с этим событием дата была внесена в серб. церковный календарь).

На Руси почитание В. распространилось в киевский период. Память В., М. и К. указана в древнейших календарях — месяцесловах Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. (Л. 277) и Архангельского Евангелия (Л. 165) под 15 июня. Если в южнослав. месяцесловах память В., М. и К. встречается только под этим числом, то в древнерус. богослужебных книгах эти даты четко разведены в жанрово-типологическом отношении: 15 июня — в Минеях служебных и месяцесловах, 16 мая — в Прологах и в Четиих Минеях (о возможных причинах выбора этой даты см.: *Турилов*. 2000. С. 22). Служба В., М. и К. с каноном, известная во всей правосл. слав. традиции, отлична от греч., содержащихся в рукописях южноитал. происхождения. Помимо древнерус. служебных Миней XII в. (РНБ. Соф. № 206; ГИМ. Син. № 167) она встречается также в составе серб. рукописей XIII — нач. XIV в. (ГИМ. Хлуд. № 156, «Минея попа Гюрга» — БАН. 4. 5. 10, и др.; болг. списки неизвестны). Возможно, она попала в них через посредство древнерус. рукописей (рукописная традиция и редакционные особенности текста изучены недостаточно). В служебные Минеи, составленные по Иерусалимскому уставу, получившие распространение у юж. славян с 1-й пол. XIV в., а на Руси — с нач. XV в., служба В. не была включена.

Имя В. вошло в перечень наиболее почитаемых святых в составе Молитвы против диавола и Молитвы Св. Троице, проникших на Русь соответственно из Вел. Моравии и Чехии (*Конзал*. С. 109). В древнейших списках (кон. XIV в. или рубежа XIV–XV вв.) Молитвы Св. Троице (БАН. Арх. ком. № 162. Л. 1 об.; Sinait. Slav. 13. Л. 46 об.) упоминание В. предшествует имени св. Вячеслава Чешского (*Шляпкин*. С. 268).

Ист.: BHG, N 1876–1876c; BHL, N 8711–8723; ActaSS. Iun. T. 2. P. 1013–1042; T. 6. P. 137–143; MartHieron. P. 319–320; ЖСв. Июнь. С. 341–361; *Vajs J.* Hlaholsky zlomek nalеženy v augustinianskem klastere v Praze // Časopis českeho muzea. Praha, 1901. T. 75. S. 21–35; *Соболевский А. И.* Мучение св. Вита в древнем церковнослав. переводе // ИОРЯС. 1903. Т. 8. Кн. 2. С. 278–296; Die Sachsengeschichte des Widukind von Korvei / Hrsg. P. Hirsch, H. E. Lohmann. Hannover, 1935. S. 45–48; *Vašica J.* Staroslovańska legenda o sv. Vitu // Slovanske studije. Praha, 1948. S. 159–163; *Minisci T.* Innologia greca per S. Vito Martire // SBN. 1957. T. 9. P. 305–316; *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963. С. 45–46, 236–237, 252; Translatio sancti Viti martyris / Bearb. u. Übers. v. I. Schmale-Ott. Münster, 1979; *Mareš F. W.* An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. Münch., 1979. P. 135–150.

Лит.: *Шляпкин И. А.* Любопытный памятник рус. письменности XV в. / Сообщ. А. С. Архангельского: [Рец.] // ЖМНП. 1884. № 12; *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 2. С. 145, 180; Т. 3. С. 224–225; *Delehaye*. Origines. P. 309; *Königs H.* Der hl. Vitus und seine Verehrung. Münster, 1939; *Oswald J.* Vitus // LTK. Bd. 10. Sp. 825–827; ΘΗΕ. Т. 3. Σ. 915; *Hruby V.* Stare Mesto — velkomoravsky Velehrad. Praha, 1965. S. 191–196; *Ryneš V.* K pocatkum ucty sv. Vita v českich zemich // Slavia. 1966. Rok 35. S. 592–593; *idem*. Ochranci pražskeho kostela a česke zeme // Tisic let pražskeho biskupstvi. Praha, 1973. S. 79–124; *Matejka L.* Dvije cerkevnoslavenske legende o sv. Vidu // Slovo. Zagreb, 1973. №. 23. S. 73–96; *Kappel G.* Die slavische Vituslegende und ihr lateinisches Original // Wiener Slavist. Jb. 1974. Bd. 20. S. 73–85; Staroslovenske legende českeho puvodu: Nejstarsi kapitoly z dejin česko-ruskych kulturalnich vztahů / Ed. A. I. Rogov, E. Blahova, V. Konzal. Praha, 1975. S. 317–323; *Мурьянов М. Ф.* К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова Евангелия // Древнейшие гос-ва на территории СССР, 1982. М., 1984; DHGE. T. 22. Col. 1241–1243; *Blahova E.* Staroslovenske pismenictvi v Cechach 10 st. // Sazava: Pamatnik staroslovenske kultury v Čechach. Praha, 1988. S. 61–62; Bohemia Sancta: Zivotopisy českych svetcu a pratel Bozich. Praha, 1989. S. 72–77; *Amore A.* Vito, Modesto e Crescenzia // BiblSS. Vol. 12. Col. 1244–1246; *Konzal V.* Otazniky kolem cirkevneslovanske Modlitby k sv. Trojici a ceskych vlivu na literaturu Kyjevske Rusi // Palaeoslovenica: Pamatce J. Kurze (1901–1972). Praha, 1991. S. 11, 28; *Турилов А. А.* Московский отрывок Святотомашевского бревиария: (Неизв. список глаголической службы Кириллу и Мефодию) // Philologia Slavica: In honorem Fr. V. Mares septuagenarii. Praha, 1992. С. 411, 414; *он же*. Гипотеза о происхождении майской и августовской памятей Кирилла и Мефодия // Славяноведение. 2000. № 2. С. 22; *Paner A. Św.* Wit: Męczeństwo, kult, legenda. Gdańsk, 1995; *Конзал В.* Старослав. молитва против дьявола. М., 2002. С. 109.

А. В. Назаренко, А. А. Турилов

Гимнография. Совр. богослужебные книги не содержат последования мученикам, но в древних греч. рукописях сохранился канон им 2-го плагального, т. е. 6-го, гласа, с акростихом «Αἴνεσιν ᾄδω τῷ ἀθλοφόρῳ Βίτῳ» (Похвалу пою страстотерпцу Виту), ирмос «Ὡς ἐν ἠπείρῳ πεζεύσας» (Їйкѡ по сѹхѣ пѣшешéствовавъ), нач.: «Ἀστραπιαίως χορεύων ἐν οὐρανοῖς σὺν ἀγγέλοις, ἔνδοξε» (Подобно молнии ликуя на небесах с ангелами, славный) (AHG. T. 10. P. 73–85). Слав. Минея на июнь XII в. (ГИМ. Син. № 167 — *Горский, Невоструев*. Описание. Отд. 3. Ч. 2. С. 68) содержит 2 стихиры и седален В.

ВИ́ТОВТ (в 1-м Крещении Виганд, во 2-м и 3-м — Александр; 50-е гг. XIV в., Ст. Троки? — 27.10. 1430, Троки (ныне Тракай, Литва)), вел. кн. литовский, сын *Кейстута*, правителя Трок, брата и соправителя вел. кн. *Ольгерда*, и Бируты, по преданию похищенной Кейстутом языческой жрицы из Паланги. В 1368 г. вместе с др. литов. князьями В. участвовал в походе Ольгерда на Москву. От отца В. получил в удел часть его владений с центром в Гродно. По свидетельству «Летописца великих князей литовских», с молодости В. связывали дружеские отношения с буд. польск. кор. *Владиславом—Ягайло*, сыном Ольгерда. Когда после смерти отца (1377), согласно его завещанию, Ягайло занял великокняжеский трон, В. выступил посредником между ним и Кейстутом в момент резкого обострения отношений между 2 главными правителями *Литовского великого княжества* (ВКЛ). По свидетельству источника, В. не участвовал в перевороте 1381 г., в результате к-рого Кейстут отстранил племянника и сам занял великокняжеский трон.

Самостоятельная политическая деятельность В. началась после событий лета 1382 г., когда его отец Кейстут был свергнут Ягайло с трона и убит в тюрьме. В., также заключенному в тюрьму, удалось бежать с помощью жены Анны. Он нашел приют во владениях одного из главных противников Литвы — *Тевтонского ордена*. Здесь В. принял Крещение с именем Виганд. Князь дал обязательство, что если орден поможет ему вернуть вотчину — Трокское княжество, то он примет эти владения от ордена в лен. У В. на-

шлись многочисленные сторонники в Литве. Желая избежать междоусобной войны с В., Ягайло стал искать примирения. В 1384 г. между братьями состоялось соглашение. В. получил часть бывш. владений своего отца — Гродно и Подляшье, но должен был принять Православие. Он снова крестился, приняв имя Александр. В 1386 г. В. участвовал в заключении брака Ягайло с принцессой Ядвигой и в церемонии вступления Ягайло на польск. трон с именем Владислав. Во время последовавшего затем Крещения литовцев В. в 3-й раз сменил конфессию, вновь присоединившись к католичеству. Заключение *Кревской унии* означало соединение ВКЛ с Польским королевством. В связи с этим представители правившего в Литве рода Гедиминовичей должны были принести присягу на верность не только Ягайло и Ядвиге, но и «Короне королевства Польского». Вместе с другими такую присягу принес и В.

Зимой 1389/90 г. В. снова разорвал отношения с Ягайло и нашел приют на землях ордена. В. был недоволен тем, что управление ВКЛ Ягайло поручил не ему, а своему родному брату литов. кн. Иоанну—Скиргайло. Получив поддержку ордена, заинтересованного в разжигании смут между литов. князьями, В. неоднократно с войском крестоносцев предпринимал походы на земли ВКЛ. В сент. 1390 г. войска В. подошли к Вильно и взяли штурмом один из его замков. Вскоре В. сумел установить власть на значительной части своих прежних владений. Его внешнеполитическое положение еще более укрепилось, после того как он выдал дочь Софью замуж за московского вел. кн. *Василия I Димитриевича* (1390).

В своем противоборстве с Ягайло В. имел в Литве многочисленных сторонников. После Кревской унии Ягайло при управлении ВКЛ в значительной мере опирался на польск. феодалов. Ряд территорий был передан польск. старостам, а в Вильно был размещен польск. гарнизон, что вызывало недовольство местного боярства. Желая избежать новой войны, Ягайло снова пошел на уступки. По соглашению, заключенному в Острове (авг. 1392), В. получил во владение прежние земли отца, а также Волынь и был назначен правителем ВКЛ, но без великокняжеского титула. В 1401 г. В. был признан пожизненным правителем ВКЛ с великокняжеским титулом, но признавал над собой верховную власть Ягайло как польск. короля и сюзерена Литвы. Ягайло ежегодно зимой посещал ВКЛ, и В. согласовывал с ним все важные политические решения. Т. о., ВКЛ продолжало существовать как отдельное гос-во, хотя и подчиненное власти польск. короля.

Внутренняя и внешняя политика. В своей внутренней политике В. опирался на литов. боярство. С его помощью в 90-х гг. XIV в. князь ликвидировал на территории ВКЛ бóльшую часть полунезависимых и удельных княжеств, где правили представители рода *Гедимина*, не желавшие признавать его власть. Место удельных князей на рус. землях ВКЛ заняли наместники, назначавшиеся В. из числа советников его рады — преимущественно из литов. бояр. Т. о., он значительно укрепил единство гос-ва и усилил свою власть. Теперь доходы от сбора налогов и от княжеского хозяйства стали поступать в великокняжескую казну. В правление В. литов. боярство стало превращаться в серьезную политическую силу. Соглашения Ягайло и В. 1401 и 1413 гг. были скреплены коллективными присягами литов. панов. Польск. шляхта обязалась после смерти Ягайло не избирать нового короля без участия литов. знати. Король должен был также считаться с мнением литов. бояр при назначении нового вел. князя после смерти В. Земельные пожалования В. положили начало формированию крупного землевладения литов. боярства. В круг близких и доверенных советников вел. князя стали входить и католич. епископы, прежде всего епископ Вильно — столицы гос-ва. Заинтересованное в захвате добычи, получении постов и пожалований на новых землях литов. боярство поддержало активную политику В. по отношению к его вост. соседям.

В 1-й период своего правления В., опираясь на поддержку Ягайло, стремился укрепить позиции ВКЛ по отношению к Сев.-Вост. Руси, Вел. Новгороду и Пскову. Позднее, перейдя к политике экспансии на восток, В. настойчиво искал соглашений с орденом, проявляя готовность идти на серьезные уступки, чтобы заручиться его помощью в походах на рус. земли. В 1395 г. В. вероломно захватил Смоленск, где правили родные братья его жены, и посадил здесь своих наместников. В 1398 г. он заключил на о-ве Салин союз с орденом, направленный против Вел. Новгорода и Пскова (Ордену должен был отойти Псков, Литве — Вел. Новгород). В 1399 г. В. предпринял попытку реставрации на ханском троне в Орде нашедшего у него приют хана Тохтамыша. В обмен на помощь хан обязался освободить рус. земли ВКЛ от уплаты ордынского «выхода». Собранное В.

Поход литов. вел. кн. Витовта на Москву и взятие г. Одоева 20 мая 1407 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (БАН. 31.7.30. Л. 702)

большое войско, в состав к-рого вошли отряды крестоносцев и поляков, практически полностью было уничтожено войсками Едигея и Темир-Кутлуга 12 авг. 1399 г. в битве на р. Ворскле. Понесли поражение и отряды татар из орды хана Тохтамыша, участвовавшие в битве на стороне В. Одним из последствий падения престижа В. после поражения стало восстание населения в Смоленске. Сюда при поддержке рязанского вел. кн. Олега Иоанновича вернулся вел. кн. *Георгий (Юрий) Святославич* (1401). Ближайшие неск. лет с напряжением всех сил В. вел борьбу за возвращение Смоленска под литов. власть. Лишь подчинение этого княжества позволило В. вернуться к реализации планов активной вост. политики.

В мае 1404 г. В. заключил новое соглашение с орденом. Оно подтверждало условия Салинского договора

и гарантировало помощь крестоносцев в походах В. на восток. Предпринятые после этого военные действия против Пскова привели к конфликту между В. и его зятем вел. кн. Василием I, объединившим для отпора литов. наступлению все княжества Сев.-Вост. Руси. Трехлетняя война (1406–1408) не принесла успехов ни одной из сторон, и мир, заключенный 14 сент. 1408 г., зафиксировал границы, существовавшие до начала войны.

За помощь В. в его походах на восток крестоносцы требовали дорогую цену — отказ от Жямайтии, литов. области на побережье Балтийского м., разделявшей земли Тевтонского ордена в Пруссии и в Ливонии (Ливонский орден). Завоевание Жямайтии позволило бы владениям ордена объединиться в одно целое. В. обязался не только отказаться от Жямайтии, но и оказать крестоносцам помощь в борьбе с жямайтами. В то время как литов. вел. князю не удалось добиться заметных успехов на востоке, орден успешно укреплялся в Жямайтии. В этих условиях возобладала т. зр. тех кругов в Польше и Литве, к-рые полагали, что первоочередной задачей обоих гос-в является борьба против нем. рыцарей. В 1409 г. началось восстание против крестоносцев в Жямайтии, к-рому В. оказал открытую поддержку. В 1410 г. соединенные силы Польши и ВКЛ в битве при Грюнвальде разгромили войска ордена. Однако польско-литов. армия не сумела взять его сильно укрепленную столицу — Мариенбург. По заключенному в 1411 г. миру Жямайтия была уступлена орденом только на срок жизни Ягайло и В. С этого времени более чем на десятилетие борьба с орденом и его европ. союзниками (главным из них был венг. король и имп. Свящ. Римской империи *Сигизмунд I Люксембург*) стала одной из главных задач внешней политики Ягайло и В.

Одной из главных целей этой борьбы было уронить престиж ордена как борца против еретиков и язычников во мнении католич. Европы и тем лишить орден поддержки со стороны рыцарства. Борьба эта развернулась во время заседаний *Констанцского Собора* католич. Церкви (1414–1418). Представители Польши и Литвы на Соборе доказывали, что орден ничего не сделал для обращения язычников-пруссов, живущих под его властью, а язычников-литовцев обратили в христианство Ягайло и В., и теперь по соседству с крестоносцами нет язычников, с к-рыми они могли бы бороться. Польско-литов. посольство добивалось того, чтобы Собор осудил насилия ордена и вынес решение о возврате Польше и ВКЛ земель, захваченных крестоносцами. Веским доводом в споре с орденом, обвинявшим Ягайло и В. в том, что они опирались в борьбе с орденом на помощь «схизматиков» (православных) и татар, стало проведенное при активном участии В. показательное Крещение жямайтов. Поздней осенью 1415 г. на Собор прибыли послы жямайтов с жалобами на насилия со стороны крестоносцев и с просьбой поручить христианизацию страны польск. прелатам, чего им и удалось добиться. Решения в пользу Польши и ВКЛ в их споре с орденом на Соборе принято не было, но пропагандистская цель в значительной мере была достигнута.

Позднее, стремясь ослабить позиции главного союзника крестоносцев — Сигизмунда Люксембурга, правители Польши и ВКЛ нашли нужным вступить в сношения с его противниками — чеш. *гуситами*. Оба гос-ва не присоединились к крестовому походу против гуситов, заявив, что предпочитают склонять их мирным путем к возвращению в лоно Церкви. Дальше этого Ягайло не пошел, а инициативу в сношениях с гуситами, предлагавшими Ягайло чеш. корону, взял на себя В., к-рый согласился эту корону принять и направил в Чехию наместником своего двоюродного племянника Сигизмунда Корибутовича, прибывшего в Прагу весной 1422 г. Все эти меры способствовали изоляции ордена, к-рый под угрозой войны подписал в 1422 г. мир, по к-рому отказывался от всяких прав на Жямайтию. После этого В. утратил интерес к контактам с гуситами и в нач. 1423 г. отозвал своего наместника из Чехии.

Др. важной частью внешней политики В. в эти годы стало его активное вмешательство во внутренние дела Золотой Орды. В 1411 г. ему удалось посадить на ханский трон скрывавшегося в ВКЛ сына Тохтамыша Джелал ад-дина. Хан вскоре погиб, но в борьбе с Едигеем В. продолжал выдвигать все новых претендентов из числа детей Тохтамыша. Ставленники В. (наиболее известный из них — Улу-Мухаммед, сын Джелал ад-дина) ценили эту поддержку и оказывали В. военную помощь в походах против ордена. Объективно эти действия В. способствовали обострению смут в Орде и ее упадку. Юж. границы ВКЛ достигли сев. побережья Чёрного м., где появился ряд литов. крепостей. На земли ВКЛ стало переселяться, спасаясь от смут, большое количество татар. знати и крымских караимов. Этим людям вел. князь давал земли и брал их себе на службу. Так, в ВКЛ образовался значительный слой «своих татар», к-рых В. использовал, чтобы помогать своим ставленникам.

Во 2-й пол. 20-х гг. XV в. позиции В. в Вост. Европе заметно усилились. Главный партнер и соперник В., препятствовавший распространению литов. влияния на восток, московский вел. кн. Василий Димитриевич, стал нуждаться в помощи тестя, чтобы сохранить права на престол для своего сына и внука В.— в будущем вел. кн. *Василия II Васильевича*. К 1423 г. была достигнута договоренность, закрепленная в завещании Василия Димитриевича об опеке В. над малолетним наследником в случае смерти вел. князя. Опека эта стала необходимой, когда после смерти Василия I его младший брат *Юрий Димитриевич* выступил с притязаниями на великокняжеский трон. Благодаря поддержке В. его дочери, матери нового вел. князя, 11 марта 1428 г. удалось заключить договор, по к-рому кн. Юрий признал себя «молодшим братом» Василия II.

В этих условиях В. мог укреплять свое влияние в Вост. Европе, не сталкиваясь с противодействием Москвы. Прежде всего литов. вел. князь попытался осуществить свои старые планы в отношении Вел. Новгорода и Пскова. В 1426 г. он предпринял поход на Псков, а в 1428 г.— на Новгород. Обе городские республики должны были выплатить В. большие денежные суммы и, по свидетельству западнорус. летописей, согласились принять его наместников. Во время поездки В. в 1427 г. на вост. границы ВКЛ вассалами В. признали себя не только верховские князья, правившие в землях вдоль Оки, но также и правители Рязани и Пронска. Эти князья обязались нести «службу» В. и выступать на его стороне, даже в

Тракайский замок. Фотография. 1990 г.

случае конфликта между ним и его внуком, московским вел. князем. Тогда же был заключен договор с Тверью. Ее правитель Борис Александрович не признал себя вассалом В., но обязался помогать ему против всех, «никого не выимая».

В кон. 20-х гг. XV в. появился план увенчания В. королевской короной. Появление этого плана связано было с ситуацией, сложившейся к этому времени в Польше. Старый Ягайло хотел передать польск. трон своим сыновьям, в то время как паны, считая трон выборным, хотели сами распоряжаться судьбой всего гос-ва, включая «присоединенное» к Польскому королевству ВКЛ. В этих условиях коронация В. и превращение ВКЛ в королевство означало, что оно станет таким же полноправным гос-вом, как и Польша, и польск. паны не смогут распоряжаться его судьбой. Позднее В., не имевший сыновей-наследников, должен был передать королевство сыновьям Ягайло. План встретил сильное сопротивление польск. панов, под давлением к-рых Ягайло взял назад свое согласие на коронацию В., ссылаясь на «присоединение» ВКЛ к Польше. В. не мог отступить от открыто объявленных намерений и назначил свою коронацию на авг. 1430 г. К этому времени послы имп. Сигизмунда Люксембурга должны были доставить ему корону. К назначенному сроку в резиденцию В.— Троки съехались великий магистр Тевтонского ордена, московский вел. кн. Василий II, многочисленные рус. князья — вассалы В., послы мн. государей. Однако польск. паны не пропустили послов к В., и коронация не состоялась. Вскоре после этого В. скончался, передав великокняжеский трон Ягайло, приехавшему к нему незадолго до смерти.

Религиозная политика, проводившаяся В. в тесном согласовании с его верховным сюзереном Ягайло, была направлена на всемерную поддержку деятельности католич. Церкви на землях ВКЛ. Формы такой поддержки были разнообразны. Так, принимались меры для открытия приходских католич. храмов, к-рые наделялись десятинами от господарских дворов, различными угодьями, землями с крестьянами (в отдельных случаях жаловались даже целые волости). Ряд таких храмов был основан на землях совр. Белоруссии (в Волковыске, Гродно, Новогрудке). Поддерживали В. своими пожалованиями и мон-ри — доминиканские, францисканские, августинские. Особенно щедрые пожалования были сделаны бенедиктинскому мон-рю в Ст. Троках, находившемуся под патронатом В., в городе В. заложил мон-рь ордена августинцев. Значительные усилия прилагались для поддержки католич. епископских кафедр. Епископство в Вильно основал и наделил большими владениями Ягайло; В. сделал ему ряд крупных пожалований — 200 гривен ежегодно из доходов виленского замка, волость Уборце, волость Каменец в Киевской земле, земли в Дрогичинском, Брестском и Дубенском поветах, последнее из пожалований — волость Игумен — было сделано незадолго до смерти литов. вел. князя — 26 сент. 1430 г.

Еще большее значение имели великокняжеские пожалования для др. католич. еп-ств, ставшие главным источником их обеспечения. В 1428 г. при переносе кафедры из Владимира-Волынского в Луцк она была наделена землями во Владимирском, Луцком, Брестском и Дрогичинском поветах. Еще более щедрыми были пожалования еп-ству в Каменце-Подольском (1429), получившему крепость и г. Чарноснице, а также земли в Каменецком, Смотричском, Винницком и Браславском поветах. После Крещения жямайтов В. основал еп-ство в Медниках, к-рое наделил сначала доходами из своей казны (1417), а в 1421 г.— обширными земельными владениями.

Курс, направленный на распространение и укрепление католичества в ВКЛ, получил свое отражение и в политике В. по отношению к дворянству и городам. Уже Ягайло после принятия в 1387 г. литовцами католицизма дал литов. католич. боярству ряд прав, к-рые на правосл. восточнослав. боярство не распространялись. Эта политика получила продолжение в Городельском привилее (1413), изданном совместно Ягайло и В. Предоставляя боярам право свободно распоряжаться наследственными владениями и передавать их детям и женам, правители подчеркнули, что этими правами могут пользоваться только католики «et non schismatici vel alii infideles» (не схизматики или др. неверные). Этим же документом литов. боярам предписывалось выдавать дочерей и сестер замуж только за католиков. Привилей устанавливал, что только католики могут занимать должности воевод и каштелянов (в особенности в главных центрах гос-ва — Вильно и Троках). В. стремился привлечь в города ВКЛ иностранных колонистов-католиков — поляков и немцев, представляя им самоуправление на магдебургском праве, к-рым местное правосл. население пользоваться не могло.

В. принимал меры, направленные на ограничение деятельности правосл. Церкви, и стремился к контролю над ее епископатом. Литов. правитель запретил строительство правосл. храмов. Однако со 2-й пол. XV в. этот запрет практически не соблюдался. Подтвердив традиц. право епископов на суд по «духовным делам», он одновременно добивался от митрополита удаления с кафедр неугодных ему иерархов. Так, в 1396 г., подчинив своей власти Смоленск, он добился удаления с кафедры еп. св. *Михаила* и поставления еп. Насона. В 1405 г. митр. *Киприан* лишил кафедры Туровского еп. Антония «по повелению Витовтову».

Одной из целей церковной политики В. было создание на территории ВКЛ самостоятельных католич. и правосл. митрополий. Планы создания католич. митрополии не удалось реализовать из-за сопротивления верховного сюзерена — Ягайло и польск. католич. Церкви. Попытку

переноса резиденции правосл. митрополита на территорию его гос-ва — в Киев В. предпринял после смерти митр. Киприана в 1406 г., отправив на поставление в К-поль Полоцкого архиеп. *Феодосия*. Нового, присланного в 1410 г. из К-поля в Москву митр. св. *Фотия* В. принял, взяв с него обязательство «здесь у нас быти, Церковь строити». В 1411 г. митр. Фотий предпринял поездку в ВКЛ, посетив Киев, Луцк и Галич, но в 1414 г. В. отказался его принять и допустить к управлению западнорус. епархиями, а владения митрополии в ВКЛ «раздаде паном своим». Когда в ответ на обращения В. Патриарх отказался поставить нового митрополита, созванный В. в нояб. 1415 г. Собор епископов возвел на Киевскую кафедру болгарина *Григория Цамблака*. В Вильно рассчитывали, что нового митрополита признает также часть рус. земель за пределами ВКЛ — Тверь, Вел. Новгород и Псков, но этого не произошло. Не удалось добиться и признания нового митрополита К-полем — собравшийся здесь Собор осудил действия Григория и проклял его. (Однако вскоре Григорий, по-видимому, получил прощение Патриарха, поскольку Патриаршие послы на Констанцском Соборе присутствовали за литургией, к-рую совершал Литовский митрополит.) Возможно, все это сыграло свою роль в решении В. после смерти Григория (1419) снова допустить митр. Фотия к управлению правосл. епархиями в ВКЛ. Вопрос об этом был решен на встрече святителя и литов. правителя летом 1420 г., после чего митрополит получил возможность объехать все западнорус. правосл. епархии. В дальнейшем Фотий беспрепятственно управлял митрополией до смерти В.

В политике В. в отношении Русской Церкви важное место занимал вопрос об унии католич. и правосл. Церквей. Власти ордена неоднократно обвиняли правителей Польши и ВКЛ в том, что они пользуются поддержкой «схизматиков» в войне с орденом и ничего не делают для их обращения. Поэтому и Ягайло, и В. были заинтересованы в том, чтобы в переговорах об унии Церквей приняло участие правосл. духовенство их владений. В. убедил митр. Григория Цамблака посетить в нач. 1418 г. Констанцский Собор. 25 февр. митрополит выступил с речью на Соборе, в к-рой он высказался за созыв Вселенского Собора для достижения согласия между Зап. и Вост. Церквами. После возвращения свт. Фотия к управлению митрополией вопрос о соединении Церквей обсуждался, по-видимому, на встрече В. и Фотия в Новогрудке с участием посла имп. *Мануила II Палеолога*. При неясных обстоятельствах В. добился приезда на Констанцский Собор послов из Вел. Новгорода. После этого папа *Иоанн XXII* назначил Ягайло и В. своими викариями в Вел. Новгороде, но никаких практических последствий это назначение не имело. Вернувшись в Литву, митр. Григорий отказался от своего обещания участвовать в унии.

В окружении В. были написаны «Летописец великих князей литовских», освещавший борьбу за литов. великокняжеский трон в 80–90-х гг. XIV в. с позиций, благоприятных для В., и «Похвала Витовту», сохранившаяся в послесловии к «Словам постническим» Исаака Сирина (РНБ, F. I), созданном в 1428 г. для Смоленского еп. *Герасима*. В «Похвале» В. изображен как великий правитель, под властью к-рого находилась «вся Русская земля», и «крепко служаху ему велиции князи, великий князь московский, великий князь тферьской, великий князь рязанский, Великий Новгород, Великий Псков и, спроста рещи, весь Роуськыи язык». В этом памятнике получила наиболее яркое отражение программа вост. экспансии ВКЛ.

Ист.: ПСРЛ. Т. 3, 11–12, 15–16 (все: М., 2000); Т. 8. М., 2001; Т. 32. М., 1978; Т. 35. М., 1980 (по указ.); ДДГ; Акты Литовско-Русского государства. М., 1897–1899. Вып. 1–2 (1390–1529); Akta unii Polski z Litwą, 1385–1791. Kraków, 1932; *Joannis Dlugossii*. Annales, seu Cronicae incliti regni Poloniae. Lib. 10, 11. Varsaviae, 1985; Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae. 1376–1430 // Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia. Kraków, 1882.

Лит.: *Барбашев А.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы 1410 г. СПб., 1885; *он же*. Витовт: Последние 20 лет княжения. 1410–1430. СПб., 1891; *Пресняков А. Е.* Образование Великорус. гос-ва. Пг., 1918; *он же*. Лекции по рус. истории: Зап. Русь и Лит.-Рус. гос-во. М., 1939. Т. 2. Вып. 1; *Halecki O.* Dzieje unii jagiellońskiej. Kraków, 1919. Т. 1; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiełłonów. Warsz., 1930. Т. 1: (1377–1499); *Pfitzner J.* Grossfürst Witold von Litauen als Staatsmann. Brünn, 1930; *Żdan M.* Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda, w. x. Litwy // Ateneum wileńskie. Wilno, 1930. N 3–4; *Paszkiewicz H.* O genezie i wartości Krewa. Warsz., 1938; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969; *Traidos T. M.* Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława Jagiełły (1386–1434). Wrocław etc., 1983. Т. 1; *Wasilewski T.* Daty u rodzin Jagelly i Witolda // Przeglad Wschodni. Warsz.; Münch., 1991. N 1. S. 30; *Прышляк У.* Гістарычная постаць Вітаўта ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі і навукова-папулярнай літаратуры // Гістарычны альманах. Гародня, 2003. Т. 8. С. 167–173.

Б. Н. Флоря

ВИТОШИ́НСКИЙ Емельян (Эмилиан) Михайлович (21.09. 1869, Люблинская губ.— после 1929), церковно-певч. деятель, публицист, этнограф, духовный композитор.

Род. в семье священника. Обучался в Холмском ДУ, Холмской ДС (1885–1891), МДА (1891–1895) и Харьковском ун-те. В 1898–1916 гг. служил преподавателем рус. языка в 3-й Варшавской муж. гимназии (в 1906–1909 преподавал в мужской гимназии в Лодзи). Изучал теорию музыки и композицию в Варшавской консерватории. В 1898 г. В. стал одним из учредителей Русского хорового об-ва в Варшаве, впосл. принимал участие в деятельности этой орг-ции до 1914 г. В 1906–1912 гг. являлся устроителем духовных концертов в Холме, посвященных местной церковно-певч. традиции; в 1912 и 1913 гг.— двух народно-певч. съездов на Холмщине, на к-рых управлял сводным крестьянским хором. Начиная с 1908 г. был участником 5 регентских съездов в Москве и С.-Петербурге, на 5-м (1914) был председателем. Являлся одним из учредителей Общества распространения хорового церковного и светского пения (устав утвержден в 1916).

В 1916 г., эвакуируясь из зоны военных действий, В. переехал в Москву, где в 1917 г. был избран членом *Поместного Собора Православной Российской Церкви* от мирян Холмской епархии. Возглавлял соборный Подотдел о церковном пении, являлся одним из наиболее активных авторов Проекта резолюций по этой теме. С нач. 20-х гг. В. жил в Киеве: до 1924 г. преподавал в трудовой школе; с 1924 г. был безработным и нуждался. В 1925–1929 гг. состоял членом секции духовных композиторов Драмосоюза. О завершении жизненного пути В. сведения не обнаружены.

В. проявил себя активным деятелем церковно-певч. движения, охватившего Россию в предреволюционные годы. Блестящий публицист и оратор, он выступал по насущным проблемам хорового и певч. дела, церковно-певч. искусства: ратовал за широкое развитие муз. образования в стране, включая низшие сословия, хлопотал об открытии певч. уч-щ в наиболее крупных городах, в первую очередь в Киеве. В. стремился придать влиятельный характер регентским съездам и вынести их решения на обсуждение церковных и светских законодательных инстанций. Содействовал объединению хоровых об-в: в 1915 г. в Москве под его председательством было образовано Общество распространения хорового церковного и светского пения, выдвигавшее идеи объединения подобных об-в из 22 центральных губерний. Предполагалось, что об-во будет иметь право открывать регентские уч-ща и курсы, организовывать светские и церковные хоры, типографии, нотопечатни, устраивать концерты, лекции, выпускать печатные издания. В. выступил с инициативой создания биографического словаря рус. композиторов, авторов духовных произведений (не осуществлено).

Разработанный В. проект создания централизованной, построенной по иерархическому принципу системы управления церковно-певч. делом в стране, как и его идеи о распространении муз. образования, организации муз. об-в и т. д., были положены в основу доклада соборного Подотдела о церковном пении Поместному Собору.

Взгляды В. на духовно-муз. творчество менялись на протяжении жизни: в кон. 90-х XIX в.— нач. 1900-х гг. он отстаивал идею свободного, определяемого художественным вдохновением развития церковного пения. В. критиковал членов московского Наблюдательного совета при Синодальном уч-ще церковного пения за приверженность к распевам церковного обихода и «консервативный», ограничивающий волю автора, строгий подход к выбору средств при их обработке. Подобным взглядам соответствуют написанные с большим пафосом свободные духовно-муз. сочинения В., выдержанные в обобщенно-эклектическом стиле, в них ощущается влияние духовной музыки как московской, так и петербургской ветвей т. н. нового направления. Автор тяготеет к трактовке хора как симфонического оркестра, рассчитывая на исполнение его музыки большими, технически продвинутыми муз. коллективами, часто использует крайние регистры хорового диапазона, резкие динамические контрасты и смены темпов. Более цельными и художественно-убедительными выглядят обработки В. укр. распевов (напевов Холмской Руси), в к-рых он показывает тонкое проникновение в стиль и дух местной церковно-певч. традиции, собирателем и знатоком к-рой он являлся.

Немногочисленные духовно-муз. опыты композитора развивали идеи нового направления на юго-зап. церковно-певч. почве. Ко времени Поместного Собора взгляды В. становятся более умеренными: он проявляет себя как приверженец осмогласия и обиходных роспевов в качестве основ церковной музыки, однако сам от духовно-муз. творчества отходит. В. также принадлежат неск. светских муз. сочинений и обработок народных песен, записанных им непосредственно от исполнителей: «Малорусские песни Томашевского уезда Холмской губернии» и «Малорусская свадьба северо-восточной части того же уезда», собранные в 1914 г. и представленные в Отделение этнографии РГО (не обнаружены). После революции В. безуспешно пытался организовать представительство секции духовных композиторов Драмосоюза в Киеве, собрать материалы для сборника, посвященного памяти А. А. *Архангельского*.

Арх.: Личное дело члена Драмосоюза // РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 2. № 129; Письмо к А. В. Касторскому. 2 апр. 1928 г. // ГЦММК. Ф. 184. № 286.

Соч.: Рус. духовные композиторы перед судом цензуры // Моск. вед. 1902. № 79, 80 (в сокр.: РМГ. 1902. № 14. Стб. 432–433; РДМДМ. Т. 3. С. 484–488); Хор г. Калишевского в Киеве // Музыка и пение. 1902. № 1, 2; Критический отзыв о. Лисицына о моих духовно-муз. произведениях // Там же. 1905. № 5; Женщины в церк. хорах // Муз. труженик. 1906/1907. № 18. С. 6–11; Церковные нар. хоры и их благотворное влияние // Нар. образование. 1907. № 4. С. 515–518; Духовенство и церк. музыка / *Е. Вишин [псевдоним]* // ХРД. 1909. № 4. С. 102–105; Народно-церк. напев Холмской Руси // БВ. 1910. № 7/8. С. 482–492 (с нотами); О церковности духовно-муз. сочинений: (По поводу ст. А. В. Никольского) // ХРД. 1910. № 2. С. 25–30 (перизд.: РДМДМ. Т. 3. С. 570–573); Съезды хоровых деятелей // Там же. 1910. № 11. С. 265–270; Открытое письмо к рус. духовным композиторам (по поводу изд-я Словаря рус. духовных композиторов) // Там же. 1911. № 8. С. 174–177; Отчет Исполн. комиссии постановлений V Всерос. съезда хоровых деятелей // Там же. 1915. № 11. С. 193–203; Указатель именной и предметный к труду прот. А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание слав. рукописей Моск. Синодальной б-ки». Варшава, 1915. Wiesbaden, 1964[г]. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; 6); Селянські оповідання про Холмське «возсоєдиненіе» (1866–1875) // За 100 літ: Мат-ли з громадського й літ. життя України XIX – і поч. XX ст. / Под ред. М. Грушевського. К., 1927. Кн. 1. С. 77–82.

Муз. соч.: «Святый Боже» (ор. 1). СПб., 1902; «Сподоби, Господи, в вечер сей» западнорус. напева (ор. 1). М., 1903; Херувимская песнь № 1 (ор. 4). М., 1903; «Блажен муж» (ор. 5). М., 1903; «Богородице, Дево, радуйся». СПб., 1904; «Господи, возвах», гласы 1-й, 2-й (ор. 3). 1903; Пісні побожнії, неваємії по усопшим: Для ужитку люду в Холмщині и Підлясьї / Зібр. і ноти холмскаго уніатскаго напіва на цілый хор положив Е. Вітошинський. [Б. м.], 1906; Последование панихиды (ор. 2, № 1), «Святый Боже» № 2, «Великая ектения». Лпц., 1904; «На реках вавилонских», стиль вост. музыки (ор. 7). Лпц., 1909; Песнопения Богогласника: Холмского нар.-церк. роспева в 4-голосной гармонизации. [Б. м.], 1910; Херувимская песнь № 2. СПб., 1912.

Лит.: *Компанейский Н. И.* Композитор духовной музыки Е. Витошинский перед судом муз. рецензентов // РМГ. 1905. № 6. Стб. 160–165; № 7. Стб. 193–199; *Х. Г. [Гроздов Х. Н.]* Новые книги и муз. издания: «Песни побожныи [...]» // ХРД. 1910. № 11. С. 294–295; [Отзыв на муз. соч. Е. Витошинского] // Там же. 1914. № 3. С. 59; Поместный Собор РПЦ 1917–1918 г. о церк. пении: Сб. протоколов и докладов / Сост. Е. В. Русол. М., 2002; РДМДМ. Т. 3. С. 673–892.

С. Г. Зверева

ВИТРА́Ж [франц. vitrage; лат. vitrum — стекло], вид монументальной живописи, основой к-рого является орнаментальная или сюжетная композиция из стекла (реже слюды) или на стекле, размещенная, как правило, в оконном проеме. В христ. традиции В. широко использовался в средневек. храмах Зап. Европы, прежде всего романских и готических, где он являлся частью художественного ансамбля, важным элементом архитектуры.

Цветные стекла существовали уже в Др. Египте со 2 тыс. до Р. Х., в Др. Риме — с I в. по Р.Х. Судя по описаниям современников и археологическим данным, цветное стекло было использовано в окнах собора Св. Софии К-польской (а также зеркала), рим. ц. Санта-Сабина (ок. 430), известны 3 фрагмента с изображением Иисуса Христа из ц. Сан-Витале в Равенне (ок. 547), в Зап.

Европе — в мон-ре Ярроу в Англии (686). Согласно «Liber pontificalis», окна алтарной апсиды следовало украшать цветным стеклом. В романский период (X–XII вв.) В. исполняли гл. обр. в мозаичной технике, что сближало их композиции с мозаиками пола и монументальными росписями стен, детали прорисовывали темными красками. В сер. XI в. появились первые фигурные и сюжетные В. из фрагментов цветного (красного и синего) стекла, вырезанных по контуру изображений, напр., в соборе Нотр-Дам в Шартре (до перестройки в 1260), базилике аббатства Клюни (XI в., не сохр.). Наиболее сохранившиеся без значительных утрат В. этого периода — группа пророков в хоре собора Аугсбурга (1065, Германия). Рецепты и методы изготовления В. приводились в специальных рукописях, напр. трактате «Diversarum atrium schedula» мон. Феофила («О разных ремеслах», XI в.), к-рого исследователи отождествляют с западноевроп. мастером по обработке металла Рогером из Хельмарсхаузена (см. ст. «Прикладное искусство Византийской империи», а также: Theophilus: De diversis artibus / Ed. and transl. C. R. Dodwell. Oxf., 1986).

В готическую эпоху искусство В. достигло расцвета; были известны 2 основных типа В.: со свинцовой арматурой и из монолитных стекол. Цветное стекло получали путем добавления в расплавленную массу окислов металлов: для синего — кобальта, зеленого — меди или железа, желтого — марганца или железа, красного — сочетания марганца с железом или медью и т. д. Согласно эскизу, отдельные фрагменты вырезали из стекла раскаленным железным острием. При необходимости темными керамическими красками наносили основные детали изображения, после чего расписное стекло подвергали обжигу. Затем красками выделяли освещенные и затененные места и вновь обжигали стекло. Полученные фрагменты скрепляли свинцовыми перемычками, составлявшими сетчатую несущую конструкцию, к-рую помещали в оконную раму. В. из монолитных пластин бесцветного тонированного стекла расписывали керамическими красками различных цветов либо в технике «гризайль» (белой и коричневой или серой и черной красками). В XII–XIII вв. множество соборов

Бегство в Египет. Витраж из капеллы Девы Марии собора в Бове. Франция. 1238–1248 гг. Фрагмент

были украшены В.: во Франции — в аббатстве Сен-Дени, городах Бурж, Ле-Ман, ц. Сент-Шапель в Париже и др.; в XIV–XV вв. в Англии — Кентербери, Йорке, Уэлсе и т. д. В сер. XII –1-й пол. XIII в. в Германии возникли 3 и 5-частные циклы В. с Древом Иессеевым в центре и фланкирующими сюжетами из жизни Христа и чтимых святых, напр. в церквах мч. Патрокла в Зосте (1160–1666), мон-ря в Альпирсбахе (60–70-е гг. XII в.). В XII в. стали изготавливать окна с медальонами, центральное место в них занимали сюжеты из Свящ. Писания, с XIII в. на В. появились изображения архитектуры, напр. колонные аркады. В росписи стекла мастера использовали приемы фресковой живописи. Прорисовка деталей была рассчитана на восприятие издали. Буквы наносили кистью или выскабливали на фоне, отдельные детали (короны, края одежд) инкрустировали цветными стеклами, имитируя драгоценные камни. Источниками для композиций В. служили гравированные рисунки, напр. из «Biblia pauperum» кон. XIII в., «Speculum humanae salvationis» XV в. (Cod. Lat. 512) и др.

Специфические качества В. определили его особую роль в ансамбле готического храма: подчиненность принципу сквозной архитектуры обусловила эффект дематериализации, наивысшего одухотворения образов. Способность цветного стекла не только пропускать, но и преображать свет сближала В. с характерным для средневек. мысли стремлением познать природу Божественного света. Свет как поток, связующий мир земной и горний, соответствовал важнейшим понятиям христианства: «истина», «дух», «любовь», «знание»; насыщение пространства храма многокрасочным освещением создавало особую эмоциональную атмосферу.

В XIII–XIV вв. техника В. в целом не менялась, расширилась цветовая гамма, стали накладывать цветное стекло на бесцветное, что давало бóльшее разнообразие тонов, позволяло увеличить площадь остекления и вставлять В. непосредственно в оконные переплеты. Цветовые нюансы стали тоньше, открытие в XIV в. серебряной краски, дававшей оттенки от светло-желтого до оранжевого, позволило уменьшить количество фрагментов В. Отдельные фигуры и группы изображали на фоне узорчатых ковров, порталов, под готическими крышами и балдахинами. Циклы В. получили распространение в Германии, напр. в соборах Кёльна, Ульма и Нюрнберга. Помимо религ. сюжетов на В., подаренных храмам ремесленными цехами, появились изображения каменщиков, сапожников, др. мастеров за работой (собор в Шартре). В XV в. сказалось подражание В. живописи маслом: орнаментальный фон заменили пейзажи и интерьеры, в свою очередь В. оказал воздействие на искусство книжной иллюминации в период зрелого и позднего средневековья.

В эпоху Возрождения В. утратил связь с архитектурой, перерождаясь в живописную картину: открытие прозрачных эмалей позволило расписывать формы чистого стекла. Для Л. Гиберти, П. Уччелло, Донателло, А. Дюрера, создававших эскизы В., он не более чем живопись на стекле. Несмотря на оживление в XVI в. в связи с изготовлением В. для соборов в Париже, Руане, Бове, Труа (Франция), Гауде (Нидерланды), Брюсселе (Бельгия) и др., к кон. века в искусстве В. настал упадок, в ансамблях барокко и классицизма он не был востребован. С возникновением интереса к готике в Зап. Европе XIX в. были предприняты попытки возродить В., сводившиеся гл. обр. к стилизациям.

Под влиянием искусства Зап. Европы для украшения окон вместо традиц. цветного остекления В. с образами святых стал использоваться на востоке христ. мира: с XII в.—

в нек-рых храмах К-поля (ц. Пантократора), в ц. Богородицы мон-ря Студеница (орнаменты с геральдическими мотивами, сев. фасад главного нефа, XIII в., Сербия). Цветные стекла, в т. ч. с росписью, использовались и в храмах Др. Руси. Их фрагменты обнаружены при раскопках (в основном в вост. части храмов) Десятинной ц. в Киеве, Нижней ц. в Гродно (медные обоймицы с цветными стеклами круглой, прямоугольной, овальной и ромбовидной формы), ц. свт. Иоанна Златоуста в Холме, а также в храмах Галича, Вел. Новгорода, Владимира (9 стекол в Мономаховом городе между Рождественским мон-рем и Дмитриевским собором и др.) и в Суздальском кремле. 85 фрагментов собраны в Успенском соборе Елецкого мон-ря (Чернигов) в слое пожара на месте алтарной преграды (синие, желтые, красные, темно-зеленые; многие с растительной и геометрической росписью). Большая серия фрагментов темно-красного стекла с росписью (растительный орнамент и неск. букв надписи) найдена на городище Ст. Рязань при раскрытии в 2001–2002 гг. к северо-востоку от придела ц. святых Бориса и Глеба (1-я пол. 90-х гг. XII в.). Поскольку в их составе присутствуют следы как западноевроп., так и визант. рецептуры варки стекла, о происхождении восточнохрист. В. ведутся споры. По документам, собранным И. Е. *Забелиным*, а также по западноевроп. гравюрам, отмечалось эпизодическое использование цветных оконных стекол в древнерус. храмах, но в целом стекло как материал для святых изображений не приветствовали, опасаясь хрупкости материала. В XVIII–XIX вв. производство икон на стекле стало популярным во мн. селах румын. Трансильвании (самая древняя из известных датируется 1780 г. и принадлежит мастеру из Брашова по имени Ионица).

Появление В. в правосл. храмах России начиная с XVIII в. было обусловлено переменами в религ. культуре, прежде всего ориентацией рус. зодчих XVIII–XIX вв. на памятники Зап. Европы, когда в куполах стали использовать круглые окна (люминарии), в к-рых часто устанавливали желтые стекла с изображением Всевидящего Ока (ц. Спаса Нерукотворного образа при Главных дворцовых конюшнях, ц. св. Александра Невского при Сенате и др.). Появились и стали распространенным явлением иконы на стекле во мн. правосл. храмах XIX в.

В. получили распространение в России с появлением стиля эклектики, воплотившей в архитектурной практике идеи романтизма, для к-рого символика стекла была притягательна: одновременно оно было знаком входа в неземное царство истины, света и духа, и преграды, защищающей человека от ослепительного Божественного сияния. В. (цветные окна) стали обязательной принадлежностью псевдоготики, одного из проявлений стиля эклектики, напр. декорация ц. св. Александра Невского (К. Г. Шинкель, проект 1829 г., построена 1831–1834, парк Александрия в Петергофе). Утверждение В. произошло после установки в алтарном окне Исаакиевского собора огромной стеклянной иконы с изображением благословляющего Христа по Воскресении (1844, проект худож. Г. М. фон Гесса), послужившей образцом для мн. церквей в столице и провинции. В 1820–1910 гг. были украшены В. более 30 правосл. храмов, существовавшие ранее и новые, в С.-Петербурге, др. городах и мон-рях: Спасо-Преображенский собор в Выборге (1788), ц. Успения во Львове (построена в кон. XVI — нач. XVII в., витражи нач. XX в.), семинарская ц. в резиденции Буковинских митрополитов в Черновцах (1878).

Лит.: Megaw A. H. S. Notes on Recent Work of Byzantine Institut in Instanbul // DOP. 1963. Vol. 17. P. 333–371; *Witzleben E.* Licht und Farbe aus Frankreichs Kathedralen. N. Y., 1968; *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972; *Grodecki L.* Le vitrail roman. Friebourg, 1977; *Cowen P.* Rose Windows. San Francisco, 1979; *Henderson J., Mundell Mango M.* Glass at Medieval Constantinople: Prelim. Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland: Papers from 27th Spring Symp. of Byzant. Studies, Oxf., Apr. 1993 / Ed. C. Mango, G. Dagron. Aldershot; Brookfield, 1995. P. 333–356; *Волобаева Т. В.* Витражи в рус. культуре: С.-Петербург и его памятники: АКД. СПб., 1999; *Лядова А. В.* Витражные стекла из Владимира и Суздаля // Рос. Арх. 2005. № 1 [в печати]; *Dell'Acqua F.* «The Unclassical Nature of Byzantine Church Interiors»: Enhancing Luxury through Glass, from Asia Minor to Italy // DOP. Vol. 59: [Workshop on Byzantine Glass] / Ed. by A.-M. Talbot a. D. Whitehouse [в печати].

Е. Э. Спрингис

ВИ́ТТЕ Сергей Юльевич (17.06.1849, Тифлис — 28.02.1915, Петроград), граф, российский гос. деятель. Из семьи голл. происхождения, с XVI в. состоявшей на рус. службе и в 1856 г. получившей потомственное дворянство. Воспитывался в семье дяди ген. Р. А. Фадеева, военного историка и публициста, благодаря к-рому В. в юности усвоил славянофильский взгляд на рус. государственность. В 1866 г. В. сдал экстерном выпускные экзамены в

С. Ю. Витте. Типолитография. 90-е гг. XIX в. (РГБ)

Кишинёвской гимназии и поступил на физико-математический фак-т Новороссийского ун-та в Одессе, к-рый окончил в 1870 г. Работал в дирекции гос. Одесской железной дороги. Через год в чине коллежского секретаря перешел в канцелярию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. В 1874 г. назначен чиновником сверх штата в Департамент общих дел Министерства путей сообщения (МПС), одновременно проходил службу в разных должностях на Одесской железной дороге. 1 июля 1874 г. получил чин титулярного советника. В 1877 г. уволился из МПС и был назначен помощником управляющего по движению и начальником эксплуатации Одесской железной дороги. С 1880 г. начальник эксплуатации, с 1886 г. управляющий Юго-Западных железных дорог. В 1883 г. В. опубликовал соч. «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов».

В 1881 г., после убийства народовольцами имп. *Александра II Николаевича*, В. направил письмо ген. Фадееву с предложением начать борьбу против «анархистов» и создать с этой целью законспирированную орг-цию. Письмо попало к имп. *Александру III Александровичу*. Весной 1881 г. с согласия власти

была создана «Священная дружина», В. вызвали в С.-Петербург, где он принес присягу верности и был назначен главой «дружинников» в Киевском р-не. Из-за плохой организации и разнородного состава «Священная дружина» через год распалась, В. вышел из нее еще раньше. 10 марта 1889 г. он был назначен директором Департамента железнодорожных дел Мин-ва финансов и получил чин действительного статского советника. Являлся ведущим специалистом при составлении таможенного тарифа 1891 г., сыгравшего значительную роль во внешнеторговой политике России. 15 февр. 1892 г. назначен управляющим МПС, продолжил политику сосредоточения железных дорог в руках гос-ва путем выкупа частных дорог и казенного железнодорожного строительства. 30 авг. 1892 г. назначен управляющим Мин-ва финансов. 1 янв. 1893 г. получил чин тайного советника, был утвержден в должности министра финансов и назначен членом комитета Сибирской железной дороги. Во многом благодаря энергичным действиям В. была успешно завершена «таможенная война» с Германией: 29 янв. 1894 г. между Россией и Германией был подписан договор о торговле и мореплавании.

В период коронационных торжеств *Николая II Александровича* 14 мая 1896 г. В. был пожалован в статс-секретари к Его Императорскому Величеству, 1 янв. 1899 г. получил чин действительного тайного советника. В. ввел в России гос. винную монополию (1894), укрепил финансы, инициировав проведение денежной реформы на основе золотого обращения (1895–1897), стремился к привлечению в Россию иностранных капиталов. 22 янв. 1902 г. В. был назначен председателем «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», выступал за уничтожение сословной обособленности крестьянства и за свободный выход из общины. Правительство не решилось тогда на реформу, 30 марта 1905 г. «Особое совещание» было закрыто. В кон. XIX — нач. XX в. В. много внимания уделял дальневосточной политике, стремился к сближению с Китаем, в нач. 1900-х гг. выступал также за соглашение с Японией (подписано в 1903). 16 авг. 1903 г. отстранен от управления Мин-вом финансов, получив назначение на пост председателя Комитета министров.

В. участвовал в разработке указа 12 дек. 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (Правительственный вестник. 1904. 12 дек.), выступил против включения в закон пункта о привлечении выборных членов в Гос. совет. Инициировал обсуждение 6-го пункта указа (о веротерпимости), для рассмотрения к-рого было организовано Особое совещание Комитета министров и председателей департаментов Гос. совета. Перед совещанием была поставлена задача пересмотреть «узаконения о правах раскольников, а равно и лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям».

В. считал, что недостаточно изменить правовое положение неправосл. исповеданий и конфессий, должно быть улучшено также и положение правосл. Церкви. В. полагал, что, поскольку Церковь не отделена от гос-ва, правительство обязано заботиться о ее судьбе и что будущее России зависит от возрождения живой и деятельной Церкви (В «Воспоминаниях» В. писал: «Не подлежит никакому сомнению, что православная Церковь и ее служители сыграли в создании России, в особенности ее культуры, совершенно выдающуюся и исключительную роль, и до настоящего времени в высших сферах и, в сущности говоря, во всем народе России православная Церковь играет громаднейшую роль. С поколебанием православной Церкви будет колебаться вся жизнь народа, и в этом заключается едва ли не самая опасная сторона будущей исторической жизни России» — Т. 3. С. 467–468.).

В нач. 1905 г. В. с согласия императора пригласил в Особое совещание Комитета министров С.-Петербургского и Ладожского митр. *Антония (Вадковского)* и предложил ему обозначить наиболее актуальные и требующие обсуждения вопросы церковной жизни. Митр. Антоний составил записку «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви» (Правосл. община. 1998. № 1 (43). С. 60–63). В записке обосновывалась необходимость изменения гос. церковной политики, высказывалось желание получить возможность «пересмотра существующего церковного управления и... выработки проекта необходимых в нем преобразований». В связи с этим говорилось о необходимости даровать Церкви автономию от гос-ва, к-рое не должно вмешиваться во внутрицерковные дела, о возможности передачи решения нек-рых вопросов из Синода в епархии, об участии иерархов и священнослужителей в общественных учреждениях, о юридических правах приходов, о праве церковных орг-ций (в т. ч. приходов) владеть собственностью.

Инициатива В. положила начало процессу обсуждения предполагаемых церковных реформ: в февр. 1905 г. он выступил с запиской «О современном положении православной Церкви» (*А. Р.* Историческая переписка о судьбах Правосл. Церкви. М., 1912; то же // Правосл. община. 1998. № 1 (43). С. 64–75). (Считается, что записка была составлена для В. профессорами СПбДА А. С. *Павловым,* Н. С. *Суворовым,* Н. А. *Заозёрским,* А. А. *Папковым* и публицистом Л. Тихомировым; по др. данным, ее авторами являлись В. и сотрудник канцелярии обер-прокурора Синода Ф. Н. Белявский.) В записке утверждалось, что упразднение Патриаршества и устранение принципа соборности из церковной жизни привело к мн. нестроениям. Составители документа подвергли анализу мн. негативные явления церковной жизни: упадок приходской жизни, пастырства и проповеди, отход от Церкви значительной части народа и интеллигенции, кастовую отчужденность духовенства, необходимость для духовенства выполнять несвойственные ему функции контроля, рассмотрели проблемы духовной школы, наметили пути поиска приемлемой формы оплаты для священника. Авторы записки считали необходимым возродить практику регулярных церковных Соборов с широким участием в них мирян (идея соборности прямо связывалась с идеей представительства), вернуться к Патриаршему управлению Церковью. Синодальное управление подвергалось критике за то, что в нем «нет представительства от каждой епархии, нет представительства вообще». В. настаивал на том, что духовенство может участвовать в работе правительственных учреждений на всех уровнях от волостного до Гос. советов и Комитета министров, церковное управление должно быть ог-

раждено от контроля чиновников. Записка была представлена имп. Николаю II, 28 янв. 1905 г. опубликована в газете «Слово» и вызвала широкий резонанс. Мн. положения этой записки поддержал митр. Антоний, считавший, что участие священнослужителей в гос. учреждениях усилит роль Церкви в общественной жизни.

Ответом на записки митр. Антония и В. были «Соображения по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви» обер-прокурора Синода К. П. *Победоносцева,* по мнению к-рого, реформа Петра I была спасительной для Церкви, погрязшей в «мертвенности обрядового формализма», XIX век являлся временем расцвета церковной жизни, в частности духовного просвещения. Похожую т. зр. высказал Московский митр. сщмч. *Владимир (Богоявленский).* 12 марта 1905 г. В. направил императору 2-ю записку («По поводу соображений статс-секретаря К. П. Победоносцева по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви»), в к-рой подверг критике доводы обер-прокурора. В. утверждал, что «Церковь должна руководствоваться в своем управлении... единственно правилами апостолов и вселенских Соборов». Эта полемика имела первостепенное значение в деле подготовки Поместного Собора РПЦ.

Мн. рус. архиереи полагали, как и В., что вопросы преобразования РПЦ должны обсуждаться в гос. структурах. Еп. *Сергий (Страгородский;* впосл. Патриарх Московский и всея Руси), к-рый в это время был викарием митр. Антония, считал, что обсуждение вопроса о церковной реформе должно проходить в Комитете министров, поскольку «в Синоде этот вопрос может долго пылиться за сукном», кроме того, в Синоде определяющей была т. зр. Победоносцева. Несмотря на это, 13 марта 1905 г. Победоносцев добился изъятия вопроса о церковных преобразованиях из ведения Особого совещания и передачи его в Синод. 22 марта на заседании Синода архиереи приняли решение об обращении к Николаю II с просьбой о скорейшем созыве Поместного Собора, к-рая императором была отклонена 31 марта как несвоевременная, требующая большой подготовки. По мнению В., разговоры о Соборе представляли собой одну «из мер для отвода глаз» от насущных проблем Церкви (Воспоминания. Т. 3. С. 467).

Итогом работы Особого совещания Комитета министров и председателей департаментов Гос. совета стал указ от 17 апр. 1905 г. *«Об укреплении начал веротерпимости»* (3 ПСЗ. Т. 25. № 26125, № 26126), согласно к-рому в отдельных случаях было разрешено возвращение из Православия в исповедания лицам, к-рые принадлежали к ним по рождению, до присоединения к правосл. Церкви. Существенно расширились права старообрядческих общин, было разрешено преподавание Закона Божия не только на русском, но и на др. языках.

В июле 1905 г. В. был направлен в качестве главы делегации в Портсмут (США) для ведения мирных переговоров с япон. эмиссарами; 23 авг. мирный договор с Японией, по к-рому Россия передавала Японии Юж. Сахалин, подвел черту под русско-япон. войной. 18 сент. 1905 г. император наградил В. титулом графа.

В своей политической деятельности В. пытался сочетать усвоенные в юности представления о самодержавии как «о вековом устое нашей истории» с прагматическими соображениями, что выражалось в лавировании между монархистами и либералами. В 1899 г. в полемике с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным В. указывал на несовместимость выборного представительства с самодержавием, а в окт. 1905 г. убеждал императора, что «Россия переросла форму... империи и существующего строя», и сумел настоять на уступках общественному давлению ради сохранения самодержавия. В результате имп. Николай II 17 окт. 1905 г. подписал манифест «Об усовершенствовании гражданского порядка» (3 ПСЗ. Т. 25. № 26803), составленный В. вместе с кн. А. Д. Оболенским и Н. И. Вуичем. Манифест провозгласил гражданские свободы (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов), внес изменения в проектировавшуюся ранее систему выборов в Гос. думу (расширялся круг лиц с избирательными правами), признал Думу законодательным органом, без одобрения к-рого никакой закон не мог войти в силу. 19 окт. была проведена централизация высшей исполнительной власти. 24 окт. 1905 г. В. был поставлен во главе Совета министров.

Политика лавирования не принесла В. успеха. То, что он сумел настоять на принятии манифеста 17 окт. 1905 г., окончательно оттолкнуло от него императора и правых монархистов. Принимая участие в подавлении революции 1905–1907 гг., В. в то же время вел активные переговоры с представителями рус. либеральной общественности, надеясь на вхождение известных в либеральных кругах деятелей в свое правительство. Не оправдался расчет В. на поддержку его политики крестьянством при выборах в 1-ю Гос. думу. Понимая, что реальной власти у него становится все меньше, и выполнив последнее важное поручение верховной власти — добившись займа на 2,25 млрд франков, В. 16 апр. 1906 г. подал в отставку, 22 апр. он был уволен от должностей председателя Совета и Комитета министров с оставлением статс-секретарем и членом Гос. совета. В тот же день император наградил его орденом св. Александра Невского с алмазными знаками. Резко негативно оценивали деятельность В. (преимущественно за его роль в деле подготовки манифеста 17 окт. 1905) в радикально-правых кругах. В 1907 г. на В. были организованы 2 покушения: 29 янв. в его доме была заложена бомба, к-рая не взорвалась, 2-е покушение состоялось в мае.

В 1911 г., после гибели П. А. *Столыпина,* В. получил пост председателя Комитета финансов Гос. совета. В 1911–1913 гг. он пытался вновь заняться активной политической деятельностью, опираясь на Г. Е. *Распутина,* в пагубности влияния к-рого В. не сомневался. В 1911 г. в 3-й Гос. думе В. был сторонником проекта «Об отмене ограничений политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана и звания». Проект был одобрен Гос. советом, но отвергнут императором.

В. являлся почетным членом мн. просветительских, благотворительных и др. об-в (в т. ч. *Русского православного соборного общества взаимопомощи в Америке* — с 11 апр. 1896, *Палестинского православного общества* — со 2 мая 1901), а также

почетным членом имп. АН (с 29 дек. 1893). Он был награжден мн. орденами Российской империи вплоть до ордена равноап. Владимира 1-й степени (1913) и иностранных гос-в. Согласно предсмертному желанию, В. был погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Взгляд В. на совр. ему события отражен в «Воспоминаниях», над к-рыми автор работал в 1907–1912 гг. (впервые изданы в 1922 в Берлине в обработке И. В. Гессена).

Соч.: Самодержавие и земство. Stuttg., 1901; Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева (1895–1905) // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 108–114; Воспоминания. Берлин, 1922. М., 1960. 3 т.; Конспект лекций о нар. и гос. хозяйстве, читанных вел. кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М., 1997[4].

Арх.: РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 768; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86; Ф. 1343. Оп. 16. Д. 2786; Ф. 1622 (фонд С. Ю. Витте); Бахметьевский архив (Колумбийский ун-т. США).

Ист.: Полный сб. платформ всех рус. полит. партий с прил. высочайшего манифеста 17 окт. 1905 г. и всеподданнейший доклад гр. Витте. СПб., 1906.

Лит.: *Каменев.* С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев о совр. положении Правосл. Церкви // ВЕ. 1909. Кн. 2. С. 651–691; *Водовозов В. В.* Граф С. Ю. Витте и имп. Николай II. Пг., 1922. М., 1992; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Ю. Витте и его время. СПб., 1999, 2000; *Шилов Д. Н.* Гос. деятели Российской империи, 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 127–130; *Ореханов Г., свящ.* На пути к Собору: Церк. реформы и первая рус. революция. М., 2002. С. 34–80; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890–1918 гг.). М., 2002. С. 147–174; *Рожков В., прот.* Церк. вопросы в Гос. думе. М., 2004.

С. Л. Фирсов

ВИФАВАРА́ [греч. Βηθαβαρᾶ, Βηθαααβαρά, Βηθαβαρά; евр. בית עברה — дом, место переправы], вариант названия места на р. Иордан, где совершал Крещение св. Иоанн Предтеча (Ин 1. 28); здесь же произошло призвание Иисусом апостолов из учеников Иоанна Крестителя (Ин 1. 35–51), на это же место «за Иордан» Иисус Христос вернулся, когда иудеи решили убить Его на празднике обновления (Ин 10. 39–42). Большинство ранних греч. рукописей НЗ, в т. ч. папирусы (в т. ч. $\mathfrak{P}^{66}$, до 200 г.), называют место Крещения Вифанией Заиорданской (Βηθανία πέραν τοῦ Ἰορδάνου). Этому же чтению следует лат. перевод и рус. перевод еп. Кассиана (Безобразова). Вариант В., по-видимому, впервые был предложен *Оригеном*. Признавая, что «почти все списки» содержат чтение «Вифания», он считал его ошибочным, поскольку города с таким названием в районе Иордана ему обнаружить не удалось, а известное ему предание свидетельствовало, что св. Иоанн крестил в местечке В. «на высоком берегу Иордана» (παρὰ τῇ ὄχθῃ τοῦ Ἰορδάνου). В подтверждение Ориген приводит этимологию названия В.— «дом уготовления» (οἶκον κατασκευῆς), соотнося его с пророчеством Исаии (Ис 40. 3; Мф 3. 3; Мк 1. 3; Лк 3. 3) (*Orig.* Comm. ad Joh. VI 40). В пользу историчности сообщения о Крещении в В. говорит то, что здесь во времена земной жизни Иисуса Христа находилась переправа через Иордан, к-рой пользовались паломники из Галилеи, шедшие в Иерусалим через Заиорданье, в обход Самарии.

Евсевий Кесарийский пишет, что на месте В. «еще и доныне многие братья считают за честь принять омовение» (*Euseb.* Onom. 58). В *Бурдигальском итинерарии* (333 г.) напротив долины Крещения указывается холм, откуда вознесся на небо прор. Илия (Itiner. Burdigal. 598). На карте из *Мадабы* (VI в.) «Вифавара, [место] Крещения св. Иоанна», изображена в нижнем течении Иордана на зап. берегу реки, что противоречит локализации за Иорданом. В соч. «О расположении Св. земли» лат. паломника архидиак. Феодосия (V–VI вв.) сообщается, что на месте Крещения Господа была воздвигнута мраморная колонна, увенчанная железным крестом; поблизости находилась ц. св. Иоанна Предтечи (см. в ст. *Иоанна Предтечи мон-рь*), построенная при визант. имп. Анастасии I (491–518); жившие там монахи получали из казны по 6 золотых монет в год (*Theodos.* De situ Terrae Sanctae. 20). О празднике Богоявления, проходившем на обоих берегах Иордана в 6 милях севернее Мертвого м., рассказывает анонимный паломник VI в. из Пьяченцы (*Anonym. Placent.* Itiner. 11). Подробное описание места Крещения дает галльский паломник еп. Аркульф, посетивший Св. землю во 2-й пол. VII в. (PL. 88. Col. 800).

В ходе раскопок в окрестностях В. была обнаружена основа колонны, представляющая собой мраморную плиту в виде квадрата со стороной 2 м.

Археологические исследования в 1996 г. в Вади-эль-Харрар (на вост. берегу р. Иордан) выявили визант. монастырский комплекс V–VI вв., состоящий из сев., зап. и т. н. прямоугольной церквей и др. строений. Сев. церковь построена, согласно греч. надписи на мозаичном полу, при пресв. Ротории. Др. выявленный комплекс относится к лавре Сапсас.

Лит.: *Lagrange M. J.* Origène, la Critique Textuelle et la Tradition Topographique // RB. 1895. T. 4. P. 501–524; *Clapp R. G.* A Study of the Place-names Gergesa and Bethabara // JBL. 1907. Vol. 26. P. 62–83; *Buzy D.* Béthanie au delà du Jourdain: Tell el Medesch ou Sapsas? // RechSR. 1931. T. 21. P. 444–462; *Kopp C.* Die heiligen Stätten der Evangelien. Regensburg, 1964[2]. S. 153–166; *Wiefel W.* Bethabara jenseits des Jordan (Jon 1, 28) // ZDPV. 1967. Bd. 89. S. 72–81; *Aharoni Y.* The Land of the Bible. Phil., 1979[3]; *Baldi D.* Enchiridion locorum sanctorum: Documenta S. Evangelii loca respicientia. Jerusalem, 1982[3]. P. 171–172; *Riesner R.* Bethany beyond the Jordan (John 1, 28) // Tyndale Bull. Camb., 1987. Vol. 38. P. 29–63; Tabula Imperii Romani: Judaea — Palaestina. Jerusalem, 1994. P. 78–79; *Piccirillo M.* Aenon Sapsaphas and Bethabara // The Madaba Map Centenary 1897–1997. Jerusalem, 1999. P. 219–220; Bethany beyond the Jordan. Amman, 2003.

Прот. Ростислав Снигирёв

ВИФА́НИЯ [греч. Βηθανία, возможно, от евр. *bēt ʻanīyyā* — дом бедных или дом Анании или от *bet-ʻanīyyā* — дом лодки (переправа)]. Селение на юго-вост. склоне *Елеонской горы*, в 3 км восточнее Иерусалима. Евангелисты подчеркивали близость В. к Иерусалиму (Ин 11. 18; Мф 21. 17; Мк 11. 1, 11), *Евсевий* Кесарийский помещал его при 2-м межевом столбе от Иерусалима (*Euseb.* Onomast. 58. 15), а *Бурдигальский итинерарий* (333 г.) — в 1500 шагах к востоку от Елеонской горы. С В. тесно связаны мн. события земного служения Иисуса Христа. Каждый раз, когда Иисус Христос шел с учениками по Иерихонской дороге в Иерусалим, их путь проходил через это селение. Здесь жила семья прав. Лазаря, к-рого Иисус Христос воскресил на 4-й день (Ин 11. 1–44). Евангелия показывают особую связь Иисуса Христа с жителями В. в последние дни перед распятием (Мк 11. 11, 12; Мф 21. 17; Лк 19. 29). Перед входом в Иерусалим Он послал своих учеников, по всей вероятности, в В., чтобы они нашли осла для въезда в город (Лк 19. 29; Мк 11. 1). Здесь же, в доме Симона прокаженного, женщина помазала главу Иисуса миром (Мк 14. 3, Мф 26. 6–7), а Мария, сестра прав. Лазаря, умастила и отерла своими волосами его ноги (Ин 12. 2–3). Именно в В. благосло-

вил Христос учеников перед Вознесением (Лк 24. 50).

В. была рано отождествлена с поселком, по-арабски именуемом Эль-Айзария (в названии отражена связь с именем прав. Лазаря). Селение сформировалось здесь лишь в христ. время, с IV в., вокруг гробницы прав. Лазаря. Древняя В. лежала

Вифания. Фотография. Кон. XX в.

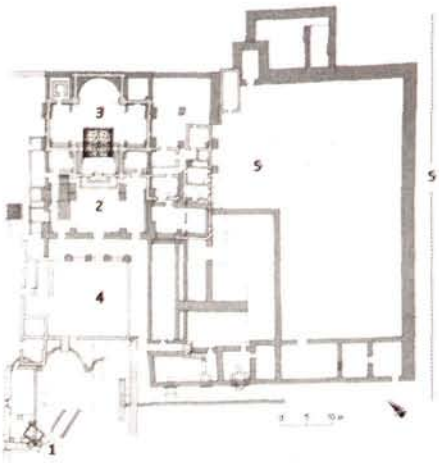
выше по склону, непосредственно соседствуя с *Виффагией*. Гробницу прав. Лазаря показывали христианам-пилигримам уже в нач. IV в., а к концу века здесь построили храм. Время создания храма (между 330 и 390) определяется благодаря его упоминанию в переводе «Ономастикона» (ок. 330), сделанном ок. 390 г. блж. *Иеронимом Стридонским* (Liber locorum). Уже в 395 г. паломница *Эгерия* смогла наблюдать в этом храме торжественные богослужения, на к-рые собирались жители окрестностей В. и Иерусалима (*Baldi*. N 575. 2). Позже «большую базилику» в В. описал еп. из Галлии Аркульф, посетивший ок. 670 г. Иерусалим. До эпохи крестоносцев здесь существовал мон-рь, и к нач. XI в. при храме в праздник Входа Господня в Иерусалим процессия начинала движение из В. (в 1008 она была запрещена халифом аль-Хакимом, но при крестоносцах возобновилась и сохранялась в XII в.). Очень точно описывает св. место «Хождение игумена Даниила» (нач. XII в.). Согласно ему, церковь стояла в 20 саженях к востоку от гробницы прав. Лазаря, имела вертикальную композицию и значительную высоту, а внутри была полностью расписана.

При крестоносцах иерусалимский кор. *Балдуин I* и лат. патриарх Арнульф передали храм каноникам Гроба Господня (не позже 1114), к-рые перевели сюда маленькую общину-приорат. В 1138 г. кор. иерусалимский Фульк Анжуйский выменял всю собственность каноников в В. и создал здесь бенедиктинский жен. мон-рь, в к-ром игуменией стала сестра кор. Мелисенды Ивета. Мон-рь был укреплен, наделен сосудами, тканями и одеяниями; была построена еще одна церковь.

После поражения крестоносцев при Хаттине (1187) В. попала в руки султана Салах ад-Дина, часть христ. зданий была разрушена. В 1256 г. право на всю собственность в В., как захваченную врагами Христа, папа *Александр IV* даровал госпитальерам (см. ст. *Мальтийский орден*), однако вскоре это решение было отменено. В 1238 г. оба храма еще стояли, причем могиле прав. Лазаря поклонялись и мусульмане (о чем пишет нем. монах-доминиканец Бурхардт Сионский). Своды храма Марфы и Марии держались до сер. XIV в., их подробно описал монах-францисканец Николай из Поджибонси, посетивший Св. землю в 1347 г. В это время храм был в юрисдикции К-польского Патриарха, однако вскоре был превращен в мечеть (согласно сведениям итал. путешественников XIV в. Л. Фрескобальди, Гуччи и С. Сиголи), хотя армянам и грекам еще позволяли служить над гробницей по праздникам (это отметил *Игнатий Смольнянин* в 1405). Доминиканец Феликс Фабер (кон. XV в.), совершая паломничество в Св. землю, видел один из храмов уже в руинах; в крипте держали фураж. В 70–80-х гг. XVI в., чтобы не проходить к крипте через мечеть, хранители храма сделали к ней прямой проход снаружи и францисканцы установили там неск. алтарей.

К XIX в. в В. сохранялись: мечеть, перестроенная из «Западной церкви», возведенной крестоносцами; крипта с гробницей; остатки башни XII в.; монастырские постройки, ставшие частными домами и складами. В 1863 г. францисканцы начали скупать земли вокруг мечети. В 1949–1955 гг. они смогли начать реставрацию и раскопки остатков церквей и мон-ря, а также строительство нового храма. При этой «реставрации» все части древнего здания, кроме западной, были скрыты совр. церковью. Основные данные исследований опубликованы С. Селлером. Раскопки не были профессиональными, поэтому стратиграфия комплекса осталась неясной и даты устанавливаются по архитектурным признакам.

Центром комплекса, его основной святыней, являлась гробница прав. Лазаря. Раскопками удалось локализовать ее, а также восстановить общую схему 1-й базилики прав. Лазаря. Храм был трехнефным, размером ок. 34×17 м, имел внутри одну апсиду и прямоугольные пастофории, но снаружи вост. стена храма оставалась плоской; наос и алтарь соединяла прямоугольная вима, по ширине почти равная центральному нефу; в полу сохранились ясные следы от колонн. Ранняя дата — IV в.— основана на типе декорации полов цветной мозаикой с геометрическим орнаментом и соотнесении появления первого храма с анализом письменных источников. Изначально базилика доходила в

План храмового комплекса в Вифании:
1. Гробница прав. Лазаря (до IV в.).
2. Первая церковь (IV в.).
3. Вторая церковь (V–VI вв.).
4. Клуатр монастырь
5. Храмы и территория аббатства времен крестовых походов (1099 — XII в.).

своей зап. части до гробницы прав. Лазаря, но впосл. ее зап. и центральная части были уничтожены и превращены в пространство двора.

Позднее базилика была полностью перестроена (в V в., согласно Селлеру, в VI в.— по Б. Багатти, А. Миго, А. Овадии, Д. Принглу (см. библиогр.: *Pringle D.* The Churches of

Гробница прав. Лазаря. Гравюра. 1844 г.

the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Camb.; N. Y., 1993. Vol. 1. P. 122–137)). Ее алтарную часть отодвинули так далеко к востоку (на 12,5 м), что апсида первого храма оказалась между центральными столбами второго. Решения апсидных частей обоих храмов были схожи: как и его предшественник, новый храм, лишенный наружного апсидного выступа, изнутри имел одну полуциркульную апсиду и 2 почти квадратных пастофория по сторонам от нее. В центре нового храма (в форме прямоугольника, 29×19 м) стояли 4 опоры, образовывавшие квадрат со стороной 7,7 м, что позволяет предполагать возможность купольного завершения, но тонкие стены и небольшое сечение опор не дают возможности реконструировать сводчатые перекрытия над всей церковью. Боковые плоские пилястры несли знаки креста.

С запада от нового храма шел узкий внешний портик-нартекс в 5 травей под деревянной кровлей, далее — атриум. В храм вели сквозь зап. стену 3 двери с прямыми филенками, и одна — в сев. стене; вдоль юж. стены атриума стояло продолговатое узкое здание-часовня с мозаичными полами (геометрические и растительные мотивы).

Крестоносцы начали перестраивать храм прав. Лазаря, по-видимому уже в 1099 г. Незначительные перестройки были и в XII в.— возможно, возникла необходимость заменить деревянную кровлю на свод (в юж. нефе сохранился слегка стрельчатый крестовый свод; предполагается, что травеи боковых нефов перекрывались так же). Были приложены контрфорсы, а полы настланы белым мрамором. В зап. конце церкви и в нартексе в это время появились захоронения, открытые в наст. время раскопками.

Мон-рь при крестоносцах имел 2 храма: старую базилику прав. Лазаря и построенную (между 1114 и 1175) к западу от нее «Западную церковь», стоявшую прямо над гробницей, вход в к-рую перекрывал коробовый свод, несший одновременно хор новой церкви, т. о., вокруг гробницы прав. Лазаря возникла крипта. Новый храм был освящен в память святого, старая церковь уже в нач. XII в. получила новое освящение и стала Марфо-Мариинской.

«Западную церковь», исчезнувшую к наст. времени почти полностью, реконструируют по описаниям паломников (напр., Теодориха, 70-е гг. XII в.) и обмеру о. Люки Тоеннессена, сделанному на рубеже XIX–XX вв. (см. *Saller.* Fig. 20). В то время была еще видна часть ее юж. апсиды, внешняя стена центральной апсиды и стены нефа. Это была трехнефная базилика (41×25 м) с 3 полукруглыми апсидами, из к-рых наружу выступала центральная, а боковые были скрыты в толще вост. стены. Построенная из гладких тесаных блоков, церковь имела 4 поперечных нефа, напоминая по композиции храм аббатства св. Анны в Иерусалиме (ок. 1140). Вост. часть стояла на сводах, скрывающих перепад скальной поверхности, под к-рыми помещалась крипта. В наст. время остатки храма используются как мечеть, но своды XII в. сохранились почти всюду. В помещении мечети (7×11 м) справа от входа находится кенотаф, к-рый мусульмане признают гробницей прав. Лазаря, а в зап. стене — заложенный проход в прямоугольную палатку (3,30×2,70 м). Христиане спускаются теперь с сев. стороны, через дверь и лестницу, высеченную францисканцами в скале в 1613 г. с разрешения турок. Ступени ведут к погребальной камере размером 2,50×2,30 м, отчасти вырубленной в скале, почитаемой христианами гробницей прав. Лазаря.

Гробница прав. Лазаря. Фотография. Кон. XX в.

От зданий аббатства, основанного крестоносцами, сохранились руины. Древнейшая из них — зал (16×5 м) с вост. стороны от клуатра между 2 храмами. Стены возвышаются на 6 м, пол покрыт мозаикой. Зап. (верхняя) часть мон-ря была занята жилыми помещениями, а вост. (нижняя) — кухнями и хранилищами. Архитектурное оформление XII в. сохранилось в вост. части обхода клуатра и в нек-рых прилегавших к нему помещениях. Среди уцелевших фрагментов декорации — средневек. коринфские капители, капители с личинами, часть аркатуры со скульптурами ангелов и др. фрагменты. Живопись в храмах не сохранилась, и о ее существовании в «Западной церкви» неизвестно.

Лит.: *Saller S. J.* Excavations at Bethany (1949–1953). Jerusalem, 1957; *Ovadiah A.* Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land. Bonn, 1970. P. 29–31; *Baldi D.* Enchiridion Locorum Sanctorum: Doc. S. Evangelii Loca Respicientia. Jerusalem, 1982[3].

Л. А. Беляев

Церковное строительство в В. в XIX–XX вв. Рядом с гробницей прав. Лазаря в XIX–XX вв. был построен ряд церковных сооружений: греч. правосл. мон-рь во имя святых Марфы и Марии (мон-рь Встречи), часовня Марфы и комплекс зданий на рус. участке, правосл. и католич. церкви, посвященные прав. Лазарю. Кроме гробницы прав. Лазаря важным объектом поклонения в В. являлось место, где Марфа и Мария встретили идущего в их селение Иисуса Христа. В различные периоды оно указывалось по-разному: в IV–XIII вв.— к западу от гробницы прав. Лазаря (в «полумиле», по Эгерии (384); «вдале версты», согласно игум. Даниилу (XII в.)), с XIV в.— к востоку от нее (начиная с Николая из Поджибонси (1346–

1350)). Позднейшие паломники локализуют место встречи в 0,5–1 км к востоку от совр. В. и связывают его с памятным камнем, на к-ром сидел Спаситель. Свидетельства о камне также противоречивы: католики помещают его слева от совр. шоссе на Иерихон (*Storme*. P. 66), правосл. греки — справа, русские — слева, на своем участке.

На расстоянии ок. 1 км к востоку, на Иерихонской дороге, расположен греч. жен. мон-рь, освященный во имя святых Марфы и Марии, называемый также мон-рем Встречи (греч. Μονὴ τῆς Προϋπαντήσεως). Соборный храм в визант. стиле и монастырские здания построены в 1882–1883 гг. на месте средневек. церкви (предположительно ц. во имя равноап. Марии Магдалины) архим. Спиридоном, уроженцем Кипра (в 1891–1897 Патриарх Антиохийский). Рядом возвышается 4-ярусная колокольня. Храм расписан в сер. XX в. рус. монахинями. Главной святыней является находящийся справа от алтаря, под небольшим престолом, камень, на к-ром сидел Спаситель, беседуя с Марией и Мар-

Камень, на котором сидел Господь во время беседы с Марфой и Марией. Мон-рь во имя святых Марфы и Марии в Вифании

фой; здесь также находится чудотворная икона Божией Матери. Игумения — Евпраксия, в обители — 10 монахинь (Δίπτυχα. 2003. Σ. 1168). От обители в Вербную субботу совершается большой крестный ход к гробнице прав. Лазаря.

Напротив мон-ря Встречи расположен рус. участок площадью 2 тыс. кв. м, с 4 зданиями и часовней, приобретенный в 1909 г. начальником Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме архим. Леонидом (Сенцовым). До первой мировой войны были возведены 2 каменных 2-этажных корпуса для паломников перпендикулярно один к другому, устроена цистерна и владение ограждено каменной стеной (по отчету о состоянии РДМ в Иерусалиме 1914 г., стоимость земли и строений оценивалась в 40 тыс. р.). В годы первой мировой войны участок был занят тур. солдатами, а затем почти 20 лет пребывал в запустении.

В 30-х гг. XX в. здесь создается Вифанская жен. община на средства шотландок Барбары-Стеллы Робинсон и Аликс Спрот, к-рые под духовным влиянием архиеп. Анастасия (Грибановского), управлявшего тогда РДМ в Иерусалиме, принимают православие и затем монашество: первая с именем Мария, вторая — Марфа. Архиерейский Синод РПЦЗ назначил мон. Марию (Робинсон) настоятельницей Вифанской общины. Вскоре община была переведена на рус. гефсиманский участок с ц. во имя равноап. Марии Магдалины. Мон. Марфа (Спрот) осталась в В. руководить открытой ими в 1937 г. рус. школой для араб. девочек. В 1938 г. было построено новое здание школы, а прежнее превращено в пансионат для учащихся и воспитательниц, в нем устроена также домовая церковь. Школа действует до наст. времени, в ней обучается ок. 60 чел. В программе кроме обычных предметов Закон Божий, Свящ. история, история Церкви. В старших классах раньше изучали рус. язык.

В 1934 г., во время проведения работ, на территории был найден прямоугольный обтесанный камень, напоминающий плиту, обычно помещаемую над входом в храм. На нем по-гречески выбита надпись: «Здесь Марфа и Мария впервые услышали от Господа слово о воскресении из мертвых. Господь...» (далее текст обрывается). На месте обретения камня, свидетельствующего о том, что именно здесь почиталось в древности место встречи Спасителя с Марфой и Марией, была воздвигнута небольшая часовня с полусферическим куполом — т. н. Часовня Марфы. Здесь в Лазареву субботу духовенство совершает торжественное богослужение с водосвятием и

Икона Божией Матери из мон-ря во имя святых Марфы и Марии в Вифании

крестным ходом. Участок и школа находятся в ведении РПЦЗ.

Небольшой храм в честь Воскрешения Лазаря был возведен в 1952–1953 гг. над руинами средневек. ц. прав. Лазаря (т. н. Восточная церковь) итал. архитектором-францисканцем А. *Барлуцци* (освящен 2 апр. 1954). Храм построен в форме равноконечного креста (ок. 17×17 м; сторона подкупольного квадрата 7,70 м), глухие стены из твердых пород вифлеемского камня увенчаны невысоким куполом, поднятым на восьмерике барабана. Единственным источником света является застекленное круглое отверстие в кессонированном куполе (oculus), из-за необычного освещения храм производит впечатление мавзолея, надгробного сооружения. В зап. рукаве креста через специальные люки в полу видны 2 фрагмента древней апсиды. Др. фрагменты фундамента, колонн и мозаичного пола экспонируются в церковном дворе. Между сев. и вост. рукавами креста возвышается башня-колокольня; гладкая поверхность стен, отсутствие окон (за исключением бойницы в одном из ярусов) делают ее похожей на обелиск.

Выше по склону от гробницы, рядом с развалинами башни Мелисенды, находится греч. правосл. ц. во имя прав. Лазаря, построенная в 1965–1968 гг. по инициативе архим.

Серафима, настоятеля Лавры Саввы Освященного, на участке, принадлежащем Лавре. Храм 2-этажный, в фундамент нижней церкви включена часть сев. стены средневек. лат. храма. Художественное убранство храма завершено в 90-х гг., в нижней церкви установлен деревянный резной иконостас греч. работы.

Лит.: *Мефодий (Кульман), еп.* Св. Земля. П., 1961. С. 96–102; *Нехуштай Ш. Ш.* Рус. деятельность в Палестине в конце Османского периода. Хайфа, 1984 (на иврите; рус. пер. изд.: Б-ка РДМ, Иерусалим. Ркп.); *Storme A.* Bethany. Jerusalem, 1992; Палестина – Россия: связь времен: Спец. вып. / Лига Араб. гос-в. М., 1993. С. 29–30; *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdome of Jerusalem: A Corpus. Camb.; N. Y., 1993. Vol. 1. P. 122–137; *Ραπτόπουλος Ζ.* Ταξιδεύοντας στήν Ἁγία Γῆ. Λεμεσός, 1996. Σ. 135–138; *Τσουλιάς Θ. Α.* Τα Πανάγια Προσκυνήματα των Αγίων Τόπων. Κατερίνη, 1999[5]. Σ. 125–127; *Лисовой Н. Н.* Приди и виждь: свидетельства Бога на земле. М., 2000. С. 117–122; Россия в Св. Земле: Док-ты и мат-лы / Под ред. Н. Н. Лисового. М., 2000. Т. 1. С. 700; Т. 2. С. 134, 136, 145.

Н. Н. Лисовой

ВИФА́НИЯ ЗАИОРДА́НСКАЯ – см. ст. *Вифавара*.

ВИФА́НСКАЯ ДУХО́ВНАЯ СЕМИНА́РИЯ, учреждена указом имп. *Павла I Петровича* 1 мая 1797 г., после посещения государем *Вифанского в честь Преображения Господня мон-ря*, в указе оговаривалось число учеников в В. с.— 100 чел. Открытие семинарии было подготовлено Московским митр. *Платоном (Левшиным)*. Во исполнение указа при Троицкой ДС было создано особое отд-ние, через 3 года на берегу Вифанского пруда для новой семинарии построили корпус по проекту

«Виды Спасо-Вифанского монастыря и Вифанской духовной семинарии». Литография. XIX в. (РГБ)

архит. С. Болдырева (здание, в плане представлявшее собой букву «П», напоминало замок благодаря декоративным башням и рву с подъемным мостом), открытие В. с. состоялось в авг. 1800 г.

Августин (Виноградский), архиеп. Московский. Портрет. Нач. XIX в. (ЦАК МДА)

Курс обучения в семинарии делился на низший и высший грамматические классы, классы риторики, философии и богословия. Преподавались словесность, всеобщая история, философия, математика и физика, богословие изъяснительное, созерцательное и нравственное, археология, Свящ. Писание, церковная история, лат., греч., нем. и франц. языки. Большое внимание уделялось изучению древних языков, преподавание велось на латыни. Много времени отводилось занятиям музыкой, из семинаристов были организованы оркестры, к-рые управлялись специально нанятыми капельмейстерами. В помещении богословского класса размещался орган, подаренный Московскому митр. Платону гр. А. А. Орловой-Чесменской. Семинаристы занимались также декламацией, пением, постановкой мистерий. В 1797–1804 гг. В. с. находилась под управлением ректора Троицкой ДС и МДА *Августина (Виноградского;* впосл. архиепископ Московский), в 1804–1812 гг. ректором В. с. являлся архим. Гедеон (Фомин).

Материальное положение В. с. в нач. XIX в. было прочным, в немалой степени благодаря непосредственному участию митр. Платона в ее обеспечении, все учащиеся находились на казенном содержании. В первые годы семинария являлась образцовой как в материальном аспекте, так и по составу учащихся — митр. Платон принимал в В. с. наиболее одаренных учеников и отсылал неспособных в др. семинарии.

В 1814 г. в ходе реформы духовного образования было принято решение о закрытии В. с. Московский архиеп. Августин (Виноградский) ходатайствовал о ее сохранении, его ходатайство было удовлетворено, и 21 сент. 1814 г. Синод постановил открыть преобразованную В. с., что и состоялось 5 нояб. Из прежних учеников в нее зачислили 63 чел., 133 учащихся были переведены из Троицкой ДС, 50 — из бывш. *Славяно-греко-латинской академии* и 20 — из закрытой Дмитровской ДС. Общее число учащихся составило 266 чел., что существенно превысило допустимую для семинарского здания норму. С годами число учеников в В. с. увеличилось (в 1824 — 284 чел., в 1826 — 298, в 1838 — 365 чел.), и потому остро встал вопрос о строительстве новых зданий. 4 сент. 1826 г. был издан указ о выделении средств на строительство нового корпуса, к-рый был завершен в 1829 г. В 1832 г. при семинарии возвели корпус для столовой, в 1842 г.— больничный флигель, в 1846 г.— баню, в 1867 г.— корпус для семейных преподавателей. В 1859 г. оклады служащих в В. с. были увеличены и уравнены с окладами служащих в С.-Петербургской ДС.

В ведении В. с. состояли Звенигородское и Дмитровское духовные уч-ща, позднее также Волоколамское ДУ, в к-рых учились выходцы из приходов Верейского, Звенигородского, Можайского, Рузского, Волоколамского, Клинского и Дмитровского уездов. В В. с. также были учащиеся из др. епархий, в частности из Переславского и Александровского уездов Владимирской губ. Начиная с 50-х гг. в семинарии обучались сербы, черногорцы и болгары. При свт. Филарете на лекции в семинарии начали допускаться вольнослушатели.

Начиная с 1814 г. учащиеся семинарии делились на казенных и пансионеров. К первым относились воспитанники, за к-рых епархия или родители вносили полную сумму их содержания. Пансионеры оплачивали только питание и жилье в об-

Семинарский корпус. 1829 г. Фотография. 2004 г.

щежитии, размер оплаты зависел от материального положения семинариста, что позволяло обучаться в В. с. юношам из самых бедных семей. Льготы ученикам и постепенная инфляция привели к тому, что вскоре В. с. оказалась в тяжелом материальном положении, несмотря на поступавшие пожертвования; к сер. XIX в. из элитного учебного заведения она превратилась в духовную школу для юношей из самых бедных слоев духовного сословия, выпускники к-рой служили в сельских приходах.

В 1830 г. курс обучения в семинарии состоял из низшего, среднего и высшего отд-ний, в к-рых преподавались словесность, всеобщая история, греч., лат., древнеевр., нем. и франц. языки, математика, физика, философские и богословские науки, библейская и церковная история. Изменения в системе духовного образования, проведенные в 1840 г. по инициативе обер-прокурора Синода гр. Н. А. *Протасова,* привели к усилению церковно-исторических дисциплин и придали семинарскому образованию более практическое направление. Однако все это не изменило радикально обучение в В. с., поскольку в ней, согласно еще инструкции митр. Платона, и ранее большое внимание уделялось истории. Исключение из преподавания философии компенсировалось тем, что на уроках лат. языка учащиеся переводили «философские системы». Начиная с 1840 г. преподавание велось на рус. языке.

Реформа, начатая после принятия нового устава духовных семинарий в 1867 г., вновь едва не привела к закрытию В. с. Состояние ее зданий не соответствовало предъявляемым требованиям, средств на реконструкцию не было. Кроме того, в 60-х гг. уменьшилось количество приходов и на нек-рое время вообще отпала нужда в новых священнослужителях. На съезде московского духовенства 30 авг. 1869 г. обсуждался вопрос о необходимости сохранения В. с. Заступничество выпускников семинарии и рядовых граждан спасло ее от закрытия. Большую роль в сохранении В. с. сыграло ее значение для подготовки сельского духовенства.

До 1872 г. в В. с. выпуски проходили раз в 2 года. В 1870/71 г. произошел переход к учебным программам с 6 одногодичными курсами. К 70-м гг. число учеников в В. с. уменьшилось (в 1878 – 249 воспитанников). В 1886 г. в соответствии с уставом духовных семинарий 1884 г. при В. с. открылась образцовая начальная школа. На жизни В. с. отразились революционные события 1905–1907 гг. Представители семинарии присутствовали на нелегальном Всероссийском общесеминарском съезде (Москва, 25–27 дек. 1906). В апр. 1907 г. учащиеся В. с. подписали петицию против распоряжения правления семинарии об увольнении неск. учеников. В ответ в семинарии было проведено массовое отчисление студентов, выпуск 1908 г. не состоялся.

В 1917 г. состоялся последний набор в В. с., 11 нояб. «ввиду тяжелых экономических условий» занятия были прекращены и воспитанники отпущены домой (согласно распоряжению, «по 5 февраля 1918 г.»), занятия в семинарии не возобновились. За все время своего существования В. с. подготовила и выпустила свыше 3500 чел. Среди ее выпускников — новомученики протоиереи *Григорий Воинов* и *Сергий Константинов,* свящ. *Константин Некрасов,* диак. *Николай Цветков,* а также профессора МДА Алексей И. *Введенский,* В. П. *Виноградов,* Д. Ф. *Голубинский,* П. И. *Горский-Платонов,* П. С. *Казанский,* Н. Ф. *Каптерев,* проф. КазДА А. И. *Гренков,* археолог К. И. *Невоструев* и др.

Среди ректоров семинарии были буд. архиереи, деятели духовного просвещения, ученые, люди высокой монашеской жизни: *Парфений* (*Чертков,* 1814–1817; впосл. архиеп. Владимирский), *Никанор* (*Клементьевский,* 1818–1826; впосл. митр. Новгородский и С.-Петербургский), *Венедикт* (*Григорович,* 1829–1831; впосл. архиеп. Олонецкий), *Евлампий* (*Пятницкий,* 1831–1834; впосл. архиеп. Тобольский), *Агапит* (*Введенский;* 1834–1842), свт. *Филофей* (*Успенский,* 1842–1847; впосл. митр. Киевский), *Евгений* (*Сахаров-Платонов,* 1847–1849; впосл. еп. Симбирский), *Леонид* (*Краснопевков,* 1849–1853; впосл. архиеп. Ярославский), *Игнатий* (*Рождественский,* 1857–1861; впосл. еп. Костромской), *Никодим* (*Белокуров,* 1862–1866; впосл. еп. Дмитровский), *Сергий* (*Спасский,* 1866–1872; впосл. архиеп. Владимирский), прот. Филарет Сергиевский (1874–1883), *Александр* (*Светлаков,* 1883–1885; впосл. еп. Калужский), *Иаков* (*Пятницкий,* 1886–1891; впосл. митр. Казанский), Антоний (Каржавин, 1891–1895; впосл. архиеп. Тверской), *Трифон* (*Туркестанов,* 1897–1899; впосл. митр.), прот. Андрей Беляев (1899–1912) и др. Последним ректором В. с. был сщмч. *Герман* (*Ряшенцев,* 1912–1918, впосл. еп. Вязниковский).

Семинария владела хорошей б-кой, сформированной благодаря пожертвованиям митр. Платона, свт. Филарета (Дроздова), С.-Петербургского митр. Никанора (Клементьевского), профессоров семинарии и др. лиц. В 1858–1877 гг. Московская консистория передала в В. с. часть рукописей и книг, конфискованных у старообрядцев (наиболее древние относятся к XVI в.). В 20-х гг. XX в. бóльшая часть б-ки В. с. хранилась в помещении б-ки МДА и в 1930–1945 гг. в составе собрания МДА поступила в ГБЛ (в 1966 выделена в отдельный фонд — № 556). Значительную часть собрания составляют материалы, связанные с деятельностью митр. Платона, Псковского архиеп. *Мефодия (Смирнова),* преподавателей семинарии (Рукописные собрания ОР ГБЛ. Т. 1. Вып. 2. М., 1986. С. 171–177).

В 1925–1932 и 1944–1975 гг. здания В. с. занимал детский дом, затем в старом семинарском корпусе разместился кожно-венерологический диспансер, в новом корпусе — Всесоюзный заочный сельскохозяйственный техникум. В 1993 г. новый семинарский корпус сгорел, его руины в 1996 г. были переданы *Троице-Сергиевой лавре,* в 1997 г. лавра получила также часть старого корпуса.

Арх.: РГБ ОР. Ф. 762. К. 10. Ед. хр. 8. Л. 1–6 об.; Ед. хр. 13. Л. 22, 28–29; К. 12. Ед. хр. 1. Л. 10; ЦГИАМ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 5. Л. 60; Д. 25. Л. 60; Д. 381; Д. 1075. Л. 4; Д. 1482. Л. 2–2 об.; Д. 2329. Л. 3–3 об.; Д. 2330. Л. 1–2 об.

Ист.: *Казанский П. С.* Восп. семинариста // ПО. 1879. № 9. С. 100–133; Торжество открытия общежития при Вифанской ДС и освящение вновь отстроенных помещений в ее зданиях 30 сент. 1884 г. М., 1884; *Муретов С. Д.* Описание рукописей б-ки Вифанской ДС. М., 1897; Списки начальников, наставников и воспитанников Вифанской семинарии с 1800 до 1897 г. [Серг. П.], 1898; Празднование 100-летия со дня кончины митр. Платона в Спасо-Вифанском мон-ре, в Вифанской семинарии и в Москве // Моск. ЦВед. 1912. № 47. С. 1032–1036.

Лит.: *Беляев А. А.* Митр. Платон в отношениях к Вифанской семинарии: (К 100-летию со дня ее основания, 1797–1897). М., 1897; *он же.* Из истории старой духовной школы. М., 1899; Сб., изд. по случаю 100-летия Вифанской ДС. [Серг. П.], 1900; Семинарские петиции // Духовная школа: Сб. М., 1906. С. 208–286; *Георгий (Данилов), игум.* Спасо-Вифанская семинария: К 200-летию основания: Ист. обзор // БВ. 1998. [Т.] 2. Вып. 1. С. 3–36; *Дубинский А. Ю.* Вифанская ДС: Алф. список выпускников, 1901–1917 гг.: (Кр. генеалогич. справ.). М., 1999; *он же.* То же, 1881–1900 гг.: (Кр. генеалогич. справ.). М., 2002.

А. Ю. Дубинский, Г. Е. Колыванов

ВИФА́НСКИЙ В ЧЕСТЬ ПРЕОБРАЖЕ́НИЯ ГОСПО́ДНЯ МУЖСКО́Й МОНАСТЫ́РЬ, подворье *Троице-Сергиевой лавры,* в г. Сергиевом Посаде (1919–1930 Сергиев, 1930–1992 Загорск) Московской обл. Основан Московским архиеп. *Платоном (Левшиным)* в мае 1783 г. в 4 км к юго-востоку от ТСЛ, на берегах р. Кончуры и Ершовского (Вяльковского) пруда. Комментируя рассказ в январской Четьей Минее 1629 г. мон. *Германа (Тулупова)* об удалении прп. *Павла Обнорского* из Троицкого мон-ря в «отходную келию», неизвестный читатель рукописи XIX в. предположил: «Не была ли уединенная келлия ученика Сергиева, по особенным судьбам Божиим, на одном из тех мест, где ныне скит, или Вифания?» (Ф. 304. I. № 673. Л. 121). В. м. устраивался как дача архиеп. Платона, к-рый распорядился, чтобы новый мон-рь

Интерьер Спасо-Преображенского собора. Литография. 1910 г. (РГБ)

стал также местом погребения насельников лавры «и по причине погребаемых братий, в надежде воскресения, по примеру Лазаря воскресшего» именовался Вифанией.

На средства архиеп. Платона по проекту архит. Н. М. Одоевского в 1783 г. началось строительство уникального двухпрестольного храма, нижняя, пещерная, церковь к-рого 6 авг. 1785 г. была освящена в честь Воскрешения прав. Лазаря Четверодневного, верхняя церковь 6 авг. 1786 г. освящена в честь Преображения Господня. Необычный интерьер храма, спроектированный скульптором К. Песковым, иллюстрировал события Преображения Господня. Престол был устроен на покрытом цветами и травой искусственном возвышении, символизирующем гору Фавор. По обеим сторонам «горы» находились лестницы, ведущие к сев. и юж. дверям алтаря верхней церкви. Алтарь на вершине горы представлял собой сень с круглым позолоченным иконостасом, увенчанным куполом,— в воспоминание 3 сеней, к-рые пожелал устроить на месте Преображения ап. Петр. С правой стороны иконостаса в серебряной позолоченной ризе находилась икона Преображения Господня, с левой стороны — список с *Купятицкой иконы Божией Матери,* над царскими вратами — икона Спаса Эммануила. У сев. дверей в алтаре помещался образ Воскресения Христова, пещера и гроб Спасителя на этой иконе были выложены самоцветами работы уральских мастеров. Рядом находилось вырезанное из кости изображение поклонения волхвов Спасителю. У основания «горы» располагался вход в нижнюю Лазаревскую пещерную ц., у алтаря к-рой был положен огромный рог носорога и китовые позвонки. Одна из чтимых икон Лазаревской ц.— перламутровый образ Рождества Христова — была прислана митр. Платону Иерусалимским Патриархом *Авраамием.* По периметру Преображенского храма располагались хоры, опиравшиеся на колонны (в 1832 колонны были заменены железными кронштейнами). На хорах находились живописные изображения святых, в центре — икона Спасителя. Настенную роспись храма выполнил И. Никифоров. Впосл. по подобию Преображенского собора был возведен Троицкий храм в *Стефановом Махрищском мон-ре* и Преображенская ц. в с. Творишичи (ныне Жирятинского р-на Брянской обл.).

Вифанский мон-рь. Гравюра. 1868 г. (РГБ)

В 1786 г. из Успенского собора лавры в В. м. торжественно перенесли гроб прп. Сергия Радонежского, в к-ром до XVI в. хранились мощи святого. Гроб поместили в небольшой «пещерке» справа от алтаря Лазаревской ц. Для гроба по распоряжению митр. Платона был изготовлен медный футляр с посеребренной передней крышкой, на к-рой имелись чеканные изображения: явление Божией Матери прп. Сергию, Распятие с предстоящими ангелами и моление прп. Сергия с учениками.

Одновременно с Преображенским собором в В. м. были построены ог-

«Вифания, или Спасо-Вифанский училищный монастырь». Акварель. 1800–1802 гг. Мастерская Ф. Я. Алексеева. Худож. А. М. Кунавин (?) (ГИМ)

рада с башнями и 2-ярусная колокольня (1786) над гл. входом, в юж. части мон-ря — двухэтажный деревянный дом для митр. Платона, отличавшийся изысканным и дорогим внутренним убранством; часть мебели была подарена архиеп. Платону супругой наследника Павла Петровича вел. кнг. Наталией Алексеевной и Г. А. *Потёмкиным*. В покоях действовала домовая ц. в честь Сошествия Св. Духа, стены к-рой были обложены мрамором, вместо иконостаса в храме стояла низкая резная с позолотой решетка и занавес голубого цвета, с вышитым на нем изображением Благовещения. По образцу Свято-Духовской ц. в архиерейских палатах *Угрешского во имя свт. Николая Чудотворца мон-ря* была устроена крестовая ц. прп. Сергия Радонежского (1870). В 80-х гг. XVIII в. в В. м. были также построены 2 братских корпуса, небольшой казначейский корпус, богадельня на 12 чел.; в юго-вост. углу устроен конный двор, в сев.-вост.— небольшой пруд и кладбище для почивших насельников лавры и В. м. На монастырских воротах помещались изображения евангельских событий и четверостишие: «В Вифанию Христос пришел и водворился тут: О если б Он и здесь покой нашел! Не тщетны б были кошт и труд». В 1786 г. был надстроен 3-й ярус колокольни. На строительство обители митр. Платон пожертвовал 10 883 р., а также внес в гос. банк 20 тыс. р., на проценты от к-рых содержался мон-рь.

Вифанский мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

В 1787–1797 гг. В. м. именовался пустынью, из 6 насельников лишь иером. Феодорит имел священный сан, митр. Платон вспоминал, что он «сам клиросную должность правил». Митрополит неоднократно обращался к имп. *Екатерине II Алексеевне* с просьбой об увольнении его на покой с пребыванием в В. м., однако императрица отклоняла прошения.

24 апр. 1797 г. В. м. неожиданно посетил недавно коронованный имп. Павел I с семьей (Платон (Левшин) в 1763–1773 преподавал вел. кн. Павлу, а также его невесте вел. кнг. Наталии Закон Божий). Обитель настолько понравилась государю, что 1 мая 1797 г. он издал указ о возведении пустыни во второклассный мон-рь, приписной к ТСЛ, и об учреждении при нем *Вифанской ДС* для 100 учащихся. В. м. получил штат монашествующих и ежегодное жалованье в размере 2633 р. 80 к., на пищу и одежду насельникам отпускалось еще 340 р. в год. Император пожаловал В. м. 533 дес. и 236 кв. сажень близлежащих земель, а также часть земли, принадлежавшей Махрищскому мон-рю, с 1801 г. В. м. получал также доходы с 3 мельниц, к-рые обитель сдавала в аренду. В память о посещении Вифании императором митр. Платон устроил у входа в свои покои обелиск. В 1804 г. в мон-ре жили 8 насельников.

Митр. Платон, скончавшийся в нояб. 1812 г., по завещанию был погребен в Лазаревской ц. рядом с гробом прп. Сергия. Над гробницей под стеклом хранились его митра, дикирий и трикирий, справа от гробницы — полное облачение, слева — белый клобук, мантия и посох. У гроба иерарха ежедневно совершались панихиды, были отмечены случаи исцелений, по верованиям окрестных крестьян, митр. Платон особенно помогал больным детям. О посмертном явлении митр. Платона в храме В. м. рассказывал прп. *Антоний (Медведев)* прп. *Моисею (Путилову)* в окт. 1839 г. (РГБ ОР. Ф. 214. № 359–360).

Платон (Левшин), митр. Московский. Портрет. Кон. 80-х — нач. 90-х гг. XVIII в. (ГИМ)

После кончины основателя В. м. стал небольшой обителью, существование к-рой в 1-й пол. XIX в. было связано прежде всего с Вифанской семинарией; в документах мон-рь именовался «училищным». В мон-ре в 1824 г. жили 8 иноков, в 1828 г.— 11, в 1839 г.— 14, в 1860 г.— 37 насельников. В 30-х гг. XIX в. была перестроена Лазаревская ц., в результате сильно изменился облик Преображенского собора («Не могу я забыть, как жестоко испортили вифанскую церковь»,— писал свт. *Филарет (Дроздов)* наместнику лавры архим. Афанасию (Фёдорову)); в 1832 г. завершилось строительство неудачного в архитектурном отношении казначейского корпуса. В 1860–1863 гг. на средства свт. Филарета, купца Г. А. Красногорова и др. жертвователей шло сооружение нового 2-этажного собора. В нижнем храме в 1863 г. были освящены 3 престола: в честь Тихвинской иконы Божией Матери, во имя арх. Михаила и во имя мучеников Платона и Романа.

Монастырская гостиница, ныне братский корпус. 1893 г. Фотография. 2004 г.

28 июля 1866 г. свт. Филарет освятил в верхнем храме главный престол в честь Сошествия Св. Духа на апостолов (домовая Свято-Духовская ц. митр. Платона к сер. XIX в. была упразднена), в верхнем храме находился также придел во имя свт. Николая. Одновременно шла перестройка покоев митр. Платона, в 1867 г. была восстановлена домовая церковь, освященная в честь Нерукотворного образа Спасителя. В 1893 г. близ мон-ря по проекту архит. А. А. *Латкова* построили трехэтажную гостиницу, в 1903–1905 гг.— новую каменную ограду. Обитель владела 37 дес. земли, кирпичным заводом, занималась строительством домов, к-рые продавала или сдавала в аренду. В нач. XX в. в В. м. жили 23 насельника.

В ризнице, находившейся в пристройке к алтарю Лазаревского храма, хранилось множество вкладов в обитель, в т. ч. пожертвованные митр. Платоном серебряные с позолотой, хрустальные и фарфоровые богослужебные сосуды, пожертвованные свт. Филаретом серебряные богослужебные сосуды, облачение из белого флера — вклад имп. Марии Феодоровны. Одна из достопримечательностей ризницы — большое серебряное с позолотой блюдо, поднесенное московским купечеством вел. кн. Павлу Петровичу и вел. кнг. Наталии Алексеевне в день их бракосочетания и впосл. пожертвованное ими архиеп. Платону. В кон. XIX— нач. XX в. В. м. посещали В. В. *Розанов*, К. Н. *Леонтьев*, М. М. *Пришвин*, И. С. *Шмелёв*, А. Н. *Муравьёв*, С. И. *Танеев*. В 1888 г. М. В. *Нестеров* работал здесь над картиной «Пустынник».

Сохранившаяся часть Свято-Духовского собора. 1860–1866 гг. Фотография. 2004 г.

В 1918 г. В. м. был обращен в трудовую артель во главе с игум. Илиодором, в к-рой вместе с иноками трудились крестьяне ближайших деревень. Впосл. монахи были разогнаны и, вероятно, жили в Сергиеве. Хранившийся в В. м. гроб прп. Сергия вместе с медным футляром был передан Загорскому музею (совр. СПМЗ), в 1950 г. возвращен Церкви, в наст. время находится в Успенском соборе лавры. Богослужения в храмах В. м. совершались до 1929 г. С. М. Голицын в воспоминаниях рассказывает, что в 20-х гг. в одной из келий мон-ря жил старец Валериан, принимавший посетителей. По нек-рым сведениям, прп. *Никона (Беляева)* перед кончиной причащал сосланный в Северный край вифанский игум. Паисий.

Интерьер придела во имя свт. Николая Чудотворца в Свято-Духовском соборе. Фотография. 2004 г.

Во 2-й пол. 20-х гг. в храмах В. м. были устроены мастерские, в корпусах — детский и инвалидный дома.

Живший в Сергиеве Пришвин записал в дневнике 11 июня 1926 г.: «Имя Каляева между отцами Церкви на воротах Вифанского скита, населенного инвалидами труда. Тут ад: старухи за версту обходят здание... Это ад на месте райском». С нач. 30-х гг. на территории мон-ря находился птицекомбинат, с 1937 г.— Птицеинститут (впосл. Всесоюзный научно-исследовательский и технологический ин-т птицеводства), поселок вокруг мон-ря стал именоваться Птицеградом. В 30–80-х гг. было разрушено большинство монастырских построек, в т. ч. уникальный Преображенский собор, на месте к-рого предполагалось поставить памятник В. И. Ленину. Захоронения лаврской братии были уничтожены, вместо кладбища устроена детская площадка и футбольное поле. Часть надгробных плит использовалась при постройке моста через пруд.

В 1997 г. останки митр. Платона были перезахоронены в склепе Свято-Духовской ц. ТСЛ. В 1998 г. лавре в В. м. были переданы 2-й этаж полуразрушенного Свято-Духовского храма, здание монастырской гостиницы, нек-рые здания семинарии. В. м. восстанавливается трудами настоятеля иером. Даниила (Михайлова) и 5 трудников. На 2-м этаже Свято-Духовского собора освящен придел во имя свт. Николая Чудотворца, в к-ром в праздничные и воскресные дни совершаются богослужения. В храме хранится чтимый список XIX в. с иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость (с грошиками)».

Арх.: РГБ. Ф. 556; РГАДА. Ф. 1204. 1. Д. 24150. Л. 9, 9 об.; Д. 24215. Л. 55 об.– 57, 220 об.– 222; Д. 24298. Л. 41 об.– 46; Д. 24464. Л. 244–262; Д. 24814. Л. 196 об.– 209; Д. 24943. Л. 158 об.

Ист.: Зап. о жизни Платона, митр. Московского, им самим писанные, и оконченные Самуилом, Костромским епископом // *Снегирёв И. М.* Жизнь Моск. митр. Платона. М., 1891. Ч. 2. С. 201–263; Монастырские письма / Сост. архим. Антоний (Медведев). [Серг. П.], 1997. С. 18–23; *Голицын С. М.* Зап. уцелевшего // Дружба народов. 1990. № 3. С. 103–165; *Пришвин М. М.* Дневники: 1926–1927. М., 2003.

Лит.: Краткое ист. описание Св.-Троицкой Сергиевой Лавры и Спасо-Вифанского училищного мон-ря с изложением знатных происшествий, случившихся в оной. М., 1818; *Смирнов С.* Спасо-Вифанский мон-рь. М., 1869; *Леонид (Кавелин), архим.* Вифанские келии митр. Платона и их убранство. М., 1880; *Беляев А. А.* К истории Спасо-Вифанского мон-ря и Спасо-Вифанской семинарии. М., 1894; *он же.* Хоз. деятельность митр. Платона. М., 1899; *Дмитриев С. С.* Платон, митр. Московский и его обитель. М., 1898; *Голубинский Е. Е.* Прп. Сергий Радонежский и основанная им Троицкая лавра. М., 1909; Митр. Платон и основанная им Вифанская обитель. Серг. П., 1909; *Захаров А. А.* Спасо-Вифанский мон-рь и его здания. Б. м., б. г.; *Голубцов С.* Спасо-Вифанский мон-рь Троице-Сергиевой лавры в XX в. // Моск. журн. 1992. № 3. С. 23–25; *Хрунова Н. В.* Спасо-Вифанский мон-рь. Серг. П., 1997.

Д. Б. Кочетов

ВИФЕЗДА́ [евр. *bēt ešdātayin*; греч. Βηθεσδά; слав. **Вифезда́**], название купальни (греч. κολυμβήθρα) в евангельском описании чуда исце-

Купальня Вифезда. Миниатюра из Четвероевангелия. 1356 г. (Add. MS. 39627. Fol. 225)

ления Иисусом Христом расслабленного (Ин 5. 2–9), к-рая описывается как находящаяся «в Иерусалиме у Овчих ворот (ἡ προβατικὴ)».

Название этого места часто понималось аллегорически как *bēt ḥesdā* –дом милосердия. Греч. название дошло до нас в различных вариантах чтения, однако Βηθεσδά предпочтительнее, т. к. лучше иных соответствует евр. названию этого места, засвидетельствованному в кумран. медном свитке (3 Q 15. 11; 12 сл.; 35–65 гг. по Р. Х.). Речь идет о двойственной форме имени, на что могла повлиять особенность архитектуры этого сооружения, состоящего из 2 бассейнов. Однако отождествление евангельской В. с упомянутым в кумран. свитке местом имеет и противников (см.: *Аллегро Д.-М.* Сокровища медного списка: Пер. с англ. М., 1967. С. 49. Примеч. 281, 282).

Евсевий Кесарийский указывает на то, что в его время портиков у купели уже не было, однако обе части купальни по-прежнему наполнялись дождями, при этом одна из них «невероятным образом имела пурпурно-красную воду, говорят, это след когда-то омытых здесь жертвенных животных» (*Euseb.* Onomast. 58. 21). Блж. *Иероним Стридонский* в своем переводе транскрибирует греч. название как Probatica (что нашло отражение в вариантах названия этого места на картах эпохи крестоносцев: Piscina Probatica, Piscina vel Porticus). Нек-рые подробности архитектурной планировки здания содержат и др. источники: *Бурдигальский итинерарий* (333 г.) сообщает о двойном бассейне с 5 портиками, в к-ром «вода ... делается красной, если ее возмутить». Свт. *Кирилл* Иерусалимский (IV в.) уточняет, что «в Иерусалиме есть Овчая купель, с пятью портиками, четыре из которых идут вокруг нее, пятый же – в центре, и там лежит много больных» (*Cyr. Hieros.* Hom. in paralyt. 2. 1).

Не позднее сер. IV в. в память о чуде исцеления была построена церковь, называемая «Церковью Расслабленного» или «Церковью Овчей купели» (упом. впервые *Петром Ивером* в 451, затем *Евтихием,* Патриархом Александрийским, в 940). Недалеко от купели почиталось также место Рождества Пресв. Богородицы, где

Раскопки купальни Вифезда и ц. прав. Анны. Фотография. Кон. XX в.

была построена церковь, соединенная с купелью. Обе церкви воспринимались паломниками как единый комплекс. Так, *Пьяченцы Паломник* (570) пишет: «Возвращаясь в город, мы подходим к купели... с пятью портиками, один из которых принадлежит базилике св. Марии» – вероятно, эта церковь была поставлена в портике церкви В. и они могли когда-то образовывать единый комплекс. Церкви были разрушены в эпоху мусульм. господства, но затем восстановлены крестоносцами, причем ц. прав. Анны (построенная вместо «базилики св. Марии»), поставленная к востоку от В., сохранилась до наст. времени (см. ст. *Иерусалим,* разд. «Церковь прав. Анны»). В «Деяниях франков» (1108) указано, что церковь стояла напротив остатков старой купели и портиков.

Остатки В. археологически изучены недостаточно, прежде всего потому, что их раскопки начали очень рано (К. Шик, 1888), сразу после того, как участок В. оказался в руках франц. правительства. Опыта подобной работы еще не было ни у доминиканцев, руководивших ею, ни у др. исследователей. Доминиканцы *Библейской и археологической французской школы в Иерусалиме* вернулись к этой работе в 1957–1962 гг. под рук. Р. де *Во,* но также не довели ее до конца.

Традиционно с Овчей купелью отождествляют руины у Овчих ворот (ворота св. Стефана), в сев.-вост. углу стены Иерусалима, немного к западу от ц. первомученика Стефана и рядом с ц. прав. Анны. Это было подтверждено находкой в 1866 г. в помещениях под основанием ц. прав. Анны древнего *вотива* – высеченной из мрамора ноги с греч. надписью-посвящением: «Помпея Луцилия вложила» (*Vincent L.-H.* Jérusalem. P., 1926. T. 2: Jérusalem nouvelle. P. 694–695). Вклад, сделанный, вероятно, исцеленной паломницей во II в. по Р. Х., а также обнаружение др. вотивов II–III вв. и открытие подземных помещений того же времени (частью естественных, частью вырубленных в скале; работы Фан дер Флита, 1896) с малыми купальнями, каналами, остатками живописи (в т. ч. роспись сводчатой галереи в помпеянском «красном» стиле) и мозаики, указывают на то, что участок, занятый сейчас ц. прав. Анны и В., был местом святилища рим. эпохи, вероятно в честь Асклепия-Сараписа, с бассейном для омовений. Больные могли ожидать исцеления в ср. стое или при расположенных рядом небольших водоемах (их следы открыты в 60-х гг. XX в.). Первоначальное толкование Л. *Венсаном* этих остатков как следов древнейшей церкви (*Vincent.* Jérusalem nouvelle. P. 717–718), затем застроенной языческим святилищем, в наст. время отвергнуто.

В. образована парой больших купелей (открытых бассейнов). Частью они вырублены в скале, частью обложены отесанным камнем; купели разделял каменный барьер шириной 6 м, в к-ром имелись каналы для стока воды. Поскольку значительная часть памятника лежит под густонаселенной частью города,

полная форма купелей до сих пор неизвестна. Примерные размеры малой (сев.) купели ок. 40×50 м : 50 и 53 м (север и юг); 40 м (восток и запад); большой (юж.) купели ок. 50×60 м : 58 и 66 м (север и юг), 49,5 и 48 м (восток и запад); объем вмещаемой воды (при средней глубине 13,4 м) — ок. 3 тыс. кв. м. Возможно, что один из портиков был сооружен на разделяющем купели барьере (толщиной 6–6,5 м), а остальные — по их сторонам.

Подробно изучены только более поздние сооружения, занимавшие часть сев. купели: 2 цистерны, одна (в юго-вост. углу сев. купели) — перекрытая сводом емкость, вытянутая по оси запад—восток (16×6 м), у к-рой 3 стороны вырублены в скале, сев. сложена из камня (ее нижняя часть датирована рим. эпохой).

Дата создания купелей археологически не установлена, они могут восходить к рубежу III–II вв. до Р. Х., т. е. к строительной деятельности первосвящ. Симона (220–195 гг. до Р. Х., ср. Еккл 50. 1–3); в это время здесь уже могло быть место отправления языческого культа. Архитектурное оформление памятника (5 портиков, типы колонны и т. п.) обычно относят к эпохе Ирода Великого (при раскопках собрано много капителей, баз и стволов колонн, типичных для этого времени; в 1932 на юж. стене юж. купели отмечено евр. граффито — вероятно, оно оставлено до восстания *Бар-Кохбы*). Во II в. по Р. Х. римляне могли перестроить комплекс в храм, посвященный Асклепию.

В 1962 г. в В. были изучены остатки трехнефной базилики визант. эпохи. Ее зап. часть с главным входом и центральная апсида стояли на барьере, разделявшем купели; сев. неф опирался на кладку цистерны рим. времени, а юж.— на мощную субструкцию, образованную серией арок. Подземная часть языческого святилища, помещавшаяся к востоку от обоих бассейнов, была засыпана, и на ней поставлена алтарная часть базилики — возможно, символизируя победу христианства. Храм имел 3 нефа и 3 равные полукруглые апсиды; центральный неф равнялся шириной скальному барьеру (ок. 6 м); общая ширина храма 18–19 м при длине 45 м. Церковь была вымощена мраморной плитой, а в нартексе сохранилась часть мозаики пола, в к-рой использованы изображения крестов (полагают, что это может служить указанием на постройку храма до 427, когда такие изображения были запрещены декретом *Феодосия II*, однако в Палестине такие мотивы встречаются и в VI–VII вв.).

Исследователи датировали разрушение базилики 614 г. и отметили существование на ее месте маленькой часовни над сев. нефом вплоть до эпохи халифа Хакима, когда и она была уничтожена (1009). К сожалению, руины визант. базилики использовались крестоносцами как источник материалов при строительстве соседней ц. прав. Анны (не позднее 1102) и были полностью разобраны. Вместо базилики В. крестоносцы поставили новую однонефную церковь (известна в источниках под названием Мутье (Moutier), т. е. мон-рь) в юго-вост. углу сев. купели. Эта церковь стояла на субструкции из 5 параллельных коробовых сводов, к-рые в свою очередь опирались на 4 высеченных из скалы пилона и поддерживали 5 портиков, перекрытых сводами. Особая лестница позволяла паломникам спуститься под визант. свод, в угол цистерны, где, как они полагали, произошло чудо исцеления расслабленного (эта часть конструкции сохр. и демонстрируется по сей день).

Лит.: *Полянский Е. Я.* Евангельская купель: Вифезда // СИППО. 1910. Т. 21. Вып. 2–3; *Vincent H.* Le Sanctuaire de St.-Anne et la Piscine Probatique à Jérusalem. P., 1926; *Jeremias J.* Die Wiederentdeckung von Bethesda: Joh. 5, 2. Gött., 1949; *Mackowski R. M.* Jerusalem: City of Jesus. Grand Rapids, 1980. P. 79–83; *Bagatti B.* Church from the Gentiles in Palestine. Jerusalem, 1971; *Ovadiah A., Gomez de Silva C.* Supplementum to the Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land // Levant. 1981. Vol. 13. P. 223 ff. N 26, 27; *Klinger J.* Bethesda and the Universality of the Logos // SVTQ. 1983. Vol. 27. № 3. P. 169–185; *Kroll G.* Auf den Spuren Jesu. Stuttg., 1988[10]. S. 248–253; *Boas A. J.* Jerusalem in the Time of the Crusaders. L., 2001.

Л. А. Беляев

ВИФИ́НИЯ (греч. Βιθυνία), историческая область на северо-западе М. Азии, омываемая с востока Пропонтидой (Мраморным м.) и прол. Босфор, с севера Понтом Эвксинским (Чёрным м.), на западе граничит с Пафлагонией, на юге — с Галатией и Асией. В древности была населена фракийскими племенами, в т. ч. вифинами, от к-рых происходит название В. (*Herod.* Hist. VII 75). С VII в. до Р. Х. на побережье основываются греч. колонии (Халкидон, Хрисополь, Никополь и др.). В сер. VI в. до Р. Х. подчинена Лидии, с 548 г. в составе персид. гос-ва Ахеменидов. В ходе распада державы Александра Македонского образовалось независимое Вифинское царство. Ок. 264 г. царь Никомед I основал столицу *Никомидию* (Никомедию, совр. Измит). В 74 г. до Р. Х. Никомед III (IV) Эпифан завещал свое царство Риму. Римляне образовали на территории В. одноименную провинцию, административно объединенную с *Понтом*. В 111–113 гг. по Р. Х. легатом имп. *Траяна* в В. и Понте был *Плиний Младший*. Главные города: Никомидия, *Никея* (совр. Изник), Халкидон (совр. Кадыкёй, пригород Стамбула), Пруса у Олимпа (совр. Бурса), *Апамея* Вифинская. С кон. III в. по Р. Х. в Никомидии находилась основная вост. резиденция рим. императоров, перенесенная Константином Великим в К-поль. В рим. и визант. время В. процветала в экономическом и культурном отношении, но неоднократно подвергалась разорению в ходе войн и страдала от разрушительных землетрясений. В VII–VIII вв. на территории В. были образованы фемы Опсикий и Оптиматы. Название провинции В. («эпархия вифинов») встречается на печатях кон. VII в. в связи с расселением здесь покоренных имп. Юстинианом II слав. племен (Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 218–220). В текстах XIII в. наряду с В. упоминается обл. Месофиния, по-видимому обозначающая Никомидийский п-ов.

В В. проповедовали апостолы *Петр* (Деян 2. 9; 1 Петр 1. 1; *Euseb.* Hist. eccl. III 1) и *Андрей Первозванный*. По свидетельству Плиния, в нач. II в. в В. было множество христиан всех сословий и возрастов (*Plin. Jun.* Ep. X 96–97). Во время гонений 303–311 гг. Никомидия (резиденция гонителей христиан императоров *Диоклетиана* и *Галерия*) и др. города В. стали местом подвига множества христ. мучеников. После торжества христианства при Константине Великом В. играла заметную роль в церковной истории. Здесь были созваны I (Никея, 325), IV (Халкидон, 451) и VII (Никея, 787) Вселенские Соборы. Сразу 3 крупнейших города провинции, Никомидия, Никея и Халкидон, имели статус митрополий (занимали 7–9-е места среди кафедр К-польского

Патриархата). В 1-й пол. IV в. значительное влияние при имп. дворе имел сторонник ариан *Евсевий*, еп. Никомидийский, переведенный впосл. на К-польскую кафедру (338–341). Второй подъем Никомидии отмечен в IX в., при митр. свт. *Феофилакте* (800–815), когда город стал столицей фемы Оптиматы и началось широкое строительство мон-рей и богаделен. Начиная с V в. в горах В. сформировались 2 крупных монашеских центра: *Олимп* Вифинский и *Авксентия святого гора*. На «горе монахов» Олимпе, расположенной южнее Прусы, и в ее окрестностях в период наивысшего процветания (VIII–X вв.) находилось ок. 50 мон-рей, среди них — такие крупные, как Атроя, *Мидикион*, Пелекитский, лавра Символон и др. На Олимпе начинали карьеру или проводили остаток жизни мн. церковные и общественные деятели: преподобные *Феодор Студит*, *Иоанникий Великий*, *Евфимий Новый*, Патриарх К-польский свт. *Мефодий* (843–847) и др. В 12 км к юго-востоку от Халкидона находилась гора св. Авксентия, названная по имени сир. монаха прп. *Авксентия* (V в.), проведшего здесь последние 20 лет жизни. С кон. V в., но особенно интенсивно в IX–XII вв., здесь шло строительство мон-рей: св. Стефана, св. Апостолов, арх. Михаила и др. Много церквей и мон-рей было воздвигнуто в небольших городках в прибрежной полосе Мраморного м.: в Апамее, в Аполлонии, в Дакивизе и др.

Лит.: *Ramsay W. M.* The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890. P. 179–187; Vie de saint Auxence / Ed. L. Clugnet. Mont Saint-Auxence: Étude historique et topographique / J. Pargoire // BHO. P., 1904. T. 6; *Sölch J.* Historisch-geographische Studien über bithynische Siedlungen // BNJ. 1920. Bd. 1. S. 263–337; *Janin R.* La Bythynie sous l'empire byzantine // EO. 1921. T. 20. P. 162–182; *idem.* Grands centres. P. 1–191; *Menthon B.* L'Olympe de Bythynie: Une terre de légendes. P., 1935; *Mango C., Ševčenko I.* Some Churches and Monasteries on the Southern Shore of the Sea of Marmara // DOP. 1973. Vol. 27. P. 235–277; *Johnson G. J.* Roman Bithynia and Christianity to the Mid-Fourth Century. Ann Arbor (Mich.), 1984; *Marek C.* Stadt, Ära und Territorium in Pontus und Nord-Galatia. Tüb., 1993. (IF; Bd. 39).

П. И. Жаворонков

ВИФЛЕЕ́М [евр. בית לחם, *bēt lehem* — дом хлеба], поселение на Иудейском нагорье, согласно Евангелиям, место рождения Иисуса Христа, одно из самых почитаемых св. мест христианства. Древнее имя сохранил совр.

Вифлеем. Фотография. Кон. XX в.

В.— город на территории Палестинской автономии, в 9 км к юго-западу от Иерусалима. В. расположен на зап. части водораздельного хребта, между плодородным р-ном г. *Бейт-Джала* и засушливыми полем Вооза и Полем Пастырей (*Бейт-Сахур*), уходящими на восток, в Иудейскую пустыню. Само название, возможно, указывает на то, что в древности в окрестностях В. было достаточно развито возделывание зерновых культур.

Несмотря на довольно частое упоминание в Библии, город не играл значительной роли в политической истории Др. Израиля. В кн. Бытие он фигурирует также под именем Ефрафа, вблизи к-рого умерла и похоронена *Рахиль* (Быт 35. 19). Возможно, что названный в *Амарнских письмах* (XIV в. до Р. Х.) *bit-lahmu* — дом Лахму (одного из ассирийских божеств) — не что иное, как В. (Die El-Amarna Tafeln / Hrsg. J. A. Knudtzon. Lpz., 1915. Bd. 1–2. № 290). Однако эта идентификация имеет и противников (Липинский). В списке областей Иудеи во времена Иисуса Навина (Нав 15. 21–22) В. назван главным городом 10-й области. Он был местным центром владений рода Ефрафы (1 Цар 17. 12; Руфь 1. 2; ср.: Мих 5. 2 и Руфь 4. 11). Это город «дома Давида», место его избрания и помазания на царство прор. *Самуилом* (1 Цар 16. 1–13; 17. 12; 20. 6; 2 Цар 23. 14–16). Здесь же происходит и действие Книги Руфь (ср.: 1. 1–2, 19, 22; 2. 4; 4. 11). Из В. происходил Азаил, один из сторонников Давида, а также племянник царя (1 Пар 2. 16; 1 Цар 23. 24; 1 Пар 11. 26; 2 Цар 2. 32).

Уже в юности Давида В. был обнесен стеной (ср. упоминание ворот В. в 2 Цар 23. 15 и 1 Пар 11. 17–18), царь *Ровоам* превратил его в крепость, сев.-вост. бастион оборонительной системы, охранявшей центральную область Иудеи (2 Пар 11. 6). В Ездр 2. 21 (ср. Неем 7. 26) говорится, что из вавилонского плена в В. вернулось всего 123 чел., это показывает, что В. был маленьким городом (ср. Мих 5. 1). Однако, как видно из пророчества Мих 5. 1–3, в израильском народе никогда не исчезала память о том, что из В. происходил царь Давид. Люди помнили его скромное происхождение, когда уже померкла слава потомков родоначальника царской династии, и надеялись, что история повторится: в скромной семье в В. родится Новый Давид (Мих 5. 1–3). В согласии с этим пророчеством (ср. Мф 2. 6) в правление Ирода Великого в В. родился Иисус Христос (Мф 2. 2–18; Лк 2. 1–20; ср. Ин 7. 42).

Наряду с В. в Иудее (Суд 17. 7–9; 19. 1–2, 18; 1 Цар 17. 12; Руф 1. 1–2) в ВЗ упоминается еще одно место с тем же названием в Галилее в области расселения колена Завулона (Суд 12. 8–10; совр. Бет-Лехем-ха-Глилит, ок. 10 км к западу от Назарета).

Как один из главных центров христ. паломничества, В. привлек к себе внимание всех христ. Церквей. Кроме православных и католиков здесь отмечено присутствие монофизитов-армян (по крайней мере с V в.), а в описаниях пилигримов с XIV в.— последователей эфиопской и несторианской Церквей, маронитов, яковитов, правосл. грузин и др.

С доисторического периода В. время от времени заселялся. Проводившиеся в окрестностях археологические обследования открыли ряд цистерн, причем нек-рые построены в манере, типичной для бронзового века, с использованием естественных пещер, обведенных стенами и покрытых обмазкой; в соседнем Бейт-Сахуре найдена керамика III тыс. до Р. Х. (эпоха бронзы); на склоне, при исследованиях вокруг ц. Рождества и в пещерах под ней, Б. *Багатти* в 1962 г. были открыты остатки поселения и гробница железного века (X в. до Р. Х.; подтверждено разведкой С. Гутмана и А. Бермана в 1969). Однако сведения Библии

о стенах В. и источнике воды до сих пор не нашли подтверждения. После восстания в 135 г. В. был занят рим. гарнизоном, о чем говорит рим. надпись рядом с гробницей Рахили.

Начиная с христ. эпохи В. постоянно упоминается и описывается паломниками. Особенно важным источником для истории его архитектуры являются рисунки худож. Бернардино Амико, сделанные в 1596 г. (опубликованы в XVII в.). Дополнительные сведения о почитании христианами мест, связанных с событием Рождества Христова, а также о развитии в В. христ. архитектуры и искусства дают материалы археологических обследований, проведенных в 1908–1909 гг. и 1932–1934 гг. внутри базилики Рождества. Ценные сведения получены Багатти при работах 1947–1948 гг., проводившихся в сев. клуатре францисканцами — хранителями Св. земли, и при раскопках (1962–1964) в пещере блж. Иеронима. Информация собиралась также при реставрационных работах 1988 г. на территории арм. мон-ря. С 90-х гг. XX в. в самом В. и его окрестностях развернута международная археологическая программа, однако пока опубликованы только предварительные сведения о ее результатах (см.: Prag K.; Cree F. de).

Наиболее важный объект христ. истории в В.— т. н. Пещера (Вертеп, Грот) Рождества со стоящей над нею ц. Рождества Христова. Отождествление этой пещеры как места рождения Иисуса Христа вызвало в науке много споров. Неоднократно отмечалось, что детали повествования о Рождестве Христове у евангелистов Луки и Матфея существенно различаются (евангелист Иоанн пишет даже о неверии многих в Мессию на том основании, что он не рожден в Вифлееме; ср. Ин 7. 41–42). Повествуя о Рождестве, Евангелия не упоминают пещеру: ее древнейшее включение в текст можно найти у Иустина (*Iust. Martyr.* Dial. 78. 5–6) и в Протоевангелии Иакова (18.1), к-рые помещают Рождество не в самом В., но близко к нему или на полпути из Иерусалима. Напротив, Ориген (*Orig.* Contr. Cels. 1. 51) ок. 247 г. написал о рождении Иисуса Христа в самом В. и о пещере, к-рую местные жители показывают паломникам. Наиболее часто нынешнюю Пещеру Рождества отождествляют с местом рождения Иисуса Христа на основе фразы из письма блж. Иеронима (*Hieron.* Ep. ad Paul. 58. 3, ок. 395), к-рый долгое время жил в пещерах В., где работал над новым лат. переводом Библии. Он пишет, что имп. Адриан уничтожил там христ. святыню и устроил святилище Таммуза/Адониса. Однако ни археология, ни нумизматика не подтверждают присутствия в В. языческого святилища (П. Вельтен). Ряд археологов полагают, что искать археологические доказательства того, что Христос появился на свет именно в Пещере Рождества, означает некорректную постановку вопроса (Дж. Тейлор). Археологическое изучение пещер под ц. Рождества Христова серьезно затруднено тем, что их комплекс претерпел очень много изменений в посл. 2 тыс. лет.

Пещера Рождества (размер ок. 10,5/12,3×3,5×3 м) связана с др. пещерами, служившими для погребения верующих с IV–V вв. Совр. вид Пещеры Рождества сложился в основном в XII в., когда бронзовые двери V–VI вв. были окружены мраморными порталами, фланкированы парными колонками, а люнеты их стрельчатых арок украсили резьба (аканф) и звезда в сев. люнете,

Св. престол над местом рождения Спасителя в Пещере Рождества Христова

(вероятно, главным входом в пещеру в XII в.) помещались св. ясли, к-рые язычники, согласно Оригену, показывали христианам. Блж. Иероним свидетельствует, что первоначально ясли были сделаны из глины, к-рую затем заменили золотом и серебром. Согласно средневек. паломникам, в мраморном обрамлении яслей имелись 3 круглых отверстия, через к-рые можно было к ним при-

Пещера Рождества Христова в Вифлееме

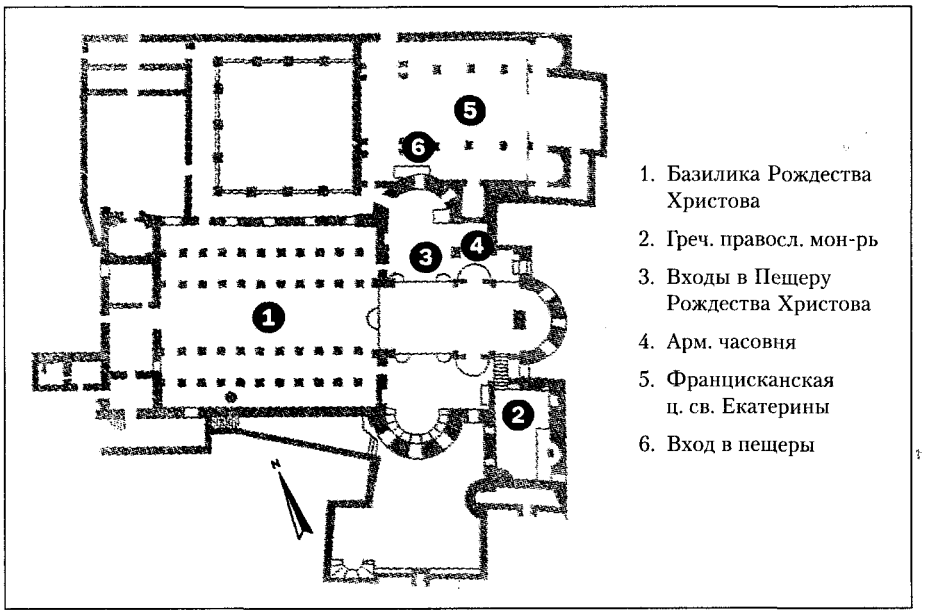
кладываться. Сейчас на месте, где стояли ясли,— скальный выступ, покрытый мрамором, в центре его сделано углубление (ок. 1×0,30 м), открытое спереди. В сев. части пещер, куда в средневековье можно было попасть по лестницам и проходам, паломники могли поклониться келье и могиле блж. Иеронима (впосл. его мощи перенесены в Рим), погребениям святых Павлы, Евстохии и Евсевия Кремонского, погребениям *Вифлеемских младенцев* и мощам св. Иосифа Аримафейского.

В непосредственной близости от Пещеры Рождества, на северо-востоке помещалась Молочная пещера. Уже с VII в. в Зап. Европе почитались как реликвии капли «молока Богородицы» — фракции пористого

выполненная в технике opus sectile (из кусочков камней). Пещера имеет маленькую полуциркульную апсиду, вырубленную в вост. конце, с каменным алтарем, отмечающим место Рождества Христова, образ к-рого представлен мозаикой в полукуполе апсиды с надписью по-латыни. Согласно паломнику Теодориху (70-е гг. XII в.), вся Пещера Рождества была украшена мозаикой (выполнена до нач. XII в., поновлена в лат. период), от к-рой сохранились только фрагменты в апсиде. Место рождения Христа с 1717 г. отмечено серебряной звездой под престолом. Слева, рядом с юж. входом

белого камня, находимые в пещере, где Св. семейство, по преданию, спасалось от воинов царя Ирода по пути в Египет; согласно легенде, кормя Младенца Иисуса, Богородица позволила излиться неск. каплям молока на камень, к-рые изменили его цвет с красного на белый. Считается, что этот камень, растворенный в воде, помогает матерям, имеющим проблемы с кормлением. Пещеру, где отдыхало Св. семейство, упомянул игум. Даниил; остальные паломники пишут о том, что поверх Молочной пещеры стоит ц. святых Павлы и Евстохии; существуют и др. идентификации места Молочной пещеры. По-видимому, изначально она помещалась в греч. мон-ре св. Николая. К кон. XIV в. его здания были уже разрушены, и в 1375 г. специальной папской буллой францисканцам было разрешено перестроить церковь; участок стал их собственностью с кон. XV в. и остается таковой до сих пор.

План базилики Рождества Христова в Вифлееме

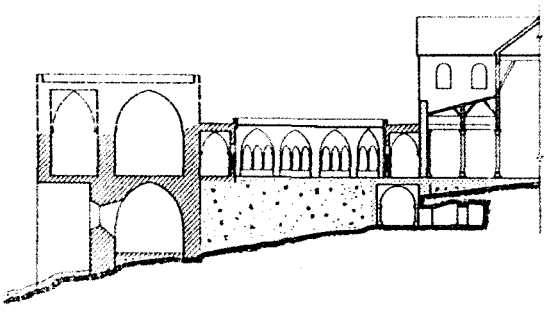

Базилика Рождества. ***Эпоха имп. Константина Великого (306–337).*** Это один из памятников, ставший наряду с храмом Гроба Господня архетипом *мартириев* и образцом для архитектурного оформления св. мест христ. мира. Как пишут Евсевий Кесарийский и Кирилл Скифопольский, храмы Рождества в В. и Гроба Господня в Иерусалиме строились не для служения литургии, а для того, чтобы каждый верующий мог увидеть места рождения, погребения и воскресения Иисуса Христа.

Совр. базилика – единственный христ. храм в Палестине, к-рый сохранился в целости (хотя и с рядом перестроек) с домусульм. периода и богослужение в к-ром практически непрерывно продолжается с ранневизант. эпохи. Первый храм Рождества над пещерой, к-рой поклонялись как месту рождения Иисуса, был построен имп. Константином Великим и его матерью имп. Еленой (храм освятили 31 мая 339, но церковь описана уже в *Бурдигальском итинерарии* (333)). С этого момента В. занял важное место в истории христ. искусства, благодаря как высокому уровню художественного и архитектурного обрамления святыни, так и тому влиянию, к-рое образ пещер оказал на сложение иконографии Рождества. Церковь вошла в число 4 главных храмов Св. земли наряду с храмами над Голгофой, Гроба Господня и Вознесения на Елеонской горе, и стала прототипом мн. христ. сооружений последующих эпох.

Сведения о храме IV в. (разрушен в 529) дают в основном археологические раскопки, проведенные в годы Британского мандата департаментом древностей (1934–1936, рук. У. Харви). На 50–60 см ниже уровня нынешнего пола были найдены основания стен, базы колонн, мозаичное мощение полов. Раскопки показали, что храм погиб при пожаре (открыт толстый слой пепла, обгорелого дерева и битой черепицы), а затем был разобран, так что его внешний облик восстанавливается только гипотетически. Как выяснилось, храм эпохи имп. Константина Великого делился в плане на 3 части: прямоугольный атриум на западе, 5-нефная базилика и октагональная церковь над пещерой на востоке. Базилика, перекрытая по балкам, была в плане почти квадратной (27,70×26,80 м изнутри) и делилась 9 колоннами (диаметр 1 м) на 10 компартиментов (что именно несли колонны, архитрав или аркаду, неясно). Главный неф (шириной 10 м) фланкировали сдвоенные боковые проходы (шириной 3 и 3,5 м). Храм имел строгую осевую композицию: центральная ось 3 главных частей совпадала; насквозь проходили также оси 2 внутренних нефов. На эти оси были «нанизаны» двери атриума, базилики и угловых (треугольные в плане) помещений октагона. Но крайние боковые нефы не сообщались напрямую ни с атриумом, ни с вост. пастофориями (прямоугольными боковыми помещениями). Стены базилики были украшены фресковой и мозаичной росписями на религ. сюжеты, полы вымощены мозаикой (геометрические и растительные орнаменты, изображения животных). Среди них привлекает внимание панель с мозаикой, в к-рую вписана монограмма «ΙΧΘΥΣ» (т. е. рыба, аббревиатура греч. слов «Иисус Христос Божий Сын Спаситель»), найденная в апсиде и относимая к V (Дж. Кроуфут) или к IV в. (Багатти).

Октагон (диаметр 18,6 м) имел сторону в 7,9 м, а в ширину был равен 3 центральным нефам базилики. Пол был поднят выше уровня нефов базилики на 3 ступени. В центре стоял октагональный подиум, также в 3 ступени,

Вертикальный разрез базилики Рождества Христова и пещер в Вифлееме

середину к-рого прорезал круглый световой колодец (oculus; шириной 3,85 м), напрямую открывавшийся в пещеру под ним (общее мнение ученых, за исключением Багатти). Остатки опор по периметру колодца позволяют думать, что световой колодец был увенчан киворием или окружен невысоким барьером. Не было найдено никаких остатков престола, причем Кроуфут предполагал, что в храме он изначально не был предусмотрен (как в храме Гроба Господня), так же как возможность спуска в пещеру (большинство ученых считают, что в пещеру спускались, попадая в ее зап. часть по узкой лестнице в вост. конце главного нефа базилики).

В целом план базилики очень близок плану храма Гроба Господня в Иерусалиме, с поправками на различный облик самих святынь, хотя собственно мемория в В. не была отделена от зала базилики, как в Иерусалиме, но архитектурно эти элементы в обоих случаях связаны мало.

Эпоха имп. Юстиниана I (527–565). Первая базилика Рождества была полностью разрушена в 529 г., во время восстания против византийцев в Самарии. Вскоре по просьбе прп. Саввы Освященного ее полностью отстроили мастера, присланные имп. Юстинианом I (о чем сообщает в нач. X в. Патриарх Александрийский Евтихий). При этом храм был существенно изменен в своей наиболее важной вост. части и приспособлен для литургии; кроме того, он стал крупнее и роскошнее, что вполне отвечало запросам ктитора. Новый храм был возведен из блоков тесаного камня, но, как и первая базилика, перекрыт деревом. Он по-прежнему имел 5 нефов, хотя количество колонн увеличилось на одну («лишний» 10-й ряд был добавлен с запада); были добавлены

Пещера Рождества Христова в Вифлееме. 1833 г. Худож. М. Н. Воробьёв (ПИАМ)

также экзонартекс и новый атриум. Общие размеры составили 53,2×26,8 при длине трансепта 36 м. Колонны из хорошо отполированного розоватого вифлеемита встали на новые основания, а их резные коринфские капители с аканфом и знаками креста поддерживали деревянный архитрав с резьбой (к-рая может отражать богатство кессонированных потолков храма IV в.). 3 большие двери с архитравами на выносных консолях вели из внешнего двора в нартекс, откуда 3 др. двери открывались в главный и боковые нефы. Внешние нефы и клериcторий (верхняя часть центрального нефа, приподнятая по отношению к боковым нефам) освещали окна с циркульными архивольтами.

Перемены в вост. части были серьезнее: октагон сменил трифолий — главная апсида (в ней имеются остатки синтрона, перед ней — следы «сирийской бемы», возможно окружавшей престол) выдавалась с востока, 2 др. завершали рукава трансепта; световой колодец был заложен. Пещера Рождества оказалась теперь под сводом трансепта, и приподнятый пол алтарной части примерно соответствовал ей по площади. В нее спускались по полукруглым маршам с севера и юга. Полы и стены всего храма были облицованы мрамором, в верхней части стен помещались мозаики. Харви упоминает о 22 окнах,

Интерьер базилики Рождества Христова в Вифлееме. Фотография. Кон. XX в.

освещавших интерьер (сейчас заложены).

Новый храм уцелел при персид. нашествии 612–629 гг. (согласно легенде, благодаря тому, что персы увидели на мозаике с изображением Рождества сцену поклонения волхвов, в к-рых, по одежде и головным уборам, признали единоверцев) и при исламском завоевании в 30-х гг. VII в.; базилика избегла разрушения и при халифе аль-Хакиме в 1009 г., видимо, благодаря тому, что мусульмане почитали место рождения Христа (ее юж. трансепт был отделен и предоставлен им для поклонения).

Отдельный пласт изменений храма эпохи правления имп. Юстиниана составляют достройки в период лат. владычества на Востоке, в XII–XIII вв. В. был взят Танкредом и его отрядом в 100 всадников в июне 1099 г. и оставался в руках крестоносцев до 15 сент. 1187 г.; возвращен франками в 1229 г. по договору между Фридрихом II и аль-Маликом аль-Камилом и окончательно отбит тюрк. войсками в 1244 г. Если в визант. время храм Рождества был почитаем как церковь-мартирий, но никогда не являлся епископальным центром, то в годы лат. господства он стал кафедрой лат. епископа В. и Аскалона (с 1100). На Рождество 1100 г. в нем был коронован Балдуин I, а позже и Балдуин II (1118). Здесь служили каноники-августинцы с приором во главе, братство к-рых сформировалось вскоре после июня 1099 г. Ц. Рождества той эпохи описывают мн. пилигримы XII–XIII вв.

В декорацию базилики были внесены нек-рые изменения: мозаики на стенах, существовавшие к кон. XI в. (упомянуты игум. Даниилом в нач. XII в.), были отреставрированы в 1161–1165/69 гг. на средства визант. имп. Мануила I Комнина и иерусалимского кор. Амальрика. Оба они названы в двуязычной надписи на юж. стене алтаря, в к-рой упомянут также художник, осуществивший работу,— мон. Ефрем. От мозаик уцелели только фрагменты, но ранние описания, особенно Кварезми (1626), позволяют реконструировать программу

хотя бы отчасти. В центральной апсиде была изображена Богородица с Младенцем, по сторонам от них — прор. Давид и праотец Авраам (необычное сочетание, учитывая также сцену Благовещения на триумфальной арке). Греч. паломник Иоанн Фока (1185) упоминает в алтаре «над пещерой» портрет имп. Мануила I. Сцены на сев. стороне включали Пятидесятницу, на юж.— Успение Пресв. Богородицы и Введение во храм. В сев. трансепте имелись сцены Преображения Господня, Уверения ап. Фомы и Вознесения Христова; в юж.— Вход в Иерусалим и Предательство Иуды. Декорация стен клеристория делилась на 3 горизонтальные зоны: прямо над архитравом была представлена родословная Христа согласно евангелистам Матфею (юж. стена) и Луке (сев. стена) — погрудные изображения; над ней на юж. стене помещались 7 табличек в архитектурном обрамлении с текстами из постановлений 7 Вселенских Соборов (6 на греч. и 1 на лат. языках), на сев. стене им отвечали такие же таблички, связанные с 6 Поместными Соборами Греческой Православной Церкви. Над ними, между окнами клеристория, были изображены группы ангелов, у ног одного из к-рых на сев. стене имеется мозаичная подпись: «Basilius (Basileus) Pictor» — с пояснением по-сирийски, в к-ром художник назван диаконом. Согласно Кварезми, зап. стену занимала композиция «Древо Иессеево».

Ангел.
Мозаика базилики
Рождества Христова
в Вифлееме. Ок. 1169 г.

Колонны нефа в XII в. были также расписаны (изображение Богоматери с Младенцем на 2-й юж. колонне имеет надпись, датирующую роспись 1130 или 1139), в основном образами вост. и зап., в т. ч. сканд. святых. Подписи также были сделаны на 2 языках, по-латыни и по-гречески. С востока на запад на сев. колоннаде изображены: Распятие, ап. Иоанн Богослов, Богородица с Младенцем (Галактотрофуса), святые Катальд, Дамиан, Косма, Леонард (вероятно, Лиможский), Георгий Победоносец, Евфимий Великий, Антоний Великий, Макарий Великий; на юж.— святые Маргарита (Марина), Фуска, Онуфрий Великий, прор. Илия (с 2 воронами), Иоанн Креститель, Викентий, Олаф Норвежский, Кнут Датский, первомученик Стефан, Савва Освященный, Феодосий Великий. На юж. колоннаде — Богородица с Младенцем (Одигитрия) (3 колонны без росписи); св. Маргарита (Мария), прав. Анна с младенцем Марией и св. папа Лев Великий, Богородица с Младенцем (Гликофилуса) и сщмч. Власий (2 колонны без росписи); апостолы Варфоломей и Иаков, брат Господень. К оконной декорации относились, возможно, фрагменты расписного оконного стекла в пещерах под сев. трансептом, ассоциируемых с блж. Иеронимом (собраны при работах 1962–1964). Представляющие в стилистическом отношении смесь романо-готических и визант. элементов, росписи ц. Рождества в целом являли пример смешения политических, культурных и художественных тенденций Запада и Востока в Св. земле в эпоху лат. господства.

Полы базилики были мраморными: в «Хождении» игум. Даниила они описаны как белые; описания более поздних паломников позволяют предположить цветную мозаичную выкладку мрамором в итал. стиле Космати. Эти полы были похищены турками между 1596 и 1626 гг. Мрамор покрывал также нижние части стен (в наст. время следов облицовки не сохр.). Считается, что главный престол храма был выполнен ок. 1185 г. Иоанном из Вюрцбурга.

Снаружи с запада базилику в XII в. фланкировали башни-колокольни (по обеим сторонам нартекса; на 1-м этаже сев. башни располагалась часовня с расписанными стенами). Крышу базилики, крытую свинцом по балкам, упоминают мн. паломники XII–XIII вв., но какой была ее внутренняя форма (кессонированная, как в VI в., или открытая стропильная конструкция, как в совр. виде), неясно. Теодорих в 70-х гг. XII в. писал также о венчавшей кровлю звезде из золоченой меди. В XII в. базилика была обстроена новыми зданиями мон-рей, весь комплекс окружила оборонительная стена с прямоугольными выступающими башнями. Главный вход вел через башню на зап. стороне, ее руины еще были видны в кон. XVI в.

Деисус.
Роспись часовни
в башне базилики Рождества Христова
в Вифлееме

(основание раскопано в 1932). Одна из башен (16,4×18,4 м, в юго-вост. углу, с основанием из рустованных блоков) напоминает донжон.

В базилике был собран целый ряд реликвий. Пилигримы упоминают о столе, на к-рый волхвы возложили свои дары; ок. 1130 г. в гробнице, на зап. стороне хора, были положены мощи св. Иосифа Аримафейского; отмечены также клещи (pincers), к-рыми св. Иосиф снимал с креста тело Христа; один из гвоздей Распятия и молот (упом. ок. 1170) и рука ап. Фомы, возможно полученные при разграблении К-поля в 1204 г. Упоминаются также мощи невинно убиенных младенцев Вифлеемских.

После взятия В. мусульм. армией под началом Салах ад-Дина (15 сент. 1187) лат. епископ и клир были изгнаны из базилики Рождества. Через 5 лет 2 священникам и диакону разрешено было вернуться, но сам храм был отдан в распоряжение вост. (сир.) христианам, к-рые продолжили его украшение в правосл. стиле. От этого периода сохранились резные деревянные двери главного зап. портала (датированы на арм. и араб.— 1227). В 1229 г. В. был возвращен франкам, но в апр. 1244 г. храм Рождества осквернили тюркихорезмийцы, а в 1263 г. мамлюкский султан Бейбарс I «уничтожил монастырь», через 3 года вывезя из него (возможно, из атриума) мрамор и колонны для украшения зданий Каира. Пилигримы-католики вновь смогли посещать В. только с 1271 г.; католич. мессы было разрешено служить с 1277 г.; с 1347 г. зап. христианство представляли здесь францисканцы, и сейчас еще занимающие здания бывш. девичьего мон-ря эпохи крестоносцев, а также сохраняющие престол в Пещере Рождества. В ведении Греческой Православной Церкви оставались главный престол храма (с 1244) и жен. мон-рь, пристроенный к базилике с юж. стороны.

Несмотря на нестабильную ситуацию в Палестине, храм не понес значительных утрат: план католич. мон. Бернардино Амико (1596) показывает его почти невредимым (за исключением сев.-зап. части). Храм ремонтировали неоднократно с разрешения властей Каира или Стамбула. В 1479 г. кровля была перекрыта свинцом, подаренным кор. Эдуардом IV Английским, по балкам, привезенным из Венеции. В 1670–1671 гг. кровлю чинили греки, к-рые также поставили иконостас, сменен-ный в 1764 г. Дальнейшие поновления связаны с землетрясением 1834 г. и с пожаром 1869 г., повредившими интерьер пещеры. В ц. Рождества поступали богатые дары из России: колокола; паникадила — вклад имп. Александра III и Николая II. В XIX в. между нефами и предалтарным пространством была поставлена стена, убранная в 1918 г. военным губ. Иерусалима сэром Роналдом Сторрсом. В 1947 г. клуатр эпохи крестоносцев был отреставрирован по проекту А. *Барлуцци*. В 1990 г. крыша храма перекрывалась еще раз военной администрацией Израиля, а после событий, связанных с захватом его участниками палестинского сопротивления зимой 2001/02 г., потребовалось обновление интерьера храма.

Монастыри в В. Первые мон-ри были созданы уже в 386 г. блж. Иеронимом и его ученицами, Павлой и Евстохией, но к нач. IX в. в мон-рях оставалось только 15 священников и монахов и 2 столпника. В 1016 г. бенедиктинец св. Бононий вновь организовал здесь общину.

Сохранились различные части комплекса, окружавшего базилику в XII в. и ранее и принадлежащие католич., греч. и арм. жен. мон-рям. Исследования Багатти и Барлуцци (1947–1948) восстановили историю францисканского комплекса, работы 1988 г. позволили обследовать территорию арм. мон-ря к юго-западу от храма. При раскопках XIX–XX вв. на территории францисканского мон-ря была собрана богатая коллекция церковных древностей эпохи крестоносцев: 16 колоколов из набора XIII в. (найдены в районе клуатра при работах 1883–1906); 2 бронзовые чаши со сценами из жизни ап. Фомы; 2 серебряных подсвечника с владельческой надписью храма Рождества по-латыни («Да будет проклят тот, кто похитит меня с места Святого Рождества. Вифлеем») и 3 подсвечника лиможской эмали, а также навершие епископского посоха лиможской эмали и фрагменты органа XIII в. Проч. части комплекса остаются необследованными и восстанавливаются в основном по рисунку Амико 1596 г.

В XII в. к северу от базилики (на участке, ныне занятом францисканским мон-рем и ц. вмц. Екатерины) сложился мон-рь канонис-августинок, сформированный при храме. Его планировка обычна для ордена августинцев: здания сгруппированы вокруг прямоугольного двора-клуатра (26,5×25 м) и оформлены в позднем романском стиле. Амбулаторий клуатра (шириной 3,5 м) был отделен от открытой части парапетом и перекрыт по стрельчатым аркам (4 травеи на каждой стороне; каждая травея открывалась во двор 3 проемами на сдвоенных колонках с резными капителями). Из зап. коридора клуатра можно было попасть прямо в сев. неф храма, а также спуститься по лестнице в пещеру, где погребен блж. Иероним. К северу от клуатра имелось прямоугольное помещение, к-рое Амико назвал разрушенной трапезной, фланкированное с севера галереей (шириной 5 м), опиравшейся на сводчатую субструкцию, стоявшую на склоне холма. Вост. часть мон-ря в основном разрушена в 70-х гг. XIX в. при расширении ц. вмц. Екатерины (ставшей главным католич. храмом В. в XIII в., после того как католики потеряли доступ к главному алтарю базилики). Ранняя ц. вмц. Екатерины (впервые упом. в XV в.; план приводит Амико) была вытянутой (27×6 м изнутри), разделенной на главный зал и хор, с вост. частью (6×15 м), возможно преобразованной из зала собраний более раннего мон-ря XII в. Севернее храма стояло крыло, включавшее на 2-м уровне дормиторий (спальню) канонис (сохр. вост. конец).

К югу от дворов базилики VI в. стоит арм. мон-рь. Его здания XVIII–XIX вв. опираются на сводчатые структуры XII в., одна из к-рых т. н. библиотека, или школа, блж. Иеронима — длинный зал (25,5×9,1 м), идущий точно вдоль линии юж. стилобата атриума VI в. (3 колонны к-рого можно и сегодня видеть в его сев. стене). Зал разделен на 12 травей с крестовыми сводами, опирающимися на 4 колонны розового известняка (вторичное использование) с коринфскими капителями. Их базы стоят на скале, на неск. метров ниже окружающей скальной поверхности, т. е. весь зал помещен в искусственной вырубке. С юга от базилики располагались, возможно, и епископская резиденция, а также греч. девичий мон-рь и лат. больница для паломников.

В ближайших окрестностях В. рассеян ряд важных памятников *археологии христианской*, часть к-рых также связана с почитанием события Рождества Христова. Прежде всего это Рамат-Рахель — холм Рахили (1 км от Пещеры Рождества), упоминаемый во II в. рим. историком Юстином как место Рождества. Раскопки показали, что до изгнания Адрианом евреев этот район был кладбищем маленькой деревушки, с нач. III в. его использовала также евр. община Иерусалима, а позже X легион использовал погребальные склепы как цистерны, построив здесь баню; в кон. III в. в Рамат-Рахель появились жилые здания. Др. место, почитавшееся в связи с Рождеством в окрестностях В. в V–

VI вв.,– т. н. Кафизма (кресло, трон), на к-ром, согласно преданию, передаваемому Феодосием (нач. VI в.), сидела Богородица во время отдыха на пути в В. В 451–458 гг. вокруг этого места был построен мон-рь, остатки его главного храма, купольного октагона с обходной галереей и встроенными в нее внешними капеллами, открыты в 1992 г. примерно на половине пути между Иерусалимом и В. Храм с прекрасно сохранившимися мозаичными полами представляет важное звено в развитии визант. архитектуры и иконографии.

Вблизи В. расположены и др. памятники христ. археологии, связанные с историей Рождества: дворец-крепость царя Ирода, а также совр. Бейт-Сахур, или Поле Пастырей, где в 70-х гг. XX в. при раскопках под рук. В. Дзафериса обнаружены хорошо сохранившиеся остатки неск. сменявших друг друга храмов с мозаичными полами и колоннами, восходящие к IV–VII вв., а также некрополи визант. времени с богатым инвентарем. С развитием традиции благочестивых паломничеств в В. было организовано производство евлогий (с VI в. стеклянные *ампулы*, коробочки для реликвий и *авории*, с XVI в.– изделия из коралла, перламутра и дерева оливы), существующее и в наст. время.

Лит.: *Riant P., de.* Études sur l'histoire de l'église de Bethléem. Gênes, 1889–1896; *Harley W. et al.* The Church of the Nativity at Bethlehem. L., 1910; *idem.* Structural Survey of the Church of the Nativity, Bethlehem. L., 1935; *Vogüé M., de.* Les églises de la Terre Sainte. P., 1860; *Vincent H., Abel F.-M.* Bethléem: le Sanctuaire de la Nativité. P., 1914; *Abel F.-M.* Histoire de la Palestine depuis la conquête d'Alexandre jusqu'à l'invasion arabe. P., 1952; *Saller S.* Bethlehem and its Surroundings // SBF. 1963. N 13. P. 325; *idem.* Bethlehem // Ibid. 1964. N 14. P. 287; *idem.* Bethlehem // RB. 1966. Vol. 72. P. 585; *idem.* Iron Age Remains from Bethlehem // SBF. 1968. N 18. P. 153–180; *Stockton E.* Stone Age Factory Site at Arafa near Bethlehem // Ibid. 1965. N 15. P. 124–136; *idem.* The Stone Age of Bethlehem // Ibid. 1967. N 17. P. 129–148; *Vetrali L.* Le iscrizioni dell' acquedo to romano presso Betlemme // Ibid. P. 149–161; *Bagatti B.* Recenti scavi a Betlemme // Ibid. 1968. N 18. P. 181–237; *Benoit P.* Chronique Archéologique // RB. 1970. Vol. 77. P. 583–585; *Lipinski E.* Beth-Schemesch und der Tempel der Herrin der Grabkammer in den Amarna-Briefen // VT. 1973. Vol. 23. P. 443–445; *idem.* L'emplacement de Bethléem au temps de Jésus // Dossiers de l'Archéologie. 1975. Vol. 10. P. 58–63; *Ovadiah A.* Corpus of the Byzantine Churches in the Holy Land / Transl. from Hebrew R. Kirson. Bonn, 1970. P. 33–37 [Bibliogr.]; *Welten P.* Bethlehem und die Klage um Adonis // ZDPV. 1983. Bd. 99. S. 189–203; *Brown R.* The Birth of the Messiah. N. Y., 1985; *Kühnel G.* The 12th-Cent. Decoration of the Church of the Nativity: Eastern and Western Concord // ACR. 1993. P. 197–203; *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus. Camb., 1993. Vol. 1: [A-K]. P. 137–157 [Bibliogr.]; *Tzapheres V.* The Early Christian Holy Site at Shepherd's Field // ACR. 1993. P. 204–206; *Taylor J. E.* The Bethany Cave: a Jewish-Christian Cult Site? // RB. 1990. Vol. 93. N 3; *idem.* Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxf., 1993. P. 96–112; *Cree F., de.* History and Archaeology of the Bet Sahur Region: A Preparatory Study for a Regional Survey: (The Bethlehem Archaeol. Project) // ZDPV. 1999. Bd. 115. N 1. S. 59–84; *Prag K.* Bethlechem: a Site Assessment // PEQ. 2000. Vol. 132. P. 169–181; *Lavas G. P.* The Kathisma of the Holy Virgin: A Major New Shrine // ΔΧΑΕ. 2001. N 2. P. 60–101.

Л. А. Беляев

Русский участок в Вифлееме Эль-Атн, площадью 7955 кв. м, расположенный недалеко от ул. Молочной пещеры. Улица разделяет его на 2 отдельных неравных участка, каждый из к-рых обнесен высокой каменной оградой. Приобретен архим. *Антонином* (Капустиным) в 80-х гг. XIX в. по поручению и на средства гр. М. В. Орловой-Давыдовой (за 33 тыс. франков). В 1894 г., после кончины архим. Антонина, участок по воле владелицы был передан Императорскому Православному Палестинскому об-ву (ИППО) и записан на имя помощника председателя обва М. П. Степанова. 23 февр. 1899 г. переведен на имя председателя ИППО вел. кн. Сергея Александровича, что было подтверждено сенедтугралы (т. е. закрепляющей грамотой султана) от 9 июня 1899 г. (Россия в Св. Земле. Т. 1. С. 284–285).

15 нояб. 1900 г. ИППО была открыта в В. начальная школа для араб. правосл. детей. Педагогический персонал составляли 4 учительницы, 2 из России, 2 — выпускницы жен. учительской семинарии в Бейт-Джале, созданной рус. педагогами в 1890 г. Рус. школа в В., как и др. 100 школ ИППО в Палестине и Сирии, существовала до начала первой мировой войны.

В 50-х гг. XX в. эмигрировавшими представителями ИППО участок был продан Православному благотворительному об-ву (Orthodox Charity Society) при правосл. общине г. Вифлеема. В июне 1997 г., во время паломничества в Св. землю Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в связи с празднованием 150-летия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, по решению Палестинской Национальной Администрации земля возвращена РПЦ (МП). В наст. время на средства РДМ в Иерусалиме на участке воздвигнут паломнический дом.

Лит.: *Нехуштай Ш. Ш.* Рус. деятельность в Палестине в конце Османского периода. Хайфа, 1984 (на иврите; рус. пер. изд.: Б-ка РДМ, Иерусалим. Ркп.); Палестина – Россия: связь времен: Спец. вып. / Лига Араб. гос-в. М., 1993. С. 31; Россия в Св. Земле: Док-ты и мат-лы / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Н. Лисового. М., 2000. Т. 1. С. 97, 284–285, 296–297, 301, 704–705, 722.

Н. Н. Лисовой

ВИФЛЕЕ́М [греч. Βηθλεέμ], жен., действующий мон-рь; принадлежит Месогейской и Лавреотикийской митрополии Элладской Церкви. Расположен в 4 км к юго-западу от г. Коропи (Аттика). Основан в 1969 г. на месте приходского храма, собор освящен в честь Рождества Христова. Росписи выполнены в стиле македонской школы, мраморный иконостас является копией иконостаса в мон-ре Осиос Лукас (Фокида). В наст. время в обители 27 монахинь, занимаются иконописью и золотым шитьем; игумения — Магдалина (Цимури).

Святыни: частицы мощей *Вифлеемских младенцев*, прп. Арсения Каппадокийского, св. Иоанна Врахорита, икона Божией Матери «Неувядаемый цвет» (XIX в.).

Лит.: *Λέκκος Ε. Π.* Τά μοναστήρια τοῦ Ἑλληνισμοῦ. Πειραιάς, 1997. Τ. 1. Σ. 335; *Κόκορης Δ. Θ.* Ὀρθόδοξα Ἑλληνικά Μοναστήρια. Ἀθῆναι, 1997. Σ. 25; *Κοκκίνης Σ.* Τά μοναστήρια τῆς Ἑλλάδος. Ἀθῆναι, 1999. Σ. 136; Δίπτυχα, 2003. Σ. 690.

ВИФЛЕЕМИ́ТЫ, наименование неск. монашеских орденов, существовавших в разное время.

Орден крестоносцев, отличительным знаком к-рого была красная звезда на белом плаще, владел неск. домами в *Вифлееме* — отсюда его название «В.». В 1217 г. католич. св. Агнесса Богемская (пам. 2 марта) вверила их попечению 2 больницы в Богемии. В. занимались уходом за больными и просвещением. О времени прекращения их деятельности данные отсутствуют.

О 2-м ордене известно из хроники Матвея Парижского, где под 1257 г. сообщается, что англ. кор. Генрих III позволил рыцарям, носившим плащи с изображением звезды из 5 лучей, испускаемых небесной лазурью (Вифлеемская звезда), открыть дом в окрестностях Кембриджа (Chronica

major. Vol. 5. P. 631). Об истории ордена, его основателях, времени существования и деятельности «Великая хроника» умалчивает. Отмечается только, что обычаи В. напоминали уклад доминиканцев.

В 1459 г. для защиты Эгейского м. от турок папа *Пий II* буллой учредил орден в честь св. Девы Марии Вифлеемской (лат. Religio militans ac hospital Mariae Bethlemitabae). Орден управлялся избираемым магистром и объединял воинов-рыцарей и священников. Местом расположения В. был назначен о-в Лемнос. Для его содержания папа временно распустил католич. ордена св. Лазаря, св. Марии Бретонской, св. Марии Болонской, Гроба Господня, Св. Духа, св. Иакова в Лукке, передав их доходы в распоряжение В. Орден просуществовал недолго, до захвата Лемноса турками (1479), и был упразднен; распущенные ради него ордена были вновь восстановлены.

Амер. об-во «Братьев В.» (лат. Fratres Bethlemitae) было основано католич. св. Петром Бетанкуром (1626–1667; пам. 26 апр.) в 1653 г. и имело странноприимный дом (госпиталь) в Гватемале в честь св. Девы Марии Вифлеемской. В 1687 г. папа *Иннокентий XI* преобразовал в орден (Ordo Fratrum Bethlemitarum) с августинским уставом. Папа *Климент XI* даровал ему привилегии нищенствующих орденов. В 1688 г. появилось жен. ответвление этого ордена. Амер. В. помимо Гватемалы подвизались в Мексике и Перу, открывая там госпитали и школы до нач. XIX в., когда испан. парламент (кортесы) ликвидировал все их начинания, после чего орден постепенно прекратил существование. В 1984 г. он был восстановлен, ныне центр ордена находится в г. Санта-Крусде-Тенерифе (Канарские о-ва).

В 1921 г. в Швейцарии было основано Вифлеемское миссионерское об-во (Societas Missionum Exterarum de Bethlehem in Helventia), распространившее свое влияние на страны Африки, Лат. Америки, Азии и Европы.

Ист.: *Matthaei Parisiensis, monachi Santi Albani.* Chronica major: In 7 vol. / Ed. H. R. Luard. L., 1872–1884. Vol. 5. P. 631; An. Pont. 2003. P. 1332, 1373–1374.

Лит.: *Palmieri V.* L'Ordine militare ed ospitaliere di S. Maria di Betlemme: Cenni storici. Mil., 1946; *Forster W.* Bethlehemiten // LTK. Bd. 2. Sp. 313; Missione Betlemme Immensee // http://www.bethlehem-mission.ch.

М. Е. Никифорова

ВИФЛЕЕ́МСКАЯ ЗВЕЗДА́ – см. *Звезда волхвов.*

ВИФЛЕЕ́МСКИЕ МЛАДЕ́НЦЫ [греч. Ἅγια Νήπια; лат. Innocentes Infantes], мученики (пам. 29 дек., пам. зап. 28 дек.), убиенные по приказу царя Ирода в *Вифлееме* (Мф 2. 16–18). С древности почитаются мучениками, невинно пострадавшими не только за Христа, но вместо Него (*Aug.* Serm. de Tempore. N 199.1). По сообщению Макробия (нач. V в.), имп. Август, узнав об избиении младенцев и казни Антипатра, сына Ирода, сказал: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном» (Saturn. IV 14).

Избиение вифлеемских младенцев. Роспись собора мон-ря прп. Дионисия на Афоне. Сер. XVI в.

Блж. Иероним пишет, что в Вифлееме было убито «много тысяч» младенцев (multa parvilorum milia) (*Hieron.* In Is. 7, 15), по правосл. преданию, число жертв составляло 14 тыс., в сир. источниках упоминаются 64 тыс., а в ряде зап. мартирологов — 144 тыс. младенцев (MartUsuard. P. 364).

Из сочинений сщмч. Иринея, еп. Лионского († 202) (*Iren.* Adv. haer. III 16. 4), и сщмч. Киприана, еп. Карфагенского († 258) (*Cypr. Carth.* Ep. 58. 6), следует, что при их жизни В. м. уже почитались святыми. Память В. м. впервые появляется в Сакраментарии папы Льва I Великого (ок. 485) и в Карфагенском календаре (ок. 505).

В греч. календарях их память отмечается 29 дек. (SynCP. Col. 353), в лат.— 28 дек. (MartHieron. P. 13), в сир.— 27 сент., в арм.— в понедельник после 2-го воскресенья по Пятидесятнице. В средневек. Европе день В. м. считался самым несчастливым в году.

Мощи В. м. хранились в пещере Младенцев под юж. трансептом базилики Рождества Христова в Вифлееме, одно из наиболее ранних упоминаний о ней встречается в описании Вифлеемского храма свт. Софрония I, Патриарха Иерусалимского (633/4–638) (PG. 73. Col. 3813). Затем мощи В. м. были перенесены в К-поль и положены в храме Богородицы в Халкопратии, в приделе во имя ап. Иакова, брата Господня (Описание святынь К-поля в лат. рукописи XII в. // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 449). В «Хожении» игум. Даниила (нач. XII в.) также говорится, что пещера Младенцев оставалась пустой, т. к. их мощи были перенесены в Царьград (Житие и хождение Даниила. С. 65). Однако со 2-й пол. XII в. снова появились сообщения паломников о мощах младенцев в Вифлееме (напр., Аноним ок. 1170 г.— *Wilkinson.* P. 241). Антоний Новгородец (ок. 1200) разъясняет, что половина мощей В. м. находилась в К-поле, а половина осталась в Вифлееме (Книга Паломник. С. 21). Поскольку в пещере Младенцев находятся кости не только детей, но и взрослых, предполагают, что они принадлежат мученикам, пострадавшим во время нашествия персов в 614 г.

Однако с VI в. сохранились сведения о том, что захоронение В. м. находилось в базилике на полпути из Вифлеема в *Бейт-Сахур* (Путник Антонина из Плаценции. С. 40). Эта т. зр. нашла отражение в ряде паломнических описаний, напр. составленного *Епифанием Монахом* (1-я пол. IX в.), а также в Житии равноап. Елены (VIII в.— BHG, N 364), где говорится, что она построила церковь во имя В. м. на месте их избиения (Повесть Епифания. С. 18, 128–131, 261). Св. *Виллибальд* (723–727) также относит место избиения и захоронения В. м. к югу от Вифлеема и идентифицирует его с *Текоей* (*Wilkinson.* P. 241).

В 414 г. часть мощей В. м. была привезена в Марсель прп. *Иоанном Кассианом Римлянином* и передана в основанное им аббатство Сен-Виктор. В Риме часть мощей В. м.

хранилась в ц. Сан-Паоло фуори ле Мура и была перенесена Римским папой Сикстом V в ц. Санта-Мария Маджоре. Частицы мощей В. м. находятся также в ц. св. Иустины в Падуе, кафедральных соборах Милана и Лиссабона, в мон-рях *Вифлеем* в Аттике, Сорока мучеников Севастийских близ Спарты и др. В Дальних пещерах в Киево-Печерской лавре хранятся мощи одного из В. м., подаренные в 1620 г. Иерусалимским Патриархом Феофаном. Одна глава В. м. находится в серпуховском Высоцком мон-ре, а др.– в Давидовой пуст. близ Серпухова.

На Западе были написаны мн. гомилии и гимны, посвященные В. м., среди них – сочинения свт. Петра Хрисолога, еп. Равеннского (PL. 52. Col. 604–608), Оптата, еп. Милевского (PLS. 1. Col. 288–294), Пруденция (PL. 59. Col. 901–909), свт. Павлина, еп. Ноланского, Беды Достопочтенного (PL. 94. Col. 623–624), Ноткера (PL. 131. Col. 1007–1008), Абеляра и др. В Византии также был создан ряд произведений в честь В. м.: слова свт. Иоанна Златоуста (PG. 57. Col. 176–184; 61. Col. 697–702), свт. Григория Нисского (PG. 46. Col. 1128–1149), Василия, еп. Селевкийского (PG. 85. Col. 388–400), Прокла, Патриарха К-польского (BHG, N 827f), Иоанна Эвбейского (PG. 96. Col. 1501–1508), Феофана Керамевса (PG. 132. Col. 917–928), Германа II, Патриарха К-польского (PG. 140. Col. 736–757).

Ист.: BHG, N 823z – 827g; BHL, N 4276–4278; *Νικόδημος.* Συναξαριστής. Т. 2. Σ. 432–434; ЖСв. Дек. С. 804–810; Житие и хождение Даниила, Русския земли игумена // ППС. 1883. Т. 1, вып. 3. (Вып. 3); Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест 1-й пол. IX в. // ППС. 1886. Т. 4, вып. 2. (Вып. 11); Путник Антонина из Плаценции конца VI в. // ППС. 1895. Т. 13, вып. 3. (Вып. 39); *Wilkinson J.* Jerusalem Pilgrimage. L., 1988.

Лит.: *Holweck F. G.* Holy Innocents // The Catholic Encyclopedia. 1910. Vol. 7; *Leclercq H.* Innocents (Massacre des) // DACL. 1926. Fasc. 70–71. Col. 608–611; *Holzmeister U.* Quot pueros urbis Bethlehem Herodes rex occiderit // Verbum Domini. 1935. T. 15. P. 373–379; *Denis A.-M.* L'Adoration des Mages une par S. Matthieu // NRT. 1960. T. 92. P. 32–39; *Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης).* Ἁγιολόγιον. Σ. 349; *Scorza Barcellona F.* La celebrazione dei santi Innocenti nell'omiletica latina dei secoli IV–VI // Studi Medievali. Ser. 3. 1974. Vol. 15. P. 705–767; *idem.* Innocents, feast of the // EEC. Vol. 1 (5). P. 410; *Spadafora F.* Innocenti // BiblSS. Vol. 7. Col. 819–823; *Scorza Barcellona F.* Innocents, feast of the // EEC. Vol. 1 (5). P. 410; *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdome of Jerusalem: A Corpus. Camb.; N. Y., 1993. Vol. 1. P. 138, 155.

О. В. Л.

Гимнография. Согласно Типикону Великой ц. (Mateos. Т. 1. P. 166–168), 29 дек. поется следующее последование: на Пс 50 тропарь 1-го гласа «Τὰς ἀλγηδόνας τῶν ἁγίων, ἃς ὑπὲρ σοῦ ἔπαθον» (**Болѣзньми стыихъ, ѩмиже ѡ тебѣ пострадаша**), на литургии прокимен 4-го гласа Пс 112. 1, 2 (слово «рабы» в тексте прокимна заменено на слово «отроцы»), Апостол Евр 2. 11–18, аллилуиарий 4-го гласа, со стихом Пс 131. 8. Евангелие Мф 2. 13–16. Причастен Пс 32. 1.

В различных редакциях Студийского и Иерусалимского уставов в этот день предполагается соединение 3 последований: попразднства Рождества Христова, В. м. и прп. Маркелла; служба излагается в целом одинаково. В *Студийско-Алексиевском Типиконе* 1034 г. (*Пентковский.* Типикон. С. 312) на утрене указан общий канон младенцев и прп. Маркелла 4-го гласа; служба на литургии не описана. В слав. студийских Минеях (*Горский, Невоструев.* Описание. Ч. 3. Отд. 2. С. 41) уставные указания соответствуют Студийско-Алексиевскому Типикону, к канону младенцев добавляются тропари прп. Маркелла. Согласно *Евергетидскому Типикону* кон. XI в. (*Дмитриевский.* Описание. Т. 1. С. 364), последование В. м. не поется вообще, т. к. в этот день отмечается престольный праздник мон-ря – память освящения ц. Богородицы Евергетиды (Благодетельницы). В *Мессинском Типиконе* 1131 г. (*Arranz.* Typicon. P. 89) служба подробно не описана; на литургии служба в целом та же, что и в Типиконе Великой ц., стих аллилуиария другой – Пс 114. 5, причастен праздника и святых. В Типиконе Георгия Мтацминдели X–XI вв. (*Кекелидзе.* Литургические груз. памятники. С. 248), передающем особенности афонской редакции Студийского устава, указывается тропарь В. м. (тот же, что и в Типиконе Великой ц.). В иерусалимских Типиконах всех редакций последование В. м. не имеет существенных отличий от последования, указанного совр. Типиконом 29 дек., как и в старопечатных московских изданиях XVII в., оно не имеет праздничного знака, но в службе появился ряд особенностей, встречающихся преимущественно у святых с шестеричным знаком (такие как наличие полного комплекта самогласнов В. м., кондак В. м. после 6-й, а не 3-й песни канона, чтение песни из канона на блаженнах; см. ст. *Знаки праздников месяцеслова*).

Совр. последование В. м. включает в себя: тропарь 1-го гласа «Τὰς ἀλγηδόνας τῶν ἁγίων, ἃς ὑπὲρ σοῦ ἔπαθον» (**Болѣзньми стыихъ, ѩмиже ѡ тебѣ пострадаша**), кондак 4-го гласа на подобен «Явился еси»: «Ἀστὴρ Μάγους ἔπεμψε πρὸς τὸν τεχθέντα, καὶ Ἡρῴδης ἄδικον στρατὸν ἀπέστειλε κενῶς» (**Звѣзда волхвы послала къ рождшемуся, и ирѡдъ неправедное воинство посла люту**); корпус стихир; чтения на литургии: прокимен Пс 112. 1, 9; 2 Кор 5. 15–21; аллилуиарий со стихом Пс 78, 3а; Мф 2. 13–23 (во многих древних рукописях это чтение короче, хотя длиннее указанного в Типиконе Великой ц.: Мф 2. 13–18 – см., напр.: Саввина книга. М., 1999. С. 616; Архангельское Евангелие 1092 г. М., 1997. С. 336). Каноны в совр. греч. и совр. рус. Минеях разные: в рус. канон 4-го гласа, без акростиха, ирмос: «**Предѣлиⷯ пѫчинѫ чермнѣю бгъ**», нач.: «**Звѣзда возсїа въ вифлеемѣ, и ѣдема ѿ мрачныⷯ разрѣши клѧтвы**», в греч. плагального 2-го, т. е. 6-го, гласа, с акростихом «Νεογνὰ Χριστοῦ θύματα στέφω λόγοις» (Новорожденные Христовы жертвы венчаю словами), с именем «Георгия» в богородичнах, ирмос «Ὡς ἐν ἠπείρῳ πεζεύσας» (**Ꙗкѡ по сухѹ пѣшешествовавъ**), нач.: «Νεοποιεῖται ἡ κτίσις καὶ ἡ βροτῶν» (Обновляет творение и человека). Акростих включает в себя по 1 тропарю в каждой песни из канона в честь прп. Маркелла, также помещенному в последовании. В рукописях встречаются другие каноны В. м.: канон 4-го гласа, без акростиха, ирмос: «Ἄισωμεν ᾠδὴν ἐπινίκιον» (**Поемъ пѣснь побѣдную**), нач.: «Ἡρῴδην ἀνελεῖν σε βουλόμενον ὡς Θεὸς τὸν διώκοντα ἔφυγες» (От Ирода, взять Тебя желающего, как Бог, от преследующего убежал); канон плагального 4-го, т. е. 8-го, гласа, без акростиха, с указанием на имя Германа, ирмос: «Τὸν Ἰσραὴλ ἐκ δουλείας» (**Ꙗилѧ ѿ работы**), нач.: «Τὸν γεννηθέντα ἀχρόνως ἐκ πατρὸς ἀμήτορα» (Рожденного безвременно от Отца без матери) (AHG. Т. 4. P. 724–739).

А. А. Лукашевич

Иконографию см. в ст. *«Избиение младенцев».*

ВИФЛЯЕВ Николай Егорович (29.04.1866, Москва – после 1914), преподаватель пения, регент, духовный композитор. В 1877 г. поступил в Московскую консерваторию в класс флейты проф. Ф. Бюхнера, в 1882 г. перешел в класс проф. В. Кречмана. В 1886 г., не завершив муз. образования, ушел из консерватории. В период жизни в Рязани (1886–1904) вел уроки церковного пения и руководил хором в Рязанской ДС. В 1903 г. написал статью «О церковнопевческих нотных книгах, находящихся в Рязанском историческом архиве» (опубл. в кн.: ТРУАК. 1904. Т. 18. Вып. 2. С. 208–211). В 1902 г. В. был избран членом-сотрудником Наблюдательного совета при Московском Синодальном уч-ще церковного пения. Для Наблюдательного совета им были подготовлены отчеты с мест, из Рязани (1902) и Ташкента (1904). Духовно-муз. сочинения В. рассматривались членами

Наблюдательного совета в 1908–1910 гг., а в 1906 г. 9 его сочинений вошли в список, рекомендованный советом к исполнению при богослужении. С 1904 до сер. 1910-х гг. он состоял преподавателем пения в Ташкентском наследника цесаревича кадетском корпусе.

За период с 1889 по 1910 г. опубликовано 16 духовно-муз. сочинений и переложений В. Это небольшие по объему произведения, стилистически выдержанные, в основном 4-голосные, написанные в несложных тональностях, иногда в певч. ключах; они отличаются простым гармоническим изложением с перекличкой хоровых групп и движением в голосах, умеренной нюансировкой.

Муз. соч.: «Слава: Единородный Сыне», «Приидите поклонимся», «Отца и Сына», «Господи, спаси благочестивыя», Херувимская песнь, Символ веры, «Милость мира», «Тебе поем»: Для смеш. хора. Рязань, 1889. М.[: Юрг.], 1893[2]; «Ныне отпущаеши»: Для смеш. хора. М.[: Юрг.], 1896; Херувимская песнь № 2: Для муж. хора. М.[: Юрг.], 1903; Херувимская песнь № 3: Для смеш. хора. М.[: Юрг.], 1903; «Господи, спаси благочестивыя», Трисвятое знам.: Для смеш. хора. СПб.[: П. Селиверстов], 1904; «Видехом свет истинный» знам. расп.: Для смеш. хора. СПб.[: П. Селиверстов], 1904; «В память вечную»: Для смеш. хора. М.[: Юрг.], 1904; «Свете тихий»: Для смеш. хора. М.; Лпц.[: Юрг.], 1910; «Хвалите имя Господне»: Тенор соло и смеш. хор. СПб., 1910.

Лит.: *Лисицын.* Обзор. С. 115–117; *Н. Ф. Б[укреев].* Н. Вифляев – Херувимские // Изв. С.-Петербургского Об-ва муз. собраний. 1904/1905. № 1. С. 30.

А. А. Наумов

ВИФО́НИЙ, мч. (пам. 3 апр.) – см. *Елпидифор, Дий, Вифоний* и *Галлик,* мученики.

ВИФСАЙ́ДА [греч. Βηθσαϊδά; арам. *bēt-ṣayda* – дом рыбака], город, упомянутый в НЗ, родина апостолов *Филиппа, Андрея Первозванного* и *Петра* (Ин 1. 44; 12. 21), в его окрестностях Иисус Христос исцелил слепого (Мк 8. 22–26) и совершил чудо умножения хлебов (Лк 9. 16–17). Однако, несмотря на совершенные перед жителями В. и *Хоразина* чудеса, Господь укоряет эти города за неверие (Мф 11. 21, ср. Лк 10. 13).

Нек-рые древние источники помещают В. на берегу Геннисаретского оз. Так, Иосиф Флавий сообщает, что Ирод Филипп, сын *Ирода Великого,* даровал ей статус города и назвал Юлиада в честь дочери имп. Августа (*Jos. Flav.* Antiq. XVIII 28. 3). Согласно Иосифу, город относился к обл. Гавланитида (*Jos. Flav.* De bell. II 9. 1), он же отметил, что р. Иордан течет в 200 м от В. (Ibid. III 10. 7). Евангелист Лука (9. 10) говорит о чуде умножения хлебов в окрестностях В.; согласно Марку (6. 45), Иисус и его ученики отплыли из района, где произошло чудо, и были застигнуты бурей. Вероятно, В. имела порт или якорную стоянку: Плиний Старший (Naturalis Historia V 21) и Птолемей (Geographia V 15. 3) подтверждают расположение В. на берегу озера.

Слова евангелиста Иоанна (12. 21), помещающего В. в Галилее, можно понимать как неформальное географическое описание, не учитывающее адм. деления (ср. Naturalis Historia V 21). Евсевий и Иероним также говорят о В. в Галилее, хотя административно В. входила в Гавланитиду или Трахонитиду (*Euseb.* Onomast. 58. 11).

Точное расположение города остается предметом споров, в основном В. идентифицируется с 2 точками: Эт-Телль (ок. 3 км севернее озера) и Эль-Арадж (на самом берегу).

Эт-Телль связан древней дорогой с Эль-Араджем, в нем обнаружены акведук, городская стена и здания с мозаичными полами – все это позволяет отождествить его с г. Юлиада, хотя площадь памятника (45 тыс. кв. м – *Urman.* P. 120–121) мала для города. В древности одна из лагун озера могла подходить к городу гораздо ближе, чем сейчас.

Древний Эль-Арадж в основном лежит под водой (в 1982 открыто 24 м мощеной дороги, уходящей в озеро), но видимые развалины напоминают архитектуру синагог этого района. Эль-Арадж – типичный поселок рыбаков, древний причал к-рого открылся при большом снижении воды (причалы в поселке существовали вплоть до XX в.).

В ходе разведки 80-х гг. XX в. обнаружили еще одно поселение, связанное с В.-Юлиадой: Эль-Месадию (в 800 м восточнее Эль-Араджа), где найдены следы сооружений раннерим. эпохи, продолжавшие существовать до араб. завоевания.

Католич. Церковь традиционно считает Табгу (на сев. берегу, западнее Капернаума) местом умножения хлебов; попытку отождествить это место сделал Б. Пикснер. Раскопки 1932 г. (А. Мадер, А. Шнайдер) открыли часть церкви V в., а в 1936 г. Б. Гауэр нашел под ней более древнюю, IV в. В 1968–1970 гг. на памятнике работал С. Лоффреда; подробные исследования провел Израильский департамент древностей (1976, 1979–1980, Р. Розенталь, М. Хершковиц).

Лит.: Judaea, Samaria, and the Golan / Ed. M. Kochavi. Jerusalem, 1972; *Avi-Yonah M.* Gazetteer of Roman Palestine. Jerusalem, 1976; *Pixner B.* Searching for the New Testament Site of Bethsaida // BiblArch. 1985. Vol. 48. P. 212; *Urman D.* The Golan. Oxf., 1985; *McRay J.* Archaeology and the New Testament. Grand Rapids, 1991. P. 168–171; *Strange J. F.* Beth-Saida // ABD. Vol. 1. P. 692–693.

Л. А. Беляев

ВИФФА́ГИЯ [греч. Βηθφαγή от арам. *bēt-pagge* – дом смокв], селение на склоне Елеонской горы, недалеко от *Вифании,* откуда было начато торжественное шествие Христа в Иерусалим (Мф 21. 1; Мк 11. 1; Лк 19. 29). Археологические находки свидетельствуют о заселении этого места во II в. до Р. Х.– VIII в. по Р. Х. (*Murphy-O'Connor.* P. 132). Часто упоминается в раввинистической лит-ре как окраина Иерусалима, где, напр., еще можно вкушать пасхального агнца (*Billerbeck.* Kommentar. Bd. 1. S. 839). В. располагалась между старой рим. дорогой и Вифанией (*Finegan.* P. 90), исследователи отождествляют ее с совр. Джабаль-эт-Тур или Кафр-эт-Тур.

В описаниях Св. земли IV–VIII вв. не говорится о к.-л. церковных строениях на месте В. *Епифаний Монах* (1-я пол. IX в.) упоминает о многовековой маслине в В., ветви к-рой

Воскрешение прав. Лазаря. Роспись Виффагийской стелы. XII в.

паломники срезали на праздник Входа Господня в Иерусалим (Повесть Епифания. С. 28). С IX в. появляются свидетельства паломников о камне, с к-рого Спаситель воссел на осла (большой кусок мрамо-

ра, согласно монаху Бернарду.— *Wilkinson*. P. 152–153). В «Хождении» рус. игум. Даниила (нач. XII в.) говорится о «столпе» (т. е. башне или колонне), стоявшей на этом месте (Житие и хождение Даниила. С. 34). Два каменных похожих на башни здания также упоминаются в «Описании Св. Земли» Иоанна из Вюрцбурга (ок. 1165), причем в одном из них помещалась церковь (Itinera Hierosolymitana Crucesignatorum. P. 248). Прекрасная церковь или часовня во имя Спасителя в В., внутри к-рой находился камень, с к-рого Христос воссел на осла, описывается в 70-х гг. XII в. Теодорихом (Libellus de Locis Sanctis. P. 29). С нач. XIII в. при этой церкви был устроен мон-рь, но в XIV в., по сообщению августинского мон. Иакова из Вероны, он уже был разрушен и лежал в руинах (Le pèlerinage. P. 202).

В июле 1877 г. крестьянами дер. Джабаль-эт-Тур был обнаружен большой монолитный камень в форме правильного куба с остатками живописи. Участок был приобретен францисканцами, начались раскопки, и выяснилось, что камень находился внутри небольшой однонефной церкви эпохи крестоносцев. В 1883 г. на фундаменте средневек. церкви была воздвигнута католич. капелла, к-рая перестраивалась в 1897 г., была расширена и расписана фресками в 1950–1954 гг. под рук. арх. А. *Барлуцци*. В наст. время здесь находится францисканский мон-рь.

Камень, получивший название Виффагийская стела, в XII в. был покрыт фресками с 4 сторон: на зап. изображена встреча Иисуса Христа с Марфой и Марией, на юж.— Воскрешение прав. Лазаря, на сев.— 2 апостола, ведущие в В. ослицу и осленка, на вост.— «Вход Господень в Иерусалим», росписями также была покрыта верхняя сторона камня. В 1950 г. фрески были отреставрированы. Сохранившийся фрагмент лат. надписи на одной из сторон содержит название «Виффагия». Происхождение и назначение камня не имеет единого толкования. Зап. паломники видят в нем камень, с к-рого Спаситель воссел на осла, но он для этого слишком велик. К тому же с одной из сторон в стеле имеется небольшая ниша непонятного назначения. Возможно, в храме крестоносцев камень служил престолом (*Мефодий (Кульман), еп.* С. 73). Сейчас камень находится слева от алтаря и окружен декоративной железной решеткой. Отсюда начинается крестный ход католиков в Неделю ваий. На участке мон-ря находятся также неск. древнеевр. гробниц рим. времени (в т. ч. одна с откатывающимся камнем, аналогичным тому, к-рым, согласно Евангелиям, был закрыт вход в могилу прав. Лазаря).

Над францисканским мон-рем, на вершине холма, расположен греч. правосл. муж. мон-рь в честь Входа Господня в Иерусалим. Его строительство было начато в нач. XX в. (сохр. ворота с греч. и рус. надписями того времени), но было прервано первой мировой войной и возобновлено только в 80-х гг. XX в. Григорием, митр. Тивериадским. Монастырский комплекс включает небольшой храм, митрополичий дом и сень над условным местом, где воссел на осла Спаситель. От этого мон-ря начинают крестный ход в Вербное воскресенье.

Ист.: Житие и хождение Даниила, Русския земли игумена // ППС. 1883. Т. 1, вып. 3. (Вып. 3) [игум. Даниил]; Повесть Епифания о Иерусалиме и сущих в нем мест 1-й пол. IX в. // ППС. 1886. Т. 4, вып. 2. (Вып. 11) [*Епифаний мних.* Житие равноап. Елены]; Le pèlerinage du moine augustin Jacques de Vérone (1335) // Revue de l'Orient latin. 1902. Vol. 3 [Иаков из Вероны]; Libellus de Locis Sanctis / Hrsg. M. L. und W. Bulst. Hdlb., 1976 [Теодорих]; *Wilkinson J.* Jerusalem Pilgrims before the Crusaders. Warminster, 1977 [монах Бернард]; Itinera Hierosolymitana Crucesignatorum (saec. XII–XIII) / Ed. S. de Sandoli. Jerusalem, 1978. Vol. 2. (SBF: Col. maior; 24) [Иоанн Вюрцбургский].

Лит.: *Bagatti B.* Le pitture della stele di Betfage // La Terra Santa. 1946. T. 21. P. 98–101; *idem.* Le pitture medievali della pietra di Betfage // Liber annuus SBF. 1950/1951. T. 1. P. 227–246; *Corbo V.* Il rinnovato santuario di Betfage // La Terra Santa. 1955. T. 31. P. 338–341; *Мефодий (Кульман), еп.* Св. Земля. П., 1961; *Saller S. J., Testa E.* The Archeological Setting of the Shrine of Bethphage. Jerusalem, 1961; *Finegan J.* The Archeology of the New Testament. Princeton, 1969. Vol. 1. P. 88–91; *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdome of Jerusalem: A Corpus. Camb.; N. Y., 1993. Vol. 1. P. 157–160; *Ραπτόπουλος Ζ.* Ταξιδεύοντας στήν Ἁγία Γῆ. Λεμεσός, 1996. Σ. 135–138; *Murphy-O'Connor J.* The Holy Land: An Oxford Archaeol. Guide from Earliest Times to 1700. Oxf., 1998; *Τσουλιάς Θ. Α.* Τα Πανάγια Προσκυνήματα των Αγίων Τόπων. Κατερίνη, 1999[5]. Σ. 128; *Лисовой Н. Н.* Приди и виждь: Свидетельства Бога на земле. М., 2000. С. 123, 126–127.

Н. Н. Лисовой

ВИХИА́Н [греч. Βηχιανός] (ранее XIV в.), местночтимый кипрский святой, прп. (пам. кипр. 11 дек.). В юности принял монашество и вел отшельническую жизнь в пещере.

Прп. Вихиан.
Роспись ц. св. Созомена Галата, Кипр. 1513 г.

После мн. лет аскетических подвигов сподобился дара чудотворения. Древнее житие В. не сохранилось, о его почитании можно судить по многочисленным визант. фрескам (изображающим его седобородым старцем в монашеском одеянии) в ц. св. Димитриана в Дали (1317), ц. Честного Креста (Ставрос ту Агиасмати) (1494), ц. св. Созомена в Галате (1513), ц. Архангела Михаила в Галате (1514), ц. св. Андроника в сел. Калопанайотис (XVI в.).

Из надписей на иконах В., хранящихся в соборе мон-ря св. Неофита (близ Пафоса) и в ц. Хрисополитиссы (в Ларнаке), известно, что он имел особую благодать исцеления от чахотки и кашля. На основании похвального слова в честь свт. *Геннадия I,* Патриарха К-польского (458–471), написанного прп. Неофитом Затворником, в к-ром повествуется о кончине Патриарха от холода снежной зимой около Пафоса и о полученном им после смерти даре излечивать от простуды, историк Дж. Хаккетт отождествил В. со свт. Геннадием, считая, что имя Вихиан является его прозвищем (от греч. βήχας — кашель).

Др. исследователь А. К. Интианос предполагает, что часто встречающееся написание «Виссианос» вместо «Вихиан» указывает, что первоначальной формой имени этого святого было имя Виссарион. Высказывалось также мнение (П. Бурки), что В.— одно лицо с мч. Вакхом (пам. 7 окт.).

В сел. Анайя (к юго-западу от Никосии) существует храм, посвященный святым В. и Номону. Частица мощей В. хранится в мон-ре Махерас.

Ист.: *Delehaye H.* Saints de Chypre // AnBoll. 1907. Vol. 26. P. 227 [похвальное слово прп. Неофита Затворника]; *Τωμαδάκης Ν. Β.* Ἡ κυπριακὴ ἁγιολογία καὶ ὑμνογραφία ἐν σχέσει πρὸς τὰς κυπριακὰς ἀκολουθίας // ΕΕΒΣ. 1983/1986. Τ. 46. Σ. 198.

Лит.: *Χάκκετ Ι., Παπαϊωάννου Χ.* Ἱστορία τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας τῆς Κύπρου. Πειραιᾶς, 1927. Τ. 2. Σ. 220; *Ἰντιάνος Α. Κ.* Οἱ Ἅγιοι Βηχιανὸς καὶ Νόμων // Κυπριακαὶ Σπουδαί. 1940. Τ. 4. Σ. 65–86; Βηχιανός ἅγιος // ΜΚΕ. 1985. Τ. 3. Σ. 229; *Μακάριος, ἀρχιέπ. Κύπρου.* Κύπρος ἡ Ἁγία Νῆσος. Λευκωσία, 1997. Σ. 18; *Stylianou A., Stylianou J.* The Painted Churches of Cyprus. Nicosia, 1997. P. 86, 321; *Καππαής Δ.* Οἱ ἐν Κύπρῳ διαλάμψαντες ἅγιοι. Λεμεσός, 1998. Σ. 110–112; *Βλάσιος (Σταυροβουνιώτης), μον.* Πατερικὸν τῆς Νήσου Κύπρου. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 46–48; *Burchi P.* Bessiano // BiblSS. Vol. 3. Col. 141–142.

О. В. Л.

ВИ́ХИНГ [нем. Wiching], еп. Нитры в 880–893 гг.; глава партии нем. духовенства в *Великой Моравии,* выступавший против равноап. Мефодия и богослужения на слав. языке. С 874 г.— в окружении морав. кн. Святополка (Сватоплука). В кон. 70-х гг. IX в. нем. священники стали обвинять Мефодия перед кн. Святополком, что он, вопреки запретам папы, совершает богослужение на слав. языке и не принимает добавления «Filioque», внесенного франк. духовенством в Символ веры. В. сумел завоевать благосклонность кн. Святополка, к-рый в нач. 879 г. передал его жалобы в Рим и ходатайствовал о поставлении его епископом в г. Нитра (в совр. Словакии). В июле 879 г. папа Иоанн VIII вызвал равноап. Мефодия в Рим для рассмотрения выдвинутых против него обвинений. Весной 880 г. Мефодий и В. прибыли в Рим. Мефодию удалось отвести от себя обвинения, и буллой от июля 880 г. папа подтвердил его правомочия и обязал все духовенство Вел. Моравии подчиняться равноап. Мефодию, разрешив богослужение на слав. языке. Одновременно В. был поставлен епископом Нитры, а кн. Святополку и его приближенным было обещано, что они и впредь по их желанию могут слушать мессу на латыни.

В 881 г. равноап. Мефодий обратился к папе с жалобой на действия В. и папа Иоанн VIII обещал провести расследование и наказать епископа, не подчинявшегося своему главе, но, по-видимому, такое расследование не состоялось. В сер. 80-х гг. IX в. нем. духовенство во главе с В. снова стало обвинять еп. Мефодия в ереси и в том, что он вводит церковные обычаи, принятые в правосл. мире и совершает богослужение на слав. языке. В. отказывался повиноваться Мефодию, и тот отлучил В. от Церкви. В. направился с жалобой в Рим и добился снятия отлучения и восстановления в епископском сане.

Сопоставляя между собой различные документы папской курии, исследователи пришли к выводу, что В. представил папе Стефану V фальсификат буллы Иоанна VIII. Раздел буллы, содержавший разрешение совершать богослужение на слав. языке, был заменен текстом, в к-ром говорилось, что папа Иоанн VIII запретил совершать богослужение на слав. языке и Мефодий принес клятву соблюдать этот запрет у гроба св. Петра. Узнав о смерти равноап. Мефодия (6.04.885), папа Стефан V сообщил кн. Святополку, что он предлагает передать в управление В. церковные дела в Вел. Моравии. В Вел. Моравию были направлены папские легаты, к-рые должны были потребовать от учеников равноап. Мефодия одобрить Символ веры с добавлением «Filioque» и соблюдать установленный папой запрет совершать богослужения на слав. языке. Легаты получили полномочия отстранить от управления архиепископской кафедрой преемника Мефодия Горазда и изгнать из страны тех, кто не подчинится принятым в Риме решениям. Совместными действиями В. и папских легатов ученики равноап. Мефодия в 886 г. были изгнаны из Вел. Моравии. В связи со вспыхнувшей в 892 г. войной между Святополком и восточнофранк. кор. Арнульфом В. покинул Вел. Моравию и стал канцлером Арнульфа, позднее на какое-то время возвращался в Вел. Моравию. В 899 г. В. назначен Арнульфом епископом Пассау, но перевод его из Нитры в Пассау не состоялся. Это — последнее упоминание о В. в известных нам источниках.

Ист.: MMFH. Brno, 1969. T. 3: Diplomata, epistolae.

Лит.: *Lapôtre A.* L'Europe et le St.-Siège à l'époque carolingienne. P., 1895. Pt. 1: Le pape Jean VIII (872–882); *Dittrich Z. R.* Christianity in Great-Moravia. Groningen, 1962; КМЕ. Т. 1. С. 448–449; Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau. Hannover, 1979. Taf. 63 B 4–5 (MGH. Necrologia; T. 1); *Havlik L.* Svatopluk Veliký, král Moravanů a Slovanů. Brno, 1994. S. 104–110; *Флоря Б. Н.* Сказания о начале слав. письменности. СПб., 2000²; *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы слав. письменности после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.

Б. Н. Флоря

ВИЦЕЛИ́Н [лат. Vicelinus; нем. Vizelin, Wissel, Witzel] (ок. 1090, Квернхамельн (ныне Хамельн, Н. Саксония, Германия) — 12.12. 1154, Ноймюнстер, Гольштейн), св. католич. Церкви (пам. 12 дек.), еп. Ольденбурга, миссионер. Начальное образование получил в родном приходе. После ранней смерти родителей В. оставил учебу и нек-рое время проживал в замке Эверштайн. По совету своего дяди Лудольфа, служившего священником в Феуле, В. поступил в школу бенедиктинского мон-ря Абдингхоф в Падерборне. Закончив обучение, с 1118 г. возглавлял соборную школу в Бремене. В 1122 г. В. продолжил обучение в соборной школе г. Лана (Франция), где находился под влиянием *Норберта из Ксантена,* основателя ордена *премонстрантов,* отличительной чертой к-рого было особое внимание к миссионерской деятельности. В 1126 г. Норберт, ставший архиеп. Магдебурга, рукоположил В. во пресвитера.

В том же году архиеп. Гамбургским и Бременским *Адальбертом* В. был направлен миссионером в Вагрию (Вост. Гольштейн), где проживало слав. племя ободритов, или вендов. С разрешения ободритского кн. Генриха В. начал миссионерскую деятельность в Ст. Любеке, однако смерть Генриха († нач. 1127) и начавшаяся борьба между его сыновьями, а также неприятие местным населением нем. миссионеров заставили В. вернуться в Бремен. Весной 1127 г. архиеп. Адальберт направил В. в Виппенторп, находившийся на границе с Вагрией, где В. основал общину августинцев-каноников (см. ст. *Регулярные каноники*), получившую название Ноймюнстер. Помимо окормления местных жителей В. продолжал миссионерскую деятельность среди славян, направляя священников в Ст. Любек. В 1134 г. В. убедил имп. Лотаря III построить на границе с Вагрией крепость Зегеберг, при к-рой им была организована община регулярных каноников. Находясь в Зегеберге, В. проповедовал христианство среди вендов, способствуя колонизации германцами слав. земель. Однако проводимая саксами колонизация и христианизация встретили сопротивление со стороны вендов и привели в 1137–1138 гг. к восстаниям под предводительством вагрского кн. Прибыслава, в результате к-рых община при Зегеберге и др. христ. церкви на границе с Вагрией были разрушены, а В. был вынужден возвратиться из Зегеберга в Ноймюн-

стер. Через неск. лет после подавления Голштинским графом Генрихом слав. восстаний В. основал в Хёгерсдорфе (близ Зегеберга) новую общину регулярных каноников.

В 1147 г. архиеп. Адальбертом и саксон. герц. Генрихом Львом был организован крестовый поход против вендов и др. слав. племен. По условиям мирного договора венды были вынуждены принять христианство, что позволило восстановить основанное при *Оттоне I* еп-ство Ольденбург. 11 окт. 1149 г. архиеп. Гамбургский и Бременский Гартвиг рукоположил В. во епископа Ольденбурга, но из-за конфликта с архиеп. Гартвигом герц. Генрих Лев утвердил назначение В. на еп-ство лишь в 1150 г. В 1152 г., во время поездки по еп-ству, В. парализовало. Он был перевезен в Ноймюнстер, где после смерти и был погребен.

В 1332 г. мощи В. были перенесены в Бордесхольм и положены под главным алтарем собора, однако во время Реформации они бесследно исчезли. Местное почитание В. началось после его кончины. В католич. Церкви В. почитается как «апостол Голштинии».

Ист.: *Гельмольд.* Слав. хроника. Кн. 1. 41–78. М., 1963.

Лит.: *Hestermann F.* Sankt Vizelin: Apostel d. Holsten u. Wagrie. Dülmen i. Westf., 1926; *Petersohn J.* Der südliche Ostseeraum im kirchlich-politischen Kräftespiel des Reichs, Polens und Dänemarks vom 10. bis 13. Jh: Mission–Kirchenorganisation–Kulturpolitik. Köln, 1979; *Jürgensmeier F.* Vizelin aus Hameln (1090–1154) und die Westslawenmission: Christl. Sendung in kirchenhist. Sicht // Kirche im Jahr 2000: Eine Ringvorlesung des Fachbereichs Katholische Theologie der Univ. Osnabrück / Hrsg. W. Arens. Paderborn, 1992. S. 37–54.

А. В. Чупрасов

ВИША́НОВ Тома (Молера) (ок. 1750, Банско – ?), болг. худож., основоположник банской художественной школы. Вероятно, навыки иконописца получил, обучаясь в Сербии у худож. Теодора Крачуна. Большое влияние на В. оказало знакомство с западноевроп. живописью, определившее его выбор техники исполнения (отказ от темперы в пользу масла) и жанр – иконографию, ориентированную на барочные образы. По возвращении на родину принял прозвание Молера, ставшее впосл. родовой фамилией.

В Болгарии сохранились неск. ансамблей храмовой росписи работы В., исполненные в новой для ее искусства технике масляной живописи. В 1798 г. В. расписал апсиду ц. св. Луки в одноименной келье Рильского мон-ря, вероятно, в то же самое время расписал нижнюю часть апсиды ц. св. Афанасия Александрийского в с. *Бобошеве*. Единственным ансамблем, полностью созданным В., вероятно с помощью сына Димитра Молерова (1780–1868), является роспись ц. Покрова Богородицы в келье св. Луки Рильского мон-ря (1811). В ее наосе представлены цикл Акафиста Богородицы, портрет ктитора мон. Феодосия; в притворе – полный цикл «Мытарства души»; здесь впервые в искусстве Болгарии появились назидательные сюжеты, такие как, напр., «Исповедь праведника и грешника».

Богоматерь с Младенцем. Икона из ц. арх. Михаила в Осенове. 90-е гг. XVIII в. Мастер. Т. Вишанов

Сохранилось большое число икон работы В. Самые ранние, приписываемые ему, исполнены ок. 1784 г. для иконостаса ц. св. Архангелов в с. Будакалас, близ Будапешта; 1790 г. датирована икона «Богородица с ангелами и святыми» (частное собр., Банско). Вероятно, в 90-е гг. В. исполнял иконы для иконостаса кладбищенской церкви г. Банско. Иконы его письма находятся и в банской ц. Св. Троицы, а также в храмах сел Бобошево, Гостун, Добриниште, Осеново, Алеко-Константиново, Црынча и городов Благоевград, Разлог, Кюстендил, Пазарджик. В 1803 г. он расписал царские резные врата (Крипта, София), возможно происходящие из мон-ря Богородицы Икосифиниссы на юге Вост. Македонии (Греция).

80-ми гг. датируется альбом с рисунками В. (Центр славяно-визант. исследований им. Ивана Дуйчева, София), в к-ром кроме отдельных святых есть сцены из ВЗ и Апокалипсиса. Именно под влиянием графических образцов В. в болг. искусство были внесены элементы зап. иконографии. Установлено, что в своей работе В. опирался на гравюры западноевроп. лицевых изданий XVII в.– «Библии Пискатора» и «Библии Ектипа» Кристофа Вайгеля.

Черты живописи В. унаследовали его сын Димитр, внук Симеон (1826–1911) и правнук Георги (1844–1876).

Лит.: *Василиев А.* Български възрожденски майстори. София, 1965. С. 489–504; *он же.* Тома Вишанов Молера. София, 1969; *Божков А.* Българската икона. София, 1984. С. 123, 306–307, 319, 345, 354; *Попова Е.* Барокът в живописта на Тома Вишанов–Молера. София, 1990. Кн. 9–10; *Генова Е.* Непознатият Тома Вишанов–Молера и модернизацията на правосл. живопис // Проблеми на изкуството. София, 1995. Кн. 2. С. 4–17.

И. Гергова

ВИ́ШЕНСКИЙ И., мон., публицист – см. *Иоанн (Вишенский)*.

ВИШИ́ШТА-АДВА́ЙТА [санскр. viśiṣṭādvaita – квалифицированная недвойственность], в инд. религиозно-философской традиции второе по значимости направление *веданты*, оппонирующее *адвайта-веданте* и выросшее из стремления адаптировать философское учение об Абсолюте к потребностям религ. почитания Божества в движении *бхакти*. Потому не случайно, что В.-а. составляет мировоззренческое ядро одного из наиболее влиятельных течений бхактистского *вишнуизма* – шривайшнавов. Название В.-а. связано, вероятно, с пониманием того, что высшее божество – Брахман-Вишну по природе своей наделен совершенными положительными качествами, начиная со всеведения, благости и всемогущества (что в адвайта-веданте соответствует лишь уровню относительной истины познания Брахмана). Его самовыражение через души (чит) и материю (ачит), с к-рыми он, будучи единственной высшей реальностью, находится в соотношениях, подобных отношениям между субстанцией и атрибутами или между душой

и телом. В противовес учению *Шанкары,* по В.-а., Брахман создает мир из самого себя и по своей воле через материю (напоминающую *Пракрити* санкхьяиков) не иллюзорно, но реально (хотя сам при этом и не изменяется), Упанишады, согласно В.-а., отрицают лишь независимое от него существование материальных объектов, но не саму их действительность. В этой связи адвайтистская концепция *Майи* подвергается резкой критике, но само это понятие – как обозначение реальной креативной силы Брахмана – не отрицается. Души не тождественны в конечном счете Брахману, но, составляя его частицы (амша), подобны ему в своей вечности и сознательности (утверждается и их атомарность), хотя и соединяются с телами вслед. действия закона *кармы,* к-рый также неиллюзорен. Потому и освобождение души *(мокша)* есть максимальное уподобление Божеству, но не идентичность ему (как у адвайта-ведантистов), конечная цель – сопребывание с Вишну на небе Вайкунтха, а лучшее средство ее реализации – самоотдача-прапатти адепта Божеству (а не интеллектуальная медитация, как полагают адвайтисты), рекомендуемая всем, независимо от касты, положения в обществе и пола. Необходимым условием эффективности психотехники по методу самоотдачи является участие в ритуале, приписываемом как ведийскими текстами, так и панчаратрийскими *агамами.*

В.-а.– первый опыт вишнуитской веданты Бхаскары (к-рая подвергается критике в В.-а. за трансформизм), опирается на философствование панчаратриков (вишнуитская группа, обожествлявшая Васудеву-Нараяну и его манифестации-вьюхи) и мистические прозрения *альваров,* самым поздним из к-рых был Натхамуни (IX–X вв.). Его последователем был Ямуначарья (X–XI вв.), к-рому «наследовал» через 2 поколения *Рамануджа* (XI–XII вв.), установивший «школьную» традицию В.-а. в комментариях к «Брахмасутрам», *Бхагавадгите* и в собственных трактатах, где предлагалось истолкование сакральных для ведантистов текстов, альтернативное шанкаровскому. После Рамануджи В.-а. разделилась на северную (ее приверженцы называются вадагалаи) и южную (ее последователи – тенгалаи), каждое из направлений считает «ортодоксальным» только себя. Основными последователями Рамануджи были Сударшана Сури (XIII–XIV вв.) и Венканатха, более известный под именем Ведантадешика (XIV в.), среди более поздних Шринивасачарья (XVII–XVIII вв.). Основываясь на теистическом способе прочтения в В.-а. основных памятников веданты (прастханатрая) и ее религ. практике, ряд индологов видели связь с южноинд. несторианством (Р. Гарбе и др.), нек-рые компаративисты проводили параллели между концепцией прапатти и католич. мистицизмом (Дж. Плотт и др.).

Лит.: *Srinivasachari P. N.* Philosophy of Viśiṣṭādvaita. Adyar, 1946²; *idem.* Advaita and Viśiṣṭādvaita. Bombay, 1961; *Anantharangachar N. S.* Philosophy of Sādhanā in Viśiṣṭādvaita. Maysore, 1967; *Sharma A.* Viśiṣṭādvaita Vedānta. New Delhi, 1978; *Raghavan V. K. S. N.* History of Viśiṣṭādvaita Literature. Delhi, 1979; *Ramanuja Charya N. C.* Living in the Absolute: Studies in Viśiṣṭādvaita Philosophy. Madras, 1985.

В. К. Шохин

ВИШНЕ́ВСКИЙ [Вишневський] Автоном Иванович (1813 – 10.02. 1880, Киев), диакон, регент. В 40-х гг. XIX в. был певчим Киевского митрополичьего хора, в 50–60-х гг.– регентом Киевского архиерейского хора (при архиерейской кафедре в Златоверхо-Михайловском мон-ре). С 1865 г. служил во Фроловском Вознесенском жен. мон-ре, в к-ром организовал профессиональный хор, в 70-х гг. диакон в Киево-Подольской Введенской ц. С именем В. связана первая попытка публикации песнопений литургии местной (киевской) церковнопевч. традиции. По заказу киевского издателя А. П. Каллистратова составил в 1865 г. «Литургию св. Иоанна Златоустаго» для дисканта, альта и баса (в F-dur). После нескольких прослушиваний и одобрения еп. Чигиринским Серафимом (Аретинским) и митр. Киевским Арсением (Москвиным) рукопись была послана в С.-Петербург на рассмотрение Святейшего Синода и директора Придворной певческой капеллы Н. И. *Бахметева.* Помимо разрешения директора капеллы пришло и одобрение митр. Московского Филарета (Дроздова), а с ним – текст «Литургии» с поправками регента Троице-Сергиевой лавры иером. *Аарона (Казанского).* Предназначенная для сельских уч-щ и церквей «Литургия» была издана Каллистратовым в Киеве в 1866 г. В приложении к «Литургии» В. поместил начальные правила нотного пения и азбуку. «Литургия» издавалась еще трижды, последний раз в 1884 г. (4-е изд.) с новой ориентацией: для начальных народных школ, городских уч-щ и учительских семинарий.

Лит.: *Каллистратов А.* О церк. пении // Киев. телеграф. 1865. № 78, 9 июля; *Экземплярский И.* По вопросу о правосл. церк. пении // РукСП. 1866. № 39; Митці України: Енцикл. довідник. К., 1992. С. 121; *Проценко Л. А.* // Мистецтво України: Енцикл. К., 1995. Т. 1. С. 332.

А. А. Наумов

ВИШНЕ́ВСКИЙ Виктор Петрович (16.01.1804, с. Сугут-Торбиково Ядринского у. Казанской губ. (ныне Вурнарский р-н Чувашии) – 30.12. 1885, Казань), прот., деятель духовного просвещения, языковед, этнолог. Сын священника, двоюродный дед хирурга акад. А. В. Вишневского. Учился в Казанской ДС. В 1822 г. из класса философии как лучший ученик отправлен в МДА, к-рую окончил со званием магистра (1826). С 1826 г. профессор философии в Казанской ДС, с 20 авг. 1836 г. инспектор семинарии. 22 окт. 1828 г. рукоположен во иерея к Петропавловскому собору Казани, 21 июня 1831 г. возведен в сан протоиерея. В 1842 г. уволен из ДС в епархиальную службу, с 10 июня 1843 г. являлся членом Казанской духовной консистории. С 1854 г. состоял в клире кафедрального Благовещенского собора, одновременно был епархиальным миссионером. В 1854–1856 гг. руководил чувашско-черемисским миссионерским отд-нием КазДА, на занятиях со студентами переводил на чуваш. язык Евангелие от Матфея, на марийский (черемисский) язык краткую Свящ. историю. Пожертвовал большое количество книг в академическую б-ку. Участвовал в ревизии семинарий: Симбирской (1865), Самарской (1865), Пермской (1866), Тобольской (1866). По отзыву П. В. *Знаменского,* В. был «самым видным епархиальным деятелем» своего времени. В. похоронен под алтарем Благовещенского собора – на месте погребения Казанских архиереев, могила не сохранилась.

В. владел чуваш. и марийским языками, составил первый учебник чуваш. языка, по к-рому учил студентов, был автором работ о религ. верованиях чувашей и марийцев. Был известен в Казани как пропо-

ведник. В.— автор большого количества статей по расколу и миссионерству.

Соч.: Рассуждения о действительной нужде и важности звания и избрания пастырей по известному чину и порядку: Магист. дис. // Сб. рассуждений и поучительных слов, соч. студентами МДА 5-го курса. М., 1828. Ч. 1; О чувашском яз. // Заволжский муравей. Каз., 1832. № 20. С. 1155–1157; Начертания правил чувашского яз. и словарь, сост. для духовных училищ. [Каз.], 1836; О религиозных поверіях чуваш. [Каз., 1846]; О религии некрещеных черемис: Из зап. миссионера // Вестн. РГО. СПб., 1856. Т. 17. Вып. 4. С. 281–290; То же // Казанские ГВ. 1856. № 9–10; Сведения о погребении Владимира [Ужинского], архиеп. Казанского и его автобиография // Там же. Ч. неофиц. № 1–2; Беседа священника с раскольниками о Св. Тайнах, по старинным книгам // ПС. 1858. Т. 3. С. 176–199, 440–463; Несколько слов из старинных книг к беспоповцам о существующем в толках беспоповщины обычае перекрещивать крестившихся в правосл. Церкви // Там же. 1860. Т. 1. С. 73–100; Ответ из старинных книг на раскольничий толк о трехперстном знамении // РукСП. 1860. Т. 2; О сложении перстов для крестного знамения. Каз., 1861, 1863[2]; Раскольнические мудрования об именословном благословении // ПС. 1862. Т. 2. Май. С. 3–15; О старинных богослужебных книгах русских: Против раскола // Там же. С. 406–414; Свидетельство старопечатных русских книг о достопоклоняемом имени Иисус // Там же. Т. 3. С. 214–223; Архим. Мартирий, настоятель Свияжского Богородицкого мон-ря // Там же. 1874. Т. 1. С. 117–123.

Арх.: НАРТ. Ф. 4: Клировые вед. Благовещенского собора (за 1854–1884).

Лит.: *Н. Р.* Юбилейный праздник в Казани в память рукоположения, в 1828 г. окт. 22 дня, во пресвитера протоиерея Казанского кафедрального собора В. П. Вишневского // Изв. по Казанской епархии. 1878. № 22. С. 603–631; Некролог // Изв. по Казанской епархии. 1886. № 2. С. 29–42; *Знаменский П. В.* История КазДА за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Каз., 1891–1892. Вып. 1. С. 278, 283, 322, 340; Вып. 2. С. 376–377, 512; Вып. 3. С. 2; Биобиблиогр. словарь отеч. тюркологов. М., 1989[2]. С. 63–64.

Е. В. Липаков

ВИ́ШНУ [санскр. viṣṇu], один из высших богов в *индуизме*, составляющий вместе с *Брахмой* и *Шивой* т. н. божественную триаду — *тримурти*. В инд. традиции имя В. толкуется как «проникающий во все», «всеобъемлющий» (от корня viś — входить, проникать), существует мнение и о неиндоевроп. происхождении имени В.

В ранней ведийской лит-ре В. занимает сравнительно скромное место: он упомянут в неск. гимнах Ригведы и лишь один гимн (I 154) посвящен ему целиком. В гимнах прославляются 3 шага В., к-рыми он измерил земные сферы. Уже в древнеинд. традиции эти шаги были истолкованы как движение солнца: от восхода через зенит к закату или через 3 мира. С мотивом «трех шагов» связаны постоянные эпитеты В.— Уругайя (Широкошагающий) и Тривикрама (Трижды шагнувший). В более поздних текстах этот мотив «трех шагов» получает развитие в сюжете об одной из *аватар:* в облике карлика Ваманы В. приходит за милостыней к узурпировавшему все 3 мира царю демонов Бали; тот соглашается уступить карлику столько земли, сколько он сможет отмерить 3 шагами; тогда В.-Вамана обращается в великана и покрывает 3 шагами все пространство (МБх. III 270 и сл.; Рам. I 29; Ваюпур. II 36 и др.). В Ведах В. часто выступает как младший партнер *Индры* (отсюда имя Упендра — младший Индра) в мифе о борьбе против демона *Вритры*. Этот миф сохраняется и в более поздних мифологических сюжетах, но В. постепенно обретает главную роль (отсюда имя Атиндра — более великий, чем Индра).

В *брахманах* круг мифов, связанных с В., расширяется, В. совершает подвиги на благо угнетенных и притесняемых, к нему обращаются боги за помощью. В эпосе В. (либо его главные аватары — *Кришна* или *Рама*) становится центральным персонажем. Происходит постепенное отождествление целого ряда образов: В. и божества Нараяны, а также В. с Рамой, Кришной и др. антропоморфными и териоморфными персонажами, из к-рых складывается система аватар В.-Нараяны (см. *Аватара*). Из 18 главных *пуран* 6 посвящены В. («Вишну-пурана», «Нарадия-пурана», «Бхагавата-пурана», «Гаруда-пурана», «Падма-пурана», «Вараха-пурана»), но и в остальных, формально посвященных Брахме или Шиве, В. и его аватары занимают большое место. В пуранах разрабатывается концепция тримурти, согласно к-рой онтологически единые Брахма, В. и Шива имеют функции соответственно создателя, хранителя и разрушителя мироздания. Однако большинство вариантов этой концепции отводит В.-Нараяне высшее место в триаде, провозглашая его Абсолютом, источником, основой и сутью бытия. Подобные представления есть уже и в эпосе (напр., МБх. XII 17, XII 48). В одном из вариантов мифа о потопе (МБх. III 186–187) мудрец Маркандея, спасенный В. (к-рый в облике прекрасного юноши сидит на ветвях баньянового дерева), проникает в чрево божества и видит там всю вселенную: землю, небеса, людей, богов и т. д. Т. о., мир предстает как форма существования В. Согласно др. варианту мифа о потопе (МБх. III 194), В. в конце каждого мирового цикла (см. ст. *Юга*) вбирает в себя вселенную и погружается в сон, возлежа на тысячеглавом змее Шеше, плавающем по мировому океану. Когда В. просыпается и замышляет новое творение, из его пупа вырастает лотос, а из лотоса появляется Брахма, к-рый и осуществляет непосредственно акт творения мира.

Из др. мифов, связанных с В., следует назвать миф о пахтанье мирового океана, предпринятого богами и их противниками — асурами под водительством В.-Нараяны. В этом мифе В. превращается в гигантскую черепаху, служащую опорой для горы Мандары, к-рую боги используют в качестве мутовки; он же отнимает у демонов добытую амриту (напиток бессмертия), приняв облик прекрасной женщины, и играет решающую роль в последовавшей затем битве богов и асуров. Мотив торжества над злом и принятия для этой цели определенного облика составляет основное содержание мифов об аватарах В. (см. БхГ IV 7–8). Во всех своих проявлениях В. олицетворяет энергию, благоустрояющую космос. В различных мифологических и религ.-философских системах (напр., в *вишнуизме*) эта энергия, именуемая В., предстает во множестве обликов: от неописуемого абсолюта до личностного бога, к к-рому человек может испытывать сильную эмоциональную привязанность *(бхакти)*. В Ведах В. наделен неопределенно антропоморфными чертами: он описывается как воинственный юноша большого роста. В сложившейся позднее иконографии В. обычно изображается возлежащим на змее Шеше или стоящим в полной боевой экипировке. В одной из 4 рук он держит чакру (букв.— круг, диск), специфическое оружие наподобие бумеранга, обладающее сверхъестественной силой, в др. руке — раковину, в 3-й — булаву (палица), в 4-й — лотос или лук. Цвет кожи В. темно-синий, одежды — желтый, как и у его аватар Рамы и Кришны, но в Махабхарате встречаются утверждения, что кожа В. принимает разный цвет в зависимости

от юги. Супруга В.— Лакшми. Обычное местопребывание В.— райская обитель Вайкунтха, на вершине мифической горы Меру (МБх. III 160, 17–26). Его ездовое животное (вахана) — царь птиц Гаруда. В. имеет много различных имен, связанных или с его свойствами и атрибутами, или с мифическими подвигами его самого и его аватар. В Махабхарате есть раздел под названием «Гимн тысяче имен Вишну» (XIII 149). Среди наиболее важных имен В.: Хари (букв.— рыжевато-коричневый, но толкуется как избавитель), Говинда (пастух), Кешава (благоволосый), Мадхусудана (убийца демона Мадху), Мурари (враг демона Муры), Пурушоттама (лучший из людей или высший дух).

Лит.: *Gonda J.* Aspects of Early Visnuism. Utrecht, 1954; *idem.* Visnuism and Sivaism: a Comparison. L., 1970; *Gupta Sh. M.* Vishnu and his Incarnations. Bombay, 1993[2].

С. Д. Серебряный

ВИШНУ́ИЗМ, одно из главных направлений *индуизма* (наряду с *шиваизмом* и шактизмом), связанное с почитанием бога *Вишну* и его многочисленных земных воплощений *(аватар)*. История В. восходит к религ. культам группы неарийских скотоводческих племен (абхиров, ядавов, вришниев), обитавших в сер. I тыс. до Р. Х. в Сев. Индии. В *пуранах* встречаются сведения о существовании культа 5 братьев, героев из племени вришниев, среди к-рых упоминается Васудева. Посредством объединения культов Васудевы и ряда др. персонажей, как ведийского, так и аборигенного происхождения, в сер. I тыс. до Р. Х на территории Сев. Индии сформировалось такое направление раннего индуизма, как бхагаватизм. В религии бхагаватов возникает представление о едином личностном боге Бхагаване («Способный одарить (благой) долей», «Милостивый»), к-рый соединяет в себе черты безличного Абсолюта — начала вселенной и покровителя конкретного адепта. Этот новый облик божества предполагает личную эмоционально-окрашенную привязанность со стороны адептов (то, что позднее оформилось в движении *бхакти*). Почитание Васудевы трансформировалось позднее в культ *Кришны*, героя и бога, выступавшего против жертвоприношений *Индре* (важнейшему ведийскому божеству) и боровшегося с демонами. В свою очередь Кришна стал считаться одним из главных воплощений Вишну, а впосл.— центральным божеством такого вишнуитского течения, как *кришнаизм*.

Собственно В. может быть идентифицирован как религ. традиция, сложившаяся приблизительно на исходе I тыс. до Р. Х. (в тексте *Бхагавадгиты*) и объединившая путем последовательных отождествлений культы Вишну, Васудевы, Кришны, Нараяны (божество, связанное с погребальным обрядом, человеческими жертвоприношениями и ритуальным экстазом), Санкаршаны (связанного с культом змей) легендарного царя *Рамы* и Нары (герой *«Махабхараты»* Арджуна в прошлом рождении).

В. имеет особые культовые символы. Среди них — шалаграма, окаменелый аммонит или галька черного цвета, символизирующий боевую раковину Вишну, и кустарник тульси, для к-рого устраивают небольшой горшок-храм (гирлянды из листьев тульси непременно присутствуют на вишнуитском богослужении, из деревянных бусин тульси делают четки — акшамалу). Адептам в ходе богослужения наносят налобный знак — тилак, состоящий из триданди: 3 вертикальных полос (центральная — белая, обрамлена 2 красными). Божества вишнуитского пантеона имеют важное визуальное отличие в иконографии: на правой стороне груди изображается завиток или треугольник — шриватса, благодатный символ, место пребывания Шри (она же Лакшми, богиня счастья, супруга Вишну).

В В. широко распространено почитание священных мест, храмов, растений (священных деревьев), камней, переправ через реки — тиртх (напр., Вишала-Бадари). Крупные центры паломничеств вишнуитов — Айодхья (связан с легендарной историей Рамы), Бадринатх в предгорьях Гималаев и Матхура (шт. Уттар-Прадеш), Дварка (шт. Гуджарат), Пури (шт. Орисса), Рамешварам и Шри-Рангам (город-храм бога Вишну, шт. Тамилнад). Большинство культовых мест В. связаны с аватарами Вишну, с легендарными биографиями Кришны (и ассоциированных с ним божеств) и Рамы. В культовую систему В. были включены мн. местные культы, соединившие в себе религ. элементы различного происхождения (шиваизма, джайнизма, тантризма, местных анимистических верований). Наиболее знамениты из них культы Джаганнатха (г. Пури в Ориссе), Виттхаля (г. Пандхарпур в Махараштре), Венкатешвары (г. Тирупати в Андхра-Прадеш).

Среди вишнуитских праздников важными являются день Рам Навами (9-й день растущей половины месяца чайтра, обычно середина апр.), Кришна Джаянти (день рождения Кришны; 8-й день убывающей половины месяца шравана, середина авг.), Дивали (празднество, длящееся 4 дня с 14-го дня убывающей половины месяца ашвин, конец окт.).

Вишнуитское бхакти (духовное движение) значительно способствовало расцвету поэзии и исполнительских искусств. Среди наиболее известных бхактов-вишнуитов — тамильские *альвары* (VI–X вв.), а также поэты Намдев (1270–1350), Рамананда (1400–1470 или 1440–1518), Мира Баи (1498–1546/47), *Тулсидас* (прибл. 1532–1623), Тукарам (1598/1608–1649). В Бенгалии, Ассаме, Манипуре исполнялись посвященные Вишну и Кришне театрализованные действия — санкиртаны, раслила и рамлила, драма анкхья-нат.

В рамках В. формировались различные религиозно-философские направления, интерпретирующие взаимоотношения индивидуальной души и Бога: *вишишта-адвайта* (*Рамануджа,* XI–XII вв.), двайта (Мадхва, XIII в.), двайта-адвайта (*Нимбарка,* XII в.), шуддха-адвайта (*Валлабха,* ок. 1479–1531/32), ачинтья-бхеда-абхеда (*Чайтанья,* ок. 1486–1533).

С. И. Рыжакова

ВИШНЯКО́В Николай Петрович (3.12.1841, с. Никольское Новоторжского у. Тверской губ.— 24.06.1911, СПб.), прот., проповедник, богослов, библеист. Окончил Новоторжское ДУ, Тверскую ДС, обучался в СПбДА (1863–1867 гг.), после чего был назначен наставником академии. В 1868–1893 гг. преподавал древнеевр. язык в СПбДС. В 1868 г. рукоположен во иерея и определен в причт Волковско-кладбищенской ц. (с 1893 настоятель). В 1869–1894 гг. законоучитель земской школы в Волковой Деревне, в С.-Петербурге. В 1874 г. удостоен степени магистра богословия за дис. «Исто-

рико-экзегетическое исследование Псалтири». С 1878 г. состоял членом учрежденного Святейшим Синодом при СПбДА Об-ва истолкования Свящ. Писания Ветхого Завета. В 1870–1902 гг. избирался депутатом Епархиальных съездов. В 1890 г. возведен в сан протоиерея с причислением к потомственному дворянству. С 1901 г. председатель Комитета Александро-Мариинского дома призрения заштатного и сиротствующего духовенства С.-Петербургской епархии.

Кроме исследования о Псалтири перу В. принадлежат незаконченные толкования на псалмы (Пс 1–40), начатые в рамках программы, предпринятой Об-вом истолкования Свящ. Писания при СПбДА; работа по истории Волкова кладбища и статья, посвященная проблемам благотворительности. В 1892 г. по поручению учебного комитета он рецензировал «Краткий курс грамматики древнееврейского языка» Л. Кноллера (пер. с нем. СПб., 1893).

В магист. дис. В. рассматривал вопросы авторства псалмов и времени создания книги. Основная идея исследования в полной мере отвечала общему характеру отечественных трудов по библеистике 2-й пол. XIX — нач. XX в., где приоритетными задачами являлись защита традиц. библейских воззрений и опровержение мнений зап. либеральной школы, отрицающей указанное в надписаниях псалмов авторство и относящих создание мн. псалмов к периоду после времени Ездры-Неемии и даже к эпохе Маккавеев. В. защищает историческую достоверность имен авторов, указанных в надписании псалмов, отдавая преимущество свидетельствам евр. текста и критически относясь к атрибутациям псалмов Давиду в LXX. Исследователь стремился доказать принадлежность Давиду всех 73 псалмов, надписанных его именем в евр. Библии. Из псалмов Давида в древних переводах (LXX, Пешитта, Вульгата) к этому списку он причислил еще 5. В работе рассматривался вопрос о др. авторах и о безымянных псалмах. Время создания псалмов определено от Моисея (XIV в. до Р. Х.), к-рому принадлежит, согласно надписанию, 89-й (90) псалом, до собирателя и завершителя канона евр. Библии — Ездры (V в. до Р. Х). В. разделял общую т. зр. дореволюционной отечественной библеистики в признании Ездры в качестве окончательного составителя Псалтири.

Соч.: О происхождении Псалтири. СПб., 1875; Толкования на Ветхий Завет: Толкование на Псалтирь. СПб., 1880–1894. 4 т.; Ист.-стат. описание Волковско-правосл. кладбища. СПб., 1885; Общественная и частная благотворительность // Странник. 1878. Дек. С. 358–368.

Лит.: *Писарев С. Д.* О книге Псалмов: О происхождении Псалтири: Исслед. свящ. Н. Вишнякова: [Рец.] // ПО. 1878. Дек. С. 811–834; *Елеонский Ф. Г.* Труды по изучению книг Ветхого Завета // ХЧ. 1902. Ч. 1. С. 52–64; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. С. 81–82; *Крылов И., прот.* Прот. Н. П. Вишняков: Некролог. СПб., 1911.

Б. А. Тихомиров

ВКЛАДНЫ́Е КНИ́ГИ, разновидность документов, велись в крупных рус. мон-рях и нек-рых соборах в

Вкладная книга серпуховского Высоцкого в честь Зачатия Пресв. Богородицы мон-ря. 1648 г. (СИХМ. Инв. № 1673. Л. 11)

сер. XVI — нач. XX в. Наряду с *синодиками, обиходниками,* кормовыми, приходо-расходными книгами В. к. содержали сведения о вкладах, вкладчиках, условиях, на к-рых сделан вклад, и иногда — информацию по истории мон-ря, сведения о хранящихся в нем святынях и т. п. В архивах и рукописных собраниях России выявлено неск. десятков В. к., бóльшая часть списков относится к XVII–XVIII вв. Название «вкладные книги» появляется в источниках на рубеже XVI–XVII вв., ранее данный тип документов назывался «даяльными», «данными», «дачными» или «казенными» книгами.

Самым ранним видом церковных документов, в к-ром систематически фиксировались имена вкладчиков, а иногда и суммы вкладов, являются синодики. Мон-ри, получавшие большое количество вкладов, по-видимому, делали усилия по упорядочению сведений о вкладчиках. Известно, что в 20-х гг. XVI в. в Троице-Сергиевом мон-ре одновременно велись 2 синодика, что предполагает определенную классификацию вкладчиков (по-видимому, в зависимости от суммы вклада и следовательно способа поминовения) (АРГ, 1505–1526 гг. № 263. С. 267–268). Синодики обители кон. XVI в. имеют значительное число данных о вкладах, поступивших начиная с рубежа XIV–XV вв. (см., напр., РГБ. Ф. 304/I. № 40–42), далеко не все они были зафиксированы во В. к. мон-ря в XVII в. Однако практика записи вкладов в синодиках имела много неудобств, поскольку из-за частого употребления рукописи быстро приходили в негодность, кроме того, из них необходимо было вычеркивать имена лиц, записанных для поминания на конкретный срок, а оставшиеся имена переписывать.

Ранним и важным источником сведений о вкладчиках являются также кормовые книги, к-рые представляют собой организованные по календарному принципу указатели поминания вкладчиков на год. Кормовые книги содержат имена людей, в память о к-рых должны были ставиться праздничные трапезы для братии («кормы»), приводятся также сведения о суммах вкладов, указание на место погребения вкладчика, а также перечни блюд и напитков, подававшихся во время «больших, середних и меньших кормов».

Время появления В. к. исследователи определяют по-разному. С. Б. *Веселовский* относил возникновение В. к. к XV в. и видел основное их назначение в фиксации вкладов в хронологической последовательности (Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 30–32). Др. исследователи (А. Г. Маньков, Л. И. Ивина и др.) считают временем появления В. к. сер. XVI в. и видят в них реакцию на постановления *Стоглавого Собора 1551 г.* (75-я гл. соборных постановлений предписывала монастырским властям собирать сведения о вкладчиках, «ставити по них кормы да на их памяти пети собором панахиды самем пастырем, и обедни служити, и братию кормити по монастырскому чину. Да их имена допытався в

сенаники написати и поминати их всегда по церковному чину и по божественному уставу» (Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 352). (Данное мнение в определенной степени подтверждается списком вкладной и кормовой книги нач. 90-х гг. XVI в. из Троице-Сергиева мон-ря. В рукописи говорится, что предшествующий список был обязан своим появлением игум. *Серапиону* (*Курцову;* 1549 — 14 июня 1551), к-рый по приказу царя и вел. кн. *Иоанна IV Васильевича Грозного* и созванного в связи с этим Собора монастырских старцев завел В. к. для пожертвований не менее 50 р.— РГБ. Ф. 304/I. № 821. Л. 31–34 об.) Н. А. Казакова, основываясь на сходстве записей вкладов в синодиках и В. к., считала, что постановление Стоглавого Собора послужило лишь толчком к упорядочению записей вкладов, возникновение же В. к. исследовательница относила к более раннему времени (К изучению вкладных книг. С. 266). Мнение Казаковой разделяют мн. совр. исследователи, в частности А. И. Алексеев, высказавший предположение, что назначением В. к. было согласование информации, содержавшейся в синодиках и кормовых книгах.

В. к. содержат сведения о вкладчиках, вкладах и условиях, на к-рых сделан вклад. В мон-рях В. к. велись соборными старцами, хранились у келарей и казначеев. Л. Штайндорф описал разновидности В. к., фиксировавшие вклады в зависимости от их ценности (бóльшая часть перечисленных ниже типов документов известна по упоминаниям в др. источниках). Братские книги содержали сведения о вкладах монастырской братии, к-рые составляли менее 50 р. (списки неизвестны). В живые книги вносились данные о вкладах др. жертвователей также на сумму менее 50 р., живые книги передавались вкладчиком в мон-рь при жизни, списки их также неизвестны. Записные книги объединяли в себе содержавшиеся в братских и живых книгах сведения о вкладах, к-рые давали право на запись в «повседневный» синодик на определенный срок (ГИМ. Епарх. № 418 (686); *Титов.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского мон-ря. С. 80–115). Большие книги фиксировали вклады не менее 50 р. с правом бессрочного упоминания

Вкладная книга Солотчинского в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря. XVI в. (РИАМЗ. КП 8835. Л. 76 об.– 77)

в «повседневном» синодике (ГИМ. Епарх. № 419 (687); *Титов.* Там же. С. 1–79). Урочные книги отмечали срок окончания ограниченного во времени поминания (списки неизвестны). Месячные тетради имели те же самые функции, что и урочные книги, были разделены на месяцы для более точного представления о сроках, они также не сохранились.

Составление В. к. в XVI — 1-й пол. XVIII в. в большинстве случаев носило частный характер и было связано с обязательствами мон-рей перед своими вкладчиками, единой формы для этого типа документов не было. В. к., по-видимому, не имели юридической силы и не использовались для разрешения судебных и поземельных дел. В посл. четв. XVII в. на В. к. ссылались рус. дворяне (напр., Головкины, Нелединские-Мелецкие) для подтверждения древности своего происхождения.

Вклады, отраженные в В. к., делались «за здравие», на поминовение умерших родственников, ради пострижения в обители, по завещанию, зачастую в неск. мон-рей одновременно (последнее обстоятельство помогает определить время не датированных во В. к. пожертвований путем сопоставления документов, происходящих из разных мон-рей). Жертвовались книги, предметы церковной утвари и обихода, зависимые от вкладчика крестьяне, вещи хозяйственного обихода, скот, натуральные продукты и др. имущество, а также деньги. Братия обители или клирики собора, получившего вклад, должны были молиться о здравии вкладчиков и их родных или об упокоении представителей рода вкладчика. После смерти вкладчика его имя и имена его родных заносились в зависимости от суммы вклада в «повседневный» и (или) «вечный» синодики и поминались за проскомидией, на панихидах и на литиях. Кроме того, по особо щедрым вкладчикам служили заупокойные литургии (см. ст. *Заупокойное богослужение*), раздавали милостыню нищим и устраивали трапезу для братии («корм» — «большой, середний и меньший» в зависимости от суммы вклада) в дни памяти жертвователей (на память святого, к-рому был тезоименит вкладчик, или в день кончины, или в 2 данных дня). Срок, в течение к-рого поминались вкладчик и его родственники, определялся обычно из расчета 1 р. на год поминания 1 имени, в особо почитаемых обителях, напр. в Троице-Сергиевом мон-ре, год поминания 1 имени соответствовал вкладу в 10 р., в небольших обителях право на поминание в течение года давал вклад в полтину (или по договоренности сторон). Порядок поминания вкладчиков был установлен в большинстве мон-рей во 2-й пол. XVI в., различался в разных обителях.

Бывали случаи, когда получившие вклад монахи прекращали молиться о вкладчиках ранее установленного срока (упоминания об этом находим, к примеру, во В. к. Симонова мон-ря — *Аверьянов.* С. 39). В таком случае жертвователь мог потребовать свой вклад обратно. На практике это происходило редко, хотя примеры такого рода известны не только на Руси, но и в Византии, напр., в 1322 г. имп. *Андроник II Палеолог* потребовал у мон-ря *Ватопед* свои земли, уличив, как ему казалось после своего поражения на войне, монашескую братию в том, что она «недостаточно усердно» молилась за его победу (Actes de Vatopédi. T. 1. N 55. P. 308–311).

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим эволюцию В. к. в XVII в., являются рукописи из Троице-Сергиева мон-ря 1639 и 1673 гг. Имена вкладчиков в них разделены по социальному и родовому признакам, книги имеют алфавитный указатель. Е. Н. Клитина высказала предположение, что в основе данных В. к. лежит протограф, созданный в кон. 60-х — нач. 70-х гг. XVI в., источником к-рого являлись по преимуществу копийные («вотчинные») книги, а также кормовая книга и описи ризницы мон-ря; во В. к. 1639 г. ссылки на копийные книги

очень часты, во В. к. 1673 г. они уже являются редкостью.

Во 2-й пол. XVII — нач. XVIII в. в нек-рых В. к. начали записываться сведения по истории мон-рей, жизнеописания их основателей, местных подвижников, сообщения о хранящихся в обителях святынях — мощах святых, особо почитаемых иконах. Так, в конце В. к. нижегородского Печерского мон-ря помещено сказание о *Печерской иконе Божией Матери,* принесенной в мон-рь основателем обители свт. *Дионисием* (*Титов.* 1898. С. 72–74). Большую часть составленной в 1710 г. В. к. *Анзерского Голгофо-Распятского муж. скита* составляет изложение монастырского предания об основателе скита прп. *Елеазаре Анзерском* († 1656) и истории скита (Вкладная книга Анзерского скита. 2001. С. 213–275). В начале В. к. и синодика Водожской во имя Покрова Пресв. Богородицы муж. пуст. (1711) помещено «Описание» обители (РГБ. Ф. 178. № 8539. Л. 3–8 об.). Во В. к. читается рассказ не только об основании пустыни, но и об ее предыстории, связанной с белозерскими подвижниками благочестия и ктиторами обители — свящ. Григорием, 1-м игум. Герасимом и др. лицами, их отношения с И. *Нероновым;* за период ок. 1652–1711 гг. отмечен ряд исторических событий, в частности эпидемия, война, в к-рой участвовали первые ктиторы пустыни П. И. Доводчиков и Ф. Г. Лызлов. Все это сближает В. к. Водожской пуст. со сказаниями об основании мон-рей и строительстве храмов XVI–XVII вв. Запись вкладов, помещенная после «Описания» пустыни, доведена до 60-х гг. XVIII в.— времени *секуляризации церковных имуществ.* В. к. суздальского Богородице-Рождественского собора содержит точно датированные известия о ремонте и перестройках собора в сер. XVI в.

Помимо собственно В. к. можно выделить неск. смешанных типов документов, фиксировавших вклады: объединенные вкладные и кормовые (кормовые и вкладные) книги, приходо-расходные и вкладные книги, синодики с записями вкладов.

Вкладные и кормовые книги совмещают в себе сведения о вкладах, поминаниях вкладчиков и указания на «кормы» (в кормовых и вкладных книгах «кормы» расписаны более подробно), организованы по календарному принципу. Данный тип внутримонастырской документации во 2-й пол. XVI—XVIII в. характеризуется прежде всего внесением в него имен вкладчиков, сделавших пожертвование, как правило, не менее 100 р. (в Троице-Сергиевом мон-ре «кормы» ставились за вклады не менее 500 р.). Примерами

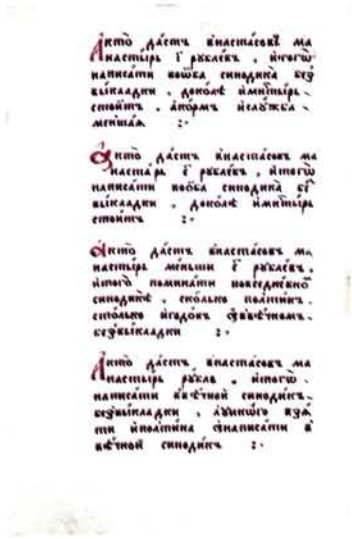

Вкладные книги белёвского Преображенского мон-ря. Нач. XVIII в. (РГБ ОР. Ф. 178. № 8298. Л. 1)

вкладных и кормовых книг могут служить документы из московского Симонова (АСЭИ. Т. 2. № 339. С. 337–338), ростовского Борисоглебского на Устье мон-ря и Михаило-Архангельского мон-ря в Юрьеве-Польском (РНБ. Тит. № 4520, 4904; ЮПКМ. № 2394. Л. 1–18), а также белёвского в честь Преображения Господня мон-ря (РГБ. Ф. 178. № 8298). Примером «книг кормовых, и вкладных, и данных» может служить рукопись из *Толгского в честь Введения во храм Пресв. Богородицы мон-ря.* Книга, составленная во 2-й пол XVI — нач. XVII в., содержала сведения о 22 вкладах и «кормах», обстоятельствах внесения вкладов и обязательствах мон-ря по ним (литургические поминания и трапезы); при переписке текста в обители в сер. XVII в. «кормы» и вклады кон. XIV–XVI в. были скопированы без хронологической последовательности, однако с прежней нумерацией. Записи «кормов» и вкладов можно обнаружить в кормовой и вкладной книге из московского Новодевичьего мон-ря (Вкладная книга 1674–1675 (7183) года московского Новодевичьего мон-ря. С. 152–210) и в кормовой книге *Коряжемского во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ря* (РГБ. Ф. 178. № 7174). Во 2-й пол. XVIII в. в связи с исчезновением практики «кормов» ведение таких книг практически прекратилось.

Последовательные сведения о вкладах содержатся также в нек-рых приходо-расходных книгах мон-рей кон. XVI в., напр., в приходной книге *Чудова в честь Чуда арх. Михаила в Хонех муж. мон-ря в Москве* 1585/86 г., в приходо-расходных книгах и обиходнике Иосифо-Волоколамского мон-ря (Хозяйственные книги Чудова мон-ря 1585/86 г. 1996. С. 31–53; *Тихомиров.* С. 130–160). Окончательное отделение В. к. от приходных и приходо-расходных книг произошло в 1-й трети XVII — нач. XVIII в. Примером этому является рукопись из Белогостицкого мон-ря под Ростовом, содержащая в себе независимые друг от друга вкладные (1668/69–1702, без начала), приходо-расходные (1628–1745) и описные книги (посл. треть XVII в.) (РГБ. Ф. 178. № 10933. Л. 1–17, 20–314 об., 316–377 об.).

Достаточно долго — в отдельных случаях вплоть до сер. XIX в.— сохранялась практика записи вкладов в синодиках, характерная в первую очередь для небольших мон-рей. Зачастую причиной внесения соответствующих сведений в синодики было резкое увеличение числа вкладов. Напр., в перемышльском Резванском во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ре постоянная запись вкладов в синодик началась в 80-х гг. XVII в. Связано это было с тем, что после свадьбы царя Алексея Михайловича и Наталии Кирилловны Нарышкиной (1671) в Резванский мон-рь, где была похоронена бабушка молодой царицы — П. И. Раевская, начали поступать значительные пожертвования от родственников царя, соответствующие сведения были внесены в синодик (*Леонид (Кавелин).* Церк.-ист. описание. 1863. С. 69–86). В монастырском синодике отражены вклады, поступавшие в Шаровкин мон-рь во имя Успения Пресв. Богородицы в Перемышльском у. (Там же. С. 1–68). (Др. примеры соединения синодиков с В. к. в монастырской документации см.: Там же; РГБ. Ф. 178. № 8299.) Синодик *Архангельского собора* Московского Кремля наряду с именами

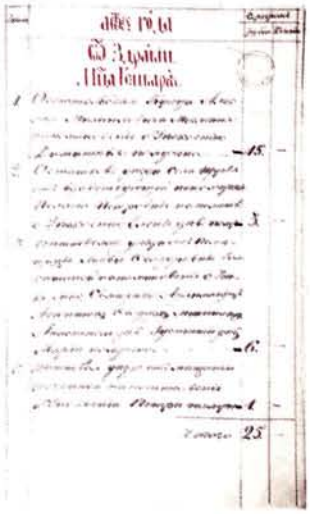
Лицевой синодик, вкладные и кормовые книги Анастасова в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря близ Одоева. 1673–1675 гг. (РГБ ОР. Ф. 178. № 8299. Л. 75 об.)

вкладчиков указывает сумму вкладов (данные за 1848–1849, внесенные в рукопись XVII в.— РГБ. Ф. 218. № 1518. Л. 149–154 об.).

В XVII в. в синодики, так же как и во В. к., начали записываться сведения по истории мон-рей. Ярким примером может служить синодик XVII в. *Выдубицкого Всеволожа во имя св. арх. Михаила муж. мон-ря*, в начале к-рого помещен краткий рассказ «О создании монастыря Выдубицкаго» с похвалой 1-му ктитору обители вел. кн. *Всеволоду Ярославичу* (синодик известен в выписке, сделанной в 1815 для гр. Н. П. *Румянцева*.— РГБ. Ф. 256. № 387. Л. 6–6 об.). Рассказ об основании обители читался также в синодике Воротынского Спасского, что на Устье, мон-ря (*Леонид (Кавелин)*. Церк.-ист. описание. С. 95–106).

Со 2-й пол. XVIII в. сведения о вкладах включались в описи имущества действующих и упраздненных мон-рей, В. к. как вид монастырского делопроизводства стали приходить в упадок. В ряде случаев их функции сокращались, напр., В. к. и синодик Ниловой Столобенской пуст. фиксировали в 1860–1865 гг. только денежные вклады (РГБ. Ф. 200. № 18).

Во 2-й пол. XIX в. в епархиальное делопроизводство были введены типовые В. к., предназначавшиеся в первую очередь для приходских храмов,— «Справочные книги к синодику на вечное поминовение». Эти документы содержали графы для данных о дате поступления вклада, об имени, о звании или сословии, о месте жительства вкладчика или благотворителя, об условиях вклада («когда и на каких службах поминать»), графы для соотнесения с записями в приходо-расходных книгах и синодиках. Данная разновидность В. к. перестала использоваться в 20-х гг. XX в.

Денежная вкладная книга и синодик Ниловой Столбенской пуст. 1860–1865 гг. (РГБ ОР. Ф. 200. № 18. Л. 1)

вслед. нарушения церковного делопроизводства в условиях гонений на Церковь.

Арх.: ГИМ. Епарх. № 1(6) [Синодик Иосифо-Волоколамского мон-ря, XVI в.]; № 417 (683) [Устав о братской трапезе и поминании живых и умерших, 1565 г.]; № 418 (686) [Книга вкладов Иосифова мон-ря, сер. XVI – нач. XVII в.]; № 419 (687) [Книга вкладов Иосифова мон-ря, 2-я – 3-я четв. XVI в.]; НГМ. ОПИ. № 11033 [Синодик и записи о вкладах, сделанных в Сырков мон-рь в Вел. Новгороде в 1675 г.— посл. четв. XVII в.]; РГАДА. Ф. 181. № 146/213 [Кормовые, вкладные и данные книги, синодик ярославского Толгского мон-ря, XVII в.]; Ф. 196. Оп. 1. № 1710 [Синодик, кормовая и вкладная книги коломенского Голутвина мон-ря, нач. XVIII в.]; РГБ. Ф. 178. № 8299 [Вкладные, кормовые книги и синодик лихвинского Анастасова мон-ря, 1558 г. XVII в.]; № 8298. [Вкладные книги белёвского Спасо-Преображенского мон-ря, нач. XVIII в.]; № 8539 [Вкладная книга и синодик Водожской пуст., XVIII в.]; № 7174 [Кормовая книга и записи вкладов Коряжемского во имя свт. Николая мон-ря, XVII–XVIII вв.]; № 10933 [Вкладные 1668/69–1702 (без начала), приходо-расходные (1628–1745 гг.) и описные (посл. треть XVII в.) книги Белогостицкого мон-ря, XVII–XVIII вв.]; Ф. 256. № 387 [Выписи из синодиков, вкладных книг и описей церковного имущества древнерусских мон-рей, 1815 г.]; РГБ. Ф. 304/I. № 40–42 [Синодики и вкладные записи Троице-Сергиева мон-ря, 1575 г.— кон. XVI в.]; № 821 [Вкладная и кормовая книги Троице-Сергиева мон-ря, 1591/92 г.]; Ф. 200. № 18 [Денежная вкладная книга 1860–1865 гг. и синодик Ниловo-Столобенской пуст.]; РГБ. Ф. 711. № 31 [Вкладная книга и синодик Махрищского мон-ря, XVI–XVII вв.]; ЮПКМ. № 2394 [Вкладная и кормовая книга Михаило-Архангельского мон-ря в Юрьеве-Польском, кон. XVI–XVII в.]; СИХМ. № 1673 [Вкладная книга серпуховского Высоцкого мон-ря, 1648]; РИАМЗ. КП-8835 [Вкладная книга Солотчинского Рождество-Богородицкого мон-ря, XVII в.].

Публ.: *Карамзин Н. М.* История гос-ва Российского. М., 1995. Т. 5. С. 262–263. Примеч. 122 [Вкладные и кормовые книги московского Симонова мон-ря]; *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского мон-ря // ЗОРСА. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 46–139; Выписки из рукописной вкладной книги Александро-Свирского мон-ря 1566–1743 гг. // Олонецкие ГВ. 1853. № 10–27; Вкладная книга Владимирского Рождественского мон-ря / Сообщ. К. Н. Тихонравов // Тр. Владимирского губ. стат. ком. Владимир, 1864. Вып. 3. Стб. 338–369; *Горский А. В.* Ист. описание Св.-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 2: Прил. архим. Леонида. VI. С. 45–64; *Леонид (Кавелин), архим.* Махрищский мон-рь: Синодик и вкладная книга // ЧОИДР. 1878. Кн. 3. С. 1–38; *он же.* Вкладная книга Моск. Ново-Спасского мон-ря. СПб., 1883; *Титов А. А.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского мон-ря в XV, XVI, XVII и XVIII ст. Ярославль, 1881; *он же.* Вкладная книга Нижегородского Печерского мон-ря // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. Отд. 1. С. I–VIII, 1–93; *он же.* Синодики XVII в. Переславского Горицкого мон-ря. М., 1902; *он же.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского мон-ря XVI в. // Рукописи слав. и рус., принадлежащие И. А. Вахрамееву. М., 1906. Вып. 5. С. 1–115; Памятники древней письменности Спасского мон-ря в г. Муроме: (Лицевой синодик и вкладная книга) / Предисл. Н. Добрынкина. Владимир, 1892; *Покровский Н. В.* Древности Костромского Ипатьевского мон-ря // ВАИ. 1885. Вып. 4. С. 1–34 [на с. 4–5 отрывки из вкладной книги]; *Воронцова Л. Д.* Вкладная книга Серпуховского Высоцкого мон-ря // Древности: Тр. Археогр. Комис. МАО. 1899. Т. 1. Вып. 2. Стб. 321–346; *Голубинский.* История РЦ. Т. 2. Ч. 2. С. 577–580 [фрагмент вкладной и кормовой книги Троице-Сергиева мон-ря кон. XVI в.]; Вкладная книга Брянского Свенского мон-ря // ИРГО. 1911. Вып. 4. С. 392–433; *Апухтин В. Р.* Псково-Печерский Успенский мон-рь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914; *Изюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского мон-ря 1576–1694 (7084–7202) гг. // ЧОИДР. 1917. Кн. 2. Отд. 1 С. 1–104; АСЭИ. Т. 2. № 339. С. 337–338; Т. 3. № 479. С. 465; Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Моск. Новодевичьего мон-ря // Источники по соц.-экон. истории России XVI–XVIII вв.: Из архива Моск. Новодевичьего мон-ря / Подгот. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985. С. 152–210; Вкладная книга Троице-Сергиева мон-ря. М., 1987; Вкладные книги Далматовского Успенского мон-ря / Предисл. И. Л. Маньковой. Свердловск, 1992; *Козляков В. Н.* Толгский мон-рь XVII в. и его вкладчики // Ярославская старина: Из архива рус. провинции. Ярославль, 1992. С. 14–22; Вкладная книга Серпуховского Высоцкого мон-ря. М., 1993; Хозяйственные книги Чудова мон-ря 1585/86 г. М., 1996. С. 31–53; Вкладная книга Анзерского скита // Прп. Елеазар, основатель Св.-Троицкого Анзер-

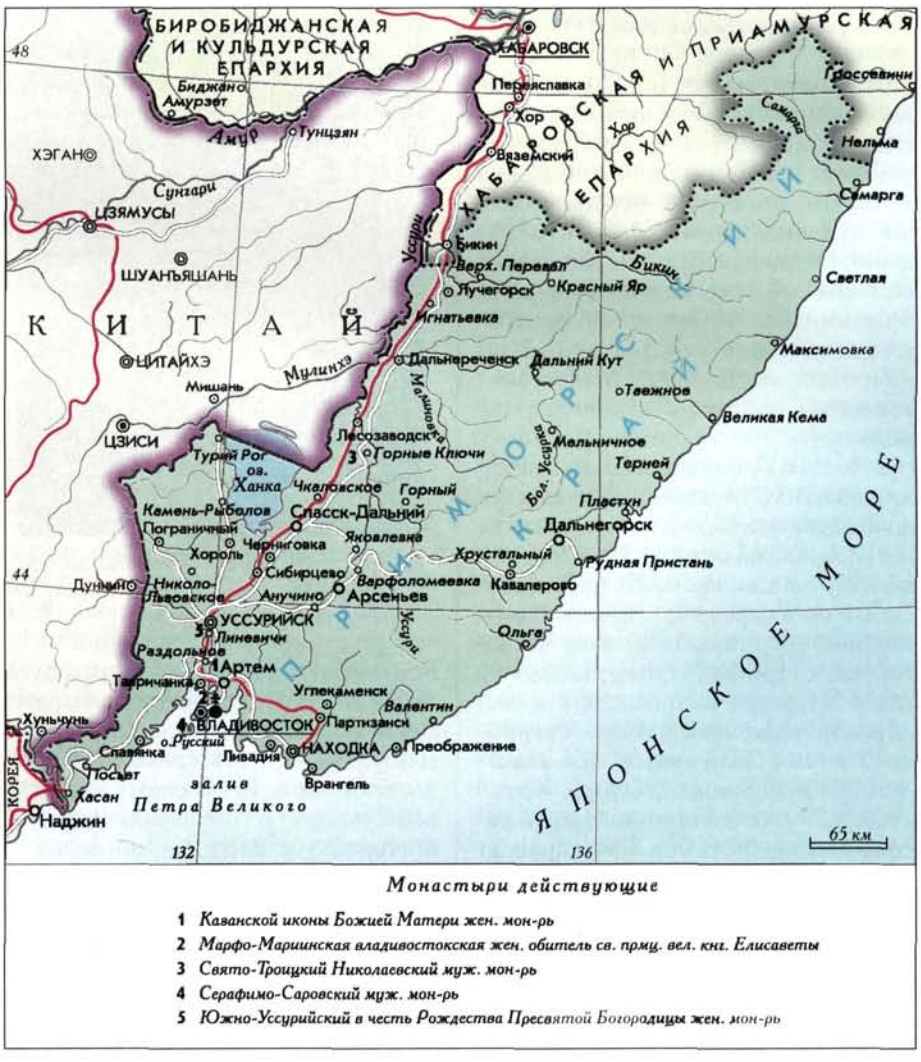
ского скита / Подгот. С. К. Севастьяновой. СПб., 2001. С. 213–275; *Маштафаров А. В.* Вкладная кормовая книга Михаило-Архангельского мон-ря г. Юрьева-Польского XVI – 1-й четв. XVII вв.: Введ., коммент. и текст // RM. 2001. T. 10. Fasc. 1. С. 224–233; *Антонов А. В.* Вкладчики Успенского Горицкого мон-ря XV–XVI вв. // Рус. дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 3–37.

Лит.: *Леонид (Кавелин), иером.* Церк.-ист. описание упраздненных мон-рей, находящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–170; *Титов А. А.* Вкладные и кормовые книги монастырские // ЭС. 1892. Т. 6: С. 619; *Савич А. Я.* Вклады и вкладчики в северо-рус. мон-рях XV–XVII вв. Пермь, 1929; *Тихомиров М. Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 130–160; *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Рус. гос-ве XVI в. М.; Л., 1951. С. 247–249; *он же.* Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян // ПИ. 1955. Вып. 4. С. 287; *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 355–356; *она же.* К изучению вкладных книг // Рукописное наследие Др. Руси: По мат-лам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 260–266; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 323–478; *он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 45, 61, 207, 314, 331, 348, 351, 358; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и соц. история Сев.-Вост. Руси XV–XVI вв. (Переяславский уезд). М.; Л., 1966. С. 88–92; *Ивина Л. И.* Вкладная и кормовая книга Симонова мон-ря // ВИД. 1969. Т. 2. С. 229–240; *она же.* Крупная вотчина Сев.-Вост. Руси кон. XIV – 1-й пол. XVI в. Л., 1979. С. 24–29; *Клитина Е. Н.* Вкладные книги Троице-Сергиева мон-ря // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 287–293; *Зимин А. А.* Вкладные и записные книги Волоколамского мон-ря XVI в. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 77–84; *Кучкин В. А.* Ценный источник по истории России XIV–XVIII вв. // ВИ. 1989. № 5. С. 165–167; *Левицкая Н. В.* Вкладная книга Переславль-Залесского Федоровского мон-ря // ИКРЗ, 1993 г. Ростов, 1994. С. 122–129; *Левицкая Н. В., Сукина Л. Б.* Вкладные книги переславских Никитского и Троице-Данилова мон-рей: Источниковедческие аспекты исследования // ИКРЗ, 1995 г. Ростов, 1996. С. 125–135; *Steindorff L.* Memoria in Altrußland: Stud. zu d. Formen christ. Totensorge // QSGÖE. 1994. Bd. 38; *Штайндорф Л.* Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и в Троице-Сергиевом мон-рях в XVI в. // АЕ за 1996 г. М., 1998. С. 65–78; *он же.* Поминание усопших как религ. и обществен. должность мон-рей Моск. Руси (на основе мат-лов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского мон-рей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 103–116; *он же.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский мон-рь // ДРВМ. 2002. № 2 (8). С. 90–100; *Алексеев А. И.* К изучению вкладных книг Кирилло-Белозерского мон-ря // Там же. С. 68–85; *Стрельников С. В.* Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского мон-ря // Опыты по источниковедению. Вып. 3: Древнерус. книжность: редактор и текст. СПб., 2000. С. 305–322; *он же.* Ростовский Борисоглебский мон-рь и его вкладчики в XV – 1-й трети XVII в.: (По мат-лам вкладных книг) // Рус. религиозность: Пробл. изучения. СПб., 2000. С. 102–114; *Николаева С. В.* Вклады и вкладчики в Троице-Сергиев мон-рь в XVI–XVII вв.: (По вкладным книгам XVII в.) // Церковь в истории России. М., 1998. Сб. 2. С. 81–107; *Аверьянов К. А.* Вкладные и кормовые книги рус. мон-рей XVI–XVIII вв. как источник по истории поминального ритуала // Вера и ритуал: Мат-лы VIII С.-Петербургских религиовед. чтений. СПб., 2001. С. 38–40; *Пудалов Б. М.* Синодик нижегородских князей (опыт реконструкции) // Памятники христ. культуры Нижегородского края. Н. Новг., 2001. С. 8–22; *Токарев А. В.* О структуре монастырских вкладных книг XVI–XVIII вв. // Ежег. Богосл. конф. ПСТБИ. М., 2002. С. 101–106; *он же.* Вкладная книга Введенской Оптиной пустыни // Там же. М., 2003. С. 181–184.

А. В. Кузьмин, С. В. Стрельников

ВЛАДИВОСТО́КСКАЯ И ПРИМО́РСКАЯ ЕПА́РХИЯ РПЦ, учреждена в 1899 г. с названием Владивостокская и Камчатская, с 1916 г. Приморская и Владивостокская. В дек. 1945 г. вошла в состав Хабаровской и Владивостокской епархии, воссоздана с совр. названием постановлением Свящ. Синода от 31 янв. 1991 г. Территория епархии объединяет приходы и мон-ри в *Приморском крае* РФ. Кафедральный город — Владивосток, кафедральный собор — во имя свт. Николая Чудотворца. Правящий архиерей — архиеп. *Вениамин* (*Пушкарь;* с 21 сент. 1992, с 25 февр. 2003 архиеп.). Епархия разделена на 5 благочинических округов: Центральный (центр — Владивосток), Северный (центр — г. Спасск-Дальний), Южный (центр — г. Фокино), Западный (центр — г. Уссурийск) и Восточный (центр — пос. Кавалерово). К 1 янв. 2004 г. в епархии действовали 66 приходов, 71 храм (включая домовые храмы и приписные часовни), 2 муж. и 3 жен. мон-ря. Клир епархии на 1 янв. 2004 г. составляли 109 священнослужителей.

1898–1917 гг. 4 июня 1898 г. Высочайшим указом было утверждено мнение Гос. Совета о выделении Владивостокской епархии из Камчатско-Благовещенской, что и было осуществлено 1 янв. 1899 г. Причинами разделения Камчатско-Благовещенской епархии были ее чрезвычайная обширность, трудность

Монастыри действующие

1 *Казанской иконы Божией Матери жен. мон-рь*
2 *Марфо-Мариинская владивостокская жен. обитель св. прмц. вел. кн. Елисаветы*
3 *Свято-Троицкий Николаевский муж. мон-рь*
4 *Серафимо-Саровский муж. мон-рь*
5 *Южно-Уссурийский в честь Рождества Пресвятой Богородицы жен. мон-рь*

Кафедральный собор во имя свт. Николая Мирликийского. во Владивостоке Фотография. 2004 г.

управления ею из Благовещенска, необходимость более активной миссионерской деятельности среди коренных жителей Дальн. Востока и окормления рус. переселенцев, число к-рых к кон. XIX в. существенно возросло. При рассмотрении вопроса об учреждении епархии принималось во внимание возросшее адм. и торговое значение Владивостока после окончания строительства Сибирского железнодорожного пути.

В состав новоучрежденной епархии вошли 69 церквей, находившихся во Владивостоке, на о-ве Сахалине и в следующих округах Приморской обл.: Командорском, Петропавловском, Анадырском, Гижигинском, Южно-Уссурийском, в части Удского окр. с приходской церковью на мысе Чумикан и приписной к ней аянской церковью, а также *Уссурийский во имя Св. Троицы и свт. Николая Чудотворца муж. мон-рь.* Кроме того, к В. е. было причислено 17 часовен в Южно-Уссурийском крае, 31 часовня на Камчатке и 6 — на Сахалине.

Первым Владивостокским архиереем 24 дек. 1898 г. был назначен *Евсевий (Никольский),* бывш. епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский. Еп. Евсевий прибыл во Владивосток 7 марта 1899 г., 6 мая 1906 г. возведен в сан архиепископа. Единственная во Владивостоке ко времени открытия епархии Успенская ц. (освящена 6 дек. 1889) в 1899 г. стала кафедральным собором. 21 марта 1899 г. начала работу Владивостокская духовная консистория. 9–16 окт. того же года состоялся первый епархиальный съезд духовенства, на к-ром присутствовали 6 депутатов, избранных на собраниях в благочиниях; впосл. эти съезды собирались регулярно (в 1915 состоялся 10-й съезд). В 1905 г. на территории епархии действовали 95 храмов, в 1909 г.— 111, в 1911 г.— 154, в 1916 г.— 252 храма. В 1907 г. в состав епархии вошли приходы по линии Китайско-Восточной желез-

Собор в честь Успения Пресв. Богородицы во Владивостоке. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

ной дороги (КВЖД; строилась в 1897–1903). На территории епархии также находились воинские храмы (напр., во Владивостоке, в с. Раздольном, на о-ве Русском), к-рые не включались в общеепархиальную статистику, т. к. состояли в ведении протопресвитера военного и морского духовенства. В 1911 г. для рус. переселенцев были созданы 3 походные церкви.

В 1900 г. при муж. мон-ре открылся епархиальный свечной завод. В 1900 г. бывш. настоятельница читинского Богородицкого жен. мон-ря игум. Павла (Трегубова) близ Никольска (совр. Уссурийск) основала жен. общину, в нояб. 1906 г. преобразованную в *Южно-Уссурийский в честь Рождества Богородицы жен. мон-рь.* В 1894 г. на берегу р. Уссури близ ст. Шмаковка был основан муж. мон-рь.

В 1916 г., после выделения из Владивостокской епархии *Камчатского викариатства* на правах самостоятельной епархии, Владивостокская кафедра стала именоваться Приморской и Владивостокской. В 1903–1917 гг. 2 раза в месяц выходили *«Владивостокские епархиальные ведомости».*

Духовные учебные заведения. При учреждении епархии в ней насчитывалось 23 церковноприходские школы и 15 школ грамоты. В 1909 г. в епархии действовало 100 церковноприходских и 5 школ грамоты, к 1917 г. число школ утроилось. В 1908 г. при новонежинской церковноприходской школе открылась первая в крае народная б-ка, к-рая помимо книг располагала пособиями и лабораторными приборами для учащихся, при школе был открыт музей сельскохозяйственных орудий. В 1901 г. архиеп. Евсевий учредил в пригороде Владивостока, на ст. Седанка, архиерейский дом с домовым храмом и церковноприходской школой для архиерейских иподиаконов, в 1914 г. при архиерейском доме открылась церковно-учительская семинария для девушек из семей духовного звания. К 1917 г. в г. Петропавловске начала работу второклассная учительская семинария и высшее начальное уч-ще.

Миссионерская деятельность и церковно-общественные организации. К 1897 г. основная часть населения Приморской обл. и о-ва Сахалина исповедовала Православие (159 841 чел.), 77 566 чел. исповедовали буддизм и др. нехрист. культы. 10 окт. 1899 г. был создан Владивостокский епархиальный комитет *Православного миссионерского об-ва.* В ведении комитета состояли походная миссия в с. Гижига (Камчатка) и 11 миссионерских станов: Корсаковский (села Корсаковка и Кроуновка), Пуциловский (с. Пуциловка), Синельниковский (с. Синельниково), Янчихенский (села Н. и В. Янчихе), Тизинхенский (с. Тизинхе), Адиминский (села Н. и В. Адими), Зареченский (с. Заречье), Мангугайский (села Мангугай и Занадворовка), Посьетский (до 1903 — походный, с 1902 — с центром в с. Краббе), Удский, Ана-

дырский,— занимавшихся проповедью Евангелия преимущественно среди корейцев. Станы объединяли неск. селений и включали в себя правосл. миссионерские храмы и об-

Церковь в честь Покрова Пресв. Богородицы в Александровске на о-ве Сахалине. 1893 г. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

разовательные учреждения: школы грамоты, одно- и двухклассные церковноприходские школы, катехизаторские уч-ща. В 1899 г. в 4 миссионерских церковноприходских школах при станах учились 149 мальчиков и 3 девочки, в 8 миссионерских школах грамоты — 191 мальчик. В 1903 г. общее число учащихся в 30 миссионерских школах при станах в Южно-Уссурийском крае составляло 1082 чел. В 1899 г. Владивостокский комитет миссионерского об-ва выделил пособие школам в размере 400 р., в 1900 г.— 1772 р.

Указом Святейшего Синода 27 окт. 1908 г. Владивостокской епархии была подчинена учрежденная в 1897 г. Российская духовная миссия в Корее, к-рая в 1907 г. открыла во Владивостоке подворье с церковью в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и школой в память о воинах, погибших в русско-япон. войне. 5–8 июня 1913 г. во Владивостоке состоялся 1-й епархиальный миссионерский съезд, к-рый постановил проводить съезды ежегодно. Съезд также решил открыть во Владивостоке при церкви-школе одногодичное катехизаторское уч-ще для корейцев; для нужд Корейской миссии был организован переводческий комитет, благодаря к-рому на корейский язык были переведены и изданы Служебник, Требник и др. правосл. книги.

В 1910 г. во Владивостоке открылось миссионерское Камчатское братство во имя Нерукотворного образа Спасителя, имевшее отд-ния в неск. городах европ. части России и объединявшее более 2 тыс. чел. (см. *Камчатская миссия*), непосредственное руководство братством осуществлял иером. *Нестор (Анисимов)*. При поддержке братства на Камчатке к 1917 г. действовало 32 прихода, оказывалась обширная благотворительная помощь коренному населению. В 1914 г. в с. Иоасафовском прошел первый Камчатский миссионерский съезд, принявший решение о создании Камчатской духовной миссии. Миссионерскую направленность имело также Уссурийское братство Пресв. Богородицы, созданное в 1908 г. при Свято-Троицком Николаевском муж. мон-ре, братство с 1912 г. ежегодно устраивало крестные ходы из Владивостока до мон-ря, продолжавшиеся от 12 до 24 дней. В 1914 г. указом архиеп. Евсевия был учрежден епархиальный миссионерский совет. К 1917 г. в епархии были организованы разъездные причты и устроено неск. новых миссионерских станов.

22 мар. 1899 г. по указу Святейшего Синода начало работу Владивостокское епархиальное попечительство для облегчения материального положения вдов и сирот духовного звания и для заведования делами по опеке над сиротами священно- и церковнослужителей. В нояб. 1900 г. по инициативе свящ. Григория Ваулина в с. Осиновка было образовано Иоанно-Предтеченское об-во трезвости, к-рое вскоре распространило свою деятельность на Владивосток, Никольск, др. селения Южно-Уссурийского края и Маньчжурии. В 1906 г. об-во трезвости построило в Осиновке жен. школу-читальню им. Н. И. Гродекова. 16 окт. 1911 г. при Покровской ц. Владивостока открылось духовно-просветительское братство в честь Воскресения Христова как отделение одноименного братства в Москве.

1917–1945 гг. Летом 1917 г. Владивостокский архиеп. Евсевий (Никольский) уехал в Москву для участия в *Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* После объявления перерыва в работе Собора он вернулся во Владивосток, в марте 1918 г. снова был вызван в Москву на годовую сессию в качестве члена Синода. Из-за гражданской войны архиеп. Евсевий во Владивосток не возвратился, в 1919 г. был назначен временно управляющим Смоленской епархией. Во исполнение постановления Свящ. Синода и *Высшего Церковного Совета* от 23 июня 1919 г. об увеличении числа епископов РПЦ в 20–30-х гг. в епархии действовали 3 вик-ства: Камчатское и Петропавловское, *Никольско-Уссурийское* и Охотское.

29 *нояб.* 1917 г. владивостокский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов взял власть в свои руки и признал СНК РСФСР. В апр. 1918 г. во Владивостоке высадился япон. и англ. десант, в кон. апр.— нач. июня того же года в город прибыли эшелоны чехословац. войск, в июне власть советов была свергнута. В дек. 1918 г. управление Владивостокской епархией принял бывш. викарий Казанской епархии Чебоксарский еп. *Михаил (Богданов)*, в 1918 г. уехавший из Казани. В 1918–1922 гг. продолжилась работа епархиального совета, благочиний, приходов, действовали мон-ри. В марте 1920 г. в р-не Морского кладбища Владивостока игум. Руфина (Кокорева) организовала жен. общину в честь Смоленской иконы Пресв. Богородицы «Одигитрия». Весной 1920 г. началось строительство обители, в 1921 г. в ведение общины было передано Морское кладбище. В учебных заведениях возобновилось преподавание Закона Божия. В июле 1922 г. во Владивостоке проходил Приамурский земский собор, в к-ром участвовали 8 делегатов от духовенства и 24 — от приходов Приморья. (По одним данным, Владивостокской епархией до 1922 управлял еп. Михаил, по другим — в 1920–1922 епископом Владивостокским являлся Марк (Бакалдин)).

25 окт. 1922 г. Владивосток захватила народно-революционная армия Дальневосточной республики, 16 нояб. Дальневосточная республика вошла в состав РСФСР. В 1923 г. в Приморском крае было национализировано имущество церковных общин, закрыты все мон-ри, в 1924 г. в архиерейском доме на Седанке организован дом отдыха.

В 1927 г. закрыта церковь — подворье Корейской миссии, в 1932 г. закрыт Успенский кафедральный собор, впосл. он был разрушен. Из более чем 100 храмов, действовавших в Приморском крае до 1917 г., к кон. 30-х гг. сохранились 14.

После того как в окт. 1922 г. значительная часть духовенства эмигрировала из Владивостока в Маньчжурию вместе с остатками Белой армии, в Приморье развернули активную деятельность обновленцы (см. *Обновленчество*), поддерживаемые советской властью. В 1925 г. в Приморской губ. обновленцам принадлежало 58 приходов, верными Православию оставались 49 храмов, в 1926 г. действовали 57 обновленческих общин и 94 православные. Во 2-й пол. 20-х гг. влияние обновленцев стало ослабевать, мн. приходы вернулись в каноническую Церковь. Обновленческий Дальневосточный округ в 1923–1933 гг. возглавляли: Василий Смелов (с 20 мая 1923 по 1925 или 1927), Николай Коблов (1926 — март 1927), Михаил Трубин (временно управлял в 1929), Николай Гирченко (окт. 1930 — авг. 1932, временно управлял), Николай Наганов (с 1933). В 1929–1936 гг. титул епископа Владивостокского носил находившийся в *григорианском расколе* Иринарх Павлов.

В нояб. 1925 г. на Приморскую и Владивостокскую кафедру был назначен еп. *Киприан (Комаровский)*, находившийся в 1925–1927 гг. в ссылке во Владивостоке, в нач. 1927 г. он был возведен в сан архиепископа, в марте — сент. 1927 г. находился в заключении во владивостокской тюрьме. В сент. 1927 г. архиеп. Киприан получил назначение на *Нижнеудинское викариатство* Иркутской епархии, стал временно управляющим Иркутской епархией. С сент. 1927 по 1928 г. Владивостокскую епархию возглавлял еп. *Нифонт (Фомин)*, в 1928–1929 гг. кафедрой временно управлял Хабаровский еп. *Пантелеимон (Максунов)*, в 1929–1930 гг. епархию возглавлял еп. Марк (Боголюбов). В 1930 г. на Владивостокскую кафедру был назначен еп. *Варсонофий (Лузин)*, 25 мая следующего года он был арестован, в февр. 1932 г. приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1931–1932 гг. Владивостокской и Хабаровской епархиями временно управлял Никольск-Уссурийский еп. сщмч. *Герман (Коккель)*. Последующие назначения на Владивостокскую кафедру неизвестны. В 1944 г. во Владивостоке открылась новопостроенная небольшая ц. во имя свт. Николая Чудотворца.

1945–1990 гг. 25 дек. 1945 г. определением Свящ. Синода на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Камчатской областей была учреждена Хабаровская и Владивостокская епархия с подчинением ей приходов Якутского и Читинского вик-ств Иркутской епархии (см. *Хабаровская и Приамурская епархия*). 30 янв. 1946 г. во епископа Хабаровского и Владивостокского был хиротонисан архим. *Венедикт (Пляскин)*, к-рый, пребывая во Владивостоке, управлял епархией по 10 июля 1947 г. В этот период помимо Владивостока по одному правосл. храму действовали в городах Спасске-Дальнем, Партизанске и Ворошилове (совр. Уссурийск). В 1949–1988 гг. Хабаровская и Приморская епархия находились под управлением епископов Иркутских и Читинских. С 1988 г. приходы Приморского края входили в воссозданную Хабаровскую и Владивостокскую епархию.

1991–2003 гг. 31 янв. 1991 г. определением Свящ. Синода В. е. была выделена из Хабаровской епархии, архиепископом Владивостокским и Приморским стал *Николай (Шкрумко)*. 21 сент. 1992 г. во епископа Владивостокского и Приморского был хиротонисан Вениамин (Пушкарь). К нач. 90-х гг. в Приморском крае действовали 8 приходов, в кон. 1991 г.— 15, в кон. 1992 г.— 22, на 1 янв. 1998 г.— 59 приходов. В 1993 г. началось возрождение Уссурийского Рождество-Богородицкого жен. мон-ря, в 1995 г.— Свято-Троицкого Николаевского муж. мон-ря. Особым событием в жизни епархии было возвращение во Владивосток из Св. земли 6 мая 1998 г. иконы «Торжество Пресв. Богородицы» *(Порт-Артурской)*. В мае 2000 г. епархию посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II*.

При Владивостокском епархиальном управлении работают отделы: религ. образования и катехизации, миссионерский, издательский, по взаимодействию с правоохранительными учреждениями, по взаимодействию с Вооруженными Силами, по делам молодежи, юридический, по взаимодействию с учреждениями здравоохранения, по взаимодействию с казачеством, общий, финансовый, хозяйственный.

«Торжество Пресв. Богородицы». Икона Божией Матери (Порт-Артурская). 1904 г. Худож. П. Ф. Штронде. Киот работы худож. Г. Д. Павлишина. 2002 г. (ц. во имя прп. Сергия Радонежского при епархиальном управлении)

Образовательная, издательская и информационная деятельность. 30 марта 1992 г. в епархии было открыто двухлетнее ДУ, ректором к-рого в наст. время является архиеп. Вениамин, в 1997 г. при ДУ организованы двухлетние миссионерско-катехизаторские вечерне-заочные курсы. В 1994 г. была создана епархиальная б-ка. В 1999 г. во Владивостоке начала работу правосл. гимназия во имя равноапостольных Кирилла и Мефодия. На нач. 2003 г. в епархии действовали 25 воскресных школ. В марте 2003 г. было образовано братство правосл. следопытов.

В 1999 г. в Ин-те истории и философии Дальневосточного гос. ун-та (Владивосток) открылась кафедра теологии и религиеведения, зав. кафедрой — архиеп. Вениамин. Епархия развивает сотрудничество с Приморским ин-том переподготовки и повышения квалификации работников образования, в к-ром читаются спецкурсы «Правовые основы преподавания Библии в школе», «Основы православной культуры и нравственности», «Православие и проблемы воспитания», «Психоло-

гия религии». Начиная с 2003 г. в школах Приморья преподаются «Основы православной культуры».

В 1992 и 1997 гг. в епархии прошли Иннокентиевские чтения, посвященные изучению истории Православия на Дальн. Востоке и деятельности свт. *Иннокентия (Вениаминова)*. С 2000 г. епархия совместно с администрацией Приморского края, Дальневосточным ун-том и Приморским ин-том переподготовки и повышения квалификации работников образования проводит ежегодные Приморские образовательные чтения, посвященные памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия.

С 1993 г. епархия издает ежемесячную газ. «Приморский благовест», приходские издания выпускаются в Уссурийске и Находке.

Миссионерство, благотворительность. Вопросы миссионерской работы в епархии рассматриваются на епархиальных миссионерских съездах (проходили в 1997, 2002 и 2003), в работе к-рых принимают участие как представители духовенства, так и миряне. В 1997 г. было создано миссионерское братство во имя прп. Сергия Радонежского. С 2000 г. выпускаются епархиальные миссионерские листки.

В 1996 г. епархия заключила соглашение о взаимодействии с Тихоокеанским флотом РФ в вопросе духовно-нравственного воспитания военнослужащих. В 1997 и 2002 гг. Владивостокский архиерей принял участие в неск. учебных походах на кораблях флота. В авг. 2002 г. архиеп. Вениамин благословил флот частицей мощей прав. воина Феодора Ушакова, в июне 2003 г.— частицей мощей ап. Андрея Первозванного. В окт. 2002 г. на территории главного госпиталя Тихоокеанского флота во Владивостоке открылась часовня во имя прав. Феодора Ушакова.

Правосл. учреждения ведут благотворительную деятельность. Под попечением *владивостокского Марфо-Мариинского жен. мон-ря* находится Приморская детская краевая туберкулезная больница, приемник-распределитель в детской городской больнице № 2, детские дома во Владивостоке, Кавалерове, Лучегорске, дом престарелых и туберкулезный диспансер на Седанке. Члены сестричества милосердия, созданного в 1998 г., трудятся при клинической больнице № 2 г. Владивостока, Дальзаводской больнице, при «больнице рыбаков», осуществляют патронажный уход на дому.

Святыни. В крестовом храме во имя прп. Сергия Радонежского при епархиальном управлении находится икона «Торжество Пресв. Богородицы» (Порт-Артурская). В Уссурийском в честь Рождества Богородицы жен. мон-ре хранится почитаемый образ Божией Матери «Объятия Отча».

Монастыри. Южно-Уссурийский в честь Рождества Богородицы (жен., близ с. Линевичи, основан в 1900, закрыт в 20-х гг. XX в., возрожден в 1993), Уссурийский Свято-Троицкий Николаевский (муж., в пос. Горные Ключи, основан в 1894, закрыт в 1923, возрожден в 1995), Марфо-Мариинский во имя прмц. вел. кнг. Елисаветы (жен., возле ст. Седанка, Владивосток, основан в 1995), *Казанской иконы Божией Матери* (жен., в с. Раздольном, открыт в 1998), *владивостокский Серафима Саровского* (муж., на о-ве Русском, Владивосток, открыт в 2001).

Архиереи: еп. Евсевий (Никольский; назначен 5 янв. 1899, с 6 мая 1906 архиеп., с 1917 пребывал в Москве, с 1920 митр. Крутицкий), еп. Михаил (Богданов; дек. 1918–1922 или до 1920, в. у.), еп. Марк (Бакалдин; 1920–1922)?, еп. *Павел (Введенский;* 1922? в. у.), еп. *Иоасаф (Рогозин;* 1924?), архиеп. Киприан (Комаровский; 26 нояб. 1925 — 28 сент. 1927, с 1927 архиеп.); еп. Нифонт (Фомин; сент. 1927–1928); еп. Пантелеимон (Максунов; 1928–1929); еп. Марк (Боголюбов; 1929 — июль 1930); еп. Варсонофий (Лузин; авг. 1930 — май 1931); Никольск-Уссурийский еп. сщмч. Герман (Коккель; 1931–1932, в. у.); архиеп. Николай (Шкрумко; 31 янв. 1990 — 12 авг. 1992); архиеп. Вениамин (Пушкарь; с 21 сент. 1992, с 25 февр. 2003 архиеп.).

Арх.: Архив Владивостокского ЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; ГАХК. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–13; Д. 7. Л. 3–5; РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209. Л. 235–235 об.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 200. Л. 19–19 об.

Ист.: Правосл. церковь на территории СССР: к 1 окт. 1925 г. // Вестн. Свящ. Синода Правосл. Российской Церкви. 1926. № 7. С. 2; Протокол № 2 заседания Свящ. Синода от 22 нояб. 1927 г. // Там же. 1928. № 2 (26) С. 8; Опред. Свящ. Синода от 19 июля 1988 г. // ЖМП. 1988. № 10. С. 3; Опред. Свящ. Синода от 29, 30 и 31 янв. 1991 г. // Там же. 1991. № 5. С. 10.

Лит.: *Рункевич С.* Владивостокская епархия // ПБЭ. Т. 3. С. 533–542; *Ермакова Э. В.* Владивосток // Приморский край: Крат. энцикл. справ. 1997. С. 69, 76, 77, 81, 83, 93, 108, 192, 372, 502, 509; *Сердюк М. Б.* Религ. жизнь Дальнего Востока (1858–1917 гг.): Канд. дис. Владивосток, 1998. С. 71, 96, 134; *Мизь Н. Г., Буяков А. М.* Вековой юбилей: К 100-летию епархии. Владивосток, 1999; *Павел (Ивановский), иером.* Крат. очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // История Российской духовной миссии в Корее: Сб. М., 1999². С. 115–149; *Феодосий (Перевалов), архим.* Российская духовная миссия в Корее (1900–1925) // Там же. С. 220–240; *Белашов А. И.* Камчатская епархия: Страницы истории // Ист.-стат. описание камчатских церквей: Сб. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 242; *Нестор (Анисимов), митр.* Православие в Сибири // Свет Христов просвещает всех: Сб. Новосиб., 2000. С. 518–526; *он же.* Моя Камчатка // Божией милостью архиерей Русской Церкви: Сб. М., 2002. С. 401; *Прозорова Г. В.* Светом невечереющим: Очерки истории евангелизации корейского населения Приморья, 1864–1917. Владивосток, 2002. С. 18–19, 77–82; *Иннокентий (Ерохин), иером.* Второй епарх. съезд правосл. миссионеров во Владивостоке // ЖМП. 2003. № 2. С. 18, 19.

Игум. Иннокентий (Ерохин)

«ВЛАДИВОСТО́КСКИЕ ЕПАРХИА́ЛЬНЫЕ ВЕ́ДОМОСТИ», выходили в 1903–1917 гг. 2 раза в месяц, отдельные номера были сдвоенными. С 1899 г., после образования Владивостокской и Камчатской (см. *Владивостокская и Приморская*) епархии, первые 4 года на ее территории распространялись *«Благовещенские епархиальные ведомости»*. Редактором «В. е. в.» в 1903 — февр. 1904 г. был секретарь консистории А. Г. Разумовский (с № 19 за 1903 по № 1 за 1904 обязанности редактора выполнял свящ. Владимир Давыдов), затем с № 4/5 — свящ. В. Давыдов (при выпуске № 13–16 за 1909 его замещал А. П. Корсунский), с № 12 за 1915 г.— прот. Василий Попов, с июля 1917 г. последние 5 сдвоенных номеров (№ 15/16–23/24) вышли без указания редактора.

В офиц. отделе «В. е. в.» печатались указы императора и Святейшего Синода, распоряжения епархиального начальства. В неофиц. отделе наибольший интерес представляют статьи о церковной истории Дальн. Востока и правосл. миссии в Приморье, на Камчатке, на Сахалине, среди корейских переселенцев, за границей (в Корее, Китае и Японии).

В 1912–1913 и 1915 гг. в качестве бесплатного приложения к «В. е. в.» выходил листок для религиозно-нравственного чтения «Восточный благовест» (редактор — свящ. В. Давыдов), всего 83 выпуска. Среди др. приложений к газете — книги свящ. Григория Ваулина «Первая обитель на Дальнем Востоке» (1903) и иером. *Нестора (Анисимова)* «Из Камчатки» (1909), журналы епархиальных

съездов, отчеты и др. публикации братств и миссионерских об-в, антисектантские брошюры и т. д.

После прекращения издания «В. е. в.» и до окончательного установления советской власти в Приморье во Владивостоке выходило неск. церковных изданий: в 1919 г.— «Голос сердца», в 1920 г.— «Голос свободной церкви», в 1921–1922 гг.— «Известия епархиального совета», в 1922 г.— «Журнал христианской мысли по вопросам веры и жизни». С 1993 г. офиц. печатным изданием Владивостокской епархии является газ. «Приморский благовест».

Лит.: *Андреев.* Христианская периодика. Т. 1, № 98.

Свящ. Александр Троицкий

ВЛАДИВОСТО́КСКИЙ ВО И́МЯ ПРЕПОДО́БНОГО СЕРАФИ́МА САРО́ВСКОГО МУЖСКО́Й МОНАСТЫ́РЬ (Владивостокской и Приморской епархии), во Владивостоке на о-ве Русском. Основан решением Свящ. Синода 6 окт. 2001 г. при храме во имя прп. Серафима Саровского. Построенная в 1904 г. воинская церковь до 1917 г. находилась в ведении 34-го Сибирского стрелкового полка. В 30-х гг. XX в. была закрыта, в ней размещался клуб, в 80-х гг. сильно пострадала от пожара.

К 2004 г. трудами братии и военнослужащих в обители восстанавливается храм, устроены трапезная и кельи, заложен братский корпус. 29 марта 2002 г. Владивостокский и Приморский еп. *Вениамин (Пушкарь)* совершил первый постриг 3 послушников обители. К сент. 2004 г. в В. м. живут 7 монахов, 5 послушников, наместник – иером. Никон (Анненков). Насельники В. м. поддерживают активные связи с воинскими частями Тихоокеанского флота, дислоцированными на о-ве Русском.

Лит.: Определения Свящ. Синода // ЖМП. 2001. № 11. С. 4.

Игум. Иннокентий (Ерохин)

ВЛАДИВОСТО́КСКИЙ МА́РФО-МАРИ́ИНСКИЙ ВО И́МЯ ПРЕПОДОБНОМУ́ЧЕНИЦЫ ВЕЛИ́КОЙ КНЯГИ́НИ ЕЛИСАВЕ́ТЫ ЖЕ́НСКИЙ МОНАСТЫ́РЬ (Владивостокской и Приморской епархии), во Владивостоке. Открыт решением Свящ. Синода от 16 июля 1995 г. в зданиях бывш. архиерейского подворья, построенного в 1900–1901 гг. по проекту архит. И. В. Мешкова для первого Владивостокского архиеп. *Евсевия (Никольского).* 15 апр. 1901 г. на подворье была освящена ц. во имя сщмч. Евсевия Самосатского. В 1905 г. при подворье открылась церковноприходская школа, в 1914 г.— церковноучительская семинария. 30 авг. 1910 г. недалеко от архиерейского дома над могильным склепом владивостокского купца и консула в Китае А. С. Ваховича был заложен каменный храм, освященный 9 февр. следующего года во имя св. кн. Александра Невского. После 1918 г. в помещениях подворья размещались дом отдыха, клуб, кинотеатр. В 1930–1931 гг. была разрушена шатровая крыша и часть алтарной стены Александро-Невского храма, в алтаре к-рого устроена котельная.

В 1989 г. РПЦ был передан Александро-Невский храм, в нач. 90-х гг.— помещения подворья с ц. сщмч. Евсевия Самосатского, в к-рых сложилась жен. обитель. В. м. устроен по образцу *Марфо-Мариинской московской обители.* Насельницы служат в Приморской детской туберкулезной больнице, детском приемнике-распределителе Владивостока, Седанкинском доме ветеранов и пенсионеров, клинической больнице № 2 Владивостока, в неск. детских домах края. При мон-ре с 1998 г. существует сестричество милосердия, в к-ром состоят 20 чел., занимающихся патронажной деятельностью в больницах и на дому.

Мон-рь во имя прп. Серафима Саровского на о-ве Русском. Фотография. 2004 г.

В мае 2000 г. В. м. посетил Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II.* В мае 2003 г. началось восстановление колокольни над храмом сщмч. Евсевия. К 1 сент. 2004 г. в мон-ре жили 13 монахинь, 8 послушниц, 3 трудницы, настоятельница – игум. Мария (Пономарёва).

Лит.: *Мария (Пономарёва), игум.* Из истории архиерейского подворья // Приморский благовест. 1999. № 6 (47). С. 5; *Мизь Н. Г., Буяков А. М.* Вековой юбилей: к 100-летию епархии. Владивосток, 1999. С. 55–56.

Игум. Иннокентий (Ерохин)

ВЛАДИКАВКА́ЗСКАЯ И МОЗДО́КСКАЯ ЕПА́РХИЯ, существовала в 1885–1922 гг. Образована с названием Владикавказская в составе Грузинского Экзархата преобразованием *Владикавказского викариатства,* 10 сент. 1894 г. выведена из подчинения Экзарха Грузии, называлась Владикавказской и Моздокской. Территория епархии сначала включала в себя Терскую обл. (центр – Владикавказ), частью к-рой являлась Сев. Осетия, в 1894 г. в В. е. были присоединены Дагестанская обл. и осетинское сел. Новогеоргиевское Кубанской обл. В нач. XX в. территория В. е. включала в себя совр. Сев. Осетию, Кабардино-Балкарию, Дагестан, Чечню, Ингушетию и регион Кавказских Минеральных Вод. Кафедральный город – Владикавказ. Кафедральные соборы – владикавказские Спасо-

Собор во имя арх. Михаила во Владикавказе. Фотография. Нач. XX в.

Преображенский (1863–1893) и Михаило-Архангельский (с 1894), Успенский в Моздоке (с 1904). В 1910–1914 гг. в составе В. е. существовало *Пятигорское викариатство.*

Начальный период существования епархии. Организационное оформление Владикавказской епархии связано с деятельностью *Иосифа (Чепиговского),* с 1857 г. трудившегося в деле христ. просвещения народов Сев. Кавказа и прозванного «апостолом Осетии». Еп. Иосиф первым возглавил новосозданную епархию. Ко времени своего образования епархия насчитывала 122 храма и 2 мон-ря (*кизлярский в честь Воздвижения Креста Господня муж.* и Георгиевский жен.). Приходы делились на русские и осетинские. Рус. приходы разделялись на приходы казачьих станиц, приходы сел, населенных переселенцами из России и Украины, и городские приходы. Горные осет. приходы были малочисленны и бедны, прихожане сохраняли в быту мн. языческие поверья, были подвержены мусульм. пропаганде. Особенностью Владикавказской епархии являлось то, что число православных, живших на ее территории (в нач. 90-х гг. XIX в.— ок. 300 тыс. чел.), было меньше, нежели число мусульман (ок. 400 тыс.

Иосиф (Чепиговский), еп. Владикавказский. Фотография. Кон. 80-х гг. XIX в. (РГИА)

чел.), а также сектантов и старообрядцев (последние жили, в частности, в Кизлярском отделе, ст-це Червлённой, Ессентуках).

С 1885 г. в епархии регулярно проводились съезды духовенства. 1-й съезд, состоявшийся 30 окт. 1885 г., постановил открыть во Владикавказе филиал тифлисского братства во имя Пресв. Богородицы. В 1888 г. во Владикавказе было создано Свято-Троицкое братство ревнителей Православия, построившее Свято-Троицкий храм с больницей и богадельней при нем.

Чрезвычайно острой проблемой для епархиальной жизни являлось частое отпадение крещеных осетин в мусульманство. В борьбе с этим еп. Иосиф особое внимание уделял становлению школьного образования, школы в епархии открывались в основном на средства *Общества восстановления православного христианства на Кавказе.* Учившиеся в церковноприходских школах дети пели в храмах за богослужением, становились проводниками христианства в семьях. 13 янв. 1887 г. из Моздока во Владикавказ было переведено ДУ, при к-ром действовало отд-ние для подготовки церковно- и священнослужителей и учителей в осет. приходы. 11 окт. в Ардоне, где существовал один из лучших осет. приходов, открылось осет. ДУ.

Еп. Иосиф часто объезжал епархию, много потрудился для перевода Свящ. Писания и вероучительных текстов на осет. язык. Во Владикавказе книги на осет. языке издавались с 1881 г., среди них — «Букварь», «Священная история», многотомный «Русско-осетинский словарь с краткой грамматикой», составленный еп. Иосифом, и др. К 1889 г., когда еп. Иосиф по собственному прошению был уволен на покой, во Владикавказской епархии насчитывалось 136 храмов.

Преемником еп. Иосифа на Владикавказской кафедре стал еп. Петр (Лосев). В течение 2 лет, когда он управлял кафедрой, архиерей совершил большое число поездок по епархии, при посещении приходов призывал создавать при храмах школы, к-рых за это время открылось ок. 30. В отчетах Синоду архиерей писал о низком образовательном уровне осет. духовенства. Для привлечения образованных пастырей к служению на приходах еп. Петр в 1890 г. добился повышения их окладов. По инициативе еп. Петра в 1890 г. началось проведение миссионерских собеседований в приходах, архиерей проводил такие собеседования во Владикавказе. В епархии учреждались попечительства: Георгиевское (открыто в марте 1891) содержало школу для детей из бед-

Церковь во имя вмч. Георгия Победоносца в Ардоне. Фотография. 2000 г.

ных семей, попечительство о бедных духовного звания (открыто в сент. 1891). В 1889 г. в качестве приложения к областной газ. «Терские ведомости» начал издаваться ежемесячный «Епархиальный листок».

Деятельность еп. Владимира (Синьковского), ранее активно трудившегося в *Алтайской духовной миссии,* сыграла особое значение в устроении церковной жизни Сев. Кавказа. По инициативе еп. Владимира В. е. была выделена из Грузинского Экзархата (указ 10 сент. 1894), в связи с чем были расширены границы епархии, начала работу духовная консистория. В 1895 г. В. е. была разделена на 13 благочинических округов (из них один единоверческий).

Особое внимание еп. Владимир уделял развитию школьного образования. За 1895/96 г. в епархии открылись 15 новых школ, выстроено 13 школьных зданий. С февр. 1895 г. во Владикавказе в воскресные и праздничные дни при церковноприходских школах проводились религиозно-нравственные чтения, в к-рых архиерей принимал активное участие. 12 авг. 1895 г. Ардонское осетинское ДУ было преобразовано в Александровскую ДС. Для улучшения положения горских школ еп. Владимир 31 дек. 1895 г. учредил при семинарии отд-ние епархиального училищного совета по заведованию церковноприходскими школами Сев. Осетии. Отд-ние много

сделало для материального обеспечения осет. школ, подготовки преподавателей. 17 окт. 1894 г. начались занятия в епархиальном 3-классном жен. уч-ще, в сент. 1897 г. для него было построено собственное здание, в 1899/1900 г. уч-ще стало 6-классным. Большинство его выпускниц работали в церковноприходских школах. 24 июля — 1 авг. 1895 г. во Владикавказе по инициативе еп. Владимира прошел первый съезд учителей церковноприходских школ епархии. Проводились также краткосрочные курсы повышения квалификации преподавателей церковноприходских школ.

Освящение церкви и школы в с. Ход. Алагирское ущелье. Фотография. 1900 г.

С 1893 г. проходили съезды духовенства епархии. С янв. 1902 г. городское духовенство Владикавказа собиралось на пастырские собрания (проводились неск. раз в год), на к-рых читались и обсуждались доклады, посвященные актуальным вопросам церковной жизни.

1 янв. 1895 г. началось издание *«Владикавказских епархиальных ведомостей»*. В авг. того же года в епархии была создана комиссия по распространению дешевых книг и брошюр религиозно-нравственного содержания среди населения В. е. Большее значение имело издание в 1902 г. Евангелия на осет. языке, в 1923 г. переизданного *Библейским обществом*.

25 марта 1894 г. еп. Владимир открыл Михаило-Архангельское братство, главной задачей к-рого было христ. просвещение коренных жителей Сев. Кавказа, помощь новокрещеным. В 1896 г. при братстве начал работу епархиальный склад, торговавший правосл. книгами по низким ценам. Миссионерско-просветительскую направленность имели Зольское Николаевское церковноприходское братство (открыто в 1896), проводившее собеседования с сектантами, об-ва ревнителей Православия в Грозном и Моздоке (открыты в 1904). В 1902 г. во Владикавказе было создано об-во трезвости в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и свт. Феодосия Черниговского.

4–5 июля 1901 г. в Пятигорске прошел съезд епархиальных миссионеров, была выработана новая программа противосектантской и противораскольнической миссии, к-рая предполагала широкое участие мирян. В сент. 1894 г. в ст-це Червлённой еп. Владимир присоединил к Православию 2 тыс. казаков-*беглопоповцев*. Переход казаков в Православие был подготовлен миссионерской работой Михаило-Архангельского братства.

За время управления епархией еп. Владимир освятил ок. 30 храмов, церквей-школ и часовен, в т. ч. кафедральные соборы Михаило-Архангельский во Владикавказе (1894) и Успенский в Моздоке (1904), с 1894 г. все новые храмы строились за счет епархии (ранее — при поддержке гос. бюджета и Об-ва восстановления правосл. христианства на Кавказе). Будучи на Владикавказской кафедре, еп. Владимир посетил практически все осет. приходы.

По инициативе еп. Владимира в 1895 г. начались работы по организации в ст-це Александрийской лепрозория по обеспечению прокаженных лекарствами и медицинской помощью. Было собрано ок. 15 тыс. р., среди жертвователей — вдовствующая имп. Мария Феодоровна. В дек. 1897 г. еп. Владимир освятил лепрозорий, в к-ром были построены 6 домов для больных, баня, адм. здание, часовня. Лепрозорий содержался на проценты от денег, собранных по призыву еп. Владимира. Было принято решение построить еще 2 лепрозория: для христиан под Ростовом-на-Дону и для мусульман под Владикавказом. В 1902 г. начал работу епархиальный свечной завод.

Церковь во имя арх. Михаила в Грозном. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

1905–1917 гг. Последующие Владикавказские архиереи, Гедеон (Покровский), *Агапит (Вишневский)* и *Питирим (Окнов)*, так же как и их предшественники, уделяли большое внимание миссионерской деятельности. В янв. 1905 г. в целях развития приходской миссии во Владикавказе был создан миссионерский комитет, 1 окт. следующего года при Никольской ц. в г. Петровск-Порт (совр. Махачкала) начало работу Об-во ревнителей Православия — первое миссионерское учреждение в Дагестане. В 1905 г. при владикавказском Михаило-Архангельском соборе открылась епархиальная б-ка, в основу к-рой легла б-ка свящ. Иоанна Попова, церковного публициста, постоянного автора «Владикавказских ЕВ».

В 1908 г. Ардонская ДС из миссионерской была преобразована в епархиальную. Еп. Гедеон мотивировал это тем, что осетины — выпускники семинарии не поступали на службу в Духовное ведомство, в то время как для рус. юношей, желавших стать священниками, не хватало мест в семинариях. Преобразование Ардонской ДС впосл. негативно сказалось на обеспечении осет. приходов священнослужителями и вызвало уменьшение числа образованных осетин. В 1911 г. клирик В. е. свящ. Моисей Коцоев издавал на осет. языке церковно-проповеднические листки «Христианская жизнь».

22 сент. 1910 г. в помощь Владикавказскому архиерею было учреждено Пятигорское вик-ство. 24 сент. во епископа Пятигорского был хиротонисан *Арсений (Смоленец)*. В 1911 г. В. е. делилась

на 14 благочинических округов (10 рус., 3 осет. и 1 единоверческий), в к-рые входили 217 приходов, клир епархии составляли 208 священников, 45 диаконов, 165 псаломщиков.

Архиеп. Питирим (Окнов) в своей деятельности особое внимание уделял осет. приходам, о к-рых писал в отчетах в Синод, что в них «положение Православия особенно печально». Архиерей сообщал о неукомплектованности причтов, небрежности осет. священников в совершении богослужений, равнодушии осетин к храму, отсутствии авторитета у священника в глазах прихожан. Для исправления церковной жизни Осетии архиеп. Питирим в февр. 1912 г. во Владикав-

Еп. Гедеон (Покровский). Фотография. Нач. XX в. (РГИА)

казе провел съезд осет. пастырей. По его итогам был учрежден пресвитерский совет для заведования приходской жизнью осет. приходов. Совет создал комиссию по переводу и изданию на осет. языке правосл. лит-ры, в первую очередь богослужебных книг. Кроме того, архиерей предлагал расширить полномочия викарного епископа, передав в его заведование все осет. приходы, и перевести его из Пятигорска в Ардон, однако этот план не был осуществлен.

22 дек. 1913 г. на Владикавказскую кафедру был назначен еп. *Антонин (Грановский)*, впосл. известный деятель *обновленчества*.

В 10-х гг. XX в. Владикавказский архиерей столкнулся с активным распространением сектантства и баптизма на территории своей епархии, в т. ч. среди осетин. Массовые переходы православных в баптизм наблюдались во Владикавказе, Пятигорске, Моздоке, Грозном, казачьих станицах, осет. равнинных и горных селах. Для противодействия этому движению в 1914 г. в епархии помимо епархиального миссионера были назначены еще 6 окружных миссионеров, стали проводиться пастырско-миссионерские курсы. Осет. священники, приезжавшие из Владикавказа, проводили в селах собеседования с православными и сектантами, помогали местным причтам в организации отпора сектантскому прозелитизму. В 1914–1916 гг. на средства еп. Антонина на осет. языке издавался ж. «Христианский свет», в к-ром публиковались материалы преимущественно по миссионерству.

Во время первой мировой войны в В. е. действовали лазареты во Второ-Афонском и Свято-Троицком муж., Покровском и Георгиевском жен. мон-рях. 10 окт. 1914 г. еп. Антонин открыл епархиальный лазарет, отведя под него больницу Владикавказского ДУ. В 1915 г. по инициативе архиерея состоялся крестный ход из Владикавказа в Свято-Троицкий муж. мон-рь (20 км), в 1916 г.— крестный ход

Антонин (Грановский), еп. Владикавказский. Фотография. 1914–1915 гг. (РГИА)

из Владикавказа в Моздок (более 100 км) к чудотворной Моздокской иконе Божией Матери.

В сент. 1916 — янв. 1917 г. в связи с болезнью еп. Антонина В. е. управлял Владимир-Волынский еп. сщмч. *Фаддей (Успенский)*.

1917–1943 гг. 9 марта 1917 г. во Владикавказе под председательством Владикавказского еп. *Макария (Павлова)* состоялось собрание духовенства, единогласно признавшее *Временное правительство*. Вскоре был создан Союз духовенства В. е., задачей к-рого было «разрешение и правильное урегулирование в связи с требованиями времени наболевших вопросов чисто сословного, а не политического характера», а также созыв епархиального съезда, к-рый состоялся в апр. того же года; еп. Макарий в его заседаниях не участвовал. Съезд приветствовал Февральскую революцию, созыв Учредительного собрания, высказался за продолжение войны. Осет. делегаты поставили вопрос об образовании Осетинской епархии, съезд отправил соответствующее ходатайство в Синод, но ответа не последовало. Съезд избрал депутатов от епархии на предстоящий Поместный Собор. В нач. авг. депутаты от В. е. во главе с архиереем уехали в Москву, в сент. еп. Макарий вернулся в епархию. В сент. 1917 г. прекратился выпуск «Владикавказских ЕВ».

14 дек. 1917 г. во Владикавказе было образовано Терско-Дагестанское правительство, 4 марта следующего года 2-й съезд народов Терека признал советскую власть и объявил об образовании Терской советской республики, Терско-Дагестанское правительство бежало в Грузию. 24 мая 1918 г. еп. Макарий упразднил консисторию и передал ее дела в ведение выборного епархиального совета. 15 июня 1918 г. прошел 2-й епархиальный съезд духовенства и мирян, рассмотревший в первую очередь вопросы финансирования работы епархиальных учреждений. В сент. 1918 г. власти закрыли Ардонскую ДС, в ее зданиях разместилась народная гимназия.

В кон. февр. 1919 г. Владикавказ был взят Добровольческой армией ген. А. И. Деникина, 30 марта еп. Макарий приветствовал ген. Деникина в кафедральном соборе города. 19–23 мая того же года Владикавказский епископ участвовал в Юго-Восточном Соборе РПЦ, прошедшем в Ставрополе, на к-ром было создано *Временное высшее церковное управление на юго-востоке России* (ВВЦУ). В кон. авг. 1919 г. в духовных учебных заведениях В. е. возобновились занятия.

В марте 1920 г. Владикавказ заняла Красная Армия. Связь епархии с ВВЦУ, находившимся в Екатеринодаре, прервалась. 16 апр. 1920 г. коллегия отдела народного образования отменила преподавание Закона Божия в школах Горской республики. 10 окт. 1920 г. состоялся суд

Терского областного ревтрибунала над еп. Макарием, обвиненным в «контрреволюционности». От заключения подсудимого спасли преклонные лета и лояльность к советской власти. В февр. 1921 г. распоряжением ЦИК Горской республики был распущен епархиальный совет. Тогда же еп. Макарий вновь был арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», в апр. приговорен к 5 годам лагерей, в кон. мая освобожден по состоянию здоровья.

Изъятие церковных ценностей проходило в В. е. в сжатые сроки, по нек-рым данным, в связи с кампанией в епархии было расстреляно и замучено 72 чел., несмотря на то что на конференции верующих, прошедшей во Владикавказе 22 апр. 1922 г., священнослужители призвали к активному участию в сдаче ценностей для помощи голодающим. В ходе кампании в областных газетах начали появляться воззвания обновленцев, в частности Антонина (Грановского), лидеров *«Живой церкви»* с призывами к расколу. В кон. авг. 1922 г. еп. Макарий уклонился в обновленчество, вскоре переехал в Пятигорск и стал именоваться «Пятигорским». Большая часть духовенства епархии также присоединилась к обновленцам. Единичные приходы бывш. В. е., сохранившие верность канонической Церкви, в течение 20 лет существовали в общении с правосл. Пятигорскими архипастырями. В 1943 г. все правосл. приходы бывших Терской и Дагестанской областей вошли в состав *Ставропольской епархии*.

Монастыри. Мусульм. большинство населения Сев. Кавказа, продолжительные военные действия, ведшиеся на территории В. е., не способствовали появлению в епархии большого числа мон-рей. На ее территории существовали следующие обители: пятигорский *Второ-Афонский* (муж., основан в 1904, закрыт в 1927, возобновлен в 1999), кизлярский Крестовоздвиженский (муж., основан в 1739, разорен в 1831, возрожден в 1880, в 1908 преобразован в жен., закрыт в 20–30-х гг. XX в.), Георгиевский (жен., на р. Куре в Терской обл., основан в 1885, закрыт в 20-х гг. XX в.), владикавказский Покровский (жен., основан в 1898, закрыт в 1921), Свято-Троицкий (муж., близ Владикавказа, основан в 1908 братией Второ-

Второ-Афонский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь. Фотография. Нач. XX в.

Афонского мон-ря, закрыт в нач. 1923), Троице-Серафимовская жен. община (осн. в 1907, закрыта в 30-х гг., в 1998 возобновлена), жен. община во имя прав. Анны Кашинской (в Грозном, учреждена в 1909, закрыта в 1-й пол. XX в.).

Архиереи: еп. Иосиф (Чепиговский; 29 июня 1885 – 22 июля 1889), еп. Петр (Лосев; 22 июля 1889 – 3 мая 1891), еп. Иоанникий (Казанский; 3 мая 1891 – 23 авг. 1892), еп. Феодосий (Рождественский; 23 авг. 1892 – май 1893), еп. Владимир (Синьковский; 3 июня 1893 – 12 авг. 1904), еп. Гедеон (Покровский; 12 авг. 1904 – 16 сент. 1908), еп. Агапит (Вишневский; 16 сент. 1908 – 4 окт. 1911), архиеп. Питирим (Окнов; 4 окт. 1911 – 22 дек. 1913), еп. Антонин (Грановский; 22 дек. 1913 – 16 янв. 1917), еп. сщмч. Фаддей (Успенский; сент. 1916 – 27 янв. 1917, в. у.), еп. Макарий (Павлов; 28 янв. 1917, в авг. 1922 уклонился в обновленчество).

Арх.: ЦГА РСО–А. Ф. 143; Архив УФСБ по РСО–А. Д. ФС–7628; РГИА. Ф. 796, 802; *Андрей (Мороз), иером.* История Владикавказской епархии: Канд. дис. / МДА. Серг. П., 1999. Ркп.

Лит.: *Гатуев А., свящ.* Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901; *Попов И., свящ.* Преосв. Иосиф, еп. Владикавказский: 1821–1890 // ТКДА. 1902. Т. 1. С. 525; *он же.* Владикавказская епархия // ПБЭ Т. 3. С. 544–564; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибирова. Цхинвали, 1987. Кн. 3; *Гедеон (Докукин), митр.* История христианства на Сев. Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992.

Диак. Димитрий Кондратьев

«ВЛАДИКАВКА́ЗСКИЕ ЕПАРХИА́ЛЬНЫЕ ВЕ́ДОМОСТИ», выходили в 1895–1917 гг. 2 раза в месяц, в 1907–1908 гг. еженедельно, в 1913 г. вышло 16 номеров, последний номер – № 14 от 1 сент. 1917 г. В 1895 – нояб. 1898 гг. редактором офиц. и неофиц. частей был преподаватель Владикавказского ДУ В. Иванов. С № 22 за 1898 г. редактор официальной части – секретарь консистории А. В. Филипповский, с № 5 за 1905 г.– член консистории свящ. Василий Топкин, с № 19 за 1908 до № 17 за 1914 г.– секретарь консистории Н. И. Булгаков. С нояб. 1898 г. неофиц. часть продолжали редактировать сотрудники ДУ: в 1898–1903 гг.– преподаватель В. П. Леонидов, с № 19 за 1903 по № 8 за 1905 г.– смотритель прот. Иоанн Беляев (в 1904 № 13–16 – свящ. Иоанн Попов), с № 9 за 1905 г.– свящ. И. Попов (в 1907 № 25–29 временно редактировал Н. Путилин), с № 22 за 1908 г.– смотритель Н. М. Чернавский. С № 21 за 1910 до № 14 за 1913 г. за редактора неофиц. части подписывался цензор журнала (с 1895) прот. Капитон Александров, затем – редактор офиц. части Н. И. Булгаков. С № 18 за 1914 г. обе части издания редактировал прот. Александр Нефедьев.

В неофиц. части «В. е. в.» наибольший интерес представляют статьи о церковной истории Владикавказской епархии – «Христианство в Осетии» (1896–1901) свящ. А. Гатуева, о мон-рях («Владикавказский Покровский женский монастырь» свящ. И. Попова – 1898. № 6–15; «Георгиевский женский монастырь» свящ. А. Кардашевского – 1897. № 4–5), др. краеведческие материалы (напр., «Краткий исторический очерк слободы Воздвиженской» свящ. Н. Иванова – 1895. № 11, 14; «Станица Луковская» свящ. И. Попова – 1896. № 21–24; 1897. № 3–4). На страницах «В. е. в.» также печатались многочисленные статьи, посвященные миссионерству, истории сектантства, баптизма на Сев. Кавказе (штундизма, молоканства и др.) и борьбе с ним.

В качестве бесплатных приложений к «В. е. в.» выходили «Владикавказский народный листок» (1906), «Народно-миссионерский листок» (1907), «Каталог Владикавказской епархиальной библиотеки» (1905–1906), книги свящ. И. Попова «Владикавказская епархия в 1903 г.» (1906) и А. Т. Сквозникова «Ново-израильтяне (Разбор новохлыстовского «катехизиса»)» (1907), Высочайшие манифесты, отчеты о состоянии церковных школ, деятельности братств и др. епархиальных учреждений, списки церквей, приходов и др.

С 1996 г. во Владикавказе при Покровской ц. издается газ. «Православный Владикавказ».

Лит.: *Попов И. Г., свящ.* Сист. указ. содержания Владикавказских ЕВ за 6 лет их издания (1895–1900 гг.). Владикавказ, 1901 [Прил. к Владикавказским ЕВ. 1901. № 4]; *он же.* Владикавказские ЕВ // ПБЭ. Т. 3. Стб. 563–564; *Андреев.* Христианская периодика. Т. 1, № 90.

Свящ. Александр Троицкий

ВЛАДИКА́ВКАЗСКОЕ ВИКАРИА́ТСТВО Грузинского Экзархата, существовало в 1875–1885 гг., включало в себя правосл. приходы в Осетии.

В 1602–1829 гг. Сев. Кавказ являлся частью Астраханской епархии. Большую роль в распространении христианства среди народов Сев. Кавказа сыграло образование в 1745 г. Осетинской духовной комиссии, к-рая осуществляла свою деятельность гл. обр. в Кизляре и Моздоке. В 1793–1799 гг. существовало *Моздокское викариатство* Астраханской епархии, приравненное по статусу к епархии 3-го класса. Моздокскому епископу были поручены «все те обязанности, которые возложены были на Духовную Осетинскую комиссию»; в его ведении находились храмы и мон-рь в Кизляре и Моздоке с уездами, а также «все вновь устрояемые в тамошних пределах и в самой Осетии церкви». В 1810 г. закончился процесс вхождения Грузии в состав России, в 1811 г. был учрежден Грузинский Экзархат РПЦ. 15 сент. 1815 г. начала свою деятельность Осетинская духовная комиссия в Тифлисе, осуществлявшая христ. миссию на территории Юж. и Сев. Осетии, позднее также на территории Абхазии и Дагестана. С 1817 г. миссия подчинялась непосредственно экзарху Грузии. В 1836 г. во Владикавказе открылось уч-ще для осет. детей, задачами к-рого были «образование церковно- священнослужителей для осетинских приходов... приготовление некоторых воспитанников... к званию миссионеров, или проповедников, для горских же народов».

В 40-х гг. XIX в. в связи с обострением военной ситуации на Кавказе и отпадением под действием призывов Шамиля мн. горцев в ислам остро встал вопрос о возведении миссии на более высокий уровень и реорганизации ее работы. В 1856 г. экзарх Грузии объединил приходы Сев. Осетии под управлением старшего благочинного, бывшего также миссионером. В 1857 г. была введена должность «управляющего осетинскими приходами и причтами и духовно-учебными заведениями во Владикавказском военно-осетинском округе», на к-рую назначили с возведением в сан архимандрита преподавателя Тифлисской ДС *Иосифа (Чепиговского)*. Одновременно экзарх Грузии митр. *Исидор (Никольский)* разработал план создания *Общества восстановления православного христианства на Кавказе* — организационного центра христ. просвещения, к-рый мог бы эффективно противостоять мусульм. пропаганде; учреждение Об-ва состоялось в 1860 г.

Миссионерская деятельность архим. Иосифа осуществлялась во время Кавказской войны — в условиях агрессивной мусульм. пропаганды и желания российских властей привлечь на свою сторону осет. правителей, исповедовавших ислам и активно противодействовавших распространению христианства. Обстановка для христ. проповеди стала более благоприятной после пленения Шамиля в 1859 г. и отъезда в Турцию в 1859–1861 гг. наиболее радикально настроенных мусульман во главе с М. Кундуховым. Местопребыванием архим. Иосифа было первоначально поселение Алагир в центре Сев. Осетии, в 1861–1869 гг.— Владикавказ. Архим. Иосиф много ездил по осет. приходам, служил, проповедовал на осет. языке. Составил для приходских школ осет. азбуку, начал работу над русско-осет. словарем. В Осетии открывались школы, часто по инициативе и на средства местных священников. В 1863 г. Спасо-Преображенский храм во Владикавказе получил статус соборного.

В 1868 г. архим. Иосиф по собственному прошению был уволен от должности управляющего осет. приходами. В 1868–1875 гг. надзор за ними осуществляли благочинные осет. церквей. Наиболее важными событиями этого периода стали съезды осет. духовенства в февр. и в мае 1873 г., на к-рых рассматривались вопросы противодействия отпадению осетин в ислам, борьбы с языческими пережитками, а также с небрежностью священнослужителей в исполнении своих обязанностей.

Ко времени окончания Кавказской войны (1864) значение Владикавказа как экономического и адм. центра возросло, в 1863 г. он стал адм. центром Терской обл. Начиная с 1868 г. существовали планы создания епархии или вик-ства с центром во Владикавказе, осуществившиеся 3 апр. 1875 г., когда был издан указ имп. *Александра II Николаевича* об учреждении В. в. Вик-ство должно было «непосредственно заведовать церквами и причтами г. Владикавказа, Сев. Осетии и Алагирского завода». По ходатайству экзарха Грузии архиеп. *Евсевия (Ильинского)* Владикавказским епископом был назначен архим. Иосиф (Чепиговский). 13 нояб. 1875 г. в тифлисском Сионском соборе состоялась его хиротония, в дек. того же года еп. Иосиф вернулся в Осетию. В первые годы существования в В. в. входило 20 приходов (к 1881 — 24 прихода), в Осетии действовало более 30 правосл. школ (в 1857 — 1 церковноприходская школа в Алагире), осет. жен. школа во Владикавказе (открыта в 1862, затем преобразована в 3-классную жен. школу и принята под покровительство вел. кнг. Ольги Феодоровны, попечительницы совета Об-ва восстановления правосл. христианства на Кавказе). В 1876 г. было начато строительство кафедрального Михаило-Архангельского собора во Владикавказе. В 1881 г. в Осетии побывал экзарх Грузии архиеп. *Иоанникий (Руднев)*, посетивший осет. приходы. Во время его визита был поднят вопрос о возобновлении Владикавказского ДУ, закрытого в 1864 г.

В 1885 г. В. в. было преобразовано во *Владикавказскую епархию* в результате реорганизации Кавказской и Екатеринодарской епархии (с центром в Ставрополе; см. *Ставропольская и Владикавказская епархия*), из к-рой была изъята Терская обл., включенная в состав новообразованной Владикавказской кафедры.

Арх.: *Андрей (Мороз), иером.* История Владикавказской епархии: Канд. дис. / МДА. Серг. П., 1999. Ркп. С. 32–41.

Лит.: *Гатуев А., свящ.* Христианство в Осетии. Владикавказ, 1901; *Гедеон (Докукин), митр.* История христианства на Сев. Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992.

Диак. Димитрий Кондратьев

ВЛАДИ́МИР, равноап. кн.— см. *Владимир (Василий) Святославич,* равноап. кн.

ВЛАДИ́МИР Алексеев († 29.12. 1918, Пермская губ.), сщмч. (пам. 16 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Служил в Успенском соборе г. Оханска Пермской губ. Расстрелян большевиками в ходе массовых репрессий в Пермском крае. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Пермские ЕВ. 1919. № 1, 2; *Дамаскин.* Т. 2. С. 113–116, 132; *Королёв.* Исповедники. С. 7.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Амбарцумович Амбарцумов (20.09.1892, Саратов — 5.11.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 23 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Отец В., А. Е. Амбарцумов, был одним из основоположников в России обучения и воспитания глухонемых, мать — К. А. Кноблох, лютеранка; родители воспитывали детей в лютеранстве. По окончании московского Петропавловского уч-ща при лютеран. ц. апостолов Петра и Павла В. поступил в Берлинский политехникум, где познакомился с христ. студенческим движением (протестант.). Незадолго до начала первой мировой войны В. вернулся в Москву, поступил на физико-математический фак-т Московского ун-та. Во время обучения стал членом христ. студенческого кружка, в к-ром познакомился с буд. супругой В. Г. Алексеевой, перешел в баптизм.

Во время гражданской войны семья Амбарцумовых переехала в Самару, где В. развернул активную деятельность по созданию христ. кружков, основной задачей к-рых было изучение Евангелия. В 1920 г. был арестован, доставлен в Москву. Поскольку в нач. 20-х гг. советская власть поддерживала неправосл. христ. орг-ции, рассматривая их как одно из орудий разрушения Православия, через 5 недель В. был освобожден с подпиской о невыезде из столицы, продолжил свою деятельность в Москве. Вскоре В. организовал и возглавил центральный комитет христ. студенческих кружков России. Комитет проводил ежегодные всероссийские съезды, последний легальный съезд состоялся в 1924 г. После того как в 1924 г. деятельность христ. студенческих кружков в России была запрещена, В. продолжал проводить занятия нелегально на частных квартирах. В 1923 г. он овдовел.

В сер. 20-х гг. среди знакомых В. появилось много правосл. людей, в частности, свящ. Валентин *Свенцицкий,* к-рый оказал большое влияние на его духовную жизнь. 5 дек. 1925 г. о. Валентин крестил детей В., в нач. 1926 г. В. перешел в Православие, стал прихожанином Никольского храма на Ильинке, где служил о. Валентин, прислуживал за богослужением, семью содержал на средства от частных уроков. 4 дек. 1927 г. в Преображенском соборе г. Глазова В. по рекомендации прот. Валентина был рукоположен еп. священноисп. *Виктором (Островидовым)* во диакона, 11 дек.— во иерея. В. служил в московском Князь-Владимирском храме в Старосадском пер., ревностно заботился о благолепии храма, имел особенное попечение о молодежи.

Сщмч. Владимир Амбарцумов. Икона. 2000 г.

В 1928 г. В. разошелся с прот. Валентином Свенцицким во взглядах на действия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергия (Страгородского).* В. не разделял резко отрицательного отношения к ним прот. Валентина и перешел под духовное руководство архим. преподобноисп. *Георгия (Лаврова),* к-рый убеждал духовных чад не вносить в церковную жизнь разделений. Летом 1928 г. В. по просьбе свящ. сщмч. *Василия Надеждина* служил в храме свт. Николая у Соломенной сторожки. В 1929 г. Князь-Владимирский храм был закрыт, В. сделал попытку уехать к архим. Георгию в Казахстан, но вынужден был вернуться в Москву. В том же году свящ. Василий был арестован, отправлен в Соловецкий ИТЛ. По его предсмертной просьбе В. возглавил Никольский приход, много проповедовал. Весной 1931 г. благочинный предложил духовенству следовать формуле поминовения властей, введенной *Временным Патриаршим Свящ. Синодом* и определить свое отношение к *Декларации 1927 г.* В случае несогласия предлагалось уйти за штат. В. уволился за штат и в сент. 1931 г. поступил на работу в Научно-исследовательский ин-т птицеводства.

5 апр. 1932 г. В. был арестован, обвинен в участии во «Всесоюзной контрреволюционно-монархической организации «Истинно-православная Церковь»». На допросах не скрывал недовольства религ. политикой советской власти, отказался называть имена людей, участвовавших в христ. кружках. 7 июля 1932 г. приговорен к 3 годам ссылки в Северный край, в результате ходатайства руководства Академии наук вскоре освобожден. В 1933 г. жил в г. Россошь (ныне Воронежская обл.).

В 1934 г. В. поселился в пос. Кучино под Москвой, работал в Ин-те климатологии. В 1935 г. переехал в с. Никольское, вместе с семьей посещал храм в честь Почаевской иконы Божией Матери в пос. Салтыковка, обычно молился в алтаре. В.

Сщмч. Владимир Амбарцумов. Бутырская тюрьма. Фотография. 1937 г.

продолжал руководить духовными детьми, совершал богослужения в домах наиболее близких из них. В. выполнял много научных работ по договорам, что давало ему значительные по тем временам средства,

к-рые он почти все использовал на помощь семьям священнослужителей, находившихся в заключении или умерших там. Своей семье В. оставлял только самое необходимое. Духовные дети В. также помогали семьям заключенных, В. следил за тем, чтобы помощь оказывалась своевременно и в достаточном размере.

В ночь с 8 на 9 сент. 1937 г. священномученик был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен в «контрреволюционной деятельности». На допросе заявил, что считает советскую власть явлением временным, виновным себя не признал, отказался назвать имена людей, составлявших круг его общения. Расстрелян по приговору тройки НКВД от 3 нояб. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. 63970; ЦА ФСБ России. Д. Р–39811.

Лит.: Краткое жизнеописание о. Владимира Амбарцумова (1892–1937) // Вестн. РХД. 1990. № 160. С. 261–273; *Каледа-Амбарцумова Л.* Соломенная сторожка: О храме свт. Николая и его последних настоятелях // Моск. журнал. 1992. № 10. С. 57–59; *она же.* Моли Бога о нас...: Восп. // Армянский пер.: Журн. М., 2000. № 1. С. 15–31; *она же.* Восп. об отце – священнике В. Амбарцумове // АиО. 2002. № 2 (24). С. 243–262; *[Каледа Г., прот.]* Он всю жизнь искал Бога // Лампада. М., 1997. № 27; *Максимов М., свящ.* Священномученик Владимир Амбарцумов // ЖНИР: Моск. Сент.–окт. М., 2002. С. 206–216.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Белозёров († сент. 1918, Пермская губ.), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Служил в Благовещенском соборе г. Кунгура Пермской губ. Расстрелян большевиками в ходе массовых репрессий в Пермском крае. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Пермские ЕВ. 1919. № 1, 2; *Дамаскин.* Т. 2. С. 113; *Королёв.* Исповедники. С. 8.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР (Богоявленский Василий Никифорович, 1.01.1848, с. М. Моршевка (М. Моршка) Моршанского у. Тамбовской губ.– 25.01/7.02.1918, Киев), еищмч. (пам. 25 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), митр. Киевский и Галицкий. Из семьи священника. Учился в Тамбовской ДС, в 1870–1874 гг.– в КДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия за соч. «О праве церковного отлучения». В академии специализировался на церковно-практическом отд-нии. После завершения академического курса назначен преподавателем гомилетики, литургики и каноники в Тамбовскую ДС, с 26 мая 1874 г. преподаватель Свящ. Писания. Одновременно преподавал в семинарии нем. язык, в епархиальном жен. уч-ще и в жен. гимназии географию. В 1882 г. Богоявленский женился и 31 янв. Тамбовским и Шацким еп. Палладием (Ганкевичем) был рукоположен во иерея в Покровском соборе г. Козлова (совр. Мичуринск). В том же году избран депутатом от духовенства Козлова на епархиальный съезд. В 1883 г. назначен благочинным церквей города и настоятелем Троицкой ц. Проявил себя как выдающийся проповедник.

Сщмч. Владимир (Богоявленский), митр. Киевский. Икона. 90-е гг. XIX в.

Ранняя смерть супруги, а затем и единственного ребенка резко изменили ход жизни свящ. Василия. 8 февр. 1886 г. в *тамбовском в честь Казанской иконы Божией Матери мон-ре* он был пострижен в монашество, на следующий день возведен в сан архимандрита, назначен настоятелем козловского Троицкого мон-ря. 6 окт. 1886 г. В. был переведен на ту же должность в новгородский *Антония Римлянина мон-рь;* был членом Новгородской консистории. Активно участвовал в деятельности новгородского епархиального братства Св. Софии (создано в 1886).

13 июня 1888 г. в Троицком соборе *Александро-Невской лавры* В. был хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, хиротонию возглавил Новгородский и С.-Петербургский митр. *Исидор (Никольский).* В. являлся деятельным помощником престарелого митр. Исидора в управлении Новгородской епархией. Епископ объезжал храмы епархии, составляя журналы с подробными сведениями о клире, церкви, приходских школах (напр.: Новгородские ЕВ. 1891. № 11–19), стремился оживить приходскую жизнь. Для повышения образовательного уровня клириков по распоряжению В. был подготовлен список книг, к-рые обязательно должны быть в церковных б-ках (опубл.: Новгородские ЕВ. 1890. № 5–6. С. 142–145). 19 авг. 1890 г. он присутствовал на открытии в Новгороде епархиальной публичной б-ки. Благодаря В. в епархии повсеместно были введены воскресные внебогослужебные беседы по вопросам веры и нравственности. Он сам осенью и зимой 1888/89 г. прочитал в Софийском соборе цикл из 18 бесед, посвященных религиозно-нравственному воспитанию детей. С февр. 1889 г. в беседах начало участвовать городское духовенство и преподаватели ДС. С 25 марта 1890 г. в Новгороде проходили религиозно-нравственные чтения с духовным пением, сначала в зале Благородного собрания, с окт. того же года – в здании семинарии. В. уделял много внимания церковно-приходским школам, его заботами получила новую жизнь школа при *Варлаамиевом Хутынском мон-ре.* Считал одной из важнейших задач борьбу с пьянством, читал проповеди на эту тему, убеждал духовенство заботиться об искоренении пьянства. Благодаря В. в епархии были учреждены 2 должности епархиальных миссионеров.

15 июля 1888 г. В. возглавил в Новгороде празднование 900-летия Крещения Руси. В сент. того же года состоялось перенесение *Старорусской иконы Божией Матери* из Тихвина в Ст. Руссу. 17 сент. В. совершил молебен перед иконой на площади в Ст. Руссе в присутствии 20 тыс. богомольцев, на следующий день служил литургию в соборе *старорусского на Острову в честь Преображения Господня мон-ря.* 18 сент. стало одним из дней празднования Старорусской иконе Божией Матери. (В Георгиевской ц. Ст. Руссы, где ныне хранится чтимый

список иконы кон. XVIII в., в 1997 было исполнено большое настенное изображение В.) В окт. 1890 г. архиерей возглавил торжества по случаю 150-летия Новгородской ДС.

19 янв. 1891 г. В. был назначен на Самарскую кафедру. Так же как и в Новгородской епархии, он уделял большое внимание духовному просвещению, развивал сеть церковноприходских и воскресных школ, добивался бесплатного или льготного снабжения их учебными пособиями, содействовал увеличению числа приходских б-к. Положил начало внебогослужебным религиозно-нравственным чтениям, поочередно проходившим в разных храмах Самары. В. совершал вечерню с чтением акафиста, затем вступительным словом открывал чтение, к-рое продолжал приходской священник, владыка присутствовал на беседе до конца. В февр. 1892 г. В. основал в Самаре религиозно-просветительское братство во имя свт. Алексия, митр. Московского. В здании городской думы открыл бесплатные вечерние чтения религ. содержания. 11 мая 1892 г. по инициативе В. в Самаре прошел общешкольный праздник в память равноапостольных Кирилла и Мефодия, в соборе на литургию собрались все учащие и учащиеся города.

В 1891 г. Самарскую губ. поразил неурожай, следствием к-рого стали голод и эпидемия холеры. В. учредил епархиальный и уездные комитеты для сбора средств и раздачи пожертвований, дал указание консистории об отчислении церковных средств в помощь голодающим. При мон-рях и богатых приходах открылись столовые и чайные для бедняков, всех учащихся кормили бесплатно. В. совершал на площадях Самары общенародные молебствия перед Смоленской иконой Божией Матери об избавлении от холеры. В проповедях призывал жителей города оказывать помощь больным, посещал лазареты, служил панихиды на кладбище. Прекращение эпидемии многие приписывали молитвам святителя.

18 окт. 1892 г. В. был назначен экзархом Грузии с возведением в сан архиепископа Карталинского и Кахетинского. Много времени он проводил в поездках по кавказским приходам и мон-рям. Благодаря его деятельности в Экзархате было построено более 100 новых храмов, возобновлены службы в закрытых церквах, восстановлен Мцхетский собор, Самтаврский мцхетский во имя равноап. Нины мон-рь.

Особое внимание В., как и на др. местах своего служения, уделял духовно-просветительской работе. Трудами святителя в Кутаисе была устроена ДС; в Экзархате открылось более 300 церковноприходских школ, где учились дети не только из правосл. семей, но и из старообрядческих, арм., евр. и др. Архиерей часто посещал школы и наблюдал за уровнем преподавания. В. организовал во мн. тифлисских храмах внебогослужебные религиозно-нравственные чтения, регулярно посещал храмы города и слушал проповедников. В 1897 г. архиерей учредил епархиальное духовно-просветительское миссионерское братство, объединившее образованное духовенство Тифлиса и мн. мирян. Члены братства устраивали беседы с сектантами и старообрядцами, распространяли правосл. книги, проводили крестные ходы. Благодаря В. оживилась деятельность *Общества восстановления православного христианства на Кавказе,* к-рое способствовало устройству при мн. храмах б-к из книг духовно-нравственного содержания на рус. и груз. языках.

В. прилагал много усилий, чтобы поднять религиозно-нравственный уровень народа. По благословению архиепископа в Колючей балке, одном из беднейших районов Тифлиса, был основан молитвенный дом во имя свт. Феодосия Черниговского. В помещении церковноприходской школы по воскресным и праздничным дням проводились занятия для детей этого района, не имеющих возможности посещать учебные заведения; кроме общеобразовательных предметов здесь обучали рукоделию. При тифлисском кафедральном соборе открылись читальня и бесплатная чайная. В районе с неправосл. населением стараниями владыки был построен храм в честь Казанской иконы Божией Матери с залом для религиозно-нравственных бесед и б-кой; во иерея к храму был рукоположен Сергий Городцов (впосл. митр. Новосибирский *Варфоломей*).

Во время эпидемии холеры в Закавказье в 1893 г. В., получив из комитета народного здоровья известие о первых случаях заболеваний в Тифлисе, призвал население города к общей молитве. 15 авг., в праздник Успения Божией Матери, состоялся крестный ход по районам города, охваченным эпидемией.

Несмотря на самоотверженное служение В., националистически настроенная часть груз. общества и клира относилась к нему враждебно. Из Грузии в Синод поступали многочисленные жалобы на святителя, полные клеветы и наветов. (Современники свидетельствовали, что «нестяжательность, простота, всем известное трудолюбие, исправность во всем, даже, и по преимуществу, иноческое целомудрие,— все в экзархе подвергалось заподозриванию и всевозможным клеветническим доносам».— ПрибЦВед. 1918. № 9–10. С. 350). Среди студентов Тифлисской семинарии активно распространялись революционные и националистические идеи. В конфликтах ректора семинарии архим. *Серафима (Мещерякова)* со студентами архиерей неизменно поддерживал ректора, чем вызывал негодование груз. газет.

21 февр. 1898 г. В., после возведения в сан митрополита, был назначен на Московскую кафедру. Его

Сщмч. Владимир (Богоявленский), митр. Московский. Фотография. Нач. 10-х гг. XX в.

помощниками — викариями Московской епархии — стали выдающиеся церковные деятели: 28 февр. 1899 г. митрополит возглавил хиротонию архим. *Арсения (Стадницкого)* во епископа Волоколамского, 1 июля 1901 г. состоялась хиротония архим. *Трифона (Туркестанова)* во епископа Дмитровского, 29 июня 1906 г.— архим. *Анастасия (Грибановского)* во епископа Серпуховского.

В Москве святитель применил весь опыт архиерейского служения,

накопленный за предыдущие годы. В. призывал духовенство епархии чаще совершать богослужения и поучать паству, открыл новые вакансии при приходах и пригласил туда талантливых проповедников. Каждую неделю В. произносил проповеди на Троицком подворье Троице-Сергиевой лавры, в к-рых затрагивал актуальные вопросы гос. и общественной жизни, вопросы личности и семьи, богатства и бедности, веры и неверия, темы морали, науки, обсуждал рабочий вопрос, проблемы церковной дисциплины. Его речи публиковались в периодической печати. В Москве получили широкое распространение религиозно-просветительские и назидательные чтения для народа, для детей, для учащихся низших и средних школ, специальные чтения для фабричных рабочих в народных домах и публичные богословские чтения для интеллигенции. 16 июня 1902 г. по инициативе В. в здании *Исторического музея* на Красной пл. начали работу пользовавшиеся популярностью общеобразовательные курсы для рабочих.

Благодаря усилиям В. в Москве в 1903 г. открылся епархиальный дом с храмом во имя равноап. кн. Владимира, ставший центром просветительской и миссионерской деятельности в епархии (впосл. назывался Владимирским). Московские священники поочередно совершали в нем богослужения, произносили проповеди. По воскресеньям в епархиальном доме служилась вечерня с акафистом при общенародном пении, затем проводились беседы религиозно-нравственного содержания, в к-рых часто принимал участие митрополит. В большом зале проходили богословские чтения, чтения для рабочих, лекции, беседы, духовные концерты. Ответственным за проповедническую деятельность являлся прот. сщмч. *Иоанн* Восторгов. В епархиальном доме разместились епархиальный училищный совет, благотворительные учреждения, редакции духовных журналов, *Кирилло-Мефодиевское московское братство, Православное миссионерское общество,* попечительство о бедных духовного звания, книжный магазин, б-ка с читальным залом и др. 29 дек. 1907 г. В. положил начало молодежному Златоустовскому религиозно-философскому кружку, также располагавшемуся в епархиальном доме. Кружок ставил своей целью содействовать распространению религиозно-философских идей в строго правосл. духе среди учащейся молодежи.

В. много внимания уделял духовным учебным заведениям, заботился об их материальном обеспечении. Учредил жен. богословские курсы, жен. епархиальное уч-ще при московском мон-ре в честь иконы Пресв. Богородицы «Всех скорбящих Радость», способствовал строительству здания для Перервинского ДУ, дома для преподавателей МДС, ремонту Заиконоспасского, Донского, жен. Филаретовского духовных уч-щ. В епархии действовали курсы для преподавателей церковноприходских школ, созывались съезды преподавателей Закона Божия.

Для лучшего развития миссионерско-просветительского дела В. открыл ежегодные миссионерские курсы для духовенства, ввел 4 должности епархиальных миссионеров. Учредил Московский епархиальный миссионерский совет, миссионерское братство во имя Воскресения Христова, братство свт. Алексия при *Чудовом мон-ре,* расширил сферу деятельности *Петра митрополита братства.* Добился открытия в МДА в 1907 г. кафедры по истории и обличению сектантства, позднее такие кафедры были созданы в др. духовных академиях. Активно создавал народно-миссионерские курсы, на к-рых миссионерству учились рабочие, организовывал церковно-народные хоры.

Одной из наиболее важных миссионерских задач своего времени святитель считал борьбу с распространением социалистических и революционных идей, к-рые он критиковал с христ. и научной точек зрения. В. считал, что рабочее движение вызвано стремлением пролетариата к нравственному возвышению и улучшению жизни, что естественно и справедливо. Однако избранное средство — революционную борьбу — считал недопустимым.

Святитель резко выступил против революции 1905–1907 гг. В окт. 1905 г., во время всеобщей забастовки, В. и Серпуховской еп. *Никон (Рождественский)* распорядились разослать по московским храмам поучение для чтения во время литургии. Составленное в очень резкой форме, поучение называло организаторов забастовок «извергами рода человеческого» и призывало верующих «очнуться, проснуться» и быть готовыми «умереть за царя и за Русь» (ЦВ. 1905. № 43. С. 1350–1351). Сознавая опасность такой категоричности, часть московских священников читала «поучение» с сокращениями, многие вовсе не читали, 76 священников заявили о «полной несолидарности» с посланием. 22 окт. 1905 г. Святейший Синод выпустил определение, в к-ром указывал, что послание может стать «причиной междоусобного раздора среди населения» (Там же. № 44. С. 1993–1994, 1997). 30 окт. 1906 г. на специально созванном собрании московского духовенства В. произнес речь «Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократической пропагандой». Он назвал РСДРП «зерном... революции», очень опасной политической силой, призвал духовенство активизировать «социальную проповедь», обращать внимание на нужды рабочих, чтобы вытеснить из их умов социалистическое учение (ПрибЦВед. 1907. № 14. С. 617–636). Митрополит поддерживал тесные связи с *Союзом русского народа,* 6 апр. 1906 г. присутствовал на его первом съезде, совершал молебен.

Сщмч. Владимир (Богоявленский), митр. Московский. Фотография. Нач. 10-х гг. XX в.

В. был сторонником созыва Поместного Собора, в 1906 г. участвовал в работе *Предсоборного присутствия РПЦ.* Поощрял дела милосердия, в частности содействовал вел. кнг. прмц. *Елисавете Феодоровне* в основании *Марфо-Мариинской московской жен. обители* (1909). В последние годы пребывания на Московской кафедре много сил отдавал

борьбе с народным пьянством. В 1911 г. под его покровительством состоялся Российский противоалкогольный съезд, в 1912 г.— Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом.

2 нояб. 1912 г. скончался С.-Петербургский и Ладожский митр. *Антоний (Вадковский)*, близкий В. с детства. 5 нояб. В. возглавил погребение, 23 нояб. получил назначение на С.-Петербургскую кафедру. Глубоко привязанный к московской пастве, святитель не хотел этого назначения и согласился только после обращения к нему мч. имп. *Николая II Александровича*. 1–2 дек. 1912 г. В. по приглашению Новгородского архиеп. Арсения (Стадницкого) участвовал в открытии епархиального дома в Новгороде. 3–10 дек. с В. прощалась Москва, приславшая к святителю депутации от всех церковных и религ. учреждений, в создании к-рых он непосредственно участвовал.

В сер. дек. В. прибыл в С.-Петербург. Будучи первоприсутствующим в Святейшем Синоде, святитель должен был уделять много времени общецерковным делам. В 1913 г. как председатель юбилейной комиссии занимался организацией торжеств в честь 300-летия Дома Романовых. В том же году, 12 мая, участвовал в Москве в торжествах прославления сщмч. *Ермогена*, Патриарха Московского. 29–31 авг. возглавил празднование 200-летия Александро-Невской лавры. 28 июля 1914 г. возглавил у себя на родине, в Тамбове, торжества канонизации Тамбовского свт. *Питирима*.

В С.-Петербургской епархии В. расширил права и обязанности викариев по сравнению с предшествующим временем, его незаменимым помощником стал Гдовский еп. сщмч. *Вениамин (Казанский)*. В. освятил ряд храмов, в т. ч. 15 янв. 1914 г. собор в честь Феодоровской иконы Божией Матери в С.-Петербурге. 8 сент. 1913 г. в присутствии вел. кнг. Елисаветы Феодоровны благословил начало строительства ц. свт. Николая Чудотворца на Барградском подворье в С.-Петербурге. По благословению В. был создан Историко-археологический комитет С.-Петербургской епархии (устав учрежден в июле 1913).

Как и на др. кафедрах, святитель полагал много сил на борьбу с пьянством. С именем В. связано установление в 1913 г., по определению Синода, всероссийского церковного дня трезвости, приуроченного к памяти усекновения главы св. Иоанна Крестителя (29 авг.). В Петербурге центром проведения дня трезвости стал *Исаакиевский собор*, куда прибыл многолюдный крестный ход. После литургии В. отслужил на площади перед собором молебен по особому чину «об исцелении страждущих пьянственным недугом». Поддержал инициативу преобразования петербургского Александро-Невского об-ва трезвости во всероссийское братство, внес на утверждение в Синод проект его устава, председательствовал на учредительном собрании 23 нояб. 1914 г.

Митр. Владимир (Богоявленский) выходит с Никольского братского кладбища Александро-Невской лавры. Фотография. 1913 г.

В связи с переименованием С.-Петербурга в Петроград В. с 19 авг. 1914 г. титуловался «Петроградским и Ладожским». Во время первой мировой войны святитель не раз участвовал во всенародных молебнах «об одолении супостатов». Первый молебен состоялся 17 авг. 1914 г. на Исаакиевской пл., куда сошлись крестные ходы из всех столичных церквей. По указанию В. в епархии был создан фонд помощи семьям призванных на войну, пожертвование в 1000 р. поступило от Петроградского святителя. 31 дек. 1914 г. в городе открылся общий церковноприходской лазарет на 70 кроватей (3 из них взялся обеспечивать сам митрополит), получивший имя В. В авг. 1915 г. был создан комитет помощи беженцам.

В 1915 г. В. добился аудиенции у имп. Николая II, на к-рой высказал протест против произвольных перемещений архиереев и влияния на внутрицерковную жизнь посторонних лиц, в частности Г. Е. *Распутина*. Этот разговор привел к охлаждению отношений святителя с императором и имп. св. *Александрой Феодоровной*. 23 нояб. 1915 г. последовал указ о переводе В. в Киев, на место скончавшегося митр. *Флавиана (Городецкого)*, с сохранением статуса первенствующего члена Синода. 4 дек. в зале *Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви* состоялось прощание столичного духовенства с В. Было решено присвоить имя святителя Серафимовской школе об-ва. Митрополит пробыл в Киеве менее месяца, 7 янв. 1916 г. он уехал в Петроград для участия в заседаниях Синода. Впосл. бóльшую часть времени он как первоприсутствующий в Синоде проводил в Петрограде.

В. был награжден орденом св. Анны 1-й степени (1893), св. блгв. кн. Александра Невского (1907), св. равноап. кн. Владимира 1-й степени (1915), а также черногорским орденом кн. Даниила I 1-й степени, серб. орденом св. Саввы 1-й степени и др. 24 апр. 1915 г. МДА за совокупность лит. трудов присудила В. степень д-ра богословия.

Во время Февральской революции 1917 г. Святейший Синод под председательством В. 27 февр. отказался выпустить воззвание к народу в поддержку монархии. После прихода к власти *Временного правительства* В. остался первенствующим членом Синода, выступал против произвольного вмешательства обер-прокурора В. Н. *Львова* в дела Церкви. 14 апр. указом Временного правительства освобожден от присутствия в Синоде вместе с большинством его членов, вернулся в Киев.

На Украине архиерей столкнулся со стремительным ростом сепаратистского движения. Весной в Киеве была создана должность комиссара по духовным делам, организован Исполнительный комитет духовенства и мирян. На встрече с представителями комитета В. заявил, что орг-ция создана самочинно и стре-

мится к захвату не принадлежащих ей прерогатив. Однако архиерей надеялся впосл. направить ее деятельность в каноническое русло и потому дал благословение на созыв комитетом епархиального съезда духовенства и мирян. Собравшийся в апр. съезд принял постановление о создании независимой Украинской Церкви. В авг. состоялся еще один епархиальный съезд, участники к-рого продемонстрировали резко враждебное отношение к Синоду и к Киевскому митрополиту.

В июле 1917 г. В. находился в Петрограде, где участвовал в работе *Предсоборного совета*. В авг. уехал в Москву на *Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.*, к-рый открылся 15 авг. служением В. литургии в Успенском соборе Московского Кремля. Собор избрал В. почетным председателем и председателем отдела церковной дисциплины. Святитель участвовал в 1-м туре выборов Всероссийского Патриарха, получил 13 голосов. 21 нояб. В. возглавил чин интронизации Патриарха Московского и всея России св. *Тихона*.

В нояб. 1917 г. в Киеве в отсутствие митрополита начал работу особый комитет по созыву *Всеукраинского церковного Собора*, вскоре переименовавший себя во *Всеукраинскую церковную раду*. Это «временное правительство для всей Украинской православной Церкви» незамедлительно назначило своих комиссаров в консистории всех укр. епархий. Стремившееся к автокефалии духовенство требовало не допустить возвращения В. в Киев. Однако далеко не все на Украине поддерживали сепаратистов. 24 нояб. состоялось собрание Союза правосл. приходов Киева, выразившее протест против попыток объявления автокефалии Украинской Церкви и высказавшееся за возвращение митрополита. В Москву к В. были посланы депутаты с просьбой вернуться в Киев, поскольку дальнейшие события грозили церковным расколом. В. прибыл в город 4 дек., совершил богослужение в *Златоверхом киевском во имя арх. Михаила мон-ре*.

На Украине В.— каноническому митрополиту — противостоял архиеп. *Алексий (Дородницын)* — председатель Всеукраинской церковной рады. Епископы укр. епархий признали раду правомочной созвать Всеукраинский церковный Собор, открытие к-рого было назначено на 7 янв. 1918 г. В этот день после литургии и молебна на Софийской пл. в Киеве В. обратился к участникам Собора с приветственным словом. Собор отверг кандидатуру митрополита в качестве председателя Собора и избрал его почетным председателем. В. участвовал во всех соборных заседаниях. 19 янв. 1918 г. 1-я сессия Собора была прервана из-за приближения к Киеву Красной Армии. В дни боев под Киевом В. находился в *Киево-Печерской лавре*, не раз оказывавшейся под обстрелом, вместе с братией служил молебны, читал акафисты.

Вечером 23 янв. большевики овладели лаврой, солдаты грабили помещения, глумились над монастырскими святынями и насельниками. Вечером 25 янв. (7 февр.) 5 солдат вывели В. на лаврский двор и посадили в автомобиль. На поляне в 1 км от лавры священномученик был расстрелян, перед казнью он благословил палачей. Утром следующего дня тело В. нашли прохожие, сообщившие об этом в лавру. Получив разрешение от властей, архим. Анфим после совершения литии приказал перенести останки священномученика в Михайловскую ц. Наместник лавры архим. Климент отслужил вместе со старшей братией панихиду по убиенному архипастырю. На месте расстрела почти сразу же был поставлен крест. Тогда же и в последние дни служились панихиды как в лавре, так и в приходских храмах Киева. 29 янв. (11 февр.) тело В. перенесли в Успенский собор лавры. Чин отпевания совершили митр. Тифлисский *Платон (Рождественский)*, Екатеринославский еп. *Агапит (Вишневский)*, Черниговский еп. исп. *Пахомий (Кедров)*, Чигиринский еп. сщмч. *Никодим (Кротков)* и Балтский еп. *Пимен (Пегов)*. Гроб с телом В. был перенесен в Ближние пещеры лавры и погребен в Крестовоздвиженской ц. Большевики не взяли на себя ответственность за убийство иерарха. Была создана комиссия по расследованию обстоятельств трагедии, ничего не выяснившая.

После получения в Москве известия о мученической кончине В. в Князь-Владимирском храме при соборной палате (во Владимирском епархиальном доме), 3(16) февр. была совершена панихида в присутствии всех членов Поместного Собора. Панихиды служили в Новгороде еп. *Алексий* (*Симанский;* впосл. Патриарх Московский и всея Руси), в Петрограде митр. Вениамин (Казанский). Члены Собора почтили память В., посвятив ему заседание 15/28 февр., начавшееся панихидой, к-рую совершил Патриарх Тихон. Члены Собора приняли решение создать фонд для сооружения часовни на месте убиения В., для открытия в Москве рабочего дома его имени и выплаты пособий семьям погибших священнослужителей. В. был первым рус. священномучеником-архиереем в XX в., его имя стало символом начавшихся гонений на Церковь. Определением Поместного Собора 18 апр. 1918 г. 25 янв. или следующий за ним воскресный день был утвержден днем молитвенного поминовения исповедников и мучеников Российских (Собор, 1918. Определения. Вып. 3. С. 55), празднование восстановлено в 1991 г.

В. был канонизирован *Архиерейским Собором РПЦ 1992 г.* 20 июля того же года были обретены мощи

Рака с мощами сщмч. Владимира, митр. Киевского, в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры. Фотография. 1994 г.

священномученика и помещены в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры.

Соч.: Римский амфитеатр — места увеселений язычников и страданий христиан. СПб., 1873 (то же, с изм. загл.: Римский амфитеатр и христ. мученики. Серг. П., 1900. СПб., 1915); Речь при наречении В. во еп. Старо-Русского 8 июня 1888 г. // ПрибЦВед. 1888. № 25. С. 678–680; Беседы на семь слов Спасителя со Креста. СПб., 1896, 1899; Слово на Рождество Богородицы // ДЧ. 1900. № 11; К неверующим и маловерующим. М., 1901, 2002; Неверие книжников и фарисеев древнего и нашего времени. М., 1901, 1909; Падение и восстание многих: Беседа // Радость христианина. 1901. Кн. 2; Против отрицающих почитание святых // ВиЦ. 1902. № 8; Слово, произнесенное пред началом нравственно-религ. чтений для рабочих г. Москвы // ПрибЦВед. 1902. № 48. С. 1675–1679; Пастырское утешение христианина в

бедствиях войны. Серг. П., 1904; Читайте больше всего Библию. М., 1904, 1910; Где истинное счастье: в вере или неверии? СПб., 1905. М., 1998; Тревоги наших дней и надежда на Бога. Серг. П., 1905; О труде и собственности. М., 1905; К богатым и бедным. М., 1906; Работа в свете материализма и христианства. М., 1906, 1909; Социальная задача семьи. М., 1906, 1910; Наша пастырская задача в борьбе с социал-демократической пропагандой // ПрибЦВед. 1907. № 14. С. 617–636 (отд. изд.: М., 1909); Страдания Христа и страдания Церкви. СПб., 1907. М., [1998]; Вечерние собеседования между крестьянином, рабочим и священником: Совр. религ. вопросы. Серг. П., 1908; Беседа Иисуса Христа с Никодимом. М., 1908; О рабочем вопросе: На основании еванг. притчи о работниках и винограднике (Мф. 20, 1–16). М., 1909; Речь при открытии монашеского съезда 5 июля 1909 г. в ТСЛ // ПрибЦВед. 1909. № 32. С. 1457; Юношам: Речь высокопреосв. митр. В., произнесенная 30 дек. 1910 г. на собр. кружка в епарх. доме. М., 1911; Архипастырский призыв духовенства и об-ва к борьбе с пьянством. СПб., 1911, 1912. Реутов Православный. 2004. № 1 (3). С. 41–60; Речь в собр. миссионерского об-ва «Всемирное призвание Церкви» // ПрибЦВед. 1911. № 44. С. 1861; Евангелие детства: Пастырские беседы с детьми. М., 1912; Два райских дара Божия в человечестве. М., 1912; То же // Реутов Православный. 2004. № 1 (3). С. 32–40; Наука и религия. М., 1912; Доказательства бытия Бога. М., 1912; Против ли нас (абстинентов) Библия? М., 1912, 1913; Речь при встрече государя в Бородине 25 авг. 1912 г. // ПрибЦВед. 1912. № 37. С. 1469–1470; О праве церк. отлучения, или анафематствования // Голос Церкви. 1912. № 11; Слово против социализма. М., 1913; Трезвенная работа: Слово, сказанное 29 авг. в день Всерос. праздника трезвости // ПрибЦВед. 1913. № 38. С. 1701; Пастырский голос во время войны: Внебогослуж. беседа 1914 г., авг. 15 дня о войне // Там же. 1914. № 35. С. 1545–1557; Церковь пред запросами жизни // Голос Церкви. 1915. № 1. С. 3–10; Воспитание детей // Там же. № 3–11; 1916. № 2–8; Мысли о совр. прессе // Там же. 1916. № 4–5. С. 3–20; О воскресении тел. Пг., 1916; Предостережение от великого обмана. Пг., 1916; Поучения: Молитва Господня: В 9 беседах. М., 1992; О религ. воспитании детей. М., 1993; Азбука правосл. воспитания: Беседы с родителями и детьми. М., 1996, 2002; Отче наш: Беседы на молитву Господню. М., [1997]; Об анафеме, или церк. отлучении. М., 1998; Вечные истины христианства. М., 1999.

Ист.: *Айвазов И. Г.* Высокопреосв. В., митр. С.-Петербургский и Ладожский // Голос Церкви. 1912. № 12; В жертву Богу приносится лучшее. К., 1918; Венок на могилу высокопреосв. митр. В.: Сб. / Под ред. прот. Ф. Титова. К., 1918; Собор, 1918. Деяния. Т. 7. С. 53–77.

Лит.: *Польский.* Ч. 1. С. 10–24; *Галкин А. К.* Сщмч. митр. В. и Новгород // Арсениевские чтения. Новгород, 1996. Вып. 2. С. 135–148; *Крикота Н., свящ.* «Я готов отдать свою жизнь за Церковь»: Жизнеописание сщмч. Владимира. М., 2002; Акафист сщмч. Владимиру. М., 2002; Реутов Православный. 2004. № 1 (3): [Спец. вып., посвящ. В.].

А. К. Галкин, игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Николаевич Василевский (6.01.1892, Ташкент — 11.01.1938, Харьков), сщмч. (пам. 19 мая в Соборе новомучеников Слободского края), свящ. В 1924 г. был рукоположен во иерея, служил и жил в с. Введенка близ Чугуева (с 1932 районный центр в Харьковской обл.). В. был арестован 22 дек. 1937 г., расстрелян. Определением Синода УПЦ от 22 июня 1993 г. причислен к лику местночтимых святых Харьковской епархии.

Лит.: Краткие биогр. справки известных новомучеников Слободского края // *Никодим (Руснак), митр.* Сб. служб и акафистов. Х., 1996. С. 299; *Басин И.* Канонизация святых в Украинской Православной Церкви Московского Патриархата: 1993–1996 гг. // Вестн. РХД. 1997. № 176. С. 218.

ВЛАДИ́МИР Димитриевич Введенский (14.07.1881, Архангельский погост Калязинского у. Тверской губ.— 3.11.1937, Калининская обл.), сщмч. (пам. 21 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. По окончании Тверской ДС был рукоположен во иерея, служил в храме в с. Скнятине Калязинского у. 7 окт. 1937 г. В. был арестован, заключен в Кашинскую тюрьму, обвинен в «антисоветской агитации» (к-рая заключалась в «отстаивании идеализма... то есть Бога», в советах священника детям чаще ходить в церковь, словах о том, что крестьянам трудно жить в колхозах). Виновным в «антисоветской агитации» священномученик себя не признал. Расстрелян по приговору тройки при УНКВД по Калининской обл. от 1 нояб. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Д. 20439-С.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 3. С. 308–309.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Феодорович Введенский (1869, г. Шуя Владимирской губ.— 3.04.1931, о-в Анзерский), сщмч. (пам. 21 марта и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. По окончании в 1889 г. Владимирской ДС женился и 10 марта 1891 г. был рукоположен во священника к Рождественской ц. в с. Лежневе Ковровского у. Владимирской губ., с 20-х гг. XX в. являлся ее настоятелем. В 1922 г. В. подвергся кратковременному аресту в ходе кампании по *изъятию церковных ценностей.*

В нач. 1930 г. власти приняли решение о закрытии Рождественской ц. 4 февр. В. был арестован, обвинен в «агитации против колхозов, налогов и других мероприятий советской власти», а также в «антисоветской деятельности» (к-рая заключалась в распространении «религиозных суждений... через церкви, молебны» и проповеди). В предъявленных обвинениях В. виновным себя не признал. На вопрос об отношении к *обновленчеству,* к-рое благодаря поддержке властей распространилось в этих местах, В. ответил, что ни он, ни церковный причт с обновленцами не согласны.

6 февр. 1930 г. В. был переведен в тюрьму в Шую, одновременно в Лежневе были арестованы др. священники, служившие при храме, члены церковного совета и монахини, несшие в храме послушание алтарниц и псаломщиц. 11 февр. следствие было закончено. В обвинительном заключении говорилось, что «антисоветская группа» в Лежневе вела «антисоветскую агитацию и пропаганду, направленную к срыву проводимых мероприятий и возбуждению крестьян и рабочих Лежневского района против советской власти... Встречаясь в церкви после молений под видом решения церковных дел, разрешали вопросы антисоветского характера». 15 февр. тройка ОГПУ приговорила В. к 3 годам заключения в лагере. Семья священника (супруга и 4 детей) после его осуждения была лишена гражданских прав, сельские власти направляли их на самые тяжелые общественные работы (лесозаготовки). Ходатайства о восстановлении в правах были отклонены.

30 марта 1930 г. В. прибыл в лагерь, работал дневальным, сушильщиком белья, сборщиком утильсырья. 5 марта следующего года администрация СЛОН характеризовала В. как «антисоветски настроенного». В это время он находился на командировке «Голгофа» на Анзерском о-ве. 26 марта в связи с ухудшением состояния здоровья В. был помещен в больницу, располагавшуюся в бывш. Голгофо-Распятском скиту, где вскоре скончался. Погребен на кладбище у Воскресенской ц. на Анзерском о-ве. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских поста-

новлением Свящ. Синода РПЦ 12 марта 2002 г.

Арх.: Архив УФСБ по Ивановской обл. Арх. № 290-П; ГАИО. Ф. 1364. Оп. 2. Д. 89. Л. 1, 6, 14; Д. 206. Л. 3, 9–10; Архив МВД РК. Арх. № 36/1687.

Лит.: Владимирские ЕВ. 1891. № 5. С. 76; *Дамаскин.* Т. 7. С. 84–87.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Флегонтович Виноградов (24.10.1874 – дек. 1919, Ярославская губ.), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. По окончании в 1900 г. Ярославской ДС был определен псаломщиком к церкви в с. Старо-андреевском Романово-Борисоглебского у. Ярославской губ. В 1903 г. рукоположен во священника к храму в с. Киове Любимского у. и назначен законоучителем в церковно-приходскую школу. В 1910 г. переведен в церковь в с. Коза того же уезда, через год назначен законоучителем при Козском начальном уч-ще.

В 1918 г. в Ярославской губ. вспыхнуло восстание против большевиков. После его подавления были арестованы священники храмов, к-рые находились на территориях, охваченных восстанием, в т. ч. В. Священномученик был расстрелян по приговору Ярославской ЧК от 22 дек. 1919 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 5457. Л. 166; Там же. Ф. Р–1947. Оп. 1. Д. 11. Л. 38–39.

Лит.: Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2000. Т. 2. С. 50–51.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Михайлович Вятский (27.06.1879, с. Вятское Даниловского у. Ярославской губ.– 9.10.1938, Мордовская АССР), сщмч. (пам. 26 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи церковнослужителя. Окончил сельскую школу, служил псаломщиком, затем был рукоположен во иерея. В 1932 г. служил в храме в с. Воскресенском Даниловского р-на. Был арестован, обвинен в сокрытии церковных ценностей, приговорен к 3 годам ссылки. По возвращении служил в храме в с. Крутове Первомайского р-на Ярославской обл.

29 окт. 1937 г. В. вновь был арестован, обвинен в «организации группы верующих, среди к-рых проводил антисоветскую агитацию, высказывал террористические намерения в отношении партии и правительства». В. виновным себя не признал. 5 нояб. 1937 г. тройка УНКВД по Ярославской обл. приговорила его к 10 годам ИТЛ. Отбывал срок в Темниковском ИТЛ, где скончался. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАЯО. Ф. Р–3698. Д. С–2966.

Лит.: Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Романово-Борисоглебск (Тутаев). 2000. Кн. 2. С. 81–82.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Николаевич Дамаскин (27.02.1870, г. Торжок Тверской губ.– 29.12.1937, Калининская обл.), сщмч. (пам. 16 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. Вскоре после рукоположения В. был направлен в храм в с. Островно Вышневолоцкого у. (ныне Удомельский р-н Тверской обл.), где прослужил бóльшую часть жизни. В 1930 г. священник был арестован, через 2,5 мес. освобожден, продолжил служение в храме.

22 дек. 1937 г. В. вновь был арестован, заключен в тюрьму г. Бежецка. Медицинское освидетельствование, проведенное на следующий день, признало старого и почти слепого священника инвалидом. Несмотря на это, были вызваны «свидетели», давшие показания об «антисоветской деятельности» В., к-рая заключалась в сборе подписей против закрытия храма в селе, в совершении треб в домах колхозников, в совершении богослужений, к-рые отвлекают колхозников от «обработки и сдачи льноволокна государству». Священномученик не признал себя виновным в «антисоветской деятельности». Расстрелян по приговору тройки при УНКВД по Калининской обл. от 27 дек. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 21839–С.

Лит.: Тверские ЕВ. 1914. № 34. С. 584; *Дамаскин.* Т. 3. С. 477–478.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Петрович Двинский (13.06.1858, погост Полонск Псковского у. и губ.– 14.09.1918, Пикалихинская вол. Псковского у. и губ.), сщмч. (пам. 1 сент., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице – в Соборе Псковских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Российских), диак. Из семьи священника. В 1874 г. В. поступил в Псковскую ДС, через год уволился из семинарии из-за невозможности оплачивать учебу. Получил место псаломщика в Ильинской ц. родного погоста. В 1888 г., после женитьбы В. был рукоположен во диакона Псковским и Порховским еп. Ермогеном (Добронравовым) к Ильинской ц., преподавал Закон Божий в трубниковской и жуковской земских школах.

Летом 1918 г. настоятель Ильинской ц. сщмч. Александр Любимов и В. оглашали в храме наиболее значимые определения 3-й сессии *Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.*, в к-рых содержались призывы к верующим встать на защиту Церкви в условиях начавшихся гонений (в частности, не допускать разграбления церковного имущества). Вскоре на священнослужителей стали поступать доносы, односельчане сообщали властям, что о. Александр и В. «устраивали митинги возле церкви и вне ее, читали соборные постановления, разъясняя, что земли монастырские и церковные отбирать не имеют права».

Священнослужители были арестованы 10 сент. 1918 г., обвинены в «контрреволюционных действиях» и «монархизме», а также в том, что во время революции 1905 г. будто бы доносили полиции на своих односельчан. Несмотря на то что В. и свящ. Александр отвергли все обвинения, они были расстреляны по постановлению ЧК Карамышевского р-на. Их тела в течение 8 недель оставались непогребенными, т. к. похоронить их по христ. обряду власти не разрешали под страхом смерти. В. и сщмч. Александр включены в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 26 дек. 2002 г. 1 апр. 2003 г. в Псково-Печерском мон-ре состоялось первое богослужение в честь священномучеников В. и Александра, к-рое совершил Псковский и Великолукский архиеп. *Евсевий (Савин)* в сослужении архиереев и сонма духовенства.

Арх.: ГА Псковской обл. Ф. 39. Оп. 1. Д. № 1027. Л. 44–53; Архив УФСБ по Псковской обл. Д. 128967. Л. 2, 10.

Ист.: Моя газета. Остров (Псковской обл.). 1918. № 79; Еженедельник ВЧК. 1918. № 6.

ВЛАДИ́МИР Филиппович Джуринский (1885 — 22.12.1920, Верный, ныне Алма-Ата), сщмч. (пам. 9 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Служил при Туркестанском архиерейском доме. В 1914 г. назначен псаломщиком ц. в честь Казанской иконы Божией Матери в с. Вознесенском Копальского у. Семиреченской обл. В 1915 г. взят на военную службу. По возвращении с фронта рукоположен во иерея, служил в церкви в Вознесенском. 1 авг. 1916 г. назначен настоятелем храма в с. Сергеевка Верненского у. Расстрелян большевиками вместе с супругой мц. *Евфросинией*, погребен в безвестной могиле. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Туркестанские ЕВ. 1914. № 15; 1915. № 14; 1916. № 15; Джетысуйская искра. 1920. 24 дек.; Джетысуйская правда. 1920. 28 дек.

В. В. Королёва

ВЛАДИ́МИР Федорович Дмитриевский (1876, Новгородская губ.— 1918, Семиреченская обл.), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. Окончил 2 класса Новгородской ДС, 1 окт. 1884 г. поступил учителем в школу с. Кувизино Валдайского у. 25 марта 1895 г. определен псаломщиком к церкви в с. Колпаковском Лепсинского у. Семиреченской обл. 4 окт. 1902 г. переведен в г. Пишпек (Бишкек). 18 июня 1903 г. Туркестанским и Ташкентским еп. Паисием (Виноградовым) рукоположен во диакона, 22 сент.— во священника и назначен на приход в Арасан-Копале Семиреченской обл., одновременно В. исполнял обязанности законоучителя в Копальском жен. уч-ще. В 1910 г. служил настоятелем ц. во имя свт. Николая в ст-це Копальской Семиреченской обл. В 1917 г. исполнял обязанности благочинного Копальского округа Семиреченской обл. Расстрелян большевиками в 1918 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Туркестанские ЕВ. 1910. № 3; 1914. № 7; 1917. № 13; Туркестанский ЦВ. 1918. № 3.

В. В. Королёва

ВЛАДИ́МИР Гаврилович Зубкович (1863, с. Смолевичи Борисовского у. Минской губ.— 31.01.1938, Минск), сщмч. (пам. 15 окт., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе Белорусских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника. Окончив Минскую ДС, был рукоположен во иерея, назначен помощником инспектора семинарии. После закрытия семинарии в 1918 г. служил в Свято-Николаевской ц. в с. Смолевичи, сначала 2-м священником, затем настоятелем. В 30-х гг. В. неоднократно вызывали в местное отд-ние НКВД и требовали отречься от сана, на что священник неизменно отвечал отказом. После закрытия храма в Смолевичах в 1935 г. В. продолжал тайно совершать Крещения. Арестован 29 дек. 1937 г. вместе с др. правосл. священнослужителями Минской епархии, обвинен в принадлежности к «шпионской контрреволюционной повстанческой организации», к-рую якобы возглавлял Бобруйский еп. Филарет (Раменский). Во время допросов В. никого не оговорил и виновным себя не признал. Был расстрелян. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦА КГБ РБ. Д. № 29503-с.

Лит.: *Кривонос Ф., свящ.* Священномученики Минской епархии XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы. 2000. С. 284–285.

Свящ. Феодор Кривонос

ВЛАДИ́МИР Стефанович Ильинский (1845, погост Воскресенский, что на Кореге Буйского у. Костромской губ.— 7.03.1918, г. Солигалич Костромской губ.), сщмч. (пам. 22 февр., 23 янв.— в Соборе Костромских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. В 1863–1869 гг. учился в Костромской ДС, к-рую окончил по 1-му разряду. В 1869–1874 гг. преподавал в Солигаличском ДУ рус. и церковнослав. языки. 6 дек. 1874 г. архиеп. Костромской и Галичский Платон (Фивейский) рукоположил В. во иерея к Успенской ц. в с. Солда Солигаличского у.— преемнице существовавшей с нач. XVI в. и упраздненной в 1764 г. Успенской Жуковой муж. пуст. В 1884 г. В. открыл при храме церковноприходскую школу — одну из первых в уезде, до 1887 г. безвозмездно состоял в ней учителем и законоучителем, с 1894 г. был заведующим школой и законоучителем. В 1916 г. В. вышел за штат по возрасту, поселился в Солигаличе у своего сына свящ. Василия.

В дек. 1917 г. в Солигаличе установилась советская власть. 24 февр. 1918 г. в городе состоялся крестный ход в знак протеста против декрета *«Об отделении церкви от государства и школы от церкви»*, в крестном ходе приняло участие все духовенство города, в т. ч. В. В ответ исполком совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов постановил провести 26 февр. реквизицию хлебных «излишков» в Ратьковском в честь Феодоровской иконы Божией Матери мон-ре. Это решение привело к народному восстанию, в результате к-рого власть в Солигаличе перешла к временному совету, составленному из представителей городской думы и уездного земства; В. и его сын свящ. Василий принимали активное участие в защите Феодоровского мон-ря. К восставшему городу двинулись карательные отряды красногвардейцев из Галича, Вологды и Вятки, через неск. дней занявшие Солигалич. По приговору военно-революционного суда 7 марта 1918 г. был расстрелян 21 активный участник событий 26 февр., в т. ч. неск. священнослужителей, включая В. Вместе с др. жертвами В. был погребен на городском кладбище Солигалича. 13 апр. 1918 г. в храме Московской ДС Патриарх Московский и всея России св. *Тихон* отслужил заупокойную литургию по первым мученикам, «убиенным за веру», в т. ч. и по В.

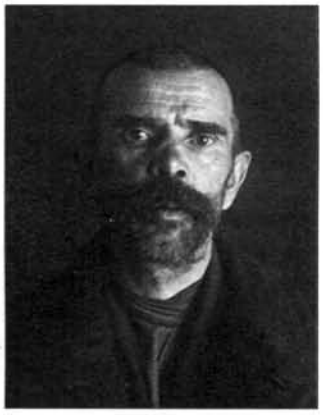
28 июня 1996 г. на кладбище Солигалича был установлен крест на могиле жертв 1918 г. и Костромской и Галичский еп. *Александр (Могилёв)* отслужил по ним панихиду. 27 марта 2000 г. в Костроме В. был канонизирован как местночтимый святой вместе с 3 др. Солигаличскими мучениками — прот. *Иосифом Смирновым*, диак. *Иоанном Касторским* и *Иоанном Перебаскиным*. К общецерковному почитанию В. был прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Ист.: ГА Костромской обл. Ф. 130. Оп. 9. Д. 2366. Л. 105–107; Д. 2303. Л. 74–75.

Лит.: *Зонтиков Н. А.* «Пальнем-ка пулей в Святую Русь...»: К 80-летию солигаличской трагедии // Сев. правда. Кострома, 1998. 6 марта, 11 марта; Жития новомучеников г. Солигалича Костромской епархии. Кострома, 2000.

Н. А. Зонтиков

ВЛАДИ́МИР Платонович Красновский (5.07.1889, с. Измайлово Московского у. и губ.— 25.11.1937,

Сщмч. Владимир Красновский. Москва. Тюрьма НКВД. Фотография. 1937 г.

полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 12 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи псаломщика. По окончании Перервинского ДУ нек-рое время служил псаломщиком. В 1923 г. *Гавриилом (Красновским),* еп. Клинским, вик. Московской епархии, был рукоположен во диакона к ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в с. Ассаурове Дмитровского у. В 1925 г. Дмитровским еп. сщмч. *Серафимом (Звездинским)* рукоположен во священника к Свято-Духовскому храму в с. Дубровки. В 1930 г. церковь была закрыта, в следующем году В. получил назначение в храм в с. Легчищево Лопаснинского р-на Московской обл.

11 нояб. 1937 г. В. был арестован, заключен в тюрьму в Серпухове, обвинен в ведении «контрреволюционной агитации, направленной против существующего строя и проводимых мероприятий». В. виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД СССР по Московской обл. от 17 нояб. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 27 дек. 2000 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. 19320.
Ист.: Бутовский полигон. Т. 2. С. 191.
Лит.: *Дамаскин.* Т. 6. С. 318–321.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Константинович Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский (26.05.1885, г. Духовщина Смоленской губ.— 26.12.1937, Новгород), сщмч. (пам. 13 дек., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе С.-Петербургских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Род. в семье земских врачей. Отец В. в молодости увлекался народовольческими идеями. Мать — дочь героя Крымской войны генерал-лейтенанта К. Шейдемана, была одной из первых женщин в России, получивших высшее медицинское образование. Она окончила жен. врачебные курсы при Николаевском военном госпитале, трудилась в земской больнице, где заразилась тифом и умерла в 1888 г. Семья Лозина-Лозинских вернулась в С.-Петербург, отец получил место врача на Путиловском заводе. В. рос болезненным и впечатлительным ребенком, отличался добротой и бескорыстностью. Владел неск. европ. языками, писал стихи (в т. ч. по-французски).

Окончив в 1904 г. гимназию имп. Человеколюбивого об-ва, В. поступил на юридический фак-т С.-Петербургского ун-та, по окончании к-рого в 1910 г. был принят на службу в Правительствующий Сенат. Одновременно он продолжал изучать историю права и архивного дела и через 2 года окончил Археологический ин-т. К 1916 г. В. являлся помощником обер-секретаря 2-го (Крестьянского) департамента Сената, титулярным советником, в 1912 г. был признан в потомственном дворянском достоинстве. В 1914 г., не имея возможности попасть на фронт по состоянию здоровья, В. по собственному прошению был командирован в Российское об-во Красного Креста, в должности помощника начальника Петроградской санитарной автомобильной колонны руководил перевозкой и распределением раненых по лазаретам. «За труды, понесенные при условиях военного времени» был удостоен ордена Станислава 3-й степени. После закрытия Сената в 1917 г. В. поступил работать статистиком на Московско-Рыбинскую железную дорогу.

В 1916 г. покончил с собой любимый брат В. Алексей, поэт, член партии меньшевиков. В 1918 г. на глазах В. арестовали, а затем расстреляли близкого Лозина-Лозинским свящ. Александра Васильева, последнего духовника Царской семьи перед ее арестом, настоятеля Феодоровского собора в Царском Селе. Тяжело пережив эти события, В. принял решение посвятить свою жизнь служению Богу. В. был зачислен на 1-й курс открывшегося в 1920 г. *Петроградского Богословского института,* в 1923 г. получил диплом о завершении образования. 18 нояб. 1920 г. он подал прошение о рукоположении во иерея, 14 дек. был назначен к хиротонии с причислением к бывш. университетской Петропавловской ц., настоятелем к-рой в то время являлся прот. Николай Чуков, ректор Богословского ин-та (впосл. *Григорий,* митр. Ленинградский и Новгородский), точная дата рукоположения В. неизвестна. Предположительно с авг. 1921 г. до своего ареста он являлся настоятелем университетской церкви, перемещенной из главного здания ун-та в один из соседних домов на Биржевой линии и освященной в честь Всех святых, в земле Российской просиявших.

В. был арестован 4 февр. 1924 г. по делу о «православных братствах», одновременно с еп. *Мануилом (Лемешевским),* к-рый управлял тогда С.-Петербургской епархией. (Ранее В. в течение неск. месяцев служил 2-м священником в ц. Космы и Дамиана, где настоятельствовал еп. Мануил, окормляя Спасское братство.) На допросах отвечал осторожно, не желая никого предать. 17 мая был освобожден.

15 февр. следующего года В. арестовали вместе с группой выпускников имп. Александровского лицея по обвинению в «причастности к деятельности монархической организации, выразившейся в том, что он по поручению представителей организации служил открыто панихиды по бывшим царям, в том числе по расстрелянному Николаю, также служил панихиды по расстрелянным и умершим при советской власти, чем вносил возбуждение в темные массы, посещающие церковь» (Архив УФСБ по С.-Петербургу. Д. 85538. Т. 2. Л. 10). В. в числе 34 чел. был приговорен к расстрелу, в окончательном приговоре 29 июня 1925 г. высшую меру наказания заменили заключением на 10 лет в СЛОН. (Соловчане-лагерники оставили воспоминания о В., к-рого отличали «аристократизм породы, наклонностей и привычек... врожденный такт и, главное, светившаяся в нем глубокая любовь к человеку...».)

В нояб. 1928 г. заключение в лагере было заменено 5-летней ссылкой, к-рую В. отбывал в дер. Пьяново,

в 150 км от Братска, вместе с еп. сщмч. *Василием (Зеленцовым)*. В авг. 1933 г. В. вернулся в Ленинград, в прописке ему отказали, и он был вынужден поселиться в Новгороде, получил место священника в Успенской ц. в Волотове. В 1935 г. назначен настоятелем новгородского кафедрального Михаило-Архангельского собора на Прусской ул.

14 мая 1936 г. В. был вновь арестован, 26 мая направлен на обследование в областную психиатрическую больницу, по заключению конференции врачей больницы 25 нояб. 1937 г. признан вменяемым и 8 дек. вновь арестован. Обвинение строилось на показаниях одного из ранее арестованных прихожан В., к-рый признал, что организовал «контрреволюционную группу» с программой «Народная демократия на основе неогосударственного капитализма», в числе членов группы был назван и В. Священномученик виновным себя не признал и существование группы не подтвердил. Расстрелян по постановлению особой тройки от 19 дек. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Соч.: Из соловецких тетрадей / Вступ. ст. и подгот. текстов Ф. О. Стукалова // УЗ РПУ. 1995. Вып. 1. С. 188–199; «Из старой папки...» // Мир Божий. 2002. № 1 (8). С. 54–57 [публикация стихов В. без указания авторства].

Арх.: РГИА. Ф. 1344. Оп. 315. Ед. хр. 12. Л. 12; Ф. 1343. Оп. 36. Ч. 1; Ф. 768. Оп. 2. № 886. Л. 6; Ф. 733. Оп. 201. № 207. Л. 39, 63; Ф. 1344. Оп. 315. № 335. Л. 1–40; ЦГИА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. № 4. Л. 180; Архив УФСБ по г. С.-Петербургу. Д. П–85538; Д. П–82582; Архив УФСБ по Новгородской обл. Д. 1 А/12.179.

Ист.: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губ. Каменец-Подольск, 1897. С. 391; *Мещерский Н. А.* Отрывки воспоминаний // С.-Петербургские ЕВ. 1991. № 3/4. С. 81; Рус. мысль. П., 1949. № 190. С. 1.

Лит.: РБС. Т. 10. С. 586; *Андреев Г.* Соловецкие острова // Грани. 1950. № 8. С. 48; *Тарле В. Е.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 2. Л. 331–333; *Розанов М.* Соловецкий лагерь в мон-ре, 1922–1939 гг.: Факты, домыслы, «параши»: Обзор восп. соловчан соловчанами. Франкфурт-на-Майне, 1980. Кн. 2. С. 50; *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. М., 1991. С. 304; *Антонов А. А., Кобак А. В.* Святыни С.-Петербурга. СПб., 1996. Т. 2. С. 64; *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского Богословского ин-та // Минувшее. СПб., 1998. Вып. 24. С. 535; *Телешова Н. Н.* Дело лицеистов 1925 г. // Звезда. 1998. № 6. С. 122; *Шкаровский М. В.* Иосифлянское течение в РПЦ. СПб., 1999. С. 114–115, 278–279; *Карпычева Л. А.* Новомученик прот. Владимир Лозина-Лозинский // С.-Петербургские ЕВ. 2000. № 13; *Петров М. Н.* Крест под молотом. Новгород, 2000. С. 112; Об авторе стихов «Из старой папки...»: Сщмч. прот. Владимир Лозина-Лозинский (26 мая 1885 г.– 26 дек. 1937 г.) // Мир Божий. 2003. № 1(9).

Ж. Р. Багдасарова

ВЛАДИ́МИР Фаддеевич Медведюк (15.07.1888, г. Луков Седлецкой губ., ныне Лукув, Польша – 3.12.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 20 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Рос-

Сщмч. Владимир Медведюк. Фотография. Нач. 20-х гг. XX в.

сийских), прот. Отец В., рабочий на железной дороге, желал, чтобы сын служил в храме. Окончив в 1910 г. ДУ, В. стал псаломщиком в соборе г. Радома (Польша). Во время первой мировой войны В. попал в Москву, где в 1915 г. женился. В следующем году был рукоположен во диакона к храму во имя мц. Ирины на Воздвиженке, в 1919 г. рукоположен во иерея к храму во имя прп. Саввы Сторожевского подворья Саввино-Сторожевского мон-ря на Тверской ул. В 1921 г. назначен настоятелем храма во имя свт. Митрофана Воронежского. Ревностно относился к пастырским обязанностям, много работал с молодежью, стараясь привить ей любовь к правосл. богослужению и храму. Отстоял храм при попытках его захвата обновленцами (см. *Обновленчество*), несмотря на угрозы лично *Антонина (Грановского)*.

В 1925 г. В. был арестован, под угрозой расправы дал согласие на сотрудничество с ОГПУ, после чего был освобожден. Полученные В. от ОГПУ задания преимущественно касались Местоблюстителя Патриаршего Престола митр. сщмч. *Петра (Полянского)*. Священник их исполнял, но спустя нек-рое время, терзаемый муками совести, решил прекратить свои отношения с ОГПУ в качестве секретного сотрудника и покаялся на исповеди в грехе предательства. 9 дек. 1929 г. В. вызвали в ОГПУ и он заявил следователю, что отказывается от дальнейшего сотрудничества. В течение 3 суток его уговаривали переменить свое решение, но В. на это не согласился, заявив, что он уже рассказал обо всем священнику на исповеди. 11 дек. был выписан ордер на арест В., обвиненного в «разглашении... сведений, не подлежащих оглашению». 3 февр. 1930 г. Коллегия ОГПУ приговорила В. к 3 годам ИТЛ, наказание отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

В 1932 г., после окончания срока заключения, В. поселился вместе с семьей в Загорске (ныне Сергиев Посад), продолжал служить в московском храме во имя свт. Митрофана. В 1933 г. храм был закрыт, В. получил место в Троицком храме в с. Язвище Волоколамского р-на, в 1935 г. возведен в сан протоиерея. В. часто обращался для разрешения затруднительных вопросов к протодиак. сщмч. *Николаю Цветкову*, жившему в Волоколамске, совершал у него дома богослужения.

24 нояб. 1937 г. В. был арестован, обвинен в «контрреволюционной и антисоветской агитации». (Обвинение основывалось на доносе, в к-ром сообщалось, что к священнику ежедневно приходит до 20 чел., в основном старух и стариков, из разных колхозов Волоколамского и Новопетровского р-нов.) В. виновным в предъявленном обвинении себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Московской обл. от 29 нояб. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. П–76328. Д. П–7590. Лит.: Бутовский полигон. Вып. 1. С. 291; *Дамаскин*. Т. 5. С. 417–426.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Александрович Моринский (24.06.1883, г. С.-Петербург – 15.09.1937, Казахстан), сщмч. (пам. 2 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Отец В. был певчим в церковных хорах. Мальчик рано осиротел, был отдан на воспитание в патронажный частный церковный хор. В 1903 г. вместе с церковным хором В. переехал в Москву, пел в московских храмах. В 1912 г. получил место учителя пения в г. Клину Московской губ., одновременно в течение полу-

Сщмч. Владимир Моринский. Бутырская тюрьма. Фотография. 1935 г.

года был регентом соборного хора. Затем переехал в с. Спас-Квашонки Калязинского у. Тверской губ., преподавал пение в местной школе, возглавлял церковный хор. В 1916 г. В. был призван в армию, служил рядовым в 238-м запасном стрелковом пехотном полку в Орле. В 1917 г. вернулся в Москву, преподавал пение в школах, с 1924 г. работал в различных советских учреждениях, пел в церковном хоре и готовился к принятию священного сана. В. и его супруга не имели детей и взяли на воспитание мальчика-сироту.

27 июля 1934 г. В. был рукоположен во диакона, в авг.— во священника к храму мучеников Адриана и Наталии в г. Лосиноостровская под Москвой (ныне в черте Москвы). Ревностно исполнял обязанности пастыря, вскоре стал известен как усердный молитвенник и подвижник. Позднее на следствии по делу В. свидетели рассказывали, что по молитвам священника происходили исцеления.

1 апр. 1935 г. В. был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен в том, что «систематически проводил антисоветскую агитацию, занимался кликушеством, распространял провокационные слухи о гонении на православную церковь в СССР». В. с обвинением не согласился. 8 июня Особое совещание при НКВД СССР приговорило священномученика к 3 годам ИТЛ, он отбывал срок в Бурминском отд-нии Карагандинского лагеря, где работал зав. фуражным складом.

1 сент. 1937 г. В. был арестован в лагере в ходе следствия по групповому делу еп. сщмч. *Дамаскина (Цедрика)*, обвинен в том, что, «будучи заключенным и отбывая наказание в Карлаге НКВД... продолжал свою контрреволюционную деятельность, выражавшуюся в том, что собирались... Цедрик, Моринский и Лилов и устраивали пение молитв в здании почтовой экспедиции, с Горячевым неоднократно устраивали чтение вечерних молитв, а также убеждали заключенного не отказываться от священного сана». Виновным в «контрреволюционной деятельности» В. себя не признал. Расстрелян по постановлению тройки УНКВД по Карагандинской обл. от 10 сент. 1937 г. в один день со священномучениками Дамаскином, прот. *Евфимием (Горячевым)* и др. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. П–42180; Арх. Центра правовой статистики и информации при обл. прокуратуре г. Караганды. Д. № 2149.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Димитриевич Мощанский (15.06.1866, погост Заборовье Вышневолоцкого у. Тверской губ.— 7.09.1938, г. Вышний Волочёк, ныне Тверской обл.), сщмч. (пам. 25 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника, двоюродный брат мч. *Михаила Новосёлова.* В 1883 г. окончил Тверскую ДС, 8 февр. 1887 г.

Сщмч. Владимир Мощанский с внучкой Ольгой. Вышний Волочёк Фотография. Кон. 20-х — нач. 30-х гг. XX в.

рукоположен во диакона к храму в с. Рогачёве Тверской губ. В 1900 г. переведен в с. Архангельское-Чашниково Зубцовского у. 21 окт. 1911 г. рукоположен во священника к Успенскому храму в с. Спасском Кашинского у. Возведен в сан протоиерея. В 1924 г. храм в с. Спасском был закрыт, церковный дом конфискован. В. с семьей переехал в г. Кашин, затем в Вышний Волочёк, служил в Богоявленском (Зимнем) соборе. Ко времени ареста был за штатом по возрасту.

13 февр. 1938 г. В. был арестован, обвинен в «антисоветской агитации». 27 апр. дело было передано в суд для заслушивания в закрытом заседании, к-рое состоялось 27 июня. В. виновным себя не признал. Суд приговорил престарелого священника к 7 годам ИТЛ с последующим поражением в правах. 16 авг. специальная коллегия Верховного суда по кассационной жалобе В. постановила отменить приговор, дело было возвращено в суд для повторного рассмотрения. В. скончался в тюрьме, не вынеся условий заключения. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 1077-С.

Лит.: «Яко мзда ваша многа на небесех...» // МЦВ. 1999. № 17. С. 3; *Дамаскин.* Т. 3. С. 150–163; *Матисон А. В.* Генеалогия правосл. приходского духовенства России XVIII — нач. XX в.: История рода Мощанских. М., 2000; *Бовкало А.* Матисон А. В. Генеалогия правосл. приходского духовенства России XVIII — нач. XX вв.: [Рец. на кн.] // Генеалогический вестн. СПб., 2001. Вып. 2.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Васильевич Панькин (1884, Нижегородская губ.— 6.04.1920, Казахстан), сщмч. (пам. 24 марта и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из крестьянской семьи. Окончил 2-классную церковноприходскую учительскую школу и нек-рое время работал учителем. 26 авг. 1912 г. рукоположен во диакона к церкви в с. Копьевском Тарского у. Тобольской губ. Впосл. был рукоположен во иерея, служил в с. Благовещенка (ныне Жамбылский р-н Северо-Казахстанской обл.). Расстрелян красноармейцами. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив комиссии по канонизации святых Астанайской и Алматинской епархии.

В. В. Королёва

ВЛАДИ́МИР Иларионович Пастернацкий (2.07.1885, дер. Дудичи Игуменского у. Минской губ.— 21.01.1938, Смоленская обл.), сщмч. (пам. 15 окт., в Неделю 3-ю по

Пятидесятнице — в Соборе Белорусских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Отец В. служил настоятелем Покровской ц. в Дудичах, с детских лет В. прислуживал за богослужением и пел в церковном хоре. После окончания Минской ДС был рукоположен во иерея (1908), служил настоятелем ц. во имя апостолов Петра и Павла в дер. Песочное Слуцкого у. В 20-х гг. являлся благочинным церквей Копыльского р-на. Осенью 1932 г. назначен настоятелем Вознесенской ц. в мест. Копыль (ныне Минская обл.). С весны следующего года оставался единственным правосл. священником на весь Копыльский р-н, т. к. все др. священники были уже арестованы, много служил, совершал многочисленные требы. В. неоднократно вызывали в местное отд-ние НКВД, требуя отречься от сана, на что он неизменно отвечал отказом. В 1935 г. власти закрыли храм в Копыле. В. был арестован в марте 1936 г., обвинен в том, что вел регистрацию крещаемых и отпеваемых, приговорен к 2 годам работ в исправительной трудовой колонии. В нач. дек. 1937 г. освобожден. 14 дек. вновь арестован в г. Рославле Смоленской обл., обвинен в том, что «являлся агентом немецкой контрразведки и проводил среди населения контрреволюционную работу». В. виновным себя не признал. Расстрелян по приговору особой тройки УНКВД по Смоленской обл. от 5 янв. 1938 г. Канонизирован в лике местночтимых святых деянием Синода Белорусской Православной Церкви 28 окт. 1999 г. Прославлен к общецерковному почитанию *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Смоленской обл. Д. № 15961-с.

Лит.: *Кривонос Ф., свящ.* Священномученики Минской епархии XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы. 2000. С. 286–288; *Забелин А. А.* По праву памяти: Кн. памяти жертв незаконных полит. репрессий: Смоленский мартиролог. Смоленск, 2001. Т. 1.

Свящ. Феодор Кривонос

ВЛАДИ́МИР Александрович Писарев (11.07.1881, с. Костино Дмитровского у. Московской губ.— 16.11.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 3 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника, настоятеля храма в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Окончил Вифанскую ДС. В 1911 г. В. был рукоположен во диакона к храму в честь Тихвинской иконы, в 1930 г. рукоположен во иерея, в 1937 г. возведен в сан протоиерея. 29 окт. 1937 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности», заключен в Таганскую тюрьму. Виновным себя не признал.

Сщмч. Владимир Писарев. Таганская тюрьма. Фотография. 1937 г.

В. был расстрелян по приговору тройки УНКВД по Московской обл. от 15 нояб. 1937 г., погребен в общей могиле. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–20750; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 119 и 180.

Ист.: Бутовский полигон. Т. 2. С. 229.

Лит.: *Дубинский А. Ю.* Вифанская духовная семинария: Алф. список выпускников 1901–1917 гг. М., 1999.

Свящ. Олег Митров

ВЛАДИ́МИР Алексеевич Покровский (6.06.1871, Москва — 26.02.1938, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 13 февр. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священнослужителя. После окончания ДС в 1894 г. был рукоположен во священника к Вознесенской церкви в с. Бурцеве Верейского у. Московской губ. 26 янв. 1938 г. арестован, доставлен в Наро-Фоминское отд-ние НКВД, затем переведен в Таганскую тюрьму в Москве, обвинен в «проведении повстанческих настроений... антисоветской агитации... систематической контрреволюционной пропаганде». В. виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки при УНКВД по Московской обл. от 21 февр. 1938 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 7 окт. 2002 г.

Сщмч. Владимир Покровский. Таганская тюрьма. Фотография. 1938 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. № 21377.

Ист.: Бутовский полигон. Вып. 4. С. 171.

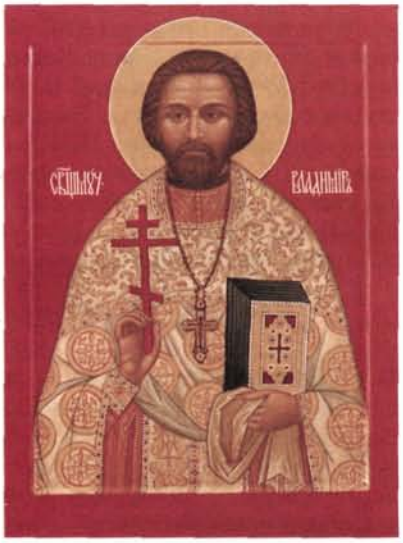
Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Григорьевич Преображенский (1873, с. Троицкое Смоленской губ.— 31.12.1937, Казахстан), сщмч. (пам. 18 дек., воскресенье перед 28 июля — в Соборе Смоленских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. В 1929 г. был арестован, Коллегией ОГПУ приговорен к 3 годам лагерного заключения. 22 авг. 1936 г. был вновь арестован, 9 февр. следующего года особым совещанием НКВД приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. 24 дек. 1937 г. В. арестовали в ссылке, во время обыска сотрудники НКВД нашли неск. написанных им стихов религ. содержания («Сон ссыльного иерея» и «Дума старого пастыря в ссылке»). В. обвинили в том, что он, «являясь участником контрреволюционной группы церковников, организовал нелегальный молитвенный дом, писал и распространял контрреволюционного содержания стихи, нелегально проводил религиозные обряды». В. не признал себя виновным в «контрреволюционной работе», на допросе заявил, что его «арестовывали и ссылали только за веру». Священномученик был расстрелян по приговору тройки УНКВД по Южно-Казахстанской обл. от 30 дек. 1937 г., погребен в общей безвестной могиле. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив КНБ по Южно-Казахстанской обл. Д. № 2041.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Александрович Проферансов (16.07.1874, Москва – 15.12.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 2 дек. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи псаломщика. В 1897 г. окончил Московскую ДС, работал учителем. В 1902 г. определен псаломщиком к московской ц. вмч. Георгия Победоносца в Ст.

Сщмч. Владимир Проферансов. Икона. 2002 г. (ц. во имя вмч. Георгия в Ст. Лучниках. Москва)

Лучниках. С 1905 г. состоял действительным членом Московского об-ва народных чтений и б-к, в 1907 г. за усердные труды на поприще народного просвещения получил благодарственную грамоту от Святейшего Синода. В 1909 г. награжден серебряной медалью на Александровско-Владимирской ленте в память 25-летия церковноприходских школ, в 1914 г. награжден золотой медалью на Аннинской ленте. С 1915 г. исполнял обязанности старосты ц. вмч. Георгия, ок. 1916 г. рукоположен во диакона к этому храму (утвержден штатным диаконом 14 февр. 1919).

С 1918 г. В. состоял сотрудником Московского епархиального совета, 8 июня 1920 г. зачислен делопроизводителем в епархиальный совет. 25 июня 1920 г. рукоположен во иерея к Георгиевской ц., впосл. возведен в сан протоиерея. С 1 авг. 1923 по 1925 г. исполнял обязанности секретаря при Патриархе Московском и всея России св. *Тихоне*, после 1927 г. работал в канцелярии Временного Патриаршего Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергии (Страгородском)*, исполнял поручения митр. Сергия. В 1924 г. награжден наперсным крестом за труды по канцелярии церковного управления.

Ответственный пост, к-рый занимал В., хорошо знавший как Патриарха Тихона, так и митр. Сергия, а также близкое расположение храма, где служил В., к зданию ОГПУ на Лубянке, натолкнули работников ОГПУ на решение привлечь священника к сотрудничеству. 9 янв. 1932 г. В. заставляли дать согласие на сотрудничество с ОГПУ, священник решительно отказался. 8 февр. он был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму в Москве, обвинен в «антисоветской агитации и группировке вокруг себя антисоветского элемента». Виновным себя не признал. 14 марта 1932 г. особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило В. к 3 годам ссылки в Семипалатинск. Будучи в ссылке, В. работал в больнице. В Семипалатинске он познакомился со сщмч. *Константином Некрасовым*, к-рый, по-видимому, пригласил В. приехать по окончании срока ссылки в г. Можайск, где В. и поселился в 1935 г. Власти вновь предложили священнику стать осведомителем, обещая дать хороший приход, но В. отказался. Ему не было позволено служить в городе, В. совершал богослужения по воскресеньям в загородной Ильинской ц. Свой дом в Москве, где жила жена, В. посещал тайно.

5 дек. 1937 г. В. был арестован, заключен в тюрьму в Можайске, обвинен в том, что, «имея крепкие связи со священниками, возвратившимися из ссылки, проживающими в городе Можайске, и с другим контрреволюционным элементом, проживающим вне города Можайска, будучи враждебно настроен против

Сщмч. Владимир Проферансов. Бутырская тюрьма. Фотография. 1932 г.

советской власти, среди окружающего населения проводил скрытую контрреволюционную деятельность». В. виновным себя не признал, на допросах никого не оговорил (оберегая от возможных преследований жену и родных, в анкетах писал о себе, что не имеет семьи). Расстрелян по приговору тройки УНКВД СССР по Московской обл. от 9 дек. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: РГИА. Ф. 831. Д. 282. Л. 247; Д. 236. Л. 43–44; ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Д. 146. Л. 97–99; ЦА ФСБ России. Арх. № Р–30690; ГАРФ. Ф. 10035. Д. 19624.

Ист.: Бутовский полигон. Т. 2. С. 235.

Лит.: *Дамаскин.* Т. 5. С. 436–441; *Простова Н.* Житие сщмч. Владимира Проферансова // http://www.luchniki.orthodoxy.ru/pohvalavladimiru.html [Эл. ресурс].

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Федорович Рясенский (1891, г. Осташков Тверской губ.– 4.12.1932, Сибирский ИТЛ), сщмч. (пам. 22 нояб. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских). Из семьи священника. По окончании Тверской ДС был рукоположен во иерея к церкви в с. Спас-Есеновичи Вышневолоцкого у., 2 сент. 1916 г. переведен в храм погоста Волго Осташковского у.,

Иаков (Маскаев), еп. Осташковский, среди духовенства Осташкова. Сщмч. Владимир Рясенский – 2-й слева в верхнем ряду. Фотография. 1928 г.

в 20-х гг. служил в Знаменском храме в Осташкове. Неоднократно В.

вызывали в ЧК, где требовали прекратить проповеди, всякий раз он отвечал отказом. Летом 1930 г. В. был арестован как один из тех, кто принимал деятельное участие в церковной жизни города, заключен в тюрьму в г. Вел. Луки. В тюрьме священника жестоко мучили, но он остался тверд в своем исповедании — не отрекся от Бога, не признал себя виновным в вымышленных преступлениях, никого не оговорил под пытками. Особое совещание при Коллегии ОГПУ 26 дек. 1930 г. приговорило В. к 5 годам ИТЛ. 30 янв. 1931 г. В. был отправлен в Сибирский ИТЛ (Мариинск), скончался в лагере. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 21108–С.

Лит.: Тверские ЕВ. 1916. № 37/38. С. 407; *Дамаскин.* Т. 3. С. 421–425.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Садовский († 1921, Семиреченская обл.), сщмч. (пам. в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. До 1912 г. служил в церкви в с. Луговском Копальского у. В 1912 г. переведен в ст-цу Зайцевскую (Чилик) Верненского у. Семиреченской обл. Расстрелян в 1921 г. по приговору, утвержденному областным рев. трибуналом. Приговор был основан на обвинении в «агитации против советской власти... хранении оружия... непредъявлении документов». В. прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ГА Алматинской обл. Областной ревтрибунал. Ф. 489. Оп. 5. Д. 343.

Лит.: Туркестанские ЕВ. 1912. № 2.

В. В. Королёва

ВЛАДИ́МИР Михайлович Сергеев (17.07.1867, с. Далматово Шадринского у. Пермской губ.— 10.07. 1918, ст. Далматово Пермской железной дороги), сщмч. (пам. 27 июня и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из крестьянской семьи. По окончании Пермской ДС служил в Никольской ц. родного села и преподавал Закон Божий в Далматовском уч-ще. Схвачен красноармейцами 9 июля 1918 г., накануне наступления на город Белой армии, изрублен шашками. После отступления Красной Армии из города похоронен на кладбище в Далматове. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ от 17 июля 2002 г.

Ист.: «Помяни, Господи, души усопших рабов Божиих убиенных». Екатеринбург, 1918.

Лит.: *Осинцев Л.* Далматовская Голгофа // Исеть. Шадринск, 1993. № 110. 7 сент.; *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 29, 177.

ВЛАДИ́МИР Константинович Смирнов (18.02.1885, Москва — 27.08.1937, г. Чимкент, Казахстан), сщмч. (пам. 14 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи почтового служащего. Окончил ДС и юридический фак-т Московского ун-та. В 1911 г. рукоположен во иерея. В 1924 г. являлся консультантом по юридическим вопросам при Патриархе Московском и всея России св. *Тихоне*. В том же году В. был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации», ок. 3 месяцев провел в Бутырской тюрьме, вскоре после освобождения возведен в сан протоиерея. В. подвергался арестам также в 1930 и 1931 гг.

В 1932 г. В. вновь был арестован в Москве, приговорен к 5 годам ИТЛ, отправлен в Свирьлаг. Через 11 месяцев в связи с болезнью священника заключение заменили на ссылку в Чимкент. 23 июня 1937 г. В. был арестован, заключен в тюрьму Чимкента, обвинен в проведении «пораженческой агитации, в к-рой возлагал надежды на фашистские страны, могущие покончить с коммунизмом в СССР, вел контрреволюционную агитацию против займов, клеветал на советскую печать... активно проводил антиоборонную деятельность». В. виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Южно-Казахстанской обл. от 23 авг. 1937 г., погребен в общей безвестной могиле в пригороде Чимкента. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив КНБ по Южно-Казахстанской обл. Д. 02455.

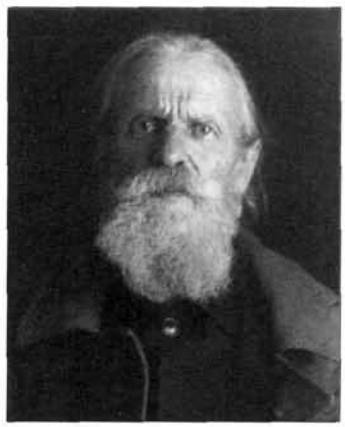
Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Евгеньевич Соболев (1874, с. Дитятево Вологодского у. и губ.— 4.11.1937, Мариинск (ныне Кемеровской обл.)), сщмч. (пам. 22 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. Окончил ДС. 11 авг. 1935 г. был арестован, обвинен в «контрреволюционной агитации», приговорен Северным краевым народным судом к 10 годам ИТЛ. В 1937 г. В. был арестован в Сусловском отд-нии Сиблага вместе с сщмч. архиеп. *Серафимом (Самойловичем)*, преподобномучениками архим. *Миной (Шелаевым)* и *Германом (Полянским)*, священномучениками *Александром Лебедевым, Василием Богоявленским, Александром Андреевым*. Арестованных обвинили в участии в «контрреволюционной группе», проводившей «антисоветскую агитацию». В. виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки НКВД от 28 окт. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Кемеровской обл. Д. П–9211.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Васильевич Сперанский (23.03.1877, г. Суздаль Владимирской губ.— 21.10.1937, полигон Бутово Московской обл., ныне в черте Москвы), сщмч. (пам. 8 окт. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. В 1899 г. окончил Владимирскую ДС, работал учителем. В 1901 г. был рукоположен во

Сщмч. Владимир Сперанский. Таганская тюрьма. Фотография. 1937 г.

диакона, затем во иерея. Церковное служение В. проходило до кон. 20-х гг. на приходах Екатеринославской губ., преобразованной в Днепропетровскую обл.; первым местом служения В. был храм в с. Петрове, последним — храм в г. Александрия. Священник был арестован, сослан, после окончания срока ссылки поселился в 1933 г. в Московской обл. и был определен в клир храма в

честь Преображения Господня в с. Запрудня Талдомского р-на. Пользовался большим авторитетом у прихожан.

В. был арестован 21 авг. 1937 г. и заключен в Таганскую тюрьму в Москве, обвинен в «контрреволюционной агитации», произнесении проповедей «антисоветского содержания». В. отрицал свою причастность к контрреволюционной деятельности, признав, что в проповедях неоднократно осуждал безбожие. На допросе открыто исповедал веру в Бога и выразил несогласие с действиями власти, к-рая «навязывает свое мировоззрение гражданам, мыслящим по-другому». Священномученик был расстрелян по приговору тройки УНКВД по Московской обл. от 19 окт. 1937 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Свящ. Синода РПЦ 7 мая 2003 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20658.
Ист.: Бутовский полигон. Т. 1. С. 323.
Лит.: *Пэнэжко О., свящ.* Город Талдом: Храмы Талдомского района. Ликино-Дулево, 2001.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Димитриевич Талюш (1891, с. Залужье Бобруйского у. Минской губ.— после 1933), сщмч. (пам. 15 окт., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе Белорусских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи дьячка. В 1912 г. окончил Минскую ДС. В 1914–1918 гг. воевал на фронтах первой мировой войны. В 1920 г. Минским и Туровским еп. *Мелхиседеком (Паевским)* рукоположен во священника, назначен настоятелем Свято-Георгиевской ц. в с. Залужье. Арестован 19 апр. 1933 г. за попытку сбора средств среди прихожан для уплаты налога на храм, обвинен в принадлежности к «контрреволюционной группе». Виновным себя не признал. Постановлением тройки ОГПУ от 7 июня 1933 г. приговорен к 10 годам ИТЛ, скончался в лагере. Канонизирован в лике местночтимых святых деянием Синода Белорусской Православной Церкви 28 окт. 1999 г. Прославлен к общецерковному почитанию *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦА КГБ РБ. Д. № 29956-с.
Лит.: *Кривонос Ф., свящ.* Священномученики Минской епархии XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы. 2000. С. 277.

Свящ. Феодор Кривонос

ВЛАДИ́МИР Фокин († 24.01. 1919, дер. Лодочная (Турецк) Ачинского округа Енисейской губ.), сщмч. (пам. 11 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Служил в храме с. Ново-Еловского Ачинского округа, был ревностным пастырем и отзывчивым человеком, пользовался уважением прихожан. 24 янв. 1919 г. В. был схвачен красными партизанами из отряда П. Е. Щетинкина, замучен неподалеку от дер. Лодочной. Верующие тайно перевезли тело священника в г. Ачинск, где и было совершено отпевание. Священномученика похоронили у Казанской ц., в погребении участвовал почти весь город. В. прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: *Дамаскин.* Т. 2. С. 287; Мартиролог Красноярского отд-ния об-ва «Мемориал». http://memorial.krsk.ru/index 1.htm [Электр. ресурс].

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Иванович Хрищенович (1876, дер. Гезгалы Лидского у. Виленской губ.— февр. 1933), сщмч. (пам. 15 окт., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе Белорусских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из крестьянской семьи. В 1911 г. окончил Слуцкое ДУ, служил псаломщиком в Свято-Николаевской ц. в с. Горки Бобруйского у. Минской губ. В 1930 г. Слуцким еп. Николаем (Шеметилло) рукоположен во иерея. В. часто служил в Преображенской ц. в с. Языль Стародорожского р-на. Арестован 27 дек. 1932 г. Поводом для ареста послужила проповедь, произнесенная В. в Преображенской ц. в связи с голодом, охватившим мн. районы Белоруссии. В. призывал своих прихожан не оставлять храма, верить в Господа и молиться Ему. На допросах В. не раз открыто исповедовал веру в Бога, не скрывал недовольства политикой советской власти в отношении духовенства. Расстрелян по приговору тройки ОГПУ от 12 февр. 1933 г. Канонизирован в лике местночтимых святых деянием Синода Белорусской Православной Церкви 28 окт. 1999 г. Прославлен к общецерковному почитанию *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦА КГБ РБ. Д. № 22818-с.
Лит.: *Кривонос Ф., свящ.* Священномученики Минской епархии XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы. 2000. С. 273–275.

Свящ. Феодор Кривонос

ВЛАДИ́МИР Ионович Цедринский († 27.08.1918, Семиреченская обл.), сщмч. (пам. 14 авг. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Род. в Нижегородской губ. Служение Церкви начал в Омской епархии, в 1909 г. в сане иерея был переведен в Туркестанскую епархию, назначен уездным наблюдателем церковноприходских школ 2-го округа с исполнением обязанностей миссионера. В дальнейшем служил в соборе свт.

Сщмч. Владимир Цедринский. Фотография. 10-е гг. XX в. (Комиссия по канонизации МП, архив)

Николая в г. Лепсинске Семиреченской обл., с 6 июля 1912 г. являлся его настоятелем. Был благочинным церквей Лепсинского округа. На основании рапорта В., в к-ром он сообщал Туркестанскому и Ташкентскому еп. *Иннокентию (Пустынскому)* о решении крестьянского союза Лепсинского у. изъять у церковных причтов землю и прекратить выплаты за требы, архиерей издал в «Туркестанских ЕВ» призыв ко «всем истинно православным христианам и русским гражданам» заботиться о Церкви и стараться облегчать положение священников.

В один из воскресных дней Успенского поста 1918 г. В. обратился к своей пастве с проповедью, в к-рой увещевал прекратить братоубийственную смуту, быть верными сынами правосл. Церкви и отечества. 27 авг., после литургии, В. был арестован красноармейцами. Палачи, поставив священника между 2 лошадьми, погнали их за город на кладбище, где на глазах у прихожан зарубили В. шашками. Верующие отнесли тело священномученика в церковь, отпевание совершили

священники из соседних сел. В. был погребен на кладбище Лепсинска, рядом с местом своей мученической кончины. До нач. 30-х гг., пока в крае еще были священники, на его могиле в день кончины служили панихиды, впосл. место погребения В. почиталось местными жителями. 2 июля 2001 г. были обретены мощи священномученика, ныне почивающие в Иоанно-Богословской ц. в г. Талды-Кургане (Талдыкорган). В. прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Лит.: Туркестанские ЕВ. 1909. № 9; 1917. № 13; *Польский.* Т. 2. С. 234; *Королёва В. В.* И стоять храму, и звонить колоколам // Простор. 1995. № 6. С. 91.

В. В. Королёва

ВЛАДИ́МИР Димитриевич Чекалов (10.07.1880, с. Пухлино Тверской губ.— 1.10.1937, Калинин), сщмч. (пам. 18 сент. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), свящ. Из семьи священника. По окончании ДС был призван в армию, служил в чине прапорщика, в 1904 г. уволен в запас. В 1908 г. рукоположен во диакона, через нек-рое время рукоположен во иерея. В нач. 30-х гг. В. служил в храме в с. Васюнине Краснохолмского р-на. Невозможность заплатить высокий налог, произвольно назначенный председателем сельсовета, стала поводом для изъятия властями имущества священника. Опасаясь дальнейших преследований, он в июне 1932 г. переехал в с. Никитское Калязинского р-на. 3 янв. 1933 г. он был арестован и заключен в тюрьму в Калязине, обвинен в «антисоветской и контрреволюционной агитации». Виновным себя не признал. Постановлением тройки ОГПУ от 28 февр. 1933 г. приговорен к 3 годам ИТЛ.

В 1936 г. В. вернулся в Калининскую обл., служил в храме в с. Волкове Кушалинского р-на, обязанности псаломщицы в храме исполняла его супруга. 27 июля 1937 г. священник вновь был арестован, заключен в тюрьму в Калинине, обвинен в «антисоветской агитации». Виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Калининской обл. от 27 сент. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 4520–С.
Лит.: *Дамаскин.* Т. 3. С. 227–230.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР (Волков Георгий Нилович; 21.04.1878, дер. М. Палатки Юхновского у. Смоленской губ.— 25.03.1938, полигон Бутово под Москвой, ныне в черте Москвы), прмч. (пам. 12 марта и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), архим. Из крестьян. В 1899–1905 гг. служил писарем в канцелярии Гжатского уездного воинского начальника. В 1906 г. поступил в

Прмч. Владимир (Волков). Внутренняя тюрьма НКВД. Фотография. 1938 г.

пуст. Параклит, приписанную к Троице-Сергиевой лавре, в 1909 г. принял монашеский постриг. В 1912 г. переведен в лавру, в 1920 г. рукоположен во диакона. После закрытия лавры в 1921 г. В. был назначен в церковь в с. Клушино Смоленской губ., к-рая в том же году была закрыта. В апр. 1921 г. переведен в храм во имя вмч. Димитрия в с. Шимонове Можайского у. Московской губ. В 1930 г. В. был рукоположен во иерея, в 1931 г. назначен в клир ц. в честь Нерукотворного образа Спасителя в с. Ивлавском Звенигородского р-на Московской обл., одновременно зачислен техническим сотрудником в редакцию *«Журнала Московской Патриархии»*. 9 июля 1931 г. возведен в сан игумена, 14 апр. следующего года — в сан архимандрита, жил в сторожке при храме. После закрытия ЖМП В. в 1935–1936 гг. работал счетоводом в Патриархии. 21 февр. 1938 г. викарий Московской епархии Дмитровский архиеп. *Сергий (Воскресенский)* предложил В. быть его духовником, а также духовником Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергия (Страгородского)*.

В. был арестован 27 февр. 1938 г., заключен в тюрьму в Можайске. Следователя интересовало, какие отношения В. имел с арестованными в 1937 г. служащими Московской Патриархии: управляющим делами прот. сщмч. *Александром Лебедевым,* келейником митр. Сергия прмч. архим. *Афанасием (Егоровым)* и прмч. архим. *Гавриилом (Яциком)*. В. никого не оговорил, никаких имен не назвал. Он был обвинен «в контрреволюционной деятельности путем высказывания клеветы к руководителям партии и советской власти». Виновным себя не признал. Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Московской обл. от 7 марта 1938 г. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских постановлением Свящ. Синода РПЦ 26 дек. 2001 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. 23173, 56009.
Ист.: Бутовский полигон. Вып. 1. С. 101.
Лит.: ЖНИР: Моск. Янв.—май. Тверь, 2002. С. 222–225.

ВЛАДИ́МИР (Загреба Василий Филиппович; 1870, пос. Кутейниково, ныне Амвросиевского р-на Донецкой обл.— 15.02.1938, Калининская обл.), прмч. (пам. 3 февр. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), иером. Из крестьянской семьи. В 1888 г. поступил в *Нилову Столобенскую в честь Богоявления пустынь* в Осташковском у. Тверской губ., где был пострижен в монашество и в 1914 г. рукоположен во иеромонаха. В 1914–1919 гг. подвизался в *Новосоловецкой Вселуцкой пустыни,* приписанной к Ниловой Столобенской пуст., в 1919 г. перешел в *новоторжский во имя мучеников Бориса и Глеба мон-рь*. После закрытия обители в 1931 г. служил в монастырском храме, обращенном в приходской. 6 июня 1931 г. В. был арестован вместе с др. насельниками Борисоглебского мон-ря, заключен в тюрьму в Калинине, обвинен в «злостной антисоветской и антиколхозной агитации». Виновным себя не признал. Постановлением тройки ОГПУ от 18 июня 1931 г. был приговорен к 3 годам ссылки, к-рую отбывал в Казахстане. В 1934 г. вернулся в Калининскую епархию, архиеп. сщмч. *Фаддей (Успенский)* направил В. в храм с. Славкова Кашинского р-на. 8 сент. 1937 г. В. был переведен в с. Лобково того же района, позднее — в храм Казанской иконы Божией Матери в с. Гущине Кесовогорского р-на.

8 февр. 1938 г. В. был арестован, заключен в тюрьму в Кашине, обви-

Прмч. Владимир (Загреба). Фотография. 1927 г.

нен в «антисоветской агитации». Виновным в предъявленном обвинении себя не признал, на допросе сказал: «Верующим я говорил, что Бога не надо забывать и надо всегда о Нем помнить». Расстрелян по приговору тройки УНКВД по Калининской обл. от 13 февр. 1938 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Тверской обл. Арх. № 9225–С, арх. № 23093–С.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР (Пищулин Владимир Федорович; 6.07.1889, Кострома – 10.02.1938, Симферополь), прмч. (пам. 28 янв. и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), иером. Из дворян. По окончании гимназии в Витебске поступил в 1908 г. на юридический фак-т С.-Петербургского ун-та, осенью того же года перешел в Московский ун-т, где проучился год, после чего вернулся в С.-Петербургский ун-т на историко-филологический фак-т, к-рый окончил в 1914 г. Преподавал в гимназии, читал лекции по психологии в Народном ун-те. С 1917 г. жил в Витебске, где в течение неск. месяцев являлся секретарем губ. комитета кадетской партии. В кон. 1918 г. вернулся в Петроград. Состоял членом Дома ученых, с 27 февр. 1921 г. являлся членом философского об-ва.

24 дек. 1919 г. Пищулин был рукоположен во диакона, 1 янв. следующего года — во иерея, служил в ц. святых Захария и Елисаветы вместе с прот. А. И. *Введенским,* впосл. ставшим одним из основоположников *обновленчества;* одновременно о. Владимир являлся настоятелем Никольской ц. при Доме слепых на Моховой ул. Неоднократно выступал с публичными лекциями в *Петроградском Богословском ин-те,* был введен в корпорацию ин-та, 30 авг. 1921 г. назначен ассистентом кафедры христ. педагогики. Уклонился в обновленчество, был одним из его активных распространителей и апологетов. 31 мая 1922 г. арестован по обвинению в участии «в нелегальной группе, члены которой для разрешения вопросов антисоветского характера собираются на конспиративных квартирах», 26 сент. выслан из Петрограда в Оренбург как «крайне неблагонадежный в политическом отношении». По возвращении в Ленинград 9 дек. 1924 г. был пострижен в рясофор, возведен в сан «архимандрита», 19 дек. 1924 г. назначен и 8 марта 1925 г. в Казанском соборе «хиротонисан» во «епископа Охтенского» обновленческими «митрополитом Ленинградским» *Вениамином (Муратовским),* «митрополитом Московским» *Серафимом (Руженцевым)* и «архиепископом Ладожским» Николаем (Соболевым). Участвовал в 3-м обновленческом соборе 1925 г. с правом решающего голоса. Преподавал догматическое богословие в Ленинградском Богословском ин-те. В нояб. 1925 г. назначен «епископом Псковским», от назначения отказался и ушел на покой.

В. Ф. Пищулин. Фотография. 10-е гг. XX в. (ЦГИА)

14 авг. 1926 г. В. принес покаяние в грехе раскола, архиеп. *Алексием* (*Симанским;* впосл. Патриарх Московский и всея Руси) был присоединен к правосл. Церкви в сане иеромонаха. Благодаря глубоким знаниям, широкой эрудиции и ораторскому дару В. занимал видное место в религ. и общественной жизни Ленинграда. Вел борьбу с обновленцами, полемизировал с А. Введенским. Выступал с докладами на богословские и философские темы в Доме ученых. Состоял в братстве прп. Серафима Саровского, организованном И. М. *Андреевым,* в сент. 1927 г. на заседании братства выступил с докладом о Евхаристии. 7 апр. 1928 г. вместе с др. членами братства В. был арестован, 8 окт. коллегией ОГПУ приговорен к заключению в СЛОН, впосл. сослан в Казахстан на 3 года, в 1933 — нач. 1934 г. жил в г. Мелекессе (ныне Димитровград Ульяновской обл.), где общался с еп. *Вениамином (Троицким).*

По окончании срока ссылки В. был лишен права проживания в крупнейших городах страны и в 1934 г. поселился у родственников в Симферополе. С 1935 г. работал в б-ке Симферопольского педагогического ин-та, сдружился с заведующим б-кой проф. М. П. Поливановым, сыну к-рого читал и объяснял Евангелие. В. также общался с сотрудником Симферопольского краеведческого музея мч. *Димитрием Спиридоновым.* Вел переписку с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергием* (*Страгородским;* впосл. Патриарх Московский и всея Руси) и Ленинградским митр. Алексием (Симанским) о возможной работе на церковном поприще и возвращении в Ленинградскую епархию. В нач. 1937 г. в связи с обострившейся политической обстановкой Поливанов, для того чтобы «переждать волну бдительности», уволил В. из б-ки, дав слово взять его обратно, «как только успокоится»; В. добывал средства на жизнь уроками иностранных языков.

5 июля 1937 г. В. был арестован, обвинен в «контрреволюционной агитации». (Обвинение основывалось на показаниях Б. Н. Шабера, родственника В., от к-рого последний не скрывал своих убеждений. Шабер писал в НКВД: «Политические взгляды Пищулина в период его проживания в Симферополе были крайне реакционны и антисоветские. Он... часто говорил, что в СССР творится антихристово дело, что рост материальной культуры,

техники, образования и тому подобного идет у нас параллельно «с оскудением человеческой личности, порабощением духа, запрещением мыслить, падением и гибелью элементарной нравственности, принижением человеческого достоинства и порабощением всех порывов и высоких стремлений к справедливости»» (Архив ГУ СБУ в Крыму. Д. 015399. Л. 24–25)).

При обыске у В. было изъято 20 книг, 2 епитрахили, 11 блокнотов и 12 тетрадей с записями, ок. 136 писем к различным корреспондентам, медный крест и четки, что составляло почти все его имущество. В. не признал себя виновным в контрреволюционной агитации, однако на допросах не скрывал свое несогласие с политикой властей: «Врагом Советской власти я не являюсь, хотя по некоторым вопросам политики Советской власти я стою на резко отрицательных позициях, т. е. я являюсь противником антихристианской политики Советской власти, а равно и материализма, как отрицающего идею религии... Я заявлял, что смешно и глупо говорить о демократии и свободе, когда самая основа всякой общественной и индивидуальной жизни скована цепями» (Там же. Л. 13). В. был расстрелян по приговору тройки НКВД Крымской АССР от 10 дек. 1937 г.

В 1997 г. Свящ. Синод УПЦ причислил В. к лику местночтимых святых Крымской епархии. Преподобномученик был прославлен к общецерковному почитанию *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 54926 [Личное дело студента СПб. ун-та]; Ф. 678. Оп. 2. Д. 17. Л. 22 [сведения о диаконской и священнической хиротониях]; Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. 1121699; Архив ГУ СБУ в Крыму. Д. 015399. Ист.: *Запольский Е. С., прот.* Письмо б. еп. Владимиру Пищулину // Вестн. Свящ. Синода Правосл. Российской Церкви. 1926. № 12–13. Лит.: *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 // Минувшее: Ист. альманах. М., СПб., 1993. [Вып.] 12. С. 119; *Антонов В. В.* Братство прп. Серафима Саровского: К истории правосл. движения в Петрограде // С.-Петербургские ЕВ. 1996. Вып. 16. Ч. 1. С. 44–49; Ч. 2. С. 93–99; *Левитин, Шавров.* Очерки смуты. С. 21; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Справочник по истории правосл. мон-рей и соборов г. С.-Петербурга 1917–1945 гг. СПб., 1996. С. 51; *они же.* Правосл. храмы С.-Петербурга 1917–1945 гг.: Справ. СПб., 1999. С. 63, 142, 216–217; *Доненко Н., прот.* Претерпевшие до конца: Священнослужители Крымской епархии 30-х гг. Симферополь, 1997. С. 41–47; *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского Богословского ин-та // Минувшее: Ист. альманах. СПб., 1998. [Вып.] 24. С. 486, 540–541; «Обновленческий» раскол. С. 363, 415, 420, 454, 471, 477.

Прот. Николай Доненко

ВЛАДИ́МИР Анатольевич Правдолюбов (22.07.1888, г. Касимов Рязанской губ.– 4.10.1937, Карагандинский ИТЛ), мч. (пам. 21 сент., 10 июня — в Соборе Рязанских святых, в Соборе новомучеников и исповедников Российских). Старший сын сщмч. прот. *Анатолия Правдолюбова*, брат сщмч. иерея *Николая* и священноисп. прот. *Сергия*. В 1898–1903 гг. учился в Касимовском ДУ, затем в Рязанской ДС. В 1909 г. стал студентом КДА, к-рую окончил в 1913 г. со степенью канд. богословия за соч. «Вероучение, воззрения на обрядовую сторону религии и нравственное учение книги пророка Иеремии» (частично опубл.: Ученобогосл. опыты студентов КДА. К., 1913. Вып. 11. С. 262–306). С 1913 г. преподаватель рус. языка в Житомирской учительской семинарии, одновременно лектор в народном ун-те, в 1916 г. избран директором семинарии. В 1917–1922 гг. возглавлял трудовую школу в Житомире. В 1922–1929 гг. заведовал детским домом в Москве, преподавал в Объединенной школе краскомов им. ВЦИК в Кремле, являлся научным работником Наркомпроса, написал неск. работ по детской психологии. В 1929 г. состоял приват-доцентом Высших педагогических курсов при 2-м МГУ, старшим ассистентом психотехнической лаборатории, научным сотрудником Ин-та методов школьной работы.

Мч. Владимир Правдолюбов. Фотография. Ок. 1916 г.

В. не скрывал свою веру, почитание Патриарха св. *Тихона*. В 1924 г. по ходатайству В. свт. Тихон принял прот. Анатолия и прот. Сергия Правдолюбовых и подарил свою фотографию с дарственной надписью. После издания в 1927 г. Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергием (Страгородским)* и Временным Патриаршим Синодом *«Декларации»* В. не присоединился к *непоминающим*, но одно время не подходил под благословение отца, поминавшего за богослужением митр. Сергия. Позднее влияние отца и брата и твердость в исповедании веры мн. др. сторонников митр. Сергия привели В. к убеждению в том, что надо иметь общение и со сторонниками и с противниками последнего. В. был женат, но семейная жизнь не сложилась. После развода он не стал принимать монашество: есть данные, что священноначалие обращалось к нему с таким предложением, но он не решился на этот шаг.

4 июня 1929 г. В. был арестован по обвинению в «злостной антисоветской агитации и пропаганде, участии в «Союзе русского народа» и контрреволюционном заговоре». Особым совещанием при Коллегии ОГПУ осужден на 3 года ИТЛ. Отбывал наказание в СЛОН, через год был отправлен в ссылку в г. Вельск Северного края, работал в больнице помощником врача, преподавал на курсах для медперсонала.

После окончания срока ссылки В. жил в Горьком (ныне Н. Новгород), занимался лит. трудом, участвовал в организации Горьковской психотехнической лаборатории. С весны 1933 по авг. 1934 г. жил в Касимове, преподавал в индустриальном техникуме. В этот период В. составил жизнеописание касимовских местночтимых подвижников благочестия царевича Иакова (XVII в.) и Петра Отшельника (сер. XIX в.). Вместе с братом свящ. Николаем В. составил подробное жизнеописание блж. *Матроны Анемнясевской*, для чего ездил к ней в дер. Анемнясево Бельковского р-на Московской обл. (ныне Касимовского р-на Рязанской обл.). С авг. 1934 г. В. работал преподавателем в техникуме и образцовой школе в Горьком. В начале лета следующего года приезжал в Москву для лечения, после к-рого уехал в Куйбышев, но устроиться там на работу не смог. С 1 сент. 1935 г. В. преподавал в педагогическом техникуме в г. Сергаче Горьковского края.

Мч. Владимир Правдолюбов. Икона. 2000 г.

25 сент. 1935 г. В. был арестован, проходил сначала по одному делу с касимовскими священнослужителями и блж. Матроной, потом его дело было выделено в отдельное. В. был обвинен в том, что «являлся активным участником контрреволюционной церковно-монархической группировки церковников... в контрреволюционных целях для создания авторитета и прославления «блаженной Матреши» и «царевича» Касимовского Иакова написал подробное их жизнеописание... организовывал массовое паломничество на его [царевича Иакова.– *прот. С.*] могилу, где участники группы обрабатывали верующих в антисоветском духе». 26 нояб. 1935 г. В. был приговорен к 5 годам ИТЛ, 2 дек. отправлен в Карагандинский ИТЛ, где работал помощником лекаря.

В 1937 г. В. был арестован в лагере по обвинению в том, что вместе с архим. прмч. *Маврикием (Полетаевым)* «создал контрреволюционную группу, которая под руководством Полетаева систематически собиралась, проводила богослужения, распространяла контрреволюционные и религиозные настроения среди лагерников». Виновным в участии в «контрреволюционной группе» В. себя не признал, на допросах сказал, что имеет Библию. Расстрелян вместе с архим. Маврикием и мч. *Василием Кондратьевым* по приговору тройки УНКВД по Карагандинской обл. от 28 сент. 1937 г. Прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: Архив УФСБ по Рязанской обл., Д. 10719. Т. 1. Л. 1-274. Т. 2. Л. 1–311 [Касимов, 1935 г.]; Д. 10338; Архив ДКНБ по Карагандинской обл. Д. 2060.

Соч.: История письма. М., 1924; К вопросу о влиянии разнообразия раздражителей на процессы воображения // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1924. Т. 4; Кино и учащиеся // На путях к новой школе. 1927. № 2; Опыт педологического подхода к вопросу о детском кинорепертуаре // Путь просвещения. 1928. № 5–6; Спроба педологічному підходу до питання про дитячий кіно-репертуар // Кіно та школа: Зб. ст. [Б. м.],1928; Кино и наша молодежь: На основании данных педологии. М., 1929; Кинокартина и школьник: Опыт педологич. проработки кинокартины «Багдадский вор». М., 1929; Житие и Акафист св. блж. Матроне Анемнясевской, в Рязанской земле просиявшей. М., 2001[2] [Совместно со свящ. Николаем Правдолюбовым]; Путевые записки о путешествии из Касимова в Саров летом 1903 г. на открытие и прославление мощей прп. Серафима Саровского. М., 2004 (в печати).

Лит.: *Правдолюбов В., прот.* Религиозная история Касимова. Касимов, 2000; *Правдолюбов С., прот.* Крест Правдолюбовых: Три века служения Вере и Отечеству // «Труд-7». 2001. № 15. С. 20; *он же.* Завещание соловецкого узника и исповедника // ЖМП. 2003. № 2. С. 67; *Весёлкина Т.* Обитель особого назначения // Новая газета: Рязанск. еженед. Вып. 2001. № 7. С. 19; Кровь мучеников — семя Христово // Мир Православия: Ежемес. газета. Таллин, 2001. № 6 (39). Июнь; Сщмч. Анатолий Касимовский: (Прот. Анатолий Правдолюбов) // Были верны до смерти...: Кн. памяти нмч. и исповедников Рязанских XX в. Рязань, 2002. Т. 1. С. 128–133, 161–162; *Правдолюбов М., прот.* Владимир Анатольевич Правдолюбов // Мир Православия. Таллин, 2004. № 9 (78). Сент. (в печати).

Прот. Сергий Правдолюбов

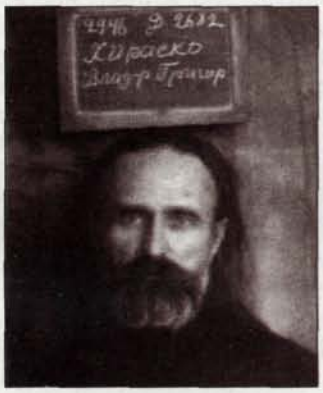
ВЛАДИ́МИР Егорович Ушков (1885, с. Конобеево Бронницкого у. Московской губ.– 21.03.1942, ст. Плесецкая Северной железной дороги), мч. (пам. 8 марта и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), псаломщик. Из крестьян. Окончил сельскую школу. В 1914 г. был призван на фронт, после ранения потерял руку. С 1917 г. имел мастерскую по выделке пуговиц. В 1930 г. В. являлся старостой в Троицкой ц. в с. Конобееве. 2 февр. 1930 г. он был арестован по обвинению в неуплате налогов (к этому времени все имущество В. уже было изъято властями), заключен в тюрьму в Коломне, приговорен к 5 годам ИТЛ с последующими 5 годами ссылки. В. обжаловал приговор, 25 апр. он был освобожден. Вернувшись в село, продолжал исполнять обязанности церковного старосты, во 2-й пол. 30-х гг. служил при храме псаломщиком.

В. был вновь арестован 19 янв. 1938 г., после непродолжительных допросов в районной тюрьме переведен в Таганскую тюрьму в Москве, обвинен в агитации против колхозов. Виновным себя не признал. Постановлением особого совещания при НКВД В. был приговорен к 5 годам ИТЛ. Мученик отбывал срок в Онеглаге (Архангельская обл.), где скончался. Включен в Собор новомучеников и исповедников Российских определением Свящ. Синода РПЦ 6 окт. 2003 г.

Арх.: ГАРФ. Ф. 10035. Д. П–48321.

Игум. Дамаскин (Орловский)

ВЛАДИ́МИР Григорьевич Хираско (11.01.1874 – 1933, г. Гжатск, ныне Гагарин Смоленской обл.), священноисп. (пам. 15 окт., в Неделю 3-ю по Пятидесятнице — в Соборе Белорусских святых и в Соборе новомучеников и исповедников Российских), прот. Из семьи священника. Окончил Подольскую ДС, преподавал в церковноприходских школах в дер. Киевец Минского у.,

Священноисп. Владимир Хираско. Фотография. 1929 г. (Архив ПСТБИ)

затем в мест. Туров. В 1899 г. был рукоположен во иерея, служил настоятелем Спасо-Вознесенской ц. в с. Омельне, с 1906 г.– настоятелем Свято-Георгиевской ц. в с. Юревичи Игуменского у. Минской губ., одновременно преподавал в народном уч-ще и в церковноприходской школе. С 1911 г. настоятель ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в Минске при уч-ще слепых, одновременно преподавал Закон Божий в муж. и жен. городских гимназиях, трудился в епархиальном попечительстве о бедных духовного звания. В 1915–1922 гг. состоял в причте храма в честь Казанской иконы Божией Матери. В 1919 и 1920 гг. подвергался кратковременным арестам. С 1923 г. вновь являлся настоятелем Скорбященской ц.

В кон. 1925 г. В. вместе с прихожанами выступил в защиту Минского и Белорусского митр. *Мелхиседека (Паевского)*, высланного из Минска за противодействие *обновленчеству*. В. был арестован 29 дек. того же года по ложному обвинению в связях с генеральным консульством Польши, в марте 1926 г. приговорен к 3 годам ссылки в Орёл. 12 марта 1929 г. вернулся в Минск. Совершив неск. богослужений в Скорбященской ц., в нач. апр. того же года снова был арестован, обвинен в «контрреволюционной деятельности» (одной из причин ареста были планы властей по сносу храма и строительству на его месте Дома правительства, что и было вскоре осуществлено). В. виновным себя не признал. По постановлению особого совещания ОГПУ от 26 июля 1929 г. был выслан на 3 года в Сибирь, за время ссылки почти ослеп. Освобожден в 1932 г., умер спустя неск. месяцев. Канонизирован в лике местночтимых святых деянием Синода Белорусской Православной Церкви 28 окт. 1999 г. К общецерковному почитанию прославлен *Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 г.*

Арх.: ЦА КГБ РБ. Д. № 33935-с.

Лит.: *Кривонос Ф., свящ.* Священномученики Минской епархии XX в. // Ежег. богосл. конф. ПСТБИ: Мат-лы. М., 2000. С. 268–270.

Свящ. Феодор Кривонос

ВЛАДИ́МИР (ок. сер. IX в.– 893), болг. князь (889–893). Старший сын св. равноап. кн. *Бориса*. Имел двойное имя — протоболг. Расате и слав. Владимир. Имя, данное В. при Крещении, неизвестно. Впервые упоминается как Расате в помяннике, написанном участниками болг. посольства в Рим (866) на чистых листах *Чивидальского Евангелия*.

Как наследник престола неудачно руководил походом против сербов в 870 г. и попал в плен вместе с 12 «великими боярами». Беспокоясь об участи сына, кн. Борис был вынужден заключить мир с сербами. В. взошел на престол после отречения от власти и ухода в мон-рь отца. Источники о правлении В. крайне скупы. Греческие (Пространное житие свт. Климента Охридского, написанное Феофилактом, архиеп. Охридским) и славянские («Чудо о кресте и болгарине» в составе цикла чудес вмч. Георгия, написанного иноком Христодулом, восходящее к устному рассказу нач. X в. болг. монаха Георгия) сообщают лишь о его вокняжении и с одобрением, но без объяснения причин о свержении с престола. В хронике *Регинона Прюмского* отмечено, что В. далеко отступил от отца в приверженности к вере, совершал грабежи, проводил время в пьянстве, пиршествах и разврате и всеми средствами стремился вернуть новопросвещенный болг. народ к языческим обрядам. Сочетание этих известий с упоминанием о «мучениках нашего рода», пострадавших от различных казней, но не отвергшихся Христовой веры, в 43-й беседе Учительного Евангелия современника событий еп. Преславского Константина (см.: *Антоний (Вадковский), архиеп.* Из истории христианской проповеди: Очерки и исслед. СПб., 1895². С. 227–228) дает основания считать, что правление В. ознаменовалось попыткой реставрации язычества в Болгарии. Показательным в этом смысле представляется также молчание всех источников о христ. имени В. В своих действиях князь, по всей вероятности, опирался на поддержку представителей протоболг. аристократии, сопротивлявшейся принятию новой религии еще при Крещении страны св. кн. Борисом. В течение осени 892 — весны 893 г. В. вел переговоры с прибывшим в Плиску посольством герм. кор. Арнульфа о возобновлении военно-политического союза, направленного против *Великой Моравии*. В 893 г. В. был свергнут с престола оставившим мон-рь отцом, по др. версии — младшим братом Симеоном с благословения отца, ослеплен и заключен в темницу, где вскоре умер. Мнение совр. болг. исследователей (И. Дуйчев, И. Божилов, В. Гюзелев, И. Илиев), что главной причиной свержения В. была его прозап. и антивизант. политическая ориентация, носит чисто спекулятивный характер — известия источников, в т. ч. латинских, не дают оснований для подобных заключений.

Лит.: *Трифонов Ю.* Достоверен ли е разказът за ослепяването на Борисовия син Владимир? // Училищен преглед. 1927. Кн. 5/6. С. 864–890; *Божилов И.* Цар Симеон велики (893–927): Златен век на Средновековна България. София, 1983. С. 38–40; *Гюзелев В.* Владимир // КМЕ. Т. 1. С. 449–450; *Андреев Й.* Българските ханове и царе VII–XIV в. София, 1988. С. 60–61; История на България. София, 1999. Т. 1. С. 221–225; *Илиев И. Г.* Управление на кн. Расате (Владимир) (889–893): Един неуспешен опит на европейска интеграция във външна политика на България // Средновековна християнска Европа: Изток и Запад: Ценности, традиции, общуване. София, 2002. С. 407–410.

А. А. Турилов

ВЛАДИ́МИР († 1546), иконописец — см. ст. *Дионисий*, иконописец.

ВЛАДИ́МИР (Алявдин Василий Федорович; 28.07.1791, Владимир — 20.05.1845, Тобольск), еп. Тобольский и Сибирский. Сын священника,

Владимир (Алявдин), еп. Тобольский. Портрет. 40-е гг. XIX в. (РГИА)

служившего во *владимирском Княгинином жен. мон-ре*. С мая 1799 г. учился во Владимирской ДС, с марта 1812 г. преподавал в семинарии франц. язык. 11 марта 1812 г. подал прошение Владимирскому и Суздальскому еп. *Ксенофонту (Троепольскому)* о пострижении в монашество, однако вскоре обратился с просьбой не совершать пострига ранее, нежели он достигнет 30 лет. В 1814 г. поступил в МДА, к-рую окончил в 1818 г. со степенью магистра и получил назначение в Пензенскую ДС профессором философии, древнеевр. языка и инспектором. Затем исполнял должность ректора Пензенского ДУ, в кон. 1820 г. переведен инспектором, профессором философии и франц. языка во Владимирскую ДС. 7 янв. 1827 г. пострижен в монашество архим. Никодимом в *Боголюбском в честь явления Боголюбской иконы Божией Матери мон-ре*, 20 янв. Владимирский еп. *Парфений (Чертков)* рукоположил В. во иеромонаха и определил строителем Сольбинской во имя свт. Николая Чудотворца пуст. 15 окт. того же года В. был переведен в С.-Петербург инспектором ДС и профессором философии и толкования Свящ.

Писания, исполнял также должность ректора Александро-Невского ДУ. 29 янв. 1828 г. возведен в сан архимандрита и назначен действительным членом конференции СПбДА. 25 сент. 1829 г. назначен ректором и профессором богословия в Калужскую ДС и настоятелем Доброго мон-ря близ Лихвина. 5 дек. 1834 г. вызван в С.-Петербург на чреду священнослужения.

20 янв. 1835 г. в Свято-Духовской ц. Александро-Невской лавры состоялась хиротония В. во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, к-рую возглавил С.-Петербургский митр. *Серафим (Глаголевский)*. 26 сент. 1836 г. В. был перемещен на Костромскую кафедру. Вел борьбу со старообрядчеством, восстановил *Ипатиевский во имя Св. Троицы мон-рь*, создал причетнические школы. В 1838 г. награжден орденом св. Анны 1-й степени.

14 нояб. 1842 г. В. определено быть епископом Тобольским. В Тобольске попечением архиерея была восстановлена Крестовая ц. архиерейского дома, обновлен теплый собор, обустроены Архангельский и Захариевский храмы, выстроен загородный архиерейский дом с каменной церковью.

В. активно занимался миссионерской деятельностью. В 1844 г. в *Кондинском во имя Св. Троицы мон-ре* была организована миссия для христ. просвещения хантов и саамов. Ранее, в 1842–1843 гг., Святейший Синод вызвал из 5 епархий желающих поступить миссионерами в Кондинский мон-рь. Иноки открыли в обители школу, в 1844 г. в нее поступили 10 мальчиков-хантов и 10 русских из с. Кондинского. Подобные школы были открыты также в селах Сухоруковское, М. Атлымское и Белогорье. Прот. Иоанн Заборовский создал школы при храмах в селах Ларьятское, В. Лумпакольское, Ваховское и М. Юганское, где в общей сложности обучались 29 хантов и саамов. За 3 года управления В. епархией приняли Крещение ок. 100 евреев (преимущественно из кантонистов), неск. мусульман из казахов и татар, к Православию присоединилось нек-рое число старообрядцев-*беглопоповцев*, живших на пермско-уральских окраинах Тобольской губ.

В. отличался ревностью в ведении епархиальных дел, всех просителей независимо от социального положения принимал лично. Большое внимание уделял делам благотворительности, имел дар проповедничества. В февр. 1845 г. простудился во время молебна при открытии ярмарки в Тюмени. Почувствовав упадок сил, послал в Синод прошение об увольнении на покой в Боголюбский мон-рь. 22 марта написал духовное завещание, 7 апр. составил прощальное слово к своей пастве. Согласно завещанию, погребен в Крестовой ц. загородного архиерейского дома (по др. данным, в Преображенской ц. Тобольска).

Соч.: Жизнеописание преосв. Иннокентия (Смирнова), еп. Пензенского. СПб., 1821; *Описание* Киево-Златоверхого Михайловского мон-ря со сказанием о мощах и жизни вмц. Варвары. К., 1834, 1835[2]; Церк. год, или собр. воскресных поучений, говоренных народу в 1835, 1836 и 1837 гг. СПб., 1838. 2 ч.; Собр. поучительных слов, говоренных в разные времена и в разных местах с присовокуплением христианского месяцеслова. М., 1838. 2 ч.

Арх.: *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 88.

Лит.: *Сулоцкий А. И., прот.* Преосв. Владимир, еп. Тобольский и Сибирский // Странник. 1861. № 11. С. 165–184; *он же.* Доп. к биографии преосв. Владимира. СПб., 1862; *он же.* Тобольские и Томские архипастыри. Омск, 1881. С. 16; *он же.* Соч.: В 3 т. / Под ред. В. А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 2. С. 393–421; *Леонид (Кавелин), иером.* Историч. церкви в пределах нынешней Калужской губ. и Калужской епархии. Калуга, 1876. С. 210; *Бутуржен М. Д.* Записки // РА. 1897. Кн. 2. Вып. 8. С. 592–595; *Нестор (Анисимов), митр.* Православие в Сибири // Свет Христов просвещает всех: Сб. Новосиб., 2000. С. 507.

А. И. Алексеев

ВЛАДИ́МИР (Благоразумов Иосиф Иванович; 03.04.1845, Пензенская губ.— 25.09.1914, г. Нежин Черниговской губ.), еп. Благовещенский и Приамурский. Из семьи диакона. После окончания Пензенской ДС 14 нояб. 1866 г. рукоположен во священника к храму в г. Городище Пензенской губ. Во время русско-тур. войны 1877–1878 гг. принимал активное участие в деятельности местного отд-ния об-ва Красного Креста. В 1877 г. овдовел. В 1878–1882 гг. учился в КазДА на одном курсе с буд. церковным археологом А. А. *Дмитриевским*. По окончании курса со степенью канд. богословия за соч. «Учение о лице Иисуса Христа св. Афанасия Александрийского» (НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 430) назначен смотрителем во 2-е Пензенское (впосл. Тихоновское) ДУ. В 1885 г. определен смотрителем в единое Пензенское ДУ (образовалось после слияния 1-го и 2-го уч-щ), при к-ром организовал общежитие и об-во вспомоществования недостаточным воспитанникам. В обоих уч-щах Благоразумов устроил храмы. В 1887 г. он перешел в Волынскую ДС преподавателем Свящ. Писания. 14 авг. 1888 г. пострижен в монашество. Обратил на себя внимание чтениями по религиозно-нравственным вопросам в г. Кременце Волынской губ., был избран председателем совета Богоявленского Свято-Николаевского братства и редактором газ. *«Почаевский листок»*. В 1891 г. переведен в Кишинёвскую ДС преподавателем Свящ. Писания; был членом кишинёвского миссионерского об-ва и Трехсвятского братства. 31 дек. 1896 г. утвержден в степени магистра богословия, 1 дек. 1897 г. определен старшим членом С.-Петербургского духовно-цензурного комитета с возведением в сан архимандрита.

Владимир (Благоразумов), еп. Благовещенский. Фотография. Нач. XX в. (РГИА)

20 янв. 1901 г. назначен, 4 февр. хиротонисан во епископа Сарапульского, 1-го викария Вятской епархии, 5 апр. 1902 г. перемещен на Михайловское вик-ство Рязанской епархии. 3 нояб. 1906 г. назначен на Благовещенскую кафедру. По болезни 22 мая 1909 г. уволен на покой с управлением *Теребенской во имя свт. Николая Чудотворца пустынью*, нек-рое время жил в *Макариевом калязинском во имя Св. Троицы мон-ре*, с 9 нояб. 1912 г. являлся настоятелем *нежинского в честь Благовещения Пресв. Богородице мон-ря*, где много трудился над благоустройством храма. Погребен в мон-ре.

Известен как строгий администратор. Многочисленные проповеди

и статьи В. историко-повествовательного и общеназидательного характера печатались в «Волынских ЕВ», «Почаевском листке», «Церковном вестнике», «Духовном вестнике», «ЦВед». Награжден орденами св. Анны 2-й и 1-й степени, св. Владимира 3-й степени.

Соч.: Религиозно-нравственные чтения и собеседования при Волынской ДС // Волынские ЕВ. 1888. № 11. С. 423–429; Вечерние духовно-назидат. чтения в Почаевской лавре // Там же. № 31. С. 1150–1157; Столетие архиерейской кафедры в г. Ярославле 6 мая 1788–1888 гг. Ярославль, 1888; Внебогослужебные собеседования в Св.-Николаевском соборном храме в г. Кременце // Волынские ЕВ. 1889. Ч. неофиц. № 10. С. 263–271; № 11/12. С. 283–290; № 31. С. 771–790; Торжество 50-летия воссоединения униатов с Православной Церковью – в г. Кременце // Там же. № 19. С. 461–470; Несколько мыслей по поводу воссоединения с Православной Церковью чехов в с. Волковыях Дубенского у. // Там же. № 21. С. 514–526 (то же // ПрибЦВ. 1890. № 1. С. 18–21); Обращение римско-католического кармелитского жен. мон-ря в г. Дубне в правосл. обитель // Там же. № 33. С. 1117–1128; № 34. С. 1168–1177; Житие св. блгв. князей Феодора и чад его Давида и Константина Ярославских, чудотворцев. СПб., 1889, 1895[2]; Св. Афанасий Александрийский: Его жизнь, учено-лит. и полемико-догматич. деятельность: Магист. дис. Кишинев, 1895 (отзыв Л. Писарева см.: Протоколы КазДА. 1896. С. 510–512; ЦВед. 1896. С. 1547–1548); Всякое дыхание да хвалит Господа. [СПб.], 1897; Иосиф Семашко, митр. Литовский и Виленский, его заслуги для Правосл. Церкви. СПб., 1900[3]; Великое дело освобождения южных славян от турецкого ига: Сл., поучения и речи по поводу событий 1876–1878 гг. СПб., 1900[2]; Торжество креста Христова над неверными. СПб., 1900; Христ. взгляд на гостеприимство. СПб., 1900; Христ. милосердие в наши дни. СПб., 1900; Основы христ. воспитания детей. СПб., 1900; Пастырские труды за 35 лет служения св. Церкви (1866–1901 гг.): Избр. проповеди и статьи религ.-нравств. содерж. СПб., 1901. 2 ч.; Чудотворная икона Божией Матери, именуемая «Избавительницею». СПб., 1902. Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 439. № 242; *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 89.

Лит.: *Терновский С. А.* Историческая зап. о состоянии КазДА (после ее преобразования), 1870–1892. Каз., 1892; *Антоний (Вадковский), митр. С.-Петербургский.* Речь при вручении жезла новохиротонисанному еп. Владимиру // ПрибЦВед. 1901. № 6. С. 189–195; Наречение и хиротония архим. Владимира во еп. Сарапульского // Там же. С. 205–206; Памяти почившего епископа // ВиЖ. 1914. № 21. С. 7–8.

Т. А. Богданова

ВЛАДИ́МИР (Боберич Владислав; 3.11.1873, дер. Српска-Кларија (совр. Радоево, Воеводина, Сербия) – 17.02.1918, Будапешт) еп. Бока-Которский. Род. в семье свящ. Младена и Анеты, племянницы Патриарха Сербского *Самуила (Маширевича)*. Начальное образование получил во Враневе (совр. г. Нови-Бечей), затем окончил гимназию в г. Нови-Сад. В 1897 г. окончил семинарию в г. Сремски-Карловци. По приглашению митр. Дабро-Босанского *Николая (Мандича)* переехал в Сараево, где преподавал в гимназии Закон Божий. Принял монашество в мон-ре Озрен, был рукоположен во пресвитера. Преподавал в Релевской семинарии. 10 окт. 1911 г., будучи и. о. ректора семинарии, был назначен епископом Бока-Которским. Был знатоком канонического права, публиковался в разных изданиях («Српски Сион», «Источник»), составил Катехизис для младших классов гимназии. Написал неск. церковно-музыкальных сочинений. Был автором поэтических и прозаических произведений, к-рые публиковал с 1890 г. под псевдонимами Младенов и Владислав. Похоронен во Враневе.

Лит.: Leksikona pisaca Jugoslavije. Novi Sad, 1972. Knj. 1. S. 259; *Слијепчевић.* Историја. Књ. 2. С. 554–555; Српски јерарси. С. 90–91.

В. И. Косик

ВЛАДИ́МИР (Буковский; XVIII в.), еп. «пределов Зетских» (т. е. Черногорских). Русский по происхождению, В. был рукоположен во иеромонаха неким Угро-Влашским митр. Даниилом. Принадлежал к т. н. «вселенским монахам», к-рые не имели постоянного места служения и переходили с места на место, совершая по возможности службы. 1 апр. 1752 г. уже в сане архимандрита получил от Печского Патриарха *Афанасия II (Гавриловича)* разрешение на сбор в серб. епархиях пожертвований на мон-рь Дионисиат на Афоне. Митр. Скендерийский *Савва (Петрович)* и митр. Черногорский *Василий (Петрович Негош)* рукоположили В. во «епископа пределов Зетских, которые находятся в их епархии», 30 окт. 1756 г. они подтвердили его хиротонию. При этом В. «как великоросс» получил от них полномочия, в случае если турки разграбят Черногорию и «победят или убьют» владык, передать в Россию на сохранение дары имп. Петра Великого и его дочери Елизаветы Цетинскому мон-рю.

В 1757 г., в период очередного военного обострения отношений между Черногорией и Портой, В. прибыл в Россию. Здесь ему было запрещено служение и выход из стен Симонова мон-ря. 7 окт. 1757 г. Синод Русской Церкви принял решение, что В. не может именоваться епископом, т. к. хиротонисавшие его черногорские архиереи допустили ряд канонических ошибок. Одновременно Синод определил изгнать В. из России с запрещением именоваться архиереем. О принятом решении был поставлен в известность Печский Патриарх, в юрисдикцию к-рого входила Черногория, вероятно *Викентий (Стефанович)*.

Лит.: *Димитријевић Ст.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // ССКА. 1922. Т. 53. С. 78–81; Српски јерарси. С. 90.

В. И. Косик

ВЛАДИ́МИР (Горьковский Василий Петрович; 2.08.1864, дер. Нащёкино Бобровского у. Воронежской губ.– 18.02.1938, Ульяновск Куйбышевской обл.), еп. Мелекесский, вик. Ульяновской епархии. Из семьи священника. Окончил Воронежскую ДС, затем КДА (1889) со степенью канд. богословия. (Кандидатское соч. В. «О брачном состоянии клириков в христианской Церкви» – вызвало неоднозначные оценки: по мнению рецензентов, в нем содержались «не вполне взвешенные суждения».) В нояб. 1889 г. В. был назначен преподавателем рус. языка в Павловское ДУ Воронежской епархии, 9 дек. того же года рукоположен во иерея, с 1893 г. помимо работы в ДУ преподавал Закон Божий в Воронежской жен. гимназии. С окт. 1893 г. являлся настоятелем Тихоновско-Онуфриевской ц. в Воронеже. 15 марта 1902 г. возведен в сан протоиерея. В сент. 1912 г. назначен смотрителем Петропавловского ДУ. С 1918 г. настоятель воронежской Рождество-Богородицкой (Пятницкой) ц., с 1920 г. настоятель Владимирского собора в г. Валуйки Воронежской губ. По нек-рым сведениям, в нач. 20-х гг. уклонялся в *обновленчество* (Акты свт. Тихона. С. 407). В 1923 г. в Валуйках был арестован, обвинен в сокрытии церковных ценностей, осужден на 2 года лишения свободы.

Овдовев, в 1926 г. принял монашество, 18 сент. 1927 г. в Москве в ц. во имя сщмч. Трифона состоялась хиротония В. во епископа Богучарского, викария Воронежской епархии, к-рую возглавил Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергий (Страгородский)*. В 1928 г. В. осудил попытку Козлов-

ского еп. *Алексия (Буя)*, в то время управлявшего Воронежской епархией, выступить против церковной политики митр. Сергия. 19 марта 1928 г. В. был переведен на Керченское вик-ство Таврической епархии, 14 марта следующего года — на Акмолинское вик-ство Петропавловской епархии. В том же году он был назначен епископом Вяземским, викарием Смоленской епархии. С 11 авг. 1932 г. еп. Каменец-Подольский, временно управлявший Донской епархией, 29 июля того же года возглавил Каменское вик-ство той же епархии. С 3 апр. 1933 г. еп. Ржевский, викарий Калининской епархии, с 24 авг. того же года еп. Кунгурский, викарий Пермской епархии, 30 янв. 1935 г. переведен на Сарапульское вик-ство Кировской епархии.

4 нояб. 1935 г. В. стал епископом Ульяновским и Мелекесским. Служил в Никольской ц. в г. Мелекессе. Арестован 29 июля 1937 г., заключен в тюрьму в Мелекессе. Обвинен в том, что «в начале 1936 г. в лице церковных советов создал в Мелекессе и селах Мелекесского р-на церковную контрреволюционную организацию, которая входила в церковно-контрреволюционный блок наряду еще с двумя церковными организациями, действующими в Куйбышевской области, под руководством ссыльного епископа Вениамина Троицкого и священника обновленческой ориентации в г. Мелекессе Георгиевского Александра Дмитриевича... Основной задачей контрреволюционной организации под руководством Горьковского В. П. была деятельность, направленная на открытие церквей и возобновление службы в них... Во время уборки хлебов организовывал в селах торжественные службы в церкви... Настаивал на освобождении церквей, занятых колхозным хлебом, собирал подписи об открытии церквей, осуществлял сбор денег на ремонт церквей». В. обвинялся также в сборе «шпионских сведений», для чего якобы «установил связь с сектантскими проповедниками, баптистами-евангелистами в немецких колониях Кошкинского района» (УФСБ по Ульяновской обл. Д. П–1348. Т. 1. Л. 3, 13, 15). На допросах В. не отрицал, что в качестве Ульяновского епископа вел работу по открытию храмов, посылал священников для организации приходов в селах. Однако архиерей отказался признать свое участие в к.-л. «контрреволюционной организации».

В. был расстрелян по постановлению тройки УНКВД по Куйбышевской обл. от 30 дек. 1937 г. Реабилитирован определением военного трибунала Приволжского военного округа от 30 марта 1956 г. на основании заключения военного прокурора Приволжского военного округа от 30 дек. 1955 г. о том, что «следствие проводилось с грубейшим нарушением закона»; в реабилитационных материалах указано, что В. виновным себя не признал.

Соч.: Историч. очерк Тихвинско-Онуфриевской ц. г. Воронежа. Воронеж, 1908.
Арх.: УФСБ по Ульяновской обл. Д. П–1348. 2 т.
Ист.: Извлеч. из протоколов совета КДА за 1888/89 учеб. г. К., 1889. С. 231–234 [о канд. соч. В.]; Акты свт. Тихона. С. 407, 967.
Лит.: *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Ч. 2. С. 210–211; *Акиньшин А. Н.* Храмы Воронежа. Воронеж, 1994; *Дмитриев В., свящ.* Симбирская Голгофа (1917–1938). Ульяновск, 1996. С. 76–77.

Ж. Р. Багдасарова, Н. Ю. Васильева

ВЛАДИ́МИР (Иким Василий Захарович; род. 1.02.1940, с. Нов. Варзарешты (молдав. Вэрзэрешть-Ной) Каларашского (Кэлэрашского) р-на, Молдавия), митр. Ташкентский и Среднеазиатский. Из крестьянской семьи. С раннего детства совершал паломничества по мон-рям Молдавии, часто оставаясь в них на послушание. В 1958 г. по окончании школы поступил в Одесскую ДС. В 1959–1961 гг. служил в Советской Армии. После демобилизации продолжил обучение в Одесской ДС, нес послушание иподиакона у Одесского и Херсонского митр. *Бориса (Вика)*. В 1963–1967 гг. учился в МДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия за соч. «Исихастские споры в XIV в. в Византии». 27 июля 1965 г. наместником ТСЛ архим. *Платоном (Лобанковым)* пострижен в монашество с именем в честь равноап. кн. Владимира. 1 авг. того же года в *Богоявления Господня соборе* Москвы митр. Крутицким и Коломенским *Пименом (Извековым,* впосл. Патриарх Московский и всея Руси) рукоположен во диакона, 4 февр. 1966 г. ректором МДА Дмитровским еп. Филаретом (см. ст. *Денисенко* М. А.) — во иеромонаха.

Владимир (Иким), митр. Ташкентский. Фотография. 2002 г.

С 1968 г. В. проходил стажировку в ОВЦС, занимался вопросами диалога с римо-католиками. В 1971 г. окончил аспирантуру при МДА, возведен в сан игумена и назначен референтом ОВЦС. В 1978 г. направлен в клир Чехословацкой ПЦ, нес послушание настоятеля храма во имя апостолов Петра и Павла в Карловых Варах, к-рый по инициативе В. был передан РПЦ в качестве подворья. 1 апр. 1979 г. возведен в сан архимандрита.

26 июня 1985 г. В. определено быть епископом Подольским, викарием Московской епархии, с обязанностями представителя МП при Чехословацкой ПЦ. Хиротония В., возглавленная Патриархом Пименом, состоялась 30 июня 1985 г. в Богоявленском соборе Москвы. В 1988 г. В. был освобожден от должности представителя МП при Чехословацкой ПЦ и назначен заместителем председателя ОВЦС МП. В 1989 г. осуществлял организацию празднования 400-летия Патриаршества на Руси. Возглавлял штаб по проведению *Поместного Собора РПЦ 1990 г.*

20 июля 1990 г. назначен епископом Ташкентским и Среднеазиатским, 25 февр. следующего года возведен в сан архиепископа, 25 февр. 2002 г.— в сан митрополита. В. была вверена одна из самых обширных епархий РПЦ, в к-рую входят республики Узбекистан, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан. На новой кафедре В. столкнулся с проблемой нехватки духовенства: на 56 приходах епархии не хватало 35 священнослужителей. Поэтому среди первых шагов архиерея было открытие Ташкентского ДУ, преобразованного в апр. 1998 г. в ДС. К 2003 г. число приходов в епархии

возросло до 105, клир епархии составили 133 священнослужителя. В наст. время в Ташкенте и Бишкеке создаются правосл. духовно-адм. центры, включающие в себя ряд просветительских и благотворительных учреждений. Стараниями В. в епархии возрождается монашеская жизнь. 25 окт. 1990 г. был возобновлен *ташкентский Троице-Никольский жен. мон-рь*, в июне 1998 г. одно из подворий обители было преобразовано в *дустабадский в честь Покрова Пресв. Богородицы жен. мон-рь*. В 1996 г. основан *чирчикский во имя вмч. Георгия муж. мон-рь*, открыты 2 жен. мон-ря: *ашхабадский во имя свт. Николая Чудотворца* и *Казанской иконы Божией Матери* в г. Кара-Балта. В епархии активно осуществляется издательская деятельность. С 1991 г. по благословению В. издается газ. «Слово жизни», в 2001 г. начато издание альманаха «Восток свыше».

При непосредственном участии В. развиваются добрососедские отношения между православными и мусульманами в Ср. Азии. В 1995 г. в Ташкенте состоялась международная христианско-мусульм. конференция «Совместно жить под одним небом», принявшая «Обращение к мусульманам и православным христианам Центр. Азии». С 2002 г. В. входит в Попечительский совет Центра национальной славы России и Международного фонда ап. Андрея Первозванного.

В. является автором большого числа проповедей, работ по истории христианства в Ср. Азии, статей на актуальные церковно-общественные темы.

В. награжден орденами РПЦ: равноап. кн. Владимира 3-й (1981), 2-й (1984) и 1-й (1988 и 1990) степени, прп. Сергия Радонежского 3-й (1985) и 2-й (1987) степени, блгв. кн. Даниила Московского 3-й (1989) и 2-й (1989 и 1996) степени, свт. Иннокентия, митр. Московского, 2-й степени (2000), многочисленными орденами и медалями Поместных Православных Церквей, удостоен светских наград: орденов Дружбы (ЧССР, 1988), Дружбы народов (СССР, 1988), Дустлик («Дружба», Узбекистан, 2000), медали Данк («Слава», Киргизия, 2000).

Соч.: Подворье РПЦ в Карловых Варах. Прага, 1987; Слова на двунадесятые и великие праздники. М., 1997; Врата покаяния. М., 1998; Слова в дни памяти особо чтимых святых. М., 1998–2001. 4 т.; Побеждено добром будет: Правосл. Церковь о наркотиках. Ташкент, 2000; Большой полет крылатого коня: Духовные аспекты истории Туркменистана и его христ. традиции. М., 2000; «...А друзей искать на Востоке»: Православие и ислам: противостояние или содружество? М., 2001; Собиратель Русской Церкви. М., 2001; Слово, растворенное любовью. М., 2001; Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христ. аспекты этого наследия. М., 2002; Проповеди на воскресные евангельские чтения. М., 2002; По стопам ап. Фомы: (История христианства в Центр. Азии). М., 2003. 2 т.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Владимира (Икима) во еп. Подольского // ЖМП. 1985. № 9. С. 9–12.

ВЛАДИ́МИР (Кантарян Николай Васильевич; род. 18.08.1952, с. Коленковцы Хотинского р-на Черновицкой обл., Украина), митр. Кишинёвский и всей Молдавии.

Владимир (Кантарян), митр. Кишинёвский. Фотография. 2002 г.

Род. в семье лесничего. В 1969 г. окончил среднюю школу, в 1970 г.— профтехучилище, в 1970–1973 гг. служил на Черноморском флоте. С 1973 г. работал в Смоленском епархиальном управлении. 22 мая 1974 г. Смоленским и Вяземским еп. *Феодосием (Процюком)* рукоположен целибатом во диакона, 22 мая 1976 г.— во иерея, назначен ключарем Успенского кафедрального собора Смоленска. В 1981 г. заочно окончил Московскую ДС. С 1981 г. служил в Никольском кафедральном соборе в Черновцах, с 1983 г. исполнял послушание секретаря Черновицкого епархиального управления. 29 нояб. 1987 г. Черновицким и Буковинским еп. *Антонием (Москаленко)* пострижен в монашество с именем в честь равноап. кн. Владимира. В 1988 г. возведен в сан архимандрита. Участвовал в *Поместном юбилейном Соборе 1988 г.* В 1989 г. заочно окончил МДА со степенью канд. богословия.

7 июля 1989 г. В. определено быть епископом Кишинёвским и Молдавским; хиротония, к-рую возглавил митр. Крутицкий и Коломенский *Ювеналий (Поярков)*, состоялась 21 июля 1989 г. в *Богоявления Господня соборе* Москвы. 4 апр. 1990 г. В. был возведен в сан архиепископа, 21 дек. 1992 г.— в сан митрополита с титулом «Кишинёвский и всей Молдавии». На *Архиерейском юбилейном соборе РПЦ 2000 г.* избран постоянным членом Свящ. Синода РПЦ. В 1990 г. вошел в состав Синодальной библейской комиссии. За время служения В. на Кишинёвской кафедре в епархии открылось 37 мон-рей и 10 скитов. С 1995 г. В. является ректором Кишинёвской ДС, с 1997 г.— Кишинёвской ДА, созданной на базе Богословского фак-та при Молдавском гос. ун-те. В 1998 г. по благословению архиерея была организована семинария-лицей для девушек при *Георгия Победоносца жен. мон-ре в с. Суручены*.

В. является действительным членом *Палестинского Православного об-ва* (с 1998). Награжден орденами РПЦ: равноап. кн. Владимира 2-й степени (1999), прп. Сергия Радонежского 2-й степени (2002), медалью прп. Сергия Радонежского 1-й степени (1978), молдав. церковным орденом блгв. воеводы Штефана чел Маре (Стефана Великого) 1-й степени (2002), мн. орденами и др. наградами Поместных Православных Церквей. Имеет светские награды, в т. ч. орден Республики (Молдова, 1999).

Соч.: Дорога веры. Кишинёв, 2002.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Владимира (Кантаряна) во еп. Кишинёвского и Молдавского // ЖМП. 1989. № 12. С. 10–12; Митр. Владимир: Фотоальбом. Кишинёв, 2002.

ВЛАДИ́МИР (Кобец Константин Дамианович; 21.05.1884, с. Мошорин Александрийского у. Херсонской губ.— 24.01.1960, Псково-Печерский мон-рь), архиеп. бывш. Житомирский и Овручский. Из крестьян. В 1900 г. окончил 2-классное церковное уч-ще в родном селе. В 1905 г. поступил в *Киево-Печерскую лавру*, где нес клиросное послушание. В 1915 г. был призван на фронт в качестве санитара военно-полевого госпиталя. После демобилизации в 1920 г. вернулся в лавру,

Владимир (Кобец), архиеп. Житомирский. Фотография. 50-е гг. XX в.

27 июня 1921 г. пострижен в монашество, 10 июля управляющим Киевской епархией Черкасским еп. *Назарием (Блиновым)* рукоположен во диакона, 26 сент. того же года Черкасским еп. Николаем (Браиловским) рукоположен во иерея. В 1926 г. награжден наперсным крестом.

В 1931 г. переведен в клир Успенского подворья Киево-Печерской лавры в Ленинграде. 10 мая 1932 г. Кимрским еп. Николаем (Муравьёвым-Уральским) возведен в сан архимандрита, в 1933 г. назначен настоятелем подворья, после закрытия к-рого в 1935 г. служил сначала в Троицком соборе *Александро-Невской лавры*, с февр. 1935 по 8 окт. 1936 г.— в ц. во имя святых Симеона и Анны. С окт. 1936 г. В. являлся настоятелем ленинградского Князь-Владимирского собора. 14 янв. 1940 г. уволен за штат, 25 июня того же года назначен настоятелем ц. прав. Иова на Волковом кладбище, 14 дек. вновь стал настоятелем Князь-Владимирского собора. В годы блокады Ленинграда В. активно участвовал в сборе средств в фонд обороны, состоял бойцом группы противовоздушной обороны. С 30 сент. 1942 по окт. 1944 г. исполнял обязанности настоятеля Князь-Владимирской ц. в пос. Лисий Нос. 11 окт. 1943 г. награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1945 г. В. определено быть епископом Ульяновским, но ввиду своего болезненного состояния он отказался от назначения. В авг. 1946 г. В. был переведен в *Троице-Сергиеву лавру* на должность казначея, с 27 июня следующего года являлся наместником *Псково-Печерского мон-ря*. Стараниями В. за короткий срок в обители были проведены восстановительные работы, нормализована иноческая жизнь по общежительному уставу.

27 февр. 1948 г. В. определено быть епископом Порховским, викарием Псковской епархии, с утверждением в должности настоятеля Псково-Печерского мон-ря. 7 марта 1948 г. в *Николо-Богоявленском соборе* Ленинграда состоялась епископская хиротония, к-рую возглавил Патриарх *Алексий I;* с 20 авг. следующего года в связи с образованием Псковской и Порховской епархии В. именовался епископом Изборским. 30 дек. 1949 г. он был назначен начальником *Русской духовной миссии в Иерусалиме* и полномочным представителем МП в Палестине. При В. был проведен капитальный ремонт зданий миссии, храма и колокольни иерусалимского *Горненского мон-ря*, восстановлены сады миссии в Яффе и Магдале. 5 окт. 1951 г. архиерей вернулся в СССР.

27 дек. 1951 г. В. был освобожден от должности начальника миссии и назначен епископом Житомирским и Овручским. На новой кафедре В. уделял особое внимание хозяйственной деятельности и реставрации храмов, в частности кафедрального собора Житомира и древнего собора *овручского Волынского мон-ря во имя свт. Василия Великого*. 20 июня 1954 г. возведен в сан архиепископа. 23 июля 1956 г. освобожден от управления епархией по болезни и почислен на покой. Жил в Ленинграде, был инициатором реставрации Троицкого собора Александро-Невской лавры, начавшейся в 1956 г. С 1957 г. находился на покое в Псково-Печерском мон-ре. Отпевание В. совершил еп. Псковский и Порховский *Иоанн (Разумов)*. В. погребен в пещерах мон-ря.

Соч.: Церковные праздники в Иерусалиме // ЖМП. 1951. № 8. С. 42.

Ист.: ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 77, 180, 209, Ф. 9324. Оп. 1. Д. 21; ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 7. Д. 31; ЦНЦ ПЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9; Архив С.-Петербургской епархии. Личн. дело.

Лит.: Назначения на архиерейские кафедры // ЖМП. 1948. № 4. С. 9–10; Архиеп. Владимир: (Некролог) // Там же. 1960. № 3. С. 14–15; *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в XX в. в свете арх. док-тов: 1917–1941. СПб., 2000.

М. В. Шкаровский

ВЛАДИ́МИР (Котляров Владимир Саввич; род. 27.05.1929, г. Актюбинск, Казахстан), митр. С.-Петербургский и Ладожский. Из семьи диакона. После окончания бухгалтерского отд-ния Джамбулского статистического техникума учился в Московской ДС (1948–1952). С авг. 1952 г. исполнял послушание псаломщика в Никольском кафедральном соборе Алма-Аты (Казахстан). 22 мая 1953 г. архиеп. Алма-Атинским священноисп. *Николаем (Могилёвским)* рукоположен во диакона, 24 мая — во иерея с зачислением в причт Никольского собора. В 1953–1958 гг. учился в ЛДА, к-рую окончил со степенью канд. богословия за соч. «Троице-Сергиева пустынь Петроградской епархии: Ист. очерк». Оставлен профессорским стипендиатом по кафедре истории Русской Церкви, впосл. преподавал в ЛДС литургику, затем — в ЛДАиС церковный устав, Свящ. Писание ВЗ. В февр. 1962 г. наместником ТСЛ архим. *Пименом (Хмелевским)* был пострижен в монашество с наречением имени в честь блгв. кн. *Владимира Ярославича*, назначен заместителем начальника *Русской духовной миссии в Иерусалиме*. В окт. 1962 г. возведен в сан архимандрита. Тогда же в качестве наблюдателя от РПЦ присутствовал на 1-й сессии *Ватиканского II Собора*.

Владимир (Котляров), митр. С.-Петербургский. Фотография. 2002 г.

29 нояб. 1962 г. В. определено быть епископом Звенигородским, викарием Московской епархии, с исполнением обязанностей представителя МП при ВСЦ в Женеве. Хиротония, к-рую возглавил Патриарх Московский и всея Руси *Алексий I*, состоялась 30 дек. 1962 г. в Трапезном храме ТСЛ. 30 марта 1964 г. В. был назначен епископом Воронежским и Липецким с освобождением

от обязанностей представителя МП при ВСЦ. С 5 февр. 1965 г. епископ Подольский, викарий Московской епархии, представитель МП при Патриархе Антиохийском *Феодосии VI*. С 19 нояб. 1966 г. епископ Кировский и Слободской. С 7 окт. 1967 г. епископ Берлинский и Среднеевропейский, Патриарший экзарх в Ср. Европе, 20 окт. возведен в сан архиепископа. 20 марта 1969 г. включен в состав комиссии Свящ. Синода по вопросам христ. единства. С 12 нояб. 1970 г. архиепископ Ростовский и Новочеркасский. 31 мая 1973 г. В. был переведен на Иркутскую и Читинскую кафедру с временным управлением Хабаровской и Владивостокской епархией. С 17 апр. 1975 г. архиепископ Владимирский и Суздальский, с 24 апр. 1980 г. архиепископ Краснодарский и Кубанский. 12 мая 1987 г. В. был назначен архиепископом Псковским и Порховским, с 3 апр. 1990 г. носил титул «Псковский и Великолукский», 25 февр. 1992 г. возведен в сан митрополита. Являлся членом комиссии по организации празднования *Тысячелетия Крещения Руси*. Усилиями В. в 1992 г. был возрожден *Святогорский опочецкий в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-рь*. 23 февр. 1993 г. В. вновь возглавил Ростовскую и Новочеркасскую епархию.

В.— участник многочисленных богословских и миротворческих межрелиг. конференций. В 1967 г. присутствовал на заседаниях Отдела всемирной миссии и евангелизации ВСЦ в Женеве, затем на заседании Центрального комитета ВСЦ на о-ве Крит. В 1968 г. входил в делегацию РПЦ на IV Ассамблее ВСЦ. В 1970 г. являлся представителем МП на Международном старокатолическом конгрессе, проходившем в Бонне. В авг. 1972 г. участвовал в сессии Центрального комитета ВСЦ в Нидерландах. В 1976 г. входил в делегацию МП на собеседованиях между богословами РПЦ и Союза Евангелических церквей ГДР. 11–21 июня 1980 г. в составе делегации Христианской мирной конференции (ХМК; см. ст. *Пражское христианское движение*) присутствовал на заседании Объединенной комиссии по международным проблемам в Нью-Йорке. Дважды возглавлял делегацию РПЦ на мирных конференциях христиан из СССР и Японии: 2–9 нояб. 1980 г. (2-я конференция) и 4 янв. 1984 г. (3-я конференция). 6–10 июня 1983 г. участвовал от РПЦ в 4-м православно-реформатском богословском собеседовании в Одессе. Входил в делегацию РПЦ на VI Ассамблее ВСЦ в Ванкувере (Канада, 24 июля — 10 авг. 1983).

27 дек. 1995 г. В. был назначен митрополитом С.-Петербургским и Ладожским, постоянным членом Свящ. Синода, священноархимандритом *Александро-Невской лавры в честь Св. Троицы* в С.-Петербурге.

Во многом благодаря усилиям В. Церкви в 2000 г. была полностью передана Александро-Невская лавра, *Казанский собор* в С.-Петербурге, к-рый с дек. 1999 г. является кафедральным, возобновлены богослужения в Исаакиевском, Петропавловском, Самсониевском соборах, в соборе *Воскресения Христова (Спас на крови)*. В июле 2004 г. в *тихвинский Большой в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-рь* вернулась *Тихвинская икона Божией Матери*. В наст. время в С.-Петербургской епархии действует 11 мон-рей (8 муж. и 3 жен.), 296 приходов, 89 приписных храмов и 109 часовен. Количество благочиний увеличилось до 20. Расширился состав епархиального совета — с 6 членов (в 1996) до 12. При епархиальном управлении ведут активную работу отделы по просвещению, образованию, медицинскому обслуживанию, социальному служению, издательской деятельности, молодежной работе, по борьбе с наркоманией и др. В. является главным редактором епархиальных журналов «С.-Петербургские ЕВ», «Церковный вестник» (выпускается с 2000). С 2000 г. в епархии издается газ. «Православие и жизнь». Ежедневно выходит в эфир правосл. радиостанция «Град Петров».

В. награжден мн. орденами РПЦ: равноап. кн. Владимира 2-й (1963) и 1-й степени (1967), прп. Сергия Радонежского 2-й (1979) и 1-й (1987) степени, прп. Даниила Московского 2-й (дважды в 1989) и 1-й (1992) степени, свт. Иннокентия 2-й степени (1999), прп. Андрея Рублева 1-й степени (2002), свт. Макария, митр. Московского, 1-й степени (2004), наградами Поместных Православных Церквей, российским гос. орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й (1999) и 2-й (2004) степени. В 2002 г. В. были присвоены звания почетного члена СПбДА и почетного д-ра С.-Петербургского гос. политехнического ун-та.

Соч.: У братьев-христиан Индии // ЖМП. 1962. № 2. С. 23–30; Малабарская Церковь // Там же. С. 70–76; Праздник Благовещения в Назарете // Там же. № 6. С. 52–54; Путешествие Свят. Патриарха Болгарского Кирилла к святым местам Палестины // Там же. С. 55–60; Богословские собеседования с Епископальной Церковью в США // Там же. 1980. № 2. С. 59.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Владимира (Котлярова) во еп. Звенигородского // ЖМП. 1963. № 2. С. 18–20; Определения Свящ. Синода // Там же. 1965. № 3. С. 4; *Житенёва Е.* Беседа с митр. С.-Петербургским и Ладожским Владимиром // Там же. 1996. № 3. С. 28–31; Митр. С.-Петербургский и Ладожский Владимир: Жизнь и труды. СПб., 1999.

В. В. Дорохова

ВЛАДИ́МИР (Мороз Виорел Лазаревич; род. 15.08.1959 с. Молодия Черновицкой обл., Украина), еп. Почаевский, вик. Киевской митрополии, наместник *почаевской в*

Владимир (Мороз), еп. Почаевский. Фотография. 2002 г.

честь Успения Пресв. Богородицы лавры. Из румын. крестьянской семьи. В 1976 г. окончил среднюю школу в родном селе, в 1977–1979 гг. служил в рядах Советской Армии, в 1979–1980 гг. работал в Черновицком епархиальном управлении. В 1980 г. поступил послушником в Почаевскую лавру, в 1982 г. пострижен в рясофор, в 1983 г.— в мантию с наречением имени в честь равноап. кн. Владимира. В том же году, 24 апр., Львовским и Тернопольским митр. *Николаем (Юриком)* рукоположен во диакона, 9 сент. 1984 г.— во иерея. В 1988 г. окончил Московскую ДС. В 1989 г. Львовским и Дрогобычским митр. *Никодимом (Руснаком)* возведен в сан игумена с поруче-

нием послушания ризничего Почаевской лавры. В 1991 г. переведен в клир Черновицкой епархии с назначением на должность наместника *крещатицкого во имя ап. Иоанна Богослова муж. мон-ря.* 7 июля 1992 г. возведен в сан архимандрита. 28 сент. 1992 г. В. был возвращен в братию Почаевской лавры, исполнял обязанности регента лаврского хора и эконома лавры. 27 июля 1996 г. назначен наместником лавры.

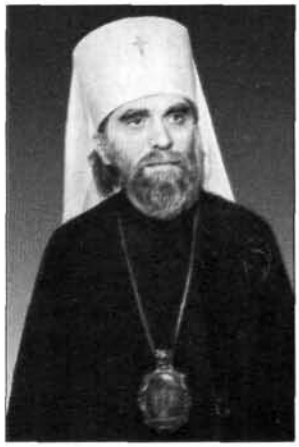
22 нояб. 2000 г. Свящ. Синод УПЦ, приняв во внимание особое значение Почаевской лавры в истории и совр. жизни Православия на Украине, определил хиротонисать В. во епископа Почаевского, викария Киевской митрополии. Хиротонию В. 3 дек. 2000 г. возглавил митр. Киевский и всея Украины *Владимир (Сабодан).*

По инициативе В. в лавре были проведены обширные ремонтные и строительные работы, отреставрированы Успенский собор и лаврская колокольня, сооружены часовни в честь 400-летия перенесения чудотворного образа Божией Матери на Почаевскую гору и в память 2000-летия Рождества Христова, летний храм, восстановлена монастырская гостиница. Стараниями В. при лавре было создано обширное хозяйство, возведены мельницы и пекарня, возрождены монастырский плодовый сад и пасеки, открыты неск. мастерских, построены электростанция, в обитель проведен газ. Число насельников лавры увеличилось до 200 чел. Развернулась обширная издательская деятельность. В нояб. 1998 г. при активном участии В. в лавре прошла церковно-научная конференция «Украина на пороге III тысячелетия», посвященная 2000-летию Рождества Христова.

По инициативе В. и братии лавры 23 апр. 2002 г. Свящ. Синод УПЦ принял решение о прославлении в лике святых почаевского старца схиигум. Амфилохия (Головатюка; † 1 янв. 1971).

В. И. Петрушко

ВЛАДИ́МИР (Нагосский Василий Павлович; 6.03.1922, Донора, шт. Пенсильвания, США — 2.08. 1997, Гранд-Рапидс, шт. Мичиган, США), Архиепископ Токийский и Митрополит всея Японии (Японская Автономная Православная Церковь) в 1970–1972 гг. Род. в семье эмигрантов из Галиции. Вскоре по-

Владимир (Нагосский), Архиепископ Токийский и Митрополит всея Японии. Фотография. Нач. 70-х гг. XX в.

сле рождения переехал с родителями в Кливленд (шт. Огайо). Во время второй мировой войны служил в амер. армии. Затем был на гос. службе в США и за границей. Окончил ун-т в Кливленде (Western Reserve University) со степенью бакалавра искусств. Слушал лекции в колледже Мидлбери, в Колумбийском ун-те.

Поступил в Свято-Тихоновскую духовную семинарию (шт. Пенсильвания). В янв. 1958 г. был рукоположен во диакона, в дек. 1959 г.— во пресвитера. В 1959 г. по окончании семинарии о. Василию была присвоена степень бакалавра богословия и он был направлен на Аляску священником-миссионером. Служил на приходах Митрополичьего округа: в Свято-Михайловском соборе в Ситке, затем на о-ве Уналашка (Алеутские о-ва). В марте 1961 г. был пострижен в монашество с именем Владимир. В окт. 1962 г. возведен в сан архимандрита. 14 окт. 1962 г. В. был хиротонисан митр. *Леонтием (Туркевичем)* (возглавлявшим в то время находившийся вне канонического общения с РПЦ Митрополичий округ в Америке) во епископа Киотоского, викария архиеп. Токийского. 19 дек. 1969 г. на внеочередном Соборе ЯПЦ от имени Собора к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I обратились В. и еп. Феодосий (Нагасима) с прошением о даровании автономии ЯПЦ и принятии их в клир РПЦ. В 1964 г. В. Собором амер. епископов был избран Предстоятелем правосл. Церкви в Японии. В апр. 1946 г. канонические отношения РПЦ с многочисленными правосл. япон. приходами, возникшими в период длительного служения миссионеров РПЦ на этой территории, были насильственно прерваны оккупационной властью США. Эти приходы были переданы в ведение Митрополичьего округа в Америке.

В апр. 1970 г. В. во главе японской церковной делегации посетил СССР. По решению Свящ. Синода РПЦ 10 апр. В. был возведен в сан митрополита как Предстоятель правосл. автономной Церкви с титулом «Архиепископ Токийский, Митрополит всей Японии». 12 апр. В. был принят Патриархом Московским и всея Руси *Алексием I,* к-рый вручил ему Патриарший и Синодальный томос об автономии Японской Православной Церкви (ЯПЦ).

19 марта 1972 г. чрезвычайный Собор ЯПЦ удовлетворил просьбу В. об отставке с занимаемой кафедры. Ему была выдана отпускная грамота для возвращения в юрисдикцию правосл. Церкви в Америке. Свящ. Синод РПЦ на заседании 21 марта 1972 г. одобрил это решение. В. возвратился в США и стал помогать еп. Сан-Францисскому и Запада *Иоанну (Максимовичу)* в управлении епархией. В 1974 г. В. был назначен на епископию Запада. В июле 1975 г. по состоянию здоровья ушел на покой.

Лит.: Визит делегации Автономной Правосл. Церкви в Японии // ЖМП. 1970. № 8. С. 56–58; Высокопреосв. Владимир Архиеп. Токийский и Митр. всей Японии // Там же. № 10. С. 51–52; Orthodox America, 1794–1974. N. Y., 1975. P. 285.

ВЛАДИ́МИР (Никольский Василий Степанович; 1.01.1829, Курская губ.— 29.12.1900, Н. Новгород), еп. Нижегородский и Арзамасский. Из семьи священника. Учился в Курской ДС, после окончания к-рой 23 нояб. 1851 г. был рукоположен во иерея к собору в г. Бобринце Херсонской губ., в 1854 г. переведен в собор в г. Бердянске, в обоих городах преподавал Закон Божий в уездных уч-щах. После смерти жены вступил в число братии херсонского архиерейского дома. 21 дек. 1857 г. Херсонским и Таврическим еп. *Димитрием (Муретовым)* пострижен в монашество. В 1859–1863 гг. учился в СПбДА, окончил курс со степенью магистра богословия, защитив дис. «Лионская уния: Эпизод из средневек. церк. истории 1261–1293 гг.» (ПО. 1867. Т. 23. Кн. 5. С. 5–33; Кн. 6. С. 116–144; Кн. 8. С. 352–378; Т. 24. Кн. 9. С. 11–33 (отд. отт.: М.,

Владимир (Никольский), еп. Нижегородский. Фотография. Кон. XIX в. (РГИА)

1867)), оставлен при академии библиотекарем. 18 июля 1864 г. определен в Казанскую ДС инспектором и профессором богословских предметов и педагогики. 2 мая 1867 г. возведен в сан архимандрита. 25 мая назначен инспектором и экстраординарным профессором КазДА, с 10 февр. 1869 г. ординарный профессор. 10 июля 1869 г. переведен ректором в Самарскую ДС.

10 февр. 1875 г. назначен, 16 марта хиротонисан во епископа Брестского, викария Литовской епархии, 16 мая 1877 г. перемещен на Ковенское вик-ство той же епархии. 14 мая 1881 г. переведен на Калужскую кафедру, где особое внимание уделял благоустройству учебных заведений. Во время управления В. епархией в ней значительно увеличилось число церковноприходских школ, было расширено здание Калужского ДУ, устроено общежитие для семинаристов, построено здание ДУ в г. Мещовске. В целях борьбы со *старообрядчеством* В. учредил братство прп. Пафнутия Боровского, активно участвовал в делах миссионерского братства во имя св. Иоанна Богослова. В 1888 г. в епархии присоединились к Православию 144 старообрядца.

21 мая 1888 г. В. был назначен епископом Пермским и Соликамским. Увеличил в епархии число церковноприходских школ и школ грамоты (с 61 до 253), исходатайствовал 30 тыс. р. на постройку церквей-школ в инородческих приходах. Преобразовал местное братство свт. Стефана Пермского, расширив круг его деятельности. Организовал центральную миссионерскую противораскольническую б-ку и 6 подобных б-к в разных селениях епархии. Открыл епархиальное жен. уч-ще для девиц духовного звания. Заботился о строительстве храмов.

7 мая 1892 г. В. был переведен на Нижегородскую кафедру. Здесь архиерей также уделял большое внимание духовному образованию: за время его управления епархией было открыто ок. 150 церковных школ, увеличились средства епархиального училищного совета на их содержание, улучшился преподавательский состав, обогатились б-ки, при школах стали проводиться религиозно-нравственные чтения. Епископ жертвовал средства на сооружение зданий и приобретение земли под школы. Его заслуги были отмечены Высочайшей грамотой и знаком ордена св. блгв. кн. Александра Невского. В ознаменование 25-летия епископского служения В. духовенство епархии учредило 2 стипендии его имени в епархиальном жен. уч-ще.

В. основал Нижегородское отд-ние *Палестинского Православного общества* (открыто 9 февр. 1897). Под председательством архиерея работал комитет *Православного миссионерского общества* с отд-нием «для миссионерской деятельности в пределах Нижегородской епархии». При В. была выстроена и освящена в 1896 г. ц. в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при губернской больнице, совершилась закладка фундамента сормовского заводского собора Преображения Господня (освящен в 1903), в 1899 г. заложен фундамент ц. Всемилостивого Спаса в Н. Новгороде (в память спасения имп. семьи во время крушения поезда в окт. 1888 близ ст. Борки). В. погребен в усыпальнице кафедрального Спасо-Преображенского собора в Н. Новгороде.

Соч.: Спор об исхождении Св. Духа // ПО. 1867. Т. 24. Кн. 12. С. 317–330; Памяти высокопреосв. Афанасия (Соколова), бывш. архиеп. Казанского и Свияжского // ПС. 1868. Т. 1. № 1. С. 80–87; Памяти архим. Иннокентия, бывш. ректора КазДА // Там же. Т. 2. С. 254–257; Речь архим. Владимира при наречении его во еп. Брестского, вик. Литовской епархии // ЦВ. 1875. № 11. С. 16–17; Речь при погребении Владимира (Петрова), архиеп. Казанского // ПС. 1897. Т. 2. № 10. С. 361–364.

Арх.: *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 91; РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 250 (форм. список); ГА Нижегородской обл. Ф. 1679. Оп. 2. Д. 657.

Лит.: *Иванов Н. Д.* Ист. очерк состояния правосл. церкви в Литовской епархии за время 1839–1889 гг. М., 1899; Празднование 25-летия служения в архиерейском сане преосв. Владимира, еп. Нижегородского и Арзамасского. Н. Новг., 1900; В Бозе почивший преосв. Владимир, еп. Нижегородский и Арзамасский: Некролог. Н. Новг., 1901; *Родосский.* Словарь студентов СПбДА. С. 82; *Добровольский М.* Путеводитель по святым и церк. достопримечательностям Н. Новгорода. Н. Новг., 1912. С. 121–122; *Тихон (Затёкин), игум., Дёгтева О. В.* Еп. Владимир (Никольский) // *Они же.* Святители земли Нижегородской. Н. Новг., 2003. С. 183–190.

А. И. Алексеев, О. В. Дёгтева, игум. Тихон (Затёкин)

ВЛАДИ́МИР (Петров Иван Степанович; 29.05.1828, ст-ца Федосеевская, обл. Войска Донского – 2.09.1897, Казань), архиеп. Казанский и Свияжский. Сын причетника из донских казаков (впосл. отец В. служил священником в *улалинском во имя свт. Николая Чудотворца мон-ре* на Алтае). И. Петров окончил Зотовское (Новочеркасское) ДУ, в 1849 г.— Воронежскую ДС, в 1853 г.— КДА со степенью магистра. В марте 1853 г. ректором академии архим. *Антонием (Амфитеатровым)* пострижен в монашество одновременно со своим сокурсником сербом М. Йовановичем (буд. Сербским митр. *Михаилом*), с к-рым его впосл. связывала многолетняя духовная дружба. 14 апр. 1853 г. рукоположен во диакона, 22 окт.— во иерея Киевским митр. *Филаретом (Амфитеатровым).* 30 окт. определен учителем по классу логики, психологии и соединенных с ними предметов в Орловскую ДС. С марта 1855 г. помощник инспектора Воронежской ДС, с 25 июня 1856 г. член семинарского правления, с 4 окт. 1856 г. библиотекарь. С дек. 1853 по июнь 1857 г. участвовал в составлении и редактировании «Ист.-стат. описания Орловской епархии», для чего исследовал архивы храмов и мон-рей. 30 апр. 1857 г. определен инспектором и профессором по классу Свящ. Писания в Иркутскую ДС, в июне следующего года переведен на те же должности в новоучрежденную Томскую ДС, где близко познакомился с алтайскими миссионерами (см. ст. *Алтайская духовная миссия*). В 1860 г. назначен членом комитета по составлению «Ист.-стат. описания Томской епархии». 13 сент. 1861 г. перемещен на должность инспектора и экстраординарного профессора богословия в СПбДА с возведением в сан архимандрита и присвоением степени на-

стоятеля 3-классного мон-ря. В. был одним из инициаторов создания в С.-Петербурге *Православного миссионерского общества* для содействия Алтайской и *Забайкальской духовным миссиям*, составил его устав, 21 нояб. 1865 г. был избран в члены первого совета об-ва. В 1869–1870 гг. по поручению Московского митр.

Владимир (Петров), архиеп. Казанский. Фотография. Кон. XIX в. (РГИА)

св. *Иннокентия (Вениаминова)* составил новый устав об-ва, участвовал в работах по открытию отд-ния об-ва в Москве.

24 нояб. 1865 г. В. был назначен главой Алтайской миссии и настоятелем *Чулышманского в честь Благовещения Пресв. Богородицы мон-ря*. Вместе с В. на Алтай поехали 2 студента СПбДА — И. В. Солодчин (впосл. архим. *Иннокентий*) и П. И. Макушин. Ближайшим сподвижником В. в организации школьного, переводческого, богослужебного и просветительного дела в Алтайской миссии являлся игум. св. *Макарий (Невский;* впосл. митр. Московский), с 1875 г. занимавший должность помощника начальника миссии. В 1866 г. миссия имела 11 церквей, 10 школ, число новокрещеных составляло 5 тыс. чел.; к 1879 г. в 10 отд-ниях миссии действовало 28 церквей и молитвенных домов, более 20 школ.

Одним из наиболее важных событий в жизни миссии в период управления ею В. было учреждение Филаретовского центрального миссионерского уч-ща в с. Улала (совр. Горно-Алтайск) для подготовки учителей, переводчиков и миссионеров. Уч-ще, первоначально существовавшее на средства начальника миссии, переняло метод обучения у Казанской центральной крещенотатар. школы, разработанный Н. И. *Ильминским*. При уч-ще действовали переводческая и иконописная мастерская, последнюю возглавлял иером. Антоний (Петров), брат В. Лучшие выпускники направлялись для продолжения образования в Казанскую инородческую семинарию. В 1879 г. в уч-ще воспитывались 18 мальчиков.

В. активно способствовал переводу богослужебных и др. христ. книг на алтайский язык, с 1866 г. совершал богослужения на алтайском языке. В 1876 г. по инициативе и под председательством начальника миссии и при содействии Ильминского начали работу Алтайская переводческо-цензурная комиссия и типография, осуществлявшие перевод, цензуру и издание книг на алтайском языке (Евангелие от Матфея, жития святых, последование всенощного бдения и пр.). Еще прежде по инициативе В. и под его рук. были изданы в Синодальной типографии в С.-Петербурге и в Казани с помощью переводческой комиссии *Гурия Казанского свт. братства* «Алтайско-русский букварь с книгой для чтения» (СПб., 1868), «Евангелия воскресные, читаемые на литургии» (СПб., 1868), «Последования святого Крещения» (СПб., 1868), «Грамматика алтайского яз. с алтайско-русским и русско-алтайским словарями» (под ред. Н. И. Ильминского, Каз., 1869), 5 назидательных притч свящ. Михаила *Чевалкова* (Каз., 1875), алтайского писателя и переводчика, сотрудника Алтайской миссии.

На средства В. были открыты центральная миссионерская больница с аптекой, приют для детей в Улале и мн. др. Ему удалось добиться через Казенную палату 3-летней податной льготы для новокрещеных алтайцев, а через Томскую губ. администрацию — выборности волостных старшин (зайсанов), прежде занимавших свои должности пожизненно, а также независимости новокрещеных селений от зайсанов-язычников. По просьбе В. и по ходатайству афонского иером. *Арсения (Минина)* из *Русского вмч. Пантелеимона мон-ря* на Афоне в миссию был прислан список чудотворной афонской иконы вмч. Пантелеимона с частицей его мощей. Святыню из Томска крестным ходом, длившимся с 6 авг. по 1 окт. 1879 г., донесли до Алтая, где ее встретили неск. тысяч крещеных алтайцев, икону поставили в главной миссионерской ц. Всемилостивого Спаса в Улале. Позднее икона прославилась чудотворениями и чтилась не только православными, но также старообрядцами и даже алтайцами-язычниками.

1 дек. 1879 г. В. был назначен еп. Бийским, викарием Томской епархии, с оставлением в управлении Алтайской миссией. 13 марта 1880 г. наречен и 16 марта в Благовещенском кафедральном соборе Томска хиротонисан во епископа. В сент. 1882 г. из Алтайской миссии была отделена *Киргизская* (в пределах Семипалатинской обл.), также находившаяся под управлением В.

За время руководства В. Алтайской и Киргизской миссиями (1865–1883) было обращено в Православие из язычества, ислама и старообрядчества 6679 чел., В. лично крестил 408 язычников и мусульман. Были созданы 3 новых отд-ния миссии (Катандинское, Чулышманское и Мрасское), построены 28 церквей и молитвенных домов, основаны 19 новокрещенских селений, что позволяло кочевникам переходить к оседлому быту. Алтайская миссия получила более 30 новых зданий в Улале и Бийске. После перемещения центра миссии в Бийск в городе был построен архиерейский дом с крестовой церковью, помещениями для певчих, иконописцев, миссионерской б-кой, залом для внебогослужебных народных собеседований, гостиницей для миссионеров. При расставании с Алтайской миссией В. составил «Молитву алтайского миссионера» (Правосл. благовестник. 1895. № 3. С. 330), ставшую его духовным завещанием.

6 авг. 1883 г. В. был перемещен на Томскую и Семипалатинскую кафедру. В период управления В. епархией были открыты жен. епархиальное 3-классное уч-ще в Томске, противораскольническое братство свт. Димитрия Ростовского в Бийске, устроена двухпрестольная каменная церковь при томском архиерейском доме, произведены основные работы по завершению строительства кафедрального собора.

8 апр. 1886 г. архиерей был назначен на кафедру в Ставрополь (Кавказский) с титулом «Ставропольский и Екатеринодарский». Его усилиями на Ставропольском архиерейском

подворье была воздвигнута ц. во имя равноап. кн. Владимира (в честь 900-летия Крещения Руси), построен новый архиерейский дом (по проекту В.), открыт епархиальный свечной завод, учреждено благотворительное Свято-Владимирское об-во при Ставропольском кафедральном соборе с бесплатной столовой для нищих, с детскими приютом и школой, с домом для престарелых и немощных со школой грамотности при нем. В 1889 г. В. крестил 58 калмыков Большедербетовского улуса, содействовал учреждению среди калмыц. буддийских кочевьев оседлого с. Князь-Михайловского с миссионерским станом, деревянной церковью и избами для новокрещеных инородцев. Миссионером в селение В. направил своего брата игум. Антония (Петрова).

25 нояб. 1889 г. В. был назначен на Нижегородскую и Арзамасскую кафедру. Уделял большое внимание образованию в епархии, увеличил число церковноприходских школ. В авг. 1890 г. освятил новопостроенную Космодамиановскую ц. Учредил пенсионную кассу для заштатных священнослужителей, лично пожертвовав значительную денежную сумму. Во время голода в 1891 г. Святейший Синод по ходатайству В. выдал духовенству Нижегородской епархии 15 тыс. р. в виде безвозвратной ссуды. Тогда же архиерей учредил бесплатные столовые при всех обителях (муж. и жен.), а также пособия для особенно нуждавшихся.

7 мая 1892 г. в сане архиепископа В. возглавил Казанскую и Свияжскую епархию. Совершал миссионерские и архипастырские поездки по татар., чуваш., мордов. селам. В 1894 г. инициировал обсуждение вопроса о преобразовании миссионерских курсов, действовавших при КазДА; в 1897 г. курсы стали самостоятельным учебным заведением, их местопребыванием был определен *казанский в честь Преображения Господня мон-рь,* получивший статус миссионерского. Активной была благотворительная деятельность архиерея, он пожертвовал значительные суммы уч-щу глухонемых, школе детского трудолюбия, дому трудолюбия, различным учреждениям об-ва трезвости (больнице, ночлежному приюту, столовой, читальне) и пр. Существенные суммы (в неск. десятков тыс. р.) он направлял Алтайской миссии, КДА, Сербской Православной Церкви (на имя Сербского митр. Михаила (Йовановича)). В преклонные годы В. посвящал досуг пчеловодству и садоводству. На казанской архиерейской даче он устроил 200 ульев усовершенствованной конструкции, в демонстрационном стеклянном улье пчелы лепили соты в виде креста и митры.

В. являлся почетным членом СПбДА, МДА, КДА (учредил в ней свою именную стипендию для лучшего студента), КазДА, Казанского ун-та, почетным и пожизненным членом правосл. Миссионерского об-ва, *Палестинского православного общества,* братства св. кн. Владимира (Берлин), Друштва св. Савы (Сербия) и мн. др. об-в, братств, попечительств и комитетов. Награжден орденами св. Анны 2-й (1865), 1-й (1884) степени, знаком ордена св. Анны 2-й степени, украшенным имп. короной (1871), орденами равноап. кн. Владимира 4-й (1878), 3-й (1881), 2-й (1889) степени, блгв. кн. Александра Невского (1894); бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (1896).

22 июля 1897 г. В. открыл 3-й Всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в Казани. Через неделю он заболел и вскоре умер в загородном архиерейском доме. Свое имущество архиерей завещал Уралинскому мон-рю, обширную б-ку — Казанской ДС. В. погребен под алтарем казанского Благовещенского собора в подземном храме, созданном по его инициативе, на указанном им месте.

Многочисленные неопубликованные труды В., хранившиеся в рукописном отделе б-ки КазДА и впосл. утраченные, использовались преподавателями академии в своих сочинениях по истории алтайцев, калмыков и миссионерской деятельности.

Арх.: ГА Томской обл. Ф. 184. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4; РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 249, 250.

Соч.: Улалинская жен. община новокрещеных на Алтае // ХЧ. 1863. Ч. 2. Июль. С. 393–410; Миссионерская поездка Туруханского игум. Мисаила в 1788–1789 гг. // ХЧ. 1864. Ч. 1. С. 229–240; Речь при открытии Миссионерского об-ва 21 нояб. 1865 г. // ДБ. 1865. № 50. С. 477–485 (отд. изд.: СПб., 1865); Зап. алтайского миссионера за 1866–1867 гг. // ДБ. 1868. № 7. С. 169–175; № 8. С. 200–206; № 9. С. 225–230; № 10. С. 259–262; № 11. С. 286–290; Поездка на Чулышман // ДБ. 1868. № 6. С. 145–146; Объяснительная зап. начальника Алтайской миссии архим. Владимира, представленная им Миссионерскому об-ву // Отчет Миссионерского об-ва за 1867 г. с прил-ми. СПб., 1869; Зап. начальника Алтайской миссии архим. Владимира о действиях его в 1870 г. // Сб. сведений о правосл. миссиях и деятельности Правосл. Миссионерского об-ва. М., 1872. Кн. 2; Зап. начальника Алтайской миссии архим. Владимира об образовании инородцев // Сб. док-тов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 463–465.

Ист.: *Смирнов А. В., прот.* Очерки из жизни рус. епископов. Машинопись. Б. г.; Отчеты о состоянии Алтайской духовной миссии [с 1870 по 1882 гг.] Томск, 1871–1883.

Лит.: *Инородческий вопрос на Алтае.* Томск, 1885; *Александров А. И.* Высокопреосвящ. Владимир, архиеп. Казанский и Свияжский. Каз., 1897; Кончина и погребение высокопреосв. Владимира (Петрова), архиеп. Казанского // ПС. 1897. Т. 2. № 10. С. 353–376; *Колокольцев В.* Очерк жизни высокопреосв. Владимира, архиеп. Казанского и Свияжского // Там же. № 11. С. 518–553 (отд. изд.: Каз., 1897); *Ястребов И. И.* Миссионер высокопреосв. Владимир, архиеп. Казанский и Свияжский. Каз., 1898; *Знаменский П. В.* Несколько мат-лов для истории Алтайской миссии. Каз., 1901; *Харлампович К. В.* О миссионерских переводах на инородческие языки: Письмо архим. Владимира, начальника Алтайской миссии, к Иркутскому архиеп. Вениамину (1880) // ПС. 1904. Ч. 2. № 7/8. С. 229–253; *он же.* Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Каз., 1905; *он же.* Архиеп. Казанский Владимир (Петров), его жизнь и деятельность: К 10-летию со дня его кончины // ХЧ. 1907. Т. 9. С. 350–384; 1909. Т. 2. С. 252–278; Т. 5. С. 752–768; 1910. Т. 2. С. 242–255; Т. 3. С. 388–400; Т. 7/8. С. 1000–1011; 1911. Т. 7/8. С. 937–963; Т. 9. С. 1079–1108; Т. 12. С. 1426–1449; *Тихон (Затёкин), игум., Дёгтева О. В.* Еп. Владимир (Петров) // *они же.* Святители земли Нижегородской. Н. Новг., 2003. С. 177–182.

А. В. Журавский

ВЛАДИ́МИР (Путята) — см. *Путята* В., бывш. еп. Пензенский.

ВЛАДИ́МИР (Раич Любомир; 11.01.1882, Ужице — 14.02.1956, Призрен), еп. Рашско-Призренский. В 1907 г. окончил МДА со званием кандидата богословия. Вернулся в Сербию, преподавал в гимназии в Белграде. Овдовел, был пострижен в монашество Патриархом *Варнавой (Росичем)* в мон-ре Раковица. 10 мая 1937 г. рукоположен во иеродиакона, 13 мая — во иеромонаха. В том же году был назначен редактором «Вестника Сербской Православной Церкви» (СПЦ). 30 окт. 1938 г. хиротонисан во епископа Мукачевско-Прешовской епархии, входившей тогда в состав Сербской Православной Церкви. В марте 1939 г. территория епархии была оккупирована Венгрией. Новые власти,

запретив В. поддерживать связь с Белградом, хотели переподчинить епархию К-польской Патриархии. После нападения Венгрии и Германии на Югославию В. 11 апр. 1941 г. был арестован в Мукачеве и заключен в резиденции католич. епископа в г. Вац (Венгрия), а 19 июля 1941 г. выслан в Белград. После окончания второй мировой войны Мукачево вошло в состав СССР, а Прешов — в состав Чехословакии. 22 окт. 1945 г. В. присутствовал на заседании Синода РПЦ в Москве, на к-ром зачитал письмо председателя Синода СПЦ, митр. Скопленского *Иосифа (Цвийовича)* и выразил собственное согласие на передачу Мукачевской епархии в ведение РПЦ. Во время визита в Москву В. встретился с Председателем Совета по делам религий Г. Г. *Карповым* для обсуждения открытия подворья СПЦ в Москве и возможности обучения серб. студентов в МДА. 20 мая 1947 г. был избран епископом Рашско-Призренским. Похоронен в г. Призрен.

Лит.: Пребывание в Москве еп. Мукачевского Владимира // ЖМП. 1945. № 11. С. 20–21; *Дубинский А. Ю.* Вифанская духовная семинария: Алф. список выпускников 1901–1917 гг. М., 1999. С. 31; Мукачевско-Ужгородская правосл. епархия // *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 263–264.

А. В. Шестаков

ВЛАДИ́МИР (Сабодан Виктор Маркианович; род. 23.11.1935, с. Марковцы ныне Хмельницкой обл., Украина), митр. Киевский и всея Украины, Предстоятель Украинской Православной Церкви (УПЦ). Из крестьянской семьи. С 9 лет исполнял различные послушания при храме во имя арх. Михаила в родном селе. По окончании средней школы в пос. Меджибож учился в Одесской ДС (1954–1958). В 1958 г. поступил в ЛДА, к-рую окончил в 1962 г. со степенью канд. богословия за соч. «Христос Спаситель — Начальник мира». Преподавал в Одесской ДС, исполнял обязанности старшего помощника инспектора, одновременно занимал должность секретаря Одесского епархиального управления. 14 июня 1962 г. Херсонским и Одесским митр. *Борисом (Виком)* В. был рукоположен в состоянии целибата во диакона, 15 июня — во иерея, 26 авг. пострижен в монашество с наречением имени в честь равноап. кн. Владимира. В 1965 г. окончил аспирантуру

Владимир (Сабодан), митр. Киевский и всея Украины. Фотография. 2004 г.

при МДА, определен ректором Одесской ДС с возведением в сан архимандрита. В 1966 г. назначен зам. начальника *Русской духовной миссии в Иерусалиме.*

23 июня 1966 г. В. определено быть епископом Звенигородским, викарием Московской епархии с поручением исполнения обязанностей представителя РПЦ при *Всемирном Совете Церквей.* Хиротонию В., совершенную 9 июля 1966 г. в Успенском соборе *Троице-Сергиевой лавры,* возглавил Крутицкий и Коломенский митр. *Пимен* (*Извеков,* впосл. Патриарх Московский и всея Руси). 28 нояб. 1968 г. В. был перемещен на Переяслав-Хмельницкое вик-ство Киевской епархии. С 20 марта 1969 г. епископ Черниговский и Нежинский, временно управлял Сумской епархией. В 1970–1973 гг. являлся ответственным редактором ж. *«Православний вісник».* 18 апр. 1973 г. назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, ректором МДАиС, 9 сент. возведен в сан архиепископа. С 18 апр. 1978 г. профессор МДА. 5 июня 1979 г. В. защитил в МДА магист. дис. «Экклезиология в отечественном богословии». 3 марта 1976 г. введен в состав Комиссии по вопросам христ. единства, в 1978 г. состоял членом комиссии по подготовке и проведению празднования 60-летия восстановления Патриаршества в РПЦ, в 1981–1988 гг. входил в комиссию по подготовке и проведению празднования *Тысячелетия Крещения Руси.*

16 июля 1982 г. В. после возведения в сан митрополита возглавил Ростовскую и Новочеркасскую епархию. 28 марта 1984 г. назначен Патриаршим экзархом Зап. Европы. С 30 дек. 1987 г. являлся Управляющим делами МП и постоянным членом Свящ. Синода. В 1989 г. временно управлял Гаагской и Нидерландской епархией. В апр. 1988 г. принял участие во встрече иерархов РПЦ с генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. *Горбачёвым,* положившей начало радикальным переменам в отношениях между Церковью и гос-вом. В кон. 80-х гг. В. активно занимался общественной деятельностью. 16 сент. 1988 г. на учредительной конференции Сов. фонда милосердия и здоровья был избран членом президиума и правления фонда. В 1988 г. являлся членом Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР. С 10 апр. 1989 г. возглавлял комиссию по изучению мат-лов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян РПЦ, созданную в дек. 1988 г.

3 мая 1990 г. В. был назначен председателем комиссии по организации и проведению похорон Патриарха Пимена, затем входил в комиссию Свящ. Синода по подготовке *Поместного Собора РПЦ 1990 г.* В. являлся одним из 3 кандидатов на Патриарший Престол, был 2-м по числу поданных за него на Соборе голосов. Поместный Собор избрал Патриархом Московским и всея Руси Ленинградского и Новгородского митр. *Алексия (Ридигера).* 3-м кандидатом был Местоблюститель Патриаршего Престола Киевский и Галицкий митр. Филарет (см. ст. *Денисенко* М. А.).

В это же время в политической жизни УССР активно проходили процессы, приведшие к провозглашению Украины независимым гос-вом. Эти процессы отразились на церковной жизни. В 1989 г. объявила о своем воссоздании раскольническая *Украинская автокефальная православная церковь* (УАПЦ), власти активно поддерживали распространение на Украине приходов *Украинской греко-католической Церкви,* чрезвычайно острые формы приняло межконфессиональное противостояние на Зап. Украине. Для повышения авторитета священноначалия правосл. Церкви на Украине *Архиерейский*

Президиум Архиерейского Собора 1997 г. Слева направо: митр. Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан), Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, митр. С.-Петербургский Владимир (Котляров), митр. Крутицкий Ювеналий (Поярков). Фотография

Собор РПЦ 30–31 января 1990 г. принял новое «Положение об Экзархатах», предоставившее Украинскому Экзархату больше прав в самоуправлении.

10 июля 1990 г. Синод Украинского Экзархата направил Синоду РПЦ принятое 9 июля «Обращение епископата Украинской Православной Церкви к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и Священному Синоду РПЦ», главным пунктом к-рого была просьба о предоставлении Украинской Церкви независимости и самостоятельности в управлении. *Архиерейский Собор РПЦ 25–27 октября 1990 г.* принял Определение об УПЦ, к-рым предоставил УПЦ независимость и самостоятельность в управлении. Наименование «Украинский Экзархат» было упразднено, а Предстоятелю УПЦ был усвоен титул «Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины».

1–3 нояб. 1991 г. в *Киево-Печерской в честь Успения Пресв. Богородицы лавре* прошел Собор УПЦ, на к-ром было решено «обратиться к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и епископату РПЦ с просьбой даровать УПЦ полную каноническую самостоятельность, т. е. автокефалию». Однако это обращение не было свободным волеизъявлением всего епископата УПЦ и верующего народа.

Вопрос о даровании автокефалии УПЦ рассматривался на *Архиерейском Соборе РПЦ 31 марта — 5 апреля 1992 г.*, принявшем постановление: «Чтобы иметь настоящее волеизъявление Полноты Украинской Православной Церкви, иметь суждение о даровании Украинской Православной Церкви полной канонической независимости на очередном Поместном Соборе РПЦ». На этом же Соборе Предстоятель УПЦ митр. Филарет (Денисенко) клятвенно обещал подать в отставку в связи с имевшими место обвинениями в его адрес. Однако по возвращении в Киев он объявил о своем отказе сложить с себя обязанности Предстоятеля УПЦ, отрекся от данной им архиерейской клятвы, чем положил начало новому расколу.

27 мая 1992 г. Собор архиереев УПЦ, к-рый из-за невозможности проведения его в Киеве состоялся в Харькове (см. *Харьковский Архиерейский Собор УПЦ*), сместил митр. Филарета с должности Предстоятеля УПЦ и почислил за штат с запрещением в священнослужении в связи с разоблачением в грехах, несовместимых со служением в качестве Предстоятеля УПЦ, и раскольнической деятельностью. Собор большинством голосов (16 из 18) избрал Предстоятелем УПЦ, митрополитом Киевским и всея Украины В., в то время находившегося на богословской конференции в Финляндии. 27 мая на конференцию прибыл президент Финляндии, чтобы приветствовать новоизбранного Предстоятеля УПЦ.

28 мая 1992 г. Патриарх Алексий II благословил В. на служение в качестве Предстоятеля Украинской Церкви. В пределах Украины В. был усвоен титул «Блаженнейший» и предоставлено право ношения 2 панагий и предношения креста за богослужением (на *Архиерейском Соборе РПЦ 18–23 февраля 1997 г.* титул «Блаженнейший» был закреплен за Предстоятелем УПЦ на всей канонической территории Русской Церкви). Решения Харьковского Собора были утверждены 11 июня 1992 г. Архиерейским Собором РПЦ и 26 июня 1992 г. Собором УПЦ в Киеве. Поздравления новоизбранному Предстоятелю УПЦ прислали Главы Поместных Православных Церквей.

20 июня 1992 г. В. прибыл в Киев. Его встречали десятки тысяч правосл. клириков и мирян. Свою 1-ю проповедь архиерей начал словами: «Я прибыл не в командировку и не из-за границы, я прибыл на родную землю служить людям и независимой Украине. Я не раскольник, мой путь прям». Доступ к кафедральному *Владимира равноапостольного собору* и митрополичьей резиденции был перекрыт боевиками из орг-ции «Украинская национальная ассамблея — Украинская национальная самооборона» (УНА—УНСО). Призвав паству не применять насилия, напомнив, что «Бог не в силе, а в правде», В. направился в Киево-Печерскую лавру, к-рая отныне, как и в дореволюционное время, стала резиденцией Киевского митрополита.

Позиция гос. власти была диаметрально противоположной настрое-

Митр. Владимир (Сабодан) освящает вновь отстроенный Успенский собор Киево-Печерской лавры. 24 авг. 2000 г.

ниям правосл. верующих. Президиум Верховной рады Украины по воле президента Л. М. *Кравчука* и по инициативе депутата Д. Павлычка сделал заявление о непризнании решений Харьковского Собора, чем нарушил принятый в нач. 1992 г. закон Украины о свободе совести и религ. орг-циях, запрещающий любые формы вмешательства Церкви и гос-ва в дела друг друга. Кравчук отказывался встречаться с В. В подконтрольных президенту СМИ развернулась масштабная кампания по шельмованию УПЦ, ее Предстоятеля и клира, пресекались попытки журналистов объективно освещать деятельность УПЦ. Все это вызвало

Владимир (Сабодан), митр. Киевский и всея Украины. Фотография. 2002 г.

активное возмущение как укр., так и зарубежной правосл. общественности, принявшее такие крупные масштабы, что президент был вынужден встретиться с В. и объявить о признании его Предстоятелем УПЦ. Несмотря на это, на протяжении всего периода президентского правления Кравчука его отношение к УПЦ продолжало оставаться резко отрицательным.

В 1992 г. межрелиг. противостояние на Украине достигло своего апогея. На западе страны к 1992 г. униаты и раскольники при попустительстве местных властей практически полностью разгромили правосл. Львовскую, Ивано-Франковскую и Тернопольскую епархии. Тяжелейшие испытания постигли также Луцкую и Ровенскую епархии. Правосл. архиереи, духовенство и верующие в разных регионах страны подвергались физическим нападениям, осквернялись и насильственно отбирались храмы. И тем не менее благодаря тому курсу, к-рый задал своей пастве В., православные ни разу не ответили насилием на претерпеваемое зло, религ. конфликты не переросли в гражданское противостояние. Предстоятель Украинской Церкви неоднократно заявлял, что «не допустит кровопролития между единоверными и единокровными братьями».

Вместе с тем В. постоянно возвышал голос в защиту канонического Православия, призывая власти обуздать раскольников и поддерживающие их силы. 16 сент. 1992 г. Свящ. Синод УПЦ во главе с В. обратился к президенту Кравчуку с протестом против творимого при поддержке властей беззакония в отношении канонической Церкви. В дальнейшем священноначалие УПЦ под руководством В. неоднократно выступало с заявлениями и обращениями, в к-рых осуждался экстремизм на религ. почве, попытки привнесения националистической идеологии в церковную среду, содержались призывы к отпавшим от церковного единства покаяться и вернуться в лоно Церкви.

После избрания в июле 1994 г. президентом Л. Д. *Кучмы* конфессиональная ситуация на Украине изменилась. Значительно уменьшилась общественная роль возглавляемой Филаретом раскольнической *«Украинской православной церкви Киевского Патриархата»*. В частности, рухнули планы обретения этой структурой статуса гос. церкви. Положен конец искусственной изоляции УПЦ, к-рая получила возможность обращаться к обществу через СМИ. Не оказывая видимой поддержки ни одной из конфессий, гос. власть взяла курс на самоурегулирование межконфессиональных отношений.

Несмотря на трудности, с к-рыми сталкивается УПЦ, за годы служения В. в качестве Предстоятеля число ее приходов выросло с 5,5 тыс. в 1991 г. до 10 554 в 2004 г., Церковь состоит из 35 епархий, ее клир составляют ок. 9 тыс. священнослужителей. Количество мон-рей увеличилось с 32 в 1991 г. до 161 в 2004 г. Ко времени избрания В. в УПЦ действовали 4 ДС и академия, к 2004 г. количество духовных школ возросло до 15. Действует ок. 4 тыс. воскресных школ. Сегодня Украинская Церковь имеет более 100 периодических изданий.

Митр. Владимир (Сабодан) освящает часовню, построенную в память 1000-летия Успенского Святогорского Зимненского мон-ря. Май 2001 г.

В. является почетным д-ром ряда ун-тов и научных учреждений мира, действительным членом Международной академии информатизации (при Экологическом и социальном совете ООН) и Международной кадровой академии Совета Европы. В марте 1996 г. В. был избран почетным председателем Международного комитета при ООН по празднованию 2000-летия Рождества Христова. Награжден орденами РПЦ: прп. Сергия Радонежского 1-й степени (1979), равноап. кн. Владимира 1-й степени (1985), ап. Андрея Первозванного (2000), орденом УПЦ преподобных Антония и Феодосия Печерских 1-й степени, орденами всех Поместных Правосл. Церквей, а также гос. и общественными наградами: орденами Дружбы Народов (СССР, 1988), вел. кн. Ярослава Мудрого 5-й (2000), 4-й (2001) и 3-й (2002) степени (Украина), Дружбы (РФ, 2004).

В. известен как проповедник, ученый-богослов, духовный писатель. В 1997–1998 гг. вышло в свет 6-томное издание его трудов. В. лично редактирует важнейшие материалы, публикуемые в ж. «Православний вісник» и ежемесячном издании «Вісник прес-служби Української Православної Церкви», обращается к верующим с архипастырским словом в телепрограммах «Православний міръ» (еженедельная) и «Православний календар» (ежедневная). Мн. стихи В. положены на музыку и стали укр. народными песнями.

Соч.: Das Opfer Christi und das Opfen Christen in der euchristischen Texten der Russischen Orthodoxen Kirche // Das Opfer Christi und das Opfer der Christen: 7. Theol. Gesprach zwischen ROK und EKD. Frankfurt, 1979. S. 76–88; Заслуги свв. Кирилла и Мефодия в просвещении слав. народов // ЖМП. 1981. № 3. С. 45–49; Богословские и пастырские вопросы формирования клира в РПЦ // ВРЗЕПЭ. 1989. № 117. С. 171–181 (укр. пер.: ТКДА. 1997. № 1. С. 5–18); Экклезиология в отечественном богословии: Магист. дис. [М.], 1997; Сб. произведений: В 6 т. М., 1997–1998; Все содействует ко благу // Віра і розум. 2001. № 1. С. 29–30; Христ. семья — залог благополучия в обществе // Вестн. РХД. 2003. № 185. С. 65–75.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Владимира (Сабодана) во еп. Звенигородского //

ЖМП. 1966. № 9. С. 3–10; Митр. Ростовский и Новочеркасский Владимир, Патриарший Экзарх Западной Европы: Биография // Там же. 1984. № 11; Митр. Ростовский и Новочеркасский Владимир, Управляющий делами МП: Биография // Там же. 1988. № 5. С. 13; *Петрушко В. И.* Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период. 1989–1997. М., 1998; *Драбинко А., диак.* Православие в посттоталитарной Украине. К., 2002; *Серафима, игум.* Добрый пастырь Украинской земли. К., 2002.

Диак. Александр Драбинко, В. И. Петрушко

ВЛАДИ́МИР (Синьковский [Сеньковский] Филарет Алексеевич; 1845, мест. Каховка Днепровского у. Таврической губ.— 3.08.1917, г. Алушта Ялтинского у. Таврической губ.), архиеп. Донской и Новочеркасский. Из семьи священника. Окончил Херсонскую ДС. 26 сент. 1867 г. Таврическим и Симферопольским еп. *Алексием (Ржаницыным)* рукоположен во иерея к Покровской ц. в Каховке, в том же году назначен законоучителем в каховское народное уч-ще. Овдовев, продолжил образование в качестве вольнослушателя в КДА. В авг. 1875 г., согласно прошению, советом *Православного миссионерского об-ва* определен в *Алтайскую духовную миссию*. Прибыл на Алтай 19 окт., первоначально служил в Улалинском отд-нии миссии, 15 мая 1877 г. переведен в Чёрно-Ануйское, к-рое отличалось обширностью территории и большой численностью новокрещеных. Заботами свящ. Филарета в 1878 и 1879 гг. были построены училищный дом в с. Чёрный Ануй и церковь в с. Ильинском, в 1879 и 1881 гг. в селах Ильинском и Тюдрала открылись начальные школы.

В 1882 г. о. Филарет был назначен первым миссионером в новоучрежденную *Киргизскую миссию* (миссия занималась распространением христианства среди казахов-мусульман, к-рых в XVIII — нач. XX в. называли киргизами) с местопребыванием в г. Усть-Каменогорске, многое сделал для организационного оформления миссии. После перенесения миссионерского стана в Семипалатинск свящ. Филарет был назначен в марте 1883 г. настоятелем тюремной церкви в Семипалатинске, состоял законоучителем и попечителем местных школ, жен. прогимназии. Свящ. Филарет учредил первый постоянный стан в пос. Буконском Зайсанского у., куда вскоре переехал. В 1884 г. его заботами в поселке была построена церковь и открыта муж. школа, в 1887 г. открылась жен. школа, были построены дома для миссионера и псаломщика. 13 апр. 1886 г. о. Филарет был избран попечителем кокпектинской и буконской муж. начальных школ, в февр. 1888 г. утвержден попечителем буконской жен. школы. В марте 1889 г. возведен в сан протоиерея. В 1890 г. назначен 2-м помощником начальника Алтайской и Киргизской миссий. 21 нояб. 1890 г. пострижен в монашество и одновременно, согласно указу Святейшего Синода от 1 сент., возведен в сан игумена, в мае следующего года возведен в сан архимандрита.

26 июня 1891 г. В. был назначен и 18 авг. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии, с назначением начальником Алтайской и Киргизской миссиями. За время руководства миссиями обратил в христианство 285 чел.

3 июня 1893 г. В. был переведен на Владикавказскую кафедру. По инициативе В. епархия была выведена из состава Грузинского Экзархата (указ 10 сент. 1894) для более успешной организации миссионерской работы, в связи с чем были расширены ее границы, начала работу духовная консистория. В. считал, что мир на Кавказе возможен только с принятием его народами Православия: «Вы хотите мира и любви, так знайте, что для этого прежде всего надо быть христианами» (Владикавказские ЕВ. 1900. № 19. С. 344). За время управления епархией В. освятил ок. 30 храмов, церквей-школ и часовен, в т. ч. кафедральные соборы Михаило-Архангельский во Владикавказе (1894), при к-ром 15 марта 1894 г. открыл братство во имя арх. Михаила, и Успенский в Моздоке (1904). 1 янв. 1895 г. начали издаваться *«Владикавказские епархиальные ведомости»* с большим миссионерским отделом. В епархии были учреждены должности противораскольнического и противосектантского миссионеров. На миссионерском съезде 1901 г. открыты 4 должности окружных миссионеров.

Особое внимание архиерей уделял развитию школьного образования. Количество школ при В. в Сев. Осетии утроилось. 17 окт. 1894 г. во Владикавказе открылось епархиальное жен. уч-ще, в 1896 г. возобновило работу Владикавказское ДУ.

Еп. Владимир (Синьковский). Фотография. Нач. XX в. (РГИА)

12 авг. 1895 г. Ардонское осет. ДУ было преобразовано в Александровскую ДС, к-рая сыграла большую роль в укреплении церковно-приходской жизни в селах Осетии — почти во всех осет. приходах к нач. XX в. священниками служили воспитанники этой семинарии. Число осет. церквей и часовен во время управления епархией В. достигло 40. Архиерей совершал частые поездки по Осетии, при нем было увеличено жалованье духовенству. По инициативе В. был организован ежегодный крестный ход с *Иверской (Моздокской) иконой Божией Матери* из Моздока во Владикавказ через христ. и мусульм. аулы Сев. Осетии. Впосл. осетины-мусульмане стали участвовать во встречах и проводах святыни.

В 1894 г. В. открыл и освятил Покровскую жен. общину, к-рая 6 февр. 1898 г. была преобразована в Покровский жен. мон-рь — первый во Владикавказе. Построил колонию для прокаженных (1897), осет. приют, 30 авг. 1897 г. устроил и освятил архиерейский дом с церковью, 28 янв. 1901 г. освятил церковь в ДУ. В 1903 г. отмечался 10-летний юбилей служения В. во Владикавказской епархии. Среди многочисленных наград и подарков, полученных по этому случаю, был драгоценный крест с частицей св. мощей, присланный Иерусалимским Патриархом *Дамианом*. В 1904 г. В. присутствовал в Святейшем Синоде.

12 авг. 1904 г. В. был назначен на Кишинёвскую и Хотинскую кафедру. 16 сент. 1908 г. переведен в Новочеркасск с возведением в сан архиепископа Донского и Новочеркасского. 11 июля 1914 г. по болез-

ни уволен на покой с назначением сверхштатным членом Московской синодальной конторы и управляющим *Заиконоспасским московским в честь Нерукотворного образа Спасителя мон-рем*. Награжден орденами св. Анны 3-й (1890) и 1-й (1895) степени, равноап. кн. Владимира 3-й (1892) и 2-й (1900) степени.

В. перевел на казах. язык и издал «Первоначальные сведения о святой христианской вере готовящимся ко Святому Крещению» (Каз., б. г.), «Чин обращения магометан к Святой Церкви, молитвы», «Евангелие от Луки» (Каз., 1883), «Жизнь и страдания св. вмч. Евстафия Плакиды с семейством» (Каз., 1886), «Плач души грешника при разлучении ее от тела о грехах своих» (Каз., 1888), «Священную историю Ветхого Завета» (Каз., 1890), вероучительные и нравоучительные книги прот. И. Г. Поспелова (Как жить по православной вере, Кострома, 1878–1879; пер.: 1891–1892 и др.). Миссионерские записки В. печатались в журналах *«Православное обозрение»*, *«Странник»*, «Московские церковные ведомости», *«Миссионер»*, *«Томские епархиальные ведомости»* и др.

Соч.: Празднование Алтайскою духовною миссиею 50-летнего своего юбилея // Томские ЕВ. 1881. № 5. Ч. неофиц. С. 65–73; Зап. алтайского миссионера Черно-Ануйского отд-ния свящ. Филарета Синьковского за 1876, 77, 78, 79, 80 и 81 годы. М., 1883; Зап. миссионера Киргиз. духовной миссии свящ. Филарета Синьковского за 1884 и 1885 гг. // Моск. ЦВед. 1886. № 10. С. 152–155; № 11. С. 174–176; № 12. С. 194–195; № 13. С. 208–210; № 14. С. 221–223; № 16. С. 242–244; № 17. С. 260–261; № 18. С. 274–275; № 19. С. 286–287; То же за 1886 г. // Там же. 1887. № 9. С. 136–138; № 10. С 151–153; № 11. С. 170–172; № 12. С. 190–192; № 13. С. 209–211; То же за 1887 г. // Там же. 1888. № 11. С. 130–132; № 12. С. 150–152; № 13. С. 163–165; То же за 1888 г. // Там же. 1889. № 17. С. 225–227; № 18. С. 240–242; № 19. С. 248–250; № 20. С. 266–269; То же за 1889 г. // Там же. 1890. № 11. С. 149–151; № 12. С. 171–172; № 13. С. 179; № 14. С. 198–200; № 15. С. 204–206; № 16. С. 214–216; № 17. С. 229–230; № 18. С. 239–241; То же за 1890 г. М., 1891; Памяти покойного миссионера прот. В. И. Вербицкого: Из зап. Киргиз. миссионера игум. Владимира Синьковского // Томские ЕВ. 1891. № 9. Ч. неофиц. С. 1–5; Речь при наречении во епископа // ЦВед. 1891. № 34. С. 1148–1149; Слово при освящении церкви в с. Ход Владикавказского окр. Терской обл. // Владикавказские ЕВ. 1900. № 19. С. 338–341; Слово... при вступлении на Кишиневскую кафедру // Кишиневские ЕВ. 1904. № 19. С. 376–377; Беседа... с духовенством Кишинева // Там же. № 22. С. 437–441; Слово в день тезоименитства государя имп. Николая Алексеевича // Там же. № 24. С. 475–480.

Арх.: *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 94; ГА Томской обл. Ф. 184. Оп. 1. Д. 9. Л. 26 [Ведомость о службе алтайского миссионера Черно-Ануйского отд-ния свящ. Ф. А. Синьковского за 1877 г.]; Д. 14. Л. 3–6. [Характеристика и послужной список игум. Владимира (Синьковского)]; ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 13; Д. 14.

Лит.: Из отчета о миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргиз.– за 1893 г. // Томские ЕВ. 1894. № 7. Ч. неофиц. С. 1–2; Преосв. Владимир, еп. Владикавказский и Моздокский: К истекшему 30-летнему юбилею служения в священном сане // Владикавказские ЕВ. 1898. № 20. С. 350–356; *Гатуев А., свящ.* Христианство в Осетии: Преосв. Владимир, (5-й) епископ Владикавказский и Моздокский // Там же. 1901. № 14. С. 275–278; 10-летие архипастырского служения... Владикавказ, 1903; Новый архипастырь Кишинёвской епархии // Кишинёвские ЕВ. 1904. № 17. С. 303–304; Служение преосв. Владимира во Владикавказской епархии // Там же. № 18. С. 337–349; Высокопреосв. Владимир, архиеп. Донской и Новочеркасский // Донские ЕВ. 1908. № 30. С. 801–804; *Курдиновский В.* Прощание высокопреосв. Владимира, архиеп. Донского и Новочеркасского, с бессарабской паствой // Кишинёвские ЕВ. 1908. № 44. С. 1577–1584; Воспоминания о проводах архиеп. Владимира // Там же. № 46. С. 1672–1676; *Гедеон (Докукин), митр.* История христианства на Сев. Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992. С. 174–176.

Т. А. Богданова

ВЛАДИ́МИР (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 31.12.1852, с. Сенковцы Золотоношского у. Полтавской губ.– 27.11.1931, Москва), архиеп., бывш. Екатеринославский и Таганрогский. Из семьи священника. Окончил Полтавское ДУ, затем Полтавскую ДС (1874), в 1878 г. КазДА со степенью канд. богословия, выдержал устный экзамен на степень магистра богословия. 26 июля 1878 г. назначен смотрителем Полтавского ДУ. 29 сент. 1878 г. пострижен в монашество в с.-петербургской *Александро-Невской лавре*. 1 окт. рукоположен во диакона Сарапульским еп. Нафанаилом (Леандровым), 3 окт. рукоположен во иерея Новгородским, С.-Петербургским и Финляндским митр. *Исидором (Никольским)*, 3 нояб. определен сверхштатным членом Российской духовной миссии в Японии, 14 янв. 1879 г. утвержден в штате миссии. 17 марта 1879 г. прибыл в Токио и принял заведование учебной и воспитательной частью в семинарии при миссии. Изучив япон. язык, преподавал и проповедовал на японском, ездил по стране с миссионерскими целями. В 1882 г. В. приобрел участок земли в горах недалеко от г. Одавара, в Тоносаве, где на его средства и пожертвования частных лиц была построена и 3 авг. следующего года освящена ц. во имя прп. Антония Римлянина. По благословению еп. равноап. *Николая (Касаткина)* В. предпринял попытку насадить иночество в Японии: с *Афона* был призван мон. Георгий (Чудновский), к-рый поселился возле ц. прп. Антония Римлянина и вскоре собрал вокруг себя учеников. 16 мая 1884 г. В. был возведен в сан игумена. 10 июня 1886 г., согласно прошению, В. был уволен от службы в миссии и назначен преподавателем в Холмскую ДС по кафедре церковной истории и обличения раскола. Помимо преподавания в семинарии проводил религиозно-нравственные беседы с паствой.

Владимир (Соколовский-Автономов), еп. Алеутский. Фотография. 80-е гг. XIX в. (РГИА)

12 дек. 1887 г. В. был назначен, 20 дек. в С.-Петербурге хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. Одной из главных задач, к-рые он поставил перед собой, было учреждение богословской семинарии для подготовки проповедников и священнослужителей. С этой целью архиерей открыл богословскую школу, воскресную школу для детей. Усилиями В. в Сан-Франциско был воздвигнут новый храм. Архиерей способствовал присоединению к РПЦ униат. общины во главе со свящ. прав. *Алексием Товтом* (Миннеаполис, шт. Миннесота), совершившемуся в 1891 г. и вызвавшему массовое возвращение униатов в Православие в Америке. В. ввел в Сан-Франциско богослужения на англ. языке, что стало причиной недовольства местной общины, жаловавшейся в Синод и просившей восстановить богослужения на церковнославянском.

8 июня 1891 г. В. был назначен епископом Острогожским, викарием Воронежской епархии. Епископ много сделал для устроения *Акатова во имя свт. Алексия мон-ря,* учредил при нем в 1896 г. регентскую церковноприходскую школу, устроил прекрасный хор. Способствовал открытию церковноприходских школ в епархии. Состоял председателем Воронежского епархиального училищного совета, совета братства святителей Митрофана и Тихона, Воронежского комитета Православного миссионерского об-ва.

22 дек. 1896 г. В. был переведен на Оренбургскую и Уральскую кафедру. В Оренбурге и др. городах епархии В. много проповедовал, часто обращаясь к своему миссионерскому опыту; его беседы в записи оренбургских семинаристов публиковались в «Оренбургских ЕВ». В июле 1897 г. В. участвовал в работе 3-го миссионерского съезда в Казани. К празднованию 100-летнего юбилея епархии в 1899 г. под непосредственным наблюдением епископа был расписан кафедральный Казанский собор, заново отстроен архиерейский дом, приведен в порядок Богодуховский мон-рь. В. являлся председателем Оренбургского отдела *Палестинского православного об-ва,* совета оренбургского Михаило-Архангельского братства.

29 нояб. 1903 г. В. был переведен на Екатеринбургскую и Ирбитскую кафедру. В 1904 г. возглавил юбилейные торжества по случаю 300-летия основания *верхотурского во имя свт. Николая Чудотворца мон-ря* и 200-летия со времени перенесения в монастырь мощей прав. *Симеона Верхотурского.* Под непосредственным наблюдением епископа и при его содействии был возведен Крестовоздвиженский собор Верхотурского мон-ря. Во время революции 1905–1907 гг. во многом благодаря активной проповеднической деятельности В., обращавшегося к пастве с церковного амвона, в общественных собраниях, на встречах с рабочими, в Екатеринбургской губ. удалось избежать открытого столкновения с властями. Архиерей занимал резко неприязненную позицию в отношении революционных партий, выступал с критикой либеральных настроений интеллигенции. В 1906 г. стал почетным председателем Екатеринбургского об-ва *Союза русского народа,* в к-рый в 1905 г. записал все духовенство епархии. В. не был сторонником проведения епархиальных съездов и участия духовенства в гражданских представительных учреждениях. В марте 1906 г. принимал участие в деятельности *Предсоборного присутствия.* В качестве товарища председателя участвовал в работе IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве (1908). Состоял председателем Екатеринбургского отдела Православного Палестинского об-ва, Екатеринбургского комитета Православного миссионерского об-ва, мн. общественных, просветительских и благотворительных орг-ций и правосл. братств. Во время своего посещения Екатеринбурга в июне 1905 г. прав. *Иоанн Кронштадтский* после совместного служения с В. записал в дневнике: «Божий он человек: умный, наблюдательный, твердый в правде, скромный, кроткий, благолепный» (Неизданный дневник. М., 1992. С. 44). В. был награжден орденами равноап. кн. Владимира 3-й степени (1895), св. Анны 1-й степени (1899).

18 марта 1910 г. В. по болезни был уволен на покой и назначен настоятелем московского *Андроникова в честь Нерукотворного образа Спасителя мон-ря.* По поручению Московского митр. сщмч. *Владимира (Богоявленского)* В. председательствовал на 5-м Всероссийском съезде русских людей (С.-Петербург, 1912). В 1913 г. Московский митр. св. *Макарий (Невский)* назначил В. в помощь своему 1-му викарию Дмитровскому еп. *Трифону (Туркестанову)* в делах епархиального управления и совершении торжественных богослужений. В. возглавлял комитет по возведению собора в честь св. Александра Невского на Миусской пл. в Москве (заложен в 1913, строительство не было завершено).

В 1918 г. В. полтора месяца находился под арестом. После закрытия осенью 1919 г. Андроникова мон-ря жил в бараке возле собора Александра Невского. В 1921 г. Патриархом св. Тихоном возведен в сан архиепископа и назначен на Екатеринославскую кафедру, к месту служения уехал после ареста Патриарха в 1922 г. В 1924 г. был выслан из Екатеринослава в Москву без права выезда. 29 апр. следующего года В. вновь был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, обвинен «в распространении непроверенных слухов о притеснении со стороны Советской власти Тихоновской церкви». Виновным себя не признал. Находясь в тюрьме, дважды просил допустить к нему для исповеди сщмч. *Василия Надеждина,* оба раза ему было отказано. По постановлению Коллегии ОГПУ от 3 июля 1925 г. освобожден под подписку о невыезде из Москвы, 10 сент. дело в отношении В. было прекращено.

В янв. 1926 г. В. примкнул к *григорианскому расколу,* был назначен на Днепропетровскую кафедру. В июне того же года принес покаяние Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергию (Страгородскому).* Пребывая на покое, служил во Всехсвятской ц. в с. Всехсвятском (ныне Москва, близ станции метро «Сокол»). В этот период П. Д. *Корин* писал портрет В. для картины «Русь уходящая» (этюды и эскиз картины с портретом В. хранятся в Доме-музее Корина в Москве). В. погребен у алтаря Всехсвятской ц., могила не сохранилась. Чин отпевания совершил митр. Сергий в сослужении викариев Московской епархии Подольского еп. *Иннокентия (Летяева),* Волоколамского еп. *Иоанна (Широкова)* и Дмитровского еп. *Питирима (Крылова).*

Перу В. принадлежит неск. сочинений миссионерской тематики. Наибольший интерес представляет кн. «Характер латинской пропаганды в Японской империи и судьбы ее (с 16 и 17 вв. до наст. вр.)» (СПб., б. г.), помимо полемики с католиками содержащая сведения о религ. ситуации в Японии.

Соч.: Лжеисидоровские декреталии, или Подложное каноническое право латино-папской Церкви // Холмско-Варшав. епарх. вестн. 1887 (отд. отт.: Варшава, 1887); Из писем преосв. Владимира, еп. Алеутского и Аляскинского // ПрибЦВед. 1888. № 10. С. 261–267; Недобрые деяния иезуитов в Японской империи в 16-м и 17-м вв. и до наст. вр. Воронеж, 1892; Подложные законы, породившие папскую власть, или Лжеисидоровские декреталии. Воронеж, 1892; Слово в Неделю крестопоклонную. Оренбург, 1898; Слово пред молебным пением по случаю начала учения в Оренбургской ДС. Оренбург, 1898.
Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 253 [Форм. списки В.]; РГБ ОР. Ф. 257. П. 3. Д. 5–9; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 18; ЦМАМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 63; ГА Оренбургской обл. Ф. 173. Оп. 3. Д. 52; ЦА ФСБ РФ. Д. Р–25834; УЗАГС (М). Объединенный архив. Спр. № 2238 от 21.02.2003 г.; ЦИМ СДМ. КП 1385/1–6ъ.
Ист.: ЖМП, 1931–1935. С. 119.
Лит.: Алеутская епархия и ее новый архипастырь // ПрибЦВед. 1888. № 4. С. 95–98; *Ма-*

карий (Гневушев), архим. Преосв. Владимир, еп. Алеутский и Аляскинский, и состояние Правосл. Русской Церкви в Америке. К., 1890; *Руссель Н. К.* Житие преосв. Владимира, бывш. еп. Алеутского и Аляскинского, ныне викарного еп. Воронежского. М.: [Лондон], 1895; *Чернавский Н. М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1 // Тр. Оренбургской учен. арх. комис. Оренбург, 1900. Вып. 7. С. 336–337; Преосв. Владимир, еп. Екатеринбургский и Ирбитский // Екатеринбургские ЕВ. 1903. № 24. С. 811–815; Последние дни пребывания преосв. Владимира в г. Оренбурге // Там же. 1904. № 1–2. С. 6–14; *Иоанн (Снычёв), митр.* Митр. Мануил (Лемешевский). СПб., 1993. С. 238; *Ворошилин С.* Шесть веков иерархии РПЦ на Урале // Уральская старина. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 148; *Козлов В. Ф.* Еп. Владимир (Соколовский) // Хоругвь. М., 2000. Вып. 5. С. 113–131; *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 13–15, 135; *Никифорова О. В.* Последний настоятель Спасо-Андроникова мон-ря // Хоругвь. М., 2002. Вып. 6. С. 61–92; *она же.* Преосв. Владимир (Соколовский): Екатеринбургский период служения // Там же. Вып. 7. С. 101–143; *она же.* Последний настоятель Спасо-Андроникова мон-ря в Москве — архиеп. Владимир (Соколовский): Оренбургский период служения (1896 –1903 гг.) // Там же. 2003. Вып. 8. С. 112–132; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 203–204.

Н. Ю. Васильева, А. В. Мангилёва, О. В. Никифорова

ВЛАДИ́МИР (Тихоницкий Вячеслав Михайлович; 22.03.1873, с. Быстрица Орловского у. Вятской губ.— 18.12.1959, Париж), митр., экзарх *Западноевропейского Экзархата русских православных приходов* в юрисдикции К-польского Патриархата. Из священнического рода, сын сщмч. прот. *Михаила Тихоницкого*, брат архиеп. *Вениамина (Тихоницкого)*. Начальное образование получил в Вятском ДУ, в 1890–1893 гг. учился в Вятской ДС. По особому разрешению Вятского архиеп. *Сергия (Серафимова)* в 1894 г. был допущен к поступлению в КазДА и после успешной сдачи экзаменов зачислен в академию. Во время учебы нес послушание иподиакона у Казанского и Свияжского архиеп. *Владимира (Петрова)*. 27 сент. 1897 г. ректором КазДА Чебоксарским еп. *Антонием (Храповицким)* пострижен в монашество с именем Владимир, в память о незадолго до этого почившем архиеп. Владимире († 2 сент. 1897), и 11 окт. того же года рукоположен во диакона. 22 февр. 1898 г. Казанский и Свияжский архиеп. *Арсений (Брянцев)* рукоположил В. во иерея. В том же году В. закончил

Владимир (Тихоницкий), еп. Белостокский. Фотография. 10-е гг. XX в. (РГИА)

КазДА со степенью канд. богословия за соч. «Личная жизнь инока и его общественная деятельность по сочинениям Иосифа Волоколамского, Нила Сорского и Максима Грека» и определен в Омскую епархию в *Киргизскую миссию*. 6 мая 1901 г. назначен начальником миссии с возведением в сан архимандрита. В 1906 г. по ходатайству Волынского архиеп. Антония (Храповицкого) и Гродненского еп. *Михаила (Ермакова)* В. был переведен в Гродненскую епархию на должность настоятеля *супрасльского Благовещенского мон-ря*.

18 мая 1907 г. В. определено быть епископом Белостокским, викарием Гродненской епархии, хиротонию, состоявшуюся 3 июня в Троицком соборе *Александро-Невской лавры*, возглавил С.-Петербургский и Ладожский митр. *Антоний (Вадковский)*. В 1907–1912 гг. В. оказывал помощь в управлении епархией Холмскому и Люблинскому еп. *Евлогию (Георгиевскому)* во время его работы в 3-й Государственной думе. После начала первой мировой войны В. способствовал эвакуации мирного населения из оккупированных территорий в Россию. По причине боевых действий и наступления нем. армии В. переехал в г. Слоним, где окормлял госпитали с ранеными, неоднократно посещал солдат на передовых позициях, за что был удостоен орденов св. Анны 1-й степени и св. Владимира 2-й степени. Активно участвовал в эвакуации из храмов и мон-рей Гродненской епархии ценностей и святынь, в авг. 1915 г. сопровождал раку с мощами мч. *Гавриила Белостокского*. Осенью того же года был эвакуирован в Москву, жил в *Чудовом мон-ре*. В 1917 г. был избран делегатом от Гродненской епархии на *Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.*

В сент. 1918 г. В. вернулся в Гродно. Оставаясь епископом Белостокским, по благословению Патриарха Московского и всея России св. *Тихона* вступил в управление Гродненской и Холмской епархией, территория к-рой вошла в состав Польши. В условиях преследований правосл. населения со стороны польск. властей и мер, принимаемых правительством Ю. *Пилсудского* для отделения польск. епархий от Русской Церкви, В. отстаивал необходимость сохранения канонического единства с РПЦ. В янв. 1922 г., несмотря на давление со стороны мин-ва религ. исповеданий Польши, В. отказался подписать «Временные правила», предусматривавшие гос. контроль над правосл. Церковью и ущемлявшие права правосл. населения Польши. На проходивших в мае и июне того же года Соборах епископов польск. епархий В. и Литовский архиеп. *Елевферий (Богоявленский)* отказались поддержать Варшавского митр. *Георгия (Ярошевского)*, настаивавшего на провозглашении автокефалии правосл. Церкви в Польше. На созванном по инициативе В. в июле 1922 г. съезде представителей духовенства и мирян Гродненской епархии была принята резолюция, выражавшая протест против навязываемой автокефалии. Решением организованного митр. Георгием Синода, состоявшего из сторонников автокефалии, 12 окт. 1922 г. В. объявлялся уволенным от управления Гродненской епархией, однако из-за поддержки архиерея паствой польск. власти смогли удалить В. с кафедры лишь в кон. 1922 г. 8 янв. 1923 г. В. был тайно вывезен и заточен в *дерманском во имя Св. Троицы мон-ре*. В февр. 1923 г., после убийства митр. Георгия противником автокефалии архим. *Смарагдом (Латышенко)*, В. обвинили в соучастии в преступлении, но на суде он был оправдан и выступал в качестве свидетеля.

30 нояб. 1923 г. Патриарх св. Тихон «за твердое стояние на почве канонической правды» возвел В. в сан архиепископа. 14 окт. 1924 г. решением польск. правительства В. был выслан в Чехословакию и остановился в Праге у еп. *Сергия*

(Королёва). По приглашению управляющего рус. приходами в Зап. Европе митр. Евлогия (Георгиевского) В. 17 янв. 1925 г. прибыл в Париж, 12 февр. назначен управляющим викариатством Юж. Франции с местопребыванием в Ницце, где с 1 дек. того же года являлся настоятелем храма свт. Николая. По благословению и по инициативе В. при храме был создан ряд благотворительных учреждений для помощи рус. эмигрантам, В. постоянно оказывал помощь нуждающимся из своих личных средств. После разрыва в июне 1926 г. между митр. Евлогием и Архиерейским Синодом *Русской православной Церкви за границей* (РПЦЗ) В. поддержал митр. Евлогия и летом 1927 г. на епархиальном съезде в Париже признал позицию митр. Евлогия канонически законной. 26 авг. того же года Архиерейский Собор РПЦЗ объявил о запрещении В. и др. последовавших за митр. Евлогием клириков.

10 июня 1930 г. указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергия (Страгородского)* и Временного Патриаршего Синода в связи с участием, вопреки данному обещанию, в ряде акций и выступлений, носивших политический характер, митр. Евлогий был отстранен от управления рус. церквами в Зап. Европе. Тем же указом временное управление поручалось В., однако он отказался принять это назначение, направив митр. Сергию заявление, в к-ром назвал увольнение митр. Евлогия несправедливым. В 1931 г. В. вместе с митр. Евлогием перешел в юрисдикцию К-польского Патриархата и вошел в состав образованного К-польским Патриархом *Фотием II* Западноевропейского Экзархата.

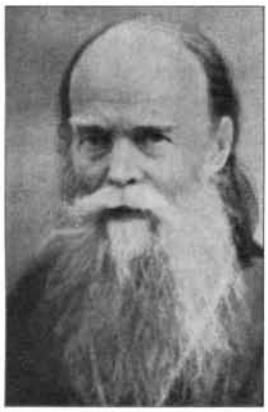
В связи с невозможностью для митр. Евлогия осуществлять руководство Экзархатом из-за нем. оккупации Парижа В. 26 окт. 1940 г. было поручено временное управление на правах епархиального архиерея приходами во Франции, Италии, Швейцарии, Марокко и в Алжире. После нападения фашистской Германии на СССР, 6 июля 1941 г. В. обратился к прихожанам с призывом молиться о спасении России. Во время войны В. окормлял и оказывал посильную помощь советским военнопленным и депортированным в Германию гражданам СССР. На протяжении 1945 г. в связи с ухудшением здоровья митр. Евлогия В. неоднократно исполнял обязанности управляющего Западноевропейским Экзархатом.

В авг. 1945 г. В. участвовал во встречах с делегацией РПЦ во главе с Крутицким митр. *Николаем (Ярушевичем)*, прибывшей для переговоров о возвращении Экзархата в юрисдикцию РПЦ. По итогам переговоров 2 сент. 1945 г. во время литургии в *Александра Невского соборе в Париже* митр. Николаем были приняты в общение с РПЦ митр. Евлогий и его викарии (в т. ч. В.) и митр. *Серафим (Лукьянов)*, возглавлявший западноевроп. приходы РПЦЗ. Решением Свящ. Синода РПЦ от 7 сент. того же года было подтверждено воссоединение митр. Евлогия и его викариев с сохранением Западноевропейского Экзархата в МП. В телеграмме 4 нояб. 1945 г. Патриарх *Алексий I (Симанский)* сообщил К-польскому Патриарху *Вениамину I* о принятии митр. Евлогия, клириков и мирян Экзархата в Русскую Церковь и просил благословения для митр. Евлогия. В февр. 1946 г. со стороны Патриарха Вениамина I митр. Евлогию поступило распоряжение о возношении его имени за богослужениями вплоть до окончательного решения вопроса об Экзархате, при этом одновременное поминовение К-польского и Московского Патриархов создавало неясность в вопросе о канонической принадлежности рус. западноевроп. приходов.

Согласно завещанию митр. Евлогия († 8 авг. 1946), после его кончины В. вступил в управление Западноевропейским Экзархатом. В то же время 9 авг. 1946 г. Свящ. Синод РПЦ в своем решении подтвердил фактическое и формальное прекращение временной юрисдикции К-польского Патриархата над рус. западноевроп. приходами и назначил митр. Серафима (Лукьянова) экзархом Западноевропейского Экзархата МП. По поручению Патриарха Алексия I 10 авг. в Париж на погребение митр. Евлогия и для нормализации дел в Экзархате прибыл Ленинградский и Новгородский митр. *Григорий (Чуков)*, передавший В. указ Свящ. Синода РПЦ от 9 авг. 1946 г. Однако В. отказался принять указ к исполнению и особым циркуляром обязал клириков Экзархата не подчиняться распоряжениям митр. Серафима.

21 авг. В. получил от Патриарха Алексия I телеграмму: «Завещательное распоряжение митр. Евлогия в отношении Вашего Преосвященства, если таковое и существует, не имеет никакой канонической силы, тем более что покойный экзарх Евлогий признал над собой юрисдикцию Московской Патриархии. Предлагаю Вашему Преосвященству оказать послушание Матери Церкви, вступить под руководство нами назначенного экзарха и сообщить нам об этом» (Митр. Владимир: святитель-молитвенник (1873–1959). П., 1965. С. 112). В своем ответе В. сообщил, что он не принимает решения Синода, т. к. не имеет права без отпускной грамоты К-польского Патриарха выйти из его подчинения и обязан выслушать мнение всего Экзархата. На епархиальном съезде, прошедшем 16–20 окт. под председательством В., возобладала позиция противников воссоединения с РПЦ, стремившихся сохранить независимость от «советского» влияния. Съезд принял решение ходатайствовать перед К-польским Патриархом о сохранении Экзархата в его юрисдикции и об утверждении В. экзархом. Грамотой К-польского Патриарха *Максима V* 6 марта 1947 г. утверждалось «свободное существование» Экзархата, а В. присваивался титул Патриаршего экзарха. Вместе с В. в юрисдикцию К-польского Патриархата перешли епископы Иоанн (Леончуков) и Никон (Греве), 36 приходов (26 во Франции, 3 в Голландии, 2 в Великобритании, 2 в Марокко, 1 в Италии, 1 в Норвегии, 1 в Швеции) и *Православный Богословский ин-т прп. Сергия Радонежского в Париже*, ректором к-рого в 1946–1947 гг. являлся В. 27 мая 1947 г. указом Патриарха Алексия I В. и последовавшие за ним священнослужители были исключены из состава РПЦ.

8 июля 1947 г. К-польским Патриархом Максимом V В. был возведен в сан митрополита. В. стремился к объединению рус. зарубежных церковных структур. После кончины митр. Евлогия В. предложил Первоиерарху РПЦЗ митр. *Анастасию (Грибановскому)* возглавить единый рус. экзархат в юрисдикции К-польского Патриархата, но получил отказ. 9 авг. 1948 г. В. вновь направил письма митр. Анастасию и возглавлявшему *Митрополичий округ в Сев.*

Митр. Владимир (Тихоницкий). Фотография. 50-е гг. XX в.

Америке митр. *Феофилу (Пашковскому)* с предложением о личной встрече для обсуждения вопросов единства среди рус. диаспоры и совместной организации помощи новой эмиграции, но не получил от них положительного ответа. Впосл. В. неоднократно обращался к митр. Анастасию и лично встречался с ним в июле 1950 г. в Швейцарии, но попытки организации В. единого рус. экзархата за рубежом остались безрезультатными. В. похоронен в крипте Успенской ц. на рус. кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Соч.: Слова и поучения. П., 1961; Духовные зернышки: мысли и советы святителя Божия. П., 1967. М., 2000[2]; Христосование на пасхальной заутрене // Вечное. 1972. № 4. С. 6; Рождество Христово // Там же. № 12. С. 9–10.

Ист.: ГАРФ. Ф. 6991. Д. 581. Л. 222–228; Д. 1432. Л. 89–91.

Лит.: *Николай (Ярушевич), митр.* Наше пребывание во Франции (24 авг.– 5 сент. 1945 г. // ЖМП. 1945. № 10. С. 14–25; *Парийский Л.* После кончины митр. Евлогия // Там же. 1946. № 9. С. 35–38; *Карташёв А. В.* Жизненный путь митр.-экзарха Владимира (Тихоницкого) // ПМ. 1947. Вып. 5. С. 9–18; *Зеньковский В., прот.* Памяти митр. Владимира (Тихоницкого) // Вестн. РСХД. 1959. № 4 (59). С. 2–3; *Куломзин Н.* Церк. положение экзархата Вселенского Патриархата в Зап. Европе: (с т. зр. митр. Евлогия и Владимира) // Там же. 1960. № 56. С. 12–16; Митр. Владимир: святитель-молитвенник (1873–1959). П., 1965; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994[2]. С. 177–178, 388, 393, 562, 570; *Озолин Н., прот.* Из истории борьбы за единство Церкви за рубежом // Единство Церкви: Богосл. конф. 15–16 нояб. 1994 г. М., 1996. С. 254–259; *Свитич А.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX ст.: 1917–1950 гг.: Сб. М., 1997. С. 87–156. (Мат-лы по истории Церкви; Кн. 14); *Савва (Тутунов), мон.* Образ «инока скромного»: митр. Владимир (Тихоницкий) – сын первого вятского новомученика // ЦВ. М., 2004. № 1–2 (278–279). С. 24.

В. И. Косик

ВЛАДИ́МИР (Ужинский Владимир Кононович; 22.03.1777, Ужинский погост Валдайского у. Новгородской губ.– 16.12.1855, г. Свияжск Казанской губ.), архиеп. Казанский и Свияжский. Из семьи причетника. Учился в Валдайском ДУ, с 1790 г.– в Новгородской ДС, после закрытия к-рой в 1792 г. перешел в Александро-Невскую ДС, в 1797 г. преобразованную в академию. На формирование В. как проповедника и преподавателя большое влияние оказали лекции архим. *Антония (Знаменского)* и архим. *Амвросия (Протасова)*. В 1800 г. Ужинский вернулся в восстановленную Новгородскую ДС. По одним данным, закончил обучение в 1803 г. и начал преподавать в семинарии, по др.– с 1800 г. был преподавателем. В 1806 г. являлся инспектором Новгородской ДС.

26 мая 1807 г. Старорусским еп. *Евгением (Болховитиновым)* Ужинский был пострижен в монашество. 16 июня рукоположен во диакона, 1 дек.– во иерея. С 7 февр. 1808 г. префект, с 19 июня 1809 г. ректор Новгородских духовных уч-щ, с 23 марта 1812 г. ректор Новгородской ДС. Одновременно с управлением новгородскими духовными учебными заведениями В. являлся настоятелем новгородских мон-рей: с 30 мая 1811 г.– *Деревяницкого в честь Воскресения Господня мон-ря* в сане игумена, 15 нояб. того же года, после возведения в сан архимандрита, назначен настоятелем *Антония Римлянина в честь Рождества Пресв. Богородицы мон-ря*, с 7 марта 1816 г. архимандрит *Валдайского Святоозерского в честь Иверской иконы Божией Матери мон-ря*, с 10 марта 1819 г. архимандрит *Юрьева новгородского мон-ря*. В авг. 1814 г. Комиссией духовных уч-щ удостоен звания профессора богословия.

11 мая 1819 г. состоялась хиротония В. во епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии, к-рую возглавил Новгородский и С.-Петербургский митр. *Михаил (Десницкий)*. В. критически относился к активной в те годы деятельности *Российского Библейского об-ва* и его президента министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. *Голицына*. В. покровительствовал архим. *Фотию (Спасскому)* во время пребывания последнего в Деревяницком мон-ре. 12 апр. 1822 г. В. был назначен епископом Курским и Белгородским. 15 марта 1828 г. вызван из Белгорода (в то время центр Курской епархии) в С.-Петербург для присутствия в Синоде, пробыл в столице 2,5 года и в Курскую епархию не вернулся.

28 марта 1831 г. В. был назначен архиепископом Черниговским. В Чернигове проявил себя как строгий

Владимир (Ужинский), архиеп. Казанский. Гравюра. 40-е гг. XIX в. (РГИА)

администратор, завершил архиерейское расследование ряда дел о недостойном поведении священно- и церковнослужителей, в результате к-рого мн. клирики были лишены сана и отданы в солдаты. Ежегодно совершал длительные поездки по епархии (кроме 1833, когда был тяжело болен), во время к-рых часто служил и проповедовал, полемизировал со старообрядцами; запретил сборы с духовенства на подарки архиерею при посещении им приходов.

19 сент. 1836 г. назначен архиепископом Казанским и Свияжским. В Казани в 1841–1846 гг. руководил перестройкой кафедрального Благовещенского собора. Большой заслугой В. стало возвращение после 50-летнего перерыва казанского архиерейского дома из бывш. Воскресенского (Новоиерусалимского) мон-ря, находившегося на берегу оз. Ср. Кабан в дальнем пригороде Казани, в Казанский кремль, с этого времени архиерейские богослужения стали регулярно совершаться в кафедральном соборе. В. сыграл большую роль в организации КазДА, открывшейся в 1842 г. в Спасо-Преображенском мон-ре в кремле. Архиерей многое сделал для материального обеспечения академии, для ее строительства в 1844–1848 гг., принимал активное участие в учебной

деятельности. В. приложил большие усилия для восстановления храмов и церковных зданий, пострадавших во время разрушительного пожара 1842 г. в Казани (пострадали почти все городские храмы, в т. ч. кафедральный собор, сгорело здание ДС). Архиерей был награжден орденами св. Анны 1-й (1819) степени, равноап. кн. Владимира 2-й (1830) и 1-й (1843) степени, блгв. кн. Александра Невского (1838).

1 марта 1848 г. В. по собственному прошению был уволен на покой, поселился в *свияжском в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ре*, где и скончался. Отпевание совершил Чебоксарский еп. *Никодим (Казанцев)*. В. был похоронен около колокольни монастырского собора, рядом с захоронением свт. *Германа (Садырева-Полева)*, архиеп. Казанского и Свияжского; могила не сохранилась.

Лит.: *Страдомский А.* Преосв. еп. Владимир (Ужинский) // Странник. 1874. № 1. С. 3–52; № 2. С. 81–112; *Можаровский А. Ф.* Дополнение к биографии архиеп. Владимира Казанского // Там же. № 12. С. 197–202; *Горталов Н.* Краткие биогр. сведения об иерархах Казанской епархии от учреждения ее до настоящего времени (1555–1885 гг.). Каз., 1885. С. 21–22; *Знаменский П. В.* История КазДА за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). Каз., 1891–1892; *Богословский Г. К.* Краткий ист. очерк Казанской епархии: С прил. биогр. сведений о Казанских архипастырях. Каз., 1892.

Е. В. Липаков

ВЛАДИ́МИР (Филантропов Василий; 1842 (1841?), Владимирская губ.– 10.07.1916, Москва), еп. Ковенский, вик. Литовской епархии. Из семьи священника. Обучался во Владимирской ДС (1852–1862), затем служил учителем сначала в Шуйском (с 1864), затем в Симферопольском (с 1876) духовных уч-щах. С 1880 г. исполнял должность помощника синодального ризничего в Москве. 19 окт. 1880 г. пострижен в монашество, 6 дек. рукоположен во иерея и утвержден в должности помощника ризничего. В авг. 1882 г. занял должность ризничего и настоятеля синодальной ц. во имя 12 апостолов в Московском Кремле (при Московской синодальной конторе, располагавшейся в бывш. Патриаршем дворце). В 1886 г. возведен в сан архимандрита. С 1892 г. являлся настоятелем *московского в честь иконы Божией Матери «Знамение» мон-ря*, с 1895 г.– настоятелем *Заиконоспасского московского*

Владимир (Филантропов), еп. Ковенский. Фотография. Нач. XX в. (РГИА)

в честь Нерукотворного образа Спасителя мон-ря. В 1896 г. освобожден от должности ризничего, в 1898 г. назначен настоятелем *Новоиерусалимского в честь Воскресения Господня мон-ря*.

30 янв. 1904 г. В. определено быть епископом Киренским, викарием Иркутской епархии, хиротонисание состоялось 22 февр. в Свято-Троицком соборе *Александро-Невской лавры*. 22 февр. 1908 г. перемещен на Ковенское вик-ство Литовской епархии с управлением *Пожайским в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рем*. 25 июня 1911 г. по преклонности лет уволен на покой с назначением управляющим арзамасским Преображенским мон-рем. 4 июля 1914 г. уволен от управления мон-рем, жил подвижнически в *Новоспасском московском в честь Преображения Господня мон-ре*, где и погребен. Свои сбережения (10 тыс. р.) пожертвовал на постройку церквей для переселенцев в Сибири.

Будучи синодальным ризничим, В. оказывал поддержку ученым, для к-рых была отведена часть его квартиры при храме во имя 12 апостолов. Составил систематическое описание рукописей московской Синодальной (Патриаршей) б-ки, дополнив описание слав. рукописей А. В. *Горского* и К. И. *Невоструева*. Была издана 1-я часть труда В.– каталог греч. рукописей, на сегодняшний день остающийся основным справочником по своей теме. 2-я часть – описание слав. рукописей – не опубликована.

Соч.: Систематическое описание рукописей Моск. Синодальной (Патриаршей б-ки): Рукописи греческие. М., 1894. Ч. 1.

Арх.: РГИА. Ф. 796. Оп. 439. № 254 (форм. список); *Здравомыслов.* Словарь иерархов. Ед. хр. 432. Л. 98.

Лит.: Наречение и хиротония архим. Владимира во еп. Киренского, вик. Иркутской епархии // ПрибЦВед. 1904. № 9. С. 316–317; *С[оболевский] А. И.* Еп. Владимир // РФВ. 1916. № 3. С. 151–154.

Т. А. Богданова

ВЛАДИ́МИР (Шимкович Василий; 26.01.1841, с. Тереховка Гомельского у. Могилёвской губ.– 6.01. 1926, Воронеж), митр. Воронежский. Из семьи священника. Окончил Могилёвскую ДС, в 1867 г.– КДА. 28 июля 1868 г. рукоположен во иерея, служил в Могилёве, в 1879 г. возведен в сан протоиерея. В 1870 г. назначен преподавателем в Могилёвскую ДС, в 1871 г. удостоен степени канд. богословия. В 1872 г. состоял членом Могилёвской духовной консистории. Овдовев, 20 июня 1884 г. принял монашеский постриг,

Еп. Владимир (Шимкович). Фотография. Кон. XIX – нач. XX в. (РГИА)

после возведения в сан архимандрита стал настоятелем могилёвского Братского мон-ря.

24 апр. 1887 г. В. был назначен, 9 мая хиротонисан во епископа Нарвского, викария С.-Петербургской епархии. С 24 авг. 1890 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии, с 5 дек. 1892 г. епископ Екатеринославский и Таганрогский, с 12 июня 1896 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. В июне 1897 г. В. был уволен на покой с местопребыванием в Корсунском мон-ре (г. Каховка, Украина), впосл. в херсонесском св. Владимира мон-ре.

31 янв. 1900 г. В. был переведен на Острогожское вик-ство Воронежской епархии с поручением настоятельства в *Акатовом во имя свт.*

Алексия мон-ре, в марте того же года прибыл в Воронеж. Помогал Воронежскому еп. *Анастасию (Добрадину)* в делах епархиального управления: инспектировал сельские приходы и духовные уч-ща, рукополагал священников, освящал храмы, участвовал в работе церковного историко-археологического комитета и миссионерского об-ва. По настоянию В. в Акатовом мон-ре был отремонтирован двухэтажный Алексиевско-Воскресенский (ныне Алексиевско-Владимирский) храм, освященный после ремонта 1 нояб. 1911 г. В. совместно с архиеп. Анастасием. В 1-м ярусе надвратной колокольни устроена крестовая церковь, освященная В. 27 июня 1903 г. во имя прп. Сергия Радонежского. В мон-ре начали проводиться воскресные религиозно-нравственные чтения для прихожан. В мае 1913 г. В. возглавил отпевание архиеп. Анастасия. В. был награжден орденами св. Анны 1-й степени и св. Владимира 3-й степени.

В 1919 г., во время гражданской войны, В., как и Воронежский архиеп. сщмч. *Тихон (Никаноров)*, не покинул свою паству и не ушел с отступавшим корпусом ген. А. Г. Шкуро. После мученической кончины 9 янв. 1920 г. архиеп. Тихона (Никанорова) на Воронежскую кафедру был назначен архиеп. *Тихон (Василевский)*, вскоре уклонившийся в *обновленчество*. Центром противостояния расколу, к-рое возглавил В., стал Акатов мон-рь; местные обновленцы всех сторонников канонической Церкви называли «тихоновцами» и «владимировцами». Однако в течение нек-рого времени В. из соображений церковной дисциплины не заявлял о неповиновении Тихону (Василевскому).

В авг. 1923 г. в Никольском храме Воронежа состоялось собрание духовенства и верующих, постановившее просить Патриарха св. *Тихона* о смещении Тихона (Василевского) и о поставлении на Воронежскую кафедру В. 8 авг. 1923 г. В. был назначен управляющим Воронежской епархией с возведением в сан архиепископа, к тому времени в Воронеже ему подчинялись 5 храмов. Архиерей поддерживал постоянную связь с Патриархом Тихоном, сообщая ему обо всех событиях, происходивших в епархии.

Стремясь ограничить противодействие В. обновленчеству, власти содержали его под домашним арестом в Акатовом мон-ре. 9 апр. 1924 г. домашний арест был снят с условием «временно не говорить проповедей», В. этого условия не выполнял. Активная проповедническая деятельность Воронежского архиепископа и викарного Бутурлиновского еп. *Митрофана (Поликарпова)*, отъезд из Воронежа главы местных раскольников (Тихон (Василевский) был возведен обновленцами в сан «митрополита» и назначен в Киев) привели к возвращению мн. верующих в лоно Патриаршей Церкви и значительному сокращению числа обновленческих приходов. Ввиду ареста еп. Митрофана в марте 1924 г. Местоблюститель Патриаршего престола Крутицкий митр. сщмч. *Петр (Полянский)* 16 июля 1925 г. послал в Воронеж в помощь В. викарного еп. сщмч. *Петра (Зверева)*. 20 авг. 1925 г. митр. Петр возвел В. в сан митрополита. Воронежский митрополит, к-рый, по воспоминаниям современников, хотя и не был «блестящим архиереем», пользовался любовью и почитанием паствы.

Погребение В. описано А. А. Поспеловым, жившим в то время на территории Акатова мон-ря, в письме к находившемуся в Афинах Л. М. Савёлову 18 янв. 1926 г.: «Почитание старца весьма велико, судя по тому паломничеству, которое было все эти дни и ночи... Бедность митрополита выявилась сбором тарелочным «на похороны»... Хоронить приехал Назарий, митрополит Курский и Обоянский, и Петр, епископ Старицкий. 12 января (нового стиля) состоялись похороны при громадном стечении молящихся, одних священников было более 30» (Из эмигрантской переписки Л. М. Савёлова. С. 236–237). В. был погребен в склепе под полом Алексиевско-Владимирской ц. Акатова мон-ря, за правым клиросом, впосл. могила была утрачена.

Ист.: Из эмигрантской переписки Л. М. Савёлова. Письма А. А. Поспелова из Воронежа / Публ. О. Н. Наумова // Из истории воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 236–237.

Лит.: Преосвящ. Владимир, еп. Острогожский // Воронежские ЕВ. 1900. № 5. С. 211; *Новиков Н. Н.* Епископы Пермские и Екатеринбургские: (Хронол. справка) // Тр. Пермской учен. арх. комис. Пермь, 1903. Вып. 6. С. 156–158; *Польский*. Ч. 2. С. 50–52; *Мануил*. Русские иерархи, 1893–1965. Ч. 2. С. 256–257; *Сергий (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней. Воронеж; Минск; Одесса, 1961–1969. Машинопись. Ч. 4. С. 743–745; *Блажейовський Д.* Ієрархія Київської церкви (861–1996). Львів, 1996. С. 390; *Дамаскин*. Кн. 4. С. 52–53, 453–456; *Акиньшин А.* Остался верен выбору // Воронеж православный. 2001. № 5/6. С. 8; Воронежские архипастыри. С. 310–317.

А. Н. Акиньшин

ВЛАДИ́МИР (Юденич Василий Дмитриевич; 8.08.1886, с. Сергиевское Рославльского у. Смоленской губ.— после 1938), еп. Чебоксарский и Чувашский. Из семьи священника.

Архим. Владимир (Юденич). Рисунок. 1923–1926 гг. (Архив ПСТБИ)

Окончил Рославльское ДУ (1900), Смоленскую ДС (1906), КДА (1910). 12 нояб. 1910 г. был назначен преподавателем логики, философии и педагогики в Подольскую ДС (г. Каменец-Подольск), преподавал также педагогику в частной жен. гимназии С. А. Славутинской. 28 сент. 1916 г. был назначен помощником смотрителя Екатеринбургского ДУ, в то же время преподавал педагогику в епархиальном жен. уч-ще; в 1917–1919 гг. являлся редактором «Известий Екатеринбургской церкви». 2 апр. 1918 г. был избран членом временного комитета Епархиального Союза духовенства. В 1919 г. читал лекции по психологии в Екатеринбургском народно-богословском ин-те. В июле 1919 г., перед вступлением Красной Армии в Екатеринбург, эвакуировался в Тобольск. 7 авг. 1919 г. был мобилизован в армию адм. А. В. Колчака, зачислен в 7-ю Сибирскую дивизию, затем состоял писарем при штабе 7-й Тобольской дивизии (есть свидетельства о том, что Юденич в течение нек-рого времени находился в плену у красных). Из Тобольска переехал вместе с дивизией в Омск. 20 дек. 1919 г. поступил писарем в 6-й сводный эвакуационный

госпиталь Омска. 21 марта 1920 г. госпиталь был расформирован, в мае того же года Юденич устроился библиотекарем первых кавалерийских курсов в Омске, с весны 1921 г. преподавал на курсах рус. язык и лит-ру (с авг. 1920 курсы находились в г. Бийске).

10 июля 1921 г. Юденич уволился со светской службы, принял монашество и был рукоположен во иерея викарием Томской епархии Бийским еп. *Иннокентием (Соколовым)*, 18 июля причислен к Казанской ц. бийского архиерейского дома, в сер. дек. 1922 г. возведен в сан архимандрита. В нач. 1923 г. еп. Иннокентий послал В. в Барнаул для совершения богослужений в дни Рождества Христова. После богослужения в полковой церкви В. произнес проповедь, в к-рой объяснил антиканоничность *обновленчества,* в частности *«Живой церкви»*. 11 янв. 1923 г. В. был арестован, заключен в арестное помещение губ. ГПУ, 29 янв. переведен в Алтайский губ. исправтруддом, обвинен в «агитации и будировании масс против соввласти». В это же время арестовали и еп. Иннокентия. Как заявил В. впосл., по его мнению, «причиной ареста... послужило неблагожелательное отношение ко мне со стороны обновленцев и сделанный ими на меня донос, хотя в проповедях я совершенно не касался политики и соввласти, а говорил на чисто церковные темы». 27 февр. 1923 г. уполномоченный секретного отдела Алтгуботдела ГПУ, ввиду того что «со стороны верующих масс гор. Барнаула принимаются энергичные меры к освобождению епископа Иннокентия и архимандрита Юденича», постановил перевести В. в полномочное представительство ГПУ по Сибири в Новониколаевск (ныне Новосибирск), туда же была направлена просьба «изолировать Иннокентия и Юденича из пределов Алтайской губ. как вдохновителей реакционного духовенства в борьбе с группой прогрессивного духовенства».

В сер. апр. 1923 г. В. был переведен в Москву, в Бутырскую тюрьму. 20 апр. Коллегия ГПУ постановила передать дело на рассмотрение Комиссии НКВД по адм. высылкам, к-рая признала В. виновным в том, что он, «находясь в г. Барнауле и г. Бийске, вел злостную агитацию путем проповедей к свержению советской власти», и 16 мая постановила выслать его на 3 года в Коми (Зырян) автономную обл. В. отбывал ссылку в с. Ижма. По окончании срока ссылки в июле 1926 г. В. поселился у матери и брата-священника в с. Волково-Егорье Ельнинского у. Смоленской губ.

16 февр. 1927 г. съезд духовенства и мирян Барнаульской епархии единогласно избрал В. на Барнаульскую кафедру. Делегаты съезда приехали к В. в Смоленскую губ., откуда вместе с ним отправились в Москву. Хиротония состоялась 30 марта, ее возглавил, по-видимому, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя архиеп. сщмч. *Серафим (Самойлович;* выполнял обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя с 29 дек. 1926 по 12 апр. 1927), к-рый взял с В. клятву признавать только Патриаршее управление и не подчиняться григорианскому *Временному высшему церковному совету* (ВВЦС) (такая клятва давалась новопоставленными епископами по распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митр. сщмч. *Петра (Полянского),* находившегося с 10 дек. 1925 в заключении).

Приехав в Барнаул, В. созвал епархиальный совет для обсуждения состояния церковных дел (наиболее актуальным было определение отношения к *григорианскому расколу*). Епархиальный совет постановил до созыва 2-го епархиального съезда, на к-ром должен был решаться вопрос о высшей церковной власти, поддерживать связь с ВВЦС. В обстановке неопределенности и ложных сведений из Москвы о состоянии высшего церковного управления В. и епархиальный совет предполагали объявить Барнаульскую епархию автокефальной. Однако опыт Томской епархии, в к-рой объявление автокефалии архиеп. *Димитрием (Беликовым)* породило расколы и отторжение от Патриаршей Церкви, заставил В. отказаться от такого рода планов.

Наблюдения за действиями сторонников *Григория (Яцковского)* привели В. к мнению о неканоничности («Самочинности») ВВЦС (впосл. архиерей говорил: «ВВЦС... искусственно создан соввластью для раскола на мелкие группы нашей единой староцерковной церкви»). Однако на состоявшемся в мае 1927 г. заседании епархиального совета сторонникам признания ВВЦС, к-рых в совете было большинство, удалось склонить В. к подписанию решения о подчинении епархии раскольникам. Обращение епархиального совета к клирикам и мирянам епархии о признании ВВЦС было опубликовано и распространено по епархии; 24–25 июня 1927 г. расширенный президиум епархиального совета Барнаульской епархии принял резолюцию, в к-рой объявил ВВЦС «коллегией православных епископов по устроению Русской Православной Церкви».

Почти сразу же В. отказался от своей подписи под решением епархиального совета и не принял резолюцию президиума совета. От Бийского еп. сщмч. *Никиты (Прибыткова)* В. получил документы, пересланные из Москвы, из к-рых становилось ясно, что летом 1927 г. высшая церковная власть организационно укрепилась — при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митр. *Сергии (Страгородском)* был создан *Временный Патриарший Свящ. Синод* и каноническое священноначалие вело борьбу с ВВЦС. В. признал полномочия по управлению Церковью митр. Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода и стремился убедить свою паству в правильности этого решения. Члены епархиального совета, желая избавиться от епископа, боровшегося против ВВЦС, предоставили ему отпуск с выездом в др. епархию. В. сначала согласился и избрал местом «отпуска» с. Солдатово Усть-Пристанского р-на Бийского округа, но через нек-рое время объявил, что никуда из епархии не уедет. Ареста В. не боялся, был уверен в поддержке паствы, поскольку на кафедру его избрал епархиальный съезд.

5 авг. 1927 г. В. был арестован в Барнауле, обвинен в «антисоветской агитации». В кон. августа дело было передано на рассмотрение в полномочное представительство ОГПУ по Сибкраю. По постановлению особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 сент. 1927 г. В. был признан виновным в том, что, «будучи епископом Барнаульской епархии, в целях укрепления своего течения, т. н. сергиевского, и дискредитации противников, придерживающихся ВВЦС, вел антисоветскую агитацию, распространяя провокационные слухи о том, что ВВЦС поддерживается властью». Епископ был приговорен к 3 годам ссылки, к-рую отбывал в Горно-

Шорском р-не Кузнецкого округа Новосибирской обл. и в Кузбассе. После окончания срока ссылки постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 мая 1930 г. он был лишен права проживать в Московской, Ленинградской областях, Харьковском, Киевском, Одесском, Барнаульском округах, Северо-Кавказском крае, Дагестане с прикреплением к определенному месту жительства на 3 года. 13 дек. 1930 г. В. уехал из Сибири в Суздаль, освобожден от адм. ссылки 23 сент. 1933 г.

28 нояб. 1933 г. В. был назначен епископом Сергачским, викарием Горьковской епархии. 22 нояб. следующего года переведен на Чебоксарско-Чувашскую кафедру, управляя к-рой, стремился упрочить положение Церкви. Обладая даром слова, архиерей много проповедовал, рукополагал священнослужителей. В 1935 и 1936 гг. В. ездил в Москву, где встречался с митр. Сергием и управляющим делами МП прот. А. Лебедевым. Митр. Сергий особо выделял В. и всегда радушно его принимал.

21 дек. 1937 г. В. был вновь арестован, заключен в тюрьму г. Алатыря, обвинен в активном участии в «контрреволюционной группе церковников», ведении «антисоветской агитации». Во время заседания суда архиерей заявил, что виновным себя не признает, а признательные показания на допросах во время следствия дал, т. к. был «в болезненном состоянии». Специальная коллегия Верховного суда Чувашской АССР 8–11 июня 1938 г. приговорила В. к 10 годам тюремного заключения. Дальнейшая судьба архиерея неизвестна.

Арх.: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 564; Архив УФСБ по Алтайскому краю. Д. П–5741; Д. 22312-П; Архив УФСБ по Чувашской Республике. Д. 3849.

Ист.: Именной список ректорам и инспекторам ДА и ДС, преподавателям ДА и монашествующим преподавателям ДС на 1917 г. Пг., 1917. С. 62; Акты свт. Тихона. С. 968.

Лит.: *Мануил.* Русские иерархи, 1893–1965. Ч. 2. С. 258; *Сорокин В., прот., Бовкало А. А., Галкин А. К.* Духовное образование в РПЦ при свт. Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // ХЧ. 1992. № 7. С. 31; *Гришаев В. Ф.* Дважды убитые: (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999. С. 33–36.

Ж. Р. Багдасарова, Н. Ю. Васильева

ВЛАДИ́МИР АНДРЕ́ЕВИЧ Храбрый (Донской) (15.07.1353 — 14.05.1410; Москва), кн. боровско-

Кн. Владимир Андреевич. Фреска на юж. стене Архангельского собора Московского Кремля. 1652–1666 гг.

серпуховской, 2-й сын серпуховского кн. Андрея, внук блгв. вел. кн. *Иоанна I Даниловича* Калиты, двоюродный брат и сподвижник св. блгв. вел. кн. *Димитрия Иоанновича* Донского.

Родился на 40-й день после смерти отца. Его матерью была Мария, дочь галичского (Галича Мерского) кн. Ивана Федоровича. В 1358 г. скончался Иоанн, старший брат В. А., и 5-летний В. А. стал наследником всех владений отца, расположенных в юго-зап. части Московского княжества и в окрестностях Москвы. Они были расширены в 1359 г. дядей В. А. московским вел. кн. *Иоанном II Иоанновичем* Красным. Согласно его завещанию, В. А., оставшийся единственным сыном Андрея Иоанновича, признавался полновластным наследником отца. К нему переходили отцовские волости и села по рекам Наре, Лопасне, Моче, Рожае, ряд подмосковных сел, в числе к-рых были Труфоновское, Коломенское, Ногатинское, Нов. Городок в устье р. Протвы, данный Иоанном Красным в качестве компенсации за разоренную рязанцами в 1353 г. волость Лопасню. В. А. получил право на сбор 3-й части московских судебных пошлин, торговых налогов, медового оброка, что было больше, чем владел его отец (тому принадлежала 4-я часть таких сборов). Вместе с двоюродными братьями Димитрием и Иоанном, сыновьями вел. князя, В. А. ведал численными людьми (особая категория лиц на княжеской службе, в обязанности к-рых входили прием и сопровождение ордынской знати на рус. землях). Кроме того, ему было предоставлено право участвовать в разделе владений вдовы Иоанна Калиты — вел. кнг. Иулиании после ее смерти. Это расширение владений и прав совсем юного московского удельного князя было вызвано тем, что завещатель, сам ранее бывший удельным князем, став князем великим, отнял почти все великокняжеские земли у вдовы *Симеона Иоанновича* Гордого вел. кнг. Марии Александровны и распределил их между своими сыновьями Димитрием и Иоанном, ничего не выделив из них В. А. Великокняжеские владения Иоанна Красного выросли в неизмеримо большей степени, чем владения удельного серпуховского княжича. В завещании 1359 г. вел. князь сделал ему нек-рые уступки, чтобы в будущем В. А. не мог добиваться перераспределения земель и прав, принадлежавших в свое время Симеону Гордому.

В нояб. 1359 г. Иоанн Красный умер и его завещание вступило в силу. Оно касалось положения дел в собственно Московском княжестве. Между тем правление во *Владимирском великом княжестве*, к-рое с 1332 г. сохранялось в руках московских князей, находилось под контролем Орды. В 1360 г. хан Ноуруз утвердил вместо московского князя на владимирском столе нижегородско-суздальского кн. *Димитрия (Фому) Константиновича*. Однако вскоре в Орде разгорелась междоусобная борьба, поддерживать нового вел. князя стало некому, и этим воспользовались в Москве. Зимой 1362 г. ее правитель кн. Димитрий получил ярлык на Владимирское великое княжение от сарайского хана Амурата, и московская рать предприняла поход на Переяславль Залесский, где пребывал вел. кн. Димитрий Константинович. Среди участников похода был и 9-летний В. А. Результатом стало присоединение Владимирского вел. княжества к владениям Димитрия Иоанновича. Оно было объявлено его вотчиной, хотя соперник Москвы блгв. кн. тверской *Михаил Александрович*

(1365–1399) этого еще долгое время не признавал. В 1363 г. В. А. принял участие в походе московских полков на Галич. Местный князь был изгнан из своих владений, а его княжество было присоединено к Москве.

В. А. поддерживал своего старшего двоюродного брата в соперничестве с др. древнерус. князьями за обладание Владимирским великим княжением, в борьбе за др. княжества, а московский вел. князь давал возможность людям удельного князя расселяться на присоединенных землях. Это отразил договор между В. А. и вел. кн. Димитрием, заключенный в кон. 1364 — нач. 1365 г. Согласно его условиям, оба князя должны были быть «заодин» при решении всех внутримосковских и внешнеполитических вопросов. За В. А. сохранялись владения его отца и то, что он получил по завещанию от вел. кн. Иоанна Красного. Однако претендовать на наследие Симеона Гордого князь не мог, оно оставалось в руках у вел. кн. Димитрия. На территории присоединенного Владимирского великого княжества В. А. получил право расселять своих военных слуг, к-рые при получении кормов с населения должны были отдавать определенную часть своему князю. Впрочем, в случае войны такие слуги подпадали под юрисдикцию не только В. А., но и вел. кн. Димитрия.

Возросшая мощь Московского княжества позволила его правителям приступить к строительству 1-й каменной крепости в Сев.-Вост. Руси. Зимой 1366 г. Димитрий Иоаннович, «погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем и с всеми бояры стареишими», решил строить в Москве каменный Кремль (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 83). В. А., по-видимому, помогал средствами и своими людьми. К 1368 г. белокаменная крепость была построена. Обзаведясь мощным средством защиты, московские князья повели активные наступательные действия против своих соседей, прежде всего против Тверского княжества, правители к-рого были давними претендентами на Владимирское великое княжение. Уже весной 1368 г., реализуя общие с вел. князем планы, В. А. напал на захваченное Литвой, союзницей Твери, Ржевское княжество. Его столица Ржева занимала стратегически важное место. Она контролировала пути из Твери, Смоленска, Вел. Новгорода, Литвы и Москвы. Ржева была сильно укрепленным городом, но В. А. неожиданным ударом удалось ее взять. В ответ литов., тверской и смоленский князья организовали в нояб. 1368 г. поход на Москву. Наспех собранный московский заслон, в к-рый вошел и отряд В. А., был разбит. Возглавлявший нападение литов. вел. кн. *Ольгерд* осадил Москву. В. А. вместе с вел. кн. Димитрием сел в осаду. Каменные стены Кремля им помогли. Ольгерд не смог взять город и вскоре был вынужден отступить, ограбив на обратном пути население московских волостей.

После снятия литов. осады В. А. во главе московских полков поспешил в Вел. Новгород, к-рый в это время не помогал Москве, т. к. вместе с Псковом был занят борьбой против *Ливонского ордена*. Одновременно крестоносцы продолжали воевать и с Литвой. Миссия В. А. заключалась в том, чтобы продемонстрировать ордену возможность крупномасштабной войны не только с Вел. Новгородом и Псковом, но и с Москвой, заставить его руководителей ввиду подобной опасности примириться с Вел. Новгородом и переключить все внимание на борьбу с Литвой, вынудить последнюю отказаться от активных антимосковских действий. Силы Вел. Новгорода Москва, очевидно, планировала использовать в борьбе с Тверью. Однако орден продолжал сражаться на 2 фронта. Войска В. А. так и не вступили в борьбу с ним. Князю пришлось вернуться в Москву, не осуществив намеченных целей.

В 1370 г. В. А., по-видимому, помогал Димитрию Иоанновичу в войне с тверским кн. Михаилом Александровичем. В кон. того же года Москву вновь осадил Ольгерд. Теперь В. А. не заперся с горожанами и воинами в Кремле, где остался вел. кн. Димитрий, а собрал ратников у Перемышля на р. Моче. Здесь к нему присоединился пронский кн. *Владимир Димитриевич* вместе с рязанской помощью. Ольгерд оказался между 2 огней. Он вступил в переговоры с вел. кн. Димитрием, предложив ему вечный мир и кровное родство: выдачу замуж своей дочери за В. А. Вечный мир московской стороной был отвергнут, но перемирие до лета 1371 г. было заключено.

Тверской кн. Михаил Александрович был разочарован этим решением, в борьбе с правителями Москвы Ольгерд становился ненадежным союзником Твери. В поисках нового союзника тверской князь отправился в Орду. Здесь ему удалось получить не только ярлык на Владимирское великое княжение, но и помощь — с ним был отправлен ханский посол, к-рый должен был посадить Михаила на владимирский стол. Весной 1371 г. тверской князь вернулся на Русь. Однако, несмотря на прямое повеление хана, москвичи не пустили его во Владимир. Войска Димитрия Иоанновича и В. А., расположившись в Переяславле Залесском, пресекали все попытки Михаила проникнуть в города Владимирского великого княжества. Тверской князь ограничился захватом части бежецких земель и издавна контролировавшихся владимирскими вел. князьями волостей Торжка. Московские правители прибегли не только к военному, но и дипломатическому пути. В 1-й пол. июня 1371 г. они заключили договор с Вел. Новгородом о военном союзе против Литвы, Твери и Ливонского ордена и помогавшего последнему Дерптского еп-ства. Отправившийся 15 июня 1371 г. в Орду вел. кн. Димитрий уже осенью сумел получить здесь новый ярлык на Владимирское великое княжество. Тем самым был дезавуирован предыдущий ярлык, ранее выданный правителю Твери. Хотя Орда, заинтересованная в разжигании розни среди рус. князей, так и не отняла ярлык у Михаила Александровича.

Летом 1371 г. в Москву прибыло литов. посольство с целью продлить заключенное в кон. 1370 г. перемирие. На сей раз стороны заключили мир. Дочь Ольгерда Елена была обручена с В. А., в нач. 1372 г. в Москве была сыграна свадьба. Между тем родство между московским и литов. княжескими домами не привело к миру между их представителями. Москвичи не выполнили условий договора лета 1371 г. Поэтому литовцы и союзный с ними кн. Михаил Александрович в апр. 1372 г. напали на Дмитров и Переяславль Залесский, сожгли их посады, ограбили и пленили жителей, а 31 мая 1372 г. правитель Твери нанес жестокое поражение новгородцам — союзникам Москвы у Торжка и захватил город. Назревала новая масштабная война с Литвой и Тверью.

Потерпевший поражение Вел. Новгород уже не мог помочь москвичам.

В этих условиях Димитрий Иоаннович и В. А. заключили между собой новое соглашение. Последний признавал Димитрия братом старейшим и отцом, т. е. сюзереном, а тот В. А.— «братом молодшим», т. е. вассалом. Правитель Боровска обязывался сохранять в целости все владения вел. князя, не претендовать на них ни при жизни Димитрия, ни после его смерти. Аналогичные обязательства в отношении владений брата брал на себя Димитрий. В. А. должен был помочь Димитрию Иоанновичу восстановить власть на всей территории Владимирского великого княжества. Димитрий, со своей стороны, расширял владения В. А. Ему было передано неск. волостей в бассейне р. Протвы, а самое главное — города Дмитров и Галич и их волости. Со 2-й пол. 40-х гг. XIII в. оба города входили в состав одного княжества, в XIV в. стали центрами самостоятельных княжеств. Как внук галичского кн. Ивана Федоровича по жен. линии, В. А. имел определенные владельческие права на данные города. Учитывая это, вел. кн. Димитрий передал Дмитров и Галич младшему брату. При этом великокняжеская власть не забывала и о своих интересах: ей не нужно было тратить средства на восстановление сожженного тверским князем Дмитрова, кроме того, между В. А., с одной стороны, и тверским и литов. князьями, разорившими не только Дмитров, но и его земли, с другой, возникали неприязненные отношения. В. А. должен был поддерживать сохранение Владимирского великого княжества за московским правителем, ибо его переход в иные руки мог привести к потере Галича, вошедшего в 1363 г. в состав великокняжеских владений. Сплочение князей московского дома, их заинтересованность друг в друге ярко проявили себя в последующее время.

К лету 1372 г. Москва, Литва и Тверь мобилизовали свои силы. Противники встретились в кон. июля 1372 г. у Любутска, расположенного при впадении в Оку р. Дугны. В. А. возглавлял свой полк. Битвы не произошло, стороны заключили перемирие на 3 месяца, позднее его закрепил мирный договор. В. А. был в числе лиц, участвовавших в заключении соглашения. Согласно

Кн. Владимир Андреевич просит благословение у прп. Сергия на основание Высоцкого мон-ря и строительство церкви. Миниатюра из «Жития прп. Сергия Радонежского». Кон. XVI в. (РГБ ОР. Ф. 304/III. № 21. Л. 253 об.)

его тексту, союзник Литвы — тверской князь должен был вернуть Москве захваченные им земли Владимирского великого княжества, а Москва — возвратить Литве Ржеву. Более 2 лет тверской князь не выполнял условий договора. Москва различными дипломатическими средствами стремилась воздействовать на него, В. А. сыграл в этом активную роль. Вел. Новгород, потерпевший поражение от кн. Михаила Александровича, пытался заключить с ним мирный договор, даже ценой больших уступок. Московская дипломатия мешала этому. 13 марта 1373 г. в Новгород приехал В. А. и пробыл в городе 3,5 месяца. Ему удалось добиться того, чтобы новгородцы отказались от заключения мира с Тверью. Вражда с Москвой и Вел. Новгородом делала положение тверского князя очень неустойчивым. В кончном счете он был вынужден выполнить условия московско-литов. перемирия 1372 г. и отозвать своих наместников с захваченных территорий. В янв. 1374 г. Михаил заключил мирные договоры с Вел. Новгородом и Москвой.

Для последней это была серьезная победа, не потребовавшая применения вооруженной силы. Ее необходимо было сохранить для предотвращения непредвиденных опасностей. Одна из них имела место летом 1373 г., когда правивший в Орде темник Мамай предпринял нападение на соседнее с Московским Рязанское княжество. Именно тогда из Вел. Новгорода был спешно вызван В. А. Вместе с вел. кн. Димитрием он выступил к Оке. Московские князья защитили свои левобережные окские земли и не дали ордынцам опустошить их, но Рязани они не помогли, опасаясь вступить в открытый вооруженный конфликт с Ордой. Однако этот конфликт становился неизбежным. Примирение в янв. 1374 г. с Тверью позволило вел. кн. Димитрию прекратить уплату тяжелой дани Мамаю, к-рую последний наложил на владения московского князя после передачи ему осенью 1371 г. ярлыка на вел. княжение. Летописец отметил, что в 1374 г. вел. кн. Димитрию «бышеть розмирие с Тотары и с Мамаем». Возможно, опасаясь конфликта с Ордой, В. А. решил укрепить свою резиденцию на Оке — с. Серпуховское. На месте села в 1374 г. была построена крепость, ее жители получили статус горожан, к-рым были даны льготы и привилегии. Одновременно по просьбе В. А. игум. Троице-Сергиева мон-ря прп. *Сергий Радонежский* основал *Высоцкий серпуховской в честь Зачатия Пресв. Богородицы муж. мон-рь*. Во главе этой обители был поставлен ученик Сергия прп. *Афанасий Высоцкий Старший* (1374–1382).

Между В. А. и прп. Сергием существовали отношения взаимной приязни и дружелюбия. Между 1372 и 1374 гг. умерла вдова Иоанна Калиты Ульяна. Ее владения были поделены между Димитрием и В. А. Вел. князю достались $^{2}/_{3}$ владений Ульяны, удельному князю — $^{1}/_{3}$. В числе волостей, отошедших к В. А., оказался Радонеж, где преподобные братья Сергий и *Стефан* († после 1377) основали *Троице-Сергиев мон-рь*. Правитель Серпухова стал ктитором Троицкого мон-ря. Рассказы о посещении обители неким князем, отраженные в различных редакциях Жития прп. Сергия Радонежского, имеют в виду именно В. А. Князь сравнительно часто приезжал в мон-рь, вел длительные беседы с прп. Сергием, одаривал монастырскую братию, оставляя ей корм и припасы. По-видимому, преподобный стал духовником В. А., при посредстве к-рого с прп. Сергием познакомился и вел. кн. Димитрий, к-рый также сделал троицкого игумена своим духовным отцом. Прп. Сергий был призван на общекня-

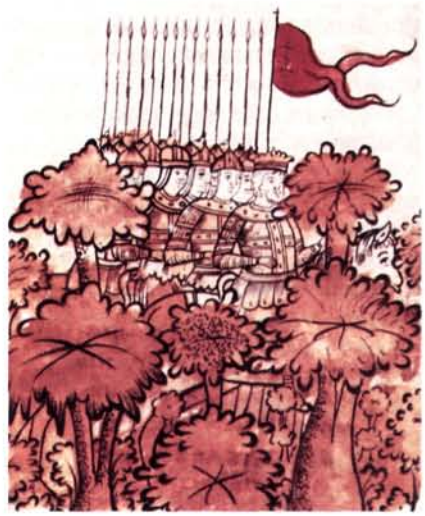
Кн. Владимир Андреевич повелевает отвезти милостыню в Троице-Сергиев мон-рь. Миниатюра из «Жития прп. Сергия Радонежского». Кон. XVI в. (РГБ ОР. Ф. 304/III. № 21. Л. 270 об.)

жеский съезд в Переяславле Залесском в кон. 1374 г., где решались вопросы войны и мира с Ордой и была достигнута договоренность о военном союзе и совместных действиях большинства правителей Сев.-Вост. Руси в случае нападения на них Мамая.

Открытый разрыв с Ордой произошел раньше, чем предполагали рус. князья. В марте 1375 г. в Тверь из Москвы бежали недовольные вел. кн. Димитрием боярин И. В. Вельяминов и богатый купец Некомат, хорошо осведомленные о планах московских правителей. Тверской князь немедленно послал этих перебежчиков к Мамаю за великокняжеским ярлыком, а сам поехал договариваться с Ольгердом. 13 июля Некомат привез из Орды ярлык тверскому князю, к-рый сразу же начал войну против вел. кн. Димитрия. В Москве был объявлен сбор войск всех союзных князей, в их числе был и В. А. В кон. июля они выступили в поход. 5 авг. была осаждена Тверь, 1 сент., не выдержав осады и не дождавшись обещанной помощи от Орды и Литвы, Михаил капитулировал. Победители — московские князья Димитрий и В. А., их союзники — правители княжеств Сев.-Вост. Руси и Верховских земель, а также Вел. Новгород торжествовали победу. Тверское княжество было разорено. Согласно мирному договору, его правитель был вынужден навечно отказаться от притязаний на Владимирское великое княжество и Вел. Новгород, тверской князь был низведен до положения вассала московских князей и должен был действовать в русле московской политики. Орда и Литва на время лишились важного союзника.

Пытаясь ослабить Московское княжество, Мамай и Ольгерд предприняли в кон. 1375 г. нападения на союзников Москвы — Новосильское и Смоленское княжества. В ответ осенью 1376 г. Москва предприняла поход на возвращенную Литве Ржеву, войсками вновь командовал В. А. Ржева была осаждена, но, несмотря на трехнедельную осаду, московским войскам не удалось взять город. В 1379 г. В. А. возглавил поход на Литву. Московские войска прошли далеко на запад, захватив принадлежавшие Литве города Трубчевск и Стародуб Северский. Трубчевский кн. Димитрий Ольгердович вместе со своей семьей и дружиной перешел на службу к московскому вел. князю. В 1377 г. имя В. А. как одного из видных правителей Сев.-Вост. Руси встречается в выходной записи дьяка Алексея Владычки на Паранесисе Ефрема Сирина с прибавлениями (БАН. 31. 7. 2. Л. 259–259 об.; Пергаменные рукописи БАН СССР. С. 166–167).

15 июля 1380 г. в стольном городе В. А. Серпухове была освящена соборная Троицкая ц. Это случилось за неск. дней до получения в Москве известий о походе на рус. земли Мамая. В Москве стали спешно собирать полки, прибывавшие из Углича, Владимира, Суздаля, Ярославля, Белоозера. Из Боровска со своими силами пришел В. А. Московские князья разделили обязанности: Димитрий Иоаннович с основным войском выступил к Коломне, чтобы предотвратить возможную переправу войск Мамая через Оку, а В. А. остался в Москве готовить город к осаде. Узнав, что Мамай кочует у р. Мечи, Димитрий, вызвав из Москвы В. А. с дополнительными полками, перешел Оку и двинулся на юг к Дону. Здесь, при впадении в Дон р. Непрядвы, 8 сент. 1380 г. состоялось Донское побоище, впосл. получившее также название *Куликовской битвы*. В. А. принял самое деятельное участие в сражении. Об этом прямо свидетельствует московско-рязанский договор 1381 г., называющий полководцев рус. объединенной рати: «А что князь великии Дмитрии и брат князь Володимер билися на Дону с Татары». В. А. принимал участие в разработке плана сражения, организации и расположении рус. полков. Сам он возглавил правый фланг войска. Его полк правой руки был отправлен в засаду. Выступление засадного полка В. А. решило исход сражения. Позднейшие книжники стали называть В. А., как и Димитрия, Донским (или Задонским), а нек-рые из них — Храбрым. Мамай был разбит, а его гос-во вскоре прекратило свое существование.

Засадный полк в Зеленой дубраве на Куликовом поле. Миниатюра из «Сказания о Мамаевом побоище». XVII в. (ГИМ. Барс. 798)

В 1382 г., при неожиданном нападении на Москву нового правителя Орды хана *Тохтамыша*, В. А. собирал войска на зап. границе Московского княжества у Волока Ламского. Когда после взятия Москвы Тохтамыш разослал свои отряды воевать др. рус. города, один из отрядов подошел к городу, однако был разбит серпуховским князем. «Пострашены и биты», татары вернулись к хану, к-рый после этого ускорил свой отход из Сев.-Вост. Руси. Ок. 3 лет прошли для В. А. без походов и войн. В 1385 г. рязанский вел. кн. *Олег Иоаннович* захватил и ограбил принадлежавшую Москве Коломну. Димитрий Донской послал против него рать во главе с В. А. Однако рязанцы оказали сильное сопротивление, и В. А. не смог победить их. Лишь дипломатическая миссия прп. Сергия в Рязань привела к подписанию в кон. 1385 г. вечного мира между Москвой и Рязанью. Осложнения на юго-востоке сменились осложне-

ниями на северо-западе. В 1386 г. вспыхнула вражда между московским вел. князем и новгородцами, к-рые отказались от выплаты налогов, следуемых Димитрию как правителю Вел. Новгорода. В кон. 1386 г. Димитрий организовал против Новгорода поход объединенной рати князей, среди его участников был и В. А. Союзники подошли близко к городу. Однако до кровопролития дело не дошло. Стороны примирились, новгородцы заплатили вел. князю 8 тыс. р. в возмещение убытков.

Почти четверть века Димитрий и В. А. действовали сообща, вместе вели войны, предпринимали дипломатические акции, строили оборонительные стены и башни Московского Кремля, восстанавливали город после его захвата в 1382 г. Тохтамышем. Однако в нач. 1389 г. между князьями произошел разрыв. Димитрий арестовал старейших бояр серпуховского князя и послал их в заточение в различные места под Москвой. Разрыв произошел потому, что вел. князь отнял у младшего брата Дмитров и Галич, переданные ему в удел в 1372 г. Серпуховской князь был вынужден с этим смириться. В кон. марта 1389 г. В. А. подписал новый договор с вел. князем. Димитрий Иоаннович в договоре называл В. А. младшим братом и сыном, резко подчеркивая вассальное положение последнего, заставил признать старшим братом своего сына-первенца — *Василия I Димитриевича,* требовал честно и грозно охранять все великокняжеские владения, ограничил судебные права В. А. в Москве и ее округе, право на сбор налогов в юж. московских волостях. 19 мая 1389 г. вел. кн. Димитрий умер. И тогда В. А. вступил в борьбу с его наследником вел. кн. Василием Димитриевичем. Противостояние князей закончилось подписанием в янв. 1390 г. нового соглашения. По этому договору В. А. вернул себе те права, какими он обладал до кон. марта 1389 г. Вместо Дмитрова и Галича вел. кн. Василий дал В. А. хорошо знакомые ему города Волок Ламский и Ржеву. Кроме того, в пользу В. А. передавались все налоги с 3 юж. московских волостей. Уступкой двоюродному дяде новый вел. князь восстановил единство московского княжеского дома.

Военный талант В. А. вскоре оказался вновь необходимым. Вел. Новгород отказался выплатить «черный бор» и др. княжеские налоги в пользу Василия I, а также признать право митр. *Киприана* судить новгородцев в Москве. Вел. князь, соблюдая свои интересы и отстаивая права Главы Русской Церкви, направил войска на новгородский пригород Торжок. Во главе войск в 1393 г. были поставлены В. А. и его племянник *Георгий (Юрий) Димитриевич,* младший брат Василия I. Московские войска опустошили не только земли у Торжка, но и новгородские волости у Волока Ламского. Военные успехи В. А. предопределили исход конфликта. Вел. Новгород был вынужден уступить и согласиться на все московские требования: новгородцы «послаша... к великому князю с челобитием о старине, а к митрополиту грамоту послаша целовалную» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 510). О сближении В. А. и митр. Киприана в это время свидетельствует выходная запись на Евангелии-тетр 1393 г.: эта книга была «списана» по благословению Киприана и «повеленьемь» В. А. (РНБ. F. n. I. 18. Л. 207 а–б; *Гальченко.* Р. 12).

В 1395 г. новая опасность стала грозить землям Сев.-Вост. Руси с юго-востока. К рус. пределам приблизились войска Тамерлана (в рус. источниках Темир-Аксака). В. А. вместе с вел. кн. Василием и др. князьями решил организовать оборону от возможного нападения со стороны степи. Князья выступили с войсками к Оке, а В. А. остался в Москве готовить город к осаде. Однако Тамерлан в пределах Сев.-Вост. Руси так и не появился.

После 1395 г. имя В. А. надолго исчезает из летописей. Однако сохранившиеся от кон. XIV — нач. XV в. московско-тверские и московско-рязанские договоры свидетельствуют о его активной дипломатической деятельности. В текстах соглашений имя В. А. всегда упоминается 2-м после имени вел. кн. Василия. Вероятно, что общемосковскими интересами были продиктованы браки его старших сыновей Иоанна, женившегося на дочери рязанского кн. Феодора Ольговича, и Симеона, сочетавшегося браком с дочерью новосильского кн. Симеона Романовича. По-видимому, в 1406–1408 гг. В. А. в числе др. рус. князей участвовал в войне вел. кн. Василия I против литов. вел. кн. *Витовта.* В самом раннем завещании Василия I, составленном между 16 сент. 1406 и 7 июня 1407 г., на 1-м месте среди лиц, к-рые в случае смерти вел. князя должны были взять на себя заботу о его семье, назван В. А. Все это свидетельствует об исключительном положении правителя Серпухова среди князей московского дома.

Значительная роль В. А. в жизни Москвы ярко сказалась в событиях 1408 г., когда фактический правитель Орды эмир Едигей, воспользовавшись противостоянием Литвы и Москвы, решил наказать вел. кн. Василия I, неск. лет не выплачивавшего дани татарам. Выбрав удобное время, когда москвичи и литовцы заключили мир и распустили свои полки, он в кон. нояб. 1408 г. неожиданно подошел к Москве. Вел. кн. Василий I не успел приготовиться к обороне и вместе с семьей уехал на Кострому. В. А. сел в осаду в Кремле. По его приказу все деревянные московские посады были сожжены, что лишило татар возможности близкого проживания в случае длительной осады Кремля, а также прикрытия и материалов для настилов к каменным стенам в случае штурма. Едигей был вынужден разбить свой стан под Москвой. Все его приступы к Кремлю осажденные успешно отражали. Простояв под Москвой 3 недели и получив известие из Орды о нападении на хана его врагов, Едигей взял с осажденных откуп в 3 тыс. р., снял осаду и ушел в степь. В. А. сумел сохранить Москву, но его собственная резиденция — Серпухов была захвачена Едигеем. Серпухов пострадал и позднее, в 1410 г., когда служивший в Москве литов. кн. *Свидригайло,* брат жены В. А., при возвращении в Литву ограбил его.

В. А. был погребен в *Архангельском соборе* Московского Кремля. Незадолго до смерти князь написал духовную грамоту — завещание и одновременно политический наказ своим наследникам: жене и 5 сыновьям. При его составлении присутствовали духовники В. А.— Троице-Сергиева мон-ря игум. прп. *Никон* и *московского в честь Преображения Господня муж. мон-ря (Спас на Бору)* игум. прп. *Савва.* Этот документ отразил изменения в составе удела серпуховского князя к концу его жизни. Если в уделе кн. Андрея Иоанновича, отца В. А., в нач. 40-х гг. XIV в. было 11 волостей и 10 сел, то владения его сына в нач.

Преподобные Сергий и Никон Радонежские (слева), прп. Афанасий Высоцкий и кн. Владимир Андреевич. Миниатюра из вкладной книги серпуховского Высоцкого мон-ря. 1648 г. (СИХМ. Инв. № 1673. Л. 10)

XV в. состояли из 49 волостей, 17 слобод, 44 сел и по меньшей мере 5 городов: Серпухова, Боровска, М. Ярославца, Городца-на-Волге и Углича с относившимися к ним землями. Последние 2 города были даны В. А. вел. кн. Василием I, стремившимся в лице боровско-серпуховского князя обрести надежного и полезного союзника. В. А. также принадлежала $^1/_3$ московских налогов и пошлин. Он владел двором в Кремле, а за его стенами — большим двором «на трех горах» на берегу р. Москвы (в XIX в. здесь будет основана «Трехгорная мануфактура»), по-видимому, этот двор был постоянной резиденцией серпуховского князя в Москве. Двор обслуживали жители расположенного неподалеку с. Кудрина и относившихся к Кудрину многочисленных деревень, стоявших вблизи совр. Никитских ворот, Новинского пер., Тверской ул. и Ленинградского просп. После смерти В. А. его вдова кнг. Елена передала Кудрино митрополичьей кафедре как заупокойный вклад по мужу. Помимо названных дворов, села и деревень В. А. принадлежали в Москве и ее округе др. дворы, сады, мельницы и различные угодья. По размерам своих владений В. А. мог соперничать со мн. самостоятельными князьями Сев.-Вост. Руси. Однако владения московского вел. князя росли еще быстрее и во много раз превосходили владения младшего родственника, что в конечном счете постоянно удерживало В. А. на положении вассала московского вел. князя.

В. А. Кучкин

Почитание. В XVII–XIX вв. В. А. почитался в серпуховском Высоцком мон-ре как местночтимый святой, о чем свидетельствуют памятники агиографии и иконографии, связанные с этой обителью. В. А. с нимбом вокруг головы изображен на миниатюре из вкладной книги Высоцкого мон-ря 1648 г. (СГИХМ. № 1673. Л. 10). В «Слове о житии преподобнаго отца нашего Афанасия Высоцкаго и о ученике его игумене Афанасие» (РГБ. Унд. № 288, 1697 г.), созданном в Чудовом мон-ре и в мае следующего года переписанном в Высоцкой обители (СГИХМ. КП 1692/СТ 78), о В. А. говорится: «Благоверный князь Владимир Андреевич по усердию своему созда церковь каменну и трапезу братии с церковию теплою» (КП 1692/СТ 78. Л. 50). На заставке в тексте службы прп. *Афанасию Высоцкому Младшему*, а также на рисунке пером, предваряющем «Слово о житии преподобнаго отца нашего Афанасия Высоцкаго» в сборнике нач. XIX в. из Высоцкого мон-ря, В. А. изображен с нимбом как благоверный князь вместе с преподобными Сергием и Никоном Радонежскими, Афанасием Высоцким Старшим и Афанасием Высоцким Младшим (СГИХМ. КП 1691/СТ 11. Л. 5, 22 об.). Через весь текст Слова сквозной темой проходит похвала храмоздательской и просветительской деятельности В. А.: «Вышний Господь, о всех Промыслитель... даде усердию великому князю Владимиру Андреевичу Донскому, да во обладании его вера Христова и слава множится, и места святая, церкви и монастыри созидаются, и люди всякаго чина и обоего пола, мужы и жены, юноши и девы, на славословие в просвещение душеспасительное тамо да собираются и духовне ползуются» (КП 1691/СТ 11. Л. 30 об.–31).

Свт. Афанасий Старший, преподобные Афанасий Младший, Сергий и Никон Радонежские, кн. Владимир Андреевич. Рисунок из сборника нач. XIX в. (СГИХМ. КП 1691. Ст. 11. Инв. № 7408. Л. 22 об.)

Е. В. Романенко

Ист.: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1–2. М., 2002–2003; Т. 6. Вып. 1. М., 2000; Т. 15. СПб., 1863; Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922; Т. 24. Пг., 1921; Т. 25. М.; Л., 1949; Т. 43. М., 2004; НПЛ. М.; Л., 1950; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: (Реконструкция текста). М.; Л., 1950; ДДГ; АСЭИ. Т. 1–3; АФЗХ. Ч. 1 (по указ.); Повести о Куликовской битве. М., 1959; Пергаменные рукописи БАН СССР: Описание рус. и слав. рукописей XI–XVI вв. / Сост.: Н. Ю. Бубнов и др. Л., 1976. С. 166–167; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998; *Гальченко М. Г.* Записи писцов в датированных древнерус. рукописях XIII–XV вв. (из архива М. Г. Гальченко) // Palaeoslavica. Camb. (Mass.), 2003. N 11. P. 12.

Лит.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Сев. Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биогр. очерки. СПб., 1889–1891. Т. 1–2 (по указ.); *Пресняков А. Е.* Образование Великорус. гос-ва. Пг., 1918; *Черепнин Л. В.* Рус. феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1950. Ч. 1–2 (по указ.); *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 104–116; *он же.* Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий: Сб. ст. / РГАДА. М., 1998. С. 11–64; *он же.* Договорные грамоты моск. князей XIV в.: Внешнеполит. договоры. М., 2003 (по указ.); *Хорошкевич А. Л.* К взаимоотношениям князей моск. дома во 2-й пол. XIV — нач. XV в. // ВИ. 1980. № 6. С. 170–174; *Горский А. А.* Русь: От слав. расселения до Моск. царства. М., 2004 (по указ.).

ВЛАДИ́МИРА, РАВНОАПО́СТОЛЬНОГО КНЯ́ЗЯ, О́РДЕН, награда в Российской империи; орден РПЦ.

Награда в Российской империи. В. о. был учрежден 22 сент. 1782 г. имп. *Екатериной II Алексеевной* в ознаменование 20-летнего юбилея ее восшествия на престол и в преддверии 800-летия Крещения Руси при равноап. кн. *Владимире (Василии) Святославиче*. Орден жаловался за отличия в военной и гос. службе, за служение Церкви и благотворительность. С момента учреждения орден был разделен на 4 степени и

награждение им производилось в порядке постепенности, в соответствии с общей иерархией российских гос. наград. В общем старшинстве В. о. занимал 4-е место — после

Звезда, лента и знак (крест) ордена равноап. кн. Владимира 1-й степени. XIX в. (ГИМ)

Александра Невского ордена, хотя 1-я степень В. о. стояла по старшинству сразу за *Андрея Первозванного орденом.*

Награждение орденом 1-й степени производилось исключительно по усмотрению монарха, к др. степеням представление, направляемое в Капитул ордена, делали министры, главноуправляющие и непосредственно подчиненные им местные начальники. Орден 1-й степени имели право получить лица не ниже III класса Табели о рангах (генерал-лейтенанты или тайные советники), 2-й степени — не ниже IV класса (генерал-майоры или действительные тайные советники), 3-й степени — не ниже VI класса (полковники или коллежские советники). 4-ю степень ордена мог получить любой офицер, начиная с низшего, XIV класса (прапорщик, корнет или хорунжий), а гражданский чин — с VIII класса (коллежский асессор). При этом право на получение ордена 4-й степени имели лица, удостоенные ранее *Анны св. орденом* 2-й степени.

В правление имп. *Павла I Петровича* (1796–1801) награждения орденом не производились. Он был восстановлен особым постановлением от 12 дек. 1801 г. имп. *Александром I Павловичем.* С 1845 г., по новому статуту, все без исключения генералы и офицеры — участники 18 или 20 кампаний на суше и на море — представлялись к награждению орденом 4-й степени с бантом и соответствующей надписью, если не были награждены В. о. ранее. Чиновники, прослужившие беспорочно 35 лет по гражданскому ведомству, представлялись к ордену 4-й степени с надписью на нем «35 лет», такой же знак получали священники, прослужившие этот срок в военном ведомстве. Те лица, к-рые беспорочно прослужили в офицерских чинах 25 лет в военном ведомстве, получали орден с надписью «25 лет» и бантом на ленте, как и военные священники, к-рые прослужили 25 лет, были в походах или по крайней мере в одном сражении. Священники, прослужившие «беспорочно и с похвалой в священном сане» не менее 50 лет, также представлялись к ордену 4-й степени.

С каждого награжденного орденом взимался единовременный денежный взнос на богоугодные дела и пенсии старшим кавалерам ордена. В нач. XX в. взнос составлял от 40 до 450 р., в зависимости от степени. От него освобождались кавалеры ордена 4-й степени, награжденные за долголетнюю службу и участие в военных кампаниях. До 1900 г. все кавалеры В. о. получали право потомственного дворянства, если не имели его до пожалования. С 1900 г. это право было закреплено только за кавалерами 3 высших степеней, а награжденные орденом 4-й степени получали личное дворянство. Члены имп. фамилии, получавшие при Крещении или достижении совершеннолетия высшие степени российских орденов, не удостаивались при этом В. о. и *Георгия св. ордена,* и последний российский имп. мч. *Николай II Александрович* получил крест В. о. 4-й степени за 25-летие офицерской службы.

2 первые степени ордена именовались степенями «большого креста», а 2 последние — «малого креста». Знаками ордена были звезда и золотой крест, покрытый с обеих сторон красной финифтью, с черной и золотой каймой по краям. В середине лицевой стороны креста на горностаевом поле изображался вензель равноап. Владимира под великокняжеской короной, а на реверсе — дата учреждения ордена. Звезда была 8-конечной с попеременно серебряными и золотыми концами. В центре ее, в черном круглом поле, был золотой крест — символ св. просветителя России — и буквы СРКВ (св. равноап. кн. Владимир). Вокруг, в красном поле с золотой каймой, девиз ордена: «Польза, честь и слава». Крест ордена 1-й степени носился на бедре на шелковой муаровой ленте ок. 10 см шириной, надеваемой через правое плечо. Лента ордена имела 3 полосы: красную посредине и 2 черных по краям. При наличии ордена св. Андрея Первозванного и в дни праздников др. орденов лента В. о. носилась под мундиром или на камзоле. Звезда — на левой стороне груди. Крест 2-й степени носился на ленте шириной 5,5 см на шее. К нему также полагалась звезда. Орден 3-й степени звезды не имел, и его крест носился на шее на ленте шириной 4,5 см. Крест 4-й степени носился на ленте шириной 2,2 см на груди (с бантом, если им награждали офицеров за доблесть на поле брани). Указом 26 нояб. 1789 г. был учрежден бант на орденской ленте к знаку 4-й степени, полученному за воинские заслуги. В 1845 г. отменялись банты к знакам 4-й степени, полученным за военные выслуги, но на знаках, получаемых офицерами за выслугу лет, банты сохранялись. К знакам орденов за военные заслуги с 5 авг. 1855 г. добавляли по 2 скрещенных меча вверху (до 1870) или посередине звезды и креста. При награждении орденом нехристиан в центре креста, вместо вензеля святого, помещался российский гос. орел. Изредка встречаются кресты ордена

Знак ордена равноап. кн. Владимира для иноверцев. XIX в. (ГИМ)

темно-красной или черной финифти, что вошло в моду в 60-х гг. XIX в.

При учреждении награды ее знаки 1-й степени возложила на себя имп. Екатерина II, с ними она изображена

Звезда ордена равноап. кн. Владимира со скрещенными мечами. XIX в. (ГИМ)

на полотне Д. Г. *Левицкого* «Екатерина II в храме богини Правосудия» (1783). Левицкий создал галерею портретов владимирских кавалеров. Орденом 1-й степени, по чинам и заслугам, минуя младшие степени, были первыми удостоены в 1782 г. И. А. Ганнибал, герой Чесменского сражения, гр. П. А. Румянцев-Задунайский, гр. И. И. Шувалов, кн. Г. А. *Потёмкин* и др. В 1783 г. его знаки получил А. В. *Суворов*. Первыми кавалерами ордена 4-й степени с бантом в 1789 г. стали выдающийся флотоводец, тогда капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин и буд. генерал-фельдмаршал, тогда капитан М. Б. Барклай-де-Толли. За победу в сражении при Фидониси в 1788 г. орденом 3-й степени (а также одновременно и орденом св. Георгия 4-й степени — уникальный случай) был награжден прав. *Феодор Ушаков*. За отличия в Отечественной войне 1812 г. и за участие в заграничном походе 1813–1814 гг. орден 1-й степени был выдан 21 раз, 2-й степени — 95, 3-й степени — сотни, а 4-й степени — тысячи раз. Единственным иереем, награжденным В. о. 4-й степени с мечами и бантом (знаком исключительно офицерского отличия), стал свящ. 6-го Кубанского пластунского батальона Анатолий Лебедев, явивший личное мужество в боях (награжден в 1915). На владимирской ленте носились мн. медали Российской империи. Кавалер ордена никогда не должен был снимать его знаки на мундире, а при получении следующих степеней он менял их на высшие.

Орденский праздник — 22 сент. Орденским храмом первоначально являлась ц. Св. Софии в Царском Селе, с 1845 г.— ц. равноап. кн. Владимира на Петербургской стороне в С.-Петербурге. Местом сбора кавалеров ордена в 1782–1794 гг. был Воронцовский дворец в С.-Петербурге.

После Октябрьской революции 1917 г. орден был упразднен.

В. о. как награда РПЦ был учрежден в 1957 г. в ознаменование 40-летия восстановления Патриаршества в России. Первоначально именовался «нагрудным знаком» и предназначался для награждения преимущественно представителей зарубежных правосл. Церквей и инославных вероисповеданий. Имеет 3 степени. 1-я степень представляет собой золотую звезду, 2-я — серебряную, 3-я — крест красной финифти. В медальоне в центре ордена всех степеней — изображение равноап. Владимира и по кругу изображения — надпись: «За церковные заслуги». Награждение орденом производится за церковные заслуги, преимущественно священно- и церковнослужителей. Орденом могут награждаться также храмы, мон-ри, епархии, духовно-учебные заведения. Среди первых удостоенных ордена 1-й степени были митр. Гор Ливанских *Илия Карам* и имп. Эфиопии Хайле Селассие I (награждены в 1959). В июле 1961 г. первым рус. человеком, награжденным В. о., стал Патриарх Московский и всея Руси *Алексий I*. В 1964 г. орден 1-й степени получила МДА, в 1977 г.— ЛДА. Святейший Патриарх Московский и всея Руси *Алексий II* удостоен В. о. 1-й и 2-й степени.

Звезда ордена равноап. кн. Владимира 1-й степени

Лит.: Свод законов Российской империи. СПб., 1910. Т. 1. Кн. 8. Гл. 4. С. 384–396; Ист. очерк Рос. орденов и сб. осн. орденских статутов. СПб., 1892²; *Спасский И. Г.* Иностранные и рус. ордена до 1917 г. Л., 1963. С. 117–119; *Кузнецов А. А.* Ордена и медали России. М., 1985. С. 69–75; *Дуров В. А.* Ордена России: Альбом. М., 1993. С. 90–103; Награды РПЦ. М., 2001. С. 50–51; *Левин С. С.* Рос. императорские и царские ордена в собр. ГИМ. М., 2003. С. 56–57, 104–112.

С. П. Карпов

ВЛАДИ́МИРА, РАВНОАПО́СТОЛЬНОГО КНЯ́ЗЯ, СОБО́Р В КИ́ЕВЕ (празднование 15 июля), построен в ознаменование 900-летия Крещения Руси. Инициатива

Собор во имя равноап. кн. Владимира в Киеве. Фотография. 80-е гг. XX в.

строительства собора принадлежала митр. Киевскому и Галицкому Филарету (Амфитеатрову), начинание к-рого было поддержано Святейшим Синодом и 28 июня 1852 г. одобрено имп. Николаем I. Предполагалось, что собор будет возведен на добровольные пожертвования: митр. Филарет первым внес 7 тыс. р., позднее Киево-Печерская лавра пожертвовала миллион штук кирпича. В 1854 г. был создан комитет по строительству собора. Первоначально планировалось соорудить его около руин Золотых ворот, затем по ходатайству нового Киевского митр. Исидора (Никольского) было выделено место для строительства напротив здания ун-та св. Владимира. В 1857 г., во время посещения Киева, имп. Александр II распорядился возводить собор между Бибиковским бульваром и Фундуклеевской ул. (совр. бульвар Т. Шевченко и ул. Богдана Хмельницкого).

История строительства, архитектура. 1-й проект В. с. был разработан в 1858 г. архит. И. В. Штромом (утвержден в 1859; автор удостоен звания академика архитектуры). Предполагалось возвести крестообразное в плане здание с 13 куполами, но из-за недостатка средств

(к 1859 было накоплено ок. 100 тыс. р. вместо необходимых 700 тыс.) этот вариант не был осуществлен. В 1860 г. киевский епархиальный архит. П. И. Спарро переработал проект: уменьшил размеры сооружения, отказавшись от выступавших рукавов креста, придал прямоугольную в плане форму и оставил 7 куполов. В 1861 г. к проектированию и строительству был привлечен академик архит. А. В. Беретти: формы храма не изменились, размеры выросли в полтора раза, значительно уменьшилась стоимость работ. В таком варианте проект В. с. был окончательно утвержден.

Торжественная закладка собора состоялась 15 июля 1862 г. Первый камень заложил Киевский митр. Арсений (Москвин). В 1866 г., когда собор достроили до уровня куполов, стены, своды и арки дали глубокие трещины; строительство было остановлено. По мнению вызванного из С.-Петербурга Штрома, причиной стали допущенные при переработке проекта ошибки в расчетах.

Работы были продолжены в 1875 г. по приказу имп. Александра II; при посещении Киева императора поразило удручающее состояние недостроенного храма. Приглашенный из С.-Петербурга архит. Р. Б. Бернгард, специалист по теории сводов, произвел новые расчеты нагрузок на стены и перекрытия и нашел техническое решение для ликвидации трещин: он предложил укрепить внешние несущие стены пристройкой боковых нефов и контрфорсов. На этом этапе строительство возглавил киевский архит. В. Н. Николаев, разработавший проект боковых нефов, после чего план В. с. стал напоминать древние базилики. Стены укрепили контрфорсами, надстроили главный купол и своды малых куполов. В соборе было устроено 3 престола: в центральной апсиде — в честь равноап. кн. Владимира, на хорах — в честь равноап. кн. Ольги и св. блгв. князей Бориса и Глеба. В зап. части юж. нефа помещалась крещальня. К 1882 г. строительство было в целом завершено.

В. с. представляет собой крестово-купольный 3-нефный храм; традиц. 5-главие над наосом (центральный купол крупнее и выше боковых, размещенных над угловыми ячейками) на зап. фасаде (над угловыми компартиментами хор) дополнено 2 звонницами меньшего размера, чем малые купола. Фасады имеют позакомарное покрытие, повышенное в центральных рукавах планового креста, в них вписаны арочные окна по визант. образцу (тройные в центральных пряслах, двойные в остальных), визант. традиция подчеркнута оформлением куполов с помощью арок, опирающихся на колонки, а также кладкой фасадов и арок из квадров. Нек-рые черты — мощные контрфорсы, прилегающие к пилястрам, четкое деление здания широким карнизом на 2 этажа, присутствие симметричных звонниц на зап. фасаде — нарушают точное воспроизведение визант. образцов.

Освящение В. с. состоялось 20 авг. 1896 г., во время посещения Киева имп. Николаем II. Первым настоятелем храма стал проф. КДА прот. И. Н. Корольков, старостой — проф. И. И. Малышевский. Церковный хор В. с. возглавил киевский регент Я. Калишевский. В мае 1914 г. при В. с. было основано благотворительное Свято-Владимирское братство, к-рое в годы первой мировой войны опекало раненых солдат. После установления в Киеве власти большевиков из собора изъяли много церковной утвари, сняли колокола; запрет на отопление привел к разрушению росписей. В 1929–1941 гг. в В. с. размещался Музей антирелигиозной пропаганды (филиал Всеукраинского музейного городка), нек-рое время находились архивы местных органов власти, книгохранилище педагогического ин-та. В период оккупации Киева нем. войсками осенью 1941 г. в В. с. возобновились богослужения, в 1944 г. он стал кафедральным храмом митрополита Киевского и Галицкого, экзарха Украины. В 1946–1952 гг. в В. с. проводились масштабные реставрационные работы под рук. укр. искусствоведа Л. Калиниченко, собору были возвращены нек-рые ранее конфискованные предметы церковной утвари. В соборе хранятся мощи вмц. Варвары и митр. Киевского сщмч. Макария. С 1991 г. В. с. находится в ведении представителей раскольнической УПЦ (К), возглавляемой Филаретом (см. ст. *Денисенко* М. А.).

Особенности художественного убранства В. с. определяла идея возрождения нац. традиций монументальной церковной живописи, актуальная во 2-й пол. XIX в. и обусловленная успехами археологического

Интерьер Владимирского собора. Хромолитография С. В. Кульженко. Кон. XIX в.

изучения, реставрацией, эстетическим осмыслением древнерус., в т. ч. киевских, памятников. В 1883 г. искусствовед и археолог проф. А. В. *Прахов* представил проект внутреннего оформления собора; строительный комитет отклонил его, поручив работу Николаеву. Однако проект Прахова и его руководство работами получили поддержку С.-Петербургского археологического об-ва и министра внутренних дел, бывш. обер-прокурора Святейшего Синода гр. Д. Толстого (мин-вом внутренних дел на украшение храма было выделено 200 тыс. р.). К оформлению интерьера приступили в 1885 г. В работе принимали участие мн. художники, однако ведущая роль в художественном решении интерьера храма принадлежала Прахову и В. М. Васнецову (см. ст. *Васнецовы*). Основное значение в оформлении храмового пространства приобрели живописные сюжеты и орнаменты, в цветовой пестроте и разнообразии к-рых растворяются конструктивные членения храма. Образцом для росписей Васнецову послужили визант. и рус. сюжетные и иконографические мотивы. Его живопись стала выражением национального стиля, противопоставленного итальянизирующей академической церковной живописи. В характерные для творчества мастера былинные образы были привнесены впечатления от визант. памятников. Однако реалистическая основа и декоративность васнецовского стиля не могли раскрыть всю глубину и догматический смысл религ. образов и понятий; это заставило художника усложнить содержание росписей,

вносить в образы внешний психологизм, напряженность и страстность, чуждые древнерус. искусству.

Программа храмового убранства строилась на идее увековечивания памяти равноап. кн. Владимира, крестителя Руси. В системе росписей история России предстает как часть общечеловеческой истории, границы к-рой обозначены Днями творения (юж. неф), Страшным Судом (зап. стена) и помещенными между ними сценами из земной жизни и Крестного страдания Иисуса Христа (боковые нефы, хоры и своды центрального нефа). Древняя история России нашла отражение в композициях «Крещение кн. Владимира» (слева от зап. двери, над боковым входом на лестницу) и «Крещение Руси» (справа от зап. двери, над боковым входом в крещальню), в изображениях рус. святых, духовных деятелей на пилонах центрального нефа (в выборе этих персонажей отражен преимущественно киевский период истории). Т. о., собор — своеобразная благодарственная молитва Творцу, слава Которого утверждается через славу св. Руси.

В подражание древним киевским храмам в конхе апсиды на золотом фоне помещены образ «Богоматери с Младенцем», ниже — композиция «Евхаристия». На боковых алтарных стенах изображены группы

Крещение кн. Владимира.
Роспись Владимирского собора.
1885–1896 гг.
Худож. В. М. Васнецов

библейских пророков и рус. святителей, на пилонах перед апсидой — 2-частные композиции «Благовещение» и «Сретение». Обширная галерея рус. святых (князья равноап.

Собор святителей и преподобных Русской Церкви.
Роспись Владимирского собора.
1885–1896 гг.
Худож. В. М. Васнецов

Владимир Киевский, благоверные Александр Невский, Андрей Боголюбский, Михаил Черниговский, княгини равноап. Ольга, преподобные Евфросиния Полоцкая, Нестор-летописец и Алипий-иконописец) представляет разные формы подвижничества и духовного служения. На своде центрального нефа развернута 3-частная композиция «Единородный Сыне — Слово Божие», основой к-рой стало составленное Ф. И. *Буслаевым* описание иконы XVI в. На стенах боковых нефов и на хорах расположены сюжеты из жизни Христа, исполненные в манере академических религ. картин художниками П. А. Сведомским («Вход в Иерусалим», «Воскрешение Лазаря», «Распятие Христа», «Преображение Христа»), В. А. Котарбинским («Иисус Христос перед Пилатом», «Тайная Вечеря», «Моление о чаше», «Вознесение Христово»). М. В. *Нестеровым* на хорах написаны «Рождество Христово», «Воскресение Христово», «Богоявление», а также иконы в приделах. Ряд орнаментов выполнены М. А. *Врубелем*, А. Мамонтовым, незначительная часть росписей — А. А. Сведомским.

В программе и художественном стиле росписей В. с. нет строгой приверженности правосл. символике и догматической традиции. Наряду с прямыми заимствованиями из древних визант. памятников (изображение в виме главного алтаря евангелистов в виде агнцев и Креста на фоне звездного неба по образцу мозаики в ц. Сант-Аполлинаре ин Классе в Равенне, сер. VI в.), в роспись были введены такие элементы как изображение душ праведников, к-рые ангелы несут к райским вратам (в композиции «Преддверие рая» в кольце барабана центрального купола). Композиция «Страшного Суда» на зап. стене построена на основе традиц. иконографии Апокалипсиса, но с элементами фольклорных мотивов; в плафонах

Радость праведных о Господе.
Преддверие рая.
Фрагмент росписи Владимирского собора.
1885–1896 гг.
Худож. В. М. Васнецов

боковых нефов помещен сюжет «Дни творения» (авторы П. А. Сведомский и Котарбинский).

Низкая мраморная алтарная преграда, характерная для визант. памятников, была спроектирована Праховым, ему же принадлежит разработка ряда архитектурных деталей интерьера, в т. ч. бронзовых дверей, для к-рых были выполнены равноапостольные фигуры кнг. Ольги (по модели скульптора Р. Р. Баха) и кн. Владимира (по модели Г. Р. Залемана). Мозаичные изображения на фасадах собора по эскизам Васнецова созданы в мастерской А. А. Фролова в С.-Петербурге, мозаики в интерьере выполнены венецианскими мастерами.

Наряду с др. крупнейшими соборами России XIX в. (Исаакиевский в С.-Петербурге, храм Христа Спасителя в Москве) В. с., несмотря на художественные просчеты (отсутствие связи между архитектурной конструкцией и декоративным оформлением, противоречия в организации внутреннего пространства и во внешнем облике здания, невозможность целостного восприятия росписей, неканонические детали в трактовке средневек. иконографии, напр. изображение Христа в сцене «Евхаристии»), остается в рус. куль-

туре как памятник искусства и религ. сознания эпохи. Росписи В. с. получили значение образца для иконописцев кон. XIX в. (стенопись ц. прп. Пимена Великого в Нов. Воротниках в Москве (1896), иконы для иконостаса (ок. 1914) ц. Рождества Христова в пос. Вехручей (Карелия; в наст. время находятся в ц. вмц. Екатерины в Петрозаводске)).

Лит.: *А. К.* Судьба одного киевского сооружения // Киевская старина. 1884. Кн. 6. С. 344–353; *Беретти А. В.* О строящемся соборе во имя св. Владимира в Киеве. К., 1884; Собор св. вел. кн. Владимира в г. Киеве: Альбом фотографа Г. Лазовского. К., [1897]; *Петров Н. И.* Из истории киевского Владимирского собора // ТКДА. 1898. № 12; *он же.* О расписании стен и вообще об украшении Киевского Владимирского собора // ТКДА. 1899. № 5. С. 17–42; № 6. С. 263–286; № 7. С. 289–320; Собор Св. кн. Владимира в Киеве: 1861–1896. К., 1898, 1905[6]; *Рождественский Н. В.* О значении киевского Владимирского собора в рус. религиозном искусстве. М., 1900; *Дедлов В. П.* Киевский Владимирский собор и его художественные творцы. М., 1901; *Александровский И. В.* Собор св. Владимира в Киеве: Сооружение собора, внешний вид собора, отделка его. К., 1905; Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. К., 1983. Т. 1. С. 22; *Киркевич В.* Собор св. Владимира в Киеве: Ист.-искусствовед. очерк. К., 1995; *Асєєва Н.* «...Не має собіѳ суперників»: До 100-річчя Володимирського собору в Києві // Людина і світ. 1996. № 8. С. 3–5; *Туркевич В.* Храм-пам'ятник // Пам'ять століть. 1996. № 2. С. 184–197; *Утевська П., Сазонова Н., Горбачов Д.* Київські святині. К., 1999. С. 119–125.

К. К. Крайний, С. С. Степанова

ВЛАДИ́МИРА СВЯТО́ГО СЕМИНА́РИЯ В НЬЮ-ЙО́РКЕ – см. *Свято-Владимирская духовная семинария* Православной Церкви в Америке.

ВЛАДИ́МИР БЕЛОПЕСО́ЦКИЙ (Василий; ок. 1450, Ржев – ок. 1522), прп. (пам. 15 июля и в воскресенье перед 26 авг.– в Соборе Московских святых), основатель и первый игумен *Белопесоцкого во имя Св. Троицы мон-ря.* Согласно монастырской «Летописи 1868 г.» (составлена на основе документов из ТСЛ, ныне хранится в архиве Белопесоцкого мон-ря), В. Б. происходил из детей боярских, служил воеводой, монашеский постриг принял в *Варлаамиевом Хутынском в честь Преображения Господня мон-ре.*

В кон. XV в. на берегу Оки, в 50 км от Серпухова, преподобный основал мон-рь. Впервые Белопесоцкая обитель и ее основатель упоминаются в жалованной грамоте служилого татар. кн. Магмет-Амина

Прп. Владимир Белопесоцкий. Икона. Кон. XX в.

16 нояб. 1498 г. (ААЭ. Т. 1. С. 101–102. № 135). В февр. 1507 г. вел. кн. *Василий III Иоаннович* дал В. Б. тарханную и несудимую грамоту на починки Ступинский, Крутовражский, Воргосовский в Туровской вол. и дер. Мальцово в Растовской вол. Каширского у. (АРГ, 1505–1526. № 29. С. 35–36), а в июле 1511 г.– жалованную и несудимую грамоту на деревни в Туровской и в Растовской волостях Каширского у. (Там же. № 86. С. 91–92). 28 февр. 1512 г. датируется жалованная несудимая грамота мон-рю Абдыл-Летифа (Там же. № 100. С. 104–105), бывш. казанского хана, получившего в удел Каширу, по-видимому во 2-й пол. 1511 г. 7 янв. 1515 г. Василий III дал в обитель еще неск. починков в Каширском у. (Там же. № 118. С. 118–119), 20 янв. 1516 г. кн. П. В. Великим-Шестуновым игумену Белопесоцкого мон-ря были даны вкладом деревни в Каширском у. (Там же. № 131. С. 128–129). Последняя жалованная грамота, выданная В. Б., датируется янв. 1522 г. «Летопись 1868 г.» сообщает, что жития святому «было 72 года». При жизни преподобного в Белопесоцком мон-ре были построены деревянная ц. во имя Св. Троицы и кельи. Согласно Описной книге Каширского у. 1578–1579 гг., «печальник и строитель старец Володимир» был погребен «у Троицы под папертью». В монастырском синодике (частное собр.), составленном в 1645 г., переписан «род начальника обители сея преподобного игумена Владимира», насчитывающий 88 имен.

В. Б. почитался в Белопесоцком мон-ре. В 1645 г. прот. каширского собора Митрофан дал вклад – пелену на «гробницу у начальника преподобного игумена Владимира»: «средина камкова личневая, крест бархатный черный, опушка у пелены тафта алая» (ГМИР). Однако в писцовых книгах Каширского у. В. Б. преподобным не назван, он упоминается как почивший игумен (РГБ. Ф. 303/I. № 476, 1664 г.).

В февр. 1918 г. Белопесоцкий мон-рь был закрыт. 18 июля 1992 г. в бывш. монастырском храме во имя прп. Сергия Радонежского возобновились богослужения, в 1993 г. обитель была возрождена как женская. В 1998, в год празднования 500-летия Белопесоцкого мон-ря, по благословению Крутицкого и Коломенского митр. *Ювеналия (Пояркова)* совершилась канонизация В. Б. к местному почитанию, была написана икона, составлены тропарь и кондак святому. Память В. Б. 15 июля празднуется ради тезоименитства его с равноап. кн. *Владимиром (Василием) Святославичем.* Мощи преподобного покоятся под спудом в Троицком храме Белопесоцкого мон-ря.

Ист.: Акты Рус. гос-ва, 1505–1526 гг. М., 1975; ААЭ. Т. 1.

Лит.: *Арсений, иером.* Ист. сведения о Белопесоцком Троицком мон-ре // ЧОЛДП. 1870. Кн. 11. С. 93–116; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России кон. XV – 1-й пол. XVI в. М., 1967; *Мария (Баранова), игум.* Св.-Троицкий Белопесоцкий мон-рь: 1498–1998. Ступино, 1998; *Леонид (Кавелин).* Святая Русь. С. 154–155. № 600; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 554; *Аникеева Е. Н.* Вопр. истории Белопесоцкого мон-ря // XIII Ежегод. богосл. конференция ПСТБИ, 2003 г. М., 2003. С. 185–188.

Архим. Макарий (Веретенников)

ВЛАДИ́МИР (ВАСИ́ЛИЙ) ВСЕ́ВОЛОДОВИЧ Мономах (1053/54 – 19.05.1125, Киев), блгв. кн. (пам. в Неделю 2-ю по Пятидесятнице – в Соборе всех святых, в земле Российской просиявших), один из наиболее выдающихся гос. деятелей средневек. Руси, писатель. Сын киевского кн. *Всеволода (Андрея) Ярославича* (1078–1093) и родственницы (дочери?) визант. имп. *Константина IX Мономаха* (1042–1055). Был женат трижды: ок. 1073 г.– на Гиде, дочери последнего англо-саксон. кор. Харальда, от этого брака у В. В. были сыновья св. *Мстислав (Феодор)* Великий,

Кн. Владимир Всеволодович. Гравюра. XIX в. (РГБИ)

Изяслав, Ярополк и Вячеслав; ок. 1099 г.— на неизвестной, матери сыновей *Юрия (Георгия)* Долгорукого, Андрея и Романа; в последний раз — после 1107 г. Погребен в киевском Софийском соборе рядом с отцом (ныне погребения утрачены). Известны многочисленные свинцовые печати В. В. с изображением свт. *Василия Великого*, в честь к-рого князь был крещен, и с греч. или рус. молитвенной надписью: ΣΦΡΑΓ[ΙΣ] ΒΑΣΙΛΙΟ[Υ] ΤΟΥ ΠΑΝΕΥΓΕΝΕΣΤΑΤ[Ο]Υ ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΡΟΣΙΑΣ ΤΟΥ ΜΟΝΟΜΑΧΟΥ[ΟΥ] («печать Василия, благороднейшего архонта Росии, Мономаха») и «ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ ВАСИЛЬЕВИ КНАЗОУ РОУСЬСКОГО [Так!— *А. Н.*]» или подобное.

Надпись на печати кн. Владимира Всеволодовича. XI в. (НГОМЗ). Лицевая сторона

При жизни Всеволода политическая деятельность В. В., начавшаяся, по княжескому обычаю тех времен, рано — с 13 лет, в сер.— 2-й пол. 60-х гг. XI в., осуществлялась в рамках политики его отца, в качестве наместника к-рого он занимал последовательно различные княжеские столы: в Ростове, Владимире-Волынском, Турове (60–70-е гг. XI в.), Смоленске (1076/77–1078), Чернигове (1078–1094, с 1093 как самостоятельный князь). Очевидно, именно зависимостью от политической линии Всеволода объясняются отдельные действия В. В. этого периода (напр., поход против волынского кн. *Ярополка (Петра) Изяславича* в 1085), к-рые плохо согласуются с его политическими воззрениями, насколько они вырисовываются в период самостоятельного правления князя, и о к-рых сам В. В. предпочитал умалчивать в подробном каталоге своих военных походов в составе «Поучения к детям». В это время В. В. приходилось исполнять и поручения киевских князей: так, по приказу киевского кн. *Святослава (Николая) Ярославича* он участвовал вместе с сыном последнего *Олегом (Михаилом) Святославичем* в походе в Чехию осенью 1075 г., чуть ранее — в 1074 г. заключал мирный договор с польск. кн. Болеславом II.

После смерти отца (13 апр. 1093) В. В., несмотря на свое явное политическое и военное превосходство, отказался занять киевский стол, ус-

Печать кн. Владимира Всеволодовича с изображением свт. Василия Кесарийского. XI в. (НГОМЗ). Оборотная сторона

тупив его двоюродному брату — во всех отношениях менее значительному туровскому кн. *Святополку (Михаилу) Изяславичу* (киевский князь в 1093–1113). Именно тогда легитимизм впервые отчетливо проявился как одна из характерных черт политического кредо В. В.: Святополк был генеалогически старейшим (его отец киевский кн. *Изяслав (Димитрий) Ярославич* (1054–1078, с перерывами) был старшим братом Всеволода), что и обусловило его преимущественное право на Киев согласно древнерус. династическим понятиям. Ситуация повторилась и в 1094 г., после тяжелых поражений, понесенных в кон. мая—июле 1093 г. Святополком и В. В. от половцев, когда явившийся под стенами Чернигова с половецким войском др. двоюродный брат В. В.— Олег Святославич, сын черниговского, а затем киевского кн. Святослава Ярославича, вынужденный покинуть Русь после смерти отца,— потребовал вернуть себе отцовский Чернигов. Прочно державшийся здесь после 16-летнего княжения В. В. тем не менее уступил город старшему родственнику, на стороне к-рого было вотчинное право. Князь ушел в свою вотчину Переяславль (Русский) — «съжаливъси хрьстьянскых душь, и сел горящих, и манастырь»,— как впосл. писал сам В. В. в «Поучении».

После непродолжительного, но чрезвычайно кровопролитного конфликта В. В. и Святополка с Олегом в 1096–1097 гг., вызванного отказом последнего от совместных действий против половцев и от заключения общерус. междукняжеского договора, в окт. 1097 г. в днепровском г. Любече состоялся княжеский съезд, идейным вдохновителем к-рого, несомненно, был В. В. Согласно Любечскому договору, земельные владения всех членов княжеского рода (Ярославичей) были признаны их наследственной собственностью (они были получены в 1054 по завещанию вел. кн. *Ярослава (Георгия) Владимировича* Мудрого, а также в результате раздач волостей, предпринятых покойным киевским кн. Всеволодом Ярославичем). Т. о., за В. В. закреплялись владения Всеволода после 1054 г., т. е. Переяславль (Русский) и Ростов, а сверх того Смоленск и Новгород, где сидел старший сын В. В. Мстислав. Результатом этого съезда, похоже, стало также исключение Святославичей (князей Олега и Давида) из числа наследников Киевской земли, что было естественно, поскольку княжение их отца Святослава Ярославича, изгнавшего из Киева своего старшего брата Изяслава, признавалось узурпацией,— еще одно свидетельство легитимизма любечских соглашений и их инициатора В. В. Кроме того, все эти меры по внутриполитической стабилизации Руси были направлены на организацию отпора половецким набегам («имемся в едино сердце и блюдем Рускые земли» — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256).

После 1097 г. на Руси установился «дуумвират» — соправление Святополка и В. В. (к этому времени, вероятно к 1108, относится постройка В. В. крепости в своей Ростовской вотчине — г. Владимире-на-Клязьме). Наиболее характерной чертой этого периода стала органи-

зация активного общерус. отпора половецкой опасности — результат любечских соглашений. В результате победоносных походов 1103, 1107, 1111 и (уже после смерти кн. Святополка) 1116 гг. она была устранена на полвека, и половцы надолго заняли подчиненное место союзников тех или иных рус. князей в их междоусобной борьбе. В. В. был главным военным и политическим организатором этих походов; в его глазах они явно имели характер религ. войны. Так, во время похода 1111 г. В. В. «пристави попы своя, едучи пред полком пети тропари и коньдакы Хреста Честнаго и канун Святои Богородици» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 266). И в «дуумвирате» со Святополком он играл ведущую роль, не усомнившись выступить вместе со Святославичами против киевского князя, когда тот в нарушение любечских соглашений хотел присвоить себе владения своих двоюродных племянников Ростиславичей (ослепление теребовльского кн. *Василия Ростиславича*).

Переговоры князей Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича в Долобске перед походом на половцев в 1103 г. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 149 об.)

После смерти Святополка (16 апр. 1113) В. В. беспрепятственно по призыву киевлян сел на княжение в Киеве, будучи вынужден, однако, подавлять волнения и беспорядки, вызванные притеснениями администрации Святополка и финансовым гнетом, особенно ростовщическим. Пространная редакция «Русской Правды» сохранила нек-рые законодательные установления В. В. («Устав Володимерь Всеволодича»), направленные прежде всего на ограничение ростовщических доходов (точный объем законодательства В. В. в составе «Русской Правды» до сих пор является предметом научных дискуссий).

Правление В. В., продолженное княжением его сына Мстислава (1125–1132), было временем очевидной внутриполитической стабилизации. В. В. объединил в своих руках господство над большей частью Руси, за исключением Чернигова, Полоцка и поначалу Волыни. Попытки вооруженного протеста против этого господства со стороны минского кн. *Глеба Всеславича* (1101–1119) и волынского кн. Ярослава Святополчича (1117–1118 и 1123) закончились для них неудачно: оба князя утратили свои владения и трагически погибли. Победы над мятежными князьями еще более укрепили положение В. В., приобретшего Волынскую землю. Черниговские Святославичи, Давид и Олег, вынуждены были поддерживать тесный союз с В. В., скрепленный, впрочем, уступкой Чернигову в Северской земле Курского Посемья. Демонстрацией единства этих 3 сильнейших князей Руси под верховенством В. В. стало торжественное перенесение мощей св. мучеников *Бориса и Глеба* из деревянной церкви в каменную в Вышгороде под Киевом, достроенную кн. Олегом (см. ст. *Борисоглебская церковь в Вышгороде*), в присутствии митр. *Никифора I*, ряда епископов и игуменов киевских мон-рей 2 мая 1115 г. (под этим днем память о событии вошла и в церковные месяцесловы).

Поход кн. Владимира Всеволодовича с сыновьями на Минск. Взятие Друцка. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 156)

Важнейшим элементом внутриполитической программы В. В. стало урегулирование киевского наследства. Его замысел сводился к сохранению этого княжения в руках Мстислава Владимировича и его потомства (см. статьи: *Всеволод (Гавриил) Мстиславич*, блгв. кн., *Изяслав (Пантелеимон) Мстиславич*). Этот шаг следует рассматривать как попытку спасти любечские принципы ценой нек-рого их формального нарушения — ограничения числа отчичей Киева, т. к. со временем увеличение их числа грозило политическим хаосом (последующие события XII в. оправдали эти опасения). Для осуществления своего плана В. В. в 1117 г. перевел Мстислава из Новгорода под Киев, в Белгород, настояв одновременно на заключении соответствующего договора между Мстиславом и следующим по старшинству Владимировичем — Ярополком. Эти слишком радикальные преобразования и вызвали упомянутое возмущение Ярослава Святополчича, поскольку именно к нему Киев должен был перейти после В. В. по традиц. праву. Выступление Ярослава было подавлено, но в полной мере планы В. В. оказались неосуществимыми, разбившись во время правления в Киеве его сына Ярополка (1132–1139) о сопротивление младших Мономашичей — Юрия Долгорукого и Андрея Доброго.

Внутренняя стабилизация Руси при В. В. сопровождалась обострением внешнеполитических противоречий. Еще в 1112 г. вел. князь выдал свою дочь Евфимию за кор. Кальмана, но вскоре брак был расторгнут венг. стороной. Борьба с Ярославом Святополчичем вылилась в конфликт с Венгрией и Польшей, правители к-рых Иштван (Стефан) II и Болеслав III Кривоустый поддержали бывш. волынского князя. Конфликт завершился гибелью Ярослава под стенами Владимира-Волынского в 1123 г. Сложнее обнаружить конкретные причины войны с Византией, вспыхнувшей в 1116 г. Вероятно, Киев стремился к контролю за Н. Подунавьем — районом, традиционно важным для Руси (и соседней с ней Византии) как в торговом, так и военно-стратегическом отношениях, особенно после того как в кон. XI в. Русь потеряла Тмутараканское княжество.

Церковь во имя святых князей Бориса и Глеба на р. Льте (Альте). Худож. И. Гиедич. Гравюра М. Рашевского. 80-е гг. XIX в. (ГПИБ)

Визант. самозванца Льва Псевдо-Диогена, выдававшего себя за сына бывш. имп. *Романа IV Диогена*, В. В. женил на своей дочери (или сестре?) Марице (возможно, еще ок. 1095), поддержал его выступление против имп. *Алексея I Комнина*. После скорой гибели Льва рус. гарнизоны заняли ряд нижнедунайских городов, ранее предавшихся Льву. Однако главную визант. крепость в этом районе — Доростол (совр. Силистра, Болгария) взять не удалось. Мир, условия к-рого неизвестны, был заключен не позднее 1121–1122 гг., когда в Византию «за ц(еса)рь» (предположительно за Алексея, старшего сына и соправителя *Иоанна II Комнина*, а не за Андроника, как часто считается в историографии) была выдана замуж дочь Мстислава Владимировича, а В. В. заложил в Киеве ц. во имя Иоанна Предтечи, в к-рой, по всей вероятности, была положена доставленная из К-поля реликвия — перст святого. Это событие отразилось в древнерус. проложном сказании о «пренесении честнаго прьста Иоанна Крестителя, десныя его руки, в Русь от Царьграда... при князи Володимере Мономасе» (*Никольский Н. К.* Мат-лы для истории древнерус. духовной письменности // СбОРЯС. 1907. Т. 82. № 4. С. 56–57); церковь находилась на Сетомли «у Купшина монастыря», по др. источникам неизвестного.

О церковной деятельности В. В. имеются лишь отрывочные сведения. Возможно, именно ему принадлежал замысел создать епископию в Смоленске, до конца доведенный в 30-х гг. XII в. уже его внуком — смоленским кн. св. *Ростиславом (Михаилом) Мстиславичем;* но первым шагом на этом пути было дарование В. В. Переяславскому еп. *Симону* (в юрисдикции к-рого тогда находился Смоленск) холма в Смоленске под кафедральный храм и заложение князем на нем ц. в честь Успения Пресв. Богородицы. В посмертной похвале В. В. в Лаврентьевской летописи князь прославлялся как щедрый храмоздатель, к-рый «не щадяше именья своего... цьркви зижа и украшая» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 294). Кроме уже названных смоленского Успенского собора и Предтеченской ц. в Киеве сохранились известия о построении им в 1117 г. Борисоглебской ц. на р. Льте (Альте) под Переяславлем (Русским) — месте, где, по преданию, погиб св. кн. Борис (В. В. любил бывать здесь, здесь и скончался), и дубового кафедрального собора в честь Успения в Ростове (сгорел в нач. 60-х гг. XII в.), в меру Успенского собора Киево-Печерского мон-ря в память об исцелении В. В. через золотой пояс варяга Шимона (см. *Симон варяг*, прп.), к-рым (поясом) отмерялись размеры Печерского храма (КПП. Слово 4). По археологическим данным, В. В. после 1115 г., вероятно, построил еще каменную ц. Спаса на Берестове под Киевом (*Раппопорт П. А.* Рус. архитектура X–XIII вв.: Кат. памятников. Л., 1982. С. 23. № 32).

Автор похвалы вменяет в заслугу В. В. «велику веру... к Богу и сродникома своима, к святыма мученикама Борису и Глебу». Известно о том, что по повелению В. В. в 1102 г. раки святых были окованы серебром и золотом. После перенесения мощей св. князей в 1115 г. «комары», в к-рых были установлены раки, благодаря В. В. были украшены кованными по золоту и серебру изображениями св. князей Бориса и Глеба, а также драгоценными светильниками, сенью и проч. В киевское княжение В. В. и, очевидно, не без влияния с его стороны была создана окончательная редакция Сказания о святых Борисе и Глебе.

Многочисленные данные рисуют образ В. В. как правителя, не только в выдающейся степени обладавшего достоинствами христ. государя, но также гос. мыслителя и писателя. Сохранились 2 послания к В. В. митр. Никифора I (1104–1121), содержание к-рых характеризует их адресата как человека весьма образованного и скромного до аскетизма в быту. В 1-м послании митрополит излагает князю учение о посте и воздержании. Митр. Никифор хвалит вел. князя за его равнодушие к мирским благам: В. В. спит на голой земле и «сиротину носит одежку» и только, «в град входя, власти деля», облачается в княжеские одежды; правитель дает своим приближенным богатые пиры «величества ради княжеского», сам же питается хлебом и водой, «седя и позоруя (наблюдая.— *А. Н.*)». 2-е послание является ответом на вопрос В. В. об уклонениях «латинян» от Православия, к-рый, вполне возможно, был вызван желанием князя сообразовать политические и матримониальные связи со своими католич. партнерами с церковным учением. С учетом всех этих сведений выглядит вполне логичным желание В. В. оказать влияние на основные тенденции летописания, хотя гипотеза А. А. *Шахматова* о создании в 1116 г. по инициативе восшедшего на киевский стол В. В. т. н. 2-й редакции ПВЛ (именно с этой целью летописание было якобы переведено из Киево-Печерского мон-ря в фамильную обитель В. В. *Выдубицкий Всеволож во имя арх. Михаила муж. мон-рь* под Киевом), несмотря на свою популярность, остается дискуссионной. Вместе с тем факт редактирования текста ПВЛ (в том виде, как он дошел до нас) в благоприятном для В. В. духе вряд ли подлежит сомнению.

Кн. Владимир Всеволодович. Гравюра. XIX в. (РГБИ)

Отчетливее всего нравственные и государственно-идеологические установки В. В. проявились в его собственных писаниях: «Поучении к детям» и Послании к кн. Олегу Святославичу. Этот корпус текстов, к-рый завершается собранием кратких молитв, сохранился в единственном списке, местами неисправ-

Вручение Владимиром Всеволодовичем княжеского меча как знака власти своему сыну Андрею. Отъезд Андрея на княжение во Владимир-Волынский. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 157 об.)

ном, в составе т. н. Лаврентьевской *летописи* (*в статье* 1096). «Поучение» состоит из собственно наставления детям, написанного, вероятнее всего, ок. 1100 г., и добавленного к нему тогда же и дополненного в 1117 г. или несколько позднее списка «путей» — военных походов и адм. поездок В. В. Список несомненно основан на каких-то ведшихся князем или сопровождавшими его лицами летописно-дневниковых записях и содержит ряд сведений, дополняющих или уточняющих летописи. «Поучение» начинается призывом В. В. к своим преемникам «не ленитися... и тружатися первое Бога деля и душа своея», иметь «страх Божии в сьрдци своем и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру». Вот почему князь не хотел участвовать в предложенной ему др. князьями клятвопреступной (нарушавшей любечские соглашения) войне против своих двоюродных племянников — сидевших на юге Волыни сыновей кн. Ростислава Владимировича (старшего внука вел. кн. Ярослава Мудрого). От нахлынувших грустных мыслей князь ищет утешения в *Псалтири*, давая пространную подборку цитат. В житии свт. Василия Великого Псевдо-Амфилохия Иконийского (А. Вайан, Л. Мюллер) В. В. привлекают слова о скромности и послушании старшим (слав. перевод жития известен по рус. списку 2-й пол. XIV в., но, вероятно, имел хождение в древнерус. минейной лит-ре уже в XI–XII вв.). Последующие нравственные сентенции В. В. оказываются, как показал Н. В. Шляков, парафразом одного из поучений свт. Василия Великого, вошедшего в Пролог под 21 янв. («Научися, верныи человече, быти благочестно делатель» и проч.), и паремийных чтений в 1-й день Великого поста («Избавите обидима, судите сироте, оправдаите вдовицю» и т. д.). В. В. переходит к мысли о величии Божием и Его творения, к-рая также подтверждается многочисленными цитатами не только из Псалтири, но и из Постной Триоди, в основном из песнопений 1-й великопостной недели. Содержание этой части, по-видимому, выказывает знание В. В. «Шестоднева» *Иоанна*, экзарха Болгарского, хотя прямых заимствований установить не удается.

Завершающая часть «Поучения» (*перед списком «путей»*) — собственно текст В. В., где наиболее ярко проявились его авторские черты. Текст представляет собой своего рода «княжеское зерцало» — свод нравственных и практических заповедей правителя. В начале следует заповедь индивидуальной молитвы на всякое свободное время («Аще и на кони ездяче, не будеть ни с кым орудья (дела.— *А. Н.*), аще инех молитв не умеете молвити, а Господи помилуи зовете бес престани втаине, та бо есть молитва всех лепши, нежели мыслити безлепицю ездя»); затем — краткие и емкие наставления о покровительстве слабым, о недопустимости убийства «ни права, ни крива», об осмотрительности в клятвах и необходимости блюсти крестоцелование, о почитании и покровительстве «епископам, и попам, и игуменам», о погибельности гордыни, лжи, пьянства и блуда («в том бо душа погыбаеть и тело»). По мнению В. В., князь должен и в доме своем, и в походе дозирать о всем сам, не полагаясь «ни на тивуна, ни на отрока», ни «на воеводы», следить за тем, чтобы воины не делали «пакости» «ни своим, ни чюжим ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть», почитать иноземных купцов и послов («ти бо мимоходячи прославять человека по всем землям»), да и всех привечать («человека не минете не привечавше»), учиться («его же не умеючи, а тому ся учите, якоже отьць мои дома седя изумеаше 5 язык, в том бо честь есть от инех земель») и т. п.; венец же всему — «страх Божии имеите».

Послание В. В. к кн. Олегу Святославичу относится к 1097 г. Оно является откликом на события в Муроме 6 сент. 1096 г., когда в битве с Олегом был убит один из старших сыновей В. В.— кн. Изяслав. Послание поражает чистотой и искренностью интонации: В. В. прощает кн. Олегу (вина к-рого усугублялась тем, что юный Изяслав был его крестником) гибель сына («дивно ли, оже мужь умерл в полку, ти *лепше суть измерли роди наши*»), призывает черниговского князя к миру, удивляется тому, что кн. Олег не кается в своем грехе, и указывает на суетность земных приобретений («а мы что есмы чьловеци грешнии, лиси, дьнесь живи, а утро мьртви, дьнесь в славе и в чти, а заутра в гробе и бес памяти, ини собранье наше разделять»). В заключительных молитвах к Пресв. Троице, Христу, Богоматери и свт. *Андрею*, архиеп. Критскому автор обильно использует цитаты из Постной Триоди и Великого покаянного канона свт. Андрея. Заключительная молитва («Помилуи мя, Господи, помилуи, егда хощеши судити, не осуди мене в огнь» и след.) буквально совпадает с окончанием 9-й песни Канона молебного свт. *Кирилла Туровского* (*Макарий*. История РЦ. Кн. 2. С. 596), что дало повод отрицать принадлежность молитв В. В., считая их более поздней припиской (Р. Матьесен и др.). Однако по тону они весьма близки «Поучению», и осторожнее было бы предположить, что В. В. и свт. Кирилл независимо друг от друга процитировали какой-то 3-й, пока еще не выявленный источник.

Эпохальное значение политической фигуры В. В. в полной мере отразилось и в том, что память о нем, порой в гиперболизированной или мифологизированной форме, сохраняли долгие годы мн. поколения рус. людей. Так, В. В. как усмиритель степняков стал героем эпического

Принесение киевскому кн. Владимиру Всеволодовичу из Константинополя символа царской власти — шапки Мономаха. Миниатюра из Лицевого летописного свода. Голицынский том. 70-е гг. XVI в. (РНБ. F. IV. 225. Л. 4 об.)

сказания, к-рое цитировал в 1-й пол. XIII в. галицко-волынский летописец: победив половецких ханов Отрока и Сырчана, «Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон, приемши землю их всю и загнавши оканьныя агаряны» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716; сюжет о Мономахе, Отроке и Сырчане отразился затем в балладе А. Н. *Майкова* «Емшан» и в былине Б. В. *Шергина* с тем же названием). Автор созданного, по-видимому, между 1238 и 1246 гг. «Слова о погибели земли Русской» ностальгически замечал, что именем В. В. половцы «дети своя полошаху в колыбели, а литва из болота на свет не выникываху, а угры твердяху каменые городы железными вороты, абы на них великыи Володимер тамо не вьехал, а немци радовахуся, далече будучи за Синим морем... а кюр Мануил цесарегородскыи [анахроническое упоминание наиболее воинственного визант. имп. Мануила I Комнина (1143–1180).— *А. Н.*] опас имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под ним великыи князь Володимер Цесарягорода не взял». Т. о., очевидно, что уже в домонг. время появилась основа для формирования панегирического предания о визант. царских дарах В. В., к-рое в 1-й пол. XVI в. в «Сказании о князьях Владимирских» приобрело законченную форму — о визант. происхождении т. н. шапки Мономаха как коронационной инсигнии Русского гос-ва.

А. В. Назаренко

О церковном почитании В. В. известно мало. В ряде списков нестишного Пролога южнослав. происхождения XIII–XIV вв. отцом блгв. кн. Мстислава Владимировича назван «святой Владимир» (ГИМ. Увар. № 70. Л. 223 об.– 224, XIII в.; ГИМ. Хлуд. № 191. Л. 119–119 об., XIV в.; Берлинский Пролог –Staatsbibliothek. Ms. Slav. Wuk 38. Л. 164–164 об., XIV в.). Возможно, здесь ошибочно имеется в виду равноап. кн. *Владимир (Василий) Святославич*. Память В. В. отмечена в Кайдаловских святцах (кон. XVII в.) и в «Описании о российских святых» (кон. XVII–XVIII в.): «Святый благоверный князь Владимир Всеволодович Мономах, преставися в лето 6633, а память его месяца маиа в 19 день». В старообрядческом Месяцеслове Ионы (Керженского) память святого указана под 19 марта (ЯМЗ. Инв. № 15544. Л. 10. В 1^0, 1807–1811 гг.). В том же сборнике, в «Алфавите русских чудотворцев» Ионы (Керженского), помещена память с краткой заметкой о житии В. В., где сообщается, что он «в древлеписменных же месяцесловах почитается во святых, памятию марта в 19 день». Из мн. добродетелей святого автор «Алфавита» особо выделил одну — дар молитвенного умиления. Канонизация В. В. подтверждена включением его имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших (Минея (МП). Май. Ч. 3. С. 360).

Е. В. Романенко

Ист.: ПСРЛ. Т. 1–3 (по указ.); Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 63–65; Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940. Т. 1; *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Др. Руси. XI–XIII вв: Исслед., тексты, коммент. СПб., 1992. С. 66–73 [послания митр. Никифора I к В. В.]; *Бегунов Ю. К.* Памятник рус. лит-ры XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965; *Янин В. Л.* Актовые печати Др. Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. № 25, 97–112; М., 1998. Т. 3 (в соавт. с П. Г. Гайдуковым). № 97а–112–2; Описание о российских святых. С. 7. Соч.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 240–256.

Лит.: *Соловьёв.* История. Кн. 1 (Т. 2); *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1; *Грушевськький М. С.* Історія України-Русі. Львів, 1905^2. Т. 2; *Макарий.* История РЦ. Кн. 2 (по указ.); *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха как памятник религ.-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // ЖМНП. 1874. Февр. С. 231–292; *Воскресенский В. А.* Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893; *Шляков Н. В.* О поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. 1900. Май–июль. С. 96–138, 209–258, 1–21; *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1; *Свенцицкий И. С.* Поучение Владимира Мономаха детям. Львов, 1902; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 554; *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. I–LXVII; *Алексеев М. П.* Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1935. Т. 2. С. 39–80; *Приселков М. Д.* История рус. летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 42–44; *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1946; *Данилов В. В.* «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 97–107; *Vaillant A.* Une source grecque de Vladimir Monomaque // Bsl. 1949. T. 10. P. 11–15; *Čyževska T.* Zu Vladimir Monomach und Kekaumenos // Wiener Slavist. Jb. 1952. Bd. 2. S. 157–160; *Будовниц И. У.* «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории рус. обществ. мысли // ТОДРЛ. 1954. Т. 10. С. 44–75; *Воронин Н. Н.* О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха // Историко-археол. сб. М., 1962. С. 265–271; *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые мат-лы о происхождении Владимира Мономаха // Там же. С. 204–221; *Брюсова В. Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // ВВ. 1968. Т. 28. С. 127–135; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Др. Руси. М., 1968 (по указ.); *Матьесен Р.* Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 192–201; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и рус.-польско-немецкие отношения 60–70-х гг. XI в. // ССл. 1971. № 2. С. 94–108; *он же.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в средние века и раннее новое время. М., 1999. С. 50–82; *Копреева Т. Н.* К вопросу о жанровой природе Поучения Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 94–108; *Müller L.* Die Exzerpte aus einer asketischen Rede Basilius des Grossen im «Poučenie» des Vladimir Monomach // RM. 1973. T. 1. S. 30–48; *idem.* Noch einmal zu Vladimir Monomachs Zitat aus einer asketischen Rede Basilius des Grossen // Ibid. 1979. T. 4. S. 16 –24; *Keipert H.* Ein Vitenzitat bei Vladimir Monomach // OCP. 1975. № 1. S. 1–5; *Bercoff G.* Plädoyer für eine «literarische» Würdigung von Vladimir Monomachs Brief an Oleg // ZSP. 1980. Bd. 41. S. 289–305; *Лихачев Д. С.* В. В. // СККДР. Вып. 1. С. 98–102 [Библиогр.]; *Флоря Б. Н.* К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие гос-ва на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1987 г. М., 1989. С. 185–188; *Kazhdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the 11th and 12th Cent. // HUS. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 416–417, 422–423; *Щапов Я. Н.* Гос-во и церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989 (по указ.); *Ghini G.* Un testo «sapienziale» nella Rus' Kieviana: Il Poučenie di Vladimir Monomach. Bologna, 1990; *Чичуров И. С.* Полит. идеология средневековья: Византия и Русь. М., 1990. С. 146–150; *Подскальски Г.* Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996^2. С. 244–247, 290–292, 351–355 (и по указ.) [Библиогр.]; *Пресняков А. Е.* Княжое право в Др. Руси: Очерки по истории X–XII ст. Лекции по рус. истории: Киевская Русь. М., 1993 (по указ.); *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999. С. 217–254; *Гиппиус А. А.* К атрибуции молитвенного текста в Поучении Владимира Мономаха // ДРВМ. 2003. № 4(14). С. 13–14; *он же.* Сочи-

нения Владимира Мономаха: Опыт текстол. реконструкции, I–II // Рус. язык в науч. освещении. М., 2003. № 2 (6). С. 60–99; 2004. № 2 (8) (в печати); *Павлова Р.* Культ св. вел. кн. Мстислава у юж. славян // Рукописная книга Др. Руси и слав. стран: От кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 76–96; *Назаренко А. В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытки реформ // Древнейшие гос-ва Вост. Европы, 2004 г. М. (в печати).

Иконография. Наиболее ранний пример изображения В. В. представлен в миниатюрах Радзивиловской летописи (БАН. 34. 5. 30, кон. XV в.). Наряду с др. рус. князьями он изображен участвующим в битвах, княжеских съездах, принимающим послов (Л. 120 об., 123, 130–131 об., 132 об.,142–142 об., 143 об., 147–148, 149 об.– 150, 151, 153, 154, 155, 156–157 об.). Князь показан в длинном зеленом или красном платье с желтым оплечьем и каймами зап. покроя, зеленой или красной шапке без меховой оторочки; иногда в коротком платье, чулках и остроносых туфлях. Соответственно сюжету он восседает на престоле, держа в руке символ княжеской власти — меч, скачет на коне впереди войска или возглавляет торжественную процессию.

Уход кн. Владимира Всеволодовича из Чернигова в Переяславль Русский. Приближение к Чернигову кн. Олега Святославича. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 129)

Большинство сохранившихся изображений В. В. относятся к эпохе Иоанна IV Грозного, для к-рого личность вел. князя представляла особый интерес. В это время получило хождение «Сказание о князьях владимирских», повествующее о даре визант. имп. Константина Мономаха В. В. знаков царского достоинства: барм, Животворящего Креста и царского венца, к-рым вел. князь был венчан на царство и наречен «царем великия Россия». Данный эпизод «Сказания» служил для царя Иоанна IV одним из аргументов, доказывающим его право на царский венец. Именно поэтому почти все изображения В. В., датированные XVI в., были созданы вскоре после венчания на царство Иоанна IV. В росписи Благовещенского собора Московского Кремля (1547–1551), домового храма рус. государей, на юж. грани юго-зап. столпа помещен парный портрет князей В. В. и Ярослава Всеволодовича. В. В. представлен старцем с пышными волосами и недлинной, окладистой бородой. Он облачен в царские одежды: синее платье с золотым оплечьем и перекинутым через плечо лором и красная шуба-ферязь. Платье и ферязь были украшены крупным орнаментом (сохр. плохо), заключенным в круги. Голову князя венчает царская корона городчатого типа. Правая рука поднята в благословляющем жесте. Иконография парного княжеского портрета, очевидно, была призвана выразить идею преемственности власти, передаваемой вел. князем киевским владимирскому кн. Ярославу Всеволодовичу, пращуру царя Иоанна IV.

Князья Владимир Всеволодович и Ярослав Всеволодович. Роспись Благовещенского собора Московского Кремля. 1547–1551 гг.

Целование креста князьями Владимиром Всеволодовичем и Святополком Изяславичем в знак примирения. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 143 об.)

Сер. XVI в. датируется икона *«Благословенно воинство Небесного Царя»* (ГТГ), на к-рой в центре, среди св. воинства, изображен всадник на вороном коне в имп. платье, с короной закрытого визант. типа и с крестом в руках. Нек-рые исследователи видят в нем В. В., ссылаясь на уцелевшую от надписи киноварную букву «а» (*Антонова, Мнева.* Каталог), др.— имп. Константина Великого (В. М. Сорокатый).

В 1551 г. в Успенском соборе Московского Кремля появилось царское моленное место (Мономахов трон), стенки к-рого украшены 12 барельефами, иллюстрирующими «Сказание». В композиции, открывающей рассказ, В. В. сидит на троне в парадных княжеских одеждах и в высокой шапке с навершием, сходной по форме с венцом имп. Константина Мономаха на др. барельефе этого трона. Во 2-й композиции В. В. представлен верхом на коне, в платье, ферязи и княжеской шапке. В 11-й — он с непокрытой головой встречает присланные визант. императором дары. В последней, завершающей цикл композиции митр.

Выступление в поход кн. Владимира Всеволодовича Барельеф Царского места Иоанна IV. Резьба по дереву. 1551 г. (Успенский собор Московского Кремля)

Митр. Неофит венчает кн. Владимира шапкой Мономаха и вручает ему царский скипетр. Барельеф Царского места Иоанна IV. Резьба по дереву. 1551 г. (Успенский собор Московского Кремля). Фрагмент

Неофит венчает В. В. на царство (венцом в виде высокой шапки с навершием). Князь изображен в парадном царском платье, на груди крест на толстой цепи, в руке принятый от митрополита жезл-посох.

В 1561 г. была выполнена несохранившаяся роспись Золотой палаты, парадной залы рус. государей, на стенах к-рой также были воспроизведены иллюстрации к «Сказанию» (*Забелин И. Е.* Опись стенописных изображений Государева Дворца, сост. в 1672 г. // Мат-лы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884. С. 1238–1255). Иконография цикла была близка рельефам трона. Согласно описанию, В. В. был изображен: восседающим на троне в палатах, выступающим в поход (в отличие от рельефной композиции был изображен в доспехах) и венчающимся на царство. Парадное изображение В. В. помещалось на стене, «что от Благовещения Пресвятыя Богородицы». Он представлен сидящим «под золотым царским местом» в полном имп. облачении: «В правой руке держит скипетр, на главе венец царский... на плещах диадима и крест на персях с чепью златой». Рядом с В. В. был написан образ имп. Константина Мономаха. Сходство их иконографий (одежды, регалии) подчеркивало «равночестность» рус. князя и визант. императора. «Портрет» В. В., поясной в медальоне, был расположен на стене, обращенной к Красному крыльцу; он был представлен в ряду др. вел. князей, сродников первого рус. царя, чьи изображения также были заключены в медальоны.

Еще один цикл иллюстраций «Сказания» был создан для Лицевого летописного свода (Голицынский том. РНБ. F. IV. Л. 1–9, 70-е гг. XVI в.). Изображения В. В. присутствуют и на др. миниатюрах Лицевого летописного свода, где описаны события времени его княжения (Л. 16–23, 36–39). Он представлен либо как правитель в парадной княжеской одежде, либо как военачальник — на коне в доспехах. В обоих случаях его голову венчает круглая княжеская шапка цвета светлой охры с рисунком, имитирующим 2 нашивки, расходящиеся под углом от центра очелья (в таких головных уборах написаны все князья). У В. В. седые курчавые волосы и длинная седая курчавая же борода, раздваивающаяся на конце. Лишь на первых 2 миниатюрах (Л. 1, 1 об.) со сценами въезда князя в Киев и его вокняжения В. В. изображен с темными волосами и темной короткой бородой.

Изображение В. В. помещено в Титулярнике 1672 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. III. № 7). Он представлен как «средовек» с длинной окладистой бородой и короткими кудрявыми волосами, погрудно, в $^{3}/_{4}$-ном повороте, на голове княжеская шапка с меховой оторочкой, ворот платья «расшит драгоценными камнями и жемчугом». Портрет выполнен в стилистике XVII в., его иконография, очевидно, восходит к изображениям Золотой палаты.

Лит.: *Подобедова О. И.* К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода 2-й пол. XVI в. // ПИ. 1961. Т. 9. С. 280–232; *Антонова, Мнева.* Каталог. Т. 2. С. 132; *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1988; *Сорокатый В. М.* О содержании иконы «Благословенно воинство небесного царя» // Искусство Византии и Др. Руси: К 100-летию со дня рождения А. Н. Грабара. СПб., 1996; *Морозов В. В., Чернецов А. В.* Легенда о мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в. // Рим, К-поль, Москва: сравн.-истор. исслед. центров идеологии и культуры до XVII в.: Междунар. семинар истор. исслед. «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28–30 мая 1886). М., 1997; *Соколова И. М.* Мономахов трон: Царское место Успенского собора Моск. Кремля. М., 2001.

Т. Е. Самойлова

ВЛАДИ́МИР (ВАСИ́ЛИЙ) О́ЛЬГЕРДОВИЧ (до 1344, Витебск? — между 12 окт. 1398 и нач. авг. 1399), вел. кн. киевский (ок. сер. 60-х гг. XIV в.— осень 1394), кн. копыльский и слуцкий (1395 – после 12 окт. 1398), 4-й сын литов. вел. кн. *Ольгерда* от его 1-го брака с витебской кнж. Марией Ярославной († 1346). Княжеское и христ. имя В. О. получил в честь киевского кн. равноап. *Владимира (Василия) Святославича*. Зимой 1347/48 г. вместе со старшими братьями и христианами Вильно В. О. мог участвовать в тайном погребении мч. Евстафия, убитого по приказу Ольгерда 14 дек. 1347 г. (см. ст. *Антоний, Иоанна и Евстафий*).

Точная дата вокняжения В. О. в Киеве неизвестна. В качестве киевского князя В. О. впервые упоминается в мирном договоре между правителями Литвы и Ливонским орденом 7 нояб. 1367 г. (*Karys I. K.* Senovés Lietuviu pinigai. Bridgeport, 1959. S. 178; *Wdowiszewski.* S. 12). Нек-рые исследователи (С. А. Беляева, Г. Ю. Ивакин и др.), основываясь на данных Густынской летописи (ПСРЛ. Т. 42. С. 130), составленной в 1597 г., высказывали предположение, что В. О. стал киевским князем в 1362 г., после того как Ольгерд захватил Киев.

Время княжения В. О. в Киеве, несмотря на политическую подчиненность Золотой Орде и все возраставшую зависимость от *Литовского великого княжества*, характеризуется заметным военно-экономическим и культурным подъемом Юж. Поднепровья. С помощью литов. военных сил В. О. удалось постепенно оттеснить ордынцев за Днепр, на юго-вост. границе Киевского княжества были воссозданы оборонительные укрепления по р. Суле. Восстанавливался ряд уничтоженных в сер. XIII в. киевских пригородов, в частности г. Юрьев-на-Роси, бывший в XII — сер. XIII в. центром отдельной епархии. При В. О. в Киеве оживилась жизнь на территории Верхнего города, здесь на горе (позднее — Замковая гора) был построен деревянно-земляной замок, возвышавшийся над Подолом. В. О. восстановил домонг. белокаменную княжескую резиденцию (киевская ротонда). За Киевом, в р-не совр. Выгуровщины, находились загородные деревянные замок и двор В. О.

Во время княжения В. О. возобновились регулярные богослужения в восстановленном Успенском соборе *Киево-Печерского* мон-ря, были отстроены др. обители: *Выдубицкий Всеволож во имя арх. Михаила*, с

XIV в. являвшийся митрополичьим, *киевский в честь Вознесения Господня и Флора и Лавра, Златоверхий во имя арх. Михаила,* действовал Кирилловский муж. мон-рь. Во 2-й пол. XIV в. в Киеве был построен каменный храм в честь Рождества Пресв. Богородицы, находившийся в районе позднейшего Покровского подворья. На месте разрушенной монголами в 1240 г. *Десятинной церкви* в XIV в. была поставлена деревянная ц. Николы Десятинного. Во 2-й пол. XIV в. богослужения совершались в Софийском, Георгиевском, Ирининском и Феодоровском соборах, Спасской и Трехсвятительской (Васильевской) церквах. На Подоле действовали известные с домонг. эпохи каменные храмы — в честь Успения Пресв. Богородицы (Пирогоща) и во имя св. князей *Бориса и Глеба.* Ивакин предполагает, что во 2-й пол. XIV в. в Киеве действовали ц. Благовещения над Золотыми воротами и каменный Спасский храм в Берестове, вблизи к-рого с XV в. известна резиденция Олельковичей, потомков В. О.

Предположительно между 1367 и 1385 гг. В. О. дал жалованную грамоту храму свт. Николая в Смедене (пригород Киева) «себе на память, и княгини моей, и детемь моимь» на «жеребей земли Григорьев Борзиловича Смединьского с всем доходом, на свечя и на канон» (Грамоти XIV ст. № 18. С. 37). В. О. также вложил в храм «Евангелие напрестольное, на мембранох писаное»; в 1629 г. свящ. Феодот Буян показывал эту рукопись посетившему с. Смедено свт. *Петру (Могиле),* митр. Киевскому (АрхЮЗР. 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 59). В. О. пожаловал киевскому доминиканскому мон-рю во имя свт. Николая Мирликийского пригородные селения Сырец, Хлопач, Пашня и Бешова Баба.

На активную деятельность киевского князя и его ближайших преемников указывает большое число найденных археологами в Киеве иностранных и местных монет (в т. ч. с именем В. О.) и свинцовых печатей XIV–XV вв., среди к-рых следует выделить буллу Феодора, сановника К-польского Патриарха *Нила* (1379–1388), свидетельствующую о церковных контактах Киева с К-полем.

В. О. возобновил в Киеве чеканку серебряных монет. Монеты с его именем имели хождение в Киевской и Черниговской землях, Литве, Орде, встречаются в кладах вместе с литов. денариями, пражскими грошами и ордынскими дирхемами, экземпляр монеты с именем В. О. обнаружен в Крыму (*Хромов К.* Монета Владимира Ольгердовича из Старого Крыма // Наследники Чингизхана и их монеты // www.hordecoins.folgat.net/rpagehome.htm [Электр. ресурс]). Ранние монеты В. О. имеют орнаментальный рисунок плетёнку, свидетельствующий о зависимости киевского князя от правителей Золотой Орды. Монеты В. О. обнаруживают тесную весовую взаимосвязь от литовских и отражают установившуюся политическую зависимость Киевской земли от Великого княжества Литовского. Техника чеканки испытала влияние мастеров Владимиро-Суздальской земли, выразившееся в использовании заготовок из серебряной проволоки.

Зависимость киевского князя от литов. правителей ярко отразилась в событиях, связанных с борьбой за митрополичий престол, развернувшейся после смерти Киевского митр. св. *Алексия* († 1378). В этой борьбе В. О. поддерживал *Киприана,* поставленного по настоянию литов. вел. кн. Ольгерда в 1376 г. К-польским Патриархом *Филофеем Коккином* в митрополита Киевского и Литовского с правом управления всей Русской Церковью после кончины свт. Алексия. В 1376–1381 и 1382–1390 гг. Киприан действовал на территории Литвы, часто жил в Киеве. Весной 1384 г. В. О. задержал в Киеве Суздальского архиеп. св. *Дионисия,* путешествовавшего из К-поля, где он был поставлен Патриархом Нилом на общерус. митрополичью кафедру, в Москву. Киевский князь обвинил свт. Дионисия в том, что архиерей «пошел еси на митрополию в Царьград» без его «повеления», и заточил его в тюрьму, где святитель скончался через полтора года. Томский список 1-й редакции *Книги степенной царского родословия* (60-е гг. XVI в.) акцентирует внимание на том, что решение об аресте свт. Дионисия В. О. принял, «Киприану митрополиту бывшу в Киеве» (*Сиренов А. В.* Краткая редакция Степенной книги // Рукописная книга Др. Руси и славянских стран: От кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 116, 132). (Позиция В. О. была хорошо известна в Москве, поэтому *Митяй (Михаил)* и *Пимен,* др. московские кандидаты на митрополичий престол, в 1379–1389 гг. путешествовали в К-поль по Дону, в объезд поднепровских земель В. О.)

После вступления в 1386 г. на польск. королевский трон *Владислава—Ягайло* В. О. признал власть и сюзеренитет своего младшего брата. В 1386, 1388 и 1389 гг. киевский князь приносил клятву верности королю, его супруге кор. Ядвиге и Польской Короне. При основании католич. епископства в Вильно В. О. вместе с правосл. князьями Иоанном—Скиргайло Троцким и Димитрием—Корибутом Новгород-Северским, а также католиками — гродненским кн. Александром—Витовтом и польск. панами 2 и 17 февр. 1387 г. выступал в качестве свидетеля в привилеях Владислава—Ягайло Виленскому епископу. Католич. кафедре были пожалованы дома в Вильно и др. городах, площади, земли, ряд волостей на территории Великого княжества Литовского, а также право на ловлю рыбы в Немане; епископ был освобожден от всех налогов и получил полную судебную власть над людьми, жившими в его владениях. Правосл. Церковь в Великом княжестве Литовском таких привилегий никогда не имела. По-видимому, после оглашения этих привилеев В. О. покинул Вильно, поскольку не был в числе свидетелей привилея 20 февр. 1387 г., к-рым король даровал ряд льгот литов. боярам, принимавшим или собиравшимся принять Крещение по католич. обряду (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546): Užrašymu knyga 25. Vilnius, 1998. № 1. S. 35–37).

Вел. кнг. *Иулиания Александровна,* мать кор. Владислава—Ягайло и мачеха В. О., поддерживавшая правосл. Церковь в Литве, до конца своей жизни сохранила добрые отношения с киевским князем и провела при его дворе последние годы. Духовником вдовствующей вел. княгини был архим. Киево-Печерского мон-ря Давид, в Киеве перед смертью она приняла монашеский постриг с именем Марина и была похоронена в монастырских пещерах (ПСРЛ. Т. 25. С. 219). С Тверским княжеским домом, из к-рого происходила кнг. Иулиания, В. О. был породнен также благодаря замужеству дочери в 1385 г. за кн. Василием Кашинским — племянником кнг. Иулиании, 4-м сыном тверского вел. кн. св. *Михаила Александровича.*

В 1390 г. В. О. поддержал Владислава—Ягайло в его борьбе против Витовта, вместе с киевской ратью участвовал в осаде Гродно. 18 февр. 1394 г. в Долатычах В. О. вместе с князьями Витовтом, Скиргайло Трокским и Федором Ратненским выступил в числе поручителей за своего брата бывш. полоцкого и псковского кн. Андрея Ольгердовича. После прихода в 1392 г. к власти в Великом княжестве Литовском Витовта король приказал всем русско-литов. князьям подчиниться новому правителю Литвы. Однако В. О. отказался принести Витовту клятву верности, мотивируя тем, что он уже дал ее королю. В 1393–1394 гг. в борьбе против Витовта В. О. поддержал новгород-северского кн. Димитрия—Корибута и подольского кн. *Феодора Кориатовича*. Весной 1394 г. Витовт и полоцкий кн. Иоанн—Скиргайло захватили в сев. части Киевской земли города Житомир и Овруч и вынудили В. О. пойти на переговоры, в результате к-рых был заключен мир на 2 года. Осенью 1394 г. в результате 2-го похода литов. князей В. О. лишился Киевского княжества, к-рым завладел Иоанн—Скиргайло. Местная знать оказала сопротивление новому правителю, к-рому пришлось с боем осаждать находившиеся к югу от Киева города Звенигород и Черкассы.

По-видимому, в сер. 90-х гг. XIV в. В. О. стремился вернуть себе Киев с помощью московского вел. князя. На этот факт указывает «Хроника Быховца», где говорится, что «князь Володимер бегал на Москву и тем пробегал отчину свою Киев» (ПСРЛ. Т. 32. С. 162). Добиться поддержки вел. кн. *Василия I Димитриевича* в борьбе против Витовта В. О. не удалось, он был вынужден вернуться в Литву, где в 1395 г. получил освободившийся Копыльско-Слуцкий удел, а также ряд земель в Понеманье. В 1397 г. Иоанн—Скиргайло был отравлен Фомой, наместником митр. Киприана в Киеве. Однако киевский стол перешел не к В. О., а к верным сподвижникам Витовта — князьям Иоанну Борисовичу и Иоанну Ольгимонтовичу Гольшанскому.

В 1398 г. В. О. примкнул к возглавляемой Витовтом оппозиции кор. Владиславу—Ягайло, недовольной условиями *Кревской унии* и требованием выплачивать дань в Польшу в пользу кор. Ядвиги (с правосл. земель Витебского княжества и Поднепровья). Осенью 1398 г. В. О. стал участником съезда русско-литов. знати (правосл. и католич.) на о-ве Салин на Немане, провозгласившего Витовта «королем Литвы». 12 окт. того же года В. О. был в числе лиц со стороны Великого княжества Литовского, утвердивших мирный договор с крестоносцами. Вскоре В. О. умер (дата смерти неизвестна, косвенно на нее указывает тот факт, что он не принимал участия в битве на р. Ворскле 12 авг. 1399; кроме того, в кон. 1398 — сер. лета 1399 г. литов. вел. кн. Витовт подтвердил жалованную грамоту В. О. киевскому доминиканскому мон-рю, что свидетельствует о том, что к этому времени бывш. киевский князь скончался,— Vitoldiana. N 15. S. 21–22). В. О. был похоронен в Успенской ц. Киево-Печерского мон-ря.

В. О. стал родоначальником влиятельных магнатских родов на территории Великого княжества Литовского — князей Слуцких-Олельковичей и Бельских, вместе с ним записанных в синодики Киево-Печерского, *слуцкого во имя Св. Троицы* мон-рей и, вероятно, киевского Николо-Пустынного мон-ря (*Голубев*. С. 6–7; Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 21. № 799. Л. 4 об.— 4а). Последним представителем рода Слуцких-Олельковичей была княж. прп. *София Юрьевна Радзивилл* († 1612); ее мощи почивали в слуцком Троицком мон-ре, ктиторами к-рого начиная с XV в. были потомки В. О.

Ист.: АЗР. Т. 1. № 46. С. 59; *Голубев С. Т.* Древний помянник Киево-Печерской лавры (кон. XV и нач. XVI ст.) // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 3. Мат-лы: Прил. С. 6–7; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922; Т. 25. М.; Л., 1949; Т. 32. М., 1975; Т. 35. М., 1980; Т. 42. СПб., 2003 (по указ.); Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 23. S. 20–21; № 35. S. 32; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: (Реконструкция текста). М.; Л., 1950. С. 402, 427–428; Грамоти XIV ст. / Упор., вступ. ст., коммент. М. М. Пещак. К., 1974. № 18. С. 37, 201 [Библиогр.]; *Joannis Dlugossii.* Annales, seu Cronicae incliti regni Poloniae. Liber decimus: 1370–1405. Varsaviae, 1985 (по указ.); Vitoldiana. S. 21–22. № 15.

Лит.: *Daniłowicz.* Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, króleskich, książących, władz; uchwał narodowych, postanowień roznych i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Lytwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Wilno, 1860. T. 1. S. 256, 263, 265, 296, 302; *Антонович В. Б.* О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира // Тр. 3-го Археол. съезда. К., 1878. Т. 2. С. 151–157; *Грушевский М. [С.]* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до кон. XIV ст. К., 1891. С. 484–500; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литов.-Рус. гос-ва ко времени издания Первого Литов. статута: Ист. очерки. М., 1893. С. 24, 30, 36–38, 133–135, 239; *Клепатский П. [Г.]* Очерки по истории Киевской земли. Од., 1912. Т. 1; *Ochmański J.* Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu: Ustrój i uposażenie. Poznań, 1972. S. 10–12; *Wdowiszewski Z.* Genealogia Jagiellonów. Warsz., 1968. S. 12–13; *Соболева Н. А.* К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича // НЭ. 1970. Т. 8. С. 81–87; *она же.* О денежных системах Великого кн-ва Литовского в XIV–XV вв. // Nummus et historia: Pieniądz Europy średniowiecznej. Warsz., 1985. S. 205–212; *Котляр Н. Ф.* Клад монет Владимира Ольгердовича // НЭ. 1970а. Т. 8. С. 88–100; *он же.* Русско-литов. монеты XIV в. // ВИД. Л., 1970б. Т. 3. С. 179–201; *Даркевич В. П., Соболева Н. А.* О датировке литов. монет с надписью «печать» (по мат-лам Шанчайского клада) // Сов. Арх. 1973. № 4. С. 83–95; *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерус. наследие и ист. судьбы вост. славянства. М., 1982 (по указ.); *Беляева С. А.* Южнорус. земли во 2-й пол. XIII–XIV вв. К., 1982. С. 20, 30–40, 103; *Ивакин Г. Ю.* Киев в XIII–XV вв. К., 1982. С. 36–40, 62–77; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорус.-литов. летописания. М., 1985 (по указ.); *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследование летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Юж. Руси в IX–XIV вв.: (История и археология): Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. П. Толочко. К., 1985. С. 30–62; *Błaszczyk G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań, 1998. S. 218; *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998 (по указ.); *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы: Повесть о Митяе. СПб., 2000². С. 357–361.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР (ВАСИ́ЛИЙ) СВЯТОСЛА́ВИЧ (ок. 960 — 15.07.1015, с. Берестово под Киевом), равноап. (пам. 15 июля и 10 окт.— в Соборе Волынских святых), кн. киевский (978–1015), креститель Руси, сын киевского кн. *Святослава Игоревича* (ок. 960–972), внук равноап. киевской кнг. *Ольги* († 969).

Источники. Главным источником сведений о В. С. является древнерус. летописный свод нач. XII в.— *Повесть временных лет* (ПВЛ), к-рая объединяет летописные заметки и ранние житийные предания о князе. Однако этот корпус сведений сложился, несомненно, раньше, т. к. частично он содержится в Начальном своде, созданном, по весьма основательной гипотезе А. А. *Шахматова*, в 90-х гг. XI в. и отразившемся в Новгородской I летописи младшего извода. По-видимому, к нач. XII в. в своей основе также относится Память и похвала *Иакова Мниха*, к-рая в Краткой редакции является древ-

нейшим собственно житийным произведением о В. С., включившим в себя сверх того древний краткий летописчик со сведениями, иногда заметно отличающимися от ПВЛ. В рукописной традиции более распространено др. Житие В. С., среди многочисленных списков к-рого исследователи выделяют 4 древнейшие разновидности (помимо смешанных компилятивных форм): Проложное житие (старшие списки относятся к XIII в., само житие, возможно, составлено в 3-й четв. XII в.); «Обычное житие», существующее в Пространной (древнейший список — Мусин-Пушкинский 1414 г.) и Краткой редакциях (старшие списки — нач. XVI в.); «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь» (в составе Киево-Печерского патерика Феодосиевской редакции и в отдельных списках 1-й пол.— сер. XV в.), Легендарное житие (в Плигинском сб. XVII в., памятник, вероятно, старше 1-й пол. XV в.). Рассказ «Обычного жития» в целом совпадает с летописным, хотя более сжат (отсутствуют «Речь философа» и др.), в то же время он содержит нек-рые неизвестные летописи детали (послы В. С. пребывают в Царьграде 8 дней, осада Корсуни длится 6 месяцев и т. п.), а также заключительный молитвенный призыв к равноап. Константину и В. С. избавлять от бед «люди... греческыя и рускыя». Житийные тексты о В. С. изданы и изучены недостаточно, поэтому нельзя с определенностью ответить на вопрос, зависит ли житийный рассказ от летописного, или же они перерабатывают какой-то общий источник. Нек-рые отсутствующие как в ПВЛ, так и в Житии детали о Крещении В. С. и киевлян находятся в разных редакциях Проложного жития В. С. Т. н. Церковный устав св. Владимира, дошедший в многочисленных редакциях, к-рые восходят, согласно Я. Н. *Щапову,* к общему архетипу XII в., имеет в первоначальной основе установления эпохи В. С.

Довольно разнообразные свидетельства о В. С. содержатся в латиноязычных памятниках — послании к герм. кор. *Генриху II* архиеп.-миссионера *Бруно Кверфуртского* (1008) и хронике саксонца *Титмара Мерзебургского* (1012–1018). В прочих содержатся почти только сведения о внешнеполитических обстоятельствах Крещения В. С.: в визант. хронике Иоанна *Скилицы* (создана на рубеже XI–XII вв., но использовала достоверные источники 2-й пол. X в.), в арабо-сир. хронике весьма осведомленного *Яхьи Антиохийского* (ум. ок. 1066), в сочинении араба Абу Шоджи ар-Рудравери (ум. в 1095), в арм. хронике *Степаноса Таронеци* (нач. XI в.).

Равноап. кн. Владимир. Фрагмент иконы «Преподобный Афанасий, равноапостольный князь Владимир, пророк Илия». Новгород. XVI в. (?)

История до Крещения. Год рождения В. С. неизвестен. На уникальное сообщение «Летописца Переяславля Суздальского» (XIII в., сохр. в единственном списке 3-й четв. XV в.) о 73 годах как возрасте князя ко времени его кончины (ПСРЛ. Т. 41. С. 44) полагаться трудно по неясности происхождения этой информации и, главное, по сбивчивости хронологии «Летописца» (так, смерть В. С. датирована в нем 6543, т. е. 1035 (!) г.). Подсчеты на основании возраста Святослава (род. за 3–5 лет до гибели своего отца киевского кн. *Игоря,* происшедшей не ранее зимы 944/5) и более или менее надежных фактов биографии самого В. С. (рождение старшего сына кн. Вышеслава не позднее 978 и др.) приводят к приблизительному разбросу дат от 955 до 963 г., причем наиболее вероятной выглядит дата ок. 960 г. Такому заключению вряд ли противоречит известие Титмара, что В. С. умер «глубоким стариком» («decrepitae aetatis») и «ветхим деньми» («plenus dierum») (Thietm. VII, 73–74. P. 488; *Назаренко.* Немецкие латинояз. источники. С. 136, 141), поскольку впечатление от возраста ок. 55 лет, и без того весьма почтенного по понятиям средневековья, могло усугубляться необычайной длительностью киевского княжения В. С. (без малого 40 лет). Матерью В. С., согласно ПВЛ, была «ключница» св. кнг. Ольги Малуша, дочь некоего «Малъка Любечанина» (т. е. уроженца г. Любеча близ впадения Десны в Днепр). Тот факт, что В. С. был сыном несвободной наложницы («робичичем»), а также близость имен давали повод нек-рым исследователям (Д. И. Прозоровский, Шахматов и др.) для едва ли основательного предположения о Малуше как рабыне-пленнице, дочери Мала, князя восточнослав. племени древлян, соседнего с киевскими полянами, к-рый возглавил древлянское восстание против власти Киева ок. 945 г. Распространенная в историографии характеристика В. С. как «незаконнорожденного» является модернизацией, поскольку происхождение от наложницы в древнерус. княжеском семействе раннего средневековья, как и в целом в Европе того времени, обычно не влекло за собой ущемления династических прав. Об этом свидетельствует и данное В. С. при рождении ярко выраженное княжеское имя. Не лишено вероятности предание, отразившееся в нек-рых поздних (XVI в.) летописных сводах (Никоновской летописи, Устюжском летописном своде), что В. С. родился в с. Будутине под Псковом, куда будто бы отослала Малушу разгневанная Ольга, хотя его основа и осложнена явными несообразностями (так, Ольга не могла завещать Будутино «Святей Богородици», т. е. *Десятинной церкви,* тогда еще не существовавшей) (ПСРЛ. Т. 9. С. 35; Т. 37. С. 60). Часто предполагают, что детство В. С. и его братьев *Ярополка* и Олега (сыновей Святослава от др. матери) из-за постоянных длительных военных отлучек Святослава из Киева прошло под опекой их бабки св. кнг. Ольги, что якобы не могло не сказаться на

отношении Святославичей к христианству, хотя крещены они не были вслед. антихрист. настроений Святослава. Не исключая влияния кнг. Ольги на юных внуков, следует в то же время помнить, что в Др. Руси воспитание княжичей с детского возраста доверялось, как правило, нарочно для этого приставленным пестунам — представителям старшей дружины, опытным в военных и гос. делах. В этой роли рядом с В. С. мы видим Добрыню, его дядю по матери. Отправляясь после смерти кнг. Ольги в 969 г. во 2-й балканский поход, кн. Святослав выделил сыновьям уделы, причем В. С. достался Новгород, куда он отправился вместе с Добрыней. Это говорит о том, что княжич был скорее всего не младшим среди братьев, как часто, но без видимых оснований считается, а следующим по старшинству *после Ярополка, получившего* Киев, поскольку в то время новгородский стол был 2-м по важности после Киева (Олег получил землю древлян). Рассказ ПВЛ, будто новгородцы остановили свой выбор на В. С., т. к. получили отказ от Ярополка и Олега, следует, очевидно, признать позднейшим тенденциозным антиновгородским вымыслом.

Посольство кн. Владимира к Рогволоду Полоцкому с целью сватовства к Рогнеде. Беседа Рогволода с Рогнедой, отказавшейся стать женой Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5. Л. 42 об.)

Через нек-рое время после гибели Святослава (весна 972) между его сыновьями разгорелась междоусобная война, в результате к-рой сначала в борьбе с Ярополком погиб Олег, а затем из опасения перед старшим братом бежал «за море» В. С., после чего Новгород оказался в руках киевского князя. Вернувшись с наемным варяжским войском, В. С. отвоевывает Новгород, сватается к Рогнеде, дочери полоцкого кн. Рогволода, получает отказ, захватывает Полоцк, убивает Рогволода и овладевает Рогнедой, идет на Киев, берет его и убивает Ярополка, к-рый сдался на милость победителя. Так излагает дело ПВЛ, хотя не вызывают доверия ни мотивация конфликта (якобы убийство по приказу Олега Святославича видного киевского дружинника Люта Свенельдича, к-рый нарушил границы охотничьих угодий древлянского князя), к-рая при ближайшем текстологическом рассмотрении выдает свое искусственное происхождение, ни хронология междоусобия, как она представлена в ПВЛ: 975/76 г.— убийство Люта, 977/78 г.— гибель кн. Олега и бегство В. С. из Новгорода, 980/81 г.— возвращение В. С., взятие им Полоцка, поход на Киев и вокняжение там. Значительно более вероятной датой начала киевского княжения В. С. (вернее, убиения им кн. Ярополка) является сообщаемая в кратком летописчике Иакова Мниха — 11 июня 978 г., тем более что и в ПВЛ в др. месте говорится о 37 годах правления В. С. в Киеве (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 18; Т. 2. Стб. 13); 980/81 год появился, надо думать, в результате неудачных подсчетов самого летописца. Но если принимать 11 июня в качестве дня вокняжения В. С. в Киеве, то событиям, к-рые в ПВЛ помещены между возвращением В. С. «из-за моря» (сделать это он мог только с началом навигационного сезона, после освобождения Финского зал. от льдов) и взятием им Киева, очень трудно уложиться в 2–3 месяца. Едва ли подлежит сомнению, что приведенные хронологические вехи усобицы Святославичей условны и являются более поздними добавлениями к первоначальному рассказу, не разделенному на годовые статьи,— вроде того известия, фрагменты к-рого сохранились в летописчике Иакова Мниха. Ясно одно: незадолго до 978 г. между Святославичами вспыхнула борьба за власть, в ходе к-рой и кн. Ярополк (когда в Полоцк прибыли сваты от В. С., кнж. Рогнеду, согласно летописному преданию, собирались «вести» за Ярополка), и В. С. стремились привлечь на свою сторону Полоцк, в к-ром правил тогда не зависевший от Киева князь. Совокупность данных — сведений нем. источников о династическом союзе Ярополка и герм. имп. *Оттона II* (973–983), чехо-моравского предания об удалении в Чехию сына кн. Олега Древлянского, свидетельства перечня сыновей В. С., согласно к-рому *первой женой князя была* «чехиня» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 79–80, 121; Т. 2. Стб. 67, 105; НПЛ. С. 128, 159; Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 27–28) и др.— позволяет выдвинуть гипотезу (А. В. Назаренко), что юные Святославичи, видимо, оказались втянуты в длительную и ожесточенную борьбу Оттона II против чешско-польск. коалиции, к-рая определяла политические союзы в Центр. Европе 70-х гг. X в., причем киевский князь оказался на *стороне* герм. *императора, а новгородский* и древлянский князья — на стороне его противников Болеслава II Чешского (967/972–999) и *Мешко I* Польского (ок. 960–992).

Так или иначе, с 978 г. начинается киевское княжение В. С., 10-летний языческий период к-рого в древнерус. источниках довольно подробно охарактеризован в отношении семейных обстоятельств князя, его военно-политической деятельности и его религ. поисков, приведших к Крещению.

Убийство по повелению кн. Владимира киевского кн. Ярополка. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 44)

Источники (не только древнерус., но и Титмар) уделяют много внимания женолюбию В. С. языческого

периода. Помимо многочисленных наложниц в загородных резиденциях киевского князя (Вышгороде, Белгороде и Берестове) упомянутый перечень сыновей В. С. называет 4 «водимых» к князю, ставших матерями его сыновей. Смысл слова «водимыя» не вполне ясен; во всяком случае оно означало отнюдь не только жен по браку, т. к. Рогнеда, мать князей Изяслава, Ярослава (см. *Ярослав (Георгий) Владимирович* Мудрый) и Всеволода, была полонянкой и, следов., несвободной, а о «грекине», вдове кн. Ярополка и матери кн. Святополка, летописец прямо говорит, что В. С. «залеже ю не по браку». Вероятно, полонянкой была и «болгарыня», мать св. князей *Бориса и Глеба*. Т. о., собственно женами В. С.-язычника были, видимо, 2 «чехини»: мать кн. Вышеслава, первенца В. С., и др.— мать Святослава и Мстислава. Несомненно, у В. С. были сыновья и от др. женщин: поименно называются только князья Станислав, Судислав и Позвизд, так что количество известных сыновей князя достигает обремененного евангельскими ассоциациями числа 12. Относительно младших из них, по крайней мере относительно Бориса и Глеба, есть основания полагать, что они родились уже после христ. брака В. С. с визант. царевной *Анной*.

Как то бывало и раньше (напр., после гибели кн. Игоря), династические неурядицы в Киеве сопровождались ослаблением или даже полным прекращением даннической зависимости от него ряда восточнослав. племен. Первые годы киевского княжения В. С. летопись рисует как цепь военных предприятий, направленных на восстановление такой зависимости: в 981/2 и следующем году — против вятичей на средней Оке, в 984/5 г.— против радимичей на р. Сож (левый приток Днепра). С восстановлением пресекшейся после смерти кн. Игоря власти Киева над племенами зап. окраин Древнерусского гос-ва — восточнослав. хорватами (в верховьях Днестра) и западнослав. лендзянами (видимо, к западу от верховьев Зап. Буга) был связан поход, к-рый в ПВЛ отнесен к 981/82 г. и охарактеризован как поход «к ляхом». Это дает основания заключить, что В. С. в качестве киевского князя, вероятно, унаследовал союз с Германией и войну против Чехии и Польши, начатую его предшественником кн. Ярополком. Непосредственным продолжением этого похода стала победа В. С. над балтским племенем ятвягов (между Зап. Бугом и средним Неманом), к-рая закрепила позиции Древнерусского гос-ва в будущей Берестейской вол. (по летописи, в 983/84). К противоположной, сев.-вост., окраине Руси был направлен поход против волжских булгар, завершившийся заключением долгосрочного русско-булгарского мира (985/86, по летописной хронологии). Аналогичный, но не вполне совпадающий перечень походов В. С. язычника имеется и в летописчике Иакова Мниха, в к-ром отсутствует поход «к ляхом», но зато добавлен поход против хазар (видимо, продолживший дело кн. Святослава по разгрому Хазарского каганата ок. 965) и, кроме того, ятвяжский поход помещен не до, а после радимичского. Вне сомнения, хронологическое приурочение походов В. С. в ПВЛ страдает той же условностью, что и хронология усобицы Святославичей. Так, по данным зарубежных источников, поход «к ляхом» скорее всего следовало бы датировать не 981/82, а 979 г.

Совет кн. Владимира с Добрыней. Заключение Владимиром мира с волжскими булгарами в 985 (или 986) г. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 48)

Наряду с военно-политической активностью В. С. принял меры по внутренней консолидации Древнерусского гос-ва. Именно в этом плане следует рассматривать те шаги нового киевского князя, к-рые принято характеризовать как «языческую религиозную реформу». ПВЛ описывает ее как установление на Старокиевской горе, рядом с княжеским двором, «кумиров»: *Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Семаргла* и *Мокоши*, к-рым были установлены жертвоприношения, в т. ч. человеческие. С остатками этого святилища ряд совр. археологов отождествляют обнаруженную при раскопках 1975 г. в 50–60 м к юго-востоку от буд. Десятинной ц. каменную вымостку (1,75×7 м) с 6 полукруглыми выступами (по числу идолов) и остатками большого кострища (*Толочко П. П.* Др. Киев. К., 1983. С. 40–42), хотя, согласно ПВЛ, капище, устроенное В. С., находилось на месте ц. во имя свт. Василия (снесенной в 30-х гг. XX в.), т. е. на вост. краю Киева внутри Владимировых стен. Зачастую этот языческий пантеон В. С. расценивают как «дружинный», для чего не видно достаточных оснований: вряд ли Перун в списке «кумиров» В. С. стоит на 1-м месте потому, что Громовержец был специфически дружинным божеством, ведь он издавна, не позднее VI в. (*Procop.* Bella. Vol. 2. P. 357 = De bello Goth. III 14, 23–24), считался главным богом слав. язычества. О дружинном характере пантеона В. С. нельзя судить и по отсутствию в нем столь почитавшегося слав. божества, как *Велес*, «скотьего» (т. е. пастушеского, крестьянского) бога, поскольку в слав. мифологии Велес был божеством «нижнего мира» и потому его идол мог стоять не на горе,

Княжение Владимира в Киеве. Воздвижение по его повелению на холме деревянных изображений Перуна и др. языческих божеств. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 45)

а в нижнем городе — на Подоле, по крайней мере именно здесь, на берегу р. Почайны, он упомянут в Житии кн. Владимира (*Срезневский.* Память и похвала. С. 10; *Голубинский.* История РЦ. Т. 1. С. 231; *Серебрянский.* С. 20). Не был новым и сам состав пантеона В. С. Наряду с общеслав. божествами, имеющими балтские параллели (Перуном, Мокошью, Велесом и др.) в нем присутствуют теонимы иран. (сармато-аланского) происхождения (Хорс, Семаргл), из чего можно сделать вывод, что перед нами скорее всего синкретический южнорус. или собственно киевский пантеон, каким он сложился конечно же задолго до В. С. И тем не менее «возвижение кумиров» В. С. явно носит характер целенаправленного мероприятия княжеской власти. Капище было вынесено за пределы «двора теремного», т. е. княжеского дворца (археологические остатки более раннего языческого святилища обнаруживаются в центре довладимирова города: *Каргер М. К.* Др. Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 105–112), так что богослужение из частного, династического, стало публичным гос. актом, как он красочно описан в ПВЛ в статье 983/84 г. после похода на ятвягов, когда В. С. «приде Кыеву и творяше требу (благодарственную.— *А. Н.*) кумиром с людьми своими», со «старцами и боярами» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82; Т. 2. Стб. 69). Судя по тому, что Добрыня, к-рого В. С. сделал посадником в Новгороде, также «постави Перуна кумир над рекою Волховом» (Там же. Т. 2. Стб. 79; НПЛ. С. 128), аналогичные действия были предприняты и в др. городских центрах Руси. Кроме того, в засыпке фундаментных ям в основаниях идолов на святилище, вскрытом в 1975 г., обнаружены обломки плинфы и штукатурки со следами фресковой живописи. Это значит, что строительство святилища, весьма возможно, сопровождалось разрушением каменной церкви (церквей?) и, следов., было сознательной языческой реакцией в правление нового князя.

Крещение. Из всей совокупности данных Крещение В. С. и его деятельность по христианизации Руси предстает как сознательный, целенаправленный выбор, обусловленный как личными религ. исканиями князя, так и совокупностью внутренних (неудовлетворительность язычеством и в религ. отношении, и в качестве государственно-консолидирующего идеологического фактора) и внешних (необходимость вступления Руси в семейство христ. держав) политических причин. История обращения В. С. изложена в ПВЛ под 986/87–987/88 гг. в виде «Сказания об испытании (или выборе) вер», частью к-рого является проповедь прибывшего в Киев к В. С. греч. проповедника, получившая в науке название «Речи философа». В «Сказании» повествуется о последовательном приходе к В. С. посольств от мусульман (волжских булгар — «болъгары веры Бохъмиче»), латинян («немьци от Рима»), хазарских иудеев (иудаизированных хазар?) («жидове козарьстии») и, наконец, из Византии, каждое из к-рых убеждает киевского князя принять их веру. По разным причинам В. С. отказывает первым 3 посольствам и благосклонно выслушивает пространную «Речь философа», к-рый кратко опровергает учение мусульман, латинян и иудеев, сжато излагает ветхозаветную историю, ветхозаветные пророчества об отвержении иудеев и пришествии Спасителя, затем переходит к событиям новозаветным и, наконец, производит большое впечатление на князя, нарисовав перед ним яркую картину Страшного Суда. После чего В. С. по совету дружины отправляет собственные посольства «в болгары», «в немьци» и «в греки» (о «жидах козарьстих» на этот раз речи нет) «испытати... их службу». Побывав в мусульм. мечети, лат. церкви и на Патриаршей службе в Царьграде, рус. послы возвращаются, пораженные красотой греч. богослужения (*«не свемы, на небе ли есмы были ли на земли»*). В результате В. С. и дружина решают принять «закон гречьскии» еще и потому, что именно его в свое время приняла кнг. Ольга. Далее, в статье 988/89 г., следует рассказ о походе В. С. на Корсунь и Крещении там.

Летописное «Сказание об испытании вер», включая «Речь философа», текстологически изучено недостаточно, чтобы дать вполне определенный ответ на вопрос об их источниках, времени их составления и соответственно их достоверности. Ясно, что в ряде моментов «Сказание» воспроизводит более или менее популярные лит. трафареты: ср., напр., эпическое предание о принятии хазарами иудаизма после прений между греч., иудейскими и араб. «мудрецами», письменно зафиксированное в разных версиях ок. сер. X в. (*Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 78–80, 94–97, 114; *Голб К., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим, 1997. С. 138–140), или диспут о вере равноап. *Кирилла (Константина)* при дворе хазарского кагана, описанный в главах 10–11 Жития Кирилла (Константина). Картина Страшного Суда как катехизаторский прием присутствует также в визант. рассказах об обращении крестителя болгар равноап. кн. *Бориса* (*Theoph. Contin.* IV 15. P. 164; *Scyl.* P. 91).

Греч. проповедник представляет кн. Владимиру изображение Спасителя. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 58)

В то же время трудно сомневаться в том, что в традиц. лит. форму облечены припоминания о нек-рых достоверных внешнеполитических контактах В. С., имевших религ. подоплеку. Так, в сочинении араб. писателя Марвази (ум. ок. 1120) сохранилось уникальное известие, вероятно, хорезмийского происхождения (заимствованное потом персид. писателем 1-й трети XIII в. Ауфи) о посольстве в Хорезм рус. князя, прозывавшегося (Марвази принял имя князя за его титул) Владмир (у Ауфи — Буладмир), с целью принятия им ислама (Марвази анахронично относит это посольство ко времени после Крещения В. С. и Руси) (*Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Вост. Европе. М., 1967. Т. 2. С. 146–147; *Kawerau.* Arabische Quellen. S. 25, 46–47).

Имеются косвенные сведения и о связях В. С. в 982–983 гг. с герм. имп. Оттоном II, вслед. чего на Русь попадают медальоны с изображением Оттона и его супруги гречанки Феофано, венчаемых Христом. Эти данные позволяют думать, что летописец подверг радикальной лит. переработке достоверное в своей исторической основе древнерус. предание о выборе веры В. С.

В процессе этой лит. обработки в «Сказание» была включена и «Речь философа», происхождение к-рой остается спорным. Так, А. С. *Львов* обнаруживал в ее языке западнослав. и восточноболг. черты, а потому считал, что она первоначально представляла собой самостоятельный памятник — переработанный слав. перевод визант. гомилетического сочинения, сделанный в Моравии в кирилло-мефодиевскую эпоху и попавший на Русь через восточноболг. посредство. Шахматов признавал, что в основе «Речи философа» лежит более древний летописный рассказ об обращении В. С., являвшийся переработкой болг. повести о

Осада Корсуни войском кн. Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 60 об.)

Крещении царя Бориса. В то же время исследователь указывал, что в «Речи» имеются обширные текстологические схождения с *Палеей* в ее разных редакциях. И если сходство с Толковой Палеей можно объяснить зависимостью последней от «Речи философа», то Краткая Палея и «Речь» пользовались, по наблюдениям Шахматова, общим источником, в к-ром историк видел древнейшую рус. переводную хронографическую компиляцию — т. н. Хронограф по великому изложению. В таком случае «Речь философа» и «Сказание об испытании вер» в целом в их окончательном виде следовало бы датировать сер. 90-х гг. XI в.— временем создания в Киево-Печерском мон-ре летописного Начального свода, предшественника ПВЛ. Дошедший в 2 списках XV в. греч. рассказ о Крещении Руси («Аноним Бандури», или *«Бандуриева легенда»*), в к-ром также идет речь о выборе вер В. С. между Римом и К-полем (*Regel.* Analecta. P. 44–

Передача царевной Анной послания кн. Владимиру с советом скорее креститься, чтоб избавиться от болезни глаз. Получение Владимиром послания. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62)

51), вряд ли мог служить источником «Сказания», скорее сам будучи контаминацией ПВЛ и реминисценцией слав. миссии равноапостольных Константина и *Мефодия*. Не имеет под собой исторической основы неоднократно обсуждавшийся в науке рассказ древнеисл. Саги об Олафе Трюгвасоне (ум. в 999/1000), существующей в редакциях кон. XII–XIV в., согласно к-рому именно Олаф, крестившийся в Византии и приведший оттуда с собой некоего еп. Павла, убедил В. С. принять христианство (*Джаксон*. Исландские королевские саги. С. 129–130, 138–139, 143–144, 147–148 и сл.).

В отношении обстоятельств и времени Крещения В. С. в древнерус. источниках нет единства, что отмечал и составитель ПВЛ, сам придерживавшийся версии о Крещении В. С. в крымском г. Корсунь (по-гречески Херсонес): «Не сведуще право глаголють, яко крьстилъся есть в Киеве, и ини же реша в Василеви, друзии же инако скажють» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111; Т. 2. Стб. 97). Пространное повествование ПВЛ под 988/89 (6496) г. о Крещении В. С. в Корсуни, получившее в науке название «Корсунская легенда», сводится к следующему. Решив с дружиной принять св. Крещение, В. С. «иде с вои на Корсунь, град гречьскии», осаждает его в течение 9 месяцев и захватывает в результате предательства некоего *Анастаса Корсунянина*. После этого князь шлет послов в К-поль, требуя отдать за него Анну, сестру визант. императоров *Василия II* и *Константина VIII*. Те, напуганные угрозами В. С. двинуться походом против Царьграда, уговаривают сестру выйти замуж за киевского князя при условии Крещения последнего. В. С. отвечает согласием, Анна с группой священников прибывает в Корсунь. После этого В. С. поражает внезапная слепота, к-рая чудесным образом проходит после Крещения князя местным епископом (по ПВЛ, в ц. свт. Василия, по Житию — в ц. св. Иакова), затем происходит бракосочетание князя с визант. царевной. В. С. с супругой, греч. священниками и Анастасом возвращается в Киев, где ниспровергает языческих кумиров и велит креститься киевлянам. К этому рассказу в ПВЛ присовокуплено наставление В. С. Корсунского епископа, состоящее из Символа веры, предостережения против «учения от Латын» и справки о 7 *Вселенских Соборах*, причем Символ веры содержит нек-рые явно арианские формулировки («Сын подобносущен... Отьцу» — ПСРЛ. Т. 1. Стб. 112; Т. 2. Стб. 98), происхождение к-рых до сих пор остается неясным.

Факт взятия В. С. Корсуни бесспорен, летописный рассказ приводит ряд связанных с этим аутентичных топографических реалий, но приурочение именно к Корсуни Крещения киевского князя вызывает определенные сомнения. Дело не только в том, что в более ранних, нежели ПВЛ, текстах, затрагивающих тему Крещения В. С. (в похвале В. С. из «Слова о законе и благодати» *Илариона*, буд. митр. Киевского, 40-х гг. XI в. или в «Чтении о святых Борисе и Глебе» прп. *Нестора*, вероятно, 80-х гг. XI в.), о Корсуни ничего не говорится. Важнее, что во фрагментах древней летописи в составе «Памяти и похвалы»

Иакова Мниха взятие Корсуни прямо датировано «третьим летом» после Крещения. Надо думать, древнейшая основа «Сказания об испытании вер» и «Речи философа», как догадывался Шахматов, и была тем рассказом, согласно к-рому Крещение В. С. произошло не в Корсуни, а на Руси (в Киеве, Василеве или т. п.) и хронологию к-рого воспроизвел Иаков Мних. В пользу такого предположения свидетельствует также наличие самостоятельных внелетописных редакций «Корсунской легенды», к-рые существенно отличаются от редакции, присутствующей в ПВЛ, и в еще большей степени, чем последняя, выдают фольклорное происхождение «Корсунской легенды». Таково «Слово, како крестися Владимир, возмя Корсунь», к-рое прямо (по мнению Н. К. *Никольского*) или опосредованно (по мнению Шахматова) отражает текст, первоначальный по отношению к летописному; таково более редкое житие В. С. особого состава, согласно к-рому взять Корсунь помог не Анастас, а варяг (И)жберн; по взятии города В. С. убил «князя корсуньского и со княгинею», насильно овладел их дочерью, после чего отдал ее за (И)жберна, к-рого поставил наместником в Корсуни, и т. п.

Свидетельства иностранных источников дают возможность с достаточной точностью восстановить хронологию и внешнеполитический фон событий, связанных с Крещением В. С. Согласно Иоанну Скилице (*Scyl.* P. 336), но в первую очередь — Яхье Антиохийскому и Абу Шоджи ар-Рудравери (*Розен.* Имп. Василий Болгаробойца. С. 23–24, ср. также С. 200–202; *Кримський, Кезма.* Оповідання. С. 394–395; *Kawerau.* Arabische Quellen. S. 14–22), вырисовывается следующая картина. После катастрофического поражения от болгар летом 986 г. Византийская империя в 987 г. оказалась охвачена мятежом, к-рый поднял влиятельный полководец Фока Варда, в авг. объявивший себя императором; к концу года его войска стояли уже под стенами К-поля. Ввиду смертельной опасности, нависшей над Македонской династией, имп. Василий II отправил посольство на Русь к В. С. с просьбой о помощи. Киевский князь согласился, но ценой брака на визант. принцессе Анне, родной сестре Василия, дочери имп. *Романа II* (959–963). К-поль вынужден был согласиться, выдвинув, однако, в качестве условия Крещение князя. В 988 г. в Византию отправилось рус. войско, к-рое и помогло Василию II нанести мятежникам 2 решительных поражения (зимой 988 у Хрисополя и в апр. 989 при Авидосе), в последнем из к-рых погиб и сам Фока Варда, а царевна Анна отбыла на Русь. О взятии рус. войском Херсонеса в этих источниках речи нет, но о нем сообщает визант. историк 2-й пол. X в. Лев Диакон (*Leo Diac.* X, 10. P. 175), хотя и в контексте, никак не связанном с Крещением рус. князя, о к-ром он вообще умалчивает. Взятие «тавроскифами»-русью Херсонеса у Льва Диакона «знаменовали» некие небесные «огненные столбы», к-рые обычно сопоставляются с «огненным столбом», наблюдавшимся в небе близ Каира, согласно Яхье, 7–12 апр. 989 г. Если так, то взятие Корсуни надо датировать периодом между апр. и июлем—авг. 989 г., т. к. появившаяся в июле—авг. комета Галлея, по Льву Диакону, предсказывала уже следующее бедствие — землетрясение в окт. 989 г., приведшее к падению купола в храме Св. Софии в К-поле (В. Г. *Васильевский*, В. Р. *Розен*). Эту ставшую уже традиционной т. зр. оспорила Н. М. Богданова, предложив понимать глагол «знаменовали» (греч. παρεδηλουν) не в смысле предзнаменования, а как указание на свершившийся факт и тем самым относить падение Херсонеса ко времени незадолго до апр. 989 г. Неубедительна основанная на неверных хронологических подсчетах датировка взятия Корсуни маем—июнем 990 г., выдвинутая О. М. Раповым, вряд ли основательно настаивавшим, что у Льва Диакона и Яхьи речь идет о разных метеорологических явлениях. По той же причине трудно согласиться и с датировкой дек. 988 г. (А. Л. Пономарёв, Н. И. Сериков). Чем объяснить поход В. С. на Корсунь, если киевский князь был союзником Византии? Рус. войско появилось в Византии не позднее осени 988 г. Следов., летом или осенью того же года русско-визант. союзный договор должен был предусматривать и прибытие на Русь царевны Анны. Очевидно, именно для ее встречи В. С. «к порогам ходи» «на другое лето по Крещении», но до похода на Корсунь, как о том сообщает Иаков Мних. Брак «порфирородной» принцессы с «варваром» был уникальным исключением из визант. династических правил, и потому было бы вполне понятным, если бы Василий II, получив рус. военную помощь, не торопился с исполнением своих обязательств. В таком случае осаду и взятие Корсуни В. С. предпринял для того, чтобы вынудить К-поль сдержать свое обещание. Этому естественному объяснению А. В. Поппе попытался противопоставить гипотезу, по к-рой Корсунь была на стороне мятежного Фоки Варды и ее захват В. С. явился выполнением союзнических обязательств со стороны киевского князя. Такая т. зр. нашла сторонников (Л. Мюллер, В. Водов и др.), но столкнулась и с основательной критикой (Д. Оболенский, В. Зайбт, А. Ю. Карпов). Так, в рамках гипотезы Поппе трудно объяснить устойчивое соединение в древнерус. традиции взятия Корсуни с прибытием Анны.

Приведенные данные не позволяют безусловно предпочесть к.-л. из 2 древнерус. версий Крещения В. С.— «корсунскую» или Иакова Мниха, но последняя выглядит в их свете, как и в свете всей суммы древнерус. источников, все же более вероятной. Титмар Мерзебургский также относит «великие насилия», к-рые В. С. «чинил над слабыми данайцами» (т. е. греками — Thietm. VII 72. P. 486; *Назаренко.* Немецкие латинояз. источники. С. 135, 140), уже ко времени после Крещения князя. В ре-

Крещение кн. Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62 об.)

Прибытие царевны Анны в Корсунь, приветствие ее кн. Владимиром. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62)

зультате ход событий реконструируется следующим образом. Видимо, уже в 987 г. Василий II начал переговоры с В. С. о военном союзе, причем был вынужден принять требование киевского князя о союзе династическом. Предуготовляя его, В. С. принял Крещение. Если дата Крещения выбиралась согласно К-польскому евхологию (что в случае «политического» Крещения не выглядит, впрочем, обязательным), то оно имело место скорее всего на праздник Крещения Господня 6 янв. 988 г. (Поппе), т. е. еще в 6495 мартовском году; др. возможности — на Пасху (8 апр.) или на Троицу (27 мая) 988 г. (М. Арранц) уже в следующем, 6496, году— следует, видимо, отвергнуть как вступающие в противоречие с относительной хронологией Иакова Мниха. По свидетельству Степаноса Таронеци (С. 142, 175), сбивчивого в деталях, но достоверного в своей основе, в визант. посольство входил бежавший от Фоки Варды митр. Севастии (в пров. Армения Вторая) Феофилакт, к-рый и мог крестить киевского князя. Древнерус. источники единодушно утверждают, что в Крещении В. С. был наречен Василием — несомненно, в связи с тем, что его заочным крестным отцом считался имп. Василий II (такова была обычная практика визант. «политических» Крещений). Летом 988 г. В. С. отправил в Византию рус. войско и у днепровских порогов (место, наиболее подверженное нападениям степняков) дожидался царевны Анны (летом—осенью 988 (6496), т. е., действительно, «на другое лето по Крещении»). Однако Анна не прибыла, а возможно, если полагаться на Степаноса Таронеци (к-рый, однако, путает Русь с Болгарией), греки пытались даже подменить невесту. Разгневанный В. С. осенью выступил к Корсуни, к-рую после продолжительной осады захватил между апр. и июлем 989 (6497) г. («на третье лето» после Крещения по древнерус. счету). Василий II вынужден был выполнить свое обязательство, багрянородная царевна прибыла в Херсонес, где и произошло ее бракосочетание с В. С., по всей вероятности еще в том же 989 г. Осенью 989 или весной 990 г. В. С. вернулся в Киев.

Восстанавливаемая т. о. хронология совпадает с хронологией Иакова Мниха, если исходить из его известия, что В. С. крестился «в 10-е лето по убиеньи брата своего»: 978/79 (6486) + 9 = 987/88 (6475). Однако этому последнему противоречит др. сообщение Иакова, что после Крещения В. С. «поживе... 28 лет», что приводит к дате Крещения ПВЛ: 1015 (6523) — 27 = 988/89 (6496). Очевидно, именно вслед. приурочения к 988 г. Крещения В. С. летописец, сторонник «корсунской» версии, отнес к 988/9 г. и поход на Корсунь. Это противоречие усугубляется уже упоминавшимся убеждением автора ПВЛ, будто продолжительность киевского княжения В. С. составляла 37 лет, что, с одной стороны, явно представляет собой сумму 10+28 (где 10-й год киевского княжения и первый год по Крещении посчитаны, естественно, за один), а с др.— ведет к дате вокняжения В. С. в Киеве 979/80 г., не совпадающей ни с датой Иакова Мниха (978), ни с летописной (980/81). Вопрос о происхождении этих хронологических несоответствий остается открытым.

История после Крещения. Деятельность В. С. по Крещении отразилась в источниках по 3 главным взаимосвязанным направлениям: христианизации Руси, мерам по внутреннему совершенствованию гос. и общественной жизни, внешней военной и политической активности.

Первые шаги по христианизации Руси (подробнее см. ст. *Крещение Руси*) были предприняты В. С. немедленно после возвращения в Киев: разрушение языческих святилищ в столице и Крещение киевлян (вероятно, в 990) с помощью греч. священников, как прибывших с Анной, так и приведенных из Корсуни. В ближайшие годы аналогичные массовые Крещения были, надо полагать, предприняты и в др. крупнейших городах Руси, хотя прямые указания на этот счет есть только относительно Новгорода, тогда как известия о миссионерских поездках В. С. и Киевского митрополита в Ростов и Суздальскую землю в 991–992 гг. в том виде, как они изложены в поздней Никоновской летописи (1-я пол. XVI в.), содержат фактические несообразности и домыслы и не заслуживают доверия. Важнейшим шагом стало учреждение в Киеве (не позднее 996) митрополии К-польского Патриархата, к-рое, очевидно, предусматривалось договором В. С. и имп. Василия II или явилось непосредственным его следствием. Распространенная некогда гипотеза М. Д. *Присёлкова,* согласно к-рой Русская Церковь при В. С. пребывала в юрисдикции болг. Охридского Патриарха, а митрополия была открыта только ок. 1039 г. при Ярославе Мудром, не нашла поддержки впосл. (она противоречит, в частности, выстроенным по хронологическому принципу перечням митрополий К-польского Патриархата, где Русская митрополия упоминается перед Аланской, учрежденной в 997/98). Одновременно с митрополичьей при В. С. были учреждены неск. епископских кафедр: в Новгороде, также, вероятно, в Белгороде

Крещение Руси. Икона. 1988 г. (Музей МП «Софрино»)

(под Киевом) и Чернигове, а возможно, еще в Полоцке и Переяславле Русском (Южном).

Развернулось деревянное храмостроительство, о конкретных масштабах к-рого судить трудно, т. к. летопись выражается неопределенно: В. С. «повеле рубити цьркви и поставляти по местом, идеже стояху кумири... и нача ставити по градом цьркви и попы» (*ПСРЛ*. Т. 1. Стб. 118; Т. 2. Стб. 103); поименно известны лишь церкви во имя свт. Василия в Киеве и Преображения Господня в Василеве. Согласно митр. Илариону, при В. С. возникли и первые рус. мон-ри, о к-рых ничего конкретно неизвестно: «Монастыреве на горах сташа, черноризьци явишася» (*Молдован.* «Слово». С. 93). Уже в 990/91 г. (так у Иакова Мниха; по отклоняющейся в целом на год хронологии ПВЛ — в 991/92) В. С. заложил в Киеве каменную ц. Пресв. Богородицы Десятинную, для строительства к-рой были приглашены греч. мастера и к-рой были переданы иконы, церковная утварь и мощи святых Климента, папы Римского, и его ученика *Фива*, вывезенные В. С. из Корсуни; служили в ней греч. корсунские священники. Не вполне ясно, была ли она дворцовым княжеским храмом или служила нек-рое время также митрополичьим кафедральным собором. Во всяком случае митрополичий собор Св. Софии в Киеве (видимо, деревянный) при В. С. уже существовал, т. к. о его пожаре в 1018 г. упоминает Титмар (Thietm. VIII 32. P. 530; *Назаренко*. Немецкие латинояз. источники. С. 137, 142).

С освящением Десятинной ц. (995 или 996) древнерус. традиция, отразившаяся в ПВЛ, Церковном уставе кн. Владимира и проложном Сказании об освящении Десятинной ц. (под 12 мая), связывает меры В. С. по материальному обеспечению юной Русской Церкви в виде *десятины* — 10-й части «от имения моего (Владимира.— *А. Н.*) и от град моих» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124; Т. 2. Стб. 109; *Карпов*. Владимир Святой. С. 431–432), «по всей земле Рустеи от всякого княжа суда... от торгу... от всякого стада и от всякого жита» (ДРКУ. С. 15, 16, 18 и др.). Характерно, что эти отчисления по воле В. С. поступали в распоряжение не митрополита, а Анастаса Корсунянина, бывшего, вероятнее всего, экономом Десятинного храма,— свидетельство того, что учреждение десятины состоялось либо до установления митрополии, либо во время ее вдовства. Уже по одной этой причине следует скептически отнестись к объединению во всех редакциях Церковного устава кн. Владимира таких мер, как учреждение князем десятины и разделение им, по визант. образцу, княжеской и церковной (митрополичьей, епископской) юрисдикции: последнее должно было произойти неск. позже. В сфере церковного суда оказалось брачное и семейное право, преступления против нравственности, ведовство, суд над т. н. церковными людьми (в эпоху В. С.— прежде всего над клириками и членами их семей). Крайне важным делом было обеспечение Церкви рус. священнослужителями. Меры В. С. в этом отношении напоминают аналогичные шаги *Петра I Алексеевича:* князь насильственно отбирал детей знати («нарочитыя чади»), чтобы отдать их «на учение книжное» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118–119; Т. 2. Стб. 103).

Молитва кн. Владимира в Десятинной ц. и принесение им клятвы о выделении для Церкви десятины. Раздача милостыни по случаю этого события. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 69 об.)

С мероприятиями по христианизации страны были тесно связаны и нек-рые внутриполитические шаги В. С. Если любовь В. С. к своей дружине, с к-рой князь совещался «о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем», а также еженедельные пиры с В. С. и без него, к-рые он устраивал «боляром, и гридем (т. е. старшей и младшей дружине.— *А. Н.*), и съцьским, и десяцьскым (городская административная верхушка.— *А. Н.*), и нарочитым мужем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 111), вполне вписывались в идущее еще из языческих времен древнерус. представление о княжеских доблестях (они с похвалою представлены летописцем не без элементов фольклорной стилизации: В. С. велит «исковати» дружине серебряные ложки взамен деревянных, будучи уверен, что, сохранив благосклонность дружины, добудет себе еще больше «сребра и злата»), то акцентируемые всеми источниками (летописными, житийными, Титмаром) социально-каритативная активность В. С., его нищелюбие (раздача продовольствия и денежной милостыни на княжеском дворе; продовольствие также развозилось по городу для тех, кто по болезни не мог сам явиться к раздаче)

Крещение дружины кн. Владимира. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 62 об.)

Освящение Десятинной ц. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 67 об.)

соответствовали идеалу христ. государя, одной из важнейших черт к-рого в визант. понимании было человеколюбие (φιλανθρωπία).

Введению церковного суда и первоначальному разграничению его со сферой суда княжеского сопутствовала попытка по совету епископов обновить древнерус. обычное право путем заимствования ряда визант. юридических практик. ПВЛ рисует эту попытку как неудачную: употребительные в Византии смертную казнь и членовредительные наказания В. С. пришлось снова отменить в пользу традиц. для Руси денежных штрафов (вир и продаж). Целиком на древнерус. политический обычай ориентировалось и посажение киевским князем своих сыновей по волостям, что, с одной стороны, соответствовало представлению о гос. территории как коллективном владении княжеского семейства (в силу этого каждый взрослый княжич имел право на удел), а с др.— служило своеобразным способом адм. управления территориями из Киева (княжич выступал в качестве посадника, наместника своего сидевшего в Киеве отца) и их христианизации. В качестве 1-го этапа этого процесса ПВЛ говорит о наделении волостями 4 старших Владимировичей (Вышеслав получил Новгород, Изяслав — Полоцк, Святополк — Туров, Ярослав — Ростов) и относит его ко времени непосредственно после Крещения В. С. и княжеской семьи, что выглядит вполне правдоподобно, т. к. ок. 990/91 г. старшим сыновьям В. С. было по 12–14 лет — возраст, обычный на Руси для посажения княжича на стол. После смерти Вышеслава В. С. переместил в Новгород Ярослава, причем в Ростове был посажен Борис, получили столы др. подросшие Владимировичи: Глеб — в Муроме, Святослав — в земле древлян, Всеволод — во Владимире-Волынском, Мстислав — в Тмутаракани. Если то был единовременный акт, он должен был иметь место после 1001/02 г., когда умер Изяслав; происхождение распространенной вслед за В. Н. *Татищевым* (История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 70) датировки 1010 г. неясно.

В русле вызванных христианизацией гос. преобразований В. С. была и неудачная попытка «византинизации» киевского столонаследия, относившаяся, очевидно, уже к последним годам правления В. С. Согласно традиции, после смерти В. С. Русь должна была быть поделена между всеми его сыновьями (как то было со Святославичами), а Киев должен был достаться генеалогически старейшему. Однако политическое сознание В. С. как главы новой единой христ. державы, видимо, противилось такому механическому дроблению. Развернутых сведений о замысле В. С. нет, но источники заставляют подозревать, что В. С. планировал передать киевский стол одному из своих младших сыновей — св. Борису (ср., напр., вкладываемые в уста Святополка Туровского в «Чтении о св. Борисе и Глебе» упреки В. С., что Борис «хощеть по смерти отца своего стол прияти» — Жития св. мучеников Бориса и Глеба. С. 6–7); не в последнюю очередь это определялось, как можно думать, происхождением последнего по матери из болг. царского дома. Речь шла, разумеется, не о ликвидации наследственных уделов в принципе, а, по-видимому, об учреждении сеньората — номинального политического главенства одного из братьев, вроде того, какой был учрежден полвека спустя по завещанию Ярослава Мудрого. Именно этими планами В. С. были, судя по всему, вызваны почти одновременные возмущения против Киева со стороны 2 старших Владимировичей: Святополка в Турове (вероятнее всего, ок. 1012/13), к-рый в результате оказался в заключении по приказу В. С., и Ярослава в Новгороде (1014). Осуществлению реформы престолонаследия помешали как внезапная смерть В. С. в разгар конфликта с Ярославом, так и радикальное расхождение реформы с традиц. порядком, к-рый покоился на принципе генеалогического старейшинства.

Еще одним проявлением нового государственно-политического самосознания княжеской власти в лице В. С. после его Крещения стала чеканка в Киеве золотой и серебряной монеты. Едва ли выпуск древнерус. монет преследовал собственно экономические цели (в IX–X вв. на Руси в большом количестве ходила серебряная монета араб. чеканки — дирхем; впрочем, именно к кон. X в. ее поступление на Русь стало иссякать); относительно небольшие тиражи, а также крайне низкая проба монетного серебра говорят скорее о политически репрезентативном характере монеты. Если по весу она ориентировалась на привычный для Руси араб. чекан, то по внешнему оформлению воспроизводила совр. визант. образцы — золотые номисмы и серебряные милиарисии императоров Василия II и Константина VIII. Так же как на визант. монетах, где помещались изображения Христа Пантократора и императора, на одной из сторон и златников, и сребреников В. С. имелось изображение киевского князя в торжественном облачении (в венце с характерными визант. подвесками-пендулиями по бокам, в плаще с застежкой-фибулой под подбородком и с крестом в руке), на др.— на более ранних монетах видим образ Спасителя, а на более поздних — изображение княжеского родового знака в виде стилизованного трезубца (и тогда вокруг головы князя появляется непременный атрибут визант. имп. портретов — нимб). Однако в отличие от визант. образца с погрудным изображением правителя В. С. был представлен в рост сидящим на княжеском троне, что подчеркивалось и надписью: «Владимиръ на столѣ». Из портретных черт В. С. обращают на себя внимание массивный подбородок и длинные отвислые усы.

Златник кн. Владимира. X в. Аверс

О внешнеполитической деятельности В. С. после Крещения имеются лишь разрозненные сведения. Они создают впечатление, что на смену чрезвычайной военной активности В. С. языческого периода приходит политика, направленная больше на удержание и стабилизацию достигнутого. Надо полагать, что Крещение и женитьба В. С. на сестре правивших императоров повели к максимальному повышению статуса киевского князя и Руси в идеальной визант. иерархии государей и гос-в: от нейтрального, внеположного по

отношению к этой иерархии титула «князь и т. п.» (αρχων) до включения В. С. в число «духовных» (πνευματικοι) родичей визант. василевсов. Однако полной ясности в этом вопросе нет из-за отсутствия прямых указаний на этот счет в источниках. Несомненно неблагоприятный для Руси договор с Византией, к-рый был вынужден подписать Святослав после своего поражения в 971 г., при В. С. был пересмотрен, хотя текст нового договора в отличие от более ранних не сохранился. Ясно лишь, что к Руси перешла непосредственная власть над Керченским прол. и прилегающими землями (Тмутараканское княжество). Союз В. С. с Византией обусловил, по свидетельству анонимного визант. тактикона того времени, участие рус. войск в болгаро-визант. войне в 90-х гг. X в. (Traité de tactique, connu sur le titre «Traité de castramétation rédigé à ce qu'on croit» / Ed. A. Martin. P., 1898. P. 29, 39, 51), а также, вероятно, какие-то перемены в положении и численности рус. наемного корпуса на визант. службе, действия к-рого источники фиксируют в 999 г. в Сирии (*Розен.* Имп. Василий Болгаробойца. С. 40), а в 1000 г.— в Армении (Всеобщая история *Стефаноса Таронеци.* С. 200–201). Поход В. С. в 992 г. к русско-польск. пограничью, к-рый кроме ПВЛ упоминается также в нем. Хильдесхаймских анналах (Annales Hildesheimenses / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. P. 25), закреплял в связи со вступлением на польск. трон нового кн. *Болеслава I Храброго* приобретения Руси, сделанные здесь ок. 980 г.

Дружественный в целом характер отношений В. С. с зап. соседями подчеркивается летописцем: В. С. «бе живя с князи околними миром, с Болеславом Лядьскым, и с Стефаном Угрьскым, и с Андрихом Чешьскым» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 111), т. е. помимо Болеслава Польского с венг. кор. *Стефаном I* (Иштваном) (997–1038) и чеш. кн. Олдржихом (Удальрихом) (1012–1034) (*видимо, именно он скрывается* под летописным именем Андрих). Эти мирные отношения, включавшие в себя нейтралитет почти в постоянной польско-нем. войне, начавшейся вскоре после вступления на престол герм. кор. Генриха II, В. С. скрепил браком Святополка, в удел к-рого входило русско-польск. пограничье в р-не Берестья, с дочерью Болеслава (скорее всего ок. 1005/10). Военный конфликт с Болеславом в 1013 г., о к-ром, как и о женитьбе Святополка, знает только Титмар (Thietm. IV 58; VI 92; VII 72. P. 198, 382, 486; *Назаренко.* Немецкие латинояз. источники. С. 134–135, 139–141), был вызван, вероятнее всего, упоминавшимся выше выступлением Святополка против В. С., а не поворотом в зап. политике самого В. С., как можно было бы предполагать, руководствуясь неосновательной догадкой Н. А. фон Баумгартена, к-рая получила известное хождение в науке,— о том, будто 2-й христ. женой В. С., после смерти в 1011/12 г. Анны, стала родственница герм. королевского дома. Что в конце жизни В. С. женился вторично, вряд ли подлежит сомнению (по Титмару, в 1018 в Киеве в плен к Болеславу попали не только супруга Ярослава Мудрого и его сестры, но и его мачеха (noverca): Thietm. VIII 32. P. 530; *Назаренко.* Немецкие латинояз. источники. С. 137, 142; именно на дочери В. С. от этого брака Марии женился ок. 1040 польск. кн. Казимир I), но идентификация Баумгартеном этой новой супруги В. С. крайне уязвима.

Возведение по повелению кн. Владимира ц. в честь Преображения в Василеве. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 70)

Важнейшей заботой В. С. в христ. период его княжения летопись представляет организацию устойчивой обороны юж. подступов к Киеву от печенежских набегов. В. С. предпринял строительство по берегам притоков Днепра на правобережье (по Стугне) и на вост. берегу (по Десне, Суле, Трубежу, Остру и др.) грандиозной фортификационной системы, к-рая состояла из крепостей («градов»), соединенных сплошными земляными валами с деревянным тыном и населявшихся людьми, выведенными со всех концов Руси. Эту «крепчайшую и длиннейшую ограду» с воротами в ней видел в 1008 г. зап. архиеп. Бруно Кверфуртский на пути из Киева в Печенежскую степь (List *Brunona.* S. 98–99); ее следы сохраняются до сих пор. Обновлялись и расширялись крепостные укрепления в крупных городах вокруг Киева — в Белгороде, Переяславле; основывались новые — Василев, Городец Остерский, Воинь и др. В русле этой же политики была сильно расширена площадь Киева внутри новых городских стен (город Владимира).

Попытки замирения с печенегами, предпринимавшиеся В. С., не имели сколько-нибудь длительного успеха. Неизвестно, сколь долго просуществовал русско-печенежский мир, заключенный В. С. с помощью Бруно в 1008 г. и сопровождавшийся даже посылкой к печенегам в качестве заложника одного из Владимировичей, а также созданием эфемер-

Кн. Владимир посылает сына св. кн. Бориса в поход против печенегов (вверху). Погребальный обряд над телом кн. Владимира (внизу). Сказание о Борисе и Глебе. Сильвестровский сборник. 2-я пол. XIV в. (РГАДА. Ф. 381, № 53. Л. 117)

ной Печенежской епископии, к-рая находилась в каких-то не совсем ясных отношениях к Киевской митрополии. Так или иначе, «рать велика без перестани» с печенегами длилась до самой кончины В. С. и об ее интенсивности говорит, в частности, тот факт, что уже в ПВЛ, не более чем через столетие, воспоминания

о ней приобретают эпические формы; таковы рассказ под 992 г. об отроке усмошвеце, победителе печенегов под Переяславлем, или повествование о «белгородском киселе» под 997 г., предвосхищающие позднейшие былинные сказания о «Владимире Красне Солнышке».

В. С. скончался внезапно в своей загородной резиденции Берестове, не успев уладить отношения ни со Святополком, ни с Ярославом, и был погребен в Десятинной ц. Киевский стол вопреки планам В. С. захватил вышедший из заключения старейший в роде Святополк, и на Руси разгорелось кровавое междоусобие Владимировичей, в ходе к-рого погибли святые Борис и Глеб, а также Святослав и к-рое окончательно утихло только после мира между Ярославом и Мстиславом в 1026 г.

Народная память, отразившаяся в былинном эпосе, сохранила образ В. С. как радушного, хлебосольного киевского князя, Красного Солнышка («У ласкова князя Владимира, / У Солнышка, у Сеславьича, / Было столованье, почетный пир...» — Добрыня и Василий Казимиров // Былины. М., 1916. Т. 1. С. 43), стольный город к-рого охраняется от наездов степняков богатырскими заставами, а среди богатырей помимо Ильи Муромца выделяется Добрыня Никитич, в образе к-рого фольклористы не без основания угадывают черты исторического Добрыни, дяди В. С. Былинный цикл вокруг образа В. С. складывался уже в первые столетия после его смерти, как свидетельствуют заимствования из него в нем. эпосе (Сага о Дитрихе Бернском (Веронском) XIII в.).

Судьба останков В. С. Мраморный саркофаг В. С. в Десятинной ц., по свидетельству Титмара, был установлен рядом с саркофагом Анны, посреди храма, что было нетипично для визант. традиции, воспроизводя скорее центральноевроп. практику (по мнению Поппе, такая постановка раки могла быть связана с подготовкой канонизации Крестителя Руси). Гроб и мощи В. С. были утрачены в кон. 1240 г., оказавшись погребены под развалинами Десятинной ц. после захвата Киева монголо-татарами. В 1632/36 г. при разборке руин с целью возведения нового храма по повелению Киевского митр. св. *Петра (Могилы)* были якобы обнаружены то ли 2, то ли 1 мраморный саркофаг с останками, к-рые свт. Петр счел за мощи В. С. согласно найденной при гробе надписи; затем саркофаги были закопаны снова. (Известны 2 отличающихся друг от друга описания этого обретения: в кн. митр. *Самуила (Миславского)* «Краткое ист. описание Киево-Печерской лавры» (СПб., 1817. С. 105–106) и, по сведениям И. В. Жиленко, в неопубл. рукописи XVIII в. из Киево-Печерской лавры — НБУВ ИР. П. 390 (194)).

Череп останков, найденных свт. Петром, был перенесен им в Успенский собор Киево-Печерской лавры, откуда незадолго до начала Великой Отечественной войны отправлен в Ленинград с целью создания скульптурной реконструкции по методу Герасимова (в наст. время местонахождение неизвестно). Нижняя челюсть была в 1638 г. подарена митр. Петром царю *Михаилу Феодоровичу* и хранилась в Успенском соборе Московского Кремля (мощи В. С. упом. в описи Успенского собора за 1701 г. и в описи Образной палаты Московского Кремля за 1669; в наст. время не сохр.). Кисть руки была положена в киевском Софийском соборе (исчезла, вероятно, во время второй мировой войны). Однако надпись, цитируемая в описаниях обретения мощей, явно позднего происхождения и содержит фактические несообразности (погребение В. С. и Анны в одном гробу, датировка от Рождества Христова и т. д.);

Положение тела кн. Владимира в мраморный саркофаг в Десятинной ц. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 74)

кроме того, в этом погребении, заново раскопанном киевским архит. Н. Е. Ефимовым в 1826 г., обнаружились саркофаги, не соответствующие описанию времени свт. Петра. Все это заставляет усомниться в отождествлении останков, обнаруженных в 30-х гг. XVII в., с мощами В. С.

Церковное почитание. Проблемы становления почитания В. С. и времени его канонизации остаются дискуссионными. Очень рано, уже вскоре после окончания усобицы Владимировичей, деятельность Крестителя Руси была осознана рус.

Собор Киево-Печерских святых. В центре — равноап. кн. Владимир. Эмаль. Сер. XIX в. (ЦМиАР)

людьми как благодатный подвиг равноап. государя. Будущий митр. Иларион в 40-х гг. XI в. восклицал в своей похвале В. С.: «Како ти сьрдце разверзеся? како вниде в тя страх Божий? како прилепися любъви Его, не видя апостола, пришедша в землю твою?», прямо ублажая В. С. званием «подобника великааго Коньстантина», «во владыках апостола» (*Молдован.* «Слово». С. 95–96, 98). «Слово» митр. Илариона содержит в себе элементы акафиста и молебна, и не случайно впосл., в своей 2-й, усеченной, редакции, «Слово» было приспособлено к богослужебному употреблению (древнейший список — БАН. 4.9.37, 2-я пол. XIII в.). Это дает основания предполагать, что в правление Ярослава Мудрого были предприняты определенные шаги для церковного прославления В. С. Однако вслед. отсутствия чудотворений или др. причин его почитание не получило широкого распространения. Если в тех частях ПВЛ, к-рые восходят к более раннему летописанию и интонационно близки Илариону, В. С. также именуется «новый Костянтин великого Рима... сего бо память

держать Рустии людье», то в нач. XII в. автор ПВЛ со скорбью пишет: «Мы же, хрьстияне суще, не въздаем почестья противу оного (В. С.— *А. Н.*) възданию... Да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили Богу за нь в дьнь преставленья его, и видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы и» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130–131; Т. 2. Стб. 115, 117). Примерно в то же время Иаков Мних, в свою очередь уподобляя В. С. «Костянтину Великому», призывает не смущаться отсутствием чудес от мощей В. С.: «Не дивимся, възлюбленеи, аще чюдес не творить по смерти, мнози бо святии праведнеи не створиша чюдес, но святи суть», ссылаясь на свт. *Иоанна Златоуста,* что святого «от дел познати, а не от чюдес» (*Срезневский.* Память. С. 5–6). Ввиду этого нек-рые исследователи относят возникновение церковного почитания В. С. к XI — нач. XII в., возводя к этому времени и древнейшую посвященную ему службу (Н. И. Серебрянский, Н. К. Никольский, Н. С. Серёгина, Карпов и др.). В русле этой концепции Б. А. *Успенский* рассматривает упоминание «**бча васильа: и бориса и глѣба**» в списке святых на новгородской берестяной грамоте № 906, стратиграфически датируемой 3-й четв. XI в. (*Янин, Зализняк.* Берестяные грамоты. С. 6). По мнению исследователя, под «отцом Василием» подразумевается В. С., имевший в Крещении имя Василий.

Вместе с тем существует и др. т. зр. (И. И. Малышевский, М. Славнитский, Е. Е. *Голубинский,* М. С. *Грушевский,* Г. П. *Федотов,* Водов и др.), согласно к-рой о канонизации В. С. нельзя говорить до сер. XIII в. Указывается, что: 1) еще в 40-х гг. XIII в. имя Владимир не было внесено в святцы, т. к. родившийся в это время волынский кн. Владимир Василькович получил в Крещении имя Иоанн (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 919–920); 2) эпитет «святой» впервые применяется к В. С. в Галицко-Волынской летописи, в части, созданной, вероятно, в 1261 г. (Там же. Стб. 821); 3) первое известие о храме, посвященном В. С., относится к 1311 г., когда архиеп. Давид поставил в Новгороде «на воротех» каменную церковь «святого Володимира» (НПЛ. С. 93); 4) в составленном в 80-х гг. XIII в. Житии св. кн. Александра Невского упоминание о том, что Невская битва со шведами 15 июля 1240 г. произошла не только «на память святых отьць 600 и 30 бывша збора в Халкидоне, и святою мученику Кюрика и Улиты», но и «святаго князя Володимера, крьстившаго Русскую землю», есть только в варианте, представленном в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479), тогда как в др., более ранних, редакциях слов о В. С. нет; это заставляет квалифицировать данный текст как позднейшее добавление.

По наблюдениям О. В. Лосевой, имя Владимир «не встречается в русских месяцесловах ранее XIV в. ... Более того, южнославянские месяцесловы XIII–XIV вв., которым хорошо известны многие русские праздники... не содержат памяти князя Владимира (15 июля)» (С. 91). Однако здесь следует отметить, что в святцах отмечаются, как правило, памяти общерус. святых, местночтимые вносятся в месяцесловы с большим опозданием и далеко не всегда. В то же время житие В. С. под 15 июля появляется в Прологах уже в 1-й пол. XIII в. (старший древнерус. список ГИМ. Щук. № 97, к-рый по палеографическим наблюдениям А. А. Турилова датируется нач.— сер. XIII в. (СКСРК, XIV в. Вып. 1. Прил. 2. № д 60. С. 653)). Древнейший болг. список включен в состав агиографического сборника РНБ. Q. п. I. 63, рубеж XIII–XIV вв. (СКСРК, XI–XIII. № 304. С. 276). Протографом проложного жития несомненно послужил древнерус. список домонг. времени, поскольку в южнослав. лит-ре неизвестны древнерус. произведения, созданные после 1237 г. Кроме того, необходимо заметить, что в южнослав. Прологах XIII в. В. С. упоминается чаще всего с эпитетом «святой». Так, в заметке о перенесении мощей благоверных князей Бориса и Глеба добавлено пояснение — «сына святаго Владимира, кнеза рушьскаго великаго, второго Константина, крестившаго всу Рушьскую землю» (ГИМ. Увар. № 70. Л. 244 об.— 245, кон. XIII — нач. XIV в.). Вероятнее всего, что и в рус. лит. памятниках домонгольского времени В. С. уже именовался «святым». В «Слове похвальном на пренесение мощей святых страстотерпец Бориса и Глеба» (др. название — «Слово о князьях»), составленном во 2-й пол. XII в. (древнейший список датируется XV в.) наряду со святыми князьями Борисом и Глебом произносится похвала «святому Володимеру, приведъшу къ Богу тысяща тысящами и тьмы тьмами душь праведных» (БЛДР. Т. 4. С. 226).

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Икона из Софийского собора в Новгороде. Кон. XV в. (Музей-квартира П. Д. Корина)

Возможно, в первое время почитание В. С. пребывало в тени рано установившегося празднования святым Борису и Глебу, так что и церковное поминовение его происходило не самостоятельно, под 15 июля, а в дни памяти его сыновей-страстотерпцев. Так, в отрывке из месяцесловной части Студийского устава кон. XII в., хранящемся в Курском музее (№ 20959. Л. 4 об.), под 24 июля, после службы святым Борису и Глебу, есть запись: «Чтется житие князя Володимира, в томь есть и мучение святою Бориса и Глеба». Такой обычай мог сложиться очень рано, еще тогда, когда мощи святых Бориса и Глеба первоначально покоились в Вышгороде, в ц. св. Василия, где (как и в киевской ц. св. Василия или Десятинной ц.) молитвенное обращение к В. С., в Крещении Василию, могло бы возникнуть естественнее всего. Памяти святых Бориса и Глеба под 24 июля и В. С. под 15 июля являются единственными памятями рус. происхождения в «Каноннике Скалигера», созданном в Сев.-Вост. Руси (A Russian Church Slavonic Kanonnik, 1331–1332 / Ed. A. H. van den Baar. The Hague, 1968. P. 199, 241, 256, 260). В этой связи стоит напомнить также о древней и устойчивой иконографической практике изображать В. С. именно со святыми Бо-

рисом и Глебом: на фреске XIV в. из ц. во имя вмч. Феодора Стратилата в Новгороде, на миниатюре в Мусин-Пушкинском сборнике 1414 г. (*Срезневский И. И.* Древние изображения. Табл. II–III) и др.

Можно с большой долей уверенности говорить о существовании почитания В. С. в первые столетия после его кончины как в юж. (Киев, Вышгород), так и в севернорус. (Новгород) землях. Противоречивость свидетельств можно объяснить тем, что в XI–XIII вв. на Руси, как и в Византии (в отличие от Западной Церкви), не существовало единой процедуры канонизации, для установления почитания святого, по-видимому, достаточно было устного благословения митрополита или епископа.

А. В. Назаренко

Со 2-й пол. XIV в. почитание В. С. активно поддерживается московским великокняжеским домом. Во имя В. С. был крещен серпуховской кн. *Владимир Андреевич* Храбрый, родившийся 15 июля 1353 г. В «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (по предположению Г. М. Прохорова, составлено в кон. XIV — нач. XV в.) блгв. кн. *Димитрий Иоаннович* Донской прославляется как «отрасль благополодъна и цвет прекрасный» «царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго Роускую землю» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 351–352). В 1389 г. по заказу кнг. Марии Александровны, вдовы вел. кн. Московского *Симеона Иоанновича* Гордого, был вышит воздух «Спас Нерукотворный с предстоящими святыми», где в числе 8 святых представлены вмч. *Димитрий Солунский* и В. С.— св. покровители князей Димитрия Донского и Владимира Храброго. В нач. XV в. на княжеском дворе «в садех» за Москвой (совр. Старосадский пер. в Москве) уже существовала каменная ц. во имя В. С. (упом. в духовной грамоте вел. кн. Московского *Василия I Димитриевича*, составленной ок. 1417.— ДДГ. № 21. С. 58; в 1514–1516 на месте этого храма архит. *Алевиз Новый* построил церковь с тем же посвящением (ПСРЛ. Т. 30. С. 141), храм неоднократно перестраивался, в 1991 в нем возобновились богослужения).

В 1-й пол. XV в. почитание В. С. приобрело черты церковно-гос. празднования. В ходе борьбы против Флорентийской унии на рус. почве была сформулирована идея о преемственности Московской Руси по отношению к Киевской, отразившаяся, в частности, в формуляре великокняжеских грамот, неотъемлемой частью к-рых стало обращение к «нашему прародителю, святому и равноапостольному великому князю Киева и всея Руси Владимиру» (*Поппе*. С. 44). Поминание «великаго и благочьстиваго царя и князя Владимира» включается в предисловия к синодикам мон-рей и кафедральных соборов (Синодик ростовского Успенского собора, 2-я четв. XV в.— РНБ. Кир.-Бел. № 6/1083. Л. 300–302 об., 80-е гг. XV в.; Синодик Успенского собора Московского Кремля, XVI в. // ДРВ. М., 1787^2. Ч. 6. С. 438, 491). О почитании В. С. московскими вел. князьями свидетельствует также пелена «Богоматерь Смоленская со святыми» (сер. XV в.), вышитая по заказу вел. кнг. Марии Борисовны, супруги вел. кн. Московского *Иоанна III Васильевича*,— на правой кайме пелены изображен В. С. Портрет Крестителя Руси присутствует в росписях *Благовещенского собора Московского Кремля* (ныне существующие фрески 1547–1551 гг. сохранили программу росписи 1508 г.). В этот период

Церковь во имя равноап. кн. Владимира в «Старых садех». Архит. Алевиз Новый. 1514–1516 гг., перестраивалась в 1625, 1689 гг. и в кон. XVIII в. Фотография. 2004 г.

княжеское служение начинает восприниматься как подвиг, сопряженный со святостью. Когда вел. кн. *Василий III Иоаннович* хотел перед смертью принять монашеский постриг, противники пострижения говорили ему: «Князь великий Владимер Киевский умре не в чернцах, не сподобися ли праведного покоя? И иные великие князи не в чернцах преставилися, не с праведными ли обрели покой?» (ПСРЛ. Т. 6. С. 273–274).

Наибольшее развитие представление о сакральном содержании княжеской и царской власти получило в эпоху царя *Иоанна IV Васильевича Грозного*, когда эта власть рассматривалась как «подвиг и долг перед своим народом, в первую очередь в сохранении веры, Церкви, Святой Руси» (*Самойлова*. С. 26); В. С. начал восприниматься как воплощение идеала правосл. государя. Автор «Казанского летописца» проводит аналогию между деяниями Крестителя Руси и царя Иоанна Грозного: В. С. «иногда Греческую землю ратовав, и обрете, яко свещу на светиле, истинную православную веру, и тою нас всех просвети... Тако же и государь наш... брався и Божиею милостию одоле врагов, и нас всех свободи... от Змаилтескаго нашествия от Казанскихъ бесермен» (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 475–476). Знаменательно, что, молясь в Коломне о победе своего войска, царь обращается с просьбой о заступничестве в первую очередь к В. С., а потом к князьям Борису и Глебу, называя их «богосадной отраслью» святого (Там же. Стб. 398).

«Родословное древо русских князей и царей». Миниатюра из Синодика царевны Татианы Михайловны. 60–80-е гг. XVII в. (ГИМ. 80370. Воскр. № 66)

С XVI в. активно разрабатывается тема родства московских правителей из рода Рюриковичей, потом Романовых и князей Киевской Руси. В идеологии Иоанна Грозного святость рус. князей призвана была укрепить авторитет царской власти. В *Книге Степенной царского родословия* жития кнг. Ольги, В. С., князей Бориса и Глеба открывают 1-ю степень генеалогии рус. правителей; перечисление имен этих святых как прародителей московских царей встречается во мн. офиц. документах XVI в. Родство царя Иоанна Грозного с В. С. стало одним из аргументов принятия им царского титула: «Государь наш зовется царем потому: прародитель его, великий князь Владимир Святославич, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и Патриарх венчали ево на царство Русское, и он писался царем, а как преставился, инои образ ево на иконах пишут царем» (СбРИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 436–437). Свое зримое воплощение эта тема получила в росписях домовых храмов и палат Кремлевского дворца, в изображениях родословного древа рус. государей — композициях, получивших наибольшее распространение со 2-й пол. XVII в., после присоединения Украины к России (1654).

В XVI в. крестильное имя Владимир распространяется в боярской и дворянской среде. В. С. был небесным покровителем старицкого кн. Владимира Андреевича, двоюродного брата царя Иоанна Грозного. В. С. изображен в пророческом ряду на кайме плащаницы 1561 г. из Успенского собора Московского Кремля, вышитой в мастерской кнг. *Евдокии (Евфросинии)* Старицкой (впосл. эта плащаница стала образцом для мн. памятников рус. шитья, см.: *Маясова*. С. 52. Прим. 32). Над могилой Владимира Ивановича Воротынского, участника взятия Казани, погребенного в *Кирилловом Белозерском в честь Успения Пресв. Богородицы муж. мон-ре,* в 1554 г. на средства его вдовы была построена ц. во имя В. С., ставшая впосл. фамильной усыпальницей Воротынских.

Собор во имя равноап. кн. Владимира в Херсонесе. 1861–1891 гг. Архит. Д. И. Гримм. Фотография. 2004 г.

В XVI — нач. XVIII в. храмов и престолов во имя В. С. было освящено не много: в 1536 г. «на полатех» новгородской ц. во имя св. князей Бориса и Глеба в Плотниках, построенной в 1377 г., существовал придел во имя В. С., возможно освященный раньше (*Макарий (Миролюбов)*. Ч. 1. С. 342); в 1644 г. во имя Крестителя Руси был освящен престол ярославского Успенского собора, построенного вместо сгоревшего в 1504 г. (храм снесен в 1937); в 1704 г. В. С. был посвящен верхний храм московской ц. во имя князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в Зюзине (в 1989 в храме возобновлены богослужения).

В эпоху Российской империи почитание В. С. приобрело подчеркнуто гос. характер. 1 окт. 1789 г. в С.-Петербурге во имя В. С. освящен главный престол нового храма, построенного на месте ц. во имя свт. Николая «на Мокруше». В 1825 г., во время посещения Севастополя имп. Александром I, по докладу главнокомандующего Черноморским флотом А. С. Грейга было принято решение о сооружении в Херсонесе храма в память о Крещении Руси. В 1842 г. по инициативе адм. М. П. Лазарева было решено возвести собор во имя В. С. не в Херсонесе, а на центральном холме Севастополя. Закладка собора (по проекту архит. К. А. Тона) состоялась 15 июля 1854 г. Еще не достроенный, он стал памятником рус. воинской славы, в склепе нижнего храма, освященного в 1881 г. во имя свт. Николая Чудотворца, были похоронены адмиралы Лазарев, В. А. Корнилов, В. И. Истомин, П. С. Нахимов и др. участники обороны Севастополя в ходе Крымской войны (1853–1856). В 1888 г. состоялось освящение верхнего храма собора во имя В. С. (в 1932 собор был закрыт, богослужения в нем возобновились в 1991).

Церкви во имя Епифания, еп. Кипрского (1645), во имя равноап. кн. Владимира (1554), Успенский собор (1497) в Кирилловом Белозерском мон-ре. Фотография. Кон. XX в.

В 1850 г. в соответствии с указом Святейшего Синода о возрождении в Крыму древних святых мест в Херсонесе открылся муж. мон-рь во имя В. С. Во время Крымской войны первые монастырские постройки были уничтожены, обитель возродилась после окончания войны на средства севастопольских купцов Телятниковых. С 1858 г. в день памяти Крестителя Руси от Адмиралтейского собора Севастополя к мон-рю ежегодно совершался крестный ход. В 1859 г. в мон-рь были переданы частицы мощей В. С., ранее хранившиеся в малой церкви Зимнего дворца. 23 авг. 1861 г. имп. Александр II и имп. Мария Александровна заложили камень в основание Владимирского собора в Херсонесском мон-ре. В 1867 г. ктитором храма стал вел. кн. Владимир Александрович, в том же году закончилось строительство нижнего храма во имя В. С., в 1891 г. во имя Крестителя Руси был освящен главный престол верхнего храма. Объем нижней церкви собора, построенного по проекту акад. Д. И. Гримма, включил в себя древнюю базилику в честь Рождества Пресв. Богородицы, в к-рой, по существовавшему тогда преданию, был крещен В. С. Перед иконостасом на месте купели была установлена темно-серая мраморная плита, инкрустированная белым крестом, с памятной надписью о Крещении В. С. Перед плитой на-

Собор во имя равноап. кн. Владимира в Воронеже. Фотография. Нач. XX в. (РГБ)

ходился аналой с частицами мощей равноапостольного князя. 31 янв. 1924 г. Херсонесский мон-рь был упразднен, 2 окт. власти закрыли собор. В 1992 г. во Владимирском соборе Херсонеса возобновлено богослужение, в наст. время восстановлена нижняя церковь собора.

15 июля 1862 г. в связи с празднованием 1000-летия России был заложен *Владимира равноапостольного князя собор в Киеве* (окончательный проект принадлежит архит. А. В. Беретти), завершенный в 1896 г. В 1888 г., когда празднова-

Медаль в память о сооружении Владимирского собора в Киеве. Аверс с изображением равноап. кн. Владимира. 1895 г. Худож. А. Прахов (ГИМ)

лось 900-летие Крещения Руси, соборы во имя В. С. были построены в Воронеже, Иркутске и др. городах. В 1894 г. во имя равноапостольных В. С. и кнг. Ольги был освящен престол Преображенского собора *Угрешского во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ря*. В 1903 г. открылся иркутский муж. мон-рь во имя В. С. В *Перервинском во имя свт. Николая Чудотворца муж. мон-ре* юж. придел собора в честь Иверской иконы Пресв. Богородицы (1904–1908) был посвящен В. С. В наст. время равноап. Просветителю Руси посвящают новооткрывающиеся обители (в с. Коленковцы Черновицкой обл. на Украине (1997), в с. Горешть в Молдавии (2000)) и храмы: на средства приходов в 1991 г. построен крестильный храм при московской ц. во имя свт. Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе, в 1999 г.— Владимирская ц. в Ярославле.

Э. П. Р.

Ист.: *древнерусские:* ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69–131; Т. 2. Стб. 57–118 (и по указ.); Т. 9. С. 35–70; НПЛ. С. 121–169 (и по указ.); ДРКУ. С. 12–84; *Шахматов А. А.* Корсунская легенда (см. в разд. «Лит.»). С. 1074–1077 (46–49 в отд. отт.) [*Житие особого состава*]; *Славнитский М.* Канонизация св. кн. Владимира и службы ему по памятникам XIII–XVII вв. // Странник. 1888. № 6/7. С. 197–237; *Соболевский А. И.* Памятники древнерус. лит-ры, посвящ. Владимиру Святому // ЧИОНЛ. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 15–17, 24–30; *Срезневский В. И.* Память и похвала кн. Владимиру и его Житие по сп. 1494 г. // ЗИАН. Ист.-филол. отд. 1897. Т. 1. № 6; *Никольский Н. К.* Мат-лы для истории древнерус. духовной письменности. СПб., 1907. С. 8–21. (СбОРЯС; Т. 82, № 4) [«Слово о том, како крестися Владимир, возма Корсунь»]; *Серебрянский Н. И.* Древнерус. княжеские жития. М., 1915. С. 14–26; Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им / Пригот. к печ. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 1–7; *Зимин А. А.* «Память и похвала Иакова Мниха» и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // КСИС. 1963. Вып. 37. С. 65–72; *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984; *Князевская О. А.* Отрывок древнерус. рукописи кон. XII — нач. XIII в. // Litterae slavicae Medii aevi: F. V. Mareš sexagenario oblatae. Münch., 1985; *Назаренко А. В.* Нем. латинояз. источники IX–XI вв.: Тексты, пер., коммент М., 1993; *Макарий (Миролюбов), архим.* Археол. описание церк. древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003; *иностранные: [Асох'ик].* Всеобщая история *Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя* XI ст. / Пер. Н. Эмина. М., 1864; *Розен В. Р.* Имп. Василий Болгаробойца: Извлеч. из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883 [араб. ориг. и рус. пер.]; *Regel W.* Analecta Byzantino-Russica. St.-Pb., 1891 (см. также рус. пер.: *Юлубинский.* История РЦ. Т. 1. С. 248–252; *Кримський А., Кезма Т.* Оповідання арабського історика XI в. Абу Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь // Ювілейний зб. на пошану акад. Д. Багалія. К., 1927. С. 383–395; Die Chronik des Bischofs *Thietmar von Merseburg* und ihre Korveier Überarb. / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. (MGH. Scr. rer. Germ. NS; T. 9) [лат. ориг.; рус. коммент. пер.: *Назаренко А. В.* Нем. латинояз. источники IX–XI вв: Тексты, пер., коммент. М., 1993]; *Kawerau P.* Arabische Quellen z. Christianisierung Russlands. Wiesbaden, 1967. (Osteuropastud. d. Hochschulen d. Landes Hessen. R. II: Marburger Abhandl. z. Geschichte u. Kultur Osteuropas; Bd. 7) [араб. ориг. и нем. пер.]; *Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. B.; N. Y., 1973. (CFHB; Vol. 5); List *Brunona* do krola Henryka / Wyd. J. Karwasińka // MPH. N. S. 1973. T. 4/3; *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Вост. Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, пер., коммент. М., 1993. С. 117–219 [Сага об Олаве Трюгвасоне]; *Сотникова М. П.* Древнейшие рус. монеты X–XI вв.: Кат. и исслед. М., 1995. С. 19–96. № 1–176; Точный рассказ о том, как был крещен народ россов / Пер. Л. И. Щеголевой // Древнерус. лит-ра: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 237–242).

Лит.: *Соловьев.* История. Т. 1; *Малышевский И. И.* Когда и где впервые установлено празднование памяти св. Владимира 15 июля? // ТКДА. 1882. № 1. С. 45–69; Владимирский сб.: В память 900-летия Крещения Руси. К., 1888; *Голубинский.* История канонизации. С. 63–63; *он же.* История РЦ. Т. 1/1–2; *Завитневич В. З.* Владимир Святой как полит. деятель. К., 1888; *Соболевский А. И.* В каком году крестился св. Владимир? // ЖМНП. 1888. Июнь. Ч. 2. С. 396–403; *Матченко И. П.* Св. равноап. кн. Владимир — просветитель Руси: 900-летие Крещения Руси // Странник. 1888–1889 (отд. изд.: СПб., 1889); *Левитский Н.* Важнейшие источники для определения времен Крещения Владимира и Руси и их данные: (По поводу мнения проф. Соболевского) // ХЧ. 1890. Т. 1. № 3/4. С. 370–421; № 5/6. С. 687–740; Т. 2. № 7/8. С. 147–174; № 9/10. С. 318–368; *Никольский Н. К.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире // ХЧ. 1902. Июль. С. 89–106; *Шахматов А. А.* Один из источников летописного сказания о Крещении Владимира // Сб. ст. по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову. Х., 1905. С. 63–74; *он же.* Корсунская легенда о Крещении Владимира // Сб. ст., посвящ. проф. В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1906. Т. 2. С. 1029–1153 (отд. отт.: СПб., 1906); *он же.* Разыскания о древнейших рус. летописных сводах. СПб., 1908 (особенно С. 13–28, 133–161); *он же.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 122–149; *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. Прил. 4: К вопросу о месте Крещения кн. Владимира. М., 1908. С. 125–137. (Памятники христ. Херсонеса; Вып. 3); *Бертье-Делагард А. Л.* Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 1–67; *Приселков М. Д.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913, 2003[p]. С. 20–38; *Грушевський М. С.* Історія України-Русі. К., 1913[3]. К., 1991[p]. С. 478–538; *Серебрянский Н. И.* Древнерус. княжеские жития. М., 1915. С. 43–81 (2-я паг.); *Шмурло Е.* Когда и где крестился Владимир Св.? Прага, 1928; *Baumgarten N.* Le dernier mariage de St. Vladimir // OrChr. 1930. Vol. 18, № 2. P. 165–168; *Рыдзевская Е. А.* Легенда о кн. Владимире в саге об Олаве Трюгвасоне // ТОДРЛ. 1935. Т. 2. С. 5–20; Владимирский сб.: В память 950-летия Крещения Руси: 988–1938. Белград, [1938]; *Жданов Р. В.* Крещение Руси и Начальная летопись // ИЗ. 1939. Т. 5. С. 3–30; *Каргер М. К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // КСИИМК. 1940. Кн. 7. С. 76–80; *Пархоменко В. А.* Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // УЗ ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. № 8. С. 202–213; *Соловьев А. В.* О печати и титуле Владимира Св. // BSl.

1947/1948. T. 9. P. 31–45; *Hellmann M.* Vladimir der Heilige in der zeitgenössischen abendländischen Überlieferung // JGO. 1959. Bd. 7. S. 397–112; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Др. Руси. М., 1968 (по указ.); *Львов А. С.* Исследование «Речи философа» // Памятники древнерус. письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 333–396; *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–988 // DOP. 1976. Vol. 30. P. 197–244 (перепеч.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. N II); *idem.* Vladimir, prince chretien // Le origini e lo sviluppo della cristianità slavo-bizantina / Ed. S. W. Swierkosz-Lenart. R., 1992. P. 43–58. (Nuovi studi storici; T. 17); *Poppe D., Poppe A.* Dziewosłęby o porfirogenetkę Annę // Cultus et cognitio: In honorem A. Gieysztor. Warsz., 1976. S. 451–468; *Schreiner P.* Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzant. Quellen // Bbl. 1978. T. 5. S. 297–303; *Рапов О. М.* О дате принятия христианства кн. Владимиром и киевлянами // ВИ. 1984. № 6. С. 34–47; *он же.* Еще раз о датировке взятия Корсуня кн. Владимиром // ВВ. 1988. Т. 49 (74). С. 190–194; *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсона кн. Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47(72). С. 39–46 (см. также: ВВ. 1988. Т. 49. С. 195–201); *Müller L.* Die Taufe Russlands. Münch., 1987. S. 92–116; *он же.* Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира Святославича // *Мюллер Л.* Понять Россию: Ист.-культурные исслед. М., 2000. С. 60–70; *Vodoff V.* Naissance de la Chretienté russe. P., 1988 (по указ.); Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millenium der Taufe der Kiever Rus' / Hrsg. K. Ch. Felmy, G. Kretschmar, F. von Lilienfeld, C.-J. Roepke. Gött., 1988; *Obolensky D.* Cherson and the Conversion of Rus': An Anti-revisionist View // BMGS. 1989. Vol. 13. P. 244–256; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989 (по указ.); Proc. of the Intern. Congress Commemorating the Millenium of Christianity in Rus'-Ukraine / Ed. O. Pritsak, I. Ševčenko, M. Labunka. Camb. (Mass.), 1990. (HUS; Vol. 12/13); *Shepard J.* Some Remarks on the Sources of the Conversion of Rus' // Le origini e lo sviluppo... P. 59–96; *Беляев С. А.* Поход кн. Владимира на Корсунь: (Его последствия для Херсонеса) // ВВ. 1991. Т. 51(76). С. 153–164; *он же.* О названии церкви, в к-рой был крещен кн. Владимир // ДРВМ. 2001. № 2 (4). С. 50–68; *Seibt W.* Der hist. Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (989) // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow / Ed. A.-E. Tachiaos. Thessal., 1992; *Арранц М.* О Крещении кн. Владимира // Тысячелетие введения христианства на Руси, 988–1988. [М.], 1993. С. 61–76; *Архипов А. К.* К изучению сюжета о выборе веры («Повесть временных лет» и «еврейско-хазарская переписка») // Jews and Slavs. Jerusalem; St.-Pb., 1993. Vol. 1. P. 20–43; *Васильев М. А.* Вел. кн. Владимир Святославич: от языческой реформы к Крещению Руси // Славяноведение. 1994. № 2. С. 38–55; *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие гос-ва на территории России, 1991 г. М., 1994. С. 99–131; *он же.* Др. Русь на междунар. путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, полит. связей IX–XII вв. М., 2001. С. 339–450; *Пономарёв А. Л., Сериков Н. И.* 989 (6496) год — год Крещения Руси: (Филол. анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 4, 60–182; *Милов Л. В.* Легенда или реальность? (О неизв. реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. М., 1996. № 1. С. 201–218; *Подскальски Г.* Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996 (по указ.); *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 1997. (ЖЗЛ); *Поппе А. В.* Владимир Святой: У истоков церк. прославления // Византинороссика. 2000. Т. 2. С. 9–55; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // ВЯ. 2000. № 2; *Korpela J.* Prince, Saint and Apostle: Prince Vladimir Svjatoslavič of Kiev, his Posthumous Life, and the Religious Legitimization of the Russian Great Power. Wiesbaden, 2001; *Успенский Б.* Когда был канонизирован кн. Владимир Святославич? // Palaeoslavica. 2002. Т. 10. № 2. P. 271–281; *Жиленко І. В.* Описи знайдення мощей св. рівноапостольного кн. Володимира свт. Петром Могилою // Могилянські читання, 2002 р.: Зб. наук. праць. К., 2003. С. 196–204; *[Клосс] Б. М.* Житие кн. Владимира // Письменные памятники истории Др. Руси. СПб., 2003. С. 199–201; *Щапов Я. Н.* «Память и похвала» кн. Владимиру Святославичу Иакова мниха и Похвала кнг. Ольге // Письменные памятники истории Др. Руси. СПб., 2003. С. 181–185; *Маясова Н. А.* Вновь обретенный шедевр // ГММК. Мат-лы и исслед. М., 1995. Т. 10: Древнерус. худож. шитье. С. 39–52; *Силкин А. В.* Неизвестный памятник Строгановского лицевого шитья из г. Хлынова // Там же. С. 131, 133.

В. С. в богослужебных текстах упоминается уже в каноне князьям-страстотерпцам Борису и Глебу в Минее служебной 1-й пол. XII в. (РГАДА. Ф. 381. № 122). Древнейший список служебной Минеи, содержащей стихиры и канон В. С., датируется сер. XIV в. (РНБ. Соф. № 382. Л. 67–71 об.). В тексте канона есть упоминания, свидетельствующие о том, что он был создан, когда существовала церковь, освященная во имя равноап. кн. Владимира: «Придете вси, снидетется к честьней церкви Володимера святого, нареченаго Василия, преблаженаго великаго князя угодника Христова преславнаго» (Соф. № 382. Л. 69; тот же текст есть и в др. списках XIV–XV вв.: Соф. № 209. Л. 131; Соф. № 386. Л. 77 об.). Встречается в каноне и эпизод ниспровержения идолов Перуна и проч. языческих богов на месте строительства церкви: «Божественною волею твоею безбожнаго Перуна и кущю бесовьскую скрушивъ, и къ опаши коньстии привязавъ, повеле бити воиномъ идолы (РНБ. Соф. № 382. Л. 68 об.). В стихире «О преславное чюдо» из того же списка говорится о связи имен свт. Василия Великого и В. С., сравниваемых, как в «Слове» митр. Илариона, с ап. Павлом: «От лица днесь Василия веселяхутьс, въ честнеи его церкви, и царствует Христос Бог, обретевъ его яко Паула преже, и поставивъ князя вернаго на земли своеи» (РНБ. Соф. № 382. Л. 67).

М. Славнитский выявил 3 редакции службы В. С. (XIII, XV и XVI вв.) и сделал вывод, что в печатные минеи XVII–XIX вв. не вошли многие из древнейших текстов. В ряде нотированных рукописей XVI–XVII вв. (напр., РНБ. Кир.-Бел. № 586/843) содержится служба, неск. песнопений к-рой повествуют об отношениях В. С. с Хазарией.

Самый ранний нотированный источник, содержащий стихиры В. С., был выявлен прот. Василием *Металловым* и датируется кон. XIV в. (РГБ. Ф. 113. № 3. Л. 183–183 об.). Со временем служба В. С. была обогащена новыми вариантами и редакциями распевов: так, в полном Стихираре сер. XVII в. (РГБ. Ф. 379. № 66. Л. 331 об.–339 об.) 11 стихир В. С. имеют надписание «ино знамя». Существует также путевая редакция песнопений В. С. (напр., РНБ. Кир.-Бел. № 623/889).

Тексты песнопений В. С. опубликованы в трудах митр. *Макария (Булгакова)* (История Русской Церкви: В 2 т. СПб., 1857. Т. 1. С. 250–254), И. К. *Куприянова* (Обозрение пергаменных рукописей новгородской Софийской б-ки. СПб., 1857. С. 69), Е. Е. *Голубинского* (История РЦ. М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 443–444), Славнитского. Муз. текст 2 стихир В. С. издавался прот. В. Металловым, Р. *Паликаровой-Вердей*, Н. С. *Серёгиной*.

Лит.: *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с прил. двух неизд. служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. № 5/6. С. 197–238; *Соболевский А. И.* Памятники древнерус. лит-ры, посвящ. Владимиру Святому // ЧИОНЛ. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 7–12, 17–30, 45–58; *он же.* «Память и похвала» св. Владимиру и «Сказание» о св. Борисе и Глебе // ХЧ. 1890. Ч. 1. С. 791–795; *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сб. 1414 г. в копии нач. XIX в.. СПб., 1893. С. 18; *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиогр. писания. СПб., 1908. С. 198–217; *Металлов В. М.* Русская семиография. СПб., 1912. Табл. 62; *Бугославский С. А.* К лит. истории «Памяти и похвалы кн. Владимиру» // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 105–159; *Федотов Г. П.* Канонизация св. Владимира // Владимирский сб. Белград, 1939. С. 188–196; *Palikarova-Verdeil R.* La musique byzantine chez les bulgares et les russes. Copenhague, 1953. P. 169–170; *Розов Н. Н.* Рукописная традиция «Слова о законе и благодати» // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 42–53; *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 10–21; *Высоцкий С. А.*

Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии // ДРИ. М., 1988. [Вып.:] Художественная культура X — 1-й пол. XIII в. С. 120–134; *Серегина Н. С.* Песнопения рус. святым: (По мат-лам рукописной певч. книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный»). СПб., 1994. С. 66–73, 244–249, 300–309.

Н. С. Серёгина

Прижизненные изображения В. С. Древнейшие изображения сохранились на монетах В. С.— т. н. златниках и сребрениках, чеканенных после Крещения Руси, на рубеже X–XI вв., к-рые в иконографическом отношении являются переработанным повторением визант. солидов и милиарисиев X в., а также имп. печатей того же времени. На лицевой стороне златников и сребреников помещено изображение В. С. по образцу поясных имп. портретов на визант. монетах и печатях, но дополненное схематичным изображением ног и превратившееся в портрет государя, восседающего на

Сребреник кн. Владимира I типа. Кон. X — нач. XI в. Аверс, реверс

престоле (в визант. монетной иконографии того периода подобный тип уже не использовался). Для всех монетных изображений князя характерны общие физиогномические признаки и атрибуты: В. С. с усами и выбритым подбородком, в плаще, с крестом в правой руке и в имп. венце с подвесками-пендулиями (по мнению М. П. Сотниковой, на нек-рых штемпелях вырезано изображение рус. высокой шапки). На оборотной стороне монет I типа располагается поясное изображение Христа Вседержителя с закрытым Евангелием. К числу особенностей I типа, не имеющих аналогов в визант. монетах, относятся размещенный над левым плечом В. С. княжеский знак-трезубец (на монетах II–IV типов встречается на обороте) и надпись: «Владимир на столе» или «Владимир, а се его злато/сребро» (первую считают наиболее ранней), на сребрениках др. типов оба варианта легенды объединены. Известен экземпляр сребреника IV типа с уникальной надписью, указывающей языческое и христ.

Сребреник кн. Владимира IV типа. Кон. X — нач. XI в. Аверс, реверс

имена князя: «Владимире серебро святаго Василя». На монетах II и IV типов В. С. представлен с нимбом.

Не исключено, что раннее посмертное изображение В. С. входило в состав ктиторской композиции, располагавшейся в зап. части собора Св. Софии в Киеве (40-е гг. XI в.). С. А. Высоцкий считал, что в центре ктиторской фрески по сторонам Христа на престоле были представлены В. С. и кнг. Ольга, за к-рыми следовали кн. Ярослав с храмом в руках, кнг. Ирина и их дети.

Миниатюры лицевых летописей. Подробный цикл миниатюр (ок. 60), иллюстрирующий рассказ о правлении В. С., содержится в Радзивиловской летописи кон. XV в. (БАН. 34.5.30), иллюстрации к-рой, как считается, восходят к лицевому протографу раннего XIII в. или к неск. лицевым рукописям домонг. времени. По мнению Д. В. Айналова, миниатюристы Радзивиловской летописи также пользовались древними лицевыми житиями князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, кнг. Ольги и В. С. Основной цикл миниатюр, посвященных княжению В. С., занимает листы 37–74, открывается изображением вокняжения В. С. в Новгороде (970) и заканчивается сценой его погребения в Десятинной ц. (1015). На листах 163–163 об. находятся миниатюры, к-рые соответствуют летописному известию под 1128 г. (женитьба В. С. на Рогнеде, ее покушение на В. С., заступничество за мать Изяслава и основание Изяславля). В. С., как правило, представлен средовеком, с небольшой бородой, в княжеской шапке, рубахе и плаще. В сцене Крещения он показан с нимбом, к-рый иногда встречается и в др. миниатюрах, соответствующих христ. периоду жизни князя (строительство Десятинной ц., поход на печенегов). Изображения вручения меча Борису и тайного выноса тела В. С. из терема в Берестове по приказу кн. Святополка находят аналогии в начальных сценах житийных циклов Бориса и Глеба в лицевых рукописях и иконах XIV–XVII вв.

Кроме Радзивиловской летописи изображение В. С. существовало в Голицынском томе Лицевого летописного свода 70–80-х гг. XVI в. (РНБ. F. IV. 225). На утраченном л. 55 (см.: *Арциховский*. С. 118; воспроизведен: в ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. М., 2000^{р}. Цв. вкл.), под 1128 г. князь (с короткой бородой и в закрытом венце) был представлен пирующим с женами, взятыми им после рождения Изяслава.

Иконография В. С. в XIV–XVII вв. Достоверные изображения В. С. домонг. периода неизвестны в отличие от большого количества сохранившихся изображений князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, с образами к-рых уже на ранних этапах развития иконография В. С. была тесно связана (см. ст.: *Борис и Глеб*). Предположения нек-рых ученых о том, что В. С. был изображен на фресках таких домонг. храмов, как собор Успения Пресв. Богородицы во Владимире или ц. Преображения Господня на Нередице (*Петров*. 1888(2); *Sycev*. 1932), из-за плохой сохранности или разрушения памятников не могут считаться доказанными.

Вероятно, сложение иконографии В. С. связано с Вел. Новгородом и приходится на рубеж XIII–XIV вв. По предположению Т. Ю. Царевской, изображение В. С. как старца в синем кафтане и красном плаще сохранилось

Рогнеда, супруга кн. Владимира, покушается на жизнь мужа. Миниатюра из Радзивиловской летописи. Кон. XV в. (БАН. 34.5.30. Л. 163)

в росписи диаконника ц. свт. Николы на Липне близ Вел. Новгорода

(между 1292–1299) (см.: *Царевская Т. Ю.* Новые данные о составе росписей церкви Николы на Липне // ДРИ. СПб., 1997. [Вып.:] Русь: Византия: Балканы: XIII век. С. 421

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб, мученики Кирик и Иулитта. Икона из Никольской часовни новгородского Детинца. XVI в. (?) Фотография 1-й четв. XX в.

(схема), 426, 429–430). В 1311 г. архиеп. Давид возвел на воротах новгородского Детинца первую на Руси церковь во имя равноап. кн. Владимира, для к-рой должны были написать храмовый образ. Возможно, с древнейшими изображениями В. С. могла быть связана утраченная в XX в. икона, к-рая происходила из той же церкви и хранилась в Никольской часовне новгородского Детинца (*Макарий (Миролюбов), архим.* Археологическое описание церк. древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 104; *Гусев.* 1921. Табл. VI). На этой иконе (XVI в.?) в отличие от известных ранних иконных изображений В. С. был представлен по пояс, с крестом и свитком с надписью, воспроизводившей текст молитвы В. С. после Крещения киевлян. Рядом с фигурой В. С. размещались изображения мучеников Кирика и Иулитты, чья память также празднуется 15 июля, а по сторонам лика князя находились полуфигуры его сыновей Бориса и Глеба в круглых медальонах. Отдельные поясные изображения В. С. были редки в средневек. искусстве (одно из немногих исключений — поясное изображение В. С. на иконе XVII (?) в. в иконостасе юж. придела ц. свт. Николая на Рогожском кладбище в Москве; икона В. С. со Спасителем на верхнем поле упом. также в Описи Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г.: Опись строений... 1998. С. 60).

В кон. XIV — 1-й пол. XV в. изображения В. С. получили широкое распространение, прежде всего в Вел. Новгороде (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью, посл. треть XIV в.) и Москве (воздух кнг. Марии Тверской, 1389, ГИМ). К этому времени сформировались основные варианты иконографии В. С. и наиболее устойчивые признаки, зафиксированные позднейшими иконописными подлинниками: седины, тип прически и кудрявой раздвоенной бороды, отличный и от прижизненных изображений на монетах, и от миниатюр Радзивиловской летописи: «Образом и брадою аки Иоанн Богослов, а власы на главе кудреваты, аки Минины» (*Большаков.* Подлинник иконописный. С. 116; см. также: Иконописный подлинник новгородской редакции кон. XVI в. М., 1873. С. 120). В ряде произведений XVI и особенно XVII вв. В. С. изображается с более широкой, лишь слегка раздвоенной бородой. Постоянными атрибутами В. С. в соответствии с его почитанием как идеального правителя и просветителя Руси являются меч в левой руке и крест в правой.

В нек-рых ранних памятниках В. С. представлен в традиц. для древнейших княжеских изображений плаще-корзне (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью), на воздухе 1389 г. он показан в накинутой на плечи шубе. Отличительными чертами московской и новгородской иконографии В. С. являются типы его головного убора: для ранних новгородских произведений (фреска ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью, миниатюры Сильвестровского сборника 2-й пол. XIV в. (РГАДА. Тип. Ф. 381, № 53) и Сборника 1414 г. из собрания А. И. Мусина-Пушкина, более поздний пример — псковская икона «Успение Богоматери, Владимир, Борис и Глеб» (1-я пол. XVI в., ПИАМ)) типична княжеская шапка, тогда как для московских памятников более характерен открытый, чаще всего городчатый царский венец, зрительно уподобляющий равноап. Крестителя Руси визант. имп. св. равноап. Константину Великому (клеймо иконы «Борис и Глеб с житием» из Коломны, кон. XIV в., ГТГ; воздух 1389 г.; пелена «Богоматерь Одигитрия Смоленская с избранными святыми», 2-я пол. XV в., ГММК). На основе такого образа В. С. было создано уникальное изображение кн. мч. Михаила Черниговского с городчатым венцом на мощевике 2-й пол. XV в. (ГИМ). Уже в XV в. городчатый венец встречается на новгородских изображениях В. С.— иконе деисусного чина из собрания И. С. Остроухова (1-я пол. XV в., возможно, ок. 1414 г., из ц. равноап. кн. Владимира в новгородском Детинце (?), ныне в ГТГ) и иконе-таблетке из

Равноап. кн. Владимир. Икона из деисусного чина. 1-я пол. XV в. (ГТГ)

новгородского Софийского собора (кон. XV в., ГТГ, музей-квартира П. Д. Корина). Редкой чертой иконы из собрания И. С. Остроухова являются одежды В. С.: не рус. плащ или шуба, а хламида античного патриция с таблионом, характерная для деисусных изображений мучеников. Столь же редкий вариант иконографии представлен на фреске собора в честь Рождества Богородицы в Ферапонтовом мон-ре (1502): князь показан в лоратном дивитисии, что сближает его облик с иконографией имп. Константина (эта особенность отражает идею преемственности Московского государства и Русской церкви по отношению ко Второму Риму — К-полю). В XVI–XVII вв. В. С. всегда изображается в шубе, к-рая украшается богатым орнаментом, и в городчатом венце, хотя в

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Икона. 1675 г. (ГМЗК)

ряде памятников XVII в. вновь встречаются изображения княжеской шапки (икона «Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба». Кон. XVII — нач. XVIII в., ГВСМЗ). Кроме того, известны изображения В. С. в царском венце с округлым закрытым верхом: на иконе «Владимир, Борис и Глеб» (1675, ГМЗК). Со 2-й пол. XVII в., возможно под воздействием укр. книжной гравюры, В. С. часто изображали со скипетром и державой (фреска ц. Рождества Христова в Ярославле, 1683).

В росписи новгородской ц. вмч. Феодора Стратилата на Ручью В. С. впервые изображен между своими сыновьями. Подобные композиции отражали почитание В. С. как просветителя и защитника Русской земли, от к-рого произошли 2 «святые отрасли», Борис и Глеб (*Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Др. Руси. М., 2000. С. 43–44), как родоначальника правящей княжеской династии, что указывало на родство рус. князей с Крестителем Русской земли и с его сыновьями-страстотерпцами, традиционно воспринимавшимися покровителями своих сродников-государей. Тема плотского родства и духовного единения св. князей нашла еще более полное отражение в особой разновидности этого извода, к к-рой принадлежала миниатюра новгородского Сборника 1414 г. с минейными статьями на 15 июля (находился в собрании гр. Мусина-Пушкина, погиб в московском пожаре 1812 г.; миниатюра известна по акварельной копии). В. С. был представлен возлагающим руки на плечи склонившихся к нему Бориса и Глеба, отличительная черта этого произведения — отсутствие мечей не только у Бориса и Глеба, но и у В. С. Совместные изображения В. С., Бориса и Глеба в XV–XVI вв. послужили моделью для формирования иконографии др. рус. князей: Феодора, Давида и Константина Ярославских, Константина, Михаила и Феодора Муромских (*Смирнова.* 1994. С. 433; *Сухова О. А.* Житийная икона св. благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских: Александр Казанцев, 1714 г. [в печ.]). В большинстве таких композиций в центре стоит князь-отец, по сторонам — юные сыновья, варианты этой схемы известны на иконах XVI в. (ГРМ), где вместо В. С. представлен его небесный покровитель святой свт. Василий Великий, и рубежа XVII–XVIII вв. (ПИАМ) с изображениями Бориса, Глеба и псковского кн. Всеволода (Гавриила), продолжателя дела бабки В. С., кнг. Ольги, легендарной основательницы псковского Троицкого собора, возобновленного Всеволодом.

Иконы с изображением В. С., Бориса и Глеба получили широкое распространение в XVI–XVII вв., часто в сочетании с житийным циклом Бориса и Глеба на полях. Произведения такого типа могли предназначаться как для храмов, освященных во имя святых Бориса и Глеба (икона 1545 г. из новгородской ц. святых Бориса и Глеба в Плотниках, ПИАМ; 2-сторонняя икона «Богоматерь Владимирская; Владимир, Борис и Глеб» XVI в. из ц. святых Бориса и Глеба в Ростове, ГМЗРК), так и для немногочисленных храмов и приделов во имя равноап. кн. Владимира: согласно Описи Кириллo-Белозерского мон-ря 1601 г., храмовой иконой ц. равноап. кн. Владимира служило изображение В. С., Бориса и Глеба (Опись строений... С. 99). В нек-рых памятниках XVI–XVII вв. традиц. композиция с фронтальными фигурами князей неск. видоизменяется: на житийной иконе (ГВСМЗ) Борис и Глеб представлены в повороте к отцу, они ниже его ростом (вероятно, этот вариант иконографии восходил к произведениям, подобным миниатюре из Сборника 1414 г., или появился под воздействием аналогичных изображений ярославских князей, известных уже во 2-й пол. XVI в.).

С кон. XIV в. изображение В. С. включали в состав сложных иконографических программ, насыщенных историческими и символическими ассоциациями. На воздухе 1389 г. образ В. С. (соименный святой кн. Владимира Андреевича Серпуховского) был представлен с др., возможно, патрональными изображениями (вмч. Димитрий Солунский, Алексий, человек Божий), с фигурами Бориса и Глеба, а также с изображениями Московских митрополитов. В росписи собора в честь Рождества Богородицы в Ферапонтовом мон-ре изображение В. С. в медальоне на юж. подпружной арке сопоставлено не только с фигурами его сыновей, но и с образом св. Евстафия Плакиды, к-рый, как позднее В. С., обратился к Христу и чьи дети, подобно Борису и Глебу, претерпели мученическую смерть (это сравнение известно также из «Чтения о святых мучениках Борисе и

Равноап. кн. Владимир. Роспись собора Рождества Богородицы Ферапонтова мон-ря. Мастер Дионисий. 1502–1503 гг.

Глебе»), с изображениями Иосифа и Вениамина, любимых сыновей прав. Иакова, к-рым уподоблены Борис и Глеб в «Сказании о Борисе и Глебе», а также с изображениями святых Михаила и Феодора Черниговских, продолжающими тему княжеской святости (*Смирнова Э. С.* Роспись подпружных арок собора Ферапонтова мон-ря: Состав фигур и замысел // К 500-летию создания фресок Дионисия в Ферапонтовом мон-ре: Рус. и поствизант. искусство рубежа XV–XVI вв. Ферапонтово; Кириллов, 20–24 авг. 2002 г. М., 2002. С. 60–61).

В сер. XVI — XVII в. на столпах храмов стали размещать не только фигуры мучеников, но и рус. князей, изображения В. С., как правило рядом с сыновьями, стали традиционны для программ храмовых росписей (напр., в соборе Спасского мон-ря в Ярославле, 1563; в ц. Св. Троицы в Вязёмах, ок. 1600; в Рождествен-

Равноап. кн. Владимир (в 1-м ряду 2-й справа). Фрагмент иконы «О Тебе радуется» из Успенского собора Дмитрова. 1-я треть XVI в. Мастерская Дионисия (ГТГ)

ском соборе в Суздале, 1636 (под записью 1856), где присутствует и изображение кнг. Ольги; в Успенском соборе Княгинина мон-ря во Владимире (1647–1648); в Спасском соборе Спасо-Евфимиева мон-ря в Суздале (1689), где В. С. представлен в паре с Всеволодом (Гавриилом)). В нек-рых фресковых ансамблях образы В. С. связаны с посвящением храма (роспись св. ворот Кирилло-Белозерского мон-ря (1585) с сюжетами, соответствующими посвящениям монастырских престолов; несохранившееся изображение В. С. на паперти собора того же мон-ря у входа в ц. равноап. кн. Владимира (Опись строений... С. 73, 218). Этот принцип получил развитие в росписи аркасолия с гробницами преподобных Феодора и Павла (30-е гг. XVI в.?) в соборе Борисоглебского мон-ря на Устье: в люнете помещена композиция с Борисом, Глебом и припадающими преподобными Феодором и Павлом, на склонах арки представлены В. С. и свт. Леонтий Ростовский как просветители Руси и Ростовской земли.

Равноап. кн. Владимир (в 1-м ряду в центре). Фрагмент иконы «Походная церковь». 70-е гг. XVI в. (ТОКГ)

С 1-й пол. XVI в. изображения В. С. с сыновьями часто входили в состав сложных композиций с фигурами святых, объединенных по чинам святости: В. С.— в лике мучеников, рядом в лике апостолов — имп. Константин (иконы «О Тебе радуется» из Успенского собора в Дмитрове, 1-я треть XVI в., ныне ГТГ; «Покров» из собрания Н. П. Лихачёва, 30–40-е гг. XVI в., ныне ГРМ). Уже во 2-й четв.— сер. XVI в., когда на подобных иконах выделяли группы рус. святых, В. С. все чаще изображался в лике святых царей и князей, как на иконе «О Тебе радуется» (2-я четв. XVI в., ГРМ), где В. С. помещен во главе группы; на одноименной иконе из новгородской ц. святых Петра и Павла в Кожевниках (ок. 1558, НГОМЗ) В. С. изображен позади имп. Константина; на иконе «Походная церковь» (70-е гг. XVI в., ТОКГ) В. С. показан рядом с кнг. Ольгой и псковскими князьями. Эта тенденция получила особое распространение в искусстве рубежа XVI–XVII вв., прежде всего в произведениях, связанных с родом Строгановых, где святые цари и князья образуют самостоятельную группу и одно из важнейших мест заняли образы В. С., Бориса и Глеба (иконы «О Тебе радуется» из собрания И. С. Остроухова, рубеж XVI–XVII вв., ГТГ; «Неделя всех святых» из с. Усть-Кишерть, до 1616, ПГХГ; изображения на створках многочисленных складней с «Богоматерью Владимирской» в среднике и ликами святых на створках — ГТГ, ГРМ, ПГХГ). С XVI в. изображение В. С. постоянно присутствует на минейных иконах под 15 июля (икона, кон. XVI в., ВГИАХМЗ).

В соответствии с идеями эпохи царя Иоанна IV, прежде всего актуализацией темы святости государей и их родословия, изображения В. С. и его ближайших св. сродников стали обязательными в убранстве домовых храмов и палат Кремлевского дворца в Москве сер. XVI в., подчеркивая генеалогическую связь московских правителей со св. князьями киевского периода и избранность правящего рода Рюриковичей. В галерее изображений рус. князей на столпах Благовещенского собора Московского Кремля (1547–1551) В. С. представлен вместе с кнг. Ольгой, их изображения сопоставлены с др. царственными поборниками Православия: имп. Константином и имп. Еленой, восстановителями иконопочитания имп. Михаилом и имп. Феодорой, а также с киевски-

Равноап. кн. Владимир. Роспись Архангельского собора Московского Кремля. 1652–1666 гг.

ми, владимирскими и московскими князьями-потомками В. С. (*Самойлова*. 2003. С. 32). В росписи 1652–1666 гг. Архангельского собора Московского Кремля, повторявшей программу 1564–1565 гг., напротив В. С. (отличительная черта этого образа — воздетые руки, символизирующие молитву князя о новообращенных людях и о всей Русской земле) — кнг. Ольга, по соседству находятся изображения Бориса и Глеба. Образы В. С., Ольги, Бориса и Глеба, открывающих историю рус. кня-

жеской святости, присутствуют и в росписи лоджии Архангельского собора (*Самойлова*. 2002), соседствуя с серией композиций, посвященных Крещению Руси. Сходный цикл, дополненный сценами получения царских регалий кн. Владимиром Мономахом, фигурой В. С. у царского места, присутствовал в несохранившейся росписи Золотой палаты Кремлевского дворца (50-е гг. XVI в.), известной по описанию 1672 г. (см.: *Забелин*. 2000. Т. 1. С. 175, 177). Традиция включения сцен из жизни В. С. в декор парадных дворцовых залов была продолжена при царе Феодоре Иоанновиче в росписи Грановитой палаты, где В. С. изображен раздающим города своим сыновьям (Там же. С. 183; композиция повторена в сохранившейся росписи 80-х гг. XIX в., выполненной палешанами Белоусовыми). Изображения В. С. неоднократно встречаются в произведениях, являвшихся личными вкладами царя Иоанна IV: полуфигура на кайме шитой катапетасмы для мон-ря Хиландар на Афоне, 1555 г. (в паре с имп. Константином); поясные изображения В. С., Бориса и Глеба на нижнем поле оклада Евангелия 1568 г. из Благовещенского собора Московского Кремля (ГММК), где также представлены почитавшиеся в царской семье прп. Никита Переяславский и вмц. Анастасия. В качестве небесного покровителя кн. Владимира Андреевича Старицкого В. С. изображен на кайме плащаницы 1561 г. из Успенского собора Московского Кремля, вышитой в мастерской кн. Евфросинии (Евдокии) Старицкой (с 1812 находится в Успенском соборе Смоленска), без сыновей, в паре с прп. Евфросинией, покровительницей матери старицкого князя; на иконе, упомянутой в описи старицкого Успенского мон-ря (Описные книги старицкого Успенского монастыря 7111–1605 г. Старица, 1912. С. 16),— рядом с мч. Андреем Стратилатом, тезоименным кн. Андрею Старицкому.

Еще одна важная для сер. XVI в. особенность — связь образа В. С. с темой Христова воинства, к-рая нашла яркое отражение в иконе *«Благословенно воинство Небесного Царя»* из Успенского собора Московского Кремля (сер. XVI в., ГТГ), где В. С., Борис и Глеб во главе отряда земных воинов и в сопровождении отрядов мучеников следуют за арх.

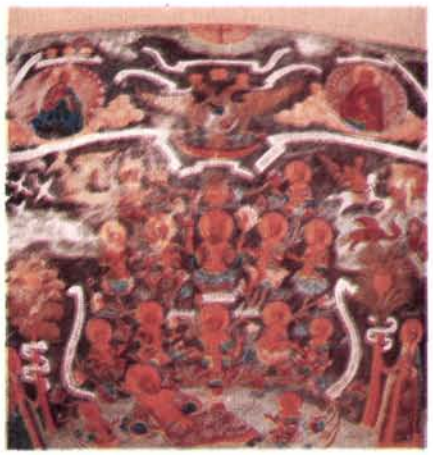

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб. Фрагмент иконы «Благословенно воинство Небесного Царя» из Успенского собора Московского Кремля. Сер. XVI в. (ГТГ)

Михаилом, Иисусом Навином и имп. Константином к Небесному Иерусалиму. Восприятие В. С. как воина Христова проявилось в иконе-двуряднице из ц. в честь Входа Господня в Иерусалим в Каргополе (кон. XVI в., ВГИАХМЗ), где В. С. представлен рядом со святыми имп. Константином, Иаковом Персянином, Флором и Лавром, Димитрием, Миной, Никитой, Феодором Тироном и Меркурием.

Новый подъем интереса к образу В. С. со 2-й пол. XVII в. был связан с присоединением Украины, воспринимавшейся как исконное владение рус. государей — преемников В. С. (напр., строгановская пелена 60-х гг. XVII в. с изображением киевских и черниговских князей В. С., Бориса, Глеба, Николы Святоши, Михаила и Феодора Черниговских, СИХМ), с актуализацией визант. духовного наследия, полученного Русью благодаря В. С., и с вниманием к теме «государева родословия» с акцентом на фигуре В. С. как «корня» правосл. Московского царства. Возможно, усиление почитания В. С. было связано с присылкой, вероятно до 1640 г., частицы его мощей в Москву митр. Петром (Могилой), для хранения святыни была создана «крабица серебряная» (*Успенский А. И.* Церковно-археологическое хранилище при московском дворце. М., 1902. С. 57) с вышитым на атласе образом В. С., очевидно восходившим к традиц. надгробным покровам рус. святых.

В XVII в. также распространялись изображения В. С. в составе родословного древа рус. государей: так, в росписи (1689) галереи собора Новоспасского мон-ря в Москве — усыпальницы рода Романовых — представлены В. С. и Ольга, поливающие древо с изображениями государей Рюриковичей (схожая роспись имелась на паперти Успенского собора Крутицкого архиерейского дома в Моск-ве). Эта композиция, напоминавшая икону Симона Ушакова «Древо государства Московского» с Иоанном Калитой и митр. Петром, поливающими лозу, указывала на В. С. и Ольгу как просветителей Руси, насадивших древо Богоизбранной династии, к к-рой возводили свой род Романовы. Идея преемственности Романовых от рода Рюриковичей в более простой и отчетливой форме отражена в миниатюре Синодика царевны Татьяны Михайловны (ГИМ. Воскр. 66. Л. 56, 80-е гг. XVII в.): на побегах растения, обозначающего родословное древо, изображен сам В. С., вел. князья — потомки Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха, а также 3 первых царя из династии Романовых. Эту тему продолжала фреска «Род царствия благословится» на своде сев. крыльца ц. прор. Илии в Ярославле (кон. XVII в. или 1716; см.: *Бусева-Давыдова, Рутман*. С. 68–70. Илл. 57), представляющая аллегорическую композицию, восходившую к вы-

«Род царствия благословится». Роспись ц. во имя прор. Илии в Ярославле. Кон. XVII в. или 1716 г.

ходной гравюре кн. «Меч духовный» архиеп. Лазаря (Барановича) (К., 1666). Неск. иначе идея преемственности царской власти отразилась в серии портретов рус. государей для

Титулярника 1672 г., где миниатюра с образом В. С. (традиц. тип с открытой городчатой короной) входила в цикл изображений князей и царей от Рюрика до Алексея Михайловича. В посл. трети XVII в. продолжали включать образ В. С. в декор частных покоев царских палат, где образовывались небольшие «портретные галереи» с изображениями святых правителей: имп. Константина и В. С. в моленной царевны Софьи Алексеевны, имп. Константина, имп. Елены, пророков Давида и Соломона, В. С., кнг. Ольги, князей Бориса и Глеба, царевича Димитрия и др. персонажей — в комнатах царевны Марии Алексеевны (см.: *Забелин*. Т. 1. С. 195, 198). Такие изображения воспринимались не только как иконы, но и как портреты-«персоны» исторических лиц, подобные «персоне князя Владимира Киевского на полотне» в доме кн. В. В. Голицына (Там же. С. 232).

В искусстве 2-й пол. XVII в. образ В. С. часто существовал независимо от изображений Бориса и Глеба, но оставалось актуальным сопоставление В. С. с имп. Константином: напр., резные, покрытые росписью фигуры имп. Константина и В. С. кон. XVII в. из ц. свт. Власия в Ярославле (ГМЗРК), вероятно восходящие к гравюре с изображением В. С. у корня родословного древа в кн. архиеп. Лазаря. В. С. и имп. Константин изображены лежащими под древом, рядом с каждым — храм, в к-ром совершается таинство Крещения, а также Крещение народа в водоеме. Т. о. в наглядной форме утверждалось тождество подвигов обоих государей — крестителей народов и взрастителей Богонасажденной лозы. Изображения имп. Константина и В. С. находятся в местном ряду иконостаса ц. Преображения Господня в Новодевичьем мон-ре (1687–1688). На той же иконе представлены св. Иоанн Предтеча и ап. Петр, на парной ей — святые имп. Елена, кнг. Ольга, мц. София и вмц. Параскева, что позволяет соотнести равноап. государей с правящим триумвиратом Иоанна V, Петра I и царевны Софьи. Др. примером выражения гос. аспекта почитания В. С. во 2-й пол. XVII в. может служить знамя, в 1817 г. вывезенное из Польши и хранившееся в Андреевской ц. с. Грузина под Вел. Новгородом (позже в СПбДА). На обеих его сторонах находилось изображение конного В. С. с булавой, в сопровождении воинов направляющегося к вратам, над к-рыми виден Голгофский крест. Эта композиция, вероятно созданная по образцу знамен с изображением явления Креста имп. Константину (*Петров*. 1888 (2). С. 17–19), продолжает традицию уподобления В. С. этому императору и восходит к их изображениям на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя».

Равноапостольные имп. Константин и кн. Владимир. Резные изображения из ц. свт. Власия в Ярославле. Кон. XVII в. (ГМЗРК)

Особую иконографическую традицию представляют произведения, в к-рых В. С. изображен вместе с мучениками Кириком и Иулиттой (пелена «Арх. Михаил, Кирик и Иулитта с Владимиром и Алексием, человеком Божиим, на полях», XVII в., ГРМ; икона «Владимир, Кирик и Иулитта» из Кижского погоста, нач. XVIII в., Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Петрозаводск). На иконе «Владимир, Моисей Угрин и Аркадий Новоторжский» письма Симона Ушакова и Георгия Зиновьева (1677, ТОКГ), подбор изображенных на ней святых, живших в домонг. эпоху, связан с историей новоторжского Борисоглебского мон-ря, откуда происходит икона, и почитанием Бориса и Глеба: прп. Моисей был братом Георгия Угрина, слуги св. Бориса, убитого вместе с князем на р. Альте, Аркадий — учеником прп. Ефрема, основателя обители, по преданию жившего в XI в.

Во 2-й пол. XVII в. под воздействием укр. гравюры в рус. иконописи появляются изображения Собора Киево-Печерских святых, где иногда присутствуют и В. С. с Борисом и Глебом (УИХМ). В искусстве Пскова с XVII в. образ В. С. встречается на иконах «Видение старца Дорофея», основанных на тексте «Повести о прихождении Стефана Батория на Псковскую землю» и посвященных чудесному избавлению Пскова от осады польск. войсками в 1581 г. В этих произведениях (древнейшее — Псково-Покровская икона Божией Матери 1-й пол. XVII в., собор Св. Троицы в Пскове) изображали беседу Богоматери со святыми, заступниками Пскова,— преподобными Антонием Печерским, Корнилием Псково-Печерским, архиеп. Нифонтом, князьями Всеволодом, Довмонтом и В. С.

Житийные циклы. Сцены с изображением В. С. появились во 2-й пол. XIV в. в составе житийных циклов князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, древнейшие примеры — икона Бориса и Глеба с житием из Коломны (кон. XIV в., ГТГ); миниатюры Сильвестровского сборника. Как правило, В. С. представлен сидящим на престоле, он посылает Бориса в поход против печенегов, др. сцена — погребение В. С.: вынос завернутого в саван тела из терема в Берестове, иногда с изображением погребальных саней, или вынос тела и его захоронение в Десятинной ц. (икона 1-й трети XVI в. из собрания Г. Д. Филимонова в ГТГ). В ряде случаев (рама 1-й пол. XVII в. из собрания

С. П. Рябушинского, ГТГ) традиц. цикл из 2 композиций сокращается до изображения больного В. С., возлежащего на ложе и отсылающего Бориса в поход (эта же сцена, точно

Кн. Владимир вручает кн. Борису меч и отправляет его на войну с печенегами. Погребение кн. Владимира. Клейма иконы «Святые Борис и Глеб в житии» из Борисоглебской ц. в Запрудах в Коломне. Кон. XIV в. (ГТГ)

соответствующая житийным сведениям о болезни В. С., присутствует в рукописи рубежа XV–XVI вв. из собрания Н. П. Лихачёва (СПбФИРИ РАН, Архив. Колл. 238. Оп. 1, № 71)). Позднее в нек-рых иконах с циклом жития Бориса и Глеба появляются нетрадиц. клейма, где В. С. присутствует при рождении Бориса и Глеба (икона рубежа XVII–XVIII вв., ГВСМЗ); посылает своих сыновей на княжение. Иногда цикл жития Бориса и Глеба фактически превращается в житийный цикл В. С. (ико-

Равноап. кн. Владимир, святые князья Борис и Глеб в житии. Икона из ц. Рождества Богородицы в Вологде. 3-я четв. XVI в. (ВГИАХМЗ)

на «Борис и Глеб», из муромского Троицкого мон-ря, 1-я пол. XVII в., ныне в МИХМ; из-за плохой сохранности надписей и схематичности композиций смысл нек-рых клейм не совсем ясен — см.: *Хлебов Г. В.* Житийная икона Бориса и Глеба из Мурома // ПКНО, 1982. Л., 1984. С. 263–274). Единственным известным циклом жития В. С. в иконописи является икона сер.— 3-й четв. XVI в. из вологодской ц. Рождества Богоматери (ВГИАХМЗ; в среднике представлены В. С., Борис и Глеб), цикл к-рой включает 16 клейм (2 утрачены), в т. ч. сцены отправления послов для выбора веры, похода на Корсунь, Крещения и прозрения В. С., перенесения мощей свт. Климента в Киев, истребления кумиров, Крещения киевлян, поставления церквей и преставления В. С. (*Рыбаков.* Табл. 54–55. С. 307). К числу интересных особенностей этого цикла относится сцена благодарственного моления В. С. с развернутым свитком в руках после Крещения киевлян. Выбор и последовательность сюжетов в целом соответствуют тексту Жития равноап. кн. Владимира.

С сер. XVI в. в монументальной живописи появились краткие циклы жития В. С. с изображениями основных событий, связанных с Крещением Руси. Наиболее ранние из них относятся к украшениям кремлевских построек в эпоху Иоанна IV: в составе росписей Золотой палаты — сцены прений о вере, пребывания послов В. С. в Царьграде, Крещения В. С. и сокрушения идолов в Киеве (*Забелин.* Т. 1. С. 175). Более подробный цикл был помещен в лоджии Архангельского собора (1564–1565), где, в частности, были изображены сцена со взятием Корсуни, слепота В. С. и Крещение киевлян. Истории Крещения Руси были посвящены и монументальные циклы 2-й пол. XVII в. в приделе равноап. кн. Владимира в Успенском соборе Ярославля (1674, росписи не сохр., см.: *Брюсова В. Г.* Рус. живопись 17 в. М., 1984. С. 119) и в юж. галерее Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске (ныне Тутаев, 1679–1680). В роспись галереи собора Новоспасского мон-ря в Москве включены сцены Крещения В. С. и кнг. Ольги, соотнесенные с изображениями этих же святых, поливающих родословное древо рус. государей.

Иконография В. С. в украинском искусстве. В средневек. искусстве Украины изображения В. С., как и князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, практически неизвестны. Интерес к их образам возник лишь в XVII в. Чаще всего изображения В. С. встречаются в книжной гравюре: едва ли не самый ранний пример — гравюра киевского издания праздничной Минеи (Анфологиона) 1619 г. (о нем и др. укр. изданиях см.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Кат. изд., хранящихся в ГБЛ. М., 1976. Вып. 1: 1574 г.— 1-я пол. XVII в.; М., 1981. Вып. 2. Ч. 1: Киевские изд.

Равноап. кн. Владимир. Гравюра из «Анфологиона». К., 1619. Л. 1032 (РГБ)

2-й пол. XVII в.; М., 1990. Вып. 2. Ч. 2: Львовские, новгород-северские, черниговские и уневские изд. 2-й пол. XVII в.). Полуфигурное изображение князя в медальоне, с крестом, мечом, в шубе и городчатой короне точно повторяет рус. образец и свидетельствует об отсутствии собственно укр. иконографической традиции. На знакомство укр. мастеров с рус. иконографией указывает и икона «Владимир, Борис и Глеб» из пос. Ратно Волынской обл. (кон. XVII в., НХМУ,— *Miliayeva L.* The Ukrainian Icon. Bournemouth; St.-Pb., 1996. Pl. 1), следующая традиц. рус. схеме с фигурами Бориса и Глеба по сторонам от В. С. Однако сам иконографический тип В. С., как и во мн. др. укр. памятниках, претерпевает изменения, связанные с западноевроп. воздействием: В. С. представлен в шубе на горностаевом меху (знак княжеского достоинства), в «геральдической» закрытой княжеской короне, со скипетром и

Равноап. кн. Владимир на престоле. Гравюра из «Анфологиона». Львов, 1638. Л. 503 (РГБ)

крестом. В ряде произведений (напр., гравюра из Цветной Триоди 1685 г., напечатанная в черниговской Троицко-Ильинской типографии) в число атрибутов В. С. входит

Христос Великий Архиерей с предстоящими Богоматерью, равноап. кн. Владимиром и коленопреклоненным митр. Петром (Могилой). Роспись ц. Спаса на Берестове в Киеве. 1644 г.

держава. Тип лика В. С. в укр. памятниках зачастую сильно отличается от рус. произведений, напр. широкой окладистой бородой: икона Ивана Рутковича из Н. Скварявы (1697–1698, НМ(Л) — см.: *Откович В., Пилип'юк В.* Українська ікона XIV–XVIII ст. Львів, 1999. Илл. на с. 92). В надписях на нек-рых произведениях В. С. именуется царем.

При митр. Петре (Могиле) в связи с обретением гробницы В. С. в Десятинной ц. появляются изображения князя в монументальной живописи. В росписи киевской ц. Спасителя на Берестове, исполненной в 1644 г. афонскими художниками по заказу митр. Петра, изображение В. С. входит в состав ктиторской композиции над зап. входом в храм: митр. Петр представлен коленопреклоненным перед образом Христа Великого Архиерея, слева от к-рого стоит Богоматерь, справа — В. С. с широкой бородой, в шубе и закрытом венце (изображение В. С., очевидно, связано с известием о его кончине в Берестове). Вероятно, при митр. Петре, обновившем киевский Софийский собор, фигура В. С. была включена в состав древней ктиторской композиции на его зап. стене: судя по копии кон. XVIII в. с рисунка А. ван Вестерфельда 1651 г., в центре древней фрески было помещено фронтальное изображение В. С. в шубе, закрытом городчатом венце, с мечом и скипетром. К этому произведению довольно близка гравюра из «Синопсиса» Иннокентия (Гизеля) (К., 1680, и др. издания), в обрамление к-рой включены фигуры князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, а также изображения проповеди философа и Крещения В. С. Еще одна сцена деяний В. С. присутствует в гравюре из кн. архиеп. Лазаря (Барановича) «Трубы словес проповедных на нарочитыя дни праздников...» (К., 1674, 2-й вар. изд.) с изображением сокрушения идолов В. С. Особый иконографический тип, характерный только для укр. книжной гравюры,— изображения В. С. на престоле (Минея праздничная (Анфологион). Львов, 1638 и 1643, гравюра мастера Илии; *Антоний Радивиловский.* Огородок Марии Богородицы. К., 1676 — по сторонам престола представлены ангелы).

В нек-рых укр. изданиях XVII в. фигура В. С. включена в состав более сложных композиций. На гравюре кн. архиеп. Лазаря «Меч духовный» (К., 1666) В. С. представлен полулежащим на земле у основания древа с изображениями царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны, царевичей Алексея, Феодора и Симеона (по сторонам показаны князья-страстотерпцы Борис и Глеб). Эта панегирическая композиция под названием «Род правых благословится» утверждала святость царского рода, восходящего к В. С., по словам ап. Павла: «Аще корень свят, то и ветви» (Рим 11. 16). С 20-х гг. XVII в. в киевских изданиях появлялись орнаментальные обрамления титульного листа с изображениями Киево-Печерской лавры и святых, где часто встречаются изображения В. С., Бориса и Глеба, кнг. Ольги, преподобных Антония и Феодосия Печерских, т. е. В. С. включен в число почитаемых киевских святых. Известны случаи сопоставления его фигуры с изображениями имп. Константина и ап. Андрея Первозванного, напоминавшими о Крещении Руси и расцвете христианства, предсказанном во время легендарного путешествия ап. Андрея по рус. землям.

Равноап. кн. Владимир сокрушает идолов. Гравюра из книги архиеп. Лазаря (Барановича) «Трубы на дни нарочитыя праздников». К., 1674. Л. 243 (РГБ)

«Род правых благословится». Фрагмент гравюры из книги архиеп. Лазаря (Барановича) «Меч духовный». К., 1666. Л. 2 об. (РГБ)

Иконография В. С. в искусстве Нового времени. В рус. искусстве Нового времени образ В. С. занимает одно из центральных мест. Имп. Петра I в проповедях и панегириках часто уподобляли В. С. за насажде-

ние Православия в завоеванных землях, Азове и Ингерманландии (*Бусева-Давыдова И.* Иконостас Петропавловского собора в Петербурге: Опыт истолкования иконогр. программы // Искусствознание. 1999. № 2. С. 518). Икона В. С. (Андрей Поспелов, Федор Артемьев, 1728–1729) в иконостасе Петропавловского собора в С.-Петербурге находится над иконой ап. Петра (*Бусева-Давыдова.* С. 514). В этом произведении традиц. образ князя получил переосмысление в духе барокко: из числа новых для иконографии В. С. признаков следует отметить латы, «геральдическую» княжескую корону с горностаевой опушкой и широкую длинную бороду, к-рая, впрочем, сохранила разделение на 2 пряди. С 1-й пол. XVIII в. известны первые случаи распространенного впосл. сопоставления В. С. со св. блгв. кн. Александром Невским, к-рый в петровское время также получил исключительный статус «императорского святого»: икона «Апостолы Петр и Павел, Александр Невский и Владимир» из Петергофского дворца (Егор Грек, 1742, ГРМ), где В. С. включен в число святых, особо почитавшихся в С.-Петербурге; местный ряд иконостаса нижней церкви Никольского Морского собора (М. Колокольников, 1757–1759) с иконой В. С., помещенной симметрично образу св. Александра Невского. Начиная с XVIII в. В. С. все чаще изображается отдельно от Бориса и Глеба.

Уже в петровское время образ В. С. стал достоянием не только церковного, но и светского искусства, включался в серии портретов рус. государей, появившиеся в 10–20-х гг. XVIII в.: «Родословие великих государей царей и великих князей российских» архиеп. Феофана (Прокоповича) с портретами, гравированными П. Пикартом (1717); гравированный А. Ф. Зубовым портрет имп. Екатерины I в окружении медальонов с портретами государей от Рюрика до Петра (1725), серия яшмовых инталий И. К. Дорша, выполненных по заказу Я. В. Брюса (20-е гг. XVIII в., ГЭ — см.: *Рязанцев.* С. 96). Внешний облик и костюмы В. С. и др. персонажей, как правило, не соответствовали исторической действительности, но напоминали портреты из Титулярников 70-х гг. XVII в. (серия Дорша) и получали подчеркнуто русифициро-

Киевский кн. Владимир. Рисунок из «Большой государственной книги» (РГАДА ДА 66. Б-ка ОФР. № 64249. Л. 6). 1672 г.

ванный облик. С повышением интереса к древней российской истории в царствование имп. Екатерины II создание подобных исторических галерей, неизменно с портретами В. С., было продолжено серией портретных медалей (1768–1772) и серией барельефов Ф. И. Шубина для Чесменского дворца под С.-Петербургом (1774–1775, с 1831 в Оружейной палате ГММК, повторения в Петровском дворце и здании Сената в Московском Кремле — см.: Там же. С. 102). В свою очередь медали послужили образцами для портретных серий на костяных пластинах и кружках холмогорской работы. Деяния В. С. присутствуют в числе древнерус. тем, задававшихся выпускникам АХ в 1766–1773 гг.: покушение Рогнеды на В. С., Крещение и исцеление В. С. в Корсуни, философ, показывающий В. С. изображение Страшного Суда (Там же. С. 460–461). Одно из наиболее известных академических произведений — картина А. П. Лосенко «Владимир и Рогнеда» (1770, ГРМ; редкий для искусства Нового времени пример изображения молодого В. С. в «русском» костюме). Рождению В. С. посвящена одна из последних медалей незавершенной исторической серии 80–90-х гг. XVIII в. В нек-рых случаях сцены деяний В. С. были частью картинных циклов на древнерус. сюжеты, украшавших дворцовые интерьеры, подобно Воскресенскому залу Михайловского замка в С.-Петербурге, где картина «Крещение Владимира» (1799–1801, Дж. О. Аткинсон, ныне в ГТГ) сочеталась с изображениями победы кн. Димитрия Донского на Куликовом поле, покорения Казани Иоанном IV и венчания на царство Михаила Феодоровича. Сходные произведения, выполненные в академической манере, могли помещать и в церковные интерьеры (картина С. Тончи «Крещение Руси при св. князе Владимире» из Успенского собора во Владимире, 1813–1814, ГВСМЗ).

Изображения В. С. стали почти обязательной частью декорации крупнейших соборов России XIX — нач. XX в., часто повторяясь в пределах одного храма. Иконы и росписи создавались ведущими мастерами академического направления.

Равноапостольные кн. Владимир и кнг. Ольга. Фрагмент иконы «Собор святых великих князей, княгинь и княжон» из собора во имя равноап. кн. Владимира в С.-Петербурге. XIX в.

В силу сложившейся в Новое время традиции образ В. С. или сцены его деяний обычно были сопоставлены с изображениями св. Александра Невского или кнг. Ольги и реже, чем в средневековье, связаны с образами Бориса и Глеба. Наряду с живописными произведениями довольно широкое распространение получили скульптурные фигуры В. С. Так, бронзовая статуя (1804–1807, С. С. Пименов) помещена в нише сев. портика Казанского собора в С.-Петербурге в паре со статуей св. Александра Невского (тема защиты России) и по соседству со скульптурами св. Иоанна Предтечи и ап. Андрея Первозванного (тема Крещения Руси); изображение В. С. с крестом, попирающего языческий жертвенник, выполнено в академической манере, но его облик и атрибуты (хитон, плащ, сапоги) указывают

на стремление придать образу национальный характер. Как часто бывало в искусстве XIX в., В. С. представлен не в традиц. облике старца, но как могучий средовек. Образ В. С. занял существенное место в убранстве Исаакиевского собора в С.-Петербурге: во 2-м ряду главного иконостаса (40–50-е гг. XIX в.) наряду с иконами святых покровителей членов имп. дома помещена икона В. С. и кнг. Ольги (Ф. П. Брюллов), симметрично к-рой расположена икона святых имп. Константина и имп. Елены.

Равноап. кн. Владимир. Памятник на Владимирской горке в Киеве. Скульптор П. К. Клодт. 1853 г.

В люнетах сев.-зап. компартимента собора изображены основные эпизоды жизни В. С. (росписи Ф. Рисса): избрание греч. веры, возвращение зрения В. С., Крещение князя и Крещение киевлян. События княжения В. С. вместе с деяниями св. Александра Невского стали сюжетом рельефов внутренних дверей юж. портала собора (скульптор И. П. Витали). В храме Христа Спасителя в Москве горельефы с фигурами В. С. и кнг. Ольги (40–60-е гг. XIX в., не сохр., воспроизведены при восстановлении храма) помещены на сев. фасаде по соседству с фигурами святых имп. Константина и имп. Елены (скульптор А. В. Логановский), а также на правых дверях того же фасада (скульптор Ф. П. Толстой). Образ В. С. неоднократно встречается в росписях интерьера храма и в иконостасе, на хоругвях, на колоколах (вместе с имп. Константином, св. Александром Невским, Борисом и Глебом, кнг. Ольгой, свт. Николаем Чудотворцем и др.); на хорах деяния В. С. (его Крещение и Крещение киевлян) составили часть цикла росписей с изображением основных событий церковной истории Руси киевского периода, сопоставленных с аналогичными событиями времен Московской Руси. В этих произведениях преобладает тип В. С.-средовека, его атрибуты (особенно венец) часто имеют визант. облик. В сер.–2-й пол. XIX в. благодаря распространению мемориальных сооружений, посвященных важнейшим событиям рус. истории, образ В. С. становится частью крупнейших памятников на Владимирской горке в Киеве в виде огромной статуи князя с крестом и сценой Крещения киевлян на пьедестале (1853, В. И. Демут-Малиновский, П. К. Клодт, К. А. Тон); 1000-летию России в Вел. Новгороде (1862, М. О. Микешин), где В. С. представлен в скульптурной группе в верхней части монумента, посвященной основным вехам истории России (с киевлянами, свергающими идолов и протягивающими князю младенца) и на пьедестале среди выдающихся деятелей рус. истории и культуры (вместе с кнг. Ольгой и митр. Михаилом). В этих памятниках В. С. придавали рус. облик: он в плаще и княжеской шапке. В др. произведениях офиц. светского искусства того периода продолжали включать образ В. С. в портретные галереи рус. государей (несохранившийся памятник имп. Александру II в Московском Кремле, 1893–1898, А. М. Опекушин, Н. В. Султанов) или в родословное древо Романовых (роспись свода парадных сеней Исторического музея в Москве, 80-е гг. XIX в., восходящая к фрескам галереи собора Новоспасского мон-ря).

Среди произведений 2-й пол. XIX в., связанных с юбилеем Крещения Руси (1888), наиболее выдающимся памятником стал *Владимира равноапостольного князя собор в Киеве* (1862–1896, декор интерьера — 1885–1896), чье убранство оказало значительное влияние на развитие поздней иконографии В. С. Основные изображения князя для этого собора были созданы В. М. Васнецовым (икона главного иконостаса рядом с образом кнг. Ольги и в паре с иконой св. Александра Невского, сцены Крещения В. С. и Крещения киевлян в крещальне собора, образы В. С., его жены Анны, Бориса и Глеба в композиции «Преддверие рая» в барабане купола). В. С. представлен в имп. одеждах визант. типа, воспроизведенных с большой точностью (туника, плащ-хламида, стемма с пендулиями). На иконе главного иконостаса он показан старцем с длинной седой бородой, в росписях крещальни — как средовек с округлой бородой.

Крещение киевлян. Роспись Владимирского собора в Киеве. Худож. В. М. Васнецов. 1885–1896 гг.

Равноап. кн. Владимир и вмц. Варвара. Икона. 1908–1917 гг. (ГИМ)

Для академической иконописи этого периода (в т. ч. в связи с распространением имени св. равноап. князя среди населения империи) характерны многочисленные отдельные изображения св. князя (по пояс или в рост) на храмовых и домашних иконах, литографированных листах, иногда на пасхальных

яйцах. Среди них преобладают 2 основных иконографических варианта: в одеждах рус. образца, в шапке, напоминающей древние княжеские головные уборы или шапку Мономаха (икона, 1897, ГМИР) и в визант. имп. одеждах. Иконы с изображением В. С. на фоне Киево-Печерской лавры и Московского Кремля символизировали преемственность Московской Руси по отношению к Киеву (икона кон. XIX в., ГИМ). В число атрибутов В. С. в это время по-прежнему входил крест, иногда свиток с текстом молитвы и лежащие рядом доспехи (хромолитография — Од.: В. С. Тиль и К°, 1878 (РГБ)). В нек-рых произведениях с помощью поз и жестов, характерных для академической

Равноап. кн. Владимир. Миниатюра из старообрядческой рукописи Жития кн. Владимира. 1-я треть XIX в. Выголексинский мон-рь (ГИМ. Муз. 3031. № 404)

иконописи (возведенные горе очи, приложенная к груди рука) особо подчеркивалась молитва равноап. князя за свой народ. Рекомендовалось изображать В. С. в «русском типе», с большой бородой, короткими кудрявыми волосами, кафтане, свите, «венце, схожем с шапкой», со свитком с текстом молитвы за новопросвещенный народ (*Фартусов*. Руководство к писанию икон. С. 353).

Образ В. С. оставался довольно распространенным и в традиц. религ. искусстве XVIII — нач. XX в., следуя позднесредневек. иконографии князя: погрудное изображение на миниатюре старообрядческой рукописи Жития равноап. кн. Владимира, исполненной на Выге (ГИМ. Муз. 3031, 1-я треть XIX в.) или написанная О. С. Чириковым икона В. С. и московских чудотворцев, поднесенная кн. В. А. Долгорукову от об-ва кремлевских хоругвеносцев (1890, ГИМ). Но в произведения этого рода иногда проникали эле-

Равноап. кн. Владимир в сонме русских святых. Фрагмент иконы «Все святые, в земле Российской просиявшие» из Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 2-я пол. XX в. Мастер мон. Иулиания (Соколова)

менты иконографии Нового времени: барочная княжеская корона, горностаевая шуба или мантия, тип окладистой бороды без разделения на 2 пряди. В XVIII–XIX вв. образ В. С. вместе с Борисом и Глебом часто встречался на иконах «Собор Киево-Печерских святых» (в центре композиции, символизируя начало рус. Православия, укрепленного печерскими преподобными) и «Собора российских чудотворцев» (2 иконы XIX в., ГТГ). На иконе 2-й пол. XIX в. (Новая Карлсбергская глиптотека, Копенгаген) В. С. изображен в составе уникального житийного цикла кнг. Ольги (в сцене ее перезахоронения). Образ В. С. был довольно популярен в ростовских эмалевых иконках XIX — нач. XX в. и редко встречался в старообрядческом медном литье (литая икона с образами имп. Константина и В. С. в частном собрании в Германии — 1000 Jahre Orthodoxe Kirche in d. Rus' 988–1988: Russische Heilige in Ikonen. Recklinghausen, 1988. N 9. S. 14–15).

Для совр. рус. иконописи характерно возвращение к средневек. иконографии В. С. с такими атрибутами, как городчатый венец или княжеская шапка, шуба или плащ. Образ В. С. включен в новые иконографические изводы, созданные рус. иконописцами XX в., напр. икона «Все святые, в земле Российской просиявшие» работы мон. Иулиании (Соколовой) (1920–1930), икона «Крещение Руси» архим. Зинона (1988), где В. С. вместе с кнг. Ольгой представлен по сторонам ап. Андрея, воздвигающего крест на горах Киевских, а ниже изображены святые киевского периода и Крещение народа.

Лит.: *Срезневский И. И.* Древние изображения в. к. Владимира и в. к. Ольги // Древности: Археол. вестн. / МАО. 1867. Янв./февр. С. 1–7; *Толстой И. И.* Древнейшие рус. монеты Вел. княжества Киевского. СПб., 1882; *он же*. Древнейшие рус. монеты X–XI вв. СПб., 1893; *Петров Н. И.* Археол. заметки: Древнейшие изображения св. Владимира // ТКДА. 1887. № 5. С. 64–79; *он же*. Древние изображения св. Владимира // ТКДА. 1888. № 7. С. 443–462; *он же*. Древние изображения св. Владимира // Владимирский сб.: В память 900-летия Крещения России. К., 1888. С. 1–20; *Петров Н. И., Городецкий М. И.* Холмская Русь: Ист. судьбы рус. Забужья. СПб., 1887. С. 6–7. *Объясн.* к рис. С. 13–14; *Цыбульский К.* Холмская Русь. Изд. П. Н. Батюшкова. СПб., 1887. [Рец.] // Киев. старина. 1887. Нояб. С. 555–556; *Лебединцев П.* В каком виде могут быть изображены св. равноап. кн. Владимир и св. кнг. Ольга, и имеем ли мы их подлинные изображения? // Там же. 1888. Май. С. 259–264; *Смирнов Я. И.* Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославе, 1905. Т. 2. М., 1908. С. 446–455; *Айналов Д. В.* О нек-рых сериях миниатюр Радзивиловской летописи // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 2. С. 307–323; *Эртель А. Д.* Собор св. кн. Владимира в Киеве. К., 1915. С. 41, 60, 67–68, 72, 75–76; *Гусев П.* Древнейшая новгородская икона св. кн. Владимира Киевского // Изв. комитета изучения древнерус. живописи. Пг., 1921. Вып. 1. С. 9–12; *Орешников А. В.* Классификация древнейших рус. монет по родовым знакам // ИАН СССР. VII сер. Отд. гуманит. наук. Л., 1930. № 2. С. 87–112; *он же*. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936. С. 28–43, 66–80, 86; *Syćev N. P.* Sur l'histoire de l'église du Sauveur a Neredicy pres Novgorod // L'art byzantin chez les slaves: 10me rec. dédié à la mémoire de Th. Uspenskij. P., 1932. P. 99–103; *Окунева И.* Шиферная икона XVI в. // SK. 1936. T. 8. С. 187–192; *она же*. Изображения св. Владимира // Владимирский сб. Белград, 1938. С. 197–200; *Арциховский А. В.* Древнерус. миниатюры как ист. источник. М., 1944. С. 13, 14, 31, 35; *Розов Н. Н.* Настенные росписи на сюжеты древнерус. лит-ры в Воскресенском соборе в г. Тутаеве // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 325–336; *Дмитриев Ю. Н.* Стенопись Архангельского собора Моск. Кремля: Мат-лы и исслед. // ДРИ. М., 1964. [Вып.:] XVII в. С. 157; *Подобедова О. И.* Миниатюры рус. ист. рукописей: К истории рус. лицевого летописания. М., 1965. С. 56, 58, 60; *Сизов Е. С.* Рус. ист. деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 266–268; *Висоцький С. О.* Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві // Вісник Київського ун-ту. 1967. № 8. С. 35–44. (Сер. історії та права; Вип. 1); *Свердлов М. Б.* Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // ВИД. 1972. Вып. 4. С. 151–159; *он же*. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — 1-й трети XIII вв. СПб., 2003.

С. 254, 255, 293–296, 301–303; *Молчанов А. А.* К вопросу о худож. особенностях и портретности изображений на древнейших рус. монетах // ВМУ: Ист. 1973. № 3. С. 72–85; *Соколова И.* Нек-рые замечания по поводу визант. прототипов древнерус. монет // Сообщ. ГЭ. Л., 1975. Вып. 40; *Kämpfer F.* Das russische Herrscherbild: Von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 23–24, 58, 71, 75, 106–111, 231–232, 242, 245; *Маясова Н. А.* Памятник шитья моск. великокняжеской светлицы XV в. // ГММК. Мат-лы и исслед. [Вып.] 3: Искусство Москвы периода формирования рус. централизованного гос-ва. М., 1980. С. 62–64, 69–70; *Рыбаков А. А.* Худож. памятники Вологды XIII – нач. XX в. Л., 1980. Табл. 54–55. С. 307; *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода, XV в. М., 1982. С. 193–198, 319; *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Свод. кат. рус. монет X–XI вв. Л., 1983; *Никитенко Н. Н.* Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // ПКНО, 1986. Л., 1987. С. 237–244; *она же.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: Ист. проблематика. К., 1999. С. 14–64; *Пуцко В. Г.* Найдавніші зображення св. кн. Володиміра // Правосл. вісник. 1988. № 7. С. 37–41; *Высоцкий С. А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. К., 1989. С. 45–46, 78–79, 91–97, 101–102; Радзивиловская летопись. СПб.; М., 1994. Т. 1: Факсим. воспроизв. рукописи. Л. 37–74, 163–163 об.; Т. 2: Текст, исслед., описание миниатюр. № 86–158; *Смирнова Э. С.* Лицевые рукописи Великого Новгорода, XV в. М., 1994. С. 62, 429–435; *она же.* Борис и Глеб: Иконография // ПЭ. 2003. Т. 5. С. 58–59; *Сотникова М. П.* Древнейшие рус. монеты X–XI вв.: Кат. и исслед. М., 1995; *Маркелов.* Святые Древней Руси. Т. 1. С. 362–377. № 70–71, 79–80, 229; Т. 2. С. 77–78; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского мон-ря 1601 г.: Коммент. изд. / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3 [Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг.]. С. 17; *Гладкая М. С.* Изображение св. кн. Владимира, Бориса и Глеба в монументальной живописи XVII в. владимиро-суздальских храмов // История и культура Ростовской земли, 1998. Ростов, 1999. С. 124–131; *Забелин И. Е.* Домашний быт рус. царей в XVI и XVII ст. М., 2000. 2 т.; *Бусева-Давыдова И. Л., Рутман Т. А.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М., 2002. С. 68–70. Илл. 57; *Попов Г. В.* Тема слав. просвещения в миниатюрах Радзивиловской летописи // ДРИ. СПб., 2002. [Вып.:] Византия, Русь, Зап. Европа: искусство и культура. С. 362–375; *Самойлова Т. Е.* Святые рус. князья в росписи Архангельского собора // Архангельский собор Моск. Кремля. М., 2002. С. 203–204; *она же.* Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // Царский храм: Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 32; *Рязанцев И. В.* Скульптура в России, XVIII – нач. XX вв.: Очерки. М., 2003; *Сорокатый В. М.* Икона «Князья Владимир, Борис и Глеб с житием Бориса и Глеба» // «И по плодам узнается древо»: Рус. иконопись XV–XX вв. из собр. В. Бондаренко. М., 2003. С. 269–280; *Пуцко В. Г.* Княжение Владимира Великого по миниатюрам Радзивиловской летописи // ТОДРЛ. 2004. Т. 55. С. 45–57.

А. С. Преображенский

ВЛАДИ́МИР ВЕЛИКОПЕ́РМСКИЙ († до 1481?), один из первых правосл. правителей Вел. Перми. Краткие сведения о В. В. сохранили вологодско-пермские, московские и ростовские синодики 1-й пол. XVI–XVII в., в к-рых записано: «Благоверному князю Владимиру Великопермьскому, идолы поправшему и просветившему Великую Пермь святым Крещением, вечная память» (РНБ. Ф. 588. № 1596. Л. 167; РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 52; *Конев.* С. 102). Имя В. В. внесено в родовой помянник великопермских князей, сохранившийся в составе синодика *чердынского во имя ап. Иоанна Богослова мон-ря* (известен в списках XVIII – нач. XIX в.; ПОКМ. НВ. № 2402/2). Единственным прямым свидетельством о времени жизни В. В. является запись вологодского синодика XVI в., в к-ром память В. В. отмечена раньше памяти великопермского кн. *Михаила Ермолаевича*, убитого вогуличами в 1481 г. (РНБ. Ф. 588. № 1596. Л. 167). Отсутствие в синодиках сообщения о насильственной смерти В. В. свидетельствует о том, что он не был убит в 1481 г., а умер собственной смертью, вероятно, ранее этой даты.

Синодики, говоря о В. В., по-видимому, сообщают о Крещении части Вел. Перми в 1462 г. Об этом событии известно из Ростовского владычного свода кон. XV в. в составе «Типографской летописи», где под указанным годом помещена запись: «Того же лета Иона, епископ Пермьскый, крести Великоую Пермь, и князя их, и церкви постави, и игумены, и попы» (ПСРЛ. Т. 24. С. 185). Поскольку кн. Михаил Ермолаевич принял Крещение ок. 1452 г. в Москве, не исключено, что ростовский летописец в данном случае упоминал др. видного правителя Вел. Перми — В. В. Вычегодско-Вымская летопись кон. XVI — нач. XVII в., сообщая об этом событии, пишет, что в 1462 г. Пермский еп. св. *Иона* «добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и княжат Михайловых [детей Михаила Ермолаевича.— *А. К.*] крести» (Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. С. 262).

Ист.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина: Сб. ист. статей и мат-лов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1889. Вып. 1: Древности бывшей Перми Великой. С. 159; ПСРЛ. Т. 24. М., 2000; Т. 25. М.; Л., 1949; Т. 26. М.; Л., 1959; Т. 37. Л., 1982 (по указ.); Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Ист.-филол. сб. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 262–263; *Конев С. В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Н.-Й., 1995. Вып. 6. С. 102.

Лит.: *Голубцов В. И.* Князья Великопермские, Пермские и Вымские. 1463–1641 гг.: Ист.-генеалогич. заметка // Тр. Пермской учен. арх. комис. / Под гл. ред. А. А. Дмитриева. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 75–80 [Библиогр.: с. 75–76]; *Дмитриев А. А.* Чердынский синодик // Там же. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 78–81; *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны: Сб. ст.: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 218–231.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР-ВОЛЫ́НСКАЯ И КО́ВЕЛЬСКАЯ ЕПА́РХИЯ УПЦ, создана в 1996 г. преобразованием *Ковельского викариатства* Луцкой епархии (об истории правосл. епархий на Волыни в X — кон. XX в. см. статьи: *Владимиро-Волынская епархия, Луцкая и Волынская епархия*). В.-В. е. объединяет приходы и мон-ри

Кафедральный Успенский собор (1160 г., восстановлен в 1900 г.) и замок (XV–XVI вв.) во Владимире-Волынском. Фотография. 80-е гг. XX в.

на территории зап. районов Волынской обл.— Владимир-Волынского, Иваничевского, Ковельского, Любомльского, Ратновского, Старовыжевского и Турийского. Епархия разделена на 12 благочинических округов. Кафедральный город — Владимир-Волынский. Кафедральный собор — в честь Успения Пресв. Богородицы во Владимире-Волынском. Правящий архиерей — *Симеон* (*Шостацкий*, на кафедре с 4 мая 1996, с 10 мая 2002 архиепископ). К 1 янв. 2004 г. в епархии действовали 213 приходов, служили 223 священнослужителя (208 священников, 15 диаконов).

3 мая 1996 г. решением Свящ. Синода УПЦ Луцко-Волынская епархия, к-рая к 1 янв. этого года насчи-

димир-Волынский съезжается большое число паломников с Украины, России, Белоруссии, Молдавии и Польши.

Святыни. В *Святогорском Зимненском в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ре* хранится *Святогорская Зимненская икона Божией Матери.*

Монастыри. *Милецкий во имя свт. Николая* (муж., известен с 1533 (1532), с нач. XVII в. униатский, с 1839 вновь православный, закрыт в кон. 40-х гг. XX в., возобновлен в 1994), Святогорский Зимненский (жен., основан в XI в., с кон. XVII в. униатский, в 1893–1939 действовал как правосл. жен. мон-рь, возобновлен в 1990, с 1996 ставропигиальный к Киевской митрополии), *Низкиничский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь* (муж., основан в 1643, с сер. XVII по нач. XIX в. униатский, затем православный, закрыт в 1961, возрожден в 1998), скит во имя св. апостолов Петра и Павла (основан в 2001).

Архиереи. Архиеп. *Симеон* (*Шостацкий;* с 4 мая 1996, с 10 мая 2002 архиепископ).

ВЛАДИ́МИР-ВОЛЫ́НСКОЕ ВИКАРИА́ТСТВО Волынской и Житомирской (см. *Луцкая и Волынская*) епархии, учреждено в 1891 г. Владимир-Волынские епископы пребывали в Житомире, с 1900 г.— во Владимире-Волынском, являлись настоятелями владимир-волынского в честь Рождества Христова мон-ря (преобразован в 1840 в православный из униатского, закрыт ок. 1918).

Первым Владимир-Волынским викарным епископом стал Паисий (Виноградов; 7 июля 1891–1902), хиротонисанный в соборе Александро-Невской лавры в С.-Петербурге из настоятелей владимир-волынского Христорождественского мон-ря, в 1902 г. еп. Паисий был переведен на Кременецкое вик-ство той же епархии. Затем В.-В. в. возглавляли еп. Арсений (Тимофеев; 14 июля 1902–1906), в 1906 г. переведенный на Сарапульское вик-ство Вятской епархии, еп. *Михей* (*Алексеев;* 25 авг. 1906–1908), в 1908 г. назначенный на Архангельскую и Холмогорскую кафедру.

21 дек. 1908 г. во епископа Владимир-Волынского был хиротонисан сщмч. *Фаддей (Успенский).* Еп. Фаддей замещал Волынского архиеп. *Антония (Храповицкого)* в делах управления епархией во время отъездов последнего, напр. в 1909, 1910 гг. Еп. Фаддей совершал поездки по епархии, принимал активное участие в работе педагогических жен. курсов во Владимире-Волынском, по его инициативе в Житомире проходили богословские собеседования. В 1916–1917 гг. еп. Фаддей временно управлял *Владикавказской епархией,* в 1917 г. вернулся во Владимир-Волынский. Вскоре из-за близости фронта он уехал в Житомир, откуда управлял Волынской епархией после отъезда за границу в 1919 г. Волынского архиеп. *Евлогия (Георгиевского).* В нояб. 1921 г. еп. Фаддей был арестован, после чего не смог вернуться на Украину и в кон. 1921 г. был назначен на Астраханскую кафедру.

После 1921 г. по Рижскому договору бóльшая территория Волынской епархии вошла в состав Польши и подчинилась неканонически провозглашенной в 1924 г. автокефальной правосл. Церкви в Польше. Волынская епархия, имевшая в своем составе В.-В. в., находилась под управлением главы Польской Церкви митр. *Дионисия (Валединского).* В 1939 г. Волынь была присоединена к Украинской ССР. Все епархии Польской Церкви, оказавшиеся на территории СССР, вошли в юрисдикцию РПЦ, в т. ч. В.-В. в., к-рое в 1940 г. занял присоединившийся к РПЦ еп. *Поликарп (Сикорский).* После оккупации Волыни немецко-фашистскими войсками Собор укр. епископов в Почаеве в авг. 1941 г. постановил считать Волынь находящейся в канонической зависимости от РПЦ. Митр. Дионисий не признал решения Собора и в дек. 1941 г. объявил Поликарпа (Сикорского) главой *Украинской автокефальной православной церкви* (УАПЦ). 4 авг. 1942 г. во епископа Владимир-Волынского в Почаевской лавре был хиротонисан Мануил (Тарнавский), незадолго до этого присоединившийся к автономной Украинской Церкви, к-рая находилась в каноническом общении с РПЦ. В авг. 1943 г. еп. Мануил

тывала 431 приход, была разделена на Луцко-Берестечковскую (с 27 июля 1996 Луцкая и Волынская) и В.-В. е.; архим. Симеону (Шостацкому) определено быть епископом Владимир-Волынским и Ковельским.

В 1997 г. во Владимире-Волынском была основана школа регентов и псаломщиков. В наст. время в епархии открыты 150 воскресных школ, священнослужители преподают основы христ. этики в общеобразовательных школах. С 1997 г. издается епархиальная газ. «Волынь православная». Действуют 2 правосл. молодежных братства (свт. Николая в Ковеле и братство в Нововолынске), сестричество в Ковеле, «Православный центр» в Нововолынске. Ежегодно проходит молодежный правосл. фестиваль духовной и патриотической песни, летом действует лагерь для детей-сирот на оз. Свитязь. В мае 2002 г. в В.-В. е. отмечалось 1010-летие Волынской епархии, торжества возглавил Блаженнейший митр. Киевский и всея Украины *Владимир (Сабодан).* С особой торжественностью в епархии празднуется день памяти Владимиро-Волынского еп. св. *Стефана* и Собора всех святых, в земле Волынской просиявших (10 мая), когда во Вла-

был убит бандеровцами в лесу около Владимира-Волынского. Др. назначения на В.-В. в. не производились. В 1996 г. была учреждена *Владимир-Волынская епархия*.

Лит.: *Депо С., прот.* Владимиро-Волынская епархия и ее история (1092–1920): Курс. соч. / МДА. Загорск, 1972–1973. Ркп. С. 196–200; Акты свт. Тихона. С. 918; *Дамаскин*. Т. 3. С. 511–535.

ВЛАДИ́МИР ГЕО́РГИЕВИЧ (1215? — 2.02.1238, Владимир), мч. (пам. 4 февр., 23 июня — в Соборе Владимирских святых), кн., 2-й сын вел. кн. владимирского мч. *Георгия (Юрия) Всеволодовича* и вел. кнг. мц. *Агафии Всеволодовны*, внук вел. кн. *Всеволода (Димитрия) Юрьевича* Большое Гнездо.

Немногочисленные известия о жизни В. Г. содержатся в летописях и житии вел. кн. Георгия Всеволодовича. В. Г. родился очевидно, между летом 1214 и весной 1216 г. (В. Н. Татищев приводит дату рождения В. Г.— 1215). После возвращения Георгия Всеволодовича в февр. 1218 г. на великокняжеский стол во Владимир В. Г. принимал участие в ряде торжественных церковных церемоний, имевших большое значение для всей религ. жизни Сев.-Вост. Руси. Среди них следует отметить присутствие В. Г. 14 марта 1227 г. во Владимире при поставлении на кафедру сщмч. *Митрофана* (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 449), а также участие княжича 9 марта 1230 г. в перенесении мощей мч. *Авраамия Болгарского* в Успенский собор *владимирского Княгинина в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря* (Там же. Стб. 453). В 1236 г. вел. кн. Георгий Всеволодович «ожени сына своя Володимера и Мстислава», имя супруги В. Г. неизвестно. В 1237 г. В. Г., повидимому по поручению отца, находился в Москве. В сер. янв. следующего года он вместе с воеводой Филиппом Нянькой оборонял Москву от войск Чингизидов. Здесь (по сообщению «Истории» Татищева, 20 янв.— Т. 3. С. 233) В. Г. попал в плен к хану Батыю. 2 февр. монголы привели князя к Золотым воротам Владимира. Князь «бе... уныл лицем», но не терял мужества. После отказа владимирцев сдать город В. Г. принял мученическую кончину от рук монголов недалеко от Золотых ворот. После ухода захватчиков оставшиеся в живых горожане нашли тело князя-мученика и похоронили в Успенском соборе Владимира рядом с братьями Мстиславом и Всеволодом, погибшими при обороне Владимира. Предположительно в память о месте гибели В. Г. на левом (западном) косяке арочного проема Золотых ворот уставом была сделана памятная надпись: «Гюргич», к-рую Н. Н. *Воронин* датировал днем смерти святого — 2 февр. 1238 г.

Во 2-й пол. XVII в. мощи В. Г. вместе с останками Мстислава и Всеволода Георгиевичей, а также кн. Феодора—Ярослава Всеволодовича покоились в приделе вмч. Георгия. Во время реставрации Успенского собора в 1882 г. захоронения были освидетельствованы. В гробнице В. Г. помимо его останков лежало множество сложенных в беспорядке костей. В нач. XX в. гробница с мощами В. Г. находилась в правом придельном алтаре в нише, на к-рой была высечена надпись: «Мощи благоверного великого князя Владимира Георгиевича положены на сем месте в лето 6745 февраля 7 дня» (*Николай Михайлович*. Т. 1. С. 154–155).

Граффити «Гюргич» на зап. косяке арочного проема Золотых ворот. Владимир

В XIV — нач. XV в. известие о гибели В. Г. вошло в большинство летописей лаврентьевско-троицкой группы. В нач. 60-х гг. XVI в. оно было переработано для *Книги Степенной царского родословия*. Здесь рассказ о мученической кончине князя вложен в уста спасшихся от монголов владимирцев, к-рые на р. Сити рассказали о ней вел. кн. Георгию Всеволодовичу. Повествование в Степенной книге содержит многочисленные заимствования из летописных сообщений о гибели братьев В. Г., защищавших Владимир, и из рассказа об убиении Василька Ростовского. В сер. XVII в. подробный рассказ о смерти В. Г. (близкий к Симеоновской летописи 40-х гг. XVI в.) вошел в житие вел. кн. Георгия Всеволодовича. Близко к нему повествование о кончине В. Г., составленное, по-видимому, в окружении Патриарха *Иосифа* в связи с перенесением мощей вел. кн. Георгия Всеволодовича 22 янв. 1645 г., оно помещено над гробницей В. Г. в Успенском соборе. Во 2-й пол. XVII–XVIII в. этот рассказ входил в сборники исторического содержания, в 1670 г. был включен в список Степенной книги старшего извода Пространной редакции (РГБ. Ф. 178. № 4288. Л. 620 об.), в кон. XVII в. хранившийся в Успенском соборе.

Имя В. Г. было записано в митрополичий синодик, поминалось не только во Владимире, но и в Москве. В синодике *Успенского собора Московского Кремля* установлено пение «вечной памяти» «благоверному князю Василько Константиновичу и благоверному князю Володимиру Юрьевичу, избиенным отъ Батыя» (ДРВ. Ч. 6. С. 439, см. также РГБ. Ф. 256. № 385. Л. 1 об.). Имя В. Г. попало в нек-рые списки синодика *нижегородского Печерского в честь Вознесения Господня муж. мон-ря* (напр., РГБ. Ф. 256. № 387. Л. 41). Здесь В. Г. записан ранее братьев Всеволода и Мстислава, что с хронологической т. зр. верно, ибо В. Г. погиб прежде их.

В грамоте царя *Иоанна IV Васильевича Грозного* клирикам Успенского собора кон. 40-х — нач. 50-х гг. XVI в. (не сохр., известна в публикации XIX в.) излагался порядок поминания архиереев, вел. князей, княгинь и их детей, чьи останки почивали во Владимире. О поминании вел. кн. Георгия и его сыновей в грамоте говорилось: «Великого князя Георгия Всеволодича по детех по Владимире, по Всеволоде, по Мстиславле в год по всех одна панахида на их память февраля в 7 день». По князьям полагалось «правити... средния понахиды против того, как на Москве по удельных князех». Панихиду долж-

ны были служить «протопоп з братиею, и протодьякон, и игумены, и попы, и дьяконы» (*Виноградов.* С. 52).

В Месяцеслове *Симона (Азарьина)* сер. 50-х гг. XVII в., на нижних полях л. 333 об., др. почерком, вероятно позднее, приписано: «Великаго князя Георгия Всеволодовича дети Владимер, Мстислав, Всеволод погребены во Володимере» (РГБ. Ф. 173/I. № 201). О возможной канонизации святого во 2-й пол. XVII в. свидетельствует его упоминание в «Описании о российских святых» (кон. XVII–XVIII в.). В старообрядческом указателе к «Алфавиту российских чудотворцев» *Ионы (Керженского)* под 4 февр. в числе блгв. князей, «убиенных от татарского воинъства», указан и В. Г. (ЯМЗ. Инв. № 15544. Л. 8. В 1^0, 1807–1811 гг.). Он упоминается также в кратком житии вел. кн. Георгия Всеволодовича, помещенном среди текстов «Алфавита российских чудотворцев» мон. Ионы (Там же. Л. 129 об.– 130). Канонизация В. Г. подтверждена включением его имени в Собор Владимирских святых, празднование к-рому было установлено в 1982 г. по благословению Владимирского и Суздальского архиеп. *Серапиона (Фадеева).*

Ист.: ДРВ. М., 1788^2. Ч. 6. С. 439; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2–3. М., 1997; Т. 6. Вып. 1. М., 2000; Т. 10; Т. 15. М., 2000; Т. 18. СПб., 1913; Т. 21. 1-я пол. Ч. 1. СПб., 1908; Т. 23. М., 2000; Т. 24. М., 2000. Т. 25. М.; Л., 1949; Т. 35. М., 1980; Т. 40. СПб., 2002 (по указ.); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 313–315; *Сиренов А. В.* Путь к граду Китежу: Кн. Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах: (Подгот. текстов и исслед.). СПб., 2003. С. 62, 64–65, 85–86, 112, 139–141, 146; Описание о российских святых. С. 218; *Виноградов А.* История кафедрального Успенского собора в губ. г. Владимире. Владимир, 1905^3. С. 52, 91 [Прил. С. 49, 66–67].

Лит.: *Востоков А. [Х.]* Описание рус. и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842 (по указ.); *Доброхотов В. [И.]* Памятники древности во Владимире Клязменском. М., 1849. С. 48, 55, 62, 64; *Филарет.* РСв. С. 34, 35. Примеч. А; *Барсуков.* Источники агиографии. Стб. 102–103; *Леонид (Кавелин).* Святая Русь. № 643. С. 166; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. Прил. 3. С. 554; *Порфирий (Виноградов), иером.* Древние гробницы во Владимирском соборе и Успенском Княгинином девическом мон-ре и погребенные в них князья, княгини и святители. Владимир, 1903^2; *[Димитрий (Самбикин), архиеп.]* Тверской патерик. Каз., 1907. С. 25; *Николай Михайлович [Романов], вел. кн.* Рус. провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1. С. 154–155; *Серебрянский Н. И.* Древнерус. княжеские жития. М., 1915. С. 149–151; *Татищев В. Н.* История российская. М.; Л., 1964. Т. 3–4 (по указ.); *Бережков Н. Г.* Хронология рус. летописания. М., 1963 (по указ.); *Воронин Н. Н.* Граффити 2 февр. 1238 г. // Славяне и Русь: Сб. ст. М., 1968. С. 401–405; Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3. Вып. 3: Ист. сб-ки XVIII–XX вв. / Сост.: Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев и др. С. 260–262; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – 1-й пол. XIII в. М., 1977. С. 184.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР (ДИМИ́ТРИЙ) ВСЕ́ВОЛОДОВИЧ (25.10.1193 – 6.01.1228), блгв. кн. (пам. 4 февр., 23 июня – в Соборе Владимирских святых). 6-й сын вел. кн. владимирского *Всеволода (Димитрия) Юрьевича* Большое Гнездо и блгв. вел. кнг. *Марии* (в иночестве Марфы), брат блгв. князей *Константина, Георгия, Святослава (Гавриила)* и *Ярослава (Феодора).* Родился в канун именин отца, к-рый «веле оучинити сынови своемоу во свое имя Дмитреи в святом Кресщении, а княжее имя оучини емоу Володимир – деда своего имя, Мономаха Володимера» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 674–675).

В кон. лета 1207 г. В. В. сопровождал отца в походе на Чернигов, зимой 1208/9 г. в войске брата кн. Константина участвовал в походе на Торжок. Согласно устному завещанию вел. кн. Всеволода, по сведениям поздних источников, В. В. должен был стать обладателем Москвы (ПСРЛ. Т. 7. С. 102; *Татищев.* Т. 3. С. 186; *Рапов.* С. 171–172). Однако более авторитетный «Летописец Переяславля-Суздальского» сообщает, что В. В. получил Юрьев-Польской (ПСРЛ. Т. 41. С. 129). Не исключено, что разногласие источников отражает разные этапы составления завещания вел. кн. Всеволодом. После кончины отца († 15 апр. 1212) В. В. принял участие в междоусобной войне старших братьев – Константина и Георгия – сначала на стороне последнего, затем зимой 1212/13 г. признал старшинство Константина Всеволодовича, к-рый дал В. В. в держание Москву. В ответ Георгий передал Юрьевское княжество, принадлежавшее ранее В. В., кн. Святославу. В 1213 г., узнав о новом походе братьев против Константина на Ростов, В. В. вместе с москвичами и своей дружиной отправился осаждать Дмитров, принадлежавший Ярославу Всеволодовичу. Поход не был удачным. После заключенного в 1213 г. мира между князьями Константином и Георгием, последний, «извед... из Москвы Володимера», послал его на княжение в Переяславль Русский.

В 1215 г. В. В. женился на дочери черниговского кн. Глеба Святославича. Летом того же года, узнав о движении половцев на свой стольный город, князь отправился с дружиной навстречу противнику. Во время кровопролитного сражения В. В. потерпел поражение и попал в плен. Во 2-й выборке Новгородской Карамзиновской летописи под 1216 г. среди союзников вел. кн. Георгия и его брата Ярослава упоминается некий кн. Владимир (ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 108). Однако его отождествление с В. В. сомнительно, т. к. В. В. вернулся «ис Половець к братье», как утверждают все летописи, в 1217 г.

В этом году В. В. получил от вел. кн. Константина, к-рый к тому времени вытеснил Георгия из Владимира, во владение «Стародуб и ину властьцю». В. В. сохранил Стародуб после смерти вел. кн. Константина († 2 февр. 1218) и возвращения во Владимир Георгия. В 1224 г. по приказу вел. кн. Георгия В. В. вместе со своим племянником блгв. кн. ярославским *Всеволодом (Иоанном) Константиновичем* был отправлен в поход – возможно, это был поход рус. войск, прибывших в Новгород из Суздаля, на ливонские земли, о к-ром свидетельствуют латиноязычные источники. В. В. перед кончиной был пострижен в схиму (стал одним из первых правителей Сев.-Вост. Руси, принявших перед смертью монашество), похоронен рядом с родственниками в Успенском соборе во Владимире. Княжеское имя В. В. записано во вседневный синодик собора, а также в нек-рые списки синодика *нижегородского Печерского в честь Вознесения Господня мон-ря* (РГБ. Ф. 256. Рум. № 387. Л. 41, 42 об.). В. В. упоминается в надгробных листах (надписях над погребениями) своего отца вел. кн. Всеволода и старшего брата вел. кн. Константина. Порядок поминания архиереев, вел. князей, княгинь и их детей, чьи останки почивали во Владимире, изложен в грамоте царя *Иоанна IV Васильевича Грозного* клириками Успенского собора, кон. 40-х – нач. 50-х гг. XVI в. (грамота не сохр., известна в публикации XIX в.).

Среди тех, кто вместе с Владимирским еп. сщмч. *Митрофаном* погиб 7 февр. 1238 г. во владимирском *Успенском соборе,* в летописи упоминается «княгиня Володимеряя с детми» (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 463, 464). По-видимому, речь идет о супруге и детях В. В., поскольку

контекст летописного известия исключает возможность отождествления этой княгини с вдовой кн. мч. *Владимира Георгиевича*.

Начиная с работ архим. *Леонида (Кавелина)* и архиеп. *Димитрия (Самбикина)* принято отождествлять В. В. с кн. Димитрием Всеволодовичем, упоминаемым вместе с др. владимирскими князьями 1-й пол. XIII в. в «Описании о российских святых» (известно в списках кон. XVII–XVIII в.). Канонизация В. В. подтверждена включением его имени в Собор Владимирских святых, празднование к-рому установлено в 1982 г. по благословению Владимирского и Суздальского архиеп. *Серапиона (Фадеева)*.

Ист.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2–3. М., 1997 (по указ.); Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 18, 265; Т. 7. М., 2001; Т. 10. М., 2000; Т. 15. Вып. 1. М., 2000; Т. 41. М., 1995; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (по указ.); *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях владимирских» в Медоварцевском сб-ке // История и палеография: Сб. ст. М., 1993. Ч. 1. С. 71–72; Описание о российских святых. С. 218.

Лит.: *Сергий (Спасский)*. Месяцеслов. Т. 3. Прил. 3. С. 556; *Барсуков*. Источники агиографии. Стб. 149; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Сев. Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биогр. очерки. СПб., 1891. Т. 2 (по указ.); *Леонид (Кавелин)*. Святая Русь. № 644. С. 166; *Димитрий (Самбикин)*. Месяцеслов. Вып. 2. С. 179; *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3–4 (по указ.); *Бережков Н. Г.* Хронология рус. летописания. М., 1963 (по указ.); *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – 1-й пол. XIII в. М., 1977. С. 171–172; *Кучкин В. А.* Формирование гос. территории Сев.-Вост. Руси в X–XIV вв. М., 1984 (по указ.); *Лосева О. В.* Месяцеслов и именослов в Древней Руси // Румянцевские чтения: Мат-лы науч.-практ. конф. М., 1996. Ч. 2. С. 63–71.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР (ДИМИ́ТРИЙ) КОНСТАНТИ́НОВИЧ (1214 – 27.12.1249, Владимир), блгв. кн. угличский (пам. 26 окт., 27 дек.), 3-й сын вел. кн. св. *Константина Всеволодовича* и кнг. Агафии Мстиславны, младший брат ростовского кн. мч. *Василия* (Василька) и блгв. кн. ярославского *Всеволода (Иоанна)*, отец св. угличских князей *Андрея* и *Романа*.

В. К. стал правителем Угличского княжества, по-видимому, незадолго до 1226 г., когда он вместе с вел. кн. *Георгием (Юрием) Всеволодовичем* и братьями участвовал в военном походе против курского кн. Олега Игоревича, оспаривавшего право на Черниговское княжество у вел. кн. св. *Михаила Всеволодовича*, союзника владимиро-суздальских князей. Сообщения нек-рых родословцев сер. XVI в. о том, что В. К. получил Углич сразу после смерти отца († 2 февр. 1218) (РИИР. Вып. 2. С. 96), не подтверждаются древнейшими рус. летописями. В 1228 г. в конфликте между переяславским кн. *Ярославом (Феодором) Всеволодовичем* и вел. кн. Георгием В. К. принял сторону первого. Примирение произошло в том же году на съезде князей в Суздале, где братья Константиновичи, «исправивше все нелюбье межю собою», «поклонишася Юрью вси», подтвердив его «отцом собе и господином», после чего пришлось примириться и кн. Ярославу. В 1230 г. по инициативе В. К. и его братьев в Ростов был поставлен епископом свт. *Кирилл II*, князья присутствовали при интронизации архиерея. В 1231–1232 гг. В. К. вновь ходил военным походом на черниговские земли, в 1232 г. женился на Евдокии, дочери рязанского кн. Ингваря Игоревича.

Осенью–зимой 1237/38 г. угличский князь вместе с братьями прибыл во Владимир для помощи вел. кн. Георгию Всеволодовичу в отражении нашествия монголо-татар. В начале янв. 1238 г., получив известие от блгв. кн. *Всеволода (Димитрия) Георгиевича* о разгроме рус. рати войсками хана Батыя под Коломной, В. К. вместе с вел. князем и братьями уехал из Владимира на р. Сить для сбора новой рати. Здесь 4 марта 1238 г. он принял участие в трагической для рус. воинства битве против рати монг. нойона Бурундая и уцелел в сражении. В 1239 г. вместе с др. князьями В. К. участвовал в перенесении останков вел. кн. Георгия, погибшего на Сити, из Ростова во Владимир. На княжеском съезде, состоявшемся, вероятно, во Владимире после похорон, за В. К. была утверждена его прежняя вотчина Углич. В 1244 г. В. К. возглавил поездку князей ростовского дома к Батыю, к-рый утвердил князей на их столах, в 1245–1246 гг. В. К. повторил поездку в Орду. В кон. 1249 г. он участвовал в княжеском съезде во Владимире и вскоре скончался. В. К. был погребен в угличском Спасо-Преображенском соборе, отпевание возглавил Ростовский еп. Кирилл II, доставивший останки князя из Владимира в Углич.

Местное почитание В. К. в Угличе началось достаточно поздно, по-видимому в XVIII в., и было связано с почитанием его сыновей, в первую очередь кн. Романа Владимировича (мощи к-рого были обретены в 1486 при строительстве нового Преображенского собора). В царских грамотах в Углич до кон. XVII в. ни В. К., ни его старший сын кн. Андрей не упоминаются. Их изображения отсутствуют на иконе Угличских святых кон. XVII в. (УГМ). Сообщения о «благоверном» и «христолюбивом князе» В. К. появляются в Угличской летописи, известной в многочисленных списках 2-й пол. XVIII–XIX вв. В основе этих сообщений, к-рые имеют мало общего с биографией князя, известной из более древних летописей, лежат сведения о В. К., заимствованные из жития блгв. кн. Романа Владимировича, и, по-видимому, местные предания.

Ист.: Житие св. и блгв. кн. Романа Владимировича, угличского чудотворца. Ярославль, 1890. С. 1–5; Угличский летописец (по списку Археогр. комис. № 18) // Тр. ЯГУАК. М., 1890. Вып. 1. С. 90–94; Угличский летописец / Под ред. А. А. Севастьяновой. Ярославль, 1996 (по указ.); ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2–3. М., 1997; Т. 4. Ч. 1. М., 2000; Т. 6. Вып. 1. М., 2000; Т. 15. Вып. 1. М., 2000; Т. 18. СПб., 1913; Т. 23. М., 2004; Т. 24. М., 2000; Т. 25. М.; Л., 1949; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: (Реконструкция текста). М.; Л., 1950 (по указ.); РИИР. Вып. 2 / Сост. М. Е. Бычкова. М., 1977. С. 13, 96.

Лит.: *Филарет (Гумилевский)*. РСв. Февр. Чернигов, 1862. С. 10–11; *Русинов Н. Д.* Новые док-ты о польско-литов. интервенции нач. XVII в. в Угличском Верхневолжье // Исслед. и мат-лы по истории Угличского Верхневолжья. Углич, 1957. Вып. 1. С. 24–29; *Бережков Н. Г.* Хронология рус. летописания. М., 1963. С. 109, 113; *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967 (по указ.); *Киссель Ф. Х.* История г. Углича. Углич, 1994². С. 60–64; *Шиманская М., Метелица С.* Мон-ри и храмы земли Ярославской. Ярославль; Рыбинск, 2000. Т. 1. С. 12; 2001. Т. 3. С. 351, 381.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР (до 1178 – ок. 1226) **И АГРИППИ́НА,** святые благоверные кн. и кнг. ржевские (пам. 15 июля, 23 июня, в 1-е воскресенье после 29 июня – в Соборе Тверских святых). Идентификация В. и А. с известными историческими лицами возможна лишь предположительно; достоверно известно, что в XVII – 1-й пол. XVIII в. они местно почитались в Ржеве.

Начиная по крайней мере с 30-х гг. XIV в., возможно и несколько ранее, Ржева находилась под властью *Ли-*

Святые кн. Владимир и кнг. Агриппина ржевские. Прорись с иконы XVII в. (ГРМ. ПМ–4209)

товского великого княжества; о сидевших здесь в это время князьях имеются отрывочные сведения, и Владимиры среди них неизвестны. С 80-х гг. XIV в. область принадлежала Московскому княжеству, в 1389 г. на короткое время она вошла в удел боровско-серпуховского кн. *Владимира Андреевича* Храброго († 1410), однако к моменту своей кончины он Ржевой уже не владел.

Среди ржевских князей долитов. периода, происходивших из смоленской ветви древнерус. княжеского семейства (потомков блгв. кн. *Ростислава (Михаила) Мстиславича*), действительно находим одного Владимира, к-рый был, судя по всему, 1-м ржевским князем, родоначальником ржевской линии смоленских князей. Это Владимир Мстиславич, 2-й сын торопецкого блгв. кн. *Мстислава (Георгия) Ростиславича* Храброго (1178–1180), умершего на новгородском столе. Св. кн. Владимира Ржевского с кн. Владимиром Мстиславичем отождествляли Е. Е. *Голубинский* и архиеп. *Димитрий (Самбикин).*

В летописях Владимир Мстиславич впервые упоминается в 1180 г., когда умирающий отец поручил его братьям Рюрику и Давыду Ростиславичам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 609). В Крещении князь, возможно, имел имя Флор или Лавр (если верна предположительная атрибуция В. Л. *Яниным* буллы с изображением св. Феодора на одной стороне и святых Флора и Лавра на другой как печати Владимира Мстиславича). В 1208 г., будучи князем псковским, Владимир Мстиславич участвовал в отражении литов. набега на Новгород. В 1209 г. был посажен своим старшим братом — новгородским кн. *Мстиславом (Феодором) Мстиславичем* Удатным в Вел. Луках, сохранив за собой Псков.

Попытка наладить мирные отношения с Ливонским орденом путем брака дочери с Дитрихом Буксгевденом, братом католич. Рижского еп. *Альберта I,* стоила Владимиру псковского стола — в 1211 г. он был изгнан псковичами и до 1215 г. (с коротким перерывом) был в качестве вассала Альберта «судьей Идумеи» — области к северо-востоку от Риги. Вернувшись в 1215 г. в Псков, он участвовал в 1216 г. на стороне брата Мстислава и ростовского кн. св. *Константина Всеволодовича* в ряде сражений (в частности, ходил походом к Ржеве, разорил В. Поволжье), а также в битве на Липице против младших братьев кн. Константина Всеволодовича — блгв. вел. кн. владимирского *Георгия (Юрия)* и блгв. кн. *Ярослава (Феодора)* Всеволодовичей. В 1217 г., после ухода Мстислава Мстиславича из Новгорода на юг, в Галич, произошел, видимо, раздел Торопецкой вотчины Мстиславичей, в ходе к-рого Владимир получил ее вост. часть с Ржевой, а его брат Давыд — западную с центром в Торопце. Кроме Ржевской вотчины Владимир Мстиславич держал еще в Новгородской земле Нов. Торг, судя по тому, что зимой 1225/26 г. он отражал набег литовцев на торопецкие земли во главе отряда новоторжцев. На этом летописные известия о Владимире Мстиславиче прекращаются, вероятно, вскоре он умер.

Из этих данных трудно получить четкое представление о его политике. Складывается, однако, впечатление, что Владимир Мстиславич был сторонником ограничения влияния владимиро-суздальских князей на северо-западе Руси, проводя в качестве псковского князя линию на самостоятельность от Новгорода путем союза с Ригой, к-рая позже привела к тому, что Ярослав, сын Владимира Мстиславича, после смерти отца принимал активное участие в захвате ливонцами Пскова (1240), к-рый он рассматривал как свою отчину.

Со 2-й пол. XVI в. Ржева (Ржев) начинает именоваться Ржевой Володимеровой в отличие от расположенной северо-западнее Ржевы Пустой (напр., в Бельском летописце — памятнике 30-х гг. XVII в. западнорус. происхождения). Возможно, к этому времени относится начало местного почитания В. и А.

А. В. Назаренко

Почитание. Мощи В. и А. в XVII — 1-й пол. XVIII в. почивали под спудом в Успенском соборе в Ржеве, над ними была устроена деревянная резная позолоченная гробница и сень с иконостасом, возведенная в 1716 г. на средства Л. И. Челищева. На гробнице находилась икона с изображением В. и А.— вклад ржевского воеводы стольника С. Ф. Обернибесова.

В связи с розыском о церковных нестроениях в Ржеве (входившей в сер. XVIII в. в Тверскую епархию), к-рый был предпринят по указу имп. *Анны Иоанновны,* Тверской и Кашинский архиеп. Митрофан (Слотвинский) в 1745 г. провел расследование о праздновании памяти В. и А. О результатах расследования архиерей писал: «А с которого году, и с чего, и кем то воспоминание и празнество начато, и под тою ли гробницею оный князь и княгиня погребены, и чудеса и исцеления от них кому какие были ль, о том при следствии онаго собора протопоп и протчия священнослужители показали, что не знают, и никакой летописи и записок не явилось». При вскрытии гробницы В. и А. на глубине ок. 4, 5 м обнаружился покрытый каменной и дубовой досками сруб, в к-ром находились 2 дубовых гроба. Однако, как сказано в материалах следствия, «никаких мощей не сыскано», а только «кости гнилые... истленные». Архиерей запретил церковное празднование В. и А., гробницу разобрали.

По-видимому, почитание В. и А. сохранялось в Ржеве, несмотря на деканонизацию. Известен список службы В. и А. 50–60-х гг. XIX в. (ГИМ. Барс. № 1269, написан на бумаге 70-х гг. XVIII в.), текст копирует службу благоверным кн. *Петру* и кнг. *Февронии* Муромским (имена изменены). В. и А. почитались также в старообрядческой среде. В нач. XX в. по В. и А. в Ржеве еще служились панихиды, однако архиеп. *Димитрий (Самбикин)* включил их имена в «Алфавитный указатель местночтимых святых Тверского края». Церковное празднование В. и А. возобновлено после включения их в Собор Тверских святых, празднование к-рому было установлено в

1979 г. по инициативе Калининского и Кашинского архиеп. *Алексия (Коноплёва)*.

А. В. Назаренко, Е. В. Романенко

Ист.: НПЛ (по указат.); ПСРЛ. Т. 1–2, 4. Вып. 1 (по указат.). Т. 25. С. 11–112; *Heinrichs* Livländische Chronik / Hrsg. L Arbusow, A. Bauer. Hannover, 1955. Cap. XVI, 2; XVII 4, 6; XX 3, 7–8; XXI 2; XXII 4; *Матузова В. К., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь (кон. XII в.– 1270 г.): Тексты, пер., коммент. М., 2002 (по указ.); *Голубинский.* Канонизация святых. С. 454–459.

Лит.: *Квашнин-Самарин Н.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887; *Барсуков.* Источники агиографии. Стб. 107–108; *Тюменев И.* Верховья Волги // ИВ. 1894. Июнь. С. 705; *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888; *Голубинский.* Канонизация святых. С. 140, 198–199; *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. Тверь, 1991[р]. С. 30–32; *Сергий (Спасский).* Месяцеслов. Т. 3. С. 554; *Бережков Н. Г.* Хронология рус. летописания. М., 1963. С. 269; *Назарова Е. Л.* Место Ливонии в отношениях между Новгородом и Псковом (1-я четв. XIII в.) // Историческая археология: К 80-летию Д. А. Авдусина. М., 1998. 352–359; *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси: X–XV вв. М., 1970. С. 121, № 243; *он же.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998. С. 48–60; *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. // RM. Vol. 10. S. 67–68; *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки полит. истории Сев.-Зап. Руси XI–XIV вв. СПб., 2004. С. 136–144.

Иконография. Описание облика святых в иконописных подлинниках не представлено. Однако прориси и сведения о несохранившихся иконах, немногочисленные сохранившиеся образы дают представление о сложившейся в XVII в. иконографии В. и А. Как правило, их изображали вместе, предстоящими в молении Спасителю (в облаках). Фигуры показаны в $^{3}/_{4}$ развороте, обе руки сложены в молитвенном жесте (напр., на прориси с иконы XVII в., ГРМ. ПМ–4209) или со свитком в одной руке (напр., на прориси с иконы XVII в., ГРМ. ПМ–2423). У князя поверх нижнего платья ферязь, подбитая мехом, он простоволос, вьющиеся волосы спускаются на плечи, борода недлинная. Одежды А. традиционны для изображений св. жен: голова покрыта платом, поверх платья плащ. Этой иконографии соответствует икона из собрания Тверского музея (не сохр.), известная по описанию и прориси, со следующей характеристикой головного убора А.: «Голова покрыта белым платком, обернутым вокруг шеи» (*Жизневский.* С. 67. Кат. 86. Рис. 3 – прорись с иконы). О распространенности данного извода свидетельствуют известия об иконах в ржевских часовнях: при храме в честь Рождества Христова (Опись Ржевской градской приходской Христорождественской ц., 1849 г.– ГА Тверской обл. Ф. 160. Оп. 1. Т. 64. Д. 19011. Л. 41) и при единоверческом кладбище (*Жизневский.* Табл. IV), в Твери на соборной колокольне и в ц. во имя Двенадцати апостолов (позднее хранилась в Тверском музее, утрачена в числе др. икон в период оккупации нем.-фашистскими войсками в 1941–1943) и др.

В Ржевском уездном казначействе находилась икона Спасителя XVI в., к-рая, согласно преданию, «до нашествия Литвы была надвратною иконою при Спасо-Преображенской церкви; оттуда была взята в воеводскую канцелярию, а после упразднения оной поступила в казначейство». На ней В. и. А. изображены припадающими к стопам Спасителя в числе др. святых (Там же. С. 67. Прилож.: рис. с иконы).

Парным (на одной доске) было и изображение на надгробном образе святых (известно по описанию и прориси – Там же. С. 64–67. Табл. II): В. и А. представлены в рост прямолично со сложенными на груди руками, глаза закрыты, в длинных княжеских одеяниях, украшенных узором, драгоценными камнями и жемчугом. На голове св. Агриппины белый узорчатый плат, концы к-рого спускаются на плечи. Голова св. Владимира непокрыта, у него небольшая борода, волосы распущены по плечам. После 1745 г. надгробную икону из Успенского собора в Ржеве архим. Жёлтикова мон-ря Варлаам перевез в Тверь, где она находилась в кладовой под колокольней Спасо-Преображенского собора. Оттуда с разрешения архиеп. Тверского и Кашинского Филофея (Успенского) (1857–1876) ее перенесли на хранение в Тверской музей (в наст. время местонахождение неизвестно).

Единоличное изображение князя находилось в деревянной часовне Преображенской ц. г. Ржева (Опись Ржевской градской приходской Христорождественской ц., 1849 г.– ГА Тверской обл. Ф. 160. Оп. 1. Т. 64. Д. 19009. Л. 41).

Как небесные покровители заказчиков (?) образы В. и А. могли быть представлены на иконах в числе др. святых, напр. на иконе «Не рыдай Мене, Мати (со святыми на полях)» из с. Змеёва Лихославльского р-на Тверской обл. (1-я пол. XIX в., ТОКГ), на иконе в окладе «Святые блгв. кн. Михаил и свт. Арсений Тверские, блгв. кн. Владимир и кнг. Агриппина Ржевские» (XIX в., ТГОМ; оклад в ТОКГ).

Лит.: *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея: Археол. отдел. М., 1888. № 85–86; *Маркелов.* Святые Древней Руси. Т. 1. С. 194–195, № 81, 82.

Н. А. Майорова, Э. П. И.

ВЛАДИ́МИР-ИОА́НН – см. *Иоанн-Владимир*, св. кн. сербский.

ВЛАДИ́МИР (ИОА́НН) ВАСИ́ЛЬКОВИЧ (не ранее 1248 – 10.12.1288, Любомль), кн. владимиро-волынский (ок. 1269–1288), сын владимиро-волынского кн. Василька Романовича, младшего брата вел. кн. *Даниила Романовича*. Род. от 2-го брака кн. Василька с кнг. Дубровкой (в Крещении Еленой), вероятно дочерью краковского и сандомирского кн. Лешка Белого. Брак В. В. с Ольгой, дочерью брянского кн. Романа Старого, в 1263 г. скрепил союз с черниговскими князьями в целях общей для галицко-волынских Романовичей политики сдерживания Литвы. Заняв владимиро-волынский стол после смерти отца, В. В. не стремился к внешнеполитической активности, действуя чаще в русле политики своего старшего двоюродного брата галицкого кн. *Льва Даниловича*, что видно, в частности, по составленной при дворе В. В. летописи, к-рая вошла в *Галицко-Волынскую летопись*. Стараясь поддерживать дружеские отношения с зап. соседом – мазовецким кн. Конрадом II (1262–1294), В. В. если и участвовал в военных действиях, то по большей части вынужденно: по приказу хана Менгу-Тимура – в русско-ордынских походах на земли Литвы в 1275 и 1277 гг., организованных кн. Львом Даниловичем; в 80-х гг.– в походах на Краковское княжество, совместных с татарами и также по инициативе Льва Галицкого.

Летопись В. В. завершается пространной похвалой князю, в к-рой, несмотря на ее во многом литературно-трафаретный характер (так, в ней выявляются обширные заимствования из похвалы равноап. кн. *Владимиру (Василию) Святославичу* в Слове о законе и благодати митр. Илариона), очерчен впечатляющий образ князя-страдальца (в последние годы жизни В. В. был мучим тяжким недугом: «нача ему гнити исподняя устна»), просвещенного правителя («бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по нем не будеть»), покровителя Церкви, храмоздателя, нищелюбца. Перечислены церкви, к-рые по приказу В. В. были построены и снабжены книгами, иконами, утварью: Благовещенская в Каменце (город в сев. части Владимиро-Волынского княжества, основанный В. В.), церковь в Бельске, Георгиевский храм в Любомле, Петровский храм в Берестье. Из созданных В. В. «монастырей многих» с определенностью известен только мон-рь св.

Апостолов во Владимире-Волынском. Здесь на средства князя была расписана ц. вмч. Димитрия. Перечень церковных вкладов В. В. («окованных» золотом, серебром и жемчугом богослужебных книг — Евангелий, Апостолов, Прологов, Миней, Триодей, Октоихов, Ирмологиев, икон в драгоценных окладах, богослужебных сосудов, облачений и всевозможного шитья) занимает в летописи неск. листов. Многочисленные богатые вклады делались князем и в храмы за пределами собственного княжества: в кафедральные соборы Перемышльской, Луцкой, Черниговской епархий. При этом ряд книг был переписан В. В. собственноручно: в «манастырь в свои Апостолы» В. В. «сам списа» Евангелие-апракос и Апостол, еще одно Евангелие-апракос он переписал для перемышльского собора и т. п. Эти сведения посмертного летописного панегирика подтверждаются и др. свидетельствами.

В правление В. В. и при его непосредственном участии был создан и получил распространение в западнорус. областях Волынский извод *Кормчей книги* рус. редакции, к-рый отличается от севернорус. изводов не только исключением нек-рых специфических текстов (напр., *Кирика Вопрошания*), но и добавлением других — анонимных правил монастырского общежития, что, вероятно, связано с интересом к этой теме В. В. как устроителя мон-рей. В списках Волынского извода сохранилась запись, сообщающая о списании «сего Номоканона боголюбивым князем Владимиром, сыном Васильковым» в 1286/87 мартовском году. Активная деятельность В. В. по укреплению Церкви развивалась в том же направлении, что и деятельность в 60-х — нач. 80-х гг. XIII в. Киевского митр. *Кирилла II* и имела большое значение для восстановления церковной жизни на юго-западе Руси после монг. нашествия, в сложных условиях складывания новой политической системы сюзеренитета *Золотой Орды* над рус. землями. Атмосфера покровительства церковной книжности царила, по-видимому, и в окружении В. В.: сохранился список слав. перевода «Паренесиса» прп. *Ефрема Сирина,* сделанный по заказу тиуна В. В. Петра (РНБ. Погод. № 71а. 1°; СКСРК, XIV. Вып. 1. № д51).

Перед смертью бездетный В. В. распорядился о передаче своего княжения не Льву Даниловичу, а младшему брату последнего — луцкому кн. Мстиславу, что выдает натянутость отношений между В. В. и галицким князем, политика к-рого, характеризовавшаяся почти лихорадочной военной и внешней активностью, была, судя по всему, чужда направленной прежде всего на внутреннее устроение политике В. В.

Сведений о церковном почитании В. В. нет. Однако ряд фактов можно истолковать как попытку начать канонизацию князя сразу же после его кончины: с дек. по апр. рака с его телом стояла «незамазанна», затем в присутствии вдовы В. В., Владимиро-Волынского еп. Евстигнея и «всего клироса» была открыта, «и видиша тело его цело и бело, и благоухание от гроба бысть и воня, подобна арамат многоценных».

Ист.: ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 863–927 (и по указ.); Галицько-Волинський літопис: Дослідж., текст, комент. / За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 131–153 (и по указ.); АИ. Т. 1. № 76.

Лит.: *Соловьев.* История. Кн. 2. Т. 3. С. 195–203; *Грушевський М. С.* Історія України–Русі. Львів, 1905. Т. 3; *Баумгартен Н. А.* Родословные отрывки. IX. М., 1909. С. 28–29; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 109–130, 289–302; *Насонов А. Н.* История рус. летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 226–245; *Щапов Я. Н.* Визант. и южнослав. правовое наследие на Руси XI–XIII вв. М., 1978 (по указ.); *Котляр Н. Ф.* Галицко-Волынская летопись: (Источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие гос-ва Вост. Европы, 1995 г. М., 1997. С. 151–161; *его же.* Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998.

А. В. Назаренко

ВЛАДИ́МИР (ИОА́НН) ИОА́ННОВИЧ († между 1359–1363?), кн. киевский и путивльский. Краткие сведения о В. И. содержатся в синодике черниговских князей, составленном в нач. XV в. и содержащем сведения о рус. и литов. правосл. правителях Черниговско-Северской земли в кон. X — нач. XV в. Синодик известен в неск. списках XVIII–XIX вв.: Любецкий, Северский, Елецкий, Киевский и др. В Любецком списке есть поминание «князя Иоанна, Путимлскаго страстотерпца и чудотворца, оубытого от татар за християни» (*Зотов.* С. 27–28). В Северском синодике записана «вечная память» «князю Иоанну–Володимеру Иоанновичу Киевскому» и его ближайшим родственникам: сестре — кнг. Елене, супруге кн. Андрея «Вруцкаго» (Овручского? Друцкого?), а также кн. Василию (сын В. И. или кн. Андрея), убитому ордынцами в Путивле в сер. XIV в.

В. И. происходил из старшей (брянской) линии черниговских Ольговичей, потомков блгв. кн. *Святослава (Николая) Ярославича,* в 1139–1239 гг. неоднократно занимавших великокняжеский стол в Киеве. Являлся сыном путивльского кн. Иоанна Романовича († 1-я четв. XIV в.). Архиеп. *Филарет (Гумилевский)* (С. 101. Примеч. 193) и вслед за ним др. исследователи ошибочно считали отцом В. И. Романа Игоревича († 1211), сына северского кн. Игоря (Георгия) Святославича. Причиной неверного отождествления было, в частности, то, что в офиц., прежде всего в «Государеве родословце» 1555 г. и «Бархатной книге» 1686 г., и частных редакциях рус. родословных книг XVI–XVII вв. отсутствовала роспись путивльских князей, поскольку в XV–XVI вв. они надолго не выезжали в Московское гос-во, оставаясь на службе в *Литовском великом княжестве.*

Время княжения В. И. в Киеве следует отнести к периоду между 1331 и 1352 или между 1352 и 1367 гг. (В 1330–1331 в Киеве правил кн. Феодор, брат Гедимина, его власть распространялась и на часть Черниговской земли (ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 344; Т. 6. Вып. 1. Стб. 405–406). В 1352 г. литов. кандидата на митрополию *Романа* не приняли киевляне (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 61), следовательно, в Киеве тогда не было князя, однако к нояб. 1367 здесь уже правил *Владимир (Василий) Ольгердович.*) Время княжения В. И. в Киеве совпадает с концом правления в Золотой Орде хана Узбека (ум. 1341), временем правления его преемников — Джанибека (ум. 1357) и Бердибека (ум. 1359), а также периодом великой «замятни» (начавшейся в 1359), когда неподконтрольные центральной власти правители улусов предпринимали грабительские походы на Русь, особенно активно в 60-х гг. XIV в. Во время одного из таких набегов и мог быть убит В. И. Возможно, что вокняжение до нояб. 1367 г. в Киеве Владимира Ольгердовича стало следствием гибели представителей старшей ветви черниговских Ольговичей (В. И.).

В. И. нельзя отождествлять с кн. Владимиром Брянским, к-рый, по данным Архангелогородского летописца (списки XVII–XVIII вв.),

в 1365 г. принимал участие с вел. кн. *Олегом Иоанновичем* в разгроме под Шишовским лесом на Воине рати ордынского кн. Тагая (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 18. С. 73), т. к. более древние летописцы отмечают, что союзником правителя Рязани в этой битве был пронский кн. Владимир Димитриевич (Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 436; Т. 15. Вып. 1. Стб. 80; Т. 18. СПб., 1913. С. 104 и др.).

Ист.: *Милорадович Г. А.* Любеч, Черниговской губ. Городницкого у., родина прп. Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2: Мат-лы отеч. С. 33–37; *Зотов Р. М.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25–28; *Козляков В. Н.* Дашковский сб. XVII в. // Рязанская вивлиофика: Ист. альманах. Рязань, 2000. Вып. 1. С. 9–20.

Лит.: *Филарет (Гумилевский).* РСв. С. 101–104; *Квашнин-Самарин Н. [Д.]* По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. С. 213–226; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Од., 1912. Т. 1: Литовский период. С. 34–41; *Русина О. В.* Сіверьска земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998. С. 108–111; *она же.* Україна під татарами і Литвою // Україна крізь віки. К., 1998. Т. 6. С. 30–36; *З[айцев] А. К.* Помянник черниговских князей // Письменные памятники истории Др. Руси: Аннот. кат.-справ. / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 107–109.

А. В. Кузьмин

ВЛАДИ́МИР МОНОМА́Х – см. *Владимир (Василий) Всеволодович* Мономах.

ВЛАДИ́МИРОВ [Володимеров] Иосиф, рус. иконописец, стенописец, работавший во 2-й трети XVII в. Автор «Послания некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему иконописцу Симону Федоровичу» (1656–1657 или нач. 60-х гг. XVII в.), в к-ром теоретически обосновал т. н. живоподобие – новое стилистическое направление в иконописи, получившее распространение среди царских изографов благодаря ведущему мастеру иконописной мастерской Оружейной палаты Симону *Ушакову*.

В.– уроженец Ярославля, предположительно проживал в слободе Толчково, в приходе ц. св. Иоанна Предтечи. Впервые был вызван в Москву в 1642–1643 гг. и принял участие в росписи Успенского собора в Кремле. Был сразу замечен ведущими московскими мастерами, в дальнейшем постоянно привлекался к работам по царскому заказу. В 1650 г. в составе артели ярославского стенописца Севастьяна Дмитриева работал в Кирилло-Белозерском мон-ре. Документально известно, что В. принимал участие в написании небольших композиций в киотах на стенах Успенского собора мон-ря. Однако поскольку род художника был внесен для поминовения в монастырский синодик, есть все основания полагать, что он участвовал также и в более значительных работах в мон-ре, в частности, в росписи соборных папертей.

В 1652 г. В. принимал участие в начальном этапе росписи Архангельского собора Московского Кремля, где завязалась его дружба с Ушаковым, руководившим этими работами. В 1653–1654 гг. В. был среди мастеров, писавших иконы для иконостаса Успенского собора Кремля. В 1659 г. в составе большой артели выполнял стенописи в Успенском соборе г. Ростова Вел. После возобновления в 1660 г. работ в Архангельском соборе, прерванных моровым поветрием 1654 г., В., числившийся уже как мастер 1-й статьи, вновь привлекался к участию в них. В это время художник проживал в доме Ушакова близ ц. Св. Троицы в Никитниках. Для местного ряда иконостаса этого храма, построенного на средства выходцев из Ярославля купцов Никитниковых, им была написана икона «Сошествие Св. Духа на апостолов», в к-рой он сознательно изменил традиц. иконографию в соответствии с совр. греч. образцами. Тогда же привлекался ко мн. коллективным работам: письму царских врат для придворной ц. св. Евдокии, починке икон местного ряда иконостаса Покровского собора на Рву (собор Василия Блаженного), письму новой иконы Господа Вседержителя и двери в жертвенник для того же собора. Под рук. живописца Стефана Лопуцкого участвовал в письме знамен.

Предположительно какое-то время В. мог учиться у рисовальщика Пюльмана, приезжавшего в Россию в 1661–1663 гг. С именем В. связана гравюра с изображением Спаса Нерукотворного, отпечатанная в Вене в 1663 г.: в надписи на польск. языке мастер упомянут как автор рисунка, с к-рого выполнена гравюра.

В нач. 60-х гг. XVII в. В. работал также на московском Печатном дворе (очевидно, в качестве знаменщика). Оттуда в 1664 г. вызывался к работам по росписи государевых дворцовых покоев. В 1666 г. числился московским иконописцем. В это время он вновь вызывался для работ в Архангельском соборе, но не был найден. Более поздних свидетельств о его жизни и творчестве не имеется.

Свое «Послание», адресованное Ушакову, В. написал в полемике с ярославским архидиак. Иваном Плешковичем, сербом по происхождению. В. выступил в защиту новаторского «живоподобного» письма, в к-ром Плешкович и его единомышленники видели нарушение древних традиций и прямое воздействие «латинства», т. е. европ. живописи. В. первым высказал мысль о приоритете художественного начала в иконописи: плохо написанная икона не может быть моленным образом. При этом он положительно отзывался о профессиональном мастерстве европ. художников, несмотря на их приверженность «латинской» вере. В. считал, что иконописец должен нести высокую личную ответственность за свои произведения и призвал мастеров ставить подпись на созданных ими иконах. Несмотря на то что в своих теоретических суждениях В. был сторонником нового «живоподобного» стиля, в творчестве он придерживался традиц. направления.

Лит.: *Забелин И. Е.* Мат-лы для истории рус. иконописи // ВОИДР. 1850. Кн. 7. С. 8, 13, 24, 27, 71; *Ровинский Д. А.* История рус. школ иконописания до кон. XVII в. // Зап. Имп. Археол. об-ва. СПб., 1856. Т. 8. С. 134, 135, 152; *Румянцев В. Е.* Сведения о гравировании и граверах при Моск. Печатном дворе в XVI и XVII ст. М., 1870; *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. СПб., 1895. Вып. 1. С. 51–52; *Лихачев Н. П.* Царский «изограф» Иосиф и его иконы. СПб., 1897; *Успенский А. И.* Царские иконописцы. Т. 2. С. 52–54; *он же.* Словарь патриарших иконописцев. М., 1917. С. 103–104; *Овчинникова Е. С.* Иосиф Владимиров: Трактат об искусстве // ДРИ. М., 1964. [Вып.:] XVII в. С. 9–23; *она же.* Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970. С. 142–150; *Салтыков А. А.* Эстетические взгляды Иосифа Владимирова // ТОДРЛ. 1974. Вып. 28. С. 271–288; *Брюсова В. Г.* Рус. живопись XVII в. М., 1984. С. 27–28; *Болотцева И. П.* Иосиф Владимиров и иконопись Ярославля сер. XVII в. // Памятники архитектуры и искусства Ярославской обл. Ярославль, 1987. С. 74–95; *Казакевич Т. Е.* Стенопись Введенского Толгского собора и ее мастера // Науч. чтения памяти И. П. Болотцевой (1944–1995): Сб. ст. Ярославль, 2000. Вып. 4. С. 23.

Н. И. Комашко

ВЛАДИ́МИРО-ВОЛЫ́НСКАЯ ЕПА́РХИЯ, основана в древнерус. время с центром в г. Владимире-Волынском на р. Луге, правом притоке Зап. Буга.

XI(X?)–XIII вв. Традиц. дата учреждения епархии – 992/93 г., вско-

ре после основания равноап. кн. *Владимиром (Василием) Святославичем* г. Владимира-Волынского, к-рая считалась общепринятой в науке XIX в. (митр. *Макарий*, А. М. Андрияшев, Е. Е. *Голубинский*, М. С. *Грушевский* и др.), основывается на показании поздней (XVI в.) *Никоновской летописи* о поставлении в 992/93 г. первых епископов в Чернигов (Неофит), Ростов (Феодор), Владимир-Волынский (Стефан) и в Белгород под Киевом (Никита) (ПСРЛ. Т. 9. С. 65). Источник этого дополнения к тексту *Повести временных лет* неясен. Список имен архиереев повторяет имена наиболее ранних достоверно зафиксированных источниками епископов соответствующих кафедр в XI в.: Неофита Черниговского и Никиты Белгородского (упом. в 1072), *Феодора* Ростовского (одного из предшественников свт. *Леонтия* Ростовского, согласно житию свт. Леонтия XII в.) и свт. *Стефана* Владимиро-Волынского. Поэтому вряд ли сведения Никоновской летописи вполне достоверны, хотя сам факт учреждения *Белгородской* и *Черниговской епархий* в правление Владимира Святославича вероятен, а *Ростовской епархии* не исключен. Поскольку в кон. X — 1-й пол. XI в. во Владимире-Волынском по крайней мере в отдельные периоды существовал княжеский стол (при Владимире его занимал один из 4 старейших Владимировичей Всеволод, при *Ярославе (Георгии) Владимировиче* Мудром — его 3-й по старшинству сын св. *Святослав (Николай)*), то исключать возможность существования здесь епископской кафедры (быть может, периодами вдовствовавшей) уже в то время нельзя.

В науке XX в. возобладало мнение, что В.-В. е. возникла в посл. четв. XI в. при волынском кн. *Ярополке (Петре) Изяславиче:* в 1078–1086 гг. (А. Н. *Поппе*, Я. Н. *Щапов*) или в 1089–1091 гг. (М. Д. *Присёлков*). Первая из этих датировок исходит из того, что свт. Стефан, игум. *Киево-Печерского* мон-ря после прп. *Феодосия*, упомянут в качестве «епископа в Володимирьскую волость» уже в Житии прп. Феодосия Печерского, к-рое было написано прп. *Нестором*, согласно наиболее распространенной гипотезе, в 80-х гг. XI в. Однако эту датировку нельзя считать вполне доказанной (см.: *Артамонов Ю. А.* Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие гос-ва Вост. Европы, 2001 г. М., 2003. С. 173–277). Датировка 1089–1091 гг. основана на том наблюдении, что свт. Стефан, упоминаемый как епископ при перенесении мощей прп. Феодосия в авг. 1091 г., не значится среди епископов, присутствовавших на освящении Успенского собора Печерского мон-ря 14 авг. 1089 г. Однако отсутствие Стефана Волынского на печерских торжествах 1089 г. могло иметь свои причины. Тесная связь между еп. Стефаном и волынским кн. Давыдом Игоревичем (1086–1099; † 1112), к-рый в 1109 г. завершил строительство собора в основанном свт. Стефаном на Клове под Киевом мон-ре в честь Положения Ризы Пресв. Богородицы во Влахерне (в этом мон-ре князь был впосл. похоронен), подсказывает, что поставление Стефана могло состояться в княжение Давыда и по его инициативе, напр., ок. 1086 или 1088 г., когда Волынская и Туровская волости, бывшие под властью Ярополка Изяславича, оказались разделены.

Был ли свт. Стефан († 27 апр. 1094) первым Владимиро-Волынским епископом? В списке епархий Киевской митрополии, относящемся к правлению имп. *Мануила I Комнина* (1143–1180), вероятно ближе к сер. XII в. (до 1165), В.-В. е. (του Βλαδιμοιρου) значится на 5-м месте, после Белгородской, *Новгородской*, Черниговской и *Полоцкой епархий*, перед *Переяславской*, Суздальской (т. е. *Ростовской*), *Туровской*, Каневской *(Юрьевской)* и др. епархиями. Обычно перечни такого рода излагались в хронологической последовательности учреждения кафедр. Присёлков, по-видимому, еще не знал данного источника, опубликованного впервые в 1901 г., тогда как Поппе отказывается от его использования под тем предлогом, что в перечне были возможны перемещения в соответствии с переменами в политическом значении городов, служивших кафедральными центрами, хотя никаких конкретных соображений на этот счет не приводит. Если же положиться на последовательность перечисления в перечне, то основание В.-В. е. придется отнести самое позднее к правлению Ярослава Мудрого, т. к. Переяславская епархия не могла возникнуть позже 1054 г., когда Переяславль стал стольным городом *Всеволода (Андрея) Ярославича*.

Об этом же говорит и каталог Владимиро-Волынских епископов, сохранившийся в позднем (XVIII в.) лат. списке из б-ки униатской Перемышльской епископии, но заимствованный из какого-то более раннего источника. В нем перед Стефаном значатся Иоанн, Антоний, Anythi (?), Codrius (?), Илия, а после — Симеон, Феодор, Лаврентий, Прокопий, Антоний, Иоасаф, Василий, Никифор, Косма (*Петрушевич А. С.* О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче // Галицкий ист. сб. Львов, 1853. Вып. 1. С. 145. Примеч.). Данные этого каталога, составленного без опоры на летописи, не противоречат летописным свидетельствам, согласно к-рым известны следующие Владимиро-Волынские епископы XII в.: свт. *Амфилохий* (1105–1122) (не его ли имя, искаженное до «Anythi Codrius», попало не на свое место в каталоге?), Симеон (1123–1136), Феодор (1137 — после 1147), именуемый в летописи «скопцом», по-видимому грек, участвовавший в 1147 г. в поставлении митр. *Климента Смолятича*. С сер. XII в. сведения о Волынских архиереях сходят со страниц летописей (эта лакуна заполнена в каталоге) и появляются снова только в 20-х гг. XIII в. В статье 1223/24 г. Галицко-Волынской летописи находится пере-

Святогорский Зимненский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь. Гравюра. XIX в.

чень Владимиро-Волынских епископов, бывших в правление князей *Даниила* и Василька Романовичей, т. е. в 20–60-х гг.

Вид Успенского собора во Владимире-Волынском до реставрации. Гравюра. XIX в.

XIII в., тождественный приведенному в каталоге: Иоасаф, «блаженыи, преподобныи, святитель Святое горы» (т. е. из монахов или игуменов *Святогорского Зимненского в честь Успения Пресв. Богородицы мон-ря*, известного по крайней мере с 60-х гг. XI в.), тождество к-рого с Угровским еп. Иоасафом дискуссионно; Василий, также из Святогорского мон-ря; Никифор по прозвищу Станило, из слуг кн. Василька (что говорит о его поставлении после 1238, когда Василько стал владимирским князем), Косма, «кроткыи, преподобныи, смиреныи». В конце правления Владимирка Васильковича († 1288) упоминается еп. Евсигний (еп. Марк, одновременно поименованный среди окружения Владимирка и иногда включаемый в списки Волынских иерархов, не может быть Владимиро-Волынским епископом).

Первоначальная территория В.-В. е., если исходить из принципиального для Др. Руси совпадения политических и церковных границ, простиралась от русско-польск. и русско-венг. пограничья на западе до междуречья Стыри и Горыни на востоке, от верховьев Припяти на севере до подвижной границы со степью в Ср. Поднестровье. Позднейшие территориальные изменения епархии также следовали за переменами политическими. Скорее всего в сер. XII в. (не позднее 1152/53) в связи с окончательным оформлением Галицкого княжества при кн. Владимирке Володаревиче от В.-В. е. была отделена южная, прикарпатско-днестровская, половина, к-рая составила *Галицкую епархию*. При волынском кн. Мстиславе Изяславиче (1156–1170) В.-В. е. пополнилась Берестейской волостью в среднем течении Зап. Буга, отделенной от Киева, а в церковном отношении, видимо, от Турова. После укрепления на Волыни кн. Даниила Романовича происходит дробление В.-В. е. путем выделения из нее в 20–30-х гг. XIII в. Угровской епархии (центр к-рой ок. 1240 был перенесен из Угровска в Холм — см. *Холмская епархия*) и, по всей вероятности, во 2-й четв. XIII в. *Луцкой епархии*, к-рая охватывала земли на востоке прежней В.-В. е. (впервые Луцкая кафедра упом. в 1288).

В начальный период своего существования В.-В. е., видимо, не относилась к числу богатых, о чем свидетельствует отсутствие каменного церковного строительства в кафедральном центре вплоть до сер. XII в. Только при кн. Мстиславе Изяславиче (в 1156–1160, если верить уникальному известию Никоновской летописи под 1160 г. о «подписании» и украшении храма в этом году: ПСРЛ. Т. 9. С. 229) на его средства был возведен большой (20,6×34,5 м) одноглавый шестистолпный Успенский собор (восстановлен в первоначальной форме в 1900), в архитектурном отношении близкий собору Кирилловского мон-ря в Киеве и служивший также княжеской усыпальницей. Если деревянный предшественник этого собора был с самого начала посвящен Успению Божией Матери, то это могло бы служить аргументом против ранней датировки возникновения В.-В. е., т. к. Успенские храмы получают распространение с кон. XI в., с ростом авторитета Киево-Печерского мон-ря, выходцы из к-рого в это время очень часто занимали епископские кафедры. Однако данных о посвящении первоначального деревянного храма нет.

Кроме кафедрального Успенского собора во Владимире-Волынском до XIII в. включительно известны по письменным источникам 2 каменные церкви: монастырский собор во имя арх. Михаила (дважды именуемый галицко-волынским летописцем в рассказе о событиях 1267 г. церковью «Михаила Великого», что, видимо, указывает на размеры храма) и храм во имя вмч. Димитрия, расписанный по повелению волынского кн. *Владимира (Иоанна) Васильковича* (1269–1288). Кн. Владимир основал мон-рь св. Апостолов под Владимиром-Волынским, а также др. «монастыря многи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 921), сведения о к-рых не сохранились.

Материальное обеспечение В.-В. е., как и др. епархий Руси того времени, должно было основываться на княжеской десятине, но конкретных сведений о ней (какие существуют, напр., применительно к *Новгородской* и *Смоленской епархиям*) нет. Сохранилось лишь позднее (в грамоте 1443 г.) упоминание о пожаловании земельной волости владимир-волынскому кафедральному собору галицко-волынским кн. Романом Мстиславичем († 1205) (АрхЮЗР. 1883. Ч. 1. Т. 6. № 3). С 1-й пол. XIII в. (первое упоминание под 1240) источникам известно о существовании во В.-В. е. такого церковного учреждения как соборный *клирос* при кафедральной церкви, действовавшего и в др. епископальных центрах Руси.

Ист.: Успенский сб. XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская и др. М., 1971. С. 96, прав. стб.; *Dartouzès.* Notitiae. P. 367.764, N 13.
Лит.: *Макарий.* История РЦ. Кн. 2. С. 30–32; *Андриашев А. М.* Очерк истории Волынской земли до кон. XIV ст. К., 1887. С. 64–65; *Иванов П. А.* Ист. судьбы Волынской земли с древнейших времен до кон. XIV в. Од., 1895; *Голубинский.* История РЦ. Т. 1/1. С. 670; *Грушевський М. С.* Історія України—Русі. Львів, 1905². Т. 2. С. 375–377; *Присёлков М. Д.* Очерки по церк.-полит. истории Киевской Руси XI–XII вв. СПб., 1913. С. 155–156 (переизд.: СПб., 2003. С. 90–92); *Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warsz., 1968. S. 175–179; *он же.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богосл. лит-ра в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996². С. 464–465. Примеч. 12; *Щапов Я. Н.* Гос-во и церковь Др. Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 39–42, 52–54, 127, 211.

А. В. Назаренко

XIV — нач. XVII в. В 1-й пол. XIV в. Владимиро-Волынские епископы поддерживали традиц. связи с переместившейся из Киева в Сев.-Вост. Русь митрополичьей кафедрой, за исключением кратких периодов существования Галицкой митрополии в нач. XIV в. и в 30–40-х гг. этого же столетия. В мае 1328 г. митр. *Феогност* поставил Владимиро-Волынским епископом *Афанасия*, к-рый в 1-й пол. 30-х гг. участвовал в Соборах епископов, созывавшихся митр. Феогностом при посещении им западнорус. епархий. Положение

правосл. Церкви на Волыни не изменилось после смерти последнего галицко-волынского кн. Болеслава–Юрия (1339), когда Волынь оказалась под властью Любарта–Димитрия, сына *Гедимина*. К землям, полученным кафедрой от Романа Мстиславича, кн. Любарт присоединил с. Сушилно и озеро.

В кон. 40-х гг. XIV в. с притязаниями на Волынь и на главный город земли Владимир выступил польск. кор. *Казимир III Великий*, стремившийся не только овладеть данной территорией, но и основать там центр распространения католичества. В 1358 г. папа Римский поставил во Владимир-Волынский епископа. После того как к 1366 г. войска Казимира овладели городом, в нем было начато строительство каменного костела, посвященного Богоматери, к-рый должен был стать кафедральным храмом католич. епископства. С началом польск. наступления на Волынь следует связывать отъезд в Сев.-Вост. Русь еп. Афанасия, к-рый в 50-х гг. XIV в. помогал Киевскому митр. св. *Алексию* в управлении митрополией.

В 1370 г., после смерти Казимира, Владимир-Волынский вернулся под власть Любарта. Планы создания католич. кафедры в городе были отставлены, но связь епархии с общерус. правосл. митрополией не восстановилась из-за конфликта между вел. кн. литов. *Ольгердом*, сюзереном Любарта, и митр. Алексием. Когда в 1375 г. митр. *Киприан* принял на себя управление западнорус. епархиями митрополии, он обнаружил, что В.-В. е. уже долгое время находится «без владыки» и «запустошала». Он поставил нового епископа (ранее 1388), и обычный порядок церковной жизни был восстановлен.

Положение снова осложнилось, когда вел. кн. литов. *Владислав–Ягайло*, глава гос-ва, в состав к-рого входила В.-В. е., принял вместе со своими подданными-литовцами католичество (1386–1387). Особенно неблагоприятными для Православия оказались перемены в Брестской части В.-В. е. Уже вел. кн. Витовт основал в Бресте 2 католич. мон-ря. При его поддержке в Бресте и др. городах земли образовались общины из нем. и польск. колонистов-католиков, к-рые получили самоуправление по магдебургскому праву, не распространявшееся на местное городское население. Политика насаждения католичества в брестских землях была поддержана землевладельцами, среди к-рых значительную группу составляли выходцы из мелкой мазовецкой шляхты, служившей литов. князьям. Неслучайно уже на рубеже XV–XVI вв. суд здесь производился по нормам не «русского», а польск. права.

Ухудшилось, хотя и не в такой мере, положение православных и на Волыни. Если во 2-й пол. XIV в. Владимиро-Волынские католич. епископы не приезжали на Волынь, то после Крещения Ягайло ситуация изменилась. Несмотря на то что католич. кафедра была перенесена из Владимира в Луцк, Витовт в 1428 г. наделил ее землями в пределах правосл. В.-В. е. в обоих ее частях: волынской и брестской. В этой сложной ситуации Владимиро-Волынские правосл. епископы могли рассчитывать на поддержку Рус. митрополитов, связи с к-рыми были постоянными, за исключением эпизода, связанного с возведением на Киевскую митрополию *Григория Цамблака*. В 1405 г., находясь на Волыни, митр. Киприан поставил Иоанна (Гоголя) епископом Владимирским и Брестским. В 1421 г. Владимир-Волынский посетил митр. *Фотий*.

В сложном вопросе отношения к унии между католич. и правосл. Церквами, заключенной в 1439 г. на *Ферраро-Флорентийском Соборе*, Владимиро-Волынские архиереи не имели твердой позиции. Еп. Даниил, по его признанию, «приях... рукоположение на епископство и исповедание свое дал» униату митр. *Исидору* и униатскому К-польскому патриарху *Григорию III Мамме*. После возвращения западнорус. епархий под власть правосл. митр. св. *Ионы* еп. Даниил 28 окт. 1452 г. принес покаяние и был утвержден в сане, обязавшись «не сотворити... ничто же по нужди ни от царя [визант. императора.– *Б. Ф.*], ни от короля». Однако преемник Даниила вместе с др. западнорус. епископами под давлением короля подчинился приехавшему из Рима и получившему там хиротонию от Григория Маммы *Григорию Болгарину*. В последующих попытках заключения церковной унии (в 1476 и 1500) ни Владимиро-Волынские архиереи, ни правосл. князья и паны Волыни участия не приняли. После того как эти попытки окончились неудачей, именно Владимиро-Волынский еп. *Иона* по ходатайству правосл. князей в 1502–1503 гг. был возведен на Киевский митрополичий стол (см. ст. *Западнорусская митрополия*).

Положение Владимиро-Волынских епископов укрепилось в годы правления на Волыни сына Ольгерда *Свидригайло*, к-рый в борьбе за власть над Великим княжеством Литовским опирался на поддержку правосл. князей и панов. В 1444 г. Свидригайло подтвердил права кафедры на земли, пожалованные ей Романом Мстиславичем и Любартом, а также право епископов судить подчиненных им духовных лиц, взимать с них подати в епископскую казну, судить правосл. мирян по семейным делам. Грамоты Свидригайло были подтверждены кор. *Сигизмундом I* в 1511 г.

После смерти Свидригайло в 1452 г. Волынь вошла в состав Великого княжества Литовского. По выданному жителям Волыни привилею «церковные» люди наравне с княжескими и панскими были освобождены от работ на великокняжеских дворах. Хотя в отличие от католич. епископов правосл. Волынские архиереи (Владимирский и Луцкий) не вошли в состав великокняжеской рады, они заняли почетные первые места в «сойме» Волынской земли – собрании местных князей и шляхты, вершившем суд, устанавливавшем местные нормы права, проводившем разверстку налогов в великокняжескую казну, регулировавшем др. вопросы местной жизни. В сохранившихся свидетельствах о Владимиро-Волынских епископах во 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. они упоминаются либо как участники «соймов», либо как свидетели земельных сделок в числе др. свидетелей. Лишь о еп. Вассиане (1487–1497) сохранилось известие, что он окружил кафедральный собор стенами, украсил его иконами, богослужебными сосудами, облачениями и книгами.

Владимиро-Волынские архиереи владели достаточно обширными земельными угодьями на Волыни. Кроме участков в самом городе и мельниц в городской округе епископу в 1593 г. принадлежали 11 сел в Кулечовской волости и 16 сел во Владимирском и Луцком поветах. В брестской части епархии

им принадлежали двор в Бресте с каменной церковью свт. Николая, участки земли в городе и 2 села.

В управлении епархией епископам помогал клирос — собрание священников, служивших в кафедральном соборе. Во 2-й пол. XVI в. в состав клироса входили священники храмов Владимира-Волынского, поочередно совершавшие богослужения в кафедральном соборе, во главе к-рых стоял протопоп. Клирос участвовал вместе с епископом в суде, в частности по бракоразводным делам. В 1576 г. клирос получил право после смерти епископа до назначения нового архиерея взять под свою опеку кафедральный храм с его имуществом (церковная утварь, документы епископского архива и др.). В 1589 г. владимирский клирос, как и клирос др. епархий Западнорусской митрополии, получил право управлять всем имуществом кафедры в период ее вдовства. Хотя в документах 2-й пол. XVI в. собрание клирошан неоднократно называется «капитулом», в отличие от этого католич. учреждения правосл. клирос не имел собственных владений. Более того, положение владимиро-волынских священников ухудшилось после аграрной реформы, в результате к-рой они могли рассчитывать лишь на двойной крестьянский надел. Все это ослабляло позиции клироса, безрезультатными были попытки владимиро-волынских клирошан в 80-х гг. XVI в. не допустить расхищения епархиального имущества недостойными архиереями.

Во Владимире-Волынском помимо кафедрального собора и резиденции епископа находился ряд правосл. мон-рей. С XIII в. в городе известны мон-ри: арх. Михаила, св. Апостолов, Спасо-Преображенский, Ильинский. Ряд обителей располагался в городской округе: старейший на Волыни Святогорский Зимненский в 5 км от Владимира, мон-рь Честного Креста на р. Луге в 10 км от города, мон-рь св. Онуфрия на о-ве на р. Луге, мон-рь св. Николая в Литовиже. Новые правосл. мон-ри появились в сер. XVI в., в частности в 30 км от Владимира Иван и Петр Загоровские основали Загоровский мон-рь в честь Рождества Богородицы (совр. дер. Нов. Загоров).

В брестской части епархии положение православных оставалось более тяжелым, чем на Волыни. Здесь

Святогорский Зимненский в честь Успения Пресв. Богородицы мон-рь. Фотография. 80-е гг. XX в.

с кон. XV в. получила распространение практика, характерная для Польского королевства, когда православные, живущие на территории католич. прихода, должны были давать десятину на содержание костела. Православные боролись за свои права. В 1498 г. правосл. мещане Дрогичина добились уравнения в правах с католиками, в результате чего в городскую раду должно было входить по 7 представителей от каждой стороны. Во 2-й пол. XVI в. в Дрогичине действовали 4 правосл. храма и Спасо-Преображенский мон-рь. В источниках 1-й пол. XVI в. сохранились сведения и о др. правосл. обителях в брестской части епархии: *Яблочинском во имя прп. Онуфрия Великого* на берегу Зап. Буга, *брестском во имя прп. Симеона Столпника* и *брестском в честь Рождества Пресв. Богородицы*. Главой правосл. духовенства в этой части епархии был «протопоп подляшский», стоявший во главе брестского клироса. Т. о., несмотря на трудности, позиции Православия на территории В.-В. е. к сер. XVI в. оставались прочными, однако в этот период в жизни правосл. общества резко проявились мн. отрицательные явления.

С сер. XV в. правосл. обители на территории епархии постепенно переходили под патронат правосл. князей и панов. В ряде случаев король, нуждавшийся в средствах, уступал знатным людям свои верховные права в отношении Церкви (о патронате польск. и литов. правителей над правосл. Церковью см.: *Флоря Б. Н.* История Киевской митрополии: 1458–1686 // ПЭ. Т. РПЦ. С. 101–102). Так, в 1508 г. Спасо-Преображенский мон-рь во Владимире-Волынском был отдан «в заклад» кн. А. Сангушко вместе с владимирским замком. Первоначально новые патроны заботились об оказавшихся под их покровительством обителях. Однако с XVI в., когда были установлены связи с европ. рынком и земля стала приносить значительные доходы, светские патроны начали присваивать владения мон-рей и разгонять насельников, так что мн. обители прекратили существование. Зимненский мон-рь продолжал пользоваться поддержкой светских патронов — князей Чарторыйских: в 1495 г. в мон-ре был построен каменный храм, в 1566 г. для него был отлит колокол, в обитель делали вклады такие видные представители местной знати, как князья Ф. Сангушко и Богуш Корецкий. В 1570 г. Зимненскому мон-рю принадлежало 6 сел с угодьями. Однако на месте мон-рей во имя арх. Михаила и св. Апостолов во Владимире-Волынском к кон. XVI в. уже находились приходские церкви.

Ухудшение условий для монастырской жизни сопровождалось ослаблением влияния Владимиро-Волынских епископов на свою паству вследствие того, что на кафедру получали назначение недостойные архиерейского сана люди. Нуждаясь в средствах, кор. *Сигизмунд II Август* раздавал правосл. епископские кафедры светским лицам, готовым открыть ему кредит или оказать др. услуги. Так, в 1563 г. на Владимиро-Волынскую кафедру получил королевскую грамоту войт Луцка И. Я. Борзобогатый. Он не только не принял монашеский постриг, но и не расстался с должностью луцкого войта, вел торговлю и совершал нападения на соседей. Имения кафедры он активно использовал для собственного обогащения и обогащения родственников.

После того как в 1565 г. король передал В.-В. е. Холмскому еп. Феодосию (Лозовскому), между ним и Борзобогатым началась война, во время к-рой сторонники Феодосия взяли штурмом епископскую резиденцию во Владимире. Все это произвело столь неблагоприятное впечатление, что в 1566 г. волынская шляхта ходатайствовала о том, чтобы епископские кафедры на Волыни давались лишь тем, за кого будет просить «все посполство земли Волынския», т. к. «люди простые и неучоные... втекши к его

королевской милости, хлебы духовные одерживают и их убожать и нищать». Занимая в течение длительного времени Владимиро-Волынскую кафедру, Феодосий вел жизнь крупного светского феодала, совершал с вооруженной свитой наезды на соседей и нападения на проезжих на дорогах, обогащал родственников за счет имений кафедры. В 1570 г. король по просьбе «всех обывателей земли Волынское» дал распоряжение, чтобы земли кафедры не отбирали за долги епископа. Все эти нестроения происходили в условиях, когда на волынскую шляхту все большее влияние стали оказывать протестант. учения, в т. ч. одно из самых радикальных — учение *антитринитариев*.

Отрицательным явлениям в жизни правосл. общества стремились противодействовать просветители, объединившиеся вокруг кн. А. М. *Курбского,* к-рые ставили перед собой задачу поднять уровень образованности православных. Многое делали для защиты Церкви влиятельные представители правосл. знати, в частности князья Богуш Корецкий и *К. К. Острожский*. Они заботились о мон-рях на территории своих владений, основали ряд новых обителей, вводили в них общежительный устав. Однако эта деятельность развернулась гл. обр. на территории Луцкой епархии. Во Владимире-Волынском по завещанию брацлавского каштеляна В. Загоровского (1577) при Ильинской ц. была основана больница на 12 чел. и школа.

В результате расхищения владений кафедры Борзобогатым и еп. Феодосием епархиальная собственность пришла в упадок, епископский замок обветшал, кафедральный собор лишился значительной части утвари. Под давлением кн. Острожского епископ и клирос составили соглашение, по к-рому доходы от 7 сел, принадлежавших кафедре, были предназначены на ремонт собора и епископского замка, доходы от 2 сел должны были пойти на содержание при соборе 2 диаконов, 3 дьяков и певчих, доходы от 2 др. сел — на содержание 2 проповедников, такие же средства предполагались на устройство школы и содержание 2 учителей, к-рые обучали бы детей по-гречески и по-славянски, доходы от 1 села должны были использоваться на устройство при соборе больницы. В этом документе отразилась программа оживления и обновления церковной жизни на Волыни, сложившаяся в окружении кн. Острожского.

Наметившиеся перемены к лучшему продолжились при новом Владимиро-Волынском епископе — бывш. архим. Киево-Печерского мон-ря *Мелетии (Хребтовиче-Богуринском),* вступившем в управление епархией в 1589 г. При участии еп. Мелетия в 1590 г. в Бресте образовалось братство по образцу *львовского,* устроившее уч-ще при ц. свт. Николая; еп. Мелетий и братское движение поддерживали и взаимодействовали друг с другом. Деятельность еп. Мелетия получила положительную оценку со стороны посетившего западнорус. земли К-польского Патриарха *Иеремии II,* к-рый сделал его «прототронием» — первым среди епископов Киевской митрополии (ранее это звание принадлежало Полоцкому архиепископу). Еп. Мелетий участвовал в *Брестских Соборах* 1590 и 1591 гг., целью к-рых было укрепление церковной дисциплины и создание условий для просвещения паствы и ее воспитания в правосл. духе. Еп. Мелетий на Соборах поддержал Киевского митрополита, стремившегося восстановить церковную дисциплину, в частности, подчинение ему епископов, чем вызвал недовольство др. иерархов, уже в то время искавших унии с Римом.

После смерти еп. Мелетия († янв. 1593) при содействии кн. Острожского в марте 1593 г. Владимиро-Волынскую кафедру получил брестский каштелян А. *Потей,* принявший монашество с именем Ипатий. Предполагалось, что он будет добиваться осуществления проектов по исправлению церковной жизни, намеченных в 80-х гг. XVI в., однако еп. Ипатий стал одним из главных организаторов *Брестской унии,* и в годы его правления правосл. В.-В. е. перестала существовать.

После приезда на Украину в 1620 г. Иерусалимского Патриарха *Феофана IV* была предпринята попытка восстановить В.-В. е. В янв. 1621 г. на кафедру был поставлен представитель волынского княжеского рода архим. Трехтемирова мон-ря *Иосиф (Курцевич).* Хотя 15 марта 1621 г. кор. *Сигизмунд III Ваза* предписал не допускать еп. Иосифа в епархию, епископ прибыл на Волынь и активно выступил в защиту Православия. Спасаясь от преследования властей и униатов, он был вынужден летом 1625 г. уехать в Россию, после чего В.-В. е. присоединилась к Луцкой епархии. (О последующей истории Православия на Волыни см. статьи: *Луцкая и Волынская епархия, Владимир-Волынская и Ковельская епархия.*)

Ист.: АрхЮЗР. Ч. 1. Т. 1. 1859; Ч. 8. Т. 6. 1911; АСЗР. 1890. Т. 11; *Левицкий Д.* Извлечения из док-тов, относящихся ко времени епископов Владимиро-Волынских Иоанна Борзобогатого и Феодосия Лозовского // Волынские ЕВ. 1872. № 6–7; Polska XVI wieku pod wzlędem geograficzno-statystycznym. T. 8: Ziemie ruskie: Wołyń i Podole / Opis. A Jabłonowski. Warsz., 1889; Archiwum XX. Lubartowiczów Sanguszków w Slawucie. T. 1. Lwów, 1887; T. 3. Lwów, 1890; ПДРКП.

Лит.: *Петров Н. И.* Краткие сведения о правосл. мон-рях Волынской епархии, в настоящее время не существующих // Волынские ЕВ. 1867. № 2–8; *он же.* Холмско-Подляские правосл. мон-ри // Памятники рус. старины в зап. губерниях. СПб., 1885. Вып. 7: Холмская Русь; *Шпаковский Е.* Мелетий Хребтович–Литаврович-Богуринский, архим. Киево-Печерской лавры, Владимирский и Брестский еп. // ТКДА. 1875. № 8. С. 169–206; № 9. С. 436–462; № 10. С. 108–123; *Хойнацкий А. Ф.* Очерки из истории правосл. Церкви и древнего благочестия на Волыни. Житомир, 1878; Белоруссия и Литва: Ист. судьбы Сев.-Зап. края / Изд. П. Н. Батюшков. СПб., 1890; *Теодорович Н. И.* Ист.-стат. описание церквей и приходов Волынской епархии. Почаев, 1888–1903. 5 т.; *он же.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893; *Макарий (Булгаков).* История РЦ. Кн. 3, 5.

Б. Н. Флоря

Книгописание. В XIV — 1-й пол. XVI в. на территории В. В. е. было создано значительное число рукописных книг, но их переписка лишь в малой степени связана с деятельностью местных иерархов и мон-рей и отражает преимущественно инициативу светских заказчиков и белого духовенства (ситуация обычная для Западнорусской митрополии). В 1307 г. мон. Марк переписал в «великой лавре Богородицы» (предположительно владимиро-волынской; см.: *Запаско.* С. 248–249, кат. № 44) Пандекты Антиоха черноризца (Львов. Нац. музей. РК 48). Волынскими по происхождению (во всяком случае, по языковым особенностям писцов) являются Евангелия-апракос *Лаврашевское* нач. XIV в. (Краков. Б-ка Чарторыйских. 2097IV) и Ковровское, или Першинское, сер. XIV в. (ИРЛИ. Р. IV. Оп. 25. № 30; СКСРК,

XIV. № 152), однако место их написания неизвестно.

С посл. трети XV в. сведения о книгописании в В.-В. е. умножаются. В 1471 г. во Владимире-Волынском по заказу А. А. Солтана была переписана Псалтирь с толкованиями Феодорита Киррского (ГИМ. Барс. № 97). В 1475 г. «коморник» кн. М. В. Чарторыйского Артемец Александров написал для мон-ря Новые Печеры Минею служебную на октябрь (ГИМ. Барс. № 1213). В 1489 г. попович Березка «Симеонов сын Долъбнича» из Новогрудка переписал в Каменце (вероятно, Волынском) Торжественник минейный («Четью»), орфография и язык к-рого приближены к языковым нормам Зап. Руси (Киев. ЦНБ НАНУ. Собр. КДА. Леб. 415 — см.: *Гнатенко Л.* Слов'янська кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Ін-ту рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського: Кат. К., 2003. С. 142–145; дата списка интерпретирована ошибочно).

Во 2-й — 3-й четв. XVI в. на территории В.-В. е. или Холмской епархии протекала деятельность незаурядного каллиграфа, иконописца-миниатюриста и книжного иллюминатора Андрейчины, широко использовавшего в своем творчестве готические и ренессансные орнаментальные мотивы. Он переписал и украсил Служебник (ГИМ. Воскр. 3-перг., 30-е гг. XVI в.; *Запаско.* С. 340–343, кат. № 84), исполнил к нему миниатюры на пергамене с изображениями святителей Иоанна Златоуста (с гербом неустановленного заказчика) и Василия Великого, вырезанные в 1-й пол. XIX в. из этой рукописи и хранящиеся в собр. А. Г. Костаки (Афины), переписал Евангелие-тетр, вложенное в 1575 г. Новгородским архиеп. Леонидом в Софийский собор (НГОМЗ. КП2192/КР–1 сер. XVI в.; *Запаско.* С. 346–351, кат. № 86). Андрейчине по почерку и стилю надежно атрибутируются миниатюры на пергамене, вставленные в *Холмское Евангелие* XIII в. (РГБ. Рум. № 106. Л. 1–3; *Запаско.* С. 343–345. Кат. № 85) и Апостол 30-х гг. XVI в. (Сербия. Печ. Б-ка Патриархата. № 30).

Ко 2-й четв. XVI в. относится украшенное 4 миниатюрами и заставками *Шерешевское Евангелие* (Минск. НХМ), к-рое было создано в юго-зап. Белоруссии. Возможно, на Волыни был написан утраченный ныне Загоровский Апостол, получивший название по мон-рю, куда он был вложен в 1554 г. (*Запаско.* С. 351–354, кат. № 87); его языковые особенности и богатейшее оформление в ренессансном стиле очень близки Пересопницкому Евангелию. В 1565 г. в Святогорском Зименском мон-ре по повелению кн. А. Чарторыйского писцом Федором была переписана Кормчая серб. редакции с уставами кн. Владимира и кн. Ярослава и соборными ответами на вопросы Сарайского еп. Феогноста (ЛИМ. № 118; *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 269, № 41). В 1569 г. в г. Корец для кн. Богуша Корецкого дьячок Матьяш переписал сборник слов и житий типа минейного Торжественника (Вильнюс. БАН Литвы. Ф. 19, № 103; *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публ. б-ки, церковнослав. и русских. Вильна, 1882. С. 205–216).

Лит.: *Боянівська М. Б.* Українська рукописна книга в XV — першій половині XVII ст.: виробництво і поширення: АКД. Львів, 1994. С. 12–15; *Запаско Я. П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Укр. рукописна книга. Львів, 1995.

А. А. Турилов

Архиереи: свт. Стефан (упом. в 1091; † 27 апр. 1094), свт. Амфилохий (27 авг. 1105 — 1122), Симеон (1123–1136), Феодор (1137–1147), Иоасаф (до 1229), епископы: Василий, Никифор, Косма (вместе с еп. Иоасафом упоминаются в 20–60-х гг. XIII в.), Евсигний (упом. в 1287–1289), Афанасий I (хиротонисан в мае 1328; ок. 1353 жил в Переяславле Залесском), Иона I (упом. в 1388), Афанасий II (упом. в 1388–1391), Иоанн (Гоголь; хиротонисан в 1405), Герасим (упом. в 1415, не позднее 1428 переведен в Смоленск), Никифор II (упом. в 1458), Порфирий (упом. в 1470), Феодосий (упом. в 1485), Дамиан (упом. в 1487), Вассиан I (1486/87–1497), Иона II (упом. ранее 1503), Вассиан II (упом. в 1507–1511), Пануфтий (упом. в 1513–1522), Иона III (упом. в 1521–1535), Геннадий (упом. в 1536–1547), Иосиф (Красенский-Борзобогатый; упом. в 1551), в нач. 60-х гг. XVI в. кафедрой владел И. Я. Борзобогатый (упом. в 1562–1563), Феодосий (Лазовский) (управлял епархией с 1565 до 13 апр. 1589), Мелетий (Хребтович-Богуринский) (управлял епархией с 1589 до янв. 1593), Игнатий (Потей) (хиротонисан после 20 апр. 1593, в 1596 принял унию); в 1596–1620 гг. епархией владели униаты; Иосиф (Курцевич; янв. 1621 — лето 1625).

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Аббревиатуры учреждений, организаций, обществ, рукописных фондов музеев и библиотек, не использовавшиеся в предыдущих томах

АВП РИ	Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
АДМ	Алтайская духовная миссия
АФВМ	Архив финляндского Валаамского монастыря (Финляндия)
ВИМАИВиВС	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
ВМНТ	Ветковский музей народного творчества (Гомель)
ВУИАХМЗ	Великоустюжский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВЭО	Вольное экономическое общество
ГАБО	Государственный архив Брянской области
ГАИО	Государственный архив Ивановской области
ГАНИКО	Государственный архив новейшей истории Костромской области
ГАСПИКО	Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГАТОТ	Государственный архив Тюменской области, г. Тобольска
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
ГМИИРТ	Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан (г. Казань)
ГМПИ	Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (ныне — Российская Академия музыки: РАМ)
ГОМРТ	Государственный объединенный музей Республики Татарстан (г. Казань)
ГУЛАГ	Государственное управление лагерей при НКВД РСФСР
ДМКДУ	Державний музей книгі та друкарства України (Киев)
ИАХМНИ	Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим» (Московская область)
ИРЛИ	Институт русской литературы (Москва)
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
КГБ РБ	Комитет государственной безопасности Республики Беларусь
КМЗиВИ	Киевский музей западного и восточного искусства
КОХМ	Кировский областной художественный музей им. В. М. и А. М. Васнецовых
ЛОИИ СССР	Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
ЛЦИА	Центральный исторический архив Литовской Республики
МАИРСК	Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (Москва)
МГК	Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского
МИРА	Музей истории религии и атеизма (ныне — ГМИР, Санкт-Петербург)
МП СКК	Московская Патриархия, Синодальная комиссия по канонизации
МСБ	Московская Синодальная библиотека (до 1917 г.)
МУВЖЗ	Московское училище ваяния, живописи и зодчества
НАРБ	Национальный архив Республики Бурятия
НБ НАНУ(Л)	Научная библиотека Национальной Академии наук Украины (Львов)
НБС	Национальная библиотека Сербии (Белград)
НГИАМЗ	Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
НИАБ	Национальный исторический архив Беларуси
НТМЗГД	Нижнетагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала (г. Нижний Тагил)
ОГНБ	Одесская государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко
ОДС	Одесская духовная семинария
ОЛЦПР	Общество любителей церковного пения в Риге
ОЛЯ РАН	Отделение литературы и языка РАН
ПСТГУ	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, с июня 2004 г.)
РБ	Республика Беларусь
РГБИ	Российская государственная библиотека по искусству (Москва)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РДМ	Русская духовная миссия (Палестина)
СДМ	Свято-Данилов монастырь (Москва)
СПбДС	Санкт-Петербургская духовная семинария
ТАССР	Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
УЗАГС(М)	Управление записи актов гражданского состояния г. Москвы
УКМ	Устюженский краеведческий музей (г. Устюжна Вологодской области)
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦАМ КДА	Церковно-археологический музей при Киевской Духовной Академии
ЦГИАК	Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
ЦДНИ	Центр документации новейшей истории (разных территорий России)
ЦИМ СДМ	Церковно-исторический музей Свято-Данилова монастыря
ЦМАМ	Центральный муниципальный архив Москвы
ЦХАФАК	Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края
BerlMSBK	Museum für Spätantike und Byzantinische Kunst — Музей античного и византийского искусства (Берлин)
MNG	Magyar Nemzeti Galéria — Венгерская Национальная галерея (Будапешт)
Parisin.	Bibliothèque Nationale de France — Национальная библиотека Франции (Париж)

Библиографические источники (периодические и продолжающиеся издания, энциклопедии и справочники, обзорные монографии, публикации памятников и т. п.)*

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею АН. СПб., 1836. 4 т.
АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск, 1960–.
АЕ	Археографический ежегодник [за 1957–2000]. М., 1957–2001
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846–1853. 5 т.
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841–1842. 5 т.
АиО	Альфа и Омега: Учен. зап. Об-ва для распространения Свящ. Писания в России. М., 1994–.
Акты свт.Тихона	Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин; ПСТБИ. М., 1994
Андреев. Христианская периодика	*Андреев Г. Л.* Христианская периодическая печать на русском языке, 1801–1917 гг.: Библиогр. указ.: В 3 т. / Отв. ред. свящ. А. Н. Троицкий. N. Y., 1998
Антонова, Мнева. Каталог	*Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи XIV – нач. XVII в.: Опыт ист.-худож. классификации. М., 1963. 2 т.
АРГ, 1505–1526	Акты Русского государства, 1505–1526 / РАН. Ин-т рос. истории и др.; Изд. подгот.: С. Б. Веселовский и др. М., 1975
АРГ: АММС	Акты Российского государства / РАН. Ин-т рос. истории и др.; Изд. подгот.: Т. Н. Алексинская и др. М., 1998 [Вып.]: Архивы моск. монастырей и соборов, XV – нач. XVII в.
Архив РИ	Архив русской истории / РГАДА. М., 1992–. Вып. 1–.
АрхЮЗР	Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. К., 1859–1911. 8 ч.
АСЗР	Археографический сб. док-тов, относящихся к истории Сев.-Зап. Руси / Изд. при Упр. Виленского учеб. окр. Вильна, 1867–1904. 14 т.
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952–1964. 3 т.
АФЗХ	Акты феодального землевладения и хозяйства, XIV–XVI вв. / Подгот. Л. В. Черепнин. М., 1951–1961. 6 вып.
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. К., 1863–1892. 15 т.
Барсуков. Источники агиографии	*Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882. Lpz., 1970[r]
БВ	Богословский вестник. Серг. П., 1892–1918, 1993–.
Беседы в ОЛРС	Беседы в Обществе любителей российской словесности. М., 1867–1871.
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–. Т. 1–.
Богоматерь Владимирская: Сб.	Богоматерь Владимирская: Сб. мат-лов. Кат. выст. / ГТГ, ГММК. М., 1995
Болотов. Лекции	*Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви / Посмертн. изд. под ред. проф. А. Бриллиантова. СПб., 1907–1917. М., 1994[p]. Т. 1: Введение в церковную историю; Т. 2: История Церкви в период до Константина Великого; Т. 3: История Церкви в период Вселенских Соборов. [Ч.] 1: Церковь и государство; [Ч.] 2: Церковный строй; Т. 4: История Церкви в период Вселенских Соборов; [Ч.] 3: История богословской мысли
Большаков. Подлинник иконописный	Подлинник иконописный / Изд. С. Т. Большаков, под ред. А. И. Успенского. М., 1903, 1998[p]
БТ	Богословские труды. М., 1960–. Сб. 1–.
Бутовский полигон	Бутовский полигон, 1937–1938 гг.: Кн. памяти жертв полит. репрессий / Ин-т эксперимент. социологии. М., 1997–2002. Вып. 1–6
Бухарев И. Иконы	*Бухарев И.* Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. М., 1901
ВАИ	Вестник археологии и истории / СПб Археол. ин-т. СПб.; Пг., 1885–1918. 33 вып.
Васильев. История	*Васильев А. А.* История Византийской империи. СПб., 1998. Т. 1–2
ВВ	Византийский временник. СПб.; Пг.; Л., 1894–1928. 25 т.; М., 1947–. Т. 1(26)–.
ВДИ	Вестник древней истории. М., 1937–1941, 1946–.
ВЕ	Вестник Европы. СПб., 1866–1918
Вестн. РХД	Вестник Русского христианского движения. П., 1974–. (1925–1974 – см. ВРСХД)
ВИ	Вопросы истории. М., 1945–.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. ст. Л., 1968–.
ВиЖ	Вера и жизнь. СПб., 1908–1912
Византия: Сб. в честь В. Н. Лазарева	Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура: Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973
ВиР	Вера и разум. Х., 1884–1917
ВИРА	Вопросы истории религии и атеизма: Сб. ст. М., 1950–1964. [Вып.] 1–12
ВиЦ	Вера и Церковь. М., 1899–1910
ВКТСМ	Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987
Владимир (Филантропов). Описание	*Владимир (Филантропов), архим.* Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1894. Ч. 1: Рукописи греческие
ВЛУ	Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1946–.
ВМУ: Ист.	Вестник Московского ун-та. Сер.: история. М., 1960–.
ВМУ: Филол.	Вестник Московского ун-та. Сер.: филология. М., 1966–.
ВМЧ	Великие Минеи-Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археогр. комиссиею. СПб.; М.; Freiburg i. Br., 1868–1916, 1997–1998. (Памятники славяно-русской письменности) Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868; Сентябрь, дни 14–24. СПб., 1869; Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883; Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870; Октябрь, дни 4–18. СПб., 1874; Октябрь, дни 19–31. СПб., 1880; Ноябрь, дни 1–12. СПб., 1897; Ноябрь, дни 13–15. СПб., 1899; Ноябрь, день 16. М., 1910; Ноябрь, дни 16–

* Надстрочные знаки после цифры в выходных данных означают: [2], [6] – номер издания; [n] – переиздание (без номера, перенабор); [p] – репринт. В сведениях об изданиях, продолжающих выходить, ставится –. после даты начала издания.

** В круглых скобках с пометой «Изд.» приводятся сведения об изданиях текста на языке оригинала. В случаях, когда указывается несколько изданий, в тексте ставится год издания, на которое дается отсылка.

	17. М., 1911; Ноябрь, дни 18–22. М., 1914; Ноябрь, дни 23–25. М., 1916 (1917); Декабрь, дни 1–5. М., 1901; Декабрь, дни 6–17. М., 1904; Декабрь, дни 18–23. М., 1907; Декабрь, день 24. М., 1910; Декабрь, дни 25–31. М., 1912; Декабрь, день 31. М., 1914. (Вып. 14, тетр. 1 не до конца); Январь, дни 1–6. М., 1910; Январь, дни 6–11. М., 1914; Март, дни 1–11. Freiburg i. Br., 1997; Март, дни 12–25. Freiburg i. Br., 1998; Апрель, дни 1–8. М., 1910; Апрель, дни 8–21. М., 1912; Апрель, дни 22–30. М., 1916
ВОИДР	Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849–1857. 25 т.
Воронежские архипастыри	Воронежские архипастыри от свт. Митрофана до наших дней: Ист.-биогр. очерки / Под общ. ред. митр. Мефодия (Немцова). Воронеж, 2003
ВРЗЕПЭ	Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. П., 1947, 1950–1989
ВРСХД	Вестник Русского студенческого христианского движения. Мюнхен и др., 1925–1974
ВЭ	*Византиноведение в Эрмитаже.* Л., 1991
Гарднер. Богослужебное пение	*Гарднер И. А.* Богослужебное пение Русской Православной Церкви. Т. 1. Джорд., 1978; Т. 2. Мюнхен, 1982. Серг. П., 1998[р]. 2 т.
ГВ	Губернские ведомости [требует географического определителя, напр.: Архангельские, Вологодские, Новгородские и т. д.]
ГлИДНС	Гласник Историйског друштва у Новом Саду. Нови Сад, 1928–[1940]. Вып. 1–[13]
Голубинский. История РЦ	*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1900–1911. 2 т. М., 1997–1998[р]. 4 т.
Канонизация святых	История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903[2], 1998[р]
Голубцов. Чиновник	*Голубцов А. П.* Чиновник новгородского Софийского собора. М., 1899
Горский, Невоструев. Описание	*Горский А. В., прот., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1917. 3 отд., 6 т.
ГСУ, ФСФ	Годишник на Софийския университет, факултет по славянски филологии. София, 1924–. Т. 1–.
ГТГ. Кат. собр.	Государственная Третьяковская галерея: Кат. собр. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X — нач. XV в. / Под ред. Я. В. Брука
ДАИ	Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846–1872. 12 т.
Дамаскин	*Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1992–2003. 7 т.
ДанБлаг	Даниловский благовестник. М., 1991–.
ДБ	Духовная беседа. СПб., 1858–1876
ДВГЭ	Духовный вестник Грузинского Экзархата. Тифлис, 1891–1906
ДВС	Деяния Вселенских Соборов: В 4 т. Каз., 1908–1912. СПб., 1996–1997[р]
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М., 1950
Димитрий (Самбикин). Месяцеслов	*Димитрий (Самбикин), архиеп.* Месяцеслов святых, всею Русскою Церковию или местно чтимых. Вып. 1–4: Сентябрь—Декабрь. Каменец-Подольск, 1892–1895; Вып. 5–12: Январь—Август. Тверь, 1897–1902[2]
Дмитриевский. Описание	*Дмитриевский А. А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1: Τυπικά. К., 1895; Т. 2: Εὐχολόγια. 1901; Т. 3: Τυπικά. П., 1917
Достопамятные сказания	Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Серг. П., 1993[р]
ДРВ	Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773–1775. 10 ч.; 1788–1791[2]. 20 ч.
ДРВМ	Древняя Русь: Вопр. медиевистики / РАН. М., 2000–.
Древние иноческие уставы	Древние иноческие уставы / [Собраны свт. Феофаном Затворником]. М., 1892, 1994[р]
Древний Патерик	Древний Патерик, изложенный по главам: Пер. с греч. / Афонский Рус. Пантелеимонов мон-рь. М., 1899[(3)], 1991[(р)]
ДРИ	Древнерусское искусство: Сб. М.; СПб., 1963–.
ДРКУ	Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976
ДЧ	Душеполезное чтение. М., 1860–1917
ЕВ	Епархиальные ведомости [требует геогр. определителя, напр.: Архангельские, Вологодские, Новгородские и т. д.]
Евсеева. Афонская книга	*Евсеева Л. М.* Афонская книга образцов XV в.: О методе работы и моделях средневекового художника. М., 1998
Ерминия ДФ	Ерминия, или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфиотом, 1701–1733 / Пер. еп. Порфирий [Успенский] // ТКДА. 1867. № 7; 1868. № 2, 3, 6, 12. Отд. отт.: К., 1868. М., 1993[р]
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.; Пг., 1834–1917
ЖМП	*Журнал Московской Патриархии.* М., 1931–1935, 1943–.
ЖМП, 1931–1935	Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 гг. М., 2001
ЖНИР: Моск.	Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии / Игум. Дамаскин (Орловский) и др.; Под ред. митр. Крутицкого Ювеналия (Пояркова). Тверь, 2002–2003–. [Т. 1]: Янв.—май; [Т. 2]: Июнь—авг.; [Т. 3]: Сент.—окт.
ЖСв	Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих Миней свт. Димитрия Ростовского, с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Сентябрь—август. М., 1903–1911[2]. Кн. доп. 1–2: Жития русских святых. Сентябрь—декабрь. М., 1908. Январь—апрель. М., 1916, 1991–1994[р]. 12 кн., 2 кн. доп.
ЗапООИД	Записки Одесского об-ва истории и древностей. Од., 1848–1868
За Христа пострадавшие	За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956. М., 1997–. Кн. 1–.
ЗбМСКЈ	Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1953/1954–. Књ. 1–.
Зверинский	*Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1890–1897. 3 т.
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения РАО. СПб., 1887–1912. 20 т.
Здравомыслов. Словарь иерархов	*Здравомыслов К. Я.* Биографический словарь иерархов РПЦ с введения христианства до 1918 г. // РНБ ОР. Ф. 102. Ед. хр. 431–432
ЗИАН	Записки Имп. Академии наук. СПб., 1862–1895
ЗЛУ	Зборник Матице Српске за ликовне уметности. Нови Сад. 1965–. Књ. 1–.
ЗНТШ	Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1893–. Т. 1–.
ЗОРСА	Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического об-ва. СПб., 1851–1918. 13 т.
ЗРВИ	Зборник радова Византолошког института. Београд, 1952–.
ИА	Исторический архив. М.; Л., 1936–1953. М., 1955–.
ИАН	Известия Академии наук. М., 1918–.
ИВ	Исторический вестник. СПб., 1880–1917
ИДРДВ	История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976–1989. 5 т.
ИЗ	Исторические записки. М., 1937–.
Изречения египетских отцов	Изречения египетских отцов: Памятники лит-ры на коптском языке / Введ., пер. с копт. и коммент. А. И. Еланской. СПб., 1993

Иоанн Мосх. Луг духовный	Луг духовный / Творение блаженного *Иоанна Мосха*. Серг. П., 1915. М., 1996[р]
Иоанн (Снычев). Церк. расколы	*Иоанн (Снычев), архиеп.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX ст.— григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Сортавала, 1993
Иоаннов (Журавлев). Известие о стригольниках. 1795	*Иоаннов (Журавлев) А.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. СПб., 1795. 2 ч.
ИОРЯС	Известия Отд. рус. яз. и словесности Академии наук. СПб.; Пг.; Л., 1896–1927
Иосиф, архим. Оглавление ВМЧ	*Иосиф (Левицкий), архим.* Подробное оглавление Великих Четьих-Миней Всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей библиотеке. М., 1892
ИРГО	Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900–1911. 4 вып.; 1994–[2004]. Вып. 1–[15]
Ист. вестн.	Исторический вестник. М.; Воронеж, 1999–.
История РЦ	В изд. вошли: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. СПб., 1864–1886. 12 т. М., 1994–1998[п]. Кн. 1–7; *Смолич И. К.* История Русской Церкви, 1700–1917. М., 1996–1997. Ч. 1–2 (Кн. 8); *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. (Кн. 9)
ИФЖ	Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1958–.
Карташев. Соборы	*Карташев А. В.* Вселенские Соборы. М., 1994
КатЭ	Католическая энциклопедия. М.: Изд-во Францисканцев, 2002–. Т. 1–.
Кекелидзе. Канонарь	*Кекелидзе К. С., прот.* Иерусалимский Канонарь VII в.: (Груз. версия). Тифлис, 1912
Литургические груз. памятники	Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис, 1908
Ключевский. Древнерусские жития	*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, 1988[р]
КМЕ	Кирило-Методиевска енциклопедия / Гл. ред. П. Динеков. София, 1985–1995. Praha, 1996[2]–. Т. 1–2
КМС	Кирило-Методиевски студии. София, 1984–.
Книга Паломник	Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде, Антония архиеп. Новгородского, в 1200 г. // ППС. 1899. Т. 17. Вып. 3. (Вып. 51)
Кондаков. Иконография Богоматери	*Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. М., 1998–1999[р]. 3 т. [Т. 3: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. 1999] (Изд.: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910; Иконография Богоматери. СПб., 1914–1915. 2 т.)
Королев. Исповедники	Простите, звезды Господни! Исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому церковь / Сост. В. Королев. Фрязино, 1999
Красносельцев. Уставы литургии	*Красносельцев Н. Ф.* Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустого / Сост. Н. Ф. Красносельцев. Каз., 1889
КСИА	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР. М., 1960–1969. Т. 81–120; Краткие сообщения / Ин-т археологии АН СССР. 1970–. Т. 121–.
Кулаковский. История	*Кулаковский Ю. А.* История Византии. СПб., 1996[2]. 3 т.
КЦ	Картлис Цховреба / Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. Т. 1; 1959. Т. 2; 1975. Т. 4
КЦДР	Книжные центры Древней Руси. Л., 1991. [Вып.]: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности; СПб., 1991. [Вып.]: XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования; СПб., 1994. [Вып.]: XVII в.
Левитин, Шавров Очерки смуты	*Краснов-Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Zollikon, 1978. М., 1996[р]
Леонид (Кавелин). Святая Русь	*Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или Сведения о всех подвижниках благочестия на Руси / ОЛДП. СПб., 1891
ЛетИФО	Летопись Историко-филологического об-ва при имп. Новороссийском университете. Од., 1890–1916
Ливий. Рим. ист.	*Тит Ливий.* История Рима от основания города / Пер. под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1989–1993. 3 т.
Лисицын. Обзор	*Лисицын М. А.* Обзор духовно-музыкальной литературы. СПб., 1901
Лопухин. Толковая Библия	Толковая Библия: В 11 т. / Под ред. А. П. Лопухина, Н. Н. Глубоковского. СПб., 1904–1911. Стокгольм, 1987[р]. 11 т. в 3 пер.
МАК	Материалы по археологии Кавказа. М., 1888–1916. 14 вып.
Макарий. История РЦ	*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. СПб., 1864–1886. 12 т. М., 1994–1998[п]. 7 кн.
Мансветов. Устав	*Мансветов И. Д.* Устав Иерусалимский и его судьба на Востоке и в землях славянских // ПрТСО. 1884. Ч. 34. С. 466–564
Мануил Русские архиереи-обновленцы	*Мануил (Лемешевский), митр.* Каталог русских архиереев-обновленцев: Материал для «Словаря рус. архиереев-обновленцев» // «Обновленческий» раскол. М., 2002. С. 607–981
Русские иерархи, 992–1892	Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 г. Куйбышев, 1971, 10 т. Ркп.
Русские иерархи, 1893–1965	Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. Erlangen, 1979–1988. 6 т.
МАР	Материалы по археологии России, изданные Императорской Археологической комиссией. СПб., 1888–1918
Маркелов. Святые Древней Руси	*Маркелов Г. В.* Святые Древней Руси. СПб., 1998. Т. 1: Святые Древней Руси в прорисях и переводах с икон XV–XIX вв.: Атлас; Т. 2: Свод описаний; [Т. 3]: Прориси и переводы с икон из собрания Пушкинского Дома
МДИР	Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. Н. И. Субботин. М., 1875–1895. 9 т.
МИАЭТ	Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь, 1990–. Т. 1–.
Мијовић. Менолог	*Мијовић П.* Менолог: Историјско-уметничка истраживања. Београд, 1973
Минея (МП)	[Минея Служебная («месячная»):] Минея: [В 12 т.]. М.: Моск. Патриархия, 1978–1989. Т. 1: Сентябрь. 1978; Т. 2: Октябрь. 1980; Т. 3. Ч. 1: Ноябрь. 1980; Ч. 2: Ноябрь. 1981; Т. 4. Ч. 1: Декабрь. 1982; Ч. 2: Декабрь. 1982; Т. 5. Ч. 1: Январь. 1983; Ч. 2: Январь. 1983; Т. 6: Февраль. 1981; Т. 7. Ч. 1: Март. 1984; Ч. 2: Март. 1984; Т. 8. Ч. 1: Апрель. 1985; Ч. 2: Апрель. 1985; Т. 9. Ч. 1: Май. 1987; Ч. 2: Май. 1987; Ч. 3: Май. 1987; Т. 10. Ч. 1: Июнь. 1986; Ч. 2: Июнь. 1986; Т. 11. Ч. 1: Июль. 1988; Ч. 2: Июль. 1988; Ч. 3: Июль. 1988; Т. 12. Ч. 1: Август. 1989; Ч. 2: Август. 1989; Ч. 3: Август. 1989. Гражданский шрифт
МисОб	Миссионерское обозрение / Миссионер. Отд. МП. М., 1995–.
Моск. ЦВед	Московские церковные ведомости / Изд. ОЛДП. М., 1880–1918
МЦВ	Московский церковный вестник. М., 1989–.
НиР	Наука и религия. М., 1960–.
НИС	Новгородский исторический сборник / ГАИМК. Л., 1936–1961. Вып. 1–10; 1981–. Вып. 1(11)–.
НКС	Настольная книга священнослужителя. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1984–1995. 8 т.; 1992[2]. Т. 1

НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950
НФЭ	Новая философская энциклопедия. М., 2000–2001. 4 т.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. М., 1960– Т. 1–.
«Обновленческий» раскол	«Обновленческий» раскол: Мат-лы для церк.-ист. и канонической характеристики / Сост. И. Соловьев. М., 2002. (Мат-лы по истории Церкви; Кн. 27)
ОДДС	Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868–1915. 22 т.
Описание о российских святых	Книга, глаголемая Описание о российских святых / Публ. и доп. М. В. Толстого. М., 1887, 1995[р]
Павел Алеппский. Путешествие	*Павел Алеппский, архидиак.* Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном / Пер. с араб. Г. Муркос // ЧОИДР. 1896. Вып. 1; 1897. Вып. 2; 1898. Вып. 3–4; 1900. Вып. 5
Палладий. Лавсаик	*Палладий, еп. Еленопольский.* Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов / Пер. с греч. М., 1992. (Перераб. с изд.: СПб., 1873)
ПБЭ	Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского. СПб., 1900–1911. Т. 1–12: А—Константинополь
ПВЛ	Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; Ч. 2: Прил. СПб., 1996[2]. М., 1997[3]
ПДП	Памятники древней письменности. СПб., 1878–1925. 190 вып.
ПДРКП	Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. / Под ред. А. С. Павлова. СПб., 1908[2]. (РИБ; Т. 6)
Пентковский. Типикон	*Пентковский А. М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / МДА, Ин-т рус. яз. РАН. М., 2001
ПИ	Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933–1962
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975–[2003].
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси. М., 1978–1994. 12 вып.
ПМ	Православная мысль. П., 1928–[1971]. Вып. 1–[14]
ПМА	Писания мужей апостольских / Введ., пер. с греч. и примеч. прот. П. Преображенского; доп.: свящ. В. Асмуса, А. Г. Дунаева. Рига, 1994
ПО	Православное обозрение. М., 1860–1891
Политбюро и Церковь	Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосиб., 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2
Польский	*Польский М., протопр.* Новые мученики российские. Джорд., 1949–1957. М., 1993[р]. 2 ч.
Поселянин Е. Богоматерь	Богоматерь: Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон / Под ред. Е. Поселянина. СПб., 1909. К., 1994[р]. М., [1997][р]
ППС	Православный палестинский сборник. СПб., 1881–1916. Вып. 1–62; Палестинский сборник. 1954–1993. Вып. 1(63)–32(95); Православный палестинский сборник. 1998–. Вып. 96(33)–.
ПрибЦВед	Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1888–1918
ПРМИ	Памятники русского музыкального искусства. М., 1971–[1988]. Т. 1–[12]
ПРСЗГ	Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые П. Н. Батюшковым: Альбом. СПб., 1868–1886. Вып. 1–2: Волынь. 1868; Вып. 3–4: Волынь. 1869; Вып. 5: Вильна, 1870;
ПрТСО	Прибавления к Творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844–1891
ПС	Православный собеседник. Каз., 1855–1916, 2000–.
2 ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2: (12 дек. 1825 — 1 марта 1881). СПб., 1830–1884. 55 т.
3 ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3: (1марта 1881 — 1913). СПб., 1885–1916. 33 т.
ПСЛЛ, IV–VII вв.	Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров. М., 1998
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб., 1846–1921. Т. 1–24; М.; Л.; СПб., 1949–1994. Т. 25–39; М., 1995. Т. 41. См. также: НПЛ, ПВЛ. Т. 1: Лаврентиевская и Троицкая летописи. СПб., 1846; Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Л., 1928[2]. Вып. 1. Л., 1927. Вып. 2; М., 1962, 1997[3]. Вып. [1–2]; Т. 2: Ипатиевская и Густынская летописи. СПб., 1843; Ипатьевская летопись. СПб., 1908[2]. М., 1962, 1997–1998[р]; Т. 3: Новгородские летописи. СПб., 1841. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М., 2000[р]; Т. 4: Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848. Вып. 1–3: Новгородская четвертая летопись. Пг.; Л., 1915–1929[2]; Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000[р]; Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851; Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. М., 2003[р]; Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. М., 2000[р]; Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853; Т. 6. Вып. 1: Софийская 1-я летопись старшего извода. М., 2000[р]; Софийская 2-я летопись. М., 2001[р]; Т. 7–8: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856–1859; Т. 8: Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001[р]; Т. 9–12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. СПб., 1862–1901, 2000[р]; Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965; Т. 13: То же. Доп. к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. М., 1965, 2000[р]; Т. 14. [Ч.] 1. «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси». [Ч.] 2. «Новый летописец». СПб., 1910. М., 1965; Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. М., 1965; Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922[2]. М., 1965. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000[р]; Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889. М., 2000[р]; Т. 17: Западнорусские летописи. СПб., 1907; Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913; Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. М., 2000[р]; Т. 20: Львовская летопись. СПб., 1910–1912. 2 ч.; Т. 21: Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908–1913. 2 ч.; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф ред. 1512 г. СПб., 1911; Ч. 2: Хронограф западно-русской редакции. Пг., 1914; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910. М., 2004[р]; Т. 24: Типографская летопись. Пг., 1921. М., 2000[р]; Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949; Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959; Т. 27: Никаноровская летопись. М.; Л., 1962; Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963; Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана

	Васильевича. Александро-Невская летопись. М., 1965; Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская 2-я (Архивная) летопись. М.; Л., 1965; Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.; Л., 1968; Т. 32: Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцирного. М.; Л., 1975; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. М., 1977; Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978; Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980; Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987; Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. М., 1982; Т. 38: Радзивиловская летопись. Л., 1989; Т. 39: Софийская 1-я летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994; Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003; Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995; Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002; Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004
ПЭ	Православная энциклопедия / Моск. Патриархия, ЦНЦ «ПЭ». М., 2000–. Т.: РПЦ, 1–.
РА	Русский архив. М., 1863–1917
Райт. Очерк	*Райт В.* Краткий очерк сирийской литературы / Пер. П. К. Коковцев. СПб., 1902
РБС	Русский биографический словарь. СПб.; М., 1896–1913. 25 т. М., 1992[р]–[2003]. [С доп. т.]
РВ	Русский вестник. М., 1808–1824; СПб., 1841–1844; М., 1856–1906
РДМДМ	Русская духовная музыка в документах и материалах. М., 1998–[2004]. Т. 1–2. Кн. 1–2: Синодальный хор и училище церк. пения / Сост. и коммент.: С. Г. Зверевой, А. А. Наумова, М. П. Рахмановой; Т. 3: Церковное пение пореформенной России в осмыслении современников, 1861–1918 / Сост. А. А. Наумов, М. П. Рахманова. Поместный Собор РПЦ, 1917–1918 гг. / Сост. С. Г. Зверева. 2002; Т. 4: Смоленский / Сост. и ред. Н. И. Кабанова, М. П. Рахманова. 2002
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.; Л., 1872–1927. 39 т.
РИИР	Редкие источники по истории России: Сб.: В 2 вып. М., 1977
РМГ	Русская музыкальная газета. СПб., 1894–1917
Ровинский. Обозрение иконописания	*Ровинский Д. А.* Обозрение иконописания в России до кон. XVII в. СПб., 1903
Родосский. Словарь студентов СПбДА	*Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПбДА, 1814–1869 гг. СПб., 1907
Рос. Арх.	Российская археология (с № 2 за 1992 г., до этого — «Советская археология»)
Рос. Виз.	Российское византиноведение: Итоги и перспективы: Междунар. конф. К 100-летию ВВ и РАИК: Тез. докл. М., 1994
Россия в Св. земле	Россия в Св. земле: Док-ты и мат-лы / Под ред. Н. Н. Лисового. М., 2000. 2 т.
РС	Русская старина. СПб.; Пг., 1970–1918
РукСП	Руководство для сельских пастырей. К., 1860–1917
РФА	Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 1986–1992. 5 вып.
РФВ	Русский филологический вестник. Варшава, 1879–1915. Т. 1–74; М., 1916. Т. 75–76; Пг., 1917. Т. 77–78; М., 1994–. Т. 79–.
СбОРЯС	Сборник статей, читанных в Отд. рус. языка и словесности АН. 1867–1928. 101 т.
СбРИО	Сборник имп. Русского исторического общества. СПб.; Пг., 1867–1916. 148 т.
СвДР	Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь / Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1979
Святогорский устав	Святогорский устав церковного последования / Пер. с греч. иером. Доримедонта (Сухинина); под ред иером. Дионисия (Шленова). Серг. П., 2002
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. СПб.; М., 1813–1894. 5 т.
СДЛ	Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык: В 5 ч. СПб., 1874–1877. М., 1997–1999[р]
СДХА	Сочинения древних христианских апологетов / Сост., общ. ред. А. Г. Дунаев. СПб., 1999
Сергий (Спасский). Месяцеслов	*Сергий (Спасский), архиеп.* Полный Месяцеслов Востока. Владимир, 1901[2]. М., 1997[р]. 3 т.
Синодик СПб епархии	Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священноцерковнослужителей и мирян С.-Петербургской епархии XX столетия. СПб., 1999
СИППО	Сообщения Имп. Православного Палестинского общества. СПб., 1891–1917
СИСПРЦ	Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местночтимых / Сост. Д. А. Эристов, М. Л. Яковлев. СПб., 1862. М., 1990[р]
Скабалланович. Типикон	*Скабалланович М.* Толковый Типикон. К., 1910. Вып. 1; 1913. Вып. 2; 1915. Вып. 3. М., 1995[р]. [3 т. в 1 пер.]
СККДР	Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI — 1-я пол. XIV в.); 1988–1989. Вып. 2. Ч. 1–2 (2-я пол. XIV–XVI в.); СПб., 1992–1998. Вып. 3. Ч. 1–3 (XVII в.) [изд. продолж.]
СКСРК, XI–XIII	Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984
СКСРК, XIV	Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV в. М., 2002–. Вып. 1–.
Слијепчевић. Историја	*Слијепчевић Ђ.* Историја Српске Православне Цркве: В 3 кн. Београд, 1991
Смолич. История РЦ	*Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700–1917. М., 1996–1997. (История РЦ; Кн. 8. 2 ч.)
Собор, 1918	Священный Собор Православной Российской Церкви [1917–1918 гг.]
Деяния	Деяния. М.; Пг., 1918. 10 т. М., 1994[р]–.
Определения	Собрание определений и постановлений. М.; Пг., 1918. 4 кн. М., 1994[р]
Собор, 1988	Поместный Собор Русской Православной Церкви. 6–9 июня 1988 г.: Мат-лы. М., 1990
Сов. Арх.	Советская археология. М., 1951–[1992. № 1, далее — Российская археология]
Совещание, 1948. Деяния	Деяния Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. [М., 8–18 июля 1948 г.]. М., 1949. 2 т.
Соловьев. История	*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1851–1879. 29 т. 1959–1966[п]. 15 т. 1988–1999[п]. 18 кн.
СПб епархия в XX в.	С.-Петербургская епархия в XX в. в свете архивных материалов, 1917–1941: Сб. док-тов / Сост. Н. Ю. Черепенина, М. В. Шкаровский. СПб., 2000
СпомМакед	Споменици за средновековната и поновата историја за Македонија: В 5 књ. Скопје, 1975–1988. (Архив на Македонија)
Српски јерарси	*Сава, еп. шумадијски.* Српски јерарси. Крагујевац, 1996
ССКА	Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1888–1948
ССл	Советское славяноведение. М., 1965–1992 [с № 2. 1992 — «Славяноведение»]
СтБЛ	Старобългарска литература: Енцикл. речник / Сост. Д. Петканова. София, 1992

Стојановић. Записи	*Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1902–1905, 1982–1984[р]. 3 кн.
Строев. Списки иерархов	*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Köln; W., 1990[г]
Тацит.	*Корнелий Тацит.*
Анналы	Соч.: В 3 т.: Анналы. Малые произведения. История / Пер. И. М. Тронского. СПб., 1993[2]
История	История. М., 1993. (Лит. памятники)
Тверской мартиролог	Книга памяти жертв политических репрессий Калининской обл.: Мартиролог 1937–1938. Тверь, 2000–2001. 2 т.
Типикон	Типикон, сиесть Устав. СПб., 1992. 2 [т.]. Ц.-слав. шрифт
ТКДА	Труды Киевской Духовной Академии. К., 1860–1917, 1999–. [С 1999 – на укр. яз.]
ТКиДТ	Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Подгот. текста: А. А. Зимин. М.; Л., 1950
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы / Ин-т рус. яз. и лит-ры (Пушкинский Дом). Л.; СПб., 1934–. Т. 1–.
Требник большой	Требник большой. М., 1884. Серг. П.: ТСЛ, 1992[р]. Ц.-слав. шрифт
ТРУАК	Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1887–1904
ТСОРП	Творения Святых Отцов в русском переводе. М., 1843–1891
УЗ РПУ	Ученые записки Российского православного ун-та им. Иоанна Богослова. М., 1995–. Вып. 1–.
Успенский. История	*Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1996–1997. 3 т.
Успенский А. И. Царские иконописцы	*Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910
Устав РПЦ, 1989	Устав об управлении Русской Православной Церкви. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1989
Устав РПЦ, 2000	Устав Русской Православной Церкви: Принят на Архиерейском Соборе РПЦ в августе 2000 г. [М.], 2000
Фартусов. Руководство к писанию икон	*Фартусов В. Д.* Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года: Опыт пособия для иконописцев. М., 1910. 2002[р]
Филарет (Гумилевский)	*Филарет (Гумилевский), архиеп.*
Обзор	Обзор русской духовной литературы. СПб., 1856–1861. 2 кн. 1884[3]
Песнопевцы	Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. СПб., 1902. Серг. П., 1995[р]
РСв	Русские святые, чтимые всею Церковию или местно. Чернигов, 1861–1865. 12 кн.; 1865[2]. 3 кн. СПб., 1882[3]. 3 кн.
Филарет Московский, свт. Собр. мнений	*Филарет Московский, свт.* Собрание мнений и отзывов... по учебным и церковным вопросам / Под ред. архиеп. Саввы (Тихомирова). М., 1883–1888. Т. 1–5
Филимонов. Иконописный подлинник	Иконописный подлинник сводной редакции XVIII в. / Под ред. Г. Д. Филимонова; Об-во древнерус. искусства. М., 1874
Флоровский.	*Флоровский Г., прот.*
Вост. отцы IV в.	Восточные отцы IV в. П., 1931. М., 1992[2]
Вост. отцы V–VIII вв.	Восточные отцы V–VIII вв. П., 1931. М., 1992[2]
Пути русского богословия	Пути русского богословия. П., 1937, 1988[4]. Вильнюс, 1991[р]
ФН	Философские науки / МГУ. М., 1958–.
ХВ	Христианский Восток. СПб., 1912–1922. Н. с. СПб.; М., 1999–.
ХРД	Хоровое и регентское дело: Журн. СПб., 1909–1917
ХЧ	Христианское чтение / СПбДА. СПб., 1821–1917; 1991–.
ЦА	Церковная археология: Мат-лы конф.: 1-я Всерос. в Пскове, 1995. СПб.; Псков, 1995. 3 ч.
ЦВ	Церковный вестник. СПб., 1875–1917
ЦВед	Церковные ведомости. СПб., 1888–1918
ЦИВ	Церковно-исторический вестник / Об-во любителей церк. истории. М., 1998–. № 1–.
ЦОВ	Церковно-общественный вестник. СПб., 1874–1886
Цыпин. История РЦ	*Цыпин В. А., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1997. (История РЦ; Кн. 9)
ЧИОНЛ	Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. К., 1879–1914. 24 кн.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1846–1848, 1858–1918. [Ранее Русский ист. сб. (1837–1844. 7 т.), затем ВОИДР (1849–1857)]
ЧОЛДП	Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1863–1871
ЭС	Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. 41 (82+4) т.
AAS	Acta Apostolicae Sedis. Vat., 1909–.
ABD	The Anchor Bible Dictionary: In 6 vol. / Ed. D. N. Freedman. N. Y. et al., 1992–.
Abaelardus.	*Abaelardus.*
Dialect.	Dialectica / Ed. L. M. de Rijk. Assen, 1956 (рус. пер.: *Абеляр.* Диалектика / Пер., предисл. и примеч. С. С. Неретиной // ВФ. 1992. № 3. С. 161–178)
Hist. calamit.	Historia calamitatum mearum: (Ep. 1) // PL. 178. Col. 113–182 (рус. пер.: *Абеляр.* История моих бедствий. М., 1994)
ACR	Ancient Churches Revealed: Jerusalem / Ed. J. Tsafrir. Wash., 1993
ActaCO	Acta Conciliorum Oecumenicorum / Iussu atque mandato Societatis Scientiarum Argentoratensis edenda, instituit E. Schwartz, continuavit J. Straub. 4 vol. (27 partes). Strassburg; B.; Lpz., 1914–1974
ActaSS	Acta Sanctorum quotquot toto in orbi coluntur, vel a catholicis scriptoribus celebrantur / Ex Latinis et Graecis aliarumque gentium antiquis monumentis collegit, digessit, notis illustr. Ioannes Bollandus etc.
Ian.	Ianuarii. Antverpiae, 1643. 2 t. P., 1863[3];
Febr.	Februarii. Antverpiae, 1658. 3 t. P., 1863[3];
Mart.	Martii. Antverpiae, 1668. 3 t. P., 1863[3];
Apr.	Aprilii. Antverpiae, 1675. 3 t. P., 1863[3];
Mai.	Maii. Antverpiae, 1675. T. 1–3; 1685. T. 4–5; 1688. T. 6–7. P., 1864[3];
Iun.	Iunii. Antverpiae, 1695. T. 1; 1698. T. 2; 1701. T. 3; 1707. T. 4; 1709. T. 5; 1714–1717. T. 6; 1717. T. 7. P., 1865[3];
Iul.	Iulii. Antverpiae, 1719. T. 1; 1721. T. 2; 1723. T. 3; 1725. T. 4; 1727. T. 5; 1729. T. 6; 1731. T. 7. P., 1866[3];
Aug.	Augusti. Antverpiae, 1733. T. 1; 1735. T. 2; 1737. T. 3; 1739. T. 4; 1741. T. 5; 1743. T. 6. P., 1867[3];
Sept.	Septembris. Antverpiae, 1746. T. 1; 1748. T. 2; 1750. T. 3; 1753. T. 4; 1755. T. 5; 1757. T. 6; 1760. T. 7; 1762. T. 8. P., 1868[3];
Oct.	Octobris. Antverpiae, 1765. T. 1; 1768. T. 2; 1770. T. 3; 1780. T. 4; 1786. T. 5; 1794. T. 6; 1845. T. 7; 1853. T. 8; 1858. T. 9; 1861. T. 10; 1864. T. 11; 1867. T. 12; 1883. T. 13. P., 1869–1870[3] (T. 1–11); Supplementum ad ActaSS Oct. T. 1–6. Antverpiae, 1869;
Nov.	Novembris. Antverpiae, 1887. T. 1; 1894. T. 2. Pars 1. Brux., 1925. T. 4; 1931. T. 2. Pars 2.
ActaSS. Indices	Indices ad ActaSS Ian.–Oct. P., 1869–1870
AFH	Archivum franciscanum historicum: Periodica publ. trimestris / Cura PP. Coll. D. Bonaventurae. Grottaferrata, 1908–. Vol. 1–.
AfLW	Archiv für Liturgiewissenschaft. Regensburg; Freiburg (Schweiz), 1950–. Bd. 1–.
Agapius Mabbug. Hist.	*Agapius, ep. Mabbugensis.* Historia universalis / Ed. L. Cheikho. Beryt; P., 1912. (CSCO. Ser. 3. Arab. T. 5)
Aharoni. The Land	*Aharoni Y.* The Land of the Bible: A Hist. Geography. Phil., 1979[2]

AHDLMA	Archive d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge. P., 1926–[1978]. T. 1–[45]
AHG	Analecta Hymnica Gracca e codicibus eruta Italiae inferioris / Ed. I. Schirò. R., 1966–1983. 13 t.
AJA	American Journal of Archaeology: The J. of the Archaeol. Inst. of America. N. Y., 1897–.
Altaner. Patrologie	*Altaner B., Stuiber A.* Patrologie: Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg i. Br., 1966[7]
Ambrosiaster. In Rom.	*Ambrosiaster.* Commentaria in epistolam Romanos // PL.17. Col. 96
Ambros. Mediol.	*Ambrosius Mediolanensis.*
De fide	De fide // CSEL. 78 / Ed. O. Faller. 1962. P. 3–307; PL. 16. Col. 527–698
Ep.	Epistulae // CSEL. 82
Amm. Marc. Res gest.	*Ammiani Marcellini* Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Lpz., 1978. 2 t. (рус. пер.: *Аммиан Марцеллин.* История / Пер. Ю. А. Кулаковского при участии проф. А. Сонни. К., 1906–1908. Т. 1–3; *он же.* Римская история. СПб., 1994[2])
AnatSt	Anatolian Studies. Ankara, 1951–. Vol. 1–.
AnBoll	Analecta Bollandiana. Brux., 1882–.
An. Pont.	Annuario Pontificio, 1934–. Vat., 1935–.
An. Pont. Cath.	Annuaire Pontifical catholique de... P., 1898–1936, 1939, 1948
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / Hrsg. H. Temporini. B., 1972. Bd. 1–.
Anton. Placent. Itinerarium	Itinerarium *Antonini Pkacentini:* Un viaggio in Terra Santa del 560–570 d. C. / Ed. C. Milani. Mil., 1977 (рус. пер.: Путник Антонина из Плацеции кон. VI в. // ППС. 1895. Т. 13. Вып. 3. (Вып. 39))
ArchOC	Archives de l'Orient Chretien. Bucarest, 1948–.
Areop.	Corpus Areopagiticum
CH	De coelesti hierarchia // Corpus Dionysiacum, II. B.; N. Y., 1991. (PTS; 36) (рус. пер.: *Дионисий Ареопагит.* О Небесной иерархии: Тексты / Пер. с греч. Н. Г. Ермакова, под ред. Г. М. Прохорова; вступ. ст. Г. В. Флоровского. СПб., 1997)
DN	De Divinis nominibus / Ed. B. R. Suchla // Corpus Dionysiacum, I. B.; N. Y., 1990. (PTS; 33) (рус. пер.: *Дионисий Ареопагит.* О Божественных именах. О мистическом богословии / Изд. подгот. Г. М. Прохоров. СПб., 1994. (Основания христ. культуры))
EH	De ecclesiastica hierarchia // Corpus Dionysiacum, II. B.; N. Y., 1991. (PTS; 36) (рус. пер.: *Дионисий Ареопагит.* О Церковной иерархии // Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855. Т. 1)
Arist.	*Aristoteles*
De cael.	De caelo / Ed. P. Moraux. P., 1965 (рус. пер.: *Аристотель.* О небе // Соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 3. С. 263–378)
De generat. et corrupt.	De generatione et corruptione / Ed. C. Mugler. P., 1966 (рус. пер.: *Аристотель.* О возникновении и уничтожении // Там же. С. 379–440)
EN	Ethica Nicomachea / Ed. I. Bywater. Oxf., 1894 (рус. пер.: *Аристотель.* Никомахова этика // Там же. 1984. Т. 4. С. 53–293)
Met.	Metaphysica / Ed. W. D. Ross. Oxf., 1924, 1953[2], 1970[r]. Vol. 1: 980a21–1028a6; Vol. 2: 1028a10–1093b29 (рус. пер.: *Аристотель.* Метафизика // Там же. 1975. Т. 1)
Arranz.	*Arranz M.*
Eucologio	L'Eucologio Costantinopolitano agli inizi del secolo XI: Hagiasmatarion e Archieratikon (Rituale e Pontificale) con l'aggiunta del Leitourgikon (Messale). R., 1996
Typicon	Le typicon du monastère du Saint-Sauveur à Messine: Codex Messinensis gr. 115. A. D. 1131. R., 1969. (OCA; 185)
Athanas. Alex.	*Athanasius Alexandrinus*
Ad Antiochenos	Tomus ad Antiochenos // PG. 26. Col. 796–809 (рус. пер: *Афанасий, свт.* Свиток Афанасия Александрийского Архиепископа к антиохийцам // Творения. М., 1994[p]. Ч. 3. С. 166–175)
Apol. contr. ar.	Apologia (secunda) contra Arianos // PG. 25. Col. 247–410 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Слово защитительное против ариан // Там же. Ч. 1. С. 287–398)
De Synod.	Ep. de Synodis Arimini in Italia et Seleuciae in Isauria // PG. 26. Col. 681–794 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Послание о Соборах, бывших в Аримине Италийском и в Селевкии Исаврийской // Там же. Ч. 3. С. 92–165
Ep. ad Marcel.	Epistula ad Marcellinum // PG. 27. Col. 11–46 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Послание к Маркеллину: Об истолковании псалмов // Там же. Ч. 4. С. 3–35)
Ep. pasch.	Ep. festales // The Festal Letters of Athanasius / Ed. W. Cureton. L., 1848; [Ibid.:] De Paschate, lat. // PG. 28. Col. 1605–1610 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Праздничные послания, 1–20 // Там же. Ч. 3. С. 376–524)
Hist. arian.	Historia Arianorum ad monachos // PG. 25. Col. 695–796 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* История ариан // Там же. Ч. 2. С. 105–176)
Or. contr. arian.	Orationes tres contra arianos // PG. 26. Col. 11–468 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* На ариан, слова 1–3 // Там же. Ч. 2. С. 176–455)
Or. contr. gent.	Oratio sive liber contra gentes // PG. 25. Col. 1–96 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Слово на язычников // Там же. Ч. 1. С. 125–191)
Vita Antonii	Vita Antonii // PG. 26. Col. 835–976 (рус. пер.: *Афанасий, свт.* Житие прп. Отца нашего Антония // Там же. Ч. 3. С. 178–250)
Athen. Deip.	*Athenaeus.* Deipnosophistae / Ed., transl. C. B. Gullick. Camb., 1950. Vol. 1–7 (рус. пер.: *Афиней.* Пир мудрецов / Подгот. Н. Т. Голинкевич. М., 2003. Т. 1. (Лит. памятники))
Aug.	*Augustinus Hipponensis*
Con. Faust.	Contra Faustum Manichaeum // PL. 42. Col. 207–518
Confess.	Confessionum libri tredecim // PL. 32. Col. 659–869 (рус. пер.: *Августин, блж.* Исповедь / Пер. М. Сергеенко. М., 2000)
Contr. acad.	Contra academicos // PL. 32. Col. 903–958 (рус. пер.: *Августин, блж.* Против академиков // Творения. К., 1905. Ч. 4. С. 1–104)
Contr. Julian.	Contra Julianum pelagianum // PL. 44. Col. 641–874
Contr. Pelag.	Contra duos Epistolas Pelagianorum, ad Bonifatium, libri IV // PL. 44. Col. 549–640
De civ. Dei.	De civitate Dei libri XXII // PL. 41. Col. 13–801 (рус. пер.: *Августин, блж.* О Граде Божием // Творения. Ч. 3 (кн. 1–7); Ч. 4 (кн. 8–13); Ч. 5 (кн. 14–17); Ч. 6 (кн. 18–22). К., 1907–1910[2]. М., 1994[p]. 4 т.)
De nat. et grat.	De natura et gratia // PL. 44. Col. 247–290
De Trinit.	De Trinitate // PL. 42. Col. 819–1098 (рус. пер.: *Августин, блж.* О Троице. Кн. 1 // БТ. 1989. Сб. 29. С. 260–279)
Ep.	Epistolae // PL. 33
Quaest. in Hept.	Quaestionum in Heptateuchum libri VII // PL. 34. Col. 547–824
BALAC	Bulletin d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes. P., 1911–1914. Vol. 1–4. Продолж.: Revue des sciences religieuses
Baldovin. Worship	*Baldovin J. F.* The Urban Character of Christian Worship. R., 1987. (OCA; 228)
BAR	The Biblical Archaeology Review / The Bibl. Arcaeol. Soc. Wash., 1974–.
Barnaba. Ep.	Epistola catholica // PG. 2. Col. 727–782 (рус. пер.: Послание ап. *Варнавы* // ПМА. С. 63–94)

Barsan. Quaest.	*Barsanuphius and John.* Questions and Answers // PO. T. 31. Fasc. 3. [N 150] (рус. пер.: *Варсонофий Великий, прп.; Иоанн, прп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 2001)
Basil. Magn.	*Basilius Cesariensis Cappadociae (Magnus)*
Adv. Eunom.	Adversus Eunomium libri quinque // PG. 29. Col. 497–774 (рус. пер.: *Василий Великий, свт.* Против Евномия // Творения. М., 1991. Ч. 3. С. 3–230)
De legendis libris gentilium	Ad adolescentes, sermo de legendis libris Gentillium: [Homilia 22] // PG. 31. Col. 563–590 (рус. пер.: *Василий Великий, свт.* К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями // Там же. 1993. Ч. 4. С. 344–366)
Hom. 14	Homilia 14, in ebriosus // PG. 31. Col. 444–464s (рус. пер.: Беседа 14: На упивающихся // Там же. С. 243–257)
Hom. in Hex.	Homiliae in Hexameron, 1–9 // PG. 29. Col. 3–208 (рус. пер.: *Василий Великий, свт.* Беседы на Шестоднев // Там же. Ч. 1. С. 1–174)
Hom. in Ps.	Homiliae super Psalmos // PG. 29. Col. 209–494 (рус. пер.: *Василий Великий, свт.* Беседы на Псалмы // Там же. С. 177–406)
Basilic.	Baisilicorum libri LX / Ed. H. J. Scheltema, N. van der Wal. Groningen, 1955–1988. Ser. A: Textus. 8 vol.; Ser. B: Scholia. 9 vol.
BASOR	Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Baghdad, 1939–.
Bbl	Byzantinobulgarica. Sofia, 1962–.
BCHell	Bulletin de Correspondance Hellénique. P., 1885–.
Beck.	*Beck H.-G.*
Geschichte der orthodoxen Kirche	Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Gött., 1980
Kirche und theol. Literatur	Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Münch., 1959, 1977[2]
Beda. Hist. Angl.	*Beda Venerabilis.* Historia ecclesiastica gentis Anglorum=Ecclesiastical History of the English Nation / Introd. by D. Knowles. L.; N. Y., [1975] (рус. пер.: *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов. СПб., 2001)
Bedjan. Acta	Acta Martyrum et Sanctorum / Ed. P. Bedjan. P.; Lpz., 1890. T. 1; 1891. T. 2; 1892. T. 3; 1893. T. 4; 1894. T. 5; 1895. T. 6; 1896. T. 7; 1897. T. 8
BEHER	Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Section des Sciences Religieuses. P., 1889–.
BELS	Bibliotheca «Ephemerides liturgicae». Subsidia. R., 1974–[2003]. [127] Bde
BGA	Bibliotheca geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum, s. a. 1. Ser.: 1870–1894. 8 Bde; 2 Ser.: 1938–. Bd. 1–.
BHG	Bibliotheca hagiographica Graeca / Ed. Fr. Halkin. Brux., 1957[3]. Vol. 1–3. (SH; 8a); Auctarium. Brux., 1969. (SH; 47); Novum auctarium. Brux., 1984. (SH; 65)
BHL	Bibliotheca hagiographica Latina antiquae et mediae aetatis. Brux., 1898. T. 1; 1901. T. 2. (SH; 6); 1911. Suppl.
BHO	Bibliotheca hagiographica orientalis / Ed. Socii Bollandiani. Brux., 1910, 1970
BiblArch	The Biblical Archaeologist. New Haven, 1938–1997. 60 vol.
BiblSS	Bibliotheca sanctorum. R., 1961–1970. 12 vol.; 1987. Append.
BIFAO	Bulletin de l'Institut française d'archéologie orientale. Cairo, 1901–. Vol. 1–.
Billerbeck. Kommentar	*Strack H. L., Billerbeck P.* Der Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch. Tüb., 1986–1994. 6 Bde
BMGS	Byzantine and Modern Greek Studies. Oxf., 1975–. Vol. 1–.
BNGJ	Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. Athenai, 1920–[1985]. Vol. 1–[22]
Boetius.	*Boetius.*
Consol.	De consolatione philosophiae, libri V // PL. 63. Col. 579–863 (рус. пер.: *Боэций.* Утешение философией и другие трактаты. М., 1990)
Dial. in Porphyr.	Dialogi in Porphyrium // PL. 64. Col. 9–70 (рус. пер.: *Боэций.* Комментарий к Порфирию / Пер. Т. Ю. Бородай // *Он же.* Утешение философией и другие трактаты. М., 1990. С. 5–116)
In Top. Cic.	Commentaria in Ciceronis Topica // PL. 64. Col. 1039–1173
BollGrott	Bollettino della Badia Graeca de Grottaferrata. Grottaferrata, 1947–.
BOR	Biserica Ortodoxă Română. Bucureşti, 1874–. Vol. 1–.
Bornert. Commentaires	*Bornert R.* Les Commentaires byzantins de la Divine Liturgie du VIIe au XVe siècle. P., 1966
BSEtB	Byzantine studies = Etudes byzantines / Arizona St. Univ. Tempe, 1974–1980. 7 vol.
BSGRT	Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Lpz., 1869–. Bd. 1–.
Bsl	Byzantinoslavica. Praha, 1929–.
BSPKG	Bausteine zur slavische Philologie und Kulturgeschichte. NF. Köln; Weimar; W., 1988–[2004]. Bd. 1–[43]
Byz	Byzantion. Brux.; P., 1924–1952
ByzF	Byzantinische Forschungen. Amst., 1966–. Bd. 1–.
BZ	Byzantinische Zeitschift. Lpz., 1892–1943. Münch., 1944–1991. Lpz., 1992–. Bd. 1–.
BZAW	Beihefte zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft. B.; N. Y., 1886–.
BzMW	Beiträge zur Musikwissenschaft / Hrsg. v. der Ges. für Musikwissenschaft. B., 1959–1992. Bd. 1–34
Cah. Arch.	Cahiers Archéologiques. P., 1945–.
Cah. Civ. Med.	Cahiers de civilisation médiévale, X[e]–XIIe siècles. Poitiers, 1958–. Vol. 1–.
Cassiod.	*Cassiodorus.*
De artib.	De artibus et disciplinis liberalium litterarum // PL. 70. Col. 1149–1220
De inst. div. lit.	De institutione divinarum litterarum // PL. 70. Col. 1105–1150
CC	Corpus Christianorum / Hrsg. von der Abtei St. Peter in Steenbrugge (Belgien). Turnhout
CCCM	Continuatio Medievalis. 1966–.;
CCSA	Ser. Apocryphorum. 1983;
CCSG	Ser. Graeca. 1977–.;
CCSL	Ser. Latina. 1953–.
CFHB	Corpus Fontium Historiae Byzantinae. 1967–.
Christ, Paranikas. Anthologia	*Christ W., Paranikas M.* Anthologia Carminum Christianorum. Lipsiae, 1871
CIC	Codex iuris canonici (1983) // AAS, 1983. Vat., 1983. Vol. 75. Pt. 2
CIMAGL	Cahiers de l'Institut du Moyen-Âge Grec et Latin. Copenhague, 1969–. Vol. 1–.
*Cinnam.*Hist.	*Ioannis Cinnami* Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ed. A. Meineke. Bonn, 1836
CJ	Codex Justinianus / Ed. P. Krüger. B., 1954[11]. Hildesheim, 1989[r]. (CJC; 2)
CJC	Corpus juris civilis / Ed. fratres Kriegelii. Lpz., 1880[16]
Clem. Alex.	*Clemens Alexandrinus*
Paed.	*Clément d'Alexandrie.* Le pédagogue / Éd. H.-I. Marrou, M. Harl, C. Mondesert, C. Matray. P., 1960, 1965, 1970. 3 t. (SC; 70, 108, 158) [с франц. пер.] (Idem // PG. 8. Col. 247–684; рус. пер.: *Климент Александрийский.* Педагог / Пер. Н. Н. Корсунский. Ярославль, 1892; То же / Пер. Н. Н. Корсунский и свящ. Г. Чистяков. М., 1996[ii])
Strom.	Stromata I–VIII // PG. 8. Col. 685–930; II // Col. 929–1098; III // Col. 1097–1214; IV // Col. 1213–1382; V // Col. 9–206; VI // Col. 207–402; VII // Col. 401–558;

	VIII // Col. 557–602; Stromata, Buch I–VI / Hrsg. v. O. Stählin. B., 1939, 1985[4] [neu hrsg. v. L. Früchtel, mit Nachträgen v. U. Treu] (рус. пер.: *Климент Александрийский.* Строматы. Кн. I–VII. СПб., 2003. 3 кн.)
Commod.	*Commodianus Gazaeus*
Carmen. apol.	Carmen apologeticum adversus Iudaeos et gentes // *Commodiani* Carmina / Rec. E. Ludwig. Lipsiae, 1877. T. 2: Carmen apologeticum complectens
Instruct.	Instructiones adversus gentium deos pro christiana disciplina // PL. 5. Col. 201–262
Const. Ap.	Les constitutions apostoliques / Éd. et comment. M. Metzger. P., 1985–1987. (SC; 320, 329, 336)
Const. Porphyr.	*Constantinus Porphyrogenitus*
De adm. imp.	De administrando imperio / Éd. Gy. Moravczik, R. J. H. Jenkins. Wash., 1967 (рус. пер.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. (Древнейшие источники по истории народов СССР))
De cerem.	Le Livre des cérémonies... [par] *Constantin VII Porphyrogénète* / Texte établi et trad. par A. Vogt. P., 1967. (Coll. byzantine)
CoptE	The Coptic Encyclopedia / Ed. A. S. Atiya. Cairo, 1991. 8 vol.
CPG	*Geerard M.* Clavis Patrum Graecorum. Turnhout, 1974
CPL	*Dekkers E., Gaar A.* Clavis Patrum Latinorum. Steenbrugge, 1957. Brugge; La Haye, 1961[2]. (Sacris erudiri; 3)
CRAI	Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P., 1857–.
Cristoforo Mitileneo. Calendari	I calendari in metro innografico di *Cristoforo Mitileneo* / A cura di E. Follieri. Brux., 1980. (SH; 63)
CSCO	Corpus scriptorum christianorum orientalium / Ed. consilio Universitatis Catholicae Americae et Universitatis Catholicae Lovaniensis. R. et al., 1903–. Louvain, 1913–.
Aethiop.	Scriptores Aethiopici. 1903–.;
Arab.	Scriptores Arabici. 1903–.;
Armen.	Scriptores Armeniaci. 1953–.;
Copt.	Scriptores Coptici. 1906–.;
Iber.	Scriptores Iberici. 1950–.;
Syr.	Scriptores Syri. 1903–.
CSEL	Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. W., 1866. Vol. 1–.
CSHB	Corpus scriptorum historiae Byzantinae / Ed., con. B. G. Nieburii inst. Bonnae, 1826–1897
CTh	Codex Theodosianus cum perpetuis commentariis Jacobi Gothofredi. 1655; Mantuae, 1740 (ed. nova, emendata, variorum observationibus aucta, quibus adiecit suas J. Ritter)
Cypr. Carth. Ep.	*Cyprianis Carthaginiensis.* Epistolae // PL. 4. Col.193–452 (рус. пер.: *Киприан Карфагенский, свт.* Письма // Творения. М., 1999. С. 407–686)
Cyr. Hieros.	*Cyrillus Hierosolymitanus*
Catech.	Catecheses [illuminandorum] // PG. 33. Col. 331–1060; Catecheses [illuminandorum et] mystagogicae quinque // PG. 33. Col. 1065–1128 (рус. пер.: *Кирилл Иерусалимский, свт.* Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. Оглас.: С. 13–292. Тайновод.: С. 293–366)
Hom. in paralyt.	Homilia in paralyticum ad piscinam jacentem // PG. 33. Col. 1131–1154 (рус. пер.: *Кирилл Иерусалимский, свт.* Беседа о расслабленном при купели (Ин 5. 2–16) // Там же. С. 341–352)
DA	Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters / Ges. für ältere deutsche Geschichtskunde. Köln etc., 1937–. Jg. 1–. Ранее: Archiv der Ges. für ältere deutsche Geschichtskunde. Fr. a./M., 1820–1874. 12 Bde; Neues Archiv der Ges. für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1876–1935. 50 Bde; Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. Weimar, 1937–1944. 7 Bde
DACL	Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Éd. F. Cabrol et H. Leclercq. P., 1924–.
Darrouzès. Notitiae	*Darrouzès J.* Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae. P., 1981
DDC	Dictionnaire de droit canonique / Publ. sous la dir. de R. Naz. P., 1935–1965. 7 t.
Delehaye. Origines	*Delehaye H.* Les origines du culte des martyrs. Brux., 1933[2]
DHGE	Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique / Éd. A. Baudrillart et al. P., 1912–. T. 1–.
DICI	Documentation. Information. Catholiques. Internationales / Fraternité sacerdotale St.-Pie X; Agence de presse électronique; Réd. Abbe B. Lorber. P., 2001–.
Didache	La doctrine des douze apôtres: Didachè / Introd., trad., not. par W. Rordorf et A. Tuilier. P., 1978. (SC; 248) (рус. пер.: Учение двенадцати апостолов / Пер. свящ. В. Асмуса // ПМА. С. 17–42)
Dig.	Digesta / Hrsg. Th. Mommsen. B., 1966[19]. (CJC; 1) (рус. пер.: Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. И. С. Перетерского и др. М., 2001–2002. Т. 1: Кн. 1–4; Т. 2: Кн. 5–11)
Dio Cassius. Hist. Rom.	*Dionis Cassii* Historia Romana / Curavit L. Dindorf. Lipsiae, 1890–1894
Diodor. Sic. Bibliotheca	*Diodori Siculi.* Bibliotheca historica / Hrsg. F. Vogel, K. T. Fischer. Stuttg., 1964[r]. 5 vol.
DOP	Dumbarton Oaks Papers. Camb. (Mass.); Wash., 1941–.
DOS	Dumbarton Oaks Studies / Harvard University. L.; Camb. (Mass.); Wash., 1950–. Vol. 1–.
DSAMDH	Dictionnaire de spiritualité, ascétique et mystique, doctrine et histoire. P., 1937–1994. 16 t.
DTC	Dictionnaire de théologie catholique / Éd. A. Vacant, E. Mangenot, cont. E. Amann. P., 1903–1950. 15 t.
Duchesne. Fastes	*Duchesne L.* Fastes Episcopaux de l'ancienne Gaule. P., 1907–1915[2]. 3 t.
EAEHL	Encyclopedia of Archaeological Excavation in the Holy Land. Englewood Cliff (NJ); Jerusalem, 1975–1978. 4 t.
ECR	Eastern Churches Review. Oxf., 1966–. Vol. 1–.
EEC	Encyclopedia of the Early Church / Ed. A. Di Berardino; Inst. Patristicum Augustinianum. Camb.,1992. 2 vol.
EHR	English Historical Review. L., 1886–. Vol. 1–.
Eisag.	Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C. Zachariae v. Lingenthal. Lipsiae, 1892
Epiph. Adv. Haer. [Panarion]	*Epiphanius Constantiensis in Cypro episcopus* Adversus haereses // PG. 41. Col. 173–1199; 42. Col. 9-774; Panarion = Κατὰ αἱρέσεων / Ed. W. Dindorf. Bonn, 1852–1862. 5 t. (рус. пер.: *Епифаний Кипрский, свт.* На 80 ересей Панарий, или Ковчег // Творения. М., 1863–1885. Ч. 1. С. 21–384; продолж.: Об ересях // Там же. Ч. 2–5)
Eucher. Lugd. Instruct. I Pref.	*Eucherius Lugdunensis.* Instructionum ad Salonium libri II // *Eucherii Lugdunensis* Opera omnia / Ed. C. Wotke. W., 1894. P. 65–161
Euseb.	*Eusebius Caesariensis*
Hist. eccl.	Historia ecclesiastica, libri I–X // PG. 20. Col. 45–906 (рус. пер.: *Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 1993[11])
Onomast.	Onomasticon / Hrsg. E. Klostermann // Wekre. Lpz., 1904. Bd. 3. Tl. 1. S. 2–176. (GCS; 11.1)
Vita Const.	De vita Constantini, libri I–V // PG. 20. Col. 905–1316 (рус. пер.: *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998[2])

Evagr. Schol. Hist. eccl.	*Evagrius Scholasticus.* Historia ecclesiastica, libri I–VI // PG. 86. Pars 2. Col. 2415–2886 (рус. пер.: *Евагрий Схоластик.* Церковная история. М., 1997²; То же. Кн. I–II / Пер., вступ. ст., коммент. и прил. И. В. Кривушина. СПб., 1999)
Fedalto. Hierarchia	Hierarchia Ecclesiastica Orientalis: series episcoporum ecclesiarum christianarum orientalium / Ed. G. Fedalto. Padova, 1988. 2 vol.
FHG	Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. P., 1883–1885
Fétis. BUM	*Fétis F.-J.* Biographie universelle des musiciens... et bibliographie générale de la musique. P., 1867–1883². 8 vol.; Suppl.: 2 vol.
Fliche, Martin. HE	Histoire de l'Église depuis les origines jusqu'à nos jours / Sur la dir. de A. Fliche et V. Martin. P., 1935–[1964]. Vol. 1–[20]
FzDG	Forschungen zur deutschen Geschichte / Hrsg. durch die Hist. Commis. bei der Königl. Bayerischen Akad. der Wissenschaften. Gött., 1862–1886. 26 Bde
Gennad. Massil. De script. eccl.	*Gennadius Massiliensis.* De scriptoribus ecclesiasticis // PL. 58. Col. 1059–1120
Goar. Euchologion	*Goar J.* Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum complectens ritus et ordines Divinae Liturgiae, officiorum, sacramentorum, consecrationum, benedictionum, funerum, orationum etc. Cuilibet personae statui vel tempori congruos, juxta usum Orientalis Ecclesiae. Venetia, 1730²
GOTR	Greek Orthodox Theological Review. Brookline (Mass.), 1954–.
Greg. Nazianz.	*Gregorius Nazianzenus*
Carm. dogm.	Carmina dogmatica // PG. 37. Col. 397–522
Ep.	Epistulae / Ed. P. Gallay = *St Grégoire de Nazianze.* Lettres en 2 vol. P., 1964. Vol. 1: Epist. 1–100; 1967. Vol. 2: Epist. 103–201, 203–249; Epistolae, 1–244 // PG. 37. Col. 21–388 (рус. пер.: Письма 1–238 // *Григорий Богослов, свт.* Собр. творений. Минск, 2000. Т. 1. С. 499–672)
Or. 29	Oratio 29, theologica 3 (orationes theologicae) // PG. 36. Col. 73–104 (рус. пер.: *Григорий Богослов, свт.* Слово 29, о богословии 3-е, о Боге Сыне 1-е // Там же. С. 503–520)
Or. 38	Oratio 38, in Theophania, sive Natalitia Salvatoris // PG. 36. Col. 311–331 (рус. пер.: *Григорий Богослов, свт.* Слово 38: На Богоявление или на Рождество Спасителя // Там же. С. 632–645)
Or. 42	Orato 42: Supremum vale // PG. 36. Col. 457–492 (рус. пер.: *Григорий Богослов, свт.* Слово 42, прощальное, произнесенное во время прибытия в К-поль 150 епископов // Там же. С. 710–729)
Greg. Nyss.	*Gregorius Nyssenus*
Contr. Eun.	Contra Eunomii, libri I–II // PG. 45. Col. 248–464; 909–1121 (рус. пер.: *Григорий Нисский, свт.* Опровержение Евномия // Творения. М., 1863. Ч. 5: Кн. 1–4; 1864. Ч. 6: Кн. 5–12. Краснодар, 2003ᵖ. 2 т.)
De hom. opif.	De hominis opificio // PG. 44. Col. 123–256 (рус. пер.: *Григорий Нисский, свт.* Об устроении человека // Там же. М., 1861. Ч. 1. С. 76–222)
De vita Greg. Thaum.	De vita S. Gregorii Thaumaturgi // PG. 46. Col. 953–954 (рус. пер.: *Григорий Нисский, свт.* Слово о жизни св. Григория Чудотворца // Там же. М., 1872. Ч. 8. С. 126–197
De vita Moysis	De vita Moysis // PG. 44. Col. 297–430 (рус. пер.: *Григорий Нисский, свт.* О жизни Моисея Законодателя // Там же. М., 1861. Ч. 1. С. 223–379; То же / Пер. А. Десницкого. М., 1999)
Greg. Pal. Triad.	*Gregorius Palamas.* Triades pro hesychastis // Défense des Saints Hésychastes / Éd. J. Meyendorff. Louvain. 1973² (рус. пер.: *Григорий Палама, св.* Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995, 2003²)
Greg. Turon.	*Gregorius Turonensis.*
Glor. martyr.	Miraculorum lib. I: De gloria beatuorum martyrum // PL. 71. Col. 705–827
Hist. Franc.	Historia francorum // PL. 71. Col. 563–704 (рус. пер.: *Григорий Турский.* История франков. М., 1987)
Guillel. Camp.	*Guillel. Camp.*
De orig. anim.	De origine animae // PL. 163. Col. 1043–1044
De sacr. altar.	De sacramento altaris // PL. 163. Col. 1039–1040
Dial inter Christ. et Jud.	Dialogus inter Christianum et Judaeum de fide catholica // PL. 163. Col. 1045–1072 (рус. пер.: *Гильом из Шампо.* Диалог между Христианином и Иудеем о католической вере // Антология средневековой мысли. СПб., 2001. Т. 1. С. 257–293)
Hammann-McLean, Hallensleben	*Hammann-McLean R., Hallensleben H.* Die Monumentalmalerei in Serbien und Makedonien vom 11. bis zum frühen14. Jh. Giessen, 1963. (Marburger Abh. z. Geschichte u. Kultur Osteuropas; 3–4)
HAms	Handes amsoreay: baroyakan, usumnakan, aruestgitakan. Vienna: Mkhit'arean Tparan, 1887
HarvSCPh	Harvard Studies in Classical Philology. Camb. (Mass.), 1890–[2003]. Vol. 1–[101]
HarvTR	Harvard Theological Review. Camb. (Mass.), 1908–.
HChr	Histoire du christianisme des origines à nos jours / Éd. J.-M. Mayeur, Ch. et L. Pietri, A. Vauchez, M. Venard. P., 1993–. T. 1–.
Hefele, Leclercq. Hist. des Conciles	*Hefele Ch. J.* Histoire des Conciles d'après les documents originaux / Trad. H. Leclercq. P., 1907–1952. 11 t.
Herod. Hist.	*Herodoti.* Historiae. Oxonii, 1912. Vol. 1–2 (рус. пер.: *Геродот.* История, в 9 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. (Памятники ист. мысли))
Hieron.	*Hieronymus*
Adv. Helvid.	Adversus Helvidium, de Mariae virginitate perpetua // PL. 23. Col. 183–206 (рус. пер.: *Иероним, блж.* О приснодевстве блж. Марии, против Елпидия // Творения. К., 1903. Ч. 4. С. 93–121)
Adv. Lucifer.	Dialogus contra Luciferianos // PL. 23. Col. 135–182 (рус. пер.: *Иероним, блж.* О приснодевстве блж. Марии, против Елпидия // Творения. К., 1903. Ч. 4. С. 93–121)
Chron.	Chronicon // PL. 27. Col. 675–702 (рус. пер.: *Иероним, блж.* Хроника // Там же. 1912. Ч. 5. С. 363–376)
De vir. illustr.	De viris illustribus // PL. 23. Col. 604–631; De viris illustribus liber; accedit *Gennadii* Catalogus virorum inlustrium / Hrsg. W. Herding. Lipsiae, 1924 (рус. пер.: *Иероним Стридонский, свт.* Книга о знаменитых мужах // Там же. 1910². Ч. 5. С. 258–314)
Ep.	Epistulae // PL. 22; CSEL. 56 (ed. I. Hilberg)
In Ezech.	Commentaria in Ezechielem // PL. 25. Col. 15–490 (рус. пер.: *Иероним, блж.* Толкование на пророка Иезекииля // Там же. 1912. Ч. 10–11)
In Is.	Commentaria in Isaiam // PL. 24. Col. 17–678 (рус. пер.: *Иероним, блж.* Толкование на пророка Иезекииля // Там же. 1906–1911. Ч. 7–9)
Trans. Homil. Orig. in Luc.	Translatio homiliarum 39 Origenis in Evangelium Lucae, ad Paulam et Eustochium. Prologus // PL. 26. Col. 219–220
Hilar. Pict.	*Hilarius Pictaviensis*
Ad Const.	Liber in Constantium imperatorem // *Hilaire de Poitiers.* Contre Constance / Ed. Et trad. A. Rocher. P., 1987. (SC; 334)
De Trinit.	De Trinitate // PL. 10. Col. 25–29
In Dan.	Commentarium in Danielem // *Hippolyte.* Commentaire sur Daniel / Ed. M. Lefèvre. P., 1947. P. 70–386. (SC; 14)

Hist. mon. Aeg.	Historia monachorum in Aegypto / Éd. et trad. A.-J. Festugière. Brux., 1961. (SH; 34); 1971[r]. (SH; 53)
Holweck	*Holweck F. G.* A Biographical Dictionary of the Saints. Detroit, 1969[2]
Homer.	*Homerus*
Iliad.	Ilias / Ed. T. W. Allen. Oxf., 1931 (рус. пер.: *Гомер.* Илиада . Пер. Н. И. Гнедича. Л., 1990)
Od.	Odyssea / Ed. P. von der Mühll. Basel, 1962 (рус. пер.: *Гомер.* Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М., 2000)
Hunger. Literatur	*Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner / Mit Beitr. v. Ch. Hannick u. P. Pieler. Münch., 1978. 2 Bde
HUS	Harvard Ukrainian Studies. Camb. (Mass.), 1977–. Vol. 1–.
IEJ	Israel Exploration Journal. Jerusalem, 1950–.
IF	Istanbuler Forschungen. B., 1932–. Bd. 1–[44]
Ign.	*Ignatius Antiochenus*
Ep. ad Magn.	Epistula ad Magnesios // PG. 5. Col. 661–674; Ibid. // *Ignatius Scr. Eccl.* Epistulae VII genuinae (recensio media) / Ed. P. T. Camelot. *Ignace d'Antioche. Polycarpe de Smyrne.* Lettres. Martyre de Polycarpe. P., 1969. P. 80–92. (SC; 10) (рус. пер.: *Игнатий Богоносец, свт.* Послание к магнезийцам / Пер. прот. П. Преображенского // ПМА. С. 317–322)
Ep. ad Rom.	Epistula ad Romanos // PG. 5. Col. 685–697 (рус. пер.: *Игнатий Богоносец, свт.* Послание к римлянам / Пер. прот. П. Преображенского // Там же. С. 328–333)
Eph.	Epistula ad Ephesios // PG. 5. Col. 643–662 (рус. пер.: *Игнатий Богоносец, свт.* Послание к ефесянам / Пер. прот. П. Преображенского // Там же. С. 307–316)
IKZ	Internationale Kirchliche Zeitschrift. Bern, 1911–.
Inst. Just.	Institutiones / Hrsg. P. Krüger. B., 1966[19] (CJC; 1) (рус. пер.: Институции Юстиниана. Кн. 1–4 . Пер. с лат. Д. Расснера, под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998. (Памятники рим. права))
Ioan. Chrysost.	*Ioannes Chrysostomus*
Ad popul. Antioch.	Ad populum Antiochenum // PG. 49. Col. 1–21, 15–222 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы о статуях (к антиохийскому народу) // Творения. СПб., 1898–1906. Т. 2. Кн. 1. С. 5–250)
De resurrect.	De resurrectione mortuorum // PG. 50. Col. 417–432 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* О воскресении мертвых // Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 465–481)
In Ep. ad Col.	Homiliae in Epistolam ad Colosseos // PG. 62. Col. 299–392 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Послание к колоссянам // Там же. Т. 11. Кн. 1. С. 356–474)
In Ep. 1 ad Cor.	Homiliae in Epistolam primam ad Corvntheos // PG. 61. Col. 11–372 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на 1-е Послание к коринфянам // Там же. Т. 10. Ч. 1. С. 8–458)
In Ep. ad Tit.	Homiliae in Epistolam ad Titum // PG. 62. Col. 663–700 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Послание к Титу // Там же. Т. 11. Ч. 2. С. 837–883)
In Eph.	Homiliae 24 in epistulam ad Ephesios // PG. 62. Col. 9–176 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Послание к ефессянам // Там же. Т. 11. Кн. 1. С. 5–218)
In Gen.	Homiliae in Genesin // PG. 53. Col. 21–384; PG. 54. Col. 385–580 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на кн. Бытия // Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 1–455 (1–41); Ч. 2. С. 459–725 (42–67))
In Matth.	Homilia in Mattheum, 1–90 // PG. 57. Col. 13–472 (рус. пер.: *Иоанн Златоуст, свт.* Беседы на евангелиста Матфея // Там же. Т. 7. С. 5–889)
Ioan. Damasc.	*Ioannes Damascenus*
De fide orth.	Expositio fidei orthodoxa // PG. 94 (рус. пер.: *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. СПб., 1894. М.; Р.-н/Д., 1992[p])
Sacra parall.	Sacra parallela (fragm.) // PG. 46. Col. 1109–1112; Sacra parallela (fragm.) [Sp.] // PG. 95. Col. 1208c, 1548c-d, 1564d; 96. Col. 81a, 264d, 429a, 429b
Ioan. Ephes. Hist. eccl.	*Ioannis Ephesini* Historia ecclesiastica / Ed. E. W. Brooks. P., 1933, 1935. (CSCO; 104–105. Syr. 53–54)
Ios. Flav.	*Josephus Flavius*
Antiq.	*Flavii Iosephi* Antiquitates Iudaicae // *Flavii Iosephi* Opera / Ed. B. Niese. B., 1887, 1885, 1892, 1890. 4 т. 1955[r]) (рус. пер.: *Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкель. М., 1996. 2 т.)
De bell.	De bello Iudaico, I–VII // Ibid. T. 6 (рус. пер.: *Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. М. Финкельберг, А. Вдовиченко. М.; Иерусалим, 1999[2])
Iren. Adv. haer.	*Irenaeus Lugdunensis.* Adversus haereses. Lib. I–II // *Sancti Irenaei episcopi Lugdunensis* Libri quinque adversus haereses / Ed. W. W. Harvey. Camb., 1857. Vol. 1; Adversus haereses. Lib. III // *Irenée de Lyon.* Contre les hérésies, livre 3 / Ed. A. Rousseau, L. Doutreleau. P., 1974. Vol. 2. (SC; 211); Adversus hérésies. Lib. IV // *Idem.* Contre les hérésies, livre 4 / Ed. A. Rousseau, B. Hemmerdinger, L. Doutreleau et C. Mercier. P., 1965. (SC; 100); Adversus haereses. Lib. V // *Idem.* Contre les hérésies, livre 5 / Ed. A. Rousseau, L. Doutreleau, C. Mercier. P., 1969. (SC; 153) (рус. пер.: *Ириней Лионский, свт.* Против ересей / Пер. прот. П. Преображенский // Творения. СПб., 1900. М., 1996[p])
Isaac. Syr. Sermones	*Isaac Syrus.* Sermones // PG. 86. Col. 811–886 (рус. пер.: *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. М., 1897, 1992[p])
Isid. Hisp. De vir. illustr.	*Isidorus hispalensis episcopus, St.* De viris illustribus // PL. 83. Col. 1081–1106
Itiner. Burdigal.	Itinerarium Burdigalense // Palaestinae descriptiones ex saeculo IV, V et VI / Hrsg. T. Tobler. St. Gallen, 1869 (рус. пер.: Бордосский путник 333 г. // ППС. 1882. Т. 1. Вып. 2. (Вып. 2))
Iust. Martyr.	*Iustinus Philosophus et Martyr*
I Apol.	Apologia // PG. 6. Col. 327–440 (рус. пер.: *Иустин Мученик, св.* Апология I, представленная в пользу христиан Антонину Благочестивому // Творения. М., 1892, 1995[p]. С. 31–104)
Dial.	Dialogus cum Triphone // PG. 6. Col. 481–800 (рус. пер.: *Иустин Мученик, св.* Разговор с Трифоном иудеем // Там же. С. 132–362)
JAC	Jahrbuch für Antike und Christentum. Münster, 1958–.
Jacob. Formulaire	*Jacob A.* Histoire du formulaire grec de la liturgie de Saint Jean Chrysostome: Diss. Louvain, 1968. Mscr.
Jaffé. RPR	*Jaffé Ph.* Regesta Pontificorum Romanorum ab condita Ecclesia ad annum post christum natum 1198 / Ed. P. Ewald. B., 1851. 2 t. Lipsiae, 1885–1888[2]
JAMS	Journal of the American Musicological Society. Richmond, 1948–. Vol. 1–.
Janin. Églises et monastères	*Janin R.* Les Églises et les monastères [de Constantinople byzantine]. P., 1969[2]. (Géographie ecclésiastique de l'empire byzantin)
JBL	Journal of Biblical Literature. Missoula, 1882–.
JEA	The Journal of Egyptian Archaeology / Egypt Exploration Society. L., 1914–. Vol. 1–.
JGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas / Osteuropa-Inst. Stuttg., 1936–1941. Bd. 1–6; N. F. 1953 (1953/1954)–1959(1959/1960).

	Bd. 1–7; 1960–1963. Bd. 8–11; 1964–. Bd. 12–. [München., 1954–1962. Wiesbaden, 1963–1986. Stuttg., 1987–.]
JGR	Jus Graecoromanum / A cura P. Zepi et J. Zepi. Athenis, 1931. 8 t.
JMA	Journal of Mediterranian Archaeology. Sheffield, 1988–. Vol. 1–.
JÖB	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. W.; Graz; Köln, 1968–.
JRArch	Journal of Roman Archaeology. Ann Arbor (Mich.), 1988–. Vol. 1–.
JSOT	Journal for the Study of the Old Testament / Univ. of Sheffield. Sheffield, 1976. Suppl. Ser.: 1976–. [307 vol.]
JThSt	Journal of Theological Studies. Oxf., 1899/1900–1949. 50 vol.; N. S. 1950–. Vol. 1–.
Jungmann. Missarum Sollemnia	*Jungmann J.-A.* Missarum Sollemnia: Explication génétique de la Messe romaine. P., 1951. T. 1; 1952. T. 2; 1954. T. 3
Krumbacher. Geschichte	*Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinischen Literatur / Unter Mitwirkung v. A. Ehrhard u. H. Gelzer. Münch., 1897²
LA	Liber annuus / Studium Biblicum Franciscanum. Jerusalem, 1950/51–. Vol. 1–.
LACL	Lexikon der antiken christlichen Literatur / Hrsg. S. Döpp, W. Geerling. Freiburg i. Br., 1998, 2002³
Lact.	*Lactantius.*
De mort. persecut.	De mortibus persecutorum // PL. 7. Col. 190–276 (рус. пер.: *Лактанций.* О смертях преследователей / Пер. с лат. В. М. Тюленев. СПб., 1998)
Div. inst.	Divinae institutiones // PL. 6. Col. 110–882 (рус. пер.: *Лактанций.* Божественные установления // *Тюленев В. М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. С. 205–317)
Latyšev. Menol.	Menologii anonymi byzantini saeculi X quae supersunt / Ed. B. Latyšev. Petropoli, 1911–1912. 2 t. Lpz., 1970ʳ
LCI	Lexikon der christlichen Ikonographie. Freiburg i. Br., 1971, 1994ʳ. 5 Bde
Leo Magn. Ep.	*Leo Magnum.* Epistolae // PL. 54. Col. 593–1216
LexMA	Lexikon des Mittelalters. Münch.; Zürich, 1980–1999. 9 Bde
LGF	Liturgiegeschichtliche Forschungen. Münster, 1918–1927
Lodi. Enchiridion	*Lodi E.* Enchiridion euchologicum fontium liturgicorum. R., 1979. (BELS; 15)
LP	Liber Pontificalis / Ed. L. Duchesne. P., 1955–.
LTK	Lexikon für Theologie und Kirche / Hrsg. J. Höfer, K. Rahner. Freiburg i. Br., 1957–1968², 1986ʳ. 10 Bde, Reg., 3 Bde. Suppl.
Macrob. Saturn.	*Macrobius.* Saturnalia. Somnium Scipionis: Crit. instr., comment. / Ornavit J. Willis. Stuttg.; Lpz., 1994. (BSGRT)
Mai. NPB	*Mai A.* Novae patrum bibliothecae / Ed. Card. A. Maio R., 1852–1905. 10 vol.
MAMA	Monumenta Asiae Minoris Antiqua / Ed. W. H. Buckler, W. M. L. Calder, 1928–1988. Vol. 1–8
Mansi.	Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I. D. Mansi. Florentiae; Venetiae, 1759–1769. Graz, 1960ʳ. 31 t.
MartHieron	Martyrologium Hieronymianum / Ed. C. De Rossi, L. Duchesne // ActaSS. Nov. T. 2. Pars 1. Antverpiae, 1894
MartRom	Martyrologium Romanum scholiis historicis instructum / Ed. H. Delehaye // Propylaeum ad ActaSS Dec. Brux., 1940
MartUsuard	Martyrologium Usuardi // ActaSS. Iun. T. 6. Antverpiae, 1714
Mar. Vict.	*Marius Victorinus*
Adv. Ar.	Adversus Arium // SC. N 68. P. 184–603
De gen. Div.	Candidi Ariani ad Marium Victorinum rhetorem Liber de Generatione Divina // SC. N 68. P. 104–125
De gen. Div. Verbi.	Marii Victorini rhetoris urbis Romae ad Candidum Arianum Liber de Generatione Divini Verbi // SC. N 68. P. 126–173
De hom. recip.	De homoousio recipiendo // SC. N 68. P. 605–617
Hymn.	Hymni // SC. N 68. P. 619–653
In Ephes.	In epistolam Pauli ad Ephesios libri duo // PL. 8. Col. 1235–1294
In Galat.	In epistolam Pauli ad Galatas libri duo // PL. 8. Col. 1145–1198
In Philip.	In epistolam Pauli ad Philippenses liber unicus // PL. 8. Col. 1197–1236
Mart. Cap. De Nupt.	*Martianus Capella.* De nuptiis philologiae et Mercurii / Ed. J. Willis. Lpz., 1983. (BSGRT)
Mateos.	*Mateos J.*
Célébration	La Célébration de la Parole dans la Liturgie byzantine. R., 1971. (OCA; 191)
Typicon	Le Typicon de la Grande Église: Ms. Saint-Croix n. 40, Xᵉ siècle / Introd., texte critique, trad. et notes J. Mateos. R., 1962–1963. 2 t. (OCA; 165–166)
Mathews. Early Churches of Constantinople	*Mathews Th. F.* Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. Univ. Park (Pa), 1971
Maximus Conf.	*Maximus Confessor*
Ambigua	Ambiguorum Liber //PG. 91. Col. 1031–1418
Mystagogia	Mystagogia VII // PG. 91. Col. 658–718 (рус. пер.: *Максим Исповедник, св.* Мистагогия // Творения. М., 1993. Кн. 1. С. 154–184)
Quaest. ad Thalas.	Quaestiones ad Thalassium de Scriptura Sancta // PG. 90. Col. 244–786 (рус. пер.: *Максим Исповедник, прп.* Вопросоответы к Фалассию // Там же. Кн. 2. С. 18–174)
Schol. in DN	Scholia in: Areop. DN: Scholia in Dionysium Areopagitum // PG. 4. Col. 15–432 (рус. пер.: *Дионисий Ареопагит.* Соч. *Максим Исповедник.* Толкования. СПб., 2002)
Meliton. Pasch.	*Meliton de Sardes.* Sur la pâque / Introd., texte crit., trad. et notes par O. Perler. P., 1966. (SC; 123) (рус. пер.: *Мелитон Сардийский, св.* О Пасхе // СДХА. С. 520–552)
MenolBas	*Franchi de' Cavalieri P.* Il menologio di Basilio II. Cod. Vatic. gr. 1613. Torino, 1907. (Codices e Vaticani selecti; 8)
Messager EPREO	Messager de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale. P., 1950–.
MFO	Mélanges de la Faculté Orientale / Univ. St.-Joseph. Beyrouth, 1906–.
MGG	Die Musik in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. v. F. Blume. Kassel; N. Y., 1953, 1994²
MGH	Monumenta Germaniae Historica / Ed. Soc. aperiendis font. rerum Germ. Medii aevi. 1826–.
AA	Auctores antiquissimi;
Briefe	Die Briefe der deutschen Kaiserzeit;
Capit.	Capitularia regum Francorum;
Conc.	Concilia;
Const.	Constitutiones et acta publica imperatorum et regum;
Dipl.	Diplomata;
Dipl. Kar.	Diplomata Karolinorum;
Dipl. Kar. Germ.	Diplomata regum Germaniae ex stirpe Karolinorum;
Dipl. Reg. Imp.	Diplomata regum et imperatorum Germaniae;
DtChron	Scriptores qui vernacula lingua usi sunt: Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters;
DtMa	Deutsches Mittelalter. Kritische Studientexte des Reichsinstituts für ältere deutsche Geschichtskunde;
Epp.	Epistolae;
EpSel	Epistolae selectae;
FontIur	Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi;

Form.	Formulae;
Gest. Pont. Rom.	Gesta Pontificorum Romanorum, 1 (= Libri Pontificalis, pars prior / Ed. Th. Mommsen. B., 1898);
Leg. Const.	Leges. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum;
Lib.	Libelli de lite imperatorum et pontificum saec. s. XI et XII conscripti;
Poet.	Poetae;
SS	Scriptores;
Scr. Lang.	Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum s. VI–IX;
Scr. Mer.	Scriptores rerum Merovingicarum;
Script. Rer. Germ.	Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi;
Script. Rer. Germ. NS	Scriptores rerum Germanicarum. Nova series
Mich. Attal. Hist.	*Michael Attaleiates.* Historia / Hrsg. W. Brunet de Presle, I. Bekker. Bonn, 1853. (CSHB; 12)
Mich. Psell. Chron.	*Michele Psello.* Imperatori di Bisanzio: (Chronografia). Mil., 1984. 2 t. (рус. пер.: *Пселл Михаил.* Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978)
MIFAO	Mémoires de la Mission archéologique française au orientale. Cairo, 1901–. Vol. 1–.
Miklosich, Müller	*Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1890. 6 vol.
Millet, Frolow	*Millet G.* La peinture du Moyen âge en Yougoslavie: Album / Présenté par A. Frolow. P., 1954–1962. 3 vol.
Min. Fel. Octavius	*Minucii Felicis* Octavius // PL. 3. Col. 239–376 (рус. пер.: *Минуций Феликс.* Октавий // БТ. 1981. Сб. 22. С. 139–177; То же // СДХА. С. 226–274)
MIÖG	Mitteilungen des Institut für österreichische Geschichtsforschung. Innsbruck, 1948–.
MMB	Monumenta musicae byzantinae. Copenhagen, 1935–. Vol. 1–.
MMFH	Magnae Moraviae fontes historici / Curaverunt D. Bartonková. Brno, 1966–1977. T. 1–5. (Opera Univ. Purkynianae Brunensis, Fac. Philosophica)
MPH	Monumenta Poloniae Historica. Lwow, 1864–1893. 6 t.; N. S. Warsz., 1946–1994. 11 t.
MQ	Musical Quarterly. N. Y., 1915–. Vol. 1–.
NCE	New Catholic Encyclopedia. N. Y., 1967–1979, 1981[r]. 17 vol., ind., suppl.
NEAEHL	New Encyclopedia of Archaeological Excavation in the Holy Land. Englewood Cliff (N. J.); Jerusalem, 1993–. Vol. 1–.
NGDMM	The New Grove Dictionary of Music and Musicians. L., 1980–. Vol. 1–.
Niceph. Callist.	*Nicephorus Callistus.* Historia ecclesiastica, libri XVIII // PG. 145. Col. 559–1332
Niceph. Greg. Hist.	*Nicephori Gregorae* Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829–1830. 2 vol.
Nicol. Cabas. De vita in Christo	*Nicolas Cabasilas.* De vita in Christo, libri septem // PG. 150. Col. 493–726 (рус. пер.: *Николай Кавасила, свт.* Семь слов о жизни во Христе. М., 1874)
Novell. Herakl.	Novellae Heraklii imperatoris // JGR. T. 3
Novell. Just.	Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. B., 1954; Hildesheim, 1989[r]. (CIC; Bd. 3)
Novell. Leo.	*Leo VI Sapiens.* Novellae Constitutiones // PG. 107. Col. 419–660
Novell. Theod.	Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. P. M. Meyer. Dublin; Zürich, 1971
NRT	Nouvelle revue théologique / Rev. publ. de la Fac. de Théologie de la Compagnie de Jésus. Brux., 1869–1940/45. 67 vol.; 1946–. Vol. 1–.
NTA	Neutestamentliche Abhandlungen. Münster, 1908–1960/1961; N. F. 1965–[2004]
NTS	New Testament Studies. L.; Camb. (GB), 1965–.
OCA	Orientalia Christiana analecta. R., 1935–. (ранее: Orientalia Christiana; OrChr)
OCP	Orientalia Christiana Periodica. R., 1935–.
ODB	The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. P. Kazhdan, A.-M. Talbot etc. Wash., 1991. 3 vol.
OEANE	The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. N. Y.; Oxf., 1997–. Vol. 1–.
Onasch. Lexicon	*Onasch K.* Liturgie und Kunst der Ostkirsche in Stichworten unter Berucksichtigung der Alten Kirsche: [Lexicon]. Lpz., 1981; B., 1993[2]
OrChr	Orientalia Christiana. R., 1923–1934
Oriens Chr.	Oriens Christianus. Lpz.; Wiesbaden, 1901–.
Orig.	*Origenes*
Comm. ad Joh.	Commentaire sur St. Jean. P., 1966–1975. 3 vol. (SC; 120, 157, 222)
Comm. in Eccl.	Excerpta in Ecclesiasten // Origène: sa vie et son œuvres. P., 1977
Contra Cels.	Contra Celsum // PG. 14. Col. 641–1632; Ibid. / Ed. M. Borret. P., 1967–1969. (SC; 132, 136, 147, 150) (рус. пер.: *Ориген.* Против Цельса. Каз., 1912. М., 1996)
De princip.	Περὶ ἀρχον = De principiis // PG. 11. Col. 115–414 (рус. пер.: *Ориген.* О началах. СПб., 2000)
Ovid. Met.	*Publius Ovidius Naso* Metamorphoses / Ed. H. Magnus. Gotha, 1892 (рус. пер.: *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского. М., 1977. (Б-ка античной лит-ры))
Păcurariu. IBOR	*Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe Române. Bucureşti, 1980–1981, 1994[2]. 3 vol.
Pachom. Praecepta	Pachomiana latina: Règle et Épîtres de S. Pachome, Épîtres de S. Theodore et «Liber» de S. Orsiesius: Texte latin de S. Jerome / Ed. A. Boon. Louvain, 1932. P. 3–52 (рус. пер.: «Правила» Пахомия // *Хосроев А. Л.* Пахомий Великий: Из ранней истории общежительного монашества в Египте. СПб.; Кишинев; П., 2004. С. 391–419)
Palladius. Hist. Laus. (Bartelink)	*Palladio.* La storia Lausiaca / Trad. M. Barchiesi; Ed. G. J. M. Bartelink. Mil., 1974
Paul. Silent.	*Paulus Silentiarius.* Descriptio S. Sophiae // *Prokop.* Werke / Hrsg. O. Veh. Münch., 1977. Bd. 5: Die Bauten
PEQ	The Palestine Exploration Quarterly. L., 1946–.
Petit. Bibliogr. d. acolouthies	*Petit L.* Bibliographie des acolouthies grecques. Brux., 1926. (SH; 16)
PG	Patrologiae cursus completus. Ser. Graeca / Ed. J. P. Migne. P., 1857–1866. 161 t.
Philost. Hist. eccl.	*Philostorgius.* Kirchengeschichte: Mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez, überarb v. F. Winkelmann. B., 1981[3]
Pitra. Analecta Sacra	*Pitra J. B.* Analecta Sacra spicilegio Solesmensi parata. Parisiis; Tusculi; Venetiis, 1876–1884. Farnborough, 1966–1967[r]. 6 vol.
PL	Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J. P. Migne. P., 1844–1864. 221 t.
Plat.	*Plato.*
Leg.	Leges // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1900, 1967[r]. Vol. 5. 624a – 969d (рус. пер.: *Платон.* Законы // *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 71–437)
Parm.	Parmenid // Ibid. Vol. 2. 126a – 166c (рус. пер.: *Платон.* Парменид // Там же. 1993. Т. 2. С. 346–412)
Phaedo.	Phaedo // Opera. Vol. 1. 57a – 118a (рус. пер.: *Платон.* Федон // Там же. Т. 2. С. 7–80)
Soph.	Sophista // Ibid. (рус. пер.: *Платон.* Софист // Там же. 1993. Т. 2. С. 275–345)
Symp.	Symposium // Opera: In 5 vol. / Ed. J. Burnet. Oxf., 1901, 1967[r]. Vol. 2. 172a – 223d (рус. пер.: *Платон.* Пир // Там же. Т. 2. С. 81–134)
Theaet.	Theaetetus // Ibid. Vol. 1. 142a – 210d (рус. пер.: *Платон.* Теэтет // Там же. 1993. Т. 2. С. 192–275)
Tim.	Timaeus // Ibid. Vol. 4. 17a – 92c (рус. пер.: *Платон.* Тимей // Там же. 1994. Т. 3. С. 421–500)

Plin. Jun. Ep.	*Plinius der Jungere.* Briefe / Lat. u. Deutsch v. H. Kasten. B., 1982 (рус. пер.: *Плиний Младший.* Письма / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. М., 1982[2])
Plot. Enn.	*Plotinus.* Enneades // *Plotini* Opera / Rec. A. Kirchhoff. Lipsiae, 1883–1884. 2 Bde. (BSGRT) (рус. пер.: *Плотин.* Эннеады: В 2 т. Минск, 1995–1996)
PLS	Patrologiae cursus completus a J. P. Migne. Ser. Latina: Suppl. / Curante A. Hamman. P., 1958–1974. 5 vol. in 18 pts. (Half-title: Patrologiae Latinae supplementum)
Plut. Quest. conv.	*Plutarchus.* Questiones convivales (612c – 748d) // *Plutarchi* Moralia / Hrsg. C. Hubert. Lpz., 1938, 1971[r]. Bd. 4
PO	Patrologia Orientalis / Ed. R. Graffin, F. Nau. P., 1907–. T. 1–.
Proch.	Prochiron imperatorum Basilii, Constantini et Leonis / Hrsg. C. E. Zachariae v. Lingenthal. Hdlb., 1837
Procl. In Tim.	*Proclus.* In Platonis Timaeum commentaria / Ed. E. Diehl. Lpz., 1903–1906. 3 vol. Amst., 1965[r] (рус. пер.: *Прокл.* Комментарии на «Тимея» Платона: [Введ. к 1-й кн.] / Пер. А. В. Петрова // АКАΔΗΜΕΙΑ: Мат-лы и исслед. по истории платонизма. СПб., 2003. С. 332–364)
Procop. Bella	*Procopii Caesariensis* Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Vol. 1: De bellis libri I–IV; Vol. 2: De bellis libri V–VIII. Lpz., 1962–1963[2] (рус. пер.: *Прокопий Кесарийский.* [Войны]. Кн. 1–4: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. СПб., 1998[2]; Кн. 5–8: *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьев. М., 1996[2]. 2 т.)
De aedificiis	De aedificiis // *Idem.* Opera. Lpz., 1964[2]. Bd. 4
Prosper. Resp. Vincent.	*Prosper Aquitanis.* Pro Augustino responsiones ad capitula obiectionum Vincantianarum // PL. 45. Col. 1843–1849
PS	Patrologia Syriaca / Ed. R. Graffin at al. P., 1894–1926
Ps.-Hieron. Comm. ad Paul	*Ps.-Hieronymus.* Commentarius in epistulas Paulinas // *Frede H. J.* Ein neuer Paulustext und Kommentar. Freiburg i. Br., 1973–1974. 2 Bde
PTS	Patristische Texte und Studien. B.; N. Y., 1964–[2002]. Bd. 1–[56]
QFIAB	Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Tüb., 1897/98–1944. 33 Bde; 1954–. Bd. 34–.
QSGOE	Quellen und Studien zur Geschichte des oestlichen Europa. Wiesbaden, 1968–[2004]. Bd. 1–[65]
Quasten. Patrology	*Quasten J.* Patrology. Utrecht; Brux., 1950–1953. 3 t.
RA	Revue archéologique. P., 1844/1845–1859/1860. Vol. 1–16; 2 sér. 1860–1882. Vol. 1–44; 3 sér. 1883–1902. Vol. 1–41; 4 sér. 1903–1914. Vol. 1–24; 5 sér. 1914–1932. Vol. 1–36; 6 sér. 1933–1957, 1958–1965. Vol. 1–50; 7 sér. 1966–.
RAC	Reallexikon für Antike und Christentum / Hrsg. v. Th. Klauser, E. Dassman u. a. Stuttg., 1941–. Vol. 1–. Suppl. 1985–.
Raes. Introductio	*Raes A.* Introductio in Liturgiam Orientalem. R., 1947
RAug	Revue Augustinienne. Louvain, 1902–1910. 17 vol.
RB	Revue biblique. P., 1892–.
RBén	Revue bénédictine (bull.). Maredsous; [Brages], 1883–.
RBK	Reallexikon zur byzantinischen Kunst / Hrsg. v. K.Wessel. Stuttg., 1963
REArm	Revue des études arméniennes. P., 1920–1933. T. 1–11; N. S.: 1964–. T. 1–.
Réau. Iconographie	*Réau L.* Iconographie de l'art chrétien. P., 1955–1959. 5 vol.
REAug	Revue des études augustiniennes. P., 1955–. [1940–1954: L'année théologique augustinienne]
REB	Revue des études byzantines. P., 1943–.
RechSR	Recherches de sciences religieuses = Sciences religieuses: Travaux et recherches. P., 1910–. Vol. 1–.
REG	Revue des etudes grecques. P., 1891–.
RegCP	См.: RegPatr
RegImp.	*Dölger F.* Regesten der Kaisekunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. Münch., 1924–1965. 5 Tl.
RegPatr	Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople / Ed. V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès. P., 1932–1979. Vol. 1–2. Pt. 1–8
RES	Revue des études slaves. P., 1921–[2003]. Vol. 1–[74]
RHLR	Revue d'histoire et de littérature religieuses. P., 1896–1907. 12 vol.; N. S. 1910–1922. 8 vol.
RM	Russia Mediaevalis. Münch., 1973–. Vol. 1–.
RQS	Romische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Freiburg i. Br., R., 1898–.
RSBN	Rivista di studi bizantini e neoellenici / Istituto per l'Europa orientale. R., 1925–1963. Vol. 1–10; N. S. 1964–. Vol. 1–.
RSR	Revue des sciences religieuse: Bull. d'ancienne littérature et d'archéologie chrétiennes. Strassbourg, 1921–. Vol. 1–.
RTAM	Recherches de théologie ancienne et médiévale. Louvain, 1935–.
Rufinus. Hist. eccl.	*Rufinus* Historia ecclesiastica // *Idem.* Opera / Ed. M. Simonetti. Turnhout, 1961. (CCSL; 20)
Hist. mon.	Historia monachorum, sive De vita sanctorum patrum: In 6 t. / Hrsg. v. E. Schulz-Flugel. B.; N. Y., 1990. (PTS; 34)
Sacchi. Vitis pontificum	*Sacchi.* Historia... de vitis pontificum romanorum. Colonia, 1626
SAWW	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. W., 1848–. (c 1947: Sitzengsber. d. österreich. Akad. der Wiss. in Wien)
SBA	Sitzungberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abteilung: 1929–.
SBF	Studium Biblicum Franciscanum; Pubblicazioni. Jerusalem, 1961–. N 1–. (Coll. Minor); 1941–. N 1–. (Large ser.)
SBN	Studi Bizantini e Neoellinici. R., 1929. (Studi Bizantini; T. 3)
SBS	Stuttgarter Bibelstudien. Stuttg., 1965–. [186 Bde]
SC	Sources chrétiennes. P., 1942–.
Scyl. Hist.	*Ioannis Scylitzae* Synopsis historiarum. B., 1973. (CFHG; 5)
SEAug	Studia ephemeridis «Augustianum». R., 1967–. Vol. 1–.
SH	Subsidia hagiographica. Brux., 1971–.
SK	Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov: archéologie, histoire de l'art, études byzantines. Praha, 1926; Сб. ст. по археологии и византиноведению. Praha, 1927–1936. Т. 1–8, продолж.: Анналы Ин-та им. Н. П. Кондакова. Praha, 1937–1940. Т. 9–11
SMA	Studies in Mediterranian Archaeology. Goteborg, [1896–2000]. [130] vol.
Socr. Schol. Hist. eccl.	*Sokrates.* Kirchengeschichte / Hrsg. G. Ch. Hansen. B., 1995 (рус. пер.: *Сократ Схоластик.* Церковная история. Саратов, 1911. М., 1996[p])
Sozom. Hist. eccl.	*Sozomen.* Historia ecclesiastica // PG. 67. Col. 843–1630 (рус. пер.: *Созомен.* Церковная история. СПб., 1851)
StPatr	Studia patristica / Ed. F. L. Cross, E. A. Livingstone [e. a.]. Leuven, 1957–. Vol. 1–.
Sulp. Sev. Dial.	*Sulpicii Severi* Dialogorum libri III // CSEL. W., 1866. T. 1; Epistulae // *Sulpice Sévère.* Vie de S. Martin / Ed. J. Fontaine. P., 1967. T. 1. P. 152–216

Ep. ad Eus.	Epistula ad Eusebio // *Idem.* Dial.
SVTQ	St. Vladimir's Theological Seminary Quarterly. N. Y., 1957. Vol. 1–.
Sym. Thessal.	*Symeon Thessalonicensi.*
Opera	Opera omnia // PG. 155
De sacr. precat.	De sacra precatione // PG. 155. Col. 535–672 (рус. пер.: *Симеон Солунский, свт.* О божественной молитве // Соч. СПб., 1856. С. 390–545)
Sym. N. Theol.	*Syméon le Nouveau Théologien*
Cap. theol.	Chapitres théologiques, gnostiques et pratiques / Éd. J. Darrouzès, L. Neyrand. P., 1980². (SC; 51 bis)
Catech.	Catéchèses / Éd. par B. Crivochéine et J. Paramelle. T. 1: Introduction et Catéchèses 1–5. P., 1963. (SC; 96); T. 2: Catéchèses 6–22. 1964. (SC; 104); T. 3: Catéchèses 23–34, Actions de grâces 1–2. 1965. (SC; 113)
Hymn.	Hymnes / Éd. par J. Koder, J. Paramelle. T. 1: Hymnes 1–15. P., 1969. (SC; 156). T. 2: Hymnes 16–40. P., 1971. (SC; 174). T. 3: Hymnes 41–58. P., 1973. (SC; 196) (рус. пер.: *Симеон Новый Богослов, прп.* Божественные гимны // Творения. Серг. П., 1993. Т. 3)
SynAlex	Synaxarium Alexandrinus // PO. 1922. T. 18. Fasc. 1
SynCP	Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano / Ed. H. Delehaye. Brux., 1902. (Propylaeum ad ActaSS Nov.)
Szoverffy. Hymnography	*Szoverffy S.* A Guide to Byzantine Hymnography, 1978–1979. 2 vol. (Medieval Classics: Texts and Stud.; 11–12)
Taft.	*Taft R. F.*
Great Entrance	The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. R., 1978². (A History of the Liturgy of St. John Chrysostom; Vol. 2). (OCA; 200)
Liturgy of the Hours	The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and Its Meaning for Today. Collegeville (Minnesota), 1986²
Tarchnischvili. Grande Lectionnaire	*Tarchnischvili M.* Le Grande Lectionnaire de l'Église de Jérusalem (V–VIII siècles). Louvain, 1959–1960. (CSCO; Vol. 188, 189, 204, 205). T. 1–2 [in 4 partes]
Tertull.	*Tertullianus*
Ad Herm.	Adversus Hermogenem // PL. 2. Col. 219–264 (рус. пер.: *Тертуллиан.* Против Гермогена // Избр. соч. / Сост. А. Столяров; Пер. Ю. Панасенко. М., 1994. С. 130–160)
Adv. Marcion.	Adversus Marcionem // PL. 1. Col. 263–558 (рус. пер.: *Тертуллиан.* Против Маркиона // Творения / Пер. Е. Корнеев. СПб., 1850. Ч. 4. С. 1–28)
Adv. Prax.	Adversus Praxeam // PL. 2. Col. 75–220 (рус. пер.: *Тертуллиан.* Против Праксея, или О Св. Троице // Там же. Ч. 4. С. 127–198; То же // АиО. М., 2001. № 1(27). С. 66–93; № 2(28). С. 55–78)
Apol. adv. gent.	Apologeticus adversus gentes // PL. 1. Col. 257–536 (рус. пер.: *Тертуллиан.* Апология, или Защищение христиан против язычников // Творения. СПб., 1847. Ч. 1. С. 1–105)
De corona	De corona // PL. 2. Col. 73–93
De orat.	De oratione // PL.1. Col. 1143–1196 (рус. пер.: *Тертуллиан.* О молитве // Творения. К., 1915. Т. 3. С. 1–31)
Theod. Lect. Eccl. hist.	*Theodori Lectoris* Excerpta ex ecclesiastica historia. Lib. 1 // PG. 86. 1. Col. 165–216
Theod. Stud. Ep.	*Theodorus Studita.* Epistolarum libri duo // PG. 99. Col. 903–1670
Theodoret.	*Theodoretus Cyrrhensis*
Ep.	Epistolae 1–181 // PG. 83. Col. 1173–1494
Haer. fab.	Haereticarum fabularum compendium // PG. 83. Col. 336–556
Hist. eccl.	Historia ecclesiastica / Ed. L. Parmentier, F. Scheidweiler. P., 1954². (GCS; 44 [19]); *idem.* // PG. 82. Col. 881–1220
Theodos. De situ Terrae Sanctae	*Theodosii diaconi* De situ Terrae Sanctae // Palaestinae descriptiones ex saeculo IV, V et VI / Hrsg. T. Tobler. St. Gallen, 1869 (рус. пер.: *Феодосий, диак.* О местоположении Св. Земли нач. VI в. // ППС. 1891. Т. 10. Вып. 1. (Вып. 28))
Theoph. Antioch. Ad Autol.	*Theophilus Antiochenus.* Ad Autolicum // PG. 6. Col. 1024–1097 (рус. пер.: *Феофил Антиохийский.* К Автолику // СДХА. С. 128–191)
Theoph. Chron.	*Theophanis* Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 1 (рус. пер.: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта / Пер. В. И. Оболенский, Ф. А. Терновский. М., 1884)
Theoph. Contin.	*Theophanes Continuatus.* Ἱστορία // *Theophanes Continuatus e. a.* / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 1–481. (CSHB; 17) (рус. пер.: *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / Пер. и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992²)
ThLBl	Theologische Literaturblätt. Lpz., 1879–1944. Bd. 1–74. (Lit. Beilage zu «Allgemeine evangelisch-lutherische Kurchenzeitung»)
Thom. Aquin. Sum. Th.	*Thomas Aquinas.* Summa theologiae. L., 1964–1981. 61 vol. (рус. пер.: *Фома Аквинский.* Сумма теологии / Пер.: С. И. Еремеев, А. А. Юдин. К.; М., 2002. Ч. 1)
ThWAT	Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament. Stuttg., 1958–.
TIB	Tabula Imperii Byzantini. W., 1976–.
TM	Travaux et Mémoires / Centre de recherches d'histoire et civilisation de Byzance. P., 1965–.
TRE	Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. v. G. Krause, G. Müller. B.; N. Y., 1977–. Bd. 1–.
TU	Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur. Lpz., 1883–.
VChr	Vigiliae Christianae: A Review of Early Christian Life and Language. Amst., 1947–.
Vergil. Aen.	*P. Vergilius Maro.* Aeneis // Opera / Ed. R. A. B. Mynors. Oxf., 1969 (рус. пер.: *Публий Вергилий Марон.* Буколики, Георгики, Энеида / Пер. С. Шервинского. М., 1971. (БВЛ))
VetChr	Vetera christianorum: [Quaderni] / Ist. di Letteratura Cristiana Antica. Bari, 1964–.; Ibid.: [Ser. Monogr.]. Bari, 1966–.
Vict. Petav. De Fabr. mundi	*Victorinus Petaviensis.* Tractatus de fabrica mundi // PL. 5. Col. 301–314
Vincent. Lirin. Common.	*Vincentius Lirinensis.* Commonitorium // PL. 50. Col. 637–686 (рус. пер.: *Викентий Лиринский, прп.* Памятные записки. Каз., 1863)
Vitoldiana	Vitoldiana: Codex privilegiorum magni ducis Lithuaniae, 1386–1430 / Zebr. i wyd. J. Osmański. Warsz.; Poznań, 1986
VT	Vetus Testamentum. Leiden, 1951–.
Wellesz. Byzantine Music and Hymnography	*Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxf., 1963
Xen. Symp.	*Xenophon.* Symposium // *Xenophontis* Opera omnia / Ed. E. C. Marchant. Oxf., 1921², 1971ʳ. Vol. 2 (рус. пер.: *Ксенофонт.* Пир // *Он же.* Воспоминания о Сократе / Пер. С. И. Соболевского. М., 1993. С. 160–196)
ZDPV	Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins. Wiesbaden, 1878–. Bd. 1–.
ZfGW	Zeitschrift für Geschichtwissenschaft. B., 1953–. Bd. 1–.
ZKG	Zeitschrift für Kirchengeschichte. Gotha, 1877–. Bd. 1–.
ZKTh	Zeitschrift für katholische Theologie / Univ. Innsbruck, Theol. Fak. W., 1877–1943. Bd. 1–67; 1947–. Bd. 69–.
ZNW	Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche. Giessen; B., 1900–. Bd. 1–.
Zoega.	*Zoega G.* Catalogus codicum Copticorum manu scriptorum qui in Museo Borgiano Velitris

СОКРАЩЕНИЯ

	adservantur / Introd. hist. et not. bibliogr. par J.-M. Sauget. Romae, 1810. Hildesheim, 1973[r]
Zosim. Hist.	*Zosimus.* Historia nova. Bonnae, 1837. (CFHG)
ZSP	Zeitschrift für slavische Philologie. Lpz., 1924–1944, 1947–.
ZTK	Zeitschrift für Theologie und Kirche. Freiburg i. Br., 1891–1917. Jg. 1–27; N. F. 190–1938. Jg. 1[28]–19[46]; 1950–. Jg. 47–.
ΑΠ	Ἀρχεῖον Πόντου. Ἀθῆναι, 1928–.
Ἀρχιερατικόν	Ἀρχιερατικόν. Ἀθῆναι, 1999
Βιολάκης. Τυπικόν	*Βιολάκης Γ.* Τυπικὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας ὁμοῖον καθ' ὅλα. Ἀθῆναι; Θεσσαλονίκη, s. a.
Γεδεών.	*Γεδεών Μ. Ι.*
Ἑορτολόγιον	Βυζαντινὸν Ἑορτολόγιον. Κωνσταντινούπολις, 1895
Πίνακες	Πατριαρχικαὶ πίνακες. Κωνσταντινούπολις, 1885–1892
Δίπτυχα	Δίπτυχα τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος· Κανονάριον- ἐπετηρίς. Ἀθῆναι, 2004
Δουκάκης. ΜΣ	*Δουκάκης Κ.* Μέγας Συναξαριστής· Μεγάλη Συλλογὴ πάντων τῶν Ἁγίων. Ἀθῆναι, 1889–1896. 13 τ.
ΕΕΒΣ	Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Ἀθῆναι, 1924–.
Ἑραν.	Ὁ Ἐρανιστής. Ἀθῆναι, 1963–.
ΕΠΛΒΙΠ	Εγκυκλοπαιδικό προσωπογραφικό λεξικό βυζαντινής ιστορίας και πολιτισμού / Επ. Α. Γ. Κ. Σαββίδης. Ἀθῆναι, 1996-. Τ. 1–.
Εὐχολόγιον τὸ Μέγα	Εὐχολόγιον τὸ Μέγα / Σπουδῇ καὶ ἐπιστασίᾳ Σπυριδόνος Ζέρβου ἱερομον. Ἀθῆναι, 1992
ΕΦ	Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος. Ἀλεξάνδρεια, 1908–.
ΘΗΕ	Θρησκευτικὴ καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαιδεία. Ἀθῆναι, 1962–1968. 12 τ.
Ματθαῖος. ΜΣ	*Ματθαῖος Β.* Ὁ Μέγας Συναξαριστής. Ἀθῆναι, 1956[2]
Μηναῖον	Μηναῖον. Ἀθῆναι, 1970. 12 τ. (Ἐκκλησιαστικὴ βιβλιοθήκη Φῶς)
Μικρὸν Εὐχολόγιον	Μικρὸν Εὐχολόγιον ἢ Ἁγιασματάριον / Ἔκδ. Ἀποστολικῆς Διακονίας. Ἀθῆναι, 1962
Μιτσάκης. Βυζαντινή ὑμνογραφία	*Μιτσάκης Κ.* Βυζαντινή ὑμνογραφία. Θεσσαλονίκη, 1971
ΜΚΕ	Μεγάλη Κυπριακή Εγκυκλοπαίδεια. Λευκωσία, Τ. 1– 1984–.
Νικόδημος. Συναξαριστής	*Νικόδημος Ἁγιορείτης.* Συναξαριστὴς τῶν 12 μηναίων. Θεσσαλονίκη, 1993–2003. Τ. 1: Σεπτέμβριος — Ὀκτώβριος. 1993[3]; Τ. 2: Νοέμβριος — Δεκέμβριος: Μὲ παράρτημα Νεομαρτύρων. 2003[5]; Τ. 3: Ἰανουάριος — Φεβρουάριος. 2002[5]; Τ. 4: Μάρτιος — Ἀπρίλιος. 1998[4]; Τ. 5: Μάιος — Ἰούνιος: Συναξάρια Πεντηκοσταρίου. 1998[4]; Τ. 6: Ἰούλιος — Αὔγουστος. 1998[4]
ΝΛ	Νέον Λειμωνάριον. Ἀθῆναι, 1930[5]
ΝΜ	Νέον Μαρτυρολόγιον. Ἀθῆναι, 1961[3], 1993[4]
Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα	*Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α.* Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1891–1897. Βρυξ., 1963[p]. 5 τ.
Παπαρρηγόπουλος. Ἱστορία	*Παπαρρηγόπουλος Κ.* Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Ἀθῆναι, 1925[5]. 6 τ.
Πεντηκοστάριον	Πεντηκοστάριον. Ἀθῆναι, 1984
Περαντώνης. Λεξικόν	*Περαντώνης Ι.* Λεξικόν τῶν νεομαρτύρων. Ἀθῆναι, 1971
Σάθας. ΜΒ	*Σάθας Κ. Ν.* Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη. Βενετία, 1872–1894. 7 τ.
Στάθης. Ἀναγραμματισμοὶ καὶ μαθήματα	*Στάθης Γ. Θ.* Οἱ ἀναγραμματισμοὶ καὶ τὰ μαθήματα τῆς βυζαντινῆς μελοποιίας. Ἀθῆναι, 1979
Στάθης. Χειρόγραφα	*Στάθης Γ. Θ.* Τὰ Χειρόγραφα Βυζαντινῆς Μουσικῆς· Ἅγιον Ὄρος. Ἀθῆναι, 1975. Τ. Α΄; 1976. Τ. Β΄; 1993. Τ. Γ΄
Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης). Ἁγιολόγιον	*Σωφρόνιος (Εὐστρατιάδης), Μητρ. πρώην Λεοντοπόλεως.* Ἁγιολόγιον τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας. Ἀθῆναι, 1995[2]
Ταμεῖον	Ταμεῖον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ἀσματικῶν κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Orientis Christiani / Ε. Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου. Ἀθῆναι, 1996. Τ. 1: Κανόνες Μηναίων
Τριῴδιον	Τριῴδιον. Ἀθῆναι, 1997
Τωμαδάκης. Βυζαντινὴ ὑμνογραφία	*Τωμαδάκης Ν. Β.* Ἡ Βυζαντινὴ ὑμνογραφία καὶ ποίησις. Θεσσαλονίκη, 1993[4]

Сокращения названий городов

Джорд.	Джорданвилль (USA)	Amst.	Amsterdam	L.	London
К-поль	Константинополь	Antw.	Antwerpen	Los Ang.	Los Angeles
Каз.	Казань	B.	Berlin	Lugd. Batav.	Lugduni Batavorum
К.	Киев	Brat.	Bratislava	Mil.	Milano
Л.	Ленинград	Brux.	Bruxelles	Münch.	München
Лпц.	Лейпциг	Bdpst.	Budapest	N. Y.	New York
М.	Москва	Camb.	Cambridge	Oxf.	Oxford
Н. Новг.	Нижний Новгород	Edinb.	Edinburgh	P.	Paris
Новосиб.	Новосибирск	Fr./M.	Frankfurt am Main	Phil.	Philadelphia
Н.-Й.	Нью-Йорк	Freiburg i. Br.	Freiburg im Breisgau	R.	Roma
Од.	Одесса	Gen.	Genève	St.-Pb.	Sankt-Petersburg
П.	Париж	Gött.	Göttingen	Stuttg.	Stuttgart
Пг.	Петроград	Hdlb.	Heidelberg	Thessal.	Thessaloniki
Р.-н/Д.	Ростов-на-Дону	Jord.	Jordanville (USA)	Tüb.	Tübingen
СПб., С.-Петербург	Санкт-Петербург	Lpz.	Leipzig	Vat.	Città del Vaticano
Серг. П.	Сергиев Посад			W.	Wien
Х.	Харьков			Warsz.	Warszawa
				Wash.	Washington

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
(общие для карт)

Границы епархий

Центры епархий

Государственные границы

Границы административных единиц

Границы полярных владений Российской Федерации

АСТАНА — *Столицы государств*

ПАВЛОДАР — *Центры административных единиц*

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

более 1 000 000 жителей

от 500 000 до 1 000 000 жителей

от 100 000 до 500 000 жителей

от 50 000 до 100 000 жителей

от 10 000 до 50 000 жителей

менее 10 000 жителей

Онега — *Города и поселки городского типа*

Оксино — *Населенные пункты сельского типа*

Пути сообщения

железные дороги магистральные

автомобильные дороги главные

Примечание.
В данную таблицу не включены условные обозначения, помещенные в легендах карт издания

Список ошибок и опечаток, замеченных в томе 7

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
5		2-я снизу	Муштафарова	Маштафарова
18	1	15–16-я снизу	Герцог Апулии, впосл. кор. Сицилии Рожер II	Рожер I, граф сицилийский
18	3	22-я сверху	(ок. 1400–1472)	(ок. 1446–1472)
29	1	10–11-я сверху	из ц. святых Бориса и Глеба	от ц. святых Бориса и Глеба
29	1	11–12-я сверху	с нач. XV в.	с 1753 г.
29	1–2	Подпись к илл.	Христорождественский собор. Место, где покоятся мощи свт. Василия Рязанского	Внешняя сев. стена Христорождественского собора, за к-рой внутри храма почивают под спудом мощи свт. Василия Рязанского
29	3	20-я сверху	(РязХМ)	(РИАМЗ)
52	1	32-я сверху	Свердловской	Сибирской
244	1	3-я снизу	Орловской губ.	Орловского у. Вятской губ.
443	3	24-я снизу	samed	Samedi-
453	2	23–24-я снизу	Ипотиписисе	Ипотипосисе
562	3	24-я сверху	половцами	печенегами
563	2	8-я сверху	Саролта	Шаролта
566	1	9-я сверху	Бочкаи	Батори
567	2	10–11-я снизу	оказавшееся	оказавшемся
568	1	12-я сверху	Мундруци	Мундруцо
569	1	7-я сверху	хроника	кроника
592	2	31-я снизу	спасения	спасение
641	3	Подпись под статьей	*Ж. Р. Багдасарова*	*Ж. Р. Багдасарова, мон. Мелетия (Панкова), иером. Серафим (Питерский)*
674	2	Подпись к илл.	на Афоне	в Арте
714	1	24-я снизу	(ссылка)	(PG. 35. Col. 828)

На с. 6, в списке Представительств и координаторов Церковно-научного центра «ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», пропущено Украинское представительство, координатор И. В. Жиленко, канд. богословия.

На с. 115 (3-я колонка) и с. 118 (1-я колонка) опубликованы портреты царя Иоанна IV Васильевича, а не Василия III Иоанновича, как указано в подписях к иллюстрациям.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Том VIII

ВЕРОУЧЕНИЕ – ВЛАДИМИРО-ВОЛЫНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Художественый редактор

И. А. Захарова

Художественное оформление:

Г. М. Драговая, А. М. Драговой,
Н. В. Оглоблина, С. К. Подъяблонский (ЗАО Фирма «ЭПО»)

Цветоделение, компьютерная обработка оригиналов:

Н. В. Балашов

ЛР № 030725 от 19.02. 1997

Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия».
107120, Москва, Нижняя Сыромятническая, 10а

Для расчетов Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) сообщает свои реквизиты:
- 119034, г. Москва, Чистый пер., д. 5
- ИНН 7704153888;
- р/с № 40703810900010000027 в АК «Московский муниципальный банк – Банк Москвы»;
- корр. счет № 30101810500000000219; БИК 044525219; ОКПО 45115798; ОКОНХ 98700

Подписано в печать 26.03.2004. Формат 60×90 1/8. Бумага мелованная. Гарнитура «Petersburg».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 94,0. Тираж 39 000 экз. Заказ № 5300

Цветоделение, компьютерная обработка оригиналов, вывод пленок и печать –
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел.: (095)195–86–47, 943–24–76

Генеральный директор С. М. Линович

ББК 86.372я2
ISBN 5-89572-014-5
© Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2004